СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

№ 8
2026

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

DOI 10.34823/SGZ.2026.8.262014

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Абдаллах Л.Н. Нарративы власти: формирование внутреннего имиджа постконфликтного Афганистана 7

Бу И. Художественные аспекты современной деревянной архитектуры в Северной Европе (2000–2020) 11

Веселова П.А., Крупина Н.Н. Успешные практики социально-экологического благополучия 15

Володин В.Н. Репродуктивные максимы академического сообщества: структурные условия габитуса и границы применимости паттернов (третий этап качественного исследования) 20

Гасанова Р.Р. Образование как предмет экофилософско-антропологического анализа в контексте проблем кризиса современного мира 25

Золотых Н.В., Цыбизова И.В., Горюнова Е.М. Критерии и методы диагностики культуры безопасности у студентов колледжей и техникумов 29

Зиновьева Е.А. Правовая социализация студенческой молодежи в юридическом вузе: социологический анализ (на примере балаковского филиала ФГБОУ ВО «СГЮА») 33

Илимира Илияс, Чжу Миньян. Сравнительное исследование прагматических функций сетевых неологизмов «氛围感», vibe и «вайб» в межкультурном контексте 37

Куртсеитов Р.Д. Массовый героизм воинов крымских татар по данным военных архивов России и мифические цифры о коллаборационизме крымских татар в современных научных изданиях 41

Лю Цзывэнь, Хуан Яньмин, Гао Цайюнь. Русская классическая литература в формате ролевой игры живого действия: новый путь к когнитивному развитию и формированию ценностных ориентиров студентов поколения Z 46

Мэрхаба, Лю Данхан, Лю Мин. Исследование социальной жизни и исторической репрезентации расписной керамики Китайского Синьцзяна 51

Попандопуло О.А. Социальный архитектор как субъект конструирования благополучия семьи в контексте национальных духовно-нравственных ценностей 55

Резников М.Ю., Бельников С.С., Швед Д.М., Гостев А.Н. Нейросоциологические механизмы прогнозирования поведения больших ассоциирующихся социальных групп в условиях информационного воздействия: обзор литературы 58

Чан Цзюньгэ. Советская ядерная культура как художественный феномен в музыкальном искусстве второй половины XX века 62

Мамишева З.А., Токтаньязова А.Э., Чеботарева И.Ю., Савина С.В. Методика обучения написания академических эссе по праву на английском языке 65

Шипицын С.А. Развитие городской среды как поле социального взаимодействия: роль доверия, идентичности и гражданской активности 70

Шпигунова Ю.М. Джентрификация как социальный процесс в изменяющейся социальной реальности 75

Щербакова И.В. Влияние монологической речи на развитие грамматических навыков при изучении немецкого языка как второго иностранного в высшей школе 79

Юань Гао, Сяожун Инь. Сравнительное исследование учебников истории для средней школы Китая и Казахстана 82

Янь Цинцин. Исследование особенностей культуры стыда в межкультурном пространстве 87

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Алексеева Е.А., Анучина О.В. Удовлетворенность трудовой деятельностью в оценке работников разного возраста: социологический анализ 91

Богдан М.С. Психолого-педагогические условия реализации ценностно-смыслового компонента профориентационной работы в образовательной среде новых регионов 95

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-83076 от 26.04.2022
Подписной индекс Роспечати: **70652**
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
E-mail: **welcome@socgum-journal.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)
Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович– доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГГУ им. М.А.Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет: 15.09.2026* *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Ван Цань. Конкуренция и выживание – стратегии атомизации академических работников в России и Китае ... 100

Васильева Е.Н., Васильев Е.С. Детерминанты динамики рождаемости в Республике Крым и направления демографического роста ... 103

Зоркова В.А., Смолина Е.Г. Взаимодействие органов местного самоуправления и населения: к вопросу определения функциональных возможностей СМИ ... 108

Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Медиапространство в контексте молодежной политики Республики Таджикистан ... 111

Кухарчук Г.Р. Анализ региональных моделей реализации системы социального кредита в Китае на примере Шанхая и провинций Цзянсу и Хубэй ... 115

Метелькова Л.А. «Человеческие ресурсы» и ressources humaines: терминологический аппарат на примере французского и русского экономического дискурса ... 120

Моисеенко Е.С. Негосударственные акторы секьюритизации в системе обеспечения национальной безопасности современной России ... 123

Назаров М.Г. Философские и методологические аспекты управления социальными организациями ... 128

Паньшин А.И. Управление городским транспортом в цифре: социологический контекст ... 131

Свертилов И.В. Влияние общественных настроений на музыкальные предпочтения молодёжи ... 134

Симонова М.М., Камнева Е.В. Прекарная идентичность как форма субъектности, порождённая цифровой экономикой ... 138

Табаков Г.М. Влияние мировых кадровых тенденций на Россию в 2024–2026 годах ... 141

Тинкуев М.Н. Демократизация местных советов и инициатива населения на примере Республики Дагестан ... 145

Хрипкова Д.В., Хрипков К.А., Вертинский К.Д. Трансформация принципов архитектурного моделирования в сфере социальных технологий ... 149

Чжоу Вэй. Исследование трудностей социальной интеграции китайских работников и инноваций трансграничного механизма совместного управления в рамках стратегии развития Дальнего востока России ... 153

Чижов Д.А. Дигитальные факторы трансформации управленческих стереотипов в цифровом пространстве ... 156

Чичерина Л.К., Заигрина Н.А. Культурный код как фактор экзистенциальной безопасности Российской Федерации ... 160

Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и идеологический капитал в современном российском обществе: социально-философский анализ ... 163

Шмыгин В.А. Социально-психологические механизмы конструирования образа России ... 167

Щербин Г.А., Виноградова Н.Л. Эволюция социальных теорий визуального пространства ... 171

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бакеев А.В. Современное русское предпринимательство между коллективизмом Китая и индивидуализмом США ... 175

Бикметов Е.Ю., Фролова И.В., Уразова А.И. Историческое время как способ социального бытия культуры: философский анализ ... 179

Воронина О.А. Стратегии пересоздания канона в массовой/цифровой культуре ... 182

Галухин А.В. Принцип функционально-деятельностной генеалогии сознания ... 186

Камышев Л.А. Гуманитарные технологии в социально-экологическом проектировании будущего России ... 192

Бернюкевич Т.В., Кириллова И.К., Зубкова Я.В. Культурологический компонент значения и фоновые знания в городской среде ... 196

Котлярова В.В. Трансформация ценностей свободы человека в условиях виртуализации ... 199

Лустин Ю.М. Идейность человека как диалектико-типологическое средство интеграции общества ... 202

Лутошкина В.Н. Лидерство как субъектность: социально-философская модель в контексте синергетической парадигмы ... 207

Мельникова Г.В. Интерпретации апофатизма в научных исследованиях ... 211

Ореховская Н.А. Советский кинематограф периода 1960–1985 годов как инструмент работы с массовым сознанием советского человека ... 216

Писачкина Я.С. О необходимости теоретического исследования понятия «Этнос– контроль» философский анализ ... 221

Рагозин П.С. Визуальное как присутствие отсутствия реальности и средство отчуждения ... 225

Ремарчук В.Н., Урсул В.И., Курская А.С. Границы алгоритмического представления общественных настроений в социальных сетях: влияние текстового шума ... 229

Чуганская А.А. Типологии социально-значимых событий в гуманитарных науках: дихотомия глобальное-локальное как основание изучения социальных процессов ... 232

Шаповал Р.В. Техноэтика как нормативная теория цифрового общества ... 236

Шевченко, О.В., Иноземцев В.А. Компаративный анализ традиционных и либеральных ценностей современной российской молодежи ... 239

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Баркова Э.В. Смыслообразование в парадигмальном поле экофилософии ... 244

Галимбекова Ф.С. Конструктивизм в эпистемологии: от радикальных построений к обоснованной объективности ... 248

Загарин И.А. Этапы становления мировоззрения П.А. Флоренского (детство-юность) ... 253

Платанова А.С. Концепт смысла истории Н.А. Бердяева в контексте европейской интеллектуальной традиции ... 257

Сухина И.Г., Шлетгавер Д.В. К вопросу о гуманистическом содержании культурного ядра цивилизации: концептуальная философская экспликация проблемы ... 262

Экзекова М.Н. Свобода и справедливость как категории политического порядка: опыт современной концептуализации ... 267

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Алешин И.К. Алгоритмы рекомендательных систем и таргетинг в социальных медиа: специфика манипулирования электоральным поведением (на примере кампаний в Госдуму РФ и Конгресс США) ... 270

Ван Юйцзюэ. Медиаобраз Китая в американских СМИ при администрациях Б. Обамы, Д. Трампа и ДЖ. Байдена ... 274

Высокинский Л.А. Личностный фактор в контексте политического прогнозирования: история и современность ... 279

Ван Юйцзюэ. Трансформация образа Китая в американских СМИ: от концепции «мирного подъема» к восприятию стратегического соперничества (2010–2025 гг.) ... 284

Кобляков А.А. Деятельность регионального отделения Всероссийского общественного движения «Волонтеры победы» в Воронежской области в контексте формирования и реализации «исторической политики» (2015–2023 гг.) ... 289

Высокинский Л.А. Стратегическое управление политическим процессом в регионе (на примере Свердловской Области) ... 292

Колчин П.А. Государствообразующий русский народ как категория в национальной политике России 2020–2026 годов ... 296

Кобляков А.А., Гончаров Л.А. Деятельность Воронежского областного отделения ВООПИиК в контексте формирования и реализации «исторической политики» (2014–2023) ... 300

Конаков Р.В. Электоральная цикличность на примере Республики Коми ... 303

Копылов С.А., Карпов В.А. Проблема эффективности конвертации аудитории социальных сетей в электорат политических партий ... 307

Моисеенко Е.С. Расширение секторальной модели копенгагенской школы: информационный и культурно-цивилизационный секторы секьюритизации в российском политическом контексте ... 311

Морозова И.В. Тренды электоральной повестки как ответ на запрос избирателя, формирующий электоральные предпочтения ... 314

Орлова И.В., Мержуев Сейт-Мухьаммад Магомедович. Влияние традиционных духовно-нравственных ценностей на региональное социально-экономическое развитие (на примере Республики Ингушетия) ... 317

Победин П.К. Цифровой город как новая форма административно-политического управления ... 322

Путильцев Д.С. Воспроизводство символов и героики в российских вузах как механизм укрепления общероссийской гражданской идентичности студенческой молодежи ... 326

Повалюхина А.Н. Влияние культурно-исторических традиций на современный политический процесс Японии ... 330

Путильцев Д.С. Праздничные практики российских вузов как технологии политической социализации: межвузовский контекст и три кейса ... 334

Стрелец И.Э., Мухортов Д.С. Интегративный подход к исследованию структурных компонентов личности политического лидера: эволюция метода дистантного профилирования ... 338

Чернов В.Е. Информационно-аналитическое обеспечение принятия государственных решений как политико-административный механизм цифрового государственного управления ... 343

Черноухов А.В., Бурда М.А. Государствообразующий народ в российской политической системе: идеологема, этническая общность или субъект политики ... 349

Стрелец И.Э., Мухортов Д.С. Политико-психологический профиль Фридриха Мерца: структурно-характерологический подход к дистантному анализу политического лидера ... 353

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Вехов Н.И. Анализ «политического» влияния военно-технического сотрудничества на международные отношения и региональную безопасность: теоретический подход....358

Кочегуров Д.А., Ибрагимов Ф.Э. Будущее Соглашений Авраама при администрации Д. Трампа 2.0....362

Мансуров Т.З. Перспективы развития внешней политики Армении после парламентских выборов 2026 года....368

Плющиков В.В. Цифровая трансформация глобальной климатической повестки: роль России в международном экологическом сотрудничестве....373

Потапкин А.С. Лоббирование перехода значимых объектов критической информационной инфраструктуры на отечественное программное обеспечение: стратегии и тактики бизнес-организаций....378

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Азамат С. Региональное посредничество в процессе нормализации ирано-саудовских отношений: сравнительный анализ роли Омана, Ирака и Китая....383

Боднар И.И. Управляемая дивергенция: концепция и ее применение на примере российско-индийского партнерства....387

Гусев В.А. Политический ландшафт на Тайване: политические силы, итоги последних выборов, электоральный прогноз....392

Карасева М.М. Факторы политического участия в цифровом обществе: сравнительный анализ некоторых стран Юго-Восточной Азии....396

Сигов Ю.И. Интересы России в странах Латинской Америки и Карибском бассейне: медийный аспект....401

Аушев И.М., Гафаров Т.Г., Фридман М.Ф. Институциональные и партийно-политические условия влияния фискальных дисбалансов на региональный сепаратизм в Каталонии, Шотландии, Ломбардии и Венето....404

Цуй Синьюэ. Политика Китая в отношении процесса интеграции «Большой Евразии»....409

Шевцов Л.Ф. Миграция как инструмент «гибридных войн» и фактор давления в международных отношениях....412

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Берберова Л.Б. Кинематограф на службе философии: трансляция мировой афористики (анализ сериала «Быть Эрикой»)....415

Кравченко А.И. Всемирная роль кофе....419

Халикова Л.Р. Влияние искусственного интеллекта на развитие и образование обучающихся....423

Хлоповских Ю.Г., Демидова О.В., Севастьянов С.С. Профилактика профессиональной деформации и обеспечение психологической безопасности сотрудников МЧС России....426

Шукшина Л.В., Пожарская Е.Л., Поташев А.М. Взаимосвязь субъективного благополучия и уровня религиозности у студентов....430

Чигарев Б.А. Роспуск Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации как механизм сдержек и противовесов....435

Ван Ицзе. Социальная ответственность бизнеса в условиях устойчивого развития....438

Воробьева О.Б., Волов В.Т., Кротов Д.В. Жизненная среда и родина человека....441

Евграфов В.И. Политико-коммуникационные технологии обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации....444

Коротенко И.А. Влияние женского спорта в России на репродуктивную функцию и демографическую ситуацию....448

Литовченко И.Д. Угрозы региональной безопасности и пределы интеграции в андском регионе....451

Валиев И.Н., Виноградов В.Л. Парадигмальные основания социального проектирования внешней составляющей образовательной среды....455

Семикин Е.Д. Политическое время гражданского участия в транспортно-инфраструктурных решениях: сравнительный анализ пяти кейсов....459

Соловьева С.В., Волов В.Т., Кротов Д.В. Образование взрослых как палимпсест: экзистенциально-антропологический анализ....463

Семикин Е.Д., Арбиев Г.С., Сутурин Т.С. Разделяя процедуру и результат: двухконтурная модель оценки согласования интересов в транспортно-инфраструктурной политике....467

Су Цзюньлинь. Марксистская теория в исследованиях Уральской философской школы в контексте критики повседневности....471

Сунь Тин, Ху Яньхуа. Исследование взаимосвязи между стратегиями изучения лексики и уровнем владения лексикой у студентов английских специальностей и методические выводы для обучения....476

Сюн Цзявэй. Цифровое отчуждение: влияние социальных сетей и экосистем суперприложений на межличностные отношения....481

Ушаков Д.С. Трансцендентальное и социтальное в обосновании эмерджентной природы социального априори....484

Черепкова О.О. Феномен онтологической чуждости дома в структуре вахтового возвращения....489

Чэнь Шици. Факторы, влияющие на намерение зрителей продолжать просмотр развлекательных прямых трансляций Douyin....492

Шевцов Л.Ф., Волох В.А. Конституционно-правовые основы миграционной безопасности Российской Федерации: соотношение прав человека и интересов государства....496

Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М., Агишев М.О. Миграционные настроения жителей Новосибирска в условиях социально-политической нестабильности (2021–2023 гг.)....499

Щербакова И.В. Стратегии перевода языковых особенностей фэнтези-литературы на материале произведения «Властелин колец»....504

Литовченко И.Д. Векторы развития андского сообщества в условиях глобальной трансформации....507

Стасенко В.В. Конструирование границ науки в оптике экономики научного знания....511

Цыплакова Е.П. Трансдисциплинарность как стратегия преодоления дисциплинарных границ в социально-гуманитарном познании....514

Шестакова Т.А. Фитнес-тренинговые технологии в подвижных играх на оздоровительных занятиях со студентами с ограниченными возможностями сердечно-сосудистой системы....519

Посвятенко Ю.В., Брюно В.В. Архитектура учреждений ухода и благополучие пожилых: обзор теорий и исследований....522

Кириллова И.К., Набиев Г.Д., Зюганов Г.А. Онтологическая несовместимость цифровой инструкции и коммерческой номинации в городском тексте....527

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Abdallakh L.N. Narratives of power: constructing the internal image of post-conflict Afghanistan 7

Bu Yi. Artistic aspects of contemporary wooden architecture in Northern Europe (2000–2020) 11

Veselova P.A., Krupina N.N. Successful practices of socioecological wellbeing 15

Volodin V.N. Reproductive maxims of the academic community: structural conditions of habitus and the limits of pattern applicability (third stage of a qualitative study) 20

Gasanova R.R. Education as an object of ecophilosophical and anthropological analysis in the context of the crisis of the contemporary world 25

Zolotykh N.V., Tsybizova I.V., Goryunova E.M. Criteria and methods for diagnosing safety culture in college and technical school students 29

Zinovieva E.A. Legal socialization of university students at a law school: a sociological analysis (the case of the Balakovo branch of Saratov State Law Academy) 33

Yilimire Yiliyasi, Zhu Mingyang. A Comparative Study of the Pragmatic Functions of the Internet Neologisms "氛围感," "Vibe," and "Вайб" in a Cross-Cultural Context 37

Kurtseitov R.D. Mass heroism of Crimean Tatar warriors according to Russian military archives and mythical figures about the collaborationism of the Crimean Tatars in modern scientific publications 41

Liu Ziwen, Huang Yanming, Gao Caiyun. Russian Classical Literature in the Format of Live-Action Role-Playing Game (LARP): A New Path to Cognitive Development and the Formation of Value Orientations among Generation Z Students 46

Merhaba, Liu Danhang, Liu Ming. The Social Life and Historical Representation of Painted Pottery in Chinese Xinjiang 51

Popandopulo O.A. The Social Architect as a Subject of Constructing Family Well-Being in the Context of National Spiritual and Moral Values 55

Reznikov M. Yu., Belnikov S.S., Shved D.M., Gostev A.N. Theoretical and empirical foundations of neurosociological prediction of the behavior of large associating social groups under information exposure: a literature review 58

Chang Junge/ Soviet nuclear culture as an artistic phenomenon in the musical art of the second half of the 20th century 62

Mamisheva Z.A., Toktanyazova A.E., Chebotareva I.Yu., Savina S.V. A methodology for teaching academic essay writing in English on law 65

Shipitsyn S.A. Urban improvement as a field of social interaction: the role of trust, identity and civic engagement 70

Shpigunova Yu.M. Gentrification as a social process in a changing social reality 75

Shcherbakova I.V. The influence of monologue speech on the development of grammatical skills when learning German as a second foreign language in high school 79

Yuan Gao, Xiaorong Yin. A Comparative Study of Secondary School History Textbooks in China and Kazakhstan 82

Yan Jingjing. A Study of Cross-Cultural Differences in Shame Culture 87

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Alekseeva E.A., Anuchina O.V. Satisfaction with Work in the Assessment of Employees of Different Ages: Sociological Analysis 91

Bogdan M.S. Psychological and pedagogical conditions for implementing the value and meaningful component of professional guidance in the educational environment of new regions 95

Wang Can. Competition and Survival: Strategies for the Atomization of Academic Workers in Russia and China 100

Vasileva E.N., Vasiliev E.S. Determinants of birth rate dynamics in the Republic of Crimea and directions of demographic growth 103

Zorkova V.A., Smolina E.G. Interaction between local governments and population: on the issue of defining the functional capabilities of the mass media 108

Rybakova M.V., Ivanova N.A. The media landscape in the context of youth policy in the Republic of Tajikistan 111

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**
Publisher: **Knorus Publishing House LLC**

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022
Rospechat Subscription Index: **70652**

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:
Editor-in-Chief:
Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)
Executive Secretary:
Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Balbeko Anatoly Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna,** Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yuri Grigorievich,** Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich,** Doctor of Philosophy, Professor, Member of the- Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich,** Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPA; **Kozlova Oksana Nikolaevna,** Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich,** Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich,** Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenok Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich,** Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPA, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich,** Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after. M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after. M. Akmully (Ufa, Bashkiria).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2 Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.09.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Kukharchuk G.R. Analysis of Regional Models for the Implementation of the Social Credit System in China: The Cases of Shanghai and the Provinces of Jiangsu and Hubei ... 115
Melelkova L.A. «Human resources» and «ressources humaines»: terminological framework in french and russian economic discourse ... 120
Moiseenko E.S. Non-state actors of securitization in the national security system of modern Russia ... 123
Nazarov M. Philosophical and methodological aspects of managing social organizations ... 128
Panshin A.I. Digital urban transport management: a sociological context ... 131
Svertilov I.V. The influence of public sentiment on youth musical preferences ... 134
Simonova M.M., Kamneva E.V. Precarious identity as a form of subjectivity generated by the digital economy ... 138
Tabakov G.M. The impact of global HR trends for Russia in 2024–2026 ... 141
Tinkuyev M.-Z.N. Democratization of local councils and popular initiatives: the example of the Republic of Dagestan ... 145
Khripkova D.V., Khripkov K.A., Vertinsky K.D. Transformation of architectural modeling principles in the field of social technologies ... 149
Zhou Wei. Studying the difficulties of social integration of Chinese workers and innovations in cross-border joint governance mechanisms within the framework of the development strategy of the Russian Far East ... 153
Chizhov D.A. Digital factors driving the transformation of management stereotypes in the digital space ... 156
Chicherina L.K., Zaigrina N.A. Cultural code as a factor of existential security of the Russian Federation ... 160
Chubarov N.A. Digital inequality and ideological capital in modern Russian society: a socio-philosophical analysis ... 163
Shmygin V.A. Socio-psychological mechanisms of the construction of the image of Russia ... 167
Shcherbin G.A., Vinogradova N.L. The evolution of social theories of visual space ... 171

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Bakeev A.V. Modern Russian Entrepreneurship Between Chinese Collectivism and US Individualism ... 175
Bikmetov E.Yu., Frolova I.V., Urazova A.I. Historical time as a mode of social being of culture: a philosophical analysis ... 179
Voronina O.A. Strategies for Re-Creating Canon in Popular/Digital Culture ... 182
Galukhin A.V. The Principle of the Activity-Based Functional Genealogy of Consciousness ... 186
Kamyshev L.A. Humanitarian Technologies in the Socio-Ecological Design of Russia's Future ... 192
Bernyukevich T.V., Kirillova I.K., Zubkova Ya.V. The cultural component of meaning and background knowledge in the urban environment ... 196
Kotlyarova V.V. The transformation of human freedom values in the context of virtualization ... 199
Lustin Yu.M. Principledness of idea as a dialectic-typological means of social integration ... 202
Lutoshkina V.N. Leadership as subjectness: A socio-philosophical model in the Context of the synergetic paradigm ... 207
Melnikova G.V. Interpretations of Apophaticism in Scholarly Research ... 211
N.A. Orekhovskaya Soviet cinema of 1960–1985 as an instrument for shaping the mass consciousness of the soviet person ... 216
Pisachkina Ya.S. On the need for a theoretical study of the concept of «Ethnic control» philosophical analysis ... 221
Ragozin P.S. The Visual as the Presence of the Absence of Reality and as a Means of Alienation ... 225
Remarchuk V.N., Ursul V.I., Kurskaia A.S. Limits of algorithmic representation of public sentiment in social media: the effect of textual noise ... 229
Chuganskaya A.A. Typologies of socially significant events in the humanities: the global-local dichotomy as a basis for studying social processes ... 232
Shapoval R.V. Technoethics as a normative theory of digital society ... 236
Shevchenko O.V., Inozemtsev V.A. Traditional and liberal values in the value system of modern Russian youth ... 239

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Barkova E.V. Meaning Formation in the Paradigmatic Field of Eco-Philosophy ... 244
Galimbekova F.S. Constructivism in Epistemology and Social Philosophy: from Radical Constructions to Grounded Objectivity ... 248
Zagarin I.A. Stages in the Formation of P.A. Florensky's Worldview (Childhood – Youth) ... 253
Platanova A.S. N.A. Berdyaev's concept of the meaning of history in the context of the European intellectual tradition ... 257
Sukhina I.G., Shletgaver D.V. To the question of the humanistic content of the cultural core of civilization: conceptual philosophical explication of the problem ... 262
Ekzekova M.N. Freedom and justice as categories of political order: an experience of modern conceptualization ... 267

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Aleshin I.K. Recommendation system algorithms and targeting in social media: the specifics of electoral behavior manipulation (case study of campaigns to the RF State Duma and the US Congress) ... 270
Wang Yujue. China›s media image in the American media under the administrations of B. Obama, D. Trump and J. Biden ... 274
Vysokinsky L.A. The personal factor in the context of political forecasting: History and modernity ... 279
Wang Yujue. The transformation of China's image in the U.S. media: from the concept of «peaceful rise» to the perception of strategic rivalry (2010–2025) ... 284
Koblyakov A.A. The activities of the regional branch of the All-Russian public movement «Volunteers of victory» in the Voronezh region in the context of the formation and implementation of the «historical policy» (2015–2023) ... 289
Vysokinsky L.A. Strategic management of the political process in the region (on the example of the Sverdlovsk Region) ... 292
Kolchin P/ The Russian State-Forming People as a Category in Russia›s National Policy, 2020–2026 ... 296
Koblyakov A.A., Goncharov L.A. Activities of the Voronezh regional branch of the VOOPIiK in the context of the formation and implementation of the «historical policy» (2014–2023) ... 300
Konakov R.V. Electoral cyclicity on the example of the Komi Republic ... 303
Kopylov S.A., Karpov V.A. The social media audience and the electorate: the problem of assessing the effectiveness of political parties' digital campaigns ... 307
Moiseenko E.S. Expanding the Copenhagen School's sectoral model: information and cultural-civilizational sectors of securitization in the Russian political context ... 311
Morozova I.V. Trends in the electoral agenda as a response to a voter's request that shapes electoral pReferences ... 314
Orlova I.V., Merzhuev Seit-Mukhammad Magomedovich The influence of traditional spiritual and moral values on regional socio-economic development (using the example of the Republic of Ingushetia) ... 317
Pobedin P.K. Digital city as a new form of political governance: data, algorithms and the transformation of urban power ... 322
Putiltsev D.S. Reproduction of symbols and heroic imagery in russian universities as a mechanism for strengthening the all-russian civic identity of student youth ... 326
Povaliukhina A.N. The influence of cultural and historical traditions on the modern political process of Japan ... 330
Putiltsev D.S. University celebration practices in Russia as technologies of political socialisation: a cross-university context and three cases ... 334
Strelets I.E., Mukhortov D.S. An Integrative Approach to Political Leader Personality Assessment: Evolution of At-a-Distance Profiling ... 338
Chernov V.E. Information and analytical support for public decision-making as a political-administrative mechanism of digital government ... 343
Chernoukhov A.V., Burda M.A. The state-forming people in Russian political system: an ideologeme, an ethnic community, or a political subject ... 349
Strelets I.E., Mukhortov D.S. The Political-Psychological Profile of F. Merz: A Trait-Based Approach to At-a-Distance Leadership Analysis ... 353

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Vekhov N.I. Analysis of the "political" influence of military-technical cooperation on international relations and regional security: a theoretical approach 358
Kochegurov D.A., Ibragimov F. The future of the Abraham Accords under the administration of D. Trump 2.0 362
Mansurov T.Z. Prospects for Armenia's foreign policy development after the 2026 parliamentary elections 368
Plyushchikov V.V. Digital transformation of the global climate agenda: Russia›s role in international environmental cooperation 373
Potapkin A.S. Lobbying the migration of significant critical information infrastructure objects to domestic software: strategies and tactics of business organizations 378

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Azamat S. Regional mediation in the normalization of Iranian-Saudi relations: a comparative analysis of the role of Oman, Iraq, and China 383
Bodnar I.I. Managed divergence: a concept and its application to the Russian-Indian partnership 387
Gusev V.A. Political landscape in Taiwan: political forces, results of recent elections, electoral forecast 392
Karaseva M.M. Factors of Political Participation in a Digital Society: A Comparative Analysis of Selected Countries in Southeast Asia 396
Sigov Yu.I. Russia's Interests in Latin America and The Caribbean Islands: Media Aspect 401
Aushev I.M., Gafarov T.G., Fridman M.F. Institutional and Party-Political Conditions Shaping the Influence of Fiscal Imbalances on Regional Separatism in Catalonia, Scotland, Lombardy and Veneto 404
Cui Xinyue. China's Policy on the 'Greater Eurasia' Integration Process 409
Shevtsov L.F. Migration as a tool of «hybrid wars» and a factor of pressure in international relations 412

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Berberova L.B. Cinema in the Service of Philosophy: Broadcasting Global Aforisms Broadcasting (Analysis of the TV Series «Being Erica») 415
Kravchenko A.I. The Global Role of Coffee 419
Khalikova L.R. The influence of artificial intelligence on the formation of a student's linguistic personality in the digital era 423
Khlopovskikh Yu.G., Demidova O.V., Sevastyanov S.S. Prevention of professional deformation and ensuring psychological safety of EMERCOM of Russia employees 426
Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Potashev A.M. The relationship between subjective well-being and religiousness among students 430
Chigarev B.A. The dissolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation as a mechanism of checks and balances 435
Wang Yijie. Corporated social responsibility in the context of sustainable development 438
Vorobyova O.B., Volov V.T., Krotov D.V. Human life environment and homeland 441
Evgrafov V.I. Political and Communication Technologies for Ensuring the Information Sovereignty of the Russian Federation 444
Korotenko I.A. The Impact of Women's Sports in Russia on Reproductive Function and the Demographic Situation 448
Litovchenko I.D. Regional security threats and the limits of integration in the Andean region 451
Valiev I.N., Vinogradov V.L. Paradigmatic shifts in the architectonics of the external educational environment 455
Semikin E.D. Political timing of public participation in transport infrastructure decisions: a comparative analysis of five cases 459
Solovyova S.V., Volov V.T., Krotov D.V. Adult education as a palimpsest: an existential-anthropological analysis 463
Semikin E.D., Arbiev G.S., Suturin T.S. Dividing procedure and outcome: a two-track model for assessing interest reconciliation in transport infrastructure policy 467
Su Junlin. Marxist Theory in the Studies of the Ural Philosophical School in the Context of the Critique of Everyday Life 471
Sun Ting, Hu Yanhua. The Study on the Correlation Between English Majors'English Vocabulary Learning Strategies and Vocabulary level and Its Pedagogical Implications 476
Xiong Jiawei. Digital alienation: the impact of social media and superapp ecosystems on interpersonal relationships 481
Ushakov D.S. The transcendental and the societal in justifying the emergent nature of the social a priori 484
Cherepkova O. The phenomenon of the ontological alienness of home within the structure of rotational return 489
Chen Shiqi. Factors Affecting Viewers› Intention to Continue Watching Entertainment Live Broadcasts on Douyin 492
Shevtsov L.F., Volokh V.A. Constitutional and legal foundations of migration security in the Russian Federation: balancing human rights and state interests 496
Vavilina N.D., Shpigunova Yu.M., Agishev M.O. Migration trends among the population of Novosibirsk in the context of socio-political instability (2021–2023) 499
Shcherbakova I.V. Strategies for translating the linguistic features of fantasy literature based on the material of «The Lord of the Rings» 504
Litovchenko I. Vectors of development of the Andean community in the context of global transformation 507
Stasenko V.V. Constructing the Boundaries of Science through the Lens of the Economics of Scientific Knowledge 511
Tsyplakova E.P. Transdisciplinarity as a strategy for overcoming disciplinary boundaries in social sciences and humanities 514
Shestakova T.A. Fitness training technologies in active games for health-oriented classes with students with limited cardiovascular capacity 519
Posvyatenko Yu.V. Bryuno V.V. Architecture of Care Facilities and the Well-being of the Elderly: A Review of Theories and Research 522
Kirillova I.K., Nabiev G.D., Zyuganov G.A. Ontological incompatibility of digital instruction and commercial nomination in urban text 527

Нарративы власти: формирование внутреннего имиджа постконфликтного Афганистана

Абдаллах Лейла Нажибовна,
аспирант, кафедра социологии культуры и коммуникаций,
Санкт-Петербургский Государственный Университет
E-mail: leyla.n.abdallah@gmail.com

После возвращения движения «Талибан» к власти в августе 2021 г. Афганистан вступил в новый этап политической трансформации, сопровождающийся социально-экономическим кризисом и поиском устойчивых механизмов внутренней легитимации. В этих условиях формирование внутреннего имиджа государства становится важным инструментом консолидации общества и укрепления власти. Настоящая статья посвящена анализу нарративных стратегий, с помощью которых руководство «Исламского Эмирата Афганистан» конструирует образ нового политического режима в 2021–2023 гг. Эмпирическую базу исследования составили официальные заявления и публикации, размещённые на государственных интернет-ресурсах и в аффилированных медиа. В качестве методологической основы используется нарративный анализ в интерпретации К. Берка, позволяющий выявить ключевые сюжетные структуры нарратива. В ходе исследования выделены три центральных нарратива: государство как хранитель мусульманских ценностей, «Талибан» как единственный интерпретатор шариата и Афганистан как исторически непобедимая страна, освободившаяся от внешнего господства. Они объединяют религиозные и патриотические мотивы, формируя образ власти как духовного и национального лидера. Показано, что ислам выступает не только идеологической основой режима, но и инструментом конструирования надэтнической общенациональной идентичности, что позволяет уточнить механизмы символической легитимации власти в постконфликтном обществе.

Ключевые слова: внутренний имидж государства, постконфликтное общество, Афганистан, Талибан, политическая коммуникация, нарративный анализ, легитимация власти

Введение

15 августа 2021 г. радикальная исламистская группировка «Талибан» во второй раз захватила власть в Афганистане, провозгласив создание «Исламского Эмирата Афганистан» – названия, совпадающего с наименованием государства в период первого правления талибов (1996–2001). Не смотря на то, что талибы изначально пользовались значительной поддержкой части населения (например, исследования показывают, что реальная общественная поддержка, как показатель определённой степень легитимности режима наблюдалась уже во время его длительной борьбы против иностранных войск [14]), они столкнулись с необходимостью поддержания, консолидации и укрепления внутренней легитимности в условиях политических, социальных и экономических вызовов.

После смены политического режима вопрос о том, каким государство предстает в восприятии собственных граждан, приобретает особое значение. Речь идет не только о спонтанно складывающихся оценках, но и о целенаправленно формируемом внутреннем имидже государства – совокупности представлений, интерпретаций и устойчивых стереотипов, которые распространяются в общественном пространстве и закрепляют определенный образ новой власти. В такой ситуации производство позитивного образа государства, а также нарративов, поддерживающих легитимность режима и снижающих потенциальное неприятие с его стороны разных социальных групп, становится значимой частью политико-коммуникативной стратегии.

В материалах государственных СМИ и в публичных выступлениях талибов в 2021–2023 гг. прослеживаются повторяющиеся темы, образы и смысловые акценты, через которые, по-видимому, выстраивается определенная модель восприятия нового режима внутри страны. Именно эти элементы и представляют интерес для данного исследования. Его задача состоит в том, чтобы выявить и интерпретировать основные нарративы, участвующие в конструировании внутреннего политического имиджа Афганистана после прихода «Талибана» к власти в 2021 году. Тем самым статья фокусируется на анализе конкретных коммуникативных практик и может служить основой для дальнейшего изучения политической коммуникации в постконфликтных обществах, а также для сравнительного анализа способов формирования государственного имиджа в разных политических и культурных контекстах.

Обзор литературы

Научная литература предлагает различные определения и подходы к пониманию феномена формирования имиджа государства. Так, Е.В. Анохин трактует имидж страны как стереотипизированный образ, сложившийся в массовом сознании на основе опыта и информации из разных источников [1]. В свою очередь, Д.П. Гавра определяет имидж государства как совокупность устойчивых символически выраженных и эмоционально окрашенных мнений об облике и самобытности государства, закрепившихся в общественном сознании [4]. Многие отечественные исследователи отмечают, что понятия «имидж страны» и «имидж государства» часто используются синонимично, хотя имеют различное содержание. Так, И.В. Лябухов указывает на отсутствие четкого разграничения этих терминов в имиджелогических исследованиях, что затрудняет их дифференциацию [8]. Тем не менее, ряд авторов пытается разводить данные понятия: например, под имиджем страны понимают преимущественно географико-культурные характеристики, тогда как имидж государства включает политико-институциональные и социально-экономические компоненты.

В англоязычной литературе проблема терминологического различения менее актуальна, поскольку обычно разграничиваются понятия country image и government image, тогда как термин state image употребляется реже. Зарубежные исследования государственного имиджа преимущественно акцентируют его внешнеполитические функции, включая привлечение инвестиций, развитие международных партнёрств и укрепление позиций страны на международной арене. С точки зрения внешнеполитических функций, позитивный образ государства способствует привлечению инвестиций, развитию партнерств и укреплению позиций страны на международной арене. Е.Н. Давыборец рассматривает имидж государства в том числе как значимый политический ресурс. Позитивный внутренний имидж, например, способствует сохранению социальной стабильности, повышает уровень доверия и поддержки со стороны граждан [5]. Таким образом, отече-

ственные и зарубежные работы сходятся в том, что целенаправленное конструирование имиджа государства становится неотъемлемым атрибутом современной государственной коммуникации и международных отношений. Для этого используются разнообразные коммуникационные стратегии, технологии и каналы, особенно в медиапространстве, учитывая роль масс-медиа в этом процессе.

Кроме этого, культурно-ценностные факторы, в частности религия и исторические традиции, рассматриваются учеными как важные компоненты имиджа государства, особенно в многонациональных и постконфликтных обществах. В последние годы возрос интерес к влиянию религии и культурной памяти на конструирование государственного имиджа. При этом отмечается, что социальная роль религии до сих пор изучена недостаточно в глобальном масштабе ввиду разнообразия конфессий и форм их проявления. Тем не менее, вопросы взаимоотношения государства и религиозных институтов освещены во множестве работ. Религиозный фактор способен существенно влиять на политические процессы и общественное мнение. Культурно-ценностные факторы, в частности религия и исторические традиции, выступают значимыми компонентами государственного имиджа, особенно в многонациональных и постконфликтных обществах. Религиозный фактор способен влиять на политические процессы и общественное мнение, а обращение к религиозным нарративам может использоваться политическими силами для обоснования своих действий и легитимации власти. По мнению С.С. Восканяна, религия нередко используется политическими силами для укрепления власти: через религиозные нарративы лидеры могут оправдывать свои действия, формируя у масс определенное видение мира и тем самым легитимируя свое правление [3]. В работах, посвящённых специфике мусульманских обществ, подчёркивается, что в исламской традиции религия воздействует на политический процесс по нескольким направлениям: формирует ценностные установки и модели политического поведения верующих, задаёт нормативные рамки допустимого через религиозные учения и реализуется через институциональную деятельность религиозных структур [7]. Стоит брать во внимание, что характер взаимоотношений между государством и религиозными институтами в современных исламских обществах существенно отличается от классической модели западноевропейского секуляризма, основанного на институциональном отделении церкви от государства. В исламской политической традиции религия и государство исторически связаны через систему шариатского права и роль богословских авторитетов (улемов), что отражает особую модель легитимации политической власти, отличную от западной «светской» парадигмы. С этой точки зрения религиозные ресурсы в ряде мусульманских государств функционируют как важный компонент политической легитимности и социального согласия, а не только как личный религиозный выбор индивида.

Хотя проблематика государственного имиджа давно вошла в поле академических исследований, этот вопрос остается малоизученным в контексте постконфликтных обществ. Именно анализ того, какие публичные нарративы власть конструирует и популяризирует, чтобы, в том числе, легитимизировать себя и сплотить общество, обычно оказывается на периферии тематической литературы. В еще меньшей степени исследован внутренний имидж государства – не как абстрактная характеристика политического режима, а как результат целенаправленной символической работы власти с внутренней аудиторией. На материале современного Афганистана такой вопрос, насколько можно судить по имеющимся публикациям, пока не становился предметом отдельного развернутого анализа. В этом смысле исследовательская значимость работы связана с попыткой проследить, какими именно повторяющимися смысловыми конструкциями, интерпретационными ходами власть выстраивает представление о государстве с учетом и исламского, и кризисного постконфликтного контекста.

Материалы и методы

Объектом исследования выступает корпус официальных коммуникаций правительства «Исламского Эмирата Афганистан», адресованный внутренней аудитории в период с момента прихода талибов к власти (август 2021 года) до конца 2023 года. В первую очередь это материалы, публиковавшиеся на государственных интернет-ресурсах: официальном сайте правительства Афганистана [19], сайтах ключевых министерств (Министерство информации и культуры [18], Министерство по делам хаджа и религии [16], Министерство обороны [15], Министерство внутренних дел [18] и др.), а также на государственном новостном портале Bakhtar News [12]. На этих ресурсах регулярно размещались обращения руководителей талибов, пресс-релизы, интервью, статьи программного характера. Кроме того, учитывались публичные выступления и интервью представителей талибского руководства (эмира Хайбатуллы Ахундзада, премьер-министра муллы Мохаммада Хасана Ахунда, министров и их заместителей), которые транслировались через государственные СМИ. Такой выбор источников обусловлен стремлением проанализировать именно те нарративы, которые целенаправленно распространялись властью среди населения.

В качестве эмпирического материала был сформирован корпус текстов из указанных источников. Далее эти материалы анализировались на предмет повторяющихся тематических блоков, образов и утверждений, с помощью которых власть описывает себя и окружающую действительность. Для разбора этих элементов была привлечена модель драматургической пентады К. Берка [13], которая позволяет рассматривать повествование через несколько взаимосвязанных компонентов:

Таблица 1

Элемент	Пояснение
Сцена (обстановка)	В каком контексте разворачиваются события
Действующие лица (агенты)	Кто выступает героем повествования
Цели	К чему стремятся агенты
Действия	Что предпринимается
Средства	Какими инструментами достигаются цели

При интерпретации материала учитывался и более широкий политический контекст. В частности, случаи, когда риторика талибов вступала в явное противоречие с их практическими действиями или когда пропагандистские заявления расходились с наблюдаемой ситуацией.

Ограничения методологии связаны с тем, что анализируются преимущественно официальные дискурсы власти; мнения и восприятие самих афганских граждан непосредственно не исследовались. Тем не менее, изучение пропагандистского дискурса дает представление о том, какой образ государства целенаправленно конструируется руководством и какие ценности оно стремится внедрить в массовое сознание.

Результаты

В результате проведенного анализа были выявлены три основных нарратива, через которые «Талибан» формирует образ нового Афганистана для внутренней аудитории. Ниже каждый из них описан подробно с указанием темы, ключевых символов и механизмов легитимации.

Нарратив «Государство – хранитель и гарант мусульманских ценностей»

В официальной риторике новое афганское государство предстает не только как политическая власть, но и как защитник ислама, традиции и нравственного порядка. Такая подача особенно значима для Афганистана, где этническая и племенная неоднородность исторически осложняла внутреннюю консолидацию и нередко становилась источником конфликтов. При этом большинство населения страны исповедует ислам, поэтому именно религиозная идентичность оказывается наиболее удобным основанием для символического объединения. В заявлениях правительства Исламского Эмирата Афганистан шариат последовательно выносится в центр государственного устройства, а обращение к умме используется как язык преодоления этнической и социальной фрагментации. За счет этого власть стремится показать себя не просто обладателем силы, а носителем высшего нормативного порядка. Повторяющийся мотив единства и верности исламу работает здесь как способ легитимации: режим претендует на право говорить от имени всего общества, представляя собственный политический проект как выражение единства уммы.

Нарратив «Талибан – источник праведной трактовки предписаний шариата»

Второй центральный нарратив представляет движение «Талибан» как единственного истинного интерпретатора исламского учения и законов шариата. Следует отметить, что подобная риторика вызывает критику на международной арене – талибам уже указывают на нарушение прав человека под предлогом религии. Однако во внутреннем дискурсе они сознательно делают ставку на консервативные религиозные слои населения – по оценкам USCIRF около 99,7% населения исповедуют ислам [11]. Он призван укрепить поддержку талибов среди верующих, убедив их, что приход талибов к власти – это триумф исламской справедливости. В рамках этого сюжета талибы подают себя как своего рода *«богоизбранных реформаторов»*, устраняющих прежние отклонения от веры и ведущих общество к благочестию.

Суть его в утверждении, что только талибы понимают и соблюдают «праведный ислам», в то время как иные трактовки – ошибочны или искажены. Этот нарратив оправдывает проводимую талибами внутриполитическую линию строгого следования шариату как восстановление справедливости и порядка, предписанных самим Аллахом. Внутренняя логика такова: отклонения от суровых норм шариата в про-

шлом привели страну к греху и хаосу, поэтому возвращение к «чистому исламу» спасет Афганистан. В данном нарративе талибы позиционируются в качестве носителей и воплотителей шариата (он, в целом, выступает центральным религиозным символом). В практическом плане это подкрепляется конкретными действиями: организацией публичных молитв, открытием новых медресе, запуском радио– и телепередач религиозного содержания.

При этом, говоря об исламском правосудии, важно учитывать и более ранний опыт. Система шариатских судов действовала на территориях, контролировавшихся талибами, еще в период иностранного присутствия в Афганистане в 2001–2021 гг. По оценкам ряда афганистов, в том числе западных исследователей [20], для части местного населения эти суды выглядели более быстрыми и менее коррумпированными, чем формальная судебная система республиканского периода. Поэтому обращение к шариатскому правосудию в официальном дискурсе опирается не только на религиозную аргументацию. Оно связано и с практикой, которая у части общества ассоциировалась с восстановлением порядка и справедливости. Здесь религиозная правота соединяется с тезисом о практической эффективности и подкрепляется «народным опытом».

Другой значимый элемент этого нарратива связан с последовательным осуждение «заблуждений». Талибы пытаются не только показать собственную правоту, но и жестко противопоставить себе другие интерпретации ислама, монополизируя таким образом религиозный дискурс. Все «другие» трактовки объявляются ложными, а сами талибы тем самым закрепляют за собой право говорить от имени «истинной» веры, лишая тем самым своих оппонентов права на равноправное высказывание. В таком виде нарратив работает и на харизматическую легитимность в веберовском смысле – на веру в особые качества лидеров, здесь прежде всего в их духовную праведность. Отдельно стоит отметить и участие религиозных авторитетов. В публичных коммуникациях талибы активно привлекают улемов, мулл и имамов, цитируя их слова в поддержку политики Эмирата. Подобные высказывания можно рассматривать как символический ресурс легитимации, близкий по функции к фетве, то есть к религиозному одобрению, исходящему от признанных авторитетов. Вместе с тем здесь необходима оговорка: не каждое заявление муллы следует автоматически понимать как фетву. Под «ресурсом фетвы» в данном случае имеются в виду те ситуации, когда религиозное суждение воспринимается аудиторией не просто как частная поддержка власти, а как нормативно значимое и одобрительное решение.

В официальных сообщениях талибов шариат описывается как безусловный источник политической и нравственной праведности. В этой рамке власть предстает не просто как административная сила, но как религиозно санкционированный порядок. Поэтому данный мотив можно рассматривать как один из ключевых механизмов символической легитимации режима, ведь власть представляется не просто политической, а духовно оправданной и вытекающей из божественного закона. Но у него возможна и еще одна функция.

Он способен смещать общественное внимание с материально-социальной повестки на вопросы морали, веры и религиозной дисциплины. Это особенно значимо в условиях глубокого социально-экономического кризиса, в котором оказался Афганистан после прекращения значительной части международной помощи, заморозки государственных активов, действия санкционного режима и накопленной структурной уязвимости экономики. Сакрализация политических целей вообще характерна для теократических моделей власти: она усиливает символическую легитимность режима, поскольку переводит обсуждение управленческих решений в плоскость религиозной верности и идеологической последовательности. В такой рамке политическая критика легче представляется не просто несогласием, а почти богохульством.

Нарратив «Никто и никогда не смог завоевать Афганистан, Талибан покончил с гнетом западных ценностей»

В рамках этого нарратива Афганистан предстает как страна, которую внешние силы на протяжении истории так и не смогли подчинить окончательно. Движение «Талибан» в этом контексте выступает как политическая сила, завершившая очередной этап борьбы с иностранным господством и навязанным извне культурным порядком. Такой способ описания апеллирует к национальной гордости, памяти о сопротивлении внешним врагам и представлению об особом историческом пути Афганистана. Нынешняя власть в этой логике подается не как случайный результат смены режима, а как продолжение многолетней борьбы за независимость.

В центре этого нарратива утверждение о том, что Афганистан неизменно отстаивал свою свободу, религию и уклад жизни перед лицом внешнего вмешательства. Уход войск США и НАТО, как и прежде советское поражение, интерпретируется в этой рамке как очередное подтверждение того, что страну невозможно покорить силой. Для усиления этого тезиса в публичной риторике используются исторические параллели: отсылки к прошлым вторжениям и к тем империям, которые, несмотря на военное превосходство, так и не смогли удержать контроль над афганской территорией. Особое значение этот нарратив приобретает в контексте неприятия западных ценностей. Он обращен к тем слоям общества, для которых исламские нормы, традиционные представления о справедливости, порядке и чести сохраняют статус основных ориентиров общественной жизни. В результате борьба с внешним военным присутствием связывается не только с политическим освобождением, но и с защитой собственного культурного и нравственного порядка. В таком виде нарратив также работает на легитимацию власти: руководство движения получает символический статус силы, которая сумела завершить борьбу с внешним давлением, выступает как наследники прежних защитников страны.

Обсуждение и заключение

В случае Афганистана, конструирование внутреннего имиджа может иметь особенно важное значение. В условиях сложной политической и экономической ситуации, формирование позитивного внутреннего имиджа может способствовать укреплению национального единства, снижению уровня напряженности в обществе и повышению доверия к новым государственным институтам. В случае Афганистана в этом процессе именно религия играет ключевую роль, т.к. является не просто системой верований, а основополагающей культурной и исторической традицией. Практически у всего населения страны именно религия влияет на политические представления, понятия чести, нормы поведения и общественную жизнь. Очевидно, что внутренний имидж страны неизбежно будет пересекаться с религиозными ценностями и мировоззрением её жителей.

В данной работе нарративы рассматриваются не просто как риторическое сопровождение власти, а как технология для создания имиджа; государство в этом смысле выступает как производитель коммуникативного порядка. Это особенно заметно в периоды смены режима, когда прежние политические основания уже разрушены, а новые еще нуждаются в символическом закреплении. Три выделенных нарратива, где структурные элементы представлены полноценно и развернуто, свидетельствуют о том, что коммуникативная стратегия правительства по данным направлениям в достаточной степени проработана представителями государственных структур и представлена в публичном пространстве с расчетом на внутреннюю аудиторию. Нарративы отражают ценности, представления, принципы, догматику и цели правительства как некой институциональной структуры, продвигающей эти нарративы.

Стоит учитывать, что, несмотря на изменения в составе движения и правительства, идеологическая база режима сохраняет преемственность с периодом первого правления [10]. Современный этап, однако, характеризуется определённым смещением акцентов: если в 1996–2001 гг. религиозно-нормативный порядок утверждался преимущественно через жёсткую регламентацию социальной жизни, то после 2021 г. в публичной риторике усиливается мотив общеафганской консолидации. Ислам в данной стратегии выступает не только как догматическое основание режима, но и как интеграционный ресурс, призванный преодолеть этническую и социальную фрагментацию посредством конструирования надэтнической идентичности, апеллирующей к единству уммы и образу «общего исламского государства». Вместе с тем институциональная реализация данного проекта по-прежнему центрирована вокруг пуштунского ядра власти.

В целом, сочетание трех описанных нарративов формирует комплексный внутренний образ государства в представлении, которое талибы стараются навязать населению. Этот образ включает три главные роли власти: «духовный наставник», «моральный судья» и «национальный освободитель». Данные роли соотносятся с классическими типами легитимности по Максу Веберу – традиционной и харизматической (в религиозной и национально-героической интерпретациях) [2]. Можно сказать, что талибы пытаются легитимироваться одновременно по всем трем классическим веберовским основаниям, избегая упора на рационально-правовую легитимность (поскольку демократических выборов или признанных процедур передачи власти не было). Это интересный пример синкретического имиджа власти, сочетающего теократические и национальные элементы.

Полученные результаты соотносятся с выводами ряда современных российских исследователей, указывающих на тенденцию к формированию надэтнической идентичности на основе исламского фактора [6], [9]. Вместе с тем проведённый нарративный анализ позволяет уточнить механизм данного процесса: ислам выступает не только ценностной основой, но и коммуникативным инструментом конструирования внутреннего имиджа государства.

Для дальнейшего исследования представляется перспективным проанализировать эволюцию этих нарративов во времени: сохранятся ли они в неизменном виде или претерпят трансформацию по мере адаптации талибов к управлению? Также интересно сравнить внутренний имидж, создаваемый талибами, с их внешним имиджем, который они транслируют на международную арену – есть ли расхождения, двойная риторика? Ещё одним направлением может быть изучение восприятия этих нарративов разными группами населения: городское и сельское, мужчины и женщины, разные возрастные группы. Это помогло бы оценить эффективность имиджевых стратегий.

В условиях постконфликта культурные нарративы, по-видимому, стали для талибского режима одним из ключевых инструментов удержания власти. Апеллируя к исламу, традициям и героическому прошлому, они стремятся занять символическое пространство, где при предыдущем проамериканском правительстве не сложилось единой и общепринятой государственной идеологии. Несмотря на то, что религиозность населения сохранялась и в период присутствия НАТО, прежняя риторика, совмещавшая исламские мотивы с западными политическими концепциями, нередко воспринималась как внешне навязанная и оторванная от локальных ценностей. Подобная стратегия – обращение к культурной памяти и национальным мифам – характерна для стран, переживающих смену режимов и ищущих новую легитимацию власти.

Литература

1. Анохин, Е.В. Имидж страны: проблемы формирования и управления // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 214–218.
2. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. Л.Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 10.
3. Восканян, С.С., Ермакова, С.С. Религия как инструмент политического манипулирования: исторические аспекты и современность // Исламоведение. – 2013. – № 2 (16). – С. 14–22.
4. Гавра, Д.П., Савицкая, А.С. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2011. – № 3 (9). – С. 187–195.
5. Давыборец, Е.Н., Кузьмина, О.В., Танцура, М.С. Современные технологии формирования имиджа государства // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 2. – С. 66–73. – DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-2-66-73.
6. Князев, А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15. – № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.
7. Косов, Г.В., Станкевич, Г.В. Религиозный фактор в политическом процессе: опыт восточных политий (исламская проекция) // Социум и власть. – 2013. – № 6 (44).
8. Лябухов, И.В. О соотношении понятий «имидж государства» и «имидж страны» (к постановке проблемы) // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4–1 (72). – С. 250–253.
9. Мачитидзе, Г.Г. Специфика афганской идентичности в условиях глобализации // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24. – № 4. – С. 508–519. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519.
10. Нессар, О.М. Генезис и эволюция движения «Талибан» // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 2. – С. 20–31. – DOI: 10.53658/RW2023-3-2(8)-20-31.
11. Afghanistan // USCIRF Annual Report 2024. – Washington, D.C.: United States Commission on International Religious Freedom, 2024. – P. 2. – URL: https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2024–05/Afghanistan.pdf (дата обращения: 01.03.2026).
12. Bakhtar News Agency [Электронный ресурс]. – URL: https://bakhtarnews.af (дата обращения: 01.03.2026).
13. Burke, K. The Grammar of Motives. – New York: Prentice-Hall, 1945. – P. 200–264. – DOI: 10.1525/9780520341715.
14. Davis, P.K. et al. Public Support for the Taliban Insurgency in Afghanistan // Understanding and Influencing Public Support for Insurgency and Terrorism. – Santa Monica: RAND Corporation, 2012. – P. 71–98. – URL: http://www.jstor.org/stable/10.7249/mg1122osd.11 (дата обращения: 27.02.2026).
15. Ministry of Defence of Afghanistan [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mod.gov.af (дата обращения: 01.03.2026).
16. Ministry of Hajj and Religious Affairs of Afghanistan [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mohia.gov.af/ps (дата обращения: 01.03.2026).
17. Ministry of Information and Culture of Afghanistan [Электронный ресурс]. – URL: https://moic.gov.af/index.php/dr (дата обращения: 01.03.2026).
18. Ministry of Interior Affairs of Afghanistan [Электронный ресурс]. – URL: https://moi.gov.af/ps (дата обращения: 01.03.2026).
19. Office of the Chief of Staff of the Prime Minister of Afghanistan [Электронный ресурс]. – URL: https://ocs.gov.af/pa/home (дата обращения: 01.03.2026).
20. Status of Constitutionalism and Rule of Law in Afghanistan: A Study by the Afghanistan Constitutional Law Expert Group. – Geneva, 2025. – URL: https://cdpg.ch/wp-content/uploads/Status-of-Constitutionalism-and-Rule-of-Law-in-Afghanistan.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

NARRATIVES OF POWER: CONSTRUCTING THE INTERNAL IMAGE OF POST-CONFLICT AFGHANISTAN

Abdallakh L.N.
Saint Petersburg State University

After the Taliban's return to power in August 2021, Afghanistan entered a new phase of political transformation marked by a socio-economic crisis and the search for sustainable mechanisms of internal legitimacy. In this context, the construction of the state's internal image has become an important tool for social consolidation and the consolidation of authority. This article examines the narrative strategies through which the leadership of the Islamic Emirate of Afghanistan has sought to shape the image of the new political regime in 2021–2023. The empirical basis of the study consists of official statements and publications released on government websites and affiliated media platforms. Methodologically, the study employs narrative analysis in Kenneth Burke's interpretation, enabling the identification of key narrative structures. The analysis reveals three central narratives: the state as the guardian of Muslim values; the Taliban as the sole legitimate interpreter of Sharia; and Afghanistan as a historically unconquerable country liberated from foreign domination. These narratives combine religious and patriotic motifs, constructing an image of the regime as both a spiritual and national leader. The findings demonstrate that Islam functions not only as the ideological foundation of the regime but also as an instrument for constructing a supra-ethnic national identity, thereby clarifying the mechanisms of symbolic legitimation in a post-conflict society.

Keywords*:* internal image of the state, post-conflict society, Afghanistan, Taliban, political communication, narrative analysis, legitimization of power

References

1. Anokhin, E.V. Country Image: Problems of Formation and Management. Problemy sovremennoi ekonomiki, 2014, No. 3 (51), Pp. 214–218.
2. Weber, M. Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology. Moscow: HSE Publishing House, 2016, p. 10.
3. Voskanyan, S.S., Ermakova, S.S. Religion as an Instrument of Political Manipulation: Historical Aspects and Contemporary Context. Islamovedenie, 2013, No. 2 (16), Pp. 14–22.
4. Gavra, D.P., Savitskaya, A.S. The External Image of the State in the Media Space. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 2011, No. 3 (9), Pp. 187–195.
5. Davyborets, E.N., Kuzmina, O.V., Tantsura, M.S. Modern Technologies for Shaping the Image of the State. Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, Vol. 24, No. 2, Pp. 66–73. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-2-66-73.
6. Knyazev, A.A. Afghan Identity: Prospects for Defragmentation. Mezhdunarodnaya analitika, 2024, Vol. 15, No. 1, Pp. 210–218. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.
7. Kosov, G.V., Stankevich, G.V. The Religious Factor in the Political Process: The Experience of Eastern Polities (Islamic Projection). Sotsium i vlast', 2013, No. 6 (44).
8. Lyabukhov, I.V. On the Correlation between the Concepts of "State Image" and "Country Image" (Problem Statement). Izvestiya Altai State University, 2011, No. 4–1 (72), Pp. 250–253.
9. Machitidze, G.G. Specific Features of Afghan Identity under Conditions of Globalization. RUDN Journal of International Relations, 2024, Vol. 24, No. 4, Pp. 508–519. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519.
10. Nessar, O.M. Genesis and Evolution of the Taliban Movement. Russia and the World: Scientific Dialogue, 2023, No. 2, Pp. 20–31. DOI: 10.53658/RW2023-3-2(8)-20-31.
11. Afghanistan. USCIRF Annual Report 2024. Washington, D.C.: United States Commission on International Religious Freedom, 2024, p. 2. Available at: https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2024–05/Afghanistan.pdf (accessed 1 March 2026).
12. Bakhtar News Agency [Electronic resource]. – URL: https://bakhtarnews.af (accessed: 01.03.2026).
13. Burke, K. The Grammar of Motives. New York: Prentice-Hall, 1945, Pp. 200–264. DOI: 10.1525/9780520341715.
14. Davis, P.K. et al. Public Support for the Taliban Insurgency in Afghanistan. In: Understanding and Influencing Public Support for Insurgency and Terrorism. Santa Monica: RAND Corporation, 2012, Pp. 71–98. Available at: http://www.jstor.org/stable/10.7249/mg1122osd.11 (accessed 27 February 2026).
15. Ministry of Defence of Afghanistan [Electronic resource]. – URL: https://www.mod.gov.af (accessed: 01.03.2026).
16. Ministry of Hajj and Religious Affairs of Afghanistan [Electronic resource]. – URL: https://www.mohia.gov.af/ps (accessed: 01.03.2026).
17. Ministry of Information and Culture of Afghanistan [Electronic resource]. – URL: https://moic.gov.af/index.php/dr (accessed: 01.03.2026).
18. Ministry of Interior Affairs of Afghanistan [Electronic resource]. – URL: https://moi.gov.af/ps (accessed: 01.03.2026).
19. Office of the Chief of Staff of the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource]. – URL: https://ocs.gov.af/pa/home (accessed: 01.03.2026).
20. Status of Constitutionalism and Rule of Law in Afghanistan: A Study by the Afghanistan Constitutional Law Expert Group. Geneva, 2025. Available at: https://cdpg.ch/wp-content/uploads/Status-of-Constitutionalism-and-Rule-of-Law-in-Afghanistan.pdf (accessed 1 March 2026).

Художественные аспекты современной деревянной архитектуры в Северной Европе (2000–2020)

Бу И,
аспирант, специальность: теория и история культуры, искусства, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: wangyixin9264@outlook.com

В начале XXI века вопросы устойчивого развития, экологической ответственности и сохранения культурной идентичности приобрели особую актуальность в архитектурной практике. В этих условиях деревянная архитектура Северной Европы стала одним из наиболее значимых направлений современного проектирования, объединившим традиции народного зодчества, инновационные технологии и новые художественные подходы. Современные исследователи рассматривают деревянную архитектуру не только как область конструктивных и инженерных решений, но и как важный культурный феномен, отражающий взаимодействие общества, природы и архитектурного пространства. В исследовании анализируются основные тенденции развития деревянной архитектуры Северной Европы в период 2000–2020 гг. на примере наиболее значимых объектов Швеции, Финляндии и Норвегии. Особое внимание уделяется художественно-эстетическим аспектам использования древесины, принципам экологического проектирования и интерпретации региональных традиций в современной архитектуре. В ходе исследования выявлены основные направления развития деревянного строительства, среди которых выделяются поэтическая модульность сборных конструкций, органичный тотальный дизайн интерьерных пространств и монументальность высотных деревянных сооружений. Установлено, что экологические принципы выступают не только технической основой проектирования, но и важным источником художественной выразительности, определяя характер архитектурной формы, пространственной организации и взаимодействия зданий с окружающей средой. В результате анализа выявлено, что современные североевропейские архитекторы успешно сочетают локальные строительные традиции с глобальными тенденциями развития архитектуры. Древесина при этом выступает одновременно экологическим ресурсом, носителем культурной памяти и средством художественного выражения. Сделан вывод о том, что деревянная архитектура Северной Европы рассматриваемого периода сформировала новую модель взаимодействия экологии, технологий и искусства, демонстрируя возможности устойчивого развития без утраты эстетической выразительности и культурной самобытности.

Ключевые слова: деревянная архитектура; Северная Европа; устойчивое развитие; культурная идентичность; критический регионализм; биофильный дизайн; кросс-клеёная древесина; экологическая эстетика.

Рассвет XXI века ознаменовался впечатляющим возрождением древесины в современной архитектуре, особенно в Северной Европе, где экологические достоинства материала и его культурная значимость совпали с передовыми дизайнерскими инновациями [1]. В период с 2000 по 2020 год архитекторы Скандинавии и Балтийского региона переосмыслили древесину не просто как конструкционный элемент, а как средство художественного выражения, формируя пространства, сочетающие традиции с современностью, локальность с глобальным влиянием [2]. В данной статье исследуются художественные аспекты возрождения древесины, утверждая, что архитекторы Северной Европы превратили дерево в холст для выражения региональной идентичности, экологической этики и пространственной поэзии. Посредством анализа выдающихся проектов и проектных идеологий исследование показывает, как древесина стала ключевым элементом в повествовании североевропейского архитектурного авангарда.

Возрождение древесины было обусловлено двумя основными факторами: необходимостью экологически осознанного строительства и возросшим интересом к подлинности материалов. В отличие от стали или бетона, дерево имеет богатую историю применения в народной архитектуре Северной Европы – от финских хижин-мёкки до викингских длинных домов, а также обладает тактильной теплотой и органичностью [3]. Однако современные архитекторы вышли за рамки ностальгии, используя инженерную древесину (например, CLT, клеёная древесина) для создания смелых пролётов, криволинейных форм и высотных зданий [4]. Период 2000–2020 годов стал поворотным моментом, когда техническое мастерство пересеклось с художественным замыслом. Такие проекты, как шведский Культурный центр Сара и библиотека в Веннесле (Норвегия), являются примером этой двойственности [5], сочетая структурные инновации с чувственным богатством, где древесная текстура, игра света и детали соединений превращаются в осознанные эстетические элементы.

Цель исследования – сосредоточиться на художественной стороне, на тех дизайнерских решениях, которые выводят древесину за пределы устойчивости как технической характеристики в сферу культурного высказывания. Как открытые балки, ламинированные контуры или обожжённые фасады выражают региональную идентичность? Может ли модульная деревянная система, обычно ассоциируемая с эффективностью, передавать дух ремесленничества? Путём изучения этих вопросов на основе анализа конкретных объектов и визуального материала статья предлагает классификацию художественных подходов: минималистское возвышенное в финских проектах, органические нарративы в норвежских интерьерах и гибридная смелость в эстонских общественных зданиях. Анализ опирается на архитектурную теорию (феноменология Паллаасмы, критический регионализм Фрэмптона), но в центре внимания находятся сами здания как первоисточники.

Методология статьи сочетает сравнительный анализ кейсов с формальным анализом. Четыре ключевых проекта изучаются с точки зрения их материализации, пространственной выразительности и культурных отсылок. Эти проекты охватывают жилую архитектуру, культурные учреждения и муниципальную инфраструктуру. Дополнительные источники включают интервью с архитекторами, каталоги выставок и отчёты по устойчивому строительству, чтобы поставить художественные решения в контекст технических и социополитических ограничений. Временной охват (2000–2020) позволяет исследовать эпоху после принятия Киотского протокола, до сбоев в цепочках поставок из-за пандемии, а также время расцвета цифрового производства, которое расширило художественные возможности дерева.

Художественный потенциал древесины заключается не только в её конструктивной гибкости, но и в врождённой способности вызывать эмоции, пробуждать воспоминания и формировать глубокую связь с местом (Dharsono, 2025). В отличие от стали и бетона, которые часто утверждают себя через индустриальную точность, дерево несёт в себе тактильное тепло и органическую изменчивость, которые архитекторы Северной Европы использовали для создания пространств с исключительным чувственным богатством. В период с 2000 по 2020 год материал вышел за пределы своих традиционных функций, превратившись в динамичное средство художественного выражения, формирующее

свет, текстуру и пространственный опыт так, что это глубоко отзывается в человеческом восприятии [6].

В основе художественной выразительности дерева лежит его материальность. Узор древесных волокон, сучки и природные несовершенства рассказывают историю роста, времени и взаимодействия с окружающей средой. Архитекторы сознательно подчёркивают эти особенности, делая их неотъемлемой частью эстетического языка здания. В таких проектах, как финский жилой комплекс Puukuokka, панели из клеёной древесины (CLT) оставлены открытыми – их ритмичные полосы направляют взгляд и создают визуальный ритм, смягчающий модульность индустриального дизайна. Аналогично, обожжённые фасады, как, например, в доме на архипелаге в Швеции, демонстрируют диалектику между грубостью и утончённостью [7]. Почерневшая древесина резко контрастирует с северной природой, превращая традиционный метод сохранения в эффектное современное высказывание.

Древесина воздействует на органы чувств так, как немногие другие материалы, выходя за пределы чисто эстетической привлекательности [8]. Благодаря своим акустическим свойствам, позволяющим поглощать и рассеивать звук, она идеально подходит для культурных пространств, таких как концертные залы и библиотеки, где атмосфера столь же важна, как и функциональность. Ярким примером является библиотека в Веннесле (Норвегия), где волнообразные деревянные ребра создают уютный, подобный пещере интерьер, приглушающий эхо и побуждающий к тактильному взаимодействию. Запах древесины также влияет на восприятие пространства, ненавязчиво усиливая связь с природой даже в городских условиях. Архитекторы используют эти мультисенсорные свойства для создания сред, которые кажутся по-настоящему гостеприимными – яркий контраст стерильности, часто ассоциируемой с модернизмом (Mathysen & Glorieux, 2022).

Художественный потенциал древесной архитектуры наиболее полно раскрывается в построенных объектах, где материал, культурный контекст и пространственный опыт соединяются воедино. В данном разделе рассматриваются три новаторских проекта из Северной Европы (2000–2020), каждый из которых представляет уникальный художественный подход к использованию древесины: библиотека в Веннесле (Норвегия), исследующая органичность интерьера; жилой комплекс Puukuokka (Финляндия), воплощающий модульную элегантность; и культурный центр Sara Kulturhus (Швеция), символизирующий смелость вертикального деревянного строительства. Посредством детального анализа демонстрируется, как эти проекты выходят за пределы функциональности и становятся произведениями пространственного искусства.

Несмотря на то, что проект Sara Kulturhus немного выходит за временные рамки 2000–2020 годов, он воплощает художественный пик современной деревянной архитектуры Северной Европы. Это одно из самых высоких в мире деревянных зданий (20 этажей), дизайн которого исследует соотношение между монументальностью в городской среде и экологической чувствительностью. Несущий каркас из клеёной (glulam) и перекрёстно-клеёной древесины (CLT) оставлен открытым, превращая конструктивные элементы в выразительные эстетические детали. Взаимодействие вертикальных балок и диагональных связей формирует ритмичный фасад, меняющийся в течение дня и вызывающий ассоциации с текстурой лесного полога (табл. 1).

Таблица 1. Художественные стратегии в Sara Kulturhus

Элемент	Художественный эффект	Культурный резонанс
Открытая деревянная решётка	Динамичная игра теней, тактильное богатство	Отражает лесное наследие Швеции
Консольные объёмы	Эффект парения, «подвешенности»	Современная смелость в сочетании с северной сдержанностью
Заявление о углеродной нейтральности	Экологичность как эстетическая ценность	Соответствует зелёной идентичности Швеции

Этот восьмиэтажный жилой комплекс переосмысляет модульную деревянную архитектуру через поэтику повторения и теплоту материала. Состоящий из сборных модулей из клееного ламинированного бруса (CLT), уложенных подобно деревянным блокам, Puukuokka демонстрирует, как стандартизация может обрести художественное выражение. Обугленные деревянные панели фасада (отсылка к традиционной технике terävä) создают текстурированную, монохромную поверхность, которая со временем благородно стареет, в то время как асимметричное расположение балконов вносит ритмическое разнообразие (Morganti и др., 2019). Внутри обнажённые деревянные потолки и стены создают атмосферу уюта и близости, контрастируя с суровым внешним обликом здания (табл. 2).

Таблица 2. Материальность и художественность в Puukuokka

Элемент	Дизайнерское решение	Сенсорное воздействие
Обшивка из обугленной древесины	Защита от внешней среды; глубокий матовый оттенок	Тактильная притягательность, минималистская элегантность
Открытые интерьеры из CLT	Нешлифованные поверхности	Усиливают ощущение тепла, создают мягкую акустику
Модульная сетка	Повтор с лёгкими вариациями	Гармония индивидуальности и общности

Эта библиотека представляет собой подлинный мастер-класс по созданию органичного деревянного интерьера и напоминает «деревянную пещеру» с 27 изогнутыми ребрами из ламинированной сосны, которые волнообразно переходят со стен на потолок. Эти ребра объединяют в себе освещение, вентиляцию и сидения, стирая границу между конструкцией и мебелью. Художественность дизайна проявляется в биомимикрии: ребра напоминают скелет кита или лесной полог, создавая пространство, одновременно защищающее и побуждающее к исследованию. Использование местной сосны подчеркивает региональную идентичность, а плавные изгибы демонстрируют пластичность древесины (табл. 3).

Таблица 3. Пространственная художественность библиотеки Веннесла

Компонент	Художественная роль	Эмоциональное воздействие
Ламинированные ребра	Объединяют конструкцию и декор	Побуждают к прикосновению, вызывают любопытство
Изогнутые ниши	Формируют уютные уголки для чтения	Безопасная, утробоподобная атмосфера
Тёплые древесные тона	Мягко отражают естественный свет	Спокойная, сосредоточенная обстановка

Взаимодействие между региональной идентичностью и глобальными влияниями определило развитие деревянной архитектуры Северной Европы в начале XXI века, создав динамичное напряжение между местными традициями и международными архитектурными тенденциями. От финских срубов до норвежских ставкирхов деревянное строительство имеет долгую историю в народной архитектуре Северных и Балтийских стран. Однако современные архитекторы переосмыслили эти традиции сквозь призму глобального контекста. Результатом стал архитектурный язык, который одновременно сохраняет локальные нарративы и участвует в мировых дискуссиях об устойчивом развитии, цифровом производстве и минималистской эстетике. Этот раздел рассматривает, как деревянная архитектура Северной Европы балансирует между этими полюсами, утверждая региональную самобытность и в то же время участвуя в универсальных дизайнерских парадигмах.

В центре этого обсуждения находится подход Кеннета Фрэмптона, известный как «критический регионализм», который пропагандирует архитектуру, сочетающую современные технологии и связь с локальной средой. В Северной Европе это проявляется в проектах, сочетающих современную инженерную мысль с вдохновением, черпаемым из традиционного деревянного ремесла. Так, жилой комплекс Treet в норвежском Бергене – одно из самых высоких деревянных зданий в мире – представляет собой переосмысление традиционной каркасной конструкции с использованием клееного бруса (glulam) и CLT [9]. Аналогичным образом, проект Lighthouse Joensuu в Финляндии использует местную карельскую сосну в модульном жилищном решении, соответствующем стандартам пассивного дома и отсылающем к традиционным сельским коттеджам – мёкки. Эти примеры демонстрируют, как современные технологии не только сохраняют, но и заново формируют региональную идентичность.

Однако нельзя отрицать и привлекательность глобальных тенденций. Распространение массивной древесины как экологичной альтернативы бетону и стали породило всемирное движение, в котором Северная Европа занимает лидирующие позиции. Международные архитектурные бюро, академический обмен и цифровые инструменты проектирования способствовали формированию общего языка, основанного на открытых балках, модульной сборке и риторике углеродной нейтральности. По мнению некоторых критиков, это привело к унификации эстетики дерева, превратив скандинавский минимализм в своего рода «глобальный деревянный стиль». Например, башня Mjøstårnet в Норвегии формально схожа с высотками из дерева в Канаде и Австралии, что вызывает опасения, что технологический успех может превалировать над культурной уникальностью.

Тем не менее, более внимательное рассмотрение выявляет тонкие различия, которые опровергают идею однородности. Например, проект Faelledby датского бюро Henning Larsen сочетает биомиметическую архитектуру с традиционным градостроительным планом, воссоздавая образ датской деревни как полностью деревянного, свободного от автомобилей сообщества. Здесь глобальный фокус на устойчивость преломляется через североевропейскую призму, где общинный образ жизни и единение с природой отражают региональные социальные ценности. Аналогично, Academia Naturalis в эстонском Тарту использует местную древесину в динамичной, угловатой форме, отсылающей к балтийской народной архитектуре и одновременно взаимодействующей с параметрическим дизайном. Эти примеры доказывают, что глобализация не уничтожает региональную идентичность, а предоставляет новые инструменты для её выражения.

Наиболее ярко напряжение между локальным и глобальным проявляется в архитектурном образовании и практике. Университеты Северной Европы акцентируют внимание на деревянном строительстве в своих учебных программах, формируя дизайнерскую этику, сочетающую техническую точность и материалочувствительность, что резко контрастирует с образовательными системами, ориентированными на бетон и сталь. В то же время североевропейские архитекторы всё активнее участвуют в международных проектах, экспортируя свои знания и одновременно перенимая внешние влияния. Это приводит к появлению гибридных решений, как, например, шведский проект Kajstaden в Вестеросе, где японские технологии соединения дерева сочетаются со шведскими методами модульной сборки, формируя здание, одновременно глобальное и локально значимое.

В перспективе современная деревянная архитектура Северной Европы демонстрирует продуктивный синтез, а не дихотомию между регионализмом и глобализмом. Не жертвуя национальной самобытностью, архитекторы формируют язык, способный отвечать на глобальные вызовы – урбанизацию, цифровизацию, изменение климата – при этом укореняя инновации в материальных традициях и экологических принципах. Дерево становится средством для высказываний, одновременно обращённых в будущее и укоренённых в месте.

Связь между устойчивостью и художественным выражением стала неразрывной в современной деревянной архитектуре, особенно в Северной Европе, где экологическая сознательность глубоко укоренена в культурной среде проектирования. Устойчивость перестала быть лишь техническим требованием – она стала творческим стимулом, концептуальной основой, вдохновляющей на новые формы, пространственные переживания и материальные нарративы. В период с 2000 по 2020 год архитекторы трансформировали экологические императивы в эстетический язык, доказав, что ответственное строительство может быть художественно выразительным.

В основе этого движения лежит идея материальной подлинности, согласно которой экологическая логика здания должна быть читаема в его форме и отделке (Ingold, 2012). В Северной Европе архитектура из дерева, как правило, подчеркивает натуральность материала, в отличие от традиционного строительства, где конструктивные элементы часто скрыты под отделкой. Шведский проект Sara Kulturhus с его открытым клееным каркасом – яркий пример этого подхода: балки и колонны здесь не просто несущие элементы, а ритмические визуальные мотивы, рассказывающие о способности здания накапливать углерод. Аналогично, финский проект Puukuokka оставляет модули CLT необработанными, позволяя природной текстуре и теплоте дерева определять атмосферу интерьеров. Эти проекты отвергают идею, что устойчивость требует жертв в эстетике, напротив – они утверждают, что экологическая честность может стать источником красоты.

Художественный потенциал устойчивости выходит за рамки материальной честности и включает в себя принципы биофильного дизайна – стратегии, укрепляющие связь человека с природой (Sjövall & Spiers, 2024). Теплота и органичность древесины делают её идеальным материалом для таких решений. В норвежской библиотеке Веннлесла изогнутые деревянные ребра создают ощущение пребывания под лесным пологом, а рассеянный естественный свет усиливает чувство погружённости. Эти пространства не только минимизируют экологический след – они формируют эмоциональный опыт, соответствующий скандинавским культурным ценностям гармонии с природой. Биофильный подход также проявляется в таких проектах, как Green Lighthouse в Дании, где интерьеры из дерева сочетаются с оптимизацией дневного освещения и пассивной вентиляцией, создавая психологически комфортную и энергоэффективную среду.

Устойчивость также стимулировала инновации в строительных технологиях. Префабрикация, изначально внедрённая ради эффективности и сокращения отходов, породила новые формальные языки. Модульное повторение в проекте Puukuokka, например, превращается в композиционную стратегию, где лёгкие асимметрии придают выразительность. Кроме того, цифровые методы производства позволили создавать ранее невозможные деревянные формы с минимальными отходами. Инсталляция KnitCandela (хотя и вне Северной Европы) показала, как алгоритмический дизайн может породить ультратонкие, конструктивно оптимизированные деревянные оболочки – принцип, адаптируемый в северных проектах, таких как Тамперский деревянный павильон. Здесь методы строительства, продиктованные устойчивостью, рождают конструкции, одновременно технически продвинутые и скульптурно выразительные [10].

Возможно, самым провокационным художественным направлением становится повествование о углероде. Архитекторы всё чаще рассматривают деревянные здания не просто как конструкции, а как климатические вмешательства, подчёркивая эту роль через эстетические решения. Например, башня Mjøstårnet в Норвегии демонстрирует свой сердечник из клееного многослойного бруса как визуальный манифест против углеродного следа бетона. В Хельсинки комплекс саун Löyly использует обожжённую деревянную облицовку не только ради долговечности, но и как символ – обожжённое дерево олицетворяет стойкость и циклическое обновление. Эти проекты воспринимают устойчивость как нарративный приём, где каждый материал и деталь транслируют экологическую этику.

Критически важно, что эта устойчивая художественность не существует в вакууме. Она отражает культурные приоритеты Северной Европы, где забота об окружающей среде тесно переплетена с социальной демократией и стремлением к дизайнерскому совершенству. Жёсткие строительные нормы и углеродное налогообложение региона невольно породили архитектурный авангард, превращающий ограничения в творческие возможности. Это контрастирует с глобальными трендами, где «зелёный» дизайн часто сводится к декоративным жестам – например, поверхностной озеленённости или акцентам из переработанных материалов (Miles, 2004). В Северной Европе устойчивость – не дополнительный атрибут, а фундамент художественного выражения.

В развитии деревянной архитектуры открываются ещё более революционные перспективы благодаря синтезу устойчивости и художественного творчества. Новые концепции – углеродно-отрицательные сооружения и живые материалы, сочетающие древесину с водорослями или мицелием – предвещают время, когда эстетические инновации и экологическая эффективность станут неразличимы. Северная Европа, обладая наследием деревообработки и лидерством в области экологии, готова продолжать формировать этот дискурс, доказывая, что самая значимая архитектура XXI века – это та, что чтит планету и трогает душу.

Художественное исследование деревянной архитектуры Северной Европы в период с 2000 по 2020 год демонстрирует глубокий синтез материальных инноваций, культурной идентичности и экологической этики. За эти два десятилетия архитекторы трансформировали дерево из традиционного строительного ресурса в динамичное средство современного выражения, объединяющее наследие Севера и глобальные вызовы, конструктивную изобретательность и чувственную насыщенность, экологическую ответственность и эстетическую смелость. В этом заключительном разделе подводятся итоги ключевых тем, определяющих это архитектурное движение, и рассматриваются его перспективы.

Фундаментально, деревянное возрождение в Северной Европе – это свидетельство региональной идентичности, переосмысленной через призму современности. Проекты, такие как Puukuokka Housing в Финляндии и башня Treet в Норвегии, абстрагируют суть исторических типологий, а не просто копируют их: модульность сельских мёкки трансформируется в сборные квартиры из CLT, а вертикальность ставкирхов становится высотным зданием из клееного бруса. Такой подход соответствует концепции критического регионализма Фрэмптона, где локальность выражается через современные инструменты, а не через ностальгическое подражание. Итог – архитектура, одновременно укоренённая и прогрессивная, диалог между тактильной памятью дерева и точностью цифрового производства.

Не менее важно значение дерева в повествовании об устойчивости как художественной практике. Устойчивость здесь – не сводится к подсчёту углеродного следа или техническим сертификатам, а становится вдохновляющей пространственной поэзией. Открытые конструкции Sara Kulturhus, обожжённые фасады Löyly и биомиметические ребра библиотеки Веннлесла демонстрируют, как экологическая эффективность сочетается с чувственным восприятием. Здесь устойчивость – не ограничение, а творческий импульс, побуждающий архитекторов переосмыслить строительство как акт культурной и климатической заботы. Эта установка отличает североевропейскую деревянную ар-

хитектуру от глобальных трендов, где устойчивость зачастую – лишь второстепенный элемент.

Взаимодействие ремёсел и технологий – ещё одна отличительная черта движения. Традиционные способы соединения дерева соседствуют с параметрическим моделированием; местное сырьё дополняется инженерными деревянными материалами. Это слияние ярко проявляется в таких проектах, как терминал FASTRUP в Дании, где широкие деревянные навесы сочетают цифровую точность и теплоту ручной работы. Такие решения отвергают ложное противостояние ремесла и индустриализации, предлагая гибридное будущее, где технологии усиливают подлинность материалов.

Однако вызовы остаются. Необходим контроль для сохранения региональной идентичности на фоне угрозы гомогенизации, когда «скандинавская деревянная эстетика» превращается в мировой товар. Кроме того, масштабируемость массовой древесины должна учитывать социально-экономическую справедливость, чтобы не стать универсальным рецептом. Тем не менее эксперименты Северной Европы служат вдохновляющей моделью: архитектура, которая одновременно уникальна культурно и применима глобально, а также экологична и творчески смела.

Взгляд в будущее раскрывает безграничный потенциал дерева. Прорывы в биоосновных материалах (например, композиты на основе мицелия, прозрачное дерево) и циркулярном строительстве обещают расширить дизайнерские возможности и углубить устойчивость. Северная Европа, обладая наследием инноваций, готова возглавить эту новую фазу – не через технологическое доминирование, а задавая вопросы о смысле архитектуры в эпоху климатического кризиса. Деревянные здания 2000–2020 годов предлагают ответ: самые значимые пространства – это те, что чтят своё происхождение, отражают своё время и говорят о будущем, всё это – через текстуру древесины.

Литература

1. Akhanolu, A., & Ahianba, J.E. Архитектура как отражение культурной преемственности: исследование традиционных тенденций // International Journal of Innovative Science and Research Technology. 2025. С. 3744–3746. DOI: 10.38124/ijisrt/25apr2259.
2. Andersson, A. K. kring. Знания, встречи и рост в Аскерсунде, Вэрнамо, Скеллефтео и Карлскруне. 2020.
3. Armstrong, P. J., & Kapp, P.H. Сохраняя прошлое или прошлое, сохраняющее: поддержание наследия постмодернистской музейной архитектуры // Built Heritage. 2022. Т. 6, № 1. С. 12. DOI: 10.1186/s43238-022-00055-z.
4. Bianconi, F., & Filippucci, M. Дерево, САПР и ИИ: цифровое моделирование как точка пересечения естественного и искусственного интеллекта в проектировании деревянной архитектуры. 2019. С. 3–60. DOI: 10.1007/978-3-030-03676-8_1.
5. Carmen Popescu. Фигура знания. Leuven University Press, 2020. DOI: 10.1353/book.78083.
6. Dharsono, W.W. Визуальные и эмоциональные связи в дизайне деревянных изделий: всесторонний обзор принципов нейроархитектуры // Journal of Artificial Intelligence in Architecture. 2025. Т. 4, № 1. С. 48–56. DOI: 10.24002/jarina.v4i1.10160.
7. Hunt, E.L. Гибридные растворимые и нерастворимые 3D-печатные опалубки. 2021.
8. Ilgın, H. Высотные жилые деревянные здания: новые тенденции в архитектурном и конструктивном проектировании // Buildings. 2023. Т. 14, № 1. С. 25. DOI: 10.3390/buildings14010025.
9. Ilgın, H.E. Анализ основных архитектурных и конструктивных особенностей высоких деревянных зданий // Buildings. 2023. Т. 14, № 1. С. 43. DOI: 10.3390/buildings14010043.
10. Ilgın, H. E., & Karjalainen, M. Мнения финских экспертов о строительных практиках и перспективах клееного многослойного бруса (CLT) // Forests. 2023. Т. 15, № 1. С. 31. DOI: 10.3390/f15010031.

ARTISTIC ASPECTS OF CONTEMPORARY WOODEN ARCHITECTURE IN NORTHERN EUROPE (2000–2020)

Bu Yi
Saint Petersburg State University

At the beginning of the 21st century, issues of sustainable development, environmental responsibility, and the preservation of cultural identity have become particularly relevant in architectural practice. Under these circumstances, wooden architecture in Northern Europe has become one of the most significant trends in contemporary design, combining folk architectural traditions, innovative technologies, and new artistic approaches. Contemporary researchers view wooden architecture not only as a field of structural and engineering solutions but also as an important cultural phenomenon reflecting the interaction between society, nature, and architectural space. This study analyzes the main trends in the development of wooden architecture in Northern Europe from 2000 to 2020, using the most significant buildings in Sweden, Finland, and Norway as examples. Particular attention is paid to the artistic and aesthetic aspects of wood use, principles of sustainable design, and the interpretation of regional traditions in contemporary architecture. The study identified key trends in the development of wooden construction, including the poetic modularity of prefabricated structures, the organic, total design of interior spaces, and the monumentality of high-rise wooden structures. It has been established that environmental principles serve not only as a technical basis for design but also as an important source of artistic expression, determining the nature of architectural form, spatial organization, and the interaction of buildings with the environment. The analysis reveals that contemporary Northern European architects successfully combine local building traditions with global architectural trends. Wood serves simultaneously as an ecological resource, a bearer of cultural memory, and a means of artistic expression. It is concluded that Northern European wooden architecture of the period under review shaped a new model for the interaction of ecology, technology, and art, demonstrating the potential for sustainable development without sacrificing aesthetic expressiveness and cultural identity.

Keywords: wooden architecture; Northern Europe; sustainable development; cultural identity; critical regionalism; biophilic design; cross-laminated timber; environmental aesthetics.

References

1. Akhanolu, A., & Ahianba, J.E. Architecture as a Reflection of Cultural Continuity: A Study of Traditional Trends // International Journal of Innovative Science and Research Technology. 2025. P. 3744–3746. DOI: 10.38124/ijisrt/25apr2259.
2. Andersson, A. K. kring. Knowledge, Encounters, and Growth in Askersund, Värnamo, Skellefteå, and Karlskrona. 2020.
3. Armstrong, P. J., & Kapp, P.H. Preserving the Past or Past Preserving: Sustaining the Legacy of Postmodern Museum Architecture // Built Heritage. 2022. Vol. 6, No. 1. P. 12. DOI: 10.1186/s43238-022-00055-z.
4. Bianconi, F., & Filippucci, M. Wood, CAD and AI: Digital Modelling as a Place of Convergence of Natural and Artificial Intelligence in Timber Architecture Design. 2019. P. 3–60. DOI: 10.1007/978-3-030-03676-8_1.
5. Carmen Popescu. The Figure of Knowledge. Leuven University Press, 2020. DOI: 10.1353/book.78083.
6. Dharsono, W.W. Visual and Emotional Connections in Wooden Product Design: A Comprehensive Review of Neuro-Architecture Principles // Journal of Artificial Intelligence in Architecture. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 48–56. DOI: 10.24002/jarina.v4i1.10160.
7. Hunt, E.L. Hybrid Soluble and Insoluble 3D Printed Formwork. 2021.
8. Ilgın, H. High-Rise Residential Timber Buildings: Emerging Architectural and Structural Design Trends // Buildings. 2023. Vol. 14, No. 1. P. 25. DOI: 10.3390/buildings14010025.
9. Ilgın, H.E. Analysis of the Main Architectural and Structural Design Considerations in Tall Timber Buildings // Buildings. 2023. Vol. 14, No. 1. P. 43. DOI: 10.3390/buildings14010043.
10. Ilgın, H. E., & Karjalainen, M. Insights from Finnish Experts on Construction Practices and Future Prospects of Cross-Laminated Timber (CLT) // Forests. 2023. Vol. 15, No. 1. P. 31. DOI: 10.3390/f15010031.

Веселова Полина Александровна,
магистрант Санкт-Петербургского государственного аграрного университета
E-mail: ruzhev_va@mail.ru

Крупина Надежда Никифоровна,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры технологий управления и сервиса Санкт-Петербургского государственного аграрного университета
E-mail: Krupina_n17@mail.ru

В статье представлена сравнительная характеристика успешных эколого-ориентированных научных подходов, концепций, моделей в контексте устойчивого развития. Обсуждены и обобщены сущностные характеристики, технологические особенности, взаимосвязи, последствия эколого-ориентированных социальных практик в достижении сбалансированного экономического роста. Методологической основой исследования выступили системный подход и общелогические методы сравнительного анализа, информационной – нормативно-правовые акты, научные труды, интернет– ресурсы. Приведена характеристика одиннадцати современных практик экологизации среды жизнедеятельности по аспектам доступность, поддержка регулятора, результаты и эффекты, компании, которые освоили технологии. Новина исследования выражается в расширении представлений в части интеграции накопленных идей и самостоятельных природоподобных технологий, как основы движения эко-технологического социального благополучия. Прикладное значение – представлении целостной картины состояния освоенных «зеленых» технологий, как самостоятельных инструментов организации среды жизнедеятельности в соответствии с задачами реализуемых государственных программ и национальных проектов народосбережения.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологизация, природободобные технологии, рецикл отходов, производство замкнутого цикла, бережливое производство, социальное благополучие.

Введение

Общество, сталкиваясь с нарастающей сложностью глобальной среды, признает необходимость более активного и масштабного перехода к практикам устойчивого развития, при котором человечество не разрушает природную основу своего существования, оказывая антропогенное воздействие на окружающую среду в пределах ассимиляционного потенциала и сохранения все важнейшие ее параметры в тех пределах, которые гарантируют существование человека как биологического вида» [1, с. 56]. Такой подход соответствует главной идеи ООН о равенстве доступа к природным ресурсам нынешних и будущих поколений и важности распределения результата экономического роста на восстановление окружающей среды в большей мере, чем на ее разрушение. Стратегия народосбережения определена Указом Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и задачами, которые решаются в рамках национального проекта «Экологическое благополучие».

Реализация концепции ООН часто сталкивается с системными противоречиями, приводящими к нежелательным экономическим и социальным последствиям, но преодолеть барьеры помогает правильный выбор целей и соответствующей им стратегии с учетом накопленного реального успешного опыта в специфических условиях конкретных стран, регионов, отраслей [2].

На фоне внешних вызовов сравнительная оценка экологических концепций, практик и моделей общественного развития, ведущих к становлению природоподобной экономики, актуализируется. Концепция устойчивого развития является фундаментальной в части ориентации экономики на промышленное развитие с одновременным снижением техногенного воздействия на природные системы, а остальные эколого-ориентированные практики есть производные от этой парадигмы [3]. Ключевые характеристики и критерии эколого-ориентированных социальных практик отражают отношение к экономике, эффективному использованию ресурсов, человеку, технологиям и управлению.

Актуальность темы обусловлена цивилизационной значимостью лучших способов «озеленения» производственной и бытовой среды, как инструментов построения сбалансированной экономики. Цель авторов – на основе сравнительной оценки лучших практик (концепций, моделей, теорий) экологизации жизнедеятельности, выявить их общие и специфические характеристики, обозначить роль социально-экономических последствий и потенциал синергии в результате их масштабной интеграции. Методологической основой исследования выступили системный подход и общелогические методы анализа, аналогии, обобщения и сравнения сведений, представленных в открытых источниках – профильной литературе, научных трудах и интернет– ресурсах. Статья носит теоретический характер и представляет обзор реализуемых технологических, административных и организационно-управленческих решений в рамках отдельных биосферных компонентов.

Теоретический анализ

Экологизацию понимаем как динамичный системный процесс поступательного технологического и организационно-управленческого совершенствования хозяйственных циклов в целях оздоровления окружающей среды и снижения опасности экономической деятельности для природы и человека. С позиции устойчивости процесс выступает начальным этапом природоохранной деятельности по сокращению противоречия между ресурсоемкой технологией и экологическими потребностями общества [4]. В основе любой успешной практики лежит частная научная идея или модель, согласующаяся с концепцией устойчивого развития. Осмысление результатов позволяет раскрыть взаимосвязь теоретических и практических аспектов экологизации, обозначить стимулы и барьеры технологической модернизации, выбрать критерии оценки эффективности. Этот опыт формирует экологически ориентированную благоприятную предпринимательскую среду, удовлетворяющую интересы частных инвесторов, государства и общества в решении сложных природоохранных задач. Кратко обозначим эти практики.

1. ***«Зеленая» экономика*** – модель, в которой экономика является частью природной среды, существует и развивается с учетом ее законов. Хозяйственные, социальные и экологические процессы ин-

тегрируются через построение производственной системы, снижающей антропогенную нагрузку на среду, восстанавливающей природные экосистемы, улучшающей качество жизни, условий труда, доступность социальных услуг. Приоритеты – экономия ценных ресурсов, сокращение выбросов загрязняющих веществ, защита биоразнообразия, рост благосостояния населения. Вместе с тем предлагаемые интегральные индексы для измерения степени «озеленения» экономики либо не согласуются друг с другом, либо только отражают тенденции в сторону перехода к зеленой экономике, но не оценивать степень его реализации [5].

2. ***Производство замкнутого цикла.*** Модель организации производственного процесса с максимальным рециклом образующихся отходов в хозяйственный оборот после их переработки во вторичное сырье, а также заменой ископаемого топлива на возобновляемые источники энергии. Такой переход предполагает разработку новых отраслевых стандартов и критериев жизненного цикла продукта с учетом технологий получения и вовлечения вторичных ресурсов в цепочки создания ценности, а также принятие надлежащих мер по снижению финансовых рисков из-за больших сроков окупаемости лучших технологий [6].

3. ***Биопроизводство*** – переход на «природоподобные» промышленные технологии, воплощающие интеграцию живой (био-) и технической (техно-) подсистем в единую пространственно-временную систему взаимосвязанных производственных операций при отсутствии четких технологических и аппаратурных границ. Это основа биоэкономики, как экономики, совместимой с возможностями биосферы, то есть обеспечивающей коэволюцию экономики и биосферы [7], как инструмент направления инвестиций в развитие инновационных производств, позволяющих использовать возобновляемые биологические ресурсы посредством применения биотехнологических методов [8]. Биоэкономика является важным компонентом зеленой экономики, обеспечивающим альтернативу ископаемым ресурсам и способствующим развитию устойчивого сельского хозяйства и производства.

4. ***Концепция «ноль отходов» («Zero Waste»).*** Новая философия и практика ответственного бизнеса, где реализуется идеи недопущения попадания отходов в окружающую среду, полного сохранения и полезного применения первичных и вторичных ресурсов на всех этапах цикла от проектирования товаров до их использования и утилизации (включая упаковку). Она встраивается в модель циркулярной экономики, в концепции социальной ответственности бизнеса, бережливого производства и ESG-управления, как рабочий инструмент. Хозяйственная система с нулевым уровнем отходов – это сложный поэтапный процесс по созданию весьма сложной специализированной инженерно-технической инфраструктуры с элементами искусственного интеллекта и роботехники, позволяющими запускать рабочие операции по сокращению объема или полному устранению всех эмиссий в окружающую среду. Цикл жизни продукта отличается существенным сокращением материалоемкости, повышением доступности ремонта и долговечности изделий, реализацией возможности последующего повторного применения устаревшей вещи в новом качестве [9]. В России менее 10% от общего количества коммунальных отходов перерабатываются для повторного использования, а система раздельного сбора мусора продекларирована, но не решена на практике, потому что уплата экологического сбора более выгодна, чем переработка отходов.

Первостепенным условием обнуления отходов является изменение парадигмы мышления у населения и готовность жителей к осознанному потребительскому поведению в быту и на рабочем месте. Активно обсуждается феномен «человека экологического», которому присущи осознание масштабов последствий экологических угроз и своей персональной ответственности, как потребителя. Он способен проектировать модель личного рационального потребления, начиная с простейших бытовых действий (отказ от одноразовой пластиковой посуды и упаковки, минимизация отходов и раздельный сбор мусора, использование тканевых сумок вместо пластиковых пакетов, многоразовых бутылок для воды, предпочтение товарам с минимальной упаковкой) и участия в «зеленых» инициативах [10]. Действенные инструменты:

а) меры регулирования тарифно-ценовой политики в направлении научно-обоснованных расчетов нормативов накопления отходов и тарифов для населения на услуги региональных операторов;

б) четкие финансовые стимулы для привлечения частного капитала («зеленое» финансирование инфраструктурных проектов, субсидирование ставок по кредитам или купонов по облигационным займам, льготное кредитование для повышения привлекательности отрасли и ее развития);

в) повышение эффективности управления транспортной логистикой, затраты на которую достигают до 80%, г) оснащение управленческих и технологических процессов смарт-системами и ИТ– технологиями ([11, с. 67].

5. ***Наилучшие доступные технологии (НДТ)*** – модель-эталон промышленного производства, выполнения работ, оказания услуг, которая наибольшей степени соответствует прогрессивным инновационным решениям и наилучшим образом сочетает критерии достижения целей охраны окружающей среды. Привлекательность модели, как элемента сбалансированного природопользования, объясняется ее комплексным характером: она объединяет важные природоохранные институты – экологическое право, нормирование, мониторинг, экспертизу, менеджмент и аудит, налоговое, кредитное и таможенное регулирование, фискальное стимулирование экологизации производства и др. Однако усложнение экономической и политической обстановки, беспрецедентные антироссийские санкции сформировали ощутимые сложности для соблюдения установленных экологических нормативов за счет организации автоматизированного производственного контроля и экологического мониторинга.

В сложных макроэкономических условиях финансовые ресурсы сокращаются, поэтому переход на принцип НДТ отодвигается, на неопределенный срок и замедляется оживление инвестиций в технологическое обновление производства [12, с. 32]. Перспективы освоения НТД связывают с достижением национального технологического суверенитета, предполагающего, что любая наилучшая технология должна быть доступна, т.е. произведена на территории России, подтверждена наличием патентов у отечественных производителей и оснащена цифровой составляющей.

6. ***Рациональное природопользование*** – одна и первых результативных концепций хозяйствования, согласно которой природопользование не должно приводить к резкому изменению природно-ресурсной емкости (потенциала) территории (М.Ф. Реймерс, 1990) [13] Общество обеспечивает поддержку и воспроизводство природных ресурсов, повышение предельно-допустимой продуктивности экосистем естественных ландшафтов и биопродуктивности почвы, улучшение производительности грунтов, водных бассейнов, самоочистку атмосферного воздуха, поддержание местной растительности, животного мира и других форм биоразнообразия. Критерием рациональности выступает способность экосистем сохранять постоянство своего внутреннего состояния и скоординированно реагировать на воздействия негативных факторов. Это определяет необходимость поддержания оптимального режима эксплуатации природных объектов и месторождений ресурсов, соблюдение допустимых пределов антропотехногенной нагрузки на природную среду, формирование особо-охраняемых природных территорий, лимитированное использование природных ресурсов. Дестабилизирующими факторами выступают устаревшие промышленные технологии и высокий износ природоохранного оборудования, финансовые, правовые и управленческие пробелы, игнорирование закономерностей биосферных процессов, браконьерство, невысокая экологическая грамотность исполнителей.

7. ***Прецизионное (точное) земледелие*** – модель («умного») сельского хозяйства, основанного на принципе гибкого управления технологиями и ресурсами хозяйства. Гибкость означает максимальный учет реального состояния, химического состава почвы, неоднородности отдельных участков земли, где почва имеет иное плодородие, влажность, показатель кислотности pH, очаги болезней. Климатические условия, структуры почвенного покрова и рельефа местности в сочетании с антропогенными агротехнологиями севооборота, обработки и полива, внесения удобрений позволяют получать урожайность зерновых культур на отдельных участках одного поля с разницей в 2 и более раза. Достижение максимальной урожайности и качества продукции при оптимальном расходе ресурсов есть одна из задач устойчивого развития. Для сбора, систематизации, анализа, визуализации и использования точной информации о состоянии полей, культур и окружающей среды, а также мониторинга состояния посевов и выявления проблемных зон задействуют digital-технологии: географические информационные системы, дистанционное зондирование земли, оценки урожайности, системы глобального позиционирования, спутниковую навигацию, методики переменного нормирования, БЛЛА, сенсоры и программное обеспечение для анализа больших данных. За счет дифференцированного внесения удобрений, семян, средств защиты растений и более точного соответствия агротехнических мероприятий реальным потребностям растений происходит:1) снижение нагрузки на окружающую среду; 2) сокращение расхода удобрений и пестицидов на 20–30%; 3) сокращение потребления воды на полив на 15–20%; 4) оперативное выявление болезней, вредителей, более раннее эффективное профилактическое вмешательство; 5) – повышение урожайности на 15%.

Эта природоподобная высокотехнологичная практика требует значительных первоначальных инвестиций: минимальная стоимость пол-

ного комплекта оборудования на уровне 25000 дол., а срок окупаемости до 7 лет. Крайне важно своевременно создавать: а) нормативно-правовую основу использования БПЛА и передачи данных в сельскохозяйственном производстве, б) качественное покрытие широкополосным интернетом и технологией высокоточного спутникового позиционирования, в) фискальные и иные инструменты господдержки приобретения и внедрения систем точного земледелия сельхозтоваропроизводителями, г) системы подготовки высококвалифицированных кадров, владеющими цифровыми компетенциями.

8. ***Бережливое производство*** – практика оптимизация производственных операций путем устранения различных видов потерь ресурсов и исключения действий, которые не добавляют ценности продукту или услуге по всей цепочке создания этой ценности. Цель – выявлять и устранять источники потерь (избыточный транспорт, излишнее хранение запасов, излишние движения и дефекты), снижая не только финансовые затраты, но и экологический ущерб.

9. ***Концепция ESG-управления*** выступает инструментом достижения сбалансированности: экологии (E– environmental), социальная политика (S – social), корпоративное управление (G – governance). Выброс парниковых газов является движущей силой климатических изменений, поэтому углеродная нейтральность является одной из ключевых идей устойчивого развития, ESG-повестки, биоэкономики, на базе которых формируется институциональная экономическая среда, обеспечивающая технологическую независимость страны. Мировые экономики к 2035–2040 гг. планируют довести долю биоэкономики до 10–15% ВВП, сейчас этот показатель не более 5% (в России менее 1%).

10. ***Углеродная нейтральность производства*** достигается с помощью технологий декарбонизации и формированием рынка углеродных единиц (квот). В рамках ESG-повестки активно создаются нормативно-правовые акты международного и национальных уровней, формируется институциональная экономическая среда для инвестирования в новые источники энергии, процессы и энергетические технологии. На примере Китая показано, что накопление капитала от климатических инвестиций увеличивает потенциал национальной экономики, привлекательность деловой репутации, улучшает экологические показатели реализуемых передовых управленческих решений и способствует стратегии устойчивого роста [14].

11. ***Социальная ответственности бизнеса (СОБ)*** – инструмент управления сбалансированным стратегическим взаимодействием экономических, социальных и экологических факторов в условиях конкретного бизнеса. Прослеживается тесная взаимная связь с корпоративной ESG-политикой, т.к. СОБ проявляется во внедрении экологических стандартов, технологий энергоэффективности, активном техническом переоснащении производства и создании эффективной системы управления отходами и предотвращения техногенных рисков. В отдельных регионах на крупных градообразующих предприятиях эта практика имеет особое значение для развития территориальной инфраструктуры, обеспечения занятости, налоговых платежей и социальных услуг. Крупные компании ослабляют остроту социальных и экологических проблем, совершенствуют производственные циклы, что позволяет формировать благоприятные условия для устойчивого развития. Для инвесторов и многих иностранных институтов соответствие стандартам социальной и экологической ответственности становится необходимым условием репутационной и деловой привлекательности.

По оценкам экспертов Центра конъюнктурных исследований Института статистических исследований и экономики знаний экологизация рассматривается компаниями как значимое направление для развития, хотя осуществляется в условиях обострения проблемы нехватки собственных финансовых средств. Бизнес вынужден сокращать природоохранные издержки, от которых операционная деятельность зависит в наименьшей степени. Процесс требует эффективного институционального мышления и соответствующего обеспечения, т.е. формирования институциональной среды, побуждающей и понуждающей экономических агентов к желаемой трансформации производственно-потребительских моделей, а в итоге – к эффективности экологической политики в целом. Сравнительная оценка современных практик экологизации представлена в таблице.

Таблица 1. Характеристика современных практик экологизации среды жизнедеятельности

Наименование	Доступность	Поддержка регулятора	Измеримые результаты и эффекты	Примеры освоения
Рациональное природопользование	Отечественные технологии защиты среды.	Экологическая доктрина РФ, ФЗ от 10.01.2002 N 7-.	Сокращение потерь (%): – в АПК– 15–20, в добывающих –40; в водопользовании – 35; – сокращение платежей.	Рост числа особо охраняемых природных территорий 2019–2024 годы более чем на 625 единиц и увеличению площади на 5,5 млн га
Наилучшие доступные технологии	Высокая стоимость, сложности, компетенций	– льготные зай-мы (5% в год) и амортизация; – экспертиза	Доля производств на базе НДТ: в энергетике – 60%, в нефтегазо-вом секторе и ЖКХ – 40%.	Экоинвестиции АО «Русская медная компния»12 млрд руб. на модернизацию очистных сооружений, переработку отходов, экомониторинга.
Бережливое производство	Более 60% компаний в внедрили бережливое производство	Центры компе-тенций в сфере производительности труда»	Компании выпускают больше продукции, лучше-го качества, снижая долю брака и отходов, потери рабочего времени.	ПАО «КамАЗ». в 2006 г.163 млн руб. Доход 32 млрд. руб., новое видение роли персонала в создании ценности и более ответственное поведение.
«Зеленое» производство	Механизмы и фискальные инструменты «зеленых» проектов, активное партнерство	Стратегия экономической безо-пасности РФ. Законодательные инициативы и нацпроекты	– уменьшение рисков; – повышение технического уровня и культуры операционного цикла на 30–35%; – сокращение брака	Реализуются программы «зеленой» энергетики и зеленого строительства. Закупается электротранспорт и солнечные батареи, создаются замкнутые энергоэффективные системы освещения.
Производство замкнутого цикла (циркулярное)	Нет доступа к рынку лучших технологий и «зеленых» инвестиций	Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р. Стратегия обращения отходов	– ресурсосбережение; – сокращение выбросов, сбросов, твердых отходов; – биоразнообразие; – снижение энергоемкости и материалоемкости ВВП.	Компания СИБУР-Холдинг внедрила проект «Циркулярный лес» и провела модернизацию систем обращения отходов, оборотного водоснабжения и очистки выбросов.
Био-производство	Новое направление экологизации экономики	В 2026 г. внед-рен нацпроект «Технологичес-кое обеспечение биоэконо-мики».	Междисциплинарный подход объединяющий все лучшие практики, инструменты, концепции, подхо-ды и модели характер.	Возможно совмещение климатических, экологических и экономические интересов, создание новых техник, рынков и рабочих мест, сохранение экосистемных услуг.
«Ноль отходов»	Переход затру-днен, успехи у отдельных регионов	Проект «Эколо-гическое благо-получие».	– переработка мусора; – получение вторсырья; – – рост экологической культуры и поведения.	Компания «Unilever» доби-лась нулевого уровня захороне-ния неопасных отходов на 240 заводах в 67 странах.
Углеродная нейтральность Производства	Эмиссия парни-ковых газов в экономике компенсируется	ФЗ от 02.06. 2021 г. № 296-ФЗ. Ведение реестра.	– техномодернизация; – снижение климатичесого рика и продажи квот на выбросы CO_2.	Компании ExxonMobil и Chevron (США) активно инвестируют в активы и технологии улавливания метана.,
ESG-управление	Доступность. ESG-техник управлением	Стимулирующий национальный эко-рейтинг,	Рост устойчивости и ин-вестиционной привлека-тельности бизнеса.	Более 35% мировых инвестиций связано с реализацией ESG-принципов.
Прецизионное земледелие	Доступность вы-сокая в ЦФО и ЮФО, средняя в СФО	Госпрограммы поддержки. Цена технологии от 1,2 до 2,2 млн руб.	Рост урожайности на 5,5–12,5%; – экономия топлива до 20%; – повышение про-дуктивности экосистем.	Регионы-лидеры: Волгоградская обл. (257 фирм), Краснодарский край (250), Воронежская обл. (211) По площади земель – Баш-кортостан и Белгородская об.

Результаты исследований

Несмотря на отличительные организационно-технические и управленческие характеристики все рассмотренные практики экологизации взаимодополняют друг друга и успешно решают конкретные взаимоувязанные проблемы ресурсосбережения [15–16]. В совокупности они обеспечивают комплексный подход к достижению устойчивости, рационального использованию ресурсов, снижению экологической нагрузки и повышению конкурентоспособности экономики. Осмысление концептов позволило нам обозначить объединяющие аспекты их социальной и публичной значимости:

– основываются на единых ключевых принципах природоподобия, предполагающих полное исключение потерь ресурсов, бесполезного и нерационального их использования, максимального повторного включения переработанных материалов и отходов, как вторичного сырья, в хозяйственные циклы и цепочки создания ценности;

– ориентированы на достижение масштабного ресурсосбережения и минимального негативного воздействия на среду путем создания специализированных высокотехнологичных регенеративных систем, использования цифровых сервисов, новых знаний и междисциплинарных компетенций, энергоэффективных технологий, оптимизации логистики;

– учитывают ограниченную ассимиляционную емкость биосферы, как способность естественных территориальных экосистем поглощать и перерабатывать отходы без участия человека;

– являются предпосылкой «новой экономики», которая максимально исключает неконтролируемый обмен энергией и материальными ресурсами со средой;

– стимулируют инициативное ответственное экономическое поведения бизнеса, властных структур и потребительского поведения домохозяйств;

– предполагают разработку эффективных механизмов регулирования и фискальных инструментов стимулирования экологизации производства, включая солидарное соучастие государства, бизнеса и гражданского общества.

Представленные концепции являются самостоятельными целевыми моделями технологической модернизации и конкретными научно обоснованными природоохранными практиками. При масштабном проникновении в экономику они дают синергетические эффекты социального, экономического, экологического и климатического характера, содействуют повышению вовлеченности граждан в процессы экологизации и расширяют практику партнерства. В единстве они способны создать сбалансированную инновационную среду природопользования, снизить негативное воздействие на среду и планетарный «экологический след».

Заключение

Экологический фактор всё сильнее проявляется в истощении природных ресурсов и загрязнении окружающей среды, в угрожающих изменениях биоразнообразия, климата и среды жизнедеятельности, что диктует необходимость ускорения и расширение масштабов экологизации экономики. Природоподобные практики – фактор первостепенной значимости в достижении целей устойчивого развития и народосбережения, поэтому их сравнительная характеристика позволяет своевременно оценивать эко-социо-экономическую эффективность усилий в преодолении «провалов рынка», доступность и целесообразность масштабной их применимости, готовность общества к принятию определенных поведенческих ограничений. Многогранный и затратный процесс экологизации среды жизнедеятельности требует интеграции:

а) накопленных междисциплинарных научных результатов в области устойчивого развития, включая критическую нейросетевую аналитику общемирового опыта и тенденций развития данного процесса,

б) политической воли регулятора к директивному побуждению общества, основанному на четкой нормативной определенности и фискальной поддержке,

в) поэтапного и осознанного самоограничения потребительского и бытового поведения со стороны гражданского общества;

г) готовности бизнеса к реинвестированию ощутимой части чистой прибыли в научно обоснованные и результативные эко-практики с учетом их отраслевых и территориальных преимуществ и ограничений;

д) гражданской активности заинтересованных сторон.

Практики осмысленного и сбалансированного ресурсопользования являются составляющими единой модели (стратегии) перехода к эко-технологическому социальному благополучию.

Литература

1. Данилов-Данильян В.И. Состояние и проблемы охраны окружающей среды в РФ //Научные и технические аспекты охраны окружающей среды. 1995. № 10. С. 56.

2. Балабанович О.А. Принципы устойчивого развития как стратегический императив для бизнеса // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2025. № 3. С. 32–46.

3. Закондырин А.Е., Липина С.А. Экологические концепции: сравнительный анализ //Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4. С. 7–14.

4. Фролов А.С. Развитие процесса экологизации экономики и его значение для мирового сообщества //Журнал экономических исследований. 2021. Т. 7. № 4. С. 56–65.

5. Лебедева М.А. Сравнительный анализ методик оценки перехода к зеленой экономике //Вестник Волгоградского государственного университета //Экономика. 2020. Т. 22. № 2 3. С. 109–122.

6. Варавин Е.В., Маковецкий М.Ю., Комарова А.С. Проблемы обеспечения перехода к экономике замкнутого цикла //Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2022. № 1 (40) С. 42–51.

7. Кубышкин А.В. Теоретические подходы к регулированию биоэкономики // Lex Genetica. 2024. № 3 (3). С. 7–25.

8. Vivas M.A.U., Amórtegui L.S., Guerrero-García-Rojas H. Understanding the characteristics of the green, circular and bioeconomy models within the context of sustainable development //Energy, Sustainability and Society. – 2025. – № 15. – p. 27.

9. Pforzheimer A., Truelove A. Trash in America. Moving from Destructive Consumption Towards a ZeroWaste System. U.S. PIRG Education Fund. 2021. – 35 p.

10. Хасанова А.Ш., Гамарник И.А. Концептуальные основания «Человека экологического» в России: генезис поведенческих моделей и их влияние на трансформацию персональных финансов //Проблемы современной экономики. 2025. N 3 (95), С. 37–41.

11. Кириллова А.Н., Мусинова Н.Н. Проблемы организации сбора твердых коммунальных отходов в жилой застройке//Вестник университета. 2022. № 2. С. 64–70.

12. Бурматова О.П. Экологическое регулирование на основе наилучших доступных технологий: проблемы и тенденции //Мир экономики и управления. 2023. Т. 23, № 3. С. 21–34.

13. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник / Реймерс Н.Ф. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.

14. Duan Y., Jiang X. Pollution haven or pollution halo? A Re-evaluation on the role of multinational enterprises in global CO_2 emissions. Energy Economics. 2021. 97, 105181. https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105181

15. Экологизация промышленности: инвестиции и технологические тренды в 2025–2026 гг. М.: НИУ ВШЭ, 2026. – 23 с.

16. Батова Н.Н. Институциональные модели экологизации экономики: типология, принципы и сравнительный анализ международных практик //Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом Алейхема. 2026. № 1 (58). С. 120–131.

SUCCESSFUL PRACTICES OF SOCIOECOLOGICAL WELLBEING

Veselova P.A., Krupina N.N.
Saint Petersburg State Agrarian University

The article presents a comparative analysis of successful environmentally oriented scientific approaches, concepts, and models in the context of sustainable development. The essential characteristics, technological features, interrelationships, and consequences of environmentally oriented social practices in achieving balanced economic growth are discussed and summarized. The methodological basis of the study was the systems approach and general logical methods of comparative analysis; the information basis consisted of regulatory legal acts, scientific works, and online resources. A description is provided of eleven modern practices for greening the living environment, covering the following aspects: accessibility, regulatory support, results and effects, and companies that have adopted the technologies. The novelty of the research lies in expanding the understanding of the integration of accumulated ideas and independent naturelike technologies as the foundation for the movement towards ecotechnological social wellbeing. The applied significance lies in presenting a holistic picture of the state of mastered “green” technologies as independent tools for organizing the living environment in accordance with the objectives of the implemented state programmes and national projects aimed at population conservation.

Keywords: sustainable development, greening, naturebased technologies, waste recycling, closedloop production, lean manufacturing, social wellbeing.

References

1. DanilovDanilyan V.I. The State and Problems of Environmental Protection in the Russian Federation //Scientific and Technical Aspects of Environmental Protection. 1995. No. 10. P. 56.

2. Balabanovich O.A. Principles of Sustainable Development as a Strategic Imperative for Business // Bulletin of the State University of Education. Series: Economics. 2025. No. 3. Pp. 32–46.

3. Zakondyrin A.E., Lipina S.A. Environmental Concepts: A Comparative Analysis // Proceedings of the Saint Petersburg State Economic University. 2022. No. 4. Pp. 7–14.

4. Frolov A.S. The Development of the Process of Ecologization of the Economy and Its Significance for the Global Community // Journal of Economic Research. 2021. Vol. 7. No. 4. Pp. 56–65.

5. Lebedeva M.A. Comparative Analysis of Methods for Assessing the Transition to a Green Economy // Bulletin of Volgograd State University //Economy. 2020. Vol. 22. No. 2. Pp. 109–122.

6. Varavarin E.V., Makovetsky M. Yu., Komarova A.S. Problems of Ensuring the Transition to a Circular Economy //Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1. Economics and Management. 2022. No. 1 (40). Pp. 42–51.

7. Kubyshkin A.V. Theoretical approaches to regulating bioeconomics // Lex Genetica. 2024. No. 3 (3). Pp. 7–25.

8. Vivas M.A.U., Amórtegui L.S., Guerrero-García-Rojas H. Understanding the characteristics of the green, circular and bioeconomy models within the context of sustainable development //Energy, Sustainability and Society. – 2025. – № 15. – p. 27.

9. Pforzheimer A., Truelove A. Trash in America. Moving from Destructive Consumption Towards a ZeroWaste System. U.S. PIRG Education Fund. 2021. – 35 p.

10. Khasanova A. Sh., Gamarnik I.A. Conceptual Foundations of the "Ecological Man" in Russia: the Genesis of Behavioral Models and Their Impact on the Transformation of Personal Finance // Problems of Modern Economics. 2025. No. 3 (95), pp. 37–41.

11. Kirillova A.N., Musinova N.N. Problems of organizing the collection of solid municipal waste in residential areas // Vestnik universiteta. 2022. No. 2. Pp. 64–70.

12. Burmatova O.P. Environmental regulation based on the best available technologies: problems and trends //World of Economics and Management. 2023. Vol. 23, No. 3. Pp. 21–34.

13. Rejmers N.F. Prirodopol'zovanie: Slovar'-spravochnik / Rejmers N.F. – M.: Mysl', 1990. – 637 s.

14. Duan Y., Jiang X. Pollution haven or pollution halo? A Re-evaluation on the role of multinational enterprises in global CO_2 emissions. Energy Economics. 2021. 97, 105181. https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105181

15. Ekologizaciya promyshlennosti: investicii i tekhnologicheskie trendy v 2025–2026 gg. M.: NIU VShE, 2026. – 23 s.

16. Batova N.N. Institutional Models of Ecologization of the Economy: Typology, Principles, and Comparative Analysis of International Practices // Vestnik Priamursky State University named after Sholom Aleichem. 2026. No. 1 (58). Pp. 120–131.

Репродуктивные максимы академического сообщества: структурные условия габитуса и границы применимости паттернов (третий этап качественного исследования)

Володин Виталий Николаевич,
аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет

Статья представляет третий этап продолжающегося качественного исследования репродуктивного поведения в академическом сообществе России. Выборка расширена до 19 глубинных полуструктурированных интервью за счёт четырёх информантов с выраженным профессиональным капиталом вне академического поля (юриспруденция, штатная психологическая практика, менеджмент, философия элитного вуза), рекрутированных через тематическое Telegram-сообщество и цепочку рекомендаций. Центральный результат этапа – обнаружение структурного условия, ограничивающего универсальность академического репродуктивного габитуса: диспозиция «сначала статус – потом семья» устойчиво воспроизводится у информантов, для которых аспирантура выступает основным каналом накопления профессионального капитала, и ослабляется либо отсутствует у информантов с независимым внешним статусом. Вводится понятие репродуктивной максимы как субъективно удерживаемого принципа очерёдности между профессиональным становлением и деторождением; показано, что в академическом сообществе сосуществуют как минимум две конкурирующие максимы – последовательная и параллельная. Уточнён концептуальный статус тревоги академического совмещения, гипотезы № 2 и № 3 получают дополнительные подтверждённые механизмы. Теоретическая рамка дополнена концепцией академического капитализма, объясняющей структурную, а не категориальную избирательность габитуса.

Ключевые слова: Репродуктивные максимы, академическое сообщество, академический репродуктивный габитус, тревога академического совмещения, структурный капитал, академический капитализм, качественное исследование.

Введение

Настоящая статья представляет третий этап продолжающегося качественного исследования репродуктивного поведения в академическом сообществе современной России. Первые два этапа [1, 2] выполнены на выборках N = 6 и N = 15 и позволили выявить устойчивый паттерн инверсии связи «диссертация – деторождение» в зависимости от опыта родительства, ввести и операционализировать понятия академического репродуктивного габитуса и тревоги академического совмещения (ТАС), а также зафиксировать структурную неприспособленность академического сообщества к совмещению научной деятельности с родительством.

По итогам второго этапа были сформулированы два направления доработки. Во-первых, целенаправленное расширение вариации выборки за счёт информантов с профессиональным капиталом вне академического поля – практикующих специалистов, для которых аспирантура не выступает основным источником статуса. Во-вторых, соотнесение результатов с более широким корпусом отечественной социологии репродуктивного поведения. В настоящей статье это сделано прежде всего через обращение к работам А.И. Антонова, заложившим методологические основания социологии рождаемости в российской традиции [14], Т.А. Гурко, показавшей институциональную и структурную вариативность форм современного родительства [15], и О.Г. Исуповой, чьи исследования репродуктивных намерений работающих женщин напрямую демонстрируют зависимость репродуктивных решений от профессиональной позиции субъекта [16] – что прямо перекликается с центральной находкой настоящего этапа.

В настоящей статье в качестве объекта исследования последовательно используется понятие академического сообщества, а не академической среды. Сообщество, в отличие от среды, предполагает совокупность позиций с различным объёмом и происхождением капитала, а не однородное пространство унифицированного воздействия. Это терминологическое уточнение продиктовано не соображениями стиля, а непосредственно результатами настоящего этапа: как показано ниже, воздействие академического сообщества на репродуктивные установки его членов оказывается прямой функцией их позиции внутри него.

Цель третьего этапа – установить структурные условия, при которых академический репродуктивный габитус формируется, и границы, за которыми он не воспроизводится; уточнить концептуальный статус тревоги академического совмещения; проверить рабочие гипотезы на расширенном и более гетерогенном по профессиональному профилю материале.

Материалы и методы

Исследование выполнено в качественной парадигме с применением метода глубинного полуструктурированного интервью, как и на предыдущих этапах [1, 2]. Выборка третьего этапа расширена до 19 информантов за счёт четырёх новых участников (табл. 1), рекрутированных методом целенаправленного теоретического отбора через тематическое Telegram-сообщество аспирантов и последующую цепочку рекомендаций: каждому информанту задавался вопрос о знакомых, совмещающих аспирантуру с родительством, либо о бездетных аспирантах.

Таблица 1. Информанты третьего этапа

Имя	Пол	Возр.	Дети	Брак	Профессиональный статус	Регион
Юрий	М	26	Нет	Нет	Аспирант, руководитель отдела маркетинга	Санкт-Петербург
Иван	М	25	Двое	Да	Аспирант (философия), академический отпуск	Рязань → Москва
Рустам	М	25	Нет	Нет	Аспирант, практикующий юрист	Таганрог
Кристина	Ж	28	Есть	Да	Аспирант, штатный психолог-преподаватель	Новороссийск

Отдельного методологического комментария заслуживает способ рекрутинга. Поскольку каждое новое звено цепочечной выборки извлекается из социальной сети предыдущего информанта, такой

способ набора структурно предрасположен к гомофилии – тенденции рекомендовать людей своего круга, – что могло способствовать повышенной однородности выборки первых двух этапов (концентрация в Санкт-Петербурге, преимущественно гуманитарно-социальный профиль). Диверсификация профилей на третьем этапе (Ростовская область, Москва, Новороссийск; юриспруденция, философия, психология) была достигнута отчасти за счёт выхода реферальной цепочки за пределы исходной социальной сети, отчасти – за счёт прямого набора через Telegram-сообщество, не опосредованного личными связями. Обстоятельство обсуждается отдельно в разделе «Ограничения исследования».

Аналитический метод и процедуры обеспечения надёжности – открытое кодирование, группировка кодов в темы, техника отрицательных случаев, пониженный аналитический вес ответов на наводящие вопросы – сохранены без изменений относительно предыдущих этапов [1, 2].

Результаты

Паттерн 1 (уточнение). Структурная избирательность инверсии «диссертация – деторождение»

На первых двух этапах паттерн инверсии демонстрировал высокую устойчивость (14 из 15 информантов). Материал третьего этапа заставляет существенно уточнить условия его воспроизводства: ни один из четырёх новых информантов не подтверждает паттерн в исходной формулировке. На прямой вопрос о значимости достижения академического статуса до рождения ребёнка Рустам отвечает без единой оговорки:

«Нет.»

Иван, уже имеющий двоих детей, разводит эти сферы категорически:

«Нет, никак не связано»

– и относительно гипотетического третьего ребёнка: «я думаю, что это просто не связаны для меня вещи». Кристина формулирует альтернативный принцип прямо:

«Не взаимоисключающие вещи, то есть, всё можно делать параллельно.»

Юрий занимает промежуточную позицию: значимость сохраняется применительно к магистратуре, но не к кандидатской степени – «нет большой разницы, на самом деле, ты получил его до рождения ребёнка или через год после».

Этот результат не является изолированным сбоем на новых данных: он находит опору в пограничных случаях, уже зафиксированных на предыдущих этапах. Захар в исходной выборке был описан как «наиболее пограничный случай» в подтверждающей группе именно потому, что диссертация для него выступает фактором «лишь вторичным образом» [2] – его профессиональная деятельность связана с юридической практикой («являюсь юристом, занимаюсь юриспруденцией») и постепенно смещается в сторону преподавания; информант А – единственное чистое исключение среди девяти бездетных участников второго этапа, с устоявшейся преподавательской позицией. Сопоставление отрицательных и пограничных случаев требует различать два структурно разных типа капитала, смешение которых в предварительном анализе третьего этапа было неточным. Первый тип – рыночный капитал, независимый от академического поля: практикующая юридическая деятельность (Рустам, Захар) и руководящая должность в частной компании (Юрий) – во всех трёх случаях паттерн ослаблен или отсутствует. Второй тип – капитал, накопленный внутри самого академического поля на более ранней его ступени (устоявшаяся преподавательская позиция у информанта А); он структурно ближе к габитусной группе, чем к независимому рыночному капиталу, и не должен смешиваться с первым типом. Иван – частичное исключение из общей закономерности иного рода: его профессиональный путь остаётся последовательно академическим, и его отход от паттерна, по-видимому, объясняется не капиталом, а осознанным приоритетом семьи над академическим графиком в ситуациях прямого конфликта между ними. Случай Кристины требует отдельного рассмотрения.

Кристина на прямой вопрос об очерёдности отвечает так же, как Рустам и Иван: «не взаимоисключающие вещи, то есть, всё можно делать параллельно». Однако на гипотетический вопрос о том, что психологически тяжелее – не защитить диссертацию или не родить второго ребёнка, – она без колебаний называет диссертацию: «наверное, самое больное из этого, это не получить степень кандидата наук… больше всего, по моему самолюбию, ударит отсутствие кандидатской», тогда как отсутствие второго ребёнка называет обстоятельством, которое она «переживёт». При этом её текущая преподавательская позиция не является независимым от академического поля капиталом в том смысле, в каком им является практика Рустама или должность Юрия: по её словам, руководитель прямо обусловила продолжение преподавания получением степени («если ты хочешь дальше преподавать, то нужна аспирантура»). Случай Кристины показывает не ослабление габитуса под действием независимого капитала, а его расщепление на два не связанных между собой измерения: убеждение об очерёдности деторождения и академического статуса (которое она отвергает) и интенсивность личной инвестиции в сам статус (которая у неё сопоставима с габитусной группой, а не с Рустамом или Юрием). Эти два измерения в предыдущих версиях анализа не различались.

Уточнённая формулировка. Инверсия связи «диссертация – деторождение» воспроизводится преимущественно у информантов, для которых академическая карьера выступает основным, а не дополнительным каналом накопления профессионального статуса; при наличии независимого от аспирантуры источника статуса паттерн ослабляется вплоть до полного отсутствия.

Паттерн 2 (уточнение). Академический репродуктивный габитус как структурно, а не категориально обусловленная диспозиция

Аналогичная логика применима к академическому репродуктивному габитусу. Расширенная бездетная группа (Захар, Валерия, Дмитрий, Диана, Артём, Вера, Александр, Марина, А, Юрий, Рустам – 11 человек) демонстрирует габитус уже не в 8 из 9, а фактически в 8 из 11 случаев. Юрий и Рустам объясняются тем же независимым рыночным капиталом, что и пограничный случай Захара; исключение А, как показано выше, имеет структурно иную природу (внутриакадемический, а не рыночный капитал) и не должно сводиться к тому же механизму без дополнительной проверки.

Уточнённая формулировка. Академический репродуктивный габитус – не универсальное свойство статуса «аспирант», а структурно обусловленная диспозиция, формирующаяся при условии, что академическое поле выступает основным полем накопления статусного капитала субъекта. При наличии независимого от аспирантуры источника профессионального статуса габитус не формируется либо проявляется в ослабленной, пограничной форме.

Паттерн 3. Тревога академического совмещения (ТАС): пересмотр условий применимости

Первоначальная операционализация ТАС через четыре индикатора [2] предполагала, что синдром характерен для бездетных аспирантов как категории. Материал третьего этапа показывает, что определяющий индикатор ТАС – откладывание репродуктивного решения до наступления академического события – не воспроизводится ни у одного из двух новых бездетных информантов в полном объёме. При этом отдельные индикаторы могут проявляться изолированно и по иному основанию: Рустам демонстрирует низкую восприимчивость к мерам поддержки (индикатор 2), однако не потому, что его установка диспозиционна, а в силу общего скепсиса относительно способности институциональной политики влиять на такие решения в принципе – механизм, не описанный в исходной операционализации (см. паттерн 5).

Поскольку ТАС теоретически обоснован как производная академического репродуктивного габитуса и требует уже сформированной диспозиции «сначала статус», сужение условий применимости габитуса (паттерн 2) автоматически сужает и условия применимости ТАС. Понятие сохраняет объяснительную силу, но нуждается в явном указании границы: ТАС характеризует не бездетных аспирантов как категорию, а ту их часть, для которой аспирантура выступает основным источником профессионального статуса. Такое уточнение не ослабляет притязание понятия на статус самостоятельного социологического конструкта, а укрепляет его: явно очерченные условия применимости – признак зрелого понятия, а не его дефект.

Паттерн 4. Гендерная асимметрия барьеров

Новые данные не позволяют содержательно уточнить паттерн гендерной асимметрии: среди четырёх новых информантов представлена только одна женщина (Кристина), и материала одного случая недостаточно ни для подтверждения, ни для опровержения паттерна. Проверка гендерной асимметрии на расширенной и гендерно сбалансированной выборке остаётся задачей последующих этапов.

Паттерн 5 (расширение). Дифференцированная восприимчивость к поддержке: четвёртый субтип

К трём субтипам восприимчивости, зафиксированным на втором этапе – восприимчивые, отвергающие (диспозиционный барьер), безразличные, – материал третьего этапа добавляет четвёртый: «скептики эффективности». Рустам не демонстрирует ни диспозиционного барьера (паттерн 2 у него не воспроизводится), ни безразличия к теме – напротив, разворачивает детальную критику институциональных требований

аспирантуры (нормативное число источников, требования системы антиплагиата), – но полагает, что адресные меры поддержки в принципе не способны повлиять на решение о создании семьи:

«В текущих точно нет, это никак не поможет… [научная, педагогическая среда] не может предложить… ничего такого существенного, чтобы переломило решение человека».

В отличие от диспозиционного барьера, где нерелевантность поддержки вытекает из личной установки на очерёдность, здесь она вытекает из общего представления о пределах институциональной политики как таковой – гипотеза, имеющая самостоятельное практическое значение: для этой группы задача поддержки состоит не в расширении мер, а в повышении доверия к самому инструменту.

Паттерн 6 (подтверждение). Структурная неприспособленность

Паттерн структурной неприспособленности академического сообщества к совмещению с родительством получает независимое подтверждение. Рустам детально описывает бюрократические требования к диссертационному исследованию как самостоятельный барьер, не связанный с деторождением напрямую, но осложняющий совмещение любой внеакадемической деятельности с аспирантурой. Иван иллюстрирует институциональный уровень паттерна практическим случаем: отсутствие приемлемых условий совмещения аспирантуры с родительством в месте обучения стало одной из причин переезда семьи и оформления академического отпуска. Оба случая независимо друг от друга описывают проблему в структурных, а не в репродуктивных терминах, что согласуется с двухуровневой трактовкой паттерна, предложенной на втором этапе.

Паттерн 7 (подтверждение). Слабое социальное давление

Паттерн подтверждается на новом материале: Иван и Рустам сообщают об отсутствии давления, Кристина фиксирует давление со стороны дальних родственников, не повлиявшее на её решения, – что соответствует уже описанной картине «преобладающего, но не универсального» паттерна. Юрий описывает специфический случай, не сводимый ни к семейному, ни к общественному давлению в исходной операционализации, – ощутимое давление со стороны партнёрши, связанное с восприятием ею биологического дедлайна. Случай предполагает целесообразность выделения давления со стороны партнёра как самостоятельной категории, отличной от семейного и общественного.

Обсуждение

Верификация и уточнение рабочих гипотез

Гипотеза № 1 окончательно не верифицируема по итогам имеющихся данных. При этом, материал третьего этапа последовательно не противоречит ей: ни один из 19 информантов не называет западные культурные образцы источником собственного репродуктивного решения. Отдельного уточнения требует Кристина, которая, как ранее Захар и Диана [2], апеллирует к «западному веянию» – но исключительно при объяснении общественной тенденции к откладыванию рождения детей и эгалитарной нормы отношений в целом, а не при объяснении собственной установки: её личная логика («не взаимоисключающие вещи… можно делать параллельно») строится через отца, поддержку родителей и понимающих коллег, без обращения к западным образцам.

Гипотеза № 2 получает дополнительное уточнение: к двум ранее описанным механизмам нерелевантности институциональной поддержки – диспозиционному барьеру и структурной неприспособленности среды – добавляется третий, обнаруженный у Рустама: общий скепсис относительно способности институциональной политики влиять на подобные решения, не связанный с наличием барьера как такового. Скорректированная формулировка: адресная институциональная поддержка эффективна для информантов с инструментально-экономическим барьером при условии её проактивной доставки; нерелевантна для информантов с диспозиционным барьером независимо от объёма; и отдельно нерелевантна для информантов, скептически оценивающих саму способность институтов влиять на решения такого рода.

Гипотеза № 3 получает содержательное, но более точечное развитие, чем казалось при первом прочтении материала. Случай Ивана даёт реальный, а не гипотетический эпизод: во время написания и защиты обеих магистерских диссертаций (его собственной и супруги) с новорождённым ребёнком обязанности по уходу действительно чередовались – «жена сидела с ребенком, пока я писал диссертацию… я сидел с ребенком, пока жена писала диссертацию» – без институциональной поддержки и без выраженной жертвы академическими амбициями. Это следует отличать от нынешней ситуации Ивана (второй ребёнок), которую он сам описывает как более традиционную по распределению обязанностей, с симметрией как декларируемым намерением на будущее, а не пережитым фактом: «я работаю, и жена не работает в данный конкретный момент… когда жена выйдет на работу, я с удовольствием отдам какую-то часть своей работы». Эпизодический, а не устойчивый характер этого случая не отменяет его доказательной силы, но требует более осторожной формулировки, чем в предварительной версии анализа. Ранее описанные модели мобилизующего эффекта (Ольга) и параллельности с жертвами (Михаил, Павел, Егор) остаются в силе. Скорректированная формулировка: синергия академической карьеры и родительства достижима как минимум тремя путями – через институциональную поддержку, устраняющую объективные барьеры; через сознательное снижение академических амбиций; и, по крайней мере эпизодически, в периоды пиковой академической занятости – через временное перераспределение нагрузки между партнёрами.

Теоретическая интерпретация: репродуктивные максимы и структура поля

Результаты третьего этапа требуют пересмотра теоретического статуса центральной находки исследования. Первые два этапа описывали инверсию «диссертация – деторождение» и академический репродуктивный габитус как относительно универсальные свойства академического сообщества. Материал третьего этапа показывает, что корректнее говорить не об одном габитусе, а как минимум о двух конкурирующих репродуктивных максимах – субъективно удерживаемых принципах очерёдности между профессиональным становлением и деторождением, – сосуществующих в одном сообществе. Последовательная максима («сначала статус – потом семья») интериоризирована информантами, для которых аспирантура – основной канал накопления капитала; параллельная максима («статус и семья не исключают друг друга») характерна для информантов с независимым внешним капиталом. Обе максимы удовлетворяют бурдьёвскому критерию габитуса – воспроизводятся при осознанной рефлексии субъекта и не сводятся к рациональному расчёту, – но привязаны к разным позициям в поле, а не к факту членства в академическом сообществе как таковом.

Этот вывод согласуется с логикой концепции П. Бурдьё [9], но требует эксплицитного дополнения, остававшегося на периферии первых двух этапов: объяснения того, почему именно позиция определяет максиму. Здесь продуктивна неомарксистская рамка академического капитализма Ш. Слотер и Г. Роудс [17]: университет как институция заинтересован в максимизации отдачи от аспиранта в период, наиболее продуктивный для производства научного текста, и структурно поощряет – не декларативно, а через нормативные сроки, публикационные требования и логику диссертационного производства – отсрочку конкурирующих с этой продуктивностью жизненных проектов именно у тех аспирантов, чья материальная и статусная зависимость от институции не компенсируется внешним капиталом. Информант, обладающий независимым профессиональным статусом, в меньшей степени уязвим для этого структурного давления просто потому, что его экономическое и символическое благополучие не определяется исключительно академической институцией. Хабермасовская колонизация жизненного мира [8] и неомарксистская интерпретация академического капитализма [17] оказываются, таким образом, не альтернативными, а взаимодополняющими объяснениями одного механизма: первая описывает сам факт системного давления, вторая – почему это давление избирательно по капиталу субъекта, а не универсально по формальному статусу.

Отдельного комментария заслуживает концепция «экономизации» репродуктивного решения А. Стинчкомба [13], введённая на первом этапе для описания случая Захара, но не получившая дальнейшего развития на втором. На третьем этапе она находит более систематическое подтверждение: инструментально-экономическая рамка объединяет не только Захара, но и часть аргументации Рустама, – что оправдывает возвращение этой концепции в постоянный аналитический аппарат исследования.

Теоретическое насыщение и статус паттернов

По результатам трёх этапов (N = 19) распределение паттернов по степени насыщения требует уточнения. Паттерны 6 (структурная неприспособленность) и 7 (слабое давление) подтверждают статус насыщенных: новые информанты не добавили принципиально новых категорий. Паттерны 1 и 2, ранее приближавшиеся к насыщению, требуют пересмотра статуса: обнаруженное структурное условие – не шум и не артефакт малой выборки, а содержательная граница применимости, для устойчивой верификации которой необходима выборка, целенаправленно стратифицированная по типу профессионального капитала, а не только по наличию детей, полу, региону и дисциплине. ТАС сохраняет статус рабочего понятия с явно суженной сферой применения. Паттерн 5 требует включения четвёртого субтипа в постоянную операционализацию.

Итоговые выводы

Первый вывод. Академический репродуктивный габитус – не универсальное свойство статуса «аспирант», а структурно обусловленная диспозиция, формирующаяся при условии, что академическое поле выступает основным, а не дополнительным каналом накопления профессионального капитала субъекта. Статус вывода на данном этапе – рабочая гипотеза, а не строгий результат: она опирается на три чистых случая независимого рыночного капитала (Рустам, Юрий и пограничный случай Захара) и требует проверки на выборке, целенаправленно стратифицированной по типу капитала.

Второй вывод. В академическом сообществе сосуществуют как минимум две конкурирующие репродуктивные максимы – последовательная и параллельная, – распределённые по структурной позиции субъекта в поле, а не по формальному академическому статусу. Понятие репродуктивной максимы точнее описывает эмпирическую картину, чем единый универсальный габитус.

Третий вывод. Тревога академического совмещения сохраняет объяснительную силу как понятие, но применимо к той части бездетных аспирантов, для которой верны условия первого вывода; понятие нуждается в эксплицитной границе применимости, а не в отказе от статуса самостоятельного конструкта.

Четвёртый вывод. Нерелевантность институциональной поддержки имеет как минимум три различных механизма – диспозиционный барьер, структурную неприспособленность среды и общий скепсис относительно институциональной политики как таковой, – каждый из которых требует различного практического ответа.

Пятый вывод. Синергия академической карьеры и родительства достижима не только ценой снижения амбиций или за счёт институциональной поддержки, но и через симметричное распределение нагрузки между партнёрами – путь, ранее не зафиксированный в выборке.

Ограничения исследования

Несмотря на диверсификацию профессионального профиля, выборка остаётся дисциплинарно и регионально ограниченной: технические и естественнонаучные специальности по-прежнему представлены одним информантом (Ольга, медицина); большинство участников – из Санкт-Петербурга (11 из 19). Метод цепочечного рекрутинга через рекомендации создаёт структурный риск гомофилии, который мог способствовать первоначально завышенной оценке универсальности паттернов 1 и 2 и который не устраняется полностью переходом на смешанный набор через Telegram-сообщество. Гендерный состав новых информантов (три мужчины, одна женщина) не позволяет содержательно уточнить паттерн гендерной асимметрии. Понятие типа профессионального капитала, введённое в настоящей статье, носит рабочий характер: различение рыночного и внутриакадемического капитала, а также обнаруженное на случае Кристины расщепление убеждения об очерёдности и интенсивности инвестиции в статус, нуждаются в операционализации через отдельные наблюдаемые индикаторы для использования на следующих этапах, в том числе при переходе к количественной верификации.

Заключение

Третий этап исследования, расширивший выборку до 19 глубинных интервью за счёт целенаправленно диверсифицированных по профессиональному профилю информантов, показал, что центральная находка первых двух этапов – универсальный академический репродуктивный габитус – нуждается в структурном уточнении, а не в отказе. Понятие репродуктивной максимы, введённое на настоящем этапе, позволяет описать сосуществование двух конкурирующих принципов очерёдности в одном сообществе и связать это сосуществование с позицией субъекта в поле, а не с формальной академической идентичностью. Тревога академического совмещения и гипотезы о роли институциональной поддержки и синергии получают уточнённые, более узкие, но и более защитимые формулировки. Дальнейшее исследование предполагает целенаправленную стратификацию выборки по типу профессионального капитала и, в соответствии с рекомендацией научного руководителя, переход к экспертным интервью с руководителями образовательных программ для сопоставления субъективных максим информантов с институциональной перспективой.

Литература

1. Володин В.Н. Паттерны репродуктивного поведения в академическом сообществе современной России: качественное исследование // Социология. – 2026. – № 4. – С. 168–173.

2. Володин В.Н. Академическая карьера и репродуктивное поведение в российской академической среде: результаты второго этапа качественного исследования // Социология. – 2026. – № 5. – С. 221–228.

3. Захаров С.В. Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 3. С. 6–38.

4. Синельников А.Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36–48.

5. Ипатова А.А., Тындик А.О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. Т. 24. № 4. С. 123–148.

6. Mason M.A., Goulden M. Do Babies Matter? The Effect of Family Formation on the Lifelong Careers of Academic Men and Women // Academe. 2002. Vol. 88. № 6. P. 21–27.

7. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.

8. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. № 2. P. 77–101.

9. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System. Boston: Beacon Press, 1987. 457 p.

10. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. 340 p.

11. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.

12. Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.

13. Stinchcombe A.L. Stratification and Organization. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 292 p.

14. Антонов А.И. Социология рождаемости: теоретические и методологические проблемы. М.: Статистика, 1980. 271 с.

15. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.

16. Исупова О.Г., Уткина В.В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 69–88.

17. Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 384 p.

REPRODUCTIVE MAXIMS OF THE ACADEMIC COMMUNITY: STRUCTURAL CONDITIONS OF HABITUS AND THE LIMITS OF PATTERN APPLICABILITY (THIRD STAGE OF A QUALITATIVE STUDY)

Volodin V.N.
St. Petersburg State Economic University

The article presents the third stage of an ongoing qualitative study of reproductive behavior in the Russian academic community. The sample is expanded to 19 in-depth semi-structured interviews through four informants holding professional capital outside the academic field (law, staff psychological practice, management, philosophy at an elite university), recruited through a Telegram community and a referral chain. The central finding of this stage is the discovery of a structural condition limiting the universality of the academic reproductive habitus: the disposition "status first, family after" is reproduced consistently among informants for whom postgraduate study is the primary channel of professional capital accumulation, and weakens or is absent among informants with independent external status. The concept of a reproductive maxim is introduced as a subjectively held principle of sequencing between professional formation and childbearing; the academic community is shown to host at least two competing maxims – sequential and parallel. The conceptual status of academic combination anxiety is refined, and Hypotheses 2 and 3 receive additional confirmed mechanisms. The theoretical framework is supplemented with the concept of academic capitalism, which explains the structural, rather than categorical, selectivity of the habitus.

Keywords: reproductive maxims, academic community, academic reproductive habitus, academic combination anxiety, structural capital, academic capitalism, qualitative research.

References

1. Volodin V.N. Patterns of Reproductive Behavior in the Academic Community of Modern Russia: A Qualitative Study // Sociology. – 2026. – No. 4. – Pp. 168–173.

2. Volodin V.N. Academic Career and Reproductive Behavior in the Russian Academic Environment: Results of the Second Stage of a Qualitative Study // Sociology. – 2026. – No. 5. – Pp. 221–228.

3. Zakharov S.V. Modest Results of Pronatalist Policy Against the Background of Long-Term Evolution of the Fertility in Russia. Part 1 // Demographic Review. 2016. Vol. 3. No. 3. Pp. 6–38.

4. Sinelnikov A.B. Isolation of Generations in Families as a Factor in Declining Fertility // Sociological Studies. 2022. No. 5. Pp. 36–48.

5. Ipatova A.A., Tyndyk A.O. Reproductive Age: The 30-Year Milestone in Preferences and Biographies // Mir Rossii. 2015. Vol. 24. No. 4. Pp. 123–148.

6. Mason M.A., Goulden M. Do Babies Matter? The Effect of Family Formation on the Lifelong Careers of Academic Men and Women // Academe. 2002. Vol. 88. No. 6. Pp. 21–27.

7. Kvale S. Research Interview. Moscow: Smysl, 2003. 301 p.

8. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. P. 77–101.

9. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System. Boston: Beacon Press, 1987. 457 p.

10. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. 340 p.

11. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.

12. Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.

13. Stinchcombe A.L. Stratification and Organization. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 292 p.

14. Antonov, A.I. “Sociology of Fertility: Theoretical and Methodological Problems.” Moscow: Statistika, 1980. 271 p.

15. Gurko, T.A. “Marriage and Parenting in Russia.” Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2008. 325 p.

16. Isupova, O.G., Utkina, V.V. “Women in Public Service in Russia: Career, Family, and Reproductive Intentions.” Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. No. 6. pp. 69–88.

17. Slaughter, S., Rhoades, G. “Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education.” Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 384 p.

Образование как предмет экофилософско-антропологического анализа в контексте проблем кризиса современного мира

Гасанова Рената Рауфовна,
кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры управления образовательными системами, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: renata_g@bk.ru

Образование исследуется как социокультурный процесс, в котором воспроизводятся не только знания и профессиональные умения, но и образ человека, способы его отношения к культуре, обществу, природе и технологиям. Актуальность исследования обусловлена противоречием между расширением информационно-технологических возможностей образования и сужением его целей до подготовки функционально эффективного специалиста. Выделены институционально-функциональная, личностно ориентированная и культурно-экологическая модели понимания образования. Показано, что их эвристический потенциал раскрывается при анализе цифровизации и искусственного интеллекта, антропологической трансформации и онтологически-ценностного кризиса современности. Обосновано, что конструктивность экофилософско-антропологического подхода состоит в соединении развития субъектности, ценностного отношения к бытию и ответственности за целостность природного и культурного мира.

Ключевые слова: образование, социальная философия, философская антропология, личностно ориентированное образование, экофилософия, искусственный интеллект, цифровизация, антропологическая трансформация, ценности, образование для устойчивого развития.

Одной из характерных тенденций развития современной социокультурной системы является противоречие между объективным расширением возможностей образования и сужением представлений о его назначении. Никогда прежде человечество не обладало столь мощными средствами производства, хранения и распространения знаний. Однако доступность информации сама по себе не формирует способность понимать ценность жизни, соотносить текущее действие с его отдалёнными последствиями, различать ценность и полезность, принимать ответственность за другого человека, за культурный и природный мир. Более того, образование всё чаще описывается языком услуги, индивидуальной инвестиции, набора компетенций и измеримых результатов. Такая редукция делает периферийным главный вопрос: какой тип человека и какого рода общественные связи воспроизводит такая образовательная система.

Речь идёт не просто об очередном локальном кризисе школы или университета, устранимом обновлением программ и цифровой инфраструктуры. Искусственный интеллект, при всех его продуктивных возможностях, все интенсивнее изменяет распределение интеллектуальных функций между человеком и техническими системами; цифровые платформы перестраивают содержание самих процессов коммуникации и социализации: ускоренное потребление информации ослабляет способность к глубокому ее изучению, поиску неочевидных связей, самостоятельной интерпретации и критическому осмыслению. Эти процессы соединяются с релятивизацией представлений о природе человека и утратой целостной картины мира при все большей фрагментации и появлении «информационных пузырей» – той ценностной, смысловой, образной информации, в которую погружен пользователь благодаря массовой культуре и алгоритмам многих социальных медиа. В зависимости от предпочтений, пользователь получается такую информацию, которая позволяет ему оставаться дольше в смысловом пространстве выбранного канала. Образование, поэтому, оказывается одновременно включённым в различные аспекты современного кризиса, но оно способно воздействовать на его мировоззренческие основания.

Предметом социально-философской рефлексии, исходя из этого, может стать не только устройство образовательных институтов, но и заключённый в них философско-антропологическое основание. Любая модель образования отвечает на вопросы о сущности человека, границах его свободы, соотношении знания и нравственности, профессиональной эффективности и культурной зрелости. Она может задавать самые разные, в т.ч. противоречивые представления о человеке в зависимости от целеполагающих стратегий: как о потребителе образовательных возможностей или исполнителе профессиональных функций, либо, с другой стороны, воспроизводить субъект культуры, способный к жизнетворческим и жизнесохраняющим принципам своей деятельности, к преобразованию мира без разрушения оснований жизни. В связи с этим задача статьи состоит в уточнении сущности образования через анализ соотношения сложившихся философско-образовательных школ и выявление их потенциала применительно к цифровизации и онтологически-ценностному кризису.

Понятийная точность в определении образования здесь имеет принципиальное значение. Так, В.М. Полонский рассматривает образование многомерно: в широком и узком смыслах. В широком смысле оно представляет собой «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах личности, общества и государства», и в узком – как «учебно-воспитательный процесс, осуществляемый в образовательных учреждениях (институтах) с помощью специальных программ, методов, целей в рамках определенного содержания образования». [1, с. 33]. Существенно здесь то, что качество образования В.М. Полонский связывает с достигнутым уровнем знаний и умений, умственного, физического и нравственного развития в соответствии с планируемыми целями обучения и воспитания. Для социально-философского анализа важно, что эти цели и критерии качества не являются нейтральными: они социально обусловлены и заключают в себе определённые представления о человеке и желаемых результатах его развития. Поэтому исследование сущности образования предполагает анализ не только организации учебно-воспитательного процесса, но и ценностных оснований, определяющих его направленность, условия социального и личностного прогресса или редукции.

Одним из дискуссионных вопросов здесь оказывается переход к компетентностной модели образования и понимаемых в ней критериев качества. «Переход от знаниевой к компетентностной парадигме образования обострил дискуссию относительно понятия качества образования. Качество уже не связывается напрямую с фундаментальностью, сбалансированным присутствием в учебных программах фундаментальных и прикладных наук, акцент делается на практическую применимость знания. На периферии образования оказываются глобальные вопросы и теории». [2, с.14]

Пределом такой редукции, как показывает Е.В. Брызгалина, оказывается широкое распространение рыночного отношения к образованию. «Падению интереса к фундаментальному знанию способствует распространение прагматического отношения к изучаемому среди обучающихся. Рыночное отношение к образованию как к услуге провоцирует обучающегося на отказ от «лишнего», по его мнению, знания. Обучающийся рассуждает так: «Если я покупаю некоторый товар – образование, то его рыночная стоимость для меня определяется тем, как его можно продать будущему работодателю. Зачем платить деньгами, своим временем, усилиями за невостребованное знание?» [2, с. 14–15]. Проблема здесь не в профессиональной направленности самой по себе, а в превращении полезности в единственный критерий содержания, при котором фундаментальное знание, историческая память и нравственная рефлексия объявляются избыточными. Такое отношение ведет к все большему распространению «профанного знания», сложный феномен которого исследовали В.В. Миронов и Е.В. Брызгалина.

Так, «профанное знание», «носитель профанного знания» и его синонимы («человек с улицы», «неспециалист», «любитель», «дилетант»), которое ранее означало непричастность человека к специализированному экспертному знанию, чаще понимаемому как собственно научное знание, и указывают на необходимую включенность носителя такого знания в процесс получения знаний, подразумевает обязательную выработку личностного и коллективного отношения к знаниям и технологиям, готовность (неготовность) к присвоению научных и технологических достижений на личном и общественном уровнях. Серьезные жизненные проблемы возникают в связи с развитием науки и технологий в таких областях, которые порождают ситуации необходимого личностного выбора для множества субъектов, а не только для элиты общества, обладающей профильными знаниями и развитыми навыками принятия рациональных решений». [3, с. 111]

Личностно-ориентированная и культурологическая школа предлагает другой критерий образовательного результата. В концепции Е.В. Бондаревской личностно-ориентированное образование не сводится только к передаче знаний и не предполагает формирования субъекта по заранее заданным параметрам. Его задача – создать условия, в которых он сможет проявить себя как самостоятельный творческий субъект собственной жизни и культуры; отсюда идеал «человека культуры», соединяющего свободу, нравственность, духовность и творчество. [4]

Схожую позицию в рамках личностно ориентированного подхода развивает В.В. Сериков [5], однако особое внимание он уделяет развитию конкретных личностных функций – способности к выбору, рефлексии, смыслотворчеству, ответственности и самостоятельной оценке предлагаемых норм. Эти качества в процессе образования формируются в специально создаваемых педагогических ситуациях, требующих от учащегося занять собственную позицию и осознанно принять решение. Таким образом, здесь личностно-ориентированный подход направлен на развитие эвристических качеств личности, его самоопределения и критического мышления.

Третья линия представлена концепцией образования для устойчивого развития и логикой гуманитаризации экологического образования. Ю.Л. Мазуров подчёркивает: «принятие и продвижение в России глобального проекта устойчивого развития – это уникальная возможность возвысить статус образования как цивилизационного института. Кроме того, это реальный шанс демонстрации потенциала науки современному обществу и широкого внедрения в него экологической культуры как необходимого элемента системы знаний и навыков, обеспечивающих подлинную устойчивость и благополучие социума». [6, с.523].

Перспективным в этом отношении оказывается опыт экологического образования в Японии, уже подтвердивший свою продуктивность, в том числе, для экономической системы страны. Так, «сложившуюся в стране систему образования принято считать одной из главных составных частей японского «экономического чуда». Но Япония – это ещё и родина «экологического чуда», явление которого также связано с образованием вообще и с той его специфической отраслью, которая получила название «экологическое образование». [7, с.141]. В качестве примера одного из элементов всеобщего экологического образования в Японии можно привести Закон 2003 года о повышении мотивации в отношении охраны окружающей среды и продвижения экологического образования. «В документе прописаны три основные цели: 1) создание общества, которое живёт по принципам рециклирования ресурсов и оказывает минимальное негативное воздействие на окружающую среду, 2) охрана природной среды и 3) создание системы «природоохранного» образования (conservation education). Сюда, по-видимому, входит не только формальное образование, но и экологическое воспитание и просвещение». [7, с.142]

Е.Н. Дзятковская, рассматривая и исследуя концепцию экологического образования, связывает его обновление с переходом от передачи отдельных знаний об охране природы к формированию экологической культуры личности. «Концепция экологического образования 2022 года подтвердила ориентацию экологического образования на достижение экологической культуры обучающихся как интегрального результата непрерывного экологического образования. Появились и новые понятия: базовая модель экологической культуры; эколого-культурная грамотность; внутренняя позиция личности» [8, с. 118]

Таким образом, речь идёт не о перечне конкурирующих определений, а о трёх уровнях образования: социально-институциональном, личностно-ориентированном и экологическом. Их эвристическая ценность раскрывается при анализе конкретных кризисных процессов. Цифровая эффективность без личностной автономии усиливает зависимость от технических и платформенных решений и риски потери аутентичности; развитие личности без общественной ответственности ведёт редукции социальных связей и распространению эгоцентричного индивидуализма; экологическая осведомленность без научной фундаментальности и опыта действия остается нарративом без реализации.

Наиболее очевидным аспектом проблемы кризиса современного мира становится внедрение искусственного интеллекта. В институциональной логике образования ИИ открывает возможности персонализации обучения, анализа данных субъекта и автоматизации рутинных операций для более эффективного освоения знаний. Однако Е.В. Брызгалина права, когда показывает, что его применение затрагивает автономность и ответственность субъектов, социализацию, статус персональных данных и саму антропологическую сущность образования [9]. Поэтому вопрос состоит не в выборе между запретом и безусловным принятием технологии, а в определении границ делегирования человеческих функций и ответственности за результаты обращения к функциям ИИ.

Эту границу позволяет конкретизировать личностно-ориентированный подход. Если обучение сводится только к поиску информации и воспроизведению типового продукта, формированию личности в массовой культуре, алгоритм закономерно оказывается эффективнее человека. Но образование включает целеполагающие и онтологически основания, постановку смысло-жизненных вопросов, выбор методов, авторскую позицию и ответственность за последствия решений. Использование ИИ становится продуктивным образовательным инструментом лишь тогда, когда обучающийся способен проверить его выводы, обнаружить допущения и обосновать собственное решение. Поэтому цифровая персонализация, адаптирующая контент к поведенческому профилю, ещё не является основой личностной ориентации.

Человекоцентричный подход ЮНЕСКО также связывает применение генеративного ИИ с сохранением человеческого достоинства и ответственности [10]. Так, в официальном Руководстве ЮНЕСКО по использованию генеративного ИИ в образовании и научных исследования 2023 года акцентируется, что ведущим в отношении ИИ является «человеко-центричный подход, провозглашающий, что использование ИИ должен служить развитию человеческих способностей во имя инклюзивного, справедливого и устойчивого будущего. Такой подход должен руководствоваться принципами прав человека, необходимостью защиты человеческого достоинства и культурного разнообразия, формирующего общее достояние знаний». [10, с.18]

Цифровизация является частью более широкой антропо-био-социо-культурной трансформации, так называемой антропологической революции НБИК(С) проектов, стремящихся интегрировать человека и машину с целью совершенствования человеческих возможностей. Такая трансформация, которая уже активно происходит во всем мире, ставит вопросы уже не столько прикладные, сколько онтологические – о смысле и переосмыслении сущности человека, его бытия, смысло-жизненных ориентиров. С.С. Аванесов и Е.И. Спешилова отмечают: «главное, что важно понимать, приступая к гуманитарной (то есть человеческой) экспертизе: не от строгого определения человека определяется его ситуация, но от его ситуации постоянно достраивается его нестрогое определение. Человек не есть точно определённое сущее, с которым что-то случается в результате воздействия

на него извне. Любое такое «внешнее воздействие» может рассматриваться лишь как способ или этап продолжающегося деятельного человеческого самоопределения». [11, с. 24].

Следовательно, образование сталкивается не просто с новой технологией, а с изменением представлений о самом бытии, о мышлении, творчестве, разуме, памяти, авторстве и коммуникации. В этом контексте цифровые компетенции, осваиваемые на институциональном уровне, обретают подлинную глубину лишь в сопряжении с рефлексией о принципах работы и имманентных ограничениях самих образовательных систем. На уровне личностно-ориентированного подхода ключевым вызовом оказывается не столько адаптация к инструментам цифровизации – в этом как раз проблем нет, – сколько удержание субъектности и автономии мышления самого субъекта образования. Культурологическое же измерение образования актуализирует проблему герменевтической состоятельности: способность к интерпретации многомерных текстов и контекстов и различению собственно человеческого смысла и формально связной, но семантически пустой симуляции. Именно это оказывается одним из фундаментальных условий сохранения самоидентичности человека. Вопрос о том, чему может научить машина или ИИ, тем самым преобразуется в вопрос о том, каким человеком становится обучающийся во взаимодействии с ней.

Исследование школ с названными проблемами современного кризиса позволяет уточнить цель современного образования. Она не сводится ни исключительно к адаптации к рынку труда, ни к усвоению сложившихся норм. В предельном выражении речь идет о становлении субъекта, владеющего фундаментальным знанием и профессиональным способом действия, способного к самостоятельному суждению, укоренённого в культуре и видящего последствия принимаемых решений в системе многообразных связей. Подобный вектор предполагает не бесконечное приращение компетенций, а выстраивание целостной системы, в которой технологии и квалификации подчинены личностному и общественному смыслу и ориентации на культурный прогресс.

Среди подходов, позволяющих удержать антропологическое измерение образования в ситуации стремительных сдвигов, выделяется экофилософско-образовательная концепция. Эвристический потенциал этой модели для образования связан с принципиальной сменой масштаба субъекта и выделением, анализом его жизнесохраняющих и человеко-совершенствующих оснований. Так, Э.В. Баркова определяет экофилософию как «направление философского знания, ориентированное на исследование фундаментальных связей человека, природы, культуры, общества и Вселенной в их целостности и всеобщности, восстанавливающее статус нормативности и самоценности бытия, жизни, истины, связей относительного с абсолютным, а преходящего с не снимаемым, вечным и бесконечным». [12, с. 63].

Применительно к образовательной сфере такой подход задаёт принципиально иной критерий качества: оно определяется не столько объёмом транслируемой информации или технологической эффективностью, сколько тем, какой образ человека и какой тип отношений – с природой, культурой, обществом и собственным внутренним миром – выстраивает образовательный процесс. Речь идёт о формировании творческого субъекта, способного удерживать целостность и связи форм бытия и соизмерять принимаемые решения с императивом жизнесбережения. Принципиальными для этого оказываются категории бытия, жизнетворчества, будущего человека, жизни, здоровья, счастья, мечты.

Экофилософско-антропологическая перспектива связывает выводы рассмотренных философско-образовательных школ, сохраняя общественную значимость образования, приоритет субъектности, культурную укоренённость человека на родной Земле и критерий совместимости деятельности с сохранением жизни. В экофилософии такой синтез выражен через идею жизнетворческого освоения мира, объединяющего знание, чувство, ценность и действие. При этом данный подход не является готовой педагогической методологией или технологией. Его продуктивность состоит в постановке критерия: расширяет ли образовательное решение человеческую субъектность, поддерживает ли культурные и социальные связи, сохраняет ли возможность человекоцентричного будущего.

Очевидно, что образование не способно самостоятельно разрешить все противоречия мира, т.к. многое сегодня зависит от экономики, информационной среды и политических институтов. Но оно создаёт пространство такого опыта, который формирует субъектов, способных преобразовывать другие сферы.

Таким образом, образование представляет собой не только передачу знаний и подготовку личности к выполнению ее социальных функций, но и формирование самого способа человеческого присутствия в мире. Институционально-функциональная, личностно-ориентированная и культурно-экологическая школы раскрывают разные уровни этого процесса. Их соотнесение с искусственным интеллектом и ценностным кризисом показывает: образование еще больше усиливает кризис, когда редуцирует человека к функции потребителя или профилю компетенций, и, напротив, оно создает предпосылки для утверждения будущего, соответствующего критериям эко-био-антропо-социо-культуры, когда развивает глубокое понимание, субъектность и ответственность человека.

Перспектива образования связана не с отказом от технологий, ИИ и узкопрофессионального развития, а с включением их в более широкий антропологический и культурный смысл. Оно может и должно учить не только эффективнее действовать, но и ставить достойные высоких традиций нашего наследия цели действий, не только приспосабливаться к будущему, но и участвовать в его ответственном создании. Экофилософско-антропологический подход может служить методологией такого синтеза, поскольку делает центральным критерий сохранения и развития полноты человеческих, социокультурных и природных связей.

Литература

1. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. – Москва: Высшая школа, 2004. – 512 с.
2. Брызгалина Е.В. Управление образованием как сложным социальным институтом: философские проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4 (20), вып. 1. – С. 12–19.
3. Миронов В.В., Брызгалина Е.В. Феномен «профанного знания» в контексте особенностей современной науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 6. С. 107–121
4. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. – Ростов-на-Дону: Булат, 2000. – 351 с.
5. Сериков В.В. Личностно-развивающее образование: два десятилетия исканий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8 (62). – С. 14–20.
6. Мазуров Ю.Л. Идеология устойчивого развития и её отражение в сфере образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. – 2013. – Т. 18, вып. 2. – С. 523–528.
7. Мазуров Ю.Л., Банчева А.И. Высшее экологическое образование в Японии: социальная миссия и национальные особенности // Высшее образование в России. 2021. № 5. С. 138–149
8. Дзятковская Е.Н. Новая концепция экологического образования: эволюция ключевых понятий // Ценности и смыслы. 2022. № 5 (81). С.112–125
9. Брызгалина Е.В. Искусственный интеллект в образовании. Анализ целей внедрения // Человек. – 2021. – Т. 32, № 2. – С. 9–29.
10. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. – Paris: UNESCO, 2023. – 44 p.
11. Аванесов С.С., Спешилова Е.И. Концептуальные координаты «цифровой» антропологии // Человек.RU. – 2021. – № 16. – С. 14–25. – DOI: 10.32691/2410-0935-2021-16-14-25.
12. Баркова Э.В. Освоение космоса и космизация человеческой деятельности в перспективе бытия России: экофилософский взгляд // Освоение космоса и проблемы экоориентированного развития человека, природы и многополярной цивилизации: материалы II Ежегодной Международной конференции. 15 апреля 2022 г. – Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2022. С. 57–66

EDUCATION AS AN OBJECT OF ECOPHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF THE CONTEMPORARY WORLD

Gasanova R.R.
Lomonosov Moscow State University

Education is examined as a sociocultural process that reproduces not only knowledge and professional skills but also an image of the human being and modes of relating to culture, society, nature, and technology. The relevance of the study is determined by the contradiction between the expanding informational and technological possibilities of education and the narrowing of its goals to the training of a functionally efficient specialist. The article distinguishes institutional-functional, personality-oriented, and cultural-ecological models of education. Their heuristic potential is revealed through the analysis of digitalization and artificial intelligence, anthropological transformation, and the ontological and value crisis of modernity. It is argued that the constructive potential of an ecophilosophical and anthropological approach lies in combining the development of agency, a value-based attitude to being, and responsibility for the integrity of the natural and cultural world.

Keywords: education, social philosophy, philosophical anthropology, personality-oriented education, ecophilosophy, artificial intelligence, digitalization, anthropological transformation, values, education for sustainable development.

References

1. Polonsky, V.M. Dictionary of Education and Pedagogy. Moscow: Vysshaya Shkola, 2004. 512 p.

2. Bryzgalina, E.V. “Education Governance as a Complex Social Institution: Philosophical Problems.” Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, 2012, No. 4 (20), iss. 1, Pp. 12–19.

3. Mironov, V.V., and E.V. Bryzgalina. “The Phenomenon of ‘Profane Knowledge’ in the Context of the Peculiarities of Modern Science.” Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya, 2020, No. 6, Pp. 107–121.

4. Bondarevskaya, E.V. Theory and Practice of Personality-Oriented Education. Rostov-on-Don: Bulat, 2000. 351 p.

5. Serikov, V.V. “Personality-Developing Education: Two Decades of Inquiry.” Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta, 2011, No. 8 (62), Pp. 14–20.

6. Mazurov, Yu.L. “The Ideology of Sustainable Development and Its Reflection in Education.” Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Estestvennye i Tekhnicheskie Nauki, 2013, Vol. 18, iss. 2, Pp. 523–528.

7. Mazurov, Yu.L., and A.I. Bancheva. “Higher Environmental Education in Japan: Social Mission and National Features.” Vysshee Obrazovanie v Rossii, 2021, No. 5, Pp. 138–149.

8. Dzyatkovskaya, E.N. “A New Concept of Environmental Education: The Evolution of Key Notions.” Tsennosti i Smysly, 2022, No. 5 (81), Pp. 112–125.

9. Bryzgalina, E.V. “Artificial Intelligence in Education: An Analysis of Implementation Goals.” Chelovek, 2021, Vol. 32, No. 2, Pp. 9–29.

10. Miao, F., and W. Holmes. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. 44 p.

11. Avanesov, S.S., and E.I. Speshilova. “Conceptual Coordinates of ‘Digital’ Anthropology.” Chelovek.RU, 2021, No. 16, Pp. 14–25. DOI: 10.32691/2410-0935-2021-16-14-25.

12. Barkova, E.V. “Space Exploration and the Cosmization of Human Activity in the Perspective of Russia’s Being: An Eco-Philosophical View.” Osvoenie Kosmosa i Problemy Ekoorientirovannogo Razvitiya Cheloveka, Prirody i Mnogopolyarnoi Tsivilizatsii: Materialy II Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi Konferentsii. 15 Aprelya 2022 g. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2022, Pp. 57–66.

Критерии и методы диагностики культуры безопасности у студентов колледжей и техникумов

Золотых Наталья Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент, профессор РАЕ, Волгоградский государственный аграрный университет
E-mail: zoloto-nv171@mail.ru

Цыбизова Ирина Викторовна,
заместитель директора по учебной работе, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Дубовский зооветеринарный колледж имени Героя Советского Союза А.А. Шарова»
E-mail: ziv1977@yandex.ru

Горюнова Елена Михайловна,
заместитель директора по учебно-производственной работе, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Волгоградский техникум железнодорожного транспорта и коммуникаций,
E-mail: el.goryunova2015@yandex.ru

В статье актуализирована необходимость формирования культуры безопасного поведения студентов среднего профессионального образования (СПО), обусловленная возрастанием количества проблем, вызванных повышением уровня безопасности образовательных организаций. Целью статьи является описание эмпирического исследования, проведенного на основе разработанного автором комплекта диагностических методик. Выделены критериальные показатели культуры безопасного поведения студентов, наиболее полно раскрывающие структуру культуры безопасного поведения студентов в учреждениях СПО. Результаты исследования подтверждают гипотезу о низком уровне культуры безопасности студентов, а также позволяют рекомендовать диагностический пакет в качестве средства диагностики изучаемого показателя.

Ключевые слова: безопасность, образовательная среда, безопасная среда, культура поведения, культура безопасности, культура безопасности жизнедеятельности, готовность, компоненты среды.

На данном этапе развития современного общества качественный учебно-воспитательный процесс любой образовательной организации не будет возможен без создания безопасной образовательной среды. Современные исследователи Л.Г. Лаптев и О.А. Бельков, отмечают, что «образование служит обеспечению безопасности на уровне общества, государства и личности» [4, с. 17]. Кроме того, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» настоятельно рекомендует в образовательных организациях «создавать безопасные условия обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации» (п. 6. ст. 28).

Исследования данного вопроса подтверждают, что политика в области образования в настоящее время в большей степени сосредоточена на физических аспектах безопасности в образовательных учреждениях [7; 8; 10]. Но необходимо отметить, что безопасная эксплуатация зданий и технических средств обучения не является единственным способом обеспечения безопасности образовательного учреждения. Затрагивается тема о психолого-педагогических аспектах формирования безопасной образовательной среды образовательного учреждения. Основная цель формирования психологически безопасной и благоприятной образовательной среды – создание условий для формирования у участников образовательного процесса умений и навыков, способствующих успешному преодолению эмоциональных нагрузок и психологического дискомфорта, а также умение их минимизировать. Основы формирования безопасной культуры студентов среднего профессионального образования (СПО) закладываются в ходе изучения ряда учебных дисциплин, в частности, дисциплины «Безопасность жизнедеятельности», которая обязательна в учебных заведениях СПО.

Особенность дисциплин, связанных с безопасностью жизнедеятельности человека, заключается в их сложной и многообразной структуре, в интегративном характере (они находятся на стыке гуманитарных и технических отраслей науки).

Культура безопасности жизнедеятельности или культура безопасного поведения – уровень развития человека и общества, характеризуемого значимостью задачи обеспечения безопасности жизнедеятельности в системе личных и социальных ценностей, распространенностью стереотипов безопасного поведения в повседневной жизни и в условиях опасных и чрезвычайных ситуаций, степенью защищенности от угроз и опасностей во всех сферах жизнедеятельности [1, с. 5].

А.А. Есипова рассматривает культуру безопасности жизнедеятельности как способность пользоваться знаниями и умениями в практической деятельности и включает в нее знания, мировоззрение и, как следствие, безопасный тип поведения [2].

В определении сделан акцент на наличии компетенций в практической деятельности, что является немаловажным в культуре безопасности. Под формированием культуры безопасности жизнедеятельности и личности безопасного типа поведения надо понимать процесс, составляющими которого являются установление и корректировка цели и задач, развитие основных методов и направлений формирования культуры безопасности жизнедеятельности и др. Культура появляется как новое образование, многогранное и сложное для формирования личности, так как включает естественнонаучную, философскую, нравственную, политическую, правовую, эстетическую, трудовую и другие аспекты обеспечения безопасности жизнедеятельности (рис. 1).

Рис. 1. Трехаспектный подход к культуре безопасности

В качестве основных элементов культуры безопасности в теоретической форме К.В. Планкин рассматривает знаниевый, нормативный и семиотический компоненты культуры безопасности, выраженные

в форме вербальных и графических знаков, представляющих собой краткое и емкое выражение информации о потенциальных угрозах, местах, свободных от них, а также возможности получения той или иной помощи [5]. В этом смысле семиотический компонент является интеграцией когнитивного и нормативного компонентов культуры безопасности, одновременно содержит знание и предлагает человеку те или иные модели поведения (рис. 2).

Структурными компонентами культуры безопасности не могут стать элементы деятельности и ценности, так как культура статична и, будучи созданной, может существовать без обязательного участия человека.

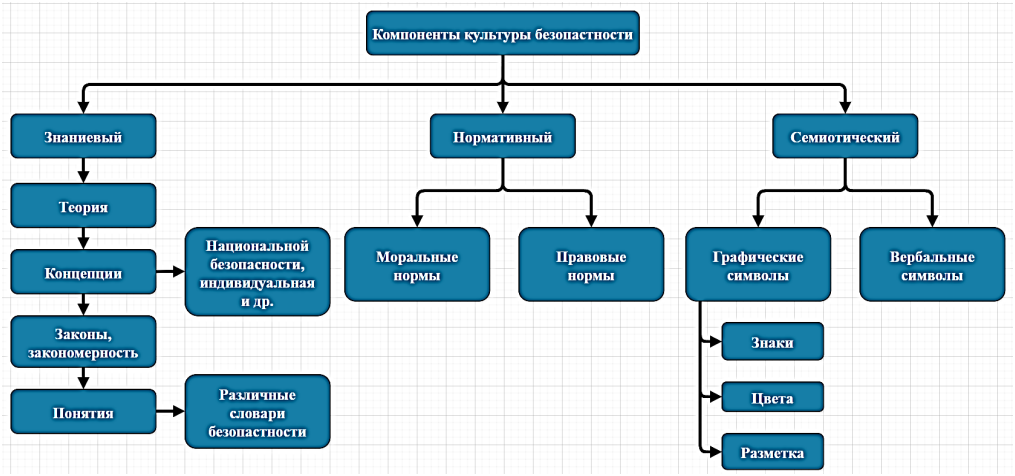

Рис. 2. Основные компоненты культуры безопасности (К.В. Планкин)

В целом решение вопроса о структуре культуры безопасности с опорой на ту или иную теорию культуры является неверным, поскольку каждая из них, во-первых, не исключает применения другой теории, а во-вторых, они не сводимы к элементам, созвучным их названиям.

Изучив различные педагогические исследования проблемы, резюмируем, что на сегодняшний день отсутствует универсальный диагностический материал, позволяющий оценить культуру безопасности участников образовательного процесса. Для оценки культуры безопасности студентов СПО и ее отдельных компонентов был сформирован комплект диагностических методик и проведено эмпирическое исследование на базе ГБПОУ *«Дубовский зооветеринарный колледж имени Героя Советского Союза А.А. Шарова»,*

В качестве респондентов выступили студенты 1–2-го курсов. Общее количество опрошенных – 326 человек.

Комплект диагностических методик для студентов представлен в табл. 1.

Таблица 1. Комплект диагностических методик оценки уровня культуры безопасного поведения студентов

Компонент	Методика
Валеологический	Адаптированная анкета «уровень сформированности валеологической культуры студентов» (И.А. Ларичева)
Социально-психологический	Модифицированный опросник соп (склонность к отклоняющемуся поведению) (А.М. Орел)
Личностный	Опросник исследования тревожности у старших подростков и юношей (Ч.Д. Спилбергер, А.Д. Андреева)
Информационный	Анкета «информационная культура» (а. А. Витухновская)
Эмоционально-коммуникативный	Тест К. Томаса – типы поведения в конфликте

Необходимо отметить, что в педагогической практике имеются попытки разработки методик оценки безопасности самой образовательной среды, однако они в большей степени ориентированы на анализ психологической безопасности участников образовательного процесса.

Для исследования социально-психологического компонента культуры безопасного поведения студентов оптимальным является использование опросника «Склонность к отклоняющемуся поведению» (автор – А.Н. Орел). Опросник содержит 7 шкал для мужской версии и 8 – для женской. Первое издание этой работы опубликовано в 1998 г. и стало результатом многолетних исследований подростков с девиантным поведением. Методика разрабатывалась с учетом особенной ментальности, неопределенных приоритетов и ценностей молодежи 1990-х гг.

Анализ показал, что данная методика психологических характеристик молодежи громоздка и требует значительного времени для ее проведения, кроме того, ряд вопросов необходимо исключить ввиду необъективности, в частности, вопросы, которые касаются модной и яркой одежды, в то время как в 1990-е гг. это могло указывать на «вызов», «агрессию» и т.п.

Утверждения оригинальной версии, которые не отражают современного понимания склонности к отклоняющемуся поведению подростка, были переформулированы. Результаты проделанной работы представлены в табл. 2.

Таблица 2. Сопоставление утверждений оригинальной версии СОП (А.Н. Орел) с переформулированными утверждениями в модифицированной версии опросника

№	Оригинальная версия опросника «соп»	Шкала	Модифицированная версия
1	*Я предпочитаю одежду неярких, приглушенных тонов*	Шкала склонности к нарушению норм и правил	Я не люблю татуировки, пирсинг, тоннели
44	*Одежда должна с первого взгляда выделять человека среди других*	Шкала склонности к нарушению норм и правил	Человек должен выделяться из толпы с помощью одежды, татуировок, пирсинга
26	*если бы я мог свободно выбирать профессию, то стал бы дегустатором вин*	Шкала склонности к аддиктивному поведению	Если бы я мог свободно выбирать профессию, то выбрал бы работу, связанную с алкоголем
95	*Я мог бы на спор влезть на высокую фабричную трубу*	Шкала склонности к аддиктивному поведению	Я мог бы на спор влезть на высокое заброшенное здание
52	*Когда я читаю детектив, то мне часто хочется, чтобы преступник ушел от преследования*	Шкала склонности к саморазрушающему поведению	Когда я смотрю новости, мне часто хочется, чтобы преступник ушел от преследования
25	*Я думаю, что мне понравилось бы заниматься боксом*	Шкала склонности к агрессии и насилию	Я думаю, что мне понравилось бы заниматься боевыми искусствами
82	*Иногда случалось, что я не выполнял школьное домашнее задание*	Шкала склонности к агрессии и насилию	Иногда случалось, что я вступал в серьезный конфликт с преподавателем
67	*Я хотел бы поучаствовать в автомобильных гонках*	Шкала склонности к делинквентному поведению	Я бы совершил преступление, если бы остался безнаказанным

В целях повышения психометрического качества методики из списка были полностью исключены следующие пункты:

– 2, 4, 8, 13, 21, 23, 30, 32, 33, 38, 47, 54, 79, 83, 97 (шкала установки на социально-желательные ответы);

– 7, 19, 20, 29, 36, 49, 56, 57, 69, 70, 71, 78, 84, 89, 94 (шкала волевого контроля эмоциональных реакций);
– 50, 55, 80 (шкала склонности к нарушению норм и правил);
– 46, 67 (шкала склонности к аддиктивному поведению);
– 9, 16, 27, 37, 76, 97 (шкала склонности к саморазрушающему поведению);
– 3, 16, 49, 66, 72, 97 (шкала склонности к агрессии и насилию).

Нередко исследователи под модификацией методики подразумевают лишь изменение формулировок некоторых пунктов, что представляется нам не вполне корректным. Дело в том, что изменение формулировок может привести к изменению психометрических показателей (валидности, надежности) и изменению диагностируемых конструктов в принципе.

В данном случае были выполнены статистические процедуры при обработке результатов исследования с применением модифицированной версии опросника.

Коэффициент надежности половины теста, найденный методом расщепления теста на четные и нечетные вопросы, равен 0,72, тогда как значение коэффициента надежности по всему тесту равно 0,84. По методу оценки внутренней согласованности коэффициент надежности равен 0,783. Следовательно, можно говорить о высоком уровне надежности модифицированного опросника.

Результаты исследования, проводимого на базе техникума с помощью модифицированного опросника СОП, показали в целом благоприятную обстановку.

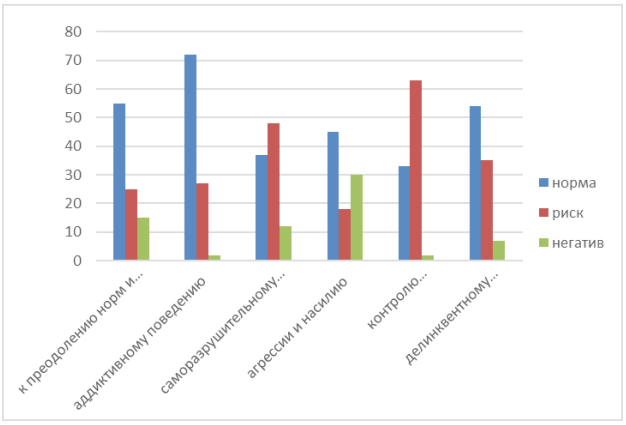

Рис. 3. Результаты изучения склонности к отклоняющемуся поведению студентов 1-го курса

Среди студентов 1-го курса 16% обследованных показали высокую степень («негатив») отрицания общепринятых норм и правил. Практически половина студентов 1-го курса (48,7%) склонна к риску саморазрушающего поведения, низко оценивает собственную жизнь. У 31,1% респондентов по шкале склонности к агрессии и насилию результаты находились в диапазоне 60–70 баллов, что говорит об агрессивной направленности личности во взаимоотношениях с другими людьми. Не могут контролировать поведенческие реакции 64,7% респондентов, а 37,0% склонны к делинквентному поведению.

Проведение аналогичного анкетирования у студентов 2-го курса позволило обнаружить значительные изменения в готовности к проявлению отклоняющегося поведения. Достоверно с 38,7 до 63,8% увеличилась доля студентов с отсутствием готовности к реализации саморазрушающего поведения (Pz = 0,021), с 35,3 до 68,9% увеличилась доля студентов, контролирующих эмоциональные реакции (Pz = 0,0001). Достоверно возросло количество студентов с отсутствием готовности к делинквентному поведению (Pz = 0,005). С 31,1 до 10,3% снизилась доля студентов с агрессивным поведением (Pz = 0,025), но с 9,2 до 39,7% увеличилась доля с готовностью к агрессии. Таким образом, обучение в учреждении СПО в лучшую сторону меняет большинство характеристик психического статуса обучающихся.

Личностный компонент оценивался с помощью опросника тревожности у старших подростков и юношей Ч.Д. Спилбергера в адаптации А.Д. Андреевой. Результаты показали, что примерно треть студентов техникума имеет высокий уровень личностной тревожности (34,3%) (рис. 5).

Для этих испытуемых характерна повышенная личностная тревожность, проявляющаяся в общей эмоциональной нестабильности и устойчивой обеспокоенности будущим на фоне повышенной утомляемости и нервно-психической истощаемости. Они стараются по возможности уйти от выбора, склонны подчиняться внешнему давлению и готовы отказаться от собственного мнения в пользу ощущения покоя и эмоционального комфорта.

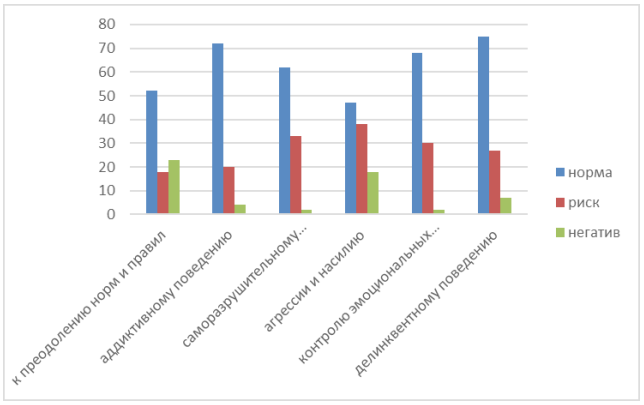

Рис. 4. Результаты изучения склонности к отклоняющемуся поведению студентов 2-го курса

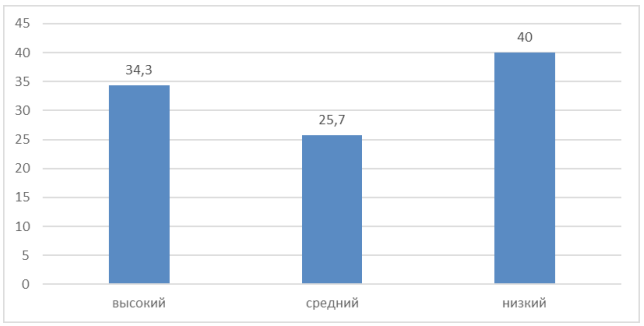

Рис. 5. Уровень тревожности студентов техникума

25,7% опрошенных студентов характеризуются умеренным уровнем тревожности. Повышенный показатель личностной тревожности является типичной особенностью эмоциональной сферы подростков.

Тревожность вызывает состояние волнения и опасения, затрудняет принятие решений подростком. Недостаточная уверенность в себе является причиной трудностей в межличностном общении. Для 40% студентов характерен низкий уровень тревожности. Данным респондентам свойственна эмоциональная стабильность, спокойствие. Умение справляться со сложностями, адаптироваться в ситуации стресса является важной характеристикой, от которой зависит эффективность деятельности и реализация внутреннего потенциала возможностей и умений в процессе деятельности. Анкета «Информационная культура» (В.В. Гаврилюк, Г.Г. Сорокин) позволяет оценить информационный компонент безопасной образовательной среды.

В первую очередь необходимо оценить информационную культуру студентов техникума, поскольку она отражает уровень развития способности не только к восприятию, обобщению информации, ее получению, хранению и переработке, но и ее критическому анализу. Интенсивное использование новых информационно-коммуникационных технологий способствует усилению негативных воздействий на личность и тем самым актуализируют проблему информационной безопасности личности.

К особенности информационных предпочтений студентов учреждений СПО необходимо отнести их формирование в условиях профицита времени, связанного с ограничением максимальной нагрузки для обучающихся, а также отсутствием организованного досуга. Следствием этого является низкий уровень избирательности и осознанности в выборе медиаресурсов.

В качестве доминирующего источника получения полезной информации 86% опрошенных назвали Интернет. Основанием для использования ЭВМ студенты считают потребность в развлечениях. В целом можно отметить низкий уровень информационной культуры респондентов.

Почти 2/3 студентов имеют очень низкие баллы – 68%, средний уровень информационной культуры отмечен у каждого пятого – 22% и только 10% студентов не испытывают серьезных трудностей при ориентации в информационной среде. Информационная культура личности выступает как средство самозащиты от внешних и внутренних манипуляций и как ресурс обеспечения безопасности личности в целом.

Для исследования эмоционально-коммуникативного компонента культуры безопасного поведения студентов оптимальным является использование теста «Определение способов регулирования конфликтов» (автор – К. Томас, адаптирован Н.В. Гришиной). Тест содержит 30 вопросов, к которым есть ключ, который дает представление о коли-

чественном выражении: соперничества, сотрудничества, компромисса, избегания и приспособления. Количество баллов, набранных индивидом по каждой шкале, дает представление о выраженности у него тенденции к проявлению соответствующих форм поведения в конфликтных ситуациях (рис. 6).

По результатам этого исследования, только 30% студентов указывали на самостоятельные конструктивные способы решения конфликта (переговоры, сотрудничество), а 70% – на неэффективные способы (компромисс, конфронтацию, избегание и приспособление).

Рис. 6. Уровень проявления соответствующих форм поведения в конфликтных ситуациях

Подводя итоги диагностики, отметим низкий уровень отдельных показателей культуры безопасного поведения студентов: социально-психологического и информационного компонентов. Следовательно, можно говорить о необходимости формирования личных качеств студентов, способствующих развитию культуры безопасного поведения. Результаты также позволяют рекомендовать предложенный диагностический пакет и авторскую модификацию опросника СОП в качестве средства диагностики изучаемой характеристики.

Литература

1. Гафнер В.В. Культура безопасности: аналитический обзор диссертационных исследований (педагогические науки, 2009–2021 гг.); ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2021–200 с. – (Серия «Педагогика безопасности»).

2. Аюбов Э.Н. Комплексный подход к формированию культуры безопасности жизнедеятельности / Э.Н. Аюбов // Культура безопасности жизнедеятельности – М. – 2018 С. – 8

3. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учеб. пособие Текст. /И.А. Зимняя. -Ростов-н/Д.: Феникс, 2019158 с. 76

4. Кузьмина, Н.В. Понятие «педагогическая система» и критерии ее оценки Текст. / Н.В. Кузьмина // Методы системного педагогического исследования. JL: ЛГУ, 2022 – С. 23

5. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы, утв. распоряжением Правительства РФ от 29.12.2014 г.

6. Гражданская защита: энциклопедия в IV т. / под общ. ред. В.А. Пучкова. – М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. – 624 с.

7. Кувшинова И.А. Роль социального развития в процессе формирования культуры безопасного поведения современного подростка // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2015. – № 46. – С. 83–86.

8. Планкин К.В. Основные структурные компоненты культуры безопасности личности // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 54–7. – С. 103–110.

9. Jiaa J., Li D., Li X., Zhou Y., Wang Y. Sund W., Zhao L. Peer Victimization and Adolescent Internet Addiction: The Mediating Role of psychological Security and the Moderating Role of Teacher-student Relationships // Computers in Human Behavior. – 2018. – Vol. 85. – March. – P. 116–124. doi: 10.1016/j.chb.2018.03.042

10. Spicer B. The Handbook for School Safety and Security. – Butterworth-Heinemann, 2021. – 420 p. doi: 10.1016/c2019-0-18652-7

CRITERIA AND METHODS FOR DIAGNOSING SAFETY CULTURE IN COLLEGE AND TECHNICAL SCHOOL STUDENTS

Zolotykh N.V., Tsybizova I.V., Goryunova E.M.
Volgograd State Agrarian University, Dubovsky Zooveterinary College named after Hero of the Soviet Union A.A. Sharov", Volgograd College of Railway Transport and Communications

This article highlights the need to develop a culture of safe behavior among students in secondary vocational education (SVE), driven by the increasing number of problems caused by the increased level of security in educational institutions. The purpose of this article is to describe an empirical study conducted using a set of diagnostic methods developed by the author. Criteria for student safety culture were identified, which most fully reveal the structure of student safety culture in secondary vocational education institutions. The study results confirm the hypothesis of a low level of student safety culture and also allow us to recommend a diagnostic package as a tool for assessing this indicator.

Keywords: safety, educational environment, safe environment, behavioral culture, safety culture, life safety culture, preparedness, environmental components.

References

1. Gafner V.V. Safety culture: an analytical review of dissertation research (pedagogical Sciences, 2009–2021); Ural State Pedagogical University. un-t". Yekaterinburg, 2021–200 p.

2. Ayubov E.N. A Comprehensive Approach to Developing a Culture of Life Safety / E.N. Ayubov // Culture of Life Safety – Moscow – 2018 – p. 8

3. Zimnyaya I.A. Pedagogical Psychology: Textbook / I.A. Zimnyaya. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2019–158 p. 76

4. Kuzmina, N.V. The concept of "pedagogical system" and the criteria for its assessment. Text. / N.V. Kuzmina // Methods of systematic pedagogical research. Leningrad: LSU, 2022 – p. 23

5. The Concept of the Federal Target Program for the Development of Education for 2016–2020, approved by Order No. 2765-r of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2014.

6. Civil Protection: an encyclopedia in 4 volumes / edited by V.A. Puchkov. – Moscow: FGBU VNIIGOChS, 2015. – 624 p.

7. Kuvshinova I.A. The role of social development in the process of forming a culture of safe behavior in modern teenagers // Conference collections of the SIC Sociosphere. – 2015. – No. 46.

8. Plankin K. V. Main Structural Components of a Personal Security Culture // Problems of Modern Pedagogical Education. - 2017. - No. 54-7. - P. 103-110.

9. Jiaa J., Li D., Li X., Zhou Y., Wang Y. Sund W., Zhao L. Peer Victimization and Adolescent Internet Addiction: The Mediating Role of Psychological Security and the Moderating Role of Teacher-student Relationships // Computers in Human Behavior. - 2018. - Vol. 85. - March. - P. 116-124. doi:10.1016/j.chb.2018.03.042

10. Spicer B. The Handbook for School Safety and Security.– Butterworth-Heinemann, 2021. - 420 p. doi:10.1016/c2019-0-18652-7

Правовая социализация студенческой молодежи в юридическом вузе: социологический анализ (на примере балаковского филиала ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Зиновьева Евгения Александровна,
канд.социол.наук, и.о.зав. кафедрой социально-правовых и прикладных юридических дисциплин Балаковского филиала ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: eva_zinov@mail.ru

Правовая социализация будущих юристов включает освоение правовых знаний, ценностей, правомерных способов действия, отношения к институтам и профессиональной ответственности. Цель статьи – выявить особенности правовой социализации студентов Балаковского филиала ФГБОУ ВО «СГЮА» и определить направления ее совершенствования с учетом этапа обучения. Аналитическая модель объединяет когнитивный, ценностно-нормативный, поведенческий, институциональный и образовательно-практический компоненты. Модельные результаты демонстрируют переход от преимущественно учебных и сетевых источников на младших курсах к справочным правовым системам, официальным ресурсам и профессиональной коммуникации на старших. Одновременно растут правовая грамотность, готовность к формальным способам защиты и практическая включенность, тогда как безусловное доверие к ряду институтов снижается. Научная новизна состоит в сопоставлении пяти компонентов по укрупненным этапам обучения и различении профессиональной критичности и правового нигилизма. Практическая значимость связана с разработкой дифференцированных рекомендаций для младших, средних и старших курсов.

Ключевые слова: правовая социализация, студенческая молодежь, юридическое образование, правосознание, правовая грамотность, институциональное доверие, информационное поведение, практико-ориентированное обучение.

Введение

Устойчивость правового порядка зависит не только от качества законодательства и деятельности государственных институтов, но и от готовности граждан понимать нормы, признавать их легитимность и использовать предусмотренные законом способы защиты интересов. Правовая социализация представляет собой процесс, в ходе которого право превращается из внешнего требования во внутренний ориентир поведения. Она не сводится к информированности: знание нормы может сочетаться с ее избирательным соблюдением, правовым цинизмом или предпочтением неформальных практик.

Особую исследовательскую группу составляют студенты юридического вуза. Их правовая социализация имеет двойственную природу: одновременно формируется гражданская компетентность и осваивается профессиональная роль юриста. Будущий специалист должен знать право, уметь действовать процедурно, соблюдать этические ограничения и сохранять уважение к достоинству личности даже в условиях конфликта интересов. Поэтому о результативности юридического образования нельзя судить только по успеваемости или объему усвоенного нормативного материала.

Российские эмпирические исследования фиксируют разрыв между когнитивным и деятельностным аспектами правосознания. В опросе студентов Тюмени 2022 г. (N = 405) более сформированными оказались знания и правовые установки, тогда как практические навыки выражены слабее; высокий уровень правовой грамотности характеризовал лишь около четверти выборки [3]. Сходные противоречия между декларируемой ценностью закона и допустимостью ситуативных исключений выявлялись и в более ранних исследованиях студенческой молодежи [1; 4]. Это делает актуальным многомерный анализ, связывающий знания, ценности, поведение, доверие, информационные практики и образовательный опыт.

Цель исследования – выявить состояние, факторы и внутренние противоречия правовой социализации студентов Балаковского филиала ФГБОУ ВО «СГЮА» и разработать дифференцированные рекомендации для разных этапов обучения. Объектом выступают студенты 1–5 курсов очной и заочной форм, предметом – их правовые знания, ценностные установки, поведенческие стратегии, институциональное доверие, информационное поведение и образовательно-практический опыт.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. уточнить социологическое содержание и структуру правовой социализации будущих юристов;
2. операционализировать пять компонентов через систему измеримых показателей;
3. сопоставить младшие курсы, третий курс и старшие курсы по знаниям, источникам информации, ценностям, поведению, доверию и практическому опыту;
4. выявить противоречия между информированностью, ценностными декларациями и реальными стратегиями действия;
5. предложить организационно и методически измеримые рекомендации.

Основная гипотеза состоит в том, что показатели правовой социализации связаны не только с продолжительностью обучения, но и с практико-ориентированным опытом. Дополнительно предполагается, что по мере перехода к старшим курсам возрастает обращение к профессиональным и официальным источникам, снижается зависимость от сетевого контента, а более критическая оценка институтов не обязательно означает отказ от легальных процедур.

Научная новизна подхода заключается в совместном измерении пяти компонентов правовой социализации и в сравнении трех этапов обучения: начального (1–2 курсы), переходного (3 курс) и профессионализирующего (4–5 курсы). Практическая значимость состоит в создании основы для повторяемого мониторинга и адресной корректировки образовательной среды.

Теоретические основания социологического исследования

Общесоциологической основой анализа служит понимание социализации как интернализации институциональных норм и социально при-

знанных способов интерпретации реальности. В концепции П. Бергера и Т. Лукмана объективированный социальный мир становится частью субъективной реальности личности [2]. Право, следовательно, усваивается не только как текст нормативного акта, но и как система значений, ожиданий, ролей и типизированных способов действия.

В отечественной социологической традиции правовая социализация рассматривается как регулируемый и стихийный процесс. Регулируемое воздействие осуществляется через образование, правовое воспитание и официальную коммуникацию; стихийное – через семью, группы сверстников, медиасреду и повседневный опыт взаимодействия с правоприменительными организациями [5; 7; 8]. Добровольное следование правилам связано также с опытом процедурной справедливости и уважительного отношения. Поэтому понятные и справедливые университетские процедуры воздействуют на правовые установки наряду с содержанием учебных дисциплин.

Ценностное отношение к закону не является однородным. Представления студентов о соотношении закона и справедливости зависят от образовательного профиля, жизненного опыта и интерпретации конкретной ситуации [2]. Критика решения может отражать зрелую рефлексию, если сочетается с готовностью использовать процедуру обжалования; убеждение в бесполезности формальных механизмов, напротив, способно переходить в правовой цинизм.

Цифровизация расширяет круг агентов социализации. Социальные сети, видеоблоги, справочные правовые системы и генеративные модели одновременно облегчают доступ к правовой информации и повышают риск использования устаревших, неполных или недостоверных сведений [6; 8]. По мере профессионализации важен не только выбор источника, но и навык проверки редакции акта, статуса документа и происхождения автоматически сформированного ответа.

В данной работе правовая социализация определяется как процесс усвоения и практического освоения правовых знаний, ценностей, ролей и способов действия, в результате которого формируется способность ориентироваться в правовой системе, действовать правомерно и профессионально ответственно. Такое определение объединяет гражданское, информационное и профессиональное измерения подготовки будущего юриста.

Методика эмпирического исследования

Эмпирическая база исследования включает опрос студентов Балаковского филиала ФГБОУ ВО «СГЮА» методом анкетирования, проведенного в период с марта по май 2025 года. В структуре выборки представлены 160 студентов 1–5 курсов очной и заочной форм обучения. По полу выборка включает 87 женщин (54,4%) и 73 мужчины (45,6%).

Выводы относятся прежде всего к исследуемому филиалу. Сопоставление проводилось как по отдельным курсам, так и по трем укрупненным группам (1–2 курсы; 3 курс и 4–5 курсы). Такое объединение позволило выявить этапные различия при сохранении достаточной численности сравниваемых совокупностей.

На основе ответов рассчитывалось пять частных индексов.

1. Когнитивный, который объединяет ситуационные задания, самооценку навыков и практики проверки информации.
2. Ценностно-нормативный – строится по суждениям с обратным кодированием негативных формулировок.
3. Поведенческий, отражающий готовность использовать законные способы защиты и отказаться от незаконного требования.
4. Институциональный – представляет среднюю оценку доверия.
5. Образовательно-практический – учитывает участие в практических форматах и субъективную динамику отношения к праву.

Результаты и их аналитическая интерпретация

В результате проведенного анализа полученных данных ответов студентов была выявлена выраженная положительная динамика по правовой грамотности и образовательно-практической включенности.

Таблица 1. Средние значения индексов по аналитическим группам, баллы от 0 до 100

Компонент	1–2 курсы, n=60	3 курс, n=30	4–5 курсы, n=70
Правовая грамотность	58,6	68,9	78,1
Ценностно-нормативная ориентация	67,8	71,2	75,4
Готовность к правомерному поведению	60,2	66,7	74,3
Институциональное доверие	51,3	46,8	42,7
Образовательно-практическая включенность	42,5	59,4	74,8

Разрыв между первыми курсами и последними составляет 19,5 и 32,3 балла соответственно. Третий курс занимает промежуточное положение, что позволяет рассматривать его как переходный этап от преимущественно учебного освоения права к применению процедур и профессиональных ролей.

Ценностный компонент изменяется умереннее: базовые представления о равенстве, справедливости и ответственности в значительной степени формируются до поступления. Вместе с тем студенты старших курсов чаще выбирают законное обжалование и отказ от незаконного требования. Институциональный индекс имеет обратную динамику: 51,3 балла на 1–2 курсах против 42,7 на 4–5 курсах. Важно отметить, что само по себе это не доказывает рост правового нигилизма; снижение доверия сочетается с более высокой готовностью использовать формальные процедуры и может отражать профессиональную критичность.

Один из блоков анкеты был посвящен изучению каналов правовой социализации. Множественный характер вопроса позволил зафиксировать реальную многоканальность получения информации, что принципиально важно для анализа правовой социализации в современном цифровом обществе.

У студентов 1–2 курсов доминируют преподаватели и учебные занятия (71,7%), а также социальные сети и видеоблоги (70,0%).

Таблица 2. Использование источников правовой информации по группам, %

Источник	1–2 курсы, %	3 курс, %	4–5 курсы, %	Вся выборка, %
Справочные правовые системы и базы законодательства	48,3	63,3	78,6	64,4
Преподаватели и учебные занятия	71,7	70,0	61,4	66,9
Социальные сети, каналы и видеоблоги	70,0	56,7	38,6	53,8
Официальные сайты государственных органов	41,7	56,7	67,1	55,6
Научная и учебная литература	31,7	43,3	54,3	43,8
Практикующие юристы	15,0	26,7	44,3	30,0
Сервисы искусственного интеллекта	43,3	40,0	32,9	38,1

На третьем курсе возрастает доля справочных правовых систем и официальных сайтов, но учебные и сетевые каналы сохраняют заметную роль. У старших курсов ведущим источником становятся справочные системы (78,6%); чаще используются официальные сайты (67,1%), литература (54,3%) и коммуникация с практикующими юристами (44,3%). Доля социальных сетей снижается до 38,6%.

Использование сервисов искусственного интеллекта остается распространенным во всех группах, но не показывает линейного роста. Поэтому ключевым индикатором является не сам факт обращения к ИИ, а частота сверки ответа с действующей редакцией нормы и официальным источником. Регулярную проверку актуальности правовой информации отмечают 52% младших, 67% третьекурсников и 81% старших студентов.

Представленные данные характеризуют когнитивно-информационный уровень правовой социализации студентов юридического вуза. Однако, знание правовых норм само по себе еще не гарантирует их соблюдения и принятия. Важное значение для правомерного поведения и профессионализма имеет аксиологическая составляющая – то, как студенты относятся к праву, воспринимают ли его как безусловную ценность и какие профессиональные смыслы вкладывают в свою будущую деятельность. Для выявления данного компонента в анкете был выделен отдельный блок вопросов, посвященных правовым ценностям и профессиональным установкам. Переход к его анализу позволил ответить на ключевой вопрос: насколько эффективно накопленные правовые знания конвертируются в личностные убеждения и профессиональную идентичность студентов.

Респондентам предъявлялся ряд утверждений, отражающих различные аспекты отношения к праву, юридической профессии и собственным профессиональным перспективам. Мнения респондентов распределились следующим образом: 88% признают, что устойчивое общество невозможно без соблюдения законов, 84% поддерживают равное применение нормы независимо от статуса, 80% связывают профессионализм юриста с этической ответственностью. Вместе с тем 29% допускают незначительное нарушение при отсутствии очевидного вреда, а 35% в той или иной степени нормализуют использование личных связей для ускорения решения вопроса. Эти ответы показывают сохранение ситуативного разрыва между общей ценностью права и конкретным поведением.

Для диагностики поведенческого компонента (готовности к реализации правовых норм в реальных жизненных ситуациях) в анкету был включен ситуационный вопрос-кейс. Респондентам предлагалась гипотетическая ситуация существенного нарушения их прав, после чего им необходимо было отметить все возможные варианты действий из предложенного перечня. Вопрос носил множественный характер, что позволило зафиксировать не единичный выбор, а спектр правовых стратегий – от информированного (поиск консультации) до институционального (суд, прокуратура) и неформального (личные связи, социальные сети). Включение варианта «соглашусь и ничего не буду делать» выполняет роль индикатора правового нигилизма или пассивности. Выбор гипотетического формата обусловлен этическими нормами и стремлением унифицировать исходные условия для всех респондентов, независимо от их прошлого правового опыта.

Итак, при существенном нарушении собственных прав 78% респондентов выбрали бы юридическую консультацию, 72% – письменное обращение, 55% – судебную защиту, 24% – публичное освещение в социальных сетях и 19% – личные связи. Письменные процедуры выбирают 61,7% 1–2 курсов, 73,3% третьекурсников и 80,0% старших. Высокую готовность отказаться от незаконного требования руководителя или клиента демонстрируют 66,7%, 76,7% и 85,7% соответственно.

Наиболее высоко оцениваются юридическая клиника филиала (73%) и адвокатура (61%); далее следуют прокуратура (53%), судебная система (49%), уполномоченный по правам человека (46%) и полиция (39%). Старшие курсы чаще называют источниками недоверия непрозрачность процедур и длительность рассмотрения дел, тогда как младшие курсы сильнее ориентируются на сообщения в социальных сетях и опыт знакомых. Такое различие подтверждает необходимость отделять информированную институциональную критику от убеждения в бесполезности легальных механизмов.

Проведенный анализ правовых знаний, информационных предпочтений, ценностных ориентаций и поведенческих стратегий студентов позволил составить комплексный портрет правовой социализации будущих юристов. Однако все перечисленные компоненты – это, по сути, результат образовательного процесса. Чтобы понять, за счет каких педагогических механизмов достигается (или не достигается) этот результат, необходимо обратиться к анализу образовательной среды вуза. Современные требования к юристу диктуют необходимость не столько запоминания нормативных актов, сколько умения применять их в нестандартных ситуациях. Именно поэтому ключевая роль отводится практико-ориентированному обучению – юридическим клиникам, учебным судебным процессам, стажировкам и работе с реальными кейсами. В этой связи мы выяснили, как сами студенты оценивают роль практических занятий в формировании их профессиональной готовности. Данный блок позволил установить корреляцию между включенностью студентов в практические формы обучения и сформированностью у них устойчивых правовых установок.

Так, участие хотя бы в одном практико-ориентированном формате моделируется у 88 из 160 студентов (55,0%): у 25,0% первых курсов, 56,7% третьекурсников и 80,0% старших курсов.

Сравнение трех этапов обучения показывает не линейное накопление отдельных знаний, а перестройку всей структуры правовой социализации. На младших курсах право осваивается преимущественно через учебную коммуникацию и доступный сетевой контент. Третий курс выступает переходной зоной: усиливается работа с официальными источниками и одновременно возрастает потребность в процедурных навыках. На 4–5 курсах профессиональные базы, практика и общение с юристами становятся ведущими агентами социализации.

Полученные данные подтверждают разрыв между когнитивным и деятельностным компонентами, отмеченный в других исследованиях студенческой молодежи [3; 4; 9; 10]. Более высокая информированность не гарантирует полного отказа от ситуативных исключений, а декларируемая готовность защищать права может не сопровождаться знанием последовательности процедур.

Снижение безусловного доверия по мере обучения нельзя автоматически трактовать как негативный результат. Юридическое образование делает видимыми противоречия правоприменения и повышает требования к обоснованности решений. Критичность становится риском только тогда, когда сочетается с отказом от обжалования, оправданием личных связей и убеждением в бесполезности формальных механизмов.

Особая роль практических форматов объясняется тем, что они переводят абстрактную норму в ситуацию ответственности перед конкретным человеком. Юридическая клиника, модельный процесс и производственная практика требуют найти норму, выстроить коммуникацию, подготовить документ, обосновать решение и оценить его социальные последствия [5]. Именно здесь знания, действие и этическая рефлексия объединяются в профессиональную позицию.

В начале настоящего исследования было выдвинуто предположение о том, что эффективная правовая социализация студентов-юристов предполагает конгруэнтность (согласованность) когнитивного, аксиологического и поведенческого компонентов их правосознания. Полученные данные свидетельствуют о том, что конгруэнтность достигается далеко не в полной мере – в первую очередь за счет дефицита практического компонента обучения. Ниже представлен комплекс практических мер, направленных на устранение выявленных диспропорций и повышение уровня правовой социализации будущих юристов.

1. Дифференцировать содержание по этапам обучения. На 1–2 курсах сделать акцент на различении официальных и неофициальных источников, проверке редакции нормы и базовых алгоритмах обращения. На 3 курсе усилить составление документов и решение процедурных кейсов. На 4–5 курсах расширить сложные этические задачи, клиническую работу и анализ противоречивой правоприменительной практики.

2. Выстроить непрерывную практическую траекторию. Связать учебные кейсы, модельные процессы, юридическую клинику, производственную практику и стажировки так, чтобы каждый следующий формат усложнял самостоятельность и ответственность студента.

3. Ввести модуль правовой информационной гигиены. Отрабатывать поиск действующей редакции акта, проверку реквизитов судебного решения, оценку авторства цифрового материала и обязательную верификацию ответов генеративных систем по официальным источникам.

4. Использовать критическое доверие как образовательную задачу. Обсуждать реальные ограничения институтов вместе с законными механизмами контроля и обжалования. Это позволяет не подавлять профессиональную критичность и одновременно предупреждать переход к цинизму и неформальным стратегиям.

5. Повысить видимость юридической клиники. Организовать раннее знакомство с ее работой, подготовительные роли для студентов 1–2 курсов, супервизию преподавателя и обязательную рефлексию этических дилемм.

Заключение

Правовая социализация студентов юридического вуза представляет собой многомерный процесс, в котором знания, ценности, поведенческие навыки, отношение к институтам, информационные практики и профессиональный опыт развиваются с разной скоростью. Поэтому оценка только когнитивного компонента дает неполную картину результата юридического образования.

Группировка по этапам обучения позволяет увидеть качественные различия. Для 1–2 курсов характерна опора на преподавателей и сетевые источники; третий курс демонстрирует переход к процедурам и официальным ресурсам; на 4–5 курсах усиливаются профессиональные базы, практический опыт и критическая оценка институтов. На модельных данных наиболее высокий интегральный уровень связан с практической включенностью, а не только с формальной продолжительностью обучения.

Литература

1. Алиева Т.Х. Проблемы и перспективы социализации молодежи в России: теоретико-правовой аспект // Молодой ученый. 2025. № 43 (594). С. 71–75.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

3. Вассалатий Ж. В., Верхотурова С.В., Лосев С.Г. Правовое сознание студенческой молодежи (на примере Тюмени) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 133–141.

4. Зарубина К.А., Шишкарева Т.Н. Правовая культура и правосознание молодежи Курской области (по данным социологического исследования) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 10–21.

5. Корнев А. В., Петручак Л.А., Зенин С.С. Научно-методические основы формирования правовой культуры молодежи: монография. М.: Проспект, 2019. 408 с.

6. Курносенко А.А. Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. Краснодар, 2016. 172 с.

7. Левина Р.А. Особенности правовой социализации студенческой молодежи в условиях цифровизации: постановка проблемы // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 2. С. 78–88.

8. Самыгин П. С., Исакова Ю.И., Печкуров И.В. Правовая социализация современной российской молодежи: монография / под ред. С.И. Самыгина. М.: РУСАЙНС, 2016. 169 с.

9. Соколова М.В. Правовая социализация молодёжи (на примере студентов высших учебных заведений) // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4 (170). С. 78–84.

10. Тищенко А.В. Правовая социализация личности, виды и механизмы: социологический анализ / А.В. Тищенко, А.В. Гришай // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 11. С. 96–100.

LEGAL SOCIALIZATION OF UNIVERSITY STUDENTS AT A LAW SCHOOL: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS (THE CASE OF THE BALAKOVO BRANCH OF SARATOV STATE LAW ACADEMY)

Zinovieva E.A.
Saratov State Law Academy

The legal socialization of future lawyers combines legal knowledge, value orientations, lawful behavioral strategies, attitudes toward institutions, and professional responsibility. The article examines students of the Balakovo Branch of Saratov State Law Academy and develops stage-specific recommendations. The framework combines cognitive, value-normative, behavioral, institutional, and educational-practical components. The model results illustrate a shift from educational and social-media sources toward legal databases, official websites, and professional communication. Legal literacy, readiness to use formal remedies, and practical engagement increase across the three stages, whereas unconditional institutional trust declines. The contribution lies in comparing five components by stage of study and distinguishing professional criticism from legal cynicism. As individual survey records have not yet been supplied, substantive response distributions and statistical tests remain simulated and must be verified using the actual data set.

Keywords: legal socialization, university students, legal education, legal consciousness, legal literacy, institutional trust, information behavior, practice-oriented learning.

Referents

1. Alieva T. Kh. Problems and Prospects of Youth Socialization in Russia: A Theoretical and Legal Aspect // Molodoy Ucheny. 2025. No. 43 (594). Pp. 71–75.

2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium, 1995. 323 p.

3. Vassalatiy Zh. V., Verkhoturova S.V., Losev S.G. Legal Consciousness of Student Youth (on the Example of Tyumen) // Sociological Research. 2023. No. 7. Pp. 133–141.

4. Zarubina K. A., Shishkareva T.N. Legal Culture and Legal Consciousness of Youth in the Kursk Region (Based on Sociological Research) // Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023. Vol. 13, No. 4. Pp. 10–21.

5. Kornev A. V., Petruchak L.A., Zenin S.S. Scientific and Methodological Foundations for Shaping the Legal Culture of Youth: a Monograph. Moscow: Prospekt, 2019. 408 p.

6. Kurnosenko A.A. The Internet in the Process of Shaping the Legal Culture of Youth in the Context of a Transforming Russian Society: dis. … cand. Sociological Sciences: 22.00.04. Krasnodar, 2016. 172 p.

7. Levina R.A. Features of the legal socialization of student youth in the context of digitalization: formulation of the problem // Humanitarian of the South of Russia. 2022. Vol. 11, No. 2. Pp. 78–88.

8. Samygin P. S., Isakova Yu. I., Pechkurov I.V. Legal Socialization of Modern Russian Youth: a Monograph / edited by S.I. Samygin. Moscow: RUSAYS, 2016. 169 p.

9. Sokolova M.V. Legal Socialization of Youth (using university students as an example) // Theory and Practice of Social Development. 2022. No. 4 (170). Pp. 78–84.

10. Tishchenko A.V. Legal Socialization of the Individual, Types and Mechanisms: A Sociological Analysis / A.V. Tishchenko, A.V. Grishay // Humanities, SocioEconomic and Social Sciences. 2023. No. 11. Pp. 96–100.

Сравнительное исследование прагматических функций сетевых неологизмов «氛围感», vibe и «вайб» в межкультурном контексте

Илимира Илияс,
преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 906410112@qq.com

Чжу Минъян,
магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 17591658723@163.com

В статье проводится сопоставительный анализ семантического развития и прагматических функций китайской лексемы «氛围感», английского слова vibe и русского заимствования «вайб» в цифровой коммуникации. Материал исследования составили примеры употребления данных единиц в публикациях и комментариях на платформах Weibo, Xiaohongshu, X и «ВКонтакте», а также данные лексикографических и научных источников. Использованы описательный, контекстуальный, сопоставительный и лингвопрагматический методы. Установлено, что все три лексемы выражают субъективное впечатление и эмоциональную оценку, однако различаются сферой употребления и коммуникативными функциями. Китайское «氛围感» связано преимущественно с комплексной визуально-эстетической оценкой; английское vibe характеризуется широкой контекстуальной вариативностью и участвует в оценке межличностной совместимости; русское «вайб» выступает как стилистически маркированная единица неформального цифрового дискурса и постепенно осваивается словообразовательной системой русского языка. Полученные результаты показывают, что рассматриваемые единицы не являются полными межъязыковыми эквивалентами, а их функционирование определяется взаимодействием языковых, социальных и медийных факторов.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, эмоционально-оценочная лексика, прагматические функции, межъязыковое сопоставление, языковая адаптация.

Введение

Развитие цифровых медиаплатформ сопровождается интенсивным обновлением лексического состава национальных языков, расширением сфер употребления разговорных и заимствованных единиц, а также формированием новых способов выражения эмоциональной оценки. Особую исследовательскую значимость приобретают лексемы, позволяющие пользователям передавать обобщённое впечатление от пространства, человека, события или межличностного взаимодействия. В условиях визуально ориентированной коммуникации такие единицы обеспечивают смысловую экономию высказывания, поскольку выражают целостную оценку без последовательного перечисления отдельных характеристик объекта.

К числу подобных единиц относятся китайское «氛围感», английское vibe и русское заимствование «вайб». Все три лексемы могут использоваться для обозначения атмосферы, эмоционального впечатления и субъективной реакции на коммуникативную ситуацию. Вместе с тем их нельзя рассматривать как полные межъязыковые эквиваленты. Они имеют различное происхождение, занимают неодинаковое положение в соответствующих языковых системах и характеризуются собственными моделями семантического и прагматического развития. Китайское «氛围感» связано прежде всего с комплексной визуально-эстетической оценкой; английское vibe отличается широкой контекстуальной и грамматической вариативностью; русское «вайб» представляет собой стилистически маркированное заимствование, постепенно осваиваемое словообразовательной системой русского языка. В статье показано, что общность семантического компонента ‘субъективное впечатление’ не устраняет различий между этими единицами в типичных контекстах и коммуникативных функциях.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения механизмов, посредством которых эмоционально-оценочная лексика распространяется в цифровой среде, адаптируется к новым языковым системам и участвует в организации межличностного взаимодействия. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых интернет-лексике, молодёжному сленгу и англоязычным заимствованиям, сопоставительное изучение «氛围感», vibe и «вайб» остаётся недостаточно разработанным. Существующие исследования преимущественно рассматривают данные единицы по отдельности, тогда как их сравнительный анализ позволяет выявить как общие тенденции цифровой коммуникации, так и специфику их функционирования в китайском, английском и русском языках.

Цель исследования состоит в выявлении общих и специфических особенностей семантического развития и прагматического функционирования лексем «氛围感», vibe и «вайб» в цифровой коммуникации. Для достижения поставленной цели рассматриваются направления расширения их значений, типичные объекты оценки, формы языковой реализации, а также оценочная, экспрессивная, идентификационная, фатическая и межличностная функции.

Объектом исследования являются эмоционально-оценочные лексические единицы китайского, английского и русского цифрового дискурса. Предмет исследования составляют семантические изменения и прагматические функции лексем «氛围感», vibe и «вайб» в конкретных коммуникативных контекстах. Материалом послужили примеры их употребления в публикациях и комментариях на цифровых платформах Weibo, Xiaohongshu, X и «ВКонтакте», а также данные исследовательской и лексикографической литературы. Анализ материала осуществляется с применением описательного, контекстуального, сопоставительного и лингвопрагматического методов.

Научная новизна работы заключается в комплексном сопоставлении трёх функционально близких, но генетически и структурно неоднородных единиц. В отличие от подхода, основанного на установлении их формальной переводной эквивалентности, в статье учитываются различия в семантическом объёме, стилистической маркированности, формах грамматической реализации и коммуникативных функциях. Культурный фактор при этом рассматривается не как неизменная характеристика национального языка, а во взаимосвязи с типом цифровой платформы, форматом публикации, особенностями аудитории и степенью освоения лексемы соответствующей языковой системой.

Семантическая эволюция и расширение сфер употребления лексем «氛围感», vibe и «вайб»

Функционирование лексических единиц в современной цифровой коммуникации во многом определяется их способностью адаптироваться к новым контекстам и приобретать дополнительные оценочные и эмоциональные компоненты значения. Китайская лексема «氛围感», английское слово vibe и русское заимствование «вайб» имеют различное происхождение и функционируют в разных языковых системах, поэтому не могут рассматриваться как полные межъязыковые эквиваленты. Вместе с тем анализ их употребления в цифровом дискурсе позволяет выявить общую тенденцию: обозначение внешней обстановки постепенно дополняется выражением субъективного впечатления, эмоциональной оценки и характера межличностного взаимодействия. Данный процесс реализуется посредством расширения референциальной сферы, усиления оценочного компонента и частичного ослабления исходного пространственного значения.

В китайском языке единица «氛围感» образована сочетанием существительного «氛围» ‘атмосфера, обстановка’ и компонента «感» ‘чувство, ощущение’. В более ранних контекстах, представленных в исследовательской литературе, она преимущественно использовалась для характеристики воспринимаемых свойств пространства, художественного произведения или визуального образа. При этом значение лексемы включало не только объективные характеристики объекта, но и общее впечатление, возникающее в процессе его восприятия.

Распространение визуально ориентированных цифровых платформ способствовало расширению сферы употребления «氛围感». В публикациях на Weibo и Xiaohongshu за 2020–2024 гг. данная единица используется при описании интерьеров, кафе, путешествий, праздничных мероприятий, одежды, внешности и индивидуального стиля. В результате пространственный компонент значения частично ослабляется, тогда как эмоционально-оценочный компонент становится более выраженным. Лексема начинает обозначать не отдельные свойства объекта, а целостное впечатление, формируемое сочетанием визуальных, пространственных и эмоциональных факторов.

В анализируемых примерах «氛围感» сочетается преимущественно с единицами положительной оценочной семантики, в том числе «好绝» ‘впечатляющий’, «温馨» ‘уютный’, «治愈» ‘успокаивающий, создающий ощущение психологического комфорта’ и «放松» ‘расслабляющий’. Подобные сочетания показывают, что «氛围感» функционирует как средство комплексной оценки ситуации. Например, высказывание о том, что освещение в ночном кафе создаёт выраженное «氛围感», характеризует не столько конкретные параметры интерьера, сколько общее эмоционально-эстетическое впечатление от пространства.

Дальнейшее расширение значения проявляется в употреблении данной единицы применительно к коллективным действиям и массовым мероприятиям. Так, выражение «现场氛围感拉满», использовавшееся в связи с реакцией зрителей на фильм «Пылкий» («热烈»), может быть передано как ‘атмосфера мероприятия достигла максимальной интенсивности’. В данном случае «氛围感» обозначает уже не только воспринимаемое качество пространства, но и степень эмоциональной вовлечённости участников, интенсивность группового взаимодействия и общее настроение аудитории. Таким образом, расширение значения осуществляется за счёт переноса характеристики пространства на визуальный образ человека, стиль поведения и коллективную ситуацию.

Иная траектория семантического развития наблюдается у английского слова vibe. Согласно англоязычным лексикографическим источникам, данная форма исторически связана с сокращёнными обозначениями, восходящими к словам vibraphone и vibration. В дальнейшем она приобрела значение общего эмоционального впечатления, атмосферы или субъективного ощущения, вызываемого человеком, местом, предметом либо ситуацией.

В современной цифровой коммуникации vibe характеризуется широкой контекстуальной сочетаемостью и грамматической гибкостью. При употреблении в качестве существительного оно обозначает общий характер ситуации или эмоциональную окраску пространства, например: “The party has a nostalgic vibe”. В глагольном употреблении единица может выражать эмоциональную близость, психологическую совместимость или лёгкость взаимодействия между участниками коммуникации, например: “We just vibe well together”.

Типичные для цифрового общения сочетания good vibes, chill vibe и bad vibes позволяют говорящему кратко выразить положительную, расслабленную или отрицательную оценку ситуации. В подобных конструкциях vibe выполняет функцию обобщённого эмоционально-оценочного маркёра, содержание которого конкретизируется контекстом. Семантическая неопределённость данной единицы не препятствует пониманию, а, напротив, обеспечивает возможность её использования в широком круге ситуаций.

Расширение референциальной сферы vibe особенно заметно в контекстах межличностного взаимодействия. Высказывание “I’m really not feeling his vibe” указывает не на отдельное качество собеседника, а на общее ощущение психологической несовместимости или эмоциональной дистанции. В данном случае слово используется как средство краткой и контекстуально ёмкой оценки коммуникативной ситуации. Следовательно, семантическая эволюция vibe связана с переходом от обозначения воспринимаемой атмосферы к характеристике поведения, индивидуального стиля и межличностных отношений.

Русское слово «вайб» представляет собой фонетически и графически адаптированное заимствование из английского языка. Его распространение связано с влиянием англоязычной массовой культуры и цифровой коммуникации на современный молодёжный дискурс. В русскоязычном употреблении «вайб» обозначает общее эмоциональное впечатление, атмосферу места, характер ситуации или субъективную оценку человека.

Адаптация заимствования проявляется не только на фонетико-графическом, но и на словообразовательном уровне. Наряду с существительным «вайб» в цифровой и разговорной речи употребляются прилагательное «вайбовый», наречие «вайбово» и глагол «вайбить». Появление подобных форм свидетельствует о постепенном включении заимствованной основы в словообразовательную систему русского языка. При этом прилагательное «вайбовый» представляется более устойчивым, тогда как наречная и глагольная формы могут сохранять выраженную разговорную и окказиональную маркированность.

В сочетаниях «позитивный вайб», «приятный вайб», «спокойный вайб» и «безумный вайб» исследуемая единица служит средством общей эмоциональной оценки ситуации. Например, высказывание «На концерте был безумный вайб» передаёт совокупное впечатление от мероприятия, включающее особенности атмосферы, музыки, поведения аудитории и эмоциональной вовлечённости участников. При характеристике человека выражения типа «от неё исходит комфортный вайб» обозначают субъективное впечатление, сформированное на основе его внешности, поведения или коммуникативной манеры.

По своему значению «вайб» не полностью совпадает со словами «атмосфера» и «настроение». Лексема «атмосфера» чаще характеризует общую обстановку, тогда как «настроение» преимущественно соотносится с внутренним эмоциональным состоянием человека. «Вайб» может объединять оба компонента, обозначая субъективно воспринимаемое качество ситуации, пространства или межличностного контакта. Вместе с тем он не вытесняет указанные русские слова, а функционирует наряду с ними как стилистически маркированное средство выражения обобщённого впечатления.

Сопоставление трёх единиц показывает, что их семантическое развитие подчиняется общей тенденции перехода от характеристики внешней среды к выражению субъективной эмоциональной оценки. Однако конкретные механизмы этого процесса различаются. Китайское «氛围感» расширяет сферу употребления от пространственно-эстетической характеристики к оценке визуального образа, индивидуального стиля и коллективной ситуации. Английское vibe отличается высокой контекстуальной гибкостью и используется для характеристики пространства, поведения, стиля и межличностной совместимости. Русское «вайб», заимствованное из английского языка, адаптируется к словообразовательной системе русского языка и функционирует преимущественно как эмоционально-оценочный маркёр в молодёжной цифровой коммуникации.

Несмотря на функциональное сближение, рассматриваемые единицы не являются взаимозаменяемыми. Их значения определяются не только общим семантическим компонентом ‘субъективное впечатление’, но и типичными контекстами употребления, особенностями языковой системы и коммуникативными практиками соответствующих цифровых сообществ.

Сравнительный анализ прагматических функций лексем «氛围感», vibe и «вайб» в цифровой коммуникации

Рассмотренное выше семантическое расширение лексем «氛围感», vibe и «вайб» создаёт условия для их использования в различных ситуациях цифровой коммуникации. В анализируемом материале данные единицы выполняют оценочную, экспрессивную, идентификационную и фатическую функции, а также участвуют в регулировании межличностной дистанции. Указанные функции не являются полностью изолированными: в конкретном высказывании одна и та же лексема может одновременно выражать эмоциональную оценку, поддерживать контакт между поль-

зователями и маркировать ориентацию говорящего на определённый стиль цифрового общения.

В китайскоязычных публикациях «氛围感» используется прежде всего как средство комплексной эмоционально-эстетической оценки. Обращение к данной единице позволяет автору не перечислять отдельные характеристики пространства, внешности или визуального образа, а передавать целостное впечатление, содержание которого конкретизируется адресатом на основании контекста. Например, при описании интерьера «氛围感» может объединять оценку освещения, цветового решения, расположения предметов и общего эмоционального воздействия пространства. В подобных случаях лексема выполняет функцию прагматического обобщения и способствует смысловой экономии высказывания.

Такое употребление не следует интерпретировать как эвфемизацию в строгом смысле слова. Более точно его можно определить как имплицитную оценочную стратегию, при которой часть характеристик объекта не получает прямого словесного выражения, а восстанавливается адресатом на основе визуального и ситуативного контекста. Данная особенность особенно заметна в публикациях, сопровождаемых фотографиями и видеозаписями: вербальный компонент не дублирует изображение, а задаёт общий способ его интерпретации.

При описании человека «氛围感» также смещает внимание с оценки отдельных черт внешности на целостный визуальный образ, включающий одежду, выражение лица, позу, манеру поведения и особенности самопрезентации. Сочетание «氛围感美女» обозначает не конкретный тип внешности, а образ, воспринимаемый как эстетически целостный и эмоционально выразительный. В данном случае лексема выполняет оценочную и категоризующую функции, поскольку не только выражает положительное отношение, но и относит объект к определённому типу визуальной репрезентации, распространённому в цифровой культуре.

В анализируемых комментариях «氛围感» может выполнять и фатическую функцию. Краткие реплики типа «太有氛围感了» не только выражают оценку, но и поддерживают взаимодействие между пользователями, демонстрируя совпадение эмоциональной реакции и эстетических предпочтений. Тем самым лексема способствует формированию ситуативной общности и поддержанию контакта без развёрнутой аргументации.

Английское vibe в представленном материале демонстрирует более широкий диапазон прагматических употреблений. В зависимости от контекста оно может характеризовать пространство, человека, стиль, событие или межличностное взаимодействие. Одной из его основных функций является краткая эмоциональная оценка, не требующая подробного объяснения причин. Конструкции good vibes, bad vibes, chill vibe и It's a whole vibe позволяют говорящему выразить положительное или отрицательное отношение, одобрение определённого стиля либо эмоциональную реакцию на ситуацию.

Высказывание It's a whole vibe обычно используется не для нейтрального описания объекта, а для выражения его эмоциональной и стилистической целостности. Содержание оценки при этом остаётся частично неопределённым и восстанавливается адресатом на основании изображения, предшествующего контекста или общего культурного знания. Такая контекстуальная ёмкость делает vibe удобным средством цифровой коммуникации, в которой значительная часть информации передаётся с помощью кратких реплик, визуальных материалов и невербальных знаков.

В межличностных контекстах vibe выполняет функцию оценки психологической совместимости и регулирования дистанции. Выражения типа I like her vibe или I'm not feeling his vibe позволяют передать общее отношение к человеку, не называя конкретных оснований симпатии или дистанцирования. В данном случае неопределённость содержания имеет прагматическое значение: говорящий может выразить отношение достаточно ясно, но при этом избежать категоричной характеристики собеседника.

В отдельных контекстах vibe участвует также в конструировании групповой идентичности. Одобрение определённого музыкального направления, визуального стиля, модели поведения или образа жизни посредством данной единицы позволяет говорящему обозначить собственные предпочтения и соотнести себя с определённым сообществом. При этом идентификационная функция не является постоянным компонентом значения слова и проявляется прежде всего в тех случаях, когда оцениваемый объект связан с групповыми нормами, субкультурой или узнаваемым стилем.

Русское «вайб» в значительной степени сохраняет оценочные и межличностные функции английского источника, однако дополнительно выступает как стилистически маркированная единица неформального цифрового дискурса. В анализируемых русскоязычных примерах оно используется для выражения общего субъективного впечатления от места, человека, события или коммуникативной ситуации. В сочетаниях «приятный вайб», «спокойный вайб», «странный вайб» и «негативный вайб» данная лексема выполняет прежде всего оценочную и экспрессивную функции.

В прагматическом плане выбор слова «вайб» позволяет представить оценку как субъективную, неформальную и контекстуально обусловленную. Например, высказывание «На концерте был особый вайб» не просто характеризует атмосферу мероприятия, а передаёт личное впечатление говорящего, включающее восприятие музыки, поведения аудитории и общей эмоциональной вовлечённости участников. В данном случае «вайб» выполняет функцию прагматического обобщения, объединяя несколько компонентов ситуации в одной стилистически маркированной номинации.

При характеристике человека выражения типа «у него спокойный вайб» или «от неё идёт позитивный вайб» передают субъективное впечатление от внешности, поведения и коммуникативной манеры. Такие высказывания допускают широкую контекстуальную интерпретацию и могут использоваться для выражения симпатии, дистанции или предварительной оценки коммуникативной совместимости.

Употребление «вайб» и его производных «вайбовый», «вайбово» и «вайбить» может маркировать ориентацию говорящего на молодёжный и неформальный цифровой дискурс. В данном случае идентификационная функция обусловлена не только предметным значением единицы, но и её стилистической окраской. Выбор слова «вайб» вместо нейтральных единиц «атмосфера», «впечатление» или «настроение» позволяет актуализировать неформальный характер общения и продемонстрировать владение актуальными моделями цифровой речи.

Таблица 1. Сопоставление прагматических функций лексем «氛围感», vibe и «вайб» в цифровой коммуникации

Измерение сопоставления	Китайское «氛围感»	Английское vibe	Русское «вайб»
Основной объект оценки	Пространство, визуальный образ, внешность, коллективная ситуация	Пространство, стиль, человек, событие, межличностное взаимодействие	Пространство, событие, человек, субъективное впечатление
Оценочная функция	Комплексная эмоционально-эстетическая характеристика	Краткая положительная или отрицательная оценка	Обобщённая субъективная оценка ситуации или человека
Экспрессивная функция	Передача целостного впечатления через имплицитную характеристику	Передача эмоциональной реакции посредством контекстуально ёмкой единицы	Выражение личного впечатления в неформальной коммуникации
Идентификационная функция	Соотнесение с определёнными эстетическими предпочтениями	Обозначение ориентации на стиль, субкультуру или сообщество	Маркирование ориентации на молодёжный цифровой дискурс
Фатическая и межличностная функция	Поддержание контакта и формирование общего эмоционального восприятия	Оценка психологической совместимости и регулирование дистанции	Выражение симпатии, дистанции или предварительной оценки собеседника
Формы языковой реализации	Преимущественно именная единица и компонент атрибутивных конструкций	Существительное, глагол и элемент устойчивых конструкций	Существительное и разговорные производные «вайбовый», «вайбово», «вайбить»
Стилистическая характеристика	Единица цифрового и визуально ориентированного дискурса	Разговорная единица с широкой контекстуальной применимостью	Стилистически маркированное заимствование неформальной речи

На уровне общих характеристик все три единицы обеспечивают смысловую экономию цифровой коммуникации. Они позволяют выразить обобщённое впечатление без перечисления всех признаков объекта и оставляют адресату возможность контекстуальной конкретизации значения. Кроме того, «氛围感», vibe и «вайб» участвуют в выражении эмоциональной оценки, поддержании контакта и формировании ситуативной солидарности между пользователями.

Вместе с тем степень выраженности отдельных функций различается. В анализируемых китайскоязычных примерах «氛围感» связано прежде всего с комплексной визуальной и эстетической оценкой. В представленном англоязычном материале vibe демонстрирует более широкий диапазон прагматических употреблений и используется как для оценки объектов и ситуаций, так и для характеристики межлич-

ностной совместимости. Русское «вайб» сохраняет основные оценочные возможности английского источника, но дополнительно выполняет функцию стилистического маркёра неформального молодёжного цифрового дискурса.

Выявленные различия следует связывать не с неизменными характеристиками китайской, английской или русской культуры в целом, а с конкретными коммуникативными практиками цифровых сообществ. На функционирование исследуемых единиц влияют тип платформы, формат публикации, возрастные и социальные характеристики пользователей, а также степень освоения лексемы соответствующей языковой системой. Поэтому культурный фактор целесообразно рассматривать во взаимосвязи с жанровыми, социальными и медийными условиями употребления.

Заключение

Проведённый анализ показал, что китайское «氛围感», английское vibe и русское «вайб» объединены общим семантическим компонентом, связанным с выражением субъективного впечатления и эмоциональной оценки. В цифровой коммуникации все три единицы расширяют сферу употребления: они используются не только для характеристики пространства, но и при описании визуального образа, стиля, поведения, события и межличностного взаимодействия. Вместе с тем их функциональные траектории различаются. Китайское «氛围感» связано преимущественно с комплексной визуально-эстетической оценкой и имплицитной передачей целостного впечатления; английское vibe характеризуется более широкой контекстуальной вариативностью и используется для выражения оценки, психологической совместимости и групповой идентичности; русское «вайб» сохраняет основные функции английского источника, но дополнительно выступает как стилистически маркированная единица неформального цифрового дискурса и постепенно осваивается словообразовательной системой русского языка.

Полученные результаты подтверждают, что функционально близкие лексемы не являются полными межъязыковыми эквивалентами: особенности их употребления определяются происхождением, структурой соответствующего языка и коммуникативными практиками цифровых сообществ. Их распространение следует рассматривать не как механическое копирование языковых знаков, а как процесс семантической, прагматической и словообразовательной адаптации. При этом выявленные различия обусловлены не неизменными характеристиками национальных культур, а взаимодействием языковых, социальных, жанровых и медийных факторов. Перспективы дальнейшего исследования связаны с формированием сопоставимых корпусов китайских, английских и русских публикаций, а также с количественным анализом частотности, сочетаемости и контекстов употребления рассматриваемых единиц.

Литература

1. Бай Цзинтин. Возникновение и распространение тематики «氛围感» в сфере индустрии красоты в условиях новых медиа: на материале обучающих видеороликов по макияжу на платформе Xiaohongshu // Аудиовизуальные средства. – 2021. – № 7. – С. 150–152.

2. Ли Течуй. Сетевые популярные слова как форма выражения общественного мнения в субкультурной коммуникации // Современная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 85–87.

3. Ли Минцзе. Обзор ежегодных рейтингов слов и разграничение понятий популярных выражений // Современная риторика. – 2014. – № 1. – С. 48–54.

4. Тао Дунфэн. Метакритика исследований сетевых популярных слов: на материале дискуссий о феномене «лежать плашмя» // Исследования и дискуссии. – 2021. – № 12. – С. 25–27.

5. Ху Юй, Сюэ Цзин. Причины смены сетевых популярных слов: современная культурная психология и культурная коммуникация сквозь призму интернет-лексики // Народный форум. – 2019. – № 10. – С. 127–129.

6. Ху Цинцин. Сетевые популярные слова и современное состояние общественной морали // Вестник Сянтаньского университета. Серия: Философия и общественные науки. – 2016. – Т. 40, № 5. – С. 145–148.

7. Ван Шиюн. Понятие и основные характеристики сетевых популярных выражений // Исследование. – 2014. – № 4. – С. 186–192.

8. Ван Сяонин, Чэнь Чжэньчжэнь. Распространение и социальные функции сетевых популярных слов: на материале анализа десяти наиболее популярных интернет-слов 2020 года // Молодой журналист. – 2021. – № 4. – С. 41–42.

9. Вэй Юньцзе. О понятиях «художественная концепция», «атмосфера» и «氛围感» // Знаки и медиа. – 2024. – № 2. – С. 127–137.

10. Цзоу Цзюнь. От сетевого символа к системе социальных символов: анализ общественного влияния интернет-языка // Современная коммуникация: Вестник Китайского университета коммуникаций. – 2013. – Т. 35, № 9. – С. 63–65.

11. Зиянгирова, Е.Л. Воздействие метаязыка социальных сетей на формирование современного русского языка // Национальная ассоциация учёных. – 2022. – № 85–3. – С. 48–49.

12. Смеюха, В.В. Функционирование молодёжного сленга в СМИ // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 137–148.

13. Баранова, Е.А. Американский молодёжный сленг в российских медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 775–787.

14. Вэй, Ч. Проблема лексико-грамматического освоения заимствованных сленгизмов // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2022. – № 4. – С. 122–131.

15. Сёнмез, А. Прохладные, огненные, расслабленные и ещё пять типов вайба: феноменологическое исследование группового настроения // She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 93–117.

A COMPARATIVE STUDY OF THE PRAGMATIC FUNCTIONS OF THE INTERNET NEOLOGISMS “氛围感,” “VIBE,” AND “ВАЙБ” IN A CROSS-CULTURAL CONTEXT

Yilimire Yiliyasi, Zhu Mingyang
Xinjiang Normal University

This article presents a comparative analysis of the semantic development and pragmatic functions of the Chinese lexeme «氛围感», the English word vibe, and the Russian borrowing «вайб» in digital communication. The research material includes examples of these units used in posts and comments on Weibo, Xiaohongshu, X, and VKontakte, as well as data from lexicographic and scholarly sources. Descriptive, contextual, comparative, and linguopragmatic methods are employed. The findings show that all three lexemes express subjective impressions and emotional evaluations, while differing in their spheres of use and communicative functions. The Chinese «氛围感» is primarily associated with complex visual and aesthetic evaluation; the English vibe demonstrates broad contextual variability and is used to assess interpersonal compatibility; the Russian «вайб» functions as a stylistically marked unit of informal digital discourse and is gradually being integrated into the Russian word-formation system. The results demonstrate that these units are not complete cross-linguistic equivalents and that their functioning is determined by the interaction of linguistic, social, and media-related factors.

Keywords: Digital Communication, Emotive And Evaluative Vocabulary, Pragmatic Functions, Cross-Linguistic Comparison, Linguistic Adaptation.

References

1. Bai, Jingting. The Emergence and Dissemination of the “氛围感” Theme in the Beauty Industry in the New Media Environment: A Study of Makeup Tutorial Videos on Xiaohongshu // Audiovisual Media. – 2021. – No. 7. – Pp. 150–152.

2. Li, Tiechui. Internet Buzzwords as a Form of Public Opinion Expression in Subcultural Communication // Contemporary Communication. – 2015. – No. 3. – Pp. 85–87.

3. Li, Mingjie. A Review of Annual Word Rankings and a Conceptual Distinction of Popular Expressions // Contemporary Rhetoric. – 2014. – No. 1. – Pp. 48–54.

4. Tao, Dongfeng. A Meta-Critique of Research on Internet Buzzwords: Based on Discussions of the “Lying Flat” Phenomenon // Exploration and Free Views. – 2021. – No. 12. – Pp. 25–27.

5. Hu, Yu, and Xue, Jing. The Rise and Decline of Internet Buzzwords: Contemporary Cultural Psychology and Cultural Communication through the Prism of Internet Vocabulary // People’s Tribune. – 2019. – No. 10. – Pp. 127–129.

6. Hu, Qingqing. Internet Buzzwords and the Contemporary State of Public Morality // Journal of Xiangtan University. Philosophy and Social Sciences. – 2016. – Vol. 40, No. 5. – Pp. 145–148.

7. Wang, Shiyong. The Concept and Main Characteristics of Internet Popular Expressions // Exploration. – 2014. – No. 4. – Pp. 186–192.

8. Wang, Xiaoning, and Chen, Zhenzhen. The Dissemination and Social Functions of Internet Buzzwords: An Analysis of the Ten Most Popular Internet Words of 2020 // Youth Journalist. – 2021. – No. 4. – Pp. 41–42.

9. Wei, Yunjie. On the Concepts of “Artistic Conception,” “Atmosphere,” and “氛围感” // Signs and Media. – 2024. – No. 2. – Pp. 127–137.

10. Zou, Jun. From Internet Symbols to a System of Social Symbols: An Analysis of the Social Influence of Internet Language // Modern Communication: Journal of the Communication University of China. – 2013. – Vol. 35, No. 9. – Pp. 63–65.

11. Ziyangirova, E.L. The Influence of Social Media Metalanguage on the Formation of the Modern Russian Language // National Association of Scholars. – 2022. – No. 85–3. – Pp. 48–49.

12. Smeyukha, V.V. The Functioning of Youth Slang in the Mass Media // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences. – 2023. – Vol. 9, No. 2. – Pp. 137–148.

13. Baranova, E.A. American Youth Slang in Russian Media // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. – 2022. – Vol. 27, No. 4. – Pp. 775–787.

14. Wei, Ch. The Problem of Lexical and Grammatical Adaptation of Borrowed Slang Words // Bulletin of Ryazan State University Named for S.A. Yesenin. – 2022. – No. 4. – Pp. 122–131.

15. Sönmez, A. Chill, Fiery, Slack, and Five Other Vibes: A Phenomenological Inquiry into Group Mood // She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation. – 2022. – Vol. 8, No. 1. – Pp. 93–117.

Массовый героизм воинов крымских татар по данным военных архивов России и мифические цифры о коллаборационизме крымских татар в современных научных изданиях

Куртсеитов Рефик Джаферович,
кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, историк, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова
E-mail: kurtseitov@mail.ru

В контексте 80-летия Победы над фашизмом военным и историческим сообществам России сохраняется высокий научный интерес к роли крымских татар и других народов СССР в Великой Отечественной войне. В работе анализируются архивные источники ЦАМО РФ, ЦВМА и ГАРФ, доказывая вклад крымскотатарских военнослужащих в РККА и РККФ, их награды, боевые пути и судьбы. Раскрываются противоречия между мифами о дезертирстве и реальными данными, подчёркнутая роль исторического просвещения как инструмента формирования гражданской идентичности и памяти народа.

Ключевые слова: крымские татары, военный подвиг, архивы, системная дезинформация, фальсификация.

В год 80-летия Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной 1941–1945 гг. научный интерес к событию мирового масштаба не ослабевает. Президентом Российской Федерации 8 мая 2024 года был подписан Указ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», где представлены в том числе основные принципы и задачи в области исторического просвещения. Указ издан в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Основы включают, общие положения, которые определяют цели, основные принципы, задачи и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. Даётся нормативно-правовая база Основ, которую составляет Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, федеральные законы, и другие законодательные и нормативные акты. В Указе № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» даются основные понятия. Первым таким понятием является – историческое просвещение.

«**Историческое просвещение** – регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества». Содержание второго основного понятия также ёмко – «**государственная политика в области исторического просвещения** – совокупность действий, реализуемых субъектами государственной политики в области исторического просвещения, направленных на распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний, поддержку и развитие системы научного исторического знания, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине».

Лишь с началом перестройки и демократизации общественно-политической жизни в СССР стало возможным принятие 14 ноября 1989 года Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», и 28 ноября 1989 года Постановления Верховного Совета СССР по итогам работы государственной комиссии Совета национальностей Верховного Совета СССР по проблемам крымскотатарского народа.

Начиная с этого времени стали проводиться научные конференции, издаваться научные сборники и монографии, в которых содержалась персональная информация о крымских татарах – участниках боевых действий, офицерском, рядовом и сержантском составах.

В многочисленных работах профессора Р.Музафарова, часть из которых была опубликована после смерти автора, представлена информация об участии крымских татар в партизанском и подпольном движении в Крыму и на фронтах войны. [7.]

В документальных сборниках А. Велиева представлены краткие биографии и военные заслуги военнослужащих рядового, сержантского и офицерского составов. [4.]

В монографиях и справочных изданиях доктора исторических наук В.Е. Полякова на документальной основе представлены военные заслуги воинов – крымских татар в партизанском движении Крыма, в различных родах войск Красной Армии. [13.]

Р. Куртсеитовым написана часть второго тома коллективной монографии «Вклад репрессированных народов в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [8.] и монография «Крымские татары в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: подвиг, отражённый в наградных документах. Долгое возвращение на Родину» в двух частях. [9]

Основными целями нашего исследования были восстановление объективной картины военного подвига крымских татар – воинов РККА, РККФ, проживавших на территории Крымской АССР, а также за пределами полуострова; определение общей численности военнослужащих, награжденных различными орденами и медалями по годам

войны. В рамках нашей выборочной совокупности на основе документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), его филиала – Центрального военно-морского архива (ЦВМА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и других архивов. В соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 мая 2007 года № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (с изменениями на 30 мая 2009 года), были созданы обобщенные электронные банки данных о военных потерях «ОБД Мемориал» и воинском подвиге «Подвиг народа».

Электронные копии оригиналов наградных листов хранят ценнейшую информацию о подвиге солдат-представителей всех народов СССР, и в том числе по призванным военкоматами Крымской АССР. Всего по Крымской АССР нами выявлено 35 347 награждений по 114 воинским званиям. Офицеры награждены были 8 124 раз, сержанты –12 878, рядовые –14 300, без званий – 45.

Общая численность населения Крымской АССР составляла 1 126 429 человек. Из этого числа следует вычесть численность этнических сообществ – иностранных диаспор. Процентное соотношение крымских татар (218 079 чел.) к общей численности населения разных национальностей, подлежащих мобилизации составляла – 21,5%.

Численность мобилизованных на фронт с началом войны и проходивших срочную службу, составила более 93 000 человек. Исходя из 21,05% – доли крымских татар среди подлежащего призыву населения Крымской АССР в Красную армию, а также тех, кто проходил срочную службу по довоенным призывам, их общая численность могла составлять 19,5 тысяч.

По мере освобождения территории полуострова, военкоматами Крымской АССР и выделенным для их оперативной работы офицерским составом армий, принимавшим участие в боевых действиях, было мобилизовано более 51 000 человек. Из них 13 тысяч составляли крымские татары, большая часть из которых (11 000 человек) были направлены в трудовую армию.

Основной задачей нашего исследования является выявление наградных листов и наградных списков, в которых значатся военнослужащие – крымские татары, призванные, в основном, военкоматами Крымской АССР, включая г. Севастополь, который входил в то время в состав автономии, а также других территорий СССР, хранящихся в электронных базах ЦАМО РФ, проведение количественно-качественного анализа их содержания.

Объектом исследования являются наградные документы, в частности наградные листы, наградные списки – приказы по частям о награждении, Указы Президиума Верховного Совета СССР, приказы по соединениям и фронтам о награждении военнослужащих – крымских татар орденами и медалями.

В качестве предмета нашего исследования рассматривается содержание наградных документов, зафиксировавших военный подвиг военнослужащих – крымских татар рядового, сержантского, офицерского составов по годам войны.

Всего учтенных по нашей выборке боевых наград от медали «За боевые заслуги» и выше 3550, из них орденов – 1727, медалей – 1823.

Героев Советского Союза и приравненных к этому званию:

Дважды Герой Советского Союза – 1 Герой Советского Союза – 5, Герой Российской Федерации – 1 (2014 г.) Полный кавалер ордена Славы – 2. Награжденные 4 медалями «За отвагу» – 2.

Общее количество награждений за весь период войны, по нашей выборке:

Медалью «Золотая Звезда» –6. Орденами Ленина – 13, Красного Знамени – 135, Суворова III степени – 3, Кутузова II степени – 1, Кутузова III степени – 3, Богдана Хмельницкого II степени – 1, Богдана Хмельницкого III степени – 2, Александра Невского – 21, Отечественной войны I степени – 118, Отечественной войны II степени – 318, Красной звезды – 909, Славы I степени – 2, Славы II степени – 12, Славы III степени – 174, медалью «За отвагу» – 910, «За боевые заслуги» – 894, Ушакова – 3.

В наградных листах значатся 22 представления к званию Герой Советского Союза и 1 к званию дважды Герой Советского Союза. Четыре офицера по два раза представлялись к званию Герой Советского Союза: майор Абдраим Решидов, майор Амет-Хан Султан, майор Джафер Осман Топчи, подполковник Анатолий (Фетислям) Абилов.

Из 3550 награждений, **на рядовой состав приходится 1201, на сержантский 1198 и на офицерский 1151.** Распределение наград по составам военнослужащих и годам войны также выявляет определенную закономерность – устойчивый рост количества награждений по годам войны.

Таблица награждений орденами и медалями рядового, сержантского и офицерского состава из числа крымских татар по годам войны и послевоенные годы

По годам войны	Рядовые ордена/медали	Сержанты ордена/медали	Офицеры ордена/ медали	Итого ордена/ медали	Всего
1941 г.	3 / 1	2 / 3	17 / 1	22 / 5	27
1942 г.	7 / 56	21 / 54	45 / 27	73 / 137	210
1943 г.	33 / 213	76 / 216	182 / 87	291 / 516	807
1944 г.	94 / 300	179 / 209	295 / 65	568 / 574	1142
1945 г.	156 / 298	228 / 185	337 / 60	721 / 543	1264
1946-1951 гг.	16 / 23	13 / 12	23 / 13	52 / 48	100
орденов/ медалей	309 / 892	519 / 679	899 / 252	1727/1823	3550
Всего	1201	1198	1151	3550	3550

В целом, соотношение орденов и медалей для рядовых составляет 309 орденов к 892 медалям, 25,5% орденов к 74,5% медалей. Для сержантов соотношение меняется, на 519 орденов приходится 679 медалей, 42,8% орденов к 57,2% медалей. У офицерского состава соотношение орденов и медалей прямо противоположно рядовому составу: на 899 орденов приходится 252 медали, 78,2% орденов к 21,8% медалей.

Командный офицерский состав: командиров полков – 10 человек, командиров батальонов – 21, командиров рот – 65, командиров взводов –195, командиров артиллерийских дивизионов и батарей – 35, командиров авиационных эскадрилий – 6, командиров эскадронов – 2 и т.д. Соотношение командиров и заместителей командиров частей и подразделений один к трем. Старшим по воинскому званию был генерал-майор Исмаил Булатов, член Военного совета 5 Ударной Армии.

В докладной Б.З. Кобулова и И.А. Серова направленной Л.П. Берии, датированной 22 апреля 1944 года, говорится «…все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар… 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении ее из Крыма…». Как могли «20 тысяч крымских татар дезертировать из 51 Армии в 1941году» если в Крыму с началом войны мобилизовали всех подлежащих призыву и отправили в воинские части, дислоцированные за пределами Крыма.

51 Армия стала формироваться, начиная с 15 августа, к этому времени основная мобилизация в Крыму уже была проведена в ней было минимальное количество крымских татар старших призывных возрастов. «20 тысяч дезертиров» появились только перед выселением для обоснования этого акта, все годы начиная с 1941 по май 1944 г. эта информация не проходит по журналам боевых действий и другим военным документам. Это провокация в чистом виде. Все это легло в основу постановления ГКО СССР от 11 мая 1944 г. о выселении крымскотатарского народа. О мобилизации в 51 Армию будет сказано ниже.

Широко тиражируемые в послевоенный период и в настоящее время мифы о «татарских дивизиях», которые «сдали Крым», являются системной дезинформацией и самой настоящей информационной войной. О том, как героически воевала 51 Армия в своих воспоминаниях написал заместитель командующего, а затем командующий армией генерал-лейтенант (генерал армии) П.И. Батов. [1]

Среди фальсификаторов особое место занимает крымский историк, кандидат исторических наук, выпускник военного училища и исторического факультета университета, подполковник – В.Н. Пащеня. В монографии «Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.)» второе издание, опубликованном в 2014 году некорректные обобщения, прямые оскорбления крымскотатарского народа проходят через всю работу.

«…проведение политики коренизации, подтверждением чему является формирование с началом войны двух национальных татарских дивизий– 320-й и 321-й.» [12, С.70] «…Одной из главных и трагических особенностей проведения мобилизационных мероприятий явилось формирование 2-х стрелковых дивизий из 4-х по национальному принципу из числа татар, которые впоследствии дезертировали с Перекопа и под Евпаторией, что открыло немцам дорогу в Крым и на Севастополь. К сожалению, авторам не удалось найти документов, которые допустили такой принцип формирования, но он был». [12.].

Тиражирование мифов о массовом коллаборационизме репрессированных народов продолжается и в настоящее время, неправдивая информация помещается в учебники и учебные пособия, что соз-

дает механизм трансляции через подготовку специалистов историков и политологов, попадает в школьные издания. В учебном пособии для студентов историков и политологов А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова «История России. 1917–2004 гг.», констатируется, что «в составе вермахта были также легионы из мусульман Поволжья и Крыма, казачьи соединения, с начала войны – западноукраинские и прибалтийские эсэсовские дивизии. …». Авторы учебного пособия допускают неточность, называя во множественном числе легионы. Из мусульман же Крыма не создавали легион и тем более легионы. Из военнопленных создавались роты [14], после того как в них стали группы сопротивления врагу и уход к партизанам, роты отправили повторно в лагеря. Затем, из этих же пленных создали восемь батальонов. Среди командного состава не было ни одного командира Красной Армии из числа крымских татар. Один из двух вышеназванных авторов – А.И. Вдовин в своей новой работе «Великая Отечественная война: учебное пособие» изданной в Москве в 2023 году, продолжает дезинформировать будущих специалистов относительно участия крымских татар в Великой Отечественной войне. Дословная цитата: *«Помимо коллаборационистов, по данным НКВД СССР, начиная со второй половины 1941 года по июль 1944 года, по Союзу ССР было выявлено 120,2 тысяч дезертиров (3, 51% от числа призванных в Вооруженные силы за годы войны) и 456, 7 тысяч (1, 32% уклонившихся от службы в армии. **В некоторых случаях (крымские татары, чеченцы и ингуши) уклонение приобрело значительные размеры. Большинство из дезертировавших из армии крымских татар перешли на сторону нацистской Германии и с оружием в руках боролись против соотечественников.**»* [3, С.164] И в этом случае А.И. Вдовин лжет и оскорбляет погибших и выживших бойцов из числа крымских татар.

В 2018 году в общеобразовательные учреждения поступило учебное пособие «История Крыма» для десятого класса, состоящего из двух частей. Учебное пособие было подготовлено под руководством и координацией Министерства образования, науки и молодежи Крыма. Авторами учебного пособия стали ведущие историки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Появление учебного пособия в школах вызвало протесты родителей, крымскотатарской общественности и, конечно, привлекло внимание историков. Многие положения и утверждения авторов настолько необъективны и предвзяты в отношении крымских татар, что сразу же сделали из учебного пособия «яблоко раздора».

Приведем несколько цитат. *«В Крыму в силу специфики национального состава населения германское командование оперативно приняло меры для того, чтобы расположить к сотрудничеству крымских татар, часть которых встречала оккупантов в некоторых городах и деревнях букетами, угощали фруктами и вином, видя в них освободителей»* [6, С. 153]. Авторы изображают картину праздника – оккупации, у людей чьи сыновья, мужья, братья воюют в частях Красной Армии. Достаточно цинично. Встречать оккупанта букетами, угощать фруктами, разливать вино, полностью не соответствовало действительности и крымскотатарским традициям, особенно вино, потребление которого не соответствовало нормам ислама.

В этом школьном учебном пособии также утверждается, что 20 тысяч крымских татар с оружием в руках поддерживали оккупационный нацистский режим.

Авторы учебного пособия, в тоже время, проявили некоторую «скромность», по сравнению с первым секретарем ЦК Компартии Украины П. Шелестом, который в своем письме в 1966 году в ЦК КПСС «О нецелесообразности возвращения крымских татар в Крымскую область» писал о 35 тысячах татар с оружием в руках служившим оккупантам, и тысячах, которые им в этом помогали. П. Шелест приписал к предателям новорожденных и еще не родившихся детей.

В СССР партийные структуры контролировали и направляли работу научных учреждений, учебных заведений. Под контролем Крымского областного комитета Компартии Украины находилось его структурное подразделение – отдел науки, а также все научные структуры, идеологические кафедры ВУЗов Крымской области, которые слепо выполняли директивы вышестоящих партийных организаций.

В апреле 2021 года в журнале «Национальная оборона. Спецслужбы.» была опубликована статья ветерана 5-го управления КГБ СССР Олега Павлова, которым руководил генерал-армии Ф.Д. Бобков, под названием «Крымскотатарский вопрос» в СССР: вымыслы и реальность» [11].

О. Павлов рассматривает различные аспекты крымскотатарской проблемы и, в том числе, военные заслуги крымских татар в Великой Отечественной войне. Большую ценность имеет информация о том, как «создавалась» крымскотатарская проблема и кто ее использует. Привожу достаточно большую цитату из его работы, которая проясняет многие вопросы:

«…Политическая значимость, чувствительность для безопасности государства и острота этой проблемы обуславливали постоянное внимание к ней со стороны органов КГБ СССР в течение нескольких десятилетий, вплоть до 1991 г.

*Крымские татары – один из необоснованно репрессированных и выселенных в 1944 г. на спецпоселение народов, **у которого в те годы не была восстановлена существовавшая до войны автономная государственность.** … **Мне довелось в архивах КГБ и КПСС изучать архивные секретные и сов. секретные материалы времен войны, из которых ясно видно, что обвинения всего крымскотатарского народа в поголовном предательстве были лживыми, необоснованными, а иногда преднамеренными и целенаправленными.***

…Достаточно сказать, что фашистами в Крыму в годы оккупации в качестве карателей, полицаев, агентов гестапо, пособников и т.д. использовались предатели всех без исключения живших там народов: русские, украинцы, крымские татары, греки, армяне, болгары и др. А процент каждой из «национальных групп» в общем числе выявленных после освобождения Крыма и арестованных предателей практически совпадал с процентным соотношением национальностей среди населения Крымской АССР согласно последней предвоенной переписи населения.

*Состав коллаборационистов был национально пестрым, как и все население полуострова. В городах и районах оккупированного Крыма существовали русские, украинские, мусульманские (крымскотатарские), греческие, болгарские и армянские «национальные комитеты», которые находились под контролем гестапо и армейского командования. В Крыму в годы оккупации дислоцировались созданные фашистами отряды, в которых было около 30 тыс. «добровольцев». В том числе 12 власовских батальонов, полк «Бергман» из кавказцев, туркестанский, северокавказский, армянский, грузинский и азербайджанский легионы, а также несколько батальонов и рот (**всего до 4 тыс. человек**), сформированных в основном из крымских татар.».*

Известный севастопольский исследователь А.В. Неменко, по данным военных архивов оккупационных войск установил «За все время было **выдано 2548 солдатских книжек**. И, если провести анализ, то выяснится, что реальных добровольцев было чуть более 700 человек, остальные были пленными». [10]

В отличие от работ отдельных исследователей многотомные труды академических институтов, должны нести исключительно объективную информацию. К сожалению, в «крымскотатарском вопросе» этого не происходит.

В работе «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» в 12 томах, изданная в 2011–2014 годах Институтом военной истории Министерства обороны Российской Федерации, как фундаментальное научное издание, охватившее весь период войны, рассматриваются в комплексе, как военные действия на фронтах войны, партизанское движение на оккупированных территориях, так и трудовой героизм тружеников тыла.

Десятый том содержит информацию по нашей тематике в главе «Государственная национальная политика в условиях войны».

Авторы утверждают, что «В начале войны из Крыма в Красную армию успели призвать около 90 тыс. человек, в том числе 20 тысяч крымских татар. Большинство из них дезертировали из оборонявшей полуостров 51 армии при ее отступлении, после чего вернулись в свои села, оказавшиеся в оккупации». [5.]. Здесь мы видим копирование «легенды» Л. Берии и его заместителей. По одному этому факту, можно твердо утверждать, что авторы не исследовали данную тему, не располагают цифрами призыва и т.д.

Следует особо отметить, что основная мобилизация военкоматами Крымской АССР была проведена организованно с началом войны в июне 1941 года, все призванные были отправлены в части, расположенные вне Крыма.

В соответствии Директивой Ставки ВГК от 14 августа 1941 года стала формироваться 51 Армия, в которую вошли, в основном, части и соединения сформированные вне пределов полуострова, только 320сд и 321сд были сформированы из крымчан старших призывных возрастов, в этих дивизиях крымские татары составляли абсолютное меньшинство. Крымский исследователь В. Брошеван приводит следующие цифры:

«В 320-ю стрелковую дивизию только из числа русских, украинцев, татар, евреев и армян этих регионов должны быть призваны 11060 человек. Численность татар из этого числа должна была составить всего лишь 1577 (14,26%) человек.

321-я стрелковая дивизия формировалась из жителей Евпатории и следующих прилегающих районов: Евпаторийский, Сакский, Ак-Мечетский, Ак-Шеихский) В 321-ю стрелковую дивизию только из числа русских, украинцев,

татар, евреев и армян должны были призваться 8456 человек. Татар из этого числа должно быть призвано всего лишь 2068 (24,46%) человек. Таким образом, выполняя Директиву Ставки ВГК от 14 августа 1941 года, в 320-ю и 321-ю стрелковые дивизии должны были призваться (по не полным данным – В.Б.) 19.516 человек: русские, татары, украинцы, армяне, евреи. Численность татар из них должна была составлять всего 3.645 (18,68%) человек». [2]

В Красную Армию, после освобождения Крыма в апреле 1944 года, стационарными и полевыми военкоматами было мобилизовано 40 тысяч человек разных национальностей. Было призвано 11 тысяч крымских татар, которых направили в трудовую армию, на работу в шахтах Подмосковья и Тулы, лесозаготовках, строительстве нефтеперерабатывающего завода в г. Гурьеве Казахской ССР.

Институт Российской истории в 2-х томном издании «История Крыма» также тиражирует дезинформацию о 15–20 тысячах коллаборантах среди крымских татар. [5.] Автором данного параграфа является крымский историк доктор исторических наук О. Романько.

Намеренными фальсификациями страдают и другие научные учреждения, при этом они обходят стороной массовый героизм воинов крымских татар в рядах Красной Армии. Завышая численность коллаборантов во много раз, тем самым причисляют к ним, воинов, погибших и выживших на фронтах войны.

В 1945–1946 гг. на спецучете, в местах спецпоселений, стояло 8995 человек (офицеров-524, сержантов – 1392, рядовых –7079) вернувшихся с фронтов военнослужащих крымских татар [15], часть продолжала еще службу, часть не поехала в места высылки. Все они, за редким исключением, были призваны в армию летом 1941 года, естественно, первая волна мобилизации понесла самые тяжелые потери за время войны. Насильственное выселение по национальному признаку крымскотатарского народа, было осуществлено с 18 по 21 мая 1944 года, к этому времени абсолютное большинство живых воинов крымских татар находилось на фронтах войны почти три года. Командиры и политработники в большинстве своем сочувствовали своим бойцам и морально их поддерживали. Вышеприведенная таблица награждений по годам свидетельствует, что больше всего награждений было реализовано за четыре месяца и одну неделю 1945 года.

За 12 месяцев 1944 года было 7 представлений к званию «Герой Советского Союза», только одно представление завершилось присвоением высокого звания (артиллерист ст. сержант Сейтвелиев Сейтнафе).

За четыре месяца и одну неделю победного 1945 года, было сделано также 7 представлений к званию «Герой Советского Союза, среди них один к званию Дважды Герой Советского Союза. Удостоились высшего звания командир эскадрильи бомбардировщиков майор Абдраим Решидов (это было второе его представление, первое было сделано в начале ноября 1941 года, тогда его наградили орденом Ленина), вторым стал легендарный воздушный асс майор Амет-Хан Султан, его наградили второй Золотой Звездой он стал единственным из Крымской АССР Дважды Героем Советского Союза.

Сегодня, тяжело себе представить морально-психологическое состояние воинов крымских татар, отвоевавших ко времени выселения их семей почти три года, когда их лишили малой Родины, семьи обрекли на лишения, голод, болезни. Последний период войны, 18 мая 1944 г. по 9 мая 1945 г. они героически воевали зная, что по отношению к ним и всего крымскотатарского народа было совершено тягчайшее преступление. Многие семьи фронтовиков ко дню Победы не дожили, демобилизованные воины искали своих родных по многим областям и республикам.

Долгие десятилетия, после окончания войны, фронтовики были в первых рядах национального движения крымскотатарского народа, боролись за право вернуться на родную землю, за которую проливали кровь.

Послевоенные мифы о массовом предательстве крымских татар создавались и использовались в первую очередь руководством Украинской ССР, КГБ при Совете министров Украинской ССР и соответствующими подчиненными структурными подразделениями, с цель недопущения возвращения репрессированного народа на родную землю и восстановления Крымской АССР. Абсолютное большинство фронтовиков, из-за установленного жесткого паспортного режима (не прописывали по национальному признаку) в Крымской области УССР, фактического запрета на возвращение на Родину до 1989 года, умерло в местах спецпоселений. По данным ассоциации ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. крымских татар, на родную землю смогли вернуться около 350 ветеранов.

Вечная память защитникам Родины.

Литература

1. Батов П.И. В походах и боях. – Издание 3-е, исправленное и дополненное – М., Воениздат, 1974–528с.

2. Брошеван В.М. Военная мобилизация в Крыму, 1941–1944: историческая литература / В.М. Брошеван. – [Б. м.: б.и.]. – 126 с.

3. Вдовин А.И. Великая Отечественная война: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2023, – 184 с.

4. Велиев А. Боевые офицеры. II том. – Симферополь: НАТА, 2013. – 576 с.; Велиев А. Къырымтатар къадын-къызлары Улу Ватан дженкинде (Крымскотатарские женщины в Великой Отечественной войне) // Участие крымских татар в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, Симферополь, 2 апреля 2015 г. / ред.-сост. Сичаева Г.А. Симферополь, 2015. – 128 с.

5. Государственная национальная политика в условиях войны С. 394–418 // Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 846 с.: ил.

6. История Крыма. 10 класс. Учеб. пособие для общеобразовательных организаций. [В 2 ч.] Ч. 1/ [С.В. Юрченко и др.]. – М.: Просвещение, 2018. – 208 с.: ил., карт.

7. Крымскотатарская энциклопедия. Автор-составитель проф. Рефик Музафаров. В 2х томах. – Симферополь: Ватан. – Т. 1, 1993; Т. 2, 1995. – 424 с.; 411 с.

8. Куртсеитов Р.Д. Вклад крымскотатарского народа в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общей редакцией С.И. Аккиевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2021. – С. 7–122.

9. Куртсеитов Р.Д. Крымские татары в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: подвиг, отражённый в наградных документах. Долгое возвращение на Родину / Р.Д. Куртсеитов. – Симферополь: ГАУ РК, 2024.Ч.1–760 (1–760) с., ISBN: 978–5–6051105–3–8.

Куртсеитов Р.Д. Крымские татары в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: подвиг, отражённый в наградных документах. Долгое возвращение на Родину / Р.Д. Куртсеитов. – Симферополь: ГАУ РК, 2024.Ч.2–536 (1–536) с., ISBN: 978–5–6051105–4–5.

10. Неменко А.В. Правда и ложь о предательстве крымских татар. 15 марта 2021 г. https://dzen.ru/a/YE-PCeBhGpAHW3i?referrer_clid=3000&

11. Павлов О. «Крымскотатарский вопрос» в СССР: вымыслы и реальность// Журнал Национальная оборона. Спецслужбы. 29 апреля 2021 г.

12. Пащеня В.Н., Пащеня Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.) монография – 2-ое изд., доп и перераб. – 413с. Симферополь «ДИАЙПИ» 2014 г.

13. Поляков В.Е. Авиацияname. Серия: Крымские татары в РККА в 1941–1945 гг. – М.: ИПЦ «Маска», 2021, 68 с.; Поляков В.Е. Крымские татары в Великой Отечественной войне. – М.: ИПЦ «Маска», 2022, 232 с.

14. Романько О.В. Крым под нацистской оккупацией (ноябрь 1941 г. – апрель 1944 г.)/ История Крыма в 2 т./ отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Кучково поле. 2018.Т.2. – С. 571

15. Сведения о численности возвратившихся с фронта спецпереселенцев 1945–1946 гг. ГАРФ. Ф.Р.-9479 Оп. 1. Д. 436–33. Л. 98–99// Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. М, «ИНСАН», 2002, С. 150

MASS HEROISM OF CRIMEAN TATAR WARRIORS ACCORDING TO RUSSIAN MILITARY ARCHIVES AND MYTHICAL FIGURES ABOUT THE COLLABORATIONISM OF THE CRIMEAN TATARS IN MODERN SCIENTIFIC PUBLICATIONS

Kurtseitov R.D.
Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov

In the context of the 80th anniversary of Victory over fascism, military and historical scholars in Russia continue to show strong academic interest in the role of Crimean Tatars and other peoples of the Soviet Union in the Great Patriotic War. The study analyzes archival sources from the Central Archive of the Russian Ministry of Defense, the Central Naval Archive, and the State Archive of the Russian Federation, demonstrating the contribution of Crimean Tatar servicemen in the Red Army and Soviet Navy, their awards, military careers, and personal destinies. It examines the discrepancy between myths of desertion and documented evidence, emphasizing the role of historical education in shaping civic identity and collective memory.

Keywords: Crimean Tatars, military feat, archives, systemic disinformation, falsification.

References

1. Batov P.I. In Campaigns and Battles. – 3rd edition, revised and supplemented – Moscow, Voenizdat, 1974–528 p.

2. Broshevan V.M. Military mobilization in Crimea, 1941–1944: historical literature / V.M. Broshevan. – [B. m.: b.i.]. – 126 p.

3. Vdovin A.I. The Great Patriotic War: a study guide. – Moscow: Prospect, 2023, – 184 p.

4. Veliev A. Combat officers. Volume II. – Simferopol: NATA, 2013. – 576 p. Veliyev A. Crimean Tatar Women in the Great Patriotic War (Crimean Tatar Women in the Great Patriotic War) // Participation of Crimean Tatars in the Great Patriotic War of 1941–1945. Proceedings of the scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Simferopol, April 2, 2015 / ed. and compiled by Sichaeva G.A. Simferopol, 2015. – 128 p.

5. State Nationalities Policy in Wartime. Pp. 394–418 // The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. Vol. 10. State, Society, and War. – Moscow: Kuchkovo Pole, 2014. – 846 p.: ill.

6. History of Crimea. Grade 10. Textbook for comprehensive schools. [In 2 parts] Part 1/ [S.V. Yurchenko et al.]. – Moscow: Prosveshchenie, 2018. – 208 p.: ill., maps.

7. Crimean Tatar Encyclopedia. Author-compiler Prof. Refik Muzafarov. In 2 volumes. – Simferopol: Vatan. – Vol. 1, 1993; Vol. 2, 1995. – 424 p.; 411 p.

8. Kurtseitov R.D. Contribution of the Crimean Tatar people to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 // Contribution of the repressed peoples of the USSR to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 / under the general editorship of S.I. Akkieva. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Simferopol: State Autonomous Institution of the Republic of Crimea "I. Gasprinsky Media Center", 2021. – pp. 7–122.

9. Kurtseitov R.D. Crimean Tatars in the Great Patriotic War of 1941–1945: a feat reflected in award documents. A long return to the homeland / R.D. Kurtseitov. – Simferopol: State Autonomous Institution of the Republic of Crimea, 2024. Part 1–760 (1–760) p., ISBN: 978–5–6051105–3–8.

Kurtseitov R.D. Crimean Tatars in the Great Patriotic War of 1941–1945: a feat reflected in award documents. A long return to the homeland / R.D. Kurtseitov. – Simferopol: GAU RK, 2024. Part 2–536 (1–536) p., ISBN: 978–5–6051105–4–5.

10. Nemenko AV Truth and Lies about the Betrayal of the Crimean Tatars. March 15, 2021. https://dzen.ru/a/YE-PCeBhGpAHW3i?referrer_clid=3000&

11. Pavlov O. "The Crimean Tatar Question" in the USSR: Fiction and Reality// National Defense Magazine. Intelligence Services. April 29, 2021.

12. Paschenya VN, Paschenya EV Crimean ASSR during World War II (1939–1945) Monograph – 2nd ed., supplemented and revised. – 413 p. Simferopol "DIAIPI" 2014.

13. Polyakov V.E. Aviationname. Series: Crimean Tatars in the Red Army in 1941–1945. – M.: IPC "Maska", 2021, 68 p.; Polyakov V.E. Crimean Tatars in the Great Patriotic War. – M.: IPC "Maska", 2022, 232 p.

14. Romanko O.V. Crimea under Nazi occupation (November 1941 – April 1944) / History of Crimea in 2 volumes / ed. A.V. Yurasov. – M.: Kuchkovo Pole. 2018. Vol. 2. – P. 571

15. Information on the number of special settlers who returned from the front in 1945–1946. GARF. F.R.-9479 Op. 1. D. 436–33. L. 98–99// Bugai N.F. Deportation of the peoples of Crimea. M., "INSAN", 2002, P. 150

Русская классическая литература в формате ролевой игры живого действия: новый путь к когнитивному развитию и формированию ценностных ориентиров студентов поколения Z

Лю Цзывэнь,
студент бакалавриата, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли
E-mail: 1414313986@qq.com

Хуан Яньмин,
студент бакалавриата, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли
E-mail: 3440772204@qq.com

Гао Цайюнь,
преподаватель, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли
E-mail: 212024@gwng.edu.cn

Студенты поколения Z выросли в условиях цифровизации и культурного многообразия. Они отличаются широким кругозором и ярко выраженной индивидуальностью, однако сталкиваются с такими проблемами, как недостаточная мотивация к чтению классической литературы и ограниченные возможности для глубокого чтения. Классическая литература содержит богатый гуманистический потенциал и глубокие этические ценности и представляет собой важный культурный ресурс для ценностного воспитания в высшей школе. Вместе с тем значительный объём произведений, сложная структура повествования и другие особенности классической литературы вступают в определённое противоречие с интерактивным и ориентированным на получение практического опыта способом восприятия, характерным для поколения Z. Ролевая игра живого действия (РИЖД, англ. LARP), объединяющая ролевое взаимодействие, ситуативное погружение, дедуктивный анализ и коллективное принятие решений, представляет собой перспективный медиальный формат для адаптации классической литературы к особенностям восприятия современной молодёжи. На примере русской классической литературы в статье на основе анкетного опроса и текстуального анализа рассматриваются возможности адаптации классических произведений в формат РИЖД, а также потенциал использования РИЖД для популяризации классической литературы и ценностного воспитания студентов высших учебных заведений. Результаты исследования показывают, что система персонажей, сюжетные конфликты и этические ценностные проблемы, представленные в русской классической литературе, в значительной степени соответствуют ролевому взаимодействию, дедуктивному анализу, поиску улик, коллективному принятию решений и другим механизмам, характерным для РИЖД. Представление этических конфликтов посредством дедуктивного анализа и игровых заданий, переживание выбора персонажей через ролевое воплощение и углубление ценностного осмысления посредством интерактивного обсуждения позволяют РИЖД создать новый формат восприятия классических текстов студентами поколения Z. В статье также предлагаются четыре принципа адаптации: литературность, игровая адаптируемость, соответствие особенностям целевой аудитории и культурная коммуникативность. Кроме того, рассматривается потенциальная ценность использования РИЖД в популяризации классической литературы, воспитательной работе в высшей школе и развитии молодёжной культуры. Полученные результаты могут послужить ориентиром для адаптации русской классической литературы к особенностям восприятия современной молодёжи и развития культурно-воспитательной работы в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: русская классическая литература; ролевая игра живого действия (РИЖД); студенты поколения Z; когнитивное развитие; ценностное воспитание.

Данная статья выполнена при финансовой поддержке Программы подготовки студентов провинции Гуандун в области инноваций и предпринимательства 2025 года (номер проекта: S202512620011), а также при научно-методической поддержке преподавателя Май Судань. (“2025年广东省大学生创新创业训练计划项目”资助项目成果《经典文学剧本杀: Z世代大学生的认知突围与价值观赋能》 项目编号: S202512620011)

Исследовательский контекст

Студенты поколения Z (родившиеся в 1995–2009 гг.) как «цифровые аборигены» имеют широкий доступ к различным источникам информации и отличаются гибкостью мышления, однако отдельные представители этой группы сталкиваются с такими проблемами, как ценностная дезориентация, недостаточно развитое чувство ответственности и снижение способности к глубокому чтению. Русская классическая литература богата гуманистическими идеями и этико-философской проблематикой и представляет собой важный культурный ресурс для ценностного воспитания в высшей школе. Система персонажей, этические конфликты и ценностная проблематика русской классической литературы отличаются значительной идейной глубиной и выраженной драматической напряжённостью, что делает её показательным текстовым материалом для изучения взаимной адаптации классической литературы и новых форм культурной коммуникации.

Ролевая игра живого действия (РИЖД), пользующаяся значительным интересом среди современной молодёжи, благодаря высокой степени погружения, интерактивности и сочетанию повествования, ролевого взаимодействия и коллективного принятия решений постепенно вышла за рамки исключительно развлекательного формата и стала рассматриваться как потенциальный носитель культурной коммуникации и образования. В основе РИЖД лежат ролевая игра, ситуативное погружение, социальное взаимодействие, дедуктивный анализ и эмоциональный опыт. Интеграция классической литературы с РИЖД позволяет посредством игровых механизмов снизить порог восприятия произведения и вовлечь участников в его сюжет, персонажные отношения и ценностные конфликты через иммерсивный опыт, открывая новый путь для популяризации классической литературы и формирования ценностных ориентиров молодёжи. С точки зрения экономики впечатлений популярность данной формы непосредственно связана с потребностью поколения Z в иммерсивном опыте[6]. Соответствующие исследования в России также показывают, что подобные интерактивные формы способны содействовать решению современных социальных проблем и реализации ценностной ориентации[15].

В исследовании сочетаются методы анкетного опроса и текстуального анализа. Анкетирование было посвящено главным образом привычкам студентов поколения Z в отношении чтения классической литературы, их знанию русской литературы, опыту участия в живых квестах, а также готовности воспринимать литературный формат РИЖД. Всего было получено 406 действительных анкет. Результаты опроса используются прежде всего для анализа особенностей восприятия классической литературы студентами поколения Z, существующих трудностей в распространении русской классической литературы, а также реальной основы для восприятия РИЖД.

На этой основе в качестве текстовых кейсов были отобраны отдельные произведения русской классической литературы. Далее анализируются основания для адаптации русской классической литературы в формат РИЖД и соответствующие принципы такой адаптации, а также потенциальная ценность и возможности применения РИЖД в популяризации классической литературы и культурно-воспитательной работе в высшей школе.

Современные проблемы когнитивного развития студентов поколения Z и распространения русской классической литературы

Анализ когнитивных особенностей и ценностных ориентиров студентов поколения Z

Студенты поколения Z выросли в эпоху стремительного развития Интернета и мобильных медиа. Они имеют удобный доступ к информации и в большей степени склонны отбирать содержание в соответствии со своими интересами. Под влиянием фрагментарного чтения и механизма мгновенной обратной связи их способность к длительному чтению и глубокому осмыслению информации в определённой степени снизилась, а когнитивные особенности стали характеризоваться удобством восприятия, ориентацией на интересы и поверхностностью[1].

Результаты анкетирования показывают, что основными факторами, препятствующими чтению классической литературы, являются отсутствие интереса (59,36%), слишком большой объём произведений (57,39%), сложность и трудность языка (47,54%), а также отсутствие интерактивного опыта (29,80%).

Одновременно изменились и способы восприятия классической культуры. 81,77% опрошенных хотели бы посредством групповых дискуссий углубить осмысление ценностных проблем, а 58,13% положительно оценивают такие интерактивные формы, как итоговое обсуждение с ведущим и написание личных отзывов. Кроме того, 65,27% респондентов считают, что использование РИЖД на основе литературных произведений может стимулировать размышления о ценностях, а 62,81% полагают, что такой формат может способствовать повышению интереса к чтению. Таким образом, поколение Z не отвергает классическую литературу как таковую, а скорее отдаёт предпочтение ролевому опыту и интерактивному обсуждению, что способствует переходу от «пассивного восприятия» к «активному участию».

Студенты поколения Z демонстрируют новые особенности в отношении интереса к классическому чтению, способности к длительному чтению и способов восприятия литературных произведений. Распространение классической литературы требует поиска путей коммуникации, которые в большей степени соответствовали бы закономерностям восприятия молодёжи. Иммерсивный опыт и механизмы интерактивного участия, присущие РИЖД, создают практическую и психологическую основу для адаптации классической литературы в данный игровой формат.

Современное состояние распространения русской классической литературы среди поколения Z и существующие барьеры

Ограниченное знание русской литературы при сохранении ценностного запроса. Результаты анкетирования показывают, что примерно три четверти респондентов либо совершенно не знакомы с русской литературой, либо знают лишь имена таких писателей, как Пушкин, Толстой и Достоевский. Около 19% опрошенных читали отдельные произведения русской литературы, тогда как доля тех, кто знаком с ней глубоко, составляет менее 6%. Это свидетельствует о том, что русская классическая литература ещё не вошла по-настоящему в повседневную систему чтения современных студентов. Среди молодёжи широко распространена ситуация, когда они «знают писателя, но не знают его произведений» или «знают произведение, но не читали его глубоко».

Однако недостаточный уровень знания не означает отсутствия интереса или ценностного запроса. 64,04% респондентов проявляют интерес к проблематике любовной этики в романе «Анна Каренина», 60,10% – к теме патриотизма и чувства ответственности за судьбу страны в романе «Война и мир», а 42,12% – к нравственным дилеммам в романе «Преступление и наказание». Это показывает, что поколение Z интересует не столько страна происхождения произведения или его принадлежность к определённому литературному направлению, сколько затрагиваемые в нём жизненные вопросы, этические конфликты и ценностный выбор.

Многочисленные реальные барьеры. Русская классическая литература отличается глубиной идейного содержания, многочисленностью персонажей и масштабностью повествования. Эти особенности, с одной стороны, являются важными источниками её литературной ценности, а с другой – в определённой степени повышают порог её восприятия. Значительный объём произведений, сложные взаимосвязи между персонажами, а также большое количество исторических и культурных реалий затрудняют понимание произведений молодыми читателями.

Результаты анкетирования дополнительно подтверждают это положение. Помимо значительного объёма произведений и сложности языка почти 30% опрошенных считают, что традиционному чтению не хватает интерактивного опыта. Узкое место в распространении классической литературы заключается не только в особенностях самих текстов, но и в определённом разрыве между способами распространения литературы и читательскими привычками молодёжи. В результате многие студенты надолго остаются в состоянии «знания о классике без возможности по-настоящему войти в мир классической литературы».

Противоречие между образовательной ценностью и способами восприятия. Русская литература содержит богатый гуманистический потенциал и глубокую этико-философскую проблематику. Роман «Преступление и наказание» рассматривает вопросы преступления, ответственности и искупления; «Война и мир» обращается к проблеме судьбы личности и нации-государства; «Анна Каренина» раскрывает конфликт между любовью, семьёй и общественными нормами. Эти классические произведения обладают не только значительной литературной ценностью, но и несут в себе глубокое осмысление жизни и функцию ценностной ориентации. Однако чем глубже идейное содержание, тем выше порог восприятия. Если ограничиться простым пересказом содержания, существует риск превратить её в назидательную проповедь; если же полностью полагаться на чтение оригинального текста, сложность произведения может снизить эффективность его распространения.

Результаты анкетирования показывают, что 67,49% респондентов хотели бы сохранить ключевые сюжетные линии, 63,55% – взаимосвязи между персонажами, 54,43% – исторический контекст, тогда как лишь 31,77% обращают особое внимание на философскую проблематику. Это свидетельствует о том, что поколение Z в большей степени склонно сначала понимать произведение через сюжет и персонажей, а затем постепенно обращаться к его идейному содержанию.

Таким образом, хотя студенты поколения Z сталкиваются с недостаточной мотивацией к чтению классической литературы и фрагментарностью способов чтения, они по-прежнему проявляют значительный интерес к вопросам жизненных ценностей и этической проблематике. Поколению Z не столько не хватает ценностного запроса, сколько необходима форма распространения литературы, соответствующая его читательским привычкам и особенностям восприятия. РИЖД может эффективно связать классическую литературу с современными способами культурного потребления молодёжи, открывая новый практический путь для популяризации русской классической литературы, ценностного воспитания в высшей школе и развития молодёжной культуры.

Совместимость русской классической литературы с ролевой игрой живого действия и принципы адаптации

Основы совместимости русской классической литературы и РИЖД

Хотя русская классическая литература и РИЖД относятся к различным культурным формам, между ними существует определённая совместимость с точки зрения особенностей текста, структуры повествования и способов выражения ценностей, что создаёт теоретическую основу для инновационного распространения классической литературы.

С точки зрения текстовых особенностей русская литература в целом обращается к таким темам, как человеческая природа, мораль, ответственность и искупление. Результаты анкетирования показывают, что респонденты проявляют высокий интерес к таким темам, как любовная этика, чувство ответственности за судьбу страны и нравственные дилеммы, а также хотели бы сохранить при адаптации ключевые сюжетные линии и взаимосвязи между персонажами. РИЖД посредством ролевого опыта и интерактивного расследования позволяет трансформировать этические конфликты оригинального произведения в ситуации выбора, с которыми участникам необходимо столкнуться непосредственно, тем самым усиливая понимание и принятие произведения студентами поколения Z[16].

С точки зрения структуры повествования русская классическая литература широко использует многолинейное повествование, создание галереи персонажей и сложные взаимосвязи между героями, что в значительной степени соответствует игровым механизмам РИЖД, основанным на множественности персонажей, ролевом взаимодействии, поиске улик и коллективном принятии решений. Взаимоотношения между персонажами, развитие событий и сюжетные конфликты литературных произведений могут быть преобразованы в ролевые задания, систему улик и механизмы интерактивного взаимодействия, направляя участников к постепенному пониманию содержания произведения в процессе развития сюжета и обеспечивая тем самым переход от литературного повествования к иммерсивному опыту[12].

С точки зрения выражения ценностей русская классическая литература ориентирована на глубокое осмысление проблем человеческой природы, общества и этики, тогда как РИЖД осуществляет ценностную коммуникацию посредством ситуативного опыта и интерактивного обсуждения. 65,27% респондентов считают, что литературный формат РИЖД способен стимулировать размышления о ценностях, 62,81% – повысить интерес к чтению, а 81,77% хотели бы углублять понимание произведений посредством групповых дискуссий. Это свидетельствует о том, что поколение Z в большей степени признаёт опытно-ориентированный способ передачи ценностей. РИЖД способен превратить литературное чтение из одностороннего восприятия в многостороннее интерактивное взаимодействие, обеспечивая в процессе ролевого опыта, развития сюжета и итогового обсуждения единство распространения знаний и ценностной ориентации[14].

Таким образом, совместимость русской классической литературы и РИЖД в создании персонажей, структуре повествования и выражении ценностей создаёт теоретическую основу для трансмедийного распространения классической литературы и открывает новые практические возможности для реализации опытно-ориентированного ценностного воспитания в высшей школе.

Реальные предпосылки интеграции

Во-первых, поколение Z испытывает высокий спрос на иммерсивный культурный опыт. 81,91% респондентов предпочитают детективно-мистические и триллерные сюжеты, а 62,77% проявляют интерес к теме нравственных дилемм. РИЖД позволяет интегрировать конфликты между персонажами и идейно-смысловое содержание русской литературы в ролевой и иммерсивный опыт, благодаря чему молодые люди могут постепенно осмысливать содержание классических произведений в процессе игрового взаимодействия.

Во-вторых, индустрия ролевых игр живого действия постепенно переходит от развлекательного потребления к инновациям в сфере культурного контента. По мере усиления рыночной конкуренции качественный контент, обладающий литературной основой и культурной ценностью, становится важным направлением развития. Русская литература располагает богатым фондом ярких образов и идейных ресурсов. Их адаптация в формат РИЖД способна расширить тематическое разнообразие индустрии, повысить культурное качество произведений и содействовать переходу формата от развлекательного продукта к носителю культурной коммуникации.

Наконец, литературное образование в высшей школе нуждается в способах распространения классической литературы, более соответствующих особенностям современной молодёжи. Классическое чтение в основном опирается на аудиторное обучение и внеклассное чтение, поэтому степень участия студентов остаётся относительно ограниченной. РИЖД посредством ролевого опыта, совместного расследования и обсуждения после игры направляет студентов к пониманию классических произведений через непосредственное участие, обеспечивая сочетание усвоения знаний и формирования ценностных ориентиров. Исследования подтверждают положительное воздействие иммерсивных игровых форматов на распространение культуры и образовательные инновации[4].

Принципы адаптации русской классической литературы в формат РИЖД

При адаптации классической литературы в формат РИЖД следует обеспечить единство литературности, игровой адаптируемости, соответствия особенностям целевой аудитории и культурно-коммуникативной функции. При уважительном отношении к идейно-смысловому ядру классической литературы необходимо обеспечить согласованное единство литературной, образовательной и игровой ценности.

Соблюдение принципа литературности. Литературность является предпосылкой адаптации. В процессе адаптации необходимо сохранять ключевые темы произведения, взаимосвязи между персонажами и ценностную проблематику, избегая ослабления идейной глубины в погоне за развлекательным эффектом. Результаты анкетирования показывают, что 67,49% респондентов хотели бы сохранить ключевые сюжетные линии, 63,55% – взаимосвязи между персонажами, а 51,72% – классические реплики. Необходимо не допускать вульгаризации и чрезмерной ориентации на развлекательность, обеспечивая позитивную образовательную функцию[3][7][10]. При адаптации сценария следует учитывать логику развития персонажей и ценностную направленность произведения, полностью сохраняя такие ключевые проблемные узлы, как преступление и наказание в «Преступлении и наказании», ответственность за судьбу страны в «Войне и мире» и этический конфликт в «Анне Карениной».

Соблюдение принципа игровой адаптируемости. Игровой характер – важнейшая особенность, отличающая РИЖД от традиционного чтения. Литературное произведение и РИЖД представляют собой различные медиальные формы, поэтому в процессе адаптации следует использовать механизмы ролей, систему заданий и структуру расследования, преобразуя конфликты между персонажами оригинала в интерактивные сюжетные ситуации. Респонденты уделяют больше внимания глубине сюжета и сложности расследования и предпочитают продолжительность игры от 1 до 3 часов. При адаптации необходимо рационально сокращать содержание произведения, выделять ключевые события и посредством сбора улик, взаимодействия персонажей и принятия ключевых решений выстраивать целостный игровой опыт, одновременно сохраняя литературную выразительность и повышая динамику процесса.

Соблюдение принципа соответствия особенностям целевой аудитории. Соответствие особенностям целевой аудитории – важная гарантия адаптации. Основными причинами, препятствующими чтению классической литературы, являются отсутствие интереса, чрезмерный объём произведений и сложность языка, тогда как эмоциональное погружение, детектив и интрига в большей степени соответствуют интересам поколения Z. При адаптации следует в разумной степени сокращать и перерабатывать содержание оригинального произведения, снижать порог восприятия посредством схем взаимосвязей между персонажами. Это позволяет направлять участников к постепенному пониманию идейного и ценностного содержания классической литературы в процессе интерактивного взаимодействия.

Соблюдение принципа культурной коммуникации. Русская классическая литература обладает не только литературной ценностью, но и содержит богатое историко-культурное содержание. 54,43% респондентов хотели бы сохранить исторический контекст произведений, что свидетельствует о высоком интересе поколения Z к российской истории и культуре. Исследования показывают, что интерактивные игровые форматы способны эффективно содействовать распространению культуры[2]. В процессе адаптации можно посредством оформления сцен, костюмов персонажей, музыки и реквизита, введения историко-культурного контекста, а также итогового обсуждения создавать атмосферу соответствующей эпохи и направлять участников к пониманию исторического контекста и гуманистического содержания произведения. Одновременно можно связывать ценностное обсуждение с китайской традиционной культурой и современными социальными реалиями, создавая новые практические возможности для повышения способности поколения Z к межкультурному пониманию и формирования культурной идентичности.

Таким образом, адаптация русской классической литературы в формат РИЖД должна основываться на литературности, использовать игровую адаптируемость в качестве пути реализации, рассматривать соответствие особенностям целевой аудитории как гарантию распространения и ставить культурную коммуникацию в качестве конечной цели.

Потенциал РИЖД в популяризации русской классической литературы и его образовательное значение

В сфере популяризации классической литературы РИЖД позволяет преодолеть ограничения традиционной модели, основанной преимущественно на восприятии текста, и посредством геймифицированного повествования, ролевого опыта, интерактивного взаимодействия и дедуктивного анализа преобразовать сложные взаимосвязи между персонажами и идейно-смысловую проблематику в ситуации, которые участники могут непосредственно понять и пережить. Это позволяет молодёжи постепенно перейти от «чтения классики» к «переживанию классики» и «пониманию классики». Такая модель распространения, основанная на принципе «сначала опыт – затем углубление через чтение», в большей степени соответствует читательским привычкам и особенностям восприятия студентов поколения Z, способствуя повышению эффективности распространения классической литературы и интереса к чтению.

С точки зрения воспитательной работы в высшей школе РИЖД выходит за рамки традиционной модели аудиторного обучения, интегрируя ценностную ориентацию непосредственно в процесс получения опыта. Анализируя мотивацию персонажей, участвуя в совместном расследовании и сталкиваясь с этическим выбором, участники в процессе обсуждения и итогового анализа углубляют понимание таких вопросов, как ответственность, совесть и ценность человеческой жизни. Вместе с тем такое обучение, основанное на непосредственном опыте, способствует развитию у студентов логического мышления, коммуникативных способностей и способности к ценностной оценке, обеспечивая сочетание усвоения знаний и формирования ценностных ориентиров[5].

С точки зрения развития молодёжной культуры РИЖД, используя классические тексты в качестве связующего звена, создаёт для молодёжи пространство культурного взаимодействия, сочетающее литературность и интерактивность. Посредством ролевого опыта и обсуждения сюжета участники в процессе взаимодействия углубляют понимание взаимосвязей между собой, другими людьми и обществом, укрепляют чувство культурной идентичности и социальной ответственности, способствуя интеграции классической литературы в повседневную культурную жизнь молодёжи[9]. На примере русской классической литературы РИЖД дополнительно расширяет каналы распространения классической литературы, обеспечивая интеграцию популяризации

чтения, ценностной ориентации и культурно-воспитательной функции, и тем самым открывает новые практические возможности для преподавания классической литературы в высшей школе и развития молодёжной культуры[8].

Заключение

Настоящее исследование на основе 406 действительных анкет и анализа научной литературы рассматривает возможность адаптации русской классической литературы в формат РИЖД и потенциал данного формата для её популяризации среди студентов поколения Z. Результаты исследования показывают, что, несмотря на такие проблемы, как недостаточная мотивация студентов поколения Z к чтению классической литературы, они по-прежнему проявляют интерес к таким литературным темам, как нравственные дилеммы, ответственность за судьбу страны и любовная этика. Иными словами, поколению Z не столько не хватает ценностного запроса, сколько необходимы способы распространения литературы, более соответствующие его читательским особенностям и способам восприятия.

Дальнейший анализ показывает, что на примере русской классической литературы литературный текст и РИЖД обладают высокой степенью совместимости с точки зрения особенностей текста, структуры повествования и выражения ценностей. Посредством ролевой игры, ситуативного опыта и совместного расследования формат способен преобразовывать идейное содержание литературы в интерактивный опыт и обеспечивать переход от «пассивного чтения» к «активному переживанию», что соответствует положениям, представленным в соответствующем исследовании Ло Чанцина[11]. На этой основе в статье предлагаются четыре принципа адаптации: литературность, игровая адаптируемость, соответствие особенностям целевой аудитории и культурная коммуникация. Они могут служить базовыми ориентирами для адаптации литературного формата РИЖД, а также предоставлять материалы для адаптации русской классической литературы к особенностям современной молодёжи.

Вместе с тем настоящее исследование имеет определённые ограничения. Оно в основном основано на анкетном опросе и теоретическом анализе, тогда как практическая эффективность полноценного сценария пока не получила систематической проверки. Кроме того, существуют определённые ограничения в охвате выборки и исследуемой аудитории. В дальнейшем предполагается дополнительно сочетать разработку сценариев, практическое тестирование и применение в образовательном процессе, постоянно совершенствовать дизайн сценариев, игровые механизмы и модели итогового обсуждения, а также исследовать возможности их применения в популяризации классического чтения в высшей школе, учебных курсах и межкультурной коммуникации, чтобы предоставить практические ориентиры для инновационного распространения классической литературы.

Литература

1. Чжан Лу, Хуан Хайпэн. Популярность игр в формате «живого квеста» среди студентов вузов и стратегии их направленного развития // Форум лидерской науки. 2024. № 11. С. 149–152.
2. Ван Лу, Чжоу Вэйи. Исследование механизма содействия распространению китайской культуры посредством «живого квеста» на основе теории обоснованного построения // Вестник Уаньсийского университета. 2024. Т. 40. № 6. С. 141–146.
3. Му И. Обеспечение надлежащего содержания в произведениях для «живых квестов» // Образование Ганьсу. 2024. № 11. С. 5.
4. Фэн Тэнъюэ, Го Сыюй, Юй Хуэй. Разработка инновационных предпринимательских проектов студентов в условиях интеграции культуры и туризма: на примере иммерсивного «живого квеста» // Сборник материалов Форума по развитию высшего образования 2024 года. Т. 1. Хэнаньская ассоциация частного образования. [Издатель не указан]. 2024. С. 199–200.
5. Цянь Вэньцзе. Практика применения «живого квеста» в преподавании естественно-научных дисциплин в начальной школе // Цзянсуская научно-техническая газета. 1 декабря 2025 г. B02.
6. Цзэн Жун, Ло Чанцин. Исследование феномена популярности «живых квестов» с точки зрения экономики впечатлений // Южный литературный форум. 2025. № 3. С. 152–155.
7. Чжан Минь, Чжао Исюань. Исследование аутентичности игрового опыта в историко-культурных районах: на примере «живого квеста» в реальном пространстве в районе Куаньчжайских переулков в Чэнду // Гуманитарная география. 2025. Т. 40. № 5. С. 33–42.
8. Го Мэнмэн, Ли Шуаншуан, Го Сютин, Чжан Цзыи, Чжан Цзяцзя. Исследование путей взаимопомощи сверстников посредством сценарных игр на основе модели PERMA // Материалы XIX Всероссийского семинара по работе психологов-консультантов высших учебных заведений и Форума по взаимопомощи сверстников. Китайский психологический совет, Комитет по психологическому кризисному вмешательству. [Издатель не указан]. 2024. С. 54–57.
9. Ли Юаньюань, Чжоу Юнь. Заполнение пробелов, сопротивление и созидание: три механизма проявления «технологий себя» в «живом квесте» – этнографическое исследование игры в формате «живого квеста» // Исследования национальностей Цинхая. 2024. Т. 35. № 4. С. 143–150.
10. Чжан Синьсэнь, Сюй Кайюэ, Цзян Сяофань и др. Исследование возможностей и разработка практической модели интеграции элементов традиционной культуры в «живой квест»: на примере вырезания из бумаги в уезде Вэй // Мир игрушек. 2025. № 2. С. 63–65.
11. Ло Чанцин. Трансформация и переосмысление литературы в постинтернетную эпоху: генеалогическое исследование феномена популярности «живого квеста» // Вестник Шанхайского университета Цзяотун. Серия «Философия и социальные науки». 2024. Т. 32. № 3. С. 47–56.
12. Ло Ланьхуэйцзы. «История + механизм»: новые тенденции развития настольных игр // Исследования китайского креативного письма. 2022. № 1. С. 261–265.
13. Солодникова Н В. Ролевые игры живого действия как социально-психологическое явление[J]. Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2024(1):10–34.
14. Цыганкова П В, Суворова Е Ю. Ролевые игры живого действия и ролевые онлайн-игры: психологические функции в современном социокультурном контексте[J]. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2020(3):459–474.
15. Тяглова М А. Ролевые игры живого действия как способ актуализации социально-политических проблем современности[J]. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология, 2016, Т. 2(68):4:98–106.
16. Славко М А. Источники по истории ролевого движения в контексте российской историографии[J]. Вестник ВНИИДАД, 2025(3):82–95.
17. Царева А В. Ролевые игры живого действия: определение исследовательского подхода[J]. Социум и власть, 2014, 3(47):14–20.

RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN THE FORMAT OF LIVE-ACTION ROLE-PLAYING GAME (LARP): A NEW PATH TO COGNITIVE DEVELOPMENT AND THE FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS AMONG GENERATION Z STUDENTS

Liu Ziwen, Huang Yanming, Gao Caiyun
Guangdong University of Foreign Studies South China Business College

Generation Z students have grown up in the context of digitalization and cultural diversity. They are characterized by broad horizons and a pronounced sense of individuality, yet they face such challenges as insufficient motivation to read classical literature and limited opportunities for deep reading. Classical literature possesses rich humanistic potential and embodies profound ethical values, making it an important cultural resource for values education in higher education. At the same time, the considerable length of many works, complex narrative structures, and other features of classical literature are, to some extent, at odds with the interactive and experience-oriented mode of reception characteristic of Generation Z. Live-action role-playing game (LARP), which combines role-based interaction, situational immersion, deductive analysis, and collective decision-making, represents a promising medium for adapting classical literature to the modes of reception of contemporary youth. Using Russian classical literature as a case study, this study employs a questionnaire survey and textual analysis to examine the possibilities of adapting classical works to the LARP format, as well as the potential of LARP for popularizing classical literature and promoting values education among university students. The findings indicate that the system of characters, plot conflicts, and ethical and value-related issues presented in Russian classical literature are largely compatible with role-based interaction, deductive analysis, searching for clues, collective decision-making, and other mechanisms characteristic of LARP. By presenting ethical conflicts through deductive analysis and game-based tasks, enabling students to experience characters' choices through role-playing, and deepening students' reflection on values through interactive discussion, LARP can create a new mode of reception of classical texts for Generation Z students. The study further proposes four principles for adaptation: literariness, game adaptability, alignment with the characteristics of the target audience, and cultural communicability. In addition, it discusses the potential value of LARP in popularizing classical literature, educational work in higher education, and the development of youth culture. The findings may provide a useful reference for adapting Russian classical literature to the modes of reception of contemporary youth and for advancing cultural and educational work in higher education institutions.

Keywords: Russian classical literature; live-action role-playing game (LARP); Generation Z students; cognitive development; values education.

References

1. Zhang Lu, Huang Haipeng. The Popularity of "Script Murder" among College Students and Its Guiding Strategies[J]. The Forum of Leadership Science, 2024(11): 149–152

2. Wang Lu, Zhou Weiyi. Study on the Mechanism of SRPG Empowering Chinese Culture Transmission Based on Grounded Theory[J]. Journal of West Anhui University, 2024, 40(6): 141–146.

3. Mu Yi. Keeping a Tight Rein on the Content of “Script Murder” [J]. Gansu Education, 2024(11): 5.

4. Feng Tengyue, GUO Siyu, YU Hui. Development of College Students' Innovation and Entrepreneurship Projects under the Background of Cultural and Tourism Integration: A Case Study of Immersive Script Murder[C]// Henan Private Education Association. Proceedings of the 2024 Higher Education Development Forum (Volume I). 2024: 199–200.

5. Qian Wenjie. Exploration of the Teaching Practice of “Script Murder” in Primary School Science Classroom[N]. Jiangsu Science and Technology News, 2025–12–01(B02).

6. Zeng Run, Luo Changqing. A Study on the “Script Murder” Craze from the Perspective of the Experience Economy[J]. Southern Cultural Forum, 2025(3): 152–155.

7. Zhang Min, Zhao Yixuan. Research on the Authenticity of Gamification Experience in Historical and Cultural Districts: A Case Study of the RPG in Kuanzhai Alley, Chengdu[J]. Human Geography, 2025, 40(5): 33–42.

8. Guo Mengmeng, LI Shuangshuang, GUO Xuting, et al. An Exploration of the Pathway of Peer Psychological Counseling through Script Games Based on the PERMA Model[C]// Psychological Crisis Intervention Working Committee of the Chinese Psychological Society. Proceedings of the 19th National Symposium on the Work of Psychological Commissioners in Colleges and Universities and Peer Counseling Forum. 2024: 54–57.

9. Li Yuanyuan, ZHOU Yun. Filling in the Blanks, Resistance and Creation: The Triple Mechanism of the Presentation of “Technologies of the Self” in Script Murder—An Ethnographic Study of a Script Murder Game[J]. Qinghai Journal of Ethnology, 2024, 35(4): 143–150.

10. Zhang Xinsen, XU Kaiyue, JIANG Xiaofan, ZHANG Ziyi, ZHANG Zijia. Feasibility Study and Scheme Design of Integrating Traditional Cultural Element into Script Murder—Taking Paper-cutting in Yu County as an Example[J]. Toys World, 2025(2): 63–65.

11. Luo Changqing. Literary Transformation and Reinvention in the Post-Internet Era: An Occurrence Study of the Hot Phenomenon in Live Action Role Playing Games[J]. Journal of Shanghai Jiao Tong University (Philosophy and Social Sciences), 2024, 32(3): 47–56.

12. Luo Lanhuizi. “Story + Mechanics”: The New Trend in Tabletop Game Development[J]. Chinese Creative Writing Studies, 2022(1): 261–265.

13. Solodnikova N V. Live-Action Role-Playing Games as a Socio-Psychological Phenomenon[J]. RSUH/RGGU Bulletin. Series “Psychology. Pedagogics. Education”, 2024(1): 10–34.

14. Tsygankova P V, Suvorova E Y. Live-Action Role-Playing Games and Online Role-Playing Games: Psychological Functions in the Contemporary Socio-Cultural Context[J]. Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, 2020(3): 459–474.

15. Tyaglova M A. Live-Action Role-Playing Games as a Way of Actualizing Contemporary Socio-Political Issues[J]. Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology, 2016, 2(68): 98–106.

16. Slavko M A. Sources on the History of the Role-Playing Movement in the Context of Russian Historiography[J]. Bulletin of VNIIDAD, 2025(3): 82–95.

17. Tsareva A V. Live-Action Role-Playing Games: Defining a Research Approach[J]. Sotsium i vlast' (Society and Power), 2014, 3(47): 14–20.

Исследование социальной жизни и исторической репрезентации расписной керамики Китайского Синьцзяна

Мэрхаба,
Синьцзянский педагогический университет

Лю Данхан,
Синьцзянский педагогический университет

Лю Мин,
Синьцзянский педагогический университет

В статье исследуется расписная керамика Китайского Синьцзяна как феномен материальной культуры и источник реконструкции социальной жизни, исторической памяти и межкультурных взаимодействий доисторического общества. Цель исследования заключается в выявлении социальной и историко-культурной роли расписной керамики в процессах культурного обмена между различными регионами Евразии. На основе археологического, типологического, сравнительно-исторического и культурно-антропологического подходов рассматриваются формы, орнаментальные системы, символическое содержание и пространственные траектории распространения расписной керамики. Особое внимание уделяется концепции «Пути расписной керамики», позволяющей проследить культурные связи Синьцзяна с Центральными равнинами Китая. Показано, что расписная керамика выполняла не только утилитарные и художественные функции, но и выступала носителем социальной памяти, культурных представлений и символических значений. Анализ ее форм и орнаментов свидетельствует о миграции населения, распространении технологий, трансформации способов производства и устойчивом взаимодействии различных культурных традиций. Сделан вывод о том, что изучение социальной жизни расписной керамики расширяет возможности реконструкции историко-культурных процессов в доисторическом Китайском Синьцзяне и позволяет рассматривать регион как значимое пространство межкультурного взаимодействия в Евразии.

Ключевые слова: расписная керамика, Путь расписной керамики, социальная жизнь артефактов, историческая память, культурная антропология, межкультурное взаимодействие, доисторическая культура, культурный обмен.

Введение

Начиная с 1950-х годов, археологические работы в Синьцзяне вступили в систематическую фазу, и постепенно прояснился доисторический социальный ландшафт Синьцзяна. В 1957 году в районе Хами были последовательно раскопаны кладбище Яньбулак, археологический памятник Хами Халадун и остатки поселения Ширензи в Барколе, что положило начало изучению культуры расписной керамики Тянь-Шаня [2]. В настоящем исследовании Синьцзян рассматривается как Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики (Китайский Синьцзян), расположенный на важнейшем перекрестке историко-культурных связей между Центральным Китаем и Центральной Азией. В результате исследований берега реки Мулей на северном склоне Тянь-Шаньских гор, археологического памятника Карсанг, археологического памятника Ширензи и древних гробниц Астаны была обнаружена неолитическая культурная последовательность, составляющая южную окраину Джунгарской котловины. Раскопки гробничных комплексов в шести уездах Чжаосу, Текеш, Чабучар, Инин, Хуочэн и Суйдин в Или не только выявили особенности керамики усуньской культуры, но и предоставили материальные свидетельства культурных изменений сакских народов в евразийской степи. В период с 1964 по 1972 год систематические раскопки стоянки Хала Юргун в уезде Шуфу, Кашгар, на южном склоне Тянь-Шаньских гор, наряду с исследованием таких стоянок, как Актала, Унгулук, Куруктала и Деворек [1], позволили обнаружить остатки эпохи от неолита до раннего железного века, включая каменные орудия, расписную керамику и бронзовые изделия. На археологическом участке Актала было найдено большое количество каменных ножей и серпов, которые часто встречаются на памятниках неолита и Инь-Чжоу в других частях Центральной равнины, что [3] подтверждает, что уже в неолитический период Синьцзян и Центральная равнина сформировали тесное культурное взаимодействие, предоставляя археологические свидетельства диалога между восточной и западной цивилизациями в ранний период Шелкового пути.

Объектом настоящего исследования является расписная керамика Китайского Синьцзяна как феномен материальной культуры и источник реконструкции социальных и культурных процессов доисторического периода. Предмет исследования составляют социальная жизнь расписной керамики, ее символические функции, историко-культурные значения и роль в межрегиональном взаимодействии. Цель исследования заключается в выявлении социальной и историко-культурной роли расписной керамики в процессах формирования, распространения и взаимодействия культурных традиций Синьцзяна и сопредельных регионов Евразии. Особое внимание уделяется тому, каким образом формы, орнаменты, технологии изготовления и пространственное распространение расписной керамики отражают миграционные процессы, культурные контакты и трансформации доисторического общества.

В 1970-х и 1980-х годах в Китайском Синьцзяне был проведен ряд масштабных археологических исследований, в ходе которых были обнаружены многочисленные доисторические памятники и гробницы. На основе этих исследований были систематически раскопаны многие кладбища и археологические объекты. Среди них, в ходе археологических раскопок было обнаружено большое количество расписной керамики на следующих кладбищах: Янбулакское кладбище, Наньваньское кладбище, кладбище на Северной дороге Тяньшаня, древние гробницы у озера Айдин в Турпане, древнее кладбище Янхай в Шаньшане, кладбище Субеси, древние гробничные комплексы Иньялак и Кагчак, кладбище Алагоу и остатки каменных курганов, археологический комплекс Синьтала, древний гробничный комплекс Чаухугукоу, кладбище Цюньбаке, кладбище Гумугоу, древняя гробница Тебаньхэ, кладбище Кельмци, кладбище Сянбаобао, кладбище Чжагунлуке, а также на кладбищах и археологических памятниках в районах Мулей, Цитай, Синьюань и Луопу [3]. Впоследствии, в ходе своих исследований остатков расписной керамики, обнаруженных в Синьцзяне, г-н Чэнь Гэ разделил культуру расписной керамики на четыре региона, исходя из географического положения: Восточный Синьцзян, включающий Хами, Иу, Баркол, Шаньшань, Турпан и др.; Северный Тяньшань, включающий Мулей, Цитай, Инин, Чжаосу и др.; Южный Тяньшань, включающий Токсунь, Хэшуо, Яньци, Лунтай, Куча, Шая, Аксу и др.;

и Северный Куньлунь, включающий Лоп-Нур, Цёмо, Пишань и др. [4] С наступлением новой эры экономика и общество Синьцзяна быстро развивались, и разделение регионов культуры расписной керамики также столкнулось с новыми проблемами. Исходя из относительной независимости расписной керамики в регионе Тяньшань и основной исследовательской структуры культуры расписной керамики с востока на запад, некоторые исследователи выделили четыре культурных региона культуры расписной керамики в регионе Тяньшань: Восточный Тяньшань (Синьцзян), район гор Богда, Южный Тяньшань (Центральный Синьцзян) и бассейн реки Или (Синьцзян) [5]. Это открывает новое аналитическое измерение для региональной археологической парадигмы. Если Шелковый путь был торговым путем между Востоком и Западом, а Бронзовый путь – путем распространения материальных технологий между Востоком и Западом [6], то Путь расписной керамики был путем взаимодействия и распространения азиатской и европейской культуры и искусства.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий методы археологии, истории, культурной антропологии и искусствоведения. Типологический анализ используется для сопоставления форм, орнаментов и технологических особенностей расписной керамики различных регионов; сравнительно-исторический подход – для выявления направлений культурных контактов и изменений; пространственно-временной анализ – для реконструкции распространения культурных элементов; семиотический подход – для интерпретации символического содержания орнаментов. Такое сочетание методов позволяет рассматривать расписную керамику не только как археологический артефакт, но и как носитель социальной памяти и источник сведений о культурных взаимодействиях доисторического общества.

Двойственные парадигмы и многомерность в изучении расписной керамики

Первоначальная форма человеческого общения заключалась во временном выражении посредством звука и языка тела. С появлением гончарной культуры люди начали рисовать узоры на предметах, камнях и в пещерах, постепенно развивая абстрактные символы и формируя пространственное выражение письма. Пространственное выражение, по сравнению с временным, обладает большей объективностью и точностью, позволяя сохранять смысл абстрактных символов в сознании, тем самым способствуя быстрому развитию человеческой цивилизации и построению богатого и разнообразного культурного мира.

Доисторическая культура Синьцзяна восходит к неолиту. Исследование и раскопки захоронений в различных регионах позволяют выявить условия жизни и культурные особенности ранних людей в Синьцзяне. Изучение расписной керамики предоставляет двойную парадигму для исследования материальной культуры. С одной стороны, временная исследовательская парадигма, установленная такими дисциплинами, как история, археология и стратиграфия, является практическим путем для изучения происхождения предметов, социальных изменений и межкультурного обмена. Например, археологическая стратиграфия, посредством анализа артефактов на участке Гангуя в Цзюцюане, восстановила исторический контекст перехода от мачанского типа к сибаской культуре и объяснила постепенное распространение баншаньского типа мацзяяоской культуры в коридор Хэси [7], предоставив материальные свидетельства для изучения социальных изменений. С другой стороны, пространственная исследовательская парадигма, основанная на антропологии, этнологии и искусствоведении, исходящая из логики кодирования и декодирования декоративных символов, обеспечивает целостный взгляд на культурные характеристики, культурные изменения и сознание доисторического общества, стоящие за декоративными символами расписной керамики. Межкультурная передача узоров, таких как те, что встречаются в керамике типа Мяодигоу, а также треугольные и сетчатые узоры в культуре Давэнькоу, глубоко раскрывает систему знаний, сформированную доисторическими людьми, их познанием и пониманием природного мира. Это привело к многомерному исследовательскому подходу в изучении расписной керамики.

Во-первых, типологические и археологические аналитические парадигмы обеспечивают детальную классификацию форм, украшений и текстур расписной керамики, создавая иерархическую систему классификации. Изучение морфологических изменений и декоративных особенностей расписной керамики и анализ её эволюции выявляют стилистические различия в расписных керамических сосудах из разных регионов. Например, в расписной керамике Хами преобладают ромбовидные и клетчатые узоры, в то время как в расписной керамике Чжаосу преобладают треугольные узоры. Её сходство с расписной керамикой культур Сиба, Синьдянь и Шацзин провинции Ганьсу отражает глубокое влияние культуры расписной керамики Ганьсу на культуру расписной керамики Синьцзяна. Археологические исследования морфологических изменений и декоративных особенностей расписной керамики позволяют понять социальную структуру, экономическую деятельность и духовные верования, отраженные в ней. Например, анализ черепов из Янбулакского кладбища, радиоуглеродное датирование и технологические методы (роспись на глиняной глазури, гончарное дело) позволяют исследовать этнические взаимодействия, технологическую эволюцию и социальные функции, лежащие в основе росписи керамики, обеспечивая теоретическую основу для макронарратива доисторической культуры. Сочетание стратиграфии с пространственно-временной структурой в конечном итоге приводит к теоретическому сдвигу от изучения материальной культуры к интерпретации социальных форм.

Во-вторых, изучение периодизации захоронений и происхождения артефактов. Например, при археологических раскопках янбулакской культуры она была разделена на три периода на основе наложения гробниц и изменений в погребальных принадлежностях: первый период в основном характеризовался множественными захоронениями в вертикальных ямах, с типичной керамикой, включающей чаши с одним ухом, доу с одним ухом (тип чаши на ножке), сосуды с ухом в форме живота и чашки с одним ухом; второй период переходил к одиночным захоронениям, с появлением в керамическом комплексе небольших чашек с одним ухом, кувшинов с одним ухом и кувшинов с двумя ухами; в третий период появились надземные глинобитные гробницы, с основной керамикой, включающей небольшие чашки с одним ухом, кувшины с одним ухом, кувшины с двумя ухом, а также некоторые сосуды с ухом в форме живота и чашки с одним ухом, а также деревянные тарелки, деревянные ведра и небольшие бронзовые предметы [8]. В то же время, расписная керамика культуры Линья в основном представляет собой сосуды с двойными ушками, и некоторые её черты тесно связаны с культурами Мачан, Сичэнъи и Сиба. Кроме того, керамика с оттисками и гравировкой из верхнего течения реки Или относится к местному типу андроновской культуры, которая распространилась в этом районе, продвигаясь на восток вдоль реки Или, и также предоставляет реальные материалы для понимания культурной адаптации в этом регионе.

В-третьих, интерпретация коннотаций семиотики и искусства. Символы содержат человеческие верования, тотемы, сцены из жизни и структуры мышления. Они демонстрируют верования и ритуальные процессы этнических групп посредством образных повествований. Использование этнографических материалов для проверки внутренней связи между символическими узорами и духовными концепциями может помочь исследовать культурное значение и символическую значимость доисторического общества, на которое указывают символы расписной керамики. Например, треугольный узор является основной линией наскальных рисунков и связан с символом культа плодородия из Евразийских гор и Северо-Западного Китая; железные, бронзовые изделия и керамика в гробницах демонстрируют основные характеристики андроновской культуры, а процесс их изготовления отражает сильные характеристики евразийской степной культуры [9]. На основе двух измерений – пространственного потока и исторического наследия – анализ распространения и эволюции символов расписной керамики показывает, что эволюция символов формирует китайскую культуру, то есть культуры расписной керамики разных доисторических регионов влияли друг на друга посредством миграции населения и обмена артефактами. Изучение символов на расписной керамике помогает проследить истоки китайской культуры и понять происхождение и развитие декоративно-прикладного искусства.

В-четвертых, это изучение пути передачи и культурной антропологии, то есть, посредством междисциплинарного исследования, внедрение методов коммуникационных исследований и антропологии в изучение культуры расписной керамики, раскрывающее глубинную культурную структуру доисторического общества и описывающее межкультурный художественный обмен в доисторической цивилизации. Взяв за отправную точку историю жизни артефактов, мы исследуем траекторию миграции и обмена людей, отраженную в происхождении расписной керамики. Например, расписная керамика региона Хуанхуай в провинции Цзянсу очень похожа по форме и декору на керамику культуры Давэньокоу, в то время как расписная керамика региона Цзянхуай имеет общую черту внутренней росписи с керамикой типа Банпо культуры Яншао. Это межрегиональное сравнение раскрывает путь передачи расписной керамики как носителя межкультурного обмена [10]. Изучая социальный жизненный путь расписной керамики, мы можем поднять исторический дискурс об объектах до нарративного измерения межкультурного обмена. Изучение Нефритового и Шелкового путей, а также Бронзового пути в большей степени посвящено пе-

редаче технологий, в то время как изучение пути расписной керамики больше затрагивает фундаментальные основы культурной структуры и более широкое познание и верования человечества; расписная керамика имеет более глубокое значение в определении природы культуры, чем бронзовые технологии. Предложение о пути расписной керамики открыло новый путь для изучения взаимодействия между древними восточными и западными цивилизациями. Прослеживая пространственное распределение артефактов расписной керамики, мы можем четко наблюдать сеть культурного взаимодействия, сформированную доисторической миграцией людей. Сближение расписной керамики из разных регионов с точки зрения эволюции формы сосудов, декоративных элементов и методов производства раскрывает межрегиональный процесс формирования символического художественного стиля расписной керамики. Эти результаты также закладывают важную исследовательскую основу для систематического изучения культурных характеристик, художественных представлений и исторических координат расписной керамики Синьцзяна в истории евразийской цивилизации.

В целом, исследование доисторической расписной керамики Синьцзяна следует целостному принципу от микро до макроуровня, то есть пониманию формирования и эволюции китайской цивилизации через развитие доисторической расписной керамики. В то же время, обмен и изменения в культуре расписной керамики раскрывают внутренние связи и взаимодействия между отдельными людьми и группами, а также между местным и национальным уровнями, предоставляя теоретический опыт для академического диалога на местном и национальном уровнях и дополнительно подчеркивая уникальную ценность культуры расписной керамики. История Синьцзяна – это история общего прогресса его народа; результаты археологических исследований должны использоваться для того, чтобы дать голос китайской культуре [11]. Изучение межкультурных обменов доисторических людей через призму расписной керамики и более глубокое понимание глубокого культурного смысла доисторических социально-культурных изменений и духовных верований предоставит ценный опыт для культурного строительства современного общества.

Проведенный анализ показывает, что исследование расписной керамики Синьцзяна требует выхода за пределы ее традиционного рассмотрения исключительно как археологического материала. Сопоставление форм сосудов, декоративных элементов, технологий изготовления и географии находок свидетельствует о многоуровневых культурных контактах и позволяет проследить процессы миграции, заимствования и адаптации культурных элементов. Тем самым расписная керамика выступает одновременно материальным свидетельством социальных изменений и средством сохранения и передачи культурной памяти.

Символическая память в искусстве расписной керамики

Путь расписной керамики лежит в исследовании социальной жизни, которую несут в себе предметы, раскрывая символические взаимодействия, присущие эволюции артефактов. За этими символическими обменами скрывается многомерная межкультурная коммуникация, включающая институциональные, идеологические и когнитивные структуры, которые вместе составляют сложные и разнообразные социальные движущие силы культурных изменений. Будь то узор, текст или живопись; будь то украшение, событие или история; будь то эмоция, мысль или опыт; будь то поэзия, книга или ритуал, символическая система узоров расписной керамики демонстрирует высокую степень преемственности с традициями культуры Центральных равнин [12]. Символическое искусство расписной керамики наделяет её культурными коннотациями, выходящими за рамки самого материала, свидетельствуя о пути человечества от невежества к цивилизации.

Культура китайской расписной керамики является важной составляющей изучения китайской доисторической эпохи, свидетельствуя о долгой истории от раннего неолита до династии Хань. Если Бронзовый путь рассматривается как маршрут для передачи на запад технологий производства и кочевой культуры, породивший Шелковый путь; а Нефритовый и Шелковый пути – как маршрут для передачи китайской мифологии и духовных верований, отражающий династические изменения, то Путь расписной керамики можно рассматривать как маршрут межкультурного обмена для передачи искусства и культуры на восток, создающий мост для коммуникации между доисторическими людьми. Самые ранние остатки расписной керамики были найдены в нижнем слое поселения Дадивань в Циньане и относятся к культуре Байцзяцунь дояншаоского периода. Впоследствии культура расписной керамики быстро распространилась, сформировав период процветания, представленный культурой Банпо. Абстрактные геометрические узоры и мотивы птиц, заимствованные из рыбьих узоров, ярко отражали среду обитания и мир верований ранних жителей. В период культуры Мяодигоу возникла волна доисторического искусства расписной керамики, формы сосудов и декоративные типы которой оказали влияние на культуры Давэнькоу, Алашань, Хуншань и Даси. Г-н Ван Жэньсян однажды провел всесторонний и углубленный анализ искусства расписной керамики. Результаты его исследования показали, что народ Мяодигоу создал целостную систему художественных принципов. С точки зрения художественного выражения, наиболее очевидными проявлениями являются непрерывность, контраст, симметрия, динамизм и метод изображения фоновых узоров. Зрелый метод символического искусства является высшим принципом практики создания расписной керамики народом Мяодигоу [13].

Культура расписной керамики Синьцзяна связана с культурами Яншао и Мацзяяо Центральных равнин, а также находится под влиянием западной культуры. Некоторые декоративные узоры в доисторической культуре расписной керамики Синьцзяна схожи с узорами в расписной керамике Центральной Азии, отражая культурные пути раннего обмена между Востоком и Западом. Сравнительные исследования восточно-западного художественного декора всегда были важным инструментом для изучения древних, особенно доисторических, цивилизационных обменов между Востоком и Западом, наравне с физической антропологией и сравнительной лингвистикой. Сравнивая украшения расписной керамики и используя иконографические методы для отслеживания происхождения уникальных узоров, мы можем получить более глубокое понимание развития и эволюции доисторической цивилизации Синьцзяна.

Маршрут расписной керамики, охватывающий период с 4000 г. до н.э. по 2000 г. до н.э., стал свидетелем распространения культуры Центральных равнин на запад. Около 3000 г. до н.э. культура расписной керамики начала приходить в упадок в среднем течении Желтой реки и распространяться на запад вдоль ее притоков. Распространение культуры расписной керамики Центральных равнин на запад пережило два пика. Первый начался около 3000 г. до н.э. после формирования культуры Мацзяяо (мачанского типа), с последующим распространением на запад вдоль коридора Хэси в восточный Синьцзян. Второй начался около 1300 г. до н.э. после формирования культуры Яньбулак, распространяясь на запад вдоль Тяньшаньских гор [14]. Впоследствии культура расписной керамики продолжала распространяться на запад почти 2000 лет. Около 1400 г. до н.э. доисторические люди в Синьцзяне постепенно накапливали опыт борьбы с природой, повышали производительность и постепенно начинали заниматься земледелием. После внедрения земледелия и расписной керамики в восточном Синьцзяне произошли изменения в характере человеческого производства и образе жизни. Те, кто ранее занимался кочевым хозяйством, перешли к земледелию, а оседлый образ жизни еще больше увеличил производительность и численность населения, тем самым расширив сферу человеческой деятельности. Распространение культуры расписной керамики раскрывает траекторию миграции и взаимодействия людей в доисторические времена, выступая связующим звеном между различными регионами и культурами и способствуя общему развитию доисторических человеческих обществ.

Распространение доисторической расписной керамики в Азии можно разделить на две основные ветви: первая – распространение расписной керамики из верховьев реки Хуанхэ в прилегающие районы, образующее восточноазиатский маршрут расписной керамики; вторая – распространение расписной керамики из Западной Азии в Центральную Азию и прилегающие районы, образующее западноазиатский маршрут расписной керамики. Культуры расписной керамики Западной и Восточной Азии непрерывно, напрямую или периодически, взаимодействовали, составляя важную часть доисторического культурного обмена по всей Евразии. Символы расписной керамики, заимствованные с Запада, были заимствованы местной сельскохозяйственной культурой в регионе Ганьсу-Цинхай и интегрированы в культурную систему расписной керамики. Таким образом, расписная керамика и её символы являются не только проявлением доисторического искусства, но и важным средством связи восточной и западной культур, отражающим общие черты человеческой культурной психологии и структуры мышления.

Межкультурный обмен в культуре расписной керамики отражается не только в декоре, но и в техниках изготовления и формах. В ходе этого процесса формы расписных керамических сосудов эволюционировали от простых к разнообразным, свидетельствуя о производстве и образе жизни доисторических обществ; декоративные узоры эволюционировали от изобразительных к абстрактным, отражая трансформацию доисторического человеческого мышления. Около 2000 г. до н.э., хотя европейское население доминировало в большинстве за-

падных регионов, их культурная эволюция имела прерывистый характер. Первая группа, мигрировавшая в Лоп-Нур, ввела систему овальных сосудов с круглым дном; впоследствии андроновская культура принесла в западные регионы сосуды с плоским дном в форме кувшина, формы которых не унаследовали от прежних; позже группы из долины реки Или и Центральной Азии ввели кувшины без ручек и чаши с круглым дном, образовав явный разрыв с андроновской культурой. Эта культурная прерывность отражает скорее итеративное, чем непрерывное развитие западных культур. В противоположность этому, восточная культура расписной керамики, зародившаяся в регионе Ганьсу-Цинхай, хотя и проникла в него в меньших масштабах, продемонстрировала преемственность. Начиная с позднего периода Мачан, когда в Хами сформировалась культура Северной дороги Тяньшаня, через культуры Яньбулак, Наньвань, Субеси и Чаухугукоу до культуры Суодунбулак, традиция расписной керамики всегда была тесно переплетена с культурными генами Ганьсу и Цинхая [15]. Хотя синьцзянская расписная керамика содержит местные символические элементы, её основные техники и системы декорирования всегда сохраняли глубокую связь с культурой расписной керамики Центральных равнин, демонстрируя продвижение культуры Хэсиского коридора на запад.

Каждая эпоха стремится объяснить бесконечно богатое множество явлений дуализмом мышления и жизненных тенденций. Глубокие экзистенциальные противоречия во всех человеческих делах можно понять только через различные символы и примеры. Одновременно с этим, для любого великого исторического периода еще одним проявлением этого противоречия представляется его фундаментальный тип и первоначальная форма. Расписная керамика, как важная составляющая доисторической культуры Китая и даже Восточной Азии, не только обладает чрезвычайно высокой художественной ценностью, но и является важнейшим источником данных для изучения доисторических социальных изменений. Поэтому доисторическая расписная керамика направляет археологические исследования к межкультурной коммуникации. Художественный путь формирования культуры расписной керамики, как важный путь к пониманию развития человеческой культуры, имеет глубокую историческую ценность и современное значение, требующее непрерывного и глубокого изучения.

Заключение

Таким образом, результаты исследования показывают, что социальная жизнь расписной керамики Китайского Синьцзяна раскрывается через взаимосвязь ее утилитарных, художественных, символических и коммуникативных функций. Анализ пространственного распространения форм и орнаментов позволяет выявить устойчивые связи Китайского Синьцзяна с культурами Центральных равнин Китая, Центральной и Западной Азии. Расписная керамика в данном контексте выступает не только археологическим источником, но и носителем социальной и культурной памяти, отражающим миграцию населения, передачу технологий и трансформацию культурных представлений. Концепция «Пути расписной керамики» позволяет рассматривать доисторический Китайский Синьцзян как важное пространство взаимодействия культурных традиций Востока и Запада.

Литература

1. Ли Ючунь. Расписная керамика, обнаруженная в Синьцзяне // Археология. – 1959. – № 3. – С. 153–154.
2. У Чжэнь. Несколько неолитических поселений в восточном Синьцзяне // Археология. – 1964. – № 7. – С. 333–341.
3. Археологическая группа Музея Синьцзян-Уйгурского автономного района. Исследование неолитических памятников, таких как Актала в уезде Шуфу, Синьцзян // Археология. – 1977. – № 2. – С. 107–110.
4. Чен Ге. Краткое обсуждение расписной керамики в Синьцзяне // Социальные науки Синьцзяна. – 1982. – № 2. – С. 77–103.
5. Лю Сюэтан. Расписная керамика Шелкового пути: Тяньшаньский том. – Сиань: Издательство «Саньцинь», 2022. – С. 64.
6. Лю Сюэтан. Диалог между расписной керамикой и бронзой. – Пекин: Издательство «Коммерческая пресса», 2016. – С. 201.
7. Хань Цзянье. «Дорога расписной керамики» и ранний китайско-западный культурный обмен // Археология и культурные реликвии. – 2013. – № 1. – С. 28–37.
8. Чен Ге. Краткое обсуждение культуры Ямбулака // Исследования западных регионов. – 1991. – № 1. – С. 81–96.
9. Лю Сюэтан. Доисторическая эпоха Урумчи. – Пекин: Издательство «Коммерческая пресса», 2018. – С. 37–39.
10. Фэй Линъя. Исследование расписной керамики и системы расписной керамики в эпоху неолита провинции Цзянсу // Юго-восточная культура. – 2010. – № 6. – С. 98–103.
11. Лю Данхан, Лю Мин. Использование культурных реликвий для исправления исторического названия: обзор «Доисторической эпохи Урумчи» // Местные хроники Синьцзяна. – 2024. – № 1. – С. 41–44, 64.
12. Цзян Шуцин. Расшифровка Небесной Книги: раскрытие секретов древних узоров расписной керамики. – Шанхай: Шанхайское издательство культуры, 2001. – С. 12.
13. Ван Жэньсян. Волны искусства доисторического Китая: интерпретация искусства расписной керамики культуры Мяодигоу // Культурные реликвии. – 2010. – № 3. – С. 46–55.
14. Ли Чжуньяо, Цзя Годун. Истоки истории и культуры Синьцзяна и самосознание китайской нации как сообщества в доциньский период // Журнал Синьцзянского университета. Серия: Философия и социальные науки. – 2022. – Т. 50, № 5. – С. 57–64.
15. Шао Хуэйцю. Эволюция культурных моделей в Синьцзяне в доисторический период и их связь с культурами соседних регионов. – Цзилиньский университет, 2007. – С. 255–266.

THE SOCIAL LIFE AND HISTORICAL REPRESENTATION OF PAINTED POTTERY IN CHINESE XINJIANG

Merhaba, Liu Danhang, Liu Ming
Xinjiang Normal University

This article examines painted pottery from China's Xinjiang as a phenomenon of material culture and a source for reconstructing the social life, historical memory, and intercultural interactions of prehistoric societies. The study aims to identify the social, historical, and cultural role of painted pottery in processes of cultural exchange among different regions of Eurasia. Drawing on archaeological, typological, comparative-historical, and cultural-anthropological approaches, the study analyzes the forms, ornamental systems, symbolic meanings, and spatial trajectories of painted pottery distribution. Particular attention is given to the concept of the "Painted Pottery Road," which makes it possible to trace cultural connections between Xinjiang and the Central Plains of China. The findings demonstrate that painted pottery performed not only utilitarian and artistic functions but also served as a medium of social memory, cultural representations, and symbolic meanings. Analysis of its forms and decorative patterns provides evidence of population migration, the diffusion of technologies, transformations in production practices, and sustained interaction among diverse cultural traditions. The study concludes that examining the social life of painted pottery broadens the possibilities for reconstructing historical and cultural processes in prehistoric China's Xinjiang and highlights the region as a significant space of intercultural interaction within Eurasia.

Keywords: painted pottery, Painted Pottery Road, social life of artifacts, historical memory, cultural anthropology, intercultural interaction, prehistoric culture, cultural exchange.

References

1. Li Yuchun. Painted pottery discovered in Xinjiang. Archaeology. 1959; (3): 153–154. (In Chinese).
2. Wu Zhen. Several Neolithic settlements in Eastern Xinjiang. Archaeology. 1964; (7): 333–341. (In Chinese).
3. Archaeological Team of the Museum of the Xinjiang Uygur Autonomous Region. Investigation of Neolithic sites, including Aktala in Shufu County, Xinjiang. Archaeology. 1977; (2): 107–110. (In Chinese).
4. Chen Ge. A brief discussion of painted pottery in Xinjiang. Social Sciences in Xinjiang. 1982; (2): 77–103. (In Chinese).
5. Liu Xuetang. Painted Pottery of the Silk Road: Tianshan Volume. Xi'an: Sanqin Publishing House; 2022. p. 64. (In Chinese).
6. Liu Xuetang. Dialogue between Painted Pottery and Bronze. Beijing: The Commercial Press; 2016. p. 201. (In Chinese).
7. Han Jianye. The "Painted Pottery Road" and early cultural exchanges between China and the West. Archaeology and Cultural Relics. 2013; (1): 28–37. (In Chinese).
8. Chen Ge. A brief discussion of the Yambolake culture. The Western Regions Studies. 1991; (1): 81–96. (In Chinese).
9. Liu Xuetang. The Prehistoric Era of Urumqi. Beijing: The Commercial Press; 2018. pp. 37–39. (In Chinese).
10. Fei Lingya. A study of Neolithic painted pottery and the painted pottery system in Jiangsu Province. Southeast Culture. 2010; (6): 98–103. (In Chinese).
11. Liu Danhang, Liu Ming. Using cultural relics to correct historical names: A review of The Prehistoric Era of Urumqi. Local Chronicles of Xinjiang. 2024; (1): 41–44, 64. (In Chinese).
12. Jiang Shuqing. Deciphering the Heavenly Book: Uncovering the Secrets of Ancient Painted Pottery Patterns. Shanghai: Shanghai Culture Publishing House; 2001. p. 12. (In Chinese).
13. Wang Renxiang. Waves of art in prehistoric China: An interpretation of the painted pottery art of the Miaodigou culture. Cultural Relics. 2010; (3): 46–55. (In Chinese).
14. Li Zhongyao, Jia Guodong. The origins of Xinjiang's history and culture and the consciousness of the Chinese nation as a community in the pre-Qin period. Journal of Xinjiang University (Philosophy and Social Sciences). 2022; 50(5): 57–64. (In Chinese).
15. Shao Huiqiu. The Evolution of Cultural Patterns in Xinjiang during the Prehistoric Period and Their Relationship with the Cultures of Neighboring Regions. Jilin University; 2007. pp. 255–266. (In Chinese).

Социальный архитектор как субъект конструирования благополучия семьи в контексте национальных духовно-нравственных ценностей

Попандопуло Ольга Александровна,
кандидат философских наук, доцент, Волгоградский государственный университет

Предметом исследования выступают философские основания и социально-практические импликации принципов социальной работы с семьей в контексте современной парадигмы социального конструирования благополучия. Объектом исследования является процесс институционализации социальной работы с семьей как формы реализации социальной справедливости и защиты прав человека. Подчеркивается необходимость дальнейшего осмысления проблем социальной работы и разработки новых теоретических моделей, способствующих ее совершенствованию. В отличие от существующих исследований, фокусирующихся на эмпирических аспектах, автор предлагает философское переосмысление фундаментальных принципов социальной работы с семьей, выявляя их онтологические, эпистемологические и аксиологические основания, стремится к глубокому пониманию сущности социальной работы, ее места в системе социальных отношений и роли в формировании социальной справедливости. В качестве основного подхода автор применяет критическую теорию, позволяющая проанализировать работу с семьей как сферу взаимодействия власти и знания, выявить механизмы социального контроля и определить пути расширения возможностей для современных российских семей. Аксиологический подход позволяет проанализировать ценностные основания социальной работы и определить, насколько они соответствуют национальным приоритетам. Предпринята попытка комплексного анализа принципов раннего вмешательства и оценки эффективности социальной работы с семьей с позиций критической теории, позволяющей оценить субъективный опыт семей и проанализировать доминирующие дискурсы в сфере социальной работы. Предложена концепция, рассматривающая социальную работу как процесс активного конструирования социальной реальности, направленного на расширение возможностей и повышение качества жизни семей. Принципы индивидуализации и интеграции социальной работы с семьей являются необходимым условием для обеспечения ее эффективности. Однако, реализация этих принципов требует критического осмысления и преодоления потенциальных рисков, связанных с механизмом социального контроля и стигматизацией семей. Важным условием для повышения эффективности социальной работы является учет ценностных ориентаций семей и обеспечение соответствия социальных практик универсальным принципам. В сложившихся условиях возникает необходимость в разработке новых теоретических моделей, учитывающих, во-первых, этику ответственности в контексте принятия решений о раннем вмешательстве, во-вторых, концепцию благополучия для более глубокого понимания субъективного опыта семей и, наконец, критическую теорию для выявления и преодоления механизмов социального неравенства.

Ключевые слова: социальный архитектор, благополучие семьи, духовно-нравственные ценности, социальное конструирование, субъект, индивидуализация, интеграция, социальная работа, национальные приоритеты, этика.

Актуальность исследований в сфере социальной работы с семьями обусловлена динамичным характером современных общественных преобразований, затрагивающих экономические, демографические, социокультурные и технологические аспекты жизни российского общества. Эти изменения, в свою очередь, формируют новые вызовы для семей, требующие пересмотра и адаптации теоретических и практических подходов в социальной работе. Настоящая работа посвящена обоснованию роли социального архитектора в контексте реализации принципов индивидуализированной социальной работы с семьей, уделяя особое внимание принципам индивидуализации и интеграции социальных служб. Актуальность исследования дополнительно подкрепляется положениями Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», ориентирующего на повышение благосостояния граждан и развитие человеческого капитала, а также Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», подчеркивающего ценность семьи как фундаментальной основы общества.

В современных условиях, когда социальная работа с семьей сталкивается с растущей сложностью и многообразием проблем, роль социального архитектора приобретает особое значение. Он становится ключевым элементом системы, обеспечивая интеграцию усилий различных специалистов и организаций в единую, скоординированную структуру помощи. Социальный архитектор не просто координирует деятельность, а выступает в роли новатора и проектировщика, создающего индивидуализированные решения, учитывающие уникальные потребности каждой семьи [1]. В рамках исследования, под социальным архитектором понимается специалист, обладающий компетенциями в области социальной работы, организации и координации деятельности, проектного менеджмента, а также глубоким пониманием социокультурного контекста, в котором функционирует семья. Социальный архитектор выступает в роли проектировщика, строителя и координатора системы социальной поддержки семьи, обеспечивая ее эффективность и соответствие потребностям конкретной семьи.

Данный подход представляет собой значительный шаг вперед в развитии социальной работы, позволяя перейти от фрагментарной помощи к комплексной и системной поддержке. Однако, для его успешной реализации необходимы дальнейшие исследования, направленные на разработку конкретных методик, инструментов и образовательных программ, способствующих формированию и развитию компетенций социальных архитекторов. Это позволит не только повысить эффективность социальной поддержки семьи, но и внести существенный вклад в достижение национальных целей развития Российской Федерации и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, создавая условия для устойчивого благополучия российских семей [10].

В рамках настоящего исследования применяется междисциплинарный подход, сочетающий принципы аксиологии и ресурсно-ориентированного подхода для анализа социальной работы с семьей. Современные подходы к социальной поддержке семей, находящихся в трудных жизненных ситуациях, требуют внедрения системных и междисциплинарных методов, ориентированных на комплексное решение проблем и активизацию внутренних ресурсов семей. Ресурсно-ориентированный подход предполагает выявление и развитие внутренних ресурсов семьи, что способствует укреплению ее автономии и устойчивости. На практике это проявляется в помощи в активизации потенциальных возможностей членов семьи, формировании позитивных моделей взаимодействия и навыков самостоятельного решения проблем. Такой подход подтвержден как эффективный, демонстрирующих повышение социальной самостоятельности и снижение уровня рисков у семей.

Дополнительным компонентом работы является активное содействие в улучшении материальных условий и доступе к социальным услугам – медицинской, образовательной, трудовой. В рамках системной поддержки реализуются меры по социальному консультированию, сопровождению при получении льгот и содействию в трудоустройстве, что позволяет снизить социальную уязвимость и создать благоприят-

ную среду для развития семейной системы. Образовательные модули и тренинги, проводимые социальным архитектором, направлены на развитие жизненных компетенций – навыков управления семейным бюджетом, разрешения конфликтных ситуаций, социального взаимодействия. Такой комплексный подход обеспечивает формирование у участников программ практических навыков, повышающих их социальную автономию и устойчивость.

Интегративные модели поддержки, основанные на взаимодействии с межсекторными службами (медицинскими, педагогическими, юридическими, трудовыми), создают условия для системного развития семейных ресурсов и устранения системных барьеров. Реализация структурированных инструментов и технологий позволяет достигать долгосрочных изменений в условиях жизни семей, повышая их социальное благополучие. Параллельно с этим используется аксиологический подход, который фокусируется на анализе ценностных оснований социальной работы с семьей. Это необходимо для определения соответствия применяемых методов и целей принципам национальной модели социальной работы, а также для выявления потенциальных конфликтов между универсальными ценностями социальной справедливости и конкретными социокультурными нормами.

Обоснование данной модели показывает, что роль социального архитектора заключается не только в выполнении прямых мер поддержки, но и в создании условий для самостоятельного развития семей, развития их внутреннего потенциала. Такой подход способствует не только решению актуальных проблем, но и формированию устойчивых механизмов саморегуляции и адаптации семейных систем, что актуально в условиях социально-экономических изменений.

Принцип индивидуализации в социальной работе рассматривается как ключевой вектор развития, направленный на переход от унифицированных услуг к персонализированному взаимодействию с каждой семьей. В рамках этого принципа выделяются следующие компоненты:

– комплексная оценка потребностей семьи (первичное обследование, индивидуальная диагностика, междисциплинарный подход);

– разработка индивидуальной программы социального обслуживания (ИПСО);

– использование разнообразных форм и методов социального обслуживания, среди которых индивидуальное консультирование, психологическая и социальная помощь, семейная терапия, групповые занятия, социальное сопровождение, материальная помощь, юридическая консультация, медицинское сопровождение, социальная реабилитация;

– междисциплинарное взаимодействие;

– учет социокультурных особенностей;

– расширение полномочий семьи;

– мониторинг и оценка.

Эти компоненты, в свою очередь, находят отражение в работах отечественных исследователей [7], которые подчеркивают важность учета индивидуальных обстоятельств и потребностей каждой семьи при организации социальной помощи. В контексте индивидуализации, роль социального архитектора становится особенно важной. Социальный архитектор выступает в качестве интегратора и координатора, обеспечивая согласованность действий специалистов, адаптацию существующих методик к конкретным потребностям семьи и контроль за эффективностью реализации ИПСО. Кроме того, социальный архитектор выполняет функцию фасилитатора, способствуя активизации ресурсов семьи и повышению ее самостоятельности в решении проблем.

В условиях развития российского общества и реализации стратегических программ социального развития важное значение приобретает принцип индивидуализации как ключевой аспект эффективности современной социальной работы. Этот принцип предполагает учет уникальных особенностей, потребностей и ресурсов каждой семьи и каждого гражданина, что в свою очередь способствует реализации базовых ценностей гуманизма, справедливости и демократии.

Ценностная составляющая индивидуализации обусловливает ее роль как инструмента обеспечения достоинства личности, свободы выбора и социальной интеграции. В контексте современных задач государственного управления и социального обслуживания данный принцип выступает в качестве средства формирования ориентированной на человека системы поддержки, основанной на уважении его значимости и прав. Такой подход способствует укреплению института семьи, повышению уровня доверия в межличностных и межведомственных отношениях, а также способствует созданию условий для реализации личного потенциала и повышения качества жизни.

На стратегическом уровне реализация принципа индивидуализации соответствует целям национальной политики в области социальной защиты, направленной на развитие социального партнерства, преодоление социального неравенства и развитие человеческого капитала. Важнейшими задачами при этом являются создание условий для развития самостоятельности семей, индивидуальных адаптивных возможностей и социального благополучия, что соответствует ценностям ответственности, солидарности и гуманизма.

Интегративная роль ценностей в формировании подходов к индивидуализации подтверждается необходимостью соблюдения этических принципов, таких как уважение к достоинству, неприкосновенность частной жизни и права субъекта на участие в процессе принятия решений. Такой этический фундамент обеспечивает баланс между своевременной помощью и поддержкой и сохранением автономии семьи и гражданина, что является базовым элементом современной концепции социальной работы.

В целом, ценностная ориентированность принципа индивидуализации способствует формированию социальной среды, ориентированной на развитие человека и его возможностей, обеспечивая устойчивость и гармонию в социальном пространстве. Такой подход соответствует стратегической установке государства на построение гуманных и справедливых отношений в обществе, что в конечном итоге способствует укреплению гражданского общества и повышению уровня национальной стабильности.

Интеграция социальных служб, как принцип организации социальной помощи семье, имеет значительный потенциал для улучшения качества и эффективности предоставляемых услуг. С точки зрения современной социальной работы, объединение усилий различных специалистов и организаций позволяет создать более комплексную, адресную и скоординированную систему помощи, что, в свою очередь, ведет к положительным результатам для семей, нуждающихся в поддержке [4]. Анализ ценностных оснований социальной работы и выявления соответствия между применяемыми методами и принципами социальной справедливости, позволяет обосновать следующие преимущества интегрированного подхода:

1. Принцип интеграции, реализованный посредством создания междисциплинарных команд (психологи, юристы, социальные работники, медики), позволяет обеспечить комплексный и всесторонний подход к решению проблем семьи, является ключевым для удовлетворения многообразных потребностей семей.

2. Интеграция социальных служб, особенно при использовании единых информационных систем и разработке межведомственных программ, способствует эффективной координации действий различных организаций социальной сферы и, тем самым, сводит к минимуму дублирование оказываемых услуг, что, в свою очередь, ведет к эффективному использованию ограниченных ресурсов и к повышению качества предоставляемых услуг.

3. Сетевое взаимодействие с общественными организациями, благотворительными фондами и волонтерскими движениями является неотъемлемой частью интегрированного подхода. Оно способствует расширению ресурсной базы и улучшению доступа семей к различным видам поддержки (материальная помощь, образовательные программы, досуговые мероприятия и т.д.). Развитие сетевого взаимодействия позволяет мобилизовать ресурсы сообщества, обеспечивая более широкую поддержку семьям и способствуя созданию благоприятной социальной среды для их развития.

4. Реализация принципа интеграции через проведение совместных мероприятий и обучения способствует повышению квалификации специалистов и, как следствие, улучшению качества предоставляемых услуг. Исследования, посвященные оценке социальных программ, демонстрируют, что программы, основанные на интегративном подходе, демонстрируют более высокие показатели эффективности и устойчивости. Совместное обучение специалистов различных социальных служб, обмен опытом и выработка единых подходов к решению проблем способствуют повышению профессионализма и улучшению качества работы с семьями. В рамках принципа интеграции, социальный архитектор выступает в качестве связующего звена между различными специалистами и организациями, обеспечивая эффективное взаимодействие и координацию действий. Он создает интегрированную систему помощи, которая учитывает многообразие потребностей семьи и обеспечивает согласованную работу всех участников процесса [2].

В целом, интеграция социальных служб, выступающая одним из ключевых факторов повышения эффективности социального обслуживания, представляет собой сложносоставной проект, требующий критического осмысления. С точки зрения критической теории, реализация принципа интеграции, направленная на преодоление разобщенности действий отдельных служб, требует особого внимания к потенциальным механизмам институционализации контроля. Стремление к созданию единой, скоординированной системы помощи, может обернуться усилением власти социальных институтов над жизненным

миром семьи. Стратегической целью реализации принципа интеграции является не просто создание скоординированной системы, а достижение подлинного благополучия семьи, основанного на признании ее автономии, расширении прав и возможностей, и участии в принятии решений, касающихся ее жизни.

Таким образом, опираясь на междисциплинарный подход, сочетающий критическую теорию и аксиологию, обоснована ключевая роль принципа индивидуализации в современной социальной работе с семьей. Анализ с позиций критической теории, позволил выявить потенциальные риски, связанные с инструментализацией власти и знания в процессе оказания помощи, а также подчеркнуть необходимость критического осмысления практик, направленных на преодоление этих рисков. Использование аксиологического подхода выявило важность учета ценностных оснований социальной работы и необходимость соотнесения применяемых методов и целей с принципами социальной справедливости и уважения к социокультурному многообразию.

В контексте достижения национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года, зафиксированных в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474, принцип индивидуализации приобретает особую значимость. Повышение благосостояния граждан, улучшение качества жизни и развитие человеческого капитала напрямую зависят от эффективной социальной поддержки семей. Индивидуализированный подход, обеспечивающий адресную помощь, которая учитывает уникальные потребности и возможности каждой семьи, является необходимым условием для достижения этих целей. Кроме того, реализация принципа индивидуализации в социальной работе с семьей полностью соответствует положениям Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Укрепление семьи как основы общества и формирование ценностей патриотизма, взаимоуважения и солидарности требует от социальной работы глубокого понимания социокультурных особенностей, ценностей и традиций, присущих каждой семье. Индивидуализированный подход, основанный на уважении к семейным ценностям и предоставлении возможностей для самореализации, является ключевым фактором для эффективной реализации этой политики.

В рамках предложенной модели, социальный архитектор выступает как центральная фигура, обеспечивающая реализацию принципа индивидуализации. Он является интегратором, координатором и фасилитатором, который создает условия для согласованной работы специалистов, адаптации существующих методик к конкретным потребностям семей и контроля за эффективностью реализации социальных программ. Анализ преимуществ интегрированного подхода, с точки зрения ценностных оснований социальной работы и соответствия принципам социальной справедливости, позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего развития этой модели. Для этого необходимо продолжить исследования, направленные на разработку и апробацию новых методик и инструментов, позволяющих эффективно реализовывать принцип индивидуализации с учетом выявленных рисков. Среди важных направлений следует также выделить развитие системы подготовки и повышения квалификации социальных архитекторов, ориентированную на формирование у них необходимых компетенций для работы в условиях междисциплинарного взаимодействия, а также на развитие этической осознанности и навыков критического анализа. Реализация предложенных направлений с опорой на уже достигнутые результаты, позволит создать эффективную и гуманистическую систему социальной поддержки, способствующую укреплению института семьи, повышению качества жизни граждан и достижению национальных целей развития.

Литература

1. Борисенков А.А., Макаров А.В., Лайков М.А. Социальная архитектура как новое направление деятельности внутриполитического блока // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 3(115). С. 823–832. DOI: 10.35775/PSI.2025.115.3.006. EDN: WVENDO.

2. Макаров С.Н. Изучение управленческих ожиданий как инструмент социальной архитектуры // Мониторинг. 2015. № 3 (127). С. 110–116.

3. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 73 с.

4. Ореховская Н.А. Традиционные ценности и новые коммуникативные практики как факторы влияния на стабильность российского общества // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5 (109). С. 32–37. DOI: 10.24158/fik.2023.5.3. EDN: LPPJYR.

5. Попандопуло О.А. Проблемы приспособления личности к текущим социально-правовым переменам в современном российском обществе // Политика и общество. 2017. № 10. С. 70–77. EDN: ZRCADH.

6. Ростовская Т.К., Синельников А.Б. Ценности брака как основа благополучия российских семей // Вопросы управления. 2025. № 2 (93). С. 6–16. EDN: BRNKHT.

7. Фирсов М.В. Социальная работа в Российской Федерации в дискурсах многополярности, девестернизации и общественных вызовов // Отечественный журнал социальной работы. 2025. № 1 (100). С. 34–40. EDN: VBSEVA.

8. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир, 2022. 577 с.

9. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. «Медиум», «Ювента». М., С-Пб., 1997. С. 16–60.

10. Шкиренко Г.А. Жизненные ценности населения РФ: динамика изменений и их структурная оценка, основанная на сбалансированных количественных показателях // Социально-трудовые исследования. 2025. № 2. С. 140–150. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-59-2-140-150. EDN: LIFOFH.

THE SOCIAL ARCHITECT AS A SUBJECT OF CONSTRUCTING FAMILY WELL-BEING IN THE CONTEXT OF NATIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Popandopulo O.A.
Volgograd State University

The subject of the study is the philosophical foundations and socio-practical implications of the principles of social work with families in the context of the modern paradigm of social construction of well-being. The object of the study is the process of institutionalizing social work with families as a form of implementing social justice and protecting human rights. The necessity of further reflection on the problems of social work and the development of new theoretical models that contribute to its improvement is emphasized. Unlike existing studies that focus on empirical aspects, the author proposes a philosophical reconsideration of the fundamental principles of social work with families, identifying their ontological, epistemological, and axiological foundations, and striving for a deep understanding of the essence of social work, its place in the system of social relations, and its role in shaping social justice. The main approach employed by the author is critical theory, which allows for the analysis of work with families as a sphere of interaction between power and knowledge, revealing the mechanisms of social control and determining ways to expand opportunities for contemporary Russian families. The axiological approach enables the analysis of the value foundations of social work and determines how well they align with national priorities. An attempt is made to conduct a comprehensive analysis of the principles of early intervention and the evaluation of the effectiveness of social work with families from the perspectives of critical theory, which allows for assessing the subjective experiences of families and analyzing the dominant discourses in the field of social work. A concept is proposed that considers social work as a process of actively constructing social reality aimed at expanding opportunities and improving the quality of life for families. The principles of individualization and integration of social work with families are necessary conditions for ensuring its effectiveness. However, the implementation of these principles requires critical reflection and overcoming potential risks associated with the mechanism of social control and the stigmatization of families. An important condition for increasing the effectiveness of social work is taking into account the value orientations of families and ensuring that social practices align with universal principles. In the current circumstances, there is a need for the development of new theoretical models that consider, firstly, the ethics of responsibility in the context of decision-making about early intervention, secondly, the concept of well-being for a deeper understanding of the subjective experiences of families, and finally, critical theory to identify and overcome the mechanisms of social inequality.

Keywords: social architect, family well-being, spiritual and moral values, social construction, subject, personalization, integration, social work, national priorities, ethics

References

1. Borisenkov A.A., Makarov A.V., Laikov M.A. Sotsial'naya arkhitektura kak novoe napravlenie deyatel'nosti vnutripoliticheskogo bloka // Voprosy politologii. 2025. T. 15, № 3(115). S. 823–832. DOI: 10.35775/PSI.2025.115.3.006. EDN: WVENDO.

2. Makarov S.N. Izuchenie upravlencheskikh ozhidanii kak instrument sotsial'noi arkhitektury // Monitoring. 2015. № 3 (127). S. 110–116.

3. Markuze G. Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva. M.: REFL-book, 1994. 73 s.

4. Orekhovskaya N.A. Traditsionnye tsennosti i novye kommunikativnye praktiki kak faktory vliyaniya na stabil'nost' rossiiskogo obshchestva // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. № 5 (109). S. 32–37. DOI: 10.24158/fik.2023.5.3. EDN: LPPJYR.

5. Popandopulo O.A. Problemy prisposobleniya lichnosti k tekushchim sotsial'no-pravovym peremenam v sovremennom rossiiskom obshchestve // Politika i obshchestvo. 2017. № 10. S. 70–77. EDN: ZRCADH.

6. Rostovskaya T.K., Sinel'nikov A.B. Tsennosti braka kak osnova blagopoluchiya rossiiskikh semei // Voprosy upravleniya. 2025. № 2 (93). S. 6–16. EDN: BRNKHT.

7. Firsov M.V. Sotsial'naya rabota v Rossiiskoi Federatsii v diskursakh mnogopolyarnosti, devesternizatsii i obshchestvennykh vyzovov // Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty. 2025. № 1 (100). S. 34–40. EDN: VBSEVA.

8. Khabermas Yu. Teoriya kommunikativnoi deyatel'nosti. M.: Ves' mir, 2022. 577 s.

9. Khorkkhaimer M., Adorno T.V. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. «Medium», «Yuventa». M., S-Pb., 1997. S. 16–60.

10. Shkirenko G.A. Zhiznennye tsennosti naseleniya RF: dinamika izmenenii i ikh strukturnaya otsenka, osnovannaya na sbalansirovannykh kolichestvennykh pokazatelyakh // Sotsial'no-trudovye issledovaniya. 2025. № 2. S. 140–150. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-59-2-140-150. EDN: LIFOFH.

Нейросоциологические механизмы прогнозирования поведения больших ассоциирующихся социальных групп в условиях информационного воздействия: обзор литературы

Резников Михаил Юрьевич,
стажер-исследователь, Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; стажер-исследователь, Лаборатория социологического мониторинга Института социологии ФНИСЦ
E-mail: MYReznikov@fa.ru

Бельников Сергей Сергеевич,
аспирант, Факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ssbelnikov@fa.ru

Швед Дмитрий Михайлович,
кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела нейрофизиологии, психофизиологии и психологии деятельности человека-оператора ГНЦ РФ – ИМБП РАН
E-mail: d.shved84@gmail.com

Гостев Александр Николаевич,
доктор социологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет, кафедра информационной культуры цифровой трансформации
E-mail: Gostevan@inbox.ru

В статье сопоставлены положения нейросоциологии с эмпирическими работами, пригодными для обоснования прогноза реакций больших ассоциирующихся социальных групп на информационное воздействие. В обзор включены 20 источников по нейросоциологии, межсубъектной нейронной и автономной координации, социальному влиянию и коррекции убеждений. Рассмотрена возможность интегрированного анализа данных, включающих регистрируемую электрическую активность головного мозга, показатели фотоплетизмографии (ФПГ), вариабельности сердечного ритма (ВСР), результаты опросов, социометрии и данные поведенческого наблюдения (зарегистрированные особенности действий и реакций участников). Наиболее точно установлены, обоснованы, подтверждены показатели сходства временной динамики, вовлеченности, физиологической согласованности и изменения суждений. Более осторожной интерпретации подлежат индексы, где физиологический сдвиг сразу связывается с принятием позиции или коллективной перестройкой. Для их применения необходимы контроль воздействия общего стимула, независимый поведенческий критерий, повторные измерения и проверка переноса результатов на более широкие совокупности.

Ключевые слова: нейросоциологический механизм; прогнозирование, поведение больших ассоциирующихся социальных групп; информационные воздействия; социальное влияние; коррекция убеждений.

Введение

Информационное воздействие воспринимается членами группы не изолированно, а в общем социальном и коммуникационном контексте. Анкетный ответ отражает итоговую позицию участника, но не показывает этапы ее формирования. Между восприятием сообщения и выражением мнения происходят процессы первичной оценки информации, соотнесения ее с представлениями группы и формирования готовности к действию.

Нейросоциологическое изучение массовых групповых реакций остается сравнительно новой областью исследований: ее понятийный аппарат, методические границы и процедуры переноса лабораторных данных на большие социальные совокупности продолжают уточняться. В российской научной дискуссии данный подход впервые и наиболее последовательно представлен в работах М.Ю. Резникова, в которых нейрофизиологические методы рассматриваются в связи с социологическим анализом, исследованием информационного воздействия и изучением процессов формирования когнитивного поля [1–3]. Работы В.А. Бажанова и Ю.С. Шкурко отражают развитие нейросоциологического подхода как направления, объединяющего изучение физиологических процессов, особенностей восприятия и социальных механизмов поведения человека [4–5].

Таким образом, физиологические показатели в рамках нейросоциологического исследования рассматриваются не как самостоятельный показатель, а как один из компонентов комплексного анализа процесса восприятия и переработки информации в социальной среде.

Обзор научных публикаций необходим для исследования теоретических и эмпирических оснований с целью разработки и проверки комплексных показателей, используемых для прогнозирования поведения больших ассоциирующихся социальных групп. В ходе анализа изучались не только работы, непосредственно связанные с разрабатываемым научным подходом, но и исследования, позволяющие оценить обоснованность использования отдельных показателей, а также их компонентов.

При отборе литературы учитывалась степень ее доказательной значимости: выделялись исследования, в которых непосредственно изучалась связь между измеряемыми параметрами и групповыми поведенческими результатами; работы, подтверждающие отдельные составляющие предлагаемых показателей; а также теоретические исследования, которые могут служить основанием для формирования гипотез, но сами по себе не являющиеся достаточными для проверки разрабатываемых показателей прогнозирования поведения больших ассоциирующихся социальных групп.

Источники и принципы анализа

Поиск литературы выполнен как интегративный обзор. Использовались базы данных PubMed, eLIBRARY и сайты научных журналов; сведения сверялись по цифровым идентификаторам объектов публикаций (DOI – DigitalObjectIdentifier). Поиск осуществлялся по русскоязычным и англоязычным ключевым словам, включая нейросоциологию (neurosociology), межсубъектную корреляцию (intersubject correlation), гиперсканирование (hyperscanning), физиологическую синхронизацию (physiological synchrony), социальное влияние (social influence), коррекцию дезинформации (misinformation correction) и близкие по смыслу термины. На этапе первичного поиска был сформирован более широкий массив публикаций; в окончательный корпус включались источники, наиболее релевантные предмету работы, ее понятийному аппарату и задачам сопоставления нейрофизиологических, психофизиологических и социологических показателей. В анализ были включены 20 теоретических, методических и эмпирических работ, рассматривающих механизмы нейрофизиологической синхронизации, физиологической консолидации, коллективной нейропластичности, когнитивного резонанса, а также индексы группового мнения, восприимчивости и коррекции.

Источники распределялись по блокам: нейросоциологическая теория; межсубъектная нейронная согласованность; свойства ФПГ, ВСР и регистрируемой электрической активности головного мозга; социальное влияние; дезинформация; коррекция убеждений. Для каждой работы отмечалось, относится ли результат к индексу в целом, его компоненту или исходной логике.

Статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы «Нейросоциологические основы прогнозирования поведения больших ассоциирующихся социальных групп», выполненной при финансовой поддержке Научного фонда Финансового университета.

Нейросоциология: уровни объяснения

Исследования непосредственного взаимодействия людей расширили изучение социальных процессов от индивидуальных реакций к анализу согласованных изменений поведения и физиологических показателей участников [6]. Методы гиперсканирования позволяют одновременно регистрировать показатели нескольких респондентов. Выявляемая синхронизация отражает взаимосвязь процессов между людьми, но не свидетельствует о существовании единого группового сознания. При этом большинство исследований выполнено на уровне ограниченных по численности социальных системах [7–8]. Для больших ассоциирующихся групп характерны менее четкие границы, разнообразные каналы коммуникации и более сложная структура взаимодействий. Поэтому при переносе результатов на большие социальные объединения необходимо учитывать не только уровень синхронизации показателей, но и условия, при которых согласованность процессов возникает и сохраняется.

Предложенная М.Ю. Резниковым модель [1] проверяема, когда физиологическая запись сопоставляется с социометрическими данными и последующим действием. Теория когнитивного поля [3] может быть представлена в виде проверяемых показателей через выявление согласованных изменений реакций участников, когда физиологические показатели не могут рассматриваться как самостоятельное объяснение социальных процессов без учета контекста взаимодействия и поведения людей. Работы о воздействии информационного потока на группу людей добавляют еще одно условие: нужно учитывать взаимную направленность участников [6]. Соответственно, выявленная согласованность показателей должна интерпретироваться с учетом условий взаимодействия участников и характера их совместной деятельности.

Межсубъектная координация нейронных ответов

Исследования межсубъектной корреляции показали, что естественные аудиовизуальные материалы могут вызывать сходную динамику активности у разных респондентов. При непосредственной коммуникации согласованность реакций была выше в условиях успешного понимания сообщения, а эмоциональная насыщенность взаимодействия усиливала сходство ответов участников [9]. Эти результаты подтверждают возможность использования временной согласованности нейрофизиологических реакций как одного из показателей координации процессов между участниками взаимодействия. Различия между очной беседой и восприятием ее записи указывают на роль непосредственного взаимодействия в формировании этих процессов [10].

В учебной аудитории синхронность была связана с вовлеченностью участников [8]. Межсубъектная корреляция позволяет выделить общие изменения реакций у разных людей, а идиосинхрония отражает индивидуальные особенности, отличающиеся от общей динамики группы. Однако сами по себе эти методы не позволяют определить причину выявленной связи. Сходство нейронных реакций может быть связано, в том числе, с близостью отношений между людьми [10], поэтому при интерпретации результатов необходимо учитывать предшествующий опыт взаимодействия участников.

Сравнение результатов разных исследований затруднено различиями в задачах, способах обработки данных и используемых показателях [7]. Метод репрезентативного анализа позволяет отделять содержательное сходство реакций от простой временной согласованности [10].

Исследования с использованием методов гиперсканирования показывают, что визуальное представление связей между участниками само по себе не объясняет причины выявленной корреляции. Общий стимул может создавать сходство реакций без прямого влияния участников друг на друга [11]. Исходя из этого, необходимы контрольные условия: отсутствие обмена информацией, сравнение с искусственно созданными группами и анализ динамики изменений во времени.

Автономная координация и групповая консолидация

Физиологические показатели дополняют данные о нейронной активности и позволяют изучать особенности группового взаимодействия. Систематический обзор показывает, что межличностная согласованность физиологических реакций зависит от характера отношений между участниками. В отдельных исследованиях согласованность физиологических и поведенческих реакций была связана с групповой сплоченностью и эффективностью совместной деятельности, а синхронность сердечного ритма – с особенностями групповой сплоченности [12]. Однако такая связь носит вероятностный характер и не может рассматриваться как универсальный показатель состояния группы.

Совместная регистрация электрической активности головного мозга, ФПГ и ВСР позволяет выявлять события, связанные с общим вниманием участников [13]. При этом оценка физиологической согласованности должна проводиться с учетом базового состояния участников и контрольных условий.

Исследования показывают, что согласованность реакций может возникать не только между непосредственными участниками, но и у связанных с ними наблюдателей. Модели эмоционального заражения связывают такие эффекты с распознаванием эмоций и обратной связью от физиологических состояний [13]. Для прогнозирования групповых процессов показатели синхронности необходимо рассматривать вместе с данными о взаимодействии участников, совместной деятельности и устойчивости группы во времени.

Измерительные предпосылки: ФПГ, ВСР и регистрируемая электрическая активность головного мозга

Получаемые данные методом ФПГ чувствительны к движениям, качеству контакта датчика и особенностям периферического кровообращения [14]. ВСР отражает состояние автономной регуляции организма, но ее связь с когнитивными процессами зависит от задачи, состояния участника и выбранного способа расчета показателей [15]. Поэтому качество физиологической записи необходимо оценивать до проведения межсубъектного анализа.

Соотношение бета- и альфа-активности не является самостоятельным показателем психологического состояния. Альфа-активность связана с процессами внимания и торможения, а бета-активность – с поддержанием текущего состояния и обработкой информации [16]. Поэтому данный показатель имеет смысл только в рамках заранее определенного протокола исследования. Для обеспечения воспроизводимости необходимо фиксировать параметры регистрации: используемые отведения, фильтрацию сигнала, длительность анализируемых участков и удаление артефактов.

Понятие «коллективной нейропластичности» не следует отождествлять с изменениями структуры мозга [16], данное понятие, скорее относится к оценке устойчивых изменений профиля реакций участников на уровне группы.

Анализ кардиоинтервалов основывается на стандартах измерения и интерпретации ВСР, при этом требуется соблюдение рекомендаций по очистке и анализу данных [15]. Для носимых оптических датчиков важны характеристики устройства, влияние движений и другие параметры измерения [14]. Поэтому пригодность физиологических данных должна оцениваться для каждого участника до расчета групповых показателей.

Процедуры предварительной обработки данных и разделение отдельных компонентов анализа повышают воспроизводимость исследований регистрируемой электрической активности головного мозга. Формат BIDS обеспечивает единое представление файлов и метаданных исследования [16]. При создании составных индексов метод расчета должен быть определен заранее и проверен на независимых данных.

Социальное влияние: консенсус, точность и структура группы

Несоответствие собственной оценки мнению группы может приводить к пересмотру первоначального суждения. Информация о позициях других людей влияет на субъективную оценку объектов и решений, а в некоторых случаях может изменять последующее воспоминание о событии [17]. Социальное влияние может как снижать качество групповой оценки, так и улучшать ее в децентрализованных и адаптивных социальных сетях [18]. Поэтому изменение разброса мнений нельзя использовать как единственный показатель эффективности группы. Необходим внешний критерий – фактическая правильность ответа или определенный показатель качества решения.

Исследования коллективного интеллекта показывают, что результат работы группы не определяется одной только физиологической синхронностью участников [18]. Существенную роль играют распределение участия в обсуждении. Поэтому анализ лидерства и структуры влияния требует учета социометрических характеристик. Мнение единодушного большинства может изменять ответы участников. Разделение нормативного и информационного влияния позволяет различать внешнее согласие и действительное изменение мнений. Конформное изменение мнения связывают с обнаружением несоответствия между собственной позицией и позицией группы, оценкой социального риска и изменением субъективной ценности информации. Однако информация от других участников может не только сближать мнения, но и увеличивать различия, если ее качество невысоко [17]. Поэтому

восприимчивость к групповому мнению нельзя оценивать однозначно: ее значение зависит от структуры социальных связей.

Дезинформация и этапы коррекции убеждений

Восприятие дезинформации формируется под влиянием когнитивных, эмоциональных и социальных факторов. Недостаточная аналитическая проверка иногда лучше объясняет принятие ложных сообщений, чем сознательная защита собственной позиции. При этом на оценку информации также влияют источник сообщения, эмоциональная окраска и социальные нормы [19]. Поэтому исходную реакцию на сообщение необходимо фиксировать до любых пояснений. Исследования показывают, что опровержение дезинформации обычно снижает влияние ложных сообщений, но результат зависит от содержания опровержения и исходного мнения человека. Возврат к прежнему мнению может быть связан с забыванием самого факта исправления информации. Нейровизуализационные, когнитивные и психофизиологические исследования [19] рассматривают разные этапы этого процесса: восприятие опровержения, изменение оценки и сохранение нового мнения.

Переключение внимания участников на необходимость проверки снижает готовность распространять сомнительные сообщения [19]. Однако оценка достоверности и распространение информации являются разными процессами. Человек может не считать сообщение правдивым, но при этом передавать его другим. Поэтому BCP и соотношение бета- и альфа-активности следует интерпретировать только вместе с этими данными.

Исследования распространения ложных сообщений объединяют психологический и социологический подходы. При этом физиологические и психологические показатели сами по себе не позволяют сделать вывод о распространении информации и требуют сопоставления с реальным поведением группы [20]. Восприимчивость к дезинформации, ее распространение и устойчивость к коррекции связаны с разными механизмами. Повторение сообщения может повышать ощущение его правдивости даже при наличии опровержения [19]. Поэтому при сравнении стимулов необходимо учитывать их знакомость, эмоциональность и запоминаемость, чтобы отделить эффект текущего воздействия от влияния предыдущего опыта участников.

Объяснение приемов манипуляции и развитие медиаграмотности повышают устойчивость к дезинформации. Коллективные суждения могут способствовать более точному определению качества источников [19–20]. Ранние сообщения о сохранении ошибочных убеждений после исправления не получили подтверждения в последующих исследованиях. Устойчивость к коррекции следует определять по сохранению ошибочного убеждения и последующему поведению участников [19].

От эмпирического компонента к валидности индекса

Наиболее разработанная эмпирическая база существует для показателей, связанных с анализом временной динамики: индекса нейрофизиологической синхронизации группы, индекса межсубъектной корреляции, индекса когнитивного резонанса, индекса когнитивной вовлеченности и интегрального индекса эмоциональной реакции [6–16]. Однако даже для этих показателей необходимы контроль исходного уровня и проверка устойчивости результатов к возможным артефактам.

Для индексов передачи группового влияния, изменения информационной позиции, коллективного согласования, коллективной коммуникации и информационного резонанса основным критерием проверки остается наблюдаемое поведение: изменение мнения, уверенность в ответе, распространение информации и последующие действия участников [17; 19–20]. Физиологические показатели дополняют эти данные, но не заменяют анализ реального поведения групп.

Индексы коллективной нейропластичности (CNP) и интегральной адаптации коллективной модели (IACM) относятся к более общему уровню анализа. CNP оценивает устойчивые изменения группового профиля реакций, [16; 19], а IACM учитывает сближение позиций всей группы, однако без внешнего критерия качества решения, не показывая, связано ли согласие с получением верного результата или с распространением ошибки [17–18].

Пробелы в доказательствах и дизайн дальнейшей проверки

Основная нерешенная проблема связана с переходом от результатов, полученных в малых группах, к анализу больших социальных объединений. Поэтому дальнейшая проверка должна включать повторные исследования, единый протокол регистрации, новые независимые группы участников и многоуровневый анализ данных. При переносе результатов с нейрофизиологической подвыборки на более широкую совокупность необходимо учитывать особенности отбора участников, веса наблюдений и неопределенность прогноза.

Теоретическое обоснование индекса само по себе не подтверждает его практическую применимость. Для каждого показателя необходимо оценивать надежность измерения и способность прогнозировать последующие действия. Пороговые значения индексов должны определяться на обучающей выборке с использованием внешнего критерия и затем проверяться на независимых данных без дополнительной настройки.

Интерпретация результатов требует исключения влияния общего стимула и исходного сходства участников. Для этого необходимы базовые измерения, контрольные условия без обсуждения, сравнение с искусственно сформированными группами и анализ временной последовательности изменений.

Физиологическая регистрация является инструментом дополнительного анализа, а не прямым способом определения вектора поведения большой группы. Исследовательский протокол должен включать контрольные стимулы, проверку альтернативных объяснений, информированное согласие участников, защиту данных и возможность прекратить участие.

Заключение

Проанализированная литература включает три взаимосвязанных направления: синхронизацию физиологических сигналов, социальное влияние и исследования дезинформации. Их объединение возможно в модели, где физиологические реакции, оценки участников, коммуникация и поведение рассматриваются как отдельные показатели и анализируются в определенной временной последовательности.

Подтвержденность индексов различается. Наиболее изучены сходство динамики, автономная координация, вовлеченность и изменение суждений. Для когнитивного резонанса подтверждены отдельные элементы, но не вся модель. Коллективная нейропластичность и аттрактор мнения требуют дополнительной проверки надежности и прогностической ценности.

Перспектива нейросоциологического прогноза связана не с поиском одного универсального показателя, а с созданием многомерного профиля группы. Такой профиль должен объединять физиологические данные, оценки участников, социометрические показатели, особенности коммуникации и последующее поведение. Его научная обоснованность определяется четким описанием показателей, воспроизводимостью методов и проверкой на независимых данных.

Литература

1. Резников М.Ю. Интеграция нейрофизиологических и социологических методов: новые перспективы нейросоциологии. Москва: Фонд «Книжный союз» (РКС), 2024. 108 с. ISBN 978-5-901001-16-5. doi:10.61726/4969.2024.35.80.001.

2. Резников М.Ю. Прикладные аспекты нейросоциологии и патриотическое воспитание молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 160–164. doi:10.61726/4900.2024.16.12.001.

3. Резников М.Ю. Нейросоциология. Теория когнитивного поля // Социология. 2024. № 9. С. 164–167. doi:10.61726/3409.2024.23.52.001.

4. Бажанов В.А. Идея нейросоциологии в современной социальной мысли // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 27–33.

5. Шкурко Ю.С. В поисках нейросоциологии // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 3–11. doi:10.7868/S0132162517080013.

6. Schilbach L. et al. Toward a second-person neuroscience // Behav. Brain Sci. 2013;36(4):393–414. doi:10.1017/S0140525X12000660.

7. Czeszumski A. et al. Hyperscanning: a valid method to study neural inter-brain underpinnings of social interaction // Front. Hum. Neurosci. 2020;14:39. doi:10.3389/fnhum.2020.00039.

8. Dikker S. et al. Brain-to-brain synchrony tracks real-world dynamic group interactions in the classroom // Curr. Biol. 2017;27(9):1375–1380. doi:10.1016/j.cub.2017.04.002.

9. Hasson U. et al. Intersubject synchronization of cortical activity during natural vision // Science. 2004;303(5664):1634–1640. doi:10.1126/science.1089506.

10. Nastase S.A. et al. Measuring shared responses across subjects using intersubject correlation // Soc. Cogn. Affect. Neurosci. 2019;14(6):667–685. doi:10.1093/scan/nsz037.

11. Hamilton A.F. de C. Hyperscanning: beyond the hype // Neuron. 2021;109(3):404–407. doi:10.1016/j.neuron.2020.11.008.

12. Palumbo R.V. et al. Interpersonal autonomic physiology: a systematic review of the literature // Pers. Soc. Psychol. Rev. 2017;21(2):99–141. doi:10.1177/1088868316628405.

13. Stuldreher I.V. et al. Physiological synchrony in EEG, electrodermal activity and heart rate detects attentionally relevant events in time // Front. Neurosci. 2020;14:575521. doi:10.3389/fnins.2020.575521.

14. Allen J. Photoplethysmography and its application in clinical physiological measurement // Physiol. Meas. 2007;28(3): R1-R39. doi:10.1088/0967-3334/28/3/R01.

15. Shaffer F., Ginsberg J.P. An overview of heart rate variability metrics and norms // Front. Public Health. 2017;5:258. doi:10.3389/fpubh.2017.00258.

16. Keil A., Debener S., Gratton G. et al. Committee report: publication guidelines and recommendations for studies using electroencephalography and magnetoencephalography // Psychophysiology. 2014;51(1):1–21. doi:10.1111/psyp.12147.

17. Klucharev V. et al. Reinforcement learning signal predicts social conformity // Neuron. 2009;61(1):140–151. doi:10.1016/j.neuron.2008.11.027.

18. Woolley A.W. et al. Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups // Science. 2010;330(6004):686–688. doi:10.1126/science.1193147.

19. Ecker U.K. H. et al. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction // Nature Reviews Psychology. 2022;1(1):13–29. doi:10.1038/s44159-021-00006-y.

20. Lazer D.M. J., Baum M.A., Benkler Y. et al. The science of fake news // Science. 2018;359(6380):1094–1096. doi:10.1126/science.aao2998.

THEORETICAL AND EMPIRICAL FOUNDATIONS OF NEUROSOCIOLOGICAL PREDICTION OF THE BEHAVIOR OF LARGE ASSOCIATING SOCIAL GROUPS UNDER INFORMATION EXPOSURE: A LITERATURE REVIEW

Reznikov M. Yu., Belnikov S.S., Shved D.M., Gostev A.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation; IBMP RAS; Moscow State Linguistic University

The article compares neurosociological propositions with empirical studies relevant to predicting how large associating social groups respond to information exposure. The review covers 20 sources on neurosociology, intersubject neural and autonomic coordination, social influence, and belief correction. It considers the joint analysis of recorded electrical brain activ-ity, photoplethysmography, heart rate variability, survey measures, sociometry, and behav-ior. The strongest support concerns temporal similarity of responses, engagement, physio-logical coordination, and changes in judgment. More cautious interpretation is needed for in-dices that treat a physiological shift as direct evidence of belief acceptance, position stability, or collective reorganization. Their use requires control for common stimulation, independent behavioral criteria, repeated measurements, and explicit testing of transfer to broader popula-tions.

Keywords: neuro-sociological mechanism; forecasting; behavior of large associative social groups; information impacts; social influence; belief correction.

References

1. Reznikov M. Yu. Integration of neurophysiological and sociological methods: new perspectives of neurosociology. Moscow: Knizhny Soyuz Foundation, 2024. 108 p. ISBN 978-5-901001-16-5. doi:10.61726/4969.2024.35.80.001.

2. Reznikov M. Yu. Applied aspects of neurosociology and patriotic education of youth. Social and Humanitarian Knowledge. 2024;(7):160–164. doi:10.61726/4900.2024.16.12.001.

3. Reznikov M. Yu. Neurosociology. Theory of the cognitive field. Sociology. 2024;(9):164–167. doi:10.61726/3409.2024.23.52.001.

4. Bazhanov V.A. The idea of neurosociology in contemporary social thought. Sociological Studies. 2017;(4):27–33.

5. Shkurko Yu.S. In search of neurosociology. Sociological Studies. 2017;(8):3–11. doi:10.7868/S0132162517080013.

6. Schilbach L. et al. Toward a second-person neuroscience // Behav. Brain Sci. 2013;36(4):393–414. doi:10.1017/S0140525X12000660.

7. Czeszumski A. et al. Hyperscanning: a valid method to study neural inter-brain underpinnings of social interaction // Front. Hum. Neurosci. 2020;14:39. doi:10.3389/fnhum.2020.00039.

8. Dikker S. et al. Brain-to-brain synchrony tracks real-world dynamic group interactions in the classroom // Curr. Biol. 2017;27(9):1375–1380. doi:10.1016/j.cub.2017.04.002.

9. Hasson U. et al. Intersubject synchronization of cortical activity during natural vision // Science. 2004;303(5664):1634–1640. doi:10.1126/science.1089506.

10. Nastase S.A. et al. Measuring shared responses across subjects using intersubject correlation // Soc. Cogn. Affect. Neurosci. 2019;14(6):667–685. doi:10.1093/scan/nsz037.

11. Hamilton A.F. de C. Hyperscanning: beyond the hype // Neuron. 2021;109(3):404–407. doi:10.1016/j.neuron.2020.11.008.

12. Palumbo R.V. et al. Interpersonal autonomic physiology: a systematic review of the literature // Pers. Soc. Psychol. Rev. 2017;21(2):99–141. doi:10.1177/1088868316628405.

13. Stuldreher I.V. et al. Physiological synchrony in EEG, electrodermal activity and heart rate detects attentionally relevant events in time // Front. Neurosci. 2020;14:575521. doi:10.3389/fnins.2020.575521.

14. Allen J. Photoplethysmography and its application in clinical physiological measurement // Physiol. Meas. 2007;28(3): R1-R39. doi:10.1088/0967-3334/28/3/R01.

15. Shaffer F., Ginsberg J.P. An overview of heart rate variability metrics and norms // Front. Public Health. 2017;5:258. doi:10.3389/fpubh.2017.00258.

16. Keil A., Debener S., Gratton G. et al. Committee report: publication guidelines and recommendations for studies using electroencephalography and magnetoencephalography // Psychophysiology. 2014;51(1):1–21. doi:10.1111/psyp.12147.

17. Klucharev V. et al. Reinforcement learning signal predicts social conformity // Neuron. 2009;61(1):140–151. doi:10.1016/j.neuron.2008.11.027.

18. Woolley A.W. et al. Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups // Science. 2010;330(6004):686–688. doi:10.1126/science.1193147.

19. Ecker U.K. H. et al. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction // Nature Reviews Psychology. 2022;1(1):13–29. doi:10.1038/s44159-021-00006-y.

20. Lazer D.M. J., Baum M.A., Benkler Y. et al. The science of fake news // Science. 2018;359(6380):1094–1096. doi:10.1126/science.aao2998.

Советская ядерная культура как художественный феномен в музыкальном искусстве второй половины XX века

Чан Цзюньгэ,
магистрант, Педагогическое образование «Музыкальное искусство», Российский Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: haibo@rongbihua-edu.cn

В статье исследуется советская ядерная культура как особый художественно-исторический феномен, сформировавшийся под воздействием атомной эпохи, военно-политического противостояния, научно-технической модернизации и идеологических механизмов советского общества. Основное внимание уделяется специфике репрезентации ядерной проблематики в музыкальном искусстве второй половины XX века, а также трансформации образов атомной энергии, ядерной угрозы, разрушения, памяти и мира в академической и массовой музыкальной культуре. Обосновывается положение о том, что ядерная тематика в советской музыке не сводилась к прямому отражению официальной пропаганды, а представляла собой сложное поле взаимодействия государственного заказа, эстетики социалистического реализма, индивидуального авторского высказывания и общечеловеческой этики. Особое место занимает анализ оратории А.Г. Шнитке «Нагасаки», позволяющей выявить противоречия между официальной интерпретацией атомной угрозы и трагическим содержанием художественного образа. Рассматриваются также изменения музыкального языка, связанные с освоением сонорики, полистилистики, алеаторики, усилением роли тембровой драматургии и семантики тишины. Делается вывод о том, что советская ядерная культура стала одним из факторов формирования нового типа художественного мышления, в котором научно-технический прогресс одновременно осмыслялся как символ человеческой мощи и как источник экзистенциальной опасности.

Ключевые слова: советская культура, ядерная культура, музыкальное искусство, атомная эпоха, холодная война, Альфред Шнитке, «Нагасаки», музыкальная семантика, память, художественный образ.

Вторая половина XX века характеризуется глубокими изменениями в культурном сознании, связанными с появлением ядерного оружия и осознанием возможности уничтожения человеческой цивилизации. После атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки проблема ядерной угрозы приобрела не только военно-политическое, но и культурное значение. Формирование атомной эпохи изменило представления человека о войне, научно-техническом прогрессе, ответственности ученого и пределах человеческой власти над природой.

В Советском Союзе ядерная проблематика развивалась в условиях идеологического противостояния двух мировых систем. Советская культура одновременно отражала достижения науки и техники, связанные с освоением атомной энергии, и предупреждала об опасности ядерной войны. В результате сформировалась противоречивая система культурных образов, в которой атом мог восприниматься как символ научного прогресса и одновременно как знак глобальной катастрофы.

Музыкальное искусство представляло особую форму осмысления этих процессов. В отличие от литературы и изобразительного искусства музыка не обладает непосредственным предметным изображением, поэтому ядерная тематика в ней раскрывалась преимущественно посредством интонации, драматургии, тембровых контрастов, принципов композиции и символического переосмысления исторических событий. Советская музыка второй половины XX века демонстрирует постепенный переход от преимущественно идеологизированного изображения войны к более сложной философской рефлексии над проблемами человеческой ответственности и исторической памяти.

Изучение советской музыкальной культуры показывает, что творчество композиторов второй половины XX века необходимо рассматривать в тесной связи с социально-политическим контекстом. Исследователи советской музыки отмечают существенную зависимость композиторского творчества от государственной культурной политики, особенно в сталинский период [1; 2]. Вместе с тем постепенная либерализация культурной жизни после 1953 года создала возможности для более сложного художественного осмысления исторических и социальных проблем.

Значительный вклад в изучение советской музыкальной культуры внесли исследования Ф. Маеса, П. Шмельца, Р. Тарускина и других ученых [2; 3; 4]. Особый интерес представляет концепция советской «неофициальной» музыки, согласно которой композиторы позднесоветского периода использовали сложные художественные стратегии для выражения смыслов, не всегда совпадавших с официальной идеологией [3].

В контексте ядерной культуры особенно значима работа П. Шмельца, посвященная оратории А.Г. Шнитке «Нагасаки». Исследователь рассматривает это произведение не только как музыкальное отражение трагедии атомной бомбардировки, но и как часть более широкого культурного пространства советской эпохи [5].

Методологическую основу исследования составляет комплекс взаимодополняющих методов, позволяющих рассмотреть советскую ядерную культуру одновременно как историко-культурное явление и как особую форму художественного выражения в музыкальном искусстве второй половины XX века. Выбор методологического инструментария обусловлен необходимостью учитывать взаимосвязь между общественно-политическими процессами атомной эпохи, государственной культурной политикой и индивидуальными художественными стратегиями композиторов.

Основным в исследовании является **историко-культурный метод**, посредством которого музыкальные произведения рассматриваются в контексте конкретной исторической эпохи. Его применение позволяет выявить связь между развитием советской ядерной культуры, последствиями Второй мировой войны, началом холодной войны, распространением ядерного оружия и изменением общественных представлений о войне и мире. Данный метод дает возможность определить, каким образом исторические события и социальные процессы трансформировались в музыкальные образы и художественные концепции.

Сравнительно-исторический метод используется для выявления особенностей развития ядерной тематики на различных этапах совет-

ского музыкального искусства. С его помощью сопоставляются художественные подходы, характерные для периода «оттепели», зрелого социализма и позднесоветской культуры. Особое внимание уделяется изменению характера музыкального высказывания: от непосредственного осуждения войны и изображения человеческих страданий к более сложному философскому осмыслению катастрофы, исторической памяти и ответственности человека.

Значимое место занимает **музыкально-семантический метод**, позволяющий анализировать содержание музыкального произведения через систему интонационных, тембровых, жанровых и композиционных средств. В рамках данного подхода рассматриваются музыкальные контрасты, особенности фактуры, динамики, регистров и драматургии как элементы формирования образов разрушения, тревоги, смерти, памяти и надежды. Такой подход особенно важен для исследования произведений, в которых ядерная тематика не выражается посредством прямого сюжетного изображения, а существует на уровне символических и ассоциативных значений.

Также применяется **структурно-аналитический метод**, ориентированный на изучение организации музыкального материала и взаимодействия его отдельных компонентов. Анализируются особенности композиционной драматургии, соотношение вокальных и инструментальных элементов, принципы тематического развития и использование контрастов. Это позволяет установить, каким образом формальные особенности музыкального произведения участвуют в создании его историко-культурной семантики.

В исследовании используется и **контекстуальный метод**, предполагающий рассмотрение музыкального произведения во взаимосвязи с литературными текстами, общественно-политическим дискурсом и культурными представлениями соответствующего периода. Особенно важным данный метод является при анализе произведений, непосредственно связанных с историческими событиями, поскольку позволяет сопоставить авторскую художественную интерпретацию с более широким культурным контекстом.

В качестве материала исследования рассматриваются произведения советских композиторов второй половины XX века, в которых непосредственно или опосредованно актуализируются темы войны, атомной угрозы, исторической памяти, разрушения и ответственности человека. Особое внимание уделяется оратории А.Г. Шнитке «Нагасаки», а также художественным стратегиям Д.Д. Шостаковича и представителей позднесоветской композиторской школы. Их творчество рассматривается не изолированно, а как часть общего процесса трансформации советского музыкального языка.

Таким образом, сочетание историко-культурного, сравнительно-исторического, музыкально-семантического, структурно-аналитического и контекстуального методов позволяет комплексно исследовать советскую ядерную культуру как художественный феномен. Данная методологическая совокупность обеспечивает возможность проследить не только непосредственное отражение ядерной тематики в музыкальных произведениях, но и более глубокие изменения в системе художественного мышления советского общества второй половины XX века.

Одним из первых значимых произведений советской музыки, непосредственно связанных с ядерной проблематикой, стала оратория А.Г. Шнитке «Нагасаки», созданная в 1958 году. Произведение было написано для меццо-сопрано, смешанного хора и симфонического оркестра и посвящено трагедии атомной бомбардировки японского города [6]. Уже сам выбор Нагасаки как художественного объекта свидетельствует о переходе от традиционной военной тематики к осмыслению принципиально нового типа угрозы – уничтожения мирного населения посредством оружия массового поражения.

Оратория «Нагасаки» представляет особый интерес в контексте советской ядерной культуры, поскольку была создана в период, когда атомная тема занимала важное место в общественно-политическом дискурсе. Музыкальная драматургия произведения строится вокруг противопоставления человеческого страдания и разрушительной силы войны. Тем самым атомное оружие предстает не как исключительно военный инструмент, а как фактор, способный поставить под сомнение само существование человека.

Исследование П. Шмельца показывает, что «Нагасаки» необходимо рассматривать в более широком контексте советской культуры конца 1950-х годов [5]. Произведение возникло в период «оттепели», когда после смерти И.В. Сталина произошли существенные изменения в культурной политике. Возможность обращения к трагическим последствиям войны расширилась, а тема мира получила новое общественное значение.

Однако наиболее глубокая трансформация ядерной тематики наблюдается в музыке последующих десятилетий. Если в произведениях 1950–1960-х годов акцент преимущественно делался на осуждении войны и страданиях мирного населения, то в 1970–1980-е годы ядерная проблематика постепенно становится частью философской картины мира. Она начинает связываться с кризисом европейской культуры, исторической памятью и проблемой ответственности человека.

Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в творчестве Альфреда Шнитке. Его музыкальный язык характеризуется соединением различных историко-стилевых пластов, цитатностью, полистилистикой и столкновением контрастных музыкальных образов [7]. Подобный художественный принцип позволяет интерпретировать ядерную эпоху как состояние культурной фрагментации, в котором прошлое и настоящее существуют одновременно.

В данном контексте характерно использование Шнитке резких контрастов между возвышенной и трагической образностью, между традиционными жанровыми моделями и современными средствами музыкального письма. Полистилистика приобретает не только формальное, но и содержательное значение: столкновение различных музыкальных языков становится отражением исторического конфликта и внутреннего кризиса культуры [8].

Ядерная культура проявляется и через более широкий образ катастрофы. Для советской музыки второй половины XX века характерно обращение к темам памяти, смерти, войны и человеческой ответственности. В творчестве Д.Д. Шостаковича, хотя ядерная проблематика не всегда выражена непосредственно, формируется особый тип музыкального высказывания, связанный с исторической травмой и угрозой уничтожения человека [9].

Музыкальный язык Шостаковича оказал существенное влияние на последующее поколение советских композиторов. Его симфоническая драматургия позволила рассматривать музыку как пространство исторической памяти, в котором личное и общественное, трагическое и героическое вступают в сложное взаимодействие. В этом смысле музыка становилась своеобразным свидетельством эпохи.

Важной особенностью советской ядерной культуры является сочетание официального и неофициального уровней смыслообразования. На официальном уровне атомная энергия могла представляться как достижение науки и свидетельство технического могущества государства. Одновременно в художественной культуре формировался противоположный образ атомной эпохи – эпохи потенциальной катастрофы.

Такое двойственное восприятие особенно характерно для периода позднего социализма. Исследователи советской музыкальной культуры отмечают, что композиторы использовали различные формы художественного иносказания, позволяющие обращаться к проблемам, которые невозможно было прямо формулировать в официальном дискурсе [3; 4].

Ядерная тематика в музыке поэтому должна рассматриваться шире, чем совокупность произведений непосредственно об атомной бомбардировке или ядерном оружии. Она включает систему художественных представлений о катастрофе, страхе, разрушении, техническом прогрессе, человеческой ответственности и возможном будущем цивилизации.

Важную роль играет и сама музыкальная форма. Масштабные симфонические и ораториальные произведения позволяли создавать драматургические модели, в которых катастрофа приобретала универсальное значение. Контраст звучности, плотности фактуры, регистров и тембров мог создавать ощущение напряжения и разрушения. В свою очередь, тишина, пауза и постепенное исчезновение звучания могли интерпретироваться как символ смерти или прекращения человеческого существования.

Таким образом, музыкальное искусство второй половины XX века формирует особую систему репрезентации ядерной эпохи. Эта система не ограничивается иллюстрацией исторических событий, а преобразует их в универсальные философские образы.

Советская ядерная культура представляет собой сложный художественно-исторический феномен, сформировавшийся под воздействием научно-технической революции, холодной войны, опыта Второй мировой войны и появления оружия массового уничтожения. Ее специфика заключалась в противоречивом сочетании представлений об атомной энергии как символе научного прогресса и страха перед возможностью глобальной катастрофы.

Музыкальное искусство стало одним из наиболее значимых способов осмысления этого противоречия. Наиболее очевидным примером является оратория А.Г. Шнитке «Нагасаки», в которой трагедия атомной бомбардировки получает художественное воплощение [5; 6]. В последующие десятилетия ядерная проблематика становится менее непосредственной и все больше включается в систему философских размышлений о войне, памяти, смерти и ответственности человека.

Особую роль в этом процессе сыграли художественные открытия Д.Д. Шостаковича и А.Г. Шнитке. Если музыка Шостаковича сформировала модель исторически и этически насыщенного музыкального высказывания, то полистилистика Шнитке позволила выразить культурную фрагментарность и кризис сознания позднего XX века [7; 9].

Таким образом, советская ядерная культура в музыкальном искусстве может рассматриваться как форма художественной рефлексии над фундаментальными проблемами атомной эпохи. Ее значение выходит за рамки конкретного исторического периода, поскольку вопросы ответственности человека за результаты научно-технического развития, угрозы глобальной катастрофы и сохранения исторической памяти сохраняют актуальность и в современном культурном сознании.

Литература

1. Эдмундс Н. Советская музыка и общество при Ленине и Сталине: дирижерская палочка и серп. – Лондон; Нью-Йорк: RoutledgeCurzon, 2004. – 240 с.
2. Маес Ф. История русской музыки: от «Камаринской» до «Бабьего яра» / пер. А. Померанс, Э. Померанс. – Беркли: University of California Press, 2006. – 441 с.
3. Шмельц П. Дж. Такая свобода, если только музыкальная: неофициальная советская музыка в период оттепели. – Нью-Йорк: Oxford University Press, 2009. – 384 с.
4. Шмельц П. Дж. «Нагасаки» Альфреда Шнитке: советская ядерная культура, Радио Москвы и глобальная холодная война // Journal of the American Musicological Society. – 2009. – Т. 62, № 2. – С. 413–474. – DOI: 10.1525/jams.2009.62.2.413.
5. Шмельц П. Дж. Советская культура коллажа // Звуковая перегрузка: Альфред Шнитке, Валентин Сильвестров и полистилистика в позднем СССР. – Нью-Йорк: Oxford University Press, 2020. – С. 1–25.
6. Шнитке А.Г. Нагасаки: оратория для меццо-сопрано, смешанного хора и симфонического оркестра. Слова А. Софронова, Г. Фере, Ё. Эйсаку, С. Тосона. – Карлсруэ: Hans Sikorski, 1958. – 40 мин.
7. Холопова В. Н., Чигарева Е.И. Альфред Шнитке: очерк жизни и творчества. – М.: Советский композитор, 1990. – 350 с.
8. Ивашкин А.В. Альфред Шнитке. – Лондон: Phaidon Press, 1996. – 240 с.
9. Томофф К. Творческий союз: профессиональная организация советских композиторов, 1939–1953. – Итака; Лондон: Cornell University Press, 2006. – 304 с.
10. Фролова-Уокер М. Русская музыка и национализм: от Глинки до Сталина. – Нью-Хейвен; Лондон: Yale University Press, 2007. – 344 с.

SOVIET NUCLEAR CULTURE AS AN ARTISTIC PHENOMENON IN THE MUSICAL ART OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Chang Junge
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

The article examines Soviet nuclear culture as a specific artistic and historical phenomenon shaped by the atomic age, military and political confrontation, scientific and technological modernization, and the ideological mechanisms of Soviet society. Particular attention is paid to the representation of nuclear issues in musical art during the second half of the twentieth century and to the transformation of images associated with atomic energy, nuclear threat, destruction, memory, and peace in academic and popular musical culture. The study argues that nuclear themes in Soviet music cannot be reduced to direct ideological propaganda, since they constituted a complex field of interaction between state cultural policy, socialist realist aesthetics, individual artistic expression, and universal ethical concerns. Particular attention is given to Alfred Schnittke's oratorio Nagasaki, which makes it possible to identify contradictions between the official interpretation of the atomic threat and the tragic content of the artistic image. Changes in musical language are also considered, including the development of sonoristic techniques, polystylism, aleatory procedures, timbral dramaturgy, and the semantic function of silence. The article concludes that Soviet nuclear culture contributed to the formation of a new type of artistic thinking in which scientific and technological progress was simultaneously perceived as a symbol of human power and as a source of existential danger.

Keywords: Soviet culture, nuclear culture, musical art, atomic age, Cold War, Alfred Schnittke, Nagasaki, musical semantics, memory, artistic image.

References

1. Edmunds, N. Soviet Music and Society under Lenin and Stalin: The Baton and the Sickle. – London; New York: RoutledgeCurzon, 2004. – 240 p.
2. Maes, F. A History of Russian Music: From Kamarinskaya to Babi Yar. – Berkeley: University of California Press, 2006. – 441 p.
3. Schmelz, P.J. Such Freedom If Only Musical: Unofficial Soviet Music during the Thaw. – New York: Oxford University Press, 2009. – 384 p.
4. Taruskin, R. On Russian Music. – Berkeley: University of California Press, 2009. – 528 p.
5. Schmelz, P. J. "Alfred Schnittke's Nagasaki: Soviet Nuclear Culture, Radio Moscow, and the Global Cold War." Journal of the American Musicological Society, 2009, Vol. 62, No. 2, Pp. 413–474.
6. Schnittke, A.G. Nagasaki: Oratorio for Mezzo-Soprano, Mixed Choir and Symphony Orchestra. Texts by A. Sofronov, G. Ferré, Y. Eisaku, and S. Toson. – Moscow: Kompozitor, 1958.
7. Kholopova, V. N., Chigareva, E.I. Alfred Schnittke: An Outline of His Life and Works. – Moscow: Sovetsky Kompozitor, 1990. – 350 p.
8. Ivashkin, A.V. Alfred Schnittke. – London: Phaidon Press, 1996. – 240 p.
9. Wilson, E.A. Shostakovich: A Life, Remembered. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 536 p.
10. Frolova-Walker, M. Russian Music and Nationalism: From Glinka to Stalin. – New Haven; London: Yale University Press, 2007. – 344 p.

Методика обучения написания академических эссе по праву на английском языке

Мамишева Зара Аскарбиевна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Института права АГУ
E-mail: mamicheva.zara@mail.ru

Токтаньязова Аида Эдуардовна,
канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков факультета международного образования Майкопского государственного технологического университета
E-mail: mgtu-teacher@mail.ru

Чеботарева Ирина Юрьевна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин, Адыгейский государственный университет, филиал в г. Белореченске
E-mail: Vetal_01@list.ru

Савина Светлана Викторовна,
канд. социол. наук, доцент кафедры правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин, Адыгейский государственный университет, филиал в г. Белореченске
E-mail: svetlanka82.05.8@mail.ru

Предмет статьи составляет методика обучения студентов юридических направлений написанию академического эссе на английском языке. Потребность в ее разработке связана с расхождением между универсальными моделями иноязычного письма и требованиями правовой аргументации, где позиция автора зависит от корректной постановки юридического вопроса, выбора источников, разграничения нормы и оценочного суждения, учета контраргументов и точности терминологии. Цель работы состояла в построении последовательности обучения, объединяющей содержательный анализ права и создание англоязычного академического текста. Сопоставлены русскоязычные публикации 2021–2025 гг. по академическому письму, профессионально ориентированному английскому языку, юридической терминологии, скаффолдингу, цифровому редактированию и оцениванию эссе. Применялись сравнительный, классификационный и логико-аналитический методы, обобщение и синтез. Новизну составляет двухконтурная методика, в которой правовой анализ синхронизирован с планированием, написанием и редактированием текста. Определены этапы работы над юридическим вопросом, тезисом, источниковой картой, аргументативным абзацем и возражениями. Предложены примеры учебных заданий, обратной связи и критериальной оценки, пригодные для дисциплин Legal English и English for Academic Purposes.

Ключевые слова: академическое эссе, юридический английский язык, правовая аргументация, академическое письмо, Legal English, юридическая терминология, скаффолдинг, процессное письмо, рецензирование, критериальное оценивание.

Введение

Англоязычное академическое эссе по праву занимает промежуточное положение между общеакадемическим текстом и профессиональным юридическим письмом. От первого оно наследует тезисную организацию, доказательное развитие позиции, связность и требования к работе с источниками. С профессиональным письмом его сближают зависимость аргумента от юрисдикции, различение правовой нормы и фактического обстоятельства, точность квалификации, использование специальной лексики и обязательная проверка силы возражений. Универсальная схема opinion essay не охватывает эти операции. Студент может грамматически правильно выразить мнение, но оставить без ответа поставленный юридический вопрос, сослаться на источник без объяснения его значения или подменить анализ пересказом нормы.

Проблема усиливается при обучении на английском языке. Правовое содержание и языковое оформление осваиваются одновременно, поэтому ошибка не всегда имеет исключительно лингвистическую природу. Формулировка This law is bad for citizens может быть грамматически допустимой, однако она не называет правовой критерий оценки. Замена ее конструкцией The restriction may be disproportionate where the affected person has no effective means of challenging the decision меняет способ рассуждения: оценочное слово уступает место условию применимости и проверяемому основанию. Методика должна различать языковой дефицит, отсутствие юридического анализа и сбой в построении письменного аргумента.

Цель исследования состоит в обосновании методики обучения написанию академических эссе по праву на английском языке, соединяющей предметную логику юридического рассуждения с поэтапным формированием иноязычного текста.

Новизну образует двухконтурная организация обучения. В содержательном контуре студент формулирует юридический вопрос, устанавливает применимый критерий, отбирает основания, рассматривает конкурирующую позицию и определяет пределы собственного вывода. Текстовый контур включает тезис, композицию, устройство абзаца, способы выражения авторской позиции, связность, терминологическую точность и редактирование. Оба контура соединяются через источниковую карту и аргументативный модуль, поэтому языковая работа ведется над конкретным правовым рассуждением, а обсуждение содержания сразу преобразуется в текст.

Материалы и методы

Материал исследования составили публикации, раскрывающие отдельные компоненты предлагаемой методики. А.В. Ананьина [1] описала коллаборативное создание англоязычного академического текста, включая распределение функций, подготовку черновика, совместное редактирование и рефлексию. А.Н. Быданцева [2] систематизировала методы преподавания английского языка студентам юридического профиля и связала профессиональную языковую подготовку с погружением в правовую культуру, освоением терминологии и интерактивными технологиями. Отбор предметного и языкового содержания интегрированного курса рассмотрен М.В. Гавриловым [3] на материале составления международных правовых документов. П.Б. Кондратьев [4] исследовал трудности освоения Legal English, возникающие из-за особенностей терминологии, синтаксиса, правовых систем и культурного контекста. О.М. Литвишко [5] установила национально-культурную маркированность англоязычной юридической терминологии и расхождения между британским и американским вариантами профессионального языка. К.А. Мельникова [6] проанализировала качество академических эссе, классифицировала типичные затруднения и оценила применение методических рекомендаций. Е.И. Соколова [7] разграничила скаффолдинг и смежные формы педагогической поддержки, определив область его использования в обучении академическому письму. С.В. Титова [8] раскрыла процессный характер обучения иноязычной письменной речи в цифровой образовательной среде. Л.Н. Юсупова [9] предложила поэтапное педагогическое сопровождение самостоятельной работы над английским академическим эссе на основе сочетания продуктового и процессного подходов. Организационные условия, открытые критерии, подготовительные материалы и экспертную обратную связь при проведении конкурса академических эссе исследовали Л.Н. Юсупова и Т.М. Татарина [10].

Результаты

Сопоставление подходов к обучению академическому письму и Legal English выявило три методических разрыва. Первый возникает между коллективной подготовкой текста и индивидуальной ответственностью за аргумент. Коллаборативная работа создает условия для обсуждения источников, плана и редакторских решений, но требует распределения функций и фиксации вклада каждого участника [1]. Второй разрыв отделяет общую иноязычную компетенцию от профессионального содержания: студенту недостаточно владеть лексико-грамматическими средствами, если он не различает юридический вопрос, источник права, правовую позицию и фактическое основание [2]. Третий связан с жанром. Обучение составлению правовых документов развивает точность формулировок и учет коммуникативной задачи, однако эссе не воспроизводит структуру иска, договора или жалобы, поскольку автору требуется сопоставить позиции и обосновать собственный ответ [3]. Трудности усиливаются различиями правовых систем и специфическим употреблением общеязыковых слов в юридической сфере [4].

Терминологическая подготовка не сводится к запоминанию пар «английское слово – русский эквивалент». Значение единицы определяется правовой системой и контекстом, а британский и американский варианты могут по-разному членить профессиональную реальность [5]. Оценка готового эссе также не может ограничиваться грамматикой и внешней композицией. Анализ студенческих работ показывает затруднения при постановке проблемы, выведении заключения из аргументов, согласовании тезисов и построении контраргументации [6]. Скаффолдинг позволяет временно разделить сложную деятельность на доступные операции, предоставить образец, вопросник или частично заполненную схему, а затем последовательно убрать поддержку [7]. В правовом эссе опоры должны охватывать оба контура, поскольку языковая подсказка не исправляет отсутствие юридического основания, а содержательный комментарий не заменяет обучение письменному оформлению позиции.

Юридическое академическое эссе определяется как доказательное рассуждение, в котором автор отвечает на спорный вопрос права, формулирует критерий оценки, интерпретирует источники и ограничивает вывод условиями его применимости. Оно отличается от общего opinion essay по четырем признакам. Позиция должна отвечать на юридически сформулированный вопрос, аргумент опирается на правовое основание, выбор терминов соотносится с конкретной системой права, а возражение рассматривается с учетом его нормативной силы. Фраза There are different opinions about automated decision-making обозначает тему, но не создает правовой проблемы. Формулировка Automated risk assessments should not determine the outcome of a bail decision unless the defendant can examine and challenge the factors used by the system содержит объект, позицию и условие, от которого зависит ее обоснованность.

Различие между эссе и профессиональным документом определяется направлением аргументации. Правовой меморандум обычно адресован определенному получателю и решает прикладной вопрос на основе заданных фактов. Иск или жалоба подчиняются процессуальной цели и установленному набору реквизитов. Академическое эссе проверяет способность автора построить самостоятельное рассуждение вокруг проблемы, допускающей конкурирующие ответы. Элементы IRAC могут использоваться внутри абзаца, где называются issue, rule, application и conclusion, но распространение этой модели на весь текст создает последовательность локальных разборов без общего тезиса. Интегрированное обучение правовым жанрам предоставляет материал для освоения точности, адресности и терминологии [3], тогда как композицию эссе требуется формировать отдельно.

Первый этап методики выполняет диагностическую функцию. Студент пишет текст объемом 250–300 слов по вопросу, не требующему длительного поиска, например: Should a court rely on an automated risk score when deciding whether to release a defendant before trial? Оцениваются четыре операции: дан ли прямой ответ, назван ли правовой критерий, объяснена ли связь между доводом и позицией, рассмотрено ли возражение. Языковые ошибки фиксируются отдельно. Если автор пишет, что автоматизация «экономит время» и «может ошибаться», диагностика обнаруживает не дефицит идей, а отсутствие перехода от практических свойств технологии к правовым основаниям решения. Преподаватель просит уточнить, какое право или принцип затронут, кто несет риск непрозрачности и какое условие делает использование системы допустимым.

Диагностический текст сопровождается обратным планированием. Студент выписывает основную мысль каждого абзаца одним предложением и проверяет, образуют ли они цепочку ответа. Для фрагмента, где первый абзац описывает развитие технологий, второй перечисляет преимущества, третий сообщает об опасностях, обратный план показывает тематическую, но не доказательную структуру. После переработки функции абзацев могут выглядеть иначе: первый устанавливает конфликт эффективности и процессуальной проверяемости, второй обосновывает право оспорить основание решения, третий рассматривает довод об экономии ресурсов, четвертый определяет допустимую вспомогательную роль алгоритма. Этот прием переводит обсуждение «хорошей структуры» в проверяемое отношение между частями текста.

На этапе жанрового анализа используются две короткие модели на одну тему. Первая построена как общее рассуждение:

Technology has advantages and disadvantages. It makes courts more efficient, but sometimes computers make mistakes. In my opinion, judges should be careful.

Вторая задает правовую рамку:

Automated assessment may improve consistency, but efficiency cannot justify a decision that the affected person is unable to contest. A court may use an algorithm as supplementary information only where its relevant factors are disclosed and the judge provides independent reasons.

Студенты отмечают в текстах объект спора, критерий, степень категоричности, ограничение вывода и роль каждого предложения. Сопоставление показывает, что профессиональная направленность создается не количеством терминов. Во второй модели специальная лексика ограничена, однако отношения между правом на оспаривание, прозрачностью основания и пределами использования системы выражены точнее.

Следующая операция состоит в преобразовании широкой темы в юридический вопрос. Тема Liability for autonomous systems не задает стороны, вид ответственности и критерий решения. Вопрос Should an operator be strictly liable for physical damage caused by an autonomous delivery vehicle when no employee acted negligently? ограничивает проблему ответственностью оператора, физическим вредом, автономным транспортным средством и отсутствием установленной небрежности работника. Для обучения используется последовательность уточнений: какое отношение регулируется, кто может нести обязанность, какой вред рассматривается, в чем состоит спор и какая юрисдикция принята. Последний параметр особенно значим, поскольку единый англоязычный термин не устраняет различия между правовыми системами [4; 5].

После постановки вопроса составляется источниковая карта. Каждому источнику присваивается функция: определение применимого правила, подтверждение интерпретации, описание конкурирующей позиции, фактический пример или научная оценка. Простое накопление цитат заменяется таблицей отношений «положение – основание – роль в аргументе – ограничение». Для вопроса об ответственности за автономное транспортное средство карта может включать принцип распределения риска, аргумент о контроле оператора, возражение об отсутствии фактической возможности предотвратить вред и ответ, связывающий ответственность с возможностью страхования или выбором способа эксплуатации. Студент не обязан заранее соглашаться с каждым источником. Он устанавливает, какую часть рассуждения источник поддерживает и какого вывода из него получить нельзя.

Работа с источниками сопровождается упражнением на различение сообщения и анализа. Вариант The author states that strict liability protects victims только передает содержание. Фраза The argument supports strict liability because it places the evidentiary risk on the operator, yet it remains incomplete where the operator had no control over the source of the defect устанавливает значение положения и его предел. После каждого пересказа студент отвечает на один из трех вопросов: какое основание добавлено к тезису, какое допущение скрыто в позиции автора, какое исключение ослабляет перенос вывода на рассматриваемую ситуацию. Затруднения с аналитической переработкой информации и согласованием тезисов относятся к устойчивым проблемам академического эссе [6], поэтому источниковая карта используется до написания связного черновика.

Тезис строится как ответ, содержащий основание и границу применимости. Формулировка Strict liability is a controversial issue не выражает позиции. Вариант Strict liability should govern damage caused by high-risk autonomous systems because the operator controls their deployment and the injured party may lack access to technical evidence задает два аргумента, но остается недостаточно чувствительным к исключениям. Более точный тезис выглядит следующим образом: Strict liability is justified where the operator controls deployment and can insure the relevant risk, although fault-based liability may remain appropriate when the damage results from an external defect beyond the operator's control. Здесь заключительная часть не ослабляет ответ, а ограничивает его область.

Чтобы студент не подменял позицию перечнем аргументов, применяется тест «спорного ответа». Из тезиса удаляются основания, после чего проверяется, остается ли ответ на вопрос. Предложение There are three reasons to regulate legal technology не проходит проверку. Конструкция Courts should require human review of automated recommendations сохраняет позицию, к которой затем присоединяются основания. Второй тест проверяет направление доказательства: каждый планируемый абзац должен отвечать, почему тезис верен, при каком условии он действует или какое возражение ограничивает его силу. Абзац об истории технологии исключается, если историческая информация не выполняет одной из этих функций.

Аргументативный абзац формируется через пять взаимосвязанных компонентов: утверждение, правовое основание, объяснение связи, возражение и ответ. Компоненты не закрепляются за фиксированным числом предложений, поскольку одно предложение может объединять основание и его интерпретацию. Учебная модель выглядит так:

Automated risk scores should not determine a bail decision without human review. A decision restricting liberty requires reasons that the defendant can understand and contest. When the variables and their weight remain inaccessible, the defence cannot test the basis of the recommendation. Supporters of automation may argue that standardized scoring reduces inconsistency between judges. Consistency, however, does not cure the inability to challenge the grounds of an individual decision, so the score may assist the judge but should not replace reviewable reasoning.

Первое предложение задает локальный тезис. Второе называет критерий. Третье применяет его к рассматриваемой ситуации. Четвертое вводит содержательное возражение, а пятое признает его основание и показывает, почему оно не меняет основного ответа. После разбора модели студенты получают тот же каркас без предложений и заполняют его применительно к другой теме, затем пишут абзац без схемы.

Контраргументация вводится раньше полного черновика. Формальное клише Some people disagree не раскрывает конкурирующую логику. Возражение должно называть основание, способное изменить вывод. Для темы об обязательной проверке алгоритмического решения оно может быть сформулировано так: Mandatory human review may preserve an appearance of accountability while adding little protection where judges routinely approve the recommendation. Ответ не должен игнорировать этот довод: This objection limits the value of formal review and supports a stronger requirement that the judge identify the reasons for accepting or rejecting the score. Возражение здесь изменяет первоначальную позицию, поскольку простое участие человека заменяется обязанностью представить самостоятельное обоснование.

Отдельное задание различает опровержение и уступку. Опровержение показывает ошибку или неполноту возражения. Уступка признает его применимость к части случаев и корректирует тезис. Исходное утверждение Online platforms should always be liable for unlawful user content плохо выдерживает проверку исключениями. После работы с контрпримером оно преобразуется в предложение Platform liability is more defensible where the operator was notified of specific unlawful content and retained effective control over its distribution. Вместо эмоционального спора студент получает ограниченный вывод с двумя условиями.

Языковой контур начинается с наблюдения за функциями термирнов в правовом рассуждении. Слово consideration в обычной речи обозначает обдумывание или учет обстоятельства, тогда как в договорном контексте оно может называть элемент обмена между сторонами. Remedy относится не к абстрактному «исправлению», а к средству правовой защиты в предложениях типа The claimant seeks an injunction as an appropriate remedy. У слова execution значение зависит от сочетания: execution of an agreement может относиться к его подписанию или оформлению, а иное юридическое окружение задает другую интерпретацию. Национальная и правосистемная маркированность терминов исключает обучение через единственный постоянный перевод [5].

Терминологическая карточка включает определение для выбранной юрисдикции, типичное словосочетание, предложение из правового контекста, близкий общеязыковой эквивалент и предупреждение о возможном смешении. Для legal entity фиксируется отличие от буквального juridical person, для provision указывается употребление при ссылке на отдельное положение нормативного текста, для current issue разбирается ошибка actual problem, возникающая под влиянием русского языка. Карточка считается освоенной после использования единицы в аргументе, где термин выполняет смысловую функцию. Предложение This provision limits the authority of the regulator показывает отношение нормы и полномочия, тогда как вставка нескольких специальных слов без связи с тезисом не подтверждает владение Legal English.

Различия между британским и американским вариантом учитываются через маркировку источника и юрисдикции. Студент не смешивает терминологию разных систем ради лексического разнообразия и не заменяет термин синонимом без проверки. Пары solicitor – attorney, Act – statute, claimant – plaintiff рассматриваются не как свободно взаимозаменяемые элементы, а как сигналы определенного институционального контекста. Задание на редактирование предлагает найти в одном абзаце слова, относящиеся к разным вариантам, и либо унифицировать текст, либо объяснить, почему сравнение систем требует сохранения различий.

Средства выражения авторской позиции распределяются по степени обоснованности. Категорическая конструкция This rule is unfair не сообщает, почему вывод относится к правовой оценке. Вариант The rule may produce a disproportionate burden where the defendant has no access to the evidence required to challenge the claim называет последствие и условие. Студенты сопоставляют proves, indicates, supports, suggests, may justify и определяют, какую силу подтверждения допускает источник. Избыточное смягчение тоже редактируется. Фраза It could perhaps be argued that the rule may possibly affect access to justice заменяется более определенной: The rule may restrict access to justice when the filing cost exceeds the value of the claim.

Грамматический материал отбирается по функциям аргумента. Условные конструкции используются для ограничения вывода, уступительные придаточные вводят признанное возражение, пассивный залог переносит внимание на правовое действие, модальные глаголы выражают обязанность, возможность или осторожную оценку. На теме договорной ответственности студент преобразует набор простых предложений The party did not disclose the risk. The other party signed the agreement. The court may refuse enforcement в причинно связанную конструкцию: Although the other party signed the agreement, enforcement may be refused if the undisclosed risk was material to consent. Проверяется не сложность синтаксиса, а точность отношения между фактами и выводом.

Скаффолдинг организуется как убывающая последовательность опор. Сначала студент получает размеченный образец, где обозначены тезис, основание, интерпретация и ответ на возражение. Во втором задании часть структуры удаляется. Далее остаются вопросы: What legal criterion controls the issue? Why does the cited source support your claim? Under what condition would the opposing argument prevail? На следующем шаге используется только проверочный лист, после чего эссе пишется самостоятельно. Поддержка снимается по результату конкретной операции. Если студент уверенно строит тезис, но пересказывает источники, для него сохраняется источниковая карта и удаляются опоры к планированию. Этот принцип соответствует пониманию скаффолдинга как временной поддержки, направленной на передачу ответственности обучающемуся [7; 9].

Коллаборативная работа применяется на стадиях, где сопоставление решений дает больший эффект, чем индивидуальное исправление. Группа из трех человек анализирует один черновик в разных ролях. Первый участник проверяет юридический вопрос и силу вывода, второй прослеживает функции источников, третий оценивает языковую точность и связность. На следующем тексте роли меняются. Комментарий The paragraph is unclear не принимается, поскольку не указывает действие. Операциональная обратная связь выглядит иначе: The topic sentence mentions privacy, but the paragraph applies a test based on equality. Revise the claim or explain why unequal treatment creates the privacy problem. Другой пример: The quotation states the rule, yet the next sentence repeats it. Add an explanation of how the rule applies to the operator's control over the data.

Совместное рецензирование завершается индивидуальной запиской о переработке. Автор называет три полученных замечания, сообщает, какие изменения внесены, и обосновывает отказ от остальных. Такая процедура сохраняет индивидуальную ответственность и предупреждает механическое принятие комментариев. Коллаборативное письмо эффективно при четком распределении задач, правилах взаимодействия и последующей рефлексии [1]. В цифровой среде история версий позволяет сопоставить исходный и переработанный фрагменты, а комментарии превращаются в материал для обсуждения стратегии редактирования [8].

Система управления обучением хранит вопрос, источниковую карту, план, первый черновик, комментарии и окончательный текст. Автоматическая проверка может обнаружить повтор, согласование или ошибку в артикле, но решение принимается после проверки смысла. Если программа предлагает заменить shall на will в цитируемой норме или профессиональной формулировке, студент должен определить функцию модального глагола. При использовании генеративных инструментов источники и правовые положения проходят отдельный ау-

дит, поскольку внешне связный текст не подтверждает достоверность библиографии и корректность юридического основания. Ошибки в работе с источниками относятся к самостоятельному критерию качества академического эссе [6].

Учебный модуль может быть распределен на десять занятий. Первое занятие отводится диагностическому эссе и обратному плану. На втором сопоставляются общее аргументативное сочинение, правовое эссе и профессиональный документ. Третье посвящено постановке юридического вопроса и выбору юрисдикции. На четвертом создается источниковая карта. Пятое включает тезис и план аргументов. В ходе шестого занятия студенты пишут один доказательный абзац, после чего на седьмом вводят контраргумент и корректируют границы позиции. Восьмое занятие завершается полным черновиком, девятое используется для рецензирования, десятое для редактирования и рефлексивной записки. Самостоятельная работа между занятиями состоит из конкретного продукта, который используется на следующем этапе, поэтому черновики не превращаются в разрозненные домашние задания.

Итоговое задание может формулироваться следующим образом: Should a company be held strictly liable for physical damage caused by an autonomous delivery vehicle when no employee acted negligently? Объем эссе составляет 900–1100 слов. Студент обозначает выбранную юрисдикцию либо прямо указывает, что рассуждение строится в условной правовой системе, использует несколько научных и первичных правовых источников, формулирует основной тезис, рассматривает одно содержательное возражение и прилагает записку об изменениях после рецензирования. До итогового текста сдаются юридический вопрос, карта источников, тезис, план и один пробный абзац. Поэтапное сопровождение снижает вероятность ситуации, когда преподаватель впервые видит логику работы после завершения всего эссе [9].

Оценивание проводится по аналитической шкале из шести компонентов. За постановку вопроса и тезис отводится 20 баллов, поскольку эти элементы задают направление последующего доказательства. Правовая аргументация и работа с источниками оцениваются в 30 баллов. Контраргумент и ответ на него составляют 15 баллов. На композицию и связность приходится 15 баллов, на точность юридического и академического английского языка еще 15. Корректность цитирования и проверяемость библиографии оцениваются в 5 баллов. Распределение не позволяет компенсировать отсутствие анализа безошибочной грамматикой, но и не освобождает автора содержательно сильного текста от языковой ответственности.

Дескрипторы связываются с наблюдаемыми свойствами. Высокий результат по тезису означает прямой ответ, указание основания и границы применимости. Средний уровень фиксируется, когда позиция выражена, но критерий остается общим. Низкий соответствует названию темы без ответа. При оценке источников проверяется не их количество, а функция в рассуждении. Фрагмент, содержащий пять цитат без интерпретации, получает более низкую оценку, чем абзац с одним источником, значение которого объяснено и сопоставлено с возражением. Открытое предъявление критериев до написания текста превращает рубрику в средство планирования [10].

Согласование оценок преподавателей проводится на трех обезличенных работах. Каждый эксперт сначала выставляет баллы самостоятельно, затем расхождения обсуждаются через дескрипторы. Формулировка «сильная аргументация» заменяется указанием, какие связи между тезисом, источником и выводом обнаружены в тексте. Студент получает рубрику с двумя комментариями: один касается операции, выполненной успешно, второй называет следующий редакторский шаг. Например: «Возражение связано с тезисом и действительно ограничивает его силу. В третьем абзаце источник передан точно, но отсутствует предложение, объясняющее, почему названный принцип применим к действиям платформы».

Заключение

Юридическое академическое эссе отличается от общего иноязычного сочинения способом постановки проблемы и доказательства позиции. Его содержательную основу составляют юридический вопрос, применимый критерий, источники, объяснение связи между основанием и выводом, конкурирующее толкование и ограничение собственной позиции. Языковой уровень включает жанровую композицию, терминологию выбранной правовой системы, средства выражения степени уверенности, связность и редакторскую точность. Профессиональный правовой документ предоставляет образцы предметной строгости, но не заменяет обучение авторскому академическому рассуждению.

Методическая последовательность начинается с диагностического текста и жанрового сопоставления, после чего студент уточняет вопрос, строит источниковую карту, формулирует тезис и создает аргументативные модули. Контраргумент вводится до полного черновика, чтобы он участвовал в развитии позиции. Скаффолдинг уменьшается по мере освоения отдельных операций. Коллаборативное рецензирование используется для анализа юридического содержания, источников и языка, итоговая переработка остается индивидуальным решением автора. Цифровая среда фиксирует движение от первоначального плана к окончательной версии.

Критериальная оценка разделяет постановку вопроса и тезис, правовую аргументацию, использование источников, контраргументацию, композицию, английский язык и корректность цитирования. Балл связывается с наблюдаемыми свойствами текста, поэтому рубрика применяется до начала работы как средство планирования. Ограничения методики связаны с различиями юрисдикций, неодинаковой предметной и языковой подготовкой студентов, зависимостью результатов от качества моделей и необходимостью эмпирической проверки предложенных дескрипторов.

Литература

1. Ананьина А.В. Коллаборативное обучение студентов вуза академическому письму на основе создания англоязычной научной статьи // Непрерывное образование: XXI век. 2023. Вып. 3 (43). С. 1–12. DOI: 10.15393/j5.art.2023.8648.
2. Быданцева А.Н. Особенности преподавания английского языка студентам юридического профиля // Филологический вестник. 2024. Т. 3. № 3. С. 4–10.
3. Гаврилов М.В. Содержание обучения студентов-юристов составлению международных правовых документов в ходе интегрированного курса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 2. С. 390–402. DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-2-390-402.
4. Кондратьев П.Б. Проблемы освоения иностранного языка студентами неязыкового вуза (на примере юридической специальности) // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 3. С. 47–52.
5. Литвишко О.М. Англоязычная юридическая терминология как отражение национального варианта профессионального языкового сознания юриста // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2025. Т. 21. № 1 (67). С. 24–36. DOI: 10.5281/zenodo.15542800.
6. Мельникова К.А. Оценка качества академических эссе в системе непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2025. Т. 13. № 3. DOI: 10.15393/j5.art.2025.10865.
7. Соколова Е.И. Методика «скаффолдинг» в дискурсе академического письма // Непрерывное образование: XXI век. 2023. Вып. 3 (43). DOI: 10.15393/j5.art.2023.8654.
8. Титова С.В. Обучение иноязычной письменной речи в цифровой среде вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 2. С. 302–316. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-302-316.
9. Юсупова Л.Н. Организация самостоятельной работы студентов по выполнению академического эссе на английском языке // Непрерывное образование: XXI век. 2021. Вып. 1 (33). DOI: 10.15393/j5.art.2021.6689.
10. Юсупова Л.Н., Татарина Т.М. Конкурс академического эссе как средство популяризации академического письма в системе образования // Непрерывное образование: XXI век. 2024. Вып. 3 (47). DOI: 10.15393/j5.art.2024.9690.

A METHODOLOGY FOR TEACHING ACADEMIC ESSAY WRITING IN ENGLISH ON LAW

Mamisheva Z.A., Toktanyazova A.E., Chebotareva I.Yu., Savina S.V.
Institute of Law of Adyghe State University, Adyghe State University, Maikop State Technological University

This article examines a methodology for teaching law students to write academic essays in English. The need for this development stems from the discrepancy between universal models of foreign-language writing and the requirements of legal argumentation, where the author's position depends on the correct formulation of a legal question, the selection of sources, the distinction between a norm and a value judgment, the consideration of counterarguments, and the precision of terminology. The aim of this study was to develop a teaching sequence that combines substantive legal analysis and the creation of English-language academic texts. Russian-language publications published between 2021 and 2025 on academic writing, professionally oriented English, legal terminology, scaffolding, digital editing, and essay evaluation are compared. Comparative, classificatory, and logical-analytical methods, as well as generalization and synthesis, were used. A novel feature is the dual-loop methodology, in which legal analysis is synchronized with planning, writing, and editing the text. The stages of work on the legal question, thesis, source map, argumentative paragraph, and rebuttals are defined. Examples of learning tasks, feedback, and criteria-based assessment are provided, suitable for the disciplines Legal English and English for Academic Purposes.

Keywords: academic essay, legal English, legal argumentation, academic writing, Legal English, legal terminology, scaffolding, process writing, peer review, criteria-based assessment.

References

1. Ananyina, A.V. Collaborative Teaching of University Students Academic Writing Based on the Creation of an English-Language Scientific Article // Continuous Education: 21st Century. 2023. Issue 3 (43). Pp. 1–12. DOI: 10.15393/j5.art.2023.8648.

2. Bydantseva, A.N. Features of Teaching English to Law Students // Philological Bulletin. 2024. Vol. 3. No. 3. Pp. 4–10.

3. Gavrilov, M.V. Contents of Teaching Law Students to Draft International Legal Documents during an Integrated Course // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2024. Vol. 29. No. 2. Pp. 390–402. DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-2-390-402.

4. Kondratiev P.B. Problems of Foreign Language Acquisition by Students of a Non-Linguistic University (using the Law Specialty as an Example) // Bulletin of Philological Sciences. 2024. Vol. 4. No. 3. Pp. 47–52.

5. Litvishko O.M. English-Language Legal Terminology as a Reflection of the National Variant of a Lawyer's Professional Linguistic Consciousness // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2025. Vol. 21. No. 1 (67). Pp. 24–36. DOI: 10.5281/zenodo.15542800.

6. Melnikova K.A. Assessment of the Quality of Academic Essays in the System of Continuous Education // Continuous Education: 21st Century. 2025. Vol. 13. No. 3. DOI: 10.15393/j5.art.2025.10865.

7. Sokolova E.I. Scaffolding Methodology in Academic Writing Discourse // Continuous Education: 21st Century. 2023. Issue 3 (43). DOI: 10.15393/j5.art.2023.8654.

8. Titova S.V. Teaching Foreign Language Writing in the Digital University Environment // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2023. Vol. 28. No. 2. Pp. 302–316. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-302-316.

9. Yusupova, L.N. "Organizing Students' Independent Work on Completing Academic Essays in English" // Continuous Education: 21st Century. 2021. Issue 1 (33). DOI: 10.15393/j5.art.2021.6689.

10. Yusupova, L.N., Tatarina, T.M. "Academic Essay Competition as a Means of Popularizing Academic Writing in the Education System" // Continuous Education: 21st Century. 2024. Issue 3 (47). DOI: 10.15393/j5.art.2024.9690.

Развитие городской среды как поле социального взаимодействия: роль доверия, идентичности и гражданской активности

Шипицын Сергей Алексеевич,
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: sergei.ship@bk.ru

В статье городское благоустройство рассматривается как социальная среда, в пределах которой складываются и воспроизводятся доверительные отношения, территориальная идентичность и практики гражданского участия. Систематизация зарубежных и российских исследований, опубликованных в последние годы, дополнена сравнительным изучением опыта отдельных городов России. Полученные данные выявили противоречие между увеличением формальных показателей вовлечённости населения и снижением институционального доверия к муниципальным органам управления. Предложенная концепция «социально пространственного контракта» раскрывает механизм, при котором преобразование физической среды становится средством накопления социального капитала. Предложенная гипотеза связывает результативность программ благоустройства с глубиной участия жителей и характером их влияния на принимаемые решения, а не с объёмом выделяемых средств. Обобщение материалов федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» и зарубежных практик позволило разработать трёхуровневую модель соучастия. Выводы могут применяться в социологии города, государственном управлении, урбанистике и региональной политике.

Ключевые слова: городское благоустройство, доверие, территориальная идентичность, гражданская активность, социальный капитал, общественное пространство, соучаствующее проектирование, комфортная городская среда, социально-пространственный контракт, привязанность к месту.

Введение

Городская среда перестала быть просто полем для архитектурно-инженерных решений. Она формирует социальные отношения, фиксирует поведенческие паттерны, обеспечивает или разрушает привязанность людей к месту проживания. При современном уровне развития городов и цифровизации городского менеджмента исследование влияния проектов благоустройства на уровень доверия и социального капитала имеет научную значимость и практическую ценность. По сведениям Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, по итогам 2024 года благоприятная среда была зафиксирована в 82,4% российских городов из 1 116 оцениваемых населённых пунктов. Средний показатель Индекса качества городской среды в регионах увеличился с 200 до 220 баллов [1]. Предусмотренное национальной целью повышение индекса на 30% к 2024 году было обеспечено ранее установленного срока. Улучшение показателей отмечено в 205 городах, а количество населённых пунктов с благоприятной средой превысило запланированное значение на 18%. Одновременно расширялось участие населения во всероссийском голосовании по выбору объектов благоустройства. В 2021 году в нём приняли участие 9,7 миллиона человек, в 2022 году их число достигло 10,7 миллиона, а в 2023 году составило 14,2 миллиона [2]. Представленные результаты иллюстрируют создание системы вовлечения населения в трансформацию городской среды.

Вместе с тем наблюдается парадоксальное влияние роста количественных индикаторов. Так, по данным Е.Ю. Цумаровой о включенности жителей г. Екатеринбург, г. Петрозаводск, г. Санкт-Петербург в проекты благоустройства фиксируется разрыв между увеличением активности граждан и падением уровня доверия [3]. Жители принимают участие в голосовании, но при этом часто не уверены, будут ли учтены их мнения при формировании решений. Контакты с муниципальными структурами в ряде случаев не способствуют укреплению доверительных отношений и поддерживают сомнения в результативности местного самоуправления [4]. Несоответствие между формальным участием и уровнем институционального доверия определяет исследовательскую проблему данной работы.

В зарубежных публикациях связь физических параметров города с социальными процессами раскрывается через концепции социального капитала и чувства общности [5], привязанности к месту [6], территориальной идентичности [7], а также соучаствующего проектирования [8]. В российских исследованиях возможности применения этих концепций к действующим программам благоустройства пока представлены фрагментарно. А.А. Шабунова, Ю.В. Уханова и К.Е. Косыгина установили, что гражданская активность молодёжи в регионах ограничивается институциональными барьерами и недостатком каналов, позволяющих влиять на принимаемые решения, а не отсутствием заинтересованности [9]. Результаты мониторингов также демонстрируют, что участие населения в благоустройстве часто возникает в связи с отдельными проектами и редко преобразуется в устойчивое взаимодействие с муниципальной властью.

Обращение к данной проблематике связано с продлением федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» до 2030 года, о котором Президент России В.В. Путин сообщил в январе 2024 года. В рамках проекта предусмотрено благоустройство как минимум 30 тысяч общественных пространств [2]. Реализация программы такого масштаба предполагает применение социологических подходов при подготовке управленческих решений наряду с инженерными методами. При сохранении старой схемы вовлечения населения в случае дальнейшего финансирования физического преобразования территорий будет сдержан социальный эффект от реализации данной политики.

Цель работы заключается в создании концептуальной схемы формирования доверия, территории идентичности и гражданской активности через процесс благоустройства города; разработки предложений о трансформации форм соучастия. **Научная новизна** выражается во введении категории «социально пространственный контракт», характеризующей условия, при которых преобразование физической среды способствует устойчивому накоплению социального капитала и не сводится к формальному воспроизведению процедур участия.

Рабочая гипотеза основывается на предположении о том, что влияние программ благоустройства на социальную связанность определяется степенью участия населения в процессе принятия решения по всем этапам реализации проекта, а не объемом финансирования работ по развитию городской среды.

Методология исследования представляет собой комплиментарное сочетание теоретического и эмпирического методов анализа. Использование данных методов позволяет анализировать городское благоустройство через призму социальной сферы, управления, практики гражданской активности населения. Выбор нескольких методик исследования объясняется комплексным характером объекта исследования и возможностью сравнить научные выводы с данными о реальных территориях.

Результаты и обсуждение

Всеобщее голосование за объекты благоустройства охватывает миллионы людей, но по сути это выбор одного решения из заранее составленного списка вариантов от местной администрации. Подобный формат не предполагает совместной разработки проекта и ограничивает участие населения выбором между заранее установленными предложениями. Привлечение граждан после завершения проектирования и согласования решений приобретает формальный характер, поскольку возможность изменить параметры будущего объекта на данной стадии практически отсутствует. В результате ослабевает мотивация к дальнейшему участию и снижается доверие к проводимой органами власти политике [13].

Такая ситуация иллюстрирует описанный Е.Ю. Цумаровой «парадокс участия»: институционализация программы создает образ гражданского соучастия, однако сохраняет вертикальную структуру выработки и принятия решений [3]. Платформы цифрового городского управления с элементами голосования переносят эту логику в массовый масштаб без изменения сути коммуникации между жителями и властью [14]. По данным А.А. Шабуновой, Ю.В. Ухановой и К.Е. Косыгиной, молодые люди, сталкивающиеся с расхождением между заявленной и фактической ролью населения в благоустройстве, впоследствии проявляют меньшую готовность повторно включаться в подобные практики [9]. Существующая типология отражает различия в применяемых инструментах и в характере взаимодействия между органами власти и населением. При первом типе гражданин занимает позицию потребителя государственной услуги, при втором участвует в обсуждении уже подготовленного решения, при третьем включается в создание проекта и разделяет ответственность за полученный результат. Горизонтальное доверие и формирование территории относятся к 3 типу – так как здесь речь идет о вовлечении населения в изменение пространства.

Международные исследования позволяют интерпретировать выявленные в российских городах закономерности в контексте связи пространственных характеристик с социальными процессами. Zhao B. и соавторы, обобщив результаты 63 эмпирических работ, опубликованных в 2000–2023 годах, установили, что доступность общественных пространств, размещение уличной мебели и функциональное разнообразие территории связаны с повышением социальной сплочённости [11]. При этом преобразования физических характеристик среды недостаточно для возникновения социальных связей. Воздействие проявляется в тех случаях, когда пространство регулярно используется жителями для повседневного общения и совместной деятельности, а не выполняет преимущественно декоративную функцию. Ramos-Vidal I. показал, что территории, предназначенные для детских игр, способствуют развитию взаимодействия между родителями и укреплению чувства общности среди проживающих по соседству людей [5]. То есть воздействие материального окружения на социальное взаимодействие происходит посредством практик совместного использования пространства.

Привязанность к месту, обозначаемая понятием «place attachment», может рассматриваться как изменяющаяся и поддающаяся измерению характеристика. В лонгитюдном исследовании района Милана, где с 2017 по 2022 год осуществлялся проект уличного искусства, Rainisio N. и соавторы зафиксировали увеличение уровня самоидентификации жителей с кварталом на 23% и снижение индекса социальной анонимности. Выводы были получены на основании опроса 296 респондентов [6]. Сопровождавшее пространственное преобразование представлений о социуме – жителям предоставляется возможность совместного творчества нового пространства.

Сходная закономерность прослеживается в российском проекте «ТомСойерФест», реализованном в Вологде в 2020 году. Согласно результатам наблюдения Е.О. Смолевой, совместное участие в восстановлении исторических фасадов способствовало возникновению горизонтальных связей, сохранявшихся после завершения работ [4]. В отличие от голосования, участники самостоятельно выполняли физические действия и коллективно создавали результат. Вместо этого гражданская активность выразилась в коллективном производстве публичных пространств, а потребление госуслуги – вторично.

Территориальная идентичность в настоящее время понимается как динамическая категория, ее создание обусловлено коллективной памятью, принадлежностью индивида к территории. [7] Библиометрия публикаций о городской идентичности в период с 1969 по 2024 г. по данным исследования Ozerina A., Timofeeva L. выявилось, что пространства общественного значения (площади, рынки, метрополитен) выступают как «пространственные носители коллективной памяти» и трансформация данных объектов влияет на механизмы самоидентификации жителей [7]. Исследователи пришли к выводу, что наличие возможности для самовыражения при переосмыслении города формирует привязанность человека к месту. Использование стандартных решений в отсутствие учета интересов населения лишь усилит чувство отчуждения у населения от нового пространства.

В России этот процесс протекает в условиях специфики постсоветской городской среды. По результатам исследований малых городов можно говорить о корреляции между культурным кодом местного сообщества и сохранением исторического фонда, дворовой среды [15]. Потеря таких ориентиров при внедрении стандартизированных форм благоустройства приводит к снижению привязанности людей к месту. По данным монографии Уханова Ю.В., Косыгина К.Е., Копытова Е.Н., Сможевой Е.О. Участники субботников, волонтёрских акций среди жителей малых городов Вологодской области характеризовались большей идентичностью территории проживания по сравнению с жителями города, лишь следящими за ходом осуществления муниципальных мероприятий [15].

В исследовании районов Торонто Mah S. и соавторы разделили характеристики принадлежности к месту на физические и социальные [16]. К первой группе были отнесены наличие парков, уровень освещения и состояние дорожного покрытия. Вторая группа включала ощущение безопасности, знакомство с соседями и участие в локальных мероприятиях. Полученные результаты показали, что социальные характеристики позволяют точнее прогнозировать продолжительное участие жителей в жизни района, чем физические параметры территории. Следовательно, финансирование пространственных преобразований без формирования условий для общения и совместной деятельности не обеспечивает продолжительного влияния на территориальную идентичность.

Авторы Do T.D. и Do S.X. на материале пяти городских районов выявили взаимосвязь физических и нефизических условий становления локальной идентичности [17]. Повышение архитектурного качества территории без учёта сложившихся способов её использования не приводит к закреплению идентификационных изменений. Данный вывод обосновывает интегральное рассмотрение благоустройства и социального программирования пространства в качестве взаимосвязанных компонентов одного процесса.

На основе обобщения теоретических подходов и результатов исследования были выделены понятия «социально-пространственный контракт» (далее – СПК), определяющий рамки такого процесса как развитие социальной инфраструктуры наряду с физическим обновлением пространства.

СПК понимается как неформальное соглашение органов власти и жителей, выраженное в совместно осуществляемом преобразовании пространства. Муниципальные структуры в рамках такого соглашения обеспечивают включение населения в разработку и реализацию проекта, выходя за пределы процедуры выбора из заранее сформированного перечня. Жители принимают ответственность за последующее использование и содержание созданной территории. Несоблюдение хотя бы одного из взятых на себя обязательств – это разрыв договора. Формальное участие не позволяет выстроить доверие, а бездействие по отношению к предложениям жителей лишает их ответственности за итоговый результат.

От соучаствующего проектирования и плейсмейкинга отличается СПК тем, что здесь речь идет о взаимной ответственности участников. Участие жителей – это механизм разделения ответственности между властью местного самоуправления и жителями города. Такая схема вытесняет из практики схему частичного вовлечения граждан к участию процессу отношений участие становится партнерством, где обе стороны отвечают за создание и сохранение эффекта. Для России этот шаг обусловлен отсутствием институционального доверия, а также созданием образа органа власти как партнера по работе.

Структура СПК включает три элемента. Первый предполагает содержательное участие жителей на протяжении проектного цикла, включая разработку решений, их реализацию и последующее управ-

ление территорией. Второй предусматривает закреплённый механизм обратной связи, в рамках которого органы власти информируют население о включённых в проект предложениях и объясняют причины отклонения остальных инициатив. Третье – реализация через создание механизма распределения ответственности за формируемое пространство путем построения кооперативного менеджмента по итогам благоустройства.

Рассмотрим кейс района Херттониеми в городе Хельсинки за время наблюдений длительностью 20 лет [10]. Результаты демонстрируют, что включение общественности на этапе проектирования позволило удержать активность населения в районе и после смены поколения активных жителей. Подтверждается выдвинутая нами гипотеза о связи социального результата благоустройства с механизмом вовлечения людей – а не его материальным воплощением. Опыт рассмотренного кейса свидетельствует о накопительном характере соучастия. Изменения в уровне доверия стали фиксироваться спустя период от пяти до семи лет после начала программы.

Проект «ТомСойерФест» реализовывался при ограниченном муниципальном финансировании за счёт волонтёрского труда и грантовой поддержки. Сходная закономерность была выявлена Rainisio N. и соавторами при изучении итальянской практики [6]. Следовательно, социальная составляющая зависит от формы институционального участия; а финансовая – обеспечивает возможность применения той или иной модели.

На основе проведенного анализа сформулирована трехуровневая модель соучастия, применимая к российской практике. Конструкция модели позволяет трансформировать принципы социально-пространственного контракта в алгоритмы управления процессами: от диагностики территории до проектирования и эксплуатации создаваемого общественного пространства. Первый уровень включает информирование населения и социальную диагностику территории до формирования перечня объектов благоустройства. На этой стадии проводится картирование социальных связей и мест неформального общения, выявляются идентификационные маркеры, собираются рассказы жителей о коллективной памяти и сложившихся способах использования пространства. В качестве исследовательских инструментов могут применяться глубинные интервью с группой от 15 до 20 жителей, представляющих разные социальные категории, ментальное картирование с участием от 50 до 100 человек, а также 2 или 3 фокус группы. Продолжительность этапа составляет от 2 до 3 месяцев. Его проведение не связано с крупными финансовыми расходами и позволяет сократить вероятность расхождения проектных решений с потребностями местного сообщества. Диагностика приводит к получению социального паспорта территории – информации по видам застройки и маркерам идентичности, которые будут учтены в разработке проекта [10].

Второй уровень предполагает совместное проектирование, при котором жители участвуют в разработке общей концепции и отдельных элементов территории вместе с профессиональными архитекторами и проектировщиками. От публичных слушаний данный формат отличается положением граждан в процессе подготовки решения. Население выступает соавтором проекта, а не аудиторией, знакомящейся с уже сформированной концепцией. По данным Nelischer C., применение такого подхода при создании карманного парка в Лос-Анджелесе обеспечило регулярное использование пространства представителями социально уязвимого сообщества в течение трёх лет после завершения строительства [8]. В структуру второго уровня входит закреплённая процедура обратной связи. Органы власти публично сообщают, какие предложения жителей были включены в проект, а также объясняют причины отклонения других инициатив. При несоблюдении данной процедуры процедура носит формальный характер.

Третий уровень связан с совместным управлением и поддержанием пространства после его ввода в эксплуатацию. Для этого создаётся механизм взаимодействия муниципальных структур с инициативными группами жителей. Передача населению части полномочий по содержательному наполнению территории способствует изменению отношения к ней и развитию ответственности за её состояние. Согласно исследованию Kovacs M. и соавторов, в городах, применявших подобный механизм, показатель использования общественных пространств в течение 3-х лет увеличился с 34% до 47% относительно контрольной группы городов, где совместное управление отсутствовало [12]. Данный формат не освобождает муниципалитет от технического обслуживания объекта. Участие жителей распространяется на организацию мероприятий, разработку правил использования территории и наблюдение за её состоянием.

Предлагаемая модель может применяться при ограниченных возможностях муниципального бюджета. Расходы на проведение первого уровня при соответствующей организации составляют ориентировочно от 200 до 300 тысяч рублей на один объект и связаны преимущественно с работой исследовательской группы. Второй уровень может финансироваться в пределах действующей проектной сметы посредством включения расходов на организацию соучаствующего проектирования. Реализация 3 уровня – в основном за счет организации работы муниципалитетами.

В связи с рассмотрением РФ в международном сравнении следует принимать во внимание фактор изначально отличающегося уровня доверия. По данным опроса World Values Survey за 2022 г., уровень межличностного доверия в РФ варьировался от 25% до 27%. В странах Скандинавии он достигал 60% – 70%, а у некоторых стран Восточной Европы был близок к показателям России. Такое сопоставление говорит о том, что работа институтов по формированию доверия в России труднее чем в Финляндии.

Исследования Ramos-Vidal I. [5] и Zhao B. и соавторов [11] выявили закономерность, согласно которой программы соучастия способны обеспечивать больший прирост доверия в сообществах с исходно низким уровнем социального капитала. В сообществах с плотными сетями взаимодействия такие программы поддерживают уже сформированные отношения. В разрозненных группах совместная деятельность создаёт связи, ранее отсутствовавшие между жителями. При применимости данной закономерности к российским условиям социальная отдача от развития практик соучастия может оказаться выше, чем в странах с устойчивыми институтами межличностного доверия.

На материале исследований городского управления Grigalashvili V. показывает, что цифровые платформы могут ускорять развитие участия при их включении в систему очного взаимодействия [14]. Электронное голосование, отделённое от непосредственной коммуникации, фиксирует существующий уровень доверия, но не создаёт условий для его формирования. Российская практика всероссийского голосования согласуется с данным выводом. Цифровой формат дает возможность для массового охвата аудитории, но расширение форматов без создания доверия ничего не даст.

Do T.D. и Do S.X. установили, что расхождение между физическим состоянием городской среды и социальной сплочённостью достигает большей величины в районах с интенсивной застройкой и ограниченными механизмами гражданского участия [17]. Ориентация федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» на ускоренную реализацию объектов воспроизводит сходную конфигурацию. Так удлинение длительности некоторых этапов для вовлечения населения надо понимать, как смещение критерия эффективности от темпов материального изменения к социальным эффектам.

Для адаптации в российских условиях может использоваться итальянская модель инициативного благоустройства с элементами соучастия, изученная Rainisio N. и соавторами [6]. Она применялась в районах с исходно низким уровнем социального капитала. Условия её результативности включали участие местного организатора, ограниченный масштаб первого проекта, позволяющий в короткий срок представить наблюдаемый результат, измерение изменений в динамике и публичную отчётность перед участниками. Вышеперечисленное можно внедрить в российскую муниципальность без глобальной реформы существующих структур.

Переход от электронного голосования к трёхуровневой модели предполагает корректировку методических и нормативных механизмов благоустройства. В методические рекомендации Минстроя России целесообразно включить этап социальной диагностики территории, проводимый до начала проектирования. Действующие положения предусматривают общественное участие, однако не определяют содержание соответствующих процедур, их формат и требуемый охват населения [13]. Определение таких показателей создаст нормативную базу для осуществления муниципальными образованиями предплановой оценки территории.

Вместе с тем необходимо создать типологию форматов соучаствующего дизайна для условий России – муниципальных образований разных уровней. На основе опыта реализации проекта «ТомСойерФест» и ряда других проектов можно говорить о применимости горизонтальных форм работы даже в небольших городах без большого запаса ресурсов. Формализация подобных подходов уменьшит административную нагрузку на муниципальное сообщество при переходе от текущей схемы вовлечения жителей.

В индекс качества городской среды следует включить показатели, отражающие социальные последствия благоустройства. К ним относятся уровень межличностного доверия в пределах квартала, частота использования преобразованной территории, наличие активных объединений жителей и их участие в управлении пространством. Совместное измерение социальных и физических параметров позволит

оценивать созданный объект и характер его последующего функционирования. В действующем содержании индекса используются 36 критериев, большая часть которых характеризует фактическое состояние городской среды [1].

Отдельным направлением может стать формирование реестра результативных практик соучастия с описанием механизмов, пригодных для воспроизведения в других муниципальных образованиях. Такой ресурс следует отделить от перечня архитектурных проектов благоустройства. Его создание обеспечит накопление методических материалов для распространения социальных форматов наряду с пространственными решениями.

Критерии оценки проекта должны быть дополнены оценкой социального эффекта по сроку 1 год и 3 года после реализации благоустройства. Текущий метод лишь констатирует физическое состояние объекта на дату его запуска и не дает возможности определить – повысилась ли плотность использования территории, трансформировалось ли поведение людей, выросло ли доверие граждан к местной власти?

Предложенные рекомендации возможно интегрировать в действующий механизм управления благоустройством через включение их в состав нормативно-методического обеспечения. Реализация данных мер укладывается во временные рамки продления федерального проекта до 2030 года, а также дает возможность расширить количественные показатели трансформации городского пространства за счет включения показателей гражданских инициатив, общественного мнения.

Заключение

Обобщение российского и зарубежного опыта городского благоустройства свидетельствует о том, что изменение физических характеристик пространства не обеспечивает автоматического роста социального доверия и гражданской активности. Возникновение данных эффектов зависит от способа включения населения в преобразование территории. Участие жителей в диагностике, разработке проекта и последующем управлении пространством способствует развитию горизонтальных связей и территориальной идентичности. Голосование как процедура по итогам выработки проектных решений, наоборот, не формирует таких условий и во многом увеличивает отрыв граждан от органов власти.

Поставленная цель исследования достигнута посредством раскрытия механизма формирования доверия, территориальной идентичности и гражданской активности в процессе преобразования городской среды, а также разработки предложений по изменению действующих практик участия. Гипотеза о зависимости социальных результатов от характера вовлечения жителей, а не от размера расходов на благоустройство, получила подтверждение на российском и зарубежном материале. Сравнительный анализ проектов «ТомСойерФест», «район Херттониеми» и «Herts Milan» позволяет говорить о схожести эффектов содержательного соучастия при разных институциональных контекстах.

Введение понятия социально-пространственного контракта определило комплекс факторов для того чтобы благоустройство являлось инструментом накопления социального капитала, а не просто формальным воспроизведением механизмов участия. Чем отличается эта теория от других? Отличием является фиксация договоренностей между муниципалитетом и жителями. Участие жителей тогда будет носить системный характер – оно охватывает все этапы трансформации пространства. Разработана трехуровневая модель соучастия, которую могут использовать муниципалитеты для проведения проекта «Формирование комфортной городской среды» (федеральный проект) или аналогичных проектов.

Прикладное значение полученных результатов связано с планируемым благоустройством 30 тысяч общественных пространств в России к 2030 году. Сохранение действующего формата вовлечения населения способно привести к тому, что увеличение числа реализованных проектов не будет сопровождаться сопоставимым укреплением социального доверия. Предлагаемые мероприятия по совершенствованию нормативно-методической базы можно реализовать при сохранении существующих форм бюджетного обеспечения и системы управления.

Литература

1. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Итоги Индекса качества городской среды за 2024 год. М.: Минстрой России, 2025. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/itogi-indeksa-kachestva-gorodskoy-sredy-za-2024-god/ (дата обращения: 15.07.2026).

2. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. В голосовании за объекты благоустройства за первые три дня приняли участие 4,7 млн россиян. М.: Минстрой России, 2024. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/v-golosovanii-za-obekty-blagoustroystva-za-pervye-tri-dnya-prinyali-uchastie-4–7-mln-rossiyan/ (дата обращения: 15.07.2026).

3. Цумарова Е.Ю. Парадокс общественного участия в программах благоустройства: вовлечённость растёт, доверие снижается // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 4. С. 221–248. https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.9.

4. Смолева Е.О. Вовлечённость населения в благоустройство городов: проблемы и способы решения // SciUp. 2025. Т. 13, № 1. URL: https://sciup.org/vovlechennost-naselenija-v-blagoustrojstvo-gorodovproblemy-i-sposoby-reshenija-147250607 (дата обращения: 15.07.2026).

5. Ramos-Vidal I. A systematic review to determine the role of public space and urban design on sense of community // International Social Science Journal. 2024. Т. 74 (254). С. 285–307. https://doi.org/10.1111/issj.12472.

6. Rainisio N., Bogetto M., Collina E., Confalonieri M. Nurturing cultural heritages and place attachment through street art: a longitudinal psychosocial analysis of a neighborhood renewal process // Sustainability. 2023. Т. 15(13). Ст. 10437. https://doi.org/10.3390/su151310437.

7. Ozerina A., Timofeeva L. Urban identity: a bibliometric review, 1969–2024 // Ain Shams Engineering Journal. 2025. Т. 16. Ст. 103511. https://doi.org/10.1016/j.asej.2025.103511.

8. Nelischer C., Nicholls R. Caring public space: advancing justice through intergenerational public space design and planning // Journal of Urban Affairs. 2024. Т. 47(8). С. 1520–1543. https://doi.org/10.1080/07352166.2023.2291074.

9. Шабунова А.А., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Гражданское участие молодёжи в регионе: возможности и ограничения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 1. С. 167–199. https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.7.

10. Leino H., Puustinen S. Civic engagement in urban planning and development // Land. 2024. Т. 13(9). Ст. 1446. https://doi.org/10.3390/land13091446.

11. Zhao B., Murata G., Yokomichi T. Understanding the relationship between urban public space and social cohesion: a systematic review // International Journal of Community Well-Being. 2024. Т. 7. С. 115–139. https://doi.org/10.1007/s42413–024–00204–5.

12. Kovacs M., Istrate A., Dumitrescu B. Comparative analyses of publicness in urban squares within a diversifying metropolis // URBAN DESIGN International. 2024. https://doi.org/10.1057/s41289–024–00256–1.

13. Организация общественного участия в разработке и реализации проектов по благоустройству городской среды: методические рекомендации / Минстрой России. М., 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-obschestvennogo-uchastiya-v-razrabotke-i-realizatsii-proektov-po-blagoustroystvu-gorodskoy-sredy (дата обращения: 15.07.2026).

14. Grigalashvili V. Leveraging digital urban governance platforms to enhance trust, social capital, and citizen participation for sustainable urban development: a new integrated framework. ResearchGate. 2026. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36121.84323.

15. Уханова Ю.В., Косыгина К.Е., Копытова Е.Д., Смолева Е.О. Гражданское участие: региональные особенности и барьеры развития. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. 237 с.

16. Mah S., Diemert L., McKean S. Planning for community well-being: prioritizing and identifying local neighbourhood attributes of belonging // International Journal of Population Data Science. 2022. Т. 7(3). Ст. 2060. https://doi.org/10.23889/ijpds.v7i3.2060.

17. Do T.D., Do S.X. Shaping urban identity: how physical and non-physical factors influence resident perception // SAGE Open. 2025. Т. 15 (1). https://doi.org/10.1177/21582440251403740.

URBAN IMPROVEMENT AS A FIELD OF SOCIAL INTERACTION: THE ROLE OF TRUST, IDENTITY AND CIVIC ENGAGEMENT

Shipitsyn S.A.
Moscow University for Industry and Finance «Synergy»

The article considers urban improvement as a social environment within which trusting relationships, territorial identity and practices of civic participation are formed and reproduced. The systematization of foreign and Russian studies published in recent years has been supplemented by a comparative study of the experience of individual Russian cities. The data revealed a contradiction between an increase in formal indicators of public engagement and a decrease in institutional trust in municipal government bodies. The proposed concept of a «socio-spatial contract» reveals the mechanism by which the transformation of the physical environment becomes a means of accumulating social capital. The research hypothesis relates the effectiveness of landscaping programs to the depth of residents' participation and the nature of their influence on decisions, rather than the amount of

funds allocated. The synthesis of materials from the federal project «Creating a comfortable urban environment» and foreign practices has allowed us to develop a three-level model of participation. The findings can be applied in urban sociology, public administration, urban studies, and regional policy.

Keywords: urban improvement, trust, territorial identity, civic engagement, social capital, public space, participatory design, comfortable urban environment, socio-spatial contract, place-attachment.

References

1. The Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation. The results of the Urban Environment Quality Index for 2024. Moscow: Ministry of Construction of Russia, 2025. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/itogi-indeksa-kachestva-gorodskoy-sredy-za-2024-god / (date of access: 07/15/2026).

2. Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation. 4.7 million Russians took part in voting for landscaping facilities in the first three days. Moscow: Ministry of Construction of Russia, 2024. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/v-golosovanii-za-obekty-blagoustroystva-za-pervye-tri-dnya-prinyali-uchastie-4–7-mln-rossiyan / (date of access: 07/15/2026).

3. Tsumarova E.Y. The paradox of public participation in landscaping programs: engagement is growing, trust is decreasing // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2021. Vol. 24, No. 4. pp. 221–248.

https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.9 4. Smoleva E.O. Involvement of the population in urban improvement: problems and solutions // SciUp. 2025. Vol. 13, No. 1. URL: https://sciup.org/vovlechennost-naselenija-v-blagoustrojstvo-gorodovproblemy-i-sposoby-reshenija-147250607 (date of request: 07/15/2026).

5. Ramos-Vidal I. A systematic review to determine the role of public space and urban design on sense of community // International Social Science Journal. 2024. Vol. 74, No. 254. P. 285–307. https://doi.org/10.1111/issj.12472.

6. Rainisio N., Bogetto M., Collina E., Confalonieri M. Nurturing cultural heritages and place attachment through street art: a longitudinal psycho-social analysis of a neighborhood renewal process // Sustainability. 2023. Vol. 15, No. 13. Article 10437. https://doi.org/10.3390/su151310437.

7. Ozerina A., Timofeeva L. Urban identity: a bibliometric review, 1969–2024 // Ain Shams Engineering Journal. 2025. Vol. 16. Article 103511. https://doi.org/10.1016/j.asej.2025.103511.

8. Nelischer C., Nicholls R. Caring public space: advancing justice through intergenerational public space design and planning // Journal of Urban Affairs. 2024. Vol. 47, No. 8. P. 1520–1543. https://doi.org/10.1080/07352166.2023.2291074.

9. Shabunova A.A., Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E. Civic participation of youth in the region: opportunities and limitations // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2023. Vol. 26, No. 1. pp. 167–199.

https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.7 10. Leino H., Puustinen S. Civic engagement in urban planning and development // Land. 2024. Vol. 13, No. 9. Article 1446. https://doi.org/10.3390/land13091446.

11. Zhao B., Murata G., Yokomichi T. Understanding the relationship between urban public space and social cohesion: a systematic review // International Journal of Community Well-Being. 2024. Vol. 7. P. 115–139. https://doi.org/10.1007/s42413–024–00204–5.

12. Kovacs M., Istrate A., Dumitrescu B. Comparative analyses of publicness in urban squares within a diversifying metropolis // URBAN DESIGN International. 2024. https://doi.org/10.1057/s41289–024–00256–1.

13. Organization of public participation in the development and implementation of projects for the improvement of the urban environment: methodological recommendations / Ministry of Construction of Russia. Moscow, 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-obschestvennogo-uchastiya-v-razrabotke-i-realizatsii-proektov-po-blagoustroystvu-gorodskoy-sredy (accessed: 07/15/2026).

14. Grigalashvili V. Leveraging digital urban governance platforms to enhance trust, social capital, and citizen participation for sustainable urban development: a new integrated framework. ResearchGate. 2026. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36121.84323.

15. Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E., Kopytova E.D., Smoleva E.O. Civic participation: regional features and barriers to development. Vologda: VoISC RAS, 2022. 237 p.

16. Mah S., Diemert L., McKean S. Planning for community well-being: prioritizing and identifying local neighbourhood attributes of belonging // International Journal of Population Data Science. 2022. Vol. 7, No. 3. Article 2060. https://doi.org/10.23889/ijpds.v7i3.2060.

17. Do T.D., Do S.X. Shaping urban identity: how physical and non-physical factors influence resident perception // SAGE Open. 2025. Vol. 15, No. 1. https://doi.org/10.1177/21582440251403740.

Джентрификация как социальный процесс в изменяющейся социальной реальности

Шпигунова Юлия Михайловна,
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

В статье анализируется джентрификация как социальный процесс в контексте трансформации городской среды. В отличие от преобладающего экономико-географического подхода, автор рассматривает джентрификацию как механизм изменения социальной идентичности и конструирования новой социальной реальности (по А. Шюцу).
На основе эмпирических кейсов российских и зарубежных городов и типологии социальных процессов П. Штомпки доказывается, что джентрификация является мультилинейным, морфогенным, явным и долговременным мезопроцессом. Сделан вывод, что своевременное прогнозирование и управление данным процессом позволяет нивелировать конфликты и сегрегацию, консолидируя городские сообщества на принципах общинной жизни.

Ключевые слова: джентрификация; социальный процесс; социальная реальность; социология изменений; модели джентрификации.

Введение

Начало XXI века ознаменовалось не только резким ускорением многих существующих, но и появлением новых, не свойственных ранее социальной реальности, процессов.

Социальная реальность, согласно А. Шюцу, представляет собой сумму объектов и событий, которые можно наблюдать в социокультурном мире в том виде, как их интерпретируют люди, живущие повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий [Шюц 2004: 55]. При этом такие объекты и события посредством людей создают социальные процессы в изменяющейся социальной реальности.

Термин «джентрификация»[1] в научное обращение ввела английский социолог Р. Гласс в 1964 году, для описания притока людей среднего класса, вытесняющих рабочих низшего класса в рабочих районах Лондона.

В условиях реализации стратегий комфортной городской среды в России все чаще запускаются процессы джентрификации. При этом, в силу междисциплинарности, данные процессы остаются слабо контролируемыми со стороны властей, что провоцирует конфликты и сегрегацию населения. В научном дискурсе джентрификация преимущественно изучается через призму экономики и урбанистики (смена жилого фонда, рост цен). Однако, с позиции социологии изменений, это, прежде всего, социальный процесс, изменяющий структуру сообществ и идентичность людей.

Несмотря на очевидный интерес к этому явлению многих авторов: как российских (К.С. Афанасьев [Афанасьев 2014], С.А. Зуденкова [Зуденкова 2020], Л.Л. Сиднеева [Сиднеева 2019] и др.), так и зарубежных (Freeman L. [Freeman 2016], Lees L., Slater T., Wyly E. [Lees, Slater, Wyly 2008], Smith N. [Smith 2005], Zukin S. [Zukin 1987],] и др.), лишь в немногих научных работах джентрификация рассматривается системно как социальный процесс. Цель статьи – осуществить типологизацию джентрификации по критериям П. Штомпки для последующего прогнозирования и управления этим явлением в российских мегаполисах.

Основная часть

Согласно социологии изменений П. Штомпки, вся социальная реальность представляет собой просто динамику, поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа [Штомпка 1996: 27]. Его типологизация социальных процессов является наиболее продуктивной и принятой в научной практике, в связи с чем считаем необходимым провести типологизацию джентрификации по типологии П. Штомки для дальнейшего изучения и измерения данного социального процесса в условиях изменяющейся социальной реальности.

1 тип процессов – выделение с учетом формы или очертания процессов: направленные и ненаправленные процессы.

По нашему мнению, джентрификация является направленным процессом: она необратима и имеет тенденцию к концентрации и накоплению. Каждая последующая стадия отличается от любой более ранней и включает в себя ее результат, тогда как более ранняя стадия подготавливает необходимость более поздней. В пользу данного вывода свидетельствуют следующие характеристики, сопровождающие джентрификацию:

– смена социального состава населения (социальная составляющая);

– смена строительных объектов: редевелопмент либо новое строительство более дорогого жилья (градостроительная составляющая);

– смена (повышение) уровня цен на землю, недвижимость, жилье (экономическая составляющая) [Шпигунова 2023: 144].

Примерами необратимости в пользу смены социального состава являются:

– территория между улицей Остоженка и Пречистенской набережной в г. Москва, где было построено жилье элитного класса и произошло замещение населения низкого и среднего класса высокодоходными группами [Badyina, Golubchikov 2005; Махрова, Голубчиков 2012]. В настоящее время это один из самых престижным районов столицы России, называемый «Золотой Милей».

[1] Urban Dictionary: Gentrification – URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Gentrification (дата обращения: 09.01.2025).

– Академгородок (г. Новосибирск), куда население с высокими доходами переместилось за «образом жизни», который был характерен для научного сообщества. Однако в силу того, что новое жилье там не строилось и не строится, а научное сообщество постепенно «уходило в силу возраста по естественным причинам», здесь произошла существенная замена населения, в сторону высокодоходного класса [Шпигунова 2023: 145];

– округ Колумбия в Вашингтоне, где произошло увеличение белого неиспаноязычного населения и снижение уровня бедности [Maciag 2015]. Maciag M. исследовал, как в этом округе класс более состоятельных жителей переселялся в когда-то малоинвестированные и преимущественно бедные сообщества, а затем последовало развитие, которое сопровождалось резким ростом цен на жилье в почти 54 районах округа, что привело к перемещению из них старожилов.

Направленные процессы бывают линейными (следуют одной единственной траектории) и мультилинейными (следуют по нескольким альтернативным траекториям, «проскакивают» одни участки, «задерживаются» на других участках).

Рассматривая джентрификацию как социальный процесс направленного типа, можно говорить о его мультилинейности. Так, в каких-то случаях происходит создание новых элементов в сложившемся социальном пространстве и изменение в характере социального взаимодействия (стратификационная» модель), в других – присвоение чужой территории и возникновение больших производственных объектов («оккупационная» модель), в третьих – изменение формы, структуры социального объекта и его базовых характеристик («деформационная» модель) и т.п. [подробнее см. Вавилина, Шпигунова 2024].

Так, мультилинейность процесса джентрификации может быть доказана следующими примерами:

– район Вилья-Креспо (Аргентина) в 1980-х годах XX века при появлении в нем первого крупного торгового центра превратился из гетто в торгово-офисный хаб, где постепенно появилось элитное жилье, чистые безопасные улицы, а также множество различных заведений и магазинов.

– Северная Коломна в Санкт-Петербурге, драйверами развития которой стали Новая Голландия и Мариинка-2: где за счет строительства нового жилья происходит смена социального состава населения, хотя пока в локации остается значительное количество «старых» жителей.

– Каменный остров Санкт-Петербурга, где поселки писателей вытеснили более элитные постройки.

– Калининский район города Новосибирска, где возникли значительные по численности новые микрорайоны, что привело к появлению здесь значимых групп населения, несвойственных прежде [Вавилина, Шпигунова 2024: 40].

Таким образом, джентрификация может привести к появлению новых социальных групп при возникновении больших производственных объектов, к вытеснению низкодоходного населения высокодоходным при строительстве нового жилья и т.п.

Построим когнитивную карту [Максимов 1999] «джентрификации» в связи со сложностью данного социального процесса и необходимостью его представления в графическом варианте для дальнейшего изучения и измерения (Рис. 1).

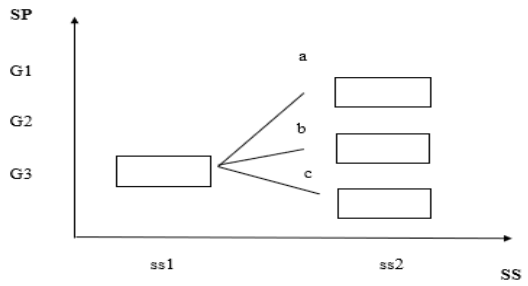

Рис. 1. Когнитивная карта «джентрификации» как мультилинейного процесса:

SP – социальные процессы (social processes); SS – социальные признаки (social signs); a – создание новых элементов в сложившемся социальном пространстве и изменение в характере социального взаимодействия; b – присвоение чужой территории и возникновение больших производственных объектов; c – изменение формы, структуры социального объекта и его базовых характеристик

2 тип процессов – определение по конечным результатам процесса [Штомпка 1996]: морфогенетические (приводящие к возникновению совершенно новых условий, состояний общества, социальной структуры, развития экономики и т.д.) и морфогенезисные (следует отличать от простой трансмутации, приводящей лишь к модификации, реформации развития).

Ярким примером возникновения новых социально-экономических условий является Калининский район г. Новосибирска, где не только возникли значительные по численности новые микрорайоны, но и изменилась социальная структура населения. Раньше в районе в связи с близостью Новосибирского завода химических концентратов, Авиационного завода им. Чкалова, Новосибирского приборостроительного завода, здесь доминировали инженерно-техническая интеллигенция, работники предприятий атомной промышленности и т.п. Однако по результатам исследования, проведенного в конце 2022 года более 60% опрошенных отнесли себя к среднему классу, сферами занятости которых являются торговля, финансы, мелкое и среднее предпринимательство.

Другими примерами в данном случае могу быть:

– джентрификация районов Иркутска [Потапова 2018: 290–291], где в результате интенсивной застройки имеет место повышение в этих районах безопасности;

– джентрификация Гонконга [Iam-Chong 2018], которая на поздних этапах стала представляет собой геополитический процесс перестройки отношений постколониального города-государства с его центральным государством;

Эти примеры говорят о том, что процесс джентрификации приводит к возникновению новых социально-экономических условий (повышение уровня жизни, безопасности), состояний общества, его социальной структуры, и может быть определен как морфогенетический.

На рисунке 2 представлена когнитивная карта «джентрификации» как морфогенетического процесса

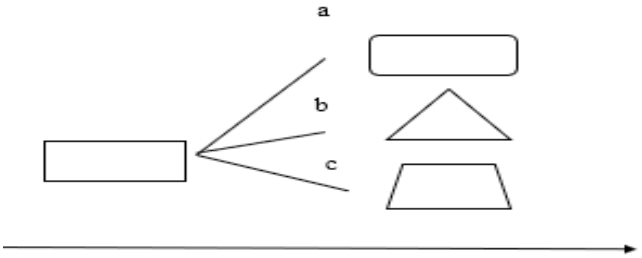

Рис. 2. Когнитивная карта «джентрификации» как морфогенетического процесса:

SP – социальные процессы (social processes); SS – социальные признаки (social signs); a – создание новых элементов в сложившемся социальном пространстве и изменение в характере социального взаимодействия; b – присвоение чужой территории и возникновение больших производственных объектов; c – изменение формы, структуры социального объекта и его базовых характеристик

3 тип процессов определяется через отражение процессов в социальном сознании. В рамках своей типологии П. Штомпка выделяет 3 вида процессов, присваивая им названия, предложенные Р. Мертоном [Мертон 1994]: явные – которые можно распознать, предсказать и у которых можно выявить цель; латентные (или скрытые) – которые нельзя распознать, воспринять как положительные и отрицательные, установить желательны они или нежелательны; процесс-бумеранг – люди могут распознать процесс, воспринять его течение, надеяться на то, что он даст определенный эффект, и все-таки полностью ошибиться в своих ожиданиях.

В данной типологии процессов, джентрификацию возможно отнести к явному процессу (Рис. 3). В случае джентрификации районов Иркутска и Новосибирска можем с уверенностью говорить о его явности – данный процесс возможно было спрогнозировать в связи с переориентация целых промышленных городов и регионов в рамках стратегии интернационализации экономики и углубления международного разделения труда [Афанасьев 2014: 52].

Пример Гонконга [Iam-Chong 2018] может охарактеризовать джентрификацию, с одной стороны, как процесс-бумеранг (он был идентифицирован, однако на его позднем этапе привел к вмешательству в него национальной государственной структуры и капиталистической власти), однако, по мнению автора статьи, это имело место в связи с отсутствием у властей города информации о состояния, глубине и направленности данного процесса, и умении им управлять. При этих условиях процесс джентрификации в Гонконге имел бы явный характер.

Т.е. в большинстве случаев джентрификация является явным процессом, так как запускается под воздействием очевидных экономических и градостроительных факторов. Однако, как показывает пример Гонконга, в условиях дефицита управленческой информации и низкого уровня социального прогнозирования он может трансформироваться

в процесс-бумеранг, дающий результаты, противоположные ожидаемым. Это подчеркивает необходимость постоянного мониторинга.

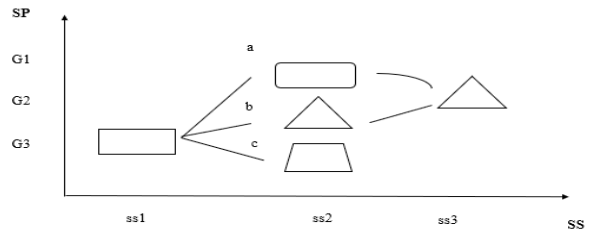

Рис. 3. Когнитивная карта «джентрификации» как явного процесса:

SP – социальные процессы (social processes); SS – социальные признаки (social signs); a – создание новых элементов в сложившемся социальном пространстве и изменение в характере социального взаимодействия; b – присвоение чужой территории и возникновение больших производственных объектов; c – изменение формы, структуры социального объекта и его базовых характеристик

4 тип процессов, определяемых на основе причин и движущих сил процесса [Штомпка 1996]: эндогенный – причины приводят определенные силы в движение (процесс) внутри самого процесса; экзогенный – причины имеют внешний характер.

Проводя демаркационную линию между причинами джентрификации (однако обусловлена классом, в первую очередь средним классом, а не противостоянием богатых и бедных, как в США [Вавилина, Шпигунова 2024: 45]), можем говорить об экономических причинах возникновения данного социального процесса. Например, джентрификация промышленной зоны ЗИЛ и фабрики «Красный октябрь» в Москве, Новой Голландии в Санкт-Петербурге, имели экономические причины и смену социального состава населения. В связи с чем джентрификацию можем маркировать как экзогенный процесс (Рисунок 4).

5 тип процессов – в зависимости от местоположения причины [Штомпка 1996]: спонтанные процессы – возникают как ненамеренные, нераспознанные совокупности множества индивидуальных действий «снизу» и спланированные процессы – когда процесс инициируется, конструируется и управляется с тем, чтобы достичь определенных целей, идущий под давлением «сверху».

Джентрификация при данной типологизации относится к спонтанному процессу. Так, джентрификация в России сегодня практически не регулируется государственными институтами (за исключением реновации в столице). Например, сюда в большей степени можно отнести джентрификацию культурных пространств: Арт-центр на Пушкинской, 10 в г. Санкт-Петербурге, Центр дизайна «Мельница» на ул. Фабричная в г. Новосибирске, когда джентрифицируемые объекты являются заслугой частного капитала. Однако в противовес этому, джентрификация жилых комплексов г. Константин в Алжире может быть определен как процесс, изначально регулируемый государством [Буариуа 2023]. Поскольку большинство примеров говорит об отсутствии регулирования джентрификации со стороны органов власти, можно отнести ее к спонтанному процессу (Рис. 4).

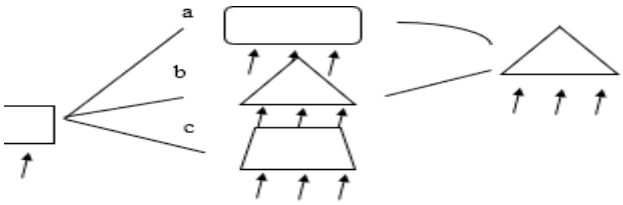

Рис. 4. Когнитивная карта «джентрификации» как экзогенного и спонтанного процесса:

SP – социальные процессы (social processes); SS – социальные признаки (social signs); a – создание новых элементов в сложившемся социальном пространстве и изменение в характере социального взаимодействия; b – присвоение чужой территории и возникновение больших производственных объектов; c – изменение формы, структуры социального объекта и его базовых

6 тип процессов – по уровням социальных процессов: на макро-, мезо-, микроуровне.

Джентрификация относится к мезопроцессу (Рис. 5), поскольку охватывает большие территориальные и социальные сообщества. Например, восточные и южные округа Москвы в последнее время позиционируются как непрестижные окраины с маргинальным населением, причем их привлекательность сильно снижается тем, что они становятся местом концентрации мигрантов, в том числе этнических, прежде всего из Средней Азии и Закавказья [Махрова 2012: 28]. В Санкт-Петербурге к таким территориальным общностям относятся уже упоминавшиеся выше районы Каменного острова и Северной Коломны.

В Новосибирске такими районами являются Октябрьский, Кировский и Ленинский, из-за близости к рынкам – местам концентрации мигрантов из государств Ближнего Зарубежья.

В зарубежных странах примеры джентрификации также доказывают ее мезоуровневый характер: район Гарлем в Нью-Йорке, Пхукет-Таун в Тайланде, район Симокитадзава в Токио Шанхай и Сигапур в Китае [Iam-Chong 2018], районы в городе Константин в Алжире [Буариуа 2023].

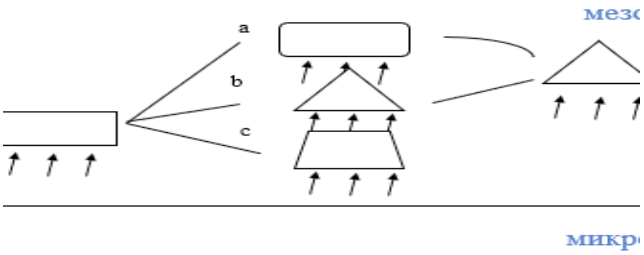

Рис. 5. Когнитивная карта «джентрификации» как мезопроцесса:

SP – социальные процессы (social processes); SS – социальные признаки (social signs); a – создание новых элементов в сложившемся социальном пространстве и изменение в характере социального взаимодействия; b – присвоение чужой территории и возникновение больших производственных объектов; c – изменение формы, структуры социального объекта и его базовых характеристик

7 тип процессов – по временному диапазону процессов: быстротекущие и долговременные.

Процессы джентрификации в России показывают, что смена социального состава происходит не в короткие сроки. Так процесс смены населения, описанные выше, происходили в течение 10–15 лет. Соответственно, джентрификацию возможно маркировать как долговременный процесс, в результате которого происходит постепенное изменение характера внутригородского района за счет притока жителей иных социальных характеристик на определенный ареал (Рис. 6).

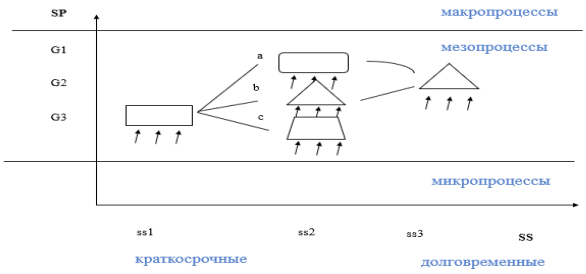

Рис. 6. Когнитивная карта «джентрификации» как долговременного процесса:

SP – социальные процессы (social processes); SS – социальные признаки (social signs); a – создание новых элементов в сложившемся социальном пространстве и изменение в характере социального взаимодействия; b – присвоение чужой территории и возникновение больших производственных объектов; c – изменение формы, структуры социального объекта и его базовых характеристик

Заключение

Джентрификация сегодня – это не просто экономический тренд, а механизм пересборки социальной реальности. Согласно типологии П. Штомпки, данный процесс может и должен быть объектом управления.

Поскольку джентрификация мультилинейна и морфогенна, властям необходимо использовать ее для создания новых экономических кластеров, а не только жилой застройки. Явный и экзогенный характер джентрификации позволяет мониторить рынок недвижимости как индикатор будущих изменений задолго до начала конфликтов. Спонтанность и мезоуровень джентрификации указывают на необходимость

смены парадигмы: переход от точечного строительства к системной политике совместного проживания.

Таким образом, в условиях высокой миграционной подвижности управление джентрификацией позволит консолидировать сообщества через формирование общей идентичности «свои» вместо сегрегации по принципу «чужие», что соответствует задачам устойчивого развития городов.

Литература

1. Афанасьев, К.С. Джентрификация и реиндустриализация в развитии городской территории // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, (2), 48–60. – 2014.
2. Буариуа, М.А. Джентрификация жилых комплексов города Константин в Алжире. Приволжский научный журнал. Т. 2. – 2023.
3. Вавилина Н. Д., Шпигунова Ю.М. Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия в условиях мегаполиса. Регион: экономика и социология, (3), 75–97. – 2024. – DOI: 10.15372/REG20240304.
4. Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М. Джентрификация в России как социальный процесс и социальная проблема. Развитие территорий [Электронный ресурс]. – 2024. – Т. 1, № 35. – С. 37–49. – DOI: 10.32324/2412-8945-2024-1-37-49.
5. Зуденкова С.А. Джентрификация в Московской агломерации. (С. 659–661). В сборнике: Управленческие науки в современном мире: сборник докладов научной конференции [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43106707_68019845.pdf.
6. Максимов, В. И., Корноушенко Е.К., Качаев С.В. Когнитивные технологии для поддержки принятия управленческих решений. Информационное общество, (2), 50–54. – 1999.
7. Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник московского университета. Серия 5. География, (2), 26–31. – 2012.
8. Мертон Р. Явные и латентные функции. Ю. Асеева. – 1994.
9. Потапова Е.В., Соколова О.Е. Джентрификация в Иркутске (С. 289–292). В сборнике: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: https://doc365.ru/uploads/store/5fc025878106b2.23931629_jnfikmgoplhqe.pdf.
10. Синдеева Л.Л. Джентрификация в крупных городах (на примере г. Тула) (С. 236–237). В сборнике: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Государственный университет управления. – 2019.
11. Штомпка П. Социология социальных изменений. Москва: Аспект-Пресс. – 1996.
12. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Москва: Издательство «Политическая энциклопедия». – 2004.
13. Badyina A., Golubchikov O. Gentrification in Central Moscow – a market process or a deliberate policy? Money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka. Geografiska Ann., (2), 113–129. – 2002. – DOI: 10.1111/j.0435-3684.2005.00186.x.
14. Freeman L. Commentary: 21st century gentrification. Cityscape, (3), 163–168. – 2016.
15. Ip I.-Ch. Iam-Chong Ip. State, Class and Capital: Gentrification and New Urban Developmentalism in Hong Kon. Critical Sociology, (3), 547–562. DOI: [Электронный ресурс]. // Critical Sociology. – 2018. – №№ 3. – P. C. 547–562. – DOI: 10.1177/0896920517719487. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0896920517719487.
16. Lees L., Slater T., Wyly E. Gentrification New York: Routledge. – 2008.
17. Maciag M. Gentrification in America Report [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: https://www.governing.com/archive/gentrification-in-cities-governing-report.html.
18. Smith N. The new urban frontier: gentrification and the revanchist city. London: Taylor & Francis e-Library. – 2005.
19. Zukin S. Gentrification: culture and capital in the urban core. Annual Review of Sociology, (13), 129–147 [Электронный ресурс]. – 1987. – URL: https://www.jstor.org/stable/2083243.

GENTRIFICATION AS A SOCIAL PROCESS IN A CHANGING SOCIAL REALITY

Shpigunova Yu.M.
Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article analyzes gentrification as a social process within the context of the transformation of the urban environment. Departing from the prevailing economic-geographic approach, the author views gentrification as a mechanism for altering social identity and constructing a new social reality (following A. Schütz).

Drawing on empirical case studies of Russian and international cities and Piotr Sztompka's typology of social processes, the study demonstrates that gentrification is a multilinear, morphogenetic, manifest, and long-term meso-level process. It concludes that timely forecasting and management of this process make it possible to mitigate conflicts and segregation, thereby consolidating urban communities based on principles of communal life.

Keywords: gentrification; social process; social reality; sociology of change; gentrification models.

References

1. Afanas'ev, K.S. [Gentrification and Reindustrialization in Urban Territory Development] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, (2), 48–60. – 2014 (In Russian).
2. Buariua, M. A. [Gentrification of Residential Complexes in Constantine City, Algeria. Volga Scientific Journal. Vol. 2]. – 2023 (In Russian).
3. Vavilina N. D., Shpigunova Yu. M. [Social Distancing as a Process of Social Interaction in Megacity Conditions. Region: Economics and Sociology, (3), 75–97]. – 2024. – DOI: 10.15372/REG20240304 (In Russian).
4. Vavilina N.D., Shpigunova Yu.M. [Gentrification in Russia as a Social Process and Social Problem. Territory Development] [Elektronnyj resurs]. – 2024. – T. 1, № 35. – S. 37–49. – DOI: 10.32324/2412-8945-2024-1-37-49 (In Russian).
5. Zudenkova S.A. [Gentrification in the Moscow Agglomeration. (pp. 659–661). In the collection: Management Sciences in the Modern World: Collection of Reports from a Scientific Conference] [Elektronnyj resurs]. – 2020. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43106707_68019845.pdf (In Russian).
6. Maksimov, V. I., Kornoushenko E.K., Kachaev S.V. [Cognitive Technologies for Supporting Managerial Decision-Making. Information Society, (2), 50–54]. – 1999 (In Russian).
7. Makhrova A.G., Golubchikov O.Yu. [Russian City under Capitalism: Social Transformation of Intra-Urban Space] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya, (2), 26–31. – 2012 (In Russian).
8. Merton R. [Manifest and Latent Functions. Yu. Aseeva]. – 1994 (In Russian).
9. Potapova E.V., Sokolova O.E. [Gentrification in Irkutsk (pp. 289–292). In the collection: Materials of the II International Scientific-Practical Conference. Irkutsk] [Elektronnyj resurs]. – 2018. – URL: https://doc365.ru/uploads/store/5fc025878106b2.23931629_jnfikmgoplhqe.pdf (In Russian).
10. Sindeeva L.L. [Gentrification in Large Cities (on the Example of Tula) (pp. 236–237). In the collection: Materials of the X All-Russian Scientific-Practical Conference. State University of Management]. – 2019 (In Russian).
11. Shtompka P. [Sociology of Social Change. Moscow: Aspekt-Press]. – 1996 (In Russian).
12. Shyuts, A. [Selected Works: A World Luminous with Meaning. Moscow: Publishing House 'Political Encyclopedia']. – 2004 (In Russian).
13. Badyina A., Golubchikov O. Gentrification in Central Moscow – a market process or a deliberate policy? Money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka. Geografiska Ann., (2), 113–129. – 2002. – DOI: 10.1111/j.0435-3684.2005.00186.x.
14. Freeman L. Commentary: 21st century gentrification. Cityscape, (3), 163–168. – 2016.
15. Ip I.-Ch. Iam-Chong Ip. State, Class and Capital: Gentrification and New Urban Developmentalism in Hong Kon. Critical Sociology, (3), 547–562. DOI: [Электронный ресурс]. // Critical Sociology. – 2018. – №№ 3. – P. C. 547–562. – DOI: 10.1177/0896920517719487. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0896920517719487.
16. Lees L., Slater T., Wyly E. Gentrification New York: Routledge. – 2008.
17. Maciag M. Gentrification in America Report [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: https://www.governing.com/archive/gentrification-in-cities-governing-report.html.
18. Smith N. The new urban frontier: gentrification and the revanchist city. London: Taylor & Francis e-Library. – 2005.
19. Zukin S. Gentrification: culture and capital in the urban core. Annual Review of Sociology, (13), 129–147 [Электронный ресурс]. – 1987. – URL: https://www.jstor.org/stable/2083243.

Влияние монологической речи на развитие грамматических навыков при изучении немецкого языка как второго иностранного в высшей школе

Щербакова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Современная глобализация предполагает владение двумя и более иностранными языками для специалистов технических направлений подготовки. Английский язык является основным иностранным языков в современном мире. Изучение немецкого языка является дополнительной опцией для обучающихся высших школ. В представленной научной статье описан процесс внедрения методики обучения немецкому языку как второму иностранному в высшей школе. Обучение осуществляется как факультатив для сборных групп, состоящих из пятнадцати человек. Актуальность представленной работы заключается в глобализации и высоких требованиях профессионального образования будущих специалистов технических направлений, для которых владение двумя и более иностранными языками является обязательным стандартов высшего образования. Целью исследования является теоретическое обоснование методики применения монологической речи как средства развития грамматических навыков немецкого языка как второго иностранного (на базе английского) и экспериментальное подтверждение представленной методики. В результате проведенного педагогического эксперимента доказано, что активное применение монологической речи при развитии навыков грамматики немецкого языка как второго иностранного для обучающихся по техническим направлениям положительно сказывается на обучении.

Ключевые слова: второй иностранный язык, высшая школа, грамматика, грамматические навыки, изучение, иностранный язык, монологическая речь, немецкий язык, образовательный процесс, обучение, развитие.

Монологическая речь обучающихся на иностранном языке играет важную роль при развитии грамматических навыков [1, с. 15]. Влияние монологической речи проявляется через некоторые механизмы. [8, с. 150].

Монологическая речь на иностранном языке требует от обучающихся повторение многократного определенных лексических единиц, а также подбора грамматических форм [10, с. 142], включающих времена, падежные окончания у прилагательных, склонения существительных и другое. Данные обстоятельства заставляют обучающихся складывать все в логическую цепочку, при чем происходит регулярное повторение и тренировка грамматических норм и правил [7, с. 139]. Повторение способствует автоматизации грамматических норм [2, с. 7].

Обучающиеся учатся структурировать свои мысли и контролировать грамматику иностранного языка. При подготовке к монологическому высказыванию происходит его планирование [5, с. 65]. Обучающиеся определяют цель высказывания, его главную мысль. Здесь выстраивается логика монологического высказывания, что способствует подбору грамматических конструкций. Данный этап подготовки определяет умение обучающихся контролировать грамматическую правильность на этапе планирования монологического высказывания [3, с. 667].

Подготовка монологического высказывания требует от обучающихся акцента на функциях. Грамматика иностранного языка в данном случае служит передатчиком смысла высказывания и организации информации. Происходит смещения акцента [6, с. 160; 12, с. 132]. Обучающиеся не просто заучивают грамматические конструкции, они понимают, когда и какие грамматические формы применять [9, с. 149].

Анализ и исправление монологических высказываний позволяет обучающимся осознавать их ошибки. Возникновение ошибок происходит при изучении нескольких иностранных языков. В таком случае обучающиеся делают опору на первый иностранный язык [4, с. 442].

Актуальность представленной работы заключается в глобализации и высоких требованиях профессионального образования будущих специалистов технических направлений, для которых владение двумя и более иностранными языками является обязательным стандартов высшего образования. Освоение второго иностранного языка немецкого также усложняется нехваткой учебного времени и освоение данного языка с нуля.

Объектом представленной научной работы является процесс развития грамматических навыков немецкого языка как второго иностранного для обучающихся высшей школы технических направлений. Предметом описываемой работы выступает внедрение в процесс обучения немецкому языку как второму иностранному в высшей школе для обучающихся по техническим направлениям методики применения монологической речи как средства активного влияния и формирования навыков грамматики немецкого языка.

Целью исследования является теоретическое обоснование методики применения монологической речи как средства развития грамматических навыков немецкого языка как второго иностранного (на базе английского) и экспериментальное подтверждение представленной методики.

Задачами выступают следующие: 1) проанализировать научные работы отечественных ученных по предложенной проблеме; 2) создать две группы обучающихся для проведения эксперимента по внедрению предлагаемой методики; 3) описать результаты и заключение обучающего эксперимента по внедрению методики развития навыков грамматики немецкого языка как второго иностранного.

Проведение педагогического эксперимента по совершенствованию грамматических навыков немецкого языка требует создания групп обучающихся по изучению немецкого языка как второго иностранного [11, с. 715]. На базе Донского государственного технического университета были отобраны обучающиеся по направлению 08.03.01 «Строительство» первого курса обучения очной формы. Все обучающиеся изучали английский язык как первый иностранный. Для педагогического эксперимента были отобраны тридцать обучающихся, поделенные на две группы по пятнадцать человек.

Чистота эксперимента и качественные показатели предполагают проведение диагностических работ с целью выявления знаний немец-

кого языка, установления возможности изучения немецкого языка обучающимися в школе или дополнительно. Диагностическая первая работа предполагала собеседование с преподавателем. Оценивание проходило по 100-балльной шкале. Результаты каждого обучающегося записаны в таблице 1.

Таблица 1. Результаты первого собеседования

№	Обучающийся Группы № 1 (Экспериментальная группа обучающихся)	Баллы Группы № 1 (%)	Обучающийся Группы № 2 (Контрольная группа обучающихся)	Баллы Группы № 2 (%)
1	Обучающийся 1	44	Обучающийся 1	56
2	Обучающийся 2	68	Обучающийся 2	52
3	Обучающийся 3	60	Обучающийся 3	40
4	Обучающийся 4	56	Обучающийся 4	44
5	Обучающийся 5	52	Обучающийся 5	52
6	Обучающийся 6	48	Обучающийся 6	64
7	Обучающийся 7	44	Обучающийся 7	52
8	Обучающийся 8	44	Обучающийся 8	56
9	Обучающийся 9	52	Обучающийся 9	64
10	Обучающийся 10	64	Обучающийся 10	68
11	Обучающийся 11	48	Обучающийся 11	40
12	Обучающийся 12	52	Обучающийся 12	44
13	Обучающийся 13	64	Обучающийся 13	64
14	Обучающийся 14	68	Обучающийся 14	56
15	Обучающийся 15	40	Обучающийся 15	52

Проведенное первое собеседование с обучающимися на немецком языке в экспериментальной и контрольной группах позволяет рассчитать средний результат по каждой группе. Средние результаты обеих групп представлены в процентах. Средние результаты заключим в таблицу 2.

Таблица 2. Средние результаты первого собеседования обеих групп

№	Группа	Средний результат
1	Группа № 1 (Экспериментальная группа обучающихся)	53,60%
2.	Группа № 2 (Контрольная группа обучающихся)	53,60%

Приведенные в таблице 2 средние результаты по обеим группам позволяют создать диаграммное отражение. Учитывая факт того, что средние результаты по первому собеседованию совпадают со средними результатами собеседования контрольной (второй) группы, получаем диаграмму с одинаковыми столбцами (смотрим диаграмму 1).

Рис. 1. Средние баллы первого собеседования обеих групп

При обучении немецкому языку как второму иностранному обучающимся были введены в расписание в течение семестра практические занятия в количестве четырех часов в неделю. Вторая группа – Контрольная группа (Группа № 2) также проходила обучение с таким же набором практических часов, отличие оставалось в том, что у контрольной группы занятия проходили по традиционному методу обучения. Обучающиеся выполняли грамматические упражнения, читали и переводили тексты по специальности, работами с упражнениями к текстам.

Окончание педагогического эксперимента предполагает проведение итоговых собеседований с обучающимися обеих групп. Итоговое собеседование позволяло сформировать таблицу с результатами обучающихся. Результаты каждого обучающегося отображены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты второго собеседования

№	Обучающийся Группы № 1 (Экспериментальная группа обучающихся)	Баллы Группы № 1 (%)	Обучающийся Группы № 2 (Контрольная группа обучающихся)	Баллы Группы № 2 (%)
1	Обучающийся 1	76	Обучающийся 1	76
2	Обучающийся 2	84	Обучающийся 2	68
3	Обучающийся 3	88	Обучающийся 3	68
4	Обучающийся 4	80	Обучающийся 4	64
5	Обучающийся 5	92	Обучающийся 5	72
6	Обучающийся 6	76	Обучающийся 6	80
7	Обучающийся 7	88	Обучающийся 7	68
8	Обучающийся 8	84	Обучающийся 8	76
9	Обучающийся 9	96	Обучающийся 9	84
10	Обучающийся 10	96	Обучающийся 10	92
11	Обучающийся 11	76	Обучающийся 11	76
12	Обучающийся 12	92	Обучающийся 12	72
13	Обучающийся 13	96	Обучающийся 13	80
14	Обучающийся 14	88	Обучающийся 14	84
15	Обучающийся 15	80	Обучающийся 15	88

При расчете среднего показателя после проведения итогового собеседования было установлено, что он повысился. Средние результаты второго и итогового собеседования представлены в таблице 4.

Таблица 4. Средние результаты второго собеседования обеих групп

№	Группа	Средний результат
1	Группа № 1 (Экспериментальная группа обучающихся)	86,13%
2.	Группа № 2 (Контрольная группа обучающихся)	76,53%

Диаграмма 2 отображает средние результаты второго итогового собеседования обучающихся обеих групп. Средний результат первой экспериментальной группы представлен на столбце слева. Средний результат экспериментальной группы равен 86,13%. Средний результат контрольной группы имеет повышение в несколько процентов и равен – 76,53% (столбец справа).

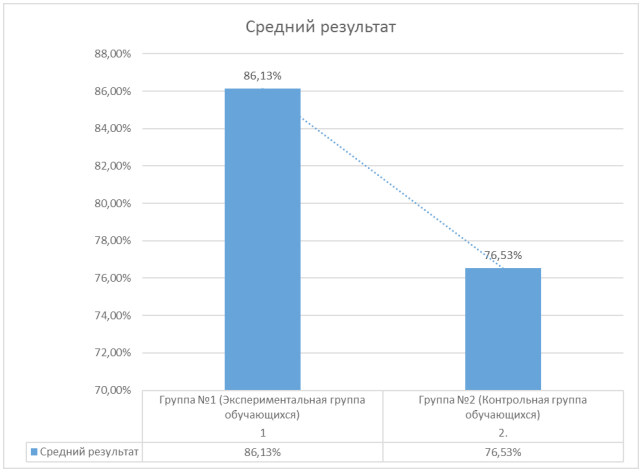

Рис. 2. Средние результаты второго собеседования обеих групп

Обобщение результатов проведенного педагогического эксперимента по внедрению методики использования монологических высказываний при развитии грамматических навыков немецкого языка как второго иностранного у обучающихся технических направлений позволяет заключить их в таблицу 5.

Путем вычитания получаем, что изучение немецкого языка как второго иностранного для экспериментальной группы с применением новой методики позволило повысить знания на 32,53 процента. Процент повышения знаний грамматики немецкого языка контрольной группы

составил 22,93%. Полученные данные позволяют создать диаграмму, отображающую результаты обеих групп. Рассмотрим диаграмму 3.

Таблица 5. Сравнение результатов первого и второго собеседования обеих групп

№	Группа	Средний балл первого собеседования	Средний балл второго собеседования
1	Группа № 1	53,60%	86,13%
2.	Группа № 2	53,60%	76,53%

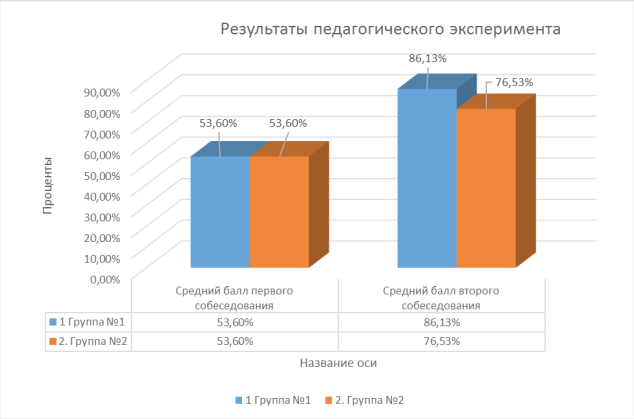

Рис. 3. Сравнение результатов обеих групп

При проведении педагогического эксперимента с целью повышения грамматических навыков у обучающихся, изучающих немецкий язык как второй иностранный в высшей школе, монологическая речь выступала не как цель обучения, а как мощный обучающих инструмент. Продуманная методика позволяла системно формировать у обучающихся навыки грамматики немецкого языка.

Литература

1. Дубко И.В. Системный подход при обучении грамматике немецкого языка как второго иностранного // Lingua-Universum. 2024. № 2. С. 11–17.
2. Калятин И.С., Старцева Е.А. Роль игровых технологий при обучении грамматике немецкого языка // Педагогические науки. 2025. № 1–2 (131–132). С. 6–10.
3. Ковальчук Н.В., Бажуткина Н.В. Особенности перевода новостных текстов в немецких СМИ: прагматическая адаптация и роль журналиста-переводчика // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 666–668.
4. Ковальчук Н.В. Современная неолексикография в условиях цифровой трансформации: опыт Германии и России // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 5. С. 441–444.
5. Ковальчук Н.В. Лексикографические подходы к изучению динамики неологизмов в современном немецком языке: вопросы фиксации и функциональной вариативности // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 5. С. 64–66.
6. Молчанова А.С., Мурашкина Т.А. Использование приемов мнемотехники в преподавании грамматики немецкого языка // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2024. № 3 (69). С. 159–162.
7. Шаталова М.Д. Обучение коммуникативной грамматике немецкого языка с использованием игровых технологий в старшей школе // Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики. 2024. № 2. С. 138–145.
8. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Современные аспекты обучения грамматике немецкого языка // Современное профессиональное образование. 2026. № 2. С. 149–151.
9. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В. Результаты внедрения цифровых инструментов в обучение немецкому языку при освоении грамматических норм и правил // Современное педагогическое образование. 2025. № 10. С. 146–151.
10. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В., Резуненко И.В. Методическая организация игры как средство обучения устно-речевым умениям обучающихся лингвистических вузов (на материале немецкого языка) // Современное педагогическое образование. 2025. № 11. С. 141–143.
11. Щербакова И.В. Дистанционные курсы как одна из форм обучения грамматике немецкого языка // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 714–716.
12. Яныева Г., Розыева Л., Сапарова Ш., Гайсина Э. Современные тенденции в грамматике немецкого языка // Cognitio Rerum. 2025. № 5. С. 131–133.

THE INFLUENCE OF MONOLOGUE SPEECH ON THE DEVELOPMENT OF GRAMMATICAL SKILLS WHEN LEARNING GERMAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE IN HIGH SCHOOL

Shcherbakova I.V.
Don State Technical University

Modern globalization presupposes the mastery of two or more foreign languages for specialists in technical fields of training. English is the main foreign language in the modern world. Learning German is an additional option for higher school students. The presented scientific article describes the process of introducing the methodology of teaching German as a second foreign language in higher education. The training is provided as an optional course for groups of fifteen people. The relevance of the presented work lies in the globalization and high requirements of professional education of future specialists in technical fields, for whom knowledge of two or more foreign languages is a prerequisite for higher education standards. The aim of the study is to theoretically substantiate the methodology of using monologue speech as a means of developing grammatical skills of German as a second foreign language (based on English) and to experimentally confirm the presented methodology. As a result of the conducted pedagogical experiment, it is proved that the active use of monologue speech in the development of grammar skills of German as a second foreign language for students in technical areas has a positive effect on learning.

Keywords: second foreign language, high school, grammar, grammatical skills, learning, foreign language, monologue, German, educational process, learning, development.

References

1. Dubko I.V. A systematic approach to teaching German grammar as a second foreign language // Lingua-Universum. 2024. No. 2. pp. 11–17.
2. Kalyatin I.S., Startseva E.A. The role of game technologies in teaching German grammar // Pedagogical sciences. 2025. No. 1–2 (131–132). pp. 6–10.
3. Kovalchuk N.V., Bazhutkina N.V. Features of translation of news texts in the German media: pragmatic adaptation and the role of a journalist translator // Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 4. pp. 666–668.
4. Kovalchuk N.V. Modern neolexicography in the context of digital transformation: the experience of Germany and Russia // Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 5. pp. 441–444.
5. Kovalchuk N.V. Lexicographic approaches to the study of the dynamics of neologisms in modern German: issues of fixation and functional variability // Social and humanitarian knowledge. 2026. No. 5. pp. 64–66.
6. Molchanova A.S., Murashkina T.A. The use of mnemonics techniques in teaching German grammar // Proceedings of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: psychological and pedagogical sciences. 2024. No. 3 (69). pp. 159–162.
7. Shatalova M.D. Teaching communicative grammar of the German language using game technologies in high school // Romance and Germanic languages: actual problems of linguistics and methodology. 2024. No. 2. pp. 138–145.
8. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. Modern aspects of teaching German grammar. Modern professional education. 2026. No. 2. pp. 149–151.
9. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V. The results of the introduction of digital tools in teaching German when mastering grammatical norms and rules. Modern pedagogical education. 2025. No. 10. pp. 146–151.
10. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V., Rezunenko I.V. Methodical organization of the game as a means of teaching oral speech skills to students of linguistic universities (based on the German language) // Modern pedagogical education. 2025. No. 11. pp. 141–143.
11. Shcherbakova I.V. Distance learning courses as one of the forms of teaching German grammar // Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 4. pp. 714–716.
12. Yanyeva G., Rozieva L., Saparova Sh., Gaisina E. Modern trends in German grammar // Cognitio Rerum. 2025. № 5. pp. 131–133.

Сравнительное исследование учебников истории для средней школы Китая и Казахстана

Юань Гао,
преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 48772786@qq.com

Сяожун Инь,
доктор наук, корреспондент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 516451147@qq.com; helenyin2002@sina.cn

В статье проводится сравнительное исследование программных документов и учебников истории средней школы Китая и Казахстана. Методологическую основу составляет аналитическая модель «программный документ трансформационный текст проверка согласованности», реализуемая с помощью текстового и сравнительного анализа. Сопоставление учебных стандартов осуществляется по целям образования и воспитания, структуре курса, ключевым компетенциям, системе знаний, организации преподавания, оцениванию и образовательным ресурсам; учебники анализируются по объёму, композиционной структуре, хронологической организации и подбору исторических материалов. Установлено, что обе системы сочетают предметно-аналитическую и ценностно-воспитательную функции, однако различаются приоритетами и логикой организации содержания. Китайская модель ориентирована на широкий хронологический охват, системность и формирование ключевых компетенций, тогда как казахстанская на более концентрированное изучение, горизонтальное сравнение и аналитическую интерпретацию. Действующие учебники в целом согласуются с обновлёнными стандартами, однако сохраняются отдельные концептуальные и содержательные расхождения.

Ключевые слова: Историческое Образование, Учебники Истории, Учебные Стандарты, Сравнительное Образование, Китай и Казахстан.

Введение

В условиях трансформации мирового порядка отношения между Китаем и Казахстаном развиваются в направлении углубления стратегического партнёрства, что повышает значение образовательного и культурного взаимодействия. Особое место в этом процессе занимает историческое образование, связанное с формированием исторического мышления, гражданской идентичности и представлений учащихся о национальной и мировой истории. Поэтому сравнительное изучение школьных учебников истории Китая и Казахстана позволяет выявить особенности содержания и организации исторического образования двух стран, а также уточнить механизмы формирования исторических представлений учащихся.

Объектом исследования выступают программные документы исторического образования и школьные учебники Китая и Казахстана. В работе используются методы текстового и сравнительного анализа, а исследование строится по логике «программный документ трансформационный текст проверка согласованности». Основное внимание уделяется образовательным и ценностным установкам учебных стандартов, структуре и нарративной организации учебников, а также степени соответствия учебников положениям соответствующих стандартов. Такой подход позволяет рассматривать учебник не изолированно, а как результат реализации программных установок в конкретном образовательном тексте.

Научная новизна исследования заключается в обращении к Казахстану как к значимому представителю образовательного пространства Центральной Азии и в комплексном сопоставлении программных документов и учебников истории двух стран. В отличие от исследований, сосредоточенных преимущественно на отдельных учебных текстах, в настоящей работе анализируются взаимосвязи между нормативными установками и их реализацией в учебниках.

Обзор литературы

«Принципы Тайлера» являются одной из фундаментальных основ современной теории учебных программ. Сформулированные в рамках данного подхода четыре ключевых вопроса «цели, содержание, организация и оценивание» [1] служат теоретической основой используемой в настоящем исследовании аналитической цепочки «концепция – текст – проверка согласованности». Исходя из этого, современное состояние исследований рассматривается по трём основным направлениям: сравнительные исследования стандартов исторического образования, сравнительные исследования учебников истории и исследования согласованности учебных стандартов и учебников.

Сравнительные исследования стандартов исторического образования

В Китае важнейшим этапом развития исследований в области исторического образования стал пересмотр в 2022 г. стандарта по истории для системы обязательного образования. Вслед за этим быстро сформировались несколько основных исследовательских направлений: интерпретация текста нового стандарта, изучение практики его реализации в процессе преподавания и сравнительный анализ исторического образования Китая и зарубежных стран. Для сравнительных исследований стандартов исторического образования характерны следующие особенности: пять ключевых компетенций, закреплённых в Стандарте по истории для системы обязательного образования 2022 г., используются в качестве основы для сопоставления с зарубежными стандартами; исследования имеют преимущественно прикладную направленность и ориентированы на совершенствование национального стандарта и улучшение практики преподавания [2][3]; основным методом является текстовый анализ, дополняемый материалами учебников и примерами из практики преподавания [4]. Вместе с тем существующие исследования сосредоточены преимущественно на сравнении Китая с Великобританией и США, тогда как исследования, посвящённые Казахстану, остаются относительно немногочисленными.

Зарубежные сравнительные исследования стандартов исторического образования охватывают более широкий круг стран и выходят за пределы анализа собственно исторических знаний, стремясь выявить взаимосвязь власти и знания в сфере образования. Например, исследователи обращаются к реформам исторического образования

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР (№ 23YJA740050), Фонда общественных наук Синьцзян-Уйгурского автономного района (№ 2023VZJ017, 2023VZJ011), проекта Синьцзян-Уйгурского автономного района «Стратегия Коммунистической партии Китая по управлению Синьцзяном в новую эпоху» (№ 2025ZJFLY36), проекта «Выдающиеся деятели культуры Синьцзяна» (№ 2024WHMJ026), а также проекта аналитического центра Синьцзянского педагогического университета (№ ZK2024C13).

в конкретном политическом контексте в частности, в условиях процесса вступления Турции в Европейский союз и рассматривают, каким образом историческое образование может способствовать развитию социального многообразия, демократии и примирения [5].

Сравнительные исследования учебников истории

Китайские исследования в данной области включают как обобщающие работы макроуровня, так и отдельные исследования учебников истории Казахстана. Чжан Юнь и Сюй Фан систематизировали результаты исследований, опубликованных после 2000 г., и выделили три основные темы сравнительного изучения учебников: структуру изложения материала, исторический нарратив и совместное создание региональных учебников. Авторы также указали на такие проблемы существующих исследований, как ограниченность исследовательской тематики, стереотипность исследовательских ракурсов и однородность исследовательских целей [6].

Фань Сяолин и Су Янь проанализировали многогранный образ Китая, представленный в учебниках истории Казахстана для 9–10-х классов [7]. Шань Мэнцзе совместно с казахстанской исследовательницей Кишибаевой изучила нарративы китайско-казахстанских контактов, представленные в казахстанских учебниках для 5–9-х классов, и показала, каким образом они служат формированию национальной идентичности [8]. Хотя обе работы основаны на одностороннем анализе казахстанских учебных текстов, они создают важную основу для последующего горизонтального сравнительного исследования с китайской и казахстанской точек зрения.

Исследования согласованности учебных стандартов и учебников

Исследования согласованности учебных стандартов и учебников в Китае прошли путь от заимствования зарубежных теоретических подходов к их углублённой адаптации к национальному образовательному контексту. Теоретическую основу данного направления составляют «принципы Тайлера» и концепция Цуй Юньхо о «согласованности преподавания, обучения и оценивания» [9]. На основе заимствованных из модели Уэбба измерений анализа согласованности и количественных критериев её оценки постепенно были разработаны теоретические модели и инструменты измерения, учитывающие специфику китайской образовательной системы [10].

Вместе с тем современные исследования по-прежнему преимущественно сосредоточены на практической реализации согласованности преподавания, обучения и оценивания на уровне учебного процесса, тогда как систематические эмпирические исследования согласованности учебников и учебных стандартов всё ещё представлены в ограниченном объёме.

Сравнение программных документов по историческому образованию

Объектами сравнительного анализа в настоящем исследовании выступают следующие документы: с китайской стороны «Стандарт по истории для обязательного образования (редакция 2022 г.)», разработанный Министерством образования Китайской Народной Республики; с казахстанской стороны «Методическое руководство к учебной программе „Всемирная история“ для 5–9 классов, 2023», разработанное Национальной академией образования имени Ы. Алтынсарина Министерства просвещения Республики Казахстан. Поскольку данный программный документ разработан на основе Государственного общеобязательного стандарта образования (ГОСО), в качестве дополнительного источника используется также «Государственный общеобязательный стандарт основного среднего образования», входящий в приказ Министра просвещения Республики Казахстан от 3 августа 2022 года № 348 «Об утверждении государственных общеобязательных стандартов дошкольного воспитания и обучения, начального, основного среднего и общего среднего, технического и профессионального, послесреднего образования».

Сопоставимость документов двух стран обусловлена их соответствием по трём основным параметрам: уровню документов, ступени образования, а также месту и назначению курса в образовательной системе. Во-первых, с точки зрения уровня документов оба источника представляют собой авторитетные программные документы национального уровня, имеющие руководящее значение и определяющие основные направления исторического образования в соответствующих странах. Во-вторых, с точки зрения ступени образования китайская младшая средняя школа (7–9-е классы) и основное среднее образование в Казахстане (5–9-е классы) занимают сопоставимое положение в структуре национальных систем образования: оба относятся к начальному этапу среднего образования, возраст учащихся в основном составляет 11–15 лет, а ожидаемый уровень исторического понимания и развития исторического мышления в целом является сопоставимым. В-третьих, с точки зрения места и назначения курса история в обеих странах относится к базовым обязательным учебным предметам, предназначенным для всех учащихся и направленным на формирование системы базовых исторических знаний и основных предметных компетенций.

Следует особо отметить, что китайский «Стандарт по истории для обязательного образования (редакция 2022 г.)» включает два содержательных блока историю Китая и всемирную историю. В Казахстане, напротив, «Всемирная история» и «История Казахстана» представляют собой два самостоятельных, но взаимосвязанных учебных предмета, при этом «Методическое руководство к учебной программе „Всемирная история“ для 5–9 классов, 2023» охватывает только содержание всемирной истории. С учётом указанных особенностей объектом сравнительного анализа в настоящем исследовании является содержание, относящееся к всемирной истории и представленное в программных документах по историческому образованию Китая для 7–9-х классов и Казахстана для 5–9-х классов.

Сравнительный анализ проводится по семи основным направлениям: цели образования и воспитания в рамках курса, структура курса, ключевые компетенции, система знаний, организация преподавания, оценивание учебных достижений и образовательные ресурсы. В целом историческое образование в обеих странах сочетает предметно-аналитическую и ценностно-воспитательную направленность, однако между ними существуют принципиальные различия в приоритетах и внутренней логике реализации воспитательных целей. Для наглядного представления общих черт и различий результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение программных документов по историческому образованию Китая и Казахстана

Раздел	Китай	Казахстан
Цели образования и воспитания	Нравственное воспитание как основа; формирование пяти ключевых компетенций; укрепление сознания общности китайской нации; сочетание патриотической ориентированности и глобального видения.	Развитие человеческого капитала и национальной идентичности; единство познавательного, гражданского, ценностного и мыслительного компонентов; ориентация на многообразие и инклюзивность.
Структура курса	«Шесть блоков всеобщей истории + междисциплинарное тематическое обучение»; сочетание ключевых событий и сквозных линий; около 10% времени – междисциплинарным проектам; преемственность между ступенями образования.	5-й класс – подготовительный курс; 6–9-е классы – линейное хронологическое обучение; четыре постоянных блока: общество, культура, политика, экономика; 1 час в неделю, 36 часов в год.
Ключевые компетенции	Материалистическое понимание истории; пространственно-временные представления; доказательность на основе источников; историческая интерпретация; ценностная ориентация на Родину и государство.	Интерпретация источников; пространственно-временное понимание; исторический анализ; практическая деятельность; постепенное развитие исследовательского и аргументативного мышления.
Система знаний	Всеобщая история: многообразие цивилизаций, развитие капитализма, социалистическое движение, национально-освободительная борьба, мирное развитие; междисциплинарная интеграция.	Всемирно-системный подход; отказ от советской стадийной модели; усиление акцента на Центральной Азии и кочевой цивилизации, сохранение тюркских языков; обеспечение баланса между восточной и западной перспективами, отход от евроцентризма; сокращение объема материала, посвященного войнам, и выделение взаимодействия цивилизаций
Организация преподавания	Материалистическое понимание истории как концептуальная основа; крупные концепты и интеграция учебных единиц; схема «ситуация – задача – вопрос – источник – аргументация»; цифровые и междисциплинарные методы.	Ценностные, деятельностные и цифровые методы; проблемно-исследовательское обучение; групповая и проектная работа; дифференцированные задания; нейтральная интерпретация дискуссионных вопросов.

Окончание

Раздел	Китай	Казахстан
Оценивание учебных достижений	Единство преподавания, обучения и оценивания; сочетание текущего и итогового контроля; ориентация на компетенции; акцент на работе с источниками и историческом мышлении.	Диагностическое, текущее и итоговое оценивание; анализ источников и открытые задания; снижение роли механического запоминания; самооценка, взаимная оценка и оценочные шкалы.
Ресурсы курса	Учебники, библиотеки, цифровые платформы; музеи, памятные места, локальная история; интернет-источники и кадровые ресурсы; межшкольное совместное использование ресурсов.	Печатные атласы, материалы по историческим личностям; виртуальные выставки, документальные фильмы, иллюстрации; учебные пособия и музейные ресурсы.

Сравнение учебников

Для обеспечения внутренней сопоставимости выборки и преемственности между ступенями обучения при сравнении учебников по всемирной истории, используемых на начальном этапе среднего образования в Китае и Казахстане, из анализа необходимо исключить содержание по истории Китая, изучаемое в 7–8-х классах китайской школы. Кроме того, необходимо учитывать, что учебники для 5–9-х классов в Казахстане подготовлены разными издательствами и авторскими коллективами. С учётом этих обстоятельств для сравнительного анализа были отобраны следующие учебники. С китайской стороны – учебник по истории для 9-го класса обязательного образования в двух частях, подготовленный и утверждённый экспертами, организованными Министерством образования КНР в 2018 г. и изданный издательством «Жэньминь цзяоюй чубаньшэ» (Народное образовательное издательство). С казахстанской стороны две части русскоязычного учебника по всемирной истории для 8–9-х классов общеобразовательной школы, одобренного Министерством образования и науки Республики Казахстан в 2003 г. и изданного издательством «Мектеп» в 2019 г. По состоянию на июль 2026 г. данный учебник по-прежнему включён в опубликованный Министерством просвещения Республики Казахстан на Единой платформе интернет-ресурсов государственных органов «Перечень и ссылки на электронные учебники для 1–11 классов».

Сопоставимость выбранных учебников обусловлена тремя факторами: официальным утверждением, длительным и стабильным использованием в образовательной практике, а также применением на сопоставимой ступени образования и в соответствующих классах. Для системного выявления сходств и различий в принципах построения учебников двух стран сравнительный анализ проводится по четырём основным параметрам: объём учебников, композиционная структура, хронологическая организация материала и система использования исторических источников.

Объём учебников

В обеих странах рассматриваемые учебники состоят из двух частей, однако существенно различаются по объёму охватываемого исторического времени. Китайский учебник в 45 уроках охватывает приблизительно 5100 лет истории, тогда как казахстанский учебник в 60 уроках сосредоточен примерно на 110-летнем периоде; таким образом, хронологический охват китайского учебника примерно в 46 раз шире. В казахстанском учебнике доля учебного времени, отведённого истории XX века, составляет 100%, а послевоенной истории – 50%, что приблизительно в 2 и 1,9 раза соответственно превышает аналогичные показатели китайского учебника. Таким образом, казахстанский учебник характеризуется моделью «узкий временной диапазон – высокая плотность содержания», а китайский моделью «длительный временной диапазон широкий хронологический охват». Конкретные показатели представлены в таблице 2.

Причина выявленных различий заключается в неодинаковом распределении учебных задач курса всемирной истории между классами средней школы в двух странах. В Китае используется структура «сначала история Китая, затем всемирная история»: изучение истории Китая завершается в 7–8-х классах, тогда как всемирная история концентрированно изучается в 9-м классе. Вследствие этого китайский учебник должен в рамках 45 уроков охватить общую картину развития мировых цивилизаций приблизительно за 5100 лет. В Казахстане всемирная история и история страны преподаются как отдельные учебные предметы; к 9-му классу содержание предшествующих этапов курса уже изучено в 5–8-х классах, поэтому содержание 9-го класса закономерно сосредоточено на исторических процессах после 1900 г. Данное структурное различие определяет особенности организации содержания учебников: китайскому учебнику присущ обзорный характер, основанный на «длительном временном периоде и широком хронологическом охвате», тогда как казахстанский учебник ориентирован на более концентрированное изучение «короткого временного периода при высокой плотности содержания». При этом обе модели соответствуют логике вертикальной преемственности соответствующих национальных учебных курсов.

Таблица 2. Сравнение объёма и структуры учебников истории Китая и Казахстана

Параметр сравнения	Китай (9-й класс, первая / вторая части)	Казахстан (8–9-е классы, первая / вторая части)	Итог сравнения
Деление на части	Первая часть / вторая часть	Первая часть / вторая часть	Одинаковая форма деления
Хронологическая граница между частями	Середина XIX века (промышленная революция и возникновение марксизма)	1945 г. (окончание Второй мировой войны)	В Китае граница определяется качественным изменением общественного строя; в Казахстане – завершением мировой войны
Общее количество уроков	45 уроков	60 уроков	В казахстанском учебнике количество уроков на 33,3% больше
Общий хронологический охват	3100 г. до н.э. – начало XXI века (около 5100 лет)	1914 г. – начало XXI века (около 110 лет)	Китайский учебник отличается широким хронологическим охватом; казахстанский – большей детализацией
Количество тематических уроков по культуре и науке / технике	2 урока (классическая культура + наука и культура Нового времени)	4 урока (по 2 в конце каждой части)	В казахстанском учебнике темы культуры, науки и техники обладают большей содержательной самостоятельностью
Типы вспомогательных материалов в приложениях	Хронологическая таблица основных событий + таблица соответствий китайских и иностранных вариантов имён и названий	Хронологическая таблица основных событий + глоссарий терминов	Китайский учебник в большей степени ориентирован на ознакомление и запоминание; казахстанский – на понимание понятий
Количество явных включений национальной истории	0	1 (космодром Байконур)	В казахстанском учебнике используется форма“интерполяционный патриотизм ” (патриотическ-ие отсылки, эпизодически включаемые в текст всемирной истории)

Композиционная структура

В китайском учебнике основная линия изложения выстраивается на основе последовательного развития общественных формаций. Такие разделы, как «Феодальная эпоха», «Утверждение капиталистического строя» и «Промышленная революция», располагаются последовательно, отражая логику развития от изменений экономического базиса через идейное освобождение к институциональным преобразованиям. Войны и революции включаются в эту повествовательную рамку и выступают этапными узлами институциональных преобразований. Внутри отдельных разделов материал организован по принципу последовательного развития, подчёркивающего закономерный характер исторического процесса.

В казахстанском учебнике основными осями деления содержания на разделы выступают крупные вооружённые конфликты и глобальные кризисы. Первая мировая война, Вторая мировая война и холодная война образуют самостоятельные тематические блоки, тогда как вопросы экономического строя, культуры, науки и техники оформляются как сопутствующие тематические разделы. Внутри разделов применяется параллельная организация материала по отдельным странам: например, рядом рассматриваются способы реагирования США, Германии и Японии на экономический кризис. Такой способ построения содержания акцентирует горизонтальное сравнение и многообразие возможных исторических решений.

Различия между двумя моделями непосредственно влияют на формирование базового представления учащихся о характере исторического развития: китайский учебник ориентирует на восприятие истории как закономерного поступательного движения, тогда как казахстанский акцентирует внимание на динамике силовой игры и исторических колебаний.

Хронологическая организация материала

Китайский учебник построен в формате всеобщей истории с последовательным хронологическим изложением: материал охватывает период от Древнего Египта до начала XXI века общей продолжительностью около 5100 лет. Границей между первой и второй частями служит середина XIX века – период промышленной революции и возникновения марксизма. Исторические события представлены последовательно и относительно равномерно, что направлено на формирование у учащихся целостного представления об эволюции цивилизаций и понимания хронологической последовательности основных исторических событий.

Казахстанский учебник начинает изложение с Первой мировой войны, а окончание Второй мировой войны служит границей между двумя частями. Шестьдесят уроков охватывают исторический период продолжительностью около 110 лет. При этом особое внимание уделяется выявлению исторических связей длительного действия и горизонтальному сравнению. Например, меморандум Танаки, Тройственный союз и японская агрессия против Китая объединяются в единую последовательную линию; распад колониальной системы рассматривается как продолжение последствий Второй мировой войны. Наряду с этим проводится горизонтальное сопоставление национальных движений в странах Азии после Первой мировой войны, моделей реагирования различных государств на экономический кризис, а также послевоенных путей развития стран Востока и Запада.

Данное различие показывает, что китайский учебник ориентирован на формирование целостного общеисторического кругозора, связывающего древность и современность, тогда как хронологическая организация казахстанского учебника преимущественно служит анализу эволюции международных отношений. Различия в темпе и способах организации исторического времени отражают различные представления о том, каким историческим видением должен обладать учащийся 9-го класса.

Система подбора и организации исторических материалов

Различия в подборе и организации исторических материалов в учебниках наглядно отражают различия в подходах двух стран к историческому образованию. В китайском учебнике основное место занимают базовые исторические факты, краткие сведения об исторических деятелях и фрагменты классических исторических документов; уровень теоретической сложности соответствует познавательным возможностям учащихся 9-го класса. Приложения ориентированы на точное соотнесение терминов, имён и исторических событий. Их основная функция состоит в том, чтобы помочь учащимся сформировать упорядоченную систему базовых представлений об исторических фактах и снизить терминологические трудности при изучении истории зарубежных стран. Таким образом, данные вспомогательные материалы выполняют преимущественно функцию закрепления знаний.

В казахстанском учебнике предусмотрен специальный глоссарий терминов, в котором разъясняются такие абстрактные политологические понятия, как «тоталитарный режим» и «деколонизация». При отборе исторического содержания заметно усилено внимание к Азии: современной и новейшей истории азиатских стран посвящено 10 уроков; предусматривается сопоставление исторических материалов по отдельным темам, а синхронные исторические события в разных странах рассматриваются поэтапно и более детально.

Анализ согласованности учебных стандартов и учебников

В Китае и Казахстане идёт поэтапное обновление учебников в соответствии с новыми стандартами (в Китае – с сентября 2026 г., в Казахстане – к августу 2026 г.). Однако действующие учебники, уже прошедшие практическую апробацию, в значительной мере соответствуют новым требованиям. На примере учебников для 9-го класса видно, что их структура и тематика согласуются с обновлёнными стандартами: китайский учебник отражает три ключевые линии развитие капитализма, подъём социалистического движения и антиколониальную борьбу; казахстанский охватывает мировые войны, трансформацию международного порядка, развитие государств, экономику, технологии, культуру и общественную мысль.

Вместе с тем сохраняются отдельные расхождения. В Китае это касается реализации междисциплинарного обучения, системного применения «крупных концептов» и последовательной ориентации на ключевые компетенции. В Казахстане последовательного проведения нейтрального и плюралистического подхода, более глубокой интеграции истории Центральной Азии и Казахстана в курс всемирной истории, а также расширения блоков по новейшей истории. Эти вопросы требуют постепенного решения в ходе дальнейшего обновления учебников и совершенствования преподавания.

Заключение

Проведённое сравнительное исследование показывает, что историческое образование Китая и Казахстана сочетает предметно-аналитическую и ценностно-воспитательную функции, но основывается на различной логике отбора и организации содержания. Китайская модель ориентирована на системное формирование исторических компетенций, последовательное представление исторического развития и сочетание национального самосознания с глобальным видением. Казахстанская модель в большей степени акцентирует национальную идентичность, многообразие исторических интерпретаций, горизонтальное сравнение и развитие аналитических навыков. Эти различия непосредственно отражаются в учебниках: китайский учебник отличается широким хронологическим охватом и последовательным изложением всемирной истории, тогда как казахстанский характеризуется более узким временным диапазоном, высокой плотностью материала и усиленным вниманием к сравнительному анализу, истории Азии и понятийному аппарату.

Сопоставление учебных стандартов и учебников показывает их общую содержательную согласованность при сохранении отдельных расхождений. В Китае они связаны прежде всего с реализацией междисциплинарного обучения, использованием «крупных концептов» и последовательной ориентацией на ключевые компетенции; в Казахстане – с реализацией нейтрального и плюралистического подхода, интеграцией истории Центральной Азии и Казахстана в курс всемирной истории и расширением содержания по современной истории. Таким образом, обновление учебников в обеих странах имеет характер постепенного содержательного совершенствования, а выявленные различия отражают специфику национальных образовательных систем и одновременно создают основу для дальнейшего методического обмена в сфере исторического образования.

Литература

1. Ши Лянфан. «Основные принципы учебной программы и преподавания» Р. Тайлера: к вопросу о возникновении и развитии теории учебных программ в США // Вестник Восточно-Китайского педагогического университета. Серия: Педагогические науки. – 1992. – № 4. – С. 1–24.
2. Хуан Цзиньцзюй, Ян Иньцюань. Сравнительное исследование стандартов исторического образования Китая и Великобритании с точки зрения целей подготовки учащихся // Справочник по преподаванию в средней школе. – 2024. – № 10. – С. 11–13, 17.
3. Сюй Хуацюн. Сравнение стандартов исторического образования Китая и США // Преподавание истории. – 2005. – № 2. – С. 38–41.
4. Ду Фан. Интерпретация содержания междисциплинарного тематического обучения в «Стандарте по истории для обязательного образования» // Преподавание истории. – 2022. – № 13. – С. 9–12.
5. Актекин С., Харнетт П., Озтюрк М., Смарт Д. Обучение истории и обществознанию в условиях мультикультурной Европы / под ред. С. Актекина, П. Харнетт, М. Озтюрка, Д. Смарта. – Harf Egitim Yayincilgi, 2009.
6. Чжан Юнь, Сюй Фан. Обзор сравнительных исследований китайских и зарубежных учебников истории с начала XXI века // Учебная программа, учебники и методы преподавания. – 2022. – Т. 42, № 6. – С. 102–107.
7. Фань Сяолин, Су Янь. Исследование интеграции культуры Шёлкового пути: образ Китая в учебниках истории Казахстана // Вестник Синьцзянского университета. Серия: Философия, гуманитарные и социальные науки. – 2016. – Т. 44, № 4. – С. 54–58.

8. Кишибаева С. Б., Шань М. Формирование образа Китая в контексте школьных учебников по истории Казахстана // Политические науки. – 2025. – № 2. – С. 140–151.

9. Цуй Юньхо, Ся Сюэмэй. «Согласованность преподавания, обучения и оценивания»: значение и содержание // Управление начальной и средней школой. – 2013. – № 1. – С. 4–6.

10. Лю Сюэчжи. О формировании согласованности оценивания и образовательных стандартов: опыт США // Перспективы глобального образования. – 2006. – Т. 35, № 9. – С. 35–39.

A COMPARATIVE STUDY OF SECONDARY SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS IN CHINA AND KAZAKHSTAN

Yuan Gao, Xiaorong Yin
Xinjiang Normal University

This article presents a comparative study of curriculum documents and secondary school history textbooks in China and Kazakhstan. The methodological framework is based on the analytical model of "curriculum document – transformed text – alignment assessment," implemented through textual and comparative analysis. Curriculum standards are compared across seven dimensions: educational and developmental objectives, course structure, key competencies, knowledge system, teaching implementation, learning assessment, and educational resources. Textbooks are examined in terms of volume, compositional structure, chronological organization, and the selection of historical materials. The findings show that both systems combine subject-based analytical learning with value-oriented education, but differ significantly in their priorities and organization of content. The Chinese model emphasizes broad chronological coverage, systematic knowledge, and the development of key competencies, whereas the Kazakhstani model favors more concentrated historical coverage, horizontal comparison, and analytical interpretation. Existing textbooks are generally aligned with the updated standards, although some conceptual and content-related gaps remain.

Keywords: History Education, History Textbooks, Curriculum Standards, Comparative Education, China And Kazakhstan.

References

1. Shi, Liangfang. "Basic Principles of Curriculum and Instruction" by R. Tyler: On the Emergence and Development of Curriculum Theory in the United States // Journal of East China Normal University. Educational Sciences. – 1992. – No. 4. – Pp. 1–24.

2. Huang, Jinju, & Yang, Yinquan. A Comparative Study of History Curriculum Standards in China and the United Kingdom from the Perspective of Talent Cultivation Objectives // Reference for Middle School Teaching. – 2024. – No. 10. – Pp. 11–13, 17.

3. Xu, Huaqiong. A Comparison of History Curriculum Standards in China and the United States // History Teaching. – 2005. – No. 2. – Pp. 38–41.

4. Du, Fang. An Interpretation of Interdisciplinary Thematic Learning in the History Curriculum Standards for Compulsory Education // History Teaching. – 2022. – No. 13. – Pp. 9–12.

5. Aktekin, S., Harnett, P., Öztürk, M., & Smart, D. Teaching History and Social Studies for Multicultural Europe / ed. by S. Aktekin, P. Harnett, M. Öztürk, D. Smart. – Harf Egitim Yayincilgi, 2009.

6. Zhang, Yun, & Xu, Fang. A Review of Comparative Studies on Chinese and Foreign History Textbooks Since the Beginning of the 21st Century // Curriculum, Teaching Material and Method. – 2022. – Vol. 42, No. 6. – Pp. 102–107.

7. Fan, Xiaoling, & Su, Yan. A Study on the Integration of Silk Road Culture: The Image of China in Kazakhstan's History Textbooks // Journal of Xinjiang University. Philosophy, Humanities and Social Sciences. – 2016. – Vol. 44, No. 4. – Pp. 54–58.

8. Kishibayeva, S. B., & Shan, M. The Formation of the Image of China in the Context of School Textbooks on the History of Kazakhstan // Political Sciences. – 2025. – No. 2. – Pp. 140–151.

9. Cui, Yunhuo, & Xia, Xuemei. "Alignment of Teaching, Learning, and Assessment": Meaning and Implications // Primary and Secondary School Management. – 2013. – No. 1. – Pp. 4–6.

10. Liu, Xuezhi. On Constructing Alignment Between Assessment and Curriculum Standards: The Experience of the United States // Global Education. – 2006. – Vol. 35, No. 9. – Pp. 35–39.

Исследование особенностей культуры стыда в межкультурном пространстве

Янь Цинцин,
доцент, Шанхайский профессиональный институт индустрии, коммерции и иностранных языков
E-mail: yandex228@126.com

Стыд принадлежит к числу универсальных человеческих аффектов, однако его содержание и социальное функционирование существенно различаются в зависимости от культурной среды. В статье выделяются три базовые модели переживания стыда – восточноазиатская (Китай, Япония), западная (США) и российская – и прослеживается их генезис, обусловленный спецификой социальной организации, религиозно-философских традиций и психологических установок. На основе метода сравнительного культурологического анализа исследуются различия по четырём параметрам: формы проявления стыдовых переживаний, триггеры их возникновения, стратегии преодоления и социальные функции. Показано, что восточноазиатская модель строится на коллективной чести и групповом контроле, западная – на индивидуальной совести и самоактуализации, а российская сочетает духовное покаяние и общинную ответственность. С учётом глобализационных процессов раскрываются тенденции к конвергенции этих моделей. Полученные выводы могут служить теоретической базой для преодоления коммуникативных барьеров в межкультурном диалоге.

Ключевые слова: культура стыда; культура вины; восточно-западная цивилизация; коллективизм; индивидуализм; межкультурные различия; покаяние; социальные эмоции.

Введение

Стыд представляет собой сложную эмоцию самосознания, возникающую при рассогласовании поведения личности с принятыми нормами и сопровождающуюся чувством неловкости, самоосуждения и падения собственного достоинства. М. Льюис, один из ведущих исследователей данного аффекта, подчеркнул принципиальное отличие стыда от чувства вины: при стыде объектом негативной оценки выступает собственное «я» целиком («я плохой»), тогда как вина фокусируется на конкретном поступке («мой поступок ошибочен») [1]. Это различение стало отправной точкой целого направления исследований, в рамках которого стыд и вина трактуются как два автономных механизма социальной регуляции.

Впервые дихотомию «культура стыда – культура вины» предложила Р. Бенедикт в классическом труде «Хризантема и меч» (1946), отнеся японское общество к культурам стыда, а американское – к культурам вины [2]. Несмотря на обоснованную критику чрезмерной схематичности такого деления [3], сама идея о культурной обусловленности стыдовых переживаний сохраняет объяснительную ценность. Дж.П. Тэнгни и Р.Л. Диринг показали, что феноменология стыда во многом определяется соотношением индивидуалистических и коллективистских ценностей конкретного общества [4]. Х.Р. Маркус и С. Китаяма, предложив концепцию «независимого» и «взаимозависимого» конструктов самости, раскрыли глубинные когнитивные механизмы, которые опосредуют восприятие стыда в различных культурных средах [5].

В современном научном дискурсе сформировалось понимание того, что не существует «чистых» культур стыда или вины – оба механизма присутствуют в любой культуре, но в различных пропорциях [6]. А.В. Шиллер, анализируя методологию кросс-культурных исследований социальных эмоций, пришла к выводу о необходимости учитывать как индивидуальное, так и коллективное измерение стыда и вины [7]. В этом контексте особый интерес представляет сопоставление трёх крупных культурных традиций – восточноазиатской, западной и российской, каждая из которых выработала самобытную модель переживания и функционирования стыда.

Российская культура стыда исследована значительно меньше восточноазиатской и западной. Между тем именно она демонстрирует уникальное сочетание коллективного и индивидуального начал. Ю.Н. Данилова, исследовавшая универсалии «совесть», «вина» и «стыд» в русской философской традиции, показала, что в российской мысли стыд тесно переплетён с категорией совести, которая в русском языке терминологически отделена от сознания, что подчёркивает её особый статус [8]. Л.И. Богданова, прослеживая развитие «культуры стыда» от Ф.М. Достоевского до наших дней, обосновала, что для русской культуры более точным является обозначение «культура совести», в которой стыд и совесть взаимно дополняют друг друга [9].

Глобализация интенсифицирует межнациональные контакты, и расхождения в понимании стыда всё чаще становятся источником коммуникативных трений. Сравнительное изучение корней и проявлений стыдовой культуры приобретает как теоретическое, так и практическое значение для выстраивания конструктивного межкультурного взаимодействия.

Цель настоящего исследования – провести сравнительный анализ трёх моделей культуры стыда (восточноазиатской, западной и российской) по параметрам формы проявления, триггеров, стратегий преодоления и социальных функций, а также выявить тенденции их конвергенции в условиях глобализации.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено в рамках сравнительного культурологического подхода. Материалом послужили научные публикации по кросс-культурной психологии стыда, культурной антропологии, философии морали и лингвокультурологии на русском, английском и китайском языках. Источниковую базу составили работы Р. Бенедикт [2], М. Льюиса [1], Дж.П. Тэнгни и Р.Л. Диринг [4], Х.Р. Маркус и С. Китаямы [5], О. Бедфорда [10], А.В. Шиллер [7], Ю.Н. Даниловой [8], [11], Л.И. Богдановой [9], С.В. Горнаевой [12], Я.А. Волковой [13] и др.

Для систематизации материала применены следующие методы: сравнительно-типологический метод (выделение трёх моделей культуры стыда и их параллельное сопоставление), метод культурно-исторической реконструкции (анализ генезиса каждой модели в кон-

тексте социальных, религиозных и геополитических факторов) и метод контент-анализа научных текстов (выявление устойчивых характеристик, приписываемых стыду в каждой из культурных традиций). Классификация различий проведена по четырём аналитическим параметрам: формы проявления, триггеры возникновения, стратегии преодоления и социальные функции.

Результаты и обсуждение

С точки зрения психологической науки, стыд – сложная форма самосознания, формирующаяся на фоне негативной оценки собственного поведения или личностных качеств. М. Льюис указывает на два необходимых условия возникновения стыда: осознание несоответствия собственных действий социальным нормам и понимание факта внешнего наблюдения со стороны окружающих [1]. К. Изард включил стыд в число дифференциальных эмоций, отметив, что стыд сопровождается «острой и болезненной осознанностью собственного Я» и способен лишить человека способности говорить [13].

Восточноазиатская модель строится вокруг коллективной принадлежности: индивид не мыслится обособленно от семьи, рода или общины, и его репутация напрямую определяет престиж всего объединения. О. Бедфорд, исследовавший опыт переживания стыда и вины в китайской культуре, показал, что стыд в конфуцианском обществе выступает прежде всего механизмом поддержания «лица» – общественной репутации, утрата которой равнозначна утрате социального статуса [10]. В конфуцианской традиции закреплён постулат «познав стыд, человек обретает мужество»: осознание позора расценивается как фундамент нравственного самосовершенствования и восстановления коллективной чести.

Западная модель опирается на примат индивидуальной совести. В культуре с доминантой индивидуализма стыдовые переживания возникают преимущественно при внутреннем конфликте между совершённым поступком и личными этическими убеждениями; они в меньшей степени зависят от внешних оценок окружающих [4]. Древнегреческая философская максима «познай самого себя» и христианская доктрина «первородного греха» сформировали традицию, в которой стыд интерпретируется как стимул к саморефлексии и самопреодолению [6].

Российская модель формируется на стыке нескольких традиций и не может быть редуцирована ни к восточноазиатскому, ни к западному типу. Православное учение о покаянии соединяется с древнерусскими общинными обычаями, дворянским кодексом чести и историческими потрясениями страны. Ю.Н. Данилова, изучавшая место вины и стыда в культурах Запада, России и Востока, квалифицировала российскую культуру как «культуру вины и стыда» одновременно, поскольку в ней совмещаются внутреннее духовное самоосуждение и внешнее переживание позора при нарушении коллективных норм [11]. Л.И. Богданова уточняет, что в русском культурном сознании стыд неразрывно связан с совестью: пословицы «Ни стыда, ни совести», «В ком стыд, в том и совесть» указывают на понимание стыда как «наружного проявления совести» [9]. Крепостное право, масштабные войны и геополитические потрясения закрепили в национальном характере склонность к глубокой внутренней рефлексии, при этом сохранив сильную привязанность к коллективной чести общины и государства.

Первый параметр сопоставления касается того, каким образом стыд обнаруживается во внешнем поведении.

В восточноазиатских культурах стыд проявляется с ярко выраженной внешней видимостью. Чувство стыда не остаётся исключительно внутренним переживанием – оно реализуется через конкретные телесные реакции и ритуальные жесты: опускание головы, отведение глаз, покраснение лица, молчание. Д. Шницер и соавторы, сравнивая стыдовые реакции западных и восточноазиатских респондентов, зафиксировали более выраженную соматическую компоненту стыда у представителей коллективистских культур [14]. Эти действия одновременно служат проявлением самоосуждения и сигналом окружающим о признании ошибки.

В западной культуре стыд характеризуется внутренней направленностью. Поскольку западная традиция придаёт большое значение личной приватности и достоинству, открытое проявление стыда может подорвать самооценку. Переживая стыд, человек предпочитает оставаться в одиночестве и обращаться к саморефлексии, а не демонстрировать уязвимость [4].

Российская модель проявления стыда занимает промежуточное положение, которое Л.И. Богданова характеризует формулой «эксплицитное и скрытое» [9]. С одной стороны, возникновение стыда тесно связано с публичной ситуацией и общественной оценкой: когда поведение человека противоречит коллективным ожиданиям, он подвергается открытому осуждению – со стороны родственников, соседей, общественного мнения. С другой стороны, русский национальный характер, сформированный длительными историческими испытаниями, тяготеет к стойкости и сдержанности: внутренняя уязвимость редко обнаруживается открыто, стыд переживается в молчании и терпении. Данное наблюдение согласуется с выводами Ю.Н. Даниловой о том, что российская культура вырабатывает двухуровневый механизм совладания со стыдом, включающий и внешнюю публичность, и глубокую внутреннюю рефлексию [11].

Второй параметр связан с обстоятельствами, провоцирующими стыдовые переживания.

В восточноазиатских культурах ключевую роль играет «коллективная связность»: стыд возникает не только из-за собственного поведения, но и в связи с действиями близких, что порождает феномен «связанного стыда». О. Бедфорд зафиксировал, что в китайской культуре действия одного члена семьи, подрывающие коллективную честь, вызывают стыд у всех членов семьи независимо от личной причастности [10]. Индивид в условиях восточного коллективизма выступает не самостоятельным субъектом, а «представителем» коллектива, и любое действие, наносящее ущерб групповой репутации, активирует стыдовую реакцию.

Западные триггеры стыда сосредоточены преимущественно вокруг личных способностей, достижений и моральных обязательств. Х.Р. Маркус и С. Китаяма показали, что в культурах с «независимым» конструктом самости стыд возникает при расхождении между реальным и идеальным представлением о себе [5]. Неудача в карьере, нарушение данного слова, утрата личного достоинства из-за дискриминации или унижения – типичные западные триггеры стыда.

Российские триггеры сочетают элементы обеих моделей. Стыд провоцируется ущербом коллективной и государственной чести, нарушением групповых норм, публичными проявлениями неподобающего поведения и снижением социального статуса. Национальная честь и достоинство государства занимают центральное место в системе ценностей, и поведение, подрывающее эти категории, вызывает острый стыд. Одновременно в российской культуре высоко ценится индивидуальное достоинство, что роднит её с западной моделью. С.В. Горнаева, проводя эмпирическое исследование социокультурных особенностей переживания стыда и вины, установила, что у представителей российской культуры стыд активируется как при нарушении групповых ожиданий, так и при внутренней оценке собственного несоответствия личным моральным стандартам [12].

Третий параметр касается способов, которыми человек справляется со стыдом.Восточноазиатская стратегия может быть определена как «коллективное восстановление». Демонстрируя группе признание ошибки и компенсируя нанесённый ущерб, индивид стремится восстановить отношения с коллективом и получить прощение. Исторически это проявлялось в ритуале извинения перед старшими, добровольной отставке чиновника, допустившего промах, а в современных условиях – в публичном признании ответственности и конкретных мерах по устранению последствий. Параллельно практикуется длительная самодисциплина, призванная не допустить повторения поступка, порочащего коллектив.

Западная стратегия строится на принципе саморегуляции. Через внутренний самоанализ, самопринятие и разработку плана самосовершенствования человек преодолевает стыд без необходимости публичных признаний [4]. В западных обществах допускается обращение за психологической помощью или к близким друзьям, однако такие разговоры остаются в приватной сфере.

Российская стратегия преодоления стыда отличается своеобразным сочетанием нескольких элементов. А.В. Шиллер, анализируя исследования социальных эмоций, отметила, что в российской культуре молчание, сдержанность и внутреннее самоистязание выступают распространёнными формами совладания со стыдом [7]. Русский национальный характер, сформированный длительными войнами и нестабильностью, тяготеет к подавлению внешних проявлений уязвимости. Одновременно существует традиция «спасения через честь» – стремление восстановить достоинство конкретными действиями. При этом ответственность нередко разделяется с коллективом: в российской традиции стыд группы не ложится на одного, а принимается совместно, что отражает глубоко укоренённый коллективизм.

Четвёртый параметр раскрывает роль стыда в социальной системе.

В восточноазиатских культурах стыд выполняет прежде всего функцию морального ограничения. Конфуцианство включает «стыд» (耻) в число «четырёх основных ценностей государства» (ли, и, лянь, чи), утверждая: «сначала понимаешь стыд, потом проявляешь мужество». Через воспитание чувства стыда у индивидов формируется способность различать добро и зло. Кроме того, стыд выполняет функцию

социальной интеграции: благодаря связям, основанным на коллективной чести, укрепляется чувство принадлежности к группе [10].

В западных обществах доминирующая функция стыда – стимулирование самосовершенствования. Стыд побуждает человека к саморефлексии и достижению самопреодоления. Дж.П. Тэнгни подчеркивает, что адаптивная форма стыда способна мотивировать просоциальное поведение и стремление к компенсации причинённого ущерба [4]. Кроме того, западная культура стыда выполняет функцию психологической адаптации: через саморефлексию и самопринятие она помогает снизить интенсивность негативных эмоций.

Социальная функция стыда в российской культуре обладает специфической чертой – стыд выступает фактором национальной сплочённости и двигателем социальных изменений. Культура стыда тесно связывает переживания отдельного человека с честью коллектива и государства: когда национальное достоинство оказывается под угрозой, чувство стыда способно консолидировать народ. Ю.Н. Данилова, анализируя возникновение вины и стыда в различных культурах, отметила, что в российской истории «коллективный стыд» неоднократно становился импульсом для общественных преобразований [11]. Одновременно стыд в российской традиции сохраняет функцию морального контроля, сопоставимую с восточноазиатской: публичное осуждение неподобающего поведения остаётся действенным регулятором.

Выявленные расхождения в трёх моделях стыда обусловлены тремя группами факторов.

Первая группа – различия в социальной структуре и геоэкономических условиях. Аграрная цивилизация Восточной Азии, предполагающая длительное проживание в устойчивых общинах и коллективный труд, сформировала социальную структуру коллективистского типа, в которой выживание индивида невозможно без поддержки группы. Морская цивилизация Европы, связанная с торговлей и мобильностью, порождала индивидуалистическую структуру, опирающуюся на личные способности и самостоятельность [5]. Россия, расположенная на стыке Европы и Азии, исторически сочетала общинное земледелие с имперской централизацией, что привело к формированию социальной структуры с выраженными и коллективистскими, и иерархическими чертами.

Вторая группа – различия в философско-религиозной среде. Конфуцианство с его концепцией «единой структуры семьи и государства» связывает честь индивида с честью семьи и государства, формируя групповой стыд [10]. Западная мысль, от античной философии до протестантизма, акцентирует самопознание и личную ответственность [6]. Российская культура испытала решающее влияние православия с его доктриной покаяния и понятием совести как «тайника души», а также коллективистских традиций советской эпохи [8], [9].

Третья группа – различия в психологическом конструкте самости. Х.Р. Маркус и С. Китаяма продемонстрировали, что в культурах с «взаимозависимой» самостью стыд активируется преимущественно через внешнюю оценку (извне), тогда как в культурах с «независимой» самостью – через внутреннюю рефлексию [5]. Российский психологический тип, по данным кросс-культурных исследований, занимает промежуточную позицию, что подтверждается эмпирическими данными С.В. Горнаевой о сосуществовании внешних и внутренних триггеров стыда у россиян [12].

В условиях глобализации модели культуры стыда претерпевают трансформацию. В восточноазиатских обществах усиление рыночной экономики и пробуждение индивидуального самосознания ведут к тому, что чувство стыда всё чаще формируется не только на основе групповой, но и личной оценки: традиционная модель, ориентированная исключительно на группу, постепенно эволюционирует в направлении баланса «группа – индивид». В западных обществах, напротив, растущее значение социальной инклюзии и коллективной ответственности (экологическое движение, движение за социальную справедливость) усиливает коллективистскую компоненту стыда.

Российская культура стыда в начале XXI века демонстрирует сложную динамику. Православная традиция духовного самопознания сохраняет своё значение, при этом светские нормы индивидуального достоинства приобретают всё больший вес. Современная российская модель развивается в направлении, где внешние ограничения и внутренний самоанализ сливаются, коллективная ответственность и индивидуальное достоинство стремятся к равновесию.

Конвергенция культур стыда не означает унификации. Она происходит при сохранении культурной специфики каждой модели и основана на взаимном заимствовании отдельных элементов: Восток усваивает западный акцент на самоактуализации, Запад – восточное внимание к социальным обязательствам, Россия – элементы обеих традиций при опоре на собственное наследие совести и покаяния.

Выводы

Проведённый сравнительный анализ позволяет сформулировать следующие основные результаты.

Во-первых, три исследованные модели культуры стыда – восточноазиатская, западная и российская – обнаруживают устойчивые различия по всем четырём параметрам сопоставления. Восточноазиатская модель тяготеет к внешней экспрессии, коллективным триггерам, групповому примирению и функции морального ограничения. Западная модель характеризуется внутренней направленностью, индивидуальными триггерами, саморегуляцией и функцией стимулирования самосовершенствования. Российская модель занимает особое положение, сочетая элементы обеих традиций и дополняя их специфической функцией национальной сплочённости.

Во-вторых, эти различия детерминированы тремя группами факторов: социально-экономической структурой (аграрный коллективизм, морской индивидуализм, общинно-имперский синтез), философско-религиозной традицией (конфуцианство, протестантизм, православие) и психологическим конструктом самости (взаимозависимый, независимый, промежуточный).

В-третьих, в условиях глобализации наблюдается конвергенция моделей при сохранении культурной специфики: восточноазиатская модель эволюционирует в сторону учёта индивидуальных ценностей, западная – в сторону коллективной ответственности, российская – в направлении интеграции светских норм с духовной традицией.

Практическое значение полученных выводов состоит в том, что они могут служить основой для разработки рекомендаций по преодолению коммуникативных барьеров в межкультурном диалоге, связанных с различным пониманием стыда, и способствовать предотвращению конфликтов, обусловленных культурными расхождениями в трактовке этого базового человеческого аффекта.

Литература

1. Льюис М. Стыд: обнажённое «я» / М. Льюис. – Нью-Йорк: Фри Пресс, 1992. – 270 с. (На англ. яз.)

2. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры / Р. Бенедикт; пер. с англ. М.Н. Корнилова, Е.М. Лазаревой, В.Г. Николаева. – 2-е изд. – Москва: РОССПЭН, 2013. – 256 с.

3. Крейтон М.Р. Пересмотр культур стыда и вины: сорокалетнее странствие // Ethos. – 1990. – Т. 18, № 3. – С. 279–307. (На англ. яз.)

4. Тэнгни Дж.П. Стыд и вина / Дж.П. Тэнгни, Р.Л. Диринг. – Нью-Йорк: Гилфорд Пресс, 2002. – 272 с. (На англ. яз.)

5. Маркус Х.Р. Культура и самость: следствия для когниции, эмоции и мотивации / Х.Р. Маркус, С. Китаяма // Psychological Review. – 1991. – Т. 98, № 2. – С. 224–253. (На англ. яз.)

6. Шиллер А.В. Роль эмоций вины и стыда в методологии исследований социальных эмоций // Философская мысль. – 2021. – № 4. – С. 11–25. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.4.33716.

7. Данилова Ю.Н. Универсалии «совесть», «вина» и «стыд» в рефлексии русской философии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 17 (346). – С. 141–145.

8. Богданова Л.И. «Культура стыда» и «культура вины»: от Ф.М. Достоевского до наших дней // Lingua et vita (Герценовские чтения): сб. науч. ст. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. – С. 1–12.

9. Бедфорд О. Индивидуальный опыт вины и стыда в китайской культуре // Culture & Psychology. – 2004. – Т. 10, № 1. – С. 29–52. (На англ. яз.)

10. Данилова Ю.Н. Вина и стыд в культурах Запада, России и Востока: дис. … канд. филос. наук: 09.00.13 / Данилова Юлиана Николаевна. – Омск, 2016. – 192 с.

11. Горнаева С.В. Эмпирический анализ переживания чувств вины и стыда: социокультурные особенности // Современные исследования социальных проблем (СИСП). – 2013. – № 9 (29). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskiy-analiz-perezhivaniya-chuvstv-viny-i-stydasotsiokulturnye-osobennosti (дата обращения: 10.08.2026).

12. Волкова Я.А. Лексикографический анализ номинантов концепта «стыд» // Международный научно-исследовательский журнал (RULB). – 2023. – № 9 (45). – DOI: 10.18454/RULB.2023.45.10.

13. Шницер Д. Кросс-культурные различия и сходства в склонности к стыду: адаптационистский и экологический подход / Д. Шницер, К. Такемура, Э.У. Делтон [и др.] // Evolutionary Psychology. – 2012. – Т. 10, № 2. – С. 352–370. (На англ. яз.)

14. Дженкова Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Дженкова Екатерина Александровна. – Волгоград, 2005. – 225 с.

15. Хофстеде Г. Последствия культуры: международные различия в ценностях, связанных с трудовой деятельностью / Г. Хофстеде. – Беверли-Хиллз: Сейдж, 1980. – 475 с. (На англ. яз.)

A STUDY OF CROSS-CULTURAL DIFFERENCES IN SHAME CULTURE

Yan Jingjing
Shanghai Institute of Commerce&Foreign Languages

Shame is a fundamental human emotion; however, its content and social functions vary significantly across cultural contexts. This paper identifies three core models of shame experience – East Asian (China, Japan), Western (USA), and Russian – and traces their genesis, conditioned by social organization, religious-philosophical traditions, and psychological attitudes. Using a comparative cultural analysis, differences are examined across four dimensions: forms of manifestation, triggers, coping strategies, and social functions. It is shown that the East Asian model is grounded in collective honour and group control, the Western model in individual conscience and self-actualization, and the Russian model combines spiritual repentance with communal responsibility. Contemporary convergence trends driven by globalization are also explored. The findings may serve as a theoretical basis for overcoming communication barriers in cross-cultural dialogue.

Keywords: shame culture; guilt culture; Eastern and Western civilizations; collectivism; individualism; cross-cultural differences; repentance; social emotions.

References

1. Lewis M. Shame: The Exposed Self. New York: Free Press, 1992. 270 p.

2. Benedict R. Khrizantema i mech: modeli yaponskoi kul'tury [The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture]. Transl. by M.N. Kornilov, E.M. Lazareva, V.G. Nikolaev. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 2013. 256 p. (In Russ.)

3. Creighton M.R. Revisiting Shame and Guilt Cultures: A Forty-Year Pilgrimage. Ethos, 1990, vol. 18, no. 3, pp. 279–307.

4. Tangney J.P., Dearing R.L. Shame and Guilt. New York: Guilford Press, 2002. 272 p.

5. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation. Psychological Review, 1991, vol. 98, no. 2, pp. 224–253.

6. Shiller A.V. Rol' emotsii viny i styda v metodologii issledovanii sotsial'nykh emotsii [The Role of Guilt and Shame Emotions in the Methodology of Social Emotions Research]. Filosofskaya mysl', 2021, no. 4, pp. 11–25. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.4.33716. (In Russ.)

7. Danilova Yu.N. Universalii "sovest'", "vina" i "styd" v refleksii russkoi filosofii [The Universals "Conscience", "Guilt" and "Shame" in Russian Philosophical Reflection]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, no. 17 (346), pp. 141–145. (In Russ.)

8. Bogdanova L.I. "Kul'tura styda" i "kul'tura viny": ot F.M. Dostoevskogo do nashikh dnei ["Shame Culture" and "Guilt Culture": From F.M. Dostoevsky to the Present Day]. In: Lingua et vita (Gertsenovskie chteniya): sb. nauch. st. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2023, pp. 1–12. (In Russ.)

9. Bedford O. The Individual Experience of Guilt and Shame in Chinese Culture. Culture & Psychology, 2004, vol. 10, no. 1, pp. 29–52.

10. Danilova Yu.N. Vina i styd v kul'turakh Zapada, Rossii i Vostoka: dis. … kand. filos. nauk [Guilt and Shame in the Cultures of the West, Russia, and the East: PhD Thesis]. Omsk, 2016. 192 p. (In Russ.)

11. Gornaeva S.V. Empiricheskii analiz perezhivaniya chuvstv viny i styda: sotsiokul'turnye osobennosti [Empirical Analysis of Guilt and Shame Experience: Sociocultural Specificities]. Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (SISP), 2013, no. 9 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskiy-analiz-perezhivaniya-chuvstv-viny-i-styda-sotsiokulturnye-osobennosti (accessed 10.08.2026). (In Russ.)

12. Volkova Ya.A. Leksikograficheskii analiz nominantov kontsepta "styd" [Lexicographic Analysis of Nominees of the Concept "Shame"]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (RULB), 2023, no. 9 (45). DOI: 10.18454/RULB.2023.45.10. (In Russ.)

13. Sznycer D., Takemura K., Delton A.W., Sato K., Robertson T., Cosmides L., Tooby J. Cross-Cultural Differences and Similarities in Proneness to Shame: An Adaptationist and Ecological Approach. Evolutionary Psychology, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 352–370.

14. Dzhenkova E.A. Kontsepty "styd" i "vina" v russkoi i nemetskoi lingvokul'turakh: dis. … kand. filol. nauk [The Concepts "Shame" and "Guilt" in Russian and German Linguistic Cultures: PhD Thesis]. Volgograd, 2005. 225 p. (In Russ.)

15. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills: Sage, 1980. 475 p.

Удовлетворенность трудовой деятельностью в оценке работников разного возраста: социологический анализ

Алексеева Екатерина Александровна,
кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: alekaterin@yandex.ru

Анучина Ольга Васильевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: socio-olga@mail.ru

В статье описаны теоретико-методологические основы изучения труда и удовлетворенности им как сложным социально-психологическим образованием. Представлены результаты социологического исследования, проведенного количественным методом опроса – анкетированием (n=1270). Выявлена структурная и содержательная специфика удовлетворенности трудом. Выделены 7 основных трудовых критериев и проанализированы особенности удовлетворенности ими работниками в разрезе возрастной дифференциации (до 30 лет, 30–40 лет, 40–50 лет и старше 50). Раскрыт волнообразный характер уровня удовлетворенности работой в зависимости от принадлежности к определенной возрастной группе. Произведен обзор материалов исследований о влиянии возраста на удовлетворенность трудом, в которых обнаружены как линейная положительная, отрицательная, так и не линейная связи. Сравнительный анализ выявил различия в оценках респондентов удовлетворенных работой между поколениями, внутри молодежных групп и в предпенсионном возрасте.

Ключевые слова: удовлетворенность, удовлетворенность работой, наемные работники, трудовая деятельность, работа, трудовой эйджизм, возрастной диапазон трудовой удовлетворенности, трудоустройство, карьерное продвижение, возрастные стереотипы трудового поведения, трудовая мотивация, взаимоотношения работника и работодателя, комфортные трудовые отношения, экологичное трудоустройство, качество трудовой жизни.

Введение

Почти треть своей жизни человек проводит за работой: раскрывается через трудовую деятельность как личность, реализует свой физический и умственный потенциал, используя полученные ранее навыки и знания, приобретает новые, достигает поставленных целей. Однако, на сегодняшний день, в трудовой деятельности, которая выступает значимой частью жизни человека, происходят колоссальные трансформационные изменения: появляются новые профессии, масштабируются нестандартные форматы занятости, развиваются свободные, прекарные трудовые отношения; низкий уровень безработицы сочетается с массовым дефицитом кадров. Прошедшая ковидная пандемия и продолжающаяся СВО изменила половозрастную структуру рабочей силы, на рынок труда выходит молодое цифровое поколение, которое имеет иные трудовые ценности и жизненные цели. Происходящие изменения затрагивают и работодателя: происходит перестроение организации труда, системы мотивации, процессов развития и удержания персонала. Как следствие, меняются отношения работника и работодателя, требования работодателя зачастую не совпадают с ожиданием работников.

Основным маркером оценки взаимоотношений работника и работодателя, неким индикатором субъективного благополучия отдельных индивидов является показатель удовлетворенности трудовой деятельностью.

Постановка проблемы

На сегодняшний день удовлетворенность трудом является междисплинарным концептом: психологи рассматривают удовлетворенность в контексте эмоционально-психического состояния человека, его переживаний и настроений, экономисты на основании оценок удовлетворенности трудом прогнозируют организационно-кадровую мобильность, социологи рассматривают удовлетворенность трудом как субъективное отношение работника к своей деятельности, ее условиям и результатам.

Оценка удовлетворенности трудом зародилась в контексте изучения организационно-производственных факторов, одним из ее основоположников выступил основатель научной организации труда Ф. Тейлор. Согласно его методике, организационно-технологические и социально-психологические факторы мотивации труда способствуют повышению производительности [4, С. 19]. Другой исследователь, Ф. Герцберг провел целый ряд исследований в поисках факторов, оказывающих наибольшее влияние на удовлетворенность трудом и предложил теорию мотивации, согласно которой удовлетворенность зависит от двух групп факторов: гигиенических, которые оценивают заработную плату, физические условия труда, отношения в коллективе, график работы и т.д. и мотивационных, к которым относятся: содержание труда, его результат, степень автономности, признания и другие, смысловые и статусные аспекты. Важным положением двухфакторной модели Герцберга выступает заключение, что гигиенические факторы влияют на уровень неудовлетворенности и могут спровоцировать сменяемость кадров, а мотивационные – на уровень удовлетворенности и способствуют повышению производительности. Э. Мэйо добавил к существующим исследованиям, что наряду с условиями труда, способами его организации и стимулирования, удовлетворенность трудом и его производительность будет выше, при комфортных межличностных взаимоотношениях, включающих в себя стиль руководства и неформальные нормы и правила, сложившиеся в организации [4, 8, 1].

В отечественной социологии для оценки уровня удовлетворенности работой традиционно использовались массовые опросы, одно из первых исследований на эту тему представлено в 60-е годы XX века в работе В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова «Человек и его работа» [11].

Понятие удовлетворенности трудовой деятельностью является основным маркером оценки взаимоотношений работника и работодателя, неким индикатором субъективного благополучия отдельных работников и имеет в своей основе две переменные: объективную реальность работы и ее субъективное восприятие работником [5]. Субъективное восприятие обусловлено рядом социально-демографических факторов, основным среди которых является возраст. Работники одного возрастного диапазона находятся на одном жизненном периоде и обладают схожим накопительным эффектом предшествующих эта-

пов: образовательных траекторий, семейных обстоятельств, экономических кризисов. Особо важное значение для субъективного восприятия внешней среды имеет время выхода на рынок труда: стабильное или кризисное; когорты, начинающие трудовую деятельность в схожих условиях, имеют схожие оценки трудовой деятельности на всем ее протяжении [14, С. 5].

На сегодняшний день молодые люди являются наиболее желаемыми работниками практически во всех профессиональных областях, работодателя привлекает высокая адаптивность молодых людей, организационная гибкость, стремление к профессиональному развитию, однако молодежь в значительной степени тяготеет к негарантированным, прекарным формам трудовых отношений, вынуждая работодателя предлагать наиболее выгодные условия [12, С. 117].

Согласно исследованиям последних лет среди работодателей присутствуют возрастные стереотипы, и работники старше среднего возраста сталкиваются с системными барьерами при трудоустройстве и карьерном продвижении. Возрастные маркеры служат механизмом исключения работника внутри компании, эффективность и «полезность» определяется не с учетом когнитивных или физических характеристик работников, а на основании культурных традиций и политических решений. Трудовой эйджизм, даже если человек физически способен трудиться, мешает ему планировать долгосрочную карьеру, что снижает его лояльность к работодателю и уровень удовлетворенности текущей работой [9, С. 15; 10].

Возрастное неравенство на рынке труда усиливает массовая цифровизация, цифровые технологии, распространяясь, снижают конкурентное преимущество тех, кто не владеет цифровыми компетенциями, чаще это женщины старшего возраста, еще больше маргинализируя старшую возрастную категорию.

Работники разных возрастов как представители разных поколений имеют различные мотивы и ценностные ориентации и их цели трудовой деятельности могут иметь значительные отличия. Цель данного исследования – количественно оценить уровень удовлетворенности работников разных возрастов трудовой деятельностью в целом и основными ее элементами.

Методы и материалы

Для целей данного исследования был использован массовый анкетный опрос, в котором приняли участие респонденты, находящиеся на момент опроса в трудовых отношениях не менее трех месяцев (n=1270). Возрастной состав выборочной совокупности представлен следующим образом: молодёжь до 30 лет: 17,4%; работники в возрасте от 30 до 39 лет: 36,3%, в возрасте от 40 до 49 лет: 31,9%, респонденты старше 50 лет: 14,3%.

В рамках данного исследования рассматривалась удовлетворенность семью основными критериями: оборудованием и материалами, санитарно-бытовыми условиями, функциональными обязанностями, графиком и интенсивностью работы, финансовыми и карьерными перспективами, отношениями с руководством и отношениями с коллегами. Удовлетворенность работой рассматривалась как основная зависимая переменная, которая формировалась на основании ответов респондентов на вопрос «Насколько вы удовлетворены…». Ответы на данный вопрос включали четыре уровня оценки: «полностью удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «полностью не удовлетворен», а также вариант «затрудняюсь ответить».

В социологической науке структуру удовлетворенности трудом обычно представляют следующими элементами: удовлетворенность производственной ситуацией; удовлетворенность статусом; удовлетворенность организацией труда; удовлетворенность функциональным содержанием труда, то есть социальными, психологическими и психофизиологическими факторами. На основании полученных нами данных оценивалась как общая удовлетворенность работой, так и удовлетворенность различными аспектами трудовой деятельности, в том числе в разрезе возрастной дифференциации респондентов.

Результаты и обсуждения

При рассмотрении ответов «полностью удовлетворен» и «частично удовлетворен» как положительную удовлетворенность, можно наблюдать достаточно высокий уровень удовлетворенности среди респондентов всех возрастов по всем критериям: максимальный в части отношений с коллегами – 96%, минимальный в отношении графика и интенсивности работы – 88%. Даже такой традиционно низкий критерий, как «удовлетворенность перспективами материального и карьерного роста», находится на достаточно высоком уровне – 89%. Однако, ответ «частично удовлетворен» скорее является компромиссным, вынужденным и не является полностью идентичный варианту «полностью удовлетворен».

Доля ответов «полностью удовлетворен» основными трудовыми критериями колеблется от 27,7% (удовлетворенность финансовыми и карьерными перспективами) до 76,1% (удовлетворенность отношениями с коллегами). Однако, не корректно рассматривать исключительно данный вариант ответов и полностью исключать из оценки вариант «частично удовлетворен», в связи с этим вариант «частично удовлетворен» целесообразнее рассмотреть с коэффициентом 0,5. В таком случае диапазон удовлетворенности составляет от 49,8% относительно финансовых и карьерных перспектив до 86% в части отношений с коллегами, при средней общей удовлетворенности 71,9% (рис. 1).

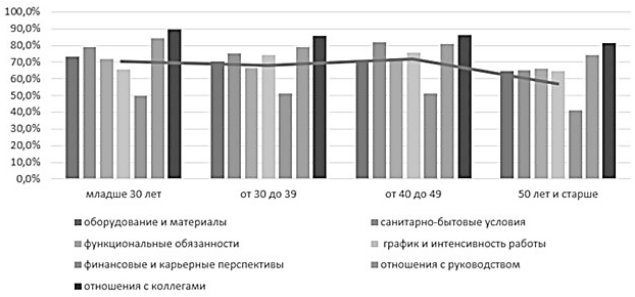

Рис. 1. Удовлетворенность основными трудовыми критериями в разрезе возрастной дифференциации (2026 г.)

При рассмотрении возрастной дифференциации средней удовлетворенности всех аспектов наиболее высокие оценки дали работники в возрасте от 40 до 49 лет (74,2%), почти столько – молодые респонденты в возрасте до 30 лет (73,4%), затем в возрасте от 30 до 39 лет (71,8%) и наиболее низкая удовлетворенность у работников старше 50 лет.

Если отдельно рассматривать удовлетворенность трудовой деятельностью поколения сорокалетних работников, то можно отметить, что, помимо того, что эта категория работников имеет самую высокую общую удовлетворенность, сорокалетние работники наименее «требовательные» среди всех возрастных категорий. То есть респонденты в возрасте от 40 до 49 лет имеют самые высокие оценки удовлетворенности основными трудовыми критериями: «функциональными обязанностями» (72,4% при среднем 69%), «графиком и интенсивностью работы» (75,5% при среднем 72,1%), «санитарно-бытовыми условиями» (81,8% при среднем 76,4%) и «финансовыми и карьерными перспективами» (51,4% аналогично с респондентами в возрасте от 30 до 39 лет при среднем 49,8%).

Молодежь до 30 лет чаще своих более старших коллег удовлетворены имеющимися «оборудованием и материалами» (73,4% при 70,2% в среднем по выборке), а также межличностными отношениями – «отношениями с коллегами» и «отношениями с руководством» (89,8% и 84,4% при средних значениях по выборке в 86% и 89,6% соответственно).

Характеризуя уровень удовлетворенности работников старшего возраста, можно отметить, что их ответы противоположны молодым респондентам: пятидесятилетние имеют самый низкий уровень удовлетворенности по тем же трудовым аспектам, где молодежь показала высокие результаты: «оборудованием и материалами» (64,5% при 70,2% в среднем по выборке), а также межличностными отношениями – «отношениями с коллегами» и «отношениями с руководством» (81,5% и 74,2% соответственно). Кроме того, характеризуя отношения к различным аспектам трудовой деятельности работники старшего возраста чаще были негативно-категоричны в своих высказываниях и выбирали вариант «полностью не удовлетворен»: так, например, в оценке санитарно-бытовых условий вариант «полностью не удовлетворены» выбрали 9,7% опрошенных старшего возраста, при 4% в среднем по выборке; в оценке графика и интенсивности работы вариант «полностью не удовлетворен» выбрали 8,1% при среднем значении в выборке 1,8%, в оценке отношений с руководством вариант «полностью не удовлетворен» выбрали 4,8% при среднем по выборке 1,5%.

Также интересен факт, что в ответах респондентов старшего возраста значительно больше доля респондентов, которые выбрали вариант «затрудняюсь ответить» в оценке удовлетворенности различными аспектами трудовой деятельности. Если среди молодежи такой вариант полностью отсутствует во всех семи критериях, среди двух поколений среднего возраста в среднем по 2%, то среди пятидесятилетних в среднем 8% респондентов выбрали данный вариант. К примеру, в оценке удовлетворенности функциональными обязанностями вариант «затрудняюсь ответить» выбрали 11,3% работников старшего возраста, при среднем значении в выборке 3,8%.

То есть молодежь имеет более конкретные представления о своих предпочтениях в сфере труда, тогда как старший возраст в большей

степени демонстрирует черты равнодушия по отношению к основным аспектам трудовой деятельности.

Выводы

Анализируя удовлетворенность работой респондентов различных возрастов, можно отметить, что ее уровень является волнообразным, с видимыми подъемами в молодом возрасте до 30 лет и затем в сорокалетнем возрасте до 50 лет. Высокая удовлетворенность этих двух возрастных групп, с учетом дуальности рассматриваемого концепта, говорит либо о низких субъективных притязаниях, либо о объективно хороших условиях. Если детально рассматривать молодых работников, где самая большая разница между высокой межличностной удовлетворенностью (отношениями с коллегами и отношениями с руководством) и средней удовлетворенностью основным аспектами, можно предположить, что удовлетворенность базируется именно на межличностных отношениях. То есть молодежь собственными высокими оценками уровня удовлетворенности демонстрирует доверие к работодателю и к окружающим коллегам.

Сорокалетних работников, имеющих самую высокую среднюю удовлетворенность, можно назвать наименее требовательными, т.к. именно у респондентов этого возраста самые высокие оценки санитарно-бытовыми условиями. Сорокалетние работники, вышедшие на рынок труда на рубеже веков, в период трудовых беспорядков, на сегодняшний день больше, чем их коллеги другого возраста удовлетворены имеющейся работой и созданными там условиями.

Спады, соответственно, можно наблюдать у тридцатилетних и окончательное снижение в предпенсионном возрасте. Тридцатидетние демонстрируют спад удовлетворенности, после воодушевления молодости наступает реальная оценка.

Наиболее низкие показатели удовлетворенности вместе с равнодушием демонстрируют работники предпенсионного возраста.

В ходе ряда исследований были получены схожие результаты, например, [3, С. 317; 13], в которых доказано, что удовлетворенность работой изменяется с возрастом по форме, напоминающей подкову («U»-образная связь). Подчеркнем противоречивость результатов исследований о влиянии возраста на удовлетворенность трудом, подтверждающих, что зависимость не прямая и определяется спецификой каждой возрастной группы в контексте конкретного рабочего места [6, С. 65], в конкретной профессии [2, С. 422], сфере деятельности, регионе [15] и т.д.

Таким образом, удовлетворенность трудом как составляющий элемент качества трудовой жизни и важнейший компонент трудовой мотивации на фоне трансформации рынков, глобальных экономических шоков, новых технологий является актуальнейшим направлением исследования. Работодателям следует обратиться к более индивидуализированным траекториям развития карьеры для сотрудников, исходя не только из степени их опыта, стажа, имеющихся навыков, но и социально-демографических факторов, поскольку только человекоцентричная организация может быть наиболее конкурентоспособной.

Литература

1. Алексеева, Е.А. Отношение россиян к труду и занятости в современных условиях: специфика поколений / Е.А. Алексеева // Переустройство мира: исследования (в) новой реальности: Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 25–27 мая 2023 года. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. – С. 154–159.

2. Анучина, О.В. Социально-этические аспекты применения ИТ в управлении на примере удаленных сотрудников (по материалам социологического опроса сотрудников Казанского (Приволжского) федерального университета / О.В. Анучина // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 421–424.

3. Вередюк О.В. Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 306–323.

4. Жуйкова М.А. Удовлетворенность трудом как объект социологического изучения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2014. – № 1. – С. 18–21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-trudom-kak-obekt-sotsiologicheskogo-izucheniya-1 (дата обращения: 06.04.2026).

5. Запольская А.В. Удовлетворенность работой в мире // Вестник науки и образования. – 2015. – № 6 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-rabotoy-v-mire (дата обращения: 05.04.2026).

6. Иванова Т.Ю. Социально-демографические и организационные факторы удовлетворённости трудом / Т.Ю. Иванова, Е.И. Рассказова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. № 6. – С. 59–71.

7. Кочнева Е.М., Никитина А.А. Гендерные особенности удовлетворенности трудом в периоды ранней и средней взрослости // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-udovletvorennosti-trudom-v-periody-ranney-i-sredney-vzroslosti (дата обращения: 06.04.2026).

8. Лысова Е.А. Анализ подходов к понятию удовлетворенности трудом // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 12 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-podhodov-k-ponyatiyu-udovletvorennosti-trudom (дата обращения: 06.04.2026).

9. Саралиева, З.Х. Персонал старшего возраста как человеческий капитал современной компании: условия, возможности, ограничения / З.Х. Саралиева, Л.Н. Захарова // Персонал старшего возраста как человеческий капитал современного общества: условия, возможности, ограничения: Сборник материалов дискуссионной площадки VI Всероссийского социологического конгресса, Санкт-Петербург, 09 декабря 2021 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – С. 4–16.

10. Смирных Л.И. Удовлетворенность работой. Кто выигрывает: стабильные или мобильные работники? // WP15/2008/02. – М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 52 с.

11. Солодовникова О.Б., Малькова Е.Е. Исследование удовлетворенности преподавателей своей работой: концептуальная рамка для России // Социологический журнал. – 2023, Том 29. – № 4. – С. 56–76.

12. Alekseeva, E.A. Employees in the labor market: social specifics of generations / E.A. Alekseeva // 30 мая 2023 года, 2023. – P. 116–122.

13. Clark A.E., Oswald A.J. Satisfaction and comparison income // Journal of Public Economics. – 1996. Vol. 61. – № 3. – P. 359–381. URL: https://www.sci-hub.ru/10.1016/0047–2727(95)01564–7 (дата обращения: 05.06.2026).

14. Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course. Springer, 2003. P. 3–19. URL: https://doi.org/10.1007/978–0–306–48247–2_1 (дата обращения: 15.05.2026).

15. The transformation of social relations as a drive toward the integration of value-oriented systems / L. Gaisina, A. Tagibova, R. Ayupov [et al.] // Veredas do Direito. – 2026. – Vol. 23, No. 5. – P. e235638. URL: https://doi.org/10.18623/rvd.v23.5638 (дата обращения: 17.06.2026).

SATISFACTION WITH WORK IN THE ASSESSMENT OF EMPLOYEES OF DIFFERENT AGES: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Alekseeva E.A., Anuchina O.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article describes the theoretical and methodological foundations of the study of work and job satisfaction as a complex socio-psychological phenomenon. The results of a sociological study conducted using a quantitative survey method (n=1270) are presented. The structural and content-related specifics of job satisfaction are identified. Seven main work criteria are identified, and the features of job satisfaction among employees are analyzed in terms of age differentiation (under 30 years old, 30–40 years old, 40–50 years old, and over 50 years old). The article reveals the wave-like nature of job satisfaction levels depending on the age group. It provides a review of research on the impact of age on job satisfaction, which reveals both linear positive, negative, and non-linear relationships. A comparative analysis reveals differences in the assessments of job satisfaction among generations, within youth groups, and in the pre-retirement age.

Keywords: satisfaction, job satisfaction, employees, work, labor ageism, age range of job satisfaction, employment, career advancement, age-related stereotypes of labor behavior, labor motivation, employee-employer relations, comfortable labor relations, sustainable employment, quality of work life

References

1. Alekseeva, E.A. Attitudes of Russians to Work and Employment in Modern Conditions: Specifics of Generations / E.A. Alekseeva // Restructuring the World: Research (in) the New Reality: Proceedings of the XIII International Sociological Grushin Conference, Moscow, May 25–27, 2023. – Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion, 2023. – P. 154–159.

2. Anuchina, O.V. Social and ethical aspects of using IT in management using remote employees as an example (based on a sociological survey of employees of Kazan (Volga Region) Federal University) / O.V. Anuchina // Sociology in a changing world: theory, practice, education: Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 35th anniversary of sociological education in Russia, St. Petersburg, November 14–16, 2024. – St. Petersburg: Skifiya-print LLC, 2024. – Pp. 421–424.

3. Veredyuk O.V. Quality of youth employment in Russia: analysis of job satisfaction assessments // Public opinion monitoring: Economic and social changes. – 2018. – No. 3. – Pp. 306–323.

4. Zhuikova M.A. Job satisfaction as an object of sociological study // Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy." – 2014. – No. 1. – P. 18–21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-trudom-kak-obekt-sotsiologicheskogo-izucheniya-1 (date of access: 06.04.2026).

5. Zapolskaya A.V. Job satisfaction in the world // Bulletin of science and education. – 2015. – No. 6 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-rabotoy-v-mire (date of access: 05.04.2026).

6. Ivanova T. Yu. Socio-demographic and organizational factors of job satisfaction / T. Yu. Ivanova, E.I. Rasskazova // Psychological journal. – 2013. – Vol. 34. No. 6. – P. 59–71.

7. Kochneva E.M., Nikitina A.A. Gender Features of Job Satisfaction in Early and Middle Adulthood // The World of Science. Pedagogy and Psychology. – 2019. – No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-udovletvorennosti-trudom-v-periody-ranney-i-sredney-vzroslosti (accessed: 06.04.2026).

8. Lysova E.A. Analysis of Approaches to the Concept of Job Satisfaction // Bulletin of Science and Practice. – 2017. – No. 12 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-podhodov-k-ponyatiyu-udovletvorennosti-trudom (date of access: 06.04.2026).

9. Saralieva, Z. Kh. Older personnel as human capital of a modern company: conditions, opportunities, limitations / Z. Kh. Saralieva, L.N. Zakharova // Older personnel as human capital of a modern society: conditions, opportunities, limitations: Collection of materials from the discussion platform of the VI All-Russian Sociological Congress, St. Petersburg, December 9, 2021. – Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2022. – Pp. 4–16.

10. Smirnykh, L.I. Job satisfaction. Who wins: stable or mobile workers? // WP15/2008/02. – M.: HSE, 2008. – 52 p.

11. Solodovnikova O.B., Malkova E.E. A study of teachers' satisfaction with their jobs: a conceptual framework for Russia // Sociological Journal. – 2023, Vol. 29. – No. 4. – Pp. 56–76.

12. Alekseeva, E.A. Employees in the labor market: social specifics of generations / E.A. Alekseeva // May 30, 2023, 2023. – Pp. 116–122.

13. Clark A.E., Oswald A.J. Satisfaction and comparison income // Journal of Public Economics. – 1996. Vol. 61. – No. 3. – Pp. 359–381. URL: https://www.sci-hub.ru/10.1016/0047–2727(95)01564–7 (access date: 06/05/2026).

14. Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course. Springer, 2003, pp. 3–19. URL: https://doi.org/10.1007/978–0–306–48247–2_1 (access date: 05/15/2026).

15. The transformation of social relations as a drive toward the integration of value-oriented systems / L. Gaisina, A. Tagibova, R. Ayupov [et al.] // Veredas do Direito. – 2026. – Vol. 23, No. 5. – P. e235638. URL: https://doi.org/10.18623/rvd.v23.5638 (accessed: 17.06.2026).

Психолого-педагогические условия реализации ценностно-смыслового компонента профориентационной работы в образовательной среде новых регионов

Богдан Марина Сергеевна,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко»
E-mail: psihologmarina@yandex.ru

Статья отражает результаты аналитической обработки результатов отечественных психолого-педагогических исследований о ценностно-смысловом аспекте профессионального самоопределения учащихся. Рассмотрены значение данного компонента для профориентационного процесса, специфика психолого-педагогического обеспечения выбора профессии и осуществление профориентации на территории новых субъектов РФ. По результатам исследования литературных источников построена структура функциональной модели психолого-педагогического обеспечения – целевой блок; методология; содержание и технология; результаты. Установлено, что результативность в области профориентации достигается за счет комплексности профориентационной работы, воспитательной работы и психолого-педагогического сопровождения процесса становления профессиональных интересов (мотивация), ценностей труда, субъектности, готовности к сознательному выбору профессии.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; ценностно-смысловой компонент; профориентационная работа; психолого-педагогические условия; образовательная среда; новые регионы Российской Федерации; профессиональная идентичность; субъектная позиция; профессиональная мотивация; единое образовательное пространство.

Введение

Современная система образования Российской Федерации рассматривает профессиональное самоопределение обучающихся как одно из приоритетных направлений государственной образовательной политики, ориентированной на подготовку личности, способной к осознанному профессиональному выбору, социальной ответственности и созидательной деятельности. При этом профориентация становится не просто информационным обеспечением по миру профессий, а комплексной психолого-педагогической деятельностью для формирования профессионального самоопределения, мотивации труда и ценностей профессионального выбора. Проблема особенно остро стоит в системе образования новых субъектов РФ – при создании целостного образовательного пространства необходима интеграция образовательной, воспитательной и социокультурной деятельности по обеспечению полноценной социализации учащихся и развитию у них готовности к трудовой самодеятельности.

Анализ отечественных исследований свидетельствует о высокой степени разработанности проблемы профессионального самоопределения в трудах И.В. Бузуновой, И.В. Исмагиловой, Т.М. Коньшиной, Т.В. Королевой, Н.С. Пряжникова, Т.Ю. Садовниковой, Е.П. Сичинского, С.Н. Чистяковой и других исследователей. Однако большинство исследований рассматривают лишь отдельные элементы работы по профориентации; проблема ценностно-смыслового компонента профессионального самоопределения (особенно на материале образовательного пространства новых регионов РФ) исследована слабо. Отсюда вытекает противоречие между необходимостью развития у обучающихся системы ценностно-смысловых ориентиров для успешного профессионального самоопределения через образовательную практику и отсутствием достаточно полного комплекта психолого-педагогических условий её реализации.

Цель исследования – провести анализ отечественных психолого-педагогических работ по проблеме ценностно-смыслового компонента, имеющего значения для процесса профессионального самоопределения; сформировать модель психолого-педагогических условий реализации ценностно-смыслового компонента профориентационной деятельности в условиях образования на территории новых субъектов РФ. Методология исследования включала в себя системный, ценностный, личностно-ориентированный, субъект-деятельностный, средовой подходы. В работе использованы методы анализа, синтеза, сравнения, систематизации и научного обобщения отечественных исследований, а также проблемно-тематический анализ научной литературы, позволивший выделить основные направления исследований и разработать авторскую структурно-функциональную модель психолого-педагогических условий реализации ценностно-смыслового компонента профориентационной работы.

Изложение основного материала

Современные психолого-педагогические исследования рассматривают профессиональное самоопределение как многоуровневый процесс, охватывающий не только выбор профессии, но и становление личности, формирование ее профессиональной идентичности, жизненных смыслов и системы ценностных ориентаций. Анализ отечественной научной литературы свидетельствует о постепенном переходе от понимания профориентации как совокупности информационно-консультативных мероприятий к ее рассмотрению в качестве непрерывного процесса личностного развития обучающегося, обеспечивающего осознанное проектирование профессионального будущего. Подобная трансформация научных представлений обусловила возрастающий интерес исследователей к ценностно-смысловому компоненту профессионального самоопределения, который в современных работах рассматривается как системообразующий фактор устойчивости профессионального выбора.

Обобщение исследований Н.В. Асафьевой, А.К. Белоусовой, И.Г. Бозиной, И.Г. Брониловой, И.В. Бузуновой, И.В. Исмагиловой, Т.М. Коньшиной, Н.С. Пряжникова, Т.Ю. Садовниковой, Д.А. Фролова и других исследователей позволяет заключить, что профессиональное самоопределение представляет собой непрерывный процесс осмысления личностью собственного места в системе общественного разделе-

Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2026–0022)

ния труда, основанный на согласовании индивидуальных интересов, способностей и жизненных целей с общественными потребностями [1; 4; 6; 7; 12]. Уровень устойчивости профессиональной ориентации зависит от степени сформированности ценностно-смыслового компонента личности (обеспечивает понимание социального смысла трудовой деятельности; формирование субъектности); возможности самостоятельного построения своего профессионального будущего, принятия решений по выбору профессии [7].

Анализ исследований И.В. Исмагиловой, Т.М. Коньшиной, Т.Ю. Садовниковой, А.К. Белоусовой, И.Г. Бозиной, И.В. Бузуновой и С.А. Шапкиной позволяет заключить, что устойчивость профессионального самоопределения определяется сформированностью ценностно-смысловой сферы личности, обеспечивающей осознанное соотнесение жизненных целей, личностных ценностей и профессиональных перспектив. По мнению исследователей, именно ценностно-смысловой компонент объединяет профессиональные мотивы, субъектную позицию, профессиональную идентичность и готовность к ответственному выбору образовательной и профессиональной траектории, выступая внутренним механизмом формирования устойчивой профессиональной мотивации и осознанного профессионального выбора [2; 3; 4; 6; 7; 14].

Обобщение отечественных исследований показывает, что профессиональное самоопределение рассматривается как непрерывный процесс личностного развития, вследствие чего современная профориентационная работа трансформируется от информационно-диагностической модели к комплексной системе психолого-педагогического сопровождения, направленной на развитие ценностно-смысловой сферы, субъектности, профессиональной идентичности и внутренней мотивации обучающихся в условиях формирования единого образовательного пространства Российской Федерации.

Проведенное аналитическое обобщение исследований И.В. Бузуновой, О.В. Зникиной, И.В. Исмагиловой, Т.В. Королевой, Т.М. Коньшиной, Т.Н. Пазухиной, Н.С. Пряжникова, Т.Ю. Садовниковой, Е.П. Сичинского, Н.В. Сухоруких, М.В. Шакуровой и других исследователей показывает, что современная профориентационная работа развивается в направлении перехода от разовых профориентационных мероприятий к системе непрерывного психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся. По мнению Т.В. Королевой и Е.П. Сичинского, ее эффективность определяется не объемом информации о профессиях, а созданием условий для развития профессиональной мотивации, рефлексии, субъектной активности и ответственности за профессиональный выбор посредством диагностики, консультирования, профессиональных проб и анализа индивидуальных образовательных маршрутов, что обеспечивает готовность обучающихся к осознанному проектированию собственного профессионального будущего [4; 5; 7; 8; 10; 11; 13].

Исследования И.В. Бузуновой, И.В. Исмагиловой, Т.М. Коньшиной, Н.С. Пряжникова, Т.Ю. Садовниковой позволили сделать вывод о том, что профориентация в настоящее время строится по личностному и субъект-деятельностному подходу (обучаемый является субъектом деятельности по профессиональному самоопределению). По мнению исследователей, ее эффективность обеспечивается созданием образовательной среды, способствующей развитию субъектной позиции, внутренней профессиональной мотивации и способности к самостоятельному проектированию профессионального будущего, при этом педагог выполняет функцию психолого-педагогического сопровождения, а не директивного выбора профессии [4; 6; 7].

В то же время работы О.В. Зникиной, Т.Н. Пазухиной, Н.В. Сухоруких, М.В. Шакуровой показывают, что профориентация входит в систему воспитания образовательного учреждения и успешно реализуется только через объединение учебно-воспитательного процесса с развитием личности ребенка, сотрудничество семьи, предприятий (организаций), учреждений образования и иных субъектов социальной защиты населения. Данная форма полисубъектного взаимодействия способствует выработке ценностных установок на труд, профориентационной направленности и рациональному проектированию индивидуального образовательного и карьерного пути учеников [5; 9; 11; 13].

Анализ исследований А.Р. Аракелян, И.В. Бузуновой, В.В. Пашкевич, Е.П. Сичинского, В.И. Тарлавского, М.В. Шакуровой и показывает, что эффективность современной профориентационной работы определяется качеством полисубъектной образовательной среды, объединяющей образовательную организацию, семью, работодателей и других социальных партнеров, обеспечивающей профессиональные пробы, проектную деятельность и осмысление обучающимися собственного профессионального будущего [4; 10; 13]. Обобщение результатов исследований позволяет сделать вывод о переходе от информационно-диагностической модели профориентации к комплексному психолого-педагогическому сопровождению, основанному на признании обучающегося активным субъектом профессионального самоопределения, интеграции профориентационной, воспитательной и развивающей деятельности, а также организации сетевого взаимодействия, обеспечивающего формирование ценностно-смысловой сферы личности, устойчивой профессиональной мотивации и готовности к осознанному проектированию индивидуальной образовательной и профессиональной траектории.

Таким образом, анализ отечественных исследований свидетельствует о становлении новой парадигмы профориентационной работы, основанной на интеграции психолого-педагогического сопровождения, воспитательной деятельности, субъектно-деятельностного подхода и развивающей образовательной среды. В современных условиях формирования единого образовательного пространства Российской Федерации, особенно в новых регионах, профессиональное самоопределение рассматривается не только как выбор профессии, но и как процесс формирования гражданской идентичности, социальной ответственности, уважительного отношения к труду и готовности к профессиональной самореализации. Это позволяет рассматривать ценностно-смысловой компонент в качестве системообразующего элемента профориентационной работы, определяющего устойчивость профессионального выбора и выступающего теоретической основой разработки модели психолого-педагогических условий его реализации в образовательной среде новых регионов Российской Федерации.

На основе проведенного нами аналитического обобщения работ А.Р. Аракеляна, И.В. Бузуновой, А.К. Белоусовой, И.Г. Бозиной, О.В. Зникиной, И.В. Исмагиловой, Т.В. Королевой, Т.М. Коньшиной, В.В. Пашкевича, Т.Н. Пазухиной, Н.С. Пряжникова, Т.Ю. Садовниковой, Е.П. Сичинского, Н.В. Сухоруких, В.И. Тарлавского, М.В. Шакуровой и др., можно отметить ряд сопряженных характеристик осуществления ценностно-смыслового аспекта профориентации в условиях образования новых субъектов РФ. По мнению современных исследователей, происходит переход от рассмотрения профориентации как отдельной формы работы по развитию личности к интеграции её в систему воспитания для создания идеологических ценностей, моральных принципов, трудовой этики. Согласно мнению вышеуказанных исследователей, речь о профессиональном выборе идет только тогда, когда человек видит в нем возможность для самореализации, помощи людям, развития личности – поэтому нужно объединять работу по профориентации с образованием и воспитанием (особенно актуально это для новых территорий РФ), так как самоопределение по профессии связано с социальной адаптацией, гражданским сознанием, включением в единую систему образования страны.

Обобщение исследований И.В. Бузуновой, И.В. Исмагиловой, Т.М. Коньшиной, Н.С. Пряжникова и Т.Ю. Садовниковой позволяет сделать вывод, что устойчивость профессионального самоопределения определяется уровнем субъектной активности личности. Исследователи рассматривают обучающегося как активного субъекта профессионального развития, способного самостоятельно анализировать собственные интересы, возможности, жизненные цели и профессиональные перспективы, а роль педагога связывают с созданием психолого-педагогических условий для осознанного профессионального выбора [4; 6; 7].

В контексте образования для новых территорий России актуальна проблема развития субъектности – она помогает развивать у обучающихся внутреннюю мотивацию к самоорганизации образовательного и профессионального пути, социальной адаптации, подготовке к будущей трудовой и профессиональной деятельности. Субъектность в образовании – это способность человека самостоятельно организовывать свое обучение, выбирать направление развития, брать на себя ответственность за результаты и строить свою жизнь осознанно.

Проведенный анализ исследований показывает, что одним из ключевых направлений современной профориентационной работы является формирование у обучающихся устойчивого ценностного отношения к труду. По мнению А.Р. Аракелян, А.К. Белоусовой, И.Г. Бозиной, В.В. Пашкевич, Е.П. Сичинского, В.И. Тарлавского и М.В. Шакуровой, осознание социальной значимости труда способствует развитию профессиональной мотивации, профессиональной идентичности и готовности к ответственному выполнению профессиональных обязанностей, рассматривая труд как средство самореализации личности, проявления гражданской ответственности и участия в развитии общества [2; 3; 10; 12; 13].

В связи с этим содержание профориентационной работы должно быть ориентировано на раскрытие социальной значимости профессиональной деятельности, формирование уважительного отношения к труду и расширение круга субъектов психолого-педагогического

сопровождения профессионального самоопределения обучающихся за счет активного взаимодействия образовательных организаций с семьей, работодателями и другими социальными партнерами.

Анализ исследований показывает, что эффективность профориентационной работы определяется полисубъектным взаимодействием образовательной организации с семьей, работодателями, учреждениями профессионального образования, органами государственной власти и общественными организациями, обеспечивающими согласованность воспитательных воздействий, расширение возможностей профессиональных проб и формирование реалистичных представлений о профессиональной деятельности. Для новых регионов Российской Федерации особое значение имеет сочетание единых федеральных подходов с учетом региональных социально-экономических, историко-культурных и кадровых особенностей, что позволяет объединить ресурсы различных социальных институтов, согласовать профессиональные интересы обучающихся с потребностями развития региона и обеспечить их осознанное профессиональное самоопределение.

На основе проведенного аналитического обобщения психолого-педагогических исследований по проблеме были выделены следующие условия реализации ценностно-смыслового компонента профориентационной деятельности в образовательном пространстве новых регионов РФ – создание субъектно-деятельностной позиции обучающегося; формирование ценности труда; построение полисубъектных отношений с учетом локально-региональной специфики и сохранения целостности образовательного пространства страны. Исследования А.Р. Аракелян, И.В. Бузуновой, И.В. Исмагиловой, Т.В. Королевой, Т.М. Коньшиной, В.В. Пашкевич, Н.С. Пряжникова, Т.Ю. Садовниковой, Е.П. Сичинского, В.И. Тарлавского, М.В. Шакуровой [4; 6; 7; 8; 10; 13] и других авторов подтверждают, что устойчивость профессионального самоопределения обеспечивается не отдельными профориентационными мероприятиями, а комплексным психолого-педагогическим сопровождением, что обусловило разработку представленной далее авторской модели реализации ценностно-смыслового компонента профориентационной работы в образовательной среде новых регионов Российской Федерации (рис. 1). Модель носит структурно-функциональный характер и отражает взаимосвязь целей, методологических оснований, психолого-педагогических условий, механизмов реализации и ожидаемых результатов.

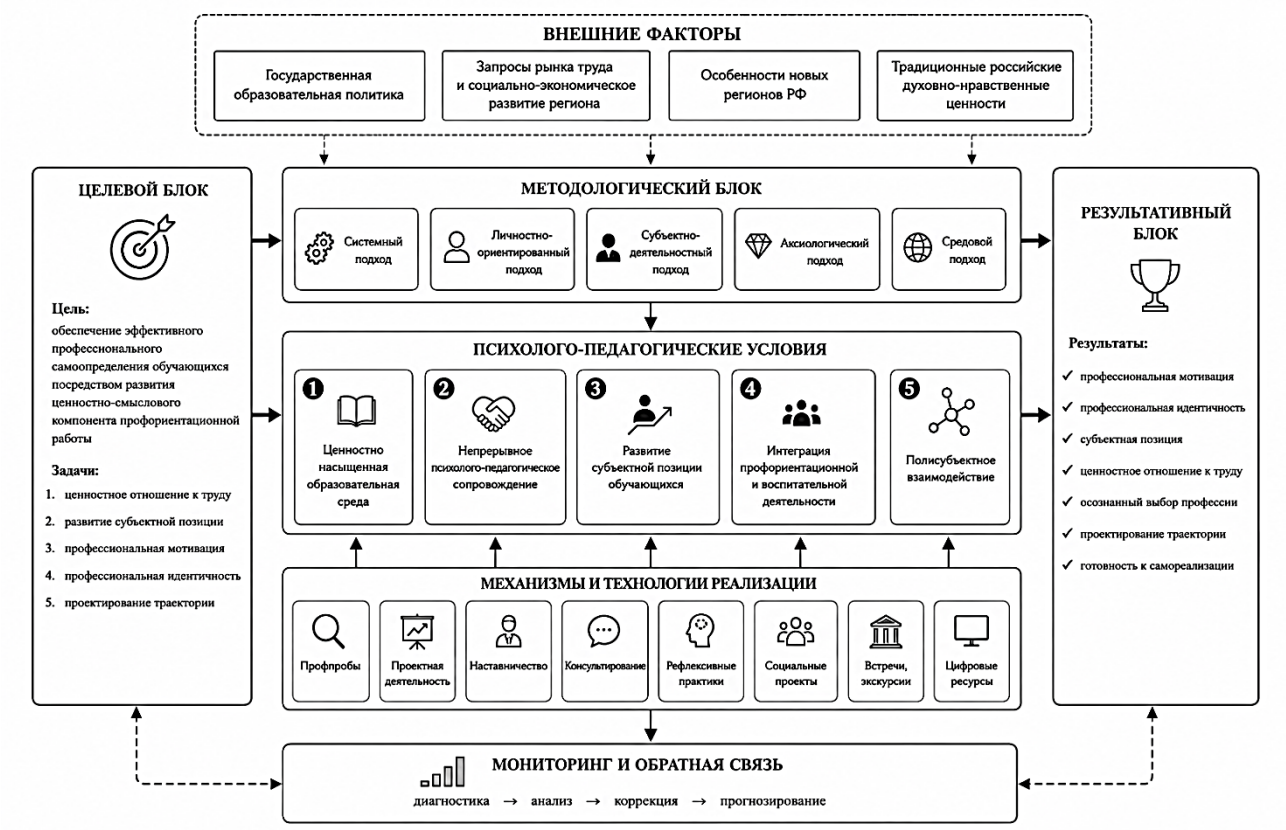

Рис. 1. Модель психолого-педагогических условий реализации ценностно-смыслового компонента профориентационной работы в образовательной среде новых регионов Российской Федерации

Стратегической целью модели является обеспечение эффективного профессионального самоопределения обучающихся посредством развития ценностно-смыслового компонента профориентационной работы в условиях формирования единого образовательного пространства Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели предусматривается решение следующих задач: формирование ценностного отношения к труду и профессиональной деятельности; развитие субъектной позиции обучающихся; формирование устойчивой профессиональной мотивации; развитие профессиональной идентичности; осознанное проектирование индивидуальной образовательной и профессиональной траектории.

Следует отметить, что представленная система целей отражает современные представления отечественных исследователей о профессиональном самоопределении как процессе личностного развития, а не только выбора будущей профессии.

Методологическую основу модели составляют взаимодополняющие научные подходы: системный; личностно-ориентированный; субъектно-деятельностный; аксиологический; средовой. Взаимодействие данных систем дает возможность говорить о профессиональном самоопределении в аспекте сопряжения личностных ресурсов субъекта с системой образования для формирования у обучающегося ценностных установок, профориентационного интереса и социальной активности.

На основе аналитического обобщения исследований выделен комплекс взаимосвязанных психолого-педагогических условий.

Первое условие – формирование ценностно-ориентированного пространства образования. Сущность этого условия заключается в том, что необходимо интегрировать ценностное содержание в учебный процесс, воспитание и ориентацию на профессию. Ценностно-смысловое пространство должно способствовать формированию у обучающихся понимания социального значения профессии; значение труда для развития человека и общества; положительное отношение к профессиональному самоопределению.

Второе условие – создание условий для системной психолого-педагогической поддержки в процессе профориентации. Психолого-педагогическое сопровождение направлено на проведение диагностики; индивидуальную и групповую консультацию; профпробы; рефлексию; формирование умений к самопознанию и проектированию своего профессионального пути. Педагог и педагог-психолог осуществляет сопровождение выбора профессии обучающимся, а не выбор за обучающегося.

Третье условие – формирование субъектности у учащихся. Условие обеспечивает выработку навыка самостоятельного принятия решений, самоанализа своих возможностей, прогнозирования карьерного пути, а также ответственности за определение своего дальнейшего образования и профессии. Для его реализации используются активные формы и методы обучения; проектная работа; решение задач профориентации; проведение профпроб.

Четвертое условие – сочетание профориентации с работой по воспитанию личности. Самоопределение в сфере профессии является элементом воспитания человека. В связи с этим работа по профориентации должна включать помимо знания о профессиях еще и развитие чувства долга перед трудом, общественного сознания, гражданственности, стремления к службе народу, развитию родного края.

Пятое условие – формирование полисубъектности. Успешное функционирование ценностно-смыслового аспекта достигается через взаимодействие образовательного учреждения с родителями, предприятиями, колледжами, университетами, центрами профориентации, профессиональными ассоциациями и властными структурами. Данное сотрудничество дает возможность интегрировать потенциал социально-воспитательных и учебно-образовательных учреждений для создания условий непрерывного профориентационного сопровождения учащихся.

Практическая реализация модели предполагает использование комплекса взаимодополняющих педагогических технологий: профессиональных проб; проектной и исследовательской деятельности; наставничества; профориентационного консультирования; дискуссионных и рефлексивных технологий; социально значимых проектов; экскурсий и встреч с представителями профессионального сообщества; цифровых образовательных ресурсов, обеспечивающих сопровождение профессионального самоопределения.

Комплексное применение перечисленных механизмов позволяет обеспечить единство образовательного, воспитательного и развивающего компонентов профориентационной деятельности.

Ожидаемым результатом реализации модели является сформированность ценностно-смыслового компонента профессионального самоопределения обучающихся, проявляющаяся в: устойчивой профессиональной мотивации; сформированной профессиональной идентичности; развитой субъектной позиции; ценностном отношении к труду; готовности к осознанному профессиональному выбору; способности самостоятельно проектировать индивидуальную образовательную и профессиональную траекторию; готовности к профессиональной самореализации в условиях развития новых регионов Российской Федерации.

Таким образом, предложенная модель представляет собой результат аналитического обобщения современных отечественных исследований и интегрирует наиболее значимые положения, раскрывающие психолого-педагогические механизмы формирования ценностно-смыслового компонента профессионального самоопределения. Ее отличительной особенностью является объединение воспитательных, психологических и профориентационных ресурсов образовательной среды в единую систему, ориентированную на сопровождение профессионального самоопределения обучающихся в условиях формирования единого образовательного пространства Российской Федерации. Предложенная модель может служить теоретико-методологической основой для проектирования и совершенствования профориентационной работы в образовательных организациях новых регионов Российской Федерации.

Заключение

Проведенное исследование позволило осуществить аналитическое обобщение современных отечественных психолого-педагогических исследований, посвященных проблеме профессионального самоопределения обучающихся, и определить место ценностно-смыслового компонента в структуре профориентационной работы. Проведенное теоретико-методологическое исследование показывает изменение взглядов на профориентацию – от чисто информационно-диагностического подхода к психолого-педагогическому сопровождению процесса становления личности ученика как субъекта, развитию у него профессиональной самоидентификации, субъектности, способности планировать свое будущее по выбору профессии.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что стабильность в выборе профессии зависит от наличия у человека ценностно-смыслового компонента его личности – это дает возможность человеку делать сознательный выбор по профориентации; формировать внутреннюю потребность трудиться; гармонизировать свои личные планы относительно профессии с интересами общества. Отсюда вытекает задача системной организации профориентации через сочетание психолого-педагогического сопровождения; воспитательной работы; личностного и субъект-деятельностного подхода; полисубъектного взаимодействия; создание развивающего образовательного пространства. Для новых регионов РФ данный принцип имеет особое значение – он позволяет обучающимся не просто выбрать профессию, а интегрироваться в общество, стать социально ответственным гражданином, развивать чувство любви к Родине и стремиться реализовать себя как профессионал на благо своего края, государства. [4; 6; 7; 8; 10; 13].

Научная новизна исследования заключается в разработке модели психолого-педагогических условий реализации ценностно-смыслового компонента профориентационной работы в образовательной среде новых регионов Российской Федерации, созданной на основе аналитического обобщения современных отечественных исследований. В отличие от других данная модель объединяет ценностно-смысловое формирование личности; психолого-педагогическое сопровождение; воспитание; субъектность обучающихся; ресурсное обеспечение образовательного пространства для успешного профориентационного выбора. Разработанная модель дополняет теоретическую и методическую базу по вопросам организации профориентационной деятельности на территориях новых регионов РФ, является основой для последующей опытно-экспериментальной проверки и оценки результативности.

Литература

1. Асафьева, Н.В., Боронилова, И.Г. Ценностно-смысловые ориентации и проблема осмысленности профессионального выбора современных студентов психолого-педагогических направлений / Н.В. Асафьева, И.Г. Боронилова // Научное обозрение. – 2020. – № 6. – С. 65–69.
2. Белоусова, А.К. Формирование готовности обучающихся к выбору профессии в образовательном пространстве региональной системы образования: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Анастасия Константиновна Белоусова. – Абакан, 2019. – 318 с.
3. Бозина, И.Г., Хвалевко, Н.Г. Особенности профессиональной ориентации обучающихся региона / И.Г. Бозина, Н.Г. Хвалевко // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2015. – № 4 (20). – С. 162–165.
4. Бузунова, И.В. Активизирующий системный подход в современной профориентационной работе: проектирование системы профессионального самоопределения / И.В. Бузунова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 7–15.
5. Зникина, Л.С., Пономарева, Е.В. Современные тенденции развития профориентационной работы с обучающимися / Л.С. Зникина, Е.В. Понамарева // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2024. – № 3 (55). – С. 74–81. – DOI 10.54509/22203036_2024_3_74. – EDN WVTCMM.
6. Исмагилова, И.В. Формирование смысло-ценностных основ профессионального самоопределения студентов ССУЗ: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореферат диссертации … кандидата педагогических наук / Исмагилова Инна Викторовна; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2006. – 21 с.
7. Коньшина, Т.М., Пряжников, Н.С., Садовникова, Т.Ю. Личная профессиональная перспектива современных российских старших подростков: ценностно-смысловой аспект / Т.М. Коньшина, Н.С. Пряжников, Т.Ю. Садовникова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – № 3 – С. 37–59.
8. Королева, Т.В. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения обучающихся: отношение и готовность педагогов / Т.В. Королева // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2021. – № 4 (44). – С. 136–144. – DOI: 10.54509/22203036_2021_4_136.
9. Пазухина, С.В. Новые формы организации профориентационной работы в классах психолого-педагогической направленности / С.В. Пазухина // Живая психология. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 125–131. – DOI: 10.58551/24136522_2023_10_3_125.
10. Сичинский, Е.П. Профессиональное самоопределение молодежи: ценностно-ориентационный контекст / Е.П. Сичинский // Инновационное развитие профессионального образования. – 2016. – № 2(10). – С. 9–12.
11. Сухоруких, И.А., Коваль Л.В. Модель оптимизации психолого-педагогического и организационно-управленческого сопровождения процесса профессионального самоопределения учащейся молодежи Воронежского региона / И.А. Сухоруких, Л.В. Коваль // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология: сб. науч. тр. – Ялта: РИО ГПА, 2017. – Вып. 56, ч. 10. – С. 195–200.
12. Фролов, Д.А. Исследование ценностно-смыслового компонента профессионального самоопределения старшеклассников /

Д.А. Фролов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). – С. 703–705. – URL: https://moluch.ru/archive/571/125330.

13. Шакурова, М.В., Пашкевич, В.В., Аракелян, А.Р., Тарлавский В.И. Целевые установки моделирования профориентационной работы в системе образования региона / М.В. Шакурова, В.В. Пашкевич, А.Р. Аракелян, В.И. Тарлавский // Science for Education Today. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 90–112. – DOI: 10.15293/2658-6762.2205.06.

14. Шапкина, С.А. Система работы по организации сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в образовательной среде МОУ СОШ № 54 – Ресурсного центра / С.А. Шапкина. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). – Т. 0. – Уфа: Лето, 2013. – С. 101–105. – URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/97/4353.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR IMPLEMENTING THE VALUE AND MEANINGFUL COMPONENT OF PROFESSIONAL GUIDANCE IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF NEW REGIONS

Bogdan M.S.
Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko

The article presents the results of an analytical synthesis of Russian psychological and pedagogical studies devoted to the value-semantic component of students' professional self-determination. Based on the analysis of contemporary scientific approaches, the study reveals the place and role of this component within the structure of career guidance and summarizes research on the psychological and pedagogical support of career choice, the development of students' agency, professional identity, value orientations, and work motivation. Particular attention is paid to the specific features of career guidance in the educational environment of the new regions of the Russian Federation within the process of establishing a unified educational space. Based on the analysis of the scientific literature, a structural and functional model of the psychological and pedagogical conditions for implementing the value-semantic component of career guidance has been developed. The model includes target, methodological, content-technological, and outcome-oriented blocks. The findings demonstrate that the effectiveness of students' professional self-determination is ensured through the integration of career guidance, educational, and psychological-pedagogical activities aimed at developing sustainable professional motivation, a value-based attitude toward work, students' agency, and readiness for informed career choice.

Keywords: professional self-determination; value-semantic component; career guidance; psychological and pedagogical conditions; educational environment; new regions of the Russian Federation; professional identity; subject position; professional motivation; unified educational space.

References

1. Asafyeva, N.V., Boronilova, I.G. Value-semantic orientations and the problem of the meaningfulness of professional choice of modern students of psychological and pedagogical directions / N.V. Asafyeva, I.G. Boronilova // Scientific review. 2020. № 6. Pp. 65–69.

2. Belousova, A.K. Formation of students' readiness to choose a profession in the educational space of the regional education system: dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.01 / Anastasia Konstantinovna Belousova. – Abakan, 2019. – 318 p.

3. Bozina, I.G., Khvalevko, N.G. Features of professional orientation of students in the region / I.G. Bozina, N.G. Khvalevko // Vocational education in Russia and abroad. – 2015. – № 4 (20). – Pp. 162–165.

4. Buzunova, I.V. Activating system an approach in modern career guidance work: designing a system of professional self-determination / I.V. Buzunova // Humanitarian and pedagogical research. – 2017. – Vol. 1, № 2. – Pp. 7–15.

5. Znikina, L.S., Ponomareva, E.V. Modern trends in the development of career guidance work with students / L.S. Znikina, E.V. Ponamareva // Vocational education in Russia and abroad. – 2024. – № 3 (55). – Pp. 74–81. – DOI 10.54509/22203036_2024_3_74. – EDN WVTCMM.

6. Ismagilova, I.V. Formation of the semantic and value foundations of professional self-determination of students of secondary school: specialty 13.00.01 «General pedagogy, history of pedagogy and education»: abstract of the dissertation… Candidate of Pedagogical Sciences / Inna Viktorovna Ismagilova; Tyumen State University. – Tyumen, 2006. – 21 p.

7. Konshina, T.M., Pryazhnikov, N.S., Sadovnikova, T.Y. Personal professional perspective of modern Russian senior teenagers: value-semantic aspect / T.M. Konshina, N.S. Pryazhnikov, T.Y. Sadovnikova // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. – 2018. – № 3 – Pp. 37–59.

8. Koroleva, T.V. Pedagogical support of professional self-determination of students: the attitude and willingness of teachers / T.V. Koroleva // Vocational education in Russia and abroad. – 2021. – № 4 (44). – Pp. 136–144. – DOI: 10.54509/22203036_2021_4_136.

9. Pazukhina, S.V. New forms of organization of career guidance in classes of psychological and pedagogical orientation / S.V. Pazukhina // Living psychology. – 2023. – Vol. 10, № 3. – Pp. 125–131. – DOI: 10.58551/24136522_2023_10_3_125.

10. Sichinsky, E.P. Professional self-determination of youth: a value-oriented context / E.P. Sichinsky // Innovative development of vocational education. – 2016. – № 2(10). – Pp. 9–12.

11. Sukhorukikh, I.A., Koval, L.V. A model for optimizing psychological, pedagogical, organizational and managerial support for the process of professional self-determination of students in the Voronezh region / I.A. Sukhorukikh, L.V. Koval // Problems of modern pedagogical education. Ser.: Pedagogy and Psychology: collection of scientific tr. – Yalta: RIO GPA, 2017. – Issue 56, part 10. – Pp. 195–200.

12. Frolov, D.A. A study of the value-semantic component of professional self-determination of high school students / D.A. Frolov. – Text: direct // Young scientist. – 2025. – № 20 (571). – Pp. 703–705. – URL: https://moluch.ru/archive/571/125330

13. Shakurova, M.V., Pashkevich, V.V., Arakelyan, A.R., Tarlavsky V.I. Target settings for modeling career guidance in the education system of the region / M.V. Shakurova, V.V. Pashkevich, A.R. Arakelyan, V.I. Tarlavsky // Science for Education Today. – 2022. – Vol. 12, № 5. – Pp. 90–112. – DOI: 10.15293/2658-6762.2205.06.

14. Shapkina, S.A. The system of work on the organization of support for professional self–determination of students in the educational environment of the MOE Secondary School № 54 – Resource Center / S.A. Shapkina. – Text: direct // Actual issues of modern pedagogy: proceedings of the IV International Scientific Conference (Ufa, November 2013). – Vol. 0. – Ufa: Summer, 2013. – Pp. 101–105. – URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/97/4353 .

Конкуренция и выживание – стратегии атомизации академических работников в России и Китае

Ван Цань,
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассматриваются процессы атомизации академических работников в России и Китае в условиях усиления конкуренции за ресурсы и позиции в системе высшего образования и науки. На основе сравнительного анализа институциональных условий выделяются общие для обеих стран тренды: рост публикационной нагрузки, внедрение показателей эффективности (KPI), индивидуализация ответственности за результаты научной деятельности. Автор показывает, что в российском контексте атомизация часто принимает форму вынужденной изоляции и защиты личного рейтинга, тогда как в Китае она дополняется стратегиями «академического выживания» через гиперспециализацию и участие в крупных проектах под жёстким административным контролем. Делается вывод, что, несмотря на различия в управленческих традициях, в обеих странах происходит трансформация профессиональной идентичности: от коллективной научной школы – к фрагментированной индивидуальной карьере. Предлагаются понятия «конкурентной уязвимости» и «стратегической самодисциплины» как ключевых механизмов адаптации работников к атомизированной среде.

Ключевые слова: атомизация академических работников, конкуренция, стратегии выживания, Россия, Китай, академическая идентичность, KPI, публикационная активность, индивидуализация ответственности, сравнительный анализ институциональных условий.

Введение

Современные системы высшего образования и науки сталкиваются с глобальными вызовами: усилением конкуренции, внедрением количественных показателей эффективности и переносом ответственности за результаты на отдельных исследователей [1]. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в России и Китае, при всех различиях управленческих традиций, наблюдается ускоренная атомизация академических работников, которая пока недостаточно осмыслена в сравнительной перспективе. Проблема заключается в том, что атомизация затрагивает не только организационную структуру, но и профессиональную идентичность, стратегии карьерного поведения и механизмы адаптации.

Цель работы – выявить общие и особенные стратегии атомизации академических работников в России и Китае, а также определить ключевые механизмы адаптации к усилению конкуренции. Для этого решаются следующие задачи: сравнительный анализ институциональных условий в обеих странах; описание основных форм атомизации (вынужденная изоляция в России, гиперспециализация под административным контролем в Китае); анализ трансформации идентичности от научной школы к индивидуальной карьере; введение понятий «конкурентной уязвимости» и «стратегической самодисциплины» как адаптационных механизмов.

Объектом исследования выступает академическое сообщество России и Китая – научно-педагогические работники университетов и исследовательских институтов. Предметом являются стратегии поведения и адаптации этих работников, возникающие в ответ на атомизацию среды. Обе страны выбраны для сравнения потому, что, несмотря на различия, они демонстрируют сходную динамику повышения конкурентоспособности университетов, сопровождающуюся ужесточением требований к индивидуальной продуктивности и ослаблением корпоративных солидарностей.

Структура работы строится вокруг сравнительной логики: анализ российского и китайского контекстов, сопоставление стратегий, типология адаптационных механизмов и обсуждение последствий. Такой подход позволяет зафиксировать текущее состояние и выйти на прогнозирование изменений в профессиональной культуре, что делает исследование актуальным как для сравнительной социологии образования, так и для управленческой практики.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на интеграции качественных и количественных исследовательских стратегий. Эмпирическую основу образуют 2 категории источников: во-первых, нормативно-правовые акты и статистические данные (ведомственные отчёты министерств образования, положения о показателях эффективности, регламенты аттестации); во-вторых, вторичные данные международных сравнительных исследований и библиометрические базы.

Основной метод – сравнительный институциональный анализ, дополненный контент-анализом документов. Индуктивно выделены ключевые адаптационные механизмы – «стратегическая самодисциплина» и «конкурентная уязвимость». Для достоверности применялась триангуляция данных. Ограничения: языковой барьер при анализе китайских источников и фокус преимущественно на ведущих университетах, что сужает возможности экстраполяции, но обеспечивает контрастность выявляемых закономерностей.

Результаты и обсуждение

Проведённый анализ позволяет выделить три сквозных тренда, характерных для обеих стран, – рост публикационной нагрузки, ужесточение KPI-требований и индивидуализацию ответственности, – однако конкретные формы атомизации и адаптационные стратегии демонстрируют значительные различия, обусловленные институциональными контекстами [2].

В российском сегменте атомизация принимает преимущественно форму вынужденной изоляции. Респонденты описывают ситуацию, когда каждый сотрудник «замкнут» на собственном рейтинговом профиле – числе статей в журналах из перечня ВАК или Scopus, объёме

финансирования и количестве аспирантов, доведённых до защиты. [3, 4] Институциональная логика такова: кафедра как коллективный субъект утрачивает хозяйственные и статусные функции, уступая место персональным контрактам и индивидуальным планам [5]. Характерно, что при этом горизонтальные кооперации сокращаются – совместные заявки и публикации воспринимаются как риск размывания личного вклада, особенно когда система оценки не учитывает распределение авторского участия в полной мере. Возникает феномен «защитного цитирования» – ссылки на коллег становятся скорее формальным жестом, чем содержательным диалогом [6]. В интервью часто звучит метафора «общего коридора, где каждый идёт со своим счётчиком», что отражает утрату корпоративной солидарности. Однако механизмы адаптации здесь довольно однотипны – это стратегическая самодисциплина: жёсткий тайм-менеджмент, сегментирование рабочего дня на «публикационные окна» и «административную рутину», а также сознательное избегание долгосрочных проектов с неопределённым результатом [4, 7].

В китайском контексте картина иная. Атомизация здесь дополняется стратегиями гиперспециализации и участия в крупных проектах под жёстким административным контролем. В отличие от России, где преобладают индивидуальные гранты малого объёма, в Китае доминируют мега-гранты, распределяемые по конкурсным программам (например, «973» или «863») [8], и даже рядовые исследователи вовлечены в них как исполнители узких задач. Это создаёт парадоксальный эффект: формально сотрудник включён в большой коллектив, но его реальная роль предельно фрагментирована – он отвечает лишь за свой микроучасток, не видя общей картины [9]. Административный контроль проявляется в регулярной отчётности по этапам проекта, что порождает высокую степень стресса и постоянную мобилизацию. При этом конкурентная среда подстёгивается политикой «публикация или гибель», особенно остро действующей в университетах категории «двойной первый класс», где ежегодные квоты на статьи в журналах JCR Q1/Q2 жёстко привязаны к продлению контракта [10]. Ответной стратегией становится гиперспециализация – исследователь сознательно сужает свой тематический круг до тех ниш, где он может обеспечить стабильный поток публикаций, избегая междисциплинарных рисков. Кроме того, наблюдается активное использование «стратегической видимости» – демонстрация лояльности административным приоритетам и участие в ритуальных активностях (совещания, проверки), что позволяет снизить административное давление на содержательную часть работы [5].

Общие для обеих стран черты проявляются прежде всего в трансформации профессиональной идентичности. Классическая модель «научной школы» – с вертикальной преемственностью, длительной апробацией результатов и коллективным обсуждением – уступает место фрагментированной индивидуальной карьере, где успех измеряется количеством пунктов в отчёте, а не вкладом в развитие дисциплины [2, 11]. Это порождает так называемую конкурентную уязвимость – состояние перманентной неустойчивости, при котором даже относительно успешный сотрудник постоянно ощущает угрозу потери позиции из-за изменений в рейтинговых формулах или смещения приоритетов финансирования. В качестве типичного примера можно привести ситуацию, когда публикация в «правильном» журнале неожиданно теряет вес, и весь накопленный за год рейтинг обесценивается – респонденты с обеих сторон отмечают это как один из сильнейших факторов выгорания [12].

Сравнительный анализ условий в обеих странах позволяет свести ключевые различия в следующую таблицу, где выделены основные параметры институциональной среды и соответствующие стратегии атомизации (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика параметров научно-исследовательской деятельности в России и Китае

Параметр сравнения	Россия	Китай
Тип проектного финансирования	Индивидуальные гранты	Крупные мега-гранты
Основной объект отчётности	Персональный профиль (статьи, цитирования)	Выполнение этапов проекта
Форма атомизации	Вынужденная изоляция	Гиперспециализация
Реальная кооперация	Слабая, совместные публикации сокращаются	Формально высокая, реально фрагментирована
Механизм адаптации	Стратегическая самодисциплина	Стратегическая видимость + гиперспециализация
Характер конкуренции	Индивидуализированная, угроза рейтингу	Институционализированная, условие контракта

Источник: составлено автором по [5; 9; 11]

Из таблицы видно, что главное различие лежит в плоскости масштаба и способа распределения ресурсов: в российской системе сотрудник «одинок» даже внутри кафедры, поскольку ключевые метрики привязаны к нему лично [13]; в китайской системе его «включают» в большую структуру, но затем дробят ответственность до микроуровня, что по сути порождает ту же атомизацию, только облечённую в форму коллективной отчётности. Важно подчеркнуть, что в обоих случаях происходит разрыв между формальным членством в организации и реальной включённостью в смысловое академическое сообщество [14].

Обсуждая последствия, можно выделить несколько негативных эффектов. Во-первых, снижается качество научной работы – погоня за количественными показателями ведёт к росту «синдрома салями» (дробление результатов на минимальные порции), а также к увеличению доли компилятивных текстов, особенно заметному в гуманитарных областях [7]. Во-вторых, разрушается межпоколенческая передача знаний – молодые учёные, ориентированные с первых лет на выполнение KPI, реже вовлекаются в долгосрочные фундаментальные исследования и не приобретают навыков работы в режиме открытой дискуссии [15].

Вместе с тем обнаруживаются и некоторые ресурсные возможности, которые респонденты упоминают как вторичные выгоды атомизированной среды. Это, например, повышение персональной мобильности – сотрудник со «звёздным» профилем легче переходит в другой вуз или даже в зарубежный центр; развитие навыков самостоятельного проектного менеджмента; а также формирование более строгого самоконтроля, что в отдельных случаях ведёт к росту личной продуктивности [6]. Однако, как подчёркивают сами участники, эти плюсы достигаются ценой потери «академической свободы» в её классическом понимании – свободы выбирать темы, темп и формы работы без оглядки на формальные сроки и метрики.

Возвращаясь к исходным теоретическим позициям, мы интерпретируем описанные процессы как институционально опосредованную трансформацию профессиональной идентичности. В том случае, когда организация перестаёт быть «средой обитания» и превращается в «пункт сбора отчётов», работник вынужден переопределить свои ценности и ориентиры – часто не в сторону науки как призвания, а в сторону науки как работы по контракту [16]. Это, на наш взгляд, является ключевым итогом атомизации, независимо от национального контекста. Предложенные в исследовании концепты – «конкурентная уязвимость» и «стратегическая самодисциплина» – позволяют зафиксировать эту двойственную динамику: с одной стороны, уязвимость как постоянная угроза, с другой – дисциплина как единственный доступный инструмент самосохранения. При этом важно, что в китайском варианте самодисциплина дополняется стратегической видимостью, а в российском – уходом от избыточной кооперации, что отражает различия в административных культурах, но не меняет сути общего движения – от коллективного субъекта к атомизированному индивиду.

Таким образом, результаты свидетельствуют о том, что атомизация академических работников в России и Китае – это не случайный побочный эффект, а системный ответ на институциональные изменения, закреплённый в механизмах финансирования, оценивания и контрактных условиях. Выявленные различия в стратегиях не являются альтернативными моделями, скорее, они представляют собой локальные вариации единого глобального тренда, который в обеих странах ведёт к фрагментации научного сообщества и переформатированию профессиональной идентичности. Дальнейшие исследования целесообразно направить на углублённый анализ психосоциальных последствий атомизации, а также на поиск институциональных решений, способных сохранить баланс между индивидуальной продуктивностью и коллективной ответственностью – в том числе через реформирование системы оценки, стимулирование междисциплинарных проектов и восстановление горизонтальных коммуникаций.

Выводы

Подводя итог проведённому исследованию, можно утверждать, что процессы атомизации академических работников в России и Китае, несмотря на национальную специфику, имеют единую макротенденцию: переход от коллективных форм организации научной деятельности к индивидуализированным моделям ответственности, где ключевыми регуляторами выступают количественные показатели эффективности и конкурентное распределение ресурсов.

Прежде всего, подтверждается исходная гипотеза о том, что атомизация в российском контексте чаще реализуется через вынужденную изоляцию, когда исследователь оказывается «заперт» в собственном рейтинговом профиле, а горизонтальные кооперации ослабевают из-за опасений размыть личный вклад. В китайском контексте атомизация принимает иную форму – гиперспециализации в рамках крупных проектов, где сотрудник формально включён в большой коллектив, но его

ответственность предельно сужена, что приводит к такой же фрагментации идентичности при внешней видимости командной работы.

Наряду с этим, выделены два сквозных адаптационных механизма: стратегическая самодисциплина – жёсткое саморегулирование ради выполнения формальных требований, – и конкурентная уязвимость – состояние перманентной нестабильности из-за зависимости от меняющихся рейтинговых формул. В Китае самодисциплина дополняется «стратегической видимостью» – демонстрацией лояльности административным процедурам, тогда как в России доминирует тактика ухода от избыточной кооперации.

Важным результатом стала фиксация глубокой трансформации профессиональной идентичности: классическая модель «научной школы» уступает место фрагментированной индивидуальной карьере. Успех измеряется количеством пунктов в отчёте, что ведёт к «синдрому салями» – дроблению результатов на минимальные публикационные единицы – и снижению качества научной продукции. Разрушается межпоколенческая передача знаний, поскольку молодые учёные с первых лет ориентированы на сиюминутные метрики.

Сопоставление двух кейсов показывает, что различия в управленческих традициях не отменяют общей динамики. Мега-гранты и индивидуальные гранты, формальная кооперация и фактическая изоляция – это разные институциональные «упаковки» одного процесса: бюрократизации академической оценки, превращающей науку в совокупность измеримых операций. Итоговый эффект – атомизация – оказывается сопоставимым по социально-психологическим последствиям. Это говорит о системном кризисе академической среды институциональной природы. Атомизация порождает и некоторые возможности – повышение мобильности и навыки проектного менеджмента, – однако они достигаются ценой утраты академической свободы.

В заключение подчеркнём, что исследование фиксирует атомизацию как объективную реальность, сложившуюся под давлением реформ. Перспективы дальнейших исследований видятся в поиске институциональных решений, способных смягчить деструктивные эффекты – через реформирование KPI в сторону учёта коллективных результатов и восстановление горизонтальных коммуникаций. Только так можно сохранить баланс между продуктивностью и коллективной ответственностью – необходимым условием устойчивого развития науки.

Литература

1. Ерофеева И.В. Пандемия коронавируса в концептуальной сфере медиадискурса России и Китая: стратегия выживания / И.В. Ерофеева, Ю.В. Толстокулакова, А.В. Муравьёв // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. Т. 10, № 1. С. 78–93.

2. Han J.M. The Survival Strategy of Russia and Korea Focused on Siberia & Arctic // The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies. 2021. Т. 38. С. 15–23.

3. Стратегии самореализации и субъектные позиции академических мигрантов из Китая / Н.Г. Новак, М. Ван, А.Н. Захарова, Л.Г. Соболева // Обзор педагогических исследований. 2025. Т. 7, № 7. С. 56–62.

4. Уксусников П.Б. Конкуренция за глобальное лидерство: стратегии США и Китая в эпоху трансформации миропорядка // Вестник ученых-международников. 2025. № 1 (31). С. 71–83.

5. Ци Г. Дипломатическая стратегия Китая в условиях глобальной конкуренции (1991–2025) // Общество: философия, история, культура. 2026. № 3 (143). С. 224–230.

6. У Я. Индо-Тихоокеанская стратегия США в контексте конкуренции между США и Китаем: восприятие угрозы и структура альянса // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 2. С. 73–86.

7. Воронина А.В. Математическое моделирование стратегий удержания ключевых работников в условиях конкуренции работодателей / А.В. Воронина, С.И. Хасиева // Экономика и управление: проблемы, решения. 2026. Т. 7, № 4 (169). С. 13–22.

8. Astapov K.L. Implementation of Platforms' Strategy by Financial Companies in China and Russia / K.L. Astapov, Y. Liu // Administrative Consulting. 2020. № 8 (140). С. 112–122.

9. Фонотов А.Г. Сопоставление стратегий стран-лидеров разработки проблем искусственного интеллекта – США и Китая – со стратегией России / А.Г. Фонотов, А.М. Косычев // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 1. С. 12–31.

10. Субетто А.И. Россия как лидер ноосферной стратегии выживания человечества / А.И. Субетто, В.А. Шамахов // Ноосферные исследования. 2021. № 4. С. 5–16.

11. Зуляр Ю.А. Поворот России на Восток: тактика выживания или стратегия развития? / Ю.А. Зуляр, Р.Ю. Зуляр // Россия и АТР. 2025. № 2 (128). С. 205–220.

12. Овсянников А.А. Стратегии выживания российских домохозяйств в мировой пандемии: ресурсная база выживания // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2021. № 4. С. 31–37.

13. Ян Пу. Особенности обучения академическому пению в Китае и России: сравнительный анализ // Педагогическое образование. 2024. Т. 5, № 4. С. 161–165.

14. Жань Кэ. Эволюция стратегического партнерства России и Китая в Центральной Азии: динамика сотрудничества и конкуренции // Экономика и безопасность. 2025. № 11. С. 192–196.

15. Чжан В. Сотрудничество и конкуренция между Китаем, Россией и США: анализ на основе перспективы низкоуглеродного «зеленого» развития // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 3. С. 494–499.

16. Тан С. Индустриально-академическое партнёрство в профессиональном образовании: сравнительный анализ России и Китая / С. Тан, Ц. Ху // Вестник педагогических наук. 2025. № 7. С. 337–348.

COMPETITION AND SURVIVAL: STRATEGIES FOR THE ATOMIZATION OF ACADEMIC WORKERS IN RUSSIA AND CHINA

Wang Can
Saint Petersburg State University

This article examines the processes of atomization of academic workers in Russia and China amid intensifying competition for resources and positions in higher education and research. A comparative analysis of institutional conditions identifies trends common to both countries: an increase in publication workload, the introduction of performance indicators (KPIs), and the individualization of responsibility for scientific results. The author demonstrates that in the Russian context, atomization often takes the form of forced isolation and the protection of personal reputation, while in China it is complemented by strategies of "academic survival" through hyperspecialization and participation in large projects under strict administrative control. It is concluded that, despite differences in management traditions, both countries are experiencing a transformation of professional identity: from a collective scientific school to a fragmented individual career. The concepts of "competitive vulnerability" and "strategic self-discipline" are proposed as key mechanisms for workers' adaptation to an atomized environment.

Keywords: atomization of academic staff, competition, survival strategies, Russia, China, academic identity, KPI, publication activity, individualization of responsibility, comparative analysis of institutional conditions.

References

1. Erofeeva I.V. Coronavirus Pandemic in the Conceptual Sphere of Media Discourse in Russia and China: Survival Strategy / I.V. Erofeeva, Yu.V. Tolstokulakova, A.V. Muravyov // Issues of Theory and Practice of Journalism. – 2021. Vol. 10, No. 1. Pp. 78–93.

2. Han J.M. The Survival Strategy of Russia and Korea Focused on Siberia & Arctic // The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies. 2021. Vol. 38. Pp. 15–23.

3. Self-Realization Strategies and Subject Positions of Academic Migrants from China / N.G. Novak, M. Wang, A.N. Zakharova, L.G. Soboleva // Review of Pedagogical Research. 2025. Vol. 7, No. 7. Pp. 56–62.

4. Uksusnikov P.B. Competition for Global Leadership: US and Chinese Strategies in the Era of World Order Transformation // Bulletin of International Relations Scientists. 2025. No. 1 (31). Pp. 71–83.

5. Qi G. China's Diplomatic Strategy in the Context of Global Competition (1991–2025) // Society: Philosophy, History, Culture. 2026. No. 3 (143). Pp. 224–230.

6. Wu Ya. US Indo-Pacific Strategy in the Context of US-China Competition: Threat Perception and Alliance Structure // USA and Canada: Economy, Politics, Culture. 2022. No. 2. Pp. 73–86.

7. Voronina A.V. Mathematical modeling of key employee retention strategies in the context of employer competition / A.V. Voronina, S.I. Khasieva // Economy and Management: Problems, Solutions. 2026. Vol. 7, No. 4 (169). Pp. 13–22.

8. Astapov K.L. Implementation of Platforms' Strategy by Financial Companies in China and Russia / K.L. Astapov, Y. Liu // Administrative Consulting. 2020. No. 8 (140). Pp. 112–122.

9. Fonotov A.G. Comparison of the strategies of countries leading in the development of artificial intelligence problems – the USA and China – with the strategy of Russia / A.G. Fonotov, A.M. Kosychev // Science Management: Theory and Practice. 2026. Vol. 8, No. 1. Pp. 12–31.

10. Subetto A.I. Russia as the Leader of the Noospheric Strategy for Humanity Survival / A.I. Subetto, V.A. Shamakhov // Noospheric Studies. 2021. No. 4. Pp. 5–16.

11. Zulyar Yu.A. Russia's Turn to the East: Survival Tactics or Development Strategy? / Yu.A. Zulyar, R. Yu. Zulyar // Russia and the Asia-Pacific Region. 2025. No. 2 (128). Pp. 205–220.

12. Ovsyannikov A.A. Survival Strategies of Russian Households in the Global Pandemic: Resource Base for Survival // Russian Scientific Journal "Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research". 2021. No. 4. Pp. 31–37.

13. Yan Pu. Features of Academic Singing Teaching in China and Russia: A Comparative Analysis // Pedagogical Education. 2024. Vol. 5, No. 4. pp. 161–165.

14. Zhan Ke. The Evolution of the Russia-China Strategic Partnership in Central Asia: The Dynamics of Cooperation and Competition // Economy and Security. 2025. No. 11. pp. 192–196.

15. Zhang W. Cooperation and Competition between China, Russia, and the United States: An Analysis Based on the Prospects of Low-Carbon "Green" Development // Current Issues of Modern Economics. 2023. No. 3. pp. 494–499.

16. Tang S. Industrial-Academic Partnership in Vocational Education: A Comparative Analysis of Russia and China / S. Tang, Q. Hu // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2025. No. 7. P. 337–348.

Детерминанты динамики рождаемости в Республике Крым и направления демографического роста

Васильева Екатерина Николаевна,
доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСД ФНИСЦ РАН)
E-mail: vasilevaen@yandex.ru

Васильев Евгений Сергеевич,
кандидат экономических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской автономной некоммерческой организации «Институт «Царьград»
E-mail: evasilyevs@mail.ru

В статье анализируется динамика рождаемости в Республике Крым на основе официальных статистических данных. Цель исследования – выявление ключевых детерминант репродуктивного поведения и оценка структурных сдвигов в очередности рождений для обоснования приоритетов региональной семейно-демографической политики. Методология включает корреляционный анализ временных рядов показателей суммарного коэффициента рождаемости, возрастных коэффициентов, численности женщин репродуктивного возраста, брачности, разводимости и долговой нагрузки населения. Установлено устойчивое снижение рождаемости, особенно в сельской местности, на фоне роста среднего возраста матери при первых и вторых рождениях. Выявлены обратные связи между числом первых и вторых рождений, с одной стороны, и разводимостью, и долговой нагрузкой по жилищным кредитам – с другой. Структурный рост доли третьих и последующих рождений не компенсирует абсолютного падения первых двух очередностей рождений. Сделан вывод о необходимости укрепления региональной политики, направленной на поддержку материнства, профилактику разводов, снижение финансового бремени молодых семей и поддержку, населения, приживающего в сельской местности. Результаты исследования могут быть использованы при корректировке демографических стратегий на региональном уровне.

Ключевые слова: рождаемость; суммарный коэффициент рождаемости; брачность, разводимость, очередность рождений; численность населения; семейная и демографическая политика, Республика Крым.

Введение

Демографические индикаторы являются ключевыми в оценке достижения задач, поставленных в семейной и демографической политики, в Российской Федерации, поэтому особую актуальность приобретает анализ региональных особенностей воспроизводства населения для выработки адресных мер семейной и демографической политики. Региональная специфика демографического развития Республики Крым представляет собой важный объект исследования процессов воспроизводства населения. Предмет нашего исследования –динамика рождаемости в Республике Крым за 2016–2024 гг.

Рождаемость является основным показателем демографических процессов, воспроизводства населения, изменение рождаемости отслеживается по ряду показателей, в том числе числу рождений, суммарному коэффициенту рождаемости (СКР), возрастным коэффициентам рождаемости, специфике очередности рождений и т.д. На основе указанных показателей фиксируются основные демографические тренды, осуществляется поиск причин снижения рождаемости [10, с. 315], факторов отложенного рождения детей [8, с. 230], ставятся задачи по выявлению влияния социально-экономического неравенства на демографические изменения [9, с. 191].

Российские исследования, ориентированные на поиск детерминант рождаемости и реализации семейной и демографической политики, проводятся на федеральном [1, 3, 6] и региональном уровнях [3, 5]. С помощью кластерного анализа изучается региональные детерминанты демографических тенденций [2], выделяются кластеры регионов для уточнения перспектив роста рождаемости. Вопросам поиска инструментов для решения демографических задач посвящены актуальные работы российских ученых, которые анализируют динамику демографических показателей рождаемости, брачности и т.д. Остается актуальным вопрос определения факторов рождаемости в Республике Крым [5], таким образом, настоящее исследование продолжает традиции демографических исследований. Цель исследования – поиск детерминант рождаемости методом корреляционного анализа за период 2016–2024 гг. (численность населения, в том числе сгруппированная по поло-возрастным группам; СКР; число рождений; возрастные коэффициенты рождаемости; очередность рождений по возрасту матери; в том числе общий, по первым, вторым, третьим рождениям; среднедушевые денежные доходы населения, соотношение среднедушевого долга по кредитам к годовой зарплате и т.д.).

Результаты и обсуждение

В Республике Крым динамика изменения СКР (таблица 1) сопоставима с общероссийской – наблюдается постепенное снижение в городских и сельских территориях. Необходимо обратить внимание на более существенное падение СКР в сельской местности, т.к. на начало анализируемого периода СКР в сельской местности выше, с 2023 году – снижается, что обусловлено меньшей долей молодежи репродуктивного возраста в общей численности сельского населения (таблица 2), что указывает на необходимость реализации специальных программ поддержки сельской молодежи, формирования комфортной среды, экономической устойчивости и транспортной доступности сельских территорий.

Таблица 1. Суммарный коэффициент рождаемости в Республике Крым, 2016–2025 гг.

Год	Население в целом	Городское население	Сельское население
2016	1,750	1,67	2,06
2017	1,614	1,53	1,92
2018	1,603	1,606	1,598
2019	1,546	1,540	1,549
2020	1,552	1,509	1,594
2021	1,529	1,506	1,550
2022	1,436	1,426	1,442
2023	1,419	1,456	1,379

Окончание

Год	Население в целом	Городское население	Сельское население
2024	1,467	1,499	1,433
2025	1,464	1,485	1,441

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС

Динамика рождаемости зависит от численности женщин репродуктивного возраста (таблица 3), число которых снижается, как и их доля в общей численности женщин, что отражается на изменении возраста матери при рождении ребенка (таблица 4, данные доступны начиная с 2018 года). За последние 6 лет средний возраст матери достиг 29,1 года, что составило рост на 3,9%. Данные по очередности рождений показывают, что основные изменения возраста матери приходятся на первые и вторые рождения.

Таблица 2. Структура распределения населения, относящегося к молодежи (возраст 15–39 лет) по типу поселения в Республике Крым, на 1 января 2016–2025 гг., %

Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Доля молодежи: население в целом	33,3	32,9	32,5	32,0	31,6	31,2	30,9	30,8	30,4	30,0
Доля молодежи: Городское население	33,7	33,3	32,9	32,5	32,0	31,6	31,3	31,1	30,6	30,1
Доля молодежи: Сельское население	33,0	32,6	32,0	31,5	31,1	30,8	30,6	30,4	30,2	29,9

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС.

Таблица 3. Динамика изменения численности и среднего возраста женщин возрастной когорты 15–49 лет в Республике Крым, на 1 января 2016–2023 гг.

Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Динамика изменения 2016/2023
Численность женщин возрастной когорты 15–49 лет, тыс. чел.	439,6	438,5	437,4	436,1	436,3	434,2	436,5	432,4	-1,6%
Доля женщин возрастной когорты 15–49 лет в общей численности женского населения, %	42,6	42,3	42,1	41,9	41,9	41,8	42,1	42,0	-0,6 пп.
Средний возраст женщин возрастной когорты 15–49 лет, лет	33,1	33,3	33,5	33,6	33,7	33,8	33,9	33,9	2,4%

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС.

Таблица 4. Средний возраст матери при рождении ребенка в Республике Крым, в том числе, в разрезе очередности рождений, 2018–2023 гг., лет

Средний возраст матери при рождении	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Динамика изменения 2018/2023
по всем детям	28,0	28,1	28,3	28,4	29,0	29,1	3,9%
1-го ребенка	25,3	25,3	25,5	25,4	26,1	26,2	3,6%
2-го ребенка	29,0	29,1	29,0	29,3	29,7	30,1	3,8%
3-го ребенка	31,9	31,8	31,9	31,8	32,4	32,4	1,6%
4-го ребенка	32,9	33,0	33,4	33,2	33,9	33,7	2,4%
5-го и последующих детей	34,4	34,2	34,4	35,1	36,1	36,6	6,4%

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС, [5]

Увеличение среднего возраста матери при рождении первого ребенка (таблица 5) тесно связано с реализацией вторых рождений (–0,87), что формирует риски отказа от рождения последующих детей в связи с ухудшением здоровья и т.д. Высокая величина достоверности аппроксимации (R2=0,7506) подтверждает необходимость мониторинга и дальнейшей проверки обнаруженной зависимости (рисунок 1).

Таблица 5. Коэффициенты корреляции показателей «Средний возраст матери» и «очередность рождения»

Средний возраст матери	Число рождений по очередности				
	первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и более
По всем детям	**-0,76**	**-0,87**	-0,22	0,58	0,02
1-го ребенка	-0,68	**-0,82**	-0,36	0,46	-0,14
2-го ребенка	-0,4	-0,59	-0,58	0,22	-0,27
3-го ребенка	-0,36	-0,54	-0,5	0,12	-0,22
4-го ребенка	-0,42	-0,51	-0,37	0,22	0,02

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС, [5]

Целесообразно обратить внимание на необходимость разработки мер, направленных на рождение второго ребенка и последующих детей. Основное число рождений приходится на женщин в возрасте до 36 лет, поэтому необходим комплекс адресных мер поддержки репродуктивных планов женщин как до 25 и 35 лет, так и женщин старше 35 лет. Для старших репродуктивных возрастом наиболее востребованными будут программы расширенной медицинской помощи.

В связи с тем, что в Республике Крым интенсивность повышения возраста рождения первого ребенка ниже, чем во многих регионах России, средний возраст рождения первого ребенка составляет 26,2 года (таблица 4), то есть ресурсы для роста воспроизводства населения.

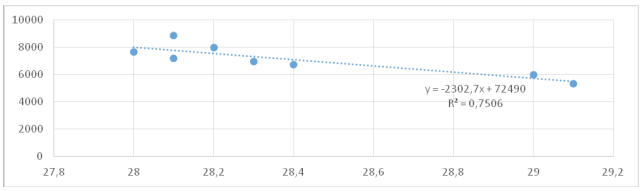

Рис. 1. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между средним возрастом матери и рождениями вторых детей

Данные по изменению структуры рождаемости позволяют сделать вывод, что снижение числа женщин репродуктивного возраста, динамика среднего возраста женщин при рождении детей разных порядков – негативно влияют на число первых и вторых рождений (таблица 6). Число рождений третьих и последующих детей пока не компенсирует снижение рождаемости.

Рассмотрим, каким образом на рождаемость влияют показатели брачности и разводимости (таблица 7). Зафиксирован рост числа разводов на 1000 населения (24,2%) при одновременном снижении брачности (– 5,7%). Число разводов на 1000 браков выросло на 31,8%, что свидетельствует о высокой нестабильности брачных союзов. Корреляция зависит от изменения числа вновь заключаемых браков, но не отражает реальную когортную динамику разводов, т.е. к расчетам необходимо относиться с осторожностью, так как в отрытых источниках нет информации о том, в каком именно году были заключены браки,

распавшиеся в отчетном периоде, но, если учесть достаточную длину статистического ряда, можно с уверенностью заявлять об устоявшейся отрицательной тенденции. Данный показатель составил в 2023 году 621 разводов на 1000 браков.

Таблица 6. Изменение структуры рождаемости в Республике Крым в зависимости от очередности рождений, 2018–2023 гг.

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Динамика изменения 2018/2023
Влияние рождения 1 и 2 ребенка на общую рождаемость	77,5%	76,1%	73,8%	72,3%	72,0%	71,5%	-6,0 пп.
Влияние рождения 3 и последующих детей на общую рождаемость	22,5%	23,9%	26,2%	27,7%	28,0%	28,5%	6,0 пп.
Число рождений 1 и 2 ребенка, тыс. чел.	15,8	14,5	13,8	13,1	11,9	11,3	-28,4%
Число рождений 3 и последующих детей, тыс. чел.	4,6	4,6	4,9	5,0	4,6	4,5	-2,2%

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС, [5]

Таблица 7. Динамика показателей брачности и разводимости в Республике Крым, 2016–2023 гг.

Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Динамика изменения 2016/2023
Число зарегистрированных браков в расчете на 1000 населения	7,0	7,5	6	6,8	5,8	6,4	7,1	6,6	-5,7%
Число зарегистрированных разводов в расчете на 1000 населения	3,3	3,5	3,6	3,7	3,8	3,7	3,9	4,1	24,2%
Число разводов на 1000 браков	471	467	600	544	655	578	549	621	31,8%

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС.

Сформировавшиеся в современном обществе тенденции на отложенное заключение браков и рождение детей, а также высокий уровень разводимости ведут к нереализованным рождениям. Согласно полученным данным, возраст матери при рождении детей в общем связан с уровнем (таблица 8). Достоверность аппроксимации полученных коэффициентов корреляции количества разводов и возраста рождения ребенка представлены на рисунках 3 и 4–0,71 при рождении первого ребенка и до 0,43 при рождении второго ребенка.

Таблица 8. Коэффициенты корреляции показателей «Количество разводов» и «Средний возраст матери»

Показатель	Средний возраст матери				
	По всем детям	1-го ребенка	2-го ребенка	3-го ребенка	4-го ребенка
Число разводов	0,85	0,84	0,65	0,59	0,5

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС, [5]

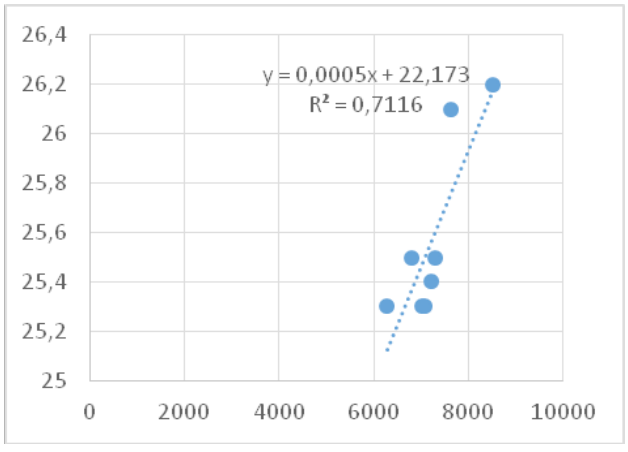

Рис. 2. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между количеством разводов и средним возрастом матери при рождении первого ребенка

Установлена отрицательная связь между уровнем разводимости и числом вторых рождений (r = –0,91; R² = 0,92). Данная связь свидетельствует о сопряженности процессов (таблица 9), учитывая, что основная доля разводов приходится на 6–10 год брака (Синельников, Золотарева, Хабиб 2024), супруги не успевают реализовать свои репродуктивные планы. В то же время связь требует дополнительной проверки, т.к. не исключена и обратная зависимость – отсутствие вторых детей может повышать риск распада брака.

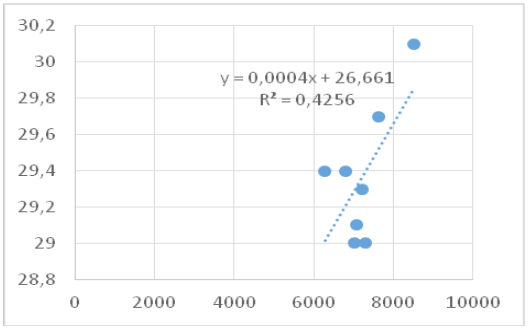

Рис. 3. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между количеством разводов и средним возрастом матери при рождении второго ребенка

Таблица 9. Коэффициенты корреляции показателей «Количество разводов» и «Число рождений по очередности»

Показатель	Число рождений по очередности				
	первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и более
Число разводов	**-0,86**	**-0,91**	-0,15	0,77	-0,17

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС, [5]

Коэффициенты корреляции показателей «количество разводов» и «очередность рождения» свидетельствуют, что более существенное воздействие разводы оказывают на вторые рождения (таблица 9) – так коэффициент корреляции при первых рождениях – –0,86, при вторых рождениях – –0,91. Достоверность аппроксимации составляет 0,73 (рисунок 4) и 0,92 (рисунок 5).

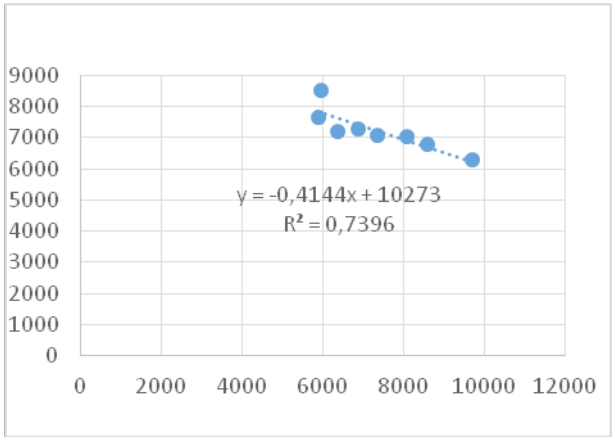

Рис. 4. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между количеством разводов и рождением первого ребенка

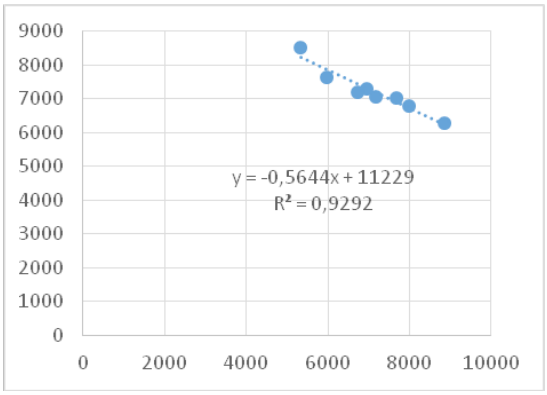

Рис. 5. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между количеством разводов и рождением второго ребенка

Дополнительно рассмотрим влияние на рождаемость кредитной нагрузки (таблица 10, рисунок 6) и долговой нагрузки по жилищным кредитам, которая выросла на 24,2 процентных пункта за исследуемый период (таблица 11, рисунок 7).

Таблица 10. Динамика численности трудоспособного населения и соотношения среднедушевого долга по жилищным кредитам к годовой зарплате в Республике Крым, 2016–2023 гг.

Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Динамика изменения 2016/2023
Численность населения в трудоспособном возрасте, тыс. чел.	1058	1050	1041	1032	1054	1051	1072	1061	0,3%
Соотношение среднедушевого долга по жилищным кредитам к годовой зарплате	3,8%	5,5%	8,4%	13,5%	17,9%	22,7%	24,4%	28,0%	24,2 пп.

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС.

Таблица 11. Коэффициенты корреляции показателей «Соотношение среднедушевого долга по кредитам к годовой зарплате» и «Число рождений по очередности»

Показатель	Число рождений по очередности				
	первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и более
Соотношение среднедушевого долга по кредитам к годовой зарплате	**-0,97**	**-0,97**	0,04	0,93	-0,20

Источники: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС, [5]

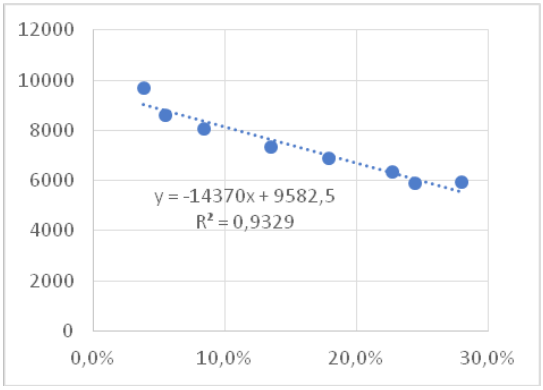

Рис. 6. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между соотношением среднедушевого долга по кредитам к годовой зарплате и рождением первого ребенка

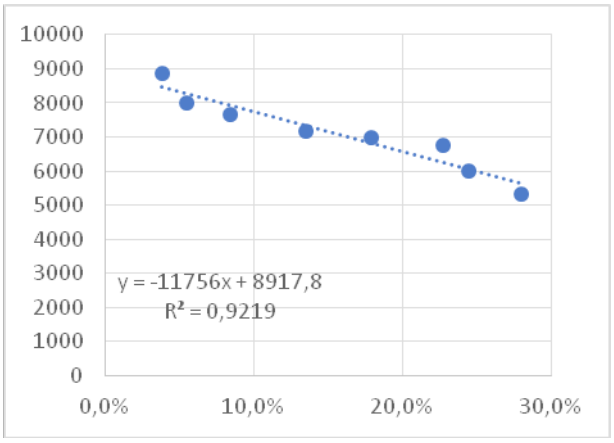

Рис. 7. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между соотношением среднедушевого долга по кредитам к годовой зарплате и рождением второго ребенка

Обнаружена статистически значимая обратная связь между ростом долговой нагрузки и снижением числа первых и вторых рождений ($r = –0,97$; $R^2 \approx 0,92$). Однако ввиду небольшой длины временного ряда и наличия устойчивых разнонаправленных трендов высокая корреляция может отражать общее движение показателей, а не прямую причинно-следственную зависимость. Для проверки выводов необходимо провести в будущем анализ на более длинных рядах, тем не менее можно предполагать, что ипотечный кредит, с одной стороны, помогает решить жилищный вопрос, с другой может негативно сказываться на реализации семьей репродуктивных планов.

Выводы и заключение

Проведенное исследование динамики рождаемости в Республике Крым позволяет систематизировать основные детерминанты динамики рождаемости. Брачность является основной детерминантой рождаемости, за исследуемый период число разводов на 1000 браков увеличилось почти на треть. Установлена отрицательная зависимость между уровнем разводимости и числом вторых рождений, что обосновывает необходимость включения мер по профилактике разводов в региональную семейную и демографическую политику.

Анализ структуры рождаемости по очередности показывает, что доля первых и вторых рождений снижается, а вклад третьих и последующих рождений растет. Следовательно, поддержку многодетности необходимо дополнить мерами, направленными на создание условий для появления второго ребенка. Большое влияние на рождаемость оказывают экономические факторы, растет соотношение среднедушевого долга по жилищным кредитам к годовой заработной плате, что ведет к росту финансовой нагрузки на семьи. Обнаружена статистически значимая обратная связь между ростом долговой нагрузки и числом первых и вторых рождений. Несмотря на ограниченность длины временного ряда полученные данные позволяют предположить, что закредитованность выступает барьером для реализации репродуктивных планов, особенно у молодых семей.

Необходим мониторинг полученных корреляционных связей и дальнейшая верификация данных на более длинных временных рядах. В то же время полученные данные указывают на целесообразность разработки управленческих практик поддержки материнства во всех возрастах, укрепление брачно-семейных отношений, разработку мер финансовой поддержки молодых семей при приобретении жилья. Выявление региональной специфики позволит повысить эффективность мер, направленных на рост рождаемости, и способствует достижению целей, заложенных в нормативных документах, закрепляющих задачи семейной и демографической политики.

Литература

1. Архангельский В.Н., Козлова О.А., Калачикова О.Н. Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 223–235. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.12

2. Васильева Е.Н., Васильев Е.С. Оценка динамики рождаемости как основа формирования семейно-демографической политики (на примере Волгоградской области) // Logos et Praxis. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 14–25. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.2

3. Денисова И.А., Калабихина И.Е., Кузнецова П.О. Оценка влияния региональной программы материнского капитала на рождаемость

(на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 105. – С. 232–243. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243

4. Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10, № 1. – С 4–43. https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259

5. Лукащук В.И., Ростовская Т.К., Гарас Л.Н. Анализ динамики и факторов рождаемости в Республике Крым // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2026. – Т. 6, № 1. – С. 59–75. DOI: https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.4

6. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Концептуальные аспекты национального проекта «Семья» // Женщина в российском обществе. – 2025. – № 1. – С. 49–61. DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.4

7. Синельников А.Б., Золотарева О.А., Хабиб М.Д. Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью // Вестник университета. – 2024. – № 12. – С. 180–195. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-12-180-195

8. Beaujouan E. Latest-Late Fertility? Decline and Resurgence of Late Parenthood Across the Low-Fertility Countries // Population and Development Review. – 2020. – № 46(2). – Pp. 219–247. Epub 2020 Apr 27. PMID: 32733116; PMCID: PMC7384131. doi: 10.1111/padr.12334.

9. Castro Torres A.F., Batyra E., Myrskylä M. Income Inequality and Increasing Dispersion of the Transition to First Birth in the Global South // Population and Development Review. – 2022. – № 48(1). – Pp. 189–215. https://doi.org/10.1111/padr.12451.

10. Han S.W., Brinton, M.C. Theories of Postindustrial Fertility Decline: An Empirical Examination // Population and Development Review. – 2022. – № 48(2). – Pp. 303–330. https://doi.org/10.1111/padr.12490.

DETERMINANTS OF BIRTH RATE DYNAMICS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA AND DIRECTIONS OF DEMOGRAPHIC GROWTH

Vasileva E.N., Vasiliev E.S.
Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Candidate of Sciences (Economy), Institute «Tsargrad»

This article analyzes fertility dynamics in the Republic of Crimea based on official statistics. The objective of the study is to identify key determinants of reproductive behavior and assess structural shifts in birth order to substantiate the priorities of regional family and demographic policy. The methodology includes a correlation analysis of time series of the total fertility rate, age-specific rates, the number of women of reproductive age, marriage and divorce rates, and the population's debt burden. A steady decline in the fertility rate, especially in rural areas, is established, against the backdrop of an increase in the average age of mothers at first and second births. Inverse relationships are identified between the number of first and second births, on the one hand, and divorce rates and the debt burden on housing loans, on the other. The structural increase in the share of third and subsequent births does not compensate for the absolute decline in the first two birth orders. The study concludes that it is necessary to strengthen regional policies aimed at supporting motherhood, preventing divorce, reducing the financial burden on young families, and supporting rural residents. The study's findings can be used to adjust demographic strategies at the regional level.

Keywords: Fertility; Total Fertility Rate; Marriage Rate, Divorce Rate, Birth order; Population size; Family-demographic policy; Republic of Crimea.

References

1. Arkhangelskiy V.N., Kozlova O.A., Kalachikova O.N. (2025). The importance of research on reproductive intentions for fertility forecasting. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, № 18(3), pp. 223–235. DOI: 10.15838/ esc.2025.3.99.12

2. Vasilieva E.N., Vasiliev E.S. (2026) Assessment of Birth Rate Dynamics as a Basis for the Formation of Family and Demographic Policy (On the Example of the Volgograd Region). Logos et Praxis, vol. 25, № 1, pp. 14–25. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.2

3. Denisova I.A., Kalabikhina I.E., Kuznetsova P.O. (2024) The Influence of the Regional Maternity Capital Program on Fertility (Case of Yamal-Nenets Autonomous Okrug). Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik, № 105, pp. 232–243. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243

4. Zakharov S. (2023) The history of births in Russia: from generation to generation. Demographic Review, no10(1), pp. 4–43. https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259

5. Lukashchuk, V. I., Rostovskaya, T. K. and Garas, L. N. (2026) Analysis of Dynamics and Factors of Fertility in the Republic of Crimea. DEMIS. Demographic Research, № 6(1), pp. 59–75. doi: https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.4.

6. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. (2025) Conceptual aspects of the national project «Family». Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve, № 1, pp. 49–61. DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.4

7. Sinelnikov A.B., Zolotareva O.A., Khabib M.D. (2024) Statistical assessment of interrelationship of marriage and divorces to fertility. Vestnik universiteta, № 12, pp. 180–195. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-12-180-195

8. Beaujouan E. (2020) Latest-Late Fertility? Decline and Resurgence of Late Parenthood Across the Low-Fertility Countries. Population and Development Review, № 46(2), pp. 219–247. Epub 2020 Apr 27. PMID: 32733116; PMCID: PMC7384131. doi: 10.1111/padr.12334.

9. Castro Torres A.F., Batyra E., Myrskylä M. (2022) Income Inequality and Increasing Dispersion of the Transition to First Birth in the Global South. Population and Development Review, № 48(1), pp. 189–215. https://doi.org/10.1111/padr.12451.

10. Han S.W., Brinton, M.C. (2022) Theories of Postindustrial Fertility Decline: An Empirical Examination. Population and Development Review, № 48(2), pp. 303–330. https://doi.org/10.1111/padr.12490

Взаимодействие органов местного самоуправления и населения: к вопросу определения функциональных возможностей СМИ

Зоркова Валерия Александровна,
кандидат социологических наук, доцент, кафедра государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: Zorkova_va@ranepa.ru

Смолина Елена Григорьевна,
кандидат социологических наук, кафедра государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: Smolina_eg@ranepa.ru

Научная статья посвящена анализу проявления функциональных возможностей средств массовой информации в системе взаимодействия органов местного самоуправления и населения. Авторами исследовано нормативно-правовое поле российского законодательства, определяющее социально-управленческие рамки действия СМИ как субъекта публичного информационного пространства местного сообщества. Системообразующее значение СМИ как инструмента взаимодействия органов местного самоуправления и населения проанализировано сквозь призму проявления комплекса явных и латентных функций. К явным функциям отнесены информационная, духовная, социальная, идеологическая и критическая, к латентным – регулирующая, продвижение идей определенных слоев населения, мобилизационная.

Ключевые слова: средства массовой информации, функции средств массовой информации, местное сообщество, органы местного самоуправления, информационная политика.

В современных условиях развития государственного и муниципального управления информация выступает главным ресурсом, который позволяет не только формировать управленческие решения на основе анализа состояния экономической системы, но выступать самостоятельным средством воздействия органов власти на общество. Высокая степень неопределённости, изменчивости социальной действительности создает трудности на пути информирования населения, что обуславливает необходимость использования субъектами публичной власти комплекса инструментов информационного взаимодействия, важнейшим из которых выступает СМИ.

СМИ обладают огромным влиянием на формирование общественного сознания, настроений населения окружающей социально-экономической действительности, выступая ведущим субъектом управления информационным полем общественной системы. Информация, передаваемая СМИ структурирована, зачастую содержит оценочное суждение, что в совокупности упрощает ее восприятие индивидами, за счет этого транслируемая новостная повестка становится доступной для большинства граждан. Учитывая данные обстоятельства, представители публичных органов управления взаимодействуют со СМИ не только с целью проведения информационной политики, но имиджевой политики, предопределяя отношения населения к власти.

Понимание специфики местного самоуправления как субъекта социального поля определяет особое значение СМИ в рамках деятельности органов публичной власти. Согласно, управленческо-коммуникационному подходу, местное самоуправление – это социальная система, в которой взаимодействуют органы местного самоуправления (в виде компетентных муниципальных служащих и лиц, замещающих муниципальные должности) и население, выражающее свою волю через различные способы самоорганизации. В контексте реализации взаимодействия двух элементов данной системы средства массовой информации играют ключевую роль. Они обеспечивают обратную связь между органами местного самоуправления и населением, информируют граждан о значимых решениях, выступают инструментом поддерживания гласности и открытости деятельности органов власти. Характеризуя функциональные возможности СМИ в системе взаимодействия органов местного самоуправления и населения, следует определить нормативные границы действия СМИ в системе публичного управления, в целом.

Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [4] раскрывает, что именно относится к информации о деятельности органов местного самоуправления. Пункт первый статьи 1 закрепляет, что к такому типу информации можно отнести: муниципальные правовые акты, в которых содержится структура органа местного самоуправления, полномочия и порядок их формирования, а также иная информация о конкретной деятельности, проводимой данными органами. Одним из способов обеспечения доступа к такой информации является опубликование органами местного самоуправления сведений о своей деятельности в СМИ. Также, на сайте органа местного самоуправления обязательно должен быть перечь СМИ, которые учреждены этим органом, при наличии таковых. Закрепление положений данного закона позволяет более корректно и точно понимать значение понятия «информация о деятельности органов местного самоуправления», а значит, это позволит СМИ более точечно узнавать те аспекты, которые будут интересны населению муниципального образования или те, что должны быть освещены в информационном пространстве.

В контексте темы взаимодействия органов местного самоуправления и СМИ нормативное значение имеет Указ Президента от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [3]. Стратегия направлена на закрепление принципов прав граждан на доступ к информации, и также есть несколько пунктов о средствах массовой информации. Информационное пространство знаний формируется посредством улучшения механизмов законодательного регулирования деятельности СМИ. Помимо этого, Стратегия закрепляет важность регулирования даже тех средств обеспечения доступа к информации, которые

по своим признакам могут быть отнесены к СМИ, однако не являются таковыми. Например, агрегаторы новостей, социальные сети, мессенджеры и сайты в сети «Интернет». Также можно выделить закрепление в Стратегии необходимости поддержки традиционных средств распространения информации, к которой привыкли многие поколения, выросшие и взрослевшие вне активного влияния информационно-телекоммуникационных технологий. К таким традиционным средствам можно отнести радиовещание, телевещание, библиотеки, печатные средства массовой информации. Таким образом, данная Стратегия распространяется на все уровни публичной власти Российской Федерации, однако основной акцент в ней смещен на вопросы создания развитого информационного общества, в котором уровень применения и доступности информации влияет на социокультурные и экономические условия жизни граждан.

Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2020 года № 2322 «О порядке взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления с операторами связи и редакциями средств массовой информации в целях оповещения населения о возникающих опасностях» [2] закрепляет правила и порядок взаимодействия, в том числе, органов местного самоуправления с редакциями средств массовой информации, выпуска в эфир сигналов оповещения и (или) экстренной информации о возникающих опасностях, о правилах поведения населения и необходимости проведения мероприятий по защите и публикации указанной экстренной информации при угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также при ведении военных действий или вследствие этих действий. В данном случае правовой акт регулирует важный аспект в части оповещения граждан с использованием средств массовой информации.

Нормативно-правовое определяет не только возможности действия СМИ в системе реализации публичной власти, но их функциональность. Характеризуя значение института СМИ как инструмента взаимодействия местного сообщества следует отметить его системообразующую роль, которая реализует себя в виде комплекса явных и латентных функций (рис. 1).

Рис. 1. Функции средств массовой информации

Источник: составлено автором по данным исследования.

Первоочередной функцией СМИ выступает информационная или познавательная. Она обуславливает само существование СМИ, раскрывает их главную задачу и сущность. Реализация данной функции не только определяет информационный контекст взаимодействия органов местного самоуправления и населения, но и позволяет реализовать на практике нормы информационной политики государства, в целом. Вторая функция – духовная, служит основанием формирования мировоззрения членов местного сообщества, выступая базисом их интеграции. Нормы морали, ценности, разделяемые членами сообщества позволяют снизить уровень конфликтности, нередко подкрепляя действие правовых норм. Следующая функция – социальная: СМИ всегда обращают внимание социума на социально-важные события, которые необходимо осветить. Критическая функция определяет возможности СМИ относительно уместной критики власти и отдельных субъектов общества посредством смыслового содержания новостных статей. В данном ключе, во взаимосвязи с критической функцией выступает идеологическая, которая не только формирует общественное мнение, но и транслирует идею общественного объединения, выступая в том числе элементом целеполагания в процессе управления обществом.

В системе взаимодействия власти и общества СМИ занимают промежуточное звено, выполняя коммуникативную функцию. При этом важно отметить, что в условиях современного информационного общества процесс коммуникации имеет двусторонний характер. С одной стороны, граждане имеют возможность продвигать свои интересы через СМИ путем активного распространения своих позиций. С другой стороны, органы власти используют СМИ как инструмент проведения общей государственной информационной политики, формирования своего позитивного образа в глазах общественности. Особое значение данная функция приобретает в контексте работы органов местного самоуправления, обладающими высокой степенью публичности, которые находятся в непосредственном взаимодействии с общественностью,

Особый научные интерес вызывают латентные функции СМИ. К данной группе относится, например, регулирующая функция, действие которой заключается в возможности данного института регулировать общественное поведение, придавая ему предсказуемый, стабильный характер. СМИ не только транслируют информацию, но управляют ее восприятием, акцентируя внимание на событиях с определенной оценкой. При этом логика функционирования местного самоуправления предполагает наличие широких возможностей граждан в решении вопросов местного значения. В данном ключе значимыми представляются возможности СМИ относительно вопроса продвижение идей определенных социальных слоев. Местное сообщество, отдельные социальные объединения внутри него могут применять СМИ, продвигая свои идеи относительно вопросов управления.

Стоит отметить, что наибольшая дискуссия разворачивается вокруг реализации мобилизационной функции. Так, одни авторы отмечают ее инструментальное значение, а другие оценивают как угрозу поддержания стабильности социальной системы. СМИ способны формировать не только пассивные оценки граждан в отношении социальной действительности, но побуждать к практическим действиям по волеизъявлению. Данная возможность в контексте обладания высоким потенциалом в направлении объединения граждан способна формировать и побуждать к проявлению гражданской позиции. В этом ключе значимость приобретает социально-ответственный подход к длительности СМИ.

Таким образом, на основе анализа функционального поля деятельности СМИ следует отметить, что данный институт является эффективным инструментом взаимодействия органов местного самоуправления и населения, обладающим широким управленческим потенциалом. Процесс взаимодействия СМИ с органами власти является не только социально определенным, но и регулируется законодательными актами.

Литература

1. Короткова М.Р. Формирование информационно–коммуникационной системы взаимодействия местных органов власти и населения // Коммуникология: научный журнал. – 2021. – № 3. – С. 88–98.

2. О порядке взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления с операторами связи и редакциями средств массовой информации в целях оповещения населения о возникающих опасностях: постановление Правительства РФ от 28.12.2020 г. № 2322 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1. Ст. 175.

3. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента от 09.05.2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 2901.

4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

5. Смолина Е.Г., Зоркова В.А. Средства массовой информации в деятельности органов местного самоуправления: к вопросу системы взаимодействия // Социология. – 2025. – № 11. – С. 134–136.

INTERACTION BETWEEN LOCAL GOVERNMENTS AND POPULATION: ON THE ISSUE OF DEFINING THE FUNCTIONAL CAPABILITIES OF THE MASS MEDIA

Zorkova V.A., Smolina E.G.
Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA

This research article analyzes the functional capabilities of mass media in the interaction between local governments and the public. The authors examine the legal framework of Russian legislation that defines the social and managerial framework for the media as a player in the public information space of a local community. The system-forming role of mass media as a tool for interaction between local governments and the public is analyzed through the lens of a complex of overt and latent functions. Overt functions include informational, spiritual, social, ideological, and critical functions, while latent functions include regulatory functions, the promotion of ideas of specific segments of the population, and mobilization.

Keywords: mass media, functions of the mass media, local community, local government bodies, information policy.

References

1. Korotkova M.R. Formation of an information and communication system for interaction between local authorities and the population // Communicology: scientific journal. – 2021. – No. 3. – P. 88–98.

2. On the procedure for interaction between federal executive bodies, executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation, local governments with communications operators and editorial offices of the media in order to notify the population of emerging dangers: Resolution of the Government of the Russian Federation of December 28, 2020 No. 2322 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 1. Art. 175.

3. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of May 9, 2017 No. 203 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 20. Article 2901.

4. On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies: Federal Law of February 9, 2009, No. 8-FZ // Access from the ConsultantPlus SPS.

5. Smolina, E.G., Zorkova, V.A. Mass Media in the Activities of Local Self-Government Bodies: On the Issue of the Interaction System // Sociology. – 2025. – No. 11. – Pp. 134–136.

Медиапространство в контексте молодежной политики Республики Таджикистан

Рыбакова Марина Владимировна,
д.с.н., профессор факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН
E-mail: rybakovamv@yandex.ru

Иванова Наталья Анатольевна,
к.с.н., научный сотрудник факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: na-an.ivanova@yandex.ru

Показана актуальность исследования медиапространства при реализации молодежной политики в Республике Таджикистан. Медиапространство – это одновременно канал коммуникации и стратегический ресурс реализации молодежной политики. Объектом исследования является медиапространство Республики Таджикистан, представляющее собой систему цифровых коммуникаций и информационных ресурсов в условиях глобализации. В ходе проведенного исследования (n=300) проанализировано влияние медиапространства как стратегического ресурса реализации молодежной политики в Республике Таджикистан в условиях глобальной цифровизации. Специфика управления медиапространством состоит в адаптации национального сегмента Интернета к задачам информационной безопасности и формированию гражданской идентичности в условиях цифровизации общества. На основе анализа нормативных документов, статистических данных и результатов опросов студентов обосновывается необходимость перехода от преимущественно одностороннего информирования к интерактивным моделям коммуникации.

Ключевые слова: студенты, молодежная политика, медиапространство, цифровизация.

Введение

В современных условиях формирование глобального информационного общества сопровождается стремительным развитием медиапространства, которое становится главной ареной общественно-политической жизни. Медиапространство представляет собой сложную социально-техническую систему, охватывающую информационные ресурсы, технологии их передачи и субъектов взаимодействия. Для государственного управления цифровая среда одновременно выполняет коммуникативную и стратегическую функции, особенно в сфере молодежной политики.

Цифровизация имеет особое значение для молодежи как наиболее мобильной и активно включенной в сетевые коммуникации социальной группы. По данным Международного союза электросвязи, в 2025 году Интернетом пользовались 82,2% молодых людей в возрасте 15–24 лет в мире; в Республике Таджикистан соответствующий показатель за 2024 год составил 55,8% [4]. Этот уровень свидетельствует о необходимости обновления механизмов взаимодействия публичных институтов с молодежью.

В этих условиях медиапространство становится важным ресурсом национальной безопасности, сохранения культурной самобытности и формирования конструктивных ценностных ориентиров. Вместе с тем трансграничные информационные потоки и распространение манипулятивного контента могут влиять на установки молодых пользователей, формирование образа молодежи [16] и усложнять реализацию молодежной политики.

Исследовательская проблема связана с несоответствием между темпами цифровизации молодежной среды и преобладающими практиками государственного информирования. При значительном распространении мобильного Интернета активность молодых людей концентрируется в социальных сетях и мессенджерах, тогда как институциональная коммуникация нередко сохраняет односторонний характер. В результате часть пространства социализации оказывается под сильным воздействием внешнего и потенциально деструктивного контента, усиливающего информационную перегрузку и затрудняющего ориентацию в потоке сообщений.

Методы и методология

Методологическую основу работы составили системный подход, логический и сравнительно-правовой анализ, а также статистический метод. Для изучения медиасреды использовались контент-анализ открытых ресурсов и сопоставление данных международных организаций и государственных источников. Эмпирический блок включает анкетирование студентов высших учебных заведений г. Душанбе Республики Таджикистан.

В контексте молодежной политики Таджикистана идеи Г.М. Маклюэна позволяют интерпретировать массовый переход подрастающего поколения в мессенджеры и социальные сети не как смену информационной площадки, а как радикальную трансформацию образа мышления и способов восприятия реальности. Для современного молодого человека цифровая среда становится своего рода «внешним расширением» нервной системы, формируя новую когнитивную карту, где скорость обмена данными превалирует над глубиной анализа. Концепция «глобальной деревни» объясняет стирание информационных границ: оно расширяет образовательные возможности, но одновременно увеличивает воздействие трансграничного контента на ценностные ориентиры [10]. Благодаря электронным технологиям молодежь республики оказывается вовлечена в единое мировое коммуникационное поле, что, с одной стороны, расширяет возможности для самообразования, а с другой – создает риски нелинейного воздействия трансграничного контента, способного размывать традиционные ценностные ориентиры. Использование работ А. Щюца, П. Бергера и Т. Лукмана, а также методологии символического интеракционизма и драматургии И. Гофмана позволяет характеризовать процессы, происходящие в молодежной среде как стремление уйти от реальной жизни в фантазийный игровой яркий цифровой мир.

Теоретическая и практическая значимость работы базируются на систематизации современных инструментов государственного регулирования и вовлечения молодежи в цифровое медиапространство Таджикистана. В работе предпринята попытка системного анализа деятельности государственных структур в мессенджерах и социальных

сетях, а также определены специфические риски информационной безопасности для молодежной аудитории в национальном сегменте Интернета. Результаты исследования могут быть применены при совершенствовании медиастратегий органов исполнительной власти и молодежных организаций.

Теоретическое осмысление структуры современного медиапространства требует глубокого анализа работ классиков коммуникативистики, чьи идеи позволяют интерпретировать цифровые трансформации в молодежной среде Таджикистана. Основополагающий вклад в понимание этой среды вносят труды М. Кастельса, в частности, его концепции «сетевого общества» [9] и «власти коммуникации» [8]. Согласно позиции исследователя, мы наблюдаем фундаментальный переход к новой социальной структуре, где основным элементом становятся сетевые формы организации, пронизывающие все сферы человеческой деятельности. В данной парадигме медиапространство представляет собой динамичную среду, в которой социализация молодых людей все теснее связана с глобальными потоками информации. Такие потоки могут конкурировать с традиционными институтами – семьей, образовательной организацией и государством.

Для подрастающего поколения это означает, что первичная и вторичная социализация теперь неразрывно связаны с интеграцией в глобальные информационные потоки, которые зачастую конкурируют с традиционными институтами семьи и школы. Кастельс подчеркивает, что в сетевом обществе именно способность управлять коммуникациями определяет характер общественных отношений, что делает молодежь, как наиболее адаптированную к сетям группу, главным актором новых социальных процессов.

Медиапространство как ресурс молодежной политики

Цифровая трансформация означает необходимость находить баланс между технологическим развитием и защитой информационного суверенитета. Существенным вызовом является способность национальных медиа конкурировать с глобальными платформами за внимание молодой аудитории в условиях высокой информационной насыщенности [15].

В цифровой среде молодежь выступает не только объектом информационного воздействия, но и самостоятельным производителем контента. Доступность мобильных технологий позволяет молодым пользователям создавать медиаматериалы, формировать сообщества и участвовать в публичных обсуждениях. Поэтому медиапространство следует понимать как пространство участия, в котором проявляется гражданская субъектность.

Показателем готовности цифровой среды к решению задач молодежной политики является индекс развития ИКТ, рассчитываемый Международным союзом электросвязи. По приведенным в источниках данным, в Таджикистане насчитывается 4,9 млн активных пользователей мобильного Интернета, что превышает 55% населения [4]. Одновременно возрастает роль верифицированных каналов государственных органов и образовательных платформ: по данным аналитических отчетов, к ним регулярно обращается более четверти молодежной аудитории национального сегмента Интернета [2]. Данная статистика подтверждает переход мессенджеров из статуса средств личного общения в категорию стратегических инструментов социализации, где активное государственное присутствие обеспечивает защиту пользователей от деструктивного информационного влияния и способствует формированию гражданской идентичности.

Благодаря доступности мобильных технологий и социальных сетей, молодые люди переходят к активному сотворчеству, самостоятельно создавая и распространяя медиапродукты. В этом контексте медиапространство трансформируется в «инструмент участия», где субъектность молодежи проявляется через гражданскую активность в мессенджерах и формирование собственных сетевых сообществ.

Проблема распространения недостоверных данных в мессенджерах требует активного участия профессионального журналистского сообщества в процессе верификации контента. Практика ведущих медиаресурсов, таких как информационное агентство «Asia-Plus» [1], Радио «Озоди» [14] и государственное агентство НИАТ «Ховар» [12], показывает, что оперативная проверка сообщений, публикация подтвержденных данных в социальных сетях и опровержение фейков являются эффективными инструментами защиты молодежи от информационных манипуляций. Мониторинг новостной повестки данных агентств позволяет фиксировать актуальные угрозы, направленные на дестабилизацию молодежной среды, и своевременно предоставлять аудитории достоверную альтернативу деструктивному контенту. Это превращает медиасреду в пространство двусторонней коммуникации, где государственные структуры вынуждены адаптировать свои стратегии под запросы аудитории, признавая молодежь скорее полноценным и наиболее инициативным партнером в цифровом диалоге, нежели «целевой группой».

В национальном сегменте Интернета Таджикистана взаимодействие государственной власти и медиа строится на принципах конструктивного диалога, содействуя обсуждению социально значимых вопросов и укреплению гражданской идентичности. В данной системе СМИ перестают быть лишь трансляторами новостей и принимают на себя функцию стратегического посредника, способствующего формированию устойчивой гражданской идентичности у молодежи. Цифровая среда Таджикистана становится инструментом укрепления государственности через вовлечение граждан в обсуждение социально значимых вопросов.

Содержательный аспект структуры медиапространства находит отражение в работах исследователей [17; 18; 5]. Структура медиасреды рассматривается через призму ценностных ориентаций, которые транслируются как через национальные ресурсы, так и через зарубежные цифровые платформы. Содержательный анализ позволяет выявить риски трансформации сознания молодых людей под влиянием внешних информационных потоков, что делает медиапространство первостепенным объектом для мониторинга и идеологического наполнения.

Ключевым программным документом в рассматриваемой сфере является Национальная стратегия развития молодежной политики Республики Таджикистан на период до 2030 года [11]. Данный документ представляет собой долгосрочный план действий, который учитывает современные глобальные вызовы, ориентирован на повышение цифровой грамотности и обеспечение комплексной защиты молодежи от деструктивного информационно-психологического влияния [6].

Нормативная база включает конституционные гарантии, законодательство о средствах массовой информации, правительственные постановления и ведомственные механизмы [13; 7]. В совокупности эти документы создают правовые условия для деятельности молодежных объединений и интеграции молодых людей в информационное общество. Правовая система республики характеризуется высокой степенью адаптивности к требованиям цифровой эпохи, что создает необходимые условия для легитимного функционирования молодежных организаций и гармоничной интеграции молодежи в национальное информационное общество. Синтез фундаментальных правовых норм и динамичных стратегических программ позволяет государству выстраивать эффективную модель управления процессами социализации. Такая модель ориентирована на минимизацию рисков, связанных с киберугрозами и радикализацией, и на одновременную максимизацию интеллектуального и творческого потенциала подрастающего поколения в долгосрочных интересах национального развития и укрепления государственного суверенитета в медиасфере.

Приоритетным аспектом институционального строения медиасферы выступает обязательное требование к функционированию официальных представительств государственных учреждений в цифровом сегменте. Согласно нормативным установкам, государственные структуры обязаны обеспечивать прозрачность своей деятельности через верифицированные аккаунты для информирования граждан о реализуемых решениях [13].

В современных условиях Республика Таджикистан переживает значительные изменения в области медиа, которые оказывают значительное влияние на формирование ценностных ориентаций молодежи. Традиционные средства массовой информации, такие как телевидение, радио и печатные издания, продолжают занимать существенное место в информационном пространстве страны и влиять на общественное мнение. Новые медиа, включая социальные сети и блоги, расширяют возможности самовыражения, участия и горизонтальной коммуникации. Телевидение, оставаясь одним из самых доступных и популярных средств массовой информации, имеет мощное воздействие на формирование культурных и социальных норм. Помимо трансляции развлекательных программ, оно предоставляет платформу для обсуждения актуальных общественных вопросов. Это подчеркивает влияние медиа в воспитании молодежи и формировании ее ценностных ориентиров. Вместе с тем телеканалы часто инициируют программы, посвященные обсуждению социальных и культурных тем, что способствует формированию у молодежи активной гражданской позиции.

Традиционные медиа – телевидение, радио и печатные издания – сохраняют влияние на общественное мнение и культурные нормы. Новые медиа, включая социальные сети и блоги, расширяют возможности самовыражения, участия и горизонтальной коммуникации. Их совместное воздействие формирует многоуровневую систему влияния на ценностные ориентации молодежи. Однако популярные форматы и модели поведения, транслируемые блогерами или зарубежными медиаперсонами, не всегда согласуются с ценностными установками об-

щества, поэтому критическое осмысление контента приобретает принципиальное значение.

Согласно данным ITU, в 2024 году показатель мобильной связи в Таджикистане составил 51,2 подключения на 100 жителей; охват сетью 3G достиг 97,3%, а LTE/4G – 84,7% [3]. Такая инфраструктура позволяет широко использовать образовательный и мультимедийный контент. По данным DataReportal, в условиях переизбытка непроверенной информации официальные каналы становятся ориентиром при поиске правовой и социальной поддержки для части пользователей региона [2]. Поэтому цифровые платформы могут использоваться как инструмент правовой социализации, развития навыков верификации информации и распространения норм сетевой этики. Эти задачи соотносятся с Законом Республики Таджикистан «О молодежи и государственной молодежной политике» [7].

Результаты исследования

В марте 2026 г. было проведено пилотное социологическое исследование на тему влияния медиапространства на студенческую среду в Республике Таджикистан. В анкетировании приняли участие студенты нескольких вузов г. Душанбе (n=300). Предполагаемые профессиональные траектории опрошенных связаны с государственной службой, телевидением, а также работой с персоналом в организациях. Опрос проводился среди студентов 2–4 курсов. Возрастной состав респондентов: 19 лет – 65 чел., 20 лет – 57 чел., 21 год – 98 чел., 22 года – 80 чел. Гендерный состав выборки: женщин – 175 чел., мужчин – 125 чел.

Согласно результатам проведенного пилотного эмпирического исследования, значительная часть респондентов проводит в глобальной сети от 3 до 5 часов ежедневно (34,6%), а существенная доля пользователей – практически все свободное время (41,5%). При этом менее 1 часа – всего 9,9% всех опрошенных и от 1 до 3 часов – 14,0%.

В условиях, когда медиа становятся основной средой обитания, возникает феномен «информационной перегрузки», при которой механизмы психологической защиты ослабевают. Это ведет к тому, что молодежь, обладая техническими навыками использования гаджетов, остается беззащитной перед профессионально сконструированными фейками и призывами к участию в сомнительных группах, что было зафиксировано в ходе анализа анкет (около трети опрошенных сталкивались с подобными угрозами). В результате высокая цифровая активность молодежи в Таджикистане, не подкрепленная развитой культурой критического мышления, превращает медиапространство в зону риска. Технологическое доминирование интернет-коммуникаций требует как технического контроля со стороны государства, так и глубокой гуманитарной экспертизы контента. Информационная безопасность в данном контексте должна пониматься в равной степени как защита каналов связи, так и защита когнитивного суверенитета личности молодого гражданина от деструктивных трансформаций в цифровой среде. Данный тезис подтверждается общемировыми трендами, зафиксированными в отчетах Международного союза электросвязи (ITU), указывающих на то, что в развивающихся странах разрыв между доступом к технологиям и уровнем медиакомпетентности является одним из главных факторов социальной нестабильности.

Проведенный опрос выявил, что молодежный сегмент медиапространства Таджикистана регулярно сталкивается с комплексом деструктивных факторов, наиболее острым и труднорегулируемым из которых является масштабное распространение недостоверной информации. Постоянно сталкиваются с такого рода информацией 15,7%, иногда – 76,5 и 7,8% отрицательно ответили на данный вопрос.

Наиболее востребованными темами оказались гранты и обучение за рубежом – 56,7%, а также трудоустройство – 50,3%. Информацию по этим направлениям пользователям часто приходится искать в разрозненных каналах. Следовательно, медиапространство может выполнять функцию «цифрового социального лифта», если предоставлять молодежи понятный и оперативный доступ к образовательным и карьерным возможностям.

Сохраняется интерес к культуре и традициям – 37,1%; к инновациям и информационным технологиям – 40,4%. Эти результаты указывают на перспективность современного контента о национальной культуре, представленного в доступных цифровых форматах, например в виде коротких объяснительных роликов или совместных проектов с блогерами. Государственным медиа целесообразно учитывать указанные тематические запросы при планировании контентной политики.

Особую научно-практическую тревогу вызывает зафиксированный в ходе исследования разрыв между высокой интенсивностью потребления цифрового контента и критически низкой осведомленностью молодежи о правовых основах информационной безопасности в Республике Таджикистан. Результаты исследования показали дефицит правовых знаний. Подавляющее большинство респондентов впервые слышат или не ознакомлены в полной мере с положениями Национальной стратегии развития молодежной политики Республики Таджикистан на период до 2030 года [11].

Значительная часть респондентов отметила потребность в актуальных данных о грантах, программах обучения за рубежом и возможностях трудоустройства. При этом существующие каналы информирования зачастую децентрализованы, что затрудняет поиск нужных сведений. Анализ тематических предпочтений респондентов позволяет более точно определить векторы «позитивного контента».

Доминирующим запросом молодежи является информация о грантах и обучении за рубежом. Это подтверждает тезис о том, что медиапространство должно выступать в роли «цифрового социального лифта». В то же время сохраняется значимый интерес к культуре и традициям, что открывает возможности для создания современного контента, направленного на укрепление национальной идентичности, но поданного в актуальных цифровых форматах (например, через анимационные видеоролики или совместные проекты с блогерами). Сопоставление этих данных с ростом цифровизации в отчетах ITU подчеркивает необходимость смещения акцента государственных СМИ в сторону этих наиболее востребованных тем.

Внедрение интерактивных сервисов, способных оперативно отвечать на запросы пользователей, превратит медиапространство из площадки для пассивного потребления контента в реальный инструмент социальной мобильности. Это создаст условия, при которых государственные инициативы будут восприниматься не как абстрактные лозунги, а как конкретные прикладные возможности для каждого молодого гражданина.

Учитывая данные Международного союза электросвязи (ITU) о стремительном росте уровня цифровизации в Центрально-Азиатском регионе, принципиально важным становится усиление мониторинга деструктивного контента при безусловном сохранении открытости и созидательного характера медиасреды. Основной вектор должен быть направлен на производство высококачественного «позитивного контента», который по своей форме и подаче будет более конкурентоспособным и привлекательным, чем деструктивные информационные призывы. Реализация данной стратегии требует подготовки кадров принципиально нового типа – медиаменеджеров в сфере молодежной политики. Этим специалистам недостаточно владеть техническими инструментами продвижения, они должны обладать глубоким пониманием социокультурного контекста, уметь работать «на языке» целевой аудитории.

Выводы

Риски в сфере информационной безопасности молодежи Таджикистана имеют комплексный характер. Они не сводятся к техническим угрозам и затрагивают когнитивную сферу: способность критически воспринимать информацию, распознавать манипуляции и противостоять вовлечению в деструктивные сообщества.

Эффективная молодежная политика в цифровой среде предполагает системное включение медиаграмотности в образовательные программы, развитие верифицированных и интерактивных каналов коммуникации, а также подготовку медиаменеджеров, понимающих социокультурный контекст и язык целевой аудитории. Государственным институтам необходимо не ограничиваться формальным присутствием в сети, а создавать востребованные сервисы и конкурентоспособный позитивный контент на тех площадках, где сосредоточена молодежь.

Создание безопасной, открытой и созидательной цифровой среды может одновременно поддержать социальную мобильность, гражданскую идентичность и развитие человеческого капитала. Практически значимым шагом является переход от пассивного информирования к интерактивным экосистемам, объединяющим правовое просвещение, образовательные возможности, карьерную навигацию и диалог с молодыми гражданами.

Литература

1. Asia-Plus: информационное агентство. Официальный сайт. URL: https://asiaplustj.info (дата обращения: 09.08.2026).

2. Digital 2024: Tajikistan. Global Digital Insights. DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-tajikistan (дата обращения: 09.08.2026).

3. ITU DataHub: Global and regional ICT statistics. Geneva: International Telecommunication Union (ITU). URL: https://www.itu.int/en/about/Pages/default.aspx (дата обращения: 09.08.2026).

4. Measuring digital development: Facts and Figures 2024. Geneva: International Telecommunication Union (ITU). 2024. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2024/ (дата обращения: 09.08.2026).

5. Бахромзода З.Т. Молодежная политика в Республике Таджикистан // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 600–615.

6. Желтухина М.Р., Донскова Л.А., Зеленская Л.Л. Медиаграмотность в цифровую эпоху: технологии формирования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81–4. С. 153–156.

7. Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» от 19 марта 2013 года. № 961. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/67/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-periodicheskoi-pechati-i-drugikh-sredstvakh-massovoi-informatsii (дата обращения: 09.08.2026).

8. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2020. 608 с.

10. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / Г.М. Маклюэн; пер. с англ. И.О. Тюриной. М.: Академический проект, 2020. 443 с.

11. Национальная стратегия развития молодежной политики в Республике Таджикистан на период до 2030 года: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2021 года. № 165. URL: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf (дата обращения: 09.08.2026).

12. НИАТ «Ховар»: национальное информационное агентство Таджикистана. Официальный сайт. URL: https://khovar.tj/rus (дата обращения: 09.08.2026).

13. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 10 июля 2017 года, № 344 «Об Единых правилах для официальных сайтов министерств и ведомств, местных исполнительных органов государственной власти и органов самоуправления посёлков и дехотов в сети Интернет» / ИС «Параграф»: [сайт]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35004375 (дата обращения: 09.08.2026).

14. Радио «Озоди». Официальный сайт. URL: https://rus.ozodi.org (дата обращения: 09.08.2026).

15. Ризоев Ш. Медиасистемы стран Центральной Азии в цифровую эпоху: вызовы и возможности // Динамика медиасистем. 2022. Т. 2. № 2. С. 91–96. URL: https://dynamicsmedia.ru/index.php/dm/article/view/18 (дата обращения: 09.08.2026).

16. Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Формирование образа студенческой молодежи в медиапространстве в условиях рисков и вызовов трансформации профессиональной структуры // Социология. 2026. № 1. С. 81–87.

17. Хасанова Т.Г. Концептуальное пространство СМИ современного Таджикистана: дис. … д-ра филол. наук. Душанбе, 2024.

18. Хотамова М.Г. Мировоззренческие предпочтения молодежи Таджикистана в условиях трансформации общества (социально-философский анализ): автореф. дис. … канд. филос. наук, 2022. URL: https://tnu.tj/avtorefi/avtorefKhotamovaMG.pdf (дата обращения: 09.08.2026).

THE MEDIA LANDSCAPE IN THE CONTEXT OF YOUTH POLICY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Rybakova M.V., Ivanova N.A.
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The relevance of studying the media landscape in the implementation of youth policy in the Republic of Tajikistan is demonstrated. The media landscape is both a communication channel and a strategic resource for implementing youth policy. The object of this study is the media landscape of the Republic of Tajikistan, which represents a system of digital communications and information resources in the context of globalization. This study (n=300) analyzed the influence of the media landscape as a strategic resource for implementing youth policy in the Republic of Tajikistan amid global digitalization. The specific nature of media landscape management lies in adapting the national internet segment to the challenges of information security and fostering civic identity in the context of digitalization. Based on an analysis of regulatory documents, statistical data, and student survey results, the need for a transition from predominantly one-sided information dissemination to interactive communication models is substantiated.

Keywords: Students, youth policy, media space, digitalization.

References

1. Asia-Plus: Information Agency. Official website. URL: https://asiaplustj.info (date of access: 09.08.2026).

2. Digital 2024: Tajikistan. Global Digital Insights. DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-tajikistan (date of access: 09.08.2026).

3. ITU DataHub: Global and regional ICT statistics. Geneva: International Telecommunication Union (ITU). URL: https://www.itu.int/en/about/Pages/default.aspx (date of access: 09.08.2026).

4. Measuring digital development: Facts and Figures 2024. Geneva: International Telecommunication Union (ITU). 2024. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2024/ (date of access: 09.08.2026).

5. Bakhromzoda Z.T. Youth Policy in the Republic of Tajikistan // Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. 2021. Vol. 23. No. 4. pp. 600–615.

6. Zheltukhina M.R., Donskova L.A., Zelenskaya L.L. Media Literacy in the Digital Age: Formation Technologies // Problems of Modern Pedagogical Education. 2023. No. 81–4. pp. 153–156.

7. Law of the Republic of Tajikistan "On the Periodical Press and Other Mass Media" dated March 19, 2013. № 961. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/67/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-periodicheskoi-pechati-i-drugikh-sredstvakh-massovoi-informatsii (date of access: 09.08.2026).

8. Castells M. The Power of Communication. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 564 p.

9. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Moscow: HSE, 2020. 608 p.

10. McLuhan G.M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Homo Typophilia / G.M. McLuhan; trans. from English by I.O. Tyurina. Moscow: Academicheskiy Proekt, 2020. 443 p.

11. National Strategy for the Development of Youth Policy in the Republic of Tajikistan through 2030: approved by the Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated April 30, 2021. No. 165. URL: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf (date of access: 09.08.2026).

12. NIAT "Khovar": National News Agency of Tajikistan. Official website. URL: https://khovar.tj/rus (date of access: 09.08.2026).

13. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan of July 10, 2017, No. 344 "On the Uniform Rules for the Official Websites of Ministries and Departments, Local Executive Bodies of State Authority and Self-Government Bodies of Settlements and Dekhotyes on the Internet" / IS "Paragraph": [site]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35004375 (date of access: 09.08.2026).

14. Radio "Ozodi". Official website. URL: https://rus.ozodi.org (date of access: 09.08.2026).

15. Rizoev Sh. Media Systems of Central Asian Countries in the Digital Age: Challenges and Opportunities // Dynamics of Media Systems. 2022. Vol. 2. No. 2. pp. 91–96. URL: https://dynamicsmedia.ru/index.php/dm/article/view/18 (date accessed: 09.08.2026).

16. Rybakova M.V., Ivanova N.A. Formation of the image of student youth in the media space in the context of risks and challenges of the transformation of the professional structure // Sociology. 2026. No. 1. pp. 81–87.

17. Khasanova T.G. Conceptual space of the media of modern Tajikistan: dis. … Doctor of Philological Sciences. Dushanbe, 2024.

18. Khotamova M.G. Ideological preferences of the youth of Tajikistan in the context of the transformation of society (socio-philosophical analysis): author's abstract. dis. … Cand. Philos. sciences, 2022. URL: https://tnu.tj/avtorefi/avtorefKhotamovaMG.pdf (date of access: 09.08.2026).

Анализ региональных моделей реализации системы социального кредита в Китае на примере Шанхая и провинций Цзянсу и Хубэй

Кухарчук Глеб Русланович,
аспирант, Российский государственный социальный университет (РГСУ)
E-mail: gleb.kukharchuk@mail.ru

В статье рассматривается система социального кредита в Китайской Народной Республике (КНР) как комплексный инструмент государственного управления, направленный на формирование доверия между государством, бизнесом и обществом. Однако региональные модели в Шанхае, провинциях Цзянсу и Хубэй показывают, что каждая территория демонстрирует уникальные подходы реализации системы, обусловленные социально-экономическим и институциональным контекстом. Этот фактор позволяет выявить как общенациональные тенденции, так и локальные особенности функционирования данного института.

На основе анализа научной литературы и нормативно-правовых источников показано, что существующие исследования преимущественно сосредоточены на общегосударственном уровне, оставляя недостаточно изученными региональные различия. В связи с этим данное исследование восполняет указанный пробел за счет сравнительного анализа практик внедрения системы социального кредита в различных социально-экономических условиях.

Так, Шанхай выступает лидером цифровой интеграции и институциональной координации, демонстрируя высокий уровень автоматизации и развитые механизмы стимулирования добросовестного поведения граждан КНР. Провинция Цзянсу характеризуется активным межрегиональным взаимодействием и ориентацией на развитие корпоративной ответственности, тогда как Хубэй делает акцент на обеспечении прозрачности экономических процессов и усилении контрольных функций системы.

Выявлены ключевые проблемы реализации системы социального кредита, включая необходимость унификации критериев оценки, повышения прозрачности алгоритмов и обеспечения безопасности данных. В то же время определены эффективные практики, способствующие повышению уровня доверия и дисциплины среди граждан.

Также сделан вывод о том, что успешное функционирование системы социального кредита требует сочетания единых национальных стандартов с гибкой региональной адаптацией. Результаты исследования имеют теоретическую и практическую значимость для дальнейшего развития механизмов социального регулирования и совершенствования государственной политики в данной сфере.

Ключевые слова: система социального кредита, Китай, Шанхай, Хубэй, региональные модели, социальное доверие, корпоративная ответственность, государственное регулирование.

Система социального кредита в Китайской Народной Республике (中华人民共和国社会信用体系, Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Shèhuì Xìnyòng Tǐxì) является стратегическим инструментом государственного управления социальными и экономическими процессами, направленным на формирование высокого уровня доверия между государством, гражданами и бизнес-сообществом. Она объединяет в себе функции регулирования рыночных отношений, повышения правопорядка, стимулирования социально ответственного поведения и поддержки предпринимательской активности.

Основу системы составляет интеграция национальной платформы социальной информации с региональными платформами и базами данных государственных органов, что обеспечивает мониторинг финансовых, правовых и административных показателей субъектов. Данная структура позволяет не только отслеживать добросовестное поведение субъектов, но и оперативно выявлять нарушения, создавая систему поощрений и санкций [8].

Анализ отечественных исследований подчеркивает многогранность изучения социального кредита как феномена распределительной системы КНР. Так, Л.А. Афонина и А.В. Виноградов акцентируют внимание на структурной интеграции системы и значении информационных технологий для формирования доверия в обществе [1]. Авторы выделяют ключевые показатели эффективности системы социального кредита, включая межведомственное взаимодействие и мониторинг добросовестного поведения граждан и юридических лиц. Основное преимущество исследования заключается в системном подходе к анализу механизмов доверия, однако работа ограничивается общенациональным уровнем, не учитывая региональные различия.

А.Н. Мяханова, Т.И. Эрхитуева в статье «Формирование социального рейтинга: китайский опыт», рассматривают процесс оценки и ранжирования субъектов на основе социальных и экономических показателей, акцентируя внимание на нормативно-правовых аспектах формирования рейтингов. Авторы подробно описывают методику начисления баллов, а также влияние рейтинга на доступ субъектов к кредитным, инвестиционным и административным ресурсам [2].

Несмотря на высокую аналитическую ценность, работа не раскрывает практические различия в реализации рейтинговых систем между провинциями, что делает необходимым региональное исследование на примере Шанхая, Цзянсу и Хубэй.

Чжан Вэнь, в статье «Отношение населения Китая к китайской системе социального кредитования», предлагает социологический анализ восприятия системы гражданами, выявляя положительные и негативные оценки в зависимости от уровня доверия к органам власти и экономической активности субъектов [4].

Таким образом, существенным пробелом в исследованиях является недостаточная проработка региональных моделей реализации, что и определяет актуальность данного исследования, направленного на выявление региональных особенностей, эффективных практик и проблемных зон в функционировании системы социального кредита в Шанхае, Цзянсу и Хубэе [5].

Региональные модели реализации системы социального кредита на примере Шанхая

Шанхай – один из наиболее продвинутых регионов по реализации системы социального кредита, что обусловлено его статусом международного финансового центра и высокой концентрацией технологических и финансовых ресурсов. Основной целью функционирования системы социального кредита (ССК) в Шанхае является не только поддержка прозрачности деловой среды, но и укрепление доверия в обществе через стимулы и санкции для физических и юридических лиц [19]. В контексте национальной стратегии социального кредита Шанхай активно интегрирует региональные инициативы с единой платформой данных, создаваемой на уровне Государственного комитета по развитию и реформе КНР [21].

Нормативно-правовая база Шанхая включает «Положение о социальном кредитовании Шанхая», которое определяет права и обязанности участников системы, а также регламентирует механизмы сбора, обработки и обмена информацией [22]. Важным элементом является взаимодействие различных административных органов: 上海市发展

和改革委员会 (Shanghai Development and Reform Commission) отвечает за координацию данных и внедрение инновационных практик, 上海市市场监督管理局 (Shanghai Municipal Market Supervision Administration) осуществляет контроль за соблюдением стандартов корпоративного поведения, а 上海市公共信用信息中心 (Shanghai Public Credit Information Center) обеспечивает хранение и анализ данных [21].

Интеграция с национальной платформой реализуется через автоматизированные системы обмена информацией, что позволяет отслеживать показатели социального кредита не только на уровне компаний, но и граждан [8]. Система мониторинга использует показатели финансовой дисциплины, налоговой отчетности, соблюдения договорных обязательств и социальной активности, а также данные о нарушениях законодательства [7]. Такая практика обеспечивает единый подход к оценке доверия и снижает региональные диспропорции, что особенно важно для мегаполиса с интенсивной миграцией рабочей силы и высоким числом транзакций.

Механизмы поощрения и наказания в Шанхае отличаются комплексностью. Высокий социальный кредит позволяет компаниям и частным лицам получать преимущества в доступе к финансированию, государственным контрактам, лицензированию и образовательным программам [5]. В то же время негативные показатели приводят к ограничениям в кредитовании, участии в государственных тендерах и снижению рейтинговых индикаторов, что стимулирует корректировку поведения [11]. Особое внимание уделяется предпринимательской деятельности и малому бизнесу, где социальный кредит используется как инструмент повышения прозрачности и ответственности [25].

В социальной сфере система также демонстрирует значительный потенциал. Например, отслеживаются показатели оплаты коммунальных услуг, соблюдения правил дорожного движения и участия в волонтерских инициативах, что формирует общий уровень доверия в обществе [6]. Такая интеграция корпоративной и социальной ответственности позволяет создать единый механизм мотивации и контроля, который укрепляет устойчивость как экономической, так и социальной среды.

Тем не менее, Шанхай сталкивается с рядом вызовов. Сбор и обработка больших массивов данных требуют высокого уровня защиты информации и прозрачности алгоритмов оценки, что остается предметом научных и практических дискуссий [14]. Кроме того, несмотря на успешность пилотных проектов, сохраняются проблемы стандартизации оценочных критериев, межведомственного взаимодействия и корректного учета специфики отдельных отраслей [21]. Эти ограничения указывают на необходимость дальнейших исследований и совершенствования практических механизмов социальной оценки.

Опыт Шанхая представляет собой пример эффективной региональной реализации социальной кредитной системы, демонстрируя высокую интеграцию с национальной платформой, комплексные механизмы стимулирования и санкций, а также активное применение в социальной и экономической сферах.

Провинция Цзянсу

Провинция Цзянсу представляет собой один из ведущих регионов Китая по развитию социальной кредитной системы, с акцентом на гармонизацию национальных стандартов и региональных практик. Особенность Цзянсу заключается в высокой экономической активности и развитой промышленной базе, что требует от системы социального кредита комплексного подхода к корпоративной и индивидуальной ответственности. В рамках национальной программы социального кредита Цзянсу активно внедряет механизмы автоматизированного обмена информацией между муниципальными и провинциальными органами, обеспечивая согласованность с практиками, определяемыми 国家发展和改革委员会 (National Development and Reform Commission, NDRC) [17].

Нормативная база провинции представлена «Положением о социальном кредитовании провинции Цзянсу», которое детализируют принципы функционирования системы, критерии оценки и процедуры взаимодействия с субъектами хозяйствования и населением [13]. Центральное место занимает координация между 江苏省发展和改革委员会 (Jiangsu Development and Reform Commission), 江苏省市场监督管理局 (Jiangsu Market Supervision Administration) и 江苏省公共信用信息中心 (Jiangsu Public Credit Information Center), обеспечивающими сбор, хранение и аналитическую обработку данных [19].

Цзянсу активно развивает механизмы межрегионального сотрудничества, особенно в рамках дельты реки Янцзы, что позволяет интегрировать региональные практики с соседними провинциями и мегаполисами [24]. Такая координация повышает эффективность мониторинга корпоративного поведения, налоговой дисциплины, соблюдения контрактов и социальной активности граждан, создавая единый пространственный стандарт оценки социального кредита [9].

Особое внимание в Цзянсу уделяется стимулированию добросовестного предпринимательства. Высокие показатели социального кредита позволяют компаниям и индивидуальным предпринимателям получать преимущества при участии в государственных закупках, доступе к финансовым инструментам и лицензированию, что формирует экономическую среду, ориентированную на прозрачность и ответственность [25]. Параллельно внедряются механизмы санкций для недобросовестных субъектов, включая ограничения на кредитование, участие в тендерах и публикацию рейтинговых индикаторов, что стимулирует корректировку корпоративного поведения [9].

С точки зрения социальной сферы, провинция акцентирует внимание на интеграции данных о гражданах, включая платежную дисциплину, соблюдение законодательства, волонтерскую активность и участие в образовательных программах. Это способствует формированию высокого уровня доверия в обществе и укреплению института социальной ответственности [26]. Такая интеграция корпоративной и социальной ответственности обеспечивает комплексный подход к оценке поведения как юридических, так и физических лиц.

Тем не менее, Цзянсу сталкивается с определенными вызовами. Среди них – необходимость унификации критериев оценки социального кредита для различных отраслей, обеспечение конфиденциальности и безопасности данных, а также поддержание прозрачности алгоритмов оценки [13]. Кроме того, несмотря на успехи в пилотных проектах и межрегиональном взаимодействии, сохраняются вопросы оптимизации межведомственного сотрудничества и повышения адаптивности системы к экономическим и социальным изменениям [19].

Таким образом, модель Цзянсу демонстрирует высокий уровень интеграции региональных практик с национальной стратегией социального кредита, комплексные механизмы поощрения и санкций, а также активное применение как в экономической, так и в социальной сферах. Опыт провинции позволяет выявить как успешные инструменты регулирования, так и проблемные зоны, требующие дальнейших исследований и совершенствования практических механизмов.

Провинция Хубэй

Провинция Хубэй, расположенная в центральной части Китая, представляет собой ключевой транспортный и промышленный хаб с разнообразной экономической структурой. Внедрение системы социального кредита в Хубэе направлено на создание прозрачной, интегрированной среды доверия как для граждан, так и для корпоративного сектора, что особенно актуально для регионов с активной внутренней торговлей и крупными промышленными центрами [12].

На нормативном уровне Хубэй опирается на провинциальные регламенты о социальном кредитовании, а именно «Положение об управлении социальной кредитной информацией провинции Хубэй», которое устанавливает стандарты сбора, обработки и использования кредитной информации, включая индивидуальные и корпоративные данные [12]. Эти документы конкретизируют правила взаимодействия с национальной платформой социальной информации, обеспечивая совместимость региональных и центральных систем и позволяя реализовывать комплексный мониторинг экономической и социальной активности [17].

В Хубэй система социального кредита имеет двойное назначение: она выполняет контрольную функцию, предотвращая финансовые и правовые нарушения, и стимулирует позитивное поведение субъектов. Для физических лиц ключевыми индикаторами являются своевременная уплата налогов, соблюдение договорных обязательств, участие в социально значимых инициативах, включая волонтерскую деятельность и общественные проекты [14]. Для корпоративного сектора оценка включает финансовую дисциплину, соблюдение трудового и экологического законодательства, а также выполнение принципов корпоративной социальной ответственности [9].

Информационная инфраструктура Хубэй ориентирована на интеграцию данных с муниципальных и районных уровней, что позволяет формировать оперативный и прогнозный анализ поведения субъектов системы. Механизмы аналитики больших данных используются для выявления аномалий и потенциальных нарушений, что повышает эффективность административного контроля и снижает риски мошенничества [12]. Исследования показывают, что Хубэй пример успешного внедрения механизма обратной связи, где позитивное поведение вознаграждается льготами, а нарушения – санкциями, что усиливает доверие на рынке и социальную дисциплину [26].

Однако практика показывает, что регион сталкивается с рядом организационных и технических вызовов. Во-первых, различия в квалификации сотрудников и стандартах обработки данных на муниципальном уровне создают дисбаланс в точности рейтингов [2]. Во-вторых, недостаточная унификация процедур в разных отраслях экономики

снижает предсказуемость системы и усложняет интеграцию с национальной платформой [8]. Эти вызовы подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы и стандартизации методик оценки [3].

В целом, опыт Хубэй демонстрирует модель динамичной региональной адаптации национальной системы социального кредита. Он подчеркивает важность взаимодействия между государственными органами, бизнесом и гражданами, а также необходимости развития цифровых платформ, способных обеспечить прозрачность и предсказуемость рейтингов. Данные практики создают фундамент для дальнейших научных исследований в области региональных различий реализации системы социального кредита, ее влияния на экономическую дисциплину и социальную стабильность, а также возможности масштабирования успешных моделей на национальный уровень.

Сводный анализ региональных моделей реализации системы социального кредита

Анализ реализации системы социального кредита в Шанхае, Цзянсу и Хубэе демонстрирует как общие тенденции национальной модели, так и региональные особенности, определяемые социально-экономическим развитием, институциональной инфраструктурой и спецификой локального законодательства[10]. Все три региона функционируют в рамках единой национальной стратегии строительства системы социального кредита, закрепленной в Государственной системе по созданию системы социального кредита (2014–2020)[16] и реализуемой посредством координации между Государственным советом КНР и местными органами власти [22].

С точки зрения институциональной структуры, Шанхай является передовым центром внедрения цифровых платформ для интеграции информации о кредитной истории физических лиц и организаций, что отражает высокую степень цифровизации и развитую систему межведомственного обмена данными. Цзянсу, входящий в дельту Янцзы, демонстрируют активное использование межрегиональных механизмов кооперации, направленных на формирование единого информационного пространства кредитных данных, что способствует минимизации региональных дисбалансов и повышению транспарентности деловой среды. В то же время, Хубэй, обладая менее выраженной финансово-экономической инфраструктурой по сравнению с восточными провинциями, реализует систему социального кредита с акцентом на стимулирование корпоративной ответственности и прозрачности в сфере государственного регулирования.

Различия в региональных моделях проявляются также в приоритетах и методах применения системы социального кредита. В Шанхае основное внимание уделяется интеграции данных о юридических и финансовых нарушениях физических лиц и компаний, а также стимулированию добросовестного поведения через механизмы бонусов и преференций. Цзянсу активно развивает пилотные проекты по использованию социального рейтинга для оценки корпоративной этики, предпринимательской активности и социальной ответственности. В Хубэй ключевым элементом является внедрение системы мониторинга корпоративного мошенничества и защиты прав потребителей, что связано с особенностями региональной экономики и потребностью в укреплении доверия между государством, бизнесом и обществом.

Анализ также выявляет различия в нормативно-правовом регулировании: Шанхай обладает детализированными местными нормативными актами, регулирующими сбор, обработку и использование кредитной информации, тогда как в Цзянсу и Хубэе нормативная база чаще строится на адаптации национальных документов с учетом региональных условий. Эти различия оказывают прямое влияние на эффективность реализации системы социального кредита, степень доверия населения и готовность бизнеса к сотрудничеству с государственными органами.

Наконец, сводный анализ показывает, что, несмотря на региональные различия, все три субъекта придерживаются единой цели – формирование системы социального кредита как инструмента комплексного управления социальными и экономическими процессами, укрепления доверия и совершенствования рыночной инфраструктуры [27]. Сравнительное изучение практик Шанхая, Цзянсу и Хубэя позволяет выявить лучшие региональные практики и определить направления для дальнейшего совершенствования национальной системы: расширение интеграции цифровых платформ, унификация методик оценки кредитоспособности и разработка стимулов для добросовестного поведения как физических лиц, так и юридических субъектов.

Заключение

Таким образом, сводный анализ региональных моделей демонстрирует, что успешное внедрение системы социального кредита требует как соблюдения единых национальных стандартов, так и адаптации к социально-экономическим и институциональным условиям каждого региона.

Эти результаты имеют практическое значение для дальнейших исследований в области совершенствования механизмов социального контроля, корпоративного регулирования и управления общественным доверием, а также для разработки методических рекомендаций по расширению национальной системы социального кредита с учетом региональных особенностей.

Проведенный анализ демонстрирует, что система социального кредита в КНР представляет собой уникальный инструмент государственного регулирования и социального контроля, эффективность которого во многом определяется региональными особенностями. Шанхай, Цзянсу и Хубэй демонстрируют как успешные практики, так и зоны, требующие совершенствования, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к дальнейшему развитию системы.

Литература

1. Афонина Л. А., Виноградов А.В. Система общественного доверия в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 3. С. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254-0. URL: https://rannks.ru/upload/iblock/ed3/230822%20Виноградов%20Система%20общественного%20доверия%20Статья%20в%20ПДВ%20№ 3%202023.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

2. Мяханова А. Н., Эрхитуева Т.И. Формирование социального рейтинга: китайский опыт // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2024. № 3. С. 38–43. URL: https://sciup.org/148329901 (дата обращения: 24.03.2026).

3. Рувинский Р. З., Комарова Т.Д. Система социального кредита в Китайской Народной Республике: нормативно-правовые основания и принципы функционирования // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 1–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnogo-kredita-v-kitayskoy-narodnoy-respublike-normativno-pravovye-osnovaniya-i-printsipy-funktsionirovaniya (дата обращения: 24.03.2026).

4. Чжан Вэнь Отношение населения китая к китайской системе социального кредитования // Социология. 2022. № 2. С. 418–427. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-naseleniya-kitaya-k-kitayskoy-sisteme-sotsialnogo-kreditovaniya (дата обращения: 24.03.2026).

5. Чжан Вэнь Система социального кредитования в китае: опыт и перспективы распространения в россии // Социально-политические науки. 2023. № 2. С. 82–86 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnogo-kreditovaniya-v-kitae-opyt-i-perspektivy-rasprostraneniya-v-rossii (дата обращения: 24.03.2026).

6. Cao Y., Kong D., Tao Y. Evaluation on the Effect of the Pilot Reform of the Social Credit System: From the Perspective of Corporate Social Responsibility // Journal of Finance and Economics (财经研究). – 2022. – Vol. 48, no. 2. – P. 93–108. – DOI: 10.16538/j.cnki.jfe.20211216.101 – URL: https://html.rhhz.net/CJYJ/html/443a04d4-ac8c-4ed7-aea7–7a470d4df979.htm (дата обращения: 24.03.2026).

7. China advances unified social credit information platform // China Daily. 2025. URL: https://cn.chinadaily.com.cn (дата обращения: 15.03.2026).

8. Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control // SSRN Electronic Journal. 2018. P. 35. DOI: 10.2139/ssrn.3175792. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3175792 (дата обращения 20.03.2026).

9. Fang H., Chen L., Xiong J., Zhu Y. Social Trust and Entrepreneurship: Insights from China's Social Credit System // Finance Research Letters. – 2024. – Vol. 62. P. 34. – DOI: 10.1016/j.frl.2024.105118. – URL: https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.105118 (дата обращения: 24.03.2026).

10. Guidelines on further improving the social credit system. Beijing: State Council of the PRC, 2025. URL: http://english.www.gov.cn (дата обращения: 10.03.2026).

11. Huang Z., Tao Y., Wang S. Does Social Credit Environment Reduce Corporate Fraud? // Journal of Renmin University of China. – 2025. – Vol. 39, no. 1. – P. 45–58. – URL: https://www.jryj.org.cn/EN/abstract/abstract1183.shtml (дата обращения: 24.03.2026).

12. Hubei Provincial People's Government. Hubei Province Social Credit Information Management Regulations. Wuhan: Hubei Provincial People's Government, 2017. – 24 p. – URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/hubei-social-credit-information-management-regulations/ (дата обращения: 24.03.2026).

13. Jiangsu Province social credit regulations // China Law Translate. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/jiangsu-sc/ (дата обращения: 18.03.2026).

14. Li Qixuan. Practical Problems and Perfection of Personal Credit Scoring System – a Case Study of Demonstration Cities // Advances in Social Sciences. – 2023. – Vol. 12, no. 6. – P. 3125–3132. – URL: https://pdf.hanspub.org/ASS20230600000_10218846.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

15. Niu G., He Y., Zhao G. Stimulating Entrepreneurship Through the Construction of Credit System: Evidence from China // Journal of Management and Social Science. – 2025. – No. 4. – P. 112–125. – URL: https://jmsc.tju.edu.cn/jmsc/article/abstract/20251104?st=search (дата обращения: 24.03.2026).

16. Planning outline for the construction of a social credit system (2014–2020) // China Law Translate. URL: https://www.chinalawtranslate.com/socialcreditsystem/ (дата обращения: 05.03.2026).

17. Press conference on the development of China's social credit system. Beijing: State Council Information Office of the PRC, 2025. URL: http://www.scio.gov.cn (дата обращения: 19.03.2026).

18. Progress report on the construction of the national social credit system. Beijing: National Development and Reform Commission of the PRC. URL: http://www.ndrc.gov.cn (дата обращения: 11.03.2026).

19. Regional differences in the application of social credit mechanisms // China Daily Column. 2024. URL: https://column.chinadaily.com.cn (дата обращения: 12.03.2026).

20. Regional practices and institutional innovation of social credit governance. Shanghai: Shanghai Development and Reform Commission, 2022. URL: https://credit.fgw.sh.gov.cn/ (дата обращения: 14.03.2026).

21. Regulations of Shanghai Municipality on social credit. Shanghai: Shanghai Municipal People's Congress. URL: https://www.spcsc.sh.cn (дата обращения: 09.03.2026).

22. State Council of the PRC. Opinions on Building a High Standard Market System. Beijing: State Council of the PRC, 2025. – 18 p. – URL: https://www.voachinese.com/a/building-unified-national-market-is-it-leading-china-back-to-planned-economy-or-eliminating-regional-barriers-20220415/6530519.html (дата обращения: 24.03.2026).

23. Yangtze River Delta builds integrated credit cooperation mechanism // China Daily. URL: https://language.chinadaily.com.cn (дата обращения: 10.03.2026).

24. 健全社会信用体系是完善社会主义市场经济体制的重要基础 [Совершенствование ССК – основа рыночной системы] // 中共中央党校 [Партийная школа ЦК КПК]. 2025. URL: https://www.12371.cn/2025/03/31/ARTI1743414562997857.shtml (дата обращения: 24.03.2026).

25. 信用体系建设的创业促进作用：中国经验. Stimulating Entrepreneurship Through Credit System: China Evidence. Journal of Management and Social Science. 2024. (дата обращения: 21.01.2026)

26. 中国社会信用体系改革试点效果评估 – 基于企业社会责任视角. Evaluation of Pilot Reforms on CSR and Social Credit. Shanghai University Economics Review. 2022. (дата обращения: 21.01.2026).

27. 中共中央党校（国家行政学院）. 健全社会信用体系是完善社会主义市场经济体制的重要基础. 2025. (Opinions of the General Office of the State Council of the Central Committee of the Communist Party of China on Improving the Social credit System, 2025). // URL: https://www.12371.cn/2025/03/31/ARTI1743414562997857.shtml

ANALYSIS OF REGIONAL MODELS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL CREDIT SYSTEM IN CHINA: THE CASES OF SHANGHAI AND THE PROVINCES OF JIANGSU AND HUBEI

Kukharchuk G.R.
Russian State Social University

The article examines the Social Credit System in the People's Republic of China as a comprehensive instrument of public governance aimed at fostering trust between the state, businesses, and society. At the same time, regional models in Shanghai, Jiangsu Province, and Hubei demonstrate that each territory employs distinct implementation approaches shaped by its specific socio-economic and institutional context. This makes it possible to identify both nationwide trends and local particularities in the functioning of this institution. Based on an analysis of academic literature and regulatory frameworks, the study shows that existing research primarily focuses on the national level, leaving regional variations insufficiently explored. In this regard, the present study addresses this gap through a comparative analysis of the implementation practices of the Social Credit System under different socioeconomic conditions.

Shanghai emerges as a leader in digital integration and institutional coordination, demonstrating a high level of automation and well-developed mechanisms for incentivizing compliant behavior. Jiangsu Province is characterized by active interregional cooperation and a strong focus on corporate social responsibility, while Hubei emphasizes transparency in economic processes and the strengthening of regulatory and supervisory functions.

The study identifies key challenges in the system's implementation, including the need to standardize evaluation criteria, enhance algorithmic transparency, and ensure data security. At the same time, effective practices that contribute to increasing trust and social discipline are highlighted.

It is concluded that the successful functioning of the Social Credit System requires a combination of unified national standards and flexible regional adaptation. The findings have both theoretical and practical significance for the further development of social regulation mechanisms and the improvement of public policy in this field.

Keywords: social credit system, China, Shanghai, Hubei, regional models, social trust, corporate responsibility, state regulation

References

1. Afonina, L. A., Vinogradov, A. V. "The System of Public Trust in the PRC." Problemy Dal'nego Vostoka (Problems of the Far East). 2023, no. 3, pp. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254-0. Available at: https://rannks.ru/upload/iblock/ed3/230822%20Vinogradov%20System%20of%20Public%20Trust%20Article%20in%20PDV%20No. 3%202023.pdf (accessed on March 24, 2026).

2. Myakhanova, A. N., Erkhitueva, T. I. "Formation of Social Rating: Chinese Experience." Bulletin of BSU. Humanitarian Studies of Inner Asia. 2024. No. 3. pp. 38–43. URL: https://sciup.org/148329901 (date of access: 24.03.2026).

3. Ruvinsky R.Z., Komarova T.D. The social credit system in the People's Republic of China: regulatory and legal foundations and principles of operation // NB: Administrative law and administration practice. 2020. No. 4. pp. 1–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnogo-kredita-v-kitayskoy-narodnoy-respublike-normativno-pravovye-osnovaniya-i-printsipy-funktsionirovaniya (date of access: 24.03.2026).

4. Zhang Wen. "The Attitude of the Chinese Population Toward the Chinese Social Credit System" // Sociology. 2022. No. 2. pp. 418–427. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-naseleniya-kitaya-k-kitayskoy-sisteme-sotsialnogo-kreditovaniya (accessed: 24.03.2026).

5. Zhang Wen. "The Social Credit System in China: Experience and Prospects for Dissemination in Russia" // Social and Political Sciences. 2023. No. 2. pp. 82–86 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnogo-kreditovaniya-v-kitae-opyt-i-perspektivy-rasprostraneniya-v-rossii (date of access: 03/24/2026).

6. Cao Y., Kong D., Tao Y. Evaluation on the Effect of the Pilot Reform of the Social Credit System: From the Perspective of Corporate Social Responsibility // Journal of Finance and Economics (财经研究). – 2022. – Vol. 48, no. 2. – P. 93–108. – DOI: 10.16538/j.cnki.jfe.20211216.101 – URL: https://html.rhhz.net/CJYJ/html/443a04d4-ac8c-4ed7-aea7–7a470d4df979.htm (accessed: March 24, 2026).

7. China advances unified social credit information platform // China Daily. 2025. URL: https://cn.chinadaily.com.cn (accessed: March 15, 2026).

8. Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control // SSRN Electronic Journal. 2018. P. 35. DOI: 10.2139/ssrn.3175792. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3175792 (accessed March 20, 2026).

9. Fang H., Chen L., Xiong J., Zhu Y. Social Trust and Entrepreneurship: Insights from China's Social Credit System // Finance Research Letters. – 2024. – Vol. 62. P. 34. – DOI: 10.1016/j.frl.2024.105118. – URL: https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.105118 (access date: 03/24/2026).

10. Guidelines on further improving the social credit system. Beijing: State Council of the PRC, 2025. URL: http://english.www.gov.cn (access date: 03/10/2026).

11. Huang Z., Tao Y., Wang S. Does Social Credit Environment Reduce Corporate Fraud? // Journal of Renmin University of China. – 2025. – Vol. 39, no. 1. – P. 45–58. – URL: https://www.jryj.org.cn/EN/abstract/abstract1183.shtml (access date: 03/24/2026).

12. Hubei Provincial People's Government. Hubei Province Social Credit Information Management Regulations. Wuhan: Hubei Provincial People's Government, 2017. – 24 p. – URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/hubei-social-credit-information-management-regulations/ (access date: 03/24/2026).

13. Jiangsu Province social credit regulations // China Law Translate. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/jiangsu-sc/ (accessed 03/18/2026).

14. Li Qixuan. Practical Problems and Perfection of Personal Credit Scoring System – a Case Study of Demonstration Cities // Advances in Social Sciences. – 2023. – Vol. 12, no. 6. – P. 3125–3132. – URL: https://pdf.hanspub.org/ASS20230600000_10218846.pdf (access date: 03/24/2026).

15. Niu G., He Y., Zhao G. Stimulating Entrepreneurship Through the Construction of the Credit System: Evidence from China // Journal of Management and Social Science. – 2025. – No. 4. – P. 112–125. – URL: https://jmsc.tju.edu.cn/jmsc/article/abstract/20251104?st=search (access date: 03/24/2026).

16. Planning outline for the construction of a social credit system (2014–2020) // China Law Translate. URL: https://www.chinalawtranslate.com/socialcreditsystem/ (access date: 03/05/2026).

17. Press conference on the development of China's social credit system. Beijing: State Council Information Office of the PRC, 2025. URL: http://www.scio.gov.cn (access date: 03/19/2026).

18. Progress report on the construction of the national social credit system. Beijing: National Development and Reform Commission of the PRC. URL: http://www.ndrc.gov.cn (access date: 03/11/2026).

19. Regional differences in the application of social credit mechanisms // China Daily Column. 2024. URL: https://column.chinadaily.com.cn (access date: 03/12/2026).

20. Regional practices and institutional innovation of social credit governance. Shanghai: Shanghai Development and Reform Commission, 2022. URL: https://credit.fgw.sh.gov.cn/ (accessed Message: 03/14/2026).

21. Regulations of Shanghai Municipality on social credit. Shanghai: Shanghai Municipal People's Congress. URL: https://www.spcsc.sh.cn (access date: 03/09/2026).

22. State Council of the PRC. Opinions on Building a High Standard Market System. Beijing: State Council of the PRC, 2025. – 18 p. – URL: https://www.voachinese.com/a/building-unified-national-market-is-it-leading-china-back-to-planned-economy-or-eliminating-regional-barriers-20220415/6530519.html (access date: 03/24/2026).

23. Yangtze River Delta builds integrated credit cooperation mechanism // China Daily. URL: https://language.chinadaily.com.cn (access date: 03/10/2026).

24. 健全社会信用体系是完善社会主义市场经济体制的重要基础 [Improving the SSC is the basis of the market system] // 中共中央党校[Party School of the CPC Central Committee]. 2025. URL: https://www.12371.cn/2025/03/31/ARTI1743414562997857.shtml (access date: 03/24/2026).

25. 信用体系建设的创业促进作用：中国经验. Stimulating Entrepreneurship Through the Credit System: China Evidence. Journal of Management and Social Science. 2024. (access date: 01/21/2026)

26. 中国社会信用体系改革试点效果评估 – 基于企业社会责任视角. Evaluation of Pilot Reforms on CSR and Social Credit. Shanghai University Economics Review. 2022. (date of access: 01/21/2026).

27. 中共中央党校（国家行政学院）. 会信用体系是完善社会主义市场经济体制的重要基础. 2025. (Opinions of the General Office of the State Council of the Central Committee of the Communist Party of China on Improving the Social credit System, 2025). // URL: https://www.12371.cn/2025/03/31/ARTI1743414562997857.shtml

«Человеческие ресурсы» и ressources humaines: терминологический аппарат на примере французского и русского экономического дискурса

Метелькова Лилия Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: lilia.metelkova@gmail.com

В статье рассматривается терминологический аппарат в области управления персоналом на примере русского термина «человеческие ресурсы» и французского термина «*ressources humaines*». Актуальность исследования обусловлена отсутствием единого понимания данных понятий в отечественной и зарубежной науке, что создает сложности для межъязыковой коммуникации и научного диалога. Цель работы – выявить сходства и различия в содержании понятий между русскоязычным и франкоязычным терминами «человеческие ресурсы» и «*ressources humaines*». На основе историко-этимологического и сравнительного анализа установлено, что русское понятие «человеческие ресурсы» является калькой с английского *human resources* и тесно связан с традициями советской плановой экономики, в то время как французский термин *ressources humaines* органично вписывается в западную систему управления персоналом, передавая особенности французской управленческой системы. Результаты исследования имеют значение для развития терминосистемы управления человеческими ресурсами в межкультурном контексте.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, *ressources humaines* трудовые ресурсы, терминология, французский язык, русский язык, управление персоналом, перевод.

Современная наука об управлении сталкивается с необходимостью определения терминологического аппарата при описании ключевого фактора производства – человека. В русском языке для обозначения совокупности работников используются самые разные термины «трудовые ресурсы», «кадры», «персонал», «человеческие ресурсы», «человеческий капитал», при этом, имея различия в своих определениях, они нередко используются как синонимы, что затрудняет научный дискурс, когда речь идет о межкультурной коммуникации в сфере менеджмента. В французском языке терминосистема «*ressources humaines*» также прошла эволюцию, но с иными культурно-историческими особенностями, и для обозначения совокупности работников наряду с *ressources humaines* можно встретить *personnel, effectifs, main-d'œuvre, capital humain* и др.

Вопрос терминологической корректности становится особенно острым в контексте диалога культур в сфере управления. Как справедливо отмечают исследователи, неточный перевод базового понятия может не только исказить его смысл, но и некорректно «встроить» его в чуждую идеологическую или экономическую систему. Цель данного исследования – провести сравнительный анализ понятий *ressources humaines* (французский) и «человеческие ресурсы» (русский) с точки зрения их этимологии, семантического и культурного содержаний.

Исследование выполнено в рамках сравнительно-сопоставительного и историко-этимологического подходов. Материалом для анализа послужили научные статьи российских и зарубежных авторов, словарные определения, а также работы по теории менеджмента.

Рассмотрим этимологию терминов «человеческие ресурсы» и «ressources humaines».

Французский термин *ressources humaines* происходит от латинского *resurgere* («возникать, восстанавливаться») и через французское *ressource* («средство, запас, возможность») вошел в управленческий лексикон в 80-е годы XX века в рамках концепций Мичиганской и Гарвардской школ.

Русский термин «человеческие ресурсы» является прямой калькой с английского *human resources*. Исторически в России для обозначения работников применялся термин «трудовые ресурсы», введенный в 1922 году академиком С.Г. Струмилиным для планово-учетных целей. Это понятие относилось к части населения в трудоспособном возрасте и носило четкий количественный, «инвентаризационный» характер, характерный для индустриальной экономики.

Сравнительный анализ понятий представленный в таблице, свидетельствует о том, что в научной литературе отсутствует единое общепринятое определение понятий «человеческие ресурсы» и «управление человеческими ресурсами», что приводит к размыванию границ между терминами [1].

Как подчеркивает Э.Н. Разнодежина, человеческие ресурсы – это «совокупность всех способностей и навыков у людей, как реальных, так и потенциальных» [2]. При этом автор отмечает, что развитие человеческих ресурсов происходит «в результате накопления качественных изменений в процессе эволюции экономической системы». Данное определение акцентирует внимание на качественной, а не количественной природе понятия.

И.А. Кулькова в своем исследовании выделяет шесть уровней управления человеческими ресурсами и отмечает, что вопросы управления человеческими ресурсами пронизывают все экономические науки [3]. Это свидетельствует о междисциплинарном характере термина и его широкой научной значимости.

В словарях понятие «ресурсы» часто трактуются как «денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов». Это подчеркивает функциональную сторону термина, которая в русском контексте смещается в сторону «запасов» и «количества».

Анализ публикаций в деловых и академических средствах информации позволяет проиллюстрировать различия в контекстах употребления рассматриваемых терминов.

Во французских изданиях термин *ressources humaines* употребляется в широком стратегическом плане. Например, в публикации Le Monde (2023) отмечается, что *direction des ressources humaines (RH)* «пилотирует кадровую политику на службе стратегии предприятия»,

а сама функция рассматривается как инструмент «сопровождения изменений» и развития «качества жизни на работе» [4]. Аналогично, в материале Les Echos (2026) подчеркивается, что *politique RH* является «капиталом вашего предприятия» [5]. Исследование OECD определяет функцию ресурсов человеческих (*fonction ressources humaines*) как совокупность акторов, ответственных за «управление, развитие и оптимизацию человеческого капитала» администрации, что выводит термин на макроуровень государственного управления [6].

Таблица 1. Сравнительный анализ понятий «человеческие ресурсы» и «ressources humaines»

Аспект сравнения	*Ressources humaines*	«Человеческие ресурсы»
Концептуальный подход	Информационный, постиндустриальный. Человек – субъект творческой деятельности, создатель информационных продуктов.	Переходный (от индустриального к информационному). Часто отождествляется с персоналом организации.
Системообразующий признак	Способность (реализованная и нереализованная), потенциал.	Занятость (фактическая и потенциальная).
Охват	Вся совокупность населения (включая детей и пенсионеров) как носителей способностей.	Чаще сужается до персонала предприятия, либо до экономически активного населения.
Способ оценки	Качественный и количественный (акцент на компетенциях, креативности).	Исторически – количественный («учет кадров»). В современной теории декларируется качественный подход.
Цель управления	Развитие, раскрытие потенциала, инвестиции в человеческий капитал.	Использование (в советской традиции). В современных концепциях – развитие.

В русскоязычных медиа термин «человеческие ресурсы» чаще употребляется в более узком или количественном контексте. Так, в рейтинге научно-технологического развития регионов России, опубликованном «Коммерсантом», используется термин «человеческие ресурсы», который объединяет показатели, «характеризующие человеческие ресурсы и материально-техническую базу, задействованные в сфере науки и технологий» [7]. Это отражает «инвентаризационный» подход к термину.

В деловой практике на уровне компании «человеческие ресурсы» трактуются как «сотрудники компании» и противопоставляются другим видам ресурсов – финансовым, материальным, временным.

В русской терминосистеме «человеческие ресурсы» занимают промежуточное положение, часто пересекаясь с «трудовыми ресурсами» (макроуровень, трудоспособное население) и «персоналом» (микроуровень, штат организации). Исследователи отмечают, что «человеческие ресурсы» являются более широким понятием, чем «трудовые ресурсы», так как включают социокультурные и психологические характеристики, а также потенциал развития. Как отмечает Э.Н. Разнодежина, «человеческие ресурсы характеризуются трудовыми профессиональными, творческими, социальными и тому подобными навыками» [2].

Во французском контексте *ressources humaines* четко дистанцируется от *main-d'œuvre* («рабочая сила») и *personnel* («персонал»). *Ressources humaines* подразумевает стратегический подход, где люди рассматриваются как актив, в который необходимо инвестировать, а не как издержки.

Во французской политической и социальной мысли термин *main-d›œuvre* действительно уходит корнями в марксистскую и синдикалистскую традицию XIX–XX веков. Он обозначает рабочую силу как товар, который продаётся на рынке, а также подразумевает физический труд (*œuvre* – работа, *main* – рука).

Во французских компаниях переход от *main-d›œuvre* к *ressources humaines* в 1980-х годах был сознательным разрывом:

a) *main-d'œuvre* – это издержки (*coûts*), которые нужно минимизировать, оптимизировать тарификацию и нормировать.

b) *ressources humaines* – это актив, который приносит добавленную стоимость (*valeur ajoutée*) через компетенции, креативность и вовлечённость.

Во Франции этот переход совпал с законами Обри 1982 года, когда работник перестал быть просто исполнителем и стал участником управления предприятием.

Термин *personnel* во французском контексте ассоциируется с административно-бюрократической функцией эпохи «Славного тридцатилетия» (фр. Les Trente Glorieuses) (1945–1975):

a) *service du personnel* занимался учётом больничных, отпусков, дисциплинарными взысканиями и расчётом зарплат.

b) вертикальная, иерархическая модель: начальник – подчинённый.

Ressources humaines же, напротив, предполагает горизонтальные и стратегические связи (управление талантами (*gestion des talents*), развитие лидерства (*développement du leadership*), управление карьерой (*gestion de carrière*), стратегическое планирование кадров (*Gestion Prévisionnelle des Emplois et des Compétences* – прогнозирование и планирование персонала, кадров и компетенций).

Французская традиция допускает использование *ressources humaines* как для описания кадрового состава компании (*DRH – Directeur des Ressources Humaines*), так и для обозначения «человеческого капитала» нации.

Важно отметить, что во Франции термин «capital humain» используется реже и с некоторой долей осторожности, связано это с тем, что слово *capital* ассоциируется с финансовым капиталом и может звучать как «использование людей». Поэтому французские HR-директора (DRH) предпочитают именно *ressources humaines*, чтобы сохранить баланс между экономической эффективностью и социальным асептктом (*dimension sociale*).

В российской научной литературе под «человеческим капиталом» понимается имеющийся у человека запас знаний, способностей, навыков, мотиваций, интеллект, здоровье, знания, качественный производительный труд и качество жизни. Инвестициями в него выступают образование, накопление профессионального опыта, охрана здоровья и др. Термин «человеческий капитал» был предложен в 1961 году Т. Шульцем. В российском обществе интерес к этому понятию возник относительно недавно, и изучение того, каким образом можно повысить эффективность вложения в индивидуальный человеческий капитал, остается актуальным [8].

Как отмечает Н.А. Николаев, общими для определений «человеческих ресурсов» являются такие элементы, как человек в качестве субъекта трудовой деятельности, а также физические и духовные характеристики человека, которые можно потенциально использовать в трудовой деятельности [1]. И.А. Кулькова подчеркивает, что «вопросы управления человеческими ресурсами пронизывают все экономические науки», что делает эту терминологическую проблему особенно значимой для междисциплинарных исследований [3].

Проведенный сравнительный анализ понятий *ressources humaines* (французский) и «человеческие ресурсы» (русский) позволяет сформулировать следующие выводы:

– во французском контексте *ressources humaines* последовательно трактуются как стратегический актив и «капитал предприятия», подлежащий развитию и инвестированию; в русскоязычных источниках термин «человеческие ресурсы» чаще фигурирует в количественно-учетных контекстах – как статистический индикатор или элемент «материально-технической базы», что коррелирует с советской планово-учетной традицией.

– во французских медиа *RH* активно используется как в макроэкономическом контексте (государственное управление), так и на уровне отдельной компании (политика управления персоналом); в русскоязычных источниках «человеческие ресурсы» либо сужается до уровня организации (противопоставляется финансовым и материальным ресурсам), либо используется как статистический показатель.

Выявленные различия подтверждают, что прямой перевод *human resources* как «человеческие ресурсы» является семантически неполным. Для точной передачи управленческого смысла в русском языке следовало бы использовать либо описательные конструкции («управление человеческим потенциалом»), либо адаптировать кальку с сохранением единственного числа («человеческий ресурс»), что, однако, не прижилось в русскоязычной практике. Как отмечает И.А. Кулькова, «развитие IT-технологий оказывает влияние на изменение исследований на всех уровнях управления» человеческими ресурсами, что требует дальнейшего уточнения терминологического аппарата [3].

Литература

1. Николаев Н. А. «Человеческие ресурсы» в системе понятий менеджмента и экономики труда // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 2. С. 7–14. DOI: 10.24143/2073-5537-2019-2-7-14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-resursy-v-sisteme-ponyatiy-menedzhmenta-i-ekonomiki-truda

2. Разнодежина Э.Н. Человеческие ресурсы: их роль и значение // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2011. – № 1 (25). – № гос. рег. статьи 0421100034/. – Режим доступа к журн.: http://uecs.mcnip.ru.

3. Кулькова Инна Анатольевна Перспективы развития экономических наук о человеческих ресурсах // Human Progress. 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-ekonomicheskih-nauk-o-chelovecheskih-resursah (дата обращения: 11.08.2026).

4. Le Monde. Les données au service des ressources humaines. 2023. URL: https://www.lemonde.fr/blog/binaire/2023/03/24/les-donnees-au-service-des-ressources-humaines/

5. Les Echos. Recrutement et management: les clés d'une politique RH réussie. 2026. URL: https://entrepreneurs.lesechos.fr/developpement-entreprise/management/recrutement-et-management-les-cles-dune-politique-rh-reussie-2245333

6. Коммерсантъ. Четыре региона Черноземья упали в рейтинге по научно-технологическому развитию. 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8139063

7. OECD. Développer une fonction RH résiliente dans la fonction publique française. 2026. URL: https://www.oecd.org/fr/publications/developper-une-fonction-rh-resiliente-dans-la-fonction-publique-francaise_6f351772-fr/

8. Sukhova E., Saraeva N. Higher Education As an Investment in Individual Human Capital // Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia. 2015. No. 4. Pp. 65–68. DOI: https://doi.org/10.12737/13244 (Date of access 11.08.2026).

«HUMAN RESOURCES» AND «RESSOURCES HUMAINES»: TERMINOLOGICAL FRAMEWORK IN FRENCH AND RUSSIAN ECONOMIC DISCOURSE

Melelkova L.A.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article examines the terminological framework in the field of human resource management, using the Russian term «human resources» and the French term «ressources humaines» as examples. The relevance of this research stems from the lack of a unified understanding of these concepts, which creates difficulties for cross-linguistic communication and scholarly dialogue. The aim of this study is to identify similarities and differences in the conceptual content between the Russian and French terms «human resources» and «ressources humaines». Based on a historical-etymological and comparative analysis, it has been established that the Russian concept «human resources» is a calque of the English «human resources» and is closely linked to the traditions of the Soviet planned economy, while the French term «ressources humaines» fits organically into the Western system of personnel management, reflecting the characteristics of the French management paradigm. The findings of this study are significant for the development of the terminological system of human resources management in an intercultural context.

Keywords: human resources, ressources humaines, labour resources, terminology, French, Russian, personnel management, translation.

References

1. Nikolaev N.A. "Human Resources" in the System of Concepts of Management and Labor Economics // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2019. No. 2. Pp. 7–14. DOI: 10.24143/2073-5537-2019-2-7-14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-resursy-v-sisteme-ponyatiy-menedzhmenta-i-ekonomiki-truda

2. Raznodezhina E.N. Human Resources: Their Role and Importance // Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal, 2011. – No. 1 (25). – State Registration Number of the Article 0421100034/. – Access Mode to the Journal: http://uecs.mcnip.ru.

3. Inna Anatolyevna Kulkova, "Prospects for the Development of Economic Sciences on Human Resources," Human Progress. 2015, No. 1, available at: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-ekonomicheskih-nauk-o-chelovecheskih-resursah (accessed on August 11, 2026).

4. Le Monde. "Recruitment and Management: Key Elements of Human Resources Policy." 2023, available at: https://www.lemonde.fr/blog/binaire/2023/03/24/les-donnees-au-service-des-ressources-humaines/

5. Les Echos. Recruitment and Management: Key Elements of Human Resources Policy. 2026. URL: https://entrepreneurs.lesechos.fr/developpement-entreprise/management/recrutement-et-management-les-cles-dune-politique-rh-reussie-2245333

6. Kommersant. Four regions of the Black Earth Region fell in the scientific and technological development ranking. 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8139063

7. OECD. Developing a RH function in the French public domain. 2026. URL: https://www.oecd.org/fr/publications/developper-une-fonction-rh-resiliente-dans-la-fonction-publique-francaise_6f351772-fr/

8. Sukhova E., Saraeva N. Higher Education As an Investment in Individual Human Capital // Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia. 2015. No. 4. Pp. 65–68. DOI: https://doi.org/10.12737/13244 (Date of access 08/11/2026).

Негосударственные акторы секьюритизации в системе обеспечения национальной безопасности современной России

Моисеенко Егор Сергеевич,
аспирант кафедры политических процессов
и технологий Университета мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского
E-mail: cumcumych@yandex.ru

В статье исследуется роль негосударственных акторов секьюритизации – политических партий, медиа, экспертных сообществ и Русской православной церкви – в системе обеспечения национальной безопасности современной России. Теоретической основой выступает аппарат копенгагенской школы исследований безопасности в авторской модификации: секторальная схема расширена до семи секторов (включая информационный и культурно-цивилизационный), а негосударственные акторы включены в аналитическую модель в качестве самостоятельных участников. Показано, что их участие реализуется через четыре качественно различных механизма – трансляцию, со-конструирование, селективную автономию и повестко-образующее давление, – каждый из которых опирается на специфический ресурс актора: репрезентативный, коммуникационный, эпистемический и сакрально-нормативный. Процессуальная декомпозиция секьюритизационного цикла (инициирование – легитимация – институциональное закрепление) выявляет структурную асимметрию вклада негосударственных акторов: он максимален и незаместим на стадии легитимации и возрастает на стадии инициирования. Динамический анализ фиксирует эволюцию от моноцентричной секьюритизации с периферийной акторностью (2014–2021) через полицентричную секьюритизацию с конкуренцией рамок (2022–2024) к рутинизации распределённой модели (2025–2026). Делается вывод о подтверждении гипотезы в усиленной формулировке: негосударственные акторы являются не факультативным, а конститутивным элементом российской модели обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: секьюритизация; негосударственные акторы; национальная безопасность; копенгагенская школа; политические партии; медиа; экспертные сообщества; Русская православная церковь; легитимация; повестко-образующее давление.

Введение

Трансформация системы обеспечения национальной безопасности в современной России характеризуется не только расширением доктринально-нормативной базы [2; 3] и усилением роли профильных государственных институтов, но и заметной активизацией негосударственных акторов, участвующих в конструировании повестки безопасности. Политические партии, средства массовой информации, экспертные сообщества и религиозные институты всё чаще выступают не пассивными ретрансляторами официальной рамки, а самостоятельными участниками секьюритизационного процесса: инициируют постановку проблем в логике экзистенциальной угрозы, легитимируют или корректируют государственные секьюритизирующие ходы, а в отдельных случаях навязывают государству собственную повестку.

Целью исследования является определение и типологизация механизмов взаимодействия негосударственных акторов секьюритизации с государством в системе обеспечения национальной безопасности современной России. Гипотеза состоит в том, что негосударственные акторы играют существенную и возрастающую роль в секьюритизационных процессах, а их взаимодействие с государством не сводится к субординации и реализуется через набор дифференцированных механизмов, включая механизм селективной автономии. В предшествующих публикациях автором была предложена общая типология акторов секьюритизации; в настоящей статье механизмы раскрываются процессуально – через стадии инициирования, легитимации и институционального закрепления секьюритизирующего хода.

Теоретической основой исследования выступает концепция секьюритизации копенгагенской школы (Б. Бузан, О. Вэвер, Я. де Вильде), понимающая безопасность как результат речевого акта, посредством которого проблема выводится из сферы обычной политики в сферу чрезвычайных мер [8; 9; 11]. Классическая модель, ориентированная преимущественно на государственных акторов и пятисекторную структуру, адаптирована автором к российскому контексту: секторальная схема расширена до семи секторов (добавлены информационный и культурно-цивилизационный), а круг секьюритизирующих акторов дополнен негосударственными институтами.

Типология негосударственных акторов секьюритизации

Критерии выделения акторов

Классическая модель различает секьюритизирующих (securitizing actors) и функциональных (functional actors) акторов [9], однако в российском контексте это разграничение недостаточно дискриминативно: один и тот же институт способен выступать в обеих ролях в зависимости от сектора и конъюнктуры [1]. Поэтому негосударственных акторов секьюритизации предлагается определять по трём основаниям:

а) ресурс легитимации – источник, придающий речевым актам актора убедительность в глазах аудитории: электоральный мандат (партии), охват и повестко-образующий потенциал (медиа), экспертное знание (аналитические центры), сакральный и морально-нравственный авторитет (Русская православная церковь);

б) степень автономии от государства – способность актора инициировать секьюритизацию самостоятельно, вне государственного заказа или официальной рамки; данный критерий образует континуум от полной субординации до конкурентной автономии;

в) секторальная специализация – преимущественная локализация активности актора в одном или нескольких из семи секторов авторской модели.

Четыре типа негосударственных акторов

Политические партии обладают формализованным каналом трансляции секьюритизирующих ходов – парламентской трибуной и законодательной инициативой: только партии способны непосредственно конвертировать успешную секьюритизацию в нормативные акты. Их ресурс легитимации – электоральный мандат; секторальная специализация дифференцирована по партийным нишам (социально-экономический сектор для левых партий, миграционная проблематика для ЛДПР).

Медиа выполняют двойную функцию: являются каналом доставки секьюритизирующих ходов иных акторов до аудитории (функциональная роль) и самостоятельно конструируют повестку угроз (акторная роль). Принципиально для периода 2022–2026 гг. значение сегментации медиаполя: наряду с федеральными СМИ, тесно интегрированными в государственную рамку, сформировался телеграм-сегмент с существенно более высокими автономией и скоростью реакции – самостоятельный секьюритизирующий контур.

Экспертные сообщества опираются на ресурс специализированного знания и выполняют функцию рационализации секьюритизации: переводят речевые акты из публицистической грамматики угрозы в аналитический формат, приемлемый для лиц, принимающих решения. Специфика данного типа акторов – способность работать в обоих направлениях: не только обосновывать секьюритизацию, но и предлагать десекьюритизирующие рамки [11], переводя сюжеты из логики экзистенциальной угрозы в логику управляемой конкуренции.

Русская православная церковь занимает особое место в типологии как институт, конституционно отделённый от государства при фактически высокой степени включённости в конструирование культурно-цивилизационной повестки безопасности. Её ресурс легитимации – морально-нравственный авторитет – невоспроизводим иными акторами, что обеспечивает РПЦ монопольную позицию в сакрализации референтных объектов защиты («традиционные ценности», «духовный суверенитет»).

Механизмы взаимодействия с государством

Взаимодействие негосударственных акторов с государством реализуется через четыре базовых механизма, различающихся направленностью инициативы и степенью совпадения рамок.

Механизм трансляции – воспроизводство и распространение государственной секьюритизирующей рамки без её содержательной модификации: актор выступает мультипликатором официального речевого акта, расширяя его аудиторию. Механизм доминирует в военно-политическом секторе на всём протяжении исследуемого периода.

Механизм со-конструирования – совместная выработка секьюритизирующей рамки, при которой негосударственный актор участвует в определении референтного объекта и характера угрозы. Показательный пример – участие РПЦ и экспертных сообществ в формировании концепта «традиционных ценностей», получившего затем доктринальное закрепление [6]: содержательное наполнение концепта формировалось негосударственными акторами до его нормативной институционализации.

Механизм селективной автономии – способность актора самостоятельно инициировать секьюритизацию в «своём» секторе при воспроизводстве государственной рамки в остальных; именно он фиксирует акторную, а не инструментальную природу негосударственных участников.

партии – автономная секьюритизация социально-экономической повестки парламентской оппозицией (представление пенсионной реформы 2018 г. как угрозы социальной стабильности КПРФ и «Справедливой Россией» при полном консенсусе с официальной рамкой во внешнеполитическом секторе); устойчивая автономная секьюритизация миграционной проблематики ЛДПР;

РПЦ – автономная, а в отдельных эпизодах расходящаяся с государственной линией секьюритизация цифровизации (биометрия, QR-коды периода пандемии, электронные удостоверения) при действии в связке с государством в культурно-цивилизационном секторе;

медиа – секьюритизация миграционной темы телеграм-сегментом и рядом изданий после теракта в «Крокус Сити Холле» (март 2024 г.), опережавшая официальную рамку и фактически навязавшая государству повестку, – редкий для российского контекста случай «секьюритизации снизу»;

экспертные сообщества – автономия в обратном направлении: периодическое продвижение десекьюритизирующих рамок (РСМД, клуб «Валдай»), демонстрирующее двунаправленность механизма – селективная автономия работает не только на усиление, но и на снятие грамматики угрозы.

Механизм повестко-образующего давления – предельная форма автономии, при которой негосударственный актор не просто действует самостоятельно в своём секторе, но принуждает государство к ответной секьюритизации, изменяя иерархию угроз в официальной рамке. Кейс миграционной повестки 2024–2026 гг. показывает переход медиа от селективной автономии к данному механизму.

Четыре механизма образуют шкалу возрастания акторности: от трансляции через со-конструирование и селективную автономию к повестко-образующему давлению (рис. 1). Позиция конкретного актора на шкале не фиксирована: она варьируется по секторам и этапам периода 2014–2026 гг., что и составляет предмет анализа последующих разделов.

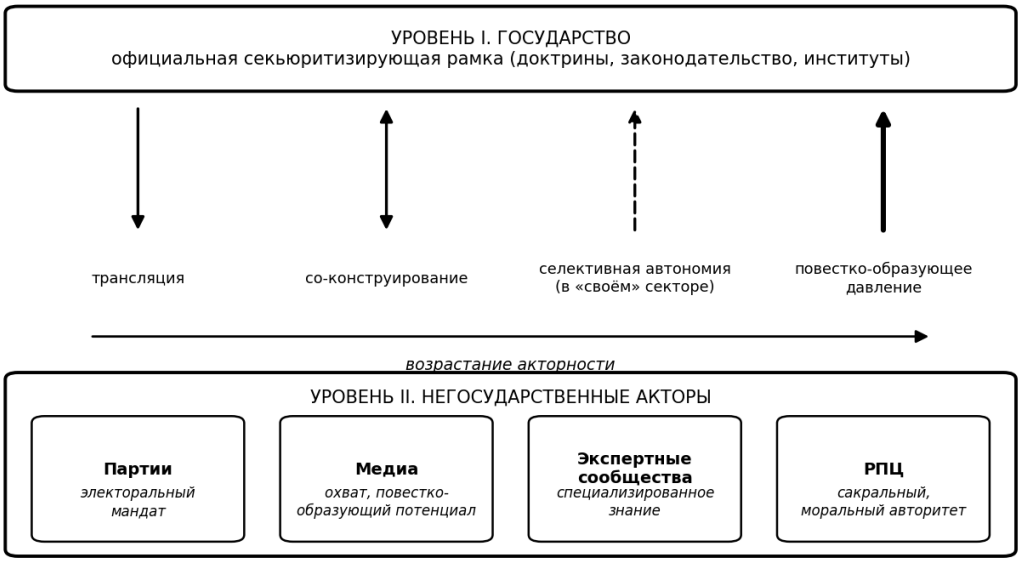

Рис. 1. Двухуровневая конфигурация взаимодействия государства и негосударственных акторов секьюритизации

Процессуальная модель участия негосударственных акторов в секьюритизации

Классическая модель описывает секьюритизацию как единый речевой акт, успешность которого определяется принятием аудиторией; для анализа секьюритизации как длящегося процесса с множеством участников этого недостаточно [7; 10]. Поэтому секьюритизационный цикл декомпозируется на стадии инициирования, легитимации и институционального закрепления: это позволяет зафиксировать, на каких этапах и через какие механизмы в процесс включаются негосударственные акторы.

Стадия инициирования: постановка проблемы в грамматике угрозы

Инициирование – первичный секьюритизирующий ход: публичная постановка проблемы в грамматике экзистенциальной угрозы, требующей выхода за рамки обычной политики. Для негосударственных акторов доступ к этой стадии опосредован селективной автономией и повестко-образующим давлением, причём с отчётливой секторальной асимметрией: в военно-политическом и внешнеполитическом контекстах инициирование остаётся государственной монополией, тогда как в со-

циальном, информационном и культурно-цивилизационном секторах негосударственное инициирование становится регулярной практикой.

Типовые траектории инициирования различаются по акторам. Партийное инициирование реализуется через связку «публичное заявление – парламентский запрос – законодательная инициатива»: секьюритизация миграционной проблематики ЛДПР на протяжении всего периода воспроизводила данную траекторию, конвертируя риторическую постановку угрозы в пакеты законопроектов. Медийное инициирование строится по событийной логике: триггерное событие используется как точка входа для переопределения проблемы в грамматике угрозы, что наиболее рельефно проявилось в секьюритизации миграционной темы телеграм-сегментом после теракта в «Крокус Сити Холле». Экспертное инициирование имеет упреждающий характер: аналитические доклады формулируют угрозу до её актуализации в массовой повестке, создавая концептуальный задел для последующих государственных секьюритизирующих ходов. Церковное инициирование локализовано в зоне пересечения культурно-цивилизационного и информационного секторов (цифровизация как угроза духовной автономии личности) и отличается наибольшей независимостью от государственной конъюнктуры.

Стадия легитимации: конвертация речевого акта в общественное принятие

Легитимация – стадия, на которой секьюритизирующий ход принимается или отвергается аудиторией, – зона максимального и незаместимого вклада негосударственных акторов: легитимация, исходящая исключительно от официальных институтов, обладает ограниченной убедительностью в силу совпадения субъекта и бенефициара речевого акта, поэтому государство объективно нуждается во внешних инстанциях подтверждения.

Каждый тип акторов реализует модус легитимации, соответствующий его ресурсу. Партии осуществляют репрезентативную легитимацию: поддержка хода парламентскими фракциями символически представляет согласие электоральных сегментов и придаёт секьюритизации надпартийный статус; особую ценность представляет присоединение именно оппозиционных партий – феномен «консенсусной премии». Медиа обеспечивают масштабирующую легитимацию – доведение хода до массовой аудитории в доступных нарративных форматах; телеграм-сегмент добавляет эффект «горизонтального подтверждения», имитирующего низовое происхождение повестки. Экспертные сообщества осуществляют рационализирующую легитимацию: аналитическое обоснование придаёт секьюритизации статус объективного знания, снимая подозрение в политической инструментальности. РПЦ реализует сакрализующую легитимацию, переводя референтный объект защиты из политической плоскости в морально-нравственную и выводя его за пределы допустимой дискуссии.

Принципиально, что стадия легитимации допускает и обратный вектор – отказ в легитимации или контрлегитимацию. Десекьюритизирующие рамки экспертных сообществ (РСМД, клуб «Валдай») представляют собой отказ в рационализирующей легитимации; автономная позиция РПЦ по вопросам цифровизации в отдельных эпизодах означала изъятие сакрализующего ресурса из государственной рамки. Наличие обратного вектора – весомый аргумент в пользу гипотезы об акторной природе негосударственных участников: инструмент не может отказать в применении самого себя.

Стадия институционального закрепления: нормативная фиксация секьюритизации

Институциональное закрепление – перевод успешной секьюритизации в устойчивые нормативные и организационные формы: доктрины, законодательство, специализированные институты. Формально стадия является государственной монополией, однако анализ доктринальных документов периода [3; 4; 5; 6] выявляет опосредованное, но значимое участие негосударственных акторов по трём каналам.

Первый канал – концептуальный трансфер: категориальный аппарат, выработанный негосударственными акторами, инкорпорируется в нормативные тексты. Наиболее показателен генезис концепта «традиционных ценностей»: его содержательное наполнение формировалось РПЦ и экспертными сообществами в рамках со-конструирования задолго до доктринальной институционализации, и нормативный текст [6] фактически кодифицировал уже сложившуюся рамку. Второй канал – партийная конвертация: законодательные инициативы, выросшие из автономных партийных секьюритизаций, при принятии переводят партийный секьюритизирующий ход в общегосударственную норму. Третий канал – реактивная кодификация: нормативный ответ государства на повестко-образующее давление (регуляторные решения в миграционной сфере 2024–2026 гг. следовали за медийной секьюритизацией, а не предшествовали ей). Реактивная кодификация – наиболее сильное свидетельство акторности: негосударственный участник определяет не форму, а сам факт и направление нормотворчества.

Сводная процессуальная модель

Итоговая конфигурация раздела – соотнесение стадий и механизмов – представлена на рис. 2; принципиально, что повестко-образующее давление запускает цикл извне государственной рамки, принуждая государство к прохождению стадий легитимации и закрепления в реактивном режиме.

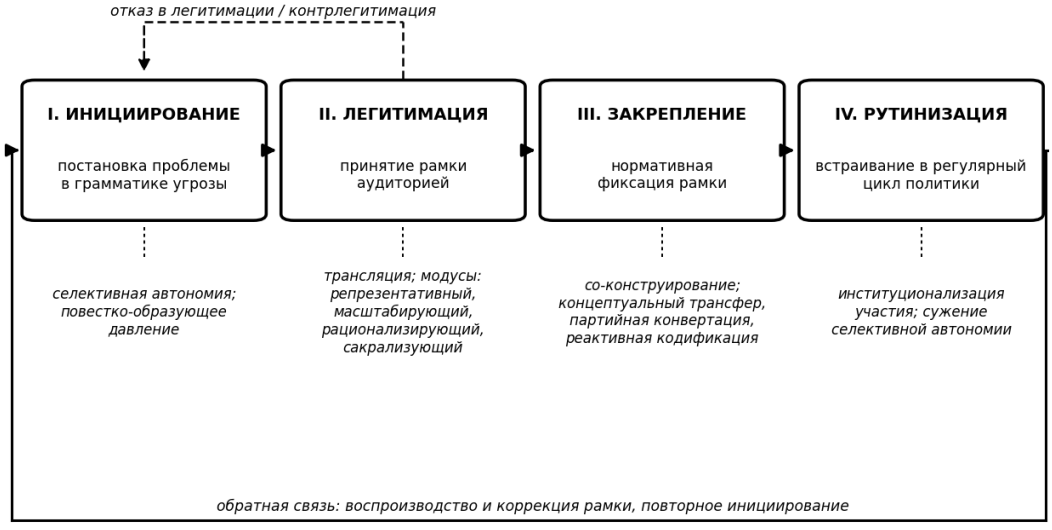

Рис. 2. Процессуальная модель участия негосударственных акторов в секьюритизационном цикле

Динамика механизмов участия негосударственных акторов: три этапа эволюции секьюритизации

Периодизация выделяет три этапа с различной доминирующей конфигурацией механизмов: становление консолидированной рамки (2014–2021), интенсификация и секторальная экспансия (2022–2024), рутинизация (2025–2026). Границы этапов заданы не календарной условностью, а качественными сдвигами в структуре секьюритизационного процесса.

Этап становления консолидированной рамки (2014–2021): доминирование трансляции

Первый этап – формирование базового секьюритизационного консенсуса вокруг государственной рамки, заданной событиями 2014 года. Доминирующий механизм – трансляция: партии, медиа и значительная часть экспертного сообщества воспроизводят инициированные государством секьюритизирующие ходы, прежде всего в военно-политическом и внешнеполитическом контекстах.

Вместе с тем уже на первом этапе фиксируются ростки иных механизмов. Во-первых, в культурно-цивилизационном секторе разворачивается со-конструирование: концептуальная работа РПЦ и близких экспертных площадок над рамкой «традиционных ценностей» идёт параллельно государственной и опережает её доктринальную фиксацию. Во-вторых, в социальном секторе наблюдаются эпизоды селективной автономии – прежде всего партийные секьюритизации социально-экономической проблематики (показателен кейс пенсионной реформы 2018 г., когда парламентские партии переопределяли правительственное решение в грамматике угрозы социальной стабильности, то есть секьюритизировали против государственной позиции). В-третьих, к концу этапа складывается инфраструктурная предпосылка будущего сдвига – взрывной рост телеграм-сегмента, создавший канал повестко-образующего давления, ещё не задействованный в полную силу. Итоговая характеристика этапа: моноцентричная секьюритизация с периферийной акторностью.

Этап интенсификации и секторальной экспансии (2022–2024): диверсификация механизмов

Переход ко второму этапу задан радикальным ростом интенсивности секьюритизационных процессов после февраля 2022 года; ключевой сдвиг, однако, – не интенсификация как таковая, а диверсификация механизмов: наряду с усилением трансляции происходит экспансия со-конструирования и селективной автономии в новые сектора и первое полномасштабное проявление повестко-образующего давления.

В военно-политическом секторе трансляция достигает максимума, но одновременно возникает феномен избыточной секьюритизации «снизу»: часть медийного сегмента (прежде всего телеграм-каналы военных корреспондентов) предъявляет государству требования более радикальной секьюритизации, чем официальная, – нетривиальная форма повестко-образующего давления внутри, а не против государственной рамки. В информационном секторе секьюритизация цифровых угроз становится зоной интенсивного со-конструирования государства и экспертных сообществ [4]. В культурно-цивилизационном секторе происходит институциональное закрепление рамки, выработанной на первом этапе [6]. В социальном секторе миграционная проблематика после марта 2024 года демонстрирует классическое повестко-образующее давление: медийная секьюритизация опережает государственную реакцию и фактически принуждает к ней. Второй значимый сдвиг этапа – асимметризация экспертного поля: наряду с секьюритизирующими экспертными структурами сохраняют активность площадки с десекьюритизирующими рамками (РСМД, «Валдай» в части сюжетов), что превращает экспертный сектор в пространство конкуренции рамок. Итоговая характеристика этапа: полицентричная секьюритизация с конкуренцией рамок при сохранении государственного доминирования на стадии институционального закрепления.

Этап рутинизации (2025–2026): нормализация распределённой секьюритизации

Третий этап определяется не появлением новых механизмов, а изменением их статуса: практики, выглядевшие ранее ситуативными, закрепляются как устойчивые элементы политического процесса. Рутинизация проявляется в трёх измерениях: процедурная нормализация негосударственного инициирования (наиболее наглядный индикатор – серийный характер миграционного регулирования 2024–2026 гг., следующего за медийной повесткой); институционализация экспертного участия – со-конструирование оформляется в устойчивые организационные форматы (профильные комиссии, регулярные доклады, встроенность в цикл подготовки доктринальных документов); стабилизация распределения ролей по стадиям – асимметрия «государственное закрепление – негосударственная легитимация – смешанное инициирование» приобретает характер структурной константы.

Существенно, что рутинизация имеет двойственные последствия для акторности: расширяя пространство негосударственного участия и делая его легитимным по умолчанию, она одновременно сужает пространство селективной автономии – рутинизированный актор платит за доступ предсказуемостью. Эта двойственность фиксируется как открытая исследовательская проблема, разрешение которой выходит за рамки анализируемого периода.

Заключение

Участие негосударственных акторов в процессах секьюритизации в России 2014–2026 гг. не сводится к трансляции государственных рамок и реализуется через четыре качественно различных механизма – трансляцию, со-конструирование, селективную автономию и повестко-образующее давление, – каждый из которых опирается на специфический ресурс актора: репрезентативный (партии), коммуникационный (медиа), эпистемический (экспертные сообщества) и сакрально-нормативный (РПЦ).

Второе. Процессуальная декомпозиция выявила структурную асимметрию вклада негосударственных акторов по стадиям: он максимален и незаместим на стадии легитимации, возрастает на стадии инициирования и опосредован на стадии институционального закрепления – государственного по форме, но во всё большей степени негосударственного по генезису закрепляемых концептуальных рамок.

Третье. Динамический анализ зафиксировал направленную эволюцию от моноцентричной секьюритизации с периферийной акторностью (2014–2021) через полицентричную секьюритизацию с конкуренцией рамок (2022–2024) к рутинизации распределённой модели (2025–2026), в которой негосударственное участие приобретает характер структурной константы политического процесса.

Таким образом, негосударственные акторы действительно являются не факультативным, а конститутивным элементом российской модели обеспечения национальной безопасности в силу своей способности к отказу в легитимации и контрлегитимации, а также проведению автономных секьюритизаций, включая направленные против государственных решений.

Литература

1. Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 24–35.

2. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

4. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

5. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 14. – Ст. 2406.

6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

7. Balzacq T. Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve / ed. by T. Balzacq. – London; New York: Routledge, 2011. – 258 p.

8. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 p.

9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.

10. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. – 2007. – Vol. 13, № 3. – P. 357–383.

11. Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. by R.D. Lipschutz. – New York: Columbia University Press, 1995. – P. 46–86.

NON-STATE ACTORS OF SECURITIZATION IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM OF MODERN RUSSIA

Moiseenko E.S.
Zhirinovsky University of World Civilizations

An article examines the role of non-state securitization actors – political parties, the media, expert communities, and the Russian Orthodox Church – in the national security system of contemporary Russia. The theoretical framework draws on the Copenhagen School of security studies in the author's modification: the sectoral scheme is expanded to seven sectors (including the informational and cultural-civilizational ones), and non-state actors are incorporated into the analytical model as independent participants. It is shown that their involvement operates through four qualitatively distinct mechanisms – transmission, co-construction, selective autonomy, and agenda-shaping pressure – each grounded in a specific actor resource: representative, communicational, epistemic, and sacral-normative. A processual decomposition of the securitization cycle (initiation – legitimation – institutional consolidation) reveals a structural asymmetry in the contribution of non-state actors: it is maximal and irreplaceable at the legitimation stage and increases at the initiation stage. The dynamic analysis traces an evolution from monocentric securitization with peripheral actorness (2014–2021) through polycentric securitization with competing frames (2022–2024) to the routinization of a distributed model (2025–2026). The article concludes that the hy-

pothesis is confirmed in a strengthened form: non-state actors constitute not an optional but a constitutive element of the Russian model of national security.

Keywords: securitization; non-state actors; national security; Copenhagen School; political parties; media; expert communities; Russian Orthodox Church; legitimation; agenda-shaping pressure

References

1. Morozov, V.E. Security as a Form of Government: On Securitization and Politicization // Polis. Political Studies. – 2011. – No. 3. – Pp. 24–35.

2. On Security: Federal Law of 28.12.2010 No. 390-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 1. – Art. 2.

3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (Part II). – Art. 5351.

4. On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 50. – Article 7074.

5. On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 14. – Article 2406.

6. On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation of International Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 46. – Article 7977.7. Balzacq T. Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve / ed. by T. Balzacq. – London; New York: Routledge, 2011. – 258 p.

8. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 p.

9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.

10. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. – 2007. – Vol. 13, № 3. – P. 357–383.

11. Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. by R.D. Lipschutz. – New York: Columbia University Press, 1995. – P. 46–86.

Назаров Муслим Гатам оглы,
доктор философских наук, заведующий кафедрой «Социальные науки и образование», Азербайджанского университета кооперации
E-mail: muslimnazarov@mail.ru

Цель исследования – обосновать актуальность философских исследований в управлении социальными организациями и представить философский анализ сущности и содержания процесса управления организационным развитием как наиболее широко используемой философско-методологической процедуры изучения социальных объектов. Научная новизна исследования заключается в формулировке правил применения философско-познавательного алгоритма для анализа философско-методологического подхода к управлению социальными организациями. Методы исследования – в статье подчеркивается роль синтеза, абстракции, обобщения, индукции и дедукции в изучении управления социальными организациями. Кроме того, автор обосновывает возможность применения системного, структурно-функционального и ситуационного подходов в таких исследованиях. Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в представлении новых международных исследований по вопросам управления и в систематизации и классификации понятий управления организационным развитием. Материалы данной работы могут быть использованы в курсах по социальной философии, социологии, философии образования, менеджмента и в специальном курсе по теории и практике лидерства. Заключение. В современном мире организация стала фундаментальной единицей социальной интеграции. Будучи самым ценным достоянием общества и самим собой, организация отражает свою уникальность и индивидуальность в культуре и философии. Компетентное организационное управление определяет не только удовлетворенность ее участников, но и эффективное развитие общества в целом.

Ключевые слова: социальная организация; социальное управление; философские исследования; методология; анализ; метод.

Introduction

In the modern era, socio-economic and political transformations, along with the search for a new model of social and state structure, significantly affect the quality of life of many people. This requires a new, more effective approach to solving social problems by social sector specialists. The technological approach, which allows for the optimal use of the scientific and practical potential of specialists, available resources and systematization of practical experience, is especially relevant. In this regard, it is related to the socio-philosophical significance of management and development issues and is based on the belief that the solution to the problems of social existence largely depends on the competent management of society and the social systems that make up it.

The problems of managing social systems have a specific historical character, currently associated with the imperfection of structural and procedural organization, low management culture of management and insufficient participation of the majority of subjects in management. In modern society, an emotionally negative attitude has been formed towards specialists traditionally engaged in management [2, s.134]. At the same time, it is well known that the main reason for the prosperity and, conversely, the decline of any social system (both organizations and states) is good and bad management, respectively. Management ideas have become an integral part of human culture. The management process has its own laws, which must not only be understood, but also applied in the practice of social relations.

Materials and methods

Organization and its management as an element of the social system

As humanity develops, the role of social system management is increasingly playing an important role. The state-level management system is divided into numerous subsystems, which themselves can be independent systems, they are interdependent and influence each other. The place of the previous human communities (family, village, church community, etc.) in the information society is taken by a new unit of social integration – the organization. The organization realizes the tendency and potential for the development of human coexistence by deploying the energies of the individuals that make up it. The organization and its management as an element of the social system do not reflect state management, they are not its absolute reflection and indirectly depend on it. Improving organizational management is an important factor in the effectiveness of transformations covering all areas of human society.

Management is a key component in the functioning and development of any social organization, which is a social institution with an orderly internal structure and encompasses various technological, economic and legal relations, as well as human relations. A social organization is designed to facilitate the joint, purposeful activities of its components. It is also characterized by self-organization, interdependence between internal and external environments, and the presence of formal and informal structures.

The concept of «management» encompasses several main interpretations from different perspectives:

– in the substantive sense: management is a combination of various knowledge, accumulated experience and art;

– in the cybernetic sense: management is the process of collecting, processing and transmitting information;

– in the functional sense: management is the ability to achieve set goals using the labor, intelligence and behavioral motives of other people;

– in the production sense: management is the process of influencing the resources of the manager aimed at achieving the goals of the organization[5, p.32].

General theory of social management

The general theory of social management studies the basic concepts, laws, principles and methods of interaction between various social systems, the preservation of their integrity, the creation of new social formations based on expediency, the value-normative ideas of the aggregate intelligence inherent in society in a certain historical period.

Social management is a type of intellectual human activity associated with the identification and solution of problems of a social organization, thereby ensuring its continued existence as a social integrity and achievements. This definition reflects the fact that management is an integral at-

tribute of any social organization, ensuring its existence. The emergence of social management is associated with the institution of power, in which people are subordinated not only to their own interests, but also to their own interests[7, p.14].

Literature review.Being a special type of work, management, even in traditional society, emerged as an independent type of social and practical activity and turned into an independent scientific discipline – management, with its own categorical apparatus, concepts.

When analyzing the extent to which social governance issues have been addressed in philosophy, it should be noted that they have a long tradition. Confucius, Lao Tzu, Herodotus, Aristotle, Plutarch, and other ancient thinkers defined governance as the activity of outstanding leaders.

The potential of using philosophical methodology in studying the management of social organizations requires clarification. Despite the diversity of works in the field of management philosophy, philosophical and methodological aspects remain in the sphere of scientific interest. Undoubtedly, philosophical methodology, in particular, as our research shows, socio-philosophical analysis, which is the most common philosophical and methodological procedure for understanding management processes, can significantly contribute to solving many theoretical and practical management problems.

Socio-philosophical analysis is a form of analysis as a cognitive tool used in the study of social objects, including the management process of a social organization. It involves the mental decomposition of management activity into its constituent elements and the consideration of these elements as independent objects of knowledge.

Socio-philosophical approaches to the management of a social organization

Results.When conducting a socio-philosophical analysis of the management of a social organization, it is advisable to use a philosophical cognitive algorithm that includes the following interconnected cognitive stages [9]:

1) study of the elements that comprise management;

2) study of the relationships between the studied elements;

3) analysis of the methods and sequence of interaction of the elements that make up management as a certain whole, in order to understand the features of this interaction that ensures such integrity;

4) study of the interaction of management with the phenomena of the environment in which it operates and develops;

5) analysis of the methods of interaction between management and environmental phenomena, which allows us to understand the features of the interaction of management activity and the environment in which it operates in a single picture of the world.

Discussion. These approaches allow to define modes of interaction between elements of management, and methods provide interaction of management with the environment in which it operates and develops. Methods are developed on the basis of scientific concepts applied in management practice. The multi-conceptual nature of management as a science and practice, which determines the use of a number of methods in the study of management of social organizations, should be taken into account.

In addition to using the philosophical algorithm of cognition in the study of management, it is necessary to integrate methodologies from psychology, political science, economics, sociology, law and other disciplines with philosophical methodology. With such integration, philosophical methodology will play a key role in connection with the various resources available for specific sciences. This is a prerequisite for ensuring a multidisciplinary study of the management of social organizations. Another prerequisite for this multidisciplinary approach is the use of a number of general logical methodological procedures, not just a philosophical algorithm of cognition.

The application of the structural-functional approach to the study of management is based on the idea that the management process has universal functions [11]. In most cases, in terms of the content of the process, such functions include goal setting, planning, organizational function, leadership (motivation) and control, which are associated with decision-making processes and management communications. These and other functions of social organization management are perceived as organically interconnected and constitute a single process. This approach to the study of management allows us to characterize it as a system of continuous and interconnected actions grouped into systems of management functions organized chronologically and cyclically.

Conclusion

Thus, our study shows that socio-philosophical analysis is the most common method for understanding the most general features of social organization management, and these features have ontological, epistemological and axiological foundations. However, a systematic study of management activity in a social organization involves the use of a number of methodological tools, appropriately used within the framework of the philosophical algorithm of cognition. This requires the integrated use of systemic, structural-functional and situational approaches to management, which allow identifying the relationships between the elements of management activity in a social organization.

Литература

1. Маммадова Е.Б. Экономические основы социальной работы. Учебник. Издательство «Баку-Ламан», 2024, 762 с.

2. Mammadova E.B.. Economic foundations of social work. Textbook. Baku-Laman Publishing House, 2024, 762 P.

3. На азербайджанском языке.

4. Аташов Б.Х., Назаров М.Г. Управление социальной работой. Учебник. Баку, 2026. 623 с.

5. Atashov B.Kh., Nazarov M.H.. Management of social work. Textbook. Baku 2026. 623p.

6. Назаров М.Г., Набиев А.М. Основы социального управления. Учебник. Баку, 2024. «ТИК Печать». 672 с.

7. Nazarov M.H., Nabiyev A.M.. Fundamentals of social management. Textbook. Baku-2024. “TIC Print”. 672 P.

8. Кокорин А.А. Философский алгоритм познания: содержание и практические возможности. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 324 с.

9. Кокорин А.А. 13. Kokorin A.A. Philosophical algorithm of knowledge: content and practical possibilities. M.: Изд-во MGOU, 2013. 324 с. M.: Изд-во MGOU, 2013. – 324 с.

10. Файола А. Общее и промышленное управление: пер. с фр. СПб.: Питер, 2014. 142 с. Referents In Azerbaijani.

11. Fayola A. General and industrial administration: per. with fr. SPb.: Peter, 2014. 142 c.

12. Ибрагимов Е.А. Управление инновационной деятельностью. Учебник. Баку, 2025, 360 с.

13. Ibrahimov E.A.. Management of innovation activity. Textbook. Baku-2025, 360 P.

14. Байнова М.С. Основы социального управления: учебник. М.; Direct-Media, 2017. – 199 с.

15. Baynova, M.S. Fundamentals of social management: textbook. M; Direct-Media, 2017. – 199 P.

16. На русском языке.

17. Гобозов И.А. Социальная философия: Учебник для университетов, 2-е издание. М.: Академический проект, 2020. 352 с.

18. Gobozov I.A. Social philosophy: Textbook for universities 2nd edition. M.: Academic Project, 2020. 352 c.

19. Звонок А.А. Управление в социальной работе Учебно-методическое пособие. – Луганск: Книта, 2019. – 148 с.

20. Звонок А.А. Управление в социальность работе Учебно-методическое пособие. – Luhansk: Книта, 2019. – 148 с.

21. Карлина Т.А. Социальный менеджмент как форма управления процессом социального обслуживания // Молодой ученый. – 2020. – № 6. – С. 275–277.

22. Karlina T.A. Social management as a form of management of the process of social service // Молодой ученый. – 2020. – № 6. – P. 275–277.

23. Николаев А.А., Разов П.В. Социальный менеджмент: Учебник для вузов. М.Изд-во «Прометей» 2019. 554в.

24. Nikolaev A.A., Razov P.V. Social management: Textbook for universities. M.Izd-vo «Prometheus» 2019. 554c.

25. Основы социальной работы: учеб, пособие / под ред. Н.Ф. Басова. 5-е изд., исп. и мяч. М., Джурайт, 2022. 213 с.

26. Basics of social work: uch, posobie / pod ed. N.F. Basova. 5-e izd., ispr. and the ball. M., Jurayt, 2022. 213 c. M.: Юрайт, 2022. – 213 с.

27. In Russian.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF MANAGING SOCIAL ORGANIZATIONS

Nazarov M.

Azerbaijan University of Cooperation

The purpose of the study is to substantiate the relevance of philosophical research in the management of social organizations and to present a philosophical analysis of the essence and content of the process of organizational development management as the most widely used philosophical and methodological procedure for the study of social objects. Scientific novelty of the study is the formulation of application rules for using the philosophical cognitive algorithm to analyze the philosophical and methodological approach to the management of social organizations. Research methods – the article emphasizes the role of synthesis, abstraction, generalization, induction and deduction in the study of the management of social organizations. In addition, the author substantiates the possibility of applying systemic, structural-functional and situational approaches in such studies. Theoretical and practical significance of the article is in the presentation of new international research on management issues and in the systematization and classification of concepts

for the management of organizational development. The materials in this work can be used in courses on social philosophy, sociology, philosophy of education, management, and a special course on leadership theory and practice. Conclusion In the modern world, the organization has become a fundamental unit of social integration. As the most valuable asset of society and itself, its uniqueness and individuality are reflected in its culture and philosophy. Competent organizational management determines not only the satisfaction of its participants, but also the effective development of society as a whole.

Keywords: social organization; social management; philosophical research; methodology; analysis; method.

References

1. Mammadova E.B. [Economic Foundations of Social Work. Textbook. Baku-Laman Publishing House, 2024, 762 p.] (In Russian).

2. Mammadova E.B.. Economic foundations of social work. Textbook. Baku-Laman Publishing House, 2024, 762 P.

3. [In Azerbaijani language] (In Russian).

4. Atashov B.Kh., Nazarov M.G. [Management of Social Work. Textbook. Baku, 2026. 623 p.] (In Russian).

5. Atashov B.Kh., Nazarov M.H.. Management of social work. Textbook. Baku 2026. 623p.

6. Nazarov M.G., Nabiev A.M. [Fundamentals of Social Management. Textbook. Baku, 2024. TIK Print. 672 p.] (In Russian).

7. Nazarov M.H., Nabiyev A.M.. Fundamentals of social management. Textbook. Baku-2024. "TIC Print". 672 P.

8. Kokorin A.A. [Philosophical Algorithm of Knowledge: Content and Practical Possibilities. M.: MGOU Publishing House, 2013. 324 p.] (In Russian).

9. Кокорин А.А. 13. [Kokorin A.A. Philosophical Algorithm of Knowledge: Content and Practical Possibilities. M.: MGOU Publishing House, 2013. 324 p.]. – 324 с (In Russian).

10. Fajola A. [General and Industrial Management: translated from French. St. Petersburg: Piter, 2014. 142 p. References in Azerbaijani] (In Russian).

11. Fayola A. General and industrial administration: per. with fr. SPb.: Peter, 2014. 142 c.

12. Ibragimov E.A. [Management of Innovation Activities. Textbook. Baku, 2025, 360 p.] (In Russian).

13. Ibrahimov E.A.. Management of innovation activity. Textbook. Baku-2025, 360 P.

14. Bajnova M.S. [Fundamentals of Social Management: textbook. M.: Direct-Media, 2017]. – 199 s (In Russian).

15. Baynova, M.S. Fundamentals of social management: textbook. M; Direct-Media, 2017. – 199 P.

16. [In Russian language] (In Russian).

17. Gobozov I.A. [Social Philosophy: Textbook for Universities, 2nd edition. M.: Academic Project, 2020. 352 p.] (In Russian).

18. Gobozov I.A. Social philosophy: Textbook for universities 2nd edition. M.: Academic Project, 2020. 352 c.

19. Zvonok A.A. [Management in Social Work. Educational and Methodological Manual]. – Lugansk: Knita, 2019. – 148 s (In Russian).

20. Zvonok A.A. [Management in Social Work. Educational and Methodological Manual]. – Luhansk: Knita, 2019. – 148 s (In Russian).

21. Karlina T.A. [Social Management as a Form of Managing the Social Services Process] // Molodoj uchenij. – 2020. – № 6. – S. 275–277 (In Russian).

22. Karlina T.A. Social management as a form of management of the process of social service // Молодой ученый. – 2020. – № 6. – P. 275–277.

23. Nikolaev A.A., Razov P.V. [Social Management: Textbook for Higher Educational Institutions. M.: Prometey Publishing House, 2019. 554 p.] (In Russian).

24. Nikolaev A.A., Razov P.V. Social management: Textbook for universities. M.Izd-vo «Prometheus» 2019. 554c.

25. [Fundamentals of Social Work: educational manual] / pod red. N.F. Basova. 5-e izd., isp. i myach. M., Dzhurajt, 2022. 213 s (In Russian).

26. Basics of social work: учеб, пособие / pod ed. N.F. Basova. 5-е изд., ispr. and the ball. M., Jurayt, 2022. 213 c. M.: Юрайт, 2022. – 213 с.

27. In Russian.

Управление городским транспортом в цифре: социологический контекст

Паньшин Александр Игоревич,
кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия, социология и история», Российский университет транспорта (МИИТ)
E-mail: panschin@ya.ru

В статье рассматриваются управленческие практики, складывающиеся в транспортной системе современной городской среды под воздействием цифровых технологий. Внимание сосредоточено на социальных изменениях, происходящих в организации транспортного управления вследствие распространения интеллектуальных транспортных систем и различных цифровых платформ, которые затрагивают не только способы регулирования транспортных потоков, но и характер взаимодействия между органами публичной власти, транспортными организациями и населением. Установлено, что цифровые инструменты способны повысить результативность управления транспортной инфраструктурой, однако социальные последствия цифровой трансформации и их эффект зависит от того, насколько технологические решения соотносятся с особенностями городской социальной структуры, доступностью цифровых сервисов для различных групп населения и готовностью управленческих институтов учитывать обратную связь.

Ключевые слова: цифровизация, транспортная система, городская среда, управленческие практики, социальное неравенство.

Введение

Современная городская среда переживает масштабную трансформацию под влиянием процессов цифровизации, затрагивающих все сферы общественной жизни. Транспортная система – стратегический элемент городской инфраструктуры, который не только обеспечивает мобильность населения, но и во многом определяет качество жизни, экологическую обстановку и социально-экономическое развитие мегаполисов [1]. Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена тем, что цифровая трансформация транспорта развивается значительно быстрее, чем осмысление ее социальных последствий. В управленческой практике цифровые технологии нередко оцениваются прежде всего по критериям скорости обработки информации, сокращения издержек, повышения пропускной способности и оптимизации использования ресурсов. Между тем социальная результативность таких решений может зависеть от совершенно иных обстоятельств: способности населения освоить новые сервисы, доверия к цифровым инструментам, доступности соответствующей инфраструктуры, понятности алгоритмически сформированных решений. Иными словами, технически успешное решение не обязательно оказывается социально эффективным.

Проблемная ситуация возникает именно в точке пересечения этих двух логик. Управленцы получают больше возможностей следить за транспортом, прогнозировать изменения и быстро реагировать и т.д., но при этом они все сильнее зависят от самих информационных систем, алгоритмов и цифровой инфраструктуры. Это происходит в следствии меняющегося характера работы, поскольку данные (сведения) поступают теперь не время от времени, а непрерывно, и многие решения принимаются автоматически или по подсказке алгоритмов. Цель данной работы заключается в изучении социологического контекста управленческих практик, складывающихся в транспортной системе города находящейся под влиянием цифровой перестройки общества.

Объектом исследования выступают управленческие практики в транспортной системе современной городской среды. Предмет исследования составляют социальные эффекты и закономерности изменения указанных практик в условиях цифровой трансформации транспортной сферы. Иными словами, эффективность цифровой инновации определяется не только тем, насколько хорошо функционирует соответствующая система, но и тем, насколько органично она включается в существующие социальные практики.

Степень разработанности проблемы

Проблематика цифровой перестройки транспортной системы в настоящее время сосредоточена вокруг интеллектуальных транспортных систем, больших данных, искусственного интеллекта, цифровых платформ и автоматизированного регулирования транспортных потоков. В отечественных исследованиях заметное место занимают вопросы модернизации транспортной инфраструктуры, внедрения цифровых сервисов и повышения эффективности перевозочного процесса [2]. Вместе с тем в подобных работах социальная составляющая цифровой трансформации зачастую оказывается связана преимущественно с качеством обслуживания, тогда как изменения в структуре отношений между основными субъектами управления исследованы в меньшей степени.

Иную структуру имеет зарубежная исследовательская повестка. В работах, посвященных концепциям Smart City и Mobility as a Service, цифровизация транспорта рассматривается в тесной связи с более широким преобразованием городской среды. Существенное внимание уделяется интеллектуальным транспортным системам, цифровым двойникам, использованию искусственного интеллекта для управления потоками и интеграции различных видов мобильности [3]. Одновременно исследуется влияние цифровых решений на экологическую устойчивость, качество городской инфраструктуры и доступность транспортных услуг.

Следует отметить, что при различиях в исследовательских традициях сохраняется общая тенденция: технические, экономические и организационные аспекты цифровизации разработаны заметно подробнее, чем ее социальные последствия [4]. Между тем именно социальное измерение позволяет понять, почему одинаковые по своей технологической природе решения в различных городах могут давать неодинаковый результат. Технология функционирует внутри конкретной социальной среды, а значит, ее восприятие, способы использования

и последствия определяются не только техническими характеристиками, но и институциональным устройством, культурными нормами и повседневными практиками населения. Таким образом, анализ научной литературы позволяет говорить о наличии исследовательского пространства, связанного с комплексным социологическим изучением цифровизации транспортной системы.

Методология и методы

Исследование строится на трех подходах, первый (системный) позволяет смотреть на цифровизацию транспорта как на единый процесс, где переплетены цифровая инфраструктура, организационная структура, управленческие решения и обычные повседневные привычки людей. Другой (институциональный) подход нужен для того, чтобы разобраться в отношениях между властями, коммерческими структурами и гражданами – ведь именно в этих отношениях складываются правила пользования цифровыми сервисами. Третий (социологический) подход важен для выявления эффектов, которые не измерить техническими показателями, например: как меняются модели передвижения, как люди воспринимают услуги, доверяют ли управленцам и насколько чувствуют себя включенными в этот процесс.

В работе также используется комплекс общенаучных и специальных методов. Анализ научной литературы по проблемам цифровизации транспортной отрасли осуществлялся через призму социальных изменений, что позволило определить основные направления научной дискуссии и сопоставить различные исследовательские позиции [5]. Эмпирическую основу исследования составил кейс-анализ отечественных и зарубежных практик внедрения интеллектуальных транспортных систем, цифровых двойников, технологий искусственного интеллекта и предиктивной аналитики. Использование комплекса методов позволило сопоставить технологический и социальный уровни цифровой трансформации. В результате транспортная система рассматривалась одновременно как инфраструктурный комплекс и как пространство социальных взаимодействий, именно такое сочетание, позволило создать условия для социологической интерпретации происходящих изменений.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ показывает, что цифровизация транспортной системы городской среды представляет собой многомерный процесс, который затрагивает сразу несколько уровней ее функционирования. Изменения происходят в способах обработки информации, принятии решений, организации взаимодействия с пассажирами, профессиональной деятельности работников и в повседневных моделях городской мобильности.

Первый исследовательский результат связан с изменением информационной основы управления. Современные цифровые платформы способны объединять сведения о различных видах транспорта, формировать мультимодальные маршруты, предоставлять пассажирам оперативную информацию о движении и облегчать оплату поездок [6]. Речь идет, о формирующимся едином информационном пространстве, в котором различные элементы транспортной системы становятся взаимосвязанными.

Если ранее в управленческой практике значительная часть информации поступала с определенной задержкой и обрабатывалась преимущественно в рамках отдельных организаций, то цифровая среда создает возможность практически непрерывного наблюдения за транспортными процессами. Управленец получает доступ к данным о пассажиропотоках, загруженности отдельных участков сети и изменениях спроса. Следовательно, меняется временной режим управления: оно становится более оперативным и в определенной степени превентивным.

Параллельно происходит изменение положения самого пассажира. В традиционной модели он преимущественно выступал получателем услуги, тогда как цифровые сервисы дают ему возможность постоянно взаимодействовать с транспортной системой. Теперь пользователь цифровых сервисов может: построить маршрут, узнать о задержках, оценить поездку, пожаловаться или что-то сообщить. Так складывается новая обратная связь, когда сами действия пассажира становятся важным источником данных для управления. Но тут важно различать, что сам по себе цифровой канал обратной связи еще не означает, что люди стали больше участвовать в управлении. Главный вопрос в другом – как эту информацию используют и влияет ли она на решения? Если обращения просто фиксируют, но ничего не меняют, то это остается просто информационной услугой, а вот если сообщения пассажиров действительно учитывают при корректировке маршрутов, организации работы или планировании инфраструктуры, тогда уже можно с уверенностью говорить о том, что участие населения стало реальным.

Иную структуру имеет переход к управлению на основе данных. Использование аналитических инструментов, прогнозных моделей и информации, поступающей в режиме реального времени, позволяет иначе организовать управление транспортными потоками. Вместо преимущественной ориентации на заранее установленные сценарии появляется возможность корректировать действия в зависимости от текущей ситуации. Интеллектуальные системы способны отслеживать изменение нагрузки, обнаруживать отклонения и предлагать варианты реагирования. Такой переход требует от управленческого персонала иных профессиональных навыков, знание нормативных процедур уже не является достаточным условием эффективной работы. Возрастает значение способности интерпретировать массивы данных, взаимодействовать с цифровыми системами, оценивать результаты прогнозирования и понимать ограничения алгоритмических моделей. Именно таким образом, процессы цифровизации постепенно меняют содержание управленческого труда.

Особое место среди новых технологий занимают искусственный интеллект, цифровые двойники и предиктивная аналитика [7]. Искусственный интеллект может использоваться для определения оптимальных маршрутов, распределения ресурсов и выявления закономерностей в работе транспортной инфраструктуры. Цифровой двойник, представляющий собой виртуальную модель объекта или системы, синхронизированную с реальными параметрами, создает возможность заранее проигрывать различные варианты развития ситуации. Эти предиктивные инструменты нацелены на то, чтобы постараться предотвратить возможную проблему еще до того, как она возникнет.

Если посмотреть на это с социологической точки зрения, то распространение таких технологий меняет само управленческое знание, поскольку предлагаемые решения теперь все чаще формируются на основе данных, которые человек сам не видит и не анализирует. Управленцу приходит уже обработанная информация в виде показателей, прогнозов и рекомендаций, представленных в формате инфографиков. Получается, что между реальной ситуацией и решением появляется своего рода технологическая прослойка. С одной стороны, это расширяет возможности управления, с другой – создает новые риски. Чем сложнее система, тем труднее человеку без специальной подготовки понять, почему было принято именно такое решение. В результате может возникать асимметрия информационной компетентности между разработчиками цифровых решений, управленцами и населением. Такая асимметрия непосредственно связана с вопросами доверия и подотчетности.

Значительное воздействие цифровизация оказывает и на качество городской жизни. Электронные билеты, бесконтактные платежи, навигационные сервисы и приложения для планирования поездок действительно сокращают временные и организационные издержки пассажиров. Интеграция различных видов транспорта создает возможность выстраивать более гибкие маршруты, а интеллектуальный мониторинг способствует повышению безопасности движения. Оптимизация потоков в определенных условиях может иметь и экологический эффект, поскольку снижение заторов способствует более рациональному использованию существующей инфраструктуры.

Вместе с тем социальный эффект цифровизации не является одинаковым для всех жителей города и прилегающих регионов [8]. Возможность пользоваться цифровым сервисом предполагает наличие устройства, подключения к сети, определенного уровня цифровой грамотности и готовности воспринимать новый способ взаимодействия с инфраструктурой. Поэтому формально универсальная услуга может фактически оказаться неодинаково доступной различным категориям населения.

Особенно заметна эта проблема применительно к пожилым гражданам, маломобильным людям и социально уязвимым группам. Для части пользователей привычный способ получения транспортной услуги может оказаться заменен цифровым интерфейсом, который требует дополнительных навыков. Если традиционные способы обслуживания при этом полностью исчезают, цифровизация из средства расширения доступности превращается в дополнительный фильтр доступа.

Именно здесь проявляется феномен цифрового неравенства [9]. Он не ограничивается различием в наличии или отсутствии интернет-соединения. Имеет значение качество доступа, способность самостоятельно пользоваться цифровыми инструментами, понимание интерфейса, возможность защитить персональные данные и получить помощь в случае технических трудностей. В транспортной сфере эти различия непосредственно отражаются на мобильности человека, а значит, могут влиять на его доступ к труду, образованию, медицинской помощи и другим ресурсам.

Таким образом, цифровое неравенство приобретает пространственное и социальное измерение. Житель города, который не может

полноценно использовать цифровую инфраструктуру, фактически обладает меньшим набором возможностей для участия в городской жизни. Следовательно, вопрос цифровой доступности должен рассматриваться как составляющая социальной справедливости.

Отдельного внимания заслуживает изменение трудовых отношений внутри транспортной отрасли. Автоматизация отдельных процессов снижает потребность в некоторых видах ручной работы, одновременно увеличивая спрос на специалистов, способных обслуживать программные комплексы, анализировать данные, работать с искусственным интеллектом и обеспечивать кибербезопасность. Отсюда возникает задача социальной адаптации работников, если организационные изменения сопровождаются только внедрением оборудования и программных решений, без соответствующей подготовки персонала, сопротивление цифровой трансформации становится вполне закономерным. Напротив, включение работников в процесс преобразований, обучение и повышение квалификации позволяют снизить напряженность и сформировать более устойчивое отношение к инновациям.

Таким образом, совокупность полученных результатов позволяет выделить несколько взаимосвязанных изменений. Цифровизация, во-первых, меняет информационную основу управления; во-вторых, трансформирует роль граждан и работников; в-третьих, создает новые возможности прогнозирования; в-четвертых, порождает дополнительные требования к безопасности и компетентности; наконец, изменяет саму структуру социальной доступности транспортных услуг.

Заключение

Полученные результаты дают основания рассматривать цифровизацию транспортной системы как процесс, в котором технологические изменения тесно переплетаются с институциональной перестройкой. Было бы упрощением считать, что новая цифровая инфраструктура лишь ускоряет выполнение прежних управленческих функций. На практике меняется содержание этих функций, характер ответственности и способы взаимодействия основных участников транспортной системы.

Социальная адаптация технологий должна распространяться и на работников транспортной отрасли, поскольку изменение профессиональной структуры является одним из наиболее заметных последствий цифровизации. Одни специальности постепенно уходят в прошлое или автоматизируются, другие, наоборот, усложняются и требуют от людей уже не только технических, но и управленческих знаний. Все это приводит к тому, что сотрудникам приходится постоянно переучиваться, осваивать работу с большими данными, разбираться в социальных процессах и учиться оценивать риски. И здесь социология управления может помочь вполне прикладными вещами и дать инструменты, чтобы анализировать поведение пассажиров, выделять группы риска среди пользователей и понимать, как люди реагируют на управленческие изменения.

Например, система, система, настроенная на сокращение времени в пути или повышение загрузки транспорта, вполне оправдана с точки зрения эффективности, однако если из-за этого ухудшается обслуживание отдаленного района с малым числом жителей, то последствия для людей оказываются намного серьезнее, чем показывают сухие цифры. Именно здесь возникает напряжение между эффективностью и справедливостью, которые не всегда противоречат друг другу, но и совпадают далеко не каждый раз. Поэтому оценка цифрового решения должна учитывать несколько измерений одновременно: экономическую результативность, технологическую надежность, социальную доступность и общественное восприятие.

Представляется целесообразным расширять практику социологического сопровождения технологических проектов. Такое сопровождение может включать изучение ожиданий различных групп населения до запуска сервиса, оценку пользовательского опыта после его внедрения, мониторинг возникающих барьеров и анализ социальных последствий изменений. Таким образом, дальнейшее развитие цифрового управления транспортом должно идти в направлении повышения согласованности между технологическими решениями и социальной структурой города. Это предполагает переход от вопроса «какую технологию внедрить?» к более содержательному вопросу «какую социальную проблему должна решать данная технология и для кого?».

Именно такая постановка вопроса позволяет вернуть человека в центр цифровой трансформации. В противном случае существует риск ситуации, при которой техническая система становится все более совершенной, а управленческая практика – все менее чувствительной к различиям между пользователями.

Литература

1. Миркин О.Н. Цифровизация в деятельности предприятий транспортной отрасли России // IJAS. 2024. № 2. С. 145–157.

2. Хрущев Д.В., Корчагин А.П., Соловьев В.В. Mobility-as-a-Service – тренды нового времени // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2025. № 1. С. 73–87.

3. Fleishaker M. MaaS (Mobility as a Service) in 2024: A Revolution in Transport // Tri-dens Technology. 2024. № 4. P. 110–115.

4. Черняк Я.С., Степанова Н.Р. Цифровизация транспортной системы городов // Весенние дни науки: сборник докладов, Екатеринбург, 21–23 апреля 2022 года. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. С. 708–714.

5. Бутк Г.П., Часовск В.П., Колчин О.Ю. Цифровая трансформация на транспорте // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 5–1. С. 45–52.

6. Завьялов Д.В. Процессы и инструменты трансформации городской среды // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 985–1002.

7. Бредих А.В., Милешкина Ю.И., Хисамова А.А / Цифровизация транспортной отрасли // Молодой ученый. 2024. № 2 (501). С. 11–14.

8. Миткевич П.В. Влияние цифровой трансформации на развитие региональных пассажирских перевозок // РППЭ. 2025. № 3 (173). С. 15–23.

9. Никитина Д.А. Цифровая трансформация транспортной отрасли России: тенденции, барьеры и стратегические приоритеты // Молодой ученый. 2026. № 11 (614). С. 177–182.

DIGITAL URBAN TRANSPORT MANAGEMENT: A SOCIOLOGICAL CONTEXT

Panshin A.I.
Russian university of transport (MIIT)

This article examines management practices emerging in the modern urban transport system under the influence of digital technologies. Attention is focused on the social changes occurring in transport management due to the proliferation of intelligent transport systems and various digital platforms, which affect not only the methods of regulating traffic flows but also the nature of interactions between public authorities, transport organizations, and the public. It is established that digital tools can improve the effectiveness of transport infrastructure management. However, the social consequences of digital transformation and their impact depend on how technological solutions align with the characteristics of the urban social structure, the accessibility of digital services for various population groups, and the willingness of management institutions to consider feedback.

Keywords: digitalization, transport system, urban environment, management practices, social inequality.

References

1. Mirkina O.N. Digitalization in the Activities of Enterprises in the Transport Sector of Russia // IJAS. 2024. No. 2. P. 145–157.

2. Khrushchev D.V., Korchagin A.P., Soloviev V.V. Mobility-as-a-Service – Trends of the New Time // RUDN Bulletin. Series: Economy. 2025. No. 1. P. 73–87.

3. Fleishaker M. MaaS (Mobility as a Service) in 2024: A Revolution in Transport // Tridens Technology. 2024. No. 4. P. 110–115.

4. Chernyak Y.S., Stepanova N.R. Digitalization of the Urban Transport System // Spring Days of Science: Collection of Papers, Yekaterinburg, April 21–23, 2022. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2022. P. 708–714.

5. Butko G.P., Chasovskikh V.P., Kolchin O.Y. Digital Transformation in Transport // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 5–1. P. 45–52.

6. Zavyalov D.V. Processes and Tools for Transforming the Urban Environment // Economy, Entrepreneurship, and Law. 2022. Vol. 12, No. 3. P. 985–1002.

7. Bredikhina A.V., Mileshkina Y.I., Khisamova A.A. / Digitalization of the transport industry // Young scientist. 2024. No. 2 (501). P. 11–14.

8. Mitkevich P.V. The impact of digital transformation on the development of regional passenger transportation // RPPE. 2025. No. 3 (173). P. 15–23.

9. Nikitina D.A. Digital transformation of the Russian transport industry: trends, barriers and strategic priorities // Young scientist. 2026. No. 11 (614). P. 177–182.

Влияние общественных настроений на музыкальные предпочтения молодёжи

Свертилов Иван Вячеславович,
магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Статья посвящена анализу взаимосвязи общественных настроений и музыкальных предпочтений молодёжи в условиях изменения механизмов культурного потребления. Теоретическую основу исследования составили социологические подходы А.Н. Сохора, Э. Дюркгейма, К. Мангейма, У. Штрауса и Н. Хау, Т. Адорно и М. Хоркхаймера, П. Бурдье, Д. Хебдиджа, Р. Мертона, Р. Робертсона, У. Бека и Э. Пэризера. Рассмотрены исторические примеры музыкальной реакции на войну, социальную нестабильность и поколенческие конфликты, а также современные практики цифрового музыкального потребления. Показано, что общественные настроения воздействуют на музыкальный выбор не прямым и однозначным образом, а через механизмы идентификации, эмоциональной регуляции, культурной социализации и цифрового посредничества. На материале опроса ВЦИОМ 2024 г. выявлена выраженная поколенческая специфика музыкального потребления российской молодёжи. Данные о работе рекомендательных алгоритмов и распространении музыки в социальных сетях позволяют сделать вывод о переходе от относительно единого массового музыкального репертуара к персонализированным и сетевым формам потребления. Обосновывается положение о музыкальном мейнстриме как о косвенном социальном барометре, который фиксирует не сами общественные процессы, а их культурно-эмоциональные последствия.

Ключевые слова: общественные настроения; музыкальные предпочтения; молодёжь; музыкальная культура; поколения; цифровые платформы; рекомендательные алгоритмы; социальные сети; музыкальный мейнстрим; культурная социализация.

Введение

То, как человек сегодня слушает музыку, давно вышло за рамки обычного досуга – это важнейшая бытовая практика, где личные предпочтения постоянно сталкиваются с социальными реалиями. Наш вкус (будь то приверженность конкретному исполнителю или уход в узкие жанры) формируется не изолированно. Помимо внутреннего «эстетического чутья», на него мощно влияет внешняя среда: от ценностных ориентиров поколения до структуры медиаполя и доминирующих в обществе настроений. В молодежной среде этот выбор и вовсе превращается в экзистенциальный шаг. Именно через музыку современные юноши и девушки собирают собственную идентичность, обозначают социальные барьеры и регулируют свои эмоции. Из этого следует, что любые метаморфозы в молодежных трек-листах служат неявным индикатором тектонических сдвигов в культуре [1; 2].

Актуальность данного исследования связана с кризисом прежней системы музыкальной дистрибуции. Старая вертикально организованная модель, завязанная на авторитет радиостанций, телевидения и ключевых мейджор-лейблов, ушла в прошлое. Современные стриминговые платформы и социальные сети внешне предлагают абсолютную свободу выбора, однако на деле они используют скрытые инструменты фильтрации. Возникает парадокс: рекомендательные алгоритмы, анализирующие историю кликов, вкупе с вирусным контентом делают выбор слушателя глубоко индивидуальным, но одновременно жестко привязывают его к сетевым групповым паттернам [3; 4].

Главное противоречие текущего момента в том, что упрощенные причинно-следственные связи (например, идея о том, что социальные потрясения автоматически рождают протестную музыку) в цифровом пространстве больше не работают. Логика поведения слушателя стала фрагментарной. Человек может легко переключаться между противоположными музыкальными стилями под влиянием момента, а цифровые площадки лишь закрепляют эти персональные траектории. Общественные настроения сегодня отражаются не в популярности какого-то одного направления, а в самих принципах потребления, механизмах шеринга контента и в тех психологических пустотах, которые человек закрывает с помощью треков.

Сегодня важно разобраться, как именно связаны социальный контекст и музыкальные приоритеты молодежи в эпоху тотального господства цифровых технологий. Для решения этой задачи необходимо выполнить три последовательных шага: во-первых, переосмыслить теоретические рамки социологии музыки; во-вторых, проследить историю взаимосвязи социальных процессов и звуковой среды; в-третьих, привлечь эмпирические данные для анализа того, как алгоритмы программируют вкусы современных пользователей.

В качестве рабочей гипотезы можно рассмотреть предположение, что социальные факторы по-прежнему определяют развитие музыкальной сферы, однако это влияние стало менее очевидным, диффузным и опосредованным новыми технологиями. Вместо монолитного «музыкального ответа» на внешние вызовы мы наблюдаем мозаику из частных практик. Однако благодаря цифровым механизмам распространения эти разрозненные элементы вновь собираются в общий культурный поток, отражая состояние общества.

Теоретические рамки социологии музыки

Переосмысливая теоретические рамки социологии музыки, важно помнить, что она строится на нескольких подходах, которые дополняют друг друга. В российской социологии значительную роль играет позиция А.Н. Сохора, который считал музыку специфической формой общественного сознания, которая всегда связана с конкретным социальным и историческим контекстом [1]. Если опираться на идеи Э. Дюркгейма, то музыкальные практики можно понимать как способ коллективно проживать эмоции и укреплять социальную общность [2]. К. Мангейм объяснял разницу между поколениями через общий исторический опыт, а У. Штраус и Н. Хау показали, что события, пережитые в период взросления, определяют ценности всего поколения [5; 6].

Критический взгляд на потребление музыки опирается на работы Т. Адорно и М. Хоркхаймера о культурной индустрии – они доказывали, что производство и распространение массовой культуры подчиняется стандартизации и экономической выгоде [7]. П. Бурдье помогает увидеть в музыкальных вкусах способ обозначить своё социальное положение,

что напрямую связано с происхождением человека и объёмом его культурного капитала [8]. Д. Хебдидж, в свою очередь, исследовал музыкальные субкультуры как систему знаков и действий, через которые группы людей показывают своё отличие от господствующей культуры [9].

Чтобы проанализировать связь музыкальной культуры с социальной нестабильностью и изменениями среды используются концепции аномии Р. Мертона, теории культурной глобализации Р. Робертсона, идее «общества риска» У. Бека и концепции «пузырей фильтров» Э. Пэризера [10–13]. В этой логике современная платформизация музыки – это трансформация самих механизмов культурного посредничества: вместе с традиционными агентами социализации (семья, школа, друзья) ключевыми игроками становятся цифровые сервисы, которые не просто дают доступ к контенту, но активно выстраивают его приоритеты на основе того, как ведут себя пользователи [3].

Теоретические основания взаимосвязи общественных настроений и музыкальных предпочтений

Под общественными настроениями в рамках настоящего исследования понимается совокупность относительно устойчивых эмоциональных состояний, оценок и переживаний, распространённых среди значительных социальных групп и связанных с их восприятием происходящих общественных процессов. Такое понимание позволяет отделить общественные настроения от единичных индивидуальных эмоций. Они формируются под воздействием экономических, политических, культурных и информационных обстоятельств и способны изменять повседневные модели поведения.

Под музыкальными предпочтениями мы понимаем систему относительно устойчивых ценностных ориентаций индивида или социальной группы, которые находят выражение в выборе конкретных жанровых ниш, исполнителей и самих способов аудиовизуального восприятия. В молодежной среде эта система работает сразу на нескольких уровнях. Звуковая культура не просто служит инструментом самопрезентации и разделения социума на «своих» и «чужих» – она превращается в гибкий инструмент психологической самопомощи. Как следствие, взаимное влияние общественного контекста и музыкальной среды замыкается на трех ключевых точках: поиске групповой идентичности, выстраивании коммуникации и индивидуальной эмоциональной регуляции.

Исторический ракурс показывает, что данные механизмы динамичны и жестко привязаны к социальному контексту. В периоды солидаризации или внешних угроз на первый план выходит интегрирующая функция музыки. Напротив, в эпохи острого социального противостояния звуковая культура превращается в манифест, инструмент протеста и способ поколенческого самоопределения. Если же социум погружается в состояние атомизации и неопределенности, музыкальные практики смещаются в сторону психологической самопомощи и адаптации. При этом новые задачи не вытесняют прежние смыслы, а лишь пересобирают общую конфигурацию функций в зависимости от духа времени.

Впрочем, сквозь призму теории индустрии культуры становится очевидно, что музыкальный спрос не является зеркальным отражением общественных настроений. Производство и распространение музыки всегда проходят через экономические и институциональные фильтры [7]. В цифровую эпоху к ним прибавились алгоритмы, которые отбирают и продвигают контент. В итоге популярность той или иной песни складывается на стыке трёх вещей: что хотят слушатели, что производит индустрия и как работают технологические каналы распространения.

Исторические формы взаимосвязи музыки и общественных настроений

Если посмотреть на историю музыки, становится ясно: одни и те же социальные потрясения порождают совершенно разные культурные формы. В Америке в первой половине прошлого века в атмосфере расовой сегрегации и бедности появились джаз и блюз. Эти жанры выросли из повседневной жизни афроамериканцев и превратились в способ культурного высказывания. Параллельно джаз начал выполнять и другую роль: во времена Великой депрессии он позволял людям переживать кризис не в одиночку, а вместе, и хотя бы на время забывать о финансовых проблемах [18].

В годы Великой Отечественной войны в СССР преобладающим оказался иной тип музыкальной реакции. Песня «Священная война», впервые исполненная 26 июня 1941 г., стала частью мобилизационного культурного пространства. Её общественная функция заключалась не только в передаче содержания, но и в создании общего эмоционального языка, связывавшего фронт, тыл и массовую аудиторию [19].

В 1960–1970-е гг. в США и Западной Европе музыка стала одним из символических ресурсов молодёжной контркультуры. Через фолк и рок-музыку новое поколение транслировало свой протест против вьетнамской кампании, боролось за гражданские права и подрывало консервативные устои общества. Если использовать оптику Карла Мангейма, то этот феномен иллюстрирует рождение поколенческой общности, спаянной единым историческим контекстом [5]. Музыкальная культура здесь не просто сопровождала досуг, а через масштабные рок-фестивали и концерты создавала зоны коллективного аффекта, конструируя новые социальные связи.

Феномен советского рока 1970–1980-х годов формировался в принципиально ином социокультурном ландшафте. Жесткое ограничение официальных каналов коммуникации форсировало автономию андеграундной сцены, выработавшей собственный семиотический код и ценностные ориентиры. Содержание этих музыкальных практик выходило далеко за рамки прямолинейной политической оппозиции. В текстах и звуковых формах транслировались экзистенциальные переживания: глубокое отчуждение индивида, экзистенциальный кризис повседневности и острое восприятие диссонанса между государственной идеологией и реальным жизненным миром человека. По этой причине трактовка советского рок-движения исключительно через призму политического протеста представляется редукционизмом [9; 20].

Турбулентность 1990-х годов демонстрирует иной вектор взаимодействия звуковой культуры и социальной неопределенности. Институциональный слом, экономический хаос и размывание прежних нормативных ориентиров создали ситуацию, которую в категориях теории аномии можно трактовать как источник предельного структурного напряжения [10]. В этот период в русском роке на первый план выходит экзистенциальная, часто депрессивная проблематика, а шансон вдруг стал массово популярным – во многом потому, что говорил об изнанке общества, о тех, кто оказался за бортом. На Западе похожие настроения выразил гранж: он открыто отвергал культ успеха и потребительские иллюзии.

В 2000-е гг. усиление глобальных информационных связей расширило культурный выбор и способствовало индивидуализации музыкального вкуса. Музыкальные предпочтения всё чаще становились частью образа жизни и самопрезентации, а один и тот же человек мог сочетать разные жанры и культурные традиции [21].

Цифровые платформы и изменение механизмов музыкального выбора

Роль ключевых медиаторов в сфере культурного потребления сегодня перешла к социальным сетям и стриминговым платформам. Главная специфика их работы (в противовес классическим СМИ) кроется в парадоксальном сочетании колоссальных медиатек с механизмами персональной фильтрации. Цифровые алгоритмы не принуждают человека к выбору конкретного трека напрямую. Вместо этого они конструируют специфическую информационную архитектуру, где определенный контент искусственно выводится в зону максимальной видимости. Подобная скрытая селекция позволяет сделать вывод, что алгоритмические платформы превратились в самостоятельный и мощный фактор культурной интеграции и социализации.

На материале логов стриминга Deezer, охватывающих историю прослушиваний почти 50 тысяч человек, Д. Шекспир, В. Шарейрон и К. Рот изучили эффекты платформенных рекомендаций. Их выводы подтверждают: автоматическое курирование способно увеличивать разнообразие и объем незнакомого контента в пользовательском опыте, если сравнивать его с чисто органическим поиском. Но здесь есть важная оговорка. Весь этот «новый» музыкальный пласт, открываемый системой, концептуально не выходит за рамки привычного для человека круга жанров и сохраняет преемственность с его старым вкусом [15].

Анализ связи музыкального выбора с общественными настроениями будет неполным без учета эмоционального фактора. Запуская трек под определенное настроение, слушатель сразу же попадает в поле зрения платформы, которая тут же подбирает схожий контент. Так формируется замкнутая петля: алгоритмическая персонализация и ментальное состояние пользователя начинают взаимно подпитывать друг друга. Примечательно, что этот цикл далеко не всегда усугубляет депрессию или тревогу. Зачастую музыка работает как инструмент преодоления и смягчения сильного аффекта. В итоге работу алгоритмов правильнее интерпретировать не как сужающий кругозор цифровой тупик, а как способ конструирования персональной терапевтической среды.

Специфика социальных сетей принципиально иная: здесь во главу угла встает не столько индивидуальный вкус, сколько медийный охват и событийный статус трека. Попадая в основу челленджей, корот-

ких видео или интернет-мемов, композиция мгновенно интегрируется в глобальный цифровой дискурс. Слушатель при этом трансформируется в активного агента дистрибуции контента. Влияние подобных платформ подтверждается статистикой: так, в совместном отчете TikTok и Luminate (Music Impact Report) указано, что подавляющее большинство (84%) позиций в чарте Billboard Global 200 за 2024 год было обеспечено предварительной вирусной популярностью треков на китайской платформе. Более того, первая десятка главных хитов TikTok за указанный период послужила звуковым рядом для 200 миллионов любительских роликов, что конвертировалось в 8 миллиардов стримов на Spotify [17].

В цифровую эпоху меняется и то, как мы воспринимаем саму музыку. Песня всё реже существует как самостоятельное произведение – чаще она живёт как узнаваемый кусочек, привязанный к какому-то видеоформату или интернет-шаблону. С одной стороны, реальный контакт с музыкой становится короче. С другой – платформы регулярно вытаскивают из забвения старые треки и возвращают их в оборот. Выходит, цифровые сервисы одновременно разгоняют смену мейнстрима и создают почву для культурной ностальгии.

Эмпирические характеристики музыкального потребления российской молодёжи

В мае 2024 года ВЦИОМ провёл опрос в рамках форума «Российская креативная неделя – Музыка». В нём участвовали 1600 человек старше 18 лет – выборка формировалась методом стратифицированной случайной выборки, опрос проходил по телефону [14].

Разница между поколениями хорошо видна в жанровых предпочтениях. Рок и панк-рок в целом по выборке слушают 24% тех, кто вообще слушает музыку. Но если смотреть по возрасту, картина резко меняется: среди представителей цифрового поколения и младших миллениалов таких 39%, а вот среди поколения оттепели – всего 2%. С рэпом похожая история: в среднем его отметили 6% респондентов, но среди молодёжи цифрового поколения – уже 21%, среди младших миллениалов – 20%. Хип-хоп слушают 13% из цифрового поколения. Здесь важна методика: каждый мог выбрать до пяти жанров, так что цифры не исключают друг друга [14].

Анализ технологических аспектов музыкального потребления наглядно иллюстрирует глубину поколенческих различий. Если в среднем по выборке мобильный телефон в качестве основного устройства использует ровно половина опрошенных (50%), то внутри цифрового поколения данный показатель достигает критических 82%. Младшие миллениалы демонстрируют схожий тренд, зафиксировав отметку в 75%. В сегменте умных колонок обе молодые группы демонстрируют паритет – их доля составляет по 29% в каждой когорте. Классическое радио на этом фоне фактически утратило свои позиции, собрав лишь 7% аудитории. Аналогичная полярность характерна и для коммерческих практик: платную стриминговую подписку за последние три года оформляли 52% представителей цифрового поколения и 43% младших миллениалов. Для сравнения, среди поколения застоя эта доля носит сугубо номинальный характер и составляет всего 2% [14].

Представленные эмпирические материалы не указывают на прямую детерминацию конкретных общественных настроений и взлета отдельных жанров. Однако они позволяют наглядно описать общую структуру и принципы музыкального потребления. Молодые респонденты безусловно доминируют по показателям ежедневной активности, темпам перехода на персональные девайсы и готовности финансово поддерживать стриминговые платформы. Высокие позиции рока и рэпа в структуре их вкусов вполне закономерны. Данные музыкальные направления прочно укоренились в молодежном пространстве и исторически выступают в роли смыслового языка, помогающего артикулировать личный и социальный опыт.

Оценка данных показателей требует отказа от методологического редукционизма. Было бы ошибкой воспринимать рок-музыку исключительно в качестве «голоса протеста», а хип-хоп культуру – как монолитную и гомогенную систему ценностей. Внутри обоих направлений сегодня наблюдается глубокая дифференциация. Более того, паттерны поведения современного слушателя ситуативны: один и тот же индивид способен кардинально менять аудиопоток в течение дня, ориентируясь на актуальный эмоциональный контекст. Цифровизация во многом нивелирует прежнюю жесткую сцепку между музыкальным стилем и субкультурными границами, хотя социальная обусловленность вкуса сохраняется.

Отдельного внимания заслуживает терапевтическая функция аудиоконтента, связанная с регуляцией психических состояний. В частности, в рамках экспериментального исследования М.П. Дсоузы с коллегами изучалось влияние lo-fi композиций на аудиторию из 76 человек в возрасте 21–25 лет. Зафиксированное после прослушивания снижение среднего уровня тревожности с 49,1 до 42,1 балла подтвердило свою статистическую значимость ($p < 0{,}001$). Эмпирические замеры верифицируются и результатами качественного этапа: в ходе интервью 27 респондентов прямо указали на релаксационный эффект lo-fi музыки, ее способность блокировать навязчивые мысли и стабилизировать общее ментальное состояние [16].

Музыкальный мейнстрим как социальный барометр

Эмпирические результаты позволяют скорректировать первоначальную гипотезу исследования. Взаимосвязь между актуальным социальным контекстом и музыкальными предпочтениями аудитории сохраняет свою силу, однако в условиях цифровизации она приобретает опосредованный характер, усложняясь платформенными фильтрами. Историческая ретроспектива позволяет дифференцировать модусы реагирования звуковой культуры на общественные трансформации, среди которых ключевыми выступают мобилизационный, протестно-идентификационный, компенсаторный и эмоционально-регулятивный механизмы. В рамках цифровой реальности данные функции не нивелируются, а трансформируются, перемещая индивидуальный аудиоопыт из публичной плоскости в пространство приватной медиасреды.

В этом контексте теоретически оправданным кажется введение понятия «музыкальный мейнстрим как социальный барометр». Данное понятие охватывает поле доминирующих музыкальных паттернов, выступающих своего рода «слепком» эпохи, в котором запечатлены её ключевые ценности и коллективные настроения. Барометр не объясняет, почему меняется погода – он лишь показывает, что это происходит. Так же и музыкальный мейнстрим: он не раскрывает причины общественных сдвигов, зато помогает увидеть их культурные и эмоциональные отголоски.

Такой взгляд требует отказаться от упрощённой схемы «музыка зеркально отражает общество». На распространение музыки влияют не только желания слушателей, но и индустрия, медиа и алгоритмы платформ. Цифровая среда объединяет эти уровни в единую экосистему, где эмоциональные состояния слушателей преобразуются в предиктивные алгоритмические модели. На основе этих цифровых следов платформы масштабируют приватный выбор до уровня сетевых трендов. В итоге востребованность музыкального произведения оказывается продуктом сложного синтеза социальных переменных и платформенной навигации.

С точки зрения социологии молодёжи данные процессы знаменуют переход от относительно стабильных культурных образцов к более подвижным способам потребления. Разница между поколениями никуда не исчезла – данные ВЦИОМ это подтверждают, однако внутренний ландшафт музыкальных предпочтений в рамках одной возрастной группы стал гораздо разнообразнее Современная аудитория ориентирована на прагматичное, инструментальное использование звуковой среды, адаптируемой под актуальные социальные или аффективные контексты. Как следствие, современный мейнстрим обретает парадоксальную форму: он предельно атомизирован на уровне персонального вкуса, но при этом жестко унифицирован цифровыми механизмами дистрибуции.

Важно понимать и пределы этого исследования. Использованные здесь вторичные данные собирались в разное время и с разными целями – единого массива наблюдений нет. Опрос ВЦИОМ показывает структуру музыкального потребления, исследование Deezer раскрывает работу алгоритмической курации, работа о lo-fi-музыке фиксирует конкретный эмоциональный эффект. Сопоставление этих источников даёт непротиворечивую теоретическую картину, но не позволяет статистически доказать единую причинную модель. Для этого потребовались бы панельные или экспериментальные исследования, где общественные настроения, индивидуальные музыкальные практики и алгоритмические рекомендации отслеживались бы параллельно.

Заключение

Музыкальные предпочтения современной молодежи корректнее всего интерпретировать как сложный социальный конструкт, в котором воедино сплетаются процессы поиска идентичности, маркеры групповой солидарности и индивидуальные стратегии психоэмоционального менеджмента. Как подтверждает ретроспективный анализ, подобные практики неизбежно трансформируются вслед за метаморфозами самого социума. Если в периоды масштабных потрясений звуковая культура берет на себя миссию интеграции и мобилизации духа, то в условиях выраженных социальных конфликтов она кристаллизуется в форме протестного высказывания и жесткого обозначения поколенческих границ. В моменты же доминирующей неопределенности на первый план выходит адаптивный потенциал музыки – её способность служить компенсаторным механизмом и инструментом регуляции внутренних состояний.

Цифровая среда не устраняет влияние общественных настроений на музыкальный выбор, но сильно меняет то, как это влияние работает. Рядом с традиционными агентами культурной социализации теперь стоят стриминговые сервисы, алгоритмы рекомендаций и социальные платформы. Алгоритмы выступают своего рода «невидимыми кураторами» – с одной стороны, открывают доступ к новому, с другой – удерживают внутри привычных жанровых и эмоциональных рамок. В то же время социальные платформы форсируют эти процессы, мгновенно конвертируя локальные музыкальные практики в глобальные сетевые тренды.

Эмпирические данные ВЦИОМ лишь подкрепляют тезис об исключительной значимости музыки в повседневности молодого поколения, выявляя при этом чёткую поколенческую специфику – как в выборе жанров, так и в форматах прослушивания. Эти выводы органично дополняются результатами эксперимента по изучению lo-fi музыки: он демонстрирует роль звукового фона как средства психологической самопомощи. В совокупности это позволяет констатировать, что современный молодой человек не просто пассивно потребляет продукт в новой среде – он выстраивает собственные вкусовые ориентиры непосредственно внутри этой цифровой инфраструктуры, адаптируясь к её внутренним правилам.

Выдвинутая гипотеза нашла подтверждение на теоретико-аналитическом уровне. Связь социальных настроений и музыкальных приоритетов молодёжной аудитории реализуется через сложное переплетение факторов: здесь личный культурный капитал и поколенческий опыт накладываются на влияние микросреды и логику алгоритмических платформ. В такой системе концепт музыкального мейнстрима как социального барометра позволяет рассматривать массовую культуру не изолированно, а как индикатор эмоциональных сдвигов, требующий глубокой социологической интерпретации.

Литература

1. Сохор А.Н. Социология и музыкальная культура. Москва: Советский композитор, 1975. 202 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. Москва: Канон, 1996. 430 с.
3. Bonini T., Magaudda P. Platformed! How Streaming, Algorithms and Artificial Intelligence are Shaping Music Cultures. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 231 p.
4. Hakim P.N. Peran Algoritma Media Sosial dalam Pembentukan Tren Musik: Studi Tentang Lagu Viral di TikTok // Widya Sundaram: Jurnal Pendidikan Seni dan Budaya. 2024. Vol. 2, no. 1. P. 75–84. URL: https://e-journal.iahn-gdepudja.ac.id/index.php/JWS/article/view/2051/735 (дата обращения: 23.08.2026).
5. Mannheim K. The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge, 1952. P. 276–322.
6. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: Quill, 1991. 554 p.
7. Adorno T., Horkheimer M. The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception // Dialectic of Enlightenment. London: Verso, 2002. P. 94–136.
8. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 613 p.
9. Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. London: Routledge, 1979. 160 p.
10. Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. 1938. Vol. 3, no. 5. P. 672–682. DOI: 10.2307/2084686.
11. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. 222 p.
12. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 260 p.
13. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 304 p.
14. Музыка нас связала! // ВЦИОМ: [сайт]. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzyka-nas-svjazala (дата обращения: 23.08.2026).
15. Shakespeare D., Chareyron V., Roth C. Reframing the filter bubble through diverse scale effects in online music consumption // Scientific Reports. 2025. Vol. 15, art. no. 4071. P. 1–12. DOI: 10.1038/s41598-024-75967-0.
16. Dsouza M. P., Shetty A., Shwetha T.S., et al. "I would want to listen to it as a medicine" – Lo-fi music and state anxiety, a mixed-methods pilot study on young adults // International Journal of Adolescence and Youth. 2024. Vol. 29, no. 1. P. 115–128. DOI: 10.1080/02673843.2024.2388787.
17. TikTok and Luminate release the latest Music Impact Report // TikTok Newsroom: [online platform]. 2025. URL: https://newsroom.tiktok.com/tiktok-and-luminate-release-latest-music-impact-report?lang=en (дата обращения: 23.08.2026).
18. Baraka A. Blues People: Negro Music in White America. New York: William Morrow, 1963. 244 p.
19. 24 июня 1941 года в газетах опубликовано стихотворение «Священная война» // Комитет по культуре: [сайт]. URL: https://www.kulturamgo.ru/pomnim-gordimsya/letopis-podvigov/16796–24-iyunya-1941 (дата обращения: 23.08.2026).
20. The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture / ed. by M. Lipovetsky, M. Engström, T. Glanc, I. Kukuj, K. Smola. New York: Oxford University Press, 2024. 1044 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197508213.001.0001.
21. Veblen T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. New York: Macmillan, 1899. 400 p.

THE INFLUENCE OF PUBLIC SENTIMENT ON YOUTH MUSICAL PREFERENCES

Svertilov I.V.
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the relationship between public moods and youth musical preferences under changing conditions of cultural consumption. The theoretical framework combines the approaches of A.N. Sokhor, E. Durkheim, K. Mannheim, W. Strauss and N. Howe, T. Adorno and M. Horkheimer, P. Bourdieu, D. Hebdige, R. Merton, R. Robertson, U. Beck and E. Pariser. Historical cases of musical responses to war, social instability and generational conflict are considered together with contemporary digital music practices. The findings indicate that public moods influence musical choice indirectly, through identification, emotional regulation, cultural socialization and digital mediation. Data from a 2024 VCIOM survey demonstrate pronounced generational differences in music consumption among young Russians. Research on recommendation algorithms and social media circulation further suggests a shift from relatively unified mass repertoires toward personalized and networked forms of music consumption. The article argues that the musical mainstream can be treated as an indirect social barometer: it does not reproduce social processes mechanically but registers their cultural and emotional consequences.

Keywords: public moods; musical preferences; youth; music culture; generations; digital platforms; recommendation algorithms; social media; musical mainstream; cultural socialization.

References

1. Sokhor A.N. Sociology and Musical Culture. Moscow: Soviet Composer, 1975. 202 p.
2. Durkheim E. On the Division of Social Labor / trans. from French by A.B. Gofman. Moscow: Canon, 1996. 430 p.
3. Bonini T., Magaudda P. Platformed! How Streaming, Algorithms and Artificial Intelligence are Shaping Music Cultures. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 231 p.
4. Hakim P.N. The Role of Social Media Algorithms in Shaping Music Trends: A Study of Viral Songs on TikTok // Widya Sundaram: Journal of Art and Culture Education. 2024. Vol. 2, no. 1. P. 75–84. URL: https://e-journal.iahn-gdepudja.ac.id/in… (accessed August 23, 2026).
5. Mannheim K. The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge, 1952. P. 276–322.
6. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: Quill, 1991. 554 p.
7. Adorno T., Horkheimer M. The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception // Dialectic of Enlightenment. London: Verso, 2002. P. 94–136.
8. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 613 p.
9. Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. London: Routledge, 1979. 160 p.
10. Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. 1938. Vol. 3, no. 5. P. 672–682. DOI: 10.2307/2084686.
11. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. 222 p.
12. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 260 p.
13. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 304 p.
14. Music Has United Us! // WCIOM: [website]. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/anal… (accessed August 23, 2026).
15. Shakespeare D., Chareyron V., Roth C. Reframing the filter bubble through diverse scale effects in online music consumption // Scientific Reports. 2025. Vol. 15, art. no. 4071. P. 1–12. DOI: 10.1038/s41598-024-75967-0.
16. Dsouza M. P., Shetty A., Shwetha T.S., et al. "I would want to listen to it as a medicine" – Lo-fi music and state anxiety, a mixed-methods pilot study on young adults // International Journal of Adolescence and Youth. 2024. Vol. 29, no. 1. P. 115–128. DOI: 10.1080/02673843.2024.2388787.
17. TikTok and Luminate release the latest Music Impact Report // TikTok Newsroom: [online platform]. 2025. URL: https://newsroom.tiktok.com/tiktok-and-l… (accessed August 23, 2026).
18. Baraka A. Blues People: Negro Music in White America. New York: William Morrow, 1963. 244 p.
19. On June 24, 1941, the Poem "Sacred War" Was Published in Newspapers // Committee on Culture: [website]. URL: https://www.kulturamgo.ru/pomnim-gordims… (accessed August 23, 2026).
20. The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture / ed. by M. Lipovetsky, M. Engström, T. Glanc, I. Kukuj, K. Smola. New York: Oxford University Press, 2024. 1044 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197508213.001.0001.
21. Veblen T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. New York: Macmillan, 1899. 400 p.

Прекарная идентичность как форма субъектности, порождённая цифровой экономикой

Симонова Маргарита Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mmsimonova@fa.ru

Камнева Елена Владимировна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EKamneva@fa.ru

Статья посвящена анализу культурно-исторических тенденций, обусловивших этот переход, и осмыслению прекарной идентичности как специфической формы субъектности, порождённой цифровой экономикой. Исследование опирается на социологические, психологические и экономические подходы к изучению труда и идентичности. Привлечение культурно-исторической перспективы обусловлено тем, что прекарность аккумулирует длительные трансформации трудовых отношений, ценностных систем и форм социального признания – понять её без обращения к предшествующим историческим этапам невозможно.

Ключевые слова: прекарность, прекарная идентичность, цифровая экономика, платформенная занятость, культурно-исторические тенденции, трудовые отношения.

Цифровая экономика изменила не только механизмы производства, но и саму архитектуру трудовой субъектности. Гибкость, которая декларируется как достоинство новых форм занятости, зачастую оборачивается хронической нестабильностью, при которой работник утрачивает не только социальные гарантии, но и устойчивые основания для самоидентификации. Прекарность, в наше время, превратилась из маргинального явления в массовую норму цифрового рынка труда.

Прекарность как социальный феномен имеет глубокие исторические корни, хотя её концептуализация как самостоятельной категории относится к последним десятилетиям 20-го века. Доиндустриальные формы труда характеризовались принципиальной нестабильностью занятости: сезонный наём, зависимость от урожая, цеховые И можно отметить, что идентичность формировалась на факторах внешних по отношению к труду (например, принадлежность к определенному сословию, общине, религиозной группе).

Несмотря на суровые условия, доинстриальные формы труда обуславливали формирование устойчивой коллективной идентичности: рабочий класс как исторический субъект, профсоюзное движение как форма солидарности и трудовой договор как юридически обязывающая связь между работником и работодателем. В социологии труда этот период определен как время формирования «стандартной модели труда» (постоянная занятость, с четкими правами и обязанностями обеих сторон) [2, с. 47]. Труд являлся не только источником дохода, но и базовым механизмом социальной интеграции личности.

В середине XX века Кейнсианский компромисс институционализировал «стандартную модель труда». Государством всеобщего благосостояния гарантировались минимальные условия труда, пенсии и медицинское страхование. Рынок труда, багодаря его предсказумости, создавал условия для долгосрочного планирования. Профессиональная же идентичность формировалась на базе устойчивых нарративов («Я инженер», «Я учитель»). Все это позволяло обеспечивать психологическую стабильность работника [5].

Кризис этой модели начался ещё в 1970-х годах: нефтяные шоки, стагфляция и усиление конкуренции на мировых рынках поставили под сомнение жизнеспособность кейнсианского регулирования. А неолиберальная революция 1980-х годов предложила решение путем дерегулирования рынка труда, ослабления профсоюзов и введения гибких форм занятости – именно тогда был заложен институциональный фундамент для нестабильности, которая в полной мере развилась в цифровую эпоху.

Цифровая экономика основана на производстве и потреблении цифровых товаров и цифровизации традиционных институтов [3]. Автоматизация рутинной работы и глобальная конкуренция за таланты создают такую конфигурацию рынка труда, в которой неопределенность становится системной нормой.

Цифровые платформы, такие как агрегаторы такси, службы доставки, платформы для фрилансеров – организуют труд посредством алгоритмического управления, не создавая трудовых отношений в классическом смысле. Работник юридически считается «самозанятым», что освобождает платформу от обязательств по социальному обеспечению и гарантиям занятости [4]. Спрос на рабочую силу фрагментируется до уровня отдельных задач, а не рабочих мест.

Автоматизация поляризует рынок труда: высококвалифицированные специалисты поддерживают относительную стабильность, в то время как работники сферы услуг сталкиваются с постоянной нестабильностью. Нестабильность становится характерной чертой определенных социальных групп, тем самым воспроизводя неравенство.

Проектной логикой организации труда порождается цикличность «занятость – поиск – занятость». Эта цикличность принципиально отличается от линейной карьерной траектории индустриальной эпохи. По завершении проекта работник снова возвращается в состояние неопределённости. Это состояние формирует особый тип нестабильности [5].

Таким образом, прекарная идентичность рассматривается в качестве специфической формы субъективности. В сформированной прекарной идентичности устойчивые основы самоидентификации будут систематически размываться структурными условиями цифровой экономики. В современной психологии идентичность рассматривается как нарративная конструкция. Индивид конструирует связную историю

о себе, интегрируя прошлый опыт и будущие проекты [6]. Нестабильность занятости прерывает эту историю, тем самым лишая субъекта стабильных точек опоры.

Работники (разработчики-фрилансеры, курьеры, удаленные консультанты и др.), работающие через цифровые платформы не формируют стабильных профессиональных сообществ и не предлагают символических точек отсчета для коллективной идентификации. В результатах социологических исследований отмечается, что прямым следствием нестабильности труда становится ослабление профессиональной солидарности [2].

На пересечении двух противоречащих друг другу культурных логик возникает прекарная идентичность. Цифровая экономика транслирует нарратив индивидуальной свободы: «будь сам себе начальником», «зарабатывай деньги своими талантами». Однако реальные условия работы на платформах воспроизводят зависимость и контроль, только в иной форме: алгоритмический мониторинг заменил наблюдение, а системы оценки заменили трудовые договоры.

Рабочие вынуждены одновременно принимать нарратив свободного предпринимательства и сталкиваться с реальностью структурной зависимости. Результатом этого диссонанса является хроническая тревога и фрагментация биографического нарратива [1]. Можно провести определенные параллели с положением маргинализированных групп в более ранние времена, которые были вынуждены конструировать идентичность в условиях неопределенности. Фундаментальное отличие цифровой нестабильности заключается в ее массовом характере: она затрагивает не периферию, а центральные сегменты рабочей силы.

Прекарная идентичность формируется в результате масштабной трансформации культурных ценностей, связанных с работой, и эта трансформация охватывает различные взаимосвязанные аспекты.

Промышленная культура труда основывалась на долгосрочной перспективе: карьера строилась десятилетиями, а лояльность к работодателю вознаграждалась стабильностью. Цифровая экономика радикально сократила эти горизонты – средний срок работы в одной технологической компании составляет два-три года, а для работников платформ понятие карьеры теряет свое традиционное значение. Горизонт планирования сужается до следующего контракта (проекта).

Специализированная квалификация, накопленная за годы работы, обесценивается из-за автоматизации и быстрого устаревания навыков. Рынок труда переориентируется на возможность быстрого переобучения, что подрывает идентификацию навыков. Работники, вынужденные постоянно переобучаться и поэтому не могут сформировать стабильную профессиональную идентичность [6].

Работа из дома разрушила физическое рабочее место – офис, мастерскую, школу – которое играло социализирующую роль и создавало условия для передачи профессиональной и организационной культуры. Цифровая работа лишена этого измерения, что еще больше усиливает атомизацию работников [2].

Функционирующие механизмы оценки превращают личностные качества сотрудников в рыночные активы, подчиняя личность рыночной оценке. Граница между личным и профессиональным размывается: работник отчуждается от продукта своего труда и от собственной идентичности.

Прекарная идентичности возникают в результате конкретных институциональных решений, определяющих правовой статус работников в цифровой экономике. Законодательное регулирование отстает от развития платформенных систем, создавая зоны нормативной неопределенности, в которых работники лишены традиционных механизмов защиты [5].

Цифровые платформы осуществляют контроль посредством алгоритмов, определяющих распределение заказов, расчет заработной платы и оценку эффективности работы. Такая форма управления непрозрачна и лишена человеческого фактора. Сотрудники взаимодействуют не с конкретным работодателем, а с системой, что усиливает чувство структурной беспомощности и затрудняет построение значимых трудовых отношений [3].

Культурно-исторический аспект нестабильной идентичности невозможно исследовать без учета межпоколенческой динамики. Поколения, выходящие на рынок труда в цифровой экономике, формируют свои стратегии идентичности в принципиально иных условиях, чем их предшественники. Это различие имеет не только экономическое, но и глубокое культурное измерение

Поколение, выросшее во времена экономической стабильности, воспринимает неопределенность как отклонение от нормы – потерю приобретенного социального стандарта.

У современного поколения нестабильность на рынке труда определяется ощущением социального упадка и утратой идентичности, формируемой стабильной профессиональной ролью. Форме неопределенной идентичности характерно ощущение несоответствие ожидаемых и реальных жизненных траекторий.

У работников поколения, вышедших на рынок труда в 21 веке, отсутствует личный опыт профессиональной стабильности. Неопределенность для них не исключение, а базовое состояние. Это не означает, что неопределенность идентичности менее проблематична для этих поколений – она просто принимает другие формы. Вместо переживания потери они характеризуются высоким уровнем тревожности из-за неопределенности, неспособностью планировать на долгосрочную перспективу и специфической формой идентификации через проекты и временные должности [1].

Следует отметить культурно-воспроизводственный аспект межпоколенческого измерения прекарности. Так работники с нестабильной формой занятости, лишённые стабильного дохода и социальных гарантий, вынуждены откладывать на более поздние сроки создание семьи, рождение детей и приобретение жилья. Данные решения имеют демографические последствия, но, что важнее для данного анализа, они означают откладывание принятия взрослых социальных ролей, традиционно выступавших важными основаниями идентичности. Прекарная идентичность воспроизводит себя через поколения, поскольку дети прекарных работников социализируются в условиях нестабильности как нормы [6].

Прекарная идентичность не является пассивным состоянием – субъекты активно конструируют стратегии самоидентификации в условиях структурной нестабильности.

Одна из распространённых стратегий – идентификация через проект. Прекарный работник придаёт текущему проекту смысловую насыщенность, его завершение означает не просто смену работы, но и кризис идентичности, требующий нового конструирования [5]. Другая стратегия – идентификация через образ жизни и потребление: когда профессиональная идентичность нестабильна, культурные практики самовыражения и «личного бренда» приобретают повышенную идентификационную нагрузку. Её ограниченность состоит в том, что она требует экономических ресурсов, которых прекарные работники зачастую лишены, порождая противоречие между культурными ожиданиями и материальными возможностями.

Коллективные стратегии идентификации в условиях прекарности затруднены, но не исключены. Цифровые профсоюзы, кооперативные платформы и сети взаимопомощи создают альтернативные основания коллективной идентичности. Их появление свидетельствует о том, что прекарность не исключает возможности коллективного субъектного действия [2].

Прекарная идентичность в цифровой экономике – исторически обусловленный феномен, укоренённый в длительных трансформациях трудовых отношений и институциональных структур. Её формирование обусловлено не только технологическими изменениями, но и культурными сдвигами, связанными с переходом от индустриальной модели занятости к платформенной и проектной логике организации труда.

Принципиальное противоречие цифровой прекарности состоит в том, что она порождается системой, транслирующей нарратив индивидуальной свободы, при этом структурно воспроизводя условия, делающие самореализацию недостижимой для значительной части работников. Это не случайный сбой, но системное свойство цифровой экономики, встроенное в её институциональную архитектуру.

Прекарная идентичность характеризуется незавершённостью нарративной конструкции субъекта, ослаблением коллективных оснований самоидентификации и специфической формой отчуждения, при которой коммодификации подвергается не только труд, но и личность работника. Преодоление прекарности требует не только правовых решений, но и культурной работы по переосмыслению ценностей труда и социальной принадлежности – через признание правового статуса работников, создание механизмов коллективного представительства и формирование нарративов, альтернативных логике индивидуального предпринимательства.

Литература

1. Александрова Ю.Ю., Миронова Е.В., Камнева Е.В., Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Перспективы развития и риски деформации профессиональной идентичности в условиях «цифровизации» трудового процесса // Организационная психология. 2023. Т. 13. № 4. С. 213–235.

2. Брушкова, Л.А. Социология: учебник и практикум для вузов / Л.А. Брушкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 433 с.

3. Карапетян, Р.В. Социология труда: учебник и практикум для вузов / под общей редакцией Р.В. Карапетяна. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 325 с.

4. Конягина, М.Н. Цифровая экономика: учебник и практикум для среднего профессионального образования / М.Н. Конягина. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 225 с.

5. Личность в цифровой экономике: от психологической теории к бизнес-практике: монография / Е.В. Камнева [и др.]. – Москва: Прометей, 2025. – 200 с.

6. Симонова М.М., Камнева Е.В. Виртуальная идентичность и цифровое доверие личности в цифровой экономике // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 6. С. 8–11.

PRECARIOUS IDENTITY AS A FORM OF SUBJECTIVITY GENERATED BY THE DIGITAL ECONOMY

Simonova M.M., Kamneva E.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the cultural and historical trends that have shaped this transition and explores precarious identity as a specific form of subjectivity generated by the digital economy. The study draws on sociological, psychological, and economic approaches to the study of labor and identity. The cultural and historical perspective is used because precarity accumulates long-term transformations in labor relations, value systems, and forms of social recognition – understanding it is impossible without reference to previous historical stages.

Keywords: precarity, precarious identity, digital economy, platform employment, cultural and historical trends, labor relations.

References

1. Aleksandrova Yu.Yu., Mironova E.V., Kamneva E.V., Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E. Yu. Development Prospects and Risks of Deformation of Professional Identity in the Context of the "Digitalization" of the Labor Process // Organizational Psychology. 2023. Vol. 13. No. 4. Pp. 213–235.

2. Brushkova, L.A. Sociology: a textbook and practical training for universities / L.A. Brushkova. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 433 p.

3. Karapetyan, R.V. Sociology of Labor: a textbook and practical training for universities / edited by R.V. Karapetyan. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 325 p.

4. Konyagina, M.N. Digital Economy: Textbook and Workshop for Secondary Vocational Education / M.N. Konyagina. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 225 p.

5. Personality in the Digital Economy: From Psychological Theory to Business Practice: Monograph / E.V. Kamneva [et al.]. – Moscow: Prometheus, 2025. – 200 p.

6. Simonova, M.M., Kamneva, E.V. Virtual Identity and Digital Trust of an Individual in the Digital Economy // Social and Humanitarian Knowledge. 2023. No. 6. Pp. 8–11.

Влияние мировых кадровых тенденций на Россию в 2024–2026 годах

DOI: 10.34823/SGZ.2026.8.262015

Табаков Георгий Максимович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: tabakovtabakovtabakovgosha@mail.ru

В статье предпринимается попытка проанализировать особенности влияния общемировых экономических тенденций на структуру и устойчивость российского общества. Автор опирается на понятие «кадровая тенденция», отражающее динамику развития доли трудоспособного населения, его структуры. Сравнение точек зрения мировых и отечественных исследователей в статье позволило максимально точно сформулировать перечень кадровых тенденций в мире, найти их проявления в России. Далее автор сформулировал ряд кадровых проблем, отражающих связь российского общества с уровнем конкретных коммерческих предприятий. Сформулированные в заключение управленческие задачи, по мнению автора, не только отражают особенности влияния мировых кадровых тенденций на российское общество, но и предполагают пути снижения их негативных последствий. В статье предложена трёхзвенная схема оценки того, как общемировые тенденции влияют на конкретное общество (кадровые тенденции – кадровые проблемы – кадровые задачи). Именно она предполагает, что ежедневное эффективное решение кадровых задач – важное условие повышения уровня жизни граждан, обеспечения экономической безопасности общества.

Ключевые слова: социальная структура общества, доля трудоспособного населения, кадровая тенденция, управление персоналом, кадровые проблемы общества, кадровые задачи предприятия.

Введение

Международные отношения в 2020 годах значительно ухудшились, что нарушило внешнеторговые связи, экономические циклы, снизило уровень жизни людей во многих странах. С точки зрения социологии управления, очень важным является вопрос о том, как глобальные политические процессы повлияли на структуру общества каждой страны, какие в связи с этим возникли тенденции. Одним из ключевых демографических показателей, характеризующих связь политики, экономики и общества, является доля трудоспособного населения. Но оценивать её важно не столько в статике, сколько в динамике, чтобы спрогнозировать варианты развития общества в ближайшем будущем. Понимая, как меняется структура трудоспособного населения, растёт ли его доля в обществе, исследователь сможет сделать вывод о том, как изменятся уровень жизни, качество жизни, покупательная способность и реальные доходы населения. В данной статье речь пойдёт о кадровых тенденциях, сформировавшихся в мире по состоянию на 2025 год. Их изучение представляется весьма актуальным, так как позволит сделать выводы о степени их влияния на российскую экономику и структуру общества России, а также понять, как следует разрешить их негативные последствия.

Методы

Базу исследования составят труды отечественных учёных из Российского экономического университета им. Плеханова, Высшей школы экономики, а также аналитические обзоры РАН и оценки международных экспертов («hh.ru», «Anchor», «РБК», «BRaiN HR» и др.). Будет проведено сравнение точек зрения крупнейших аналитиков и учёных с целью уточнить и сформулировать фактически проявляющиеся в мире кадровые тенденции (по состоянию на 2025 год). На основе полученного примерного перечня важнейших кадровых тенденций автором будут выделены особенности их влияния на общество и экономику России (в виде кадровых проблем общества). В заключение статьи, сформулированные тенденции будут конкретизированы до уровня отдельного предприятия в виде управленческих кадровых задач, решение которых носит принципиальное значение для развития российского общества в целом. Будет применён метод схематизации, позволяющий проанализировать суть влияния международных тенденций на общество, а также пути преодоления его негативных последствий.

Результаты

По данным Организации экономического сотрудничества и развития, доля населения Земли в трудоспособном возрасте снижается, составляя в 2024 году 64,7%. Это значение наблюдалось и в 1983 году, но позволяло обнаружить рост доли потенциальных работников среди общего числа представителей человечества [12]. При этом население нашей планеты увеличилось с 3,6 млрд.чел. в 1970 до 8 млрд.чел в 2022 и продолжает расти [11]. Падение доли трудоспособного населения в 4% за последние 50 лет не является критическим, так как в абсолютных цифрах работников стало больше – с 2,3 млрд.чел. (1970) до 5,12 млрд.чел. (2022). В 2,2 раза увеличилось и население в целом, и доля трудоспособных людей. За исключением смертности периода пандемии COVID-19, такую демографическую ситуацию в мире можно оценивать, как стабильную. В России за тот же период, по данным Росстат, население выросло с 129,9 млн.чел. (1970) до 146,1 млн.чел. (2025), то есть всего 12,4% (16,2 млн.чел.) [8]. Доля граждан в трудоспособном возрасте составляла 72,7 млн.чел. (55,9%) [6] в 1970 году, а сегодня составляет 72,3 млн.чел (49%) [5]. Следовательно, стабильной динамики трудоспособного населения РФ не наблюдается. Оно сократилось за пятьдесят лет и в абсолютных (300 тыс.чел.), и в относительных (6,9%) показателях. Таким образом, рынок рабочей силы в России обладает гораздо меньшей устойчивостью, чем мировой. К 2025 году международные события создали сложную макроэкономическую ситуацию. По мнению экспертов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН, лидерами экспорта в настоящее время являются Китай и развивающиеся страны [7, с.11]. Экспортный потенциал Японии, США падает, в ЕС – остаётся стабильно низким. Мировые финансовые аналитики (Goldman Sachs, Morgan Stanley, BlackRock и др.) предсказывают, что в 2026 году мировая экономика избежит рецессии, показав слабый рост в 3% [4].

В мировой экономике становится главной тенденция стратегического соперничества Китая и США. Её подтверждает растущий показатель реального ВВП Соединённых штатов, а также сальдо внешнеторгового баланса КНР. Ключевую роль в повышении национального ВВП, а также расширении экспорта зачастую играют производственные предприятия страны. Меньшая устойчивость рынка труда в России, по сравнению с мировым, ставит перед практиками управления персонала новые сложные задачи. Группа исследователей из РЭУ им. Г.В. Плеханова в 2025 году отметила, что роль отделов по управлению персоналом на российских предприятиях возросла чрезвычайно [3, с. 562]. Стратегические цели развития России требуют изменения подходов к работе с кадрами. В России уже реализуют национальный проект «Кадры», логику которого нужно продолжать в других государственных программах, переходя от обучения персонала к развитию у каждого работника конкретных профессиональных навыков. По мнению Л.В. Карташовой и Л.С. Бабыниной, важнейшие мировые тренды управления персоналом в 2025 году охватывают три проблемы:

– технологическая трансформация экономики;

– удержание «талантов» в компании;

– стратегическое планирование управления персоналом [3, с. 562–563].

В конце 2024 года аналитики Высшей школы экономики предполагали [9], что на следующий год будут актуальны следующие кадровые тенденции:

– высокая роль инструментов удержания персонала в компании;

– повышение операционной эффективности (опора на лидеров команд), производительности труда;

– развитие человекоцентричной культуры (приоритет интересов сотрудника);

– фокус на развитие внутреннего рынка и «тихого найма»;

– развитие бренда работодателя (подготовка ценностных HR-предложений для соискателей);

– расширение воронки кандидатов (по возрасту, полу, дипломам);

– увеличение количества программ обучения и развития персонала;

– цифровизация всех этапов кадровой политики;

– привлечение (удержание) молодёжи;

– совершенствование графиков работы – гибкий и гибридный форматы работы.

Однако именно 2025 год эксперты РЭУ им. Г.В. Плеханова считают поворотным, так как от узкотехнического подхода к искусственному интеллекту практики управления персоналом перешли к его системному (стратегическому) использованию. В части развития персонала приоритетом стало развитие тех навыков, которые могут потребоваться работнику (компании) в будущем. Ранее обучение осуществлялось только тем навыкам, которые необходимы в данный момент. Появление на производстве работников «нового ручного труда», от которых теперь зависит экономическая эффективность компаний, заставило кадровые службы обеспечивать их карьерный рост, вне зависимости от полученных дипломов или степеней. Если обобщить точку зрения Л.В. Карташовой и Л.С. Бабыниной, можно сделать следующие выводы о кадровых тенденциях в России и в мире в середине 2020х:

– переход к использованию ИИ для адаптации персонала и поддержания организационной культуры предприятия;

– использование технологического потенциала ИИ при подборе, найме, адаптации, развитии и вовлеченности персонала (хотя только 14% кадровых служб в мире внедрили данные технологии);

– переход к обучению тем навыкам, которые пригодятся работнику (компании) в будущем;

– повышение интереса кадровых служб к привлечению в компанию работников ручного труда, работающих в высокоинтеллектуальных сферах деятельности [3, с. 564];

– потребность в удержании ценных кадров, даже после выхода на пенсию (различные программы удержания, принцип DEIB (разнообразие, равные права, инклюзивные условия, вовлечённость), фокус на ценных специалистах, в том числе старше 75 лет).

Обсуждение результатов

Сформулированные кадровые тенденции в мире находят своё выражение на уровне каждой конкретной коммерческой организации в форме кадровой проблемы. Решая её ежедневно, специалисты по персоналу и руководство фирм, обеспечивают стабильность национальных экономик, устойчивость уровня жизни в обществе. Возникают каждодневные кадровые задачи, решение которых имеет огромное стратегическое значение. Исходя из полученных данных, к основным кадровым проблемам следует отнести:

– отсутствие единой стратегии или нормативов реализации ИИ для поддержания орг.культуры и адаптации персонала, ситуативная реализация;

– проблема ответственности сотрудников и руководителей кадровых служб за решения, принятые с помощью ИИ;

– неспособность системы обучения персонала в настоящее время обеспечить многозадачность и широкий кругозор работников;

– отсутствие на рынке труда такого типа соискателей, которые бы обладали высокими технологическими знаниями (программные коды, базы данных, большие данные и пр.), но были бы готовы к их реализации в формате ручного каждодневного труда;

– проблема «тихого ухода» – новый формат поведения сотрудников, оценивших все выгоды удалённой работы в период пандемии COVID-19. Вернувшись в офисы, работники поняли, что корпоративная культура переоценена, вовлечённость приводит к быстрому профессиональному выгоранию. Поэтому удержание талантов, в том числе и возрастных, сопряжено в настоящее время с проблемами «тихого найма, тихого ухода» – ценности удалённого труда.

Осенью 2025 года сотрудники Высшей школы экономики, кадрового портала hh.ru, а также группы Anchor провели исследование[1, с. 2] основных тенденций в области управления персоналом. Были опрошены 382 руководителя компаний, HR-менеджеры, применялся метод шкал Ликерта. В результате, учёные сформулировали следующие кадровые тенденции, проявляющиеся в России в текущем году:

– рост значимости кадровых инициатив, направленных на повышение производительности труда и операционной эффективности (данная тенденция уже наблюдается в 76% российских компаний, она будет очень сильна вплоть до 2030 года, опирается на программы операционной эффективности, в которых прописаны показатели результативности (KPI) для руководителей и сотрудников);

– развитие бренда работодателя (его в настоящее время развивает 73% отечественных компаний, что, по мысли экспертов, позволяет сэкономить до 15% фонда оплаты труда и удержать ценных сотрудников);

– увеличение усилий для удержания персонала (популярность данной тенденции снизилась, по сравнению с 2025 годом);

– развитие практики наставничества (применяются системы поощрения опытных специалистов и руководителей, если они станут наставниками; тенденция весьма актуальна, так как чаще всего в компании принимают молодёжь);

– усиление человекоцентричности работодателя (популярность данной тенденции тоже снизилась, по сравнению с 2025 годом, применяется в виде большого внимания к благополучию сотрудников, их социальному обеспечению; по сравнению с 2020, программы обеспечения работников, ДМС достигли своего максимума, став гигиеническим фактором);

– пересмотр подходов к вовлечённости (новая тенденция, которой в настоящее время уделяют внимание 62,2% российских компаний, менеджеры ищут новые пути вовлечённости: материальные и нематериальные инструменты; конечная цель – повышение показателей бизнеса в целом, участие топ-менеджмента к вовлечению персонала);

– цифровизация HR (примерно половина российских компаний внедряет различные ИИ-агенты, боты и приложения для решения кадровых задач; по мнению экспертов, данная тенденция в России постепенно сойдёт на нет, так как требует масштабных вложений и грамотного заказчика услуг);

– рост внимания и к обучению и развитию персонала (по мнению экспертов, HR-менеджеры готовы вкладывать большие деньги в развитие сотрудников; при этом классическое офлайн обучение с преподавателем переживает кризис);

– борьба с дефицитом линейного персонала (постепенно дефицит кадров в России будет увеличиваться, что не затронет в 2026 году мелкий бизнес, но может болезненно ударить по крупным предприятиям и торговым сетям);

– развитие внутренней мобильности персонала (компании всё чаще вводят внутренние маркетплейсы талантов и генеративный интернет для поиска талантов внутри крупной компании; тенденция будет развиваться, но натыкаться на организационные сложности) [1, с. 3].

При этом, рост применения искусственного интеллекта для решения кадровых задач, весьма популярный в мире в 2025 году, в России не наблюдается в качестве яркой тенденции. Макроэкономическая ситуация, по мысли аналитиков, привела к трансформации российского рынка труда от «рынка кандидата» к «рынку работодателя» [1, с. 4]. Основная кадровая стратегия компаний в настоящий момент – высокая эффективность и целесообразность, большое внимание к удержанию кадров осталось в прошлом – в 2025 году. Кроме того, эксперты уверены, что снижение прибыльности приводит к необходимости исполь-

зовать в кадровой политике внутренние резервы, однако без сильного бренда компании эффективных работников не привлечь. Подводя итоги, учёные Высшей школы бизнеса ВШЭ, отметили, что цифровизация HR в 2026 году очень актуальна. Так как решение кадровых задач по-старому – вручную дорожает каждый день. Поэтому иметь в работе HR-платформы, системы аналитики или LMS для компаний сегодня чрезвычайно важно, это вопрос выживания [1, с. 7].

Эксперты «РБК» также отмечают [10], что с 2024 года повестка кадровых тенденций в мире и в России чрезвычайно поменялась. Два года назад важнейшим трендом был дефицит кадров в отечественной экономике, гонка за сотрудниками, агрессивный наем и поиски новых кадровых источников. Причиной тому, по мнению экспертов, был процесс быстрого развития отечественной экономики, связанный с импортозамещением (см. таблицу 1).

Таблица 1. Кадровые тенденции 2024–2026 годов, по данным «РБК» (составлено автором)

Год	2024	2025	2026
Ситуация в экономике России	Рост российской экономики, расширение производств	Замедление экономического роста	Замедление экономики
Кадровая тенденция	Дефицит кадров, исчерпание локальных рынков труда	Дефицит квалифицированных кадров, переход к контролю расходов, массовые сокращения	На первый план вышла операционная эффективность, от работников ждут стабильных результатов
Ключевой кадровый показатель	Уровень обеспеченности фирм персоналом, новые программы найма, новые источники персонала.	Эффективность использования HR-бюджета, организационная эффективность	Производительность труда, вовлеченность персонала, удержание эффективных сотрудников.

В 2025 году наметился спад экономики, дефицит сохранился только в отношении квалифицированных кадров. Руководство крупных компаний, участвуя в программах развития региональных кадров, к концу года фокусируется на контроле кадровых бюджетов и оптимизации эффективности. Результатом стали серьёзные сокращения по всей стране, так как важнейшим показателем отныне стала организационная эффективность. Менеджеры стали более рационально перераспределять средства на персонал, глубоко анализировать потенциал команды.

В 2026 году, по мнению экспертов РБК, в России сформировались новые кадровые тенденции. Их подтверждают многочисленные социологические и маркетинговые исследования Высшей школы экономики, ЭКОПСИ-консалтинг, «HR-метр» [10]. Основная идея всех HR-менеджеров в 2026 году – это фокус на производительности труда. Исследования показывают, что важнейшим показателем его считают 72,8% предприятий в России. Проявляется усталость от спада экономики, как среди менеджеров, так и среди простых работников. Поэтому второй важнейший показатель – вовлеченность сотрудников. В этом году крайне важно удерживать эффективных работников, дающих стабильный результат.

Эксперты «РБК» объединили кадровые тренды 2026 года в следующие направления (кадровые задачи) [10]:

– Важнейшей кадровой задачей является постоянный подсчёт стоимости одного работника, так как в выручке компании фонд оплаты труда в среднем составляет 16% (от 7,5% до 50% в зависимости от отрасли);

– Дефицит кадров сохраняется особенно в строительстве и промышленности, из-за чего рост зарплат обгоняет рост производительности;

– Внедрение в кадровую работу искусственного интеллекта (ИИ-агенты) для ускорения и уточнения решения кадровых задач, особенно в обучении, исследованиях вовлеченности;

– Усложнение экономической ситуации привело к повышению важности миссии, ценностей компании и смысла её работы – именно через прямые коммуникации от руководства к каждому сотруднику в 2026 году предполагается повышение вовлеченности работников (касается и положительных нововведений, и временных трудностей);

– Вовлеченность сотрудников в 2026 году не является важным показателем для бизнеса, однако, руководство постоянно анализирует её, сравнивая цифры с конкурентами или отраслью (бенчмаркинг). Компании с большей вовлеченностью, как правило, больше зарабатывают, более эффективны;

– Важной стала задача анализа корпоративных выгод для сотрудников -бенефитов (ДМС, корпоративные мероприятия, комфорт и пр.). Руководство понимает, что резко их урезать может быть довольно болезненно (равносильно сокращению штата или оплаты труда). Но в сложных экономических условиях появляется возможность сэкономить на ненужных, не дающих кадрового эффекта бенефитах. Анализ корпоративных выгод и эффекта каждой из них – важная кадровая задача в 2026 году;

– Задача цифровизации HR вновь актуальна – от экспериментов в данной сфере компании переходят к созданию продуманной IT-стратегии, внедряющей приложения и устройства в кадровую политику (при этом очень важно, чтобы у фирмы был опыт принятия решений на основе данных, сформированы зрелые процессы);

– Слабо обозначился тренд на развитие у персонала навыков эмоциональной саморегуляции (по исследованиям ЭКОПСИ, уверенность в своей судьбе и перспективах бизнеса среди россиян падает).

Практики управления персоналом настаивают на важности стратегического подхода к решению кадровых задач. В декабре 2025 года эксперты компании «BRaiN HR» – резидента парка Сколково [2] – составили свой список ключевых кадровых тенденций, в целом повторяющий выводы учёных из ВШЭ или РЭУ им. Плеханова. Однако, практический подход позволил сотрудникам «BRaiN HR» сформулировать конкретный набор кадровых задач, актуальных в 2026 году:

– аудит HR-технологий (оценка существующих кадровых систем, поиск тех, которые могут быть усовершенствованы через внедрение искусственного интеллекта и IT-технологий);

– инвестиции в развитие HR-специалистов (прежде всего, следует развивать навыки аналитики данных, управления проектами и DEI (принципы создания равенства, равноправия и инклюзивности));

– постоянный сбор и анализ данных на основе платформы People Analytics (строит прогнозы развития кадровой ситуации в компании на основе фактов) позволит точно и высоко эффективно принимать кадровые решения;

– создание программы благополучия сотрудников, имеющей комплексный характер (ментальное, физическое и финансовое здоровье работников) – это ответ на тренд человекоцентричности;

– внедрение экономики навыков (создать внутренний банк навыков и внедрить проекты на внутренней бирже талантов);

– опыт сотрудников следует персонализировать: создавать индивидуальные карьерные планы и траектории;

– интегрировать принципы DEI (принципы создания равенства, равноправия и инклюзивности) и ESG (экологической и социальной ответственности) в стратегию компании.

Заключение

Крупнейшие российские эксперты РЭУ им. Г.В. Плеханова, Высшей школы экономики, «РБК» и др. сходятся во мнении – спад экономики России в 2025 году стал поворотным, противоречивым в управлении персоналом. От борьбы с дефицитом персонала и бессистемным внедрением цифровых технологий, искусственного интеллекта, руководство компаний перешло к тщательному анализу затрат на персонал, повышению его вовлеченности и производительности труда на всех уровнях. Обобщение полученных данных позволяет вывести из кадровых тенденций перечень кадровых проблем, решаемых в виде задач практиками управления персоналом (см. таблицу 2).

Таблица 2. Кадровые проблемы (задачи), вытекающие из кадровых тенденций 2026 года в России (составлено автором)

№	Кадровые тенденции	Кадровые проблемы	Кадровые задачи
1	Использование ИИ-технологий для найма, адаптации и поддержания организационной культуры	Проблема ответственности за решения, сгенерированные ИИ	Создание продуманной IT-стратегии развития ИИ в области HR, привлечение работников ручного труда в высокоинтеллектуальные сферы за счёт цифровизации.
2	Снижение вовлеченности персонала	Снижение производительности труда и организационной эффективности	Системный учёт производительности труда каждого сотрудника, развитие организационной эффективности; Создание новых подходов к вовлеченности персонала (человекоцентричность HR) Количественная оценка и анализ кадровых бенефитов.

Окончание

№	Кадровые тенденции	Кадровые проблемы	Кадровые задачи
3	Потребность удержания ценных кадров, в том числе возрастных, привлечение молодёжи	Проблема «тихого ухода» и «тихого найма»	Внедрение в работу компании принципов DEIB и ESG на уровне стратегии; развитие «бренда работодателя»; Расширение внутренней мобильности персонала.
4	Расширение дефицита кадров в экономике	Отсутствие соискателей вакансии с высокими технологическими знаниями (программные коды, базы данных, большие данные и пр.), готовые применять их в формате каждодневной рутины	Развитие практик наставничества; Обучение сотрудников навыкам, которые пригодятся им в будущем.
5	Усложнение экономической ситуации в России и в мире	Недостаточный учёт в работе HR миссии, ценностей и смыслов компании	Выстраивание механизмов прямой коммуникации между всеми звеньями в компании.

Таким образом, мы можем схематично изобразить особенности влияния международных процессов на общество России в виде трёх взаимосвязанных элементов: кадровые тенденции – кадровые проблемы – кадровые задачи. Вывод имеет важное значение для науки и практики, так как позволяет понять, каким образом общество может повлиять на международные процессы, снизить их негативное влияние. Ежедневное эффективное решение кадровых задач на предприятиях является, тем самым, залогом повышения уровня жизни людей, обеспечения экономической стабильности общества.

Литература

1. Вербицкая (Петрова) Ю. Главные тенденции в HR в 2026 // Ведомости. Ноябрь 2025. – с. 1–8;
2. Горштейн Б. Главные HR-тренды 2026: Ключевые тенденции в управлении персоналом для доминирования в бизнесе [электронный ресурс]. – URL: https://brainhire.ru/blog/rekruting/glavnye-hr-trendy-2026 – дата обращения: 01.08.2026;
3. Карташова Л. В., Бабынина Л.С., Фатеев М.А. Международные и российские тренды в управлении персоналом // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 3. – С. 561–578. – DOI 10.18334/lim.12.3.122604;
4. Новые горизонты: прогнозы глобальных инвестдомов на 2026 год [электронный ресурс]. – URL: https://alfabank.ru/alfa-investor/t/novye-gorizonty-prognozy-globalnyh-investdomov-na-2026-god/ – дата обращения: 01.08.2026
5. Рабочая сила. Россия [электронный ресурс]. – URL: https://statbase.ru/data/rus-labor-force/ – дата обращения: 01.08.2026
6. Распределение населения по возрастным группам (на 1 января; тысяч человек) [электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.htm – дата обращения: 01.08.2026
7. Россия и мир: 2026. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. М: ИМЭМО РАН, 2025. – 202 с.
8. Численность населения России (в современных границах) [электронный ресурс]. – URL: https://clc.li/BVYSc – дата обращения: 01.08.2026
9. 10 главных российских HR-трендов – 2025: сборник информационно-аналитических статей / М.В. Иванющенкова, В.С. Катькало, Ю.Е. Петрова-Вербицкая, С.Р. Филонович, Ю.В. Фуколова, Е.В. Чернозатонская; под ред. В.С. Катькало, М.В. Иванющенковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 104 с.;
10. 7 трендов 2026 в управлении персоналом: на что обратить внимание HR [электронный ресурс]. – URL: https://companies.rbc.ru/news/5qlJ65bxE2/7-trendov-2026-v-upravlenii-personalom-na-chto-obratit-vnimanie-hr/ – дата обращения: 01.08.2026;
11. Population. UN review [электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/en/global-issues/population – дата обращения: 01.08.2026
12. Working age population [электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org/en/data/indicators/working-age-population.html – дата обращения: 01.08.2026

THE IMPACT OF GLOBAL HR TRENDS FOR RUSSIA IN 2024–2026

Tabakov G.M.
Lomonosov Moscow State University

The article attempts to analyze the impact of global economic trends on the structure and sustainability of Russian society. The author relies on the concept of "personnel trend", reflecting the dynamics of the share of the working-age population and its structure. Comparing the points of view of international and domestic researchers in the article allowed us to formulate as accurately as possible a list of personnel trends in the world, to find their manifestations in Russia. Further, the author formulated a number of personnel problems reflecting the relationship of Russian society with the level of specific commercial enterprises. The management tasks formulated in conclusion, according to the author, not only reflect the peculiarities of the influence of global personnel trends on Russian society, but also suggest ways to reduce their negative consequences. The article offers a three–tier scheme for assessing how global trends affect a particular society (personnel trends – personnel problems – personnel tasks). It is she who assumes that the daily effective solution of personnel tasks is an important condition for improving the standard of living of citizens and ensuring the economic security of society.

Keywords: the social structure of society, the share of the working-age population, personnel trend, personnel management, personnel problems of society, personnel tasks of the enterprise.

References

1. Distribution of the population by age groups (as of January 1; thousands of people) [electronic resource]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.htm – date of request: 08/01/2026;
2. Gorshtejn B. Glavnye HR-trendy 2026: Klyuchevye tendencii v upravlenii personalom dlya dominirovaniya v biznese (The main HR trends of 2026: Key trends in HR management for business dominance) [electronic resource]. – URL: https://brainhire.ru/blog/rekruting/glavnye-hr-trendy-2026 – date of request: 08/01/2026;
3. Kartashova L. V., Babynina L.S., Fateev M.A. Mezhdunarodnye i rossijskie trendy v upravlenii personalom (International and Russian trends in personnel management) // Leadership and Management. 2025. Vol. 12, No. 3. – pp. 561–578. – DOI 10.18334/lim.12.3.122604;
4. Labor force. Russia [electronic resource]. – URL: https://statbase.ru/data/rus-labor-force / – date of request: 08/01/2026;
5. New horizons: forecasts of global investment houses for 2026 [electronic resource]. – URL: https://alfabank.ru/alfa-investor/t/novye-gorizonty-prognozy-globalnyh-investdomov-na-2026-god / – date of request: 08/01/2026;
6. Population. UN review [electronic resource]. – URL: https://www.un.org/en/global-issues/population – date of request: 08/01/2026;
7. Russia and the world: 2026. Economics and foreign policy. Annual forecast (2025) / hand. project: A.A. Dynkin, V.G. Baranovsky; editors: I. Ya. Kobrinskaya, G.I. Machavariani. Moscow: IMEMO RAS, 2025. 202 p.;
8. The population of Russia (in modern borders) [electronic resource]. – URL: https://clc.li/BVYSc – date of request: 08/01/2026
9. Verbickaya (Petrova) Yu. Glavnye tendencii v HR v 2026 (The main trends in HR in 2026) // Vedomosti. November 2025, pp.1–8;
10. Working age population [electronic resource]. – URL: https://www.oecd.org/en/data/indicators/working-age-population.html – date of request: 08/01/2026
11. 10 main Russian HR trends – 2025: collection of information and analytical articles (2024) / M.V. Ivanyushenkova, V.S. Katkalo, Yu.E. Petrova-Verbitskaya, S.R. Filonovich, Yu.V. Fukolova, E.V. Chernozatonskaya; edited by V.S. Katkalo, M.V. Ivanyushenkova; National research. University of Higher School of Economics, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 104 p.;
12. 7 trends of 2026 in personnel management: what HR should pay attention to [electronic resource]. – URL: https://companies.rbc.ru/news/5qlJ65bxE2/7-trendov-2026-v-upravlenii-personalom-na-chto-obratit-vnimanie-hr / – date of request: 08/01/2026.

Демократизация местных советов и инициатива населения на примере Республики Дагестан

DOI 10.34823/SGZ.2026.8.262016

Тинкуев Магомед-Загид Назирович,
кандидат социологических наук, научный сотрудник,
Дагестанский федеральный исследовательский центр
E-mail: tinkulov@mail.ru

Местные Советы представляют собой особую форму организации власти на местах: именно от них зависело принятие широкого круга решений, и одновременно они выступали прямым проводником государственной воли. В первые годы советского строя, когда действовал лозунг «вся власть Советам», эти органы претендовали на роль альтернативы классической демократии, поскольку значительная часть вопросов решалась с участием местных жителей. По мере укрепления Коммунистической партии функции Советов трансформировались, и они превратились преимущественно в исполнительные структуры. Централизованная партийная модель гасила интерес и инициативу граждан, результатом чего стало нарастающее отчуждение между обществом и властью. Материал, представленный в статье, позволяет утверждать, что в Дагестане этот процесс протекал со своей спецификой.

Ключевые слова: демократизация, местные Советы, Советы народных депутатов, избирательное право, свобода, гласность, местное самоуправление.

Демократизацию следует рассматривать как процесс, разворачивающийся на нескольких уровнях, причем на каждом из них формируются свои элементы демократии. Более того, эти элементы практически никогда не складываются одновременно и в едином темпе: часть демократических положений воплощается быстрее и раньше, другие же утверждаются лишь по мере того, как общество созревает и приспосабливается к ним.

Сам термин «демократия» был введен в оборот мыслителями Древней Греции; он образован от слов demos (народ) и kratos (власть, правление) и буквально означает народовластие [10, с. 176].

Прилагая это понятие к местным Советам, автор опирается на классическую трактовку демократии как «власти народа», а под демократизацией понимает внедрение демократических принципов в политическую систему, культуру, повседневный уклад жизни и т.д. [16] – при условии, что права и свободы отдельных людей и социальных групп (свобода слова, совести, собраний и др.) действительно обеспечиваются.демократиивластьнародадемократическихполитическую системукультурустиль жизни

В историческом прошлом Дагестана власть на местах играла исключительно важную роль; она опиралась на демократические начала и отвечала потребности в единой системе местного самоуправления. Управление селением строилось на четырех институтах: сельском сходе (джамаате), старшине, кадии и сельском суде. В сход входили все совершеннолетние домохозяева и должностные лица селения, при этом каждую семью представлял ее старший член [1]. В конце XVIII – начале XIX вв., после завершения Кавказской войны, ряд демократических норм избирательной практики был пересмотрен: сход по-прежнему избирал сельских судей и кадия, однако их кандидатуры затем утверждались военной администрацией, а выборность старшин и их помощников была отменена – теперь их назначала та же администрация. Попытка централизации на этом этапе обернулась ростом коррупции среди назначенцев, злоупотреблениями служебным положением и утратой общественного контроля над принимаемыми решениями.

Очередная попытка перестроить организацию местного самоуправления и работу его органов была предпринята уже после отречения Николая II. Особое совещание при Министерстве внутренних дел примерно за полгода подготовило основной пакет документов. Речь шла главным образом о совершенствовании порядка городских выборов, разработке нового Городового положения и пересмотре Земского положения, расширении самостоятельности городского самоуправления, наделении городских властей широкими правами на объединение в союзы с другими городами и земствами, учреждении поселкового самоуправления, реорганизации губернских и уездных земств, введении волостного земства и т.п. Устройство земств при этом должно было учитывать местные особенности и обычаи. В результате за земством законодательно закреплялось место в единой системе государственного управления и вся полнота власти на местах. Элементом модернизации стала и передача органам самоуправления функций по оказанию правовой помощи гражданам, руководству школьным образованием и милицией, организации бирж труда. Реализовать этот проект, впрочем, не удалось – политический строй Российской империи изменился.

После Февральской революции политическая ситуация в Дагестане оказалась крайне сложной: «происходило быстрое размежевание противоборствующих политических сил. Никогда ранее дагестанское общество, даже в период народно-освободительной войны, не знало такого разброса политических сил» [2, с. 151], какой обнаружился после событий 1917 г.

Двоевластие, установившееся в Дагестане после переворота, имело своеобразный характер. Из-за слабой социальной базы Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Дагестане невозможно сопоставить с аналогичными органами в политических центрах России: географическое положение и уровень социально-экономического развития региона обусловливали приоритет исторически сложившихся норм. Вследствие этого Советы не играли заметной роли в политической жизни области, а многие из них даже заявили о поддержке Временного правительства.

К концу 1919 г. Советы обрели значительно большую самостоятельность: за ними закреплялось право приостанавливать распоряжения народных комиссариатов, если те шли вразрез с интересами мест-

ного населения. Одновременно были определены административно-территориальные единицы, в рамках которых могло формироваться местное самоуправление, – волости, города, губернии и т.д.; ни размер территории, ни численность жителей при этом значения не имели. Такие единицы назывались коммунами; в них создавались отделы управления коммунальным хозяйством, чью работу регулировал центральный орган в этой сфере.

На начальном этапе советская модель местной власти позволяла жителям Дагестана сохранять многие элементы прежней системы – вплоть до обычаев и религиозной практики – при решении местных дел. Об этом свидетельствует выступление И.В. Сталина на Чрезвычайном съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г., когда была провозглашена автономия республики. Опровергнув от имени правительства РСФСР слухи о том, что Советская власть якобы запрещает шариат, он заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту обычаям… Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены» [12, с. 395].

О том, насколько важным считалось учитывать дагестанскую специфику, говорит и указание В.И. Ленина Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920 г.: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и при том самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее» [6, с. 24]. Подобные обращения первых лиц государства убеждали местных жителей в демократичности новой системы и обеспечили ей широкую поддержку в самых разных слоях общества. Однако по мере укрепления государства шариатское и местное право было поэтапно запрещено на конституционном уровне, а избирательные права ограничены по социальному и религиозному признакам. Централизация власти становилась все жестче, а КПСС как идеологический регулятор общественных отношений осуществляла чрезмерный контроль, который на деле подавлял инициативу населения на местах.

По Конституции Дагестанской АССР 1925 г. носителем высшей власти в республике признавался Вседагестанский съезд Советов, а на местах власть осуществляли окружные и районные съезды Советов вместе с их исполнительными комитетами. В работе съездов участвовали представители всех Советов, действовавших на соответствующей административной территории. К основным задачам местных органов власти Конституция относила: подъем подведомственной территории в культурном и хозяйственном отношении; составление и утверждение местного бюджета; исполнение постановлений вышестоящих органов Советской власти; решение вопросов местного значения; координацию советской работы на своей территории; поддержание революционной законности, государственного порядка и общественной безопасности; наконец, обсуждение общегосударственных вопросов – как по собственной инициативе, так и по предложению вышестоящих органов [4].

В период с 1937 по 1977 г. система местных органов государственной власти и управления существенно не менялась; преобразования сводились к частичной реорганизации отделов исполнительных комитетов, контролировавших местные Советы депутатов трудящихся. Правда, в 1960-х гг. предпринимались попытки освободить Советы от избыточной опеки, сделать их более самостоятельными и ответственными перед народом, но всеобъемлющий партийный контроль не позволил довести эти начинания до конца.

Еще в 1930-х гг., в соответствии с положениями Конституции РСФСР 1937 г., прежние Советы были заменены Советами депутатов трудящихся. После упразднения Съездов Советов СССР (высшего органа государственной власти Союза с момента его образования и до принятия Конституции 1936 г.) эти Советы превратились в постоянно действующие органы государственной власти, в ведение которых входили все ключевые вопросы управления местным сообществом. Впрочем, правящая партия делала ставку на централизованное управление, и от местных Советов требовалось лишь беспрекословно исполнять решения высших Советов страны.момента образования СоюзаКонституции 1936 г.

В 1964 г. была предпринята попытка реформировать сложившуюся систему местных Советов. Проект нацеливался на расширение самостоятельности местной власти. Во-первых, предполагалось обновлять треть депутатского корпуса на каждых выборах и одновременно ограничить срок пребывания в Совете: избираться в один и тот же Совет разрешалось не более трех раз подряд. Во-вторых, руководство страны намеревалось лишить вышестоящие Советы права отменять решения нижестоящих, тем самым закрепив за местными Советами последнее слово в вопросах местного значения в пределах их компетенции. Однако в условиях административно-командной системы эти идеи не нашли поддержки у властной элиты, и проект новой Конституции так и остался неутвержденным.

В эпоху так называемого «развитого социализма» (1960–1980 гг.) руководство СССР неизменно придерживалось централизованного принципа организации государственной власти. Следствием такого подхода стали падение общественной активности, распространение политического пессимизма, а затем экономический спад и глубокий кризис в стране.

Новая Конституция, принятая в 1978 г., еще больше усилила руководящую и направляющую роль КПСС, что дополнительно сузило демократические начала в деятельности местных Советов и в дальнейшем негативно отразилось на всей политической системе Советского государства. Конституция закрепляла, что Советы народных депутатов формируют органы народного контроля, объединяющие государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях. Иначе говоря, эти органы наделялись правом следить за выполнением государственных планов и заданий, противодействовать нарушениям государственной дисциплины, местничеству, ведомственности, бесхозяйственности, расточительству, волоките и бюрократизму и тем самым содействовать улучшению работы государственного аппарата [5]. В действительности же работа Советов протекала в условиях полного подчинения партийной идеологии и повсеместной бюрократизации. Пренебрежение властей общественными интересами оборачивалось негативными социально-экономическими последствиями как для республики, так и для страны в целом, и в общественном сознании закономерно вызревало понимание необходимости глубоких социально-экономических и политических реформ. К началу 1980-х гг. многие слои советского общества испытывали психологический дискомфорт из-за очевидного разрыва между официальными постулатами коммунистической идеологии и социально-политической действительностью. Потребность в переменах ощущала и политическая верхушка. Так, Ю.В. Андропов на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1982 г. констатировал: «в последнее время немало говорят о том, что надо расширять самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов. Думается, что настала пора для того, чтобы практически подойти к решению этого вопроса…» [11]. Вместе с тем готовых рецептов предстоящей демократизации у власти не было, что фактически признал и сам Андропов. Экономию и бережное отношение к народному добру он назвал вопросом «реальности наших планов», решение которого требует целой системы практических мер со стороны Госплана СССР, Госснаба СССР, министерств и ведомств, а также большой работы партийных комитетов и организаций. При этом, по его словам, задача разрешима лишь при участии каждого рабочего и труженика предприятий, колхозов и совхозов, которые должны воспринимать ее «как свое собственное дело», а ответы на назревшие вопросы Центральному Комитету еще предстояло найти, «обобщая отечественный и мировой опыт, аккумулируя знания лучших практических работников и ученых». Каждую из крупных задач предлагалось рассматривать не только в разрезе отрасли, но и на уровне завода, цеха, участка и «каждого рабочего места», поскольку от их решения зависели рост экономики и благосостояние народа [11]. Для воплощения этой концепции были намечены следующие задачи: а) мобилизация всех наличных средств и развертывание широкой пропаганды и разъяснительной работы; б) правильная расстановка кадров – политически зрелых, инициативных управленцев, ответственно относящихся к новым технологиям; в) повышение активности самого населения и трудящихся масс [7, с. 446]. Проводниками концепции должны были выступить партийная организация и Советы депутатов трудящихся; ответственность за внедрение новой техники и новых методов возлагалась также на центральные хозяйственные органы, Академию наук, ГКНТ и министерства. Требовался новый способ пробуждения инициативы на местах, а для этого – снятие информационного барьера под лозунгом «гласность», которая на первых порах трактовалась как критика недостатков на местах и инструмент повышения качества управления. Однако лавина необоснованной критики, безответственность критикующих и отсутствие у них альтернативных предложений вели к разложению и упадку политической системы. К тому же партия, вмешиваясь в решение всех политических и социально-экономических проблем, свела деятельность Советов и иных общественных организаций к дублированию работы партийных структур. Располагая структурами, параллельными советским, партия брала на себя все сколько-нибудь значимые вопросы – не только законодательные, политические и культурные, но и чисто хозяйственные, вплоть до уборки урожая и заготовки кормов. На республиканском уровне такие решения не-

редко оформлялись совместными постановлениями обкома партии и Совета Министров ДАССР [9, с. 238].

Главные изъяны во взаимоотношениях власти и народа сводились к следующему: население не получало информации о работе Советов, многие решения до общества не доводились, общественная инициатива оставалась невостребованной, а приоритетом становилось исполнение любого указания сверху вне зависимости от его реалистичности. Хотя по закону местные Советы народных депутатов обязаны были действовать в тесном контакте с общественными организациями и трудовыми коллективами и выносить значимые вопросы на обсуждение, на деле Советы слабо участвовали как в выработке решений, так и в их реализации, депутаты редко встречались с избирателями и не всегда отчитывались о своей работе. Это означало повсеместное несоблюдение ст. 126 Конституции Дагестана; административно-командная система фактически заглушила инициативу снизу. Неудивительно, что после провозглашения «гласности» в адрес государства и его политики хлынул поток псевдокритики, а общественное мнение заполнили беспочвенные слухи и приукрашенные карикатуры.

Логическим продолжением «гласности» стала «демократизация»: общество получило доступ к любой информации и право на критику, а главным рупором сделались СМИ, обретшие почти неограниченную свободу в обсуждении истории, экономики и социальных пороков и изображавшие «советское прошлое как монстра и Запад как ангела подражания».

С 1985 г., после прихода к власти М.С. Горбачева, демократизация обретает организованную форму, однако население к этому процессу не было подготовлено, а элементарная культура демократии отсутствовала: а) на смену однопартийным выборам приходят свободные, и на волне всеобщей эйфории во власть проникают лица с криминальным прошлым; б) формируется высший орган власти – Съезд народных депутатов, фактически избранный народом; его заседания транслируются в прямом эфире, превращая политику в публичное зрелище и балаган, при том что реальных проблем Съезд решить не в состоянии; в) принимаются законы о печати, об общественных объединениях и о собственности, не предусматривающие ни разумных ограничений свободы, ни ответственности перед государством; г) делается попытка усилить роль Советов, но привыкшие действовать по партийной указке Советы не способны ни проявить инициативу, ни внедрить демократические принципы, и результативность их работы оказывается нулевой.

К концу 1980-х гг. стало очевидно, что формула демократизации, провозглашавшая обновление социализма, на практике подтачивала основы государства и экономики. По объему ВВП СССР в 1970–1977 гг. занимал второе место в мире после США; в 1978–1985 гг. – третье, уступая США и Японии; в 1986 г. на третье место вышла ФРГ, отодвинув СССР на четвертое, а по итогам 1991 г. Советский Союз оказался лишь на седьмом месте [17]. Это означало откат с лидирующих позиций в мире в разряд развивающихся стран.

«Парад суверенитетов», вспыхнувшие межнациональные конфликты и экономический кризис перевели Советский Союз в неуправляемое состояние. Важно подчеркнуть, что разрушительной оказалась не демократизация как таковая, а отсутствие продуманного механизма управления и развития, игнорирование реального положения дел в экономике и социально-психологического состояния населения. Схожие процессы шли во всех регионах страны, и местные Советы нигде не сумели воспользоваться полученными полномочиями. Недоверие населения к власти и нарастающая критическая пропаганда в СМИ лишь усугубляли ситуацию.

Процесс демократизации 1985–1990 гг. условно распадается на три этапа. Первый (1985–1987 гг.) – признание недостатков государства и попытки скорректировать развитие народного хозяйства; в это время проводится антиалкогольная кампания, уничтожившая приносившие Дагестану доход виноградники, и происходит смена старых кадров на новых управленцев. Второй (1987–1989 гг.) – наращивание темпов перестройки и гласности, переход к реформе в духе демократического социализма, при котором допускается любая критика без устойчивых альтернативных предложений и расцветает демагогия в сфере управления. Третий (1989–1990 гг.) – политическая дестабилизация в стране и в каждой республике, экономический кризис, подорвавший государственность, и переориентация с демократического социализма на противоположную модель – рыночную экономику капиталистического типа.

XIX Всесоюзная партийная конференция (1988 г.) приняла резолюцию «О демократизации советского общества и реформе политической системы», которая, по существу, создавала условия для реализации демократических начал на уровне местных Советов за счет состязательности на выборах [8, с. 204]. Это повлекло за собой цепочку далеко идущих последствий, воплотившихся в поправках к основному закону того времени – Конституции СССР [14, с. 61]. Демократическое ядро, лежавшее в основе формирования «нового социалистического общества», заключалось в решении первоочередной задачи – обеспечении прав и свобод человека [13, с. 19]. Конференция запомнилась и предложением Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева о разграничении властных функций партии и государства [3, с. 59], что продвигало реформу системы Советов, включая местные. По сути, за счет расширения гласности местные Советы получали особую самостоятельность [15, с. 31]. Новшеством стало и положение о полномочиях местных Советов, работа которых теперь выстраивалась по двум направлениям – законодательному (правотворческому) и исполнительному.

В конце 1989 г. вступил в силу Закон СССР «О статусе народного депутата в СССР», определивший правовое положение депутатов всех уровней. Закон исходил из того, что государственная власть принадлежит народу и реализуется им через Советы посредством свободно избранных депутатов. Последние трактовались как полномочные и ответственные представители народа: опираясь на его доверие, они призваны отстаивать в Советах общественные интересы, участвовать в управлении делами государства и его социально-экономическим развитием, а также направлять и контролировать деятельность государственного аппарата [18].

Конституция Дагестанской АССР в редакции 1989 г. определяла высшим органом государственной власти Съезд народных депутатов ДАССР, правомочный рассмотреть и решить любой вопрос, отнесенный к ведению республики. Депутаты признавались полномочными представителями народа в Советах народных депутатов; депутат, не оправдавший доверия избирателей, мог быть отозван решением их большинства в установленном законом порядке. Верховный Совет ДАССР выступал органом Съезда народных депутатов – постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти республики; он избирался тайным голосованием из числа народных депутатов ДАССР и был подотчетен Съезду. Таким образом, Съезд народных депутатов, Верховный Совет и местные Советы образовывали единую систему государственной власти ДАССР, которая в конечном счете призвана была выражать интересы общества.

Подводя итог, отметим: история Советов в советский период показывает, что на первых этапах советской власти демократия под лозунгом «вся власть Советам» действительно выглядела ближе к классической теории. Под знаменем свободы социализм проник в глубь Дагестана, и первоначальные демократические принципы нашли отклик у населения. Однако по мере укрепления партийной системы централизованная власть перестала замечать насущные нужды людей: партия диктовала народу условия жизни, и принципы инициативы и свободы населения были утрачены. Попытка демократизировать местные Советы в 1964 г. не встретила поддержки властной элиты, поскольку верхушка лишалась беспрекословного исполнения своих установок, и проект новой Конституции утвержден не был. Система породила абсолютную гегемонию партии, забыв о социальной значимости каждого индивида и о базовых человеческих потребностях.

В середине 1980-х гг. политика гласности, восторженно встреченная интеллигенцией и активной частью общества, привела к непредсказуемым результатам. Возможность открыто говорить о проблемах, десятилетиями остававшихся под запретом, вызвала мощный общественный подъем. Однако, погрузившись в поток критики, общество быстро утратило способность отличать конструктивную полемику от огульного отрицания всех устоев и достижений. Информационное пространство стало жить по собственным законам: оно дезориентировало людей, нередко превозносило западные ценности, умалчивало о теневых сторонах рыночной экономики и зачастую опережало официальные реформы.

К прерогативам местных Советов народных депутатов в пределах их полномочий относилось комплексное обеспечение социального и экономического развития своих территорий, а также контрольные функции. Однако к переменам Советы оказались не готовы и подчас не понимали, как применить новые возможности с пользой для общества. Негативный настрой населения по отношению к власти, подогреваемый информационными ресурсами, мешал объединению вокруг общей цели. Привыкшие к однобокому исполнению партийных указаний, местные Советы не могли взять на себя ответственность за принятие решений. Опыт демократизации в СССР 1985–1990 гг. наглядно показывает, что политическая открытость сама по себе не гарантирует доверия общества к власти и способна привести к дезинтеграции, если не опирается на экономическую состоятельность и внятную государственную стратегию. Такая стратегия, кроме того, должна быть

ориентирована на человека и обеспечивать национальную и государственную безопасность.

Литература

1. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса) / Отв. ред. В.К. Гардано. М.: Наука, 1988. – 236 с.

2. Гаджиев М.Г. История Дагестана XX в. Т. 2. Махачкала 2005. – 664 с.

3. Доклад М.С. Горбачева на XIX Всесоюзной партийной конференции. М.: Политиздат, 1988. – 94 с.

4. Конституция Автономной Дагестанской Социалистической Советской Республики. Махач-Кала, ДССР – 1926 г.

5. Конституция ДАССР. Советы народных депутатов ДАССР и порядок их избрания. Махачкала 1978 г.

6. Ленин В.И. Полн. собр. Соч., Т. 16. – 848 с.

7. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 36. – 741 с.

8. Материалы XIX Всесоюзной партийной конференции. М.: Политиздат, 1988. – 94 с.

9. Османов А.И. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 238. Махачкала, 2005. – 664 с.

10. Политология: учебник / А.Ю. Мельвиль и др.; науч. ред. Т.В. Шмачкова, Московский гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т). М.: Проспект, 2010. – 618 с.

11. Речь Генерального Секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова на пленуме ЦК КПСС (Москва, 22 ноября 1982 г.). Издательство политической литературы, 1982. – 30 с.

12. Сталин И.В. Соч. Т. 4. М., 1947. – 428 с.

13. Упоров И.В., Схатум Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития / Под ред. Рассказова Л.П. Краснодар, 2000. – 146 с.

14. Упоров И.В., Курдюк П.М., Курдюк Г.П. Правотворчество в современной России. Краснодар, 2003. – 92 с.

15. Упоров И.В., Кузовлева Г.В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 30–34.

16. Przeworski, Adam; et al. (2000). Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press.

17. URL: https://investfuture.ru/articles/za-dvadtsat-let-do-raspada-sssr-paradoksy-ekonomik-sovetskogo-soyuza– (дата обращения: 24.04.2026).

18. URL: https://meganorm.ru(дата обращения: 24.04.2026).

DEMOCRATIZATION OF LOCAL COUNCILS AND POPULAR INITIATIVES: THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Tinkuyev M.-Z.N.
Dagestan Federal Research Center

Local councils (soviets) represent a distinctive form of organizing power at the local level: a broad range of decisions depended on them, while at the same time they acted as a direct conduit of the state's will. In the first years of the Soviet regime, when the slogan "all power to the soviets" was in force, these bodies claimed the role of an alternative to classical democracy, since a considerable share of issues was settled with the involvement of local residents. As the Communist Party consolidated its position, the functions of the councils were transformed and they turned largely into executive structures. The centralized party model suppressed the interest and initiative of citizens, which resulted in a growing estrangement between society and the authorities. The material presented in the article makes it possible to argue that in Dagestan this process unfolded with its own specific features.

Keywords: democratization, local councils, councils of people's deputies, electoral law, freedom, publicity, local self-government.

References

1. Aglarov M.A. Rural Community in Mountainous Dagestan in the 17th – Early 19th Centuries: A Study of the Relationship between Economic Forms, Social Structures, and Ethnos / Ed. V.K. Gardano. Moscow: Nauka, 1988. – 236 p.

2. Gadzhiev M.G. History of Dagestan in the 20th Century. Vol. 2. Makhachkala, 2005. – 664 p.

3. Report of M.S. Gorbachev at the 19th All-Union Party Conference. Moscow: Politizdat, 1988. – 94 p.

4. Constitution of the Autonomous Dagestan Socialist Soviet Republic. Makhach-Kala, DSSR – 1926.

5. Constitution of the DASSR. Councils of People's Deputies of the DASSR and the Procedure for Their Election. Makhachkala, 1978.

6. Lenin, V.I. Complete Works, Vol. 16, 848 p.

7. Lenin, V.I. Complete Works, Vol. 36, 741 p.

8. Proceedings of the 19th All-Union Party Conference. Moscow: Politizdat, 1988, 94 p.

9. Osmanov, A.I. History of Dagestan from Ancient Times to the Present Day. Vol. 2, p. 238. Makhachkala, 2005, 664 p.

10. Political Science: Textbook / A. Yu. Melville et al.; Ed. T.V. Shmachkova, Moscow State Institute of International Relations (University). Moscow: Prospect, 2010, 618 p.

11. Speech of the General Secretary of the CPSU Central Committee Yu.V. Andropov at the Plenum of the CPSU Central Committee (Moscow, November 22, 1982). Political Literature Publishing House, 1982. – 30 p.

12. Stalin I.V. Works. Vol. 4. Moscow, 1947. – 428 p.

13. Uporov I.V., Shatum B.A. Natural and Positive Law: Concept, History, Trends, and Development Prospects / Ed. by Rasskazov L.P. Krasnodar, 2000. – 146 p.

14. Uporov I.V., Kurdyuk P.M., Kurdyuk G.P. Lawmaking in Contemporary Russia. Krasnodar, 2003. – 92 p.

15. Uporov I.V., Kuzovleva G.V. Representation of the People (Population) in Public Authorities: Essence and Political-Legal Characteristics // Society and Law. 2015. No. 2(52). Pp. 30–34.

16. Przeworski, Adam; et al. (2000). Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press.

17. URL: https://investfuture.ru/articles/za-dvadtsat-let-do-raspada-sssr-paradoksy-ekonomik-sovetskogo-soyuza– (date of access: 24.04.2026).

18. URL: https://meganorm.ru (date of access: 24.04.2026).

Трансформация принципов архитектурного моделирования в сфере социальных технологий

Хрипкова Дианна Вазгеновна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: khripkova@bsuedu.ru

Хрипков Кирилл Александрович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: khripkov@bsuedu.ru

Вертинский Кирилл Дмитриевич,
Уфимский юридический институт МВД России
E-mail: vertinskiy07@mail.ru

Сегодня, когда происходит усиление социальной напряженности и остро ощущается кризис классических инструментальных подходов по ее нивелированию, актуализируется необходимость онтологического переосмысления базовых принципов проектирования в сфере социальных технологий, диктуя переход от линейного нормативизма к пространственно-системной парадигме. Социальная архитектура представляет собой не просто набор социальных проектов, а целостную методологию проектирования общественных изменений, нацеленную на повышение благополучия общества и укрепление национальной безопасности. Настоящее исследование посвящено анализу эволюции архитектурного моделирования социальных систем, где фокус смещается с точечного конструирования отдельных интервенций на формирование комплексной, саморегулируемой социокультурной среды. Традиционная роль социального технолога, ориентированная на применение готовых методик, уже не отвечает современным требованиям – возникает потребность в новой профессиональной роли социального архитектора. В работе проведен анализ трансформации профессиональных компетенций, выявление сущностных различий между ролями социального технолога и архитектора, а также обоснование необходимости архитектурного подхода в социальном проектировании. В результате исследования выявлена иерархическая модель управления социальными процессами. Установлено, что трансформация профессиональной роли от «социального технолога» к «социальному архитектору» требует формирования новых когнитивных и проектных компетенций, ориентированных на управление не жесткими процессами, а возможностями среды.

Ключевые слова: архитектурное моделирование социальных систем, социальный архитектор, пространственность социальных процессов, экосистемный подход, нелинейная социальная динамика, адаптивный социальный каркас, полисубъектность, средовой подход.

Введение

Социальные технологии, исторически формировавшиеся как детерминированные линейные алгоритмы достижения заданных нормативных состояний, сегодня сталкиваются с системным кризисом воспроизводимости. Попытки экстраполяции жестких технологических схем на актуальную социальную реальность, характеризующуюся нелинейной динамикой, полисубъектностью и высокой степенью стохастичности, неизбежно порождают латентные дисфункции и непреднамеренные последствия. Инструментальный подход, сводящий социальное проектирование к оптимизации отдельных процессов, исчерпал свой эвристический потенциал, уступая место необходимости онтологической смены оптики.

Выход из данного методологического тупика диктует переход от конструирования точечных социальных интервенций к архитектурному моделированию целостных сред. Архитектурный подход в социальном проектировании подразумевает принципиальный отказ от тотального микроменеджмента социальных процессов в пользу проектирования структурных каркасов, пространственных условий и «правил игры», внутри которых социальная система обретает способность к аутопоэзису и автономной адаптации. Если социальный технолог выступает в роли наладчика механизма, то социальный архитектор формирует экосистему, обладающую собственной несущей способностью и средовой проницаемостью.

В исследовании E.A. Vogels, R. Gelles-Watnick и N. Massarat, выполненном в проблемном поле цифровой социализации молодёжи, осуществляется анализ воздействия цифровых платформ на трансформацию коммуникативных моделей и паттернов социального взаимодействия подростковой аудитории. Полученные авторами результаты актуализируют роль социальных технологий как архитектурного инструмента осмысления изменений повседневных практик в условиях медиатизации социального пространства [11].

Отечественная школа социальных технологий отличается управленческой и методологической направленностью, акцентируя внимание на регулировании и оптимизации социальных процессов различных архитектурных уровней. В работах Л.Я. Дятченко социальные технологии концептуализируются как инструмент повышения эффективности социальных систем и решения актуальных задач общественного развития [1].

М. Марков анализирует взаимосвязь архитектуры социального управления с их практической результативностью, обосновывая подходы к повышению эффективности их внедрения [4]. Иванов В.Н. и Патрушев В.И. исследуют инновационные методы социальной архитектуры в государственном и муниципальном управлении, подчёркивая их значение для модернизации управленческих процессов и адаптации институтов к изменяющимся социальным запросам [5].

Теоретическое осмысление генезиса и эволюции понятия представлено в исследованиях В.В. Щербины, реконструирующего смысловые трансформации категории «социальные технологии» в рамках архитектурного дискурса [8]. И.Т. Касавин расширяет теоретические границы, анализируя связь социальных технологий с научным знанием и их влияние на формирование эпистемологических практик, что позволяет рассматривать их не только как прикладной инструментарий, но и как элемент когнитивной системы [4].

В зарубежной исследовательской традиции проблематика социальной архитектуры рассматривается преимущественно в контексте урбанистики, дизайна и архитектурной теории. Так, в статье A. Richter, H.K. Göbel и M. Grubbauer анализируются политические и эстетические аспекты «социальной архитектуры», её связь с практиками городского дизайна. Авторы исследуют, как архитектурные решения конструируют социальные взаимодействия, формируют общественные пространства и влияют на повседневную жизнь горожан. Особое внимание уделяется вопросу о том, действительно ли такие проекты ведут к улучшению качества жизни или же служат инструментом символической политики и легитимации определённых властных решений [10].

P. Jones и K. Card сосредотачиваются на дискурсивных аспектах понятия. Исследователи показывают, что термин «социальная архитектура» часто используется как риторический инструмент, позволяющий придать легитимность определённым градостроительным и социальным проектам. В статье анализируется, как через репрезентацию прак-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–03536, https://rscf.ru/project/25–28–03536/

тик конструируется образ «социальной» архитектуры, какие смыслы и ожидания с ней связываются, и какие интересы могут стоять за продвижением этой концепции [9].

Несмотря на то, что метафора «социальной архитектуры» эпизодически эксплуатируется в отечественной и зарубежной гуманистике, принципы именно архитектурного моделирования как самостоятельной методологии в сфере социальных технологий остаются концептуально не артикулированными.

Существующие работы преимущественно носят описательный или метафорический характер. Строгий категориальный аппарат, описывающий трансформацию проектных принципов – таких как масштабирование, адаптивная каркасность, модульность и средовая связность – в приложении к социальным инновациям, находится в стадии становления. Наблюдается разрыв между практической потребностью в комплексном социальном дизайне и отсутствием устоявшегося теоретико-методологического базиса для его реализации.

Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел. Целью работы выступает концептуализация трансформации принципов архитектурного моделирования в социальных технологиях и обоснование перехода от парадигмы «социального технолога» к парадигме «социального архитектора».

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составили системный подход, принципы социальной синергетики, а также методы структурно-функционального анализа, позволившие верифицировать архитектурные категории применительно к сфере социальных технологий. Научная новизна работы заключается в разработке оригинального категориального аппарата архитектурного моделирования социальных систем, что создает теоретический фундамент для последующей разработки прикладных инструментов социального проектирования нового поколения.

Так же, методологическую основу исследования составляет междисциплинарный синтез теорий трансформационных процессов Т.И. Заславской и В.А. Ядова с концепцией социальных изменений П.Штомпки [2, 7]. Данный подход позволяет анализировать динамику профессиональной сферы и выявлять социальные механизмы трансформации компетенций в контексте макросоциальных процессов. Теория П. Штомпки дополняет исследование, обеспечивая возможность рассмотрения становления новой профессии как части широких социальных трансформаций и анализа этапов её институционализации в системе общественного разделения труда.

Эмпирическую основу исследования составляют результаты экспертного опроса «Оценка состояния теории и практики социальных технологий в России», проведённого в период декабрь 2025 г. – январь 2026 г. с объёмом выборки n=25 экспертов. В качестве экспертов выступили учёные и высококвалифицированные специалисты в сфере социальных технологий, обладающие глубокими теоретическими знаниями и значительным практическим опытом в данной области.

Результаты и обсуждение

Переход от парадигмы социального технолога к парадигме социального архитектора не является лишь терминологической рокировкой или данью модным трендам в управленческой лексике. Зафиксированная трансформация носит онтологический характер и отражает фундаментальную перестройку самого способа мышления о социальном изменении: от каузально-детерминистской модели, предполагающей линейное снятие проблемы, к экологической модели, ориентированной на культивирование условий для спонтанного возникновения желаемых паттернов поведения.

Однако, как показывают результаты экспертного опроса (n = 25), за прошедшие десятилетия прогресс в решении ряда ключевых задач оказался ограниченным. В частности, по вопросу о построении системы социально-технологического образования 44% экспертов считают, что продвинуться не удалось, а ещё 52% отмечают лишь незначительные успехи. Ни один из опрошенных не указал, что в этой области достигнуты существенные результаты (см. таблицу 1).

Таблица 1. Факторы, по мнению экспертов, сдерживающие развитие теории социальных технологий

Значения	%, от ответивших
Несистемность в обучении и распространении знаний о социальных технологиях.	52,0
Склонность к фрагментации исследований без выработки общей стратегии.	44,0

Окончание

Значения	%, от ответивших
Низкий уровень финансирования и поддержки научных исследований.	40,0
Междисциплинарный разрыв. Социальные технологии находятся на стыке социологии, психологии, менеджмента, ИТ, политологии и других дисциплин.	40,0
Недостаток интеграции с современными цифровыми и информационными технологиями.	36,0
Сложность в адаптации теории к быстро меняющимся социальным условиям.	24,0
Отсутствие единого понятийного и методологического аппарата.	20,0
Сложности практического применения социальных технологий.	16,0

Вместе с тем эксперты указывают на необходимость критического осмысления внедряемых моделей. Существуют риски трансформации социальной архитектуры в инструмент жёсткого инженерного воздействия, игнорирующего человеческий фактор, локальную специфику и культурный контекст. Также отмечается опасность терминологической гиперболизации и недостаток эмпирической верификации долгосрочной эффективности таких решений (см. таблицу 2).

Таблица 2. Соотношение понятий «социальные технологии», «социальная инженерия» и «социальная архитектура»: профессиональные навыки и компетенции

Критерий сравнения	Социальные технологии	Социальная инженерия	Социальная архитектура
Онтологический статус	Совокупность процедур и алгоритмов достижения нормативного состояния социальной системы	Проектирование и конструирование социальных институтов по образцу технических систем	Формирование пространственно-структурных условий для аутопоэзиса социальных процессов
Объект воздействия	Отдельный социальный процесс, группа, индивид	Социальный механизм, организационная структура	Социальная среда, экосистема, институциональный каркас
Доминирующий тип мышления	Линейно-каузальное, алгоритмическое	Конструктивно-механистическое, проектно-нормативное	Системно-пространственное, экологическое, нелинейное
Профессиональная роль	Оператор, наладчик, исполнитель методик	Конструктор, проектировщик социальных механизмов	Архитектор сред, дизайнер структурных условий
Ключевые профессиональные навыки	Владение конкретными методиками (соц. диагностика, тренинг, кейс-менеджмент); знание нормативной базы; навыки программной реализации проектов	Системный анализ институтов; моделирование организационных структур; проектирование регламентов и процедур; нормотворчество	Средовое проектирование; картографирование социальных связей; моделирование сценариев эмерджентного поведения; дизайн «правил игры»
Ключевые социальные навыки	Исполнительская дисциплина; эмпатия; коммуникативная компетентность; стрессоустойчивость	Аналитическая строгость; структурное воображение; способность к формализации; управленческая воля	Системное видение; толерантность к неопределенности; пространственное воображение; способность работать с полисубъектностью; рефлексивность
Отношение к неопределенности	Минимизация через стандартизацию	Контроль через формализацию	Интеграция через проектирование адаптивных структур
Критерий успешности	Достижение запланированного показателя; воспроизводимость результата	Устойчивость сконструированного механизма; эффективность его функционирования	Несущая способность среды; способность системы к саморазвитию вне прямого управления

Окончание

Критерий сравнения	Социальные технологии	Социальная инженерия	Социальная архитектура
Временной горизонт	Кратко– и среднесрочный (операционный цикл)	Среднесрочный (жизненный цикл института)	Долгосрочный и отсроченный (эволюция среды)
Типичные риски профессии	Редукция сложного социального феномена до операции; потеря субъектности клиента	Технократическое отчуждение; игнорирование неформальных практик; ригидность конструкций	Излишняя абстрагированность; утрата внимания к конкретным уязвимым группам; размывание ответственности

Сопоставление выявленных принципов архитектурного моделирования с классическими подходами социального инжиниринга обнаруживает существенную методологическую асимметрию. Если традиционная социальная технология оперирует категориями «процесс», «операция», «результат», то архитектурный подход вводит в научный оборот категории «каркас», «среда», «проницаемость», «несущая способность». Подобный сдвиг категориального аппарата, на наш взгляд, не случаен: он адекватен той реальности, в которой социальные системы утратили устойчивость к жестким внешним воздействиям и обрели способность к непредсказуемой эмерджентной реакции на любые интервенции. Фактически, социальный архитектор вынужден признавать собственное бессилие перед лицом сложности системы, компенсируя его проектированием структурных условий, а не попытками прямого дирижирования.

Деятельность социального архитектора не ограничивается простым реагированием на запросы, а включает активное формирование будущего посредством стратегических проектов и общественных инициатив. Он создает структуры, направленные на развитие и реализацию значимых изменений в различных сферах жизни. Миссия социального архитектора заключается в активном участии в формировании равного и справедливого общества, где каждый человек имеет возможность реализовать свой потенциал. Его профессионализм проявляется в умении ориентироваться в сложных политических и общественных процессах, предлагая актуальные и эффективные решения для достижения поставленных целей [6].

Вместе с тем необходимо признать, что предложенная концепция социального архитектора несет в себе определенные методологические риски, которые требуют рефлексии. Во-первых, существует опасность излишней абстрагирования: увлечение средовым проектированием может привести к утрате внимания к конкретным уязвимым группам и индивидуальным траекториям, которые оказываются «в тени» архитектурных конструкций. Во-вторых, архитектурная метафора, заимствованная из физического пространства, рискует оказаться недостаточно адекватной при переносе в пространство социальное, где «материалом» выступает не инертная материя, а рефлексивный, способный к сопротивлению и переосмыслению агент. Социальный архитектор, в отличие от архитектора физического, никогда не работает с «чистым листом» – он всегда вписывается в уже существующую, насыщенную смыслами и конфликтами ткань.

Данные ограничения, однако, не отменяют эвристической ценности предложенного подхода, но указывают на необходимость его дальнейшей конкретизации. Особого внимания заслуживает проблема верификации архитектурных решений в социальной сфере: если в классической архитектуре критерием качества выступает устойчивость конструкции и эргономичность пространства, то в социальном проектировании подобные критерии оказываются размытыми и отсроченными во времени. Разработка операциональных индикаторов качества социального архитектурного моделирования представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Практические импликации полученного результата выходят за рамки чисто теоретических построений. Трансформация принципов проектирования диктует необходимость пересмотра образовательных стандартов подготовки специалистов в области социальных технологий. Если подготовка социального технолога ориентирована на освоение набора прикладных методик и алгоритмов, то формирование социального архитектора требует развития принципиально иных компетенций: системного видения, пространственного воображения, способности работать с неопределенностью и эмерджентностью. Это предполагает интеграцию в образовательные программы не только социологических и управленческих дисциплин, но и основ теории архитектуры, урбанистики, дизайн-мышления, что, однако, не должно пониматься упрощенно как механическое заимствование методов из смежных областей.

Наконец, следует обозначить границы применимости разработанной концепции. Архитектурное моделирование наиболее адекватно для задач стратегического уровня – проектирования институтов, долгосрочных программ развития территорий, формирования общественных пространств. На уровне же тактических, операционных задач – оказания экстренной помощи, реализации конкретных сервисов – принципы социального технолога сохраняют свою валидность. Речь идет не о полном замещении одной парадигмы другой, а о формировании многоуровневой методологии, где архитектурный и технологический подходы соотносятся как стратегический и тактический измерения единого процесса социального проектирования. Это соотношение, требующее отдельного детального анализа, открывает широкие возможности для последующих исследований на стыке теории социальных технологий, социологии и архитектуры.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что трансформация принципов архитектурного моделирования в сфере социальных технологий представляет собой не просто эволюцию профессиональной терминологии, но фундаментальный сдвиг в эпистемологических основаниях социального проектирования. Выявленная нами последовательность «социальный технолог – социальный инженер – социальный архитектор» отражает объективный процесс усложнения методологического аппарата, адекватный возрастающей нелинейности и полисубъектности современных социальных систем.

Происходит серьезная трансформация процесса управления социальными процессами. В первую очередь данная тенденция обусловлена цифровизацией, глобализацией и растущим запросом на устойчивое развитие. Переход от социальных технологий к социальной архитектуре представляет собой не отказ от прежних подходов, а их естественную эволюцию от решения локальных прикладных задач к стратегическому проектированию общества как целостной системы.

В конечном счете, переход от социального технолога к социальному архитектору – это не просто смена профессиональной идентичности, но попытка найти новый язык описания и конструирования социального мира, язык, который не сводит сложность к простоте, но учится работать с ней как с неотъемлемым условием человеческого существования.

Литература

1. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами: монография. Белгород: Центр социальных технологий, 1993.

2. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.

3. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

4. Касавин И.Т. Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. Т.XXVI. № 4; Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.

5. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1883.

6. Плотникова, М.В. Понятие «социальный архитектор» в социально-политической коммуникации (по данным контент-анализа экспертных комментариев) / М.В. Плотникова, А.С. Гагарин. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2025. – № 3 (111). – С. 258–263.

7. Штомпка П. Социология социальных изменений» (пер. с англ., под ред. В.А. Ядова) – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 415 с.

8. Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7.

9. Jones, P., & Card, K. Constructing “Social Architecture”: The Politics of Representing Practice // Architectural Theory Review. – 2011. – Vol. 16, No. 3. – P. 228–244.

10. Richter, A., Göbel, H.K., & Grubbauer, M. Designed to improve? The makings, politics and aesthetics of ‘social’ architecture and design // City. – 2017. – Vol. 21, No. 6. – P. 769–778.

11. Vogels E.A., Gelles-Watnick R., Massarat N. Teens, social media and technology 2022 // Pew Research Center. 2022. T. 10.

TRANSFORMATION OF ARCHITECTURAL MODELING PRINCIPLES IN THE FIELD OF SOCIAL TECHNOLOGIES

Khripkova D.V., Khripkov K.A., Vertinsky K.D.
Belgorod State National Research University, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Today, when there is an increase in social tension and a crisis of classical instrumental approaches to its mitigation, the need for an ontological rethinking of the basic principles of design in the field of social technologies is becoming more urgent, dictating a transition from linear normativism to a spatial-system paradigm. Social architecture is not just a collection of social projects, but a holistic methodology for designing social change aimed at improving the well-being of society and strengthening national security. This study focuses on the evolution of architectural modeling of social systems, where the focus shifts from the point-based construction of individual interventions to the creation of a comprehensive, self-regulating sociocultural environment. The traditional role of the social technologist, which focuses on the application of ready-made methods, no longer meets modern requirements, and there is a need for a new professional role of the social architect. The study analyzes the transformation of professional competencies, identifies the essential differences between the roles of the social technologist and the architect, and substantiates the need for an architectural approach in social design. The study reveals a hierarchical model for managing social processes. It has been established that the transformation of the professional role from "social technologist" to "social architect" requires the development of new cognitive and design competencies focused on managing the environment's capabilities rather than rigid processes.

Keywords: architectural modeling of social systems, social architect, spatiality of social processes, ecosystem approach, nonlinear social dynamics, adaptive social framework, poly-subjectivity, and environmental approach.

References

1. Dyatchenko L. Ya. Social Technologies in Managing Social Processes: Monograph. Belgorod: Center for Social Technologies, 1993.
2. Zaslavskaya T.I., Yadov V.A. Social Transformations in Russia in the Era of Global Changes // Sociological Journal. – 2008. – No. 4. – Pp. 8–22.
3. Ivanov V.N., Patrushev V.I. Innovative Social Technologies of Public and Municipal Administration / 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 2001.
4. Kasavin I.T. Social Technologies and Scientific Knowledge // Epistemology and Philosophy of Science. 2010. Vol. XXVI. No. 4; Stefanov N. Social Sciences and Social Technology. Moscow, 1976.
5. Markov M. Technology and Efficiency of Social Management. M., 1883.
6. Plotnikova, M.V. The Concept of "Social Architect" in Socio-Political Communication (Based on Content Analysis of Expert Comments) / M.V. Plotnikova, A.S. Gagarin. – Text: direct // Political Linguistics. – 2025. – No. 3 (111). – Pp. 258–263.
7. Sztompka, P. Sociology of Social Change (translated from English, edited by V.A. Yadov) – M.: Aspect-Press, 1996. – 415 p.
8. Shcherbina, V.V. Social Technologies: History of the Term, Transformation of Content, Current State // Sociological Research. 2014. No. 7.
9. Jones, P., & Card, K. Constructing "Social Architecture": The Politics of Representing Practice // Architectural Theory Review. – 2011. – Vol. 16, No. 3. – P. 228–244.
10. Richter, A., Göbel, H. K., & Grubbauer, M. Designed to improve? The makings, politics and aesthetics of 'social' architecture and design // City. – 2017. – Vol. 21, No. 6. – P. 769–778.
11. Vogels E.A., Gelles-Watnick R., Massarat N. Teens, social media and technology 2022 // Pew Research Center. 2022. T. 10.

Исследование трудностей социальной интеграции китайских работников и инноваций трансграничного механизма совместного управления в рамках стратегии развития Дальнего востока России

Чжоу Вэй,
магистр русской педагогики, профессор, Хэйхэский университет
E-mail: bjx_b2@proton.me

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью устранения проблем, связанных с кадровым дефицитом на стратегически важном направлении – Дальнем Востоке России в условиях сокращения населения, за счет привлечения китайских работников при совместном управлении в рамках стратегии развития региона.
Цель статьи – исследовать проблемы социальной интеграции китайских работников и инноваций в условиях реализации стратегии развития Дальнего Востока России в механизмах трансграничного совместного управления. Для того, чтобы достичь цели, необходимо выполнить следующие задачи: изучить статистические данные трудового рынка Дальнего Востока, определить его проблемы, выявить роль китайских работников в развитии предприятий и рынка труда рассматриваемого региона, определить проблемы социальной интеграции китайских работников в регионе при совместном управлении в рамках двустороннего сотрудничества, разработать рекомендации по устранению имеющихся проблем. Предмет исследования в статье – механизмы совместного управления в рамках стратегии развития Дальнего Востока России, объектом исследования выступает социальная интеграция китайских работников. В статье выявлены проблемы и разработаны предложения по улучшению совместного управления России и Китая в рамках развития дальнейшего сотрудничества для совершенствования условий работы китайских работников в процессе реализации стратегии развития Дальнего Востока.

Ключевые слова: стратегия развития Дальнего Востока, китайские работники, социальная интеграция, совместное управление, трансграничное сотрудничество.

Данная статья является промежуточным результатом исследования в рамках планового проекта по философским и общественным наукам провинции Хэйлунцзян «Исследование трудностей социальной интеграции китайских работников и инноваций трансграничного механизма совместного управления в рамках стратегии развития Дальнего Востока России», регистрационный номер: 25SHH007.

Введение

Совместное управление в рамках стратегии развития Дальнего Востока между Россией и Китаем является важной частью сотрудничества двух стран, основой которого выступают деятельность Межправительственной комиссии, осуществляющей координацию запланированных проектов, интеграция между собой стратегий «поворота на восток» и «открытость на север», а также реализация трансграничного механизма Международных территорий опережающего развития (МТОР), подразумевающего заключение двусторонних договоров между рассматриваемыми странами. Особенность взаимодействия двух стран в рамках рассматриваемого сотрудничества заключается в тесной кооперации организаций, совместной координации стратегических планов, что исключает вариант передачи суверенного управления территориями. Таким образом, между Россией и Китаем на Дальнем Востоке осуществляется совместное комплексное развитие приграничной территории с целью совершенствования логистических и хозяйственных потоков.

Методы исследования

В рамках подготовки данной статьи использованы следующие методы: анализ источников аналитической литературы по теме исследования, синтез и обобщение фактов в первую очередь, основанных на статистических данных, анализ законодательных актов, связанных с исполнением стратегии развития Дальнего Востока и сотрудничества России и Китая.

Основные результаты

Трансграничный механизм совместного управления в рамках стратегии развития Дальнего Востока между Россией и Китаем играет важную роль в улучшении экономических показателей России, это подтверждает рост инвестиций в реализацию стратегии за 2020–2025 годы в 1,6 раза [1].

Совместное управление между китайской и российской сторонами осуществляется за счет работы по следующим направлениям:
– улучшение инфраструктуры и логистики за счет развития транспортных коридоров, пограничных переходов и наращивания прямых авиарейсов;
– наращивание товарооборота между странами в регионе: показатель 2025 года составляет 1,7 трлн руб., что выше в 2,5 раза показателей за предыдущие годы [3];
– производственная кооперация за счет притока инвестиций, совершенствования технологий, внедрения инноваций в энергетический сектор, сельскохозяйственную отрасль, судостроение и лесное хозяйство.

Несмотря на активное развитие механизма совместного управления России и Китая в рамках осуществления стратегии развития Дальнего Востока имеется ряд трудностей, связанных с социальной интеграцией китайских работников и внедрения инноваций.

В первую очередь среди проблем необходимо отметить дефицит работников на российских предприятиях, осуществляющих деятельность в регионе, в том числе китайских сотрудников. Это подтверждают статистические данные: в 2026 году число незанятых трудовой деятельностью в регионе возросло на 8,7% по сравнению с прошлым годом, потребность в работниках, указанная работодателями составляет 12% от показателя, рассчитанного в целом по России [5]. При этом численность китайских работников в регионе варьируется в пределах 35 000–50 000 человек, в качестве факторов влияния на значение показателя выступают сезонность, реализация крупных инфраструктурных и сельскохозяйственных проектов [2].

Важную роль в исследовании трудностей социальной интеграции иностранных работников играет концепция «трех стадий» миграционного процесса, разработанная Л.Л. Рыбаковским и Т.И. Заславской. Согласно указанному подходу миграция имеет свойство непрерывности, делится на три стадии: формирование миграционных намерений, перемещение, адаптация к новой социально-экономической, правовой и культурной среде. Проблемы социальной интеграции иностранных работников связаны в первую очередь с третьим из указанных этапов. Одной из причин возникновения трудностей социальной интегра-

ции китайских работников на Дальнем Востоке в рамках совместного управления является территориальная разрозненность: иностранцы для трудовой деятельности выбирают те части региона, где имеется большая инвестиционная активность, при этом другие менее привлекательные для вложения инвестиций части Дальнего Востока испытывают сложности кадрового дефицита.

Факторы влияния на проблему дефицита иностранных кадров: ужесточение миграционной политики в некоторых частях региона, депортация китайских работников из-за нарушений российского законодательства: нелегальное пребывание в стране, совершение преступлений, нелегальная трудовая деятельность и т.д. [4].

Необходимо отметить ряд особенностей работы представителей Китая на территории Дальнего Востока:
– работа по ежегодно предоставляемым визовым квотам, оформленным Минтрудом Российской Федерации;
– наибольшая занятость в сфере строительства, сельского хозяйства, деревообрабатывающей промышленности, транспортно-логистической отрасли и оптовая торговля;
– высокая востребованность приграничных к Дальневосточному федеральному округу регионов для трудовой миграции китайцев таких как Амурская область, Хабаровский и Приморский край.;
– сильная зависимость доли представителей Китая в составе иностранных работников организаций от нормативных актов страны, регламентирующих данный вопрос.

Среди проблем, связанных с социальной интеграцией китайских работников и внедрения инноваций в рамках стратегии развития Дальнего Востока, выделяются следующие:
– низкий уровень квалификации китайского персонала из-за отсутствия у част из них необходимого уровня образования;
– отсутствие стабильного заработка;
– отсутствие минимального пакета социальной защиты;
– низкий уровень знания русского языка, ведущий к снижению коммуникативной функции;
– ненадежность работников: после получения образования сотрудники увольняются и покидают регион.

Имеет место и региональный фактор: например, на Чукотке эксперты отмечают недостаток специалистов высокой квалификации, на Камчатке – дефицит квалифицированных рабочих в промышленности, в Забайкалье – недостаток работников агропромышленного комплекса. В качестве причин перечисленных проблем выявлены удаленность региона от центральной части России, ограниченной мобильностью рабочей силы и низкой привлекательностью для миграции.

Выводы

Следствия имеющихся проблем трудовой миграции китайских работников: нестабильная занятость, связанная с отсутствием постоянного заработка, минимального пакета социальной защиты, найм на вакансии, связанные с физическим трудом, нестабильность бизнеса.

Также в качестве негативного влияния указанных проблем необходимо отметить рост зависимости китайских работников от работодателей, отсутствие должной организации рабочего места и уровня безопасности труда, нарушение сроков выплаты заработной платы, отсутствие социального пакета, невыплата пособий по временной нетрудоспособности, отсутствие пенсионного обеспечения, социально-бытовые условия проживания китайских работников и т.

Таким образом, в регионе имеется дефицит высококвалифицированного персонала среди представителей Китая, сильные различия в уровне оплаты труда китайского персонала, жесткие требования для иностранных работников, превышение открытых вакансий над числом соискателей, игнорирование кандидатов с низкой квалификацией.

Другая проблема трудового рынка Дальнего Востока связана с оттоком квалифицированных китайских специалистов в центральные регионы России с целью более высокого заработка.

Также в качестве драйвера развития проблемы трудовых ресурсов Дальнего Востока выступает ограничение на труд мигрантов в связи с ростом востребованности работы по патентам, следствие – дефицит трудовых ресурсов в таких отраслях, как жилищно-коммунальное хозяйство.

Рост востребованности рабочих и технических профессий (вахтовики, инженеры, IT-специалисты для крупных строек) при снижении востребованности гуманитарных специальностей в регионе создает дисбаланс профессий. Миграционные ограничения также являются фактором развития дефицита высококвалифицированного персонала среди представителей Китая.

Для успешной реализации запланированных проектов в условиях реализации стратегии развития Дальнего Востока России и инноваций в механизмах трансграничного совместного управления требуется опыт китайских специалистов, профессиональный уровень знаний которых в технологической отрасли превышает опыт российских работников. Однако отсутствие программ адаптации ведет к развитию социальной напряженности в регионе.

Другая градация проблем социальной интеграции китайских работников на Дальнем Востоке:

1. Правовые и институциональные барьеры:
– квотирование и сроки: привлечение граждан КНР ограничено отдельными сферами (строительство, сельское хозяйство, общепит) и осуществляется преимущественно по краткосрочным контрактам, что снижает скорость освоения изучения языка и долгосрочную интеграцию;
– отсутствие комплексных программ: в отличие от мигрантов из других стран СНГ, для китайских специалистов не разработаны централизованные государственные адаптационные центры и курсы по изучению русского языка и законодательства непосредственно на Дальнем Востоке.

2. Социокультурные и бытовые трудности:
– языковой барьер: Значительная часть привлекаемой рабочей силы – это низкоквалифицированные кадры из сельских провинций (например, Хэйлунцзян), которые не владеют русским языком. Из-за этого они замыкаются в закрытых этнических анклавах (например, в сфере тепличных хозяйств и на стройках);
– культурная дистанция: Серьезные отличия в менталитете, пищевых привычках, концепциях социального времени и труда затрудняют формирование дружеских связей с местным населением.

3. Особенности восприятия принимающим обществом
– алармизм и мигрантофобия: Несмотря на реальные экономические потребности, среди местного населения Дальнего Востока сохраняются фобии, подогреваемые историческими факторами и демографическим дисбалансом;
– сегрегация на рынке труда: Большинство китайских граждан, работающих в России, не имеют возможности полноценного карьерного и социального роста, воспринимаясь местными жителями исключительно как временный трудовой ресурс, а не как будущие полноправные члены общества.

Заключение

Сильное влияние на социальную интеграцию китайских работников на Дальнем Востоке оказывают правовые ограничения, языковой барьер и культурные различия. Для того, чтобы устранить имеющиеся проблемы социальной интеграции китайских работников на Дальнем Востоке, рекомендуются следующие нововведения:
– трансформация подхода – от стихийного привлечения рабочей силы к целенаправленной политике межкультурного диалога за счет расширения квот для квалифицированных специалистов, совместные образовательные программы (например, на базе Дальневосточного федерального университета) и создание прозрачных условий труда, исключающих эксплуатацию и способствующих правовой грамотности;
– расширение компенсационного пакета для китайского персонала организаций региона;
– реализация мер поддержки для китайских семей, например, в связи с рождением детей;
– бессрочное действие регионального материнского (семейного) капитала;
– предоставить возможность для приобретения жилья на вторичном рынке в населенных пунктах, где не строятся новые дома;
– создание необходимой для комфортной жизни инфраструктуры: общежитий, спортивной зоны с футбольным полем, площадки для проведения общественных мероприятий, строительство необходимой инфраструктуры – трансформаторных подстанций и локальных очистных сооружений, берегоукрепление;
– строительство объектов инновационного научно-технологического центра.

Также рекомендовано целевое обучение и кластеры – расширять сеть образовательно-производственных кластеров (в том числе в морской отрасли), где студентов готовят под гарантированные рабочие места на предприятиях региона. Для снижения кадрового дефицита, необходимы меры по улучшению условий труда, стимулированию внутренней миграции и развитию профильного образования в регионах. Для привлечения в регион востребованных китайских специалистов предлагается программа арендного жилья по льготной ставке.

Таким образом, предложенные к реализации меры позволят устранить проблемы социальной интеграции китайских работников, осуществляющих трудовую деятельность на территории Дальнего Востока. Необходимо обеспечить для них расширенный социальный пакет,

уровень оплаты труда не ниже общепринятого по региону, предоставление государственных льгот, примерами которых могут быть программы «Дальневосточная и Арктическая ипотека» под минимальный процент для молодых семей и специалистов, а также выплаты по программе «Земский доктор» и «Земский учитель».

Литература

1. Восточный центр государственного планирования: Обсуждение стратегии развития Дальнего Востока до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Режим ввода: https://dfostrategy.vostokgosplan.ru/ (дата обращения: 20.07.2026)

2. Дефицит кадров давит на Дальний Восток: бизнесу приходится платить больше. 25.03.2026. Режим ввода: [https://vostokmedia.com/news/2026–03–25/defitsit-kadrov-davit-na-dalniy-vostok-biznesu-prihoditsya-platit-bolshe-5568990] (дата обращения: 10.07.2026)

3. Официальный сайт Министерства иностранных дел: Россия и Китай обсудили развитие Дальнего Востока: товарооборот вырос в 2,5 раза до 1,7 трлн руб. 19.05.2026. Режим ввода: https://yakutsk.mid.ru/ru/press-centre/news/rossiya_i_kitay_obsudili_razvitie_dalnego_vostoka_tovarooborot_vyros_v_2_5_raza_do_1_7_trln_rubley_/ (дата обращения: 30.07.2026)

4. Официальный сайт РБК: «На Дальнем Востоке нет предпосылок для развития «рынка работодателя». 15.01.2026. Режим ввода: [https://prim.rbc.ru/prim/15/01/2026/69688b609a79471f3ace94f4] (дата обращения: 10.07.2026)

5. Федеральная служба государственной статистики: социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в I квартале 2026 года. Москва, 2026. Режим ввода: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dalnevost_fo_1k-2026.pdf (дата обращения: 20.07.2026)

STUDYING THE DIFFICULTIES OF SOCIAL INTEGRATION OF CHINESE WORKERS AND INNOVATIONS IN CROSS-BORDER JOINT GOVERNANCE MECHANISMS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FAR EAST

Zhou Wei
Heihe University

The relevance of this research topic stems from the need to address labor shortages in the strategically important Russian Far East, amid a declining population, by attracting Chinese workers through joint management within the framework of the region's development strategy.

The purpose of this article is to examine the social integration of Chinese workers and innovation within the context of implementing the Russian Far East development strategy through cross-border joint management mechanisms. To achieve this goal, the following tasks must be completed: study statistical data on the Far East labor market, identify its problems, identify the role of Chinese workers in the development of enterprises and the labor market in the region, identify challenges in the social integration of Chinese workers in the region through joint management within the framework of bilateral cooperation, and develop recommendations for addressing these challenges. The article focuses on joint management mechanisms within the framework of the Russian Far East development strategy, focusing on the social integration of Chinese workers. The article identifies challenges and develops proposals for improving joint management between Russia and China within the context of further cooperation to improve the working conditions of Chinese workers in the implementation of the Far East development strategy.

Keywords: Far East development strategy, Chinese workers, social integration, joint management, cross-border cooperation.

References

1. Eastern Center for State Planning: Discussion of the Far East Development Strategy through 2030 with a Forecast to 2036. Accessed: https://dfostrategy.vostokgosplan.ru/ (Accessed: July 20, 2026)

2. Labor Shortage Puts Pressure on the Far East: Businesses Have to Pay More. March 25, 2026. Accessed: [https://vostokmedia.com/news/2026–03–25/defitsit-kadrov-davit-na-dalniy-vostok-biznesu-prihoditsya-platit-bolshe-5568990] (Accessed: July 10, 2026)

3. Official Website of the Ministry of Foreign Affairs: Russia and China Discussed the Development of the Far East: Trade Turnover Increased 2.5 Times to RUB1.7 Trillion May 19, 2026. Introduction mode: https://yakutsk.mid.ru/ru/press-centre/news/rossiya_i_kitay_obsudili_razvitie_dalnego_vostoka_tovarooborot_vyros_v_2_5_raza_do_1_7_trln_rubley_/ (accessed: July 30, 2026)

4. RBC official website: «There are № preconditions for the development of an 'employer's market' in the Far East.» January 15, 2026. Input mode: [https://prim.rbc.ru/prim/15/01/2026/69688b609a79471f3ace94f4] (date of access: 10.07.2026)

5. Federal State Statistics Service: Socioeconomic Situation of the Far Eastern Federal District in the First Quarter of 2026. Moscow, 2026. Input mode: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dalnevost_fo_1k-2026.pdf (date of access: 20.07.2026)

Дигитальные факторы трансформации управленческих стереотипов в цифровом пространстве

Чижов Дмитрий Андреевич,
аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления»
E-mail: chizhow.dima@yandex.ru

В рамках данной работы анализируется трансформация управленческих подходов под влиянием внедрения цифровых инструментов в корпоративные структуры. Цифровое пространство рассматривается не исключительно как средство передачи управленческих концепций, но и как платформа, на которой данные концепции подвергаются процессам фиксации, аналитической проверки и последующей модификации. Эмпирическая часть исследования опирается на сто пятьдесят русскоязычных публикаций, размещённых в интернете в период с 2020 по 2026 год. Отбор материалов осуществлялся из деловых изданий, отраслевых медиа, ресурсов, посвящённых кадровому менеджменту, аналитических платформ и корпоративных блогов. Методологическая основа включала контент-анализ, который дополнялся качественной интерпретацией выявленных смысловых единиц.

В ходе изучения материалов было выделено несколько классификационных групп, включающих контрольные, дистанционные, возрастные, статусные, компетентностные и цифровые категории. Полученные результаты свидетельствуют о противоречивом влиянии цифровизации. С одной стороны, отдельные устоявшиеся представления утрачивают свою прежнюю значимость и достоверность. С другой стороны, на их месте формируются новые, зачастую упрощённые схемы восприятия. Для описания этих процессов автор вводит следующие понятия: «стереотип цифрового нативизма», «стереотип алгоритмической объективности» и «цифровая рестереотипизация». Дополнительно выделяются три ключевые функции цифровой среды: воспроизводящая, рефлексивно-разрушающая и продуктивно-переформатирующая.

***Ключевые слова**:* управленческие стереотипы, дигитализация, цифровизация управления, контент-анализ, цифровой контроль, алгоритмическое управление, поколение Z, цифровой руководитель, цифровая рестереотипизация.

Введение

Наступление цифровой эпохи вносит существенные коррективы в привычные методы организации труда и управленческой деятельности. Современный руководитель располагает сегодня несравнимо более широким доступом к данным о работе своих подчинённых: он может оперативно отслеживать промежуточные и конечные результаты, проверять степень выполнения поручений, применять аналитические сервисы и полагаться на автоматически сгенерированные рекомендации. По мере внедрения новых технологических инструментов меняются и устоявшиеся представления о сущности эффективного руководства [6].

По мнению А. Марея, цифровизация воздействует на основные принципы обмена данными и взаимодействия – как между людьми, так и между отдельным человеком и обществом в целом [5]. Это, в свою очередь, провоцирует изменения в культурной и социальной областях, потому что передача информации является неотъемлемой частью культурного пространства.

В своих работах Л.А. Бурганова описывает цифровизацию как смену образовательной модели на качественно иную [3]. Ряд специалистов рассматривает этот процесс как глубокое обновление привычных способов мышления и выполнения профессиональных задач, которое предполагает осознанное и адаптивное обращение к цифровым средствам. Благодаря этому появляется возможность формировать обучение, опираясь на личные цели учащегося и конкретные показатели успеваемости [4].

Тем не менее, наличие обширного массива сведений само по себе не является гарантией повышения качества принимаемых решений. Цифровые устройства и программы функционируют внутри уже сложившихся организационных структур и системы межличностных отношений. Как подчёркивает У. Орликовски, цифровизация, как и любая технология не существует изолированно от социального контекста – определяющим фактором становится характер её применения и те практики, которые она закрепляет [11]. Следовательно, одна и та же система способна как избавить руководителя от необходимости постоянного контроля, так и, наоборот, сделать наблюдение за действиями сотрудников ещё более детальным и повсеместным.

В этой связи представляется уместным задаться вопросом: ведёт ли цифровизация к разрушению традиционных управленческих моделей, либо она лишь видоизменяет их внешнюю форму, оставляя прежним внутреннее содержание?

Под управленческим стереотипом в рамках данного исследования понимается устойчивая, обобщённая когнитивная схема, с помощью которой руководитель либо рядовой работник интерпретирует определённую социальную группу или типичную ситуацию в сфере управления. Подобная схема способствует экономии временных затрат и упрощает процесс оценки, однако зачастую заменяет анализ конкретного случая готовым, заранее сформулированным суждением.

Стереотипы не ограничиваются лишь сферой индивидуального сознания. Они находят своё закрепление в профессиональной лексике, экспертных документах, печатных изданиях и электронных медиа. В соответствии с теорией П. Бергера и Т. Лукмана, многократно повторяющиеся типизации со временем интегрируются в структуру социально разделяемого знания [2]. В современных условиях значительная доля подобного знания распространяется посредством интернет-коммуникаций.

Профессиональные онлайн-площадки регулярно обращаются к вопросам о том, какими характеристиками должен обладать так называемый сильный руководитель, каким образом следует выстраивать взаимодействие с представителями поколения Z, нужно ли осуществлять контроль над удалёнными сотрудниками, насколько оправдано доверие к данным HR-аналитики и способен ли искусственный интеллект оценивать персонал более объективно, чем человек. Подобные публикации не только отражают текущую практику. Одновременно в них формируются нормативные ориентиры, определяющие представления о том, что следует считать современным, рациональным и результативным управлением.

Цель настоящей работы заключается в выявлении способов репрезентации управленческих стереотипов в цифровом информационно-

коммуникационном пространстве, а также в определении направлений их изменения под влиянием процессов дигитализации.

Эмпирическую основу работы составил массив из 150 русскоязычных публикаций, размещённых в интернете за период с 2020 по 2026 год. Выбор данного временного промежутка продиктован рядом обстоятельств. В 2020 году в связи с массовым переходом на дистанционный формат занятости значительно возрос интерес к вопросам надзора, доверия и оценки деятельности работников вне офиса. В последующие годы к указанной проблематике добавились темы, связанные с внедрением HR-аналитики, алгоритмических систем и технологий искусственного интеллекта.

Эмпирическая база настоящего исследования формировалась посредством тщательного отбора информационных материалов. В итоговый перечень вошли статьи из специализированных деловых изданий, журналов, посвящённых вопросам управления персоналом, авторитетных интернет-ресурсов экспертного характера, а также корпоративных блогов.

Поиск источников осуществлялся с применением разнообразных комбинаций запросов, среди которых использовались такие формулировки, как «надзор за деятельностью сотрудников», «работа в удалённом формате», «избыточный контроль», «поколение Z», «молодые работники в коллективе», «возрастная дискриминация», «руководитель нового типа», «аналитика в сфере человеческих ресурсов», «принятие решений на основе данных», «применение искусственного интеллекта в кадровом делопроизводстве», «управление посредством алгоритмов», «измерение результативности труда», «цифровое наблюдение».

В выборку включались исключительно те публикации, в которых присутствовало развёрнутое описание действий управленцев, поведенческих стратегий работников или применяемых подходов к руководству. Обязательным условием для включения материала в анализ являлось наличие как минимум одного из перечисленных признаков: уровень административного воздействия и степень предоставленной самостоятельности, возрастные параметры сотрудников и межпоколенческие отличия. Также оценивались особенности организации труда на удалённой основе, уровень владения цифровыми инструментами, использование аналитических данных, практики отслеживания действий работников или оценка труда при помощи вычислительных систем.

Из общего объёма собранных документов исключались повторяющиеся публикации, рекламные тексты, объявления о вакансиях, а также материалы, содержание которых сводилось исключительно к техническому описанию функционала программного обеспечения.

Обработка собранных данных проводилась в несколько последовательных этапов. Базовой единицей анализа признавалась отдельная статья. Контекстной единицей служил полный текст соответствующей публикации. Кодирование выполнялось на уровне смыслового фрагмента, который содержал характеристику работника, руководителя либо конкретной управленческой практики. Фиксация результатов производилась по принципу наличия определённой аналитической категории в рамках каждой отдельной статьи.

Подобное разграничение являлось необходимым, поскольку одно и то же утверждение могло нести различное содержательное значение. Так, например, тезис о том, что представители поколения Z не признают авторитет начальства, мог отражать личное мнение автора материала или, напротив, выступать иллюстрацией распространённого стереотипа, который в дальнейшем подвергался критическому пересмотру.

Кодировочная матрица включала следующие компоненты: тип стереотипного суждения, предмет оценивания, эмоциональная окраска, образ руководителя, отношение к вопросам контроля и автономии, роль цифровых индикаторов, способы аргументации и приёмы опровержения, а также функциональное предназначение материала.

Было выделено четыре варианта подобного предназначения. Воспроизведение фиксировалось в тех случаях, когда обобщённое представление передавалось без каких-либо авторских пояснений. Легитимация выражалась в подкреплении определённой позиции посредством ссылок на эффективность, практический опыт, высокий статус или результаты исследований. Критика касалась негативной оценки конкретного метода или подхода. Деконструкция предполагала постановку под сомнение самих оснований типизации и её правомерности.

Количественные методы кодирования дополнялись содержательным анализом ключевых смысловых элементов. Такой подход позволял выйти за пределы простого подсчёта частоты упоминаний тех или иных тем и выявить особенности их интерпретации в различных контекстах.

Результаты исследования

Одной из наиболее часто обсуждаемых тем, которая систематически привлекала внимание исследователей, оставалась проблема контроля трудовой деятельности сотрудников. Особенно наглядно эта тенденция проявлялась в работах, относящихся к началу рассматриваемого периода, когда значительная часть организаций переходила на дистанционный формат работы. Отсутствие работника в традиционном офисе воспринималось многими руководителями как существенное препятствие для выстраивания эффективной системы управления.

В основе такого подхода лежала следующая логическая цепочка: нахождение человека на рабочем месте создает условия для прямого наблюдения, наблюдение обеспечивает соблюдение дисциплины, дисциплина позволяет контролировать производственные процессы, а контроль, в свою очередь, способствует повышению производительности труда. Переход к удаленной занятости нарушил эту последовательность. Руководитель лишился возможности лично видеть подчиненного, что потребовало поиска иных способов проверки того, как сотрудник распоряжается своим рабочим временем.

Одним из таких способов стали цифровые сервисы, предназначенные для мониторинга активности. В результате прежняя система контроля не была полностью устранена, однако претерпела существенные изменения: визуальное наблюдение уступило место анализу цифровых следов. Новые технологии в данном контексте не отменяют устоявшуюся модель управления, а лишь повышают ее техническую удобство и оперативность. Исследования, посвященные алгоритмическому менеджменту, демонстрируют, что цифровые инструменты существенно расширяют арсенал средств для контроля и оценки трудовых показателей [8].

Вместе с тем в профессиональной среде все более отчетливо звучит противоположная точка зрения. В академических и прикладных работах все чаще подвергается критике микроменеджмент, избыточный контроль и стремление оценивать каждый отдельный шаг работника. В связи с этим возникает заметное противоречие. Цифровая среда предоставляет руководителю возможность оценивать конечный результат без личного присутствия подчиненного, но в то же время она позволяет отслеживать весь процесс выполнения задачи с гораздо более высокой степенью детализации, чем это было возможно ранее.

Данное положение можно охарактеризовать как парадокс цифровой наблюдаемости. Увеличение объема доступной информации не всегда способствует росту самостоятельности сотрудника. В ряде случаев наблюдается прямо противоположный эффект. П. Леонарди и Дж. Трим связывают данные процессы с усилением так называемой «behavioral visibility», то есть цифровой видимости поведения внутри организационных структур [10].

В анализируемых источниках выделяются три устойчивых типа руководителя: традиционный, цифровой и гибридный. Традиционный руководитель опирается преимущественно на личный опыт, служебное положение и прямое руководство подчиненными. В современных публикациях данный образ чаще всего упоминается в критическом контексте, особенно в связи с микроменеджментом и стремлением управленца лично контролировать все детали рабочего процесса. Цифровой руководитель, напротив, характеризуется иными качествами: владением технологическими инструментами, способностью работать с аналитическими данными, использованием цифровых каналов коммуникации и ориентацией на количественные показатели эффективности труда.

Со временем данный образ также претерпевает упрощение. Само использование цифровых инструментов начинает восприниматься как признак современного и эффективного управления. Возникает опасность формирования нового клише: успешный руководитель – это обязательно тот, кто опирается на данные в своей деятельности.

Особый интерес вызывает гибридная модель. В рамках этой модели данные не замещают практический опыт, а выступают инструментом его проверки. Процесс выработки управленческого решения строится по более сложной схеме, которая включает такие элементы, как накопленный опыт, аналитическая информация, оценка текущей ситуации и обратная связь.

Подобный подход согласуется с взглядами С. Райша и С. Краковски, которые рассматривают искусственный интеллект не только как средство автоматизации, но и как способ расширения человеческих возможностей [13].

Кроме того, существует отдельное направление исследований, посвященное возрастным и поколенческим различиям. Во многих работах типизация строится на основе поколения Z. Представителям этой возрастной группы приписывают особое отношение к иерархии, выраженную потребность в постоянной обратной связи, предпочтение гибких условий работы и высокий уровень владения цифровыми технологиями.

Наличие различий между группами само по себе не указывает на формирование стереотипизации. Проблема возникает тогда, когда

характеристики, присущие группе в целом, без достаточных оснований переносятся на конкретного индивида.

В тексте четко прослеживается следующая логическая цепочка: молодой возраст, связанная с ним цифровая социализация и, как следствие, высокий уровень цифровых навыков. Для обозначения этого явления в статье применяется термин «стереотип цифрового нативизма».

Идея особого поколения «цифровых аборигенов» получила широкую известность после публикаций М. Пренски [12]. В дальнейшем данная концепция подверглась серьезной критике. Исследователи отмечали, что возрастные характеристики сами по себе не являются достаточным основанием для объяснения реальных различий в уровне цифровых умений [7; 9].

В связи с этим более корректно рассматривать цифровую компетентность как самостоятельную категорию, не связанную напрямую с возрастом или принадлежностью к определенному поколению.

Процесс цифровизации также воздействует на основания доверия к управленческим решениям. В прежние времена основными критериями выступали практический опыт и занимаемая должность. В настоящее время к этим критериям добавляются аналитические данные и алгоритмические расчеты [1].

Схематично данную трансформацию можно представить следующим образом: накопленный опыт и статус формируют авторитет решения; аналогичным образом данные и алгоритмы формируют авторитет решения.

Числовые показатели часто воспринимаются как более убедительное доказательство по сравнению с мнением руководителя. Однако формализованный показатель не является эквивалентом объективной реальности. Любая метрика появляется только после того, как кем-то было принято решение о том, какие параметры следует измерять. Следовательно, цифровая оценка также содержит субъективный выбор критериев.

Исходя из этого, возникает явление стереотипа алгоритмической объективности. Суть этого стереотипа заключается в представлении о том, что решение автоматически становится более точным и беспристрастным только потому, что оно было получено с использованием алгоритма.

Данный стереотип по своему смысловому содержанию во многом повторяет прежнюю установку на безоговорочное доверие к эмпирическому опыту. Ранее считалось, что наличие управленческого стажа автоматически обеспечивает правильность принимаемых решений. Теперь эта формула замещается иной: итоги, полученные с помощью алгоритмических расчетов, полагаются лишенными любых субъективных искажений.

Результаты прикладных исследований в области алгоритмического менеджмента показывают, что внедрение автоматизированных систем не устраняет существующие противоречия, касающиеся распределения властных полномочий, осуществления контрольных функций и интерпретации получаемых данных [13].

Дополнительно формируется убеждение, согласно которому профессиональные компетенции сотрудника можно исчерпывающим образом описать через набор числовых параметров. Применение ключевых показателей эффективности, составление рейтингов, подсчет выполненных задач и подобные измерители действительно позволяют достичь более унифицированной оценки работы и уменьшить влияние личных пристрастий.

Проблемы возникают в тот момент, когда измеряемый показатель начинает отождествляться с самой сущностью выполняемой деятельности. Например, количество обработанных заявок не всегда отражает действительную продуктивность сотрудника. Значительная часть важных аспектов профессиональной деятельности практически не поддается количественному измерению: помощь коллегам, подготовка экспертных заключений, урегулирование конфликтов и обеспечение слаженной работы коллектива не могут быть выражены через простые цифровые индикаторы.

Сопоставление описанных явлений позволяет сформулировать понятие цифровой рестереотипизации. Этот термин обозначает ситуацию, при которой прежний стереотип утрачивает свою значимость, но замещается новым стереотипом, основанным на цифровых данных или технологических методах.

В качестве примеров можно привести следующие трансформации:

– представление о недостаточном опыте молодого специалиста сменяется уверенностью в том, что он обязательно обладает цифровыми компетенциями;

– утверждение о более точных решениях опытного руководителя уступает место утверждению о более точных решениях алгоритма;

– требование личного наблюдения для оценки работника заменяется убеждением, что цифровые метрики дают полное представление о человеке.

Следовательно, конкретное наполнение стереотипов изменяется, однако базовый принцип упрощенного восприятия остается неизменным.

Проведенный анализ позволяет выделить три основные функции цифровой среды.

Первая функция – репродуктивная – заключается в сохранении прежних представлений, которые получают новое цифровое оформление.

Вторая функция – рефлексивно-деконструирующая – проявляется в тех случаях, когда привычные модели мышления подвергаются критической оценке.

Третья функция – продуктивно-рестереотипизирующая – связана с возникновением новых стереотипных конструкций, среди которых можно отметить цифровой нативизм, представление об объективности алгоритмов, образ работника, полностью описываемого через показатели, а также обязательный образ руководителя, ориентированного исключительно на данные.

Таким образом, цифровая среда не приводит к автоматическому исчезновению стереотипов. Она в большей степени выступает той областью, где прежние и новые подходы к осмыслению управленческих процессов сосуществуют в состоянии противоборства.

Заключение

Цифровая трансформация оказывает влияние не только на перечень инструментов, которыми располагает руководитель. Она затрагивает фундаментальные принципы, на которых строится оценка управленческой эффективности. Наиболее ярко данная тенденция прослеживается в области контроля. Переход к дистанционной занятости устранил традиционную корреляцию между нахождением сотрудника на рабочем месте и его фактической производительностью, но вместе с тем возникла необходимость внедрения цифровых платформ для отслеживания трудовой деятельности.

Аналогичная ситуация наблюдается в сфере аналитики. Собранные сведения дают возможность подвергать сомнению субъективные оценки, однако они же способны становиться самостоятельным источником авторитета, воспринимаемым без надлежащей проверки. Возрастные предубеждения не исчезают полностью. Отдельные из них видоизменяются и формируются вокруг представлений о цифровых навыках представителей различных возрастных категорий.

Следовательно, потенциал цифровизации в контексте ослабления стереотипов обусловлен не объёмом применяемых технологий, а спецификой их задействования при принятии управленческих решений. Когда данные позволяют сопоставлять различные интерпретации происходящего, опровергать первичное впечатление и проверять реальные результаты труда сотрудника, они содействуют снижению воздействия предубеждений. Если же конкретный индикатор или алгоритм используется без соответствующей проверки, одно упрощённое восприятие замещается другим.

В сложившихся условиях наиболее целесообразным видится гибридная модель управления. В рамках подобного подхода профессиональный опыт продолжает играть важную роль, однако ему не предоставляется автоматическое преимущество. Данные служат дополнением к решению, но остаются предметом критического осмысления. Именно комбинация практического опыта, цифровой информации, оценки контекста и обратной связи создаёт более надёжную базу для пересмотра устоявшихся управленческих стереотипов.

Литература

1. Бабинцев В.П., Серкина Я.И. «Цифровизация» и «дигитализация» социальной реальности в предметном поле социологии: проблема адекватности понятий // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 4. DOI: 10.17805/zpu.2022.4.7.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995.

3. Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Отношение вузовских преподавателей к использованию цифровых технологий: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 105–108.

4. Воробьева И.А., Жукова А.В., Минакова К.А. Плюсы и минусы цифровизации в образовании // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1–4 (103). С. 110–118.

5. Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы [Электронный ресурс] // BCG. URL: https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx (дата обращения: 23.08.2026).

6. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.

7. Bennett S., Maton K., Kervin L. The “Digital Natives” Debate: A Critical Review of the Evidence // British Journal of Educational Technology. 2008. Vol. 39, no. 5. P. 775–786. DOI: 10.1111/j.1467-8535.2007.00793.x.

8. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // Academy of Management Annals. 2020. Vol. 14, no. 1. P. 366–410. DOI: 10.5465/annals.2018.0174.

9. Kirschner P.A., De Bruyckere P. The Myths of the Digital Native and the Multitasker // Teaching and Teacher Education. 2017. Vol. 67. P. 135–142. DOI: 10.1016/j.tate.2017.06.001.

10. Leonardi P.M., Treem J.W. Behavioral Visibility: A New Paradigm for Organization Studies in the Age of Digitization, Digitalization, and Datafication // Organization Studies. 2020. Vol. 41, no. 12. P. 1601–1625. DOI: 10.1177/0170840620970728.

11. Orlikowski W.J. The Duality of Technology: Rethinking the Concept of Technology in Organizations // Organization Science. 1992. Vol. 3, no. 3. P. 398–427. DOI: 10.1287/orsc.3.3.398.

12. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9, no. 5. P. 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

13. Raisch S., Krakowski S. Artificial Intelligence and Management: The Automation–Augmentation Paradox // Academy of Management Review. 2021. Vol. 46, no. 1. P. 192–210. DOI: 10.5465/amr.2018.0072.

DIGITAL FACTORS DRIVING THE TRANSFORMATION OF MANAGEMENT STEREOTYPES IN THE DIGITAL SPACE

Chizhov D.A.
State University of Management

This study analyses the transformation of management approaches under the influence of the introduction of digital tools into corporate structures. The digital space is viewed not merely as a means of conveying management concepts, but also as a platform on which these concepts undergo processes of documentation, analytical verification and subsequent modification. The empirical part of the study is based on 150 Russian-language publications posted online between 2020 and 2026. The materials were selected from business publications, sector-specific media, resources dedicated to human resource management, analytical platforms and corporate blogs. The methodological framework comprised content analysis, supplemented by a qualitative interpretation of the identified units of meaning.

During the analysis of the materials, several classification groups were identified, including control, distance, age, status, competence and digital categories. The findings indicate that digitalisation has a contradictory impact. On the one hand, certain established perceptions are losing their former significance and credibility. On the other hand, new, often simplified patterns of perception are forming in their place. To describe these processes, the author introduces the following concepts: ‘the stereotype of digital nativism’, ‘the stereotype of algorithmic objectivity’ and ‘digital restereotyping’. In addition, three key functions of the digital environment are identified: reproductive, reflexive-destructive and productive-reformatting.

Keywords: managerial stereotypes, digitisation, digitalisation of management, content analysis, digital control, algorithmic management, Generation Z, digital leader, digital restereotyping.

References

1. Babintsev, V. P., and Ya.I. Serkina. 2022. “‘Digitalization’ and ‘Digitization’ of Social Reality in the Subject Field of Sociology: The Problem of Conceptual Adequacy.” Knowledge. Understanding. Skill, no. 4. https://doi.org/10.17805/zpu.2022.4.7. [In Russian].

2. Berger, P., and T. Luckmann. 1995. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Translated by E.D. Rutkevich. Moscow: Academia-Center; Medium. [In Russian].

3. Burganova, L. A., and O.V. Yurieva. 2020. “University Teachers’ Attitudes toward the Use of Digital Technologies: A Sociological Analysis.” The Review of Economy, the Law and Sociology, no. 1: 105–108. [In Russian].

4. Vorobieva, I. A., A.V. Zhukova, and K.A. Minakova. 2021. “Advantages and Disadvantages of Digitalization in Education.” International Research Journal, no. 1–4 (103): 110–118. [In Russian].

5. Marey, A. “Digitalization as a Paradigm Shift.” BCG. Accessed August 23, 2026. BCG publication. [In Russian].

6. Tikhonov, A. V., and V.S. Bogdanov. 2020. “From ‘Smart Regulation’ to ‘Smart Management’: The Social Problem of Digitalization of Feedback.” Sociological Studies, no. 1: 74–81. https://doi.org/10.31857/S013216250008325–0. [In Russian].

7. Bennett, S., K. Maton, and L. Kervin. 2008. “The ‘Digital Natives’ Debate: A Critical Review of the Evidence.” British Journal of Educational Technology 39 (5): 775–786. https://doi.org/10.1111/j.1467–8535.2007.00793.x.

8. Kellogg, K. C., M.A. Valentine, and A. Christin. 2020. “Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control.” Academy of Management Annals 14 (1): 366–410. https://doi.org/10.5465/annals.2018.0174.

9. Kirschner, P. A., and P. De Bruyckere. 2017. “The Myths of the Digital Native and the Multitasker.” Teaching and Teacher Education 67: 135–142. https://doi.org/10.1016/j.tate.2017.06.001.

10. Leonardi, P. M., and J.W. Treem. 2020. “Behavioral Visibility: A New Paradigm for Organization Studies in the Age of Digitization, Digitalization, and Datafication.” Organization Studies 41 (12): 1601–1625. https://doi.org/10.1177/0170840620970728.

11. Orlikowski, W. J. 1992. “The Duality of Technology: Rethinking the Concept of Technology in Organizations.” Organization Science 3 (3): 398–427. https://doi.org/10.1287/orsc.3.3.398.

12. Prensky, M. 2001. “Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1.” On the Horizon 9 (5): 1–6. https://doi.org/10.1108/10748120110424816.

13. Raisch, S., and S. Krakowski. 2021. “Artificial Intelligence and Management: The Automation–Augmentation Paradox.” Academy of Management Review 46 (1): 192–210. https://doi.org/10.5465/amr.2018.0072.

Культурный код как фактор экзистенциальной безопасности Российской Федерации

Чичерина Людмила Константиновна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: lkchicherina@fa.ru

Заигрина Нина Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Институт современного искусства
E-mail: ninazaigrina@gmail.com

В статье рассматривается теоретико-методологический потенциал понятия «культурный код» в контексте обеспечения экзистенциальной безопасности государства. Авторы анализируют эволюцию и современное состояние научных подходов к определению, структуре и функциям культурного кода, сложившихся в отечественной и зарубежной гуманитаристике. Особое внимание уделяется трансформации культурного кода под воздействием современных геополитических и цивилизационных вызовов, а также его роли в консолидации общества и сохранении суверенитета. На основе обзора работ российских ученых и эмпирического исследования (анкетирования студентов) обосновывается необходимость осмысленного управления процессами кодирования и декодирования культурной информации как важнейшего условия идентификации, трансляции ценностей и противодействия внешнему деструктивному влиянию. Делается вывод, что воссоздание культурной матрицы нации представляет собой системную, междисциплинарную деятельность, лежащую в основе укрепления экзистенциальной безопасности России.

Ключевые слова: культурный код, экзистенциальная безопасность, национальная идентичность, ценности, цивилизационный код, культурная политика.

Введение

Современная геополитическая ситуация характеризуется беспрецедентной динамикой и остротой внутренних и внешних противоречий, охватывающих практически все сферы общественной жизни – от цифровизации и развития искусственного интеллекта до передела ресурсов и зон влияния, а также ценностных ориентаций [1, с. 17]. В этих условиях проблематика сохранения суверенитета и обеспечения экзистенциальной безопасности государства выходит на первый план. Свидетельством тому являются заявления высшего политического руководства России. В частности, Министр иностранных дел С.В. Лавров в своем выступлении на XXXIII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (24 мая 2025 г.) подчеркнул, что формирование многополярного мира требует активной и аналитической дипломатии, способной принимать решения, учитывающие сохранение российских традиций, ценностей и культурного кода [14].

Заседание Совета Безопасности Российской Федерации (10 июня 2025 г.), посвященное вопросам укрепления экзистенциальной безопасности и стабильности в обществе, также подтвердило значимость нравственных ориентиров. Президент В.В. Путин отметил определяющую роль ценностей, сформированных многими поколениями народов России – гуманизма, любви к семье, взаимопомощи, патриотизма [15]. Данные политические заявления актуализируют научный поиск в области исследования механизмов сохранения и передачи культурно-нравственного наследия, а также защиты его от агрессивного внешнего влияния. В этом контексте одним из ключевых понятий становится «культурный код» (далее – КК).

Цель настоящей работы заключается в анализе научных подходов к определению культурного кода, выявлении его структуры и функций, а также в обосновании его роли в обеспечении экзистенциальной безопасности Российской Федерации.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области культурологии, социологии, лингвокультурологии, политологии и психологии, посвященные проблемам кодирования, декодирования и интерпретации культурной информации. В силу ограниченного доступа к зарубежным источникам, основной массив исследования составили работы российских авторов. В работе использовались общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации, а также метод контент-анализа научной литературы. Эмпирическая часть исследования включает результаты авторского анкетирования студентов Финансового университета при Правительстве РФ (n=20), изучающих немецкий язык как второй иностранный. Анкетирование было направлено на оценку уровня сформированности представлений о культурных кодах Германии, Австрии и России.

Результаты исследования

Исследовательский интерес к проблемам кодирования информации и коммуникации, по мнению ученых, зарождается в начале XX века. Российский культуролог Н.Н. Изотова выделяет три основные концепции, сложившиеся в науке. Первая из них носит философский и лингвистический характер и рассматривает взаимосвязь мысли, речи и языка (Л. Витгенштейн, Л.С. Выготский) [5, с. 6]. Вторая концепция, представленная в работах К. Рапая, Дж. Александера, а также современного психоаналитика Р. Клотера, акцентирует внимание на эмоциональном образе, запечатленном в памяти индивида и управляющем его мышлением и действиями. Третья концепция вводит в научный оборот понятия антропологического кода и культурного генотипа (Л.А. Черная, А.М. Старостин), подчеркивая междисциплинарный характер проблемы.

В современной науке культурный код трактуется многомерно, что отражается в используемой терминологии: «система знаков», «сигнал», «восприятие», «правило», «порядок», «норма», «опыт», «ориентир», «модель», «ценность», «идентичность». Исследователи, в частности И.А. Николайчук, Т.С. Якова и М.М. Янгляева, рассматривают КК в контексте метасмыслов и ментального ландшафта нации, позволяя выделить ее основные маркеры на определенном этапе развития. Авторы приводят пример, иллюстрирующий специфику российского КК: русскоязычные пользователи соцсетей часто используют в общении пожелания добра, а прилагательное «добрый» широко распространено в названиях продукции отечественных предприятий [8, с. 47].

Социологический подход определяет КК как механизм управления алгоритмами восприятия информации и поведением социальных групп. Ряд исследователей (Котляров и др.) характеризуют КК как динамичный «цивилизационный код», представляющий собой модель передачи социального опыта и информационно-аналитический индикатор, позволяющий оценивать, измерять и транслировать ценности будущим поколениям [2, с. 87]. Другие авторы (А.К. Тилепова) акцентируют регулятивную функцию КК как порядка, устанавливающего отношения между символами [12, с. 61].

Лингвистический аспект КК подчеркивает С.Г. Тер-Минасова, отмечая сложность перевода текстов из-за несовпадения лексико-фразеологических сочетаний и культурных представлений о предметах и явлениях [11, с. 114]. Это указывает на то, что для постижения глубинных смыслов текстовой информации, которая преобладает среди других видов информации, необходимо знание КК [13].

Структура и функции культурного кода

Культурный код, отражая ментальность нации, имеет сложную, многоуровневую структуру, интегрирующую социальные, философские, политические, культурные, этические, религиозные, языковые и исторические контексты. К его базовым составляющим ученые относят: язык, веру, культуру, историческую память, ценности и жизненные смыслы, социально-психологические характеристики [6, с. 162]. Нравственные и культурно-исторические ценности рассматриваются как устойчивые мотивационные образования, взаимодействующие с основными социальными институтами государства.

Исследователи Жуковская Л.Н., Костылев С.В., Морозова О.Ф. в своих работах приходят к выводу, что формирование КК в социально-культурной сфере напрямую зависит от результатов педагогической деятельности [4, с. 113]. Культура в ходе исторического развития сохраняет ценностное системообразующее ядро, «субстанциальную единицу». В процессе социально-культурной деятельности происходит дифференциация, кодирование и декодирование информации по принципам «свое – чужое», «ценное – второстепенное», «добро – зло», «новое – устаревшее» с точки зрения ценности для конкретного индивида, нации или государства. Каждое поколение вносит свой опыт в формирование элементов культуры и «моделирует» КК на данном историческом этапе, обновляя и переосмысливая предыдущую модель.

На основе изученных материалов можно выделить основные сегменты КК: предметы и ценности; деятельность человека; индивидуальные особенности; информация и знаки; роль в управлении социальными процессами. Внешние проявления КК, важные для процессов адаптации к иной культуре, включают в себя: кухню, организацию жилища, традиции и праздники, транспортную систему, государственное устройство, одежду, основные реалии и вехи исторического развития, деловую культуру [9, с. 11].

Таблица. Результаты опроса студентов по теме «Культурный код»

Содержание вопроса	Комментарий к ответам	Оценка
1. «Лица» Германии и Австрии	Трудности с формулировкой ответа, названа Меркель	3,0
2. Значение крупных городов Германии и Австрии	Названы столицы и Мюнхен	2,5
3. Важные вехи истории Германии и Австрии	Указаны 1–2 события, преимущественно Вторая мировая война	2,3
4. Отрасли промышленности Германии и Австрии	Отсутствие разграничения по странам, обобщение	2,5
5. Традиции Германии и Австрии	Обобщение, назван Октоберфест	2,2
6. Национальные черты, менталитет, ценности	Названы 1–2 пункта, ценности не указаны	2,4
7. Визуальные символы Германии, Австрии	Абстрактно: «дома в немецком стиле»	2,7
8. Ценности россиян	1 место – семья, 2 место – религия, 3 место – патриотизм	4,0
9. Значимые сведения о России	Абстрактные ответы (ландшафт, природа, кухня)	3,3

Анализируя практическое владение элементами КК, авторами было проведено анкетирование среди студентов Финуниверситета. Результаты опроса (см. Таблица) продемонстрировали, что студенты обладают весьма общими, фрагментарными сведениями о культуре Германии и Австрии, что свидетельствует о недостаточном уровне их общеобразовательных компетенций. Наиболее низкие оценки (2,2–2,7 балла из 5) были получены за вопросы о традициях, национальных чертах и менталитете, визуальных символах и важных исторических вехах этих стран. При этом вопросы о ценностях россиян (семья, религия, патриотизм) и значимых сведениях о России получили более высокие оценки (4 и 3,3 балла соответственно), что указывает на более глубокое, хотя и не всегда системное, осознание собственного культурного поля. Эти данные подтверждают вывод Т.В. Черниговской о том, что около 60% информации сохраняется в мозге, а 30% подвержены изменениям, что играет большую роль в формировании КК России, обладающей разнообразными возможностями для развития (языки, религии, территории) и формирования своего КК [7, с. 19].

Культурный код, национальная идентичность и безопасность государства

В условиях современных вызовов культурный код обретает статус одного из ключевых ресурсов обеспечения национальной и экзистенциальной безопасности. Как отмечает председатель Государственной Думы В. Володин, сохранение и защита исторической памяти народа является важнейшей задачей, в то время как в Европе, напротив, идут процессы искажения истории и подмены культурных ценностей, что может привести к потере государственности [16].

С этой проблематикой тесно связано понятие культурной матрицы общества. Как отмечает А.А. Коваленя, на протяжении многих десятилетий в России гуманитарные науки и искусство отражали реальные события и ценности, понятные членам общества. Сегодня некоторые представители гуманитарных наук, стоящие на позициях глобализма, пытаются донести до аудитории искаженные псевдокультурные ценности, что представляет собой опасность для суверенитета государства [7, с. 13].

Особую значимость данному вопросу придает тот факт, что российский культурный код сакрализирован в рамках государственной политики. В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. сохранение исторического и культурного наследия определено как приоритетная задача государства. Формирование представления о нем как о важном факторе передачи будущим поколениям культурного (цивилизационного) кода имеет большое значение для поддержания самобытной национальной культуры (п. 65). В документе также подчеркивается, что современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всего многонационального народа Российской Федерации (п. 106) [17].

Анализ научной литературы позволяет выделить основные угрозы и вызовы для культурного кода со стороны внешней среды. В частности, О.Е. Коханая исследует феномен воздействия западной культуры на культурный код россиян, отмечая активные попытки трансформации ценностно-смыслового ядра российского общества [9, с. 12]. В свою очередь, исследователи А.В. Никитин, Е.П. Савруцкая, С.В. Устинкин рассматривают культурные коды в контексте национальной безопасности, подчеркивая необходимость их защиты от деструктивного информационного влияния [10, с. 9].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о роли культурного кода в обеспечении экзистенциальной безопасности современной России.

Культурный код представляет собой сложную, многомерную и динамичную систему, которая включает в себя язык, религию, историческую память, систему ценностей и социально-психологические характеристики. Он выполняет фундаментальные функции идентификации, трансляции культурного опыта и управления социальными процессами. В условиях современной геополитической турбулентности его роль как фактора консолидации общества и сохранения государственного суверенитета значительно возрастает.

В научном дискурсе и государственной политике культурный код России рассматривается как основа национальной идентичности и один из ключевых объектов защиты. Сохранение и укрепление КК является приоритетной задачей, что закреплено в основополагающих стратегических документах Российской Федерации.

Эмпирическое исследование показало, что уровень осведомленности обучающейся молодежи о собственных и чужих культурных кодах недостаточно высок. Это указывает на необходимость целенаправленной работы в системе образования по формированию адекватных представлений о культурном коде своей страны и других государств. Как отмечает Л.С. Гуревич, исследование, анализ и осмысленное

управление КК – это важная задача, требующая системного и междисциплинарного подхода [3].

Взаимодействие культурных кодов может быть направлено как на достижение взаимопонимания, так и на получение максимальной выгоды, что требует глубокого понимания как своего, так и чужого КК. Одной из современных функций КК является передача социального опыта нации и интеграция индивида в общество. От достигнутых результатов этих процессов зависит будущее государства. Таким образом, воссоздание культурной матрицы, представляющее собой системную и междисциплинарную деятельность, является ключевым условием обеспечения экзистенциальной безопасности России и сохранения ее места в формирующейся новой системе глобальных координат.

Литература

1. Власова Т.И. Педагогика духовности: содержание и технологии духовно-нравственного воспитания: учебное пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 107 с.

2. Котляров И.В., Котлярова В.В., Ревин И.А. Культурный код как фактор консолидации общества // Вестник академии. 2023. № 2. С. 87–94.

3. Гуревич Л.С. Семиотические проблемы интерпретации культурного кода: трансляция и инференция ценностно-мотивационных смыслов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 148–153.

4. Жуковская Л.Н., Костылев С.В., Морозова О.Ф. Культурный код как смысловое содержание социально-культурной деятельности: взаимосвязь и взаимовлияние // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14, № 2А. С. 113–121.

5. Изотова Н.Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Culture and Civilization. 2020. Vol. 10, Is. 4A. С. 5–11.

6. Киреев М.Н., Коренева Е.Н., Киреева Н.В. Культурный код России и его эволюция // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29, № 3. С. 162–177.

7. Мозг человека и многозначность когнитивной информации: конвергентный подход / Черниговская Т.В., Аллахвердов В.М., Коротков А.Д. и др. // Когнитивные исследования. 2022. № 5. С. 8–19.

8. Николайчук И.А., Якова Т.С., Янгляева М.М. Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы и их потребление в России и за рубежом // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2023. № 3 (43). С. 47–59.

9. Коханая О.Е. Культурный код россиян как объект воздействия западной культуры // Человек и культура. 2024. № 6. С. 1–14.

10. Никитин А.В., Савруцкая Е.П., Устинкин С.В. Культурные коды в контексте национальной безопасности // Власть. 2023. № 5. С. 9–15.

11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 114–122.

12. Тилепова А.К. К вопросу о понятии культурного кода в современной гуманитарной науке // Молодой ученый. 2024. № 2 (501). С. 61–65.

13. Lewis R.D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. 4th ed. Boston: Nicholas Brealey Publishing, 2018. 544 p.

14. Лавров С.В. Выступление на XXXIII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, 24 мая 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/2019646/ (дата обращения: 01.08.2026).

15. Путин В.В. Выступление на заседании Совета Безопасности Российской Федерации, 10 июня 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/security-council/77160 (дата обращения: 15.07.2026).

16. Володин В.В. Выступление на итоговом пленарном заседании восьмой сессии VIII созыва Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: http://duma.gov.ru/news/61874/ (дата обращения: 15.07.2026).

17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. // Собрание законодательства РФ. 2024. № 38. Ст. 4123.

CULTURAL CODE AS A FACTOR OF EXISTENTIAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Chicherina L.K., Zaigrina N.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation, Institute of Contemporary Art

The article examines the theoretical and methodological potential of the concept of «cultural code» in the context of ensuring the existential security of the state. The authors analyze the evolution and current state of scientific approaches to the definition, structure and functions of the cultural code that have developed in Russian and foreign humanities. Special attention is paid to the transformation of the cultural code under the influence of modern geopolitical and civilizational challenges, as well as its role in the consolidation of society and the preservation of sovereignty. Based on a review of works by Russian scholars and empirical research (a student survey), the authors substantiate the need for meaningful management of the processes of encoding and decoding cultural information as an essential condition for identification, transmission of values and counteraction to external destructive influence. It is concluded that the reconstruction of the cultural matrix of the nation represents a systemic, interdisciplinary activity that underlies the strengthening of Russia's existential security.

Keywords: cultural code, existential security, national identity, values, civilizational code, cultural policy.

References

1. Vlasova T.I. Pedagogika dukhovnosti: soderzhanie i tekhnologii dukhovno-nravstvennogo vospitaniya [Pedagogy of Spirituality: Content and Technologies of Spiritual and Moral Education]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2020. 107 p.

2. Kotlyarov I.V., Kotlyarova V.V., Revin I.A. Kul'turnyy kod kak faktor konsolidatsii obshchestva [Cultural Code as a Factor of Society Consolidation]. Vestnik akademii. 2023. No. 2. P. 87–94.

3. Gurevich L.S. Semioticheskie problemy interpretatsii kul'turnogo koda: translyatsiya i inferentsiya tsennostno-motivatsionnykh smyslov [Semiotic Problems of Cultural Code Interpretation: Transmission and Inference of Value-Motivational Meanings]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. Iss. 12 (893). P. 148–153.

4. Zhukovskaya L.N., Kostylev S.V., Morozova O.F. Kul'turnyy kod kak smyslovoe soderzhanie sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti: vzaimosvyaz' i vzaimovliyanie [Cultural Code as Semantic Content of Socio-Cultural Activity: Interconnection and Interaction]. Kul'tura i tsivilizatsiya. 2024. Vol. 14, No. 2A. P. 113–121.

5. Izotova N.N. K voprosu o prochtenii «kul'turnogo koda» v lingvokul'turologii [On the Issue of Reading the "Cultural Code" in Linguoculturology]. Culture and Civilization. 2020. Vol. 10, Is. 4A. P. 5–11.

6. Kireev M.N., Koreneva E.N., Kireeva N.V. Kul'turnyy kod Rossii i ego evolyutsiya [Cultural Code of Russia and its Evolution]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2023. Vol. 29, No. 3. P. 162–177.

7. Mozg cheloveka i mnogoznachnost' kognitivnoy informatsii: konvergentnyy podkhod [Human Brain and Multivalence of Cognitive Information: A Convergent Approach] / Chernigovskaya T.V., Allakhverdov V.M., Korotkov A.D. et al. Kognitivnye issledovaniya. 2022. No. 5. P. 8–19.

8. Nikolaychuk I.A., Yakova T.S., Yanglyaeva M.M. Kul'turnye kody v sovremennom publichnom prostranstve: metasmysly i ikh potreblenie v Rossii i za rubezhom [Cultural Codes in Modern Public Space: Meta-Meanings and Their Consumption in Russia and Abroad]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2023. No. 3 (43). P. 47–59.

9. Kokhanaya O.E. Kul'turnyy kod rossiyan kak ob"ekt vozdeystviya zapadnoy kul'tury [Cultural Code of Russians as an Object of Western Culture Influence]. Chelovek i kul'tura. 2024. No. 6. P. 1–14.

10. Nikitin A.V., Savrutskaya E.P., Ustinkin S.V. Kul'turnye kody v kontekste natsional'noy bezopasnosti [Cultural Codes in the Context of National Security]. Vlast'. 2023. No. 5. P. 9–15.

11. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and Intercultural Communication]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2021. No. 4. P. 114–122.

12. Tilepova A.K. K voprosu o ponyatii kul'turnogo koda v sovremennoy gumanitarnoy nauke [On the Issue of the Concept of Cultural Code in Modern Humanities]. Molodoy uchenyy. 2024. No. 2 (501). P. 61–65.

13. Lewis R.D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. 4th ed. Boston: Nicholas Brealey Publishing, 2018. 544 p.

14. Lavrov S.V. Speech at the 33rd Assembly of the Council on Foreign and Defense Policy, May 24, 2025 [Electronic resource]. URL: https://mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/2019646/ (accessed: 01.08.2026).

15. Putin V.V. Speech at the Meeting of the Security Council of the Russian Federation, June 10, 2025 [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/events/security-council/77160 (accessed: 15.07.2026).

16. Volodin V.V. Speech at the Final Plenary Session of the Eighth Session of the Eighth Convocation of the State Duma [Electronic resource]. URL: http://duma.gov.ru/news/61874/ (accessed: 15.07.2026).

17. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2501-r of September 11, 2024 On the Strategy of State Cultural Policy for the Period until 2030 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 38. Art. 4123.

Цифровое неравенство и идеологический капитал в современном российском обществе: социально-философский анализ

Чубаров Николай Александрович,
кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: chubarov-na@rudn.ru

В статье проводится социально-философский анализ взаимосвязи цифрового неравенства и идеологического капитала как особой формы символического ресурса в условиях современного российского общества. Исследуется проблема цифрового неравенства, понимаемого как неравномерный доступ различных социальных групп и индивидов к цифровым благам, цифровой интеллектуальной собственности и цифровой среде. Показано, что такое неравенство формирует асимметричные возможности накопления, конвертации и перформативной реализации идеологического капитала. На основе идей П. Бурдье о формах капитала, классических подходов к социальному неравенству (от Платона и Аристотеля до Маркса, Вебера и Сорокина) и современных исследований цифрового общества раскрывается механизм превращения идеологии в перформативный ресурс. Установлено, что цифровая среда и цифровая интеллектуальная собственность выступают ключевыми факторами, усиливающими стратификацию через неравное распределение идеологических нарративов, символов и влияния. Анализируются уровни цифрового неравенства (доступ, навыки, возможности) в сочетании с идеологическим измерением. Делается вывод о необходимости комплексного учета цифровых и идеологических факторов для разработки мер, направленных на снижение негативных последствий неравенства, повышение цифровой справедливости и создание условий для более равномерного участия различных групп в производстве и утверждении смыслов в цифровом пространстве российского общества.

Ключевые слова: цифровое неравенство, идеологический капитал, цифровые блага, цифровая среда, социальная философия, современное российское общество, символический капитал.

Введение

Социальное неравенство на протяжении всей истории человечества выступало одним из центральных объектов философской рефлексии. Уже в античности Платон и Аристотель заложили основы понимания иерархии общества, связывая справедливость с правильным распределением благ и ролей. Платон в диалоге «Государство» предлагал устранить частную собственность как источник раздоров и построить общество на началах общественной собственности, полагая, что только таким образом можно достичь стабильности и справедливости. Аристотель, напротив, подчеркивал опасность крайних форм бедности для стабильности полиса и считал, что умеренное неравенство может способствовать сохранению социального порядка, если оно опирается на добродетель и разумное управление. Эти идеи задали вектор последующих размышлений о природе неравенства, его причинах и возможных способах преодоления [6, с. 15–28].

Позднейшие мыслители продолжили и углубили этот анализ. Н. Макиавелли обращал внимание на постоянную напряженность между элитой и народом, видя в их взаимном отчуждении источник политической динамики. Т. Гоббс настаивал на необходимости устранения неравенства в доступе к власти для обеспечения мира и безопасности, рассматривая государство как результат общественного договора. Дж. Локк, И. Бентам, Ж.-Ж. Руссо и Г.В.Ф. Гегель вносили свои акценты, связывая неравенство с собственностью, свободой и историческим развитием духа. А. Сен-Симон первым обратил внимание на роль промышленного производства в формировании классов и ввел понятия индустриализации и индустриального общества. Его идеи были развиты О. Контом, К. Марксом и М. Вебером. Маркс фундированным образом поставил вопрос о классах и классовой борьбе, видя причины конфликта в антагонистических противоречиях капиталистической системы. Вебер и последующие авторы, включая П. Сорокина и П. Бурдье, перешли к многомерной стратификации, учитывающей не только экономический, но и статусный, престижный и символический аспекты [1, с. 241–258; 6, с. 45–60].

Сегодня в условиях цифровой трансформации общества возникает новая конфигурация неравенства, связанная с доступом к цифровым ресурсам. Цифровое неравенство становится не просто технологическим разрывом, а формой социального неравенства, которая воспроизводит и усиливает существующие иерархии. В рамках социальной философии цифровое неравенство определяется как неравномерный доступ различных социальных групп и индивидов к цифровым благам, навыкам и возможностям. Как отмечают исследователи, «цифровое неравенство – это неравенство в распределении цифровых благ и доступа к ним» [3, с. 267]. Цифровое благо понимается как любое знание и информация, содержащие цифровые данные. Это определение позволяет рассматривать цифровое неравенство не только через призму инфраструктуры и грамотности, но и через более глубокие категории цифровой интеллектуальной собственности и цифровой среды [10, с. 112–120; 11, с. 105–107].

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступают социально-философский анализ, теория форм капитала П. Бурдье, классические подходы к социальному неравенству, а также современные концепции цифрового общества и цифровой справедливости. В работе используются общелогические методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения. Эмпирической базой служат данные о неравномерности цифрового доступа в российском обществе, а теоретической – труды по цифровой интеллектуальной собственности, цифровой среде и идеологическому измерению символического капитала. Анализ строится на комплексном рассмотрении трех критериев цифрового неравенства: доступа к цифровым благам, цифровой интеллектуальной собственности и цифровой среды [4, с. 140–145; 7, с. 157].

Результаты и обсуждение

Однако простого перечисления уровней доступа недостаточно для понимания глубины происходящих процессов. Цифровое неравенство в современном обществе приобретает характер системного явления,

Исследование выполнено при грантовой поддержке ФГСН РУДН в рамках инициативного проекта НИР «Идеологический капитал как новый «перфоманс» идеологии в современном российском обществе» №100941-0-000.

которое проникает в самые разные сферы социальной жизни и изменяет саму структуру возможностей индивида. Когда речь идет о российском обществе, особенно заметно, как исторически сложившиеся различия между центром и периферией, между поколениями и между образовательными группами получают новое цифровое выражение. Человек, лишенный устойчивого доступа к качественному интернету или необходимым навыкам, оказывается исключенным не только из экономических процессов, но и из пространства производства смыслов. Именно здесь открывается возможность для анализа идеологического капитала как особого ресурса, который начинает функционировать по новым правилам [2, с. 3–5].

Цифровая интеллектуальная собственность представляет собой собственность на знание и информацию, включающие цифровые данные. Она имеет два основных уровня: численность, отражающую количество активов, которыми обладает индивид или группа, и доходность, связанную со способностью этих активов приносить экономическую или символическую выгоду. Цифровая среда, в свою очередь, выступает интегрированной коммуникационной средой цифровых устройств, где выделяются уровни активности (интенсивность взаимодействия в онлайн-пространстве) и пользы от контактирования (возможность обмена знаниями, участия в дебатах, саморазвития). Именно такое понимание цифровой среды представляется наиболее адекватным для анализа цифрового неравенства, поскольку оно акцентирует коммуникационный характер цифрового пространства, а не сводит его к материальному размещению технологий [5, с. 50–52; 11, с. 107].

Если посмотреть на эти уровни с точки зрения идеологического измерения, становится видно, что цифровая среда создает особые условия для перформативного утверждения идей. Активность пользователя в онлайн-пространстве перестает быть нейтральной. Каждый пост, каждый комментарий, каждый созданный видеоролик потенциально участвует в борьбе за внимание и легитимность. Те, кто располагает большими ресурсами цифровой интеллектуальной собственности, получают возможность не просто присутствовать в этой среде, но и задавать тон обсуждениям, формировать повестку и определять, какие интерпретации событий будут считаться приемлемыми. В российском контексте это проявляется особенно отчетливо в периоды общественной мобилизации, когда цифровые платформы становятся ареной столкновения различных мировоззренческих позиций [8, с. 140–142].

Современные исследования подчеркивают, что цифровое неравенство проявляется на нескольких уровнях: доступа к инфраструктуре, навыков использования и возможностей извлечения выгоды. Трехуровневая модель, часто упоминаемая в научной литературе, предполагает на первом уровне неравенство доступа, на втором неравенство навыков, на третьем неравенство возможностей [7, с. 157; 9, с. 160]. Однако для полного социально-философского анализа необходимо учитывать все три критерия: доступ к цифровым благам, цифровую интеллектуальную собственность и цифровую среду. Их комплексное взаимодействие определяет масштаб проблемы и возможные пути ее смягчения. Цифровая инфраструктура включает наличие широкополосного интернета, компьютеров, смартфонов и иного оборудования. Цифровая грамотность представляет собой пересечение информационной, технологической и критической грамотности. Цифровые возможности доступа охватывают доступность образования, медицинской помощи, предпринимательства и государственных услуг в цифровой форме [4, с. 142–147].

Оригинальный взгляд на проблему требует признать, что трехуровневая модель, при всей ее полезности, остается преимущественно описательной. Она фиксирует факты неравенства, но недостаточно объясняет, каким образом эти факты превращаются в устойчивые социальные преимущества. Здесь на помощь приходит понятие идеологического капитала. Когда индивид или группа получают преимущество в доступе, навыках или возможностях, они одновременно получают и преимущество в производстве и распространении смыслов. Идеологический капитал начинает работать как своеобразный мультипликатор: больший доступ к цифровым ресурсам позволяет быстрее и эффективнее накапливать символическую власть, а накопленная символическая власть, в свою очередь, облегчает дальнейший доступ к ресурсам [1, с. 245–250].

Особую актуальность приобретает рассмотрение цифрового неравенства в связи с идеологическим капиталом. Идеологический капитал можно определить как совокупность самовоспроизводящихся и самовозрастающих идей, убеждений, нарративов и символов, претендующих на господство в обществе. Это понятие развивается на основе теории капиталов П. Бурдье, где наряду с экономическим, культурным и социальным капиталом выделяется символический капитал. Идеологический капитал выступает специфической формой символического капитала, связанной с производством и легитимацией смыслов [1, с. 241–245]. В цифровом обществе идеологический капитал приобретает перформативный характер: он не просто существует как набор идей, а активно разыгрывается, демонстрируется и накапливается через цифровые платформы, социальные сети, медиа и онлайн-коммуникации.

В современном российском обществе идеологический капитал становится новым перформансом идеологии. Под перформансом здесь понимается не театральное представление в узком смысле, а социальная практика демонстрации и утверждения идеологических позиций в публичном пространстве. Цифровые технологии создают особые условия для такого перформанса. Тот, кто обладает доступом к широкой аудитории, алгоритмической видимости, навыкам создания контента и контроля над цифровыми активами, получает преимущество в накоплении идеологического капитала. Напротив, группы с ограниченным доступом к цифровым благам оказываются в положении, когда их идеологические позиции остаются маргинальными или вовсе невидимыми [2, с. 4–8; 3, с. 265–268].

Именно перформативный характер идеологического капитала делает его особенно чувствительным к цифровому неравенству. В отличие от традиционных форм идеологического влияния, которые опирались на институты образования, печати или телевидения, современный идеологический капитал требует постоянного присутствия, регулярного обновления контента и способности удерживать внимание аудитории. Это создает дополнительный барьер для тех, кто не располагает достаточными цифровыми ресурсами. Человек может обладать глубокими знаниями и продуманной мировоззренческой позицией, но если он не способен перевести их в формат, востребованный цифровой средой, его идеи остаются практически невидимыми [4, с. 145–148].

Цифровое неравенство напрямую влияет на возможности формирования и реализации идеологического капитала. На уровне доступа к цифровым благам неравенство проявляется в различиях инфраструктуры. В регионах с низкой скоростью интернета, отсутствием современных устройств или высокой стоимостью связи граждане ограничены в участии в онлайн-дискуссиях, создании контента и распространении идей. Это создает асимметрию: столичные и экономически развитые центры получают преимущество в производстве идеологических нарративов, в то время как периферия остается преимущественно потребителем. Подобная ситуация воспроизводит исторические паттерны центр-периферийных отношений, но уже в цифровом измерении [9, с. 160–162].

На уровне цифровой грамотности неравенство усугубляется. Способность критически оценивать информацию, создавать мультимедийный контент, использовать алгоритмы и работать с большими данными становится важным ресурсом. Те, кто владеет этими навыками, могут более эффективно конвертировать идеологические установки в капитал: привлекать аудиторию, формировать сообщества, влиять на общественное мнение. Отсутствие таких навыков превращает человека в пассивного реципиента, чьи идеологические позиции остаются неартикулированными. Цифровая грамотность в этом контексте выступает не просто техническим умением, а формой культурного капитала, который может быть конвертирован в идеологический [1, с. 248–252; 8, с. 143–145].

Если рассмотреть ситуацию более внимательно, становится очевидным, что цифровая грамотность сегодня включает не только умение пользоваться устройствами, но и способность понимать логику алгоритмов, распознавать манипулятивные практики и создавать контент, который будет замечен системой. Это знание распределено крайне неравномерно. Молодые жители крупных городов, имеющие опыт работы с социальными сетями и онлайн-платформами, обладают здесь явным преимуществом. Представители старших поколений или жители отдаленных территорий часто оказываются в положении, когда они вынуждены довольствоваться ролью потребителей готовых идеологических продуктов [7, с. 157–158].

Особую роль играет цифровая интеллектуальная собственность. Блогеры, авторы каналов, создатели цифровых продуктов накапливают не только экономический, но и идеологический капитал. Успешный создатель контента, обладающий большой аудиторией, получает возможность определять повестку, легитимировать определенные взгляды и маргинализировать другие. При этом доступ к таким возможностям распределен неравномерно. Те, кто уже обладает экономическим и культурным капиталом, легче конвертируют его в цифровую интеллектуальную собственность и, следовательно, в идеологический капитал. Численность цифровой интеллектуальной собственности отражает объем активов, а доходность указывает на их способность приносить выгоду, включая символическую [10, с. 115–125; 11, с. 108].

Цифровая среда как коммуникационное пространство усиливает эти процессы. Активность в цифровой среде (частота и интенсивность

взаимодействий) и польза от контактирования (возможность обмена знаниями, участия в дебатах, саморазвития) становятся факторами накопления идеологического капитала. Человек, активно присутствующий в онлайн-пространстве, формирует сети поддержки, получает обратную связь и усиливает свои позиции. Тот, кто исключен из этой среды или участвует в ней ограниченно, лишается возможности перформативного утверждения своих идеологических взглядов. Понимание цифровой среды как коммуникационной среды цифровых устройств позволяет точнее оценить вовлеченность индивида в цифровые технологии и связанные с этим идеологические практики [5, с. 48–53].

В российском контексте эти процессы приобретают специфические черты. Цифровизация развивается неравномерно: существуют различия между крупными городами и сельской местностью, между поколениями, между группами с разным уровнем образования и дохода. Государственная политика в области цифрового суверенитета, регулирования интернета и поддержки отечественных платформ создает дополнительные условия. С одной стороны, это может способствовать снижению зависимости от зарубежных технологий и формированию национального цифрового пространства. С другой стороны, ограничения доступа к определенным ресурсам и платформам влияют на распределение идеологического капитала, отдавая предпочтение тем акторам, которые лучше адаптируются к новым правилам. В условиях, когда данные становятся одним из главных ресурсов экономики, контроль над цифровыми активами приобретает идеологическое измерение [3, с. 268–270; 4, с. 146–148].

Идеологический капитал в цифровом пространстве обладает свойством конвертируемости. Он может превращаться в экономический капитал через монетизацию контента, рекламу, спонсорство. Он может усиливать социальный капитал через расширение сетей. Он может повышать культурный капитал через признание экспертизы. Однако эта конвертируемость работает преимущественно в пользу тех, кто уже находится в привилегированном положении относительно цифровых ресурсов. Цифровое неравенство тем самым воспроизводит и усиливает социальное неравенство через механизм идеологического капитала. Те, кто накапливает идеологический капитал, получают дополнительные возможности влиять на распределение цифровых благ, замыкая круг воспроизводства неравенства [1, с. 250–255; 2, с. 6–10].

Важно подчеркнуть диалектическую связь равенства и справедливости. Цифровая справедливость понимается как правильное соотношение должного и сущего в сфере распределения цифровых благ и цифровой интеллектуальной собственности. Справедливость может включать элементы равенства возможностей, но не обязательно тождественна полному равенству результатов. Перефразируя классические подходы Платона и современные концепции справедливости, можно сказать, что цифровая справедливость предполагает ситуацию, когда в условиях честного равенства возможностей каждый индивид получает количество цифровых благ, соответствующее его вкладу, а в случае ущемления прав предусмотрена компенсация. В условиях цифрового общества справедливость предполагает создание условий, при которых различные группы имеют шанс накапливать и реализовывать идеологический капитал, не будучи системно исключенными [3, с. 265].

Существующие трехуровневые модели цифрового неравенства полезны, но недостаточны. Они не учитывают в полной мере роль цифровой интеллектуальной собственности и цифровой среды как самостоятельных критериев. Кроме того, они редко включают идеологическое измерение. Между тем именно через идеологический капитал цифровое неравенство приобретает особую социальную остроту: оно влияет не только на экономические и культурные шансы, но и на способность групп артикулировать свои интересы, участвовать в публичном дискурсе и влиять на формирование коллективных представлений. Концепция цифрового благополучия, связывающая удовлетворенность объемом и качеством получаемых цифровых благ с уровнем интеграции в цифровую среду, также требует дополнения идеологическим аспектом [8, с. 138–148; 11, с. 109].

Анализ показывает, что цифровое неравенство и идеологический капитал находятся в отношениях взаимного усиления. Неравный доступ к цифровым ресурсам ограничивает возможности накопления идеологического капитала. В свою очередь, неравномерное распределение идеологического капитала способствует легитимации существующего цифрового неравенства, представляя его как естественное или заслуженное. Разрыв этого круга требует комплексных мер: развития инфраструктуры, повышения цифровой грамотности, поддержки разнообразия цифровых платформ и создания условий для участия различных групп в производстве цифрового контента. Государство может играть значимую роль в регулировании цифровой экономики и защите прав пользователей, способствуя более справедливому распределению цифровых благ [2, с. 8–11; 3, с. 270–272].

Социально-философский подход позволяет увидеть, что цифровое общество не является качественно новым типом общества, а представляет собой современный этап развития информационного (постиндустриального) общества. Цифровое благо в этом контексте выступает специфическим типом интеллектуального блага. Соответственно, цифровое неравенство есть неравенство в распределении цифровых благ и доступа к ним, а цифровая справедливость есть правильное соотношение должного и сущего в этой сфере. Включение идеологического капитала в анализ добавляет измерение, связанное с производством и перформативным утверждением смыслов [3, с. 262–266; 10, с. 50–60].

Заключение

В заключение следует отметить, что социально-философский анализ цифрового неравенства в связи с идеологическим капиталом открывает новые перспективы для понимания современной социальной стратификации. Цифровое общество не устраняет старые формы неравенства, а добавляет к ним новые измерения. Идеологический капитал, функционирующий как перформанс в цифровом пространстве, становится важным механизмом воспроизводства иерархии. Учет всех трех критериев цифрового неравенства (доступ к благам, интеллектуальная собственность, среда) в сочетании с анализом идеологического измерения позволяет глубже понять масштаб проблемы и наметить пути ее смягчения. Дальнейшие исследования в этом направлении могут способствовать разработке более справедливых моделей цифрового развития российского общества, учитывающих как технологические, так и смысловые аспекты социальной динамики [4, с. 148–149; 11, с. 110].

Литература

1. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.

2. Imran A. Why addressing digital inequality should be a priority // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2023. Vol. 89. P. 1–12.

3. Орехов А.М., Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 260–272.

4. Платонова С.И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 6. С. 139–149.

5. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Часть 2 // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. С. 47–56.

6. Сорокин П.А. Социальная мобильность. Москва: Academia; LVS, 2005. 588 с.

7. Смирнова А.С. О проблемах цифрового неравенства // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 157–158.

8. Асеева И.А. Цифровое благополучие общества: междисциплинарный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 138–148.

9. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164.

10. Орехов А.М. Интеллектуальная собственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. Москва: Едиториал УРСС, 2009. 224 с.

11. Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровые блага: философско-методологический анализ // Гуманитарный вестник. 2024. Вып. 4. EDN UVMGRM.

DIGITAL INEQUALITY AND IDEOLOGICAL CAPITAL IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS[1]

Chubarov N.A.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article provides a socio-philosophical analysis of the relationship between digital inequality and ideological capital as a specific form of symbolic resource in the context of modern Russian society. The problem of digital inequality is examined, understood as the uneven access of different social groups and individuals to digital goods, digital intellectual

[1] This research was supported by a grant (№ 100941 0 000) from Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Faculty of Humanities and Social Sciences) as part of the funded R&D project "Ideological Capital as a New 'Performance' of Ideology in Modern Russian Society."

property, and the digital environment. It is shown that such inequality creates asymmetric opportunities for the accumulation, conversion, and performative realization of ideological capital. Based on P. Bourdieu's ideas about forms of capital, classical approaches to social inequality (from Plato and Aristotle to Marx, Weber, and Sorokin), and modern studies of digital society, the mechanism of ideology's transformation into a performative resource is revealed. It has been established that the digital environment and digital intellectual property are key factors that reinforce stratification through the unequal distribution of ideological narratives, symbols, and influence. The levels of digital inequality (access, skills, opportunities) are analysed in combination with the ideological dimension. The conclusion is drawn that it is necessary to take a comprehensive approach to considering digital and ideological factors in order to develop measures aimed at reducing the negative consequences of inequality, increasing digital justice, and creating conditions for more equitable participation of various groups in the production and dissemination of meanings in the digital space of Russian society.

Keywords: digital inequality, ideological capital, digital goods, digital environment, social philosophy, modern Russian society, symbolic capital.

References

1. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986. Pp. 241–258.

2. Imran A. Why addressing digital inequality should be a priority // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2023. Vol. 89. Pp. 1–12.

3. Orekhov A.M., Chubarov N.A. Digital inequality and digital justice: socio-philosophical aspects of the problem // RUDN Journal of Philosophy. Series: Philosophy. 2024. Vol. 28. No. 1. Pp. 260–272.

4. Platonova S.I. Digital inequality as a new form of social inequality // Intelligence. Innovations. Investment. 2024. No. 6. Pp. 139–149.

5. Prontchev G.B. The Formation of an Electronic-Digital Civilization: Key Concepts. Part 2 // Theory and Practice of Social Development. 2022. No. 7. Pp. 47–56.

6. Sorokin P.A. Social Mobility. Moscow: Academia; LVS, 2005. 588 p.

7. Smirnova A.S. On the Problems of Digital Inequality // Sociological Studies. 2023. No. 1. Pp. 157–158.

8. Aseeva I.A. Digital Well-Being of Society: An Interdisciplinary Approach // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2023. No. 71. Pp. 138–148.

9. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Is digital equality possible? (about the book by Ya. van Dyck's "Digital Divide") // Sociological Research. 2020. No. 10. Pp. 158–164.

10. Orekhov A.M. Intellectual property: the experience of socio-philosophical and socio-theoretical research. Moscow: Editorial URSS, 2009. 224 p.

11. Chubarov N.A. Digital inequality and digital goods: a philosophical and methodological analysis // Gumanitarny Vestnik. 2024. Issue 4. EDN UVMGRM.

Социально-психологические механизмы конструирования образа России

Шмыгин Владислав Андреевич,
Аспирант Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: shmyginv97@mail.ru

Предмет исследования. Предметом исследования выступают социально-психологические механизмы, посредством которых образ России производится, объективируется и усваивается в массовом сознании граждан. Образ страны рассматривается как результат конструирующей работы сознания, протекающей в социально заданных формах. Метод, методология исследования. Исследование опирается на концептуальный анализ, сравнение и синтез в рамке умеренного, или объективного, социального конструктивизма. К анализу привлекаются феноменологическая социология запаса знания, теория социального конструирования реальности, теория социальных представлений, социология коллективной памяти, концепция банального национализма и социология символической власти. Новизна исследования, выводы. Механизмы, разрабатываемые обыкновенно порознь и разными традициями, сведены в единое описание конструирования образа России. Показано, что их совместная работа производит образ, обладающий двухполюсным строением, в котором отношение к государству и причастность к сообществу сограждан усваиваются в едином акте социализации. Обоснован отказ от отражательной трактовки образа в пользу понимания его как сконструированного и вместе с тем объективного социального факта, наделенного принудительной фактичностью и доступного наблюдению.

Ключевые слова: образ страны, образ России, социальное конструирование, объективация, интернализация, социальные представления, коллективная память, банальный национализм, символическая власть, институциональное доверие.

Образ России принадлежит к числу предметов, значимость которых для государства и общества признается сегодня прямо, тогда как теоретическая их природа остается проясненной слабо. Стратегические документы относят к национальным приоритетам укрепление единства и сплоченности российского общества, защиту традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти, повышение международного престижа страны, и тем самым помещают образ страны в разряд предметов целенаправленной работы. Социологические замеры фиксируют отношение граждан к своей стране как величину подвижную, измеримую и находящуюся в состоянии заметной динамики. Само понятие образа страны при этом удерживается в социальных науках преимущественно на уровне метафоры и редко доводится до строгого объяснения того, каким способом образ складывается в сознании множества людей.

Настоящая статья ставит своей задачей прояснение социально-психологических механизмов, посредством которых образ России производится, закрепляется и усваивается в массовом сознании. Исходная посылка работы состоит в том, что образ страны есть продукт конструирующей работы сознания, протекающей в социально заданных формах. Отражательная трактовка, при которой образ считается более или менее точным отпечатком заранее готового положения дел, здесь отклоняется как несовместимая с собственно социологическим анализом: там, где образ понимается пассивным снимком страны, предметом изучения становится отражаемая реальность, а сами механизмы производства образа выпадают из поля зрения. Отказ от этой презумпции переводит задачу из плоскости сопоставления образа с оригиналом в плоскость реконструкции самих механизмов его складывания.

Методологическое основание

Общей методологической рамкой служит умеренный, или объективный, социальный конструктивизм, согласно которому образ страны социально сконструирован и потому исторически изменчив, и вместе с тем объективен, то есть обладает принудительной социальной фактичностью и доступен измерению. Эти два свойства образуют две стороны единого социального процесса его производства и усвоения. Такая позиция опирается на теорию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [3] и на аналитическую онтологию институциональных фактов Дж. Серла [15], в которой сконструированность объекта не отменяет его объективности.

Разбор механизмов ведется методами концептуального анализа, сравнения и синтеза. Феноменологическая социология А. Шюца [14] привлекается для описания типизирующей природы обыденного знания. Социология знания К. Манхейма и М. Шелера [8; 13] обосновывает социально-историческую обусловленность содержания и отбора образа. Теория Бергера и Лукмана [3] доставляет описание цикла объективации и интернализации. Теория социальных представлений С. Московичи [9; 10] задает формат бытования образа в массовом сознании. Социология коллективной памяти М. Хальбвакса [11; 12] и теория культурной памяти Я. Ассмана [2] раскрывают его временное измерение. Концепция банального национализма М. Биллига [4] описывает повседневное воспроизводство принадлежности к стране. Социология символической власти П. Бурдье [5; 6] проясняет производство легитимных категорий восприятия государства.

Типизация и социально распределенный запас знания

Первый механизм складывания образа России обнаруживается в устройстве обыденного восприятия. Всякое восприятие опирается на предшествующий опыт, собственный либо унаследованный от предшественников, родителей и учителей, и опыт этот функционирует как готовая схема истолкования [14]. Ни один объект не воспринимается изолированно: он помещен с самого начала в горизонт уже знакомого и схватывается через тип. Гражданин воспринимает Россию сквозь плотную сетку социально готовых типизаций, сквозь представления о своей стране, о государстве, о власти, о народе, о достижениях, усвоенные задолго до любого конкретного впечатления.

Запас наличного знания, из которого черпаются эти типизации, изначально интерсубъективен и социализирован. Личным опытом знание индивида обусловлено лишь в малой степени, подавляющим же объ-

емом своего знания о стране человек обязан обществу, которое передает это знание в обучении и воспитании, в виде сведений, убеждений и готовых рецептов истолкования [14]. По отношению к собственной стране рядовой гражданин располагает по преимуществу знанием-знакомством и знанием-верованием об этой стране, а экспертным знанием, добытым личной проверкой, обладает лишь на узком ее участке. Образ России держится поэтому на социально переданном, принимаемом без вопросов запасе знания, и в этом состоит первое основание трактовать его как конструкт. Страна как сообщество дана члену нации в области предельной анонимности, как необозримое множество современников, которых он никогда не встретит и постигает исключительно через высокоанонимные типизации вроде мы, россияне. Именно на этой анонимности держится понимание нации как воображаемого сообщества, члены которого никогда не узнают большинства своих соотечественников, но удерживают в сознании образ их общности [1].

Само содержание образа, а в особенности отбор и акцентирование его черт, есть функция положения познающего в социально-исторической структуре [8]. Системы релевантности, отбирающие из общего запаса те или иные типизации, социально и культурно детерминированы. Россия поддается тематизации как государство, как родина, как цивилизация, как место проживания, и то, какие из этих типизаций и предикатов актуализируются в конкретный момент, определяется действующими релевантностями. Образ страны предстает избирательной актуализацией определенных типизаций из общего запаса знания, а сама избирательность оказывается социально управляемой.

Объективация: превращение образа в социальный факт

Типизирующая работа сознания объясняет, как образ возникает, и оставляет открытым вопрос о том, каким путем образ обособляется от породивших его сознаний и начинает противостоять индивиду как принудительная данность. Ответ доставляет теория социального конструирования реальности. Общество разворачивается в непрерывном диалектическом процессе, соединяющем три момента: экстернализацию, объективацию и интернализацию [3]. Экстернализация есть обращенность человеческой деятельности вовне, опредмечивание активности в действии, продуктах и знаках. Объективация есть отвердевание произведенного до статуса самостоятельной, противостоящей своему творцу фактичности. Интернализация есть обратное усвоение объективированной реальности сознанием в ходе социализации.

Образ России есть человеческий продукт, поскольку сконструирован коллективной деятельностью говорения и изображения, припоминания и празднования. Он же есть объективная реальность, поскольку противостоит отдельному индивиду как заранее данный и обязывающий строй представлений. Классическое обоснование такой объективности дал Э. Дюркгейм, определивший коллективные представления как продукт обширной кооперации множества сознаний и поколений, обладающий объективным значением и принудительной силой [7]. Складываясь из бесчисленных повторяемых актов, образ страны постепенно типизируется, отливается в устойчивые формы и начинает циркулировать как то, что все знают о стране.

Решающее приращение объективности образ получает в момент передачи новому поколению. Пока порядок поддерживается теми, кто его создал, он сохраняет известную прозрачность и податливость. Положение меняется, как только этот порядок застают те, кто в его создании не участвовал: для них он противостоит как непрозрачная, заранее данная реальность, подобная самой природе вещей [3]. Наибольшей объективностью образ России обладает поэтому для того, кто застает его готовым и не узнает в нем ничьего рукотворного участия. Для рядового носителя образ собственной страны выступает как страна, какова она есть сама по себе, и переживаемая объективность тем полнее, чем дальше носитель отстоит от процессов, в которых образ вырабатывается.

Седиментация, овеществление и легитимация

Устойчивость образа во времени обеспечивается седиментацией. Удержанный сознанием опыт оседает как узнаваемое и памятное, а будучи закреплен в знаках и прежде всего в языке, превращается в общедоступную, обезличенную традицию, передаваемую новым поколениям [3]. Образ России седиментируется в самом языке, в именах, эпитетах и устойчивых формулах, которыми обозначается страна, и транслируется через роли гражданина и соотечественника, что обеспечивает его передачу поверх отдельных биографий.

Предельной формой объективации выступает овеществление. Оно состоит в восприятии человеческих продуктов в качестве природных фактов или проявлений внеположной человеку необходимости [3]. Образ России в повседневном бытовании, как правило, овеществлен: воспринимающий имеет дело с ним как с естественным положением дел, как с самой страной, какой она есть на самом деле. Натурализованность образа выступает нормальным модусом существования социально объективированного знания и вместе с тем главным препятствием для его рефлексивного пересмотра.

Объективированный порядок нуждается в оправдании, то есть в легитимации, высшую форму которой образуют символические универсумы, всеохватывающие смысловые порядки, помещающие отдельную биографию и весь институциональный строй в исторически осмысленную рамку [3]. Образ России теснейшим образом сцеплен с этим уровнем. Национальная история, представления об общем происхождении и общей судьбе, о месте страны среди других народов суть элементы символического универсума, который наделяет образ страны само собой разумеющейся значимостью и удерживает его перед лицом возможного сомнения. Здесь же намечается двойственность образа: он опирается, с одной стороны, на институциональный порядок с его принудительной фактичностью, а с другой, на символический универсум общности, придающий принадлежности к стране смысл и ценность.

Коллективная память как механизм временной передачи

Символический универсум общности обладает временным измерением, и удержание его во времени требует особого механизма. Память не является чисто индивидуальной способностью, замкнутой в отдельном сознании, а представляет собой коллективную функцию: индивид припоминает прошлое, опираясь на социальные рамки памяти, на готовые опорные точки, понятия и язык, установленные обществом [12]. Само припоминание оказывается реконструкцией прошлого из настоящего и сообразно наличным коллективным понятиям.

Особенно показательна для образа страны память о событиях национального масштаба. Свидетелем подавляющего большинства таких событий рядовой член нации не был и знает о них со слов других, так что его национальная память есть память заимствованная, держащаяся на свидетельстве и предании сообщества [11]. Это описание смыкается с шюцевским миром современников: общее прошлое дано индивиду через анонимные, социально переданные типизации. Я. Ассман уточняет механизм, различая коммуникативную память, живущую в непосредственном общении поколений, и культурную память, закрепленную в текстах, обрядах и памятных датах и передаваемую через институты [2]. Образ России в той части, которая обращена к прошлому, принадлежит культурной памяти и достраивается из социально хранимого запаса представлений. Старинные коллективные представления являются сознанию со всей властной силой, полученной от прежних обществ, и тем сильнее, чем они старше и чем шире были разделявшие их группы [11], и в этом коллективная память связывает временную передачу образа с его объективностью.

Социальные представления: формат бытования образа

В какой именно форме объективированное знание циркулирует в обыденном сознании, проясняет концепция социальных представлений С. Московичи. Совокупность людей, разделяющих общие образы, подчиняется собственным закономерностям и не сводится к сумме отдельных сознаний [10]. Содержательное ядро концепции образует учение о том, как незнакомое становится знакомым, посредством двух сопряженных операций. Якорение подводит новый объект под уже наличные категории и образцы, привязывает его к знакомым именам, классам и оценкам. Объективация превращает абстрактное понятие в почти осязаемый образ, наделяет его наглядной фигурой [9].

Образ государства и образ нации-сообщества суть социальные представления в строгом смысле слова. Они якорятся в наличных категориях восприятия и объективируются в наглядных фигурах, в персонификациях власти, в эмблемах и символах общности. Социальные представления не образуют самостоятельного, третьего измерения образа страны, а описывают тот формат, коллективное представление, в котором образ усваивается, хранится и передается рядовым членом сообщества. Этим концепция Московичи укрепляет модель изнутри, обеспечивая переход от объективного социального факта к его присутствию в сознании отдельного гражданина.

Банальный национализм: повседневное воспроизводство

Разделяемое представление о нации удерживается в сознании не редким торжественным переживанием, а множеством банальных, по большей части незамечаемых повседневных практик, подобно тому как язык

живет, покуда им повседневно пользуются [4]. Конкретный механизм такого поддержания М. Биллиг усматривает в дейксисе родины, в незаметной работе мельчайших слов, местоимений мы и наш, указательных это и здесь, которыми политический и медийный дискурс изо дня в день помещает говорящего и слушающего внутрь национального мы и молчаливо противопоставляет его внешнему они.

Нация флагируется прозаичными оборотами, благодаря которым принадлежность к стране начинает казаться само собой разумеющейся [4]. Образ России оказывается повседневно, дорефлексивно воспроизводимым и удерживается в сознании рядового носителя как обыденная, непрерывно подтверждаемая данность. Устойчивость образа опирается на сплошную ткань рутинного подтверждения, тогда как его подвижность обеспечивается тем, что предметы, о которых в этой ткани начинают говорить иначе, способны изменить его очертания. Образ страны держится не одним лишь первоначальным усвоением, а непрестанным повседневным разговором, в котором страна изо дня в день называется, обсуждается и припоминается, по большей части вскользь и подразумеваемо.

Символическая власть: производство образа государства сверху

Отношение к государству по своей природе вертикально, оно есть отношение к инстанции, наделенной властью и притязающей на легитимность, и его складывание опирается на особый механизм. Под символической властью П. Бурдье понимает власть учреждать данность через высказывание, внушать законное видение социального мира, навязывать категории восприятия и оценки [6]. Носитель такой власти добивается признания: его определения принимаются как самоочевидные, а навязанное им видение начинает казаться естественным порядком вещей.

Привилегированным держателем легитимной символической власти выступает государство. Официальная номинация, ранг, титул обладают ценностью на любом рынке именно потому, что за ними стоит государство как инстанция, монополизировавшая производство официальной классификации [6]. Образ государства складывается поэтому не только стихийно снизу: он в значительной мере производится и навязывается сверху, через монополию на легитимное именование, классификацию и придание официальной формы. Монополию государства на навязывание единых категорий мышления Бурдье называет духом государства, подразумевая встроенность государственных схем восприятия в самих воспринимающих агентов [5]. Индикатором этого полюса образа служит институциональное доверие, тот отклик на стороне гражданина, в котором символическая работа государства по производству собственной законности удостоверяется либо отклоняется.

Интернализация и условие изменения образа

Собранные механизмы замыкаются в акте интернализации. Объективный социальный мир вновь становится субъективной реальностью отдельного человека в ходе социализации. Первичная социализация, протекающая в детстве, вводит индивида в общество впервые: усваивая мир значимых других, ребенок принимает его как единственно сущий и само собой разумеющийся [3]. Образ России в значительной мере закладывается уже на этой стадии и усваивается с той же не подлежащей обсуждению очевидностью, что и сама реальность, чем объясняется его глубокая укорененность и сопротивляемость позднейшему переосмыслению. Усвоенный образ врастает в идентичность, которая формируется социальными процессами и подлежит рассмотрению как элемент объективной социальной реальности [3]. Отношение человека к собственной стране выступает поэтому измерением его самопонимания, гражданской идентичностью, и в этом качестве поддается изучению.

Совместная работа перечисленных механизмов производит образ, поддающийся изменению при определенном условии. Феноменологическая социология описывает его через смену позиции наблюдателя: самоочевидный, привычный образ собственной страны де-автоматизируется, когда страна выставляется в качестве развернутого, обозримого предмета, и переводится из непроблематизируемого фона в область тематического внимания [14]. Всякое публичное представление образа страны, будь то памятные даты, образовательные программы, медийные кампании или специально устроенные экспозиции, способно активировать и переоформить уже банально присутствующее в сознании представление. Публично развернутая репрезентация страны действует поэтому как активация и переконфигурация седиментированного запаса представлений, уже присутствующего в сознании.

Апелляция к оппонентам

Изложенное понимание противостоит трем позициям, распространенным в исследованиях образа. Первая из них есть отражательная, репрезентативистская презумпция, согласно которой образ страны воспроизводит объективные свойства страны, а всякое расхождение между ними считается искажением или заблуждением. Эта презумпция обессмысливает социологический анализ, поскольку помещает предмет изучения на сторону отражаемой реальности и оставляет механизмы производства образа непроясненными. Реконструированная здесь работа типизации, объективации и седиментации показывает, что расхождение образа и наличного положения дел есть нормальное следствие устройства социального знания и не должно приниматься за дефект восприятия.

Вторая позиция есть радикальный конструктивизм, вынесший вопрос об объективной реальности за скобки и объявивший его лишенным смысла. Радикальный конструктивизм последователен, однако лишается средств объяснить принудительную, надындивидуальную фактичность образа России, ту его плотность и обязательность, с какой он встречает каждого нового члена общества. Принятая здесь позиция удерживает объективность образа через понятия объективации и институционального факта [3; 15] и потому описывает то, чего радикальная версия описать не в состоянии.

Третья позиция состоит в отождествлении образа с проектируемым сверху имиджем, при котором целенаправленно изготовленное сообщение будто бы прямо оседает в сознании в виде образа. Разбор механизмов усвоения показывает, что между отправленной проекцией и осевшим в сознании смыслом залегает избирательная работа сознания: воспринимающий пропускает всякую проекцию сквозь собственные системы релевантности и сополагает ее с массой иных, не подконтрольных отправителю впечатлений. Публичные репрезентации страны способны повлиять на образ, оставаясь по отношению к нему внешним и лишь отчасти усваиваемым условием.

Выводы

Образ России складывается совместной работой ряда социально-психологических механизмов. Типизация помещает страну в горизонт социально распределенного запаса знания. Объективация отрывает произведенный образ от породивших его сознаний и наделяет его принудительной фактичностью. Седиментация в языке и традиции обеспечивает его передачу поверх биографий, а овеществление придает ему вид естественного положения дел. Легитимация символическим универсумом и удержание коллективной памятью сообщают образу смысл и временную глубину. Социальные представления задают формат его бытования в обыденном сознании, банальный национализм обеспечивает его повседневное воспроизводство, а символическая власть государства участвует в производстве его вертикального полюса. Интернализация замыкает цикл, вводя образ в идентичность носителя.

Из совместной работы этих механизмов вытекает строение образа России. Он производится в двух планах социальной жизни: в институциональном порядке с поддерживающим его коллективным признанием, отсылающем к фигуре государства и к доверию институтам, и в символическом универсуме общности, врастающем в коллективную идентичность и отсылающем к фигуре нации и к чувству принадлежности. Оба плана усваиваются в едином процессе социализации и врастают в единую идентичность, отчего отношение носителя к государству и его причастность к сообществу выступают двумя сторонами одного образа. Образ России предстает в итоге сконструированным и вместе с тем объективным, исторически изменчивым и поддающимся направленному воздействию, и одновременно устойчивым, принудительным и доступным наблюдению как реальный социальный факт.

Научная новизна проведенного анализа состоит в том, что механизмы, разрабатываемые обыкновенно порознь и в разных исследовательских традициях, феноменологической, конструктивистской, психологии социальных представлений, социологии памяти и социологии символической власти, сведены в единое описание конструирования образа конкретной страны. Показано, что их совместная работа с необходимостью производит двухполюсное строение образа, в котором вертикальное отношение к государству и горизонтальная причастность к сообществу оказываются гранями единого сконструированного объекта. Тем самым устранено привычное противопоставление сконструированности и объективности образа, а изучение образа России переведено в русло социологии знания.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

4. Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2007. № 1 (58). С. 34–71.

5. Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: альманах / под ред. Н.А. Шматко. М.; СПб.: Алетейя, 1999.

6. Бурдье П. Социология политики / сост., общ. ред. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

7. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон+, 1998. С. 174–231.

8. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994.

9. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.

10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. Т.П. Емельяновой. М.: Академический проект, 2020. 396 с.

11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / пер. с фр. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).

12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

13. Шелер М. Проблемы социологии знания / пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.: Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.

14. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с англ. и нем.; сост. Н.М. Смирнова. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

15. Searle J.R. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2010. 224 p.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF THE CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF RUSSIA

Shmygin V.A.
Lomonosov Moscow State University

Subject of the research. The subject of the research is the socio-psychological mechanisms through which the image of Russia is produced, objectivated and assimilated in the mass consciousness of citizens. The image of the country is treated as a result of the constructing work of consciousness that proceeds in socially given forms. Method and methodology of the research. The study relies on conceptual analysis, comparison and synthesis within the framework of moderate, or objective, social constructivism. It draws on the phenomenological sociology of the stock of knowledge, the theory of the social construction of reality, the theory of social representations, the sociology of collective memory, the concept of banal nationalism and the sociology of symbolic power. Novelty of the research, conclusions. Mechanisms usually elaborated separately and within different traditions are brought together into a single account of the construction of the image of Russia. It is shown that their joint work produces an image with a two-pole structure, in which the attitude towards the state and the sense of belonging to the community of fellow citizens are assimilated in a single act of socialization. The paper substantiates the rejection of the reflectionist interpretation of the image in favour of understanding it as a constructed and at the same time objective social fact, endowed with a constraining facticity and open to observation.

Keywords: image of a country, image of Russia, social construction, objectivation, internalization, social representations, collective memory, banal nationalism, symbolic power, institutional trust.

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 416 p. (In Russ.)

2. Assmann J. Kulturnaya pamyat: Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance and Political Identity in Early Civilizations]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2004. (In Russ.)

3. Berger P., Luckmann T. Sotsialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russ.)

4. Billig M. Povsednevnoe napominanie o Rodine [Banal Nationalism]. Logos, 2007, № 1 (58), pp. 34–71. (In Russ.)

5. Bourdieu P. Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya [The Spirit of the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field]. In: Poetika i politika: almanakh [Poetics and Politics: An Almanac]. Moscow, St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1999. (In Russ.)

6. Bourdieu P. Sotsiologiya politiki [Sociology of Politics]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. 336 p. (In Russ.)

7. Durkheim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii [The Elementary Forms of Religious Life. The Totemic System in Australia]. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 174–231. (In Russ.)

8. Mannheim K. Ideologiya i utopiya [Ideology and Utopia]. In: Mannheim K. Diagnoz nashego vremeni [Diagnosis of Our Time]. Moscow, Yurist Publ., 1994. (In Russ.)

9. Moscovici S. Sotsialnoe predstavlenie: istoricheskii vzglyad [Social Representation: A Historical View]. Psikhologicheskii zhurnal, 1995, vol. 16, № 1, pp. 3–18; № 2, pp. 3–14. (In Russ.)

10. Moscovici S. Vek tolp. Istoricheskii traktat po psikhologii mass [The Age of the Crowd. A Historical Treatise on Mass Psychology]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2020. 396 p. (In Russ.)

11. Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat [Collective and Historical Memory]. Neprikosnovennyi zapas, 2005, № 2–3 (40–41). (In Russ.)

12. Halbwachs M. Sotsialnye ramki pamyati [The Social Frameworks of Memory]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2007. 348 p. (In Russ.)

13. Scheler M. Problemy sotsiologii znaniya [Problems of a Sociology of Knowledge]. Moscow, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)

14. Schutz A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiisya smyslom [Selected Works: The World Glowing with Meaning]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 1056 p. (In Russ.)

15. Searle J.R. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford, Oxford University Press, 2010. 224 p.

Эволюция социальных теорий визуального пространства

Щербин Глеб Алексеевич,
аспирант, кафедра философии и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный технический университет»
E-mail: gleb.stein@mail.ru

Виноградова Надежда Леонидовна,
доктор философских наук, профессор, », кафедра философии и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный технический университет
E-mail: philos@vstu.ru

В статье приведены варианты дефиниции визуального пространства с опорой на историко-теоретический анализ теорий визуального пространства и примеры организации визуального пространства в современном социуме. Рассмотрена взаимосвязь социального и визуального пространств, их взаимодействие. Прослежена история представлений о визуальном пространстве начиная с интенсивной теоретической рефлексии 1980-х. Систематизированы три ключевых подхода зарубежной традиции – интеракционистский (Г. Беккер, И. Гофман), семиотический (Р. Барт, У. Эко) и постструктуралистский (П. Бурдье, Ж. Бодрийяр, С. Холл). Обозначен вклад отечественных исследователей: М.М. Бахтина, А.Ф. Филиппова, Н.В. Шалютиной. Визуальное пространство трактуется как порождающее начало социального пространства, обладающее знаково-символьной и диалогической природой. Показано, как эволюция теоретических подходов отражает общую логику визуального поворота в гуманитарном знании и формирует методологический фундамент современной визуальной социологии.

Ключевые слова: визуальное пространство, социальное пространство, визуальная социология, знаково-символьная система, визуальные практики.

Введение

Сегодняшний социум часто называют, вслед за Ги Дебором, «обществом спектакля» [1] или цивилизацией образа, и это не может быть не связано с повсеместным распространением визуальных технологий: от фотографии до социальных сетей и систем видеонаблюдения. Все это видоизменяет социальные практики, коммуникации и институты, провоцирует визуальные пространства на трансформации и постоянные преобразования в поисках наилучшего варианта организации социума и взаимодействия с ним. Если ранее визуальные образы, с одной стороны, были неотъемлемой частью социальной материи и воспринимались, как атрибут социального хронотопа не обладающий особыми собственными свойствами. С другой стороны, использовались как простая иллюстрация социальных процессов. Не утрачивая двух предыдущих значений, визуальное пространство превращаются в самостоятельную силу, которая конструирует нашу реальность. В современном обществе визуальные практики и конструируемые ими социальные пространства начинают играть роль самостоятельного актора, детерминирующего социальное бытие, но история перехода визуальных пространств из строго подчиненного атрибутивного состояния к самостоятельности изучена далеко не полно и зачастую уже существующие теории не учитывают стремительно меняющихся реалий современности. Также нет полной антологии социальных теорий раскрывающих суть данного явления. Данные положения и предопределили актуальность настоящего исследования.

Цель данной статьи заключается в выявлении и характеристике основных этапов эволюции социальных теорий визуального пространства.

Среди методов исследования: историко-теоретический анализ, сравнительный и междисциплинарный подход, который сочетает социологический, культурологический и философский ракурсы. Источниковую базу составили классические и современные работы по визуальной социологии (Г. Беккер, И. Гофман, Н.В. Шалютина, О. Запорожец), философии и социологии пространства (Г. Зиммель, П. Бурдье, А.Ф. Филиппов), семиотике (Р. Барт, У. Эко, М.М. Бахтин), а также постструктуралистской теории визуального (Ж. Бодрийяр, С. Холл).

Результаты исследования

Понятие визуального пространства крайне многогранно и может зависеть и от субъекта применения (при индивидуальном, групповом или массовом), от сферы употреблении (в психологии, математике, архитектуре или дизайне и т.д.), от особенностей восприятия (объективное, субъективное), от объекта визуализации (реальный, виртуальный, абстрактный и т.п.) можно выделять и другие аспекты. Для нас важно подчеркнуть, что мы будем рассматривать не объективно заданное физическое пространство, а совокупность субъективного восприятия и физического пространство которые и порождают феномен визуального пространства. Иначе говоря, визуальное пространство формируется в результате взаимодействия сознания субъекта с пространством физическим.

В качестве яркого примера организованного визуального пространства можно взять музей. Н.В. Шалютина, когда анализирует музей как социокультурный феномен, подчеркивает: музейная среда – это ведь не только экспонаты. Сюда входит и то, как они демонстрируются, и визуальные средства, и сопроводительные тексты, и сама организация залов, и способы, которыми направляют поведение посетителей [6, с. 122]. Другими словами, музей не просто хранит и показывает произведения. Он выстраивает определенную оптику и задает посетителю сам способ видения. Под влиянием медиатехнологий эта оптика сегодня трансформируется: видеомэппинг, инсталляции, интерактивные экраны превращают зрителя из пассивного наблюдателя в участника диалога с образами.

Медиа и реклама образуют еще одну влиятельную сферу производства и циркуляции визуальных образов. Согласно П. Бурдье, реклама не столько сообщает о товаре, сколько транслирует стандарты восприятия – задает представления о «нормальном» теле, «успешной» жизни, «красивом» городе [15]. Шалютина, развивая эту мысль, подчеркивает, что семиотический анализ рекламных сообщений позволяет вскрыть заложенные в них идеологические коды [6, с. 122].

Цифровая среда формирует принципиально новые визуальные пространства, где социальные сети становятся ареной визуальной са-

мопрезентации. Здесь вырабатываются собственные конвенции: фильтры, ритм публикаций, форматы визуального контента, механика лайков и репостов. Складываются и новые социальные роли – блогер, инфлюенсер, SMM-менеджер. Визуальный образ в цифровой среде перестает быть просто изображением – он превращается в средство социального обмена и инструмент аккумуляции символического капитала. Виртуальная среда, в свою очередь, все заметнее конкурирует с реальной, порождая то, что Ж. Бодрийяр называл гиперреальностью, – состояние, при котором образ оказывается более «реальным», чем сама реальность [16].

Опираясь на приведенные примеры можно сделать предположение, что визуальное пространство может быть проинтерпретировано как пространство социальное, при условии его контекстуальной интерпретации.

Обращаясь к нашим работам [2,4], подчеркнем, что социальное пространство, в отличие от физического, не является пассивным вместилищем социальных процессов, а конструируется самими субъектами в процессе их взаимодействия. Как мы отмечали [2,4], изначально теории социального пространства разрабатывались в рамках западной социальной мысли, но западные исследователи «первыми и зашли в тупик, так как не смогли выйти за пределы трактовки социального пространства как пространственной формы организации жизнедеятельности индивидов» [2, с. 6]. У Г. Зиммеля пространство трактовалось как «бездейственная в себе форма» [2, с. 6], в вариациях которой находят свое выражение реальные социальные энергии. Т. Парсонс, провозгласивший формулу «действие не-пространственно, но временно» [2, с. 6], на долгие годы закрепил в социологии приоритет времени как формы существования социального бытия, оставив пространство на периферии социологического внимания.

В рамках советской философии социальное пространство интерпретировалось по преимуществу как физическая данность, упорядоченная деятельностью людей. Г.Е. Зборовский [3] характеризовал его как систему общественных отношений, приведённую в определённый порядок. Однако, по нашему мнению [2,4], данная категория продолжительное время оставалась на периферии теоретической рефлексии и «еще не получила широкого освещения и признания как самостоятельная и нередуцируемая к “пространству вообще”» [2, с. 6].

Ограниченность прежних трактовок снимается пониманием социального пространства как знаково-символической системы. При данном подходе социальное пространство представляет собой «прежде всего знаково-символьную систему, обнаруживающую себя при отражении знака-символа в сознании субъекта и создающую определенные смысловые контексты, что позволяет социальным субъектам взаимодействовать» [2, с. 7]. Кроме того, пространство «продуцируется внутренними мирами взаимодействующих, являясь в то же время репрезентом социальной реальности, внешней по отношению к субъектам» [4, с. 9]. Решающую роль здесь играют смыслы, значения и символы, циркулирующие между людьми. Пространство при таком подходе не столько пассивно отражает социальные отношения, сколько активно их формирует, задавая саму структуру социального бытия.

Эту логику продолжает А.Ф. Филиппов, по мнению которого значимо не физическое пространство, а «значение, какое придают пространству вообще и пространству взаимодействия в частности участники взаимодействия» [5]. Различая «обозримое» и «большое» пространство, он дополнительно обосновывает несводимость социального пространства к физическому и его зависимость от субъективных интерпретаций.

Таким образом, социальное пространство является порождением сознания субъекта и физического пространства, при этом физическое пространство может быть задано в абстрактной знаково-символьной форме и не иметь объективизированной формы. Социальное пространство это знаково-символическая система творимая в диалоге.

Визуальное пространство всегда имеет опору на реальное физическое пространство, оно порождается физическим пространством и интерпретацией субъекта. В этом смысле визуальное пространство является более укорененным, приземленным, имеющим более тесную связь с пространством физических объектов, где ведущую роль играют визуальные образы. Н.В. Шалютина связывает «повышенный интерес к сфере визуальных репрезентаций» с «визуальным (иконическим) поворотом», порожденным гегемонией визуальной культуры и новых медиа [6, с. 120].

Опираясь на коммуникативную модель Г. Лассуэла, Шалютина вычленяет три измерения визуального сообщения: производство, содержание и восприятие. Каждое измерение обладает технической, композиционной и социальной модальностью; социальная модальность ключевая, ибо связывает образ с институциональной средой [6, с. 121].

Семиотический ракурс, нацеленный на раскодирование визуальной символики, также важен: он обусловлен тем, что и автор, и персонажи изображения погружены в конкретный социокультурный контекст с его канонами и идеологией [6, с. 122], что перекликается с трактовкой социального пространства как пространства знаково-символического [2].

Таким образом, визуальное пространство может быть определено как область пространства жизни социума или человека, где смыслы и нормы конструируются прежде всего визуальными средствами при их непременной интерпретации субъектами. Визуальное пространство является основополагающим фактором порождения пространства социального. Визуальное пространство рассматривается как целостная система элементами которой являются визуальные объекты (фотографии, живописные произведения, архитектурные объекты, природные ландшафты и т.п.) и сознательная деятельность человека по интерпретации, восприятию и рефлексии на эти объекты.

Визуальное пространство активно влияет на нашу жизнь, оно формирует социальную реальность, воздействует на все социальные процессы, восприятие и понимание информации, определяет паттерны поведения общества. Это обусловило научный интерес к данному феномену и возникновение социальных теорий в различных ракурсах раскрывающих сущность и специфику данного феномена.

Одна из первых волн интереса к визуальной проблематике поднимается в 1960–1970-х годах. Этот «визуальный поворот» был вызван совокупностью причин. Прежде всего, в культуре позднего модерна и постмодерна изображение вытесняет «слово» с лидирующих позиций, совершается «переход от текста к символу» [8]. Кроме того, широкое распространение доступной фото– и видеотехники превращает съемку в повседневную привычку. Наконец, в науку приходит поколение, сформировавшееся в «обществе наблюдателей» и потому органично переносящее визуальные методы в академический контекст [9, с. 7].

Активная теоретическая рефлексия начинается в 1980-х, ее начало соотносят с публикацией в 1986 году сборника «Видение и визуальность» под редакцией Х. Фостера – именно в этот период институционализируются такие направления, как визуальная социология и визуальная антропология, начинает выходить профильный журнал «Visual Sociology» [10].

В те же годы складываются три центральные исследовательские направления изучения визуальных пространств: интеракционистское, семиотическое и постструктуралистское.

Интеракционистская линия, представленная Г. Беккером и И. Гофманом из Чикагской школы, исходит из того, что отдельный снимок пространства социальной реальности малоинформативен – это лишь серия кадров обнажает устойчивые поведенческие структуры [11]. Гофман, изучая рекламу, выявил двойственную природу визуального: образы не просто фиксируют, но и активно формируют гендерные стереотипы, колеблясь между идеалом и действительностью [12]. Таким образом, в интеракционизме под визуальным пространством ученые понимают такую среду, в которой вырабатываются определенные паттерны поведения и конструируется личностная идентичность.

Визуальное пространство сквозь призму семиотики изучали такие мыслители, как Р. Барт и У. Эко. Первый в работе «Camera lucida» выделяет два регистра восприятия фотографии: во-первых, это культурно обусловленная интерпретация, которую он обозначает, как Studium. Во-вторых, сугубо личностный, эмоциональный отклик, названный ученым Punctum. Исследователь считает, что особая сила фотоснимка заключена в его способности соединять разорванные пласты времени – настоящее и прошлое [13]. У. Эко же обосновывал самостоятельность визуального языка. Он считает, что восприятие зрителем реальность изображаемого обеспечивается «точностью» последнего, а наличием у зрителя культурно выработанного кода узнавания [14]. Эта исследовательское направление определяет визуальное пространство как знаково-символическую систему, которую субъекту предстоит расшифровать.

Постструктуралисты сместили фокус на дискурсивную природу визуальности и социальные условия, в которых образы создаются и воспринимаются. П. Бурдье увидел в фотографии способ обозначить групповую принадлежность. Он полагает, что то, как часто и что именно люди снимают, распределено в обществе неравномерно и маркирует символические границы между группами. Снимок для него – это не столько подтверждение того, что человек где-то был, сколько маркер его идентичности [15]. Ж. Бодрийяр считал визуальный образ симулякром – знаком, оторвавшимся от реальности и творящим собственную гиперреальность [16]. С. Холл настаивал на том, что визуальные репрезентации не отражают, а конструируют действительность: без знаковых систем мы вообще не можем воспринять реальность

[17]. Можно сказать, что для постструктуралистов визуальное пространство, это конструируемый обществом и конкретным субъектом символьно-знаковый симулякр.

Таким образом, западная мысль выработала три способа воспринимать визуальное пространство, которые дополняют друг друга. На визуальное пространство можно смотреть как: на поле, где формируются поведенческие паттерны и идентичность (интеракционизм); на знаково-символическую систему, которую надо расшифровывать (семиотика); и как на дискурсивную среду, где рождаются симулякры и гиперреальность (постструктурализм).

В отечественной науке интерес к визуальному оформляется позже, чем на Западе, – в основном с 1990-х годов. Однако можно выделить несколько ключевых фигур, чьи идеи работают на понимание визуального пространства.

М.М. Бахтин, хотя и не писал прямо о визуальной социологии, заложил важные основания. Его понятия «диалога», «хронотопа» (единства времени и пространства), «далеких и близких контекстов» позволяют анализировать визуальные образы как элементы диалогического взаимодействия между автором, зрителем и культурной традицией. Бахтин рассматривал фотографию как «сырой материал», который обретает смысл только в рамках более широкого культурного целого [18]. Диалогическая природа визуального, подчеркнутая Бахтиным, принципиально важна для понимания того, как визуальное пространство связывает производство образа и его восприятие в единый коммуникативный акт.

Социологическую линию развивает А.Ф. Филиппов, который, как уже отмечалось, различает обозримое и большое пространство. Это различение значимо для понимания визуальных пространств современности, где экран и медиа создают гибридные формы – нечто среднее между обозримым и большим пространством [5].

Н.В. Шалютина вносит существенный вклад в систематизацию визуальной методологии. Она выделяет ряд методов для анализа содержания визуальных сообщений. Среди них: композиционный анализ (для работы с изобразительным искусством), семиологический анализ (для рекламы), психоаналитическая интерпретация (для кино), институциональный анализ (для музеев и галерей). Отдельно она называет дискурсивную и структурную интерпретацию (для фотографий), контент-анализ (для работы с большими массивами визуальных данных) и фотовыявление (чтобы изучить восприятие аудиторией) [6, с. 121–124].

Т.Ю. Казарина работает в рамках культурологического подхода. Она определяет визуализацию как ведущий процесс современной культуры. Визуальное пространство, по ее мнению, складывается из двух компонентов: визуальной среды – как внешней, так и внутренней – и визуализирующей деятельности самого человека. Среди ключевых социокультурных факторов, которые обуславливают визуализацию, она называет урбанизацию, информатизацию, массовизацию культуры и общую интенсификацию жизни [19, с. 45–47].

Таким образом, можно сказать, что отечественная традиция дополняет западные подходы. Она делает акцент на диалогической природе визуального пространства, на его связи с повседневными практиками и на разработке конкретного методологического инструментария для анализа визуальных сообщений.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об основных этапах становления социальных теорий рассматривающих феномен визуального пространства.

Рассмотрение социально-философских теорий и практических примеров позволил проинтерпретировать визуальное пространство как элемент социальной системы порождающий социальное пространство. Однако, в отличие от физического пространства, оно устроено иначе: это знаково-символическая и диалогическая реальность, обретающая бытие только во взаимодействии с сознанием субъектов. Визуальные образы, вступая во взаимодействие с сознанием субъекта выступают силой, которая формирует действительность.

Если говорить о зарубежной научной традиции, то в ней сложились три основных подхода, каждый из которых по-своему объясняет визуальное. Интеракционисты, среди которых надо назвать Г. Беккера и И. Гофмана, понимают визуальное пространство как поле, где вырабатываются поведенческие модели и строится идентичность. Семиотики – Р. Барт и У. Эко – видят в нем знаково-символическую систему, которую нужно расшифровывать. Постструктуралисты, такие как П. Бурдье, Ж. Бодрийяр и С. Холл, обращают внимание на дискурсивный характер визуальности, на ее способность порождать симулякры и гиперреальность.

Отечественные исследователи – М.М. Бахтин, А.Ф. Филиппов, Н.В. Шалютина и Т.Ю. Казарина – добавили к этим подходам свое видение. Они сделали акцент на диалогической природе визуального, на том, что оно укоренено в повседневных практиках, и на детальной проработке методов анализа.

В целом развитие социальных теорий рассматривающих феномен визуального пространства прослеживается от теоретической рефлексии 1980-х к последующему становлению визуальной социологии в качестве самостоятельного исследовательского направления. Дальнейшие перспективы изучения темы связаны с применением рассмотренных теоретических моделей к анализу конкретных особенностей визуальных пространств, его развитием и трансформациями в современной культуре и обществе под влиянием информационных технологий.

Литература

1. Дебор Г. Общество спектакля. М.: АСТ, 2022.
2. Виноградова Н.Л., Леонтьева Е.Ю. Социальное пространство в контексте новой онтологии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 2 (45). С. 6–9.
3. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974.
4. Виноградова Н.Л. Социальное пространство как пространство взаимодействия субъектов // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2005. Т. 2, № 6(15). С. 7–9.
5. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 288 с.
6. Шалютина Н.В. Визуальная методология: основные концептуальные подходы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 120–124.
7. Zaporozhec O. Визуальная социология: контуры подхода [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.jour.fnisc.ru/upload/journals/7/articles/4416/submission/original/4416–8208–1-SM.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
8. Lash S. Sociology of Postmodernism. London: Routledge, 1990.
9. Петровская Е. Непроявленное (Очерки по философии фотографии). М.: Ad Marginem, 2002. 207 с.
10. Снесарь В.И. Социально-философский анализ зрительно-образного восприятия мира в русской культуре: дис. … канд. филос. наук. СПб., 2012. – 156 с.
11. Becker H.S. Photography and Sociology // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1974. № 1. P. 3–26.
12. Goffman E. Gender Advertisements. Cambridge: Harvard University Press, 1979. 94 p.
13. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. 272 с.
14. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с ит. А.Г. Погоняйло и В.Г. Резник. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 432 с.
15. Bourdieu P. Photography: A Middle-brow Art. Oxford: Polity Press, 1998. 232 p.
16. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 260 с.
17. Hall S. Representation: cultural representation and signifying practice. London: Sage, 1997.
18. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Art, 1979. 423 p.
19. Казарина Т.Ю. Современная культура в визуальном пространстве // Вестник КемГУК И. 2015. № 30. С. 39–48.

THE EVOLUTION OF SOCIAL THEORIES OF VISUAL SPACE

Shcherbin G.A., Vinogradova N.L.
Volgograd State Technical University

The article presents variants of the definition of visual space based on the historical and theoretical analysis of the theories of visual space and examples of the organization of visual space in modern society. The interrelation of social and visual spaces, their interaction is considered. The history of visual space concepts has been traced since the intense theoretical reflection of the 1980s. Three key approaches of the foreign tradition are systematized: interactionist (G. Becker, I. Hoffman), semiotic (R. Barth, W. Eco) and post-structuralist (P. Bourdieu, J. Baudrillard, S. Hall). The contribution of Russian researchers is indicated: M.M. Bakhtin, A.F. Filippov, N.V. Shalyutina. Visual space is interpreted as the generative principle of social space, which has a symbolic, symbolic and dialogical nature. It is shown how the evolution of theoretical approaches reflects the general logic of the visual turn in humanitarian knowledge and forms the methodological foundation of modern visual sociology.

Keywords: visual space, social space, visual sociology, symbolic system, visual practices.

References

1. Debord G. The Society of the Spectacle. Moscow: AST, 2022. (In Russ.)

2. Vinogradova N.L., Leontyeva E. Yu. Social Space in the Context of New Ontology. Humanitarian and Socio-Economic Sciences, 2009, no. 2(45), pp. 6–9. (In Russ.)

3. Zborovsky G.E. Space and Time as Forms of Social Being. Sverdlovsk, 1974. (In Russ.)

4. Vinogradova N.L. Social Space as a Space of Interaction of Subjects. Izvestia of Volgograd State Technical University. Series: Problems of Social and Humanitarian Knowledge, 2005, vol. 2, no. 6(15), pp. 7–9. (In Russ.)

5. Filippov A.F. Sociology of Space. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008. 288 p. (In Russ.)

6. Shalyutina N.V. Visual Methodology: Basic Conceptual Approaches. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences, 2016, no. 3(43), pp. 120–124. (In Russ.)

7. Zaporozhec O. Visual Sociology: Contours of the Approach. Available at: https://www.jour.fnisc.ru/upload/journals/7/articles/4416/submission/original/4416–8208–1-SM.pdf (accessed 05.04.2026). (In Russ.)

8. Lash S. Sociology of Postmodernism. London: Routledge, 1990.

9. Petrovskaya E. The Undeveloped (Essays on the Philosophy of Photography). Moscow: Ad Marginem, 2002. 207 p. (In Russ.)

10. Snesar V.I. Socio-Philosophical Analysis of Visual Perception of the World in Russian Culture. Cand. philos. sci. diss. St. Petersburg, 2012. 156 p. (In Russ.)

11. Becker H.S. Photography and Sociology. Studies in the Anthropology of Visual Communication, 1974, no. 1, pp. 3–26.

12. Goffman E. Gender Advertisements. Cambridge: Harvard University Press, 1979. 94 p.

13. Barthes R. Camera Lucida. Commentary on Photography. Moscow: Ad Marginem, 1997. 272 p. (In Russ.)

14. Eco U. The Absent Structure. Introduction to Semiology. St. Petersburg: TK Petropolis, 1998. 432 p. (In Russ.)

15. Bourdieu P. Photography: A Middle-brow Art. Oxford: Polity Press, 1998. 232 p.

16. Baudrillard J. The Transparency of Evil. Moscow: Dobrosvet, 2000. 260 p. (In Russ.)

17. Hall S. Representation: Cultural Representation and Signifying Practice. London: Sage, 1997.

18. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Art, 1979. 423 p. (In Russ.)

19. Kazarina T. Yu. Modern Culture in Visual Space. Bulletin of KemGUKI, 2015, no. 30, pp. 39–48. (In Russ.)

Современное русское предпринимательство между коллективизмом Китая и индивидуализмом США

Бакеев Александр Вадимович,
аспирант кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли, РГСУ
E-mail: a.v.bakeev@gmail.com

В статье русский предпринимательский стиль сопоставлен с двумя моделями, которые задают сегодня мировую рамку хозяйственного поведения, – корпоративным коллективизмом Китая и индивидуализмом США. Автор показывает, что российский случай не описывается ни одним из полюсов, и вводит категорию суверенного патернализма: личная самостоятельность предпринимателя сращена здесь с попечением о целом – о работниках, соседях, самом деле. Категория опирается на православную антропологию, интуитивизм Н.О. Лосского, экзистенциальную традицию и концепцию свободы И.М. Меликова, у которого свобода поднимается от независимости через свободную волю к воле на абсолютное благо. Сопоставление культурных оснований трёх укладов проявляет и ресурсы русского стиля, и его внутренние пределы; узловые возражения разобраны поочерёдно – глазами диалектического материализма, русского интуитивизма, православной мысли и экзистенциализма.

Ключевые слова: предпринимательство, коллективизм, индивидуализм, суверенный патернализм, свобода, культурный диалог, русская философия, хозяйственное самосознание, православная антропология.

Введение

Русское предпринимательство привычно описывают либо как недозревший американский капитализм, либо как испорченную копию азиатской государственной машины. Ни одна из этих оптик, как я постараюсь показать, предмета не схватывает: у хозяйственного бытия народа есть собственные основания, и готовые схемы проходят мимо них. Хайдеггер настаивал, что человек всегда уже застигнут миром и этим миром выделан [14]; значит, и предприниматель есть конкретное событие, проросшее из своей культурной почвы, – абстрактным агентом экономической модели его не опишешь.

Ходовые типологии, от Хофстеде до GLOBE, натянуты на единственную ось «коллективизм – индивидуализм» [15; 16]. Китай занимает один полюс, США – другой; России достаётся мутная середина, которую западные авторы походя объявляют «переходной» или «незавершённой». Бинарная шкала удобна, спору нет, только за удобство заплачено дорого: всему, что не умещается между двумя полюсами, делений на ней попросту не хватает. Я исхожу из того, что у русского предпринимательского стиля есть своя внутренняя логика, к промежуточному положению между китайским и американским укладами не сводимая, и обоснованию этой логики статья посвящена. Для этого понадобится отстроить культурные основания каждой из трёх моделей, раскрыть – через категории православной антропологии и русской философии – русское хозяйственное самосознание и уже затем разобрать спорные места, к которым сходятся возражения критиков.

Методология

Четыре философские традиции работают в статье как четыре камертона: каждый настроен на свою ноту, и лишь вместе дают расслышать весь аккорд. Марксизм обязывает не терять из виду хозяйственный и исторический каркас эпохи: предпринимательский стиль вырастает из наличных производственных отношений, хотя и сам, окрепнув, начинает на них давить. У Лосского я заимствую метод непосредственного познания целого. Знание, по Лосскому, есть созерцание действительности, взятой в подлиннике, без посредства отпечатков, осевших в запертом сознании; само сознание – не склад копий, оно открыто предмету и впускает его целиком [5]. Приложенный к хозяйству, этот ход даёт застать самосознание предпринимателя прежде, чем оно себя рационализирует. Булгаков, Соловьёв и Ильин стерегут ценностный горизонт: к вопросу «как хозяйство устроено» они добавляют второй – «ради чего оно» [2; 4; 10]. У Сартра и Хайдеггера я беру подлинность, свободу, ответственность и со-бытие с другими [14; 19].

Понятийный стержень работы задаёт концепция свободы И.М. Меликова, развёрнутая в двух его книгах о бытии свободы, духовном и социальном [7; 8]. Свобода у Меликова вырастает по ступеням, и нижняя из них – независимость, простое самостояние; выше стоит свободная воля, способность полагать собственные цели; венчает же всё воля к абсолютному благу, в которой свобода впервые находит своё оправдание. Свобода при этом понимается как задание, которое человеку ещё предстоит осуществить, и оборванное на полпути восхождение оставляет после себя произвол, лишь притворяющийся свободой [7]. Мне эта триада послужит рабочей меркой; ниже будет видно, что каждый из трёх укладов осваивает своё число ступеней и на своём же пределе спотыкается.

Эмпирику поставляют межкультурные замеры Хофстеде [15] и проект GLOBE [16]; китайскую фактуру дают Г. Реддинг, В. Ни и С. Оппер [17; 18], российскую – В.В. Радаев [9]. Теоретическую раму держат классики, Й. Шумпетер и М. Вебер [13; 20], и социология культуры П. Бурдье [3]. Три уклада – китайский, американский, российский – я сравниваю по трём осям: как индивид соотнесён с коллективом, как познаётся хозяйственная реальность, чем ценностно оправдано дело. Разбирать их я буду в порядке, который продиктован самим предметом: пока не восстановлены основания всех трёх моделей, сопоставлять нечего, а пока нет сопоставления, спорные узлы повисают без опоры; оттого узлы идут последними, и каждый выслушан всеми четырьмя традициями поочерёдно. Предмет слишком густ, чтобы доверять его одной методологии, – многослойность здесь работает страховкой от редукционизма.

Результаты

Китайская модель: коллективизм как встроенность в иерархию

Китайское предпринимательство не прочитывается вне конфуцианской традиции, в которой хозяйствование понято как отправление общественного долга. Предприниматель здесь встроен в цепь взаимных обязательств, протянутую от семьи до государства, и лишь потом – самостоятельный субъект, порождающий новое [15; 18]. У Хофстеде это видно в цифрах (индекс индивидуализма низок, долгосрочная ориентация высока [15]), но сути дела, я полагаю, цифры не достигают. Западный наблюдатель видит в китайском коллективизме подавление отдельного человека группой; изнутри традиции всё выглядит наоборот – человек здесь и обретает себя лишь в меру включённости в целое. Показательны «гуаньси», паутина встречных обязательств и связей: со стороны это путы на свободе предпринимателя, на деле же – та самая форма, в которой эта свобода и живёт [17; 18]. Хозяйственная ткань и ценностный уклад прошиты здесь одной нитью: разнять их удаётся разве что в уме – в живой практике никогда.

Если прикладывать меликовскую мерку, китайский уклад начинает сразу со второй ступени. Независимости как самостояния отдельного лица конфуцианский порядок почти не знает: воля предпринимателя от рождения вложена в волю семьи, клана, государства и вне этой вложенности просто не считывается [7; 18]. Подлинный ли это коллективизм или государственно-корпоративная дисциплина под конфуцианской вывеской? Твёрдого ответа у меня нет, и спор об этом отложен до обсуждения. У экзистенциалиста такой порядок вызвал бы подозрение в подмене выбора: встроенность в иерархию исподволь съедает самостоятельность, и предприниматель продолжает действовать уже из безличного «так принято» – Хайдеггер опознал бы в нём своё das Man [14]. Лосский смотрел на подобные вещи по-другому. Если сознание изначально распахнуто бытию, то отдельный человек уже несёт в себе целое, и «растворение» в общности оборачивается тогда не утратой себя, а прямым касанием сверхличного единства [5]. Чьи интересы обслуживает такой коллективизм? Этот марксистский вопрос звучит трезвее прочих, и ответ на него двоится, ибо китайский уклад кормит казённую бюрократию – и он же растит сильнейший частный сектор [17].

Американская модель: индивидуализм как философия самосозидания

Американский предпринимательский стиль выстроен на другом фундаменте. Предприниматель здесь – субъект, созидающий сам себя, и мир лежит перед ним как поле, где возможности никем заранее не расчерчены. Шумпетер, описавший предпринимателя как «созидателя-разрушителя», который строит новое, ломая старое, отлил в теоретическую формулу то, что американская культура переживает как повседневность [13]. Первым эту черту описал Токвиль, отделив американский индивидуализм от простого эгоизма: за ним стоит образ человека как замкнутой на себя единицы, которая сама кроит свою судьбу [12]. Кремниевая долина, культура стартапов, венчурные деньги – это та же традиция, застывшая в институтах: риск личного провала здесь читают как плату за рост, никак не как клеймо; оттого инновации и прорастают гуще, чем где-либо [13; 20].

На меликовской лестнице американский уклад, я бы сказал, блестяще берёт две первые ступени и останавливается перед третьей. Независимость здесь культ, свободная воля отточена до инстинкта; воля же к абсолютному благу сдана на частное усмотрение – филантропии, приходу, личному вкусу – и из самого устройства дела не вытекает [7]. Свобода, у которой недостаёт третьей ступени, по Меликову ещё не сбылась: она умеет полагать цели, но отвечать за них перед целым не научилась. Бурдье, правда, разглядел за этой «свободой» ещё и машину привычек и предрасположенностей, что штампует социальное неравенство, выдавая его за честный отбор по способностям [3]. Прав он, как мне представляется, лишь наполовину: удар приходится в цель, но продуктивности американского уклада не отменяет.

За предельный индивидуализм, однако, приходится платить по особому счёту. Для православной антропологии человек, мыслящий себя вне соборности, вне живой связи с другими, обкрадывает сам себя: С.Н. Булгаков понимал хозяйство как одухотворённое преображение мира, и к орудию личного обогащения оно у него не сводится [2]. Сартр настаивал бы, что радикальная свобода и есть подлинность [19]; Хайдеггер возразил бы, что со-бытие с другими вшито в само устройство человеческого существования [14], – экзистенциалисты, стало быть, расходятся между собой. Мне же ближе упрёк, который предъявил бы интуитивист. Человек, берущий мир одним рассудочным расчётом, держит в руках отпечатки вещей, но не сами вещи, и подлинник, о котором писал Лосский, для него закрыт [5]. Марксистская поправка тут тоже к месту: индивидуализм как идеология ретуширует встроенный в систему перекос, и свобода выпускника Гарварда и свобода рабочего из Аппалачей называются одним словом, но проживаются несопоставимо.

Русская модель: суверенный патернализм и хозяйственная осмысленность

Русский предпринимательский стиль сопротивляется описанию и через категорию коллективизма, и через категорию индивидуализма. Я предлагаю называть его суверенным патернализмом. Самосознание такого рода совершает двойное движение: предприниматель разом утверждает собственную самостоятельность и взваливает на себя ответственность за некоторое целое – за работников, за ближнюю округу, за само «дело». На практике этот строй узнаваем по приметам российского делового обихода: личные отношения весят больше бумаг, «слово» и доверие держат сделку, управление тяготеет к покровительству, горизонты длинные, а к импровизации всегда готовы [9; 16].

Меликовская триада описывает эту конструкцию точнее любой двухполюсной типологии. «Суверенность» отвечает первым двум ступеням – независимости и свободной воле; «патернализм», взятый в неиспорченном смысле слова, есть ступень третья: воля к благу, обращённая на ближний круг. Суверенный патернализм оказывается притязанием пройти всё восхождение целиком: русскому предпринимателю мало свободы, которая кончается на нём самом, – дело оправдано в его собственных глазах, только если через него сбывается благо целого [7; 8]. Корнями это притязание уходит в православную антропологию: личность, не в пример индивиду, совершается лишь в отношении к другому. У Соловьёва на это было слово «всеединство»: различия там не стёрты, высшее соединение их держит, не растворяя [11]. Меликов развёртывает ту же интуицию на языке свободы: соборность не гасит личную волю, а доводит её до воли на общее благо, то есть совершает [8]. То же самое Бахтин объяснил бы диалогически. Русский хозяйственный субъект лепится в постоянной перекличке с «другим» – партнёром, работником, государством, – и монолог ему чужд [1].

Границу между патернализмом и произволом никто, на мой взгляд, заранее не прочертил, и критики бьют в больное место: «ответственное попечение» съезжает в самоуправство везде, где институты слабы [9; 16]. Меликовское различение входит здесь как скальпель: произвол не есть недоразвитая свобода – он её самозванец, и патернализм, забывший о третьей ступени, делается произволом ровно в ту минуту, когда волю к благу подменяет воля распоряжаться чужими жизнями [7]. Марксистски рассуждая, патернализм есть пустая форма: её заполняет что угодно – и подлинная забота, и эксплуатация под «отеческой» риторикой. Для православного сознания патернализм подлинен только как жертва, как служение другому; И.А. Ильин искал в хозяйствовании «творческую идею», его духовный стержень, – и предприниматель, эту идею растерявший, оседает в простого накопителя [4]. Последний штрих добавил бы экзистенциалист, для которого о подлинности попечения судят по живой свободе тех, кого оно касается: подлинное растит в работнике самостояние и собственную волю, ложное консервирует несвободу под разговоры о заботе [19].

Обсуждение

Сопоставление трёх укладов даёт, по моему убеждению, не линейную шкалу «от коллективизма к индивидуализму», а объёмное пространство, где у каждого свои козыри и свои слепые пятна. Китайский строй даёт прочность и согласие на длинной дистанции, но грозит придавить инициативу отдельного человека. Американский плодит новизну и подвижность, зато разгоняет неравенство и разобщённость. Русский умеет срастить личную инициативу с общей ответственностью, но податлив к сползанию в самовластие. Меликовская триада проясняет и само это распределение: китайский уклад минует первую ступень свободы, американский не доходит до третьей, русский тянется к третьей, рискуя не удержать первую – независимость, которую подтачивают и внешний нажим, и собственная тяга помыкать чужой волей [7; 8].

Перечислением плюсов и минусов дело, впрочем, не кончается: каждый уклад – живой культурный организм, застигнутый в пути. В.С. Библер, доращивая бахтинскую мысль о диалоге культур, увидел: чужую культуру понимают только «на грани», там, где встреча с иным переиначивает собственное [1]. Отсюда особость сегодняшнего положения русского предпринимательства: ему приходится и тягаться с обеими господствующими моделями, и выделывать собственный язык самоописания. Третий ли это уклад или промежуточная форма, обречённая скатиться к одному из полюсов? Марксист смотрел бы на дело без сантиментов: базис глобального рынка утюжит всякую культурную самобытность и рано или поздно её выровняет. Интуити-

вист на это возразил бы, что унификация не достанет туда, где хозяйственное самосознание укоренено глубже экономики: в дорефлексивное переживание, в то, что М.К. Мамардашвили называл «событием мысли» [6]. Православная интуиция добавляет смысловую вертикаль: хозяйствование, понятое как одухотворённое делание, ведёт собственную линию и одной прибылью не меряется [2].

Сильные стороны русского уклада я вижу отчётливо: умение собраться, когда будущее не просчитывается; редкая выживаемость; деловые связи, замешенные на личном знакомстве и работающие там, где официальные правила молчат; целостный взгляд на дело, не сточенный голым расчётом [9; 16]. Вебер, описывая «дух капитализма», разумел под ним свой тип рационализации жизни [20]; русский стиль выставляет против него другую рациональность – схватывание положения целиком, разом, до всякой калькуляции. Недостатки, признаться, того же масштаба, и замалчивать их я не стану. Опора на личные отношения оборачивается хлипкостью писаных правил и гарантий; патернализм, не подпёртый институтами, вырождается в клановость, а привычка импровизировать – в неумение планировать вдолгую. Целостность восприятия, не подкреплённая культурой осмысления, и вовсе остаётся немой: она не умеет объяснить себя ни себе, ни другим и проигрывает укладам, которые давно выговорили себя [9; 12].

Немота эта досталась русскому предпринимательству не случайно, и на её причинах сходятся все четыре методологические установки. На поверхности лежит причина историческая, самая простая из четырёх: 1917 год, 1991-й, потрясения двухтысячных раз за разом рвали хозяйственную преемственность, и устойчивому словарю сложиться было некогда. Интуитивист искал бы глубже и нашёл бы вот что: непосредственное знание дорефлексивно по самой природе, оно «знает», а выговорить не умеет [5]. У православной традиции нашлась бы своя поправка – молчание, напомнила бы она, бывает формой смирения, а бывает и формой небрежения, нежелания взяться за чёрную работу самопознания. Жёстче всех прозвучало бы предупреждение экзистенциалиста, для которого существование, не выговоренное в слове, себя теряет. Язык, по слову Хайдеггера, есть «дом бытия» [14], и хозяйственный опыт, для которого народ слов не нашёл, в этом доме не прописан – а значит, и не наследуется.

Заключение

Русский предпринимательский стиль не есть ущербная форма, нуждающаяся в «исправлении» по западным или восточным образцам; это особый уклад хозяйственной жизни, при собственных ресурсах и собственных пределах. Суверенный патернализм держится на православном учении о личности и всеединстве, на интуитивизме с его целостным познанием, на экзистенциальной ответственности со-бытия с другими – и на меликовском понимании свободы как восхождения: от независимости через свободную волю к воле на благо целого [7; 8]. Такая конфигурация качественно иная, и арифметическим средним между Китаем и Америкой её не вывести при всём желании.

Русской философии предпринимательства предстоит работа перевода: непосредственное знание о том, как хозяйствуют по-русски, должно лечь на язык понятий, не растеряв по дороге живого содержания. В этой работе, как я её вижу, понадобятся все четыре традиции: марксизм прикуёт мысль к базису, интуитивизм сохранит верность подлиннику, православная мысль удержит ценностный горизонт, экзистенциализм научит честности перед конечностью всякого человеческого замысла. Мерой же сделанного останется меликовская триада. Русское хозяйствование состоится как свободное в полном смысле, если научится идти к благу целого, не жертвуя ни независимостью, ни собственной волей.

Литература

1. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 176 с.

2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.

3. Бурдье П. Различение: социальная критика суждения / пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.

4. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003. 694 с.

5. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. С. 13–337.

6. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

7. Меликов И.М. Духовное бытие свободы. М.: Изд-во РГСУ, 2013. 398 с.

8. Меликов И.М. Социальное бытие свободы. М.: Канон+, 2018. 432 с.

9. Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.

10. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–548.

11. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 5–172.

12. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр.; предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000. 560 с.

13. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.

14. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1927. 437 S.

15. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2001. 596 p.

16. House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V. (eds.). Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies. Thousand Oaks: Sage, 2004. 818 p.

17. Nee V., Opper S. Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. XVIII, 431 p.

18. Redding S.G. The Spirit of Chinese Capitalism. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1990. XIII, 267 p.

19. Sartre J.-P. L'Être et le Néant. Paris: Gallimard, 1943. 722 p.

20. Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1920. S. 17–206.

MODERN RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP BETWEEN CHINESE COLLECTIVISM AND US INDIVIDUALISM

Bakeev A.V.
Russian State Social University

Russian entrepreneurship is examined here against the two models framing today's global economic imagination – the corporate collectivism of China and the individualism of the United States. Neither pole, the article argues, fits the Russian case. To name what both typologies miss, the author proposes sovereign paternalism, an economic self-understanding that welds the entrepreneur's independence to care for a wider whole – for employees, for the neighbourhood, for the venture as such. The category draws on Orthodox anthropology, N.O. Lossky's intuitionism, the existential tradition, and I.M. Melikov's account of freedom as an ascent from independence through free will toward the will for the absolute good. A comparison of the three styles' cultural roots exposes the strengths of the Russian one along with its inner limits; the contested knots are then argued through, in turn, by dialectical materialism, Russian intuitionism, Orthodox thought, and existentialism.

Keywords: entrepreneurship, collectivism, individualism, sovereign paternalism, freedom, cultural dialogue, Russian philosophy, economic self-consciousness, Orthodox anthropology.

References

1. Bibler V.S. Mikhail Mikhaylovich Bakhtin, ili Poetika kul'tury [M.M. Bakhtin, or the Poetics of Culture]. Moscow, Progress; Gnozis Publ., 1991. 176 p. (In Russian).

2. Bulgakov S.N. Filosofiya khozyaystva [Philosophy of Economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 412 p. (In Russian).

3. Bourdieu P. Razlicheniye: sotsial'naya kritika suzhdeniya [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoy klassiki [Western Economic Sociology: A Reader of Modern Classics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 680 p. (In Russian).

4. Il'in I.A. Put' dukhovnogo obnovleniya [The Path of Spiritual Renewal]. Il'in I.A. Religioznyy smysl filosofii [The Religious Meaning of Philosophy]. Moscow, AST Publ., 2003. 694 p. (In Russian).

5. Lossky N.O. Obosnovaniye intuitivizma [The Justification of Intuitionism]. Lossky N.O. Izbrannoye [Selected Works]. Moscow, Pravda Publ., 1991, Pp. 13–337. (In Russian).

6. Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu [How I Understand Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (In Russian).

7. Melikov I.M. Dukhovnoye bytiye svobody [The Spiritual Being of Freedom]. Moscow, RGSU Publ., 2013. 398 p. (In Russian).

8. Melikov I.M. Sotsial'noye bytiye svobody [The Social Being of Freedom]. Moscow, Kanon+ Publ., 2018. 432 p. (In Russian).

9. Radaev V.V. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]. Moscow, HSE Publishing House, 2005. 603 p. (In Russian).

10. Solovyov V.S. Opravdaniye dobra. Nravstvennaya filosofiya [The Justification of the Good. Moral Philosophy]. Solovyov V.S. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1988, Pp. 47–548. (In Russian).

11. Solovyov V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Lectures on Divine Humanity]. Solovyov V.S. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Pravda Publ., 1989, Pp. 5–172. (In Russian).

12. Tocqueville A. de. Demokratiya v Amerike [Democracy in America]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2000. 560 p. (In Russian).

13. Schumpeter J.A. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 540 p. (In Russian).
14. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1927. 437 p.
15. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks, Sage, 2001. 596 p.
16. House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V. (eds.). Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies. Thousand Oaks, Sage, 2004. 818 p.
17. Nee V., Opper S. Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2012. XVIII, 431 p.
18. Redding S.G. The Spirit of Chinese Capitalism. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1990. XIII, 267 p.
19. Sartre J.-P. L'Être et le Néant. Paris, Gallimard, 1943. 722 p.
20. Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. In: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1920, S. 17–206.

Историческое время как способ социального бытия культуры: философский анализ

Бикметов Евгений Юрьевич,
д.с.н., профессор кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: bicprof@mail.ru

Фролова Ирина Васильевна,
д.ф.н., профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: irina.v.frolova@mail.ru

Уразова Амина Ильдусовна,
канд. ист.н., доцент кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: amina.urazova@mail.ru

Статья посвящена философскому анализу исторического времени как специфического способа социального бытия культуры. Целью исследования выступает раскрытие отличий исторического времени от природного и доисторического, а также обоснование его многослойности и открытости. Методологическую основу составляют идеи Г.В.Ф. Гегеля, Э. Блоха, современные концепции темпорального поворота. Сделан вывод о том, что историческое время обладает качественной многомерностью, не сводимой к линейной хронологии.

Ключевые слова: историческое время, культура, многослойность времени, социальное бытие, режимы историчности.

Проблема времени занимает центральное место в философии и интеллектуальной истории, оставаясь, по выражению П. Рикёра, неразрешенной апорией [1]. В условиях современного «темпорального поворота» [2; 3] фокус рассмотрения исторического времени смещается в направлении изучения множественных, пересекающихся темпоральностей.

Историческое время – это способ бытия культуры, связанный с качественной взаимосвязью событий. Эта качественность выступает не как однолинейное единство событий во времени, а в форме многослойного, «федеративного» времени. Культурный процесс протекает не в гомогенном временном ряду, а на различных уровнях, лежащих «вверху и внизу». Разумеется, не существует времен, которые оказались бы замкнутыми в себе. Никакая метрика не бытийствует вне общественной жизни. В истории чисто механическое время почти не наблюдается. И это несмотря на то, что постоянно изменяется некая структура времени как таковая. Исследователи обращают внимание на маркированные признаки исторического времени, к которым относятся: законченность времени социальной памяти, запечатленность в историческом нарративе: хрониках, письменной истории [4]. Познание исторического времени предполагает, что каждая эпоха, а также культура вырабатывает свою форму исторического времени [5]. Взаимодействие между ними представлено как темпоральная структура конструкции поколений, обеспечивающая политическую и эмоциональную связь в отношении к историческим событиям [6].

Необходимо уйти от понимания времени как абстрактно-нейтрального резервуара. Понимание динамики времени исходит из рефлексии, связано с умением разделять распространенное и измеренное. Ведь то, что распространяется во времени, не является самим временем, которое как таковое длится объективно. Неслучайно Э. Блох пишет о протекании процесса в многообразно выявляющемся гуманном единстве окончания и успеха [7, с. 165]. Единое время исторического процесса выступает как становящаяся форма неотчужденности в отношении человека к человеку и к природе, как напряжение социальной жизни. Время не является инвариантом по отношению к различным эпохам. Как способ социального бытия оно гибко проникает в культурный процесс. Изменения в культуре влекут изменения в восприятии человеком времени [8].

Доисторическое время может быть понято предметно, однако такое предметное рассмотрение почти не существует. Историческое время, напротив, согласуется с плотностью исторически-материальных событий и их тенденциями. Время природы подвержено ограниченной плотности, тогда как время культурного процесса практически ничем не ограничено. Культура транслируется за границы эпохи и становится временем социального бытия.

Очевидно, что «доисторическое» время всегда уже было историческим, но его плотность иная, нежели плотность времени материальных событий, сопряженных с социальной историей. Инфляционное (природное) время в сравнении с исторически-культурным длиннее с точки зрения прошлого, но не с точки зрения будущего. Историческое время перевешивает природное: история природы в субстанциальном отношении выглядит почти законченной.

Почему история природы, прогрессируя однолинейно, перетекает в человеческую историю? Культурно-исторический подход часто отсекает первичность истории природы как минувшее, поскольку позитивное человеческое будущее находится не в природе. Однако природа должна быть признана в качестве базиса. Г.В.Ф. Гегель, исходя из понимания всемирной истории как необходимого обнаружения Мирового Духа, недооценил переднеазиатские культуры, а также цивилизации Индии и Китая [9]. Однако они не канули в Лету и продолжают оказывать влияние на современность. До истории время проявляется более тотально, чем культурно-историческое время; природа существовала всегда, но время не всегда осуществлялось в своей целостности.

Историческое время, которое не является опосредованным, сопряжено со временем социальным. С одной стороны, цель истории – духовный прогресс, с другой, конец кругового движения природы. Время гуманизации природы связано с содержанием тенденций времени истории. Необходимо мыслить так, чтобы в истории природы отразилась гуманитарная история управления человеческими силами.

При этом природа рассматривается как состояние, предшествующее истории.

Блох в своей философии надежды отмечает существование дополняющих друг друга аспектов реальности: относительно пустое, бедное будущим природное время и субстанциальное, богатое будущим природное время [7, с. 169]. Эти времена соответствуют дополняющим аспектам социальной реальности. Время природы взаимосвязано с содержательной стороной культурного времени истории.

Различные временные последовательности должны осмысливаться с точки зрения различной плотности распространения исторических событий, их тенденций и содержаний. Существует качественное отличие исторического времени от природного. Положительное будущее еще должно стать подлинно человеческим: это время стремится преодолеть природные механизмы. С помощью гуманитарной мысли удается определить место, занимаемое культурой на линии прогресса. Человек не может существовать там, где исчезает живая речь. Человеческое осмысление и переживание истории дает возможность понять сущность «неплотного» времени, богатого событиями, где жизнедеятельность людей осуществляется в непрерывной связи друг с другом и природой.

Насколько интеллектуальные перспективы эпохи остаются привязанными к настоящему времени? Здесь невозможно просто созерцать эпоху – необходимо осознать ее границы. Люди вкладывают в свою деятельность то, что потом выливается в познание предметов. От того, что они вложили, зависит структура «мозаичного» мира. Дело не в мистическом познании мира, как у Платона, а в том, что деятельность человека открывается новыми гранями. Эпоха связана с задачами, которые в основном решены. Мышление проникает в историческую действительность лишь тогда, когда действительность обладает культурно-историческими силами, пластичными и не останавливающимися перед социальными преградами. Преодоление преград не исчерпывается социальным и духовным действием, однако наличие барьеров не приводит к разрушению теоретико-познавательного слоя культуры. Главное – чтобы не разрушался внешний и внутренний мир, независимый от различных воззрений.

Самосознание как предел, благодаря которому возникает проблема смысла истории, связано с тем, что все вещи заключают в себе загадку. Преграда связана с воздействием предела на познание; здесь мы сталкиваемся с относительно неподвижным состоянием. Все, что скапливается перед преградой, порождает объективно настороженные проблемы – знаки еще не преодоленного противоречия, которое постепенно «закипает» и может стать началом преодоления. Понятие «сопротивления» далеко от агностицизма и панлогизма. Гегель развивал мысль, согласно которой замкнутая сущность универсума не способна оказать сопротивление смелости познания и должна открыться перед ним [10, с. 373].

Гуманитарное, историческое мышление исходит из ценности настоящего времени. Мы сегодня наблюдаем сжатие времени, утрату ценности конца и начала исторического времени. Прошлое не может стать чем-то архивным, обусловленным лишь частичным пониманием исторического подхода. Культурный фронт исторических событий следует определить, как наиболее значимый во времени. В данном времени мы живем и действуем почти мгновенно, но это мгновение постоянно вырывается вперед. В настоящем присутствуют тенденции, связанные с переживанием, которое непосредственным образом скрывается в самом себе.

Из глубины веков является слабость связи с современностью. Ставшее всегда связано с тем, что в действие вступают возможности «еще-не-осознанного». Не-ставшее не предвещает блага, когда благоприятные возможности еще не состыкованы с теоретическим прогрессом мысли. Социально справедливое будущее трудно наступает и поэтому не является подлинным. Новое не является абсолютно новым: мечта о нем отодвигается в прошлое. Будущее есть и в прошлом – в хорошо созданных темах, связанных с историческими требованиями социального времени.

Будущие преобразования погружаются в мгновения, которые соответствуют не только историческим мгновениям времени, но и предвосхищают движение человека вперед. Социальное время не направлено в бесконечность; сущее находится в бытии. Новое становится перспективой процесса, который не должен застывать чисто в прошлом. В новом присутствует открытая реальная возможность истории, где надежда на более справедливый мир обладает своим пространством действия [7].

Культуры существуют не только в историческом времени, но и в своих мифологиях имеют собственное время. Это время передается их единичным культурно-временным и историческим формам. Древнегреческий модус почти полностью лишен будущего; напротив, христианский модус отличается ориентацией на будущее, богатое своим содержанием [7, с. 162]. Культуры не совпадают со своей эпохой, но содержат в мифологиях собственное время. Они имеют не только волнообразный характер, но и приобретают импульсы от исторической эпохи [11].

Многие культуры относительно постоянны во времени и претерпевают мало изменений (например, китайская, индийская). Существуют и культуры, обладающие большой пластичностью и динамичностью, в которых историческая материя распределена неравномерно. Эпоха Возрождения концентрировала внимание на человеке, формирующем материю смысла и достоинства личности. Буржуазное, или Новое время богато изгибами: оно непостоянно, извилисто и чуждо многомерности времени в классическом смысле, но богато количеством измерений. Временные ряды истории не выступают как неизменные и одинаковые. Все это позволяет рассматривать культуру как пространство взаимодействия и диалога.

Каждая культура неповторима и самобытна. Она глубока и избыточна, заключает в себе творческие потенции. Человек характеризуется богатством форм и способов общения, связанных с самопознанием на основе встречи субъекта с духовно преображенным другим «Я». Культура есть ценность «сверхценностей». Она возникла раньше цивилизации и представляет собой самосознание человека и народа. В данном отношении она определяется диалектикой устойчивости и изменчивости. Сегодня откристаллизовались легитимные структуры времени; возрастает роль собственного времени в различных культурах.

Современный режим историчности характеризуется, с одной стороны, ориентацией на сегодняшние потребности (презентизм), с другой – повышенным вниманием к прошлому («мемориальная революция»), которое в отсутствие крупных проектов будущего играет консолидирующую роль [12]. Вместе с тем философия Блоха и современные исследования множественных темпоральностей [13] позволяют видеть в настоящем не закрытое «теперь», а момент, насыщенный «еще-не-ставшим» и реальными возможностями.

Таким образом, историческое время культуры оказывается многослойным: в нем соприсутствуют различные плотности, уровни и модусы. Это время не сводится к хронологии и не является инвариантом эпох. Оно гибко проникает в культурный процесс, связывая прошлое (как «еще-не-осознанное» и потенциальное) с будущим через напряженное настоящее. Именно в этом напряжении открывается пространство надежды и социального действия, направленного на более справедливый мир.

Литература

1. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / пер. Т.В. Славко. М.: СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.

2. Чеканцева З.А. Текстура времени и темпоральности в исторической культуре XXI века // Новая и новейшая история. 2025. № 6. С. 19–31.

3. Чеканцева З.А. Культурные практики и темпоральное измерение исторического // Диалог со временем. 2022. Вып. 81. С. 5–17.

4. Гавриш В.Д., Заклинский П.А. Методологические функции категории «историческое время» // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 108–113.

5. Маликова Е.А. Формы содержательного определения исторического времени // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 9. С. 175–182.

6. Ярская-Смирнова В.Н. Историческое время фантомов // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 283–294.

7. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с.

8. The Sociology of Time / ed. by J. Hassard. Palgrave Macmillan UK, 1990. 255 p.

9. Гегель Г. Философия истории / пер. А.М. Воден. М.: Юрайт, 2025. 378 с.

10. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 630 с.

11. Бикметов Е.Ю., Уразова А.И., Фролова И.В. Социально-культурные основания принятия решения в управлении в контексте исторического сознания // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 7–9.

12. Федорова М.М. О парадоксах времени истории // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 2. С. 127–143.

13. Болдырев И.А. Время утопии: Проблематические основания и контексты философии Эрнста Блоха. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 296 с.

HISTORICAL TIME AS A MODE OF SOCIAL BEING OF CULTURE: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Bikmetov E.Yu., Frolova I.V., Urazova A.I.
Ufa University of Science and Technology

This article provides a philosophical analysis of historical time as a specific mode of the social being of culture. The research aims to reveal the distinctions between historical time, natural time, and prehistoric time, as well as to substantiate its multilayered and open nature. The methodological framework is based on the ideas of G.W.F. Hegel and Ernst Bloch, alongside contemporary concepts of the "temporal turn." The study concludes that historical time possesses a qualitative multidimensionality that cannot be reduced to linear chronology.

Keywords: historical time, culture, multilayered nature of time, social being, regimes of historicity.

References

1. Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 1. Intrigue and Historical Narrative / trans. by T.V. Slavko. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 1998, 313 p. (In Rus.).
2. Chekantseva, Z.A. The Texture of Time and Temporality in the Historical Culture of the 21st Century. Novaia i noveishaia istoriia, 2025, no. 6, pp. 19–31. (In Rus.).
3. Chekantseva Z.A. Cultural Practices and the Temporal Dimension of the Historical. Dialogue with Time, 2022, iss. 81, pp. 5–17. (In Rus.).
4. Gavrish V.D., Zaklinsky P.A. Methodological Functions of the Category "Historical Time". Social and humanitarian knowledge, 2019, no. 9, pp. 108–113. (In Rus.).
5. Malikova E.A. Forms of Content-Based Definition of Historical Time. Social and humanitarian knowledge, 2011, no. 9, pp. 175–182. (In Rus.).
6. Yarskaya-Smirnova V.N. Historical Time of Phantoms. Social and humanitarian knowledge, 2015, no. 2, pp. 283–294. (In Rus.).
7. Bloch E. Tübingen Introduction to Philosophy / trans. by T. Yu. Bystrova, S.E. Vershinin, D.I. Kriushov. Yekaterinburg, Ural University Press, 1997, 400 p. (In Rus.).
8. The Sociology of Time / ed. by J. Hassard. Palgrave Macmillan UK, 1990, 255 p.
9. Hegel G.W.F. Philosophy of History / trans. by A.M. Voden. Moscow, Yurayt, 2025, 378 p. (In Rus.).
10. Hegel G.W.F. Works of Different Years: in 2 vols. Vol. 2. Moscow, Mysl, 1971, 630 p. (In Rus.).
11. Bikmetov E.Yu., Urazova A.I., Frolova I.V. Socio-Cultural Foundations of Decision-Making in Management in the Context of Historical Consciousness. Social and humanitarian knowledge, 2025, no. 9, pp. 7–9. (In Rus.).
12. Fedorova M.M. On the Paradoxes of Historical Time. Philosophical Journal, 2023. Vol. 16(2), pp. 127–143. (In Rus.).
13. Boldyrev I.A. The Time of Utopia: Problematic Foundations and Contexts of Ernst Bloch's Philosophy. Moscow, HSE Publishing House, 2012, 296 p. (In Rus.).

Стратегии пересоздания канона в массовой/цифровой культуре

Воронина Ольга Александровна,
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,
Институт философии Российской Академии наук
E-mail: olga-voronina777@yandex.ru

В статье рассматривается один из глобальных процессов современности – пересмотр канона как доминанты культуры, созданной «белыми мертвыми европейскими мужчинами». Классический канон является целостным нарративом, который представляет обобщенное доминирующее мировоззрение и систему духовных, эстетических и этических ценностей, представленных в западной культуре (прежде всего в литературе). В эпоху глобализации, мультикультурализма, цифровых медиа, возникновения конвергентной культуры, политики DEI этот классический западный канон оспаривается и отвергается. Автор описывает различные типы отношения к канону – от радикальных стратегий (культурные войны, культура отмены) до более мягких (трансформация и «пересоздание» канона в практиках фашфикшна). В заключение делается вывод, что сегодня канон в массовой культуре – это не статичный пантеон, а динамичное, постоянно оспариваемое поле. В этой борьбе сталкиваются интересы медиакорпораций, активистских движений, фан-сообществ и политических сил. В цифровой среде формируются гибридные каноны, где каждое субкультурное сообщество живет по своим правилам. Возникает парадокс: борьба за пересоздание канона, призванная сделать его более справедливым, может вести к его фрагментации и потере общих смыслов, создавая вместо единой культуры множество враждующих микроканонов. Вопрос о том, возможно ли в таких условиях сохранить общее культурное пространство, остается открытым. Культура отмены не уничтожает канон, а раздробляет его. Теперь у каждого свой список «священных» текстов, и, в сущности, борьба идет не за книги, а за то, чья система ценностей станет общепринятой нормой.

Ключевые слова: канон, культурные войны, конвергентная культура, фанфикшн, гибридные каноны, ценности

Теоретические рамки

Культура представляет собой комплекс духовных ценностей, этических норм, эстетических идеалов и социальных практик, характерных для данного общества. Фундаментальные идеалы духовной культуры, исторически отраженные в текстах (первоначально религиозных, затем светских), называли Высокой Культурой или классикой.

Замена термина классика на термин канон связана с появлением в последней трети XX века новых исследовательских подходов – постструктуралистских, постмодернистских и так называемых эмансипационных (gender, colonial and “black” studies). Именно они ввели термин «канон», который трактовали как целостный нарратив, представляющий некоторое обобщенное доминирующее мировоззрение и систему ценностей, схожую с каноном Священного Писания – идеальным типом закрытой, авторитарной духовной структуры. Речь шла о западной, а точнее европейской литературе, к которой один из основных защитников канона относил и ряд русских писателей [1]. В представлении Г. Блума основными признаками отнесения автора и текста к канону являются эстетическая ценность и обращение к экзистенции читателя [1, с.55]. Эта романтическая позиция была оспорена как постнеклассическими интеллектуалами, так и различного рода активистами, создавшими для борьбы с каноном так называемую культуру отмены.

В дискуссиях сторонников и противников канона используются три его ключевых понимания. Во-первых, канон как «Священный список», имеющий сакральный смысл. Это собрание неприкасаемых авторов и произведений (например, Гомер, Шекспир, Толстой). Их ценность считается вечной и вневременной. Во-вторых, канон как нормативный набор правил, который устарел и даже стал реакционным. В связи с этим «культура отмены» вводит новые правила, нарушение которых грозит остракизмом. И, наконец, канон как политическая и идеологическая сила, инструмент власти белых мужчин. Его отмена – это революционный акт, в процессе которого старые идолы вычеркиваются, а в канон включаются ранее не представленные персоны и их тексты, призванные отразить многообразие глобального мира. Парадокс этой последней позиции заключается в том, что, когда активисты «отменяют» классика за расизм, *они не отрицают само понятие канона*. Они просто хотят стать теми, кто решает, что достойно вечности. Иными словами, отмена – это не конец канона, а ожесточенная война за право быть его главным хранителем.

Практики отмены

Давайте на нескольких конкретных примерах рассмотрим, как работает культура отмены.

В 2020 г. всемирно известная писательница Джоанн Роулинг высказалась в одной из социальных сетей в защиту прав и достоинства цисгендерных (то есть обычных биологических) женщин, биология которых была довольно оскорбительно обозначена трансженщинами. После этого ее обвинили в трансфобии (в том числе актёры, участвовавшие в экранизации книги о Гарри Поттере), а в соцсетях распространился хештег #RIPJKRowling (покойся с миром, Джоан Роулинг). Под ним пользователи выражали «соболезнования в связи со смертью писательницы». Угрозы в отношении Роулинг не прекращаются и по сей день. В 2021 г. имя Дж. Роулинг практически не было упомянуто в специальном выпуске сервиса HBO Max, приуроченного к двадцатилетию выхода первой экранизации её книги о волшебнике Гарри Поттере. Роулинг исключили из юбилейных выпусков фильмов, актеры (Радклифф, Уотсон) публично дистанцировались [7]. В данном случае сталкиваются все три понимания канона. Ее книги о Гарри Поттере – это уже классика XXI века. Для фанатов это священный (почти сакральный) текст, формирующий детство. Однако Роулинг «отменили» за высказывания о трансгендерах, поскольку активисты в сетевом сообществе осудили ее за нарушение принятых на Западе этических норм DEI. DEI – Diversity (разнообразие), Equity (справедливость) и Inclusion (инклюзивность) – это организационная концепция, направленная на создание справедливых условий и полное вовлечение всех людей в рабочую или учебную среду. Разнообразие понимается как признание и уважение индивидуальных различий: раса, пол, возраст, религия, сексуальная ориентация и др. Справедливость (Equity) предполагает предоставление равных возможностей и ресурсов с учётом устранения системных барьеров (отличается от «равенства» – Equali-

ty, где ко всем подходят одинаково). · Инклюзивность – это создание атмосферы, в которой каждый чувствует себя принятым, уважаемым и может свободно выражать себя. В целом эта программа является весьма прогрессивной. Однако в последнее время в руках сторонников отмены культуры она приобретает излишне радикальный характер. Именно это мы и видим в отношении Роулинг. Но здесь есть нюанс, который взрывает простую схему. Сама Роулинг защищает эссенциалистсткий феминистский канон и права цисгендерных женщин, которых хотят «вычеркнуть». Таким образом, она не жертва, она защищает свой канон от вторжения нового. В этом скандале нет побежденных. Вместо единого канона мы видим две параллельные вселенные: в консервативном каноне Роулинг – героиня, борющаяся за реальность. В неолиберальном каноне она – изгой, но ее *книги читают «вопреки» отмене автора*.

Можно рассмотреть еще один кейс, уже из мира кино – например, «отмену» Вуди Аллена. Если в случае Роулинг основанием отмены стала ее критика политики в отношении трансгендеров, то в отношении Вуди Аллена столкнулись эстетический (искусство ради искусства) и этический (моральная чистота творца) принципы. На уровне культурного канона фильмы Аллена («Энни Холл», «Манхэттен») долгое время считались золотым фондом авторского кино. Для киноманов его эстетика (интеллектуальный нью-йоркский юмор, джаз, невротичные диалоги) –предмет поклонения. Однако в 1990-е гг. Аллен нарушил моральное табу, заведя роман с приемной дочерью Сун- И. И если тогда это «списали» на богемность, то в эпоху #МеТоо Аллена и его фильмы «отменили», вспомнив старые обвинения в домогательствах. Amazon расторг контракт, актеры (Кейт Уинслет, Грета Гервиг) публично жалеют о работе с ним, книги мемуаров убрали с полок. Это чистый остракизм. На идеологическом уровне идет борьба за «чистоту реестра». Сторонники культуры отмены требуют вычеркнуть Аллена из пантеона великих режиссеров, чтобы он не служил «примером для подражания». Европа (Франция, Испания) долго сопротивлялась – там канон искусства выше этики. Но сейчас даже европейские дистрибьюторы сдают позиции. Это война за то, какой критерий станет главным при занесении в «Зал славы»: *достижения в искусстве или безупречность биографии*. Аллен – классик, его старые фильмы уже в истории. Поэтому его «отмена» – это попытка переписать историю кино, объявив его старые фильмы «вне закона» для новых поколений. Студенты киношкол уже не изучают его как мастера, канон сужается. В этом случае защитники канона проигрывают: современные этические нормы «побеждают» эстетические критерии. Но сценарий «параллельных вселенных» работает и здесь: для одних Аллен навсегда останется гением, для других – примером патриархатной мужской токсичности.

Ну и, наконец, давайте посмотрим на самый сложный случай – «отмену» Льва Николаевича Толстого в современных западных университетах, где сталкиваются имперский и антиколониальный каноны. Однако важно напомнить, что «отмена» писателя началась фактически еще в царской России. Я имею в виду исторический прецедент, когда в феврале 1901 г. Святейший Синод официально объявил Л.Н. Толстого «отпавшим» от Православной церкви. Этот акт стал классическим примером того, как институция десакрализует автора. Кстати, РПЦ в 2010 году отказалась отменять это решение, так как сам Толстой при жизни не отрекся от своих взглядов.

Некоторые авторы дают переоценку творчества и фигуры землевладельца Толстого с позиций современных теорий. Так, Э. Томпсон считает, что в романе «Война и мир» Толстой переформулировал «основополагающий политический миф империи», создав образ России как страны великодушной и невинной, что сделало фундаментальную критику империализма почти невозможной в русском дискурсе. Томпсон признает мощь романа, но утверждает, что его эстетика послужила средством выражения высокой имперской национальной самоуверенности России, воспевания ее военной мощи и побед [14]. Очевидно, что позиция Томпсон не безупречна с академической точки зрения. В романе «Война и мир» Толстой не прославляет войну, он показывает ее ужас (смерть Пети Ростова, ранение Андрея, боль и кровь битв). Я, как и другие исследователи, полагаю, что эстетическая сила этого романа работает против войны, а не в ее пользу. А.В. Гулин в статье «Лев Толстой как певец Российской Империи» утверждает, что имперские смыслы в «Войне и мире» – это художественный парадокс, а сам Толстой был далек от государственной идеологии [2].

Следует также подчеркнуть, что Томпсон фокусируется на «Войне и мире», но игнорирует рассказ «Набег» (1853) и «Севастопольские рассказы», где Толстой последовательно развенчивает героику военных действий. Ну и, наконец, она игнорирует эволюцию взглядов Толстого: после 1880-х гг. он стал анархо-христианским пацифистом, отрицающим государство и армию. Так, «Хаджи-Мурат» (написанный в 1896–1904) – это прямая антитеза имперскому нарративу: там кавказская война показана как бессмысленная жестокость, а образ имама Шамиля дан с огромным уважением.

Другая зарубежная исследовательница, Э. Бояновска, анализирует дневники и письма Л.Толстого 1870-х годов, когда он купил землю в Самарской губернии (в степях, населенных башкирами и кочевниками). Она утверждает, что Толстой как землевладелец был вовлечен в «поселенческий колониализм» в Самарской губернии. Так, например, Толстой называл местных жителей «дикими», «необразованными» и видел в переселении русских крестьян на эти земли их цивилизационную миссию. Бояновска называет это «классическим тропом поселенческого колониализма», игнорирующим тот факт, что на этой земле уже веками живут люди [8]. Она игнорирует тот факт, что в XIX веке в России (да и в мире в целом) не существовало публичного дискурса о «колониализме» в том виде, в каком мы его знаем. Очевидно, что Бояновска судит письма и поведение Толстого по постколониальным меркам конца XX в. Впрочем, это типичный приём сторонников отмены.

Дискуссии вокруг Толстого показывают, как канон раскалывается по идеологическим основаниям.

С точки зрения сакрального канона Толстой это абсолютная святыня русской культуры. «Война и мир», «Анна Каренина» стоят в мировой литературе рядом с другими шедеврами. Их многократно переводят другие языки, экранизируют, ставят пьесы в театрах. Это наша «визитная карточка», предмет национальной гордости. Любая попытка «отменить» его воспринимается как атака на Россию. Здесь защита канона сливается с патриотизмом.

В рамках нового этико-нормативного канона на Западе Толстого стали «отменять» за имперский нарратив. Критики говорят: его романы воспевают русское дворянство, игнорируют угнетение кавказских народов («Хаджи-Мурат» – редкое исключение), а сам он был крепостником, хоть и каялся. Новое правило гласит: «Не прославляй колонизаторов». В некоторых университетах «Войну и мир» убирают из списка обязательного чтения, заменяя на постколониальную литературу.

С позиций политики и идеологии (борьба контроль над каноном в целом) Толстой не просто писатель, он символ. Для российской власти его канонизация – это утверждение «русского мира». Для украинских интеллектуалов – это «оружие оккупанта», которое нужно деколонизировать. Они требуют пересмотреть список великих, включив туда Шевченко, Лесю Украинку, а Толстого – вычеркнуть или переосмыслить как «сложного колониалиста».

Ну и дополнительный аспект: религиозный канон. Отлучение Толстого от церкви для верующих – это негативный факт, а для секулярной интеллигенции – признак свободомыслия писателя.

В целом для западного мира Толстой – гениальный, но проблемный классик. Его произведения читают и экранизируют, но нередко интерпретируют в вольном современном стиле. Например, роман «Война и мир» переведен на тридцать семь языков, в мировом кинематографе существует около десяти его экранизаций. Роман «Анна Каренина» переведен на более чем сорок языков, также существует около сорока экранизаций романа (кинофильмов и телеверсий). Льва Николаевича Толстого трудно вычеркнуть из мирового литературного канона, поэтому критики предлагают сопровождать публикации текстов и даже экранизации комментариями, учитывая и его этику ненасилия (повлиявшую на Ганди и других мыслителей), и его имперские «слепые пятна» как помещика. Фактически спор идет не о том, убирать ли Толстого из пантеона, а о том, как именно его интерпретировать сегодня.

Отмена канона в цифровой среде

Это, пожалуй, самый безжалостный способ борьбы. Методов немало – пользователи соцсетей редактируют контент в реальном времени, уничтожая текст или персону в цифровой вселенной. Более того, пользователи могут потребовать «зачистить» тот или иной эпизод из кинофильма на стриминговых платформах. Платформа молча правит файл – и следов кадра, актера или сюжетной линии не остается.

В соцсетях контент определенного рода перестают показывать в ленте, человека «затеняют» (shadowban) – ты формально есть, но тебя никто не видит. Это отмена без слова «отмена». Ты не изгнан – тебя просто похоронили в цифровой пустыне.

Хештеги и тренды – здесь война за список превращается в войну за главный тренд. Одни пользователи запускают хештег #ОтменитьАвтора, другие – #ЗащититьАвтора. Победитель получает не вечный пантеон, а временный топ на 48 часов. *Цифровой канон – это «повестка дня», которая меняется каждый день*.

Следующая особенность цифровой среды – дробление, «камеры», «пузыри». Раньше люди жили в реальном физическом пространстве, а в цифровом пространстве каждый живет в своем информационном пузыре. И в одной ленте автор – гений, а в другой – отмененный изгой.

В итоге даже у пользователей одной платформы нет общего канона, поскольку алгоритм показывает ту реальность, которую пользователь хочет видеть.

Ну и, наконец, техническая уязвимость, поскольку в цифровой среде нет архива или физического экземпляра книги, фильма, картины. Здесь можно уничтожить само доказательство существования: если удалить аккаунт, то все посты исчезнут навсегда.

В цифровой среде канон перестал быть «вечным списком» и стал «текущим плейлистом». Его можно вырезать, перемотать или забанить за секунду. Культура отмены в цифре – это война за стриминговую полку, где выживает не самый гениальный, а самый «алгоритмически удобный».

Стратегии и тактики сопротивления культуре отмены

Очевидно, что ныне живущие авторы, издательства и музеи пытаются защищать себя и свои святыни в этом дробящемся мире.

Реальные персоны («живые мишени») выбирают такие тактики сопротивления, как:

– временное молчание (тайм-аут), чтобы пережить волну гнева;

– покаяние: признать ошибки, пойти на терапию, пожертвовать деньги пострадавшим группам (актер Джей-Кей Симмонс извинился за старые интервью – его почти не трогают);

– уход в тень и отказ от присутствия в массовой культуре;

– судебные иски, если отмена переходит в травлю и ущерб (расторжение контрактов), то можно подать судебный иск о клевете (так сделал актер Джонни Депп и выиграл дело против Amber Heard);

– переход в контрнаступление, обвинение оппонентов в ханжестве, цензуре или некомпетентности – например, Дж. Роулинг постоянно пишет манифесты, собирая своих. Это не снимает отмену, но консолидирует сторонников. Самым известным актом такого рода стала публикация в 2020 г. в Harper Magazine «Письма о справедливости и открытых дебатах», которое подписали 153 известных деятеля культуры – сама Джоан Роулинг, Ноам Хомский, Фрэнсис Фукуяма, Салман Рушди, Маргарет Этвуд, Гарри Каспаров и др. В нем, в частности, отмечается, что «Свободный обмен информацией и идеями, эта жизненная основа либерального общества, с каждым днем становится все более ограниченным. <…> в нашей культуре все шире распространяется цензура: нетерпимость к противоположным взглядам, мода на публичное осуждение и остракизм, а также тенденция растворять сложные политические вопросы в слепой моральной уверенности. Мы поддерживаем ценность здравого и даже едкого обмена мнениями со всех сторон. … Но сейчас слишком часто можно услышать призывы к быстрому и суровому возмездию в ответ на высказывания и мысли, которые можно посчитать неправильными. Еще более тревожным является то, что институциональные лидеры, действуя из-за панической боязни ущерба, применяют поспешные и несоразмерные наказания вместо проведения обдуманных реформ. Редакторы увольняются из-за выхода спорных статей; книги изымаются из-за предполагаемой недостоверности; журналистам запрещается писать на определенные темы; исследуется, какую литературу преподаватели цитируют в аудиториях; исследователя увольняют за распространение рецензируемого академического исследования; руководителей организаций вынуждают уйти, что порой просто является досадной ошибкой. … Эта удушающая атмосфера в конечном итоге нанесет ущерб самым жизненно важным основаниям современности. Ограничение дискуссии, независимо от того, кем оно насаждается – репрессивным правительством или нетерпимым обществом, неизменно наносит ущерб тем, кто лишен власти, и делает всех менее способными к демократическому участию. Путь к победе над плохими идеями – это разоблачение, спор и убеждение, а не попытки заткнуть рот или изгнать прочь их носителей» [4]. Это письмо произвело значительный эффект и стало предметом обсуждения, и, надеюсь, некоторой корректировки культуры отмены.

Институции – университеты, издательства, музеи, киностудии – используют другие тактики для сохранения канона. Например, применяются дисклеймеры. Книги и фильмы снабжают предупреждениями: «Содержит взгляды, которые могут оскорбить». Так, фильм «Унесенные ветром» вышли на стриминговых платформах с историческими пояснениями о нормах тогда и сейчас. Произведение сохранено, но от автора книги и создателей фильма зритель как бы дистанцируется.

Далее, используется переформатирование списков. Университеты переводят спорных классиков из обязательных в факультативные – формально они есть, но изучать не обязательно. Или тихий саботаж отмены: Толстого оставляют, но добавляют столько же авторов из Азии, Африки, женщин. В результате классический канон размывается, но не уничтожается, а институция показывает инклюзивность в современные нормы.

Пересоздание канона в культуре фанфикшн

Изменение канона происходит не только посредством агрессивной борьбы и разрушения, но и в более лояльной форме «исправления» и «дополнения». Этот феномен зародился в связи с использованием в культуриндустрии новых технологий производства, что привело к формированию конвергентной культуры. Г. Дженкинс, введший это понятие, описывает его как технологические, индустриальные, культурные и социальные трансформации способов распространения медиа в нашей культуре [3, с. 25]. Медиаконвергенция – это сосуществование множества медиасистем и равномерное распространение медиаконтента между ними. Перепроизводство «культурных продуктов» требует активных методов стимулирования потребления. Новые медийные технологии дают такую возможность: содержание популярной книги или фильма «децентрируется» посредством так называемого «трансмедийного сторителлинга» [3, с. 160]. Это означает, что книга дополняется фильмом (а если фильм первичен, то потом выпускается «книга» с его содержанием), компьютерными играми, комиксами, игрушками, аниме. Эта «новая эстетика» как ее называет Дженкинс, формирует круг фанатов и создание ими непрофессиональных некоммерческих текстов, основанных на сюжетах и героях чужих произведений – фанфикшн. Эту практику некоторые исследователи рассматривают как трансформацию канона, альтернативную агрессивной «культуре отмены». Такова, например, позиция Романенко [5], одной из ведущих исследовательниц этого феномена. Вслед за Гиллори [9] она рассматривает литературный канон как институциональный феномен, как вопрос коллективной договоренности и «инструмент социального контроля», закрепленный посредством системы образования [5, с. 169]. Очевидно, что при таком понимании канона вопросы эстетического вкуса, культурной ценности и литературного новаторства не имеют никакого смысла. В этой логике вполне логичен отказ Романенко их учитывать при оценке фанфикшна.

В феномене фанфикшн отразились тенденции современной цифровой эпохи, когда в социальных сетях каждый читатель-пользователь становится также и «автором», отвергающим авторитеты, свободно высказывающим собственное мнение и весьма равнодушным к мнению окружающих. Фанатские сообщества используют все эти возможности, но их объединяет общий интерес к тем или иным текстам, и потому они действуют более или менее согласованно в новых интерпретациях старых сюжетов, героев, событий.

Феномен фанфикшн противоречив. С одной стороны, он возникает на основе «классического» канона, который совместно выбирается фанатами того или иного кино– и литературного текста. В основе выбора, как подчеркивает Романенко по результатам своих исследований, лежит поклонение и эмоциональная привязанность к исходному произведению. С другой стороны, создание фанатского текста является критикой канона и попыткой его трансформации – иногда довольно радикальной. Ш. Пью замечает, что для фанатов канон – это «основа, чтобы писать вопреки», и считает, что фанфики (то есть тексты, написанные фанатами) отвечают на два основных вопроса: «что, если?» и «а что еще?» [13, p. 219].

Принципиальным отличием фантификов (то есть произведений, созданных фанатами) является отношение к текстам или другим воображаемым мирам не как к материалу для чтения, не как к литературному неизменному факту, а как к пространству, куда можно проникнуть и исправить первоначальный сюжет [11, p. 84]. Фанаты говорят о персонажах так, как будто они существуют вне своих книжных образов. Фанаты входят в созданный воображением другого человека мир не как в царство вымысла, а как в реально существующее пространство, в котором они могут жить и могут предначертать книжному герою другую судьбу. Фанаты и дополняют канон, и играют с «пробелами в повествовании, его избыточными деталями, его незаконченными концами и противоречиями для того, чтобы найти возможности для разработки своего мира и размышлений о персонажах» [10, p. 18), а также создают альтернативы по своему предпочтению. При этом «фанаты всегда игнорируют однозначно каноничные аспекты книг, если они мешают историям, которые они хотят создать». Так, Романенко пишет, что одна из участниц ее исследования фанфикшна по русской классической литературе пыталась «исправить» «Войну и мир» таким образом, чтобы больше внимания уделялось ее любимым (и недооцененным, по ее мнению, Толстым) княжне Марье и Николаю Ростову. Фикрайтер (то есть автор фанфика) здесь описывает литературных героев как реальных людей и словно восстанавливает некую истинную линию событий, которой просто не успел уделить времени Лев Толстой [5, с. 174].

Важно отметить, что популярность фанфиков и отсутствие ответственности в связи с несоблюдением авторского права активно используются индустрией развлечений. Так, например, современная

«остиномания» в фанфикшне породила туристические маршруты, костюмированные «исторические» балы, выпуск тематических предметов интерьера и написание линейки романов-сиквелов по романам британской писательницы Джейн Остен. Эти сиквелы жанрах от романтической истории до детектива массово продаются и экранизируются, в том числе теми же кино– и телекомпаниями, в тех же локациях и с теми же актерами, что и изначальные, канонические тексты британской классики [5, с. 172–173]. Ремейки, приквелы, сиквелы и полные перезапуски старых франшиз с учетом культуры отмены и новой этики, в которых культуриндустрия создает новую сюжетную линию с узнаваемыми героями, минимизируют финансовые риски для студий и обеспечивает стабильную популярность продукта. Однако одновременно превращает каждую новую экранизацию в поле идеологической битвы.

Еще одна интересная черта фанфикшн, которую следует отметить, это его преимущественно женский характер. Фанфикшн читают и пишут преимущественно женщины всех возрастов, уровней дохода и образования, любого семейного положения. Как отмечает Самутина, роль женщин-читательниц в развитии современных форм любительского литературного творчества, некоторым образом, напоминает их роль в становлении романа как главного средства литературной коммуникации, инструмента биографического осмысления, проводника вертикальной мобильности на протяжении XIX века. Более того, женские фантики становятся протестом против патриархального традиционализма и потребительства массовой культуры [6, с. 145]. Этот путь трансформации канона использует такие методы, как значительное увеличение в фанфикшне числа женских персонажей по сравнению с каноном, а также поиск забытых писательниц и определение их места в истории литературы [12].

В целом фанфикшн и особенно создание фанонов (фанатских канонов) можно описать и как борьбу с культурными канонами, и как мягкую трансформацию канона, основанную на любви и поклонении. В этом втором варианте фанфикшн, по мнению Романенко, можно считать пересозданием традиционного культурного канона и в даже в некотором смысле возвращением к нему [5, с.183]. Мне эта позиция представляется не совсем верной. С ней можно отчасти согласиться, только если речь идет о личных практиках, «игре в классики», создании продукта для себя. Но массовое распространение таких продуктов с измененными по сравнению с каноном ценностными ориентирами и эстетическими идеалами в цифровой фанатской среде, а тем более их массовое использование культуриндустрией я не могу оценивать как возвращение к канону.

Заключение

Сегодня канон в массовой культуре – это не статичный пантеон, а динамичное, постоянно оспариваемое поле. В этой борьбе сталкиваются интересы медиакорпораций, активистских движений, фан-сообществ и политических сил. Культурные войны превратили каждый новый фильм, каждую экранизацию и каждую литературную премию в политическое высказывание.

В перспективе нас ждет дальнейшая фрагментация: в условиях цифровой экосистемы формируются гибридные каноны, где каждое субкультурное сообщество живет по своим правилам. Возникает парадокс: борьба за пересоздание канона, призванная сделать его более справедливым, может вести к его фрагментации и потере общих смыслов, создавая вместо единой культуры множество враждующих микроканонов. Вопрос о том, возможно ли в таких условиях сохранить общее культурное пространство, остается открытым. Культура отмены не уничтожает канон, а раздробляет его. Теперь у каждого свой список «священных» текстов, и, в сущности, борьба идет не за книги, а за то, чья система ценностей станет общепринятой нормой.

Литература

1. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.
2. Гулин А.В. Лев Толстой как певец Российской Империи // Два века русской классики. 2022, Т. 4, № 2. С. 18–41.
3. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. Пер. с англ. М.: Рипол классик, 2019. 384 с.
4. Письмо о справедливости и открытых дебатах. – URL: http://kulturolog-ia.livejournal.com. Дата обращения 10.07.2026
5. Романенко К.Р. Трансформация канона, борьба с каноном, пересоздание канона как основания культуры фанфикшна // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022, Т. 6, № 2. С. 168–188.
6. Самутина Н.В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013, Т. 12, № 3, с. 137–194.
7. Тактики отмены Джоан Роулинг – URL: https://www.svoboda.org/…/dzhoan-rouling…/31567607.html
8. Bojanowska E.M. Was Tolstoi a Colonial Landlord? The Dilemmas of Private Property and Settler Colonialism on the Bashkir Steppe//Slavic Review, 2022. Vol. 81, № 2. P. 324–348. Перевод опубликован в журнале «Новое литературное обозрение», 2023, № 4, с. 156–183.
9. Gillory J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. – Chicago: The University of Chicago Press. 1993.
10. Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture. – New York: Routledge, 1992.
11. Milli S., Bamman D. Beyond Canonical Texts: A Computational Analysis of Fanfiction// Proceeding of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – 2016. – p. 2048–2053)
12. Pugh S. The Democratic Genre: Fan Fiction in Literary Context. – Bridgend: Seren, 2005.
13. Thompson E.M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism, 2000. Westport, Conn.: Greenwood Press. 239 p.

STRATEGIES FOR RE-CREATING CANON IN POPULAR/DIGITAL CULTURE

Voronina O.A.
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

This article examines one of the global processes of our time: the revision of the canon as the dominant cultural construct created by "dead white European men". The classical canon is a coherent narrative that represents a generalized dominant worldview and system of spiritual, aesthetic, and ethical values in Western culture (primarily in literature). In the era of globalization, multiculturalism, digital media, the emergence of convergent culture, and DEI policies, this classical Western canon is being challenged and rejected. The author describes various approaches to the canon, from radical strategies (culture wars, cancel culture) to more benign ones (the transformation and "re-creation" of the canon in fanfiction practices). The article concludes that today's canon in popular culture is not a static pantheon, but a dynamic, constantly contested field. This struggle brings together the interests of media corporations, activist movements, fan communities, and political forces. Hybrid canons are emerging in the digital environment, where each subcultural community operates by its own rules. A paradox arises: the struggle to recreate the canon, designed to make it more equitable, can lead to its fragmentation and the loss of shared meaning, creating a multitude of warring micro-canons instead of a unified culture. The question of whether it is possible to preserve a common cultural space under such conditions remains open. Cancel culture doesn't destroy the canon, it fragments it. Now everyone has their own list of "sacred" texts, and, in essence, the struggle is not over books, but over whose value system will become the generally accepted norm.

Keywords: canon, culture wars, convergent culture, fanfiction, hybrid canons, values

References

1. Bloom G. The Western Canon: Books and Schools of the Ages / translated from English by D. Kharitonov. Moscow: New Literary Review, 2017. 672 p.
2. Gulin A.V. Leo Tolstoy as a Singer of the Russian Empire // Two Centuries of Russian Classics. 2022, Vol. 4, No. 2. Pp. 18–41.
3. Jenkins G. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. Translated from English. Moscow: Ripol Classic, 2019. 384 p.
4. Letter on Justice and Open Debates. – URL: http://kulturolog-ia.livejournal.com. Accessed July 10, 2026
5. Romanenko K.R. "Transformation of the Canon, the Struggle with the Canon, and the Re-Creation of the Canon as the Basis of Fanfiction Culture" // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2022, Vol. 6, No. 2, Pp. 168–188.
6. Samutina N.V. "Great Readers: Fanfiction as a Form of Literary Experience" // Sociological Review. 2013, Vol. 12, No. 3, Pp. 137–194.
7. Tactics for Cancelling J.K. Rowling – URL: https://www.svoboda.org/…/dzhoan-rouling…/31567607.html
8. Bojanowska E.M. Was Tolstoi a Colonial Landlord? The Dilemmas of Private Property and Settler Colonialism on the Bashkir Steppe//Slavic Review, 2022. Vol. 81, № 2. P. 324–348. Перевод опубликован в журнале «Новое литературное обозрение», 2023, № 4, с. 156–183.
9. Gillory J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. – Chicago: The University of Chicago Press. 1993.
10. Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture. – New York: Routledge, 1992.
11. Milli S., Bamman D. Beyond Canonical Texts: A Computational Analysis of Fanfiction// Proceeding of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – 2016. – p. 2048–2053)
12. Pugh S. The Democratic Genre: Fan Fiction in Literary Context. – Bridgend: Seren, 2005.
13. Thompson E.M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism, 2000. Westport, Conn.: Greenwood Press. 239 p.

Принцип функционально-деятельностной генеалогии сознания

Галухин Андрей Владимирович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: mystolbard@gmail.com

В статье представлена концепция функционально-деятельностной генеалогии сознания, разрабатываемая в русле культурно-исторической теории и деятельностного подхода. Обосновывается тезис о сознании как функционально необходимой форме реализации предметного отношения, конституирующей деятельностную субъектность. Сознание трактуется не как субстанция или эпифеномен, а как диалектическое единство интенциональной направленности на объект и рефлексивной самосоотнесённости, функционально интегрированное в структуру деятельности; при этом самосознание выступает как рефлексия всеобщей формы деятельности – идеального схематизма, удерживающего целостность деятельностного акта. Генезис сознания выводится из деятельностных условий его возникновения: опредмечивания потребности, активного преобразовательного характера отношения к объекту и опосредствования этого отношения культурными орудиями и знаками; показано, что сознание актуализируется через диспозиции к идеализации, которые включают способность выделения всеобщих сущностных определений вещей, их символического опредмечивания и последующего превращения знания в операциональные принципы действия. Переход от идеального к действенному требует обращения к материальным медиаторам сознания – символу и орудию, которые функционально принадлежат идеальному и служат экстенциями сознания, обеспечивая объективацию, трансляцию и операционализацию интенционального импульса в практике. Демонстрируется антиредукционистский потенциал функционально-деятельностного подхода и проводится сопоставление его с современными функционалистскими, репрезентационалистскими и энактивистскими подходами, что позволяет определить его особое место в спектре современных философско-психологических теорий сознания.

Ключевые слова: сознание, деятельность, субъектность, идеальное, рефлексия, самосознание, интенциональность, идеализация, символ, орудие, культурно-историческая теория, деятельностный подход, интериоризация, антиредукционизм, функциональная генеалогия.

Введение

Вопрос о природе и функциональной генеалогии сознания, становясь предметом философской рефлексии на каждом этапе развития универсума философского знания и в различные эпохи жизни культуры, приобретает особую значимость в эпоху Нового времени, когда понимание и осуществление человеческой деятельности как культуры [13, с. 42] оформляется в качестве собственного достояния мировоззренческой трансформации, определившей концептуальный вектор осмысления сознания – движение от понимания души как космически укоренённой и преимущественно созерцательной (что было определяющим для античной и средневековой метафизики) к принципу суверенно-активного «духа» как энергии деятельного самоосуществления человеческой субъектности во всём объёме мировоспроизводящих практик, в авангарде которых полагаются познание («знание-сила», по формуле Фрэнсиса Бэкона) и деятельность.

Функциональный генезис сознания из деятельности представляет собой фундаментальную проблему, постановка которой в теоретически зрелом виде была артикулирована в рационалистическом векторе новоевропейской философии. Сознание, в деятельностной парадигме полагаемое не субстанцией, но функцией – необходимой формой реализации предметного отношения, – выступает конститутивным элементом деятельностной субъектности человека. Трансцендентальный анализ этой субъектности, представленный в немецкой классике, начиная с И. Канта, берёт своё начало в поиске идеальной точки схождения условий возможности деятельности: критика границ разума и условий возможности познания, прорабатывающая вопрос об отношении когнитивных содержаний к разным источникам знания и соотношении познавательных способностей (чувственности как способности к созерцанию и рассудка как способности к понятию) с определением областей их применимости, оказалась продуктивной в плане построения *классической трансцендентально-гносеогенной модели сознания*. Однако уже в системах И.Г. Фихте и особенно Г.В.Ф. Гегеля на первый план выходит диалектика сознания и самосознания, в которой субъектность определяется в единстве двух интенционально-актологических планов: первый из них есть *конститутивная для сознания* предметная направленность на объект, предполагающая фундаментальное различение субъекта и объекта («Я и не-Я») как условие всякого действования, познавательного отношения и преобразования, тогда как второй – *конститутивная для самосознания* обращенность на себя, т.е. распознание субъектом себя в форме абсолютной самоположенности или трансцендентальной значимости, в отличии от всего иного, выделяемого как объект познавательного освоения, использования или преобразования, а также в самоданности через иное, опознаваемое как «свое» иное и подлежащее снятию в высшей форме синтеза, – и это самосознание реализуется не только как предельная форма априорного синтеза у И. Канта, но и в более конкретных формах, конституирующих свойства агента: как рефлексия и контроль над собственными познавательными и практическими актами, а также как осознание интересов и потребностей, «закодированное» в форме определения задач познания и цели деятельности. В самом же процессе деятельности заключена необходимость *сознательного* поддержания её процессуально-предметной целостности – единства антитетически соотносимых определений, достигаемого через диалектику, в которой свойства натурального объекта, выделяемые на основе знания, в преобразовательной деятельности «снимаются», обретая новую предметную форму, соответствующую типу культурного артефакта, идеально предполагаемого в определении цели деятельности; причём ключевую роль в этом процессе играет оперирование «третьими вещами» – орудиями и знаками-символами, которые позволяют идеально удерживать на каждом этапе содержательно развёрнутую целостность деятельности, выступая тем самым не просто вспомогательными средствами, но важнейшим условием самого процесса мышления и сознания.

Сознание в движении деятельности: интенциональность и рефлексивность

Предпосылки генезиса сознания заключены в самих условиях общественно-практического взаимодействия с миром, – условиях, которые в рамках деятельностного подхода, требующего «рассматривать

сознание как особое внутреннее движение, порождаемое движением человеческой деятельности» [9, с. 13] определяются, с одной стороны, через *опредмечивание потребности*, порождающее *мотив* как направляющий вектор деятельности [5, 61–62], а с другой – через утверждение *активного, преобразовательного характера отношения к объекту*, в котором субъект не просто отражает, но конституирует и трансформирует образ предмета в процессе его преобразования, и обоснование значимости *опосредствования этого отношения культурными орудиями и знаками*, придающее деятельности сознательный, целесообразный характер и выводящее субъекта за пределы наличной ситуации. С одной стороны, сознание «общественного человека» в его культурно развитых формах составляет саму возможность такого взаимодействия, будучи функционально встроенным в саму деятельность и ею детерминируемым; подчиняясь императивам перформативной реализации через предметное действие и условиям координации деятельностных актов, сознание в то же самое время способно развиваться, превосходя предметно специфические ограничения и утверждая себя как достояние субъекта и условие его социально-культурной агентности, потенциал которой возрастает по мере формирования человеком разнообразных деятельных способностей.

В своем феноменологически первичном виде сознание проявляется через *интенциональность*, т.е. направленность, посредством которой субъект выступает в модусе соотнесенности с объектом [1, с.80], характер которой определяется тем, что объект лишь *по видимости* может быть объектом незаинтересованного созерцания, но выделяется *уже* в горизонте интересов потребностей и целей субъекта, удовлетворение и реализация которых культурно нормальными способами требует возрастания от стихийного до *сознательно* действия и пределе реализуются через *знание* и *умение*, т.е. опосредствованы задействованием когнитивных и деятельных способностей (так, например, А.Н. Леонтьев доказывал, что «в самом потребностном состоянии субъекта предмет, который способен удовлетворить потребность, жестко не записан; …он еще должен быть обнаружен» и лишь в деятельности «приобретает свою предметность», становясь мотивом, который «побуждает и направляет на себя деятельность» [9, с. 80]. Собственно, целенаправленное деятельное преобразование объекта предполагает движение в рамках эпистемически артикулированного принципа вещи – всеобщих сущностных определений, которые должны стать предметом знания, чтобы можно было, двигаясь в этих определениях (по Гегелю, мышление именно и есть движение [познания] в определениях вещи, при этом всеобщее, порождаемое этим движением, обладает значением “сути дела, существенного, внутреннего, истинного”» [2, с. 116]), обращаться с объектом со-знанием дела (сознательно!). Однако эта интенциональная соотнесенность в многообразии ее модусов подвергается диалектическому снятию посредством рефлексивного движения, в котором объект трансформируется в представление-для-субъекта как объект, конституированный в порядке объективирующей деятельности сознания, тогда как субъект становится представлением-для-себя-самого, то есть как сущее, соотносящееся с объектом в модусе рефлексивной самотематизации, в поле которой вырабатываются и высшие исполнительные функции сознания, позволяющие планировать, контролировать, оценивать и регулировать деятельность (и выстраивать поведение в целом).

Самосознание как условие целостности деятельности

Для удержания самотождественности как трансцендентальной предпосылки идеального воспроизведения целостности деятельности в процессе сознательного обращения к предметам функционально актуализируется *самосознание*, – в классической философии самосознание тематизировалось не только как фундаментальный атрибут субъектности, но и как сфера исключительной достоверности и условие синтеза многообразия деятельных осуществлений. Так, Р. Декарт полагал утверждение собственного существования как мыслящей вещи, схватываемого в акте cogito, совершенно достоверным, – именно в мышлении как самосоотнесении «Я» обретает свою достоверность прежде всякого познания внешнего мира (в картезианстве, по замечанию Хайдеггера, «правит скрытое отношение к Я как к достоверности самого себя и представляемого» [14, с. 185], – на первый план выходит *проблема сознания как самосознания*, сопровождающего душевную активность); И. Кант обосновывал трансцендентально-синтетическую функцию самосознания, проводя принципиальное различие между *эмпирическим самосознанием* (внутренний опыт) и *трансцендентальной аппрецепцией* – сознанием «Я мыслю», которое должно сопровождать все мои представления и оставаться одним и тем же во всяком сознании, что делает его высшим основоположением знания, лежащим в основе единства опыта; для И.Г. Фихте самосознание «Я есть Я» становится абсолютно достоверным актом свободы и дела-действия, совпадающим с самим порождением субъекта, а не просто констатацией факта или утверждением идентичности; наконец, Г.В.Ф. Гегель, принимая самосознание как «истину сознания», трактовал его не как готовую данность, а как развивающуюся форму, проходящую ступени от вожделеющего (единичного) и признающего (особенного) до всеобщего самосознания, в котором Я постигает себя в Другом и через усвоение общих принципов культуры достигает своей истины как «всеобщее самосознание» [4, с.92–12], – и именно эта диалектика единичного, особенного и всеобщего составляет ядро деятельностного истолкования самосознания, адаптированное в рамках функционально-генетического подхода. Классическая парадигмальная линия понимания самосознания, реконструированная в ее узловых моментах, задаёт концептуальный горизонт, в котором самосознание предстаёт не как эмпирический факт внутреннего опыта, но как функционально необходимое условие самой возможности субъектности, – и именно в этом качестве оно актуализируется в процессе феноменологического погружения в предметное содержание деятельностных полаганий: такое погружение и его сознательная проработка предполагают конститутивную *соотнесенность с Я как чистой формой тождества* – отнесенность ко всеобщему, неизменно удерживаемому трансцендентальному единству непосредственно рефлектированной в себя субъектности. Субъектность на этом уровне определяется в модусе идеальности – как чистая форма самотождественности, заключающая в себе трансцендентальный принцип условий возможности всех содержательных развертываний, поскольку они конституируются как предметные. Такой идеальный онтологический статус Я означает трансцендентную по отношению к содержательным предикациям самообоснованность; соответственно, функциональная атрибуция субъектности, исходя из указанных оснований, не может быть произведена по отношению к партикулярному – ментальному или соматическому – состоянию как эмпирической данности. Актуальность самосознания совпадает с рефлексией-в-себя во *всеобщем смысле* – с удержанием сознательно воспроизводимого отношения-различия субъекта и предмета посредством трансцендентального единства самосоотнесенности, в котором манифестируется рефлексия всеобщей формы деятельности – идеального схематизма как априорной структуры опыта. Опираясь на этот трансцендентальный схематизм, субъект обретает способность к свободной организации своего движения в любом предметном содержании, выстраивая реальную схему деятельности *со знанием дела* – то есть в модусе сознательности как формы рефлексивного самообладания. И именно эта способность выстраивания деятельности *со знанием*, которое есть одновременно и знание предмета, и знание себя в отношении к предмету, доводимое до *самосознания*, определяет со-знательный статус деятельности [11], – такой именно деятельности, в которой рефлексия определений действительности выступает в форме *рефлектированной в себя субъектности*, втягивающей в себя объективное выражение пределов вещей, в которых вещи рефлексивно обращены на себя, так что эта саморефлексия в актологических формах субъектности проявляется как деятельность самосознания в его противо-взаимосоположенности с сознанием. Таким образом, диалектическое единство сознания и самосознания образует трансцендентальный фундамент субъектности, обеспечивающий возможность воспроизведения процессуально-предметной целостности деятельности, – и этот фундамент становится исходной точкой для понимания онтологической природы самого сознания. Однако в данной теоретической перспективе этот фундамент остаётся формальным – он указывает на *условия* сознательного действования, но ещё не раскрывает его *содержательного* осуществления. Деятельность, чтобы быть *сознательной*, требует не только формальной способности субъекта к самоудержанию в актах рефлексии, но и *содержательного* наполнения – такого знания предмета, которое позволяет субъекту не просто удерживать себя в каждый момент деятельности, осуществляя операциональный контроль в порядке её планомерного осуществления, но и *сознавать* её предметное содержание, т.е. соотносить форму естественного объекта с формой конечного продукта, удерживая в идеальной форме определения вещей в процессе их преобразования.

Сознание и идеальное как форма деятельности

В способности действовать со знанием, т.е. оперировать таким знанием, которое необходимо входит в план сознательного осуществления деятельности, проявляется фундаментальная диспозиция к воссозданию *идеального* и превращению его в форму деятельности субъекта, ибо деятельность предполагает процесс идеализации, т.е. выявление сущностного принципа вещи и осмысленное движение в системе категориально артикулируемых идеальных определений, выражающих истину предметного содержания в его преобразовательном развитии. Поэтому анализ трансцендентальных условий возможности деятельности должен быть восполнен исследованием онтологической приро-

ды идеальности сознания, что должно дать принцип для объяснения того, каким образом сознание, будучи функцией субъектности, обретает способность схватывать всеобщее и преобразовывать его в силу деятельного отношения к миру.

В своих наиболее развитых формах сознание «действует как освобожденное от всякой партикулярности частных свойств, состояний и т.д. и производит лишь всеобщее» [2, с. 120]. В этой способности производить всеобщее просматривается онтологическая природа идеальности сознания, которое, трансцендируя субъективное «малое бытие», устремляется к «большому бытию», опираясь на актуализированную тенденцию последнего к выражению своих универсалий [10, с. 172–173]. Идеальность как диспозиция сознания обнаруживает себя прежде всего, как способность к категориально определенному выражению всеобщего, заключенного в самой действительности, – как выявление сущности и меры любого модуса бытия. Бытие в сознании предполагает способность субъекта, оперируя идеальными формами, не просто воссоздавать или конструировать предмет, но выделять существенное в предмете и соотносить его всеобщие определения с собственным деятельным отношением к нему [11, с. 37–38]. В акте деятельности субъект, наделенный знанием, соотносится с вещами посредством идеального выражения их сущностного принципа; но это знание преображается в силу, поскольку трансформируется в форму деятельной активности субъекта (в способ действия «мыслящего тела», строящего свою активность сообразно форме внешней вещи, – то есть само знание, чтобы стать силой, должно быть не просто содержанием сознания, но принципом деятельного отношения к миру), – в этой системе *идеальное*, по определению Э.В. Ильенкова, предстает как «активная общественно-человеческая форма деятельности», соответствующая форме ее предмета и продукта [6, с. 216]. Сознание, следовательно, не существует вне диалектического единства знания, актуализированного в деятельной форме, и объективного предметного содержания, и актуализация сознания в деятельности детерминируется необходимостью соотнесения плана действия с идеально снятым образом предмета, который, в свою очередь, преобразуется в форму самой деятельности. В этом единстве раскрывается подлинная природа сознания как синтеза конечного и бесконечного, эмпирического и трансцендентального: субъект одновременно и погружен в бытие, и возвышается над ним, конституируя его в акте идеального снятия.

Сознание в структуре деятельных способностей

Итак, сама по себе способность к идеализации, будучи необходимой для выделения сущностного принципа вещи и его идеального представления, остаётся на уровне когнитивной способности, активизация которой даёт знание о предмете; но для того, чтобы сознание актуализировалось как способность *действовать* со знанием, идеально выделенные всеобщие определения должны стать не просто содержанием познания, но операциональными принципами самой деятельности. Таким образом, сознательное действование предполагает не просто *знание* сущностного принципа вещи, но и оперирование этим знанием, т.е. такое обращение с идеальным образом, при котором он не остаётся пассивным представлением или теоретической моделью, а приобретает статус операционального конструкта – встраивается в схему деятельности и становится руководящим принципом преобразовательного акта. Такое оперирование требует не только когнитивных, но и *деятельных способностей*, позволяющих субъекту не просто узнавать всеобщее в вещи, но и выражать его в знаковой форме и воспроизводить его в материале практики; иными словами, сознание как способность действовать со знанием актуализируется лишь тогда, когда субъект присваивает себе не просто знания о вещах, но и *способы деятельности с ними*, т.е. формирует деятельные способности. Более того, условием достижения *всеобщности агентного самосознания*, которому соответствует полнота актуализации сознания как функции деятельности, выступает не просто осознание себя в границах конечной предметно-деятельностной ситуации, но выстраивание сознания себя – трансперсональной интеллигенции – в горизонте, который формируется через *присвоение субъектом универсальных деятельных способностей*, – таких способов действия, которые, будучи выработанными в совокупном общественно-историческом опыте, позволяют субъекту сознательно работать с любым предметным содержанием, выделяя в преобразуемых вещах их всеобщее – закон и принцип существования, – и тем самым трансформировать действительность сообразно «познанной необходимости». Именно это присвоение всеобщего, осуществляемое через интериоризацию культурно закреплённых форм деятельности, составляет подлинное содержание агентного самосознания, которое, по выражению Гегеля, «развивает простую идеальность «Я» до реального различия, снимая свою одностороннюю субъективность, даёт себе объективность» [3, с.235], становясь в пределе всеобщим самосознанием; и это означает не просто расширение знания, но радикальное изменение онтологического статуса самого субъекта – в своем кооперативно-общественном бытии он перестаёт быть лишь носителем способностей и обретает качество силы, организующей действительность. Субъектность, достигающая своей полноты в присвоении *универсальных деятельных способностей*, в идеальной форме присваивает себе всеобщие определения действительности, постигая истину самих вещей, которая отныне обретает субъектное измерение, поскольку идеальное выступает формой деятельности. В этом процессе «Я» возвышается до статуса всеобщей силы действительности, организующей и управляющей объективными отношениями в соответствии с их внутренним принципом, который в снятом виде «погружается» в основание самобытия человека как социально-культурного существа.

Символ и орудие: материальные медиаторы сознания

Однако теоретически обоснованный синтез сознания и самосознания, как и дальнейшая разработка проблемы деятельностной генеалогии сознания, ставит перед нами вопрос, который требует выхода за рамки одного лишь спекулятивного подхода: каким образом эта всеобщая сила действительности, будучи присвоенной субъектом в форме идеальных определений, обретает действенную силу в материальном мире, если она принципиально нередуцируема к наличной телесности субъекта? Ответ на этот вопрос требует обращения к тому, что в деятельностной парадигме выступает в качестве *материальных медиаторов* сознания, – к символическим и орудийным формам, которые, будучи телесными по своему составу, функционально принадлежат порядку идеального (т.е. их материальность есть не сущность, а лишь условие их деятельной функции) и опосредуют отношение Я и не-Я, сознания и самосознания в самом акте преобразовательной деятельности.

Идеальность как фундаментальная диспозиция сознания не исчерпывается одной лишь способностью к снятию всеобщих предметных форм в порядке реального взаимодействия и их идеальному представлению; сущность идеальности сознания заключается в её деятельной природе – в способности к *мыследеятельному преобразованию самих идеальных форм* [6, с.224], ибо работа с категориально различимыми идеальными определениями вещей, необходимо опосредующая деятельность, составляет условие того, что сама деятельность включает *мышление* и, следовательно, осуществляется как комплекс *сознательных актов* субъекта. Именно в этой работе – в оперировании идеальными формами, в их различении, соотнесении и преобразовании – сознание функционально заявляет о себе как мышление. Но такое преобразование, будучи *особенным моментом превращения идеального в форму деятельности* субъекта, требует «отелеснивания» идеальных форм – их воплощения в символе, знаке или языке, – ибо, по определению Э.В. Ильенкова, идеальное существует там, где одно тело становится репрезентативным заместителем («символом») другого, воплощая всеобщую меру его бытия. Ильенков поясняет «диалектику идеального», определяя процесс, в котором идеальное существует, как «непрерывный цикл превращений: «вещь – дело – слово – дело – вещь. В постоянно возобновляющемся циклическом движении только и существует идеальное…» [6, с.218]. Именно этот циклический переход от вещи через деятельность к слову (символу) и обратно к вещи и составляет процесс, в котором идеальное воссоздается, приобретая статус активной общественно-человеческой формы деятельности. В этом цикле происходит символическое замещение, когда одна вещь представляет всеобщую природу другой, и в этом замещении, функционально опосредующем их отношение в системе деятельности, *идеальное возникает как объективное отношение.* Но в той мере, в какой язык необходим для мышления, символическое замещение составляет также необходимое условие работы с идеальными формами – той самой работы, которая формально составляет мышление и, как было уже сказано, является особенным моментом превращения идеального в форму активной деятельности субъекта. Именно в этом обращении идеального в деятельностную форму сознание и самосознание находят свою подлинную реализацию как актологические модусы деятельного «Я».

Символ как «тело идеального образа» [6, с. 219] выполняет роль воплощения (отелеснивания), придающего идеальному операциональность и делающего его доступным для оперирования, трансляции и включения в практику, – без символической операционализации деятельность оставалась бы бессознательным движением в «истине предмета», лишённым рефлексивной дистанции и возможности преобразования самих идеальных форм; в этой систематике определений язык, знаковые системы и культурные артефакты суть символические тела, через которые идеальное обретает историческую конкретность. При этом язык, как подчёркивал А.Н. Леонтьев, выступает не как источ-

ник или «демиург» сознания, а как «форма его существования», практическое сознание, существующее и для других, и тем самым для себя [9, с. 26], – и в этом смысле сознание есть продукт общественных отношений, которые реализуются через деятельность индивидов и лишь опосредствованно – через их мозг и органы чувств. Основная же функция символа, как доказывал Э.В. Ильенков, «состоит как раз в том, чтобы быть телом идеального образа внешней вещи, точнее – закона ее существования, всеобщего» [6, с. 222], – того всеобщего, которое получает предельное выражение в категориях мышления. Однако природа телесной формы выражения идеального не тождественна самому идеальному: символ, будучи инструментом раскрытия сущности оригинала, обеспечивает выражение его всеобщего принципа, и хотя символ обладает свободой, свобода эта есть не свобода бытия sui generis, но свобода реализации его деятельной функции – выражения всеобщего, а потенциально и бесконечного содержания. Функция эта в содержательном плане индифферентна к семиотической или натуралистической телесности символа, будучи определённой исключительно в системе целостных отношений, – подобно тому, как в системе производства, обмена и потребления форма стоимости остаётся независимой от «натурального тела» товара, в котором она представлена, – это форма *идеальная* [7, с. 243].

Орудие, которое некоторые философы рассматривали как «органопроекцию» (выражение Э. Каппа) реальной телесности [12, с.402], представляет собой высшую форму синтеза идеального и символического в материальности. Но орудие – это такая «органопроекция» реальной телесности, в которой выражение способа деятельности субъекта, явленное в форме орудийного тела и способе его функционирования, совпадает с выражением всеобщей сущностной формы того объективно-предметного содержания, для преобразовательного движения в котором создана сама эта орудийная форма. И, конечно же, орудие есть не просто «продолжение» телесного органа, но овеществлённая экстенция сознания – такой материализованный канал, через который интенциональный импульс, т.е. направленность сознания на предмет, трансформируется в реальное деяние, обретая в материальном преобразовании свою действенную силу; иными словами, орудие операционализирует интенцию, превращая её из субъективного полагания в объективное отношение к вещи, и в этом качестве оно выступает как материальный медиатор, транслирующий сознательное усилие в изменение формы предмета, – так что через орудие сознание, оставаясь идеальным по своей природе, непосредственно участвует в материальном преобразовании. В гносеологическом аспекте орудие опредмечивает знание о сущности объекта, спецификацией которого служит представление об особенностях материала, и знание цели его преобразования, спецификацией которого служит представление о том, что должно быть получено как результат применения орудия к материалу, –форма орудия вырабатывается, исходя из понимания всеобщего принципа преобразуемого предметного содержания, и является таковой в силу определенного инструментального предназначения, т.е. подчиняется принципу целесообразности. В праксиологическом аспекте орудие воплощает принцип способа деятельности, – рефлексия этого способа есть момент самосознания, а само орудие выступает материализованной схемой действия, закодированной в его телесной форме. Орудие опосредует соотнесение формы объекта с формой продукта, поскольку его собственная форма выражает и познанную необходимость вещи (ибо орудие предназначено к тому, чтобы работать с определенным материалом), и целеполагающую волю субъекта (ибо в форме орудия закодировано предвосхищение продукта), – и в этом двойном отношении орудие выступает вещественно-предметным выражением схематизма деятельности, удерживающим единство объективного и субъективного в самом акте преобразования, средством которого оно служит. В орудийном составе деятельности запечатлено соотношение объективно выраженной предметности сознания и самосознания, ибо орудие представляет материальную точку их схождения – «завязывания» своих предметов на материале «третьей вещи», опосредующей отношения Я и не-Я. Орудие не только служит необходимым медиатором и материальной опорой для интенционально-деятельных экстенций сознания, – через отношение к орудийности субъект оказывается способен отрефлексировать сам способ деятельности: поскольку изменения способа деятельности объективируются в изменениях орудий, орудие выступает артефактически-предметным выражением рефлексии всеобщей формы деятельности. Как координатор двух планов – мыследеятельного оперирования идеальными формами и реального орудийно опосредованного преобразования, – сознание удерживает их единство в самом акте деятельности, фиксируя, как «мнимый фокус задержанного действия» [12, с. 401], момент снятия природного импульса и его превращения в энергию деятельности.

Триада «идеальное–символ–орудие» обретает своё единство и динамику исключительно в системе деятельности как самотрансцендирующей практики, и каждый из этих моментов выполняет строго определённую функцию: *идеальное* задаёт всеобщую форму предмета и принцип его преобразования; *символ* обеспечивает объективацию и трансляцию этого принципа, делая его достоянием культуры; *орудие* операционализирует его, встраивая в реальный процесс материального преобразования. Однако ни один из этих моментов, взятый в отдельности, не обеспечивает энергийного выражения сущности сознания: идеальное без символического воплощения остаётся неразличимым и неоперационализируемым; символ без деятельной опоры на орудийность – пустым знаком, лишённым преобразовательной силы; орудие без идеального принципа – функционально бессодержательным артефактом. Быть в сознании означает находиться в процессе живого противоречия, разрешаемого через постоянное опосредование между всеобщим и единичным, субъективным и объективным, внутренним и внешним, –это опосредование носит *рефлексивный* характер и осуществляется именно через *функциональное единство триады* «идеальное–символ–орудие», в котором каждый элемент одновременно и необходим, и недостаточен сам по себе, поскольку обретает свою действенность лишь в целостном процессе деятельности. Именно это обстоятельство обусловливает принципиальную нередуцируемость сознания к нейрофизиологическим субстратам (физикализм), к семиотическим системам (радикальный структурализм), к инструментальным артефактам (технологический детерминизм.

Обоснование антиредукционизма в объяснении генеалогии сознания

Теория функционально-деятельностной генеалогии сознания обеспечивает такой план понимания объяснения генезиса сознания и определения его функций, в котором определяются основания для утверждения принципиальной несводимости сознания.

(1) Сознание несводимо к нейрофизиологическим субстратам (физикализм), поскольку по своей функциональной генеалогии сознание фундировано не мозгом как естественно-телесным органом, но конкретным порядком предметно-преобразовательной деятельности, в котором оно (сознание) выступает как функция – необходимая форма реализации предметного отношения, опосредующая преобразование вещей и рефлексивно удерживающая целостность деятельностного акта. Посылки комплексного аргумента в пользу антиредкционизма были представлены Э.В. Ильенковым в полемике с Д.И. Дубровским по вопросу о природе идеального. Ильенков настаивал на том, что *идеальное* есть не «информация, актуализируемая мозгом для личности», как полагал Дубровский, а объективная форма общественно-человеческой деятельности, существующая в языке, орудиях, знаковых системах и культурных практиках: «Идеальное ни в коем случае не сводимо к состоянию той материи, которая находится под черепной крышкой индивида, т.е. мозга. Оно есть особая функция человека как субъекта общественно-трудовой деятельности, совершающейся в формах, созданных предшествующим развитием» [6, с.215]. Основной антиредукционистский аргумент можно представить в форме силлогизма: (1) идеальное не есть функция мозга, но объективная форма общественно-человеческой деятельности; (2) сознание же есть функциональная актуализация идеального в деятельности субъекта – не как мышление (оперирование формами), а как рефлексивное единство этого оперирования с предметным действием, т.е. как способность субъекта удерживать тождество идеального содержания и деятельностного акта; следовательно, сознание не может быть сведено к нейродинамическим процессам, ибо его сущность имеет деятельностно-культурную природу, а не натуралистически-детерминативные основания. Мозг, безусловно, есть необходимое материальное условие осуществления сознания, но не его генетическое основание; физикализм совершает ошибку, смешивая условие с сущностью. Иначе говоря, сознание и его идеальное содержание не локализованы в нейродинамических процессах, но суть продукты и условия социально-деятельностного опосредования, которые лишь присваиваются индивидом через интериоризацию культурных форм. Кроме того, попытка свести сознание к мозговым коррелятам упускает именно то, что составляет его специфику: предметно-смысловое содержание, не существующее вне поля деятельности и культуры.

(2) Сознание несводимо к семиотическим системам (радикальный структурализм), поскольку символы и знаки суть средства объективации и трансляции идеального содержания, но не его сущность; сколь бы ни была развита семиотическая система, она остаётся лишь «телом» идеального образа, тогда как сам идеальный образ есть функция деятельности, а не порождение знаковых кодов; знак без деятельностного контекста, без практического отношения к предмету не по-

рождает сознания, но лишь выразительно опредмечивает смыслы, уже сложившиеся в совместной коммуникативно опосредованной культуротворчески продуктивной деятельности. Таким образом, структуралистская редукция сознания к языку или знаковым системам совершает ту же ошибку, что и физикализм, а именно – подменяет *условие выражения* сознания его *генетическим основание*.

(3) Сознание несводимо к инструментальным артефактам (технологический детерминизм), ибо орудия, будучи материализованными схемами деятельности и «органопроекциями» человеческой телесности, операционализируют сознание, т.е. делают возможным его деятельное осуществление, но не исчерпывают потенциал его экстенций в деятельности; орудие – это лишь застывший, опредмеченный момент деятельности, тогда как сознание есть сам процесс деятельности в его живом, рефлексивно-опосредованном развертывании, так что технологический детерминизм, сводящий сознание к системе орудий, игнорирует тот фундаментальный факт, что орудие само по себе остаётся адиафорическим предметом до тех пор, пока не включено в живое деятельное отношение субъекта к миру; лишь в этом отношении оно становится объективной инструментально-энергийной экстенцией сознания.

Заключение

Представленная в данной статье теория функционально-деятельностной генеалогии сознания занимает особое место в спектре современных философских подходов к сознанию. Так, от классического *физикализма*, как было показано выше, теорию функционально-деятельностной генеалогии сознания отличает принципиальный отказ от редукции: сознание не есть мозг, не есть функция мозга и не есть каузально-ролевой фактор в нейронной сети, ибо сознание фундировано не природой, а историей, не биологией, а культурой, не телом индивида, а совокупным телом общественно-исторической практики. С *функционализмом* (Блок, Деннет, Баарс) эту теорию сближает последовательная экспликация общего принципа, согласно которому сознание следует рассматривать не как субстанцию, а как функцию в системе отношений, определяющих способ организации деятельности: сознание обеспечивает не только гибкий контроль и интеграцию информации, но и целеполагание, планирование, рефлексивную регуляцию, удержание целостности деятельностного акта и смыслообразование, – т.е. весь комплекс операций, необходимых для сознательного преобразования действительности. Однако, в отличие от классического функционализма, редуцирующего сознание к каузальным ролям в рамках когнитивной системы (глобальное рабочее пространство, сознание доступа), деятельностный подход вскрывает генетическое основание этих функций: высшие функции сознания возникают не как свойства нейронных сетей, а как формы общественно-исторической практики, опосредованные культурными орудиями и знаками. С *высокоуровневыми* теориями (Розенталь, Ликан) данную теорию сближает признание рефлексивной природы сознания: реализация сознательного отношения предполагает способность «знать о знании» – в рефлексивном движении знание объекта опосредствуется знанием собственного отношения к нему и опознанием себя в этом отношении как субъекта, что позволяет удерживать самосоотнесённость на каждом этапе деятельности. Однако, в отличие от ВУ-теорий, возводящих рефлексию к мета-ментальным состояниям индивидуального мозга, деятельностный подход локализует её не в «голове», а в структуре самой деятельности: самосознание есть не интроспективное самонаблюдение, но акт практического самоопределения субъекта через рефлексию всеобщей формы деятельности как идеального схематизма, удерживающего целостность деятельностного акта в процессе его планирования и осуществления. С *репрезентационализмом* (Тай, Дрецке) функционально-деятельностную теорию сближает признание того, что актуализация сознания в деятельности включает момент мыследеятельного оперирования содержанием – выделение всеобщего (т.е. всеобщих форм вещей), представляемого в идеальной форме, и оперирование этими формами, – так знание о предмете становится принципом его преобразования и организует выработку схемы деятельности. Однако, в отличие от репрезентационализма, трактующего репрезентацию как отношение «субъект – мир» через внутренние ментальные модели, деятельностный подход рассматривает это оперирование не как механизм репрезентации, а как функциональный модус сознания, в котором оно заявляет о себе как мышление. При этом всеобщие формы вещей не порождаются сознанием, а выявляются в процессе познавательной практики и выразительно опредмечиваются в языке, орудиях и символах. Наконец, с *энактивизмом* (Варела, Томпсон, Рош) представленная теория разделяет отказ от репрезентационализма, понимание познания как воплощённого действия и признание активного конституирования опыта. Однако энактивизм объясняет сознание через автопоэзис и структурное сопряжение организма со средой [8, 70–72], оставаясь в пределах онтогенетического и биологического объяснения. Теория функционально-деятельностной генеалогии сознания, расширенная до теории культурно-исторической деятельности, напротив, вводит историко-генетическое измерение: сознание возникает не из жизни организма, но из общественно-исторической практики, опосредованной орудиями и знаками, и потому фундировано не природой, а социокультурно-деятельностными основаниями. Тем самым функционально-деятельностный подход снимает ограничения энактивизма, обладая ресурсами для объяснения не только того, как сознание связано с действием, но и того, почему оно возникает, каково его подлинное содержание и как оно связано в пределе с содержанием коллективного, исторически развивающегося опыта, присваиваемого индивидом через интериоризацию культурных форм в процессе работы с предметами, созданными человеком для человека.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. / сост., общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2: Философская пропедевтика. – С. 6–209.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1: Наука логики. – 452 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. – М.: Мысль, 1977. – Т. 3: Философия духа. – 471 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета; отв. ред., пер. примеч. и авт. послесл. М.Ф. Быкова. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
5. Давыдов В.В., Зинченко В.П., Талызина Н.Ф. Проблема деятельности в работах А.Н. Леонтьева // Вопросы психологии. – 1982. – № 4. – С. 61–67.
6. Ильенков Э.В. Материалистическое понимание мышления как предмета логики // Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 212–228.
7. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 229–270.
8. Князева Е.Н. Понятие Umwelt Я. фон Икскюля и перспективы экологической мысли // Вестник Международной академии наук. Русская секция. – 2014. – № 1. – С. 68–74.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2004. – 352 с.
10. Лифшиц Мих. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 361 с.
11. Мареев С.Н. Рефлексивная природа сознания // Эпистемология & философия науки. – 2010. – Т. XXVI, № 4. – С. 35–52.
12. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 2000. – Т. 3 (1). – 622 с.
13. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 41–62.
14. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 177–192.

THE PRINCIPLE OF THE ACTIVITY-BASED FUNCTIONAL GENEALOGY OF CONSCIOUSNESS

Galukhin A.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The article advances a concept of the functional-activity genealogy of consciousness, rooted in cultural-historical theory and the activity approach. Consciousness is argued to be not a substance but a function –the necessary mode through which object-relations are enacted as subject-matter relations, thereby constituting activity-based agency. Consciousness is treated as a dialectical unity of intentional directedness toward the object and reflective self-relatedness, functionally embedded in the structure of activity; self-consciousness is understood as reflection upon the universal form of activity–an ideal schematism that preserves the integrity of the action. The genesis of consciousness is derived from its activity-based conditions: the objectification of needs, the transformative character of object-engagement, and its mediation by cultural tools and signs. Consciousness is actualized through dispositions to idealization–the capacity to extract universal essential determinations of things, symbolically objectify them, and convert knowledge into operational principles governing action. This transition from the ideal to the effective requires material mediators–symbol and tool–which, while corporeal, belong functionally to the ideal order and act as extensions of consciousness, enabling the objectification, transmission, and operationalization of intentional impulses in practice. The anti-reductionist import of the approach is demonstrated, and its distinctive position is mapped against contemporary functionalist, representationalist, and enactivist theories.

Keywords: consciousness, activity, agency, the ideal, reflection, self-consciousness, intentionality, idealization, symbol, tool, cultural-historical theory, activity approach, internalization, anti-reductionism, functional genealogy.

References

1. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let: v 2 t. / sost., obshch. red. A.V. Gulygi. – M.: Mysl', 1971. – T. 2: Filosofskaya propedevtika. – S. 6–209.
2. Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. – M.: Mysl', 1974. – T. 1: Nauka logiki. – 452 s.
3. Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. – M.: Mysl', 1977. – T. 3: Filosofiya dukha. – 471 s.
4. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha / per. s nem. G.G. Shpeta; otv. red., per. primech. i avt. poslesl. M.F. Bykova. – M.: Nauka, 2000. – 495 s.
5. Davydov V.V., Zinchenko V.P., Talyzina N.F. Problema deyatel'nosti v rabotakh A.N. Leont'eva // Voprosy psikhologii. – 1982. – № 4. – S. 61–67.
6. Il'enkov E.V. Materialisticheskoe ponimanie myshleniya kak predmeta logiki // Il'enkov E.V. Filosofiya i kul'tura. – M.: Politizdat, 1991. – S. 212–228.
7. Il'enkov E.V. Dialektika ideal'nogo // Il'enkov E.V. Filosofiya i kul'tura. – M.: Politizdat, 1991. – S. 229–270.
8. Knyazeva E.N. Ponyatie Umwelt Ya. fon Ikskyulya i perspektivy ekologicheskoy mysli // Vestnik Mezhdunarodnoy akademii nauk. Russkaya sektsiya. – 2014. – № 1. – S. 68–74.
9. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. – M.: Smysl; Akademiya, 2004. – 352 s.
10. Lifshits Mikh. Dialog s Eval'dom Il'enkovym (Problema ideal'nogo). – M.: Progress-Traditsiya, 2003. – 361 s.
11. Mareev S.N. Refleksivnaya priroda soznaniya // Epistemologiya & filosofiya nauki. – 2010. – T. XXVI, № 4. – S. 35–52.
12. Florenskiy P.A. U vodorazdelov mysli // Sochineniya: v 4 t. – M.: Mysl', 2000. – T. 3 (1). – 622 s.
13. Kheydegger M. Vremya kartiny mira // Kheydegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya / per. s nem. – M.: Respublika, 1993. – S. 41–62.
14. Kheydegger M. Preodolenie metafiziki // Kheydegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya / per. s nem. – M.: Respublika, 1993. – S. 177–192.

Гуманитарные технологии в социально-экологическом проектировании будущего России

Камышев Леонид Алексеевич,
аспирант кафедры истории и философии, РЭУ
имени Г.В. Плеханова
E-mail: lkamyshev@yandex.ru

В статье рассматриваются гуманитарные технологии в контексте социально-экологического проектирования образов будущего России. Автор показывает, что современные социальные изменения сопровождаются не только технологическими сдвигами, но и кризисом ценностных ориентиров, снижением уровня доверия и фрагментацией общественного сознания. В этих условиях возрастает значение практик, направленных на формирование смыслов, установок и форм взаимодействия между людьми. Раскрывается мысль, что гуманитарные технологии ориентированы на работу с внутренними основаниями социальной жизни – сознанием, культурой, идентичностью – и позволяют включать человека в процессы осмысления и преобразования общественных процессов. В рамках социально-экологического подхода они исследуются как элемент формирования будущего России, ее качественно иной среды, основанной на ответственности, диалоге и ценностной согласованности. Отдельное внимание уделяется ограничениям их применения. Отмечается, что в определённых социокультурных условиях гуманитарные технологии могут терять содержательную глубину или использоваться в манипулятивных целях, что требует включения экофилософской экспертизы к их разработке и внедрению.

Ключевые слова: гуманитарные технологии, социально-экологическое проектирование, духовно-культурная безопасность, социальная экология, экофилософия, ценности, идентичность, устойчивое развитие, социальная среда, коммуникация.

В условиях ускоряющихся социальных трансформаций, глобализационных процессов и нарастающей нестабильности культурно-ценностных оснований общественного развития проблема проектирования будущего России приобретает принципиально новый характер. Современные вызовы – от фрагментации общественного сознания и кризиса идентичности до усиления манипулятивных информационных воздействий и девальвации гуманистических ориентиров – демонстрируют ограниченность преимущественно технократических моделей управления и развития. Становится очевидным, что устойчивость общества не может быть обеспечена исключительно за счёт экономических, политических или технологических инструментов, поскольку ключевым ресурсом развития выступает человек как носитель смыслов, ценностей и культурных кодов. Согласимся с утверждением Э.В. Барковой в том, что «очевидным стал рост рисков их осуществления для Жизни человека и всей Земли, что открыло востребованность безотлагательного поиска в отечественной науке путей обновления Российского и цивилизационно-планетарного развития на основе футурологии жизнеутверждающего мироотношения». [1, с.161]

В этой связи особую актуальность приобретает обращение к гуманитарным технологиям как специфическому типу социального воздействия, направленного на формирование ценностно-смысловой сферы личности и общества, развитие способности к диалогу, рефлексии и ответственному отношению к будущему.

«Несмотря на то, что во внешнем медиаполе преобладает информация о стремительном развитии информационных, цифровых технологий, транслируются инновации в сферах IT и AI, практика показывает, что реально востребованными сегодня оказываются именно социально-гуманитарные технологии, или технологии надплатформенного мышления – благодаря которым человек не только не теряет, но и развивает свою субъектность и оказывается выше алгоритмических систем по своему уровню восприятия, когнитивным и творческим способностям» [2, с.83].

В отличие от инструментальных и управленческих технологий, гуманитарные технологии работают с глубинными основаниями человеческого бытия – сознанием, культурой, идентичностью, – обеспечивая не только адаптацию к изменениям, но и их осмысленное преобразование. Именно поэтому они становятся важнейшим инструментом социально-экологического проектирования, понимаемого не в узко природоохранном, а в широком социально-философском смысле как конструирование качественно иной среды общественной жизни, ориентированной на гармонизацию отношений человека, общества и культуры.

Актуальность исследования усиливается в контексте проблемы духовно-культурной безопасности. В современных условиях социокультурной турбулентности, частичной утрате ценностных ориентиров и подмены их утилитарными или манипулятивными конструкциями возникают риски дестабилизации социальной системы и препятствия к формированию долгосрочных стратегий развития. Гуманитарные технологии, воздействуя именно на ценностное измерение общества, могут рассматриваться здесь как механизм укрепления духовно-культурной безопасности и снижения указанных рисков.

Особое значение в исследовании приобретает социально-экологический подход, который позволяет рассматривать общество как целостную систему взаимосвязанных социальных, культурных и ценностных процессов. В рамках данного подхода экология понимается не только как отношение человека к природной среде, но и как состояние самой социальной среды – уровень доверия, солидарности, справедливости, культурной насыщенности и гуманистической направленности общественных практик.

Социально-экологическое проектирование, таким образом, предполагает формирование таких моделей общественного развития, которые обеспечивают не только устойчивость, но и качественное развитие человеческого потенциала. Методологическую основу исследования составляет экофилософия, разрабатываемая в отечественной научной традиции, в частности в работах Э.В. Барковой, где человек рассматривается как часть целостного экомира, включающего природу, общество, культуру и духовную сферу. «Логика экофилософии – ориентир на формирование мировоззрения здорового человека и создания философского направления, в системе которого человек последователь-

но осознает себя звеном общей цепи Жизни и частью универсальной эволюции Вселенной» [3, с.10]

Данный подход позволяет интегрировать социально-философский анализ с ценностно-мировоззренческими основаниями проектирования будущего, а также рассматривать духовно-культурную безопасность как условие гармоничного сосуществования человека и социальной среды.

В этой связи целью настоящего исследования является выявление роли гуманитарных технологий как инструмента социально-экологического проектирования будущего России и их значения в обеспечении духовно-культурной безопасности общества.

Понятие гуманитарных технологий в современной научной литературе формируется на пересечении ряда наук: социальной философии, педагогики, культурологии и теории управления, что обусловливает множественность его интерпретаций. «Главный смысл в слове «гуманитарный» – человеко-ориентированный. В таком типе деятельности важно осознавать взаимосвязь и различие в средствах развития потенциала человека и его деятельностных технологиях. Средство есть совокупность используемого личностью инструментария в определенной – и только ей свойственной – последовательности. В категории «технология» речь прежде всего идет о совершенных средствах деятельности и о мастерском, искусном владении ими. Поэтому, используя такое словосочетание как «гуманитарная технология» необходимо понимать и обсуждать всю гуманитарную практику: постоянное совершенствование как субъектов, так и средств их деятельности, развития (онтогенез и профессиогенез); гуманитарное производство и разные по форме его результаты (в контексте самых разнородных факторов, воздействующих на их использование)» [4].

Вместе с тем в большинстве подходов прослеживается общее понимание гуманитарных технологий как особого типа организации деятельности, направленного не столько на внешнее преобразование социальных структур, сколько на изменение внутреннего мира человека – его ценностных установок, смыслов, способов мышления и форм взаимодействия с другими. В этом смысле гуманитарные технологии принципиально отличаются от инструментально-технических и управленческих технологий: их объектом и одновременно субъектом выступает человек как носитель сознания, культуры и опыта.

В российской гуманитарной традиции гуманитарные технологии чаще всего трактуются как системы методов и практик, обеспечивающих развитие личности и общности через включение в ценностно-нагруженную деятельность. Их ключевой особенностью является субъект-субъектный характер взаимодействия, предполагающий отказ от одностороннего воздействия в пользу диалога, соучастия и совместного смыслопорождения. В рамках такого подхода технология не задаёт жёсткий алгоритм действий, а конструирует пространство, в котором участники способны к рефлексии, интерпретации и выработке собственных решений. Это позволяет рассматривать гуманитарные технологии как механизм формирования не только компетенций, но и мировоззренческих оснований деятельности.

Гуманитарные технологии задают общие формы специфически человеческой деятельности, в которых осуществляется работа с ценностями, нормами и культурными кодами, и тем самым выступают посредником между абстрактным уровнем идей и конкретными практиками социальной жизни. В отличие от традиционных образовательных или управленческих инструментов, ориентированных на передачу знаний или достижение заданных результатов, гуманитарные технологии ориентированы на создание условий для внутреннего изменения субъекта, что делает их особенно значимыми в контексте социального проектирования.

Рассматривая гуманитарные технологии в более широком контексте, можно утверждать, что они представляют собой форму «мягкой силы» в управлении социальными процессами, осуществляемого через работу со смыслами, символами и коммуникациями.

В этом аспекте гуманитарные технологии, имеющие цель повлиять на сознание субъекта, сближаются с рядом зарубежных концепций, в частности с теорией коммуникативного действия Юргена Хабермаса, где акцент делается на достижении взаимопонимания через рациональный диалог, а также с подходами, связанными с трансформирующим обучением, направленным на изменение когнитивных и ценностных структур личности.

«Хабермас подчеркивает, что успешная коммуникативная деятельность требует от участников общения готовности к диалогу, открытости и стремления к пониманию друг друга. Таким образом, коммуникативная деятельность становится механизмом, обеспечивающим социальную интеграцию и поддержание общественного порядка» [5].

Вместе с тем российская традиция гуманитарных технологий в контексте экофилософии обладает собственной спецификой, связанной с более выраженной ориентацией на целостность человека и интеграцию интеллектуального, нравственного и культурного измерений его развития. В «экофилософской картине мира одной из главных установок является направленность на поиск путей со-настройки всего естественного и искусственного в пространстве Мира Земли и обоснования того, почему без целостно-гармоничного развития человека в единстве всех составляющих пространства его жизни и мысли невозможен рост популяционного здоровья, образованности, совести, культуры ответственности перед будущими поколениями, качеством их Жизни» [6, с. 9].

В этом отношении особое значение гуманитарные технологии приобретают в условиях необходимости осмысления и проектирования стратегий духовно-культурной безопасности как фактора целостности и устойчивого социального развития. Ключевую роль здесь играют образовательные, культурные, коммуникативные практики, в которых реализуются содержание самих коммуникаций и их символический и ценностный смысл. Они формируют социальные нормы и образы будущего, идентичность и модели поведения, которые напрямую влияют на социальную целостность и ее характер. Ослабление этих оснований проявляется в фрагментации общественного сознания, снижении уровня доверия, распространении манипулятивных практик и утрате долгосрочных ориентиров развития. Особенную роль здесь играет связь между общей культурой общества, особенно молодежи, и национальным суверенитетом.

Так, «культура безопасности молодежи напрямую связана с укреплением национального суверенитета, поскольку представляет собой внутренний ресурс социально-культурной устойчивости государства. В современных условиях национальный суверенитет определяется не только политической самостоятельностью, но и способностью общества сохранять устойчивость перед информационными, идеологическими и технологическими рисками» [7, с. 202].

Категория «духовной безопасности», ее культурное и этическое содержание сегодня оказывается востребованным в контексте не только образов будущего, но и в условиях укрепления национально-культурной безопасности. Так, А.И. Кравченко считает, что содержание этого феномена представлено системой условий, которые позволяют социуму и личности «сохранять свои жизненно важные параметры, в пределах исторически сложившейся нормы. Их выход за рамки нормы ведет к распаду общества, как целостной системы в связи с разрушением структурирующих его духовно-нравственных оснований» [8, с. 19].

С позиций экофилософии данное понятие получает дополнительное измерение: безопасность интерпретируется как сохранение целостности экомира человека, включающего социальные, культурные и духовные аспекты его существования. Это означает, что гармонизация отношений внутри общества, развитие культуры диалога и формирование ответственной субъектности становятся неотъемлемыми условиями обеспечения безопасности. В такой логике духовно-культурная безопасность перестает быть исключительно защитной категорией и приобретает проективный характер, ориентируя общество на формирование качественно иной среды жизни – экологичной в широком смысле.

Здесь социально-экологическое проектирование выходит за рамки конструирования отдельных институтов или управленческих решений и ориентируется на формирование целостного качества общественной жизни. В центре внимания оказывается не столько инфраструктура, сколько сама социальная среда – уровень доверия, характер коммуникаций, степень включённости человека в общественные процессы, ценностные ориентиры и культурные нормы. В этой логике гуманитарные технологии выступают как ключевой инструмент, позволяющий перевести абстрактные представления о желаемом будущем в конкретные формы социальной практики.

Функционирование гуманитарных технологий в рамках социально-экологического проектирования может быть раскрыто через несколько взаимосвязанных аспектов.

Прежде всего речь идет о технологиях формирования среды, которые предполагают проектирование образовательных, культурных и городских пространств как смыслонасыщенных и ценностно ориентированных. Такие пространства задают не только функциональные условия деятельности, но и формируют определённый тип взаимодействия, стимулируют рефлексию, диалог и соучастие. То есть, среда выступает как активный фактор социализации и развития.

Второй важный аспект связан с технологиями организации социально ориентированной деятельности. Проектные, исследовательские и волонтерские практики позволяют включать участников в решение реальных социально-экологических задач, формируя опыт ответственности, солидарности и практического участия в общественной жизни.

Через такие формы деятельности происходит не только освоение навыков, но и закрепление ценностных установок, что делает их значимым элементом формирования экологической и гражданской культуры.

Не менее значимыми являются коммуникативно-диалогические технологии, направленные на организацию общественного взаимодействия. Различные формы дискуссионных площадок, общественных форумов, фасилитационных практик создают условия для горизонтального обсуждения социально значимых проблем и выработки согласованных решений. В условиях усложнения социальной реальности именно способность к диалогу и взаимопониманию становится одним из ключевых ресурсов устойчивого развития.

Кроме того, существенным оказывается осмысление и рефлексия содержания коммуникаций и с точки зрения мировоззрения и ценностных позиций, что выражается в рефлексивно-ценностных технологий, включающих философские практики, этические обсуждения, культурологический анализ. Эти технологии направлены на формирование у участников способности к критическому мышлению и анализу происходящих процессов и выработке образа желаемого будущего. Без этого уровня устойчивое воспроизводство гуманитарных оснований социальной жизни слабо достижимо, поскольку именно рефлексия обеспечивает оценку с позиции будущего.

Несмотря на значительный потенциал гуманитарных технологий, их применение в социально-экологическом проектировании сопряжено с рядом существенных рисков и ограничений, которые требуют отдельного анализа. Прежде всего следует отметить их возможный манипулятивный характер. Поскольку гуманитарные технологии работают с сознанием, ценностями и установками человека, они могут использоваться не только для развития личности и общества, но и для скрытого управления, навязывания определённых парадигм мировоззрения и моделей поведения. В условиях информационных войн, информационной перенасыщенности, в том числе фейками, такие риски существенно возрастают. Так что «мягкая сила» сегодня применяется далеко не только с гуманистических позиций, а часто – для политического влияния, в частности, со стороны транснациональных компаний (ТНК).

«Как указывают западные аналитики, использование гуманитарных технологий, направленных на формирование позитивного общественного мнения в странах, принимающих ТНК, не только способствует позиционированию корпораций в качестве социально ответственных бизнес-субъектов, но и опосредованно формирует в глазах национальной общественности искаженную «политическую картину мира». В ней присутствуют образы «экономического процветания», «демократического устройства», «защиты прав человека», «цифрового равенства», «технологического совершенства» и т.д., которые ассоциируются с западными странами, представляемыми ТНК в политическом пространстве развивающихся государств.

Таким образом, гуманитарную деятельность ТНК целесообразно рассматривать не только и не столько в чисто экономических категориях – как средство позиционирования компании на рынке, но и в качестве инструмента «мягкой силы», призванного содействовать формированию благоприятного для корпорации политического климата в стране пребывания и внедрению западных (глобалистских) нарративов в политическое сознание наций и народов принимающих государств» [9].

Еще одним важным ограничением является тенденция к формализации гуманитарных процессов. Попытка институционализировать гуманитарные технологии и встроить их в управленческие практики нередко приводит к утрате их глубинного содержания. Диалог превращается в формальную или коммерчески-ориентированную утилитарную процедуру, участие – в имитацию активности, а ценностные ориентиры – в декларативные конструкции. В результате снижается эффективность самих технологий и подрывается доверие к ним как инструменту социального развития.

Существенную проблему представляет также разрыв между теоретическими разработками и практикой. Несмотря на наличие значительного количества научных исследований, гуманитарные технологии недостаточно интегрированы в реальные процессы управления, образования и общественного развития. Это связано как с институциональными ограничениями, так и с доминированием технократических подходов, в рамках которых гуманитарное измерение воспринимается как вторичное.

Наконец, нельзя не учитывать зависимость эффективности гуманитарных технологий от уровня культурной и ценностной готовности общества. Их реализация требует определённой степени развитости субъектности, способности к рефлексии и диалогу, что не всегда присутствует в массовых социальных практиках, особенно при текущем влиянии массовой культуры с ее все более примитивизирующими направлениями. В этих условиях гуманитарные технологии могут либо не давать ожидаемого эффекта, либо требовать длительного времени для достижения результатов.

Так, по мысли О.М. Бузской, «если гуманитарные технологии могут и должны повысить уровень духовной безопасности личности и общества, то они должны открыть *собственный ресурс* социокультурных норм. Но для этого данные нормы необходимо перевести в такие модели или конструкции, в которых бы социально-символическое и духовно-ценностное *воздействие* этих норм становилось проявлением *социальной причинности*. Эта причинность может выражаться в самых разных формах: стремления людей к социально-культурной и гражданской идентичности, ведущие ценности, цели и идеалы, объективные тенденции в обществе. Моделируя эти воздействия и выявляя их собственный «язык», гуманитарные технологии как бы возвращают субъектов в организацию нормативно выраженного социального и культурного пространства» [10, с. 138].

Уже поэтому результативность гуманитарных технологий, несмотря на их привлекательность в точки зрения влияния на массовые коммуникации и социальное сознание, зависит от контекста применения, качества реализации и уровня ценностной зрелости общества. Это, в свою очередь, требует дальнейшей разработки методологических оснований их использования и формирования условий, обеспечивающих их адекватное и ответственное применение в социально-экологическом проектировании.

Тем не менее, перспективы развития гуманитарных технологий в контексте социально-экологического проектирования реальные и связаны, прежде всего, с их постепенной институционализацией и интеграцией в ключевые сферы общественной жизни. Речь идет о включении гуманитарных технологий в образовательные практики, культурную политику, систему государственного и муниципального управления. В условиях усложнения социальных процессов становится очевидным, что без системной работы с ценностями, смыслами и формами коммуникации невозможно обеспечить устойчивость и целостность общественного развития. В этом смысле гуманитарные технологии могут выступить в качестве связующего звена между стратегическими целями развития и реальными практиками их реализации.

Интеграция гуманитарных технологий с цифровой средой также может иметь перспективные основания. Современные медиа и коммуникационные платформы становятся основным пространством формирования общественного сознания, и это открывает новые возможности для масштабирования гуманитарных практик, но одновременно усиливает требования к их содержанию и качеству. В этом аспекте существенной оказывается экофилософская экспертиза с точки зрения ценностей жизне– и здоровья-сбережения, в том числе в медиакоммуникациях.

В практике медиапространства гуманитарные технологии уже реализуются в формах культурно-образовательных платформ, общественных дискуссий, проектов в сфере искусства. Однако по мере роста самого проекта и численности аудитории глубина смыслов может снижаться, не редко происходит их упрощение с целью привлечь более массовую аудиторию.

Подчеркнем еще раз, что в условиях нарастающих вызовов духовно-культурная безопасность выступает важнейшим ориентиром и одновременно критерием оценки эффективности гуманитарных технологий. Именно через них становится возможным воспроизводство ценностного ядра общества, формирование ответственной субъектности и укрепление социальной целостности.

Вместе с тем эффективность гуманитарных технологий зависит от условий их реализации, уровня развития социальной среды и способности институтов интегрировать гуманитарное измерение в процессы управления и образования. Это определяет необходимость дальнейших исследований, направленных на уточнение их методологических оснований, разработку моделей применения и формирование практик, способных обеспечить их результативное использование в проектировании будущего.

Литература

1. Баркова Э.В. Экофилософия в глобальной повестке современного мира: к анализу гармонизации ритмов жизни человека, культуры и природы // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 2. С. 161–165.

2. Бузская О.М. Экология социально-гуманитарных технологий как проблема философии эко-антропологии // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: монография / кол.авторов. – Москва: РУСАЙНС, 2026. С. 83–94.

3. Баркова Э.В. Экорегионализм России в развитии проекта многополярной цивилизации: монография / Э.В. Баркова. – Москва: РУСАЙНС, 2025. 288 с.

4. Казаков М.А. Гуманитарные технологии культурный лифт качества системных процессов и изменений // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2013. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnye-tehnologii-kulturnyy-lift-kachestva-sistemnyh-protsessov-i-izmeneniy (дата обращения: 22.04.2026).

5. В чем суть теории коммуникативной деятельности Хабермаса: [Электронный ресурс] // Артинтроверт: сайт. – 2023. – 24 окт. – URL: https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/efyd6gpx31-v-chem-sut-teorii-kommunikativnoi-deyate (дата обращения: 22.04.2026).

6. Баркова Э.В. Гармонизация ритмов жизни человека, культуры и природы как проблема эко-антропологии // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: монография / кол.авторов. – Москва: РУСАЙНС, 2026. С. 8–23.

7. Палаткин В.В., Джуманов Р.Г. Культура безопасности молодежи как педагогическое условие укрепления национального суверенитета России // Концепт. 2026. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-bezopasnosti-molodezhi-kak-pedagogicheskoe-uslovie-ukrepleniya-natsionalnogo-suvereniteta-rossii (дата обращения: 22.04.2026).

8. Кравченко, А.И. Социология: учебник для вузов / А.И. Кравченко – М.: Академический проект, 2004. – 508 с.

9. Юдин Н.О. Гуманитарная деятельность как инструмент «мягкой силы» транснациональных корпораций // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 94–115. DOI: 10.48015/2076-74042023-15-2-94-115.

10. Бузская О.М. Гуманитарные технологии как средство духовной безопасности // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 133–139.

HUMANITARIAN TECHNOLOGIES IN THE SOCIO-ECOLOGICAL DESIGN OF RUSSIA'S FUTURE

Kamyshev L.A.
Plekhanov Russian University of Economics

The article examines humanitarian technologies as a tool for socio-ecological design of Russia's future in the context of ensuring spiritual and cultural security. It is argued that under the conditions of a crisis of value foundations and increasing global challenges, humanitarian technologies acquire a key role as mechanisms for working with meanings, identity, and cultural codes of society. Unlike technocratic approaches, humanitarian technologies are focused on the development of personal subjectivity and the formation of dialogical forms of interaction, which allows them to be considered as an infrastructure of socio-ecological design. Within the framework of the ecophilosophical methodology, the connection between humanitarian technologies and the tasks of harmonizing the social environment and strengthening spiritual and cultural security is revealed. The main functional blocks of humanitarian technologies are identified, and the risks of their application are analyzed, including their manipulative potential and the tendency toward formalization. It is concluded that the integration of humanitarian technologies into key spheres of public life is necessary for sustainable development and the formation of a holistic model of the future.

Keywords: humanitarian technologies, socio-ecological design, spiritual and cultural security, social ecology, ecophilosophy, values, identity, sustainable development, social environment, communication.

References

1. Barkova E.V. Ecophilosophy in the Global Agenda of the Modern World: Toward the Analysis of Harmonization of the Rhythms of Human Life, Culture and Nature. Sotsialno-gumanitarnye znaniya, 2026, No. 2, Pp. 161–165.

2. Buzskaya O.M. Ecology of Socio-Humanitarian Technologies as a Problem of Eco-Anthropological Philosophy. In: Human Ecology in the Transformations of Historical Time: Monograph. Moscow: RUSCIENCE, 2026, Pp. 83–94.

3. Barkova E.V. Ecoregionalism of Russia in the Development of a Multipolar Civilization Project. Moscow: RUSCIENCE, 2025. 288 p.

4. Kazakov M.A. Humanitarian Technologies as a Cultural Lift of Quality in Systemic Processes and Changes. Vestnik NSTU named after R.E. Alekseev. Series: Management in Social Systems. Communicative Technologies, 2013, No. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnye-tehnologii-kulturnyy-lift-kachestva-sistemnyh-protsessov-i-izmeneniy (accessed: 22.04.2026).

5. What is the Essence of Habermas's Theory of Communicative Action. Artintrovert. 2023. Available at: https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/efyd6gpx31-v-chem-sut-teorii-kommunikativnoi-deyate (accessed: 22.04.2026).

6. Barkova E.V. Harmonization of the Rhythms of Human Life, Culture and Nature as a Problem of Eco-Anthropology. In: Human Ecology in the Transformations of Historical Time: Monograph. Moscow: RUSCIENCE, 2026, Pp. 8–23.

7. Palatkin V.V., Dzhumanov R.G. Youth Safety Culture as a Pedagogical Condition for Strengthening Russia's National Sovereignty. Concept, 2026, No. 1. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-bezopasnosti-molodezhi-kak-pedagogicheskoe-uslovie-ukrepleniya-natsionalnogo-suvereniteta-rossii (accessed: 22.04.2026).

8. Kravchenko A.I. Sociology: Textbook for Universities. Moscow: Akademichesky Proekt, 2004. 508 p.

9. Yudin N.O. Humanitarian Activity as a Tool of "Soft Power" of Transnational Corporations. Vestnik of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics, 2023, Vol. 15, No. 2, Pp. 94–115. DOI: 10.48015/2076-74042023-15-2-94-115.

10. Buzskaya O.M. Humanitarian Technologies as a Means of Spiritual Security. In: Humanitarian Knowledge and Spiritual Security. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. 2019, Pp. 133–139.

Бернюкевич Татьяна Владимировна,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: bemyukevich@inbox.ru

Кириллова Инна Константиновна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и «Русский как иностранный», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: KirillovaIK@mgsu.ru

Зубкова Яна Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент института иностранных языков ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет
E-mail: zubkovayav@mgpu.ru

Статья посвящена анализу культурологического компонента значения как конститутивной характеристики языковых единиц, функционирующих в семиотическом пространстве современного города. Авторы исходят из предпосылки, что городская среда представляет собой не нейтральный архитектурный или экономический феномен, но сложное дискурсивное поле, где пересекаются различные культурные коды, исторические традиции и властные интенции. Названия улиц, язык вывесок, граффити и объявлений не просто передают информацию, но конституируют социальную онтологию, формируя коллективные идентичности и социальные границы. В работе рассматривается становление понятия «культурологический компонент значения» в отечественной лингвистике (от идей Н.Г. Комлева, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова до концепций В.Н. Телия, В.А. Масловой и А.А. Чернобровa). Аргументируется обращение к антропоцентрической парадигме, в пределах которой языковой знак квалифицируется как деятельный источник значений, чье существование невозможно вне познавательной и речевой активности субъекта. Особое внимание уделяется фоновым знаниям, которые делают городские знаки прозрачными для «своих» и непрозрачными для «чужих». Показано функционирование трех уровней культурологического компонента в качестве фильтров социального доступа. На основании проведенного анализа сформулирован ряд выводов, значимых лингвокультурной теории и практики городского проектирования. Также авторы пришли к заключению о том, что полная формализация значений городских знаков невозможна. Иными словами, любая попытка создания единого топонимического справочника представляет собой политический акт навязывания единственной интерпретации, тогда как подлинная задача лингвокультурного анализа заключается в экспликации механизмов символического исключения и утверждения конфликта трактовок в качестве конститутивного свойства социальной реальности.

Ключевые слова: лингвокультурология, культура, культурологический компонент значения, фоновые знания, городская среда, семиотическое пространство, языковой ландшафт.

Введение

Современный город представляет собой не только архитектурное, экономическое или демографическое образование, но и сложнейшее семиотическое пространство, в котором пересекаются, конфликтуют и взаимно накладываются друг на друга различные дискурсивные практики, культурные коды и системы означающих. От названий улиц и станций метро до языка вывесок, объявлений и граффити – весь город говорит с горожанином, обращаясь к нему на множестве языков одновременно. Однако проблема заключается в том, что это «говорение» не является нейтральным – за каждым знаком, каждой номинацией, каждой формой обращения стоит определенная культурная традиция, исторический опыт и, что не менее важно, определенная *интенция власти* – стремление навязать адресату конкретное видение социального мира, конкретную версию его прошлого, настоящего и будущего.

В лингвокультурологии город традиционно изучается как концепт и культурный текст [1], как языковое пространство идентификации [2] и как среда лингвокультурного взаимодействия между группами горожан [3]. Однако эти исследования преимущественно ориентированы на *описание* и *интерпретацию* наличной языковой среды, не на анализ того, как эта среда может быть *сознательно изменена*. Между тем практика городского планирования, языковой политики и активистских инициатив по переименованию улиц, обновлению навигации или внедрению новых формул обращения демонстрирует острую потребность в теоретическом аппарате, способном не только объяснить, *как устроено значение* городского знака, но и осмыслить, *что происходит*, когда это значение пытаются изменить.

В настоящей работе мы покажем, что культурологический компонент значения есть не дополнительный, периферийный элемент языковой единицы, а ее конститутивная, онтологически фундаментальная характеристика. Признание этого факта ведет к пересмотру эпистемологических оснований городского проектирования – от иллюзии окончательной фиксации смысла к признанию неизбежного конфликта интерпретаций как конститутивной черты социальной реальности.

Во введении мы уже обозначили практическую и теоретическую проблематику. Во второй части мы кратко опишем историю понятия «культурологический компонент значения» в отечественной лингвистике. В третьей части аргументируем выбор антропоцентрической парадигмы в качестве теоретической рамки. В четвертой – перейдем к детальному анализу фоновых знаний и их роли в городской коммуникации. В заключении будут подведены итоги и намечены перспективы для дальнейшей работы в отношении проектной деятельности.

Лингвокультурология как научная дисциплина прошла сложный путь институционализации и парадигмальной трансформации. Как отмечает В.А. Маслова, эта область возникла из практических задач лингводидактики: в 1970-е годы Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров разработали теорию лингвострановедения, обозначив необходимость преподавания языка в неразрывной связи с культурой и менталитетом нации. Однако сегодня лингвокультурология претендует на более высокий статус, на роль интегрального гуманитарного знания, выступающего путем достижения глубинной модели культуры через язык [4]. Этот переход имеет принципиальное значение для нашего исследования. На ранних этапах своего развития лингвокультурология отвечала на прагматический вопрос «*Как преподавать язык с учетом культуры?*», сегодня она стремится ответить на вопрос онтологический «*Каким образом язык конституирует существование культуры?*». Иными словами, язык перестает быть инструментом и становится онтологическим условием существования культуры. Именно этот «онтологический поворот» [5] позволяет нам в дальнейшем говорить о лингвокультурном проекте как об интервенции в само бытие человека в языке, в ту экзистенциональную сферу, где язык не просто означает, но конституирует мир и самость. Городской языковой знак, следовательно, есть не пассивный референт внешней реальности, а активный производитель социальной онтологии, участник символического производства коллективных идентичностей и социальных границ.

Общим знаменателем передовых лингвистических концепций является утверждение антропоцентризма. Невозможно исключить познающего субъекта из создаваемой им же языковой картины мира – он конституирует эту картину самим актом своего присутствия в языке.

В.А. Маслова выделяет три научные парадигмы, сменявшие друг друга в истории лингвистики:

1. *Сравнительно-историческая парадигма (XIX в.)* – первый специальный метод в исследовании языка, позволивший установить родство языков и реконструировать праформы. Язык изучается как объект, существующий независимо от говорящего субъекта.

2. *Системно-структурная парадигма* – ориентация на язык как на имманентную систему, где «в центре внимания находилось слово» [6, с. 51], а исследователь стремился к выявлению формальных отношений между единицами.

3. *Антропоцентрическая парадигма* – «переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке» [6, с. 51].

Приведенная классификация важна не сама по себе. Ее философский смысл обнаруживается при сопоставлении первой и второй парадигм, с одной стороны, и третьей – с другой. В первых двух парадигмах язык трактуется как объект, автономный по отношению к исследователю: сравнительно-историческая парадигма устанавливает родственные связи между языками, системно-структурная – формальные отношения между единицами внутри языковой системы. Человек здесь вынесен за скобки – он лишь сторонний наблюдатель, который описывает язык со стороны. Антропоцентрическая парадигма переносит исследовательский интерес с объектов языка на говорящего субъекта, исходя из невозможности анализировать язык в отрыве от человека. Это уже не просто смена предмета, а смена типа отношения, в котором субъект перестает быть пассивным созерцателем языковой картины мира и становится ее активным со-творцом, обитая в ней и воспроизводя ее каждым актом говорения.

Следовательно, за этой, на первый взгляд, сугубо научной установкой скрывается глубинный философский принцип, который заключается в том, что познающий субъект не может быть исключен их создаваемой им же языковой картины мира, поскольку он конституирует эту картину самим актом своего присутствия в языке.

А.А. Чернобров предлагает одну из наиболее разработанных философских концепций культурной семантики. Отправной точкой служит наблюдение: «Люди, принадлежащие к одному сообществу, всегда подразумевают больше, чем говорят вслух» [6, с. 1]. Эта подразумеваемая информация, т.е. фоновые знания, известны всем членам сообщества и находится «как бы в свернутом виде в сознании и подсознании коммуникантов» [6, с. 1]. Из этого следует основная для нашей работы категория – *культурологический компонент значения*.

Исследования последних лет показывают, что именно фоновые знания становятся основным барьером или условием доступа к городской среде для разных категорий граждан [Ю. Громов].

Термин «культурологический компонент значения» был впервые введен Н.Г. Комлевым в 1966 году, который определил его как «зависимость семантики от культурной среды индивидуума» [7, с. 45]. В дальнейшем это понятие получило развитие в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, предложивших теорию «лексического фона», согласно которой наряду с понятийными семантическими долями в слове присутствуют непонятийные, отражающие национально-культурную специфику. В.Н. Телия рассматривала культурный компонент как часть коннотативного значения [8], а В.А. Маслова выделила целый спектр «культуроносных» единиц, от фразеологизмов и метафор до речевого поведения и этикета [4, с. 33]. В настоящей работе мы опираемся на определение А.А. Черноброва, который, развивая идеи предшественников, понимает под культурологическим компонентом значения такой элемент содержания языковой единицы, который не сводится к формальным (структурным) отношениям внутри языка, не поддается полной верификации (в отличие от научных терминов), определяется исключительно фоновыми знаниями, историческим опытом и ментальными стереотипами конкретного социума. Иными словами, культурологический компонент значения – это «культурный след» в слове, который делает его понятным «своим» и непрозрачным для «чужих». Данный компонент выявлен на нескольких уровнях:

– *на уровне культурно-специфической лексики*, обозначающей реалии, отсутствующие в других культурах («прописка» – выражает специфически российская, советская реалия);

– *на уровне имплицитных компонентов значения*, актуализирующихся при межкультурной коммуникации («такси» – в США ассоциируется с желтым цветом, а в Англии – с черным, хотя эти понятия не входят в интенсионал понятия).

– *на уровне «концептуальной картины мира»* – национально-специфического вычленения понятий («сутки», не имеет точных аналогов в других языках) [6].

В городской среде эти уровни работают как фильтры социального доступа. Для примера возьмем указатель «СТОП» – на первом уровне он понятен любому водителю. При условии, что на табличке добавлено историческое название района, которое известно только старожилам, возникает второй уровень. Форма обращения на муниципальной вывеске предполагает знание сложной иерархии титулов – третий уровень. Лингвокультурный проект может снижать эти барьеры (инклюзивная навигация, пиктограммы, нейтральный язык), так и повышать их (возвращение архаичных названий, элитарный языковой код).

В.А. Маслова дополняет этот анализ, выделяя роль фразеологизмов, метафор и символов как «сгустков культурных смыслов» [9, с. 52]. Если культурные смыслы «законсервированы» в языковых единицах, то лингвокультурный проект, изменяющий языковой ландшафт, всегда имеет дело не с нейтральными означающими, а с исторически и культурно нагруженными знаками. В терминологии Ч.С. Пирса это означает, что проектировщик имеет дело не с символами (знаками, основанными на конвенции), а с индексами и иконическими знаками, каждый из которых является носителем следа культурной истории [10]. Для города это означает, что любая вывеска, любое название парка или района – это не нейтральный знак, а сгусток исторической памяти, социальных иерархий и культурных конфликтов.

А.А. Чернобров эксплицирует фундаментальный философский вопрос, который обычно остается в горизонте умолчания лингвистических исследований – *вопрос о природе значения и его отношения к реальности (денотату, референту, положению дел)*. Он выделяет две полярные трактовки:

Узкая (структуралистическая) трактовка – редукция значения к его имманентным свойствам. Весь содержательный аспект значения элиминируется и выносится за пределы собственно лингвистики; значение ограничивается структурными и дистрибутивными аспектами (синтагматическими и парадигматическими отношениями знаков).

Расширенная трактовка (представители аналитической философии науки) – идеал точного описания: только полная и верифицируемая дефиниция термина делает его операционализируемым и работоспособным в рамках теоретического конструкта [6].

Исследователь говорит здесь о том, что «значения слов обыденного языка (языка повседневности) определяются обыденными фоновыми знаниями членов данного социума» [6, с. 1]. То есть лингвокультурологический анализ не может ограничиться ни чистой формой (структуралистическая имманенция), ни идеалом точного описания (сциентисткая редукция). Он требует третьего пути – учета той неявной (имплицитной), фоновой, коллективно разделяемой (интерсубъективной) информации, коллективно разделяемой информации, которая и составляет «культурную семантику».

Данный подход перекликается с идеями позднего Л. Витгенштейна о «языковых играх» и «формах жизни». Согласно Л. Витгенштейну, значение слова – это его употребление в конкретной форме жизни, а форма жизни всегда культурно специфична и исторически ситуативна [11].

Для нашего понимания городской языковой среды из сказанного следует принципиальный вывод. Социальная реальность города не поддается полной формализации. Нельзя составить «исчерпывающий словарь» всех значений городских знаков, потому что каждый знак актуализирует разные фоновые знания для разных социальных групп. Более того, попытка такой формализации (например, создание единого и обязательного топонимического справочника с жесткими дефинициями) является не научным, а политическим актом – актом навязывания одной интерпретации за счет подавления других.

Город предстает как множество пересекающихся и конфликтующих языковых игр: игра чиновника (разрешительная документация), игра старожила (исторические названия), игра туриста (поиск достопримечательностей), игра активиста (протестные граффити). Задача лингвокультурного анализа – не устранить это многообразие, а сделать его видимым и тематизировать те механизмы власти, которые пытаются свести его к единственной «правильной» интерпретации.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение как для лингвокультурной теории, так и для практики городского проектирования.

Первый вывод носит онтологический характер. Культурологический компонент значения, который понимается как зависимость семантики от культурной среды и фоновых знаний [8], является не периферийной или факультативной характеристикой языковой единицы, а ее конститутивным признаком. Не существует «нейтрального» или «чисто информативного» городского знака. Любой знак несет в себе следы истории, власти, социальной иерархии и культурных конфликтов. Принять этот тезис – значит отказаться от иллюзии, будто можно создать городскую среду, свободную от идеологии и символического порядка.

Второй вывод касается методологии лингвокультурного анализа. Три уровня проявления культурологического компонента функциони-

руют как неявные фильтры социального доступа, определяющие, кто имеет право интерпретировать городские знаки. Они делают знаки прозрачными для «своих» и непрозрачными для «чужих», превращая семиотическое пространство города в арену символического исключения и социальной дифференциации.

Третий вывод лежит в области эпистемологии гуманитарного знания. Две классические трактовки значения (структуралистическая, сциентистская) демонстрируют свою недостаточность для адекватного описания городских знаков. Лингвокультурный анализ требует «третьего пути» – необходим учет имплицитной, интерсубъективного конструированной информации, составляющей культурную семантику. Попытка формализации значений городских знаков (например, создание единого топонимического справочника) является не научной процедурой, а актом насильственной фиксации смысла, остановки семиозиса и подавления альтернативных интерпретаций.

Четвертый вывод разворачивается в горизонте философского измерения. Город предстает как дискурсивная гетерогенность, иными словами, как множество пересекающихся и непереводимых языковых практик (чиновника, старожила, туриста, активиста). Ни одна из игр не может претендовать на онтологический приоритет или герменевтический монизм. Задача лингвокультурного анализа не устранить это многообразие, а тематизировать механизмы, сводящие его к единственной легитимной интерпретации.

С точки зрения западной урбанистической традиции, подобная попытка тотальной формализации знака является тем, что Г. Лефевр назвал бы «репрезентацией пространства» властными институтами, подавляющей «пространства репрезентации» рядовых граждан [12]. Как показывает Д. Мадден в исследовании топонимических конфликтов Нью-Йорка, навязывание «правильного» названия (или его унификация) есть акт символического насилия, который вытесняет идентичность одних групп в угоду другим [13]. Следовательно, создание единого справочника рассматривается как попытка остановить семиозис и ввести режим «монолингвизма» там, где по определению должна царить полифония [14].

Таким образом, культурологический компонент значения есть нередуцируемая онтологическая характеристика языковых единиц, а городская среда – пространство символической дифференциации, которое работает как система фильтров социального доступа, а попытка формализации значений является политическим актом. Тем самым были созданы предпосылки для дальнейшего исследования, в котором в центре внимания окажется проектное действие как интервенция в семиотический континуум, неизбежно сталкивающаяся с конфликтом интерпретаций – конститутивной чертой социальной реальности.

Литература

1. Афинская, З.Н. Город как лингвокультурологический концепт и образ / З.Н. Афинская // Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы VII Международного научного конгресса, Симферополь, 07 апреля – 2022 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 42–45.

2. Позднякова, Е.Ю. Языковое пространство города: лингвокультурологическое описание / Е.Ю. Позднякова // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 180–186.

3. Савченко И.А., Грдзелян Р.Р., Барсегян С.С. Городская билингвальная среда как синергетическое пространство дискурсивной лингвокреативности // Язык и культура. 2025. № 72. С. 51–79. doi:10.17223/19996195/72/3

4. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – Москва: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – ISBN 5-7695-0745-4.

5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. / М. Хайдеггер// Время и бытие. – М., 1993 – С. 197–202.

6. Чернобров А.А., Теория имени и культурный «менталитет» [Электронный ресурс]: электрон. данные. – Минск: Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY, 31 января 2005.

7. Комлев Н. О культурном компоненте лексического значения слова // Вестник МГУ. – 1966. – № 5. – С. 35–49.

8. Телия, В.Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой среде/ В.Н. Телия, Е.О. Опарина // Вестник культурологии. – 2011. – № 1. – С. 145–148 . – URL: https://rucont.ru/efd/472129 (дата обращения: 01.05.2026)

9. Маслова, В. А. «Новая оптика» лингвокультурологии: движение от умозрительной наукик интуитивному постижению глубинной модели культуры / В.А. Маслова, О.В. Данич // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – № S6. – С. 51–57. – DOI 10.20339/PhS.6s-24.051.

10. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М: Логос, 2000. – 448с.

11. Витгенштейн Л. Философские значения// Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1.

12. Lefebvre, Henri. The production of space. Vol. 142. Blackwell: Oxford, 1991.

13. Madden, D. J. (2018). Pushed off the map: toponymy and the politics of place in New York City. Urban Studies, 5*5*(8), 1599–1614. https://doi.org/10.1177/0042098017700588

14. Chen Jining. The expression of polyphonic city image: A perspective from the linguistic landscape of Beijing's Hutongs/Language & Communication Vol.104, September 2025, p. 9–28

THE CULTURAL COMPONENT OF MEANING AND BACKGROUND KNOWLEDGE IN THE URBAN ENVIRONMENT

Bernyukevich T.V., Kirillova I.K., Zubkova Ya.V.
Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow City University

The article examines the cultural component of meaning as a constitutive characteristic of linguistic units operating within the semiotic space of the contemporary city. The authors proceed from the premise that the urban environment is not a neutral architectural or economic phenomenon but rather a complex discursive field where diverse cultural codes, historical traditions, and rower intentions intersect. Street names, the language of signage, graffiti, and announcements do not merely convey information, they constitute social ontology, shaping collective identities and social boundaries.

The theoretical section traces the development of the concept of the "cultural component of meaning" in Russian linguistics. The study argues for an anthropocentric paradigm, within which the linguistic sign is understood as an active generator of meaning whose existence is inconceivable outside the cognitive and speech activity of the subject. Particular attention is paid to background knowledge, which renders urban signs transparent to "insiders" while remaining opaque to "outsiders". The analysis demonstrates how three levels of the cultural component function as filters of social access. The article concludes that the complete formalization of meaning in urban sign is impossible. In other words, any attempt to compile a unified toponymic reference book constitutes a political act of imposing a single interpretation, whereas the true task of linguacultural analysis lies in explicating the mechanisms of symbolic exclusion and in asserting the conflict of interpretations as a constitutive property of social realty.

Keywords: cultural linguistics, culture, cultural component of meaning, background knowledge, urban environment, semiotic space, linguistic landscape

References

1. Afinskaya Z.N. (2022), 'Gorod kak linguakulturologicheskij concept I obraz', in Sovremennaya filologiya. Socialnaya I nacionalnaya variativnost' yazyka i literatury: materialy VII Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, Simperopol,7 April 2022, Izdatelstvo Tipografiya "Arial" pp.42–45.

2. Pozdnyakova E.Yu. (2009), 'Yazykovoe prostranstvo goroda: lingvokulturologicheskoe opisanie', Sibirskij kulturologicheskij zhurnal, no.2, pp.180–186

3. Savchenko I.A. Grdzelyan R.R. and Barsegyan S.S. (2025), 'Gorodskaya bilingval'naya sreda kak sinergeticheskoe prostranstvo diskursivnoj lingvokreativnosti' Yazyk i kultura no.72, pp. 51–79

4. Maslova V.A. (2001), Lingvokulturologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, Izdatelskij centr "Akademiya", Moscow, 208p.

5. Heidegger M. (1993), 'Pis'mo o gumanizme', in Vremya I bytie, Moscow, pp. 197–202

6. Chernobrov A.A. (2005), 'Teoriya imeni I kul'turnyj "mentalitet", Belorusskaya cifrovaya biblioteka, Library.by, Minsk, 31 January, available at: [URL not provided in original] (Accessed: 1 May 2026).

7. Komlev N. (1996), 'O kul'turnom komponente lexicheskogo znacheniya slova', Vestnik MGU, no. 5, pp. 35–49.

8. Teliya V.N. and Oparina E.O. (2011), 'Kul'turnaya konnotaciya kak sposob voploshcheniya kul'tury v yazykovoj srede', Vestnik kulturologii, no.1, pp.145–148, available at: (Accessed: 1 May 2026).

9. Maslova V.A. and Danich O.V. (2024), "Novaya optika" lingvokul'turologii: dvizhenie ot omozritelnoj nauki k intuitivnomu postizheniyu glubinnoj modeli kul'tury', Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly, no.S 6, pp.51–57.

10. Peirce Ch.S. (2000), Izbrannye filosofskie proizvedeniya, translated from English by K. Golubovich, K. Chukhuridze and T. Dmitrieva, Logos, Moscow, 448p.

11. Wittgenstein L. (1994), 'Filosofskie znacheniya' in Filosofskie raboty, part 1, Gnozis, Moscow.

12. Lefebvre, Henri. The production of space. Vol. 142. Blackwell: Oxford, 1991.

13. Madden, D. J. (2018). Pushed off the map: toponymy and the politics of place in New York City. Urban Studies, 55(8), 1599–1614. https://doi.org/10.1177/0042098017700588

14. Chen Jining. The expression of polyphonic city image: A perspective from the linguistic landscape of Beijing's Hutongs/Language & Communication Vol.104, September 2025, p. 9–28

Трансформация ценностей свободы человека в условиях виртуализации

Котлярова Виктория Валентиновна,
доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины»,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства
(филиал) федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донской государственный технический университет»
в г. Шахты Ростовской области
E-mail: biktoria66@mail.ru

В статье исследуется проблема трансформации ценностного содержания свободы в условиях виртуализации социальной реальности. Актуальность исследования обусловлена фундаментальными изменениями в структуре бытия современного человека, где виртуальное пространство перестает быть лишь техническим инструментом и превращается в значимую онтологическую среду обитания. Автор исходит из того, что свобода как экзистенциальная и социальная ценность претерпевает смысловые модификации, связанные с переходом от классической автономии субъекта к феномену свободы выбора в рамках алгоритмических структур. Методологической основой работы стало применение синергетического подхода (общество как сложная диссипативная система на пороге бифуркации), а также идея виртуальной аксиологии. По результатам исследования определены основные противоречия свободы в информационном обществе: избыток информации и недостаток выбора; безопасность и контроль; многократное увеличение числа связей при снижении качества их содержания. По результатам сценарного подхода разработаны 4 варианта развития ценностей свободы: либеральный; постмодернизм; дефицитный вариант; гуманистический. В работе выделены риски виртуализации: цифровое одиночество, размывание личности, потеря ответственности как основы для свободы человека, перенесение ответственности от общества к человеку. Следовательно, можно сделать вывод о том, что изменение свободы – это нелинейный процесс, который обусловлен преобладающими в обществе духовными ценностями.

Ключевые слова: свобода, ценности, виртуализация, цифровое общество, субъектность, идентичность, риски, сценарии трансформации.

Введение

Нынешняя стадия развития общества – это процесс цифровой революции во всех сферах жизни людей. Цифровизация (виртуализация) явилась не просто технической революцией, а изменением онтологии человеческого существования. Виртуальная реальность, соцсети, цифровые пространства – все это уже не просто каналы связи, а пространство жизни человека, где создаются ценности, формируется личность и происходит освобождение.

Проблема свободы всегда была в центре внимания философии. Но с развитием виртуальных технологий исчезает четкое разграничение между степенью свободы человека. Виртуальное пространство создает ложную картину абсолютной свободы, при этом возникают новые формы рабства и подчинения – новая природа свободы. В современной отечественной литературе показано, что общество, будучи сложноорганизованной диссипативной системой, в периоды бифуркаций претерпевает качественные изменения, причем духовная сфера жестко не детерминирована технологическими изменениями [5, с. 40]. Это означает, что трансформация ценностей свободы не является однозначно предопределенной технологическим прогрессом.

Отдельно стоит подчеркнуть проблему субъектности человека в пространстве виртуальности. По мнению ученых, информационные технологии создают революционный переворот в формах общения людей, они подрывают стабильность системы «человек – эко – техносфера», меняют ценностные ориентации [4, с. 110]. Изменение ценностей влияет на все основы человеческого существования (свобода понимается как возможность самоопределения). В работах, посвященных анализу социокультурных трансформаций, акцентируется внимание на формировании особой «виртуальной аксиологии» как следствии ценностно-нормативной неопределенности, возникающей в информационном обществе [1, с. 77].

В мировой научной литературе проблема виртуализации социальных практик также находится в фокусе исследовательского внимания. В частности, исследование Бхагат Л., Шарма Д., Шарма С. демонстрирует, как цифровое посредничество трансформирует социальные отношения и перераспределяет ответственность, что непосредственно связано с пониманием свободы и автономии [7, с. 31].

Цель настоящего исследования – выявить основные тенденции трансформации ценностного содержания свободы в условиях виртуализации, а также предложить возможные сценарии этой трансформации.

Материалы и методы

В ходе исследования использован комплекс методологических подходов. Базовым методологическим подходом выступает синергетическая парадигма, рассматривающая общество как сложную диссипативную систему, которая в процессе развития проходит через бифуркационные состояния. Данный подход позволяет анализировать современное общество как находящееся в точке бифуркации, где возможны различные траектории развития [5, с. 41].

В исследовании использована концепция «виртуальной аксиологии», описывающая формирование специфической системы ценностей в виртуальной среде. Эта концепция позволяет анализировать, как виртуальное пространство порождает новые ценностные ориентации, включая ценность виртуального мира, информации, индивидуальной автономии и самовыражения [1, с. 77].

Использован сценарный метод, который в синергетической терминологии соответствует анализу возможных аттракторов развития системы. Метод сценариев обеспечил структурирование вариантов развития ценностного пространства свободы, прогнозирование социально-экзистенциальных рисков. В работе также использовался сравнительный метод, использование которого позволило уточнить различные позиции о свободе как с точки зрения философской традиций, так и при цифровизации общества.

Результаты

Понимание свободы как ценности имеет глубокие исторические корни. Традиционно под свободой понимали самостоятельность человека и возможность самоопределения. Но современная цифровая реальность изменил данный подход. Цифровая среда порождает ощущение всемо-

гущества, но на деле она же создает новую зависимость. Виртуализация социальной коммуникации – это двойственный и противоречивый процесс» [2, с. 6] Она дает свободу выражения себя, но в то же время создает угрозу манипулирования мышлением человека, его потери как личности.

Свобода в условиях виртуализации становится свободой отбора из предлагаемых алгоритмами возможностей, а не свободой самоопределения. С точки зрения пользователя соцсетей это означает то, что выбор осуществляется уже не по его желанию, а под влиянием алгоритмов построения информационной среды вокруг него. Данное явление называется эффектом «эхо-камеры»: человек видит только ту информацию, которая ему уже знакома и нравится ранее – это ограничивает доступ к другим мнениям [3. С. 9].

Однако одним из преимуществ виртуального мира является создание своего идеального Я. По мнению авторов, невидимость – это особенность виртуальной презентации себя через Интернет; благодаря ей можно контролировать представление о себе [2, с. 4]. Благодаря такому контролю над представлением о себе появляется возможность для экспериментов со своей идентичностью и ценностями, которые в реальности могли бы быть ограничены социальными рамками. Но при этом анонимность, отсутствие физической близости в цифровой среде приводят к тому, что результат нашего действия становится неочевидным – ответственность можно «переложить» либо на алгоритм, либо на другого пользователя [10].

Цифровое общество характеризуется множеством парадоксов в отношении свободы как ценности [9, с. 213]. Парадокс информационного многообразия и недостатка выбора заключается в том, что цифровая среда обеспечивает широкий спектр информационных возможностей, но при этом создает эффект всеохватывающего выбора; алгоритмы строят персонализированную информацию для пользователя, тем самым сужая круг информации. Из-за чего человек попадает в информационный пузырь, то есть все его выбор и решение зависят от алгоритма.

Второе противоречие – это проблема баланса между свободой человека и его безопасностью. Цифровой контроль над обществом под предлогом защиты безопасности на самом деле сводит к минимуму права людей. По мнению исследователей, цифровые монополии стали полноценными соперниками для власти государства [5, с. 46]. В результате человек теряет свободу перед лицом негосударственного актора (корпорации).

Третье противоречие связано с трансформацией социальных связей. Виртуальная коммуникация, расширяя круг общения, одновременно снижает его глубину и качество. Исследователи фиксируют усиление одиночества – ощущение изоляции и опустошения, отсутствие значимых связей, несмотря на постоянное взаимодействие с людьми в виртуальном мире [2, с. 5]. Свобода устанавливать коммуникации с большим числом людей оказывается сопряжена с утратой глубины и искренности этих коммуникаций. Такой эффект называют «цифровое одиночество» – он иллюстрирует парадокс количественного роста контактов при снижении их качества [3, с. 8].

Четвертое противоречие – изменение идентичности. Человек в виртуальной среде способен манипулировать своей идентичностью, строить множество Я, что открывает перспективы самоидентификации, однако приводит к дроблению личности. Ученые констатируют, что человек сегодня «убегает от реального бытия в мире повседневности к миру грез, фантазий, иллюзий» [4, с. 16] – формирует себе альтернативный виртуальный мир. «Колебание идентичностей» – это отсутствие подлинной свободы, то есть не свобода выбора своей роли, а единство и непрерывность самоидентификации [5, с. 41].

Либеральный сценарий предполагает, что цифровые технологии выступают инструментом расширения индивидуальной свободы. В рамках этого сценария виртуализация рассматривается как возможность для самореализации и творчества. Свобода понимается как возможность выбора из максимально широкого спектра доступных опций. Однако реализация этого сценария требует решения проблемы цифрового неравенства. Исследования показывают, что выделяются три уровня цифрового разрыва: технологический разрыв – неравный доступ к интернету; когнитивный разрыв – различия в цифровой грамотности; социальный разрыв – различия в использовании цифровых технологий для профессионального роста [3, с. 4].

Постмодернистский сценарий исходит из установки на деконструкцию всех устойчивых ценностных систем. Свобода понимается как отсутствие любых ограничений. Однако, как справедливо отмечается, «никакого полного освобождения человека от социума так и не произошло. Следуя духу постмодернизма, мы попадаем в ситуацию господства нового догматического мышления» [5, с. 47]. В этом сценарии свобода как ценность утрачивает свою определенность, превращаясь в бесконечную игру означающих, где любой выбор равнозначен любому другому.

Дефицитарный сценарий предполагает постепенное сужение пространства свободы в условиях тотальной цифровизации. Контроль над информационными потоками, алгоритмическое управление поведением создают ситуацию, где индивид утрачивает автономию. Исследователи отмечают, что «цифровизация, способствуя процессам глобализации, разрушает традиционные механизмы идентичности, сознание людей становится фрагментированным, а идентичность – «размытой»« [4, с. 40].

Гуманистический сценарий предполагает сохранение и трансформацию традиционных ценностей свободы в новых условиях. Виртуализация рассматривается не как угроза, а как инструмент, который может быть использован для развития человеческого потенциала. Свобода понимается как способность к автономному и ответственному выбору, основанному на системе духовно-нравственных ценностей. Этот сценарий предполагает, что технологический прогресс служит средством, а не целью человеческого развития, и что ценности свободы, достоинства и ответственности остаются основой социального бытия [6, с. 24].

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что трансформация ценностей свободы в условиях виртуализации представляет собой сложный и нелинейный процесс. Свобода как ценность не исчезает в цифровом обществе, но ее содержание существенно трансформируется. Классическая автономия субъекта, предполагавшая способность к самодетерминации, уступает место феномену свободы выбора в рамках алгоритмических структур.

Одним из важных элементов данной трансформации выступает смена формы ответственности. Свобода традиционно мыслилась как сопряженная с ответственным выбором. Анонимность и удаленность общения в виртуальной среде приводят к тому, что результат выбора становится неопределенным, а ответственность смещается либо на программное обеспечение, либо на иных участников диалога. По мнению авторов, безопасность в виртуальном мире тесно переплетена с сознанием человека [8], потому что чувство опасности и угрозы – это не просто логическое знание, а еще и чувственно-образный опыт.

Особенно актуальна проблема сохранения идентичности в условиях новой информации. Исследователи подчеркивают, что «несмотря на сложность сохранения своей идентичности, необходимо стремиться к сохранности Я, недопущению ее разрушения, поскольку это приводит к распаду и общества» [4, с. 15]. Цифровые технологии, обеспечив прорыв в передаче информации, одновременно разрушают социальные связи, усиливая одиночество субъекта, что ведет к утрате человеческой субъективности и распаду человеческого Я.

В контексте виртуализации свобода не может пониматься как простой выбор из предложенных алгоритмами опций; она должна включать способность к формированию собственных целей и критериев оценки, к критическому осмыслению предлагаемых альтернатив. Это требует развития мета-позиции по отношению к цифровой среде, способности выходить за ее пределы и оценивать ее с позиции ценностей, не сводимых к алгоритмической логике. Как отмечает В.В. Котлярова, «духовность определяет идеи свободы человека, личностного выбора и жизненного пути» [6, с. 23]. Свобода, таким образом, является неотъемлемой характеристикой духовно развитой личности.

Особого внимания заслуживает проблема смещения ответственности с социальных институтов на индивида в условиях виртуализации. Исследование Бхагат Л., Шарма Д., Шарма С. показывает, как цифровая трансформация здравоохранения «смещает ответственность за заботу с государства на индивидов и семьи» [7, с. 31]. Эта тенденция прослеживается не только в сфере здравоохранения, но и в образовании, социальной защите, гражданской активности. В этом смысле виртуализация – это расширение возможностей индивида, но вместе с тем передача ему ответственности за то, что раньше было обязанностью государства/общества.

Заключение

Виртуализация приводит к трансформации ценности свободы – этот процесс идет неравномерно. По результатам проведенного исследования можно утверждать, что ценность свободы в обществе не утрачивается вовсе при переходе на цифровой уровень существования человека, однако наполнение данной ценностью меняется вследствие алгоритмизации жизни, раздробленности личности, новой формы ответственности.

Основные конфликты свободы в условиях информационного общества (конфликт избытка информации и недостатка выбора, безопасность и контроль, количество связей вместо качества) нуждаются

в философском анализе. Сформулированные выше сценарии развития ценностных установок по поводу свободы (либерализм, постмодернизм, дефицитизм, гуманизм) показывают зависимость будущего развития свободы от духовно-этических ценностей современного общества.

Особенно остро стоит вопрос о сохранении субъекта личности при виртуализации: необходимость развития критического мышления; формирование информационной культуры; выстраивание новой этики цифрового сообщества. На сегодняшний день духовность – это атрибут человека. Духовное начало обеспечивает существование свободы как способности свободного, ответственного выбора.

Литература

1. Микляева А.В., Проект Ю.Л., Хороших В.В. Трансформация социокультурных ценностей и традиций в информационную эпоху как предпосылка изменения гражданской и политической активности российского студенчества // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4. № 1. С. 76–90.
2. Воронцова Т.Н., Костиль А.Н. Виртуализация социальной коммуникации как фактор социализации молодого поколения и ее последствия // Общество: философия, история, культура. 2025. № 12. С. 219–226.
3. Розенберг Н.В. Информационные технологии и ценностные приоритеты молодежи: новые тренды и риски // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 3 (67). С. 5–19.
4. Черникова И.В., Якунина И.В. Идентичность человека в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 103–113.
5. Лукин А.Н., Домрачев С.С. Трансформация духовной жизни человека цифрового общества: возможные сценарии // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 1 (495). С. 39–52.
6. Котлярова В.В. Ценностные характеристики духовности как способа бытия человека // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 111. № 4. С. 23–29.
7. Bhagat L., Sharma D., Sharma S. Virtualization of Care: Ethics, Inequality, and the Digital Turn in India's Health Infrastructure // Development. 2026. Vol. 69. № 1. P. 31–39.
8. Рудова А.А. Трансформация идентичности в условиях виртуализации общественных отношений// Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 4 (131). С. 35–41.
9. Барчугова Е.В., Рочегова Н.А. Виртуализация и социологические аспекты трансформации образа жизни человека// Современная архитектура мира. 2025. № 2 (25). С. 213–235.
10. Omenukwa P.C. Human nature and the digital culture: the case for philosophical anthropology //AMAMIHE: Journal of Applied Philosophy. – 2024. – Т. 22. – № . 1. – С. 63–74.

THE TRANSFORMATION OF HUMAN FREEDOM VALUES IN THE CONTEXT OF VIRTUALIZATION

Kotlyarova V.V.
Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of Don State Technical University in Shakhty

The article examines the problem of transformation of the value content of freedom in the context of virtualization of social reality. The relevance of the research is determined by fundamental changes in the structure of modern human existence, where virtual space ceases to be merely a technical tool and becomes a significant ontological environment. The authors proceed from the assumption that freedom as an existential and social value undergoes semantic modifications associated with the transition from classical autonomy of the subject to the phenomenon of freedom of choice within algorithmic structures. The methodological basis of the work is the application of the synergetic approach (society as a complex dissipative system on the verge of bifurcation), as well as the idea of virtual axiology. The results of the study identify the main contradictions of freedom in the information society: information abundance and lack of choice; security and control; a manifold increase in the number of connections while reducing the quality of their content. Based on the scenario approach, four variants of the development of freedom values have been developed: liberal; postmodern; deficit; and humanistic. The work highlights the risks of virtualization: digital loneliness, identity erosion, loss of responsibility as the foundation of human freedom, and the shifting of responsibility from society to the individual. Consequently, it can be concluded that the transformation of freedom is a non-linear process conditioned by the spiritual values prevailing in society.

Keywords: freedom, values, virtualization, digital society, subjectivity, identity, risks, transformation scenarios.

References

1. Miklyaeva A.V., Proekt Yu.L., Khoroshikh V.V. Transformation of socio-cultural values and traditions in the information age as a prerequisite for changes in the civic and political activity of Russian students. Psychology in Education. 2022. Vol. 4. № 1. P. 76–90.
2. Vorontsova T.N., Kostil A.N. Virtualization of social communication as a factor of socialization of the young generation and its consequences. Society: Philosophy, History, Culture. 2025. № 12. P. 219–226.
3. Rozenberg N.V. Information technology and youth value priorities: new trends and risks. Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. 2023. № 3 (67). P. 5–19.
4. Chernikova I.V., Yakunina I.V. Human identity in the context of digital transformation. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2025. № 83. P. 103–113.
5. Lukin A.N., Domrachev S.S. Transformation of the spiritual life of a person in digital society: possible scenarios. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2025. № 1 (495). P. 39–52.
6. Kotlyarova V.V. Value characteristics of spirituality as a way of being a human being. The Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 111. № 4. P. 23–29.
7. Bhagat L., Sharma D., Sharma S. Virtualization of Care: Ethics, Inequality, and the Digital Turn in India's Health Infrastructure // Development – 2026 – Vol. 69 – № 1 – P. 31–39.
8. Rudova A.A. Transformation of Identity in the Conditions of Virtualization of Social Relations // Humanities and Socio-Economic Sciences – 2023 – № 4 (131) – P. 35–41.
9. Barchugova E.V., Rochegova N.A. Virtualization and Sociological Aspects of the Transformation of Human Lifestyle // Modern World Architecture – 2025 – № 2 (25) – P. 213–235.
10. Omenukwa P.C. Human Nature and the Digital Culture: The Case for Philosophical Anthropology // AMAMIHE: Journal of Applied Philosophy – 2024 – Vol. 22 – № 1 – P. 63–74.

Идейность человека как диалектико-типологическое средство интеграции общества

Лустин Юрий Михайлович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и русской филологии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: lustin56@mail.ru

Цель исследования – выявить социально-методологическое значение идейности человека как мировоззренческой основы консолидации общества. В конвергентной парадигме социальности характеризуются такие основные черты идейности человека, как: объективность, целеустремленность, динамичность, принципиальность, устойчивость, целостность, интегративность. Обоснована система критериев патриотической составляющей идейности человека-гражданина, которая влияет на формирование и развитие его мировоззренческой позиции.
В аспекте логико-познавательного дискурса эксплицированы основные элементы концепт-модели духовно-нравственного развития личности, которые в своем конструктивном сочетании определяют социальный характер идейной жизнедеятельности человека и общества. Утверждается, что социально-онтологическая содержательность модели определяет базисные отношения между ее элементами, конкретизирует диалектико-типологические связи и отношения между ними. В статье используется социально-философский подход, принципы отражения, причинности, подобия, сравнения, методы восхождения от абстрактного к конкретному, формализации, экстраполяции.

Ключевые слова: человек, общество, деятельность, диалектико-типологический, социальное, интеграция.

Призвание каждого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни.
Антон Павлович Чехов

Введение

Идейность является сущностной характеристикой бытия личности, посредством которой определяется духовное величие ее внутреннего мира, происходит социально-типологическое освоение морально-нравственных ценностей мировой цивилизации, формируется мировоззренческая позиция, приобретается политический опыт идеологической борьбы. Нивелирование основ духовной культуры приводит к утрате фундаментальных ценностей, традиций, смыслов и ориентиров, которые формируют идейно-нравственный облик социума. В настоящее время, по авторитетному утверждению профессора С.В. Дрожжиной, «Перед обществом встал очень сложный вопрос: как далеко в глобальном мире человечество может зайти в отречении от своих духовных оснований, накопленных поколениями культурных достижений?» [4, с. 154–155].

Феномен идейности является антропо-социальной формой индивидуальности человека. Идейный потенциал личности формируется под воздействием различных факторов современной информационной среды, его противоречивая мировоззренческая явленность методологически конкретна и требует своего рассмотрения.

Актуальность проблемы идейности человека состоит в: а) необходимости развития в методологии гуманитарных наук нового когнитивно-интеграционного уровня социально-философского познания, логико-идеологический фокус которого направлен на **у**крепление государственности, обеспечение высокого уровня обороноспособности страны, повышение интеллектуального опыта сознательной личности в идеологической борьбе**;** б) расширении диалектико-типологического формата анализа концептуального характера мировоззрения индивида, ориентированного на выявление политического иммунитета к инсинуациям идейных врагов; в) создании обновленных позитивных предпосылок для духовно-нравственной самореализации человека в условиях глобализирующей социальной нестабильности и негативной виртуальной среды, ориентированной преимущественно на манипулирование сознанием человека и ведущего к деградации его антропо-культурной идентичности [5]; г) поиске путей консолидации общества на основе базовых ценностей прогрессивного человечества.

Основная часть

Феномен идейности человека является одним из самых сложных и противоречивых в социальной философии, представляя тем самым большой научный интерес.

Идейность не возникает в вакууме. Во внутреннем мире человека она закономерно «конструируется» под воздействием антропо-исторических, социально-онтологических, культурно-психологических, аксиологических, национальных, религиозных факторов мировой цивилизации. Становление и развитие идейного потенциала человека происходит под влиянием конкретных идей, социальных ценностей, видоизменяемых типов, норм, ролевых моделей, присущих определенной исторической эпохе, конкретному обществу и его культуре. Проявление духовно-нравственного потенциала личности причинно обусловлено проявлением различных культурно-исторических, социально-типологических, когнитивно-идеологических, ментально-психологических форм взаимодействия в парадигме «человек – деятельность – общество – культура – цивилизация».

В широком значении слова, *идейность* – это сознательная приверженность человека к определенной системе идей, взглядов чувств, убеждений, знаний и ценностных ориентаций, выражающих любовь к Родине, гордость за ее историю, культуру и традиции, а также последовательная верность им в практике бытия.

Идейность – это не просто знание об идее, а мировоззренческая императивность духовно-нравственного состояния человека, в котором деятельно воплощается в жизнь социально-культурное единство его знаний убеждений, действий. В своей духовно-нравственной объективности идейность является основополагающим моральным модусом социально-исторического бытия человека, в котором долженствующим образом проявляются особенности его внутреннего мира.

В диалектико-типологическом дискурсе познания ключевыми характеристиками идейности человека являются такие ее основные черты, как:

• *объективность*. Онтогносеологически идейность существует как абсолютная истина, относительно данная социализированному индивиду в процессе диалектического отражения реальности. Состояние внутреннего мира человека типоопределенно формируется через его мировоззренческое, аксиологическое, гражданско-патриотическое, эмотивно-психологическое отношение к действительности. Идейная целенаправленность долженствующего отношения к обществу и его ценностям – существенная особенность взаимосвязи морально ответственной личности, человека-патриота с культурным наследием страны, традициями многонационального народа;

• *целеустремленность*. Идейный человек ощущает результаты своей жизнедеятельности как часть чего-то большего, чем он сам. Его действия направлены, как правило, не на удовлетворение индивидуальных интересов, а на достижение значимой цели (социальной, духовной, научной, политической, технической, экологической).

Решительный, волевой и настойчивый человек умеет подчинять свои желания объективным идеалам глобального замысла, используя при этом наиболее эффективные средства целедостижения. Вся деятельность целеустремленного и амбициозного человека подчинена единой идее, которая в своей типологической оконкретности задает «онтологический вектор успеха» его жизнедеятельным устремлениям.

Идейная составляющая внутреннего мира индивида в различных форматах социальности способствует целенаправленному проявлению духовно-нравственной полноты его бытия. Одновременно с этим, социально устойчивая идейность – это типологическое качество конкретного человека, которое всесторонне обуславливает развертывание его индивидного существования в видоизменяемых формах объективной и субъективной существенности. Если это так, то идейность, как сущностное качество человека, формируется и совершенствуется под воздействием внешней среды и одномоментно может способствовать развитию этой же среды;

• *динамичность*. Антропо-социальная составляющая идейности не статична. В сознании (мышлении) человека разнообразные идеи постоянно переосмысливаются, трансформируются под влиянием политико-экономических процессов, культурно-религиозных событий, исторических фактов, этнонациональных норм морали, религиозных традиций, верований, убеждений.

Идейно-образное познание реальности с помощью сознания (мышления) человека происходит под воздействием разнообразных общественных, культурных, информационных фрагментов социально-природной среды. Это воздействие осуществляется многоподобным способом в различных формах и видоизменяемых форматах.

• *принципиальность*. Идейный человек не меняет свои взгляды в зависимости от конъюнктуры, личной выгоды или форс-мажорных обстоятельств. Он способен разумно действовать в критических ситуациях бытия, непоколебимо противостоять разного рода препятствиям, противоречащих идеям и убеждениям, что вызывает еще большее уважение к его авторитету и занимаемой социальной позиции;

• *целостность*. Для идейного человека характерно отсутствие разрыва между декларативными заявлениями и реальными поступками. Жизнь принципиального и преданного человека проявляется в бескомпромиссном и значимом единстве его научно-теоретических знаний, мировоззренческих убеждений, целеобъективных практических действий.

Идейность служит средством формирования многих свойств (качеств) личности, у которой убеждения, мотивы и действия образуют единое целое, а жизнь приобретает глубокий смысл и истинную направленность на реализацию благородных идеалов и достижимых целей. Как целостное и осознанное качество личности, идейность предполагает наличие внутренней логики связанности ее типологически определенных и аксиологически ориентированных свойств, реализация которых обусловлена духовной сферой развития общества, политикой государства, идеологическими установками политических партий, общественных объединений (организаций);

• *устойчивость*. Идейный человек обладает внутренним «стержнем». Духовно непоколебимая личность в периоды кризисов, неудач сохраняет относительное спокойствие, так как несокрушимость ее морального духа зависит от верности общественным и индивидуальным принципам. Истинная идейная непоколебимость – это не слепая приверженность догмам, а сохранение динамического баланса, в котором обнаруживается диалектическая стабильность принципов и гибкая типологическая видоизменяемость форм, методов, способов их воплощения в практике бытия.

Идейность человека представляет собой устойчивую форму его сознательного отношения к реальности. Одновременно с этим идейное содержание конкретных действий человека имеет логико-типологическую определенность общественной значимости. Иначе говоря, от диалектически становящейся типологической существенности человека (типология человека – автор), во многом зависит мировоззренческий характер его практических действий, компетентностный анализ результатов их духовно-нравственной, идейно-политической, эмотивно-психологической характерности.

Вследствие этого, идейность человека – есть устойчивая форма его сущности, являющая себя в онтотипологической мере диалектического взаимоотношения цели и способа ее достижения. При этом, онтологическая и логико-гносеологическая специфика существования идейного потенциала человека состоит в том, что каждое проявление его формосодержательной конкретности практического действия обладает закономерной возможностью по образованию самостоятельной сущности, под влиянием тех или иных идей, суждений, умозаключений.

В практике социального бытия идейное существование человека обладает закономерной культурно-исторической потребностью в своей реализации. Вне диалектики общественного бытия и общественного сознания, без понимания социально-онтологических аспектов межкультурной коммуникации нельзя выявить формосодержательный генезис идейности личности, постигнуть сущность ее духовной нравственности, политической потенциальности истинных убеждений. Исходя из логики социально-философского познания, феномен идейности, с одной стороны, находится в предметных срезах диалектики сущности и существования. С другой стороны, когнитивный формат диалектики социального и идеального способствует обнаружению идейных свойств и типологических качеств личности на основе системы общественных ценностей, в которой роль социального идеала первостепенна. Как отмечает Д.В. Козлюк: «социальный идеал человека – это ценностная модель его познавательной активности» [7, с. 287]. Концептуальное единство выявленных сторон способствует обнаружению целостности объективной и субъективной реальности, оптимизации взаимодействия человека и общества, развитию мировоззренческого содержания идейных устремлений человека в диалектике социального и идеального, актуального и потенциального.

Идейность – это высоконравственный фактор в преобразующей деятельности субъекта общественной практики, многофункциональность которого обеспечивает идеям человека более высокий уровень интеллектуальной организации и долженствующей реализации. Как оптимизирующее качество духовной культуры человека, идейность единоличностна, социокультурно содержательна, креативна и по своей субъективированной природе служит могущественным логико-гносеологическим средством формирования, когнитивного развития и интеллектуального самосовершенствования индивида.

Концептуальное постижение диалектических закономерностей развития духовно-нравственной сферы сознания и понимающего мышления человека позволяет конституировать идейность в качестве необходимого онтогносеологического атрибута его социального бытия. Как следствие, основополагающими особенностями идейно направленной деятельности человека является ее активность, имманентная связь с идеалом, социальная значимость, смысловая конкретность. Социально-конструктивная взаимосвязь этих особенностей имеет консолидирующую существенность.

Человек существует в непрерывном процессе постоянных видоизменений. В этом диалектическом смысле социально зрелая личность – это непременно становящаяся личность. Иначе говоря, в морально-нравственном аспекте развития своего мировоззрения идейное самосовершенствование личности есть закономерный способ ее духовного существования. Поэтому важнейшими критериями развития идейности человека являются: интегративность, открытость изменениям, мировоззренческая способность целенаправленно развиваться через разрешение коммуникативных противоречий в коллективе и обществе. К примеру, интегративность в виде ведущего и направляющего свойства внутреннего мира высокоморальной личности, указывает на способность ее идей не просто существовать в пространстве человеческого бытия, а органично соединяться в единую систему, где разные элементы (смыслы, принципы, убеждения, креативные суждения) не противоречат друг другу, а взаимно противополагаются и гармонично сочетаются.

Феномен идейности зависит от конкретных условий общественной среды, содержания антропо-исторической событийности, идеологической культуры человека, его политического опыта и внутренней позиции [9]. Духовно-моральная сфера осознанных мировоззренческих убеждений индивида находится в состоянии постоянного субстанционального обновления, непрерывного идейно-нравственного становления. Концептуальность духовно-нравственных идей и идейно-политических мыслей социализированного индивида расширяет фор-

мат социально-типологического взаимодействия с обществом и его институциями.

Типология идейности тесно связано с идеологическим познанием, реализацией смысложизненных целей индивида, его духовно-нравственном самоутверждением в миросозидающем пространстве цивилизации. Она редуцирована многофакторностью процесса социализации личности, фокус который определен экономико-правовым, антропологическим, логико-интегративным, национально-историческим, виртуально-психологическим содержанием общественной среды, уровнем развития социальной и гражданской идентичности человека [10].

В диалектико-типологическом модусе своей рефлексивно-созидающей значимости, идейность индивида – это важное звено в способе идеологического познания субъектом социальности всего многообразия политической реальности мирового бытия. Идейное отражение культурно-исторических, политических, этнонациональных, религиозных событий, возрастающая роль духовных ценностей в межкультурной коммуникации детерминируют проявление психолого-типологических способностей индивида в социальном познании, мотивирует его на всестороннее проявление интеллектуальных компетенций и профессионально ориентированных способностей. В этом вопросе, исходя из теории диалектической типологии, особое значение имеет авторитет лидера (руководителя, администратора, общественного деятеля), имеющего развитые типологические способности организационно-координирующего и консолидирующего характера. Типология личности лидера, диалектический способ миропонимающего мышления – основа его способности правильно строить деятельность, добиваться эффективного использования ее результатов с помощью инновационных идей и ответственной гражданской позиции.

В процессе жизнедеятельности человек посредством типологии своего характера, а также, исходя из индивидуальной меры познавательной активности осваивает духовно-нравственное богатство цивилизации, тем самым противоречиво формируя, целенаправленно совершенствуя и полноценно реализуя себя как идейная личность. Выделяя этот важный момент духовного становления человека и подчеркивая идейное величия души русского человека, Н.А. Бердяев авторитетно говорил о том, что именно завоевание духовности есть главная задача человеческой жизни.

В своей существенности идейность имманентна формам духовного бытия как совокупности высших ценностей, интеграционных смыслов и этических ориентиров, которые определяют типологию внутреннего мира человека, его отношение к государству, народу, культуре и истории.

Духовность, идейность, убежденность, патриотизм человека тесно взаимосвязаны [6; 11]. По сути дела, духовность – это не просто одна из составляющих патриотизма, а его глубинная основа. Она превращает патриотическую идею в убеждение личности, мотивирует ее на созидательную деятельность во благо своей страны [3]. Патриотическая составляющая идейности человека-гражданина, это прежде всего:

– идейно-нравственная осознание себя частью многонационального сообщества и истинно верная причастность к его судьбе;

– концептуальная осознанность гражданского долга и социальной ответственности за судьбу страны и ее будущее;

– глубокое проявление чувства общности и солидарности между гражданами;

– активный интерес к истории, культурным традициям и обычаям других народов, стремление к сохранению культурного наследия в контексте популяризации истории своей Отчизны;

– искреннее чувство гордости за Родину и ее достижения, готовность защищать ее интересы, территориальную целостность и суверенитет.

Каким образом связана идея и идейность, в чем их социальная значимость? Почему идейность человека можно рассматривать в качестве диалектико-типологического средства интеграции общества?

Идея и идейность человека, безусловно, имеют общую социальную природу и культурно-исторический генезис. Идеи определяют вектор всей жизнедеятельности человека и общества, придают смысл их совместным действиям. Идейная личность за индивидуальными ориентирами и персонализированными задачами всегда видит общую перспективу, а поэтому стремится к реализации высоких, общественно значимых целей. Идеи транслируются, развиваются, трансформируются в социуме и практических действиях конкретного человека, подтверждая обоснованность и целенаправленность его деятельности. Идеи о консолидации и коллективной (групповой) сплоченности имеют стратегически важное социально-методологическое и миросозидающее значение. Их приоритетность несомненна и бесспорна.

Первостепенную роль в идейно-духовном, идеологически устойчивом отношении человека к реальности играют идеи святоотеческого долженствования, а также, аксиологический характер патриотического сознания личности, проектный смысл экофилософской проблематики [1], приоритетность гуманитарных технологий духовной безопасности человека и общества [2]. От того какими будут идеи, духовные ценности зависит результат жизненных целедостижений конкретного человека.

В свою очередь, идейность – это система взаимосвязанных идей, формирующая мировоззрение личности и определяющая цели и методы ее целенаправленной деятельности. Она возникает и формируется в процессе взаимодействия людей, в их консолидирующем общении, обмене результатами и опытом коммуникации в условиях социальной среды и ее институций (семья, образование, государство, общественные организации, производственные коллективы, церковь и др.).

В своей функциональной многокачественности идейность направлена на формирование мировоззрения человека, оптимизацию его помыслов в достижении жизненных ориентиров. Она служит более высоким уровнем развития духовно-нравственной сферы человека, особенностью которой является четкая мировоззренческая организации идей, их правильная системоформируемость, активная воспроизводимость, перспективность социальной значимости. При этом всегда стоит учитывать тот момент, что даже самая блестящая идея не становится приоритетной пока она не будет диалектико-типологически сопряжена с более широкой системой взглядов и убеждений созидающей личности.

Идейность является неотъемлемой частью культуры. Она неотчуждаемая концептуальная форма духовного бытия человека и общества, детерминирующая социокультурные форматы их совершенствования (самосовершенствования). Смысловое содержание идейности входит в состав ценностей, норм, традиций, веры, символов, которые составляют культурный багаж общества, а поэтому имеют консолидированное предназначение. Культура, в свою очередь, формирует у людей определенный способ мышления и мироцентрическое восприятие действительности. В этом плане, идейность концентрирует в себе духовный потенциал общества, цивилизации, который реализуется в процессе социализации и культурно-нравственного воспитания человека.

Социально-типологический процесс консолидации предопределен содержанием духовной культуры человека и общества, а поэтому ориентирован на интеграцию, преодоление внутренних противоречий и разногласий, формирование условий для их прогрессивного цивилизованного развития. В этом концептуально важном значении идейность человека выступает мощным средством консолидации, так как занимает ключевое место в концепт-модели духовно-нравственного развития личности.

С точки зрения социально-философского подхода данная концепт-модель представляет собой теоретическую конструкцию, которая описывает процесс становления ценностно-смысловой сферы человека, его мировоззренческое восхождение к устоявшимся идеям общества. Она объясняет аксиологическую последовательность формирования мировоззрения человека, методологически правильный выбор морально-нравственных принципов и ориентиров, истинно верное построение устойчивой системы отношений в общественной среде в соответствии с гуманистически ориентированными личными убеждениями.

В соответствии с этими утверждениями концепт-модель имеет аксиологический, методологический, функциональный статус своей социально-типологической объективации и интеграционной существенности. В данном случае концептуальное содержание указанной модели определяют такие ее основные компоненты, как: идея, идейность, мировоззренческая позиция человека. В известной степени методологического допущения онтология данного модельного построения воплощает в себе общеизвестную структуру осознанной деятельности индивида: цель, средство, результат, которая в снятой форме объективирована в данной модели.

В итоге, концепт-модель духовно-нравственного развития личности транслирует специфический формат взаимодействия отмеченных элементов, в котором их конвергентная существенность представлена в формате: *идея (цель)* – аксиологический аспект, *идейность (средство)* – методологический аспект, *мировоззренческая позиция человека* (результат) – функциональный аспект. Социально-онтологическая содержательность модели определяет базисные отношения между ее элементами, конкретизирует диалектико-типологические связи и отношения между ними.

Общеизвестно, что роль идеи и типология ее преобразующей всесильности имеет весомое значение в духовно-нравственном вос-

питании личности, ее логико-когнитивным восхождением к высокому статусу социальности. Исходя из этого, целесообразно отметить роль и значение общенациональной идеи общества, которая на высоком социально-методологическом уровне обладает консолидирующей фактичностью, познавательной конструктивностью, общественной востребованностью. Именно поэтому коммуникативная содержательность общенациональной идеи образно задает реальные ориентиры, стандарты, критерии интегративной характерности, которыми следует руководствоваться в практике использования различных форм духовно-нравственного взаимодействия человека и общества.

В свою очередь, реализация идеи-цели детерминирует проявление идейности человека и его мировоззренческой позиции, чем демонстрируется диалектика перехода социально-типологических качеств общества в значимые морально-духовные свойства сознательной личности и наоборот. Иначе говоря, проявление идейных свойств индивида (ов) вносит определенный вклад в духовное развитие общества, способствуя его монолитности, а идейно-типологические качества общественной среды – непременное условие для формирования у человека мировоззренческих свойств более высокого уровня морально-нравственного развития.

Идейность человека находится в предметном поле культуры социального познания, которая обуславливает, во-первых, процессуальность диалектического взаимодействия различных типологических форм существования человека и общества. Во-вторых, онтологическая и логико-гносеологическая конструктивность идейного фокуса постижения человеком реальности имеет коммуникативную существенность, в парадигме которой происходит диалектическая интеграция типологических отношений в социальной среде. Исходя из этого можно заключить: а) типология идейного потенциала общества обуславливает диалектическое формирование, развитие и совершенствование идейности человека, как одного из определяющих типологических свойств его неповторимой индивидуальности; б) в духовно-нравственном взаимодействии человека и общества обнаруживается диалектико-типологическая взаимообусловленность парадигмы «идея (цель) – идейность (средство) – мировоззренческая позиция человека (результат)», концептуальный характер которой идеологически однозначен и морально-психологически содержателен.

Выявленная концептуальность стала возможной благодаря методологическому синтезу диалектики и типологии. По мнению автора, «когнитивно-видовая определенность методологического синтеза диалектики и типологии имеет интегративную стабильность, выраженную в понятии «диалектико-типологическое», которое обобщает их философскую сущность, смысловую конкретность, субстанциальную существенность» [8, с. 214].

Интегративность отмеченного методологического синтеза конструктивна, так как императивно сопряжена с различными формами жизнедеятельности человека и общества. В этом значении, идейный потенциал человека, в социодинамическом дискурсе проявления субъективных убеждений и следования мировоззренческим критериям познавательной активности, является существенным условием его морально-нравственной устойчивости, что способствует консолидации общества в пространстве социальных смыслов и новых возможностей.

Заключение

В социально-философском дискурсе общетеоретического познания идейность человека представляет собой упорядоченную и аксиологически направленную систему идей, взглядов, убеждений, принципов, ценностей, которая определяет содержание его мировоззрения и созидательный смысл деятельности. Идейность объединяет множество взаимосвязанных идей, являясь тем самым необходимой духовно-нравственной составляющая социального бытия человека и общества.

Духовно-нравственное развитие личности отражает процесс диалектико-типологического взаимодействия ее структурных элементов. Этот процесс комплексно охватывает мировоззренческие знания, морально-духовную веру, идейные убеждения, идеологические взгляды, политическую волю, гражданскую позицию человека. Идейность сознательного человека – морально-нравственная скрепа конструктивного единства отмеченных элементов, для которого характерен высокий уровень морально-этического долженствования, мировоззренческой непоколебимости, политико-идеологической зрелости индивида.

Интеллектуальное развитие идейности каждого россиянина должно быть адекватно смыслосозидающему уровню истинного понимания им патриотической ответственности за судьбу Отчизны, консолидацию общества, духовную интеграцию людей в многонациональной и многоконфессиональной России. В этом обнаруживается моральная устойчивость идейных убеждений сознательного человека, проявление высокого уровня его духовно-нравственного, социально-культурного долженствования перед семьей, обществом, государством.

Литература

1. Баркова Э.В. К исследованию проектного смысла экофилософии // Право и практика. 2025. – № 1. – С. 255–260. DOI. 10.24412/2411–2275–2025–1–255–260. EDN: GUCMXG

2. Бузская О.М. Гуманитарные технологии как средство духовной безопасности // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (Грозный, 06–07 декабря 2019 года. 2019. – С. 133–139. EDN: GIRTN

3. Гурьянова А.В., Фролов В.А. Духовность как основание патриотизма в современном российском обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика, 2019. – Том 19. – № 1. – С. 8–11. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-8-11

4. Дрожжина С.В. Влияние глобализации на формирование универсальных ценностей: социально-философский контекст // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 153–161. https://doi.org/10.24151/2409–1073–2023–3–153–161 EDN: JUPZIZ.

5. Измайлова Д.И., Ахкозов Л.А. От гуманизма к постгуманизму: человек в гуманистических проектах науки // KANT. – 2025. – № 1 (54). – С. 260–267. DOI: 10. 24923/2222–243X.2025–54–38 EDN: MSCQZC.

6. Ковалева И.И., Писарева А.В. Об особенностях патриотического воспитания молодежи в условиях новой реальности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Том 16. № 2. С 48–59 DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-2-48-59/ – EDN: AZBJJV

7. Козлюк, Д.В. Социальный идеал как критерий эффективности деятельности субъекта в современном мире / Д.В. Козлюк // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 5. – С. 286–289. – EDN: ZOPJIO.

8. Лустин, Ю.М. Диалектика и типология: концептуальность методологического синтеза / Ю.М. Лустин // Kant. – 2024. – № 3(52). – С. 212–220. – DOI 10.24923/2222–243X.2024–52.33. – EDN PCHRSQ.

9. Низовских, Н.А. Феномен внутренней позиции личности в контексте саморазвития // Развитие личности. – 2018. – № 4. – С. 12–29.

10. Петрова, Е.И. Социальная и гражданская идентичность в парадигме гражданского общества / Е.И. Петрова, Е.А. Одинцова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3(43). – С. 107–113. – DOI 10.24151/2409–1073–2024–3–107–113. – EDN HUNTMF

11. Рочняк, Е.В. Понимание сущности патриотизма современными зарубежными исследователями / Е.В. Рочняк // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2020. – № 4. – С. 101–104. – EDN PIJYKR.

PRINCIPLEDNESS OF IDEA AS A DIALECTIC-TYPOLOGICAL MEANS OF SOCIAL INTEGRATION

Lustin Yu.M.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The purpose of this study is to identify the socio-methodological significance of human principledness of idea commitment as the ideological basis for social consolidation. The convergent paradigm of sociality characterizes such key traits of human principledness of idea commitment as objectivity, purposefulness, dynamism, integrity, stability, coherence, and integrativity. A system of criteria for the patriotic component of a citizen's ideological commitment, which influences the formation and development of their ideological position, is substantiated.

From the perspective of logical-cognitive discourse, the key elements of a conceptual model of the spiritual and moral development of the individual are explicated. These elements, in their constructive combination, define the social nature of the ideological life of individuals and society. It is argued that the socio-ontological content of the model determines the fundamental relationships between its elements, concretizing the dialectical-typological connections and relationships between them. The article uses a socio-philosophical approach, principles of reflection, causality, similarity, comparison, methods of ascending from the abstract to the concrete, formalization, extrapolation.

Keywords: man, society, activity, dialectical-typological, social, integration.

References

1. Barkova E.V. Towards a Study of the Project Meaning of Ecophilosophy // Law and Practice. 2025. No. 1. pp. 255–260. DOI. 10.24412/2411–2275–2025–1–255–260. EDN: GUCMXG

2. Buzskaya O.M. Humanitarian Technologies as a Means of Spiritual Security // Humanitarian Knowledge and Spiritual Security. Collection of materials from the VI International scientific-practical conference (Grozny, December 6–7, 2019). 2019. pp. 133–139. EDN: GIRTN

3. Guryanova A.V., Frolov V.A. Spirituality as the basis of patriotism in modern Russian society // Bulletin of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2019. Vol. 19. No. 1. pp. 8–11. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-8-11

4. Drozhzhina S.V. The Impact of Globalization on the Formation of Universal Values: Social and Philosophical Context // Economic and Social-Humanitarian Studies. 2023. No. 3 (39). pp. 153–161. https://doi.org/10.24151/2409–1073–2023–3–153–161 EDN: JUPZIZ.

5. Izmailova D.I., Akhkozov L.A. From Humanism to Posthumanism: Man in Humanistic Projects of Science // KANT. 2025. No. 1 (54). pp. 260–267. DOI: 10. 24923/2222–243X.2025–54–38 EDN: MSCQZC.

6. Kovaleva I.I., Pisareva A.V. On the Features of Patriotic Education of Young People in the Context of the New Reality // Historical and Social-Educational Thought. 2024. Vol. 16. No. 2. pp. 48–59 DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-2-48-59/ – EDN: AZBJJV

7. Kozlyuk, D.V. Social ideal as a criterion for the effectiveness of a subject's activities in the modern world / D.V. Kozlyuk // Social and humanitarian knowledge. – 2026. No. 5. pp. 286–289. – EDN: ZOPJIO.

8. Lustin, Yu.M. Dialectics and typology: conceptuality of methodological synthesis / Yu.M. Lustin // Kant. 2024. No. 3 (52). pp. 212–220. DOI 10.24923/2222–243X.2024–52.33. – EDN PCHRSQ.

9. Nizovskikh, N.A. Phenomenon of the internal position of the individual in the context of self-development // Personality development. 2018. No. 4. pp. 12–29.

10. Petrova, E.I. Social and civic identity in the paradigm of civil society / E.I. Petrova, E.A. Odintsova // Economic and social-humanitarian studies. 2024. No. 3 (43). pp. 107–113. DOI 10.24151/2409–1073–2024–3–107–113. – EDN HUNTMF

11. Rochnyak, E.V. Understanding the essence of patriotism by modern foreign researchers / E.V. Rochnyak // Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities. 2020. No. 4. pp. 101–104. – EDN PIJYKR.

Лидерство как субъектность: социально-философская модель в контексте синергетической парадигмы

Лутошкина Виктория Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей социальной педагогики, Сибирский федеральный университет
E-mail: vikkilu@yandex.ru

Предметом исследования является социально-философское переосмысление феномена лидерства через категорию субъектности. Решается актуальная проблема редуцирования классических теорий лидерства к набору личностных черт или функций, исчерпавшая свой объяснительный потенциал в условиях турбулентности современного мира. Исследование опирается на постнеклассическую парадигму, предполагающую отказ от жесткого субъект-объектного разделения и признание включенности исследователя в конструируемую реальность. Это позволяет трактовать лидерство не как объективно данное качество, а как динамическое отношение, конституируемое в социальном взаимодействии. Конструируется концептуальная трехмодусная модель лидерства как субъектности в контексте синергетической парадигмы, в которой лидерство рассматривается не как функциональная роль, а как способ бытия субъекта в социальном пространстве. В работе показывается, что лидерство в социально-философском измерении есть способ бытия субъекта, реализующийся через рефлексивный выбор в точках бифуркации и проявляющийся в трёх модусах: онтологическом (самополагание), гносеологическом (смыслопорождение) и этическом (ответственность). Особое место уделено синергетической субъектности как способности лидера выступать катализатором самоорганизации социальной системы, пробуждая субъектность в других агентах. Делается вывод о переходе лидерства из субстанциональной категории в реляционную, где субъектность конституируется не в изоляции, а в диалогическом пространстве со-бытия.

Ключевые слова: лидерство, субъектность, синергетика, рефлексивная агентность, точка бифуркации, трехмодусная модель, синергетическая субъектность.

Философское понятие субъекта и субъектности является одним из центральных в исследовании человеческого существования и активности. Оно тесно связано с вопросом лидерства, поскольку отражает активность, самостоятельность и осознанность действий индивида. Феномен лидерства традиционно находился в поле зрения психологии, политологии и социологии. Однако в последние десятилетия все отчетливее проступает потребность в его социально-философской концептуализации, выходящей за рамки прикладных дисциплин. Это обусловлено глубинными цивилизационными сдвигами, обозначенными как «текучая современность» [3], «общество риска» [4], информационная эпоха [9], которые разрушают устойчивые иерархии и линейные модели лидерства.

В этих условиях классические теории лидерства, фундированные принципами антропоцентризма и субъект-объектной оппозиции, демонстрируют свою несостоятельность. Лидер перестает восприниматься только как внешний субъект, воздействующий на «пассивный объект» – на своих последователей. Возникает необходимость в новой онтологии лидерства, где оно понимается не как качество личности, а как способ бытия субъекта [14], как имманентное свойство самоорганизующейся социальной среды.

Современная социальная философия фиксирует фундаментальную проблему – проблему «исчезающего субъекта». Постструктуралистская критика [2; 7; 19] децентрировала классического субъекта, показав, что субъект является продуктом дискурсивных практик и властных отношений. Такой «субъект» не столько говорит языком, сколько язык говорит сквозь него, и не столько обладает властью, сколько вплетен в паутину властных отношений.

Этот эпистемологический вызов ставит под вопрос саму возможность лидерства как осознанного волевого действия. Если субъект децентрирован, фрагментирован, конструируется внешними силами, то, где источник лидерской инициативы? Не является ли лидерство всего лишь иллюзией, симулякром, за которым скрываются безличные социальные механизмы?

Однако, как справедливо отмечает А.В. Дахин, субъектность процессов социальной самоорганизации означает, что непременным фактором их протекания является субъективная воля, мотивация [6]. Отказ от субстанционального понимания субъекта не означает отказа от субъектности как таковой. Субъектность переосмысляется: из статичного свойства она превращается в динамический процесс субъективации, в становление себя через акты выбора и ответственности.

Это переосмысление открывает возможность для новой философии лидерства как субъекта. Лидерство не исчезает вместе со «смертью автора», а обретает новые формы – диалогические, распределенные, реляционные [10]. Как подчеркивает М.А. Мень, лидерство в социально-философском плане есть «способ особенного бытия субъекта, соединяющего в себе личностное начало лидера, его последователей и организационную форму их совместного существования» [14].

Исследование лидерства как субъектности опирается на постнеклассическую парадигму, предполагающую отказ от жесткого субъект-объектного разделения и признание включенности исследователя в конструируемую реальность. Это позволяет трактовать лидерство не как объективно данное качество, а как динамическое отношение, конституируемое в социальном взаимодействии.

Адресуясь к сущности категорий «субъект» и «субъектность» рассмотрим проявление субъектности в контексте лидерства. Субъект – это активное начало, которое осознает себя, принимает решения и действует самостоятельно, определяет свою позицию в мире, формулирует цели, предпринимает шаги для их достижения. Осмысление лидерства невозможно без анализа эволюции категории активности, которая прошла путь от простого действия до фундаментального принципа субъектного преобразования мира. Именно в контексте субъектности активность перестает быть атрибутом объекта и становится способом бытия лидера.

В античности активность противопоставлялась Аристотелем пассивной потенции. Лидер воспринимался как носитель божественной воли, чья активность имеет высшую санкцию, а его субъектность растворена в трансцендентном замысле. В Новое время лидер опреде-

ляется как мыслящая и чувствующая субстанция. Декарт, Спиноза, Лейбниц переносят активность внутрь субъекта. Лидер обретает внутреннюю причинность, его действия исходят из самосознания, а не из внешнего принуждения. Французский материализм Дидро, Ламетри демократизирует активность, объявляя ее свойством материи. В контексте лидерства это означает, что лидерство становится имманентным свойством природы, а субъектность проявляется в активности и реакции на среду.

Рождение Лидера-Творца реальности в немецком классическом идеализме – ключевой этап для понимания субъектной природы лидерства. Кант [8] превращает активность в принцип организации бытия, где лидер-субъект не отражает мир, а конструирует его через априорные формы. Лидерство здесь – способность задавать правила игры, будучи их автором. Радикальная трактовка Фихте [18] означает абсолютную субъектность лидерства: лидер не просто действует в мире, он создает сам мир своей волей и деятельностью. Активность лидера-субъекта есть самополагание. Активность в ранг всеобщего принципа мирового духа возводит Гегель [5]. Лидер предстает как орудие Абсолютного духа, чья субъектность реализуется через диалектическое саморазвитие, а лидерство устанавливается как способность познавать себя через деятельность в истории, где субъектность лидера является моментом самораскрытия мирового разума.

Лидера как агента исторического преобразования определяет диалектический материализм. Маркс и Энгельс возвращают активность в материю, но с принципиальной оговоркой: человеческая активность – это преобразование мира на основе социальных целей. Субъектность лидера обретает классовую и историческую окраску. Лидер определяется как носитель противоречий, чья активность направлена на разрешение конфликтов и переустройство действительности в интересах социальной группы.

В современной философии активность трактуется как способность к самодвижению и изменению других объектов. Экосистемный подход к лидерству, развиваемый в современной философии, фиксирует переход от парадигмы «власти над» к парадигме «власти для» [13]. Классическое лидерство строилось на иерархии и подчинении: лидер обладал властью над последователями. Этот переход имеет онтологические основания. Если мир представляет собой сеть взаимосвязей, а не иерархию субординаций, то лидерство не может оставаться вертикальным. Оно становится горизонтальным, распределённым, диалогическим.

Для рассмотрения феномена лидерства в контексте субъектности важнейшей становится синергетическая трактовка, где лидер выступает как открытая нелинейная система, способная к выбору в точках бифуркации. Синергетика, как наука о самоорганизации в сложных неравновесных системах, изучает, как из хаоса, или неопределенности, рождается порядок. В рамках концепции синергетической парадигмы И. Пригожин [15], Г. Хакен [20], Г. Малинецкий предлагают радикально иной взгляд на лидерство, смещая фокус с внешнего на внутреннюю способность системы к самоорганизации.

Синергетическая концепция, порождая новую онтологию лидерства, задает новые парадигмальные установки социально-философской модели лидерства как модуса субъектности в условиях турбулентности современного мира. Исходным основанием социально-философской модели лидерства как субъектности выступает понимание субъектности как рефлексивной агентности – способности субъекта быть причиной собственных действий, осознавать их основания и нести за них ответственность. Субъектность – деятельностная характеристика, описывающая способность субъекта самостоятельно принимать решения и исполнять их. Лидер-субъект не просто принимает решения за себя, он принимает решения за систему, определяя траекторию ее развития. Это требует не только автономии и мета-рефлексии – способности видеть себя в системе и систему через себя.

Согласно синергетическому подходу, сложные неравновесные системы проходят через точки бифуркации – моменты потери устойчивости, когда перед системой открывается веер альтернативных путей развития. В этих точках лидер выступает как та самая «малая флуктуация», которая определяет выбор аттрактора – нового состояния системы. В отличие от физических систем, в социальных системах этот выбор не является механическим: он осознан и ответственен. Как подчеркивают В.И. Аршинов и В.Г. Буданов: «Личность в синергетическом контексте – характеристика, от этого контекста неотделимая, более того, и этот контекст порождающая и определяющая» [1].

Архитектура социально-философской модели лидерства как субъектности в контексте синергетической парадигмы конструируется как трехмодусная структура, в которой лидерство рассматривается не как функциональная роль, а как способ бытия субъекта в социальном пространстве. Трехмодусная модель субъектности лидера интегрирует онтологический, гносеологический и этический модусы, дополненные инновационным подходом, выводящим лидерство из субстанциональной парадигмы в реляционно-синергетическую.

В основании модели лежит фихтевская интуиция о том, что подлинный субъект есть тот, кто полагает сам себя [18]. В применении к лидерству это означает, что его субъектность не является производной от внешних институтов, статуса или группового признания. Напротив, институциональная власть и социальное признание становятся следствием, а не причиной субъектности.

В онтологическом измерении субъектность лидера проявляется как способность к самополаганию. Лидер не просто «есть» – он становится собой через акты выбора и действия. Его субъектность не дана заранее, она конституируется в каждом акте лидерства. Это означает, что лидер не может сослаться на внешние обстоятельства как на причину своих действий. Он есть причина себя – источник своей воли и своих решений.

Характеристиками онтологического модуса лидерства как субъектности являются:

– Автономия воли – способность действовать из собственного внутреннего императива, а не по внешней инструкции. Лидер – субъект не ищет оправдания своим действиям в обстоятельствах. Он сам есть их причина.

– Самотождественность через время – субъектность лидера сохраняется в меняющихся условиях не как ригидность, а как способность сохранять ядро ценностных ориентаций при адаптации стратегий.

– Непроизводность от статуса – формальная должность не конституирует субъектность. Напротив, подлинная субъектность может существовать вне иерархических структур.

Онтологический модус задает горизонталь существования лидера: он есть свободная причина себя. Однако автономия не превращается в волюнтаризм, поскольку она всегда ограничена двумя факторами: социальной реальностью, в которой есть другие субъекты и ответственностью за последствия. Этот переход фиксируется в гносеологическом модусе.

Если онтологический модус отвечает на вопрос «кто действует?», то гносеологический – «как действует?» и «что познаёт?». В условиях неопределенности классическое познание как отражение объективной реальности становится невозможным. Поэтому лидер-субъект вынужден переходить к конструированию реальности.

Гносеологический модус опирается на кантианскую идею о том, что субъект вносит порядок в хаос [8], но адаптирует ее к динамике современности. Лидерство как субъектность признает тот факт, что лидер не обладает априорными категориями раз и навсегда – он творит их в ответ на вызовы среды. Гносеологический модус лидерства как субъектности операционализирован через нарративное конструирование, фрейминг, антиципацию и когнитивную гибкость.

Нарративное конструирование лидера превращает хаос событий в связный нарратив, объясняющий прошлое, интерпретирующий настоящее и проецирующий будущее. Лидер-субъект создает «историю», в которую группа может вписать свои действия. Фрейминг – способность лидера задавать рамки восприятия ситуации. Одно и то же событие может быть истолковано как угроза или возможность. Лидер-субъект предлагает ту рамку, которая мобилизует группу. Антиципация – это не прогнозирование в классическом смысле (линейная экстраполяция). Антиципация представляет собой интуитивное схватывание «emerging» – свойств системы, потенциальных траекторий, которые еще не проявились, но уже существуют как виртуальное. Способность переключаться между различными логиками: аналитической, интуитивной, метафорической, в зависимости от характера задачи – когнитивная гибкость лидера.

В гносеологическом измерении субъектность лидера проявляется как способность порождать смыслы. В мире, где старые нарративы рушатся, а новые еще не сложились, лидер выполняет функцию смыслообразования. Лидер задаёт рамки восприятия, превращает хаос в нарратив, а неопределенность – в направление. Это кантианская импликация в модели лидерства как субъектности: подобно тому, как трансцендентальный субъект вносит порядок в хаос ощущений, лидер вносит порядок в хаос социальных процессов. Однако, в отличие от кантовского субъекта, лидер не обладает априорными формами – он творит их в конкретной исторической ситуации.

Однако смыслопорождение было бы манипуляцией, если бы не дополнялось этическим измерением. Третий модус замыкает модель, превращая ее из дескриптивной в нормативную. Если онтология дает субъекту силу, а гносеология – инструменты, то этика задает границы и направление. Именно здесь модель соединяется с экзистенциализмом (Сартр [16], Ясперс) и философией диалога (Бубер, Левинас [12]).

В контексте лидерства как субъектности ответственность не есть добавочная характеристика. она является конститутивным признаком субъектности. Субъект потому и субъект, что отвечает за свои действия. Лидер потому и лидер, что ответственен не только за свои действия, но и за те траектории системы, которые он выбирает.

Этический модуль субъектности лидера в контексте синергетической парадигмы операционализируется через мета-ответственность, ответственность за непредвиденное, удержание и этическую навигацию.

Мета-ответственность лидера – ответственность за саму структуру принятия решений, за то, кто участвует в этом процессе, какие ценности учитываются. Ответственность за непредвиденное в точках бифуркации – выбор лидера без гарантий, без предвидения всех последствий с осознанием того, что за них придется отвечать, даже если они не были запланированы. Ответственность как удержание – не столько за прошлое как «вина», сколько за будущее как «забота». Лидер принимает решение не потому, что оно выгодно сейчас, а потому что оно сохраняет возможность для будущих субъектов действовать свободно.

Этическая навигация – способность сохранять ценностные ориентиры в условиях, когда моральные нормы конфликтуют друг с другом. Лидер-субъект не уклоняется от этических дилемм, а принимает их как свою реальность. В этическом измерении субъектность лидера проявляется как способность брать на себя ответственность за выбор в условиях неопределённости нет гарантированно правильных решений: лидер выбирает между альтернативными будущими, каждое из которых несёт риски. Экзистенциальная традиция [16] учит, что субъект ответственен не только за себя, но и за весь мир, поскольку его выбор становится примером для других. В случае лидера эта ответственность многократно усиливается. Его выбор определяет траекторию развития всей социальной системы. Этический модус превращает лидерство в экзистенциальный проект – способ быть человеком в условиях социальной ответственности.

Трёхмодусная структура модели лидерства как субъектности отражает архитектуру субъектности лидера в современном мире, в котором лидерство – это процесс, протекающий в открытых неравновесных системах. Парадигмальной основой модели становится синергетическая субъектность – способность лидера выступать катализатором самоорганизации социальной системы, действуя в точках бифуркации и пробуждая субъектность в других агентах, при сохранении рефлексивной ответственности за траекторию развития,

Традиционное лидерство строится на принципе «лидер-субъект воздействует на систему-объект». Синергетическая субъектность отказывается от этой модели в пользу имманентного участия: лидер есть элемент системы, который, усиливая свою субъектность, изменяет системные параметры. Традиционное лидерство – присвоение субъектности: лидер был единственным субъектом, а последователи объектами. Синергетическое лидерство, напротив, строится на распределении субъектности. Лидер не подчиняет себе других, а создает условия, в которых каждый участник становится субъектом собственной деятельности.

Синергетической субъектность в модели лидерства раскрывается в флуктации, резонансности, нелинейности, со-субъектности и этике удержания. Флуктуация лидерства – проекция предоставления лидером возможностей в ситуации нестабильности в точке бифуркации, где незначительное воздействие может запустить цепную реакцию. Резонансная частота лидера – смысловой код, который совпадает с глубинными тенденциями системы. Это механизм «наведения порядка» в синергетике, когда малый сигнал синхронизирует колебания всей системы. Нелинейность лидера как субъекта имплицируется в открытости и создании условий, при которых желательное будущее становится более вероятным. Со-субъектность лидера отражается в критерии эффективности – не количество исполненных приказов, а количество актуализированных субъектов. Лидер успешен, если после его воздействия участники системы начинают действовать как субъекты, а не как исполнители. Синергетический лидер удерживает пространство диалога, где разные субъектности могут синтезировать новые смыслы. Он не решает проблемы за других, но обеспечивает условия для их решения. Как отмечает М.С. Симутин, «лидерство есть процесс социально-психологической самоорганизации и самоуправления, осуществляемый лидером как субъектом спонтанно, на основе восприятия, подражания, эмпатии, понимания» [17]. Лидерство не является запланированным действием, оно возникает в процессе взаимодействия. Таким образом синергетическая субъектность, не отменяя лидера как субъекта, переопределяет его роль в условиях турбулентности современного мира

Заключение

Проведенное исследование позволило переосмыслить феномен лидерства через категорию субъектности, открывая новые онтологические и методологические горизонты для его понимания в условиях турбулентности современного мира. Основным результатом исследования стала концептуальная трёхмодусная модель лидерства как субъектности, интегрирующая онтологический, гносеологический и этический модусы, встроенные в контекст синергетической парадигмы.

Синергетическая концепция, порождая новую онтологию лидерства, задает новые парадигмальные установки социально-философской модели лидерства как синергетической субъектности, выступающей катализатором самоорганизации социальной системы, побуждающей субъектность в других агентах.

Предложенная модель обладает эвристическим потенциалом как для дальнейших теоретических разработок в социальной философии, так и для эмпирических исследований. Вместе с тем, в силу теоретического характера работы, предложенная модель требует эмпирической верификации и уточнения механизмов ее реализации в различных социальных контекстах.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.
2. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
4. Гегель Г. В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
5. Дахин А.В. Социальная синергетика: опыт философского осмысления. – Н. Новгород: ННГУ, 2004. – 180 с.
6. Деррида Ж. Письмо и различие. – СПб.: Академический проект, 2000. – 432 с.
7. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1998. – 656 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. Князева Е. Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3–20.
10. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2009. – 320 с.
11. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 216 с.
12. Мамедова А.Н. Экосистемное лидерство как новая философия управления // Современные философские исследования. – 2026. – № 1. – С. 45–56.
13. Мень М.А. Лидерство в социально-философском плане // Социальная философия лидерства (концептуальный анализ). – М.: Институт философии РАН, 2013. – С. 12–29.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
15. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
16. Симутин М.С. Коллективно-синергетическая природа лидерства // Молодой учёный. – 2020. – № 17 (307). – С. 427–429.
17. Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 1. – 687 с.
18. Фуко М. Слова и вещи. – СПб.: A-cad, 1994. – 408 с.
19. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – 404 с.
20. Чепьюк О.Р. Неклассические подходы к исследованию лидерства в условиях изменчивой хозяйственной реальности // KANT. – 2020. – № 1(34). – С. 171–176.

LEADERSHIP AS SUBJECTNESS: A SOCIO-PHILOSOPHICAL MODEL IN THE CONTEXT OF THE SYNERGETIC PARADIGM

Lutoshkina V.N.
Siberian Federal University

The subject of this research is a socio-philosophical reinterpretation of the phenomenon of leadership through the category of subjectness. The study addresses the pressing problem of the reduction of classical leadership theories to a set of personality traits or functions – an approach that has exhausted its explanatory potential under the conditions of turbulence in the contemporary world. The research is grounded in the post-non-classical paradigm, which entails a rejection of rigid subject-object dichotomies and acknowledges the researcher's embeddedness in the reality being constructed. This allows leadership to be interpreted not as an objectively given quality, but as a dynamic relationship constituted within social interaction. A conceptual three-modular model of leadership as subjectness is constructed within the context of the synergetic paradigm, wherein leadership is viewed not as a functional role, but as a mode of being of the subject in social space. The paper

demonstrates that leadership in its socio-philosophical dimension is a mode of being of the subject, realised through reflexive choice at points of bifurcation and manifested in three modules: ontological (self-positioning), epistemological (meaning-generation) and ethical (responsibility). Special attention is paid to synergetic subjectness as the leader's capacity to act as a catalyst for the self-organisation of the social system, awakening subjectness in other agents. The conclusion is drawn that leadership is undergoing a transition from a substantial category to a relational one, wherein subjectness is constituted not in isolation, but within the dialogical space of co-being.

Keywords: leadership, subjectness, synergetics, reflexive agency, point of bifurcation, three-modular model, synergetic subjectness.

References

1. Barthes, R. The Death of the Author. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 1989, pp. 384–391.

2. Bauman, Z. Fluid Modernity. St. Petersburg: Piter, 2008, 240 p.

3. Beck, U. Risk Society: Toward a Different Modernity. Moscow: Progress-Tradition, 2000, 384 p.

4. Hegel, G.V.F. Phenomenology of the Spirit. Moscow: Nauka, 2000, 495 p.

5. Dakhin, A.V. Social Synergetics: An Experience of Philosophical Understanding. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University, 2004, 180 p.

6. Derrida J. Writing and Difference. St. Petersburg: Academicheskiy Proekt, 2000, 432 p.

7. Kant I. Critique of Pure Reason. Moscow: Nauka, 1998, 656 p.

8. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Moscow: HSE, 2000, 608 p.

9. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Synergetics as a New Worldview: Dialogue with I. Prigogine // Voprosy filosofii. 1992, no. 12, pp. 3–20.

10. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow: AST, 2009, 320 p.

11. Levinas E. Time and the Other. The Humanism of Another Person. – St. Petersburg: Higher Religio-Philosophical School, 1998. – 216 p.

12. Mamedova A.N. Ecosystem Leadership as a New Philosophy of Management // Modern Philosophical Research. – 2026. – No. 1. – Pp. 45–56.

13. Men' M.A. Leadership in Social and Philosophical Terms // Social Philosophy of Leadership (Conceptual Analysis). – Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2013. – Pp. 12–29.

14. Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos: A New Dialogue between Man and Nature. – Moscow: Progress, 1986. – 432 p.

15. Sartre J.-P. Existentialism is a Humanism // Twilight of the Gods. – Moscow: Politizdat, 1989. – Pp. 319–344.

16. Simutin, M.S. The Collective-Synergetic Nature of Leadership // Young Scientist. – 2020. – No. 17 (307). – Pp. 427–429.

17. Fichte, I.G. The Basis of General Scientific Theory // Fichte, I.G. Works: in 2 volumes. – St. Petersburg: Mithril, 1993. – Vol. 1. – 687 p.

18. Foucault, M. Words and Things. – St. Petersburg: A-cad, 1994. – 408 p.

19. Haken, G. Synergetics. – Moscow: Mir, 1980. – 404 p.

20. Chepyuk O.R. Non-classical approaches to the study of leadership in a changing economic reality // KANT. – 2020. – No. 1 (34). – P. 171–176.

Интерпретации апофатизма в научных исследованиях

Мельникова Галина Владиславовна,
Аспирант кафедры Философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета Пермский национальный исследовательский политехнический университет
E-mail: Melnikovagalina999@gmail.com

В статье предпринята попытка систематизировать многообразные интерпретации апофатизма в современных научных исследованиях, выходящих за пределы теологии. Выделяется широкий семантический ареал термина – от традиционного понимания как метода отрицательного богословия до его применения в культурологии, эстетике, педагогике, философской антропологии и постмодернистской философии. Для дифференциации подходов предлагается оригинальная классификация, основанная на многоуровневой модели толкования Иоанна Кассиана Римлянина (буквальное, аллегорическое, тропологическое, анагогическое), дополненная предложенными автором рестриктивной, метафорической и альтернативной интерпретациями. Особое внимание уделяется анализу случаев, когда апофатизм редуцируется к простому «отрицанию», утрачивая онтологическую глубину, что ведёт к искажению его сути и снижению точности научной коммуникации. Сравнительный семантический анализ с помощью данной классификации толкований позволит дифференцировать подходы к использованию классических философских и богословских терминов и оценивать степень их соответствия исходному смыслу.

Ключевые слова: ἀπόφάσις, апофатическая теология, апофатика, интерпретации, толкование терминов.

В самом распространённом значении, апофатизм – это основное понятие апофатического богословия в христианстве (в греческой патристике ἀποφατικός – «отрицательный»), или негативная теология, определяемое в противовес катафатическому богословию (от καταφατικός, «утверждающий»). Однако апофатизм зачастую используется в качестве метода в научных исследованиях, не связанных с теологией. В данном исследовании мы постараемся выявить основные области приложения апофатики и провести сравнительный семантический анализ.

Обозначая проблему исследования, приведём множественные значения, к которым приближают «апофатизм» авторы, прибегающие в своих исследованиях к этому термину. Составленный спектр, полагаем, не является полным, но даже он позволит увидеть, так называемый, широкий семантический ареал апофатики. Опираясь на контекстуальные синонимы, встречающиеся в текстах исследований, можем выделить следующие значения:

1) Бездна, бесконечность, неисчерпаемость, символизм (А.Ф. Лосев); 2) ничто (в генологии, для концептуализации Первоединого); 3) «апофатическая рефлексия» – способ мышления, основанный на «учёном незнании», вопрошании (у Е.В. Бакеевой, в её концепции Понимания); 4) неконцептуализируемое, разрушающее границы познанного в постмодернистской философии (например, С.Б. Никонова «Эстетическая рациональность и новая апофатика», М. Михайлова «Апофатика в постмодернизме»); 5) апофатика как характеристика постмодернистской культуры и состояния постатеистического общества (Горичева Т.М. Православие и постмодернизм); 6) атеизм и феномен вытесненной религиозности (Г.Л. Тульчинский); 7) отрицание человеческого в западных концепциях субъекта (в философской антропологии – например, Гуревич П.С., Лебедев Д.С.); 8) мортальный мотив в русской литературе (Дударева М.А. «Апофатика русской словесной культуры конца Нового времени: образы смерти».); 9) беспредметное, нефигуративное искусство (Н. Сперанская, В.Б. Бычков); 10) исключение предиката в логике (берётся только формальный подход, аферезис); 11) метод отрицательных дескрипций в русском фольклоре, например, «ни в сказке сказать, ни пером описать» и т.д. (Михайлова М.Ю. «Художественная апофатика русского фольклора»; 12) метод в воспитании и образовании, основанный на понимании и «схватывании»; непосредственное восприятие, расширяющее границы логического анализа (Шестакова Н.Н. «Образ справедливости в контексте исследовательских стратегий: от катафатики к апофатике»); 13) освобождение от «идолов» как гносеологический подход в науке; 14) апофатика молчания как поликультурный феномен (Михайлова М.В. Эстетика молчания: Молчание как апофатическая форма духовного опыта); 15) «бедная вера» (М.Н. Эпштейн) и др.

Такое широкое упоминание апофазиса, с одной стороны, объясняется свободой научного творчества: авторы вольны определять методику своих исследований и давать авторское толкование терминов. Также это объясняется большой временной дистанцией, разделяющей возникновение термина ἀπόφάσις и его употребление. Надо сказать, эта участь постигла многие древнегреческие понятия (о примерах различных интерпретаций терминов «идея», «космос» и др. интересно прочитать, например, в статье Ахутина А.В. «Омонимия» в переводе философских понятий»).

Можно разделить все исследования на два так называемых регистра: первый – историко-философские либо теологические исследования, которые прибегают к термину, так как изучают тот или иной исторический этап его развития – в Христианстве, неоплатонизме и т.д., а второй – собственно философские исследования, которые применяют апофатизм как метод для собственных концепций. Ко второй группе также добавляются исследования из других областей научных знаний – филологии, культурологии, педагогики, эстетики и др., – которые также прибегают к апофатике в тех или иных целях для раскрытия своих исследовательских задач, зачастую не связанных с философией и религией.

Для того, чтобы дифференцировать данные обращения, важно выявить с каким отношением к исторической достоверности термина «апофатизм» относится тот или иной автор. Для этого предлагаем выделить уровни интерпретаций. При формировании нашей классификации, мы вдохновлялись примерами систем толкования юридиче-

ских норм и религиозной экзегетики, так как именно в этих областях толкование как процесс уяснения и применения (священного текста или правовых предписаний) крайне важен и достиг вершин своей разработанности за многовековую историю. Выделенные нами уровни интерпретации безусловно являются достаточно вольным осмыслением указанных моделей толкования и прежде всего необходимы в качестве инструмента для критического анализа использования философских терминов. Вместе с тем, видится необходимым немного углубиться в смысл каждого из видов религиозного толкования, взятых за прообраз нашего метода.

Идея многоуровневого толкования Священного писания встречалась и у более ранних авторов (например, у Оригена), но именно Кассиан систематизировал эту концепцию в своём труде «Собеседования» (в частности, в 14-м собеседовании с египетскими отцами) [10] и оказал значительное влияние на последующую средневековую экзегетику, выделив 4 уровня духовного смысла: буквальный, аллегорический, тропологический и анагогический. «Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Кассиан предлагает рассмотреть образ Иерусалима: в историческом (буквальном) смысле – это конкретный город; в аллегорическом – Церковь Христова; в анагогическом – небесный град, Царство Божие; в тропологическом – душа человека, которую Господь может порицать или хвалить» [6]. Эта модель толкования стала основной в западном схоластическом богословии и получила название «квадрига». Все четыре типа данной системы мы применим к интерпретациям термина «апофазис», что вполне релевантно, так как на достаточно длительном этапе своего существования, который повлиял на всё дальнейшее его восприятие, апофазис был связан с Христианским богословием.

Система толкования норм права не имеет какого-то конкретного автора. Из множества оснований, нас интересует классификация «по объёму»: в зависимости от того, как соотносятся смысл нормы и её текстуальное выражение, выделяется буквальное (адекватное), расширительное и ограничительное толкование. Для целей нашего исследования мы позаимствуем буквальное (одноимённое есть и в системе Кассиана) и ограничительное. Последнее мы назовём ***рестриктивной интерпретацией*** (от лат. restrictio – «ограничение»). В нашей классификации оно характерно для исследований, применяющих термин «апофатизм» в контекстуально обусловленном, зауженном значении, когда из богатого смыслами инструмента апофатизм становится семантически одномерным, плоским, сведённым только к «отрицанию», «отрицательной дескрипции», «атеизму», «нигилизму» и т.д.

Буквальное толкование в системе преподобного Иоанна Кассиана Римлянина – это первый, базовый уровень понимания Священного Писания, который заключается в прямом, непосредственном прочтении текста – как он написан. При таком подходе исследуют текст в соответствии с правилами грамматики и историческими фактами, чтобы выявить значение, заложенное автором. В нашей классификации под буквальным значением мы понимаем, во-первых, приём аферезиса, абстрагирования, восхождения от множественного к единичному, простому, во-вторых – отрицание применения позитивных предикатов. К представителям такого апофатизма можно отнести, в частности, Аристотеля. В «Метафизике» он пишет, что попытки полноценно определить Божество (Перводвигатель) неизбежно приводят к тупикам, и потому от ряда антропоморфных или категориальных определений лучше отказаться. Его подход был рационалистическим и космологическим: апофатика у Аристотеля тесно связана с понятиями величины, изменения, а также с учением о небытии. То есть это скорее философская, а не теологическая в строгом смысле практика – размышление о предельных основаниях бытия с помощью «отрицаний». Позже неоплатоники (например, Плотин) взяли некоторые идеи и развили апофатическую традицию уже с более выраженным теологическим уклоном – говоря о трансцендентном Едином, которое по сути «за пределами всего» и не может быть схвачено положительными определениями. И уже затем под влиянием неоплатонизма христианские мыслители (Климент Александрийский, Ориген, а затем и Псевдо-Дионисий Ареопагит) интегрировали апофатический метод в богословие. Дионисий, например, в «Мистическом богословии» систематизировал путь отрицаний как способ приближения к постижению Бога. Этот, дохристианский путь апофатизма как метода познания непостижимого, мы будем считать за отправную, буквальную интерпретацию в нашей классификации.

От буквального понимания апофазиса мы получаем последующие уровни смысла. Уже в самой процедуре абстрагирования и освобождения от неподходящих определений закладывается тот практический, возвышающий, освобождающий и экстатический путь, который впоследствии будет присутствовать и ступенях docta ignorantia Николая Кузанского, и в стадиях обретения смысла Е.Н. Трубецкого.

Можно сказать, что именно к буквальному значению апофазиса стремился Ж. Деррида в своем эссе «Как избежать разговора: денегации». В дерридианской оптике богословие Дионисия – недостаточно апофатичное (в буквальном смысле – полной неименуемости), так как в текстах Ареопагитик есть элементы гимна – например, указания на троичность и сверхсущностность Бога. С точки зрения его деконструктивистской оптики, это не «чистый опыт молитвы». Анагогический язык гимна вводит позитивность (утверждения о природе Бога), тем самым отклоняясь от строгого апофатического принципа, который стремится исключить любые предикаты. То есть попытка радикального отрицания в традиции Ареопагитик в итоге оказывается вовлечённой в метафизическую «ставку». Деррида же стремится радикализировать апофатизм – вплоть до полного устранения возможности разговора, устанавливая абсолютную дистанцию на грани молчания [16, с. 81]. Тайна неведения у Дионисия стремится быть тайной Троицы, а у Деррида речь идёт о тайне тотальной инаковости Бога – не только «без Бытия», но и вне Откровения [16, с. 73].

Задача ***аллегорического толкования*** в религиозной экзегетике – раскрыть прообразовательный (типологический) смысл: увидеть в конкретных исторических событиях, персонажах или деталях Ветхого Завета прообразы (типы) новозаветных реалий, прежде всего Христа и Его Церкви. Вслед за Кассианом, в нашем понимании аллегорическая интерпретация – это апофатизм в вероучительном контексте, применяемый в христианской традиции, например, Климентом Александрийским, Оригеном, Великими каппадокийцами, Псевдо-Дионисием Ареопагитом, Максимом Исповедником, Иоанном Дамаскином.

Метааллегорическое (символическое) толкование. Это аллегория на религиозную трактовку апофатизма, исследования, в которых концепции строятся с опорой на то, как апофатическая установка работает в Православии. Для выделения данной классификации мы учитывали два момента: 1) чтобы апофатизм встраивался в контекст новых философских теорий, сохраняя связь с религией и верой (вслед за аллегорическим толкованием, как его понимал Кассиан); 2) без искажений отражал общий дух православного вероучения, неотъемлемой частью которого является апофатика. К примерам применения метааллегорического толкования можно отнести русскую религиозную философию Серебряного века, А.Ф. Лосева как её продолжателя и яркого представителя, В.В. Бибихина. Работа с библейским текстом и его смыслами здесь происходит более глубокая, чем в других видах интерпретаций. Авторы не просто следуют общей форме в своих философских концепциях и не выстраивают аналогий лишь по общности отдельных качеств феномена апофатики, но соотносятся с ним сущностно, предваряют использование метода тщательным изучением истории философской и религиозной мысли. Например, А.Ф. Лосев встраивает апофатику в свою аналитическую работу с текстами и символами. Он видит в апофатическом подходе ключ к пониманию того, как в символе раскрывается нечто трансцендентное, выходящее за пределы рационального. В его работах (например, в «Диалектике мифа») апофатика не просто декларируется – она работает как метод: через анализ символа он показывает, что за видимым, буквальным слоем скрывается неисчерпаемая, «апофатическая» глубина смысла: «Символизм есть апофатизм, и апофатизм есть символизм» [13, с. 113–114]. Символизм для Лосева – это онтологическая основа бытия, «место встречи» сущности и явления, смысла и материи. По Лосеву, символизм невозможен без апофатизма, именно апофатический момент позволяет осознать, что сущность всегда глубже своего явления. Яркий пример – религиозное искусство (иконопись, сакральная архитектура). Икона не просто «иллюстрирует» догмат – она намекает на трансцендентное, на то, что превосходит любое словесное описание. Если убрать апофатику, остаётся либо агностицизм (сущность принципиально непознаваема), либо «уродливый позитивизм», для которого само явление и есть сущность [13, с. 113–114]. Таким образом, апофатический момент – это предохранительный клапан для символа. Он сохраняет его живую, пульсирующую природу, не даёт смыслу застыть в неподвижную схему.

Анагогическое толкование (от греч. *anagōgē* – «возведение», «восхождение») раскрывает в тексте эсхатологический, «небесный» смысл: оно отсылает не к нраву человека (как тропология) и не к прообразам Христа и Церкви (как аллегория), а к конечной судьбе мира и человека – к Царству Божию, вечности, грядущему преображению.

В «Смысле жизни» Е.Н. Трубецкого анагогический подход – это сама логика движения мысли. Благодаря этой диалектике нисхождения и восхождения автор выводит нас от мучительного ощущения бессмысленности земного существования к открытию предельного, эсхатологического смысла. Апофатика позволяет выйти за рамки эмпирического сознания и его категорий. Трубецкой подчёркивает, что переход к более высокому уровню осмысления (например, от поиска

относительных ценностей к осознанию абсолютного смысла) не может быть сделан чисто логически. Более глубокий смысл не содержится в низшем и не выводим из него. Апофатический метод указывает на необходимость «метанойи» – радикального поворота ума, переориентации сознания.

Тропологическое толкование в системе преподобного Иоанна Кассиана Римлянина – это нравственно-аскетическое прочтение Священного Писания, направленное на исправление жизни и деятельное наставление человека. Тропология (от греч. «тропо» – нрав) помогает увидеть в библейских текстах нравоучительные истины, касающиеся духовной жизни. Её цель – научить человека, как поступать, какие добродетели развивать и каких пороков избегать. Этот уровень толкования помогает применить слова Писания к собственной жизни, преобразить её. Кассиан подчёркивает, что тропологическое толкование служит именно деятельному наставлению, то есть указывает конкретные шаги на пути нравственного совершенствования, это инструмент, который помогает превратить знание в действие, а слово Божие – в личный духовный опыт.

У Н. Кузанского основанное на апофатической установке концепция «учёного незнания» – это не только гносеологический вывод, но и практика ума: научиться останавливаться перед границей, не пытаться свести бесконечное к конечному, признать ограниченность рассудка. У Е.В. Бакеевой «апофатическая рефлексия» также ведёт к трансформации способа бытия-понимания: понимание перестаёт быть просто сбором фактов и становится «модусом бытия», свободным и ответственным поступком, который опирается на признание неопределённости [2]. То есть тропологический срез здесь – это практический, экзистенциальный эффект апофатического метода: как работа с «незнанием», с границами опыта и как результат – путь внутреннего преобразования.

Метафорическая интерпретация немного дальше отстоит от религиозного смысла апофазиса, чем метааллегорическая, хотя также берёт за основу его христианское истолкование. Метафора задействует более простые, внешние связи, потому что она базируется на явном, зримом или стереотипном сходстве между явлениями, в отличие от аллегории, опирающейся на ментальные образы и культурные коды, и чаще всего реализуется на уровне переноса значения по одному-двум заметным признакам [6]. Из строго определённого богословского метода апофатика превращается в общую установку: признавать принципиальную невыразимость, границу познания, ценность «неопределённости» в самых разных сферах человеческой деятельности (искусстве, науке, психологии). При этом изначальный теологический контекст часто уходит на второй план, и термин начинает обозначать скорее саму логику отрицания, работы с границей, чем конкретный богословский метод. Данные исследования зачастую берут лишь определённый сходный с апофазисом семантический аспект, игнорируя системный историко-религиозный подход. Рассмотрим характерные примеры, которые можно, по нашему мнению, отнести к метафорической интерпретации апофазиса.

Во-первых, это сфера искусства. Эта форма культуры, в целом, очень чутко схватывает и отражает религиозные смыслы, даже когда напрямую не говорит об этом. Именно это свойство – невысказываемости – подмечает С. Булгаков у музыки, анализируя типы отрицания, и сближает апофатическое отрицание именно с ней: ἀ-отрицание – это скорее «жест, порыв, движение, но не мысль, не слово», это выражение невыразимого, предел для мысли, за которым она гаснет. Оно ближе к музыкальному переживанию, чем к логической операции [3, с. 92]. Глубоко связь музыки и апофатики обозначил А.Ф. Лосев. В своей работе «Музыка как предмет логики» он детально разбирает музыку как «жизнь числа», как до-эйдетическое становление, где числовая структура раскрывается в потоке. Лосев видит в музыке способ постичь первооснову бытия, которая по природе своей апофатична.

Примерно той же логики придерживается Н. Сперанская, которая в своей работе «Беспредметное искусство: от апофатической бездны Казимира Малевича к перформансам Марины Абрамович» связывает этих художников с апофатическим искусством через общую интенцию – стремление выйти за пределы предметного мира, выразить невыразимое, приблизиться к трансцендентному.

Интересный аспект осмысления в искусстве апофатической традиции представляет В.В. Бычков, который в своих исследованиях проводит параллели с учением Ареопагита. Цитата из 4-й главы трактата «О божественных именах»: «Ибо и в священных Речениях иногда от предметов более низких заимствуют образы, говоря, что Бог бывает и червём, и львом, и пантерой, и барсом, и разъярённой медведицей», – демонстрирует парадоксальный апофатический принцип: Бог по своей природе принципиально трансцендентен. Он превыше любого человеческого понятия, любого образа из тварного мира. Комментатор Ареопагитик, Максим Исповедник, развивая эту мысль, также указывал, что такие «недостойные» зооморфные образы (льва, пантеры, барса, медведицы, червя) в Писании служат именно для того, чтобы через их явную «неподобность» подчеркнуть трансцендентность Божества [4, с. 100]. В.В. Бычков обосновывает этим принципом, например, «использование западным христианским искусством экспрессивно-натуралистических изображений страдающего, умирающего, мертвого Христа и пыток мучеников вплоть до натуралистического изображения разлагающейся плоти «Мертвого Христа» Гольбейна (Базель) и знаменитого Изенгеймского «Распятия» Грюневальда» [5, с. 183–184].

Ещё пример метафорической интерпретации: апофатизм синонимизируется с познавательной практикой освобождения от идолов [18]. В. Тростников рассматривают теорию Ф. Бэкона как гносеологический аналог апофатики: если апофатический подход освобождает понятие через отрицание, то Бэкон «очищает» познание, разоблачая ложные образы и предрассудки, чтобы открыть путь к непосредственному изучению природы. В данном случае мы видим, как работает метафорическая интерпретация: религиозное употребление термина помогает почувствовать изначальный смысл апофатизма как особого способа мышления, который (что было важно для данного исследователя) включает этап освобождения, очищения.

Другим примером метафорической интерпретации термина ἀπόφασις можно назвать осмысление постмодернистской культуры и науки. Например, Т. Горичева в своём труде «Православие и постмодернизм» использует апофатику как своего рода полиметафору, под которой скрывается и «тоска по послушанию» и стремление к духовности, и «отказ от тоталитарных установок», и иррациональность как ключ к сокрытому Богу, путь к которому пролегает через неверие и борьбу [8].

Альтернативное толкование

К нему можно отнести намеренно новаторское отношение к термину, которое в отличие от некоторых случаев рестрикций, которые сужают значение апофатизма (порой из-за недостаточной работы с источниками или как раз с опорой на источники, где авторами приведены альтернативные значения), но делают это с долей искреннего заблуждения. Альтернативная интерпретация строится на том, что автор вначале покажет знание истории термина и его истинное значение, а затем предложит иное применение. Его можно назвать синтетическим, мета-метафорическим, симуляционным, так как означающее теряет связь с означаемым. Один из самых заметных случаев анализируют С.С. Логиновский и М.А. Головина [12]. В их статье рассматривается, как М.Н. Эпштейн творчески переосмысляет понятие апофатики в своем творчестве и выделяет четыре собственных значения. Например, вводит понятие апофатики как «бедной веры» – веры без догм и обрядов, где акцент смещается на личное, непосредственное предстояние Богу. Второе новаторское значение – «апофатизация», под которым понимает степень отрицательности (негативности) в познании Бога, присущую любому мировоззрению – от теизма до атеизма. Также анализируемый термин применяется к анализу русской литературы: например, Эпштейн противопоставляет «негативное» (апофатическое) описание России в первом томе «Мёртвых душ» и более позитивные, созидательные образы у Гоголя в других работах. Апофатика в этом значении рассматривается им как невозможность положительного описания тварных (земных) феноменов. Четвёртый смысл, которым наделяет апофатику М.Н. Эпштейн, – это демонизм – греховная жизнь ради эпатажа и «истощения греха». В этом значении происходит отождествление с асоциальным, греховным поведением (например, пьянство у Есенина, Высоцкого, Ерофеева), которое должно привести к святости через «выбивание клина клином» и ««негативность» апофатики из логической превращается в оценочную (этическую)» [12, с. 39]. В работах Михаила Эпштейна апофатика, таким образом, с одной стороны, из богословского метода превращается в универсальный инструмент для описания негативного в разных культурных и мировоззренческих контекстах, с другой – сужается только до одного значения апофазиса – «отрицательный», вслед за буквальным переводом.

Так же предельно широко понимает апофатизм Г.Л. Тульчинский. Например, в своей статье «Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ» [19] обозначает апофатизм как фундаментальную мировоззренческую установку, доминирующую в российской культуре. Она проявляется в отрицании ценности земного бытия, труда, собственности, права, в ориентации на трансцендентное «ничто» и в порождении таких феноменов, как волюнтаризм, ресентимент, эхолалия, инверсионные срывы в развитии. Не предполагающий по своему изначальному значению отрицание объекта, а только лишь отрицание пути положительных определений Бога, термин «апофатизм» здесь вновь обвиняется в богоотрицании и нигилистической установке:

«Атеизм может рассматриваться как последовательное развитие апофатизма, когда Бог лишается не только всех своих атрибутов, но и самого существования… Так религиозный апофатизм смыкается с атеизмом и с вполне светским нигилизмом» [там же, с. 37].

Альтернативное толкование терминов – на наш взгляд имеет двойственное значение. Научный термин – это не просто слово, а чётко определённое понятие со своими границами и признаками, что важно учитывать во избежание нарушения однозначности и точности научной коммуникации, искажений смысла и сути явлений. Однако стоит учитывать неизбежность развития научного языка, который не может застыть, он меняется вместе с общественными отношениями, является живым и подвижным. К тому же «онтологическая современность во многом прочитывается сквозь призму тех интерпретаций, которые современная мысль в состоянии предпринять для интеграции в себя мотивов платоновской философии» [11, с. 144], а также иных далеко отстоящих по времени от нас авторов. М. Хайдеггер, Ж. Деррида и многие другие исследователи переосмысляли древнегреческие понятия, но введение нового прочтения классических терминов этими авторами обусловлено было их определённой философской позицией, которая делает понятным необходимость такой неологизации. Например, у Ж. Деррида переосмысление древнегреческих терминов является частью радикальной критики западной метафизики – он подвергает критике саму структуру классической философии, которая, по его мнению, была построена на ряде ключевых древнегреческих понятий (логос, бытие, присутствие и др.). Деррида подчёркивает, что знаки не имеют фиксированного значения, а существуют только в сети различий, отсылающих к другим знакам. Переосмысляя термины (например, фармакон (φάρμακον), след (typos / τύπος), архэ (ἀρχή), дифференция (διαφέρειν), хора (χώρα) он показывает, как эта система различий формирует наше мышление, а не просто отражает реальность: «терминология Деррида предполагает некое интеллектуальное созерцание, работу с терминами, создающую в тексте своеобразные камерные пространства значимостей» [11, с. 144]. «Многоплоскостность слов, введенных Хайдеггером в качестве нового средства философского мышления, адекватна самому способу бытия, неотъемлемому от мышления, а именно движению. Оно заставляет читателя быть чутким к самому протеканию своей мысли» [15, с. 184].

Таким образом, можно сделать краткие заключения. В современных исследованиях апофатизм активно применяется за пределами теологии – в философии, культурологии, эстетике, педагогике и филологии, что свидетельствует о его высокой эвристической ценности. Однако широкий спектр интерпретаций (от метода отрицательного богословия до характеристик постмодернизма, искусства и атеизма) создаёт риск смысловой неопределённости и размывания границ термина. Предложенная классификация (виды интерпретаций термина «апофатизм» – историческая и философская; буквальная и духовная (аллегорическая, тропологическая, анагогическая); метааллегорическая, рестриктивная, альтернативная) позволяет дифференцировать подходы к использованию классических философских и богословских терминов и оценивать степень их соответствия исходному смыслу. Эффективное использование новаторских переопределений терминов возможно при сохранении баланса между методологической строгостью, бережным отношением к традиции и оправданным развитием научного языка, что требует осознанного подхода к терминологическому творчеству.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель; пер. с древнегреч. А.В. Кубицкого. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
2. Бакеева Е.В. Понимание как воссоздание смысла бытия: апофатический путь: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.01 / Бакеева Елена Васильевна; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2005. – 37 с.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
4. Бычков В.В. Символическая эстетика Дионисия Ареопагита. М.: ИФРАН, 2015. –143 с.
5. Бычков В.В. Эстетика: учебник / В.В. Бычков. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
6. Великанов П., прот., Гуляев Д.А. Практика meditatio в трудах преподобного Иоанна Кассиана Римлянина // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 39–55.
7. Воронушкина О.В. Отличительные черты реализации двойного смысла в аллегории и метафоре / О.В. Воронушкина // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5 (17). – С. 25–28.
8. Горичева Т.М. Православие и постмодернизм / Т.М. Горичева. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 63 с.
9. Егоров Г., свящ. Священное Писание Ветхого Завета: курс лекций / свящ. Геннадий Егоров; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 607 с.
10. Иоанн Кассиан Римлянин, прп. Собеседования египетских подвижников / прп. Иоанн Кассиан Римлянин // Писания. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 200–775.
11. Косыхин В.Г. Бытие-значение в деконструктивной онтологии Жака Деррида // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-141-145.
12. Логиновский С.С., Головина М.А. Апофатика в системе взглядов М.Н. Эпштейна // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 8 (466). – С. 34–41. – DOI 10.47475/1994–2796–2022–10805.
13. Лосев А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 272 с.
14. Мень А.В., протоиер. Библиологический словарь: в 3 т. / протоиер. Александр Мень. – М.: Фонд им. Александра Меня, 2002. – Т. 2: К–П. – 555 с.
15. Парибок А.В. О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком // Вопросы философии. 2018. – № 11. – С. 176–189.
16. Петрова Л.А. Апофатическое богословие в философской мысли Ж. Деррида: опыт чистой молитвы и анагогический язык гимна / Л.А. Петрова.
17. Сперанская Н. Беспредметное искусство: от апофатической бездны Казимира Малевича к перформансам Марины Абрамович [Электронный ресурс]. – URL: imaginaire.ru (дата обращения: 06.08.2026).
18. Тростников В.Н. Апофатика – основной метод науки XXI века / В.Н. Тростников // Православие.Ru. – 2007. – URL: http://www.pravoslavie.ru/736.html (дата обращения: 10.08.2026).
19. Тульчинский Г.Л. Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ / Г.Л. Тульчинский // Политическая концептология. – 2022. – № 3. – С. 29–48.

INTERPRETATIONS OF APOPHATICISM IN SCHOLARLY RESEARCH

Melnikova G.V.
Perm National Research Polytechnic University Perm National Research Polytechnic University

The article attempts to systematize the diverse interpretations of apophaticism in contemporary scholarly research beyond theology. A broad semantic range of the term is identified, from its traditional understanding as a method of negative theology to its application in cultural studies, aesthetics, pedagogy, philosophical anthropology, and postmodern philosophy. To differentiate the approaches, an original classification is proposed, based on the multi-level model of interpretation by John Cassian the Roman (literal, allegorical, tropological, and anagogical), supplemented by the author's proposed restrictive, metaphorical, and alternative interpretations. Particular attention is paid to the analysis of cases where apophaticism is reduced to a mere «negation,» losing its ontological depth, which leads to a distortion of its essence and a decrease in the precision of scholarly communication. This classification of interpretations enables a comparative semantic analysis that differentiates approaches to classical philosophical and theological terms and assesses their fidelity to the original meaning.

Keywords: ἀπόφάσις, apophatic theology, apophaticism, interpretations, interpretation of terms.

References

1. Aristotle. Metaphysics / Aristotle; transl. from Ancient Greek by A.V. Kubitsky. – Moscow: Eksmo, 2006. – 608 p.
2. Bakeeva E.V. Understanding as Reconstruction of the Meaning of Being: The Apophatic Way: Extended Abstract of Doctoral Dissertation in Philosophy: 09.00.01 / Bakeeva Elena Vasilyevna; Ural State University named after A.M. Gorky. – Yekaterinburg, 2005. – 37 p.
3. Bulgakov S.N. Svet nevecherniy [The Unfading Light]. – Moscow: Respublika, 1994. – 415 p.
4. Bychkov V.V. Symbolic Aesthetics of Dionysius the Areopagite. – Moscow: IF RAS, 2015. – 143 p.
5. Bychkov V.V. Aesthetics: Textbook / V.V. Bychkov. – Moscow: Gardariki, 2004. – 556 p.
6. Velikanov P., archpriest, Gulyaev D.A. The Practice of Meditatio in the Works of St. John Cassian the Roman // Christian Reading. – 2023. – № 4. – P. 39–55.
7. Voronushkina O.V. Distinctive Features of the Implementation of Double Meaning in Allegory and Metaphor / O.V. Voronushkina // World of Science, Culture, Education. – 2009. – № 5 (17). – P. 25–28.
8. Goricheva T.M. Orthodoxy and Postmodernism / T.M. Goricheva. – Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1991. – 63 p.
9. Egorov G., priest. The Holy Scripture of the Old Testament: a course of lectures / priest Gennady Egorov; St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities. – 3rd ed., re-

vised and supplemented. – Moscow: Publishing House of St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities, 2011. – 607 p.

10. St. John Cassian the Roman, The Conferences of the Egyptian Fathers / St. John Cassian the Roman // Writings. – Minsk: Harvest; Moscow: AST, 2000. – P. 200–775.

11. Kosykhin V.G. Being-Meaning in the Deconstructive Ontology of Jacques Derrida // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2018. – Vol. 18, Iss. 2. – P. 141–145. – DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-141-145.

12. Loginovsky S. S., Golovina M.A. Apophaticism in the System of Views of M.N. Epstein // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2022. – № 8 (466). – P. 34–41. – DOI 10.47475/1994–2796–2022–10805.

13. Losev A.F. Philosophy of the Name / A.F. Losev. – Moscow: Publishing House of Moscow University, 1990. – 272 p.

14. Men A. V., archpriest. Bibliological Dictionary: in 3 vols. / archpriest Alexander Men. – Moscow: Alexander Men Foundation, 2002. – Vol. 2: K–P. – 555 p.

15. Paribok A.V. On the Philosophical Justification of Heidegger's Treatment of Language // Problems of Philosophy. – 2018. – № 11. – P. 176–189.

16. Petrova L.A. Apophatic Theology in the Philosophical Thought of J. Derrida: The Experience of Pure Prayer and the Anagogical Language of Hymn / L.A. Petrova.

17. Speranskaya N. Non-Objective Art: From the Apophatic Abyss of Kazimir Malevich to the Performances of Marina Abramović. – URL: imaginaire.ru (accessed 06.08.2026).

18. Trostnikov V.N. Apophaticism as the Main Method of Science in the 21st Century / V.N. Trostnikov // Pravoslavie.Ru. – 2007. – URL: http://www.pravoslavie.ru/736.html (accessed: 10.08.2026).

19. Tulchinsky G.L. Apophaticism and Institutionalization: A Pragmasemantic Analysis / G.L. Tulchinsky // Political Conceptology. – 2022. – № 3. – P. 29–48.

Советский кинематограф периода 1960–1985 годов как инструмент работы с массовым сознанием советского человека

Ореховская Наталья Анатольевна,
доктор философских наук, профессор, кафедра гуманитарных наук, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: naorehovskaya@fa.ru

Статья посвящена анализу советского художественного кинематографа 1960–1985 годов как институционального механизма формирования ценностных ориентаций массового сознания. Автор исходит из того, что кино в этот период выполняло не только эстетическую, но и отчётливо выраженную социально-регулятивную функцию, будучи встроенным в единую систему идеологического воспитания наряду со школой, комсомолом и печатью. В работе последовательно рассматриваются институциональные механизмы этого воздействия – деятельность Госкино, художественных советов киностудий, системы кинопроката и цензурных инстанций; ценностный репертуар, транслировавшийся экранной культурой (труд, коллективизм, память о войне, дружба народов, семья, вера в науку); а также трансформация ценностного кода при переходе от «оттепели» к «застою». Отдельное внимание уделено противоречиям советской киномодели – практике «полочных» фильмов, эзопову языку авторского кино, зазору между декларируемыми и реально усваиваемыми ценностями. На основе проведённого анализа сформулированы выводы о том, какие элементы советского опыта работы с массовым сознанием через кинематограф сохраняют эвристическую ценность для современной государственной культурной политики, а какие требуют принципиального переосмысления в условиях цифровой, фрагментированной медиасреды. Статья адресована исследователям социальной философии, культурологии, истории советского общества.

Ключевые слова: советский кинематограф, массовое сознание, идеология, ценностные ориентации, социальная философия, «оттепель», «застой», Госкино, государственная культурная политика.

Введение

Когда историк культуры берётся объяснить, почему советское общество 1960–1980-х годов оказалось столь восприимчивым к экранному образу – будь то деревенский тракторист, полярный лётчик или геолог, штурмующий чукотскую тундру, – он рано или поздно упирается в один и тот же вопрос: было ли это воздействие продуктом целенаправленной государственной технологии или же побочным эффектом художественного качества самих фильмов? Ответ, конечно, лежит на пересечении того и другого, и именно эта двойственность делает советский кинематограф удобным и в то же время сложным объектом для социально-философского анализа.

Актуальность обращения к этой теме сегодня продиктована не ностальгическим интересом к «золотому веку» отечественного кино, а вполне практическим запросом. Государство вновь формулирует запрос на кинематограф как инструмент трансляции ценностей: достаточно вспомнить, что Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 определяет традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности» [11], а Министерство культуры ежегодно утверждает перечень приоритетных тем для государственной финансовой поддержки кинопроизводства, в котором из года в год на первом месте стоят патриотизм и духовно-нравственные ценности [8; 9; 12]. Иными словами, вопрос «как кино формирует массовое сознание» перестал быть чисто историческим – он снова стал вопросом текущей культурной политики. И здесь логично обратиться к периоду, когда советское государство решало эту задачу системно, десятилетиями, с опорой на разветвлённую институциональную инфраструктуру – к кинематографу 1960–1985 годов.

Почему именно эти хронологические рамки? Нижняя граница связана с завершением «оттепели» как относительно либерального этапа советской культурной политики и постепенным ужесточением идеологического контроля, а исследователи советской кинополитики нередко указывают именно на конец 1960-х годов как рубеж, за которым начинается эпоха «застоя» в кинематографе считается началом эпохи «застоя» в кинематографе… нижней хронологической границей в данном исследовании будем считать 1969 г. [обозначение условное – Фурс, 2022]. Верхняя граница – 1985 год – фиксирует начало перестроечных процессов, которые радикально изменили и институциональные условия кинопроизводства, и сам характер отношений между экраном и зрителем. Внутри этого без малого четвертьвекового отрезка укладываются два разных по своей тональности периода – поздняя «оттепель» с её лирическим гуманизмом и «застой» с его характерным сочетанием бытового реализма, ностальгии по устойчивости и нарастающей внутренней иронии по отношению к официальному пафосу.

Цель статьи – увидеть в советском кинематографе 1960–1985 годов не набор отдельных фильмов и не сумму цензурных запретов, а целостный механизм работы с массовым сознанием: институциональный по устройству и ценностно-содержательный по наполнению. Такая постановка вопроса не случайна. Кино в этот период было встроено в систему управления культурой настолько плотно, что понять его художественную логику в отрыве от логики административной попросту невозможно – одно объясняется через другое. Отсюда вытекает и вторая, прикладная часть замысла: разобраться, какие элементы этого опыта сохраняют работоспособность сегодня, а какие были неотделимы от советского общественного устройства и вместе с ним ушли. Различение здесь принципиально, потому что попытки заимствовать нежизнеспособное обходятся дороже, чем отказ от заимствования вообще.

Историография вопроса и теоретические предпосылки

Изучение советского кино как инструмента идеологического воздействия имеет давнюю традицию – настолько давнюю, что внутри неё успели сложиться два направления, которые далеко не всегда сходятся в предмете. Первое – киноведческое и историко-культурное. Его интересуют стилистика, авторские стратегии, институциональная история киностудий, то есть кино как явление, обладающее собственной внутрен-

ней логикой развития. Второе направление – социально-философское и социологическое; здесь фильм рассматривается иначе, прежде всего как канал трансляции ценностей и как объект коллективного восприятия. Разница не в предмете описания, а в вопросе, который к нему задают, и это различие определяет всё остальное. Настоящая статья тяготеет ко второму направлению. Но обойтись без данных первого она не может: рассуждать о том, как фильм воздействовал на аудиторию, не понимая, как он был сделан и в каких производственных условиях появился, – значит строить выводы на пустом месте.

Значительный пласт документальных источников по институциональной истории советского кино 1965–1985 годов был собран и введён в оборот В.И. Фоминым, чьи публикации архивных материалов Госкино, стенограмм худсоветов и цензурных заключений остаются базой для любого последующего исследования [15]. Параллельно К.А. Юдин в своей работе о советской кинополитике второй половины 1950 – конца 1970-х годов показывает, что управление кинематографом в этот период характеризовалось внутренней антиномичностью: элементы культурной «разрядки», связанные с расширением международных контактов и импортом зарубежной кинопродукции, постоянно сталкивались с возвратом к жёсткому идеологическому контролю всякий раз, когда власть фиксировала угрозу «буржуазного влияния» на массовое сознание [16]. Этот тезис принципиален для настоящей статьи: советская киномодель никогда не была монолитной, она пульсировала между либерализацией и закручиванием гаек, и именно в этой пульсации, а не в статичном единообразии, следует искать её эффективность.

Отдельного внимания заслуживают работы, посвящённые конкретным механизмам восприятия и рецепции. Е.В. Бродская на материале прессы 1960–1970-х годов, посвящённой фильму Э.Г. Кеосаяна «Неуловимые мстители», демонстрирует, как советская печать выстраивала интерпретационную рамку вокруг картины, закрепляя определённые консервативные ценности, что естественным образом сказывалось на языке описания кинореальности [2]. Иначе говоря, воздействие кино на массовое сознание никогда не было автономным процессом «фильм – зритель»: оно опосредовалось критикой, прессой, обсуждениями в трудовых коллективах, то есть было институционально достроено до целостного цикла.

Социологический ракурс проблемы разрабатывается в более поздних работах. Т.С. Мартыненко, рассматривая кинематограф как предмет социологического анализа, подчёркивает, что каждому государству очень важно уделять внимание национальному кинематографу, поскольку регулирование этой сферы может способствовать поддержанию и укреплению национальной идентичности, ценностей, культурных образцов [7], а А.А. Дупак в исследовании образа советского человека в российском кино прямо указывает, что кино рассматривается как инструмент исторической политики, способ интерпретации и транслирования представлений о различных эпизодах отечественной истории [3]. Эти наблюдения, сделанные на материале постсоветского и современного кино, тем не менее методологически применимы и к анализу советского периода: сам принцип использования экранного образа для конструирования коллективной памяти и идентичности универсален, меняется лишь конкретный набор транслируемых образов.

Наконец, важно учитывать более широкий историко-культурный контекст, в котором кинематограф встраивался в систему воспитательных институтов ещё на заре советской власти: уже во второй программе РКП(б), принятой в 1919 г., кинематограф был поставлен в один ряд с библиотеками, школами для взрослых, народными университетами и другими учреждениями внешкольного просвещения [цит. по: liberal-journal.ru, 2025]. Этот факт задаёт исходную теоретическую рамку: советское кино с самого начала мыслилось не как автономная художественная практика, а как элемент общей системы просвещения и воспитания, и к 1960–1980-м годам эта логика не только не была демонтирована, но получила развитую институциональную инфраструктуру.

Методология исследования

Работа построена на сочетании нескольких взаимодополняющих методов. Историко-генетический метод позволяет проследить эволюцию институциональных механизмов кинопроизводства и цензуры на протяжении рассматриваемого периода. Сравнительный анализ применяется при сопоставлении ценностного репертуара «оттепельного» и «застойного» кино – двух периодов, различающихся не столько формально-хронологически, сколько по внутренней тональности и степени доверия к официальному дискурсу. Контент-аналитический подход используется при систематизации тематических и жанровых групп фильмов (историко-революционное кино, кино о Великой Отечественной войне, производственная драма, лирическая комедия), поскольку именно жанровая структура репертуара во многом определяла, какие ценности и в каком эмоциональном ключе транслировались зрителю.

Ключевая методологическая предпосылка – разграничение институционального и содержательного уровней анализа. Первый отвечает на вопрос, через какие организационные механизмы государство удерживало кинопродукцию в рамках идеологических установок; второй – какие именно ценности выходили на экран и как они трансформировались во времени. Различие это принципиальное, и вот почему: стоит смешать вопрос о том, кто и как контролировал производство, с вопросом о том, что зритель в итоге видел в зале, – и исследователь почти неизбежно уходит в одну из двух крайностей. Либо советское кино объявляется чистой пропагандой, либо, напротив, степень его идеологической управляемости оказывается заметно заниженной. Обе позиции методологически уязвимы, и здесь важно понять, почему. С одной стороны, значительная часть лучших советских фильмов рассматриваемого периода – это высокохудожественные произведения, получавшие международное признание; параллельно с этим ни одна картина не миновала жёсткого институционального фильтра – начиная со сценарной редактуры и заканчивая приёмом готовой ленты художественным советом и Госкино.

Институциональные механизмы работы кино с массовым сознанием

Ключевая особенность советской модели кинопроизводства состояла в отсутствии фигуры независимого продюсера в западном понимании. Как отмечает киновед Е. Марголит, был один продюсер, он назывался Госкино… представляющий власть – министерство культуры, идеологический сектор ЦК, и по отношению к режиссёрам, актёрам и сценаристам он выступал в роли гигантского продюсера [6]. Это означало, что контроль над содержанием фильма осуществлялся не постфактум, через цензурные вырезки готовой картины (хотя и такая практика существовала), а на всех стадиях производственного цикла: утверждение сценарной заявки, литературного сценария, режиссёрского сценария, отсмотр отснятого материала, приём готового фильма художественным советом студии, а затем и коллегией Госкино.

Многоступенчатость этого фильтра объясняет, почему даже относительно смелые по советским меркам картины несли на себе следы компромисса между авторским замыслом и институциональными требованиями. Показательно, что решения о судьбе фильма нередко принимались из соображений, которые сегодня выглядят почти анекдотично, но в логике идеологического контроля были вполне последовательны – вплоть до вырезания отдельных кадров, ассоциативно перекликавшихся с фигурами советского руководства.

Режиссёр, чья картина легла «на полку», превращался в наглядный пример того, где проходит граница дозволенного, причём пример тем более убедительный, что сама граница нигде не была прописана и считывалась исключительно по таким прецедентам. Логично, что цензура в этих условиях работала не столько репрессивно, сколько превентивно, формируя своего рода коллективную саморегуляцию профессиональной среды – а это уже совсем другой уровень контроля, не требующий постоянного вмешательства извне. Показательно и то, как К.А. Юдин характеризует период, отмечая отчётливо проявившуюся антиномичность как стиль управления, при котором элементы «разрядки»… непрерывно сосуществовали с атмосферой политико-идеологической напряжённости [16].

Наконец, третий институциональный контур – система кинопроката, обеспечивавшая массовость охвата. Именно сцепка производственного контроля с монопольным, централизованно управляемым прокатом и делала советское кино уникальным по эффективности каналом воздействия на массовое сознание. Механика проста: фильм, однажды прошедший все стадии утверждения, немедленно получал доступ практически ко всей многомиллионной аудитории страны – от областных кинотеатров до сельских клубов и передвижных киноустановок. Ни печать, ни телевидение того времени не располагали сопоставимой степенью централизованного охвата в сочетании с эмоциональной силой художественного образа – и не случайно исследователи фиксируют, что кино по воздействию на сознание индивида превосходило литературу, живопись и театр [цит. по: cyberleninka.ru].

Ценностный репертуар советского кино 1960–1985 годов

Если попытаться систематизировать содержательное ядро ценностей, транслировавшихся советским кинематографом рассматриваемого периода, можно выделить несколько устойчивых смысловых блоков, которые пересекались и взаимно усиливали друг друга, а не существовали изолированно.

Труд как источник смысла и самоуважения. Производственная драма – отдельный, институционально поддерживаемый жанр советского кино, чьё развитие было напрямую связано с партийными установками: наибольшего развития направление достигло в середине 1970-х годов, что стало следствием пропагандистской кампании, начатой КПСС с Постановления ЦК «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» (1972 г.), целью которой была демонстрация усилий партии по модернизации промышленности и общества на основе достижений научно-технической революции [13]. Показательно, однако, что производственная тема к 1970-м годам утратила плакатную прямолинейность раннего этапа: как отмечается в анализе жанра, в подобной роли заинтересованного стороннего наблюдателя при социалистическом строительстве все 1970-е и вплоть до перестройки выступает весь советский кинематограф, который осваивает так называемую неопроизводственную драматургию, где разговор о трудовых буднях неизбежно перерастал в разговор о человеке как таковом, о его совести и повседневных нравственных выборах. Это принципиальный момент: ценность труда транслировалась не через лозунг, а через драматургический конфликт, что делало её усвоение гораздо более органичным.

Что касается идеологемы «дружба народов», то энциклопедическое определение фиксирует её как декларированный принцип существования советского государства на основе интернационализма, всестороннего братского сотрудничества и взаимопомощи народов и наций, и на экране этот принцип получил довольно узнаваемое жанровое оформление – многонациональную комедию, а также целый ряд картин, где сюжет строился на межнациональном взаимодействии персонажей. Функций у такого кино было две, причём они друг друга поддерживали. Эстетическая состояла в экзотизации и романтизации региональных культур, что само по себе обеспечивало зрительский интерес; политическая же заключалась в символической легитимации союзного государства, которое представлялось объединением добровольным и гармоничным. Приоритет второй задачи над первой сомнений, по-моему, не вызывает.

Военная тема оставалась центральной на всём протяжении рассматриваемого периода, и живой исторической памятью поколения, прошедшего войну, это объясняется лишь отчасти. Дело ещё и в том, что война снабжала советскую идеологию материалом эмоционально неоспоримым – оспорить героизм и жертвенность, стоящие за реальными утратами, было практически нельзя, – а значит, материалом, наилучшим образом пригодным для консолидации массового сознания вокруг идеи государственного единства. Формы изображения войны при этом менялись. В кино 1960–1980-х годов батальный пафос постепенно уступал место трактовке психологически более сложной, а порой и откровенно трагической. Значение этого сдвига выходит за границы собственно художественной эволюции, поскольку по нему прослеживается общее смягчение идеологической риторики в лирический период «оттепели» и последующий частичный возврат к героико-патриотическому канону в 1970-е годы.

Расширялось в те же годы и пространство «частного». Комедии и мелодрамы 1970-х – начала 1980-х годов всё увереннее обращаются к личному счастью, бытовым трудностям, семейным драмам, тогда как в 1930–1940-е годы подобный материал почти не имел права на самостоятельное экранное существование вне идеологической рамки. Основанием для вывода о деидеологизации кино это обстоятельство, тем не менее, не служит. Механизм был устроен сложнее. Ценности личного благополучия, устойчивого брака, ответственного родительства подавались как естественное следствие «правильного» социалистического образа жизни и в качестве альтернативы ему не рассматривались. Идеология сменила язык прямых предписаний на язык бытовой убедительности, сохранив свои позиции в массовом сознании.

Отдельный ценностный пласт вырастает из культа науки и рационального познания, столь характерного для «оттепельного» кино. Фильмы о физиках, инженерах, полярниках закрепляли образ советского человека деятельного, рационального, развёрнутого в будущее. Показательно и то, насколько долгую жизнь получил этот образ, – и здесь стоит задуматься о причинах. Ответ, на мой взгляд, в его двойной опоре: он без швов соединял официальную идеологию научно-технического прогресса с общечеловеческой ценностью интеллектуального труда. А значит, сохранял убедительность для самых разных социальных групп – независимо от того, насколько лояльны они были официальной доктрине.

От «оттепели» к «застою»: трансформация ценностного кода

Кинематограф «оттепели», как отмечает К.С. Беляева, стал периодом, когда главными чертами киноискусства были демократические начала, гуманистические идеи и нравственные устои, что впоследствии значительно повлияло на дальнейшее развитие отечественного кино [1]. Но сводить произошедшее к смягчению цензурного режима было бы упрощением. Изменилась сама оптика – и это изменение качественное. Герой уже не работает исключительно как функция идеологической схемы – за ним признают психологическую глубину, право на сомнение, право на частную драму, которая больше не сводится к классовому конфликту.

Переход к «застою» – а исследователи, напомню, относят начало этого периода в кинематографе примерно к рубежу 1969 года – не был одномоментным разворотом. Скорее речь идёт о постепенном нарастании охранительных тенденций, причём на фоне продолжающегося профессионального роста киноиндустрии. К.А. Юдин справедливо называет этот этап антиномичным [16], и определение точное: с одной стороны – расширение международных контактов, экспорт советских фильмов, импорт отдельных образцов зарубежного кино; с другой – растущая контрольно-надзорная активность партийно-государственных структур, встревоженных «буржуазным» влиянием на массовое сознание. Из этой-то двойственности и рождается характерный феномен эпохи – эзопов язык. Авторское кино 1970-х – начала 1980-х годов (Тарковский, отчасти Данелия, Абуладзе) всё чаще уходит в иносказание, притчу, поэтическую метафору – и вовсе не из любви к усложнению формы. Просто иного способа говорить о том, о чём говорить прямо было нельзя, у режиссёров не оставалось. Показательно и то, что даже нарочито гротескные картины позднего советского кино – скажем, «Кин-дза-дза» Г. Данелии – читаются сегодня как визионерские. Дело именно в кодировке: социальная критика была упрятана внутрь фантастического сюжета, и авторы, предупреждая о хрупкости цивилизационных устоев, угадали то, что в эпоху социальных сетей и алгоритмического формирования групп по интересам звучит на удивление злободневно.

Но у этой практики была и обратная сторона. Зритель «застойного» периода всё лучше умел считывать двойной код – умение «читать между строк» превратилось в общую культурную компетенцию советской интеллигенции, а отчасти и более широких слоёв населения. Момент принципиальный, если мы хотим понять пределы эффективности идеологического воздействия кино. Работала своего рода гонка: чем изощрённее становился механизм контроля, тем изощрённее становилась и практика зрительской дешифровки. В итоге система подтачивала собственную исходную задачу – безусловное усвоение транслируемых ценностей оказывалось всё менее достижимым.

Обсуждение: положительные уроки и границы применимости советского опыта сегодня

Обращаясь к вопросу о том, чему современная культурная политика может поучиться у советской модели работы с массовым сознанием через кинематограф, логично выделить несколько содержательных уроков, не впадая при этом в идеализацию советского опыта.

Первое, что демонстрирует советская модель, – это принцип системности. Ценности транслировались не через отдельные разрозненные фильмы, а через согласованную работу кино, литературы, музыки, школьного образования и печати – и именно такая скоординированность создавала эффект многоканального подкрепления одних и тех же смысловых установок. Современная государственная политика движется в сходном направлении: Указ № 809 прямо указывает на необходимость создания информационных и методических материалов, в том числе кинолетописи и других аудиовизуальных материалов, произведений литературы и искусства, направленных на сохранение и популяризацию традиционных ценностей [11], а перечень приоритетных тем государственной поддержки кинопроизводства на 2024–2026 годы фиксирует патриотизм, укрепление института семьи и духовно-нравственные ценности в качестве системных, а не разовых приоритетов [8; 9; 12; 4]. Урок здесь – не в копировании конкретных сюжетов, а в самом принципе межинституциональной согласованности.

Второе – советский кинематограф доказал действенность драматургического, а не декларативного способа трансляции ценностей. Лучшие фильмы эпохи убеждали не тем, что произносили правильные слова. Они убеждали тем, что укореняли эти ценности в достоверном человеческом конфликте – как в неопроизводственной драме 1970-х годов, где разговор о труде естественно вырастал в разговор о совести и достоинстве [13]. Механизм здесь незамысловат: зритель принимает вывод, к которому пришёл вместе с героем, и отторгает тот, что ему объявили с экрана напрямую. Урок этот, между прочим, от конкретной политической системы не зависит нисколько. Пропаганда без художественного качества не работает – и никакая институциональная поддержка, сколь угодно щедрая, этого изъяна не компенсирует.

Третье – у советской модели есть и обратная сторона, и видеть её нужно трезво. Институциональная монополия обеспечивала широту

охвата, но она же порождала феномен «полочных» фильмов, творческую цензуру и, в итоге, медленное вымывание доверия аудитории к официальному дискурсу. А отсюда во многом и идеологический вакуум перестроечных и постсоветских лет. Здесь же проходит и главное ограничение для прямого переноса советского опыта в сегодняшний день. Логика очевидна: то, что работало при государственной информационной монополии, в принципе неспособно работать в среде цифровой, децентрализованной, глобально связанной – там, где зритель, и особенно молодой, пребывает сразу в десятках конкурирующих смысловых полей: от стриминговых платформ до социальных сетей.

Отсюда логично вытекает и ответ на вопрос о том, что необходимо делать сегодня. Во-первых, современная культурная политика должна отказаться от иллюзии информационной монополии и делать ставку не на административный контроль, а на конкурентоспособность содержания – качественный, психологически убедительный кинопродукт, способный выигрывать внимание аудитории в условиях реальной конкуренции, а не гарантированного проката. Во-вторых, необходимо учитывать фрагментацию аудитории: единый советский зритель, воспитанный на общем культурном каноне, сегодня расщеплён на множество сегментов с разными медиапривычками, и линейная модель «один фильм – вся страна» не может быть механически воспроизведена, что признаётся и в современных документах, отмечающих необходимость поддержания и укрепления национальной идентичности, ценностей, культурных образцов именно через регулирование национального кинематографа в условиях интернет-среды [7]. В-третьих, опыт эзопова языка позднесоветского авторского кино напоминает о том, что зритель – тем более современный, привыкший к иронии и множественности интерпретаций, – плохо воспринимает прямолинейный дидактизм; следовательно, работа с ценностями сегодня требует не меньшей, а большей художественной изощрённости, чем в советское время, а не возврата к плакатной эстетике.

Кейс-анализ: как конкретные фильмы кодировали ценности в разные жанровые формы

Общие рассуждения об институциональных механизмах и ценностном репертуаре советского кино останутся абстракцией, если не показать, как именно эта система работала на уровне отдельного произведения. Логично поэтому обратиться к нескольким показательным картинам разных жанров – комедии, производственной драме, военному фильму и историко-приключенческому кино, – чтобы увидеть, каким образом один и тот же набор базовых ценностей адаптировался под разные зрительские аудитории и разные художественные задачи.

Возьмём для начала лирическую комедию «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» Э. Рязанова (1975) – фильм, ставший, пожалуй, самым устойчивым элементом советского и постсоветского новогоднего телевизионного канона. На первый взгляд перед нами частная история двух случайно встретившихся людей, никак не связанная с идеологической повесткой. Но здесь стоит разобраться, почему именно эта картина оказалась настолько функциональной для системы. Сюжет строится на типовой советской застройке, делающей одинаковыми улицы Москвы и Ленинграда, – приём задумывался как комедийный парадокс, однако попутно транслировал вполне серьёзную мысль о единстве и стандартизированной справедливости советского жизнеустройства, где рядовой гражданин в любом городе страны получает одинаковое благоустроенное жильё. Ценность при этом нигде не проговаривается вслух. Патриотизм в таком построении отдельным тезисом не формулируется – он распределён по всей архитектуре сюжета и воспринимается зрителем как естественный фон происходящего. Здесь и лежит принципиальное различие между драматургическим и лозунговым способами трансляции ценностей. Смысл усваивается раньше, чем зритель успевает опознать в нём чью-то убеждающую волю.

Индивидуальный успех, карьерный рост, личное достоинство женщины – набор ценностей, который в картине В. Меньшова «Москва слезам не верит» (1979, удостоена премии «Оскар» в 1981 году) соединяется с вполне классической советской моралью труда и терпения. Соединение это обеспечено сюжетно. Героиня приходит к директорскому креслу через профессионализм и упорство, тогда как партийная карьера и идеологическая активность в её биографии роли не играют вовсе. Политическая лояльность уступает место трудовой компетентности, и такой перенос акцента вписывается в эволюцию ценностного репертуара, описанную в разделе 5. Язык личной судьбы вытесняет в «застойном» кино язык классового сознания, не выходя за пределы одобряемой государством системы координат.

Сюжет фильма С. Ростоцкого «А зори здесь тихие…» (1972) строится вокруг гибели пяти девушек-зенитчиц, и этот выбор героев значим сам по себе, поскольку акцент на женской жертве усиливает эмоциональное воздействие сильнее, чем усилила бы гибель солдат-мужчин. Для советского зрителя память о войне оставалась частью семейной истории, и картину он смотрел как продолжение собственного опыта утраты, а не как иллюстрацию к учебнику. Работает на тот же результат и монтажное решение, где чёрно-белая документальная стилистика военных эпизодов чередуется с цветными, почти идиллическими флешбэками довоенной жизни героинь. Война получает прямое визуальное определение как насильственное вторжение в естественный порядок вещей, а патриотическое воспитание из декларации превращается в личное переживание, проделанное зрителем самостоятельно.

Историко-приключенческое кино представлено ярче всего трилогией Э. Кеосаяна о «неуловимых мстителях» (1966–1971). Со ссылкой на исследование Е.В. Бродской выше уже говорилось, что советская пресса выстраивала вокруг этой картины устойчивую интерпретационную рамку [2], закреплявшую образ юных героев Гражданской войны как образец для подражания подрастающему поколению. Для нашей темы существеннее, однако, методологическая сторона дела. Приключенческая, близкая к вестерну эстетика – погони, перестрелки, лихие трюки – не была побочным эффектом коммерческого успеха, она входила в замысел: развлекательная форма служила упаковкой идеологического содержания и делала его привлекательным для детской и подростковой аудитории, которая едва ли досмотрела бы фильм с прямой пропагандистской подачей.

Сведённые вместе, эти четыре примера подтверждают тезис, сформулированный в разделе 6: советское кино было эффективно ровно в той мере, в какой ему удавалось растворить идеологическое содержание в убедительной художественной форме – комедийной, мелодраматической, военно-драматической или приключенческой. Причём принципиально важно, что механизм этот срабатывал по-разному для разных возрастных и социальных групп: то, что действовало на подростка через приключенческий жанр, не сработало бы на взрослого зрителя, – и наоборот. А значит, советская кинополитика, при всей своей централизации, вынуждена была выстраивать дифференцированную жанровую стратегию, ориентированную на разные сегменты единой, казалось бы, «массовой» аудитории. Этот вывод, кстати, напрямую перекликается с современной задачей сегментированной работы с фрагментированной цифровой аудиторией, о которой шла речь выше, – с той лишь разницей, что в советском случае сегментация шла по жанру и возрасту, а не по алгоритмически формируемым цифровым «пузырям».

Заключение

Если суммировать сказанное, советский кинематограф 1960–1985 годов работал как институт, а не как сумма отдельных удачных фильмов, и именно институциональной природой объясняется его результативность. Фильм проходил через несколько фильтров, прежде чем дойти до экрана: сценарная редактура, художественные советы, коллегия Госкино; прокат при этом оставался монопольным, то есть альтернативного предложения у зрителя попросту не существовало. Сводить всё к организационной стороне, впрочем, было бы неверно. Ценности труда, коллективизма, памяти о войне, дружбы народов, семьи, веры в научный прогресс закреплялись не потому, что их объявляли с экрана, а потому, что их проживали герои, – разница здесь принципиальная. Отдельно оговорю то, что при описании периодизации обычно теряется: переход от «оттепели» к «застою» ужесточением в чистом виде не был. Художественный язык становился свободнее, идеологический надзор в те же годы крепчал, и обе тенденции шли рука об руку. Эзопов язык позднесоветского авторского кино вырос именно отсюда, из этого противоречия; оттуда же и медленное, поначалу почти незаметное расхождение аудитории с официальным дискурсом.

Для современной социальной философии и культурной политики этот опыт значим сразу в двух отношениях. С одной стороны, он показывает эвристическую силу системного, институционально согласованного подхода к трансляции ценностей. С другой – служит предостережением против административной монополизации культурного производства, и предостережением довольно наглядным. В цифровой, фрагментированной медиасреде прямое воспроизведение советской модели не просто невозможно, но и контрпродуктивно.

Литература

1. Беляева, К.С. Специфика кинематографа «оттепели» на фоне культурно-исторического процесса / К.С. Беляева // Архонт: электронный научный журнал. – 2016. – № 2. – URL: http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016–2/9-belyaeva.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

2. Бродская, Е.В. Рецепция фильма Э.Г. Кеосаяна «Неуловимые мстители» в 1960–1970-е гг. в советской прессе / Е.В. Бродская // Вест-

ник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2022. – № 10. – С. 49–61. – DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-49-61.

3. Дупак, А.А. Образ советского человека в российском кино: социологический анализ / А.А. Дупак // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2019. – Т. 12, вып. 4. – С. 385–402. – DOI: 10.21638/spbu12.2019.406.

4. Как Минкультуры собирается поддерживать традиционные ценности в кино в 2024–2026 годах [Электронный ресурс] // ProfiCinema. – 2024. – 8 июля. – URL: https://www.proficinema.com/news/detail.php?ID=399245 (дата обращения: 31.07.2026).

5. Кинематограф оттепели: документы и свидетельства / сост. В.И. Фомин. – М., 1998. – 459 с.

6. Марголит, Е. Как обойти советскую цензуру. Инакомыслие в кино [Электронный ресурс]: интервью / Е. Марголит // Радио Свобода. – 2018. – URL: https://www.svoboda.org/a/29382010.html (дата обращения: 31.07.2026).

7. Мартыненко, Т.С. Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа / Т.С. Мартыненко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2023. – Т. 29, № 2.

8. Минкультуры определилось с приоритетными направлениями поддержки кино в 2024 году [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2024. – 20 февраля. – URL: https://www.vedomosti.ru/media/articles/2024/02/20/1021338 (дата обращения: 31.07.2026).

9. Минкультуры РФ опубликовало приоритетные темы для господдержки кино в 2024 году [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2024. – 20 февраля. – URL: https://www.interfax.ru/culture/947010 (дата обращения: 31.07.2026).

10. Митрофанова, И.В. Роль отечественного кинематографа в укреплении традиционных российских ценностей и демонстрации отличительных черт российской цивилизации / И.В. Митрофанова // Либерально-демократические ценности. – 2025. – Т. 9, № 4.

11. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. – URL: https://base.garant.ru/405679061/ (дата обращения: 31.07.2026).

12. Приоритетными темами для господдержки кино стали патриотизм, традиционные ценности и успехи разведки [Электронный ресурс] // Политсовет. – 2024. – 27 декабря. – URL: https://politsovet.ru/83014 (дата обращения: 31.07.2026).

13. Производственный фильм [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Производственный_фильм (дата обращения: 31.07.2026).

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: http://government.ru/docs/all/155288/ (дата обращения: 31.07.2026).

15. Фомин, В.И. Кино и власть. Советское кино: 1965–1985 годы. Документы, свидетельства, размышления / В.И. Фомин. – М., 1996. – 371 с.

16. Юдин, К.А. Советская кинополитика второй половины 1950 – конца 1970-х годов / К.А. Юдин // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 752–773.

17. Fedorov, A. The Ideological Topic in the Magazine Soviet Screen: 1957–1968 (Western Cinema Aspect) / A. Fedorov, E. Kornienko // European Researcher. Series A. – 2023. – Vol. 14, № 1. – P. 25–30. – DOI: 10.13187/er.2023.1.25.

SOVIET CINEMA OF 1960–1985 AS AN INSTRUMENT FOR SHAPING THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE SOVIET PERSON

N.A. Orekhovskaya
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines Soviet feature cinema of 1960–1985 as an institutional mechanism for shaping the value orientations of mass consciousness. The author argues that during this period cinema performed not only an aesthetic but also a clearly expressed socially regulative function, being integrated into a unified system of ideological education alongside school, the Komsomol and the press. The paper consistently considers the institutional mechanisms of this influence – the activity of Goskino, the artistic councils of film studios, the film distribution system and censorship bodies; the value repertoire broadcast by screen culture (labour, collectivism, memory of the war, friendship of peoples, family, faith in science); as well as the transformation of the value code during the transition from the "Thaw" to the "Stagnation" period. Special attention is paid to the contradictions of the Soviet cinema model – the practice of "shelved" films, the Aesopian language of auteur cinema, the gap between declared and actually internalized values. Based on the analysis, conclusions are drawn about which elements of the Soviet experience of working with mass consciousness through cinema retain heuristic value for contemporary state cultural policy, and which require fundamental rethinking in the conditions of a digital, fragmented media environment.

Keywords: Soviet cinema, mass consciousness, ideology, value orientations, social philosophy, "Thaw", "Stagnation", Goskino, state cultural policy.

References

1. Belyaeva, K.S. (2016) Specifika kinematografa "ottepeli" na fone kul'turno-istoricheskogo processa [The specifics of "Thaw" cinema against the background of the cultural-historical process]. Arkhont, 2 (in Russian).

2. Brodskaya, E.V. (2022) Recepciya fil'ma E.G. Keosayana "Neulovimye mstiteli" v 1960–1970-e gg. v sovetskoy presse [Reception of E. Keosayan's film "The Elusive Avengers" in the Soviet press of the 1960s-1970s]. RGGU Bulletin, 10, 49–61 (in Russian).

3. Dupak, A.A. (2019) Obraz sovetskogo cheloveka v rossiyskom kino: sociologicheskiy analiz [The image of the Soviet person in Russian cinema: a sociological analysis]. Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology, 12(4), 385–402 (in Russian).

4. How the Ministry of Culture is going to support traditional values in cinema in 2024–2026 (2024). ProfiCinema, July 8 (in Russian).

5. Fomin, V.I. (comp.) (1998) Kinematograf ottepeli: dokumenty i svidetel'stva [Thaw cinema: documents and testimonies]. Moscow (in Russian).

6. Margolit, E. (2018) How to bypass Soviet censorship. Dissent in cinema (interview). Radio Svoboda (in Russian).

7. Martynenko, T.S. (2023) Kino kak predmet sociologicheskogo analiza: osobennosti sovremennogo kinematografa [Cinema as a subject of sociological analysis]. Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, 29(2) (in Russian).

8. Ministry of Culture determined priority areas for film support in 2024 (2024). Vedomosti, February 20 (in Russian).

9. Ministry of Culture of Russia published priority topics for state film support in 2024 (2024). Interfax, February 20 (in Russian).

10. Mitrofanova, I.V. (2025) The role of domestic cinema in strengthening traditional Russian values. Liberal-Democratic Values, 9(4) (in Russian).

11. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" (2022) (in Russian).

12. Patriotism, traditional values and intelligence successes became priority topics for state film support (2024). Politsovet, December 27 (in Russian).

13. Production film (n.d.) Wikipedia (in Russian).

14. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2501-r of 11.09.2024 (2024) (in Russian).

15. Fomin, V.I. (1996) Kino i vlast'. Sovetskoe kino: 1965–1985 gody. Dokumenty, svidetel'stva, razmyshleniya [Cinema and power. Soviet cinema: 1965–1985. Documents, testimonies, reflections]. Moscow (in Russian).

16. Yudin, K.A. (2022) Soviet film policy of the second half of the 1950s – late 1970s. Contemporary History of Russia, 12(3), 752–773 (in Russian).

17. Fedorov, A., Kornienko, E. (2023) The Ideological Topic in the Magazine Soviet Screen: 1957–1968 (Western Cinema Aspect). European Researcher. Series A, 14(1), 25–30.

О необходимости теоретического исследования понятия «Этнос- контроль» философский анализ

Писачкина Яна Семеновна,
заведующий отделением по учебно-воспитательной работе,
ГБПОУ «Политехнический техникум № 47 им. В.Г. Федорова»
E-mail: iana_ lipkina _91 @mail. ru

В основе статьи лежит авторская теоретико-методологическая схема, примененная для философского анализа феномена этнос-контроля, которая опирается на разработанную А.И. Мелиховым органическую теорию национальной безопасности, в рамках которой национальная безопасность понимается не только как состояние защищённости государственных институтов и территориальной целостности, но и как способность общества к самосохранению (консолидация перед внешними и внутренними угрозами).
Материалами исследования послужили философские и социологические труды, составляющие методологическую основу социального контроля, который рассматривался в работах: А.С. Ахиезера, А.А. Гагаева, В.В. Ильина, В.Ю. Кузнецова, Э.Ю. Соловьева, В.А. Урсула. В практиках социализации и девиаций социальный контроль рассматривался в исследованиях Е.В. Андриенко, Ф.И. Гиренка, В.А. Канке, М.К. Мамардашвили и др.
Объектом исследования является национальная безопасность Российской Федерации, ее роль и значение в случае применения когнитивного оружия – мягкой силы. В качестве предмета исследования выступает понятие этнос-контроля, феномен данного явления рассматривается в контексте философского анализа.
В исследовании применялся междисциплинарный подход, включающий политико-философский анализ холодной войны между СССР и США, и историко-документальный метод (в частности, анализ стратегической директивы США – «Дропшот» NSC 20/1).
В работе использованы методы социальной статики и социальной динамики, анализа социальных изменений и трансформаций. Активно применялся структурно-функциональный и диалектический методы, в частности законы перехода количественных изменений в качественные и единства и борьбы противоположностей.

Ключевые слова: Этнос-контроль, социальный контроль, национальная безопасность, мягкая сила, Стратегия национальной безопасности, консолидация многонационального российского народа, когнитивное оружие.

В стратегии национальной безопасности сказано: «Современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран – лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства» [1]. Указанные процессы несут за собой бифуркационные изменения в политическом, экономическом, социальном и социокультурном пространстве на глобальном, региональном и локальном уровнях. Согласно диалектике закона перехода количественных изменений в качественные, указанные конъюнктурные образования будут ощущаться наиболее остро и сопровождаться кризисом. В Китае кризис обозначается двумя иероглифами: один означает «возможность», второй – «опасность». Из чего следует: упущенная возможность обернется опасностью, что может повлечь за собой необратимые последствия, такие как энтропия и деструкция ядра системы национальной безопасности России.

«Если до этого процесс становления новой эпохи в основном был уделом стихии случая, в современных условиях это невозможно. И нет в этом никакой экзегезы, магии времени или гностических тайн. Причина, вернее, условия для происходящего – объективная реализация основных систем ценностей человечества» [2, С. 45–55].

В современных условиях, когда мироустройство принимает форму полицентричного ядра, а искусственный интеллект, генная инженерия и цифровизация становятся дирижерами мировой симфонии, возникает необходимость модернизации ряда систем. Учитывая риски, возникающие в объективных реалиях, стоит обратить внимание на то, что первой в кильватере трансформационного блока должна идти национальная безопасность. Данное суждение связано с тем, что Россия, как и ранее Советский Союз, имеет ахиллесову пяту, которая делает наше государство уязвимым. Учитывая технологический прорыв в сфере цифровизации и искусственного интеллекта, положение нашего государства в контексте безопасности становится наиболее шатким. «Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства» [1].

Под ахиллесовой пятой в нашем случае выступает мягкая сила, а точнее будет сказано – неготовность противостоять ее воздействию. Оппонент Запад непрерывно совершенствуется на указанном поприще, вражеские политтехнологи продвигают и апробируют новые технологии и не оставляют шансов России перехватить инициативу, что бы перейти в наступление. Цветные революции – это бич нашего века, а быть может и тысячелетия. Особое внимание необходимо обратить на то, что первая успешно проведенная цветная революция произошла в декабре 1991 г. в СССР [3, с. 106]. И с указанной выше даты национальная безопасность нашей страны явных изменений не претерпела. «Почему же в декабре 1991 года перестал существовать СССР и что нужно делать, чтобы беловежская история больше никогда не повторялась в многотысячелетней истории России?» [4, с. 116]. В последние годы правления СССР государственная мощь нашего государства, выраженная в военном потенциале, оставалась незыблемой, а экономика развивалась планомерно, двигаясь по размеренной траектории. Казалось бы, ничто не предвещало развала, фасад стоял, но коррозия, поразившая его, была до последних дней недооцененной. Возможно, что шаткость конструкции была объективно оценена компетентными людьми, но уже после того, как пошел процесс необратимости. «Не верил в возможность скорого распада Советского Союза даже такой опытный стратег американской внешней политики, как Г. Киссинджер» [3, с. 96]. Из выше изложенного следует, что время прошло, а проблема осталась. «А. Себровски подчеркивал: все победы и поражения происходят в начале в нашем мозгу. Контроль за сознанием противника – это полное превосходство в военном противостоянии» [3, с. 100]. Ю. Херари комментировал: «Благодаря эффективной организации коммунистическая партия продержалась у власти долгих семь десятилетий. А к ее падению привели изъяны в организации» [5, с. 159]. Даже при поверхностном созерцании данного изречения можно сделать вывод, что организация СССР была выстроена монокулярно, делался акцент на внешнюю форму, что представляло собой военную мощь и экономические потенции. А реализации витальных

потребностей населения не уделялось должного внимания, что и стало указанным выше изъяном в организации. «Прямая силовая мощь государства не есть показатель его жизнеспособности. Многие великие империи прошлого в одночасье перестали существовать, не сумев совладать с внутренними деструктивными процессами. Крушение СССР, одного из самых сильных в военном и специальном отношении государств, далеко не единственный пример такого рода. Первоначально римский имперский организм разложился духовно, и только затем территория империи стала предметом раздела внешними противниками и внутренними сепаратистами. Сравнительный анализ гибели империй позволяет утверждать, что фаза разложения несиловых оснований является универсальным этапом дезинтеграции любой государственности. Не было обнаружено ни одного (!) случая, когда бы государство перестало существовать исключительно по причине институционального кризиса при наличии здорового народного фундамента» [3, с. 95].

Борьба за разум была проиграна. Термин «мягкая сила» был введен в научный оборот американским политологом Джозефом Наем в 1991году. Стоит обратить внимание, что развал СССР датируется декабрем того же года, из чего следует, что мягкая сила прошла успешную апробацию.

Мягкая сила – это концепция в области международных отношений, которая оказывает воздействие на другие объекты через сотрудничество; она опирается на убеждение, ведущее к согласию. У данного определения существует один недостаток: оно представляет только внешнюю транскрипцию, а в нашем случае необходима внутренняя артикуляция. Для этого необходимо сформулировать дефиницию, отражающую проблематику в проекции нашего исследования. Ключевыми словами в представленном определении являются «убеждение» и «согласие». Если синтезировать эти два понятия в имманентную плоскость в интернальной проекции, то в контексте интересов нашего оппонента мы получаем дихотомию российского социума. Французский писатель Виктор Гюго говорил: «Не победить, а убедить – вот что достойно славы». Победа через убеждение в нашем случае будет оптимальным определением, создающим необходимый исследовательский каркас. Основным инструментарием мягкой силы является информационное поле, в котором страна – агрессор должна доминировать по средством масс медиа. «И такой контроль достигнут. Медиа-ресурсы, сконцентрированные в странах Запада (86% крупнейших медиакомпаний мира), обеспечивают его тотальное доминирование в мировом информационном пространстве» [3, с. 69]. Из выше изложенного следует, что по состоянию на настоящий момент шансы на успех в информационном противоборстве у России значительно ниже средних. Роль аутсайдера, которая в объективной реальности нашей стране отведена, – это вопрос прежде всего временных характеристик. «Необходимо формирование собственной информационно-технологической сети. Для работы в режиме сетевых войн требуется новое в ментальном отношении кадровое обеспечение структур государственной безопасности. Такие кадры должны быть в срочном порядке подготовлены» [3, с. 86]. В представленной парадигме Россия может продвинуться вперед, если в первую очередь выработает иммунитет в отношении воздействия мягкой силы. Как было выше отмечено, кадры государственной безопасности должны соответствовать парадигмальным требованиям. Но этого мало, потому что иммунитет необходим многонациональному народу России, и работа с населением должна вестись уже сейчас синергийным способом. Для этого необходимо проводить просветительскую работу на всех уровнях: дошкольное и среднее образование, армия, высшая школа, институт массмедиа и т.д. Весь спектр общественных институтов должен быть задействован в этом процессе. Системе образования в объективных реалиях отведено особое значение [6, С. 295–298].

Мягкая сила – это когнитивное оружие, которое представляет собой не прямое физическое уничтожение противника, а «внедрение в интеллектуальную среду, как отдельной страны, так и мирового сообщества ложных научных теорий, парадигм, концепций, стратегий, влияющих посредством новых сфальсифицированных смыслов и ценностей на политическое развитие» [7, с. 141].

Информационное пространство в наше время представляет собой эпицентр бытия, любое событие происходит с информационным сопровождением. Симулякры по определению стоят во главе угла, их иллюзорные доминанты не просто формируют общественное мнение и обеспечивают манипуляцию массовым сознанием, а создают объективную реальность. Что бы избежать прямого воздействия мягкой силы противника, необходимо выработать комплекс превентивных мер, способных нейтрализовать информационную угрозу. Нужно сделать заблаговременно прививку социуму, но сначала нужно разработать вакцину. В случае информационного поражения, в качестве объекта выступает мировоззрение социума.

«Мировоззрение – это персонифицированная комплексная система взглядов субъекта на объективную реальность. Оно представляет собой по аналогии с национальной безопасностью мета категорию, которая в своем единстве интегрирует следующие понятия: мироощущение, мировосприятие, миропонимание. Мироощущение – это эмоционально-психологическая сторона мировоззрения, которая выражается в чувствах и настроениях. Мировосприятие – это познавательный процесс, представленный как образ мира в наглядных представлениях. Миропонимание – это познавательно – интеллектуальная сторона мировоззрения, требующая критичности мышления индивида. Весь вышеперечисленный спектр жизненных, ориентирующих факторов консолидируется в мировоззрении социума, которое должно регулироваться в проекции национальной безопасности» [8, с. 211–217].

Что из себя представляет национальная безопасность? «Национальная, государственная и конституционная безопасность в целом есть степень защищенности личности, общества и государства. Она может создаваться тремя путями: прямой защитой от конкретных внешних и внутренних угроз; упреждающей нейтрализацией источников опасности; развитием механизмов самосохранения и саморегулирования непосредственно у самих защищаемых объектов» [9, с. 10]. «Сопоставляя стратегию национальной безопасности Российской Федерации с перечисленными выше уровнями защищенности, можно резюмировать, что она спроектирована по лекалам третьего способа защищенности, а именно: развитием у защищаемых объектов собственных механизмов самосохранения и адаптации. Двигаясь от изложенного далее, стоит отметить, что социальный контроль и мировоззрение, рассматриваемые имманентно в объекте, представляют собой симфонию органического процесса, который в нашем случае необходимо внедрить в систему национальной безопасности» [10, с. 508–510].

В контексте нашего исследования национальная безопасность – это метакатегория, которая дифференцируется на ряд подсистем. Она в свой спектр включает: информационную, идеологическую, духовную, кибербезопасность и иные составляющие [11, с. 215–223]. Прежде чем начинать проект модернизации системы национальной безопасности, необходимо соотнести понятие мягкой силы с вышеперечисленными категориями. Информационная безопасность и мягкая сила из всех выше перечисленных компонентов взаимодействуют наиболее активно. О чем свидетельствует тот факт, что последняя реализуется в информационном пространстве посредством масс медиа. Идеологическая безопасность принимает удар когнитивного оружия прежде всего на себя. Так как идеология, носящая государственный характер, это остов конструкции безопасности государства, гарантия ее суверенитета и целостности. Парадигмальным целеполаганием цветных революций является разрушение идеологии противника, поэтому первоочередная задача – это нейтрализация идеологических опор у страны-мишеней, и только потом происходит установление соответствующего политического режима с насаждением марионеточного правительства. Духовная безопасность по аналогии с идеологической попадает под прямое воздействие того же субъекта силы, только с учетом дихотомии, возникающей между секуляризационным и религиозным артикулом. Кибербезопасность в свою очередь представляет техническую составляющую, которая вступает в прямое противоборство в случае воздействия субъекта на объект по средством технологий.

Сделав сравнительный анализ представленных выше объектов, приходим к выводу, что весь перечисленный выше спектр попадает под воздействие мягкой силы. Как было отмечено ранее, что бы противостоять внешнему фактору воздействия когнитивного оружия, необходимо разработать вакцину. Что в нашем случае представляет собой комплекс превентивных мер, способствующих укреплению мировоззренческого ядра социума. В указе президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» сказано: «Народ является носителем суверенитета Российской Федерации и ее главным достоянием. Российские духовно-нравственные идеалы и культурно исторические ценности, талант народа лежит в основе государственности и является фундаментом для дальнейшего развития страны» [1]. Данный артикул можно интерпретировать следующим образом: должны возродиться исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Из выше изложенного следует, что для противостояния внешнему фактору воздействия со стороны Запада необходимо укрепить внутренние константы. Данный процесс должен проходить органическим способом, то есть опираться на интернальные характеристики социума. Идентификационный код российского общества должен выступить в роли катализатора, его мировоззрение должно формироваться, опираясь на генетическую ось. Путем реанимирования духовно – нравственных

идеалов российского генезиса можно выработать иммунитет, необходимый для поддержания здорового состояния у российского многонационального организма. Что позволит укрепить идеологическое ядро в полиэтнической проекции. Для того что бы реализовать данную парадигму в контексте национальной безопасности, необходимо найти промежуточное звено, которое могло бы осуществить коммуникацию между всеми категориями, представленными в арсенале национальной безопасности. Установив механизм, обладающий необходимыми характеристиками, можно провести санацию (оздоровительную процедуру) всего спектра подсистем национальной безопасности, синтезировав его с национальной безопасностью. Основной характеристикой инструментария, выступающего в роли переходника, должна выступить способность регуляции общественных отношений, возможность воздействовать на преодоление девиации в социуме. Если выделять в качестве квинтэссенции общественные отношения в контексте их регуляции с целью преодоления девиации, то оптимальным инструментарием в нашем случае будет социальный контроль. «Социальный контроль – явление многоаспектное и универсальное, это механизм, связывающий людей, маркирующий применение целей, ценностных ориентаций и норм. Это важнейший фактор состояния «зрелости» социума, качества коммуникационного пространства, общественности и властных структур». «Социальный контроль – это механизм и технология внедрения определенных идей, коммуникативных установок и подтасовки различных версий [12, с. 414–427]. «Феномен социального контроля в интересующей нас проекции заключается в возможности нивелировать противоречия между объектами. Возможность трансформироваться указанного явления в нужной плоскости во временных и пространственных характеристиках не затрагивая механические насаждения, делает его наиболее ликвидным для применения в органическом аспекте» [6, с. 295–298].

«Анализ национальной безопасности и социального контроля в проекции их общих оснований приводит к выводу о теоретической невозможности их дихотомии. При этом сфера национальной безопасности значительно шире. Следовательно, объединить эти две категории в качестве равнозначных элементов одной системы не представляется возможным, поскольку весь спектр задач социального контроля уже включен в формирование национальной безопасности. Социальный контроль может рассматриваться как один из ее компонентов» [10, с. 508–510].

Как было описано выше, социальный контроль – это явление многогранное и универсальное. Данная характеристика создает предпосылки к трансформации, которая необходима в нашем случае для синтезирования его с национальной безопасностью. Социальный контроль представляет собой обширную палитру цветов, основой которой является локус контроля, что в нашем случае отображает собой персонифицированное бытие в субъекте в контексте этических лекал. В обозначенной парадигме эта особенность будет выражаться в преобразовании духовно-нравственных ценностей у индивида. Устойчивость которых должна выступить фундаментом при возведении мировоззренческой конструкции. Социальный контроль одинаков в применении как в субъекте, так и в объекте, он выступает в роли индикатора и интегратора. Рассматривая его как механизм регуляции поведения людей через оптику национальной безопасности, необходимо сузить его градацию, рассмотреть через призму мягкой силы. Для этого необходимо стратифицировать его на отдельные категории.

«Р. Парк выделял три формы социального контроля: 1) элементарные (в основном принудительные) санкции; 2) общественное мнение; 3) социальные институты» [13, с. 398–400]. «В современной социологии социальный контроль становится общеупотребительным понятием и означает «любой социальный механизм, посредством которого индивидов принуждают придерживаться правил, принятых в обществе или отдельном его сегменте» [14, с. 206]. «Э. Росс подчеркивал значение внутреннего этического контроля за поведением индивида и выделял роль внешнего политического контроля, Опирающегося на воспитание, религию, общественное мнение и социальные санкции» [15].

«Социальный контроль в широком смысле включает все многообразие форм контроля. В узком смысле – это контроль, осуществляемый через общественное мнение, «прозрачность», гласность оценке поведения людей» [16, с. 28]. Исходя из данного суждения, проведем сравнительный анализ мягкой силы как фактора внешнего воздействия на объект и социального контроля как движущей силы противодействия. В качестве ключевого элемента выступает общественное мнение, которое подвергается давлению со стороны первой, тогда как последний создает буферную зону, нейтрализуя информационное проникновение гносеологическим когнитивным способом. Чтобы парадигма, представленная в данной вариации, работала более слаженно, необходимо конкретизировать рамки, сфокусировав четкие пространственные границы социального контроля в определенном контексте. Если общественное мнение выступает в качестве объекта, то необходима предметная конкретизация, поскольку последнее носит слишком абстрагированный характер. Мягкая сила поражает сознание социума, деформирует его мировоззрение. Поэтому предметом должно быть мировоззрение социума, общества, народа. Учитывая тот факт, что Россия является полиэтническим государством, понятие этноса мы выделяем в качестве локомотива. Мировоззрение многонационального российского народа по определению будет носить эклектический характер. Мировоззрение российских этносов в проекции национальной безопасности будет противоречивым: наличие языка, этнокультуры, разных конфессий даст деструктивную обратную связь. «Основное внимание аналитиков соответствующих служб оказалось сосредоточено теперь на выявлении сильных и слабых сторон религиозных и этнических систем. Каждая из систем имеет свои точки уязвимости. Выявить их и целенаправленно на них воздействовать – ключ к успеху» [3, с. 99]. Поэтому в качестве дефиниции мы выделяем контроль в контексте мировоззрения этносов – этнос – контроль. В представленной транскрипции этнос-контроль представляет собой совокупность превентивных мер, направленных на нейтрализацию воздействия мягкой силы в отношении многонационального российского народа. Его задача – создать буферную зону, тем самым сохранить имманентные константы каждого этноса в отдельности, не допустить проникновения когнитивного воздействия, носящего деструктивный характер. Мы используем социальный контроль в качестве базиса и делаем надстройку на нем в виде этнос-контроля.

Что бы выстроить концептуальную модель в интересующей нас артикуляции, необходимо дифференцировать форму и содержание. В нашем случае форма – это социальный контроль. Гегель подчеркивал: форма всегда двойственна по отношению к содержанию, она стратифицируется на внутреннюю и внешнюю [17, с. 94]. Если внешняя форма представлена в виде социального контроля, то внутренней формой будет этнос-контроль. Следовательно, содержание – это мягкая сила. Эффективность полученной консистенции будет зависеть от того, насколько коррелируют внутренняя форма с содержанием.

Национальная безопасность была ранее рассмотрена как метакатегория, представляющая собой плеяду из ряда ипостасей: информационную, идеологическую, духовную и кибербезопасность. Как было отмечено ранее, весь спектр подсистем попадает в радиус поражения мягкой силы. Что бы провести санацию среди представленных компонентов, необходимо создать промежуточное звено, способное ангажировать ряд контрагентов и активизировать концепцию в нужном фарватере. Для создания парадигмальной конструкции мы используем платформу социального контроля. Методологическая база, стратифицированная по категориям, дает возможность создать надстройку, которая представлена в исследовании в виде этнос-контроля. Этнос-контроль выступает в роли того самого промежуточного звена, которое представляет собой структуру в системе национальной безопасности, обеспечивающую коммуникацию между подсистемами. Также этнос-контроль выступает в качестве индикатора, способного поддерживать мировоззренческий баланс внутри этносов отталкиваясь от индивидуальных характеристик.

Подводя итоги, стоит резюмировать: геополитическая конъюнктура, возникшая как следствие трансформации мироустройства, диктует свои условия всему мировому сообществу. Возникает необходимость оперативно реагировать на возникающие новообразования. Использование когнитивного оружия и искусственного интеллекта нашим оппонентом Западом создает прямую угрозу всей системе национальной безопасности нашей страны, которая по состоянию на сегодняшний день в проекции информационного противоборства не может достойно конкурировать с политическим противником. Позиция, которую занимает Россия на настоящий момент, может быть только патовой, потому что она не может атаковать, учитывая, что медиа-ресурсы, сконцентрированные в странах Запада (86% крупнейших медиакомпаний мира), обеспечивают его тотальное доминирование в мировом информационном пространстве. России ничего не остается как активизировать оборону. Чтобы обезопасить себя от когнитивного воздействия мягкой силы, необходимо усилить контроль за мировоззрением многонационального российского народа. Для этого автор предлагает использовать теоретическую базу социального контроля в качестве платформы. На указанном базисе, по его мнению необходимо создать надстройку. Комбинаторика, представленная автором, выглядит следующим образом: социальный контроль инфильтрируется в объекте, представленном в форме мягкой силы; данная процедура позволит сконцентрировать необходимый ресурс и обозначить контуры объекта. Полученное лекало в нашем случае должно быть использовано в качестве фундамента для возведения конструкции, которая создаст бу-

ферную зону между сознанием – мировоззрением социума и зоной информационного поражения. Автор выделяет в качестве квинтэссенции этнос, который является ключевым элементом многонационального народа России. Каждый этнос имеет свое этнокультурное мировоззрение и чтобы выступить в роли громоотвода, необходим механизм, который будет являться персонифицированным остовом каждого этноса в отдельности. Социальный контроль, как он сейчас есть не может справиться с данной задачей, потому что функциональный диапазон его слишком абстрагирован. Чтобы управлять процессом, необходимо упорядочить элементы, сузив в нужном фарватере градацию. Поэтому необходимо его трансформировать механическим способом путем стратификации на компоненты. Выделив наиболее подходящий компонент, коррелирующий с этносом и мягкой силой, мы получаем материал для создания надстройки. Проведенная инфильтрация позволила выявить ряд ипостасей, из которых получилась плеяда. По состоянию на настоящий момент в научном обороте отсутствует термин, отождествляющий полученную консистенцию. В связи с чем автор предлагает ввести в научный обиход термин этнос-контроль.

Понятие и определение этнос – контроля представляется таким образом: этнос-контроль – это сегмент социального контроля, осуществляющий контроль за мировоззренческим состоянием российского народа, этноса, общности как в случае поражения его политическими оппонентами путем применения мягкой силы, так и в естественном состоянии; он выполняет роль индикатора, интегратора и единого этнокультурного идентификатора многонационального народа России. Выступает в качестве промежуточного звена между подсистемами в системе национальной безопасности, обеспечивает ее коммуникативным ресурсом, сохраняя органическое основание.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 12.01.2026).

2. Купарашвили М.Д. Постмодерн: Философия идентификации // Вестник Омского университета. 2025. № 2(30). С. 45–55.

3. Багдасарян В.Э. Матрицы общественного сознания. – М.: Издательство «Наше завтра», 2021. –416 с.

4. Панарин И.Н. Информационная война и коммуникации. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. 236 с.

5. Харари Ю.Н. Краткая история будующего/ Юваль Ной Харари; [пер. с англ. А. Андреева]. –М.: Синдбад, 2018. – 496 с.

6. Писачкина Я.С. Высшая школа и социальный контроль как фактор реализации Стратегии национальной безопасности //Социально-Гуманитарные знания. 2026 № 7. С. 295–298.

7. Гиренок Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М.: Академ. Проект, 2014. 236с.

8. Писачкин Д.В. Социальный контроль и его имманентность в контексте мировоззренческой безопасности России // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 211–217.

9. Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозное основание национальной безопасности России/ А.И. Хвыля-Олинтер. – М.: Академия управления МВД Российской Федерации, 2012. – 420 с.

10. Писачкина Я.С. Социальный контроль как фактор модернизации системы национальной безопасности России //Социально-Гумманитарные знания. 2026 № 4. С. 508–510.

11. Мелихов И.А., Писачкин Д.В. О необходимости теоретико-философского исследования понятия «мировоззренческая безопасность» / И.А. Мелихов, Д.В. Писачкин //Философия права: науч.-теоретич. журнал. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). С. 215–223.

12. Писачкина Я.С. Социальный контроль как фактор общественного прогресса // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21 № 4. С. 41–427.

13. Парк Р. Экология человека // Теория общества. Фундаментальные проблемы: сборник / под ред. А.Ф. Филиппова. – М., 1999. С. 384–400.

14. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: МЕДИУМ, 1995. – 323 с.

15. Макаревич Э.Ф. Социальный контроль масс: учеб. Пособие для вузов / Э.Ф Макаревич, О.И. Карпухин, В.А. Луков. М.: Дрофа, 2007. –429 с.

16. Поверинов И.Е., Писачкин Д.В. Социальный контроль: Философские, социологические и правовые аспекты: монография / И.Е. Поверинов, Д.В. Писачкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 92с.

17. Гулыга А.В. Гегель. –2-е изд. – М.: Мол. гвардия, 1981. – 303 с

ON THE NEED FOR A THEORETICAL STUDY OF THE CONCEPT OF «ETHNIC CONTROL» PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Pisachkina Ya.S.
Polytechnic Technical School No. 47 named after V.G. Fedorov

"Ethnos– control" philosophical analysis The article is based on the author's theoretical and methodological scheme applied to the philosophical analysis of the phenomenon of ethnic control, which is based on the organic theory of national security developed by A.I. Melikhov, in which national security is understood not only as a state of security of state institutions and territorial integrity, but also as the ability of society to self-preservation (consolidation in the face of external and internal threats). The research materials were philosophical and sociological works that form the methodological basis of social control, which was considered in the works of: A.S. Akhiezer, A.A. Gagaev, V.V. Ilyin, V. Yu. Kuznetsov, E. Yu. Solovyov, V.A. Ursula. In the practice of socialization and deviations, social control was considered in the studies of E.V. Andrienko, F.I. Girenka, V.A. Kanke, M.K. Mamardashvili, and others. The object of the research is the national security of the Russian Federation, its role and significance in the case of the use of cognitive weapons – soft power. The subject of the study is the concept of ethnic control, the phenomenon of this phenomenon is considered in the context of philosophical analysis. The study used an interdisciplinary approach, including a political and philosophical analysis of the Cold War between the USSR and the USA, and a historical and documentary method (in particular, the analysis of the US strategic directive – "Dropshot" NSC 20/1). The paper uses methods of social statics and social dynamics, analysis of social changes and transformations. Structural-functional and dialectical methods were actively used, in particular, the laws of the transition of quantitative changes into qualitative ones and the unity and struggle of opposites.

Keywords: Ethnic control, social control, national security, soft power, National security strategy, consolidation of the multinational Russian people, cognitive weapon.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (date of application: 12.01.2026).

2. M. Kuparashvili.J. Postmodernity: Philosophy of identification // Bulletin of Omsk University. 2025. No. 2(30). St.45–55

3. V. Baghdasaryan.e.n. The matrix of public consciousness. – M. N.: Publishing House "our tomorrow", 2021. – 416s.

4. I. Panarina.H. Information warfare and communication. Moscow: Hotline – Telecom, 2021. p. 236.

5. R. Harari.N. A brief history of the Future/ Yuval Noah Harari; [trans. translated by A.N. Andreeva]. Moscow: Sinbad, 2018. 496 p.: ill.

6. Ya. Pisachkina.St. Higher School and social control as a factor in the implementation of the National Security Strategy //Social and humanitarian knowledge. 2026 No.

7. St. 295–298. 7. F. Girenok.I. N. Metaphysics of path (tongue-tied gifted person). M. N.: Academic. The Project, 2014. 236c.

8. D. Pisachkina, V.N. Social control and its immanence in the context of Russia's ideological security // Philosophy of Law: scientific. – theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. No. 2 (117). – St. 211–217.

9. A. Khvylya-Olinter, I.N. The spiritual and religious foundation of Russia's national security/ A. N.I. N. Khvylya-Olinter, Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012. 420 p.: ill.

10. Ya. Pisachkina.St. Social control as a factor of modernization of the Russian national security system //Socio-humanitarian knowledge. 2026 No. 4. St. 508–510.

11. I. Melikhova, A. N., D. Pisachkin, N.V. N. On the need for a theoretical and philosophical study of the concept of "ideological security" / I. N.A. N. Melikhov, D. N.V. N. Pisachkin / / Philosophy Rights: scientific. – theoretical. journal. Rostov-on-Don. 2025. No. 3 (114). St.215–223.

12. Ya. Pisachkina.St. Social control as a factor of social progress // Humanities: current problems of humanities and education. 2021. D. N. 21 No. 4. St. 414–427.

13. R. Park. Human ecology / / Theory of society. Fundamental problems: a collection / edited by N. A. N.F. N. Filippov. – M. N., 1999. St. 384–400.

14. P. Berger. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge / P.N. Berger, D.N. It is necessary to get it. – M. N.: MEDIUM, 1995. – 323 p.: ill.

15. E. Makarevich. F.N. Social control of the masses: textbook. Handbook for universities / E. N.F. Makarevich, O. N.I. N. Karpukhin, V. N.A. N. Lukova. – M. N.: Bustard, 2007. – p. 429.

16. I. Povinov.E. N., D. Pisachkin, N.V. N. Social control: Philosophical, sociological and legal aspects: a monograph / I. N.E. N. Povinov, D. N.V. N. Pisachkina. -Saransk: Publishing House of Mordovia. University, 2011. 92s.

17. A. Gulyga.V. N. Hegel. – 2nd ed. – M. N.: Mol. gvardiya, 1981. – 303 p.

Визуальное как присутствие отсутствия реальности и средство отчуждения

Рагозин Павел Сергеевич,
аспирант кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)
E-mail: zluka6666@gmail.com

Современный мир визуальных образов присутствует повсюду – визуализация охватила практически все сферы деятельности и визуальное становится новой онтологией, заменяя реальность собой. Цифровые техника и технологии трансформируют визуальное, делая его смыслы безгранично дополняющимися и расширяющимися. По своей природе визуальное представляет симулякр как специфический знак и символ, произведенный в результате слияния потенциалов человека и созданных им «интеллектуальных» технологий. Результат развития, усложнения и дифференциации деятельности человека позволяет симулякру обрести самостоятельный статус и предлагать картину миру социуму, конструируя гибридную реальность. Благодаря своей природе, визуальное поставляя различные смыслы, расширяет границы восприятия и мировоззренческие установки человека и общества, становясь одним из инструментов формирования новых форм отчуждения.

Однако организация жизнедеятельности современного социума, хотя и ориентируется на коммуникационными стратегии, зависящие от техники и технологий коммуникации, тем не менее, определяется человеком. Только он обладает способностью к свободно развивающейся, постоянно обновляющейся системной целеполагающей деятельности.

Цель статьи направлена на выявление специфики визуального (пост)информационного или цифрового общества как результата деятельности человека, ведущего к новым формам отчуждения.

Осмысление образов экрана в условиях становления эпохи визуального как сложного социокультурного феномена находятся в проблемном поле научного сообщества – от Античности до настоящего времени. Поэтому методологические рамки исследования опираются на синтез интеллектуального капитала различных отраслей наук. Материалом для исследования послужили примеры образов современного экрана.

Ключевые слова: визуальное, деятельность, образ, гиперреальность, гибридная реальность, социум, человек, экран, коммуникация, информационные и коммуникационные технологии.

Введение

Господство визуального – мир настоящего времени наступившей постиндустриальной эпохи, которую часто исследователи номинируют «постиндустриальная», «(пост)информационная» или «цифровая», рассматривая ее, тем не менее, как продолжение индустриальной. Жизнедеятельность человека и общества во многом определяются благодаря возможностям новых техники и технологий – цифровых инструментов [1; 2 и др.]. Сегодня визуальные образы присутствуют повсюду, поскольку визуализируются практически все сферы деятельности социума, что продиктовано не только доминированием зрительной модальности восприятия, но и социокультурной динамикой и формируемыми ею нормами представления и поставления информации. «Вторжение» цифровых техники и технологий радикально изменило визуальное, которое обрело самостоятельный статус и стало задавать мир, а не только его отражать. Повсеместное присутствие образов экрана привело к их господству [3]. Мир экранных образов дал возможность создать искусственную среду бытия как присутствие отсутствия реальности естественной. Теперь виртуальная среда стала прообразом для актуальной в виде ярких симулякров [4, с. 16]. Человек оказался способным существовать одновременно в двух реальностях – актуальной (физической) и виртуальной (потенциальной). Новые техника и технологии в формате экрана фактически стали продолжением человека, постоянно расширяя его границы и преодолевая природную ограниченность (проникновение «глаза камеры» в глубины космоса, видение в «умном» доме, направление взгляда как команда для робота-манипулятора и т.п.). Экраны сегодня – неотъемлемый атрибут бытия (экран телевизора, монитор компьютера, дисплей смартфона, экран на панели управления автомобилем, рекламный экран и т.д.).

Однако образ экрана – это не реальность, он – ее оператор и способ наглядно-образного видения, когда «конкретные изображения становятся знаком и символом идей» [5, с. 100]. Каждая социокультурная среда создает свои каноны и приоритеты конструирования визуального и, следовательно, его восприятия, ибо «всякий народ имеет свой особенный способ видеть и чувствовать, который образует его характер, и у всех народов характер этот изменяется либо внезапно, либо постепенно, в зависимости от внезапных или незаметных изменений, происшедших в форме их правления и, следовательно, в общественном воспитании» [6, с. 182]. Кроме того, видение человека, как отмечают исследователи, определяется еще и тем, что он хочет видеть и что может знать [7; 8; 9 и др.]. Вместе с тем, лавинообразные потоки «картинок» экрана, благодаря скорости обработки огромных массивов информации, оказались такими мощными, что человек не успевает их осмысливать. Он начинает часто подражать и желать то, что предлагает ему экран. Типичный пример тому, яркие образы формирования желаний в манипуляциях «цифровых» маркетологов (алгоритмы обработки больших данных, интерактивный характер платформ, бренды, отзывы, форумы и т.п.) с модными тенденциями.

Экранные образы довольно сложны по своей природе и богаты по содержанию. Обусловлено это тем, что они в настоящее время создаются симбиозом человека, цифровой техники, технологий коммуникации и математической имитации когнитивных функций человека. В них одновременно фиксируется и транслируется информация не только «о цветовых, пространственных, динамических и фигуративных характеристиках предметов» [8, с. 348], но и о смыслах, способных быть достаточно далекими от изначально предполагаемых. Зримый образ экрана как специфический знак-символ не нуждается в четкой структуре смысла и выражения (означаемого и означающего), и устанавливающаяся диктатура визуального представляет собой благоприятную среду формирования отчуждения.

Целью данной статьи является выявление специфики визуального (пост)информационного или цифрового общества как результата деятельности человека и инструмента формирования новых форм отчуждения.

Попытки осмыслить образы экрана в условиях тотального становления визуального доминирования как сложного социокультурного семиотического феномена находят свое отражение в научной литературе, выходя за границы собственно семиотической рефлексии, опираясь на богатый материал исследований различных дисциплин – социальная философия (О. Бойцова, Н. Колодий, С. Жижек, Ж. Лакан

и др.), семиотическая аналитика (Б. Успенский, С. Мориарти, Р. Барт, У. Эко и др.), социология (Е. Александров, М. Мид, Д. Руби, П. Штомпка и др.), лингвистика (О.В. Коваль, О.М. Куницына, Ю.С. Степанов, В.В. Фещенко, В. фон Гумбольдт и др.), имагология (А.А. Гнесь, Х. Дизеринк, Э. Левинас, Й. Леерссен и др.) и т.д.

Визуальное как фрагмент бытия привлекало внимание мыслителей различных эпох, поскольку оно позволяло непосредственно фиксировать мир (сфера очами видимого) и доступно говорить о нем. В Античности визуальное рассматривалось как «зрением разума» (Гераклит, Платон, Демокрит, Аристотель и др.). В Средние века оно представало как некий посредник движения на пути от незримого к зримому в ожидании явления чуда (Августин Блаженный, Фома Аквинский, Б. Клервоский и др.). Новое время «предложило» ему ситуацию выбора – от одного из важнейших инструментов в чувственном познании (Ф. Бэкон. Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) до средства обмана (И. Кеплер, Р. Декарт и др.), позволив оставаться в рамках классической гносеологической традиции – противопоставление чувственного и рационального.

Русская философская мысль в отношении визуального обращалась к нему не только в рамках иконичности как принципа познания мира (С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, В.Ф. Эрн и др.), но и как инструмента воздействия на сознание (В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, И.М. Сеченов и др.).

Следуя логике рационализма, развивающийся мир индустриального в конце XIX и начале XX столетий «потребовал» изменить отношение к визуальному. Вместе с «визуальным поворотом» произошел и поворот в осмыслении самого визуального (Т.В. Вдовина, Е.А. Вишленкова, Н.Л. Мазур, Р. Арнхейм, В. Беньямин, Э. Панофский и др.).

Настоящее время манифестирует присутствие визуального как образно-модельного средства утраты субъектности человека в условиях развертывания его диктатуры во всех сферах деятельности. Оценки результатов его «действий» различны и противоречивы – от восхитительно-оптимистических до обличительно-пессимистических. Визуальный образ постепенно перестает рассматриваться, как только копия или отражение реального, он – «владелец и творец» смыслов, конструирующих иную по своей природе реальность – гиперреальность (В.Д. Емельяненко, Р.В. Ершова, М.Ю. Солодов, Ж. Бодрийяр, А. Генис, Ф. Джеймисон, У. Эко и др.).

Поэтому методологические рамки нашего исследования заданы необходимостью синтеза подходов различных отраслей наук: герменевтического, семиотического, структуралистского, социально-критического и др. Использованы положения концепций о роли масс-медиа как системы, воздействующей на социальную реальность (А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш, Ж. Бодрийяр, Н. Луман и др.). В исследовании применялись методы как общенаучного плана (анализ, синтез, индукция, дедукция и т.п.), так и частно-научного (контент-анализ, интерпретация, контекстуальный анализ креолизованных текстов современных медиа). Важно обратить внимание, что говорить о характеристике визуального как «автора» и транслятора смыслов реальности было довольно проблематично до появления реальности мира виртуального, сформировавшегося в наличную данность как некоторой особой формы жизнедеятельности общества и человека.

Обсуждение и результаты исследования

Образ экрана, создаваемый деятельностью человека, становится самостоятельным инструментом и оператором замещения реальности или симулякром в условиях развертывания техники и технологий коммуникации и становления общества информационного (А.А. Жихарева, Н.Р. Саенко, Е.В. Сальникова, А.П. Сегал, Ж. Бодрийяр, П. Вирильо, М. Маклюэн, М. Мерло-Понти и др.), позволяющего человеку проживать в гибридной реальности. В семиотическом знании устойчиво утверждается идея существования множества неоднозначных миров, не являющих своих свойств друг другу («семантика возможных миров» С. Крипке). Соединение зрения с возможностями новых информационных техники и технологий в условиях гибридизации реальности расширяют мировоззренческий горизонт человека [9, p. 43–44]. Поэтому поиск характеристик и роли визуального – естественная потребность в познании бытия и осмысления социума. Исходя из этого, нами рассматривается понятие визуального в оптике социально-философского исследования одновременно как сложный процесс физического зрения в современной (гибридной) реальности и средство конструирования реальности зрительными образами безгранично «расширяющихся» человека и общества.

Постиндустриальное, (пост)информационное и цифровое общество, цифровизация, медиатизация, большие данные (Big data), искусственный интеллект (artificial intelligence) и многие другие – привычные понятия настоящего времени, активно обсуждаемые научным сообществом (В.В. Василькова, С.С. Носова, А.И. Ракитов, Дж. Баррат, М. Кастельс, Б. Латур, Ф. Уэбстер и др.). Так или иначе, авторы отмечают, что эволюция техники и технологий привели к обществу настоящего времени – обществу господства экрана и поставляемых им образов, активно претендующих на роль конструктора социальной реальности. Информационные техника и технологии громко «заявили» о своей возможности стать субъектом деятельности в условиях развертывания общества техногенного, провоцируя формирование «одномерного» человека, опирающегося в выработке и принятии решений на указания алгоритмов логики цифрового кода. Результат деятельности человека фактически начал заменять самого действующего человека, что позволяет говорить о возникновении новых форм отчуждения, таких как цифровое кочевничество, отказ от приватного в пользу публичного, превращение сложного внутреннего мира человека в контент и т.п. Тотальная визуализация постепенно упрощает восприятие готовыми рецептами не только форм поведения в той или иной ситуации, но и стандартами мысли, примитивизируя культурные коды.

В условиях высокотехнологичного производства образов их визуальный компонент провоцирует отчуждение от актуальной реальности, что довольно подробно описал в механизме симуляции Ж. Бодрийяр, выделив четыре его стади: «…он есть отражение базовой реальности; он маскирует и искажает базовую реальность; он маскирует отсутствие базовой реальности; он не имеет отношения к какой-либо реальности, чем бы она ни являлась: он является своим собственным чистым симулякром» или репрезентация, маскировка, подмена и собственно симулякр [10, с. 23]. Со временем реальность, репрезентированная в образах экрана, утрачивает свою связь с реальностью актуальной – экранный образ или симулякр, выступая в качестве означающего, становится самостоятельным и «оторванным» от того, что за ним находится, он в нем больше не нуждается. По сути, происходит разрушение связки означаемого и означающего, как традиционной структуры знака (Ф. де Соссюр) и симулякр как форма существует без содержания, предлагая его определить зрителю/пользователю. Как следствие, возникает ситуация, когда визуальное одновременно форма и содержание, за которыми реальность «агонизирует» в терминологии Ж. Бодрийяра. Содержание и форма визуального оказались способными подменять и замещать друг друга в симулякре. Поэтому, мы полагаем, симулякр создает благоприятную почву отчуждения человека, которое имманентно включено в жизнь социума и его классическое содержание дополняется характеристиками современной социокультурной динамики – быть экранно-опосредованными, постоянно на связи и прикрытыми аватаром в Сети.

Проблематика анализа отчуждения имеет свою историю и глубоко укоренена в философской мысли, преодолевая теоретические границы классических исследований и обретая современное социально-философское звучание (Т. Гоббс, Г. Гегель, К. Маркс, Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, М. Вебер, Г. Зиммель, Г. Маркузе, Х. Арендт, М.А. Игнатов, И.И. Кальной, Н.И. Лапин, А.И. Титаренко, А.Н. Чумаков, Е.Е. Яковлева и др.) [11]. Поэтому у нас нет задачи его анализировать в данном исследовании. Мы принимаем устоявшийся тезис в научном сообществе, что продукт деятельности, в нашем случае симулякр, начинает управлять человеком и обществом (Платон, Ж. Батай, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр, Р.Т. Алиев, А.В. Кравец, Т.Г. Лешкевич, С.А. Малинов, В.М. Розин и др.).

Визуальное как специфический знак-символ (или симулякр), способно поставлять различные смыслы в зависимости от множества факторов: контекста ситуации, замысла автора(–ов), возможностей монтажа, спецэффектов и т.п., расширяя тем самым границы восприятия. Образ экрана предлагает множественность смыслов, определяемых и задаваемых динамичным дизайном социального, выступая одновременно их отражающей и порождающей машиной: представление и значение – два полюса, между которыми проявляется содержание, продиктовано богатым разнообразием культурных миров, позволяющих различные вариации «прочтения», осмысления и интерпретации визуального [12, с. 163].

Сознание, встречаясь с симулякрами, фиксирующими и транслирующими нечто, которого может и не было, погружается в мир *подобия*, где постоянно продуцируются новые смыслы за счет скорости и технологий производства, передачи, интерпретации и переинтерпретации данных. Порой оно (сознание) не успевает эти смыслы ухватить и, следовательно, визуальное раскрывает и расставляет акценты самостоятельно даже на том, чему не придавалась значимость и «человек, в ухе которого микро-наушник, на запястье смарт-часы, в кармане смартфон, а в портфеле лэптоп почувствует себя голым и беспомощным», если лишить его их [13, с. 50]. Следовательно, «образы приобретая известную автономию и свободу по отношению к объектам восприятия, могут быть объектом зрительных манипуляций и преобразо-

ваний» [14, с. 403]. Версия экранизации произведения художественной литературы отличается от версии экранизации этого же художественного произведения с примечаниями «по мотивам» или «современное прочтение». Цветная и черно-белая аналоговые фотографии представляют несколько иные детали запечатленного и возможность их редактирования в отличии от черно-белых и цветных цифровых, различаясь в своей природе всего лишь способом фиксации света (химические реакции на пленке и электронная матрица). Завораживающая и притягательная «магия» цифры будет проявляться не столько в возможности фиксации и качества передачи, сколько в возможности бесконечного редактирования и попытки придать статус достоверности запечатленному. Картина и ее репродукция производят различные впечатления эмоционального характера и уникального сенсорного опыта. Примеров тому можно найти вполне достаточно. Рассмотрим некоторые из них.

Например, классическое прочтение пьесы А.Н. Островского в экранизации (1936, реж. Я. Протазанов), «Жестокий романс» (1984, реж. Э. Рязанов) и современная интерпретация «Бесприданницы» (2011, реж. А. Пуустусмаа) существенно отличаются друг от друга не только актерской игрой, техническим компонентом съемок, но и конструкцией изложения – от следования за литературной основой времени до ее дополнения и переноса в наши дни.

Небезынтересна в этом плане рекламная продукция на экране, ставшая частью повседневной жизни современного социума. Создавая и передавая сюжеты литературной классики, она предлагает зрителю-пользователю свое прочтение и понимание. Начиная с 2025 г банк ВТБ, используя классические и узнаваемые еще со школьной программы произведения художественной литературы, создал серию сюжетов под названием «ВТБ – это классика»[1]. При создании имиджа банка, которому можно и нужно доверять, подчиняясь прагматичной рыночной логике производства рекламного продукта, «банковский сериал» существенно видоизменяет смысловые установки классики литературы, опираясь на культурный код и одновременно трансформируя его. Литературный классический текст, становясь креативным гипертекстом, адаптируется к миру визуальных репрезентаций данных, высоких скоростей, рыночной прагматики и упрощения. Смыслы, заложенные И.С. Тургеневым в «Муму» [15] сводятся к возможностям визуального в привлечении внимания. Происходит отсылка совершенно к другому событию и образу, в котором отчетливо видна симулятивность: есть новая реальность, подобная литературному сюжету. Вот уже сложный спектр чувств разрывающейся души Герасима, редуцированный к яркой и счастливой картинке, отходит на второй план, упрощается и становится призрачным при условии вот если «был бы тогда ВТБ!». Новый текст, написанный креолизованным языком, легко «освобождает» читателя (зрителя/пользователя) от автора. Искажением смысла нарастает, поскольку изменяется не только восприятие классической литературы, но и довольно просто предлагается готовое решение реализовать возможность начать свой бизнес, став самозанятым – всего лишь нужно открыть счет в ВТБ. Сложность литературной драматургии упрощается и оригинальный текст превращается в псевдоуникальный.

Симулякр, создаваемый логикой цифрового кода, замещает реальность, проникая практически мгновенно в сознание человека и предлагая жизненные стратегии в рамках тиражируемых ценностных ориентиров. Визуальное предстает как реальное, ибо не верить собственному глазу, который всегда на чем-то сфокусирован, оснований у человека нет.

Выводы

Новая форма организации жизнедеятельности в век тотального господства визуального предлагает ее новое содержание – она определяется коммуникационными стратегиями, техникой и технологией коммуникаций, как «естественной способности человека видеть» [16, с. 14] и «отражать любые категориальные отношения реальности посредством их воплощения в трансформированную чувственность – в форме зримого явления сущности» [17, с. 138].

Важно помнить, что способность образов отсылать друг к другу, дополняя или отсекая содержание благодаря высокой скорости передачи и огромным потокам информации позволяет беспрестанно создавать новые смыслы. В этом случае визуальное таит угрозу доминирования зрелищного поверхностного понимания, ориентированного не на осмысление содержания образа, а апелляцию к кратковременному эмоционально-чувственному воздействию на воспринимающее сознание, поскольку значения не содержатся исключительно в самом образе, как способе представления означаемого, но обретаются в момент их потребления, видения и интерпретации. Значения каждого образа «создаются всякий раз, когда на них смотрят» [18, p. 25]. Образы экрана, закрепляются в индивидуальном и общественном сознании и потребитель образов ориентируется на них как на образцы. Видимое предстает как видение. Сидящий перед экраном утрачивает чувство реальности мира и уходит в мир «по ту сторону экрана», который его увлекает и вовлекает в водоворот событий, фактов, цифр, ситуаций. Глубина мыслей заменяется поверхностью образов. Человек утрачивает маркеры своей идентификации, «технология может создать физическое и эмоциональное отчуждение и отвлечь нас от нашей собственной жизни» [19, с. 35].

Вместе с тем, для понимания визуального сознанию требуются как рациональное мышление, так и эмоциональные процессы, которыми обладает человек, ибо «без чувственности ни один предмет не может быть нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы… Эти две способности не могут выполнять функции друг друга. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить» [20, с. 155].

Заключение

Визуальное может осмысливаться и использоваться человеком во имя Человека, который сегодня обречен взаимодействовать с образами, созданными не только им самим, но и технологиями искусственного, развитие которых невозможно остановить и которые включены в социум как специфические агенты (сети, платформы, искусственный интеллект и т.п.). Тем не менее, только человек обладает способностью к свободно развивающейся, постоянно обновляющейся системной целеполагающей деятельности. Зрелищные и яркие образы создает человек. Поэтому ответственность за выбор и его последствия лежат на нем. Наступает время осмысления человека как субъекта – обладателя самости с его «наполненностью» ценностями, ценностными ориентациями, смыслами, способностью действовать в том числе и с агентами.

Литература

1. Косенков А.Ю. Концепция цифровой реальности и ее эвристический потенциал в экспликации угроз цифровизации // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023. – № 2. – С. 14–19. EDN: FSXYIM.

2. Сотой дю М. Нейросеть разумная. Как искусственный интеллект осваивает человеческие навыки, творит, думает и учиться. М.: Колибри; Азбука-Аттикус, 2024. 384 с.

3. Прилукова Е.Г. Власть образов: знаково-символическое бытие власти. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 204 с. ISBN: 978–5–696–04203–9. EDN: QOODBV.

4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с. ISBN: 5–7913–0040–9. EDN: FVFYSF.

5. Флоренский П. Symbolarium (Словарь символов). Вып. 1. Точка / Некрасова Е.А. Неосуществленный замысел 1920-х годов создания Symbolarium'a (словаря символов) и его первый выпуск «Точка» // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. – Л.: Наука, 1984. – С. 99–115.

6. Гельвеций К.А. О человеке // Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1974. Т. 2. – С. 5–567.

7. Саенко Н.Р., Щеглов И.В. Процедуры «вживления» экрана в бытие современного человека // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4 (33). – С. 275–282. EDN: PRVMCR.

8. Зинченко В.П. Восприятие и визуальная культура. – М.: ЦГИ, 2018. – 504 с.

9. Wilson L. Cyberwar God and Television. An interview with Virilio // Digital Delirium. – Montreal: New Word Perspectives, 2001. – P. 43–44.

10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.

11. Канатаев Д.В., Курочкин С.С., Лаптева А.В. Трансформация понятия «отчуждение» в условиях цифровизации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. Т. 25. – № 5. – С. 108–117. DOI: 10.37482/2687-1505-V463. EDN: ITPVKH.

12. Симбирцева Н.А. Специфика прочтения визуального текста // Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10, ч. 1. – С. 163–165. EDN: RDQDUZ.

13. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. – 2023. Т. 28. – № 1. – С. 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65. EDN: USPLIV.

14. Зинченко В.П. Восприятие и визуальная культура. – М.: ЦГИ, 2018. – 504 с.

15. Тургенев И.С. Муму // Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 4. – М.: Наука, 1980. – С. 603–611.

[1] ВТБ – это классика // RuTube. URL: https://rutube.ru/plst/599730?r=wd (дата обращения: 12.07.2026).

16. Роэм Д. Визуальное мышление; пер. с англ. – М.: Манн, Иванов, Фербер, Эксмо, 2013. – 300 с.

17. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: Панпринт, 1998. – 1064 с.

18. Sturken M. Practices of Looking: An Introduction in Visual Culture / Marita Sturken, Lisa Cartwright. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2001. – 385 p.

19. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: технологии и наши поиски смысла. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 381 с. ISBN: 5–17–027471–8 EDN: QOEOBZ.

20. Кант И. Критика чистого разума; пер. с нем. Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1965. – 799 с.

THE VISUAL AS THE PRESENCE OF THE ABSENCE OF REALITY AND AS A MEANS OF ALIENATION

Ragozin P.S.
South Ural State University (National Research University)

Today's world is saturated with visual imagery – visualisation has permeated almost every area of activity, and the visual is becoming a new ontology, substituting for reality itself. Digital technologies transform the visual, making its meanings infinitely supplemented and expanded. By its nature, the visual represents a simulacrum – a specific sign and symbol produced through the convergence of human capacities and the "intelligent" technologies that humans have created. As human activity develops, becomes more complex, and differentiates, the simulacrum acquires an independent status and offers its own picture of the world to society, constructing a hybrid reality. Through its inherent properties, the visual conveys multiple meanings, broadening the horizons of perception and the ideological frameworks of individuals and society, and thus becomes one of the tools for generating new forms of alienation.

However, while the organisation of contemporary social life is oriented toward communication strategies that depend on communication technologies, it is nonetheless determined by humans. Only humans are capable of freely developing, continuously renewing, systemic goal-setting activity.

The purpose of this paper is to reveal the specifics of the visual in (post-)information or digital society as a result of human activity that gives rise to new forms of alienation.

The analysis of screen images in the context of the emerging age of the visual –as a complex sociocultural phenomenon – has long been a subject of scholarly inquiry, from Antiquity to the present day. Therefore, the methodological framework of the research draws upon a synthesis of intellectual resources from various scientific disciplines. The study is based on examples of contemporary screen imagery.

Keywords: the visual, activity, image, hyperreality, hybrid reality, society, human being, screen, communication, information and communication technologies.

References

1. Kosenkov, A.Yu. (2023). The concept of digital reality and its heuristic potential in explicating the threats of digitalization. Journal of the Belarusian State University. Sociology, (2), 14–19. EDN: FSXYIM.

2. du Sautoy, M. (2024). The creative brain: How artificial intelligence masters human skills, creates, thinks, and learns. Moscow: Kolibri; Azbuka-Attikus. 384 p.

3. Prilukova, E.G. (2011). The power of images: The sign-symbolic being of power. Chelyabinsk: Publishing Center of South Ural State University. 204 p. ISBN: 978–5–696–04203–9. EDN: QOODBV.

4. Baudrillard, J. (2000). Symbolic exchange and death (Trans. from French). Moscow: Dobrosvet. 387 p. ISBN: 5–7913–0040–9. EDN: FVFYSF.

5. Florensky, P. (1984). Symbolarium (Dictionary of symbols). Issue 1. Point. In Nekrasova, E.A. (Ed.), Monuments of culture. New discoveries. 1982 (Pp. 99–115). Leningrad: Nauka.

6. Helvétius, C.A. (1974). On man. In Works: In 2 vols. (Vol. 2, Pp. 5–567). Moscow: Mysl'.

7. Gregory, R. (2003). The intelligent eye (Trans. from English, 2nd ed.). Moscow: Editorial URSS. 240 p. ISBN 5-354-00342-3.

8. Grigoriev, S.L. (2022). Simulations of the communicative in screen culture. Communicology, 10(1), 120–128. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-120-128. EDN: TAEDVO.

9. Saenko, N.R., & Shcheglov, I.V. (2012). Procedures of "implanting" the screen into the existence of modern man. Caspian Region: Politics, Economics, Culture, (4(33)), 275–282. EDN: PRVMCR.

10. Baudrillard, J. (2013). Simulacra and simulation (Trans. O.A. Pechenkin). Tula. 204 p.

11. Kanataev, D.V., Kurochkin, S.S., & Lapteva, A.V. (2025). Transformation of the concept of "alienation" in the context of digitalization. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 25(5), 108–117. DOI: 10.37482/2687-1505-V463. EDN: ITPVKH.

12. Simbirtseva, N.A. (2013). Specifics of reading a visual text. Gramota. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Theory and Practice, (10, pt. 1), 163–165. EDN: RDQDUZ.

13. Vasilenko, L.A., & Meshcheryakova, N.N. (2023). Hybridity of digital society: innovative reality or utopia? Philosophy of Science and Technology, 28(1), 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65. EDN: USPLIV.

14. Zinchenko, V.P. (2018). Perception and visual culture. Moscow: TsG I. 504 p.

15. Turgenev, I.S. (1980). Mumu. In Complete collected works and letters: In 30 vols. (Vol. 4, Pp. 603–611). Moscow: Nauka.

16. Roam, D. (2013). Visual thinking (Trans. from English). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; Eksmo. 300 p.

17. Kemerov, V.E. (Ed.). (1998). The modern philosophical dictionary (2nd ed., rev. and enl.). London; Frankfurt a.M.; Paris; Luxembourg; Moscow; Minsk: Panprint. 1064 p.

18. Sturken, M., & Cartwright, L. (2001). Practices of looking: An introduction to visual culture. Oxford; New York: Oxford University Press. 385 p.

19. Naisbitt, J. (2005). High tech, high touch: Technology and our search for meaning. Moscow: AST; Tranzitkniga. 381 p. ISBN: 5–17–027471–8. EDN: QOEOBZ.

20. Kant, I. (1965). Critique of pure reason (Trans. from German). In Works: In 6 vols. (Vol. 3). Moscow: Mysl'. 799 p.

Границы алгоритмического представления общественных настроений в социальных сетях: влияние текстового шума

Ремарчук Валерий Николаевич,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой СГН3, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: dekan.fsgn@bmstu.ru

Урсул Виталий Игнатович,
кандидат политических наук, доцент кафедры СГН3, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

Курская Анна Сергеевна,
бакалавр кафедры СГН3, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: kurskayass@yandex.ru

В статье рассматривается социально-философская проблема соотношения цифрового следа и знания об общественных настроениях. Сообщение в социальной сети проходит несколько этапов преобразования: личная оценка получает цифровую форму, текст очищается, а затем алгоритм относит его к заданному классу. Поэтому автоматически рассчитанная тональность не совпадает с самой социальной реальностью, а представляет ее технически сформированный образ. Сделан вывод о необходимости рассматривать автоматическую тональность как ограниченный аналитический показатель, который требует контекстной интерпретации и человеческой проверки.

Ключевые слова: цифровая социальная реальность, общественные настроения, социальные сети, алгоритмическое представление, текстовый шум.

Социальные сети стали частью повседневной социальной реальности. В них люди обсуждают услуги, события, работу организаций и личный опыт. Эти высказывания используются как источник сведений об отношении аудитории к происходящему, однако публикация в сети не является готовым измерением общественного настроения. Она представляет собой отдельное действие пользователя, совершенное в определенной ситуации и в рамках правил цифровой платформы.

Цифровизация меняет не только средства передачи информации, но и сам способ описания общества. Цифровые технологии опосредуют социальные отношения и формируют новую область повседневности [9]. При этом понятия «цифровизация» и «дигитализация» используются неодинаково. В первом случае чаще имеется в виду внедрение технологий, во втором – перевод явлений и действий в форму данных [1].

Под общественными настроениями понимается совокупность эмоциональных и оценочных установок, возникающих у членов социальной общности:

1) Тональность публикаций отражает только один способ их выражения.

2) Публичное сообщение может зависеть от самопрезентации, норм сообщества и ожидаемой реакции аудитории, поэтому даже без технических ошибок цифровой след не может полностью заменить исследование общественных настроений.

3) Результаты сопоставления цифровых следов с опросными данными также показывают, что такие источники полезно рассматривать как дополнение, а не как полную замену прямому исследованию [10].

Проблема усиливается при автоматической обработке текста, потому что сообщение очищается от ссылок, знаков и других элементов, после чего модель относит его к положительному, нейтральному или отрицательному классу, то есть на каждом этапе часть контекста может быть потеряна. Формализация упорядочивает материал, но одновременно упрощает коммуникацию и отделяет ее от части исходных смыслов [8]. В результате возникает вторичное представление: сначала пользователь создает цифровой образ своей оценки, затем аналитическая система создает числовой образ этого сообщения.

Гипотеза состоит в следующем. Если понятное человеку содержание сообщения в основном сохраняется, но алгоритмическая оценка заметно меняется, то рассчитанная тональность не является прямым измерением общественного настроения. Она зависит от технического посредника, способа представления текста и правил его подготовки (табл. 1).

Таблица 1. Уровни формирования алгоритмического показателя

Уровень	Содержание	Основное ограничение
Социальное состояние	Переживание и оценка человека	Не вся оценка выражается публично
Цифровое высказывание	Текст, эмодзи, знаки и контекст публикации	Самопрезентация и правила платформы
Подготовленные данные	Отобранный и очищенный текст	Потеря маркеров и части контекста
Алгоритмический показатель	Класс тональности и сводное число	Зависимость от модели и способа интерпретации

На первом переходе человек выбирает, что именно выразить публично. На втором платформа задает доступные знаки и форму сообщения. На третьем исследователь определяет правила очистки, признаки и классы. На четвертом полученный показатель интерпретируется и может стать основанием для принятия управленческого решения.

Исследование было построено на открытом наборе RuSentiTweet [11]. Он содержит 13 392 русскоязычных сообщений, размеченных вручную по пяти категориям: positive (позитивные высказывания), neutral (нейтральные высказывания), negative (негативные высказывания), speech (вопрос, просьба, пожелание и т.д.) и skip (сообщение нельзя

отнести к одной из тональностей). Для исследования оставлены три класса тональности, метки speech и skip исключены. Итоговая выборка включила 11 053 сообщения: 3 298 отрицательных, 5 341 нейтральное и 2 414 положительных. Обучающая часть содержала 8 842 сообщения, тестовая – 2 211.

Сравнение трех моделей было необходимо не для поиска единственного лучшего алгоритма, а для проверки того, сохраняется ли выявленная зависимость при разных способах формализации текста. Словесная модель учитывала слова и пары соседних слов. Символьная модель использовала фрагменты длиной от трех до пяти знаков. Гибридная модель объединяла оба вида признаков. Тексты переводились в числовую форму с помощью TF-IDF – слово получало больший вес, если часто встречалось в данном сообщении, но редко в остальных. Для классификации применялись логистическая регрессия и линейный метод опорных векторов.

В тестовые сообщения вносились пять видов изменений:

1) Опечатки создавались перестановкой двух соседних букв внутри части слов.

2) При повторах одна буква записывалась несколько раз.

3) При пропусках удалялся один пробел между словами.

4) Отдельно удалялись ссылки, упоминания, эмодзи, пунктуация и другие небуквенные знаки.

5) Смешанный вариант объединял несколько изменений.

Модели обучались только на исходных сообщениях, затем они проверялись на чистой тестовой части и на ее измененных вариантах. Основной показатель Macro-F1 (показатель качества модели, который учитывал, насколько хорошо она распознает каждый класс тональности, чем выше показатель, тем лучше качество) рассчитывался отдельно для отрицательного, нейтрального и положительного классов, после чего значения усреднялись.

Таблица 2. Macro-F1 на исходных и измененных сообщениях

Модель	Исходные	Опечатки	Повторы	Пробелы	Маркеры	Смешанный шум
Словесная	0,577	0,566	0,562	0,553	0,571	0,543
Символьная	0,659	0,647	0,650	0,648	0,641	0,618
Гибридная	0,651	0,640	0,642	0,634	0,635	0,614

На исходных данных лучший результат показала символьная модель. Ее Macro-F1 составил 0,659. Гибридная модель получила 0,651, словесная – 0,577. При каждом виде искажения качество снижалось хотя бы у одной модели, значит, итоговая оценка определялась не только эмоциональным содержанием, но и способом записи этого содержания.

Опечатки и повторы букв особенно заметно повлияли на словесную модель – измененное слово переставало совпадать с единицей словаря. Символьная модель сохраняла часть коротких фрагментов и поэтому работала лучше. При пропуске пробелов Macro-F1 словесной модели снизился до 0,553. У символьной модели он составил 0,648. Для человека соединение двух слов обычно не уничтожает смысл фразы, но для алгоритма меняет структуру входных данных.

Удаление цифровых маркеров также ухудшило результат. Для символьной модели Macro-F1 снизился с 0,659 до 0,641, для гибридной – с 0,651 до 0,635. Эмодзи, повторяющаяся пунктуация и другие элементы часто выполняют эмоциональную и контекстную функцию. Их автоматическое удаление нельзя считать нейтральной технической операцией, вместе с формой из текста может исчезнуть часть значения (рис. 1).

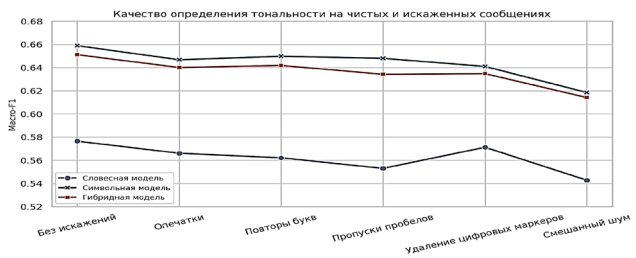

Рис. 1. Изменение Macro-F1 при разных видах текстового шума

Смешанный шум дал самое сильное снижение. Символьная модель получила 0,618, гибридная – 0,614, словесная – 0,543. Стандартное отклонение по пяти запускам не превышало 0,011. Следовательно, результат не сводится к одному случайному изменению сообщений. Ни одна из моделей не устранила зависимость показателя от формы текста. Символьное представление только уменьшило отдельные потери и сохранило более высокий абсолютный уровень качества.

Эксперимент выявил разрыв между смысловой устойчивостью сообщения для человека и устойчивостью его машинной оценки. Алгоритм не обнаруживает уже существующее общественное настроение в готовом виде, а лишь производит показатель в рамках заранее выбранных данных, классов и правил обработки. Показатель может быть полезным, но его нельзя отождествлять с исследуемым явлением.

В цифровой среде выражение эмоции связано с ее знаковой формой, например повторы букв, эмодзи и пунктуация не всегда являются ошибками. Они могут передавать интенсивность, иронию или отношение к собеседнику. Формальная очистка отделяет «правильный» текст от цифровой практики, в которой этот текст возник, поэтому шум имеет двойственный статус: с технической точки зрения он затрудняет классификацию, с точки зрения социальной коммуникации он может быть частью сообщения.

Это не означает, что автоматический анализ следует отвергнуть. Он позволяет быстро замечать изменения в больших потоках сообщений, но его познавательный статус должен быть определен точнее. Автоматическая тональность является индикатором состояния наблюдаемого массива публикаций при конкретных условиях сбора и обработки, она не является непосредственным измерением настроения всей социальной группы.

Особое значение данный вывод имеет для поддержки управленческих решений. Если доля отрицательных публикаций выросла, причиной может быть реальное изменение отношения аудитории, но причиной также может стать изменение площадки, состава авторов, формы сообщений, словаря или правил очистки. Руководитель получает не саму социальную реальность, а результат цепочки преобразований.

Для практической работы автоматический показатель следует сопровождать четырьмя видами контроля:

1) Во-первых, необходимо указывать источник, период и состав данных.

2) Во-вторых, нужно сохранять эмодзи и другие маркеры до проверки их значения.

3) В-третьих, следует оценивать качество отдельно для разных классов и для характерных искажений текста.

4) В-четвертых, резкие изменения необходимо подтверждать ручным чтением выборки, опросом или другим независимым источником.

Гипотеза исследования подтверждена. Зависимость оценки от текстового шума показывает, что алгоритм участвует в формировании наблюдаемой картины социальной реальности. Его вывод допустимо использовать как сигнал для дальнейшего анализа, но не как самостоятельное доказательство изменения общественных настроений. Социально-философский подход позволяет сохранить различие между человеческим опытом, его цифровым следом и числовым показателем. Это различие является необходимым условием ответственного применения аналитических систем в управлении.

Литература

1. Бабинцев В.П., Серкина Я.И. «Цифровизация» и «дигитализация» социальной реальности в предметном поле социологии: проблема адекватности понятий // Знание. Понимание. Умение. – 2022. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-digitalizatsiya-sotsialnoy-realnosti-v-predmetnom-pole-sotsiologii-problema-adekvatnosti-ponyatiy?ysclid=msx4ihs3kx947583211

2. Губанов Д.А., Новиков Д.А. Модели совместной динамики мнений и действий в онлайн-социальных сетях. Часть III. Бинарные модели // Проблемы управления. – 2023. – № 4. – URL: https://journals.rcsi.science/1819–3161/article/view/286636?ysclid=msx4m6d8sr250104164

3. Дурнев А.Д. Событие в цифровую эпоху: статус действующего лица // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – Вып. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sobytie-v-tsifrovuyu-epohu-status-deystvuyuschego-litsa/viewer

4. Кнэхт Н.П. Проблема знания и понимания в цифровую эпоху // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2022. – № 4 (36). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-znaniya-i-ponimaniya-v-tsifrovuyu-epohu/viewer

5. Петров М.А. Новые коммуникативные технологии в контексте процессов социализации в информационном обществе // Философская мысль. – 2023. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-kommunikativnye-tehnologii-v-kontekste-protsessov-sotsializatsii-v-informatsionnom-obschestve/viewer

6. Пичко Н.С., Плотникова Т.В. Специфика и формы отчуждения человека в цифровом обществе // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14, № 2 (72). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-formy-otchuzhdeniya-cheloveka-v-tsifrovom-obschestve/viewer

7. Пономарёв А.М. Технологии искусственного интеллекта в контексте современной трансформации социальности // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-kontekste-sovremennoy-transformatsii-sotsialnosti/viewer

8. Рахконен М.Е. Формализация коммуникационных процессов в цифровой культуре // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formalizatsiya-kommunikatsionnyh-protsessov-v-tsifrovoy-kulture/viewer

9. Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obschestvo-i-tsifrovaya-antropologiya-transdistsiplinarnye-osnovaniya-sotsialno-epistemologicheskih-issledovanii/viewer

10. Sivak E., Smirnov I. Measuring Adolescents' Well-Being: Correspondence of Naïve Digital Traces to Survey Data // Social Informatics: 12th International Conference, SocInfo 2020. – Cham: Springer, 2020. – P. 352–363. – URL: https://arxiv.org/abs/2006.11176

11. Smetanin S. RuSentiTweet: A Sentiment Analysis Dataset of General Domain Tweets in Russian // PeerJ Computer Science. – 2022. – Vol. 8. – Art. e1039. – URL: https://www.researchgate.net/publication/362110625_RuSentiTweet_a_sentiment_analysis_dataset_of_general_domain_tweets_in_Russian

LIMITS OF ALGORITHMIC REPRESENTATION OF PUBLIC SENTIMENT IN SOCIAL MEDIA: THE EFFECT OF TEXTUAL NOISE

Remarchuk V.N., Ursul V.I., Kurskaia A.S.
Bauman Moscow State Technical University

The article examines the socio-philosophical relationship between digital traces and knowledge of public sentiment. A social media post passes through several transformations: a personal evaluation takes a digital form, the text is processed, and an algorithm assigns it to a predefined class. Automatically calculated sentiment is therefore not identical to social reality but is a technically produced representation of it. Automated sentiment should therefore be treated as a limited analytical indicator that requires contextual interpretation and human verification.

Keywords: digital social reality, public sentiment, social media, algorithmic representation, textual noise.

References

1. Babintsev V.P., Serkina Ya.I. "Digitalization" and "Digitization" of Social Reality in the Subject Field of Sociology: The Problem of Conceptual Adequacy // Knowledge. Understanding. Skill. – 2022. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-digitalizatsiya-sotsialnoy-realnosti-v-predmetnom-pole-sotsiologii-problema-adekvatnosti-ponyatiy?ysclid=msx4ihs3kx947583211

2. Gubanov D.A., Novikov D.A. Models of the Joint Dynamics of Opinions and Actions in Online Social Networks. Part III. Binary Models // Control Sciences. – 2023. – No. 4. – URL: https://journals.rcsi.science/1819–3161/article/view/286636?ysclid=msx4m6d8sr250104164

3. Durnev A.D. The Event in the Digital Age: The Status of the Acting Person // Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. – 2024. – Issue 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sobytie-v-tsifrovuyu-epohu-status-deystvuyuschego-litsa/viewer

4. Knekht N.P. The Problem of Knowledge and Understanding in the Digital Age // Economic and Social Research. – 2022. – No. 4 (36). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-znaniya-i-ponimaniya-v-tsifrovuyu-epohu/viewer

5. Petrov M.A. New Communication Technologies in the Context of Socialization Processes in the Information Society // Philosophical Thought. – 2023. – No. 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-kommunikativnye-tehnologii-v-kontekste-protsessov-sotsializatsii-v-informatsionnom-obschestve/viewer

6. Pichko N.S., Plotnikova T.V. Specific Features and Forms of Human Alienation in Digital Society // Humanities of the South of Russia. – 2025. – Vol. 14, No. 2 (72). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-formy-otchuzhdeniya-cheloveka-v-tsifrovom-obschestve/viewer

7. Ponomarev A.M. Artificial Intelligence Technologies in the Context of the Contemporary Transformation of Sociality // Discourse- P. – 2022. – Vol. 19, No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-kontekste-sovremennoy-transformatsii-sotsialnosti/viewer

8. Rakhkonen M.E. Formalization of Communication Processes in Digital Culture // Society: Philosophy, History, Culture. – 2024. – No. 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formalizatsiya-kommunikatsionnyh-protsessov-v-tsifrovoy-kulture/viewer

9. Tikhonova S.V., Frolova S.M. Digital Society and Digital Anthropology: Transdisciplinary Foundations of Social Epistemological Research // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2019. – Vol. 19, Issue 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obschestvo-i-tsifrovaya-antropologiya-transdistsiplinarnye-osnovaniya-sotsialno-epistemologicheskih-issledovanii/viewer

10. Sivak E., Smirnov I. Measuring Adolescents' Well-Being: Correspondence of Naïve Digital Traces to Survey Data // Social Informatics: 12th International Conference, SocInfo 2020. – Cham: Springer, 2020. – P. 352–363. – URL: https://arxiv.org/abs/2006.11176

11. Smetanin S. RuSentiTweet: A Sentiment Analysis Dataset of General Domain Tweets in Russian // PeerJ Computer Science. – 2022. – Vol. 8. – Art. e1039. – URL: https://www.researchgate.net/publication/362110625_RuSentiTweet_a_sentiment_analysis_dataset_of_general_domain_tweets_in_Russian

Типологии социально-значимых событий в гуманитарных науках: дихотомия глобальное-локальное как основание изучения социальных процессов

Чуганская Анфиса Анваровна,
кандидат психологических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук
E-mail: anfi.chuganskaya@yandex.ru

Появление технологий виртуального общения, различных социальных сетей и мессенджеров, поставило значимые вопросы о структуре категоризации информации и значимых критериев выделения событий в больших социальных группах. Многие направления социо-гуманитарных наук (филологии, социологии, философии, антропологии, психологии, политологии, педагогики и др.) обратились к вопросам о выделении события как единицы анализа социальных процессов и типологии событий на основе диалектического противопоставления глобального и локального. Большинство авторов отмечают значимость роли СМИ в представлении ситуаций, необходимость разграничения события от других понятий и тенденцию к расширения данной категории во многих областях за счет включения дополнительных семантических значений и скрещивания с бытовым пониманием. Диалектическое противопоставление глобального и локального позволяет более глубоко посмотреть на события не только в контексте территориального принципа, но и в отношении субъекта действия и воздействия в рамках дискурсивного представления событий.

Ключевые слова: событие, анализ виртуального контента, сетевая дискуссия, глобальное, локальное, философско-антропологические категории глобализации.

Введение

Современный мир информационного потока получил значительное развитие за последние десятилетия. Появление технологий виртуального общения, различных социальных сетей и мессенджеров, поставило значимые вопросы о структуре категоризации получаемой информации и значимых семантических критериев оценки реакций больших социальных групп [14]. Именно в этом контексте многие направления социо-гуманитарных наук (филологии, социологии, философии, антропологии, психологии, политологии, педагогики и др.) обратились к вопросам о выделении единицы анализа социальный процессов в направлении оценки динамики и изменений в столь стремительно меняющемся мире. Событие выступило значимым, системообразующим временным маркером оценки больших групп, где оценка изменений стала возможной через анализ текстовой информации в поле виртуального общения людей. Целью нашей работы стало изучение имеющихся типологий событий в гуманитарных дисциплинах и критериев выделения таких классификаций с особым акцентом на обоснование значимости и универсальности дихотомии «глобальное-локальное» как основы для категоризации. Методологический анализ глобальных и локальных событий стал важной частью для дальнейших прикладных исследований в области изучения сетевого общения и оценки реакций общества.

Исследования типологий событий в гуманитарных дисциплинах

Одна из подробных классификаций событий была предложена в области психологии для изучения экстремальных событий. В работе Малкиной-Пых И.Г. приводится подробная классификация чрезвычайных ситуации по многим основаниям (степени и масштабу распространения, степени внезапности, характеру преднамеренности, продолжительности; источнику происхождения) [13]. Следует отметить, что с точки зрения использования для различных субъектов включенности в экстремальные ситуации наиболее интересны классификации по масштабу распространения (локальные, местные, территориальные, региональные, федеральные, трансграничные), где критерий выделения масштаба фактически зависит от субъекта ответственности за устранение последствий, а именно локального функционального подразделения МЧС. По источнику происхождения экстремальных ситуаций Малкина-Пых И.Г. ситуации техногенного, природного и биолого-социального происхождения, где так же выделяется в основании классификации источник как субъект возникновения причин ситуации и развития дальнейших ситуаций. Таким образом, в классификации Малкиной-Пых И.Г. основу классификации составляет субъектный критерий, который в целом характерен для психологических исследований.

Более детальный акцент на проблеме выделения события в психологии сделан в работе Поповой Р.Р. [15]. Автор исследования отмечает, что в других науках (философии, филологии, юриспруденции и др.) понятие «событие» определено более четко и имеет более ясную связь с пространственно-временной характеристикой. Попова Р.Р. выделяет два важных момента в отношении изучения события в психологии. Во-первых, это акцент на негативной составляющей в исследовании событий, поэтому чаще всего это кризисные, экстремальные, стрессовые события. Во-вторых, это изучение событий в контексте жизненного мира человека, где основное внимание заключается в изучении событий на уровне личности. При этом Попова Р.Р. вводит такое определение события в процессе анализа различий и сходств в определении «события» и «ситуации»: «Событие – это значимое для субъекта изменение в окружающей действительности, в его поведении и внутреннем мире» [с. 291, 15]. При этом по мнению автора указанного исследования событие выступает структурной частью ситуации, подчеркивая значимость происходящих изменений. Такой подход позволяет рассмотреть событие на уровне личности как субъекта, но оставляет много пробелов в определении при обращении к группе как субъекту изучения.

Особое внимание к определению и типологии событий с более детальном изучением на групповом уровне уделялось в лингвистических исследованиях. Так, в работе Голованевского А.Л. проводится анализ слов-событий и их разграничение с фактами и явлениями на уровне синтаксических единиц и денотатов [2].

Исследование выполнено в рамках научной программы Национального центра физики и математики, направление № 9 «Искусственный интеллект и большие данные в технических, промышленных, природных и социальных системах».

К обоснованию выделения события как категориального понятия и его разграничения с обыденными представлениями обращается Иванова М.Е. [4]. Автор отмечает, что исследование категорий в социально-гуманитарных исследованиях является значимым, т.к. существует взаимосвязь языковой реальности и социального мира. Иванова М.Е. вслед за другими исследователями отмечает значимое отличие по результату между событием, приводящему к возникновению процесса, и фактом, который завершается некоторым результатом. Иванова М.Е. отмечает, что в понимании главной тенденции семантического содержания понятия «событие» происходит существенное расширение до уровня философской категории за счет различий языковой реальности использования понятия и характера конструктивистского описания социальных явлений [4].

Особое значение выделения типов событий для изучения различных объектов социального мира получило в рамках исследования СМИ. В диссертационном исследований Красиковой Т.Р. рассматривается специфика конструирования событий в телевидении и вопрос значимости событий, передаваемых средствами массмедиа [9]. Методологической основой выделения двух уровней событий становится социальный конструктивизм. Красикова Т.Р. выделяет события социальной реальности, опирающиеся на действительность и факты, и медиареальность как репрезентацию представлений о социальном мире и то, что в СМИ получило название как повестка дня. В основе исследования Красиковой Т.Р. берется два вида событий на основе классификации по информационным поводам: по репрезентируемым социальным акторам или по репрезентации факта действительности с разбиением на тематики [9]. Автор исследования отмечает, что одной из важных характеристик различия видов телевизионного дискурса является обращение к аудитории разного масштаба.

Таким образом, исследования в области психологии, филологии, философии подчеркивают важность выделения категориальной структуры понятия «события» и построение классификаций во многом пытаются найти компромисс между излишней широтой термина и тенденцией отрыва от связи с социальной реальностью. В этом ключе для более детального мы можем обратиться к исследованиям более фундаментальной характеристики, которая позволяет найти общие основания различных оснований и выделить универсальный для социогуманитарных исследований критерий деления событий на основе дихотомии «локальное-глобальное».

Дихотомия «локальное-глобальное» в философских и методологических работах как диалектическая основа для изучения социальных явлений

Фундаментальные вопросы диалектичности мира выступают базовой основой для изучения многих социальных процессов. В направлении изучения методологических основ исследования событий на уровне больших социальных групп одной из дихотомий становится глобальное и локальное. К этой теме в свете развития современного мира и масс-медийного пространства обращались исследователи ряда современных философских работ.

В диссертационном исследовании Буланов А.В. рассматривает диалектику глобально-всеобщего и национально особенного в массово-коммуникационных процессах, который выделяет три уровня выражения этой дихотомии в культуре. Во-первых, на формально-знаковом уровне это канал коммуникации (рациональный или эмоциональный) и форма коммуникации (диалог или монолог). В этой связи диалектика глобального и локального может быть понята более содержательно как глобальность процессов и их универсальность на уровне коммуникации в виде диалога, передачи рациональной информации, полилога, рассуждениях, логичности, построении знаковой картины мира, и как локальных процессов, центрированных на субъекте, уникальных, передающихся через монолог, рассказ, эмоциональный компоненты дискурса. Во-вторых, на содержательно-смысловом уровне это сюжетная структура (действия актора и описание его) и комплексов смыслов (характеризуются через оценочность, достоверность, объективность). В исследовании Буланова А.В. культурной специфики российских масс медиа отмечается обращение к типологизированным героям при описании событий как человека из толпы, с которым проще идентифицироваться аудитории и даже простые действия имеют выраженный аксиологический аспект с ориентацией на духовные ценности и идеалы в отличие от чувственных и витальных мотиваций в западной культуре [1].

В исследовании Смирновой И.Н. анализируется диалектичность осознания событий студентами на примере изучения их представлений о локальных и глобальных событиях в мире (2015 г.) [17]. Результаты показывают, что локальные события на уровне городского сообщества оказываются более положительно окрашены и связаны с такими фактами, как праздники, открытие объектов культуры, приезд значимых персон, и при этом с кризисными явлениями, такими как пожар, коррупционные скандалы, ДТП, аварии, повышения цен. На уровне глобальном были представлены два уровня: общероссийские события и мировые при этом часть содержательных явлений путались респондентами и были более негативно окрашены. Для общероссийского отмечались падение самолета на Синайском полуострове, экономический кризис, военные действия в Сирии, конфликт на Украине, введение санкций. На мировом уровне война в Сирии и на Украине, теракты в Париже, падение цен на нефть и повышение цен, рост активности ИГИЛ, участие Путина в сессии ООН, санкции против России, рост беженцев в Европе. Таким образом, исследование подчеркнуло важные параметры субъективизации при оценке событий по дихотомии «локальное-глобальное» за счет повышения эмоционального компонента в оценке в разрез с рациональным. Позитивные события ближе респондентам и отмечаются в городском сообществе, на уровне глобальных событий идет искажение объективной информации о том, где произошло то или иное событие и связано ли с мировым или государственным уровнем [17].

Мазлиш Б. отмечает смещение в стороны локального и субъектного одной из ключевых проблем дихотомии глобальное и локальное [12]. Он отмечает, что: «Локальное часто сосредоточено на своих проблемах, агрессивно к внешнему миру, наподобие укоренившейся власти, защищающей лишь свои интересы во имя локального. Она неверно видит свои интересы, заостряя внимание на ближайших, а не отдаленных результатах своих действий» [с. 6, 12]. В работе Силантьевой М.В. подчеркивается многогранность понимания процесса глобализации и высокая доля евроцентризма [16]. Необходимость учета принципов «философии границы» приводит в этой связи больше к рассмотрению глобальных событий как десуверенизации или «постсуверенизации» [16].

В исследовании Парамесвара П. поднимается вопрос о том, как репрезентируются локальные культуры в масс медиа на примере анализа контента и дискурса National Geographic [18]. Авторы отмечают, что сама форма представления информации не подчеркивает уникальность, а задает принципы глобалисткой культуры в представлении локальных сообществ за счет обращения к таким факторам, как гендер, раса, постколониальная идеология. Робертсон Р. с коллегами отмечают сложность формулирования дихотомии «глобальное-локальное» в свете трансформации термина глобализация и его расширение за свет выхода из академической социологии в обыденный язык [19]. При этом авторы отмечают, что в отношении развития глобализационных процессов диалектика «глобальное-локальное» приводит к разнонаправленным процессам одновременно: «формирование мира без границ и укрепление национального государства» [с. 128, 19].

Дж. Урри обращается к изучению процессов глобализации с позиции теории систем и проблем устойчивости власти [20]. Он выделяет два вида систем, способствующих развитию глобальных процессов: глобальные взаимосвязи как развитие компаний на основе распространения продукта и флюидная система, основанной на контексте действий и способе самоорганизации [20].

Кирьянова Л.Г. вводит дихотомию «глобальное-локальное» для исследования социальных феноменов и отмечает взаимосвязь двух полюсов конструкта, важности локальных процессов в глобализации [7]. Она отмечает, что «глобальное проявляется только в рамках конкретных локальных практиках и явлениях» [с. 96, 7]. В контексте изучения событий сами глобальные тенденции будут выражаться в локальных событийных «посредниках», имея общий вектор отражения смысла тенденции в череде фактов и ситуаций. Таким образом, от общего вектора глобальной тенденции можно выделить направления смыслового их выражения в виде локальных событий как пример рост цен на энергоносители и проблемы повышения цен или отсутствие топлива на конкретных заправках.

Таким образом, философско-методологическое осмысление диалектики глобальное-локальное от комплексного рассмотрения в контексте развития представлений об обществе, власти, уникальности переходит к прикладным исследованиям социальных групп.

Прикладные направления исследований локальных и глобальных событий в гуманитарных науках

Типологизация событий и выделение видов событий на основе дихотомии «локальное-глобальное» получила широкое развитие в прикладных исследованиях в области педагогики, культурологии, изучении СМИ, спорта и др.

В статье Касаткина П.И. и Силантьевой М.В. обращаются к проблеме ценностно-антропологическим вызовам глобализации, влияющим

на современную систему образования в разных аспектах: от содержания образовательных программ до системы управления и экономики образования [5]. В философско-антропологическом ключе авторы статьи отмечают неоднозначность аксиологических оснований глобального образования, которые ставят под удар человека, вынужденного оказаться в ситуации противоречия между глобальными ценностями, открытости мира и приверженности национальной культуре. Таким образом, дихотомия «локальное-глобальное» в образовательном контексте позволяет комплексно посмотреть на процесс внедрения новых подходов и влияния глобализации, выявляя скрытые противоречия и углубляя само рассмотрение вопроса до уровня выявления аксиологических подтасовок. В философско-культурологическом контексте Касаткин П.И. рассматривает процесс глобализации культуры как имеющий позитивные и негативные стороны, инициированный взаимообменом и взаимопроникновением культур, и при этом несущий выраженную западную модернистскую направленность, в чем отмечается уязвимость такого подхода [6]. Следует отметить, что существенным фактором в развитии глобальных процессов в образовании играет коммуникация. Лобутева Е.С., Махмутова Е.Н., Чуганская А.А. приводят пример цифровой технологии, используемой для событийного сопровождения студентов в образовательном процессе [11]. При этом сам процесс универсализации позволяет структурировать и выделить классификации событий в образовательном поле студента, затрагивая в основе мотивационный компонент деятельности от определенных учебных действий до участия в социально-развлекательных мероприятиях.

В прикладном плане интерес к типологизации уделяется к освящению различных событий СМИ и спортивных событий. В работе Комарова Д.А. дается описание типологии спортивных событий, где в основу заложены пространственные характеристики и выделены несколько типов событий (глобальный, национальный, региональный, локальный) [8]. В исследовании англоязычного новостного дискурса Ларионова М.А. в области экономике выделяет несколько основных событийных трендов: изменение экономических показателей, сделки, объявления, назначения и увольнения [10]. При этом к маркерам событийности Ларионова М.А. относит наличие цитат, оценочную лексику, образные выражения, сравнения, событийная лексика и др. В работе автор статьи отмечает, что наличие фона как некоторого контекста и комментариев дополняет описание главного события [10].

Заключение

Современные исследования событий в социо-гуманитарных науках обращаются к различным критериям классификации. Однако можно отметить, что большинство авторов отмечают значимость роли СМИ в представлении ситуаций, необходимость разграничения события от других понятий и тенденция к расширения данной категории во многих областях за счет включения дополнительных семантических значений и скрещивания с бытовым пониманием [1]. Диалектическое противопоставление глобального и локального позволяет более глубоко посмотреть на события не только в контексте территориального принципа, но и в отношении субъекта действия и воздействия в рамках дискурсивного представления событий [3, 7, 12, 19]. В след за рядом авторов можно отметить, что событие становится источником развития процесса [4], а не конечного результата в отличии от ситуации или факта. Подобный анализ типологии событий и выделение основных черт в дихотомии локальное-глобальное позволит в дальнейшем построить методики изучения контента СМИ и сетевых дискуссий в интересах автоматического анализа текстовой информации.

Литература

1. Буланов А.В. Диалектика глобально-всеобщего и национально особенного в массово-коммуникационных процессах современной русской культуры: Автореф. дисс. канд. философ. наук. Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2004.

2. Голованевский А.Л. Факт, событие, явление как предмет лексикографического, грамматического и дискурсивного исследования // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2015. № 4 (июль). – С. 3–9.

3. Голофаст В. Глобальное и локальное как контексты и как контрасты // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 1. С. 1–13.

4. Иванова М.Е. «Событие»: от обыденного понятия до научной категории // Манускрипт. 2020. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sobytie-ot-obydennogo-ponyatiya-do-nauchnoy-kategorii (дата обращения: 20.04.2026)

5. Касаткин П.И., Силантьева М.В. Антропологический аспект глобальных моделей образования: поиски и решения. // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 137–149.https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.10

6. Касаткин П.И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы // Власть. 2017. (8), С. 40–48.

7. Кирьянова Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007.

8. Комаров Д.А. Типология спортивных событий, их специфика и масштабы реализации // Вестник науки. 2026. 2 (6 (99)). С. 2413–2421

9. Красикова Т.Р. Дискурсивное конструирование события в массмедиа: анализ российского телевидения. Автореф. дисс. канд. философ. наук. Воронеж. гос. ун-т., 2017.

10. Ларионова М.А. Типология событий в англоязычном новостном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2016. 13 (752), С. 226–235.

11. Лобутева Е.С., Махмутова Е.Н., Чуганская А.А. Коммуникативные возможности цифровой технологии для событийного сопровождения студентов в образовательной среде университета // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика, 2025. № 6. С. 45–51. DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-6-45-51

12. Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятие и проблемы // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 26–31.

13. Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. (дата обращения: 20.04.2026).

14. Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, № 4, 2006, С. 34–48.

15. Попова Р.Р. Проблема определения понятия «событие» в психологии // Филология и культура, (25), с. 287–293.

16. Силантьева М.В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десуверенизация или «постсуверенизация»? // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 8–26. DOI: doi.org/10.17976/jpps/2014.03.02

17. Смирнова И.Н. Глобальное vs локальное: сознание современной молодежи // Ноосферные исследования. 2015. Выпуск 1–2 (9–10). С. 99–118.

18. Parameswara P. Local culture in global media // Communication theory. August 2002. P. 287–315.

19. Robertson R., Khondlker H.H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). P. 25–40.

20. Urry J. The complexities of the global / Theory, Culture and Society // London: Sage publications, 2005. P. 235–254.

TYPOLOGIES OF SOCIALLY SIGNIFICANT EVENTS IN THE HUMANITIES: THE GLOBAL-LOCAL DICHOTOMY AS A BASIS FOR STUDYING SOCIAL PROCESSES[1]

Chuganskaya A.A.
Federal Research Center "Computer Science and Control" of the Russian Academy of Sciences

The emergence of virtual communication technologies, various social networks, and messengers have raised significant questions about the structure of information categorization and the criteria for identifying events in large social groups. Many fields of social sciences and humanities (philology, sociology, philosophy, anthropology, psychology, political science, pedagogy, etc.) have addressed the issue of identifying events as units of analysis for social processes and the typology of events based on the dialectical contrast between the global and the local. Most authors note the importance of the media's role in representing situations, the need to distinguish events from other concepts, and the tendency to expand this category in many areas by incorporating additional semantic meanings and blending it with everyday understanding. The dialectical contrast between the global and the local allows for a deeper understanding of events not only in terms of territorial principles but also in relation to the subject of action and influence within the discourse representation of events.

Keywords: event, analysis of virtual content, network discussion, global, local, philosophical and anthropological categories of globalization.

References

1. Bulanov A.V. Dialectics of the global-universal and the nationally specific in mass communication processes of contemporary Russian culture: Abstract of Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation. Altai State University. Barnaul, 2004.

2. Golovanevsky A.L. Fact, Event, Phenomenon as a Subject of Lexicographical, Grammatical, and Discursive Research // Philological Sciences (Scientific Reports of Higher Education). 2015. No. 4 (July). Pp. 3–9.

3. Golofast V. Global and Local as Contexts and as Contrasts // "Telescope": Observations on the Everyday Life of St. Petersburg Residents. 2002. No. 1. Pp. 1–13.

4. Ivanova M.E. "Event": From Everyday Concept to Scientific Category // Manuscript. 2020. No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sobytie-ot-obydennogo-ponyatiya-do-nauchnoy-kategorii (date of access: 20.04.2026)

[1] The study was carried out as part of the National Center for Physics and Mathematics' scientific program, direction No. 9 «Artificial Intelligence and Big Data in Technical, Industrial, Natural, and Social Systems.»

5. Kasatkin P.I., Silantyeva M.V. Anthropological aspect of global education models: searches and solutions. // Polis. Political studies. 2017. No. 6. Pp. 137–149. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.10

6. Kasatkin P.I. Globalization of culture: problems and prospects // Power. 2017. (8), Pp. 40–48.

7. Kiryanova L.G. Society in the context of global-local relations. Tomsk: Deltaplan, 2007.

8. Komarov D.A. Typology of sporting events, their specificity and scale of implementation // Bulletin of science. 2026. 2 (6 (99)). Pp. 2413–2421

9. Krasikova T.R. Discursive construction of events in the mass media: analysis of Russian television. Abstract of Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation. Voronezh State University, 2017.

10. Larionova M.A. Typology of events in English-language news discourse // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2016. 13 (752), Pp. 226–235.

11. Lobuteva E.S., Makhmutova E.N., Chuganskaya A.A. Communicative Potential of Digital Technology for Event Support of Students in the University Educational Environment // Research and Development. Modern Communication Studies, 2025. No. 6. Pp. 45–51. DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-6-45-51

12. Mazlish B. Global and Local: Concept and Problems // Sociological Research. 2006. No. 5. Pp. 26–31.

13. Malkina-Pykh I.G. Extreme Situations. – Moscow: Eksmo Publishing House, 2005. (Accessed: 20.04.2026).

14. Mironov V.V. Modern Communication Space as a Factor in the Transformation of Culture and Philosophy // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy, No. 4, 2006, Pp. 34–48.

15. Popova R.R. The Problem of Defining the Concept of “Event” in Psychology // Philology and Culture, (25), Pp. 287–293.

16. Silantyeva M.V. New Principles of the “Border Philosophy” in a Global World – De-Sovereignization or “Post-Sovereignization”? // Polis. Political Studies. 2014. No. 3. Pp. 8–26. DOI: doi.org/10.17976/jpps/2014.03.02

17. Smirnova I.N. Global vs. Local: Consciousness of Modern Youth // Noospheric Studies. 2015. Issue 1–2 (9–10). Pp. 99–118.

18. Parameswara P. Local culture in global media // Communication theory. August 2002. P. 287–315.

19. Robertson R., Khondlker H.H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. Vol. 13(1). P. 25–40.

20. Urry J. The complexities of the global / Theory, Culture and Society // London: Sage publications, 2005. P. 235–254.

Техноэтика как нормативная теория цифрового общества

Шаповал Роман Владимирович,
магистр философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: shapovalroma@gmail.com

В статье рассматривается возможность понимания техноэтики как нормативной теории цифрового общества. Показано, что само по себе описательное перечисление этических принципов не позволяет оценить общественный порядок, создаваемый современными технологическими инфраструктурами. Сформулированы критерии, позволяющие рассматривать техноэтику как нормативную теорию: наличие философски обоснованных представлений о должном, способность оценивать цифровые технологии и общественные институты с позиций справедливости, свободы и человеческого достоинства, а также определять ответственность за социальные последствия технологических решений. Представлен анализ российского Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, рекомендаций ЮНЕСКО и европейского регулирования ИИ. Сделаны выводы о недостаточности декларативной этики в области искусственного интеллекта и Big Data, необходимости перехода к институциональным механизмам регулирования, а также о том, что техноэтика может выполнять функцию нормативной критики цифрового общества при условии сохранения независимости от технологического детерминизма и корпоративного «этического оформления» инноваций.

Ключевые слова: техноэтика, цифровое общество, социальная философия, технологии больших данных, нормативная этика, искусственный интеллект.

Введение

Цифровые технологии сегодня участвуют в организации труда, образования, здравоохранения, государственного управления, финансовых услуг и повседневной коммуникации. Они не просто увеличивают скорость уже существующих процессов. Системы идентификации, алгоритмического ранжирования и автоматизированной оценки перераспределяют видимость, доступ к возможностям и способность принимать решения. Технологическая инфраструктура приобретает нормативное значение: она фактически устанавливает, какое поведение считается допустимым, какие признаки человека признаются существенными и кто получает право оспаривать принятое решение.

Одновременно расширяется язык этики технологий. Международные организации, корпорации, различные государственные органы выступают с заявлениями относительно искусственного интеллекта и этики его использования. В них регулярно воспроизводятся вопросы справедливости, безопасности, человеческого контроля и т.д. У наблюдателя может возникнуть впечатление, что этическая проблема цифровизации уже получила свое необходимое понятийное оформление, но совпадение слов не означает совпадения нормативных позиций. Например, прозрачность может трактоваться как метафора общего описания системы или как возможность технического аудита, а иногда как право конкретного человека получить объяснение того или иного решения. Справедливость в одном случае может означать равенство формальных процедур, в другом – искусственное статистическое выравнивание результатов. Без философского анализа перечень принципов остается открытым для произвольного толкования.

Проблема статьи состоит в определении статуса техноэтики. Является ли она областью прикладного решения локальных дилемм или способна выступить нормативной теорией цифрового общества? Второй вариант предполагает значительно более широкую задачу. Нормативная теория должна не только формулировать этические требования к разработке и применению технологий, но и предлагать философские основания для оценки социальных отношений, институтов и форм власти, возникающих в процессе цифровизации общества.

От компьютерной этики к техноэтике

Формирование этики цифровых технологий обычно связывают с компьютерной и информационной этикой. В отечественной философии этика ИИ также преимущественно определяется как прикладная этика, не исключающая обращения к проблемам свободы, человеческого статуса и ответственности [11]. Классическое определение Дж. Мура включает анализ природы и социального воздействия компьютерной технологии, а также формулирование и обоснование политики ее этического использования [1, с. 266–267]. Особое значение имеет введенное им понятие «вакуума политики»: вычислительная техника создает новые возможности действия, для которых общество еще не выработало устойчивых правил. Одновременно возникает «концептуальная путаница», поскольку традиционные понятия собственности, ответственности, приватности и дрне всегда непосредственно применимы к цифровой среде.

Данный подход сохраняет актуальность, но в нём обнаруживается противоречие между прикладным и социально-философским уровнями анализа. Если основная задача такого подхода рассматривается только в заполнении нормативного вакуума, то в этом случае этика следует за технологией и корректирует ее последствия, тогда как технологическое развитие – принимается как внешняя данность. Но если анализируется социальное воздействие, необходимо поставить вопрос о том, какие институции делают определенное направление развития возможным и предпочтительным.

Информационная этика итальянского философа Лучиано Флориди рассматривает информационную среду в качестве пространства, где возникают моральные отношения [2]. Благодаря этому предмет этического анализа расширяется и включает вопросы использования пользовательских данных, равного доступа к информации и др. Однако такого подхода недостаточно для социально-философского анализа цифрового общества, поскольку его развитие определяется не только лишь информационными взаимодействиями, но и, например, экономическими интересами.

Термин «техноэтика» целесообразно использовать для обозначения философской рефлексии о нормативных основаниях создания и функ-

ционирования технологий. Ее отличие от профессионального кодекса состоит в том, что она рассматривает не только поступок разработчика, но и социальную конфигурацию, закрепленную в технической системе. Л. Виннер сформулировал этот вопрос предельно ясно: технические объекты могут иметь политические свойства, поскольку определенная конструкция совместима с одними формами власти и затрудняет другие [3]. Здесь технология перестает быть нейтральным средством, получающим моральное значение исключительно из намерений пользователя.

Из сказанного не следует, что социальное значение технологии является изначально заданным и не может изменяться в зависимости от целей и условий её применения. Напротив, технический объект допускает разные способы использования и переосмысления. Но сам факт его существования создает неодинаковые возможности для общества. Этот тезис согласуется с концепцией технологического опосредования П.-П. Вербека: моральное действие формируется во взаимодействии человека и технического объекта, а не принадлежит только одному из них [6]. Система биометрической идентификации предполагает централизованное накопление оцифрованных признаков человека; рекомендательная система распределяет доступ к информации; автоматизированный скоринг клиента банка превращает совокупность данных в основание допуска к финансовой услуге. В каждом случае технология участвует в организации социального отношения до того, как возникает отдельная моральная дилемма.

Пределы прикладного подхода

Прикладная этика необходима там, где требуется ответ на конкретные вопросы: допустимо ли использовать тот или иной набор данных, как его безопасно хранить, обязан ли разработчик ПО объяснить принцип работы своей модели, кто должен остановить автономную систему при обнаружении риска, какие уровнем риска можно пренебречь и для каких слоев общества. Попытка распространить локальную логику на цифровое общество в целом сталкивается с несколькими ограничениями.

Первое ограничение – фрагментарность. Отдельно рассматриваются этика искусственного интеллекта, робототехники, больших данных, социальных сетей, биометрии и нейротехнологий. В результате одна и та же инфраструктура распадается на множество сущностей, хотя ее общественный эффект возникает из их совокупности. Например, сбор данных, профилирование и автоматизированное решение могут регулироваться разными принципами, но для человека образуют единый процесс, определяющий доступ к услуге.

Второе ограничение – реактивность. Часто этическая оценка начинается после того, как технология разработана и стала экономически значимой. Эндрю Финберг критикует технологический детерминизм, показывая, что техника развивается внутри социальных конфликтов и воплощает конкретные решения, вместо того чтобы двигаться по единственной траектории [5]. Можно сделать вывод, что этика должна присутствовать как на стадии применения технологии, так и при определении целей проектирования этой же технологии.

Третье ограничение – индивидуализация ответственности. Корпоративные этические кодексы обращаются к разным группам: разработчикам, операторам или пользователям, тогда как последствия применения технологии создаются всей распределенной системой, сформировной вокруг и благодаря технологии. Решение внутри часто зависит от требований со стороны заказчика, тем как организованы структуры данных, а то и вовсе от какой-то определенной метрики, интерфейса и тд. Требование «действовать ответственно» теряет содержание, если участник не обладает полномочиями изменить систему. Поэтому моральная ответственность должна быть связана с институциональной властью и реальной способностью предотвратить вред.

Четвертое ограничение – отсутствие иерархии ценностей. Часто отдельные принципы, например, приватность могут конфликтовать как между собой, так и с корпоративными принципами. Повышение прозрачности данных может угрожать приватности, в то время как усиление безопасности ограничивает автономию; статистическая точность модели не гарантирует справедливость ее социального применения. Перечень добродетелей системы не объясняет, как принимать решение при конфликте, скажем, культурных норм.

Наконец, прикладной подход рискует принять язык организации за описание ее действительной практики. Публикация кодекса создает символический образ ответственного субъекта, но не обязательно изменяет распределение полномочий, стимулы и механизмы обжалования. Возникает феномен «этического оформления», или ethics washing: моральная риторика легитимирует инновацию, не ограничивая ее наиболее выгодные способы использования. Социальная философия должна анализировать не только содержание принципа, но и институт, который получает право интерпретировать его и контролировать исполнение.

Для полноты нормативного анализа недостаточно указывать лишь на институциональный характер технологической власти; необходимо раскрыть её политэкономические основания. Современные цифровые инфраструктуры функционируют в условиях «платформенного» капитализма, где использование пользовательских данных, алгоритмическое профилирование и монетизация поведения выступают не случайными техническими рисками, а фундаментальной логикой рыночной экспансии BigTech корпораций. Игнорирование этих экономико-политических стимулов существенно снижает критический потенциал техноэтики. Корпоративные принципы «ответственного ИИ» регулярно трансформируются в феномен «ethics washing» («этический камуфляж» – практика, при которой коммерческие компании, государственные структуры или отдельные медийное личности используют публичную декларацию этических принципов, кодексов и ценностей как имиджевый инструмент, не меняя при этом свои реальные бизнес-модели, технологии и методы работы.) именно потому, что нормативные требования справедливости и автономии вступают в прямое противоречие с императивом максимизации прибыли. Следовательно, техноэтика как нормативная теория должна оценивать не только абстрактные алгоритмические модели, но и формы цифрового капитализма, но в рамках этой статьи, особого внимания этому аспекту уделено не будет.

Что означает нормативная теория цифрового общества

Нормативная теория – это теория, которая отвечает не только на вопрос «как устроено общество?», но и на вопросы «каким оно должно быть?», «по каким критериям его можно оценивать?» и «какие общественные отношения являются справедливыми или допустимыми?». Если проводить сравнение с описательной теорией, то она устанавливает, что алгоритмы собирают данные и влияют на решения людей, а нормативная – определяет, при каких условиях такое влияние справедливо и совместимо со свободой человека.

Нормативная теория должна обосновывать свои критерии, выявлять общественные отношения, к которым они применимы, и объяснять переход от общего принципа к институциональному требованию. Для техноэтики можно выделить некоторые такие критерии.

Азиз них – это наличие собственного предмета исследования. Техноэтика рассматривает, каким образом развитие и распространение цифровых технологий изменяет отношения между человеком, обществом и социальными институтами. В центре её внимания находятся новые формы власти и контроля, перераспределение ответственности, трансформация свободы личности и изменение способов участия человека в общественной жизни. Поэтому технологии исследуются как фактор формирования нового общественного порядка.

Примером может служить автоматизированная оценка кредитоспособности. Банк передаёт часть принятия решения алгоритмической системе, анализирующей сведения о доходах, покупках и поведении клиента. В результате изменяются отношения между человеком и финансовым институтом: клиент не знает, какие данные повлияли на отказ, сотрудник банка не всегда может объяснить решение, а ответственность распределяется между разработчиком, руководством банка и оператором системы. Техноэтика исследует здесь не только работу алгоритма, но и возникающую форму институциональной власти над человеком.

Еще одним критерием можно считать наличие обоснованной системы ценностей. Техноэтика не ограничивается исключительно отсылками на этические категории (свободу, достоинство, справедливость и т.д.), но может и должна раскрывать содержание этих понятий применительно к цифровому обществу. Свобода предполагает сохранение возможности самостоятельно принимать решения в условиях алгоритмического влияния. Человеческое достоинство требует, чтобы эффективность цифровых систем не ставилась выше интересов и прав личности. В данном случае сталкиваются две значимые ценности: общественная польза медицинских исследований и право человека на конфиденциальность. Решение нельзя получить простым вычислением. Необходимо определить условия обезличивания данных, порядок получения согласия, круг имеющих доступ организаций и ответственность за возможную утечку.

На основе данных критериев можно выделить три уровня техноэтического анализа. На локально-прикладном уровне оценивается конкретное действие или система. На институциональном – правила организации, распределение ответственности и процедуры контроля. На социально-нормативном – модель общества, которую воспроизводит технологическая инфраструктура. Уровни не заменяют друг друга. Абстрактная критика без знания устройства системы остается беспредметной, а оценка без анализа института не видит источника повторяющихся проблем.

Базовые категории техноэтики

В качестве нормативной теории техноэтика нуждается не в максимально длинном перечне принципов, а в связанном категориальном ядре. Для цифрового общества центральными представляются 1) достоинство, 2) автономия, 3) справедливость, 4) ответственность, 5) прозрачность.

Достоинство задает предел инструментализации человека. Цифровая система неизбежно представляет личность через ограниченный набор данных. Проблема возникает тогда, когда модель получает право исчерпывающим образом определять социальный статус человека. Ответственность связывает последствие с субъектом, обладающим знанием и полномочием. Х. Йонас показал, что масштаб технологического действия расширяет временной и пространственный горизонт ответственности [4]. В цифровой системе особенно важно не допустить ее растворения между множеством участников. Распределенная разработка требует распределенной ответственности, но распределение не должно означать отсутствия конкретно определенных обязанностей. Чем больше возможность организации влиять на архитектуру и масштаб применения, тем выше ее ответственность за предвидимые последствия.

Прозрачность имеет вспомогательный, а не абсолютный статус. Она ценна потому, что делает возможными контроль, обжалование и ответственность. Публикация огромного массива технической документации не обеспечивает осмысленной прозрачности, если затронутый человек не может понять причину решения. В то же время требование полного раскрытия может конфликтовать с приватностью и безопасностью. Поэтому необходима адресная прозрачность: разные сведения должны быть доступны пользователю, аудитору, регулятору и научному сообществу в соответствии с их задачами.

Категории образуют систему. Прозрачность служит автономии и ответственности; справедливость конкретизирует общественное измерение достоинства; ответственность обеспечивает институциональную действенность остальных требований. Такая связь позволяет избежать механического составления «этического чек-листа».

От декларации принципов к институтам

Современные международные и национальные документы показывают, что этика технологий постепенно выходит за пределы добровольного саморегулирования. Так например, рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта, принятая 23 ноября 2021 года, связывает развитие ИИ с человеческим достоинством, его правами, социальной и экономической справедливостью, разнообразием культуры и защитой окружающей среды [8]. Данный документ не ограничивается только лишь провозглашением общих ценностей, но предлагает направления их практической реализации в государственной политике, образовании, трудовых кодексах, здравоохранении и процедурах контроля за применением ИИ.

Европейский Регламент 2024/1689 об искусственном интеллекте использует риск-ориентированный подход и устанавливает требования к высокорисковым системам [9]. Данный правовой акт демонстрирует смещение фокуса некоторых нормативных положений. Понятия контроля технологии со стороны человека и, одновременно, защиты фундаментальных прав общества становятся не только предметом добровольного обещания, но и фактом юридической ответственности.

Российский Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта был подписан в 2021 году и распространяется на гражданское применение систем ИИ в областях, не урегулированных законодательством Российской Федерации или актами технического регулирования [10]. Кодекс закрепляет принципы человекоориентированного развития, недискриминации, оценки рисков, безопасности данных и ответственности человека за последствия применения ИИ. Его значение состоит в формировании общего языка, посредством которого разработчики, организации и государственные институты могут обсуждать условия ответственного развития технологий. Например, организация, использующая ИИ для отбора кандидатов на работу, должна принимать меры для предотвращения дискриминации, оценивать возможные социальные последствия и сохранять ответственность человека за принятое решение. Вместе с тем присоединение к Кодексу является добровольным, а конкретные способы реализации его принципов в значительной степени определяются самой организацией. Этическое проектирование начинается с вопроса, какую общественную проблему предполагается решить и не существуют ли менее вмешивающиеся способы ее решения.

Возможности и границы техноэтики

Техноэтика может выполнять функцию нормативной теории цифрового общества, но не должна претендовать на исчерпывающее объяснение всех социальных процессов. Экономическая структура, политические институты, право и культурные различия обладают собственной логикой. Задача техноэтики – исследовать, каким образом они преобразуются технологическим посредничеством и какие нормативные требования возникают в результате.

Одна из границ здесь связана с ценностным плюрализмом. Представления о приватности, допустимом риске, справедливости и человеческом контроле различаются между обществами и группами. Обращение Ш.Валлор к традициям этики добродетели показывает один из способов искать межкультурное основание ответственного отношения к техносоциальному будущему [7]. Из различия традиций не следует отказ от универсальных норм. Следует различать базовый запрет унижения и дискриминации, с одной стороны, и контекстуальные способы его институционализации – с другой. Нормативная теория должна быть способна вести межкультурный диалог, не превращая разнообразие в оправдание любого порядка.

Литература

1. Moor J.H. What Is Computer Ethics? // Metaphilosophy. 1985. Vol. 16, no. 4. P. 266–275. DOI: 10.1111/j.1467-9973.1985.tb00173.x.
2. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. 357 p.
3. Winner L. Do Artifacts Have Politics? // Daedalus. 1980. Vol. 109, no. 1. P. 121–136.
4. Jonas H. The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 255 p.
5. Feenberg A. Questioning Technology. London; New York: Routledge, 1999. 243 p.
6. Verbeek P.-P. Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things. Chicago: University of Chicago Press, 2011. 200 p.
7. Vallor S. Technology and the Virtues: A Philosophical Guide to a Future Worth Wanting. New York: Oxford University Press, 2016.
8. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2022. 44 p.
9. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.
10. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 26 октября 2021 г. М.: Альянс в сфере искусственного интеллекта, 2021.
11. Алексеева И.Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика // Философия и общество. 2024. № 3(112). С. 69–85. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.06.

TECHNOETHICS AS A NORMATIVE THEORY OF DIGITAL SOCIETY

Shapoval R.V.
Saratov State University

The article examines the possibility of understanding technoethics as a normative theory of digital society. It is demonstrated that a descriptive enumeration of ethical principles alone cannot provide an adequate assessment of the social order created by modern technological infrastructures. The criteria for considering technoethics as a normative theory are formulated: the presence of philosophically grounded conceptions of what ought to be, the capacity to evaluate digital technologies and social institutions from the perspectives of justice, freedom, and human dignity, and the ability to determine responsibility for the social consequences of technological decisions. The article analyses the Russian Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence, UNESCO recommendations, and European AI regulation. It concludes that declarative ethics in artificial intelligence and Big Data is insufficient and that a transition to institutional regulatory mechanisms is required. Technoethics can perform a normative critical function only if it remains independent of technological determinism and the corporate “ethical framing” of innovation.

Keywords: technoethics, digital society, social philosophy, Big Data, normative ethics, artificial intelligence.

References

1. Moor J.H. What Is Computer Ethics? Metaphilosophy. 1985. Vol. 16, no. 4. P. 266–275. DOI: 10.1111/j.1467-9973.1985.tb00173.x.
2. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. 357 p.
3. Winner L. Do Artifacts Have Politics? Daedalus. 1980. Vol. 109, no. 1. P. 121–136.
4. Jonas H. The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 255 p.
5. Feenberg A. Questioning Technology. London; New York: Routledge, 1999. 243 p.
6. Verbeek P.-P. Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things. Chicago: University of Chicago Press, 2011. 200 p.
7. Vallor S. Technology and the Virtues: A Philosophical Guide to a Future Worth Wanting. New York: Oxford University Press, 2016.
8. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2022. 44 p.
9. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence. Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.
10. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence of 26 October 2021. Moscow: Artificial Intelligence Alliance, 2021. (In Russian).
11. Alekseeva I. Yu. Ethics of Artificial Intelligence as Applied Ethics. Philosophy and Society. 2024. No. 3(112). P. 69–85. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.06. (In Russian).

Компаративный анализ традиционных и либеральных ценностей современной российской молодежи

Шевченко, Ольга Викторовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет
E-mail: ovshevchenko@fa.ru

Иноземцев Владимир Александрович,
доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет
E-mail: inozem_63@mail.ru

В статье исследуются соотношение традиционных и либеральных ценностей современной российской молодежи. В работе проводится анализ генезиса и эволюции понятия ценностей в философии и социологии. На основе результатов социологических исследований, проведенных российскими учеными в годы после начала СВО, авторы статьи проводят компаративный анализ традиционных и либеральных ценностей российской молодежи. Данный анализ осуществляется с использованием ценностных бинарных оппозиций, таких как «коллективное – индивидуальное», «свобода – ответственность» и т.д. Делается вывод о том, что ценностная система современной российской молодежи представляет собой сложное внутренне противоречивое взаимодополнение и переплетение традиционных и либеральных ценностей. При этом, базовой ценностью российской молодежи остается семья, а высокий уровень поддержки сохраняют патриотизм и историческая память.

Ключевые слова: традиционные ценности, либеральные ценности, глобализация, система ценностей, российская молодежь, патриотизм, семья, историческая память.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета

Введение

Последние полтора десятилетия стали для Российской Федерации периодом глубокой трансформации внешней и внутренней политики, в том числе молодежной политики, в особенности по вопросам сохранения и защиты традиционных ценностей. Принятие Указа Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (9 ноября 2022 года) зафиксировало данную трансформацию, обращенную в первую очередь к молодежи, которую государству необходимо не только поддержать, но и, по выражению официального представителя МИД РФ М. Захаровой, «оградить от либеральных экспериментов Запада» [5].

Декларация традиционных ценностей сама по себе не приводит к тому, что они «автоматически» внедряются в сознание граждан. Требуется огромная работа для того, чтобы традиционные ценности стали неотъемлемой частью общества. Молодежь, как особая социально-демографическая группа, всегда была агентом социальных изменений, новаций, критического переосмысления прошлого. Современная российская молодежь – это «цифровое поколение», чья социализация проходила в условиях глобального информационного общества. Либеральные ценности – индивидуализм, автономия личности, права человека, свобода самореализации, толерантность – стали для значительной части отечественной молодежи естественной средой обитания, «воздухом» цифровой эпохи.

Возникает такая исследовательская проблема: возможно ли в принципе органичное сочетание, синтез или хотя бы мирное сосуществование традиционных (коллективистских, в чем-то патриархальных) и либеральных (индивидуалистических, эмансипаторных) ценностных комплексов в сознании одного поколения? Или мы наблюдаем необратимый процесс ценностного раскола, чреватый конфликтом поколений? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости как эмпирической социологии, так и социальной философии, поскольку требует осмысления природы ценностей, механизмов их межпоколенческой передачи (транзита) и трансформации под влиянием макросоциальных изменений.

Проблематика ценностных ориентаций молодежи имеет междисциплинарный характер. Философские основания теории ценностей были заложены в работах неокантианцев (Г. Риккерт, В. Виндельбанд) и М. Вебера, внесшего значимый вклад в понимание ценностей как детерминант социального действия. В социологической традиции ключевое значение имеют труды Т. Парсонса, рассматривавшего ценности как структурный элемент социальной системы, а также П. Бурдье с его концепциями габитуса и символического капитала.

Современные российские исследования ценностей молодежи ведутся весьма интенсивно. Так, в работе М.К. Горшкова и других авторов [4] закладываются основы для понимания макросоциальных сдвигов в ценностном сознании. Региональные аспекты и специфика студенческой молодежи исследуются А.А. Алексеёнок и Н.Н. Хатнюк [1]. Политическое измерение ценностей, включая формирование национально-государственной идентичности, раскрыто в работах С.В. Чуева и В.В. Титова [15], А.В. Селезневой [12] и других авторов [7, 8].

Особую значимость для нашего исследования представляют работы [11, 15], фиксирующие различия между столичной и провинциальной молодежью, где первые выступают «ценностными новаторами», а вторые – «ценностными преемниками». Работа Л.К. Нагматуллиной с соавторами [9] специально посвящено положению цифрового поколения в системе координат традиционных ценностей.

Генезис и эволюция понятия «ценность»

Рассматривая теоретико-методологические основания компаративного анализа либеральных и традиционных ценностей, в первую очередь следует остановиться на генезисе и эволюции понятия «ценность» в социально-философском дискурсе.

Категория «ценность» является одной из ключевых в современной философии, однако ее активное исследование началась более полутора столетий назад. Термин «ценность» входит в философский

лексикон благодаря неокантианцам баденской школы – В. Виндельбанду и Г. Риккерту. Они противопоставили мир сущего и мир должного, понимаемый как мир ценностей. Ценности рассматривались ими как трансцендентальные нормы, задающие смысл как познанию (истина), так и человеческой деятельности в целом (добро, красота). Эта традиция заложила фундамент для понимания ценностей как принципов, регулирующих культуру.

Принципиально иной подход предложил Ф. Ницше, провозгласивший «переоценку всех ценностей». Для Ницше ценности – это не вечные трансцендентальные сущности, а выражения воли к власти, жизненных инстинктов, исторически изменчивые и относительные. Он радикализировал проблему ценностного релятивизма, характерного для эпохи модерна.

М. Вебер, восприняв влияние неокантианства и ницшеанской критики, придал понятию ценности социологический смысл. В его «понимающей социологии» ценности выступают как детерминанты социального действия. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер блестяще показал, как религиозно-этические ценности (аскеза, призвание, труд) трансформируются в системообразующий фактор целого экономического уклада капитализма [3]. Для Вебера ценности – это исторически конкретные установки сознания, мотивирующие индивида на определенный тип поведения. Он также ввел важное понятие «ценностного политеизма», описывающее ситуацию современного общества, где существует множество не сводимых друг к другу ценностных систем, конфликтующих между собой.

В структурном функционализме Т. Парсонса ценности занимают центральное место в структуре социального действия. Парсонс определяет ценности как «представления о желаемом типе социальной системы» [10, С. 18], которые интериоризируются личностью в процессе социализации. Тем самым ценности, согласно Парсонсу, связывают личность, культуру и социальную систему в единое целое.

Современная социальная философия, испытавшая влияние феноменологии (М. Шелер), экзистенциализма и постмодернизма, рассматривает ценности в более сложном, плюралистическом и динамическом направлении. Особое значение для нашего исследования имеет концепция П. Бурдье, который, хоть и не создал специальной теории ценностей, тем не менее разработал инструментарий для их анализа с помощью понятий «габитуса» и «символического капитала» [2]. Бурдье воспринимал ценности через практику повседневности, закрепленной на телесных и ментальных уровнях. В соответствии с данным подходом, можно объяснить причину устойчивости ценностных ориентиров при одновременной способности к изменениям, вслед за изменчивостью социального контекста.

Таким образом, эволюция понятия ценностей проходила от неокантианского понимания их как трансцендентальных норм к пониманию как социального и исторического конструкта (Вебер), преобразующегося в социальную практику и идентичность (Бурдье).

Традиционные и либеральные ценности в системе ценностей российской молодежи

В последние десятилетия вместе с эволюцией понятия ценностей, в российском обществе эволюционировали и сами ценности. Глобализация и цифровизация привели к либерализации российского общества. Окончание эпохи глобализации, которое произошло в Российской Федерации после начала СВО, существенно изменило общественные ценности. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» фактически утвердил выход страны из системы либеральных ценностей стран коллективного Запада. Россия декларировала возврат к своим традиционным ценностям.

В Указе Президента РФ № 809 к ценностям относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [13]. Таким образом, российские ценности не отрицают либеральные ценности, как таковые, ради самого отрицания. При этом, они сочетают в себе понятия, связанные с общественной жизнью (патриотизм, созидательный труд…), семьей (многодетность, крепкая семья…) и личностные ценности индивида (высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным…).

Традиционные ценности тем не менее, радикально отличаются от западных либеральных ценностей, базирующихся на идеологии либерализма, который имеет глубокие корни в европейской истории Нового времени. Его формирование связано с процессами секуляризации, разложения сословного общества, развития капитализма и становления гражданского общества. Философским фундаментом либерализма стали идеи Дж. Локка о естественных правах человека (жизнь, свобода, собственность), И. Канта об автономии личности и моральном законе внутри нас, А. Смита о «невидимой руке» рынка, гармонизирующей частные интересы.

К ключевым ценностям либерализма относят: индивидуализм (признание автономии и высшей ценности отдельной человеческой личности, ее права на самоопределение и самореализацию), свобода (понимаемая прежде всего как негативная свобода – отсутствие внешнего принуждения, особенно со стороны государства), равенство возможностей (в противовес формальному уравниванию или сословным привилегиям), права человека (их неотчуждаемость и приоритет перед интересами государства), толерантность (терпимость к иным мнениям, образу жизни, ценностям как необходимое условие мирного сосуществования в плюралистическом обществе), прогресс и инновация (вера в позитивные изменения, в улучшение общества через реформы и развитие науки).

Первоначально, в XVIII XIX в столетиях, в идеях либерализма не было тех перекосов, которые появились в XXI веке. Но уже в XX веке либерализм эволюционировал, породив, с одной стороны, неолиберализм (акцент на свободном рынке и минимизации роли государства), а с другой – социальный либерализм (признание необходимости государственных гарантий социальных прав для реализации равенства возможностей).

Проникновение либеральных идей в России имеет сложную, прерывистую историю. Проникнув в Россию в XVIII веке (под влиянием французского Просвещения), либерализм долгое время оставался уделом узкого слоя образованного дворянства, будучи оторванным от народных масс. Русская интеллигенция XIX века часто сочетала либеральные требования (свобода слова, конституция, отмена крепостного права) с народническими и даже социалистическими идеалами. После 1917 года либеральная традиция была прервана на десятилетия.

Второе рождение либерализма в России произошло в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Тогда либеральные ценности воспринимались многими как синоним «цивилизованной» жизни, как путь к преодолению «советского тоталитарного прошлого». Однако рыночные реформы 1990-х годов, сопровождавшиеся резким падением уровня жизни большинства населения, социальным расслоением и криминализацией общества, дискредитировали либеральные идеи в глазах значительной части россиян. Либерализм стал ассоциироваться с эгоизмом, социальной безответственностью, бездуховностью и даже предательством национальных интересов.

Современная ситуация характеризуется новым витком отторжения либерализма на официальном уровне, где он часто отождествляется с деструктивным западным влиянием, «либеральной диктатурой», разрушающей традиционные устои. Тем не менее, либеральные ценности не исчезли из сознания российской молодежи. Они могут проявляться в измененной форме – не как целостная идеология, а как отдельные установки: ориентация на самореализацию, ценность личного успеха, неприятие избыточного государственного контроля в частной жизни, критическое отношение к власти. Особое опасение вызывает либеральный феномен «толерантности», который по своей сути перерос в искаженную моду на различные «неправильности» (в идеологии, поведении, личной и общественной жизни).

Методологический инструментарий компаративного анализа либеральных и традиционных ценностей современной российской молодежи

Для осуществления компаративного анализа либеральных и традиционных ценностей современной российской молодежи необходимо выработать адекватный методологический инструментарий. Наиболее продуктивным представляется использование метода бинарных оппозиций, позволяющего структурировать ценностное поле и выявить точки напряжения и возможного синтеза.

В этой связи необходимо обратить внимание на основные ценностные бинарные оппозиции, релевантные нашему исследованию, такие как: «Индивидуальное – Коллективное», «Свобода – Порядок/Ответственность», «Традиция – Инновация», «Права – Обязанности», «Универсализм – Культурная специфика» и «Светское – Духовно-религиозное».

Одним из основных отличий либеральных ценностей от традиционных, можно назвать главенство «Индивидуального» над «Коллективным». Либерализм исходит из того, что права личности выше прав коллектива. Традиционные же ценности в соответствии с Указом Президента РФ № 809, ставят приоритет общего – коллектива, общины,

народа, государства над индивидуальным. Индивид мыслится не как изолированный субъект права, а как часть общества.

В либеральной парадигме ценность «свобода» понимается, прежде всего, как «свобода от» (вмешательства). В традиционной парадигме она рассматривается как «свобода для»: порядка, стабильности, социальной гармонии, которые часто ставятся выше индивидуальной свободы. Отсюда происходит и различие взглядов на права и обязанности индивида. В системе либерализма – главенствуют индивидуальные права, а в традиционной системе – общественные права.

Либеральные ценности претендуют на универсальность, общечеловеческий характер. Традиционные ценности подчеркивают уникальность каждой культуры, ее нежелание подчиняться единым стандартам, особенно навязанным извне. При этом считается, что традиционализм направлен в прошлое, на сохранение, воспроизводство устоявшегося. Либерализм ориентирован на будущее, на изменение, прогресс.

Либерализм по своей сути светская идеология, предполагающая нейтральность государства по отношению к религии и выведение морали из автономного разума. Традиционные ценности в России тесно связаны с православием и другими традиционными религиями, подчеркивают приоритет духовного над материальным. В Указе Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» четко прописано: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [13].

При этом, важно еще раз отметить, что ценности либерализма и традиционные ценности в российском обществе не взаимоисключают, а скорее дополняют друг друга. Например, «либеральный» запрос на самореализацию индивида может сочетаться с «традиционной» ценностью семьи. Или патриотизм (традиционная ценность) может выражаться в критике недостатков государства (что близко к либеральному дискурсу).

Социально-философское осмысление результатов социологических исследований ценностных ориентаций современной российской молодежи

Далее в работе будем опираться на опрос ВЦИОМ от 8 июля 2025 года, социологическое исследование В.А. Сапрыки В.А., Ю.В. Дороховой и Н.Н. Хатнюк орловских студентов [11] и другие исследования ценностных ориентаций современной российской молодежи [1, 4. 6, 9, 14].

Согласно данным РАНХиГС, опирающимся на опрос ВЦИОМ от 8 июля 2025 года, семья является ведущей ценностью для всех опрошенных возрастных групп, включая молодежь. Это подтверждается и указанным выше исследованием орловских студентов: при ответе на вопросы о том, что объединяет народы России, респонденты (студенты) наряду с общей историей и культурой выделили и «общие ценности», среди которых семья занимает центральное место [11].

Патриотизм и историческая память также поднялись на высокие позиции. Более половины опрошенной молодежи, по данным работы [11] готовы защищать и укреплять традиционные ценности, ассоциируя их именно с крепкой семьей, патриотизмом и исторической памятью.

По эмпирическим данным, полученным в ходе социологических исследований в 2023–2025 годах, можно составить достаточно целостную картину ценностных приоритетов современной российской молодежи. Главный вывод, который можно сделать на основе анализа всех доступных источников: семья остается безусловной доминантой в ценностной иерархии молодых россиян [6, 9, 11].

Если обратиться к возрастной дифференциации опрашиваемых, то необходимо отметить, что самые младшие участники опросов (подростки, сформировавшиеся в цифровой среде) полагают, что традиционные ценности должны обновляться. Для них наиболее значимы: семья, дружба и самореализация. Молодые люди постарше (студенты, начинающие профессионалы) кроме семьи и самореализации выделяют достоинство и права человека. Для 35–40-летних эта группа ценностей дополняется исторической памятью и единством народов России.

Следовательно, ценностное сознание изменяется с возрастом и жизненным опытом, причем наблюдается тенденция сближения старших возрастных групп молодежи с поколением «сорокалетних» в признании важности единения и исторической памяти [8].

Особый интерес представляет соотношение ценности семьи (традиционной ценности по своей сути) и ценности самореализации (близкой либеральным ценностям). Следовательно, для молодежи эти ценности не обязательно конфликтуют, а скорее дополняют друг друга.

Исследование Л.К. Нагматуллиной с соавторами [9], посвященное «цифровому поколению», показывает, что студенческая молодежь не отвергает традиционные ценности, но вписывает их в контекст современных жизненных стратегий. Семья воспринимается не как альтернатива карьере и самореализации, а как их дополнение, эмоциональная и психологическая поддержка, позволяющая успешно реализовывать индивидуальные проекты.

Следует обратить внимание на различия в ответах у опрашиваемых, связанные с местом их проживания. Столичная молодежь скорее склоняется к либерально-демократической модели взаимосвязи интересов человека, общества и государства. Это означает, что в столице ценность самореализации может быть более автономной, менее связанной с традиционными коллективными идентичностями, чем в провинции. Для провинциальной молодежи, напротив, характерна большая ценностная связанность со старшим поколением, семья здесь играет не только эмоциональную, но и более практическую, материальную и статусную роль.

В числе смещения ценностей к меньшему значению для опрошенных, следует отметить, что работа перестает пониматься как «созидательный труд» в традиционном смысле и все больше воспринимается инструментально – как средство для обеспечения жизни, досуга, семьи, самореализации вне работы. Здесь мы видим сложное переплетение ценностей: либеральная ценность самореализации и качества жизни вступает в противоречие с традиционной ценностью труда как служения.

Восприятие государства является одним из ключевых индикаторов для различения традиционных и либеральных ценностей. Исторически в России государство воспринималось, как сакральная ценность, гарант порядка и справедливости. Либеральное сознание, напротив, склонно рассматривать государство как инструмент, ограниченный правом и который должен служить интересам граждан.

Социологическое исследование, проведенное В.В. Маленковым [7] в Тюмени в 2025 году, показывает, как студенческая молодежь воспринимает государство. Согласно его исследованию, в структуре ассоциаций с государством доминируют формальные («Россия», «страна»), управленческие («правительство», «органы власти») и легитимистские («порядок», «конституция») компоненты. Это говорит о том, что государство воспринимается, прежде всего, как данность, как институт, обеспечивающий порядок и идентичность. Также, согласно исследованию В.В. Маленкова, выявлены четкие различия в зависимости от идеологических предпочтений. Респонденты, идентифицирующие себя как патриоты и консерваторы, акцентируют символическую и историческую составляющую образа государства (величие, история, символы). Респонденты с либеральными взглядами – правовые аспекты (конституция, права, закон), причем их образ государства чаще включает критические элементы (несовершенство институтов, бюрократия). Рассматривая гендерные различия, Маленков отмечает, что женщины чаще связывают государство с национальной идентичностью (эмоциональная связь), мужчины – с управлением и критикой (рационально-инструментальный подход).

В целом, как заключает Маленков, образ государства у студенческой молодежи многогранен, но в целом соответствует этатистско-патриотической модели. При этом, наличие либерально-критической линии указывает на возможные социально-политические противоречия. Автор подчеркивает, что образование в сфере российской государственности не должно строиться только на воспитании «лояльного патриотизма», оно должно быть направлено на формирование социально-ответственного критического отношения к государственным институтам.

Одним из важнейших факторов, дифференцирующих ценностные ориентации российской молодежи, является тип населенного пункта (деревня, поселок, город…) и регион проживания (столица, провинция…) молодых людей. Результаты исследования С.В. Чуева и В.В. Титова [15] дают по данному фактору развернутую картину.

Столичная молодежь выступает как «ценностный новатор». Для нее характерна более выраженные склонности к либерально-демократической модели понимания интересов человека, общества и государства. Также отмечается подверженность внешнему влиянию, особенно глобальных цифровых платформ. Молодежь провинции выступает как «ценностный преемник»: ее ценностные ориентиры ближе к старшему поколению, что способствует приверженности традиционным устоям.

Это разделение имеет глубокие философские последствия. Оно означает, что единой «молодежи» как субъекта не существует. При этом авторы исследования подчеркивают, что по своим базовым ценностям молодежь в целом близка к старшему поколению, межпоколенческая передача общественных ценностей продолжается. То есть раскол проходит не столько между поколениями, сколько внутри поколения – между его столичной и провинциальной частями.

Таким образом, анализируя эмпирические данные, полученные во время рассмотренных выше социологических исследований, можно прийти к выводу: в современной России социальный заказ формулируется так, что от молодежи ждут не столько новаций, сколько сохранения и воспроизводства традиции. Возникает парадокс: традиционные ценности пытаются транслировать поколению, чья онтологическая характеристика – инновационность. Результаты социологических исследований показывают, что самые младшие участники опросов сами говорят о необходимости обновления традиционных ценностей. Это не обязательно бунт против традиции, а запрос на ее адаптацию к новым реалиям. Молодежь в этом процессе отбирает из предлагаемого государством и культурой набора ценностей те, которые резонируют с ее жизненным опытом. Так, семья резонирует безусловно. Патриотизм – в значительной степени. А вот, например, «приоритет духовного над материальным» может вызывать вопросы у прагматично настроенной части молодежи, ориентированной на карьеру и потребление. Тем самым, молодежь готова принимать традиционные ценности, но в современной, адаптированной форме. Задача общества и государства – не просто настаивать на букве традиции, а «наполнять» традиционные смыслы актуальным содержанием.

Эмпирические данные фиксируют любопытный феномен: многие молодые россияне сочетают в своем сознании установки, которые традиционно считались взаимоисключающими. Они патриотичны, но хотят свободы самореализации. Они ценят семью, но не готовы жертвовать ради нее карьерой. Они уважают государство, но видят и критикуют его недостатки. Возникает вопрос: является ли это сочетание случайным набором разрозненных мнений, или мы наблюдаем становление новых общественных ценностей? В западной политической философии есть концепция «либерального консерватизма», соединяющая уважение к традициям, порядку, авторитету (традиционные ценности) с приверженностью индивидуальной свободе, правам человека и рыночной экономике (либеральные ценности). Возможна ли такая модель в России?

Философское осмысление эмпирических данных социологических исследований позволяет предположить, что элементы такого синтеза действительно формируются стихийно. Например, патриотизм у молодежи Тюмени вполне совместим с критическим отношением к государственным институтам. Это говорит о том, что для части молодежи быть патриотом не означает автоматически поддерживать все действия властей. При этом, говорить о формировании целостной общественной идеологии – преждевременно. В обществе нет целостной идеологической позиции. Разность взглядов молодежи столицы и провинции только подтверждают наличие данного процесса. Указ Президента РФ № 809 дает направление к данным изменениям, а не фиксирует их.

Государство в современной России выступает главным субъектом изменения общественных ценностей. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», создание соответствующих структур, финансирование молодежных форумов (27 форумов с участием 20 тыс. человек в 2025 году), образовательные программы, и это далеко не весь перечень государственных проектов, направленных на их формирование. Однако социально-философский анализ требует постановки вопроса о границах и эффективности государственного воздействия на ценности. Государство может задавать рамки, но не может тотально контролировать этот сложный процесс. Ценностная политика эффективна тогда, когда она не только «спускается сверху», но и создает условия для свободного выбора. Молодой человек должен сам, в процессе собственного опыта, убедиться, что традиционные ценности работают, делают его жизнь более осмысленной, успешной и счастливой.

Заключение

Проведенный компаративный анализ либеральных и традиционных ценностей российской молодежи позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих теоретическое и практическое значение.

Ценностная система современной российской молодежи представляет собой сложное внутренне противоречивое взаимодополнение и переплетение традиционных и либеральных ценностей. Она формируется, с одной стороны, под влиянием государственной политики, направленной на укрепление традиционных ценностей, а с другой стороны, под влиянием глобальных процессов, транслирующих либеральные установки. При этом, базовой ценностью молодежи является семья. Высокий уровень поддержки сохраняют патриотизм и историческая память.

При этом, если говорить о различии в ценностных ориентациях, необходимо в первую очередь обратить внимание не на возраст респондентов, а на место их проживания. Столичная молодежь чуть более либерально настроена, в то время, как их провинциальные ровесники более склоны к традиционным ценностям.

Учитывая исторический период глобализации, который в настоящее время заканчивается, обращает на себя внимание, что в массовом сознании молодежи либеральные ценности «срослись» с традиционными, создав определенный синтез. При этом, молодые люди стремятся сочетать ценности самореализации и индивидуального успеха (либеральные ценности) с ценностями семьи, стабильности, принадлежности к национальной истории (традиционные ценности). Образ государства также сочетает этатистско-патриотические черты (то есть, признание государства высшей ценностью) с запросом на либеральные ценности в виде правовых гарантий и социальной справедливости.

Следовательно, при внешней поддержке традиционных ценностей часто наблюдается поверхностное их понимание, размытость смысловых границ. Идентичность нередко строится на негативной основе – через противопоставление «Западу». То есть, позитивная идентичность якобы будет действовать только в случае если на «Западе все плохо, а у нас хорошо». Подобное противостояние уже имеет печальные последствия, связанные с распадом СССР. Это делает ценностную систему уязвимой перед внешними влияниями и внутренними кризисами.

Стоит также отметить, что эффективность государственной политики по формированию ценностей зависит от ее способности не только в их декларировании, но и в принятии необходимости их переосмысления и принятия индивидуумами. Молодежь должна не просто услышать лозунги о важности традиционных ценностей, но и увидеть их практическое воплощение в возможностях для самореализации, в поддержку семьи, в уважении к труду, в доступности культуры. Только будучи подкрепленными реальным жизненным опытом, ценности обретают мотивирующую силу.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с более глубоким изучением механизмов ценностного синтеза, анализом роли цифровой среды в трансформации ценностного сознания, а также с мониторингом динамики ценностных ориентаций в различных социальных и региональных группах молодежи, которые будут рассмотрены далее.

Литература

1. Алексеёнок А.А., Хатнюк Н.Н. Формирование традиционных ценностей студенческой молодежи: социологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 3. С. 137–162.
2. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7–187.
4. Горшков М.К. и другие. Молодежь и Россия будущего. М.: Весь Мир, 2023. 394 с.
5. Захарова М. Россия делает ставку на молодежь // ТАСС. – 21 июня 2025 – URL: https://tass.ru/politika/24309761 (дата обращения: 15.03.2026).
6. Зязин С.Ю., Каменева Т.Н., Лескова И.В. Молодёжь и семья в российском обществе. М.: АНО ВО «ЕЖГА», 2024. 352 с.
7. Маленков В.В. Образ государства в представлениях студенческой молодежи: опыт социологической реконструкции // Управленческое консультирование. 2026. № 1. С. 85–102.
8. Меркулов П.А. и другие. Историческая память и образ родины: формирование государственно-гражданской идентичности российской молодежи. Орел: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 228 с.
9. Нагматуллина Л.К., Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г. Цифровое поколение молодежи в системе координат традиционных российских ценностей // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 294–299.
10. Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
11. Сапрыка В.А., Дорохова Ю.В., Хатнюк Н.Н. О формировании гражданской идентичности у студенческой молодежи Орловской области // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 2. С. 86–107.
12. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского

государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 275–289.

13. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 25.03.2026).

14. Умеркаева С.Ш. и другие. Исследование базовых национальных ценностей современной молодежи: взгляд экспертов // Science for Education Today. 2025. Т. 15, № 3. С. 83–106.

15. Чуев С.В., Титов В.В. Ценностные основания формирования национально-государственной идентичности молодежи в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 118–137.

TRADITIONAL AND LIBERAL VALUES IN THE VALUE SYSTEM OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Shevchenko O.V., Inozemtsev V.A.
Financial University

This article examines the relationship between traditional and liberal values among contemporary Russian youth. It analyzes the genesis and evolution of the concept of values in philosophy and sociology. Drawing on the results of sociological research conducted by Russian scholars in the years following the inception of the Second World War, the authors conduct a comparative analysis of traditional and liberal values among Russian youth. This analysis utilizes binary value oppositions, such as «collective versus individual,» «freedom versus responsibility,» and so on. It is concluded that the value system of contemporary Russian youth represents a complex, internally contradictory complementarity and interweaving of traditional and liberal values. At the same time, family remains the fundamental value of Russian youth, while patriotism and historical memory maintain a high level of support.

Keywords: traditional values, liberal values, globalization, value system, Russian youth, patriotism, family, historical memory.

References

1. Alekseenok A.A., Khatnyuk N.N. Formation of Traditional Values of Student Youth: A Sociological Analysis // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2025. Vol. 20, № 3. pp. 137–162.

2. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of Judgment // Western Economic Sociology. Moscow: ROSSPEN, 2004. 680 p.

3. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism // Weber M. Selected Works. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. pp. 7–187.

4. Gorshkov M.K. et al. Youth and Russia of the Future. Moscow: Ves' Mir, 2023. 394 p.

5. Zakharova M. Russia is Betting on Youth // TASS. – June 21, 2025 – URL: https://tass.ru/politika/24309761 (Accessed: March 15, 2026).

6. Zyazin S. Yu., Kameneva T.N., Leskova I.V. Youth and Family in Russian Society. Moscow: ANO VO «EZHGA», 2024. 352 p.

7. Malenkov V.V. The Image of the State in the Minds of Student Youth: An Experimental Sociological Reconstruction // Management Consulting. 2026. № 1. pp. 85–102.

8. Merkulov P.A. et al. Historical Memory and Image of the Homeland: Formation of State-Civil Identity of Russian Youth. Orel: Publishing House «Delo» of RANEPA, 2022. 228 p.

9. Nagmatullina L.K., Eflova M.Yu., Maksimova O.A., Minzaripov R.G. Digital Generation of Youth in the System of Coordinates of Traditional Russian Values // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2025. № 3. pp. 294–299.

10. Parsons T. The System of Modern Societies. Moscow: Aspekt-Press, 1998. 270 p.

11. Sapryka V.A., Dorokhova Yu.V., Khatnyuk N.N. On the Formation of Civic Identity among Student Youth in the Oryol Region // Bulletin of the Institute of Sociology. 2025. Vol. 16, № 2. pp. 86–107.

12. Selezneva A.V. Political Values of Russian Youth: Traditional Meanings in Modern Conditions // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2024. № 77. Pp. 275–289.

13. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (Accessed: March 25, 2026).

14. Umerkaeva S.Sh. et al. A Study of Basic National Values of Modern Youth: An Expert View // Science for Education Today. 2025. Vol. 15, № 3. Pp. 83–106.

15. Chuev S.V., Titov V.V. Value Foundations for the Formation of National and State Identity of Young People in Modern Russia // Research Result. Sociology and Management. 2025. Vol. 11, № 3. P. 118–137.

Смыслообразование в парадигмальном поле экофилософии

Баркова Элеонора Владиленовна,
доктор философских наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
руководитель Лаборатории экофилософских исследований Донецкого национального университета экономики и торговли им. М.И. Туган-Барановского
E-mail: barkova3000@yandex.ru

В статье исследуется проблема смыслообразования в аспекте экофилософии как перспективном направлении современной философской мысли. Показано, что смыслообразование не может быть сведено ни к индивидуально-психологическому процессу, ни к раскрытию связи личности с локальной социально-коммуникативной средой, ни к семиотическому производству значений, ни к получению информации. В экофилософском аспекте оно раскрывается как процесс открытия, интерпретации и проектирования субъектом значимых жизнесохраняющих и жизнеобеспечивающих связей человека с природой, культурой, обществом, космосом, благодаря которым на основе взаимоперевода абстрактного и конкретного, индивидуального и общечеловеческого он осознает и избирает направления деятельности. Показано, что экофилософская картина мира задает парадигмальное поле, в котором смысл возникает как форма целостного, ценностно ориентированного ответственного и практически деятельного мироотношения человека и человечества. Сделан вывод, что концепция смыслообразования в экофилософии выступает не только предметом анализа, но и методологией гуманизации культуры, основой роста ее субъектного начала, формой соучастия человека с жизнью Земли и социо-культурного проектирования будущего.

Ключевые слова: смысл, смыслообразование, экофилософия, целостность, жизнетворчество, жизнесохраняющие смыслы, ценности, связь.

Только то прочно и устойчиво,
только то и жизненно, и выгодно,
только то и имеет будущность,
что сделано в согласии с природой.
В.В. Докучаев [1, с. 18]

Проблема смысла традиционно принадлежит к числу исходных и ключевых проблем философского освоения мира, поскольку в ее пространстве концентрируются онтологические, гносеологические и философско-антропологические вопросы смысла бытия человека, его самоопределения, природы, культуры, основания мира ценностей, деятельности, вопросы о языке, о будущем человека и перспективах человечества.

Однако в XXI веке ее исследование приобрело исключительную актуальность в силу того, что сегодня человек живет не в условиях дефицита информации о чем бы то ни было, включая множество подходов к определению смысла и смысла жизни, а в условиях избыточности, фрагментации, абсолютизации релятивизма в содержании категорий мышления и небывалой в прошлом стремительной сменяемости. Эти тенденции, детерминируя утрату крупных, вдохновляющих человека целей, ориентиров на социальный и культурный прогресс, на совершенствование пространства всего планетарного бытия, как и свертывание возможностей для раскрытия потенциала крупных личностей мечтателей, ученых, художников, – все это ведет к снижению уровня культуры и субъектного масштаба человечества, к утрате смысла его жизни и развития.

В этой ситуации кризис смысла современного бытия проявляется уже далеко не только как один из многих вопросов философии, не только как основа риска разрушения жизненной среды, но и как разрушение самых фундаментальных связей между развитием и перспективами жизни человека и Земли, пространством коммуникаций, знаниями о мире и нравственной ответственностью, между информационными технологиями и гуманизмом, свободой и нормами сохранения жизни. Поэтому вопрос о современном смыслообразовании и его роли в жизни человека становится уже не только темой логики, философии языка, филологии, психологии, информатики, педагогики, а одной из самых основных проблем философского исследования современного человека и его мира. От его решения зависит будущее, развитие богатства человеческой природы и сама способность в жизнесохраняющем аспекте критически оценивать происходящее и создавать открывающие возможность расцвета культуры модели и проекты будущего. И потому от него зависит возможность или невозможность положительного ответа на вопрос, сформулированный Н.Н. Моисеевым вопрос: «есть ли будущее у России, достойное будущее?» [2, с. 233].

Прежде всего, зафиксируем очевидное: современная цивилизация во многом утрачивает способность различать эффективность и смысл, понятый в его всеобщности в аспекте перспективности бытия человека на Земле, способной к воспроизводству условий человеческой жизни. Бесспорно, эффективность того или иного проекта или формы деятельности может на определенный срок возрастать при одновременной деконструктивной фрагментации целей, подобно тому, как образование может насыщаться информацией при обеднении духовно-культурного горизонта учащихся; технологический успех – состояться при снижении ответственности, а коммуникация – расширяться при свертывании пространства общения и взаимопонимания. Тактически оправданные задачи в течение некоторого времени на основе прагматически понятой эффективности могут быть решены, но перспективной для жизни и сохранения великого смысла жизни человека, Родины и Земли – условия полноценно-здоровой жизни новых поколений – эффективность, понятая так образом, не будет.

Вследствие этого актуализируется освоение концептуального пространства не только информации и тактических решений, не только анализа отдельных связей и коммуникаций, а понимания их места в более широком контексте: ради чего мы осуществляем тот или иной выбор, какие стратегии и перспективы жизни открывают формируемые нами смысловые поля, и какие горизонты жизни они открывают, а какие закрывают и разрушают.

Очевидно, что рефлексия ограниченности разрывающей связи смысла жизнедеятельности и эффективности, усеченно-односторонней ориентации в мире ведет к востребованности изуче-

ния связей перспектив внутренней и внешней жизни человека. В отличие от внешних связей человека и природы сегодня «очевидна связь между здоровьем природы, человека и степенью влияния антропогенных факторов. Для снижения их негативного воздействия требуется сформировать новое отношение к окружающей среде, ответственность за благополучное существование живой природы и сохранения биоразнообразия». [3, с. 294].

Но, с другой стороны, обновленное отношения к среде нашей жизни будет не завершено без обновления отношения человека к самому себе, своему собственному миру, миру своих смыслов, обоснований их формирования и выбора. Между тем, философская концепция смыслообразования в аспекте анализа универсальной связи между внутренней жизнью – самосознанием, переживаниями, пониманием смысла своего локального бытия, – и его внешней природной, культурной, социальной средой, включая формы жизнедеятельности и практики освоения мира как фундамента смыслообразования и аспекта смысла жизни оказывается недостаточно проработанной.

Одним из основных условий анализа смыслообразования, поэтому является преодоление односторонности его интерпретаций, в которых оно часто по-прежнему связывается исключительно со сферой логики и языка. Так, в большей части исследований, справочных изданий, энциклопедий, как и в прошлые десятилетия, смысл часто отождествляется с понятием «значение», «Смысл, – читаем в Философском энциклопедическом словаре, – в философии и традиционной логике, то же, что «значение» [4, с. 618]. Другие интерпретации связывают его истоки со сферами мышления или информации: «Смысл –… служит для обозначения того мысленного содержания, той информации, которая связывается с данным языковым выражением, являющимся собственным… именем, в отличие от «значения» предмета, денотата), называемого этим выражением». [5, с. 38]. Процесс смыслообразования в такой логике оказывается ограниченным и замкнутым в пределах внутреннего мира человека, его мышления или связанным лишь с коммуникативной и текстовой средой.

Но как возможны тогда критерии оценки в ответах на вопросы о смысле жизни человека как части человечества, общечеловеческой культуры и всего планетарного бытия в его универсальном развертывании на протяжении многих сотен и тысяч лет? И есть ли возможность корректировки и обновлении содержательности смыслообразования и потому смысла жизни становящейся в последние десятилетия все более ненадежной и хрупкой жизни современного человека? Не является ли сегодня попытка поиска смысла бытия и самой философской постановки проблемы смысла всего лишь защитной реакцией и попыткой укоренить себя в жизни иллюзорно-выдуманной конструкцией разума?

По-видимому, исходя из потребности не только науки и ее задачи отрефлексировать философским образом вопрос о смысле жизни, но и из практики самой жизни, из важности перспектив жизни юного поколения, ориентиров образования, воспитания вырастает потребность возвращения к постановке и развитию проблемы смыслообразования субъекта как основы формирования смысла жизни. Подчеркнем и то, что в самом процессе самоопределения субъекта в современном мире главное – это выбор такого пути жизни и мироотношения, пространство которого центрировано жизнесохраняющими смыслами, ценностями и идеалами, которые укореняют человека в истории, в жизни Родины и всей Земли, дают надежду, основания для осознания себя частью планетарного бытия, а потому для самосовершенствования, развития знаний и уверенности в возможностях социального и культурного прогресса.

Такая – жизне-сохраняющая и человеко-развивающая установка при постановке и поисках решений всех философских вопросов характерна для экофилософии, в пространстве которой человек не просто связан с объективным миром, но сам – что доказано наукой – является звеном, органической частью его универсального развития, а потому благодаря разуму включен в открытие и творчество его смысла, лично отвечает за мир как целое и смыслы, которые он развивает и проецирует в будущее. Как интегративная форма современного мировидения, экофилософия, ориентированная на выявление условий сохранения и совершенствования жизни Земли, природы, культуры и человека востребована в ее методологическом измерении для исследования проблем развития человеческой жизни, интеллектуальной культуры и смыслообразования [6]. Перспективность экофилософии определяется здесь и тем, что в ее методологии преодолевается ограниченность той картины мира, где природа, включая природу человека, мыслится внешним объектом по отношению к пространству смыслов, смысложизненным формам культуры, а человек – автономным центром смыслообразования и смыслополагания. Как всеобщая форма освоения открытой органической целостности бытия, экофилософская картина мира открывает и восстанавливает неснимаемость универсальных связей человека с природой, культурой, обществом и Космосом [7].

Смыслообразование в перспективе ее развития, поэтому, не может оставаться исключительно языковым, информационным, мыслительным или психологическим процессом. Оно становится звеном в развитии бытия как целого и общей формой культуры как второй, разумно преобразованной природы, посредством которой субъект связывает себя с миром и обнаруживает, строит, оценивает, практически реализует свое место в системе всех своих отношений к космосу, к жизни, людям и к себе самому.

Смыслообразование выступает здесь не как произвольное наделение мира значениями и не обнаружение заранее заданного готового смысла. Это сложный диалогический и проектный процесс со-творчества человека и мира, в ходе которого события, знания, переживания, формы деятельности включаются в открытую целостность связей жизни. Экологичность такого типа смыслообразования определяется тем, что локальные цели человека здесь соотнесены с отдаленными следствиями для судьбы человека и человечества и преобразуются в формы практической деятельности, сохраняя природу, включая природу человека, и мир культуры.

Эко – напомним, этимологически восходит к понятию «Дом», а смысл Дома предполагает его освоение не в качестве абстрактно-отчужденной объективной сущности, а в качестве духовно-материального пространства своего родного мира, отношение к которому не ограничено информационно-детерминистски понятым принципом связи субъекта и объекта. Дом – это пространство жизни, к котором происходит рождение человека как личности, пространство социализации, роста масштаба человечности, который, открывая мир смыслов, формируется и укрепляется интеллектом, душой, добрым чувством и ответственностью самого человека как субъекта культуры, общества, Родины, Земли.

Продолжая в этом аспекте традиции философии русского космизма, представители которого мечтали о выходе человека за пределы Земли и проторяли пути продвижения высоких человеческих смыслов, чувств, идеалов и идей в пространства Вселенной, экофилософия на этих основаниях развивает концепцию смыслообразования и смысла жизни человека и человечества, который «находится» не вне, а в самой жизни. И фиксируемый в понятиях отрефлексированный смысл со всеми его значениями, открытыми на определенном этапе развития личности или науки, никогда не исчерпывает смысла всей жизни как целостности.

Для развития концепции смыслообразования это означает признание того факта, что любая форма переводимости науки в практику всегда будет незавершенной и, осознавая ограниченность наших представлений или проектов, стремиться к возможно более полному раскрытию связей. Смысл, построенный на игнорировании последствий, может оказаться не только не полным, но и потенциально или реально разрушительным. Надежным ориентиром в этом отношении является мысль Ф.М. Достоевского: «надо любить жизнь больше, чем смысл жизни» [8].

Работая с различными, начиная с мифологических, античных и ренессансных идей, открывших и показавших органичность связи бесконечного и конечного, вечного и временного во всех формах бытия, включая бытие человека, экофилософия и в концепции смыслообразования продолжает работу с идеями бесконечности и вечности как измерениях природы самого человека, а потому не исчерпанности и в наше время его возможностей и потенциала раскрытия.

Классики отечественной мысли и науки об этом говорили не мало. Так, согласно мысли Л.Н. Толстого, «единственный смысл жизни человека – это совершенствование своей бессмертной основы» [9].

Однако в концепциях смыслообразования и смысла жизни современного человека это измерение вечности и бесконечности – атрибутивное свойство бытия и природы субъекта – трактуется либо вне мира человека, либо только в аспекте многообразия связей и отношений человека с формами его культурной и социальной жизни.

«Смысл рассматривается …как категория субъектной онтологии, а все социологические и психологические явления признаются экспликацией смыслов. Более того, субъектность понимается как способность индивида со смыслом распоряжаться собой и обстоятельствами собственной жизни. Поскольку смысл является общей категорией для социогуманитарных наук, он может быть рассмотрен как категория логики этих наук: в данном контексте логически возможное эквивалентно осмысленному», – отмечает С.А. Большунова [10, с. 31].

Или, по мнению Е.С. Никитиной, «понимать можно то, что организовано (упаковано) в текст – смысловое, а потому законченное знаковое образование, связанное как с предыдущими, так и с последующими текстами. Смысл есть отношение к содержанию, схваченное

в одном из знаковых пространств текста: бытийном, мыслительном или коммуникативном». [11]

А Т.С. Лапина показывает: «Смыслополагание как активное состояние человеческого духа приводит к складыванию семиотически оформленных смыслов, суть которых состоит в приведении информации к человеческому и ценностному измерениям. Генезисные источники смыслов – два противоположных друг другу начала: заземленное и возвышенное, то есть обозрение нажитого опыта и отнесение к миру идей. В оценочно-смысловой форме на основе, с одной стороны, рационального оценивания происходившего и происходящего, с другой – их переживания виртуально» [12].

На Международной конференции «Смысл и смыслообразование», прошедшей в 2022 году в Санкт-Петербургском университете, внимание было акцентировано на том, что концептуальной основой постановки и обсуждения круга проблем темы «выступает социальная семиотика, позволяющая систематически представить процессы порождения и трансляции знания, социализации личности» [13, с. 215]. Поэтому проблемная ситуация и обращение к этой проблеме многих направлений знания – логической семантики, лингвистики, искусствоведения, теории коммуникаций, социальной психологии, искусственного интеллекта – была задана исходя из того, что смысл – это «порождение попыток конечной системы постичь бесконечное разнообразие мира», и наука «вынуждена делать это всегда с какой-то конкретной позиции в некотором определенном ракурсе, с какой-то точки зрения, другими словами – в каком-то смысле. Именно такой системой является человек – существо конечное в пространстве и времени, наделенное способностью осознания своей позиции и ее выбора, ответственной субъектности. В этом плане смысл – принципиально человеческое измерение бытия. Вне человека смысла нет – только детерминации, причинно-следственные связи». [13, с. 216].

Действительно, смыслообразование тогда – это создаваемая индивидом логически оправданная конструкция, в которой фиксируются определенные причинно-следственные связи. Но какие смыслы открывает тогда субъект как бытия Земли и результат всей универсальной эволюции, а не только субъект, работающий с определенной этической концепцией? И правомерна ли, в соответствии с такой логикой, постановка вопроса о выходящей за пределы индивидуальных переживаний, идей и локальных событий индивидуальной жизни некий смысл, как и смысл науки, искусства и философии «вообще»?

Экофилософский поиск ответов на эти вопросы приводит к иному заключению, формулируя альтернативный критерий: смыслообразующей является не любая форма духовной культуры, не любое производство значений, коммуникаций, логических схем мышления, а такое, которое укрепляет связи человека с Экомиром Земли, ориентируя на восстановление целостности бытия и открывая перспективы жизнесохраняющей деятельности.[14].

Такой аксиологический поворот, в пространстве которого смыслообразование неотделимо от смысложизненных ориентиров, стратегий мышления и деятельности на уровне обыденного сознания давно закрепился в культурах всех народов. Напомню в этой связи глубокую и точно сформулированную мысль А. де Сент-Экзюпери: «Кто бьёт киркой, хочет знать, какой смысл в том, что он бьёт киркой. Каторжник бьёт киркой совсем не так, как изыскатель, которого удар киркой возвышает. Каторга не там, где бьют киркой. Дело вовсе не в физических трудностях. Каторга там, где бьют киркой бессмысленно, где удар киркой не связывает работающего со всем человечеством» [15].

Вот почему в экофилософской онтологии переформатируется и дополняется исследуемая концепция смыслообразования: оно здесь выступает как процесс, не ограниченный индивидуально-субъективным приданием значения жизненному опыту, но и как общая форма и инструмент перехода от фрагментарного духовно-культурного отношения к миру к целостному, от абстрактно схваченного и освоенного восприятия мира к его конкретным определениям в аспекте ответственно-жизнетворческого мироотношения.

Если смыслообразование, вследствие этого, органично и неразрывно связано с метацелью, которой является сама Жизнь, то и продуцируемые субъектом смыслы детерминируют настоящее не только исходя из прошлого опыта, но и из образа будущего, в котором сохранение жизни, природы и культуры становится критерием истинности смыслообразования и оценки человеческой деятельности.

А раз так, то экофилософский уровень исследования, где в аспекте жизнесохранения получает конкретизацию принцип открытой саморазвивающейся целостности, органической связи человека с Вселенной, Землей и ее миром в целом – миром космоса, природы, культуры, общества и самого человека – выявляет еще одну характеристику смыслообразования: в парадигмальном поле экофилософии этот процесс, как и процесс его рефлексии не может быть ценностно нейтральным. Здесь всегда речь идет не просто о том, как возникают значения, но и о том, какие смыслы и оценки способны сохранить, поддерживать и совершенствовать жизнь, культуру и планетарную ответственность человека.

Такой экорациональный подход, раскрываясь как методология освоения целостности жизнетворческого взаимодействия человека, культуры и природы, объясняет, почему для анализа процесса смыслообразования особенно значим принцип всеобщей связи: он не позволяет рассматривать интеллектуальное развитие человека отдельно и от эмоциональной, нравственной, телесной и культурной целостности и всеобще-субъектного измерения планетарного бытия. Знание, которое увеличивает технологическую мощь, но не развивает способность оценивать ее смысл и последствия применения, оказывается антропологически незавершенным. И, напротив, содержание, не связанное с практикой и ответственным действием, рискует превратиться просто в риторическую надстройку. Экофилософская задача работы со смыслами, подчеркнем еще раз, состоит в соединении жизни, знания, ценности, чувства и деятельности.

Представленные в истории философии XX века поиски, в частности, концепции К. Ясперса, Г. Марселя, М. Хайдеггера, В. Франкла, как и вся экзистенциальная традиция, выявили смысл как условие человеческой устойчивости и нравственного выбора в пограничных ситуациях.

В. Франкл особенно убедительно показал, что воля к смыслу –фундаментальное измерение человеческого существования И способность человека открывать смысл в творчестве, в конкретной ситуации, переживании ценностей, является не вторичным продуктом психологической, а основой ответственного отношения человека к обстоятельствам своей жизни, он не сводится к адаптации, самореализации или удовольствию, его нельзя навязать извне или произвести на заказ [16].

Однако для экофилософии важно расширить и этот тезис, поскольку современная пограничная ситуация имеет не только индивидуальный смысл, но и более широкий – планетарный характер. И воля к смыслу сегодня моет быть осмыслена как жизнеспасительное фундаментальное измерение бытия человечества, всей Земли и Вселенной. Человечество, как и отдельный человек, оказавшись перед угрозой не только личной пустоты, но и цивилизационной бессмысленности развития, утрачивает связь с жизнью. Поэтому персональный вопрос В. Франкла «для чего мне жить?» в экофилософии дополняются вопросом «какое будущее Земли, какие формы жизни новых поколений, какие связи благодаря моему выбору получат продолжение?».

Такой выход за пределы смысла и смыслообразования как деятельности индивида осуществлен в исследовании М.П. Бузского, который подчеркнул и раскрыл социально-детерминированный аспект этого процесса, поскольку не только человек, но и «общество существует и развивается на основе постоянного «переопределения» своих позиций по отношению к внешней среде и к самому себе, непрерывно соединяя и разъединяя абстрактное и конкретное, теоретическое и практическое, общее и единичное» [17, с. 246]. Смысл, согласно его логике, «выступает как основа появления личностного пространства-времени индивидов, … связывая и отделяя этот опыт с самим языком и социумом как его коллективным воплощением в деятельности и общении людей. Но смысл тем самым участвует в формировании и социального пространственно-временного континуума, – как сложный синтез свойств общественной системы, социального общения и личностного опыта людей» [17, с. 251].

Основа постоянной функции смысла здесь оказывается связанной с «взаимопереводом абстрактных значений и структур языка, …в опыт личностного и межличностного взаимодействия субъектов, в саму ткань общественной жизни и культуры» [17, с. 246]. Вследствие этого «социально изменяющаяся форма… вместе с воспроизводством изменяющейся предметной среды – постоянно соотносится с базовой неизменной формой смысла. В их соотношении, по-видимому, открываются еще мало исследованные особенности социальной памяти людей, сохраняемость культурной классики и накопление исторически-культурного содержания общественной жизни, которое на уровне мировоззрения воспринимается как развитие, прогресс общества» [17, с. 251].

Общество как аспект процесса смыслообразования и порождающий его субъект, в экофилософском поле дополняются рядом других модусов коллективных субъектов. Это –сообщества, крупные социальные и культурные группы, страны и, наконец, все человечество как субъект.

Отсюда следует, что смыслообразование как сложноорганизованный процесс открытия, интерпретации и проектирования субъектом значимых для него связей – основ мышления, самосознания и ориентации деятельности. Но в экофилософской перспективе это содер-

жание конкретизируется и дополняется: смыслообразование здесь выступает процесс превращения опыта субъекта – человека и человечества, полученной информации, ценностей и поставленных целей в жизнесохраняющее мироотношение, способное развивать интеллект, культуру и планетарное бытие в направлении перехода Жизни и открытой саморазвивающейся целостности человека, космоса, природы, культуры, общества на более высокий уровень универсальной эволюции.

Литература

1. Штильмарк Ф.Р. Заповедное дело России: теория, практика, история: избранные труды. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2014. – 447 с.

2. Моисеев Н.Н. Сохранить человечество на Земле // Ларин И.И. Он учил беречь Землю: Никита Николаевич Моисеев (1917–2000): жизнь и деятельность. – Москва: Росэкопресс, 2002. – С. 232–235.

3. Ларионов В.Г., Бадалова А.Г., Фалько С.Г., Ларионов Г.В., Москвитин К.П. Экология. Менеджмент. Человек: монография. – Москва: Дашков и К, 2021. – 302 с.

4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

5. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. – Москва: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5. – 740 с.

6. Баркова Э.В. Экофилософия в глобальной повестке современного мира: к анализу гармонизации ритмов жизни человека, культуры и природы // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 2. – С. 161–165.

7. Баркова Э.В. К исследованию проектного смысла экофилософии // Право и практика. – 2025. – № 1. – С. 255–260.

8. Достоевский Ф.М. Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни [Электронный ресурс] // 20 лучших цитат Фёдора Достоевского. Афоризмы, высказывания и мысли Фёдора Достоевского. – URL: https://bbf.ru/quotes/author/295/ (дата обращения: 04.08.2026).

9. Толстой Л.Н. Единственный смысл жизни человека – это совершенствование своей бессмертной основы [Электронный ресурс] // OUM.RU. – URL: https://www.oum.ru/quotes/edinstvennyy-smysl-zhizni-cheloveka-eto-110986/ (дата обращения: 04.08.2026).

10. Большунова С.А. Категория «смысл» в социогуманитарных науках, психологии и психотерапевтических практиках // Logos et Praxis. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 30–42. – DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2022.1.4.

11. Никитина Е.С. О понятии нулевого смысла текста // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11, № 2. – С. 108–117. – DOI: 10.17759/chp.2015110211.

12. Лапина Т.С. Смыслополагание, смыслы, семиозис в свете философии: смысловая конвертация человеческого существования: монография. – Москва: Дашков и К, 2023. – 290 с. – DOI: 10.29030/978-5-394-05085-5-2023.

13. Микиртумов И.Б., Муравьёва Л.Е., Тульчинский Г.Л. Смысл и смыслообразование: факторы, практики, акторы // Вопросы философии. – 2023. – № 2. – С. 215–220. – DOI: 10.21146/0042-8744-2023-2-215-220.

14. Баркова Э.В. Смысл жизни как телеономная категория экофилософии // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции и Всероссийского круглого стола. – Грозный: АЛЕФ, 2024. – С. 22–29.

15. Сент-Экзюпери А. де. Военные записки. 1939–1944: художественная публицистика / пер. с фр.; предисл. Л.Г. Андреева. – Москва: Прогресс, 1986. – 272 с.

16. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. – Москва: Прогресс, 1990. – 368 с.

17. Бузский М.П. Смысл как условие формирования предметности в деятельности субъекта // Право и практика. – 2018. – № 2. – С. 246–252.

MEANING FORMATION IN THE PARADIGMATIC FIELD OF ECO-PHILOSOPHY

Barkova E.V.

Plekhanov Russian University of Economics, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The article examines the problem of meaning formation from the perspective of eco-philosophy as a promising field of contemporary philosophical thought. It is shown that meaning formation cannot be reduced to an individual psychological process, to revealing the individual's connection with a local socio-communicative environment, to the semiotic production of meanings, or to the acquisition of information. From an eco-philosophical perspective, it is understood as a process through which the subject discovers, interprets, and projects significant life-preserving and life-sustaining connections between human beings and nature, culture, society, and the cosmos. Through the mutual translation of the abstract and the concrete, the individual and the universal, these connections enable the subject to recognize and choose directions of activity. It is demonstrated that the eco-philosophical worldview establishes a paradigmatic field in which meaning arises as a form of holistic, value-oriented, responsible, and practically active human and collective relation to the world. It is concluded that the concept of meaning formation in eco-philosophy functions not only as an object of analysis but also as a methodology for humanizing culture, a basis for the growth of its subjective agency, a form of human participation in the life of the Earth, and a means of sociocultural design of the future.

Keywords: meaning, meaning formation, eco-philosophy, integrity, life-creation, life-preserving meanings, values, connection.

References

1. Shtilmark F.R. Nature Conservation in Russia: Theory, Practice, History. Selected Works. Moscow: KMK Scientific Press, 2014. 447 p. (In Russ.).

2. Moiseev N.N. Preserve Humanity on Earth. In: Larin I.I. He Taught Us to Protect the Earth: Nikita Nikolaevich Moiseev (1917–2000): Life and Work. Moscow: Rosekopress, 2002, Pp. 232–235. (In Russ.).

3. Larionov V.G., Badalova A.G., Falko S.G., Larionov G.V., Moskvitin K.P. Ecology. Management. Human. Moscow: Dashkov and K, 2021. 302 p. (In Russ.).

4. Ilyichev L.F., ed. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. 840 p. (In Russ.).

5. Konstantinov F.V., ed. Philosophical Encyclopedia: in 5 vols. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1970. 740 p. (In Russ.).

6. Barkova E.V. Eco-Philosophy in the Global Agenda of the Contemporary World: On Harmonizing the Rhythms of Human, Cultural, and Natural Life. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2026, No. 2, Pp. 161–165. (In Russ.).

7. Barkova E.V. On the Projective Meaning of Eco-Philosophy. Pravo i praktika, 2025, No. 1, Pp. 255–260. (In Russ.).

8. Dostoevsky F.M. One Must Love Life More Than the Meaning of Life. In: 20 Best Quotations by Fyodor Dostoevsky. Available at: https://bbf.ru/quotes/author/295/ (accessed: 04.08.2026). (In Russ.).

9. Tolstoy L.N. The Only Meaning of Human Life Is the Perfection of One's Immortal Foundation. OUM.RU. Available at: https://www.oum.ru/quotes/edinstvennyy-smysl-zhizni-cheloveka-eto-110986/ (accessed: 04.08.2026). (In Russ.).

10. Bolshunova S.A. The Category "Meaning" in Socio-Humanitarian Sciences, Psychology and Psychotherapeutic Practices. Logos et Praxis, 2022, Vol. 21, No. 1, Pp. 30–42. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2022.1.4. (In Russ.).

11. Nikitina E.S. On the Concept of the Zero Meaning of Text. Cultural-Historical Psychology, 2015, Vol. 11, No. 2, Pp. 108–117. DOI: 10.17759/chp.2015110211. (In Russ.).

12. Lapina T.S. Meaning-Making, Meanings, and Semiosis in the Light of Philosophy: The Semantic Conversion of Human Existence. Moscow: Dashkov and K, 2023. 290 p. DOI: 10.29030/978-5-394-05085-5-2023. (In Russ.).

13. Mikirtumov I.B., Muravyova L.E., Tulchinsky G.L. Meaning and Meaning-Making: Factors, Practices, Actors. Voprosy Filosofii, 2023, No. 2, Pp. 215–220. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-2-215-220. (In Russ.).

14. Barkova E.V. The Meaning of Life as a Teleonomic Category of Eco-Philosophy. In: Humanitarian Knowledge and Spiritual Security: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference and All-Russian Round Table. Grozny: ALEF, 2024, Pp. 22–29. (In Russ.).

15. Saint-Exupéry A. de. Wartime Writings, 1939–1944. Moscow: Progress, 1986. 272 p. (In Russ.).

16. Frankl V. Man's Search for Meaning: A Collection. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).

17. Buzsky M.P. Meaning as a Condition for the Formation of Objectivity in the Subject's Activity. Pravo i praktika, 2018, No. 2, Pp. 246–252. (In Russ.).

Конструктивизм в эпистемологии: от радикальных построений к обоснованной объективности

Галимбекова Фатима Сабигияровна,
к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при правительстве РФ; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Российского технологического университета, Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики
E-mail: FSgalimbekova@fa.ru

Процессы глобализации порождают новые проблемы для современного общества, которые невозможно решать традиционными методами, поэтому идет поиск новых методологий, которые не так уж и новы, но приобретают актуальность в связи с веяниями времени. Как один из методов перестройки самой логики познания, исследовательских практик представлен конструктивизм. В рамках данной теории знание конструируется коллективно, в разных контекстах, и его ценность – в способности координировать действия.

В статье представлены основные формы конструктивизма и их ограничения, проблема обоснования знания, рассмотрена теория конструктивного реализма, как одна из форм преодоления внутренних противоречий конструктивистской теории, а также дискуссия и возможное направление развития данной проблематики.

Новизна статьи заключается в современной интерпретации конструктивизма, представлении его как актуальной и необходимой методологии для решения важных проблем науки, общества и образования в условиях стремительного развития технологий и усложнения мира.

Сделан вывод, что конструктивизм эволюционирует от радикальных форм к объективированным практикам.

Ключевые слова: конструктивизм, конструктивный реализм, эпистемология, концепция, субъективация, онтологический поворот, операционализм

Введение

Глобализация порождает новые проблемы, многие из которых трансграничны по своей природе: их причина или следствие выходит за рамки одного государства. Поэтому решать их старыми, сугубо национальными методами уже недостаточно. Требуются новые формы глобального управления: международные институты, многосторонние соглашения, сети сотрудничества между государствами, бизнесом и гражданским обществом.

В результате, изза трансграничного характера вызовов, возникает необходимость не просто внедрения науки и новых технологий во различные сферы жизни общества, а перестройка самой логики познания, исследовательских практик и методологии. В данной статье актуализируется проблема конструктивизма. Она представляет собой методологию, которая по-новому интерпретирует проблему истины и различные аспекты гносеологии, также рассматривается проблема обоснования знания в конструктивизме. Глобальные проблемы делают конструктивистскую рамку не «сомнительной альтернативой реализму», а практически необходимой: знание конструируется коллективно, в разных контекстах, и его ценность – в способности координировать действия.

Несмотря на значительный объём исследований по данной проблематике, ряд аспектов остаётся недостаточно раскрытым. Существующие традиционные эпистемологические модели: априоризм, реализм, эмпиризм, не в полной мере учитывают роль субъекта в познании и динамику конструирования знания в условиях технологического прогресса. В отечественной (зарубежной) философской литературе проблема субъекта трактуется фрагментарно. Нет ответа на вопрос о соотношении объективного и субъективного знания при использовании различных методологий. Проблема истины оставляет ряд нерешенных вопросов, особенно вопросе конвенциональной концепции.

Особую ценность приобретает конструктивизм в условиях нарастания неопределённости и плюрализма мировоззренческих позиций, который становится релевантным ответом на вызовы современности, так как с его помощью возможно решать практические проблемы общества, учитывая субъективную природу человека и его связь с инновациями. Но применять конструктивизм возможно не во всех его формах, так радикальный конструктивизм не видит связи субъекта с объективным миром. А концепция конструктивного реализма, подчеркивает существование объективной реальности, но при этом отмечает активность субъекта познания.

Цель работы: исследование категории конструктивизма в процессе эволюции от радикальных форм к обоснованной объективности.

Задачи исследования: определить теоретико-историческую основу конструктивизма и его ключевые концептуальные основания.

Выстроить основные линии дискурса в современной эпистемологии по проблеме обоснования знания.

Изучить основные формы конструктивизма: радикальный, конструктивный реализм и социальный. Проанализировать их потенциальные возможности и концептуальные ограничения.

Обосновать синтетическую модель конструктивного реализма.

Наметить пути дальнейших теоретических исследований в данной области.

Теоретико-исторические истоки и ключевые понятия

Для анализа конструктивизма важно прояснить значение понятий, составляющих его основу: «конструкт», «концептуальный анализ»,

«активность субъекта», «конструирование среды» и определить его истоки.

Термин конструкт в философских науках выступает «инструментом», который подчеркивает активную роль философа в работе с опытным знанием, смыслами и онтологическими предпосылками. Он представляет собой модель, осмысления мира. Конструкт не просто отражает объективную реальность, а состоит из отдельных феноменов, идей, конфликтов, строит новые смыслы для разрешения проблем.

В методологии философских наук конструкт – это не «найденная» в реальности вещь, а умозрительное построение, которое сознание создаёт, для упорядочивания опыта, для анализа и связи разнородных представлений.

Поворот к идее конструкта связан с осознанием, что даже «эмпирические» термины уже нагружены теорией: мы не просто «видим

факты», а применяем к ним схемы. Отсюда в методологии науки конструкт – способ, который говорит о понятиях, описывающих ненаблюдаемое (например, «интенциональность», «социальное время», «норма»), но при этом необходимых для получения взаимосвязи отдельных отраслей знания. В философии речь идёт не только о науке, но о способах конституирования смысла вообще. «Соответственно, социальные конструкты понимаются нами как своеобразные матрицы, или операциональные модели оценок, ситуаций и действий, имеющие двойственную природу» [Курбатов В.И. 2026: 101].

Конструктивизм включает концептуальный анализ, при котором философ может разложить сложные понятия на составляющие, выявить границы его применимости, конфликты. В результате чего появляется новый конструкт, который поясняет исходную проблему. Также конструктивизм учитывает культурные, исторические и языковые контексты, которыми оперирует ученый, социальную и культурную среду, в которой проводится исследование.

И еще одна составляющая конструктивизма – активность субъекта, которая фиксирует конституирующую роль исследователя в производстве знания, когда субъект не «регистрирует» готовые социальные факты, а задаёт их границы, релевантность и форму существования в науке.

В методологии социальных наук социальная реальность трактуется как процесс, посредством которого действительность получает форму, понятия и статус «факта» через отбор, типизацию и институциональное закрепление.

Социальная реальность – эпистемологическая и практическая операция, когда реальность «собирается» через язык, классификацию, статистику, экспертные оценки, право и административные процедуры. Ключевые операции: классификация значимых фрагментов, обозначение понятий, стандартизация измерений, социальная валидация (рецензирование, включение в управленческие решения). В результате «социальный факт» становится устойчивым не потому, что он «объективен» сам по себе, а потому что воспроизводится в практиках. Жизнеспособность конструкции измеряется предсказательной силой, когерентностью с иными моделями, воспроизводимостью практик, социальной приемлемостью и этической ответственностью.

Конструктивистские идеи высказывали философы-классики Р. Декарт, который делал акцент на методическом сомнении и построении знания из

достоверных оснований И. Кант, говорил о конституирующей роли категорий рассудка в организации опыта и Ф.В. Шеллинг подчеркивал

активное конструирование реальности в процессе познания.

Вышеперечисленные философы заложили основы конструктивизма,

сместив фокус с пассивного «отражения» на активное конституирование

познавательного процесса.

Важную роль в становлении теории конструктивизма сыграли: логический эмпиризм и операционализм П. Бриджмена, где конструкт определяется через процедуры, с помощью которых мы с ним работаем (измеряем, проверяем, применяем) «Вообще под любым понятием мы подразумеваем не что иное, как набор операций; это понятие является синонимом соответствующего набора операций». Эта мысль была впервые подробно изложена в книге «Логика современной физики» (1927) [П. Бриджмен 1927: 5].

Особое значение имеет и принцип Б. Рассела «Везде, где возможно, следует подставлять конструкции из известных объектов вместо выводов о неизвестных объектах» [Рассел Б. 2000: 324], то есть здесь вместо постулирования «скрытых сущностей» мы собираем объяснительные единицы из того, что уже допустимо в системе.

К примеру, рассмотрим то, что из себя представляет конструкт «виртуальная реальность». П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» утверждали, что «Реальность „реальна» в той мере, в какой она является содержанием коллективных представлений людей, т.е. осознается ими» [Бергер П., Лукман Т. 1995: 29]. В этой области акцент смещается: конструкты помогают понять, как формируется и меняется социальная реальность, какие механизмы стоят за тем, что мы воспринимаем как данность.

Швейцарский психолог Жан Пиаже заложил основы понимания когнитивного развития как процесса конструирования познавательных схем в ходе взаимодействия с миром, рассматривая интеллект как инструмент адаптации, а его развитие – как постепенное построение всё более эффективных когнитивных структур. Основа теории Пиаже строится на взаимодействии организма со средой, так называемая операциональная теория интеллекта «интеллектуальные операции… выступают как реальные действия в двояком смысле: как результат действий субъекта самого по себе и как результат возможного опыта, возникающего из взаимодействия с окружающей действительностью» [Пиаже Ж. 2004: 193].

Еще один ракурс конструктивизма – кибернетика, с её фокусом на обратных связях, саморегуляции и циклических причинно-следственных связях, предоставила мощный концептуальный аппарат для понимания познания как самоорганизующегося процесса. Хайнц фон Фёрстер развил идею кибернетики второго порядка, где наблюдатель и наблюдаемое становятся взаимосвязанными, а знание рассматривается как конструкция, порождаемая системой в процессе взаимодействия с окружением. «Объективность более не познается субъективно, а формируется вследствие интерсубъективного дискурса, зачастую оторванного от реальности и какой-либо объективности и объективированности» [Даниелян В. 2026: с. 72].

Когнитивные науки выступают интегративной платформой, объединяющей психологию, нейронауки, лингвистику, философию и компьютерные науки для изучения механизмов познания. Сущин М.А., развивая идею В.А. Лекторского о продуктивном диалоге, утверждает, что «философия и когнитивные науки могут вступать в продуктивный диалог, в котором может происходить их взаимное обогащение» [Сущин М.А. 2023: с. 44]. По его мнению, философия привносит в когнитивные науки понятийный аппарат (например, для анализа репрезентации, вычисления, сознания), а когнитивные науки, дают философии новые эмпирические данные и способствуют развитию традиционных философских проблем (сознание и мозг, свобода воли), то есть речь именно об интегративной, междисциплинарной платформе, где разные области взаимно обогащают друг друга.

Таким образом, конструктивизм – весьма оригинальная методология, позволяющая рассматривать сознание и социальные объекты в специфической форме, изучать их глубинные структуры во взаимодействии субъекта и объекта, рациональной и иррациональной сторон сознания во взаимодействии организма и среды. Но центральным остается вопрос об обосновании знания в конструктивизме.

Проблема конструктивизма и обоснование знания

Обоснование знания включает вопросы, получающие специфическую трактовку в рамках конструктивизма. Ключевой вызов состоит в том, что при понимании знания как конструируемого продукта познавательной деятельности возникает необходимость определить основания его надёжности. Признание влияния культурных, лингвистических и инструментальных факторов на формирование представлений о мире актуализирует поиск критериев обоснованности, учитывающих конструктивную природу познания.

Особую остроту проблеме придаёт необходимость объяснения успешности науки и технологического прогресса. Как отмечает О.С. Сухарев, «исполнение главной задачи науки – создавать (открывать) новое знание. Научный продукт: решение проблемы оценки результативности науки». [Сухарев 2025: 115]. В конструктивистской перспективе эффективность научного знания объясняется не его объективностью, а прагматической полезностью как инструмента решения практических задач– при условии, что эта полезность подкреплена проверяемостью и воспроизводимостью.

Критерии оценки когнитивных конструкций в конструктивизме:

Когерентность означает внутреннюю согласованность конструкции, отсутствие противоречий.

Прагматическая полезность помогает решать поставленные задачи и делать предсказания.

Социальная приемлемость означает поддержку и валидацию в научном сообществе.

Жизнеспособность определяет способность выдерживать проверку опытом и временем.

Этическая ответственность – учитывает социальные последствия применения знания.

При этом конструктивизм делает акцент на этической составляющей

познавательной деятельности, где знание не только должно быть эффективным и согласованным, но и отвечать нормам социальной ответственности.

Формы конструктивизма и их ограничения

Радикальный конструктивизм Глазерсфельда

Глазерсфельд предлагает смотрит на знание как на инструмент адаптации, где познающий субъект активно конструирует свои представления, опираясь на собственный опыт. По его мнению, цель конструирования – не отражение реальности и не открытие мира самого по себе, а организация своего опытного мира таким образом, чтобы успешно

в нём существовать: решать задачи, делать предсказания, избегать нежелательных последствий.

Заменив традиционное понятие истины (как соответствия реальности) на понятие «жизнеспособности» (viability), Глазерсфельд совершил ключевой сдвиг в критерии оценки знания. Знание жизнеспособно, если оно «проходит проверку опытом»: помогает достигать целей, не вступает в неразрешимые противоречия с тем, что субъект уже знает, и позволяет успешно взаимодействовать со средой. Важно: жизнеспособность не означает, что конструкция единственно верная – просто она работает в данном контексте. И других жизнеспособных конструкций для той же задачи может быть множество.

Данный подход подчёркивает прикладную сторону познания: знание ценно тем, что помогает действовать, а не просто «быть верным» в абстрактном смысле. Этот подход близок к прагматизму.

Глазерсфельд смещает внимание с пассивного «отражения» мира на активную конструктивную деятельность человека, что хорошо объясняет, почему люди по-разному видят одну и ту же ситуацию – у каждого свой опыт и свои сконструированные схемы.

Так как критерием выступает функциональная пригодность, а не жёсткое соответствие, теория допускает эволюцию знаний: старые конструкции можно модифицировать или заменять, если они перестают быть жизнеспособными.

Глазерсфельд удачно связал идеи из разных областей – эволюционной биологии через понятие адаптации, теории Пиаже, кибернетики и концепции аутопоэзиса Матурана, Варела. Это позволило по-новому взглянуть на познание как на процесс, укоренённый в биологии и опыте живого существа.

Но, с другой стороны, существуют и вызовы для подхода, один из них кроется в проблеме интерсубъективности.

В радикальном конструктивизме Эрнст фон Глазерсфельда знание выступает как инструмент адаптации, критерий «жизнеспособности» (viability). С точки зрения прагматизма такая позиция оправданна. Но с точки зрения коллективного, обеспечивающих возможность взаимопонимания, она представляется проблематичной.

Если жизнеспособность определяется индивидуально, возникает вопрос: как тогда возможно общее знание, наука, диалог? Как мы можем договориться, если у каждого своеобразная картина мира? Радикальный конструктивизм отчасти решает это через идею, что в процессе коммуникации и совместной практики конструкции могут взаимно корректироваться, но сама проблема остаётся: риск скатывания в релятивизм, когда любые конструкции равноправны, и нет объективного основания для выбора.

Крайняя форма подхода, где полностью отрицается возможность выхода за пределы собственного опыта, легко ведёт к мысли, что у каждого своя реальность, и диалог между субъектами теряет смысл, возникает риск солипсизма (крайняя форма субъективного идеализма).

Когда критерий сугубо прагматичен, возникает вопрос: а как отличить действительно жизнеспособную конструкцию от самообмана или устойчивой иллюзии, которая временно помогает, но в долгосрочной перспективе вредит?

Критики указывают, что в радикальном конструктивизме иногда происходит смешение уровней анализа, естественно-научного и философского уровней: биологические аналогии переносятся в эпистемологию без должной осторожности, что порождает парадоксы.

Сравнительный анализ с альтернативными эпистемологическими программами позволяет рельефнее обозначить границы радикального конструктивизма. Реализм, опираясь на корреспондентную теорию истины, трактует знание как описание независимой от сознания реальности. Эмпиризм, сохраняя ориентацию на опыт, делает акцент на сенсорной проверяемости и воспроизводимости результатов, рассматривая чувственные данные как фундамент достоверности. Априоризм, напротив, усматривает основу познания в рациональных структурах логических законах, трансцендентальных категориях, которые организуют опыт, но сами не выводятся из него. В отличие от этих подходов, конструктивизм смещает фокус на активную роль субъекта, подчёркивая, что знание формируется в процессе взаимодействия с миром, а не пассивно «извлекается» из него.

В целом, радикальный конструктивизм предлагает своеобразный инструмент для понимания того, как мы лично конструируем свой мир и почему видим его по-разному. Но его прагматизм одновременно становится и силой, и слабостью: он отлично работает в прикладных задачах, но требует дополнительных механизмов: социальной практики, рефлексии, чтобы быть реально применимым.

Попытки преодолеть крайности радикального конструктивизма привели к развитию его «умеренных» версий, стремящихся совместить признание конструктивной природы познания с сохранением объективности.

Социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана: недостатки и контраргументы

Социальный конструктивизм рассматривает обыденный мир человека как социальный, в котором человек ощущает свое взаимодействие с людьми. Объективное знание здесь рассматривается как его интерсубъективная устойчивость – то есть признание и поддержание в рамках сообщества, которое приобретает реальность через типизацию или объективизацию опыта (например, в отношениях между людьми или через язык).

Но данная позиция сталкивается с рядом критических возражений. Вопервых, зависимость от консенсуса социальной группы делает знание исторически и культурно относительным. Само «распределение знания» делает его неоднородным, что затрудняет коллективное его восприятие. А устойчивые социальные конструкты такие как, категории статистики, правовые определения, медицинские диагнозы, воспроизводятся не только по объективным и когнитивным оценкам, но и в силу институциональных механизмов: финансирования, экспертной власти, административных регламентов. Отсюда следует риск легитимации ошибочных или идеологически нагруженных представлений: доминирующий нарратив становится «объективным» именно потому, что он встроен в практики, а не потому, что лучше объясняет реальность.

Также в социальном конструктивизме возникает проблема принятия решений по выбору конструктов: если различные сообщества могут поддерживать разные конструкты, то встает вопрос о критериях их отбора. Единственным критерием может быть конвенциональный, который не гарантирует валидации готового продукта.

Еще одной проблемой является проблема операционализации: каким образом выявить «устойчивость» социального конструкта? Для проверки его устойчивости необходимо вырабатывать дополнительные критерии или требуется большое количество времени.

Конструктивный реализм как путь к обоснованной объективности, перспективы и противоречия

Рассуждая об энактивизме (позиция, которая утверждает, что человек не пассивно воспринимает информацию, а извлекает ее из внешней среды), В.А. Лекторский утверждает, что «Это означает, с одной стороны, что информация уже имелась в мире до того, как ее «взяли» (Гибсон пишет о том, что информация об окружающем мире существует даже тогда, когда нет ни одного когнитивного агента), а с другой стороны, что познающее существо должно «взять» эту информацию при помощи своих активных действий в самом мире, таких действий, которые включают трансформацию окружения. Это и есть позиция конструктивного (деятельностного) реализма…» [Лекторский 2015: 21]. Конструктивизм имеет своей основой систему, то есть, его положения опираются на некое основание. В данном случае, те научные теории, которые формировались в течении развития науки. Но данные теории перерабатывает согласно тем знаниям, которые уже существуют, учитывая не только теорию, но уровень развития общества и социальной среды, который сформировался на тот период.

Основной вопрос, который решается в подходе – как именно «деятельностный» характер познания согласуется с объективной реальностью. Конструктивизм, преодолевая радикальные формы, стремится к обоснованному и объективному знанию. Если в иных формах он ставил под сомнение существование объективной реальности, то в рамках конструктивного реализма, признавая активную роль субъекта конструктивный реализм подчеркивает, что данный процесс не остается неподвижным, а ориентирован на достижение согласованности и практическом подтверждении теории.

Таким образом, конструктивизм в отличие от реализма, который делает акцент на объективизме, и эмпиризма, основан на опыте как источнике познания, ставит в центр процесс активного создания знания. Он не исключает опыт, а интерпретирует его через призму существующего у субъекта знания и социальных контекстов. Такой подход становится особенно важным в период развития технологий и сложных систем, так как конструктивизм тесно связан с теорией самоорганизующихся систем и в контексте развития современной техногенной науки имеет значительные перспективы.

Специфика конструктивизма как метода познания заключается в стремлении объяснить мир, исходя из активной роли познающего субъекта, уделяя меньше внимания теориям отражения или репрезентации, доминирующим в теории познания, поэтому речь и идет о переосмыслении путей развития науки и формировании новых, неординарных подходов взаимодействия природы и общества. Или как выра-

жается О.Е. Столярова «онтологическом повороте», от объективации к субъективации. Реально данные методы познания касаются человеческой, субъективной природы человека, его способности не только наблюдать окружающий мир, но и активно конструировать, преобразовывать реальность. При конструктивистском подходе преодолевается дуализм объективного и субъективного, природы и культуры, так как субъект предстает неотъемлемой частью конструируемой реальности.

В результате, конструктивный реализм стремится сохранить активность субъекта и выработать критерии объективности через механизмы научной рациональности: проверяемость, воспроизводимость, когерентность.

Но имеет и свои противоречивые позиции. Основной вопрос, который решается в подходе – как именно «деятельностный» характер познания согласуется с объективной реальностью. Как и в социальном конструктивизме данный вопрос связывают с социальной эффективностью, в результате, при этом подходе возникает та же проблема, не сводится ли «реализм» к «устойчивому консенсусу»?

И вторая проблема, сходна с вышеперечисленными, критерии полезности: даже если конструкция когерентна и полезна, она может быть локальной и не отражать более глубокие закономерности. Конструктивный реализм также нуждается в дополнительных критериях для выбора «удачных» конструкций и «глубоких» объяснений, выходящие за рамки прагматики.

Таким образом, радикальный конструктивизм, акцентируя инструментальную функцию знания, убедительно объясняет его индивидуальную и контекстуальную природу, но сталкивается с непреодолимыми трудностями при обосновании интерсубъективности и объективности. Социальный конструктивизм и конструктивный реализм также сталкиваются с проблемами зависимости от консенсуса и устойчивости конструктов. Попытки разрешить эти противоречия – от социального конструктивизма до эпистемологического реализма – демонстрируют тенденцию к поиску баланса между признанием конструктивной деятельности субъекта и сохранением критериев, позволяющих отличать обоснованное знание от произвольных когнитивных схем. Именно в этом направлении – от радикальных построений к синтетическим моделям, сочетающим конструктивистскую чувствительность к контексту с реалистическими требованиями к проверке – лежит перспектива дальнейшего развития.

Литература

1. Андреянова М.С. Использование искусственного интеллекта при разработке методики определения размера компенсации морального вреда// Экономика. Налоги. Право. 2026. № 19(2). С. 181–190.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания /пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
3. Бриджмен П. «Логика современной физики». Нью-Йорк, 1927. 228 с.
4. Витгенштейн Л. Логикофилософский трактат. М., 2017. 287 с.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1989.
6. Исмоилов Г.Н. Тенденции и факторы развития элементов финансовой системы современной экономики России//Финансы: теория и практика. 2022. № 26(3). С. 19–32.
7. Кант И. Критика чистого разума. М., 2008.
8. Карпухина Н. Н., Митяков Е.С., Пронин А.Ю. Промышленные революции: от Индустрии 3.0 к Индустрии 5.0 в контексте российской экономики // Российский Технологический журнал. 2025. № 13(4). С. 123–134.
9. Князева Е.Н. Философия науки. Вып. 15. Эпистемология: актуальные проблемы. М.: ИФ РАН, 2010. С. 74–90.
10. Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук, Инт философии; отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008. 171 с.
11. Курбатов В.И. Сетевые сообщества Интернета как социальные конструкты // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 4. – С. 94–102. [Электронный ресурс] URL: rucont.ru (дата обращения: 11.04.2026).
12. Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук, Инт философии; отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008. С. 31–42.
13. Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 2. С. 18–22.
14. Лекторский В.А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLIII, № 1. С. 19–26.
15. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб., 2004. 192 с.
16. Пуанкаре А. Наука и гипотеза. СПб., 1906. 238 с.
17. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. Н.В. Воробьева. М., 2000. 546 с.
18. Савенков Э.Б. Конструкт в контексте эволюции современной картины мира // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5, № 1. С. 83–86.
19. Столярова О.Е. Исследования науки в перспективе онтологического поворота. 2е изд., испр. и доп. М.: Русское общество истории и философии науки. 2025. 272 с.
20. Сухарев О.С. Научный продукт: решение проблемы оценки результативности науки // Эргодизайн. 2021. № 2. С. 110–115.
21. Сущин М.А. Что философия и когнитивные науки могут дать друг другу?// Философская мысль. 2023. № 10. С. 40–50.
22. Тихонова А. В., Кожаринов А.В., Назарова Н.А., Ряховский Д.И., Кузиева Н.Р. Налоговое стимулирование интеллектуальной трансформации компаний// Финансы: теория и практика. 2026. № 30(3). С. 35–49.
23. Фарман И.П. Конструктивизм как метод и социальнокультурная практика // Конструктивизм в теории познания. М., 2008.
24. Янченко А.А. Методологический потенциал эпистемологического конструктивизма для разработки теории искусственного интеллекта// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1(39), ч. II. С. 210–215.
25. Glasersfeld E. von. Radical Constructivism // Science & Education. 1997. Vol. 6(1–2). P. 135–150.
26. Förster, H. von. «Cybernetics of Control Systems: A New Framework for Design». In: Self-Organizing Systems: An Interdisciplinary Approach to Complex Phenomena, ed. M.C. Yovits. Pergamon Press, 1960, pp. 30–36.

CONSTRUCTIVISM IN EPISTEMOLOGY AND SOCIAL PHILOSOPHY: FROM RADICAL CONSTRUCTIONS TO GROUNDED OBJECTIVITY

Galimbekova F.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Technological University, Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics and Automation

This article presents the main forms of constructivism and their limitations, the problem of knowledge justification, and examines the theory of constructive realism as one form of overcoming the internal contradictions of constructivist theory. A discussion and possible future developments of this issue are also discussed.

The novelty of this article lies in its contemporary interpretation of constructivism, presenting it as a relevant and necessary methodology for addressing important issues in science, society, and education in the context of rapidly advancing technology and an increasingly complex world.

It is concluded that constructivism is evolving from radical forms to objectified practices.

Keywords: constructivism, constructive realism, epistemology, concept, subjectification, ontological turn, operationalism

References

1. Andrejanova M.S. «Using Artificial Intelligence in Developing a Methodology for Determining the Amount of Compensation for Moral Damages» // Economy. Taxes. Law. 2026. № 19(2). Pp. 181–190.
2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge / trans. E.D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995.
3. Bridgman P. «The Logic of Modern Physics». New York, 1927. 228 p.
4. Wittgenstein L. Logical and Philosophical Tractate. Moscow, 2017. 287 p.
5. Descartes R. Discourse on the Method of Rightly Directing His Reason and of Finding Truth in the Sciences // Descartes R. Works: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1989.
6. Ismoilov G.N. Trends and Factors in the Development of Elements of the Financial System of the Modern Russian Economy // Finance: Theory and Practice. 2022. № 26(3). Pp. 19–32.
7. Kant I. Critique of Pure Reason. Moscow, 2008.
8. Karpushina N.N., Mityakov E.S., Pronin A. Yu. Industrial Revolutions: From Industry 3.0 to Industry 5.0 in the Context of the Russian Economy // Russian Technological Journal. 2025. № 13(4). Pp. 123–134.
9. Knyazeva E.N. Philosophy of Science. Issue 15. Epistemology: Current Issues. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2010. Pp. 74–90.
10. Constructivism in the Theory of Knowledge / Rus. Academy of Sciences, Institute of Philosophy; ed. V.A. Lektorsky. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2008. 171 p.
11. Kurbatov V.I. Online Communities of the Internet as Social Constructs // Humanitarian of the South of Russia. – 2012. – № 4. – Pp. 94–102. [Electronic resource] URL: rucont.ru (date of access: 11.04.2026).
12. Lektorsky V.A. Is it possible to combine constructivism and realism in epistemology? // Constructivism in the Theory of Knowledge / Rus. Academy of Sciences, Institute of Philosophy; ed. V.A. Lektorsky. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2008. pp. 31–42.
13. Lektorsky V.A. Constructive Realism as a Modern Form of Epistemological Realism // Philosophy of Science and Technology. 2018. Vol. 23, № 2. pp. 18–22.

14. Lektorsky V.A. Constructivism vs. Realism // Epistemology and Philosophy of Science. 2015. Vol. XLIII, № 1. pp. 19–26.

15. Piaget J. Psychology of Intelligence. St. Petersburg, 2004. 192 p.

16. Poincaré A. Science and Hypothesis. St. Petersburg, 1906. 238 p.

17. Russell, B. Human Knowledge: Its Scope and Limits / translated from English by N.V. Vorobyova. Moscow, 2000. 546 p.

18. Savenkov, E.B. Construct in the Context of the Evolution of the Modern Picture of the World // Bulletin of Samara State Technical University. Series «Philosophy». 2023. Vol. 5, № 1. pp. 83–86.

19. Stolyarova, O.E. Research on Science in the Prospect of the Ontological Turn. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science. 2025. 272 p.

20. Sukharev, O.S. Scientific Product: Solving the Problem of Assessing the Performance of Science // Ergodesign. 2021. № 2. Pp. 110–115.

21. Sushchin M.A. What Can Philosophy and Cognitive Sciences Give Each Other? // Philosophical Thought. 2023. № 10. Pp. 40–50.

22. Tikhonova A.V., Kozharinov A.V., Nazarova N.A., Ryakhovsky D.I., Kuzieva N.R. Tax Incentives for the Intellectual Transformation of Companies // Finance: Theory and Practice. 2026. № 30(3). Pp. 35–49.

23. Farman I.P. Constructivism as a Method and Socio-Cultural Practice // Constructivism in the Theory of Knowledge. Moscow, 2008.

24. Yanchenko, A. A. «The Methodological Potential of Epistemological Constructivism for Developing a Theory of Artificial Intelligence» in Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2014, № 1(39), Part II, pp. 210–215.

25. Glasersfeld, E. von. «Radical Constructivism,» Science & Education, 1997, Vol. 6(1–2), pp. 135–150.

26. Förster, H. von. «Cybernetics of Control Systems: A New Framework for Design.» In: Self-Organizing Systems: An Interdisciplinary Approach to Complex Phenomena, ed. M.C. Yovits. Pergamon Press, 1960, pp. 30–36.

Этапы становления мировоззрения П.А. Флоренского (детство-юность)

Загарин Игорь Александрович,
доцент, кандидат философских наук, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, РАНХ и ГС
E-mail: zagarin-ia@ranepa.ru

В статье рассматривается ранний этап становления мировоззрения П.А. Флоренского. Используется метод реконструкции. Показана роль семьи в формировании у него естественнонаучной картины мира и одновременно купирования возможности появления религиозных взглядов. Оценивается место созерцания природы в становлении мировоззрении Флоренского. Показано положение детского миросозерцания в познании действительности как наиболее адекватного. Выявляется роль гимназического историко-философского кружка в подготовке смены его картины мира. Рассматриваются причины приведшие к мировоззренческому кризису Флоренского.

Ключевые слова: Флоренский, мировоззрение, детство, табу, естественнонаучная картина мира, форма, исключение из законов природы, кризис.

Мировоззренческая позиция самобытного мыслителя Павла Александровича Флоренского (1882–1937) всегда вызывала живейший интерес. Несмотря на то, что он признан преимущественно религиозным автором, не все исследователи относят его к богословам. Так его внук, игумен Андроник(Трубачев), отнесение его текстов к богословским считал некорректным. «Но необходимо отметить как пока мало определенную, но могущую стать вредной при дальнейшем развитии тенденцию определять творчество отца Павла как богословие, а его самого как богослова…труды, которые определяют этапы творчества отца Павла…должно признать области христианской философии и науки. В этом нет ничего уничижительного как для творчества отца Павла, так и для творчества любого другого мыслителя.» [1, с. 6] За последнее десятилетие количество работ посвященных анализу богословского наследия Флоренского вышло относительно немного и они носили эпизодический характер. [6, с. 119]

В философии в свою очередь, его чаще всего относят к сторонникам метафизики всеединства [5], а также философского символизма[16] и персонализма. [7, 17] Ряд исследователей полагает, что заметное место в миропонимании Флоренского занимает и оккультный субстрат.[3, 4] Для авторов которые рассматривают его как ученого и инженера, необходимо обратить внимание, на то, что он идентифицировал себя несколько иначе. «И я казался «ученым», будучи внутри–»магом « .[8, с. 131] Сам о. Павел не проводил жестких демаркационных линий между различными видами знаний и активно использовал их в апологетических целях.

Все это показывает сложную, многокомпонентную структуру его мировоззрения, но имеющую единую ценностную основу. Основным способом изучения становления мировоззрения Флоренского является реконструкция его взглядов. Генезис этих взглядов целесообразно рассматривать с ранних этапов его деятельности. Сам Флоренский предложил классификацию этих этапов: 1.Детство и юность(до 14 лет) 2. Юность (роман с физикой) 3.Университет(роман с математикой). [8 с. 190] Хоружий С.С. еще в своей ранней работе выделил детство как основополагающий и определяющий этап в становлении его картины мира.»Итак, самые глубокие, определяющие черты мировоззрения Флоренского приходится восстанавливать по преимуществу, на основе его детских воспоминаний. В них все эти черты выражаются не в пример прямей и яснее, нежели в его философских и богословских трудах» [15 с. 7].

Первичной средой, в которой начался процесс формирования его мировоззрения, была семья. Родители изначально строили ее как «рай « или «райский остров», противостоящий внешнему миру.»… мировоззрение отца (да и у матери тоже, вероятно), если не отрицавшее, то бесконечно принижающее все общественные отношения и все стороны человеческой деятельности перед семейным началом;…» [8 с. 115]. Это достигалось отчуждением от обывателей, от многих ценностей свойственных большинству. «Люди были бы похитителями чистоты, невозмутимости и ригоризма этого островного рая, и потому они лишь терпелись, да и то до поры времени. …Задача семьи была – изолироваться от окружающего. Наша жизнь была жизнью «в себе», хотя едва «для себя «, – существованием, отрезанным от общественной среды и от прошлого. И в пространстве и во времени были мы «новым родом», новым поколением-сами по себе.» [8, с. 16] Основными причинами построения такого типа семьи, по мнению Флоренского, явилась реакция родителей на особенности политической и культурной ситуации в обществе, характерные для периода их молодости.

« Мои родители были по-своему подвижниками и праведными: но их мировоззрение, бывшее попыткою семьею преодолеть нигилизм, их окружавший в дни их юности, само таило в себе яды нигилизма. Не виню своих родителей, ибо слишком много они сделали не только для нас, но и сами в себе, в смысле имманентного преодоления позитивизма через создание в недрах его позитивистической религии семьи».[8, с. 17]

Но построение такого типа семьи приводило к серьезным утратам которые, с его точки зрения, носили принципиальный характер: «… отец мой, и мать моя выпали из своих родов; и понятно, что нить живого предания выпала из рук их, а отчасти и была просто выпущена. Мы же, дети, о ней ничего не знали. …Но как бы то ни было, а я рос без прошлого».[8, с. 16–17] В дальнейшем Флоренский пытался ку-

пировать эту ошибку родителей. Им были составлены росписи родов как по отцовской, так и по материнской линии. Он заложил основы философской генеалогии, в которой род рассматривался как основной инвариант личности, а исходя из этого и общества.[11]

В воспитательных целях, родители активно использовали систему табу, включающую в себя широкую номенклатуру запретов в различных сферах. Особое место здесь занимало все, что связано с религией. Родители по отношению к религии были достаточно индифферентными. «В нашей же семье суть религиозного воспитания заключалась в сознательном отстранении каких бы то ни было, положительных или отрицательных, религиозных воздействий извне, в том числе и от самих родителей. Никогда нам не говорили, что Бога нет, или что религия – суеверие, что духовенство обманывает, как не говорили обратного.» [8, с. 88] Одной из причин этого была различная конфессиональная принадлежность по происхождению родителей: отец – православный, мать – армяно-григорианка. Семья не формировала элементарных культовых навыков и первичных знаний в этой сфере. «В церковном отношении я рос совершенным дичком. Меня никогда не водили в церковь, ни с кем не говорил я на темы религиозные, не знал даже, как крестятся. Между тем я чувствовал, что есть целая область жизни, значительная, таинственная, что есть особые действия, охраняющие от страхов». [8, с. 110]

Определяющее влияние на формирование мировоззренческой ориентации сына оказывал отец. По своим взглядам, по отношению к религии, он может быть отнесен к агностикам. Он стремился формировать у своих детей критическое мышление и неприятие любых форм фанатизма. По его мнению, абсолютное идейное доминирование религии, ведет к росту нетерпимости в обществе. [8, с. 92] В качестве нивелирования религиозной картины мира и обретения спокойствия родители утверждали, в максимальной степени, естественнонаучную картину. «…родителям казалось необходимо оберегать меня и в смысле мировоззрения, чтобы с детства внедрить мне взгляды естественнонаучные и забронировать доступ мыслям о мире потустороннем».[8, с. 123]

Близкие стремились изначально воспитать детей в атмосфере исключительно научного мировоззрения, и поэтому решительно устраняли все элементы недостоверного знания, в том числе сказочно-мифологического. «Вопреки прирожденному складу всего моего мирочувствия, родители всячески отделяли меня от мира сказок…Сказок нам не рассказывалось и не читалось, книг со сказками тогда не дарилось, и самые понятия народной мифологии должны были остаться чуждыми нам. Такова была программа – воспитать ум чистым от пережитков человеческой истории, прямо на научном мировоззрении». [8, с. 123] Семья выписывала большую номенклатуру научно-популярных журналов и осуществляла покупку соответствующих книг для достижения этой цели. Сам Флоренский считал, что к 15–16 летнему возрасту, у него окончательно сложилась естественнонаучная картина мира.[8, с. 146]

Основным объектом изучения для Флоренского, с раннего детства, являлась природа. Самые сильные, исключительные чувства он испытывал именно к ней. «Этой единственной возлюбленной была Природа».[8, с. 47]

Всеполагающий эмоциональный выбор в пользу природы подчинил себе или вытесняет на периферию все его другие интересы и устремления. В максимальной степени свободное время он проводил за созерцанием природы, запечатленное в наблюдениях, дневниках, рисунках, фотографиях. Флоренский в детстве обладал очень сильной сенсорикой. Мир света, звуков, запахов складывался для него в целостную систему восприятий, которые фиксировались в образах. Но не все объекты природы вызывали интерес и одинаковую эмоциональную реакцию. «Я не любил людей… Даже к животным, млекопитающим я был довольно равнодушен – в них я чувствовал слишком близкое родство к человеку. А любил я воздух, ветер, облака, родными мне были скалы, близкими к себе духовно ощущал минералы, особенно кристаллические, любил птиц, а больше всего растения и море.» [8, с. 52]

Явления природы должны были рассматриваться в их целостности и неразрывной связанности друг с другом, где форма выступает, как основной организующий принцип. «Напротив, дорого было мне целостное явление, конкретно созерцаемое. Форма единства его – вот что волновало меня; форма была для меня реальностью.» [8, с. 140] В дальнейшем он резко выступал против аналитичности современной ему науки, разделяющей у явлений единство и элементы из которых оно складывается. «Объяснить – для научного мировоззрения значит в моих глазах уничтожить конкретную целостность явления, доказать его иллюзорность. То же, что искалось мною, – это было утверждение конкретной целостности и подтверждение, что явление действительно индивидуально и ни к чему другому не сводимо. В моем мирочувствии, повторяю, форма была реальностью; а научное мировоззрение исходило, как отлично я чувствовал, хотя и не смог бы высказывать отчетливо, из отрицания этой реальности.» [8, с. 140] Позднее Флоренский неоднократно обращался к понятию форма в своих работах по математике [12] и в цикле текстов « У водоразделов мысли. (Черты конкретной метафизики)».[11]

Созерцание природной действительности свидетельствовало для него о том, что эта реальность не единственная, а существует еще и другая. «Иной мир в моем глубочайшем самоощущении всегда соприкасался со мною как подлинная и не внушающая ни малейшего сомнения действительность.» [8, с, 167]

Флоренский писал свои воспоминания уже в зрелом возрасте и поэтому интерпретировал эти первичные интуиции в терминах как платоновской, так и новоевропейской философии. «…я всегда был в этом смысле платоником, имеславцем; явление и было для меня явлением духовного мира, и духовный мир вне явления своего сознавался мною как не-явленный, в себе и о себе сущий, – не для меня.» [8, с. 117]

Он считал, что мироощущение и мировосприятие,: которые складываются в детстве, дают наиболее адекватную картину реальности. По Флоренскому, детское восприятие действительности отличается цельностью и непосредственностью. Ребенок благодаря этому видит глубинную связь явлений, которая недоступна большинству взрослых: «Детское восприятие преодолевает раздробленность мира изнутри. Тут утверждается существенное единство мира, не мотивируемое тем или другим общим признаком, а непосредственно ощущаемое, когда сливаешься душою с воспринимаемыми явлениями. Это есть мировосприятие мистическое.» [8, с. 65] Детские впечатления для него, в дальнейшем неизбежно предопределяют жизнь человека и его отношение к миру. Детское восприятие суверенно и должно рассматриваться как самостоятельный способ освоения реальности. Утрата взрослыми этой способности ведет к серьезным познавательным издержкам. Поэтому он считал сохранность и бережливость по отношению к такого рода восприятию действительности важным в воспитании.

Для обоснования особенностей детского познания действительности, Флоренский дает свою интерпретацию платоновской концепции припоминания (анамнезиса). «…вдумываясь в основные понятия общего миропонимания и прорабатывая их логически и исторически, я стал на твердую почву, и когда огляделся, то оказалось, что эта твердая почва есть та самая, на которой я стоял с раннейшего детства: после мысленных скитаний, описав круг, я оказался на старом месте. Воистину я ничего нового не узнал, а лишь «припомнил» – да, припомнил ту основу своей личности, которая сложилась с самого детства или, правильнее говоря, была исходным зерном всех духовных произрастаний, начиная с первых проблесков сознания.» [8, с. 116] В конце жизни он дал более радикальную характеристику своего взрослого сознания по сравнению с детским: «Припоминаю свое детство и вижу, насколько я поглупел с тех пор и как вообще глупел постоянно. Каждый шаг в жизни есть шаг назад. Разве что под старость, но уже глубокую, можно начать возвращаться к детству.» [9, с. 452]

Заметную роль в становлении мировоззренческой позиции Флоренского в старших классах гимназии, сыграл историко-философский кружок, созданный учителем истории Г.Н. Гехтманом. В кружок входили и принимали активное участие одноклассники, В.Ф. Эрн и А.В. Ельчанинов с которыми у него сложились наиболее тесные интеллектуальные. отношения. В дальнейшем они стали тоже известными религиозными авторами. Здесь произошло знакомство с работами Платона, Владимира Соловьева, Эдуарда Карпентера, Льва Толстого, оккультно-мистическими текстами. Это была не пассивная форма освоения материала, а обстоятельное изучение и обсуждение. Именно руководитель кружка Гехман, после окончания гимназии, написал характеристику Флоренскому для поступления в университет, отмечая его познавательные способности и круг интересов. «…умение уловить сущность всякого научного вопроса свидетельствует о том, что Флоренский усваивает знание в понятии; поэтому он всегда способен индивидуализировать явление, т.е. определить его значение и смысл, резко очертить его особенности и глубоко проникать (конечно, насколько возможно это молодому еще уму) в научный вопрос… Флоренский отличается философским складом ума…Научный интерес его многосторонний. Особенно интересовался греческой философией, математикой и физикой.» [2, с. 26–27]

На раннем этапе своей деятельности в кружке Флоренский крайне негативно относился к религиозному образованию в гимназии. «Я составил себе стенное расписание занятий по часам, причем время назначенное классам и обязательному посещению богослужения, окружил траурной каймой, как безнадежно пропавшее». [13, с. 75] Ельча-

нинов и Флоренский договорились, вести диалог в письменной форме с рассмотрением черт характера и предпочтений друг друга. Ельчанинов дает следующую характеристику взглядов Флоренского этого периода времени: «Вышеприведенный субъект в большей степени обладает нетерпимостью к чужим мнениям; резче всего эта черта выражается по отношению к богословию: он смотрит на всех «попов» как на мошенников, тунеядцев, тупейших людей и пр. и не задумывается о том, что может их оправдать..» [14, с. 32] Но ситуация постепенно начинает меняться. Флоренский по– прежнему рассматривает в основном естественно-научную картину мира, как единственно возможную, с другой стороны, пускай в латентной форме, чувствовалось присутствие и сказочно-мифологической картины. Пытаясь разрешить такого рода дилемму, он ставит вопрос об универсальности законов природы формулируемых в рамках науки. «Закон накладывался на мой ум, как стальное ярмо, как гнет и оковы. И я с жадностью спрашивал об исключениях. Исключения из законов, разрывы закономерности были моим стимулом.» [8, с. 139] Он приходит к выводу, что законы природы подчиняются совсем другим силам.»Но то, что называют законами природы, мне всегда казались личиной, взятой временно. Иные силы зиждут миром, и иные причины направляют течение ее жизни, нежели то принимается наукою. Эти силы и эти причины порою приподымают взятую на себя маску и выглядывают из щелей научного миропорядка.» [8, с. 122] Формулирование такого рода вопросов, по Флоренскому, носит неслучайный характер, а санкционируются высшими силами: «Тогда можно было понять мое исконное чувство мистичности многих явлений, мою последующую работу над исключениями из правил, – как смутный мне зов Вечности, пробивавшийся, однако, всюду и искавший себе целей и проходов в здании научного рационализма.» [8, с,150]

Эта проблематика нашла свое продолжение в оформившемся кризисе в естествознании, особенно физике. Переосмысление атомной теории, нового соотношения пространства и времени и появление в дальнейшем теории относительности и квантовой механики, свидетельствовало для него об отказе от фундаментальных положений классической науки. Для Флоренского появление такого рода концепций есть ни что иное, как утверждение характерной для него детской картины мира: «Дальнейшее развитие этого рода понятий повело к принципу относительности, который был принят мною вовсе не по долгому обсуждению, и даже без изучения, а просто потому, что было слабою попыткою облечь в понятие иное понимание мира. Общий принцип относительности есть в некоторой степени обрубленная и упрощенная моя сказка о мире.» [8, с. 148] Кризис в естествознании рассматривался им с одной стороны, как свой личный, с другой стороны, как общекультурный, характерный для всей западной цивилизации: «Я был взращен и рос как вполне человек нового времени; и потому ощущал себя пределом и концом нового времени; последним (конечно, не хронологически) человеком нового времени и потому первым – наступающего средневековья.» [8, с,168]

Летом 1899 г Флоренский находился в стрессовом состоянии и пережил серьезный мировоззренческий кризис. В историко-философском кружке он ознакомился с под цензурным текстом «Исповеди «Л.Н. Толстого которая оказала сильнейшее воздействие на него, а также с «Экклезиастом» и некоторыми буддийскими текстами. «С Толстым, Соломоном и Буддою я ощущал надежность своей безнадежности, и это удовлетворение и какой-то род спокойствия.» [8, с. 187] Флоренский фиксировал острую необходимость не в истинах, а в Истине которая лежит вне его. Во время одного из снов он полагал, что на него снизошло озарение: «Мне это было откровением, открытием, потрясением, ударом. От внезапности этого удара я вдруг проснулся, как разбуженный внешней силой, и, сам не зная для чего, но подводя итог всему пережитому, выкрикнул на всю комнату: «Нет, нельзя жить без Бога.» [8, с. 162]

С этого времени завершался переход от одной мировоззренческой картины мира к другой. Основными результатами этих изменений было следующее:

1. Наука перестала быть единственной достоверной системой знания. В науке, да и в других системах знания, необходимо перейти от идеи непрерывности и связанной с ней концепции эволюционизма и теории прогресса, к противоположной идеи прерывности.

2. Флоренский пришел к необходимости идеи Бога и религии, но конфессиональная принадлежность его еще не выявлялась.

3.Опираясь на наследие Владимира Соловьева и Льва Толстого, он считал возможным построение « общечеловеческого,» мировоззрения.

В дальнейшем он стремился активно реализовывать эти положения.

Литература

1. Андроник(Трубачев), иеромонах. Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского. Томск, Водолей, 1998.-192 с.

2. Андроник(Трубачев), игум. « Обо мне не печальтесь…»: Жизнеописание священника Павла Флоренского. – М., Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007–152 с.

3. Бонецкая Н.К. Между Логосом и Софией (Работы разных лет). М, СПБ, 2018.—576с.

4. Василенко Л.И. О магии и оккультизме в наследии о. Павла Флоренского.// Вестник ПСТГУ, 2004, № 3, Философия, с. 81–99.

5. Исупов К.Г. Павел Флоренский: наследие и наследники.
// П.А. Флоренский: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001, с. 8–30.

6. Павлюченков Н.Н. Священник Павел Флоренский как богослов: материалы к историографии вопроса. //Филаретовский альманах. 2020, Вп. 16. с. 89–129.

7. Половинкин С.М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М., РГГУ, 2015.-362с.

8. Флоренский Павел, священник. Из моей жизни. М.:-Академический проект; Гаудеамус, 2018.—729 с.

9. Флоренский Павел, священник.Сочинения в 4т. Т. 4 Письма с Дальнего Востока и Соловков. М.: Мысль, 1998,—796 с.

10. Флоренский П.А., священник. Сочинения В 4т. Т. 3(1)– М.: Мысль, 1999,—621с.

11. Флоренский П.А., священник. Сочинения В 4т. Т. 3(2)—Мысль, 1999, –623 с.

12. Флоренский П.А. Число как форма. М.:, МЦНМО, 2021,—60с.

13. Флоренский П.А. Автобиография.// Наше наследие, № 1, 1988, с. 74–78.

14. Флоренский П.В. Обретая Путь. Павел Флоренский в университетские годы. В 2т. Т. 1 М.: Прогресс– Традиция, 2011.-584 с.

15. Хоружий С.С. Миросозерцание Флоренского. Томск.: Водолей, 1999,-161с.

16. Хоружий С.С. Философский символизм Флоренского и его жизненые истоки.-// Историко-философский ежегодник-1988, М.: 1989. с. 521–556.

17. Шапошников В.А. Персоналистический платонизм о. Павла Флоренского.-//Вестник Моск. Ун-та, сер.7. Философия, 2011, № 1, с. 9–19.

STAGES IN THE FORMATION OF P.A. FLORENSKY'S WORLDVIEW (CHILDHOOD – YOUTH)

Zagarin I.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the early stage in the formation of P.A. Florensky's worldview. The method of reconstruction is employed. It demonstrates the role of the family in shaping his scientific picture of the world while simultaneously precluding the emergence of religious views. The place of contemplating nature in the formation of Florensky's worldview is assessed. The article shows that a child's worldview occupies the most adequate position in the cognition of reality. It identifies the role of a historical-philosophical circle at his gymnasium in preparing the transformation of his worldview. The reasons that led to Florensky's worldview crisis are also examined.

Keywords: Florensky, worldview, childhood, taboo, scientific picture of the world, form, exception from the laws of nature, crisis.

References

1. Andronik (Trubachev), Hieromonk. Theodicy and Anthropodicy in the Works of Father Pavel Florensky. Tomsk: Vodoley, 1998. 192 p.

2. Andronik (Trubachev), Hegumen. «Do Not Grieve for Me…»: A Biography of Father Pavel Florensky. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2007. 152 p.

3. Bonetskaya, N.K. Between Logos and Sophia: Works from Different Years. Moscow; St Petersburg, 2018. 576 p.

4. Vasilenko, L. I. «On Magic and Occultism in the Legacy of Father Pavel Florensky.» Bulletin of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 2004, № 3, Philosophy, pp. 81–99.

5. Isupov, K. G. «Pavel Florensky: Legacy and Heirs.» In P.A. Florensky: Pro et Contra. St Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities, 2001, pp. 8–30.

6. Pavlyuchenkov, N. N. «Father Pavel Florensky as a Theologian: Materials for a Historiography of the Question.» Filaretovsky Almanac, 2020, issue 16, pp. 89–129.

7. Polovinkin, S.M. The Christian Personalism of Father Pavel Florensky. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2015. 362 p.

8. Florensky, Pavel, Priest. From My Life. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Gaudeamus, 2018. 729 p.

9. Florensky, Pavel, Priest. Collected Works in 4 Volumes. Vol. 4: Letters from the Far East and Solovki. Moscow: Mysl, 1998. 796 p.

10. Florensky, P. A., Priest. Collected Works in 4 Volumes. Vol. 3, Part 1. Moscow: Mysl, 1999. 621 p.

11. Florensky, P. A., Priest. Collected Works in 4 Volumes. Vol. 3, Part 2. Moscow: Mysl, 1999. 623 p.
12. Florensky, P.A. Number as Form. Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education, 2021. 60 p.
13. Florensky, P. A. «Autobiography.» Our Heritage, № 1, 1988, pp. 74–78.
14. Florensky, P.V. Finding the Way: Pavel Florensky in His University Years. In 2 Volumes. Vol. 1. Moscow: Progress-Tradition, 2011. 584 p.
15. Khoruzhy, S.S. Florensky's Worldview. Tomsk: Vodoley, 1999. 161 p.
16. Khoruzhy, S. S. «Florensky's Philosophical Symbolism and Its Biographical Origins.» Historical-Philosophical Yearbook-1988. Moscow, 1989, pp. 521–556.
17. Shaposhnikov, V. A. «The Personalist Platonism of Father Pavel Florensky.» Bulletin of Moscow University, Series 7: Philosophy, 2011, № 1, pp. 9–19.

Концепт смысла истории Н.А. Бердяева в контексте европейской интеллектуальной традиции

Платанова Анна Сергеевна,
преподаватель кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: annasplatanova@gmail.com

Телеологическая трактовка смысла истории в философской системе Георга Вильгельма Фридриха Гегеля стала основным предметом спора для развернувшийся в середине прошлого столетия в Германии дискуссии о природе, сущности и смысле истории. Именно в гегелевской системе критики историзма увидели начало кризиса воззрений на историю. Николай Бердяев, который был старшим современником этой дискуссии, предлагает альтернативную интерпретацию смысла истории. Он раньше увидел риски гегелевского проекта и осознал проблематичность построения философии истории на основании утверждения объективного смысла в абсолютном духе. Однако вместо отказа от телеологического дискурса, он нашел пути его положительного переосмысления. В своей историософии Бердяеву удается избежать двух крайностей: детерминистического понимания смысла, к чему приближается в своей концепции Гегель, и общераспространённого религиозно-народного эсхатологизма, суть которого сводится к представлению, что история есть плоскость неадекватного человеческого существования, которая должна быть преодолена в некоей «будущей жизни» в конце времен. Бердяев, признавая проблематичность ситуации человека в историческом времени, находит пути обретения в нем подлинной свободы, а значит и установления в нем непреходящего смысла.

Ключевые слова: Бердяев, смысл истории, эсхатология, свобода, историзм, немецкий идеализм, Кант, Гегель, дух

Вступление

Категория смысла истории, существовавшая в европейской мысли как одна из ее фундаментальных тем, в прошедшем столетии произошел беспрецедентный поворот в этой теме. В 50-х гг. в Германии развернулась полемика по поводу различных концепций истории, когда снова приобрел актуальность вопрос о смысле исторического времени. В ней приняли участие Карл Левит, Якоб Таубес, Эрик Фегелин и другие. Результатом этой дискуссии стал риторический вопрос: должен ли вообще быть у истории как целого какой-то особый смысл? [12]. Со временем этот вопрос в виде уже не вопрошающего скептического убеждения вышел за рамки сугубо интеллектуального спора и во многом предопределил превалирующие безразличие по отношению к вопросу о смысле истории в наши дни.

Однако, если вопрос о смысле не ограничивать исключительно рациональной перспективой, стоит принять во внимание еще одну область непрерывного и продолжительного существования этой идеи. В том же XX веке смысл истории неизменно сохранялся в сугубо теологическом дискурсе, ведь, согласно христианской вере, всё сотворенное Бог предопределил и наделил смыслом. Но и здесь оказалось, что смысл истории сохраняется во многом на уровне декларации, ибо, как сказано в книге пророка Исайи: «Мои мысли – не ваши мысли» (Ис. 55:8). А концепция предопределения не разъясняет, а скорее дезавуирует смысл самого исторического континуума, ведь если после пришествия Христа все обещанное уже исполнилось, то последующая история бессмысленна. Разделение рационалистического и теологического дискурсов о смысле истории в XX веке заставляет задаться вопросами как о методологическом потенциале теологического дискурса в рационалистическом контексте, так и о существовании реальных альтернатив в понимании исторического процесса.

Тема кризиса смысла истории была также ярко представлена в мысли русского философа Н.А. Бердяева. Не случайно К. Левит ссылается на Бердяева в заключении к своей работе «Смысл истории» [8, с. 416]. Бердяев пишет: «история <…> есть неудача человека, неудача культуры, крушение всех человеческих замыслов. В ней осуществляется не то, что задумал человек, и смысл происходящего в ней неуловим для человека» [4, с. 318]. Бердяев как будто бы предвидел неизбежность актуализации этого вопроса, пророчески оценивая своё время так: «настолько выявились результаты длительного исторического процесса, что стал возможен и неизбежен суд над историей, над ее неудачей» [4, С. 323]. Обращение к наследию Н.А. Бердяева в свете обозначенных вопросов достаточно перспективно, поскольку, признав «неудачу» исторического процесса, он тем не менее старается по-новому наделить его смыслом.

Для немецкой дискуссии фигура Бердяева особенно интересна тем, что он работает в контексте этих же культурных и интеллектуальных проблем, что и немецкие критики историзма: их всех волнуют итоги Просвещения и феномен секуляризации. С этим связана неожиданная солидаризация Левита с «негативной» стороной итога бердяевской философии истории. В то же время Бердяева, как и Левита, чрезвычайно интересует мысль Гегеля. Они, каждый по-своему, согласились бы с утверждением Хайдеггера, что мысль Гегеля является «самой мощной мыслью Нового времени» [14, с. 6; 15, с. 49]. Можно без большого преувеличения сказать, что именно философское осмысление исторического процесса Гегелем стало главной проблемой для развернувшейся в середине прошлого столетия в Германии дискуссии о природе, сущности и смысле истории. Именно в гегелевской системе ее участники увидели начало кризиса воззрений на историю. Бердяев разделяет критику гегелевского проекта и вполне сознает проблематичность построения философии истории на основании утверждения объективного смысла, скажем, в абсолютном духе.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы представить позицию Бердяева, учитывающую сложный контекст этой дискуссии: и гегелевскую абсолютизацию исторического прогресса, и попытку И. Канта ограничить возможности обнаружения смысла в истории, развитую немецкими критиками в XX веке. Работая фактически с тем же материалом, что и Левит, Бердяев в итоге делает из него противоположный вывод: у истории есть положительный смысл. Оригинальность концепции Бердяева заключается в попытке совместить кантовский приоритет личной свободы с гегелевским признанием имманентной

ценности самой истории через новую интерпретацию христианского откровения.

Экзистенциальным фоном для размышлений Бердяева стал его личный опыт, о чем свидетельствует он сам в 1940-х годов в эмиграции: «Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию её победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я ещё не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий…» [3, с. 9]. Этот опыт сформировал в нем то, что Бердяев называл «русским катастрофическим чувством жизни и истории», в котором как будто бы собралось все напряжение назревавшего долгое время кризиса [3, с. 239]. Из него Бердяев ищет выход, которым может стать только новая реабилитация смысла исторического времени и жизни человека в нем.

Размышление о философии истории было для Бердяева одним из центральных мотивов его творчества. Он по собственному признанию «проникнут темой истории», утверждал ее смысл и философию истории считал своей специальностью [3 с. 287]. Первое специальное произведение Бердяева на эту тему – «Смысл истории» (1923). В нём он формулирует основополагающую идею своей историософии: «смысл истории лежит за ее пределами и предполагает ее конец. История имеет смысл потому, что она кончится» [1, с. 245]. Про себя он писал, что ощущает «острое чувство судеб истории» [3, с. 235]. Эту тему он продолжает в книге «Судьба человека в современном мире» (1934), которую он оценивал выше, чем широко известный программный историософский текст «Новое средневековье» (1924). Философские проблемы времени, лежащие в основе философии истории, он отдельно и очень подробно разбирает в книге «Я и мир объектов» (1934). Своеобразный итог своим размышлениям над этой проблематикой он подводит в двух небольших разделах в 1940-х годах в своей интеллектуальной и духовной автобиографии – «Самопознание». Чтобы увидеть значение представленных в этих работах идей, в данной статье они помещаются в контекст нововременных разработок вопроса о смысле истории.

Нововременные подходы к вопросу о смысле истории

Со времен эпохи Просвещения нераздельно сосуществовали, подчас переходя друг в друга, два разных подхода к пониманию смысла истории: или он полагался объективным, надличностным, часто даже имманентным самой истории, как понимал его Гегель, или же смысл понимался как субъективный, если примат отдавался личной свободе ее субъектов, как это делал Кант. В первом случае, когда речь шла об «объективной истории», история предполагала цель (т.е. наделялась «энтелехийной природой»), которая раскрывалась в закономерностях исторического движения; при этом смыслы истории понимались имманентными ей и раскрывались при внимательном и беспристрастном взгляде на ее фактический ход. Во втором же случае ход истории конструировался в частном человеческом сознании как его личное, хотя и закономерное, достижение. Понятие «смысла» применительно к истории относилось в этом случае вовсе не к каузальному, а к телеологическому, оценочному понятийному ряду; при этом смыслы мыслились не столько принадлежащими её объектам, сколько проистекающими из субъекта, и потому требовали не познания, а создания или конструирования. При всей разности эти два подхода, по-видимому, едва ли могут быть вполне отделены друг от друга. Напротив, история их существования показывает, как одна перспектива зачастую сменяется другой.

Первая точка зрения, наиболее целостно и концептуально осознанная Гегелем и романтиками, которые говорили об особой исторической судьбе всемирного духа и, следовательно, уникальности и неповторимости исторических феноменов как различных стадий его выражения. Эта логика со временем вынужденно привела к осознанию «историчности» самого историка и неизбежной исторической детерминированности того ракурса, с которого он оценивает свой предмет. Отсюда оставался один шаг до утверждения плюрализма смыслов вследствие фактического отсутствия того самого истинного метода доступа к объективному смыслу, который первоначально постулировался как опорная точка этой линии мысли.

Некритический исторический объективизм, вид которого могла принять линия рассуждения, базирующаяся на этих установках, был подвергнут радикальному сомнению в критической философии Канта. «Кант задал совершенно новую установку философии истории, вовсе не претендующей отныне на познание исторически-сущего, исторического процесса в философско-теоретической форме» [10, с. 318]. По Канту история должна формироваться из принципиально другой перспективы. «Кант предпринимает реконструкцию разумного плана истории, постоянно подчеркивая ее проективный характер “как если бы”, следующий из самой структуры субъективности. Разумный план истории есть то трансцендентальное требование, которое субъект предъявляет истории. Как и “религия в пределах разума”, разумный план истории есть прежде всего потребность самого разума. Человеческая жизнь обретает смысл через отнесение к горизонту истории человеческого рода, а историчность в свою очередь наделена смыслом, поскольку является имманентной ситуацией самого субъекта. Мы должны держаться предположения о трансцендентально усматриваемом смысле истории для того, чтобы наша собственная жизнь имела смысл» [13, с. 22]. Эта необходимость, тесно связанная при этом с необходимостью взаимодействия между людьми, открывает новый «субъективный исторический объективизм». Чтобы требования морального закона по ходу истории укоренялись в человеческом роде как субъективно принимаемые и реализуемые в поступках максимы, такая цель должна быть поставлена на гражданском уровне [6], однако, она же должна стать задачей каждого субъекта лично. Тем самым вносимый нами смысл в пределе претендует на общеобязательное значение. Изначально «субъективная» история выходит за заявленные ею же самой границы.

Так, в проблеме смысла истории устанавливается замкнутый круг: объективный смысл, выводимый из самой истории, должен в итоге сам быть признан продуктом своего времени, детерминированным исторической ситуацией своего выразителя, а желание отказаться от такого смысла в пользу личностного выбора в итоге должна быть подкреплена на том, что личностная потребность в нем универсальна и потому в пределе является, или точнее должна являться, единой и обязательной, так что нарушается принцип свободы личности, ради которой совершался отказ от объективного смысла истории. Чтобы сказать новое слово в этой теме, Бердяеву нужно было найти выход из этого круга.

Разум в истории

По той условной классификации, с которой мы начинали, концепции Гегеля и Бердяева, основанные на предпосылке некоего стоящего над историей разума, обе развиваются в направлении объективистского понимания смысла истории. «Я бывший идеалист и впитал в свою плоть и кровь эти сверхличные нормы, – пишет Бердяев в письме Философу в 1908 г. в пылу начавшегося расхождения с Мережковским. – Сверхличный разум раскрывается не только в Церкви, но и в мире, в мире было откровение божественного Разума, в истории человеческого самосознания, в истории философии. Для меня история “хорошей” философии и есть планомерное раскрытие сверхличного Разума, естественное откровение Божества, внутренно тождественное с сверхъестественным откровением, данным в религии. От Платона и Филона, от Оригена и Скотта Эригена до Гегеля, Шеллинга и русских философов тянется одна нить, раскрывается истина не малого эвклидового разума, а большого сверхличного Разума» [11, с. 321].

Похожую логику Бердяев развивает и позднее в работе «Смысл истории»: «Поистине, существует разум истории», – пишет он и добавляет – «органический разум истории». И там же: «высший разум должен заключать в себе не только тот объем человеческого самосознания, человеческого разума, который свойственен известной органической эпохе, скажем эпохе XVIII и XIX века со всеми ее недостатками и дефектами…» [1, с. 13]. Заметим, что «объем человеческого самопознания», как и ранее было видно, входит в определение этого надисторического разума. Он продолжает: «Разум (речь все о том же “органическом разуме истории” – А.П.) должен быть приобщен и к первобытной мудрости человека, к тем первоощущениям бытия, первоощущениям жизни, которые зарождаются на заре человеческой истории и даже на заре доисторической жизни, в том анимистическом понимании мира, которое свойственно всем народам на самой первоначальной стадии. Эта мудрость, свойственная первоначальным эпохам, проходит затем через внутренние таинственные глубины жизни всей истории человеческого духа, через зарождение христианства и через средние века до нашего времени» [1, с. 14]. Иначе говоря, этот разум есть объем человеческого самопознания, растянутый во времени.

Здесь сохраняется структура гегелевской логики. Абсолютный дух, объективный сверхличный и сверхчеловеческий Разум самой истории, включает в себя все стадии исторического сознания человечества как бы в «снятом» – то есть включенном в себя – виде. Однако статус «высшего», по Бердяеву, он заслуживает не потому, что количественно включает себя все, но потому что, выявляя «мудрость» и «таинственную глубину жизни», суть каждой эпохи, связывает раздробленные эпохи в единое историческое бытие. Из его перспективы лишь обна-

руживается значение и смысл каждого исторического этапа. Проходя путь во времени этот разум «постигает» (как будто бы сам) некий «внутренний свет», т.е. вневременной смысл каждого образа времени, становясь потом «просвещающим и просветленным». Здесь вновь, по-геглевски сливается субъект и объект действия.

Можно было бы задаться вопросом – как в подобных же местах у Гегеля – о чьем разуме идет здесь речь. Но если у Гегеля разговор идет о сверхличном Абсолюте, то кому принадлежит бердяевский Разум и как он себя проявляет, остается не ясно. Из приведенных выше фрагментов вычитывается пока лишь то, что подобно Гегелю, Бердяев убежден в существовании разумности в самой истории, которая базируется на стоящем за историей абсолютным Разумом, источником смысла, который однако не отделим от самой истории и раскрывается в ней. Это проясняет связь его мысли с гегелевской, но не составляет оригинальности его разработки.

Проблема свободы в философии истории

Во всем немецком идеализме после Канта свобода – ключевая ценность. В интерпретациях гегелевской концепции это часто упускают из вида, хотя она формулировалась именно как поиск условий действительной реализации свободы.

Единство смысла и свободы в истории строится по Гегелю на том убеждении, что в пределе, в перспективе абсолютного духа, разумность и свобода пребывают в нераздельном единстве. Стремящийся к самопознанию дух в истории совершенствуется и развивается одновременно в этих двух планах, которые по мере приближения к цели все менее противоречат друг другу. План смысла в истории отражает наращивание самопознания духа как его логичности и разумности (поэтому философа истории не интересуют случайности). План же свободы – это реализация в становлении той энергии, которая провоцирует движение. Так свобода есть необходимое условие автономии, то есть установления свободного закона разума. Воля к автономии, свобода (как и у Канта) позволяет духу вырваться к своему естественному, т.е. разумному бытию из детерминированности материи. То, как на самом деле не всегда явным для нас образом тождество бытия и мышления реализует себя еще не в абсолютном плане духа, а в плане промежуточном, в плане истории, Гегель формулирует в так называемой концепции «хитрости разума». Из-за этой-то недореализованности возникает ощущение, что индивиды подчиняются внешнему объективному закону, в чем и состоит «хитрость», так как это происходит помимо их осознанного желания, но благодаря непреодолимой логики самого духа. В пределе личные желания индивидов сливаются в разумный ход истории, их свобода и логика объективного разума в пределе тождественны.

Ключевое значение идеи свободы Бердяев целиком перенимает у своих немецких предшественников. Но Бердяев отвергает утверждаемый Гегелем путь раскрытия свободы, причем в самой сердцевине гегелевской аргументации: в том, что реально осуществимо тождество бытия и мышления, духа и исторической реальности.

Отрицание тождества бытия и мышления – категорический пункт в философии Бердяева, и на этом стоит остановиться. Признание этого тождества для Бердяева неприемлемо, так как его осуществление означало бы сведение духовной реальности в имманентную область мира, что для Бердяева-христианина означало бы нарушение трансцендентности Божества и самообожествление человеческого разума или его продуктов. Поэтому вместо тождества бытия и мышления Бердяев утверждает абсолютную грань между Абсолютом и всем производным от него, в том числе – историческим самосознанием человека, и предлагает нам трансцендентную свободу в качестве аксиомы. Эта трансцендентная свобода есть источник ноуменального бытия в человеке.

Стоило бы ожидать в такой логике ход, подобный Левиту, когда абсолютная свобода как высшая ценность разрывает взаимосвязь не только истории внутри себя, но и Бога и мира, истории и человека. Это момент как раз и фиксирует в мысли Бердяева Левит, беря его на вооружение. Однако, для Бердяева, это не конец. Утверждение свободы доводит Бердяева до неожиданных выводов: с ней таинственным образом связано и бытие Самого Бога. Причем значение свободы здесь иное, чем в немецкой философской мысли, где свобода понимается как способность к автономному выбору. Такую свободу Бердяев называет свободой падшей, извращенной необходимостью, последствием грехопадения. Подлинная свобода достигается человеком через творчество, когда последний обретает силу творить нечто принципиально новое во времени, как бы «из ничего».

Эта трансцендентная свобода становится у него источником ноуменального бытия не только в отдельном человеке, но и в общении индивидов, более того – в истории. И хотя по форме это чем-то напоминает гегелевское раскрытие свободы сперва в субъективном, потом в объективном духе и далее, однако по сути речь идет не о прорастании смысла изнутри, а о привнесении его извне, из-за границ исторических форм существования природы и человеческого сознания. Причем происходит это как раз посредством человека, но не как участника межличностного взаимодействия, а как того, в ком ноуменальное бытие имеет свое «окно». Потому без личной свободы человека – то есть без возможности этому инородному началу в человеке раскрыться – невозможно раскрытие изначальной свободы и истории. В этом ответ Бердяева на вопрос о том, как наряду со свободой история сохраняет свой смысл.

Эсхатологический предел истории: прерывность в духовном бытии и преодоление времени

Для Гегеля раскрытие смысла истории есть одновременно и конец истории. Дух для него есть олицетворение и буквальное осуществление тождества бытия и мышления, а духовное есть спекулятивное (нечто тождественное себе в своем различии от себя). Буквально Гегель осуществляет редукцию духа к мышлению. Однако это мышление у него преодолевает границы «естественного разума», интегрируя в себя не только мистическое «умное видение», но и его предмет. Действие духа в бытии, то есть в себе, восстанавливает в некотором смысле неоплатоническую идею эманации. Дух эманирует в природу и человеческое сознание, в них выражаясь, совершенствуясь, восходя к себе. В конце гегелевской истории стоит реализация самопознания духа, прошедшего через объективацию как опосредование и вернувшегося к себе.

Для Бердяева в конце истории так же стоит дух. Однако в историософии Бердяева концепт духа наделяется иными онтологическими характеристиками и функционирует иначе, чем в системе Гегеля. Дух являет конец истории через ее качественный разрыв: «Дух означает прерывность, прерывность в жизни мира, в истории мира. Дух не действует путем эволюции. Нет развития духа, что означало бы закономерность и было бы противоположно свободе. У Гегеля сама свобода была закономерностью. Дух есть прорыв. Он действует как сила трансцендирующая, переступающая пределы и границы. Трансцендентное есть тайна и бесконечность. И дух приходит из этой тайны и бесконечности» [2, с. 386]. Обратим внимание как органично встраивается в этом фрагменте полемика с Гегелем. Очевидно, что она имелась в виду раньше, чем Бердяев упомянул его имя. Утверждение, что свобода у Гегеля есть закономерность означает фактическое ее отрицание. Для Бердяева это неслучайная оговорка, несколько раз он будет возвращаться к этой мысли в разных работах, утверждая, что Гегель элиминировал свободу и потому собственная философия духа Бердяева должна называться философией свободного духа в противовес гегелевской.

Для нас особенно интересно наличие в этом утверждении Бердяева кантовских мотивов. Дух Бердяева «означает прерывность», т.е. он останавливает все связи причин и последствий, этим самым утверждает на конкретном участке бытия и истории порядок свободы. Ровно так же можно описать моральный поступок у Канта [7]. Он радикально автономен, поэтому необходимо внеисторичен. В утверждении этой инородности морального действия Кант доходит до чуть ли не абсурдного пафоса безразличия морального поступка к собственным эмпирическим последствиям. Как бы слаба и уязвима ни представлялась эта идея на практике, она вполне отвечает главной цели Канта: извлечь моральный поступок из детерминистического порядка природы и истории и наделить его качеством безусловной свободы. Только так понимаемый моральный поступок создает в философии Канта гипотетическую возможность для раскрытия свободы в индивидуальном бытии каждого человека. Эта безусловная свобода выражается в таком моральном действии, которое устанавливает изнутри себя собственную целесообразность и в перспективе времени – целесообразность истории.

Эта аналогия, на наш взгляд, есть единственная возможность как-то прояснить, как отрицание тождества бытия и мышления и утверждение в бытии свободы сочетается в рассуждениях Бердяева с постулированием общезначимого смысла истории. Утверждая такую параллель мы не слишком оригинальны. Бердяев сам вполне сознавал и отмечал определенное родство своей мысли с кантовским критицизмом. «В теории познания, – говорил он, – я изошел от Канта», «Из мыслителей прошлого более всего я обязан Канту». «Из философов же наибольшее значение имел (для меня – АП) Кант. Философия Канта есть философия свободы, хотя, может быть, недостаточно последовательно, не до конца развитая» [3, с. 54].

Как и у Канта для Бердяева вступление в порядок истории есть автономный, самостоятельный поступок человека. Для Канта это значит, что этот поступок этический. Для Бердяева это в пределе означает, что этот поступок причастен трансцендентной свободе. Присущая такому поступку свобода столь фундаментальна, что даже по отношению к Богу он остается новым, неограниченным Его благим предвидением.

А значит действительное участие истории есть творение такой новизны во времени, какая в каком-то смысле нова даже для Бога. При этом причастность к фактическому историческому опыту может становиться для человека путем к обретению такой возможности.

Посредством памяти человек обнаруживает, что в внутри него самого на самом деле и совершается вся мировая история, он микрокосм [5, с. 288]. И чтобы утвердить смысл истории, человек также должен обратить ее «внутрь себя», преодолеть ее объективацию, отделенность от экзистенциального центра собственной личности, можно сказать «присвоить». Тогда история в определенном смысле действительно становится субъективной: но когда она становится субъективной, личностной, ее носитель есть уже не ее герой, а ее создатель, творец, почти наравне с Творцом.

Бердяев также пересматривает понимание конца мира, предложенное в объективистской трактовке иудео-христианского мифа, предлагая альтернативную эсхатологию. Это буквальное следствие вышесказанного: в момент «присвоения» истории личностью история как отчужденная логика самого времени перестает довлеть над человеком, что и означает ее фактический конец. Поэтому, согласно Бердяеву, бессмысленно говорить о каком-то логическом временном завершении истории в некоем будущем, как часто трактовался иудео-христианский миф о конце. Так он характеризует объективацию христианской эсхатологии: «Христианская эсхатология была приспособлена к категориям этого мира, ко времени этого мира и истории, она не вышла в иной эон» [3, с. 293]. «Иной эон» – это и есть тот новый порядок времени, который может утвердиться, когда история кончается в экзистенциальном выборе человека.

Этот новый порядок времени сам оказывается подчинен человеку, а не подчиняет его своей логике. Однако он не может стать результатом эволюционного развития имманентной логики истории: это не вывод, а выход из нее. Исток его можно найти только в метаисторическом откровении, которое человек принимает в акте свободной веры. «Моя вера, – пишет Бердяев, – не может быть прикована к сомнительным фактам исторического времени, колеблющимся от ветра. На этой зыбкой почве многие потеряли всякую веру. Метаисторическое откровение просвечивает в истории, но оно не есть историческое откровение. В историческом откровении много слишком человеческого» [3, с. 293].

Этому «иному эону», то есть новому плану свободы, Бердяев противопоставляет объективированный план природы. Эти два плана он понимает в кантовском духе как сосуществование двух «царств», то есть двух радикально различных логик бытия в истории и в мире, которые могут быть раскрыты посредством свободного выбора человека. Правда, естественный человек скорее склонен выбирать детерминированную историю и свое детерминированное во времени существование, поэтому «до конца времен остаются два царства» [5, с. 326], пишет Бердяев, имея в виду царство духа, то есть план, в котором человек выбрал реализовать собственную свободу и творческий потенциал, и «царство кесаря», то есть детерминированный порядок, принуждающий его к пассивному бытию во времени.

Заключение

Итак, согласно Бердяеву, смысл истории дан в откровении, то есть в вере и только в ней. В отличие от Гегеля, бердяевская история – это предельно субъективная история, которая через веру становится объективной. Как и у Канта она по сути своей носит характер условный, то есть предполагает свободный и сознательный выбор человека и не имеет принуждающей силы объективистского нарратива, поэтому и формулироваться она может лишь на мифопоэтическом языке Священного Писания. Только Кант свою разумную телеологию основывает на аксиоматической ценности автономии как принципа и закона действия, и отсюда выводит свою «религию в пределах только разума», а Бердяев не стремится рационально и даже морально ее фундировать, предполагая, что в опыте откровения первичную роль играет свобода воспринимающего и потому оно не может никаким образом выступать принуждающей силой. Бердяев полагает, что человек может опознать взаимное откровение Бога человеку и человека Богу, которое он знает в глубине самого себя, в священной истории как в уже накопленном опыте жизни в плане свободы. Тогда вся мировая история становится для него изображением его собственного духовного пути, а он сам – из участника, чьи дела есть лишь средство осуществления имманентной логики времени, – творцом самого характера времени, в котором не только логика, но и смысл, и цель, и конец будут выражением его личной свободы и качества его веры.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. 2-е изд. Paris: YMCA-Press, 1969. 270 с.
2. Бердяев Н.А. Дух и реальность // Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 363–460.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
4. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 318–362.
5. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Сост. и послесл. П.В. Алексеева; Подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1995. 383 с.
6. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 710 с.
7. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М.: Наука, 1997. Т. III: Основоположение к метафизике нравов; Критика практического разума. 784 с.
8. Лёвит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории. СПб.: Владимир Даль, 2021. 512 с.
9. Н. А. Бердяев: pro et contra: антология / сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. СПб.: Изд-во РХГИ, 1994. Кн. 1. 573 с.
10. Перов Ю.В. Лекции по истории классической немецкой философии. СПб.: Наука, 2010. 531 с. (Серия «Слово о сущем»; т. 96).
11. Письма Николая Бердяева / публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс, 1992. Т. 9. С. 294–325.
12. Тесля А.А. Круг и крест. Рец. на кн.: Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории / К. Левит; пер. с англ. А.А. Саркисьянца. СПб.: Владимир Даль, 2021. 512 с. (Серия «Политическая теология») // Историческая экспертиза. 2022. № 1 (30). С. 375–379.
13. Файбышенко В.Ю. Пустая форма и начало истории: трансцендентальная философия рождения у Мераба Мамардашвили // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II, № 4. С. 13–31.
14. Heidegger M. Nietzsche / trans. by David F. Krell. New York: HarperCollins, 1991. Vol. 1. 608 p.
15. Heidegger M. On Time and Being / trans. by Joan Stambaugh. New York: Harper & Row, 1972. 84 p.

N.A. BERDYAEV'S CONCEPT OF THE MEANING OF HISTORY IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN INTELLECTUAL TRADITION

Platanova A.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The teleological interpretation of the meaning of history in the philosophical system of Georg Wilhelm Friedrich Hegel became the primary subject of dispute in the debate on the nature, essence, and meaning of history that unfolded in Germany in the middle of the last century. It was precisely within the Hegelian system that critics of historicism identified the origin of the crisis of historical perspectives. Nikolai Berdyaev, who was an older contemporary of this debate, offers an alternative interpretation of the meaning of history. He had earlier recognized the risks of the Hegelian project and realized the problematic nature of constructing a philosophy of history based on the assertion of an objective meaning within the Absolute Spirit. However, instead of abandoning teleological discourse, he found ways to positively reconceptualize it. In his historiosophy, Berdyaev manages to avoid two extremes: a deterministic understanding of meaning, which Hegel's concept approaches, and a widespread popular religious eschatology, which reduces history to a plane of inadequate human existence that must be transcended in some "future life" at the end of time. Berdyaev, while recognizing the problematic situation of the human being within historical time, finds ways to attain genuine freedom within it, thereby establishing within it an enduring meaning.

Keywords: Berdyaev, meaning of history, eschatology, freedom, historicism, German idealism, Kant, Hegel, spirit

References

1. Berdyaev, N. A. (1969). Smysl istorii: Opyt filosofii chelovecheskoy sudbys [The meaning of history: An essay on the philosophy of human destiny] (2nd ed.). Paris: YMCA-Press.
2. Berdyaev, N. A. (1994). Dukh i realnost [Spirit and reality]. In Filosofiya svobodnogo dukha (Pp. 363–460). Moscow: Respublika.
3. Berdyaev, N. A. (1990). Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii) [Self-knowledge (An essay in philosophical autobiography)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Berdyaev, N. A. (1994). Sudba cheloveka v sovremennom mire [The fate of man in the modern world]. In Filosofiya svobodnogo dukha (Pp. 318–362). Moscow: Respublika.
5. Berdyaev, N. A. (1995). Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya [The Kingdom of Spirit and the Kingdom of Caesar] (P.V. Alekseev, Comp.). Moscow: Respublika.
6. Kant, I. (1980). Religiya v predelakh tolko razuma [Religion within the boundary of pure reason]. In Traktaty i pisma (Pp. 710). Moscow: Nauka.
7. Kant, I. (1997). Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh: in 4 vols. [Works in German and Russian: in 4 vols.] (N.V. Motroshilova & B. Tuschling, Eds.). Moscow: Nauka. Vol. III: Osnovopolozhenie k metafizike nravov; Kritika prakticheskogo razuma.
8. Löwith, K. (2021). Smysl v istorii. Teologicheskie predposylki filosofii istorii [Meaning in history: The theological implications of the philosophy of history]. Saint Petersburg: Vladimir Dal.

9. Ermichev, A. A. (Comp.). (1994). N.A. Berdyaev: pro et contra: antologiya [N.A. Berdyaev: pro et contra: anthology]. Saint Petersburg: Izd-vo RKhGI. Bk. 1.

10. Perov, Yu. V. (2010). Lektsii po istorii klassicheskoy nemetskoy filosofii [Lectures on the history of classical German philosophy]. Saint Petersburg: Nauka. (Slovo o sushchem Series; Vol. 96).

11. Alloi, V. (Publ.). (1992). Pisma Nikolaya Berdyaeva [Letters of Nikolai Berdyaev]. Minuvshee: Istoricheskiy almanakh, 9, 294–325. Moscow; Saint Petersburg: Feniks.

12. Teslya, A. A. (2022). Krug i krest. Rets. na kn.: Smysl v истории. Teologicheskie predposylki filosofii istorii / K. Löwith [Circle and cross. Book review: Meaning in history: The theological implications of the philosophy of history by K. Löwith]. Istoricheskaya ekspertiza, (1), 375–379.

13. Faybyshenko, V. Yu. (2018). Pustaya forma i nachalo istorii: tselostnaya filosofiya rozhdeniya u Meraba Mamardashvili [Empty form and the beginning of history: Merab Mamardashvili's transcendental philosophy of birth]. Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, II(4), 13–31.

14. Heidegger, M. (1991). Nietzsche (D.F. Krell, Trans.). New York: HarperCollins. Vol. 1.

15. Heidegger, M. (1972). On Time and Being (J. Stambaugh, Trans.). New York: Harper & Row.

К вопросу о гуманистическом содержании культурного ядра цивилизации: концептуальная философская экспликация проблемы

Сухина Игорь Григорьевич,
доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии и русской филологии, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: suhina_igor@mail.ru

Шлетгавер Даниил Витальевич,
аспирант кафедры философии и русской филологии, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: shletgaver2002@mail.ru

В статье анализируется феномен гуманизма как актуальное содержание культурного ядра цивилизации, выступающее интегрирующим ее структуру, детерминирующим ее функционирование и развитие основанием. Гуманизм рассматривается как фундаментальное культурогенное начало, которое конституирует конструктивную человеческую субъектность, влияет на формирование культуры и цивилизации в целом. Цивилизация мыслится универсальной формой человеческого бытия в мире, представляющей собой социокультурную суперсистему, интегрируемую ее культурным ядром. Историческое развертывание цивилизации представлено с позиции ключевых гуманистических мировоззренческих парадигм: космоцентристской, теоцентристской и антропоцентристской, которые оказали влияние на формирование основных исторических эпох культурно-цивилизационного развития человечества. Осуществлен анализ современной – техногенной цивилизации, порождаемых ее развитием вызовом гуманистическим устоям человеческого бытия с позиции интенсивного роста социального влияния технологического прогресса. Обоснована идея необходимости утверждения глобалистской гуманистической парадигмы цивилизационного развития, реактивации с ее позиции культурного ядра цивилизации, культурогенной субъектности ее носителей, гармонизации культурно-гуманитарного и техногенного аспектов структуры цивилизации в направлении социально устойчивого развития. Гуманизм мыслится как магистральная культурная традиция, проходящая через всю культурную историю человечества.

Ключевые слова: культура, цивилизация, культурное ядро, смыслы, ценности, значения, субъектность, гуманизм, антропоцентризм, модернизация, инновационное развитие, наукоемкие технологии, техногенный, глобализация.

Актуальность

На современном этапе социально-цивилизационного развития человечества, в условиях НТП, модернизации и глобализации, происходит формирование техногенной модальности цивилизации с растущим влиянием техницизма на общество и мировую цивилизацию в целом. Поэтому особенно актуальна новая – глобалистская парадигма гуманизма, которая при сохранении, упрочивании и обеспечении технологических достижений НТП поспособствует их социальной адаптации именно на культурно-гуманитарных ценностных приоритетах и принципах. Современные технологии должны служить гуманитарным целям, при соответственной системной социальной организации их функционирования. Тогда возможна должная оптимизация современной цивилизации в ее прогрессирующем развитии, которая в условиях глобализации ознаменует качественно новый этап человеческой истории, на котором онтологически конструктивным образом раскроется демиургический потенциал сообразной с интеллектом – ноосферной человеческой субъектности.

Цель статьи

Анализ и акцентуация роли и значения культурного ядра для цивилизации в ее морфологической архитектонике, функционировании и исторической динамике, а также экспликация гуманизма в качестве ценностно-мировоззренческой парадигмы культурогенной субъектности человека, и универсальной культурной традиции социально-цивилизационного развития.

Анализ публикаций по теме статьи

В своей культурогенной определенности гуманизм активно исследовался в философии Просвещения, в работах ее представителей: И.Гердера, Ф.Вольтера, Ж.-Ж.Руссо, Ш.Монтескье, К.Гельвеция, А.Шефтсбери, Ф. Хатчесона, и др., с которыми связано становление традиции исследования гуманизма как гуманитарного достояния культуры и цивилизации. Гердер понимал гуманизм в качестве универсального антропологического принципа культуры, и утверждал, что процесс выработки гуманности осуществляется всеми историческими формами культуры, и что зародыши, ростки гуманности укоренены в самой человеческой природе.

Духовное измерение человеческого бытия в его гуманистических ценностных константах акцентируется в работах А.Швейцера, Э.Кассирера, К.Ясперса, Ж.Маритена, Э.Фромма, П.Тейяра де Шардена, А.Печчеи, К.Ламонта, Н.Бердяева, и др. мыслителей-гуманистов. Вместе с тем актуальна экспликация гуманизма в качестве универсальной культурной традиции, с присущими ей концептуальными парадигмами гуманистического мировоззрения, осмысление реалий и перспектив культурно-цивилизационного процесса в условиях НТП и глобализации с позиции гуманоцентризма, что и предпринято в данной статье.

Актуальная для философии культуры и теории цивилизации проблематика теории культурного ядра цивилизации исследовалась в работах П.Сорокина, посвященных его концепции культурно-исторических типов [8]. Также идею культурного ядра развивал российский философ А.Ракитов.

В статье развивается теория культурного ядра цивилизации с позиции выявления его места в структурной организации цивилизационной системы, функций в этой системе, общего значения для цивилизационной субъектности как движущей силы исторического развития цивилизации, с позиции раскрытия содержащейся в нем гуманистической содержательности, что позволяет представить его как систему гуманитарно-значимых ценностей. Согласно с этим гуманизм мыслится универсальным культурным кодом цивилизации.

Основной текст

Анализ оснований и начал цивилизационного развития в современную эпоху научно-технологических инноваций, обретает особенную актуальность. Человечество оказалось перед лицом вызова антропологической определенности своего бытия в современном модернизирующемся мире. И это, по сути, глобальная проблема человечества, вызванная отчуждением человека от своей сущности, и требующая переосмысления представлений о человеке, его месте в мире, предназначении, оптимизации его цивилизованного бытия.

Поэтому новое обращение к феномену гуманизма как культурному ядру цивилизации, особенно актуально. Подлинно человеческое бытие – это, прежде всего, цивилизация. «Цивилизация, по утверждению российского философа В.Комарова, – феномен истории человечества, т.е. взятого во времени и пространстве общественного бытия рода человеческого» [2, с. 63].

В общем, в современном философском дискурсе цивилизация понимается как сложноорганизованная, исторически развивающаяся социокультурная суперсистема, обладающая своей структурой, механизмами самоорганизации и саморазвития. Цивилизация представляет собой высший уровень социальной системной организации, включающий в себя не только социальные связи, но и исторически накапливаемый социокультурный опыт, способы трансляции информации, знаний и ценностей в социальном пространстве и времени.

Цивилизация не редуцируется только к материально-технологическим – внешним характеристикам, но содержит внутреннее – духовное, ценностно-смысловое измерение, представляющее собой интегрирующее ядро, центр ее структурной организации, системообразующее начало. Внутреннее измерение цивилизации есть ее культурная подсистема, ее культурное ядро. Российско-американский социолог П.Сорокин мыслил цивилизацию как интегрированную на основе культуры социокультурную суперсистему, а в культуре выделял, прежде всего, ментальную ее образующую [8, с. 61]. Цивилизация, согласно Сорокину, – это социальное сообщество людей, объединенных культурой, ее общезначимыми ценностями и определенным типом мировоззрения. Эта ценностно-мировоззренческая содержательность образует культурное ядро цивилизации – совокупность общезначимых смыслов, ценностей, идеалов и норм, детерминирующих ее системную самоорганизацию, функционирование, развитие, ее специфическую самотождественность; ментальность в концепции Сорокина, – это, прежде всего, ценности, а социокультурная суперсистема или цивилизация – это, прежде всего, интегрированная система ценностей.

Культура и цивилизация взаимосвязаны в единой социальной системе, и исполненная смыслами, ценностями ментальность есть тот ключевой элемент, который определяет характер социокультурной системы и тип личности в ней. Культура в ее смысло-значимой, – ментальной или духовной содержательности есть интегрирующая цивилизационную систему основа. Содержащее базовые – кодовые ценности культуры, оно санкционирует все присущее цивилизации общесоциальное, конституирует ментальность сообщества ее носителей.

Общая структура цивилизации как самоорганизующейся системы предполагает наличие инвариантных констант, выступающих в качестве общезначимых семантических кодов культурного ядра, через которые осуществляется фиксация и воспроизводство базовых паттернов социально адаптируемого культурного достояния цивилизации, оказывающего системное влияние на ее структуру, функции, развитие, и объективирующегося в моделях социального поведения, коммуницирования, деятельности ее носителей.

В общую структуру цивилизации как социальной системы входят следующие цивилизационные подсистемы, – такие ее компоненты, как:

– культурная или духовная, – социальная; – технологическая; – экономическая;

– политическая; – географическая или природная (подсистемы). Каждая из этих подсистем играет свою особую роль в организации цивилизационной системы. Ее интегратором, центрирующим ее ядром, выступает культурная подсистема.

В интегрированной целостности цивилизация обретает свои системные качества как самоорганизующаяся система. В морфологическом строении цивилизации интегрирующее ее культурное ядро является смысловой доминантой, содержащей ключевые для системы в целом семантические коды, и выступает управляющей ее подсистемой, которая придает ей структурную целостность, функциональную определенность, направленность развития.

Содержащее ключевые смыслы – семантические коды, запечатлевающие основоположные смыслы, общезначимые ценности цивилизации, культурное ядро выступает ее стержневым, системообразующим началом. Оно формирует семантическое пространство социально действенного смыслообразования, актуального для цивилизации как сообщества и обеспечивающего его единство, субъектность, образ жизни, адаптацию к различным условиям реальности.

Само культурное ядро обладает социальной динамикой, способностью к саморазвитию и адаптации к социально-историческим условиям с сохранением своей идентичности. Через него осуществляется преемственная связь времен и поколений, происходит трансляция социокультурного достояния цивилизации.

Традиционно культурное ядро цивилизации имеет гуманитарный, – гуманистический характер. Это определяется тем, что культура формируется как система ценностей, норм и культурогенных практик, ориентированных на развитие личности и создание условий для ее конструктивной самореализации. Российский историк Л.Рейснер констатировал, что ядром цивилизации является культура как духовное производство и воспроизводство, при этом глубокой основой культуры выступают нравственные устои и гуманистические ценности общества [6, с. 47]; т.е. обозначена корреляция культурного ядра цивилизации и его гуманистического содержания в виде гуманистических ценностей социума.

Гуманизм – отнюдь не случайное свойство культуры и цивилизации, а их сущностная характеристика. Это универсальное явление культуры как таковой, конституирующее само человеческое бытие в мире как социальное бытие в культуре / в цивилизации. Российский философ В.Решетников, рассматривает гуманизм как универсальный культурно-цивилизационный феномен, как культурную универсалию и универсальное явление цивилизации [7, с. 15].

В общем мировоззренческом плане гуманизм означает филантропическое воззрение, основывающееся на гуманитарной вере в человека, его разум, нравственность, безграничный творческий потенциал его сущностных сил.

В философском понимании гуманизм – это эксплицируемая концепция человеческого бытия, утверждающая безусловную ценность человека как личности, его достоинства, прав и свобод, его способностей, указывающая на необходимость возможностей для развития человека как индивида и рода.

Мировоззрение и философская идея гуманизма предполагают понимание человека как сознательного субъекта своих действий. Гуманистическое воззрение акцентирует инициативную субъектность человека, его способность быть сознательным деятелем, субъектом, а не объектом внешних воздействий.

При этом гуманизм утверждает благо человека в качестве общезначимого критерия оценки всех социальных реалий. Американский философ-гуманист Корлисс Ламонт утверждал, что «человечеству, которое еще не полностью осознает свое собственное благо и цель, гуманизм, предлагает инклюзивную программу философской и этической истины» [11, p. 28]; т.е. гуманизм – это универсальная программа оптимизации человеческой жизни и деятельности.

Гуманизм выступает магистральным вектором развития культуры. Он раскрывается как антропологическая матрица, организующая человеческое бытие в социальном – культурном и цивилизационном измерениях. В основе этой матрицы лежит идея гуманизма, удостоверяющая ценность человечности в ее субъектном – культурогенном значении. Человек – это Homo Cultures, и не только в оптимальной, но и в нормативной модальности своего бытия.

Подлинно человеческая история – это история культуры и цивилизации. Так, немецкий философ И.Гердер считал гуманизм идеей культуры, ценностно-смысловой ее доминантой, и полагал, что цель земного существования людей заключается в воспитании гуманности, а все низшие жизненные потребности только служат ей и должны вести к ней [1, с. 131]. Гуманизм, согласно Гердеру – это универсальный принцип культуры, и основа исторического развития человечества, имеющего прогрессивный характер. В свою очередь немецкий философ К.Ясперс полагал, что целью человеческой истории, воплощающей ее имманентный смысл, является *цивилизация* и *гуманизация человека* [10, с. 263].

В сущности, гуманизм (от лат. humanus – человеческий, человечный) представляет собой «учение о деятельной активности человека в его культурогенном мироотношении, в ходе которого он раскрывает и реализует творческий потенциал своих сущностных сил как своих человеческих качеств» [9, с. 373]. Сам гуманизм имеет общечеловеческое значение, и выступает воплощаемой в культурно-цивилизационном процессе исторического развития человечества универсальной культурной традицией, обосновывающей его и удостоверяющей его гуманитарное содержание. Идея гуманизма представляет собой универсальный семантический (культурный) код развития цивилизации.

Культурологическое, культурософское понимание мировоззренческой доктрины гуманизма корреспондирует его идее, которая имеет духовное измерение. Так белорусский философ В.Поздняков утверждает, что «идея гуманизма представляет собой универсалию человеческого духа» [8, с. 3].

С идеей гуманизма коррелирует его обоснование. Гуманизм исходит из признания безусловной ценности человека как личности, его жизни, его права на свободное развитие и самопроявление своих сил и способностей. Полагание блага человека является здесь главным критерием оценки всего происходящего, что можно понимать как че-

ловеческий императив или императив человечности. В предельном выражении эта идея имеет деонтологический (от греч. deontos – должное) характер, она презентирует человека с позиции долженствования.

Общую панораму развертывания идеи – культурного кода гуманизма в развитии человеческой цивилизации, согласно с основными историческими его этапами, стадиями, эпохами можно представить следующим образом:

– На традиционном этапе культурно-цивилизационного развития, со стадиями первобытной, древневосточной и античной культуры, идея гуманизма в ее космоцентристском варианте исходила из имманентности человека природно-космическому миропорядку, который сакрализировался, выражая установку на эмансипацию человеческого начала в этом контексте;

– На стадии становления и развития христианской культуры Средних веков традиционного этапа культурно-цивилизационного развития идея гуманизма обрела теистический вариант с постулированием Богоподобия человеческой личности, ее трансцендентности миру естественной природы; признание Богоподобия человека означало признание в нем личности, обладающей духовным началом / духовностью, свободой, способностью к творчеству.

Переход к инновационному этапу культурно-цивилизационного процесса, произошедший в европейской культуре эпохи Возрождения, сопровождался формированием гуманизма в классическом – антропоцентристском варианте. Антропоцентристское воззрение, исходящее из признания центрального места человека в мире, его главенствующего положения в нем, рассматривающее человеческое бытие целью мирового процесса, оказалось родственным гуманизму Возрождения с его культом творческой личности, ее титанизма.

– На инновационном этапе культурно-цивилизационного развития в культуре Европы Нового времени, и особенно – эпохи Просвещения идея гуманизма в антропоцентристском концептуальном варианте обрела наиболее отчетливое, акцентированное и последовательное свое выражение; это оказалось связано с развитием рационалистической культуры мышления, абсолютизировавшей решающее значение человеческого разума в познании и преобразовании мира, что воплотилось в инновационном развитии науки и техники, в НТП и НТР.

Антропоцентристский гуманизм явился отправным началом утверждения «человеческого императива» в истории, оказывающего начиная с эпохи Нового времени системное влияние на ход европейского и мирового культурно-цивилизационного развития. Он выступил антропологической субъектной основой становления и развития инновационной культуры и цивилизации Нового и Новейшего времени, системной модернизации общества на базе НТП.

Инновационная культура, в отличие от традиционной, восприимчива к новациям, динамична, экспансивна в развитии. В ней коллективистское начало социальной субъектности уступает место индивидуальному началу. Личность обретает автономию и свободу, на передний план выходят ее инициативность и новаторские творческие способности. Либеральное отношение социума к нестандартным, инновационным формам мышления и деятельности создает нужные условия для развития различных форм социокультурного творчества.

В инновационной культуре высокую оценку получают рациональные знания, образованность, творческий характер, самостоятельность и критичность мышления. Утверждается прогрессистская вера в мощь разума. В этих социальных условиях происходит фундированное культурой Просвещения интенсивное развитие науки и техники, происходят промышленные революции, и т.д. Нововведения становятся началом, стимулирующим развитие культуры.

Антропоцентристский гуманизм способствовал движению материальных, социальных и духовных ресурсов общества на научно-технические инновации, радикальное преобразование естественной и социальной среды, урбанизацию, создание индустриальной системы, либерализацию социально-экономической и политической жизни, демократизацию общества в целом. Результатом этого стали: НТП, модернизация общества и цивилизации, экономический рост, становление гражданского общества, правового государства, демократической системы, колонизация мира, становление нового, соответственного обществу и цивилизации индустриального типа, миропорядка. Антропоцентристский проект гуманизма в полной мере воплотил креативную мощь антропогенного влияния на мир, которое со 2-й половины XX века обрело глобальный характер.

При этом в антропоцентристском мировоззрении редуцировалась значимость мира как объекта преобразующего воздействия и властвования человека, который понимался не только с позиции самоценности, но также утверждаемой и культивируемой его самодостаточности. В этом мировоззрении четко обозначилась субъект – объектная дихотомия в отношении человека – субъекта к миру как объекту, подлежащему его системному преобразованию.

Антропоцентристское миропонимание создало ценностно-смысловые и интеллектуальные предпосылки для НТП как движущей силы социального развития. Современные технологии явились коррелятом человеческой субъектности в плане тотального преобразования мира в процессе системной модернизации культуры, общества, цивилизации в целом. НТП и наукоемкие технологии стали универсальным способом преобразования мира, демиургом планетарного масштаба в эпоху происходящей от модернизации глобализации.

НТП и наукоемкие технологии по новым – технократическим принципам формируют новую – техногенную модальность современной цивилизации. В ней происходит замена человеческой субъектности высокими технологиями, замена человеческого императива – технологическим. Происходит системное преобразование общества, цивилизации в техносферу, их технологическая модернизация. Российский математик и философ Н.Моисеев констатировал: «распространение того явления, которое мы называем высшими технологиями, связано с энергосбережением, уменьшением количества отходов и невиданным ростом производительности труда. Одновременно лавинообразно ускоряется появление новых изобретений, меняющих привычные стандарты» [3, с. 85]. При этом он отмечал, что «все эти, казалось бы, чисто технические свершения меняют социальную структуру общества, его приоритеты и оказывают влияние на общепланетарную геополитическую ситуацию» [3, с. 85].

В логике научно-технологического развития общества и цивилизации, опосредованного инновационным типом культуры, происходит замещение антропоцентристского миропонимания техноцентристским. НТП утвердился в качестве универсальной формы социального развития, способа преобразования мира, а наукоемкие технологии обрели статус ведущей производительной силы общества, ведущего субъектного начала цивилизации. Современный мир – это, прежде всего, НТП, высокие технологии, модернизация и глобализация.

На этапе трансформации НТП в НТР – научно-техническую революцию, с середины XX века, произошел демиургический поворот в цивилизационном развитии, в результате которого наукоемкие технологии перестали быть средствами реализации человеческой субъектности и стали технологической основой для ее системной трансформации, как и социального человеческого бытия в целом. Показательные примеры являют: информационные технологии (ИТ) и программируемая виртуальная реальность (ВР), искусственный интеллект (ИИ), робототехника, биотехнологии и генетическая инженерия…

Современные технологии выступают демиургами новой реальности – техносферы, трансформирующей общество и цивилизацию, с их структурной организацией, функциями, динамизмом развития. Трансформация научно-технического прогресса (НТП) в научно-техническую революцию (НТР) объективировалась в трансформации цивилизации в техногенную модальность.

Современная техногенная цивилизация явилась воплощением передового – инновационного развития в эпоху НТР, модернизации и глобализации на ее высокотехнологической основе. Она стала воплощением антропоцентристского проекта цивилизационного развития, заместив его принципом технологической эффективности, логикой его вершения. Она удостоверила собой магистральный вектор цивилизационного развития. Итальянский ученый, философ, основатель Римского клуба А.Печчеи номинировал техногенную цивилизацию глобальной человеческой империей, которая, по его словам, в сущности, располагает всем необходимым для того, чтобы затмить все предыдущие цивилизации [4, с. 40].

В своей техногенной модальности современная цивилизация утрачивает культурно-гуманитарное измерение и становится цивилизацией довлеющих технологий, целе-ориентированной на технологическую самодостаточность. В техногенной модальности цивилизации ее технологическая подсистема определяет сам способ ее бытия в мире, когда научно-технологическое развитие становится конструирующим и системно организующим социально-цивилизационную реальность началом, как и движущей силой ее развития.

Это может сопровождаться подавлением культурного ядра цивилизации ее технологической подсистемой, и общей дисфункцией культурного ядра. Происходит техногенная трансформация социальных процессов. Технологии становятся интегративным механизмом цивилизационной системы в целом.

Техногенная цивилизационная система стремится к самодостаточности, замещая человеческий фактор цивилизационной субъектности технологической функциональностью. Человек становится функционером технологий. В ходе развития техногенной цивилизации произошла замена ценностного приоритета гуманитарности приоритетом

технологической эффективности в процессе демиургического преобразования мира в технологически контролируемую миро-систему. Это производит фундаментальные изменения в мировоззрении и ценностях, сопровождающие утверждение технологической подсистемы как доминирующей структурной компоненты современной цивилизации.

Гуманитарно-значимые семантические коды культуры замещаются кодами технологического развития как направлений реализации НТР в цивилизационном процессе. Наукоемкие технологии – информационно-компьютерные, искусственный интеллект, автоматизированные системы и робототехника, космические технологии и спутниковая навигация, лазерные технологии, нанотехнологии, биотехнологии, и т.д. становятся ключевыми факторами цивилизации, обеспечивающими ее инновационное развитие.

Вместе с тем социальная устойчивость и состоятельность техногенной модальности и модели цивилизационного развития неотъемлема от социальной субъектности индивидов и социума в целом, фундированной культурой. В формате цивилизации, включающей в себя ценностно-смысловое измерение, адресованное человеку и его бытию на индивидуальном и коллективно-организуемом уровнях, замещение человеческого фактора технологиями невозможно. Цивилизация – это универсальная форма человеческого бытия в мире, это – прежде всего социальные практики человеческой субъектности, а не техногенные процессы, обеспечивающие их практическую эффективность.

Так, невозможно заместить технологическими функциями сознательно-мотивированную человеческую субъектность в ее творческих проявлениях. Невозможно заместить технологической эффективностью смысловую содержательность человеческой деятельности и человеческого бытия в целом. И подлинное созидание и устроение цивилизации не может быть редуцировано к технологиям. Производные от человеческой субъектности технологии – это усилители человеческих способностей, но не их замена. Их функционирование не может заместить собой творческих проявлений человеческой субъектности.

Цивилизация в социально-организационной ее модальности формируется через институциональные формы социальной практики, а в семантической модальности через культурные смыслы, ценности и коды. Эти модальности взаимно дополняют друга в общей цивилизационной системе. Технологии являются инструментальным способом обеспечения социальной субъектности, но не детерминируют сущность цивилизации. Она включает в себя не только внешние – материальные и технологические аспекты, но и внутренние – ценностно-смысловые, мировоззренческие, коммуникативные и творческие, т.е. духовные компоненты ее культурного ядра, адресованные сознанию человека.

Цивилизация, лишенная гуманитарных оснований – аномальное явление, противоречащее сущности и специфике человеческого бытия, отчуждаемая от него. Без социально-гуманитарного своего измерения она превращается в безликий социальный механизм, отчужденный от субъектного социального бытия человека – смысловой содержательности, коммуницированию в логике взаимопонимания, социальной солидарности, созидательности и творчества. Человечность, а не технологичность есть главное цивилизационное качество.

Антропоцентристский гуманизм с его культом субъектной человеческой самодостаточности и редукцией значимости мира к человеку, его демиургизму, выступил важной этапом в прогрессирующем развитии цивилизации. Однако в условиях социального развития III тысячелетия, под растущим влиянием НТР, он требует переосмысления – в направлении реактивации культурогенной составляющей цивилизации, ее культурного ядра, на базе утверждения новой мировоззренческой парадигмы гуманизма, и исходящей из этого онтологически сбалансированной модели устойчивого социального развития цивилизации.

На повестке дня новая – универсалистская форма гуманизма, призванная на гуманитарных началах оптимизировать устроение, функционирование и социальное развитие современной цивилизации, форма, исходящая именно из культурогенного развития цивилизации и опыта его достижений, обусловленных влиянием прежних форм гуманизма, опирающаяся на них, и интегрирующая их в условиях современного этапа развития цивилизации. Эта повестка предполагает переосмысление гуманизма, его идеи, в новых условиях. Она актуальна не только для сохранения и упрочивания социального контроля над инновационным развитием технологий, но, прежде всего, для перехода цивилизации на качественно новый уровень своего исторического прогресса.

Новую парадигму гуманизма эпохи глобализации, в которой единятся доминирующие инновационные процессы – тренды современного социального развития, можно номинировать глобалистской. Прежде всего, глобалистский гуманизм предполагает глобальное мышление, направленное на понимание взаимосвязанности человечества, со стремлением к скоординированному сосуществованию, и осознание глобальной ответственности за настоящее и будущее современного мира как пространства цивилизационного демиургизма.

Глобалистский гуманизм рассматривает человечество как пассионарную составляющую планетарной миро-системы, демиургическая субъектность которой призвана оптимизировать ее в модальности устойчивого развития. Это – мировоззренческая концепция, связующая традиционные гуманистические ценности с инновационными процессами модернизации на основе НТП и интеграционными процессами глобализации, в направлении адаптации их к современным глобальным условиям и вызовам. Это – концепция, трактующая гуманизм с позиции глобальной масштабности человеческой субъектности, и с пониманием эпохи глобализации с позиции усмотрения новых возможностей для ее раскрытия, которое должно иметь онтологически конструктивный характер, и более того – характер нравственной ответственности перед миром.

Исходящая из приоритетности гармонизации культурных традиций и социальных инноваций в модальности устойчивого развития цивилизации глобалистская новогуманистическая парадигма призвана реактивировать генерируемое культурой гуманитарное содержание при сохранении, учете, и должной социокультурной адаптации техногенных достижений цивилизации. Современные технологии должны быть сориентированы на социально-гуманитарные приоритеты, что придаст цивилизации качество гуманизации.

Современное понимание гуманизма должно включать в себя понимание закономерностей исторического развития культур и цивилизаций, учитывать глобальные реалии и вызовы, перед которыми стоит человечество в XXI веке. Как утверждает В.Поздняков, «речь должна идти о формировании современной гуманитарной культуры, семантическим ядром которой является ценность гармонического единства человека и мира. Новая гуманитарная культура предполагает субъекта-творца, человека, сознающего свою органическую слитность с окружающим миром, свою сопричастность с ним» [5, с. 8]. Современная философская мысль должна искать пути возрождения гуманизма, возвращая человеку осознание субъектности и ответственности за судьбы мира.

Интегральная эпоха глобализации требует новой, соответственной ее реалиям и перспективам формы гуманизма, которая исходя из реактивации культурной образующей цивилизации на универсалистских – общечеловечески – значимых гуманистических началах призвана трансформировать современную (мировую) цивилизацию в формацию ее социально устойчивого развития.

Главное в этой трансформации – это гуманистически-адекватное, идейно-ценностное преобразование семантических кодов цивилизации, с реактивацией универсальной организационной значимости культурного ядра. Социально устойчивое развитие цивилизации является следствием этой, обеспечивающей баланс между культурной преемственностью и инновациями трансформации на социально-гуманитарных основаниях. Ведущую роль в трансформации цивилизационных систем играют семантические коды, которые содержат общезначимые смыслы и ценности, задающие мировоззренческие ориентиры. Главенствующие, ключевые для цивилизационной системы семантические коды генерирует и содержит в себе культурное ядро как центр ее структурно-функциональной интеграции, выступающий ее управляющей подсистемой.

В ходе развития цивилизации происходит реактивация семантического потенциала кодов культурного ядра на гуманистических началах. Реактивация культурного ядра цивилизации является механизмом ее воспроизводства как самоорганизующейся системы в процессе ее развития. И это воспроизводство цивилизации в истории ее развития обращено к человеку как культурному / цивилизованному существу, способному к сознательно-мотивированной, социально-организованной конструктивной деятельности.

С позиции культурного ядра цивилизации в его гуманистической определенности происходит формирование и утверждение антропологической структуры культурогенной субъектности, присущей носителям цивилизации. Реактивация культурного ядра как генератора гуманитарного потенциала цивилизации призвана восполнить проблематизацию антропологической определенности человеческого бытия в мире, задав для него выверенные гуманитарно-значимые ориентиры. Подлинно человеческое бытие в мире должно иметь культурные основания. И подлинной мерой прогрессирующего развития цивилизации является сам человек, удостоверяемый с позиции своих, адекватных социокультурной субъектности личностных качеств; человек и его бытие, а не технологии, есть главный критерий и мера прогресса цивилизации.

Результирующий показатель культурно-цивилизационного прогресса должен выражаться в степени гуманизации человеческого бы-

тия в мире. Так, В.Комаров исходит из обоснования идеи гуманистического прогресса культуры как смысла бытия цивилизации [2, с. 94]. Будучи содержанием культурного ядра цивилизации, гуманизм выступает той духовной доминантой, которая определяет ее историческое качество. Отход от гуманизма как духовно-культурной доминанты цивилизации, так или иначе, ведет к ее деградации.

Цивилизация – это социокультурная общность ее носителей и деятелей, солидарное единство которой обеспечивается посредством культурного ядра. Смысл существования и развития цивилизации заключается в идее гуманизма, которая актуализируется, объективируется, утверждается ее культурным ядром. Эта идея – одна из ключевых, какие были выработаны в человеческой истории, и она выступает обоснованием и оправданием человеческого бытия в мире.

Выводы

Культурное ядро выступает смысловым центром цивилизации. Его генеральная функция – семантическая, это – генерирование и утверждение актуальных для цивилизации мировоззренческих смыслов, которые имеют человечески значимый, – гуманистический характер. Такие, сгенерированные культурным ядром мировоззренческие смыслы конституируют доминирующую для цивилизации систему ценностей, которые определяют ее смысловую сферу.

Будучи содержанием культурного ядра, гуманизм воплощается в ценностно-мировоззренческих принципах, на которых строится присущая цивилизации (культурная) система ценностей, задающая ее смысловой порядок.

Культурное ядро является формообразующим началом цивилизационной системы, содержащим в себе холистический потенциал ее целостности, а гуманизм есть то содержание, которое наполняет эту форму непреходяще актуальным – гуманитарным значением. Будучи ценностно-мировоззренческим содержанием культурного ядра цивилизации, гуманизм представляет собой универсальный принцип интеграции культуры и цивилизации в целом.

Литература

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер; пер. с нем. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
2. Комаров В.Д. Философия цивилизации / В.Д. Комаров // Философия и общество. – Выпуск № 3/1998. – С. 55–112.
3. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
4. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
5. Поздняков В.В. Гуманизм сегодня: оправдание культурой / В.В. Поздняков // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2009. – Выпуск 1. – С. 3–8.
6. Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения / Л.И. Рейснер; Российская АН, Ин-т востоковедения. – Москва: Наука, Изд. фирма «Восточная лит.», 1993. – 304, [3] с.
7. Решетников В.А. Гуманизм как феномен культурно-цивилизационных процессов: монография / В.А. Решетников; науч. ред. Э.А. Самбуров. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 250 с.
8. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
9. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / Сухина И.Г. – Донецк: ДонНУЭТ, 2016. – 494 с.
10. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К.Ясперс // Смысл и назначение истории / Ясперс К.; пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – С. 27–286.
11. Lamont C. Humanismas a philosophy / C. Lamont. – New York: Philosophical Library, Inc., 1949. – 369 p.

TO THE QUESTION OF THE HUMANISTIC CONTENT OF THE CULTURAL CORE OF CIVILIZATION: CONCEPTUAL PHILOSOPHICAL EXPLICATION OF THE PROBLEM

Sukhina I.G., Shletgaver D.V.
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhail Tugan-Baranovsky

The article analyzes the phenomenon of humanism as the actual content of the cultural core of civilization, acting as integrating its structure, determining its functioning and development by the foundation. Humanism is seen as a fundamental culturogenic principle that constitutes constructive human subjectivity, affects the formation of culture and civilization as a whole. Civilization is thought to be a universal form of human existence in the world, which is a sociocultural super-system integrated by its cultural core. The historical deployment of civilization is presented from the perspective of key humanistic worldview paradigms: cosmocentrist, theocentrist and anthropocentrist, which influenced the formation of the main historical eras of the cultural and civilizational development of mankind. An analysis of modern – technogenic civilization was carried out, generated by its development by a challenge to the humanistic foundations of human existence from the standpoint of intensive growth of the social influence of technological progress. The idea of the need to establish a globalist humanistic paradigm of civilizational development, reactivation from its position of the cultural core of civilization, the cultural subjectivity of its carriers, harmonization of the cultural, humanitarian and technogenic aspects of the structure of civilization in the direction of socially sustainable development is justified. Humanism is thought of as a main cultural tradition that runs through the entire cultural history of mankind.

Keywords: culture, civilization, cultural core, senses, values, meanings, subjectivity, humanism, anthropocentrism, modernization, innovative development, high technologies, technogenic, globalization.

References

1. Herder I.G. Ideas for the Philosophy of Human History / I.G. Herder; translated from German. – Moscow: Nauka, 1977. – 703 p.
2. Komarov V.D. Philosophy of Civilization / V.D. Komarov // Philosophy and Society. – Issue № 3/1998. – Pp. 55–112.
3. Moiseev N.N. The Fate of Civilization. The Path of Reason / N.N. Moiseev. – Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. – 224 p.
4. Peccei A. Human Qualities / A. Peccei; translated from English. – Moscow: Progress, 1980. – 302 p.
5. Pozdnyakov V.V. Humanism Today: Justification by Culture / V.V. Pozdnyakov // Bulletin of the Polesie State University. Series «Social and Humanitarian Sciences». – 2009. – Issue 1. – Pp. 3–8.
6. Reissner L.I. Civilization and the Mode of Communication / L.I. Reissner; Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. – Moscow: Nauka, Publishing House «VostochnayaLiteratura», 1993. – 304, [3] p.
7. Reshetnikov V.A. Humanism as a Phenomenon of Cultural and Civilizational Processes: a monograph / V.A. Reshetnikov; scientific editor E.A. Samburov. – Irkutsk: Ottisk, 2016. – 250 p.
8. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics / P.A. Sorokin; translated from English. – Moscow: Astrel, 2006. – 1176 p.
9. Sukhina I.G. Values and human existence in the chronotope of culture: a monograph / Sukhina I.G. – Donetsk: DonNUET, 2016. – 494 p.
10. Jaspers K. The Origins of History and Its Purpose / K. Jaspers // The Meaning and Purpose of History / Jaspers, K.; trans. from German – Moscow: Respublika, 1994. – Pp. 27–286.
11. Lamont C. Humanism as a Philosophy / C. Lamont. – New York: Philosophical Library, Inc., 1949. – 369 p.

Свобода и справедливость как категории политического порядка: опыт современной концептуализации

Экзекова Мадина Николаевна,
доцент кафедры философии и социальных дисциплин,
и.о. заведующего кафедрой, Санкт-Петербургского
Государственного Лесотехнического Университета
им. С.М. Кирова

Статья посвящена философскому анализу категорий «свобода» и «справедливость» в условиях развития представлений о политическом бытие, их взаимосвязи, влиянию и определению онтологического значения данных феноменов. Автор рассматривает трансформацию концептов «свобода» и «справедливость» от классической метафизики к современным постструктуралистским представлениям с фрагментарной логикой политического пространства. Обосновывается тезис о том, что свобода и справедливость являются не только этическими идеалами, но и структурными элементами онтологии политического бытия, определяющими его устойчивость и легитимность. Особое внимание уделено конфликту либерального и коммунитаристского направлений онтологии политического в условиях вызовов современного цифрового общества. На основании проведенного историко-философского экскурса было определено, что в классической парадигме концепты «свобода» и «справедливость» мыслились как системные элементы единого бытия с равным онтологическим началом для мыслительного восприятия, в то время как в современных представлениях данные категории воспринимаются уже онтологическими компонентами политического бытия как фрагментированного пространства единого социального пространства.

Ключевые слова: свобода, справедливость, политический порядок, онтология, социальная философия, легитимность, равенство, цифровое общество, власть, социальная теория.

Онтология политического в парадигме классической философии

Долгое время классическая политическая философия видела в свободе и справедливости прежде всего нормативные идеалы, этические императивы, к которым обществу надлежит стремиться, не рассматривая их в качестве онтологических категорий. После «онтологического поворота», опирающегося на структурализм, постструктурализм и, впоследствии, критический реализм, социальная теория заговорила об этих категориях совсем иначе. В зеркале современных философских представлений «свобода» и «справедливость» становятся фундаментальными условиями существования и воспроизводства социальной реальности. Политический порядок в такой оптике перестает быть простым набором институтов и социальных норм, он предстает сложной онтологической структурой, где свобода и справедливость работают как «несущие конструкции», на которых строиться иерархия властных отношений и вся политическая активность общества. Именно они определяют, каким образом индивиды включены в социальное целое, как распределяются ресурсы, как участвуют в отправлении политической власти и как общество осознает само себя. Целью данной статьи является необходимость провести концептуализацию свободы и справедливости как категорий политического порядка в условиях современной социальной реальности, опираясь на синтез классических философских подходов и новейших исследований в области онтологии политического, для чего, в первую очередь, необходимо выявить основания политического в классической парадигме, а затем проследить аспекты и направления трансформаций концепций «свобода» и «справедливость» в более поздних философских модальностях.

Классическое представление об онтологии политического сформировалось в Античной традиции, наиболее полно оно выражено в Аристотелевской концепции политического бытия как неотъемлемого системного элемента полисной жизни и общности, который, в свою очередь, является частью абсолютной онтологии космизма [1]. Аристотелевское наследие претерпело небольшие трансформации в контексте введения Абсолюта и Божественного проведения в период Средневековья, при этом сохранило свое концептуальное ядро системной логики. Благодаря сохранению аристотелевского классического основания и восприятия свободы и справедливости как феноменов картины мира диалектически дополняющих друг друга в контексте общего космизма, удалось сохранить системность и преемственность данных категорий, несмотря на их последующую трансформацию.

В классической либеральной традиции Нового Времени, представленной, в первую очередь, сочинениями Дж. Локка, Т. Гоббса, а также А. Смита, Д. Юма и др., свобода мыслится как атрибут автономного индивида, не рассматриваемого как часть общности. Политический порядок здесь вторичен, он создается для защиты индивидуальной свободы, которая и становится истинным выражением политического и социального бытия человека. Индивидуалистический подход, в то же время, связан с онтологической проблематикой, остается актуальным вопрос о том, возможна ли свобода вне политического режима, политического порядка и наличия государственности.

Изменение представлений о свободе и справедливости в границах политического бытия начинается с онтологического поворота в сторону личности и ее роли в формировании политической парадигмы. В частности, Ч. Тейлор и А. Макинтайр указывают на то, что индивид, его идентичность и воля формируются внутри социальных структур, следовательно, свобода не предшествует порядку, а со-конституируется с ним, разворачиваясь параллельно всем остальным бытийственным элементам как часть пространства [8, с.219]. Политический порядок не только ограничивает свободу через институциональные компоненты, такие как законы, легитимация, принуждение и т.д., но и создает саму возможность свободного действия, предоставляя горизонты смыслов, роли и ресурсы каждому индивиду и социальной группе[10].

В этом смысле свобода есть способ бытийствования политического порядка, то есть определенного политического уклада в рамках которого различные социально-политические институты разворачиваются в пространстве. Общество, в котором отсутствует институционализированная свобода (т.е. возможность совершать свободное воле-

изъявление в границах дозволенной нормативки), не просто является «несправедливым» с этической точки зрения; оно испытывает дефицит бытия, разрушая обратные связи между управляющими и управляемыми, что ведет к стагнации и коллапсу.

Политика и дисциплина: свобода и справедливость в индивидуалистических философских концепциях

Мишель Фуко [11] предложил совершенно иной взгляд на свободу, изменив саму основу этого понятия. По его логике власть и знание связаны в единую систему, где современный политический порядок не устраняет свободу открыто, а создаёт её через дисциплинарные механизмы. Индивид воспринимает себя как свободного, хотя сама свобода задаётся правилами, исходящими от власти. Если рассматривать онтологию политического порядка, то выясняется, что свобода выступает производной от управления. Её нельзя считать ни абсолютной, ни полностью самостоятельной, поскольку она существует только в пределах, которые уже определены. Согласно Фуко, неолиберальный политический порядок требует, чтобы личность вела себя как предприниматель собственной жизни. Так возникает противоречие, при котором свобода становится обязательным стандартом. Именно поэтому сегодня невозможно говорить о свободе, не анализируя новые формы подчинения, возникающие через освобождение [5, с.148], а цифровая среда при этом одновременно создаёт ощущение безграничного выбора и усиливает контроль [2].

В традиции классической политической философии обычно различают негативную свободу, то есть отсутствие внешнего вмешательства, связанную с И. Берлином, и позитивную свободу, понимаемую как способность к самореализации, о которой писали Ж.-Ж. Руссо и Г. В.Ф. Гегель. Однако в пределах политического порядка свобода приобретает иное, структурное измерение. Если она формирует горизонтальные отношения между людьми в политическом пространстве, то справедливость относится к вертикальному уровню, поскольку именно она определяет, как распределяются блага, статусы и признание.

Долгое время ведущие позиции удерживал утилитаризм в интерпретации И. Бентама. В рамках этого подхода справедливость трактовалась как средство приращения общего блага. Слабая сторона такой позиции заключается в том, что она допускает растворение отдельных частей в целостности и не учитывает существование конкретного человека.

Подлинным переломом в разговоре о свободе и справедливости стала теория справедливости Джона Ролза, предложившая принципиально иной взгляд на социально политическое пространство. Для него справедливость обладает первостепенным статусом, поэтому он называет её первой добродетелью общественных институтов [9, с.256]. Два его принципа, равные свободы и различие, являются не просто нравственными ориентирами. Они задают условия, без которых невозможно сформировать устойчивый политический порядок. Ролз показывает, что общество не может сохранять целостность во времени, если не опирается на справедливую основу. Особенно значимо для современного понимания то, что он выводит проблему справедливости за рамки распределения материальных благ и помещает её в область базовой структуры, то есть в онтологию социального бытия.

Коммунитаристская критика определения категорий свободы и справедливости в контексте онтологии политического

Коммунитаристы, включая М. Сэндела и А. Макинтайра, подвергли сомнению ролзовский образ «беспристрастного субъекта» [8]. По их мнению, личность всегда укоренена в конкретном сообществе, его традициях и собственной биографии, а значит, модель «занавеса неведения» не годится для объяснения свободы и справедливости. Идея справедливости, как они показывают, не может быть сведена к абстрактной формуле, поскольку она складывается в рамках определенных практик и представлений о благе, связанных с культурой и наследием традиции.

В контексте современной онтологии особое значение приобретает концепция А. Хоннета, выстроенная вокруг идеи «борьбы за признание» [13]. Он по-новому трактует справедливость, в том числе с позиции языка, и раскрывает ее через противоположное ей явление, то есть через несправедливость, которую обозначает как «онтологическую травму» и связывает с невидимостью и неуважением. В этом подходе справедливость понимается как открытость, уважительное отношение и отсутствие разрыва в ткани социально политического бытия [13, с.52]. Когда политический порядок систематически отказывает отдельным группам в признании их идентичности, он тем самым ослабляет собственные основания, поскольку провоцирует общественные конфликты, угрожающие целостности системы, и именно это и есть выражение несправедливости. Таким образом, в рамках политической онтологии справедливым следует считать такой политический порядок и такой общественный уклад, где исключена дискриминация любых групп и каждому члену общества гарантированы равные возможности.

На фоне кризиса неолиберальной модели все заметнее становятся движения, ориентированные на коллективные формы справедливости, среди них политика идентичности, национализм и новые левые. В этой логике главное внимание переносится на групповую свободу и историческую справедливость, что проявляется, например, в требованиях репараций или позитивной дискриминации. Однако здесь возникает и обратная угроза: если справедливость начинает восприниматься как исторический реванш или как близкая ему идеология, она может подавить индивидуальную свободу. В таком случае социально политическая деятельность превращается в перераспределение преимуществ в пользу одних групп и во вред другим. Слишком сильное усиление идентичности разрушает развитие политического бытия, так как раскалывает политическое пространство на части, неспособные к диалогу, и тем самым подрывает единое политическое существование нации. Поэтому философские исследования политической онтологии должны отыскать баланс между универсализмом справедливости и партикуляризмом свободы сообществ.

Представления А. Бадью: справедливость как событие в сфере политического

Ален Бадью истолковывает справедливость совсем иначе, разделяя правую идеологическую парадигму, Бадью, при этом не упускает из внимания и коллективность социальных процессов, которые обуславливают, а порой и определяют политическую реальность. Он не относит свободу к числу изначально данных оснований миропорядка. Любая структура, если пользоваться его понятием, «ситуация», стремится сохранить собственную устойчивость, но именно эта устойчивость неизбежно порождает несправедливость, поскольку она перекрывает путь событийному прорыву и не позволяет событиям раскрыться. В понимании А. Бадью свобода есть подлинное событие, возникающее в реальности и вырастающее из процессов, разворачивающихся внутри бытийного пространства, которое не определяется условиями или факторами, воздействующими на ход политических вещей.

Если принять такое объяснение, справедливость уже не выступает опорой порядка, которое есть событийный динамичный ряд, а напротив, она оказывается его противоположностью и проявляется как сила, разрушающая, препятствующая потоку свободы и естественных событий, которые составляют суть и систему правильного порядка. В современной политической философии необходимо удерживать эти два полюса в равновесии, что становится крайне сложной задачей. У Ролза справедливость поддерживает устойчивость, тогда как у Бадью она связана с революционным разрывом, поэтому онтология политического порядка формируется как постоянное столкновение двух начал, как стремление системы сохранить целостность и как требование изменений.

Свобода и справедливость в современном обществе

Широкое внедрение цифровых технологий радикально меняет само содержание свободы и справедливости. Шошана Зубофф вводит понятие «надзорный капитализм» (surveillance capitalism) [14]. В цифровой среде свобода все чаще оказывается лишь иллюзией выбора, потому что алгоритмы не только предсказывают поведение человека, но и вмешиваются в него, направляют его и даже приобретают его. Капиталистическая логика, глубоко проникшая в сферу политического бытия, определяет способ обмена идеологией, политической активностью, формами участия и многим другим. На этой почве возникает новая несправедливость, то есть алгоритмическая дискриминация. Она затрагивает все общественные области, в том числе политическую, и при этом нередко остается скрытой от общества и недоступной для контроля.

Современные исследователи, такие как Юрген Хабермас и позднее Франк Паскуале, поднимают вопрос необходим ли новый язык, чтобы описывать ту реальность, в которой мы живём. Как сегодня определить политическую свободу, если всё «публичное пространство» оказалось в руках частных корпораций и стало платформой для цифрового маркетинга? На что теперь опираться, говоря о справедливости, если решения о социальном статусе принимает загадочный алгоритм внутри нейросети тот самый «чёрный ящик», работу которого никто не способен до конца понять? Чтобы хотя бы начать отвечать на эти вопросы, приходится вновь обращаться к классическим категориям и исследовать, как именно цифровое общество меняет фундаментальные понятия свободы и справедливости.

Заключение

Если рассматривать свободу и справедливость с исторической и философской перспективы, становится понятно: эти идеи не существуют в вакууме, они связаны со структурой бытия и политикой как её частью. В современной философии свобода и справедливость признаны фундаментальными онтологическими категориями от них зависит не только организация политического порядка, но и его возможные пути развития. Уже невозможно мыслить свободу как нечто «естественное» и существующее вне всякого порядка; напротив, она возникает внутри этого порядка.

Именно социальный порядок создаёт условия, в которых общество может изменяться, адаптироваться, расти. Но новые формы власти сначала дисциплинарные, теперь алгоритмические заставляют взглянуть на свободу иначе: всё чаще она понимается как сопротивление скрытому, косвенному принуждению. В такой ситуации справедливость становится принципом, который удерживает общество в целостности, связывает индивидуальные поступки человека с жизнью всего сообщества. Само представление о справедливости тоже прошло эволюцию от распределения благ к признанию идентичности, и это даёт совершенно новые вызовы для политики и государственного управления. Невозможно представить свободу и справедливость как статичное равновесие; между ними всегда возникает напряжение, из которого и рождается развитие политической жизни. Как только одна из сторон доминирует будь то неолиберальная свобода или тоталитарная справедливость порядок закономерно начинает разрушаться. Одна из самых актуальных задач современных исследований поиск целостной и рабочей модели «справедливой свободы» в цифровой постсекулярной реальности, где привычные границы между человеком, институтом и алгоритмом буквально исчезают на глазах.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева. – М.: Мысль, 1983. – С. 375–644.
2. Бауман, З. Текучая современность / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Бадью, А. Этика: Очерк о сознании Зла / пер. с фр. – СПб.: Machina, 2006. – 126 с.
4. Берлин, И. Две концепции свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 122–185.
5. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
6. Крауч, К. Постдемократия / пер. с англ. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 192 с.
7. Луман, Н. Общество как социальная система / пер. с нем. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
8. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. – М.: Академический проект, 2000. – 384 с.
9. Ролз, Дж. Теория справедливости / пер. с англ. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 536 с.
10. Тейлор, Ч. Секулярный век / пер. с англ. – М.: ББИ, 2017. – 960 с.
11. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
12. Фукуяма, Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
13. Хоннет, А. Борьба за признание: моральная грамматика социальных конфликтов / пер. с нем. – М.: Директ-Медиа, 2009. – 246 с.
14. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.
15. Pasquale, F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. – Harvard University Press, 2015. – 320 p.
16. Harvey, D. A Brief History of Neoliberalism. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 247 p.

FREEDOM AND JUSTICE AS CATEGORIES OF POLITICAL ORDER: AN EXPERIENCE OF MODERN CONCEPTUALIZATION

Ekzekova M.N.
Saint Petersburg State Forest Engineering University named after S.M. Kirov

The article is devoted to a philosophical analysis of the categories “freedom” and “justice” in the context of the development of ideas about political existence, their interconnection, influence, and the definition of their systemic place. The author examines the transformation of the concepts of “freedom” and “justice” from classical metaphysics to modern poststructuralist ideas with a fragmentary logic of political space. The thesis is substantiated that freedom and justice are not only ethical ideals but also structural elements of the ontology of political existence, determining its stability and legitimacy. Special attention is paid to the conflict between liberal and communitarian approaches to the ontology of the political in the context of the challenges posed by modern digital society. Based on the conducted historical and philosophical digression, it was determined that in the classical paradigm, the concepts of “freedom” and “justice” were thought of as systemic elements of a single being with an equal ontological basis for mental perception, while in modern concepts, these categories are perceived as ontological components of political being as a fragmented space of a single social space.

Keywords: freedom, justice, political order, ontology, social philosophy, legitimacy, equality, digital society, power, social theory.

References

1. Aristotel’. Politika // Aristotel’. Sochineniya: v 4 t. T. 4 / per. s drevnegrech. S.A. Zhebeleva. – M.: Mysl’, 1983. – S. 375–644.
2. Bauman, Z. Tekuchaya sovremennost’ / per. s angl. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.
3. Bad’yu, A. Ehtika: Ocherk o soznanii Zla / per. s fr. – SPb.: Machina, 2006. – 126 s.
4. Berlin, I. Dve kontseptsii svobody // Berlin I. Filosofiya svobody. Evropa. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – S. 122–185.
5. Bodriiyar, Zh. Simulyakry i simulyatsiya / per. s fr. – M.: POSTUM, 2015. – 240 s.
6. Krauch, K. Postdemokratiya / per. s angl. – M.: Izd. dom GU-VSHEh, 2010. – 192 s.
7. Luman, N. Obshchestvo kak sotsial’naya sistema / per. s nem. – M.: Logos, 2004. – 232 s.
8. Makintair, A. Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali / per. s angl. – M.: Akademicheskii proekt, 2000. – 384 s.
9. Rolz, Dzh. Teoriya spravedlivosti / per. s angl. – Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1995. – 536 s.
10. Teilor, Ch. Sekulyarnyi vek / per. s angl. – M.: BBI, 2017. – 960 s.
11. Fuko, M. Nadzirat’ i nakazyvat’. Rozhdenie tyur’my / per. s fr. – M.: Ad Marginem, 1999. – 480 s.
12. Fukuyama, F. Identichnost’: Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya / per. s angl. – M.: Al’pina Pablisher, 2019. – 256 s.
13. Khonnet, A. Bor’ba za priznanie: moral’naya grammatika sotsial’nykh konfliktov / per. s nem. – M.: Direkt-Media, 2009. – 246 s.
14. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.
15. Pasquale, F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. – Harvard University Press, 2015. – 320 p.
16. Harvey, D. A Brief History of Neoliberalism. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 247 p.

Алгоритмы рекомендательных систем и таргетинг в социальных медиа: специфика манипулирования электоральным поведением (на примере кампаний в Госдуму РФ и Конгресс США)

Алешин Иван Константинович,
аспирант, Московский педагогический государственный университет (МПГУ)
E-mail: aleshin.2000mailru@mail.ru

В статье рассмотрены механизмы воздействия алгоритмов рекомендательных систем и технологий таргетинга современных социальных медиа на электоральное поведение граждан. Подробно изучены типы алгоритмов и их возможности, исследована механика появления пузырей фильтров. Особое внимание уделено психологическим механизмам воздействия на поведение избирателей при помощи манипуляций в социальных медиа. Рассмотрены кейсы кампаний в Госдуму РФ и Конгресс Соединенных Штатов Америки. Исследованы различия манипулирования и использования алгоритмов в двухпартийной и многопартийной системе. В заключении обосновывается необходимость развития национальных правовых механизмов государственного аудита рекомендательных алгоритмов ИТ-гигантов и усиления законодательного регулирования за манипулирование данными в целях защиты цифрового суверенитета, сохранения демократии и истинной свободы выбора, а также для обеспечения прозрачности электоральных процедур.

Ключевые слова: рекомендательные системы, ИИ-алгоритмы, микротаргетинг, пузыри фильтров, эхо-камеры, электоральное поведение, когнитивные искажения, деполитизация, цифровой суверенитет, социальные медиа.

Сегодня невозможно представить себе жизнь современного человека без Интернета и социальных медиа. По данным ООН, население Земли составляет 8,28 миллиарда человек. [14] При этом количество пользователей Интернета составило 6,12 миллиарда человек, в результате чего уровень проникновения интернета в мире составил 73,8%. [16] Глубина проникновения в России еще выше. В РФ к Сети подключены (по данным на 2025 г.) 92% домохозяйств страны. [3] Социальные медиа также стремительно увеличивают свою популярность, и сегодня ими пользуются около 5,4 миллиарда человек [6]. В Российской Федерации социальными медиа и мессенджерами пользуются более 85–90 миллионов человек, что охватывает свыше 70–75% населения страны. 85,6 млн человек это активные авторы, регулярно создающие и публикующие контент. [7] Влияние Интернета стремительно возрастает, помимо этого активное внедрение искусственного интеллекта (далее ИИ) меняет социальные медиа, а также трансформирует способы коммуникации, методы продвижения и алгоритмы анализа медиапространства, что и обусловливает актуальность данной работы.

Интернет и социальные медиа меняют не только быт и культуру, но и политическую систему. По Г. Лассуэллу, СМИ способны создавать «четвертую власть», которая влияет на мнение аудитории, способна убеждать граждан в легитимности или, напротив, нелигитимности отдельных политических процессов или акторов. [15] Интернет-пространство и социальные медиа можно рассматривать как «пятую власть», отличающуюся от «четвертой власти» значительно большей гибкостью, адаптивностью, интерактивностью и, следовательно, эффективностью. [4]

Рассмотрим механизмы влияния социальных медиа на электоральное мнение граждан. Важно отметить, что сегодня социальные сети и мессенджеры, выполняющие роль социальных сетей (например, Telegram), служат платформой для формирования и выражения общественного мнения. Основную часть знаний о социально-экономических и политических процессах в стране и за рубежом граждане получают именно из соцсетей. [1, с. 84] Преимуществами получения информации из социальных сетей является скорость распространения данных, простота обмена информацией и возможность мгновенно выражать свое мнение. Однако социальные сети позволяют манипулировать мнением пользователя.

В 2011 г. Эли Прайзер, интернет-активист из США, создал концепцию «Пузырей фильтров», которая описала влияние алгоритмов персонализации контента на формирование общественного мнения. [9] Алгоритмы работают таким образом, что показывают пользователям тот контент, который с большей долей вероятности их заинтересует. Рекомендации основываются на поведении пользователя: его прошлых кликах, лайках, поисковых запросах и местоположении. В результате пользователь попадает в созданное для него изолированное информационное пространство, где информация соответствует интересам и убеждениям индивида. Противоположные точки зрения зачастую просто отсекаются. Так формируется информационный пузырь.

Сегодня ИИ стал неотъемлемой частью экосистемы социальных медиа, кардинальным образом изменив подходы к созданию, распространению и анализу контента. [5] ИИ с феноменальной точностью анализирует пользовательское поведение и формирует персонализированные предложения и контент. Важно понимать, что существует несколько видов алгоритмов фильтрации в соцсетях [1, с. 86]. Разделим их на четыре группы:

- Алгоритмы, использующие списки запрещенных и нежелательных элементов. Система сравнивает входящий контент со статичной базой данных нежелательных объектов. Под фильтрацию попадают спам-ссылки, нецензурная лексика, стоп-слова, ID известных мошеннических аккаунтов и т.д.
- Алгоритмы машинного обучения. Адаптивные системы, которые используют статистические методы для автоматического выявления сложных паттернов в данных. Созданы для фильтрации скрытой рекламы, атак ботов, дипфейков, а также, разумеется, изображений оскорбительного содержания.

• Алгоритмы семантической фильтрации. Сфокусированы на анализе лингвистической структуры текста и фильтрации неподходящего, враждебного и иного нежелательного контента.

• Алгоритмы нечеткой логики. Контент анализируется. Каждой единице контента присваивается коэффициент подозрительности, который влияет на то, будет ли показана информация пользователю.

С областью ИИ связаны алгоритмы из второй, третьей и четвертой категории.

Разницу между работой алгоритмов до и после появления ИИ можно наглядно увидеть в таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сравнение пузыря фильтров до внедрения ИИ и после

Критерий	Классический пузырь Прайзера	Современный ИИ-пузырь
Действия алгоритма	Выбор готового контента из списка. Контент создается людьми.	Генерация контента под конкретного пользователя помимо выбора из готового.
Способ сбора данных	Через активные действия пользователя: лайки, клики, подписки, поисковые запросы.	Через активные и пассивные реакции, такие как скорость скроллинга и т.д. Также учитываются биометрические данные.
Скорость реакции	Низкая. Пузырь формируется за дни или даже недели.	Высокая. Лента перестраивается за секунды.
Тип прогноза	Реактивный. Прогноз строится с учетом того, что пользователя интересовало в прошлом.	Предиктивный. ИИ прогнозирует будущие триггеры на основе схожих паттернов поведения «цифровых двойников».
Адаптация информации	Отсутствует. Контент неизменен и подается в том варианте, в котором был создан.	Динамическое изменение тональности подачи информации под выявленный психотип пользователя.
Роль человека	Пользователь потребляет чужой контент.	Пользователь воздействует на ИИ, не осознавая того, что стимулирует алгоритмы создавать контент.

Необходимо подчеркнуть, что с развитием ИИ-ассистентов и чат-ботов пузырь фильтров вышел за пределы социальных сетей. Возникают глубокие «Эхо-камеры» [10], которые изолируют пользователей от альтернативных точек зрения.

Пользователь остается в «Эхо-камере», так как ИИ тонко влияет на человека на психологическом уровне. Так, пользователь сталкивается с рядом когнитивных искажений. Основным можно назвать ментальную ловушку «Предвзятость подтверждения», при которой человек ищет, интерпретирует и запоминает только ту информацию, которая согласуется с его текущими убеждениями. Рассмотрим основные ловушки в более наглядном представлении (см. таблицу 2).

Рассмотрим, как алгоритмические «пузыри фильтров» влияют на американского избирателя в условиях двухпартийной поляризации (демократы/республиканцы) и как аналогичные технологии преломляются в многопартийной системе России с учетом специфики Рунета на выборах 2026 г. В Соединенных Штатах Америки манипулирование мнением избирателей в Конгресс строится на жесткой двухпартийной поляризации. Демократическая и республиканская партии борются друг с другом. Алгоритмы ИИ способствуют максимальному усилению раскола между избирателями, отдающими предпочтение разным партиям. Главным психологическим триггером служит страх перед победой оппонентов. Так, например, для избирателя-демократа республиканцы с помощью контента выставляются в образе угрозы для самой демократической системы. Ярким примером можно назвать антиутопический ролик «Будущее при оппонентах», выпущенный республиканской партией. Сюжет ролика рассказывал о стране с закрытыми избирательными участками, военными патрулями и финансовым крахом. Так представили будущее авторы в случае победы демократов. [12]

Рассмотрим инструменты, которые используются для манипулирования электоральным поведением граждан. К основным можно отнести:

1. Генерация таргетированного негативного контента. С помощью генеративного искусственного интеллекта создается множество объявлений, которые демонстрируются только избирателям, не определившимся с выбором партии. Контент содержит очерняющую информацию об оппонентах. Наглядным примером манипулирования мнением избирателей через создание таргетированного ИИ-негатива может стать нашумевшая кампания в рамках выборов в Сенат США от Техаса против кандидата от Демократической партии Джеймса Таларико. Оппоненты создали рекламу с этим кандидатом, использовав дипфейк. В ролике сгенерированный ИИ-персонаж (изображающий Джеймса Таларико) поет пародийную песню и всячески подчеркивает трансгендерную тему. В видео не было указано, что оно создано при помощи ИИ. Разразился скандал, который усилил раскол между избирателями. [11].

Таблица 2. Основные ментальные ловушки, которые способствуют созданию пузыря

Искажение	Суть	Проявление в социальных сетях	Результат для «пузыря»
Предвзятость подтверждения [18]	Мозг ищет и замечает только то, что доказывает его правоту.	Человек ставит лайк постам, мнение которых разделяет.	Алгоритм сужает ленту до одной точки зрения.
Эвристика доступности [17]	Важность события оценивается по тому, насколько легко его вспомнить.	Если в ленте часто встречаются сообщения на одну тему, пользователю начинает казаться, что эта тема наиболее актуальна в конкретный момент.	Искажается реальный масштаб и значимость мировых событий.
Эффект иллюзии правды	Многократное повторение утверждения делает его правдоподобным.	Многократная встреча с одной и той же информацией делает эту информацию более правдивой в глазах пользователя.	Ложная информация внутри пузыря превращается в факт.
Эффект знакомства с объектом	Люди отдают предпочтение тому, что им знакомо и известно.	Выбор авторов с привычной манерой подачи и понятной точкой зрения.	Формируется зона психологического комфорта, которую пользователю сложно покинуть.
Групповой фаворитизм	Подсознательное деление людей на своих и чужих.	Вера единомышленникам (другим пользователям и создателям контента) и игнорирование или критика оппонентов.	Пузырь превращается в закрытое «эхо-камерное» сообщество.

2. Использование психографического микротаргетинга. Анализируется комплекс пассивных цифровых следов пользователя, собранные данные анализируются через психологическую модель «Большой пятерки» (OCEAN), определяется психотип пользователя в процессе профилирования, а затем контент изменяется с учетом выявленных особенностей избирателя. Главный прецедент масштабного использования психографического микротаргетинга на выборах в Конгресс США связан с деятельностью компании Cambridge Analytica. Не будем подробно останавливаться на данном кейсе, так как он широко известен. [13]

3. Усиление изоляции в «Эхо-камерах». Демократы и республиканцы оказываются в изолированных виртуальных пузырях, а алгоритмы отсекают альтернативные точки зрения.

В Российской Федерации ситуация существенно отличается из-за многопартийной системы. В РФ отличия создает и доминирование национальных платформ: ВКонтакте, Одноклассники, Max.

В РФ наблюдается противоположная США картина. Если в Штатах наблюдается активная пропаганда перед выборами, то в России, наоборот, можно увидеть деполитизацию (используется принципы эвристики доступности). Алгоритмы рекомендаций социальных сетей целенаправленно заполняют новостные ленты обычных пользователей развлекательным, бытовым или нейтральным контентом, и политическая повестка оказывается на периферии цифрового пространства. Граждане начинают считать выборы малозначительным событием, что снижает протестные настроения и другие возможные активности. Алгоритмы направлены на безопасность и снижение политической тревожности.

Активно работает автоматизированная семантическая фильтрация. Алгоритмы анализируют структуру текстов, комментариев и изображений на предмет наличия стоп-контента. Деструктивный контент подвергается сдерживанию и не доходит до пользователей.

Активно применяется выбор повестки для отдельных микрогрупп. Так старшее поколение получает информацию о социальных гарантиях, консервативные пользователи видят патриотический контент и т.д. Отсутствует столь жесткая привязка к конкретной партии, так как в РФ наблюдается гораздо менее выраженная партийная идентичность.

С точки зрения психологического воздействия можно отметить, что в США алгоритмы нацелены на максимальное вовлечение избирателей через мощные триггеры, а также игру на ярких эмоциях (гневе,

страхе). В РФ ситуация, наоборот, нацелена на снижение политической тревожности и рассеивание внимания ради безопасности общества.

Однако общие черты очевидны. Алгоритмы социальных медиа активно используются повсеместно, превращаясь в важнейшие элементы манипулирования электоральным поведением. Главным вызовом для обеих избирательных систем сегодня является необходимость выработки правовых механизмов аудита рекомендательных алгоритмов ИТ-гигантов для обеспечения прозрачности демократических процедур.

В РФ разрабатываются законы, защищающие граждан от злонамеренного манипулирования с целью склонения их к деструктивным политическим шагам. Так, в России действует Закон о рекомендательных алгоритмах [закон], за нарушения предполагаются штрафы. [8]

Дальнейшее развитие правового регулирования в этой сфере в США и России, несмотря на различия политических контекстов, поможет перейти от декларативного саморегулирования ИТ-гигантов к жесткому государственному контролю, что поспособствует сохранению самой сути демократии.

Литература

1. Ганюшкина Е.С. Влияние алгоритмов фильтрации социальных сетей на формирование общественного мнения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 2 (14). С. 84–89.

2. Закон о рекомендательных алгоритмах вступил в силу в РФ // Интерфакс. – 2023. – 1 октября. – URL: https://www.interfax.ru/russia/923568 (дата обращения: 07.07.2026).

3. К интернету в России подключены 92% домохозяйств. Данные по всем регионам [Электронный ресурс] // Аудитория интернета в России: [статья] / портал TAdviser. – Электрон. дан. – М., 2026. – 4 мая. – URL: tadviser.ru (дата обращения: 07.07.2026).

4. Киричук Д.А. Цифровая трансформация медиапространства: новые вызовы и возможности для политической коммуникации в эпоху социальных медиа// Мировая политика. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.1.73805 EDN: TJBLPBURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73805

5. Макаревич Э.Ф. Искусственный интеллект как инструмент формирования личности в системе образования и социальных сетях // Социология науки и технологий. 2022. 195 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrumentformirovaniya-lichnosti-v-sisteme-obrazovaniya-i-sotsialnyh-setyah (дата обращения: 07.07.2026).

6. Статистика социальных сетей – пользователи и доходы (2026) [Электронный ресурс] // Tridens Technology: [офиц. сайт]. – 2026. – 22 янв. – URL: https://tridenstechnology.com/ru/статистика-социальных-сетей/ (дата обращения: 07.07.2026).

7. Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2025 [Электронный ресурс] / В. Чёрный // Блог Brand Analytics. – 2025. – 14 дек. – URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2025 (дата обращения: 07.07.2026).

8. Швецова, А. Появились штрафы за нарушение правил авторизации и использования рекомендательных алгоритмов / А. Швецова // ComNews. – 2026. – 11 июня. – URL: https://www.comnews.ru/content/245780/2026–06–11/2026-w24/1008/poyavilis-shtrafy-za-narushenie-pravil-avtorizacii-i-ispolzovaniya-rekomendatelnykh-algoritmov (дата обращения: 07.07.2026).

9. Э. Парайзер: Остерегайтесь онлайн «фильтров-пузырей» URL: https://www.ted.com/talks/eli_pariser_beware_online_filter_bubbles?subtitle=ru&language=ru (дата обращения: 07.07.2026)

10. Anastasiou, M. AI, social media and echo chambers: From algorithmic prediction to antagonistic politics and the democratic potential / M. Anastasiou, C. Hadjioannou // Critical Sociology. – 2026. – OnlineFirst. – URL: sagepub.com (дата обращения: 07.07.2026)

11. Baptiste, N. AI-Generated James Talarico Sings Trans Song In Disturbing GOP-Backed Ad / N. Baptiste // Yahoo News. – 2026. – 9 June. – URL: yahoo.com (дата обращения: 07.07.2026).

12. Chiu A. RNC slams Biden in AI-generated ad // The Washington Post. 2023. 25 April. URL: washingtonpost.com (дата обращения: 07.07.2026).

13. Jakee, K. Microtargeting Voters in the 2016 US Election: Was Cambridge Analytica Really Different? [Electronic resource] / K. Jakee, D. Fink // The Independent Review: A Journal of Political Economy. – 2024. – Vol. 29, № 3. – URL: researchgate.net (дата обращения: 07.07.2026).

14. Kemp, S. Digital 2026 Mid-Year Global Update Report [Electronic resource] / S. Kemp // DataReportal – Global Digital Insights. – 2026. – 22 April. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2026-mid-year-global-update-report (дата обращения: 07.07.2026).

15. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society. In L. Bryson (Ed.), The communication of ideas. New York: Harper and Row, 1948. – P. 37–51.

16. Manochi [Electronic resource]: official website / Manochi Pte. Ltd. – Singapore, 2026. – URL: https://manochi.co/ (дата обращения: 07.07.2026).

17. Pantana, G. Examining Cognitive Biases in ChatGPT 3.5 and 4 through Human Evaluation and Linguistic Comparison [Электронный ресурс] / G. Pantana, M. Castello, I. Torre // Proceedings of the 16th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas. – Chicago, USA, 2024. – Vol. 1: Research Papers. – P. 1–11. – Режим доступа: aclanthology.org (дата обращения: 07.07.2026).

18. Simkus, J. Confirmation Bias In Psychology: Definition & Examples [Электронный ресурс] / J. Simkus; rev. by S. McLeod // Simply Psychology. – 2023. – June 22. – Режим доступа: https://www.simplypsychology.org/confirmation-bias.html (дата обращения: 07.07.2026).

RECOMMENDATION SYSTEM ALGORITHMS AND TARGETING IN SOCIAL MEDIA: THE SPECIFICS OF ELECTORAL BEHAVIOR MANIPULATION (CASE STUDY OF CAMPAIGNS TO THE RF STATE DUMA AND THE US CONGRESS)

Aleshin I.K.
Moscow State Pedagogical University

The article examines the mechanisms of the impact of recommendation system algorithms and targeting technologies of modern social media on the electoral behavior of citizens. The types of algorithms and their capabilities are studied in detail, and the mechanics behind the emergence of filter bubbles are investigated. Special attention is paid to the psychological mechanisms of influencing voters' behavior through manipulation in social media. The cases of election campaigns to the State Duma of the Russian Federation and the Congress of the United States of America are reviewed. The differences in manipulation and algorithm usage within two-party and multi-party systems are explored. In conclusion, the author substantiates the need for developing national legal mechanisms for the state audit of IT giants' recommendation algorithms. Additionally, the paper argues for strengthening legislative regulation over data manipulation to protect digital sovereignty, preserve democracy and true freedom of choice, and ensure the transparency of electoral procedures.

Keywords: recommendation systems, AI-algorithms, microtargeting, filter bubbles, echo chambers, electoral behavior, cognitive biases, depoliticization, digital sovereignty, social media.

References

1. Ganyushkina E.S. The Impact of Social Media Filtering Algorithms on Public Opinion Formation // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2024. № 2 (14). pp. 84–89.

2. The Law on Recommendation Algorithms Came into Force in the Russian Federation // Interfax. – 2023. – October 1. – URL: https://www.interfax.ru/russia/923568 (accessed: 07/07/2026).

3. 92% of Households in Russia Are Connected to the Internet. Data for All Regions [Electronic Resource] // Internet Audience in Russia: [article] / TAdviser Portal. – Electronic Data – Moscow, 2026. – May 4. – URL: tadviser.ru (accessed: 07/07/2026).

4. Kirichuk D.A. Digital transformation of the media space: new challenges and opportunities for political communication in the era of social media // World Politics. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.1.73805 EDN: TJBLPBURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73805

5. Makarevich E.F. Artificial intelligence as a tool for personality development in the education system and social networks // Sociology of science and technology. 2022. 195 p. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrumentformirovaniya-lichnosti-v-sisteme-obrazovaniya-i-sotsialnyh-setyah (accessed: 07.07.2026).

6. Social Network Statistics – Users and Income (2026) [Electronic resource] // Tridens Technology: [official website]. – 2026. – January 22. – URL: https://tridenstechnology.com/ru/statistika-socialnykh-setey/ (accessed: 07.07.2026).

7. Cherny V. Social Networks in Russia: Numbers and Trends, Autumn 2025 [Electronic resource] / V. Cherny // Brand Analytics Blog. – 2025. – December 14. – URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2025 (date accessed: 07.07.2026).

8. Shvetsova, A. Fines have appeared for violating the rules of authorization and use of recommendation algorithms / A. Shvetsova // ComNews. – 2026. – June 11. – URL: https://www.comnews.ru/content/245780/2026–06–11/2026-w24/1008/poyavilis-shtrafy-za-narushenie-pravil-avtorizacii-i-ispolzovaniya-rekomendatelnykh-algoritmov (date accessed: 07.07.2026).

9. E. Pariser: Beware of Online Filter Bubbles URL: https://www.ted.com/talks/eli_pariser_beware_online_filter_bubbles?subtitle=ru&language=ru (date of access 07.07.2026)

10. Anastasiou, M. AI, social media and echo chambers: From algorithmic prediction to antagonistic politics and the democratic potential / M. Anastasiou, C. Hadjioannou // Critical Sociology. – 2026. – OnlineFirst. – URL: sagepub.com (date of access: 07.07.2026)

11. Baptiste, N. AI-Generated James Talarico Sings Trans Song In Disturbing GOP-Backed Ad / N. Baptiste // Yahoo News. – 2026. – 9 June. – URL: yahoo.com (accessed: 07.07.2026).

12. Chiu A. RNC slams Biden in AI-generated ad // The Washington Post. 2023. April 25. URL: washingtonpost.com (accessed: 07.07.2026).

13. Jakee, K. Microtargeting Voters in the 2016 US Election: Was Cambridge Analytica Really Different? [Electronic resource] / K. Jakee, D. Fink // The Independent Review: A Journal of Political Economy. – 2024. – Vol. 29, № 3. – URL: researchgate.net (accessed: 07.07.2026).

14. Kemp, S. Digital 2026 Mid-Year Global Update Report [Electronic resource] / S. Kemp // DataReportal – Global Digital Insights. – 2026. – 22 April. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2026-mid-year-global-update-report (access date: 07/07/2026).

15. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society. In L. Bryson (Ed.), The communication of ideas. New York: Harper and Row, 1948. – P. 37–51.

16. Manochi [Electronic resource]: official website / Manochi Pte. Ltd. – Singapore, 2026. – URL: https://manochi.co/ (access date: 07/07/2026).

17. Pantana, G. Examining Cognitive Biases in ChatGPT 3.5 and 4 through Human Evaluation and Linguistic Comparison [Electronic resource] / G. Pantana, M. Castello, I. Torre // Proceedings of the 16th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas. – Chicago, USA, 2024. – Vol. 1: Research Papers. – P. 1–11. – Access mode: aclanthology.org (accessed: 07.07.2026).

18. Simkus, J. Confirmation Bias In Psychology: Definition & Examples [Electronic resource] / J. Simkus; rev. by S. McLeod // Simply Psychology. – 2023. – June 22. – Access mode: https://www.simplypsychology.org/confirmation-bias.html (accessed: 07.07.2026).

Медиаобраз Китая в американских СМИ при администрациях Б. Обамы, Д. Трампа и ДЖ. Байдена

Ван Юйцзюэ,
магистрант, Московский государственный университет
E-mail: 2548338424@qq.com

В статье анализируется медиаобраз Китая в ведущих американских средствах массовой информации в период президентства Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена (2009–2025 гг.). Актуальность темы обусловлена тем, что за эти годы американо-китайские отношения перешли от осторожного партнерства к открытому стратегическому соперничеству, а формируемый прессой образ Китая влияет на решения в сфере торговой, санкционной и оборонной политики. На основе анализа зарубежных исследований медиатекстов, отдельных публикаций ведущих изданий и данных социологических опросов выделены три этапа трансформации. При администрации Б. Обамы преобладал образ «мирного подъема» и сложного, но выгодного партнера. При администрации Д. Трампа под влиянием торговой войны, пандемии COVID-19 и правозащитной проблематики закрепились определения «соперник» и «угроза», а также произошло возвращение стереотипа «желтой опасности». При администрации Дж. Байдена этот образ окончательно закрепился и дополнился темой технологического противостояния. Основной вывод состоит в том, что критическая оценка Китая перестала быть предметом межпартийных разногласий и объединила издания различной политической направленности; при этом смягчение официальных внешнеполитических формулировок после 2023 г. не привело к смягчению медиаобраза.

Ключевые слова: медиаобраз, Китай, США, американские СМИ, «мирный подъем», «китайская угроза», стратегическое соперничество, торговая война, внешняя политика США.

Отношения между США и Китаем – одни из важных отношений между двумя странами в мире XXI века. От того, как американская пресса преподносит информацию о Китае, зависит не только мнение простых читателей, но и позиция политиков, бизнесменов и дипломатов, которые каждый день принимают решения о пошлинах, санкциях и военных бюджетах. Поэтому вопрос о том, каким Китай предстает на страницах американских газет – это не просто вопрос журналистики, а вопрос большой политики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что именно за три президентства – Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена – произошел переход от осторожного партнерства к открытому стратегическому соперничеству, на фоне торговой войны, пандемии COVID-19, споров вокруг Синьцзяна, Гонконга и Тайваня и борьбы за технологии будущего. Сопоставимо изменилось и общественное мнение: если в 2009 г. отрицательно относились к Китаю 38% американцев, то в 2024 г. – уже 81% [1], и лишь в 2025–2026 гг. наметилось смягчение [2; 3]. Пресса не просто описывала эти события, она определяла, какие факты подать крупным планом, а какие оставить в тени, формируя тем самым устойчивую картину Китая у миллионов читателей.

Объект исследования – медиаобраз Китая в ведущих американских СМИ. Предмет – изменение этого образа в 2009–2025 гг., при трех последовательных президентских администрациях.

Цель исследования – проследить, как менялся медиаобраз Китая в крупных американских СМИ при Б. Обаме, Д. Трампе и Дж. Байдене, и определить общее направление этих перемен.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) раскрыть понятие медиаобраза и рассмотреть основные подходы к его изучению;

2) выявить особенности медиаобраза Китая в американских СМИ при администрации Б. Обамы;

3) выявить особенности медиаобраза Китая в американских СМИ при администрации Д. Трампа;

4) выявить особенности медиаобраза Китая в американских СМИ при администрации Дж. Байдена;

5) обобщить полученные результаты и определить общее направление трансформации медиаобраза Китая.

Степень разработанности. Отдельные периоды и сюжеты – «мирный подъем» [4], «китайская угроза» [5; 6], освещение торговой войны 2018–2019 гг. [7], пандемийная риторика [8] – уже подробно разобраны зарубежными и российскими авторами. Однако работ, которые прослеживали бы историю медиаобраза Китая в США последовательно через все три администрации – Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена – и показывали бы, как один этап логически перетекал в другой, пока немного, особенно в русскоязычной литературе.

Понятие «медиаобраз» рассматривается в научной литературе в двух значениях. Т.Н. Галинская определяет медиаобраз в узком смысле как часть реальности, отраженную в текстах профессиональных журналистов, в широком – как картину реальности, которую создают все участники медиапространства: журналисты, блогеры, обычные пользователи интернета [9]. Иными словами, медиаобраз страны – не сама страна, а отражение, всегда избирательное: оно передает лишь ту часть действительности, которую авторы сочли значимой. Похожий механизм действует и применительно к другим странам: на материале образа России в американских СМИ А.В. Марущак показал, что пресса формирует устойчивый набор тем и оценок, воспроизводимый из публикации в публикацию [10].

Теоретическое обоснование этому дал Р. Энтман: журналист, описывая событие, неизбежно выделяет один набор фактов и опускает другой, и именно этот выбор определяет, как читатель поймет причины происходящего и меру ответственности участников [11]. Применительно к Китаю это видно на примере экономической статистики: одни и те же данные о росте ВВП можно подать как подтверждение успеха незападной модели развития, а можно – как признак долгового пузыря. Кто именно формирует медиаобраз Китая, тоже становилось предметом изучения. Даже наиболее авторитетные издания не выступают нейтральными наблюдателями и сами выбирают, подавать ли подъем Китая как естественный процесс или как вызов американскому лидерству [12]. А влияние прессы на восприятие Китая американцами

оказалось сильнее, чем эффект прямого знакомства со страной или ее товарами [5].

С 1990-х г. в американской политической и научной среде существует так называемая «теория китайской угрозы» – представление о том, что растущая экономическая и военная мощь Китая рано или поздно обернется против интересов США [6]. Эта идея то отходила на второй план, то усиливалась: исследование Чжэн Ц., И.Р. Ду и М. Сюй, охватившее более 30 тысяч статей о Китае за 1999–2019 гг. показало, что доля материалов на эту тему колебалась вместе с политической повесткой и была особенно тесно связана с восприятием экономических рисков [13]. Три администрации, о которых пойдет речь ниже, застали разные фазы этого колебания и по-разному на него повлияли.

Китай в американских СМИ при Б. Обаме (2009–2017 гг.)

Когда Барак Обама вступил в должность в январе 2009 г., в американской прессе преобладал термин, который ещё в 2003 году предложил китайский партийный теоретик Чжэн Бицзянь, – «мирный подъем» Китая [14]. Сам Обама неоднократно публично заявлял, что Америка приветствует мирный подъем Китая и заинтересована в том, чтобы он был успешным [15]. Эта позиция хорошо передает настрой первых лет его президентства: Китай воспринимался прежде всего как крупный торговый партнер и как страна, интеграция которой в мировую экономику выгодна самим США.

Однако уже в 2010 г. тон начал меняться. Осенью того года Нобелевскую премию мира получил находившийся в заключении китайский правозащитник Лю Сяобо, но Пекин счел награждение оскорблением и в ответ на несколько лет заморозил дипломатические отношения с Норвегией. Американские обозреватели восприняли жесткую реакцию как признак новой, более напористой манеры поведения Китая на мировой арене, к этому добавились трения вокруг Южно-Китайского моря [6]. Ответом стал объявленный в 2011 г. «разворот к Азии» (pivot to Asia) – новая стратегия администрации Обамы, предполагавшая укрепление военных и дипломатических связей США со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [6]. В прессе это решение обсуждалось неоднозначно: одни издания представляли его как разумный ответ на возросшую роль Азии в мировой экономике, другие указывали на недостаточное ресурсное обеспечение и излишнюю мягкость. Одновременно китайское официальное агентство Синьхуа обвиняло Вашингтон в попытке «загнать Китай в клетку» [15]. Скептически была встречена и выдвинутая Си Цзиньпином на неофициальной встрече с Обамой в Саннилендсе в июне 2013 г. концепция «нового типа отношений между великими державами»: часть изданий писала, что за этой формулировкой Пекин просто просит признать за собой равный статус, не предлагая ничего взамен [16]. Таким образом, уже при Обаме в американской прессе не было единого мнения о Китае: одни подчеркивали пользу сотрудничества, другие – риски усиления соперника, и эта развилка сохранится на все следующие годы.

«Разворот к Азии» имел и экономическое измерение, также связанное с Китаем: администрация Обамы продвигала Транстихоокеанское партнерство (ТТП) – соглашение о свободной торговле с рядом стран Тихоокеанского региона, в числе участников которого Китая не было. В программной статье в The Washington Post в мае 2016 г. Обама прямо противопоставил ТТП китайскому проекту регионального торгового соглашения и заявил, что правила торговли в XXI веке должны писать США, а не другие страны [17]. Пресса регулярно описывала ТТП именно в этом ключе – как экономическую составляющую сдерживания растущего влияния Китая, а не просто как очередное торговое соглашение.

Исследование Х. Окуды, посвященное, как американские СМИ подавали тему подъема Китая, показывает: формулировка «мирный подъем» в этот период активно использовалась, но все чаще с оговорками, а не как признанный факт [4]. Газеты воспроизводили официальные заявления Пекина и Вашингтона почти всегда сопровождая их словами: «если», «пока», «остается неясным», что само по себе служило признаком постепенного снижения доверия к формулировке.

Во второй срок Обамы (2013–2017 гг.) поводов для тревожных заголовков становилось больше. В мае 2014 г. Министерство юстиции США впервые предъявило официальное обвинение пятерым офицерам Народно-освободительной армии Китая в промышленном кибершпионаже против американских компаний [18]. Примерно тогда же Китай развернул масштабные работы по намыву искусственных островов в Южно-Китайском море и размещению на них военной инфраструктуры. При этом общий курс администрации Обамы можно назвать «взвешенным вовлечением»: жестко реагируя на отдельные эпизоды, Вашингтон в целом искал экономический и многосторонний ответ на растущее влияние Китая, а не переход к открытому противостоянию [16]. Несмотря на возросшую настороженность, к концу правления Обамы большинство изданий все еще не называли Китай открытым противником или главной угрозой: преобладали более сдержанные определения – «сложный партнер», «растущий конкурент». Перелом в оценках произошел позднее.

Китай в американских СМИ при Д. Трампе (2017–2021 гг.)

Приход к власти Дональда Трампа в январе 2017 года стал поворотным моментом: обвинения в нечестной торговле и вытеснении американских рабочих мест, звучащие еще в ходе предвыборной кампании 2016 г. быстро получили практическое воплощение. Юридическим основанием для будущих пошлин стало расследование по статье 301 Закона США о торговле 1974 г. В августе 2017 г. торговый представитель США начал проверку, нарушают ли действия Китая права американских компаний в сфере интеллектуальной собственности и технологий, а 22 марта 2018 г. представил доклад с выводом об их несправедливом и дискриминационном характере [20]. Центральное место в докладе занимало принудительное получение технологий – требование к американским компаниям передавать разработки китайским партнерам в обмен на доступ к рынку. Именно этот сюжет наиболее подробно освещался прессой [7].

В 2018 г. США ввели серию пошлин на китайские товары: 10% на алюминий, 30% на солнечные панели, 25% на сталь и множество других товаров [19]. Пекин ответил встречными пошлинами, и в прессе обеих стран заговорили о «торговой войне». Исследование Хуан Цзянлина, сопоставившее 176 материалов The New York Times и 150 материалов китайской «Жэньминь жибао» за два пиковых периода 2018 г., показало, насколько по-разному издания двух стран оценивали одни и те же события. Тема «китайской угрозы» присутствовала в 27,8% публикаций The New York Times и не встретилась в «Жэньминь жибао» ни разу. Зеркальную картину дают обвинения в адрес США: односторонние торговые меры в защиту собственного рынка упоминались в 52,0% материалов «Жэньминь жибао» и лишь в 10,2% материалов The New York Times [7]. Каждая сторона по-своему определяла, кто выступает агрессором, а кто пострадавшей стороной.

Само освещение торговой войны внутри США тоже было расколото по идеологическому признаку. Издания, близкие к демократам, чаще связывали ухудшение отношений с непредсказуемой и импульсивной политикой самого Трампа, тогда как консервативные СМИ представляли пошлины как справедливый ответ на многолетнюю нечестную торговлю Китая. Эта разница в подаче одного и того же события, характерный пример того, как внутриамериканская политическая борьба накладывается на международную тему [21].

Образ Китая как недобросовестного конкурента подкреплялся и конкретными решениями администрации. В мае 2019 г. крупнейшая китайская технологическая компания Huawei была внесена Министерством торговли США в санкционный перечень (Entity List), что фактически ограничило ее доступ к американским поставщикам и технологиям [22]. В январе 2020 г. стороны подписали так называемое соглашение первой фазы – временное перемирие в торговой войне, которое, впрочем, не остановило дальнейшего ухудшения отношений [20].

Параллельно с торговым конфликтом усиливалась правозащитная повестка. В 2019–2020 г. администрация Трампа существенно усилила критику Пекина в связи с лагерями для уйгуров в Синьцзяне и подавлением протестов в Гонконге; в январе 2021 г., в последние дни президентства Трампа, госдепартамент США официально признал происходящее в Синьцзяне геноцидом [23]. Эта тема добавила в образ Китая новое, более тяжелое измерение: речь шла уже не только о нечестной торговле, но и о систематическом нарушении прав человека.

Отдельного внимания заслуживает освещение начала пандемии COVID-19 в 2020 г. Трамп публично использовал выражения «китайский вирус», которое подхватила часть американских СМИ; исследование Ю. Хсвен охватившее свыше 1,2 млн хештегов за неделю до и неделю после первого высказывания Трампа 16 марта 2020 г., показало: среди публикаций с хештегом «#chinesevirus» антиазиатские настроения содержали 50,4%, тогда как среди публикаций с нейтральным «covid19» – 19,7% [24]. Подобная риторика опиралась на давний стереотип – образ «желтой опасности», который еще в конце XIX века связывал китайских иммигрантов с представлениями об «опасности» и «болезни» [8]. Пандемия фактически воспроизвела этот образ столетней давности применительно к новой ситуации: Китай и китайцев вновь стали ассоциировать с угрозой здоровью [8]. Наложившись на уже идущую торговую войну, тема пандемии дополнительно закрепила восприятие Китая как стратегического конкурента.

Именно за время президентства Трампа доля американцев с отрицательным отношением к Китаю совершила самый резкий скачок: если в 2009 г. таких было 38%, то к 2019 г. уже 79%, то есть больше чем вдвое за десятилетие, причем основной рост пришёлся именно на 2018–2019 гг., на пике торговой войны [1]. Эти данные показывают, что изменение образа Китая в прессе имело вполне измеримые последствия: оно напрямую соотносилось с восприятием страны простыми американцами.

К концу срока Трампа Китай в американских СМИ описывался преимущественно словами «соперник» и «угроза», а не «партнер». При этом единой позиции у прессы все еще не было: часть изданий возлагала ответственность за обострение на действия самого Китая, часть считала торговую войну ошибкой Трампа, указывая на встречные китайские пошлины, ударившие по американским фермерам-экспортерам, и на подорожание товаров для американских покупателей. Тем не менее в одном пресса разных политических взглядов сходилась все чаще: прежний образ «мирного партнера» к 2021 г. был фактически разрушен.

Китай в американских СМИ при Дж. Байдене (2021–2025 гг.)

Приход Джо Байдена в январе 2021 г. многие ожидали как возврат к более спокойному тону в духе Обамы. Однако на практике администрация Байдена сохранила почти все пошлины, введенные Трампом, и пошла еще дальше в технологической сфере. Госсекретарь Э. Блинкен описывал новый курс тремя словами на «к»: «конкуренция» (competition), «сотрудничество» (cooperation) и «противостояние» (confrontation) – конкурентными там, где нужно, партнерами там, где возможно, и противниками там, где придется [25]. Само это трехчастное определение показывает, насколько привычной к 2021 г. стала категория открытого соперничества при обсуждении Китая, при Обаме подобная формулировка прозвучала бы слишком резко.

Ключевой темой прессы этого периода стали технологии. В августе 2022 г. был принят закон CHIPS and Science Act – программа поддержки производства микрочипов внутри США на десятки миллиардов долларов, а в октябре того же года администрация Байдена ввела жесткие экспортные ограничения, закрывающие Китаю доступ к самым современным чипам и оборудованию для их производства. Журналисты и эксперты заговорили уже не просто о торговой войне, а о «войне за чипы» – противостоянии за технологии, от которых зависят и экономика, и современное вооружение, включая искусственный интеллект [26]. Тем самым тема, изначально принадлежавшая экономической повестке, перешла в сферу национальной безопасности, что дополнительно усилило тревожную тональность публикаций.

В ноябре 2023 г. Байден и Си Цзиньпин встретились в Вудсайде близ Сан-Франциско, на полях саммита АТЭС, – это была первая личная встреча лидеров за год. Стороны договорились возобновить прерванные контакты между военными ведомствами, наладить сотрудничество в борьбе с наркотрафиком и начать межправительственные консультации по вопросам безопасности искусственного интеллекта [27]. Пресса представляла саммит как попытку стабилизировать отношения и не допустить их дальнейшего ухудшения, однако практически никто не описывал произошедшее как возвращение к партнерству, речь шла скорее об управлении уже устоявшимся соперничеством [25].

Правозащитная повестка, сложившаяся ещё при Трампе, сохранила свое значение: администрация Байдена подтвердила прежнюю оценку событий в Синьцзяне как геноцида и продолжила поддерживать санкции, связанные с Гонконгом [24]. К этому добавилось усилившееся внимание к Тайваню, обострившееся после визита спикера палаты представителей Н. Пелоси на остров в августе 2022 г., что вызвало новую волну публикаций о рисках в Тайваньском проливе.

Показательно при этом расхождение между официальной риторикой и тональностью прессы. С 2023 г. администрация Байдена начала заметно смягчать формулировки: на смену идее «разъединения» экономик пришла более умеренная концепция «снижения рисков», предполагавшая ограничения лишь в узком круге критических технологий при сохранении широких торговых связей [28]. Однако в самих СМИ образ Китая как главного соперника США к этому времени уже прочно закрепился и практически не оспаривался [29]. Иными словами, смягчение официальных формулировок не привело к смягчению медиаобраза.

Если при Обаме и Трампе издания разной политической направленности ещё по-разному расставляли акценты, возлагая ответственность то на Китай, то на собственное правительство, то к середине срока Байдена пресса самых разных взглядов сходилась в главном – Китай надолго остается основным конкурентом США, и предметом обсуждения стал уже не сам факт соперничества, а допустимая степень его жесткости [21]. В этом состоит ключевое отличие байденовского периода: дискуссия об оценке Китая внутри США во многом исчерпала себя, сохранился лишь спор о методах.

К 2024 г. доля американцев с отрицательным отношением к Китаю достигла исторического максимума – 81%, из них 43% относились к Китаю «очень отрицательно» [1]. Однако уже в 2025 г., с возвращением Трампа в Белый дом на второй срок и новым раундом переговоров с Пекином, социологи впервые за пять лет зафиксировали снижение этого показателя – до 77% [2], а в 2026 г. смягчение продолжилось, доля американцев с положительным отношением к Китаю выросла до 27% [3]. Это не отменяет общей картины жесткого соперничества, но показывает, что даже устойчивый образ способен меняться вслед за изменением политической обстановки, а значит, тема сохраняет исследовательскую перспективу.

Проведенный анализ позволяет увидеть четкую траекторию изменения медиаобраза Китая в американских СМИ на протяжении трех президентств. При Б. Обаме (2009–2017 гг.) преобладал образ «мирного подъема» и выгодного, хотя и непростого партнера; тревожные сюжеты накапливались, но открытой враждебности пресса еще избегала. При Д. Трампе (2017–2021 гг.) произошел перелом под влиянием торговой войны, пандемии COVID-19 и правозащитных скандалов вокруг Синьцзяна и Гонконга: на смену «партнеру» пришли «соперник» и «угроза», а прежний стереотип «желтой опасности» вернулся в новой, пандемийной форме. При Дж. Байдене (2021–2025 гг.) этот образ окончательно закрепился: технологическое противостояние добавило соперничеству нового содержания, а главное представление о Китае как о главном стратегическом сопернике США перестало быть предметом партийного спора.

Этот вывод согласуется с результатами сравнительного исследования Куан С. и Дж.О. Хирнс-Бранамана, сопоставивших освещение американской прессой первого и пятого визитов Си Цзиньпина в США – в 2013 г., при Обаме, и в 2023 г., при Байдене. За десятилетие тональность публикаций стала заметно более настороженной, а само освещение все сильнее определялось внешнеполитическим курсом Вашингтона [29].

Из этого следуют два общих вывода. Во-первых, изменение образа Китая не было ни случайным, ни исключительно пропагандистским: оно следовало за реальными событиями – торговыми спорами, пандемией, нарушениями прав человека, соперничеством в сфере технологий. Однако, как показывает судьба формулировки «мирный подъем», СМИ не просто фиксировали эти события, но и определяли, какие оценки закрепятся надолго: определения «соперник» и «угроза» пережили конкретные поводы своего появления и стали устойчивой основой для любого обсуждения Китая. Во-вторых, постепенно исчезли межпартийные разногласия по китайскому вопросу: если при Обаме и отчасти при Трампе республиканская и демократическая пресса еще по-разному расставляли акценты, то к концу срока Байдена критическая оценка Китая объединила издания самых разных политических взглядов, редкий для современных США случай согласия по внешнеполитическому вопросу.

Схожую тенденцию фиксируют и российские китаисты В.Б. Кашин с соавторами связывают ужесточение американской риторики в отношении Китая с более широкой перестройкой мирового порядка, в которой соперничество Вашингтона и Пекина стало одним из определяющих факторов [30]. Тем самым, изменение медиаобраза Китая вписывается в долгосрочную трансформацию всей системы международных отношений.

Настоящее исследование опирается преимущественно на опубликованные научные работы, данные социологических опросов и анализ отдельных знаковых материалов, а не на сплошной количественный подсчет публикаций, что определяет направление дальнейшей разработки темы.

Литература

1. Pew Research Center. Americans Remain Critical of China, 2024. – URL: https://www.pewresearch.org/global/2024/05/01/americans-remain-critical-of-china/ (дата обращения: 25.07.2026).

2. Pew Research Center. China and Xi Jinping: US Views in 2025, 2025. – URL: https://www.pewresearch.org/global/2025/04/17/us-views-of-china-and-xi/ (дата обращения: 25.07.2026).

3. Pew Research Center. Americans' Views of China More Positive Again in 2026, 2026. – URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2026/04/14/americans-views-of-china-have-grown-somewhat-more-positive-in-recent-years/ (дата обращения: 25.07.2026).

4. Okuda H., China's «Peaceful Rise/Peaceful Development»: A Case Study of Media Frames of the Rise of China // Global Media and China. 2016. Vol. 1, No. 1–2. P. 121–138.

5. Wang X., Shoemaker P.J., What Shapes Americans Opinion of China? Country Characteristics, Public Relations and Mass Media // Chinese Journal of Communication. 2011. Vol. 4, No. 1. P. 1–20.

6. Yang Y.E., Liu X., The «China Threat» through the Lens of US Print Media: 1992–2006 // Journal of Contemporary China. 2012. Vol. 21, No. 76. P. 695–711.

7. Huang J., 2018 China-United States Trade War: Framing Analysis of Online News Coverage in the United States and China as Portrayed by the New York Times and the People's Daily: Master's thesis. Tampa: University of South Florida, 2019. 69 p.

8. Siu L.C.D., Chun C., Yellow Peril and Techno-Orientalism in the Time of Covid-19: Racialized Contagion, Scientific Espionage, and Techno-Economic Warfare // Journal of Asian American Studies. 2020. Vol. 23, No. 3. P. 421–440.

9. Галинская Т.Н., Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 91–94.

10. Марущак А.В., Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 93–96.

11. Entman R.M., Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, No. 4. P. 51–58.

12. Golan G.J., Lukito J., The Rise of the Dragon? Framing China's Global Leadership in Elite American Newspapers // International Communication Gazette. 2015. Vol. 77, No. 8. P. 754–772.

13. Zheng J., Du Y.R., Xu M., «China Threat» Agenda in American Media and Public Perception of China: A Large-Scale Content Analysis from 1999 to 2019 // International Communication Gazette. 2025. Vol. 87, No. 6. P. 539–560.

14. Zheng Bijian. China's «Peaceful Rise» to Great-Power Status // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84, No. 5. P. 18–24.

15. Brookings Institution. Assessing U.S. – China Relations under the Obama Administration. URL: https://www.brookings.edu/articles/assessing-u-s-china-relations-under-the-obama-administration/ (дата обращения: 25.07.2026).

16. Косов А.П., Политика США в отношении Китая в период второго президентства Б. Обамы // Журнал международного права и международных отношений. 2015. № 3. С. 20–26.

17. Obama B., The TPP Would Let America, Not China, Lead the Way on Global Trade // The Washington Post. 2 May 2016. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4–0fd0–11e6–93ae-50921721165d_story.html (дата обращения: 26.07.2026).

18. U.S. Department of Justice. U.S. Charges Five Chinese Military Hackers for Cyber Espionage Against U.S. Corporations and a Labor Organization for Commercial Advantage, 2014. – URL: https://www.justice.gov/archives/opa/pr/us-charges-five-chinese-military-hackers-cyber-espionage-against-us-corporations-and-labor (дата обращения: 26.07.2026).

19. PBS Frontline. How Trump's China Trade War Played Out in His First Term, 2025. – URL: https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/donald-trump-china-tariffs-trade-war-xi-jinping-video/ (дата обращения: 25.07.2026).

20. USTR (Office of the United States Trade Representative). Section 301 Investigation: Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation. – URL: https://ustr.gov/issue-areas/enforcement/section-301-investigations/section-301-china/investigation (дата обращения: 26.07.2026).

21. Ha L., U.S. Public Opinion on China and the United States During the U.S.-China Trade Dispute: The Role of Audience Framing and Partisan Media Use / Ha L., Ray R., Chen P., Guo K. // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2022. Vol. 99, No. 4. P. 930–954.

22. U.S. Department of Commerce. Department of Commerce Announces the Addition of Huawei Technologies Co. Ltd. to the Entity List, 2019. – URL: https://2017–2021.commerce.gov/news/press-releases/2019/05/department-commerce-announces-addition-huawei-technologies-co-ltd.html (дата обращения: 26.07.2026).

23. CSIS (Center for Strategic and International Studies). Combatting Human Rights Abuses in Xinjiang. – URL: https://www.csis.org/analysis/combatting-human-rights-abuses-xinjiang (дата обращения: 25.07.2026).

24. Hswen Y., Association of "#covid19" Versus "#chinesevirus" With Anti-Asian Sentiments on Twitter: March 9–23, 2020 / Hswen Y., Xu X., Hing A., Hawkins J.B., Brownstein J.S., Gee G.C. // American Journal of Public Health. 2021. Vol. 111, No. 5. P. 956–964.

25. Brookings Institution. Biden's China Strategy: Coalition – Driven Competition or Cold War-Style Confrontation? URL: https://www.brookings.edu/articles/bidens-china-strategy-coalition-driven-competition-or-cold-war-style-confrontation/ (дата обращения: 25.07.2026).

26. Miller C., Chip War: The Fight for the World's Most Critical Technology. New York: Scribner, 2022. 464 p.

27. The White House. Readout of President Joe Biden's Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China, 2023. – URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/11/15/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china-2/ (дата обращения: 26.07.2026).

28. Brookings Institution. Reactions to National Security Advisor Jake Sullivan's Brookings Speech, 2023. – URL: https://www.brookings.edu/articles/reactions-to-national-security-advisor-jake-sullivans-brookings-speech/ (дата обращения: 26.07.2026).

29. Kuang X., Hearns-Branaman J.O., Ten Years of Transformation: A Comparative Analysis of American News Coverage on China during Xi's Initial and Fifth US Visits // Global Media and China. 2025. Vol. 10, No. 2. P. 182–198.

30. Кашин В.Б., Смирнова В.А., Янькова А.Д., Новая Великая стена: о логике китайского внешнеполитического поведения // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24. № 3. С. 198–215.

CHINA›S MEDIA IMAGE IN THE AMERICAN MEDIA UNDER THE ADMINISTRATIONS OF B. OBAMA, D. TRUMP AND J. BIDEN

Wang Yujue
Moscow State University

The article analyses China's media image in leading American mass media during the presidencies of B. Obama, D. Trump and J. Biden (2009–2025).The relevance of the topic stems from the fact that over these years US-China relations shifted from cautious partnership to open strategic competition, while the image of China constructed by the press influences decisions in trade, sanctions and defence policy. Drawing on foreign studies of media texts, selected publications of leading outlets and public opinion survey data, the author identifies three stages of this transformation. Under the Obama administration, the image of a «peaceful rise» and of a difficult but profitable partner prevailed. Under the Trump administration, the trade war, the COVID-19 pandemic and human rights issues entrenched the definitions of «rival» and «threat» and brought about the return of the «yellow peril» stereotype. Under the Biden administration this image became institutionally established and was supplemented by the theme of technological confrontation. The main conclusion is that critical assessment of China ceased to be a subject of interparty disagreement and united outlets of diverse political orientation; at the same time, the softening of official foreign policy language after 2023 did not lead to a softening of the media image.

Keywords: media image, China, USA, American media, «peaceful rise», «China threat», strategic competition, trade war, US foreign policy, public opinion.

References

1. Pew Research Center. Americans Remain Critical of China, 2024. Available at: https://www.pewresearch.org/global/2024/05/01/americans-remain-critical-of-china/ (accessed 25.07.2026).

2. Pew Research Center. China and Xi Jinping: US Views in 2025, 2025. Available at: https://www.pewresearch.org/global/2025/04/17/us-views-of-china-and-xi/ (accessed 25.07.2026).

3. Pew Research Center. Americans' Views of China More Positive Again in 2026, 2026. Available at: https://www.pewresearch.org/short-reads/2026/04/14/americans-views-of-china-have-grown-somewhat-more-positive-in-recent-years/ (accessed 25.07.2026).

4. Okuda H. China's "Peaceful Rise/Peaceful Development": A Case Study of Media Frames of the Rise of China. Global Media and China, 2016, Vol. 1, No. 1–2, Pp. 121–138.

5. Wang X., Shoemaker P.J. What Shapes Americans' Opinion of China? Country Characteristics, Public Relations and Mass Media. Chinese Journal of Communication, 2011, Vol. 4, No. 1, Pp. 1–20.

6. Yang Y.E., Liu X. The "China Threat" through the Lens of US Print Media: 1992–2006. Journal of Contemporary China, 2012, Vol. 21, No. 76, Pp. 695–711.

7. Huang J. 2018 China-United States Trade War: Framing Analysis of Online News Coverage in the United States and China as Portrayed by the New York Times and the People's Daily. Master's thesis. Tampa, University of South Florida, 2019. 69 p.

8. Siu L.C.D., Chun C. Yellow Peril and Techno-Orientalism in the Time of Covid-19: Racialized Contagion, Scientific Espionage, and Techno-Economic Warfare. Journal of Asian American Studies, 2020, Vol. 23, No. 3, Pp. 421–440.

9. Galinskaya T.N. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike [The Concept of Media Image and the Problem of Its Reconstruction in Modern Linguistics]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, No. 11 (160), Pp. 91–94.

10. Marushchak A.V. Politiko-sotsial'nyy obraz Rossii v amerikanskom mediaprostranstve [The Political and Social Image of Russia in the American Media Space]. Zhurnalistskiy ezhegodnik, 2012, No. 1, Pp. 93–96.

11. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. Journal of Communication, 1993, Vol. 43, No. 4, Pp. 51–58.

12. Golan G.J., Lukito J. The Rise of the Dragon? Framing China's Global Leadership in Elite American Newspapers. International Communication Gazette, 2015, Vol. 77, No. 8, Pp. 754–772.

13. Zheng J., Du Y.R., Xu M. "China Threat" Agenda in American Media and Public Perception of China: A Large-Scale Content Analysis from 1999 to 2019. International Communication Gazette, 2025, Vol. 87, No. 6, Pp. 539–560.

14. Zheng Bijian. China's "Peaceful Rise" to Great-Power Status. Foreign Affairs, 2005, Vol. 84, No. 5, Pp. 18–24.

15. Brookings Institution. Assessing U.S. – China Relations under the Obama Administration. Available at: https://www.brookings.edu/articles/assessing-u-s-china-relations-under-the-obama-administration/ (accessed 25.07.2026).

16. Kosov A.P. Politika SShA v otnoshenii Kitaya v period vtorogo prezidentstva B. Obamy [U.S. Policy towards China during B. Obama's Second Presidency]. Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy, 2015, No. 3, Pp. 20–26.

17. Obama B. The TPP Would Let America, Not China, Lead the Way on Global Trade. The Washington Post, 2 May 2016. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4–0fd0–11e6–93ae-50921721165d_story.html (accessed 26.07.2026).

18. U.S. Department of Justice. U.S. Charges Five Chinese Military Hackers for Cyber Espionage Against U.S. Corporations and a Labor Organization for Commercial Advantage, 2014. Available at: https://www.justice.gov/archives/opa/pr/us-charges-five-chinese-military-hackers-cyber-espionage-against-us-corporations-and-labor (accessed 26.07.2026).

19. PBS Frontline. How Trump's China Trade War Played Out in His First Term, 2025. Available at: https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/donald-trump-china-tariffs-trade-war-xi-jinping-video/ (accessed 25.07.2026).

20. USTR (Office of the United States Trade Representative). Section 301 Investigation: Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation. Available at: https://ustr.gov/issue-areas/enforcement/section-301-investigations/section-301-china/investigation (accessed 26.07.2026).

21. Ha L., Ray R., Chen P., Guo K.U.S. Public Opinion on China and the United States During the U.S. – China Trade Dispute: The Role of Audience Framing and Partisan Media Use. Journalism & Mass Communication Quarterly, 2022, Vol. 99, No. 4, Pp. 930–954.

22. U.S. Department of Commerce. Department of Commerce Announces the Addition of Huawei Technologies Co. Ltd. to the Entity List, 2019. Available at: https://2017–2021.commerce.gov/news/press-releases/2019/05/department-commerce-announces-addition-huawei-technologies-co-ltd.html (accessed 26.07.2026).

23. CSIS (Center for Strategic and International Studies). Combatting Human Rights Abuses in Xinjiang. Available at: https://www.csis.org/analysis/combatting-human-rights-abuses-xinjiang (accessed 25.07.2026).

24. Hswen Y., Xu X., Hing A., Hawkins J.B., Brownstein J.S., Gee G.C. Association of "#covid19" Versus "#chinesevirus" With Anti-Asian Sentiments on Twitter: March 9–23, 2020. American Journal of Public Health, 2021, Vol. 111, No. 5, Pp. 956–964.

25. Brookings Institution. Biden's China Strategy: Coalition-Driven Competition or Cold War-Style Confrontation? Available at: https://www.brookings.edu/articles/bidens-china-strategy-coalition-driven-competition-or-cold-war-style-confrontation/ (accessed 25.07.2026).

26. Miller C. Chip War: The Fight for the World's Most Critical Technology. New York, Scribner, 2022. 464 p.

27. The White House. Readout of President Joe Biden's Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China, 2023. Available at: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/11/15/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china-2/ (accessed 26.07.2026).

28. Brookings Institution. Reactions to National Security Advisor Jake Sullivan's Brookings Speech, 2023. Available at: https://www.brookings.edu/articles/reactions-to-national-security-advisor-jake-sullivans-brookings-speech/ (accessed 26.07.2026).

29. Kuang X., Hearns-Branaman J.O. Ten Years of Transformation: A Comparative Analysis of American News Coverage on China during Xi's Initial and Fifth US Visits. Global Media and China, 2025, Vol. 10, No. 2, Pp. 182–198.

30. Kashin V.B., Smirnova V.A., Yan'kova A.D. Novaya Velikaya stena: o logike kitayskogo vneshnepoliticheskogo povedeniya. Rossiya v global'noy politike, 2026, Vol. 24, No. 3, Pp. 198–215.

Личностный фактор в контексте политического прогнозирования: история и современность

Высокинский Лев Александрович,
соискатель ученой степени к. полит.н. кафедры политических наук, Уральский гуманитарный институт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: leovisokinskiy@gmail.com

В теории и на практике личность человека играет большую роль в формировании и принятии политических решений. Эти решения могут быть как локальными и ориентированными на микроуровень, так и глобальными и ориентированными на формирование решений на макроуровне. Опыт государств с различным общественным и политическим устройством формировал опыт определенных стратегий, выверенных решений, которые помогут на практике решить многие социальные проблемы. Перед каждым руководителем стоят на практике проблемные вопросы принятия управленческих решений. Невозможно представить на практике руководство без принятия ключевых решений, от которых будет зависеть управленческая специфика как небольших организаций, так и государственного организма в целом. В статье показаны примеры выгодных управленческих решений. С другой стороны, показана и негативная динамика принятия прогностических решений отдельными руководителями, когда отдельные ошибки в управлении создают негативные предпосылки для развития отрасли в целом. Во многом в статье делаются выводы о том, что прогностический потенциал макроуровня влияет на микроуровень и наоборот. Необходимо нарабатывать специальный опыт развития управленческих решений, чтобы они своевременно влияли на опыт отдельных организаций и государства в целом.

Ключевые слова: политическое прогнозирование, руководитель, общественная среда, политический деятель, конкурентная среда, управленческое решение, внутренняя политика, внешняя политика, государственное мышление.

Прогностическая позиция отдельных политических и государственных деятелей формирует новые представления о политике и политическом мышлении [1]. Мышление может быть спектрально-историческим, когда отдельные политики предсказывают будущее народов и цивилизаций через сравнительно-исторический анализ. Например, Фонд исторической перспективы под руководством российского историка-международника и политолога Н.А. Нарочницкой [2] выступает одним из государственных «мозговых центров» по формированию и оценке современных тенденций международных отношений и проблем государственного стратегического мышления.

Н.А. Нарочницкая последовательно подчеркивает, что политика западных государств в отношении России неизменно носила враждебный характер. Непоследовательная позиция западных держав отчетливо проявилась в период Крымской войны 1853–1856 годов, когда несколько мировых держав вступили в противостояние из-за позиции по статусу Черного моря. В результате упорного сопротивления России дипломатия западных держав оказалась в числе проигравших, что обнаруживалось на протяжении всего XIX века. Политика отдельных государств, неизменно стремившихся «уязвить» Россию, привела не к ее положению как изгоя в международных отношениях, а к статусу государства-победителя в условиях международной изоляции, когда Россию пытались окончательно закрепить в роли региональной державы [3].

Роль отдельного политического предвидения проявляется и в представлениях о развитии конкретных территорий и территориального статуса государственных образований внутри одного государства. Иллюстрацией служит будущее развитие Крымского полуострова в составе России, ставшее предметом ожесточенных дискуссий относительно акватерриториального статуса этой территории и степени распространения единого государственного суверенитета. Стратегическое развитие отдельных территорий привело к тому, что представления о развитии Крыма стали проблемной темой исследования. Очевидно, что Крым выступает территорией, органически развивающейся вместе с Россией, а не с государствами Западной Европы. Вопрос об отделении Крыма из состава РСФСР в 1954 году активно обсуждался по инициативе советского партийного и государственного деятеля Н.С. Хрущева, который пытался заручиться поддержкой украинской партийной организации на выборах Первого секретаря ЦК КПСС в Москве в 1954 году. Тогда Н.С. Хрущева поддержала украинская партийная организация, обоснованно ожидая увеличения материальных и производственных ресурсов в пользу Украинской ССР. Вместе с тем стратегически решение оказалось ошибочным со стороны Н.С. Хрущева как политического прогнозиста: оно нанесло серьезный территориальный ущерб РСФСР как флагману СССР [4]. Ошибка стратегического прогнозирования выразилась в недооценке всех рисков вхождения Крымской области в состав Украины. Эта «политическая близорукость» в итоге обернулась территориальным сепаратизмом 1991 года, когда отдельные территории не только заявили о самостоятельности, но и не сумели создать перспектив самоопределения в составе других государств.

Эта позиция тесно связана с пониманием роли отдельных территорий в составе государственных образований. Иллюстрацией служит проект Уральской республики – базисный для карьеры первого губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя. Политическое прогнозирование выразилось в данном случае в том, что Э.Э. Россель выступил одновременно в роли и политика, и политолога. Прогностически он подошел к будущему субъекта Федерации в непростых условиях федеративных отношений как с экономической, так и с социальной сторон. Сегодня очевидно, что Э.Э. Россель экономически целесообразно стремился выделить Свердловскую область среди других регионов как самодостаточный субъект отношений с равноправным статус-кво по отношению к национальным республикам.

В одном из выступлений Э.Э. Россель подчеркивал, что области в тот период требовался не суверенитет, а экономическая и законодательная самостоятельность [5]. Регион формировался как самостоятельный центр развития на протяжении длительного периода – как в советскую эпоху, так и в постсоветское время. Экономическая самостоятельность регионального центра предполагает повышенное внимание к развитию экономических мощностей субъекта. Спрос на про-

дукты питания в 1990-е годы стал своеобразным прообразом проекта республики, поскольку федеральный центр не мог обеспечить жителей Свердловской области необходимым продовольствием. Свободное ценообразование, корректное распределение цен на продукты питания и продуманная политика в отношении предложения товаров и услуг сделали жизнь свердловчан в 1990-е годы более самодостаточной и привлекательной, обозначили новые рубежи и ориентиры в политической жизни. Экономические преобразования помогли сформировать цельную политику региона, что выразилось в выполнении значительного числа экономических планов. Самостоятельная прогностическая концепция Э.Э. Росселя была ориентирована прежде всего на экономическое развитие региона, на становление области как самостоятельного «регионального игрока» с учетом местных ориентиров в планировании предприятий. В этом и состоит спектрально-аналитический подход Э.Э. Росселя в осмыслении политико-экономической составляющей развития субъекта.

Позиция первого губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя подкреплялась поддержкой со стороны промышленных центров Урала. Многие директора заводов сыграли значимую роль в промышленном развитии региона. Бизнес-планирование отдельных направлений конкретных предприятий стало значимым фактором в существовании наукоемких производств на территории области. Конверсионное развитие в сочетании с концепцией совместных предприятий сделало Урал самодостаточным центром экономического развития. Одним из лидеров этого направления в Свердловской области был генеральный директор ОАО «Уральский приборостроительный завод» В.У. Годлевский. На предприятии были реализованы мероприятия по развитию наукоемкого производства в сочетании с потенциалом других предприятий России и зарубежных государств. Так был осуществлен проект по развитию кооперационных связей с предприятием «Искра» (Республика Словения). На предприятии производились счетчики электроэнергии и приборы учета показателей домашнего хозяйства граждан и организаций. По оценке российского экономиста, государственного и политического деятеля А.Г. Высокинского, потенциал бизнес-планирования Уральского приборостроительного завода стал возможен благодаря целенаправленной политике совместно-кооперационных связей с другими предприятиями [6]. По соответствующим показателям ОАО «Уральский приборостроительный завод» вошло в число лидирующих предприятий области и страны. В этом проявился талант менеджеров завода и спектрально-аналитический подход Э.Э. Росселя, прогностически увидевшего экономическое будущее Свердловской области, многогранное развитие субъекта Федерации, а также экономическую и социальную самодостаточность бизнес-структур и граждан.

Аналогичные особенности обнаруживаются и в других сферах развития Свердловской области соответствующего периода. Содержательным направлением выступают экономика и социология культуры. Современную действительность невозможно представить без культурной составляющей жизни общества. В этой сфере также решались стратегические задачи, и стратегическое прогнозирование – способность предвидеть и предсказать конкретный ход событий – проявило себя самостоятельным образом. Одной из таких задач стало стратегическое развитие сферы культуры в Свердловской области в 1990-е годы. Зачинателем стратегического мышления в этой сфере выступила первая областной министр культуры Н.К. Ветрова. Под ее руководством областная сфера культуры была преобразована в надежный центр формирования и развития культурных кадров. В начале 1990-х годов сфера культуры переживала тяжелый кризис. Стратегическое управление вопросами выплаты заработных плат и роста доходов работников отрасли стало одним из направлений деятельности Н.К. Ветровой как министра культуры Свердловской области. Прорабатывались вопросы развития культурных связей, благодаря чему регион вышел на первые позиции в России и приобрел статус флагмана отечественной культуры. Как отмечает Н.К. Ветрова: «Культурой управлять очень сложно. Особенно творческой ее частью. Я очень рада, что существует законодательство, которое запрещает чиновникам лезть в творческую часть. Нет худсоветов, отсмотров спектаклей, одел ты красные носочки там или белый галстук – ну, я, к примеру говорю. Было много проблем финансовых, по материально-технической базе. Они всегда были, есть и будут. В принципе, система управления должна существовать, особенно для государственных учреждений, потому что это бюджетное финансирование, это контроль. Но это не значит, что нужно напрямую вмешиваться. И вот пока эту грань находишь, это достаточно трудно» [7]. Поиск «всех граней» в управлении отраслью представляет собой непростую задачу, требующую особого внимания со стороны стратегического прогнозирования и со стороны лица, наделенного соответствующими полномочиями. Деятельность отдельной организации требует освоения опыта других организаций; в этой связи невозможно представить отсутствие связей между деятелями культуры и системой образования.

Система образования на территории Свердловской области переживала драматический период в 1990-е годы. Это выразилось в дефиците стратегического прогнозирования в работе профильного министерства; региональная система демонстрировала деградацию кадров на всех уровнях управления. Тем не менее ей был присущ определенный потенциал самовосстановления: образовательные кадры удерживались на советском наследии. Данный тезис подтверждает пример А.Н. Годлевской, в 1990-е годы возглавлявшая Государственное образовательное учреждение начального образования Свердловской области «Профессиональное училище № 20». Опыт училища показал, что эта образовательная структура представляет собой особое явление в развитии регионального образования. Училище неоднократно становилось лидером различных образовательных программ и стажировок благодаря эффективному освоению опыта в сфере бизнеса и предпринимательства. Понимание того, что система советского профтехобразования уходит в прошлое, а ничего нового на смену не приходит, побудило директора училища корректно оценить обстановку образовательной среды и принять стратегически обоснованные решения о развитии учреждения. Концепция коммерческого училища стала реальностью благодаря многократной апробации в рамках конкретного учебного заведения. Учебное заведение не только выступило проводником передового опыта, но и сформировало качественную подготовку компетенций для бизнеса, что является личной заслугой директора. Вместе с тем общие тенденции в развитии областного образования имели в этот период негативный характер. Первый министр образования Свердловской области, кандидат педагогических наук В.В. Нестеров недостаточно отчетливо понимал перспективы развития организаций образования региона. Деградация системы образования во многом объясняется тем, что В.В. Нестеров считал необходимым ликвидировать те основания, на которых складывалась и развивалась образовательная среда региона. Областная образовательная среда не реформировалась, а ликвидировалась; принимался во внимание тезис о том, что ликвидировать легче, чем создавать, восстанавливать или учитывать опыт коллег из других субъектов Федерации и зарубежных государств. В этом проявляется негативная тенденция формирования компетенций и идей в Свердловской области в 1990-е годы. Это показатель невысокого уровня прогностического и стратегического мышления в политике и государственном управлении, когда идеи руководителей среднего звена нередко расходятся с позицией областного министерства. Ошибочные подходы к стратегическому прогнозированию образовательной среды при руководстве В.В. Нестерова во многом предопределили дальнейший кризис всей образовательной среды региона, что негативно сказывается на ее динамике и в настоящее время. Руководители среднего звена в 1990-е годы продемонстрировали, что передовой опыт советского периода в сочетании с положительными тенденциями реформ способен оказать благотворное воздействие на менеджмент отрасли независимо от позиции областного руководства. Этой точки зрения придерживается директор Центра опережающего образования Свердловской области Н.Н. Хридина [8], много лет проработавшая в Министерстве образования Свердловской области и отвечавшая за многие проекты в сфере образовательной политики региона.

Особое внимание следует уделить общим экономическим проектам в развитии Свердловской области. Экономический базис региона, стратегические проекты в экономике, развитие образовательной среды – все это базисные направления развития субъекта Федерации, в особенности в его экономической составляющей. Министр экономики в Правительстве Свердловской области Г.А. Ковалева выступила инициатором значительного числа проектов и инициатив. Прежде всего это выразилось в разработке Стратегического плана развития отдельных территорий и территориального видения субъекта Федерации. Стратегический план развития Свердловской области стал вехой в истории субъекта Федерации и был лично поддержан первым губернатором Свердловской области Э.Э. Росселем. Концепция стратегического видения Г.А. Ковалевой состояла в следующем: производственные силы должны подкреплять развитие общественных отношений в соответствии со стратегическим планом в социальной сфере. Эта дихотомия выразилась в том, что стратегия планирования опирается прежде всего на экономическую самодостаточность субъекта Федерации. Г.А. Ковалева последовательно подчеркивала, что соответствие плана определяется политической возможностью: вне политических отношений невозможно представить выполнение плана и его развитие, вне политики невозможна и реализация любых планов на практике [9]. Прогнозированию Г.А. Ковалевой во многом свойственно то, что после преобразований 1990-х годов она возродила в России по-

нятие плана, заставив учитывать в показателях не только законность, но и результативность. Результаты, в свою очередь, должны были обслуживать работу макро– и микропоказателей на различных этапах развития Свердловской области. К ее заслугам относятся также работа по погашению задолженности по выплатам бюджетникам и социальная обусловленность развития субъекта Федерации по ключевым вопросам федерализма, местного самоуправления и его экономической составляющей. Прогностическое мышление Г.А. Ковалевой сыграло ведущую роль в развитии Свердловской области в 1990-е годы. Ведущие мезопоказатели региона удерживались на стабильном уровне во многом благодаря ее участию, а сама Г.А. Ковалева приобрела репутацию признанного специалиста как в Российской Федерации, так и за рубежом.

Политическая действительность во многом выстраивается за счет альтернативных, оппозиционных оценок деятельности крупных политиков и политологов-аналитиков. На примере Свердловской области в этой связи показательно столкновение двух управленческих команд – губернатора Росселя и мэра Екатеринбурга Чернецкого. Клановые основы их функционирования сложились в период существования управленческих команд. Независимое прогностическое мышление двух лидеров – А.М. Чернецкого и Э.Э. Росселя – привело к тому, что ключевые показатели развития региона сосредоточивались в орбите двух больших политических центров.

Командная работа первого главы администрации города Екатеринбурга А.М. Чернецкого способствовала формированию мощного интеллектуального центра в недрах муниципального образования «Город Екатеринбург». Под его руководством произошел перелом в развитии управленческих компетенций; город стал развиваться планомерно, активно вовлекая в свой экономический потенциал необходимые бизнес-инструменты. Главным достижением команды А.М. Чернецкого правомерно считать Стратегический план развития города Екатеринбурга до 2030 года. Очевидно, что этот документ предопределил развитие города и стал результатом ожесточенного политического противостояния команд А.М. Чернецкого и Э.Э. Росселя.

Стратегический план развития Екатеринбурга демонстрирует развитие стратегического мышления в области общественных институтов и систем. Деятельность менеджеров города была направлена на развитие актуальных институтов и механизмов, систем реализации сбалансированных интересов граждан и организаций. Стратегический план в значительной мере выступает правопреемником стратегического плана развития г. Свердловска Совмина РСФСР 1972 года. Эволюционное продолжение пути предшественника обеспечило преемственность градостроительного начала, экономической и торгово-экономической составляющих плана развития муниципалитета. Город стал одним из ведущих центров отечественной науки и техники, образовательной среды, культуры, промышленности, наукоемких технологий и бизнеса именно потому, что были созданы условия для становления города-корпорации. Экономическая корпорация, образованная совместными усилиями города и его жителей, дала жизнь новому промышленно-человеческому капиталу, обогатила городскую агломерацию и обеспечила условия для гармоничного развития города в материальном и духовном измерениях. Прогностически был корректно избран тезис о том, что каждое направление развития города сопряжено с текущими изменениями в микро-, макро– и мезоэкономическом прогнозировании. Стратегический план Екатеринбурга относится к мезоэкономическому прогнозированию и обладает комплексным потенциалом развития города. Учтены макро– и микроэкономические подходы; вместе с тем менеджмент города в значительной мере усвоил инструменты мезоэкономического прогнозирования, позволившие глубоко проработать специфику каждой отрасли и определить развитие города на десятилетия вперед. В этом и состоит исключительный потенциал развития Екатеринбурга, стратегического прогнозирования команды А.М. Чернецкого, его политической воли как эффективного управленца. Стратегический анализ, представленный, в частности, вице-мэром Екатеринбурга в 2018–2020 гг. М.О. Андрусь, показывает, что эффективность прогнозов ведет не только к процветанию отдельной территории, но и становится благоприятным условием для развития всей Свердловской области. Вместе с тем команда менеджеров областного правительства не всегда воспринимала рекомендации и консультации со стороны команды Администрации Екатеринбурга, что могло оказывать негативное влияние на взаимоотношения двух структур. Взаимные консультации позволяли сглаживать эти противоречия и приводить общее положение дел к рабочему консенсусу. Обе команды работали в этом ключе. При этом не всегда их партнерство носило стратегически продуктивный характер. Необходимо учитывать фактор «политического противодействия»: из столкновения позиций возникает понимание того, что каждый центр «политических координат» предлагает свою точку зрения. Каждая команда становится политической реальностью лишь в том случае, если формирует и продвигает собственные идеи. Из столкновения позиций рождается, в том числе, и политическая истина. В этом обнаруживается социальная дихотомия двух центров «город – область»: противостояние генерирует новые идеи и общий импульс развитию региона, однако оно же способно вести к деградации кадров, к функционированию системы интеллектуальных ценностей на низком уровне, кадровой стагнации и истощению стратегического потенциала региона.

Прогностическая политика в стратегическом прогнозировании имеет существенное значение для федерального центра и регионов России. При этом каждый субъект политических отношений стремится к собственному развитию, и взаимоотношения субъектов то соединяются, то расходятся. Любая структура политического взаимодействия демонстрирует свою эффективность благодаря отлаженной системе стратегического прогнозирования на различных уровнях правоприменения. Развитие человеческого капитала, экономической и социальной составляющей каждой отрасли требует развития стратегического прогнозирования в политике. Каждый прогнозист или система прогнозистов способны как запустить эффективный анализ среды, так и неэффективно использовать имеющуюся базу познания. Система прогнозирования может стать либо двигателем прогресса в развитии общества, либо «властным тормозом» отдельной отрасли, что хорошо просматривается на примере образовательной политики Свердловской области.

Экономическое прогнозирование развития отдельных территорий должно вести к балансу интересов в федеративных отношениях. Конституционное осмысление основ федерализма приводило к различным трактовкам в политических отношениях. В стратегическом прогнозировании актуален вопрос осмысления значимости отдельных территорий. Муниципальное образование город Екатеринбург выступает значимым лидером в развитии производственно-технических кадров, культурной среды, оборонного потенциала, среды бытовых услуг и торговых центров. Вместе с тем работа системы образования не выстроена на сопоставимом уровне. Стратегическое осмысление потенциала культурной среды невозможно вне качественной подготовки кадров и системы профессионального обучения и воспитания. Стратегически актуален вопрос формирования новых ориентиров в системе профессионально-технического образования, повышения его социальной обеспеченности, кадрового и научно-производственного потенциала. Отсутствие верных ориентиров в этой сфере препятствует адекватной оценке образовательной среды и формированию полноценных кадров для оборонного потенциала государства, промышленной идеологии и системы профессионально-бытового обеспечения населения. Полноценный подход к прогнозированию профессионально-технической образовательной среды позволит создать новые наукоемкие производства и производственные циклы и обновить образовательную систему государства, что должно быть зафиксировано во многих государственных программах стратегического и политического характера на территории Российской Федерации.

Стратегическое прогнозирование сегодня приобретает характер стратегического мышления [11] [12] как в России, так и в мировом сообществе. Стратегическое мышление неотделимо от деятельности отдельных представителей мирового истеблишмента. В системе мирового прогнозирования таким примером является Урхо Калева Кекконен. 8-й Президент Финляндии стал одним из символов государственного стратегического прогнозирования в Республике Финляндии. Финляндия выступает одним из лидеров европейской экономики и основателем ряда систем интеллектуальных ценностей в Европе. Долгое время регион формировался как часть крупных империй и лишь в XX веке стал самодостаточным политическим центром. Стратегическое политическое и геополитическое мышление У.К. Кекконена состояло в концентрации внимания на развитии экономики Финляндии [13] в переломный момент ее истории XX века. По мнению У.К. Кекконена, Финляндии надлежало быть самодостаточным игроком международных отношений и надежным центром транзитной торговли между другими государствами, прежде всего по линии СССР – Финляндия. Благодаря устойчивым связям с СССР Финляндия превратилась в выгодный экономический кластер – государство-корпорацию, объединившее достижения западных экономик и геополитические ресурсы СССР. СССР неоднократно содействовал Финляндии в развитии национальной экономики; советские специалисты сформировали выгодный политический капитал и определили актуальную повестку развития производственных и общественных отношений на территории страны. Стратегическое осмысление развития Финляндии повлияло на ее современный облик [55]. Заложенные У.К. Кекконеном ориентиры предопределили интересы государства в развитии человеческого капитала

и стали значимым фактором «финляндизации» всей системы международных отношений.

Содержательным примером стратегического мышления в Индонезии стало правление Президента Ахмеда Сукарно [14] [15]. Годы его правления пришлись на ожесточенное сопротивление голландским колонизаторам, неоднократно пытавшимся поработить Индонезийский архипелаг. Стратегическое видение позволило А. Сукарно корректно определить курс развития страны и общественных институтов. Политический процесс в Индонезии в тот момент оказался подчинен задачам национального сопротивления. Политика колониализма и компрадорские элементы национального менеджмента и экономики побудили А. Сукарно к активным действиям по противостоянию колонизаторам и общественным структурам колониального строя. Общественное развитие Индонезии было политически спрогнозировано А. Сукарно на годы вперед благодаря стратегическому анализу действительности и корректной оценке текущего положения дел. Победа над голландскими колонизаторами позволила А. Сукарно перейти к активному развитию внутри– и внешнеполитических мощностей национального курса. Одновременно с оформлением курса индонезийского национализма и идейной мобилизации граждан в стране отсутствовал работающий механизм развития экономики, что и спровоцировало кризис государственного управления Индонезии в 1960-е годы. Национально-спектральный подход к прогностическому мышлению А. Сукарно состоял в том, что его мысль сформировала националистическую основу развития Индонезии и предопределила ее курс на годы вперед, однако экономическая составляющая прогностики практически отсутствовала, что и обусловило крах режима А. Сукарно в конце 1960-х годов.

В Российской Федерации отдельные направления экономической политики внесли определенный вклад [16] в развитие общества и государственных экономических мощностей, однако траектория этого развития во многом негативна и связана с обнищанием человеческого потенциала. Таковы были 1990-е годы, предопределившие развитие общественных отношений и институтов на годы вперед. Идеологическая политика младореформаторов на территории России определила вектор развития общественных институтов на последующие три десятилетия. В развитие либеральной мысли в России был внесен заметный вклад, однако одновременно был нанесен значительный ущерб микро-, макро– и мезопоказателям общества и его институтов, показателям благосостояния народа. Государственное прогнозирование младореформаторов – в частности, А.Б. Чубайса, Е.Т. Гайдара, Г.Э. Бурбулиса – обернулось негативными последствиями для государственной политики, в частности в сфере применения либеральной экономической модели на десятилетия вперед. Сегодня правомерно утверждать, что либеральная модель экономического развития не подходит для Российской Федерации; продуктивному развитию экономики способствует мобилизационная экономическая модель. Когда общественные отношения накапливают объективные производственные мощности, они способны развиваться лишь в условиях угрозы общему развитию. Мобилизационная модель экономики – универсальная формула развития общественных отношений на территории нашей страны, способная стать предвестником их обновления. Опыт Великой Отечественной войны подчеркивает значимость коренных вопросов общественного развития, что прогностически важно для понимания современной действительности. Мобилизация всех усилий в развитии общественных и производственных сил ведет к качественному развитию спроса и предложения, законам себестоимости товаров и услуг, общему пониманию промышленной политики предприятий и государственному стратегическому прогнозированию. Негативное государственное и стратегическое прогнозирование привело к геополитической и «политической катастрофе» в России 1990-х годов. Ориентация на либеральную экономическую модель в обход экспертных позиций обусловила положение, при котором истинные ценности социального и человеческого прогнозирования уступили место представлению о гармоничном распределении производственных сил общества. Стратегическое прогнозирование сегодня нуждается в объективных прогнозах и оценках со стороны руководителей не только среднего, но и высшего звена, чтобы каждый руководитель сознавал степень своей ответственности за общественное развитие, человеческий капитал и государственное прогнозирование.

Прогностические идеи команды младореформаторов сыграли негативную роль [17] в развитии не только федеральной политики, но и государственной политики в целом, выступив социальным тормозом ее развития. Прогностическое мышление Е.Т. Гайдара сыграло негативную роль в становлении основ отечественной экономической и социальной мысли. Российский писатель, общественный и политический деятель А.А. Проханов отмечает, что современная российская экономика испытывает рецессию во многом потому, что федеральное правительство восприняло идеи либеральных концепций в ущерб национальному самосознанию и развитию отечественной политической, экономической, политологической мысли. Мыслители Запада заложили «мину» под прогностическое мышление в России, создав почву для негативного отношения к развитию отечественной политологической мысли. В 1990-е годы отечественная политика сформулировала отрицательные подходы в формировании политической мысли на годы вперед. В частности, это выразилось в негативной монетарной политике, проводимой на протяжении длительного периода. Эту линию воплощает деятельность главы Банка России Э.С. Набиуллиной, выстраивающей прогностическую политику в отношении ЦБ РФ и всей экономики России в логике либеральной экономической модели. Эта модель ведет к самостоятельной инициативе бизнеса, что на практике негативно сказывается на макро– и мезоэкономических показателях. Ключевая ставка ЦБ РФ оказывает негативное влияние на общий прогностический курс государства в формировании государственной политики и политической воли субъектов правоотношений; политические деятели и ученые-политологи, ориентируясь на показатели ключевой ставки ЦБ, нередко попадают «в плен» либеральных воззрений и формируют ущербные идеи будущего государственного развития.

Можно констатировать, что прогностическое мышление на современном этапе во многом может базироваться на прогностическом опыте прошлого. Многие ключевые управленческие решения формулировались в основе различных концепций общественного и государственного прогнозирования как в условиях внутренней политики, так и в условиях внешней политики. При этом данные решения могли играть как прогрессивный, так и регрессивный характер, когда отдельные решения управленцев объективно формируют общественную среду, в которой живут граждане на протяжении многих лет и даже столетий. Аккумуляция подходов прошлого и современности – надежный базис для принятия политических решений сегодня.

Литература

1. Лебедева, М.М. Мировая политика: учебник для вузов / М.М. Лебедева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: КноРус, 2018. – 256 с. – Текст: непосредственный.

2. Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции / О.В. Гаман-Голутвина. – 2-е изд. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 446 с. – Текст: непосредственный.

3. Крым в исторической судьбе России // КиберЛенинка: [сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krym-v-istoricheskoy-sudbe-rossii/viewer (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

4. Передача Крыма в состав УССР: исторические аспекты // Aftershock.news: [сайт]. – URL: https://aftershock.news/?q=node/1364577 (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

5. Россель, Э.Э. Свердловской области нужна была экономическая и законодательная самостоятельность: интервью // Коммерсантъ: [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4399083 (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

6. Высокинский, А.Г. Формирование системы планирования и активизации инвестиционной деятельности в регионе / А.Г. Высокинский. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2018. – 220 с. – Текст: непосредственный.

7. Ветрова, Н.К. Управлять культурой – находить грани: интервью // 66.ru: [сайт]. – URL: https://66.ru/news/society/112627/ (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

8. Хридина, Н.Н. Директор Института опережающего образования // Институт опережающего образования: [сайт]. – URL: https://institut-oo.ru/institut/direktor/ (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

9. В Свердловской области отметили 100-летие планово-экономических органов // Московский комсомолец. Екатеринбург: [сайт]. – URL: https://eburg.mk.ru/social/2024/11/18/v-sverdlovskoy-oblasti-otmetili-100letie-planovoekonomicheskikh-organov.html (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

10. Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най; пер. с англ. – Новосибирск: Сибирская книга; Москва: Тренды, 2006. – 224 с. – Текст: непосредственный.

11. Кокошин, А.А. Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России / А.А. Кокошин. – Москва: МГИМО; РОССПЭН, 2003. – 528 с. – Текст: непосредственный.

12. Александров, М.В. Методология планирования Европейского союза в области безопасности и обороны / М.В. Александров // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 5 (44). – С. 142–153. – Текст: непосредственный.

13. Амонзода, С.Б. Проблемы стратегического прогнозирования внешней политики в условиях современных угроз и перспективы развития внешнеполитического курса РТ / С.Б. Амонзода // Вестник педа-

гогического университета. Серия: Философия, право и политические науки. – 2026. – № 1 (21). – С. 234–240. – Текст: непосредственный.

14. Грибин, Н.П. Стратегическое планирование и прогнозирование во внешней политике России в условиях возрастания угроз и вызовов / Н.П. Грибин // Дипломатическая служба. – 2020. – № 1. – С. 35–44. – Текст: непосредственный.

15. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2003. – 603 с. – Текст: непосредственный.

16. Тощенко, Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т. Тощенко. – Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 432 с. – Текст: непосредственный.

17. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н.Д. Кондратьев. – Москва: Экономика, 2002. – 767 с. – Текст: непосредственный.

THE PERSONAL FACTOR IN THE CONTEXT OF POLITICAL FORECASTING: HISTORY AND MODERNITY

Vysokinsky L.A.
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,

In theory and in practice, a person's personality plays an important role in shaping and making political decisions. These solutions can be both local and micro-level-oriented, as well as global and macro-level-oriented solutions. The experience of States with different social and political structures has shaped the experience of certain strategies and proven solutions that will help solve many social problems in practice. In practice, every manager faces problematic issues of managerial decision-making. It is impossible to imagine leadership in practice without making key decisions that will affect the managerial specifics of both small organizations and the state body as a whole. The article shows examples of profitable management decisions. On the other hand, the negative dynamics of predictive decision-making by individual managers is also shown, when individual management errors create negative prerequisites for the development of the industry as a whole. In many ways, the article concludes that the predictive potential of the macro level affects the micro level and vice versa. It is necessary to gain special experience in the development of management decisions so that they timely influence the experience of individual organizations and the state as a whole.

Keywords: political forecasting, leader, public environment, politician, competitive environment, managerial decision, domestic policy, foreign policy, public thinking.

References

1. Lebedeva, M.M. World politics: a textbook for universities / M.M. Lebedeva. – 4th ed., revised and add. – Moscow: KnoRus, 2018. 256 p. – Text: direct.

2. Gaman-Golutvina, O.V. Political elites of Russia: Milestones of historical evolution / O.V. Gaman-Golutvina. – 2nd ed. – Moscow: ROSSPEN, 2006. – 446 p. – Text: direct.

3. Crimea in the historical fate of Russia // CyberLeninka: [website]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krym-v-istoricheskoy-sudbe-rossii/viewer (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

4. The transfer of Crimea to the Ukrainian SSR: historical aspects // Aftershock.news: [website]. – URL: https://aftershock.news/?q=node/1364577 (accessed: 30.04.2026). – Text: electronic.

5. Rossel, E.E. The Sverdlovsk region needed economic and legislative independence: an interview // Kommersant: [website]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4399083 (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

6. Vysokinsky, A.G. Formation of a planning system and activation of investment activity in the region / A.G. Vysokinsky. Yekaterinburg: USUE, 2018. 220 p. – Text: direct.

7. Vetrova, N.K. Managing culture – finding the edges: an interview // 66.ru: [website]. – URL: https://66.ru/news/society/112627 / (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

8. Khridina, N.N. Director of the Institute of Advanced Education // Institute of Advanced Education: [website]. – URL: https://institut-oo.ru/institut/direktor / (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

9. The Sverdlovsk region celebrated the 100th anniversary of the planning and economic authorities // Moskovsky Komsomolets. Yekaterinburg: [website]. – URL: https://eburg.mk.ru/social/2024/11/18/v-sverdlovskoy-oblasti-otmetili-100letie-planovoekonomicheskikh-organov.html (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

10. Nye, J. Flexible power. How to succeed in World Politics / J. Nai; translated from English – Novosibirsk: Siberian Book; Moscow: Trends, 2006. – 224 p. – Text: direct.

11. Kokoshin, A.A. Strategic management: theory, historical experience, comparative analysis, tasks for Russia / A.A. Kokoshin. Moscow: MGIMO; ROSSPEN, 2003. 528 p. – Text: direct.

12. Alexandrov, M.V. Methodology of planning of the European Union in the field of security and defense / M.V. Alexandrov // Bulletin of MGIMO University. – 2015. – № 5 (44). – Pp. 142–153. – Text: direct.

13. Amonzoda, S.B. Problems of strategic forecasting of foreign policy in the context of modern threats and prospects for the development of the foreign policy course of the Republic of Tatarstan / S.B. Amonzoda // Bulletin of the Pedagogical University. Series: Philosophy, Law and Political Sciences. – 2026. – № 1 (21). – Pp. 234–240. – Text: direct.

14. Gribin, N.P. Strategic planning and forecasting in Russia's foreign policy in the context of increasing threats and challenges / N.P. Gribin // Diplomatic Service. – 2020. – № 1. – Pp. 35–44. – Text: direct.

15. Huntington, S. Clash of civilizations / S. Huntington; translated from English. – Moscow: AST, 2003. – 603 p. – Text: direct.

16. Toschenko, J.T. The Phantoms of Russian society / J.T. Toschenko. – Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2015. – 432 p. – Text: direct.

17. Kondratiev, N.D. Large cycles of conjuncture and the theory of foresight. Selected works / N.D. Kondratiev. Moscow: Ekonomika Publ., 2002. 767 p. – Text: direct.

Трансформация образа Китая в американских СМИ: от концепции «мирного подъема» к восприятию стратегического соперничества (2010–2025 гг.)

Ван Юйцзюэ,
магистрант, Московский государственный университет
E-mail: 2548338424@qq.com

Анализируется эволюция концепции «подъема Китая» в американском медиадискурсе в 2010–2025 гг. Автор выделяет три этапа: ослабление образа партнера (2010–2016 гг.), переход к открытому стратегическому соперничеству (2017–2019 гг.) и закрепление образа соперника (2020–2025 гг.), границы которых заданы не хронологической условностью, а конкретными политическими событиями. Смена образа иллюстрируется авторским анализом заголовков The New York Times и The Wall Street Journal. Рассмотрены ключевые сюжеты каждого этапа, а также случаи несовпадения позиций изданий и разногласий внутри экспертного сообщества. Показано, что смена образа Китая в прессе следует за изменением позиции американского политического руководства, а рост числа публикаций о «китайской угрозе» сопровождается устойчивым ухудшением общественного мнения американцев о Китае, впервые немного ослабло в 2025 г.

Ключевые слова: образ Китая, американские СМИ, медиадискурс, медиаобраз КНР, стратегическое соперничество, «мирный подъем».

Актуальность исследования обусловлена тем, что американо-китайские отношения определяют сегодня структуру всей системы международных отношений, а СМИ США выступают одновременно индикатором и инструментом восприятия КНР американским обществом и политическим классом. За последние два десятилетия образ Китая в американском медиапространстве изменился кардинально. От осторожно-позитивного восприятия «мирно поднимающейся» державы, интегрирующейся в либеральный миропорядок, к устойчивому образу главного стратегического соперника. Эта трансформация не была одномоментной: она развивалась поэтапно, отражая как сдвиги в балансе сил, так и внутриполитическую динамику в самих США.

Объектом исследования является медиадискурс ведущих американских изданий о подъеме Китая. Предметом – эволюция содержания образа Китая, способов его подачи и характера оценок в этом дискурсе в период 2010–2025 гг.

Цель исследования – выявить этапы, механизмы и факторы эволюции концепции «подъема Китая» в американских медиа в 2010–2025 гг.

Задачи:

1. Определить теоретико-методологические основания анализа и охарактеризовать исходное состояние медиаобраза КНР к началу 2010-х гг.;

2. Выделить и обосновать этапы эволюции медиадискурса о подъеме Китая;

3. Установить взаимосвязь медиадискурса с динамикой общественного мнения и официальным внешнеполитическим направлением США.

Гипотеза исследования: эволюция концепции «подъема Китая» в американских медиа в 2010–2025 гг. представляла собой не плавный переход, а поэтапную смену доминирующих интерпретаций, где границы этапов задавались рубежными событиями (приход Си Цзиньпина и «поворот в Азию»; Стратегия национальной безопасности США 2017 г. и торговая война; пандемия COVID-19), а решающим механизмом смены интерпретаций выступало изменение позиций американского политического руководства, за которой следовали ведущие СМИ.

Степень разработанности проблемы. Теоретические основы анализа медиаобразов заложены Р. Энтманом [1] и У. Беннеттом [2]. Эмпирические исследования образа КНР в американской прессе представлены работами Х. Окуды [3], Г. Голана и Дж. Лукито [4]. Особого внимания заслуживает исследование Цз. Чжэна и соавторов, проследивших динамику повестки «китайской угрозы» на массиве более 30 тыс. публикаций 1999–2019 гг. [5]. Концептуальные рамки американо-китайского соперничества разработаны А. Фридбергом [6], Г. Аллисоном [7], С. Шерк [8]. В российской науке различные аспекты американо-китайских отношений рассматривались Я.В. Лексютиной [9] и А.С. Давыдовым [10]; эволюция американских подходов к КНР и формирование в Вашингтоне двухпартийного консенсуса об ошибочности «вовлечения» проанализированы в работе Я.В. Лексютиной [11], а хронология и идеологическое обоснование торгового конфликта 2018–2019 гг. – в работе А.О. Виноградова, А.И. Салицкого и Н.К. Семеновой [12]. Вместе с тем целостная реконструкция эволюции концепции «подъема Китая» в американских медиа на материале 2010–2025 гг., в отечественной литературе отсутствует, что определяет научную новизну работы.

Исследование охватывает 2010–2025 гг. Внутри периода выделены три этапа, границы которых заданы событиями, менявшими то, как американская пресса писала о Китае.

Нижняя граница – 2010 год. К этому времени последствия кризиса 2008–2009 гг., который Китай прошел сравнительно успешно, и более настойчивый внешнеполитический курс Пекина стали постоянной темой американских СМИ. До 2010 г. Китай оставался в американских публикациях прежде всего экономическим партнером, а критика затрагивала отдельные темы и не складывалась в устойчивый образ соперника.

Первый этап (2010–2016 гг.) – ослабление образа партнера: верхняя граница этапа определяется сменой администрации в США, после которой курс на соперничество с Китаем был закреплен в официальных документах. Второй этап (2017–2019 гг.) – открытое стратегиче-

ское соперничество: от начала торгового конфликта до его перехода в технологическую сферу. Третий этап (2020–2025 гг.) – закрепление образа соперника: после пандемии негативная тематика публикаций перестает зависеть от конкретного информационного повода, что позволяет рассматривать период как единый.

Верхняя граница – 2025 г., позволяет учесть пик негативного восприятия КНР американским обществом в 2024 г. и первые признаки смягчения в 2025 г.

Образ государства в СМИ складывается из трех составляющих: какие темы издания выбирают для освещения, как эти темы подаются и какие оценки при этом даются. Выбор тем описывает теория «установления повестки дня» – СМИ определяют не то, что именно думает читатель, а то, о чем он думает вообще. [13]. Способ подачи описывает теория фрейминга, Р. Энтман определяет ее так – СМИ выделяют одни стороны события и обходят вниманием другие, подсказывая читателю, в чем проблема, кто виноват, как это оценить [1]. Важна также модель «индексирования» У. Беннетта: набор мнений в СМИ, как правило, повторяет набор мнений ведущих политиков [2]. Наконец, повестка СМИ влияет на общественное мнение: чем больше в американской прессе материалов о «китайской угрозе», тем сильнее американцы воспринимают Китай как угрозу, причем заметнее всего действует экономическая тематика [5].

Исходное состояние образа Китая, от которого отсчитывается эволюция 2010–2025 гг. сложилось в 2003–2009 гг. Концепция «мирного подъема», выдвинутая Чжэн Бицзянем в 2003 г. и изложенная в журнале Foreign Affairs в 2005 г. [14], была адресована западной аудитории и призвана снять опасения по поводу «китайской угрозы». Американская сторона приняла ее в целом благожелательно: заместитель госсекретаря США Р. Зеллик в 2005 г. призвал Китай стать «ответственным акционером» мирового порядка [15], и эта формулировка задала тон освещению КНР как возможного партнера на несколько лет. Однако образ оставался двойственным, настороженное отношение к Китаю сложилось задолго до концепции.

Повестка «китайской угрозы» фиксируется в американских СМИ уже с конца 1990-х гг. [5], поэтому и сама концепция была встречена с недоверием – англоязычная печать регулярно сомневалась в искренности заявлений о «мирном подъеме» [3]. Таким образом, к 2010 г. в американских СМИ соперничали два взгляда на Китай: образ партнера и «ответственного акционера» и менее заметный, но устойчивый образ угрозы. Дальнейшая эволюция состояла в том, что второй постепенно вытеснил первый.

Первый этап (2010–2016 гг.) ослабление образа партнера

Рубеж 2000–2010 гг. изменил восприятие соотношения сил. Китай, сравнительно легко прошедший мировой финансовый кризис, стал представать в американских СМИ претендентом на мировое лидерство на фоне ослабления самой американской модели. Основанием для смены образа послужило изменение поведения Китая: в 2008–2012 гг. Пекин начал частично отходить от линии «мирного развития», а с приходом к власти Си Цзиньпина (конец 2012 г.) перешел к стратегии «национального возрождения» [16].

Основными темами публикаций о Китае в этот период стали: территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, кибершпионаж и кражи интеллектуальной собственности, занижение курса юаня и торговый дисбаланс. Освещая споры вокруг островов, американские СМИ подчеркивали военную угрозу в Азиатско-Тихоокеанском регионе и представляли американское вмешательство в эти споры как оправданное поддержание стабильности.

Чтобы проиллюстрировать смену главных тем, ниже приведены несколько подтверждаемых по открытым источникам заголовков и сюжетов The New York Times и The Wall Street Journal этого периода, показывающих смену тона на конкретных случаях:

– «NYTimes To Launch Chinese-Language News Site» (The New York Times, 27 июня 2012 г.) – запуск китаеязычного сайта – показывает, что логика вовлечения и расширения присутствия на китайском рынке в середине 2012 г. еще сохранялась, пока не наложилась на события осени [17].

– «Family of Wen Jiabao Holds a Hidden Fortune in China» (The New York Times, 25 октября 2012 г.) – расследование Дэвида Барбозы о состоянии семьи премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао: образ непрозрачности и коррупции руководства, а не «мирного партнера» – публикация повлекла блокировку сайта NYT в Китае [18].

– «Hackers in China Attacked The Times for Last 4 Months» – (The New York Times, 30 января 2013 г., автор Nicole Perlroth) – сам журнал сообщил, что стал целью китайских хакеров сразу после публикации о семье Вэнь Цзябао – образ угрозы и возмездия за независимую журналистику [19].

– «Chinese Army Unit Is Seen as Tied to Hacking Against U.S.» (The New York Times, 19 февраля 2013 г.) – материал на основе отсчета компании Mandiant о подразделении 61398 НОАК, посвященного в том числе систематической краже интеллектуальной собственности у американских компаний – образ угрозы национальной безопасности вместо экономического сотрудничества [20].

– «People's Daily Details Allegations Against Lawyers Detained in China» (The New York Times, 13 июля 2015 г., автор Chris Buckley) – освещение так называемой «облавы 709» (задержание более 300 правозащитных юристов по всей стране): образ ужесточения внутренней политики при Си Цзиньпине [21].

– «What China Has Been Building in the South China Sea» (The New York Times, интерактивный материал Derek Watkins, 30 июля 2015 г.) – документирует намыв Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море: образ военной угрозы в Азиатско-Тихоокеанском регионе [22].

– «The Great Fall of China» (The Wall Street Journal, 28 марта 2016 г.) -ретроспективный разбор обвала китайского фондового рынка 2015–2016 гг. -падение индекса Shanghai Composite почти на 43% с июньского пика 2025 г. за которым последовали новые обвалы в январе 2016 г.» – переход от «экономического чуда» к образу экономической уязвимости [23].

Эти случаи показывают, как менялись главные темы: от сюжетов о сотрудничестве и открытости к сюжетам о непрозрачности, кибершпионаже, экономической нестабильности и др., при том что деловое сотрудничество продолжалось.

Показательно, что даже нейтральная по формулировке инициатива администрации Б. Обамы «поворот в Азию» (2011 г.) была истолкована прессой преимущественно как ответ на растущий Китай – тем самым взгляд на отношения двух стран как на соперничество стал восприниматься как норма ещё до того, как сложился единый образ Китая как противника.

Главная особенность этапа в том, что образ партнера слабел, но не был вытеснен окончательно. В прессе сосуществовали две трактовки – Китай как «хрупкая сверхдержава», скованная внутренними проблемами, и Китай как держава, сознательно стремящаяся перестроить мировой порядок под себя. Показательно, что The New York Times склонялась к первой трактовке, а The Wall Street Journal – ко второй, представляя Китай прямой угрозой интересам США [4]. Отношение американцев к Китаю в этот период тоже оставалось сдержанным: в 2016 г. негативно его оценивали лишь 47% – почти вдвое меньше, чем к 2024 г. [24].

Второй этап (2017–2019 гг.) открытое стратегическое соперничество

Качественный перелом произошел в 2017–2018 гг. и был инициирован сверху, первыми его обозначили не журналисты, а политики. Стратегия национальной безопасности США (декабрь 2017 г.) впервые официально назвала Китай «державой, стремящейся пересмотреть мировой порядок» и «стратегическим конкурентом» [25]. Документ прямо признал ошибочным прежний расчет: раньше считалось, что включение Китая в международные институты и рыночную экономику само сделает его более открытым внутри страны и предсказуемым на международной арене – Стратегия национальной безопасности США объявила эту логику несостоятельной и предложила перейти от сотрудничества к открытой конкуренции держав [25].

Реакцию прессы показывает заголовок The New York Times, 18 декабря 2017 г. – «Trump Delivers a Mixed Message on His National Security Approach» – издание фиксирует противоречие момента: поскольку документ называет Китай и Россию державами, стремящимися пересмотреть мировой порядок, тогда как в своей речи Трамп обещал стремиться к «большому партнерству» с обеими странами [26].

За декларацией последовали конкретные действия. В марте 2018 г. администрация Трампа инициировала расследование по статье 301 закона о торговле, посвященное китайским практикам в сфере технологий и интеллектуальной собственности, а уже в апреле объявила первый пакет пошлин на китайские товары. К осени 2018 г. торговая война прошла три раунда эскалации, затронувших китайский экспорт на сумму более 250 млрд долларов, с пошлинами от 10 до 25% [12]. Китай отвечал зеркальными мерами. Перемирие, достигнутое в декабре 2018 г. на саммите G20 в Буэнос-Айресе, оказалось недолгим, конфликт возобновился в 2019 г.

Торговая война получила в американских изданиях почти ежедневное освещение с постоянно повторяющимся словом «эскалация»: каждый новый раунд пошлин и ответных мер Китая подавался как очередной шаг в цепочке взаимных ударов. В деловой прессе устойчиво

звучали формулировки о «краже интеллектуальной собственности» со стороны Китая и о «зеркальных мерах» Пекина, закреплявшие образ прямого экономического противостояния.

К 2018–2020 гг. среди американских политиков независимо от партии сложилось общее мнение, что прежняя политика «вовлечения» Китая в мировой порядок оказалась ошибочной. [11]. Это согласие вышло за пределы публичных деклараций: в 2018 г. конгресс с двухпартийной поддержкой ужесточил контроль над китайскими инвестициями и передачей технологий. Вслед за позицией политического руководства изменилась и позиция прессы, возможность писать о подъеме Китая в партнерском ключе резко сократилась.

Но этот общий настрой не был единым для всех. The Washington Post 3 июля 2019 г. опубликовала открытое письмо более чем ста ведущих американских китаеведов, дипломатов и представителей военного и делового сообществ под названием «China Is Not an Enemy» («Китай – не враг») [27]. Среди инициаторов – известные исследователи Китая и бывший посол США в КНР. Авторы возражали против самой рамки «врага»: по их мнению, Пекин не следует считать ни экономическим противником, ни угрозой существованию США, а жесткий курс Вашингтона рискует ослабить именно тех китайских деятелей, которые заинтересованы в прагматичном сотрудничестве с Западом. Письмо показывает, что даже на пике официального закрепления соперничества в экспертном сообществе сохранялось несогласие, однако дальнейшая динамика 2020–2025 гг., свидетельствует, что верх взяли сторонники жесткого курса.

Смену взгляда на Китай подкрепили несколько известных книг того времени, на которые часто ссылались журналисты. Г. Аллисон в книге «Обречены воевать (США, Китай и ловушка Фукидида)» 2017 г., показал на исторических примерах, что при быстром сокращении разрыва в силе между державами почти неизбежно возникает опасный конфликт и представил отношения США и Китая как современный пример такой ситуации [7]. А. Фридберг в книге о «Борьба за первенство: Китай, Америка и противостояние за господство в Азии» 2011 г. доказывал, что одной из сторон придется уступить лидерство в Азии [6]. Само английское выражение «подъем Китая» (rise of China), раньше могло звучать нейтрально и даже одобрительно, в заголовках этого периода стало устойчиво появляться рядом со словами «угроза», «вызов», и «соперничество».

Третий этап (2020–2025 гг.) закрепление образа соперника

Пандемия COVID-19 и споры о происхождении вируса, ситуация в Синьцзяне и Гонконге, обострение вопроса о Тайване, инцидент с китайским аэростатом над территорией США (2023 г.) и нарастание технологического противостояния закрепили представление о Китае как о противнике США уже прочно и надолго.

Пандемия дала два разных, но взаимоусиливающих повода для острого освещения: споры о происхождении вируса и первоначальную реакцию китайских властей, которую западная пресса подавала как попытку скрыть масштаб вспышки. Гипотеза лабораторной утечки из Уханьского института вирусологии обсуждалась параллельно с версией естественного происхождения, при этом использование администрацией Трампа формулировки «китайский вирус» усиливало у читателей склонность обвинять Китай в пандемии, независимо от их изначальных взглядов [28]. Резко осуждающий тон задавали события в Гонконге и Синьцзяне, в июне 2020 г. Пекин ввел в Гонконге закон о национальной безопасности, фактически ликвидировавший автономию города, а положение уйгуров в Синьцзяне стало в 2020–2021 гг. одной из постоянных тем американской прессы и предметом официальных обвинений со стороны Вашингтона.

The Wall Street Journal, 3 февраля 2020 г., колонка Уолтера Рассела Мида «China Is the Real Sick Man of Asia» – редкий случай, когда сам заголовок стал самостоятельным международным скандалом. [29] Статья была посвящена не эпидемии, а скрытым рискам китайской финансовой системы – власти, застигнутые врасплох вспышкой вируса вопреки заявлениям о контроле над ситуацией, могут так же недооценивать и финансовые угрозы. Однако заголовок придумал не сам автор, а редакция, выбрав историческое прозвище слабеющего Китая рубежа XIX–XX вв. – «больной человек Азии», со временем это выражение приобрело расистский оттенок. Реакция оказалась острой: 19 февраля 2020 г. Китай выслал из страны трех журналистов WSJ. К 2020 г. даже метафора, выбранная ради броского заголовка, а не для выпада, воспринималась именно как выпад – настолько напряженным стало освещение отношений двух стран.

Обострение вокруг Тайваня достигло пика в августе 2022 г., когда остров посетила спикер Палаты представителей США Нэнси Пелоси – самый высокопоставленный американский политик на Тайване за четверть века. Пекин ответил беспрецедентными по масштабу военными маневрами: впервые с 1996 г. китайские ракеты были выпущены в воды непосредственно у берегов Тайваня, а военный и климатический диалог с Вашингтоном был приостановлен. Этот эпизод в прессе интерпретировался в военно-угрожающих рамках – как репетиция возможной блокады или вторжения, а не как дипломатический казус.

К технологическому противостоянию относятся споры вокруг приложения TikTok и запреты на поставку Китаю современных микрочипов. В октябре 2022 г. администрация Байдена ввела беспрецедентно широкие экспортные ограничения на поставку передовых процессоров и оборудования для их производства, а в 2023 г. ужесточила их повторно. Судьба TikTok прошла путь от первой попытки президентского запрета в 2020 г. до принятого конгрессом в апреле 2024 г. закона, обязывающего китайскую компанию ByteDance продать американский актив под угрозой полного запрета приложения в США [30].

Исследование Се Ваньин, Цзян Шэн, охватившее 2106 публикаций The New York Times и The Wall Street Journal о цифровых технологиях Китая за 2016–2023 гг., выявило различия между изданиями: The Wall Street Journal чаще пишет о технологическом соперничестве в терминах экономической конкуренции, а The New York Times – в терминах угрозы национальной безопасности США [31]. Однако обе газеты представляют отношения с Китаем как противостояние, причем на этот образ работают и нейтральные по теме материалы, поскольку поводом для публикаций о Китае служат преимущественно санкции, шпионаж, ограничения [31].

Пересматривается в этот период и сама исходная концепция «мирного подъема»: в книге С. Шерк «Overreach» 2023 г., утверждается, что Китай сам, своей чрезмерной экспансией, свел на нет собственный «мирный подъем» [8]. То есть даже саму идею мирного подъема в американских текстах теперь чаще всего описывают как несостоявшуюся.

Изменения в СМИ отразились и в настроениях самих американцев. Доля тех, кто относится к Китаю негативно, выросла с 47% в 2017 г. до 81% в 2024 г. в 2025 г. эта доля впервые за пять лет снизилась – до 77%, а доля, прямо называющих Китай «врагом», упала с 42% до 33%. Тем не менее Китай чаще любой другой страны (42% ответов) называется главной угрозой США, а большинство определяет его как «соперника», при этом среди молодежи 18–29 лет «врагом» его считают лишь 19% [24]. Представление о Китае как о стратегическом сопернике закрепилось и в общественном мнении, однако смягчение 2025 г. и позиция молодых показывают, что этот настрой не абсолютен и может со временем измениться.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1). Эволюция концепции «подъема Китая» в американских медиа в 2010–2025 гг. носила поэтапный характер и прошла три качественно различные фазы:

– 2010–2016 гг. – ослабление образа партнера при сохранении разнообразия оценок, что подтверждается и анализом заголовков NYT и WSJ: от сюжетов о вовлечении и открытости к сюжетам о непрозрачности, кибершпионаже и экономической нестабильности;

– 2017–2019 гг. – переход к открытому стратегическому соперничеству, инициированный сменой официального курса (Стратегия национальной безопасности 2017 г., торговая война), при сохранении несогласия в экспертном сообществе, свидетельством которого стало открытое письмо «China Is Not an Enemy» (2019 г.);

– 2020–2025 гг. – закрепление образа соперника как доминирующего на фоне пандемии COVID-19, обострения вокруг Гонконга, Синьцзяня и Тайваня и роста технологического противостояния.

2). Решающим механизмом смены взглядов выступило изменение позиции американского политического руководства, за которым следовали СМИ: медиадискурс менялся не сам по себе, а вслед за официальным определением Китая как стратегического конкурента. При этом пресса не были пассивным передатчиком – преобладание негативных сюжетов о Китае начиная с 1990-х гг. [5], ускорило этот сдвиг, а различия в подаче между изданиями показывают, что единой позиции при общем ужесточении тона не сложилось [4; 31].

3). Подтверждается устойчивая связь медиаповестки и общественного мнения: росту числа сюжетов о «китайской угрозе» соответствовал рост доли американцев с негативным отношением к Китаю – с 47% в 2017 г. до 81% в 2024 г. [5; 24].

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется вопрос об устойчивости этого образа, приведенные выше данные о смягчении настроений в 2025 г. и о позиции молодых американцев ставят под сомнение то, насколько долго сохранится нынешнее единство оценок.

Литература

1. Entman R.M., Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, № 4. P. 51–58.

2. Bennett W.L., Toward a Theory of Press-State Relations in the United States // Journal of Communication. 1990. Vol. 40, № 2. P. 103–127.

3. Okuda H., China's «peaceful rise/peaceful development»: A case study of media frames of the rise of China // Global Media and China. 2016. Vol. 1, № 102. P. 121–138.

4. Golan G., Lukito J., The rise of the dragon? Framing China's global leadership in elite American newspapers // International Communication Gazette. 2015. Vol. 77, № 8. P. 754–772.

5. Zheng J., Du Y.R., Xu M., «China threat» agenda in American media and public perception of China: A large-scale content analysis from 1999 to 2019 // International Communication Gazette. 2025. Vol. 87, № 6. P. 539–560.

6. Friedberg A.L., A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. – New York: W.W. Norton, 2011. 384 p.

7. Allison G., Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? -Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.

8. Shirk S.L., Overreach: How China Derailed Its Peaceful Rise. – New York: Oxford University Press, 2023. 424 p.

9. Лексютина Я.В., США и Китай: линии соперничества и противоречий. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. 230 с.

10. Давыдов А.С., Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. Москва: ИДВ РАН, 2015. 400 с.

11. Лексютина Я.В., «Китайская мечта» или «американский кошмар»: к чему пришли американо-китайские отношения за три десятилетия // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 2. С. 12–30.

12. Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 1. С. 35–46.

13. McCombs M.E., Shaw D.L., The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36, № 2. P. 176–187.

14. Zheng B., Chinas «Peaceful Rise» to Great-Power Status // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84, № 5. P. 18–24.

15. Zoellick R. B., Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on U.S. – China Relations. – New York, September 21, 2005. – URL: https://2001–2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm (дата обращения: 16.07.2026)

16. Goldstein A., China's Grand Strategy under Xi Jinping: Reassurance, Reform, and Resistance // International Security. 2020. Vol. 45, № 1. P. 164–201.

17. NYTimes To Launch Chinese-Language News Site: The New York Times. – 27 июня 2012. – URL: http://mediadecoder.blogs.nytimes.com/2012/06/27/the-times-is-introducing-a-chinese-language-news-site/ (дата обращения: 16.07.2026)

18. Family of Wen Jiabao Holds a Hidden Fortune in China: The New York Times. – 25 октября 2012. – URL: https://www.nytimes.com/2012/10/26/business/global/family-of-wen-jiabao-holds-a-hidden-fortune-in-china.html (дата обращения: 16.07.2026)

19. Hackers in China Attacked The Times for Last 4 Months: The New York Times. – 30 января 2013. – URL: https://www.nytimes.com/2013/01/31/technology/chinese-hackers-infiltrate-new-york-times-computers.html (дата обращения: 16.07.2026)

20. Chinese Army Unit Is Seen as Tied to Hacking Against U.S.: The New York Times. – 19 февраля 2013. – URL: https://www.nytimes.com/2013/02/19/technology/chinas-army-is-seen-as-tied-to-hacking-against-us.html (дата обращения: 16.07.2026)

21. People's Daily Details Allegations Against Lawyers Detained in China: The New York Times. – 13 июля 2015. – URL: https://archive.nytimes.com/sinosphere.blogs.nytimes.com/2015/07/13/peoples-daily-details-allegations-against-detained-lawyers/ (дата обращения: 16.07.2026)

22. What China Has Been Building in the South China Sea: The New York Times. – 30 июля 2015. – URL: https://www.nytimes.com/interactive/2015/07/30/world/asia/what-china-has-been-building-in-the-south-china-sea.html (дата обращения: 16.07.2026)

23. The Great Fall of China: The Wall Street Journal. – 28 марта 2016. – URL: https://www.wsj.com/articles/the-great-fall-of-china-1459206467 (дата обращения: 16.07.2026)

24. Negative Views of China Have Softened Slightly Among Americans // Pew Research Center. – April 17, 2025. – URL: https://www.pewresearch.org/global/2025/04/17/negative-views-of-china-have-softened-slightly-among-americans/ (дата обращения: 16.07.2026)

25. National Security Strategy of the United States of America. – Washington, D.C.: The White House, December 2017. 55 p.

26. Trump Delivers a Mixed Message on His National Security Approach: The New York Times. – 18 декабря 2017. – URL: https://www.nytimes.com/2017/12/18/us/politics/trump-security-strategy-china-russia.html (дата обращения: 16.07.2026)

27. China Is Not an Enemy: An Open Letter to President Trump and Members of Congress / Fravel M.T., Roy J.S., Swaine M.D., Thornton S.A., Vogel E. // The Washington Post. – July 3, 2019. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/making-china-a-us-enemy-is-counterproductive/2019/07/02/647d49d0–9bfa-11e9-b27f-ed2942f73d70_story.html (дата обращения: 16.07.2026)

28. Harming and Shaming through Naming: Examining Why Calling the Coronavirus the «Chinese Virus,» Not the «COVID-19 Virus,» Matters // Media Psychology. – 2022. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15213269.2022.2034021 (дата обращения: 16.07.2026)

29. «China Is the Real Sick Man of Asia»: The Wall Street Journal. – 3 февраля 2020 – URL: https://www.wsj.com/articles/china-is-the-real-sick-man-of-asia-11580773677 (дата обращения: 16.07.2026)

30. TikTok and China's Digital Platforms: Issues for Congress // Congressional Research Service. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/IF12640 (дата обращения: 16.07.2026)

31. Xie W., Jiang S., Digital technology races between China and the US: a critical media analysis of US media coverage of China's rise in technology and globalization // Online Media and Global Communication. 2025. Vol. 4, № 2. P. 216–264.

THE TRANSFORMATION OF CHINA'S IMAGE IN THE U.S. MEDIA: FROM THE CONCEPT OF «PEACEFUL RISE» TO THE PERCEPTION OF STRATEGIC RIVALRY (2010–2025)

Wang Yujue
Moscow State University

This article examines the evolution of the concept of «China's rise» in American media discourse from 2010 to 2025. The author identifies three stages: the weakening of China's image as a partner (2010–2016), the shift toward open strategic rivalry (2017–2019), and the consolidation of China's image as a rival (2020–2025), with boundaries defined by specific political events rather than chronological convention. The shift is illustrated through the author's own analysis of headlines from The New York Times and The Wall Street Journal; the key issues of each stage are examined, along with divergences between the newspapers and within the expert community. The analysis shows that shifts in China's media image follow changes in the stance of the American political leadership, while growing coverage of the «China threat» is accompanied by a steady decline in American public opinion of China, which improved slightly for the first time in 2025.

Keywords: China's image, American media, media discourse, media image of China, strategic rivalry, «peaceful rise».

References

1. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. Journal of Communication, 1993, Vol. 43, № 4, Pp. 51–58.

2. Bennett W.L. Toward a Theory of Press-State Relations in the United States. Journal of Communication, 1990, Vol. 40, № 2, Pp. 103–127.

3. Okuda H. China's «Peaceful Rise/Peaceful Development»: A Case Study of Media Frames of the Rise of China. Global Media and China, 2016, Vol. 1, № 102, Pp. 121–138.

4. Golan G., Lukito J. The Rise of the Dragon? Framing China's Global Leadership in Elite American Newspapers. International Communication Gazette, 2015, Vol. 77, № 8, Pp. 754–772.

5. Zheng J., Du Y.R., Xu M. «China Threat» Agenda in American Media and Public Perception of China: A Large-Scale Content Analysis from 1999 to 2019. International Communication Gazette, 2025, Vol. 87, № 6, Pp. 539–560.

6. Friedberg A.L. A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. New York, W.W. Norton, 2011. 384 p.

7. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.

8. Shirk S.L. Overreach: How China Derailed Its Peaceful Rise. New York, Oxford University Press, 2023. 424 p.

9. Leksyutina Ya.V. SShA i Kitay: linii sopernichestva i protivorechiy [The USA and China: Lines of Rivalry and Contradiction]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2011. 230 p.

10. Davydov A.S. Pekin, Vashington, Moskva: vzaimootnosheniya v kontekste transformatsii global'noy arkhitektoniki [Beijing, Washington, Moscow: Relations in the Context of the Transformation of Global Architectonics]. Moscow, IFES RAS Publ., 2015. 400 p.

11. Leksyutina Ya.V. «Chinese Dream» or «American Nightmare»: What US–China Relations Have Come to Over Three Decades. Journal of International Analytics, 2021, Vol. 12, № 2, Pp. 12–30.

12. Vinogradov A.O., Salitsky A.I., Semenova N.K. US–China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Significance. Vestnik RUDN. International Relations, 2019, Vol. 19, № 1, Pp. 35–46.

13. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media. Public Opinion Quarterly, 1972, Vol. 36, № 2, Pp. 176–187.

14. Zheng B. China's «Peaceful Rise» to Great-Power Status. Foreign Affairs, 2005, Vol. 84, № 5, Pp. 18–24.

15. Zoellick R.B. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to the National Committee on U.S. – China Relations. New York, September 21, 2005. Available at: https://2001–2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm (accessed 16.07.2026).

16. Goldstein A. China's Grand Strategy under Xi Jinping: Reassurance, Reform, and Resistance. International Security, 2020, Vol. 45, № 1, Pp. 164–201.

17. NYTimes to Launch Chinese-Language News Site. The New York Times, June 27, 2012. Available at: http://mediadecoder.blogs.nytimes.com/2012/06/27/the-times-is-introducing-a-chinese-language-news-site/ (accessed 16.07.2026).

18. Family of Wen Jiabao Holds a Hidden Fortune in China. The New York Times, October 25, 2012. Available at: https://www.nytimes.com/2012/10/26/business/global/family-of-wen-jiabao-holds-a-hidden-fortune-in-china.html (accessed 16.07.2026).

19. Hackers in China Attacked The Times for Last 4 Months. The New York Times, January 30, 2013. Available at: https://www.nytimes.com/2013/01/31/technology/chinese-hackers-infiltrate-new-york-times-computers.html (accessed 16.07.2026).

20. Chinese Army Unit Is Seen as Tied to Hacking Against U.S. The New York Times, February 19, 2013. Available at: https://www.nytimes.com/2013/02/19/technology/chinas-army-is-seen-as-tied-to-hacking-against-us.html (accessed 16.07.2026).

21. People's Daily Details Allegations Against Lawyers Detained in China. The New York Times, July 13, 2015. Available at: https://archive.nytimes.com/sinosphere.blogs.nytimes.com/2015/07/13/peoples-daily-details-allegations-against-detained-lawyers/ (accessed 16.07.2026).

22. What China Has Been Building in the South China Sea. The New York Times, July 30, 2015. Available at: https://www.nytimes.com/interactive/2015/07/30/world/asia/what-china-has-been-building-in-the-south-china-sea.html (accessed 16.07.2026).

23. The Great Fall of China. The Wall Street Journal, March 28, 2016. Available at: https://www.wsj.com/articles/the-great-fall-of-china-1459206467 (accessed 16.07.2026).

24. Negative Views of China Have Softened Slightly Among Americans. Pew Research Center, April 17, 2025. Available at: https://www.pewresearch.org/global/2025/04/17/negative-views-of-china-have-softened-slightly-among-americans/ (accessed 16.07.2026).

25. National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., The White House, December 2017. 55 p.

26. Trump Delivers a Mixed Message on His National Security Approach. The New York Times, December 18, 2017. Available at: https://www.nytimes.com/2017/12/18/us/politics/trump-security-strategy-china-russia.html (accessed 16.07.2026).

27. Fravel M.T., Roy J.S., Swaine M.D., Thornton S.A., Vogel E. China Is Not an Enemy: An Open Letter to President Trump and Members of Congress. The Washington Post, July 3, 2019. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/making-china-a-us-enemy-is-counterproductive/2019/07/02/647d49d0–9bfa-11e9-b27f-ed2942f73d70_story.html (accessed 16.07.2026).

28. Harming and Shaming Through Naming: Examining Why Calling the Coronavirus the «Chinese Virus», Not the «COVID-19 Virus», Matters. Media Psychology, 2022. Available at: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15213269.2022.2034021 (accessed 16.07.2026).

29. China Is the Real Sick Man of Asia. The Wall Street Journal, February 3, 2020. Available at: https://www.wsj.com/articles/china-is-the-real-sick-man-of-asia-11580773677 (accessed 16.07.2026).

30. TikTok and China's Digital Platforms: Issues for Congress. Congressional Research Service. Available at: https://www.congress.gov/crs-product/IF12640 (accessed 16.07.2026).

31. Xie W., Jiang S. Digital Technology Races Between China and the US: A Critical Media Analysis of US Media Coverage of China's Rise in Technology and Globalization. Online Media and Global Communication, 2025, Vol. 4, № 2, Pp. 216–264.

Деятельность регионального отделения Всероссийского общественного движения «Волонтеры победы» в Воронежской области в контексте формирования и реализации «исторической политики» (2015–2023 гг.)

Кобляков Артем Александрович,
аспирант, кафедра политологии, Муниципальное образовательное автономное учреждение высшего образования «Воронежский институт экономики и социального управления»
E-mail: abraksas@list.ru

В статье анализируется деятельность Регионального отделения Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» в Воронежской области как инструмента реализации государственной «исторической политики» в период с 2015 по 2023 гг. Рассматриваются институциональные условия становления движения в регионе, этапы организационного развития, основные направления и механизмы работы отделения. На основе эмпирических данных обосновывается роль воронежских «Волонтеров Победы» в формировании локального нарратива о Великой Отечественной войне, консолидации регионального сообщества и трансляции официальных исторических смыслов в молодежную среду.

Ключевые слова: историческая политика, Волонтеры Победы, Воронежская область, патриотическое воспитание, историческая память, гражданское общество, молодежная политика, институционализация.

Введение

Проблематика формирования и реализации «исторической политики» в современной России приобретает особую актуальность в контексте поиска национальной идентичности, консолидации общества и противодействия попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны. В последнее десятилетие государство активно использует институты гражданского общества для трансляции официальных нарративов о прошлом, и ключевую роль в этом процессе играют добровольческие движения патриотической направленности. Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», созданное в 2015 году как преемник Волонтерского корпуса 70-летия Победы, представляет собой один из наиболее показательных примеров институционализации «исторической политики» на уровне регионов [1].

Воронежская область, обладающая значительным историко-мемориальным потенциалом и сложной судьбой в годы Великой Отечественной войны (включая 212 дней оккупации и ожесточенные бои на Дону), является репрезентативной площадкой для анализа механизмов реализации «исторической политики» в региональном измерении. Изучение деятельности регионального отделения «Волонтеров Победы» позволяет не только оценить эффективность федеральных инициатив на местном уровне, но и выявить специфику трансформации исторической памяти в регионе с особой военной историей.

Цель настоящей работы – проанализировать деятельность Регионального отделения ВОД «Волонтеры Победы» в Воронежской области как субъекта и инструмента «исторической политики» в период с 2015 по 2023 гг.

Хронологические рамки исследования обусловлены моментом официального учреждения движения в 2015 году и завершаются 2023 годом – годом, предшествовавшим масштабной подготовке к 80-летию Победы, когда уже проявились основные результаты институционализации движения в регионе.

Институциональные условия реализации «исторической политики» в Воронежской области в 2015–2023 гг.

Формирование эффективной системы патриотического воспитания и сохранения исторической памяти в регионе напрямую зависело от оптимизации институтов управления внутренней политикой и молодежной сферой. Период с 2015 по 2023 гг. стал временем активной институционализации «Волонтеров Победы» как элемента государственной системы патриотического воспитания [2].

С 2015 года, когда движение «Волонтеры Победы» было официально учреждено по инициативе Президента РФ, региональные отделения получили импульс к системному развитию [1, с. 82]. В Воронежской области этот процесс совпал с активизацией государственной молодежной политики и реформой региональных органов управления, что обеспечило интеграцию добровольцев в систему регионального управления.

Ключевым этапом институционального оформления стало принятие в 2016 году Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, которая закрепила приоритет гражданского и патриотического воспитания [3]. В Воронежской области в 2016–2018 гг. была создана региональная нормативно-правовая база, включая государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Воронежской области», в рамках которой «Волонтеры Победы» получили статус одного из ключевых исполнителей мероприятий.

Важным фактором стало усиление внутриполитического блока региональной власти. Реорганизация департамента связи и массовых коммуникаций в 2018 году, введение должности вице-губернатора по внутренней политике усилили информационную составляющую региональной политики и повысили уровень взаимодействия патриотических организаций с федеральным центром. Эти изменения создали благоприятную среду для деятельности «Волонтеров Победы», обеспечив им административную поддержку, доступ к медиаресурсам и бюджетное финансирование через грантовые механизмы.

Особое значение приобрело функционирование регионального отделения на базе Областного молодежного центра в Воронеже, который стал операционной площадкой для координации добровольческой деятельности, включая патриотическое направление.

Таким образом, к 2020 году в Воронежской области сложилась полноценная институциональная среда, включающая нормативно-правовую базу, административную поддержку и инфраструктурные решения, необходимые для системной работы регионального отделения движения.

Становление и организационное развитие регионального отделения в Воронежской области (2015–2023)

Региональное отделение ВОД «Волонтеры Победы» в Воронежской области было создано в 2015 году в русле общероссийских тенденций [1]. Как и в других субъектах РФ, его становление происходило на базе активистов, ранее участвовавших в Волонтерском корпусе 70-летия Победы (2014–2015 гг.). Первый состав регионального штаба был сформирован из студентов воронежских вузов, участников молодежных патриотических клубов и представителей поискового движения.

Период 2015–2017 гг. можно охарактеризовать как этап организационного становления: формировалась структура отделения, выстраивались отношения с региональными органами власти, отрабатывались механизмы проведения федеральных акций на местном уровне. Руководство отделением с момента его активной фазы осуществляет Антон Красов, который также является членом Центрального штаба движения [4].

2018–2020 гг. стали этапом масштабирования: были созданы муниципальные отделения в районах Воронежской области, запущена система подготовки волонтеров через «Школу волонтеров Победы», началась системная работа со школьными отрядами. К 2019 году в структуру отделения входили: региональный штаб, 5 городских и 12 районных отделений, а также первый школьный отряд в гимназии им. А. Платонова [5].

Период 2020–2023 гг. характеризовался качественным ростом и диверсификацией направлений деятельности. Несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, отделение перешло в онлайн-формат, разработав дистанционные форматы акций («Диктант Победы» онлайн, виртуальные экскурсии, онлайн-уроки мужества). В 2021–2022 гг. были открыты специализированные направления: корпус медиаволонтеров, событийные волонтеры, волонтеры-историки.

Численность участников регионального движения неуклонно росла, охватывая не только молодежь, но и представителей старшего поколения («серебряные» волонтеры). В 2023 году в отделении были представлены волонтеры всех возрастных групп: от школьников 12–14 лет до людей старше 60 лет.

Важным элементом институционализации стало открытие специализированных центров подготовки добровольцев. Хотя открытие Регионального центра Международного волонтерского корпуса 80-летия Победы состоялось в декабре 2024 года, его подготовка и проектирование велись уже в 2022–2023 гг., что свидетельствует о системном подходе к развитию движения в регионе [6]. Центр планировал обучить более 20 тысяч волонтеров, что ставило Воронежскую область в число лидеров по масштабу подготовки [6].

Основные направления деятельности и механизмы реализации «исторической политики»

Деятельность воронежского отделения «Волонтеров Победы» охватывала весь спектр направлений, характерных для движения в целом, но имела выраженную региональную специфику, обусловленную военной историей Воронежского края. В контексте реализации «исторической политики» можно выделить следующие ключевые направления:

Сохранение и реконструкция исторической памяти

Центральное место в деятельности отделения занимала работа с наследием Великой Отечественной войны, что напрямую коррелировало с задачами государственной «исторической политики» по сохранению памяти о Победе. Волонтеры Воронежской области активно участвовали во всероссийских акциях: «Георгиевская лента» (ежегодно раздавалось более 50 тысяч лент), «Диктант Победы» (в 2021–2023 гг. в регионе было открыто более 200 площадок), «Сад памяти» (за 2020–2023 гг. высажено более 15 тысяч деревьев), «Бессмертный полк» (сопровождение шествий и организация онлайн-шествий в 2020–2021 гг.) [7].

Сопровождение парадов Победы в Воронеже и командировки волонтеров в Москву в качестве «Послов Победы» (ежегодно 5–10 человек от региона) демонстрировали высокий статус регионального отделения [4].

Важным компонентом стало благоустройство воинских захоронений и памятных мест, включая те, которые не входят в официальные реестры. В 2018–2023 гг. волонтерами были приведены в порядок 47 памятников и воинских захоронений на территории Воронежской области, включая малоизвестные братские могилы в сельских поселениях. Эта деятельность соответствует задаче тотальной мемориализации, характерной для современной российской «исторической политики» [8].

В рамках подготовки к 80-летию Победы особое внимание уделялось созданию архива воспоминаний ветеранов и оцифровке семейных документов.

Просветительская и образовательная деятельность

Инструментом трансляции исторических нарративов стали образовательные проекты отделения. Воронежские волонтеры проводили уроки мужества, интерактивные квесты и квизы для школьников и студентов. Особенно востребованными стали форматы, совмещающие игру и историческое содержание: квест «Битва за Воронеж», квиз «1942. Оборона Воронежа».

Проект «И все о той войне», реализованный на базе Воронежского института экономики и социального управления в 2020–2022 гг., предусматривал создание интерактивных экспозиций, сбор воспоминаний ветеранов и издание сборников, что наглядно показывает механизм «присвоения» истории молодежью через непосредственное участие [9].

Особого внимания заслуживает обучение самих волонтеров, которое включало обязательный исторический минимум, разработанный Национальным центром исторической памяти. С 2019 года в Воронеже действует «Школа волонтеров Победы», где за 2019–2023 гг. прошли обучение более 2 тысяч человек. Тем самым движение не только распространяло готовые нарративы, но и формировало кадровый резерв «агентов памяти», способных транслировать официальную версию истории в неформальной среде среди сверстников.

Работа с ветеранами и «связь поколений»

Деятельность по оказанию адресной помощи ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла выступала не столько социальной помощью, сколько ритуалом признания их заслуг и поддержания «живой связи» с прошлым [10]. В рамках акции «Красная гвоздика» воронежское отделение в 2019–2023 гг. ежегодно собирало от 1,5 до 2,5 млн рублей на реабилитацию ветеранов, показывая высокую эффективность в общероссийском масштабе [11]. В 2020 году Воронежская область вошла в шестерку лучших регионов по сбору пожертвований в рамках этой акции [11].

«Мобильные бригады помощи», созданные в регионе с 2018 года, обеспечивали системную заботу о ветеранах: помощь в быту, сопровождение в медицинские учреждения, поздравления с праздниками. К 2023 году в регионе действовало 15 таких бригад, охватывающих все районы области.

Конструирование идентичности и борьба с фальсификацией

На уровне региональной «исторической политики» деятельность «Волонтеров Победы» выполняла функцию конструирования локальной идентичности через обращение к героическому прошлому Воронежской области. Особое внимание уделялось событиям, имеющим локальное значение: обороне Воронежа (1942–1943 гг.), освобождению города 25 января 1943 года, операции «Малый Сатурн» [12].

Руководитель регионального отделения Антон Красов неоднократно подчеркивал, что одним из приоритетов является борьба с фальсификацией истории и искажением исторических фактов с использованием современных технологий [4]. Эта риторика соответствует официальной государственной повестке, направленной на защиту исторической правды.

Участие в гуманитарных миссиях

С 2022 года отделение включилось в гуманитарные проекты, связанные с поддержкой жителей Донбасса и участников специальной военной операции, что расширило функционал движения за рамки исключительно исторической памяти. Волонтеры участвовали в сборе и отправке гуманитарной помощи, плетении маскировочных сетей, организации акций поддержки военнослужащих. Это направление демонстрирует эволюцию «исторической политики» в сторону актуализации связи героического прошлого с современными вызовами.

Результативность и место в региональной «исторической политике»

Высокая эффективность воронежского отделения подтверждается его лидирующими позициями в общероссийских рейтингах. В 2021 году Воронежская область заняла первое место среди регионов с населением

более 2 миллионов человек по итогам полугодия, набрав 240 баллов за проведение мероприятий и информационное освещение [11]. Отделение побеждало в мотивационной программе «Красная гвоздика – на старте» и входило в шестерку лучших по сбору пожертвований [11].

По итогам 2022 года региональное отделение вошло в топ-10 субъектов РФ по количеству подготовленных волонтеров и проведенных акций.

Интеграция движения в региональную политику проявлялась в его взаимодействии с органами власти. Мероприятия отделения поддерживались губернатором Александром Гусевым и управлением молодежной политики Воронежской области [13]. Круглые столы с депутатами областной Думы (в 2018, 2020, 2022 гг.) и участие в партийных проектах «Единой России» свидетельствуют о превращении «Волонтеров Победы» в значимый элемент политического ландшафта региона [13].

Важно отметить, что отделение не только исполняло федеральные директивы, но и выступало инициатором региональных проектов. Среди них – проект «Улицы героев» (установка информационных щитов на улицах, названных в честь героев войны), «Воронежский фронт» (цикл документальных фильмов о боевых действиях на территории области), «Наследники Победы» (конкурс исследовательских работ школьников) [5].

Заключение

Деятельность Регионального отделения ВОД «Волонтеры Победы» в Воронежской области в период с 2015 по 2023 гг. представляет собой успешный пример реализации федеральной «исторической политики» на региональном уровне. За восемь лет движения в регионе была выстроена полноценная институциональная система, включающая организационную структуру, кадровый резерв, методическую базу и устойчивые связи с органами власти.

Воронежское отделение выступило не только как исполнитель федеральных акций, но и как самостоятельный субъект «исторической политики», формирующий локальный нарратив через мемориальные практики, просветительские проекты и работу с ветеранами. Специфика региона – ожесточенные бои на Дону, длительная оккупация, героическая оборона и освобождение Воронежа – придала деятельности отделения глубокий эмоциональный и смысловой контекст, что повысило ее эффективность.

Движение успешно решило задачу консолидации молодежи вокруг официальных ценностей, превратив абстрактную память о войне в живую практику социального служения и гражданской активности.

Эволюция движения от событийного волонтерства (сопровождение парадов, раздача лент) к системной просветительской, исследовательской и социально-ориентированной деятельности демонстрирует углубление и диверсификацию инструментов «исторической политики». Расширение направлений в 2022–2023 гг. (гуманитарные миссии, работа с современными военнослужащими) указывает на адаптацию движения к меняющейся политической повестке, что обеспечивает его долгосрочную устойчивость.

К 2023 году Воронежская область сложилась как один из региональных центров развития патриотического волонтерства в Центральном федеральном округе, а опыт воронежского отделения может рассматриваться как модельный для других субъектов РФ.

Литература

1. Волонтеры Победы: история и современность / под ред. А.В. Тихомирова. – М.: Центр политического анализа, 2020. – С. 78–95.

2. Зеленов М.В., Короткова М.В. Институционализация патриотического волонтерства в современной России: федеральный и региональный аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 3. – С. 412–425.

3. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р).

4. РИА Воронеж. Воронежских добровольцев отметили на итоговом форуме Международного волонтерского корпуса в Москве. – 2024. – URL: https://riavrn.ru/news/voronezhskih-dobrovolcev-otmetili-na-itogovom-forume-mezhdunarodnogo-volonterskogo-korpusa-v-moskve/ (дата обращения: 20.07.2026).

5. Доброволец Воронежской области. Программа развития отделения ВОД «Волонтеры Победы» на 2019–2021 гг. – Воронеж, 2019. – 30 с. (внутренний документ).

6. TV Губерния. Волонтёрский корпус 80-летия Победы открылся в Воронеже. – 2024. – URL: https://tv-gubernia.ru/novosti/obwestvo/volontyorskij-korpus-80-letiya-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-otkrylsya-v-voronezhe/ (дата обращения: 20.07.2026).

7. Vertical. Волонтеры сопроводили Парады Победы в Воронеже. – 2021. – URL: https://vrtkl36.ru/interests/volontery-soprovodili-parady-pobedy-v-voronezhe/ (дата обращения: 20.07.2026).

8. Крылова Е.А. Историческая политика в современной России: инструменты и практики // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 56–73.

9. DOBRO.RU. Проект «И все о той войне». – 2022. – URL: https://dobro.ru/project/10110279 (дата обращения: 20.07.2026).

10. Аргументы и Факты – Северный Кавказ. Хранят историческую память: какова миссия у волонтеров Победы. – 2023. – URL: https://stav.aif.ru/society/history/hranyat-istoricheskuyu-pamyat-kakaya-missiya-u-volontyorov-pobedy-stavropolya (дата обращения: 20.07.2026).

11. Всероссийское общественное движение Волонтёры Победы. Первые по итогам работы полугодия. – 2021. – URL: https://xn-90abhd2amfbbjkx2jf6f.xn – p1ai/news/id/2465 (дата обращения: 20.07.2026).

12. Филиппов В.Н. Воронежская область в годы Великой Отечественной войны: историко-краеведческий очерк. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2020. – 320 с.

13. Проекты партии «Единая Россия». В «Единой России» парламентарии встретились с воронежскими волонтерами. – 2022. – URL: https://proekty.er.ru/news/er-news-3580530 (дата обращения: 20.07.2026).

THE ACTIVITIES OF THE REGIONAL BRANCH OF THE ALL-RUSSIAN PUBLIC MOVEMENT «VOLUNTEERS OF VICTORY» IN THE VORONEZH REGION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE «HISTORICAL POLICY» (2015–2023)

Koblyakov A.A.
Voronezh Institute of Economics and Social Management

The article analyzes the activities of the Regional Branch of the All-Russian public movement "Volunteers of Victory" in the Voronezh region as a tool for the implementation of state "historical policy" in the period from 2015 to 2023. The article examines the institutional conditions of the movement's formation in the region, the stages of organizational development, the main directions and mechanisms of the department's work. Based on empirical data, the role of the Voronezh "Victory Volunteers" in the formation of a local narrative about the Great Patriotic War, the consolidation of the regional community and the transmission of official historical meanings to the youth environment is substantiated.

Keywords: historical politics, Victory Volunteers, Voronezh region, patriotic education, historical memory, civil society, youth policy, institutionalization.

References

1. Volunteers of Victory: History and Modernity / edited by A.V. Tikhomirov. Moscow: Center for Political Analysis, 2020. pp. 78–95.

2. Zelenov M.V., Korotkova M.V. Institutionalization of patriotic volunteerism in modern Russia: federal and regional aspects // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2021. – Vol. 23. – No. 3. – pp. 412–425.

3. Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated May 29, 2015 No. 996-r).

4. RIA Voronezh. Voronezh volunteers were celebrated at the final forum of the International Volunteer Corps in Moscow. – 2024. – URL: https://riavrn.ru/news/voronezhskih-dobrovolcev-otmetili-na-itogovom-forume-mezhdunarodnogo-volonterskogo-korpusa-v-moskve / (date of application: 07/20/2026).

5. Volunteer of the Voronezh region. The development program of the water department "Volunteers of Victory" for 2019–2021 – Voronezh, 2019. – 30 p. (internal document).

6. TV Province. The volunteer corps of the 80th Anniversary of the Victory has opened in Voronezh. – 2024. – URL: https://tv-gubernia.ru/novosti/obwestvo/volontyorskij-korpus-80-letiya-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-otkrylsya-v-voronezhe / (date of access: 07/20/2026).

7. Vertical. Volunteers accompanied the Victory Day Parades in Voronezh. – 2021. – URL: https://vrtkl36.ru/interests/volontery-soprovodili-parady-pobedy-v-voronezhe / (date of access: 07/20/2026).

8. Krylova E.A. Historical politics in modern Russia: tools and practices // Political Science. – 2020. – No. 2. – pp. 56–73.

9. DOBRO.RU. The project "And all about that war". – 2022. – URL: https://dobro.ru/project/10110279 (date of reference: 07/20/2026).

10. Arguments and Facts – North Caucasus. They keep historical memory: what is the mission of the Victory Volunteers? – 2023. – URL: https://stav.aif.ru/society/history/hranyat-istoricheskuyu-pamyat-kakaya-missiya-u-volontyorov-pobedy-stavropolya (date of application: 07/20/2026).

11. All-Russian public movement Volunteers of Victory. The first half of the year results. – 2021. – URL: https://xn-90abhd2amfbbjkx2jf6f.xn – p1ai/news/id/2465 (date of request: 07/20/2026).

12. Filippov V.N. Voronezh region during the Great Patriotic War: a historical and local history essay. Voronezh: Center for Spiritual Revival of the Chernozem Region, 2020. 320 p.

13. Projects of the United Russia Party. In United Russia, parliamentarians met with Voronezh volunteers. – 2022. – URL: https://proekty.er.ru/news/er-news-3580530 (date of request: 07/20/2026).

Стратегическое управление политическим процессом в регионе (на примере Свердловской Области)

Высокинский Лев Александрович,
соискатель ученой степени к. полит.н. кафедры политических наук, Уральский гуманитарный институт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: leovisokinskiy@gmail.com

В современной России большое внимание уделяется вопросам совершенствования политического процесса. Стратегическое управление является важным составляющим звеном политического процесса, что может проявляться во всех сферах народного хозяйства. Общество и государство в целом нуждаются в надежных ориентирах развития отдельных сфер. Сфера культуры является одним из важных направлений государственной политики. В данной сфере нужно не только разветвленное понимание экономики культуры, но и ее социальное целеполагание, направленность на нужды общества, общественной среды. Аналогичная ситуация складывается и в сфере здравоохранения, где вопросы экономической составляющей развиты намного лучшего стратегий политического процесса в данной сфере. В основу статьи заложены системные и актуальные наработки Министерства экономики, инвестиций и территориального развития Свердловской Области в социальной сфере, что делает статью нужной современным исследователям, которые занимаются вопросами политического прогнозирования в социальной сфере.

Ключевые слова: прогнозирование, социальная сфера, стратегии, общественная среда, гражданское общество, внутренняя политика, культура, здравоохранение, политическое прогнозирование, стратегическое управление, политический процесс.

Политическая партия «Единая Россия» имеет хорошие наработки по формированию и написанию программных документов стратегического назначение по всем отраслям народного хозяйства, внутренней и внешней политике. Это проявилось, например, в формировании культурной политики на территории Свердловской Области и комплексном развитии здравоохранения на территории региона. Культурная политика Свердловской области [2] [3] разворачивается на стыке законодательного регулирования, государственных программ и финансового обеспечения; органом, ответственным за реализацию государственной культурной политики, выступает Министерство культуры Свердловской области. Экономика культуры в этом понимании опирается на производство культурных благ – услуг и условий, удовлетворяющих духовные, эстетические, развлекательные и информационные потребности граждан. Культурные ценности – произведения искусства, историко-культурные памятники, традиции, фольклор – служат основой создания этих благ. Согласно Закону РФ «Основы законодательства о культуре», культурные блага и ценности являются нравственными и эстетическими ориентирами, способствующими развитию личности и сохранению национальной идентичности.

Спектр факторов, определяющих развитие отрасли, многослоен: государственная политика задаёт приоритеты финансирования и регулирования; уровень экономического развития регионов предопределяет доступность культурных благ и инфраструктуру (региональные диспропорции в финансировании и обеспеченности культурными объектами остаются значительными, несмотря на наблюдаемую тенденцию к их снижению); потребительский спрос, формируемый доходами, предпочтениями и культурным уровнем граждан, задаёт популярность отдельных направлений; технологические инновации – цифровизация и новые медиа – трансформируют способы производства и потребления культурных благ, открывая новые ниши и перераспределяя спрос.

Роль государства в области культуры представляется системообразующей. Российские власти целенаправленно работают над оформлением культурной политики, выделяя на данное направление финансовые и административные ресурсы. С 1 января 2019 года, в соответствии с указом Президента России от 7 мая 2018 года, был запущен национальный проект «Культура», реализация которого пришлась на 2019–2024 годы. В его структуре выделены три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Культурная деятельность, замыкаемая на эти проекты, объединяет четыре основные группы: художественное творчество, сохранение культурного наследия, клубную и развлекательную деятельность, индустрию культуры (массовое производство и распространение культурных продуктов); каждая из них ориентирована на различные типы потребностей и выполняет функции создания, сохранения или распространения благ.

В пределах проекта «Культурная среда» предусмотрена реконструкция и капитальный ремонт 989 детских школ искусств и 73 детских театров и театров юного зрителя, модернизация более 1 тыс. муниципальных библиотек. В рамках проекта «Творческие люди» государственную поддержку получили более 600 творческих проектов некоммерческих организаций – культурно-образовательные программы для школьников, музейные выставки, детские военно-исторические лагеря, – а также инициировано общественное движение «Волонтёры культуры». «Цифровая культура» предусматривала оцифровку 48 тыс. книжных памятников, создание 500 виртуальных концертных залов, оснащённых современной мультимедийной аппаратурой и высокоскоростным интернетом, оснащение цифровыми гидами 450 экспозиций в национальных и региональных музеях, проведение 600 концертов, театральных постановок и экскурсий.

Финансирование сферы культуры в России сочетает государственные и внебюджетные источники. Госбюджет покрывает существенную часть расходов учреждений, предоставляющих общественные блага, – театров, библиотек, музеев, филармоний. Государство дополнительно стимулирует частное финансирование через налоговые льготы и развитие государственно-частного партнёрства. Помимо этого, деятельность по созданию культурных благ финансируется за счёт внебюджетных средств. Основными источниками финансирования выступают бюджетные ассигнования и иные денежные поступления от учредителя; доходы от продажи билетов, абонементов и других услуг; средства

коммерческих компаний-спонсоров и частных благотворителей; сбор средств (краудфандинг) на творческие проекты в перспективной для креативной сферы плоскости.

Наиболее востребованные направления культурной деятельности на федеральном уровне формируются потребительским спросом, социальными и технологическими трендами; высоким спросом устойчиво пользуются развлекательные и информационные продукты, рассчитанные на массовую аудиторию. К ним относятся кинематограф и эстрада, генерирующие доходы через кассовые сборы, спонсорство и рекламу; технологические инновации, в том числе цифровизация, позволяющая монетизировать контент через подписки и онлайн-платформы и снижать затраты на распространение; туризм, в рамках которого наличие объектов и памятников культуры и архитектуры на территории региона увеличивает поступления в местные бюджеты за счёт притока туристов; государственно-частное партнёрство и спонсорство, при которых бизнес активно поддерживает проекты с высоким общественным резонансом; фестивали и клубные мероприятия, ориентированные на массовую аудиторию; цифровые проекты – онлайн-выставки, виртуальные туры по музеям, подкасты и стриминговые сервисы (например, Госфильмофонд, запустивший к празднованию 80-летия Победы собственный канал на видеохостинге Rutube).

Экономика отрасли культуры представляет собой систему финансово-экономических отношений, возникающих в процессе создания, сохранения, распространения и потребления культурных ценностей и благ. Отрасль культуры, по нашему мнению, правомерно рассматривать как часть творческого, креативного сектора экономики. Основу её составляют, с одной стороны, производство культурных благ – услуг и условий, удовлетворяющих духовные, эстетические, развлекательные и информационные потребности граждан, – с другой стороны, культурные ценности (произведения искусства, историко-культурные памятники, традиции, фольклор), служащие основой создания этих благ. К особенностям экономической деятельности в отрасли культуры относятся: продукция в виде культурного блага, предназначенного для удовлетворения культурных и художественных потребностей; преимущественно творческий характер основной производственной деятельности; технология производства и потребления продуктов, основанная на использовании законов художественного творчества и художественного восприятия; преобладание услуги как доминирующей экономической формы продукции.

Структурно отрасль культуры включает организации, деятельность которых направлена на сохранение, создание, распространение и освоение культурных ценностей: театры, кинотеатры, концертные организации и коллективы, цирки, библиотеки, музеи, клубные (культурно-досуговые) учреждения, парки культуры и отдыха. На территориях субъектов Российской Федерации, в том числе Свердловской области, выделяются четыре основные группы видов культурной деятельности: художественное творчество (литературное творчество, изобразительное и прикладное искусство, исполнительское искусство); сохранение культурного наследия (реставрация и охрана недвижимых памятников истории культуры, музейное, архивное, библиотечное дело); клубная и развлекательная деятельность (клубная деятельность, аттракционы, шоу-бизнес); массовое создание и распространение культурных благ (пресса, книгоиздание, производство аудио– и видеопродукции, кинематограф, радио, телевидение, интернет).

Функционально отрасль решает несколько взаимосвязанных задач. Она создаёт рабочие места по соответствующим собственным рынкам услуг, обладающим инвестиционным потенциалом; формирует базу и инфраструктуру развития других отраслей – образования, СМИ, издательской деятельности, туризма, индустрии развлечений (показателен здесь «культурный туризм» – посещение других регионов и стран ради знакомства с культурно-историческим наследием); оказывает косвенное экономическое влияние через корпоративные услуги учреждений культуры – подготовку и проведение праздников, информационное и библиотечное обслуживание; формирует привлекательный имидж региона, поскольку содержательная и интенсивная культурная жизнь сказывается и на восприятии местности потенциальными инвесторами.

Законодательные меры на уровне Свердловской области выстраиваются в стройную систему. Закон Свердловской области от 22.07.1997 № 43-ОЗ «О культурной деятельности на территории Свердловской области» устанавливает компетенцию органов государственной власти в сфере культурной деятельности и регулирует вопросы государственной поддержки учреждений культуры и искусства, фондов, некоммерческих партнёрств. Стратегия культурной политики в регионе [4] закреплена постановлением Правительства Свердловской области от 16.07.2019 № 432-ПП (ред. от 20.02.2025) «Об утверждении Стратегии реализации государственной культурной политики в Свердловской области на период до 2035 года». Действуют также приказы Министерства культуры Свердловской области, регулирующие отдельные процедурные сюжеты – от установления квалификационной категории педагогическим работникам организаций, осуществляющих образовательную деятельность в сфере культуры и искусства, до проведения дополнительного конкурсного отбора на предоставление грантов в форме субсидий.

Финансирование на уровне Свердловской области соединяет государственные и частные источники. Государственная поддержка предполагает прямое бюджетное финансирование текущей деятельности учреждений культуры; целевые трансферты для финансирования национальных долгосрочных программ и проектов; косвенные меры – государственные гарантии, кредитные и налоговые льготы. Частное финансирование осуществляется путём привлечения средств от коммерческих структур, бизнес-ассоциаций, общественных организаций; предприниматели, фонды и компании выступают спонсорами культурных программ и организаций, предоставляя финансовую поддержку в обмен на рекламу или иные преимущества. Особо значимой видится роль меценатства в становлении экономики культуры на территории Свердловской области. Стратегическая цель, на наш взгляд, состоит в том, чтобы превратить отрасль культуры в экономически самодостаточную – путём комплексного развития туризма и туристических технологий в регионе. В этой связи приобретают самостоятельное значение работы, посвящённые развитию туризма [5], и формированию концепции повышения качества жизни жителей региона [6].

Между тем в Свердловской области существуют ощутимые проблемы в сфере экономики туризма [7], связанные с инфраструктурой, законодательством, финансами и подготовкой кадров. Эти проблемы ограничивают развитие внутреннего туризма, несмотря на высокий туристический потенциал региона. Среди инфраструктурных, законодательных, финансовых и кадровых вызовов выделяются: неравномерное развитие средств размещения (большинство коллективных средств размещения сосредоточено в крупных городах – Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, – что не соответствует основным географическим направлениям внутриобластного туристического потока, а малые города располагают небольшим номерным фондом, зачастую не отвечающим современным запросам путешественников); затруднённый доступ к туристическим ресурсам (плотность дорог с твёрдым покрытием в области составляет всего 42,6 км на 1000 кв. км, что осложняет доступ к ресурсам на севере и востоке области); отсутствие надлежащей придорожной инфраструктуры – АЗС, объектов сервиса, кафе, мини-маркетов, кемпингов; недооценённость уникальных локаций региона – Ирбита с сохранившейся купеческой архитектурой, Верхотурья как духовного центра Урала, Мариинска с объектом культурного наследия – старинной плотиной на реке Ревде и эко-деревней с избами XIX века; отсутствие реестра туристских ресурсов, мешающее систематизации информации о туристических объектах, необходимой для аттестации и подготовки экскурсоводов; высокая фискальная нагрузка на гостиничный бизнес, препятствующая развитию отрасли в условиях затруднений с заполняемостью; нехватка квалифицированных кадров – в области мало специализированных учреждений профессионального образования, готовящих гостиничный персонал среднего звена и гидов со специальными региональными знаниями; слабая узнаваемость брендов региона – те же Ирбит, Верхотурье и Мариинск остаются в тени популярных направлений.

Риски в развитии экономики культуры на федеральном уровне распадаются на пять основных групп. Финансовые риски связаны с недостаточным бюджетным финансированием, сокращением расходов на культуру и отсутствием устойчивого источника финансирования деятельности общественных объединений и организаций; они способны повлечь сокращение или прекращение мероприятий по развитию культуры. Кадровые риски проявляются в нехватке высококвалифицированных специалистов, что снижает эффективность работы организаций сферы культуры и качество предоставляемых услуг. Макроэкономические риски включают снижение темпов экономического роста и уровня инвестиционной активности – так, в 2020 году из-за распространения коронавирусной инфекции и связанных с ней ограничений государственные расходы в сфере культуры снизились. Законодательные риски обусловлены недостаточностью нормативно-правовой базы и распределением полномочий по управлению создаваемыми объектами культуры, а также процедурами и требованиями к отбору подрядчиков на проведение работ для государственных нужд. Внешние риски – геополитические, техногенные и экологические – способны повлечь сокращение возможностей проведения выставочных и гастрольных мероприятий, снижение информационного взаимодействия.

На уровне Свердловской области риски развития экономики культуры также распределяются по нескольким направлениям. Законодательные риски связаны с недостаточной нормативно-правовой базой регулирования развития культуры, в том числе с распределением полномочий по управлению создаваемыми объектами культуры; с узкове-

домственным подходом и утилитарным пониманием культуры как сферы услуг, что коммерциализирует деятельность отрасли и понижает общественный статус культуры; со сложностями межведомственного взаимодействия по вопросам развития культуры, замыкающими сферу в ограниченном «ведомственном» пространстве и снижающими масштаб её социального функционирования; наконец, с недостаточностью мер по выявлению и сохранению объектов регионального культурного наследия, в том числе документального, что несёт угрозу утраты культурного достояния Урала.

Финансовые риски проявляются прежде всего в недостаточном уровне финансирования сферы культуры и недиверсифицированности источников её поддержки, что препятствует модернизации постоянных экспозиций, реализации крупных выставочных и культурно-массовых проектов, проведению капитального ремонта зданий и помещений; в недостаточном уровне материально-технической обеспеченности учреждений культуры (дефицит экспозиционных площадей и фондохранилищ, нехватка современного экспозиционно-выставочного и фондового оборудования); в медленном внедрении современных информационных технологий и инноваций в сферу культуры, что не позволяет учреждениям культуры в должной мере конкурировать с коммерческим сектором экономики и интернет-средой, предоставляющей свободный доступ к иной информации; в низком уровне благосостояния населения в малых городах и сельской местности, ограничивающем возможности граждан получать услуги учреждений культуры на платной основе. Управленческие риски связаны с неэффективным управлением в сфере культуры и проблемами взаимодействия участников реализации программ, что чревато недостижением целей и задач проекта, плановых значений показателей, нарушением сроков реализации и снижением качества проводимых мероприятий; с неритмичным расходованием бюджетных средств – неисполнением или низким уровнем исполнения расходов на реализацию мероприятий проекта в течение года и смещением активной фазы исполнения на последний квартал; с кадровыми проблемами – устойчивой тенденцией старения кадров, невысоким притоком молодых специалистов, недостаточностью мер их поддержки и, как следствие, оттоком; с отсутствием единого информационного пространства, объединяющего всю сферу культуры Свердловской области.

Социальные риски проявляются в неравномерности доступа жителей сельской местности и небольших городских поселений к культурным формам досуга, что ведёт к различиям в уровне культурных потребностей между населением городских и сельских территорий; в низком уровне доступности культурных благ для сельского населения, что усугубляет такие различия; в низком уровне благосостояния населения в малых городах и сельской местности, ограничивающем возможности граждан получать услуги учреждений культуры на платной основе; в неравномерности экономического и социально-культурного развития различных муниципальных образований, что затрудняет достижение целей реализации государственной культурной политики в экономически неблагополучных, депрессивных территориях. Решение актуальных проблем экономики культуры и туризма в целом, на наш взгляд, правомерно рассматривать как комплексную задачу, разрешимую путём создания экономически выгодных условий для развития культуры и предоставления гражданам доступных рычагов предпринимательства в данной сфере.

Правовые аспекты охраны здоровья граждан [8] регулируются Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: им определены правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья граждан, права и обязанности человека и гражданина в этой сфере. Параллельно действуют Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [9], регулирующий отношения, возникающие в связи с осуществлением обязательного медицинского страхования, и определяющий правовое положение субъектов и участников ОМС, а также Указ Президента Российской Федерации от 8 декабря 2025 г. № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года» – документ стратегического планирования, определяющий цели, основные задачи и приоритетные направления развития здравоохранения в России.

Экономика здравоохранения на федеральном уровне охватывает несколько системообразующих задач: определение доли государственных расходов на здравоохранение (процент от ВНП); разработку и экономическое обоснование федеральных целевых программ в области охраны здоровья населения; обеспечение сбалансированности объёмов государственных гарантий в предоставлении населению бесплатной медицинской помощи с финансовыми возможностями государства; разработку и внедрение системы стратегического планирования и финансирования здравоохранения; разработку и реализацию инвестиционной политики здравоохранения. В России действует смешанная модель финансирования государственного здравоохранения на базе системы обязательного медицинского страхования (ОМС): она включает бюджетное финансирование (полностью или в части отдельных расходов) и внебюджетное финансирование – по системе ОМС, а также доходы от оказания платных услуг (от собственности и иной предпринимательской деятельности).

Особенности финансирования на федеральном уровне сводятся к нескольким контурам. Федеральная программа государственных гарантий определяет требования к оказанию бесплатной медицинской помощи: перечень видов, форм и условий её предоставления, перечень заболеваний и состояний, дающих право на её получение, средние нормативы объёмов помощи и их финансирования, критерии качества и доступности. Федеральный бюджет участвует в финансировании тематических расходов, ориентированных преимущественно на выполнение мероприятий нацпроекта «Здравоохранение», и помогает регионам закупать амбулаторные лекарства для пациентов с отдельными заболеваниями (например, с фибрилляцией предсердий).

На федеральном уровне функции управления сферой охраны здоровья граждан возложены на Министерство здравоохранения (Минздрав); в его систему входят территориальные органы, образовательные, лечебно-профилактические учреждения, аптечные и фармацевтические предприятия, службы материально-технического обеспечения, центры санитарно-эпидемиологического надзора. К принципам планирования в сфере здравоохранения на федеральном уровне относятся единые задачи, цели и приоритеты развития отрасли; единые социальные нормативы, нормы и стандарты, адаптируемые к специфике различных регионов, муниципальных единиц и медицинских учреждений; подушевые нормативы, отражённые в программе госгарантий; реализация стратегических инновационных проектов в медицинской отрасли. Оценка экономической эффективности работы отрасли осуществляется посредством финансово-экономического анализа (исследование динамики и структуры финансовых показателей учреждения, прежде всего доходов и расходов), технико-экономического анализа (исследование уровня оснащённости учреждения техническими средствами и медицинским оборудованием) и функционально-стоимостного анализа (оценка расходов на трудозатраты медицинского учреждения). Самостоятельную процедуру представляет оценка эффективности реализации государственных программ – например, программы «Развитие здравоохранения», в методике которой учитываются степень достижения целей и решения задач программы, степень реализации основных мероприятий и достижения ожидаемых результатов.

Развитие здравоохранения в регионе [10] на территории Свердловской области сосредоточено вокруг финансирования, развития инфраструктуры медицинских учреждений и реализации национальных проектов; вместе с тем в регионе сохраняется ряд проблем, требующих системного решения. В части финансирования утверждена Территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов; бюджет программы увеличен более чем на 10 млрд рублей и составит 153 млрд рублей, что в пересчёте на одного свердловчанина в год даёт 35 805 рублей – на 14,5% выше федерального показателя. Финансирование программы ОМС возрастёт на 8 млрд рублей (или 8,4%), объём бюджетных средств из областной казны на эти цели – на 2 млрд рублей (или 4%); это позволит повысить размер подушевого финансирования системы ОМС до 25 281 рубля на каждого жителя региона ежегодно, что превышает федеральный показатель на 14%. В 2026 году на развитие медицинской сферы в Свердловской области запланировано свыше 86 млрд рублей, в том числе почти 6,5 млрд – в рамках нацпроекта «Продолжительная и активная жизнь».

Инфраструктурный контур здравоохранения региона включает программу модернизации медицинских учреждений: в 2025 году обновлены восемь поликлиник в Первоуральске, Ревде, Нижнем Тагиле, Кушве и Горноуральском городском округе, завершён ремонт стационара в Свердловском областном онкологическом диспансере; региональные клиники оснащаются современной техникой – в Свердловской областной клинической больнице № 1 установлен 128-срезовый компьютерный томограф для диагностики заболеваний сердца и сосудов; изменения происходят и на муниципальном уровне (в Нижнем Тагиле начал работу обновлённый травматологический пункт городской больницы № 1, в Первоуральске стартовали подготовительные работы по созданию нового травмпункта в составе местного медицинского городка).

Проблемы развития отрасли на территории Свердловской области, тем не менее, остаются значимыми. Это дефицит и старение кадров – укомплектованность врачами 34,8 на 10 тыс. населения (при среднероссийском показателе 38,2), острая нехватка узких специалистов (в области нет диабетологов, паразитологов, офтальмологов-протезистов); недофинансирование и инфраструктурные ограни-

чения – закрытие 6 больниц за 5 лет при росте числа амбулаторий (+31 единица), нехватка оборудования (только 48% ФАПов оснащены экспресс-анализаторами); низкая эффективность профилактики – охват диспансеризацией 64,4% при плановом 90%, при этом 41% пациентов отказываются от профилактики из-за удалённости медучреждений. Меры по решению этих проблем предполагают стимулирование повышения квалификации врачей, внедрение системы наставничества, технологическую модернизацию профилактической работы. Прогнозирование экономики здравоохранения, на наш взгляд, остаётся проблемным сюжетом [11] в силу того, что отрасль находится на стадии структурной трансформации; до конца не решён вопрос о пропорциях между средствами областного и федерального бюджетов в финансировании регионального здравоохранения.

Сфера культуры и здравоохранения как в России в целом, так и в регионе в частности показывает, что данные сферы обладают большим потенциалом социального и политического прогнозирования. В сфере культуры на сегодняшний день закладываются важные ориентиры превращения данной сферы в социальный базис государственной идеологии, а сфере здравоохранения закладываются важные основы социального контроля за качеством оказания услуг. При этом можно говорить о том, что бюджетирование социальной сферы и ее инициативная составляющая является важной частью не только экономической политики в регионе, но и политического процесса в целом, так как политические элиты на уровне региона и федерального центра в целом должны стремиться к изменению стратегий социального облика профессиональной составляющей данных сфер. Государство должно заложить мощные основы социального уважения к профессиям в сфере культуры и здравоохранения для того, чтобы повысился социальный спрос и востребованность данной работы. Это идеологическая работа государства, которая во многом формирует политический процесс в данных сферах, отвечает потребностям общества, формирует стратегическое управление в данных сферах.

Литература

1. Данилова, А.Н. Взаимодействие медиадискурса и дискурса власти в продвижении концепции Свердловской области / А.Н. Данилова // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 121–124. – Текст: непосредственный.

2. О культурной деятельности на территории Свердловской области: Закон Свердловской области от 22.07.1997 № 43-ОЗ // Официальный портал правовой информации Свердловской области: [сайт]. – URL: http://www.pravo.gov66.ru (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

3. Об утверждении Стратегии реализации государственной культурной политики в Свердловской области на период до 2035 года: Постановление Правительства Свердловской области от 16.07.2019 № 432-ПП (ред. от 20.02.2025) // Официальный портал правовой информации Свердловской области: [сайт]. – URL: http://www.pravo.gov66.ru (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

4. Воропаев, С.В. Государственные стратегии развития туризма Свердловской области / С.В. Воропаев, Е.С. Куликова // Экономические исследования и разработки. – 2025. – № 2. – С. 110–118. – Текст: непосредственный.

5. Махнева, Н.Э. Приоритетные направления концепции повышения качества жизни жителей Свердловской области / Н.Э. Махнева // Актуальные вопросы современных научных исследований: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2023. – С. 118–121. – Текст: непосредственный.

6. Богданова, О.В. Влияние туризма на развитие малых городов в России и Свердловской области / О.В. Богданова, А.С. Шипачёв // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 3 (164). – С. 576–581. – Текст: непосредственный.

7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // КонсультантПлюс: [справочно-правовая система]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

8. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ // КонсультантПлюс: [справочно-правовая система]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

9. Новоселов, С.В. Оценка развития системы здравоохранения на примере Свердловской области / С.В. Новоселов // Современные научные исследования и инновации. – 2022. – № 1 (129). – Текст: непосредственный.

10. Берковский, В.А. Современная концепция и стратегическое прогнозирование социально-демографической политики России / В.А. Берковский // Стратегия развития российско-абхазских отношений в рамках построения межгосударственной программы национальной безопасности: материалы междунар. науч.-практ. конф. – 2017. – С. 157–162. – Текст: непосредственный.

11. Полякова, Е А Болдырева Е В Государственная культурная политика современной России: исторический путь и модели развития / Е А Болдырева Е В Полякова. – Текст: электронный // cyberleninka: [сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-kulturnaya-politika-sovremennoy-rossii-istoricheskiy-put-i-modeli-razvitiya?ysclid=msbetguca270188259 (дата обращения: 02.08.2026).

12. Щипко, Ю В Климовских Н В Современные тенденции развития государственного управления в социально-культурной сфере / Ю В Климовских Н В Щипко. – Текст: непосредственный // Актуальные исследования. – 2025. – № 46. – С. 80–82.

STRATEGIC MANAGEMENT OF THE POLITICAL PROCESS IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION)

Vysokinsky L.A.
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

In modern Russia, much attention is paid to the issues of improving the political process. Strategic management is an important component of the political process, which can manifest itself in all spheres of the national economy. Society and the state as a whole need reliable guidelines for the development of individual spheres. The sphere of culture is one of the important directions of the state policy. In this area, we need not only an extensive understanding of the cultural economy, but also its social goal-setting, focusing on the needs of society and the social environment. A similar situation is developing in the healthcare sector, where the issues of the economic component are much better developed than the strategies of the political process in this area. The article is based on systematic and relevant developments of the Ministry of Economy, Investment and Territorial Development of the Sverdlovsk Region in the social sphere, which makes the article useful for modern researchers who deal with issues of political forecasting in the social sphere.

Keywords: forecasting, social sphere, strategies, public environment, civil society, domestic policy, culture, healthcare, political forecasting, strategic management, political process.

References

1. Danilova, A.N. The interaction of media discourse and the discourse of power in promoting the concept of the Sverdlovsk region / A.N. Danilova // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the International Scientific and Practical Conference – Yekaterinburg: UrFU, 2015. – Pp. 121–124. – Text: direct.

2. On cultural activities in the territory of the Sverdlovsk region: The Law of the Sverdlovsk region dated 07/22/1997 No. 43-OZ // The official portal of legal information of the Sverdlovsk region: [website]. – URL: http://www.pravo.gov66.ru (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

3. On approval of the Strategy for the implementation of the State Cultural Policy in the Sverdlovsk Region for the period up to 2035: Decree of the Government of the Sverdlovsk Region dated 07/16/2019 No. 432-PP (as amended on 02/20/2025) // Official Portal of Legal Information of the Sverdlovsk region: [website]. – URL: http://www.pravo.gov66.ru (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

4. Voropaev, S.V. State strategies for the development of tourism in the Sverdlovsk region / S.V. Voropaev, E.S. Kulikova // Economic research and development. – 2025. – No. 2. – Pp. 110–118. – Text: direct.

5. Makhneva, N.E. Priority areas of the concept of improving the quality of life of residents of the Sverdlovsk region / N.E. Makhneva // Actual issues of modern scientific research: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference – Penza, 2023. – Pp. 118–121. – Text: direct.

6. Bogdanova, O.V. The influence of tourism on the development of small towns in Russia and the Sverdlovsk region / O.V. Bogdanova, A.S. Shipachev // Economics and entrepreneurship. – 2024. – № 3 (164). – Pp. 576–581. – Text: direct.

7. On the basics of public health protection in the Russian Federation: Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011 // ConsultantPlus: [legal reference system]. – URL: http://www.consultant.ru (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

8. On compulsory medical insurance in the Russian Federation: Federal Law No. 326-FZ dated 29.11.2010 // ConsultantPlus: [legal reference system]. – URL: http://www.consultant.ru (date of access: 30.04.2026). – Text: electronic.

9. Novoselov, S.V. Assessment of the development of the healthcare system on the example of the Sverdlovsk region / S.V. Novoselov // Modern scientific research and innovations. – 2022. – № 1 (129). – Text: direct.

10. Berkovsky, V.A. Modern concept and strategic forecasting of Russia's socio-demographic policy / V.A. Berkovsky // Strategy for the development of Russian-Abkhazian relations within the framework of building an interstate national security program: materials of the International Scientific and Practical conference – 2017. – Pp. 157–162. – Text: direct.

11. Polyakova, E.A. Boldyreva E.V. The state cultural policy of modern Russia: the historical path and models of development / E.A. Boldyreva E.V. Polyakova. – Text: electronic // cyberleninka: [website]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-kulturnaya-politika-sovremennoy-rossii-istoricheskiy-put-i-modeli-razvitiya?ysclid=msbetguca270188259 (accessed: 08/02/2026).

12. Shchipko, Yu.V. Klimovskikh N.V. Modern trends in the development of public administration in the socio-cultural sphere / Yu.V. Klimovskikh N.V. Shchipko. – Text: direct // Actual research. – 2025. – No. 46. – Pp. 80–82.

Государствообразующий русский народ как категория в национальной политике России 2020–2026 годов

Колчин Петр Алексеевич,
руководитель проекта, АНО «ЭИСИ»
E-mail: kolchinpeter@yandex.ru

В статье анализируется эволюция процесса нормативно-правового закрепления статуса государствообразующего народа в национальной политике России в 2020–2026 гг. Конституционная реформа 2020 г. заложила нормативную основу, а Стратегия 2025 г. придала ей доктринальное оформление в концепции «государства-цивилизации». Усиление роли государствообразующего народа интерпретируется как элемент конструирования общероссийской гражданской идентичности, что подтверждается высокими показателями гражданской идентичности на фоне внешнего информационно-политического давления. В статье также выделяются риски реализации обновлённого подхода и предлагаются направления дальнейшего совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: русский народ, государствообразующий народ, национальная политика, национальная политика России, поправки в Конституцию, Стратегия государственной национальной политики до 2036 г., общероссийская гражданская идентичность, русский язык.

Введение

Введение поправок в Конституцию в 2020 году стало во многом определяющим событием для современной национальной политики России.

В тексте стать 68 [Конституция РФ] было установлено, что государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык «как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Само словосочетание «русский народ» в этой статье напрямую не упоминается, однако Конституционный суд РФ в своих разъяснениях указал, что это понятие относится именно к русскому народу, признавая его историческую роль в образовании российской государственности.

Появление формулировки «государствообразующего народа» стало отправной точкой для преобразования всей системы национальной и языковой политики – фактически русский народ был наделён особым статусом, который отразился на приоритетах федерального уровня. Особую актуальность этот вопрос приобрёл в условиях Года единства народов России, который в ряде источников интерпретируется как год единства этносов России вокруг государствообразующего народа.

Несмотря на широкую дискуссию по вопросу соотношения государствообразующего статуса русского народа, многонационального характера российского государства и общероссийской гражданской идентичности, укрепление которой выступает ключевой целью национальной политики РФ, новое положение Конституции было отражено в последующих документах, регламентирующих национальную и языковую политику страны.

Актуальность данного исследования связана с продолжением дискуссий о вопросе государствообразующего характера русского народа в контексте общероссийской гражданской идентичности.

Цель данного исследования – проанализировать эволюцию процесса нормативно-правового закрепления статуса государствообразующего народа в 2020–2026 гг.; выявить содержательные изменения в национальной политике в сравнении с предшествующим периодом.

Эмпирическая база и методы исследования

Теоретико-методологический базис исследования составляют два взаимодополняющих подхода, которые позволяют комплексно проанализировать символическое и институционное закрепление статуса государствообразующего русского народа в национальной политике РФ.

Эмпирическую базу исследования составляют две группы источников. Первая – нормативно-правовые акты, Конституция Российской Федерации в редакции 2020 г. [ст. 68], Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации», Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года», заключение Конституционного Суда РФ по поправкам к Конституции и ежегодные доклады Правительства РФ о реализации национальной политики. Вторую группу составляют научные и экспертные работы отечественных учёных, посвящённые интерпретации категории «государствообразующий народ».

Методология исследования базируется на двух основных подхода – конструктивистском и институциональном. В основу анализа положен конструктивистский подход к изучению этноса и национальной политики. В контексте данной работы используется понятие этноса (народа), которое предполагает известный советский и российский историк, этнолог, социальный антрополог В.А. Тишков [Тишков 2001: 16]. Он отмечает, что этнос – это группа людей, члены которой имеют общий этноним, уникальную культуру, язык, обладают представлением об общем происхождении и общей истории, а также ассоциируют себя с особой географической территорией.

Применительно к нашему исследованию конструктивистский подход даёт инструментарий для анализа того, каким образом категория «государствообразующий народ» конструируется и наполняется содержанием в официальном дискурсе от конституционной реформы к стратегиям, где русский народ уже прямо именуется объединяющим и государствообразующим. Также данный подход позволяет зафиксировать то, что появление этой дефиниции представляет собой пере-

определение статусов и смыслов в системе национальной политики России.

Вторым методологическим базисом выступает институциональный подход. В его рамках стратегические документы рассматриваются как институты, определяющие правила игры для всех политических акторов. Институционный метод помогает исследовать регулятивную среду, которая создаётся в политике, благодаря принятым правовым актам. Важно отметить, что неоинституциональный подход рассматривает институт как структуры, создающие ценности и идентичности. Поправка в Конституции, закрепившая статус государствообразующего народа в этом контексте, выступают институциональным сдвигом, который запускает цепочку преобразований на уровне национальной политики.

Результаты исследования

Основополагающим постулатом российской национальной политики долгое время являлась статья 3 первой части Конституции РФ [] о многонациональном народе как единственном источнике суверенитета. Эта во многом советская формулировка фиксировала этнокультурное многообразие, но была отстранена от этнополитических реалий и в своём изначальном трактовании не предполагала «всей России» как одной нации.

В 2012 году в Указе Президента РФ № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» был введён термин «российская нация», который уже в декабре 2018 года через внесение правок в Стратегии был приравнен к «многонациональному народу Российской Федерации». Проявлением российской нации в этих документах становилась общероссийская гражданская идентичность, безусловно основана ная на сохранении русской культурной доминанты. Однако на уровне официального дискурса реализации национальной политики концепт «многонациональности» оставался превалирующим, а в ряде случаев воспринимался на грани западной трактовки «мультикультурализма». В результате чего основной приоритет при реализации национальной политики отводился не самому многочисленному народу, а этносам, более малочисленным, в том числе, не являющимися коренными для территории России.

Как уже было отмечено, поворотным моментом в этом процессе стало принятие поправок в Конституцию РФ. Введение в статью 68 положения о русском языке как языке «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов» внесло в концепцию «многонациональности» принципиально новый элемент.

Как отмечается в заключении Конституционного Суда РФ по поправкам к Конституции, данное положение обосновывается «объективным признанием роли русского народа в образовании российской государственности». При этом сама категория «государствообразующий народ» в тексте Конституции напрямую не определяется – она вводится через языковой аспект, а её содержательное наполнение остаётся предметом последующего толкования и конкретизации.

Выбор такой формулировки вызвал широкую дискуссию в политических, научных, общественных кругах. Так, российский политолог Валерий Ачкасов, пророчил острую реакцию «республиканских элит» с обострением межэтнических противоречий и подрывом общероссийского единства [Ачкасов 2022: 221]. Социолог Рушан Галлямов утверждал о том, что и все «нерусские народы» тоже являются государствообразующими народами для России в связи с их участием в её становлении [Галлямов, Кучумов 2022: 12]. Российский философ Константин Аршин в противовес этой точке зрения, отмечает, что указание на «государствообразующий народ» в Конституции является одним из шагов по формированию общероссийской идентичности [Аршин 2023: 344].

Конституционное закрепление статуса государствообразующего было последовательно интегрировано в последующие стратегические и нормативные акты, что свидетельствует о системном характере институциональных изменений. Это наглядно отражено в Основах государственной языковой политики (Указ № 474 от 11 июля 2025 г.). В документе зафиксирована его государствообразующая функция, расширены положения о продвижении русского языка и введён большой раздел о продвижении русской культуры. В нём отмечается, что русский язык как язык государствообразующего народа выполняет не только коммуникативную, но и консолидирующую, цивилизационную функцию. Зафиксирован принцип – укрепление объединяющей роли государствообразующего русского народа, в том числе через сохранение и развитие культуры русского народа, способствует сохранению и поддержке этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации. Фактически было провозглашено, что усиление государствообразующего статуса русских работает на единство страны. Такой подход задаёт новый вектор языковой политики: акцент смещается с формального статуса языка на его роль в укрепление общероссийской идентичности, сохранении и поддержке этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации.

Стратегия государственной национальной политики до 2036 г. (Указ № 858 от 25 ноября 2025 года) стала ключевым документом, в котором нарратив о государствообразующем народе получил наиболее развёрнутое нормативное воплощение. Русский народ прямо именуется «объединяющим» и «государствообразующим». В документе были расширены положения о продвижении русского языка и введён большой раздел о продвижении русской культуры. Впервые был зафиксирован целевой показатель, непосредственно связанный с русским народом – не менее половины всех этнокультурных мероприятий должно быть посвящено популяризации русской культуры. Также была усилена роль федерального центра в координации национальной политики при одновременном ужесточении требований к региональным проектам. Фактические впервые за современную историю России государство взяло на себя прямые обязательства не просто сохранять, но и активно развивать русскую культуру как основу гражданской идентичности.

Отдельно был зафиксирован факт, что русские составляют подавляющие большинство жителей страны (80,85% от числа лиц, указавших свою национально на Всероссийской переписи населения 2020 года). Эти данные служат важным аргументом в решении о дополнительной поддержке русской культуры и языка, усилении консолидирующей роли русского народа.

Вместе с этим был активизирован процесс научного изучения русских. По поручению президента Владимира Путина на базе Минобрнауки и РАН впервые с 1950-х годов было запущено междисциплинарное этнографическое исследование русского народа.

Утверждение Правительством России трёхлетнего плана мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 года дало строгую бюрократическую рамку реализации мер по укреплению государствообразующей роли русского народа. Однако сами перечисленные мероприятия не обеспечивают выполнения вышеобозначенного количественного показателя – не менее 50% мероприятий по популяризации русской культуры, в общем количестве этнокультурных мероприятий. Можно утверждать, что план создает условия, при которых достижение этой пропорции становится возможным.

Проведённый анализ показывает, что в период 2020–20026 года был реализован последовательный процесс нормативной интеграции конституционной нормы о «языке государствообразующего народа». Этот процесс носит системный характер и отражает сознательную политическую волю к закреплению нового подхода на всех уровнях реализации национальной политики.

Необходимо отметить, что выдвинутые рядом исследователей сценарии ослабления общероссийского единства на фоне нормативного закрепления государствообразующего статуса русского народа, доказали свою несостоятельность. Согласно данным ФАДН, уровень общероссийской гражданской идентичности по итогам 2025 года составил 93,9% [ФАДН 2026]. При этом 84,2% граждан положительно оценивают состояние межнациональных отношений в стране, а 73,8% опрошенных заявляют об отсутствии дискриминации по национальному, языковому или религиозному признаку. На фоне информационной войны, попыток украинских и западных спецслужб активизировать социальную напряжённость по этническому признаку, ситуация в сфере межнациональных отношений остаётся устойчивой. Это подтверждает, что закрепление статуса государствообразующего народа и последующая интеграция этого нарратива в систему стратегических документов не привели к росту межэтнической напряжённости. Даже напротив, с определённой долей осторожности можно констатировать, что такие перемены выступили фактором консолидации. Связано данное обстоятельство во многом и с тем, что существенно повышается уровень информационного освещения мероприятий, связанных с русским народом, его культурой и языком.

Следует также назвать ещё одно яркое свидетельство укрепления русской идентичности, раскрывающиеся в ходе специальной военной операции в подразделениях, включающих представителей разных этнических сообществ. Нарративы о русском воинстве и русской цивилизации, о гордом звании русского солдата становятся доминирующими в патриотическом дискурсе.

Заключение

Проведённое исследование эволюции нормативно-правового закрепления статуса государствообразующего народа в национальной политике России в 2020–2026 гг. позволяет сформулировать некоторые выводы.

Поправки в Конституцию 2020 года заложили нормативную основу для трансформации всей системы национальной и языковой поли-

тики страны. Они изменили смысловую архитектуру официального дискурса в сфере межнациональных отношений. При этом, как было отмечена в работе, сама категория «государствообразующий народ» в тексте Конституции напрямую не определяется – она вводится через языковой аспект. Выбор такой формулировки, с одной стороны, отразил стремление законодателя избежать прямого этнонационального доминирования, а с другой – создал основу для постепенной институционализации нового подхода в стратегических документах. Реакция общества на преобразования доказала несостоятельность опасений о возможном конфликтном потенциале этого решения.

Последовавшая интеграция конституционной новеллы в систему нормативных правовых актов, регламентирующих национальную и языковую политику, придала ей доктринальное оформление. Основы государственной языковой политики зафиксировали государствообразующую функцию русского языка и его консолидирующую, цивилизационную роль, а Стратегия государственной национальной политики до 2036 г. стала ключевым документом, в котором нарратив о государствообразующем народе получил наиболее развёрнутое нормативное воплощение.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что усиление роли государствообразующего народа в национальной политике России следует интерпретировать не как этнополитический проект, нацеленный на утверждение доминирования одной этнической группы над другими, а как элемент конструирования общероссийской гражданской идентичности.

Как было показано в работе, закрепление государствообразующего статуса русского народа не сопровождается созданием системы правовых преимуществ для русских как этнической группы. Напротив, Стратегия 2025 г. и сопутствующие документы фиксируют, что укрепление объединяющей роли русского народа и сохранение его культуры направлены на сохранение и поддержку этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации в целом. В этом контексте русский народ в официальном дискурсе позиционируется как культурно-историческое ядро, вокруг которого формируется гражданское единство многонационального общества. Базовый слой общерусской культуры не подавляет, а укрепляет этносы/этнокультурные образования, входящие в общий цивилизационный контур. Как справедливо отметил В. Тишков: «дистанция между русскостью и российскостью небольшая» [Тишков 2025]. Эти две идентичности гармонично дополняют друг друга, усиливают консолидирующие основы российского общества, оставляя простор для сохранения культуры каждого этноса России. Такой подход органично вписывается в концепцию «государства-цивилизации», где многообразие выступает интеграционным ресурсом.

Вместе с тем, как было отмечено, реализация обновлённого подхода к национальной политики сопряжена с рядом рисков. Проведение Года единства народов России выявила системную проблему высокой инертности старого толкования многонациональности России в системе госуправления, образования, культуры, особенно на местном уровне. Но, что показательно, общественность всё острее реагирует на подобные проявления, считая их пережитком. Социально-экономические дисбалансы в финансировании культурных программ регионов исторического русского «ядра» ставят вопрос о ресурсном обеспечении декларируемого статуса.

В этой связи представляется целесообразным дальнейшее развитие исследовательской и правоприменительной повестки в следующих направлениях: разработка официального толкования понятия «государствообразующий народ»; корректировка механизмов финансового обеспечения культурных программ с учётом декларируемого статуса; усиление мониторинга межэтнических отношений с акцентом на качественный анализ общественных настроений; а также развитие просветительской составляющей, акцентирующей интегративный и культурно-исторический характер данной категории.

Литература

1. Аршин К. Русские как «государствообразующий народ» или «государствообразующий народ» как русские // ПОЛИТЭКС (Политическая экспертиза). – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 87–102.

2. Ачкасов В.А. Зачем русским статус «государствообразующего народа»? // ПОЛИТЭКС (Политическая экспертиза). – 2022. – Т. 18. – № 2. – С. 123–138.

3. Галлямов Р. Р., Кучумов И.В. Понятие «государствообразующий народ» в современной российской политологии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2022. – № 1 (54). – С. 7–14.

4. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1855.

5. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 15.08.2026).

6. Распоряжение Правительства РФ от 2 апреля 2026 г. № 720-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2026–2028 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Правительство России. – 2026. – URL: http://government.ru/docs/58364/ (дата обращения: 15.08.2026).

7. Тишков В.А. Академик РАН Валерий Тишков о русском народе и особенностях национальных процессов в России: интервью / официальный сайт Российской академии наук. – 2025. – URL: https://new.ras.ru/press-center/akademik-ran-valeriy-tishkov-o-russkom-narode-i-osobennostyakh-natsionalnykh-protsessov-v-rossii/ (дата обращения: 15.08.2026).

8. Тишков В.А. Этнос или этничность? // Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – С. 15–34.

9. Указ Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (дата обращения: 12.08.2026).

10. Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (дата обращения: 15.08.2026).

11. Федеральное агентство по делам национальностей. По данным ФАДН около 84% россиян положительно оценивают состояние межнациональных отношений: [сайт] / Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. – 13.02.2026. – URL: https://sovetnational.ru/information-support/news/po-dannym-fadn-okolo-84-rossiyan-polozhitelno-ocenivayut-sostoyanie-mezhnacionalnyh-otnosheniy.html (дата обращения: 15.08.2026).

THE RUSSIAN STATE-FORMING PEOPLE AS A CATEGORY IN RUSSIA›S NATIONAL POLICY, 2020–2026

Kolchin P.A.
ANO «EISR»

This article examines the evolution of the legal and regulatory consolidation of the status of the state-forming people in Russia's national policy from 2020 to 2026. The constitutional reform of 2020 established the normative foundation, while the 2025 Strategy provided its doctrinal embodiment within the framework of the «state-civilization» concept. The enhanced role of the state-forming people is interpreted as an instrument for constructing an all-Russian civil identity, a conclusion substantiated by persistently high levels of civic identity despite ongoing external information and political pressure. The article further identifies the risks associated with the implementation of this renewed approach and proposes avenues for improving related law enforcement practices.

Keywords: Russian people, state-forming people, national policy, national policy of Russia, constitutional amendments, Strategy of the State National Policy until 2036, all-Russian civic identity, Russian language.

References

1. Arshin, K. "Russians as a 'State-Forming People' or a 'State-Forming People' as Russians." POLITEX (Political Expertise) 19, no. 1 (2023): 87–102.

2. Achkasov, V. A. "Why Do Russians Need the Status of 'State-Forming People'?" POLITEX (Political Expertise) 18, no. 2 (2022): 123–138.

3. Gallyamov, R. R., and I.V. Kuchumov. "The Concept of 'State-Forming People' in Modern Russian Political Science." Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies), no. 1 (54) (2022): 7–14.

4. The Constitutional Court of the Russian Federation. Opinion No. 1-Z "On the Compliance of the Provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation with the Provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation 'On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority' That Have Not Entered into Force" (March 16, 2020). Collected Legislation of the Russian Federation, No. 12, Art. 1855.

5. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (accessed August 15, 2026).

6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 720-r "On Approval of the Action Plan for the Implementation of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036 in 2026–2028" (April 2, 2026). Government of Russia. URL: http://government.ru/docs/58364/ (accessed August 15, 2026).

7. Tishkov, V. A. “Academician Valery Tishkov on the Russian People and the Specifics of National Processes in Russia.” Interview. Official Website of the Russian Academy of Sciences, 2025. URL: https://new.ras.ru/press-center/akademik-ran-valeriy-tishkov-o-russkom-narode-i-osobennostyakh-natsionalnykh-protsessov-v-rossii/ (accessed August 15, 2026).

8. Tishkov, V. A. “Ethnos or Ethnicity?” In Ethnology and Politics. Scientific Journalism, 15–34. Moscow: Nauka, 2001.

9. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 “On Approval of the Fundamentals of the State Language Policy of the Russian Federation” (July 11, 2025). Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (accessed August 12, 2026).

10. Decree of the President of the Russian Federation No. 858 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036” (November 25, 2025). Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (accessed August 15, 2026).

11. Federal Agency for Ethnic Affairs. “According to the FAEA, about 84% of Russians Positively Assess the State of Interethnic Relations.” Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, February 13, 2026. URL: https://sovet-national.ru/information-support/news/po-dannym-fadn-okolo-84-rossiyan-polozhitelno-ocenivayut-sostoyanie-mezhnacionalnyh-otnosheniy.html (accessed August 15, 2026).

Деятельность Воронежского областного отделения ВООПИиК в контексте формирования и реализации «исторической политики» (2014–2023)

Кобляков Артем Александрович,
аспирант, кафедра политологии, управления и регионоведения, Муниципальное образовательное автономное учреждение высшего образования «Воронежский институт экономики и социального управления»
E-mail: abraksas@list.ru

Гончаров Леонид Александрович,
кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, управления и регионоведения, Муниципальное образовательное автономное учреждение высшего образования «Воронежский институт экономики и социального управления»
E-mail: goncharov.post@mail.ru

В статье анализируется деятельность Воронежского областного отделения Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК) как субъекта и инструмента реализации государственной «исторической политики» в период с 2014 по 2023 гг. Рассматриваются процесс воссоздания отделения после периода самоликвидации, его институциональное оформление, основные направления работы по сохранению объектов культурного наследия, просветительская и мемориальная деятельность. На основе эмпирических данных и архивных материалов обосновывается роль воронежского отделения ВООПИиК в формировании регионального исторического нарратива и консолидации общественности вокруг вопросов сохранения историко-культурного наследия.

Ключевые слова: историческая политика, ВООПИиК, Воронежская область, охрана памятников, культурное наследие, гражданское общество, историческая память.

Введение

Проблематика сохранения историко-культурного наследия в современной России находится в центре государственной «исторической политики», направленной на формирование национальной идентичности, консолидацию общества и трансляцию преемственности поколений. В этом контексте деятельность общественных организаций, специализирующихся на охране памятников истории и культуры, приобретает особое значение как инструмент гражданского участия в реализации государственных приоритетов.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), учреждённое в 1965 году, является одной из старейших и наиболее авторитетных общественных организаций в сфере сохранения культурного наследия [1]. Воронежское областное отделение ВООПИиК, созданное в 1966 году, прошло сложный путь институционального развития: от массовой общественной организации советского периода до самоликвидации в 1994 году и последующего воссоздания в 2014 году по инициативе горожан [2]. Именно этот период возрождения и нового институционального оформления отделения представляет наибольший интерес в контексте современной «исторической политики».

Цель настоящей работы – проанализировать деятельность Воронежского областного отделения ВООПИиК как субъекта и инструмента реализации «исторической политики» в период с 2014 по 2023 гг. Хронологические рамки исследования охватывают процесс его институционализации (2014 г.) и последующую деятельность вплоть до 2023 года.

Институциональные условия реализации «исторической политики» в сфере охраны наследия в Воронежской области

Возрождение Воронежского областного отделения ВООПИиК в 2014 году происходило в условиях трансформации государственной политики в сфере сохранения историко-культурного наследия. После распада первичных организаций в первой половине 1990-х годов, когда численность членов отделения сократилась с 340 до 133 тысяч, а затем последовала самоликвидация, функции охраны памятников перешли в ведение Государственной инспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области, а затем Управления по охране объектов культурного наследия [2].

Важным обстоятельством стало формирование нормативно-правовой базы, регулирующей общественную деятельность в сфере охраны наследия. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002 г.) закрепил возможность участия общественных организаций в сохранении памятников. В Воронежской области в 2010-е годы были приняты региональные программы сохранения культурного наследия, создававшие условия для системной работы общественных институтов [3].

Инициатива воссоздания отделения исходила от горожан и представителей научно-культурной общественности, что свидетельствовало о созревании гражданского запроса на участие в охране исторического наследия [2]. Данный процесс совпал с общероссийским трендом активизации государственной «исторической политики», в рамках которой возрастала роль общественных организаций как медиаторов между государством и обществом в вопросах сохранения исторической памяти [8].

Важным институциональным фактором стало укрепление региональных органов власти, ответственных за взаимодействие с общественными организациями. Оптимизация управления внутренней политикой в Воронежской области, включая реорганизацию структур, курирующих работу с НКО, создала благоприятные условия для деятельности воронежского отделения ВООПИиК. Организация получила административную поддержку и доступ к механизмам грантового финансирования.

Становление и организационное развитие регионального отделения в Воронежской области (2015–2023)

Воронежское областное отделение ВООПИиК было восстановлено в 2014 году по инициативе горожан [2]. Официальная регистра-

ция организации состоялась 26 мая 2014 года с присвоением ОГРН 1143600000576 [4]. Юридический адрес отделения – г. Воронеж, пер. Печатников, д. 18 [4]. С 2019 года руководителем регионального отделения является Александр Петрович Никитин [2].

Процесс воссоздания отделения совпал с активизацией общественного движения в сфере охраны историко-культурного наследия в Центральном Черноземье. В отличие от других регионов, где отделения ВООПИиК продолжали функционировать без перерыва, в Воронежской области потребовалось фактическое переучреждение организации. При этом был сохранён преемственный характер деятельности: ориентирами служили уставные задачи Общества, заключавшиеся в привлечении общественности к обеспечению сохранности историко-культурного наследия и популяризации знаний о нём [2].

В 2014–2016 гг. происходило организационное становление отделения: формировался актив, определялись приоритетные направления деятельности, выстраивались отношения с региональными органами власти и Управлением по охране объектов культурного наследия. Как отмечали исследователи, в Воронеже насчитывалось значительное количество жилых многоквартирных зданий, являющихся объектами культурного наследия, что требовало системного общественного контроля за их состоянием [5].

2017–2019 гг. стали этапом активизации практической деятельности. Отделение включилось в мониторинг состояния исторических зданий, включённых в план капитального ремонта. Активисты выражали обеспокоенность тем, что капитальный ремонт может нанести ущерб дореволюционным домам Воронежа, поскольку согласно законодательству, в объектах культурного наследия допустима только реконструкция, которая значительно дороже капитального ремонта [9]. Эта деятельность соответствовала задаче общественного контроля за соблюдением законодательства об охране памятников.

Период 2020–2023 гг. характеризовался диверсификацией направлений деятельности и расширением общественного резонанса работы отделения. Организация активно использовала социальные сети и онлайн-платформы для привлечения добровольцев и информирования общественности о состоянии объектов культурного наследия.

Основные направления деятельности и механизмы реализации «исторической политики»

Деятельность Воронежского областного отделения ВООПИиК в исследуемый период охватывала широкий спектр направлений, которые можно интерпретировать в контексте формирования и реализации «исторической политики» на региональном уровне.

Сохранение объектов культурного наследия и общественный контроль

Центральное место в деятельности отделения занимал контроль за состоянием объектов культурного наследия и предотвращение их повреждения или утраты. Особое внимание уделялось жилым зданиям – памятникам архитектуры, которые оказались под угрозой в результате включения в программу капитального ремонта многоквартирных домов. Активисты ВООПИиК инициировали мониторинг таких зданий с фотофиксацией их состояния, что позволяло документально фиксировать возможные нарушения охранного законодательства [9].

Отделение выступало с инициативами по разработке специальной программы реконструкции исторических зданий, предполагающей индивидуальный подход к каждому объекту [9]. Эта деятельность соответствовала ключевой задаче «исторической политики» – сохранению материальных свидетельств национальной истории как основы формирования исторического сознания.

Просветительская деятельность и популяризация наследия

Важным направлением работы стала популяризация знаний об историко-культурном наследии Воронежского края. Отделение проводило просветительские мероприятия, экскурсии, лекции, направленные на формирование у жителей региона ответственного отношения к памятникам истории и культуры. В рамках реализации этих задач организация активно сотрудничала с образовательными учреждениями и музеями.

Особое значение приобрела деятельность по паспортизации и популяризации археологических памятников. Как отмечают исследователи, на территории Воронежской области известно более 2000 археологических памятников, и задача их сохранения и музеефикации требует системных усилий общественности [11]. ВООПИиК участвовало в выявлении и постановке на учёт археологических объектов, что способствовало формированию регионального реестра культурного наследия.

Мемориальная деятельность и работа с памятниками военной истории

Отделение принимало участие в сохранении памятников, связанных с событиями Великой Отечественной войны, что непосредственно коррелировало с приоритетами государственной «исторической политики». Деятельность по сохранению воинских захоронений и памятных мест на территории Воронежской области соответствовала задаче тотальной мемориализации, характерной для современной российской «исторической политики» [10].

В рамках подготовки к юбилейным датам, связанным с Победой в Великой Отечественной войне, отделение активизировало работу по приведению в порядок мемориальных объектов. При непосредственном участии активистов ВООПИиК осуществлялся мониторинг технического состояния знаковых мемориальных комплексов региона, включая знаменитый Чижовский плацдарм – монумент защитникам города, открытый еще в 1975 году у Вогрэсовского моста. Организация координировала взаимодействие с органами власти для проведения необходимых реставрационных работ, предотвращая разрушение воинских захоронений и обелисков. Важнейшим направлением работы стала установка новых мемориальных знаков: только в январе 2014 года в рамках увековечения памяти Героев Советского Союза было торжественно открыто пять мемориальных досок участникам освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Деятельность общества не ограничивалась формальным надзором; активисты организовывали субботники по благоустройству территорий братских могил, привлекая к этой работе волонтеров и учащуюся молодежь.

Участие в гуманитарных и общественных инициативах

В 2022 году отделение выступило с инициативой проведения экскурсий по Воронежу для военнослужащих – участников специальной военной операции и добровольцев, следующих транзитом через город. Как пояснили представители отделения, через Воронеж проезжало большое количество военнослужащих и волонтёров, и проведение кратких экскурсий способствовало формированию «национального единства» [12]. Отделение объявило регистрацию экскурсоводов, приглашая к участию студентов гуманитарных факультетов [12].

Эта инициатива демонстрирует эволюцию деятельности ВООПИиК за рамки сугубо охранительной функции в сторону актуализации историко-культурного наследия в контексте современных общественно-политических вызовов. Экскурсии рассматривались как инструмент формирования патриотического сознания и связи героического прошлого с настоящим.

Проектная деятельность и перспективы развития

Отделение продолжает работу по паспортизации объектов культурного наследия, что является необходимым условием их включения в государственные реестры и обеспечения правовой охраны. Как свидетельствуют архивные документы, в период деятельности отделения в советское время была проведена значительная работа по составлению картотек и исторических справок на архитектурные и исторические памятники Воронежского края [2]. Восстановление и актуализация этой работы в современных условиях является одной из ключевых задач организации.

Важным направлением остаётся привлечение молодёжи к деятельности по охране памятников. Отделение активно работает со студентами гуманитарных факультетов вузов Воронежа, рассматривая их как кадровый резерв для просветительской и охранной деятельности. Вовлечение молодёжи в практическую работу по сохранению наследия соответствует задаче формирования «агентов памяти» – носителей ценностей исторической преемственности.

Результативность и место в региональной «исторической политике»

Деятельность Воронежского областного отделения ВООПИиК в 2014–2023 гг. демонстрирует устойчивую положительную динамику. Организация сумела восстановить свой статус как значимого субъекта гражданского общества в сфере охраны культурного наследия. За годы деятельности отделение зарекомендовало себя как компетентный общественный эксперт в вопросах сохранения памятников, взаимодействующий с региональными органами власти и Управлением по охране объектов культурного наследия.

Интеграция отделения в региональную «историческую политику» проявлялась в его участии в разработке и обсуждении решений, касающихся судьбы объектов культурного наследия. Выступления активистов на встречах с руководством региона, участие в круглых столах и общественных обсуждениях свидетельствуют о признании ВООПИиК в качестве легитимного общественного института в сфере охраны наследия [9].

Особое значение имеет деятельность отделения по сохранению и популяризации памятников Великой Отечественной войны. Участие отделения в проектах военно-мемориальной направленности ставит отделение в ряд ключевых субъектов «исторической политики» на региональном уровне.

Отделение демонстрирует способность к адаптации в меняющихся общественно-политических условиях. Расширение функций в 2022–2023 гг. (экскурсии для военнослужащих, просветительские проекты) указывает на гибкость организации и её готовность реагировать на актуальные общественные запросы.

Заключение

Деятельность Воронежского областного отделения Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» в период с 2014 по 2023 гг. представляет собой показательный пример возрождения и институционализации общественной организации в сфере сохранения историко-культурного наследия в контексте современной «исторической политики». Воссозданное в 2014 году по инициативе горожан отделение прошло путь от восстановления организационной структуры до системной работы по охране памятников, общественному контролю и просветительской деятельности.

Воронежское отделение ВООПИиК выступило не только как исполнитель охранных функций, но и как самостоятельный субъект региональной «исторической политики», формирующий общественное сознание через сохранение материальных свидетельств истории. Участие в строительстве мемориалов, мониторинг состояния памятников, просветительские проекты и работа с молодёжью – все эти направления деятельности способствуют трансляции ценностей исторической преемственности и формированию устойчивой идентичности жителей Воронежской области.

Дальнейшее развитие отделения, включая расширение просветительской деятельности, будет способствовать углублению общественного участия в сохранении культурного наследия и укреплению позиций ВООПИиК как ключевого института гражданского общества в сфере реализации «исторической политики» в регионе.

Литература

1. Охрана памятников истории и культуры: сборник документов. – М.: Советская Россия, 1973. – С. 157.

2. Воронежское областное отделение ВООПИК // Воронежская энциклопедия. – Воронеж, 2024. – URL: https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-v/a-00285-v (дата обращения: 20.07.2026).

3. Бахтин В.В., Припадчев А.А. Деятельность Воронежского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в сфере охраны памятников археологии // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. – 2022. – № 11 (27). – С. 27–33. – DOI: 10.52270/27132447_2022_11_27.

4. ВОО ВОО «ВООПИИК»: реквизиты организации // Prima-Inform. – 2025. – URL: https://www.prima-inform.ru/cat/cc/voo-voo-voopiik-1143600000576–3664999699 (дата обращения: 20.07.2026).

5. Минаков А.Ю., Сергеев С. Формирование и развитие отделения ВООПИК в Воронежской области в 1965–1966 // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2022. – № 2 (31). – С. 121–125.

6. Бахтин В.В., Припадчев А.А. Возникновение Воронежского отделения всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. – 2022. – Т. 15, № 17. – С. 87–93. – DOI: 10.52270/26585561_2022_15_17_87.

7. Воронежское областное отделение ВООПИиК. Основные направления деятельности // Портал НКО Воронежской области. – URL: http://nkovrn.ru/protection_monuments.html (дата обращения: 20.07.2026).

8. Крылова Е.А. Историческая политика в современной России: инструменты и практики // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 56–73.

9. Воронежцы начнут фотографировать исторические жилые здания, попавшие в план по капремонту // Агентство социальной информации. – 2017. – 7 августа. – URL: https://asi.org.ru/news/2017/08/07/voronezh-pamyatniki-kulturnogo-naslediya/ (дата обращения: 20.07.2026).

10. Припадчев А.А., Бахтин В.В. Деятельность Воронежского отделения ВООПИиК в сфере охраны археологического наследия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. – № 4. – С. 65–70.

11. Ковалевский В.Н., Медведев А.П., Скобелкин О.В. и др. Археологическая карта Воронежской области. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2012. – 26 с.

12. В Воронеже объявили регистрацию экскурсоводов для транзитных участников спецоперации // Московский комсомолец – Воронеж. – 2022. – 3 октября. – URL: https://vrn.mk.ru/politics/2022/10/03/v-voronezhe-obyavili-registraciyu-ekskursovodov-dlya-tranzitnykh-uchastnikov-specoperacii.html (дата обращения: 20.07.2026).

ACTIVITIES OF THE VORONEZH REGIONAL BRANCH OF THE VOOPIIK IN THE CONTEXT OF THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE «HISTORICAL POLICY» (2014–2023)

Koblyakov A.A., Goncharov L.A.
Voronezh Institute of Economics and Social Management

The article analyzes the activities of the Voronezh Regional branch of the All-Russian Public Organization "All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments" (VOOPIiK) as a subject and instrument for the implementation of the state "historical policy" in the period from 2014 to 2023. The article examines the process of re-establishment of the department after the period of self-destruction, its institutional design, the main directions of work on the preservation of cultural heritage sites, educational and memorial activities. Based on empirical data and archival materials, the role of the Voronezh branch of the VOOPIIK in the formation of a regional historical narrative and the consolidation of the public around the preservation of historical and cultural heritage is substantiated.

Keywords: historical policy, VOOPIiK, Voronezh region, monument protection, cultural heritage, civil society, historical memory.

References

1. Protection of historical and cultural monuments: a collection of documents. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1973. p. 157.

2. Voronezh Regional Branch of the VOOPIK // Voronezh Encyclopedia. – Voronezh, 2024. – URL: https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-v/a-00285-v (date of reference: 07/20/2026).

3. Bakhtin V.V., Pripadchev A.A. Activities of the Voronezh branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in the field of protection of archaeological monuments // Bulletin of Socio-economic and Humanitarian Research. – 2022. – № 11 (27). – Pp. 27–33. – DOI: 10.52270/27132447_2022_11_27.

4. VOO VOO "VOOPIIK": details of the organization // Prima-Inform. – 2025. – URL: https://www.prima-inform.ru/cat/cc/voo-voo-voopiik-1143600000576–3664999699 (date of reference: 07/20/2026).

5. Minakov A.Yu., Sergeev S. Formation and development of the department of VOOPIK in the Voronezh region in 1965–1966 // Problems of Social Sciences and Humanities. – 2022. – № 2 (31). – Pp. 121–125.

6. Bakhtin V.V., Pripadchev A.A. The emergence of the Voronezh branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments // Bulletin of Socio-economic and Humanitarian Research. – 2022. – Vol. 15, No. 17. – pp. 87–93. – DOI: 10.52270/26585561_2022_15_17_87.

7. Voronezh Regional Branch of VOOPIiK. Main areas of activity // NGO portal of the Voronezh region. – URL: http://nkovrn.ru/protection_monuments.html (date of reference: 07/20/2026).

8. Krylova E.A. Historical politics in modern Russia: tools and practices // Political Science. – 2020. – No. 2. – pp. 56–73.

9. Voronezh residents will start photographing historical residential buildings included in the renovation plan // Agency for Social Information. – 2017. – August 7. – URL: https://asi.org.ru/news/2017/08/07/voronezh-pamyatniki-kulturnogo-naslediya / (date of reference: 07/20/2026).

10. Pripadchev A.A., Bakhtin V.V. Activities of the Voronezh Branch of the VOOPIiK in the field of archaeological heritage protection // Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. – 2021. – No. 4. – pp. 65–70.

11. Kovalevsky V.N., Medvedev A.P., Skobelkin O.V. and others. Archaeological map of the Voronezh region. Voronezh: VSU Publishing House, 2012. 26 p.

12. Voronezh announced the registration of guides for transit participants of the special operation // Moskovsky Komsomolets – Voronezh. – 2022. – October 3. – URL: https://vrn.mk.ru/politics/2022/10/03/v-voronezhe-obyavili-registraciyu-ekskursovodov-dlya-tranzitnykh-uchastnikov-specoperacii.html (date of request: 07/20/2026).

Электоральная цикличность на примере Республики Коми

Конаков Роман Викторович,
член Общественного штаба по наблюдению за выборами, эксперт Общественной палаты Республики Коми, преподаватель Коми Республиканской Академии Государственной службы и управления, помощник Уполномоченного по правам человека в Республике Коми

Целью статьи являются выявление и анализ специфики выборных кампаний в Республике Коми. Избирательный цикл 2026 года в Республике Коми будет представлять собой соревнование предвыборных программ и сценариев развития страны внутри сформированного ядра допущенных объединений, а не борьбу за базовое юридическое право участвовать в выборах. Автором анализируется общественные тенденции в электоральном поведении граждан. Среди результатов исследования приводятся итоги проведённого анализа показателей явки избирателей, их влиятельности при интерпретировании результатов и выявлении уровня авторитетности власти в Регионе. В статье также выявляется эффект от внедрения онлайн-механизмов в политическую реальность выборных кампаний. Использование итоговых тезисов представляет собой теоретическую значимость, а возможность использования их в период следующих выборов определяет практическую значимость исследования. Отношение электората к цепочке высших органов управления Республикой Коми определяет дальнейшие механизмы политических процессов в том числе и результаты выборов депутатов в Государственную Думу 2026.

Ключевые слова: Электорат, Избирательный цикл, выборы, институты власти влияющие на политические процессы Республики Коми.

В Республике Коми осенью 2026 года пройдет всероссийская избирательная кампания по выборам депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, завершающая избирательный цикл 2021–2026 годов. В то же время я хотел бы отметить, что на федеральном уровне выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации завершают процесс политико-правовой интеграции исторических регионов в состав России.

Как известно, в 2026 году в России впервые пройдут выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, вошедших в состав Российской Федерации в 2022 году: Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области и Херсонской области регион.

Организация выборов в этих субъектах Российской Федерации позволит значительному числу российских граждан реализовать свое конституционное право. В этой связи общая ответственность избирательной кампании в значительной степени отражается на всех регионах нашей страны. В политической сфере Избирательная комиссия предоставляет информацию о зарегистрированных региональных отделениях политических партий, зарегистрированных в Республике Коми по состоянию на 13.07.2026 г., а именно:

1. Общероссийская политическая партия «Единая Россия».
2. Политическая партия «Коммунистическая Партия Российской Федерации».
3. Политическая партия Российская объединенная демократическая партия «Яблоко».
4. Политическая партия ЛДПР – «Либерально-демократическая партия России».
5. Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия».
6. Политическая партия «Коммунистическая Партия «Коммунисты России».
7. Политическая партия «Российская Партия Пенсионеров За Социальную Справедливость».
8. Политическая партия «Гражданская платформа».
9. Политическая партия «Партия возрождения России».
10. Политическая партия «Родина».
11. Политическая партия «Российская экологическая партия «Зеленая Альтернатива».
12. Политическая партия «Партия прямой демократии».
13. Политическая партия «Российская Партия Свободы и Справедливости».
14. Политическая партия «Новые Люди».
15. Политическая партия «Демократическая партия России».
16. Политическая партия «Партия Прогресса». В то же время деятельность партии «Гражданская платформа» была приостановлена на три месяца с 6 июня 2026 года.

Стоит отметить, что на данном этапе прогнозируемая избирательная кампания будет проходить в контексте Специальной военной операции (СВО), что накладывает особую ответственность на всех участников избирательного процесса. Россия исходит из необходимости одновременного обеспечения избирательных прав граждан, как основного условия существования демократического государства и обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья граждан. Особое внимание уделяется эволюции искусственного интеллекта, использованию потенциала информационно-коммуникационных технологий, их активное использование может привести к попыткам манипуляций и фальсификаций во время выборов. Наряду с обеспечением законности и честности выборов, одной из задач является разработка новых технологий избирательной экспертизы и общественного контроля, направленных на выявление и разоблачение подобных попыток фальсификации результатов. Политические партии Российской Федерации демонстрируют свою готовность активно участвовать как в кампании по выборам депутатов Государственной Думы, так и в кампании на региональном уровне.

Безусловно, многоуровневый характер предстоящих выборов объективно расширяет возможности и пространство политической конкуренции. Кроме того, в комплексном исследовании А.Е. Любарева, вы-

полненном с использованием методов корреляционно-регрессионного анализа, была изучена роль электорального выравнивания: выявлена взаимосвязь между результатами партий, участвующих в выборах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. [6, с. 101] Так, делается вывод, что при совмещении выборов большинство избирателей, как правило, поддерживают одни и те же партии, что соответствует разным теориям электорального поведения, а цикличность характеризуется взаимосвязью временного периода самого цикла, например, 5 лет, а также электорального выбора в определенный промежуток времени. Иными словами, автор свидетельствует об изменении интересов электората, проживающего в определенный период времени, а также о восприятии общественностью функционирования различных государственных институтов, формирующих политическую систему региона.

Современная особенность электорального цикла в Республике Коми характеризуется назначением на должность исполняющего обязанности первого лица в регионе выходцев из других регионов, которые впоследствии участвуют в выборах. В то же время следует отметить, что электорат, участвующий в выборах, отражает положительное отношение к действующим главам региона. Например, об этом свидетельствовали выборы главы Республики Коми в 2025, 2020 и 2016 годах. Вопрос о практической функциональности этого института власти и взаимосвязи между деятельностью и конечным результатом избирательного цикла остается неисследованным. То есть сам факт выбора избирателя не заканчивается в день единого дня голосования, и поэтому в последовательности последующих выборов могут в какой-то степени оцениваться предпочтения, например, в партийной системе, которая предоставляет своих кандидатов на текущие выборы в Государственную Думу в 2026 году. Для активного электорального поведения важна вся цепочка властных механизмов в регионе, поскольку политические процессы и их результаты взаимосвязаны и не остаются незамеченными политиками первого уровня региона.

Избирательная система максимально настроена таким образом, чтобы предоставить гражданам реальные возможности для осуществления активного избирательного права. Был создан и протестирован широкий спектр возможных вариантов голосования, обеспеченных как нормативной базой, так и инструментами мониторинга. Важной особенностью выборов 2026 года станет широкое использование дистанционного электронного голосования. По сравнению с 2021 годом количество регионов в России, имеющих опыт использования ДЭГ на выборах различного уровня, увеличилось в 6 раз, включая регион Коми, уже имевший опыт участия в предыдущем избирательном цикле выборов в Государственную Думу в 2021 году. Совершенствуются сами технологии, а также система общественного контроля за выборами через ДЭГ

Ключевым юридическим критерием, определяющим конфигурацию кампании, является не формальная регистрация в Министерстве юстиции, а освобождение от сбора подписей избирателей. Этот статус был присвоен одиннадцати политическим объединениям: пяти парламентским фракциям, а также шести непарламентским партиям, которые получили это право по результатам выборов 2021 года или через представительство в законодательных органах субъектов Российской Федерации. Для всех остальных участников выдвижение федерального списка предполагает сложную процедуру сбора нескольких сотен тысяч подписей, где любая техническая ошибка может стать основанием для отказа в регистрации.

Стратегия развития региона с общественной точки зрения напрямую коррелирует с работой всех руководителей и представителей политических партий региона, поскольку они намерены представлять волю электората в течение определенного периода времени, так называемого избирательного цикла от выборов к выборам. Следует отметить, что стратегическая оценка результативности первого лица возлагается на понятие народ, электорат понятия отраженные в Конституции России. Другой аспект стратегии, характеризующийся эффективностью государственного института управления регионом с большой буквы, ложится на пересечение этих двух явлений мнение народа, которое выражено электоральной цикличностью в форме голосования. На политической арене появляются персонажи в качестве кандидатов. Рассматривая кандидатов следует отметить, что в современном информационном пространстве высококлассно работают политические технологи, которые прорабатывают пиар кампании. Важно обозначить что в сам циклический период в поле зрения электората попадают вызывают внимание избирателей и те, которые на законных основаниях например, лица недавно заняли должности чиновников различных категорий и не проработавшие года в своих должностях, которые в глазах народа с нравственной точки зрения должны работать на результат за оказанное доверие и данную должность то некоторые из них уже принимают решение выставлять свои кандидатуры на законных основаниях на выборы в Государственную Думу. Возникает интелектуальный дисонанс по восприятию непосредственно эффективности указанных должностей создаётся мнение, что лица данные должности являются своего рода трамплином продвижения и их могут занять другие лица заменившие предшественников и ничего не изменится. Вопрос научного восприятия функций при дифиците бюджета Республики Коми требуется экономическая закономерность организации деятельности законодательного органа власти посредствам сокращения депутатского корпуса в рамках текущей оптимизации системы дошкольного образования.

Естественно на законных основаниях зарегистрированным кандидатам в депутаты в ГД РФ вручаются удостоверения и проводится определённая работа в СМИ с поддержкой политических технологов способных сформировать информационное поле в средствах массовой информации.

На выборы в Государственную Думу России выдвинули нескольких кандидатов. Вот кто они:

· Касьяненко А.А. – учитель из Воркуты. Его поддержала партия «Коммунисты России».

· Чужмарова О.Б. – пенсионерка. Её поддержала партия «Российская партия Пенсионеров за Социальную справедливость».

· Кулешов С.М. – предприниматель. Его поддержала партия «Зелёные».

· Кривощекова Т.В. – директор радио «Коми ФМ». Её поддержала партия ЛДПР.

Также в списке есть люди, которые уже работают в правительстве Республики Коми:

· Кочев С.В. – депутат и заместитель председателя Госсовета Коми, Герой России. Его поддержала партия «Единая Россия».

· Потемкин А.И. – депутат, работает в комитете по социальной политике. Его поддержала партия «Новые люди».

· Саладина Т.А. – депутат, председатель комиссии по этике в Госсовете Коми. Её поддержала партия «Справедливая Россия».

Кроме того, в выборах участвует действующий депутат Госдумы, Михайлов О.А., который работает в комитете по экологии. Его поддержала партия «Коммунистическая партия Российской Федерации».

Анализ фактического положения показывает, что из 8 кандидатов 3 являются депутатами Государственного Совета Республики Коми и один действующий депутат Государственной Думы. При этом стоит отметить, что электоральный цикл подчёркивает выборы депутатов в Государственную Думу 1 раз в 5 лет и на политической арене на основании действующего законодательства партией КПРФ выдвинут повторно Олег Михайлов победивший на выборах в Государственную Думу в 2021 году. В сентябре 2025 года в Республике Коми проходили выборы в Государственный Совет Республики Коми и из выбранного состава 3 партии продолжают свое движение на Федеральный уровень попадая на законных основаниях в поле зрения Электората Республики Коми, политические партии «Новые люди», «Справедливая Россия» и «Единая Россия». Остаётся под знаком вопрос реализация намеченных программ и партийных целей.

В данном случае возникает партийная межцикличность между региональными выборами 2025 года проникая в Федеральные выборы 2026 года. Остается открытым вопрос представитель какой партии победит на выборах. Прогноз следует наложить на статистически активные партии, пользующиеся интересом избирателей.

Избирательная компания 2021 года выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва закончилась предпочтением электората партии КПРФ.

Досрочно проголосовало 4125 избирателей, вне помещения для голосования – 18209 избирателей. На основании заявлений о включении в список избирателей по месту нахождения в выборах приняли участие 17390 избирателей. Средняя явка избирателей составила 39,47%, участие в выборах принял 254 301 избиратель. По одномандатному избирательному округу, включающему всю территорию Республики Коми, большинством голосов избран Михайлов Олег Алексеевич, 1987 года рождения, депутат Государственного Совета Республики Коми VII созыва, выдвинутый Политической партией «Коммунистическая партия Российской Федерации», проголосовало – 81407 избирателей, процент поданных голосов избирателей – 32,36% [2, с. 3].

Другие кандидаты набрали следующее число голосов избирателей:

· Савастьянова Ольга Викторовна, выдвинутая Всероссийской политической партией «Единая Россия», – 26,84% (67531 избиратель);

· Саладина Татьяна Алексеевна, выдвинутая Социалистической политической партией «Справедливая Россия – патриоты – за правду», – 9,24% (23257 избирателей),

· Никитин Андрей Андреевич, выдвинутый Политической партией ЛДПР – Либерально-демократической партией России, – 8,42% (21186 избирателей),

· Филипчук Виктор Владимирович, выдвинутый Политической партией «Новые Люди», – 7,58% (19060 избирателей),

· Рубан Иван Григорьевич, выдвинутый Политической партией Коммунистическая партия Коммунисты России, процент поданных голосов избирателей – 6,73% (16926 избирателей),

· Бетехтин Виктор Васильевич, выдвинутый Политической партией Зеленая Альтернатива – 3,62% (9105 избирателей).

В федеральном избирательном округе Республики Коми пять политических партий преодолели 5-процентный барьер:

· Всероссийская политическая партия «Единая Россия» – 29,44% (74 839 избирателей);

· Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» – 26,88% (68 314 избирателей);

· Либеральнодемократическая партия России (ЛДПР) – 11,96% (30 400 избирателей);

· Политическая партия «Новые Люди» – 9,57% (24 332 избирателей);

· Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – патриоты – за правду» – 8,33% (21 165 избирателей).

· Остальные партии получили менее 5% голосов избирателей:

· Политическая партия «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость» – 3,60% (9 138 избирателей);

· Политическая партия Коммунистическая партия Коммунисты России – 1,45% (3 692 избирателей);

· Политическая партия Зеленая Альтернатива – 1,34% (3 411 избирателей);

· Политическая партия «Российская экологическая партия „ЗЕЛЁНЫЕ“« – 1,18% (2 996 избирателей);

· Всероссийская политическая партия «Родина» – 0,95% (2 425 избирателей);

· Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия „ЯБЛОКО“« – 0,87% (2 199 избирателей);

· Политическая партия Российская Партия Свободы и Справедливости – 0,84% (2 127 избирателей);

· Всероссийская политическая партия «Партия Роста» – 0,33% (845 избирателей);

· Политическая партия «Гражданская Платформа» – 0,12% (293 избирателя).

Парламентский сегмент электорального цикла 2021–2026 гг. демонстрирует прогнозируемое устойчивое снижение вовлеченности граждан в выборы Государственной Думы 2021 г. и постепенную трансформацию партийной конкуренции в формат управляемого плюрализма. Выборы в Госдуму 2021 г. явились первыми общенациональными парламентскими выборами после вызвавшего негативную реакцию в обществе повышения пенсионного возраста (что выразилось в некотором росте поддержки левых партий) [7, с. 39].

Электоральная цикличность (электоральный цикл) – это периодически повторяющийся процесс подготовки, проведения выборов и подведения их итогов, охватывающий период между двумя последовательными избирательными кампаниями.

Цикличность определяет регулярность смены власти, политическую активность граждан и влияет на экономическую политику государства. Ключевые аспекты электоральной цикличности: структура цикла включает этапы назначения выборов, выдвижения кандидатов, агитации, голосования и подведения результатов. Влияние на экономику: Часто экономическая политика становится мягче перед выборами для повышения популярности власти (теория политических электоральных циклов). Автор отмечает что качество избирательной компании в России анализируется по явке избирарателей и соответственно политологи отмечают интерес электората к представленным на выборы кандидатам. Но данная практика не является нормой. При этом на Западе количественному показателю явки представители средств массовой информации и эксперты уделяют значительно меньшее внимание, чем в России. Поэтому она не используется в качестве инструмента манипуляции легитимации выборов [5, с. 215].

Российская специфика: Исследования выделяют уникальные черты избирательных циклов в России, включая анализ активности избирателей, роль общественных наблюдателей и электоральные тенденции последних десятилетий. Периодичность: в зависимости от законодательства, циклы могут быть следующих сроков 6-летним президентский цикл в России на основании ст. 81 Конституции России [3, с. 31]. На основании ст. 81 Конституции Республики Коми глава региона избирается на 5 лет [4, с. 27]. Анализ активности: Изучается закономерность между высоким и низким интересом к голосованию и территориальным разнообразием явки. В данной статье отражен цикл имеющий особенность срока полномочий депутатов Государственной Думы 5 лет [8, с. 147].

Следует отметить, что предстоящие сентябрьские выборы в Регионе имеют свою особенность, каких никогда не было, это условия в террористических угрозах, которые вынуждают повышать уровень подготовки участковых избирательных комиссий до определённого уровня, что вызывает дополнительную нагрузку на избирательную комиссию и наблюдателей.

В настоящее время, выборы в своей сущности максимально сосредоточены на электорат и это выражено в тщательной подготовке во всех спектрах включая аспекты безопасности и другие организационные факторы, например возможность голосавания, некоторых категорий лиц.

Голосование вне помещения для голосования представляет собой предусмотренную законодательством форму реализации избирательного права, которая позволяет гражданам принять участие в выборах в случае невозможности лично прибыть на избирательный участок. В Республике Коми данная процедура применяется в отношении избирателей, которые по уважительным причинам не могут посетить помещение для голосования. К числу таких обстоятельств относятся состояние здоровья, инвалидность, преклонный возраст, существенно затрудняющий самостоятельное передвижение, а также необходимость ухода за больными, пожилыми людьми или детьми. Основанием для проведения голосования на дому могут выступать и иные объективные обстоятельства, препятствующие прибытию избирателя на избирательный участок.

Для реализации права на голосование вне помещения избирателю необходимо обратиться в участковую избирательную комиссию. Такое обращение может быть осуществлено в письменной или устной форме, в том числе посредством телефонной связи. В отдельных случаях содействие в передаче соответствующей информации могут оказывать социальные работники или представители избирателя. При этом заявление должно быть подано в установленные законодательством сроки. Как правило, прием заявлений о предоставлении возможности проголосовать на дому начинается за несколько дней до дня голосования и продолжается непосредственно в день выборов до установленного времени.

После поступления заявления участковая избирательная комиссия организует проведение голосования по месту нахождения избирателя. Для этого формируется выездная группа, в состав которой входят не менее двух членов участковой комиссии. Члены комиссии прибывают по месту жительства избирателя с необходимыми для проведения процедуры материалами, включая переносной ящик для голосования, избирательные бюллетени и соответствующую документацию. При проведении голосования вне помещения также могут присутствовать наблюдатели и представители средств массовой информации, что обеспечивает дополнительный общественный контроль за соблюдением установленного порядка.

Непосредственно перед выдачей избирательного бюллетеня члены участковой комиссии устанавливают личность гражданина и проверяют его данные в соответствующей документации. После получения бюллетеня избиратель подтверждает данный факт своей подписью. Заполнение бюллетеня осуществляется самим избирателем с соблюдением принципа тайны голосования. После внесения своего волеизъявления избиратель опускает бюллетень в переносной ящик для голосования.

Таким образом, голосование на дому является важным механизмом обеспечения всеобщности и доступности выборов. Данная процедура позволяет гражданам, которые вследствие состояния здоровья, возраста, инвалидности либо иных объективных обстоятельств не способны самостоятельно прибыть на избирательный участок, реализовать принадлежащее им конституционное право на участие в выборах. Одновременно установленный порядок проведения голосования вне помещения направлен на обеспечение законности, тайны волеизъявления и возможности общественного контроля за избирательной процедурой.

При этом институты общественного наблюдения организованы в интересах электората и нацеливаются на справедливые реальные результаты. Миссия общественного наблюдения основывается на соблюдение избирательных прав электората. Принцип наблюдения – это сдержанность безконфликтность и визуальный контроль самого выборного процесса на первом месте конечно соблюдение избирательного Конституционного права Российской Федерации. Важность самого политического процесса выборов заключается не только в соблюдении таких аспектов, как законность при проведении выборов на каждом участке избирательной комиссии Коми Республики так как признание

незаконными выборов на одном УИК могут вызвать вопросы и сомнения по выборному процессу во всём регионе, при этом на подготовку тратятся большие ресурсы.

Проводя линию исследования, автор подчёркивает важность общественного наблюдения и анализа электоральной цикличности и общественного мнения во всех электоральных циклах. Так как они в будущем отражаются в функционировании институтов государственной власти, которые напрямую связаны с внутренней и внешней реализацией намеченных программ государственных институтов власти, а также политических партий, влияющих на качество жизни избирателей в следующий циклический период модернизации общественной системы.

Литература

1. http://komi.izbirkom.ru/ дата обращения 10.08.2026
2. http://komi.izbirkom.ru/special/news.php? ELEMENT_ID=11844 дата обращения 10.08.2026
3. Конституция РФ 12.12.1993 (с поправками от 01.07. 2020)
4. Конституция Республики Коми 17.02.1994
5. Алексеев Д.Ю. Выборы в Госдуму-2021: итоги и перспективы // Известия Восточного института. 2022. № 2 (54). С. 119–127. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-2/119-127. EDN: PGEIHQ.
6. Любарев А.Е. Исследование совмещенных выборов: региональные и муниципальные выборы 2020 г. // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. № 2. С. 101.
7. Участие избирателей в выборах: российская и зарубежная практика: обзор Российского общественного института избирательного права [Электронный ресурс]. URL: http://www.roiip.ru/images/data/gallery/0_6440_ Uchastie_izbirateley_v_viborah__-_rosssiyskaya_i_zarubezhnaya_praktika_. pdf (дата обращения: 05.08.2026).
8. Федоров В. И., Ежов Д.А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 146–152. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-1-1055. EDN: YTMMBO.

ELECTORAL CYCLICITY ON THE EXAMPLE OF THE KOMI REPUBLIC

Konakov R.V.
Komi Republican Academy of Public Administration and Management

The purpose of the article is to identify and analyze the specifics of election campaigns in the Komi Republic. The 2026 election cycle in the Komi Republic will be a competition of election programs and scenarios for the development of the country within the formed core of authorized associations, rather than a struggle for the basic legal right to participate in elections. The author analyzes social trends in the electoral behavior of citizens. The results of the study include the results of the analysis of voter turnout indicators, their influence in interpreting the results and identifying the level of authority of the authorities in the Region. The article also reveals the effect of the introduction of online mechanisms in the political reality of election campaigns. The use of the final theses is of theoretical importance, and the possibility of using them during the next election period determines the practical significance of the research. The attitude of the electorate towards the chain of supreme governing bodies of the Komi Republic determines further mechanisms of political processes, including the results of the elections of deputies to the State Duma in 2026.

Keywords: Electorate, Electoral cycle, elections, institutions of power influencing the political processes of the Komi Republic.

References

1. http://komi.izbirkom.ru/ accessed 10.08.2026
2. http://komi.izbirkom.ru/special/news.php? ELEMENT_ID=11844 accessed 10.08.2026
3. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended on 01.07.2020)
4. Constitution of the Komi Republic of 17.02.1994
5. Alekseev D. Yu. Elections to the State Duma-2021: Results and Prospects // Bulletin of the Eastern Institute. 2022. No. 2 (54). pp. 119–127. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-2/119-127. EDN: PGEIHQ.
6. Lyubarev A.E. Study of combined elections: regional and municipal elections of 2020 // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. 2021. No. 2. P. 101.
7. Voter participation in elections: Russian and foreign practice: review of the Russian public institute of electoral law [Electronic resource]. URL: http://www.roiip.ru/images/data/gallery/0_6440_ Uchastie_izbirateley_v_viborah__-_rosssiyskaya_i_zarubezhnaya_praktika_. pdf (date accessed: 05.08.2026).
8. Fedorov V. I., Yezhov D.A. Evolution of electronic voting in Russia: problems of classification and periodization // Russian social and humanitarian journal. 2021. No. 1. P. 146–152. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-1-1055. EDN: YTMMBO.

Проблема эффективности конвертации аудитории социальных сетей в электорат политических партий

Копылов Сергей Александрович,
заместитель руководителя Всероссийской Молодёжной организации ЛДПР, член Молодёжного парламента при Государственной Думе ФС
E-mail: kopylov@mldpr.ru

Карпов Владимир Александрович,
руководитель аналитического направления Коммуникационного агентства «Фабрика смыслов»
E-mail: fb.sml@mail.ru

В статье поставлена проблема оценки эффективности цифровых кампаний политических партий. Показано, что распространённый способ такой оценки – по медийному охвату – не отражает политического результата, поскольку аудитория социальных сетей и электорат представляют собой два несовпадающих множества: охват считает пользователей платформы, тогда как результат производят избиратели. Расхождение этих множеств носит структурный характер и объясняется правовыми ограничениями, территориальной привязкой голосования, техническим характером показа и алгоритмическим отбором аудитории. Объясняется, почему прямая проверка того, как охват превращается в голоса, невозможна: этому мешают тайна голосования, невозможность судить о поведении людей по данным о территориях и смешение причины и следствия в поведении аудитории. Предлагается рассматривать сам разрыв между охватом и результатом как предмет изучения и оценивать его по наблюдаемым звеньям – от охвата к вовлечённости, отношению и намерению голосовать – на основе открытых данных (ВЦИОМ, ФОМ, ЦИК). Работа носит теоретико-методологический характер.

Ключевые слова: политические технологии, политическая коммуникация, социальные сети, электоральное поведение, медийный охват, эффективность.

Введение

Политические партии всё активнее переносят кампании в цифровую среду: ведут сообщества в социальных сетях, снимают короткие видео, выстраивают собственные системы производства контента. В электоральном цикле 2022–2026 годов, который завершится выборами в Государственную Думу 2026 года, значительная часть агитационной работы разворачивается уже не на телевидении и не в поле, а на цифровых площадках.

Эффективность этой работы принято оценивать по охвату – числу просмотров, подписчиков и реакций. Но охват показывает внимание пользователей социальных сетей, а партии важно действие избирателей – участие и в конечном счёте голосование. Когда охват принимают за результат, вопрос «что действительно сработало» подменяется подсчётом просмотров, а роль цифровых форматов легко переоценить. На практике высокий охват регулярно соседствует с куда более скромной поддержкой на выборах: большое внимание в сети не превращается автоматически в голоса. Это расхождение – разрыв между охватом и результатом – и составляет проблему статьи.

У этого расхождения есть простое основание, которое обычно упускают из виду. Аудитория, которую считает платформа, и множество людей, приносящих партии результат, – это разные множества. Охват фиксирует пользователей социальной сети; итог выборов складывается из голосов избирателей. Пересечение между ними есть, но оно неполное и, что важнее, неизвестного размера. Уже поэтому охват в принципе не может служить мерой политического результата.

Как устроена современная сетевая коммуникация, наука описывает подробно. М. Кастельс называет её массовой самокоммуникацией: сообщение обращено к массовой аудитории, но создают и распространяют его сами пользователи, а не один центр [4]. Однако вопрос о том, превращается ли выросшее внимание в реальное политическое поведение, эта теория не решает. Он не нов и восходит к идее «минимальных эффектов», ещё в середине XX века показавшей, что влияние медиа на выбор избирателя ограниченно.

Здесь и возникает главная трудность. Прямо доказать, что охват превращается в голоса, нельзя – и не из-за нехватки данных, а по существу. Тайное голосование не позволяет узнать, как проголосовал тот, кто видел контент. Данные по регионам не говорят о поведении отдельных людей. Наконец, политически заинтересованный пользователь и охотнее смотрит политический контент, и чаще голосует, поэтому связь охвата и голосования может отражать не влияние контента, а общий интерес к политике.

Отсюда замысел статьи. Если доказать превращение охвата в голоса нельзя, то можно изучать сам разрыв между ними: описать, при каких условиях большой охват не даёт результата, и предложить, как этот разрыв оценивать. Цель работы – показать, что разрыв между охватом и голосованием закономерен, а не случаен, и предложить способ его оценки по наблюдаемым звеньям и открытым данным. Новизна в том, что вопрос об эффективности цифровых кампаний впервые ставится не как задача доказать превращение охвата в голоса, а как задача измерить разрыв между ними.

Обзор литературы

Цифровые политические кампании изучаются в нескольких направлениях; каждое освещает свою сторону проблемы, но ни одно не отвечает на вопрос об их эффективности напрямую.

Первое направление – теория политической коммуникации. Она описывает переход от прежней, вещательной модели, где сообщение шло сверху вниз от одного центра ко многим, к сетевой, диалоговой, где получатели сами участвуют в создании и распространении сообщения. Различение таких режимов обмена восходит к типологии Й. Бордвика и Б. ван Каама [2], а самую известную его версию предложил Мануель Кастельс в понятии массовой самокоммуникации [4]. Отечественные работы описывают, как интернет-коммуникации меняют устройство политического управления и инструментарий воздействия на аудиторию [1]. Эта рамка хорошо объясняет, как сообщение создаётся и распространяется, но не то, во что превращается внимание аудитории.

Второе направление – исследования влияния медиа. Ещё в середине XX века П. Лазарсфельд и его коллеги показали: во время кампании медиа скорее закрепляют уже сложившиеся предпочтения, чем формируют выбор заново, а их влияние передаётся через окружение и лидеров мнений. Более поздние теории уточнили этот вывод: медиа заметно влияют на то, о чём люди думают, но слабее – на то, какое решение они принимают. Для нашей темы это важно: влияние медиа на внимание и настроения фиксируется надёжно, а прямое влияние на само голосование невелико и всегда опосредованно. В интернете это тем более так – алгоритмы повышают охват, но ничего не гарантируют относительно глубины воздействия.

Третье направление – отечественные исследования цифровой политики. В них показано, что интернет стал основным пространством политического участия: изучаются цифровизация государственного управления и сетевая эффективность [6], гражданская активность в онлайн- и офлайн-средах [3], инструменты политического менеджмента в цифровой среде. Характерно, что эти работы чаще сосредоточены на отдельных аудиториях или на описании самих форматов, тогда как вопрос об измерении электоральной отдачи цифровой кампании остаётся общим и наименее разработанным.

В итоге складывается общий пробел. Показатели, взятые из интернет-маркетинга, – охват, вовлечённость, прирост аудитории – переносят на политические кампании без проверки, годятся ли они для политического результата. Успех кампании фиксируют в цифрах внимания, а вопрос, превращается ли это внимание в поддержку на выборах, обходят стороной. Настоящая статья обращена именно к этому пробелу: её предмет – не описание очередных цифровых форматов, а способ правильно поставить и оценить вопрос об их эффективности.

Аудитория социальных сетей и электорат: два несовпадающих множества

Прежде чем говорить об измерении, нужно уточнить, что именно измеряется. Охват – показатель платформы: он считает пользователей, которым был показан материал. Результат выборов – категория избирательного права: он складывается из голосов граждан, обладающих активным избирательным правом и пришедших на участок в конкретном округе. Это два разных множества, и их несовпадение – не помеха измерению, а исходное свойство ситуации.

Первое основание несовпадения – правовые ограничения. Часть аудитории не обладает правом голоса: несовершеннолетние пользователи, иностранные граждане, лица без гражданства. Они видят материал, увеличивают охват, но не могут внести вклад в результат ни при каких условиях. Эта часть внимания теряется ещё до начала всякой цепочки, и её размер по данным платформ, как правило, неизвестен.

Второе – территориальная привязка голосования. Охват в социальных сетях не имеет границ или имеет их лишь приблизительно: материал расходится по стране и за её пределы независимо от того, где нарезаны избирательные округа. Голосование же строго территориально. В результате часть охвата приходится на людей, чьи голоса физически не могут достаться данному кандидату или списку в данном округе. Общероссийская цифра просмотров и распределение избирателей по территориям – величины, не сводимые друг к другу.

Третье – технический характер показа. «Просмотр» есть событие в статистике платформы, а не факт восприятия. В него попадают автоматическое воспроизведение, контакт длительностью в доли секунды, случайная прокрутка ленты, повторные показы одному человеку, дублирующие и автоматизированные аккаунты, а также накрутки. Поэтому даже та часть охвата, что формально относится к избирателям, включает контакты, не оставившие следа в сознании человека. Охват завышает реальное внимание систематически, а не случайно.

Четвёртое, и наиболее существенное, – алгоритмический отбор. Платформа показывает политический материал не случайной выборке пользователей, а тем, кто с большей вероятностью на него отреагирует, то есть уже предрасположенным к теме или к самой партии. Охват, таким образом, представляет собой смещённую выборку: он концентрируется на аудитории, чьё мнение и без того ближе всего к позиции отправителя. Отсюда следует важное для дальнейшего: рост охвата может означать не расширение поддержки, а более плотную работу с уже сочувствующими.

Наконец, даже полное совпадение множеств не сняло бы вопроса. Между обладанием правом голоса и голосом лежит явка: избиратель должен дойти до участка. Этот шаг не зависит от охвата напрямую и определяется совсем другими обстоятельствами – привычкой участия, доверием к институтам, организацией самой кампании.

Из сказанного следует вывод, задающий рамку всей статьи. Охват и результат принадлежат разным системам счёта: первый – метрика платформы, второй – категория избирательного процесса. Их несовпадение структурно и не устраняется ни ростом бюджета, ни улучшением контента. Поэтому вопрос об эффективности цифровой кампании не может быть решён сопоставлением этих величин напрямую – и требует иной постановки.

Почему нельзя прямо измерить, как охват превращается в голоса

Трудность здесь не в том, что не хватает данных, – её нельзя устранить ни большей выборкой, ни доступом к внутренней статистике платформ. Проблема в самом устройстве вопроса. Нас интересует, повлиял ли контакт с сообщением на выбор конкретного человека на выборах, – а именно это и невозможно увидеть. Три причины делают такую проверку невыполнимой.

Первая – тайна голосования. Мы никогда не узнаём, проголосовал ли за партию тот пользователь, который видел её контент: бюллетень анонимен и не связан с тем, что человек смотрел в сети. У цепочки «увидел – проголосовал» просто нет последнего, наблюдаемого звена. Общие итоги выборов – явка и проценты партий по регионам – известны, но это сумма по многим людям, а не искомая связь для отдельного человека.

Вторая – нельзя судить о людях по данным о регионах. Казалось бы, можно сравнить охват в регионе с результатом партии там же. Но вывод о поведении отдельных людей из данных по территориям в общем случае неверен и может даже оказаться противоположным – эту ошибку в социологии описал У. Робинсон [10]. Совпадение высокого охвата и высокого результата в регионе может объясняться не влиянием охвата, а чем-то третьим: например, тем, что в регионе много городского населения и хорошее проникновение интернета. При этом те, кто видел контент, и те, кто проголосовал, могут быть разными людьми.

Третья – причина и следствие меняются местами. Допустим даже, что есть опрос, где люди сами сообщают и о контакте с контентом, и о своём голосовании. Но контакт возникает не случайно, и здесь снова сказывается алгоритмический отбор: политически заинтересованный пользователь и чаще видит политический контент, и чаще голосует. Тогда связь между просмотром и голосованием отражает общий интерес к политике, а не влияние самого контента; вдобавок уже сложившаяся симпатия к партии одновременно ведёт и к подписке на её ресурсы, и к голосованию за неё. Отделить влияние контента от этого смешения на обычных данных невозможно. К тому же в опросах люди склонны отвечать «как принято», а обещание проголосовать не всегда переходит в реальный голос.

Всё это не особый пессимизм, а продолжение давно известного в науке вывода о «минимальных эффектах»: медиа в кампании скорее укрепляют уже имеющиеся предпочтения, чем создают выбор заново. Значит, исследование, которое обещает доказать превращение охвата в голоса, ставит перед собой невыполнимую задачу. Признать это – не тупик, а условие того, чтобы поставить вопрос правильно.

Разрыв между охватом и результатом как предмет изучения

Если нельзя ответить на вопрос «сколько голосов даёт охват», можно поставить другой, на который ответить можно: при каких условиях большой охват не приносит результата на выборах? Тогда предметом изучения становится не превращение охвата в голоса, а сам разрыв между вниманием и действием – устойчивое расхождение между размером охваченной аудитории и размером реальной поддержки.

Прежде всего нужно развести два понятия, которые на практике постоянно смешивают. Охват – это мера внимания: сколько раз материал показали и увидели. Результат – это мера поведения: голосование, а в широком смысле участие. Между ними лежит цепочка промежуточных шагов: человек узнал о партии, заинтересовался, проникся доверием, решил её поддержать, дошёл до участка. На каждом шаге часть аудитории теряется. Разрыв – это и есть расстояние между вниманием и действием, и именно его устройство важно понять.

Помимо несовпадения множеств, описанного выше, потери возникают и внутри самой цепочки, и тоже закономерно. Во-первых, формат: развлекательный материал хорошо привлекает внимание, но плохо превращается в политическое действие – запоминается образ, а не устойчивая позиция. Во-вторых, качество контакта: короткий и поверхностный просмотр не создаёт ни знания о позиции партии, ни отношения к ней. В-третьих, слабая партийная привязанность значительной части сетевой аудитории: интерес к контенту возникает легко, но устойчивого предпочтения за ним, как правило, не стоит. В-четвёртых, зависимость от платформ: охват создают алгоритмы, он неустойчив и слабо управляем, а достигнутое внимание не становится

собственным, надёжным ресурсом партии – при изменении правил площадки оно исчезает.

Отсюда вывод: расхождение охвата и результата – не признак неудачи отдельной кампании, а свойство самой цифровой агитации. И в этом польза нового взгляда: неразрешимый вопрос о доказательстве превращения охвата в голоса заменяется разрешимым – где именно и почему теряется результат и насколько велик разрыв. В отличие от «превращения», разрыв можно увидеть: его можно разложить по звеньям цепочки и оценить по открытым данным. Новизна подхода именно в этом переносе внимания – с недоказуемого превращения на измеримый разрыв.

Как оценивать разрыв: воронка и показатель конверсии

Оценка разрыва строится на простой мысли: раз последний шаг – превращение намерения в реальный голос – увидеть нельзя, надо измерять предыдущие шаги, которые увидеть можно, и честно обозначить границу измеримого. Для этого работу с аудиторией удобно представить как воронку – последовательность шагов, на каждом из которых аудитория сокращается. Её устройство показано в Таблице 1.

Таблица 1. Уровни воронки, показатели и источники данных

Уровень	Что показывает	Источник данных	О чём говорит потеря на шаге
Охват	Показы, просмотры, подписчики	Открытая статистика платформ и сообществ	Исходная величина: внимание, а не действие
Вовлечённость	Реакции, комментарии, репосты, вступления в сообщества	Открытая статистика платформ	Потеря указывает на неподходящий формат или поверхностный контакт
Отношение	Узнаваемость партии, доверие, симпатия	Опросы (ВЦИОМ, ФОМ)	Потеря указывает на несовпадение аудитории или деполитизированный контент
Намерение	Готовность голосовать за партию, рейтинг	Опросы (ВЦИОМ, ФОМ)	Потеря указывает на то, что внимание не переходит в предпочтение
Голос	Результат партии, явка	Данные ЦИК	Потеря указывает на провал мобилизации; для отдельного человека шаг ненаблюдаем

Первые четыре уровня можно измерить прямо или по опросам; пятый известен лишь в сумме, а последний переход – от намерения к голосу – увидеть у отдельного человека нельзя, и он остаётся честно обозначенным «чёрным ящиком», ограниченным сверху данными о явке.

Между уровнями считается доля перешедших дальше: от охвата – к вовлечённости, от вовлечённости – к отношению, от отношения – к намерению. Именно эти доли, а не сам по себе охват, говорят об эффективности. Их сравнение показывает, где теряется результат: большой охват при малой вовлечённости указывает на проблему формата; хорошая вовлечённость при слабом росте доверия – на несовпадение аудитории; высокое намерение при скромном итоге – на провал явки и мобилизации. Так общий и туманный вопрос «работает ли цифровая кампания» распадается на понятные вопросы о том, на каком именно шаге теряется отдача.

На основе этих долей можно построить сводный показатель конверсии – простую оценку того, насколько кампания проводит аудиторию по воронке от внимания к намерению. В простом виде это произведение долей на переходах: доля вовлечённости от охвата, умноженная на долю перешедших к устойчивому отношению, а затем к намерению. Такой показатель проверяется на открытых данных: если по нему партии выстраиваются в тот же порядок, что и по реальному результату, – причём точнее, чем по одному охвату, – значит, он работает. Показатель не доказывает влияния контента, но позволяет сравнивать кампании и видеть, где именно возникает разрыв.

Границы подхода надо назвать прямо. Опросы неточны и опираются на слова людей о себе; показатели платформ завышают реальное внимание; последний шаг воронки для отдельного человека остаётся невидимым. Но в этом и смысл нового взгляда: показатель измеряет не то, что измерить нельзя, а то, что измерить можно и что важно на практике, – величину разрыва и место, где он возникает. Разработка и проверка такого показателя на реальных данных – естественная задача для дальнейшего, диссертационного исследования.

Практическое значение

Предложенный взгляд полезен сразу в двух отношениях. Для партий он даёт трезвую оценку собственной цифровой работы: не «сколько просмотров мы собрали», а «на каком шаге теряется отдача» – и, значит, что менять: формат, аудиторию или мобилизацию. Оценка по воронке удерживает от типичной ошибки – принимать большой охват за успех и вкладываться во внимание вместо результата. Понимание того, что охват есть смещённая выборка, дополнительно предостерегает от подмены расширения поддержки более плотной работой с уже сочувствующими.

Для органов, отвечающих за информационную политику и работу с обществом, тот же подход помогает отличать показную активность в сети от реального вовлечения граждан и оценивать программы по их отдаче, а не по охвату. Наконец, честное обозначение границ измеримого защищает от завышенных обещаний: подход не берётся доказать то, что доказать нельзя, а предлагает измерять то, что действительно поддаётся оценке.

Заключение

Подведём итоги. Эффективность цифровых кампаний политических партий нельзя измерять охватом. Причина не только в том, что охват показывает внимание, а не действие, но и в том, что аудитория социальных сетей и электорат – два разных множества: первое считает платформа, второе производит результат. Их несовпадение структурно и объясняется правовыми ограничениями, территориальным характером голосования, техническим характером показа и алгоритмическим отбором аудитории.

Прямо доказать, что охват превращается в голоса, невозможно: мешают тайна голосования, невозможность судить о людях по данным о регионах и смешение причины и следствия в поведении аудитории. Признать эти пределы – значит поставить вопрос правильно. Предлагаемое решение – изучать не превращение охвата в голоса, а сам разрыв между ними. Разрыв же, в свою очередь, очевиден: помимо несовпадения множеств, его создают неподходящий формат, поверхностный характер контакта, слабая партийная привязанность сетевой аудитории и зависимость от платформ.

Литература

1. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Изд-во Московского университета, 2015. – 272 с.
2. Грачёв М.Н. Микро– и макроуровневые теории политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2012. – С. 58–77.
3. Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодёжи в современной России: особенности проявления в онлайн– и офлайн-средах // Власть. – 2020. – № 2. – С. 51–57.
4. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 591 с.
5. Соловьёв А.И. Политология: политическая теория, политические технологии: учебник. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 559 с.
6. Сморгунов Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 13–36.
7. Bordewijk J. L., van Kaam B. Towards a New Classification of Tele-Information Services // Intermedia. – 1986. – Vol. 14, № 1. – P. 16–21.
8. Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. – New York: Columbia University Press, 1944. – 178 p.
9. McCombs M. E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36, № 2. – P. 176–187.
10. Robinson W.S. Ecological Correlations and the Behavior of Individuals // American Sociological Review. – 1950. – Vol. 15, № 3. – P. 351–357.

THE SOCIAL MEDIA AUDIENCE AND THE ELECTORATE: THE PROBLEM OF ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF POLITICAL PARTIES' DIGITAL CAMPAIGNS

Kopylov S.A., Karpov V.A.
LDPR Youth Organization, Youth Parliament, communications agency «Factory of meanings»

The article poses the problem of assessing the effectiveness of political parties' digital campaigns. It shows that the common way of assessing it – by media reach – does not reflect the political outcome, since the social media audience and the electorate are two non-coinciding sets: reach counts platform users, whereas the outcome is produced by voters. The divergence of these sets is structural and stems from legal restrictions, the

territorial nature of voting, the technical character of an impression, and the algorithmic selection of the audience. The paper explains why a direct test of how reach turns into votes is impossible: this is prevented by ballot secrecy, the impossibility of judging individual behaviour from territorial data, and the confusion of cause and effect in audience behaviour. It proposes to treat the gap between reach and outcome as the object of study and to assess it through observable stages – from reach to engagement, attitude, and voting intention – on the basis of publicly available data (VCIOM, FOM, the Central Election Commission). The study is theoretical and methodological.

Keywords: political technologies, political communication, social media, electoral behavior, media reach, effectiveness.

References

1. Volodenkov S.V. Internet Communications in the Global Space of Contemporary Political Management. Moscow: Moscow University Press, 2015. 272 p.

2. Grachev M.N. Micro– and Macro-Level Theories of Political Communication // Political Communication Studies: Theory, Methodology

and Practice / edited by L.N. Timofeeva. Moscow: Russian Academy of Political Sciences: ROSSPEN, 2012. pp. 58–77.

3. Dombrovskaya A. Yu. Youth Civic Activism in Contemporary Russia: Features of Manifestation in Online and Offline Environments // Vlast. Moscow: Moscow University Press, 2020. no. 2. pp. 51–57.

4. Castells M. The Power of Communication / translated from English. 4th ed.

Moscow: Vlast. House of the Higher School of Economics, 2023. – 591 p.

5. Soloviev A.I. Political Science: Political Theory, Political Technologies: A Textbook. – Moscow: Aspekt Press, 2006. – 559 p.

6. Smorgunov L.V. Digitalization and Network Efficiency of State Governance // Political Science. – 2021. – No. 3. —

P. 13–36.

7. Bordewijk J.L., van Kaam B. Towards a New Classification of Tele-Information Services // Intermedia. – 1986. – Vol. 14, No. 1. – P. 16–21.

8. Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How

the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. – New York: Columbia University Press, 1944. – 178 p.

9. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36, No. 2. – P. 176–187.

10. Robinson W.S. Ecological Correlations and the Behavior of Individuals // American Sociological Review. – 1950. – Vol. 15, No. 3. – P. 351–357.

Расширение секторальной модели копенгагенской школы: информационный и культурно-цивилизационный секторы секьюритизации в российском политическом контексте

Моисеенко Егор Сергеевич,
аспирант кафедры политических процессов
и технологий Университета мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского

Статья посвящена теоретическому обоснованию расширения секторальной модели копенгагенской школы исследований безопасности применительно к современному российскому политическому контексту. Классическая пятисекторная схема Б. Бузана, О. Вейвера и Я. де Вильде (военный, политический, экономический, социетальный и экологический секторы), разработанная преимущественно на европейском эмпирическом материале, демонстрирует ограниченную аналитическую применимость к политическим системам, в которых секьюритизация носит институционализированный характер и опирается на доктринально закреплённые категории. На основе систематизации линий критики копенгагенской школы (парижская школа, «второе поколение» теории секьюритизации) и анализа российской доктринально-нормативной базы автор обосновывает выделение двух дополнительных секторов – информационного и культурно-цивилизационного. Методологическая правомерность расширения аргументируется через принципы «ядерной верности» (сохранение речевого акта как концептуального ядра теории), «избирательного синтеза» и «эмпирической ответственности», что позволяет квалифицировать авторскую модель как прогрессивный сдвиг исследовательской программы, а не её эклектичную ревизию. Показано, что доктринальная эволюция российской системы обеспечения национальной безопасности, закрепившей защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в качестве стратегического национального приоритета, – эмпирически подтверждает обоснованность семисекторной модели. Особое внимание уделено критериям аналитической разграничимости новых секторов и классического социетального сектора: специфике референтных объектов, составу секьюритизирующих акторов и характеру экстраординарных мер. Делается вывод о более высокой дескриптивной и объяснительной способности семисекторной модели применительно к незападным политическим контекстам и о её потенциале как основы для сравнительных и прикладных исследований секьюритизации.

Ключевые слова: секьюритизация; копенгагенская школа; национальная безопасность; секторальная модель; информационная безопасность; культурно-цивилизационная безопасность; речевой акт; референтный объект; Стратегия национальной безопасности; традиционные ценности.

Копенгагенская школа исследований безопасности сформировалась на рубеже 1980–1990-х годов как ответ на концептуальный кризис традиционных, военно-центричных подходов к безопасности, обнаружившийся по мере завершения холодной войны. Программная работа Б. Бузана «People, States and Fear» [1] заложила основу для расширительной трактовки безопасности, а коллективная монография Б. Бузана, О. Вейвера и Я. де Вильде «Security: A New Framework for Analysis» [2] придала этому расширению операциональную форму, предложив два взаимосвязанных аналитических инструмента: концепцию секьюритизации как речевого акта и секторальную модель безопасности.

Логика секторального членения у авторов копенгагенской школы носила не онтологический, а аналитический характер: секторы понимались как «линзы», выделяющие специфические типы взаимодействий – силовые (военный сектор), властно-легитимационные (политический), обменные (экономический), идентичностные (социетальный) и средовые (экологический). Каждому сектору соответствует особая конфигурация трёх ключевых элементов теории: референтного объекта, секьюритизирующего актора и характера экзистенциальной угрозы. Именно эта связка – а не перечень секторов сам по себе – образует концептуальное ядро исследовательской программы. Существенно, что уже сами создатели модели подчёркивали её открытый характер: пятисекторная схема фиксировала эмпирически наблюдаемую на тот момент структуру дискурсов безопасности, но не претендовала на исчерпывающую классификацию, что создаёт возможность для её последующей достройки.

Вместе с тем контекстуальная обусловленность классической модели очевидна. Она разрабатывалась преимущественно на европейском эмпирическом материале конца 1980-х – 1990-х годов: динамика европейской интеграции, миграционные вызовы идентичности западноевропейских обществ, экологическая повестка постиндустриальных демократий. Отсюда – имплицитные допущения модели, редко проблематизируемые её создателями: наличие конкурентной публичной сферы, в которой секьюритизирующий речевой акт может быть оспорен; относительная автономия аудитории, «свободно» принимающей или отвергающей секьюритизирующий ход; понимание секьюритизации как исключения, отклонения от нормальной политики, подлежащего желательной «десекьюритизации». Применительно к политическим системам, где секьюритизация носит институционализированный, доктринально закреплённый и долгосрочный характер, эти допущения требуют существенной ревизии.

Критическая рецепция копенгагенской школы развернулась по нескольким направлениям. Во-первых, социологическая критика Т. Балзака [3] сместила фокус с иллокутивной «магии» речевого акта на прагматический контекст: успех секьюритизации определяется не формулой высказывания, а диспозицией аудитории, властными ресурсами говорящего и культурным резонансом фрейма угрозы. Во-вторых, Х. Штрицель [4] указал на «встроенную» текстуальность модели, недооценивающую динамику перевода секьюритизирующих смыслов между институциональными площадками. В-третьих, парижская школа (Д. Биго и его коллеги) [5] показала, что секьюритизация осуществляется не только через публичные речевые акты, но и через рутинные бюрократические практики – техники надзора, категоризации, управления рисками, – что особенно значимо для анализа систем с развитым аппаратом безопасности. Наконец, четвёртая линия критики, представленная работами К. Уилкинсон [6] и обобщённая М. Макдональдом [7], зафиксировала европоцентризм модели: перенос схемы на незападные контексты без адаптации ведёт либо к аналитическим искажениям, либо к нормативно нагруженным выводам о «дефектности» изучаемых систем. К этому примыкает проблема «немой безопасности» (Л. Хансен) [8] – неспособность модели улавливать угрозы, не артикулируемые в публичной сфере в силу структурных ограничений самой этой сферы.

Анализ российского политического процесса 2014–2026 годов концентрированно проявляет ограничения классической копенгагенской схемы. Процесс секьюритизации в стране осуществляется преимущественно «сверху», через доктринальные документы стратегического планирования, и приобретает характер не экстраординарного исключения, а устойчивого режима функционирования политической

системы; аудитория выступает не столько верифицирующей инстанцией, сколько объектом целенаправленного воздействия; наконец, значимая часть секьюритизируемых референтных объектов – целостность национального информационного пространства, традиционные духовно-нравственные ценности, историческая память, цивилизационная самобытность – не находит адекватного места в пятисекторной номенклатуре, находясь между политическим и социетальным секторами либо искусственно встраиваясь в последний. Показательно, что аналогичные категории институционализированы и в доктринальных базах ряда других незападных государств, что указывает на неслучайный, структурный характер обнаруженной лакуны.

Таким образом, границы применимости классической секторальной модели проходят там, где заканчиваются её имплицитные контекстуальные допущения. Это ставит исследователя перед выбором из трёх стратегий: отказ от копенгагенской рамки в пользу альтернативных подходов; её механическое применение с неизбежными искажениями; либо теоретически дисциплинированное расширение, сохраняющее концептуальное ядро программы. Обоснованию третьей стратегии – её методологическим принципам и критериям правомерности – посвящёна данная статья.

Расширение сложившейся теоретической модели сопряжено с известным методологическим риском: неконтролируемое умножение секторов способно превратить аналитический инструмент в номенклатуру ad hoc, где каждый новый эмпирический казус порождает новую рубрику. Чтобы избежать этой ловушки, предлагаемая нами модификация опирается на логику развития исследовательских программ И. Лакатоса [13]: модификация периферийного «защитного пояса» теории правомерна при условии сохранения её «жёсткого ядра» и при демонстрации прироста эмпирического содержания. Применительно к копенгагенской школе жёсткое ядро образует связка «секьюритизирующий актор – речевой акт (шире: секьюритизирующая практика) – экзистенциальная угроза – референтный объект – аудитория»; секторальная номенклатура, как было отмечено ранее, принадлежит защитному поясу и открыта для достройки по замыслу самих создателей модели.

Из этой логики выводятся четыре критерия правомерности выделения новых секторов секьюритизации. Во-первых, критерий специфичности референтного объекта: сектор конституируется наличием особого класса референтных объектов, не сводимых к объектам существующих секторов. Во-вторых, критерий особой логики угрозы: характер экзистенциальной угрозы и грамматика её артикуляции должны обладать качественным своеобразием. В-третьих, критерий институциональной верифицируемости: секьюритизация в данном секторе должна быть эмпирически фиксируема в доктринальных документах, институциональных новациях и устойчивых дискурсивных практиках, а не реконструироваться умозрительно. В-четвёртых, критерий нередуцируемости: попытка описать соответствующие процессы средствами имеющихся секторов должна порождать доказуемые аналитические потери. Лишь одновременное выполнение всех четырёх критериев легитимирует достройку модели.

Исходя из данной логики, мы предлагаем дополнить копенгагенскую пятисекторную модель секьюритизации двумя новыми измерениями: информационным и культурно-цивилизационным.

Информационный сектор удовлетворяет обозначенным выше критериям в полной мере. Его референтные объекты – целостность и суверенность национального информационного пространства, устойчивость критической информационной инфраструктуры, когнитивная безопасность массовой аудитории – не покрываются ни военным сектором (информационное противоборство ведётся и вне вооружённого конфликта, его субъектами выступают невоенные акторы), ни политическим (угроза адресована не легитимности институтов как таковой, а инфраструктуре смыслообразования). Логика угрозы здесь специфична: она описывается в категориях «информационного воздействия», «деструктивного контента», «технологической зависимости». Прецедент подобной достройки уже существует в самой копенгагенской традиции: Л. Хансен и Х. Ниссенбаум обосновали выделение сектора кибербезопасности, продемонстрировав его особую «грамматику» секьюритизации [13]; предлагаемый информационный сектор шире кибернетического, поскольку охватывает не только техническую, но и контентно-когнитивную составляющую. Институциональная верифицируемость обеспечивается доктринальным массивом – вопросы информационной безопасности зафиксированы как в Доктрине информационной безопасности 2016 г. [10], так и в профильных разделах Стратегии национальной безопасности 2021 г. [9].

Сложнее обстоит дело с культурно-цивилизационным сектором, поскольку ближайший к нему социетальный сектор классической модели также оперирует категорией идентичности. Однако различия между ними принципиальны и проходят по всем четырём критериям. Референтный объект социетального сектора согласно описанию О. Вейвера – идентичность общества, защищающего себя, в пределе, вопреки государству; референтный объект культурно-цивилизационной секьюритизации в российском случае – цивилизационная самобытность, традиционные духовно-нравственные ценности и историческая память как объекты, конституируемые и охраняемые прежде всего государством в кооперации с негосударственными акторами. Меняется и логика угрозы: место миграционного «размывания» идентичности занимает угроза ценностной экспансии, «фальсификации истории», утраты цивилизационной субъектности. Институциональная верификация закрепляется в таких доктринальных документах, как Основы государственной политики по сохранению традиционных ценностей 2022 г. [11]. Наконец, редукция этих процессов к социетальному сектору порождала бы систематическое искажение: модель, заточенная под «общество против государства», не различает конфигурацию «государство и общество против внешнего цивилизационного давления». Показательно, что применимость теории секьюритизации к незападным политическим контекстам при условии её адаптации была продемонстрирована Ю. Вуори на материале КНР [14], что подтверждает принципиальную переносимость подхода.

Второе направление модификации – расширение типологии секьюритизирующих акторов. Классическая модель, формально допуская роль негосударственных акторов в процессе секьюритизации, фактически концентрировалась на политических элитах. Предлагаемая модель вводит различение первичных акторов (институты государства, обладающие полномочиями санкционировать экстраординарные меры) и вторичных, или амплифицирующих, акторов таких как политические партии, средства массовой информации, экспертные сообщества и религиозные институты – которые не санкционируют чрезвычайные меры, но выполняют функции легитимации, трансляции, дискурсивной разработки и «дообоснования» секьюритизирующих ходов. Тем самым преодолевается и отмеченный Х. Штрицелем [4] дефицит внимания к межплощадочному «переводу» секьюритизирующих смыслов: вторичные акторы и есть институциональные узлы такого перевода. Центральная гипотеза исследования состоит в том, что роль вторичных акторов в российском политическом процессе существенна и возрастает: устойчивость секьюритизационного режима обеспечивается не единичными речевыми актами власти, а распределённой сетью взаимоусиливающих дискурсивных практик.

Настоящее рассуждение позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, подтверждается применимость аналитического аппарата копенгагенской школы к российскому современному политическому контексту– при условии его модификации, не затрагивающей концептуального ядра теории. Связка «актор – секьюритизирующая практика – экзистенциальная угроза – референтный объект – аудитория» сохраняет объяснительную силу; коррекции требует лишь периферия исследовательской программы – секторальная номенклатура и типология акторов, изначально калиброванные под западноевропейский политический контекст.

Во-вторых, обоснована и эмпирически апробирована семисекторная модель секьюритизации. Выделение информационного и культурно-цивилизационного секторов удовлетворяет всем четырём сформулированным критериям правомерности достройки – специфичности референтного объекта, особой логики угрозы, институциональной верифицируемости и нередуцируемости – и обеспечивает прирост эмпирического содержания: именно два новых сектора продемонстрировали в исследуемый период наибольшую доктринальную и институциональную динамику, оставаясь при этом «слепой зоной» классической пятисекторной схемы.

В-третьих, введённое различение первичных и вторичных (амплифицирующих) акторов секьюритизации позволило зафиксировать закономерность, недоступную моделям, сконцентрированным на государстве: вес негосударственных акторов монотонно возрастает по мере движения от военно-политического к культурно-цивилизационному сектору – от функций легитимации и трансляции до дискурсивного донорства, при котором сама грамматика угрозы формируется вне государственных институтов при сохранении за государством монополии на санкционирование экстраординарных мер. Тем самым центральная гипотеза исследования – о существенной и возрастающей роли негосударственных акторов секьюритизации – находит подтверждение, причём в культурно-цивилизационном секторе в её сильной версии.

В-четвёртых, установлен кросс-секторальный кумулятивный характер российской секьюритизации: секьюритизирующие ходы в отдельных секторах не изолированы, а образуют взаимоподдерживающую конфигурацию, в которой успешная секьюритизация в одном секторе служит ресурсом легитимации в других. Это позволяет характе-

ризовать сложившийся в исследуемый период порядок как целостный секьюритизационный режим, устойчивость которого обеспечивается распределённой сетью практик, а не единичными речевыми актами.

Теоретическая значимость предложенной модификации состоит в демонстрации того, что развитие теории секьюритизации возможно не путём отказа от копенгагенской программы, а путём её конструктивной критики и дисциплинированной достройки изнутри. Практическая значимость определяется тем, что семисекторная модель с двухуровневой типологией акторов образует каркас для систематического анализа политики национальной безопасности современной России. В дальнейших исследованиях я планирую «приземлить» данную модель в качестве прикладного инструмента, позволяющего определять характер оценки угроз национальной безопасности российским обществом.

Литература

1. Buzan, B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / B. Buzan. – 2nd ed. – Boulder: Lynne Rienner, 1991. – 393 p.
2. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder; London: Lynne Rienner, 1998. – 239 p.
3. Balzacq, T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context / T. Balzacq // European Journal of International Relations. – 2005. – Vol. 11, № 2. – P. 171–201.
4. Stritzel, H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond / H. Stritzel // European Journal of International Relations. – 2007. – Vol. 13, № 3. – P. 357–383.
5. Bigo, D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease / D. Bigo // Alternatives: Global, Local, Political. – 2002. – Vol. 27, Special Issue. – P. 63–92.
6. Wilkinson, C. The Copenhagen School on Tour in Kyrgyzstan: Is Securitization Theory Useable Outside Europe? / C. Wilkinson // Security Dialogue. – 2007. – Vol. 38, № 1. – P. 5–25.
7. McDonald, M. Securitization and the Construction of Security / M. McDonald // European Journal of International Relations. – 2008. – Vol. 14, № 4. – P. 563–587.
8. Hansen, L. The Little Mermaid's Silent Security Dilemma and the Absence of Gender in the Copenhagen School / L. Hansen // Millennium: Journal of International Studies. – 2000. – Vol. 29, № 2. – P. 285–306.
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
10. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
11. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
12. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос; пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. – Москва: Академический проект; Трикста, 2008. – 475 с.
13. Hansen, L. Digital Disaster, Cyber Security, and the Copenhagen School / L. Hansen, H. Nissenbaum // International Studies Quarterly. – 2009. – Vol. 53, № 4. – P. 1155–1175.
14. Vuori, J.A. Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders / J.A. Vuori // European Journal of International Relations. – 2008. – Vol. 14, № 1. – P. 65–9

EXPANDING THE COPENHAGEN SCHOOL'S SECTORAL MODEL: INFORMATION AND CULTURAL-CIVILIZATIONAL SECTORS OF SECURITIZATION IN THE RUSSIAN POLITICAL CONTEXT

Moiseenko E.S.
Zhirinovsky University of World Civilizations

An article provides a theoretical justification for expanding the sectoral model of the Copenhagen School of Security Studies to the contemporary Russian political context. The classic five-sector framework of B. Buzan, O.Wæver, and J. de Wilde (military, political, economic, societal, and environmental sectors), developed primarily based on European empirical material, demonstrates limited analytical applicability to political systems in which securitization is institutionalized and relies on doctrinally enshrined categories. Inspired by critics of the Copenhagen School (the Paris School, the "second generation" of securitization theory) and an analysis of the Russian doctrinal and normative framework, the author substantiates the identification of two additional sectors: informational and civilizational. The methodological validity of this expansion is argued through the principles of "core fidelity" (preserving the speech act as the conceptual core of the theory), "selective synthesis," and "empirical responsibility," which allows the author's model to be qualified as a progressive shift in the research program rather than an eclectic revision. It is shown that the doctrinal evolution of the Russian national security system, which has enshrined the protection of traditional spiritual and moral values, culture, and historical memory as a strategic national priority, empirically confirms the validity of the new seven-sector model. Particular attention is paid to the criteria for analytically distinguishing between the new sectors and the classical societal sector: the specificity of the reference objects, the composition of securitizing actors, and the nature of extraordinary measures. A conclusion is drawn about the higher descriptive and explanatory power of the seven-sector model when applied to non-Western political contexts and its potential as a basis for comparative and applied research on securitization.

Keywords: Securitization; Copenhagen School; national security; sectoral model; information security; cultural and civilizational security; speech act; reference object; National Security Strategy of the Russian Federation; traditional values.

References

1. Buzan, B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / B. Buzan. – 2nd ed. – Boulder: Lynne Rienner, 1991. – 393 p.
2. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder; London: Lynne Rienner, 1998. – 239 p.
3. Balzacq, T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context / T. Balzacq // European Journal of International Relations. – 2005. – Vol. 11, № 2. – P. 171–201.
4. Stritzel, H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond / H. Stritzel // European Journal of International Relations. – 2007. – Vol. 13, № 3. – P. 357–383.
5. Bigo, D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease / D. Bigo // Alternatives: Global, Local, Political. – 2002. – Vol. 27, Special Issue. – P. 63–92.
6. Wilkinson, C. The Copenhagen School on Tour in Kyrgyzstan: Is Securitization Theory Useable Outside Europe? / C. Wilkinson // Security Dialogue. – 2007. – Vol. 38, № 1. – P. 5–25.
7. McDonald, M. Securitization and the Construction of Security / M. McDonald // European Journal of International Relations. – 2008. – Vol. 14, № 4. – P. 563–587.
8. Hansen, L. The Little Mermaid's Silent Security Dilemma and the Absence of Gender in the Copenhagen School / L. Hansen // Millennium: Journal of International Studies. – 2000. – Vol. 29, № 2. – P. 285–306.
9. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation.
10. On approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 50. – Art. 7074.
11. On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 46. – Art. 7977.
12. Lakatos, I. Selected Works on the Philosophy and Methodology of Science / I. Lakatos; translated from English by I.N. Veselovsky, A.L. Nikiforov, V.N. Porus. – Moscow: Academichesky proekt; Triksta, 2008. – 475 p.
13. Hansen, L. Digital Disaster, Cyber Security, and the Copenhagen School / L. Hansen, H. Nissenbaum // International Studies Quarterly. – 2009. – Vol. 53, № 4. – P. 1155–1175.
14. Vuori, J.A. Illocutionary Logic and Strands of Securitization: Applying the Theory of Securitization to the Study of Non-Democratic Political Orders / J.A. Vuori // European Journal of International Relations. – 2008. – Vol. 14, № 1. – P. 65–9

Тренды электоральной повестки как ответ на запрос избирателя, формирующий электоральные предпочтения

Морозова Инна Васильевна,
аспирант, департамент по правовым вопросам, АНО ВО «Гуманитарный университет»; главный юрист, ООО «Бантер Групп»
E-mail: inna-pozd12@mail.ru

Статья посвящена анализу структурных трендов электоральной повестки политических партий России в межэлекторальный период 2021–2026 гг. как адаптивного ответа на многофакторный запрос избирателя в условиях трансформации политико-правовой среды, внешнеполитических сдвигов и цифровизации общественных процессов. Цель исследования – выявить ключевые тематические кластеры программных документов парламентских партий, оценить их динамику относительно предыдущей избирательной кампании и соотнести с глобальными электоральными практиками. В результате выделены приоритетные блоки повестки: национальная безопасность и суверенитет, адресная социальная поддержка, технологический суверенитет и экономическая стабильность, а также новые акценты (цифровизация, статус самозанятых, экология, поддержка АПК). Показано, что электоральная повестка приобрела гибкий, прагматичный характер, сместившись в сторону точечных решений при сохранении культурно-идентичностной специфики. Результаты исследования могут быть использованы в политологических и социологических исследованиях электорального поведения, а также при прогнозировании динамики избирательных кампаний и оптимизации механизмов политического участия.

Ключевые слова: Электоральная повестка, политические партии, избирательный процесс, контент-анализ программ, трансформация политико-правовой среды, электоральные предпочтения, мировые избирательные тренды, межэлекторальный период.

Трансформация политико-правовой среды в России за последнее десятилетие характеризуется усилением институционализации избирательного процесса, адаптации законодательства к технологическим, экономическим и цифровым вызовам, влиянию искусственного интеллекта, а также расширением механизмов защиты избирательных прав.

В сложившихся условиях научная проблема анализа электоральных предпочтений смещается от моделей, сфокусированных исключительно, например, на экономических расчётах или медийном воздействии, к интегрирующим подходам.

При этом стоит учитывать, что формирование электоральных предпочтений не происходит стихийно, а основано на многих мультифакторных составляющих, включая социальные, экономические, географические, психологические, правовые и политические аспекты влияния. Зеркалом таких предпочтений являются официальные программы политических партий, которые фактически являются ответом на запрос избирателя.

Рассмотрение трендов электоральной повестки последнего пятилетия (в преддверии электоральной кампании сентября 2026 г.) может дать ответ на вопрос как политические партии чувствуют запрос избирателя и на чем могут быть основаны электоральные предпочтения граждан.

Выборы депутатов Государственной Думы РФ проходят по пятилетнему циклу, предыдущий завершился в 2021 г., следующий завершится в сентябре 2026 г. В межэлекторальный период политические партии регулярно актуализируют официальные программы, выступают с заявлениями и инициативами, реагируя на изменяющиеся социально-экономические условия и политическую повестку, вносят изменения в стратегические документы и резолюции съездов, отражающих их позиции на предстоящую электоральную кампанию и текущую политическую обстановку.

Данный межэлекторальный период можно охарактеризовать существенной трансформацией внешнеполитической повестки, реакцией на экономические ограничения, перестройкой торговых и логистических цепочек, а также усилением роли государства как гаранта обеспечения безопасности, прав и свобод граждан.

В этих условиях, программы партий становятся не только инструментом конкуренции, но и отражением наиболее острых проблем населения, решение которых может стать ключевым при осуществлении выбора.

В связи с изложенным, целью настоящего исследования является выявление структурных трендов электоральной повестки как ответа на запрос избирателя. Для достижения поставленной цели следует рассмотреть не только текущие программы и предложения политических партий, но и динамику их акцентов в сравнении с предыдущей избирательной кампанией, а также с мировой повесткой.

Исследование преимущественно опирается на метод контент-анализа и сравнительного анализа. За основу взяты официально опубликованные программы, предложения и резолюции съездов, форумов пяти политических партий: «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР», «Справедливая Россия», «Новые люди», в процессе исследования выделены тематические кластеры, соответствующие электоральной повестке, и проводится оценка причин возникновения такой повестки (с точки зрения отклика избирателя).

Если опираться на политические программы партий, то можно выделить несколько тематических блоков по острым проблемам современных граждан. Это вопросы безопасности и суверенитета; социальное обеспечение; экономическая стабильность; технологические достижения, культура и искусство.

Нельзя не отметить усиление позиций партий по приоритету национальной безопасности и суверенитета. Такая повестка довольно очевидна в текущей внешнеполитической ситуации и экономических ограничениях. Безопасность человека и личности является базовой потребностью и при отсутствии международных разногласий, однако, в условиях внешнеполитической нестабильности многократно усиливается. Программы подчеркивают необходимость укрепления обороноспособности, а также развитие военно-промышленного комплекса.

Так, например, в программе «Единой России» утверждено, что «Партия последовательно отстаивает основные принципы российской

внешней политики: обеспечение национальных интересов и суверенитета России, укрепление мира на планете, формирование всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой, устойчивой системы международных отношений» [5].

Отдельно стоит выделить усиление социальной поддержки военнослужащих, участвующих в специальной военной операции, а также членов их семей. Это является откликом политических партий на необходимость обеспечения надлежащих условий жизни и реабилитации военнослужащих. В резолюции XV Съезда Социалистической политической партии «Справедливая Россия» указано, что «Особое внимание партия уделяет поддержке защитников Отечества. По нашей инициативе участники Специальной военной операции освобождены от уплаты НДФЛ. Для мобилизованных граждан введены кредитные каникулы. Дети фронтовиков получили льготы при поступлении в вузы» [6].

Второй и очень объемный тематический блок политических программ социальная поддержка и демографическая политика. В сложных внешнеполитических, экономических и технологических реалиях, человек хочет быть не только в «физической безопасности», но и обеспечить себе достойный быт и комфортное существование.

Социальный блок остается ядром электоральной повестки. Данный тематический блок включает в себя разрешение многих социальных вопросов и гарантий, например: глубокая и точечная поддержка молодых семей, материнства и детства, индексация пенсий, развитие доступного жилья, повышение уровня образования, улучшение качества здравоохранения и др. Риторика смещается от «социальных обстоятельств» к «социальной справедливости как основе стабильности».

Так, например, на XXXVII Съезде ЛДПР одними из важнейших направлений деятельности партии обозначены: поддержка участников СВО; решение демографических проблем; поддержка молодёжи по всей стране; сохранение русского человека и защита Русского мира [4].

В последнем опубликованном варианте программы партии «Справедливая Россия» среди направлений социальной поддержки обозначено: борьба с бедностью и преодоление социального неравенства, обеспечение достойных прав работающего класса, гарантированная социальная защита и широкие меры поддержки всех участников специальной военной операции и их семей, сбережение и рост численности народонаселения [6].

Третьим блоком можно обозначить обеспечение экономической стабильности. Отходя от идеологий партий, именно темы экономической стабильности относительно близки по прагматичному компромиссу. Акцент сделан на поддержке российского производителя, особенно по критически необходимым перечням продукции, развитии инфраструктуры, повсеместной цифровизации, усилению стабильности экономических показателей, развитию конкуренции, при этом, в большей степени партии избегают радикальных предложений и ориентируются на более адаптивные модели в условиях макроэкономической ситуации.

Так, народная программа «Единой России» провозглашает: «Наша задача – содействовать структурной трансформации экономики с акцентом на технологический суверенитет, обеспечить лидерство России на ключевых направлениях современного технологического, инновационного и индустриального развития» [5].

Указанные тематические блоки довольно базовые, и в целом, отвечают потребностям электората в физической, экономической, социальной и политической безопасности. Очевидно, что основа программ построена именно на таких запросах избирателя.

Однако, стоит отметить и некоторые иные критические актуальные темы, которые затронуты партиями, особенно в последнее время: экологическая повестка, миграционная политика, влияние искусственного интеллекта, поддержка стартапов, развитие агропромышленного комплекса и агротуризма, стабилизация и смягчение ограничений связи, поддержка востребованных специалистов и обеспечение получения необходимого образования.

Например, политическая партия «Новые люди» предлагает внедрение ИИ-судов в систему правосудия, а также признание дохода самозанятых и фрилансеров банками и госорганами наравне с зарплатой [9].

Политическая партия «Единая Россия» планирует дополнить народную программу мерами поддержки АПК и агротуризма, а также предложены меры развития сельских территорий и по развитию сельской инфраструктуры для молодых профессионалов [2].

Политическая партия КПРФ выступила против принятия законопроекта об увеличении лимита сверхурочной работы [8].

Политическая партия «Справедливая Россия» выступила за сохранение охраняемых природных территорий и против принятого в первом чтении законопроекта о возможном изменении границ таких территорий [7].

Политическая партия ЛДПР инициирует запуск цифровой платформы по трудоустройству и социальной адаптации демобилизованных, а также планирует изменить свою кадровую стратегию, и направит ее на омоложение: средний возраст партийцев должен составить не более 40 лет к 2030 году [3].

Это далеко не исчерпывающий список предложений партий, отвечающих потребностям современного избирателя. Тем не менее, такой отзыв наглядно показывает адаптивную реакцию на колебание настроений и суть волнений электората (это прежде всего безопасность во всех сферах жизни, и достойное существование). Широкий круг охватываемых вопросов так или иначе находит электоральный отклик в предложении решений проблем избирателя, что в целом является элементом его рационального выбора.

Анализ программ парламентских партий России в межэлекторальный период выявляет несколько устойчивых трендов электоральной повестки. При этом, в динамике, по редакциям и хронологии лозунгов, программ и высказываний можно проследить, что электоральная повестка гибкая и всегда реагирует на запрос избирателя.

Однако, интересным представляется и вопрос сопоставления динамики электоральной повестки России в сравнении с предыдущей избирательной кампании выборов в Государственную Думу РФ, а также соотнесение ее с мировой электоральной повесткой.

Избирательные кампании 2021 и 2026 г.г. отличаются изменением внешнеполитической, макроэкономической и социально-демографической ситуации.

В отношении обороны эти изменения сместились от внешнеполитической адаптации к внутренней мобилизационной парадигме, усилении роли безопасности как базового уровня иных сфер жизни.

Социальная же политика перешла от системных реформ к более адресной, точечной поддержке, это проявляется в усилении поддержки узких направлений или конкретных слоев населения (например, в миграционной политике, поддержке семей участников СВО, дополнительных гарантий в сфере материнства и детства и др.).

В экономическом пространстве идеология партий скорее сместилась от импортозамещения в отдельных областях, макроэкономической стабильности к технологическому суверенитету, перестройке логистических цепочек, налаживанию процессов параллельного импорта, соинвестированию государства в критические отрасли и технологии, финансовой независимости, а также адаптации образования к запросам реального сектора.

В отношении ценностных ориентиров также можно проследить динамику, ранее, как в целом и сейчас, такие ориентиры касались традиционных ценностей, защиты русского языка, усилении патриотического воспитания, уважения культурных ценностей, однако, формулировались в культурно-просветительском контексте. На сегодняшний день риторика сменила курс на нормативно-законодательный характер и внедрение основных положений и традиционных ценностей в конкретные нормативные программы и документы.

Проводя сравнительный анализ тематики вопросов политических партий в разные электоральные кампании, можно сделать вывод о том, что в последнее время политические программы все более сходятся в основных тематических блоках повестки, и, хотя непосредственно пути разрешения проблем предлагаются разные, общий курс можно назвать единообразным, и в этом заключается адаптивная роль партий к трансформационным изменениям и запросу электората.

Однако, интересным остается и вопрос интеграции электоральной повестки в мировой контекст, для сравнения использованы материалы подготовленные Лабораторией политических коммуникаций Школы коммуникаций НИУ «Высшая школа экономики» при поддержке Экспертного института социальных исследований: «Актуальные повестки и инициативы на выборах в странах мира в 2022–2025 гг.» [1] в котором проанализировано 425 предвыборных программ различных избирательных кампаний разных стран.

Ключевыми трендами электоральной повестки мирового масштаба названы:

- социальная политика;
- экономика и благосостояние;
- государственное устройство и полисистема;
- оборона и безопасность;
- экология;
- комфортная среда;
- культура и наука;
- международные отношения;
- финансы и бюджет и налоговое регулирование.

При этом, большая часть программных предложений прагматическая, касается социального обеспечения и поддержки, экономического развития, благосостояния. Самое популярное направление социальная политика, пслание о поддержке для различных категорий населения [1].

Также в докладе отмечено, что в последних избирательных кампаниях значительно снижена роль поддержки сексуальных меньшинств, цифровое гражданство, тема всеобщего базового дохода.

В целом, можно сказать что программы и инициативы политических партий России находятся в рамках мировой электоральной повестки, и опираются на мировой опыт, однако и значительно сохраняя культурную традицию и идентичность, политическую независимость. Также стоит отметить, что и риторика в целом в России и в мировой повестке сместилась к наиболее адресной поддержке конкретных групп населения (семьям с детьми, пожилым. молодежи и лицам с ограниченными возможностями здоровья).

В докладе [1] отмечены и новые типы адресатов, например, самозанятые, фрилансеры, должники и жертвы мошенничества, владельцы домашних животных. Это наглядно указывает на то, что мировые тренды актуальны и для российской повестки. Например, в своей политической программе партия «Новые люди» также одним из направлений развития экономики называет изменение и придания более формального статуса самозанятым, фрилансерам, стартаперам [9].

Более того, пример России во многих сферах развития стал примером для других стран. В докладе отмечено, что: «по множеству тематик предлагаемые на выборах в мире инициативы и меры копируют давно принятые в России решения. Прежде всего в вопросах поддержки семей, деторождения, молодежи, инструментов открытости государления и цифровизации госуслуг, дистанционного электронного голосования и многих других». А это означает, что политические инициативы в России не только находятся в рамках мировой повестки, но и задают ее тон. Что также сказывается на восприятии электоратом российской идентичности.

Проведенный анализ программных документов и инициатив ведущих политических партий России позволяет констатировать формирование устойчивых структурных трендов электоральной повестки, которая охарактеризована переходом от идеологически поляризированных позиций к более прагматичному, адресному ответу на многофакторный запрос избирателя. В межэлекторальный период наблюдалось заметное объединение общих позиций партий по ключевым вопросам, где приоритет традиционно отдается национальной безопасности, социальной справедливости, технологическому суверенитету и макроэкономической адаптации.

При этом динамика электоральной повестки демонстрирует гибкость партийной системы как ответ на запрос избирателя, а риторика сменила курс с культурно-просветительской на нормативно-программную.

Полученные результаты подтверждают тезис о том, что современная электоральная повестка в России действует в рамках общемировых тенденций, но сохраняет выраженную политическую суверенную и культурно-идентичную специфику.

Прагматизация электоральной повестки при этом свидетельствует об адаптации к рациональной модели электорального выбора, где многофакторность запроса определяет гибкость политических инициатив.

Более того, ряд российский предложений в сфере цифровой инфраструктуры, поддержки семьи и детства выступают значимыми для международных избирательных практик, что подчеркивает усиление субъектности российской избирательной модели в глобальном контексте и ее способность транслировать собственные технологические и социальные решения.

Литература

1. Актуальные повестки и инициативы на выборах в странах мира в 2022–2025 гг. // Интернет-портал Ведомости // Эксперты назвали набирающие популярность электоральные темы. Интернет – источник: URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/04/22/1192077-eksperti-nazvali-nabirayuschie-populyarnost-elektoralnie-temi?from=copy_text (дата обращения: 15.05.2026 г.)

2. В Народную программу «Единой России» предложили включить меры по развитию сельской инфраструктуры для молодых профессионалов // Федеральный сайт политической партии Единая Россия // Интернет-источник: URL: https://er.ru/activity/news/v-narodnuyu-programmu-edinoj-rossii-predlozhili-vklyuchit-mery-po-razvitiyu-selskoj-infrastruktury-dlya-molodyh-professionalov (дата обращения: 15.05.2026 г.)

3. Дело Жириновского живет! // Федеральный сайт ЛДПР // Предвыборная программа Политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России на выборах Президента Российской Федерации. Интернет-источник: URL: https://ldpr.ru/party/articles/predvybornaya-programma-politicheskoy-partii-ldpr-delo-zhirinovskogo-zhivet-/ (дата обращения: 15.05.2026 г.)

4. ЛДПР представила стратегию развития до 2030 года на XXXVII съезде в Москве // Интернет-портал Life // Интернет-источник: URL: https://life.ru/p/1795062 (дата обращения: 15.05.2026 г.)

5. Народная программа «Единой России» // Федеральный сайт политической партии Единая Россия // Интернет-источник: URL: https://er.ru/party/program (дата обращения: 15.05.2026 г.)

6. Предвыборная программа партии // Федеральный сайт Социальной политической партии Справедливая Россия // Интернет-источник: URL: https://spravedlivo.ru/14377210 (дата обращения: 15.05.2026 г.)

7. Сергей Миронов обратился к Владимиру Путину по поводу законопроекта об освоении ООПТ // Федеральный сайт Социальной политической партии Справедливая Россия // Интернет-источник: URL: https://spravedlivo.ru/16136210 (дата обращения: 15.05.2026 г.)

8. Фракция КПРФ выступила против принятия законопроекта об увеличении лимита сверхурочной работы // Федеральный сайт политической партии КПРФ // Интернет-источник: URL: https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/243984.html (дата обращения: 15.05.2026 г.)

9. Эта программа для тех, кто верит, что Россия заслуживает лучшего // Федеральный сайт политической партии «Новые люди» // Интернет-источник: URL: https://newpeople.ru/program?attempt=1 (дата обращения: 15.05.2026 г.)

TRENDS IN THE ELECTORAL AGENDA AS A RESPONSE TO A VOTER'S REQUEST THAT SHAPES ELECTORAL PREFERENCES

Morozova I.V.
Humanitarian University

The article is devoted to the analysis of structural trends in the electoral agenda of Russian political parties in the inter-electoral period 2021–2026 as an adaptive response to the multifactorial request of the voter in the context of the transformation of the political and legal environment, foreign policy shifts and digitalization of social processes. The purpose of the study is to identify key thematic clusters of program documents of parliamentary parties, assess their dynamics relative to the previous election campaign and correlate them with global electoral practices. As a result, priority blocks of the agenda have been identified: national security and sovereignty, targeted social support, technological sovereignty and economic stability, as well as new accents (digitalization, self-employed status, ecology, support for agriculture). It is shown that the electoral agenda has acquired a flexible, pragmatic character, shifting towards targeted solutions while preserving cultural and identity specifics. The results of the study can be used in political science and sociological studies of electoral behavior, as well as in predicting the dynamics of election campaigns and optimizing the mechanisms of political participation.

Keywords: Electoral agenda, political parties, electoral process, content analysis of programs, transformation of the political and legal environment, electoral pReferences, global electoral trends, inter-electoral period.

References

1. Current election agendas and initiatives in the countries of the world in 2022–2025 // Vedomosti Internet portal // Experts named the electoral topics that are gaining popularity. Online source: URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/04/22/1192077-eksperti-nazvali-nabirayuschie-populyarnost-elektoralnie-temi?from=copy_text (accessed: 05/15/2026)

2. It was proposed to include measures for the development of rural infrastructure for young professionals in the National Program of United Russia // Federal website of the United Russia Political Party // Online source: URL: https://er.ru/activity/news/v-narodnuyu-programmu-edinoj-rossii-predlozhili-vklyuchit-mery-po-razvitiyu-selskoj-infrastruktury-dlya-molodyh-professionalov (date of request: 05/15/2026)

3. The Zhirinovsky case is alive! // LDPR Federal website // Election program of the LDPR– Liberal Democratic Party of Russia Political Party in the presidential elections of the Russian Federation. Online source: URL: https://ldpr.ru/party/articles/predvybornaya-programma-politicheskoy-partii-ldpr-delo-zhirinovskogo-zhivet– / (date of appeal: 05/15/2026)

4. The LDPR presented its development strategy until 2030 at the XXXVII Congress in Moscow // Online portal of Life // Online source: URL: https://life.ru/p/1795062 (date of request: 05/15/2026)

5. United Russia People's Program // Federal website of the United Russia Political Party // Online source: URL: https://er.ru/party/program (date of request: 05/15/2026)

6. The party's election program // The Federal website of the Social Political Party Fair Russia // Online source: URL: https://spravedlivo.ru/14377210 (date of appeal: 05/15/2026)

7. Sergey Mironov addressed Vladimir Putin about the draft law on the development of protected areas // The Federal website of the Social Political Party Fair Russia // Online source: URL: https://spravedlivo.ru/16136210 (date of request: 05/15/2026)

8. The Communist Party faction opposed the adoption of a bill to increase the overtime limit // Federal website of the Communist Party of the Russian Federation // Online source: URL: https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/243984.html (accessed: 05/15/2026)

9. This program is for those who believe that Russia deserves the best // Federal website of the New People Political Party // Online source: URL: https://newpeople.ru/program?attempt=1 (date of request: 05/15/2026)

Влияние традиционных духовно-нравственных ценностей на региональное социально-экономическое развитие (на примере Республики Ингушетия)

Орлова Ирина Викторовна,
доктор философских наук, профессор, профессор Научно-образовательного центра «Теория и технологии управления в сфере культуры, образования и науки», Институт государственной службы и управления, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: orlova-iv@ranepa.ru

Мержуев Сейт-Мухьаммад Магомедович,
магистрант Института государственной службы и управления, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: smerzhuev@gmail.com

В данной статье рассматриваются особенности влияния традиционных ценностей на социально-экономическое развитие регионов и определятся основные направления совершенствования государственного управления с использованием ценностного компонента в Республике Ингушетия. Предметом исследования является традиционные ценности в системе государственного управления социально-экономическим развитием региона. Объектом исследования выступает социально-экономическое развитие Республики Ингушетия. В рамках исследования рассматриваются основные подходы к определению взаимосвязи ценностного компонента с темпами социально-экономического развития, рассматриваются конкретные кейсы, демонстрирующие влияние традиционных ценностей на социально-экономическое развитие в регионе, а также предлагаются возможные направления совершенствования региональной политики социально-экономического развития с использованием ценностного фактора. В ходе исследования установлено, что традиционные ценности могут выступать не просто в качестве дополнительного или вспомогательного инструмента реализации политики социально-экономического развития, а в качестве прямого инструмента, способного обеспечить серьезную динамику в социально-экономическом развитии региона.

Ключевые слова: ценности, традиционный фактор, российские духовно-нравственные ценности, социально-экономическое развитие региона, социально-экономическое развитие Республики Ингушетия, традиционный фактор в социально-экономическом развитии Ингушетии.

Введение

Традиционные духовно-нравственные ценности в современном мире приобретают особую значимость в качестве формальных непрямых инструментов государственного управления, направленных на регулирование социально-экономического развития. Вопросы о взаимодействии культурного фактора с экономикой, о влиянии ценностей на экономические показатели приобретают больший интерес, поскольку традиционные ценности напрямую влияют на общественную консолидацию, формирование поведенческих установок населения, уровень доверия между членами общества, демографическую ситуацию, а также способствуют трудовой мотивации, социальной стабильности, устойчивости функционирования социально-политических систем и т.д.

Особую значимость фактор традиционных ценностей приобретает в контексте регионального развития, поскольку в таких регионах, как Республика Ингушетия, где ярко выражена культурно-историческая специфика, традиционные нормы играют значительную роль в регулировании общественной жизни наряду с правовыми нормами.

Актуальность исследования обуславливается тем, что в современном мире активно усиливаются попытки по поиску различных моделей государственного управления социально-экономическим развитием, способных обеспечить наибольшую эффективность и устойчивость социально-экономической системы, а также ускорить процессы повышения уровня благосостояния и качества жизни населения.

Объектом исследования вступает социально-экономическое развитие регионов в системе государственного управления.

Предметом исследования являются традиционные духовно-нравственные ценности как инструмент государственного управления социально-экономическим развитием Республики Ингушетия.

Цель исследования заключается в выявлении роли и значения традиционных духовно-нравственных ценностей в социально-экономическом развитии Республики Ингушетия, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию управления социально-экономическим развитием региона с учетом ценностного компонента.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определение места традиционных ценностей в социально-экономическом развитии регионов; анализ Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», как основного источника, обеспечившего правовое подкрепление идеи влияние традиционных ценностей на социально-экономическое развитие регионов; выявление влияния традиционных ценностей на социально-экономическое развитие региона на основе анализа конкретных проектов в Республике Ингушетия; определение возможных направлений совершенствования государственной региональной политики социально-экономического развития с учетом ценностного инструмента в Республике Ингушетия.

Гипотеза исследования заключается в том, что если в процессе управления социально-экономическим развитием регионов, активно внедрять и интегрировать традиционный фактор, в частности использовать традиционные духовно-нравственные ценности народа, то это обеспечит более эффективные и динамичные темпы и результаты социально-экономического развития в регионе.

Теоретическое обоснование гипотезы связано с тем, что относительно недавно традиционные духовно-нравственные ценности получили в России нормативную основу на государственном уровне в качестве важного стратегического документа, который направлен на обеспечение национальной безопасности нашей страны, а защита этих ценностей является стратегическим национальным приоритетом России, который способен обеспечить устойчивый суверенитет нашего государства.

Методология и методы исследования

Исследование выполнено в рамках теоретико-аналитического и неоинституционального подхода, поскольку тема статьи связана с изучением механизмов влияния традиционных ценностей на социально-экономическое развитие региона, а также традиционные духовно-нравственные ценности рассматриваются в качестве формальных

институтов, способных оказать воздействие на темпы социально-экономического развития региона.

В качестве материалов использовались нормативные правовые акты, официальные материалы органов федеральной и региональной власти, статистические данные о социально-экономическом положении региона, научные публикации и аналитические материалы по вопросам взаимосвязи культурного и экономического компонентов.

В ходе исследования применялись такие методы, как анализ и синтез правовой и научной литературы, системный метод, сравнительный метод, метод обобщения, а также статистический и структурно-функциональный методы.

Схема исследования включала следующие этапы: определение цели, задач, объекта и предмета исследования, сбор материалов о правовом регулировании традиционного фактора в контексте социально-экономического развития регионов, анализ научной литературы, связанной с вопросами влияния традиционных ценностей на социально-экономическое развитие регионов, рассмотрение конкретных проектов, реализованных в Ингушетии и определение направлений повышения их эффективности и перспектив реализации новых проектов в регионе.

Теоретическая часть. Особенности влияния традиционных ценностей на социально-экономическое развитие регионов

В результате исследования были выявлены особенности взаимосвязи культурного и экономического аспекта в управлении региональным социально-экономическим развитием. Как писал Дуглас Норт, традиции являются эффективным примером неформальных институтов, которые наряду с формальными институтами оказывают сильное влияние на регулирование поведения индивидов и ограничивают сферу деятельности формальных правил.

Под институтами подразумеваются определённые рамки, в пределах которых люди взаимодействуют между собой. Они могут быть формальными (законы, правила, нормы) и неформальными (обычаи, привычки, традиции) и создаются самим человеком. Поскольку человек – существо эволюционирующее, то и созданные им институты тоже могут меняться. Вместе с тем стоит отметить, что эти институты ограничивают деятельность человека, оказывая воздействие на его поведение, т.е. неформальные институты играют важную роль в регулировании поведения людей, которое, в свою очередь, может влиять на их экономическую активность.

Нормативное подкрепление идея интеграции традиционных ценностей во все сферы жизни общества получила в России лишь только в 2022 году в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В указе традиционные ценности определяются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

Всего в Указе выделено 17 таких ценностей: жизнь; достоинство; права и свободы человека; патриотизм; гражданственность; служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России.

Нормативное регулирование сохранения и развития духовного потенциала нашего народа обусловлено необходимостью повышения сплоченности многоконфессионального и многонационального российского общества, осознания гражданами важности сохранять и укреплять традиционные ценности в условиях нынешнего «деморализованного глобального общества», являющегося причиной упадка и утраты общечеловеческих традиционных ценностей и моральных принципов.

Принятие на государственном уровне мер, направленных на защиту традиционных ценностей российского общества, потребовалось в связи с усилением влияния западной идеологии, продвигаемой ею деструктивной культуры, эгоистичных установок; поощрение вседозволенности; обесценивание морали и нравственности, патриотических идеалов и общественного служения; подрыв ценности семьи и брака; снижение значимости многодетности; снижение роли созидательного труда; пропаганда, активная поддержка нетрадиционных семейных и личных отношений.

Все это представляет серьезную угрозу для демографической ситуации в России, от которой зависит ряд наиболее важных факторов, влияющих (в контексте нашего исследования) на такие социально-экономические показатели как продолжительность жизни, уровень рождаемости, смертность. И это всего лишь одна сторона такой аморальной идеологии.

Культивирование такой идеологии чревато такими рисками и угрозами, как: формирование почвы для саморазрушения общества и ослабления семейно-дружеских и иных социальных отношений; рост социокультурной дифференциации общества, ослабление, а вовсе и подрыв значимости социального партнерства, роли и важности созидательного труда, взаимопомощи и взаимоуважения; трансляция идей, посягающих на честь и достоинство человека; ослабление общероссийской гражданственности и единства его многонационального и многоконфессионального народа, разжигание межнациональной и межконфессиональной розни; снижение роли патриотизма и важности воинской службы; деградация общества, вызванная пренебрежением традиционными духовно-нравственными ценностями и утратой в сознании общества их важности и роли.

Под воздействием различных факторов наше не статичное общество сталкивается с изменениями в экономической, политической, культурной, духовной сферах жизни. Такое динамичное развитие общества требует внесения определенных корректив в систему управления, чтобы обеспечить защиту и сохранность ресурсов, гарантирующих его безопасное и устойчивое развитие. Одним из наиболее важных таких ресурсов является духовный потенциал общества.

Интеграция духовно-нравственных ценностей в управление региональным развитием направлено на прогрессивное развитие общества, его культурное развитие и сохранение цивилизации и цивилизованности российского народа. Наличие формальных институтов управления недостаточно для успешного развития общества, поскольку эффективность управления может быть достигнута лишь только при симбиозе формальных и неформальных институтов. Нормативное закрепление традиционных ценностей, исторически присущих народам России, свидетельствует о том, что они теперь являются официальным инструментом государственного управления.

В условиях нынешней глобализации, традиционные духовно-нравственные ценности России, их нормативное регламентирование и защита призваны не только защитить суверенитет российского государства и в целом традиционные ценности, но и сохранить и защитить собственную идентичность, т.к. под влиянием глобализации происходит стирание границ между теми национальными особенностями и традициями, которые всегда делали нас уникальными. Но безусловно, как мы и говорили выше, наличие единого общего культурного пространства, сформированного общими жизненными ориентирами для многонационального общества нашей страны, сохраняет, в первую очередь, целостность самой нашей страны.

Влияние традиционных ценностей на экономические показатели происходит не прямо, а опосредованно. Ценности могут оказывать воздействие на развитие экономики только через посредство институтов: законов, норм, правил и т.д. Вместе с тем стоит отметить, что в различных институциональных условиях традиционные ценности могут иметь разный эффект и приводить к абсолютно противоположным результатам.

Не совсем правильно рассматривать ценности как прямой инструмент регулирования социально-экономического развития, ведущий к росту или снижению экономического развития. Они всего лишь создают определенную внешнюю среду, которая может воздействовать на поведение основных экономических субъектов. Различные экономические процессы и изменения, происходящие в регионах и государствах, а также в мире в целом, могут менять ценности ровно так же, как и ценности меняют различные экономические модели.

Вместе с тем стоит отметить отсутствие какого-либо инструментария, который позволял бы определить влияние ценностей на экономические показатели. Тем самым данный «пробел» в науке дает сильное возможности научному сообществу для определения такого инструментария, поскольку ни аналогов, ни альтернатив на данный момент нет.

Изучив лишь одну теорию, невозможно предложить или разработать такой инструментарий, как и нельзя проецировать результаты и выводы одной культуры на другую. Связано это с тем, что традиции и культуры каждого народа имеет свои уникальности, поэтому необходимо изучать по отдельности и детально разнообразие множества культур на практике для того, чтобы оценить влияние ценностей на экономические показатели.

Таким образом, в современном мире ценности рассматриваются не только как элемент духовной культуры человека, а как целый институциональный ресурс, оказывающий воздействие на поведение людей и социальные связи, через которых опосредованно влияет и на социально-экономическое развитие. Ценности играют важную роль в качестве инструмента формирования общественной солидарности, укрепления гражданской идентичности, поддержания социальной стабильности и воспроизводства человеческого капитала. В этом контексте традиционные ценности выступают как механизм управления, который устанавливает определенные рамки поведения людей и властных институтов.

Ценности не устанавливают какие-то прямые жесткие правила, обязательные к соблюдению. Они формируют среду поведения в обществе, которая в массовом сознании считается правильным, допустимым, должным, справедливым. Ценности – неформальный институт, способствующий повышению легитимности устанавливаемых законом правил и предписаний через их добровольное принятие обществом в результате их воздействия на его сознание. В региональном разрезе данный аспект приобретает большую значимость, поскольку устойчивость общественной и экономической системы сильно подвержено влиянию не столько формальных институтов, сколько локальным традициям, общественному мнению и моральным нормам.

Традиционные ценности через образование, воспитание, религию, семью формируют устойчивые модели поведения индивидов и всего общества в целом. Они укореняют такие нормы как ответственность, трудолюбие, справедливость, взаимопомощь, уважение к старшим, бережное отношение ко всему и ко всем и т.д. Если рассматривать с точки зрения их влияния на экономику, то эти ценности влияют на мотивацию к труду, готовность к кооперациям, долгосрочное сотрудничество и отношение к общественным благам. Как следствие в обществе развивается социальный капитал, поскольку взаимопомощь, взаимовыручка, солидарность, готовность к кооперациям и сотрудничеству повышают эффективность взаимодействия общества с органами власти. Отсутствие же нравственных ориентиров чревато ростом индивидуализма, снижением общественной ответственности и солидарности, что негативно сказывается на качество институтов и эффективности принимаемых управленческих решений. Именно ценности закладывают фундамент стабильного и устойчивого существования и развития общества, т.к. влияют на социальную интеграцию, формируя единые механизмы поведения в нем основных участников и сводя к минимуму возможность их уклонения от всеобщих норм.

Традиционные духовно-нравственные ценности выступают как дополнительный фактор, способствующий повышению эффективности принимаемых государством мер, обеспечивающий их общественную поддержку и социальную устойчивость, а не инструментом замещения экономической политики, инвестиций, проектов, программ и институтов развития. Это не аналог или замена экономических или иных правовых механизмов. Это всего лишь инструмент, который работает совместно с этими механизмами, создавая благоприятный климат и благоприятную среду для реализации мер, принимаемых государством. И в этой роли традиционные духовно-нравственные ценности выступают как важный фактор общей системы государственного управления, обеспечивающий повышение согласованности интересов власти и общества.

Таким образом, традиционные духовно-нравственные ценности – неотъемлемый элемент государственного управления современной России, который обеспечивает поддержание социальной стабильности, качество человеческого потенциала и устойчивое социально-экономическое развитие благодаря формированию и поддержанию в массовом сознании норм, установок и моделей поведения. Они оказывают сильное влияние на сознание людей, воспитывая морально устойчивого и высоконравственного гражданина с богатым духовным миром.

Практическая часть исследования. Особенности влияния традиционных ценностей на социально-экономическое развитие Республики Ингушетия

Полученные результаты обеспечили базу для проведения дальнейших исследований на примере конкретных регионов. Мы выявили основные ценности, которые исторически присущи ингушскому народу и прямо отражают те ценности, которые закреплены в Указе № 809: «крепкая семья», «патриотизм», «коллективизм», «созидательный труд», «взаимопомощь и взаимоуважение», «историческая память и преемственность поколений».

Например, в контексте коллективизма и взаимопомощи, мы выделили, так называемый, институт «Белхи», который предполагает совместный, бескорыстный и безвозмездный труд для общего блага конкретного человека. Благодаря этому качеству ингушского общества, который трансформировался в целый институт, строились различные мосты, дороги, дома и мн. др. Если, например, семья оставалась без кормильца, то заботу о них брали на себя, родственники, соседи, односельчане. Если кто-либо начинал какую-то работу по хозяйству, то соседи тут же приходили на помощь и вместе они заканчивали начатое дело. Будь то свадьба, похороны или какое-либо другое мероприятие – все это становилось общей заботой, и они помогали каждому и материально, и морально независимо от национального или религиозного происхождения. Действие данного института проявлялось и в земледелии, и в животноводстве, и в ремесленном производстве, т.е. все, к чему прикасалась рука человеческая, становилось коллективной заботой.

Активно действие этого института проявилось при создании Ассоциации сельских гостевых домов в Ингушетии в 2017 году, суть которого заключается в том, что местные жители горной части республики предоставляют собственные дома в качестве мини-гостиниц для приезжающих в регион туристов. Собственно, данные домовладельцы и становились участниками данной Ассоциации. Власти же в свою очередь взяли на себя функции продвижения, координации, защиты их интересов. В рамках данной Ассоциации обеспечивался системный обмен информацией между владельцами гостевых домов, продвижение услуг всех членов Ассоциации на рынке, что каждому участнику по отдельности осуществить было бы намного сложнее. Также она посредничала между разрозненными частными домовладениями и госструктурами, обеспечивая защиту их интересов. Домохозяйства давали именно материальную базу и первоначальные эксплуатационные расходы, а государство – инфраструктурную и регуляторную поддержку.

Данный пример показывает, как коллективизм трансформировался в фактор социально-экономического развития: ситуации, когда регион не располагал крупными гостиничными объектами и был ограничен в инвестиционных ресурсах, данный вид самоорганизации общества проявился как один из ключевых факторов развития экономики региона и ее диверсификации. Это заложило основу для развития сельского туризма в регионе. Взаимопомощь, взаимовыручка, солидарность здесь проявились не только между членами общества, а между обществом и властью. Обычные сельские домохозяйства стали полноценными участниками рынка туристических услуг, власть, выступила в роли блюстителя исторически присущих данному народу традиций, диверсифицировались источники доходов населения и отрасли региональной экономики, а также выросла туристическая привлекательность региона.

В качестве примера созидательного труда и исторической памяти и преемственности поколений можно привести народные художественные промыслы Ингушетии, которые были созданы по программе развития НХП с целью обеспечить сохранение традиционных ремесел, модернизировать производство и продвигать на рынке местные товары. При региональном Минкультуры был создан экспертный совет, который занимается проведением экспертиз изделий, регистрацией организаций и мастеров народных художественных промыслов, определением мест их традиционного бытования. Мастера народного художественного промысла сталкиваются с нехваткой оборудованных мастерских, проблемами сбыта продукции, а также с трудностями участия в выставках и получения необходимой финансовой помощи и нуждаются в комплексной поддержке. Поскольку многие из них работают как самозанятые или же субъекты малого бизнеса, они не всегда получали поддержку, предоставляемую государством культурной сфере.

Помимо этого, власти предоставляют государственные меры поддержки предприятиям, не менее 50% продукции которых, относится к народным промыслам, предусматривая для них особый статус. Как следствие, они получают доступ к региональному и федеральному финансированию, предусмотренному на сырье, оборудование, рекламу, продвижение и т.д.

Таким образом, созидательный труд, традиционно присущий ингушской культуре, плавно перетекает в реальный сектор экономики, получая соответствующую институциональную поддержку со стороны государства. В результате, появляются новые рабочие места, укрепляются позиции местного производства, и что не менее важно – сохраняется и защищается богатое культурное наследие, что в совокупности позволяет нам говорить об исторической памяти и преемственности поколений, как об основных традиционных ценностях, оказавших прямое воздействие на социально-экономическую составляющую региона. Созидательный труд – характерная черта ингушского общества – получает внимание и поддержку со стороны государства, что приводит

к социально-экономическому эффекту через призму исторической памяти и преемственности поколений.

В контексте патриотизма (экономического) можно привести пример «Чайного домика» в Джейрахском районе, целью которого является развитие внутреннего и въездного туризма, стимулирование экономической активности в горной части региона и поддержка местного производителя. Суть данного проекта заключается в том, что государство создало площадку для реализации своей продукции жителями горного района, которые занимаются сбором лекарственных трав, из которых они делают различные чаи по традиционным рецептам. Также здесь будет представлен экологически чистый мед, произведенный местными пасечниками. Таким образом, гости и жители самого региона смогут не только провести активных отдых в одном из самых живописных местностей нашей страны, но и познакомиться с местной продукцией, приобрести ее, и соответственно, попробовать экологически чистую и здоровую продукцию. Это безусловно создает новые рабочие места, расширяет налоговую базу, продвигает бренд «Сделано в Ингушетии» и самое главное – дает возможность местным производителям реализовывать свою продукцию и получать из этого доход.

В данном случае проявляется также и коллективизм, но немножко по-другому. Здесь инициатива исходит сверху и государство создает определенную институциональную рамку, которая способствует включению общинных производителей в формальный хозяйственный оборот. Получается, государство создает и развивает инфраструктурную площадку в виде туристического объекта, которая направлена на решение проблемы, связанной со сбытом продукции разрозненных домохозяйств, занимающихся сбором горных лечебных трав и производством экологически чистого меда. Как следствие, неформальная экономическая активность граждан превращается в легальную предпринимательскую деятельность.

В эту категорию можно также включить и Ассоциацию сельских гостевых домов, где местные жители предлагают собственные жилища для размещения туристов (это очень интересный кейс, поскольку власти креативно подошли к решению вопроса размещения гостей и развития сельского туризма в регионе, дав возможность местным жителям, не выходя из дома получать доходы, при этом не создавая крупные отели и гостиницы, что также продвигает бренд региона), Программу развития народных художественных промыслов, в рамках которой поддерживаются местные мастера и предприятия, что дает эффект как для самих участников, так и для региона в целом, не просто давая источник дохода в прямом смысле, но и продвигая также бренд региона. Сюда же можно включить и IT-академию региона, главной целью которой является подготовка высококвалифицированных IT-специалистов в регионе, дав возможность местному населению бесплатно получить самые востребованные в эпоху современного развития общества знания.

По сути, патриотизм может быть инкорпорирован в любую сферу, связанную с влиянием тех или ценностей на социально-экономические результаты, ведь появление такого Указа и правовая регламентация этих ценностей уже отражает патриотический настрой власти и общества, свидетельствует о патриотическом подходе не только к экономическому развитию, но и в целом ко всему государственному управлению.

Таким образом, традиционные духовно-нравственные ценности имеют серьезное влияние на социально-экономическое развитие регионов, создавая определенную среду и атмосферу для социально-экономического развития.

В приведенных нами примерах явно прослеживалось, что при реализации одного кейса наблюдается присутствие нескольких из этих ценностей одновременно. Это говорит о том, что, во-первых, сами эти ценности коррелируют между собой, а, во-вторых, в игру вступают сразу несколько ценностей. На наш взгляд, это всего лишь усиливает эффект влияния традиционных ценностей на социально-экономическое развитие региона, в нашем случае – Республики Ингушетия. На наш взгляд, можно смело утверждать, что влияние традиционных духовно-нравственных ценностей на социально-экономическое развитие региона больше прямое, чем косвенное.

Рекомендации

Учитывая вышеизложенное, мы можем предложить несколько рекомендаций по улучшению социально-экономического развития региона на основе традиционного фактора. Например, в первую очередь, хотелось бы предложить институционализировать механизм «Белхий», создав в регионе специальный реестр «социально-значимых белхий-проектов», закрепляя при этом за каждым муниципальным образованием Ингушетии перечень объектов, которые будут реализованы через безвозмездный взаимный труд. Суть данной инициативы заключается в том, что органы местного самоуправления определяют любой объект, который должен быть реализован на территории муниципального образования, например различные точки общепита, придорожные кафе, благоустройство территории, ремонт социально-значимого объекта и т.д. Местная община обеспечивает реализацию данного проекта через небезызвестную систему «Белхий». После ввода объекта в эксплуатацию участники «Белхий» получают приоритетное право трудоустройства, право на бесплатный проезд, больший процент начисления премии и т.д. Таким образом, это будет способствовать снижению безработицы, уменьшению выделяемых на реализацию того или иного проекта средств из муниципального (регионального бюджета), поскольку со своей стороны государство в основном обеспечивает материально-техническую базу и организационную поддержку.

Во-вторых, создание кластера этнокультурного наследия «Ингушетия – родина башен». Суть данного кластера этнокультурного наследия и этнотуризм заключается в объединении башенных комплексов, которыми славится республика, создании музеев под открытым небом, ремесленных мастерских, гостевых домов и этно-отелей, различных образовательных площадок и расширении туристических маршрутов. Поскольку за регионом официально закреплен и даже запатентован слоган «Ингушетия – родин башен», это создает формальную основу для брендирования данного кластера, ориентированного на круглогодичный спрос.

Суть работы кластера будет строиться на принципе общинного владения курортным ресурсом. За каждым башенным комплексом либо за несколькими, если они не столь крупные и географически недалеки друг от друга, закрепляется общинная управленческая компания, в которые будут входить не только представители родов (тейпов), которым принадлежат эти башни, но и представители местных администраций. Они получают право организации туристического обслуживания, включая экскурсии, охрана территорий, содержание троп, уборка, работа с гидами и т.д., а получаемые доходы, соответственно, распределяются между членами общины.

В данном кейсе активно проявляется коллективизм («Белхий»), который приводит к социально-экономическому эффекту благодаря переходу от обычного соседства с памятником к активному извлечению экономической прибыли, при этом сохраняя контроль за состоянием культурного наследия. Это также снижает и нагрузку на бюджет, т.к. содержание объектов теперь не за государством, а за частными владельцами, и способствует созданию рабочих мест в горных сельских местностях.

На практике доказавшую свою эффективность Ассоциацию сельских гостевых домов, можно превратить уже в модель кластера. Будет целесообразным и весьма эффективным создание единой цифровой платформы «Гостеприимная Ингушетия», в рамках которой местные жители будут предлагать не только жилье для гостей и туристов, но и услуги питания (традиционная ингушская кухня), экскурсионное сопровождение (местная молодежь, хорошо знающая историю горной местности и достопримечательностей, в частности башен), мастер-классы по традиционным ингушским ремеслам и т.д. Данная платформа обеспечит единые стандарты, систему бронирования и оплаты услуг, обучение, сертификацию хозяев и, конечно же, легализацию доходов. Государство же со своей стороны берет на себя функции продвижения, координации, юридической помощи и стандартизации качества, как это было с Ассоциацией.

В-третьих, создание кластера устойчивого землепользования и экопродукции, который объединит фермерские хозяйства, перерабатывающие предприятия, логистические центры и систему экологической сертификации. Основным предназначением кластера будет производство органической экологически чистой горной продукции: различные травяные сборы (которые уже представлены проектом «Чайный домик»), мед, мясная и молочная продукция, а также выращивание иных редких горных культур.

Как совокупный результат мы получаем больше новых рабочих мест, вовлечение домохозяйств в региональный экономический оборот, появление легализованных повышенных доходов у населения, продвижение регионального бренда и самое главное – экологически чистую продукцию, которую можно будет импортировать на весь российский рынок, а впоследствии и в страны СНГ.

Таким образом, различные инициативы, которые, на наш взгляд, необходимы реализовать в первоочередном порядке в контексте отраслей специализации региона, характеризуются множественностью экономических эффектов, получаемых после их реализации. А реализация этих проектов облегчается благодаря действию традиционных духовно-нравственных ценностей, исторически преобладающих в основе организации жизнедеятельности местного населения.

Эти рекомендации направлены на повышение социально-экономического развития Республики Ингушетия, их эффективность обеспечивается посредством ценностного инструмента, как важного фактора, оказывающего сильное воздействие на результаты социально-экономического развития региона. Традиционные духовно-нравственные ценности выступают не просто как культурный фактор общества, но и как важный инструмент государственного управления социально-экономическим развитием региона. Эти меры не являются исключительными, а всего лишь помогут обеспечить ускоренное развитие региона по отраслевым направлениям с учетом местной специфики, первоочередных потребностей региона и потенциала региона.

Литература

1. Лозовая И.В. Теория институциональных изменений Д. Норта. Формальные и неформальные институты / Территория науки. – 2016. – № 4.

2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) // Официальный сайт Кремля. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 16.04.2026).

3. Гончаров В.Н., Попова Н.А. Духовно-нравственные ценности в системе общественных отношений // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. – С. 1566–1569.

4. Южаков В.А. Традиционные духовно-нравственные ценности российского народа в системе социального управления развитием российского общества / Социальное управление. – 2024. – Т. 6. – № – 4. – С. 155–165.

5. Козырева Н.О., Зайковский В.Н. Традиционные российские духовно-нравственные ценности: природа, значение в механизме государственного управления, причина официального декларирования / Индустриальная экономика. – 2025. – № 7.

6. Мельников В.В., Надеждина С.Д. О поиске взаимности экономики и культуры // Идеи и идеалы. – 2025. – Т. 17. – № 4. – Ч. 2. – С. 247–260.

7. Сельские гостевые дома Ингушетии объединяются в ассоциацию // Газета «Ингушетия». – 04.08.2017. – Назрань. – URL: https://gazetaingush.ru/news/selskie-gostevye-doma-ingushetii-obedinyayutsya-v-associaciyu (дата обращения: 01.05.2026).

8. Первая чайная для туристов открылась в горной Ингушетии [Электронный ресурс] // Республика Ингушетия: сетевое издание. – URL: https://ingushetia.ru/news/pervaya_chaynaya_dlya_turistov_otkrylas_v_gornoy_ingushetii/ (дата обращения: 01.05.2026).

9. Махмуд-Али Калиматов оценил роль народных промыслов в экономике Ингушетии [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 06.06.2025. – URL: https://www.pnp.ru/top/site/makhmud-ali-kalimatov-ocenil-rol-narodnykh-promyslov-v-ekonomike-ingushetii.html (дата обращения: 01.05.2026).

10. Комитет по туризму региона получил патент на использование слогана «Ингушетия – родина башен» // Газета «Ингушетия». – 05.01.2023. – URL: https://gazetaingush.ru/news/komitet-po-turizmu-regiona-poluchil-patent-na-ispolzovanie-slogana-ingushetiya-rodina-bashen (дата обращения: 03.05.2026).

11. Этнографический музей появится на курорте «Армхи» в горной Ингушетии // Газета «Ингушетия». – 11.04.2024. – URL: https://gazetaingush.ru/etnograficheskiy-muzey-poyavitsya-na-kurorte-armkhi-v-gornoy-ingushetii (дата обращения: 03.05.2026).

THE INFLUENCE OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES ON REGIONAL SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF INGUSHETIA)

Orlova I.V., Merzhuev Seit-Mukhammad Magomedovich
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the peculiarities of the influence of traditional values on the socio-economic development of regions and identifies the main directions for improving public administration using the value component in the Republic of Ingushetia. The subject of the research is the traditional values in the system of state management of the socio-economic development of the region. The object of the research is the socio-economic development of the Republic of Ingushetia. The study examines the main approaches to determining the relationship between the value component and the pace of socio-economic development, examines specific cases demonstrating the impact of traditional values on socio-economic development in the region, and suggests possible ways to improve regional socio-economic development policy using the value factor. The study found that traditional values can act not just as an additional or auxiliary tool for implementing socio-economic development policy, but as a direct tool capable of providing serious dynamics in the socio-economic development of the region.

Keywords: values, traditional factor, Russian spiritual and moral values, socio-economic development of the region, socio-economic development of the Republic of Ingushetia, traditional factor in the socio-economic development of Ingushetia.

References

1. Lozovaya, I.V. “D. North’s Theory of Institutional Change.” Formal and Informal Institutions / Territory of Science. No. 4, 2016.

2. “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 (as amended on March 4, 2026)” // Official Website of the Kremlin. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed on April 16, 2026).

3. Goncharov, V.N., Popova, N.A. “Spiritual and Moral Values in the System of Public Relations” // Fundamental Research. 2015. Nos. 2–7, Pp. 1566–1569. 4. Yuzhakov V.A. Traditional spiritual and moral values of the Russian people in the system of social management of the development of Russian society / Social Management. – 2024. – Vol. 6. – No. – 4. – P. 155–165.

5. Kozyreva N.O., Zaykovsky V.N. Traditional Russian spiritual and moral values: nature, significance in the mechanism of public administration, reason for official declaration / Industrial Economy. – 2025. – No. 7.

6. Melnikov V.V., Nadezhdina S.D. On the search for reciprocity between economics and culture // Ideas and Ideals. – 2025. – Vol. 17. – No. 4. – Part 2. – P. 247–260.

7. Rural guest houses of Ingushetia are uniting in an association // Ingushetia newspaper. – 04.08.2017. – Nazran. – URL: https://gazetaingush.ru/news/selskie-gostevye-doma-ingushetii-obedinyayutsya-v-associaciyu (date of access: 01.05.2026).

8. The first teahouse for tourists opened in mountainous Ingushetia [Electronic resource] // Republic of Ingushetia: online publication. – URL: https://ingushetia.ru/news/pervaya_chaynaya_dlya_turistov_otkrylas_v_gornoy_ingushetii/ (date of access: 01.05.2026).

9. Makhmud-Ali Kalimatov assessed the role of folk crafts in the economy of Ingushetia [Electronic resource] // Parliamentary newspaper. – 06.06.2025. – URL: https://www.pnp.ru/top/site/makhmud-ali-kalimatov-ocenil-rol-narodnykh-promyslov-v-ekonomike-ingushetii.html (date of access: 01.05.2026).

10. The regional tourism committee received a patent for the use of the slogan “Ingushetia – the birthplace of towers” // Ingushetia newspaper. – 05.01.2023. – URL: https://gazetaingush.ru/news/komitet-po-turizmu-regiona-poluchil-patent-na-ispolzovanie-slogana-ingushetiya-rodina-bashen (date of access: 03.05.2026).

11. An ethnographic museum will appear at the Armkhi resort in mountainous Ingushetia // Ingushetia newspaper. – 11.04.2024. – URL: https://gazetaingush.ru/etnograficheskiy-muzey-poyavitsya-na-kurorte-armkhi-v-gornoy-ingushetii (date of access: 03.05.2026).

Цифровой город как новая форма административно-политического управления

Победин Петр Константинович,
соискатель ученой степени кандидата политических наук,
кафедра сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: peter.pobedin@gmail.com

Статья рассматривает цифровой город как особую форму административно-политического управления, возникающую на пересечении больших данных, платформенной инфраструктуры, алгоритмической обработки и городских сервисов. В центре анализа находится не технологическая оснащенность города сама по себе, а изменение режима городской власти: расширение управленческой видимости, перераспределение ответственности между должностным лицом, платформой и программной системой, а также трансформация участия жителя в платформенной среде. Автор показывает, что цифровой город отличается от «умного города» тем, что описывает не только уровень внедрения технологий, но и политико-административный порядок, в котором данные становятся ресурсом власти. На российском материале, прежде всего на примере Москвы, раскрывается переход от электронных услуг к интегрированной городской экосистеме. Обосновывается необходимость оценки цифрового города через критерии подотчетности алгоритмов, правомерности работы с данными, инклюзивности доступа, процедур обжалования и суверенного контроля над критической инфраструктурой.

Ключевые слова: цифровой город; умный город; городская власть; цифровое управление; данные; алгоритмы; искусственный интеллект; цифровой суверенитет; платформенное управление; политическая легитимность.

Введение

Современный город все чаще описывают языком сервисов: транспортные приложения, электронную запись к врачу, цифровую школу, камеры, датчики, порталы обращений, городские голосования и персональные кабинеты жителя. Такой язык удобен для отчетности, поскольку позволяет показать количество подключенных услуг, скорость обработки обращений и масштаб технологического покрытия. Однако для политологического анализа он недостаточен. Цифровой город не сводится к сумме приложений. Он представляет собой способ организации городской власти, при котором пространство, население и инфраструктура становятся объектами постоянного сбора данных, алгоритмической обработки и платформенного взаимодействия.

Город является той точкой, где гражданин ежедневно сталкивается с цифровой системой государственного управления. Цифровизация здесь перестает быть абстрактной стратегией и проявляется в маршруте автобуса, оплате услуги, записи в учреждение, обработке жалобы, назначении социальной поддержки, видеонаблюдении и участии в обсуждении городской среды. Поэтому главный вопрос состоит не только в том, насколько город технологичен. Существеннее другое: кто владеет городскими данными, по каким правилам работают алгоритмы, кто отвечает за цифровое решение и сохраняется ли у жителя возможность воздействовать на город не только как у пользователя сервиса, но и как у гражданина [1–9].

Методологически важно различать «умный город» и «цифровой город». Первое понятие чаще фиксирует технологическую оснащенность городской среды, интеграцию инфраструктурных решений и рост эффективности хозяйственного управления. Второе понятие шире: оно описывает политико-административный порядок, в котором данные, программный код, платформы и критическая инфраструктура становятся постоянными условиями взаимодействия публичной власти и населения. Поэтому цифровой город следует анализировать не только как объект градостроительной или технологической политики, но и как форму организации городской власти.

Такой подход меняет саму постановку проблемы. Если умный город обычно оценивается через удобство, скорость и экономию ресурсов, то цифровой город должен оцениваться также через легитимность. В этом случае важны не только количество сервисов и качество интерфейса, но и подотчетность алгоритмов, правомерность использования данных, доступность офлайн-каналов, понятность процедур обжалования и устойчивость цифровой инфраструктуры. Именно эти параметры позволяют увидеть политическое измерение цифровизации города.

Город как среда управленческой видимости

Классический город концентрировал население, капитал, инфраструктуру и публичные институты. Цифровой город добавляет к этой концентрации еще один слой – непрерывное производство данных о собственной жизни. Транспортные потоки, обращения жителей, коммунальные аварии, медицинские записи, образовательные сервисы, платежи, камеры и геоинформационные системы формируют цифровой образ города. Этот образ не является зеркальным отражением реальности. Он зависит от того, что измеряется, какие группы чаще пользуются цифровыми каналами, какие проблемы можно описать через интерфейс и какие показатели включены в управленческие панели.

То, что не попало в данные, слабо видно администрации. В этом смысле цифровизация усиливает способность власти видеть, но одновременно задает границы этой видимости. В управленческую картину лучше попадают те районы, группы и проблемы, которые оставляют цифровые следы и переводятся в удобные для анализа показатели. Напротив, социальные ситуации, не выраженные в данных, могут оказаться второстепенными, даже если с точки зрения жителей они имеют высокую значимость.

Политическое значение цифрового города состоит в переходе от эпизодического управления к режиму непрерывного мониторинга. Городская администрация получает возможность видеть город почти в реальном времени, сравнивать районы, прогнозировать нагрузки, перераспределять ресурсы и оценивать эффективность служб. Это повышает управляемость, но одновременно требует новых гарантий подотчетности. Чем более точной становится управленческая видимость,

тем важнее вопрос о том, кто определяет ее параметры и кто отвечает за последствия решений, принятых на ее основе.

Именно здесь возникает центральная амбивалентность цифрового города. С одной стороны, данные помогают быстрее реагировать на проблемы и рациональнее распределять ресурсы. С другой стороны, они создают возможность незаметной фильтрации городской реальности. Если политическая проблема не формализуется в цифровом канале, она может быть хуже распознана как управленчески значимая. Поэтому цифровой город нуждается не только в аналитических панелях, но и в механизмах публичной корректировки управленческой картины.

Данные как ресурс городской власти

Данные в цифровом городе становятся самостоятельным ресурсом власти. Их ценность определяется не только объемом, но и включением в управленческий цикл: сбор, очистка, сопоставление, анализ, визуализация, решение и проверка результата. Данные о жизни города позволяют быстрее выявлять проблемные зоны, планировать транспортные потоки, отслеживать состояние коммунальной инфраструктуры, управлять нагрузкой на социальные учреждения, анализировать обращения жителей и готовить ответы на них.

Для жителей данные могут одновременно усиливать доступ к услугам и воспроизводить информационное неравенство. Активные пользователи социальных сетей и городских порталов становятся лучше представленными в управленческой картине, чем неактивные горожане старших возрастных групп, малообеспеченные, мигрантские или периферийные группы. Организация экономического сотрудничества и развития подчеркивает, что управление городскими данными включает качество, безопасность, интероперабельность, защиту и использование в интересах жителей [8; 9]. Для политологии это означает, что вопрос о данных является вопросом о власти.

Кто собирает данные, кто хранит их, кто интерпретирует, кто принимает решения и кто имеет право исправить ошибку – тот получает реальное влияние на городское управление. Если цифровая платформа превращает городскую проблему в управленческий сигнал, то правила формирования такого сигнала становятся частью политического порядка. Поэтому городские данные должны рассматриваться не только как технологический ресурс, но и как объект публичной ответственности.

Особое значение имеет правовой и организационный режим городских данных. В цифровом городе данные циркулируют между различными ведомствами, платформами, подрядчиками и инфраструктурными системами. Это делает управление быстрее, но усложняет ответственность. Житель может не понимать, какой орган, какая система или какой оператор фактически повлиял на решение. Следовательно, зрелая модель цифрового города должна включать не только интеграцию данных, но и прозрачную карту ответственности за их использование.

Алгоритмы, ответственность и право на объяснение

Если данные дают городской администрации способность видеть, то алгоритмы дают способность управлять информационными потоками. Они ранжируют обращения, прогнозируют аварии, распределяют транспортные потоки, оценивают возможные риски, помогают планировать ремонты коммунальной и социальной инфраструктуры. В сильной версии цифрового города алгоритм становится не просто технической добавкой, а частью управленческой процедуры.

Проблема начинается там, где процедура остается юридически административной, однако фактическое основание решения подготавливается алгоритмом, логика которого непонятна гражданину и слабо контролируема должностным лицом. Возникает разрыв: администрация города сохраняет формальную ответственность, а реальное основание решения уходит в программный контур. Такой разрыв особенно опасен в сферах, связанных с доступом к социальной поддержке, приоритетностью обращений, распределением городских ресурсов и оценкой рисков.

Поэтому для городского управления необходимо обоснование алгоритмической легитимности. Оно не обязательно требует раскрытия всех технических деталей модели. Но оно требует понятных процедур: какие данные использованы, кто проверял систему, где фиксируются ошибки, можно ли обжаловать решение, кто отвечает за результат. Без этого цифровой город может превратиться из сервисной среды в непрозрачную систему сортировки запросов и принятия закрытых для общественности решений.

Алгоритмическая легитимность отличается от технологической эффективности. Эффективный алгоритм может быстро распределять заявки, но быть непрозрачным с точки зрения гражданина. Легитимный алгоритм должен быть встроен в публичную процедуру: его применение должно быть нормативно определено, результат должен быть проверяемым, а человек должен сохранять возможность оспорить ошибку. Для цифрового города это принципиально, потому что городская власть действует в непосредственной близости к повседневной жизни граждан.

Платформенное участие и пределы сервисной логики

Городские платформы дают жителю быстрый канал связи с администрацией. Каждый житель может написать жалобу, участвовать в голосовании, предложить инициативу, оценить предоставленную услугу, сообщить о проблеме. Это реальное расширение гражданского участия. Однако цифровая форма не делает участие автоматически политически полноценным.

Интерфейс задает рамку действия. Он определяет перечень тем, форму обращения, допустимые варианты ответа, правила модерации и маршрут дальнейшей обработки. Житель включается в городскую политику не напрямую, а через платформенную архитектуру. Его голос становится записью в системе, метрикой, элементом очереди или сигналом для аналитики. Поэтому цифровое участие может одновременно расширять коммуникацию и ограничивать политическое содержание участия.

Легитимное цифровое участие требует по меньшей мере трех условий: понятного статуса результата, прозрачной процедуры обработки и сохранения офлайн-каналов для тех, кто не включен в цифровую среду. Иначе город получает не участие, а управляемую обратную связь. Сервисность в этом случае начинает вытеснять публичность: гражданин получает удобный канал обращения, но не всегда получает возможность участвовать в определении правил городской политики.

Для политологического анализа важно различать «пользовательскую удовлетворенность» и «гражданское участие». Пользователь оценивает скорость и удобство сервиса. Гражданин претендует на участие в определении приоритетов, контроле решений и обсуждении городских правил. Если цифровой город подменяет гражданина пользователем, он повышает качество обслуживания, но может ослаблять публичный характер городской политики.

Российская траектория: Москва и суверенная городская экосистема

Российская цифровизация городов развивается через федеральный проект «Умный город», индексы цифровизации городского хозяйства, региональные платформы услуг и крупные мегаполисные экосистемы [1–5]. Наиболее развитый пример – Москва. Московский кейс показывает переход от электронного правительства к цифровому городу как целостной экосистеме.

Порталы услуг, медицинская и образовательная инфраструктура, транспортные приложения, городские обращения, системы видеонаблюдения и аналитические панели образуют связанный контур управления. Его сильная сторона – масштаб и интеграция. Уязвимая зона – необходимость постоянной проверки подотчетности данных и алгоритмов. Чем шире цифровой контур, тем больше значение приобретают не только техническая устойчивость, но и публичные процедуры контроля.

Российская модель отличается стремлением встроить цифровой город в государственную стратегию суверенитета. Это дает преимущество в управляемости и безопасности, но требует осторожности: цифровая эффективность не должна замещать публичное обсуждение, а сервисная логика не должна вытеснять гражданскую. В этом смысле вопрос о цифровом суверенитете не сводится к происхождению программного обеспечения или серверной инфраструктуры. Он включает способность публичной власти устанавливать понятные правила обращения с данными, обеспечивать контроль над критическими системами и сохранять политическую ответственность за цифровые решения.

Москва как цифровая городская экосистема показывает, что технологическая интеграция сама по себе не снимает политических вопросов. Напротив, она делает их более значимыми. Когда городской сервис становится универсальным входом в отношения с администрацией, именно через него формируется опыт доверия или недоверия к публичной власти. Поэтому цифровой город в российском контексте должен оцениваться не только как инструмент повышения эффективности, но и как механизм воспроизводства легитимности городского управления.

Критерии политически зрелого цифрового города

Для оценки цифрового города целесообразно использовать не один показатель технологической развитости, а совокупность политико-управленческих критериев. Первый критерий – прозрачность данных. Житель должен понимать, какие данные используются в конкретной

процедуре, для какой цели они собираются и кто отвечает за их сохранность. Второй критерий – объяснимость алгоритмических решений. Речь идет не о публикации программного кода, а о возможности получить понятное основание решения, влияющего на права, доступ к услугам или распределение городских ресурсов.

Третий критерий – процедура обжалования. Цифровое решение не должно быть окончательным только потому, что оно сформировано системой. Должностное лицо и публичный орган должны сохранять ответственность за результат. Четвертый критерий – инклюзивность доступа. Цифровой город не может считаться политически зрелым, если он делает участие и услуги фактически менее доступными для тех, кто не включен в цифровую среду.

Пятый критерий – инфраструктурная устойчивость. Чем больше город зависит от платформ, облаков, сетей и аналитических систем, тем важнее защита критической инфраструктуры и возможность продолжения управления при сбоях. Шестой критерий – публичная корректируемость. Городская цифровая система должна иметь каналы, через которые жители, эксперты и общественные институты могут указывать на ошибки данных, дискриминационные эффекты и непрозрачные процедуры.

Таким образом, политически зрелый цифровой город – это не город, где больше всего приложений. Это город, где цифровая эффективность соединена с публичной ответственностью. Такая модель позволяет сохранить преимущества данных и алгоритмов, не превращая городское управление в закрытый технологический контур.

Заключение

Цифровой город – это новая форма административно-политического управления, в которой власть действует через большие данные, алгоритмы, платформы и инфраструктуру. Его качество определяется не только количеством приложений или скоростью ответа службы. Главный критерий – способность соединить эффективность управленческих процедур с подотчетностью принимаемых решений обществу.

Данные о жизни города расширяют возможности мониторинга и планирования, алгоритмы повышают скорость принятия управленческих решений, цифровые платформы упрощают коммуникацию между жителями и администрацией. Каждый из этих элементов несет и риск: непредставленность отдельных групп, размывание ответственности за принятые решения, цифровая фильтрация повестки, зависимость от критической инфраструктуры.

Перспективная модель цифрового города должна быть не только умной, но и политически зрелой. Она требует общественного контроля над данными, объяснимых алгоритмов, понятных процедур обжалования, открытого статуса гражданского участия и сохранения ответственности публичной власти. Только при этих условиях цифровая городская экосистема может рассматриваться не как закрытый технологический контур, а как форма публичного управления, совместимая с принципами легитимности, правовой определенности и гражданского участия.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации.

2. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»: в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 // Официальный интернет-портал правовой информации.

3. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р // Правительство Российской Федерации.

4. Приказ Минстроя России от 28.12.2023 № 1000/пр «Об организации работы рабочей группы Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по запуску и реализации ведомственного проекта цифровизации городского хозяйства “Умный город”» // Минстрой России.

5. Минстрой России. Стартовал прием заявок на II Национальную премию за вклад в развитие цифровизации городского хозяйства «Умный город». 22.02.2024. – URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/startoval-priyem-zayavok-na-ii-natsionalnuyu-premiyu-za-vklad-v-razvitie-tsifrovizatsii-gorodskogo-kh/ (дата обращения: 23.06.2026).

6. Правительство Москвы. Проект стратегии «Умный город – 2030». – URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (дата обращения: 23.06.2026).

7. OECD. The OECD Programme on Smart Cities and Inclusive Growth. – URL: https://www.oecd.org/en/about/programmes/the-oecd-programme-on-smart-cities-and-inclusive-growth0.html (accessed: 23.06.2026).

8. OECD. Smart City Data Governance: Challenges and the Way Forward. Paris: OECD Publishing, 2023. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/smart-city-data-governance_e57ce301-en.html (accessed: 23.06.2026).

9. UN-Habitat. International Guidelines on People-Centred Smart Cities. Nairobi: UN-Habitat, 2025. – URL: https://unhabitat.org/international-guidelines-on-people-centred-smart-cities (accessed: 23.06.2026).

10. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. 2024. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (accessed: 23.06.2026).

11. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: adopted on 23 November 2021. Paris: UNESCO, 2021. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 (accessed: 23.06.2026).

12. Floridi L., Cowls J. A Unified Framework of Five Principles for AI in Society // Harvard Data Science Review. – 2019. – Issue 1.1. – DOI: 10.1162/99608f92.8cd550d1.

13. Косоруков А.А. Цифровое государственное управление: учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2020. 284 с.

14. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллективная монография / под ред. Е.М. Стырина, Н.Е. Дмитриевой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. ISBN 978-5-7598-2831-0.

15. Филатова О.Г. Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: исследования и тренды 2010–2020: монография. СПб.: Алетейя, 2020. 347 с.

16. Kitchin R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. London: SAGE Publications, 2014.

17. Kitchin R., Dodge M. Code/Space: Software and Everyday Life. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.

18. Cardullo P., Kitchin R. Being a “citizen” in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland // GeoJournal. 2019. Vol. 84. P. 1–13. – DOI: 10.1007/s10708-018-9845-8.

19. Meijer A., Bolívar M.P.R. Governing the smart city: a review of the literature on smart urban governance // International Review of Administrative Sciences. 2016. Vol. 82, No. 2. P. 392–408. – DOI: 10.1177/0020852314564308.

20. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

21. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. Oxford: Oxford University Press, 2018.

22. Sadowski J. When data is capital: Datafication, accumulation, and extraction // Big Data & Society. 2019. Vol. 6, No. 1. – DOI: 10.1177/2053951718820549.

23. Townsend A.M. Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia. New York: W.W. Norton & Company, 2013.

24. Hollands R.G. Will the real smart city please stand up? Intelligent, progressive or entrepreneurial? // City. 2008. Vol. 12, No. 3. P. 303–320. – DOI: 10.1080/13604810802479126.

25. Green B. The Smart Enough City: Putting Technology in Its Place to Reclaim Our Urban Future. Cambridge, MA: MIT Press, 2019.

26. Ерохина О.В. Цифровые технологии принятия решений: краудсорсинг как форма политического участия // Вестник университета. 2020. № 11. С. 189–194. – DOI: 10.26425/1816-4277-2020-11-189-194.

27. Голованов В.И. Совершенствование инфраструктуры городов на примере реализации программы Москвы «Умный город – 2030» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2026. Т. 13, № 1. С. 39–52. – DOI: 10.22363/2312-8313-2026-13-1-39-52.

28. Данилин И.В., Сидорова Е.А. Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3(64). С. 238–243. – DOI: 10.31737/22212264_2024_3_238-243.

29. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60.

30. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

DIGITAL CITY AS A NEW FORM OF POLITICAL GOVERNANCE: DATA, ALGORITHMS AND THE TRANSFORMATION OF URBAN POWER

Pobedin P.K.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the digital city as a specific form of political and administrative governance emerging at the intersection of big data, platform infrastructure, algorithmic pro-

cessing and urban services. The focus is not on the technological equipment of the city as such, but on the transformation of urban power: the expansion of administrative visibility, the redistribution of responsibility between officials, platforms and software systems, and the transformation of citizen participation in a platform environment. The author argues that the digital city differs from the smart city because it describes not only the level of technological implementation, but also a political and administrative order in which data become a resource of power. Using the Russian context, especially Moscow, the article shows the transition from electronic services to an integrated urban ecosystem. The need to assess the digital city through algorithmic accountability, lawful data governance, inclusive access, contestability and sovereign control over critical infrastructure is substantiated.

Keywords: digital city; smart city; urban power; digital governance; data; algorithms; artificial intelligence; digital sovereignty; platform governance; political legitimacy.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030". Official Internet Portal of Legal Information. (In Russian).

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation", as amended by Decree No. 124 of February 15, 2024. Official Internet Portal of Legal Information. (In Russian).

3. National Program "Digital Economy of the Russian Federation": Order of the Government of the Russian Federation No. 1632-r of July 28, 2017. Government of the Russian Federation. (In Russian).

4. Order of the Ministry of Construction of Russia No. 1000/pr of December 28, 2023 "On the organization of the working group for the launch and implementation of the departmental project for digitalization of urban economy 'Smart City'". Ministry of Construction of Russia. (In Russian).

5. Ministry of Construction of Russia. Applications have opened for the II National Award for contribution to the digitalization of urban economy "Smart City". February 22, 2024. Available at: https://minstroyrf.gov.ru/press/startoval-priyem-zayavok-na-ii-natsionalnuyu-premiyu-za-vklad-v-razvitie-tsifrovizatsii-gorodskogo-kh/ (accessed: 23.06.2026). (In Russian).

6. Government of Moscow. Draft Strategy "Smart City – 2030". Available at: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (accessed: 23.06.2026). (In Russian).

7. OECD. The OECD Programme on Smart Cities and Inclusive Growth. Available at: https://www.oecd.org/en/about/programmes/the-oecd-programme-on-smart-cities-and-inclusive-growth0.html (accessed: 23.06.2026).

8. OECD. Smart City Data Governance: Challenges and the Way Forward. Paris: OECD Publishing, 2023. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/smart-city-data-governance_e57ce301-en.html (accessed: 23.06.2026).

9. UN-Habitat. International Guidelines on People-Centred Smart Cities. Nairobi: UN-Habitat, 2025. Available at: https://unhabitat.org/international-guidelines-on-people-centred-smart-cities (accessed: 23.06.2026).

10. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence. Official Journal of the European Union, 2024. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (accessed: 23.06.2026).

11. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: adopted on 23 November 2021. Paris: UNESCO, 2021. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 (accessed: 23.06.2026).

12. Floridi L., Cowls J. A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. Harvard Data Science Review, 2019, issue 1.1. DOI: 10.1162/99608f92.8cd550d1.

13. Kosorukov A.A. Digital Public Administration: Textbook. Moscow: MAKS Press, 2020. 284 p. (In Russian).

14. Styrin E.M., Dmitrieva N.E. (eds.). Digital Transformation in Public Administration: Collective Monograph. Moscow: HSE Publishing House, 2023. ISBN 978-5-7598-2831-0. (In Russian).

15. Filatova O.G. Government Communications in the Digital Public Sphere of Russia: Research and Trends 2010–2020. Saint Petersburg: Aleteya, 2020. 347 p. (In Russian).

16. Kitchin R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. London: SAGE Publications, 2014.

17. Kitchin R., Dodge M. Code/Space: Software and Everyday Life. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.

18. Cardullo P., Kitchin R. Being a "citizen" in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland. GeoJournal, 2019, Vol. 84, Pp. 1–13. DOI: 10.1007/s10708-018-9845-8.

19. Meijer A., Bolívar M.P.R. Governing the smart city: a review of the literature on smart urban governance. International Review of Administrative Sciences, 2016, Vol. 82, No. 2, Pp. 392–408. DOI: 10.1177/0020852314564308.

20. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

21. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. Oxford: Oxford University Press, 2018.

22. Sadowski J. When data is capital: Datafication, accumulation, and extraction. Big Data & Society, 2019, Vol. 6, No. 1. DOI: 10.1177/2053951718820549.

23. Townsend A.M. Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia. New York: W.W. Norton & Company, 2013.

24. Hollands R.G. Will the real smart city please stand up? Intelligent, progressive or entrepreneurial? City, 2008, Vol. 12, No. 3, Pp. 303–320. DOI: 10.1080/13604810802479126.

25. Green B. The Smart Enough City: Putting Technology in Its Place to Reclaim Our Urban Future. Cambridge, MA: MIT Press, 2019.

26. Erokhina O.V. Digital technologies of decision-making: crowdsourcing as a form of political participation. Vestnik Universiteta, 2020, No. 11, Pp. 189–194. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-11-189-194. (In Russian).

27. Golovanov V.I. Improving urban infrastructure through the implementation of Moscow's "Smart City – 2030" program. RUDN Journal of Public Administration, 2026, Vol. 13, No. 1, Pp. 39–52. DOI: 10.22363/2312-8313-2026-13-1-39-52. (In Russian).

28. Danilin I.V., Sidorova E.A. The concept of technological sovereignty in a changing world. Journal of the New Economic Association, 2024, No. 3(64), Pp. 238–243. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_238-243. (In Russian).

29. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digitalization of the modern space of sociopolitical communications: scientific concepts, models and scenarios. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 2021, No. 60. (In Russian).

30. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Воспроизводство символов и героики в российских вузах как механизм укрепления общероссийской гражданской идентичности студенческой молодежи

Путильцев Данил Сергеевич,
аспирант, кафедра теоретической политологии, Институт международных отношений и политических наук, факультет политологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
E-mail: putiltsev.ds@rggu.ru

В статье анализируется воспроизводство символов и героических образов в российских вузах как часть политической социализации студентов. Выделены три модуса воспроизводства символа: семиотическое присутствие, нарративное развёртывание и ритуально-событийное проживание. Эмпирическую базу составили данные о 10 952 праздничных мероприятиях 260 вузов и 67 331 публикация 813 вузов во «ВКонтакте» за сентябрь 2022 – июнь 2024 года. Девять тематических категорий сгруппированы по общероссийскому, региональному и университетскому уровням. На общероссийский уровень приходится 92,9% публикаций, на университетский – 5,3%, на региональный – 1,8%. Доля позитивных комментариев возрастает от 33,0% на общероссийском уровне до 44,3% на региональном и 54,1% на университетском. Общероссийская коммуникация также сильнее зависит от календарных пиков. Выявлено расхождение между объёмом символического содержания и характером отклика: ближние уровни представлены слабее, но сопровождаются более позитивной реакцией.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность; политическая социализация; высшая школа; символическая политика; героика; цифровые следы

Введение

Укрепление общероссийской гражданской идентичности относится к приоритетам государственной политики Российской Федерации [1; 2]. Для высшей школы эта задача связана с политической социализацией студентов: в университетской среде представления о стране и гражданской принадлежности соотносятся с профессиональным и социальным опытом.

Символическое содержание воспроизводится в оформлении кампуса, памятных датах, церемониях, университетских медиа, рассказах о выпускниках и научных школах. Однако количество событий и публикаций не показывает характер их восприятия. Поэтому в статье сопоставляются объём символического содержания, уровень идентификации, календарная динамика и тональность цифрового отклика.

Цель статьи – выявить структуру воспроизводства символов и героических образов в российских вузах и сопоставить общероссийский, региональный и университетский уровни по объёму, календарной концентрации и тональности комментариев.

Обзор литературы и теоретическая рамка

В литературе гражданскую идентичность обычно описывают через знания о собственной принадлежности, ценностное отношение к ней, эмоциональное принятие и поведенческие установки [6; 16; 17]. Для анализа вузовских практик важна и оптика символической политики: она позволяет рассматривать публичную борьбу и закрепление интерпретаций социальной реальности [12]. Праздники и памятные даты в этом смысле выступают одним из устойчивых каналов такой работы [8; 9].

Исследования коллективной памяти уточняют, за счёт чего символ становится значимым. Исследователи показывают различные роли опосредованных представлений об общности (Б. Андерсон) [3], повторяемых традиций (Э. Хобсбаум) [18], мест, в которых память получает устойчивую форму (П. Нора) [13]. Для университетской среды важно и ритуальное измерение: усиление переживания принадлежности за счёт совместных действий [7].

Работы, посвященные изучению студенческих праздников, подтверждают высокую устойчивость этой части университетской жизни [5; 10; 11]. Связь праздничной культуры с российской идентичностью рассматривалась и на общекультурном материале [4]. При этом массовое распределение символического содержания между такими уровнями как «страна – регион – университет», его календарный ритм и реакция аудитории изучены заметно слабее.

Для интерпретации результатов используется модель кумулятивной идентификации [14]. В ней университетская, профессиональная и региональная принадлежности рассматриваются как возможные промежуточные опоры общероссийской идентичности. Близкий студенту сюжет приобретает общегражданское значение, если показано, какое место вуз, получаемая профессия или регион (его территориальные, экономические, культурные особенности) занимают в развитии и образе страны.

Символическое содержание в статье разделено на три уровня. Общероссийский уровень охватывает государственные символы, общенациональную память и фигуры общенационального масштаба; региональный – символы территории, земляков и места памяти; университетский – историю вуза, научные и научно-педагогические школы, преподавателей, выпускников и профессиональные и отраслевые традиции.

Отдельно рассматривается героика – персональные образы, через которые абстрактная ценность связывается с конкретной биографией реально жившего, живущего или вымышленного персонажа. Для анализа важно, остаётся ли такая фигура локальным памятным образом или её вклад соотносится с историей профессии, региона и страны.

Предлагаются для различия три модуса воспроизводства символа: семиотическое присутствие, нарративное развёртывание и ритуально-событийное проживание. Первый фиксирует символ в пространстве, второй раскрывает его через историю или биографию, третий включает в совместное действие (табл. 1).

Таблица 1. Три модуса воспроизводства символа в практиках вуза

Модус	Как воспроизводится символ
Семиотическое присутствие	Размещение символа в среде: геральдика, оформление, визуальный код. Основной результат – узнавание.
Нарративное развёртывание	Включение символа в историю, биографию или рассказ о месте памяти. Основной результат – понимание и оценка.
Ритуально-событийное проживание	Включение символа в совместное действие: праздник, церемонию, акцию. Основной результат – переживание принадлежности.

Из этой схемы следуют два ожидания: общероссийский уровень должен преобладать по объёму, а региональный и университетский – получать более позитивный отклик. Отдельно проверяется, насколько каждый уровень зависит от календарных пиков.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили два массива. Первый – анкеты 260 российских вузов о праздничной практике 2024 года: число и форматы мероприятий, продолжительность традиций и наиболее значимые государственные, региональные, профессиональные и университетские праздники.

Второй массив включает 67 331 тематическую публикацию 813 вузов из 181 города во «ВКонтакте» за сентябрь 2022 – июнь 2024 года. Для анализа использованы тематическая категория, дата публикации, вуз и тональность комментариев.

Девять тематических категорий сгруппированы по трём уровням модели. К общероссийскому отнесены государственные символы, исторические личности, атрибуты общероссийской гражданской идентичности и современные герои России; к региональному – региональные атрибуты и герои; к университетскому – герои вузов, атрибуты вузовской идентичности и престижности образования. Техническая категория «региональный уровень» исходного дашборда включала и региональные, и университетские сюжеты, поэтому в анализе они разделены.

Календарная концентрация оценивалась по 22 месячным рядам. Для каждого уровня рассчитаны коэффициент вариации месячного числа публикаций и доля сообщений, пришедшихся на май 2023 и май 2024 года.

Тональность анализировалась по 1 954 комментариям, для которых одновременно определены тематическая категория и эмоциональная оценка. Связь между уровнем содержания (одним из трех) и тональностью проверена критерием χ Пирсона, сила связи – коэффициентом V Крамера.

С точки зрения ограничений важно отметить. Цифровой отклик отражает публичную реакцию на содержание и не отождествляется с изменением идентичности. Массив охватывает только одну социальную платформу – «ВКонтакте». Тональность определена только для части комментариев.

Результаты

Масштаб праздничной практики. В 2024 году 260 обследованных вузов провели 10 952 праздничных мероприятия – в среднем 42,1 на одну образовательную организацию. Наиболее значимым государственным праздником 68,6% вузов назвали День Победы; День России занял второе место с 12,4%. В университетской категории лидирует юбилей или день основания вуза – 55,7%, в региональной – День города или региона – 59,1%.

Распределение публикаций по уровням. После группировки тематических категорий к общероссийскому уровню относятся 62 577 публикаций, или 92,9% корпуса. Университетский уровень включает 3 557 публикаций – 5,3%, региональный – 1 197, или 1,8%. Общероссийское содержание превосходит университетское примерно в 17,6 раза, региональное – более чем в 52 раза. Общероссийские сюжеты встречаются у 811 из 813 вузов (99,8%), университетские – у 588 (72,3%), региональные – у 390 (48,0%).

В общероссийском блоке крупнейшими категориями являются символы Российской Федерации – 25 766 публикаций, исторические личности – 16 936 и атрибуты общероссийской гражданской идентичности – 16 102. В университетском блоке 3 065 публикаций посвящены героям вузов, 310 – атрибутам вузовской идентичности и 182 – престижности образования. В региональном блоке 1 007 публикаций относятся к атрибутам региональной идентичности и 190 – к героям регионального уровня.

Календарная концентрация. Коэффициент вариации месячного числа публикаций составляет 0,82 для общероссийского уровня, 0,35 для регионального и 0,28 для университетского. На май 2023 и май 2024 года приходится 28,8% всех общероссийских публикаций за 22 месяца; на региональном уровне – 9,0%, на университетском – 9,8%. Максимум зафиксирован в мае 2024 года: 9 940 общероссийских публикаций, примерно в 3,5 раза больше среднего месячного объёма.

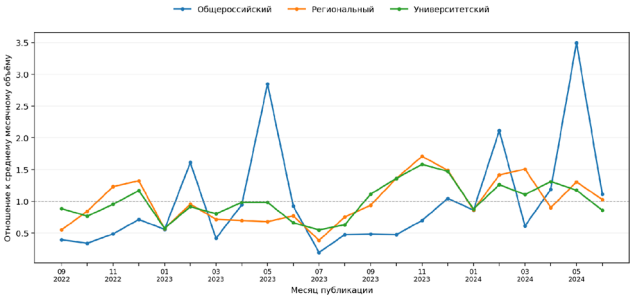

Рис. 1. Помесячная интенсивность публикаций по трём уровням, нормированная к среднему месячному объёму соответствующего уровня.

Источник: расчёты по данным цифрового мониторинга, сентябрь 2022 – июнь 2024 года

На рисунке 1 видны резкие февральские и майские пики общероссийского содержания. Региональный и университетский уровни распределены по времени заметно равномернее.

Состав героического содержания также различается. Среди подкатегорий всего массива лидируют мемориальные акции и события – 13 772 публикации, День Победы – 9 968 и День защитника Отечества – 5 940. В категории «Герои вузов» чаще всего представлены учёные – 1 139 публикаций, ректоры и основатели – 939, преподаватели и сотрудники – 391, выпускники – 193. Университетская героика заметно сильнее связана с научной и институциональной историей самого вуза.

Тональность комментариев. На общероссийском уровне из 1 657 классифицированных комментариев 33,0% позитивны, 58,4% нейтральны и 8,6% негативны. На региональном уровне доля позитивных комментариев составляет 44,3%, нейтральных – 50,0%, негативных – 5,7%. На университетском уровне позитивные комментарии составляют 54,1%, нейтральные – 43,1%, негативные – 2,9% (табл. 2).

Таблица 2. Объём публикаций и тональность классифицированных комментариев по трём уровням

Уровень	Постов	Комментарии: негативные / нейтральные / позитивные (доля позитивных)
Общероссийский	62 577	143 / 967 / 547 (33,0%)
Региональный	1 197	5 / 44 / 39 (44,3%)
Университетский	3 557	6 / 90 / 113 (54,1%)

Связь между уровнем содержания и тональностью статистически значима: $\chi^2(4) = 41{,}62$, $p < 0{,}001$; V Крамера = 0,103. Эффект слабый, поэтому результат описывает различия в агрегированной структуре комментариев, а не индивидуальное изменение идентичности.

Объём публикаций и позитивность комментариев меняются в противоположных направлениях. На общероссийское содержание приходится 92,9% корпуса, при этом позитивными являются 33,0% классифицированных комментариев. Университетское содержание составляет 5,3% от всех публикаций, а доля позитивных комментариев достигает 54,1%. Региональный уровень занимает среднее положение по тональности и остаётся самым редким по объёму (рис. 1).

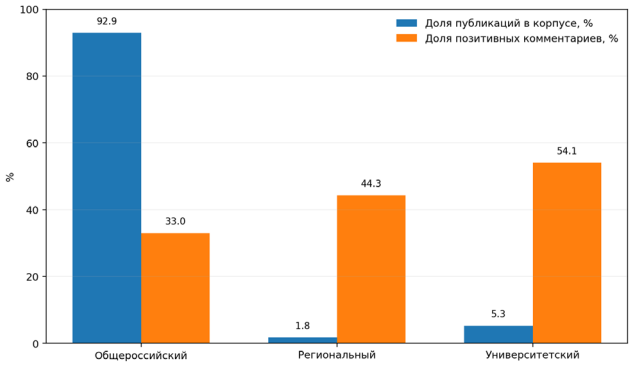

Рис. 2. Доля публикаций в корпусе и доля позитивных комментариев по трём уровням.

Источник: расчёты по данным цифрового мониторинга

Конкретные качественные примеры иллюстрируют разные модусы воспроизводства. В Хакасском государственном университете имя Н.Ф. Катанова прославляется обращением к биографии и научному наследию учёного. В Саратовском государственном университете выставка «Неординарный профессор» к столетию В.В. Пугачёва связала биографию деятеля университета с историей отечественной науки. Имя Героя Российской Федерации О.А. Тибекина стало названием патриотической игры «Я – Патриот!» в Сибирском федеральном университете, то есть персональный образ был включён в совместное действие.

Обсуждение

Главный результат исследования – выявлено резкое преобладание общероссийского символического содержания при более позитивном отклике на ближние уровни. Общероссийский уровень занимает 92,9% корпуса и сильнее зависит от календарных пиков. Университетский и региональный уровни представлены значительно слабее, но доля позитивных комментариев на них выше.

Такое соотношение не означает, что общероссийская символика воспринимается негативно. Скорее, значительная часть этого содержания образует устойчивый фон вузовской коммуникации. Университетские и региональные сюжеты реже встречаются, но ближе к непосредственному опыту студентов. Поэтому речь идёт об обратном соотношении объёма символического предложения и позитивности цифрового отклика, а не о причинной связи между количеством контента и изменением идентичности.

В логике кумулятивной идентификации этот результат важен потому, что более близкий уровень сам по себе ещё ничего не гарантирует. Университетский или региональный сюжет приобретает общегражданское значение только тогда, когда в нём видна связь конкретного вуза, профессии или территории с развитием страны.

Существенен и модус воспроизводства. Университетская героика может работать не только через памятную дату: биография учёного, история научной школы или профессиональная традиция дают материал для регулярного рассказа и совместных практик. В этом её отличие от значительной части общероссийского контента, сосредоточенного вокруг нескольких дат, с которыми связано огромное количество образов, на изучение и знакомство с которыми может уйти огромное количество времени.

Разница видна и в динамике. На май 2023 и май 2024 года приходится 28,8% общероссийского контента, тогда как для регионального и университетского уровней – около 9–10%. Значит, общероссийская коммуникация гораздо сильнее привязана к нескольким конкретным памятным датам.

Практический вывод простой: считать только мероприятия и публикации недостаточно. Полезнее одновременно видеть, какой уровень идентификации задействован, как представлен символ и какой отклик он вызывает. Цифровые показатели здесь служат диагностикой, но не заменяют опросов.

Интерпретация ограничена самим дизайном исследования. Цифровой массив не позволяет установить причинное влияние публикаций на идентичность; региональный уровень представлен сравнительно небольшим числом сообщений; данные одной платформы не описывают всю цифровую среду студентов.

Заключение

В цифровом массиве обнаружен сильный дисбаланс между тремя уровнями. На общероссийское содержание приходится 92,9% публикаций, на университетское – 5,3%, на региональное – 1,8%. При этом именно общероссийский контент сильнее всего привязан к федеральному памятному календарю.

По тональности картина иная. Позитивные комментарии составляют 33,0% на общероссийском уровне, 44,3% на региональном и 54,1% на университетском. Связь статистически значима, но невелика по силе, поэтому речь идёт о различиях в публичном отклике, а не о доказанном изменении идентичности.

Для вузов из этого следует не необходимость уменьшать объём общероссийского контента, а необходимость чаще связывать его с университетскими и региональными сюжетами. Наиболее перспективны форматы, в которых символ не остаётся элементом оформления или календарным упоминанием, а получает историю и включается в совместную практику.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858.

3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

4. Галактионова Н.А. Роль праздничной культуры в формировании российской идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2 (34). С. 52–57.

5. Дорохина Р.В. Праздники российского студенчества // Проблемы современного образования. 2017. № 5. С. 172–177.

6. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 100–111.

7. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В.В. Земсковой; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018.

8. Ефремова В.Н. Государственные праздники как идеологическая конструкция // Политическая наука. 2013. № 4. С. 227–236.

9. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 66–79.

10. Калиновская Н. Татьянин день // Высшее образование в России. 2000. № 1. С. 129–131.

11. Макашова А.С. Традиции ноябрьских праздников в истории России: символическое содержание праздников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2012. № 3. С. 128–131.

12. Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 5–16.

13. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

14. Путильцев Д.С. Механизмы укрепления общероссийской гражданской идентичности: модель кумулятивной идентификации в политической социализации студенческой молодёжи (в печати).

15. Работа с ценностными ориентациями студентов в университетской среде: сквозные образовательные форматы: методические рекомендации. / Федеральный центр гуманитарных практик ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». М., 2023.

16. Семененко И.С. (отв. ред.) Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017.

17. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

18. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

REPRODUCTION OF SYMBOLS AND HEROIC IMAGERY IN RUSSIAN UNIVERSITIES AS A MECHANISM FOR STRENGTHENING THE ALL-RUSSIAN CIVIC IDENTITY OF STUDENT YOUTH

Putiltsev D.S.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian State University for the Humanities"

The article analyses the reproduction of symbols and heroic imagery in Russian universities as part of student political socialisation. Three modes of symbol reproduction are distinguished: semiotic presence, narrative development, and ritual-event participation. The empirical base includes data on 10,952 festive events at 260 universities and 67,331 VKontakte posts from 813 universities between September 2022 and June 2024. Nine thematic categories are grouped into all-Russian, regional, and university levels. The all-Russian level accounts for 92.9% of posts, the university level for 5.3%, and the regional level for 1.8%. Positive comments rise from 33.0% at the all-Russian level to 44.3% at the regional and 54.1% at the university level. All-Russian communication shows stronger calendar concentration. The findings reveal a mismatch between the volume of symbolic content and audience response: the levels closest to students are less represented but receive a more positive reaction.

Keywords: all-Russian civic identity; political socialisation; higher education; symbolic politics; heroic imagery; digital traces

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 2 July 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". (In Russian).

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 858 of 25 November 2025 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036". (In Russian).

3. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo Pole, 2001. (Russian edition).

4. Galaktionova N.A. The role of festive culture in the formation of Russian identity. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2010. No. 2 (34). Pp. 52–57. (In Russian).

5. Dorokhina R.V. Holidays of Russian students. Problems of Modern Education. 2017. No. 5. Pp. 172–177. (In Russian).

6. Drobizheva L.M. Russian identity: the search for a definition and dynamics of dissemination. Sociological Studies. 2018. No. 8. Pp. 100–111. (In Russian).

7. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia. Moscow: Elementarnye formy, 2018. (Russian edition).

8. Efremova V.N. State holidays as an ideological construction. Political Science. 2013. No. 4. Pp. 227–236. (In Russian).

9. Efremova V.N. State holidays as instruments of symbolic politics: possibilities of theoretical description. In: Symbolic Politics. Issue 2: Disputes over the Past as Designing the Future. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2014. Pp. 66–79. (In Russian).

10. Kalinovskaya N. Tatiana Day. Higher Education in Russia. 2000. No. 1. Pp. 129–131. (In Russian).

11. Makashova A.S. Traditions of November holidays in Russian history: symbolic content of holidays. Saint Petersburg University Bulletin. Series 6. 2012. No. 3. Pp. 128–131. (In Russian).

12. Malinova O. Yu. Symbolic politics: contours of the problem field. In: Symbolic Politics. Issue 1: Constructing Representations of the Past as a Power Resource. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2012. Pp. 5–16. (In Russian).

13. Nora P. The problematics of sites of memory. In: Realms of Memory: France. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press, 1999. Pp. 17–50. (Russian edition).

14. Putiltsev D.S. Mechanisms for strengthening all-Russian civic identity: a cumulative identification model in the political socialisation of student youth. Forthcoming. (In Russian).

15. Working with Students' Value Orientations in the University Environment: Cross-Cutting Educational Formats: Methodological Recommendations / Federal Center for Humanities Practices, Russian State University for the Humanities. Moscow, 2023. (In Russian).

16. Semenenko I.S. (ed.). Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition. Moscow: Ves Mir, 2017. (In Russian).

17. Tishkov V.A. The Russian People: History and Meaning of National Self-Consciousness. Moscow: Nauka, 2013. (In Russian).

18. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Влияние культурно-исторических традиций на современный политический процесс Японии

Повалюхина Анастасия Николаевна,
старший преподаватель, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет»
E-mail: Anastasia.Povaliukhina@vvsu.ru

Предметом исследования является современный политический процесс в Японии в первой четверти XXI века, рассматриваемый через призму устойчивых культурных и исторических традиций. Исследование посвящено влиянию самурайского этоса, как исторически укоренившейся нормативной системы, на современные политические институты, практику руководства и модели управления.
Научная новизна исследования заключается в систематическом синтезе культурологических и институционалистских подходов для объяснения устойчивости и трансформации самурайского этоса в современном политическом процессе Японии. Результаты показывают, что такие элементы, как дисциплина, иерархическая лояльность и этическое лидерство, укоренившиеся в самурайских традициях, продолжают формировать бюрократическое управление, сплоченность элиты и стратегии управления кризисами, хотя и в переосмысленных и контекстно-зависимых формах.

Ключевые слова: Японский политический процесс, самурайский дух, политическая культура, исторический институционализм, поведение элиты, бюрократическое управление, политическое лидерство, институциональная преемственность, культурное наследие в политике и адаптивный культурный институционализм.

Сохранение характерных моделей политического поведения в Японии – в частности, иерархической организации, сплоченности элиты и принятия решений на основе консенсуса – представляет собой значительную аналитическую загадку в сравнительной политологии. Несмотря на глубокие институциональные преобразования, которые происходили в Японии с середины XIX века, в том числе Реставрация Мэйдзи, мобилизация в военное время, послевоенная демократизация и интеграция в глобальную политическую экономику, элементы преемственности в политической культуре остаются очень значительными.

Эти элементы преемственности проявляются в неизменном доминировании бюрократической власти, структурированной иерархии политических партий и преобладании неформальных практик достижения консенсуса, таких как «немаваси».

Основная цель данного исследования – проанализировать, в какой степени культурные и исторические традиции продолжают влиять на структуру и функционирование современного политического процесса в Японии в первой четверти XXI века.

Концепция «самурайского этоса» (бусидо) является предметом аналитических споров в литературе, и её определение в значительной степени зависит от принятой историографической и теоретической позиции. С критической историко-институционалистской точки зрения – наиболее известной благодаря Олегу Бенешу – «самурайский этос» следует понимать не как непрерывный и последовательный средневековый моральный кодекс, а как современную идеологическую конструкцию, ретроспективно систематизированную в конце XIX и начале XX веков. Бусидо было кодифицировано в период Мэйдзи как часть более широкого проекта национального строительства, избирательно опираясь на более ранние воинские практики и переосмысливая их для достижения целей современного государства [1, с. 4–7].

Исходя из этой позиции, мы можем определить самурайский этос как исторически обусловленный и идеологически сконструированный набор нормативных принципов, основанных на верности, иерархической обязанности, самодисциплине и моральной праведности, сформулированных и институционализированных в современной Японии посредством избирательного переосмысления досовременных воинских традиций и впоследствии внедренных в политический и социальный дискурс как легитимирующая основа для власти и коллективного порядка.

В исследовании мы используем междисциплинарный подход, сочетающий исторический институционализм и сравнительный политический анализ для изучения сохранения и трансформации нормативных элементов, связанных с самурайским этосом, в рамках политического процесса Японии.

В качестве эмпирической основы мы используем первичные источники, а именно правительственные документы, программные документы и данные выборов. Вторичные источники – рецензируемые журнальные статьи, монографии и сборники статей по японской политике. А также данные авторитетных учреждений, таких как Министерство внутренних дел и коммуникаций Японии, и международных организаций.

Анализ влияния самураев на современные японские политические процессы невозможен без теоретической основы, способной учитывать как культурную преемственность, так и институциональное воспроизводство. Габриэль Алмонд и Сидни Верба определяют политическую культуру как «модель ориентаций по отношению к политическим объектам среди членов нации» [2, с. 12]. Японская социальная организация отдает приоритет вертикальным, а не горизонтальным связям, что приводит к сильному акценту на лояльности и зависимости внутри иерархически структурированных групп. В рамках этой концепции самурайский этос выступает в качестве нормативного шаблона, влияющего на политическое поведение. Ценности, связанные с бусидо, – включая верность (тю), долг (гири), честь (мэйё) и самодисциплину, – тесно связаны с иерархическими и общинными ориентациями, выявленными в более широкой литературе о японской политической культуре. Самурайские нормы были не просто военными кодексами, а более широкой этической системой, которая укоренилась в элитном образовании и государственном управлении в период Токугава.

Самурайские ценности сохранялись не как явная идеология, а как глубоко институционализированные нормы, регулирующие деятель-

ность элиты. Эта интерпретация подтверждается современными административными документами: государственных служащих ожидается проявление беспристрастности, честности и преданности общественным обязанностям, в то время как Национальный кодекс этики государственной службы подчеркивает подотчетность и этичное поведение при исполнении служебных обязанностей [3, с. 45–49]. Хотя эти принципы сформулированы в рамках современной демократической системы, они укрепляют модели дисциплинированной службы и институциональной лояльности, которые параллельны более ранним самурайским административным идеалам. Более того, отчеты, издаваемые Министерством внутренних дел и коммуникаций, неизменно определяют профессионализм, организационную ответственность и общественное доверие как основополагающие принципы японского государственного управления [4, с. 12–18].

В то время как теория политической культуры освещает нормативные основы политического поведения, исторический институционализм предоставляет концептуальные инструменты для объяснения того, как такие нормы сохраняются в течение длительных периодов политических изменений. Институты – это не просто формальные правила, а «распределение власти и модели поведения», формируемые историческими траекториями и усиливающими механизмами обратной связи [5, с. 8–12]. Этот подход особенно актуален для Японии, где крупные политические реформы – такие как Реставрация Мэйдзи и послевоенная оккупация – трансформировали формальные структуры, оставив при этом в значительной степени нетронутыми лежащие в их основе культурные и организационные логики.

Самурайская элита сыграла центральную роль в формировании современного японского государства, перейдя на руководящие должности в бюрократическом и военном аппарате в начале периода Мэйдзи. Упразднение самурайского сословия не устранило его культурный авторитет; вместо этого самурайские нормы были внедрены в формирующиеся институты современного управления [6, с. 213–215]. С точки зрения историко-институционального подхода, этот процесс можно понимать как форму культурной зависимости от предшествующего пути развития, при которой досовременные ценности влияют на траекторию институционального развития, формируя ожидания элиты, модели найма и административные нормы. Эта динамика согласуется с аргументом Теды Скокпол о том, что государства демонстрируют долгосрочную преемственность, коренящуюся в существовавших ранее социальных и организационных структурах. [7, с. 30–34]. В случае Японии такая преемственность включает в себя иерархический бюрократический порядок, морализированное понимание государственной службы и устойчивое ожидание ответственности элиты за коллективное благополучие.

Культурная зависимость от предшествующего пути развития предлагает третий аналитический подход, фокусирующийся на механизмах, посредством которых традиционные нормы сохраняются в поведении современных политических деятелей. Ранние культурные или институциональные решения создают «самоподкрепляющиеся процессы», которые формируют будущее поведение и ограничивают возможности для альтернативных путей развития [8, с. 511–515]. Применение этого подхода к японскому контексту подчеркивает важность социализации элиты, образовательных практик и набора на государственную службу в передаче ценностей, заимствованных у самураев, из поколения в поколение.

Самурайская этика усвоилась благодаря дисциплинированным культурным практикам – таким как боевые искусства, конфуцианское учение и клановые кодексы поведения, – которые подчеркивали лояльность, саморегуляцию и морализацию власти [9, с. 132–138].

Поведение политической элиты в современной Японии также отражает эти культурные преемственности: политическая ответственность в Японии часто имеет ярко выраженный этический аспект, выходящий за рамки формальных правовых требований. [10].

Класс самураев сформировался в период между поздним периодом Хэйан и ранним Камакура как региональная военная элита, ответственная за поддержание порядка и управление имениями от имени аристократических землевладельцев. Ранняя власть самураев основывалась не только на воинском мастерстве, но и на их роли административных посредников между имперским центром и провинциями [11, с. 55–58]. Эта двойная функция заложила основу для политического порядка, возглавляемого воинами, в котором управление и военная служба были тесно переплетены.

Период Токугава (1603–1868) стал решающим моментом в культурном и политическом формировании самурайского этоса. Сёгунат превратил самураев из класса воинов в бюрократически-административную элиту, произошло формальное внедрение неоконфуцианских моральных принципов – в частности, иерархической обязанности, социальной гармонии и морализированной власти – в господствующую идеологию государства [12, с. 143–147]. Политика умиротворения режима Токугава породила уникальную форму «почетного индивидуализма», в которой личное поведение стало маркером политической легитимности [9, с. 167–170].

Социально-политическое значение бусидо заключается не только в его исторической точности, но и в его современной функции как легитимирующего дискурса. Современное проявление бусидо сформировало общественное понимание лидерства, долга, самопожертвования и служения. Политическая элита, педагоги и военные чиновники используют эту риторику для укрепления сплоченности и моральной дисциплины.

Даже в демократическом контексте политическое лидерство в Японии часто рассматривается в моральном контексте, апеллируя к идеалам дисциплины, ответственности и служения. Эта преемственность отражает то, что Эндрю Гордон называет как «культурное закрепление» самурайских ценностей в современных политических и социальных институтах Японии [13, с. 89–91].

Реставрация Мэйдзи 1868 года ознаменовала радикальную трансформацию политического и социального порядка Японии, свергнув сёгунат Токугава и положив начало программе быстрой модернизации и государственного строительства. Несмотря на это, этика, нормы поведения и административные возможности, связанные с бывшей воинской элитой, были глубоко интегрированы в институциональные основы современного японского государства. Самурайские ценности трансформировались из классовых норм в национальные политические принципы. Этот процесс происходил посредством четырех основных механизмов:

1. Набор элиты: бывшие самураи занимали должности в раннем правительстве Мэйдзи и внедряли свои ценности в административную структуру государства.

2. Институциональное проектирование: бюрократическая и образовательная системы формализовали нормы иерархии, дисциплины и долга.

3. Идеологическое конструирование: государство переосмыслило самурайскую этику для создания национального морального нарратива.

4. Политическая практика: поведение элиты воспроизводило заимствованные у самураев модели иерархической координации и личных обязательств.

Несмотря на драматический политический раскол 1945 года и всеобъемлющие институциональные реформы, проведенные в период американской оккупации, элементы самурайского духа оставались укорененными в японской политической культуре на протяжении всего послевоенного периода.

Одним из наиболее значимых элементов послевоенной преемственности является японская бюрократия, которая сохранила свою довоенную репутацию технической компетентности, дисциплины и иерархической сплоченности. От бюрократов ожидалось воплощение добродетелей усердия (кинбен), честности (сейдзюцу) и самообладания (дзико ёкусэй), что отражало более ранние идеалы самурайской самодисциплины. Система административного руководства (гёсэй сидо) является примером этого этического принципа. Эта форма неформального регулирования отражает стиль управления, который ставит во главу угла убеждение, моральный авторитет и сотрудничество в соблюдении правил – качества, которые долгое время ассоциировались с администрацией, возглавляемой самураями, а не с конфронтационным, юридическим принуждением [14, с. 98–102].

Послевоенная политическая элита, особенно внутри Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ), также демонстрировала модели поведения, которые можно проследить до более ранних самурайских традиций. Лояльность, фракционность и иерархическая координация оставались центральными чертами политического руководства. Фракционные структуры ЛДПЯ – хабацу – отражают досовременные системы связей между господином и вассалом и элитные сети эпохи Мэйдзи. Внутри фракций младшие члены поддерживают старших лидеров в обмен на защиту и продвижение по службе, что напоминает отношения в формате господин-вассал, характерные для эпохи Токугава. Аналогично, предпочтение консенсуса (немаваси) и закулисных консультаций отражает политическую культуру, которая ставит гармонию (ва) и иерархию выше открытой конфронтации.

Данные опросов общественного мнения, проведенных Кабинетом министров, предоставляют эмпирическое подтверждение этому наблюдению. В опросах, касающихся политического лидерства и общественного доверия, респонденты неизменно называют искренность (сейдзюцу), ответственность (секинин) и честность одними из наиболее желательных качеств политических лидеров [15, с. 22–27]. Оцен-

ка политической легитимности по-прежнему в значительной степени опирается на моральные критерии, подкрепляя аргументы о сохранении этических ожиданий, укоренившихся в более ранних традициях лидерства и государственной службы

Таким образом, послевоенная эпоха иллюстрирует «рефункционализацию» ценностей, заимствованных из самурайской культуры – традиционные нормы были адаптированы к новым институциональным структурам, породив гибридные политические практики, сочетающие демократические структуры с давними культурными ожиданиями. Эти ценности – дисциплина, иерархическое сотрудничество, лояльность, моральная ответственность и консенсус – формируют политическое поведение элиты, бюрократическое управление, общественные ожидания и более широкую политическую культуру современной Японии. Эта устойчивость позволяет сделать нам ключевой теоретический вывод: политическая культура демонстрирует долгосрочную преемственность даже в условиях институциональных изменений.

В современной Японии культура лидерства продолжает отражать элементы самурайского идеала. От политических лидеров ожидается проявление личной честности, моральной порядочности и преданности общественному благу – качеств, перекликающихся с акцентом бусидо на чести, верности и долге. Эти ожидания создают политическую среду, в которой легитимность лидеров частично определяется их приверженностью моральным нормам, а не исключительно успехом на выборах или официальным положением [16, с. 91–94].

Период правления премьер-министра Синдзо Абэ служит ярким примером. Аналитики отмечают, что Абэ делал акцент на дисциплинированном руководстве, долгосрочном стратегическом видении и культивировании лояльности внутри своей партии и бюрократического аппарата – моделях поведения, напоминающих иерархическую координацию и морализированную власть, ассоциирующиеся с самурайской традицией.

Эмпирические исследования также поднимают вопросы относительно последовательности и масштабов влияния самураев. Опросы бюрократической этики, поведения элиты и общественного мнения выявляют существенные различия в приоритетах иерархической лояльности, моральной ответственности и долга в разных секторах, поколениях и региональных контекстах [17, с. 70–74].

Анализ показывает, что элементы, исторически связанные с самурайским этосом, – в частности, иерархия, дисциплина, лояльность и коллективная ориентация, – продолжают формировать политический процесс в Японии. Однако это влияние не является ни прямым, ни однородным; скорее, оно действует через институциональное посредничество, воспроизводство элиты и культурно укоренившиеся ожидания, создавая модели поведения, которые демонстрируют как преемственность, так и адаптацию. Таким образом, полученные результаты подтверждают историко-институционалистскую интерпретацию политической культуры, в которой нормативное наследие сохраняется посредством процессов институционального наслоения и переосмысления, а не простой передачи.

Первый ключевой вывод касается сохранения иерархических и коллективистских норм в политической практике. Как в историческом, так и в современном контексте японские политические институты демонстрируют сильный акцент на структурированной власти и групповой сплоченности, что соответствует моделям, выявленным в более ранних культурных анализах.

В современном управлении эти нормы наблюдаются в иерархической организации политических партий, в частности, в доминировании продвижения по службе на основе стажа внутри Либерально-демократической партии (ЛДПЯ). В распространенности процессов принятия решений, ориентированных на консенсус, в частности, «немаваши», которые отдают приоритет неформальным консультациям и избеганию конфликтов. А также в ожидании лояльности к лидерам фракций и институциональным руководителям, формирующим как внутрипартийную динамику, так и бюрократическое поведение.

Второй вывод касается сохраняющейся роли бюрократии как центрального участника политического процесса в Японии. Бюрократические институты демонстрируют модели поведения, характеризующиеся: дисциплиной и процедурной строгостью; сильной внутренней иерархией и долгосрочной организационной лояльностью. В современном контексте набор элиты посредством конкурсных экзаменов и продвижения по службе усиливает эти модели. Однако сохранение иерархического уважения и организационной лояльности предполагает, что бюрократическое поведение нельзя полностью свести к одним лишь меритократическим механизмам. Вместо этого оно отражает гибридную модель, в которой современная административная рациональность встроена в культурно обусловленные ожидания долга и служения.

Результаты исследования также подчеркивают сохраняющуюся важность морализированного понимания лидерства в японской политике. Политических лидеров часто оценивают не только по результатам политики, но и по таким воспринимаемым качествам, как честность, дисциплина и приверженность общественному благополучию. Стиль руководства Синдзо Абэ иллюстрирует эту динамику. Хотя правление Абэ было отмечено стратегическими политическими инициативами и институциональными маневрами, общественные и элитные оценки часто подчеркивали его способность воплощать чувство национального долга и преемственности. Это отражает более широкую модель, в которой легитимность лидерства частично основана на нормативных ожиданиях поведения, перекликающихся с элементами, традиционно ассоциируемыми с самурайскими идеалами чести и ответственности.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что влияние самурайского этоса сохраняется скорее в результате институциональной адаптации, чем прямой преемственности.

Это проявляется в сосуществовании формальных демократических процедур с неформальными практиками достижения консенсуса; сохранении элитных сетей и фракционных структур в рамках конкурентной партийной системы; интеграции бюрократической власти в номинально плюралистическую политическую структуру.

Такие закономерности подтверждают аргумент о том, что политическая культура выступает в качестве опосредующей переменной, формируя функционирование институтов на практике, но не определяя результаты детерминированным образом.

Литература

1. Бенеш, О. (2014). Inventing the way of the samurai: Nationalism, internationalism, and Bushidō in modern Japan. (с. 4–7; 9–15; 144–147) Издательство Оксфордского университета.
2. Алмонд, Г. А., и Верба, С. (1963). The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. (с. 12) Издательство Принстонского университета.
3. Национальное управление по кадрам, Ежегодный отчет об управлении кадрами государственной службы (Токио: Национальное управление по кадрам, последнее издание), 45–49. https://www.jinji.go.jp/eng.html
4. Министерство внутренних дел и коммуникаций, Белая книга по местному государственному управлению в Японии (Токио: MIC, последнее издание), 12–18. https://www.soumu.go.jp/english/
5. Штейнмо, С., Телен, К., и Лонгстрет, Ф. (ред.). (1992). Structuring politics: Historical institutionalism in comparative analysis. (с. 8–12) Издательство Кембриджского университета.
6. Равина, М. (2004). The last samurai: The life and battles of Saigo Takamori. (с. 213–215) Уайли.
7. Скокпол, Т. (1979), Государства и социальные революции. (с. 30–34) Издательство Кембриджского университета.
8. Махони, Дж. (2000). Path dependence in historical sociology. Теория и общество, 29(4), (с. 511–515) https://doi.org/10.1023/A:1007113830879
9. Икегами, Э. (1995). The taming of the samurai: Honorific individualism and the making of modern Japan. (с. 103–108;132–138; 167–170) Издательство Гарвардского университета.
10. Ямагучи Д «日本官僚制とコロナ危機: 日本モデルと無責任体制をめぐって» [Японская бюрократия и кризис COVID: о японской модели и системе безответственности]. 年報 公共政策学 (Анналы, Исследования государственной политики) 16 (2022): 63–78. Доступно через HUSCAP, репозиторий Университета Хоккайдо.) https://hdl.handle.net/2115/84840
11. Фрайдей, К. Ф. (2004). Samurai, warfare and the state in early medieval Japan. (с. 55–58) Рутледж.
12. Оомс, Х. (1985). Tokugawa ideology: Early constructs, 1570–1680. (с. 143–147) Издательство Принстонского университета.
13. Гордон, А. (2003). A modern history of Japan From Tokugawa times to the present. (с.89–91, 218) Оксфорд, Великобритания: Издательство оксфордского университета. https://doi.org/10.1093/oso/9780195110609.001.0001
14. Хейли, Дж. О. (1991). Authority without power: Law and the Japanese paradox. (Pp. 98–102) Издательство Оксфордского университета.
15. Кабинет министров правительства Японии, Опрос общественного мнения по политическим вопросам (Seiji ni Kansuru Yoron Chōsa), последнее доступное издание, стр. 22–27. https://survey.gov-online.go.jp/
16. Рид, С. Р. (2003). Japanese electoral politics: Creating a new party system. (с. 91–94) Рутледж.
17. Иногути, Т. (2000). Japan's political culture. В кн.: Г.Д. Эллисон (ред.), Правительство и политика Японии. (с. 70–74) Рутледж.

THE INFLUENCE OF CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS ON THE MODERN POLITICAL PROCESS OF JAPAN

Povaliukhina A.N.
Vladivostok State University

The subject of this study is contemporary political processes in Japan in the first quarter of the 21st century, examined through the lens of enduring cultural and historical traditions. The research examines the influence of the samurai ethos, as a historically ingrained normative system, on contemporary political institutions, leadership practices, and governance models.
The research's novelty lies in its systematic synthesis of cultural and institutionalist approaches to explain the persistence and transformation of the samurai ethos in contemporary Japanese politics. The results show that elements such as discipline, hierarchical loyalty, and ethical leadership, rooted in samurai traditions, continue to shape bureaucratic governance, elite cohesion, and crisis management strategies, albeit in reinterpreted and context-dependent forms.

Keywords: Japanese political process, samurai spirit, political culture, historical institutionalism, elite behavior, bureaucratic governance, political leadership, institutional continuity, cultural heritage in politics, and adaptive cultural institutionalism.

References

1. Benesch, O. (2014). Inventing the way of the samurai: Nationalism, internationalism, and Bushidō in modern Japan. (pp.9–15; 144–147) Oxford University Press.
2. Almond, G. A., & Verba, S. (1963). The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. (p. 12) Princeton University Press.
3. National Personnel Authority, Annual Report on Public Service Personnel Administration (Tokyo: National Personnel Authority, latest edition), 45–49. https://www.jinji.go.jp/eng.html
4. Ministry of Internal Affairs and Communications, White Paper on Local Public Administration in Japan (Tokyo: MIC)
5. Steinmo, S., Thelen, K., & Longstreth, F. (Eds.). (1992). Structuring politics: Historical institutionalism in comparative analysis. (pp.8–12) Cambridge University Press.
6. Ravina, M. (2004). The last samurai: The life and battles of Saigō Takamori. (pp.213–215) Wiley.
7. Skocpol, T. (1979), States and Social Revolutions. (Pp. 30–34) Cambridge University Press.
8. Mahoney, J. (2000). Path dependence in historical sociology. Theory and Society, 29(4). (pp.511–515) https://doi.org/10.1023/A:1007113830879
9. Ikegami, E. (1995). The taming of the samurai: Honorific individualism and the making of modern Japan. (pp.103–108; 132–138; 167–170) Harvard University Press.
10. Yamaguchi, Jirō (山口二郎). «日本官僚制とコロナ危機: 日本モデルと無責任体制をめぐって» [Japanese Bureaucracy and the COVID Crisis: Concerning the Japanese Model and the System of Irresponsibility]. 年報 公共政策学 (Annals, Public Policy Studies) 16 (2022): 63–78. Accessed via HUSCAP, Hokkaido University Repository. https://hdl.handle.net/2115/84840
11. Friday, K. F. (2004). Samurai, warfare and the state in early medieval Japan. (pp.55–58) Routledge.
12. Ooms, H. (1985). Tokugawa ideology: Early constructs, 1570–1680. (pp.143–147) Princeton University Press.
13. Gordon, A. (2003). A modern history of Japan: From Tokugawa times to the present. (pp.89–91; 218) Oxford, UK: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780195110609.001.0001
14. Haley, J. O. (1991). Authority without power: Law and the Japanese paradox. (Pp. 98–102) Oxford University Press.
15. Cabinet Office, Government of Japan, Public Opinion Survey on Politics (Seiji ni Kansuru Yoron Chōsa), latest available edition, 22–27. https://survey.gov-online.go.jp/
16. Reed, S. R. (2003). Japanese electoral politics: Creating a new party system. (Pp. 91–94) Routledge.
17. Inoguchi, T. (2000). Japan's political culture. In: G.D. Ellison (ed.), Government and Politics in Japan. (Pp. 70–74) Routledge.

Праздничные практики российских вузов как технологии политической социализации: межвузовский контекст и три кейса

Путильцев Данил Сергеевич,
аспирант, кафедра теоретической политологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», Институт международных отношений и политических наук
E-mail: putiltsev.ds@rggu.ru

В статье рассматриваются праздничные практики российских вузов как организованные ситуации политической социализации студенческой молодёжи. Эмпирическая база объединяет исследование праздничной деятельности 260 образовательных организаций за 2024 год и постсобытийные опросы 821 студента после Дня знаний, Посвящения в студенты и Дня народного единства в трёх университетах. Межвузовский массив показывает различия практик по распространённости, длительности традиции, времени подготовки и доле очных форматов. Кейсы позволяют сопоставить участие студента в совместном действии, институциональное подтверждение новой роли и личное отношение к предъявляемой норме. Показано, что календарная распространённость праздника не равна его смысловой укоренённости, а положительная оценка церемонии не означает принятия её нормативного содержания. Политико-социализирующее значение праздника зависит также от охвата аудитории, адресности формата и продолжения работы после события.

Ключевые слова: политическая социализация; студенческая молодёжь; высшая школа; праздничные практики; политические технологии; гражданская идентичность.

Введение

Праздничные мероприятия занимают устойчивое место во внеучебной жизни российских вузов. Межвузовское исследование 2024 года показывает, что День знаний проводили 94,6% обследованных образовательных организаций, Посвящение в студенты – 80,8%, День народного единства – 83,8%. Однако сама распространённость практики ещё не говорит о том, какую роль она играет в политической социализации студентов. Показателен День народного единства: несмотря на широкое присутствие в университетском календаре, наиболее значимым государственным праздником его назвали лишь 5,4% ответивших организаций.

Это расхождение между календарным присутствием и смысловой значимостью позволяет поставить вопрос о содержании праздничной практики. В педагогической и культурологической литературе вузовский праздник обычно рассматривается как форма воспитательной работы, адаптации или поддержания университетской традиции [1; 4]. Для политической науки существенен другой аспект: какие отношения между студентом, группой и институтом возникают внутри события и при каких условиях праздничная практика становится частью политической социализации.

Такой ракурс не предполагает, что любое университетское мероприятие обладает политическим содержанием. Положительная оценка праздника, чувство близости к одногруппникам или высокая посещаемость сами по себе не свидетельствуют об изменении гражданской идентичности. Политико-социализирующее значение могут приобретать ситуации, в которых студент получает опыт коллективной роли, взаимодействия с институтом, публичного подтверждения принадлежности и соотнесения предъявляемой нормы с собственной позицией [3; 8; 9].

Цель статьи – определить, какие институциональные характеристики праздничных практик и какие особенности участия студентов позволяют рассматривать их как политико-социализирующие ситуации. Для этого сопоставляются два уровня данных: межвузовский массив 260 образовательных организаций и результаты трёх апробаций Дня знаний, Посвящения в студенты и Дня народного единства.

Теоретические основания

Университетский праздник рассматривается в статье как одна из практик последующей политической социализации, то есть социализации человека, уже имеющего сложившийся опыт семьи, школы, сверстников и медиасреды [7; 10; 11; 14].

Для анализа праздничной практики особенно важны две исследовательские линии. Первая связана с ритуалом. Э. Дюркгейм показывал роль коллективных действий в воспроизводстве общности [5], А. ван Геннеп – значение обрядов перехода при смене социального статуса [2]. Современные исследования уточняют, что ритуал действует неодинаково: значение имеют форма участия и смысл, который участник приписывает происходящему [12; 15]. Поэтому массовая церемония, практическое задание и персональное вручение статусного документа не следует считать функционально тождественными.

Вторая линия касается участия. Вовлечённость в университетской среде зависит от конкретного взаимодействия студента с институтом, а не только от его исходной мотивации [13]. Для настоящего исследования важно различать несколько наблюдаемых аспектов: получает ли студент собственную роль в общей практике; подтверждает ли университет его принадлежность персональным или публичным действием; воспринимается ли предъявляемая норма как имеющая личное значение. Это не самостоятельная классификация механизмов политической социализации университета. Речь идёт о признаках, которые можно сопоставить внутри конкретного праздничного события.

Под технологией политической социализации применительно к предмету статьи понимается целенаправленно организованная и воспроизводимая практика взаимодействия, в которой коллективная принадлежность и связанные с ней нормы получают конкретную форму участия. Само проведение культурно-массового мероприятия политического значения не создаёт. Оно возникает тогда, когда содержание практики связано с общественно значимыми нормами, ответственностью, профессионально-общественной или гражданской ролью.

Материалы и методы

Эмпирическая база имеет два уровня. Первый – анкетирование 260 образовательных организаций высшего образования о праздничной деятельности в 2024 году. Основу массива составили российские вузы; кроме них в него вошли отдельные образовательные организации Кыргызской Республики и Республики Таджикистан. Все организации анализировались в общем массиве. Поэтому данные используются как широкий институциональный срез практик, но не как вероятностная выборка всех российских вузов. Совокупно респонденты указали 10 952 мероприятия; по шести целевым праздникам сформировано 1 195 записей [16].

Для статьи из этого массива выделены День знаний, Посвящение в студенты и День народного единства. Сопоставляются четыре характеристики: распространённость практики, средняя длительность традиции, время подготовки и доля очного формата. Эти показатели описывают институционализацию события, но не измеряют его влияние на идентичность.

Второй уровень составили результаты трёх опросов обратной связи, проведённых в 2025 году после Дня знаний в Ижевском государственном техническом университете имени М.Т. Калашникова (n = 177), Посвящения в студенты в Дальневосточном государственном аграрном университете (n = 449) и Дня народного единства в Российском государственном гуманитарном университете (n = 195). Общий объём – 821 респондент. Все три апробации и опросы были организованы Центром социокультурного проектирования «Портрет поколения» РГГУ в рамках единой научно-методической работы по подготовке и апробации рекомендаций по реализации мероприятий по адаптации обучающихся в российских образовательных организациях высшего образования, направленных на воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей [17]. Анкеты учитывали специфику каждого события, поэтому ответы не объединяются в единую статистическую выборку. Сопоставляются только функционально близкие показатели внутри каждого кейса.

Постсобытийный дизайн не позволяет утверждать, что одно мероприятие причинно изменило гражданскую идентичность. В статье фиксируются различия в восприятии и признаки работы отдельных элементов практики, которые требуют дальнейшей проверки сопоставимыми и лонгитюдными измерениями.

Таблица 1. Институциональный профиль трёх праздничных практик в массиве 260 образовательных организаций высшего образования

Праздник	Организаций	Стаж традиции, лет	Подготовка, дней	Очный формат, %
День знаний	246 из 260 (94,6%)	33,2	29,4	78,9
Посвящение в студенты	210 из 260 (80,8%)	20,0	32,4	85,2
День народного единства	218 из 260 (83,8%)	9,5	22,7	59,6

Источник: расчёты автора по материалам аналитического исследования [16].

Результаты

1. Институционализация праздничных практик

Межвузовский массив показывает, что три практики занимают разное место в университетском календаре. День знаний проводили 246 из 260 организаций, или 94,6%. Средний стаж традиции составил 33,2 года. Посвящение в студенты отмечено в 210 организациях, или 80,8%, при среднем стаже 20 лет. День народного единства проводили 218 организаций, или 83,8%, но средняя длительность традиции была заметно меньше – 9,5 года [16].

Различается и организационный профиль. Подготовка Посвящения в студенты занимала в среднем 32,4 дня, Дня знаний – 29,4 дня, Дня народного единства – 22,7 дня. Очный формат составлял соответственно 85,2, 78,9 и 59,6%. Эти данные не говорят о качестве мероприятия, но показывают, насколько прочно практика встроена в жизнь организации и насколько она ориентирована на непосредственное совместное присутствие.

Особенно показателен День народного единства. При высокой распространённости только 14 из 258 ответивших организаций, или 5,4%, назвали его наиболее значимым государственным праздником. День Победы выбрали 177 организаций, или 68,6% [16]. Следовательно, календарное закрепление и символическая значимость не совпадают. Таким образом, календарное закрепление праздника и его место в иерархии значимых для университетов государственных дат не совпадают. Для сравнительно молодой государственной традиции это ставит отдельный вопрос о том, каким образом её общенациональное содержание связывается с опытом конкретного университетского сообщества.

2. Участие: от присутствия к собственной роли

В трёх кейсах деятельностные элементы получили заметный отклик, хотя показатели измерялись по-разному и не предназначены для прямого ранжирования.

В ИжГТУ имени М.Т. Калашникова самым запомнившимся элементом Дня знаний стал «День группы»: его отметили 35% опрошенных, торжественную линейку – 21%. Общая оценка праздника составила 4,27 балла из 5 [17]. Результат не доказывает общего преимущества камерных форматов, но показывает, что взаимодействие внутри ближайшего студенческого коллектива оказалось для первокурсников более запоминающимся элементом события, чем массовая церемония [17].

В ДальГАУ профессиональное посвящение строилось вокруг практических заданий факультетов, подготовленных с участием старшекурсников. Для 39% первокурсников эта часть программы помогла сплотиться с одногруппниками ради общей цели, для 32% – лучше понять специфику будущей профессии [17]. В ответах студентов совместная задача одновременно связывалась со сплочением группы и лучшим пониманием будущей профессии. Тем самым деятельностный формат соединял групповое взаимодействие с профессиональным содержанием [17].

В РГГУ программа Дня народного единства включала несколько деятельностных форматов. По данным постсобытийного опроса наиболее посещаемой практикой стал мастер-класс по сборке браслетов; участники самостоятельно собирали предмет, который могли оставить себе. Часть студентов была включена и в проектирование события: вместе с преподавателями и сотрудниками обсуждались символ праздника, визуальное решение и набор практик [17]. Здесь различаются как минимум две формы участия – действие внутри готового сценария и со-проектирование самого события.

Общий результат трёх случаев заключается не в формуле «интерактив лучше церемонии». Существеннее положение студента внутри события. Собственная роль делает институционально заданное содержание частью совместной практики, тогда как церемониальная форма может выполнять другую функцию – публично обозначать границы сообщества и новый статус.

3. Институциональное признание и отношение к норме

Наиболее наглядно различие функций проявилось в ДальГА У. Вручение студенческого билета и зачётной книжки положительно оценили 89% респондентов; 82% отметили вклад этого элемента в чувство сопричастности. Общую атмосферу и оформление положительно оценили также 89%, их вклад в сопричастность – 78%. Для клятвы первокурсника соответствующие показатели составили 76 и 70% [17].

Вручение документа отличается от общего эмоционального фона тем, что обращено к конкретному человеку и формально подтверждает его новый статус. Для политической социализации здесь важен опыт взаимодействия с институтом: принадлежность получает персональную и публичную форму. Этот опыт не равен гражданской идентичности, но показывает, как институт закрепляет роль участника.

Клятва даёт иной результат. Для 43% опрошенных она осталась красивой традицией, для 26% – необходимой формальностью, и лишь 17% восприняли её как личное обязательство [17]. Таким образом, положительная оценка ритуала и чувство сопричастности не означают личного принятия предъявленной нормы. Это различие важно и для анализа гражданской идентичности: эмоциональный отклик нельзя использовать как прямой показатель нормативного согласия.

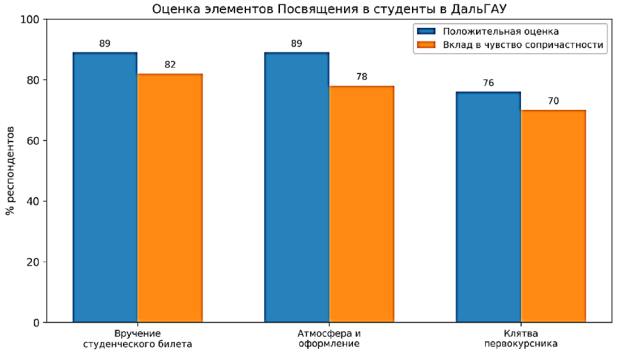

Рис. 1. Оценка элементов Посвящения в студенты и их вклад в чувство сопричастности, ДальГАУ, %

Источник: расчёты автора по материалам постсобытийного опроса [17].

4. Охват и продолжение практики

Масштаб организационного охвата не следует смешивать с фактическим участием в отдельных практиках. В материалах апробации РГГУ общий охват Дня народного единства оценивался примерно в 15 тыс. человек, тогда как в постсобытийном опросе участие в университетской программе указали 28% респондентов. Эти показатели имеют разные основания и напрямую не сопоставимы. Для анализа важнее причины неучастия: 38% назвали учебную нагрузку и подготовку к экзаменам, 28% – неудобные дату или время, 27% – отсутствие информации. При этом 97% непосредственных участников оценили праздник положительно [17]. Разрыв показывает, что содержательно удачная практика может оставаться недоступной для части целевой аудитории.

В ИжГТУ идею новых символов Дня знаний поддержали 93% респондентов, однако 23% первокурсников не знали о новом арт-объекте. Таким образом, часть аудитории оставалась вне контакта с одним из содержательных элементов практики ещё до возможности оценить его. Направление связи здесь установить нельзя, но данные показывают, что часть аудитории остаётся вне контакта с практикой ещё до оценки её содержания.

Поэтому охват имеет значение не как административный показатель массовости, а как условие контакта. Второе условие – продолжение работы после календарной даты. В ИжГТУ День знаний был связан с адаптационными мероприятиями первого семестра; рекомендации по итогам трёх апробаций предусматривают проектные группы, обратную связь и адаптацию практик к профилю университета [17; 18]. В такой логике праздник не замыкается на одном дне, а становится частью более длительной университетской линии.

Обсуждение

Сопоставление двух уровней показывает прежде всего разрыв между институционализацией и восприятием. Университет может регулярно проводить праздник, тратить на него ресурсы и сохранять традицию, но эти признаки не объясняют, какое место событие занимает в системе значимых смыслов и что получает конкретный участник. День народного единства – наиболее очевидный пример: дата присутствует в календаре большинства организаций, но редко называется ими центральным государственным праздником.

Кейсы уточняют, почему одного показателя посещаемости или удовлетворённости недостаточно. «День группы» в ИжГТУ и профессиональное посвящение в ДальГАУ показывают роль собственного действия; вручение студенческого билета – значение персонального признания со стороны института; данные по клятве – дистанцию между положительной оценкой и личным принятием нормы. Эти различия согласуются с исследованиями ритуала и вовлечённости, где результат зависит от формы участия и смысла, приписываемого действию [12; 13; 15].

Политическое содержание трёх рассмотренных практик различается. День знаний прежде всего оформляет вступление в академическое сообщество; Посвящение в студенты дополнительно обращается к будущей профессиональной роли; День народного единства непосредственно связан с общегражданской тематикой. Поэтому один и тот же организационный приём не имеет заранее заданного политико-социализирующего значения: оно зависит от содержания конкретного события и той коллективной принадлежности, к которой это событие обращается.

Практическое следствие состоит в отказе от универсального сценария «эффективного праздника». Для одного элемента важна собственная роль студента, для другого – публичность и институциональный статус, для третьего – возможность осмыслить норму. Одновременно необходимо учитывать информационные и временные барьеры. Методические материалы, разработанные по итогам апробации, делают акцент на вариативности, со-проектировании и обратной связи [18]. Такой подход снижает риск формального воспроизведения календарной даты.

Ограничения исследования связаны с самоотчётным характером межвузовского массива, различиями трёх постсобытийных анкет и отсутствием контрольных групп и замеров «до – после». Поэтому результаты описывают институциональные условия и наблюдаемые реакции участников, а не долгосрочный эффект праздника на гражданскую идентичность.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что распространённость университетского праздника и его политико-социализирующее значение находятся на разных уровнях. Межвузовский массив фиксирует устойчивость практики в институциональной среде, тогда как кейсы показывают конкретные формы взаимодействия студента с событием.

Наиболее содержательными для анализа оказались три различия. Совместное действие даёт иной опыт, чем наблюдение; персональное подтверждение статуса отличается от общего эмоционального фона; положительная оценка ритуала не означает принятия его нормы. Клятва первокурсника демонстрирует последний разрыв особенно ясно: при высокой общей оценке личным обязательством её назвали 17% респондентов.

Политико-социализирующий потенциал праздничной практики зависит также от фактического контакта с аудиторией и от продолжения работы после календарной даты. Поэтому значим не масштаб события сам по себе, а то, какую возможность оно создаёт для участия студента и каким образом полученный опыт получает продолжение в университетской жизни.

Таким образом, университетский праздник представляет интерес для политической науки не как особый вид досуга, а как наблюдаемая институциональная ситуация, в которой студент может получить опыт участия, признания принадлежности и отношения к предъявляемой норме. Проверка долгосрочного влияния этих процессов требует отдельного лонгитюдного исследования.

Литература

1. Галактионова Н.А. Роль праздничной культуры в формировании российской идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2 (34). С. 52–57.

2. Геннеп А., ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Москва: Восточная литература РАН, 1999. 198 с.

3. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261.

4. Дорохина Р.В. Праздники российского студенчества // Проблемы современного образования. 2017. № 5. С. 172–177.

5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В.В. Земсковой; под ред. Д.Ю. Куракина. Москва: Элементарные формы, 2018.

6. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания // Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. Москва: ИНИОН РАН, 2014. С. 66–79.

7. Зайко Я.В., Зорин В.А., Луканина Е.В. Школа как агент политической социализации в современной России: проблемы и перспективы развития // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 53–63. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-53-63.

8. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. DOI: 10.18721/JHSS.11302.

9. Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Весь Мир, 2017.

10. Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2022. 312 с.

11. Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. New York: McGraw-Hill, 1969. 440 p.

12. Hobson N.M., Schroeder J., Risen J.L., Xygalatas D., Inzlicht M. The Psychology of Rituals: An Integrative Review and Process-Based Framework // Personality and Social Psychology Review. 2018. Vol. 22, no. 3. P. 260–284. DOI: 10.1177/1088868317734944.

13. Kahu E.R., Nelson K. Student Engagement in the Educational Interface: Understanding the Mechanisms of Student Success // Higher Education Research & Development. 2018. Vol. 37, no. 1. P. 58–71. DOI: 10.1080/07294360.2017.1344197.

14. Sapiro V. Not Your Parents' Political Socialization: Introduction for a New Generation // Annual Review of Political Science. 2004. Vol. 7. P. 1–23. DOI: 10.1146/annurev.polisci.7.012003.104840.

15. Whitehouse H., Lanman J.A. The Ties That Bind Us: Ritual, Fusion, and Identification // Current Anthropology. 2014. Vol. 55, no. 6. P. 674–695. DOI: 10.1086/678698.

16. Аналитическое исследование по вопросу реализации мероприятий по адаптации обучающихся, приуроченных к университетским, региональным, профессиональным и государственным праздникам Российской Федерации, за 2024 год: результаты анкетирования 260 образовательных организаций высшего образования / Центр социо-

культурного проектирования «Портрет поколения» ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». Москва, 2025.

17. Рекомендации по реализации мероприятий по адаптации обучающихся в российских образовательных организациях высшего образования, разработанные с учётом результатов апробации (День знаний, Посвящение в студенты, День народного единства) / Центр социокультурного проектирования «Портрет поколения» ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». Москва, 2025.

18. Студенческие праздники в современной России: сборник методик реализации мероприятий по адаптации обучающихся в образовательных организациях высшего образования / Центр социокультурного проектирования «Портрет поколения» ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». Москва, 2025.

UNIVERSITY CELEBRATION PRACTICES IN RUSSIA AS TECHNOLOGIES OF POLITICAL SOCIALISATION: A CROSS-UNIVERSITY CONTEXT AND THREE CASES

Putiltsev D.S.
Russian State University for the Humanities, Institute of International Relations and Political Sciences

The article examines university celebration practices in Russia as organised settings of political socialisation among students. The empirical base combines a 2024 study of celebration activities in 260 higher education institutions with post-event surveys of 821 students after Knowledge Day, Student Initiation and National Unity Day in three universities. The cross-university dataset shows differences in prevalence, duration of tradition, preparation time and the share of face-to-face formats. The case studies compare students' participation in joint action, institutional confirmation of a new role and personal responses to presented norms. The findings show that calendar prevalence does not equal meaningful institutional embeddedness, while a positive evaluation of a ceremony does not imply acceptance of its normative content. The political-socialising relevance of a celebration also depends on audience reach, contextual adaptation and continuity beyond the event itself.

Keywords: political socialisation; student youth; higher education; celebration practices; political technologies; civic identity.

References

1. Galaktionova N.A. The Role of Festive Culture in the Formation of Russian Identity // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2010. No. 2 (34). P. 52–57. (In Russian).

2. van Gennep A. The Rites of Passage: A Systematic Study of Rites. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1999. 198 p. (Russian edition).

3. Drobizheva L.M. The Meanings of All-Russian Civic Identity in Russian Mass Consciousness // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2020. No. 4. P. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261. (In Russian).

4. Dorokhina R.V. Holidays of Russian Students // Problems of Modern Education. 2017. No. 5. P. 172–177. (In Russian).

5. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia. Moscow: Elementarnye formy, 2018. (Russian edition).

6. Efremova V.N. State Holidays as Instruments of Symbolic Politics: Possibilities of Theoretical Description // Symbolic Politics. Issue 2: Disputes over the Past as Designing the Future. Moscow: INION RAS, 2014. P. 66–79. (In Russian).

7. Zaiko Ya. V., Zorin V.A., Lukanina E.V. School as an Agent of Political Socialization in Contemporary Russia: Problems and Prospects of Development // Society and Power. 2022. No. 2 (92). P. 53–63. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-53-63. (In Russian).

8. Selezneva A.V. Political Values of Russian Youth: Sociocultural Features and Identification Potential // Society. Communication. Education. 2020. Vol. 11, No. 3. P. 20–32. DOI: 10.18721/JHSS.11302. (In Russian).

9. Semenenko I.S. Political Identity in the Context of Identity Politics // Identity: Personality, Society, Politics / ed. I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir, 2017. (In Russian).

10. Shestopal E.B. Political Psychology: Textbook. 6th ed., revised and expanded. Moscow: Aspect Press, 2022. 312 p. (In Russian).

11. Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. New York: McGraw-Hill, 1969. 440 p.

12. Hobson N.M., Schroeder J., Risen J.L., Xygalatas D., Inzlicht M. The Psychology of Rituals: An Integrative Review and Process-Based Framework // Personality and Social Psychology Review. 2018. Vol. 22, No. 3. P. 260–284. DOI: 10.1177/1088868317734944.

13. Kahu E.R., Nelson K. Student Engagement in the Educational Interface: Understanding the Mechanisms of Student Success // Higher Education Research & Development. 2018. Vol. 37, No. 1. P. 58–71. DOI: 10.1080/07294360.2017.1344197.

14. Sapiro V. Not Your Parents' Political Socialization: Introduction for a New Generation // Annual Review of Political Science. 2004. Vol. 7. P. 1–23. DOI: 10.1146/annurev.polisci.7.012003.104840.

15. Whitehouse H., Lanman J.A. The Ties That Bind Us: Ritual, Fusion, and Identification // Current Anthropology. 2014. Vol. 55, No. 6. P. 674–695. DOI: 10.1086/678698.

16. Analytical Study on the Implementation of Student Adaptation Activities Associated with University, Regional, Professional, and National Holidays of the Russian Federation in 2024: Results of a Survey of 260 Higher Education Institutions / Center for Sociocultural Design "Portrait of a Generation", Russian State University for the Humanities. Moscow, 2025. (In Russian).

17. Recommendations for the Implementation of Student Adaptation Activities in Russian Higher Education Institutions, Developed on the Basis of Pilot Testing Results (Knowledge Day, Student Initiation, National Unity Day) / Center for Sociocultural Design "Portrait of a Generation", Russian State University for the Humanities. Moscow, 2025. (In Russian).

18. Student Holidays in Contemporary Russia: A Collection of Methods for Implementing Student Adaptation Activities in Higher Education Institutions / Center for Sociocultural Design "Portrait of a Generation", Russian State University for the Humanities. Moscow, 2025. (In Russian).

Интегративный подход к исследованию структурных компонентов личности политического лидера: эволюция метода дистантного профилирования

Стрелец Илья Эрнстович,
к.полит.н., доцент кафедры сравнительной политологии,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России»
E-mail: sagitil@mail.ru

Мухортов Денис Сергеевич,
к.филол.н., доцент кафедры английского языка № 1,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России»
E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

В статье представлен интегративный подход к дистантному исследованию личности политического лидера, обобщающий эволюцию методологии от классических зарубежных разработок к завершенному инструменту в российской политической психологии. Рассматривается история развития метода – от первых адаптаций западных методик до их систематизации. Основное внимание уделяется практическому инструментарию: требованиям к отбору и подготовке материала, процедуре контент-анализа по шести измерениям (три плоскости), переведенным в язык однозначных речевых маркеров для надежности и воспроизводимости. Приводятся детализированные таблицы кодирования и интерпретации. Методика позволяет составлять профили, выявлять устойчивые типологии лидеров и прогнозировать их политический курс.

Ключевые слова: политическая психология, дистантная оценка личности, политический лидер, интегративный подход, мотивационный профиль, операциональный код, Я-концепция, стиль лидерства, контент-анализ.

Введение

Изучение личности политического лидера принадлежит к числу центральных задач политической психологии. В условиях высокой персонализации власти, характерной для многих стран современного мира, понимание когнитивного стиля, мотивации и поведенческих паттернов главы государства необходимо для прогнозирования его политического курса. Однако на протяжении десятилетий исследователи сталкивались с фундаментальной методологической проблемой: как получить надежные данные о личности, не имея возможности прямого контакта с объектом изучения?

История дистантного изучения личности политика насчитывает уже несколько десятилетий. Ее основы были заложены в работах Г. Лассуэлла, а затем получили развитие, среди прочего, в публикациях Д. МакКлелланда, Д. Уинтера и М. Херманн, фокусируясь на разных аспектах личности лидера. Концепция «операционального кода», предложенная А. Джорджем и развитая С. Уокером, добавила к этому арсеналу когнитивное измерение, открыв возможность системного анализа представлений политика о политической реальности [George, 1969; Walker et al., 1998].

В российской науке эта традиция обрела собственную исследовательскую судьбу. Она развивалась в работах Е.В. Егоровой-Гантман [Егорова-Гантман, 2003], В.А. Зорина [Зорин, 2003], Э.К. Гиззатова [Гиззатов, 2007], И.Э. Стрельца [Стрелец, 2014], а также в рамках коллективных проектов под руководством Е.Б. Шестопал, среди которых особое место занимает исследование «человеческого капитала» российской политической элиты [Человеческий капитал, 2012]. В ходе этих проектов накапливался эмпирический опыт и все отчетливее осознавалась необходимость создания единого, унифицированного инструмента.

Особую роль в институционализации метода в России сыграли переводы классических статей Д. Уинтера, М. Херманн, У. Уайнтрауба и С. Уокера, выполненные В.А. Зориным и вошедшие в хрестоматию под редакцией Е.Б. Шестопал [Шестопал, 2011]. Однако этот первоначальный опыт наследовал сложность западных оригиналов: они требовали высокой квалификации, оставляли простор для субъективной интерпретации и не были формализованы в должной мере.

На протяжении последнего десятилетия методология дистантного профилирования продолжает активно развиваться и критически переосмысляться. В центре внимания международного научного сообщества остаются такие вопросы, как необходимый объем текста для надежного анализа [Young, 2025] и влияние языкового контекста на кодировку [Brummer et al., 2020; Canbolat, 2025].

Разработанная нами методика переводит психологические конструкты в однозначно интерпретируемые речевые маркеры, что снижает субъективность и делает анализ доступным. Цель статьи – представить этот подход как завершенный инструмент дистантного профилирования личности политика. Для этого мы характеризуем эволюцию метода, оговариваем требования к материалу, приводим таблицы кодирования по шести шкалам (три аналитические плоскости) и предлагаем систему интерпретации, позволяющую прогнозировать поведение лидера на основе его профиля.

Требования к эмпирическому материалу и процедура его подготовки

Корректное применение методики требует строгого отбора и подготовки текстового массива объемом от 3000 до 5000 слов. Эта планка необходима, чтобы нивелировать случайные, ситуативные высказывания и выявить устойчивые паттерны. Как показано в современных исследованиях, требуемый объем может варьироваться в зависимости от конкретных параметров [Young, 2025].

При анализе иностранных политиков особое значение приобретает качество перевода текстов на русский язык. Перевод должен выполняться профессионалом, хорошо владеющим стилистикой; предпочтительны переводы из авторитетных СМИ или выполненные по заказу. Машинный перевод или любительские подстрочники недопустимы. В этой связи особую актуальность приобретают исследования по разработке неанглоязычных схем кодирования, учитывающих лингвисти-

ческие и культурные особенности анализируемых текстов [Brummer et al., 2020; Canbolat, 2025].

Перед кодировкой удаляются приветствия, протокольные фразы, вопросы и комментарии ведущих – остаются ответы политика. Подготовленный массив разбивается на смысловые мини-фрагменты (предложения или законченные фразы), которые становятся единицами анализа.

Проблема авторства текста и критерии валидности

Дискутируя по вопросу авторства публичных текстов, критики неоднократно указывали, что публичная речь политика – продукт коллективного творчества, а не только индивидуального сознания [Renshon, 2009; Schafer & Crichlow, 2000]. Однако эмпирические исследования подтвердили, что при соблюдении определенных методологических требований публичные выступления остаются надежным источником для профилирования [Walker, 2000; Workman, 2000]. При этом для анализа значим сам факт озвучивания текста официальным лицом, а не его авторство [Стрелец, 2014].

Более того, С. Уокер показал, что ключевые переменные (частота категорий, паттерны аргументации) устойчиво коррелируют с поведением лидера даже в подготовленных текстах [Walker et al., 1999]. М. Шафер и С. Кричлоу экспериментально подтвердили: влияние спичрайтеров снижается по мере роста спонтанности выступления [Schafer & Crichlow, 2000].

В нашей методике предлагается операциональный критерий аутентичности – соотношение сенсорно-ориентированных предикатов (визуальных, аудиальных, кинестетических), характерных для политика. Для его установления берется скрипт прямого эфира (дебаты, спонтанный подход к прессе) объемом ок. 1000 слов – без телесуфлера и бумажного текста. Для точности сопоставляются 2–3 таких выступления в разные периоды. Полученный предикативный профиль служит эталоном. Далее аналогично анализируется официальный текст; значительное расхождение пропорций говорит о чрезмерном участии спичрайтера – такой материал для профилирования не валиден и подлежит отсеву.

Именно поэтому предпочтительный материал – спонтанные интервью и выступления, но подготовленные речи могут служить вспомогательным источником для первичных гипотез [Fouquet & Brummer, 2023; Semenova & Winter, 2020]. Это особенно важно, когда многие политики говорят только по написанному, а их спонтанных выступлений в доступе почти нет. В таких случаях отказ от анализа означал бы методологический тупик. Вместо этого необходимо делать поправку на характер источника и интерпретировать данные с учетом этого ограничения.

Методы

Подход основан на принципах качественного контент-анализа и предполагает выявление в текстах речевых маркеров, соотносящихся с изучаемыми психологическими характеристиками.

Правила кодировки: учитываются только утвердительные высказывания; один фрагмент кодируется по одной переменной в пределах измерения. Анализ охватывает шесть измерений в трех плоскостях.

Три плоскости и шесть измерений личности

В нашей методике анализ строится вокруг трех плоскостей – не жесткой классификации структур личности, а удобной феноменологической рамки. Политпсихологу проще исходить из того, что политик проявляет себя на интеллектуальном, эмоциональном и поведенческом уровнях – это позволяет систематизировать шесть измерений.

При этом структурные компоненты анализируются автономно. Так, Я-концепция – это знание политика о себе (когнитивный элемент), а самооценка – его отношение к этому знанию (аффективный компонент). У Р. Зиллера они объединены в один параметр, и на основе соотношения сложности Я-концепции и уровня самооценки выводятся типы политиков.

1. Когнитивная плоскость (фокусируется на том, как политик думает и воспринимает политический мир, и включает три измерения)

Операциональный код – фундаментальные убеждения о природе политического мира: дружественный он или враждебный, подвластный контролю или хаотичный. Это «оптика» лидера, его система координат. Измерение опирается на концепцию Н. Лейтеса, А. Джорджа и С. Уокера. Классическая модель включает два блока: философские (диагностические склонности) и инструментальные (склонности выбора).

В данной работе мы фокусируемся только на философских вопросах, поскольку они отражают глубинные, стабильные структуры личности и стратегии политика. Инструментальные же, касающиеся тактики, подвержены ситуативным изменениям. Это различие подтверждено эмпирически: в исследовании Э.К. Гиззатова [Гиззатов, 2007] на материале В.В. Путина (трагедия «Норд-Оста») и Дж. Буша-мл. (11 сентября 2001 г.) показано, что философские компоненты сохраняют инвариантность даже в остром стрессе, тогда как инструментальные индексы вариативны и подстраиваются под ситуацию. Стратегическое восприятие – глубинная характеристика, тактический репертуар – подвижный, контекстно-обусловленный инструмент.

Ценностно-мировоззренческие дилеммы – система базовых идеологических предпочтений, операционализируемая через бинарные оппозиции. Это не «оптика» (как в операциональном коде), а «компас», указывающий направление курса. Теоретическая основа – работы М. Херманн [Hermann, 1980; 1986], в российской традиции развитые в проекте «Человеческий капитал российских политических элит» [Человеческий капитал, 2012]. Методологическая операционализация через бинарные оппозиции опирается также на исследования О.Ю. Малиновой [Малинова, 2013].

В рамках методики ценностный блок включает три пары оппозиций:

1. *Этатизм vs антиэтатизм* – апелляция к ценностям государства, порядка, закона против критики регламентации, ошибок чиновников, отрицания централизованной власти.

2. *Приоритет равенства vs приоритет индивидуальной свободы* – забота о благосостоянии всех, социальная ответственность против поддержки свободного перемещения капиталов, иностранных инвестиций, отрицания социального государства.

3. *Патриотизм/этноцентризм vs космополитизм* – признание исключительности миссии своей страны, акцент на национальных интересах против упоминаний об участии в международных акциях, позитивной оценки достижений других стран.

Особого внимания заслуживает выявляемая через эти дилеммы склонность к авторитаризму: декларируемая приверженность демократии нередко сочетается с авторитарными методами концентрации власти, а переход от персональной ответственности – к делегированию наднациональным институтам. Анализ ценностных дилемм позволяет зафиксировать это противоречие.

Я-концепция – система представлений политика о самом себе, его идентичность. Теоретическая основа – типология Р. Зиллера, выделяющая типы лидеров по сочетанию уровня самооценки и сложности Я-концепции. Сложность отражает широту социального опыта и разнообразие освоенных ролей, от чего зависят открытость к новому опыту и адаптивность. Сочетание двух параметров дает четыре типа: «аполитичные», «прагматики», «идеологи» и «недетерминированные».

2. Аффективная плоскость (фиксирует эмоционально-оценочное отношение политика к себе и к своей деятельности)

Самооценка представляет собой эмоционально-оценочный компонент самосознания: отношение к тому, что политик о себе знает, удовлетворенность собой, чувство значимости. В методике она не анализируется изолированно, а измеряется через соотношение с Я-концепцией, позволяющее выявить типологию по Р. Зиллеру. Низкая самооценка может проявляться в компенсаторных механизмах – гипертрофированной самоуверенности, ригидности, стремлении к доминированию как способе преодоления внутренней неуверенности.

Мотивационный профиль представляет собой систему побудительных сил, определяющих направленность деятельности. Теоретическая основа – классическая теория Д. Мак-Клелланда, выделяющая три базовых мотива: власти, достижения и аффилиации. В адаптации Д. Уинтера и М. Херманн для дистантного анализа эти мотивы операционализируются через речевые маркеры.

Мотивы действуют как драйверы: мотив власти – стремление влиять на других и контролировать ресурсы; мотив достижения – ориентация на решение сложных задач; мотив аффилиации – потребность в теплых, доверительных отношениях.

3. Поведенческая плоскость (фиксирует устойчивые паттерны того, как политик действует и взаимодействует с последователями и оппонентами. Операционализируется через два измерения)

Поведенческий тип лидерства (по типологии Г. Лассуэлла) описывает способ реализации власти. Выделяются три варианта: агитатор (акцент на эмоциональном воздействии и риторике), администратор (ориентация на управленческие процедуры) и теоретик (приоритет идеологических конструктов). Каждый стиль диагностируется через доминирующие речевые маркеры.

Стиль межличностных отношений (по типологии Л. Этериджа и коллег) описывает характер взаимодействия с другими. В основе – пересечение двух осей: *интроверсия vs экстраверсия* и *уступчивость vs доминирование* [Etheredge, 1978]. Их сочетание дает четыре стиля, проявляющихся в отношениях с окружением, оппонентами и партнерами по переговорам.

Анализ всех шести компонентов позволяет составить политико-психологический профиль, на основе которого можно прогнозировать действия лидера в различных ситуациях. Именно так в классических работах Д. Уинтера, М. Херманн и их коллег [Winter et al., 1991] на основе профилей Дж. Буша-старшего и М. Горбачева были сделаны точные предположения о том, как они будут выстраивать отношения друг с другом и вести себя в критических ситуациях – и эти прогнозы, как показала историческая ретроспектива, полностью оправдались.

Результаты

Итогом многолетней работы по систематизации разрозненных подходов стала методика, апробированная в ряде наших публикаций [Стрелец, 2020; Стрелец, Рашит, 2020]. Ее ключевое отличие – перевод психологических конструктов в язык однозначно интерпретируемых речевых маркеров, что обеспечивает надежность и воспроизводимость анализа.

Ниже приведены детализированные таблицы кодирования для каждого из шести измерений. В них содержится перечень ключевых речевых маркеров, позволяющих однозначно идентифицировать соответствующий психологический параметр в текстах публичных выступлений. По техническим причинам перечни маркеров даны в текстовом формате с сохранением шифров переменных. При необходимости исследователь может преобразовать их в таблицы, используя функцию «Текст в таблицу» в текстовом редакторе.

Расчет и интерпретация показателей

По каждому измерению для каждой переменной подсчитываются три показателя.

1. Абсолютное число маркеров (n) – сколько раз данный маркер встретился в тексте.

2. Относительный коэффициент 1 ($R_1 = n / N \times 1000$) – абсолютное число маркеров делится на общее количество слов в тексте (N) и умножается на 1000. Позволяет сравнивать тексты разного объема.

3. Относительный коэффициент 2 ($R_2 = n / \Sigma n$) – абсолютное число маркеров делится на общее количество всех маркеров, выявленных в рамках данного блока (Σn). Сумма этих коэффициентов по всем переменным таблицы равна 1 (или 100%), что показывает внутреннюю структуру профиля: соотношение разных переменных внутри одного измерения.

Интерпретация. Исследователь выявляет переменные с максимальными значениями относительного коэффициента 2 – они указывают на доминирующие характеристики политика в данном измерении. Преобладание одних маркеров над другими в пределах одного блока позволяет содержательно описать профиль: например, доминирование «этатизма» над «антиэтатизмом» говорит о ценностной опоре на государство, а высокий мотив власти в сочетании с низкой аффилиацией – о склонности к авторитарному стилю. Сопоставление доминант по всем трем плоскостям дает целостный профиль, на основе которого можно прогнозировать политический курс и поведение лидера в различных ситуациях.

Таблица 1. Операциональный код (философские вопросы)

Анализируется через выявление речевых маркеров по следующим категориям:
1А – Дружественный политический мир: «позитивное отношение к оппонентам», «готовность к уступкам», «объединение позиций», «уход от противоречий», «декларирование открытости», «отказ от силовых решений», «ориентация на общественное мнение»;
1Б – Враждебный политический мир: «угрозы», «упоминание конфликтов», «оценка других акторов как неполноценных», «риторика военного противостояния», «указания на опасность»;
2А – Оптимизм: «уверенность в достижении целей», «позитивная оценка будущих достижений», «стремление исправить ошибки», «предсказание победы»;
2Б – Пессимизм: «предсказание катастроф», «сомнение в успехе», «признание непреодолимых трудностей», «оценка перспектив в мрачных тонах»;
3А – Собственная воля политика (высокий контроль): «признание своей ответственности», «утверждение возможности контролировать события», «отказ от помощи», «восприятие себя инициатором»;
3Б – Гиперболизация роли случая (низкий контроль): «признание внешних факторов», «отсылки к объективным трудностям», «упоминание исторической необходимости», «неизбежность ошибок»;
4А – Глобальные и долгосрочные цели: «декларация идеологических принципов», «призывы к макроэкономическим показателям», «опора на общечеловеческие ценности», «обещание коренных преобразований»;
4Б – Конкретные и краткосрочные цели: «уточнение ближайших задач», «использование количественных данных», «забота о регламентах», «дробление проблем на шаги».

Таблица 2. Ценностно-мировоззренческие дилеммы

Анализируется через выявление речевых маркеров по следующим категориям:
1А – Этатизм: «апелляция к этатистским ценностям», «забота о дееспособности госаппарата», «эффективность госрасходов», «престиж госслужбы»;
1Б – Антиэтатизм: «отказ от всеобщей воинской обязанности», «сокращение социальных расходов», «передача функций частным структурам», «критика чиновников», «отрицание централизованной власти»;
2А – Приоритет равенства: «забота о благосостоянии всех граждан», «внимание к социально незащищенным», «призывы к равным условиям», «социальная ответственность бизнеса»;
2Б – Приоритет индивидуальной свободы: «поддержка свободного перемещения капиталов», «иностранные инвестиции», «борьба с монополиями», «отрицание социального государства», «приоритет частных структур»;
3А – Патриотизм/этноцентризм: «исключительность миссии страны», «национальные интересы», «территориальная целостность», «суверенитет»;
3Б – Космополитизм: «участие в международных акциях», «позитивная оценка достижений других стран», «глобализация», «отрицание уникальности своего опыта».

Таблица 3. Я-концепция и самооценка

Анализируется через выявление речевых маркеров по следующим категориям:
1 – Аполитичный тип (*высокая сложность Я-концепции и высокая самооценка*): «терпимость к оппонентам», «демонстрация исключительности», «игнорирование ожиданий соратников», «запрос разносторонней информации»;
2 – Прагматик (*высокая сложность Я-концепции и заниженная самооценка*): «зависимость от мнения экспертов», «уважение к другим лидерам», «открытость к новой информации», «самокритика», «приписывание успехов команде», «принятие ответственности за просчеты на себя»;
3 – Идеолог (*низкая сложность Я-концепции и высокая самооценка*): «отсутствие интереса к чужому мнению», «высокое мнение о себе», «оценка исходя из личного опыта», «игнорирование последствий», «переоценка своих способностей»;
4 – Сбалансированный тип (*высокая сложность Я-концепции и адекватная самооценка*): «отсутствие стремления к преимуществу за счет других», «констатация успехов на основе статистики», «адекватная реакция на критику», «уважение к партнерам», «стремление к обоюдной выгоде»;
5 – Недетерминированный тип (*низкая сложность Я-концепции и низкая самооценка*): «раздражение к оппонентам», «конформизм», «повторение клише», «зависимость от обстоятельств», «изменение позиции под влиянием окружения».

Таблица 4. Мотивационный профиль

Анализируется через выявление речевых маркеров по следующим категориям:
1 – Мотив власти: «оказание давления», «попытки убеждать и навязывать решения», «обещание помощи без запроса», «стремление произвести впечатление», «упоминание славы и репутации»;
2 – Мотив достижения: «положительная оценка деятельности», «придание весомости действиям», «упоминание соревнования и победы», «указание на неудачу»;
3 – Мотив аффилиации: «выражение дружественных чувств», «сожаление о непонимании», «поиск одобрения», «стремление сглаживать конфликты», «вхождение в альянсы», «лояльность».

Таблица 5. Поведенческий тип лидерства

Анализируется через выявление речевых маркеров по следующим категориям:
1 – Агитатор: «фразы о своем предназначении», «исключительное право говорить от имени общества», «наэлектризованность речи», «изобилие риторических фигур», «лозунговость», «эмоциональные выпады против оппонентов»;
2 – Администратор: «сосредоточенность на рутинных обязанностях», «выверенные структурированные фразы», «власть как ресурс», «решительность в устранении помех», «эмоциональная сбалансированность»;
3 – Теоретик (эксперт или идеолог): «стремление к философствованию», «обобщения», «суждения без четкой программы», «акцент на грандиозности планов», «экспертное мнение», «видение отдаленного будущего».

Таблица 6. Стили межличностных отношений

Анализируется через выявление речевых маркеров по следующим категориям:
1 – Экстраверт с высоким уровнем доминирования: «призывы к радикальному пересмотру отношений», «необходимость широких контактов», «интерес к активной общественной жизни», «уверенность в правильности своих действий», «реорганизация положения дел»;

Окончание

Анализируется через выявление речевых маркеров по следующим категориям:
2 – Экстраверт с низким уровнем доминирования: «отказ от неравенства», «поддержка мира и сотрудничества», «преодоление барьеров», «вовлечение других в дискуссии», «сохранение статус-кво»;
3 – Интроверт с высоким уровнем доминирования: «жесткое разделение на «друзей» и «врагов»», «заявления о военной силе», «закрытость и «красные линии»», «озабоченность новыми ситуациями», «создание блоков против оппонентов»;
4 – Интроверт с низким уровнем доминирования: «призывы к ответственности и планированию», «уважение ценностей других», «теплые отношения только с близкими», «поддержка арбитражных соглашений», «опора на институты, а не на волю политиков».

Обсуждение

Анализ шести измерений позволяет составить комплексный профиль лидера, дающий целостную картину для понимания его поведения и прогнозирования его действий.

Как показывают наши исследования, чистых типов не встречается – в рамках шести параметров возникают смешанные варианты. Противоречивость курса и непредсказуемость действий – это не более чем отражение сложности взаимодействия личности с внутренним и международным контекстом, актуализирующим те или иные черты.

Практическая значимость метода подтверждена, в частности, в классических работах Д. Уинтера, М. Херманн и их коллег по прогнозированию взаимодействия Дж. Буша-старшего и М. Горбачева [Winter et al., 1991].

В последние годы персонализация политики и активное использование ИИ в пресс-службах делают спонтанные выступления все более редкими, что ограничивает возможность судить о личности по озвучиваемым текстам [Харитонова, 2025]. Поэтому важно обогащать методику параллельным рассмотрением динамических компонентов личности через психобиографическое исследование политической социализации. Все это ставит перед методологией дистантного профилирования новые вызовы.

Заключение

Предложенная методика – результат длительной эволюции методов дистантной политико-психологической оценки, в ходе которой разрозненные зарубежные и отечественные наработки были систематизированы и переведены в формат доступного и воспроизводимого инструментария.

Дальнейшее развитие видится в нескольких направлениях: автоматизация подсчета маркеров, расширение эмпирической базы, адаптация для других языков (проведение кросс-культурных сравнений) и разработка более тонких типологий лидеров на основе конфигураций профилей.

Литература

1. Гиззатов Э.К. Когнитивные характеристики личности политического лидера в условиях кризисов: дис. … канд. полит. наук. – М., 2007. – 137 с.

2. Егорова-Гантман Е.В. Игры в солдатики: Политическая психология президентов. – М.: Группа компаний «Никколо М», 2003. – 336 с.

3. Зорин В.А. Роль личностного фактора в становлении президентства в России, Украине и Белоруссии: политико-психологический анализ личностей В.В. Путина, Л.Д. Кучмы и А.Г. Лукашенко: дис. … канд. полит. наук. – М.: МГУ, 2003.

4. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 414 с.

5. Стрелец И.Э. Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли президента России: дис. … канд. полит. наук. – М., 2014. – 203 с.

6. Стрелец И.Э. Рабочие программы дисциплин и методические указания для курсов повышения квалификации филологов и политологов: Учеб.-метод. пособие. – М.: Издательство «Plotter Plus», 2020.

7. Стрелец И.Э., Рашит М.Р. Языковая личность и билингвизм: От лингвоперсонологии к лингводидактике. Монография. – М.: Изд-во «Plotter-Plus», 2020. – 328 с.

8. Харитонова О.Г. Лидеры-популисты: между молотом психолога и наковальней психиатра // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 174–197. – DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.08

9. Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 344 с.

10. Шестопал Е.Б. (сост.) Политическая психология: Хрестоматия. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 432 с.

11. Brummer K., Young M.D., Özdamar Ö., Canbolat S., Thiers C., Rabini C., Dimmroth K., Hansel M., Mehvar A. Coding in Tongues: Developing Non-English Coding Schemes for Leadership Profiling // International Studies Review. – 2020. – Vol. 22. – № 4. – P. 1039–1067.

12. Canbolat S. Have Middle Eastern Leaders Learned from the Arab Uprisings? An Arabic Operational Code Approach // Uluslararasi Iliskiler / International Relations. – 2025. – Vol. 22. – № 87. – P. 123–145.

13. Etheredge L.S. Personality Effects on American Foreign Policy, 1898–1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory // American Political Science Review. – 1978. – Vol. 72. – № 2. – P. 434–451.

14. Fouquet S., Brummer K. Profiling the Personality of Populist Foreign Policy Makers: A Leadership Trait Analysis // Journal of International Relations and Development. – 2023. – Vol. 26. – P. 1–29.

15. Hermann M.G. Political Psychology: Contemporary Problems and Issues. – San Francisco: Jossey-Bass, 1986. – 256 p.

16. Renshon J. The Operational Code of John F. Kennedy: A Comparison of Public and Private Sources // Political Psychology. – 2009. – Vol. 30. – № 4. – P. 609–632.

17. Schafer M., Crichlow S. Operational Codes of Bill Clinton: Assessment of Source Material // Political Psychology. – 2000. – Vol. 21. – № 3. – P. 543–558.

18. Semenova E., Winter D.G. Motivational Profiles of Russian Presidents: A Comparative Analysis // Political Psychology. – 2020. – Vol. 41. – № 3. – P. 589–607.

19. Walker S.G. Assessing Psychological Characteristics at a Distance: Symposium Overview // Political Psychology. – 2000. – Vol. 21. – № 3. – P. 509–511.

20. Winter D.G., Hermann M.G., Weintraub W., Walker S.G. The Personalities of Bush and Gorbachev at a Distance: A Preliminary Analysis // Political Psychology. – 1991. – Vol. 12. – № 2. – P. 199–232.

21. Workman W. The Operational Code of Ronald Reagan and George H.W. Bush: A Comparison of Spontaneous and Prepared Statements // Political Psychology. – 2000. – Vol. 21. – № 3. – P. 559–574.

22. Young M.D. How Many Words? Precision-Based Sample Sizes for Assessment at a Distance // Political Psychology. – 2025. – P. 1–16.

AN INTEGRATIVE APPROACH TO POLITICAL LEADER PERSONALITY ASSESSMENT: EVOLUTION OF AT-A-DISTANCE PROFILING

Strelets I.E., Mukhortov D.S.
Moscow State Institute of International Relations

The article presents an integrative approach to at-a-distance assessment of a political leader's personality, tracing the evolution of methodology from classical foreign frameworks to a completed tool created in Russian political psychology. The history of the method is examined, including the translation and first adaptations of Western techniques, their approbation in research projects, and subsequent systematization. The main focus is on practical tools: the requirements for the selection and preparation of empirical material are described, as well as the procedure of content analysis of spontaneous speeches across six key dimensions, grouped into three planes. Each dimension is translated into the language of unambiguous speech markers, ensuring reliability and reproducibility of the analysis. Detailed tables for coding and data interpretation are provided. The technique allows researchers to compile political-psychological profiles, identify stable typologies of political leaders, and, based on empirical data, predict their political course.

Keywords: political psychology, remote personality assessment, political leader, integrative approach, motivational profile, operational code, self-concept, leadership style, content analysis.

References

1. Chelovecheskii kapital rossiiskikh politicheskikh elit: politiko-psikhologicheskii analiz [Human Capital of Russian Political Elites: Political-Psychological Analysis] / ed. by E.B. Shestopal, A.V. Selezneva. – Moscow: ROSSPEN, 2012. – 344 p.

2. Egorova-Gantman E.V. Igry v soldatiki: Politicheskaya psikhologiya prezidentov [Playing Soldiers: Political Psychology of Presidents]. – Moscow: Gruppa kompanii «Nikkolo M», 2003. – 336 p.

3. Gizzatov E.K. Kognitivnye kharakteristiki lichnosti politicheskogo lidera v usloviyakh krizisov [Cognitive Characteristics of the Personality of a Political Leader in Conditions of Crises]. PhD Dissertation. – Moscow, 2007. – 137 p.

4. Kharitonova O.G. Lidery-populisty: mezhdu molotom psikhologa i nakoval'nei psikhiatra [Populist Leaders: Between the Hammer of the Psychologist and the Anvil of the Psychiatrist] // Politicheskaya nauka [Political Science]. – 2025. – № 4. – P. 174–197. – DOI: 10.31249/poln/2025.04.08

5. Malinova O. Yu. Konstruirovanie smyslov: Issledovanie simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii [Constructing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia]. – Moscow: INION RAN, 2013. – 414 p.

6. Shestopal E.B. (ed.) Politicheskaya psikhologiya: Khrestomatiya [Political Psychology: Reader]. 3rd ed. – Moscow: Aspekt Press, 2011. – 432 p.

7. Strelets I.E. Rabochiye programmy distsiplin i metodicheskiye ukazaniya dlya kursov povysheniya kvalifikatsii filologov i politologov: Ucheb.-metod. posobiye [Working Pro-

grams of Disciplines and Methodological Guidelines for Advanced Training Courses for Philologists and Political Scientists: Teaching Aid]. – Moscow: Plotter Plus, 2020.

8. Strelets I.E. Vliyanie lichnostnykh osobennostei politicheskikh liderov na ispolnenie roli prezidenta Rossii [The Influence of Personal Characteristics of Political Leaders on the Fulfillment of the Role of the President of Russia]. PhD Dissertation. – Moscow, 2014. – 203 p.

9. Strelets I.E., Rashit M.R. Yazykovaya lichnost' i bilingvizm: Ot lingvopersonologii k lingvodidaktike [Linguistic Personality and Bilingualism: From Linguopersonology to Linguodidactics]. – Moscow: Plotter-Plus, 2020.

10. Zorin V.A. Rol' lichnostnogo faktora v stanovlenii prezidentstva v Rossii, Ukraine i Belorussii: politiko-psikhologicheskii analiz lichnostei V.V. Putina, L.D. Kuchmy i A.G. Lukashenko [The Role of the Personal Factor in the Formation of the Presidency in Russia, Ukraine and Belarus: A Political-Psychological Analysis of the Personalities of V.V. Putin, L.D. Kuchma and A.G. Lukashenko]. PhD Dissertation. – Moscow: MGU, 2003.

11. Brummer K., Young M.D., Özdamar Ö., Canbolat S., Thiers C., Rabini C., Dimmroth K., Hansel M., Mehvar A. Coding in Tongues: Developing Non-English Coding Schemes for Leadership Profiling // International Studies Review. – 2020. – Vol. 22. – № 4. – P. 1039–1067.

12. Canbolat S. Have Middle Eastern Leaders Learned from the Arab Uprisings? An Arabic Operational Code Approach // Uluslararasi Iliskiler / International Relations. – 2025. – Vol. 22. – № 87. – P. 123–145.

13. Etheredge L.S. Personality Effects on American Foreign Policy, 1898–1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory // American Political Science Review. – 1978. – Vol. 72. – № 2. – P. 434–451.

14. Fouquet S., Brummer K. Profiling the Personality of Populist Foreign Policy Makers: A Leadership Trait Analysis // Journal of International Relations and Development. – 2023. – Vol. 26. – P. 1–29.

15. Hermann M.G. Political Psychology: Contemporary Problems and Issues. – San Francisco: Jossey-Bass, 1986. – 256 p.

16. Renshon J. The Operational Code of John F. Kennedy: A Comparison of Public and Private Sources // Political Psychology. – 2009. – Vol. 30. – № 4. – P. 609–632.

17. Schafer M., Crichlow S. Operational Codes of Bill Clinton: Assessment of Source Material // Political Psychology. – 2000. – Vol. 21. – № 3. – P. 543–558.

18. Semenova E., Winter D.G. Motivational Profiles of Russian Presidents: A Comparative Analysis // Political Psychology. – 2020. – Vol. 41. – № 3. – P. 589–607.

19. Walker S.G. Assessing Psychological Characteristics at a Distance: Symposium Overview // Political Psychology. – 2000. – Vol. 21. – № 3. – P. 509–511.

20. Winter D.G., Hermann M.G., Weintraub W., Walker S.G. The Personalities of Bush and Gorbachev at a Distance: A Preliminary Analysis // Political Psychology. – 1991. – Vol. 12. – № 2. – P. 199–232.

21. Workman W. The Operational Code of Ronald Reagan and George H.W. Bush: A Comparison of Spontaneous and Prepared Statements // Political Psychology. – 2000. – Vol. 21. – № 3. – P. 559–574.

22. Young M.D. How Many Words? Precision-Based Sample Sizes for Assessment at a Distance // Political Psychology. – 2025. – P. 1–16.

Информационно-аналитическое обеспечение принятия государственных решений как политико-административный механизм цифрового государственного управления

Чернов Владислав Евгеньевич,
независимый исследователь
E-mail: vchernov-23–06@edu.ranepa.ru

Предмет исследования представлен информационно-аналитическим обеспечением принятия государственных решений в условиях цифрового государственного управления, при этом исследовательский пробел обусловлен преобладанием технологических и сервисных трактовок, которые недостаточно полно раскрывают преобразование государственных данных в юридически и политически весомое решение, порядок распределения полномочий между ведомствами и механизмы контроля исполнения; цель работы заключается в уточнении содержания данной категории через рассмотрение политико-административного механизма подготовки и согласования, принятия и последующей проверки государственных решений; эмпирическую и теоретическую базу исследования составили современные российские и зарубежные научные публикации 2022–2026 гг., основополагающие теоретические труды предшествующего периода, действующие нормативные правовые акты и документы национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», дополненные официальной статистикой и докладами международных организаций; методическая основа представлена анализом научной литературы и нормативных документов, вторичным изучением статистических данных и концептуальным моделированием; разработанная автором модель объединяет политическую постановку задачи и правовую квалификацию, верификацию данных и платформенную аналитику, межведомственное согласование, непосредственное принятие решения и последующий контроль его исполнения; прикладные возможности предложенной модели раскрыты на примере условной региональной ситуации, связанной с предоставлением государственной услуги в сфере охоты и рыболовства на территории Пермского края, где разграничены политическая и административная, технологическая и аналитическая линии ответственности; предложенная конструкция служит основой для разработки паспорта данных решения, матрицы ответственности и системы контрольных индикаторов; ограничение исследования обусловлено отсутствием в открытом доступе сведений о полном маршруте ведомственных решений и агрегированным представлением части статистических данных; практическая весомость модели выражается в её применимости при проектировании межведомственных регламентов и аналитических платформ, разработке процедур аудита качества государственных данных и совершенствовании контроля исполнения решений.

Ключевые слова: цифровое государственное управление; государственные информационные данные; портал «Госуслуги»; платформенные аналитические системы; межведомственная координация; принятие государственных решений.

Введение

В последние годы цифровое государственное управление вышло за пределы простого перевода документов и государственных услуг в электронный формат, поскольку подготовка управленческого решения всё в большей степени строится на последовательной обработке данных, при которой сведения извлекаются из государственных реестров, проходят проверку, получают соответствующую правовую квалификацию, сопоставляются между ведомствами и только после этого используются при подготовке властного акта либо поручения, тогда как реализация национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», развитие портала Госуслуг и внедрение технологий искусственного интеллекта усилили зависимость итогового управленческого результата от качества исходных записей и степени согласованности действий участников соответствующей процедуры [1].

Исследовательская проблема обусловлена не дефицитом цифровых инструментов как таковых, а недостаточной разработанностью порядка их встраивания в процесс принятия государственных решений, поскольку технические исследования преимущественно посвящены свойствам платформ и алгоритмов, юридические публикации анализируют допустимые границы обработки сведений, работы по тематике государственных услуг сосредоточены главным образом на удобстве заявителя, тогда как межведомственное прохождение решения нередко оказывается за пределами исследовательского внимания, хотя именно на данной стадии разграничиваются полномочия, устраняются расхождения в информационных массивах, определяется юридическая сила конкретной записи и фиксируется ответственность за подготовленный аналитический вывод.

Цель работы заключается в представлении информационно-аналитического обеспечения не в качестве вспомогательного сервиса, а как политико-административного порядка подготовки и реализации решения, при этом объектом исследования выступает цифровое государственное управление, раскрываемое через совокупность институтов, реестров, платформ и процедур, предметом является движение государственных данных от их первоначальной фиксации до управленческого действия с последующей проверкой полученного результата, а достижение поставленной цели связано с уточнением содержания исследуемой категории, сопоставлением российских и международных показателей, выявлением участков межведомственной координации и разработкой циклической схемы, предусматривающей обратную связь.

Новизна предложенного подхода определяется рассмотрением четырех видов ответственности – политической, административной, технологической и аналитической – не изолированно, а внутри единого управленческого цикла, где политическая установка определяет целевую ориентацию, административный уровень устанавливает законную процедуру, технологический уровень отвечает за сохранность сведений и их обмен, а аналитический – за качество расчета и корректность интерпретации результата, вследствие чего информационно-аналитическое обеспечение предстает как нормативно и организационно закрепленный порядок преобразования данных в управленческое решение, на основании которого становится возможной разработка паспорта данных и матрицы ответственности, регламента верификации и системы контрольных показателей.

Эмпирическую и теоретическую основу исследования составили 18 научных работ, федеральные законы, стратегические документы и материалы национального проекта, статистические сведения Минцифры России и НИУ ВШЭ/ИСИЭЗ, а равно отчеты международных организаций, причем отбор источников осуществлялся по совокупности критериев: непосредственной связи с цифровым государственным управлением; наличию положений, посвященных данным либо межведомственному обмену; пригодности материала для изучения жизненного цикла решения, тогда как для демонстрации логической согласованности модели использована условная региональная ситуация предоставления государственной услуги в сфере охоты и рыболовства на территории Пермского края, научные публикации и нормативные документы сопоставлялись по выполняемым функциям и составу субъектов, характеру рисков и распределению ответственности, а раз-

работанная схема не проходила проверку на реальном ведомственном массиве, вследствие чего ее логика раскрывается посредством указанной условной региональной ситуации.

Границы исследования обусловлены двумя обстоятельствами: во-первых, существенная часть официальной статистики публикуется в агрегированной форме и не позволяет установить качество отдельных административных операций, во-вторых, сведения из открытых источников не дают возможности полностью реконструировать прохождение конкретного межведомственного решения, поэтому сформулированные выводы относятся к устройству соответствующего механизма и условиям его практического применения, а не к эмпирически измеренной результативности деятельности отдельного органа государственной власти.

Информационно-аналитическое обеспечение как политико-административный механизм

Российская литература последних лет описывает постепенный переход от электронных услуг к проактивному предоставлению результата и к управлению, основанному на данных. При анализе региональных программ цифровой трансформации Абрамов В.И. и Андреев В.Д. связывают устойчивость результата не только с финансированием, но и с качеством показателей и исполнительской дисциплиной [11, с. 119–121]. Козяр Д.Ю. (Двинских) и Талапина Э.В. показывают, что проактивная услуга возможна лишь при наличии полной жизненной ситуации и готовности ведомств использовать имеющиеся сведения без повторного обращения гражданина [14, с. 15–18]. Южаков В.Н. и Старостина А.Н., напротив, фиксируют разрыв между доступностью электронного канала и реальным результатом административной процедуры [20, с. 89–92].

В работах о датацентричном управлении повторяются несколько проблем: ведомственные массивы построены по разным правилам, классификаторы не совпадают, собственник качества данных определен не всегда, аналитический модуль нередко существует отдельно от регламента [19, с. 69–73; 45, с. 45–49]. Нуриев обращает внимание на правовую определенность автоматизированных выводов и на сохранение ответственности должностного лица [16, с. 409–412]. Отраслевой материал Илясовой Е.В. подтверждает сходную зависимость: цифровой инструмент дает управленческий эффект только после включения в установленную процедуру и систему измеримых показателей [13, с. 482–484].

В зарубежных исследованиях понятие «data-driven governance» применяется для характеристики преобразований, выходящих за пределы обычной публикации открытых данных и охватывающих связи между организациями, инфраструктуру информационного обмена и участие граждан [22, с. 9–12], при этом работы, посвященные искусственному интеллекту и большим данным, соотносят качество принимаемых решений с прозрачностью используемой модели, полнотой исходных сведений и способностью государственного органа аргументированно разъяснить полученный вывод.

Теоретическую основу исследования составляет политологическая трактовка государственной политики как совместной деятельности органов власти и управления [12, с. 45], тогда как в общей теории национальной безопасности информационная деятельность раскрывается через подготовку решений и наблюдение за изменением обстановки, последующую оценку полученного результата [17, с. 174–179], исследования стратегического планирования концентрируются на согласовании целей и ресурсов, механизмов контроля и порядка их реализации [15, с. 13–16], материалы по интеллектуализации экономики развивают данную логику посредством представления государства в качестве платформы обработки данных и обращения к межведомственному реинжинирингу [18, с. 49–50], вследствие чего перечисленные положения в совокупности создают основание для соединения технологической составляющей с объемом полномочий и установленной процедурой, распределением персональной ответственности и порядком принятия управленческого решения.

Институциональное преобразование и эмпирические характеристики цифрового управления

Нормативную основу цифрового государственного управления образуют положения законодательства об информации и персональных данных, регулирование предоставления государственных и муниципальных услуг, нормы применения электронной подписи и стратегического планирования, при этом Стратегия развития информационного общества во взаимосвязи с национальными целями развития устанавливает базовые ориентиры государственной политики, тогда как государственная программа «Информационное общество», национальный проект экономики данных и федеральный проект цифрового государственного управления переводят данные установки в систему конкретных мероприятий и измеримых показателей, сроков реализации и соответствующих поручений.

В таблице 1 нормативные положения сопоставлены с административными операциями, что дает основание разграничить две группы документов: законодательные акты устанавливают правовой режим сведений и допустимые способы их обработки, процедуру удостоверения электронного волеизъявления и применимые юридические требования, тогда как программные документы закрепляют конкретные мероприятия и сроки их исполнения, целевые показатели и поручения, вследствие чего предметом нормативного регулирования выступает не цифровая технология в отвлеченном понимании, а установленная последовательность возникновения и верификации данных, их передачи и дальнейшего использования при подготовке государственного управленческого решения.

Таблица 1. Нормативные основания цифрового государственного управления

Документ	Предмет регулирования	Значение для механизма
Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026)	Правовой режим информации, информационных технологий и защиты информации	Задает общий правовой режим данных и ИТ-систем
Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025, действует с 01.09.2025)	Персональные данные, основания обработки, меры защиты	Ограничивает сбор и аналитику сведений о гражданах
Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.12.2025, действует с 09.01.2026)	Государственные и муниципальные услуги, электронные процедуры, реестровая модель результата услуги	Связывает цифровой сервис с юридически значимым результатом
Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025, действует с 01.03.2026)	Электронная подпись и юридическая сила электронных документов	Обеспечивает подписание электронных заявлений, межведомственных документов и результатов услуг
Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024)	Стратегическое планирование в Российской Федерации	Соединяет показатели, программы и управленческий цикл
Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 (действующая редакция от 09.05.2017)	Стратегия развития информационного общества 2017–2030 гг.	Формирует стратегическую рамку цифровизации
Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 (действующая редакция от 07.05.2024)	Национальные цели развития до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.	Задает целевые ориентиры цифровой трансформации
Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 19.12.2025)	Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество»	Закрепляет бюджетно-программную основу цифрового управления
Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»	Рынок данных, цифровая зрелость, платформенные решения, ИИ	Обеспечивает переход от электронных услуг к экономике данных
Федеральный проект «Цифровое государственное управление»	Типовые ИТ-решения, управленческие решения на основе данных	Формирует организационную базу датацентричного управления

Источник: составлено автором на основе действующих нормативных правовых актов Российской Федерации и материалов Минцифры России по состоянию на 15.07.2026.

Для эмпирического описания привлечены данные портала Госуслуг [2], статистического сборника НИУ ВШЭ «Индикаторы цифровой экономики: 2026» [3], издания OECD «Digital Government Outlook 2026» [4] и Всемирного банка «GovTech Maturity Index 2025» [5], материалов World Economic Forum «The GovTech Compass 2026» [6] и доклада ООН «UN E-Government Survey 2024» [7], что позволило опереться на российские и международные источники, отражающие состояние цифрового государственного управления, развитие соответствующей инфраструктуры и степень зрелости государственных цифровых сервисов. Российские данные характеризуют масштаб инфраструктуры, кадровую базу и распространение цифровых инструментов. Международные индексы позволяют оценить пользовательскую ориентацию, институциональную зрелость и способность государства координировать цифровые изменения.

Внутренние затраты на развитие цифровой экономики выросли с 4,094 трлн руб. в 2019 г. до предварительных 6,673 трлн руб. в 2024 г. При этом доля таких затрат в ВВП изменилась с 3,7 до 3,3%. По годам показатели составляли 4,063 трлн руб. и 3,8% в 2020 г., 4,848 трлн руб. и 3,6% в 2021 г., 5,161 трлн руб. и 3,3% в 2022 г., 5,471 трлн руб. и 3,1% в 2023 г. График на рисунке 1 показывает расхождение между ростом номинального финансирования и динамикой его удельного веса. Поэтому увеличение расходов само по себе не свидетельствует о том, что ведомства научились использовать данные при подготовке решений.

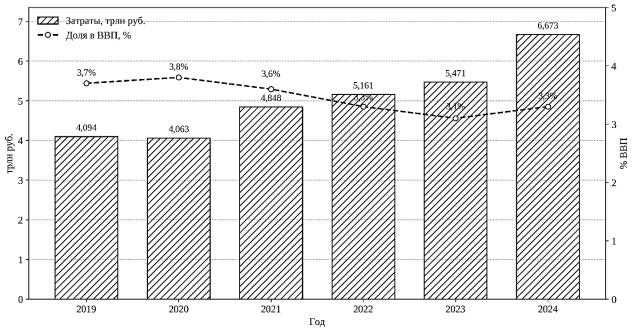

Рис. 1. Динамика валовых внутренних затрат на развитие цифровой экономики в Российской Федерации в 2019–2024 гг.

Источник: составлено автором по данным НИУ ВШЭ / ИСИЭЗ, рассчитанным на основе данных Росстата. Данные за 2024 г. предварительные.

Портал Госуслуг охватывает 120 млн пользователей, содержит свыше 2,6 тыс. услуг и сервисов, ежедневно привлекает около 14 млн человек и принимает более 2 млн заявлений. Представленные сведения характеризуют масштаб цифрового канала взаимодействия граждан и организаций с государством, но сами по себе не дают оснований непосредственно оценивать качество принимаемых решений, поскольку интенсивный поток обращений приводит к накоплению обширного массива административной информации, результативность использования которой определяется согласованностью государственных реестров и установленными правилами проверки, распределением полномочий между ведомствами и порядком последующего применения полученных данных.

Таблица 2 объединяет показатели сервисного охвата и ресурсного обеспечения, а также международные индикаторы, причем сопоставление приведенных значений показывает, что пользовательская вовлеченность и численность ИТ-специалистов увеличиваются быстрее, чем распространение технологий больших данных и искусственного интеллекта в организациях, вследствие чего выявленное расхождение свидетельствует о том, что наличие цифровой инфраструктуры само по себе еще не означает перехода к датацентричной модели государственного управления.

Таблица 2. Показатели цифрового государственного управления Российской Федерации

Показатель	Значение	Период
Пользователи Госуслуг	120 млн	2026
Услуги и сервисы на портале	более 2,6 тыс.	2026
Дневная аудитория Госуслуг	около 14 млн	2026
Заявления через портал	более 2 млн в день	2026
Заказы услуг через портал	около 900 млн за 2025 г.; прирост 17%	2025
Зрелость рынка данных	25% при плановом значении 14,8%	I квартал 2026
Цифровая зрелость госуправления	23,29% [8]	I квартал 2026
Затраты на цифровую экономику	6 673 млрд руб.	2024, предварительно
Доля затрат в ВВП	3,3%	2024, предварительно
ИТ-специалисты	1638,2 тыс.; 2,2% занятых	2024
Фиксированный ШПД в крупных и средних организациях	69,8%; в госуправлении – 73,1%	2024
Цифровые платформы	21,8%; в госуправлении – 13,5%	2024
Большие данные	5,3% крупных и средних организаций	2024
Искусственный интеллект	4,8% крупных и средних организаций	2024
EGDI	43-е место из 193 стран [9, с. 22, 28]	2024
Government AI Readiness	39-е место из 188 стран [10, с. 26–28]	2024

Источник: составлено автором по материалам Минцифры России, НИУ ВШЭ / ИСИЭЗ, World Bank, ООН и Oxford Insights; источники отдельных показателей приведены в цифровых ссылках в квадратных скобках.

Авторская конструкция политико-административного механизма

Информационная система и политико-административный механизм решают неодинаковые функциональные задачи: информационная система предназначена для накопления, передачи, обработки и хранения сведений, тогда как политико-административный механизм определяет полномочия субъектов, работающих с данными, основания подготовки аналитических выводов, процедуру согласования управленческого решения и ответственность за результаты его исполнения, при этом аналитическая панель не оказывает ощутимого воздействия на практику государственного управления, если представленные в ней показатели не закреплены соответствующими регламентами, нормативное регулирование, в свою очередь, не обеспечивает требуемого уровня управляемости при использовании фрагментарной либо недостаточной информационной базы, а межведомственный обмен становится источником дополнительных ошибок в ситуациях, когда ответственность за достоверность и качество сведений не закреплена за конкретным владельцем.

Под информационно-аналитическим обеспечением в настоящем исследовании понимается не совокупность отдельных цифровых решений, а нормативно установленный порядок согласованного применения правовых предписаний, информационных массивов и технологических платформ, аналитических процедур и экспертных заключений, контрольных действий и механизмов проверки, итогом которого выступает не самостоятельный отчетный документ, а аргументированное государственное решение, при котором сохраняются доступность исходных сведений для последующей верификации, прозрачность логики их применения и возможность проследить последствия реализации принятого решения.

Предлагаемый механизм образован восемью взаимосвязанными участками – постановкой политической задачи, проведением правовой квалификации, сбором и верификацией сведений, интеграцией государственных информационных систем, аналитической обработкой, межведомственным согласованием, принятием решения и контролем его исполнения, причем юридическая оценка не ограничивается обособленной стадией, поскольку сопровождает получение и передачу данных, последующее обращение с ними и интерпретацию, тогда как результаты контрольных процедур вновь направляются к исходной диагностике, создавая основания для корректировки применяемых критериев и информационной базы, выбранного способа государственного вмешательства и порядка дальнейших действий.

В научной литературе перечисленные элементы преимущественно анализируются обособленно: технологические модели описывают устройство цифровых платформ, но лишь в ограниченной степени раскрывают правовой статус получаемого результата; сервисные исследования сосредоточены на пользовательском опыте гражданина и почти не затрагивают внутреннюю процедуру подготовки государственного решения; юридические работы устанавливают границы допустимого поведения, не воспроизводя фактическую последовательность аналитических операций; управленческие модели обращаются к целевым ориентирам и системе показателей, но нередко оставляют без подробного раскрытия происхождение используемых сведений, тогда как предлагаемая схема объединяет данные исследовательские направления в единую последовательность подготовки, оформления, реализации и последующей оценки государственного решения.

Модель выстроена на трех последовательно связанных уровнях, причем на первом политический приоритет переводится в конкретизированную административную задачу с определением проблемной ситуации и компетенции соответствующего органа, ожидаемого результата и критериев его достижения, на втором создается аналитическое основание решения посредством верификации информационных записей

и расчета показателей, сопоставления возможных сценариев и оценки предполагаемых последствий, а на завершающем уровне подготовленный проект проходит процедуру межведомственного согласования, приобретает юридически закрепленную форму, реализуется в практической деятельности и впоследствии становится объектом систематического мониторинга. Таблица 3 раскрывает структурное устройство предлагаемого механизма и контрольные риски, возникающие на отдельных этапах его функционирования, тогда как таблица 4 отражает распределение ответственности между участниками подготовки и исполнения государственного решения, благодаря чему разграничиваются операционная последовательность действий и персонализированная ответственность за постановку цели, соблюдение требований законности и устойчивость информационной инфраструктуры, достоверность исходных сведений и обоснованность подготовленного аналитического заключения.

Таблица 3. Структурные элементы политико-административного механизма информационно-аналитического обеспечения принятия государственных решений

Элемент механизма	Информационная база	Административная операция	Контрольный риск
Политическая установка	Национальные цели, поручения, стратегические приоритеты и программные ориентиры	Решение политического уровня о запуске соответствующей меры	Риск декларативного закрепления цели при отсутствии достаточной информационной базы
Правовая рамка	Законы, подзаконные акты, регламенты и установленные полномочия	Определение правового основания для получения сведений и совершения действий органом власти	Риск выхода за установленные пределы компетенции
Данные и реестры	Государственные информационные системы, ведомственные массивы, обращения граждан и официальная статистика	Подготовка верифицированного массива сведений для последующей аналитической работы	Риск ошибок, дублирования записей, фрагментарности и неполноты данных
Интеграция ГИС	СМЭВ, витрины данных, API и единые классификаторы	Создание согласованной информационной картины для последующего анализа	Риск технической несовместимости и задержек при межсистемном обмене
Аналитика и сценарии	Индикаторы, расчетные модели, инструменты искусственного интеллекта и прогнозные оценки	Подготовка вариантов решения с сопоставлением предполагаемых последствий	Риск недостаточной прозрачности используемой модели и логики расчета
Межведомственное согласование	Проект решения, экспертные заключения, позиции органов власти и согласительные материалы	Подготовка согласованного проекта акта либо поручения	Риск ведомственных разногласий и затягивания процедуры
Принятие решения	Аналитическое обоснование, проект документа, ресурсный расчет и сопутствующие материалы	Издание нормативного акта, утверждение программы либо оформление поручения	Риск формального утверждения решения без достаточного аналитического обоснования
Контроль исполнения	Фактические показатели, обращения, результаты аудита и сведения о сроках	Корректировка применяемых мер, критериев оценки и информационной базы	Риск подмены управленческого воздействия формальной отчетностью

Источник: составлено автором.

На рисунке 2 разработанный механизм представлен как замкнутый управленческий цикл, в котором после реализации решения фактически достигнутые результаты вновь поступают в аналитический блок, сопоставляются с исходной постановкой задачи и применяются для повторной оценки первоначальных критериев, используемой информационной базы, расчетных оснований и выбранного способа государственного воздействия, вследствие чего обратная связь закрепляется непосредственно в структуре процедуры и выступает отличительным признаком предложенной конструкции по сравнению с линейной моделью административного процесса.

Таблица 4. Распределение ответственности между участниками цикла подготовки и реализации государственного решения

Линия ответственности	Содержание	Проверяемый результат
Политическая	Определение цели, приоритетов, критериев общественного результата и направлений государственного воздействия	Соответствие принятого решения национальным целям и публично закрепленным приоритетам
Административная	Соблюдение законности процедуры, организация межведомственного согласования, контроль сроков и последующего исполнения	Юридически оформленное решение при соблюдении установленного регламента и временных параметров
Технологическая	Обеспечение доступности информационных систем, совместимости реестров, защиты сведений и их сохранности	Стабильный обмен данными при отсутствии критических сбоев и нарушений требований защиты
Аналитическая	Обеспечение качества исходных сведений, воспроизводимости расчетов, объяснимости выводов и возможности их проверки	Документированное аналитическое обоснование с возможностью аудита и повторного проведения расчетов

Источник: разработано автором.

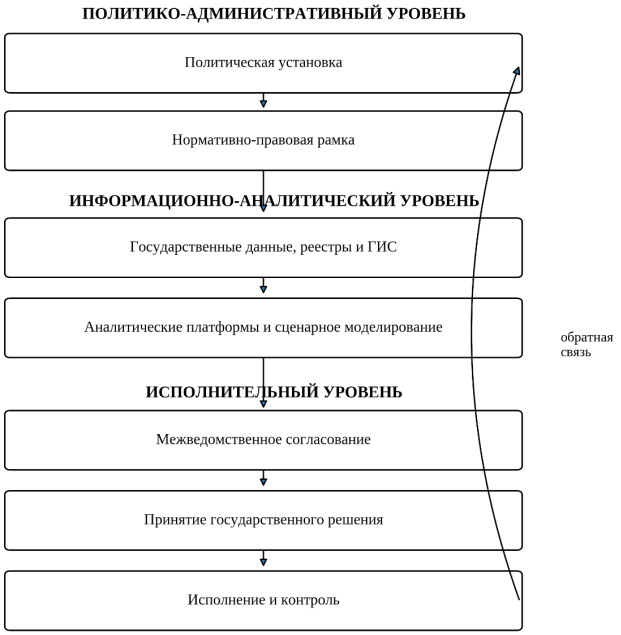

Рис. 2. Политико-административный механизм информационно-аналитического обеспечения принятия государственных решений

Источник: разработано автором.

Иллюстрация применимости модели

Для демонстрации практической применимости предложенного механизма рассматривается условная региональная ситуация, связанная с предоставлением государственной услуги в сфере охоты и рыболовства на территории Пермского края, причем обращение к данному примеру обусловлено принадлежностью охотничьих и водных биологических ресурсов к ограниченным природным ресурсам, распределение которых предполагает постоянное сопоставление правовых требований, территориальных параметров, экологических ограничений и статистических сведений, а исходной ситуацией выступает подача гражданином заявления через единый портал государственных услуг для получения разрешения на добычу охотничьих ресурсов либо использования установленной квоты на добычу водных биологических ресурсов, после регистрации которого запускается межведомственная процедура с участием региональных органов исполнительной власти, природоохранных структур, операторов государственных информаци-

онных систем и организаций, выполняющих контрольно-надзорные функции.

На первоначальной стадии идентифицируется заявитель, проверяются сведения о ранее оформленных разрешениях, сопоставляются действующие территориальные ограничения и сезонные лимиты, устанавливаются доступные объемы соответствующих природных ресурсов, после чего полученный массив информации сверяется с записями государственных информационных систем и применяется при подготовке аналитического заключения о правомерности выдачи разрешения, при этом политическая составляющая разработанного механизма выражается через установление приоритетов региональной политики рационального природопользования, административная связана с организацией межведомственного взаимодействия и юридическим закреплением результатов рассмотрения обращения, аналитическая охватывает обработку поступивших сведений и обнаружение расхождений, проведение расчетов и прогнозирование последствий принимаемого решения, тогда как технологическая составляющая ориентирована на обеспечение бесперебойного функционирования цифровой инфраструктуры, государственных информационных систем и каналов межведомственного обмена сведениями, вследствие чего приведенная модельная ситуация подтверждает применимость разработанного механизма к специализированным направлениям государственного управления.

Полученные результаты согласуются с положениями российских исследований, в которых цифровая зрелость характеризуется через качество применяемых показателей и организационную готовность органов власти, сложившиеся практики обращения с данными и степень их фактического встраивания в административные процессы, а не исключительно через наличие соответствующей информационной системы [19, с. 69–73; 45, с. 45–49], причем близкая исследовательская позиция представлена и в зарубежных работах, авторы которых фиксируют более высокие темпы развития цифровой инфраструктуры по сравнению с процедурами аудита и оценки, механизмами проверки автоматизированных решений и требованиями к объяснению оснований их принятия [22, с. 9–12; 51, с. 7–11].

Для аналитического уровня определяющее значение имеет соединение конкретной управленческой ситуации с последующим действием и измеримым результатом, причем в исследованиях стратегического управления близкий принцип раскрывается посредством последовательности «элементы обстановки – элементы управленческого решения – результаты процессов обеспечения безопасности» [21, с. 94], тогда как в цифровом государственном управлении соответствующий показатель приобретает прикладной смысл лишь после его соотнесения с определенной административной операцией и ответственным органом, установленным способом измерения и предполагаемым общественным изменением.

Самостоятельного рассмотрения требует вопрос о допустимых пределах автоматизации, поскольку процедуры, основанные на однозначных критериях, стабильных массивах данных, формализуемых проверках и сравнительно невысоком риске нарушения прав, допускают высокий уровень автоматизированной обработки, тогда как при принятии социально чувствительных решений алгоритмические инструменты целесообразно использовать прежде всего для обнаружения несоответствий, прогнозной оценки, выявления отклонений и поддержки контрольных процедур, оставляя окончательную проверку правового основания и содержательное объяснение принятого решения за уполномоченным государственным органом, поскольку иное распределение функций фактически переносит ответственность с субъекта публичного управления на информационную систему либо ее разработчика.

Практическая применимость разработанной модели выражается в установлении структуры документов и процедур, дефицит которых особенно отчетливо проявляется в процессе межведомственного взаимодействия, включая паспорта данных и перечни владельцев и получателей сведений, маршруты согласования и контрольные показатели, требования к воспроизводимости расчетов и условия объяснимости аналитического заключения, но перечисленные инструменты не рассматриваются как заранее установленный универсальный регламент, поскольку их конкретное содержание требуется определять с учетом компетенции соответствующего ведомства, особенностей административной процедуры, состава используемых информационных ресурсов и результатов апробации на фактических управленческих данных.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать информационно-аналитическое обеспечение не в качестве технического сопровождения деятельности органов публичной власти, а как упорядоченную систему, посредством которой политический приоритет преобразуется в административную задачу, исходные сведения получают аналитическое и правовое обоснование, проект управленческого решения проходит предусмотренное процедурное оформление, а результаты его практической реализации становятся объектом последующего контроля, повторной оценки и, при наличии соответствующих оснований, корректировки применяемых подходов.

Научный результат исследования заключается в выделении восьми взаимосвязанных участков управленческого цикла и четырех контуров ответственности, причем циклическое построение механизма обеспечивает учет сведений, полученных по итогам исполнения решения, при повторной постановке проблемы, уточнении используемых показателей и пересмотре регламентов, алгоритмов и отдельных процедур обработки данных.

Предложенная модель пригодна в качестве основы для разработки паспорта данных и матрицы полномочий, маршрута межведомственного согласования и системы контрольных индикаторов, а рассмотренная региональная ситуация, относящаяся к предоставлению государственных услуг в сфере охоты и рыболовства, продемонстрировала применимость разработанного подхода к отраслевым направлениям государственного управления, тогда как его дальнейшая проверка требует привлечения первичных ведомственных данных о продолжительности информационного обмена и полноте записей, количестве возвратов и основаниях пересмотра, характеристиках качества принятых управленческих решений.

Литература

1. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Минцифры России. URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva (дата обращения: 22.07.2026).

2. Госуслуги. Минцифры России. URL: https://digital.gov.ru/activity/gosuslugi (дата обращения: 22.07.2026).

3. Индикаторы цифровой экономики: 2026: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, М.Я. Бочаров [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. DOI: 10.17323/978-5-7598-3047-4. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1122445658.pdf (дата обращения: 22.07.2026).

4. OECD Digital Government Outlook 2026: From Foundations to Transformational Impact. Paris: OECD Publishing, 2026. DOI: 10.1787/0496b2bc-en.

5. GovTech Maturity Index 2025: Tracking Public Sector Digital Transformation. World Bank, 2025. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi-2025-update (дата обращения: 22.07.2026).

6. The GovTech Compass: Ten Principles for the Responsible Implementation of GovTech and Digital Public Infrastructure. World Economic Forum, 2026. URL: https://www.weforum.org/publications/the-govtech-compass-ten-principles-for-the-responsible-implementation-of-govtech-and-digital-public-infrastructure/ (дата обращения: 22.07.2026).

7. United Nations E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. UN DESA, 2024. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024 (дата обращения: 22.07.2026).

8. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»: результаты I квартала 2026 года // Минцифры России. URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva (дата обращения: 22.07.2026).

9. Индикаторы цифровой экономики: 2026. С. 22, 28; United Nations E-Government Survey 2024. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024 (дата обращения: 22.07.2026).

10. Индикаторы цифровой экономики: 2026. С. 26–28; Oxford Insights. Government AI Readiness Index 2024. URL: https://oxfordinsights.com/wp-content/uploads/2024/12/2024-Government-AI-Readiness-Index-2.pdf (дата обращения: 22.07.2026).

11. Абрамов В.И., Андреев В.Д. Первый год реализации программ цифровой трансформации в регионах России: проблемы и результаты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 110–128. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-2-110-128 EDN: XCTAJM.

12. Государственная политика и управление: учебное пособие для вузов / под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2018. 480 с.

13. Илясова Е.В. Цифровизация как инструмент повышения эффективности государственного регулирования сельского туризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государ-

ственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 4. С. 477–487. DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-4-477-487. EDN: MEKFWS.

14. Козяр (Двинских) Д.Ю., Талапина Э.В. Внедрение и оценка проактивных государственных услуг: методологический подход // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 2. С. 7–29. DOI: 10.17323/1999-5431-2025-0-2-7-29.

15. Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. № 1. С. 9–18. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.70339. EDN: UXFVYB.

16. Нуриев Б.Д. Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 404–414. DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-404-4140. EDN: BJZDNT.

17. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. 2-е изд. М.: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.

18. Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: обеспечение национальных интересов в условиях интеллектуализации экономики: материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А.В. Шевченко. М.: Проспект, 2019. 186 с.

19. Стырин Е.М. Барьеры внедрения датацентричного государственного управления: опыт России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. № 1. С. 61–81. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-61-81 EDN: KPTQDR.

20. Южаков В.Н., Старостина А.Н. Цифровое взаимодействие граждан и государства: оценка результативности с позиции гражданина // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. № 1. С. 82–97. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-82-97 EDN: CENFBF.

21. Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: оптимальные сценарии преодоления вызовов и угроз: материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А.В. Шевченко. М.: Проспект, 2018. 186 с.

22. Giest S., McBride K., Nikiforova A., Sikder S.K. Digital & data-driven transformations in governance: a landscape review. Data & Policy. 2025;7: e21. DOI: 10.1017/dap.2024.47.

INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT FOR PUBLIC DECISION-MAKING AS A POLITICAL-ADMINISTRATIVE MECHANISM OF DIGITAL GOVERNMENT

Chernov V.E.

The article investigates information and analytical support for public decision-making under digital government, with the identified research gap stemming from the predominance of technology-centred and service-oriented approaches that insufficiently reveal the conversion of government data into legally and politically consequential decisions, the allocation of authority across public agencies, and the mechanisms used to supervise implementation; information and analytical support is interpreted as a political-administrative mechanism that covers problem formulation and coordination, decision adoption and implementation, subsequent review, and feedback; the empirical and theoretical basis draws on recent Russian and international studies, earlier conceptual works, current regulatory acts and national project documents, supplemented by official statistics and reports issued by international organisations; the methodological framework combines analysis of academic literature and regulatory sources, secondary examination of official statistical data, and conceptual modelling; the proposed model connects political problem formulation with legal qualification, data verification and platform-based analytics, interagency coordination, formal decision adoption, implementation procedures, and subsequent feedback; its practical applicability is demonstrated through a conditional regional case concerning the provision of public services in the fields of hunting and fisheries in Perm Krai, where political and administrative, technological and analytical lines of responsibility are differentiated; the model serves as a basis for developing a data passport for a public decision, a responsibility matrix, and a set of monitoring indicators; the limitations of the study arise from the aggregated nature of part of the available statistics and the absence of publicly accessible information on the complete administrative routes followed by specific interagency decisions.

Keywords: digital public administration; government data; public service delivery; analytical platforms; interagency coordination; public decision-making.

References

1. National Project “Data Economy and Digital Transformation of the State”. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva (accessed: 22.07.2026).

2. Public Services. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. URL: https://digital.gov.ru/activity/gosuslugi (accessed: 22.07.2026).

3. Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Bocharov M.Ya. et al. Indicators of the Digital Economy: 2026: Statistical Collection. National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE ISSEK; 2026. DOI: 10.17323/978-5-7598-3047-4. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1122445658.pdf (accessed: 22.07.2026).

4. OECD Digital Government Outlook 2026: From Foundations to Transformational Impact. Paris: OECD Publishing; 2026. DOI: 10.1787/0496b2bc-en.

5. GovTech Maturity Index 2025: Tracking Public Sector Digital Transformation. World Bank; 2025. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi-2025-update (accessed: 22.07.2026).

6. The GovTech Compass: Ten Principles for the Responsible Implementation of GovTech and Digital Public Infrastructure. World Economic Forum; 2026. URL: https://www.weforum.org/publications/the-govtech-compass-ten-principles-for-the-responsible-implementation-of-govtech-and-digital-public-infrastructure/ (accessed: 22.07.2026).

7. United Nations E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. UN DESA; 2024. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024 (accessed: 22.07.2026).

8. National Project “Data Economy and Digital Transformation of the State”: Results of the First Quarter of 2026. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva (accessed: 22.07.2026).

9. Indicators of the Digital Economy: 2026. *P. 22, 28;* United Nations E-Government Survey 2024. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024 (accessed: 22.07.2026).

10. Indicators of the Digital Economy: 2026. *P. 26–28; Oxford Insights*. Government AI Readiness Index 2024. URL: https://oxfordinsights.com/wp-content/uploads/2024/12/2024-Government-AI-Readiness-Index-2.pdf (accessed: 22.07.2026).

11. Abramov V.I., Andreev V.D. The First Year of Implementation of Digital Transformation Programs in Russian Regions: Problems and Results. Public Administration Issues. 2024;(2):110–128. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-2-110-128. EDN: XCTAJM. (In Russ.).

12. Solovyev A.I., ed. State Policy and Administration: Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: Aspekt Press; 2018. 480 p. (In Russ.).

13. Ilyasova E.V. Digitalization as an Instrument for Improving the Efficiency of Government Regulation of Rural Tourism. RUDN Journal of Public Administration. 2025;12(4):477–487. DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-4-477-487. EDN: MEKFWS. (In Russ.).

14. Kozyar (Dvinskikh) D.Yu., Talapina E.V. Implementation and Evaluation of Proactive Public Services: A Methodological Approach. Public Administration Issues. 2025;(2):7–29. DOI: 10.17323/1999-5431-2025-0-2-7-29. (In Russ.).

15. Nazarov V.P., Afinogenov D.A. Problems of the Development of the General Theory of National Security in the Context of Revising the National Security Strategy of the Russian Federation. Vlast. 2020;(1):9–18. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.70339. EDN: UXFVYB. (In Russ.).

16. Nuriev B.D. Artificial Intelligence in the Public Administration System of Russia and the European Union: A Comparative Legal Analysis. Part I. RUDN Journal of Public Administration. 2025;12(3):404–414. DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-404-4140. EDN: BJZDNT. (In Russ.).

17. Prokhozhev A.A., ed. General Theory of National Security: Textbook. 2nd ed. Moscow: RAGS Publishing House; 2005. 344 p. (In Russ.).

18. Shevchenko A.V., ed. Strategic Management in the Sphere of National Security of Russia: Ensuring National Interests in the Conditions of Economic Intellectualization: Proceedings of the Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow: Prospekt; 2019. 186 p. (In Russ.).

19. Styrin E.M. Barriers to the Implementation of Data-Centric Public Administration: The Russian Experience. Moscow University Bulletin. Series 21: Public Administration. 2024;(1):61–81. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-61-81. EDN: KPTQDR. (In Russ.).

20. Yuzhakov V.N., Starostina A.N. Digital Interaction between Citizens and the State: Evaluating Performance from the Citizen’s Perspective. Moscow University Bulletin. Series 21: Public Administration. 2024;(1):82–97. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-82-97. EDN: CENFBF. (In Russ.).

21. Shevchenko A.V., ed. Strategic Management in the Sphere of National Security of Russia: Optimal Scenarios for Overcoming Challenges and Threats: Proceedings of the Fifth All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow: Prospekt; 2018. 186 p. (In Russ.).

22. Giest S., McBride K., Nikiforova A., Sikder S.K. Digital & Data-Driven Transformations in Governance: A Landscape Review. Data & Policy. 2025;7: e21. DOI: 10.1017/dap.2024.47.

Государствообразующий народ в российской политической системе: идеологема, этническая общность или субъект политики

Черноухов Артем Владимирович,
магистр права
E-mail: A.V. Chernoukhov@yandex.ru

Бурда Михаил Александрович,
доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: burda-ma@ranepa.ru

В статье анализируется концептуальная неопределенность понятия «государствообразующий народ», закрепленного в Конституции РФ и Стратегии национальной политики до 2036 года. Автор рассматривает противоречие между этнокультурным наполнением этого термина и отсутствием у соответствующей общности особого правового статуса или политической субъектности. На основе синтеза примордиалистского, конструктивистского и этносимволического подходов делается вывод, что нынешняя национальная политика использует стандартную модель заимствования этнических символов для построения надэтнической идентичности. Государствообразующий народ при этом представляет собой гибридный идеологический конструкт. Его функция сводится к использованию русского языка и культуры в качестве интегративных ресурсов для формирования общероссийской гражданской идентичности, при этом сам этнос не становится субъектом политики, а выступает символическим инструментом легитимации и мобилизации в рамках построения многонациональной гражданской идентичности.

Ключевые слова: государствообразующий народ, русский этнос, российская нация, многонациональное единство, культурная интеграция, нациестроительство.

Введение

Институционализация понятия «государствообразующий народ» в российском политико-правовом дискурсе представляет собой значимый феномен, требующий научного осмысления. Поправки к Конституции Российской Федерации, вступившие в силу 4 июля 2020 года, закрепили русский язык как «язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»[1]. Впервые на конституционном уровне вводится категория, которая одновременно обозначает конкретную этническую общность (русский народ) и выполняет интегративную функцию в рамках многонационального государства.

Принятая 1 января 2026 года «Стратегия государственной национальной политики до 2036 года» углубляет эту неопределенность[2]. С одной стороны, документ подчеркивает объединяющую роль русского народа как государствообразующего и ставит задачу всестороннего этнографического изучения русского народа. С другой – цели стратегии формулируются через укрепление общероссийской гражданской идентичности и достижение российской нации как «многонационального народа».

За этим пластом понятий в сфере национальной политики остается фундаментальное противоречие: государствообразующий народ конституционно обозначен как этнонациональная общность, приравненная по статусу к другим общностям, но стратегически используется как инструмент формирования надэтнической гражданской идентичности. Неопределенность возникает в вопросе, что же из себя представляет государствообразующий народ в современной российской политической системе: является ли он субъектом политики, наделённым особым правовым статусом, либо же это преимущественно идеологический конструкт, призванный символически маркировать культурно-историческую роль русского народа в формировании и сохранении российской государственности?

Данное исследование призвано с помощью имеющегося аппарата политической науки устранить концептуальную неопределенность понятия, имеющего как теоретическое, так и практическое значение для понимания современных процессов институционализации этничности и формирования гражданской идентичности.

Политико-правовая неопределенность понятия

Существующая политико-правовая рамка «государствообразующего народа», как уже указано, представлена Конституцией РФ и «Стратегией государственной национальной политики до 2036 года». Анализ их положений позволяет выделить следующие характеристики государствообразующего народа:

1) Государствообразующий народ по определению не является титульной нацией. Он входит в «многонациональный союз равноправных народов», образующий «российскую нацию», и не обладает приоритетным статусом по отношению к другим народам России. Титульная нация выражает в себе принципиально иной подход, где основной этнос наделяется особыми правами в политической и культурной сферах (Эстония, Турция).

2) Следует из предыдущего, государствообразующий народ не наделяется особыми правами, которые исходили бы из его статуса, и даже не имеет собственной дефиниции.

3) Положение в политической структуре общества определяется через функции: историческая «объединяющая роль», а также роль носителя языка общегосударственного общения.

4) В «Стратегии национальной политики» операционализируется только как объект этнографического изучения. Это направление нашло отражение в поручении президента Правительству РФ и Российской академии наук о разработке комплексной программы по всесторон-

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 10.07.2026).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 15.12.2025 № 1234 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

нему этнографическому изучению государствообразующего русского народа. Этому же, а также повышению популярности русской культуры посвящено комплексное направление работы в «Стратегии» «укрепление объединяющей роли русского народа как государствообразующего народа». Объединяющая история (в которой история государствообразующего народа становится хоть и скрепляющим, но одним из компонентов), а также русский язык как государственный язык операционализируются отдельно.

Иное, однако, могло бы вступить в противоречие со статьей 3 Конституции: «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»[1].

Выделенные характеристики позволяют утверждать, что государствообразующий народ не является субъектом политики в узком, юридическом смысле (не обладает особыми правами или исключительными властными полномочиями, не является титульной нацией). Но, несмотря на столь большой акцент на составляющую этнокультурного развития русского народа, понятие не сводится и к чисто этнической общности. Определяющая роль государствообразующего народа связана не с происхождением, а с функцией культурно-языкового скрепления всего многонационального сообщества. Тем самым, при, казалось бы, явных этнических отсылках, русский народ как государствообразующий будто и не является носителем своего статуса, становясь лишь частью союза народов, в то время как язык и культура действительно выносятся как основа государства.

Язык и культура официально выносятся как ресурс достижения общероссийской гражданской идентичности, которая на этой основе должна достичь 95% к 2036 году[2]. Это, очевидно, больше, чем численность русского этноса в России, что лишь подчеркивает, что в целях государственной национальной политики операционализируются именно язык и культура, а сам государствообразующий народ не является ни субъектом политики, ни обретает какого-то исключительного статуса.

При более внимательном рассмотрении «Стратегии» можно заметить, что само направление ее реализации «Укрепление объединяющей роли русского народа как государствообразующего народа» [там же], является одним из приоритетных. И комплекс мер, которые его представляют, также заключается в развитии русской культуры, популяризации ее вместе с русской историей. При этом отдельным направлением указывается «Защита, поддержка и развитие русского языка как государственного языка Российской Федерации, как языка государствообразующего народа и как родного языка, а также продвижение русского языка как языка межнационального общения» [там же]. Все это стимулирует развитие этнографических исследований о русском народе и повышении роли его языка и культуры в образовании и массовой культуре, но также не проливает свет на сущность понятия.

Юридическая пустота понятия государствообразующего народа, тем не менее, сочетается с его политизированностью в дискурсе. Еще в 2012 году В.В. Путин заявил: «Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию»[3]. Соответственно, данная формулировка появилась ранее официального закрепления. Однако содержание ее можно назвать более насыщенным – указывается идея мессианства отдельного этноса, который и образует то цивилизационное пространство, в котором утверждается союз множества этносов, каждый из которых получает возможность развиваться, сохраняя свои традиции. Однако в Конституции в редакции 2020 года акцент смещается: закрепляется не статус народа, а статус языка – «русский язык как язык государствообразующего народа». Это иллюстрирует важный сдвиг от этноса как субъекта к языку как инструменту интеграции, который продолжился в Стратегии.

От этнической общности к политическому конструкту

Для понимания природы государствообразующего народа необходимо обратиться к теоретическим подходам, объясняющим соотношение этнического и национального в политической системе

Примордиалистский подход, представленный работами К. Гирца и Дж. Де-Воса, объясняет устойчивость этнических чувств и их актуализацию в условиях политической модернизации. Первоначальным элементом этой теории являются примордиальные чувства (или привязанности) отдельных групп, воспринимаемые как естественные и данные от рождения. В эпоху становления политического сознания общества и формирования государства «первичные» принадлежности не исчезают, а приобретают новое значение: они переходят в общенациональное измерение через интерпретацию этих примордиальных чувств и особенно тех их элементов, которые указывают на родство различных местных групп – древность происхождения, общую территорию, язык, борьбу, религию, общих героев.

Клиффорд Гирц отмечал, что процесс формирования суверенного гражданского государства не отменяет примордиальные чувства, а, напротив, актуализирует их, поскольку государство вносит в общество «пугающую новую силу», с которой ведется борьба за выстраивание внутригосударственной идентичности [5, с. 282]. «Для любого человека, в любом обществе, определенные связи вытекают из ощущения естественной – кто-то сказал бы духовной – близости, а не только из социального взаимодействия», – писал он [там же, с. 281]. Именно поэтому этнос в примордиалистском понимании является интегративной общностью, объединяющей локальные группы на основе символического и культурного единства.

Джордж Де-Вос в своей психологической антропологии этничности подчёркивает, что этничность коренится в ощущении общего происхождения, связи с прошлым [3, с. 229]. Отказ от этничности приравнивается к символическому отказу от родителей, подрыву собственного психологического существования и в конечном итоге – даже отказу от собственной биологической формы существования [там же, с. 244]. Этническая идентичность, таким образом, связана с глубинным инстинктом самосохранения и отвечает на экзистенциальный вопрос «Кто я?».

В российском контексте, несмотря на конструирование многонациональной гражданской идентичности, примордиальные чувства – язык, история, культурное наследие – действительно сохраняются и даже актуализируются через государственную политику. Однако примордиализм оставляет открытым вопрос о том, как именно этническая общность переходит на уровень нации, как осуществляется эта трансформация. Эта теория позволяет лишь судить о том, что одни и те же естественные чувства, образующие для любого человека связи с обществом на базе духовной близости, действуют как в малых группах, так и в больших этносах (хоть и с оговоркой на силу этих чувств), отвечают на фундаментальный вопрос самоидентичности. Именно здесь требуется обращение к другим подходам, в частности к конструктивизму и теории мобилизации ресурсов.

Концепция нации как «воображаемого сообщества» Б. Андерсона показывает, что нации не являются естественными данностями, а конструируются через общие секулярные символы, язык и исторические нарративы [1, с. 31, 67]. Концепция нации как «воображаемого сообщества» не отрицает реальности чувства общности, но показывает, что его политическое оформление и символическое выражение конструируются. Именно этот элемент конструктивизма – возможность трансформации идентичности и ее символического оформления – заимствует Н.А. Медушевский в своем синтетическом подходе.

Как справедливо указывает Медушевский, этническая идентичность может существовать «фоново», однако она становится подспорьем для консолидации общества, его коллективной мобилизации на совместные действия [4, с. 203]. Тем самым, этнос – это консолидированная группа, являющаяся формой мобилизации на основе этнической идентичности группы (представление об общности языка, мифа о происхождении, территории, веры и т.д.). Этнос выдвигает собственных лидеров, формирует восприятие прошлого, производит новые, общие объекты культуры и памятники. Ключевой отличительной чертой этноса становится его способность к производству историко-культурного наследия как следствия коллективного существования, позволяя этнической общности воспроизводиться.

Этносимволический подход Энтони Смита устраняет разрыв между примордиалистами и конструктивистами. По Смиту, нации – это продукт длительной эволюции этнических общностей, сохраняющих мифы, символы, воспоминания и ценности [5, с. 356]. Непохожими на этносы нации делает эксплуатация чувства политического и экономического единства, образование народной культуры, которая опирается на этнические мифы для большей мобилизации населения и его идентификации с государством. При этом национализм стремится к «переоткрытию» истинной природы данной общности, развитию в ней гордости, преемственности и «врожденной индивидуальности» [6, с. 120]. Для этого «переоткрытия» национальная интеллигенция использует этнические мифы как материал.

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 10.07.2026).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 15.12.2025 № 1234 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

[3] Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Архив официального сайта Председателя Правительства РФ. 23.01.2012. URL: http://archive.premier.gov.ru/events/news/17831/print/ (дата обращения: 10.07.2026).

Синтез рассмотренных подходов позволяет описать механизм перехода этнической общности на уровень нации. Этнос становится нацией, когда его культурное наследие и историческая память получают государственное оформление и начинают выполнять интегративную функцию для всего населения страны, включая представителей других этнических групп.

В этой логике государствообразующий народ – это не просто этнос, а этнос, который порождает государственный суверенитет. Его символы и культурная матрица впитываются государственными институтами и становятся основой общегражданской идентичности. При этом примордиальное чувство общности сохраняется, но оно переосмысляется и получает новое политическое измерение. Государствообразующий народ интегрирует локальные общности на основе представления о культурном единстве, а через это представление общество находит свое политическое оформление.

Происходит сублимация этнического в национальное: этнос становится нацией, когда его культурное наследие и историческая память получают государственное оформление и начинают выполнять интегративную функцию для всего населения страны, включая представителей других этнических групп.

Это описание выглядит применимым к феномену «государствообразующего народа» в российском контексте. Русский народ действительно становится этносом, дающим культурную основу, объединяющую все государство. Это можно связать не только с ролью русского языка и популяризацией в массовой культуре произведений русской литературы и фольклора, но и в институциональной и общегосударственной преемственности. Историческая память выстраивается именно по линии развития русской государственности, а русская культура и язык выступают механизмом трансляции ценностей и обеспечения преемственности поколений на протяжении всей истории [7, с. 4].

Тем не менее, когда речь заходит о государстве-цивилизации, которое формируется в результате данного исторического развития, «культурный код» обретает иной облик. Выделяемые ценности скорее ориентированы на построение многонациональной идентичности: как альтернатива коллективизму предлагается понятие «семья семей», предполагающим, что Россия – это страна малых групп», где многообразие народов и культур объединяется общей территорией, языком и историей [9, с. 8].

На основании этого нельзя сказать, что «государствообразующий народ» в современной российской идеологической и политико-правовой системе выступает тем этносом, который формирует нацию. Скорее от этого этноса берется язык, культурные и исторические символы, способные объединить многонациональный народ РФ, который и формирует российскую нацию. При культурной и исторической преемственности линии развития российской государственности от Руси, цивилизационная идентичность России исключает особую скрепляющую роль какого-либо этноса и формируется на представлении о становлении цивилизации как союза множества наций.

Государствообразующий народ как часть политического проекта

Стоит разобраться, почему практический подход снова отдаляет нас от концептуально выверенного представления о государствообразующем народе.

Анализ правовых и официальных формулировок показал, что нынешний подход к нациестроительству не оформляет «государствообразующий народ» как полноценный субъект политики.

В этой связи можно не согласиться с утверждениями В.А. Ачкасова [2, с. 221] и М.А. Степанова [8, С. 89]. Оба они с разных позиций указывают на символизм формулировок в основном законе страны касательно новшеств в понимании нацполитики. Первый отмечает, что «символическим диспозитивом» становится носитель суверенитета – многонациональный народ России, другой же символическим статусом наделяет формулировку о государствообразующем народе, вводящую некую иерархию в равноправном союзе. Однако за отсутствием правовых последствий с алармизмом данных авторов едва ли можно согласиться: символическую меру можно назвать опасной не из-за выстраиваемой ею иерархии, а из-за искусственного обострения национальных вопросов в дискурсе, ведущих только к делегитимации национальной политики при отсутствии реальных видимых мер.

Цивилизационная идентичность и феномен государства-цивилизации является отдельным сложным вопросом, который, тем не менее, был введен в дискурс о национальных отношениях. Однако, как показывает пример Китая, на современном этапе государственного строительства комбинирование цивилизационной идентичности и единой гражданской нации возможно, как бы спорно это ни выглядело с политологической точки зрения. Так же и в случае, задаваемом имеющейся правовой и идеологической рамкой, мы можем рассматривать цивилизацию «Россия» и многонациональный народ РФ как понятия, отсылающие к одному феномену – гражданской нации. Оба этих явления конструируются на основе ориентаций, свойственных для любой национальной общности: общность территории, объединяющая история, язык.

В чем можно с ними согласиться – так это с тем, что формулировка является идеологической уступкой, но не на пути к утверждению государства-цивилизации как формы существования системы [2, с. 217], а в качестве признания исторической роли отдельного этнокультурного начала в оформлении государственных институтов. Все это делает теоретические подходы нациестроительства подходящими для применения, но совсем по-иному раскрывает положение государствообразующего народа.

Как отмечено у Э. Смита – нациестроительство стремится к «переоткрытию» истинной природы новой национальной общности, заимствуя для этого символы, тесно связывающие более простую в организации этническую общность. При этом, примордиальные чувства могут быть обобщены в одном конкретно выделенном истолковании данного символа. Тем самым, нация становится связана с этничностью и ее древностью за счет древности мифов о происхождении, героях, языке и культуре, которую она эксплуатирует. Однако сам этнос не просто не становится политическим субъектом, развитие его как альтернативной формы идентичности может быть опасным для нациестроительства [5, 281]. В связи с этим, государствообразующий народ может быть истолкован как этнос, жертвующий своими народными мифами (здесь стоит истолковывать миф как объясняющую конструкцию для прошлого и настоящего единства общности) для формирования более глобальной идентичности.

Это положение развивает и Медушевский, указывающий на то, что этнос переходит в форму национальной организации когда его уровень этнокультурного и социально-политического развития, а также историческое наследие выходят за его пределы и вступают в контакт с другими общностями. Такая этническая нация-культура способна включать в себя и другие этнические общности, и общее историко-культурное наследие становятся почвой для этнического диалога [4, с. 206]. Так, можно сказать, что проект нации как многонационального союза, подобный тому, что реализуется в нынешней государственной национальной политике, может являться высшей степенью интеграционализма этносоциального развития.

Государствообразующий народ здесь играет роль первичного этноса, вошедшего в процесс социальной интеграции и выработавшего достаточное историко-культурное наследие, чтобы на его основе была сформирована полиэтническая идентичность. При этом сам «государствообразующий народ» перестает быть субъектом в таком политическом проекте.

Заключение

Проведённый анализ позволяет определить «государствообразующий народ» как гибридный конструкт – идеологему с этнокультурным наполнением, используемую в качестве технологии политической легитимации и социальной интеграции. Его ключевая особенность заключается в последовательном отделении от политической субъектности: отсутствие чётких правовых рамок и включение в модель российской нации как союза равноправных народов лишают русский этнос какого-либо привилегированного статуса. Единственная сфера, где эта категория получает институциональное оформление, – языковая и образовательная политика.

Правовой анализ показывает, что нынешний подход к нациестроительству не наделяет «государствообразующий народ» особыми полномочиями, а использует его как ресурс мобилизации. При этом русский язык и культура инструментализируются в качестве интегративных механизмов, тогда как сам этнос остаётся одним из равноправных субъектов в рамках единого суверена – многонационального народа. Логика настоящей национальной политики скорее предполагает не иерархию, а множественность «государствообразующих народов», поэтому наличие данной формулировки создает большие правовые и онтологические неопределенности.

Введение формулировки о русском народе как государствообразующем балансирует между двумя не противоречащими друг другу мотивациями: признанием объективного вклада русской культуры в создание духовно-нравственной и институциональной основы российской государственности с одной стороны и эксплуатацией этнонациональной символики и духовной близости русского народа с российским государством для шаблонного построения полиэтничной гражданской нации – с другой.

Таким образом, «государствообразующий народ» выступает преимущественно символической технологией нациестроительства и идеологической уступкой, лишённой самостоятельного правового статуса и политической субъектности.

Тем самым, «государствообразующий народ» выступает скорее этносом, избирательно используемым как символическая технология мобилизации вокруг новой гражданской нации. Сама же формулировка скорее несет идеологическую уступку перед «русским народом», поскольку у него по-прежнему отсутствуют самостоятельный правовой статус и политическая субъектность.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 288 с.

2. Ачкасов В.А. Зачем русским статус «государствообразующего народа»? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18. – № 2. – С. 7–14. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.207

3. Де Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / под общ. ред. А.А. Белика. – М.: Смысл, 2001. – С. 229–276.

4. Медушевский Н.А. На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие «этнос». Часть 2 // Власть. – 2025. – № 2. – С. 196–208. https://doi.org/10.20542/2307–1494–2025–2–222–236

5. Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили, И. Окуневой; общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.

6. Смит Э. Этносимволизм и национализм: культурный подход / пер. с англ. В. Бавыка. – М.: Тотенбург, 2025. – 260 с.

7. Smirnov R. “Foundations of Russian statehood”: propaganda narratives in Russian universities // International Journal of Sociology. – 2026. – С. 1–20. https://doi.org/10.1525/cpcs.2024.2271407

8. Степанов М.А. Об актуальности идей В.И. Ленина на современном этапе (на примере конституционного положения о государствообразующем народе) // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3(219). – С. 88–91. https://doi.org/10.47643/1815–1337_2023_3_88

9. Харичев А.Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. – 2025. – № 7. – С. 4–10.

THE STATE-FORMING PEOPLE IN RUSSIAN POLITICAL SYSTEM: AN IDEOLOGEME, AN ETHNIC COMMUNITY, OR A POLITICAL SUBJECT

Chernoukhov A.V., Burda M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines a conceptual uncertainty of a term “state-forming people”, proclaimed in the Constitution of the Russian Federation and the National Policy Strategy until 2036. Author considers the contradiction between the ethnocultural content of that term and the lack of a special legal status or political subjectivity of the people carrying the status of “state-forming”. Based on the synthesis of primordialist, constructivist and ethnosymbolic approaches, it is concluded that the current national policy uses a standard model of implementing ethnic symbols to build a supra-ethnic identity. At the same time, the state-forming people is presented as a hybrid ideological construct. Its function is to give the Russian language and culture as integrative resources for the formation of an all-Russian civic identity, while the ethnic group itself does not become a subject of politics, but acts as a symbolic instrument of legitimization and mobilization within the framework of building a multinational civic identity.

Keywords: state-forming people, Russian ethnicity, Russian nation, multinational unity, cultural integration, nation-building.

References

1. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / transl. by V. Nikolaeva; intro. by S. Bankovskaya. – Moscow: KANON-press-C: Kuchkovo Pole, 2001. – 288 p.

2. Achkasov V.A. Why Do Russians Need the Status of a “State-Forming People”? // Political Expertise: POLITEKS. – 2022. – Vol. 18. – No. 2. – Pp. 7–14. https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.207

3. De Vos J. Ethnic Pluralism: Conflict and Adaptation // Personality, Culture, Ethnos: Contemporary Psychological Anthropology / ed. by A.A. Belik. – Moscow: Smysl, 2001. – Pp. 229–276.

4. Medushevsky N.A. On the Boundary Between Primordialism and Constructivism: Interpreting the Concept of “Ethnos”. Part 2 // Vlast’. – 2025. – No. 2. – Pp. 196–208. https://doi.org/10.20542/2307–1494–2025–2–222–236

5. Smith E.D. Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism / transl. by A.V. Smirnov, Yu.M. Filippov, E.S. Zagashvili, I. Okuneva; ed. by A.V. Smirnov. – Moscow: Praksis, 2004. – 464 p.

6. Smith E. Ethnosymbolism and Nationalism: A Cultural Approach / transl. by V. Bavyka. – Moscow: Totenburg, 2025. – 260 p.

7. Smirnov R. “Foundations of Russian statehood”: propaganda narratives in Russian universities // International Journal of Sociology. – 2026. – Pp. 1–20. https://doi.org/10.1525/cpcs.2024.2271407

8. Stepanov M.A. On the Relevance of V.I. Lenin’s Ideas at the Present Stage (Using the Constitutional Provision on the State-Forming People as an Example) // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 3(219). – Pp. 88–91. https://doi.org/10.47643/1815–1337_2023_3_88

9. Kharichev A.D. Civilization “Russia” // Notebook of Civic Education. – 2025. – No. 7. – Pp. 4–10.

Политико-психологический профиль Фридриха Мерца: структурно-характерологический подход к дистантному анализу политического лидера

Стрелец Илья Эрнстович,
к.полит.н., ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России»
E-mail: sagitil@mail.ru

Мухортов Денис Сергеевич,
к.филол.н. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России»
E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

Статья представляет политико-психологический профиль канцлера ФРГ Ф. Мерца на основе авторской структурно-характерологической методики дистантного профилирования. Эмпирическую базу составили транскрипты пяти спонтанных интервью Ф. Мерца (BBC, Maischberger, FAZ, Illner, ZDF-Sommerinterview), взятых в период с июля 2025 по июль 2026 гг. и отличающихся разнообразием тем (внешняя политика, экономика, внутренняя политика, оборона, коалиционные конфликты). Результаты демонстрируют доминирование восприятия мира как враждебного, этатизма в вопросах обороны и безопасности, антиэтатизма в экономике, типа «идеолог» по Р. Зиллеру, мотива власти и административного стиля лидерства. Профиль объясняет жесткость и предсказуемость политического курса Ф. Мерца и позволяет прогнозировать его поведение в ключевых кризисах. Профиль позволяет снизить неопределённость при прогнозировании поведения Ф. Мерца, что представляет практическую ценность для дипломатов, политконсультантов и аналитиков.

Ключевые слова: политическая психология, дистантное профилирование, Фридрих Мерц, интегративный подход, операциональный код, мотивация, стиль лидерства.

Введение

Приход Ф. Мерца на пост канцлера ФРГ в мае 2025 г. ознаменовал собой сдвиг от «канцлерства управления» А. Меркель и ситуативного реагирования О. Шольца к более жесткому, идеологически оформленному курсу. Как отмечает Е.В. Пименова, «путь во власть для Мерца был тернист, а комплекс внешних и внутренних проблем, который он получил «по наследству», не предвещает безоблачного канцлерства» [Пименова, 2025, с. 93]. Его избрание в Бундестаге со второй попытки – «невиданный случай в истории страны» [там же, с. 96], хотя до этого он трижды терпел неудачи в борьбе за партийное лидерство (2002, 2018, 2021).

В западной публицистике Ф. Мерца характеризуют как «импульсивного» и «бестактного» политика, чей стиль описывается как «Merzsplaining» [Guardian, 2025; Monocle, 2025], при этом системного, верифицируемого анализа его личности до сих пор не было опубликовано.

Цель статьи – впервые представить политико-психологический профиль Ф. Мерца, полученный с помощью интегративной методики дистантного профилирования [Стрелец, 2020], и продемонстрировать его прикладную ценность для прогнозирования политического поведения политика.

Теоретико-методологические основания

Методика предполагает анализ спонтанных высказываний политика по трем плоскостям: когнитивной, аффективной и поведенческой, каждая из которых операционализируется через измерения, позволяющие в совокупности реконструировать устойчивые личностные паттерны.

Когнитивная плоскость включает три измерения: философские вопросы операционального кода (концепции Н. Лейтеса, А. Джорджа, С. Уокера), ценностно-мировоззренческие дилеммы (работы М. Херманн) и Я-концепцию (типология Р. Зиллера); аффективная – два: самооценку и мотивационный профиль (Д. Мак-Клелланда в адаптации Д. Уинтера и М. Херманн); поведенческая – два: тип лидерства (Г. Лассуэлл) и стиль межличностных отношений (Л. Этеридж). При этом Я-концепция и самооценка, хотя и относятся к разным плоскостям (когнитивной и аффективной), анализируются в неразрывной связи: их сочетание позволяет выявить типологию политика по Р. Зиллеру.

Перевод конструктов в речевые маркеры обеспечивает воспроизводимость анализа. Для количественной оценки подсчитывается абсолютное число упоминаний (n), рассчитывается относительный коэффициент на 1000 слов ($R_1 = n/N \times 1000$) и доля в анализируемом текстовом массиве ($R_2 = n/\Sigma n$). Доминирующими считаются переменные с максимальными значениями R_2.

В силу ограниченного объема статьи и необходимости акцентировать внимание на современных эмпирических исследованиях, мы не приводим в списке литературы классические работы, составляющие теоретический фундамент методики. Соответствующие концепции используются как устоявшиеся в психологической науке. Фокус работы – операционализация речевых маркеров и их верификация.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили транскрипты пяти спонтанно выбранных интервью Ф. Мерца за период с июля 2025 по июль 2026 гг., отличающихся разнообразием тем: 1) интервью BBC (19.07.2025, I-1); 2) интервью Maischberger (июль 2025, I-2); 3) интервью FAZ (27.03.2026, I-3); 4) интервью Illner (02.07.2026, I-4); 5) интервью ZDF-Sommerinterview (19.07.2026, I-5).

Одно из пяти интервью (BBC, I-1) было проведено на английском языке и является оригинальной речью Ф. Мерца, а не переводом. Остальные четыре интервью – на немецком языке. Поскольку методика кодирует не лексические единицы, а смысловые конструкции, а каждый маркер засчитывается только при условии, что мысль выражена утвердительно, языковые различия не влияют на надежность подсчета и сопоставимость данных.

Общий объем транскриптов составил 38894 слова; после очистки от вопросов журналистов и технических ремарок анализируемый массив превысил 20000 слов, что соответствует методологическим требованиям к объему текстового массива для выявления устойчивых речевых паттернов. Выбор данных пяти интервью, отличающихся максимальным разнообразием тем (внешняя политика, экономика,

внутренняя политика, оборона, коалиционные конфликты), обеспечивает репрезентативность и надежность анализа. Процедура кодировки предполагала: очистку текста от вопросов и комментариев журналистов; разбивку на смысловые мини-фрагменты; выявление и подсчет речевых маркеров в соответствии с таблицами кодирования по шести измерениям. Каждый маркер засчитывался только при условии, что мысль выражена утвердительно; один фрагмент текста кодировался по одной переменной в пределах одного измерения.

Например, высказывание «We are not strong enough. Our army is not strong enough» (I-1) было закодировано как маркер «враждебного мира» (1.Б), а «Wir müssen die Sprache der Macht lernen» (I-3) – как маркер «агитатора». Данные параметры выстроены в соответствии с процедурными рекомендациями М. Херманн и Л. Винтера, представленных в серии их публикаций.

Результаты

Обобщенные результаты количественного анализа, полученные путем расчета средних значений R_2 по каждому из пяти интервью, представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Сводные результаты кодировки (средние R_2 по пяти интервью)

Измерение	Переменная / Тип	Средний R_2	Доминанта
Когнитивная плоскость			
Операциональный код	1.А (Дружественный мир)	0.11	Нет
	1.Б (Враждебный мир)	**0.41**	Да
	2.А (Оптимизм)	0.17	Частично
	2.Б (Пессимизм)	0.09	Нет
	3.А (Собственная воля)	**0.20**	Частично
	3.Б (Низкий контроль)	0.06	Нет
	4.А (Глобальные цели)	0.17	Частично
	4.Б (Конкретные цели)	0.16	Частично
Ценностные дилеммы	1.А (Этатизм)	**0.29**	Да
	1.Б (Антиэтатизм)	0.16	Частично
	2.А (Равенство)	0.03	Нет
	2.Б (Индивидуальная свобода)	0.16	Частично
	3.А (Этноцентризм)	**0.29**	Да
	3.Б (Космополитизм)	0.07	Нет
Я-концепция	1. Аполитичный	0.00	Нет
	2. Прагматик	0.30	Частично
	3. Идеолог	**0.70**	Да
	4. Сбалансированный	0.00	Нет
	5. Недетерминированный	0.00	Нет
Аффективная плоскость			
Мотивация	1. Власть	**0.61**	Да
	2. Достижение	0.30	Частично
	3. Аффилиация	0.09	Нет
Поведенческая плоскость			
Тип лидерства	1. Агитатор	0.33	Да
	2. Администратор	**0.47**	Да
	3. Теоретик	0.19	Нет
Стиль межличностных отношений	1. Экстраверт/выс. доминирование	0.32	Да
	2. Экстраверт/низ. доминирование	0.11	Нет
	3. Интроверт/выс. доминирование	**0.44**	Да
	4. Интроверт/низ. доминирование	0.14	Нет

Примечание о нулевых значениях

В Таблице 1 зафиксированы нулевые значения по ряду параметров: «дружественный мир» (1.А) не является доминантой, но его значение не равно нулю (0.11); нулевые значения зафиксированы по параметрам «аполитичный тип», «сбалансированный тип», «недетерминированный тип» в Я-концепции, а также по «мотиву аффилиации» (0.09, округленно – 0.00). Это не ошибка кодировки, а результат строгого подсчета: ни в одном из пяти интервью не было выявлено маркеров, соответствующих данным категориям. В типологии Р. Зиллера нулевые значения по отдельным типам являются нормой, если респондент устойчиво попадает в один из чистых типов (в данном случае – «идеолог» с субдоминантой «прагматик»). Отсутствие маркеров аффилиации указывает на то, что потребность в теплых, доверительных отношениях не является движущей силой для Ф. Мерца, что коррелирует с его интровертным профилем. Таким образом, нулевые значения не свидетельствуют о методологическом дефекте, а являются эмпирически зафиксированным фактом, отражающим устойчивые личностные паттерны политика.

Описание профиля. Когнитивная плоскость

Операциональный код Ф. Мерца демонстрирует доминирование восприятия мира как враждебного (1.Б, 0.41). Наиболее ярко этот паттерн проявился в интервью BBC (I-1) и FAZ (I-3), где риторика систематически содержит указания на опасность, исходящую от России, Китая и неопределенность трансатлантических отношений. Это сочетается с уверенностью в собственной способности контролировать события (3.А, 0.20) и глобальными целями (4.А, 0.17). Как отмечает В.Б. Белов, для Ф. Мерца «характерен прагматичный подход, но без «разворота» в сторону России» [Белов, 2025а, с. 39].

Ценностные дилеммы характеризуются доминированием «этатизма» (1.А, 0.29) в вопросах оборонной политики, военных расходов, укрепления военного потенциала и участия в международных военно-политических альянсах. Одновременно «этноцентризм» (3.А, 0.29) проявляется в акцентах на национальных интересах Германии, защите ее экономической и технологической конкурентоспособности, а также в миграционной политике. В экономической сфере, напротив, прослеживается «антиэтатизм» (1.Б, 0.16) – критика бюрократии, призывы к дерегуляции, снижению налогов и ослаблению государственного вмешательства в рыночные процессы.

Аналогичная логика прослеживается и в экономической сфере. Как отмечает В.Б. Белов, при всей жесткости санкционной риторики правительство Ф. Мерца «продолжит оставлять пространство для частной инициативы и селективного технологического сотрудничества», что создает «щели в санкционном панцире» для предпринимательских групп интересов [Белов, 2025, с. 232]. Это подтверждает тезис о расхождении между публичной политической риторикой (этатизм в управлении в первую очередь ВПК) и практическими экономическими интересами Евросоюза в целом (антиэтатизм и прагматизм).

Я-концепция соответствует типу «идеолог» (0.70) по Р. Зиллеру (низкая сложность + высокая самооценка). Это проявляется в ригидности, высокой оценке собственной правоты, игнорировании критики и мнения экспертного сообщества. Субдоминанта «прагматик» (0.30) указывает на способность к адаптации в некоторых контекстах, но общий паттерн устойчив. Показательно, что даже внутри коалиции Ф. Мерц столкнулся с демонстративным недоверием: его не избрали с первой попытки, что Е.В. Пименова называет «большим политическим поражением» [Пименова, 2025, с. 97].

Аффективная плоскость

Самооценка высокая, компенсаторная. Доминирует «мотив власти» (0.61) – стремление влиять, навязывать волю, контролировать повестку. Наиболее последовательно этот мотив прослеживается во всех пяти интервью, но особенно – в FAZ (I-3) и ZDF-Sommerinterview (I-5), где Ф. Мерц настаивает на жестких решениях. «мотив достижения» (0.30) также присутствует, «мотив аффилиации» (0.09) подавлен. Это проявляется в жестком стиле руководства, который, по данным Е.В. Пименовой, «не сторонник гибкой коммуникации и выверенного компромисса» [там же, с. 96].

Длительное нахождение Ф. Мерца в политической изоляции – двенадцать лет вне активной политики, два поражения в борьбе за пост председателя ХДС (в 2018 и 2021 гг.) – сформировало компенсаторный механизм: его высокая самооценка и ригидность выступают как защита от прошлого опыта непризнания [Resing, 2025]. Однако эти же поражения могли сформировать привычку тщательно просчитывать действия оппонентов, что коррелирует с его доминантой «администратора» (0.47). Одновременно мотив власти у Ф. Мерца, вероятно, подкреплен психологической установкой на удержание власти любой ценой, что проявляется в жесткой реакции на критику и нежелании идти на компромиссы.

В этом контексте показательна оценка, данная Службой внешней разведки Российской Федерации, согласно которой Ф. Мерц «одер-

жим идеей реванша за разгром нацистской Германии Советским Союзом», а его дед (Йозеф Пауль Совиньи) и отец (Иоахим Мерц) «верой и правдой служили фашистскому режиму» [ТАСС, 2025]. Жажда мести, по данным СВР, «росла в нем с детства», а после начала политической карьеры «приобрела форму всепоглощающей страсти» [там же]. Независимо от того, разделяет ли читатель эту оценку, сам факт ее появления в публичном пространстве фиксирует устойчивое восприятие Ф. Мерца как политика, чьи действия определяются не только рациональными интересами, но и глубинными психологическими установками, уходящими корнями в семейную историю.

Поведенческая плоскость

Ф. Мерц демонстрирует доминирование типа «администратор» (0.47) над «агитатором» (0.33). Это означает, что его публичная риторика, часто эмоциональная и провокационная, является инструментом, а не сутью его стиля. Для него власть – это не харизма, а способность выстраивать рабочие процессы и добиваться их исполнения. Это согласуется с его профессиональной биографией – юридическое образование и многолетний опыт работы в крупном бизнесе.

В стиле межличностных отношений доминирует паттерн «интроверт с высоким уровнем доминирования» (0.44), что означает, что в основе его взаимодействия с другими лежит закрытость, ригидность и недоверие. Публичная активность («экстраверт с высоким уровнем доминирования», 0.32) носит инструментальный характер. Этот диссонанс объясняет феномен «Merzsplaining» (менторский тон без обратной связи), а также его низкую популярность среди женщин и образованной аудитории.

В его кадровых решениях прослеживается опора на тех, кто, как и он, был вытеснен из властных структур и вернулся в политику. Примером служит назначение Торстена Фрая, близкого соратника, также долгое время находившегося в тени [Белов, 2025а, с. 39–40].

Обсуждение

Полученный профиль объясняет основные особенности поведения Ф. Мерца. Феномен «Merzsplaining» прямо вытекает из типа «идеолог» и высокой самооценки. Популистская риторика объясняется доминированием мотива власти и чертами агитатора. Исследование NRW School of Governance при Университете Дуйсбург-Эссен подтверждает, что его медийный образ конструируется как «эмоционально заряженный» и «упрощенный» [Weissenbach, 2025]. Аналогичный вывод о ситуативной вариативности стиля Ф. Мерца был получен в исследовании Европейского консорциума политических исследований (ECPR, 2025), ведущей научной ассоциации в области политической науки в Европе, где его стиль охарактеризован как «хамелеонский», т.е. меняющийся в зависимости от роли (правительство *vs* оппозиция) и арены (внешняя *vs* внутренняя политика).

Как отмечают Н.В. Павлов и Н.К. Логвинов, внешнеполитические установки ХДС при Ф. Мерце эволюционировали в сторону «секьюритизации»: «понятие «безопасность» стало ключевым элементом внешней политики ФРГ» [Павлов, Логвинов, 2026, с. 158]. Это прямо коррелирует с доминированием параметра «враждебный мир».

При этом в риторике Ф. Мерца присутствует дуализм: «с одной стороны, сдерживание системных противников, с другой – поиск путей взаимодействия со странами, от которых зависит экономическая стабильность Германии» [там же]. Это объясняется сочетанием «этатизма» в безопасности и «антиэтатизма» в экономике.

Особенно показателен случай с реформой долгового тормоза. Н.Д. Ручкин отмечает, что Ф. Мерц «решил применить лазейку в законодательстве» [Ручкин, 2025, с. 173]. Это решение демонстрирует его административную доминанту (знание процедур и готовность использовать их в своих интересах) и мотив власти (достижение цели любой ценой).

В качестве гипотезы для дальнейших исследований можно отметить: эксперты по языку тела наблюдали, что в начале встречи с Д. Трампом Ф. Мерц демонстрировал сигналы стресса (частые самоприкосновения, облизывание губ, поправление галстука), но затем овладевал ситуацией [Eilert, 2025]. Его поза (нога на ногу, рука на подлокотнике) описывалась как «отрепетированная» и «контролируемая» [Verra, 2025]. Эти невербальные паттерны – закрытость, отсутствие жестикуляции, контролируемые движения – коррелируют с его вербальным профилем (интроверт с высоким доминированием) и могут служить предметом отдельного исследования.

Нам представляется, что правящие элиты отдали предпочтение Ф. Мерцу, несмотря на его низкие рейтинги, по нескольким причинам. Во-первых, Ф. Мерц воспринимался как антипод А. Меркель и О. Шольца – политиков центризма и компромиссов, которые, по мнению консервативного крыла, привели к эрозии поддержки ХДС и росту АдГ [Resing, 2025]. Его профиль («идеолог», мотив власти, интроверт с доминированием) был воспринят как ответ на «туманное покрывало» (*Nebeldecke*), под которым Германия, по его мнению, находилась годы. Во-вторых, политика центризма привела к росту популистских сил. Ф. Мерц предложил более конфликтный, но четкий курс – «меньше центризма, больше консерватизма, меньше стабильности ради стабильности, больше готовности к политическому конфликту» [Frankfurter Rundschau, 2019]. В-третьих, его ригидность, мотив власти и идеологическая определенность были восприняты как гарантия предсказуемости в условиях кризиса. В отличие от «тактического» О. Шольца, Ф. Мерц предлагал жесткую, но предсказуемую линию [Tagesschau, 2025]. В-четвертых, переход от женщины-протестантки с востока (А. Меркель) к мужчине-католику с запада (Ф. Мерц) был использован элитами как символическая перезагрузка, сигнализирующая смену эпох [Resing, 2025].

О независимости и резкости оценок Ф. Мерца свидетельствует и западная пресса. The New York Times характеризует его как «энергичного продавца» и «бескомпромиссного политика старой школы», который «никогда не демонстрирует сомнений» [NYT, 2025a]. При этом, по мнению издания, он «разрушает немецкие табу» (в частности, в вопросах военных расходов), но остается «одним из самых непопулярных канцлеров» в новейшей истории Германии [там же]. В другом материале The New York Times отмечает, что Ф. Мерц «потерял связь с немецким народом», что объясняется недостатком гибкости [NYT, 2025b]. Таким образом, независимо от политической позиции издания, его характеристики совпадают с выявленными в нашем исследовании доминантами: идеологическая жесткость, мотив власти, низкая эмпатия.

Таким образом, выбор Ф. Мерца был обусловлен не его популярностью, а структурным и евроинституциональным запросом на жесткого, идеологически определенного лидера, способного, как предполагалось, остановить эрозию консервативного электората.

Наконец, случай Ф. Мерца не является изолированным. В публичном дискурсе все чаще звучат оценки, согласно которым в руководстве Евросоюза и ведущих европейских государств находятся политики, чьи семьи были связаны с нацистским режимом [ТАСС, 2025]. Независимо от достоверности каждой конкретной биографической детали, сам факт устойчивого воспроизводства этого нарратива указывает на то, что европейская политическая элита воспринимается частью международной аудитории как носитель исторического реваншизма. Эта гипотеза, безусловно, требует отдельного исследования и выходит за рамки данной работы, однако она органично дополняет наш вывод о психологических основаниях политического курса Ф. Мерца.

Прогностический потенциал

Профиль позволяет прогнозировать поведение Ф. Мерца в некоторых важных ситуациях. Ограничимся тремя.

В отношениях с ЕС он будет действовать через институциональное доминирование, что согласуется с выводом В.Б. Белова о том, что «коалиция Мерца будет оставаться не политикой диалога, а политикой контроля последствий конфликта» [Белов, 2025а, с. 43].

В отношениях с Россией его «враждебный мир» и «этатизм» будут определять жесткий курс, что подтверждается наблюдением В.Б. Белова о том, что «кадровая и идеологическая конфигурация коалиции делает любой отход от линии сдерживания маловероятным» [Белов, 2025а, с. 41]. В отношении Китая его «антиэтатизм» и «патриотизм» будут определять политику «де-рискинга»: сохранение экономических связей при ужесточении контроля в высокотехнологичных сферах [Шляхтунов, 2026, с. 395].

Во внутригерманских кризисах, учитывая шаткость коалиционного большинства (52% мест в парламенте), Ф. Мерц будет склонен к эскалации и публичному давлению на оппонентов, а не к поиску компромиссов [Ручкин, 2025, с. 174–176].

Заключение

В результате исследования впервые создан верифицируемый политико-психологический профиль Ф. Мерца. Он демонстрирует, что Ф. Мерц является идеологом с установкой на преобразования и при этом с авторитарными чертами, чьи действия определяются восприятием мира как враждебного, доминирующим мотивом власти, этатизмом в сфере обороны и обеспечения безопасности и антиэтатизмом в экономике. Его гибридный стиль лидерства («администратор» в сочетании с элементами «агитатора») и сложный стиль межличностных отношений (интроверсия с контекстно-ситуативными проявлениями экстраверсии со стабильно демонстрируемым высоким уровнем доминирования) делают его предсказуемо-жестким переговорщиком, но ограничивают его способность к пересмотру решений в условиях быстро меняющейся ситуации и к выстраиванию коалиционных компромиссов.

Научная значимость работы – в апробации интегративной методики на новом эмпирическом материале. Практическая ценность профиля – в его способности служить инструментом снижения когнитивной неопределенности для дипломатов, политконсультантов и аналитиков, а также для бизнес-сообщества (с учетом дифференциации интересов различных секторов экономики, включая ВПК).

Ограничения исследования

Предлагаемый профиль является вероятностной моделью, а не жесткой детерминантой поведения. Он фиксирует устойчивые паттерны, выявленные в спонтанной речи, но не исключает ситуативной вариативности. Методика не ставит целью «диагностику» личности в клиническом смысле, а предлагает инструмент для снижения неопределенности при прогнозировании. Валидация профиля на других типах текстов (подготовленные речи, официальные заявления) и на материале встреч с различными политическими лидерами остается задачей дальнейших исследований.

В рамках данной работы был проанализирован преимущественно структурный срез личности Ф. Мерца – устойчивые паттерны, выявленные через речевые маркеры в спонтанных интервью. За рамками исследования остался динамический компонент личности: её развитие под влиянием политической социализации, карьерных кризисов, смены институционального контекста и внешних вызовов. Для полноты картины требуется дополнительное психобиографическое исследование, которое позволило бы проследить, как структурные доминанты профиля («идеолог», мотив власти, интроверт с высоким доминированием) формировались и трансформировались на протяжении его политической карьеры. Такой комплексный подход – синтез структурного профилирования и динамического анализа – мог бы дать наиболее полное представление о личности политика и её эволюции.

Кроме того, следует отметить, что кодировка речевых маркеров выполнялась одним исследователем. Для повышения надежности результатов и минимизации субъективного фактора рекомендуется проведение независимой кодировки вторым экспертом с последующим расчетом коэффициента межэкспертного согласия (например, коэффициента Каппа). Это позволит дополнительно верифицировать полученный профиль и оценить степень объективности кодировки.

Перспективы исследования связаны с расширением эмпирической базы, применением методики к другим политическим лидерам для сравнительных исследований, а также с разработкой программного обеспечения для автоматизированного подсчета речевых маркеров.

Литература

1. Белов В.Б. Германо-российские экономические отношения при правительстве Мерца: вызов невозможного или шанс на хозяйственно-политическое окно? // Научные труды ВЭО России. – 2025. – Т. 253. – С. 230–240.

2. Белов В.Б. Российский вектор внешней политики правительства Фридриха Мерца // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2025а. – Вып. II. – № 15 (383). – С. 37–44. – DOI: 10.15211/analytics21520253744.

3. Павлов Н.В., Логвинов Н.К. Внешнеполитические установки ХДС: адаптация или трансформация? // Современная Европа. – 2026. – № 1. – С. 158–169. – DOI: 10.7868/S3034599526010141.

4. Пименова Е.В. В поисках новой Германии. Первые шаги правительства Фридриха Мерца // Свободная мысль. – 2025. – № 4 (1712). – С. 93–104.

5. Ручкин Н.Д. Новая «Большая» коалиция: внутриполитические вызовы в современной Германии // Россия в глобальном мире. – 2025. – Т. 28. – Вып. 3. – С. 168–181. – DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.10.

6. Стрелец И.Э. Рабочие программы дисциплин и методические указания для курсов повышения квалификации филологов и политологов: Учеб.-метод. пособие. – М.: Плоттер Плюс, 2020.

7. ТАСС. СВР: Мерц с детства одержим реваншем за разгром нацизма СССР // ТАСС. – 2025. – 4 сент. – URL: https://tass.ru/politika/24957053.

8. Шляхтунов А.Г. Германо-китайские отношения в условиях трансформации мирового порядка: преемственность, вызовы и новые ориентиры // Проблемы современной науки и образования. – 2026. – № 2 (131). – С. 389–397. – DOI: 10.35775/PSI.2026.131.2.015.

9. ECPR. Chameleonic Leadership Styles? The Case of Friedrich Merz // European Consortium for Political Research. – 2025. – URL: https://events.ecpr.eu/Events/Event/PaperDetails/89162.

10. Eilert D. Körpersprache-Experte analysiert Merz und Trump [Body Language Expert Analyzes Merz and Trump] // Tagesschau. – 2025. – 5 June. – URL: https://www.tagesschau.de/ausland/amerika/trump-merz-koerpersprache-100.html.

11. Frankfurter Rundschau. Merz: «Die CDU muss sich neu erfinden» [Merz: «The CDU Must Reinvent Itself»] // Frankfurter Rundschau. – 2019. – 2 Dec. – URL: https://www.fr.de/politik/merz-cdu-neu-erfinden-13245678.html.

12. Guardian. Germany election: Merz says it's 'five to midnight' for Europe // The Guardian. – 2025. – 24 Feb. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/feb/24/germany-election-far-right-surge-friedrich-merz-warning.

13. Monocle. Friedrich Merz: the chancellor Germany didn't know it needed? // Monocle. – 2025. – July. – URL: https://monocle.com/magazine/2025/07/friedrich-merz-profile/.

14. Resing V. Friedrich Merz: Vom Außenseiter zum Kanzler. – Berlin: Propyläen Verlag, 2025.

15. Tagesschau. Merz scheitert im ersten Wahlgang bei Kanzlerwahl [Merz Fails in First Round of Chancellor Election] // Tagesschau. – 2025. – 6 May. – URL: https://www.tagesschau.de/inland/kanzlerwahl-merz-100.html.

16. Verra B. Merz vs. Trump: Körpersprache-Experte sieht bei Merz «Überkompensation» [Merz vs. Trump: Body Language Expert Sees «Overcompensation» in Merz] // Focus. – 2025. – 5 June. – URL: https://www.focus.de/politik/ausland/merz-vs-trump-koerpersprache-experte-sieht-bei-merz-ueberkompensation_id_22154789.html.

17. Weissenbach K. Politische Stile – Wie sie Medien deuten und warum Emotionen und Symbole das Vertrauen in die Demokratie beeinflussen [Political Styles – How Media Interpret Them and Why Emotions and Symbols Affect Trust in Democracy]. – NRW School of Governance / Heinrich-Böll-Stiftung, 2025.

18. The New York Times. Germany's New Chancellor Is a Man in a Hurry (Who Seems to Be Going Nowhere) // The New York Times. – 2025a. – 15 Dec. – URL: https://www.nytimes.com/2025/12/15/world/europe/germany-merz-chancellor.html.

19. The New York Times. Merz Risks Losing Touch With German People, Poll Shows // The New York Times. – 2025b. – 10 Nov. – URL: https://www.nytimes.com/2025/11/10/world/europe/germany-merz-poll.html.

THE POLITICAL-PSYCHOLOGICAL PROFILE OF F. MERZ: A TRAIT-BASED APPROACH TO AT-A-DISTANCE LEADERSHIP ANALYSIS

Strelets I.E., Mukhortov D.S.
Moscow State Institute of International Relations

The article presents a political-psychological profile of German Chancellor F. Merz based on the author's trait-based methodology of at-a-distance profiling. The empirical basis comprises transcripts of five spontaneous interviews with F. Merz (BBC, Maischberger, FAZ, Illner, ZDF-Sommerinterview), conducted between July 2025 and July 2026, which vary across a range of topics (foreign policy, economy, domestic policy, defense, coalition conflicts). The findings reveal a dominance of a hostile world view, statism in security and defense issues, anti-statism in economic policy, the «Ideologue» type (R. Ziller's typology), power motivation, and an administrative leadership style. The profile explains the rigidity and predictability of F. Merz's political course and enables forecasting his behavior in key crises. The profile helps reduce uncertainty when forecasting F. Merz's behavior, which is of practical value for diplomats, political consultants, and analysts.

Keywords: political psychology, at-a-distance profiling, Friedrich Merz, integrative approach, operational code, motivation, leadership style.

References

1. Belov V.B. Germano-rossiyskiye ekonomicheskiye otnosheniya pri pravitel'stve Mertsa: vyzov nevozmozhnogo ili shans na khozyaystvenno-politicheskoye okno? [German-Russian Economic Relations under the Merz Government: A Challenge of the Impossible or a Window for Economic Policy?] // Nauchnyye trudy VEO Rossii. – 2025. – Vol. 253. – P. 230–240.

2. Belov V.B. Rossiyskiy vektor vneshney politiki pravitel'stva Fridrikha Mertsa [The Russian Vector of the Foreign Policy of Friedrich Merz's Government] // Analiticheskiye zapiski Instituta Yevropy RAN. – 2025a. – Iss. II. – № 15 (383). – P. 37–44. – DOI: 10.15211/analytics21520253744.

3. Pavlov N.V., Logvinov N.K. Vneshnepoliticheskiye ustanovki KhDS: adaptatsiya ili transformatsiya? [Foreign Policy Guidelines of the CDU: Adaptation or Transformation?] // Sovremennaya Yevropa. – 2026. – № 1. – P. 158–169. – DOI: 10.7868/S3034599526010141.

4. Pimenova E.V. V poiskakh novoy Germanii. Pervyye shagi pravitel'stva Fridrikha Mertsa [In Search of a New Germany. The First Steps of the Friedrich Merz Government] // Svobodnaya mysl'. – 2025. – № 4 (1712). – P. 93–104.

5. Ruchkin N.D. Novaya «Bol'shaya» koalitsiya: vnutripoliticheskiye vyzovy v sovremennoy Germanii [The New «Grand» Coalition: Domestic Political Challenges in Modern Germany] // Rossiya v global'nom mire. – 2025. – Vol. 28. – Iss. 3. – P. 168–181. – DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.10.

6. Strelets I.E. Rabochiye programmy distsiplin i metodicheskiye ukazaniya dlya kursov povysheniya kvalifikatsii filologov i politologov: Ucheb.-metod. posobiye [Working Programs of Disciplines and Methodological Guidelines for Advanced Training Courses for Philologists and Political Scientists: Teaching Aid]. – Moscow: Plotter Plus, 2020.

7. Shlyahtunov A.G. Germano-kitayskiye otnosheniya v usloviyakh transformatsii mirovogo poryadka: preyemstvennost', vyzovy i novyye oriyentiry [German-Chinese Relations in the Context of the Transformation of the World Order: Continuity, Challenges, and New Guidelines] // Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. – 2026. – № 2 (131). – P. 389–397. – DOI: 10.35775/PSI.2026.131.2.015.

8. ECPR. Chameleonic Leadership Styles? The Case of Friedrich Merz // European Consortium for Political Research. – 2025. – URL: https://events.ecpr.eu/Events/Event/PaperDetails/89162.

9. Eilert D. Körpersprache-Experte analysiert Merz und Trump [Body Language Expert Analyzes Merz and Trump] // Tagesschau. – 2025. – 5 June. – URL: https://www.tagesschau.de/ausland/amerika/trump-merz-koerpersprache-100.html.

10. Frankfurter Rundschau. Merz: «Die CDU muss sich neu erfinden» [Merz: «The CDU Must Reinvent Itself»] // Frankfurter Rundschau. – 2019. – 2 Dec. – URL: https://www.fr.de/politik/merz-cdu-neu-erfinden-13245678.html.

11. Guardian. Germany election: Merz says it's 'five to midnight' for Europe // The Guardian. – 2025. – 24 Feb. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/feb/24/germany-election-far-right-surge-friedrich-merz-warning.

12. Monocle. Friedrich Merz: the chancellor Germany didn't know it needed? // Monocle. – 2025. – July. – URL: https://monocle.com/magazine/2025/07/friedrich-merz-profile/.

13. Resing V. Friedrich Merz: Vom Außenseiter zum Kanzler [Friedrich Merz: From Outsider to Chancellor]. – Berlin: Propyläen Verlag, 2025.

14. Tagesschau. Merz scheitert im ersten Wahlgang bei Kanzlerwahl [Merz Fails in First Round of Chancellor Election] // Tagesschau. – 2025. – 6 May. – URL: https://www.tagesschau.de/inland/kanzlerwahl-merz-100.html.

15. TASS. SVR: Merts s detstva odershim revanshem za razgrom natsizma SSSR [SVR: Merz Has Been Obsessed with Revenge for the Defeat of Nazism by the USSR Since Childhood] // TASS. – 2025. – 4 Sept. – URL: https://tass.ru/politika/24957053.

16. Verra B. Merz vs. Trump: Körpersprache-Experte sieht bei Merz «Überkompensation» [Merz vs. Trump: Body Language Expert Sees «Overcompensation» in Merz] // Focus. – 2025. – 5 June. – URL: https://www.focus.de/politik/ausland/merz-vs-trump-koerpersprache-experte-sieht-bei-merz-ueberkompensation_id_22154789.html.

17. Weissenbach K. Politische Stile – Wie sie Medien deuten und warum Emotionen und Symbole das Vertrauen in die Demokratie beeinflussen [Political Styles – How Media Interpret Them and Why Emotions and Symbols Affect Trust in Democracy]. – NRW School of Governance / Heinrich-Böll-Stiftung, 2025.

18. The New York Times. Germany's New Chancellor Is a Man in a Hurry (Who Seems to Be Going Nowhere) // The New York Times. – 2025a. – 15 Dec. – URL: https://www.nytimes.com/2025/12/15/world/europe/germany-merz-chancellor.html.

19. The New York Times. Merz Risks Losing Touch With German People, Poll Shows // The New York Times. – 2025b. – 10 Nov. – URL: https://www.nytimes.com/2025/11/10/world/europe/germany-merz-poll.html.

Анализ «политического» влияния военно-технического сотрудничества на международные отношения и региональную безопасность: теоретический подход

Вехов Никита Игоревич,
старший эксперт АО «Рособоронэкспорт», аспирант, Институт права и международной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
E-mail: nvechov@mail.ru

В данной статье автором проводится анализ степени влияния военно-технического сотрудничества на региональную безопасность, используя качественные и количественные методы анализа международных отношений. С целью обоснования существования такого рода влияния автором также используется анализ практических примеров влияния военно-технического сотрудничества на международные отношения через призму теорий международных отношений, таких как «реализм» и «неореализм», кейс-стади с последующим SWOT-анализом для оценки реальной эффективности влияния такого сотрудничества на региональную безопасность.
Исследование показывает, что степень влияния военно-технического сотрудничества на региональную безопасность отличается от региона к региону как в большую, так и в меньшую сторону (в зависимости от «конфликтогенности» региона, военно-политического баланса сил в нем, двусторонних и многосторонних отношений между государствами в регионе) однако в основном оказывает значительное влияние на военно-политический расклад сил, а также закладывает основу для потенциального изменения геополитических процессов, что делает военно-техническое сотрудничество незаменимым инструментом в продвижении государством своих национальных интересов и реализации внешнеполитических задач и целей.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, «политическое» влияние, региональная безопасность, военный конфликт, реализм, неореализм.

Введение

Начиная с момента создания в СССР в 1953 г. главного инженерного управления (ГИУ), военно-техническое сотрудничество (ВТС) приобрело особый характер – государство не только поставило данный вид сотрудничества на жесткий контроль ввиду ее особой важности для реализации внешнеполитических задач, но и придало ей «системность», позволившую упорядочить все процессы, протекающие в ответственных за проекты в сфере ВТС структурах. По прошествии времени система военно-технического сотрудничества не только сохранила свой облик, но и стала еще более структурированной и жесткой. Одновременно с этим в 1990-е и 2000-е практические полностью было завершено правовое оформление системы военно-технического сотрудничества.

На сегодняшний день процессы военно-технического сотрудничества проистекают сразу в нескольких сферах: внешнеполитической, внешнеэкономической, социальной, а также финансовой. Взаимосвязь механизмов указанных сфер можно проследить в формулировках целей, закрепленных в ст. 3 Федерального закона № 114-ФЗ от 19.07.2026 г. «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». В соответствии с данным ФЗ выделяются политические, экономические, финансовые и социальные цели:

1) Политическая цель:

• Укрепление военно-политических позиций Российской Федерации в различных регионах мира;

2) Экономические цели:

• Поддержание на необходимом уровне экспортного потенциала Российской Федерации в области обычных вооружений и военной техники;

• Развитие научно-технической и экспериментальной базы оборонных отраслей промышленности, их научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений и организаций;

3) Финансовая цель:

• Получение валютных средств для государственных нужд, развития военного производства, конверсии, уничтожения (утилизации) вооружения и военной техники и структурной перестройки предприятий оборонных отраслей промышленности;

4) Социальная цель:

• Обеспечение социальной защиты персонала организаций, разрабатывающих и производящих вооружение, военные, специальные технику и имущество [4].

При этом, несмотря на важность достижения экономических, финансовых, социальных целей для государства путем реализации ВТС и взаимосвязанность этих целей, по мнению автора, приоритетной всегда все равно остается выполнение политических и военно-политических целей.

Это связано с рядом факторов:

1. В «Концепции государственной политики в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами на период до 2010 года» экспорт вооружения и военной техники назван в качестве одного из средств укрепления военно-политических и экономических позиций России в мире, сохранения за Россией статуса великой державы и одного из влиятельных геополитических центров [2];

2. Специфичность военно-технического сотрудничества и поставляемой продукции, её использование в достижении военно-политических целей государства;

3. Наибольшее влияние государства достигается как раз тогда, когда военно-техническое сотрудничество в первую очередь носит «политический», а не «финансовый» характер. Это может проявляться как в согласовании основных контуров проекта на самом высоком уровне изначально, что дает возможность реализовать его более быстрыми темпами, так и в процессе его реализации в случае появления проблем, напрямую затрагивающих двусторонние отношения между государствами. При этом стоит отметить, что такое продвижение проектов «в верхах» происходит достаточно редко, а большинство заинтересованных в их реализации лиц практически не занимаются продвижением проектов;

4. «Политизация» военно-технического сотрудничества приводит к реализации более крупных проектов, чем ВТС, который осуществляется путем стандартной процедуры проработки заявки инозаказчика (с целью получения прибыли и удовлетворения потребности инозаказчика в краткосрочной или долгосрочной перспективе). Так, например, благодаря инициативе Правительства Индии в 2019 году на территории страны были созданы так называемые «оборонно-промышленные» коридоры, на базе одного из которых впоследствии был реализован проект российско-индийского совместного предприятия (IRRPL) по производству автоматов Калашникова, а также других образцов стрелкового оружия.

5. Постоянный покупатель вооружений поставщика со временем становится «привязанным» к нему, что в дальнейшем делает невозможным оперативное обеспечение национальной обороны страны в случае установления сотрудничества с другим партнером (особенно принимая во внимание тот факт, что практически любой проект в сфере военно-технического сотрудничества реализуется в срок от нескольких месяцев до нескольких лет). Это, в свою очередь, усиливает влияние поставщика на политические элиты покупателя, а также позволяет более эффективно продвигать свои проекты.

6. В случае «монополизации» рынка покупателей вооружений поставщик, а также покупатели получают возможность влиять на региональную безопасность (поставки вооружений третьим странам, изменение военно-политического баланса сил в регионе путем поставки разных видов вооружений и возможности их использования в вооруженных конфликтах);

Данные тезисы отчасти подтверждаются определением военно-технического сотрудничества, существующим в Российском законодательстве на сегодняшний момент. Согласно указанному выше ФЗ, «военное-техническое сотрудничество – это деятельность в области международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с разработкой и производством продукции военного назначения» [1].

Однако, даже данное определение не дает возможности полноценно судить о реальном влиянии ВТС на международные отношения, хотя как видно из определения, даже в российском определении ВТС акцент делается именно на политическую составляющую, подчеркивая, что ВТС является неотъемлемой частью международных отношений.

Важность данного определения заключается в том, что оно позволяет рассмотреть теоретический аспект «политического» влияния военно-технического сотрудничества.

Теоретический аспект «политического» влияния военно-технического сотрудничества

Так, например, принимая во внимание главные постулаты теории реализма и неореализма (Г. Моргентау, К. Уолтц, С. Уолт), а именно такие концепции, как использование жесткой силы, «дилемму безопасности», оборонительный реализм можно рассмотреть практический эффект от военно-технического сотрудничества.

Теория реализма рассматривает силу как фундаментальное преимущество в международных отношениях, национальные интересы – как ведущие принципы политиков (государства), баланс сил – как средство реализации данных интересов без ведения войны, а государства – как единственно значимые акторы в международных отношениях [5].

Поскольку главным предметом продаж в «военно-техническом» сотрудничестве являются вооружения и военная техника, используемые с целью обеспечения национальной безопасности государства (как для оборонительных целей, так и для наступательных) и являющиеся исключительно «силовым» инструментом, можно сделать промежуточный вывод, что военно-техническое сотрудничество реализуется в рамках теории реализма (подробное объяснение касательно отнесения ВТС именно к данной теории МО в данной статье приводиться не будет).

Также, по мнению автора, ввиду особо жесткой системы регулирования продажи вооружений и военной техники при участии многочисленных органов исполнительной власти (Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству России, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, Федеральная служба безопасности России, Служба внешней разведки России, Министерство иностранных дел Российской Федерации и проч.), контроль за реализацией национальных интересов государства в этой сфере осуществляется особым порядком.

Ввиду того, что продажа вооружений фактически является прерогативой государства, а также особым образом регулируется с ее стороны, мы также можем сделать вывод, что сферу ВТС лучше всего рассматривать с точки зрения теории реализма.

С целью разъяснения касательно отнесения ВТС к теории реализма рассмотрим следующие кейсы:

– Влияние ВТС на использование жесткой силы (военное принуждение и военный конфликт). Одним из самых ярких примеров может считаться очередной виток конфликта между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе, в котором Азербайджан использовал поставленные Турцией и Израилем БПЛА «Байрактар ТБ2» и барражирующие боеприпасы «Хароп» [7], позволившие нанести существенный ущерб армянским вооруженным силам и уничтожить большую часть их ПВО (при этом некоторые эксперты отрицают решающую роль БПЛА, ссылаясь на то, что армянская сторона позволила Азербайджану успешно применять БПЛА за счет «неорганизованной и устаревшей системы ПВО, пренебрежения маскировкой, рассредоточением и должным оборудованием своих позиций») [8]. Азербайджанские СМИ сообщали о потерях армянской техники на общую сумму около 5 миллиардов долларов, а президент Азербайджана И.Алиев опубликовал статистику уничтоженных вооружений Армянской Республики (статистика приведена в Таблице № 1).

Таблица 1. Количество уничтоженной Армянской техники в ходе второй Нагорно-Карабахской войны [11]

Уничтоженный тип вооружения	Статистика Азербайджанской стороны	Статистика, приводимая Oryx			
		Всего уничтожено	Уничтожено дронами	Уничтожено иными типами вооружений	Нет данных об используемых типах вооружений
Танки	287	143	101	21	21
Боевые бронированные машины	69	42	21	6	15
Артиллерия	511	233	212	7	14
Противотанковые пушки и Ракетные установки	53	8	4	0	4
Системы ПВО и Ракетные установки	73	65	54	2	9
РЛС и РЭБ	13 9	13 3	13 1	0	0 2
Грузовые машины	252	236	157	3	76
Всего уничтожено	1267	743	563	39	141

Несмотря на то, что стороны конфликта приводят разные цифры и доводы, результаты говорят сами за себя, Азербайджан смог добиться серьезной победы. Благодаря данной поставленной военной технике Азербайджан смог кардинально изменить баланс сил в регионе засчёт ослабления позиций России (потеря союзника в лице Армении в регионе, отсутствие необходимости в российских миротворцах, усиление позиций Азербайджана и Турции). Поставленные Анкарой беспилотники сделали наступление азербайджанских военных на ряде направлений более эффективным. После войны Турция открыла совместный с Россией мониторинговый центр в Агдаме, а турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган и Ильхам Алиев подписали оборонительный союз – Шушинскую декларацию. Позиции Турции на Южном Кавказе укрепились [3].

Поставка вооружений в свое время также оказала влияние и на исход войны Судного дня (1973 год) между Египтом, Сирией и Израилем. После ряда стратегических побед, достигнутых арабскими армиями, США в максимально короткие сроки организовали крупную логистическую операцию Nickel Grass для оказания Израилю военно-технической помощи. Всего в ходе логистической операции Nickel Grass было переброшено около сотни «Фантомов», несколько десятков А-4 и 22 тыс. тонн других грузов, включая современные на тот исторический период танки М60, а также ракеты «Tow» [9]. Данные поставки не только позволили Израилю переломить ситуацию в свою пользу и одержать победу над сирийцами и египтянами, но и вывели конфликт в абсолютно новую плоскость – прокси-войну между СССР и США. Две сверхдер-

жавы оказались на грани прямого столкновения, однако практически в последний момент смогли найти точки соприкосновения.

Является ли данный кейс также одним из примером влияния ВТС на региональную безопасность? Да, несмотря на то, что здесь была именно военно-техническая помощь, данная помощь потенциально могла растянуться и на более длинный период времени в случае увеличения продолжительности войны, что можно было бы отнести и к военно-техническому сотрудничеству.

– Влияние ВТС на «дилемму безопасности». Концепция дилеммы безопасности в рамках теории реализма и сферы ВТС предполагает увеличение государством расходов на закупку вооружений, что в свою очередь может приводить к «алармистским» настроениям и увеличению закупок вооружений у государства-соседа. Такая ситуация сегодня наблюдается в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где активная военно-политическая стратегия КНДР приводит к увеличению трат на вооружения Японии и Южной Кореи, а наращивание военного и производственного потенциала Китая (включая рост оборонного бюджета и модернизацию Народно-освободительной армии Китая – НОАК) воспринимается Токио и Сеулом как ключевой фактор стратегической нестабильности, в связи с чем Япония демонстрирует резкий рост импорта вооружений (по данным SIPRI, за пятилетку импорт вооружений Японией вырос на 76–93%, преимущественно из США), а также постепенно снимает ограничения на собственное оборонное производство и экспорт для формирования потенциала контрудара [12].

– Влияние ВТС на «оборонительный реализм». Парадоксально, но данные понятия, по мнению автора, практически синонимы (если не брать во внимание то, что понятие «оборонительный реализм» гораздо шире), ведь смысл оборонительного реализма заключается в наращивании вооружений исключительно в целях обороны. Военно-техническое сотрудничество на сегодняшний день в 90% случаев осуществляется исключительно с целью укрепления своей национальной безопасности и обороны (особенно это актуально для стран, не относящихся к крупным региональным державам, или ставящим перед собой задачу выровнять неравные потенциалы). Однако, реакция на «оборонительный реализм» может быть разной, она будет зависеть от количества поставляемых вооружений, их типа, а также общей внешнеполитической линии государства-импортера.

Таким образом, можно сделать вывод, что отнесение военно-технического сотрудничества к сфере международных отношений и его реальное «политическое» влияние вполне обосновано реальными геополитическими ситуациями, складывающимися на мировой арене.

При этом влияние военно-технического сотрудничества на региональную безопасность также является достаточно значительным.

Для того, чтобы проанализировать реальные возможности ВТС, используем SWOT-анализ разных практических кейс-стади в области ВТС (с точки зрения влияния этих кейсов на региональную безопасность).

1. **Закупка Индией зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) С-400**

Strength:

1) Возможность соответствовать стратегическим возможностям КНР в военно-политической сфере [10];

2) Значительное укрепление индийских военно-политических позиций в Южной Азии;

3) Серьезное усиление сил ПВО на потенциальном ТВД с Пакистаном и Китаем;

Weaknesses:

1) В случае полномасштабного конфликта использование систем С-400 не гарантирует полноценной защиты индийских военных объектов;

2) Ввиду того, что С-400 не использовалась в ходе боевых действий (опыт СВО не учитывается), трудно предсказать ее реальную эффективность в случае серьезного военного конфликта с Пакистаном и Китаем;

3) Наличие аналогичных систем ПВО у Китая нивелирует стратегическое превосходство Индии;

Opportunities:

1) Благодаря развертыванию ЗРК С-400 Индия значительно снизит риск поражения своих военных объектов;

2) Закупки одних из самых дорогих, известных и эффективных систем ПВО в мире укрепляют статус Индии в качестве региональной державы;

3) Реализация такого крупного проекта в сфере ВТС может способствовать дальнейшему развитию военно-технического сотрудничества с Россией;

Threats:

1) Закупки данных систем усилили очередной виток гонки вооружений в регионе, что со временем может привести к эскалации старых конфликтов;

2) В случае эскалации конфликта в регионе и потенциального поражения данных систем ПВО статус Индии как крупного регионального актора неизменно снизится;

2. **Военно-техническое сотрудничество России и стран ОДКБ**

Strength:

1) Укрепление военно-политических позиций стран ОДКБ в регионе;

2) Данное вооружение и военная техника могут использоваться такими формированиями ОДКБ, как КСОР, для борьбы с террористическими формированиями и крупными вооруженными формированиями;

3) Диверсификация военно-технического сотрудничества, укрепление ВТС с Россией позволяет заявлять странам ОДКБ о своём статусе как о государствах, самостоятельно формирующих свою оборонную политику;

Weaknesses:

1) ВТС между странами-участницами строится преимущественно на двусторонней основе, а не через единые наднациональные механизмы. Это приводит к тому, что национальные армии развиваются по разным стандартам и имеют слабую оперативную совместимость [6];

2) На фоне конфликтов последних лет и изменения характера боевых действий (в частности, широкого применения беспилотников и средств радиоэлектронной борьбы), силы ОДКБ остро нуждаются в новых видах вооружений. При этом попытки альянса перевооружить силы новыми образцами требуют огромных бюджетов и координации;

Opportunities:

1) В долгосрочном промежутке времени страны ОДКБ могут наладить единый стандарт взаимодействия в сфере ВТС благодаря усилиям России;

2) Дальнейшее развитие военно-технического сотрудничества с Россией и механизмов его реализации поможет укрепить оборонную политику стран ОДКБ;

3) Опыт войны в Украине и конфликта на Южном Кавказе показал критическую роль БПЛА, РЭБ и ПВО. ОДКБ могла бы инициировать совместную программу разработки недорогих, но эффективных FPV-дронов, барражирующих боеприпасов и систем защиты от них, адаптированных для среднеазиатских и кавказского ТВД. Ни одна страна-член (кроме РФ) в одиночку такие НИОКР не потянет.

Threats:

1) Наличие политических проблем внутри ОДКБ может в будущем привести к ухудшение отношений внутри блока и с Россией, что может отразиться на военно-техническом сотрудничестве;

2) Страны ОДКБ могут столкнуться с угрозой вторичных санкций США и ЕС за участие в совместных с РФ оборонных НИОКР или передачу товаров двойного назначения. Это может парализовать кооперацию, как только она перейдет от простых поставок к совместной разработке критических технологий;

3) Полноценное обеспечение региональной безопасности невозможно без урегулирования военно-политических конфликтов и дальнейшего укрепления ОДКБ.

3. **Военно-техническое сотрудничество между США и странами Персидского залива**

Strength:

1) Армии стран Персидского залива получают одни из самых высокотехнологичных вооружений в мире, компенсируя тем самым недостаточную боеспособность арабских армий;

2) Номенклатура поставляемой продукции закрывает все потребности стран Персидского залива – системы ПВО, танки, истребители, ракеты и проч.;

3) Поставки США своих вооружений в страны Персидского залива обеспечивают безопасность союзников, а также реализацию своих национальных интересов (присутствие на Ближнем Востоке, реализация «Доктрины Картера»);

Weaknesses:

1) Наличие передовых систем ПВО не является гарантом отсутствия угроз для арабских стран (например, атаки хуситских дронов остались «незамеченными» для ЗРК Patriot, а иранские атаки с использованием дронов и ракет нанесли существенный урон критической инфраструктуре стран Персидского залива);

2) Возникающие политические кризисы (разрыв дипломатических отношений с Катаром, убийство журналиста Джамаля Хашогги) тормозят военно-техническое сотрудничество с США;

Opportunities:

1) Эскалация ирано-израильского конфликта и последовавшие удары по территории стран Персидского залива, вероятнее всего, приведут к увеличению спроса на системы ПВО и ПРО, что позволит арабским странам в перспективе создать единую интегрированную систему обороны;

2) Ввиду развития новых форм военно-технического сотрудничества (офсет, создание СП) с арабскими странами, США получают возможность «углубления» сотрудничества и укрепления взаимодействия;

Threats:

1) Военно-техническое сотрудничество усиливает возможную эскалацию между Ираном и монархиями Персидского залива;

2) Необходимость поддержания стабильных двусторонних отношений с США ввиду зависимости от ВТС с ними.

Заключение.

Таким образом, рассмотрев сущность «политического» влияния военно-технического сотрудничества и ряд кейсов из области ВТС и международных отношений, можно сделать следующие выводы:

1) Военно-техническое сотрудничество может серьезно укрепить потенциал союзника и дать ему значительное стратегическое преимущество в случае военных конфликтов с другими акторами МО;

2) Военно-техническое сотрудничество может практически в полном объеме закрыть потребности союзника, однако само по себе не является гарантией обеспечения его национальной безопасности;

3) Военно-техническое сотрудничество может быть успешно реализовано только в том случае, если геополитическая обстановка в регионе располагает к установлению такого рода сотрудничества и готовности союзника обеспечивать свою национальную безопасность через ВТС.

4) Военно-техническое сотрудничество может быть расценено как стабилизирующий фактор в случае благоприятной геополитической обстановки в регионе, но в большинстве случаев приводит к скрытой, либо открытой гонке вооружений.

Литература

1. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. N 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: URL: https://base.garant.ru/179054/#friends (дата обращения: 04.07.2026);

2. Буневич К.Г. Военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами в системе военно-экономической безопасности// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 8(29)-2008. С. 11–18.;

3. Гасанов К. Карабах в составе Азербайджана: как изменится региональная политика?// Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/karabakh-v-sostave-azerbaydzhan-kak-izmenitsya-regionalnaya-geopolitika/ (дата обращения: 10.07.2026);

4. Кудашкин В.В. Военно-техническое сотрудничество: правовые вопросы: учебник для магистратуры/под общ. ред. С.В. Чемезова. – 2-е изд, испр. и доп. – Москва: Проспект, 2022. – 784 с.;

5. Ланцов С. А., Усмонов Ф.И. Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений// ПОЛИТЭКС. 2008. Том № 4. № 2. С. 151–163.;

6. Проблемы «устойчивости» ОДКБ. [Электронный ресурс]: https://nvo.ng.ru/forces/2010–10–29/1_odkb.html (дата обращения: 15.07.2026);

7. Перечислено использованное Азербайджаном в Карабахе турецкое оружие. [Электронный ресурс]: https://lenta.ru/news/2020/11/12/voorujenie/ (дата обращения: 04.07.2026);

8. Решающая роль БПЛА в карабахском конфликте – миф? Итоги исследования. [Электронный ресурс]: https://am.sputniknews.ru/20210908/Reshayuschaya-rol-BPLA-v-karabakhskom-konflikte – mif-Itogi-issledovaniya-28931461.html (дата обращения: 06.07.2026)

9. Конец «Третьего храма»: как Египет и Сирия чуть не уничтожили Израиль в Судный день. [Электронный ресурс]: https://www.gazeta.ru/science/2023/10/06/17689507.shtml (дата обращения: 12.07.2026);

10. India-Russia S-400 Deal: Regional Implications [Электронный ресурс]: https://southasianvoices.org/india-russia-s-400-deal-regional-implications/ (дата обращения: 15.07.2026);

11. Drones in the Nagorno-Karabakh war: Analyzing the Data [Электронный ресурс]: https://www.militarystrategymagazine.com/article/drones-in-the-nagorno-karabakh-war-analyzing-the-data/ (дата обращения: 15.07.2026);

12. SIPRI Fact Sheet. [Электронный ресурс]: https://www.sipri. org/sites/ default/files/2024–10/yb24_summary_ru.pdf (дата обращения: 15.07.2026).

ANALYSIS OF THE "POLITICAL" INFLUENCE OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION ON INTERNATIONAL RELATIONS AND REGIONAL SECURITY: A THEORETICAL APPROACH

Vekhov N.I.

Institute of Law and International Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration

In this article, the author analyzes the degree of influence of military-technical cooperation on regional security, using qualitative and quantitative methods of analyzing international relations. In order to substantiate the existence of this kind of influence, the author also uses an analysis of practical examples of the influence of military-technical cooperation on international relations through the prism of theories of international relations, such as "realism" and "neorealism", a case study followed by a SWOT analysis to assess the real effectiveness of the influence of such cooperation on regional security.

The study shows that the degree of influence of military-technical cooperation on regional security differs from region to region, both up and down (depending on the "conflict potential" of the region, the military-political balance of power in it, bilateral and multilateral relations between states in the region), but generally has a significant impact on the military-political balance of power, and also lays the foundation for a potential change in geopolitical processes, which makes military-technical cooperation an indispensable tool in promoting the state of its national interests and the implementation of foreign policy tasks and goals.

Keywords: military-technical cooperation, "political" influence, regional security, military conflict, realism, neorealism.

References

1. Federal Law of July 19, 1998 N 114-FZ "On Military-Technical Cooperation of the Russian Federation with Foreign States" (with amendments and additions) [Electronic resource]: URL: https://base.garant.ru/179054/#friends (date of access: 04.07.2026);

2. Bunevich K.G. Military-technical cooperation with foreign states in the system of military-economic security // National interests: priorities and security. 8 (29) – 2008. Pp. 11–18.;

3. Hasanov K. Karabakh as part of Azerbaijan: how will regional policy change? // Russian International Affairs Council. [Electronic resource]: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/karabakh-v-sostave-azerbaydzhan-kak-izmenitsya-regionalnaya-geopolitika/ (date accessed: 10.07.2026);

4. Kudashkin V.V. Military-technical cooperation: legal issues: textbook for master's degree programs/under the general editorship of S.V. Chemezov. – 2nd ed., corrected. and additional. – Moscow: Prospect, 2022. – 784 p.;

5. Lantsov S.A., Usmonov F.I. Security issues in the theory of international relations: a comparative analysis of the main directions// POLITEX. 2008. Vol. No. 4. No. 2. pp. 151–163.;

6. Problems with the CSTO's "sustainability." [Electronic resource]: https://nvo.ng.ru/forces/2010–10–29/1_odkb.html (accessed: July 15, 2026);

7. A list of Turkish weapons used by Azerbaijan in Karabakh. [Electronic resource]: https://lenta.ru/news/2020/11/12/voorujenie/ (accessed: July 4, 2026);

8. The decisive role of UAVs in the Karabakh conflict – a myth? Research findings. [Electronic resource]: https://am.sputniknews.ru/20210908/Reshayuschaya-rol-BPLA-v-karabakhskom-konflikte – mif-Itogi-issledovaniya-28931461.html (accessed: 06.07.2026)

9. The End of the "Third Temple": How Egypt and Syria Almost Destroyed Israel on Judgment Day. [Electronic resource]: https://www.gazeta.ru/science/2023/10/06/17689507.shtml (accessed: 12.07.2026);

10. India-Russia S-400 Deal: Regional Implications [Electronic resource]: https://southasianvoices.org/india-russia-s-400-deal-regional-implications/ (date of access: 15.07.2026);

11. Drones in the Nagorno-Karabakh War: Analyzing the Data [Electronic resource]: https://www.militarystrategymagazine.com/article/drones-in-the-nagorno-karabakh-war-analyzing-the-data/ (date of access: 15.07.2026);

12. SIPRI Fact Sheet. [Electronic resource]: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024–10/yb24_summary_ru.pdf (date of access: 15.07.2026).

Будущее Соглашений Авраама при администрации Д. Трампа 2.0

Кочегуров Дмитрий Александрович,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова (ИСКРАН)

Ибрагимов Фархад Эльшан оглы,
преподаватель, РУДН
E-mail: farxadibragimov@yandex.com

Соглашения Авраама – одно из главных достижений внешней политики первой администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке. С возвращением Д. Трампа в Белый дом в январе 2025 г. Соглашения вновь оказались в центре внимания. Статья посвящена объяснению истоков, непосредственных результатов и дальнейших перспектив Соглашений. Как подчёркивается, несмотря на геополитическую напряжённость и Войну в Газе, рамки Соглашений оказались на удивление устойчивыми. Остаётся выяснить, удастся ли расширить Соглашения в течение следующих трёх лет президентства Д. Трампа и каковы могут быть последствия такого расширения.

Ключевые слова: Д. Трамп, Израиль, КСА, Соглашения Авраама, США.

Введение

Соглашения Авраама (СА) представляют собой серию соглашений 2020–2021 гг. о нормализации отношений между Израилем и четырьмя арабскими странами, достигнутых впервые со времён мирных договоров Израиля с Египтом (1979) и Иорданией (1994).

Среди главных причин участия арабских стран в СА часто выделяют растущую обеспокоенность по поводу регионального влияния Ирана и его ядерной программы, а также желание укрепить связи с США, выступивших посредниками в заключении СА. В результате при поддержке Белого дома на Ближнем Востоке была сформирована архитектура сотрудничества, где ключевое место отводилось Израилю и монархиям Персидского залива, что ранее представлялось немыслимым и было описано Д. Трампом и Б. Нетаньяху как «рассвет нового Ближнего Востока» и «поворотный момент в истории».

СА знаменуют исторический конец «трёх нет» Хартумской декларации 1967 г. и «периферийной стратегии» Израиля [1]. СА символизируют геополитический сдвиг в сфере региональной безопасности от идеологического неприятия друг друга к «Realpolitik» и важный шаг в усилиях Израиля по нормализации отношений с арабскими соседями без необходимости идти на компромисс по палестинскому вопросу. В этом плане СА фактически подменили Арабскую мирную инициативу 2002 г. и нарушили давний внешнеполитический консенсус, согласно которому мир с палестинцами рассматривался как условие для примирения Израиля с арабами. В определённых, неоконсервативных кругах СА были признаны «гениальным» ходом. СА обрели двухпартийную поддержку в Конгрессе США, а сам Д. Трамп назвал их главным достижением внешней политики своего первого президентского срока.

СА не лишены недостатков, подрывающих их эффективность и привлекательность. СА в каком-то роде лишены внутренней целостности; замыкаются на посреднической роли США; несут имиджевые риски для стран Персидского залива; непопулярны среди арабского населения; подвержены изменениям в связи с внешними вызовами [2]. Здесь важно понимать, что СА мало связаны с тем же палестинским вопросом и представляют собой, по сути, сделку узкого круга политических и бизнес элит нового поколения, которые менее воодушевлены идеями арабского национализма и больше обеспокоены геополитическими угрозами, исходящими от исламистов и Ирана, а также диверсификацией своих экономик.

Соглашения Авраама – знаковый проект администрации Д. Трампа

Вместо того, чтобы пытаться решить палестинский вопрос, Д. Трамп сосредоточился на угрозе со стороны Ирана. Именно в этом контексте следует понимать усилия Белого дома по продвижению СА. О необходимости нормализации арабо-израильских отношений и создании скоординированного антииранского блока Д. Трамп говорил во время первой зарубежной поездки в мае 2017 г., в ходе которой он посетил КСА, Израиль и Западный берег. Как позже вспоминал его советник и зять Джаред Кушнер, лидеры ОАЭ и КСА дали понять, что он может изменить региональную динамику, заручившись поддержкой Израилем мирного плана, который включал бы создание палестинского государства, и если палестинцы отвергнут его, страны Персидского залива будут открыты для новых альтернативных предложений.

СА возникли после того как провалился «План Трампа по Палестине» («Сделка века»), представленный 28 января 2020 г. Соглашения между Израилем и ОАЭ и между Израилем и Бахрейном были подписаны 15 сентября 2020 г., а 22 декабря 2020 г. к СА присоединилось Марокко. США всячески поощряли арабские страны: заключили с ОАЭ беспрецедентную по масштабам сделку по поставке вооружений, включая истребители F-35 и беспилотники MQ-9 Reaper; признали контроль Марокко над Западной Сахарой; исключили Судан из списка государств-спонсоров терроризма и предоставили ему кредит в размере $1,2 млрд для погашения долга перед Всемирным банком.

С точки зрения интересов США СА служили двойной цели: укрепить их статус гаранта региональной безопасности и уравновесить растущее влияние Ирана и Китая [3]. СА принесли Вашингтону ощутимые выгоды: более равномерное распределение расходов на оборону, улучшение координации между союзниками в рамках ориентированной на США архитектуры безопасности, углубление экономического и тех-

нологического сотрудничества. Расширены рамки военного сотрудничества посредством включения Израиля в зону ответственности Центрального командования Вооружённых сил США (CENTCOM) в январе 2021 г. и обмена развединформацией с КСА и ОАЭ, что сыграло свою роль когда в апреле 2024 г. Иран нанёс по Израилю массированные ракетные и беспилотные удары. Ведётся работа над созданием интегрированной системы ПВО/ПРО на базе израильской Arrow-3. Участники СА обрели доступ к передовым вооружениям. Согласно SIPRI Израиль занимает 7-е место в мире по экспорту вооружений, а ОАЭ, Бахрейн и Марокко – 11-е, 27-е и 28-е места среди импортёров [4]. За первые три года СА Израиль экспортировал в эти страны 25% ($12,5 млрд) продукции ВПК.

Администрация Дж. Байдена продолжила усилия по продвижению СА, сделав ставку на нормализацию отношений между Израилем и КСА с последующим формированием арабо-американо-израильского союза, а также проект экономического коридора из Индии в Европу (IMEC). Стратегический замысел заключался в нанесении удара по возглавляемой Ираном «оси сопротивления» и укреплении сети союзников на фоне конкуренции с Китаем. В совокупности эти шаги составили основу того, что можно назвать ближневосточной «доктриной Байдена». В марте 2022 г. был проведён «Негевский саммит», на котором министры иностранных дел Бахрейна, Египта, Марокко, ОАЭ и США посетили Израиль для обсуждения региональной безопасности и экономического сотрудничества. Группа возобновила свою работу в январе 2023 г. в Абу-Даби, став крупнейшим мероприятием со времён Мадридской конференции 1991 г., приведшей к подписанию Соглашений «Осло».

Конгресс США также предпринял шаги в поддержку СА. В январе 2022 г. двухпартийная группа конгрессменов основала в Палате представителей кокус по Соглашениям Авраама, а в июне 2024 г. те же законодатели сформировали Рабочую группу по Газе для взаимодействия со странами СА. Аналогичный кокус по Соглашениям Авраама в Сенате добился принятия «S.1061 – Israel Relations Normalization Act of 2021», «S.4366 – DEFEND Act of 2022», «S.1334 – MARITIME Act of 2023», а также ряда положений NDAA. Заглядывая вперёд, 26 марта 2026 г. сенаторы Тед Бадд и Джони Эрнст внесли «S.4219 – Abraham Accords Defense Cooperation Act of 2026», который представляет собой «дорожную карту» создания «облегчённой» версии НАТО под брендом СА и возможно знаменует переломный момент в милитаризации СА.

Как отметили эксперты Фонда «Наследие»: «Регион был готов к историческим переменам» [5]. События 7 октября 2023 г. нарушили реализацию планов Белого дома. Действия Израиля в секторе Газа были представлены СМИ в крайне негативном ключе, что вызвало протесты против СА и поставило в сложное положение тех арабских лидеров, которые пошли на детант с Израилем. При этом для израильского истеблишмента Война в Газе не является камнем преткновения в развитии связей с арабским миром.

Последствия Соглашений Авраама

После подписания СА Израиль и ОАЭ быстро установили дипотношения, договорились о безвизовом режиме и наладили прямое авиасообщение. За день до СА Банк Апоалим и Национальный банк Дубая подписали меморандум о взаимопонимании, а сразу после был подписан ряд инвестиционных соглашений на сумму $10 млрд. ОАЭ выделяются как ключевой арабский торговый партнёр Израиля ($3,2 млрд в 2024 г.). Израиль вторым из 27 стран заключил с ОАЭ соглашение о всеобъемлющем экономическом партнёрстве (CEPA) в мае 2022 г. (вступило в силу 1 апреля 2023 г.). В марте 2023 г. Израиль и ОАЭ подписали таможенное соглашение, активирующее CEPA (ратифицировано в апреле 2025 г.). Также обе страны участвуют в объединении I2U2, IMEC, инициативе Pax Silica.

Значительно упростился процесс приобретения ОАЭ израильских вооружений, не подрывая «качественное военное превосходство» Израиля. Ещё в августе 2013 г. ОАЭ заключили соглашение с израильской компанией NSO Group, обретя доступ к шпионскому ПО Pegasus. В марте 2021 г. IAI и EDGE договорились о совместной разработке систем противодействия БПЛА. В апреле 2021 г. на выставке Cybertech Dubai было объявлено о сотрудничестве в сфере кибербезопасности. В январе 2022 г. ведущая компания израильского ВПК Elbit Systems объявила, что получила 5-летний контракт стоимостью $53 млн на поставку систем ПРО и РЭБ для ВВС ОАЭ, а в ноябре 2025 г. подписала рекордный контракт на сумму $2,3 млрд. В октябре 2022 г. Израиль поставил ОАЭ первую систему ПВО/ПРО «Барак-8». В феврале 2023 г. были проведены первые совместные военно-морские учения, а на выставке NAVDEX в Абу-Даби IAI и ADSB представили свою совместную разработку – 17-метровый безэкипажный патрульный катер.

С началом Войны в Газе отношения обострились, что привело к закрытию ряда крупных сделок и оттоку капитала из Израиля. ОАЭ предупредили, что аннексия оккупированного Западного берега станет «красной линией», подрывающей дух СА. И всё же несмотря на репутационные риски и моральные издержки, ОАЭ по-прежнему рассматривают нормализацию отношений с Израилем как соответствующую своим национальным интересам, что делает маловероятным выход Абу-Даби из СА [6]. 4 января 2024 г. советник президента ОАЭ Анвар Гаргаш заявил, что ОАЭ приняли стратегическое решение на долгосрочную перспективу и сохранят свои отношения с Израилем.

Параллельно с ОАЭ Израиль установил дипотношения с Бахрейном, подписав ряд меморандумов о взаимопонимании. В октябре 2022 г. стороны договорились заключить соглашение о свободной торговле. Особую ценность отношениям придаёт тот факт, что в Бахрейне базируются CENTCOM, Пятый флот ВМС США (NAVCENT) и Объединённые морские силы (CMF). В феврале 2022 г. под эгидой США Израиль впервые принял участие в военно-морских учениях IMX/CE 22 вместе с ВМС стран Персидского залива. В том же месяце Бахрейн первым из стран ССАГПЗ подписал с Израилем меморандум об обороне. В феврале 2023 г. на выставке Cybertech Tel Aviv объявлено о сотрудничестве в области кибербезопасности, а в марте прошла конференция Connect2Innovate в Манаме. С началом Войны в Газе, несмотря на отзыв послов, Бахрейн не выразил желания выходить из СА.

Признание Израилем суверенитета Марокко над Западной Сахарой в июле 2023 г. открыло двери для расширения сотрудничества в сфере обороны и безопасности. В июле 2021 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в области кибербезопасности, а в ноябре подписан меморандум об обороне. Это привело к серии сделок по поставкам вооружений, включая передовые БПЛА «Гермес 900», систему ПВО/ПРО «Барак», разведспутники IAI Ofek-13 SAR. В феврале 2022 г. Марокко заключило с Израилем соглашение об экономическом сотрудничестве, а в мае в Касабланке прошла конференция Connect2Innovate. В мае 2023 г. было подписано морское соглашение (ратифицировано в мае 2025 г.), а в июне Израиль впервые принял участие в учениях AFRICOM «Африканский лев». По слухам Elbit Systems планирует открыть ряд предприятий в Марокко.

Судан – единственный участник СА, так и не подписавший с Израилем соглашение о нормализации отношений, ограничившись декларативной частью 6 января 2021 г. Судан принял закон об отмене бойкота Израиля, а тогдашний министр разведки Израиля Эли Коэн возглавил первую за десятилетия делегацию в Хартум. Процесс подписания полноценных СА застопорился в результате военного переворота в Судане в октябре 2021 г. и погружения страны в гражданскую войну в апреле 2023 г. Будущее нормализации отношений зависит от того удастся ли спонсорам СА предотвратить возвращение исламистских сил к власти, ограничить растущее влияние Ирана и стабилизировать обстановку в стране.

Отдельно стоит упомянуть Косово, которое нормализовало отношения с Израилем в октябре 2020 г., а в апреле 2021 г. стало первой европейской страной и первой страной с мусульманским большинством, открывшей посольство в Иерусалиме [7]. 2023 г. отметился ростом числа визитов на высоком уровне. После событий 7 октября 2023 г. власти Косово выступили с заявлениями, осудив ХАМАС и выразив солидарность с Израилем.

Будущее Соглашений Авраама: кандидаты на присоединение

Перспективы дальнейшего расширения СА – отдельный, сложный вопрос. С одной стороны, СА остаются в центре внимания Д. Трампа и его команды. Д. Трамп затронул тему СА во время ближневосточного турне в мае 2025 г., упомянул СА в своей речи в Кнессете Израиля 13 октября перед тем, как направиться в Шарм-эль-Шейх на «Саммит мира» по Газе для подписания итоговой декларации. Д. Трамп тогда заявил, что теперь «нет оправданий» для тех, кто не присоединились к СА. Расширение СА обсуждал госсекретарь Марко Рубио на встрече с президентом Израиля Ицхаком Герцогом в их пятую годовщину 15 сентября. В новой СНБ США говорится о явной заинтересованности в расширении действия СА на большее количество стран региона и мусульманского мира.

Однако, с другой стороны, Война в Газе заметно ослабила глобальную поддержку Израиля. Инициатива Д. Трампа по «ближневосточной ривьере» в Газе оттолкнула арабские страны и явно противоречила представлению участников СА о том, что нормализация отношений с Израилем способствует созданию палестинского государства [8]. За первый год президенства Д. Трампа лишь один Казахстан выразил предметный интерес к СА.

О присоединении Казахстана к СА было объявлено 6 ноября 2025 г. в Вашингтоне на саммите «С5+1» с участием лидеров пяти стран Цен-

тральной Азии. Заявлению Д. Трампа о том, что Казахстан станет «первой из многих» стран, которые присоединятся к СА во время его второго срока, предшествовал телефонный разговор с Б. Нетаньяху и К. Токаевым. Вслед за этим 7 ноября израильская делегация посетила Казахстан, где подписала ряд меморандумов о взаимопонимании.

Выбор Казахстана был воспринят как символический жест, учитывая тот факт, что дипотношения были установлены в далёком 1992 г. Секрет успеха кроется в том, что новый прагматичный подход Белого дома предоставил лидерам, связанным «нерушимыми экономическими и инфраструктурными связями» с Россией и Китаем, пространство для взаимодействия с США без открытого противостояния Москве или Пекину [9]. СА не требуют строгих обязательств, и, как заявил К. Токаев, решение о присоединении к ним «абсолютно твёрдое и необратимое». Для Казахстана сделка стала относительно простым способом завоевать расположение Белого дома, сбалансировать отношения с великими державами, извлечь определённые дивиденды от привлечения инвестиций в стратегически важные сектора экономики. В частности, во время визита К. Токаева было подписано 29 соглашений стоимостью $17 млрд, включая инвестиции NVIDIA, Boeing, Groq, и OpenA I.K. Токаев заявил о поддержке «Маршрута Трампа» (TRIPP), а Д. Трамп подтвердил приверженность укреплению стратегического партнёрства. Будет не лишним упомянуть, что несмотря на скромный товарооборот ($236 млн в 2024 г.) Казахстан обеспечивает 25% израильского импорта нефти, а инвестиционные возможности Израиля соответствуют приоритетным направлениям программы реформ К. Токаева [10].

Решение Казахстана выглядит не только геополитически взвешенным, но и тщательно продуманным по времени с точки зрения международной обстановки: саммит Россия-США на Аляске 15 августа, прекращение огня в Секторе Газа 10 октября, встреча Д. Трампа и Си Цзиньпина в Пусане 30 октября, визит К. Токаева в Россию 12 ноября, по итогам которого было подписано 14 документов, подтверждающих, что Астана не собирается выходить из орбиты влияния Москвы.

Присоединение Казахстана к СА, вероятно, создаст прецедент для других центрально-азиатских стран [11]. Наиболее вероятным кандидатом представляется Узбекистан, который установил дипотношения с Израилем раньше остальных в регионе. Центральную роль в формировании израильско-узбекских отношений играет бухарская еврейская община. В январе 2021 г. США и Узбекистан объявили о вложении Ташкента до $50 млн в Фонд Авраама, что делает Узбекистан первой страной в регионе, поддержавшей СА финансово. Ко всему прочему Узбекистан значился среди 19 стран, подписавших устав «Совета мира». Не совсем ясная ситуация с Кыргызстаном. Сомнительно, что к СА присоединятся Таджикистан или Туркменистан главным образом из-за дружественного отношения к Ирану, энергетических интересов и особенностей географии.

На Кавказе Израиль сблизился с Азербайджаном. За тридцать лет продуктивных отношений стороны извлекли огромную экономическую выгоду: на Израиль приходится до 70% азербайджанского импорта вооружений, на долю Азербайджана – до 40% израильского импорта нефти. Азербайджан – это единственная мусульманская страна, где признание государства Израиль не ограничено правящей элитой, а в целом глубоко укоренено среди населения. Свою роль в этом играет еврейская община Азербайджана.

С началом Войны в Газе Азербайджан не осудил Израиль, проявив осторожность. Отношения продолжили развиваться. В октябре 2023 г. SOCAR вошла в число шести компаний, получивших лицензию на разведку и добычу природного газа в Восточном Средиземноморье (31 января 2025 г. SOCAR достигла сделки по покупке 10% в газовом месторождении Тамар). В декабре 2024 г. лидеры AIPAC Майкл Тучин и Бернард Каминецкий впервые посетили Баку, поблагодарив президента Ильхама Алиева за поддержку Израиля.

«Переломным моментом» называют встречу в Иерусалиме Б. Нетаньяху и помощника Президента Азербайджана Хикмета Гаджиева в феврале 2025 г. Уже в марте спецпосланник президента США Стивен Уиткофф совершил визит в Баку с целью склонить Азербайджан присоединиться к СА. Непосредственное влияние оказали выступление 5 марта Б. Нетаньяху в Кнессете, где он подчеркнул приверженность трёхстороннему партнёрству, а также резонансное письмо раввинов Д. Трампу, содержащее призыв к расширению СА и укреплению стратегического альянса между Израилем, США и Азербайджаном. Группу возглавили Марвин Хиер, признанный журналом Newsweek самым влиятельным раввином Америки, и высокопоставленный раввин ОАЭ Эли Абади. В парламенте Израиля высказали предложение активизировать переговоры о создании трёхстороннего стратегического союза и изучить возможность включения Баку в формат СА. Ведущий израильский аналитический центр BESA опубликовал серию докладов, где утверждалось, что Баку идеально впишется в этот клуб [12]. Данный нарратив поддержали ведущие западные СМИ.

Скептики полагают, что СА неактуальны для Азербайджана и станут не более чем символическим шагом, поскольку являются ближневосточной инициативой и касаются Израиля и арабских стран, а Азербайджан никогда не воевал с Израилем и давно установил с ним дипотношения. Стоит учитывать фактор Турции и Ирана. Координация с Анкарой имеет важное значение для Баку. Стороны, как правило, действуют согласованно по ключевым региональным вопросам и участие в инициативе, исключающей Турцию, создало бы ощущение дисбаланса. Баку старается избегать открытой конфронтации с Ираном, который рассматривает закрепление Израиля на Южном Кавказе как вызывающее беспокойство и опасается трёхстороннего сближения между США, Израилем и Азербайджаном. СА и вовсе позиционируются как основа для антииранского регионального блока и на этом фоне любой шаг Баку в сторону СА почти наверняка вызовет серьёзное ухудшение отношений с Тегераном вплоть до военной провокации.

Тем не менее, стратегические выгоды от присоединения Азербайджана к СА остаются существенными, что может подтолкнуть Баку к более решительным действиям. Во-первых, идея интеграции Азербайджана в СА изменит его восприятие в Вашингтоне, ограниченное рамками Карабахского конфликта, и придаст новый импульс сотрудничеству. Во-вторых, Раздел 907 Закона о поддержке свободы 1992 г., принятого по настоянию влиятельного армянского лобби, запрещает любую прямую помощь США правительству Азербайджана. В августе 2025 г. Д. Трамп приостановил действие Раздела 907 после трёхстороннего саммита США-Армения-Азербайджан, но Баку добивается от Конгресса США его полной отмены. В-третьих, «азербайджанская модель» станет прецедентом для других мусульманских стран, желающих присоединиться к СА независимо от палестино-израильских отношений и невзирая на внешнее давление. Визиты министра иностранных дел Израиля Гидеона Саара и вице-президента США Джеймса Вэнса в начале 2026 г., подписание 7 февраля меморандума о взаимопонимании в области ИИ подчёркивают стремление Баку упрочить свои позиции в регионе.

В Африке Израиль наладил отношения с непризнанной Республикой Сомалиленд, чей успех в обеспечении внутренней стабильности на фоне Сомали делает её надёжным партнёром. 26 декабря 2025 г. после того, как Израиль первым в мире официально признал Сомалиленд, их президент объявил о планах присоединиться к СА. 6 января 2026 г. для встречи с ним Г. Саар посетил столицу Харгейса. Ставка на Сомалиленд обусловлена геостратегической близостью к Красному морю, что делает его идеальным плацдармом для обеспечения безопасности торговых путей в районе Баб-эль-Мандебского пролива и проведения военных операций против йеменских хуситов. Партнёрство с Сомалилендом предоставляет Израилю доступ к порту Бербера, механизму обмена развединформацией, развёртыванию военных сил [13]. Так что сближение с Сомалилендом – стратегический шаг, направленный на превращение страны в военный форпост Израиля, что также вписывается в далекоидущие планы его союзника ОАЭ.

В конце первого президентства Д. Трампа его команда была в шаге от присоединения к СА Мавритании, которая третьей в ЛАГ установила дипотношения с Израилем в 1999 г., но разорвала все связи 10 лет спустя. По данным Semafor в июле 2025 г. на полях саммита США–Африка в Вашингтоне готовилась встреча Б. Нетаньяху с президентом Мавритании Мухаммедом ульд Газуани. По мере того, как Мавритания превращается в экспортёра СПГ, партнёрство в рамках СА могло бы изменить её экономику, способствуя инвестициям в энергетику, горнодобывающую промышленность и водную инфраструктуру [14]. Тем не менее, значительная часть населения решительно выступает против Израиля и как считают наблюдатели прорыв в нынешних условиях маловероятен.

После падения режима Асада в декабре 2024 г. ведутся переговоры о присоединении Сирии к СА. 14 мая 2025 г. на встрече в Эр-Рияде Д. Трамп призвал нового президента Сирии Ахмеда Аш-Шараа подписать СА с Израилем в обмен на отмену всех санкций. СА были одной из главных тем их разговора в Белом доме 10 ноября. В свою очередь Израиль воспринял новый подход Белого дома с глубоким скептицизмом, учитывая джихадистское прошлое лидера Сирии.

В одном из первых интервью журналу The Economist А. Аш-Шараа заявил, что не исключает нормализации отношений с Израилем, однако отметил, что это очень сложный процесс. Ключевым препятствием остаётся статус Голанских высот после того, как Израиль осуществил вторжение в Сирию, нарушив Соглашение о разделении сил между Израилем и Сирией 1974 г. В условиях оккупации Израилем Голанских высот речи не идёт о какой-либо возможности присоединения Сирии к СА, о чём А. Аш-Шараа сообщил на заседании Генассамблеи ООН

в сентябре 2025 г. как и в ноябрьском интервью Fox News, настаивая на том, что ситуация в Сирии отличается от ситуации в странах, подписавших СА.

Прогрессом уже можно будет считать соглашение о безопасности. 6 января 2026 г. в Париже США, Израиль и Сирия договорились о создании некоего «механизма слияния», который будет служить каналом связи для обмена развединформацией, военной деэскалации, дипломатического взаимодействия и решения коммерческих вопросов. Дальнейшее развитие событий будет зависеть от решения сложных вопросов, касающихся таких проблем, как статус общины друзов на юге Сирии, разоружение Хезболлы в Ливане, обеспечение безопасности Сектора Газа и растущее иранское влияние в Ираке [15].

В долгосрочной перспективе частью СА может стать соседний Ливан. Долгий, тернистый путь Ливана к СА при посредничестве США и Франции предполагает разоружение Хезболлы, представляющей угрозу Израилю, что будет непростой задачей, учитывая поддержку Ирана. Со своей стороны Израиль выразил удовлетворение позицией Бейрута и выводом военнослужащих КСИР с территории Ливана и ясно дал понять, что готов предоставить любую помощь через США, если ливанская армия начнёт боевые действия против Хезболлы. Официальные лица в Иерусалиме приветствуют присоединение Ливана к СА и выражают готовность к будущему сотрудничеству.

Настоящей «жемчужиной» для США и Израиля станет присоединение к СА лидера исламского мира – КСА. Задолго до СА наследный принц Мухаммед бин Салман объявил об открытии воздушного пространства для авиарейсов и привлёк израильских инвесторов в рамках программы «Видение 2030». В 2023 г. начались переговоры о нормализации отношений. Как заявил в сентябре Э. Коэн, согласование всех деталей и достижение соглашения ожидалось в начале 2024 г. События 7 октября сорвали процесс, вынудив Эр-Рияд занять более принципиальную позицию. В мае 2024 г. пошли слухи о подготовке оборонного пакта, который даст КСА гарантии безопасности со стороны США и, возможно, проложит путь к дипотношениям с Израилем, если тот прекратит войну в секторе Газа [16].

После возвращения в Белый дом Д. Трамп не раз выражал надежду, что КСА в какой-то момент присоединится к СА. Тем не менее в ходе ближневосточного турне Д. Трампа в мае 2025 г. тема вступления КСА в СА отошла на задний план, уступив место бизнес-сделкам. Когда в ноябре М. бин Салман совершил свой первый с 2018 г. визит в Вашингтон, Д. Трамп осуществил то, что не успел Дж. Байден: заключил Соглашение о стратегической обороне (SDA), присвоил КСА статус «Основной союзник вне НАТО», одобрил крупный пакет вооружений, включая истребители F-35, подписал соглашения, посвящённые сотрудничеству в атомной энергетике, критически важным минералам, ИИ [17]. Однако видимого прогресса в решении главной задачи достигнуто не было. М. бин Салман вновь дал понять, что Эр-Рияд хочет быть частью СА, но присоединится только в случае решения палестинского вопроса на основе принципа «двух государств».

Важно не забывать про диверсификацию КСА стратегических отношений за счёт укрепления связей с Китаем и Россией, примирения с Ираном в 2023 г., который в декабре 2024 г. выдвинул альтернативу СА «Мусульманская западноазиатская ассоциация диалога» (MWADA), а также подписания с Пакистаном Стратегического соглашения о взаимной обороне 17 сентября 2025 г. В то же время, война США и Израиля с Ираном, начавшаяся 28 февраля 2026 г., и последующие удары Ирана по территории монархий Персидского залива могут поставить вопрос о выстраивании единой интегрированной архитектуры безопасности вместе с Израилем, что открывает окно возможностей для «Соглашений Авраама 2.0» с участием КСА [18].

Нежелание Омана подписывать СА обусловлено его приверженностью «оманскому подходу» к нейтралитету и невмешательству в урегулирование региональных конфликтов; поддержкой Арабской мирной инициативы, а также географической близостью Ирана [19]. Несмотря на призывы Вашингтона и оказываемое им давление по линии Стратегический диалог США–Оман, маловероятно, что Оман последует примеру ОАЭ и Бахрейна. То же самое можно сказать про Катар и Кувейт.

Администрация Д. Трампа также стремится расширить рамки СА на южную и юго-восточную Азию.

Теоретически отношения с Израилем может нормализовать Индонезия при условии признания им палестинского государства. Об этом заявил президент Индонезии Прабово Субианто на пресс-конференции по случаю визита Э. Макрона в Джакарту в мае 2025 г., а также на Генассамблее ООН 23 сентября. В своём выступлении П. Субианто подчеркнул необходимость признания и гарантий безопасности Израиля, что отражает эволюцию внешней политики Индонезии от антиимпериализма в сторону прагматичного реализма. П. Субианто одобрил Мирный план в секторе Газа и предложил направить до 20,000 индонезийских военных в составе Международных стабилизационных сил.

Администрации Д. Трампа есть что предложить Индонезии взамен её присоединения к СА. П. Субианто стремится к налаживанию отношений с Д. Трампом и расширению глобального влияния своей страны. Индонезия давно хочет вступить в ОЭСР, что требует поддержки со стороны США и согласия Израиля (весной 2024 г. появились сообщения, что в связи с вступлением в ОЭСР Индонезия ведёт тайные переговоры с Израилем). Другим бонусом могло бы стать увеличение американских инвестиций в индонезийскую экономику и её интеграция в глобальную цепочку поставок полезных ископаемых.

Несмотря на геоэкономические выгоды, присоединение Индонезии к СА также сопряжено с рисками. Во-первых, вопреки возросшим международным амбициям, начиная с первого президента Сукарно, внешняя политика Джакарты в значительной степени определяется антиколониальным наследием и исламской солидарностью, и, если Индонезия присоединится к СА, это подорвёт их имидж в определённой части исламского мира. Во-вторых, это спровоцирует негативную реакцию со стороны мусульманского большинства, учитывая глубоко укоренившиеся пропалестинские настроения. Поддержка Палестины – не просто дипломатическая позиция, а компонент национального нарратива.

В случае более решительных действий со стороны Индонезии посредниками могут выступить её соседи Австралия и Сингапур, которые наладили военно-дипломатические связи с Израилем [20]. По версии FT помощь Д. Трампу в его трансакционной дипломатии окажет индонезийский миллиардер Хари Таносудибьо. Определённо на пользу идёт укрепление связей Индонезии со странами Персидского залива. 9 апреля 2025 г. П. Субианто провёл турне по Ближнему Востоку, кульминацией которого стало подписание в Абу-Даби восьми соглашений с ОАЭ.

Усилия США по включению в СА Малайзии не принесли результатов. Поддержка Палестины – неотъемлемая часть внешней политики Малайзии с 1957 г. Хотя Д. Трамп мог бы сделать нормализацию отношений с Израилем одним из условий для американских инвестиций в Малайзию, маловероятно, что Белый дом будет оказывать давление на Куала-Лумпур, довольствуясь снижением взаимной вражды. Нынешний премьер-министр Малайзии Анвар Ибрагим занимает более открытую и дружелюбную позицию по отношению к Израилю, чем его предшественники, например Махатхир Мохамад, которого израильские политики назвали «антисемитом». При этом, когда в ноябре 2024 г. в интервью CNN А. Ибрагим признал право Израиля на существование и самооборону, сам факт вызвал протесты со стороны пропалестинских активистов и оппозиции.

Неизменной остаётся позиция Пакистана. В июне 2025 г. в ответ на заявление С. Уиткоффа о присоединении к СА стран, которые ранее «не рассматривались», министр иностранных дел Пакистана Исхак Дар исключил такую возможность. Как позднее разъяснил представитель МИД Тахир Андраби, Пакистан категорически исключает возможность присоединения к СА без справедливого разрешения палестинского вопроса в границах 1967 г., а его присоединение к «Совету мира» имеет другие цели: содействие прекращению огня, помощь в восстановлении Газы, достижение мира, основанного на праве палестинцев на самоопределение. Заключение Пакистаном пакта с КСА и создание ими неформального блока с Турцией и, возможно, Египтом выглядит как противовес тому, что продвигают Израиль и ОАЭ, при том, что сами США рассматривают Пакистан как важнейшее звено в расширении СА и дополнение к восточному флангу IMEC.

Схожую с Пакистаном позицию занимает Бангладеш. Хотя Израиль одним из первых в мире признал Бангладеш в 1972 г., мусульманское большинство в итоге сказалось на национальной идентичности и солидарности с палестинским делом. Это, а также растущее влияние Катара, объясняет то, почему решение председателя Временного правительства Бангладеш Мухаммада Юнуса перезагрузить отношения с Израилем, присоединившись к «Совету мира», встретило сопротивление внутри страны.

По сообщениям израильских источников в январе 2022 г. кандидатами на присоединение к СА являлись Коморские острова и Мальдивы, расположенные в Индийском океане и имеющие преимущественно мусульманское население. Но ни одна из этих стран пока не приблизилась к нормализации отношений с Израилем.

Заключение

Администрация Д. Трампа активно стремится расширить действие СА, в том числе за пределы Ближнего Востока. Присоединение Казахстана к СА сигнализирует о проникновении США и Израиля в Центральную Азию – регион растущей конкуренции за энергоресурсы и критически

важные полезные ископаемые. В целом решение Казахстана соответствует его многовекторной внешнеполитической доктрине и скорее ориентировано на экономическую модернизацию, а не на геополитическую перестройку. Остальные центральноазиатские страны, а также Азербайджан, поддерживают хорошие отношения с Израилем, но не спешат с присоединением к СА, несмотря на давление США. Признание Израилем Сомалиленда, по всей видимости следующего участника СА, носит явно геостратегический характер и говорит о намерениях закрепиться в регионе Красного моря.

Большие надежды администрация Д. Трампа возлагает на КСА – лидера исламского мира, обозначившего решение палестинского вопроса главным условием для присоединения к СА. Однако достижение оборонного пакта между США и КСА, а также последствия войны США и Израиля с Ираном, могут ускорить процесс сближения Иерусалима и Эр-Рияда.

Распространение СА на южную и юго-восточную Азию может послужить отправной точкой для усиления влияния США и Израиля в этом регионе и рассматривается как прямой вызов жизненно важным интересам Китая. Подход четырёх неарабских мусульманских стран к СА требует признания Израилем палестинского государства, но, если будет достигнут реальный прогресс в мирном урегулировании, они, вероятно, пересмотрят свою позицию. Сложнее всего с Малайзией. Наиболее близко к нормализации отношений с Израилем подошла Индонезия – крупнейшая мусульманская страна в мире.

Литература

1. Norlen T., Sinai T. The Abraham Accords – Paradigm Shift or Realpolitik? // Marshall Center. October 2020. URL: https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/abraham-accords-paradigm-shift-or-realpolitik (дата обращения: 10.03.2026).

2. Rahman O. Five Reasons Why the Abraham Accords Are Ceding Ground to Arab-Iranian De-escalation // Baker Institute. July 11, 2023. URL: https://www.bakerinstitute.org/research/five-reasons-why-abraham-accords-are-ceding-ground-arab-iranian-de-escalation (дата обращения: 10.03.2026).

3. Kateb A. The Abraham Accords After Gaza: A Change of Context // CEIP. April 25, 2025. URL: https://carnegieendowment.org/research/2025/04/the-abraham-accords-after-gaza-a-change-of-context (дата обращения: 20.03.2026).

4. Trends in International Arms Transfers, 2025 // SIPRI. March 2026. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2026–03/fs_2603_at_2025.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

5. The Abraham Accords: A Five Year Report // The Heritage Foundation. URL: https://static.heritage.org/-2025/AbrahamAccordsFiveYearReport.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

6. Cafiero G. Five Years On, UAE-Israel Normalization Weathers the Gaza Storm // ME Council. September 1, 2025. URL: https://mecouncil.org/blog_posts/five-years-on-uae-israel-normalization-weathers-the-gaza-storm/ (дата обращения: 30.03.2026).

7. Annual Report 2023 // AAPI. URL: https://cdn.nucleusfiles.com/aapi/Annual-Report-2023.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

8. The Abraham Accords // MEI. November 17, 2025. URL: https://mei.edu/backgrounder/abraham-accords/ (дата обращения: 10.04.2026).

9. Mamedov E. Why Kazakhstan Joined the Abraham Accords // TNI. November 14, 2025. URL: https://nationalinterest.org/blog/silk-road-rivalries/why-kazakhstan-joined-the-abraham-accords (дата обращения: 20.04.2026).

10. Cutler R. Abraham Accords Frame Kazakhstan–Israel Cooperation to Deliver Tokayev's Reforms // TCA. November 14, 2025. URL: https://timesca.com/abraham-accords-frame-kazakhstan-israel-cooperation-to-deliver-tokayevs-reforms/ (дата обращения: 20.04.2026).

11. Green E., Karibayeva Meyer A. Kazakhstan Joins the Abraham Accords: Strategic Opportunities and Risks // CPC. 01/29/2026. URL: https://api.caspianpolicy.org/media/ckeditor_media/2026/02/23/_kazakhstan-joins-the-abraham-accords-strategic-opportunities-and-risks-1.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

12. Khanin V., Grinberg A. Why Azerbaijan Perfectly Fits Into the Abraham Accords Framework: Clarifications // BESA. March 15, 2025. URL: https://besacenter.org/why-azerbaijan-perfectly-fits-into-the-abraham-accords-framework-clarifications/ (дата обращения: 30.04.2026).

13. Osman M. A New Map of the Horn: Israel's Recognition of Somaliland // To I. April 1, 2026. URL: https://blogs.timesofisrael.com/a-new-map-of-the-horn-israels-recognition-of-somaliland/ (дата обращения: 10.05.2026).

14. Hammond J. Joining the Abraham Accords Could Open New Energy Investment Doors in Mauritania // TNI. September 17, 2025. URL: https://nationalinterest.org/blog/energy-world/joining-the-abraham-accords-could-open-new-energy-investment-doors-in-mauritania (дата обращения: 10.05.2026).

15. The Abraham Accords at Five Years: Resilience and Roadblocks // WINEP. September 16, 2025. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/abraham-accords-five-years-resilience-and-roadblocks (дата обращения: 20.05.2026).

16. Nardelli A., Jacobs J., Martin P. US and Saudis Near Defense Pact Meant to Reshape Middle East // Bloomberg. May 1, 2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024–05–01/us-and-saudis-near-defense-pact-aimed-at-reshaping-middle-east (дата обращения: 20.05.2026).

17. Fact Sheet // The White House. November 18, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/11/fact-sheet-president-donald-j-trump-solidifies-economic-and-defense-partnership-with-the-kingdom-of-saudi-arabia/ (дата обращения: 30.05.2026).

18. Riboua Z. The Middle East Is Ready for the Abraham Accords 2.0 // Hudson Institute. March 11, 2026. URL: https://www.hudson.org/foreign-policy/middle-east-ready-abraham-accords-2-zineb-riboua (дата обращения: 30.05.2026).

19. Harb I. Walking a Tightrope: Oman and Normalization with Israel // ACW. March 7, 2023. URL: https://arabcenterdc.org/resource/walking-a-tightrope-oman-and-normalization-with-israel/ (дата обращения: 10.06.2026).

20. Afterman G., Hoffmann T. Two Years after the Abraham Accords // NUS – Middle East Institute. May 23, 2023. URL: https://mei.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2023/05/Insight-296.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

THE FUTURE OF THE ABRAHAM ACCORDS UNDER THE ADMINISTRATION OF D. TRUMP 2.0

Kochegurov D.A., Ibragimov F.

G.A. Arbatov Institute for the United States of America and Canada, Peoples' Friendship University of Russia

The Abraham Accords are among the most prized accomplishment of the thirst administration of D. Trump in the Middle East. With the return of D. Trump to the White House in January 2025 the Accords have once again become actual. The article is devoted to explanation of the origins, immediate outcomes and prospects of the Accords. As it is underscored, despite geopolitical tension and war in Gaza, the frameworks established through the Accords have proven remarkably resilient. It remains to be seen if the Accords can be expanded over the next three years of D. Trump in office and what the consequences of such expansion might be.

Keywords: D. Trump, Israel, KSA, the Abraham Accords, USA.

References

1. Norlen T., Sinai T. The Abraham Accords – Paradigm Shift or Realpolitik? // Marshall Center. October 2020. URL: https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/abraham-accords-paradigm-shift-or-realpolitik (дата обращения: 10.03.2026).

2. Rahman O. Five Reasons Why the Abraham Accords Are Ceding Ground to Arab-Iranian De-escalation // Baker Institute. July 11, 2023. URL: https://www.bakerinstitute.org/research/five-reasons-why-abraham-accords-are-ceding-ground-arab-iranian-de-escalation (дата обращения: 10.03.2026).

3. Kateb A. The Abraham Accords After Gaza: A Change of Context // CEIP. April 25, 2025. URL: https://carnegieendowment.org/research/2025/04/the-abraham-accords-after-gaza-a-change-of-context (дата обращения: 20.03.2026).

4. Trends in International Arms Transfers, 2025 // SIPRI. March 2026. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2026–03/fs_2603_at_2025.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

5. The Abraham Accords: A Five Year Report // The Heritage Foundation. URL: https://static.heritage.org/-2025/AbrahamAccordsFiveYearReport.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

6. Cafiero G. Five Years On, UAE-Israel Normalization Weathers the Gaza Storm // ME Council. September 1, 2025. URL: https://mecouncil.org/blog_posts/five-years-on-uae-israel-normalization-weathers-the-gaza-storm/ (дата обращения: 30.03.2026).

7. Annual Report 2023 // AAPI. URL: https://cdn.nucleusfiles.com/aapi/Annual-Report-2023.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

8. The Abraham Accords // MEI. November 17, 2025. URL: https://mei.edu/backgrounder/abraham-accords/ (дата обращения: 10.04.2026).

9. Mamedov E. Why Kazakhstan Joined the Abraham Accords // TNI. November 14, 2025. URL: https://nationalinterest.org/blog/silk-road-rivalries/why-kazakhstan-joined-the-abraham-accords (дата обращения: 20.04.2026).

10. Cutler R. Abraham Accords Frame Kazakhstan–Israel Cooperation to Deliver Tokayev's Reforms // TCA. November 14, 2025. URL: https://timesca.com/abraham-accords-frame-kazakhstan-israel-cooperation-to-deliver-tokayevs-reforms/ (дата обращения: 20.04.2026).

11. Green E., Karibayeva Meyer A. Kazakhstan Joins the Abraham Accords: Strategic Opportunities and Risks // CPC. 01/29/2026. URL: https://api.caspianpolicy.org/media/ckeditor_media/2026/02/23/_kazakhstan-joins-the-abraham-accords-strategic-opportunities-and-risks-1.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

12. Khanin V., Grinberg A. Why Azerbaijan Perfectly Fits Into the Abraham Accords Framework: Clarifications // BESA. March 15, 2025. URL: https://besacenter.org/

why-azerbaijan-perfectly-fits-into-the-abraham-accords-framework-clarifications/ (дата обращения: 30.04.2026).

13. Osman M. A New Map of the Horn: Israel's Recognition of Somaliland // To I. April 1, 2026. URL: https://blogs.timesofisrael.com/a-new-map-of-the-horn-israels-recognition-of-somaliland/ (дата обращения: 10.05.2026).

14. Hammond J. Joining the Abraham Accords Could Open New Energy Investment Doors in Mauritania // TNI. September 17, 2025. URL: https://nationalinterest.org/blog/energy-world/joining-the-abraham-accords-could-open-new-energy-investment-doors-in-mauritania (дата обращения: 10.05.2026).

15. The Abraham Accords at Five Years: Resilience and Roadblocks // WINEP. September 16, 2025. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/abraham-accords-five-years-resilience-and-roadblocks (дата обращения: 20.05.2026).

16. Nardelli A., Jacobs J., Martin P. US and Saudis Near Defense Pact Meant to Reshape Middle East // Bloomberg. May 1, 2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024–05–01/us-and-saudis-near-defense-pact-aimed-at-reshaping-middle-east (дата обращения: 20.05.2026).

17. Fact Sheet // The White House. November 18, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/11/fact-sheet-president-donald-j-trump-solidifies-economic-and-defense-partnership-with-the-kingdom-of-saudi-arabia/ (дата обращения: 30.05.2026).

18. Riboua Z. The Middle East Is Ready for the Abraham Accords 2.0 // Hudson Institute. March 11, 2026. URL: https://www.hudson.org/foreign-policy/middle-east-ready-abraham-accords-2-zineb-riboua (дата обращения: 30.05.2026).

19. Harb I. Walking a Tightrope: Oman and Normalization with Israel // ACW. March 7, 2023. URL: https://arabcenterdc.org/resource/walking-a-tightrope-oman-and-normalization-with-israel/ (дата обращения: 10.06.2026).

20. Afterman G., Hoffmann T. Two Years after the Abraham Accords // NUS – Middle East Institute. May 23, 2023. URL: https://mei.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2023/05/Insight-296.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

Перспективы развития внешней политики Армении после парламентских выборов 2026 года

Мансуров Тимур Зуфарович,
кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: timur-man333@mail.ru

Предмет статьи составляет вероятная конфигурация внешней политики Республики Армения после парламентских выборов 2026 г. Актуальность исследования определяется закреплением электоральной поддержки действующего правительства на фоне углубления отношений с Европейским союзом, дистанцирования от механизмов ОДКБ и продолжающейся перестройки региональных отношений с Азербайджаном и Турцией. Цель исследования состоит в определении направлений и структурных ограничений внешнеполитического курса Армении в новом электоральном цикле. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный и логико-аналитический методы, классификация и синтез. Источниковую основу составили современные русскоязычные исследования российско-армянских отношений, евразийской и европейской интеграции, региональной безопасности, армяно-азербайджанского урегулирования и армяно-турецкой нормализации. Научная новизна заключается в разграничении экономико-интеграционного, военно-политического и регионально-дипломатического уровней внешнеполитической диверсификации Армении. Установлено, что послевыборная преемственность курса не устраняет его институциональных противоречий: расширение европейского направления сочетается с сохранением экономических связей внутри ЕАЭС и зависимостью перспектив диверсификации от устойчивости регионального мира. Результаты могут использоваться при оценке среднесрочных сценариев внешней политики Армении и трансформации системы отношений на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Армения, внешняя политика, парламентские выборы, Европейский союз, ЕАЭС, ОДКБ, российско-армянские отношения, Южный Кавказ, армяно-азербайджанское урегулирование, стратегическое хеджирование.

Введение

Парламентские выборы 7 июня 2026 г. перевели трансформацию внешней политики Армении из предвыборной альтернативы в вопрос реализации курса на протяжении нового политического цикла. Партия «Гражданский договор» получила около половины голосов и парламентское большинство, окончательные результаты были подтверждены Центральной избирательной комиссией, а 4 июля Конституционный суд отклонил требования об их отмене. Электоральный результат создал условия для сохранения внешнеполитической линии правительства Н. Пашиняна, однако сам по себе не разрешил противоречия между европейской интеграцией, действующим членством в ЕАЭС, фактически замороженным участием в ОДКБ и необходимостью закрепления новой системы отношений с соседними государствами.

К моменту выборов институциональная среда внешней политики уже изменилась. Принятый в 2025 г. закон о запуске процесса присоединения Армении к Европейскому союзу выразил намерение двигаться в сторону ЕС, но не представлял собой формальную заявку на членство. Первый саммит Армения – ЕС в мае 2026 г. закрепил дальнейшее политическое и секторальное сближение. Одновременно вашингтонская декларация от 8 августа 2025 г. зафиксировала первоначирование согласованного текста соглашения об установлении мира и межгосударственных отношений между Арменией и Азербайджаном, к августу 2026 г. соглашение ожидало подписания и ратификации, а демаркация границы оставалась незавершенной, эти процессы формируют внешнеполитическую среду, в которой дальнейшее сближение с западными институтами связано с состоянием отношений с Россией и результативностью региональной нормализации.

Цель исследования состоит в определении перспективных направлений и ограничений внешней политики Армении после парламентских выборов 2026 г. Первая задача заключается в систематизации научных подходов к трансформации внешнеполитической модели Армении и выявлении факторов, препятствующих ее сведению к односторонней геополитической переориентации. Вторая задача состоит в сопоставлении российского и евразийского, европейского и регионального направлений внешней политики с учетом различий между экономической интеграцией, механизмами безопасности и дипломатической нормализацией. Третья задача предполагает определение среднесрочных вариантов развития послевыборного курса и условий, от которых зависит переход между ними.

Научная новизна связана с рассмотрением внешнеполитической диверсификации Армении как институционально неоднородного процесса. Военно-политическое дистанцирование от прежнего союзнического контура, расширение сотрудничества с ЕС и США, сохранение экономической включенности в ЕАЭС и нормализация отношений с Азербайджаном и Турцией относятся к разным уровням внешней политики и обладают различной скоростью изменения. Послевыборный курс вследствие этого рассматривается через сочетание трех взаимосвязанных компонентов, диверсификации инструментов безопасности, перераспределения интеграционных связей и регионализации механизмов обеспечения устойчивости государства.

Материалы и методы

Материалы исследования охватывают современные научные работы, раскрывающие отдельные структурные элементы внешней политики Армении. М.А. Агаронян [1] исследует неформальные каналы российского влияния в Армении и их значение в условиях трансформации межгосударственных отношений. А.В. Донченко [2] сопоставляет евразийское и европейское направления внешнеэкономической интеграции, включая их институциональные и торгово-экономические основания. А.Б. Крылов [3] связывает изменение российско-армянских отношений с расхождениями интересов сторон по вопросам Южного Кавказа и характеризует сложившееся состояние как стратегическую неопределенность. В работе Т.З. Мансурова [4] систематизированы проблемы политического урегулирования армяно-азербайджанского конфликта и конкурировавшие переговорные форматы. С.М. Минасян [5] рассматривает новые ориентиры внешней политики Армении через изменение региональной среды безопасности и переход к иной форме многовекторности. А.Г. Павлов и Д.Л. Маргарян [6] анализируют армяно-турецкие отношения, факторы, затрудняющие их нормализацию, и роль

внешних акторов. С.В. Растольцев [7] исследует трансформацию карабахского конфликта и участие Европейского союза в нормализации армяно-азербайджанских отношений. Н.Ю. Силаев [8] раскрывает изменение отношения Армении к России через взаимные политические сигналы, институциональные связи и различия стратегических ожиданий. Р.И. Хабибуллин [9] оценивает возможные последствия выхода Армении из ОДКБ для региональной безопасности и антитеррористического потенциала организации. К. Чжан [10] интерпретирует политику Армении в отношении России и ЕС через концепцию стратегического хеджирования, выделяя кризис союзнических ожиданий и структурные ограничения внешнеполитической диверсификации.

Методы исследования включали анализ научных публикаций для выделения аргументов о причинах изменения внешней политики Армении, сравнительный анализ для разграничения российского, европейского и регионального направлений, классификацию факторов по экономическому, институциональному и военно-политическому основаниям. Логико-аналитический метод применялся для установления связей между послевыборной политической преемственностью и внешними ограничителями курса. Синтез использован при формировании среднесрочных вариантов развития внешней политики без сведения разнородных процессов к единой модели геополитического выбора.

Результаты

Результаты парламентских выборов закрепили субъектную преемственность внешней политики, правительство, инициировавшее углубление отношений с ЕС, замораживание участия в ОДКБ и продвижение переговоров с Азербайджаном, сохранило парламентскую опору для продолжения курса. Однако политическая преемственность не равнозначна свободе внешнеполитического маневра. Российское направление включает связи, не исчерпывающиеся официальным межгосударственным взаимодействием. М.А. Агаронян показывает наличие неформальных каналов влияния России, связанных с общественными, информационными и другими механизмами взаимодействия [1]. Их сохранение означает, что политическое дистанцирование правительства от Москвы развивается в среде накопленных связей, вследствие чего скорость изменения официального курса и глубина фактического разрыва могут различаться.

Экономическое измерение еще отчетливее ограничивает возможность быстрого переноса политических приоритетов из одного интеграционного пространства в другое. А.В. Донченко рассматривает ЕАЭС и ЕС как различающиеся институциональные модели и сопоставляет их применительно к внешнеэкономическому выбору Армении [2]. Значение этого положения после выборов 2026 г. состоит в том, что европейский политический вектор не преобразуется автоматически в европейскую модель экономической интеграции. В августе 2026 г. премьер-министр Н. Пашинян прямо признал невозможность одновременного членства в ЕС и ЕАЭС, определив запуск процесса сближения с Евросоюзом как создание альтернативы для последующего выбора, поэтому сохранение членства в ЕАЭС и продвижение к европейским стандартам образуют переходную конфигурацию, устойчивость которой зависит от того, насколько долго политическая интеграция может развиваться без формального изменения экономико-интеграционного статуса.

Российско-армянские отношения после выборов сохраняют состояние, которое А.Б. Крылов характеризует как переход от стратегического партнерства к стратегической неопределенности [3]. Автор связывает накопление расхождений с различиями подходов Москвы и Еревана к карабахской проблеме, отношениям с Азербайджаном и Турцией, а также с противоречиями Армении с другими членами ОДКБ. Эта характеристика точнее описывает послевыборную ситуацию, чем категория окончательного разрыва, военно-политическая функция прежнего партнерства подверглась пересмотру, но экономическая и институциональная взаимозависимость продолжает действовать. После выборов российская сторона вновь поставила вопрос о дальнейшем статусе Армении в ОДКБ и ЕАЭС, связывая его с европейскими интеграционными намерениями Еревана.

Региональное направление изменяет саму постановку внешнеполитической задачи. Т.З. Мансуров рассматривал политическое урегулирование армяно-азербайджанского конфликта через трансформацию переговорных форматов, вопросы делимитации и демаркации, разблокирования коммуникаций и соотношения посреднических площадок [4]. После первоначирования 8 августа 2025 г. текста соглашения об установлении мира и межгосударственных отношений часть прежних вопросов переместилась из сферы выбора переговорного формата в сферу реализации достигнутых договоренностей. Формальный процесс не завершен, по состоянию на август 2026 г. текст соглашения ожидал подписания и ратификации, а демаркация границы продолжала относиться к нерешенным задачам. Отсюда следует различие между достигнутым уровнем политической деэскалации и завершенным институциональным урегулированием.

Изменение региональной среды позволяет уточнить характер многовекторности. С.М. Минасян связывает новые ориентиры Армении с трансформацией угроз и ослаблением прежней модели внешних гарантий, рассматривая нынешнюю многовекторность как попытку компенсировать дефицит надежных механизмов безопасности посредством расширения круга партнерств [5]. Для послевыборного периода отсюда вытекает функциональное различие между партнерами. Отношения с ЕС могут обеспечивать политическую поддержку, институциональное сближение и гражданские инструменты присутствия, сотрудничество с отдельными западными государствами расширяет двусторонние возможности, связи с Россией продолжают выполнять экономические и отдельные инфраструктурные функции. Ни одно из направлений на нынешнем этапе не воспроизводит в полном объеме прежнее сочетание экономической, военно-политической и союзнической зависимости.

Армяно-турецкое направление дополняет эту перестройку региональным механизмом снижения внешней уязвимости, А.Г. Павлов и Д.Л. Маргарян связывают перспективы нормализации отношений Армении и Турции с преодолением накопленных политических противоречий, воздействием карабахского фактора и позиций внешних игроков [6]. В мае 2026 г. Турция сняла часть ограничений, препятствовавших прямой торговле с Арменией, что стало новым практическим элементом процесса нормализации. Общая граница, однако, оставалась закрытой, поэтому экономический эффект сближения еще не соответствовал потенциальному изменению географии внешних связей. Перспектива открытия границы приобретает внешнеполитическое значение именно как возможность расширения маршрутов взаимодействия.

Европейское направление получает дополнительный смысл через участие ЕС в южнокавказском урегулировании. С.В. Растольцев исследует изменение роли Евросоюза в армяно-азербайджанской нормализации после трансформации карабахского конфликта [7]. К 2026 г. отношения Армении с ЕС вышли за пределы посреднической тематики. Закон о запуске процесса присоединения к ЕС и первый двусторонний саммит сформировали институциональный контур долгосрочного сближения, причем совместное заявление саммита зафиксировало поддержку секторальной интеграции и приближения к acquis ЕС. Такое развитие усиливает европейский вектор, но сохраняет разрыв между направлением реформ и юридическим статусом Армении, запуск процесса не является членством и первоначально не представлял собой формальную заявку на вступление.

Сохранение российского направления нельзя объяснить исключительно экономической инерцией. Н.Ю. Силаев рассматривает российско-армянские отношения через сигналы, ожидания сторон и продолжающееся участие Армении в структурах, связанных с Россией [8]. После выборов 2026 г. эта логика проявляется в расхождении между фактическим военно-политическим дистанцированием и сохранением формального институционального статуса. Ереван не восстановил полноценное участие в ОДКБ, но юридический выход из организации к моменту выборов также не состоялся, промежуточная конструкция дает правительству пространство для диверсификации, одновременно оставляя нерешенным вопрос о конечной форме отношений с прежним союзническим контуром.

Последствия формального выхода из ОДКБ выходят за пределы символического изменения внешнеполитической ориентации, Р.И. Хабибуллин рассматривает возможный выход Армении через его влияние на систему региональной безопасности и антитеррористический потенциал организации, отделяя последствия для самой ОДКБ от рисков для более широкой среды безопасности [9]. Для послевыборной политики это различие означает, что решение об окончательном прекращении членства должно оцениваться по наличию функциональных заменителей конкретных механизмов, а не по уровню политических разногласий с Москвой. Замораживание взаимодействия уменьшает практическую значимость членства, однако юридический выход потребует определения альтернативных процедур сотрудничества по тем направлениям, которые сохраняют прикладную ценность.

Концепция хеджирования систематизирует наблюдаемое сочетание дистанцирования и сохранения связей. К. Чжан определяет политику Армении после 2020 г. как стратегию управления рисками, сочетающую институциональное отдаление от прежнего центра безопасности с развитием альтернативных связей и сохранением формальных отношений с Россией [10]. Автор выделяет членство в ЕАЭС, энергетические и трудовые связи с Россией, а также военно-институциональные факторы среди ограничений более радикальной переориентации. По-

сле выборов 2026 г. хеджирование приобретает иной временной горизонт. Пока европейский процесс находится на стадии институционального сближения, сохранение разнонаправленных связей остается возможным, продвижение к полноценному членству в ЕС способно превратить часть существующих компромиссов в необходимость формального выбора.

Сопоставление экономической модели А.В. Донченко [2], трактовки новой многовекторности С.М. Минасяна [5] и концепции хеджирования К. Чжана [10] выявляет институциональную асимметрию послевыборного курса. Европейское направление развивается быстрее в политико-нормативной сфере, чем в области изменения действующей экономической интеграции, а диверсификация безопасности опережает формальное прекращение прежних союзнических обязательств. Эта асимметрия дает возможность разносить решения во времени: Ереван способен приближать законодательство и отдельные политики к стандартам ЕС, расширять двусторонние оборонные контакты и одновременно использовать преимущества действующих экономических механизмов ЕАЭС. Долгосрочная устойчивость такой конструкции ограничена институциональной несовместимостью двух интеграционных систем. Признание армянским руководством невозможности одновременного членства в ЕС и ЕАЭС переводит предполагаемый выбор из теоретической плоскости в вопрос последовательности и условий принятия решения.

Региональная составляющая складывается из процессов, которые Т.З. Мансуров [4], А.Г. Павлов и Д.Л. Маргарян [6], С.В. Растольцев [7] и Н.Ю. Силаев [8] рассматривают с разных позиций. Мирное урегулирование с Азербайджаном сокращает значение конфликта как основания постоянного поиска внешнего гаранта; нормализация с Турцией потенциально расширяет экономическую и транспортную связанность; участие ЕС в южнокавказских процессах увеличивает число доступных дипломатических инструментов; российское направление сохраняет значение вследствие накопленных институциональных связей. Совместное действие этих процессов способно изменить функцию многовекторности: вместо распределения рисков между внешними покровителями она может постепенно смещаться к распределению конкретных функций между партнерами. Реализация модели зависит от подписания и исполнения армяно-азербайджанского соглашения, устойчивости нормализации с Турцией и отсутствия нового силового обострения.

Внешняя политика после выборов вследствие этого приобретает трехуровневую структуру. Первый уровень образует сфера безопасности, где прежняя ориентация на российские коллективные механизмы заменяется диверсификацией партнерств без сформированной единой альтернативной системы гарантий. Второй относится к экономической интеграции, где членство в ЕАЭС продолжает создавать материальные и нормативные связи, сдерживающие скорость возможной институциональной переориентации. Третий охватывает региональные отношения с Азербайджаном и Турцией, от которых зависит возможность уменьшения издержек географической изолированности и потребности в постоянном внешнем посредничестве, различная динамика этих уровней объясняет, почему единая характеристика «поворот на Запад» недостаточна для описания послевыборного курса.

Первый вариант среднесрочного развития можно определить как управляемое хеджирование с расширением европейского компонента. Он предполагает продолжение политического и секторального сближения с ЕС, сохранение фактического дистанцирования от ОДКБ, развитие отношений с США и европейскими государствами и одновременное сохранение экономического членства в ЕАЭС до момента, когда интеграционная несовместимость потребует решения, такой вариант продолжает уже существующую последовательность действий и потому не требует одномоментного институционального разрыва. Его ограничение состоит в накоплении противоречий между политической европейзацией и действующей экономико-интеграционной принадлежностью.

Второй вариант связан с ускоренной европейской институционализацией. Его отличительным признаком выступает переход от приближения к нормам и секторальной интеграции к процедурам, требующим пересмотра участия в ЕАЭС. Развитие по этой траектории предполагает предварительное формирование альтернатив для наиболее чувствительных экономических связей, поскольку сама политическая воля не устраняет структурные ограничения, выделенные А.В. Донченко и К. Чжан [2; 10]. После выборов вероятность продвижения по европейскому направлению увеличилась за счет сохранения правительственного большинства, однако сроки перехода к формальному интеграционному выбору определяются не итогами голосования как таковыми, а содержанием дальнейших отношений Армении с ЕС и издержками изменения действующих связей.

Третий вариант может быть охарактеризован как регионализация внешнеполитической устойчивости. Здесь центральным ресурсом становится закрепление мира с Азербайджаном, развитие прямых коммуникаций и нормализация с Турцией. Вашингтонские договоренности 2025 г. и снятие части ограничений на прямую торговлю с Турцией сформировали предпосылки такой траектории, но не завершили ее институциональное оформление. Снижение конфликтности вокруг границ могло бы уменьшить потребность Армении в выборе единственного внешнего гаранта и повысить значение экономической дипломатии, транзитной связанности и двусторонних механизмов. Уязвимость этого варианта определяется зависимостью от фактического исполнения договоренностей и устойчивости политической нормализации.

Указанные варианты не образуют взаимоисключающих траекторий на начальном этапе. Управляемое хеджирование способно сочетаться с регионализацией, а углубление европейского сотрудничества может продолжаться одновременно с сохранением участия в ЕАЭС, пока отношения не достигают стадии институциональной несовместимости. Точка развилки возникает тогда, когда одно из направлений требует юридически закрепленного отказа от другого. Поэтому главным результатом выборов 2026 г. становится сохранение политического субъекта, получившего возможность продолжить последовательное формирование альтернатив до возникновения необходимости окончательного институционального решения.

Обсуждение

Сопоставление научных подходов выявляет расхождение между двумя способами интерпретации трансформации армянской внешней политики. Первый акцентирует деградацию стратегического партнерства с Россией и перенос внешнеполитических приоритетов на западное направление. Второй трактует те же процессы как адаптивную диверсификацию, при которой государство уменьшает риски чрезмерной зависимости, сохраняя часть прежних связей. Послевыборная ситуация дает больше оснований для второй интерпретации на коротком и среднем горизонте, поскольку политическое сближение с ЕС пока сосуществует с членством в ЕАЭС и отсутствием юридически завершенного выхода из ОДКБ. Первая интерпретация приобретет большую объяснительную силу, если европейский курс достигнет стадии формального интеграционного выбора.

Категория хеджирования хорошо описывает промежуточное состояние, но ее применение требует временного ограничения. Стратегия способна сохраняться, пока институты допускают одновременное участие либо пока одно из направлений развивается без приобретения статуса полного членства. Прямое признание несовместимости членства в ЕС и ЕАЭС устанавливает предел такой модели. Хеджирование в армянском случае поэтому выступает не обязательно конечным устройством внешней политики, а способом организации переходного периода, в течение которого формируются дополнительные политические, экономические и военно-дипломатические опции.

Многовекторность также меняет свое содержание по сравнению с прежней моделью комплементарности. Ранее взаимодействие с западными структурами развивалось при наличии относительно устойчивого российско-армянского военно-политического союза. Новая конфигурация формируется после снижения доверия к этому механизму. Расширение числа партнерств выполняет функцию распределения риска, а не дополнения стабильной базовой опоры. Из этого следует иное требование к оценке эффективности курса: рост количества внешних партнеров сам по себе не подтверждает формирование сопоставимой системы гарантий.

Различие между политической ориентацией и функциональной заменяемостью институтов особенно заметно в сфере безопасности. Дистанцирование от ОДКБ свидетельствует об изменении оценки прежнего механизма армянским руководством, однако оно не доказывает наличие готового альтернативного военно-политического блока. Европейское присутствие, двустороннее оборонное сотрудничество и дипломатическая поддержка выполняют отдельные функции, которые нельзя механически приравнять к коллективным союзническим обязательствам. Перспектива формального выхода из ОДКБ вследствие этого зависит от оценки остаточной полезности существующих механизмов и стоимости их замещения.

Экономический уровень создает другое ограничение. Политические решения способны изменить дипломатическую ориентацию быстрее, чем товарные потоки, энергетические связи, техническое регулирование и режимы интеграционного взаимодействия. По этой причине одновременное сохранение членства в ЕАЭС и движение к европейским стандартам нельзя рассматривать как доказательство отсутствия внешнеполитического выбора. Оно скорее отражает разную скорость изменения политических и экономических институтов.

Окончательное направление станет более определенным после появления конкретной процедуры дальнейшего сближения с ЕС и оценки издержек изменения евразийского статуса.

Эта особенность ограничивает и трактовку результатов выборов как окончательного геополитического референдума. Избиратель поддерживает политическую силу в совокупности ее внутренней и внешней повестки, поэтому электоральный результат нельзя непосредственно переводить в количественную поддержку каждого внешнеполитического решения. Победа действующей партии обеспечивает институциональную возможность продолжать выбранный курс, но вопрос о согласии общества на конкретные последствия выхода из интеграционных объединений требует отдельного анализа. В литературе этот переход от общего электорального мандата к поддержке отдельных внешнеполитических решений разработан недостаточно.

Российское направление также нельзя свести к дилемме сохранения или разрыва союза. Научные работы фиксируют одновременно кризис доверия, сохранение институциональных связей, экономическую взаимозависимость и наличие неформальных каналов взаимодействия. Эти компоненты способны изменяться независимо друг от друга. Снижение военно-политической роли России может сопровождаться сохранением торговли, инфраструктурных связей и общественных контактов; обратное усиление политического диалога также не обязательно восстановит прежнюю модель безопасности. Вероятнее функциональная дифференциация отношений, при которой отдельные сферы сохраняются без возвращения к прежнему понятию стратегического партнерства.

Отношения с ЕС отличаются противоположной динамикой: институциональное наполнение растет, но пределы европейского участия в обеспечении безопасности Армении остаются отличными от традиционной союзнической модели. Закон о запуске процесса присоединения, секторальное сближение и политические контакты создают основу для долговременной европейзации отдельных институтов. Их накопительный эффект может со временем изменить внешнеэкономическую и нормативную ориентацию страны даже до формального решения о членстве. Оценка европейского вектора поэтому должна учитывать не один юридический акт, а последовательность нормативных и секторальных изменений.

Армяно-азербайджанская нормализация обладает более фундаментальным значением, чем изменение посреднической площадки. Если отношения переходят от управления конфликтом к устойчивому межгосударственному взаимодействию, меняется исходная потребность Армении во внешнем патроне безопасности. Именно здесь региональный процесс способен влиять на отношения и с Россией, и с ЕС. Уменьшение риска прямого вооруженного столкновения расширяет пространство внешнеполитической автономии, незавершенность подписания и исполнения мирного соглашения сохраняет зависимость курса от динамики двусторонних отношений.

Потенциальное открытие армяно-турецкой границы и развитие прямой торговли расширяют набор внешнеэкономических маршрутов, однако исторические и политические противоречия не исчезают вследствие отдельных мер по облегчению торговли. Турецкое направление следует оценивать по фактической последовательности нормализации, от технических и торговых решений к устойчивым дипломатическим отношениям и открытию границы. До завершения этой последовательности его влияние на общую внешнеполитическую автономию Армении остается ограниченным.

Сочетание армяно-азербайджанского и армяно-турецкого процессов раскрывает еще одну исследовательскую проблему, часть внешнеполитической диверсификации может происходить без перехода под патронаж другого центра силы. Расширение отношений непосредственно с соседями уменьшает зависимость от посреднических механизмов и способно преобразовать географическое положение Армении из источника ограничений в фактор более разнообразных связей, перспектива отличается от классической логики балансирования между Россией и Западом, поскольку переносит часть внешнеполитических функций на региональный уровень.

Среднесрочно наиболее непротиворечивым представляется сохранение политики, в которой европейское сближение продолжится быстрее юридического демонтажа евразийских связей. Вывод основан на уже сформировавшемся различии между политической, экономической и военно-институциональной динамикой. Он не означает бесконечной устойчивости промежуточной модели. Чем глубже будет институционализация отношений с ЕС, тем выше станет вероятность решений, затрагивающих действующее членство в ЕАЭС, чем успешнее будет региональная нормализация, тем меньше значение внешнего гаранта как центрального элемента внешнеполитической архитектуры.

Исследовательские ограничения связаны прежде всего с временной близостью парламентских выборов. Большая часть научной литературы анализирует процессы, сформировавшиеся до голосования, поэтому результаты выборов используются как новая политическая переменная. Не завершены также процессы подписания и ратификации армяно-азербайджанского мирного соглашения, открытия армяно-турецкой границы и определения юридического статуса отношений Армении с ОДКБ. Вследствие этого выделенные траектории характеризуют среднесрочные возможности и ограничения.

Литература содержит и содержательную лакуну, связанную с недостаточной интеграцией трех уровней анализа. Российско-армянские отношения, европейская интеграция, ОДКБ, армяно-азербайджанское урегулирование и нормализация с Турцией чаще рассматриваются как отдельные направления. Между тем изменение одного элемента влияет на ценность остальных, устойчивый мир с соседями снижает спрос на внешние гарантии, углубление европейской интеграции увеличивает цену сохранения прежней экономической институциональной принадлежности, экономическая взаимозависимость ограничивает скорость политической переориентации. Перспективным направлением дальнейших исследований становится измерение этих взаимосвязей через сопоставимые показатели экономической зависимости, институциональной вовлеченности и обеспеченности внешними гарантиями.

Заключение

Систематизация научных подходов по первой задаче показывает, что трансформация внешней политики Армении после 2020 г. не сводится к замене российского направления западным. Кризис союзнических ожиданий, дистанцирование от ОДКБ и расширение отношений с ЕС формируют диверсификацию инструментов безопасности, тогда как экономические связи с Россией и участие в ЕАЭС сохраняют структурные ограничения. Концепции многовекторности и стратегического хеджирования объясняют эту конфигурацию точнее модели одномоментной геополитической переориентации, хотя их применимость ограничена стадией, на которой Армении еще не требуется окончательный выбор между несовместимыми интеграционными системами.

Сопоставление направлений по второй задаче выявило различную скорость их трансформации. Европейский вектор приобрел институциональное продолжение через запуск процесса сближения с ЕС и расширение секторального сотрудничества. Российское направление утратило прежнюю однозначность в сфере безопасности, сохранив экономическую и институциональную значимость. Региональная нормализация с Азербайджаном и Турцией образует самостоятельный элемент внешнеполитической перестройки, способный уменьшать потребность в концентрации функций безопасности у одного внешнего партнера.

По третьей задаче выделены три среднесрочные траектории: сохранение управляемого хеджирования с расширением европейского компонента, ускоренная европейская институционализация и регионализация внешнеполитической устойчивости через закрепление отношений с Азербайджаном и Турцией. На начальном этапе они способны развиваться параллельно. Их дальнейшее расхождение определяется двумя границами: необходимостью выбора между несовместимыми форматами экономической интеграции и степенью завершенности регионального мирного процесса.

Парламентские выборы 2026 г. закрепили политическую возможность продолжения курса, сформированного в предшествующие годы, но не завершили внешнеполитическую трансформацию. Основное содержание нового электорального цикла будет связано с переводом ранее созданных альтернатив в устойчивые институты. Перспективная конфигурация зависит от того, удастся ли Армении согласовать европейское сближение с экономической адаптацией, заменить утратившие доверие механизмы безопасности функционально достаточными инструментами и закрепить региональную нормализацию. В этом сочетании определяется переход от реактивной диверсификации внешних связей к более устойчивой модели внешнеполитической автономии.

Литература

1. Агаронян М.А. Неформальные каналы влияния Российской Федерации в Республике Армения // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 8. С. 56–61. DOI: 10.24158/pep.2025.8.5.

2. Донченко А.В. Преимущества и вызовы внешнеэкономического выбора Армении. Два вектора интеграции // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1 (52). С. 90–105. DOI: 10.24412/1829-0450-2025-1-90-105.

3. Крылов А.Б. Россия – Армения: от стратегического партнерства к стратегической неопределенности // Россия и новые государства

Евразии. 2025. № I (LXVI). С. 30–40. DOI: 10.20542/2073-4786-2025-1-30-40.

4. Мансуров Т.З. Политическое урегулирование армяно-азербайджанского конфликта: возможности и перспективы // PolitBook. 2025. № 1. С. 98–128.

5. Минасян С.М. Смена вех на фоне мировых сдвигов // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24. № 3. С. 134–146. DOI: 10.31278/1810-6439-2026-24-3-134-146.

6. Павлов А. Г., Маргарян Д.Л. Армения и Турция: в поисках компромисса в условиях геополитической напряженности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 5. С. 1250–1264. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-5-1250-1264.

7. Растольцев С.В. Трансформация карабахского конфликта и роль ЕС в нормализации армяно-азербайджанских отношений // Современная Европа. 2025. № 5 (133). С. 210–220. DOI: 10.7868/S3034599525050183.

8. Силаев Н.Ю. Сигналы и стратегия // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3. С. 181–196. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-3-181-196.

9. Хабибуллин Р. И. К вопросу о возможном выходе Армении из ОДКБ в контексте борьбы с терроризмом // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. № 1 (43). С. 20–29. DOI: 10.15211/vestnikieran120252029.

10. Чжан К. Политика Армении в отношении России и ЕС в условиях кризиса союзнических обязательств: стратегическая переориентация или хеджирование? // Политика и Общество. 2026. № 1. С. 191–202. DOI: 10.7256/2454-0684.2026.1.78163.

PROSPECTS FOR ARMENIA'S FOREIGN POLICY DEVELOPMENT AFTER THE 2026 PARLIAMENTARY ELECTIONS

Mansurov T.Z.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article examines the likely configuration of Armenia's foreign policy after the 2026 parliamentary elections. The relevance of this study is determined by the consolidation of electoral support for the current government against the backdrop of deepening relations with the European Union, distancing itself from CSTO mechanisms, and the ongoing restructuring of regional relations with Azerbaijan and Turkey. The aim of this study is to identify the directions and structural constraints of Armenia's foreign policy in the new electoral cycle. This study utilizes an analysis of scholarly publications, comparative and logical-analytical methods, classification, and synthesis. The source material includes contemporary Russian-language studies of Russian-Armenian relations, Eurasian and European integration, regional security, the Armenian-Azerbaijani peace process, and Armenian-Turkish normalization. The scientific novelty lies in distinguishing between the economic-integrative, military-political, and regional-diplomatic levels of Armenia's foreign policy diversification. It is established that post-election continuity of policy does not eliminate its institutional contradictions: the expansion of the European direction is combined with the preservation of economic ties within the EAEU, and the dependence of diversification prospects on the stability of regional peace. The results can be used to assess medium-term scenarios for Armenia's foreign policy and the transformation of the system of relations in the South Caucasus.

Keywords: Armenia, foreign policy, parliamentary elections, European Union, EAEU, CSTO, Russian-Armenian relations, South Caucasus, Armenian-Azerbaijani settlement, strategic hedging.

References

1. Agaronyan M.A. Informal Channels of Influence of the Russian Federation in the Republic of Armenia // Society: Politics, Economics, Law. 2025. No. 8. pp. 56–61. DOI: 10.24158/pep.2025.8.5.

2. Donchenko A.V. Advantages and Challenges of Armenia's Foreign Economic Choice. Two Vectors of Integration // Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. No. 1 (52). pp. 90–105. DOI: 10.24412/1829-0450-2025-1-90-105.

3. Krylov A.B. Russia – Armenia: From Strategic Partnership to Strategic Uncertainty // Russia and the New States of Eurasia. 2025. No. I (LXVI). Pp. 30–40. DOI: 10.20542/2073-4786-2025-1-30-40.

4. Mansurov T.Z. Political Settlement of the Armenian-Azerbaijani Conflict: Possibilities and Prospects // PolitBook. 2025. No. 1. Pp. 98–128.

5. Minasyan S.M. Changing Milestones Against the Backdrop of Global Shifts // Russia in Global Affairs. 2026. Vol. 24. No. 3. Pp. 134–146. DOI: 10.31278/1810-6439-2026-24-3-134-146.

6. Pavlov A. G., Margaryan D.L. Armenia and Turkey: In Search of a Compromise in the Context of Geopolitical Tensions // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2025. Vol. 30. No. 5. pp. 1250–1264. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-5-1250-1264.

7. Rastol'tsev S.V. Transformation of the Karabakh Conflict and the Role of the EU in the Normalization of Armenian-Azerbaijani Relations // Modern Europe. 2025. No. 5 (133). pp. 210–220. DOI: 10.7868/S3034599525050183.

8. Silaev N. Yu. Signals and Strategy // Russia in Global Politics. 2025. Vol. 23. No. 3. Pp. 181–196. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-3-181-196.

9. Khabibullin R.I. On the Issue of Armenia's Possible Withdrawal from the CSTO in the Context of the Fight against Terrorism // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 1 (43). Pp. 20–29. DOI: 10.15211/vestnikieran120252029.

10. Zhang K. Armenia's Policy Towards Russia and the EU in the Context of the Crisis of Alliance Commitments: Strategic Reorientation or Hedging? // Politics and Society. 2026. No. 1. Pp. 191–202. DOI: 10.7256/2454-0684.2026.1.78163.

Цифровая трансформация глобальной климатической повестки: роль России в международном экологическом сотрудничестве

Плющиков Владислав Вадимович,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: pliushchikov-vv@rudn.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации механизмов международного экологического сотрудничества к условиям глобальной цифровизации. На этом фоне особую значимость приобретает анализ роли России как одного из ключевых поставщиков критически важных для «зеленой» трансформации цифровых ресурсов, а также разработчика суверенных платформ управления углеродным следом в рамках ЕАЭС, БРИКС. Цель данного исследования состоит в выявлении специфики позиционирования России в формирующейся цифровой архитектуре глобальной экологической безопасности. Научная новизна заключается в комплексном анализе феномена «цифрового экологического суверенитета» России, впервые рассматриваемом не через призму традиционного природопользования, а как инструмент проекции геополитического влияния в условиях фрагментации глобального управления. В рамках методологии исследования применен синтез системного и институционального подходов с элементами политико-экономического анализа, дополненный анализом данных с платформ глобального мониторинга парниковых газов и контент-анализом нормативно-правовых актов и стратегий цифровой трансформации стран-участниц ЕАЭС, БРИКС. Эмпирическую базу составили нормативно-правовые акты ЕАЭС, БРИКС в сфере климатического регулирования, отчеты Счетной палаты РФ о реализации национального проекта «Экология», данные Росгидромета, а также открытые метаданные российской орбитальной группировки спутников серии «Ресурс-П» и «Канопус-В». В результате исследования установлено, что формирование суверенных цифровых экосистем для учета углеродных единиц и верификации климатических проектов позволяет России не только обеспечить технологическую независимость в условиях санкционного давления, но и конвертировать свои уникальные природные активы в полноценный геополитический капитал, что позволяет формировать собственные стандарты верификации климатических данных на евразийском пространстве, снижая зависимость от западных систем отчетности.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, системы дистанционного зондирования, цифровизация климатической повестки, национальные платформы углеродного мониторинга

Введение

Сегодня глобальная климатическая повестка переживает глубокую структурную трансформацию и смену парадигмы. На протяжении последних десятилетий международное экологическое сотрудничество базировалось преимущественно на административно-правовых инструментах, международных конвенциях и квазидобровольных обязательствах государств (в рамках ООН, Киотского протокола и Парижского соглашения), современная парадигма управления углеродным следом смещается в сторону цифровизации [1; 2]. Исходя из этого, *актуальность* исследования данной проблематики применительно к России продиктована дуалистическим характером современных вызовов:

– с одной стороны, беспрецедентное санкционное давление со стороны западных стран обусловил сегментарную изоляцию отечественного научного сообщества от традиционных систем наблюдения за окружающей средой и массивов климатической информации;

– с другой стороны, именно фактор обособления стимулирует генезис суверенных технологий и форсирует становление научно-технической независимости. По объективным показателям, Россия принадлежит к числу ведущих мировых держав, обладающих необходимым цифровым фундаментом для перехода к «зеленой» экономике [3]. В распоряжении страны находятся не только огромные массивы первичных данных о состоянии биосферы, но и одна из самых мощных в мире орбитальных группировок спутников дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ).

Соответственно, в этом контексте критически важное научное значение получает оценка вклада России в конструирование суверенной цифровой архитектуры для международного экологического сотрудничества. В условиях фрагментации глобального управленческого контура страна делает ставку на продвижение своих цифровых и технологических стандартов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и объединения БРИКС [4].

Данную проблематику и связанные с ней сопутствующие вопросы рассматривали многие современные отечественные и зарубежные исследователи. Так, прежде всего, следует выделить группу российских ученых, изучающих экологию через призму юриспруденции, государственного управления и истории международных обязательств России в рамках правового регулирования, институциональных основ экологической политики [5; 1; 6; 7; 2; 8]. В центре внимания авторов находятся проблемы соотношения национального экологического законодательства с международными обязательствами России, правовые механизмы реализации климатической повестки и адаптации к глобальным изменениям, институциональные барьеры на пути формирования единого цифрового пространства в сфере экологии. Другая группа ученых рассматривают климатическую политику как арену глобальной конкуренции и анализируют экономические последствия энергоперехода для государств и макрорегионов [9; 10; 11; 12; 3; 13; 14; 15; 16]. Ученые исследуют проблемы социальной сплоченности под влиянием экостратегий, трансформации внешнеполитического позиционирования стран БРИКС в условиях санкционного давления, влияния «зеленых» тарифов на экономическую безопасность национальных экономик, а также эволюции политического дискурса от концепции устойчивого развития к парадигме «климатических войн». Большой интерес вызывают исследования, сфокусированные на внедрении сквозных технологий (*Big Data*, *Distributed Ledger*, ИИ) в управление окружающей средой и достижении технологического суверенитета [4; 17; 18]. Параллельно осуществляется систематизация знаний о влиянии цифровых технологий на устойчивое развитие, что позволяет сформировать целостную картину трансформации «зеленой» экономики. Следует выделить группу ученых, исследующих прикладные механизмы достижения экологических целей – от денежных потоков до образовательных концепций [19; 20; 21; 22; 23]. Ученые акцентируют внимание на комплексном характере экологической повестки, где роль «зеленого» финансирования выступает ключевым триггером изменений, а место экологической коммуникации в политике определяет общественную легитимность перехода к углеродной нейтральности.

Тем не менее, несмотря на наличие значительного массива теоретических работ и успешных пилотных проектов, сохраняется ряд фун-

даментальных противоречий между глобальной архитектурой климатического регулирования и стремлением национальных государств к формированию цифрового суверенитета.

Цель исследования – выявить специфику позиционирования России в формирующейся цифровой архитектуре глобальной экологической безопасности. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие *задачи*: систематизировать архитектуру глобального цифрового экологического управления, выявив точки уязвимости традиционных западных систем отчетности в условиях санкционного давления и фрагментации международного права; проанализировать нормативно-правовую базу ЕАЭС и БРИКС для определения механизмов интеграции суверенных российских платформ углеродного мониторинга в наднациональные стандарты верификации климатических данных; оценить конверсионный потенциал отечественных технологий как инструмента формирования альтернативных правил игры и укрепления геополитического влияния России.

Материалы и методы

Исследование опирается на комплексную междисциплинарную методологическую базу, в основе которой синтез системного и институционального подходов с элементами политико-экономического анализа. Дополняет базу анализ данных с платформ глобального мониторинга парниковых газов и контент-анализ нормативно-правовых актов и стратегий цифровой трансформации стран-участниц ЕАЭС, БРИКС. Такой синтез позволяет описать текущее состояние изучаемых явлений, а также выявить скрытые причинно-следственные связи между институциональными изменениями в глобальном климатическом управлении и реальным потенциалом отечественных цифровых платформ по конвертации природных активов в геополитическое влияние.

Среди ключевых *методов* исследования выделяются: сравнительно-правовой (компаративный) анализ; структурно-функциональный анализ международных институтов; кейс-стади (case study); геополитический дискурс– и контент-анализ; SWOT– и TOWS-анализ позиционирования России; метод экспертных оценок (метод Дельфи) для калибровки прогнозов конверсионного потенциала природных активов.

Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты ЕАЭС, БРИКС в сфере климатического регулирования, отчеты Счетной палаты РФ о реализации национального проекта «Экология», данные Росгидромета, а также открытые метаданные российской орбитальной группировки спутников серии «Ресурс-П» и «Канопус-В». Наиболее значимыми документами в контексте исследования являются: Йоханнесбургская декларация-II XV саммита БРИКС (ЮАР, 2023) (п. 64–68) [24]; Распоряжение Коллегии ЕЭК от 28.09.2021 № 150 «О рабочей группе высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств – членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки» [25]; Парижское соглашение по климату 2015 года [26]; Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта «Экология», в том числе своевременности их финансового обеспечения, достижения целей и задач, контрольных точек, а также качества управления» [27]; Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2024 год [28]; Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2025 год [29]; Ежегодные отчеты о целевом использовании космической системы дистанционного зондирования Земли «Ресурс-П» за 2025 год [30]; Каталоги снимков открытых данных ДЗЗ, полученные с аппаратов «Канопус-В» через Научный центр оперативного мониторинга Земли (НЦ ОМЗ) АО «Российские космические системы» [31], и т.д.

Результаты

В рамках настоящего исследования, в частности, в ходе анализа нормативно-правовых актов была выявлена асимметрия в подходах к экологическому регулированию. Это (в том числе) определяется на уровне архитектуры глобального цифрового экологического управления, реализующегося условно в рамках трех доминирующих моделей:
– *Западной блокчейн-центричной модели* (проекты Всемирного банка, стандарты VCMI, архитектуры отчетности TCFD/ISSB). Основными ее недостатками являются: сосредоточение узлов верификации данных исключительно в правовом поле стран «Большой семерки», а также прямая зависимость от закрытых IT-инфраструктур глобальных западных корпораций (Microsoft Azure, SAP, Oracle);
– *Китайской государственно-платформенной модели* (государственный контроль за потоком данных, закрытые корпоративные экосистемы Huawe, Alibaba Cloud). Ее недостатками служат: отсутствие открытого доступа к алгоритмам агрегации исходной информации со спутников ДЗЗ и IoT-датчиков, использование экологической политики как рычага экономического давления, а также полная зависимость верифицируемых данных от единого национального стандарта без возможности внешней кросс-аудиторской проверки;
– *Фрагментированной многополярной модели*, формирующейся вокруг БРИКС, ШОС и ЕАЭС. Недостатком данной модели является то, что в ней отсутствует единый наднациональный протокол для разрешения споров о верификации трансграничных выбросов. Кроме того, следует выделить: дефицит доверенной аппаратной базы, отсутствие единой таксономии «зеленых» проектов, а также в целом критическая неоднородность уровней цифровой зрелости национальных экологических платформ [10; 3].

Важно отметить, что Россия на сегодняшний день обладает глубоко интегрированными государственными информационными системами мониторинга (ЕФГИ ГЭМ), в отличие, например, от других стран-участников организаций БРИКС, ШОС и ЕАЭС, где эти системы находятся на стадии внедрения, что создает технологический разрыв внутри самих блоков. Данный технологический суверенитет сталкивается с проблемой институциональной и нормативной совместимости, что проявляется в зависимости от неконтролируемых юрисдикций, несинхронизированности таксономий «зеленых» проектов и отсутствие взаимного кросс-аудита [4]. С другой стороны, выявление недостатков традиционной западной модели в условиях санкционного давления обусловливает объективную невозможность использования Россией зарубежных архитектур распределенного реестра и облачных вычислений для целей государственного экологического учета.

Анализ нормативно-правовой базы ЕАЭС и БРИКС с целью поиска способов включения независимых российских систем учета выбросов в общие правила проверки климатических данных демонстрирует смену парадигмы: от формального согласования позиций к выстраиванию четкой цифровой инфраструктуры. Так, в ЕАЭС главным правовым фундаментом объединения служит Договор о ЕАЭС [32], однако полномочия по прямому управлению экологическими вопросами принадлежат исключительно национальным правительствам. При этом основным нормативным ориентиром, открывающим возможности для реализации цифровых инициатив, является «Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь»« [33], а также утвержденная Советом Евразийской экономической комиссии «Цифровая повестка» [34]. Анализ протоколов заседаний Консультативного совета ЕЭК [35] выявляет скрытую правовую коллизию. Действующие технические регламенты Таможенного союза не содержат требований к формату передачи первичных экологических данных (*machine-readable data*). Это позволяет национальным регуляторам использовать проприетарные закрытые протоколы.

Нормативно-правовая база БРИКС, напротив, строится без опоры на строгую надгосударственную бюрократическую вертикаль. Функцию координации берет на себя децентрализованная сеть многосторонних контактов. Фундаментальную роль в данном контексте играют Пекинские инициативы [36], а также в целом итоговые Декларации саммитов глав государств [37]. Соответственно, нормативно-правовая база объединения опирается на мягкие правовые инструменты (*soft law*) – меморандумы о взаимопонимании между отраслевыми органами власти, что исключает императивность наднациональных директив. В качестве примеров можно привести Меморандум о создании совместного интернет-сайта БРИКС [38] или Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций [39]. Изучение данных материалов выявляет нормативно-правовые пробелы, в частности, в вопросе взаимозачета углеродных единиц, однако это же создает стратегическое преимущество.

Следовательно, интеграция суверенных российских платформ может быть достигнута не за счет адаптации западных систем мониторинга, а через целенаправленное заполнение выявленных правовых пустот собственными технологическими протоколами и их актуализацию для партнеров по ЕАЭС и БРИКС.

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что в условиях фрагментации международного права в сфере экологического сотрудничества и беспрецедентного санкционного давления на Россию со стороны западных стран происходит вынужденная регионализация климатической повестки.

Обнаруженные недостатки существующих систем (начиная от технологической зависимости развивающихся государств и заканчивая политизацией процессов верификации данных) формируют благоприятные условия для изменения глобальных правил [4]. Фактически текущий кризис легитимности позволяет оспорить монополию тради-

ционных западных институтов на установление экологических стандартов. Это дает странам возможность сформировать новые, более сбалансированные протоколы отчетности и контроля, независимые от внешнего политического влияния.

Анализ нормативно-правовой базы ЕАЭС и БРИКС доказывает существование свободных регуляторных пространств, которые могут быть использованы для имплементации российских суверенных решений. В сравнении с императивными наднациональными установками западных стран, евразийские и межблоковые механизмы отличаются более высокой адаптивностью. Их ключевой принцип – добровольное сближение стандартов, продиктованное практическими интересами участников [7]. Это позволяет не подстраивать российские национальные платформы углеродного мониторинга под внешние стандарты, а задавать собственные. В результате именно эти технологии могут заложить фундамент будущих наднациональных соглашений о взаимном признании климатических реестров. Россия обретает возможность продвигать на внешние рынки не только природные ресурсы и готовые IT-решения, но и собственные нормативы экологического сотрудничества. Это позволяет ей выступать в роли гаранта достоверности данных для других стран (например, стран БРИКС), формируя единое пространство доверия внутри формирующихся макрорегионов.

Анализ технологического уровня российских систем ДЗЗ и инфраструктуры национальных реестров углеродных единиц демонстрирует их двойственное назначение. С одной стороны, это высокоэффективный коммерческий актив, который способен занять доминирующее положение в тех регионах, где доступ к западным спутниковым группировкам ограничен геополитическими барьерами или стоимостью лицензий. С другой – это механизм проекции силы, позволяющий диктовать условия глобального взаимодействия и задавать тон международной дискуссии.

Особенность российской внешнеполитической стратегии состоит в продвижении концепции многополярного экологического суверенитета, в том числе в отношении подходов к климатической повестке. В отличие от западной практики навязывания единых норм, Россия предлагает мировому сообществу признать право каждого макрорегиона на самостоятельное определение экологических стандартов. Это принципиально меняет баланс сил в сфере экологического регулирования. Право верификации углеродного следа переходит от наднациональных структур к суверенным правительствам, обладающим необходимой технологической базой для подтверждения достоверности своих данных.

Заключение

Таким образом, формирование суверенных цифровых экосистем для учета углеродных единиц и верификации климатических проектов позволяет России не только обеспечить технологическую независимость в условиях санкционного давления, но и конвертировать свои уникальные природные активы в полноценный геополитический капитал. Все это трансформирует страну из пассивного объекта внешнего климатического регулирования в активного архитектора альтернативных правил игры на площадках БРИКС и ЕАЭС, что, в свою очередь, позволяет формировать собственные стандарты верификации климатических данных на евразийском пространстве, снижая зависимость от западных систем отчетности. При этом феномен «цифрового экологического суверенитета» России следует рассматривать не через призму традиционного природопользования, а как инструмент проекции геополитического влияния в условиях фрагментации глобального управления, что в целом определяет новизну настоящего исследования.

Архитектура глобального цифрового экологического управления в целом отражает переход от иерархической, западноцентричной модели к полицентрической сетевой структуре. В этой новой конфигурации традиционные институты ООН сталкиваются с конкуренцией со стороны региональных блоков (БРИКС, ЕАЭС), создающих параллельные контуры верификации данных. Текущая нормативно-правовая база ЕАЭС и БРИКС носит во многом рамочный, декларативный характер и на текущий момент не соответствует динамике технологических изменений. Существующие межправительственные соглашения фиксируют лишь общие принципы экологического сотрудничества оставляя юридически нерешенными вопросы легитимности API-интерфейсов национальных платформ, алгоритмических протоколов и технических спецификаций распределенных реестров. Высокий конверсионный потенциал отечественных технологий ДЗЗ и национальных реестров углеродных единиц на текущем этапе сталкивается с рядом системных ограничений. Чтобы российская климатическая аналитика не воспринималась как инструмент политического давления, точность данных со спутников «Ресурс-П» и «Канопус-В» должна получить объективное подтверждение от других стран.

Литература

1. Заславская, Н.М. Право на экологическую информацию в условиях цифровизации // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 2023. № 5. С. 72–89.
2. Сухова, Е.А., Абанина, Е.Н. Правовые проблемы цифровой трансформации системы управления природопользованием как механизма обеспечения экологической безопасности // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 17–20.
3. Мурашова-Росс, А.В. Трансформация экологической политики Российской Федерации в контексте обострения международных отношений // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2025. Т. 25. Вып. 3. С. 314–322.
4. Курячая, Ю.Д., Малолеткова, Е.А. Цифровая трансформация отрасли экологии и природопользования: плюсы и минусы, перспективы развития // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 248–255.
5. Жаворонкова, Н.Г., Выпханова, Г.В. Правовые проблемы стратегирования в экологическом праве // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 28–42.
6. Мухлынина, М.М. Модернизация правового регулирования охраны окружающей среды и экологической политики России на современном этапе // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 6. С. 74–98.
7. Плющиков, В.В. Участие Российской Федерации в деятельности ООН по охране окружающей среды: 1992–2020 гг.: автореферат дис. … канд. истор. наук: 07.00.15. Москва, 2022. 26 с.
8. Харьков, В.Н. Приоритетное обеспечение публичных экологических интересов как конституционный принцип охраны окружающей среды и природопользования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 193–199.
9. Алиева, Л.В., Хришкевич, Т.Г., Антонова, Л.В., Дмитриев, В.А. Проблема социальной сплоченности в контексте государственных стратегий противодействия изменениям климата // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. № 1. С. 107–116.
10. Бондаренко, Н.Е. Экологическая политика стран БРИКС в контексте перехода к устойчивому развитию // Прогрессивная экономика. 2024. № 8. С. 19–33.
11. Есиков, С.Н. Интеграция России в мировую экономику: анализ влияния глобализации и санкций на экономическую безопасность // Прогрессивная экономика. 2024. № 3. С. 100–109.
12. Ковалев, Ю.Ю., Поршнева, О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64–78.
13. Хайнацкая, Т.И. Экологический алармизм как политический дискурс // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2. С. 53–73.
14. Dodds, F., Spence, Ch. Heroes of Environmental Diplomacy: Profiles in Courage. London: Taylor & Francis Ltd, 2022. 218 p.
15. Mann, M.E. The New Climate War: The Fight to Take Back Our Planet. New York: Public Affairs, 2021. 368 p.
16. Nicolas, L., Kallab, E. Effective Forms of Environmental Diplomacy. First edition. London: Routledge, 2021. 74 p.
17. Feroz, A.K., Zo, H., Chiravuri, A. Digital Transformation and Environmental Sustainability: A Review and Research Agenda // Sustainability. 2021. № 13. P. 1530–1550.
18. Plekhanov, D., Franke, H., Netland, T.H. Digital Transformation: A Review and Research Agenda // Eur. Manag. J. 2022. № 41. P. 821–844.
19. Еремин, В.В., Бауэр, В.П. «Зеленое» финансирование как триггер позитивных климатических преобразований // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14. № 4. С. 65–73.
20. Панова, Е.В. Место и роль экологической коммуникации в современной экологической политике // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 4. С. 763–783.
21. Helm, D. Net Zero: How We Stop Causing Climate Change. London: William Collins, 2020. 279 p.
22. Huang, Y. Technology Innovation and Sustainability: Challenges and Research Needs // Clean Technol. Environ. Policy. 2021. № 23. P. 1663–1664.
23. Juniper, T. The Science of our Changing Planet: From Global Warming to Sustainable Development. London: DK, 2021. 224 p.
24. BRICS Johannesburg II Declaration (XV Summit, 2023). URL: https://www.glostat.com/documents-international-organizations/brics-johannesburg-declaration-xv-summit-2023/ (дата обращения: 31.07.2026).
25. Распоряжение Коллегии ЕЭК от 28.09.2021 № 150 «О рабочей группе высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств – членов Евразийского экономического со-

юза в рамках климатической повестки». URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21r00150/ (дата обращения: 31.07.2026).

26. Paris Agreement. United Nations, 2015. URL: https://www.un.org/en/climatechange/paris-agreement (дата обращения: 31.07.2026).

27. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта «Экология», в том числе своевременности их финансового обеспечения, достижения целей и задач, контрольных точек, а также качества управления». 2020. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/697/6974665033576448bae98baa0e9626e4.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

28. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2024 год. 2025. URL: https://istina.msu.ru/collections/805598321/ (дата обращения: 31.07.2026).

29. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2025 год. 2026. URL: https://www.meteorf.gov.ru/product/infomaterials/90/?year=2025&ID=90 (дата обращения: 31.07.2026).

30. Отчет о целевом использовании космической системы дистанционного зондирования Земли «Ресурс-П». 2026. URL: https://www.roscosmos.ru/113/ (дата обращения: 31.07.2026).

31. Каталоги снимков открытых данных ДЗЗ, полученные с аппаратов «Канопус-В». 2025. URL: https://ntsomz.ru/ (дата обращения: 31.07.2026).

32. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; ред. от 25.05.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 31.07.2026).

33. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ (дата обращения: 31.07.2026).

34. Цифровая повестка ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/kk_wg/workgroup/ (дата обращения: 31.07.2026).

35. Протоколы заседаний Консультативного совета по взаимодействию Евразийской экономической комиссии и Делового совета Евразийского экономического союза. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/konsultativnye-organy/protokols.php (дата обращения: 31.07.2026).

36. XIV BRICS Summit Beijing Declaration. URL: https://brics2022.mfa.gov.cn/eng/dtxw/202206/t20220624_10709295.html (дата обращения: 31.07.2026).

37. Саммиты и документы. URL: https://ocds-brics.org/sammity-i-dokumenty (дата обращения: 31.07.2026).

38. Меморандум о взаимопонимании о создании совместного интернет-сайта БРИКС. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1511669/ (дата обращения: 31.07.2026).

39. Меморандум о сотрудничестве URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2015/science_technology_and_innovation/Memorandum_of_Understanding_on_Cooperation_in_Science_Technology_and_Innovation_ru.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE GLOBAL CLIMATE AGENDA: RUSSIA›S ROLE IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL COOPERATION

Plyushchikov V.V.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrica

The relevance of the study is determined by the need to adapt the mechanisms of international environmental cooperation to the conditions of global digitalization. Against this backdrop, the analysis of Russia's role as a key supplier of digital resources critical for the green transformation, as well as a developer of sovereign carbon footprint management platforms within the EAEU and BRICS, is particularly significant. The purpose of this study is to identify the specifics of Russia's positioning in the emerging digital architecture of global environmental security. The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the phenomenon of Russia's «digital environmental sovereignty», considered for the first time not through the prism of traditional nature management, but as a tool for projecting geopolitical influence in the context of fragmentation of global governance. The research methodology utilizes a synthesis of systemic and institutional approaches with elements of political and economic analysis, supplemented by data analysis from global greenhouse gas monitoring platforms and content analysis of regulatory legal acts and digital transformation strategies of the EAEU and BRICS member countries. The empirical base was formed by regulatory and legal acts of the EAEU, BRICS in the field of climate regulation, reports of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the implementation of the national project «Ecology», data from Roshydromet, as well as open metadata of the Russian orbital constellation of satellites of the Resurs-P and Kanopus-V series. As a result of the study, it was established that the formation of sovereign digital ecosystems for accounting carbon units and verifying climate projects allows Russia not only to ensure technological independence in the face of sanctions pressure, but also to convert its unique natural assets into full-fledged geopolitical capital, enabling the development of its own climate data verification standards across the Eurasian region, reducing dependence on Western reporting systems.

Keywords: digital sovereignty, remote sensing systems, digitalization of the climate agenda, national carbon monitoring platforms.

References

1. Zaslavskaya, N.M. The right to environmental information in the context of digitalization // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2023. № 5. Pp. 72–89.

2. Sukhova, E.A., Abanina, E.N. Legal problems of digital transformation of the environmental management system as a mechanism for ensuring environmental safety // The Russian justice system. 2020. № 8. Pp. 17–20.

3. Murashova-Ross, A.V. Transformation of the environmental policy of the Russian Federation in the context of the aggravation of international relations // Izvestia of the Saratov University. A new series. The Sociology series. Political science. 2025. Vol. 25. Issue 3. Pp. 314–322.

4. Kuryachaya, Yu.D., Maloletkova, E.A. Digital transformation of the ecology and nature management industry: pros and cons, development prospects // Issues of Russian justice. 2024. № 30. Pp. 248–255.

5. Zhavoronkova, N.G., Vypkhanova, G.V. Legal problems of strategizing in environmental law // Lex Russica. 2020. Vol. 73. № 1. Pp. 28–42.

6. Mukhlynina, M.M. Modernization of the legal regulation of environmental protection and environmental policy in Russia at the present stage // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 17. № 6. Pp. 74–98.

7. Plushikov, V.V. Participation of the Russian Federation in the activities of the United Nations for environmental protection: 1992–2020.: abstract of the dissertation: 07.00.15. Moscow, 2022. 26 p.

8. Kharkov, V.N. Priority provision of public environmental interests as a constitutional principle of environmental protection and environmental management // Actual problems of Russian law. 2020. № 10. Pp. 193–199.

9. Alieva, L.V., Hrishkevich, T.G., Antonova, L.V., Dmitriev, V.A. The problem of social cohesion in the context of state strategies for countering climate change // Via in tempore. History. Political science. 2021. Vol. 48. № 1. Pp. 107–116.

10. Bondarenko, N.E. Environmental policy of the BRICS countries in the context of transition to sustainable development // Progressive Economics. 2024. № 8. Pp. 19–33.

11. Esikov, S.N. Russia's integration into the global economy: an analysis of the impact of globalization and sanctions on economic security // Progressive Economics. 2024. № 3. Pp. 100–109.

12. Kovalev, Yu.Yu., Porshneva, O.S. The BRICS countries in international climate policy // Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: International Relations. 2021. Vol. 21. № 1. Pp. 64–78.

13. Khainatskaya, T.I. Ecological alarmism as a political discourse // South Russian Journal of Social Sciences. 2021. Vol. 22. № 2. Pp. 53–73.

14. Dodds, F., Spence, Ch. Heroes of Environmental Diplomacy: Profiles in Courage. London: Taylor & Francis Ltd, 2022. 218 p.

15. Mann, M.E. The New Climate War: The Fight to Take Back Our Planet. New York: Public Affairs, 2021. 368 p.

16. Nicolas, L., Kallab, E. Effective Forms of Environmental Diplomacy. First edition. London: Routledge, 2021. 74 p.

17. Feroz, A.K., Zo, H., Chiravuri, A. Digital Transformation and Environmental Sustainability: A Review and Research Agenda // Sustainability. 2021. № 13. P. 1530–1550.

18. Plekhanov, D., Franke, H., Netland, T.H. Digital Transformation: A Review and Research Agenda // Eur. Manag. J. 2022. № 41. P. 821–844.

19. Eremin, V.V., Bauer, V.P. «Green» financing as a trigger for positive climate change // Economy. Taxes. Right. 2021. Vol. 14. № 4. Pp. 65–73.

20. Panova, E.V. The place and role of environmental communication in modern environmental policy // Issues of theory and practice of journalism. 2023. Vol. 12. № 4. Pp. 763–783.

21. Helm, D. Net Zero: How We Stop Causing Climate Change. London: William Collins, 2020. 279 p.

22. Huang, Y. Technology Innovation and Sustainability: Challenges and Research Needs // Clean Technol. Environ. Policy. 2021. № 23. P. 1663–1664.

23. Juniper, T. The Science of our Changing Planet: From Global Warming to Sustainable Development. London: DK, 2021. 224 p.

24. BRICS Johannesburg II Declaration (XV Summit, 2023). URL: https://www.glostat.com/documents-international-organizations/brics-johannesburg-declaration-xv-summit-2023 / (date of request: 07/31/2026).

25. Order of the Board of the EEC dated 09/28/2021 № 150 «On the high–level working group on the development of proposals for the convergence of positions of the member States of the Eurasian Economic Union in the framework of the climate agenda.» URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21r00150 / (date of request: 07/31/2026).

26. Paris Agreement. United Nations, 2015. URL: https://www.un.org/en/climatechange/paris-agreement (date of request: 07/31/2026).

27. «Monitoring the progress of the implementation of the national project «Ecology», including the timeliness of their financial support, achievement of goals and objectives, control points, as well as the quality of management.» 2020. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/697/6974665033576448bae98baa0e9626e4.pdf (date of request: 07/31/2026).

28. Report on the peculiarities of the climate in the territory of the Russian Federation for 2024. 2025. URL: https://istina.msu.ru/collections/805598321 / (date of request: 07/31/2026).

29. Overview of the state and pollution of the environment in the Russian Federation for 2025. 2026. URL: https://www.meteorf.gov.ru/product/infomaterials/90 /?year=2025&ID=90 (date of request: 07/31/2026).

30. Report on the targeted use of the Resurs-P space remote sensing system. 2026. URL: https://www.roscosmos.ru/113 / (date of request: 07/31/2026).

31. Catalogs of images of open remote sensing data obtained from Canopus-V devices. 2025. URL: https://ntsomz.ru / (date of request: 07/31/2026).

32. Treaty on the Eurasian Economic Union. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 / (date of request: 07/31/2026).

33. Declaration on the further development of Economic Processes within the Framework of the Eurasian Economic Union until 2030 and for the period up to 2045 «The Eurasian Economic Way». URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894 / (date of request: 07/31/2026).

34. The Digital Agenda of the EAEU. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/kk_wg/workgroup / (date of request: 07/31/2026).

35. Minutes of meetings of the Advisory Council on Cooperation of the Eurasian Economic Commission and the Business Council of the Eurasian Economic Union. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/konsultativnye-organy/protokols.php (date of request: 07/31/2026).

36. XIV BRICS Summit Beijing Declaration. URL: https://brics2022.mfa.gov.cn/eng/dtxw/202206/t20220624_10709295.html (date of request: 07/31/2026).

37. Summits and documents. URL: https://ocds-brics.org/sammity-i-dokumenty (date of request: 07/31/2026).

38. Memorandum of Understanding on the establishment of a joint BRICS website. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1511669 / (date of request: 07/31/2026).

39. Memorandum of Cooperation. URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2015/science_technology_and_innovation/Memorandum_of_Understanding_on_Cooperation_in_Science_Technology_and_Innovation_ru.pdf (date of request: 07/31/2026).

Лоббирование перехода значимых объектов критической информационной инфраструктуры на отечественное программное обеспечение: стратегии и тактики бизнес-организаций

Потапкин Артём Сергеевич,
аспирант Факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: arpotapkin@yandex.ru

Статья посвящена стратегиям и тактикам лоббирования бизнес-организаций при формировании государственной политики перехода значимых объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ) на отечественное программное обеспечение (ПО). Цель – проанализировать, как российские бизнес-организации участвовали в проектировании правил и сроков перехода субъектов КИИ на российские ИТ-решения и как в нормативных актах агрегировались конкурирующие интересы. Эмпирическая база – нормативно-правовые акты, публикации органов власти, материалы отраслевых ассоциаций и деловые СМИ за 2014–2025 гг. Методологическую основу составляют модель потоков публичной политики Дж. Кингдона и модель коалиций продвижения П. Сабатье. Основной вывод: итоговая конфигурация регулирования стала результатом переговоров структурно неравных коалиций разработчиков и потребителей, а решающую роль в изменении баланса сил сыграло «окно возможностей», открывшееся после начала СВО в феврале 2022 года.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура; импортозамещение ПО; коалиции поддержки; лоббирование; бизнес-ассоциации; GR-менеджмент; политические потоки

Введение

С 2014 года в ответ на санкционное давление в России проводится политика импортозамещения, в том числе на рынке программного обеспечения (ПО). Цифровая трансформация сделала высокую долю иностранных решений и экономической, и политической проблемой: уход зарубежных ИТ-компаний грозил сбоями в работе органов власти и стратегических предприятий. По данным Минкомсвязи, в середине 2010-х доля импортных решений составляла 75–97% [1].

В 2014–2019 гг. приняты два решения, определивших вектор импортозамещения. Поправки 2015 года в законодательство о госзакупках ввели преференции для российского ПО из специального реестра [2], сформировалось «предложение» российского ПО на замену зарубежным решениям. «Спрос» оформился в 2016–2019 гг. с законодательством о КИИ – системах, сетях и автоматизированных системах управления технологическим процессом (АСУ ТП), обеспечивающих критически важные процессы в 13 отраслях [3]. На значимые объекты КИИ распространялись наиболее жёсткие требования.

Правила и сроки перехода стали предметом лоббирования. Активно проявили себя как отечественные разработчики тиражного ПО, выступавшие за ускоренный переход на российские решения, так и крупнейшие заказчики в лице госкомпаний, госкорпораций и крупных частных промышленных предприятий, выступавших за плавный переход по мере повышения зрелости отечественного ПО. Нормотворческий процесс не был линейным и стал результатом компромисса конкурирующих коалиций.

Несмотря на активную разработку тематики GR-менеджмента и лоббизма, участие бизнес-организаций ИТ-сектора в проектировании политики импортозамещения почти не изучено. Возникает вопрос, каким образом разработчики ПО и владельцы объектов КИИ выстраивали GR-стратегии и как их интересы инкорпорировались в регуляторные решения?

Цель статьи – на основе кейс-стади проанализировать стратегии и тактики лоббирования коалиций при переходе значимых объектов КИИ на отечественное ПО. Задачи: охарактеризовать институциональный контекст 2014–2019 гг.; описать конфигурацию коалиций и их GR-стратегии; оценить «формулу интересов» в принятых актах. Эмпирическую базу составляют федеральные НПА, публикации органов власти, материалы ассоциаций и деловые СМИ за 2014–2025 гг.

Модель лоббирования бизнес-организаций в рамках отраслевой государственной политики

Отраслевую политику можно определить как «институционально обособленную сферу государственной политики со своей предметно-объектной областью, ценностно-целевыми ориентирами, составом акторов, набором инструментов регулирования, историей и спецификой выработки курса» [4]. Акцент на «политико-административных акторах» подчёркивает роль госструктур, тогда как усложнение процессов говорит о роли негосударственных акторов [5]: именно они задают рамки интерпретации фокус-событий [6, 7].

В модели потоков политики Дж. Кингдона (MSF) негосударственные участники распределены по всем трём потокам – проблем, решений и политики: конструируют проблемы через индикаторы и фокуссобытия, генерируют альтернативы внутри policy communities, давят на ЛПР. Особое место занимают политические предприниматели, «сцепляющие» потоки при открытии «окон возможностей» [6].

Модель коалиций поддержки (ACF) П. Сабатье и Х. Дженкинс-Смита базовой единицей анализа считает политическую подсистему. Негосударственные участники входят в коалиции наравне с госорганами, объединяясь вокруг разделяемых систем убеждений. Конфликт коалиций и политическое обучение определяют смену доминирующих инструментов отраслевой политики [7].

Особым актором выступают крупные бизнес-организации и их объединения. А.С. Тетерюк и Р.М. Чубак отмечают, что фирмы лоббируют интересы ради конкурентных преимуществ, снижения неопределённости и легитимности [8]. По мнению Дж. Мэхона, компании управляют проблемной повесткой (issue management) и отношениями со стейкхолдерами (stakeholder management) [9].

К. Фляйшер подчёркивает необходимость анализа институционального контекста: институты задают границы допустимых альтернатив и нормы легитимного решения, а объектом анализа нерыночной среды фирмы служат проблемы, стейкхолдеры и институты [10]. GR-подразделение разрабатывает позицию фирмы, оценивает баланс сил и точки входа в процесс выработки решений.

А. Тиммерманс указывает, что бизнесу выгодно объединяться в коалиции: это позволяет «складывать» экспертизу, связи и ресурсы, делает позицию легитимнее, помогает управлять репутационными рисками, а в ситуациях блокирования выгодного проекта решения необходимо «расширять базу», ища союзников даже среди прежних оппонентов [11].

Научная группа МГИМО под руководством А.А. Дегтярева предложила модель поэтапной конверсии частного интереса бизнес-организации в публичное решение. В её основе «формула интереса» фирмы: сочетание коммерческих, институциональных и политико-репутационных целей. Конверсия проходит фазы от артикуляции корпоративной повестки до фиксации в НПА, где формируется конкретное решение, учитывающее интересы ключевых стейкхолдеров [12].

Предлагаемая модель лоббирования объединяет элементы теории политических потоков (индикаторы, фокус-события, нагрузка на повестку), критерии регуляторной стратегии Фляйшера (стадия решения, срочность, управляемость), эвристику ACF (убеждения и ресурсы стейкхолдеров) и институциональный анализ. Проблемы, стейкхолдеры и институты задают стимулы и ограничения, на основе которых GR-подразделение формирует стратегию, встраиваемую в стратегию коалиции продвижения.

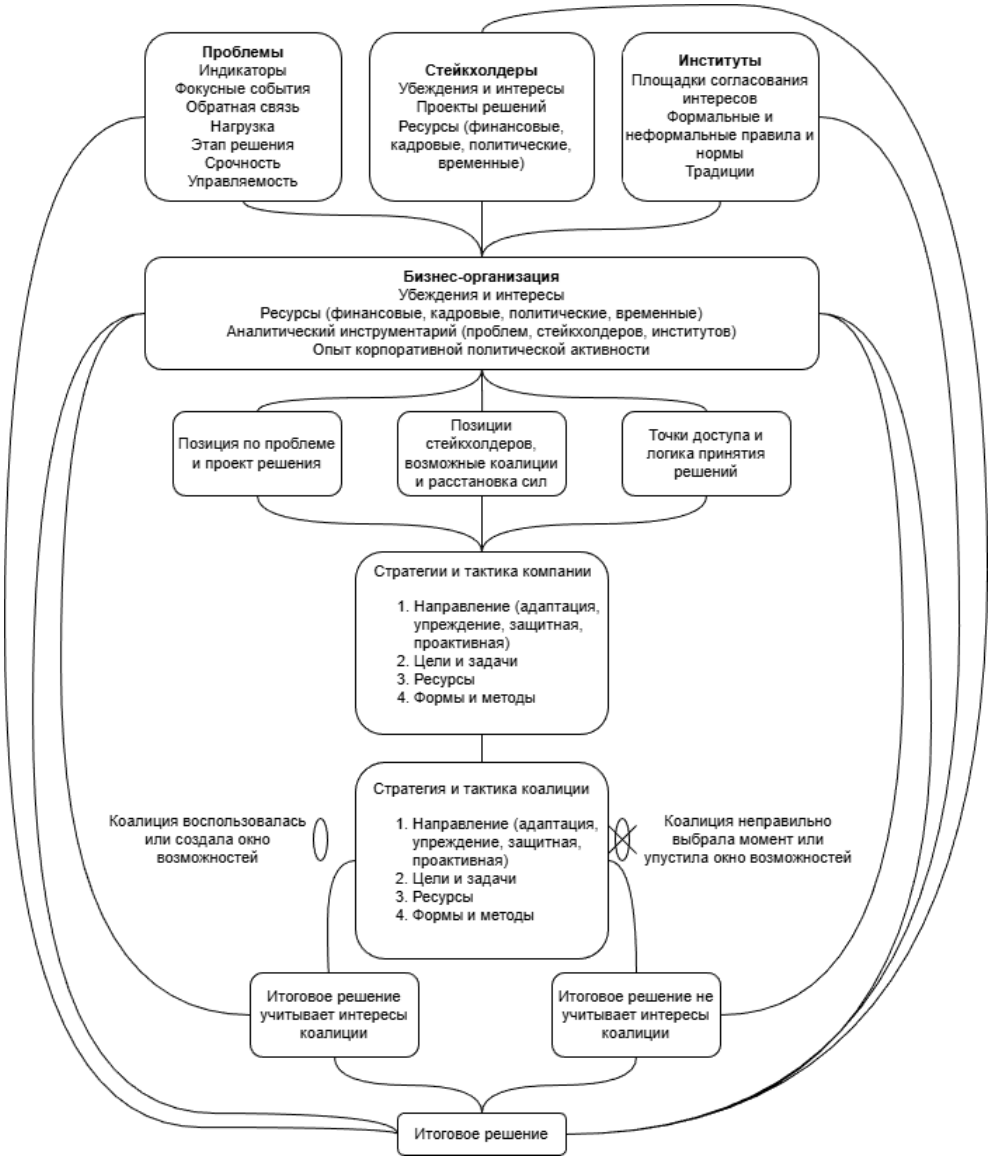

Рис. 1. Модель лоббирования интересов бизнес-организации

Источник: составлено автором.

Лоббирование перехода значимых объектов КИИ на российское ПО

Предпосылки: проблемы, стейкхолдеры и институты

К середине 2010-х российский рынок ПО демонстрировал критическую зависимость от зарубежных разработчиков: сегмент операционных систем контролировал Microsoft, планирования ресурсов – Oracle и SAP, баз данных – Oracle и IBM [1]. Эта структура воспринималась как угроза безопасности, особенно после разоблачений Э. Сноудена о программе PRISM АНБ США. Поворотным стал 2014 год: секторальные санкции ограничили кредитование ведущих банков и оборонных компаний [13].

В 2015–2019 гг. сложились две институциональные конструкции. Во-первых, появился Реестр отечественного ПО: вошедшие в него решения признавались российскими и получали преференции при госзакупках, а критерии «российскости» формулировались при участии ведущих разработчиков и АРПП «Отечественный софт». Во-вторых, ФЗ № 187-ФЗ «О безопасности КИИ» ввёл понятие объектов КИИ, обязав владельцев категорировать ИТ-инфраструктуру. Законодательство о КИИ разрабатывалось преимущественно силовыми ведомствами, и степень участия бизнеса неизвестна.

Данные институты изначально не были взаимосвязаны и содержали лакуны. Например, из принятого закона о преимущественных закупках из указанного реестра ограничения распространялись только для органов власти. Аналогичные нормы проектировались и для госкомпаний, но перед вторым чтением законопроекта их убрали, и переход впоследствии регулировался на уровне директив. Законодательство о КИИ не требовало обязательного использования российских решений на значимых объектах и допускало занижение категории: субъекты

сами формировали перечень объектов и оценивали последствия инцидентов [14]. ФСТЭК проверял только результаты категорирования, ответственность за нарушения была незначительной, поэтому субъекты КИИ имели возможность занижать категорию значимости своих ИТ-систем и использовать на них зарубежные решения.

В результате сформировались две коалиции. Ядро коалиции разработчиков составили ведущие отечественные разработчики ПО и АРПП «Отечественный софт»: они отстаивали строгие критерии «российскости», противодействовали включению «локализованного» иностранного ПО и продвигали обязательный переход субъектов КИИ с жёсткими сроками. Коалиция крупнейших потребителей объединяла субъектов КИИ, наиболее активно с точки зрения публичной дискуссии себя проявили представители банковского сектора (АБР), металлургической промышленности (ассоциация «Русская сталь»), топливно-энергетического комплекса (Газпром). Также на стороне коалиции оказалось ведущее межотраслевое объединение крупного бизнеса – РСПП. Общую позицию коалиции можно охарактеризовать как увеличение сроков перехода на российский софт и оборудование. Коалиции воздействовали на Президента, Правительство, Минцифры и профильный комитет Госдумы.

Стратегия и тактика лоббирования коалиций

Активная фаза GR-кампании началась в июне 2019 года, когда Президент поручил Правительству выработать предложения по технологической независимости КИИ за счёт российского ПО. Поручение инициировано вопросом Н. Касперской (сооснователь АРПП) на Прямой линии, что иллюстрирует проактивную стратегию коалиции разработчиков.

Целью продвигающей коалиции было дальнейшее стимулирование субъектов КИИ использовать российские решения в ИТ-инфраструктуре путем формирования отраслевых планов и правил перехода с жестким дедлайном в 1–2 года. В ходе кампании отдельные ИТ-фирмы и АРПП активно задействовали ранее наработанные связи с Минкомсвязи России (с 2020 г. – Минцифры России), а факт попадания в программу Прямой линии может указывать на проработку с Администрацией Президента РФ. Формы и методы реализации стратегии включали подготовку писем, экспертных материалов, предоставление официальных отзывов на проекты решений, подготовленных Минцифры России, в рамках оценки регулирующего воздействия; организация инфокампании в СМИ [15].

Ключевые аргументы коалиции разработчиков:

- наличие зрелых коммерческих продуктов, способных обеспечить технологический суверенитет;
- сохранение зарубежных решений ставит критическую инфраструктуру в зависимое положение;
- примеры принудительного отключения инфраструктуры из-за санкций.

Коалиция потребителей оказалась в защитной позиции, осложнённой невозможностью отрицать необходимость импортозамещения, однако в сравнении с отраслью разработки отечественного ПО, экономический эффект от деятельности регулируемых субъектов КИИ был кратно выше. Госкомпании и госкорпорации в силу специфики управления были глубже встроены в работу профильных координационно-совещательных органов и обладали большим лоббистским потенциалом в сравнении с коалицией разработчиков российского ПО. Кроме того, в ряде случаев зафиксированы попытки повлиять на Минцифры России с помощью поддержки их позиции отраслевым регулятором.

Слабой стороной коалиции потребителей была ее разрозненность: публично освещаемые лоббистские усилия на начальном этапе в основном были привязаны к конкретной отрасли. Впоследствии попытки объединения отраслевых позиций были предприняты РСПП, что, судя по интервью главы Минцифры России, способствовало переносу сроков перехода КИИ на отечественные решения. Важным шагом к консолидации позиции субъектов КИИ в 2021 году «Росатом», «Ростелеком», «Газпром нефть» и «Роскосмос» учредили Ассоциацию крупнейших потребителей ПО и оборудования (АКПО) [16, 17].

Аргументы коалиции потребителей за увеличение сроков перехода заключались в следующем:

- высокие временные и финансовые издержки перехода;
- отсутствие продуктов, полноценно замещающих функционал зарубежных решений, особенно комплексных отраслевых систем;
- недостаточная техническая поддержка российских решений;
- риск снижения конкуренции, ухудшения качества и роста цен;
- неурегулированный статус решений собственной разработки;
- избыточность единых требований для «гражданских» объектов и предприятий ОПК;
- риски сбоев и снижения информационной безопасности при миграции.

Полемика отразилась на проектах нормативно-правовых актов. В мае 2020 года Минцифры опубликовало проект, обязывавший субъектов КИИ перейти на российское ПО с 2021 года. АБР оценила затраты банковской отрасли свыше 700 млрд рублей и запросила отсрочку на четыре года. В октябре 2020 года срок перенесён на 1 января 2024 года. Компромисс не устроил ни одну из коалиций: АРПП и АРПЭ в ноябре 2020 года в обращении к Президенту назвали перенос лоббированием интересов субъектов КИИ и просили либо сохранить изначальные сроки, либо кратно уменьшить их увеличение [18]; АБР же попросила сдвиг к 2027–2028 годам [19]; РСПП – переход по мере износа [20]. Впоследствии проект указа получил отрицательное заключение Минэкономразвития.

Сомнения высказал и нефтегазовый сектор. В марте 2021 года глава «Газпрома» просил Правительство отказаться от фиксации сроков, оценив нагрузку в 180 млрд рублей. В апреле 2021 года глава РСПП А.Н. Шохин указал, что совокупные расходы превысят 1 трлн рублей; «Русская сталь» оценила свои более чем в 50 млрд рублей [20].

Начало СВО в феврале 2022 года коренным образом изменило расстановку сил. В результате «цунами санкций» [13] около 160 иностранных ИТ-компаний покинули рынок, и тезис об угрозе технологической зависимости стал насущным. Указ Президента № 166 от 30 марта 2022 года запретил госорганам и госкомпаниям использовать иностранное ПО на объектах КИИ с 1 января 2025 года; Указ № 250 от 1 мая 2022 года предписал создать подразделения по информационной безопасности и запретил средства защиты информации из недружественных стран [21, 22]. Решение стало компромиссом: разработчики получили дедлайн, потребители – новую отсрочку.

Запросы коалиции разработчиков о переносе сроков перехода продолжались: в апреле 2023 года комиссия Госсовета по энергетике рекомендовала пересмотреть сроки по переходу на российское ПО вплоть до 2026 года; в апреле 2024 года АБР вновь запросила перенос для банков, параллельно предусмотрев возможность использования продуктов из недружественных стран, до сих пор не имеющих аналогов в Реестре российского ПО [23]; в сентябре 2024 года АКПО просила пересмотреть сроки для реорганизуемых юрлиц – дочерних зависимых обществ госкомпаний и госкорпораций [17]. Минцифры искало компромиссы: директивы госкомпаниям по ускорению перехода в зрелых сегментах сочетались с проектированием сбора за использование зарубежного софта, что вызывало вопросы как у коалиции разработчиков (сбор мог стать индульгенцией на продолжение использования иностранных решений), так и у коалиции потребителей (непонятна схема администрирования такого сбора). Перед 1 января 2025 года переноса сроков импортозамещения ПО на значимых объектах КИИ регулятор не инициировал. Вместо этого Минцифры начало проводить индивидуальный аудит выполнения стратегий цифровой трансформаций в госсекторе и прорабатывать механизм заключения форвардных контрактов на создание отечественных аналогов зарубежным решениям.

Решения после 2025 года демонстрируют преобладание интересов коалиции потребителей. С одной стороны, изменения в законодательство о КИИ ужесточили правила категорирования: Правительство РФ получило право устанавливать отраслевые типовые объекты КИИ, в соответствии с которыми организации обязаны категорировать инфраструктуру. При этом механизм определения сроков стал более гибким, поскольку Правительство РФ также уполномочено устанавливать правила и сроки перехода объектов КИИ на отечественные решения, а в указе Президента РФ № 166 от 30.03.2022 наряду с окончательной датой перехода 1 января 2025 г. появилась формулировка «если иное не установлено федеральным законом» [21]. В пользу заказчиков были уточнены положения, какие решения можно использовать на объектах КИИ. Поправки, принятые летом 2026 г., вывели из «серой зоны» решения собственной разработки – Правительство получило полномочия создать отдельный перечень ПО для собственных нужд. Решения из данного перечня также стало возможно использовать на объектах КИИ наряду с продуктами, включенными в Реестр российского ПО [3].

Итоговая «формула интересов» сложилась как асимметричный компромисс: требования ужесточены настолько, насколько обосновывалось интересами технологического суверенитета, но их применение оказалось мягче исходной позиции разработчиков. Для ИТ-компаний гарантированный спрос обеспечил рост рынка; для субъектов КИИ сохранились операционные риски из-за неравномерной зрелости решений и дефицита кадров. Ключевая проблемная зона – фрагментарность требований и отсутствие дифференцированного подхода к гражданским объектам и предприятиям ОПК.

Заключение

Полученные результаты соотносятся с теоретической литературой. В соответствии с ACF обе коалиции демонстрировали устойчивость

базовых убеждений: разработчики апеллировали к угрозам технологического суверенитета, потребители – к рискам функциональной недостаточности отечественных аналогов. Санкционный шок усилил роль отрасли разработчиков, но не преодолел сопротивления госкомпаний. Уход около 160 иностранных компаний открыл «окно возможностей», изменившее баланс сил.

Кейс демонстрирует компенсацию ресурсного неравенства коалиций. Потребители с прямым доступом к Правительству несколько лет успешно блокировали инициативы разработчиков, а разработчики компенсировали дефицит ресурсов высокой скоростью консолидации позиции и соотнесением отраслевой позиции с государственной риторикой.

Политика перехода значимых объектов КИИ на отечественное ПО формировалась не как последовательная реализация курса, а как результат переговоров структурно неравных коалиций в меняющейся внешней среде. В 2019–2022 годах асимметрия лоббистского потенциала обеспечивала коалиции потребителей устойчивое преимущество – систематический перенос сроков. «Окно возможностей» февраля 2022 года изменило баланс: тезис о недопустимости технологической зависимости стал неоспоримым аргументом, а позиция разработчиков закрепилась на уровне президентских указов, тогда как пространство для манёвра потребителей сохранилось через самокатегорирование объектов.

Теоретически кейс подтверждает продуктивность синтеза MSF и ACF для анализа отраслевой политики в условиях концентрации полномочий в исполнительной ветви. Ключевое уточнение – замена парламентской и электоральной динамики «политического потока» механизмами личного доступа к высшим ЛПР и реакцией политической системы на геополитические угрозы. Модель применима к иным вопросам публичной повестки при наличии публично выраженных позиций представителей крупного бизнеса.

К ограничениям исследования относятся закрытость части нормотворческого процесса и сосредоточенность на федеральном уровне. Перспективные направления: сравнительный анализ аналогичных кейсов на развивающихся рынках; лонгитюдное исследование трансформации ИТ-подсистемы России в 2025–2030 гг.; разработка индикаторов результативности GR-кампаний в технологической политике.

Литература

1. Приказ Минкомсвязи России от 01.04.2015 № 96 «Об утверждении плана импортозамещения программного обеспечения».
2. Постановление Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
3. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
4. Якунин В.И., Володенков С.В., Абрамова М.Г., Вилисов М.В. Проблемы нового научного направления в политологии: дискуссия о государственных отраслевых политиках продолжается? // Политическая наука. 2026. № 1. С. 45–72.
5. Freeman J.L., Stevens J.P. A Theoretical and Conceptual Reexamination of Subsystem Politics // Public Policy and Administration. 1987. Vol. 2, № 1. P. 9–24.
6. Kingdon J.W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. 2nd ed. New York: HarperCollins College Publishers, 1995. 254 p.
7. Sabatier P.A., Weible C.M. The Advocacy Coalition Framework: Innovations and Clarifications // Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2007. P. 189–220.
8. Тетерюк А.С., Чубак Р.М. Теоретико-методологические основания концепции макро-микро переходов в интерпретации лоббистской деятельности // Ars Administrandi (Искусство управления). 2021. Т. 13. № 4. С. 470–494. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-4-470-494.
9. Mahon, J.F. Corporate Issues Management // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / ed. by P. Harris, C.S. Fleisher. – London: SAGE Publications Ltd, 2017. – P. 534–549. – DOI: 10.4135/9781473947391.n30.
10. Harris, P. Managing Regulatory Affairs and Intelligence: The Often Hidden Domain of Public Affairs Practice / P. Harris, C.S. Fleisher, C. Fleisher // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / ed. by P. Harris, C.S. Fleisher. – London: SAGE Publications Ltd, 2017. – P. 498–516. – DOI: 10.4135/9781473947391.n28.
11. Timmermans, A. Making and Managing Lobbying Coalitions // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / ed. by P. Harris, C.S. Fleisher. – London: SAGE Publications Ltd, 2017. – P. 565–580. – URL: 10.4135/9781473947391.n32
12. Дегтярев А.А., Потапкин А.С. Особенности лоббирования крупных корпораций в политической динамике глобального мегаполиса (на примере программы московской реновации) – II // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. № 3. С. 32–52.
13. Тимофеев И.Н. Санкционное цунами 2022 г.: факторы, особенности и последствия // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. 3-е изд., перераб. и доп. М.: РСМД, 2023. С. 215–239.
14. Горян Э.В. Идентификация объектов критической информационной инфраструктуры в Российской Федерации и Сингапуре: сравнительно-правовой аспект // Административное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 44–56. DOI: 10.7256/2454-0595.2018.11.28211.
15. Перечень поручений по итогам Прямой линии с Владимиром Путиным [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60879 (дата обращения: 08.07.2026).
16. ЦБ предложит отложить переход банков на отечественное ПО до 2025 года [Электронный ресурс] // РБК. 12.08.2020. URL: https://www.rbc.ru/finances/12/08/2020/5f33fe909a7947dfd2b43995 (дата обращения: 08.07.2026).
17. «Росатом», «Газпром нефть» и «Роскосмос» хотят отложить переход на российский софт [Электронный ресурс] // Ведомости. 11.10.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/10/11/1067979-rosatom-gazprom-neft-i-roskosmos-hotyat-otlozhit-perehod-na-rossiiskii-soft (дата обращения: 12.07.2026).
18. Совместное обращение АРПП и АРПЭ к Президенту РФ [Электронный ресурс]. № АИ-479/11–20 от 17.11.2020. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/11/pismo.pdf (дата обращения: 15.04.2026).
19. Банки попросили ЦБ продлить срок перехода на российское ПО и оборудование [Электронный ресурс] // РБК. 11.11.2020. URL: https://www.rbc.ru/finances/11/11/2020/5faa5b709a7947555ad2504c (дата обращения: 16.04.2026).
20. Переход бизнеса на российский софт. Зачем он нужен и во сколько обойдется [Электронный ресурс] // ТАСС. 21.04.2021. URL: https://tass.ru/ekonomika/11212023 (дата обращения: 12.07.2026).
21. Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
22. Указ Президента РФ от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации».
23. Банки попросили отложить отказ от зарубежного софта [Электронный ресурс] // Forbes. 17.04.2024. URL: https://www.forbes.ru/finansy/510648-banki-poprosili-otlozit-otkaz-ot-zarubeznogo-softa (дата обращения: 12.07.2026).

LOBBYING THE MIGRATION OF SIGNIFICANT CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OBJECTS TO DOMESTIC SOFTWARE: STRATEGIES AND TACTICS OF BUSINESS ORGANIZATIONS

Potapkin A.S.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the lobbying strategies and tactics of business organizations in shaping state policy on the migration of significant objects of critical information infrastructure (CII) to domestic software. The relevance stems from the combination of accelerated digital transformation and unprecedented sanctions pressure. The aim is to analyze how Russian business organizations participated in designing the rules and timelines for migrating CII entities to Russian IT solutions and how competing interests were aggregated in regulatory acts. The empirical base comprises normative legal acts, publications of public authorities, materials of industry associations, and business media for 2014–2025. The methodological framework combines J. Kingdon's multiple streams framework and P. Sabatier's advocacy coalition framework. The main conclusion is that the resulting regulatory configuration emerged from negotiations between structurally unequal coalitions, with a decisive role played by the "window of opportunity" that opened after the start of the special military operation in February 2022.

Keywords: critical information infrastructure; software import substitution; advocacy coalitions; lobbying; business associations; government relations (GR) management; policy streams

References

1. Order of the Ministry of Communications of Russia of 01.04.2015 No. 96 «On approval of the software import substitution plan». (In Russ.)
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 16.11.2015 No. 1236 «On establishing a ban on the admission of software originating from foreign states for the purposes of procurement for state and municipal needs». (In Russ.)
3. Federal Law of 26.07.2017 No. 187-FZ «On the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation». (In Russ.)
4. Yakunin V.I., Volodenkov S.V., Abramova M.G., Vilisov M.V. Problems of a new scientific direction in political science: does the discussion on state sectoral policies continue?. Politicheskaya nauka [Political Science], 2026, No. 1, Pp. 45–72. (In Russ.)

5. Freeman J.L., Stevens J.P. A Theoretical and Conceptual Reexamination of Subsystem Politics. Public Policy and Administration, 1987, Vol. 2, No. 1, Pp. 9–24.

6. Kingdon J.W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. 2nd ed. New York, HarperCollins College Publishers, 1995. 254 p.

7. Sabatier P.A., Weible C.M. The Advocacy Coalition Framework: Innovations and Clarifications. In: Sabatier P.A. (ed.) Theories of the Policy Process. 2nd ed. Boulder, Westview Press, 2007, Pp. 189–220.

8. Teteryuk A.S., Chubak R.M. Theoretical and methodological foundations of the concept of macro-micro transitions in the interpretation of lobbying activity. Ars Administrandi, 2021, Vol. 13, No. 4, Pp. 470–494. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-4-470-494. (In Russ.)

9. Mahon, J.F. Corporate Issues Management // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / ed. by P. Harris, C.S. Fleisher. – London: SAGE Publications Ltd, 2017. – P. 534–549. – DOI: 10.4135/9781473947391.n30.

10. Harris, P. Managing Regulatory Affairs and Intelligence: The Often Hidden Domain of Public Affairs Practice / P. Harris, C.S. Fleisher, C. Fleisher // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / ed. by P. Harris, C.S. Fleisher. – London: SAGE Publications Ltd, 2017. – P. 498–516. – DOI: 10.4135/9781473947391.n28.

11. Timmermans, A. Making and Managing Lobbying Coalitions // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / ed. by P. Harris, C.S. Fleisher. – London: SAGE Publications Ltd, 2017. – P. 565–580. – URL: https://doi.org/10.4135/9781473947391.n32

12. Degtyarev A.A., Potapkin A.S. Features of lobbying by large corporations in the political dynamics of a global metropolis (the case of the Moscow renovation program) – II. Sravnitel'naya politika [Comparative Politics], 2022, Vol. 13, No. 3, Pp. 32–52. (In Russ.)

13. Timofeev I.N. The sanctions tsunami of 2022: factors, features and consequences. In: Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty [Sanctions policy: goals, strategies, instruments]. 3rd ed. Moscow, RIAC, 2023, Pp. 215–239. (In Russ.)

14. Goryan E.V. Identification of critical information infrastructure objects in the Russian Federation and Singapore: a comparative legal aspect. Administrativnoe i munitsipal'noe pravo [Administrative and Municipal Law], 2018, No. 11, Pp. 44–56. DOI: 10.7256/2454-0595.2018.11.28211. (In Russ.)

15. List of instructions following the Direct Line with Vladimir Putin. President of Russia. (In Russ.) Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/60879 (accessed 08.07.2026).

16. The Central Bank to propose postponing the transition of banks to domestic software until 2025. RBC, 12.08.2020. (In Russ.) Available at: https://www.rbc.ru/finances/12/08/2020/5f33fe909a7947dfd2b43995 (accessed 08.07.2026).

17. Rosatom, Gazprom Neft and Roscosmos want to postpone the transition to Russian software. Vedomosti, 11.10.2024. (In Russ.) Available at: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/10/11/1067979-rosatom-gazprom-neft-i-roskosmos-hotyat-otlozhit-perehod-na-rossiiskii-soft (accessed 12.07.2026).

18. Joint appeal of ARPP and ARPE to the President of the Russian Federation No. AI-479/11–20 of 17.11.2020. (In Russ.) Available at: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/11/pismo.pdf (accessed 15.04.2026).

19. Banks propose the Central Bank to extend the transition period to Russian software and equipment. RBC, 11.11.2020. (In Russ.) Available at: https://www.rbc.ru/finances/11/11/2020/5faa5b709a7947555ad2504c (accessed 16.04.2026).

20. Business transition to Russian software. Why it is needed and how much it will cost. TASS, 21.04.2021. (In Russ.) Available at: https://tass.ru/ekonomika/11212023 (accessed 12.07.2026).

21. Decree of the President of the Russian Federation of 30.03.2022 No. 166 «On measures to ensure the technological independence and security of the critical information infrastructure of the Russian Federation». (In Russ.)

22. Decree of the President of the Russian Federation of 01.05.2022 No. 250 «On additional measures to ensure the information security of the Russian Federation». (In Russ.)

23. Banks asked to postpone abandoning foreign software. Forbes, 17.04.2024. (In Russ.) Available at: https://www.forbes.ru/finansy/510648-banki-poprosili-otlozit-otkaz-ot-zarubeznogo-softa (accessed 12.07.2026).

Региональное посредничество в процессе нормализации ирано-саудовских отношений: сравнительный анализ роли Омана, Ирака и Китая

Азамат София,
магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: sofa.2012.azamat@gmail.com

В статье анализируется посредническая роль Омана, Ирака и Китая в процессе восстановления дипломатических отношений между Исламской Республикой Иран и Королевством Саудовская Аравия. На основе сравнительного анализа показано, что нормализация отношений стала результатом последовательного взаимодействия нескольких посреднических механизмов. Оман обеспечил сохранение доверительных каналов коммуникации между сторонами, Ирак создал условия для проведения серии прямых переговоров, а Китай придал достигнутым договоренностям международно-политическую легитимность. Особое внимание уделено современным зарубежным исследованиям региональной безопасности и посредничества, представленным в работах Gregory Gause, Mahjoob Zweiri, Anoushiravan Ehteshami, Sun Degang и Wu Bingbing. Сделан вывод о функциональном взаимодополнении посреднической деятельности Омана, Ирака и Китая как последовательных этапов единого дипломатического процесса.

Ключевые слова: Иран; Саудовская Аравия; региональное посредничество; Китай; Оман; региональная безопасность.

Введение

Нормализация отношений между Исламской Республикой Иран и Королевством Саудовская Аравия, завершившаяся подписанием совместного заявления в Пекине 10 марта 2023 г., стала одним из наиболее значимых событий современной ближневосточной политики [10]. После семилетнего разрыва дипломатических отношений стороны договорились о восстановлении работы посольств, возобновлении действия ранее заключенных двусторонних соглашений [11; 12] и развитии политического диалога.

В большинстве исследований данное соглашение рассматривается прежде всего как результат дипломатической инициативы Китая. Вместе с тем анализ переговорного процесса показывает, что восстановлению отношений предшествовал длительный этап подготовки, в котором важную роль сыграли государства региона. До заключительного этапа переговоров в Пекине Оман сохранял каналы конфиденциальной дипломатии между сторонами, а Ирак предоставил площадку для серии прямых переговоров представителей Тегерана и Эр-Рияда.

В связи с этим представляется целесообразным рассматривать посредничество не как деятельность одного государства, а как последовательное использование различных дипломатических механизмов.

В отечественной литературе вопросам нормализации ирано-саудовских отношений уделяется все больше внимания. Однако сравнительный анализ посреднических моделей Омана, Ирака и Китая пока остается недостаточно разработанным. Между тем именно такой подход позволяет более полно объяснить причины успешного завершения переговорного процесса.

Цель настоящего исследования заключается в сравнительном анализе посреднической роли Омана, Ирака и Китая в процессе ирано-саудовской нормализации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, проанализировать современные зарубежные подходы к исследованию регионального посредничества; во-вторых, определить особенности посреднических моделей Омана, Ирака и Китая; в-третьих, выявить их сравнительные преимущества и ограничения; в-четвертых, определить влияние посредничества на трансформацию региональной безопасности Персидского залива.

Методология исследования

В работе применяется метод сравнительного анализа для сопоставления посреднических моделей Омана, Ирака и Китая по критериям функциональной роли, используемых дипломатических ресурсов и достигнутых результатов. Используются историко-описательный метод для реконструкции хронологии переговорного процесса 2021–2023 гг., метод анализа документов (совместных заявлений, двусторонних соглашений), а также обобщение современных зарубежных концепций международного посредничества (mediation studies) [2; 9]. Источниковую базу составили официальные дипломатические документы, тексты двусторонних соглашений между Ираном и Саудовской Аравией и работы зарубежных исследователей регионального посредничества и безопасности Персидского залива.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования заключается в сравнительном анализе посреднической роли Омана, Ирака и Китая как последовательных этапов единого дипломатического процесса, обеспечившего восстановление ирано-саудовских отношений. В отличие от большинства исследований, рассматривающих посредническую деятельность отдельных государств самостоятельно, в статье показано их функциональное взаимодополнение в процессе дипломатического урегулирования; отдельные аспекты факторов и хронологии самой ирано-саудовской нормализации 2021–2026 гг. подробно рассмотрены автором ранее [1], тогда как в настоящей статье впервые проводится сопоставление посреднических моделей трех государств по единым критериям.

Международная научная дискуссия

Современные исследования ирано-саудовских отношений представлены несколькими научными направлениями.

Одно из наиболее известных связано с работами американского исследователя Gregory Gause, который рассматривает соперничество Ирана и государств Персидского залива как проявление борьбы за региональный баланс сил, а не исключительно как следствие конфессиональных противоречий [5]. По мнению исследователя, устойчивость региональной безопасности определяется прежде всего политическими интересами государств и изменением распределения сил на Ближнем Востоке [4].

Настоящее исследование развивает данный подход, акцентируя внимание не столько на причинах соперничества, сколько на механизмах его дипломатического регулирования посредством посреднической деятельности третьих государств.

Значительный вклад в изучение внешней политики Ирана и трансформации региональной системы безопасности принадлежит Anoushiravan Ehteshami [3]. В его работах особое внимание уделяется изменениям регионального порядка, возрастающей роли азиатских государств и поиску новых механизмов обеспечения стабильности на Ближнем Востоке.

Политические и общественные аспекты ирано-саудовских отношений подробно рассматриваются в исследованиях Mahjoob Zweiri [8], который подчеркивает влияние религиозного фактора, политической идентичности и общественного восприятия на развитие отношений между двумя государствами.

Представленные выводы позволяют дополнить существующие исследования анализом практических дипломатических механизмов, обеспечивших переход от конфронтации к политическому диалогу.

Особенности китайской дипломатии на Ближнем Востоке анализируются Sun Degang [6], рассматривающим посредническую деятельность Китая как особую форму дипломатического участия, основанную на сочетании политического диалога, экономического сотрудничества и принципа невмешательства во внутренние дела государств.

В настоящей статье китайское посредничество рассматривается как завершающий этап более продолжительного переговорного процесса, начавшегося задолго до подписания Пекинского соглашения.

Представители китайской школы международных отношений, в частности Wu Bingbing [7], уделяют внимание изменению архитектуры безопасности Персидского залива и возрастающему значению дипломатических механизмов урегулирования региональных конфликтов.

Несмотря на различия исследовательских подходов, большинство зарубежных авторов сходятся во мнении, что нормализация ирано-саудовских отношений стала результатом сочетания внутренних изменений в политике государств и внешнего посреднического воздействия. Вместе с тем роль отдельных посредников чаще всего анализируется самостоятельно, тогда как их взаимодействие в рамках единого дипломатического процесса остается недостаточно изученным.

Посреднические модели Омана, Ирака и Китая

Восстановление дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией стало результатом длительного переговорного процесса, в котором различные государства выполняли неодинаковые функции. Несмотря на то что итоговое соглашение было подписано в Пекине, подготовка к нему осуществлялась значительно раньше при участии региональных посредников. Сравнительный анализ показывает, что дипломатическая деятельность Омана, Ирака и Китая не дублировала друг друга, а последовательно обеспечивала различные этапы нормализации.

Оман: дипломатия доверия

Среди государств Персидского залива Оман традиционно занимает особое место благодаря своей внешнеполитической стратегии, основанной на поддержании конструктивных отношений со всеми ключевыми региональными акторами. В отличие от большинства членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, Маскат последовательно придерживается курса на политический диалог и избегает участия в жесткой блоковой политике.

В зарубежной литературе такая модель получила название «тихой дипломатии» [9]. Исследователи отмечают, что эффективность оманского посредничества определяется не масштабом экономических или военных ресурсов, а высоким уровнем доверия со стороны участников переговорного процесса. Именно благодаря этому Оман на протяжении многих лет сохранял возможность поддерживать рабочие контакты одновременно с Ираном и арабскими государствами Персидского залива.

В период разрыва дипломатических отношений между Тегераном и Эр-Риядом Маскат способствовал сохранению каналов политической коммуникации и снижению уровня взаимного недоверия. Хотя Оман не выступал организатором официальных переговоров, его деятельность создала благоприятные условия для последующего перехода к прямому диалогу.

Таким образом, роль Омана заключалась прежде всего в формировании доверительной дипломатической среды, без которой дальнейшие переговоры были бы существенно затруднены.

Ирак: площадка прямых переговоров

Следующим этапом посреднического процесса стали переговоры, организованные Ираком. Начиная с 2021 г. в Багдаде состоялось несколько раундов встреч представителей Ирана и Саудовской Аравии [1]. Их проведение свидетельствовало о переходе от непрямых дипломатических контактов к обсуждению конкретных вопросов двусторонних отношений.

Особенность иракского посредничества заключалась в высокой заинтересованности самого Багдада в снижении напряженности между двумя государствами. Длительное ирано-саудовское соперничество непосредственно влияло на внутреннюю политическую ситуацию в Ираке, ограничивая возможности его самостоятельной внешней политики и осложняя вопросы национальной безопасности.

В отличие от Омана, который выполнял преимущественно функцию сохранения доверительных контактов, Ирак обеспечил организационную основу переговорного процесса. Именно на багдадской площадке стороны получили возможность регулярно обсуждать вопросы восстановления дипломатических отношений, безопасности, региональных конфликтов и принципов взаимного невмешательства.

Вместе с тем возможности Ирака как посредника оставались ограниченными. Внутриполитическая нестабильность, зависимость от региональной конъюнктуры и отсутствие значительных международных рычагов влияния не позволяли ему самостоятельно обеспечить окончательное политическое оформление достигнутых договоренностей.

Китай: международная политическая легитимация

Заключительным этапом нормализации стали переговоры, состоявшиеся в Пекине в марте 2023 г. Именно Китай обеспечил политическое оформление достигнутых ранее договоренностей и придал им международное значение [10].

В исследованиях Sun Degang [6] китайская дипломатия рассматривается как особая модель посредничества, основанная на сочетании экономического сотрудничества, уважения государственного суверенитета и отказа от вмешательства во внутренние дела государств. Такой подход существенно отличается как от западных моделей кризисного урегулирования, так и от традиционной региональной дипломатии.

Дополнительное значение китайскому посредничеству придает его особое положение в отношениях с обеими сторонами конфликта. Китай остается одним из крупнейших экономических партнеров как Ирана, так и Саудовской Аравии, одновременно не являясь участником военно-политического противостояния в регионе. Это позволило Пекину выступить приемлемой переговорной площадкой для обеих сторон.

При этом представляется необоснованным рассматривать Китай как единственного посредника процесса нормализации. Проведенный анализ показывает, что китайская дипломатическая инициатива стала логическим завершением переговорного процесса, который ранее последовательно развивался при участии Омана и Ирака.

Именно поэтому роль Китая следует оценивать не изолированно, а в контексте более широкой системы регионального посредничества.

Сравнительный анализ посреднических моделей

Проведенное исследование позволяет выделить особенности посреднических моделей трех государств (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика посреднических моделей

Государство	Основная функция	Ключевой ресурс	Основной результат
Оман	Формирование доверия	Политическая нейтральность и конфиденциальная дипломатия	Сохранение каналов коммуникации
Ирак	Организация переговоров	Региональная заинтересованность и переговорная площадка	Проведение серии прямых встреч
Китай	Политическая легитимация	Международный статус и экономическое влияние	Заключение Пекинского соглашения

Сравнение показывает, что посреднические функции государств не совпадали. Каждое из них обеспечивало отдельный этап переговорного процесса. Оман способствовал сохранению доверительных

контактов, Ирак организовал прямые переговоры, а Китай придал достигнутым договоренностям международно-политический статус.

Подобная последовательность позволяет говорить не о конкуренции посредников, а об их функциональном взаимодополнении.

Функциональные уровни посредничества в процессе нормализации ирано-саудовских отношений

Проведенный сравнительный анализ показывает, что посредническая деятельность Омана, Ирака и Китая представляла собой взаимосвязанные этапы единого дипломатического процесса. Каждое из государств выполняло собственную функцию, последовательно обеспечивая переход от сохранения каналов политической коммуникации к организации переговоров и международно-политическому оформлению достигнутых договоренностей.

В отличие от существующих исследований, уделяющих основное внимание отдельным посредникам, представляется возможным рассматривать процесс ирано-саудовской нормализации как сочетание нескольких взаимосвязанных уровней посредничества, соответствующих классической трехступенчатой модели международного посредничества [2; 9].

Первый уровень связан с формированием доверия между сторонами. Его основной задачей являлось сохранение каналов политической коммуникации в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений. Данную функцию преимущественно выполнял Оман, использовавший конфиденциальную дипломатию и многолетний опыт поддержания контактов с государствами региона.

Второй уровень предполагал организацию регулярного переговорного процесса. На данном этапе ключевое значение приобрели прямые встречи представителей Ирана и Саудовской Аравии, проходившие в Багдаде [1]. Именно переговорная площадка позволила сторонам перейти от обмена политическими сигналами к обсуждению практических вопросов восстановления двусторонних отношений.

Третий уровень характеризовался международно-политическим оформлением достигнутых договоренностей. Подписание совместного заявления в Пекине обеспечило публичную легитимацию переговорного процесса и способствовало дальнейшему восстановлению дипломатических отношений [10].

Таким образом, эффективность посредничества определялась не деятельностью какого-либо одного государства, а последовательным использованием различных дипломатических механизмов. Каждый из посредников обладал собственными преимуществами и одновременно имел объективные ограничения, что обусловило их взаимодополняющий характер.

Предложенный сравнительный подход не исключает существования иных факторов нормализации, включая изменение региональной политической ситуации, экономические интересы государств и трансформацию международной системы [1]. Вместе с тем он позволяет объяснить последовательность посреднических инициатив и определить место каждого из государств в общем процессе переговоров.

Значение посредничества для региональной безопасности

Восстановление дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией оказало заметное влияние на политическую ситуацию в регионе Персидского залива. Однако результаты нормализации не следует рассматривать как окончательное преодоление существующих противоречий.

Как отмечает Gregory Gause [4], региональная безопасность определяется прежде всего соотношением политических интересов государств, а не отдельными дипломатическими соглашениями. Следовательно, даже после восстановления дипломатических отношений сохраняются различия в подходах Ирана и Саудовской Аравии к вопросам регионального лидерства, безопасности и внешнеполитических союзов.

Аналогичный вывод содержится и в исследованиях Anoushiravan Ehteshami [3], который рассматривает современный Ближний Восток как пространство формирования новой многополярной региональной системы. В этих условиях значение посредничества возрастает, поскольку дипломатические механизмы становятся важным инструментом предотвращения дальнейшей эскалации.

Вместе с тем анализ показывает, что основным результатом нормализации стало не устранение политического соперничества, а снижение вероятности его перехода в открытую конфронтацию. Восстановление дипломатических каналов создает дополнительные возможности для обсуждения спорных вопросов и способствует сохранению политического диалога даже в периоды роста напряженности [1].

Следовательно, посредничество следует рассматривать как один из факторов формирования более устойчивой архитектуры региональной безопасности, однако его возможности ограничиваются сохранением политического диалога и не предполагают полного устранения существующих противоречий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что нормализация отношений между Исламской Республикой Иран и Королевством Саудовская Аравия стала результатом последовательного взаимодействия различных посреднических механизмов, реализованных при участии Омана, Ирака и Китая. Анализ показал, что каждое из этих государств выполняло самостоятельную, но взаимодополняющую функцию на отдельных этапах дипломатического урегулирования.

Оман способствовал сохранению доверительных каналов политической коммуникации и формированию условий для начала переговорного процесса. Ирак обеспечил организацию серии прямых переговоров между представителями двух государств, создав основу для обсуждения практических вопросов восстановления двусторонних отношений [1]. Китай, обладая высоким международным политическим и экономическим авторитетом, придал достигнутым договоренностям необходимую международную легитимность, завершив процесс подписанием Пекинского соглашения [10].

В отличие от большинства существующих исследований, в которых посредническая деятельность отдельных государств рассматривается изолированно, проведенный сравнительный анализ позволил показать их функциональное взаимодополнение в рамках единого дипломатического процесса. Такой подход позволяет более полно объяснить последовательность посреднических инициатив и определить место каждого из участников в процессе нормализации ирано-саудовских отношений.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что восстановление дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией не устранило сохраняющиеся противоречия в региональной политике, однако создало благоприятные условия для развития политического диалога, снижения конфликтного потенциала и формирования более устойчивых механизмов взаимодействия государств Персидского залива.

Представленный сравнительный подход может быть использован при дальнейшем исследовании современных форм международного посредничества, а также при анализе трансформации архитектуры региональной безопасности на Ближнем Востоке. Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее выводов при изучении дипломатических механизмов урегулирования международных конфликтов и особенностей формирования новых моделей взаимодействия государств в условиях трансформации мирового порядка.

Литература

1. Азамат С.А. Нормализация ирано-саудовских отношений в 2021–2026 гг.: факторы, посредничество и трансформация региональной безопасности / С.А. Азамат // Социально-гуманитарные знания. – 2026. (в печати).

2. Bercovitch J. Mediation in International Conflict / J. Bercovitch. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1996.

3. Ehteshami A. Dynamics of Change in the Persian Gulf / A. Ehteshami. – London: Routledge, 2013.

4. Gause F.G. III. The International Relations of the Persian Gulf / F.G. Gause III. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

5. Gause F.G. III. Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War / F.G. Gause III. – Washington, D.C.: Brookings Institution, 2014.

6. Sun Degang. China's Middle East Security Policy / Sun Degang. – Shanghai, 2022.

7. Wu Bingbing. China and the Middle East / Wu Bingbing. – Beijing, 2021.

8. Zweiri M. Iran and Political Reform in the Middle East / M. Zweiri. – London: Routledge, 2007.

9. Zartman I.W. International Mediation in Theory and Practice / I.W. Zartman, S. Touval. – Boulder: Westview Press, 1985.

10. Joint Trilateral Statement of the Kingdom of Saudi Arabia, the Islamic Republic of Iran and the People's Republic of China. – Beijing, 10 March 2023.

11. General Agreement for Cooperation between the Kingdom of Saudi Arabia and the Islamic Republic of Iran. – 1998.

12. Security Cooperation Agreement between the Kingdom of Saudi Arabia and the Islamic Republic of Iran. – 2001.

REGIONAL MEDIATION IN THE NORMALIZATION OF IRANIAN-SAUDI RELATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ROLE OF OMAN, IRAQ, AND CHINA

Azamat S.
Lomonosov Moscow State University

The article analyzes the mediating role of Oman, Iraq, and China in the process of restoring diplomatic relations between the Islamic Republic of Iran and the Kingdom of Saudi Arabia. Based on comparative analysis, it is shown that the normalization of relations resulted from the sequential interaction of several mediation mechanisms. Oman maintained trusted channels of communication between the parties, Iraq created conditions for a series of direct negotiations, and China gave the agreements reached international political legitimacy. Particular attention is paid to contemporary foreign studies of regional security and mediation by Gregory Gause, Mahjoob Zweiri, Anoushiravan Ehteshami, Sun Degang, and Wu Bingbing. It is concluded that the mediating activities of Oman, Iraq, and China functioned as complementary, sequential stages of a single diplomatic process.

Keywords: Iran; Saudi Arabia; regional mediation; China; Oman; regional security.

References

1. Azamat S.A. Normalization of Iranian-Saudi Relations in 2021–2026: Factors, Mediation, and the Transformation of Regional Security. Social and Humanitarian Knowledge, 2026 (in press). (In Russ.)
2. Bercovitch J. Mediation in International Conflict. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1996.
3. Ehteshami A. Dynamics of Change in the Persian Gulf. London, Routledge, 2013.
4. Gause F.G. III. The International Relations of the Persian Gulf. Cambridge, Cambridge University Press, 2010.
5. Gause F.G. III. Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War. Washington, D.C., Brookings Institution, 2014.
6. Sun Degang. China's Middle East Security Policy. Shanghai, 2022.
7. Wu Bingbing. China and the Middle East. Beijing, 2021.
8. Zweiri M. Iran and Political Reform in the Middle East. London, Routledge, 2007.
9. Zartman I.W., Touval S. International Mediation in Theory and Practice. Boulder, Westview Press, 1985.
10. Joint Trilateral Statement of the Kingdom of Saudi Arabia, the Islamic Republic of Iran and the People's Republic of China. Beijing, 10 March 2023.
11. General Agreement for Cooperation between the Kingdom of Saudi Arabia and the Islamic Republic of Iran, 1998.
12. Security Cooperation Agreement between the Kingdom of Saudi Arabia and the Islamic Republic of Iran, 2001.

Управляемая дивергенция: концепция и ее применение на примере российско-индийского партнерства

Боднар Игорь Игоревич,
аспирант кафедры государственного и муниципального управления, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
E-mail: igorbodnar2013@yandex.ru

В статье предложена концепция управляемой дивергенции, описывающая конфигурацию российско-индийских отношений, в которой согласованность позиций на глобальном уровне сочетается с устойчивым расхождением интересов на уровне региональных подсистем Южной и Юго-Восточной Азии при ограничении переноса этих расхождений в двустороннюю повестку. Концепция отграничена от подходов, описывающих поведение государств через стратегию хеджирования и многовекторности. Проверка проведена по двум индикаторам: характеру согласования позиций в БРИКС и ШОС и обратимости экономической взаимозависимости. Показано, что многосторонние форматы не производят согласования региональных политик, а рост товарооборота после 2022 года не создал ограничений на внешнеполитический маневр сторон. Сформулированы три условия сохранения управляемого характера дивергенции.

Ключевые слова: управляемая дивергенция, стратегическая автономия, региональные подсистемы, БРИКС, ШОС, конъюнктурная взаимозависимость.

Российско-индийское взаимодействие после 2022 года описывается в литературе преимущественно двумя способами. Первый акцентирует устойчивость отношений: отсутствие взаимных территориальных претензий, длительная история военно-технического сотрудничества, отказ Индии присоединиться к санкционному режиму западных стран, сохранение регулярного политического диалога на высшем уровне [4]. Второй подчеркивает проблемы сотрудничества: сокращение российской доли в индийском оборонном импорте, углубление индийско-американского партнерства, участие Индии в форматах, которые российская сторона рассматривает как элементы блоковой политики [5].

Каждый подход опирается на эмпирические наблюдения, однако ни один их них не объясняет сочетания двух переменных. Устойчивость и расхождение подчеркиваются одновременно, но распределены они между уровнями взаимодействия неравномерно: устойчивость концентрируется на глобальном уровне, расхождения на региональном. Именно эта неравномерность требует объяснения, и именно она выпадает из обоих описаний, поскольку каждое из них трактует партнерство как целое, обладающее единой характеристикой.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы предложить объяснение указанного сочетания и проверить его на эмпирическом материале 2022–2026 годов. Структура работы соответствует этой задаче. В первом разделе рассматриваются конкурирующие объяснения и показывается, чего именно каждое из них не выводит. Во втором формулируется концепция управляемой дивергенции, проводится ее отграничение от смежных подходов и задаются два индикатора для проверки. Третий и четвертый разделы содержат проверку по каждому из индикаторов. В пятом формулируются условия, при которых описываемая конфигурация сохраняется.

Эмпирическая база регионального измерения российской политики в Южной Азии рассматривалась автором ранее [3]; в настоящей работе соответствующие наблюдения используются как установленные и служат материалом для теоретического обобщения.

Конкурирующие объяснения

Структурный реализм дает первое из возможных объяснений наблюдаемой конфигурации. Положение обоих государств в системе международных отношений создает стимулы к сближению: Россия находится в конфронтации с западными государствами, Индия заинтересована в сохранении свободы маневра в условиях американо-китайского соперничества. Предсказание подтверждается на глобальном уровне, где позиции сторон по вопросам мироустройства устойчиво совпадают. Однако подход исходит из допущения, что поведение государства определяется его положением в системе, а внутренние характеристики значения не имеют [26]. При таком допущении структурные стимулы однородны для всех уровней взаимодействия, и наблюдаемая концентрация расхождений на региональном уровне остается необъяснимой. Структурный реализм предсказывает сближение по всем направлениям либо расхождение по всем: избирательность в его рамках не выводится.

Конструктивистское объяснение исходит из другого основания. Партнерство описывается через накопленный опыт взаимодействия, разделяемые представления о справедливом мироустройстве, символический капитал отношений, восходящий к советскому периоду [27]. Такое описание точно передает язык, на котором стороны говорят друг о друге, и объясняет, почему риторика сохраняется при изменении материальных параметров. Но из допущения об общности нормативных представлений следует предсказание равномерной устойчивости: если основой служит разделяемая идентичность, отношения должны быть прочны на всех направлениях. Из этого допущения нельзя вывести, почему согласие по реформе международных институтов сочетается с расхождением по бангладешскому кризису и по допустимости российских контактов с Пакистаном. Конструктивизм описывает нормативную оболочку партнерства, но не предсказывает распределения зон согласия и расхождения.

Третье объяснение опирается на теорию комплексной взаимозависимости и связывает устойчивость отношений с плотностью экономических связей [21]. Рост товарооборота после 2022 года в этой логике должен создавать взаимные обязательства, повышающие цену политического расхождения. Данное предсказание можно проверить,

и в четвертом разделе настоящей статьи оно проверяется. Результат проверки состоит в том, что рост объема торговли не сопровождался ни сокращением региональных расхождений, ни появлением ограничений на внешнеполитический маневр сторон. Причина заключается в структуре сложившейся взаимозависимости.

Ограничения трех подходов имеют общее основание. Каждый из них исходит из однородности объясняемого отношения: партнерство трактуется как целое, обладающее единой характеристикой, которая может быть сильнее или слабее в зависимости от обстоятельств. Наблюдаемая же конфигурация неоднородна по уровням, и объяснение требует инструмента, различающего уровни взаимодействия.

Такой инструмент содержится в двух линиях развития традиции политического реализма. Первая связана с выделением региональных подсистем как самостоятельного уровня анализа, обладающего собственной структурой стимулов, не сводимой к глобальной [19]. Вторая связана с введением внутриполитических переменных в объяснение внешнеполитического выбора: положение в системе задает диапазон возможных решений, а выбор внутри диапазона опосредован внутренними ограничениями государства [25].

Настоящее исследование заимствует у обеих линий по одному положению. Из первой: региональная подсистема формирует стимулы, отличные от глобальных, и государство может занимать в них позицию, не совпадающую с позицией партнера по глобальному уровню. Из второй: выбор государства ограничен внутренними факторами, которые для конкретного случая должны быть названы и зафиксированы, а не введены как открытый список.

Применительно к рассматриваемому случаю такими факторами выступают два. Первый это доктринальная установка Индии на стратегическую автономию, ограничивающая допустимую степень согласования внешней политики с любым партнером независимо от текущего баланса приоритетов [24]. Второй – приоритет сохранения инфраструктурных активов длительного цикла в российском внешнеполитическом процессе, задающий предпочтение работе с государством безотносительно к характеру правящего в нем режима.

Сочетание двух положений дает объяснение, отсутствующее у каждого из рассмотренных подходов в отдельности: структурные стимулы к сближению действуют на глобальном уровне, тогда как на региональном они перекрываются несовпадающими позициями сторон в подсистемах, а внутриполитические ограничения не позволяют ни одной из сторон уступить в региональном вопросе ради сохранения глобального согласия. Возникающая конфигурация обозначается в настоящей работе как управляемая дивергенция.

Управляемая дивергенция: содержание концепции

Отграничение от концепции хеджирования

Предлагаемая концепция требует отграничения от подхода, описывающего поведение государств через стратегию хеджирования [23]. Сходство очевидно: в обоих случаях речь идет о ситуации, когда государство поддерживает отношения с партнерами, находящимися в состоянии соперничества, и воздерживается от окончательного выбора. Индийская внешняя политика неоднократно описывалась в этих терминах, в том числе через понятие многовекторности [20], и такое описание не является ошибочным. Однако предмет двух подходов различается по двум основаниям.

Первое различие касается единицы анализа. Хеджирование описывает стратегию отдельного государства в отношении нескольких внешних партнеров: объяснению подлежит выбор одного актора, а его контрагенты выступают элементами среды [22]. Управляемая дивергенция описывает двустороннее партнерство, в котором обе стороны одновременно являются субъектами выбора. Вопрос состоит не в том, почему Индия не определяется между Россией и западными партнерами, а в том, каким образом две державы сохраняют согласованность на одном уровне взаимодействия при устойчивом расхождении на другом.

Второе различие вытекает из первого и является наиболее существенным. Теория хеджирования не содержит понятия, описывающего ограничение переноса противоречий между уровнями. В ее рамках расхождения либо ведут к пересмотру отношений, либо остаются несущественными. Управляемая дивергенция фиксирует третью возможность: расхождения существенны, признаются обеими сторонами и при этом систематически удерживаются вне двусторонней повестки. Механизм такого удержания составляет содержание предлагаемой концепции.

Определение и механизм

Управляемая дивергенция определяется как конфигурация двусторонних отношений, в которой согласованность позиций сторон на глобальном уровне сочетается с устойчивым расхождением интересов на уровне региональных подсистем, при этом обе стороны ограничивают перенос региональных противоречий в двустороннюю повестку.

Три элемента определения требуют пояснения. Согласованность на глобальном уровне означает совпадение позиций по вопросам, относящимся к устройству системы международных отношений в целом: составу и полномочиям глобальных институтов, допустимости односторонних ограничительных мер, принципам разрешения конфликтов. Она проявляется в голосованиях в международных организациях и в содержании совместных документов.

Устойчивое расхождение на региональном уровне означает несовпадение позиций по вопросам, относящимся к конкретным региональным подсистемам, которое воспроизводится независимо от динамики глобального уровня и не устраняется в ходе двусторонних консультаций.

Ограничение переноса означает, что региональные расхождения не становятся предметом двусторонних переговоров, не фиксируются в совместных документах и не влекут за собой пересмотра формата отношений. Существенно, что речь идет не о неосведомленности сторон и не о малозначительности расхождений: обе стороны их признают, и обе воздерживаются от их институционального оформления.

Механизм воспроизводства конфигурации складывается из двух компонентов. Первый – уровневая асимметрия многосторонних форматов: площадки, на которых стороны взаимодействуют регулярно, работают с глобальной повесткой и не создают процедур согласования региональных политик. Второй – асимметричная взаимодополняемость в сферах с высокими издержками замещения, удерживающая цену выхода из партнерства выше цены сохранения расхождений. Каждый компонент проверяется в последующих разделах.

Границы применимости и индикаторы проверки

Концепция описывает не любые отношения, в которых наблюдаются одновременно согласие и расхождение. Ее применение ограничено тремя условиями. Первое: отсутствие союзных обязательств, поскольку при наличии формальных обязательств безопасности региональное расхождение автоматически переносится на двусторонний уровень, затрагивая содержание обязательства. Второе: несовпадающее положение сторон в региональных подсистемах, поскольку при сходном положении источник расхождения отсутствует. Третье: сосредоточение материальной основы отношений в сферах с высокими издержками замещения, поскольку при отсутствии такой основы расхождения не удерживаются и ведут к постепенному сворачиванию взаимодействия. За пределами трех условий перенос концепции требует отдельного обоснования.

Из механизма воспроизводства следуют два проверяемых положения. Во-первых, в многосторонних форматах, где стороны взаимодействуют регулярно, региональная повестка не получает институционального оформления, а зафиксированные расхождения сохраняются неизменными на протяжении периода интенсивного взаимодействия. Проверка проводится сопоставлением содержания итоговых документов саммитов с перечнем наблюдаемых расхождений. Во-вторых, экономическая взаимозависимость сторон не создает ограничений на внешнеполитический маневр, поскольку ее структура обратима. Проверка проводится применением критерия обратимости к товарной структуре двусторонней торговли и к сферам военно-технического и атомного сотрудничества.

Первый индикатор: пределы согласования в многосторонних форматах

Многосторонние площадки, в которых участвуют обе стороны, обеспечили в рассматриваемый период регулярность контактов на высшем уровне. Саммиты БРИКС в Казани в 2024 году и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Тяньцзине в 2025 году состоялись в условиях внешнего давления на Россию и Индию и зафиксировали совпадение позиций по вопросам реформы международных институтов, расчетов в национальных валютах и недопустимости односторонних ограничительных мер [10; 17]. Реакция сторон на изменение торгового режима США в отношении Индии, включая введение пошлин в размере 50%, показала, что многосторонние форматы выполняют функцию страховки: они дают участникам возможность демонстрировать наличие альтернативных способов взаимодействия, не принимая при этом дополнительных обязательств [8].

Существенно, однако, что перечисленные результаты относятся исключительно к глобальному уровню повестки. Проверка второго положения требует сопоставления содержания итоговых документов с перечнем наблюдаемых региональных расхождений.

Три расхождения фиксируются на протяжении всего рассматриваемого периода. Первое связано с реакцией сторон на политический

кризис в Бангладеш 2024 года: российская сторона сохранила экономические обязательства и воздержалась от оценки смены власти в стране, индийская же рассматривала произошедшее с точки зрения национальной безопасности [3]. Второе связано с активизацией российско-пакистанского диалога, включая проработку логистических маршрутов [9]. Третье связано с несовпадающими концепциями региональной архитектуры безопасности: концепция Большой Евразии и концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона задают различные описания одного пространства и различные наборы допустимых партнеров [14].

Ни одно из трех расхождений не отражено в итоговых документах саммитов в рассматриваемый период. Региональная повестка представлена в них формулировками общего характера, допускающими несовпадающее прочтение сторонами [10; 15]. Процедур согласования региональных политик в рамках форматов не создано, и вопросы, затрагивающие расхождения в повестку заседаний не вносились.

Отсутствие оформления не сопровождалось при этом ни сокращением, ни расширением состава расхождений. К концу рассматриваемого периода все три сохраняются в том же виде, в каком фиксировались в его начале, несмотря на существенное изменение внешних условий и на интенсификацию двустороннего и многостороннего взаимодействия.

Наблюдение соответствует прогнозу концепции. Многосторонние форматы результативны в поддержании глобального уровня согласования и нерезультативны на региональном, и именно это несовпадение удерживает дивергенцию в управляемом режиме: региональные противоречия не получают институционального оформления и потому не переводятся в разряд предмета двусторонних переговоров. Из наблюдения следует также вывод об уязвимости конфигурации: ослабление многосторонних форматов устранило бы основной ограничитель такого перевода, поскольку двусторонний канал остался бы единственным местом обсуждения региональной повестки.

Альтернативное объяснение того же наблюдения состоит в том, что региональные вопросы не вносятся в повестку многосторонних форматов в силу их процедурного устройства, не предполагающего рассмотрения вопросов двусторонних отношений [24]. Такое объяснение не противоречит предлагаемому, а уточняет его: процедурное устройство форматов и есть тот механизм, посредством которого уровневая асимметрия воспроизводится.

Второй индикатор: обратимость экономической взаимозависимости

Рост двустороннего товарооборота между Россией и Индией после 2022 года подтверждается данными. Доля расчетов в национальных валютах во взаимной торговле достигла 85%, товарооборот по итогам 2024–2025 финансового года составил 68,7 млрд долларов [18; 16]. В логике теории комплексной взаимозависимости такой рост должен был бы повысить цену политического расхождения для обеих сторон. Наблюдения этого не подтверждают: состав региональных расхождений за тот же период не изменился.

Объяснение содержится в структуре взаимозависимости. Для ее анализа вводится критерий обратимости: взаимозависимость обратима, если издержки замещения партнера для стороны ниже политического выигрыша от такого замещения. Обратимая взаимозависимость не создает ограничений на внешнеполитический маневр независимо от своего объема.

Применение критерия к товарной структуре двусторонней торговли дает следующий результат. Доля нефти и нефтепродуктов в российском экспорте в Индию достигла 89–90% [1; 11]. Структура сложилась вследствие сочетания двух обстоятельств: потребности российской стороны в переориентации экспортных потоков и заинтересованности индийской стороны в приобретении углеводородов со скидкой. Оба обстоятельства носят конъюнктурный характер: первое определяется режимом ограничений, второе величиной дисконта. Издержки замещения для индийской стороны ограничены доступностью альтернативных поставщиков углеводородов на мировом рынке и сводятся к разнице в цене. Взаимозависимость такого типа обозначается в настоящей работе как конъюнктурная.

Дополнительным следствием сложившейся структуры является платежный дисбаланс. Превышение российского экспорта над импортом составило свыше 58 млрд долларов, что при переходе к расчетам в национальных валютах привело к накоплению рупийных средств, не имеющих механизмов конвертации и репатриации [7; 12]. Существенно, что рост доли расчетов в национальных валютах и накопление профицита связаны: переход к рупийным платежам при сохранении структурного дисбаланса делает накопление неизбежным. Дисбаланс тем самым выступает не побочным эффектом успешного роста торговли, а его прямым следствием при данной товарной структуре.

Принятие в декабре 2025 года обновленной экономической дорожной карты, предусматривающей сокращение дисбаланса за счет увеличения индийского несырьевого экспорта и доведение объема взаимных инвестиций до 50 млрд долларов, свидетельствует о признании проблемы обеими сторонами [15]. Реализация заявленных параметров означала бы изменение типа взаимозависимости, однако на текущий момент она находится на начальной стадии [6].

Применение того же критерия к военно-техническому и атомному сотрудничеству дает противоположный результат. Российское предложение включает передачу технологий без сопутствующих политических условий, что не воспроизводится другими экспортерами. Продление программы военно-технического сотрудничества до 2031 года закрепляет эту конфигурацию на долгосрочную перспективу [13]. В атомной энергетике замена технологических решений в реализуемых проектах требует времени, сопоставимого со сроком жизни самих проектов. Издержки замещения в обеих сферах высоки для обеих сторон одновременно, при этом содержание предложения сторон различно. Взаимозависимость такого типа обозначается как асимметричная взаимодополняемость.

Результат проверки состоит в следующем. Материальную основу устойчивости партнерства составляет не объем товарооборота, а сферы с высокими издержками замещения. Рост торговли, сосредоточенный в обратимом сегменте, увеличивает объем взаимодействия, не увеличивая цены расхождения. Наблюдение соответствует предсказанию концепции и не соответствует предсказанию теории комплексной взаимозависимости.

Из результата следует уточнение практического характера: наращивание совокупного объема российско-индийской торговли при сохранении текущей товарной структуры не меняет политический аспект взаимоотношений. Изменение этой характеристики требует роста доли позиций с высокими издержками замещения, а не роста стоимостных показателей как таковых [2].

Условия устойчивости конфигурации

Проведенная проверка позволяет сформулировать условия, при которых описываемая конфигурация взаимоотношений сохраняется. Условия следуют из механизма воспроизводства и потому являются не эмпирическим обобщением, а следствием концепции.

Первое условие: сохранение российского участия в военно-техническом обеспечении Индии на условиях технологического трансфера. Именно это участие составляет невоспроизводимую другими странами часть российского предложения и обеспечивает работу второго компонента механизма [5]. Сокращение трансфера до уровня обычной поставки вооружений перевело бы сферу в разряд обратимых.

Второе условие: отсутствие у России формальных обязательств безопасности перед Пакистаном. Экономическое и логистическое взаимодействие с Исламабадом остается в рамках, при которых индийская сторона рассматривает его как диверсификацию контактов [9]. Появление обязательств безопасности перевело бы вопрос в сферу баланса угроз, где ограничение переноса в двустороннюю повестку невозможно.

Третье условие: сохранение для Индии издержек полного присоединения к западным механизмам сдерживания Китая. Снижение этих издержек устранило бы функциональную потребность в российском направлении как элементе многовекторной политики и тем самым основание для удержания расхождений вне двусторонней повестки [20].

Изменение любого из трех условий переводит дивергенцию из управляемого режима в конфликтный. Данное утверждение носит характер условного прогноза: оно указывает не на вероятность наступления событий, а на последствия их наступления, и подлежит проверке по мере развития ситуации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать три результата. Первый относится к объяснительной рамке. Наблюдаемое сочетание глобального согласия и регионального расхождения в российско-индийских отношениях не выводится ни из структурного реализма, исходящего из однородности структурных стимулов, ни из конструктивистских объяснений, предсказывающих равномерную устойчивость, ни из теории комплексной взаимозависимости, связывающей политические обязательства с объемом экономических связей. Объяснение требует выделения региональных подсистем как самостоятельного уровня и введения фиксированного набора внутриполитических переменных.

Второй относится к содержанию концепции. Управляемая дивергенция описывает конфигурацию, в которой существенные и признаваемые обеими сторонами региональные расхождения систематически удерживаются вне двусторонней повестки. Механизм удержания складывается из уровневой асимметрии многосторонних форматов и асимметричной взаимодополняемости в сферах с высокими издержками замещения. Оба компонента механизма подтверждены эмпирически: многосторонние форматы не производят согласования региональных политик, а рост торговли, сосредоточенный в обратимом сегменте, не создает ограничений на внешнеполитический маневр.

Третий относится к пределам конфигурации. Устойчивость управляемой дивергенции не является автоматической: она определяется тремя условиями, изменение любого из которых переводит расхождения в конфликтный режим. Из этого следует, что динамика партнерства определяется не накоплением региональных расхождений как таковым, а сохранением или нарушением условий их удержания.

Литература

1. Агеев А.Р. Развитие энергетического сотрудничества России и Индии в условиях санкций // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 1 (151). С. 74–86.

2. Боднар И.И. Внешнеполитические приоритеты России в российско-индийских отношениях на современном этапе // Социально-гуманитарные научные дискуссии в России и за рубежом: сборник научных статей. М.: ООО «ПЕРО», 2025. С. 20–34.

3. Боднар И.И. Участие России в региональном сотрудничестве в Южной Азии // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 8. С. 314–325.

4. Величкин С.В. Индия продолжает следовать своим интересам // Международная жизнь. 2023. № 5. С. 75–84.

5. Власов Г.Д. Индийский рынок вооружений: история и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 2. С. 154–172.

6. Галищева Н.В., Рещикова М.С. Внешнеэкономическая политика Индии: актуальные тенденции и перспективы. М.: МГИМО-Университет, 2023. 295 с.

7. Губина М.А., Сутырин С.Ф. Российско-индийские внешнеторговые отношения в условиях возрастающей геополитической неопределенности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 58 (1). С. 149–157.

9. Захаров А.И. Региональные аспекты российско-индийских отношений // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 6. С. 109–115.

10. Казанская декларация XVI саммита БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, 22–24 октября 2024 г. URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 15.08.2026).

11. Кондратов Д.И. Энергетическая политика Индии и сотрудничество с Россией // Экономика. Налоги. Право. 2024. № 3. С. 29–34.

12. Овакимян М.С., Нидзий Е.А., Волкова А.В. Анализ торгово-экономического сотрудничества России и Республики Индия на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 1. С. 54–63.

13. Программа военно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Индией на 2021–2031 годы. URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 15.08.2026).

14. Российско-индийские отношения в широком геополитическом контексте: доклад № 92/2024 / А.В. Кортунов, Т. Саймон и др.; под ред. Ю.Ю. Мельниковой, С.М. Гавриловой. М.: НП РСМД, 2024. 52 с.

15. Совместное заявление по итогам XXIII российско-индийского ежегодного саммита «Россия – Индия: проверенное временем прогрессивное партнерство, основанное на доверии и взаимном уважении». Нью-Дели, 5 декабря 2025 г. URL: http://en.kremlin.ru/supplement/6426 (дата обращения: 15.08.2026).

16. Спартак А.Н. Приоритезация Индии как торгово-экономического партнера России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 10. С. 7–38.

17. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. Тяньцзинь, 1 сентября 2025 г. URL: http://en.kremlin.ru/supplement/6376 (дата обращения: 15.08.2026).

18. Федеральная таможенная служба Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://customs.gov.ru (дата обращения: 15.08.2026).

19. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 596 p.

20. Hall I. Multialignment and Indian Foreign Policy under Narendra Modi // The Round Table. 2016. Vol. 105, no. 3. P. 271–286.

21. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977. 273 p.

22. Kuik C.-C. The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China // Contemporary Southeast Asia. 2008. Vol. 30, no. 2. P. 159–185.

23. Medeiros E.S. Strategic Hedging and the Future of Asia-Pacific Stability // The Washington Quarterly. 2005. Vol. 29, no. 1. P. 145–167.

24. O'Donnell F., Papa M. India's Multi-Alignment Management and the Russia–India–China (RIC) Triangle // International Affairs. 2021. Vol. 97, no. 3. P. 801–822.

25. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. Vol. 51, no. 1. P. 144–172.

26. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

27. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

MANAGED DIVERGENCE: A CONCEPT AND ITS APPLICATION TO THE RUSSIAN-INDIAN PARTNERSHIP

Bodnar I.I.

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article proposes the concept of managed divergence, describing a configuration of Russian-Indian relations in which alignment of positions at the global level coexists with persistent divergence of interests at the level of the regional subsystems of South and Southeast Asia, while the transfer of these divergences into the bilateral agenda remains limited. The concept is distinguished from approaches describing state behaviour through hedging and multi-alignment strategies. Testing proceeds along two indicators: the character of position coordination within BRICS and the SCO, and the reversibility of economic interdependence. It is shown that multilateral formats do not produce coordination of regional policies, and that trade growth after 2022 created no constraints on either party's foreign policy manoeuvre. Three conditions for preserving the managed character of divergence are formulated.

Keywords: managed divergence, strategic autonomy, regional subsystems, BRICS, SCO, conjunctural interdependence.

References

1. Ageev A.R. Development of energy cooperation between Russia and India under sanctions // International Research Journal. 2025. No. 1 (151). P. 74–86.

2. Bodnar I.I. Russia's foreign policy priorities in Russian-Indian relations at the present stage // Social and Humanitarian Scientific Discussions in Russia and Abroad: Collection of Scientific Articles. Moscow: PERO, 2025. P. 20–34.

3. Bodnar I.I. Russia's participation in regional cooperation in South Asia // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 8. P. 314–325.

4. Velichkin S.V. India continues to follow its own interests // International Affairs. 2023. No. 5. P. 75–84.

5. Vlasov G.D. The Indian arms market: history and prospects // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2022. Vol. 15, no. 2. P. 154–172.

6. Galishcheva N.V., Reshchikova M.S. India's Foreign Economic Policy: Current Trends and Prospects. Moscow: MGIMO University, 2023. 295 p.

7. Gubina M.A., Sutyrin S.F. Russian-Indian foreign trade relations amid growing geopolitical uncertainty // Journal of the New Economic Association. 2023. No. 58 (1). P. 149–157.

9. Zakharov A.I. Regional aspects of Russian-Indian relations // Bulletin of the Institute of Oriental Studies, RAS. 2018. No. 6. P. 109–115.

10. Kazan Declaration of the XVI BRICS Summit. Kazan, 22–24 October 2024. URL: http://kremlin.ru (accessed: 15.08.2026).

11. Kondratov D.I. India's energy policy and cooperation with Russia // Economics. Taxes. Law. 2024. No. 3. P. 29–34.

12. Ovakimyan M.S., Nidziy E.A., Volkova A.V. Analysis of trade and economic cooperation between Russia and the Republic of India at the present stage // Russian Foreign Economic Journal. 2024. No. 1. P. 54–63.

13. Programme of Military-Technical Cooperation between the Russian Federation and the Republic of India for 2021–2031. URL: http://kremlin.ru (accessed: 15.08.2026).

14. Russian-Indian Relations in a Broad Geopolitical Context: Report No. 92/2024 / A.V. Kortunov, T. Simon et al.; eds. Yu.Yu. Melnikova, S.M. Gavrilova. Moscow: RIAC, 2024. 52 p.

15. Joint Statement following the 23rd Russia-India Annual Summit. New Delhi, 5 December 2025. URL: http://en.kremlin.ru/supplement/6426 (accessed: 15.08.2026).

16. Spartak A.N. Prioritisation of India as a trade and economic partner of Russia // Russian Foreign Economic Journal. 2023. No. 10. P. 7–38.

17. Tianjin Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation. Tianjin, 1 September 2025. URL: http://en.kremlin.ru/supplement/6376 (accessed: 15.08.2026).

18. Federal Customs Service of the Russian Federation: official website. URL: https://customs.gov.ru (accessed: 15.08.2026).

19. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 596 p.

20. Hall I. Multialignment and Indian Foreign Policy under Narendra Modi // The Round Table. 2016. Vol. 105, no. 3. P. 271–286.

21. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977. 273 p.
22. Kuik C.-C. The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China // Contemporary Southeast Asia. 2008. Vol. 30, no. 2. P. 159–185.
23. Medeiros E.S. Strategic Hedging and the Future of Asia-Pacific Stability // The Washington Quarterly. 2005. Vol. 29, no. 1. P. 145–167.
24. O'Donnell F., Papa M. India's Multi-Alignment Management and the Russia–India–China (RIC) Triangle // International Affairs. 2021. Vol. 97, no. 3. P. 801–822.
25. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. Vol. 51, no. 1. P. 144–172.
26. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.
27. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

Политический ландшафт на Тайване: политические силы, итоги последних выборов, электоральный прогноз

Гусев Василий Алексеевич,
студент, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st119903@student.spbu.ru

Работа посвящена исследованию расстановки политических сил на Тайване и моделированию возможных сценариев дальнейшего развития политической ситуации. Актуальность темы обусловлена ключевой ролью острова в мировой микроэлектронике и его значением для безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где результаты выборов напрямую определяют баланс сил. В исследовании дается характеристика программных платформ Гоминьдана, Демократической прогрессивной партии и Тайваньской народной партии, а также анализируются итоги президентских и парламентских выборов 2024 года. На основе социологических опросов, итогов голосования и ключевых событий 2025–2026 годов автор формирует сценарии электорального поведения избирателей. В ходе работы сделан вывод, что падение рейтинга правящей партии, провал «Великой кампании по отзыву», внешнеэкономическое давление и коалиционное сотрудничество оппозиции создают условия для победы объединенного блока Гоминьдана и ТНП на ближайших выборах.

Ключевые слова: Тайвань, выборы, Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия, Тайваньская народная партия, электоральный прогноз.

Введение

Частично признанная Китайская Республика (Тайвань) занимает особое место в современной системе международных отношений, представляя собой один из наиболее чувствительных узлов геополитической напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Из-за своей центральной роли в производстве чипов и электроники Тайвань является критически важным в глобальных цепочках поставок: больше половины полупроводников на мировом рынке производятся на этом острове. Политическая ситуация на Тайване имеет значение далеко за пределами его границ, влияя на баланс сил между ведущими мировыми державами и определяя вектор развития региональной безопасности. Анализ результатов этих выборов и понимание расстановки политических сил позволяет не только оценить текущее состояние тайваньской политики, но и спрогнозировать возможные сценарии развития ситуации в одной из наиболее взрывоопасных точек планеты.

Политические партии на Тайване

Партийная система Тайваня до выборов 2024 года традиционно состояла из двух широких лагерей: «Синие» и «Зеленые». В каждом из них доминирует одна более крупная и старая партия, к ним примыкают более мелкие, новые партии. В синюю коалицию входят: Гоминьдан, *People First Party* (Первая Народная партия) и *New party* (Новая партия). Партии «Синего лагеря» имеют много общих идеологических элементов. Сходств в этих трех партиях гораздо больше, чем различий.

Гоминьдан является одной из старейших политических партий Китая и после 1945 года стал ведущей политической силой Тайваня. В ходе демократизации острова Гоминьдан трансформировался из правящей авторитарной партии в парламентскую правоцентристскую силу. Современный Гоминьдан выступает за сохранение статус-кво в отношениях с КНР, развитие экономического сотрудничества через Тайваньский пролив и отказ от формального провозглашения независимости Тайваня. При этом партия исходит из того, что любые изменения политического статуса острова возможны только при поддержке населения. Социальную основу партии составляют государственные служащие, представители бизнеса, жители северных регионов острова [3]. Несмотря на позиционирование в качестве партии экономического развития, Гоминьдан сохраняет поддержку государственного участия в экономике и социальных программах, рассматривая экономический рост как основу общественной стабильности.

Демократическая прогрессивная партия (ДПП) является ведущей политической силой «Зелёного лагеря» и с 2016 года правящей партией Тайваня. Основой её идеологии выступает укрепление тайваньской идентичности, сохранение фактической независимости острова и противодействие политическому объединению с КНР. ДПП последовательно выступает за снижение экономической зависимости от материкового Китая, развитие сотрудничества с США и другими демократическими государствами, а также укрепление обороноспособности Тайваня. Электоральную основу партии составляют жители южных регионов острова, молодые избиратели и сторонники усиления самостоятельной тайваньской идентичности [3]. Несмотря на наличие различных внутрипартийных течений, именно позиция по вопросам отношений с КНР остаётся главным объединяющим фактором для сторонников ДПП.

Тайваньская народная партия (ТНП), основанная в 2019 году, стала первой политической силой, сумевшей занять устойчивое положение вне традиционного противостояния «Синего» и «Зелёного» лагерей. Партия позиционирует себя как центристская и прагматичная, выступая за снижение политической поляризации и поиск компромиссных решений во внутренней и внешней политике. В вопросах отношений с КНР ТНП придерживается более умеренной позиции, чем ДПП, поддерживая сохранение статус-кво и развитие диалога при сохранении фактической самостоятельности Тайваня. Электоральную основу партии составляют преимущественно молодые избиратели, жители городов, представители среднего класса и технической интеллигенции [11]. Рост популярности ТНП отражает увеличение запроса общества на альтернативу двум традиционным политическим лагерям.

Последние президентские и парламентские выборы 2024 года

В борьбе за президентское кресло после ухода Цай Инвэнь действующий вице-президент Лай Циндэ выдвинул свою кандидатуру, соперничая с Хоу Юйем от Гоминьдана и Ко Вэньчжэ от Тайваньской народной партии. В течение 2023 года оппозиционные силы обсуждали возможность выдвижения единого кандидата, однако переговоры между Гоминьданом и ТНП не увенчались успехом. Несмотря на попытки координации, стороны так и не смогли договориться о совместном списке, что привело к трехсторонней гонке. Это предопределило раскол оппозиционных голосов и ослабило их шансы на победу.

Главными темами предвыборных дебатов стали отношения с Китаем. Лай Циндэ, продолжая курс Цай Инвэнь, отвергал «консенсус 1992 года», «принцип одного Китая» и модель «одна страна, две системы», сделав акцент на укреплении экономической безопасности путем снижения зависимости экономики Тайваня от КНР.

Председатель КНР Си Цзиньпин связал «консенсус 1992 года» с концепцией «одна страна, две системы», ранее применявшейся только к Гонконгу и Макао. Такая подмена понятий усложнила поддержку «консенсуса» даже для «Синего лагеря», так как «одна страна, две системы» категорически отвергается тайваньским обществом. Хоу Юй придерживался стратегии «трёх измерений»: сдерживание (усиление обороны), диалог и деэскалация (развитие сотрудничества). Его отношение к «консенсусу 1992 года» было двусмысленным – он не отвергал его, но настаивал на соответствии законам Китайской Республики. Хоу выступал против «одной страны, двух систем», но был готов возобновить переговоры по Рамочному соглашению об экономическом сотрудничестве при определенных условиях.

Позиция Ко Вэньчжэ по вопросам пролива была наиболее противоречивой. Его лозунг «Суверенитет Тайваня и мир через пролив» содержит внутреннее противоречие, так как Пекин никогда не примет тайваньского суверенитета как условия для мира. Ко не отвергал «консенсус 1992 года», но предлагал переименовать его, уклоняясь от четкой формулировки.

В оборонной политике все кандидаты сходились во взглядах: они поддерживали постепенное увеличение военных расходов до 2,5–3% ВВП и не возражали против реформы военной службы (продление срока с 4 до 12 месяцев), хотя Гоминьдан выражал некоторые сомнения.

Президентские и парламентские выборы, состоявшиеся 13 января 2024 года, завершились победой кандидата от Демократической прогрессивной партии Лай Циндэ, набравшего 5,58 млн голосов (40,05%). Этот результат нарушил негласную традицию, согласно которой ни одна партия не удерживает власть более восьми лет подряд. Хоу Юй от Гоминьдана занял второе место с 4,67 млн голосов (33,49%), а Ко Вэньчжэ от ТНП – третье, получив 3,69 млн (26,46%). Последний показатель стал рекордным для кандидатов, не принадлежащих ни к ДПП, ни к Гоминьдану, что свидетельствует о растущем влиянии партии на избирателей. Вместе с тем, тревожным звонком для ДПП стал самый низкий результат среди победителей президентских выборов за последние годы – 40,05% [1].

Параллельно парламентские выборы продемонстрировали отсутствие доминирующей силы: ни одна партия не получила большинства мест. Гоминьдан получил 52 места в Законодательном Юане, опередив ДПП (51 место) и став крупнейшей фракцией. ТНП, заручившись 8 мандатами по партийным спискам, стала ключевым меньшинством, способным влиять на баланс сил. ТНП укрепила позиции как ведущая «третья сила», не входящая в традиционные «Синюю» или «Зелёную» коалиции. По сравнению с первым участием в парламентских выборах в 2020 году, процент партийных голосов ТНП в 2024 году вырос до 22,1%, то есть более чем на 10%.

Этот сдвиг знаменует переход к многопартийной системе, где ключевую роль играют три политических игрока.

Прогноз на следующие парламентские и президентские выборы

Население Тайваня состоит из трёх основных групп. Самая многочисленная – потомки переселенцев из юго-восточного Китая, которые начали заселять остров ещё в XVI веке [2]. Вторая группа сформировалась в 1949 году, когда на Тайвань бежали сторонники Гоминьдана после поражения в гражданской войне на материковом Китае. Третья, самая малочисленная, – коренные народы, живущие на острове издревле.

Эти группы различаются по языку и происхождению, и эти различия проявляются в политических симпатиях. Потомки ранних переселенцев в основном говорят на диалекте *хокло* и чаще голосуют за Демократическую прогрессивную партию. Потомки беженцев 1949 года сохраняют севернокитайский диалект и традиционно поддерживают Гоминьдан. Коренные народы политически не столь влиятельны из-за своей малочисленности. Также регионы отличаются в своем экономическом развитии. Свою роль сыграло то, что правительство Гоминьдана распределяло бюджетные средства неравномерно, отдавая предпочтение северу, что увеличило разрыв в уровнях развития и жизни между севером и остальной территорией.

В 2000-е годы, когда отношения с материковым Китаем стали играть всё более значимую роль в экономике Тайваня, избиратели севера – региона с развитой высокотехнологичной промышленностью, банками и услугами – оказались гораздо более склонны поддерживать Гоминьдан и его политику, чем жители юга.

За Тайваньскую народную партию на президентских выборах 2024 года проголосовали территории со смешанным населением. Это объясняется тем, что партия не делает акцент ни на одной национальной идентичности.

Согласно последнему опросу Центра изучения выборов *Государственного университета Чжэнчжи*, большая часть населения острова идентифицируют себя исключительно как тайваньцы (62.9%). Китайская идентичность (2.3%) и китайско-тайваньская (30.5%) значительно отстают. Это объясняет, почему идея воссоединения с Китаем или углубление интеграции с ним не встречают обширный поддержки у населения острова.

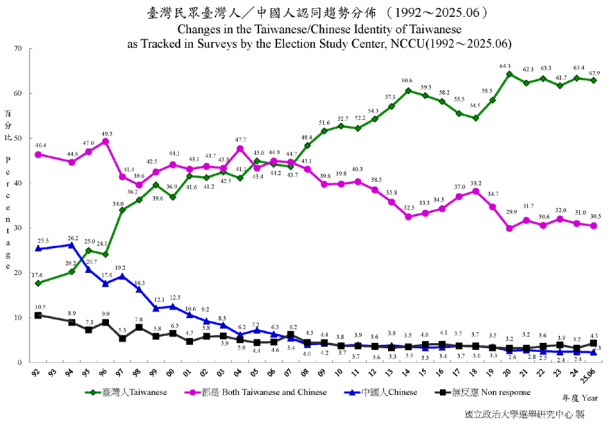

Рис. 1. Изменения в самоидентификации жителей Тайваня как тайваньцев/китайцев по данным опросов Исследовательского центра по выборам Национального университета Чжэнчжи (*NCCU*) (1992~2025.06)

Источник: Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1992~2025.06) // Election Study Center, National Chengchi University URL: https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7800&id=6961 (дата обращения: 13.12.2025).

Несмотря на то, что население уже воспринимает себя как отдельный от китайцев народ со своей самобытной культурой, большинство тайваньцев поддерживает сложившийся внешнеполитический *статус кво*, поскольку любые попытки объявления независимости от Китая могут встретить силовой отпор со стороны КНР. Процент тех, кто поддерживает немедленное объединение (1.1%) или независимость (4.3%) очень низок.

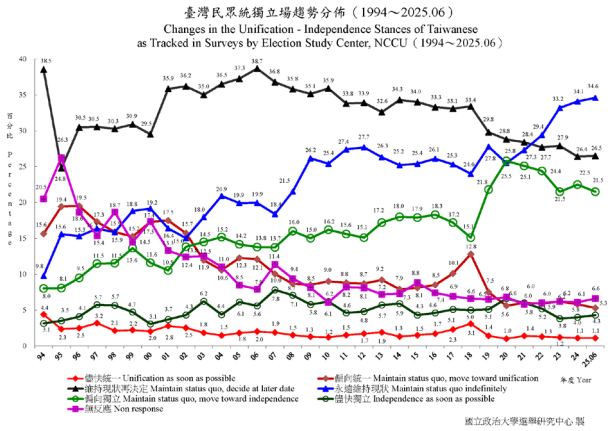

Рис. 2. Изменения во взглядах жителей Тайваня на объединение и независимость по данным опросов Исследовательского центра выборов Национального университета Чжэнчжи (1994~2025.06)

Источник: Changes in the Unification – Independence Stances of Taiwanese as Tracked in Surveys by Election Study Center, NCCU (1994~2025.06) // Election Study Center, National Chengchi University URL: https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7801&id=6963 (дата обращения: 13.12.2025).

В последние годы давление КНР на Тайвань только усиливается. Оно проявляется в различных формах, включая увеличение числа военных учений вблизи Тайваня, ужесточение экономических санкций, шаги, направленные на дальнейшую изоляцию Тайваня на международной арене. Таким образом традиционный раскол между сторонниками независимости и сторонниками объединения больше не актуален, необходима компромиссная позиция.

По опросам института социологии Академии Синика в последние годы число тех, кто считает приоритетным национальный суверенитет, и тех, кто ставит выше экономические интересы, начинает постепенно уравниваться [7].

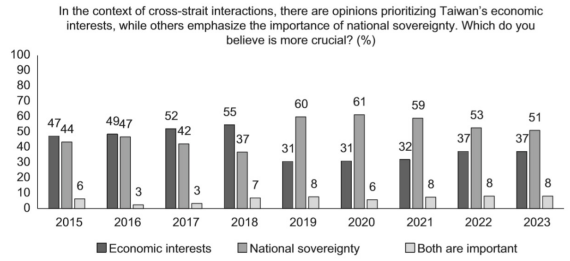

Рис. 3. Общественные приоритеты во взаимодействии через пролив: экономические интересы против национального суверенитета

Источник: Routledge handbook of contemporary Taiwan / Под ред. Gunter Schubert. 2 изд. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2025. – 645 с.

По опросам также видно, что общество Тайваня поляризовано по вопросу об отношении к КНР. В возрастной категории от 0 до 59 лет ни одна позиция (КНР – дружественная страна, КНР – враждебная страна) не обладает абсолютной поддержкой.

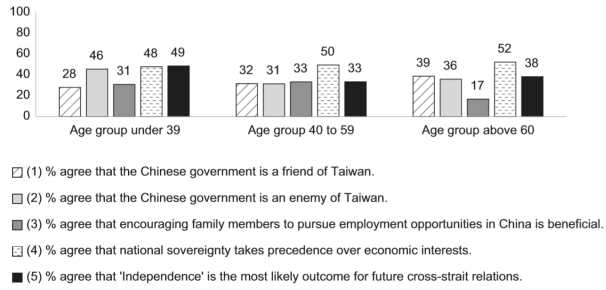

Рис. 4. Различия в отношении к Китаю между поколениями.

Источник: Routledge handbook of contemporary Taiwan / Под ред. Gunter Schubert. 2 изд. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2025. – 645 с.

Такая неопределенность и необходимость компромисса соответствует политической программе Тайваньской народной партии, что подтверждается опросами.

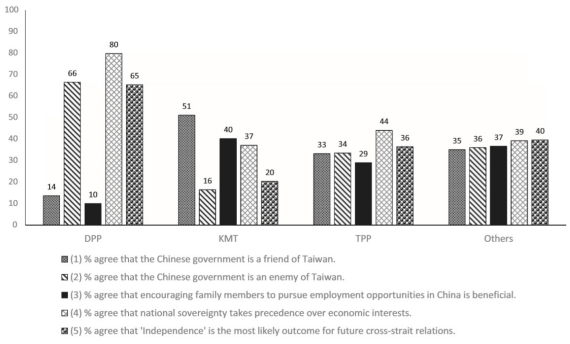

Рис. 5. Отношение к Китаю у сторонников разных партий Тайваня

Источник: Routledge handbook of contemporary Taiwan / Под ред. Gunter Schubert. 2 изд. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2025. – 645 с.

Этим и объясняется стремительный рост популярности этой новой политической силы на выборах 2024 года. По сравнению с парламентскими выборами 2020 года, партия увеличила количество мест в парламенте практически на 40%.

У партии были значительные перспективы, однако её популярности был нанесён серьёзный урон из-за коррупционного скандала, в центре которого оказался лидер ТНП. 26 марта 2026 года Тайбэйский районный суд после почти полутора лет следствия, содержания под стражей и судебных слушаний признал Ко Вэньчжэ виновным по четырём пунктам обвинения, приговорив его к 17 годам тюремного заключения. Через год после задержания Ко опрос, проведённый независимым «Тайваньским фондом общественного мнения» (*TPOF*), показал, что 41,7% опрошенных склоняются к мнению о политической подоплёке этого дела. Популярность партии после 2024 года не только перестала расти, но и начала падать [4].

Несмотря на временное устранение потенциальной угрозы от ТНП, в настоящее время правящая Демократическая прогрессивная партия так же переживает серьезный кризис. Сложившаяся ситуация имеет под собой несколько фундаментальных причин. Прежде всего, президент Лай Циндэ столкнулся с серьёзными вызовами. Он вынужден действовать в условиях враждебного парламента, падающих рейтингов одобрения и торгового давления со стороны Вашингтона. Согласно опросам, уровень поддержки Лай Циндэ достиг нового минимума. Опрос, проведённый «Тайваньским фондом общественного мнения» (*TPOF*), показал, что половина опрошенных не одобряют политику президента.

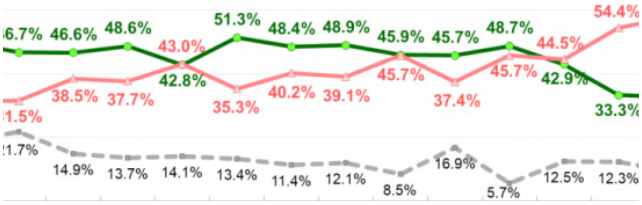

Рис. 6. Рейтинг одобрения президента Лай Циндэ

Источник: November 2025 Public Opinion Poll – English Excerpt // Taiwan Public Opinion Foundation URL: https://www.tpof.org/wp-content/uploads/2025/11/20251118-TPOF-November-2025-Public-Opinion-Poll-–-English-Excerpt.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

Ключевым моментом, обернувшимся против ДПП, стала так называемая «Великая кампания по отзыву парламентариев» 2025 года [10]. Инициатором этой масштабной политической акции выступила именно Демократическая прогрессивная партия, которая попыталась отозвать 24 депутатов парламента от оппозиционного Гоминьдана, обвиняя их в блокировании законов и подрыве демократии. Однако эта инициатива провалилась: хотя наблюдатели ожидали, что как минимум несколько оппозиционных политиков лишатся своих мандатов, избиратели в итоге сохранили за ними все места, нанеся тем самым серьёзный удар по ДПП. Этот провал показал неспособность правящей партии мобилизовать электорат и консолидировать поддержку вокруг своих инициатив.

Дополнительным фактором, усугубляющим положение ДПП, стало тарифное давление администрации президента США Дональда Трампа и общая непредсказуемость торговой политики США. Демократическая прогрессивная партия, занимая традиционно жёсткую позицию в отношении Пекина, всегда делала ставку на американскую поддержку как на противовес китайскому влиянию. Однако новая политика Вашингтона, в частности введение пошлин на импорт из Тайваня, а также требования пересмотреть условия торговли в пользу США, поставили под сомнение реальную выгоду от сближения с Вашингтоном. В середине февраля 2026 года между Тайванем и США было подписано торговое соглашение, призванное урегулировать двусторонние экономические противоречия. Соглашение выглядит если не невыгодным, то как минимум крайне спорным. Тайвань пошёл на односторонние уступки: открыл свой рынок для американских товаров, согласился на многомиллиардные закупки и крупные инвестиции в американскую полупроводниковую промышленность. Взамен Тайвань получил лишь частичное снижение тарифов (с 20–25% до 15%), но не их полную отмену, а само соглашение оказалось юридически шатким после решения Верховного суда США. Также факт подписания соглашения не гарантирует его ратификацию в оппозиционном парламенте.

На этом фоне встреча китайского лидера Си Цзиньпина и председателя тайваньской партии Гоминьдан Чжэн Ливэнь в апреле 2026 года выглядит особенно выигрышно. Для лидера Гоминьдана это первый подобный визит в КНР за десять лет. Сам факт такой встречи сигнализирует о том, что Гоминьдан имеет доступ к переговорам на высшем уровне, что позволяет партии позиционировать себя в качестве незаменимого посредника между Тайванем и Пекином. Поддержкой визит пользуется не только у электората «Синего лагеря», но и части «Зеленого», связанного с бизнесом, поскольку хорошие отношения между двумя берегами пролива означают большую экономическую выгоду.

Усилению оппозиции также способствует договорённость о совместных действиях между Гоминьданом и ТНП. В марте 2026 года

партии утвердили соглашение о сотрудничестве на предстоящих ноябрьских местных выборах, договорившись о совместном выдвижении кандидатов [8]. Более того, после вынесения спорного приговора лидеру ТНП Ко Вэньчжэ фракция Гоминьдана в парламенте публично поддержала митинг Тайваньской народной партии, заявив, что судебная власть не должна становиться инструментом политических расправ. Несмотря на сохраняющиеся принципиальные разногласия, партии уже продемонстрировали способность к единству, заблокировав предложенный ДПП пакет расходов на оборону в размере 1,25 трлн новых тайваньских долларов (40 млрд долларов США), что привело к многомесячному параличу в парламенте.

Таким образом, если коалиция между Гоминьданом и ТНП сохранится и продолжит демонстрировать единство, она имеет все шансы одержать победу на предстоящих выборах. ДПП, напротив, продолжит терять позиции: провал кампании по отзыву депутатов, непредсказуемость отношений с США и растущее недовольство экономической политикой подрывают доверие к правящей партии. На этом фоне объединённая оппозиция, предлагающая умеренный диалог с Пекином и стабильность, выглядит для избирателей более привлекательной альтернативой.

Заключение

Последние выборы 2024 года показали трансформацию партийной системы острова: постепенный отказ от модели с двумя доминирующими силами в пользу многопартийной системы, где значимость приобретают не только традиционные игроки, но и новые движения, способные отражать разнообразие взглядов современного тайваньского общества. Институциональный кризис ДПП, неудачная кампания по отзыву депутатов, внешнеполитические трудности и растущая координация между Гоминьданом и ТНП создали ситуацию, в которой правящая партия утрачивает инициативу, а оппозиция, напротив, укрепляет свои позиции, получая дополнительные шансы на победу не только на предстоящих местных выборах 2026 года, но и на президентских/парламентских 2028 года.

Литература

1. Гурушкин П.Ю., Никонов С.Б., Е. Юй-Чиэнь Особенности выборной кампании 2024 года на острове Тайвань // Российская школа связей с общественностью. 2025. № 38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vybornoy-kampanii-2024-goda-na-ostrove-tayvan (дата обращения: 13.12.2025).

2. Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.) 1-е изд. М.: Наука, 1978. – 343с.

3. Achen, Christopher H., and T.Y. Wang, eds. The Taiwan Voter. 1-е изд. Анн-Арбор: University of Michigan Press, 2017. – 325 с.

4. Changes in the Party Identification of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1992~2025.12) // Election Study Center, National Chengchi University URL: https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7801&id=6963 (дата обращения: 14.04.2026).

5. Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1992~2025.06) // Election Study Center, National Chengchi University URL: https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7800&id=6961 (дата обращения: 13.12.2025).

6. Changes in the Unification – Independence Stances of Taiwanese as Tracked in Surveys by Election Study Center, NCCU (1994~2025.06) // Election Study Center, National Chengchi University URL: https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7801&id=6963 (дата обращения: 13.12.2025).

7. China Impact Survey, 2015–23 // Institute of Sociology, Academia Sinica URL: https://www2.ios.sinica.edu.tw/sc/en/scDownload2.php#list (дата обращения: 13.12.2025).

8. KMT, TPP approve cooperation pact for local elections // Taipei Times URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2026/03/19/2003854111 (дата обращения: 12.04.2026).

9. November 2025 Public Opinion Poll – English Excerpt // Taiwan Public Opinion Foundation URL: https://www.tpof.org/wp-content/uploads/2025/11/20251118-TPOF-November-2025-Public-Opinion-Poll-–-English-Excerpt.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

10. Taiwan's 'Great Recall' vote begins // TaiwanNews URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/6162128 (дата обращения: 12.04.2026).

11. 从2024选举看台湾青年世代群体画像 // 中國評論新聞網 URL: https://bj.crntt.com/crn-webapp/touch/detail.jsp?coluid=63&kindid=0&docid=106930819 (дата обращения: 12.04.2026).

POLITICAL LANDSCAPE IN TAIWAN: POLITICAL FORCES, RESULTS OF RECENT ELECTIONS, ELECTORAL FORECAST

Gusev V.A.
Saint Petersburg State University

The work is devoted to studying the alignment of political forces in Taiwan and modeling scenarios for the further development of the political situation. The relevance of the topic stems from the island's key role in global microelectronics and its significance for security in the Asia-Pacific region, where election results directly determine the balance of power. The study characterizes the policy platforms of Kuomintang, the Democratic Progressive Party, and the Taiwan People's Party, while analyzing the results of the 2024 presidential and parliamentary elections. Based on opinion polls, voting outcomes, and key events of 2025–2026, the author develops scenarios of voter behavior. The paper concludes that the ruling party's declining popularity, the failure of the "Great Recall", external economic pressure, and opposition coalition cooperation create conditions for the victory of the united Kuomintang and TPP block in upcoming elections.

Keywords: Taiwan, elections, Kuomintang, Democratic Progressive Party, Taiwan People's Party, electoral forecast.

References

1. Gurushkin, P. Yu., Nikonov, S. B., and Yu Chien. "Features of the 2024 Election Campaign on the Island of Taiwan." Russian School of Public Relations, no. 38 (2025). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vybornoy-kampanii-2024-goda-na-ostrove-tayvan (accessed December 13, 2025).

2. Toder, F.A. Taiwan and Its History (19th Century). 1st ed. Moscow: Nauka, 1978. 343 p.

3. Achen, Christopher H., and T.Y. Wang, eds. The Taiwan Voter. 1st ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 325 p.

4. "Changes in the Party Identification of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1992–2025.12)." Election Study Center, National Chengchi University. URL: https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7801&id=6963 (accessed April 14, 2026).

5. "Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1992–2025.06)." Election Study Center, National Chengchi University. URL: https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7800&id=6961 (accessed December 13, 2025).

6. "Changes in the Unification–Independence Stances of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1994–2025.06)." Election Study Center, National Chengchi University. URL: https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7801&id=6963 (accessed December 13, 2025).

7. "China Impact Survey, 2015–23." Institute of Sociology, Academia Sinica. URL: https://www2.ios.sinica.edu.tw/sc/en/scDownload2.php#list (accessed December 13, 2025).

8. "KMT, TPP Approve Cooperation Pact for Local Elections." Taipei Times. URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2026/03/19/2003854111 (accessed April 12, 2026).

9. "November 2025 Public Opinion Poll – English Excerpt." Taiwan Public Opinion Foundation. URL: https://www.tpof.org/wp-content/uploads/2025/11/20251118-TPOF-November-2025-Public-Opinion-Poll-–-English-Excerpt.pdf (accessed April 12, 2026).

10. "Taiwan's 'Great Recall' Vote Begins." Taiwan News. URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/6162128 (accessed April 12, 2026).

11. "A Profile of Taiwan's Younger Generation Groups from the Perspective of the 2024 Election." China Review News Network (CRNTT). URL: https://bj.crntt.com/crn-webapp/touch/detail.jsp?coluid=63&kindid=0&docid=106930819 (accessed April 12, 2026).

Факторы политического участия в цифровом обществе: сравнительный анализ некоторых стран Юго-Восточной Азии

Карасева Марина Михайловна,
магистр, МГИМО
E-mail: beilok@mail.ru

В статье анализируются ключевые эмпирические факторы, оказывающие влияние на уровень политического участия в странах Юго-Восточной Азии в условиях цифровизации. На основе международных индексов проведен сравнительный анализ наиболее полярных по политической структуре стран ЮВА. Результаты демонстрируют, что классические факторы не оказывают прямого влияния на политическую активность граждан. Ключевыми детерминантами выступают институциональная среда и характер политического режима, при этом их влияние опосредовано политической конкуренцией и поляризацией элит. Цифровизация выполняет функцию инфраструктурного усилителя, однако не представляет собой самостоятельный детерминант политического участия. Результаты данного исследования ставят под сомнения универсальность западных теорий и актуализируют необходимость учета специфики незападных обществ, что соответствует идеям евразийского пути развития.

Ключевые слова: политическая мобилизация, политическое участие, политический режим, демократия, каналы коммуникации, цифровизация, цифровое общество, Юго-Восточная Азия, институциональная среда.

Введение и теоретический контекст

Современное общество столкнулось с кризисом международного порядка, который представляет собой противоборство существующих и возникающих систем. С каждым годом на международной арене появляется все больше новых центров силы, меняется политический ландшафт, а цели разных стран зачастую оказываются на полярных позициях. Прежний миропорядок угасает в отсутствие большой войны, однако при достаточно напряженном противостоянии, которое очень часто приобретает обозначение “гибридной войны”, концепция которой пока еще находится лишь на стадии формирования [1], или “информационной войны”, угроза которой была актуализирована в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и которая считается инструментом “гибридной войны” [2]. Такое противостояние тесно связано с политической мобилизацией населения, которая, согласно О.Н. Яницкому, рассматривается как коллективное действие, преследующее социальные и политические изменения путем публичного выражения недовольства [3]. Она становится основой для любой политической активности в обществе [4], которая особенно актуализируется в период разлома миропорядка.

Все это происходит в условиях цифрового общества, квинтэссенция которого заключается в интеграции сетевых коммуникаций, технологий больших данных, алгоритмов и платформ во все сферы жизнедеятельности людей. Новая цифровая инфраструктура социума способствует формированию связанности, комплексности и мобильности современного цифрового мира. Описываемое М. Кастельсом «сетевое общество», которое возникло за счет развития коммуникаций в виртуальном пространстве, демонстрирует гибридизацию реальной институциональной власти и виртуальной сетевой власти в обществе [5]. Эта концепция получила свое дальнейшее развитие в силу усложнения самого процесса цифровизации и непрерывного внедрения технологических инноваций. Х. ван Дейк, Т. Поэлл и М. де Вааль обосновали актуальность концепции «общества платформ», т.к. сегодня цифровые платформы, наиболее крупные из которых принадлежат Китаю и США, становятся программируемыми механизмами организации взаимодействия между пользователями [6]. Ныне, алгоритмизация и платформизация направлена на структурирование, организацию и управление социальных отношений, в том числе, политических, что указывает на потенциал их использования в качестве инструментов политического участия в разных странах.

Ввиду необходимости разграничить понятия, следует отметить, что политическая мобилизация преимущественно представляет собой стратегию, которая позволяет достичь тех или иных целей, однако для понимания, как работают используемые механизмы и инструменты, необходимо обратиться к изучению концепта политического участия, которое представляет действие само по себе. Согласно Г. Алмонду и С. Вербе, политическое участие – это любая деятельность граждан, осуществляемая в рамках сложившейся политической системы и институциональной структуры [7]. При этом современные исследователи, например, А.В. Анищенко, считают, что к данному определению следует добавить и иные факторы – волонтерство, абсентеизм и другие [8]. В контексте цифрового общества возникает отдельное явление цифрового политического участия [9], которое однако представляет собой достаточно узкое понятие и в данной работе будет рассматриваться как продолжение офлайн-участия в онлайн-формате.

Концепт политического участия является предметом изучения ряда дисциплин: социологии, политологии и международных отношений. В условиях усложняющейся социокультурной динамики, подверженной эффекту “стрелы времени” (И. Пригожин), возникает необходимость разработки комплексной модели анализа института политического участия, которая учитывала бы различные экономические, политические, социальные и культурные факторы глобального и локального характера.

Обозначенная концепция находит свое отражение в модели, построенной В.А. Ионцевым и Ю.А. Узкой [10] в рамках анализа демографического положения стран. Авторы утверждают, что евразийский путь демографического развития предполагает равноправие культур, учет религиозных, культурных, исторических и иных особенностей

страны, а также цивилизационный выбор национальной стратегии, при этом глобально-либеральная модель представляет собой культ индивидуализма, эмансипации, стремления к свободе и независимости, сопровождающиеся массовой культурой и суррогатными ценностями. В рамках данной статьи эти идеи будут применимы к исследованию факторов политического участия.

Проблема исследования заключается в том, что существующие теоретические модели, основанные преимущественно на западных идеях, не позволяют объяснить вариативность политического участия в странах с разными типами политических режимов, уровнями экономического развития и социокультурными особенностями. Отсутствует понимание того, какие факторы политического участия в условиях цифрового общества имеют определяющую роль, а какие – вспомогательную. В контексте увеличивающейся цифровизации всех сфер общественной жизни, особую остроту приобретает вопрос о том, насколько такие условия изменяют ландшафт политической деятельности в странах мира.

Исследовательский вопрос: какие факторы в наибольшей степени определяют уровень политического участия в странах Юго-Восточной Азии?

Целью статьи является выявление доминирующих факторов политического участия в странах Юго-Восточной Азии на основе комплексного анализа международных индексов. Для достижения этой цели в статье решаются следующие задачи:

– анализ существующих методологических подходов к изучению политического участия;

– определение эмпирических факторов, влияющих на политическое участие в обществе;

– изучение индексов и метрик выделенных факторов;

– комплексный сравнительный анализ стран Юго-Восточной Азии.

Проблематика политического участия в цифровом обществе концентрирует методологический потенциал различных дисциплин, особенно востребованный в международных сравнительных исследованиях. В связи с этим актуализируется потребность в обращении к принципу междисциплинарности. Теоретической основой исследования является биноминальная система, в которой организмы объединяются в группы на различных иерархических уровнях. Используемая теоретическая рамка позволит классифицировать факторы, влияющие на политическое участие граждан. Также в рамках исследования теоретической основой является концепция “гибридной системы участия”, которая подразумевает, что политические режимы гибридны и представляют собой сложные системы, где необходимо учитывать множество факторов. Для теоретической основы изучения политического участия рассматриваются такие теории, как “средовая” теория С. Верба и Н. Ная [11], теория постматериализма (Р. Инглхарт) [12], теория “общества платформ” Х. ван Дейка, а также теория человеческого капитала и теория человеческого потенциала.

Одним из широко применяемых инструментов анализа политического участия являются индексы, которые позволяют ранжировать и сравнивать различные государства по определенным показателям. Различные индексы, позволяющие измерить выделенные в ходе исследования факторы, составляют эмпирическую основу исследования.

На наш взгляд, актуальным является вопрос комплексного применения существующих индексов в рамках междисциплинарных исследований. Ввиду отсутствия интегрированной методологической рамки изучения политического участия населения, важным представляется теоретическое изучение и определение факторов, влияющих на политическое участие население, а также анализ существующих индексов и возможности их применения. Для исследования был определен регион Юго-Восточной Азии (ЮВА). Страны этого региона характеризуются значимой дифференциацией между собой – от исторического до современного развития. Они разнятся по политическим режимам, идеологиям, экономическому развитию, человеческому потенциалу, однако создание такого объединения как АСЕАН стало поразительным достижением и примером грамотного и эффективного подхода к сотрудничеству [13]. Апробация построенной методологической рамки на странах Юго-Восточной Азии позволит наглядно продемонстрировать ее возможности и ограничения ввиду разнообразия входящих в этот регион стран.

Факторы, влияющие на политическое участие в обществе

Принимая во внимание тот факт, что цифровое общество было взято за основу данного исследования как контекст, в котором протекают практически все современные социальные процессы, следует обозначить ее роль. Левашов В.К. и Гребняк О.В. в своей работе [14] обозначают такой риск цифровизации, как управление потоками информации в условиях концентрации власти в руках корпораций. Цифровизация позволяет влиять на политические процессы и управлять общественным мнением. Этого же мнения придерживаются и другие исследователи – Хосе ван Дейк при изучении влияния медиа [15] на общественную жизнь указывает на то, что контент преимущественно имеет под собой идеологическую базу, а социальные сети являются глобальными информационными компаниями. Ярким примером взаимосвязи политического участия и растущей цифровизации является “арабская весна”, взявшая свое начало из социальных медиа, когда оппозиционные силы обратились к новым онлайн-каналам политической коммуникации и мобилизации граждан. Упомянутый ранее фактор платформизации общества как основной признак процесса цифровизации усиливает возможности вовлечение в политическую жизнь общества. А.В. Анищенко утверждает [16], что появление цифровых технологий привело к увеличению масштабов политического участия граждан. Кроме этого, автор также вводит и другой фактор, который влияет на уровень политического участия – демократизация развития общественных институтов. При этом ее эффективность зависит не просто от наличия технологий, а от того, как эти технологии используются обществом и государством. Однако снижение политического участия в некоторых западных демократиях [8] служит толчком для поиска также и иных факторов, которые могут играть роль в данном процессе.

Обращаясь к обозначенным теориям политического участия, можно также выделить несколько факторов. В первую очередь, “средовая теория” (С. Верба, Н. Най) указывает на важность социально-демографических факторов: социальный статус, экономическое положение, возраст. В подкрепление этой теории есть исследователи, например, Э. Клюенко, который отмечает связь между уровнем образования и политическим участием [17]. При этом данный фактор следует также дополнить и уровнем экономического развития общества и экономическим положением населения, по мнению С.А. Пфетцера [18]. Теория постматериализма (Р. Инглхарт) выделяет ценности как основополагающий фактор политического участия. Эти факторы можно интегрировать в оценку человеческого капитала (Г. Бэккер, Т. Шульц), а также рассматривать и более широкий подход – человеческий потенциал (Н.Е. Тихонова), развитие которого, по мнению А. Чугунова и Ю. Кабанова, взаимосвязано с политическим участием граждан [19]. Несмотря на достаточно частую критику этой теории, следует обратить внимание на тезис автора о том, что доверие способствует лучшей работе политических институтов. Таким образом, выделяются следующие факторы: уровень цифровизации, уровень образования, уровень доверия, уровень развития человеческого капитала, уровень демократизации, уровень экономического развития, а также ценностная рамка общества.

Международные индексы

Для анализа выделенных факторов в рамках междисциплинарного исследования могут быть использованы международные индексы, позволяющие измерить и количественно обозначить их. Отметим, что аналитическую ценность представляет как сопоставление значений самих индексов, так и сравнение отдельных показателей, измеряемых в рамках методологии каждого индекса. В таблице 1 представлена схема анализа факторов политического участия, где каждому из них соответствует свой набор международных индексов, которые можно использовать в рамках международного сравнительного исследования, а также представлены показатели, оценки которых используются при подсчете каждого индекса, и выделены эмпирические показатели, необходимые для междисциплинарного исследования политического участия. Представленный анализ позволяет выделить те показатели, которые являются определяющими при исследовании политического участия в различных странах ЮВА. Стоит отметить, что в данном исследовании не разбирается методологическая основа представленных индексов, что при этом должно учитываться при детальном анализе конкретной страны, так как методология напрямую влияет на достоверность полученных результатов. В представленной работе индексы используются в абстрактном виде для получения первичной информации о некоторых странах региона.

Таблица 1. Эмпирические показатели факторов политического участия

Фактор	Индекс	Все показатели	Необходимые показатели
Уровень политического участия	Political Participation Index	1) Оценка процесса выборов; 2) Эффективность управления; 3) Свобода населения.	Интегрированный показатель

Окончание

Фактор	Индекс	Все показатели	Необходимые показатели
Уровень цифровизации	Global Digital Platform Index	1) Экономическое влияние платформ в стране; 2) Благоприятная среда для развития платформ в стране; 3) Готовность страны к использованию платформ 2.0.	Интегрированный показатель
	Global Digitalization and Intelligence Index	1) Создание данных 2) Передача данных 3) Обработка и хранение данных 4) Использование данных 5) Зеленая энергия 6) Политика 7) Кадровая экосистема	1) Создание данных 2) Передача данных 3) Обработка и хранение данных 4) Использование данных
	The GSMA Mobile Connectivity Index	1) Инфраструктура 2) Доступность 3) Готовность пользователей 4) Контент и сервисы	Интегрированный показатель
Уровень образования	Human Development Index	1) Ожидаемая продолжительность жизни; 2) Ожидаемая продолжительность обучения; 3) Средняя продолжительность обучения; 4) ВВП на душу населения.	1) Ожидаемая продолжительность обучения; 2) Средняя продолжительность обучения;
	Education Index	1) Доступность образования; 2) Культурные нормы; 3) Экономическое положение.	Интегрированный показатель
Уровень развития человеческого капитала	Human Development Index	1) Ожидаемая продолжительность жизни; 2) Ожидаемая продолжительность обучения; 3) Средняя продолжительность обучения; 4) ВВП на душу населения.	Интегрированный показатель
Уровень демократизации общественных институтов	BTI Transformation Index	1) Политические изменения; 2) Экономические изменения; 3) Индекс управления.	1) Политические изменения; 2) Индекс управления.
Уровень экономического развития	BTI Transformation Index	1) Политические изменения; 2) Экономические изменения; 3) Индекс управления.	1) Экономические изменения.
	Human Development Index	1) Ожидаемая продолжительность жизни; 2) Ожидаемая продолжительность обучения; 3) Средняя продолжительность обучения; 4) ВВП на душу населения.	1) ВВП на душу населения.

Применение международных индексов при сравнительном анализе уровня политического участия в странах ЮВА

В рамках показательного исследования возьмем достаточно полярные страны по политической структуре – Таиланд, Индонезия, Сингапур, Вьетнам и Мьянма. Для обеспечения сопоставимости данных, приведем значения индексов и составляющих их показателей за 2023 г. Для начала оценим уровень политического участия в анализируемых странах (см. табл. 2).

Таблица 2. Уровень политического участия в странах

Политическое участие/страны	Таиланд	Индонезия	Сингапур	Вьетнам	Мьянма
Индекс политического участия 2023	2.5/10	5.75/10	3.5/10	2.25/10	1.25/10

Обратимся к анализу эмпирических показателей факторов политического участия в странах Юго-Восточной Азии. Существующие исследования указывают на важность цифровизации (см. табл. 3) как фактора политического участия. Лидером среди анализируемых стран по уровню цифровизации является Сингапур, за которым следует Таиланд. Для Индонезии и Вьетнама характерны контрасты: низкий уровень платформизации и диджитализации сопряжен с довольно высокими значениями уровня распространения мобильной связи в государстве. Данных по первым двум индексам в Мьянме нет, однако оценка показателей Индекса распространения мобильной связи указывает на отставание этой страны по уровню внедрения мобильных технологий.

Таблица 3. Показатели фактора цифровизации в странах

Индексы и показатели/страна		Таиланд	Индонезия	Сингапур	Вьетнам	Мьянма
Global Digital Platform Index (2023)	-	3.09/10	3.09/10	5.28/10	2.74/10	нет данных
Global Digitalization and Intelligence Index (2025)	Общий индекс цифровизации искусственного интеллекта	47.4/120	34.4/120	77.4/120	40.2/120	нет данных
	1) Создание данных	40.8/120	33.6/120	74.4/120	36.0/120	
	2) Передача данных	56.7/120	35.5/120	76.4/120	48.5/120	
	3) Обработка и хранение данных	30/120	20.6/120	63.4/120	17.1/120	
	4) Использование данных	52.0/120	50.0/120	92.0/120	42.0/120	
The GSMA Mobile Connectivity Index (2023)	Общий Индекс распространения мобильной связи	76.6/100	72.9/100	93.3/100	72.9/100	52.0/100
	1) Инфраструктура	85.8/100	69.8/100	93.4/100	68.9/100	62.0/100
	2) Доступность	66.2/100	83.2/100	98.7/100	64.7/100	45.4/100
	3) Готовность пользователей	88.3/100	71.5/100	92.8/100	82.6/100	69.3/100
	4) Контент и сервисы	68.8/100	68.1/100	88.6/100	76.6/100	37.5/100

Сравнивая полученные значения индексов цифровизации и Индекса политического участия, можно сделать вывод, что цифровизация является необходимым, но недостаточным в качестве самостоятельного фактором. Таким образом, речь скорее идет об идеологической природе цифровых платформ, что подтверждает тезис Х. Ван Дейка. При этом такой характер институциональной среды препятствует расширению политического диалога, что можно наблюдать в некоторых странах, среди которых особенно выделяется Сингапур. Таким образом, ключевым оказывается политический контекст, в котором используются технологии.

Следующий важный фактор политического участия – уровень образования в обществе (см. табл. 4). Наиболее развитая система образования сложилась в Сингапуре: общее значение Индекса образования составляет 0,86, а средняя продолжительность обучения – 12 лет. Одинаково высокий уровень образования демонстрируют Таиланд и Вьетнам, а Индонезия и Мьянма немного отстают от стран анализируемого региона по качеству образования населения. В сравнении с индексом политического участия можно отметить выделяющийся парадокс: Таиланд, имеющий те же показатели, что и Вьетнам, при этом демонстрирует значительно более высокий уровень политического участия.

Такой результат противоречит классической «средовой теории», где отмечается доминирующая роль образования.

Таблица 4. Показатели фактора уровня образования в странах

Индексы и показатели/ страна		Таиланд	Индонезия	Сингапур	Вьетнам	Мьянма
Human Development Index (2023)	1) Ожидаемая продолжительность обучения	15.4 лет	13,3 лет	16,7 лет	15,5 лет	11.5 лет
	2) Средняя продолжительность обучения	9 лет	8,7 лет	12 лет	9 лет	6.4 лет
Education Index (2023)	Общее значение индекса образования	0.73/1	0.66/1	0.86/1	0.73/1	0.53/1

Таким образом, уровень образования, как и цифровизация, не имеет прямой связи с уровнем политического участия в анализируемых странах Юго-Восточной Азии. Высокий уровень образования в Сингапуре и Вьетнаме не оказывает существенного влияния на вовлечение их населения в политическую жизнь общества.

Уровень развития человеческого капитала также может рассматриваться как фактор политического участия (см. табл. 5). Среди анализируемых стран Мьянма относится к группе государств со средним уровнем развития ЧК (0,609/1), остальные же страны – к группе с высоким уровнем (значение более 0,7/1). Высокий уровень человеческого капитала в условиях эффективного, но не демократичного государства формирует у граждан запрос на стабильность и благосостояние, а не на политические права.

Таблица 5. Показатели фактора уровня развития человеческого капитала в странах

Индексы и показатели/ страна		Таиланд	Индонезия	Сингапур	Вьетнам	Мьянма
Human Development Index (2023)	Общее значение индекса развития ЧК	0.789/1	0.728/1	0.946/1	0.766/1	0.609/1

Институциональная среда стран выражается в уровне демократизации общественных институтов (см. табл. 6). Показатели данного фактора сильно поляризованы, однако именно по ним можно обнаружить наиболее тесную связь с политическим участием. В соответствии с полученными результатами можно выделить три модели: 1) конкурентно-демократическая, где демократическая институциональная среда способствует сравнительно высокому уровню политического участия (например, Индонезия); 2) поляризационно-конфликтная, в которой институциональная среда, несмотря на свой недемократичный характер, становится катализатором политического участия под воздействием кризисности и политической поляризации (например, Таиланд, при обращении к данным по уровню политического участия за 2005 год, где показатель составлял 7.25 и совпадал с началом острого противостояния элит); 3) авторитарно-стабильная, где отсутствие институциональных возможностей находит прямое отражение в низком уровне политического участия (например, Мьянма и др.). Такое состояние подтверждает выводы А.В. Анищенко, в которых выражается идея о том, что демократизация развития общественных институтов усиливает политическое участие. Следовательно, институциональная среда является одним из ключевых факторов в странах ЮВА, однако необходимость учитывать другие факторы остается немаловажным критерием при анализе политического участия. Преимущественно в анализе играют роль две переменные: 1) наличие каналов для политического участия; 2) степень поляризации элит и кризисности политической структуры.

Последним из анализируемых факторов политического участия является экономическое развитие (см. табл. 7). Можно отметить, что состояние экономики играет решающую роль в сочетании с институциональной средой и демонстрирует обратную связь с политическим участием. Об этом свидетельствует повышение уровня политического участия на фоне снижения уровня экономического благосостояния граждан, что ставит под сомнение универсальность теории постматериализма Р. Инглхарта, в соответствии с идеями которой с ростом материального благополучия усиливается акцент на ценностях самореализации, включая политическое участие. Результаты анализа международных индексов демонстрируют, что экономическое развитие само по себе не ведет к росту политического участия. Напротив, низкий уровень экономического развития может стимулировать граждан использовать политическую сферу как канал получения ресурсов и инструмент борьбы за власть. Политическое участие в таких случаях становится способом удовлетворения потребностей в стабильности, безопасности, в том числе в экономической сфере, когда институциональная среда позволяет это сделать.

Таблица 6. Показатели фактора уровня демократизации общественных институтов в странах

Индексы и показатели/ страна		Таиланд	Индонезия	Сингапур	Вьетнам	Мьянма
BTI Transformation Index (2023)	Политические изменения	3.80/10	6.30/10	5.47/10	3.63/10	1.73/10
	Индекс управления	3.99/10	5.48/10	6.99/10	5.16/10	1.62/10

Таблица 7. Показатели фактора уровня экономического развития в странах

Индексы и показатели/ страна		Таиланд	Индонезия	Сингапур	Вьетнам	Мьянма
BTI Transformation Index (2023)	Экономические изменения	6.11/10	6.07/10	8.96/10	6.21/10	1.93/10
Human Development Index (2023)	ВВП на душу населения	20 570	13 700	111 239	13 033	4 919

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что определяющее значение для уровня политического участия в странах Юго-Восточной Азии имеют два фактора: характер институциональной среды и наличие политической поляризации. При этом классические для западной мысли факторы, связанные с накоплением человеческого капитала, такие как образование, цифровизация и другие, остаются инфраструктурными условиями, которые могут как стимулировать, так и препятствовать политическому участию в странах, но не являются при этом определяющими переменными.

Таким образом, в Индонезии сформировано сравнительно высокое участие при демократическом характере среды, в Таиланде – периодическое высокое участие, стимулированное кризисом институтов, что подтверждает решающую роль институциональной поляризации, которая способна временно активизировать участие даже при отсутствии устойчивой демократической среды, в Сингапуре – низкое участие при высоком развитии за счет восприятия страны как «государства-услуги», где стабильность и рост перевешивают стремление к политическому выражению, во Вьетнаме – низкое участие при ограниченности социально-политической сферы, в Мьянме наблюдается идентичная ситуация с более ярко выраженным общественным контролем.

Полученные результаты ставят под сомнение универсальность линейных моделей и западных идей политического участия и требуют учета институционального контекста при анализе политического участия, в особенности в незападных обществах. Такая стратегия актуализирует необходимость учета специфики незападных обществ, что соответствует идеям евразийского пути развития. Ограниченностью данного исследования также можно выделить исключительное использование индексов – возникает необходимость дополнительного анализа их методологии, а также обращения к международным исследованиям, которые позволят оценить ценностную рамку и социально-демографические характеристики обществ, что также может влиять на полученные результаты.

Литература

1. Конышев В.Н., Парфенов Р.С. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66

2. Воронова О.Е., Трушин А.С. Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы. Москва: Аспект Пресс, 2021. 176 с.

3. Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12. EDN PBTUIB.

4. Радина Н.К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 115–129.

5. Castells M. Networks of outrage and hope: social movements in the Internet age. Cambridge: Polity Press; 2015.

6. Dijck J. van, Poell T., Waal M. de. The Platform Society: Public Values in a Connective World. Oxford: Oxford University Press, 2018.

7. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–134. EDN EQVPND.

8. Анищенко А.В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 18–27. DOI: 10.19181/nko.2023.29.4.2. EDN ARPQCF.

9. Theocharis Y. 2015. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. – Social Media + Society. Vol. 1. No. 2. P. 1–14. DOI: 10.1177/2056305115610140

10. Ионцев В. А., Узкая Ю.А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 4. С. 597–611. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611

11. Lieske J.A. [Review of Participation in America: Political Democracy and Social Equality by S. Verba & N. Nie] // American Journal of Sociology. 1975. Vol. 81, no. 1. P. 195–197. URL: http://www.jstor.org/stable/2777072

12. Inglehart R.F. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton University Press; 1977. 496 p.

13. Сумский В.В. Опыт регионализма на Азиатском Юго-Востоке и поиск ответов на новые вызовы // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3. С. 5–11. DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.1

14. Левашов В.К., Гребняк О.В. На пороге цифровой цивилизации: диалектика искусственного интеллекта и гуманизма // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 4 (123). С. 34–45.

15. Van Dijck J. The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. Oxford: Oxford University Press; 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199970773.001.0001

16. Анищенко А.В. Особенности политического участия российской молодёжи в условиях цифровизации // Наука. Культура. Общество. 2024. Том 30. № 3. С. 130–141. DOI: 10.19181/nko.2024.30.3.8 EDN: HIXMKB

17. Клюенко Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 46–72.

18. Пфетцер С.А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // СибСкрипт. 2013. № 4 (56).

19. Кабанов Ю.А., Чугунов А.В. Развитие человеческого потенциала, социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах // ЖИСП. 2021. № 1.

FACTORS OF POLITICAL PARTICIPATION IN A DIGITAL SOCIETY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SELECTED COUNTRIES IN SOUTHEAST ASIA

Karaseva M.M.
Moscow State University of International Relations

This article examines the key empirical factors influencing the level of political participation in Southeast Asian countries amidst ongoing digitalization. Drawing on international indices, a comparative analysis is conducted across politically divergent states within the region. The findings indicate that classical determinants do not exert a direct effect on citizens' political activity. Instead, the institutional environment and the nature of the political regime emerge as principal drivers, with their influence being mediated by political competition and elite polarization. Digitalization functions as an infrastructural amplifier, yet does not constitute an independent determinant of political participation. The results challenge the universality of Western theoretical frameworks and underscore the necessity of accounting for the specificities of non-Western societies, which aligns with the conceptual tenets of the Eurasian development path.

Keywords: political mobilization, political participation, political regime, democracy, channels of communication, digitalization, digital society, Southeast Asia, institutional environment.

References

1. Konyshev, V.N. Hybrid wars: between myth and reality / V.N. Konyshev, R.S. Parfenov // World Economy and International Relations. – 2019. – Vol. 63, No. 12. – pp. 56–66. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.

2. Voronova, O.E. Modern information wars: strategies, types, methods, techniques / O.E. Voronova, A.S. Trushin. – Moscow: Aspekt Press, 2021. – 176 p.

3. Yanitsky, O.N. Mass mobilization: problems of theory / O.N. Yanitsky // Sociological Studies. – 2012. – No. 6. – pp. 3–12. – EDN PBTUIB.

4. Radina, N.K. Digital political mobilization of online commentators of media materials on politics and international relations / N.K. Radina // Polis. Political Studies. – 2018. – No. 2. – pp. 115–129.

5. Castells, M. Networks of outrage and hope: social movements in the Internet age / M. Castells. – Cambridge: Polity Press, 2015.

6. Dijck, J. van. The Platform Society: Public Values in a Connective World / J. van Dijck, T. Poell, M. de Waal. – Oxford: Oxford University Press, 2018.

7. Almond, G.A. Civic culture and stability of democracy / G.A. Almond, S. Verba // Polis. Political Studies. – 1992. – No. 4. – pp. 122–134. – EDN EQVPND.

8. Anishchenko, A.V. The phenomenon of digital political participation: forms, models and essential aspects / A.V. Anishchenko // Science. Culture. Society. – 2023. – Vol. 29, No. 4. – pp. 18–27. – DOI: 10.19181/nko.2023.29.4.2. – EDN ARPQCF.

9. Theocharis, Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation / Y. Theocharis // Social Media + Society. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – pp. 1–14. – DOI: 10.1177/2056305115610140.

10. Iontsev, V.A. The Eurasian path of demographic development in Russia as a challenge to the global liberal model of demographic transition / V.A. Iontsev, Yu.A. Uzkaya // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. – 2024. – Vol. 20, No. 4. – pp. 597–611. – DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611.

11. Lieske, J.A. [Review of Participation in America: Political Democracy and Social Equality by S. Verba & N. Nie] / J.A. Lieske // American Journal of Sociology. – 1975. – Vol. 81, No. 1. – pp. 195–197. – URL: http://www.jstor.org/stable/2777072.

12. Inglehart, R.F. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics / R.F. Inglehart. – Princeton: Princeton University Press, 1977. – 496 p.

13. Sumsky, V.V. The experience of regionalism in Southeast Asia and the search for responses to new challenges / V.V. Sumsky // International Processes. – 2017. – Vol. 15, No. 3. – pp. 5–11. – DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.1.

14. Levashov, V.K. On the threshold of digital civilization: the dialectics of artificial intelligence and humanism / V.K. Levashov, O.V. Grebnyak // Herald of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. – 2025. – No. 4 (123). – pp. 34–45.

15. Van Dijck, J. The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media / J. Van Dijck. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199970773.001.0001.

16. Anishchenko, A.V. Features of political participation of Russian youth in the context of digitalization / A.V. Anishchenko // Science. Culture. Society. – 2024. – Vol. 30, No. 3. – pp. 130–141. – DOI: 10.19181/nko.2024.30.3.8. – EDN HIXMKB.

17. Klyuenko, E. Political participation: theory, methodology and measurement using Guttman scaling / E. Klyuenko // Sociology: Theory, Methods, Marketing. – 2005. – No. 4. – pp. 46–72.

18. Pfetzer, S.A. Theoretical and methodological foundations for analyzing the problem of political participation / S.A. Pfetzer // SibScript. – 2013. – No. 4 (56).

19. Kabanov, Yu.A. Human development, social policy and e-civic participation in Russian regions / Yu.A. Kabanov, A.V. Chugunov // JISP (Journal of Institutional Studies). – 2021. – No. 1.

Интересы России в странах Латинской Америки и Карибском бассейне: медийный аспект

Сигов Юрий Игоревич,
преподаватель факультета международных отношений Института международных отношений и политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
E-mail: valir5@yahoo.com

Современная динамика российско-латиноамериканских отношений характеризуется значительными трансформациями как на уровне межгосударственных контактов, так и в сфере взаимодействия между гражданами. Исторически восприятие Латинской Америки и стран Карибского бассейна в российском обществе формировалось преимущественно под влиянием советской медийной повестки. Однако в современных условиях информационное освещение данного региона в российских средствах массовой информации либо отсутствует, либо отличается существенными искажениями. Основными причинами такого положения дел выступают недостаточная осведомлённость журналистов о специфике региона, а также низкий приоритет Латинской Америки и Карибского бассейна для большинства российских СМИ. Цель исследования заключается в анализе причин, обусловливающих формирование искажённых представлений о Латинской Америке и Карибском бассейне среди российских политиков и бизнес-элит, которые получают информацию, транслируемую отечественными СМИ. Особое внимание уделяется роли отсутствия постоянных российских корреспондентов в регионе, а также последствиям дезинформации для объективного восприятия двусторонних отношений в политической и торгово-экономической сферах.

Ключевые слова: СМИ, Россия, страны Латинской Америки, дезинформация, глобальная политика.

В последнее время отношениям со странами Латинской Америки и Карибского бассейна стало уделяться повышенное внимание со стороны российских властей. Связано это по большей части с тем, что именно в Латинской Америке находятся главные внешнеполитические союзники России (Никарагуа, Венесуэла и Куба). К тому же, именно эти страны стабильно поддерживают в ООН и на других международных площадках Москву. «Явным признаком отличия современной внешней политики РФ от советской модели является поиск Россией деловых партнеров вне зависимости от позиций, занимаемых по тем или иным вопросам международной повестки дня. Москва избегает демонстрации солидарности с экономическими моделями, реализуемыми в странах ЛАКБ»[1]. Немаловажно и то, что в этом регионе ни в одной стране нет русофобии и ненависти к России как на уровне политических элит, так и рядовых граждан, одной из причин такого позитивного отношения к России является и то, что страна никогда не владела в этом регионе колониями. Также важно отметить тот факт, что ни одна страна Латинской Америки с февраля 2022 г. не вводила против России санкций. Однако при всех вроде бы положительных аспектах отношений между Россией и латиноамериканскими странами между этими государствами наблюдается очень незначительный товарооборот, несмотря на наличие огромных возможностей для развития связей практически во всех сферах. Так, взаимная торговля России со всеми странами Латинской Америки и Карибов в 2024 г. была меньше, чем, к примеру, с Южной Кореей, которая официально считается недружественной, и соблюдает все санкции против РФ. Следовательно, «товарооборот России со странами Латинской Америки незначителен, его структура слабо диверсифицирована. Латиноамериканские страны занимают скромную долю в экспорте и импорте России – 3,6% и 1,7% соответственно. В 2024 г. экспорт России в Латинскую Америку превысил 14 мил. долл. США, а импорт из этого региона – 3,5 мил. долл. США»[2]. Исторически сложилось еще с советских времен, что Латинская Америка всегда была, и к сожалению, по многим позициям остается на задворках внешней политики России. Интерес к этому региону на государственном уровне в Москве появляется, если там происходят какие-то глобальные катаклизмы (политические или природные), либо, когда в Латинскую Америку направляются с официальным визитом представители правительства или глава государства РФ. Такими примерами возросшего интереса к этому региону может быть период после победы Кубинской революции в 1959 г., прихода к власти в Чили правительства Сальвадора Альенде в начале 1970-х гг., а также пришедший на волне популизма Уго Чавес в Венесуэле в 1998 г. [1, с. 61]. Однако затем такой интерес постепенно угасал, и Россия по-прежнему к Латинской Америке относилась не как к приоритетному партнеру.

Определенные надежды на изменение такого подхода появились после принятия новой концепции внешней политики России в 2024 г., где одним из направлений был провозглашен курс на укрепление дружбы и сотрудничества со странами Латинской Америки. При этом декларировалось, что приоритет в этих отношениях будет отдан прагматизму, деидеологизации и их взаимной выгоде. Между тем даже при всем желании российских властей оживить взаимоотношения с Латинской Америкой стоит учесть мешающий этим усилиям непреложный факт: Россия для всех этих государств – явный не приоритет практически по всем позициям. Прежде всего стоит учесть, что практически всё, что Россия поставляет на мировые рынки, странам Латинской Америки не так и необходимо (нефть, газ, лес, золото, оружие). Частичный интерес сохраняется у некоторых стран в области образования, но число студентов из этого региона в РФ весьма незначительно (из 389 тысячи иностранных студентов, обучавшихся в РФ в 2024 г., на долю Латинской Америки и Карибов приходится чуть больше 5 тыс. чел. – главным образом из Колумбии и Эквадора). Хотя наблюдается тенденция к росту из этого региона числа студентов, желающих проходить обучение в российских ВУЗах. Так, к 2025 г. студентов из Латинской Америки

[1] Хейфец В. Современные векторы российской политики в Латинской Америке // РСМД. 21.10.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/sovremennye-vektory-rossiyskoy-politiki-v-latinskoy-amerike/?ysclid=mksj3g2pzr794234283 (дата обращения: 26.10.2025)

[2] Немцев Ю. У России и Латинской Америки значительный потенциал для развития экономических связей // Международная жизнь. 27.08.2025. URL: https://inter-affairs.ru/news/show/52702 (дата обращения: 06.10.2025)

насчитывалось уже 410 тыс. чел[1]. По сути дела, лишь узкая прослойка интеллектуалов и творческой интеллигенции из Латинской Америке интересуется Россией, ее культурой и историей. Кроме того, надо принимать во внимание и тот факт, что Латинская Америка и Карибский бассейн – регион по всем основным позициям – экономически, технологически, в плане обеспечения природными ресурсами самодостаточен, а финансово он полностью завязан на США. Тем временем у России даже с основными тремя союзниками в регионе (плюс частично Боливия) нет прочных и выгодных экономических контактов, что не дает возможности налаживать с ними долгосрочных и взаимодополняющих отношений.

Поднимавшийся неоднократно вопрос о целесообразности проведения встречи на высшем уровне в формате Россия – Латинская Америка (по примеру проводившихся сравнительно регулярно саммитов Россия-Африка) после 2022 г. потерял во многом актуальность, поскольку лидеры латиноамериканских стран (за исключением трех партнеров Москвы), как и рядовые министры Россию посещать пока не планировали. Также уже более трех лет не приветствуются визиты российских государственных представителей высокого ранга и официальных лиц в Латинскую Америку, исключением из правил опять остаются три надежных партнера РФ в регионе. К тому же, подавляющая часть латиноамериканских стран, которые подписали Римский протокол Международного уголовного суда (МУС)[2]. Поэтому они остаются в стороне и собираются пока принимать официальную делегацию, возглавляемую президентом РФ, на которого МУС выписал ордер на задержание (с этим российские власти уже столкнулись в отношениях даже со столь вроде бы лояльной к развитию связей с Россией Бразилией, принимавшей у себя заседание глав-государств «Большой двадцатки»)[3].

Латинская Америка, тем не менее, заинтересована во взаимовыгодном сотрудничестве с российским правительством, и получении российских новых технологий, которые в нынешних условиях им не разрешают приобретать США, а также в усилении влияния России в качестве противовеса в мировой политике странам коллективного Запада. Согласно проведённому Н.П. Калединым анализу медийных стратегий Российской Федерации в Латинской Америке, показывается фокус на применение инструментов «мягкой силы», а также на формирование альтернативной информационной повестки посредством государственных российских медиаресурсов. Особое внимание уделяется конструированию образа России как «сильной державы» в условиях геополитической напряженности, с акцентом на медийную активность в ключевых странах региона: Венесуэле, Кубе и Никарагуа [2, с. 4–5].

Частично страны Латинской Америки заинтересованы во взаимодействии с Россией и в рамках БРИКС (главным образом в сфере геополитики), но площадка эта остается по-прежнему крайне неэффективной именно с точки зрения практического ведения бизнеса и торгового интереса для этих государств во взаимодействии с Россией. Совершенно очевидно, что Россия не может вкладывать существенные финансовые средства в значимые проекты в Латинской Америке, как не может она себе позволить по примеру Китая в массовом количестве переселять в регион свою рабочую силу. В этой связи очевидно, что было бы разумно работать с этим регионом точечно на тех проектах, которые могут быть основаны на «взаимовыгодном сотрудничестве» и принести дивиденды через 2–3 года. И приоритетно с теми странами континента, кто поддерживает Россию на международной арене, и в тех сферах, где у Москвы накоплен значительный производственный и технологический опыт.

Сегодня преимущество распространяется исключительно из западных СМИ негативная информация о России в латиноамериканских странах. В странах региона уже много лет нет стабильно работающих и известных у себя на родине журналистов из России, как и не наблюдается влиятельных в РФ печатных и электронных СМИ из Латинской Америки. Связано это с тем, что содержать сегодня в Латинской Америке полноценный корпункт ни одно российское СМИ позволить себе не может. Более того, и сама информация из стран Латинской Америки не является приоритетной для информационного потока, распространяемого в России ведущими местными СМИ. Редкие же поездки сопровождения специально отобранных российских журналистов с министром иностранных дел РФ или главой Госдумы в регион при их официальных визитах ровным счетом ничего не дают в плане даже минимального медийного освещения огромного континента для российской аудитории. Есть, между тем, объективные причины подобного положения дел, когда Латинская Америка и Карибы за последние 10–15 лет лишь минимально присутствуют в информационном поле Российской Федерации. Это, прежде всего, географическая удаленность, которая после 2022 г. стала еще больше, плюс совершенно невозможной связи двух регионов по финансовым соображениям даже для тех структур, которые в России финансируются из госбюджета. К тому, логистически тоже не всё позитивно, так как между нашими странами нет прямых авиарейсов. Так, в регион Латинской Америки и Карибов из России летают лишь крайне ограниченное количество рейсов в Венесуэлу самолетами ее национальной компании «Конвиса» и «Аэрофлота» на Кубу, создающих неудобства для пассажиров из-за длительности полета. Крайне низкой остается вероятность существенного развития по этой же причине между Россией и Латинской Америкой активного туризма, что, хотя бы частично могло бы помочь медийному освещению континента в российских СМИ. Причины тому больше логистические. До тех пор, пока будет закрыто для российских и европейских перевозчиков воздушное пространство Европы любая поездка в регион останется доступной только для дорогостоящих туров из России. Именно по этой причине совершенно неэффективны с практической точки зрения попытки приглашения латиноамериканских и карибских послов на различные семинары, круглые столы или медийные форумы в Москве и Санкт-Петербурге, посвященные туризму и бизнесу в латиноамериканские страны.

Последствия дезинформации проявляются на практике. В политической сфере это может выражаться в некорректных оценках рисков и возможностей при принятии решений, касающихся взаимодействия с латиноамериканскими партнерами. В торгово-экономической сфере недостаток достоверной информации об инвестиционном климате, потребительском спросе и деловой среде препятствует эффективному поиску и развитию взаимовыгодных проектов, ограничивая потенциал для экономического роста и диверсификации внешнеэкономических связей России. По всему миру наблюдается тенденция к продвижению отечественного производства и снижению зависимости от импорта, что часто выражается в использовании запоминающихся названий программ. Так, в России эти задачи реализуются в рамках государственной программы «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности», в США при Дональде Трампе была запущена инициатива «Сделано в Америке». В 2015 г. китайские власти реализовали амбициозный проект «Сделано в Китае 2025», а Индия в 2014 г. – кампанию «Сделано в Индии» [3, pp. 257–258].

Латиноамериканские послы максимально продвигают интересы своих стран, их туристические достопримечательности, сообщают о ведущихся переговорах об открытии прямых рейсов из России в страны Латинской Америке. Однако пока латиноамериканские страны, за исключением Кубы, не пускают к себе российские самолеты, в том числе туристические чартерные рейсы. Следовательно, выше перечисленные факторы в период антироссийских санкций влияют на невозможность проведения масштабных культурных обменов, фестивалей, двусторонних мероприятий участников из России в латиноамериканские страны, в том числе краткосрочных поездок российских журналистов по редакционным заданиям в страны региона. В этой связи думается, что главной задачей сегодня должно быть налаживание более активного экономического сотрудничества с регионом.

Таким образом, с точки зрения медийного продвижения интереса в России к латиноамериканским и карибским странам важны были бы встречи на высшем уровне. Необходимо продолжать расширять и гуманитарное сотрудничество, и проведение переговоров с представителями латиноамериканских государств с целью посещения их с официальными делегациями крупных международных мероприятий, проводимых в России. Тем самым интерес к латиноамериканским странам получил бы новый импульс на уровне информированности рядовых российских граждан путем интервью с руководителями этих государств, а также привлечения политиков и представителей бизнес-кругов из Латинской Америки к деловым, торгово-экономическим и туристическим возможностям в России на дальнейшую перспективу.

Литература

1. Ивановский З.В. Партии в системе представительной демократии // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации / Отв. ред. М.Л. Чумакова. М.: ИЛА РАН, 2009. Т. 1. 264 с.

2. Каледин Н.П. Россия и Латинская Америка: медийные стратегии и восприятие // Латинская Америка. № 12. 2021. С. 3–42.

[1] Число иностранных студентов в РФ по итогам 2024 года оценивается в 389 тыс. // ТАСС. 09.01.2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/22845895 (дата обращения: 12.10.2025)

[2] Какие страны выходили из Международного уголовного суда // ТАСС. 03.04.2025. URL: https://tass.ru/info/23588547 (дата обращения: 12.10.2025)

[3] Бразилия заявила, что признает юрисдикцию МУС и уважает его решения // ТАСС. 22.03.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17335137 (дата обращения: 12.10.2025)

3. Ajami R.A. Global Reach and Challenges across the Pacific // Journal of Asia-Pacific Business. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 257–259.

RUSSIA'S INTERESTS IN LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN ISLANDS: MEDIA ASPECT

Sigov Yu.I.
Russian State University for the Humanities

Today's dynamics of Russia-Latin America as well as Russia-Caribbean relations can be characterized by significant transformations both at the level of interstate contacts and in the sphere of interaction between citizens. Historically, the perception of Latin America and the Caribbean in Russian society has been shaped primarily by the Soviet media agenda. However, in modern conditions, information coverage of this region in the Russian mass media is either absent or significantly distorted. The main reasons for this state of affairs are the lack of awareness of journalists about the specifics of the region, as well as the low priority of Latin America and the Caribbean for most Russian media. The purpose of the study is to analyze the reasons for the formation of distorted perceptions of Latin America and the Caribbean among Russian politicians and entrepreneurs based on information broadcast by the domestic media. Special attention is paid to the role of the absence of permanent Russian correspondents in the region, as well as the consequences of disinformation for the objective perception of bilateral relations in the political, trade and economic spheres.

Keywords: Mass Media, Russia, Latin America, disinformation, global politics.

References

1. Ajami, R.A. (2019). Global Reach and Challenges across the Pacific // Journal of Asia-Pacific Business. Vol. 20. No. 4, pp. 257–259.

2. Ivanovskiy, Z. V. (2009). Parties in the System of Representative Democracy // Latin America: Trials of Democracy. Vectors of Political Modernization / Executive Editor M.L. Chumakova. M.: Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences (ILA RAS). Vol. 1. 264 p.

3. Kaledin, N.P. (2021). Russia and Latin America: Media Strategies and Perception // Latinaamerika (Latin America). No.12, pp. 3–42.

Институциональные и партийно-политические условия влияния фискальных дисбалансов на региональный сепаратизм в Каталонии, Шотландии, Ломбардии и Венето

Аушев Ибрагим Мухамедович,
преподаватель, Общество с ограниченной ответственностью «Независимый межотраслевой центр развития образования и сертификации квалификаций»
E-mail: i.aushev.1997@mail.ru

Гафаров Темур Гарриевич,
соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: Temurgafarovv@yandex.ru

Фридман Михаил Феликсович,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: mffree79@mail.ru

Последнее десятилетие сделало фискальные споры между центром и регионами в ЕС и Великобритании частью большой политики: то, что раньше решалось бюджетными комиссиями, теперь выносится на референдумы об автономии и независимости. При этом теоретические модели регионального сепаратизма почти никогда не проверялись друг против друга на одном и том же наборе случаев – каждая обычно объясняет «свой» кейс и молчит про остальные. Импульсом к данной работе послужило конкретное наблюдение: у Каталонии, Шотландии, Ломбардии и Венето степень фискальной асимметрии и интенсивность сепаратистской мобилизации расходятся настолько, что ни одна однофакторная модель эту картину целиком не закрывает. Объектом исследования выступает региональный сепаратизм в демократиях ЕС и Великобритании как форма политической мобилизации, укорененной в конфликте вокруг распределения фискальных ресурсов. Предмет – механизм, который связывает фискальные дисбалансы с уровнем мобилизации через институциональные и политические факторы в четырех указанных регионах.

Цель исследования – определить границы применимости существующих объяснительных моделей и предложить рамку, где фискальные, институциональные и политические переменные работают не по отдельности, а вместе.

Задачи исследования: проанализировать проблемное поле и преобладающие тенденции в развитии регионального сепаратизма в Каталонии, Шотландии, Ломбардии и Венето; выявить и описать институциональные и партийно-политические условия влияния фискальных дисбалансов; оценить степень влияния фискальных дисбалансов на региональный сепаратизм в Каталонии, Шотландии, Ломбардии и Венето.

Результаты. В основу исследования был положен метод наиболее схожих случаев (MSSD): четыре кейса сопоставляются по фискальному балансу региона, институциональным каналам артикуляции, электоральной поддержке региональных партий, региональной идентичности и устойчивости политического лидерства. Ни экономическая, ни институциональная, ни идентичностная модель по отдельности не выдерживают проверки на всей выборке – самый наглядный пример здесь Шотландия, которая является чистым получателем трансфертов, но демонстрирует один из самых высоких уровней сепаратистской мобилизации в Европе, что прямо противоречит логике экономического детерминизма. Итоговый тезис: фискальный дисбаланс превращается в фактор мобилизации только тогда, когда для него есть институциональные каналы выражения и устойчивая партийная конкуренция в регионе; такой взгляд объясняет расхождения между внешне похожими случаями и задает направление для дальнейшего сравнения с Фландрией, Баварией и Южным Тиролем.

Ключевые слова: региональный сепаратизм; фискальный федерализм; политическая мобилизация; институциональная автономия; фискальная несправедливость; сравнительная политология.

Введение

2017 год стал важной вехой в развитии европейского регионализма: в течение одного месяца в Европейском союзе прошли сразу три референдума, связанных с требованием большей фискальной и политической автономии. 1 октября состоялся «нелегитимный референдум» о независимости Каталонии, повлекший глубочайший конституционный кризис в новейшей истории Испании (имевший свои предпосылки [1]), а 22 октября прошли консультативные референдумы об автономии в Ломбардии и Венето (тоже имевшие свои предпосылки [14; 16]).

Итальянский и каталонский случаи в литературе почти не сопоставляются, хотя апеллируют к одному и тому же тезису: регион отдает в общий бюджет больше, чем получает обратно [2,3]. Референдумы октября 2017 года в Каталонии и в двух итальянских регионах опирались именно на этот аргумент. Шотландия сюда не вписывается, хотя именно она демонстрирует наиболее устойчивый случай сепаратистской мобилизации в Европе: по данным Government Expenditure and Revenue Scotland, в 2024–2025 финансовом году бюджетный дефицит региона составил 26,5 млрд фунтов, а расходы на душу населения превышали среднебританский уровень на 2669 фунтов. Регион при этом получает из общего бюджета заметно больше, чем отдает [4; 5].

Тем не менее электоральная поддержка независимости в Шотландии остается одной из самых высоких в Европе – 44% по данным YouGov, что сопоставимо с каталонским показателем (37,6% по данным CEO). В Ломбардии и Венето картина принципиально иная: опросы фиксируют высокую поддержку расширенной автономии – 75% в Венето по данным Demos & Pi[3] – однако не независимости. Иными словами, регион-реципиент демонстрирует один из самых высоких уровней сепаратистской мобилизации в Европе, тогда как регионы-доноры – лишь умеренный автономизм [7; 9]. Прямой зависимости между фискальным статусом региона и интенсивностью мобилизации не прослеживается [10; 11] – и именно это расхождение составляет исследовательскую проблему статьи.

В литературе сложилось несколько объяснительных традиций, которые, однако, редко сопоставляются друг с другом. Экономический подход, восходящий к теории фискального остатка Дж. Бьюкенена [15], который получил свое развитие в работах по экономике сецессии [13], рассматривает фискальную асимметрию как самостоятельный стимул к обособлению богатого региона. Институциональный подход, опирающийся на измерение региональной автономии через Regional Authority Index(RAI) [19], связывает интенсивность сепаратистских требований с наличием институциональных каналов их артикуляции. Идентичностный подход [12] объясняет сепаратизм через устойчивость исторической, языковой и культурной обособленности региона, а элитно-мобилизационная традиция – через способность региональных элит конвертировать объективные условия в политическое требование.

Все четыре традиции долго существовали параллельно и почти не пересекались: фискальный федерализм и исследования национализма – это, по сути, разные литературы с разными журналами и разным кругом цитирования, а сравнительная автономистика обращается к электоральной статистике региональных партий скорее эпизодически, чем системно [17; 18]. В российской политологии похожая картина: по Каталонии есть отдельные работы [2], остальные случаи либо не рассматриваются вовсе, либо попадают в более широкие обзоры без детального сравнения.

И. Прохоренко рассматривает опыт сепаратизма в государствах – членах ЕС на примере Испании, Бельгии и Италии [9]. П. Осколков отдельно останавливается на шотландском случае, называя его исключением из общей логики европейского сепаратизма и связывая эту специфику с Brexit [8]. Структурное отличие Шотландии, о котором пойдёт речь ниже, фиксируется, таким образом, уже в этой, более ранней, работе.

Цель и задачи исследования. Целью работы является определить границы применимости существующих объяснительных моделей и предложить рамку, где фискальные, институциональные и политические переменные работают не по отдельности, а вместе, задачами работы выступили анализ проблемного поля и преобладающих тен-

денций в развитии регионального сепаратизма в Каталонии, Шотландии, Ломбардии и Венето; выявление и описание институциональных и партийно-политических условий влияния фискальных дисбалансов; оценка степени влияния фискальных дисбалансов на региональный сепаратизм в Каталонии, Шотландии, Ломбардии и Венето.

Рабочая гипотеза исследования формулируется следующим образом: фискальные дисбалансы влияют на уровень сепаратистской мобилизации не самостоятельно, а в сочетании с институциональными условиями политической артикуляции и характером региональной партийной конкуренции.

Научная новизна исследования состоит в том, что четыре объяснительные традиции – экономическая, институциональная, идентичностная и элитно-мобилизационная, – как правило развивавшиеся изолированно друг от друга, впервые сопоставляются на едином наборе случаев в рамках MSSD. Дополнительный элемент новизны – включение в дизайн парного сравнения Ломбардии и Венето: двух регионов с идентичным институциональным статусом и близкими фискальными показателями, что позволяет изолировать переменные, не поддающиеся разграничению на межстрановом уровне сравнения.

Эмпирическую базу исследования составляют официальная статистика фискальных балансов регионов, показатели Regional Authority Index [19], результаты региональных выборов и референдумов, а также данные опросов общественного мнения о региональной идентичности.

Структура статьи выстроена следующим образом: сначала рассматриваются конкурирующие объяснительные модели регионального сепаратизма, затем обосновывается исследовательский дизайн; далее анализируются фискальные, институциональные и электоральные показатели по всем четырем случаям, после чего результаты сопоставляются между собой, а в завершение формулируется интегративный подход.

Теоретические основы

Значительная часть исследований связывает поддержку регионального сепаратизма прежде всего с фискальными стимулами. В рамках данной традиции, восходящей к теории фискального остатка Дж. Бьюкенена [15] и развитой П. Болтоном и Ж. Роландом [13], предполагается, что стимул региона к отделению возрастает по мере увеличения объема ресурсов, перераспределяемых в пользу менее развитых территорий, при условии способности региона самостоятельно обеспечивать сопоставимый уровень общественных благ. Именно на этой логике основана аргументация автономистских движений Каталонии, Ломбардии и Венето, апеллирующих к тезису «мы платим больше, чем получаем». Вместе с тем сама экономическая традиция признает ограниченность такого объяснения: сохранение сепаратистской мобилизации даже при отсутствии очевидной экономической выгоды указывает на значимость неэкономических факторов – что далее проверяется на материале Шотландии.

В отличие от экономического подхода институциональная традиция объясняет политическую мобилизацию не величиной фискальной асимметрии, а наличием институциональных каналов ее артикуляции. Разработанный Л. Хуге, Г. Марксом и А. Шакелом Regional Authority Index (RAI) [19] измеряет объем формальной региональной автономии по двум измерениям – self-rule и shared rule. Предполагается, что высокий уровень автономии облегчает превращение экономических претензий в политическую мобилизацию.

Таблица 1. Объяснительные подходы к региональному сепаратизму

Подход	Независимая переменная	Ожидание	Что проверяется
Экономический	Фискальный баланс	Высокий донорский статус ⇒ высокая мобилизация	Шотландия
Институциональный	RAI	Более высокая автономия ⇒ выше мобилизация	Ломбардия vs Венето
Идентичностный	Региональная идентичность	Сильная идентичность ⇒ выше мобилизация	Итальянские регионы
Элитный	Политическое лидерство	Устойчивая партия ⇒ выше мобилизация	Все четыре случая

Источник: составлено авторами

Формально сопоставимый уровень автономии не гарантирует сопоставимой интенсивности мобилизации – и здесь на первый план выходит идентичностный подход, который объясняет сепаратизм устойчивостью исторической, языковой и культурной обособленности региона [12]. В Каталонии и Шотландии он работает: мобилизация в обоих случаях опирается на давнюю историческую идентичность, а каталонский случай дополнительно усилен языковым фактором. С Ломбардией и Венето сложнее – там повестка автономистских движений была в первую очередь экономической, и насколько идентичность вообще играла роль, пока не ясно [14]. Элитно-мобилизационный подход исходит из другой логики: фискальная асимметрия, институциональная автономия и региональная идентичность сами по себе движения не создают, нужен политический актор, который сумеет собрать это в электоральную мобилизацию.

Эти подходы друг друга не отменяют, скорее описывают разные грани одного явления. Но сравнительных работ, где их объяснительная сила проверялась бы на одном и том же наборе случаев, по-прежнему мало.

Материалы и методы

В основу исследования положен метод наиболее схожих систем (MSSD): случаи подбираются похожими по фону, но разными по уровню мобилизации, что позволяет вынести контекст за скобки и сравнивать сами модели. Каталония, Шотландия, Ломбардия и Венето – все консолидированные демократии, экономически благополучные внутри своих стран, с давними региональными партийными системами. Расходятся они по уровню сепаратистской мобилизации – это и есть зависимая переменная. Фландрию, Баварию и Южный Тироль в выборку не включили: там другие модели федерализма, и их добавление разрушило бы однородность сравнения. Насколько выводы переносятся на эти регионы – вопрос отдельный. Каждая модель операционализирована через свой индикатор (таблица 1).

Экономическая модель – через фискальный баланс региона (разница между налоговыми поступлениями и госрасходами, в % ВРП и подушевых значениях). Институциональная – через Regional Authority Index. Идентичностная – по данным региональных опросов. Элитно-мобилизационная – через электоральные результаты региональных партий и устойчивость лидерства.

Выбор индикаторов продиктован доступностью сопоставимых данных по всем четырем случаям. Источниками данных служат официальная статистика Испании, ежегодные отчеты Government Expenditure and Revenue Scotland (GERS), а также оценки Banca d'Italia и CGIA di Mestre для Ломбардии и Венето.

Зависимая переменная – интенсивность политической мобилизации – оценивается по трем показателям в совокупности: электоральной поддержке партий, выступающих за независимость или расширение автономии, результатам региональных референдумов (там, где они проводились), и данным опросов общественного мнения о поддержке независимости. Региональная идентичность выступает одной из объясняющих переменных; она измеряется по данным региональных социологических исследований – конкретно, по доле респондентов, идентифицирующих себя прежде всего с регионом, а не с государством.

Источниками фискальных данных служат официальная статистика Испании, ежегодные отчеты Government Expenditure and Revenue Scotland (GERS), а также оценки Banca d'Italia и CGIA di Mestre для Ломбардии и Венето. Выбор индикаторов продиктован доступностью сопоставимых данных по всем четырем случаям. Там, где отдельные первичные данные не нашлись, использовались вторичные академические источники с соответствующей оговоркой в тексте. Высказывания региональных политических лидеров привлекаются исключительно как иллюстрация, а не как самостоятельный источник данных.

Результаты

Фискальная асимметрия в сравнительной перспективе

Расчет регионального фискального баланса не имеет единой методологии. Метод денежного потока (cash-flow) учитывает фактическое движение налогов и расходов через регион; метод «нагрузка–выгода» (benefit-incidence) распределяет общегосударственные расходы по месту потребления благ. Один и тот же регион при разных подходах получает разные оценки. Данные к тому же относятся к разным годам: 2022-й для Каталонии, 2019-й для Ломбардии и Венето, 2024–2025 финансовый год для Шотландии. Прямое количественное сопоставление между странами в этих условиях некорректно. Поэтому дальнейший анализ опирается не на абсолютные значения, а на качественную характеристику положения региона в системе межбюджетного перераспределения – донор или реципиент.

Каталония, Ломбардия и Венето устойчиво выступают чистыми донорами. По данным Generalitat de Catalunya, в 2022 году фискальный дефицит Каталонии по методу денежного потока составил €21,1 млрд (8,2% ВРП, или €2670 на душу населения). По методу «нагрузка-выгода» соответствующая оценка ниже, но все равно значительна – €14,7 млрд (5,7% ВРП). Среднее значение дефицита за 1986–2022 годы состав-

ляет 8,1% ВРП, что близко к показателю 2022 года (8,2%) и указывает на устойчивый, а не разовый характер донорского статуса региона.

Аналогичная картина наблюдается в Северной Италии. Согласно оценкам Banca d'Italia и CGIA di Mestre, в 2019 году подушевое фискальное сальдо составило +€5090 в Ломбардии и +€2680 в Венето. В абсолютных цифрах Венето передал остальной части страны €13,2 млрд, и оба региона входят в число крупнейших доноров итальянской системы межрегионального перераспределения.

Совсем другая картина у Шотландии. Согласно данным Government Expenditure and Revenue Scotland за 2024–2025 финансовый год, регион показывает дефицит в £26,5 млрд (11,7% ВРП) – более чем вдвое выше среднего по Великобритании. При этом государственные расходы на душу населения в Шотландии превышают среднебританские на £2669, то есть Шотландия выступает чистым получателем трансфертов. Классический аргумент «мы платим больше, чем получаем» здесь не работает. Сторонники независимости апеллируют не к текущему фискальному балансу, а к будущему контролю над доходами от нефти и газа Северного моря, которые в методологии GERS учитываются как общебританские.

Три из четырех регионов – Каталония, Ломбардия и Венето – являются устойчивыми донорами; Шотландия – реципиентом. Уже это расхождение ставит под сомнение объяснительную силу экономической модели и указывает на необходимость обращения к институциональным и политическим факторам.

Таблица 2. Фискальный статус регионов

Регион	Статус	Показатель	Год
Каталония	Донор	€21 092 млн (8,2% ВРП; €2670 на душу)	2022
Ломбардия	Донор	+€5090 на душу	2019
Венето	Донор	+€2680 на душу; €13,2 млрд	2019
Шотландия	Реципиент	–£26,5 млрд (11,7% ВРП); +£2669 на душу	2024–2025

Источник: составлено авторами

Институциональные условия политической артикуляции

Для анализа институционального измерения используется Regional Authority Index (RAI), разработанный Л. Хуге, Г. Марксом и А. Шакелом [19]. Индекс измеряет объем формальных полномочий региона по двум параметрам: self-rule – осуществление власти внутри региона – и shared rule – участие в принятии решений на общегосударственном уровне. Каждый из параметров агрегирует показатели законодательной, исполнительной, фискальной и конституционной компетенции.

По данным официального датасета RAI, Каталония как автономное сообщество Испании, получившее статут автономии по «быстрому треку» в 1979 году, имеет совокупный балл RAI, равный 23,5 (данные 2018 года) – один из наиболее высоких показателей среди испанских автономных сообществ.

Шотландия, получившая деволюцию в 1999 году [20] и дополнительные полномочия по Scotland Act 2016, имеет по официальным данным self-rule = 14 и shared rule = 6,5 (начиная с 2008 года), что дает совокупный балл RAI = 20,5 – наивысший показатель self-rule среди деволюционных регионов Великобритании [19].

Ломбардия и Венето, в свою очередь, обе относятся к категории regioni a statuto ordinario («регионы обычного статута») – в отличие от пяти итальянских регионов со специальным статутом [6]. Поскольку RAI кодирует регионы по формально-правовой категории, а не по индивидуальной политической практике, официальные данные показывают, что оба региона на протяжении периода 2001–2018 годов имеют абсолютно идентичный балл: self-rule = 15, shared rule = 3, совокупный RAI = 18 [19].

Полученные данные позволяют сделать несколько предварительных наблюдений. Каталония и Шотландия обладают более высокими значениями Regional Authority Index, чем Ломбардия и Венето. Вместе с тем Ломбардия и Венето получают идентичные значения индекса, поскольку относятся к одной и той же категории регионов в классификации RAI. Это означает, что институциональная переменная сама по себе не позволяет различить данные случаи и должна быть сопоставлена с электоральными данными, к анализу которых обращается следующий раздел. Показательно также, что сам факт присвоения Ломбардии и Венето идентичного балла отражает более общую особенность индекса RAI: он измеряет юридически закрепленный потенциал автономии, но не то, в какой мере этот потенциал востребован региональными акторами и электоратом. Данное обстоятельство само по себе служит косвенным указанием на необходимость дополнения институционального анализа электоральными и, где это возможно, идентичностными данными.

Таблица 3. Институциональная автономия регионов (Regional Authority Index)

Регион	Self-rule	Shared rule	RAI	Период
Каталония	–	–	23,5	2018
Шотландия	14	6,5	20,5	1999/2008–2018
Ломбардия	15	3	18	2001–2018
Венето	15	3	18	2001–2018

Источник: составлено авторами

Показатели политической мобилизации

Интенсивность политической мобилизации операционализируется через один основной индикатор – долю мест партий, выступающих за независимость или расширенную автономию, в региональном представительном органе. В Каталонии и Шотландии автономистская/сепаратистская повестка представлена несколькими электорально значимыми партиями, поэтому индикатор рассчитывается как сумма мест всех партий, официально выступающих за независимость (Каталония) или за проведение повторного референдума о независимости (Шотландия). В Италии картина иная: основным носителем автономистской повестки на региональном уровне выступает Lega, тогда как остальные регионалистские партии не обладают сопоставимым электоральным значением – поэтому для Ломбардии и Венето в качестве индикатора используется только результат Lega.

На выборах в Парламент Каталонии 12 мая 2024 года три партии, выступающие за независимость, получили в совокупности 59 из 135 мест (43,7%), что не образует парламентского большинства (для которого необходимо 68 мест). По сравнению с выборами 2021 года, когда те же три партии располагали 74 местами, число мандатов сократилось.

На выборах в Парламент Шотландии 7 мая 2026 года Scottish National Party сохранила статус крупнейшей партии, получив 58 из 129 мест – на 7 мест меньше требуемого для абсолютного большинства и на 6 мест меньше результата 2021 года. Совокупно SNP и Scottish Greens, также поддерживающие требование о повторном референдуме о независимости, располагают 73 местами (56,6%), что образует устойчивое парламентское большинство на протяжении двух созывов подряд.

На региональных выборах 23–24 ноября 2025 года Lega, традиционно выступающая за расширение автономии региона, получила 19 из 49 мест в региональном совете Венето (38,8%) и сохранила статус крупнейшей партии.

На региональных выборах 12–13 февраля 2023 года Lega получила 14 из 80 мест в региональном совете Ломбардии (17,5%), уступив первое место Fratelli d'Italia, чья политическая программа ориентирована преимущественно на общенациональный, а не региональный уровень.

Дополнительным индикатором интенсивности мобилизации, применимым именно к паре Ломбардия/Венето, служат данные о явке на консультативных референдумах об автономии 2017 года. При сопоставимой и близкой к единодушной доле голосов «за» (95,3% в Ломбардии и 98,1% в Венето) явка избирателей различалась почти в полтора раза: 38,3% в Ломбардии против 57,2% в Венето. Явка на добровольном консультативном голосовании отражает не столько отношение к самому вопросу – по нему единодушие в обоих регионах было почти полным, – сколько интенсивность мобилизации сторонников. Данные о явке подтверждают то же самое, что и электоральная статистика: при одинаковом институциональном статусе и близких фискальных показателях Венето стабильно демонстрирует более высокий уровень автономистской мобилизации, чем Ломбардия. Получается, что ни институциональная автономия сама по себе, ни фискальный статус сам по себе не определяют интенсивность мобилизации – а значит, дальше нужно смотреть на все три группы переменных сразу.

Таблица 4. Показатели политической мобилизации

Регион	Индикатор	Значение	Год
Каталония	Доля мест партий за независимость	59/135 (43,7%)	2024
Шотландия	Доля мест SNP + Greens	73/129 (56,6%)	2026
Венето	Доля мест Lega	19/49 (38,8%)	2025
Ломбардия	Доля мест Lega	14/80 (17,5%)	2023

Источник: составлено авторами

Сопоставительная оценка объяснительных моделей

Предсказания четырех моделей сопоставляются с эмпирическими данными по всем четырем случаям. Мобилизация считается высокой при доле мест от 40% и выше, средней – от 20 до 40%, низкой – если меньше 20%.

Таблица 5. Сопоставление объяснительных моделей с эмпирическими данными

Модель	Предсказание	Каталония	Шотландия	Ломбардия	Венето	Оценка
Экономическая	Донор → выше мобилизация	Донор, высокая	Реципиент, высокая	Донор, низкая	Донор, средняя	Не демонстрирует устойчивой силы
Институциональная	Выше RAI → выше мобилизация	RAI 23,5, высокая	RAI 20,5, высокая	RAI 18, низкая	RAI 18, средняя	Частично подтверждается
Идентичностная	Идентичность → выше мобилизация	Высокая иден., высокая	Высокая иден., высокая	Нет данных	Нет данных	Не может быть проверена для Италии
Элитно-мобилизационная	Лидерство → выше мобилизация	Устойчивое лидерство	Устойчивое лидерство	Ослабление лидерства	Устойчивое лидерство	Качественно согласуется

Источник: составлено авторами

Экономическая модель здесь не работает. В Шотландии высокая мобилизация сочетается со статусом реципиента, что прямо противоречит логике модели. Похожая картина и внутри итальянской пары: более высокое донорство Ломбардии сопровождается не более высокой, а более низкой мобилизацией. Институциональная модель объясняет разрыв между Каталонией/Шотландией и итальянскими регионами, однако различие между Ломбардией и Венето при идентичном RAI остается за пределами ее объяснительных возможностей. Идентичностная модель частично подтверждается по двум случаям с доступными данными, но не может быть проверена на всей выборке.

Наибольшей объяснительной силой – при наименьшей формализации – обладает элитно-мобилизационный подход. Его проверка строится на сопоставлении устойчивости политического лидерства с электоральной динамикой. В Каталонии, Шотландии и Венето преемственность региональной повестки сопровождается устойчивой поддержкой автономистских партий. В Венето длительное лидерство Дзайи совпадает с ростом этой поддержки; в Ломбардии после 2017 года сопоставимого лидера не появилось – и позиции Lega ослабли.

Ни одна из четырех моделей не справляется с задачей последовательного объяснения всей выборки. Экономическая не работает ни в межстрановом, ни во внутристрановом сравнении. Институциональная объясняет разрыв между Каталонией/Шотландией и итальянской парой, но молчит там, где нужно объяснить различие внутри этой пары. Идентичностная и вовсе не поддается полноценной проверке – данных по Ломбардии и Венето попросту нет.

Элитно-мобилизационный подход в этом отношении выглядит убедительнее остальных. Фискальная асимметрия, как показывают рассмотренные случаи, политически нейтральна сама по себе – она приобретает значение лишь тогда, когда есть кому ее артикулировать: партийная структура, устойчивое лидерство, воспроизводимая региональная повестка.

Ломбардия и Венето здесь – ключевой тест. Одна правовая система, одна партия как основной носитель автономистской повестки, одинаковый RAI, сопоставимые фискальные показатели. Единственное, что между ними различается – устойчивость политического лидерства и преемственность повестки.

Совпадение различий в устойчивости политического лидерства с различиями в уровне мобилизации при контроле всех прочих переменных представляет наиболее строгую из доступных в рамках данного дизайна проверок исследовательской гипотезы.

Заключение

Исходный эмпирический парадокс – высокая сепаратистская мобилизация в Шотландии при статусе чистого реципиента и умеренная в регионе-доноре Ломбардии – делает невозможным объяснение регионального сепаратизма через фискальную логику в ее чистом виде. Проверка четырех объяснительных моделей на едином сравнительном дизайне это подтверждает.

Экономическая модель не находит подтверждения ни в межстрановом, ни во внутристрановом сравнении. Институциональная модель работает на уровне межрегиональных различий, но внутри одной институциональной категории – например, между Ломбардией и Венето – она уже ничего не объясняет. Идентичностный подход подтверждается там, где данные вообще есть, то есть в Каталонии и Шотландии; для Ломбардии и Венето проверить его попросту не на чем. Лучше всего на этом материале работает элитно-мобилизационный подход: политическое значение фискальной асимметрии определяется тем, способны ли региональные акторы превратить её в устойчивую повестку. Пара Ломбардия–Венето здесь – самый строгий тест из всех: институты одинаковые, фискальные показатели близкие, партийная система одна и та же, а мобилизация разная – и эта разница совпадает именно с разницей в преемственности лидерства и повестки.

Обсуждение и выводы

У работы есть ограничения. Страны считают фискальный баланс по-разному, поэтому прямое количественное сравнение между ними невозможно – пришлось ограничиться качественным делением на доноров и реципиентов. Выборка из четырёх случаев не даёт оснований для статистических обобщений. По Ломбардии и Венето нет сопоставимых данных о региональной идентичности, так что идентичностную модель для них проверить не удалось. Дальше имеет смысл расширять выборку – добавить Фландрию, Баварию, Южный Тироль – и отдельно заняться индикаторами идентичности и лидерства, которых сейчас просто нет в сопоставимом виде.

Литература

1. Бельтран де Фелипе М. Каталония и конституционный кризис в Испании // Неприкосновенный запас. 2015. № 5(103). С. 67–84
2. Волкова Г.И. Каталонский национализм и проблемы территориальной целостности Испании // Сравнительная политика. – 2016. – Т. 7, № 2(23). – С. 85–95.
3. Зарипова А.Р. Рост каталонского сепаратизма в условиях недовольства экономической автономией региона // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 236–240. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-236-240.
4. Зубарев, А.В. Фискальная политика в многострановой модели общего экономического равновесия / А.В. Зубарев, К.В. Нестерова. – Москва: Дело РАНХиГС, 2017. – 60 с.
5. Макализ, Д. Экономика бизнеса: конкуренция, макростабильность и глобализация / Д. Макализ; перевод с английского О.А. Самошкиной. – 4-е изд. – Москва: Лаборатория знаний, 2020. – 698 с.
6. Марино И. Итальянское государство на пути децентрализации и усиления регионализма // Представительная власть – XXI век: Законодательство, комментарии, проблемы. – М., 2001. – С. 23–24.
7. Молчаков Н.Ю. Конституционно-правовой статус Шотландии сквозь призму британского регионализма. К очередному юбилею Акта о Соединении 1707 г. – Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 161–173. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-161-173
8. Осколков П.В. Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 59–71.
9. Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 93 с.
10. Сидорова, Е.А. Фискальная интеграция в Европейском союзе: монография / Е.А. Сидорова. – Москва: Весь Мир, 2021. – 200 с.
11. Тюрин, Е. А. «Мягкая сила» как проявление этнополитического регионализма в условиях борьбы за национально-государственное самоопределение (пример Каталонии и Шотландии): монография / Е.А. Тюрин, О.В. Переверзева. – Москва: Дело РАНХиГС, 2025. – 248 с.
12. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – Rev. ed. – London: Verso, 2006.
13. Bolton P., Roland G. The Breakup of Nations: A Political Economy Analysis // Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112, No. 4. – P. 1057–1090.
14. Bossi U. Lega: Sul federalismo accordi anche con il demonio // Corriere della sera. – Milano, 2004. – 12 febbr. – P. 1.

15. Buchanan J.M. Federalism and Fiscal Equity // American Economic Review. – 1950. – Vol. 40, No. 4. – P. 583–599.
16. Dammenbring S. 25 Jahre italienischen Regionalstaat. Zur Kompetenzverteilung zwischen Staat und Regionen in Vervassung und Praxis. – Aachen, 1999.
17. Gellner E. Nations and Nationalism. – Ithaca: Cornell University Press, 1983.
18. Grasse A. Italiens langer Weg in den Regionalstaat. Die Entstehung einer Staatsform im Spannungsfeld von Zentralismus und Föderalismus. – Opladen, 2000.
19. Hooghe L., Marks G., Schakel A.H. The Rise of Regional Authority: A Comparative Study of 42 Democracies. – Abingdon: Routledge, 2010.
20. Keating M. The Scottish Independence Referendum and after // Revista d'Estudis Autonomics i Federals. 2015. № 21. P. 73–98.

INSTITUTIONAL AND PARTY-POLITICAL CONDITIONS SHAPING THE INFLUENCE OF FISCAL IMBALANCES ON REGIONAL SEPARATISM IN CATALONIA, SCOTLAND, LOMBARDY AND VENETO

Aushev I.M., Gafarov T.G., Fridman M.F.
Limited Liability Company "Independent Interdisciplinary Center for Education Development and Qualifications Certification", Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Over the past decade, fights over fiscal distribution between central governments and regions across the EU and the UK have stopped being technical budget disputes and turned into full-blown political agendas, in some cases ending up on ballots as referenda on autonomy or independence. Oddly enough, the theoretical models built to explain regional separatism are rarely tested against each other on the same set of cases – each tends to fit its own preferred example and stay quiet about the rest. This paper grew out of a specific mismatch: in Catalonia, Scotland, Lombardy and Veneto, the degree of fiscal asymmetry and the intensity of separatist mobilization simply don't line up, and no single-cause model covers all four at once. The object of study is regional separatism in EU democracies and the UK, treated as a form of political mobilization rooted in conflict over fiscal distribution between center and regions. The subject is the mechanism linking fiscal imbalances to mobilization levels through institutional and political factors across the four cases.
The aim is to map where existing explanatory models stop working and to offer a framework where fiscal, institutional, and political variables are treated as interacting rather than separate. The analysis relies on a Most Similar Systems Design, comparing the four cases on regional fiscal balance, institutional channels of articulation, electoral support for regional parties, regional identity, and the durability of regional political leadership. None of the three standard models – economic, institutional, or identity-based – holds up across the full set of cases on its own; Scotland is the clearest anomaly, since it is a net recipient of fiscal transfers yet shows one of the highest levels of separatist mobilization in Europe, which economic determinism simply cannot account for. The upshot: fiscal imbalance only becomes a mobilizing factor where institutional channels for articulating it exist alongside sustained regional party competition – a reading that explains divergence between otherwise similar cases and points toward future comparison with Flanders, Bavaria, and South Tyrol.

Keywords: regional separatism; fiscal federalism; political mobilization; institutional autonomy; fiscal unfairness; comparative politics.

References

1. Beltran de Felipe M. Catalonia and the constitutional crisis in Spain // Inviolable reserve. 2015. No. 5(103). pp. 67–84
2. Volkova G.I. Catalan nationalism and the problems of the territorial integrity of Spain // Comparative Politics. – 2016. – Vol. 7, No. 2(23). – pp. 85–95.
3. Zaripova A.R. Growth of Catalan Separatism in the Context of Dissatisfaction with Regional Economic Autonomy. Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 236–240 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-236-240.
4. Zubarev, A.V. Fiscal policy in a multi-country model of general economic equilibrium / A.V. Zubarev, K.V. Nesterova. Moscow: RANEPA Business, 2017. 60 p.
5. Makaliz, D. Business economics: competition, macrostability and globalization / D. Makaliz; translated from English by O.A. Samoshkina. – 4th ed. – Moscow: Laboratory of Knowledge, 2020. – 698 p.
6. Marino I. The Italian state on the path of decentralization and strengthening of regionalism // Representative government – the 21st century: Legislation, comments, problems. – M., 2001. – pp.23–24.
7. Molchakov N.Y. The constitutional and legal status of Scotland through the prism of British regionalism. On the occasion of the next anniversary of the Act of Unification of 1707 – The Moscow Journal of International Law. 2017. No. 2 (106). pp. 161–173. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-161-173
8. Oskolkov P.V. Ethnoregional separatism in Europe: disintegration versus integration? // International analytics. – 2021. – Vol. 12, No. 3. – pp. 59–71.
9. Prokhorenko I.L. European integration and the problem of separatism in the member states of the European Union. Moscow: IMEMO RAS, 2018. 93 p.
10. Sidorova, E.A. Fiscal integration in the European Union: a monograph / E.A. Sidorova. – Moscow: The Whole World, 2021. – 200 p.
11. Tyurin, E. A. "Soft power" as a manifestation of ethnopolitical regionalism in the context of the struggle for national and state self-determination (the example of Catalonia and Scotland): monograph / E.A. Tyurin, O.V. Pereverzeva. Moscow: RANEPA Delo, 2025. 248 p.
12. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – Rev. ed. – London: Verso, 2006.
13. Bolton P., Roland G. The Breakup of Nations: A Political Economy Analysis // Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112, No. 4. – P. 1057–1090.
14. Bossi U. Lega: Sul federalismo accordi anche con il demonio // Corriere della sera. – Milano, 2004. – 12 febbr. – P. 1.
15. Buchanan J.M. Federalism and Fiscal Equity // American Economic Review. – 1950. – Vol. 40, No. 4. – P. 583–599.
16. Dammenbring S. 25 Jahre italienischen Regionalstaat. Zur Kompetenzverteilung zwischen Staat und Regionen in Vervassung und Praxis. – Aachen, 1999.
17. Gellner E. Nations and Nationalism. – Ithaca: Cornell University Press, 1983.
18. Grasse A. Italiens langer Weg in den Regionalstaat. Die Entstehung einer Staatsform im Spannungsfeld von Zentralismus und Föderalismus. – Opladen, 2000.
19. Hooghe L., Marks G., Schakel A.H. The Rise of Regional Authority: A Comparative Study of 42 Democracies. – Abingdon: Routledge, 2010.
20. Keating M. The Scottish Independence Referendum and after // Revista d'Estudis Autonomics i Federals. 2015. № 21. P. 73–98.

Политика Китая в отношении процесса интеграции «Большой Евразии»

Цуй Синьюэ,
магистр, Томский государственный университет
E-mail: 3273449359@qq.com

Логика эволюции китайской политики – ключ к пониманию регионального сотрудничества в Евразии. Существующие исследования рассматривают основы стратегического сближения Китая и России преимущественно с одной точки зрения, не давая целостного объяснения всей политической системы. В данной работе процесс участия Китая разделён на три этапа: начальное участие, стратегическое сближение и глубокая интеграция. Проведён системный анализ целей, факторов, механизмов и вызовов. Показано, что Китай сформировал многоуровневую систему целей – экономическую координацию, политическую стабильность и глобальное инклюзивное развитие, – эволюция которой определяется совокупностью исторических, политических и экономических факторов. Китай выстроил механизм многосторонней взаимодействующей дипломатии, но его деятельность по-прежнему ограничена геополитической, институциональной и экономической неопределённостью. Уточнение логики этих целей позволит использовать возможности сотрудничества, сглаживать разногласия и служить ориентиром для евразийской интеграции.

Ключевые слова: евразийская интеграция; внешняя политика Китая; инициатива «Один пояс, один путь»; стратегическое взаимодействие; Китайско-российские отношения

Введение

Евразия в последние десятилетия становится ареной активных интеграционных процессов, где ключевую роль играет Китай. С выдвижением в 2013 году инициативы «Один пояс, один путь» Пекин укрепляет присутствие в регионе, а взаимодействие с Россией выступает главной опорой этой политики. Однако участие Китая сопряжено с геополитической неопределённостью, институциональными ограничениями и экономическими рисками, что делает актуальным системный анализ его целей, механизмов и вызовов.

Степень разработанности темы. Исследования можно разделить на три направления: работы по сопряжению «Пояса» и ЕАЭС (Цю Тинъи, Фу Юй, Ли Синь), геополитическому измерению партнёрства (Чжао Хуашэн, Ван Шучунь) и эволюции российской политики (Ли Син, Лескова). Однако большинство работ сосредоточено на двустороннем треке либо отдельных проектах, не давая целостного объяснения системы целей Китая в динамике; периодизация процесса также недостаточно проработана.

Объект – внешняя политика Китая в Евразии, предмет – эволюция целей и механизмов его участия в интеграции «Большой Евразии». Хронологические рамки: 2013 г. – настоящее время. Цель – выявить логику эволюции китайской политики, систематизировать её многоуровневую систему целей и оценить перспективы. Задачи: обосновать периодизацию; проанализировать концепции и механизмы сотрудничества; выявить ключевые факторы; определить вызовы и предложить направления развития.

Теоретическая база – работы российских и китайских учёных. Методология: системный подход, историко-генетический метод, институциональный анализ, периодизация.

Новизна – в комплексном анализе политики Китая как многоуровневой системы целей и авторской периодизации. Практическая значимость – выводы могут использоваться для прогнозирования отношений и выработки рекомендаций.

Результаты и обсуждение

«Большая евразийская интеграция» – комплексный процесс, основанный на концепции «Большого евразийского партнёрства» и охватывающий политику, экономику, безопасность и культуру. Роли Китая и России в этом процессе существенно различаются. Россия, занимая центральное географическое положение в Евразии, выступает транспортным узлом и считает себя движущей силой интеграции и безопасности, формируя основу концепции [1]. Её истоки – в евразийстве и неудаче интеграции с Европой; после украинского кризиса 2014 года произошёл переход от «Малой» к «Большой Евразии» [2]. Официально ЕАЭС позиционируется как экономическая инициатива, но в научных кругах отмечаются геополитические амбиции: бросание вызова западному порядку и сдерживание Китая [3]. Китай же рассматривает интеграцию как механизм в рамках «Одного пояса, одного пути», делая акцент на ресурсной взаимодополняемости и стабильности соседних регионов. Партнёрство «Большая Евразия» знаменует «Восточную стратегию» России, ориентированную на АТР и сотрудничество с Китаем, АСЕАН и ШОС [2, 4].

Общие черты двух инициатив создают основу для взаимодополнения, а различия – источник напряжённости. Совпадения проявляются в географии (члены и наблюдатели ЕАЭС – партнёры «Пояса», коридоры пространственно пересекаются) [5], в принципах (опора на правила ВТО, концепция совместного обсуждения и строительства, приоритет экономики, смягчение геополитического давления) [1, 6] и в экономической структуре (Китай силён в капитало– и трудоёмких товарах, ЕАЭС – в ресурсных; Китай – крупнейший торговый партнёр, Фонд «Шёлкового пути» может финансировать инфраструктуру).

Различия порождают противоречия. Теоретически «Пояс» исходит из идеи «сообщества единой судьбы», а ЕАЭС – из евразийства и опыта ЕС. По ведущей логике Россия продвигает «Большое партнёрство» для укрепления своей роли в регионе, используя китайские инвестиции для сохранения доминирования на постсоветском пространстве [7]; Китай же смягчает эксклюзивность через принцип совместного участия и сотрудничество без условий. В механизмах «Пояс» – инициатива «мягкого» типа, а ЕАЭС – «жёсткая» организация с договорной базой; это приводит к трениям в правилах и трудностям координации, а потенциал ШОС как платформы взаимодействия пока не раскрыт [8].

Политика участия Китая в евразийской интеграции демонстрирует характерные для каждого этапа особенности: за более чем десять лет она прошла путь от формирования консенсуса к созданию институциональной базы, от реализации отдельных проектов к всеобъемлющей интеграции, и в целом может быть разделена на три этапа:

Начальный этап (2013–2016 гг.)

В 2013 г. Китай запустил инициативу «Один пояс, один путь» и обозначил шесть экономических коридоров. Россия заняла выжидательную позицию, Путин тогда выдвинул концепцию «Русского мира». Поворот наступил в 2015 г.: в мае подписано совместное заявление о взаимодействии, заложившее институциональную основу. В декабре Путин предложил переговоры с ШОС и АСЕАН о создании экономических партнёрств – это стало зачатком Большого евразийского партнёрства. Тогда же президент Казахстана на Генассамблее ООН выступил с идеей интеграции ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути с ЕС, что дало важный концептуальный импульс. Итог этапа: переход от разрозненных действий к стратегическому консенсусу и создание институциональных рамок.

Этап стратегической увязки (2016–2021 гг.)

Стратегия «Большой Евразии» стала ответом России на санкционное давление и расширением зон свободной торговли на базе ЕАЭС. В 2016 г. Путин официально выдвинул идею Большого евразийского партнёрства с опорой на ЕАЭС, где Китай – ключевой участник. Китай первым откликнулся, лидеры подписали заявление о переходе от двустороннего взаимодействия к многостороннему строительству. В 2018 г. вступило в силу соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и ЕАЭС, регулирующее упрощение процедур по правилам ВТО. ШОС закреплена как главная платформа. В 2019 г. создана пилотная зона свободной торговли в провинции Хэйлунцзян как узел сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией; Россия ответила зонами ускоренного развития на Дальнем Востоке – так сложилась двусторонняя пространственная взаимосвязь.

Этап глубокой интеграции (с 2022 г.)

После украинского кризиса западные санкции ускорили «поворот России на Восток», и сотрудничество вышло на уровень глубокой интеграции. В энергетике растут поставки по «Силе Сибири», в 2025 г. подписан меморандум по «Силе Сибири-2» с участием Монголии. В финансах выросла доля расчётов и резервов в юанях, российские банки подключаются к системе трансграничных расчётов в юанях. В логистике устойчиво растут перевозки по маршрутам «Россия–Европа», укрепляется транзитная роль порта Владивосток. В Арктике коммерческая навигация по Севморпути в рамках «Ледяного Шёлкового пути» становится регулярной. На многостороннем уровне ШОС расширилась за счёт Ирана и Беларуси, БРИКС пополнил состав и включил концепцию «Большой Евразии» в повестку. Китай и Россия совместно координируют такие механизмы, как ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, «Один пояс, один путь» и АБИИ [9]. Суть этапа – трансформация двустороннего сотрудничества в многостороннюю институциональную сеть под влиянием геополитического давления и сближения позиций по «общему экономическому пространству». В перспективе сеть будет расширяться на АСЕАН, ССАГПЗ и другие объединения [10].

Политическая практика Китая в Евразии оформлена в многоуровневую систему целей. На базовом уровне – обеспечение беспрепятственных трансевразийских перевозок, энергобезопасности, оптимизация торговли и расширение производственных цепочек [13]; на промежуточном – поддержание стабильности китайско-российского сотрудничества в логике «конкуренции и сотрудничества», закрепление институциональных преференций через сопряжение «Пояса» и ЕАЭС и сохранение «контролируемой дистанции»; на высшем – усиление влияния в региональном управлении, открытость на Запад, укрепление стратегической глубины западных регионов, трансформация в ответственного участника и содействие многополярности [7, 9]. В основе системы – экономические интересы как связующее звено, институциональная координация как инструмент и участие в формировании мирового порядка как конечная цель; при этом различия в восприятии и конструктивная конкуренция между Китаем и Россией останутся её долгосрочной неотъемлемой чертой.

Исторические факторы составляют глубокую культурную и институциональную основу. Воспоминания о взаимодействии, оставшиеся от древнего Шелкового пути, были активированы в результате почти тридцатилетнего институционального строительства, что позволило эффективно снизить культурные барьеры между странами, расположенными вдоль этого маршрута [15]. После распада Советского Союза Китай быстро установил дипломатические отношения с новыми независимыми государствами Евразии и через ШОС заложил институциональные основы безопасности границ и регионального сотрудничества; к 2025 году объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии превысил 100 млрд долларов США, продемонстрировав потенциал в области безопасности и экономики, выходящий за рамки геополитических границ [4].

Политические факторы являются основными движущими силами и сдерживающими факторами. Тенденция к многополярности обеспечивает структурную динамику, а стратегическое партнерство Китая и России в новую эпоху служит гарантией на высшем уровне; на 30-й встрече премьер-министров двух стран в 2025 году было четко обозначено направление содействия скоординированному развитию инициативы «Один пояс, один путь» и Большого евразийского партнерства. Однако локальные конфликты и вызовы в сфере безопасности в регионе угрожают основам сотрудничества; США используют механизм «С5+1» для ослабления центростремительных сил в регионе, на что Китай и Россия отвечают совместным лидерством и институциональным строительством [11].

Экономические факторы являются постоянной движущей силой. Евразийский экономический союз богат энергоресурсами и сельскохозяйственной продукцией, а Китай обладает развитой системой обрабатывающей промышленности и огромным рынком; высокая взаимодополняемость составляет основу сотрудничества. В 2024 году объем двусторонней торговли достиг 291 млрд долларов США, а «Соглашение о сотрудничестве в области торговли и экономики» играет роль стабилизирующего фактора. Прорывы в реализации таких крупных проектов, как Китайско-Киргизско-Узбекская железная дорога, а также превышение общего числа рейсов «Китай-Европа» отметки в 100 тысяч подчеркивают стратегическую ценность наземных транспортных коридоров. Однако единая система правил Союза создает механические ограничения, и адаптация правил остается долгосрочной задачей [12].

Китай постепенно выстроил систему дипломатических механизмов трёх уровней – двусторонних, многосторонних и специализированных платформ. Двусторонние механизмы составляют основу сотрудничества: регулярные встречи глав государств и премьеров Китая и России обеспечивают координацию на высшем уровне, а с государствами Центральной Азии Китай взаимодействует через межправительственные комитеты, подписывая соглашения о защите инвестиций и увязывая национальные стратегии, например «Путь света», с инициативой «Один пояс, один путь», гибко отвечая на разнообразные запросы. Многосторонние механизмы служат основной структурой: взаимодействие «Пояса» и ЕАЭС – от совместного заявления 2015 года до соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве 2018 года – заложило институциональную основу для упрощения региональной торговли, а ШОС, охватывающая всех членов ЕАЭС, выступает платформой для консультаций, обеспечивая двустороннюю поддержку в сферах безопасности и экономики [14]. Специализированные платформы охватывают энергетику, финансы и культурные обмены: китайско-российский энергокомитет координирует крупные нефтегазовые проекты, «Фонд Шёлкового пути» инвестирует в Ямальский СПГ и арктическую логистику, становясь важным источником финансирования, а культурные годы создают каналы для гуманитарных обменов [15]. В экономическом измерении Китай стабильно остаётся крупнейшим торговым партнёром ЕАЭС, товарооборот растёт вопреки внешним негативным тенденциям; регулярные перевозки по маршрутам «Китай–Европа» сокращают трансграничные издержки, а Ямальский СПГ подтверждает эффективность инвестиционно-производственных механизмов, что не только оптимизирует энергоснабжение Китая, но и связывает экономики Восточной Азии и Европы. В политическом аспекте Китай и Россия вышли на уровень всестороннего стратегического партнёрства в новую эпоху, координируя позиции по ключевым международным вопросам; в рамках ШОС ведётся совместная борьба с «тремя силами», что укрепляет региональную безопасность, а принцип сотрудничества без политических условий получил широкое признание в регионе.

Выводы

Китай, опираясь на «Один пояс, один путь» как основное направление и на стратегическое сотрудничество с Россией как опору, участвует в интеграции Большой Евразии и уже добился заметных результатов. Однако процесс сталкивается с геоэкономическими и структурными вызовами.

Первоочередной вызов – усиление геополитических рисков. Нагорно-карабахский конфликт, трения в Центральной Азии и украинский кризис подрывают основу сотрудничества. США через расширение НАТО и механизм «С5+1» ослабляют центростремительные силы в регионе, а несовместимость институтов Китая и России с механизмами под эгидой США усиливает внешнее давление. Структурные узкие

места – глубокий сдерживающий фактор. Между жёстким таможенным союзом ЕАЭС и гибкой моделью «Пояса» существует несоответствие, затрудняющее согласование тарифов и стандартов. Концепция «Евразийского экономического партнёрства» остаётся на стадии проработки, а разногласия по маршрутам «Китай–Европа» и Севморпути отражают внутренние противоречия российской политики. Экономическая неопределённость также сдерживает процесс: спад мировой экономики и волатильность цен снижают инвестиционную активность. Торговля Китая и России зациклена на энергоресурсах и сырье, что ограничивает интеграцию цепочек. Требуется расширение сотрудничества в цифровой экономике и «зелёном» переходе. Внешние инициативы (ЕС, Индо-Тихоокеанская рамка) конкурируют за правила и ресурсы.

В перспективе участие Китая будет проходить в условиях конструктивной конкуренции на основе макроконсенсуса. Отношения выходят за рамки «игры с нулевой суммой», эволюционируя к «кантовской дружбе». Взаимодействие на высшем уровне обеспечивает руководство, но разногласия по логике интеграции сохраняются – это норма.

Для продвижения необходимо искать общие знаменатели и углублять сотрудничество поэтапно. «Большое партнёрство» расширило географию; для его увязки с «Поясом» требуется консенсус и практическое взаимодействие с опорой на экспертов и бизнес. На институциональном уровне – строить зону свободной торговли по принципу «от простого к сложному»: сначала соглашение Китая с ЕАЭС, затем подключение ШОС. В инфраструктуре – ускорить «мягкую» взаимосвязанность (правила и стандарты). На многостороннем уровне создание механизма аналитических центров при Евразийском форуме и десятилетняя стратегия ШОС свидетельствуют о формировании сетевого управления, хотя институционализация требует времени. В долгосрочной перспективе акцент Китая сместится с расширения на качество и управление рисками, что способствует инклюзивному и сбалансированному развитию региона.

Литература

1. Цю Тинъи. Роль Китая в российском «Большом евразийском партнерстве»: на примере сопряжения инициативы «Пояс и путь» и ЕАЭС: дис. … магистра / Дипломатическая академия КНР. Пекин, 2023. DOI: 10.27373/d.cnki.gwjxc.2023.000121.

2. Фу Юй. Анализ вызовов сопряжения «Большого евразийского партнерства» и инициативы «Пояс и путь»: дис.магистра / Восточно-Китайский педагогический университет. Шанхай, 2019.

3. Чжао Хуашэн. Китай и Большое евразийское партнерство // Международные исследования. 2017. № 6. С. 14–27.

4. Чжао Чуаньцзюнь, Сяо Вэньхуэй. Как Китай должен реагировать на план Путина «Большое евразийское партнерство» // Вестник экономических исследований. 2017. № 6. С. 150–151.

5. Чу Лин. Интеграция инициативы «Один пояс, один путь» и Большого евразийского партнерства: предпосылки, мотивы и приоритеты реализации // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 1. С. 95–100.

6. Осинский И.И. Евразия и Китай // Евразийство и мир. 2018. № 1. С. 16–29. DOI: 10.18101/2306-630X-2018–1–16–29.

7. Чжан Хунъюань. Исследование китайско-российских отношений в рамках «Большого евразийского партнерства»: дис. … магистра / Пекинский университет иностранных языков. Пекин, 2022. DOI: 10.26962/d.cnki.gbjwu.2022.000435.

8. Ван Шучунь, Чжу Янь. Большое евразийское партнерство: глубинный анализ в многомерной перспективе // Российские исследования. 2017. № 2. С. 17–43.

9. Ли Цзыго. Большое евразийское партнерство и инициатива «Пояс и путь» // Зарубежные инвестиции и экспортные кредиты. 2017. № 5. С. 37–41.

10. Ли Синь, Ху Бэйбэй. Всеобъемлющее евразийское партнерство: истоки и пути // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2017. № 6. С. 58–75, 154. DOI: 10.20018/j.cnki.reecas.2017.06.005.2

11. Лескова И.В., Парфенов Д.А., Адамская Л.В. Большая Евразия: Россия или Китай // Вестник евразийской науки. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bolshaya-evraziya-rossiya-ili-kitay (дата обращения: 21.07.2026)

12. Ли Син. Усилия и трудности российской евразийской интеграции: в ракурсе создания институциональных механизмов и дискурсивной системы // Тихоокеанский журнал. 2025. Т. 33, № 8. С. 1–14. DOI: 10.14015/j.cnki.1004-8049.2025.08.001.

13. Ли Чэнь. Концепция и практика стратегии евразийской интеграции России: дис. … магистра / Уханьский университет. Ухань, 2020. DOI: 10.27379/d.cnki.gwhdu.2020.000248.

14. Ян Лэй. Сопряжение «Пояса и пути» и Большого евразийского партнерства в перспективе международных институтов // Северо-Восточный азиатский форум. 2021. Т. 30, № 1. С. 115–126.

15. Ли Юнцюань. Большое евразийское партнерство и «Пояс и путь» // Российский журнал. 2018. Т. 8, № 4. С. 5–14.

CHINA'S POLICY ON THE 'GREATER EURASIA' INTEGRATION PROCESS

Cui Xinyue
Tomsk State University

The logic of China's evolving policy is key to understanding regional cooperation in Eurasia. Existing studies examine the foundations of China-Russia strategic rapprochement primarily from a single perspective, without providing a comprehensive explanation of the entire political system. This paper divides China's engagement into three stages: initial engagement, strategic rapprochement, and deep integration. A systemic analysis of goals, factors, mechanisms, and challenges is conducted. It is shown that China has developed a multi-layered system of goals–economic coordination, political stability, and global inclusive development–the evolution of which is determined by a combination of historical, political, and economic factors. China has built a mechanism for multilateral, collaborative diplomacy, but its activities remain constrained by geopolitical, institutional, and economic uncertainty. Clarifying the logic of these goals will help harness opportunities for cooperation, mitigate disagreements, and serve as a guide for Eurasian integration.

Keywords: Greater Eurasian integration; Chinese foreign policy; Belt and Road Initiative; strategic alignment; China–Russia relations.

References

1. Qiu Tingyi. China's Role in Russia's "Greater Eurasian Partnership": The Case of the Alignment of the Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union: Master's Dissertation / Diplomatic Academy of the People's Republic of China. Beijing, 2023. DOI: 10.27373/d.cnki.gwjxc.2023.000121.

2. Fu Yu. Analysis of the Challenges of Aligning the "Greater Eurasian Partnership" and the Belt and Road Initiative: Master's Dissertation / East China Normal University. Shanghai, 2019.

3. Zhao Huasheng. China and the Greater Eurasian Partnership // International Studies. 2017. No. 6. pp. 14–27.

4. Zhao Chuanjun, Xiao Wenhui. How Should China Respond to Putin's "Greater Eurasian Partnership" Plan // Bulletin of Economic Research. 2017. No. 6. pp. 150–151.

5. Chu Ling. Integration of the "One Belt, One Road" Initiative and the Greater Eurasian Partnership: Prerequisites, Motivations, and Implementation Priorities // Socio-Political Sciences. 2021. Vol. 11, No. 1. pp. 95–100.

6. Osinsky I.I. Eurasia and China // Eurasianism and the World. 2018. No. 1. pp. 16–29. DOI: 10.18101/2306-630X-2018-1-16-29.

7. Zhang Hongyuan. Research on Sino-Russian Relations within the Framework of the "Greater Eurasian Partnership": Master's Dissertation / Beijing International Studies University. Beijing, 2022. DOI: 10.26962/d.cnki.gbjwu.2022.000435.

8. Wang Shuchun, Zhu Yan. Greater Eurasian Partnership: In-Depth Analysis in Multidimensional Perspective // Russian Studies. 2017. No. 2. pp. 17–43.

9. Li Ziguo. Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative // Foreign Investments and Export Credits. 2017. No. 5. pp. 37–41.

10. Li Xin, Hu Beibei. Comprehensive Eurasian Partnership: Origins and Paths // Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia. 2017. No. 6. pp. 58–75, 154. DOI: 10.20018/j.cnki.reecas.2017.06.005.2

11. Leskova I.V., Parfenov D.A., Adamskaya L.V. Greater Eurasia: Russia or China // Bulletin of Eurasian Science. 2024. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bolshaya-evraziya-rossiya-ili-kitay (date of access: 21.07.2026)

12. Li Xing. Efforts and Difficulties of Russian Eurasian Integration: in the Perspective of Creating Institutional Mechanisms and a Discursive System // Pacific Journal. 2025. Vol. 33, No. 8, pp. 1–14. DOI: 10.14015/j.cnki.1004-8049.2025.08.001.

13. Li Chen. The Concept and Practice of Russia's Eurasian Integration Strategy: Master's Dissertation / Wuhan University. Wuhan, 2020. DOI: 10.27379/d.cnki.gwhdu.2020.000248.

14. Yan Lei. The Conjugation of the Belt and Road and the Greater Eurasian Partnership in the Perspective of International Institutions // Northeast Asian Forum. 2021. Vol. 30, No. 1, pp. 115–126.

15. Li Yongquan. Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road // Russian Journal. 2018. Vol. 8, No. 4. Pp. 5–14.

Миграция как инструмент «гибридных войн» и фактор давления в международных отношениях

Шевцов Лев Фёдорович,
аспирант, кафедра политических процессов и технологий,
Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
E-mail: lev_shevtsov@mail.ru

В статье рассматривается феномен использования миграционных потоков в качестве инструмента гибридной войны и средства политического давления в международных отношениях. Анализируются теоретические подходы к понятию «гибридная война», выделяются основные характеристики миграционного оружия, его цели, формы и механизмы реализации. Особое внимание уделяется практическим кейсам последних лет: миграционному кризису на границе Беларуси и Польши (2021), давлению Турции на Грецию и Европейский союз (2020), а также использованию миграционных рычагов в отношениях между другими государствами. Автор рассматривает миграцию как асимметричный инструмент, направленный на дестабилизацию внутриполитической обстановки, подрыв экономической стабильности и создание гуманитарного кризиса. В статье также исследуются международно-правовые и этические аспекты данного явления, анализируются возможности противодействия миграционному давлению со стороны международного сообщества и отдельных государств. Делается вывод о том, что использование миграции в качестве оружия становится устойчивой тенденцией современной мировой политики, требующей выработки коллективных механизмов защиты.

Ключевые слова: миграция, гибридная война, международные отношения, политическое давление, миграционный кризис, дестабилизация, безопасность, суверенитет.

Введение

В современном мире всё более очевидным становится размывание границ между военными и невоенными инструментами ведения политической борьбы. Государства, стремясь достичь внешнеполитических целей, всё чаще прибегают к асимметричным стратегиям, которые не предполагают прямого вооружённого столкновения. Одним из таких инструментов становится миграция. Потоки беженцев и экономических мигрантов, которые в обычных условиях являются естественным следствием глобализации и региональных конфликтов, могут намеренно использоваться государствами для оказания давления на оппонентов и дестабилизации их внутриполитической ситуации. Подобная практика получила название «миграционное оружие» или «миграционный шантаж».

Актуальность темы обусловлена рядом миграционных кризисов последнего десятилетия, в ходе которых миграционные потоки целенаправленно создавались или использовались для достижения политических целей. События на белорусско-польской границе в 2021 году, на греко-турецкой границе в 2020 году, а также миграционный кризис в Европейском союзе 2015–2016 годов продемонстрировали, что миграция становится инструментом гибридных войн, эффективность которого не уступает информационным операциям или кибератакам.

Миграция как асимметричный инструмент политического давления в условиях гибридных войн

Термин «гибридная война» получил широкое распространение после событий в Крыму и на Донбассе в 2014 году, хотя сама концепция разрабатывалась и ранее. Под гибридной войной понимается совокупность военных и невоенных, открытых и скрытых действий, направленных на достижение политических целей без формального объявления войны. В гибридной войне противник использует сочетание регулярных и иррегулярных формирований, информационные операции, кибератаки, экономическое давление, дипломатические манипуляции и гуманитарные акции. И. Истомин определяет гибридную войну как «использование широкого спектра различных форм ведения войны, включая конвенциональные возможности, нерегулярные тактики и формирования, террористические акты (включая насилие и принуждение) и уголовный беспорядок» [4, с. 101]. В российском дискурсе значительный вклад в разработку проблематики внесли Е.С. Алисиевич, М.М. Алексеева, Н.Б. Бааль, А.А. Машковцев, которые обращают внимание на информационно-психологические и миграционные аспекты гибридных конфликтов [1; 23].

Ключевой характеристикой гибридной войны является асимметричность и использование «серых зон» между миром и войной. Инструментарий гибридной войны включает информационно-пропагандистское воздействие, кибератаки, экономические санкции, поддержку сепаратистских и оппозиционных движений, энергетический шантаж, а также использование миграционных потоков. Миграционная составляющая органично вписывается в эту систему, поскольку она позволяет наносить ущерб противнику без применения военной силы, создавая внутреннюю напряжённость и подрывая социальную стабильность.

По мнению ряда исследователей, миграция в гибридной войне используется в двух основных формах: во-первых, как непосредственное провоцирование миграционного кризиса путём создания искусственного потока беженцев через границу, а во-вторых, как информационный повод для дестабилизации политической обстановки в принимающей стране. В обоих случаях выигрывает актор, который контролирует миграционный поток и направляет его в нужное время и в нужном направлении.

Миграционное оружие имеет ряд характерных особенностей, которые делают его привлекательным для государств-ревизионистов. Во-первых, это относительная дешевизна и доступность. Для того чтобы создать миграционный кризис, не требуется значительных финансовых затрат, особенно если в регионе уже существуют стихийные потоки беженцев. Достаточно либерализовать визовый режим, открыть границы или создать условия для транзита. Во-вторых, сложность правовой квалификации. Использование миграции как оружия трудно до-

казать и привлечь виновных к ответственности, поскольку это не является прямым нарушением международного права. Государство всегда может сослаться на гуманитарные соображения или неспособность контролировать поток. В-третьих, высокий дестабилизирующий потенциал. Миграционный кризис вызывает гуманитарные проблемы, рост социальной напряжённости, активизацию ксенофобских настроений, увеличение бюджетных расходов на приём и размещение мигрантов, а также может спровоцировать политический кризис в принимающей стране. В-четвёртых, многофункциональность, ведь миграция может использоваться в качестве инструмента краткосрочного давления (создание кризиса на границе) или долгосрочного изменения демографической и этнополитической ситуации в стране-реципиенте. В последнем случае речь идёт о стратегическом использовании миграционных потоков для «размывания» национальной идентичности и ослабления государства изнутри.

Механизм миграционного давления, как правило, выглядит следующим образом: государство-инициатор (донор миграции или транзитное государство) сознательно создаёт условия для формирования массового потока мигрантов и направляет его к границе государства-жертвы [7, с. 44]. При этом сама миграция может быть стихийной, но организуются коридоры, упрощается процедура въезда, предоставляются транспортные средства, иногда мигрантам оказывается информационная поддержка. Государство-жертва вынуждено либо принимать мигрантов, что чревато внутренними проблемами, либо закрывать границы, что сопряжено с гуманитарными издержками и репутационными потерями.

Практика использования миграционного давления в современных международных отношениях

Наиболее ярким примером использования миграции в качестве гибридного инструмента является миграционный кризис на границе Беларуси и Польши, начавшийся летом 2021 года. Белорусские власти, после введения западных санкций и обострения отношений с Европейским союзом, организовали доставку мигрантов из стран Ближнего Востока (Ирак, Сирия, Афганистан) в Минск, а затем направили их к границам Польши, Литвы и Латвии. По оценкам европейских экспертов, белорусская сторона активно способствовала организации туров для мигрантов, включая выдачу виз, бронирование авиабилетов и предоставление транспорта к границе [4]. Действия Беларуси были квалифицированы Польшей и странами Балтии как гибридная атака и использование мигрантов в качестве «живого щита». Кризис продолжался несколько месяцев, сопровождался гибелью людей в приграничной зоне, введением чрезвычайного положения в Польше и строительством заграждений на границе. В конечном итоге, ЕС договорился с Беларусью о прекращении кризиса, однако последствия остаются ощутимыми.

Турецкое миграционное давление на Грецию и Европейский союз также является показательным. В феврале-марте 2020 года Турция объявила, что больше не будет сдерживать мигрантов на своей границе, и открыла проход к греческой границе. Это привело к скоплению десятков тысяч мигрантов и столкновениям с греческими пограничниками. Греция, поддержанная ЕС и НАТО, жёстко пресекала попытки пересечения границы. Хотя Турция формально действовала в контексте выполнения соглашения с ЕС о мигрантах, критики расценили её действия как попытку получить финансовую и политическую поддержку от Брюсселя, а также отомстить за критику турецкой политики в Сирии. Подобный метод давления Турция использовала и в отношениях с другими странами, в том числе с Россией и Ираном, хотя масштабы были меньшими [3, с. 151].

Ещё одним примером является миграционный кризис 2015–2016 годов в Европе, когда Германия, Швеция и другие страны столкнулись с массовым притоком беженцев из Сирии, Афганистана и других государств. Распространено мнение, что ряд стран, в частности Турция и страны Персидского залива, использовали гуманитарные потоки для ослабления позиций европейских правительств, углубления разногласий внутри ЕС и укрепления собственных переговорных позиций. Хотя прямые доказательства «миграционного оружия» в этом случае менее очевидны, сам кризис был срежиссирован контрабандистами и транснациональными сетями, за которыми, по некоторым данным, стояли государственные структуры.

Китайская миграционная политика также рассматривается рядом аналитиков как потенциальный инструмент давления. Речь идёт о целенаправленном расселении китайских граждан в странах Африки и Юго-Восточной Азии, что может привести к изменению демографического баланса и усилению влияния Китая в этих регионах. Однако в данном случае миграция используется не для создания кризиса, а как стратегический инструмент экономической экспансии, что не вписывается в классическое определение «миграционного оружия». Тем не менее, подобные практики вызывают обеспокоенность у принимающих государств.

С точки зрения международного права, использование миграционных потоков для оказания давления является нарушением ряда норм и принципов. Прежде всего, это принцип невмешательства во внутренние дела государств, закреплённый в Уставе ООН. Создание искусственного миграционного кризиса на границе другого государства можно рассматривать как форму вмешательства, направленную на подрыв политической стабильности. Кроме того, подобные действия нарушают дух и букву Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 года, которая требует от государств не высылать беженцев в страны, где им угрожает опасность, и не создавать условий, принуждающих людей к пересечению границы в экстремальных условиях.

Однако на практике привлечение государств к ответственности за использование «миграционного оружия» крайне затруднительно. Для того чтобы доказать вину, необходимо установить наличие умысла и причинно-следственной связи между действиями государства и возникшим миграционным потоком. В большинстве случаев государство-инициатор отрицает свою роль, ссылаясь на стихийный характер миграции. В результате, международное сообщество оказывается практически беззащитным перед данным видом агрессии. Некоторые эксперты, в числе которых О.Н. Лешенюк, предлагают разработать специальную конвенцию, запрещающую использование миграции в качестве инструмента политического давления [6, с. 149]. Однако реализация такого предложения сталкивается с серьёзными политическими трудностями, поскольку ряд государств, включая Россию, могут рассматривать это как ограничение своего суверенитета. В отсутствие чётких международно-правовых механизмов жертвы миграционного давления вынуждены полагаться на собственные силы.

Противодействие миграционному давлению как фактору трансформации международного порядка

Использование миграции в качестве инструмента гибридной войны отражает более широкие изменения в природе международных отношений. Классические механизмы сдерживания, основанные на военной мощи и экономических санкциях, становятся менее эффективными. Асимметричные угрозы, такие как миграционное давление, кибератаки и информационные войны, позволяют государствам-ревизионистам достигать целей без открытой конфронтации, что затрудняет ответные меры.

Миграционный кризис в Европе и Беларуси показал, что даже развитые государства не готовы к подобным вызовам. Их правовые системы, основанные на принципах верховенства права и защиты прав человека, оказываются уязвимыми перед циничным использованием гуманитарных норм. В ответ на это мы наблюдаем тенденцию к секьюритизации миграции, когда государства начинают рассматривать миграцию не как гуманитарный вызов, а как угрозу национальной безопасности. Это проявляется в строительстве стен на границах, ограничении визовых режимов, усилении пограничного контроля. Такие меры, в свою очередь, создают новые гуманитарные проблемы и противоречат либеральным ценностям, что также активно используется в информационных кампаниях гибридного характера.

Кроме того, миграционное давление способствует дестабилизации региональных организаций. Например, миграционный кризис в Европейском союзе в 2015 году привёл к обострению противоречий между странами-членами, даже несмотря на единые принципы распределения ответственности. В случае с Беларусью Литва, Польша и Латвия действовали скоординированно, но ЕС как целое оказался не в состоянии выработать единую стратегию. Это подтверждает тезис о том, что миграционное оружие может направленно использоваться для ослабления интеграционных объединений [5, с. 33].

Противодействие миграционному давлению требует комплексного подхода, включающего как национальные, так и международные меры. На национальном уровне необходимо усиление пограничного контроля и строительство инженерных сооружений, совершенствование миграционного законодательства с введением механизмов быстрого рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, расширение полномочий правоохранительных органов по пресечению нелегальной миграции, развитие системы приёма и размещения мигрантов для минимизации гуманитарного ущерба, а также создание единого информационного пространства для противодействия дезинформации, распространяемой в миграционной среде. На международном уровне необходимо заключение соглашений между странами о реадмиссии и совместном управлении миграционными потоками, создание механизмов раннего предупреждения о возможных миграционных кризисах, разработка международно-правовых актов, квалифицирующих использование миграции в качестве враждебного акта, укрепление сотрудничества между спецслужбами и пограничными ведомствами,

а также оказание экономической помощи странам – источникам миграции с целью устранения корневых причин миграции, что, однако, является долгосрочной задачей. Важно подчеркнуть, что меры противодействия должны быть сбалансированы, чтобы не нарушать права беженцев и лиц, ищущих убежища. В противном случае государства, применяющие жёсткие меры, могут стать объектом критики и информационных атак, что также используется в гибридных войнах.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что миграция стала неотъемлемым инструментом гибридных войн и политического давления в современном мире. Её использование позволяет государствам-ревизионистам добиваться своих целей без открытой военной конфронтации, нанося ущерб стабильности, экономике и внутриполитической ситуации стран-жертв. Примеры Беларуси, Турции и других государств демонстрируют, что миграционное оружие является эффективным и трудно наказуемым инструментом. В условиях отсутствия адекватных международно-правовых механизмов борьбы с этим явлением, государства вынуждены самостоятельно адаптироваться к новым угрозам, что приводит к секьюритизации миграции и ужесточению пограничного контроля. В долгосрочной перспективе необходимо разработать международные соглашения, которые позволят квалифицировать использование миграции в враждебных целях как агрессию и установят коллективные меры ответственности.

Исследование миграционного аспекта гибридных войн остаётся перспективным направлением политологии, требующим дальнейшего изучения, особенно в контексте развития мировой миграционной системы и изменения климата, которое может породить новые волны миграции, доступные для использования в политических целях.

Для улучшения ситуации следует активизировать работу по созданию под эгидой ООН постоянно действующего механизма мониторинга миграционных потоков, который позволил бы выявлять признаки искусственного стимулирования миграции и своевременно информировать международное сообщество. Также целесообразно разработать и принять рамочную конвенцию, устанавливающую запрет на использование мигрантов в качестве инструмента политического давления, и предусмотреть в ней меры ответственности для государств-нарушителей. Кроме того, необходимо расширять программы экономической помощи и стабилизации в странах – источниках массовой миграции, что будет способствовать устранению первопричин этого явления и снизит уязвимость международного сообщества перед миграционным шантажом.

Литература

1. Алисиевич Е.С., Алексеева М.М. Региональная безопасность в условиях гибридного конфликта: ответ ОДКБ на санкции и действия недружественных государств // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2026. – № 2. – С. 10–19.

2. Бааль Н.Б., Машковцев А.А. Некоторые аспекты состояния национальной безопасности России в общественно-политической сфере // Вестник Университета мировых цивилизация. – 2025. – № 4 (49). – С. 7–15.

3. Букалерова Л.А., Шагиева Р.В., Остроушко А.В. К вопросу о противодействии новым вызовам преступности мигрантов // Право и управление. – 2022. – № 10. – С. 150–154.

4. Истомин И. Войны будущего в свете опыта прошлого // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 11. – С. 101–114.

5. Ковалев А.А. Трансформация культурных ценностей в условиях войн нового типа // Вестник Челябинского государственного ун-та. – 2025. – № 1 (495). – С. 31–38.

6. Лешенюк О.Н. Укрепление региональной системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ // Современная Европа. – 2022. – № 3. – С. 145–156.

7. Морозов И.Л. Геостратегическая ловушка как инструмент гибридных войн в условиях депрессивного сверхдлинного военного цикла // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 9. – С. 42–50.

MIGRATION AS A TOOL OF «HYBRID WARS» AND A FACTOR OF PRESSURE IN INTERNATIONAL RELATIONS

Shevtsov L.F.

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations

The article examines the phenomenon of using migration flows as a tool of hybrid warfare and a means of political pressure in international relations. The theoretical approaches to the concept of «hybrid warfare» are analyzed, and the main characteristics of migration weapons, their goals, forms, and mechanisms of implementation are identified. Special attention is paid to practical cases from recent years: the migration crisis on the border between Belarus and Poland (2021), Turkey's pressure on Greece and the European Union (2020), as well as the use of migration levers in relations between other states. The author views migration as an asymmetric tool aimed at destabilizing the domestic political situation, undermining economic stability, and creating a humanitarian crisis. The article also examines the international legal and ethical aspects of this phenomenon and analyzes the possibilities of countering migration pressure from the international community and individual states. The conclusion is that the use of migration as a weapon is becoming a stable trend in modern world politics, requiring the development of collective protection mechanisms.

Keywords: migration, hybrid warfare, international relations, political pressure, migration crisis, destabilization, security, sovereignty

References

1. Alisievich E.S., Alekseeva M.M. Regional Security in the Context of Hybrid Conflict: The CSTO's Response to Sanctions and the Actions of Unfriendly States // Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii. – 2026. – № 2. – Pp. 10–19.

2. Baal N.B., Mashkovtsev A.A. Some Aspects of the State of Russia's National Security in the Socio-Political Sphere // Vestnik Universiteta Mirovykh Tsivilizatsiy. – 2025. – № 4 (49). – Pp. 7–15.

3. Bukalerova L.A., Shagieva R.V., Ostroushko A.V. On the issue of countering new challenges posed by migrant crime // Law and Management. – 2022. – № 10. – Pp. 150–154.

4. Istomin I. Wars of the Future in the Light of Past Experience // World Economy and International Relations. – 2022. – Vol. 66, № 11. – Pp. 101–114.

5. Kovalev A.A. Transformation of Cultural Values in the Context of New-Type Wars // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2025. – № 1 (495). – Pp. 31–38.

6. Leshenyuk O.N. Strengthening the regional system of collective security within the framework of the CSTO // Modern Europe. – 2022. – № 3. – pp. 145–156.

7. Morozov I.L. Geostrategic trap as a tool of hybrid wars in a depressed ultra-long military cycle // Society: politics, economics, law. – 2025. – № 9. – pp. 42–50.

Кинематограф на службе философии: трансляция мировой афористики (анализ сериала «Быть Эрикой)

Берберова Лиана Бурхановна,
канд. пед. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: berberova.liana@yandex.ru

В статье представлен комплексный анализ современного канадского киносериала «Быть Эрикой» в рамках культурологических учений. Определены основные квалификационные черты фильма: полижанровый характер, антропоцентризм, плотность интертекстуального пространства, продуктивный синтез философских, педагогических, психологических, литературных дискурсов. Прослежены и изучены специфические особенности метода психотерапевтической ревитализации главной героини (Эрики) с помощью авторских и народных афоризмов, их познавательного и дидактического потенциала. Рекомендовано использование отрефлексированного паремиологического материала на курсах повышения квалификации работников образования, при разработке стратегии и тактики воспитания в образовательной системе России, в процессе преподавания дисциплин «Философия», «Педагогика», «Теория обучения и воспитания», «Английский язык» на философских, педагогических и филологических специальностях и факультетах в высшей школе.

Ключевые слова: Киносериал, антропоцентризм, психология, детские травмы, терапия, интертекст, архетипические ценности, мировая культура, афоризмы.

Введение

Вся мировая культура, начиная от наскальных рисунков первобытного homo sapiens, и, заканчивая современными инновационными видами искусства, подчинена единой глобальной задаче – разгадать природу человека, развить его физически и духовно, помочь ему достичь высшего в самом себе.

Особое место в этом ряду занимает киноискусство, официально зародившееся в 1895 г. За прошедшие с тех пор 130 лет, согласно статистике, в мире создано около 2,6 млн фильмов самого разного уровня. При этом, критики бьют тревогу, отмечая, что кинематография в настоящее время «сталкивается со следующим этапом своей эволюции, когда все идеи уже реализованы, все технические возможности изобретены и использованы не раз, все темы уже озвучены и отрефлексированы, апробированы новые компьютерные технологии, в том числе, 3Д-экран; кинопрокат полон ремейков, сиквелов, мидквелов и прочих спин-оффов» [1, с. 111]. Не совсем поддерживая данное алармистское умонастроение, хотелось бы показать плодотворный опыт некоторых кинематографистов, в условиях кризиса изыскивающих инновационные формы.

Цель настоящей статьи – дать объективную культурологическую оценку современному канадскому сериалу «Быть Эрикой». Достижение этой цели предусматривает решение следующих **задач:** в краткой форме воссоздать творческую историю фильма; исследовать его полижанровый и интертекстуальный характер; охарактеризовать антропоцентрический статус сериала; изучить степень интегрированности в поэтику фильма образцов мировой афористики; подчеркнуть воспитательный потенциал фильма; разработать модель использования афористических единиц фильма на занятиях по философии, английскому языку в высшей школе. В формировании **методологии** решающую роль сыграла серия научных трудов журнала «Социально-гуманитарные знания» [2], где задан общий алгоритм исследования проблем воспитания и самовоспитания личности. В вопросах профессионального киноведения автор статьи обращался к изданию «Школа критики. Сборник статей о литературе и кино» [1]. **Актуальность** статьи обусловлена необходимостью компенсировать информационный пробел, связанный с объективизацией воспитательного потенциала, содержащегося в сериале «Быть Эрикой».

Полижанровый характер фильма

Знаком выраженной творческой оригинальности отмечен канадский сериал «Быть Эрикой» (2009–2011), полижанровый характер которого определяется гармоничным сочетанием элементов драмы, мелодрамы, комедии и фэнтэзи. Над 49-серийным телефильмом на протяжении трех с лишним лет трудилась целая команда режиссеров – Майкл МакГоун, Крис Грисмер, Рик Розенталь, Джон Фоусет, Кари Скогланд, Алекс Чаппл, Кен Джиротти, Келли Макин. Сценаристы – Дэвид Фортье, Иван Шнеберг, Диган Фрайклинд. Главную роль в сериале сыграла Эрин Карплак – талантливая канадская актриса со славянскими корнями.

Новаторство создателей сериала «Быть Эрикой» проявилось в смелом использовании междисциплинарного подхода для более глубокого и интенсивного проникновения в суть исследуемых природных и социальных законов бытия в проекции на судьбу главной героини. Отечественный философ Г.Д. Гачев в своей статье «Героический энтузиазм философии» пишет: «В человечестве нарастает голод по целостной картине мира. А между тем все направление деятельности ума на протяжении тысячелетий – размножение частных познаний, отпочкования науки от науки, дифференциация и специализация, так что уже десятки тысяч особых научных дисциплин. И все труднее собрать мир воедино. Но человек-то един, целостен! Все в него поступает и должно в нем соединиться. А между тем уже в школе маленький человечек, переходя в кабинет физики, должен позабыть и выключить знание, полученное на уроке истории, а входя в церковь, должен забыть о знании, полученном на уроке биологии. Все сознание у нас раздроблено на герметические отсеки, как переборками и шпангоутами в подводной лодке. Чтоб правая рука (иль полушарие мозга) не ведала, что делает (или знает) левая» [3, с. 5].

Мастерство канадских кинематографистов проявилось в умелом соединении гносеологических, эвристических возможностей класси-

ческой фильмографии, философии, педагогики, психологии и литературоведения. Такое взаимоналожение нескольких гуманитарных дискурсов позволило создать «подобие голографического целого, где все составные части проясняют друг друга» [4, с. 4]. В фундаментальную основу названного киносериала положены интертекстуальные отсылки к философии, психологии и к трудам классиков мировой литературы.

Антропоцентризм

Отечественный ученый-филолог Л.П. Егорова в статье с примечательным названием «Гамбургский счет антропоцентрического литературоведения» на широкой доказательной базе исследует процесс последовательной смены следующих крупных культурных парадигм в истории мировой гуманитаристики: теоцентризм – социоцентризм – текстоцентризм – антропоцентризм [5, с. 8]. Поддерживая и развивая теорию специалиста, отметим, что при всех директивно-идеологических смещениях человек, как главный фигурант текста, все же никогда полностью не покидал смысловое поле произведения. Да и представители творческих профессий, не взирая на всевозможные направленческие ограничители, не переставали создавать «антропоцентрические» произведения, главным художественным маркером которых был именной комплекс, вынесенный в заголовок. Достаточно вспомнить такие произведения, как «Антигона» (Софокл), «Медея» (Еврипид), «Песнь о Сиде» (П. Корнель), «Евгений Онегин» (А.С. Пушкин), «Анна Каренина» (Л.Н. Толстой), «Портрет Дориана Грея» (О. Уайльд), «Джейн Эйр» (Ш. Бронте), «Жизнь Клима Самгина» (М. Горький), «Мартин Иден» (Дж. Лондон). Жизненную философию каждого из перечисленных героев в той или иной мере определяет экзистенциальная формула «self-made-man» (человек, делающий самого себя). В чеканном, максимально отточенном виде указанная формула навсегда вошла в анналы русского переводческого искусства, благодаря Михаилу Лозинскому, который в уста «русского» Гамлета вложил следующую версию: «Век расшатался, // И скверней всего, что я рожден // Восстановить его!» [6, с. 78].

В контексте антропоцентрических учений напомним читателю и о другом культурном коде трагедии «Гамлет», навсегда определившим культ деятельной личности, способной от рефлексивного уровня перейти к созидательному, практическому. Это глагольная матрица «to be or not to be» (быть или не быть).

В этом смысле заголовок анализируемого канадского сериала «Быть Эрикой» («Being Erika») посредством ключевого, онтологически сильно заряженного глагола «to be» (быть) интертекстуально и концептуально восходит к гамлетовско-шекспировскому типу самоорганизованной личности с выраженным чувством ответственности за свой экзистенциальный статус и статус мира. Отметим и весьма важный гендерный фактор, связанный с появлением на мировом экране колоритного женского образа гамлетического типа с набором душевных расстройств, типичных для представителей молодежной среды XXI века.

Фильм: тематика и проблематика

Суть фильма заключается в исследовании психологических проблем типичной среднестатистической молодой женщины, которая погрязла в своих детских травмах, ощущает себя тотальной неудачницей, живет с чувством обиды на родителей, школьных учителей и на весь мир. Несмотря на два высших образования, у Эрики нет любимой профессии, формально она трудится в сфере журналистки, но свою работу воспринимает как нудную социальную повинность. Нет счастья и в родном доме, где не просто «скелет в шкафу», но целые «ангары со скелетами». Родители в разводе, брат трагически погиб. Из школьного опыта вынесена также незаживающая душевная рана из-за того, что учительница по литературе посмеялась над первым стихотворным опытом Эрики.

На фоне всех этих неурядиц главная героиня попадает в больницу. Здесь следует отметить связь физиологии с психологией, физики с метафизикой в духе романа Ж.-П. Сартра «Тошнота»: «ядом» психологических проблем оказался отравлен девушки организм. На ее счастье, в клинике оказывается нетривиально мыслящий врач-психотерапевт, который берется лечить Эрику по своей авторско-новаторской методике.

Алгоритм психотерапии доктора Тома заключается в следующем: пациентке предлагается с ревизионной оптикой погрузиться в свое прошлое, провести символическую «работу над ошибками», пофантазировать над всеми моментами бифуркации и примерить на себя альтернативный, предпочтительный ход развития событий. Все психологические экзерсисы с проработкой прошлого, моделированием новых жизненных сценариев показывают, что гладкая, безоблачная жизнь изначально утопична, далека от действительности. Ошибки, жизненные сожаления, травмирующие истории, случаи фатального невезения в совокупности составляют экзистенцию каждой личности. По логике сериала, в мире нет абсолютно счастливого человека, полнота бытия складывается из многообразного, богатого онтологического опыта, где есть место счастливым мгновениям, нейтральным состояниям и кризисным, трагическим ситуациям. В итоге здоровой саморефлексии Эрика поняла главное: человек не может изменить свое прошлое, но может изменить свое отношение к прошлому.

Вечные ценности

Самого высокого одобрения в целительной методике доктора Тома заслуживает обращение к богатейшему духовно-практическому опыту мыслителей прошлого. Концепция создателей фильма: лучшие таблетки для больного это – крупицы вселенского Разума, воплощенные в авторских изречениях, народных афористических выражениях, которые в принципе можно назвать микропритчами. Нам неизвестен другой такой фильм, где столь высоко оценивалась бы миссия слова. В данном контексте приходят на ум строки отечественного поэта Вадима Шефнера (1914–2002):

Словом можно убить,
Словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.

[7].

При просмотре фильма возникает впечатление, что на каком-то из поэтологических уровней весь сериал начинает представлять собой огромную «энциклопедию цитат», извлеченных из всей толщи мировой культуры. Всего мы насчитали 89 изречений, тематически складывающихся в семь взаимосвязанных концептосфер: «Правда и мудрость», «Успех и преодоление трудностей», «Жизнь и путь саморазвития», «Любовь и отношения», «Время и судьба», «Образование и обучение», «Мораль и этика». Среди привлеченных мудрецов значатся имена представителей разных народов и разных исторических времен – Будда, Эзоп, Аристотель, Эсхил, Гомер, Галилео Галилей, Овидий, Сенека, Гераклит, Ньютон, Томас Мур, Гегель, У. Черчилль, М. Ганди, Мартин Лютер Кинг, З. Фрейд, Б. Шоу, Э. Эрасмус, А. Коули, А. Эйнштейн, Гёте, М. Твен, Р. Эмерсон, Т. Пейн, У. Шекспир, К. Льюис, Р. Бах, А. де Сент-Экзюпери, А. Камю, Дж. Оруэлл, Ш. Бронте, Г. Миллер, Коко Шанель, О. Уайльд, Ф. Достоевский и др. Активно задействованы в сериале также пословицы и поговорки разных народов мира (латинские, китайские, американские, буддийские, русские).

По сценарию, на каждую проблемную историю Эрики ее лечащий врач из мирового гуманитарно-просветительского опыта извлекает прицельное изречение и тут же прикладывает его как «лист подорожника на рану», достигая тем самым почти мгновенного оздоровительного эффекта. Таким образом, планомерно закрывается каждый гештальт героини.

Приведем наиболее яркие примеры из фильма. По сюжету главная героиня впала в депрессию из-за разом навалившихся на нее трудноразрешимых проблем. На этот счет у доктора оказывается целая подборка психотерапевтических изречений, возвращающих пациентке жизнелюбие и мировоззренческий оптимизм. «Давление рождает алмазы» «Pressure makes diamonds» (General George S. Patton) – говорит доктор со ссылкой на Дж.С. Паттона, доказывая, что любая бытийная трудность в принципе может и должна стать отличной предпосылкой для саморазвития, стимулом для нового физического и духовного квеста.

На следующем этапе с долей мягкого юмора терапевт приводит слова канадского писателя и вокалиста Леонарда Коэна: «Если все трещит по швам, то через щель появляется свет». «There is a crack in everything. That's how light gets in». (Leonard Cohen). Данная сентенция в рамках диалектического единства противоположностей учит прозревать в негативе скрытое позитивное начало. Люди часто недооценивают себя, думая, что без больших физических сил, влиятельных родителей и мощного образовательного бэкграунда им будет сложно добиться значимых успехов в жизни. Для таких индивидов с низкой самооценкой врач приводит яркий пример из природного мира: «Отвага – это не могучий дуб, встречающий бури, а хрупкий цветок, расцветший на снегу» (А. Свейн). «Courage is not the towering oak that sees storms come and go – it is the fragile blossom that opens in the snow». (Alice Swain).

Любопытный факт: многие приводимые в фильме изречения носят универсальный характер и имеют свои вариации в фольклоре и литературе других народов. К примеру, кавказским (балкарским) художественным аналогом вышеприведенной «вегетативной» пословицы американской целительницы А. Свейн является стихотворение Кайсына Кулиева:

Мила мне в сильных слабость, в слабых сила.
Гром грохотал, раздув свои меха,
Могучий дуб гроза не повалила,
Но выдержала бурю и ольха.
И вот теперь, когда проплыли тучи,
Простая песнь с моих слетает губ,
В которой славлю я не дуб могучий,
А слабую ольху, стоявшую, как дуб [8, с. 166].
Перевод Н. Гребнева

По логике доктора Тома, есть нерешительные пациенты, которые страдают прокрастинацией и годами живут с невоплощенными идеями, лишь имитируя движение вперед, работая бессистемно, урывками, без должного энтузиазма. Людей с такими «черепашьими шагами» психотерапевт взбадривает американской пословицей «Не получится перепрыгнуть расщелину в 60 метров в два 30-метровых прыжка». Суть пословицы в том, что в судьбоносный «час Икс» надо суметь максимально сконцентрироваться на цели, «принудив сердце, нервы, тело» [9, с. 342]. По фильму видно, насколько сильное позитивное влияние на безвольную, робкую Эрику оказывает и оригинальный афоризм американского просветителя Ральфа Эмерсона «Каждая стена – это дверь». Смысл афоризма в том, что мужественный человек с должным боевым настроем ради достойной цели любые преграды-стены сумеет превратить в открытые ворота, в триумфальную «красную дорожку» для себя, для своих единомышленников.

Любовь – одно из самых загадочных, феноменальных явлений в мироздании, и, пожалуй, самая популярная тема как в художественной литературе, так и в сфере киноискусства. Не обойдена вниманием любовная проблематика и в рассматриваемом канадском сериале. Меланхолия главной героини во многом обусловлена разочарованием в молодом человеке, который обещал ей подарить «все золотые звезды Клондайка», а на деле, оказался бесхребетным лузером-ловеласом. Задача врача – вернуть героине веру в любовь, раскрыв ее значимость в жизненной стратегии человека, подчеркнув связанность этого светлого чувства с самой высокой точкой духовной сферы. Все просветительские мысли доктора, на наш взгляд, коррелируют с популярным двустишием персидского поэта Омара Хайяма:

Иглою любви прокололи артерию духа,
И капля упала, и сердцем ее нарекли
[10, Хайям, с. 230].

Камертон раненой души своей пациентки доктор Том и на этот раз поправляет средствами афористического наследия, в частности, словами У. Шекспира о том, что «путь истинной любви никогда не бывает гладким». Судя по живописным кадрам, рефлексирующая героиня прониклась и следующим умозаключением современного американского писателя Сэма Кина: «Мы приходим к любви не потому, что находим идеального человека, а потому что учимся видеть несовершенного человека в совершенстве». («We come to love not by finding the perfect person but by learning to see an imperfect person perfectly» Sam Keen).

Нетривиально мыслящий доктор в ходе фильма ярко демонстрирует, что «афоризмы – лучшее лекарство», но в то же время показывает их зависимость от историко-культурного контекста, от бытийного контекста пациента. К примеру, отрабатывая паттерн «быть собой», целитель приводит два афоризма, которые в «чистом виде» внутренне противоречат друг другу, но оба могут оказаться одинаково полезными при различных жизненных обстоятельствах. Приведем их. «Учись быть собой и учись с достоинством отказываться от того, кем ты не являешься» (А.Ф. Эмиель). «Learn to be what you are, and learn to resign with good grace all that you are not». (Frederic Amiel). «Играй того, кем хочешь быть и вскоре станешь им» – Боб Дилан. «Act the way you want to be and soon you'll be the way you act» – Bob Dylan. Только критический ум личности может определиться с тем, что для него актуально в этот момент, а от чего лучше отказаться.

Финал

Слова А.С. Пушкина «И чувства добрые я лирой пробуждал» [11] могут послужить весьма точным аксиологическим маркером сериала «Быть Эрикой», поскольку, действительно, кинокартина производит благоприятное и благотворное впечатление на зрителя своим «хэппи-эндом». По художественной концепции режиссеров, героиня, напитанная мудростью веков, в финале излечивается от всех своих душевных недугов, взрослеет морально и духовно. Былая неудачница превращается в Личность с большой буквы, находит работу по душе, обретает настоящего друга, налаживает гармоничные взаимоотношения с родственниками. Теперь она личность, которая «поддерживает порядок и гармонию, регулирует нравственные законы и не допускает хаоса в духовном пространстве» [12, с. 39]. Высшая точка ее духовного роста заключается в том, что вскоре из ведомой она превращается в ведущую, то есть сама становится психотерапевтом, работающим по принципу «Нашел путь спасения сам, укажи на него другому».

Здесь следует отметить и плодотворно использованный в фильме «прием проективной идентификации» [13, с. 376], побуждающий молодых зрителей (и в особенности, зрительниц), мысленно идентифицируя себя с Эрикой, пройти тот же самый многотрудный путь саморазвития и самовоспитания с опорой на многовековой интеллектуально-духовный капитал человечества.

Методика преподавания

Киносериал «Быть Эрикой» ценен и актуален прежде всего своей содержательно-смысловой стороной, базирующейся на идее духовно-нравственного самосовершенствования человека. При этом не менее важен и лингвокультурологический, языковой аспект фильма, который весьма успешно может быть использован в учебном процессе вузов РФ как средство для развития речевой практики студентов по английскому языку.

С сентября по конец декабря 2025 г. автор данной статьи в качестве warm-up на занятиях с группой ЭКиESG25–1 на базе Финансового университета давал следующее задание: каждый студент по очереди смотрел одну серию сериала, выписывал цитаты и выносил их на обсуждение. Все цитаты вызывали бурную реакцию, студенты спорили, приводили примеры из жизни и т.д. Когда встречались противоположные по смыслу цитаты, студенты делились на группы и отстаивали свою точку зрения. Также сериал помог закрепить тему: «Second Conditional. (Второй тип условных предложений). Образец: If you could go back and relive events of your life, what would you do differently, what other choices would you make? If you could travel to the past, what would you change? (Что бы Вы изменили в своей жизни, если бы у Вас была возможность вернуться в прошлое?). В отличие от Эрики, которая хотела многое поменять в прошлом, студенты хотели поменять 1–3 решения в своей жизни, видимо в силу своего юного возраста. В целом, студенты отметили пользу просмотра сериала, возможность порефлексировать, узнать не только себя лучше, но и однокурсников.

Заключение

В жанрово-стилистическом отношении сериал «Быть Эрикой» может быть определен как инновационный фильм, в котором органически совмещаются элементы драмы, мелодрамы, комедии и фэнтези. Междисциплинарный дискурс кинокартины складывается из многочисленных интертекстуальных отсылок к трудам философов, психологов, литературных деятелей. Знаки антропоцентризма проявляются в заголовочном комплексе фильма («Быть Эрикой»), а также в фокусировании режиссерского внимания на одной, отдельно взятой личности, на разрешении ее психологических проблем. Двумя ключевыми глаголами «быть» и «стать» определяется процесс внутреннего роста главной героини. Квинтэссенцией всего сериала является поэтизация общечеловеческих духовно-этических ценностей, воплощенных в формат афористических выражений, часть которых можно именовать микропритчами. В рамках воспитательных и просветительских задач считаем целесообразным использовать данный паремиологический и художественный материал на уроках английского языка в системе общеобразовательных и высших школ Российской Федерации.

Литература

1. Перепечина В. Препарируя индустрию, или великая саморефлексия кинематографа // Школа критики. Сборник статей о литературе и кино. Тула: Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», 2024. С. 110–116.

2. Заховаева А.Г., Урсу А.В. Философия детства: от страха бытия к «эре милосердия» // Социально-гуманитарные знания. 2026. С. 278–282.

3. Гачев Г.Д. Героический энтузиазм философии // Наклеушев Е.А. Введение в унологию, или единое знание: Набросок системы метафилософии – метанауки – метатеологии. Ярославль: Александр Рутман, 2001. С. 5–10.

4. Наклеушев Е.А. Введение в унологию, или единое знание: Набросок системы метафилософии – метанауки – метатеологии. Ярославль: Александр Рутман, 2001. 345 с.

5. Егорова Л.П. Гамбургский счет антропоцентрического литературоведения / Антропоцентрическая парадигма в филологии: Материалы Международной научной конференции. Ч.I. Литературоведение /Ред.-сост. Л.П. Егорова. Ставрополь: Изд.-во СГУ, 2003. С. 3–15.

6. Шекспир У. Гамлет. Трагедия в V актах. Перевод Б. Пастернака. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 1981. 176 с.

7. Шефнер В.С. Слова [https://www.culture.ru/poems/14464/slova]

8. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений. В 3-х томах. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. 1961–1969. Пер. с балкар. М., «Худож. лит»., 1977. 542 с.
9. Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения.: Пер. с англ./Сост., вступ. ст., примеч. А. Долинина. Л.: Худож. лит., 1989. 368 с.
10. Хайям О. Рубаи: Пер. с перс.-тадж. – Л.: Сов.писатель, 1986. – 320 с
11. Пушкин А.С. Я памятник себе воздвиг нерукотворный… [https://www.culture.ru/poems/5577/ya-pamyatnik-sebe-vozdvig-nerukotvornyi]
12. Кучукова З.А. Онтологический метакод как системообразующий принцип этнопоэтики (на материале карачаево-балкарской поэзии) // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. Нальчик, 2006. 42 с.
13. Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Пер. с англ. К. «София», М.: ИД «Гелиос», 2002. 496 с.

CINEMA IN THE SERVICE OF PHILOSOPHY: BROADCASTING GLOBAL AFORISMS BROADCASTING (ANALYSIS OF THE TV SERIES «BEING ERICA»)

Berberova L.B.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article presents a comprehensive analysis of the contemporary Canadian television series «Being Erica» within the framework of cultural studies. The film's key defining features are identified: its multi-genre nature, anthropocentrism, dense intertextual space, and productive synthesis of pedagogical, psychological, philosophical, and literary discourses. The specific features of the method of psychotherapeutic revitalization of the main character (Erica) using authorial and folk aphorisms, as well as their cognitive and didactic potential, are explored and analyzed. The use of reflected paremiological material is recommended in advanced training courses for educators, in developing educational strategies and tactics in the Russian educational system, and in teaching the disciplines «Pedagogy», «Theory of Teaching and Education», and «English Language» in pedagogical and philological specialties and faculties in higher education.

Keywords: TV series, anthropocentrism, psychology, childhood trauma, therapy, intertext, archetypal values, world culture, aphorisms.

References

1. Perepechina V. Dissecting the Industry, or the Great Self-Reflection of Cinema // School of Criticism. Collection of Articles on Literature and Cinema. Tula: L.N. Tolstoy Museum-Estate "Yasnaya Polyana", 2024. Pp. 110–116.
2. Zakhovaeva A.G., Ursu A.V. Philosophy of Childhood: From the Fear of Existence to the "Era of Mercy" // Social and Humanitarian Knowledge. 2026. Pp. 278–282.
3. Gachev G.D. The Heroic Enthusiasm of Philosophy // Nakleushev E.A. Introduction to Unology, or Unified Knowledge: An Outline of a System of Metaphilosophy – Metascience – Metatheology. Yaroslavl: Alexander Rutman, 2001. Pp. 5–10.
4. Nakleushev E.A. Introduction to Unology, or Unified Knowledge: A Sketch of a System of Metaphilosophy – Metascience – Metatheology. Yaroslavl: Alexander Rutman, 2001. 345 p.
5. Egorova, L.P. The Hamburg Account of Anthropocentric Literary Criticism / The Anthropocentric Paradigm in Philology: Proceedings of the International Scientific Conference. Part I. Literary Criticism / Ed. L.P. Egorova. Stavropol: Saratov State University Publishing House, 2003. pp. 3–15.
6. Shakespeare, W. Hamlet. A Tragedy in V Acts. Translated by B. Pasternak. Izhevsk: Udmurtia Publishing House, 1981. 176 p.
7. Shefner, V.S. Words [https://www.culture.ru/poems/14464/slova]
8. Kuliev K. Sh. Collected Works. In 3 volumes. Vol. 2. Poems. Poems. 1961–1969. Translated from Balkar. Moscow, "Khudozh. lit.", 1977. 542 p.
9. Kipling R. Short Stories. Poems: Translated from English. / Comp., introduction, notes by A. Dolinin. Leningrad: Khudoz. lit., 1989. 368 p.
10. Khayyam O. Rubai: Translated from Persian-Taj. – Leningrad: Sov.pisatel, 1986. – 320 p.
11. Pushkin A.S. I erected a monument to myself, not made by hands… [https://www.culture.ru/poems/5577/ya-pamyatnik-sebe-vozdvig-nerukotvornyi]
12. Kuchukova Z.A. Ontological metacode as a system-forming principle of ethnopoetics (based on Karachay-Balkar poetry) // abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences / Kabardian-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. Nalchik, 2006. 42 p.
13. Estes K.P. Women Running with the Wolves. The Female Archetype in Myths and Legends. Translated from English. K. "Sofia", Moscow: Publishing House "Helios", 2002. 496 p.

Всемирная роль кофе

Кравченко Альберт Иванович,
д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Миллионы людей не представляют себе, как провести день без любимого напитка, выпивая чашечку за чашечкой с раннего утра до позднего вечера. Кофе сформировал или повлиял на ряд субкультур, в том числе специализированную субкультуру кофеманов – ценителей кофе. Какую пользу принёс кофе человечеству? Сколько хороших решений было принято за чашкой кофе, проведено деловых и научных конференций? Как измерить его вклад – в деньгах, возведенных объектах и проложенных магистралях? А какой вред принесли посиделки за рюмкой водки или бокалом вина?

Кофейный бум, кофейный кризис, кофейный спрос, кофейное предложение, кофейная биржа, кофейный рынок, кофейный рейтинг, кофейная логистика, кофейная журналистика, кофейная реклама кофейная дама, кофейные сигареты, кофейные галеты, кофейные туалеты, кофейные заветы, кофейные газеты, кофейные котлеты, кофейные атлеты, кофейный допинг, кофейный стартап, кофейный прилёт, кофейный маклер, кофейный дилер, кофейный трафик, хипстерская кофейня, а ещё кофейные мучения и поучения, кофейные учения, кофейные вовлечения и увлечения, кофейные развлечения и отвлечения, кофейное молчание и венчание, кофейный причал и портал, кофейный город и огород, кофейное нетерпение и страдание, кофейное лечение, кофейное предвкушение, кофейное искушение, кофейное прегрешение, кофейное допущение, кофейное запрещение, кофейное злоключение, кофейное преступление, кофейное наступление, кофейное заключение, кофейное помрачение, кофейное исцеление, кофейное очищение, кофейное воскрешение, кофейное искупление кофейное, кофейное ухаживание и обхаживание, кофейное признание и кофейное призвание – всё это богатый мир кофе, принимающий ошеломительные глобальные и исторические масштабы.

Ключевые слова: кофе, World Café, политический кофе, всемирная роль, кафедра, Сократ, Диоген.

Роль кофе в жизни людей варьируется от функциональной до ритуальной, от этической и эстетической до экономической и политической, от физиологической и психологической до социальной и культурологической, от гастрономической до астрономической.

Кофе и кофейня пребывает в нескольких статусах и ипостасях:

- Как предмет производства
- Как предмет торговли
- Как предмет потребления (антропология питания и еды)
- Как предмет культуры (ритуал пития кофе)
- Как предмет технологии приготовления и тема кулинарных рецептов
- Как агент и институт социализации
- Как локомотив развития интеллектуальной культуры
- Как драйвер планирования городского дизайна
- Как третье место и форма публичного пространства
- Как предмет и объект научного исследования
- Как политический фактор

С ростом популярности кофе он стал «брендированным» и политизированным; решения потребителей о том, какой кофе пить и где его покупать, превратились в выбор стиля жизни. Люди могут выбрать для себя только органический кофе, натуральный кофе без кофеина или кофе, который «честно продаётся» через схемы, выплачивающие полную рыночную цену мелким производителям кофе в развивающихся странах. Возможно, они предпочтут посещать «независимые» кофейни, а не корпоративные сети кофеен, такие как Starbuck. Кофеманы могут принять решение о бойкоте кофе из стран с плохой репутацией. Социологу интересно понять, как глобализация повышает осведомлённость людей о проблемах, возникающих в отдалённых уголках планеты, и побуждает их использовать новые знания в собственной жизни (рис. 1).

Рис. 1. Перед кофе все равны. А перед законом?

В политической сфере кофе выполняет много функций. Самой яркой из них служит метафора политики кофе с молоком в Бразилии, обозначающее перемирие двух конкурирующих крупнейших штатов страны – Сан-Паулу, центром кофейной экономики, и Минас-Жерайс, крупнейшего молочного производителя. Их олигархи договорились попеременно ставить своего кандидату у руля государства, дабы прекратить войну. Называется это – Política do Café com Leite.

Справка: «Política do cafe com leite» (Политика кофе с молоком) – этим термином обозначают превалирование в бразильских государственных структурах времен Старой республики (1889–1930) аграрной олигархии крупнейших штатов страны, Сан-Паулу (центр производства кофе) и Минас-Жерайс (центр молочной промышленности). Фактически эта Политика означала, что кресло президента Бразилии по очереди занимали губернаторы этих богатейших штатов. Фраза часто использовалась во времена Старой Республики в Бразилии (1889–1930). Суть ее состояла в том, что всю политику бразильского государства диктовали олигархи из двух штатов: Сан-Паулу (центр выращивания и производства кофе); Минас-Жейрас (молочная промышленность).

Кофе – напиток вначале монахов, а уже потом – монархов, вначале духовной аристократии, священников, а затем уже светской аристократии, дворянства (рис. 2).

Политкорректный кофе: Медведев предлагает переименовать «американо» в «русиано».

Политический кофе: Репрессо, Путино, Русиано. Добавлю: Обамо, Трампиано, Байдучино-капучино, американо-от-итальяно,

Кофе стало продуктом глобалистичным, космополитичным и мегаполисным. Кофе – признак текучей современности, демонстративного потребления, роскоши, гламура, выспренности, субъективности, вызванной доминированием неолиберализма.

Рис. 2. Политический кофе.

Чёрный и белое (не путать с расами) – кофе с молоком – американо, это крепкий эспрессо, разбавленный водой. Молока нет. Байден (молоко) слаб как президент и умственно болен, на смену может прийти здоровая Харрис. До этого в американо главную роль играл чёрный Барак Обама, а вице-президентом у него два срока был Джо Байден (рис. 3).

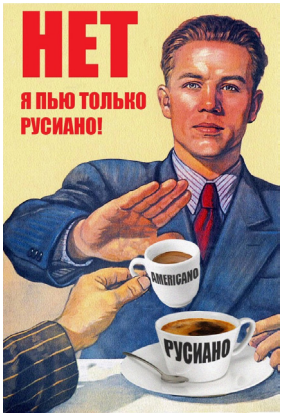

Рис. 3. Кофейные войны – русиано против американо.

Справка: Кофейные войны (Coffee wars), иногда называемые войнами кофеина, включают в себя различные тактики продаж и маркетинга, применяемые сетями кофеен и производителями кофемашин для эспрессо с целью увеличения доли бренда и потребительского рынка. В Северной Америке участниками этих войн обычно являются крупные кофейни, такие как Starbucks, Dunkin', McDonald's и Tim Hortons.

Кофе – очень политический напиток. Карл II пытался запретить кофейни, потому что он думал, что они были местами, где собирались противники и строили заговоры против него. Тогда ещё на кухне не собирались и политические анекдоты не травили. Подслушать и выследить противников в кофейне все же намного легче, чем где-то ещё, например, на улице или в лесу. Так что Карл II был неправ.

Существует не только линейка кофе, но также палитра кофе и параметры кофе. У кофе есть ещё вкус и характер, профиль, карта, бренд

В научно-образовательной сфере кофе дало союз с кафедрой – смысловой, ассоциативный и административный. Не случайно, видимо, в слове «кафедра» можно видеть корень «кафе». В кафе сидят интеллектуалы и ведут умные беседы. На кафедре заседают учёные чиновники и решают организационные вопросы, например, распределение студентов за преподавателями, педагогические нагрузки, премии и надбавки, утверждение тематики курсовых (рис. 4).

Кафедра (греч. kathedra, букв. сидение) – возвышение для оратора, лектора, преподавателя; в христианской церкви возвышение, с которого произносятся проповеди; в вузе основное объединение научно-преподавательского состава по одной или нескольким родственным дисциплинам.

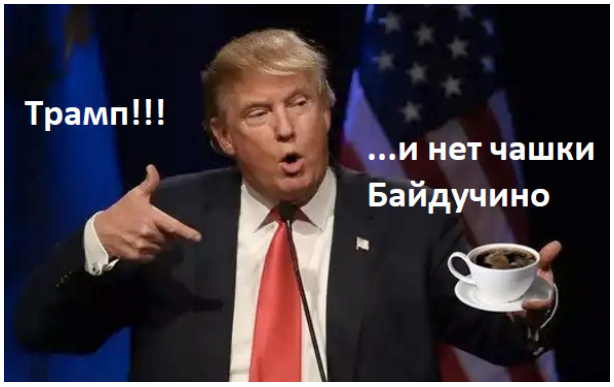

Рис. 4. Кофе президентский.

Кафедра и кафе имеют смысловое и социокультурное единство, хотя лингвистически у них корень разный. На кафедре и в кафе столик – это кафедра для выступления, стол и престол, стол переговоров, сцена репрезентации и презентации себя, механизм самовыражения. Однако кафедральный стол не превратится в кофейный столик, если во время заседания на него поставить чашку кофе. Чашечка кофе в конце застолья – как жирная точка в конце предложения. В ресторане это сигнал завершения мероприятия, в кафе – напиток к пирожному, в кофейне – главное блюдо (рис. 5).

Рис. 5. Диоген с фонарём искал человека.

Точнее сказать, личность в человеке, его духовное начало. Но разве не то же самое раскрывается в доверительной беседе за чашкой кофе? Следовательно, кофе выполняет сходную с фонарём Диогена роль – философскую: поиск или раскрытие в человеке его духовной сущности. Ницше говорил, что в день два часа отведи на одиночество, чтобы поговорить сам с собой.

Кафе Сократа – это собрания по всему миру, где люди из разных слоёв общества собираются вместе и обмениваются философскими взглядами, основанными на их опыте, используя версию метода Сократа, разработанную основателем Кристофером Филлипсом. Группы строят свои дискуссии на основе одноименной книги Кристофера Филлипса 2001 г. и разработанного им руководства. Сегодня во всем мире существуют сотни подобных встреч, координируемых волонтёрами. Писатель Чистофер Филлипс путешествует по миру, чтобы руководить дискуссионными группами, которые он называет Кафе Сократа, привлекая группы людей в манере древнегреческого философа. Сократический метод внес основной вклад в формирование сократовских кафе и в первую очередь повлиял на Филлипса при их создании. Сократические кафе связаны с кафе для разговоров, всемирными кафе и разговорами за кухонным столом. По словам изобретателя Кристофера Филлипса, сократические кафе были разработаны в ответ на неэффективный способ ведения дискуссий американцами – перекрикивать друг друга и не слушать

The Socratic Café (also known as Socrates Café) – это демократический дискуссионный форум, основанный на более известном методе Сократа, который фокусирует свои намерения на том, чтобы быть открытой системой, позволяющей задавать философские вопросы. Сократическое кафе (также известное как кафе Сократа) – это демократический дискуссионный форум, основанный на более известном методе Сократа, который фокусирует свои намерения на том, чтобы быть открытой системой, позволяющей задавать философские вопросы.

World Café (Мировое кафе) – метод сфокусированного неформального обсуждения. Сегодня этот метод пользуется большой популярностью во всем мире. Метод уникален. Он применяется для: решения комплексных проблем, получения ответа на несколько вопросов, принятия нестандартных решений, объединения нескольких точек зрения, планирования групповой работы, подведения итогов проекта, конференции, обучения, года, обмена опытом.

The World Café – это способ проведения бесед по актуальным социальным вопросам, метод мозгового штурма для решения конкретной проблемы, технология ведения демократического дискурса – в отличие от заседания кафедры под руководством начальства – и обучения ему. При этом идеальным сценарием является несколько бесед, которые опираются друг на друга, чтобы вопрос был рассмотрен всесторонне.

Жизнь кофе имеет несколько измерений: 1) натуральную как зерно и напиток, 2) литературную – от стихов и од до анекдотов, рассказов и повестей, где встречается кофе и как персонаж играет главную или второстепенную роль, 3) лингвистическую, когда вокруг слова, его написания на разных языках, формирует особый сленг, рифмы, словообразования, 4) историко-культурную – история кофепития при разных царях, кофеен в формировании интеллектуальной культуры.

Кофе – напиток пластичный. Его вкус меняется не только от сорта, качества, времени хранения и обжарки зёрен, но также от квалификации и настроения бариста, размера, материала и цвета чашки, времени суток, вашей готовности (покушали накануне не то), настроения, самочувствия и др. даже в одной кофейне и у одного персонала.

Когда длительное приобщение к чему-либо превращается вначале в социокультурную практику, а затем – в образ жизни, мировосприятие и систему ценностей, можно говорить о воцерковлении в широком смысле. Кофеманы общаются между собой в твиттере, в онлайн- и оффлайн-сообществах, обсуждают рецепты приготовления любимых напитков, обмениваются опытом, живут только своим любимым напитком, посвящая ему все время – рабочее и досуговое.

Кофе не пьют, а вкушают. Кофе – еда, а не напиток, особенно в аскетическом укладе монастырей. Но в светском укладе дворцов, вил и усадеб кофе стал напитком увеселительным, развлекательным и далеко не аскетическим, если учесть, что неженки-бояре употребляли кофе *вместе* с сладкой пищей, а не *вместо* пищи.

Кофе – оружие массового поражения. Поражения в разных смыслах: 1) по охвату масс населения планеты, 2) поражает в смысле восхищает, удивляет, воскрешает, торчит и т.п. 3) Кофе раздражает слизистую желудка, его нельзя пить натощак (рис. 6).

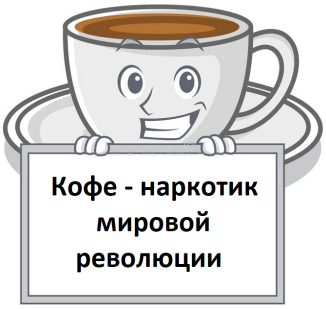

Рис. 6. Кофе – это революционер?

Революционную и креативную роли кофе, на мой взгляд, искусственно преувеличили. Роль европейских кофеен только потому известная, что их завсегдатаи были люди известные и их присутствие фиксировалось. Но если брать Россию, то все бунташные, анархические, утопические и революционные идеи рождались в студенческой среде, а студенты народ бедный и кофе не пили.

Первый глоток горячего кофе – как прибавка к зарплате. Тебя охватывает возбуждение, удовлетворённость, даже в некотором роде нега и предчувствие ещё лучшего будущего. Но нет, каждый следующий глоток, как и каждая прибавка денег, возбуждает все меньше. Ко всему привыкаешь и даже начинаешь критиковать, быть недовольным. А уж если пьёшь медленно, и кофе остывает, то и прибавки как будто не было. Напротив, одни расходы и изъятия. Заканчиваешь с разочарованием. Во-первых, кончилось нечто хорошее (всему приходит когда-то конец). Во-вторых, чашка мала. В-третьих, повторить много нельзя – либо здоровья нет, либо денег, либо времени.

Чашка кофе – не просто чашка, а некая ёмкость, наполненная множеством смыслом. Кофе содержит в себе великое множество микроэлементов, которые создают множество вкусов и ароматов, которые на множество людей воздействует множеством способов. К тому же у каждого человека есть множество рецепторов, на которые воздействует данный раствор. Кофе – множество во множестве, множество, возведённое во множество степеней.

Название Café Americano – эспрессо с добавлением воды – говорит о слабаках американцах, причём не рядовых, а американских солдатах, которые не держат крепкого удара по печени, предпочитая, как бабы, разбавлять кофе водичкой. В этой культуре все процежено, продисцилировано, профильтровано, обезжирено и безжизненно. Культура «Янки гой хоу!»

Романтика кофе: утренний бриз, джаз и блюз, встречное дыхание, разговор полушёпотом, вечер для двоих, полутьма и свеча, вечерняя прохлада, чистота и прохлада, искренность чувств, неповторимость ощущений и переживаний, признания и вздохи, нежность фиалок, запах сирени, сонеты Шекспира, музыка Баха и Прокофьева, подснежники, ветка ели, вкус корицы.

Три этапа кофейной романтики:

- Чашечка кофе при первом знакомстве
- Цветы при первой встрече
- Свадебное колечко на третий раз

Кофе – это не только аккумулятор, заряжающий нас энергией для начала дня и похода на работу. Это не только будильник, пробуждающий ото сна и встречаемый нами, в отличие от обычного механического будильника, с раздражением. Кофе – разрыв будничности, прозы дня, повседневности, стандартности. Это немного праздника в наши в целом не праздничные дни, полные борьбы за существование и суеты. Кофе – это несуетность и небудничность.

Поскольку кофейни это ещё и читальни, то читальня плюс обсуждальня прочитанного равняется учебному заведению. Если не полного курса и не по всем предметам, то курсы повышения квалификации уж точно.

Чем отличается кофе от кофейных напитков? Кофейные напитки отличаются от кофе тем, что кофе в них составляет лишь основание, куда добавляются, как надстройка, всевозможные десерты. Кофе-основание один, а видов настроек великое множество. Структура кофейного напитка похожа на структуру способы производства К. Маркса (рис. 7).

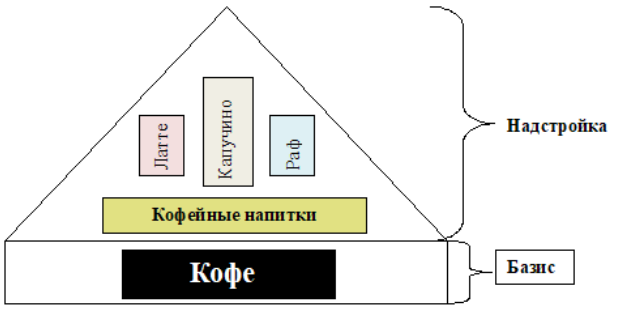

Рис. 7. Кофейный базис и надстройка.

Итак, чёрный классический кофе – базис кофейной индустрии и кофейной культуры. Это основа традиции кофепития, олицетворение трудового общества, которое устроено просто, сурово и без затей. Надстройка – это кофейные напитки, созданные для услаждения вкуса, главным образом, дам. Она для меня символизирует потребительское общество. При этом базис остаётся неизменным и непоколебимым, а надстройка постоянно совершенствуется. Базис и надстройка – это кофейное и околокофейное. Кофе и кофейные напитки, ядро и периферия.

Кофе в строгом смысле не относится к предметам первой необходимости, как скажем, хлеб и вода, без которых человеку не выжить. Долгое время трудовое общество обходилось без этого напитка. Только на высшей своей стадии – индустриальном обществе в XIX в. – кофе стал входить в быт и потребление достаточно широких слоёв населения, отчасти и российского.

Кофе изменил свой статус в обществе потребления и особенно на его вершине – информационном обществе. Неподвижный образ жизни, удобное кресло перед монитором, ноутбук – мобильный компьютер – автоматически ввели в повседневный быт интеллигенции и интеллектуалов кофе. Вдобавок стала изощряться кофейная индустрия, придумывая все новые и новые виды напитка, изощряя органы рецепторов потребителей (рис. 8).

Кофейни несут в себе символический образ цивилизованного прогресса. Одна из причин в том, что только в кофейнях люди могут набраться сил, чтобы осмелиться высказать свои надежды и устремле-

ния в жизни, оставаться в трезвом уме и быть достаточно внимательными, чтобы слушать других.

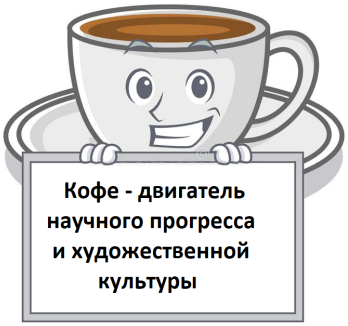

Рис. 8. Кофе – двигатель чего? Двигатель всего!

Кофе – ядерный реактор для нашего организма, атомный двигатель ледокола, разрывающего заторы повседневной жизни и деятельности. А ещё кофе – интересный собеседник и располагающий к себе человека. Разговор наедине с кофе – то же, что разговор наедине с собой. Кофе, как всякий талантливый человек, талантлив во многом и способен удовлетворить самые разные интересы. Кофе – разносторонне развитая личность.

Сколько горожан пьют кофе за столиком в кофейне, а сколько – за своим компьютером дома? Возможно, не меньше, если не больше. Исследователи утверждают, что любители кофе делают примерно на 1000 шагов в день больше, чем те, кто не пьёт кофе, но при этом спят меньше, чем люди, не употребляющие кофе. В исследовании, опубликованном в журнале New England Journal of Medicine, делается вывод, что влияние кофе на здоровье является комплексным, и генетика играет свою роль. Так что за то, чтобы меньше спать. Но если вы меня извините, мне нужно прогуляться.

Человеческий организм – удивительный сосуд для размещения, а позже и размешивания кофе: налив в него горячий напиток, сосуд его слегка охладит; наполнив холодным кофе, мы его согреем. Наше тело – не печка и не термос в полной мере.

Цель кофе – разбудить когнитивный аппарат и перцептивный опыт человека, восстанавливая естественное единство с миром. Кофе является функциональной предпосылкой рабочего дня и утреннего распорядка. В какой-то мере это прагматический ответ на призыв продолжить ночной отдых и не просыпаться. Ответ ритуальный, привычный для большинства, ободряющий и позитивный. Кофе – пограничная черта, сообщение о том, что закончилась одна полоса жизни и началась другая. Проснулся, протёр глаза, выпил кофе и просунулся в восходящий день (рис. 9).

Рис. 9. Люди приходят и уходят, а кофе остаётся.

Кофе открывает перспективу дня, которая привлекает внимание к, казалось бы, обыденным действиям и предметам, таким как покупка продуктов, исполнение повседневных бытовых обязанностей, трудовых будней и поддержание материальной культура дома.

Одомашнивание кофе и доместикация кофе – в чем сходство и различие? Одомашнивание кофе – переход от употребления кофе в городской кофейне к приготовлению крафт-кофе в городской квартире и распитие кофе не за казённым столиком среди чужих людей, а у себя на кухне или в зале среди своих любимых.

А культивация кофе – это что такое? Окультуривание некогда дикой ягоды или перевод дикой ягоды в товар широкого использования, изобретение всевозможных рецептов кофейных напитков и технологии обработки, а также строительство многочисленных типов кофеен и кафе включая мобильные.

Сегодня кофе – это многомиллиардная индустрия, в которой занято более 26 млн человек, обслуживающих 8 млрд. потребителей по всему миру. Воистину кофе – символ космополитизма. Рефлексивная и остро критичная культура, характерная для кофейни эпохи Просвещения, сошла на нет. Кофе стало крупной индустрией, а кофейни – процветающим бизнесом, заботящимся о себе, а не об обществе. Минимизация, а затем и деградация гражданской активности привела к изменению социальной функции «дома Калди» (Kaldi Home Coffee).

THE GLOBAL ROLE OF COFFEE

Kravchenko A.I.

Millions of people can't imagine spending a day without their favorite beverage, sipping cup after cup from early morning until late evening. Coffee has shaped or influenced a number of subcultures, including the specialized subculture of coffee drinkers – coffee connoisseurs. What benefits has coffee brought to humanity? How many good decisions have been made over a cup of coffee, how many business and scientific conferences have been held? How can its contribution be measured – in money, in buildings constructed, in highways laid? And what harm has gatherings over a shot of vodka or a glass of wine caused? Coffee boom, coffee crisis, coffee demand, coffee supply, coffee exchange, coffee market, coffee rating, coffee logistics, coffee journalism, coffee advertising, coffee lady, coffee cigarettes, coffee biscuits, coffee toilets, coffee testaments, coffee newspapers, coffee cutlets, coffee athletes, coffee doping, coffee startup, coffee arrival, coffee broker, coffee dealer, coffee traffic, hipster coffee shop, and also coffee torments and teachings, coffee teachings, coffee involvements and hobbies, coffee entertainments and distractions, coffee silence and wedding, coffee pier and portal, coffee city and vegetable garden, coffee impatience and suffering, coffee cure, coffee anticipation, coffee temptation, coffee sin, coffee admission, coffee prohibition, coffee misadventure, coffee crime, coffee offensive, coffee conclusion, coffee Coffee obfuscation, coffee healing, coffee purification, coffee resurrection, coffee redemption, coffee courtship and wooing, coffee recognition, and coffee calling – all this constitutes the rich world of coffee, taking on stunning global and historical proportions.

Keywords: coffee, World Café, political coffee, global role, pulpit, Socrates, Diogenes

Влияние искусственного интеллекта на развитие и образование обучающихся

Халикова Лилия Рашатовна,
соискатель ученой степени кандидата филологических наук
Сибирский федеральный университет
E-mail: example@sfu-kras.ru

В статье анализируется возрастная детерминированность влияния технологий искусственного интеллекта на становление языковой личности в условиях образовательного процесса. Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью дифференцировать возрастные периоды, поскольку речевое развитие учащихся модифицируется под воздействием генеративных нейросетей и голосовых интерфейсов неодинаково на разных стадиях онтогенеза. Эмпирический корпус, составленный из публикаций 2021–2026 годов, позволил выделить три главные онтогенетические стадии: младший школьный возраст (7–10 лет), подростковый период (11–15 лет) и юношеский этап (16–18 лет). Две первые возрастные группы демонстрируют наибольшую выраженность негативных проявлений. К числу таковых относятся: сужение практики непосредственного диалога, обеднение эмоционально-выразительного пласта речи и дробление когнитивных процессов. Напротив, на юношеском этапе те же технологические инструменты при сформированной рефлексивной позиции обучающегося обнаруживают ресурс для продуктивного роста прагматических и когнитивных способностей. Разработка вариативных стратегий педагогического сопровождения признается необходимой – эти стратегии должны строиться с учетом возрастных характеристик контингента. Материал ориентирован на исследователей в области лингводидактики, возрастной педагогики и психолингвистики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, педагогическая медиация, языковая личность, обучающийся, возрастная вариативность, речевой онтогенез, цифровая социализация.

Введение

Генеративные нейросетевые модели внедряются в образовательное пространство с нарастающей интенсивностью. Тем самым инициируется комплекс вопросов, касающихся влияния ИИ-технологий на ход формирования языковой личности обучающегося. В корпусе научных публикаций выделяются различные грани этого влияния. В числе потенциальных позитивных сторон фигурируют адаптационный потенциал программных продуктов, широкая доступность лингвистических массивов и способность систем к воспроизведению диалоговых структур. Одновременно с этим в литературе [5, с. 621–624; 9, с. 8–15] фиксируются и сопряженные деструктивные факторы: трансформация внешних речевых проявлений, сдвиги в социокультурной плоскости, технологический контекст взаимодействия, а также редукция аффективной насыщенности коммуникации.

Возрастной ракурс обозначенной проблематики, однако, оказывается проработанным в недостаточной мере. Между тем характер воздействия ИИ-инструментов на речевой онтогенез демонстрирует вариативность, зависимую от стадии развития индивида. Именно данное обстоятельство делает учет возрастных параметров необходимым условием содержательного анализа: без такого учета теряется эвристическая ценность исследования. Н.И. Клушина отмечает, что цифровая среда заставляет пересматривать традиционные концепции языковой личности и авторства; при этом нейросеть квалифицируется исследователем как принципиально иной тип автора [1, с. 20–22]. Однако интерпретировать данный феномен адекватно невозможно, не соотнося его с конкретным возрастным этапом обучающегося.

Цель работы – оценить возрастную динамику влияния ИИ-технологий на языковую личность и выявить периоды, нуждающиеся в усиленном педагогическом сопровождении. Достижение цели требует последовательного решения задач. Сначала систематизируется эмпирический материал о воздействии ИИ-инструментов на речь учащихся разных возрастов. Затем выделяются возрастные этапы по характеру этого воздействия. Наконец, обосновать целесообразность дифференцированного подхода при интеграции технологий в образовательный процесс.

Материалы и методы

Теоретическую базу составили концепция языковой личности Караулова и культурно-исторический подход Выготского. Социальная ситуация и возрастные новообразования образуют тот контекст, в котором рассматривается речевое развитие на завершающих онтогенетических стадиях. В основу эмпирической базы легли экспериментальные работы, опубликованные в период 2021–2026 годов. Их предметная область охватывает генеративные нейросети, голосовых ассистентов и диалоговых агентов, причем все эти технологии рассматриваются сквозь призму детской и подростковой речи. Отбор источников проводился по трем параметрам: наличие экспериментальной части, соответствие теме и фиксация возраста участников. В ходе работы применялись методы теоретического анализа, обобщения и систематизации.

Результаты

Проведённый анализ позволяет дифференцировать три возрастных этапа.

Первый этап – 7–10 лет. Эксперимент М.А.Н. Эльмадавея с соавторами (90 четвероклассников) продемонстрировал, что применение голосового ассистента Alexa способствует росту беглости чтения и улучшению понимания текста [7, с. 36–40]. Важное уточнение: эффект проявляется исключительно при наличии педагогического сопровождения. В отсутствие такового дети переходят в режим пассивного восприятия. Дополнительно зафиксировано: младшие школьники характеризуют нейросети одновременно как «умные» и «глупые». Критическая оценка генерируемого контента вызывает у них серьёзные затруднения [6, с. 10–12]. Подобная двойственность проявлений указывает на неполную сформированность регуляторных механизмов познавательной деятельности. Ко второму этапу отнесена возрастная группа 11–15 лет. Воздействие ИИ приобретает двойственный характер. В систематическом обзоре технология квалифицируется как «инструмент мышления», обладающий потенциалом для активизации автономной учебной деятельности [9, с. 8–15]. В анализируемых источниках фиксируется

опасность сужения межличностной коммуникации. Подростки, сталкивающиеся с социальными трудностями, нередко выбирают в качестве собеседника ИИ-систему. Мотивация подобного выбора прозрачна: программный агент не демонстрирует отвержения и не прибегает к критическим оценкам. Однако замещение естественного диалога искусственным аналогом не создает условий для прогресса в сфере эмоционального интеллекта. Поведенческая вовлечённость при работе с нейросетью остаётся высокой, однако аффективная составляющая и эмоциональная глубина уступают аналогичным параметрам живого диалога [6, с. 11–13]. Третий этап – 16–18 лет. При условии сформированности рефлексивной позиции обучающиеся способны задействовать ИИ как рабочий инструмент. Исследование Ч. Ду с соавторами (233 студента) установило: восприятие полезности ChatGPT опосредовано такими личностными характеристиками, как добросовестность и открытость опыту [10, с. 32–40]. Эмпирические данные подтверждают наличие прямой корреляции между продуктивностью взаимодействия и уровнем развития саморегуляторных механизмов наряду со сформированностью рефлексивной позиции. Аналогичные результаты получены Р. Линуром с соавторами: деструктивный потенциал технологического воздействия, согласно анализируемым источникам, реализуется лишь в условиях кумулятивного эффекта трех составляющих: цифровая грамотность, внутренняя мотивация и рефлексивная компетентность. [11, с. 10–13].

Сводные результаты анализа рассмотренных публикаций представлены в таблице 1.

Таблица 1. Возрастное разграничение влияния ИИ-инструментов на становление языковой личности обучающегося

Возрастной этап	Исследование	Основные эффекты	Риски
Младший школьный (7–10 лет)	Elmaadaway et al. (2025)	Повышение беглости чтения и понимания при педагогическом сопровождении	Пассивное восприятие, некритичность, зависимость от внешней стимуляции
Подростковый (11–15 лет)	Макарова (2025); систематический обзор (2024)	Развитие автономии, формирование навыков саморегуляции	Замещение живого общения, дефицит эмоционального опыта, формирование зависимости
Юношеский (16–18 лет)	Du et al. (2025); Linur et al. (2025)	Эффективный инструмент развития когнитивных и прагматических навыков	Снижение критического мышления при отсутствии рефлексивной позиции

Обсуждение

Воздействие ИИ-технологий на языковую личность обнаруживает возрастную вариативность. Два онтогенетических этапа характеризуются максимальной уязвимостью: младший школьный возраст (7–10 лет) и подростковый период (11–15 лет).

Техногенное воздействие в младшем школьном возрасте оборачивается дефицитарным формированием метакогнитивных регуляторов. Суггестивный потенциал нейросетевых систем находит повышенный отклик у обучающихся данной возрастной группы.

Стоит отметить, что в подростковом возрасте главная угроза сосредоточена в сфере подмены живого диалога его искусственным аналогом. Трудности в общении побуждают смещать выбор в пользу ИИ-собеседника – такой партнер воспринимается как безопасный и не критикующий. Именно на этом возрастном этапе особую значимость приобретает интенсивное освоение эмоционального интеллекта и межличностных интерактивных навыков. Если соответствующие компетенции оказываются недостаточно сформированными, это способно закрепляться в устойчивых личностных диспозициях.

Очевидно, что на юношеском этапе при наличии устойчивой рефлексивной позиции траектория взаимодействия с искусственным интеллектом меняется: технологии начинают работать как инструмент развития языковых и когнитивных ресурсов. Восприятие их полезности при этом зависит от индивидуально-психологических характеристик и уровня саморегуляции [10, с. 32–40; 11, с. 10–13]. Решающий фактор это – готовность обучающегося к рефлексивному взаимодействию с технологией.

Таким образом, описанная динамика не имеет жёсткой детерминации. Исследования лингвистической медиации в системе «ребёнок – GPT – взрослый» демонстрируют: развивающий потенциал нейросетей напрямую зависит от интерпретативной активности взрослых [8, с. 68–74]. Интенсивность негативных проявлений поддается редукции при условии активного педагогического сопровождения. Дифференцированный подход признается необходимым: стратегии, эффективные для старшеклассников, способны нанести вред младшим школьникам. Поясняем: рисунок 1 визуализирует совокупность факторов, опосредующих влияние ИИ-технологий на языковую личность обучающегося в возрастном аспекте.

Рис. 1. Возрастная динамика влияния искусственного интеллекта на языковую личность обучающегося

Социализация языковой личности в контексте взаимодействия с ИИ-системами заслуживает отдельного рассмотрения. Коммуникативные практики с искусственным интеллектом квалифицируются в литературе как форма искусственной цивилизации [3, с. 185–201]. Однако подобное взаимодействие лишено эмоциональной насыщенности, взаимного признания и учета динамики межличностных отношений. Языковая личность формируется в среде живого социума, где слово выполняет функции передачи информации, выражения отношения и аксиологической оценки. Воспроизведение всей полноты интерактивного диалога техническими средствами оказывается недостижимым. Следствием данного ограничения выступает замещение непосредственной коммуникации на начальных онтогенетических этапах, что сопряжено с риском обеднения речевого портрета индивида.

Заключение

Влияние ИИ на языковую личность обнаруживает выраженную возрастную специфику. Наиболее уязвимыми оказываются младший школьный и подростковый возраст. В юношеском возрасте при сформированной рефлексивной позиции технологии превращаются в эффективное средство развития навыков. Решающее значение имеет не сама технология, а способ её включения в образовательный процесс и качество педагогического сопровождения. Без участия взрослого даже совершенный инструмент не даёт положительного результата; грамотное посредничество позволяет существенно снизить риски.

Практические следствия таковы. В младшем руководстве руководитель ограничивает время контактов с ИИ и организует работу исключительно под контролем. В подростковом возрасте приоритетом отдается развитие критического мышления и рефлексии, формирование четкого различия живого общения и диалога с машиной. Для

старшеклассников ИИ представляет собой полезный инструмент при фундаментальном осознанном отношении к его возможностям и ограничениям. Перспективы, таким образом, учитывают исследования с организацией лонгитюдных принципов за становлением языковой личности в условиях интенсивного развития ИИ, а также со сравнительным анализом речевых продуктов обучающихся разных возрастов, использующих генеративные нейросети.

Литература

1. Клушина Н.И. Автор, языковая личность и искусственный интеллект / Н.И. Клушина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2025. – № 2. – С. 20–31. – DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-yazykovaya-lichnost-i-iskusstvennyy-intellekt.

2. Боголепова С. В., Бабасян Е.Р. Оценивание речевых умений посредством технологий генеративного искусственного интеллекта (на примере чтения и говорения) / С.В. Боголепова, Е.Р. Бабасян // Иностранные языки в школе. – 2025. – № 3. – С. 25–33.

3. Носова А.В. Формирование личностных результатов школьников на уроках иностранного языка с помощью искусственного интеллекта / А.В. Носова. – Новосибирск: НГТУ, 2025. – 89 с.

4. Keldiyarova Sh. AI as a Tool for Shaping a Student's Linguistic Personality: Opportunities and Limitations / Sh. Keldiyarova // Journal of Multidisciplinary Sciences and Innovations. – 2025. – Vol. 4, № 7. – P. 621–624. – DOI: 10.71337/inlibrary.uz.jmsi.135689. – URL: https://inlibrary.uz/index.php/jmsi/article/view/136209.

5. Morales-Navarro L., Gao P., Yang E., Kafai Y.B. «It's smart and it's stupid:» Youth's conflicting perspectives on LLMs' language comprehension and ethics / L. Morales-Navarro, P. Gao, E. Yang, Y.B. Kafai // In The 19th WiPSCE Conference on Primary and Secondary Computing Education Research (WiPSCE '24). – Munich, Germany, 2024. – P. 10–15. – DOI: 10.1145/3677619.3678131. – URL: https://dl.acm.org/doi/full-Html/10.1145/3677619.3678131.

6. Elmaadaway M. A. N., El-Naggar M.E., Abouhashesh M.R.I. Improving Primary School Students' Oral Reading Fluency Through Voice Chatbot-Based AI / M. A.N. Elmaadaway, M.E. El-Naggar, M. R.I. Abouhashesh // Journal of Computer Assisted Learning. – 2025. – Vol. 41, № 2. – P. e70019. – DOI: 10.1111/jcal.70019. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcal.70019.

7. Generative AI and critical thinking interaction: Research on the application and impact of ChatGPT in educational settings / J-stage. – 2024. – Vol. 56. – P. 68–74. – URL: https://www.jstage.jst.go.jp.

8. Evaluating AI's impact on self-regulated language learning: A systematic review / System. – 2024. – Vol. 126. – Article 103484. – DOI: 10.1016/j.system.2024.103484. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0346251X24002665.

9. Du C., Tang M., Wang C., Zou B., Xia Y., Du Y. Who is most likely to accept AI chatbots? A sequential explanatory mixed-methods study of personality and ChatGPT acceptance for language learning / C. Du, M. Tang, C. Wang, B. Zou, Y. Xia, Y. Du // Innovation in Language Learning and Teaching. – 2025. – DOI: 10.1080/17501229.2025.2555515. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17501229.2025.2555515.

10. Linur R., Rusdi R., Lubis T., Rohman K.S. Student Perception Analysis of AI's Impact on Arabic Language Learning: A Personality Perspective / R. Linur, R. Rusdi, T. Lubis, K.S. Rohman // Jurnal Al Bayan: Jurnal Jurusan Pendidikan Bahasa Arab. – 2025. – Vol. 17, № 1. – P. 45–58. – URL: https://ejournal.radenintan.ac.id.

11. Sun X., Xu Z.-X., Meng L., Shi D. AI-driven gamified speech training for primary students: framework and evaluation / X. Sun, Z.-X. Xu, L. Meng, D. Shi // Computers and Education Open. – 2025. – Vol. 8. – Article 100218. – DOI: 10.1016/j.caeo.2025.100218. – URL: https://www.semanticscholar.org.

12. Maghamil M., Sieras S. Impact of ChatGPT on the Academic Writing Quality of Senior High School Students / M. Maghamil, S. Sieras // Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics. – 2024. – Vol. 6, № 2. – P. 115–128. – DOI: 10.32996/jeltal.2024.6.2.10.

13. Children, Young People and Teachers' Use of Generative AI to Support Literacy in 2024. Summary Report / National Literacy Trust. – 2025. – URL: https://www.fachportal-paedagogik.de.

THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE FORMATION OF A STUDENT'S LINGUISTIC PERSONALITY IN THE DIGITAL ERA

Khalikova L.R.
Siberian Federal University

The article analyzes the age-determined nature of the influence of artificial intelligence technologies on the formation of the linguistic personality in the context of the educational process. The relevance of the undertaken research is обусловлена (determined by) the need to differentiate age periods, since the speech development of students is modified under the impact of generative neural networks and voice interfaces unevenly at different stages of ontogenesis. The empirical corpus, compiled from publications of 2021–2026, made it possible to identify three main ontogenetic stages: primary school age (7–10 years), adolescence (11–15 years), and young adulthood (16–18 years). The first two age groups demonstrate the greatest severity of negative manifestations. These include: a narrowing of the practice of direct dialogue, an impoverishment of the emotional-expressive layer of speech, and a fragmentation of cognitive processes. In contrast, at the young adult stage, the same technological tools, provided that the learner has developed a reflective stance, reveal a resource for the productive growth of pragmatic and cognitive abilities. The development of variable strategies for pedagogical support is recognized as necessary–these strategies should be built with due regard for the age characteristics of the student population. The material is intended for researchers in the fields of linguodidactics, developmental pedagogy, and psycholinguistics.

Keywords: artificial intelligence, pedagogical mediation, linguistic personality, learner, age variability, speech ontogenesis, digital socialization.

References

1. Klushina N.I. Avtor, jazykovaja lichnost' i iskusstvennyj intellekt / N.I. Klushina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. – 2025. – № 2. – S. 20–31. – DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-yazykovaya-lichnost-i-iskusstvennyy-intellekt.

2. Bogolepova S. V., Babasjan E.R. Ocenivanie rechevyh umenij posredstvom tehnologij generativnogo iskusstvennogo intellekta (na primere chtenija i govorenija) / S.V. Bogolepova, E.R. Babasjan // Inostrannye jazyki v shkole. – 2025. – № 3. – S. 25–33.

3. Nosova A.V. Formirovanie lichnostnyh rezul'tatov shkol'nikov na urokah inostrannogo jazyka s pomoshh'ju iskusstvennogo intellekta / A.V. Nosova. – Novosibirsk: NGTU, 2025. – 89 s.

4. Keldiyarova Sh. AI as a Tool for Shaping a Student's Linguistic Personality: Opportunities and Limitations / Sh. Keldiyarova // Journal of Multidisciplinary Sciences and Innovations. – 2025. – Vol. 4, № 7. – P. 621–624. – DOI: 10.71337/inlibrary.uz.jmsi.135689. – URL: https://inlibrary.uz/index.php/jmsi/article/view/136209.

5. Morales-Navarro L., Gao P., Yang E., Kafai Y.B. «It's smart and it's stupid:» Youth's conflicting perspectives on LLMs' language comprehension and ethics / L. Morales-Navarro, P. Gao, E. Yang, Y.B. Kafai // In The 19th WiPSCE Conference on Primary and Secondary Computing Education Research (WiPSCE '24). – Munich, Germany, 2024. – P. 10–15. – DOI: 10.1145/3677619.3678131. – URL: https://dl.acm.org/doi/full-Html/10.1145/3677619.3678131.

6. Elmaadaway M. A. N., El-Naggar M.E., Abouhashesh M.R.I. Improving Primary School Students' Oral Reading Fluency Through Voice Chatbot-Based AI / M. A.N. Elmaadaway, M.E. El-Naggar, M. R.I. Abouhashesh // Journal of Computer Assisted Learning. – 2025. – Vol. 41, № 2. – P. e70019. – DOI: 10.1111/jcal.70019. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcal.70019.

7. Generative AI and critical thinking interaction: Research on the application and impact of ChatGPT in educational settings / J-stage. – 2024. – Vol. 56. – P. 68–74. – URL: https://www.jstage.jst.go.jp.

8. Evaluating AI's impact on self-regulated language learning: A systematic review / System. – 2024. – Vol. 126. – Article 103484. – DOI: 10.1016/j.system.2024.103484. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0346251X24002665.

9. Du C., Tang M., Wang C., Zou B., Xia Y., Du Y. Who is most likely to accept AI chatbots? A sequential explanatory mixed-methods study of personality and ChatGPT acceptance for language learning / C. Du, M. Tang, C. Wang, B. Zou, Y. Xia, Y. Du // Innovation in Language Learning and Teaching. – 2025. – DOI: 10.1080/17501229.2025.2555515. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17501229.2025.2555515.

10. Linur R., Rusdi R., Lubis T., Rohman K.S. Student Perception Analysis of AI's Impact on Arabic Language Learning: A Personality Perspective / R. Linur, R. Rusdi, T. Lubis, K.S. Rohman // Jurnal Al Bayan: Jurnal Jurusan Pendidikan Bahasa Arab. – 2025. – Vol. 17, № 1. – P. 45–58. – URL: https://ejournal.radenintan.ac.id.

11. Sun X., Xu Z.-X., Meng L., Shi D. AI-driven gamified speech training for primary students: framework and evaluation / X. Sun, Z.-X. Xu, L. Meng, D. Shi // Computers and Education Open. – 2025. – Vol. 8. – Article 100218. – DOI: 10.1016/j.caeo.2025.100218. – URL: https://www.semanticscholar.org.

12. Maghamil M., Sieras S. Impact of ChatGPT on the Academic Writing Quality of Senior High School Students / M. Maghamil, S. Sieras // Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics. – 2024. – Vol. 6, № 2. – P. 115–128. – DOI: 10.32996/jeltal.2024.6.2.10.

13. Children, Young People and Teachers' Use of Generative AI to Support Literacy in 2024. Summary Report / National Literacy Trust. – 2025. – URL: https://www.fachportal-paedagogik.de.

Профилактика профессиональной деформации и обеспечение психологической безопасности сотрудников МЧС России

Хлоповских Юлия Геннадьевна,
кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»
E-mail: flugel24@yandex.ru

Демидова Ольга Владиславовна,
магистрант, ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»
E-mail: de.demidowa2016@yandex.ru

Севастьянов Станислав Сергеевич,
магистрант, ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»
E-mail: stas.sewa@mail.ru

Профессиональная деформация сотрудников МЧС России традиционно трактуется как линейное накопление стрессовых нарушений. В данной статье этот феномен рассматривается через призму адаптационных ресурсов и смысловой насыщенности выполняемых задач. Целью работы является комплексный анализ механизмов профессиональной деформации и обеспечения психологической безопасности на основе синтеза современных научных данных и результатов эмпирического исследования. В исследовании приняли участие 50 сотрудников ГПС МЧС России разного возраста и стажа службы, различающиеся по характеру выполняемых служебных обязанностей (спасатели и сотрудники кадровых и финансово-экономических подразделений). В результате качественного и количественного анализа эмпирических данных, полученных с помощью опросников А.А. Рукавишникова и В.В. Бойко, выявлена специфика динамики психоэмоционального выгорания у разных подгрупп испытуемых. Показано, что динамика психоэмоционального выгорания носит нелинейный характер и существенно различается у оперативных и неоперативных сотрудников. У спасателей максимум истощения и личностного отдаления фиксируется в интервале 7–14 лет службы (30–39 лет); далее, по всей видимости, включаются компенсаторные механизмы. У работников кадровых и финансовых подразделений выраженность деформации нарастает монотонно и достигает пика после 15 лет службы. Кроме того, сопоставление этих данных с имеющимися в научной литературе сведениями позволило определить, что предикторами ПТСР сотрудников МЧС России выступают ригидность, пессимистичность и социальная интроверсия; наиболее уязвимы в отношении страха смерти пожарные со стажем 5–10 лет. На основании выявленных закономерностей обоснована потребность в отказе от унифицированных профилактических программ в пользу дифференцированного подхода, учитывающего стаж, должность, пол сотрудников и другие характеристики. Предложена система психологической профилактики, включающая организационный, индивидуально-психологический и социально-психологический компоненты.

Ключевые слова: профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, психологическая безопасность, сотрудники МЧС России, посттравматическое стрессовое расстройство, стрессогенные факторы, психологическая профилактика.

Введение

Для эффективного выполнения служебных обязанностей в экстремальных условиях и одновременного сохранения соматического и психического здоровья сотруднику МЧС России необходимо мобилизовать специфичные защитные механизмы – эмоциональное отстранение, гиперконтроль, ригидность поведенческих паттернов. В краткосрочной перспективе именно эти стратегии позволяют решать задачи, связанные с ликвидацией последствий ЧС и помощью пострадавшим. Однако при многолетнем использовании указанных механизмов происходит их закрепление и трансформация в устойчивую профессиональную деформацию. Классические исследования по большей части фокусируются на общем уровне стресса и посттравматических симптомах, однако реальная картина дезадаптации более гетерогенна. Траектории личностных изменений сотрудников жестко детерминированы не самим фактом службы в ведомстве, а характером ежедневно решаемых задач – будь то непосредственный контакт с физической угрозой и чужим горем или работа в условиях регламентированной бюрократической ответственности.

Постоянное влияние интенсивных стрессовых факторов неизбежно ведет к развитию дистресса, который дестабилизирует психическую деятельность человека и ухудшает качество его работы. Наложение хронической усталости и синдрома эмоционального выгорания на состояние дистресса запускает процесс профессиональной деформации – стойких негативных личностных изменений, выражающихся в снижении эмпатии, утрате интереса к труду, переходе на шаблонное выполнение обязанностей и глубоком эмоциональном опустошении [4]. Особая значимость проблемы обусловлена тем, что профессиональная деформация сотрудников МЧС имеет не только индивидуальное, но и социальное значение, так как напрямую влияет на безопасность граждан, качество экстренного реагирования и эффективность всей системы защиты населения и территорий.

В отечественной психологии накоплен существенный массив данных, отражающих различные составляющие психологического состояния специалистов МЧС. Исследователями изучены феномены эмоционального выгорания [6; 9 и др.] и посттравматического стрессового расстройства [12; 13 и др.], гендерных особенностей профессиональной деформации [5] и др. При этом сохраняется потребность в комплексных исследованиях, интегрирующих имеющиеся теоретические данные и накопленный эмпирический материал, включая прикладные исследования, с целью дополнения и совершенствования алгоритмов психопрофилактики профессиональной деформации специалистов пожарной безопасности с учетом стажа службы, должностных, возрастных, гендерных особенностей.

Исходя из этого, цель данной статьи заключается в системном осмыслении проблем профессиональной деформации и способов поддержания психологической безопасности личного состава МЧС России посредством анализа и синтеза актуальных научных данных и результатов эмпирических исследований, проведенных с участием сотрудников МЧС России разного возраста, стажа, выполняющих разные должностные обязанности.

Результаты и их обсуждение

Под профессиональной деформацией в психологии принято понимать системную перестройку личностных свойств, ценностного базиса и поведенческих паттернов индивида, обусловленную длительным воздействием специфических условий труда. Если профессиональное развитие подразумевает восходящую динамику и обогащение субъекта труда, то деформация, по сути, является инверсионным процессом. Она носит деструктивную направленность, выражаясь в отходе от нормативных профессиональных стандартов, нивелировании или грубом искажении качеств, критически важных для эффективной службы [8].

Важно разграничивать два взаимосвязанных, но качественно различных феномена – дистресс и профессиональную деформацию. Как отмечает С.С. Волков, «дистресс представляет собой реакцию на хроническое перенапряжение, тогда как профессиональная деформация – устойчивое последствие адаптации к экстремальным условиям, сопровождающееся снижением эмпатии, формализмом и эмоциональной

истощенностью» [4, с. 318]. Фундаментальное отличие данных состояний кроется в степени истощения адаптационных механизмов индивида. По сути, дистресс выступает острой ответной реакцией на непосильные нагрузки, тогда как профессиональная деформация является уже сформировавшимся и закрепленным паттерном психологической защиты, который специалист вынужденно применяет в своей повседневной деятельности.

На основе анализа научных публикаций можно выделить ключевые механизмы формирования профессиональной деформации у сотрудников МЧС России:

– аккомодация (изменение существующих когнитивных схем под влиянием нового опыта) и компенсация утраченных или недостаточно развитых функций за счет усиления других, благодаря которым личность пытается приспособиться к требованиям профессии; однако при чрезмерном давлении адаптация может принимать искаженные формы;

– использование защитных механизмов – рационализации, проекции, отрицания, вытеснения, – доминирование которых приводит к цинизму и эмоциональной ригидности;

– формирование стереотипов, состоящее в том, что повторяющиеся профессиональные ситуации приводят к выработке устойчивых моделей поведения, которые при недостаточной гибкости трансформируются в ригидность мышления [8; 14].

Для сотрудников МЧС характерны специфические проявления деформации – цинизм и эмоциональное «окостенение», вырабатываемое как защитный механизм от постоянного столкновения с горем, страданиями и смертью; ригидность мышления и поведения; авторитарность и гиперконтроль; повышенная подозрительность; агрессивность и раздражительность [8; 14]. Научные данные свидетельствуют о том, что работники экстремальных профессий подвержены схожим рискам, однако структура этих негативных проявлений имеет определенную специфику, обусловленную характером службы. В частности, у спасателей МЧС фиксируется не только эмоциональное, но и когнитивное истощение. Оно выражается в падении инициативы и ощущении утраты профессиональной значимости. Это напрямую связано с колоссальной психологической нагрузкой – специалистам регулярно приходится сталкиваться с трагедиями и человеческими жертвами, а также разрешать сложные морально-этические дилеммы [4].

С целью практической проверки теоретических положений относительно особенностей психоэмоционального выгорания у специалистов ГПС МЧС России проведено эмпирическое исследование, охватившее 80 сотрудников Главного управления МЧС по Красноярскому краю (26 женщин и 44 мужчины). В исследовании участвовали две категории сотрудников: 45 действующих пожарных-спасателей и 35 специалистов подразделений обеспечения – отдела кадров (ОК) и финансово-экономического отдела (ФЭО). Для более точного анализа с учетом служебного опыта и возрастных особенностей респонденты были разделены на четыре подгруппы, сопоставимо равные по объему и гендерному составу: 1) 25–29 лет, выслуга до 7 лет; 2) 30–34 года, выслуга 7–10 лет; 3) 35–39 лет, выслуга 11–14 лет; 4) 40–45 лет, выслуга 15 лет и более.

Методики, применяемые в исследовании: 1) опросник определения психического выгорания (А.А. Рукавишников), включающий три шкалы: психоэмоциональное истощение (ПИ), личностное отдаление (ЛО) и профессиональная мотивация (ПМ); 2) методика диагностики уровня эмоционального выгорания (В.В. Бойко), позволяющая оценить выраженность ведущих симптомов и определить фазу формирования стресса (напряжение, резистенция, истощение). Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью H-критерия Крускала–Уоллиса и U-критерия Манна–Уитни.

Результаты изучения психического выгорания спасателей разного возраста и с разным стажем службы в ГПС МЧС России, осуществленного с помощью опросника А.А. Рукавишникова, приведены на рис. 1.

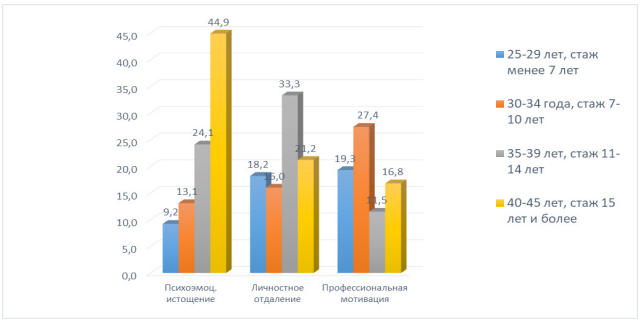

Рис. 1. Средние значения показателей психического выгорания у пожарных-спасателей разного возраста и с разным стажем служебной деятельности

Анализ полученных данных показал, что психоэмоциональное истощение присуще спасателям всех возрастных групп, однако уровень этой составляющей неодинаков: спасатели в возрасте 25–29 лет характеризуются низким уровнем психоэмоционального истощения, тогда как группа спасателей в возрасте 40–45 лет со стажем более 15 лет – наиболее высоким. Личностное отдаление в наибольшей степени выражено у спасателей третьей группы (35–39 лет, стаж 11–14 лет). Динамика профессиональной мотивации также носит нелинейный характер: в наибольшей степени продуктивность профессиональной деятельности, оптимизм и заинтересованность в работе присущи спасателям второй группы (30–34 года, стаж 7–10 лет). Наибольшее снижение уровня профессиональной мотивации наблюдается у третьей группы сотрудников (35–39 лет, стаж 11–14 лет), затем в группе 40–45 лет происходит возрастание данного показателя до среднего уровня. Статистически значимые различия обнаружены лишь по показателю «психоэмоциональное истощение» ($H_{эмп}$ = 12,031 при $H_{0,05}$ = 8,411).

Выявленная нелинейная динамика психоэмоционального выгорания в зависимости от стажа службы подтверждает и развивает положения, сформулированные Р.В. Овчаровой и Е.М. Агафонцевой, отмечавших, что «у сотрудников ФПС ГПС МЧС России, работающих по профессии более 10 лет, проявления синдрома психоэмоционального выгорания более выражены, чем у сотрудников с меньшей выслугой лет» [9, с. 78]. Однако наше исследование показывает, что эта динамика носит нелинейный характер и зависит от должностной категории специалиста. После 14–15 лет службы спасатели актуализируют внутренние и внешние ресурсы, которые помогают им справиться с симптомами выгорания, тогда как у сотрудников кадровых и финансово-экономических подразделений наблюдается дальнейшее повышение выраженности проявлений выгорания. Это важное уточнение позволяет по-новому взглянуть на проблему профессионального долголетия в системе МЧС России и указывает на то, что спасатели находят в своей деятельности новые смыслы и осознание общественной значимости, тогда как сотрудники неоперативных подразделений с увеличением возраста и стажа службы эти смыслы все больше теряют.

На рис. 2 представлены результаты изучения психического выгорания сотрудников ГПС МЧС России разного возраста и имеющих разный стаж служебной деятельности, деятельность которых не связана с выполнением аварийно-спасательных работ и экстремальными условиями (специалисты ОК и ФЭО).

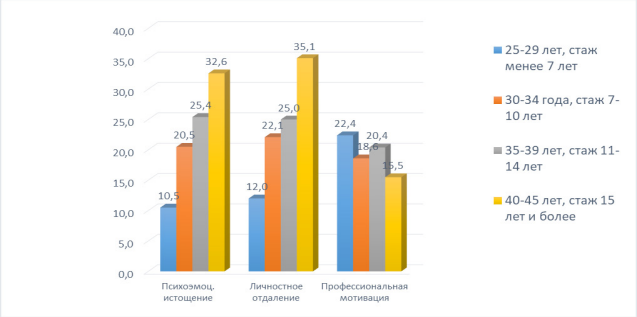

Рис. 2. Средние значения показателей психического выгорания у сотрудников ОК и ФЭО разного возраста и с разным стажем служебной деятельности

В группе сотрудников ОК и ФЭО наблюдается линейное повышение уровня психоэмоционального истощения и личностного отдаления, связанное с увеличением возраста и стажа служебной деятельности. Статистически значимые различия выявлены по показателям «психоэмоциональное истощение» ($H_{эмп}$ = 11,418 при $H_{0,01}$ = 11,241) и «личностное отдаление» ($H_{эмп}$ = 10,567 при $H_{0,05}$ = 8,411).

Выявленные различия в динамике выгорания у спасателей и сотрудников неоперативных подразделений коррелируют с результатами исследования Р.В. Овчаровой и Е.М. Агафонцевой, согласно которым «синдром эмоционального выгорания в большей степени сформирован в группе аппарата управления» [9, с. 77]. Вместе с тем, полученные в нашем исследовании данные показывают, что при сопоставлении выборок без учета стажа и возраста различия в уровне психоэмоционального выгорания несущественны. Это указывает на необходимость учета стажа сотрудника при диагностике выгорания.

Анализ фаз формирования стресса (методика В.В. Бойко) позволяет заключить, что напряжение в большей мере выражено у спасателей со стажем службы до 7 лет и от 7 до 11 лет. Уровень резистенции максимален у самой старшей группы спасателей. Фаза истощения в большей мере свойственна спасателям 35–39 лет со стажем службы от 11 до 14 лет. Статистически значимые различия выявлены по фа-

зам «резистенция» ($H_{эмп}$ = 9,781 при $H_{0,05}$ = 8,411) и «истощение» ($H_{эмп}$ = 8,952 при $H_{0,05}$ = 8,411).

Результаты, касающиеся фазовой структуры выгорания, дополняют данные, полученные С.В. Ивановой и Е.П. Максимовой в исследовании пожарно-спасательной части г. Иркутска. Авторы установили, что «больше всего у спасателей было выявлено симптомов, которые характеризуют вторую фазу эмоционального выгорания – «резистенцию»« [6, с. 61]. Полученные нами данные показывают, что у пожарных-спасателей старших возрастных групп (40–45 лет, стаж более 15 лет) уровень резистенции максимален. Это свидетельствует о формировании устойчивых механизмов психологической защиты, позволяющих сохранять профессиональную эффективность.

Как показали результаты исследования, роль фазы «истощение» наиболее критична для спасателей 35–39 лет со стажем 11–14 лет. Как отмечает Ю.Ю. Стрельникова, «риск развития тяжелых симптомов ПТСР выше у ригидных, пессимистичных, социально интровертированных сотрудников молодого возраста, часто участвующих в ликвидации сложных и крупномасштабных пожаров» [12, с. 149]. Именно в этом возрастном и стажевом диапазоне сотрудники накапливают критическую массу психотравмирующего опыта, которая при недостаточной развитости механизмов психологической защиты может приводить к истощению адаптационных ресурсов. При этом Ю.Ю. Стрельникова подчеркивает, что «повышенный ранг сложности тушения пожара является непосредственным фактором риска развития ПТСР, а также косвенно усугубляет его выраженность через преморбидные личностные особенности» [12, с. 147].

Гендерные аспекты профессиональной деформации, выявленные в нашем исследовании, подтверждают данные Е.В. Дворцовой и В.А. Воробьевой о том, что «у сотрудников-мужчин значимо выше негативная агрессивность, конфликтность и посттравматическое стрессовое расстройство» [5, с. 420]. Это обусловлено тем, что мужчины-спасатели находятся в зоне экстремальных рисков. Постоянное пребывание в стрессовой среде порождает сильное психическое напряжение, трансформирующееся в повышенную раздражительность, эмоциональные срывы и подчас неадаптивные поведенческие реакции. Однако подобные состояния выполняют важную защитную функцию, выступая средством канализации накопленного стресса и эмоциональной разгрузки после пережитых психотравмирующих инцидентов [5].

Результаты анализа отношения к категориям жизни и смерти согласуются с данными исследований Т.В. Капустиной и Е.В. Кондратьевой: группу максимального психологического риска составляют пожарные-спасатели с выслугой от 5 до 10 лет, испытывающие наиболее острый страх смерти. Полученные нами данные демонстрируют, что эта уязвимость коррелирует с повышенной интенсивностью фазы «напряжения» у спасателей со стажем 7–10 лет. Вероятно, это следствие критичной оценки реальных угроз, которая приходит с накоплением практического опыта. При этом «сотрудники со стажем более 10 лет в наименьшей степени воспринимают смерть как способ избежать жизненных проблем и затруднений, однако, в отличие от коллег с меньшим стажем, они склонны верить в концепции существования жизни после смерти, у них присутствуют представления о смысле смерти» [7, с. 334].

Обеспечение психологической безопасности личного состава является необходимым условием эффективного выполнения ими профессиональных обязанностей. В научной литературе психологическая безопасность трактуется как динамическое равновесие, отражающее субъективное восприятие человеком себя, окружающих людей и мира в целом. Исследования А.Е. Селиванова [11] показывают, что значительная часть личного состава пожарно-спасательных подразделений ощущает себя защищенно, демонстрируя высокие показатели эмоционального благополучия. Вместе с тем, «сотрудники, у которых определен низкий уровень состояния психологической безопасности, входят в «группу риска»« [11, с. 119]. Специфика восприятия безопасности в данной среде тесно связана с тем, насколько удовлетворена потребность в прогнозируемости происходящего, а также в защите от угроз как враждебного окружения, так и самих чрезвычайных ситуаций. Негативное восприятие собственной защищенности часто детерминировано самой сутью рискованной службы, когда профессиональный риск трансформируется в прямую угрозу для жизни и здоровья [11].

Профилактика личностных деформаций и поддержание психологической безопасности спасателей – одна из приоритетных задач всей системы психологического сопровождения. Анализ научных публикаций позволяет выделить несколько уровней профилактической работы: индивидуальный, организационный, коллективный, профессиональной подготовки.

Индивидуальный уровень профилактики фокусируется на формировании эмоционального интеллекта и навыков саморегуляции. Владение методами управления стрессом, техниками дыхания, релаксации и самоанализа, когнитивно-поведенческими алгоритмами дает возможность спасателям удерживать эмоциональный контроль в самых напряженных условиях. Центральную роль здесь играет психическая саморегуляция, которая может реализовываться по двум направлениям. Первый – модификация непосредственной эмоциональной реакции на стрессор (коррекция мышечного тонуса, контроль дыхания, концентрация внимания, визуализация чувственных образов). Второй путь связан с пересмотром субъективной значимости происходящего, предполагающим применение аутогенной тренировки, систематической десенсибилизации, приемов самоубеждения, деактуализации проблемы и позитивного самоподкрепления [3; 15].

На *организационном уровне* задача состоит в том, чтобы выстроить среду, максимально благоприятную для психического здоровья личного состава. Практически это означает рациональное распределение служебной нагрузки, четкое разграничение зон ответственности, выстраивание действенной обратной связи, поощрение профессиональных достижений. Принципиально важно, чтобы командный состав рассматривал психологическое сопровождение подчиненных не как формальность, а как составную часть управленческой деятельности, целенаправленно формируя в подразделении атмосферу доверия и взаимовыручки [4; 15].

Корпоративный (групповой) уровень ориентирован на укрепление командной сплоченности и совместные форматы подготовки. Регулярные тренинговые занятия, отработка алгоритмов действий в условиях повышенного риска, разбор реальных служебных ситуаций и возможность открыто обсуждать переживания позволяют бойцам обогащать практический опыт, глубже понимать коллег и снимать накопленное напряжение. Особое место среди групповых методов занимает психологический дебрифинг – инструмент экстренной помощи, направленный на купирование групповых психотравм и смягчение последствий травмирующих инцидентов. Процедура предполагает бережное выявление эмоциональных реакций участников в обстановке конфиденциальности и безопасности. Проводить ее рекомендуется не ранее чем через 48 часов после экстремальной ситуации и травмирующего события [6; 15].

Относительно *уровня профессиональной подготовки* важно подчеркнуть, что основы психологической устойчивости необходимо закладывать еще на этапе обучения в образовательных организациях МЧС России. Комплексная методика практической подготовки курсантов, построенная на последовательном выполнении индивидуальных и групповых упражнений в условиях, максимально приближенных к реальной экстремальной ситуации (пожару, ДТП и др.), позволяет одновременно формировать профессиональные навыки и устойчивость к негативным факторам, в которых осуществляется профессиональная деятельность пожарных и спасателей [2].

Заключение

Проведенное исследование позволило систематизировать и обобщить имеющиеся научные данные о профессиональной деформации и психологической безопасности личного состава МЧС России. Выявлены как универсальные, так и присущие именно спасателям психологические изменения. На этой основе определены приоритетные направления профилактической и коррекционной работы с сотрудниками экстренных служб.

Профессиональная деформация в системе МЧС обусловлена комплексом факторов и затрагивает эмоционально-личностную, мотивационно-ценностную, поведенческую сферы личности. К числу доминирующих проявлений деформации относятся эмоциональное выгорание, цинизм, ригидность мышления, склонность к авторитарности, снижение профессиональной мотивации. Основными причинами этих изменений являются постоянный стресс (в том числе в режиме ожидания вызова) и угроза жизни, регулярное столкновение со страданиями и гибелью людей, ненормированный служебный день, дефицит психологической поддержки.

Результаты проведенного эмпирического исследования показали нелинейную связь между выраженностью психоэмоционального выгорания и стажем службы у сотрудников МЧС России с разным характером выполняемых служебных обязанностей. У спасателей синдром выгорания наиболее выражен в период 7–14 лет службы (возраст 30–39 лет); у сотрудников неоперативных подразделений максимальные показатели фиксируются после 14 лет служебной деятельности. Полагаем, такое расхождение обусловлено тем, что спасатели в ходе профессиональной деятельности обретают новые смыслы и ощущение общественной значимости своего труда, тогда как у работников кадровой и финансово-экономической служб эти смыслы постепенно размываются.

Выявлены гендерные различия профессиональной деформации сотрудников: у мужчин значимо выше негативная агрессивность, конфликтность и посттравматическое стрессовое расстройство. Полагаем, это связано с непосредственным участием в ликвидации последствий тех или иных чрезвычайных ситуаций. Изучение отношения к жизни и смерти показало, что наиболее уязвимы пожарные со стажем 5–10 лет, у которых страх смерти выражен сильнее.

Сопоставление полученных данных с результатами современных исследований позволило подтвердить и уточнить ряд положений. В частности, показано, что нелинейная динамика выгорания в зависимости от стажа службы является общей закономерностью для сотрудников МЧС России. При этом определены различия в максимальной выраженности выгорания у пожарных/спасателей и сотрудников неоперативных подразделений. Подтверждено, что синдром эмоционального выгорания в большей мере присущ специалистам кадровой и финансово-экономической служб, по сравнению с группой пожарных. Полагаем, это связано с различиями в механизмах психологической защиты, формирующихся при выполнении разных видов профессиональной деятельности.

Профилактика профессиональной деформации, сохранение психологического здоровья и предупреждение личностных изменений у сотрудников ГПС МЧС России требуют комплексной психологической помощи. Такая работа должна включать тренинги навыков саморегуляции и повышения стрессоустойчивости, адресную организационно-управленческую поддержку, целенаправленное формирование здорового психологического климата в подразделении, закрепление процедур постоянного психологического сопровождения сотрудников. Интеграция указанных форм и методов психологической помощи позволяет не только снизить угрозу выгорания, но и сохранить внутреннюю мотивацию, личностную целостность и профессиональную результативность специалистов, служебная деятельность которых сопряжена с повышенным риском.

Литература

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – СПб.: Сударыня, 1999. – 28 с.
2. Булгаков В.В. Формирование психологической устойчивости пожарных к негативным условиям профессиональной деятельности / В.В. Булгаков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – № 3(82). – С. 246–253.
3. Волков С.С. Дистресс и профессиональная деформация у сотрудников МЧС России: сравнительный анализ с другими профессиями особого риска / С.С. Волков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 10–1(109). – С. 318–322.
4. Гузич М.Э. Взаимосвязь личностных особенностей и эмоционального выгорания сотрудников МЧС в повседневных условиях профессиональной деятельности / М.Э. Гузич, И.П. Грехова // Северный регион: наука, образование, культура. – 2024. – Т. 25, № 3. – С. 41–50.
5. Дворцова Е.В. К вопросу о проблеме гендерных аспектов профессиональной деформации сотрудников МЧС / Е.В. Дворцова, В.А. Воробьева // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 84–1. – С. 420–423.
6. Иванова С.В. Проблема эмоционального выгорания у пожарных-спасателей МЧС / С.В. Иванова, Е.П. Максимова // XXI век. Техносферная безопасность. – 2023. – Т. 8, № 1 (29). – С. 57–65.
7. Капустина Т.В. Отношение к жизни и смерти у сотрудников пожарно-спасательной службы / Т.В. Капустина, Е.В. Кондратьева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9, № 4(33). – С. 331–335.
8. Ларина А.А. Профессиональная деформация сотрудников МЧС / А.А. Ларина // Территория науки. – 2014. – № 5. – С. 63–66.
9. Овчарова Р.В. Влияние специфики профессиональной деятельности на эмоциональное выгорание сотрудников МЧС / Р.В. Овчарова, Е.М. Агафонцева // Вестник Курганского государственного университета. – 2017. – № 3(46). – С. 73–79.
10. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / под общей ред. Ю.С. Шойгу. – М.: Смысл, 2007. – 319 с.
11. Селиванов А.Е. Критерии психологической безопасности сотрудников МЧС России: субъективное благополучие, потребность в безопасности / А.Е. Селиванов // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 119–133.
12. Стрельникова Ю.Ю. Структурная модель изменений личности сотрудников федеральной противопожарной службы МЧС России / Ю.Ю. Стрельникова // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2015. – № 4. – С. 145–149.
13. Стрельникова Ю.Ю. Типы психологических и соматических последствий, возникающих у сотрудников МЧС России в процессе профессиональной деятельности / Ю.Ю. Стрельникова // Психология. Психофизиология. – 2016. – Т. 9. – № 1. – С. 55–63.
14. Чупракова А.А. Психология эффективного управления персоналом: профессиональные деформации сотрудников МЧС в контексте жизнестойкости личности / А.А. Чупракова, М.В. Шамардина, Н.В. Киреева // Человеческий капитал. – 2020. – № 9(141). – С. 170–179.

PREVENTION OF PROFESSIONAL DEFORMATION AND ENSURING PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EMERCOM OF RUSSIA EMPLOYEES

Khlopovskikh Yu.G., Demidova O.V., Sevastyanov S.S.
Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service

Professional deformation of EMERCOM of Russia personnel is traditionally interpreted as a linear accumulation of stress-related disorders. In this article, this phenomenon is examined through the prism of adaptive resources and the meaningfulness of the tasks performed. The aim of the study is a comprehensive analysis of the mechanisms of professional deformation and the provision of psychological safety, based on a synthesis of contemporary scientific data and the results of an empirical study. The study involved 50 employees of EMERCOM of Russia of different ages and service experience, differing in the nature of their duties (rescuers and employees of personnel and financial and economic departments). As a result of a qualitative and quantitative analysis of empirical data obtained using the questionnaires of A.A. Rukavishnikov and V.V. Boyko, the specifics of the dynamics of psychoemotional burnout in different subgroups of subjects were revealed. It is shown that the dynamics of psychoemotional burnout is nonlinear and differs significantly between operational and non-operational employees. For rescuers, the maximum exhaustion and personal distance is recorded in the range of 7–14 years of service (30–39 years); then, most likely, compensatory mechanisms are activated. For employees of human resources and financial departments, the severity of deformity increases monotonously and reaches a peak after 15 years of service. In addition, a comparison of these data with information available in the scientific literature made it possible to determine that the predictors of PTSD of EMERCOM employees are rigidity, pessimism and social introversion; firefighters with 5–10 years of experience are the most vulnerable to fear of death. Based on the revealed patterns, the need to abandon unified preventive programs in favor of a differentiated approach that takes into account the length of service, position, gender of employees and other characteristics is justified. A system of psychological prevention is proposed, including organizational, individual-psychological and socio-psychological components.

Keywords: professional deformation, emotional burnout, psychological safety, EMERCOM of Russia personnel, post-traumatic stress disorder, stressogenic factors, psychological prevention.

References

1. Boyko V.V. «Emotional burnout» syndrome in professional communication / V.V. Boyko. – St. Petersburg: Sudarynya, 1999. – 28 p.
2. Bulgakov V.V. Formation of psychological resilience of firefighters to negative conditions of professional activity / V.V. Bulgakov // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. – 2020. – № 3(82). – Pp. 246–253.
3. Volkov S.S. Distress and professional deformation among EMERCOM of Russia employees: a comparative analysis with other high-risk professions / S.S. Volkov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – № 10–1(109). – Pp. 318–322.
4. Guzich M.E. Interrelation of personal characteristics and emotional burnout of EMERCOM employees in everyday conditions of professional activity / M.E. Guzich, I.P. Grekhova // Northern Region: Science, Education, Culture. – 2024. – Vol. 25, № 3. – Pp. 41–50.
5. Dvortsova E.V. On the issue of gender aspects of professional deformation of EMERCOM employees / E.V. Dvortsova, V.A. Vorobyeva // Problems of Modern Pedagogical Education. – 2024. – № 84–1. – Pp. 420–423.
6. Ivanova S.V. The problem of emotional burnout among EMERCOM firefighter-rescuers / S.V. Ivanova, E.P. Maksimova // 21st Century. Technosphere Safety. – 2023. – Vol. 8, № 1 (29). – Pp. 57–65.
7. Kapustina T.V. Attitude towards life and death among fire and rescue service employees / T.V. Kapustina, E.V. Kondratyeva // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2020. – Vol. 9, № 4(33). – Pp. 331–335.
8. Larina A.A. Professional deformation of EMERCOM employees / A.A. Larina // Territory of Science. – 2014. – № 5. – Pp. 63–66.
9. Ovcharova R.V. Influence of the specifics of professional activity on the emotional burnout of EMERCOM employees / R.V. Ovcharova, E.M. Agafontseva // Bulletin of Kurgan State University. – 2017. – № 3(46). – Pp. 73–79.
10. Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters / ed. by Yu.S. Shoigu. – Moscow: Smysl, 2007. – 319 p.
11. Selivanov A.E. Criteria of psychological safety of EMERCOM of Russia employees: subjective well-being, need for safety / A.E. Selivanov // Research Result. Pedagogy and Psychology of Education. – 2024. – Vol. 10. – № 1. – Pp. 119–133.
12. Strelnikova Yu.Yu. Structural model of personality changes in employees of the Federal Fire Service of EMERCOM of Russia / Yu.Yu. Strelnikova // Scientific and Analytical Journal «Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia». – 2015. – № 4. – Pp. 145–149.
13. Strelnikova Yu.Yu. Types of psychological and somatic consequences arising in EMERCOM of Russia employees in the process of professional activity / Yu.Yu. Strelnikova // Psychology. Psychophysiology. – 2016. – Vol. 9. – № 1. – Pp. 55–63.
14. Chuprakova A.A. Psychology of effective personnel management: professional deformations of EMERCOM employees in the context of personal hardiness / A.A. Chuprakova, M.V. Shamardina, N.V. Kireeva // Human Capital. – 2020. – № 9(141). – Pp. 170–179.

Взаимосвязь субъективного благополучия и уровня религиозности у студентов

Шукшина Людмила Викторовна,
доктор философских наук, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Пожарская Елена Леонидовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: Pozharskaya.EL@rea.ru

Поташев Андрей Максимович,
студент 3-го курса, Высшая школа социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: potashev.andrey@bk.ru

В статье систематизирована и обобщена совокупность отечественных и зарубежных научных подходов к пониманию субъективного благополучия и религиозности личности. Рассмотрены понятия субъективного благополучия в контексте психического здоровья, приведен обзор научных источников, который показал, что религиозность может выступать не только мировоззренческой установкой, но и внутренним регулятором, способствующий формированию позитивного восприятия жизненных обстоятельств и повышению устойчивости к стрессовым воздействиям. Представлены организация, методы и результаты исследования, на основе которых сделаны выводы о характере взаимосвязи. Полученные данные могут быть полезны для психологии, социологии и религиоведения.

Ключевые слова: субъективное благополучие, религиозность, психологическое благополучие, эмпирическое исследование, взаимосвязь.

Актуальность исследования

В условиях студенческой среды, включающей в себя негативные для индивида факторы возникновения фрустрационного состояния, накопления стресса и проявления агрессии, сохранение стабильного субъективного благополучия становится одним из основополагающих компонентов успешной самореализации учащегося. Вместе с тем, религия, как составляющая социума и самовосприятия индивида, выполняет регулятивную, заключающуюся в оценке морально-нравственной ценности того или иного поведения, и компенсаторную функции, оказывая положительное стабилизирующее влияние на протекание образовательной деятельности в условиях высшего учебного заведения.

Таким образом, изучение связи субъективного благополучия и уровня религиозности у студентов имеет особую актуальность.

Введение

Определяя содержание понятий, религия есть форма восприятия индивидом объективной реальности, представляющая из себя специфическую картину мира, которая подразумевает возможность взаимодействия человека с потусторонней силой посредством совершения каких-либо ритуальных действий и, вследствие этого, воздействия на действительность. Религиозность же является комплексным качеством, основывающимся на вере в потусторонние силы, руководящие и управляющие личностью, то есть приверженность какой-либо религии или религиозному учению. Религиозности сопутствует стремление к соблюдению установленных конфессиональных норм и религиозных ритуалов и, как правило, присутствие упомянутой картины мира.

Рассмотрение тем веры и религиозного мировоззрения в рамках психологической науки стартовало в начале двадцатого века. Классическим и наиболее влиятельным произведением на данную тему вплоть до наших дней остается «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джеймса. В этом труде автор изложил взгляд на религию с прагматических позиций, исследовал её функции с точки зрения влияния феномена на человеческое существование. Для оценки ценности Джеймс ввёл эмпирический критерий, выражающийся в степени пригодности результатов исповедования религии для жизни [6, с. 13]. Утверждается, что, в сравнении с атеистической системой ценностей, вера в Бога предоставляет индивиду существенно больший психологический комфорт. Отсутствие или уменьшение страха смерти, убеждённость в осуществлении высшей справедливости какой-либо сверхъестественной силой (концепция Ада и Рая), перечисленные аспекты миропонимания, основанные на конфессиональной догматике, решают множество внутренних противоречий и личностных кризисов, придают жизненный импульс, что позволяет констатировать полезность веры. Своеобразие религиозного опыта состоит в оптимизирующем эффекте, оказываемом на обычные психические процессы и явления внутренней организации сознания субъекта. Религиозное чувство и волевой акт, направленный на стремление верить, несёт воздействие, расширяющее мотивационный базис субъекта и предоставляет новую парадигму, обоснование для проявления внутренних сил в дестабилизирующих ситуациях, когда жизнь теряет смысл. При этом вопрос отсутствия или наличия божества, на которое обращено поклонение, исследователем отбрасывается, ведь если Бог – полезная гипотеза, то этого достаточно. Согласно Джеймсу, формирование личности происходит в постоянном процессе разнонаправленного взаимодействия инстинктов, как следствия эволюционного происхождения человека, личного выбора и привычек. При рассмотрении явления личности как «совокупности всего, что человек считает своим», исследователь выделил четыре формы Я: биологическое, материальное, социальное и духовное, последняя из которых представляется наиболее устойчивой составляющей частью. Именно выражением духовного Я являются религиозные переживания, построенные на вере, в высшей степени интимной человеческой ценности. Сам термин «религия» формулируется как комплекс чувств, опыта и действий отдельно взятой личности, совокупным содержанием которого определяется ее отношение к свойствам и образу почитаемого божества.

Э. Фромм определил религию как любую систему взглядов, выступающую для человека основой осознанного существования и объектом для преданного последования. То есть наличие сверхъестественного базиса в структуре убеждений совершенно не обязательно [8,

с. 211]. Данный шаг от традиционного, конфессионального понимания религии представляет изучаемую концепцию в качестве универсального феномена, присущего всему человечеству и лежащего в основе любой культуры. Религиозность в такой коннотации внутренне свойственна личности, она выполняет функцию удовлетворения потребности человека в наличии четкой системы ориентации. В дальнейшем Фромм развил понятие религиозности, введя психологические показатели в классификацию религиозных систем, утвердил гуманистический и авторитарный типы. Также исследователь выделяет такие ключевые составляющие религии, как ритуальные действия, научно-магический и семантический аспекты. Фактор отражения религиозных убеждений в сознании индивида, называемый переживанием, выступает психологическим, или же личностным компонентом религиозной системы.

С. Московичи исследовал тему религиозности в дискурсе социальной психологии. Его позиция включает в себя не только влияние социума и ближайшего окружения на формирование религиозности индивида, но и обратный процесс, влияние религиозных убеждений на социально-психологические взаимодействия. С. Московичи устанавливает, что религиозность может выступать источником и топливом психической активности как отдельно взятой личности, так и социальной группы, а также толпы. Религиозность выступает стимулятором механизмов подражания и заражаемости. В свою очередь, Д.Н. Угринович проводил изучение религии с марксистской точки зрения, придя к схожему выводу о том, что сфера социальных отношений является истоком возникновения религиозности. Исходя из этого, он подчеркивает, что религиозность подразумевает под собой воздействующий эффект, оказываемый тем или иным учением на сознание, мировосприятие и модель поведения как отдельно рассматриваемой личности, так и различно классифицируемых социальных и демографических групп населения. [3, с. 45–52].

Г.У. Олпорт, придерживавшийся направления психологии личности, исследовал религиозный опыт и феномен религиозности в соответствии с принципами, главным образом, функционального подхода, развивая позицию У. Джеймса. Так, в своих научных работах он рассматривал разнообразные аспекты и особенности религиозности. Фундаментальной составляющей концепции Олпорта является разделение религиозности на «внутреннюю» и «внешнюю» по принципу отношения личности, имеющей религиозное мировоззрение, к собственной вере, либо как к цели, мотивирующей к деятельности («внутренняя религиозность»), либо как средству («внешняя религиозность») [7, с. 79–86]. Индивиды с внешними религиозными устремлениями склонны использовать религию для достижения каких-либо сторонних целей. Они могут считать веру полезной в разных обстоятельствах, воспринимать её как источник уверенности, утешения, ресурс для преодоления негативных эмоций, инструмент повышения статуса и основание для самооправдания. Такими субъектами духовная доктрина не воспринимается достаточно серьёзно, или же они избирательно придерживаются отдельных пунктов догматики, тех, что соотносятся с их более важными, первостепенными убеждениями и интересами. У личностей с внутренней ориентацией религия является первостепенным мотивом. Прочие потребности и стремления, какими бы значительными они ни были, воспринимаются менее важными, и их стараются согласовывать с религиозными предписаниями и принципами. Фиксируется стремление к полному освоению вероучения и полноценное следование ему. «Внутренне религиозно ориентированные» люди действительно «живут» религией. Поддержанию психического здоровья личности способствует именно внутренняя религиозная ориентация, в то время как внешняя несет в себе риск возникновения дисбаланса между духовными и житейскими устремлениями.

Отечественный исследователь А.Ф. Лазурский, изучавший религиозность в рамках дихотомии эндопсихики (взаимосвязи внутреннего мира личности) и экзопсихики (взаимного соотношения личности и среды), составил классификацию типов религиозности. Низший тип характеризует подавляющую часть верующих, не углубляющихся во внутреннее обустройство учения и демонстрирующих уровень шаблонного религиозного сознания [4, 95–107]. Средний тип описывает так называемых религиозных созерцателей, обладателей развитого воображения и многогранного образного мышления. Их мировоззрение, основное на вере, является устойчивым и разработанным, дополнительным признаком выступает высокая эстетическая рецептивность. Высший тип характеризует людей как религиозно, так и нравственно развитых, не проявляющих эгоизма и демонстрирующих высокое вчувствование по отношению к окружающим.

Виктор Франкл описывал религию как значимый компонент мотивации человека в процессе поиска смысла жизни. Хотя для индивида и возможно обретение внутреннего равновесия и осмысление существования без вероисповедания, с помощью претворения ценностей и признания ответственности за совершаемые поступки, но религиозность может выступать одним из главных источников экзистенциальной ориентации для категории верующих людей. Таким образом, подчёркивается значимость духовной составляющей мировоззрения [1, с. 25–31]. Понимание Франклом религиозности как термина относительно её персонального выражения в личности заключается в том, что это – специфический опыт самотрансцендирования, выхода за границы индивидуального «Я» человека, направленный на освоение духовных ценностей и постижения бытия. Вера выполняет функцию ресурса для поиска ответов на интересующие человека фундаментальные вопросы, помогает сохранять устойчивость психики и внутреннюю гармонию в моменты неудач и жизненных затруднений. В. Франкл акцентирует внимание на необходимости формирования религиозных взглядов на основе внутренних побуждений и потребностей личности, а не внушения извне. Только при этом условии она становится источником личностного роста, нравственного развития и психологической стабильности, фактором осознания духовной основы индивидуальности. При этом подлинная духовность подразумевает персональную ответственность и непрерывный процесс поиска смысла в любых обстоятельствах. Отмечается, что религиозность и свобода выбора находятся в положении взаимного дополнения друг друга. Убеждения веры выступают основой для преодоления кризисных ситуаций, и лишь в независимом, свободном волеизъявлении эти убеждения могут быть полностью осознаны и претворены в жизнь. Обобщая, религия является как продуктом отражения социальных и культурных традиций, так и значимой составляющей психологической стабильности.

Б.С. Братусь, рассматривая религиозную картину мира, отмечает, что она отображает вертикальное устремление личности к высшему началу и осуществляет удовлетворение потребности в поиске смысла существования, не ограниченного фактором неизбежности смерти. Ключевым элементом картины мира, основанной на вере, является человек в Боге, его смысл, целостность и предназначение. Исследователь вводит концепцию двойного бытия человеческой души, внешней стороны, охватывающей проявления эмоций и чувств, и внутренней, сокровенной, принципиально не поддающейся исследованию с точки зрения психологической науки [9, с. 230]. Именно внутренняя сторона является источником формирования религиозной картины мира. Конечный смысл нравственно-познавательного развития индивида состоит в стремлении к труднодостижимому синтезу двух составляющих естества. Функция религии же заключается в прояснении экзистенциальных вопросов, направлении духовного становления в рамках определенной системы ценностей. С другой стороны, позиция Е.В. Улыбиной состоит в том, что религиозная картина позволяет индивиду с наименьшими когнитивными затратами объяснить и отрефлексировать многие происходящие в окружающем его мире события, включая самые чудовищные, используя концепции высшей справедливости, воздаяния и спасения в другой жизни, на что не способна нерелигиозная картина мира [13, с. 89–103]. Вера составляет основу идеологического принципа вознаграждения праведников и наказания грешников, выступая мерилом оценки нравственной легальности того или иного поведения и решая вопрос неопределенности в контексте этических рассуждений. Таким образом, религия, включающая в себя понимания мира как справедливого и упорядоченного, является крайне важным феноменом, обеспечивающим снятие тревожности, помощь в переживании травмирующих событий и стрессовых ситуаций. А. Маслоу считал антиинтеллектуализм, то есть стремление предпочитать веру знаниям, характерной чертой религиозного мировоззрения. Божества, выступающие объектом поклонения в духовных практиках, являются образцами для подражания, которыми должен руководствоваться человек в процессе стабильной самоактуализации [12, с. 36–46]. Религия, как и некоторые другие, этические или эстетические реалии, содержит необходимую для полноценного существования человека систему ценностей. Кроме того, вера в религиозные доктрины выступает одним из путей получения так называемых пиковых переживаний, сравниваемых исследователем с посещением личного Рая. То есть, религия предоставляет сравнительно доступный способ расширения сознания, получения необычных переживаний, когда индивид испытывает характерные ощущения радости, успеха, обретает основу для убеждённости в собственной исключительности. Резюмируя, кроме выполнения трансцендирующей и развивающей функций, религиозность несёт существенный заряд сильных положительных эмоций через указанные переживания, играет значимую роль в саморегуляции и ценностной оценке действительности.

Религиозность описывается как функциональный, значимый компонент мировоззрения личности, влияющий на процессы самоактуализации и реализации, а также как источник получения положительных

эмоций через специфические переживания. Отмечается роль религиозности как ресурса удовлетворения экзистенциальных потребностей, с помощью которого индивид отвечает на ключевые вопросы, связанные с поиском смыслов, преодоления страха смерти, тем самым сохраняя устойчивость психики и внутреннюю гармонию. Принимая во внимание специфику студенческой образовательной среды и сопутствующую ей возможность возникновения конфликтных, стрессовых ситуаций, точек возникновения фрустрации, подтверждается ключевое положение религиозности в структуре самосознания и миропонимания учащегося, а именно как фактора преодоления описанных деструктивных обстоятельств. Таким образом, утилитарная значимость изучения роли религиозности в контексте психологического состояния студентов полностью обоснована.

Л.В. Русских проводит сопоставление религиозности и морали, находя у данных категорий множество сходных черт, включая веру в справедливость как в принцип миропостроения [10, с. 83–87]. Он приходит к выводу о том, что без религиозного аспекта построение целостной системы нравственных ценностей затруднительно. Однако мораль и религиозность, являясь двумя векторами духовного поиска личности, различаются между собой и могут как совпадать, так и быть разнонаправлены. При этом религиозность большее влияние на морально-этические установки и мировоззрение студента, нежели иные факторы, в частности профиль обучения, структура семьи и стиль воспитания, применяемый родителями по мере взросления респондента, уровень их образования и доходов. Между категориями веры и морали существует тесная обоюдная связь, проявляющаяся и в процессе образовательной деятельности студента, они выполняют сходные функции и находятся в непрерывном взаимодействии друг с другом. Осознанные религиозные установки, подкрепленные участием в ритуалах и таинствах, оказывает большее влияние на самоощущение и мировосприятие, а также моральное сознание человека, чем немотивированное следование какому-либо учению на основе семейных традиций или детских впечатлений. Религиозность оказывает стабилизирующее воздействие на психологическое состояние учащегося в высшем учебном заведении, стимулируя поддержание этических принципов порядочности, гуманности и взаимопомощи. Постулаты веры во многом отражают негласные нравственные правила поведения в обществе, в том в числе студенческой среде. Таким образом, морально-религиозный комплекс представляет собой крайне важное формирование, оказывающее влияние как на духовную, так и на многие другие сферы жизни учащегося.

В научных исследованиях, посвящённых студенческой среде, значительное внимание уделяется проблеме субъективного благополучия и анализу его структурных компонентов. Поскольку ощущение благополучия формируется как индивидуальное переживание и определяется не столько объективными условиями жизни, сколько личностным отношением человека к реальности, при его изучении необходимо учитывать не только внешние показатели уровня жизни, но и внутреннюю оценку человеком собственного существования. Ввиду того, что всестороннее исследование полного спектра индивидуальных различий в восприятии себя и окружающего мира является практически невозможным, представляется целесообразным сосредоточиться на выявлении специфических характеристик субъективного благополучия, присущих отдельным социальным группам. Актуальность обращения к проблеме благополучия конкретно студенчества определяется рядом обстоятельств. К их числу относятся масштабность данной социальной группы, её высокая адаптивность и способность оперативно реагировать на общественно-экономические и культурные изменения, что обуславливает повышенный уровень социальной активности. Кроме того, стратегическая значимость студенческой молодёжи связана с её будущей профессиональной компетентностью, восприимчивостью к инновационным процессам и выраженным потенциалом к созидательной деятельности.

Период обучения в высшем учебном заведении является значимым этапом жизненного пути личности. Как подчёркивается в сравнительных исследованиях, студенческий возраст характеризуется интенсивным развитием интеллектуальных и личностных способностей, становлением системы ценностей и мировоззренческих установок, а также закреплением устойчивых черт личности. Этот период характеризуется формированием дружеских и интимных отношений, процессом индивидуального самоопределения, а также достижением физической, психологической, интеллектуальной и духовной зрелости. В то же время студенческую молодёжь, помимо совокупности возрастных особенностей, объединяет специфический социальный статус. При условии постепенного размывания традиционных возрастных границ положение студентов в социальной структуре общества оказывает существенное влияние на характер переживания ими благополучия, не уступающее по значимости самому этапу жизненного развития. Согласно позиции О.А. Идобаевой, в данный возрастной период ключевым показателем психологического благополучия выступает процесс самоактуализации личности. Стремление не только к раскрытию индивидуального потенциала, но и к его практической реализации в социально значимой деятельности формирует потребность в самовыражении через труд и определяет готовность молодого человека к вступлению во взрослую жизнь.

В работах Е.Ю. Григоренко показано, что в структуре общего психологического благополучия студентов, независимо от их гендерной и возрастной принадлежности, наибольшую выраженность приобретают компоненты, связанные с личностным ростом и качеством позитивных межличностных взаимодействий. В то же время наименее выраженным элементом структуры является способность к управлению внешней средой. При анализе гендерных различий автор указывает, что студентки демонстрируют более высокий уровень психологического благополучия по сравнению со студентами мужского пола, обучающимися на тех же курсах. Сравнение показателей первокурсников и студентов второго курса позволило установить, что второкурсники характеризуются более высоким уровнем благополучия, что объясняется отсутствием адаптационного напряжения и дискомфорта, типичных для начального этапа обучения в вузе. С точки зрения О.И. Даниленко, субъективное благополучие может рассматриваться как индикатор успешности преодоления студентами различных трудностей, возникающих в процессе учебной деятельности [5, с. 264–268]. К числу личностных ресурсов, способствующих этому, автор относит характеристики, обеспечивающие возможность предварительной подготовки к потенциально сложным ситуациям. В исследовании студентов старших курсов различных направлений подготовки была выявлена устойчивая связь между уровнем субъективного благополучия и всеми компонентами антиципационной состоятельности, под которой понимается степень готовности студентов к преодолению учебных затруднений. При этом наиболее значимым прогностическим фактором выступает предусмотрительность. Предусмотрительное поведение, проявляющееся в активном использовании образовательных возможностей вуза и поиске дополнительных ресурсов для реализации собственных целей, не только способствует эффективному решению возникающих проблем, но и поддерживает уверенность студентов в позитивных перспективах будущего, тем самым усиливая их субъективное благополучие.

Исследования, проведённые научным коллективом под руководством А.Г. Самохваловой позволили определить субъективное благополучие как неотъемлемую осознаваемую составляющую психологического здоровья обучающихся в высшем учебном заведении [11, с. 32–38]. Высокий показатель этой оценки собственной жизни и положения сопровождается сохранением позитивного настроя при преодолении трудностей, реалистичным самопринятием, поддержанием положительного эмоционального настроя. Определяющими факторами сохранения субъективного благополучия в студенческой образовательной среде выступают мотивированность к прогрессу в учебной деятельности, расположенность к инновациям и структурным изменениям в процессе получения квалификации, уровень уверенности в правильности выбора профессии, степень комфортности межличностных отношений с сокурсниками. В зависимости от направления подготовки, стабильное субъективное благополучие студента может выражаться в разной мере, так, для гуманитарного профиля наиболее существенно признание творческой реализации, развитие коммуникабельности и контактности, для технического – поддержание локуса контроля, восприятие самостоятельности и ответственности.

Концепция М.Е. Сачковой подразумевает положение субъективного благополучия и, в качестве более обширной категории, психологического благополучия, как интегрального элемента в структуре социальных представлений обучающихся в вузе о достижении авторитета и высокого социального положения [2, с. 120]. В рамках юношества и освоения профессии основным фактором благополучия представляется успешное протекание самореализации индивида в соответствии с общественными нормами и ожиданиями ближайшего круга социально значимых лиц. Поддержание субъективного благополучия на протяжении студенческого этапа жизни закладывает фундамент для дальнейшего стабильного самоощущения, достижения поставленных профессиональных и бытовых целей.

Проводя анализ представленных научных изысканий, посвящённых влиянию субъективного благополучия и уровня религиозности на психологическое состояние студентов, можно выделить соотношение функций, выполняемых компонентами субъективного благополучия и религиозностью в контексте психического здоровья и адекватного мировосприятия индивида, сделать обоснованное предположение

о существовании связи изучаемых феноменов. Специфика студенческой среды как насыщенной препятствиями для успешной самореализации учащегося, учитывая нагрузку при освоении материала, стресс, накапливаемый при подготовке к экзаменам, возможность возникновения межличностных конфликтов, подтверждает значимость поддержания как стабильного субъективного благополучия, так и уровня религиозности, достаточного для реализации последней своего потенциала как копинг-ресурса студента. Взаимовлияние уровня религиозности и субъективного благополучия обучающегося представляет собой сложную, комплексную зависимость, определяемую структурой, состоящей из мотивационного, когнитивного и морально-нравственного компонентов ментальности, нуждающуюся в дальнейшем глубоком изучении.

Цель исследования – изучение взаимосвязи субъективного благополучия и уровня религиозности у студентов.

Методики исследования

Методика диагностики субъективного благополучия Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой, шкала субъективного благополучия Г. Перуэ-Баду; адаптация М.В. Соколовой, шкала религиозной ориентации Г. Олпорта, Д. Росса; адаптация С.Т. Посоховой); метод корреляционного анализа (Коэффициент Пирсона).

Выборка исследования составила 42 человека – студенты российских вузов.

Результаты исследования.

Обработка результатов исследования по методике Р.М. Шамионова проводится с использованием индекса субъективного благополучия – общего показателя по пяти шкалам. При интерпретации показатель индекса от 1 до 2.6 0 до 25 свидетельствует о низком уровне субъективного благополучия, показатель от 2.7 до 3.6 указывает на средний уровень, от 3.7 до 5 – на высокий уровень.

Дифференциация 42 испытуемых в зависимости от определенного в процессе обработки результатов уровня субъективного благополучия продемонстрирована в таблице ниже. Из итоговых значений можно сделать вывод о том, что преобладающим уровнем субъективного благополучия у студентов 3 курса выступает средний, менее распространён высокий уровень, и наименее часто встречается низкое субъективное благополучие. Процентное соотношение: 54,8%, 28,6% и 16,6% соответственно (табл. 1).

Таблица 1. Дифференциация испытуемых в зависимости от уровня субъективного благополучия

Уровень субъективного благополучия.	Количество респондентов.
Низкий	12
Средний	23
Высокий	7

Обработка результатов исследования по шкале субъективного благополучия Г. Перуэ-Баду производится путём суммирования баллов по «прямым» и «обратным» пунктам, набранных респондентом, составляющих итоговый балл. Крайне низкая оценка (1 стен) свидетельствуют о полном эмоциональном благополучии испытуемого, оценка от 2 до 7 указывает на умеренный эмоциональный комфорт и умеренное субъективное благополучие. Показатель в 8–9 стенов характеризует отклонения самоощущения в сторону неблагополучия и низкий уровень субъективного благополучия. Высшая оценка (10 стенов) свидетельствуют о значительно выраженном эмоциональном дискомфорте и крайне низком субъективном благополучии.

Распределение установленного в процессе обработки результатов уровня субъективного благополучия по 42 респондентам, принимавшим участие в прохождении шкалы Г. Перуэ-Баду, продемонстрировано в таблице ниже. Полученные значения показывают, что преобладающим уровнем субъективного благополучия среди респондентов является умеренный уровень, причем значительно превышая показатель среднего уровня, второго по распространённости. Наименее выраженным в выборке уровнем самоуважения выступает крайне низкий уровень. Процентное соотношение: 64.3%, 16.7%, 11.9% и 7.1% соответственно (табл. 2).

Графическое отображение процентных соотношений количества респондентов по уровням субъективного благополучия, в зависимости от методики измерения, представлено на графиках ниже. (см. рисунок 1).

Обработка результатов прохождения участниками исследования шкалы религиозной ориентации Г. Олпорта, Д. Росса проводится путём суммирования шкал внешней и внутренней религиозности. Внешняя религиозность характеризуется тем, что религия используется как средство достижения сторонних целей, в то время как внутренняя религиозная ориентация – результат духовной практики. Полученный в результате суммирования числовой показатель индекса указывает на уровень религиозности респондента: от 20 до 40 – низкий уровень, от 40 до 60 – средний, от 60 до 80 – высокий уровень религиозности.

Таблица 2. Распределение уровня субъективного благополучия по шкале Г. Перуэ-Баду

Уровень субъективного благополучия.	Количество респондентов.
Крайне низкий	3
Низкий	7
Умеренный	27
Высокий (Полное)	5

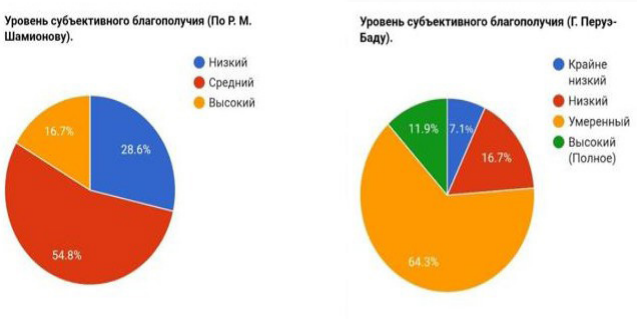

Рис. 1. Распределение уровней субъективного благополучия по шкалам Р.М. Шамионову и Г. Перуэ-Баду

Распределение установленного в процессе обработки результатов уровня религиозности по 42 респондентам продемонстрировано в таблице ниже. (Таблица 3). Результаты показывают наибольшую распространённость среди студентов 3 курса среднего уровня религиозности. Близкими являются результаты по распределению высокого и низкого уровней. Процентное соотношение: 42.86, 30.95 и 26.19% соответственно (табл. 3).

Таблица 3. Распределение уровня религиозности

Уровень религиозности.	Количество респондентов.
Низкий	11
Средний	18
Высокий	13

Графическое отображение процентного соотношения количества респондентов по уровню религиозности, полученного по методике Г. Олпорта, Д. Росса, представлено на графике ниже. (см. рисунок 2).

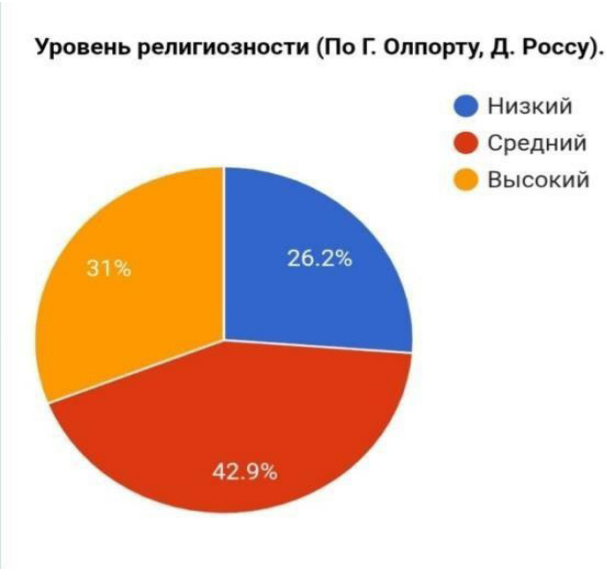

Рис. 2. Распределение уровней религиозности по Г. Олпорту, Д. Россу

Таким образом, в процессе проведения эмпирического исследования были получены и структурированы данные о субъективном благополучии и уровне религиозности у студентов 3 курса. При обработке

результатов прохождения респондентами специализированных методик успешно подготовлена база для эффективного статистического анализа.

Организация первоначального исследования позволила сформировать однородную по возрасту и образовательному статусу выборку. Обработка первичных данных осуществлялась в соответствии с инструкциями к используемым методикам. На первом этапе были рассчитаны индивидуальные и групповые показатели по используемым шкалам, после чего проведена их интерпретация и последовательное сопоставление.

Результаты проведённого исследования по шкале Г. Перуэ–Баду в целом согласуются с данными, полученными по методике Р.М. Шамионова, и указывают на доминирование умеренного уровня субъективного благополучия в изучаемой выборке, отражают сходные тенденции распределения. Данные, полученные по методике Г. Олпорта и Д. Росса, указывают на преобладание среднего уровня религиозности при достаточно равномерном распределении испытуемых между низким и высоким уровнями. Это свидетельствует о внутренней согласованности результатов и позволяет рассматривать их какдостоверное отражение психологического состояния респондентов.

Для выявления взаимосвязи между уровнем религиозности и субъективным благополучием был проведён корреляционный анализ с использованием коэффициента линейной корреляции Пирсона. Данный метод был выбран в связи с количественным характером рассматриваемых переменных. Анализ взаимосвязи между уровнем религиозности и интегральным показателем субъективного благополучия по методике Р.М. Шамионова показал наличие положительной корреляции средней силы (r = 0.64). Это свидетельствует о том, что с повышением уровня религиозности наблюдается тенденция к росту субъективного благополучия, выраженного в общей психологической устойчивости, удовлетворённости жизнью и позитивном самоощущении.

Особый интерес представляют результаты корреляционного анализа между уровнем религиозности и показателями субъективного благополучия по шкале Г. Перуэ-Баду. Была выявлена высокая положительная корреляция (r = 0.81). Полученные данные указывают на выраженную взаимосвязь между уровнем религиозности и эмоциональным компонентом субъективного благополучия личности: более высокий уровень религиозности ассоциируется с более благоприятным эмоциональным состоянием, снижением признаков тревожности и внутреннего дискомфорта.

В целом подтверждается положение о том, что уровень религиозности может выступать значимым психологическим ресурсом, способствующим поддержанию субъективного благополучия, данная взаимосвязь выражается в многочисленных позитивных тенденциях эмоционального и когнитивного развития студентов курса.

Литература

1. Аптасова А.А. Исследование глубинной индивидуальной религиозности в работах Виктора Франкла / А.А. Аптасова // Векторы педагогического образования. – 2024. – № 4. – С. 25–31.Блинова Е.Е. Субъективное благополучие студентов с разным уровнем социального капитала личности / Е.Е. Блинова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2022. – № 3. – С. 117–129.

2. Ворожейкина Л.И. Религиозность: понятия и детерминанты / Л.И. Ворожейкина // Философия социальных коммуникаций. – 2013. – № 1 (22). – С. 45–52.

3. Дамте Д.С. А.Ф. Лазурский и проблемы психологии религии / Д.С. Дамте // Философские науки. – 2017. – № 1. – С.

4. Даниленко О.И. Антиципационная состоятельность как предиктор субъективного благополучия студентов / О.И. Даниленко // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – № 3 (24). – С. 264–268.

5. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. В.Г. Малахиева-Мирович. – М.: Академический проект, 2017. – 443 с.

6. Иценко А.Г. Психологическая концепция религиозности Г. Олпорта – Дж. Росса и её критика / А.Г. Иценко, М.А. Король // Научные тенденции. – 2020. – № 5. – С. 79–86.

7. Каган А.А. Взаимосвязь религиозности личности и социального взаимодействия подростков / А.А. Каган // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 5 (38). – С. 211–214.

8. Молчанова Е.А. К постановке проблемы изучения религиозной картины мира в психологии / Е.А. Молчанова, Е.Н. Наймушина // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы XI Международной научно-практической конференции. – Нижневартовск, 2024. – С. 230–236.

9. Русских Л.В. Религиозность и моральное сознание студентов / Л.В. Русских // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 83–87.

10. Самохвалова А.Г. Субъективное благополучие студентов, поступивших в вуз на разные направления подготовки / А.Г. Самохвалова и др.

// Вестник Костромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – № 2. – С. 32–38.

11. Соколовская И.Э. Феномен религиозности в контексте психологических теорий / И.Э. Соколовская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2014. – № 2. – С. 36–46.

12. Улыбина Е.В. Влияние актуализации мыслей о Боге и уровня религиозности на отношение к неопределенности / Е.В. Улыбина, К.К. Климова // Артикульт. – 2017. – № 26 (2). – С. 89–103.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECTIVE WELL-BEING AND RELIGIOUSNESS AMONG STUDENTS

Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Potashev A.M.
Plekhanov Russian University of Economics

The article systematizes and summarizes a set of domestic and foreign scientific approaches to understanding subjective well-being and personality religiosity. The concepts of subjective well-being in the context of mental health are considered, and a review of scientific sources has shown that religiosity can act not only as a worldview attitude, but also as an internal regulator that contributes to the formation of a positive perception of life circumstances and increases resistance to stressful influences. The organization, methods, and results of the study are presented, and conclusions about the nature of the relationship are made based on them. The obtained data can be useful for psychology, sociology, and religious studies.

Keywords: subjective well-being, religiosity, psychological well-being, empirical research, relationship.

References

1. Aptasova, A. A. “A Study of Deep Individual Religiosity in the Works of Viktor Frankl.” Vectors of Pedagogical Education, 2024, no. 4, pp. 25–31. Blinova, E. E. “Subjective Well-Being of Students with Different Levels of Personal Social Capital.” South-Russian Journal of Social Sciences, 2022, no. 3, pp. 117–129.

2. Vorozheykina, L. I. “Religiosity: Concepts and Determinants.” Philosophy of Social Communications, 2013, no. 1 (22). pp. 45–52.

3. Damte, D. S. A.F. Lazursky and the Problems of the Psychology of Religion. Damte // Philosophical sciences. – 2017. – No. 1. – P.

4. Danilenko O.I. Anticipatory consistency as a predictor of students' subjective well-being / O.I. Danilenko // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. – 2018. – No. 3 (24). – P. 264–268.

5. James W. Diversity of religious experience / trans. from English by V.G. Malachieva-Mirovich. – Moscow: Academichesky proekt, 2017. – 443 p.

6. Itsenko A.G. Psychological concept of religiosity of G. Allport – J. Ross and its criticism / A.G. Itsenko, M.A. Korol // Scientific trends. – 2020. – No. 5. – P. 79–86. 7. Kagan A.A. The Relationship between Personality Religiosity and Social Interaction of Adolescents / A.A. Kagan // Theory and Practice of Social Development. – 2020. – No. 5 (38). – P. 211–214.

8. Molchanova E.A. On the Formulation of the Problem of Studying the Religious Picture of the World in Psychology / E.A. Molchanova, E.N. Naymushina // Culture, Science, Education: Problems and Prospects: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. – Nizhnevartovsk, 2024. – P. 230–236.

9. Russkikh L.V. Religiosity and Moral Consciousness of Students / L.V. Russkikh // Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities. – 2019. – No. 1. – P. 83–87.

10. Samokhvalova A.G. Subjective Well-Being of Students Enrolled in Different Programs of Study at a University / A.G. Samokhvalova et al.

// Bulletin of Kostroma State University. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. – 2021. – No. 2. – Pp. 32–38.

11. Sokolovskaya I.E. The Phenomenon of Religiosity in the Context of Psychological Theories / I.E. Sokolovskaya // Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Psychological Sciences. – 2014. – No. 2. – Pp. 36–46.

12. Ulybina E.V. The Influence of the Actualization of Thoughts about God and the Level of Religiosity on the Attitude to Uncertainty / E.V. Ulybina, K.K. Klimova

// Artikult. – 2017. – No. 26 (2). – P. 89–103.

Роспуск Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации как механизм сдержек и противовесов

Чигарев Борис Алексеевич,
студент Института права и национальной безопасности
РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: lysa.chigareva@mail.ru

В российской политологической и юридической науке досрочный роспуск Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Президентом Российской Федерации часто рассматривается как способ принуждения и даже давления в отношении нижней палаты российского парламента, форма его конституционно-правовой ответственности. Данные трактовки видят в рассматриваемом механизме проявление сдержек и противовесов прежде всего в отношении парламента. В настоящей статье сделана попытка обосновать даиную трактовку этого механизма, представив его как способ сдерживания политической власти Президента Российской Федерации. Данный тезис обосновывается существованием потенциального политического риска в условиях конфронтации между Президентом и законодательной власти избрания после досрочного роспуска ещё более оппозиционной по отношению к Президенту Думы, что затягивает конфликт, вынуждая Президента идти на компромиссы и диалог с парламентом. Статья имеет междисциплинарный характер, используя концепции политической теории, конституционного права с использованием материалов новейшей политической истории России. Рассматривается изменение норм Конституции Российской Федерации, касающихся досрочного роспуска Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Делается вывод о снижении «сдерживающего» эффекта досрочного роспуска в отношении Президента после изменения Конституции в 2020 году ввиду отмены императивного досрочного роспуска Государственной Думы при наступлении соответствующих условий, что представляется серьёзным риском для сохранения системы сдержек и противовесов в российской политической системе.

Ключевые слова: парламентаризм, разделение властей, президенциализм

Современный политический режим в России в юридической и политической науках часто характеризуют как «суперпрезидентский» ввиду главенствующей роли Президента Российской Федерации в политической системе, его возвышения над ветвями власти как «арбитра» [1], с одной стороны, и широких возможностей при этом его участия в деятельности органов исполнительной власти, с другой стороны [2]. Причины тому могут видеться в политических традициях персонализма, необходимости мобилизационного способа управления общественными процессами [3]. Формальным закреплением этого положения вещей принято считать политико-правовую модель, сформированную нормами Конституции Российской Федерации. Принятая по итогам противостояния между Президентом и Верховным Советом Российской Федерации в 1993 году Конституция отразила и закрепила последствия этого конфликта: уход от полновластия Советов, окончательное оформление института президента как полноценного главы государства. Так, А.А. Кондрашов указывает: Распространённым в доктрине также стало мнение, что изменения, внесённые в российскую конституционную систему в 1993 г., превратили изначально задуманную модель в её противоположность. По мнению ряда российских юристов, изначально полупрезидентская система была трансформирована в «суперпрезидентскую» [4]. Кондрашов добавляет: «При этом в последние годы определение России в качестве суперпрезидентской республики получает все более широкое распространение и среди конституционалистов. Следует отметить, что существует и множество схожих точек зрения, когда российскую форму именуют то сверхпрезидентской или квазипрезидентской республикой, то смешанной республикой с доминированием президента» [5].

В настоящей статье делается попытка обосновать тезис о том, что институт императивного досрочного роспуска Президентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, который присутствовал в предыдущих редакциях Конституции Российской Федерации, был одним из механизмов сдержек и противовесов, делавшим Россию смешанной республикой в том смысле, что Президент, в том числе из-за рисков досрочного роспуска Думы, вынужден в определённых условиях идти на компромиссы с парламентом по вопросу фигуры Председателя Правительства, который, в свою очередь, становится в «буфером» между Президентом и Думой.

Очевидно, что контекст принятия Конституции отразился на восприятии этого документа как «пропрезидентского», написанного в интересах победившей стороны [6] [7]. Сторонники позиции о «суперпрезидентской Конституции» одним из подтверждающих тезисов выдвигают норму о досрочном роспуске Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в случае непринятия одной и той же кандидатуры Председателя Правительства трижды, предложенной Президентом, и в случае трёх попыток отправления в отставку Правительства при несогласии с этим Президента. Нужно сказать, что до поправок 2020 года, согласно нормам статей 111 и 117 Конституции Российской Федерации роспуск был императивным, если президент сохранял несогласие с позицией Государственной Думы по вопросу назначения Председателя Правительства или отправки Правительства в отставку, то он распускал Государственную Думу.

Данный механизм может рассматриваться как форма давления со стороны Президента в отношении законодательной власти с целью утверждения своего политического курса. Однако эта позиция исходит из методологического холизма, рассматривающего Государственную Думу как единый монолитный субъект политико-правовых отношений. В этой парадигме, действительно, можно считать, что в отношениях между Президентом и Нижней Палатой Парламента вторая находится в более уязвимом положении. Такой подход в трактовке характера отношений двух органов государственной власти обычно применяется среди исследователей конституционного права, рассматривающих досрочный роспуск как форму конституционно-правовой ответственности Государственной Думы.

Но нужно сказать, что данный подход не учитывает тот факт, что Государственная Дума как и любой другой современный парламент есть совокупность различных, порой противоречащих друг другу воль фракций, депутатских групп и объединений. В таком случае политическое взаимодействие происходит между президентом, кото-

рый является представителем определённых политических сил, и доминирующими в нижней палате парламента фракциями. При данном рассмотрении досрочный роспуск Государственной Думы становится не односторонней формой политической и конституционно-правовой ответственности законодательного органа власти, а инструментом политического торга между президентом и оппозиционными ему силами. Президент при принятии решения о досрочном роспуске должен осознавать сложившуюся электоральную ситуацию: не станет ли вновь избранный созыв Государственной Думы более оппозиционным. Очевидно, что зачастую ситуация с досрочным роспуском и кризисом правительства становится фактором, усиливающим популярность оппозиционных партий и увеличивающим их возможности нарастить своё представительство в парламенте. Это приводит к тому, что досрочный роспуск в определённых ситуациях, прежде всего в момент социально-экономических кризисов, становится формой ограничения для президента: возможное увеличение представительства оппозиции в парламенте заставляет президента искать компромиссы по вопросу кандидатуры Председателя Правительства или отправления Правительства в отставку.

Историческим примером данных процессов было формирование правительства Е.М. Примакова в 1998 году. После дефолта и усиления кризисных явлений в экономике произошла отставка правительство С.В. Кириенко, после чего Президентом Б.Н. Ельциным было сделано две попытки назначить В.С. Черномырдина, что встретило несогласие Государственной Думы. В случае третьего отказа в утверждении кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации согласно действовавшим нормам Конституции был бы произведён досрочный роспуск Государственной Думы. В условиях кризиса, сильных позиций КПРФ в обществе и общего недовольства населения перевыборы Государственной Думы в разгар таких социально-политических процессов могло привести к появлению ещё более оппозиционного состава нижней палаты парламента, что усугубило конфликт Президента и Думы, затруднив его разрешение. В этой связи единственным выходом из политического кризиса являлось выдвижение Президентом компромиссной фигуры, устраивающую преимущественно «левую» Государственную Думу. И.В. Байдаков указывает: «кризис разрешил Г.А. Явлинский, предложив на Е.М. Примакова – «ответственную фигуру для подготовки наиболее важных решений… человек диалога… не связанный ни с какими олигархическими группировками, ни с какими криминальными структурами… [который – И.Б.] сможет породить доверие у граждан России» [8].

Ситуация, при которой лидер социально-либеральной партии «Яблоко» предлагает кандидатуру Е.М. Примакова, который имел имидж лево-консервативного политика, не связанного с «Яблоком» и либеральным лагерем в целом, само по себе было проявлением культуры «широкого» политического компромисса, нечасто встречающегося в российской политической истории. Продолжением политического компромисса стал фактически коалиционный состав Правительства Примакова. В него вошли представители фракций КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Наш дом – Россия», «Партия Российского Единства и Согласия», причём представитель КПРФ Ю.Д. Маслюков занял пост Первого Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации. Нужно также сказать, что в таких условиях резко возросло политическое значение фигуры Председателя Правительства. В условиях компромиссного характера выдвижения и наличия собственной политической программы Председатель Правительства стал своеобразным «буфером» между Президентом и Государственной Думой. Возросшая субъектность проявлялась в определённых изменениях внутриполитического и внешнеполитического курсов, инициированных Е.М. Примаковым.

Данные обстоятельства позволили реализовать политическое значение фигуры Председателя Правительства. Конституция Российской Федерации как до изменений 2020 года, так и в нынешней редакции не даёт чёткого ответа на вопрос о том, кто является главой исполнительной власти. Президент напрямую не называется главой исполнительной власти, согласно действующей редакции статьи 110 Конституции Российской исполнительную власть осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации [9]. Формулировка «под общим руководством» оставляет широкий простор для толкования, не позволяя однозначно отнести Президента к исполнительной власти. Действовавшая до 2020 года редакция Конституции вообще не упоминала Президента в осуществлении исполнительной власти Правительством. Данная юридическая неоднозначность, тем не менее, создаёт ситуацию дуалистической политической природы Председателя Правительства: в зависимости от конфигурации политических сил в парламенте Председатель Правительства может быть как сугубо технической фигурой [10], исполнителя политической воли Президента, так и де-факто главой исполнительной власти, если в Думе – оппозиционное к Президенту большинство и её роспуск чреват усилением усугублением конфликта.

Таким образом, институт досрочного роспуска Государственной Думы видится способом стимулирования политического диалога между Президентом и доминирующими фракциями парламента. Перевыборы в условиях конкурентной политической борьбы, как минимум, создают перманентный риск как для пропрезидентских, так и для оппозиционных сил, причём в контексте предшествующего роспуску кризиса с назначением или отставкой Правительства у оппозиционных сил появляется определённое преимущество в плане критики отставного Правительства.

Нужно сказать, что модель досрочного роспуска в полной мере имеет эффект в случае, если выборы в Государственную Думу предшествуют выборам Президента. Избранный Президент сталкивается с парламентом, сформированном в предыдущем электоральном цикле, что уменьшает потенциально пропрезидентские силы в парламенте, усиливая необходимость компромиссов и переговоров. В противном случае, если формирование нового созыва происходит уже после выборов президента, усиливается влияние пропрезидентских сил на волне победы в президентских выборах, что облегчает процесс согласования кандидатуры Председателя Правительства.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что изначальная редакция Конституция не имела абсолютного президенциалитского характера, она оставляла пространство для паритетного политического взаимодействия Президента и парламентских сил. Однако данные процессы имеют смысл лишь в конкурентной политической среде в условиях плюрализма и идеологического многообразия. Сами по себе рассматриваемые в настоящей статье конституционные нормы не будут работать в условиях «имитационной демократии», в рамках которой наличие различных политических партий представляет собой симулякр политико-общественной жизни, что выражается в отсутствии реальной конкуренции и, как следствие, в отсутствии независимого парламента.

Отдельное внимание в настоящей статье необходимо уделить вопросу изменения норм Конституции, касающихся порядка досрочного роспуска Государственной Думы. Согласно действующей редакции Президент имеет право, но не обязанность распускать Государственную Думу. В условиях, когда с начала 00-ых годов институт досрочного роспуска стал фактически «спящим», данное нововведение тем не менее нивелирует весьма значительный механизм сдержек и противовесов, что может иметь долгосрочные негативные последствия для поддержания системы разделения властей и государственного строительства в целом. Так, теперь при конфликте между Государственной Думой и Президентом у нижней палаты парламента нет действенного политического инструмента давления – Президент теперь сам решает, когда и при каких электоральных обстоятельствах распускать Думу. Это создаёт дисбаланс в их отношениях, что усиливает перекос российской политической системы в сторону Президента. Право, а не обязанность роспуска Государственной Думы, позволяет Президенту при гипотетическом конфликте выиграть время, опираясь на фрагментацию парламента, вести переговоры с фракциями и отельными депутатами, меняя этим политическую расстановку сил в свою пользу. Кроме того, «управление временем» роспуска позволяет Президенту согласовывать роспуск с электоральной ситуацией, что нивелирует для него риск переизбрания ещё более оппозиционного парламента. В институте диспозитивного досрочного роспуска исчезает элемент риска для Президента, из-за чего он становится односторонней формой давления.

Отдельно нужно сказать, что в российской научной и общественно-публицистической литературе данному изменению Конституции не было уделено достаточно внимания. Хотя, как представляется, данное изменение серьёзно влияет на конфигурацию политических сил. Таким образом, президенциализм развился не в изначальной редакции Конституции, но по ходу исторического развития.

В итоге, нужно сказать, что заложенный в первоначальной редакции Конституции механизм досрочного роспуска Государственной Думы имел «уравновешивающий» характер в отношении Президента и фракций Государственной Думы. Императивность досрочного роспуска служила стимулом для нахождения компромисса, что эмпирически наблюдалось на примере ситуации с формированием Правительства Примакова, ставшего фактически коалиционным. Диспозитивность этого механизма, в свою очередь, превращает этот инструмент в односторонний механизм давления. Представляется, что данный процесс является частью более общего процесса переформирования российского политического режима, в рамках чего изменения Конституции носят закрепляющий характер.

Литература

1. Кутафин О.Е. Глава государства. М., 2013. С. 15. https://books.yandex.ru/books/DwGuGQg3/read-online?ysclid=msnr9scure800715283

2. Суворов В.Н. Институт главы государства: юридическая природа и положение в системе власти // Право и жизнь. 1998. № 13. С. 53–54. https://lawlibrary.ru/article1133045.html?ysclid=msnrcmtq4742055865

3. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4. С. 68. https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-rossiyskie-tsennosti-institutsionalnyy-analiz?ysclid=msnrdw8gjz208457033

4. Кондрашов А.А. Форма правления и форма государственного устройства в России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционный вестник. 2021. № 6. С. 109. https://cyberleninka.ru/article/n/forma-pravleniya-i-forma-gosudarstvennogo-ustroystva-v-rossii-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-goda?ysclid=msnreww5c5162502178

5. Кондрашов А.А. Суперпрезидентская республика в России: миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 6. С. 34–42. https://cyberleninka.ru/article/n/superprezidentskaya-respublika-v-rossii-mif-ili-realnost?ysclid=msnrfmwesi503545541

6. Жабров А.Б., Д.О. Вакарчук. От президентства к президенциализму: эволюция российской модели // Политическая наука. 2026 № 1. С. 350–369. https://cyberleninka.ru/article/n/ot-prezidentstva-k-prezidentalizmu-evolyutsiya-rossiyskoy-modeli?ysclid=msnrgft8zy618855101

7. Кудряшов К.В. Необходимость учреждения поста Президента в Российской Федерации в начале 90-ых годов: историко-правовой аспект // Вестник Ставропольского Государственного Университета. 2004. № 36. С. 96. https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-uchrezhdeniya-posta-prezidenta-v-rossiyskoy-federatsii-v-nachale-90-h-godov-istoriko-pravovoy-aspekt?ysclid=msnrh5g0aa70372507

8. Байдаков И.В. Формирование экономических предпосылок институциональных реформ в Российской Федерации в 2000 гг. М., 2024. С. 203. https://www.dissercat.com/content/formirovanie-ekonomicheskikh-predposylok-institutsionalnykh-reform-v-rossiiskoi-federatsii?ysclid=msnri48wi667193533

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

10. Семёнов А.В. Шевцова И.К. Президенциализм и атрибуция ответственности за экономическое неблагополучие в России // Political science. 2019. № 4. С. 197. https://cyberleninka.ru/article/n/prezidentsializm-i-atributsiya-otvetstvennosti-za-ekonomicheskoe-neblagopoluchie-v-rossii?ysclid=msnritv8t1840300283

THE DISSOLUTION OF THE STATE DUMA OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A MECHANISM OF CHECKS AND BALANCES

Chigarev B.A.
Institute of Law and National Security

In Russian political science and legal studies, the early dissolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation by the President of the Russian Federation is often viewed as a means of coercion and even pressure on the lower house of the Russian parliament, a form of its constitutional and legal responsibility. These interpretations see the mechanism in question as a manifestation of checks and balances primarily in relation to the parliament. This article attempts to provide a different interpretation of this mechanism, presenting it as a means of restraining the political power of the President of the Russian Federation. This thesis is based on the existence of a potential political risk in the context of a confrontation between the President and the legislative branch, which could lead to the election of an even more opposition-minded Duma after the early dissolution of the Duma, prolonging the conflict and forcing the President to compromise and engage in dialogue with the parliament. The article has an interdisciplinary character, drawing on concepts from political theory and constitutional law, and using materials from the latest political history of Russia. It examines the amendments to the provisions of the Constitution of the Russian Federation concerning the early dissolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The conclusion is that the "deterrent" effect of early dissolution in relation to the President has decreased after the 2020 constitutional amendments, due to the abolition of the mandatory early dissolution of the State Duma when the relevant conditions are met, which poses a serious risk to the preservation of the system of checks and balances in the Russian political system.

Keywords: parliamentarism, separation of powers, presidentialism.

References

1. Kutafin O.E. Head of State. Moscow, 2013. P. 15. https://books.yandex.ru/books/DwGuGQg3/read-online?ysclid=msnr9scure800715283

2. Suvorov V.N. Institute of the Head of State: Legal Nature and Position in the System of Power // Law and Life. 1998. No. 13. Pp. 53–54. https://lawlibrary.ru/article1133045.html?ysclid=msnrcmtq4742055865

3. Borshchevsky G.A. Traditional Russian Values: Institutional Analysis // Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). 2023. No. 4. P. 68. https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-rossiyskie-tsennosti-institutsionalnyy-analiz?ysclid=msnrdw8gjz208457033

4. Kondrashov A.A. Form of Government and Form of State Structure in Russia in the Context of the 2020 Constitutional Reform // Constitutional Bulletin. 2021. No. 6. P. 109. https://cyberleninka.ru/article/n/forma-pravleniya-i-forma-gosudarstvennogo-ustroystva-v-rossii-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-goda?ysclid=msnreww5c5162502178

5. Kondrashov A.A. Super-Presidential Republic in Russia: Myth or Reality? // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2018. No. 6. Pp. 34–42. https://cyberleninka.ru/article/n/superprezidentskaya-respublika-v-rossii-mif-ili-realnost?ysclid=msnrfmwesi503545541

6. Zhabrov A.B., D.O. Vakarchuk. From Presidency to Presidentialism: The Evolution of the Russian Model // Political Science. 2026. No. 1. Pp. 350–369. https://cyberleninka.ru/article/n/ot-prezidentstva-k-prezidentalizmu-evolyutsiya-rossiyskoy-modeli?ysclid=msnrgft8zy618855101

7. Kudryashov K.V. The Necessity of Establishing the Post of the President in the Russian Federation in the Early 1990s: Historical and Legal Aspects // Bulletin of the Stavropol State University. 2004. No. 36. P. 96. https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-uchrezhdeniya-posta-prezidenta-v-rossiyskoy-federatsii-v-nachale-90-h-godov-istoriko-pravovoy-aspekt?ysclid=msnrh5g0aa70372507

8. Baidakov I.V. Formation of Economic Prerequisites for Institutional Reforms in the Russian Federation in the 2000s. M., 2024. P. 203. https://www.dissercat.com/content/formirovanie-ekonomicheskikh-predposylok-institutsionalnykh-reform-v-rossiiskoi-federatsii?ysclid=msnri48wi667193533

9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. No. 144. 04.07.2020.

10. Semenov A.V. Shevtsova I.K. Presidentialism and the attribution of responsibility for economic ill-being in Russia // Political science. 2019. No. 4. P. 197. https://cyberleninka.ru/article/n/prezidentsializm-i-atributsiya-otvetstvennosti-za-ekonomicheskoe-neblagopoluchie-v-rossii?ysclid=msnritv8t1840300283

Социальная ответственность бизнеса в условиях устойчивого развития

Ван Ицзе,
аспирант, Университет Шаогуань
E-mail: int@rongbihua-edu.cn

В статье предложен новый подход к пониманию теоретической и практической значимости современного бизнеса как явления устойчивого развития общества и цивилизации. Рассматриваются все формы взаимодействия бизнеса с местными и национальными демократиями, соблюдения экологического баланса при эксплуатации природы, взаимодействие общества, бизнеса и государства на всех уровнях. В работе сделана попытка предсказать дальнейшее развитие бизнеса в условиях глобализации и международной торговли. Доказана идея о том, что при минимальном соблюдении бизнесом социальных и этических мер будет достигнут подлинный прогресс, процветание, развитие и гармония всех людей, природы, общества.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, социальная политика бизнеса, взаимодействие бизнеса и общества, социальные инициативы компаний, экологическая ответственность бизнеса, развитие местных сообществ, социальное партнерство, корпоративная этика, устойчивое экономическое развитие, социальное благополучие общества.

В современном коммерческом обществе, где бизнес отношения пронизывают все сферы жизни, идея ответственности бизнеса становится ключевой проблемой. Бизнес без социального контроля, альтруистических намерений и «общественного договора» может нанести огромный вред себе и окружающей среде, т.к. в основе любой экономической деятельности есть желание извлекать прибыль и личный интерес, т.е. эгоизм. Социальная инициатива бизнеса позволяет ограничить эгоизм и создать более стабильное общество, где баланс и гармония будут практикой, а не абстрактными концепциями.

Концепция устойчивого развития, предполагающая гармоничное сочетание экономического роста, социальной стабильности и экологической безопасности, приобретает все большее значение как на национальном, так и на международном уровне. В рамках данной концепции бизнес рассматривается не только как экономический субъект, но и как важный социальный институт, способный оказывать влияние на развитие общества. Реализация принципов устойчивого развития предполагает внедрение социально ориентированных стратегий управления, развитие корпоративной социальной ответственности, поддержку социальных инициатив, а также ответственное отношение к природным ресурсам и окружающей среде. Таким образом, социальная ответственность бизнеса выступает одним из ключевых механизмов достижения устойчивого развития экономики и общества.

Проблема ответственности людей, создающих экономику и остального общества была освещена еще два века назад. Среди известных мыслителей в этой области можно назвать Наполеона Хилла и Дейла Карнеги: эти люди писали не только о личном успехе и «благородной одержимости», но и о преобразовании мира в лучшее место для жизни. К сожалению, научная литература часто обходит сложные и спорные вопросы связи общества и бизнеса, старясь не вызывать конфликтов. В капиталистическом общество сложно критиковать капитализм его антиобщественные проявления, поэтому актуальность честного разговора о роли бизнеса в истории, политике, общественной жизни не утратилась с годами: она растет. Было выпущено множество книг с путанными аргументами и не ясно сформулированными задачами, но ответ так и не был дан: капитал и его роль в условиях современных социально-экономических изменений продолжает оставаться актуальной темой дискуссий и требует дальнейшего научного осмысления.

Целью данного исследования является анализ связи бизнеса и общества в контексте гармонии и соблюдения прав человека. Задачи исследования включают в себя изучение теоретических основ социальной ответственности бизнеса, анализ основных направлений и опыта реализации корпоративной социальной ответственности бизнеса, выявление противоречий, препятствий и перспектив развития социальной ответственности бизнеса в современных условиях.

Объектом исследования выступают экономические отношения людей в контексте современного капитализма. Предметом исследования являются все виды реализации социальной ответственности бизнеса в условиях устойчивого развития общества.

В статье использовались стандартные методы: методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, системный подход, а также методы обобщения научной литературы и научной интерпретации полученных данных. Применение данных методов позволило комплексно рассмотреть рассматриваемую проблему и определить основные направления развития социальной ответственности бизнеса в современном обществе.

Формально и общепринято, что ответственность бизнеса перед наемным трудом и самозанятыми людьми является важным элементом современного социально-экономического развития, как часть общественного договора и всеобщей гармонии социальной системы. В широком смысле социальная ответственность бизнеса предполагает, что предприятия в своей деятельности учитывают не только экономические интересы и получение прибыли, но и способны контролировать свой эгоизм, создать договор с остальным обществом об общем процветании и благополучии[1]. Это должна быть филантропия, не нарушение прав работников, здоровая рабочая среда, понимание роли и ответственности за свой успех. В реальности этого не происходит, что ведет к кризисам и войнам за колонии и рынки сбыта.

В научной литературе существуют различные подходы к определению корпоративной социальной ответственности. Один из наиболее

распространенных подходов рассматривает КСО как добровольную деятельность компаний, направленную на повышение благосостояния общества и улучшение качества жизни населения. Согласно другому подходу, корпоративная социальная ответственность трактуется как система управления, при которой предприятия интегрируют социальные и экологические аспекты в свою стратегию развития и операционную деятельность. Кроме того, существует институциональный подход, в рамках которого КСО рассматривается как форма взаимодействия бизнеса с государством, обществом и различными социальными институтами. Независимо от различий в трактовках, большинство исследователей сходятся во мнении, что социальная ответственность бизнеса предполагает баланс экономических, социальных и экологических интересов.

Концепция социальной ответственности бизнеса сформировалась постепенно и прошла несколько этапов развития. На ранних этапах развития рыночной экономики основное внимание уделялось исключительно экономической функции бизнеса, связанной с получением прибыли [2]. Однако по мере развития общества и усиления влияния бизнеса на социальные процессы возникла необходимость расширения его ответственности перед обществом. Во второй половине XX века сформировалась концепция корпоративной социальной ответственности, предполагающая участие компаний в решении социальных проблем и развитии общественных инициатив. В настоящее время социальная ответственность бизнеса рассматривается как неотъемлемая часть корпоративной стратегии и один из ключевых факторов устойчивого развития.

Устойчивое развитие ориентировано на обеспечение долгосрочного экономического роста при одновременном сохранении природных ресурсов и поддержании социальной стабильности. Проявление социальной ответственности компании приводит к росту доверия в обществе, что улучшает репутацию и повышает продажи. Обоюдная выгода ведет к всеобщему процветанию и прогрессу всего общества, добро более экономически выгодно [3].

Деятельность бизнеса распространена на все сферы жизни, постепенно монетизируются традиционно не связанные с прибылью вещи: медицина, образование, наука (через гранты). Социальные сети позволяют зарабатывать на любом контенте, общение с подписчиками за деньги и продажа рекламы стали реальностью для многих людей. Коммерческие отношения сильно влияют на многие сферы жизни общества, и ответственность бизнеса перед обществом расширяется по мере развития технологий и вовлеченности людей в бизнес отношения.

Ответственность может выражаться в лучших условиях труда, лоббировании полезных для общества законов, экологических инициативах: посадка деревьев, благоустройство жилых районов, чистота и биоразнообразие.

Именно бизнес создает экономику, бизнес создает рабочие места, бизнес создает смысл жизни для большинства людей на всей планете [4]. Поэтому положительная инициатива будет всесторонней a priori, каждый шаг бизнеса влияет на всю человеческую цивилизацию.

Компании могут вкладываться в инфраструктуру, выращивать необходимые научно-педагогические кадры, поддерживать полезных обществу кандидатов на выборах, создавать систему грантов, финансировать мероприятия, поддерживать библиотеки и культурные центры, проводить ярмарки, аукционы, выставки.

Практика реализации социальной ответственности бизнеса в современных условиях становится важной частью стратегического управления компаниями. Многие предприятия стремятся интегрировать принципы корпоративной социальной ответственности в свою деятельность, рассматривая их как фактор долгосрочной устойчивости и конкурентоспособности. Основные направления реализации КСО включают развитие социальной политики в отношении сотрудников, участие в решении общественно значимых проблем, внедрение экологически ответственных технологий, а также поддержание прозрачности и этичности деловой деятельности. В современных компаниях социальная ответственность постепенно становится не отдельной инициативой, а частью корпоративной культуры и системы управления. [5].

Важным направлением социальной ответственности бизнеса являются экологические инициативы. В условиях усиления экологических проблем компании все чаще уделяют внимание вопросам охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Предприятия внедряют экологически безопасные технологии, стремятся снижать уровень выбросов вредных веществ, сокращать объем отходов производства и повышать эффективность использования энергии. Капитализм очень сильно эксплуатирует природу, он создал уникальную развитую техносферу. Как следствие, за каждой крупной компанией стоит огромная история вреда природе. Некоторые компании ради очищения своей репутации вынуждены идти на необходимые траты, например они участвуют в экологических программах, направленных на сохранение природных ресурсов, восстановление экосистем и повышение экологической культуры населения. Сюда можно включить образовательные гранты, финансирование блогеров и лидеров общественных мнений на разных платформах.

Практика реализации социальной ответственности бизнеса демонстрирует множество успешных примеров. Крупные международные и национальные компании обладают огромными ресурсами и часто поддержкой государства, поэтому они активно участвуют в благотворительных мероприятиях, финансируют библиотеки, издательства, экологические проекты по очищению и обустройству окружающей природы, помощь различным группам населения и так далее. Безусловно, в некоторых национальных законодательствах благотворительные фонды используются для ухода от налогов и легализации сомнительных денег, это тоже важно учитывать при анализе текущей ситуации с бизнес поддержкой людей.

Малый и средний бизнес незначительно включен в процессы общественной взаимопомощи. Возможно это связано с тем, что его обороты и сбережения не сравнимы с большими международными корпорациями. В этой связи государство должно создать необходимые условия поощрения большей включенности бизнеса в помощь людям, например через налоговые льготы, субсидии, какие-то другие правовые и налоговые преференции для ответственных бизнесменов. Необходим пример для подражания и образец для всех слоев общества. В некоторых случаях предприятия рассматривают КСО исключительно как дополнительную нагрузку, требующую значительных финансовых ресурсов. Кроме того, существуют институциональные и организационные трудности, связанные с отсутствием четких механизмов реализации социальных инициатив и недостаточным уровнем координации между различными участниками социально-экономических процессов.

В условиях глобализации ускоряется международная конкуренция, что ведет к нагрузке на общество и природу. Контроль за капиталом становится первостепенной задачей, иначе он уничтожит сам себя и планету, тк неограниченный эгоизм и жажда наживы лежат в основе современной экономики.

Важную роль в стимулировании социальной ответственности бизнеса играет государство и общество. Государство обязано регулировать баланс сил в обществе, по возможности играя на различных противоречиях разных элементов социальной системы. Через правовые механизмы, тарифы, соглашения, налоги и кредиты возможно поддерживать равновесие разных сил и делать мирную глобализацию товарных потоков.

В итоге необходимо сделать вывод, что только общественная ответственность перед обществом может сохранить существующую социальную систему, природу, планету и сам капитализм. Ограничение хищной экспансии через базовые права общества позволят обрести гармонию и процветание.

Литература

1. Котлер, Ф. Корпоративная социальная ответственность. Как сделать как можно больше добра для вашей компании и общества / Ф. Котлер, Н. Ли. – Москва: Альпина Паблишер, 2016. – 312 с.
2. Кэрролл, А.Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция понятия // Бизнес и общество. – 1999. – Т. 38, № 3. – С. 268–295.
3. Портер, М. Создание общей ценности / М. Портер, М. Крамер // Harvard Business Review. – 2011. – № 1–2. – С. 62–77.
4. Фролов, С.С. Социология: учебник для высших учебных заведений / С.С. Фролов. – Москва: Юрайт, 2020. – 456 с.
5. Шаповалов, В.И. Корпоративная социальная ответственность бизнеса: теория и практика / В.И. Шаповалов. – Москва: Инфра-М, 2018. – 256 с.

CORPORATED SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Wang Yijie
Shaoguan University

This article proposes a new approach to understanding the theoretical and practical significance of modern business as a phenomenon of sustainable development of society and civilization. It examines all forms of business interaction with local and national democracies, maintaining an ecological balance in the exploitation of nature, and the interaction of society, business, and the state at all levels. The paper attempts to predict the future development of business in the context of globalization and international trade. It demonstrates the idea that with minimal compliance by business with social and ethical measures, genuine progress, prosperity, development, and harmony among all people, nature, and society will be achieved.

Keywords: corporate social responsibility, corporate social responsibility, sustainable development, social policy of business, interaction between business and society, corporate social initiatives, environmental responsibility of business, local community development, social partnership, corporate ethics, sustainable economic development, social well-being of society.

References

1. Kotler, F. Corporate Social Responsibility. How to Do the Most Good for Your Company and Society / F. Kotler, N. Lee. Moscow: Alpina Publisher, 2016. 312 p.
2. Carroll, A.B. Corporate Social Responsibility: The Evolution of a Concept // Business and Society. 1999: Vol. 38, No. 3, Pp. 268–295.
3. Porter, M. Creating Shared Value / M. Porter, M. Kramer // Harvard Business Review. 2011: Nos. 1–2, Pp. 62–77.
4. Frolov, S.S. Sociology: A Textbook for Higher Education Institutions / S.S. Frolov. Moscow: Yurait, 2020. 456 p.
5. Shapovalov, V.I. Corporate social responsibility of business: theory and practice / V.I. Shapovalov. – Moscow: Infra-M, 2018. – 256 p.

Жизненная среда и родина человека

Воробьева Ольга Борисовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки, ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: vorobeva_ob@mail.ru

Волов Вячеслав Теодорович,
член-корреспондент РАО, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель университета, Приволжский государственный университет путей сообщения
E-mail: volovvt@mail.ru

Кротов Дмитрий Валерьевич,
доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: d537798@gmail.com

Статья поднимает вопросы человеческого бытия и соотносит понятия жизненная среда и Родина. Диалектико-материалистический метод обнаруживает связь между группами потребностей человека и содержанием его жизненной среды. Представление о ней через призму потребностей приводит человека либо к поиску новой жизненной среды, либо к творческой реализации отношений Я – Родина в ее целостности (малой в большой), либо к преобразованию Родины в разных формах человеческой деятельности и досуга (волонтерство, благотворительность, восстановление памятных мест и зданий, возрождение традиций и ремесел, историческая реконструкция и другое). В свою очередь, динамика реализаций таких практик позволяет говорить о масштабе и качестве патриотических настроений социума. Экзистенциалистский и феноменологический методы исследования обновляют определяющие смыслы взаимосвязи понятий «жизненная среда» и «Родина».

Ключевые слова: образ Родины, малая Родина, жизненная среда, ценности, потребности, бытие человека, мировоззрение, культура, диалектика, миф.

> Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина.
>
> *Н.В. Гоголь*

Абстрактная философская проблематика ценностного отношения человека к миру приобретает непосредственно практический смысл в разных формах, в том числе вследствие актуализации проблематики взаимосвязи жизненной среды и Родины человека. В культуре сохраняется традиция отождествления жизненной среды и Родины человека. Это единство наполняется определенным содержанием и смыслами, как старыми, так и новыми, благодаря не только меняющимся историческим условиям, но и динамике общественного сознания.

Жизненная среда человека имеет определенные характеристики, которые проявляются явно или недостаточно зримо. К числу этих характеристик относится возможность (отсутствие этой возможности) удовлетворения широкого круга потребностей человека. Часть из них носит материальный характер, позволяющий сохранить жизнь человеку, в первую очередь, как биологическому существу. Другая группа потребностей относится к духовным потребностям и интересам. Однако, существует «метафизический» мир, который ориентирует на вполне определенный образ жизни, связанный со смысловым значением человеческой жизни. Именно этот мир эмпирически постигается с гораздо большим трудом, чем предметные характеристики вещного бытования человека, потому что связан с поиском такой истины как Родина и реализацией своего потенциала для ее благополучия.

При диалектико-материалистическом подходе можно увидеть связь между этими группами потребностей в качестве условия существования человека как исторически определенного существа. Поэтому жизненную среду можно понимать как данность, которая объединяет индивида в единое целое с другими индивидами, всегда исторически определенными. А само содержание жизненной среды предстает в качестве предметов и средств, определяющих цели, практики. И все они играют таковую роль благодаря ценностной предметности. Жизненная среда – универсальное единство мира и человека, в котором присутствует пространственное упорядочение мира и «дарованный человеку путь», соизмеримый с началом, исходной точкой отсчета [10, с. 18].

Ценностная предметность – способ существования личности. Поэтому человек способен существовать только в такой среде, в которой его ценности образуют определенные взаимоотношения. Ценностная предметность жизненной среды не только наследуется от предшествующих поколений, но и является предметом творения как общества, так и личности. В свою очередь, процесс творения существенным образом связан с оценкой практической ориентации при выборе альтернатив и как способ самопознания. Человеку важно укрепиться в уже приобретенной уверенности Я. Именно поэтому он наделяет значением те элементы действительности, которые для него необходимы. Определенные жизненно важные ценности – это источник уверенности в идентичности личности и относительной стабильности его мира [12].

Единство ценностной предметности и значимости жизненной среды оформляется, главным образом, понятием Родины. Родина – это опредмеченное единство человека и среды. Именно этому единству человек придает ценностное содержание. Таким образом, объективно существующая (жизненная среда) и субъективно освоенная (Родина) приобретает окончательное значение, являясь единичным и общим. Данное понимание выводит на проблему равновесия или гармонии микро– и макросреды, поскольку их актуальная функциональность позволяет понять какое место занимает понятие Родины в процессе жизнедеятельности.

Родина – феномен диалектически конструируемый. Он есть результат единства образа исторической действительности, созданной обществом и личным опытом человека (рациональная составляющая) и образа архетипического (иррационального), сформированного коллективным сознанием предков. Последний становится для государства «методом коллективной этнической идентификации – обращение массового сознания на национальный миф» [3, с. 2]. Такой процесс берет начало в имперский период существования нашей страны и с тех пор идеологическое выстраивание государством образа Родины служит национальной и культурной политике.

В истории человеческой культуры и научного поиска сложилась традиция малой Родины и Родины большой.

Образ малой Родины в сознании человека повседневности (обыденности) посредством феноменологического метода определяется исследователями как «место притяжения, порождающее комплекс ментальных и физических отношений с местом: к нему возвращаются в памяти и/или с помощью поддержания коммуникаций» с дорогими для человека людьми; это место, «где прошли годы становления личности, вызывающие теплые воспоминания» [5, с. 194–195]. Как правило, последнее – ранняя социализация человека – является решающим фактором для создания представлений человека о малой Родине. Элементы, влияющие на формирование ее образа: семья, дом, люди «своего» круга, природа (эстетическая составляющая) и культурно-досуговая среда [1, с. 17]. Малая Родина связана, в большинстве своем, с детством и юношеством человека, когда он любим, защищен и уверен в себе, своем будущем, «здесь человек предстает перед собой в истинном, естественном состоянии собственного бытия» [2, 53]. Как мы говорили ранее, малая Родина позволяет появиться доверию «человека к жизни в стремлении добиться гармонии с миром и с самим собой» [2, 52].

Малая Родина – сакральное для человека место, где явили себя только ему понятные смыслы пережитых событий и поведения людей близкого круга с ответным на них эмоциональным откликом и сохранением в памяти. Оберегая эти смыслы в своем сознании, человек стремится выстроить (сберечь) вокруг себя сообщество людей со знакомыми ценностными основами, эмоциональное поле, защищенность и комфорт существования, идентичный тому месту, которое он считает малой Родиной. Любимые люди, любимые места станут называться родными, – словом, где корень – род – «свой по рождению, по духу, по привычкам» [9, с. 628]. Малая Родина человека – эталон любви к жизненной среде.

К познанию большой Родины человек прокладывает дорогу, преимущественно, вместе с образовательными практиками на всех уровнях их реализации, и общественной идеологией, «предстающей перед нами в качестве неоспоримой данности репрезентации» [12, с. 3]. Родной язык, История России, Родная литература, Основы российской государственности; символика страны; государственные праздники и национальные традиции; памятники и памятные места; герои военных действий и «среди нас»; красота природы и культурное наследие страны. Но малая Родина человека – исходная точка «пути» к Родине большой. Мы согласны с Д.С. Лихачевым: «Любовь к родному краю, к родной культуре, к родной речи начинается с малого – с любви к своей семье, к своему жилищу, к своей школе. Постепенно, расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своей стране, к ее истории, ее прошлому и настоящему…» [7]. Родина как страна (большая Родина) – место, тождественное жизненному пространству как несущему единые личные и общечеловеческие смыслы.

В этом контексте жизненная среда – это не только место непосредственного существования человека, но и весь комплекс его жизнедеятельности в пространстве и времени, это его большая и малая Родина вместе взятые.

Родина всегда идентифицируется как специфическая Родина определенного субъекта (индивид, социальная группа). Противоположность Родины и мира – следствие объективных условий, с одной стороны, а с другой, следствие особенностей образа Родины. Всякая Родина имеет границы, являясь замкнутым пространством. Познавая и осознавая Родину, субъект приобретет способность не только охранять, защищать, но и творить собственную Родину. Ценностная предметность конкретной Родины исторически образует единое целое, которое не только наследуется, но и воспроизводится в новых формах новыми способами. Этот процесс в силу диалектического характера сопряжен с определенными проблемами, которые ставят под угрозу равновесие между жизненной средой и Родиной. Отметим важные аспекты данной проблемы.

1. Активность человека по отношению к традиционному образу Родины, по отношению к наследию своей жизненной среды делает его не склонным к простому восприятию, ценностной ориентации и отвечающей ей Родины. Чем менее человек склонен считать имеющийся образ Родины подверженным влиянию общественного видения, тем более он считает необходимым наполнять понятие Родины иным смыслом, к которому он должен прийти сам. Чем сильнее на человека воздействие культуры, идеологии и образования, тем сильнее желание человека найти свой путь в создании образа Родины, а, следовательно, быть нацеленным и на преобразование жизненной среды, и на принятие решений, определяющих ход жизни человека.

2. Потребности человека могут определять его отношение к жизненной среде или Родине (если он отождествляет их). Как отмечает М.Х. Торабаева, «ценности выступают в качестве объектов интересов человека, а в его сознании реализуются в виде повседневных ориентиров» [14, с. 4]. Рассмотрим эти тезисы в действии.

2.1. Человек как существо биологическое реагирует на возможность реализовать в жизненной среде материальные потребности – средства благополучия и комфорта личного и семьи. В случае краха таких ожиданий в силу объективных причин, человек отказывается признавать эту жизненную среду и будет искать иную. Вопрос о том, что это его Родина (речь идет как о малой, так и о большой), перед человеком остро / или совсем не встает.

2.2. Жизненная среда важна для личности как место реализации духовных потребностей. Однако, ограниченность или отсутствие профессионального роста, получения образования, самореализации, а также сложные нравственные отношения между людьми и другое, могут стать причиной выбора человека судьбоносного поворота на жизненном пути. В таком случае человек имеет два вектора выстраивания связи с Родиной. Он может отказаться от Родины, которая в этом случае станет для него только географической точкой. Альтернативой будет решение изменить жизненную среду. Здесь реализуем творческий подход к жизненной среде, служение ей своим потенциалом, например, возвращение на Родину дипломированным специалистом. В этом случае происходит сохранение Родины в сознании человека как ценностной константы и нерасчлененность на малую среду (Родину) и большую.

2.3. Метафизические потребности ориентируют человека на поиск смысла своей жизни, но «поиски смысла, подкрепленные ценностями, которые указывают на вечное <…> лишком часто заслоняются нашей привычной жизнью и развлечением» [16, p. 91]. Метафизический уровень потребностей скрепляет ценностный смысл Родины человека и его ответственность за нее, и принадлежит духовно зрелым личностям. Действительность жизненной среды предполагает в качестве диалектической пары категорию «возможность», и в этом смысле можно говорить, что принятие жизненной среды в качестве родного места не исключает возможности ее преобразования. Таким образом, индивидуальное творение не только образа Родины, но и жизненной среды меняет для него и понятие ответственности. Чем больше человек осознает ценностный смысл понятия Родины, тем больше ответственность он согласен на себя взять за нее. В этом смысле мировоззрение человека становится условием самосохранения как малой Родины, так и общества в целом.

Отношения Я – Моя Родина активируют ценности, архетипически связанные с родом – народом – родной землей. Они становятся регуляторным механизмом поведения человека: неравнодушия к цивилизационным конфликтам вплоть до феномена героизма, выработке биосферного сознания, восстановления утраченного культурного достояния, возрождения родного села, эстетизация общественной территории и так далее. Родина – это то, что субъект постоянно в непрерывности познает, оценивает, созидает. В свою очередь, эти процессы являются зримым доказательством того, что жизненная среда – Родина как неразделимые друг от друга понятия – не только место удовлетворения насущных потребностей. Служение и долг как смыслы жизни человека определяют Родину как экзистенциальную реальность.

Динамика образа Родины в этом контексте возможна благодаря функционированию исторической памяти человека. Она обеспечивает преемственность поколений, что «образует метафизическую вертикаль человеческой жизни, в которой жизнь каждого поколения обретает особую сакральную значимость» [8, с. 31]. Историческая память ведет свое начало из знаний о малой Родине, которая встроена в историю Родины большой. Фальсификация истории, формирование в электронных СМИ информационного поля о стране, ее истории скептического оттенка, предложение альтернативного пути развития социума привносят хаос в сознание человека [4, с. 21]. Образованность, умение критически мыслить, сохранение традиционной культуры – это путь-сопротивление такому внешнему воздействию на сознание личности.

3. Процессы глобализации обострили проблему связи человека с жизненным пространством. В «глобалистском» сознании человека отсутствует образ Родины, и, как следствие, отсутствуют патриотические чувства и понимание ответственности за свой род – народ – отчизну. Функциональный подход приводит к ценностному вакууму, в результате чего Родина превращается в обыденное пространство, мало значащее для человека. «Человек мыслит себя гражданином мира, что позволяет проводить некую унификацию во всем, создание единого Универсуума <…>, где нет ни добра, ни зла, ни Родины, ни патриотизма. Чтобы он ни сделал – он всегда прав» [11, с. 76]. Но вспомним слова В.Г. Белинского: «Кто не принадлежит своему Отечеству, тот не принадлежит и человечеству» [6]. «Абсолютно индивидуализиро-

ванный мир» как цель глобализационных процессов современности становится диалектической противоположностью традиционной реальности с ее преемственностью поколений, коллективным сознанием и эмоционально-духовным единством [15, p. 39.].

В заключительном слове подведем итоги.

Во-первых, обратим внимание на выбор эпиграфа к статье – он не случаен. Н.В. Гоголь тонко подметил, что обыденность не высвечивает истину. Это касается и истины – Родины. Обыденность сбивает человека с толку, он «растворен» в жизненной суете. Озадаченный смыслом Родины, он понимает ее как жизненную среду – единое, неразделимое, личное, сакральное пространство. В свою очередь, выступая экзистенциальной потребностью человека, феномен Родины проявляет сущностную природу личности в отношении ее к реальной жизни, прошлому и будущему.

Во-вторых, основное свойство жизненной среды соответствует ожиданиям человека, а они, в свою, очередь, имеют своей основой его потребности. Диалектико-материалистический метод обнаруживает связь между группами потребностей человека и содержанием его жизненной среды, а также ценностным пониманием Родины. Материальные ценности «требуют» от человека как биологического существа своей первоочередной реализации, вплоть до смены личностью привычной жизненной среды и отказа от Родины. Духовные процессы, выступая сложной характеристикой личности, в отношении к жизненной среде человека могут стать как причиной разрыва с Родиной, так и плодотворных отношений с ней (малой и/или большой Родиной). Метафизические потребности выражают социальную и экзистенциальную природу человека. Они выступают индикатором патриотического настроения человека и общества, выражающего себя в созидательной деятельности, гуманистических настроениях. Это высокий уровень взаимодействия жизненной среды – Родины – человека, открывающий высший замысел бытия в целом. Он инициирует практическое освоение жизненного пространства в форме помощи людям, заботы о биосфере, эстетизации общественной территории, возрождение храмов и усадеб, репрезентации культурных артефактов, реконструкции исторических событий и так далее. Дальнейшее изучение темы Родины сквозь призму ценностно-ожидаемой реальности предоставит широкие возможности для философско-антропологической, социологической науки.

Литература

1. Бороноев, А. О., Тхакаков, В. Х., Миронов, Д.В. Феномен малой родины и проблемы конструирования гражданской идентичности / Бороноев А.О., В.Х. Тхакаков, Д.В. Миронов. – СПб.: Астерион, 2024. – 188 с.

2. Воробьева, О.Б. Концепт дороги на малую родину в деревенской прозе В. Шукшина и В. Белова /О. Б. Воробьева // Вестник славянских культур. – 2025. – Т. 76. – С. 52–62.

3. Гузенина, С. В., Яковалева, Е.Л. Роль культуры в процессе обретения этнической идентичности / С.В. Гузенина, Е.Л. Яковлева // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 9. – С. 227–236.

4. Иванов, Р.В. Основы и основания трансформации современного патриотизма / Р.В. Иванов // Социология. – 2023. – № 3. – С. 17–27.

5. Ильин, И.В. Малая родина как социологическая категория. Размышления над книгой: Бороноев А.О., Тхакаков В.Х., Миронов Д.В. Феномен малой родины и проблемы конструирования гражданской идентичности. СПб.: Астерион, 2024 / Ильин И.В. // Социологический журнал. – 2025. – Том 31. – № 4. – С. 192–200.

6. К юбилею Белинского // Библиотечный вестник, 2011. – № 1 (36). – URL: https://bounb.ru/publications/methodological-materials/library-bulletin/1–36–2011?showall=&start=6

7. Лихачев, Д.С. Размышления о русской истории / Д.С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – 425 с.

8. Моторина, Л. Е., Белова, Н.М. Родина как целостный феномен: философская рефлексия / Моторина Л.Е., Белова Н.М. // Вестник Вятского государственного университета. – 2024. – № 4 (154). – С. 30–36.

9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов / гл. ред. С.П. Обнорский. Изд-е 3-е. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 848 с.

10. Панков, В.Д. Мыслить пространством. Основные концептуальные подходы к проблеме пространственности человеческого бытия / В.Д. Панков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 1(29). – С. 17–21.

11. Рубцова, С.П. Традиционные ценности и культура постмодерна / Рубцова С.П. // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2025. – № 2. – С. 74–78.

12. Сандомирская, И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик / Ирина Сандомирская. – Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2001. – 281 с.

13. Семенова, Д. М., Афонин М.В., Кудрявцев С.А. Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты / Д.М. Семенова, М.В. Афонин, С.А. Кудрявцев // Политконсультант. – 2023. – Т. 3. – № 1. – URL: https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf

14. Торабаева, М.Х. Роль ценностных ориентаций в формировании опосредованной взаимосвязи между социальной и экзистенциальной идентичностью / М.Х. Торабаева // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 2. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN222.pdf

15. Bauman, Z. Unbehagen in der Postmoderne**.** Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – 128p.

16. Belliotti R.A. What is the meaning of human life? Amsterdam, 2001. – 188p.

HUMAN LIFE ENVIRONMENT AND HOMELAND

Vorobyova O.B., Volov V.T., Krotov D.V.
Volga State University of Railway Transport

The article raises questions about human existence and relates the concepts of the living environment and the Motherland. The dialectical-materialistic method reveals the connection between the groups of human needs and the content of the living environment. The perception of the living environment through the lens of needs leads to either the search for a new living environment or the creative realization of the relationship between the individual and the Motherland in its entirety (small in the large), or to the transformation of the Motherland in various forms of human activity and leisure (volunteering, charity, restoration of historical sites and buildings, revival of traditions and crafts, historical reconstruction, and more). In turn, the dynamics of the implementation of such practices allow us to talk about the scale and quality of the patriotic sentiments of society. The existentialist and phenomenological research methods update the defining meanings of the relationship between the concepts of «living environment» and «homeland».

Keywords: image of the Motherland, small Motherland, living environment, values, needs, human existence, worldview, culture, dialectics, myth.

References

1. Boronoyev, A. O., Tkakhakov, V. Kh., and Mironov, D.V. The Phenomenon of a Small Homeland and the Problems of Constructing Civil Identity / Boronoyev A.O., V. Kh. Tkakhakov, and D.V. Mironov. – St. Petersburg: Asterion, 2024. – 188 p.

2. Vorobyeva, O.B. The Concept of the Road to the Small Homeland in the Village Prose of V. Shukshin and V. Belov /O. B. Vorobyeva // Bulletin of Slavic Cultures. – 2025. – Vol. 76. – Pp. 52–62.

3. 3. Guzenina, S. V., Yakovleva, E.L. The Role of Culture in the Process of Gaining Ethnic Ide ntity / S.V. Guzenina, E.L. Yakovleva // Social and Humanitarian Knowledge. – 2016. – No. 9. – Pp. 227–236.

4. Ivanov, R.V. Fundamentals and Reasons for the Transformation of Modern Patriotism / R.V. Ivanov // Sociology. – 2023. – No. 3. – Pp. 17–27.

5. Ilyin, I.V. Small Homeland as a Sociological Category. Reflections on the book: Boronoyev A.O., Tkakhakov V. Kh., Mironov D.V. The Phenomenon of a Small Homeland and the Problems of Constructing Civil Identity. St. Petersburg: Asterion, 2024 / Ilyin I.V. // Sociological Journal. – 2025. – Vol. 31. – No. 4. – Pp. 192–200.

6. On the Anniversary of Belinsky // Bibliotechny Vestnik, 2011. – No. 1 (36). – URL: https://bounb.ru/publications/methodological-materials/library-bulletin/1–36–2011?showall=&start=6

7. Likhachev, D.S. Reflections on Russian History / D.S. Likhachev. – Moscow: Iskusstvo, 2000. – 425 p.

8. Motorina, L. E., Belova, N.M. Rodina as a holistic phenomenon: philosophical reflection / Motorina L.E., Belova N.M. // Bulletin of Vyatka State University. – 2024. – No. 4 (154). – Pp. 30–36.

9. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov / ed. by S.P. Obnorsky. 3rd ed., Moscow: State Publishing House of Foreign Languages. and the national dictionaries, 1953. – 848 p.

10. Pankov, V.D. Thinking in space. Basic conceptual approaches to the problem of the spatiality of human existence / V.D. Pankov // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. – 2003. – No. 1(29). – Pp. 17–21.

11. Semenova, D. M., Afonin, M. V., and Kudryavtsev, S.A. Values in the Structure of Civil Identity: Concept and Tools / D.M. Semenova, M.V. Afonin, and S.A. Kudryavtsev // Politikonsultant. – 2023. – Vol. 3. – No. 1. – URL: https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf

12. Torabaeva, M. Kh. The Role of Value Orientations in the Formation of the Mediated Relationship between Social and Existential Identity / M. Kh. Torabaeva // World of Science. Pedagogy and Psychology. – 2022. – Vol. 10. – No. 2. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN222.pdf

13. Bauman, Z. Unbehagen in der Postmoderne**.** Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – 128p.

14. Belliotti R.A. What is the meaning of human life? Amsterdam, 2001. – 188p.

Политико-коммуникационные технологии обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации

Евграфов Владимир Игоревич,
аспирант кафедры политологии, Казанский (Приволжский) Федеральный университет
E-mail: Vladimirevgrafov01@gmail.com

В статье рассматриваются политико-коммуникационные технологии обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации. Анализируется роль официальных цифровых каналов органов власти, государственных пабликов, систем обратной связи и прямых линий руководителей регионов. Выделены основные типы политико-коммуникационных технологий и определены их функции. Показано, что их эффективность зависит не только от масштаба цифрового присутствия государства, но и от качества обратной связи, устойчивости коммуникационных каналов и способности государственных институтов сохранять субъектность в формировании общественно-политической повестки.

Ключевые слова: информационный суверенитет, политическая коммуникация, политико-коммуникационные технологии, цифровая среда, государственная информационная политика, государственные паблики, обратная связь, цифровые платформы, общественно-политическая повестка.

Цифровая трансформация политического пространства изменила не только набор каналов взаимодействия государства и общества, но и саму структуру производства, распространения и интерпретации общественно значимой информации [1]. Если в традиционной медиасистеме государственные институты могли относительно устойчиво выстраивать коммуникацию через официальные средства массовой информации, пресс-службы и иерархически организованные каналы информирования, то цифровая среда характеризуется платформенной посреднической инфраструктурой, высокой скоростью распространения сообщений, конкуренцией множества источников, алгоритмической персонализацией контента и постоянной обратной связью пользователей. В этих условиях информационный суверенитет зависит не только от защищенности сетей, программного обеспечения и данных, но и от способности государства сохранять субъектность в общественно-политической коммуникации: доводить официальную позицию, обеспечивать доступ к проверяемой информации, получать обратную связь и реагировать на информационные риски. В политической науке цифровой суверенитет связывается с возможностью государства самостоятельно использовать цифровые ресурсы и управлять значимыми процессами в цифровой среде [2;3].

Для информационного суверенитета принципиально важно различать технологический и политико-коммуникационный уровни. Первый связан с устойчивостью инфраструктуры, безопасностью данных и снижением критической зависимости от внешних технологических центров. Второй охватывает отношения между институтами власти, гражданами, медиасистемой и цифровыми платформами, влияющими на политическую повестку. Наличие собственной инфраструктуры само по себе не гарантирует государству устойчивой позиции в коммуникационном поле. Не менее значимы оперативный ответ на общественные запросы, конкуренция за внимание аудитории и узнаваемость официального источника. Исследования цифровой политической коммуникации показывают, что современные информационные технологии расширяют возможности целевой коммуникации, анализа данных и прогнозирования общественных реакций, одновременно создавая риски манипулятивного использования алгоритмов и концентрации коммуникационной власти у владельцев цифровой инфраструктуры [4;5]. Поэтому политико-коммуникационное измерение информационного суверенитета следует рассматривать не как приложение к технической защите информационного пространства, а как самостоятельное направление государственной политики.

Под политико-коммуникационными технологиями обеспечения информационного суверенитета целесообразно понимать институционально организованные способы и инструменты деятельности публичной власти, направленные на сохранение самостоятельности государства в производстве, распространении, верификации и интерпретации общественно значимой информации, а также на поддержание устойчивой двусторонней коммуникации с гражданами. Они не тождественны техническим средствам кибербезопасности, поскольку непосредственным объектом воздействия выступают коммуникационные процессы, информационная повестка, общественные запросы и взаимодействие политических субъектов. Одновременно их нельзя сводить к одностороннему информационному воздействию. Устойчивая политическая коммуникация предполагает наличие обратного канала, через который государственные институты получают сведения о проблемах, ожиданиях и реакциях граждан. Сочетание информирования, обратной связи и анализа поступающих сигналов превращает цифровую коммуникацию в элемент политического управления.

Такой подход соответствует институциональной трансформации государственной коммуникации в России. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ [6] закрепил обязанность государственных органов, органов местного самоуправления и значительной части подведомственных организаций создавать официальные страницы в сети Интернет. В результате присутствие публичной власти в социальных медиа перестало быть преимущественно инициативной PR-практикой отдельных ведомств и стало институционализированным каналом доступа к информации о деятельности государственных и муниципальных структур. Политическое значение этой нормы выходит за пределы формальной открытости. Официальная страница марки-

рует источник, облегчает поиск достоверной информации и создает точку прямого контакта гражданина с конкретным институтом. Так формируется распределенная инфраструктура официальной коммуникации внутри общей конкурентной медиасреды. Исследования коммуникационной деятельности органов власти подтверждают, что эффективность такого присутствия определяется не самим фактом создания аккаунта, а качеством контента, регулярностью публикаций, понятностью языка, работой с комментариями, интерактивными форматами и способностью поддерживать диалог [7].

Наиболее заметным результатом институционализации стало масштабирование системы государственных пабликов. По данным, приведенным М.В. Росляковой со ссылкой на АНО «Диалог Регионы», к концу 2024 г. в России действовало около 175 тыс. официальных страниц органов власти и государственных учреждений с аудиторией 51 млн уникальных подписчиков [8]. Отдельный контур формируют страницы федеральных органов исполнительной власти. По итогам 2025 г. оценка интернет-коммуникации 50 федеральных органов исполнительной власти и Социального фонда России проводилась по 14 блокам критериев, включавшим работу с комментариями, качество ведения официальных страниц, планирование контента, поисковую представленность и собственные интернет-проекты. Совокупная аудитория оцениваемых страниц во «ВКонтакте», «Одноклассниках», Telegram и MAX достигла 7,9 млн пользователей, увеличившись за год на 16%, а средняя итоговая оценка ведомств составила 63,7 балла из 100 [9]. Эти данные фиксируют переход от простого присутствия органов власти в сети к стандартизации качества коммуникационной деятельности (табл. 1).

Таблица 1. Масштаб отдельных политико-коммуникационных каналов публичной власти в России

Коммуникационный канал	Проверяемый показатель	Период	Политико-коммуникационная функция
Система государственных пабликов	около 175 тыс. официальных страниц; 51 млн уникальных подписчиков	конец 2024 г.	идентификация официального источника, регулярное информирование, локальная обратная связь
Интернет-коммуникация федеральных органов исполнительной власти	50 ФОИВ и Социальный фонд России; аудитория официальных страниц – 7,9 млн пользователей; рост за год – 16%	2025 г.	Информирование, работа с комментариями, цифровое взаимодействие с гражданами
Прямые линии глав субъектов РФ	199 прямых линий, из них 153 в комбинированном формате; 42 только в социальных сетях; 4 только на телевидении; 5,6 тыс. обращений получили ответы в эфире	2025 г.	персонализированная публичная коммуникация, артикуляция региональной повестки, сбор и маршрутизация обращений

Источник: составлено по данным АНО «Диалог», АНО «Диалог Регионы» и опубликованным научным данным.

Количественное расширение официальной цифровой инфраструктуры не следует автоматически интерпретировать как повышение доверия к институтам или как доказательство результативности государственной информационной политики. Число подписчиков характеризует потенциальный охват, количество публикаций – интенсивность информационной работы, а число обработанных обращений – административную пропускную способность канала. Политический эффект возникает только в том случае, если коммуникация воспринимается как достоверная, своевременная и связанная с реальным реагированием на запрос. Исследование официальных страниц федеральных органов исполнительной власти, включавшее анализ 234 публикаций и 2947 комментариев, выявило расхождение между декларируемой клиентоцентричностью и критическими реакциями части пользователей; среди обозначенных проблем отмечались недостаточная обратная связь и ограничения коммуникации в комментариях. Для оценки информационного суверенитета это принципиально: административный контроль над каналом не равен коммуникационной эффективности. Если официальный источник не обеспечивает содержательного взаимодействия, аудитория ищет объяснения у альтернативных акторов, а государственная площадка теряет способность структурировать повестку.

Поэтому вторым базовым типом политико-коммуникационных технологий выступают технологии обратной связи и коммуникационной аналитики. Их назначение состоит не только в регистрации обращений, но и в превращении разрозненных пользовательских сигналов в данные, пригодные для управленческого решения. В российской практике этот контур связан с Центрами управления регионами, системами мониторинга обращений, госпабликами и цифровыми сервисами обратной связи. Политологически существенным является изменение направления информационного потока. Гражданин выступает не только адресатом информации, но и источником данных о социальной среде; публичное обращение становится элементом мониторинга, а агрегированная обратная связь – ресурсом корректировки коммуникационной и управленческой повестки.

Однако использование данных обратной связи в аналитических целях создает определенные риски. Цифровые системы фиксируют прежде всего то, что артикулировано пользователями конкретных площадок, а активность в социальной сети не является репрезентативной моделью общественного мнения. Частота упоминаний может зависеть от мобилизации отдельных групп, медийного эффекта и алгоритмической выдачи. Следовательно, данные цифровой обратной связи не должны подменять социологическое измерение и институциональные процедуры представительства. Их политическая ценность заключается в оперативности обнаружения проблем и динамики повестки. Такой подход особенно важен для обеспечения информационного суверенитета, поскольку снижает вероятность ситуации, при которой государственные институты узнают о значимой социальной проблеме позднее негосударственных информационных акторов и вынуждены реагировать на уже сформированную внешними участниками интерпретационную рамку.

Третьим типом выступают технологии прямой публичной коммуникации, соединяющие персонализированное политическое представительство с цифровым распространением. Показательным примером являются прямые линии глав субъектов Российской Федерации. В 2025 г. было проведено 199 таких эфиров против 160 годом ранее; 153 трансляции сочетали телевидение и социальные сети, 42 проводились только в социальных сетях и лишь четыре – исключительно на телевидении. «ВКонтакте» использовался для 179 прямых линий, «Одноклассники» – для 112; непосредственно в эфире главы регионов ответили на 5,6 тыс. обращений, а остальные поступившие вопросы передавались для дальнейшей проработки [10]. Такая конфигурация демонстрирует изменение самой модели публичности. Телевизионная коммуникация сохраняется, но включается в многоплатформенную систему, где эфир одновременно становится цифровым контентом и каналом обратной связи.

Прямой цифровой формат выполняет сразу несколько политических функций. Он сокращает символическую дистанцию между институтом и гражданином, позволяет публично объяснять мотивы решений, демонстрирует знание региональной проблематики и создает канал персональной ответственности руководителя. Одновременно публичность повышает цену неисполненного обещания и делает коммуникационный результат проверяемым. Для информационного суверенитета важна связка коммуникации и последующего действия: без нее государственная субъектность остается преимущественно декларативной. Если коммуникация отделена от управленческого результата, регулярность эфиров превращается в формальный показатель, а потенциальный легитимационный эффект может сменяться ростом скепсиса. Поэтому оценка прямых линий должна включать не только охват и число вопросов, но и долю маршрутизированных обращений, сроки реакции, характер публичных ответов и возможность проследить результат рассмотрения.

Четвертый тип образуют технологии формирования и удержания общественно-политической повестки. В платформенной среде государственный институт конкурирует не столько за монополию на информацию, сколько за своевременность, убедительность и видимость собственной интерпретации. Алгоритмические механизмы цифровых платформ ранжируют сообщения в зависимости от поведенческих характеристик аудитории, а технологии искусственного интеллекта позволяют резко увеличить объем генерируемого контента и степень его персонализации. С.В. Володенков показывает, что цифровые актанты и вычислительная пропаганда обладают значительным потенциалом воздействия на массовое сознание благодаря алгоритмической адаптации сообщений к характеристикам целевых групп [11]. В таких условиях отсутствие оперативной официальной коммуникации создает пространство для конкурирующих трактовок. Значение имеет не механическое увеличение числа сообщений, а способность быстро предоставить проверяемую фактическую основу, объяснить решение и распространить его через используемые аудиторией каналы.

С этой функцией связано противодействие недостоверной информации, однако его необходимо отличать от стремления устранить

информационную конкуренцию как таковую. Для устойчивой политической системы важно различать проверяемые факты, оценочные суждения и политическую критику. Если категория информационной угрозы расширяется до любой альтернативной интерпретации, защитная функция коммуникационной политики вступает в противоречие с задачей поддержания содержательной обратной связи. Напротив, информационный суверенитет как политическая способность предполагает наличие собственных институтов верификации, каналов оперативного опровержения ложных сведений, понятных процедур подтверждения официального статуса источника и достаточного уровня медиаграмотности аудитории. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит информационную безопасность к стратегическим национальным приоритетам и одновременно закрепляет развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества как национальный интерес [12]. Это позволяет рассматривать безопасность и открытость коммуникации как взаимозависимые элементы устойчивости.

Пятый, сквозной элемент системы – управление платформенной зависимостью. Современная политическая коммуникация осуществляется внутри инфраструктуры, правила доступа к которой, алгоритмы ранжирования, модерации и сбора данных способны существенно влиять на видимость политического содержания. Ромашкина обращает внимание на появление негосударственных «цифровых элит» – владельцев платформ, разработчиков алгоритмов и иных субъектов, фактически участвующих в установлении правил цифровой коммуникации. Володенков и Федорченко по материалам экспертного исследования также связывают суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций с контролем над ключевыми компонентами коммуникационной среды и способностью государства сохранять самостоятельность в ней. Поэтому политико-коммуникационная технология должна оцениваться не только по качеству контента, но и по устойчивости канала: верификации источника, сохранению доступа к аудитории и отсутствию критической зависимости от одного внешнего посредника.

При этом технологическая автономизация коммуникаций не означает эффективности автоматически. Национальная платформа без значимой аудитории или с бюрократическим стилем коммуникации не решает задачу политико-коммуникационного суверенитета. Показательно, что в рейтинге интернет-коммуникации федеральных органов за 2025 г. наряду с присутствием на площадках учитываются работа с комментариями, качество контента, поисковая доступность и собственные цифровые проекты. Это позволяет сформулировать принцип функциональной достаточности: суверенной является не та коммуникационная система, которая максимально изолирована от внешней среды, а та, которая сохраняет способность государства выполнять ключевые функции публичной коммуникации при изменении технологических и политических условий.

Из этого следует необходимость разграничивать три уровня оценки политико-коммуникационных технологий. Первый уровень – инфраструктурный: наличие официальных каналов, охват, резервирование площадок, верификация аккаунтов, техническая доступность. Второй – процессуальный: скорость ответа, регулярность коммуникации, доля обработанных обращений, качество модерации, наличие аналитики и межведомственной маршрутизации. Третий – политический: влияние на информированность, доверие, воспринимаемую открытость институтов, способность предотвращать коммуникационные вакуумы и сохранять субъектность государства в формировании общественной повестки. Первые два уровня измеряются проще третьего, что создает риск подмены результата процессными метриками. Рост аудитории официальных страниц на 16% является значимым показателем развития канала, но сам по себе не свидетельствует о росте доверия; 199 прямых линий подтверждают институционализацию формата, но не позволяют без дополнительного анализа судить о качестве решения поднятых проблем. Для политологического анализа принципиально сохранять это различие.

Политико-коммуникационные технологии обеспечения информационного суверенитета в современной России в итоге образуют не единичный инструмент, а взаимосвязанную систему. Ее первый контур обеспечивает идентификацию и доступность официального источника через государственные паблики и цифровую представленность органов власти. Второй обеспечивает обратную связь, мониторинг и преобразование пользовательских сигналов в управленческую информацию. Третий создает форматы прямой публичной коммуникации руководителей и граждан. Четвертый связан с оперативным формированием повестки, верификацией сведений и конкурентным представлением интерпретаций в цифровой среде. Сквозным условием для всех четырех контуров выступают аналитические инструменты и достаточная степень платформенной самостоятельности. Их совокупный результат заключается в сохранении способности государства выступать самостоятельным субъектом коммуникации.

Ключевым ограничением существующей модели остается разрыв между институциональным масштабом и доказанностью политического эффекта. В России сформирована крупная инфраструктура официальных цифровых каналов, законодательно закреплено присутствие органов власти в сети, развиваются единые стандарты коммуникации и регулярные форматы прямого взаимодействия. Одновременно количественные показатели охвата, активности и числа обработанных сообщений не дают достаточных оснований для вывода о качестве доверия и устойчивости общественно-политической коммуникации. Более обоснованная оценка требует сочетать платформенную статистику с независимыми опросами, анализом комментариев, измерением времени и полноты ответа, отслеживанием результата обращения и сопоставлением официальной повестки с проблемами, артикулируемыми гражданами. Такая система показателей позволит перейти от оценки присутствия государства в цифровой среде к оценке его реальной коммуникационной способности.

Информационный суверенитет в политико-коммуникационном измерении не сводится ни к контролю информационных потоков, ни к максимальной закрытости национального сегмента сети. Его устойчивость определяется способностью государства самостоятельно поддерживать критически значимые коммуникационные процессы, сохранять доступ к аудитории, обеспечивать достоверность и узнаваемость официальной информации, слышать обратную связь и действовать в условиях конкуренции интерпретаций. Российская практика показывает переход к институционализированной системе, включающей госпаблики, интернет-коммуникацию ведомств, прямые линии и мониторинг обращений. Дальнейшая эффективность этой системы будет зависеть прежде всего от того, насколько инфраструктурная самостоятельность будет соединена с содержательной открытостью, проверяемостью информации и реальной обратной связью. Именно такая комбинация позволяет рассматривать политико-коммуникационные технологии как самостоятельную составляющую обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации.

Литература

1. «Диалог» представил исследование уровня онлайн-коммуникации органов государственной власти по итогам 2025 года // Диалог: сайт. – URL: https://dialog.info/dialog-predstavil-issledovanie-urovnya-onlajn-kommunikacii-organov-gosudarstvennoj-vlasti-po-itogam-2025-goda/ (дата обращения: 26.08.2026).

2. 320 часов или 19 200 минут прямых линий с губернаторами прошло в 2025 году // Диалог: сайт. – URL: https://dialog.info/320-chasov-ili-19–200-minut-chasov-pryamyh-linij-s-gubernatorami-proshlo-v-2025-godu/ (дата обращения: 26.08.2026).

3. Боровик, В.М. Методологические основы коммуникационной деятельности органов местного самоуправления в медиапространстве / В.М. Боровик // Вестник Поволжского института управления. – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 108–115.

4. Володенков, С.В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций / С.В. Володенков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2024. – № 2. – С. 47–70.

5. Зимин, В.А. Информационные технологии в политическом управлении / В.А. Зимин, А.В. Калакутский // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2024. – Т. 47. – С. 20–31.

6. Кочетков, А.П. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе / А.П. Кочетков, К.В. Маслов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 2. – С. 31–45.

7. Разумов, Д.В. Политические коммуникации в современной России в цифровом пространстве / Д.В. Разумов, О.Е. Гришин // Социально-политические науки. – 2026. – Т. 16. – № 1. – С. 53–58.

8. Ромашкина, А.Б. Управление цифровым пространством политических коммуникаций: актуальные вызовы / А.Б. Ромашкина // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 101. – С. 146–158.

9. Рослякова, М.В. Клиентоцентричность в государственном управлении: коммуникации органов власти и реакция граждан в социальной сети «ВКонтакте» / М.В. Рослякова // Право и политика. – 2025. – № 7. – С. 84–98.

10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

11. Федеральный закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 18.07.2022, № 29 (часть III), ст. 5237.

POLITICAL AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES FOR ENSURING THE INFORMATION SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Evgrafov V.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article examines political and communication technologies for ensuring the information sovereignty of the Russian Federation. It analyzes the role of official digital channels of government agencies, state public accounts, feedback systems, and direct lines for regional leaders. The main types of political and communication technologies are identified and their functions defined. It is shown that their effectiveness depends not only on the scale of the state's digital presence but also on the quality of feedback, the stability of communication channels, and the ability of state institutions to maintain agency in shaping the socio-political agenda.

Keywords: information sovereignty, political communication, political and communication technologies, digital environment, state information policy, state public accounts, feedback, digital platforms, socio-political agenda.

References

1. Dialog presented a study of the level of online communication of government bodies based on the results of 2025 // Dialog: website. – URL: https://dialog.info/dialog-predstavil-issledovanie-urovnya-onlajn-kommunikacii-organov-gosudarstvennoj-vlasti-po-itogam-2025-goda/ (date of access: 08/26/2026).

2. 320 hours or 19,200 minutes of direct lines with governors were held in 2025 // Dialog: website. – URL: https://dialog.info/320-chasov-ili-19–200-minut-chasov-pryamyh-linij-s-gubernatorami-proshlo-v-2025-godu/ (date of access: 08/26/2026).

3. Borovik, V.M. Methodological Foundations of Communication Activities of Local Governments in the Media Space / V.M. Borovik // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. – 2024. – Vol. 24. – No. 2. – P. 108–115.

4. Volodenkov, S.V. Digital Actants and Computational Propaganda as Tools for Influencing Mass Consciousness in the Context of Global Technological Transformations / S.V. Volodenkov // Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences. – 2024. – No. 2. – P. 47–70.

5. Zimin, V.A. Information Technologies in Political Management / V.A. Zimin, A.V. Kalakutsky // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. – 2024. – Vol. 47. – P. 20–31.

6. Kochetkov, A.P. Digital Sovereignty as the Basis of Russia's National Security in the Global Digital Society / A.P. Kochetkov, K.V. Maslov // Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences. – 2022. – No. 2. – P. 31–45.

7. Razumov, D.V. Political Communications in Modern Russia in the Digital Space / D.V. Razumov, O.E. Grishin // Social and Political Sciences. – 2026. – Vol. 16. – No. 1. – P. 53–58.

8. Romashkina, A.B. Managing the Digital Space of Political Communications: Current Challenges / A.B. Romashkina // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2023. – No. 101. – P. 146–158.

9. Roslyakova, M.V. Client-centricity in public administration: government communications and citizen reactions on the VKontakte social network / M.V. Roslyakova // Law and Politics. – 2025. – No. 7. – P. 84–98.

10. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05.07.2021, No. 27 (Part II), Art. 5351.

11. Federal Law of July 14, 2022 No. 270-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies" and Article 10 of the Federal Law "On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", July 18, 2022, No. 29 (Part III), Article 5237.

Влияние женского спорта в России на репродуктивную функцию и демографическую ситуацию

Коротенко Илья Алексеевич,
аспирант 3 курса, Государственный университет Просвещения
E-mail: iluxa.korotenko@mail.ru

В статье представлена проблема того, какое влияние оказывает профессиональный женский спорт на демографию в России. Проводится анализ разногласий между поддержкой спорта высших достижений со стороны государства и целями, которые ставит перед собой проект «Демография». В статье представлены статистические данные о частоте таких проблемах, как маскулинизация, трудности гендерной идентичности и проблемы, возникающие в личных отношениях у женщин, занимающихся мужскими видами спорта.

Ключевые слова: женский спорт, демография, репродуктивное здоровье, спортивная этика, гендерная идентичность.

Введение

В России на сегодняшний день важной является проблема демографической ситуации, которая требует скорого решения вопросов, касающихся репродуктивного здоровья нации. При этом важно учитывать, что проблема возникла по причине наличия нескольких причин. По мнению президента России Владимира Путина, данная проблема имеет прямую связь с женским спортом. В апреле 2026 года на церемонии награждения в Кремле он обратился к беременной чемпионке по боксу: «Я надеюсь, что вы будете счастливой мамой. И сможете поддержать и другое направление в развитии страны – демографическое». В нашей стране, как и повсюду, представительницы прекрасного пола всё чаще тренируются регулярно, причём нередко выбирают для себя дисциплины, связанные с риском и адреналином. В 2024 году в России наблюдался заметный толчок к тому, чтобы сделать физическую активность частью обычного распорядка.

Главная сложность состоит в том, что государство одновременно ведёт два национальных проекта – «Спорт – норма жизни» и «Демография». Формально они считаются взаимодополняющими, но в реальности их задачи нередко конфликтуют. Чрезмерные нагрузки, ранний выбор профессионального направления и строгие режимы питания, особенно в дисциплинах, где оценивается внешность и которые так привлекают девочек-подростков, несут ощутимую угрозу их репродуктивному здоровью. Отдельного внимания заслуживает продвижение женских единоборств: Министерство спорта РФ узаконило женские ММА как официальную дисциплину. Это расширяет горизонты для спортсменок, но одновременно поднимает непростые вопросы о последствиях интенсивных ударных нагрузок для женского организма.

Основная часть

Рассмотрим, какие риски в отношении деторождения имеют женщины, занимающиеся спортом.

1. Риски физиологического характера. Занятия профессиональным спортом предъявляют к женскому организму требования, которые нередко вступают в противоречие с его способностью к деторождению. Главным фактором, провоцирующим сбои, служит относительный дефицит энергии, возникающий у спортсменок: траты калорий при тренировках заметно опережают их поступление с рационом. Подобный дисбаланс влечет за собой цепную реакцию гормональных нарушений – в частности, подавляется секреция гонадотропин-рилизинг-гормона, а также падает концентрация эстрогена и прогестерона. О том, насколько серьезна эта проблема, красноречиво говорят тревожные цифры статистики.

2. Нарушения менструального цикла. Если рассматривать женщин детородного возраста в целом, то нарушения цикла фиксируются у 8–22%. Однако у тех, кто профессионально занимается спортом, этот диапазон шире – от 32% до 61%, причём конкретные цифры зависят от дисциплины. Согласно исследованиям различных специалистов, частота менструальных сбоев у спортсменок превышает 50%. В отдельных группах наблюдений данный уровень доходит до 76,92% [1].

3. Аменорея (отсутствие менструаций). Среди женщин, не занимающихся спортом профессионально, нарушение менструального цикла фиксируется лишь в 2–5% случаев. Однако у спортсменок высокого уровня этот показатель достигает 40–50%. Те же, кто тренируется регулярно, но без профессионального статуса, сталкиваются с данной проблемой реже, хотя цифра остаётся заметной – от 5 до 20%.

4. Ановуляция и дефекты лютеиновой фазы. Даже если месячный цикл у спортсменок сохраняется, овуляция нередко не наступает – вплоть до 16% случаев. Кроме того, примерно у 42% женщин фиксируется недостаточность лютеиновой фазы. Такие сбои становятся причиной бесплодия в 10% ситуаций и провоцируют до 25% повторных выкидышей [5].

Кроме того, есть второстепенные признаки, которые обычно не связывают с занятиями спортом. Один из них – более позднее половое созревание. У женщин, активно занимающихся спортом, первая менструация появляется заметно позже, чем у тех, кто не тренируется. Также возникают сложности с наступлением беременности. По данным исследования, проведённого среди австралийских спортсменок, ка-

ждая пятая женщина, родившая ребёнка, сталкивалась с трудностями при зачатии и вынуждена была обращаться к врачам. Среди тех, у кого были проблемы с вынашиванием, почти половина в период карьеры часто сталкивалась с нерегулярным циклом.

Клинически отсутствие менструаций и циклы без овуляции приводят к временной неспособности зачать ребёнка. Помимо этого, продолжительная задержка менструаций способствует уменьшению плотности костей и развитию остеопороза. В более зрелом возрасте у гимнасток и других представительниц спорта с ранней специализацией возможны серьёзные проблемы при вынашивании беременности [4].

5. Психологический и социальный аспект. Профессиональная спортивная карьера несёт не только нагрузки на тело, но и серьёзные последствия для психики. Наиболее остро эта проблема заметна в дисциплинах, которые традиционно относят к «мужским»: бокс и борьба, футбол, хоккей, поднятие тяжестей.

6. Маскулинизация. Согласно данным исследований, занятия спортом на высшем уровне ведут к психологической маскулинизации личности. Особенно отчётливо данный процесс выражен у женщин-атлеток. В их случае маскулинизация затрагивает сразу три уровня: физический, эмоциональный и социальный. У спортсменок формируются черты, которые в обществе принято считать мужскими – это касается и внешности, и поведенческих реакций, и манеры общения. Такие изменения не проходят бесследно: они напрямую влияют на то, как женщина воспринимает саму себя, и нередко вызывают внутренний конфликт между спортивным образом и личной идентичностью.

Таким образом, помимо очевидного физического износа организма, профессиональный спорт способен глубоко трансформировать внутренний мир человека, особенно когда речь идёт о женщинах в традиционно мужских видах. Это формирует дополнительные барьеры и вызовы, с которыми приходится справляться на протяжении всей карьеры и после её завершения [9].

Женщины, выбравшие виды спорта, традиционно считающиеся мужскими, сталкиваются с рядом сложностей в процессе формирования своей гендерной идентичности.

Во-первых, у них возникают противоречивые ощущения относительно собственного тела. Натренированная мускулатура, лишённая привычных мягких очертаний, вступает в конфликт с их внутренним представлением о себе.

Во-вторых, им не удаётся в полной мере усвоить типично женские модели поведения. Постоянное нахождение в жёсткой и соревновательной атмосфере вырабатывает манеры, которые окружающие воспринимают как чуждые женственности.

В-третьих, построение романтических связей вызывает серьёзные затруднения. Необходимость совмещать роль спортсменки с ожиданиями, предъявляемыми к женщине, превращается в источник глубокого внутреннего напряжения [8].

Наконец, происходит смещение акцента: женщина начинает отождествлять себя в первую очередь со спортивной функцией – «бойцом» или «атлетом», – тогда как её гендерная принадлежность отходит на второй план [3].

У женщин-спортсменок чрезмерная маскулинность выступает как утрированно воспринятая ценность спортивной среды. Чаще всего данное явление наблюдается в фитнес-клубах и залах. Бурное развитие фитнес-индустрии привлекает всё больше женщин к занятиям. Вслед за этим возникает цепочка социальных контактов, где каждая стремится проявить себя. Для большинства посетителей спортзал ассоциируется не только с подтянутостью, но и с внушительной мускулатурой. Девушки наблюдают, как мужчины сравнивают объёмы бицепсов и соревнуются в их размерах. Это незаметно для сознания активирует определённые нейронные механизмы, подталкивая к выводу: чтобы получить одобрение в этой группе, нужны массивные мышцы [7].

Спортсменки убеждены, что существует некий образ «идеальной представительницы спорта», которая умеет сочетать высокие достижения с женственностью в повседневной жизни. Однако лишь немногие признают подобное умение в самих себе. Такое положение дел провоцирует повышенную тревожность, снижение удовлетворённости жизнью, искажение самооценки, что в итоге негативно отражается на остальных сферах существования. Согласно опросу, 56,5% респонденток уверены, что подавление женских черт вредит самооценке, а 32,6% из них подтвердили, что столкнулись с этим лично.

Наиболее остро психологический спад проявляется после ухода из профессионального спорта. Когда интенсивные тренировки прекращаются, организм перестраивается кардинально. Женщина часто оказывается неготовой к новым социальным ролям – материнству и ведению семейного быта [10].

Данная проблема шире, чем просто здоровье отдельных спортсменок, поскольку она пересекается с общенациональным демографическим кризисом. В 2025 году суммарный коэффициент рождаемости в России составил лишь 1,374, тогда как для простого воспроизводства населения нужен показатель 2,07. Многие девушки не желают ставить карьеру на паузу ради рождения детей, ведь это влечёт потерю дохода, социального статуса и физической формы, которую часто невозможно восстановить. Выступления могут длиться до 40–45 лет, однако средний возраст завершения карьеры колеблется около 28–29 лет. Ирина Грец в своём исследовании отмечает, что среди мастеров спорта 74,3% не состоят в браке, а лишь 20% замужем [2].

Заключение

Вопрос о том, как профессиональный спорт сказывается на демографической ситуации в России, нельзя назвать простым. С одной стороны, мы наблюдаем яркие победы и рост интереса к женским соревнованиям. С другой – всё чаще звучат тревожные данные о нарушениях репродуктивной функции и серьёзных эмоциональных проблемах, с которыми сталкиваются спортсменки.

Подход к подготовке девушек в спорте нуждается в серьёзных изменениях. Требуется ввести обязательные медицинские обследования репродуктивной системы для юных атлеток, разработать безопасные программы тренировок, которые не наносят вреда здоровью, а также организовать помощь психологов, чтобы спортсменки могли сохранять уверенность в себе и легче переживать завершение карьеры.

Спорт не должен мешать женщине стать матерью. Задача государства и спортивных организаций – добиться такого равновесия, при котором женщина сможет состояться и как профессионалка, и как мать, не теряя здоровья и своего внутреннего ощущения женственности. Если этого не сделать, мы рискуем вырастить поколение медалисток, которые, завоевав награды, не смогут продолжить род и оставить после себя детей.

Литература

1. Безуглов Э.Н., Лазарев А.М., Хайтин В.Ю., Барскова Е.М., Колода Ю.А. Влияние занятий профессиональным спортом на менструальную функцию. Проблемы репродукции. 2020. № 4. – С.:3747. https://doi.org/10.17116/repro20202604137

2. Грец Ирина Антоновна Влияние профессиональной спортивной деятельности на здоровье и биосоциальные особенности женщин // Ученые записки университета Лесгафта. 2009. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-professionalnoy-sportivnoy-deyatelnosti-na-zdorovie-i-biosotsialnye-osobennosti-zhenschin (дата обращения: 25.08.2026).

3. Драпкина О.М., Орлов С.А., Шепель Р.Н., Концевая А.В., Аполихин О.И., Красняк С.С., Долгушина Н.В., Залата И.В., Лебедева Н.А., Победенная Г.П., Шарапова Ю.А. Сохранение и укрепление репродуктивного здоровья работающих граждан. Методические рекомендации // Первичная медико-санитарная помощь. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-i-ukreplenie (дата обращения: 25.08.2026).

4. Ляиля Харрясовна Джемлиханова, Дарико Александровна Ниаури, Галина Хачиковна Сафарян, Александр Мкртичевич Гзгзян Женский спорт: репродуктивное здоровье, гормональная контрацепция, допинг // Ж. акуш. и жен. болезн.. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-sport-reproduktivnoe-zdorovie-gormonalnaya-kontratseptsiya-doping (дата обращения: 25.08.2026).

5. Ниаури Д.А., Гзгзян А.М., Джемлиханова Л.Х., Абдулкадырова З.К. Возможности применения комбинированных гормональных контрацептивов у женщин-спортсменок // Журнал акушерства и женских болезней. – 2025. – Т. 74. – № 2. – С. 76–83. doi: 10.17816/JOWD660033

6. Россолько Дмитрий Сергеевич, Бодрова Мария Вячеславовна, Шкурат Екатерина Ивановна, Винникова Виктория Дмитриевна, Россолько Анастасия Дмитриевна Особенности становления репродуктивной функции у девушек-спортсменок художественной гимнастики в Санкт-Петербурге // ЛВ. 2025. № 7–8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-stanovleniya-reproduktivnoy-funktsii-u-devushek-sportsmenok-hudozhestvennoy-gimnastiki-v-sankt-peterburge (дата обращения: 25.08.2026).

7. Серебрякова И.С., Степанова Д.П., Степанова О.Н. ТРЕНИНГ ЖЕНСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОРРЕКЦИИ ИМИДЖА, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ В МАСКУЛИННЫХ ВИДАХ СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНЫХ ИГР) // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 8 (210). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trening-zhenstvennosti-kak-instrument-korrektsii-imidzha-sportsmenok-spetcializiruyuschihsya-v-maskulinnyh-vidah-sporta-na-primere (дата обращения: 25.08.2026).

8. Соболева Татьяна Сергеевна, Азарных Татьяна Дмитриевна, Соболев Дмитрий Валерьевич Пол, гендер, маскулинность и женский спорт // Ученые записки университета Лесгафта. 2013. № 10 (104). URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/pol-gender-maskulinnost-i-zhensky-sport (дата обращения: 25.08.2026).

9. Усольцева Анна Алексеевна Трудности в становлении гендерной идентичности спортсменок условно мужских видов спорта // Вестник спортивной науки. 2014. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trumnosti-v-stanovlenii-gendernoy-identichnosti-sportsmenok-uslovno-muzhskih-vidov-sporta (дата обращения: 25.08.2026).

10. Фридман Д.Дж., Хьюз Д., Торнтон Дж.С. Выявление проблем репродуктивного здоровья, здоровья органов малого таза и груди: результаты исследования здоровья бывших элитных австралийских спортсменок (HER-Aus) Британский журнал спортивной медицины 2025; 59: 1055–1062.

THE IMPACT OF WOMEN'S SPORTS IN RUSSIA ON REPRODUCTIVE FUNCTION AND THE DEMOGRAPHIC SITUATION

Korotenko I.A.
State University of Education

This article examines the impact of professional women's sports on demographics in Russia. It analyzes the discrepancies between state support for elite sports and the goals of the "Demography" project. The article presents statistical data on the prevalence of issues such as masculinization, gender identity difficulties, and relationship problems among women participating in male-dominated sports.

Keywords: women's sports, demography, reproductive health, sports ethics, gender identity.

References

1. Bezuglov E.N., Lazarev A.M., Khaitin V.Yu., Barskova E.M., Koloda Yu.A. The Impact of Professional Sports on Menstrual Function. Reproduction Problems. 2020. No. 4. – P.: 3747. https://doi.org/10.17116/repro20202604137

2. Grets Irina Antonovna The Impact of Professional Sports Activity on the Health and Biosocial Characteristics of Women // Scientific Notes of Lesgaft University. 2009. No. 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-professionalnoy-sportivnoy-deyatelnosti-na-zdorovie-i-biosotsialnye-osobennosti-zhenschin (accessed: 08/25/2026).

3. Drapkina O.M., Orlov S.A., Shepel R.N., Kontsevaya A.V., Apolikhin O.I., Krasnyak S.S., Dolgushina N.V., Zalata I.V., Lebedeva N.A., Pobedennaya G.P., Sharapova Yu.A. Preservation and strengthening of the reproductive health of working citizens. Methodological recommendations // Primary health care. 2024. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-i-ukreplenie (date of access: 25.08.2026).

4. Lyailya Kharryasovna Dzhemlikhanova, Dariko Aleksandrovna Niauri, Galina Khachikna Safaryan, Alexander Mkrtichevich Gzgzyan Women's sports: reproductive health, hormonal contraception, doping // J. obstetrics. and women's diseases. 2019. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-sport-reproduktivnoe-zdorovie-gormonalnaya-kontratseptsiya-doping (accessed: 25.08.2026).

5. Niauri D.A., Gzgzyan A.M., Dzhemlikhanova L.Kh., Abdulkadyrova Z.K. Possibilities of using combined hormonal contraceptives in female athletes // Journal of obstetrics and women's diseases. – 2025. – Vol. 74. – No. 2. – P. 76–83. doi: 10.17816/JOWD660033

6. Rossolko Dmitry Sergeevich, Bodrova Maria Vyacheslavovna, Shkurat Ekaterina Ivanovna, Vinnikova Victoria Dmitrievna, Rossolko Anastasia Dmitrievna Features of the development of reproductive function in female rhythmic gymnasts in St. Petersburg // LV. 2025. No. 7–8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-stanovleniya-reproduktivnoy-funktsii-u-devushek-sportsmenok-khudozhestvennoy-gimnastiki-v-sankt-peterburge (date of access: 08/25/2026).

7. Serebryakova I.S., Stepanova D.P., Stepanova O.N. FEMININITY TRAINING AS A TOOL FOR IMAGE CORRECTION FOR THOSE SPECIALIZING IN MASCULINE SPORTS (USING SPORTS GAMES AS AN EXAMPLE) // Scientific Notes of Lesgaft University. 2022. No. 8 (210). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trening-zhenstvennosti-kak-instrument-korrektsii-imidzha-sportsmenok-spetcializiruyuschihsya-v-maskulinnyh-vidah-sporta-na-primere (Accessed: 25.08.2026).

8. Soboleva Tatyana Sergeevna, Azarnykh Tatyana Dmitrievna, Sobolev Dmitry Valerievich Sex, Gender, Masculinity and Women's Sports // Scientific Notes of Lesgaft University. 2013. No. 10 (104). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pol-gender-maskulinnost-i-zhensky-sport (date of access: 25.08.2026).

9. Usoltseva Anna Alekseevna Difficulties in the Development of Gender Identity of Female Athletes of Conventionally Male Sports // Bulletin of Sports Science. 2014. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trumnosti-v-stanovlenii-gendernoy-identichnosti-sportsmenok-uslovno-muzhskih-vidov-sporta (Accessed: 25.08.2026).

10. Freedman DJ, Hughes D, Thornton JS. Identifying reproductive, pelvic, and breast health issues: results from the Health of Elite Former Australian Athletes (HER-Aus) study. British Journal of Sports Medicine 2025; 59: 1055–1062.

Угрозы региональной безопасности и пределы интеграции в андском регионе

Литовченко Илья Денисович,
магистрант, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
E-mail: ilya250702@gmail.com

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием в научной литературе описанием субрегиональных интеграционных процессов в рамках Андского сообщества, членами которого являются Боливия, Колумбия, Перу, Эквадор. В представленной статье выявлена связь между эскалацией нетрадиционных угроз безопасности и снижением темпов субрегиональной интеграции в Андском сообществе, а также рассмотрены институциональные ограничения интеграции. Выявлены различия между странами, причем активное участие стран в Андском сообществе может стать фактором смягчения угроз безопасности. При этом пределы субрегиональной интеграции обусловлены различиями в моделях политического управления в каждой стране.

Ключевые слова: Андское сообщество, региональная безопасность, интеграция, наркотрафик, политическая нестабильность, субрегиональная интеграция.

Созданное в 1969 году по Картехенскому соглашению Андское сообщество является субрегиональной организаций в сфере экономической интеграции со штаб-квартирой, расположенной в Лиме (Перу). Даная структура сформирована по классическому межправительственному принципу: решения принимаются национальными правительствами, а наднациональные органы Андского сообщества наделены четко прописанными ограниченными полномочиями.

Структура данной организации иерархична: Андский совет министров иностранных дел, будучи высшим органом управления, собирается по мере необходимости и определяет общую политику интеграции стран-участниц во внешнеполитической сфере. Принятые Советом решения являются обязательные для исполнения, однако вступают в силу только после ратификации национальными парламентами стран-участниц, что указывает на межправительственный, а не наднациональный характер объединения.

Функции регулятора торговой политики выполняет Комиссия Андского сообщества, в частности в компетенцию Комиссии входит установление общего внешнего тарифа, создание правил товарооборота и политика по устранению нетарифных барьеров. В Комиссию входят полномочные представители каждой страны-члена на уровне министров торговли или их заместителей. Решения в Комиссии принимаются квалифицированным большинством голосов, за исключением вопросов, требующих консенсуса, то есть в основе принятия решений лежит смешанный вариант: большинство и единогласие, в зависимости от обсуждаемой проблемы.

Также, каждые четыре года назначается секретарь Генерального секретариата – технического органа и административного ядра организации.

Фактически Секретариат контролирует исполнение принятых решений, подготовку аналитических докладов и ведение по поручению Совета министров переговоров с третьими странами. В ведении Генерального секретариата находится также разрешение споров между государствами-членами в рамках административной процедуры при обращении стран-членов в судебные инстанции.

Расположенный в Кито Андский суд (Эквадор) является единственным наднациональным органом сообщества и обладает полномочиями рассматривать иски стран-членов друг к другу о неисполнении обязательств, а также споры частных лиц, чьи права оказались нарушенными в результате применения национальных законов. Отметим, что такие судебные решения имеют прямую силу на территории всех государств-членов без дополнительной ратификации. Иными словами, Андский суд является аналогом Суда Европейского союза, но с узкой компетенцией по вопросам торговли и экономической интеграции.

В контексте изучаемого объединения нужно также упомянуть Андский парламент, учрежденный в 1979 году и преобразованный в современную форму в 1997 году. Парламент заседает в Боготе (Колумбия) и состоит из делегированных представителей национальных конгрессов стран-участниц. При этом парламентарии назначаются из состава действующих национальных законодательных органов, а не избираются прямым всенародным голосованием. Решения Парламента носят исключительно консультативный, рекомендательный характер, поскольку данный орган не принимает законодательных актов. В основном работа Парламента сводится к выработке рекомендаций для Совета министров и Комиссии.

Для более полного понимания полномочий Андского парламента нами ниже проведен сопоставительный анализ функционала Андского парламента с аналогичными органами Европейского союза и Таможенного союза России и Белоруссии.

Меркосур, что расшифровывается как Южный общий рынок, – это таможенный союз и зона свободной торговли, созданный Асунсьонским договором 1991 года и объединяющий Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай, с ассоциированными членами в лице Боливии, Чили, Колумбии, Эквадора и Перу. Меркосур не является аналогом Андского сообщества, но выступает его внешним торговым партнером и участником совместных переговоров с третьими странами. Меркосур не имеет собственного постоянного суда и парламента с прямыми полномочиями (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставительный анализ функций Андского парламента (составлено автором).

Критерий сравнения	Андский парламент	Европейский парламент	Парламентское собрание Союза России и Белоруссии
Порядок формирования	Делегирование из национальных конгрессов	Прямые выборы граждан ЕС	Делегирование депутатов Госдумы РФ и Национального собрания РБ в равных долях
Законодательная инициатива	Отсутствует, только рекомендации	Право законодательной инициативы в ряде сфер	Отсутствует, только рекомендации
Утверждение бюджета	Не участвует	Утверждает бюджет ЕС совместно с Советом	Не участвует
Контроль исполнительной власти	Рекомендательный, без права отставки	Вотум недоверия Европейской комиссии	Отсутствует
Юридическая обязательность актов	Резолюции не имеют обязательной силы	Регламенты и директивы имеют прямое действие	Рекомендации и модельные законы, не обязательные
Судебная проверка решений	Отсутствует	Суд ЕС проверяет законность актов парламента	Не предусмотрена
Степень наднациональности	Минимальная, межправительственная	Высокая, наднациональная	Минимальная, межправительственная
Территория действия решений	Только после ратификации национальными органами	Непосредственно во всех странах ЕС	Только после имплементации в национальное право

Проведенный анализ полномочий показал, что организационная структура Андского сообщества является гибридной моделью, в которой межправительственные элементы принятия решений сочетаются с ограниченным наднациональным судебным контролем. Фактически Андский парламент – это совещательный орган, лишенной реальных законодательных рычагов, что принципиально отличает его от Европейского парламента и сближает с Парламентским собранием Союза России и Белоруссии, за исключением более развитой судебной инфраструктуры.

Современный научный дискурс изучения региональных проектов интеграции охватывает широкую проблематику процессов в Латинской Америке, включая современные вызовы и влияние внешних акторов. При этом большинство работ посвящены именно региону Латинской Америки, а не субрегиональным объединениям. Так, Ю.С. Безбородов рассмотрела интеграционные и метаинтеграционные процессы [1]. В свою очередь, Д.А. Кузнецов проанализировал траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке, выявив долгосрочные тренды в процессе интеграции [3].

В то же время, Т.С. Ногара обращался к истокам создания УНАСУР, связывая формирование этой структуры с типично латиноамериканским регионализмом в период подъема [12]. Отметим, что пример УНАСУР как наиболее амбициозного проекта глубокой интеграции вообще занимает особое место в современном научном дискурсе: так. Д. Ноулте и Р.Ф. Кастро Алегрия прослеживают полный цикл существования союза, от конструирования к деконструкции и попыткам реконструкции [13]. Сходную динамику отражает и работа Д. Моралеса Рувалькабы, которые проанализировали региональные интеграционные проекты в Латинской Америке через призму иерархии власти [11]. В своей диссертации К.Х. Ландасури Меноскаль рассмотрел УНАСУР в контексте жизнеспособности международных организаций [9].

Перспективы активации южноамериканской интеграции также обсуждались центрами Центра экономических и политических исследований [15], в то время как ряд авторов анализируют конкретные экономические аспекты.

Так, Г.М. Костюнина и О.А. Козлова исследовали общерегиональные интеграционные инициативы, выделяют их специфику и общие закономерности [2]. В своей работе В.А. Марейчева проанализировала особенности и перспективы развития МЕРКОСУР, одного из наиболее значимых объединений региона [4]. На глобальном уровне М. Ло изучил экономическую интеграцию в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, причем данное исследование полезно для анализа с латиноамериканскими моделями [10].

В научном дискурсе также изучаются новые вызовы региональной безопасности: в частности, А.С. Смирнова исследовала угрозы гуманитарной безопасности в регионе [5]. В своей работе В.А. Тимощеня проанализировал эволюцию беспилотных технологий в арсенале организованной преступности, в Латинской Америке [6]. С точки зрения изучения угроз национальной безопасности следует также упомянуть Официальный доклад ООН о мировом рынке наркотиков за 2025 год, в котором предоставлены актуальные данные статистики о масштабах наркотрафика [14].

При этом, по мнению исследователей, основным фактором, влияющим на интеграционные процессы, является внешнее воздействие: так, в своей работе О.А. Хлопов выявил механизмы влияния США в Латинской Америке с точки зрения торможения интеграции между странами региона [7].

Таким образом, в современном научном дискурсе достаточно работ посвящено интеграционным процессам на уровне всего региона Латинской Америки, однако субрегиональная интеграция, в частности, вопросы интеграции в рамках Андского сообщества, остаются пока вне зоны исследовательских интересов, по крайней мере последние пять лет. Поэтому представленное в статье исследование является актуальным и позволяет отчасти устранить указанный историографический пробел.

Эмпирическую базу составили: статистические сборники ООН [14], отчеты Всемирного банка [16], индексы хрупкости государств Фонда мира [15].

Цель исследования: выявить влияние угроз безопасности (наркотрафик, нелегальная миграция, трансграничная преступность) на замедление темпов интеграционных процессов в субрегионе Андского сообщества. Исследование было проведено в 2024–2025 гг. с применением статистического анализа.

В исследовании применены следующие методы: историографический анализ был применен нами для изучения интеграционных процессов; формально-логический анализ был использован для выявления противоречий в институциональной структуре Андского сообщества; обобщение и систематизация требовались для агрегации статистических показателей; статистический анализ был применен для выявления корреляций между индикаторами безопасности и торговыми потоками.

В ходе исследования нами обработаны данные по 5 странам региона за 2024–2025 гг., затем мы отобрали критерии на основе двух взаимосвязанных процессов в современном состоянии региона: первый критерий – уровень криминогенности и интенсивности наркотрафика. Данный индикатор фиксирует проникновение теневой экономики в государственные институты. Второй критерий составила макроэкономическая динамика объемов валового внутреннего продукта. Третий критерий – это институциональная устойчивость, которая оценивается через индекс хрупкости государств (легитимность власти, качество управления, уровень социального неравенства и риски политической дестабилизации) (табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели безопасности и экономического развития Андского сообщества за период 2020–2025 гг. (составлено на основе официальных статистических данных)

Страна	Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Боливия	Наркотрафик и оргпреступность (индекс, баллы)	6,9	7,1	7,3	7,4	7,6	7,8
	ВВП (млрд долл. США)	36,8	40,3	43,1	45,9	47,2	49,0
	Индекс хрупкости государств (баллы)	81,4	80,9	80,2	79,8	79,1	78,5
Колумбия	Наркотрафик и оргпреступность (индекс, баллы)	7,8	7,9	8,1	8,3	8,4	8,5
	ВВП (млрд долл. США)	271,0	314,3	343,9	364,5	380,1	395,4
	Индекс хрупкости государств (баллы)	75,2	74,8	74,3	73,9	73,5	73,0

Окончание

Страна	Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Эквадор	Наркотрафик и оргпреступность (индекс, баллы)	6,5	6,8	7,2	7,7	8,2	8,6
	ВВП (млрд долл. США)	98,0	106,2	115,5	118,3	121,0	124,5
	Индекс хрупкости государств (баллы)	78,3	78,0	77,6	77,9	78,4	79,0
Перу	Наркотрафик и оргпреступность (индекс, баллы)	7,2	7,3	7,5	7,4	7,5	7,6
	ВВП (млрд долл. США)	202,0	223,7	242,5	251,2	262,8	272,0
	Индекс хрупкости государств (баллы)	74,1	73,6	73,2	73,8	74,2	74,5
Венесуэла	Наркотрафик и оргпреступность (индекс, баллы)	8,7	8,8	8,9	9,0	9,1	9,2
	ВВП (млрд долл. США)	47,0	52,5	58,0	62,3	66,8	71,0
	Индекс хрупкости государств (баллы)	93,5	92,8	92,1	91,7	91,2	90,8

Источники: оставлено по данным UNODC World Drug Report 2025 [14], World Bank Data, Direction of Trade Statistics, 2024–2025 [16], данным Фонда мира [15].

Совокупность данных параметров позволяет выявить связь между экономическим ростом, криминогенностью и прочностью государственных структур стран-членов Андского сообщества. Для наглядности мы отобразили полученные результаты на сводной диаграмме (рисунок 1).

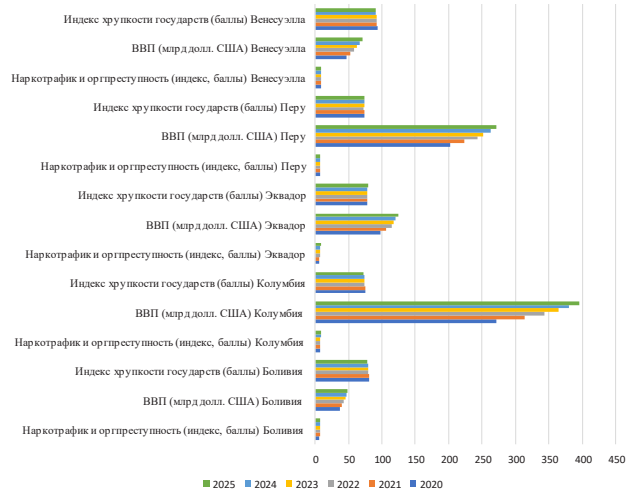

Рис. 1. Сопоставительный анализ по странам-членам Андского сообщества

Рассмотрим более подробно каждый из приведенных показателей.

В частности, наркотрафик и организованная преступность отражают интенсивность незаконного оборота наркотиков и степень влияния организованной преступностью на общественно-политическую ситуацию в стране. При этом Венесуэла стабильно удерживает лидирующую позицию по уровню криминальной нагрузки, что говорит о системном характере проблемы и слабости государственных институтов [14].

Колумбия демонстрирует второй по величине уровень угрозы криминализации общества за рассматриваемый период, что только подтверждает роль страны как одного из крупнейших мировых производителей кокаина. Эквадор, напротив, показывает наиболее резкую негативную динамику, что свидетельствует о стремительной криминализации страны, поскольку портовая инфраструктура используется для транзита наркотиков в Европу и Азию [14].

Боливия показывает умеренный, но устойчивый рост нелегального культивирования коки и включенности в региональные наркотрафиковые сети. Перу показывает относительную стабильность, что может свидетельствовать о частичной эффективности правительственных мер по контролю за производством кокаина. Следует отметить, что все пять стран демонстрируют тенденцию к ухудшению или стагнации данного показателя, то есть можно говорить о недостаточности национальных усилий в борьбе с наркоугрозой [14].

Валовой внутренний продукт как макроэкономический показатель демонстрирует устойчивый рост во всех странах-членах Андского сообщества за рассматриваемый период. Но есть существенные отличия: Колумбия является крупнейшей экономикой объединения, поскольку ВВП страны вырос в 2025 году почти в половину. Второй по величине экономикой остается Перу, чей ВВП увеличился стабильно растет за тот же период [16].

Эквадор демонстрирует рост, что отражает умеренное восстановление экономики после кризисных явлений начала десятилетия. В свою очередь, Боливия показывает наименьший абсолютный прирост среди рассматриваемых стран, что связано с ограниченностью экспортного потенциала и высокой зависимостью от добычи природного газа. В то же время Венесуэла, несмотря на политическую и экономическую изоляцию, демонстрирует номинальный рост ВВП, что объяснимо, по мнению исследователей, частичной легализацией нефтяного экспорта [16].

Важно подчеркнуть, что номинальные показатели ВВП не учитывают инфляционные процессы и реальную покупательную способность населения, но даже по показателю ВВП в регионе сохраняется высокая степень неравенства, причем основная экономическая активность приходится на теневой сектор. Тем не менее общая тенденция к росту ВВП можно рассматривать как потенциальную базу для интеграционных инициатив стран-участниц Андского сообщества [15].

Индекс хрупкости государств, рассчитываемый Фондом мира, позволяет оценить уязвимость государственных институтов по двенадцати индикаторам, в числе которых демографическое давление, легитимность власти, уровень конфликтогенности и качество государственных услуг [16]. Венесуэла демонстрирует наиболее высокий уровень хрупкости среди стран региона, что свидетельствует о незначительной стабилизации, однако страна по-прежнему остается в категории критической хрупкости [16].

Боливия показывает определенные успехи в укреплении социальной сплоченности и снижении политической напряженности. Эквадор, напротив, демонстрирует ухудшение ситуации в 2024–2025 годы с одновременным ростом преступности и политическим кризисом в субрегионе [16].

В Колумбии мы выявили устойчивое улучшение ситуации, что связано с постепенным расширением государственного присутствия на ранее контролируемых вооруженными группировками территориях. В свою очередь, Перу демонстрирует улучшение в 2021 года с последующим ухудшением к 2025 году. На наш взгляд, данная ситуация связана с политической нестабильностью в 2022–2023 годах при смене нескольких президентов. В целом на современном этапе можно констатировать, что в субрегионе Андского сообщества очень низкий институциональный потенциал для углубления интеграционных процессов [15].

Проведенный сопоставительный анализ свидетельствует о сохранении существенных диспропорций между странами-членами Андского сообщества. При этом наиболее разрушительными для интеграционного процесса в рамках Андского сообщества остаются ухудшение ситуации с наркотрафиком в Эквадоре и стабильно высокий уровень преступности в Венесуэле и Колумбии. При этом экономический рост во всех странах субрегиона не сопровождается укреплением государственных институтов. На наш взгляд, самый высокий интеграционный потенциал демонстрируют Колумбия и Перу, а возможности Венесуэлы к интеграции существенно ограничивает политическая изоляция. В целом можно заключить, что страны Андского сообщества на фоне относительной макроэкономической стабильности демонстрируют системную деградацию государственных институтов.

При этом основным ограничением интеграции в рамках Андского сообщества является асимметричный потенциал государств-членов: различия в уровне экономического развития, качестве управления и уровне криминализации национальных экономик остаются очевидными барьерами для выработки общих стандартов безопасности. Более того, Венесуэла фактически выпала из интеграционных процессов, в то время как Колумбия и Перу конкурируют за статус субрегионального лидера.

Таким образом, можно констатировать, что перспективы укрепления безопасности в Андском регионе зависит от развития двусторонних инициатив в конкретных сегментах экономики: защиты портовой инфраструктуры, контроля финансовых потоков и транзитных логи-

стических путей от наркотрафика и организованной преступности. На наш взгляд, без решения данных проблем интеграционные проекты останутся очень уязвимыми на ближайшие годы.

Литература

1. Безбородов Ю.С. Интеграционные и метаинтеграционные процессы в американском регионе: особенности реализации // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1 (109).

2. Костюнина Г.М. Общерегиональные интеграционные инициативы в Латинской Америке / Г.М. Костюнина, О.А. Козлова // Горизонты экономики. 2018. № 1 (41). С. 51–56.

3. Кузнецов Д.А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2020. № 2. С. 44–69.

4. Марейчева В.А. Особенности и перспективы развития региональной интеграции (на примере МЕРКОСУР) // Инновационная наука. 2024. № 4–2. С. 92–97.

5. Смирнова А.С. Угрозы гуманитарной безопасности в Латинской Америке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. № 4. С. 467–473.

6. Тимощеня В.А. От контрабанды к ударным БПЛА: эволюция беспилотных технологий в арсенале организованной преступности Латинской Америки // Конфликтология / nota bene. 2025. № 3. С. 164–189.

7. Хлопов О.А. Интересы и влияние США в Латинской Америке // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 9. С. 71–77.

8. Fragile States Index. The Fund for Peace. URL: https://fragilestatesindex.org/ (accesse date: 20.08.2026).

9. Landázuri Menoscal C.J. The Vitality and Revitalization of International Organizations: The Case of UNASUR: Thesis for Master in National and International Administration and Policy / advisors T. Sommerer, M.J. Debre. 2024. DOI: 10.25932/publishup-68186.

10. Lo M. S.S. Economic Integration in MENA: The Global, Regional, and Subregional Integration Indices and Their Dynamic Interactions // Journal of Economic Integration. 2026. DOI: 10.11130/jei.2025026.

11. Morales Ruvalcaba D. Neopresidentialism and the hierarchy of power in Latin American Integration: UNASUR as a case study // Estudios Internacionales. 2021. Vol. 52. No. 197. P. 39–68. DOI: 10.5354/0719-3769.2020.57660.

12. Nogara T.S. The Making of UNASUR: Visions of Latin American Regionalism at the Height of the Progressive Cycle // Latin American Perspectives. 2026. DOI: 10.1177/0094582X261456233.

13. Nolte D., Castro Alegría R.F. The Construction, De-Construction, and Reconstruction of UNASUR // Handbook of South American Regionalism / eds. J. Briceño-Ruiz, A. Ribeiro Hoffmann. Cham: Springer Nature Switzerland, 2026. P. 69–86. DOI: 10.1007/978-3-032-17864-0_5.

14. UNODC World Drug Report 2025. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2025. 210 p. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2025.html (accessed: 20.08.2026).

15. Vers une nouvelle Unasur // Center for Economic and Policy Research. URL: https://cepr.net/fr/publications/vers-une-nouvelle-unasur-les-voix-de-la-reactivation-de-lintegration-sud-americaine/ (accessed: 20.08.2026).

16. World Bank Data. Direction of Trade Statistics, 2024–2025. URL: https://data360.worldbank.org/en/dataset/IMF_DOT (accesse date: 20.08.2026).

REGIONAL SECURITY THREATS AND THE LIMITS OF INTEGRATION IN THE ANDEAN REGION

Litovchenko I.D.
Russian State University for the Humanities

The relevance of the research topic is due to the lack in the scientific literature of a description of subregional integration processes within the Andean community, whose members are Bolivia, Colombia, Peru, and Ecuador. This article reveals the connection between the escalation of non-traditional security threats and the slowdown in the pace of subregional integration in the Andean community, and also examines the institutional limitations of integration. Differences between countries are identified, and the active participation of countries in the Andean Community can be a factor in mitigating security threats. At the same time, the limits of subregional integration are determined by differences in models of political governance in each country.

Keywords: Andean community, regional security, integration, drug trafficking, political instability, subregional integration

References

1. Bezborodov, Yu.S. Integration and Meta-Integration Processes in the American Region: Implementation Features // Russian Law: Education, Practice, and Science. 2019, No. 1 (109).

2. Kostyunina, G.M. Regional Integration Initiatives in Latin America // Horizons of Economics. 2018, No. 1 (41). Pp. 51–56.

3. Kuznetsov, D.A. Regional Development Trajectories in Latin America in the 21st Century // Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics. 2020, No. 2. Pp. 44–69.

4. Mareycheva, V.A. Characteristics and Prospects for the Development of Regional Integration (using MERCOSUR as an Example) // Innovative Science. 2024. No. 4–2. Pp. 92–97.

5. Smirnova A.S. Threats to Humanitarian Security in Latin America // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2023. No. 4. Pp. 467–473.

6. Timoshchenya V.A. From Smuggling to Attack UAVs: The Evolution of Unmanned Technologies in the Arsenal of Organized Crime in Latin America // Conflictology / nota bene. 2025. No. 3. Pp. 164–189.

7. Khlopov O.A. US Interests and Influence in Latin America // Society: Politics, Economics, Law. 2023. No. 9. Pp. 71–77.

8. Fragile States Index. The Fund for Peace. URL: https://fragilestatesindex.org/ (access date: 08/20/2026).

9. Landázuri Menoscal C.J. The Vitality and Revitalization of International Organizations: The Case of UNASUR: Thesis for Master in National and International Administration and Policy / advisors T. Sommerer, M.J. Debre. 2024. DOI: 10.25932/publishup-68186.

10. Lo M.S.S. Economic Integration in MENA: The Global, Regional, and Subregional Integration Indices and Their Dynamic Interactions // Journal of Economic Integration. 2026. DOI: 10.11130/jei.2025026.

11. Morales Ruvalcaba D. Neopresidentialism and the hierarchy of power in Latin American Integration: UNASUR as a case study // Estudios Internacionales. 2021. Vol. 52. No. 197. P. 39–68. DOI: 10.5354/0719-3769.2020.57660.

12. Nogara T.S. The Making of UNASUR: Visions of Latin American Regionalism at the Height of the Progressive Cycle // Latin American Perspectives. 2026. DOI: 10.1177/0094582X261456233.

13. Nolte D., Castro Alegría R.F. The Construction, De-Construction, and Reconstruction of UNASUR // Handbook of South American Regionalism / eds. J. Briceño-Ruiz, A. Ribeiro Hoffmann. Cham: Springer Nature Switzerland, 2026, Pp. 69–86. DOI: 10.1007/978-3-032-17864-0_5.

14. UNODC World Drug Report 2025. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2025. 210 p. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2025.html (accessed: 08/20/2026).

15. Vers une nouvelle Unasur // Center for Economic and Political Research. URL: https://cepr.net/fr/publications/vers-une-nouvelle-unasur-les-voix-de-la-reactivation-de-lintegration-sud-americaine/ (accessed: 08/20/2026).

16. World Bank Data. Direction of Trade Statistics, 2024–2025. URL: https://data360.worldbank.org/en/dataset/IMF_DOT (access date: 08/20/2026).

Парадигмальные основания социального проектирования внешней составляющей образовательной среды

Валиев Ильдар Накипович,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: val2876@mail.ru

Виноградов Владислав Львович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: vinogradov.ksu@yandex.ru

В статье ставится и решается на методологическом уровне проблема методологических основ проектирования внешней сферы образовательной среды, функционально отвечающей за процесс общего развития молодежи. Учитывая сложность, разносторонность и полисубъектность развивающей деятельности наиболее адекватной парадигмой в данном случае является парадигма постмодернизма, в соответствии с которой целью существования и развития общества провозглашается человек – его свобода, его творческая сущность, его право самостоятельно определять принципы и способы собственного существования. Проектирование в постмодернистской парадигме основывается на отказе от классического рационализма, ориентировании на инновационность как важнейшего условия и критерия эффективности проектирования. Помимо этого в проекте должны в полной мере отражаться требования социальной ответственности и этики, основанные на отношении к людям как к основному ресурсу общества. Если проектирование центральной, институционализированной сферы образовательной среды представляет собой проектирование функционального взаимодействия, а проектирование мезосферы основывается на организации групповой деятельности, то проектирование внешней сферы образовательной среды связано с проектированием индивидуальной активности. Развивающая составляющая образовательной среды характеризуется нецеленаправленным и не целостным (стохастическим) влиянием на становление личности, что осложняет процесс проектирования. В условиях перехода к состоянию информационного общества, многообразие развивающих воздействий целесообразно трактовать через воздействие информацией. Таким образом, проектирование внешней сферы образовательной среды целесообразно основывать на управлении информацией. Тем более что информация в информационном обществе не может быть неуправляема. Отсутствие государственного управления в этой области означает лишь то, что под прикрытием демократических лозунгов при помощи средств массовой коммуникации осуществляется манипулирование сознанием со стороны теневых социальных систем. Структура проектирования системы управления информацией выстраивается по аналогии со структурой образовательной среды. Соответственно выделяются системный, комплексный и периферийный уровни управления. Системный (по определению) характер управления информацией не противоречит постмодернистской парадигме, так как конечный выбор потребляемой информации осуществляется человеком свободно в условиях открытой конкуренции различного типа СМК.

Ключевые слова: социальное проектирование; образовательная среда; постмодернистская парадигма; внешняя сфера; информационное общество; управление информацией; развивающая деятельность; системный подход; социальная ответственность; человеко-центрированный подход; средства массовой коммуникации; личностная активность.

Идеологический кризис России, вызванный освобождением марксистско-ленинской философии от титула «единственно верной», определил методологические искания в общественных науках и, в их числе, в социологии. Обозначенные искания в России совпали по времени с переосмыслением методологических оснований западной социологии. «Социология зародилась на Западе прежде всего как наука, объясняющая закономерности перехода от традиционных обществ к индустриальным, адаптацию человека в городской промышленной среде. Подчеркнем: не индустриальной среды к человеку, а человека к нуждам форсированного промышленного развития. Последнее обстоятельство породило ожесточенную критику классической социологии. Исследователи постмодернистской ориентации обвиняют ее в том, что она поставила установки рационализма на службу власти посредством подмораживания и нейтрализации индивидуальной свободы. Ее главная задача квалифицируется как обеспечение упорядоченного и предсказуемого человеческого поведения, превращение человека в объект жестких социальных технологий. Чаще всего объектом подобных обвинений становятся социологи структурно-функционалистской и марксистской ориентации» [1, с. 13].

Если в России виной «методологической революции» послужила Горбачевская, а потом и Ельцинская перестройка, то аналогичные процессы в Западной науке были обусловлены переходом общества к состоянию посткапиталистического или информационного. Поэтому в контексте настоящего исследования методологические трансформации Западной социологии представляют для нас существенный интерес.

Прежде всего, принципиально изменилось отношение к целям социального развития и роли в этом процессе системы управления. Целью существования и развития общества провозглашается человек – его свобода, его творческая сущность, его право самостоятельно определять принципы и способы собственного существования. Соответственно, происходит «переосмысление обществом роли самого управления, результатом которого стала утрата государством в глазах общества символа законного и анонимного принуждения, в результате чего оно стало восприниматься не как некий институт, от которого зависит его жизнь, а как социальный партнер, функционирующий с ним на равных началах» [2, с. 64].

По мнению проф. Л.А. Бургановой, управление в постмодернистской парадигме должно основываться на отказе от классического управленческого рационализма, ориентироваться на инновационность как важнейший критерий эффективности управления. Помимо этого в системе управления должны в полной мере учитываться требования социальной ответственности и этики, основанные на отношении к людям как к основному ресурсу организации. Менеджер организации должен обеспечить (в результате обучения социальным технологиям формирования организационной культуры) удовлетворение у работников потребностей высших уровней и лояльность персонала, основывать свою деятельность на принципах соучастия или партнерства [2, с. 71].

Очевидно, что очерченный подход к управлению не удовлетворяет нас в отношении проблем проектирования центральной сферы и мезосферы образовательной среды. Логика предшествующего анализа проблем проектирования образовательной среды ориентирует нас на то, что если проектирование центральной сферы представляет собой проектирование функционального взаимодействия, а проектирование мезосферы основывается на проектировании деятельности групп, то проектирование внешней сферы образовательной среды должно основываться на проектировании личностной активности. В таком контексте парадигма постмодернизма может оказаться основополагающей для рассматриваемой сферы образовательной среды, тем более, если будет дополнена достижениями в области человеко-центрированного подхода.

Человеко-центрированный подход был предложен К. Роджерсом в 70-х гг. прошлого столетия как модель всех без исключения отношений, основанную на априорном признании абсолютного равенства партнеров. Его представители (В.В. Колпачников, Е.В. Плотникова, Д. Лепо, Э. Медоус, М. Валерио и др.) утверждают, что реализация обозначенного подхода дает ощутимый эффект в организации дея-

тельности самых различных социальных групп [3]. Кроме того, основные положения и теоретико-методологические установки человеко-центрированного подхода в достаточной степени согласуются с парадигмой личностно-ориентированного образования, получившей широкое распространение в отечественной педагогике.

Не вдаваясь в детали очерченных парадигм, рассмотрим их несколько в ином ключе. Внешняя сфера образовательной среды характеризуется нецеленаправленным и не целостным (стохастическим) влиянием на становление личности. Соответственно, управлять таким воздействием крайне сложно. Кроме того, человеко-центрированный или личностно-ориентированный подход неизбежно упирается в необходимость дифференцированного воздействия на личность с учетом основных ее параметров как социальной переменной. Это еще более усложняет управление развивающим воздействием, так как предполагает создание индивидуальных условий для воспитуемых.

Образовательная деятельность (интегрирующая в себе обучение и воспитание) является одной из самых масштабных по числу участников деятельности. С учетом этого, обозначенные подходы в идеале должны выразиться в реализации огромнейшей совокупности подпроцессов воспитания, формирования и развития, управление которыми потребует абсолютно нереального расширения института образования как основного субъекта управления воспитывающей деятельностью. Выход из создавшегося положения может быть только один: создание исключительной по своему многообразию развивающей среды, в структуре которой каждый человек самостоятельно сможет найти свою нишу, максимально соответствующую его особенностям, потребностям и интересам.

Последний вывод основывается на положении о том, что каждый человек методом проб и ошибок выбирает для себя те виды и формы деятельности, в которых он способен достичь максимальных по сравнению с другими людьми результатов, или, по крайней мере, не уступающих другим. Это возможно только в том случае, когда деятельность человека соответствует его врожденным способностям, потребностям и интересам, выступающим своеобразным «зерном кристаллизации» в отношении многообразных предложений извне. Иными словами, человек самостоятельно структурирует собственное пространство деятельности. Особо подчеркнем, что в данном случае целенаправленное развивающее воздействие на человека не только невозможно, но и нецелесообразно, так как не приведет к лучшему результату. Попытки управления в подобной ситуации равносильны стремлению заставить двигаться поезд, воздействуя на каждый его атом в отдельности. В условиях перехода к состоянию информационного общества, многообразие развивающих воздействий целесообразно трактовать как воздействие информацией. Таким образом, логично предположить, что управление развивающей деятельностью может быть основано на управлении информацией.

Последнее предположение основывается на тезисе о все возрастающей роли информации в опосредовании деятельности современного человека. Так, например, Р.Хеншель справедливо утверждает, что «общественность (и, соответственно, человек – примечание автора) реагирует не на реальность, а на свое восприятие реальности. В формировании же того образа реальности, на который реагируют люди, решающую роль играют СМК: массовая коммуникация обеспечивает видимость потенциальных проблем» [4, с. 63]. Далее автор указывает на то, что в сложившейся на сегодняшний день ситуации «относительно небольшое число «контролеров» (gate keepers) может определять, что мы увидим и прочтем. Данная ситуация – существование «избирательного подхода» к социальным проблемам – таит в себе множество опасностей» [Там же].

Анализ очерченной проблемы находится в юрисдикции конструкционистской парадигмы, собственно трактующей социальный факт или проблему с позиций их конструирования средствами массовой коммуникации. В любом случае, проявившаяся проблема требует специального анализа.

С субъективной точки зрения, факт, о существовании которого человек не знает, для него является несуществующим – это очевидно. Также очевидно и то, что объективно существующим для человека может оказаться явление, реально никогда не существовавшее, но о существовании которого он узнал «из достоверных источников». Из этой субъективной информации сотканы представления человека о мире, о добре и зле, естественном и анормальном и т.д. – представления, определяющие эффективность человеческой жизнедеятельности.

Опасности, связанные с внешне нерегулируемым информационным воздействием очевидны. Примерами могут служить известные информационные кампании против детских прививок, домашних родов, популяризация опасных для здоровья биологически активных добавок, средств для похудения и т.п.

Значительная часть информации появляется в общественном употреблении в результате стремления СМК закрепиться на информационном рынке. Характер или направленность предлагаемой в этом случае информации отражает информационные предпочтения большинства населения или соответствует наиболее распространенным инстинктам. Так, «средства массовой коммуникации отдают предпочтение драматичным ситуациям. Социальные проблемы, представленные в драматичном виде, имеют более высокие шансы успешно выдержать конкуренцию с другими проблемами» [5, с. 76]. Именно поэтому человек, увлеченный чтением газет и журналов, постоянно просматривающий телевизионные передачи уверен в беспрецедентном распространении тяжких уголовных преступлений, в процветании коррупции и мошенничества, считает всех «звезд» развратными людьми и т.п. Представлять предмет рассмотрения в черном цвете выгоднее с конкурентных позиций. При этом негативный факт далеко необязательно должен иметь место в реальности – его можно просто сконструировать искусственным образом.

Отдельную категорию составляет информация, связанная с целенаправленным манипулированием поведением людей. К информации такого рода относится:

1. Политический заказ, как внешний, так и внутренний. Нельзя отрицать попытки целенаправленного воздействия на сознание россиян со стороны зарубежных держав, заинтересованных в проникновении на территорию России ценностей и стереотипов западного общества с тем, в частности, чтобы закрепить свое политическое и идеологическое влияние на территории чужого государства или обеспечить миграцию высококвалифицированных специалистов. Кроме того, было бы наивным предполагать, что на волне «демократизации и гласности» западные спецслужбы не воспользовались возможностью переложить на отечественные СМИ функции, выполнявшиеся ранее радиостанциями «Голос Америки», «Свободная Европа» и др.

Внутренний политический заказ обеспечивается объективно присутствующей в обществе конкурентной борьбой различных политических и общественных партий и движений.

2. Реклама. Поскольку рекламное агентство не несет ответственности за качество рекламируемого товара и, соответственно, достоверность рекламной информации, «двигатель прогресса» нередко превращается в «двигатель мошенничества» или регресса.

3. Скрытая реклама. Чаще всего осуществляется посредством установления явного или неявного соответствия между известным и уважаемым человеком с одной стороны, и определенным товаром с другой. Реальное положение вещей при этом может совершенно не соответствовать описанию в информационных источниках.

Приходится признать, что современные средства массовой коммуникации активно используются в политических и консалтинговых целях как официальными, так и теневыми политическими и экономическими структурами. Иначе не может быть в принципе, так как информация в информационном обществе не может быть неуправляема. Отсутствие государственного управления в этой области означает лишь то, что под прикрытием демократических лозунгов при помощи СМК осуществляется манипулирование сознанием со стороны теневых социальных систем. Действительно, не управлять информационными потоками в информационном обществе, всё равно, что отказаться от управления производством и природными ресурсами в условиях индустриального общества, чего не может быть по определению.

Структуру управления информацией как основы внешней сферы образовательной среды целесообразно выстраивать по аналогии с трехсферной структурой образовательной среды в целом. Обозначим вытекающие отсюда уровни управления информацией как: системный, комплексный и периферийный.

Системный уровень управления информацией включает в себя элементы средств массовой коммуникации различных видов и направлений, деятельность которых осуществляется на государственной основе вне конкуренции с другими элементами СМК по утвержденному плану и под контролем соответствующих государственных структур. Это должно быть не только телевидение (наподобие ГТРК «Первый канал»), но и молодежные журналы, газеты и, самое главное, молодежный Интернет. По результатам проведенного нами исследования профессиональных планов старшеклассников (выборка 336 человек) Интернет занял первое место в числе источников информации о рынках образования и труда. Из Интернета чаще всего получает требуемую информацию 31,2% старшеклассников. На втором месте находятся друзья (22,8%) и родители (19,6%). Телевидение в качестве источника значимой информации о профессиях набрало 2,7%, газеты 2,1% и радиопередачи – 0,6%. Вместе с тем складывается ощущение, что существующие социальные институты дистанцировались от Интернета как средства управления развитием личностных качеств

представителей подрастающего поколения. Здесь мы не учитываем так называемые образовательные сайты, содержащие соответствующую учебную информацию и помогающие учащимся разобраться с некоторыми проблемами современной системы образования. Это чисто функциональные сайты, необходимые не столько учащимся, сколько самим работникам образования. Должны создаваться популярные сайты, на которые учащийся заходит отдохнуть и пообщаться, но отдых и общение на которых грамотно контролируются субъектами проектирования образовательной среды.

Комплексный уровень управления информацией представлен элементами средств массовой коммуникации, учредителями которых выступают одновременно как государство, так и частные лица или организации. Это крайне важный уровень с точки зрения противоборства/конкуренции интересов государства и бизнеса, а также способов отстаивания сторонами собственных интересов.

Периферийный уровень управления информацией включает в себя элементы управления стихийно формирующимся рынком информационных услуг. Непосредственно воздействовать на него невозможно, так как развитие технологий информационного обмена позволяет преодолеть практически любой контроль. В данном случае можно говорить лишь об опосредованном управлении посредством манипулирования экономической составляющей информационного бизнеса и введением государственного запрета на информацию определенного рода.

Прежде всего, контролироваться должно качество информации. Информационные агенты, распространяющие заведомо ложную информацию, должны подвергаться наказанию вне зависимости от того, обращается пострадавшее лицо с соответствующим иском или нет. Собственно, это требование должно распространяться на все информационные источники вне зависимости от их уровня и формы собственности.

Несмотря на очерченные требования к управлению информационными потоками и их содержанием, они не противоречат постмодернистской парадигме, так как выбор из множества информации различных уровней управления осуществляется человеком свободно в условиях открытой конкуренции различного типа СМК. Если системно управляемые телевизионные каналы или Интернет-сайты окажутся неинтересными, непривлекательными для молодежи, они естественно не будут иметь должного развивающего воздействия.

Делая акцент на управлении информацией, оправданный в условиях информатизации самых различных аспектов социального взаимодействия, вместе с тем нельзя забывать и об управлении материальной составляющей образовательной среды, также оказывающей огромное влияние на развитие личности. Каким бы «виртуализированным» ни было социальное пространство, в конечном счете, жизнедеятельность человека осуществляется в конкретных социально-географических условиях.

В этом плане большим развивающим потенциалом обладают:

– в области биотического развития – наличие медицинских учреждений, связанных с проблемами охраны материнства и детства, диагностических и реабилитационных центров, спортивных учреждений, клубов (прямо или косвенно связанных со здоровым образом жизни), природных зон отдыха, туристических баз и т.п., а также соответствующих специалистов, способных организовать работу обозначенных составляющих среды с максимальной эффективностью;

– в области психического развития – наличие «школ молодых родителей», яслей, детских садов и других учреждений, способных обеспечить нормальное психическое развитие ребенка, а также возможность обеспечения семьи и дошкольных учреждений «умными» и просто качественными игрушками, способствующими развитию координационных и манипулятивных способностей руки, содержащих в себе адекватную информацию об особенностях мира;

– в области развития сознания – наличие библиотек, различных банков информации, а также секций, клубов, факультативов и т.п., способствующих формированию креативности мышления, усвоению навыков сознательной деятельности;

– в области социального развития – наличие условий для проведения досуга в компании (вечерние клубы, кафе и т.п.), наличие развитых молодежных движений, политических и общественных организаций. Большое значение имеет также наличие городской и районной систем профориентационной работы, открытость предприятий и организаций в области взаимодействия со школой и общественными организациями в целях пропаганды различных направлений социально-профессиональной активности;

– в области духовного развития – наличие сети учреждений культуры (музеев, концертных и выставочных залов), а также опыта взаимодействия этих учреждений с молодежью, выражающегося в проведении различного рода лекториев, экскурсий, выставок в форме, не только доступной, но и привлекательной для молодежи.

В начале настоящего параграфа мы выделили парадигму постмодернизма в качестве основополагающей для социального проектирования внешней сферы образовательной среды. Уточним, что основанием такого вывода является исключительная множественность проявлений развивающего влияния среды на индивидуальном уровне. Дело в том, что помимо информационных и материальных условий объективной социальной среды не меньшее (если не большее) значение имеет проблема освоения этих возможностей каждым отдельным индивидом. Действительно, все многообразные развивающие возможности Интернета будут равны нулю, если у человека нет возможности использования компьютера и выхода в Интернет. То же самое можно сказать и в отношении материальных составляющих социальной среды. Таким образом, объективная развивающая среда условно разбивается на множество субъективных развивающих составляющих, каждая из которых состоит из совокупности элементов объективной среды, освоенных человеком. При этом субъективное значение того или иного элемента объективной среды для различных людей будет различным. Это указывает еще на одну возможность управления развивающей составляющей. Если объективные средовые условия оказываются неуправляемыми, то мы можем управлять этими условиями на микроуровне или формируя субъективные «зоны обитания» воспитуемых, или замещая некоторые составляющие макросреды аналогичными элементами микросреды. Так, например, не составит большого труда создать ученический сайт, на котором не только будет представлена необходимая учебная информация, но и будут вывешиваться новости образовательного учреждения, будут работать форум и гостевая книга. Киноклуб образовательного учреждения может конкурировать с образчиками киноискусства, транслируемыми по центральному телевидению, а созданная самими учащимися газета окажется популярнее (для самих учащихся) центральных изданий и т.д. Тем более, такие возможности наличествуют у общности городского или регионального типа.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно методологии социального проектирования внешней сферы образовательной среды.

Во-первых, учитывая полисубъектность и сложность современной развивающей деятельности, наиболее адекватной теоретической рамкой выступает парадигма постмодернизма. Именно она ставит во главу угла человеческую свободу и право личности на самоопределение, что требует отказа от классического технократического рационализма в пользу инновационности и социальной ответственности перед человеком как главным ресурсом общества.

Во-вторых, выявлена фундаментальная специфика внешней сферы: если центральная (институциональная) среда отвечает за функциональное взаимодействие, а мезосреда – за групповую деятельность, то внешняя сфера связана исключительно с проектированием индивидуальной активности. Это определяет её ключевую особенность – стохастический (случайный, нецелостный) характер влияния на личность, что делает традиционные методы прямого управления неэффективными.

В-третьих, в условиях информационного общества многообразие этих неконтролируемых воздействий целесообразно трактовать через категорию «информационное воздействие». Следовательно, основным инструментом проектирования данной сферы становится управление информацией. Автором предложена структурная модель такого управления, которая выстраивается по аналогии со структурой самой образовательной среды и включает системный, комплексный и периферийный уровни. Важно отметить, что такой системный контроль не противоречит идеям постмодернизма: свобода выбора информации индивидом сохраняется благодаря открытой конкуренции различных каналов СМК.

Таким образом, переход к постмодернистской парадигме позволяет преодолеть ограничения жесткого администрирования, предлагая взамен гибкую систему управления информационными потоками, способствующую свободному развитию личности во внешней среде.

Литература

1. Козлова, Н.Н. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация / Н.Н. Козлова, Н.М. Смирнова // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 12–22.

2. Бурганова, Л.А. Постмодернистская социология / Л.А. Бурганова. – Казань: Казан. гос. технол. ун-т, 2004. – 118 с.

3. Колпачников, В.В. Человеко-центрированный подход в практике психологического консультирования персонала организаций / В.В. Кол-пачников // Вопросы психологии. – 2000. – № 3. – С. 49–57.

4. Хеншель Р. Определение социальных проблем средствами массовой коммуникации / Р.Хеншель // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Сб.ст. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. – 224 с. – С. 63–72.

5. Ясавеев, И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 200 с.

PARADIGMATIC SHIFTS IN THE ARCHITECTONICS OF THE EXTERNAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Valiev I.N., Vinogradov V.L.
Elabuga Institute of Kazan Federal University (Branch)

The article addresses and resolves at the methodological level the problem of designing the external sphere of the educational environment – a sphere functionally responsible for the general development of youth. Given the complexity, versatility, and multi-subject nature of developmental activities, the postmodernist paradigm is identified as the most adequate framework. Within this paradigm, the ultimate goal of societal existence is declared to be human freedom, creative essence, and the individual's right to independently determine the principles of their own being. Design within the postmodernist paradigm necessitates a rejection of classical rationalism, prioritizing innovation as the primary condition and criterion for effectiveness. Furthermore, the design must fully reflect requirements of social responsibility and ethics, grounded in the perception of people as the fundamental resource of society. While the design of the central, institutionalized sphere focuses on functional interaction, and the mesosphere relies on organizing group activity, the design of the external sphere is intrinsically linked to fostering individual activity. The developing component of the environment is characterized by stochastic (non-targeted and non-integral) influence on personality formation, which significantly complicates the design process. In the context of the transition to an information society, it is methodologically sound to interpret the diversity of these developmental impacts through the lens of informational exposure. Consequently, the management of information becomes the logical foundation for designing the external sphere. This is particularly critical because information within an information society cannot remain unmanaged; the absence of state governance in this domain merely signifies that mass communication tools are exploited by shadow social systems for manipulating public consciousness under the guise of democratic slogans. The structural architecture of the information management system mirrors the structure of the educational environment itself, delineating systemic, complex, and peripheral levels of control. The systemic nature of information management does not contradict the postmodernist paradigm, as the final selection of consumed information remains a free choice made by the individual amidst open competition among various types of mass media channels.

Keywords: social design; educational environment architectonics; postmodernist paradigm; external sphere of education; information society; information management; developmental activity; systemic approach; social responsibility; human-centered approach; mass media channels / mass communication; individual agency.

References

1. Kozlova, N.N. The Crisis of Classical Methodologies and the Contemporary Epistemological Situation / N.N. Kozlova, N.M. Smirnova // Sociological Studies. – 1995. – No. 11. – P. 12–22.

2. Burganova, L.A. Postmodern Sociology / L.A. Burganova. – Kazan: Kazan State Technological University, 2004. – 118 p.

3. Kolpachnikov, V.V. The Person-Centered Approach in the Practice of Psychological Counseling for Organizational Personnel / V.V. Kolpachnikov // Voprosy Psikhologii (Issues of Psychology). – 2000. – No. 3. – P. 49–57.

4. Henshel, R. The Definition of Social Problems by Mass Media / R. Henshel // Mass Media and Social Problems: Collection of Articles. – Kazan: Kazan University Press, 2000. – 224 p. – P. 63–72.

5. Yasaveev, I.G. The Construction of Social Problems by Mass Media / I.G. Yasaveev. – Kazan: Kazan University Press, 2004. – 200 p.

Политическое время гражданского участия в транспортно-инфраструктурных решениях: сравнительный анализ пяти кейсов

Семикин Егор Дмитриевич,
аспирант, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: egorsemik@gmail.com

В статье исследуется политическое время гражданского участия в транспортно-инфраструктурных решениях – момент содержательного включения общественности относительно фиксации проектной альтернативы. Цель работы – установить, каким образом временная позиция участия обусловливает связь между процессуальной состоятельностью Iпроц и публично-политическим результатом R. Методология сочетает структурированное сравнение пяти кейсов – Юго-Восточной хорды Москвы, транспортной проблематики Королёва и национального парка «Лосиный остров», Вознесенского тракта в Казани, М-12 во Владимирской области и Южно-Лыткаринской автодороги – с document-based process tracing. Предложена четырехуровневая шкала политического времени T: от предфиксационного участия до реактивного участия на стадии реализации. Результаты не подтверждают простую зависимость «чем раньше, тем выше R». Политическое время выступает условием глубины доступного воздействия: до фиксации возможно изменение базовой трассировки, после фиксации преобладают инженерные, локальные и компенсаторные корректировки. Сравнение М-12 и ЮЛА при одинаковых Iпроц и R показывает, что агрегированные оценки могут скрывать различный объект общественного влияния. Проверки чувствительности подтверждают устойчивость этого механистического вывода, но показывают зависимость сильной версии гипотезы раннего участия от кейса М-12.

Ключевые слова: гражданское участие, политическое время, публичная политика, транспортная инфраструктура, согласование интересов, process tracing, проектная фиксация, публично-политический результат.

Введение

Транспортно-инфраструктурные решения распределяют выгоды и издержки еще до ввода объекта в эксплуатацию: выбор коридора, развязок и защитных решений определяет, какие территории получают транспортную доступность и какие группы несут локальные риски. Поэтому гражданское участие важно оценивать не только по наличию консультаций, но и по моменту, когда общественные требования входят в управленческий цикл. Российские исследования связывают результативность участия с институциональным дизайном, коммуникацией и конфигурацией локальных конфликтов [1; 3; 9; 11; 21; 23], однако временная позиция участия относительно фиксации проектной альтернативы редко выступает самостоятельной переменной.

Статья развивает двухконтурный подход: процессуальная состоятельность Iпроц измеряется отдельно от публично-политического результата R. Вводится третье аналитическое измерение – политическое время T, то есть момент содержательного включения общественности относительно фиксации проектной альтернативы и начала необратимых обязательств.

Цель исследования –определить, как T обусловливает связь Iпроц → R и какой объект воздействия остается доступным на разных стадиях. Проверяются три гипотезы. H1: включение до или в период фиксации повышает вероятность воздействия на базовую трассировку. H2: после фиксации даже качественная процедура чаще дает локальные инженерные, защитные или компенсаторные изменения. H3: при сходном Iпроц политическое время объясняет тип и глубину R лучше, чем процессуальный индекс сам по себе. Под «обусловливанием» понимается механистическая, а не статистическая медиация.

Литературный обзор

Классические модели участия различают степень влияния граждан и институциональный дизайн. С. Арнстейн связывает участие с переходом от символического присутствия к реальному влиянию [25], А. Фанг – с сочетанием состава участников, способа коммуникации и связи обсуждения с действием [27]. К. Хофер и Д. Кауфманн предлагают анализировать акторов, арены, цели и контекст участия, включая его временную организацию [28]. Для инфраструктурных проектов это принципиально: одна и та же процедура до и после закрытия альтернатив обладает различной политической емкостью.

Теории публичной политики позволяют трактовать время как ресурс. У Дж. Кингдона окно возможностей возникает при временном сопряжении проблем, альтернатив и политики [29]; П. Пирсон показывает, что последовательность решений формирует эффекты траектории и увеличивает издержки переключения [30]. В инфраструктурном проекте сходную роль играет фиксация: утверждение предпочтительного коридора, завершение ключевой документации, контрактные обязательства и строительство сужают множество доступных альтернатив.

Современная российская литература анализирует муниципальную публичную политику [9; 13; 24], электронное участие и централизацию обратной связи [7; 8; 16; 20; 23], городские конфликты и локальные коалиции [2–4; 11; 21], а также качество государственных решений и коммуникации [12; 17–19]. Эти работы объясняют институты и содержание участия, но не всегда отделяют качество процедуры от момента ее включения. Предлагаемый показатель T заполняет этот пробел: «ранность» понимается не как число месяцев до стройки, а как положение участия относительно закрытия существенных альтернатив. Проверка механизма проводится посредством документального process tracing [26].

Материалы и методы

Дизайн основан на структурированном сравнении пяти кейсов: Юго-Восточной хорды Москвы (ЮВХ), транспортной проблематики Королёва и национального парка «Лосиный остров», Вознесенского тракта в Казани, М-12 во Владимирской области и Южно-Лыткаринской автодороги (ЮЛА). Кейсы различаются стадией и типом конфликта, но во всех можно проследить последовательность «требование – рассмотрение – управленческое/проектное действие».

Эмпирическая база включает официальные документы и публичные материалы. Для ЮВХ используется доклад Уполномоченного

по правам человека в Москве [22], для «Лосиного острова» – рекомендации Общественной палаты РФ [14], для Казани – официальный городской портал [15], для М-12 – материалы Минтранса России [10], для ЮЛА – публикации, фиксирующие изменение маршрута и проектной документации [5; 6]. Медийные публикации применяются как вспомогательные временные маркеры.

Process tracing [26] восстанавливает: момент публичного требования; стадию фиксации; документированную реакцию; измененный объект решения; статус результата. При неоднозначности применяется консервативное правило: кодируется более поздняя стадия.

Iпроц сохраняет шесть критериев: К1 – открытость, К2 – инклюзивность, К3 – делиберативность, К4 – содержательное влияние, К5 – подотчетность, К6 – конфликторегулирование; каждый критерий кодируется 0–3. Индекс рассчитывается как Iпроц = ΣKi / (3 × n), где n – число применимых критериев. R кодируется отдельно и не входит в Iпроц. Используются ранее полученные значения: ЮВХ – 0,556/R=1; «Лосиный остров» – 0,667/R=Н/Д; Казань – 0,667/R=2; М-12–0,722/R=2; ЮЛА – 0,722/R=2.

Таблица 1. Операционализация политического времени участия

Стадия	Наблюдаемые маркеры	Типично доступный объект влияния
До фиксации	Конкурирующие альтернативы; ключевой вариант не закреплен	Базовая трассировка / альтернатива
Переходная	Вариант объявлен; документы или контракт еще изменяемы	Существенная проектная / инженерная переработка
После фиксации	Базовая альтернатива закреплена; реализация еще не полностью необратима	Локальные параметры, защита, сопряжения
Реализация	Строительство или необратимые обязательства начаты	Компенсации, локальный доступ, мониторинг

Источник: составлено автором.

Проверка устойчивости включает строгую перекодировку T, при которой неоднозначные случаи сдвигаются на более позднюю стадию, и leave-one-case-out. Дополнительно сопоставляются сочетания T≥2 и Iпроц≥0,70. При N=5 это не полноценная QCA, а качественная проверка утверждений о необходимости и достаточности.

Результаты

ЮВХ. К моменту наиболее заметной общественной реакции базовая трассировка была встроена в проектную рамку, однако конфликт вокруг радиоактивного загрязнения привел к дополнительному контролю, обследованию и удалению загрязненных грунтов [22]. T=1: участие постфиксационное, но до полного завершения реализации. При Iпроц=0,556 и R=1 результат относится прежде всего к управлению риском, а не к смене трассы.

«Лосиный остров». Транспортная проблема Королёва получила институциализированное обсуждение, экспертные предложения и рекомендации Общественной палаты РФ [14], но существенная часть участия разворачивалась после выдвижения конкретных транспортных вариантов. Поэтому T=1. При Iпроц=0,667 R сохраняется как Н/Д: недостаточно оснований надежно приписать устойчивый конечный результат именно механизму участия.

Казань. Вознесенский тракт соответствует T=0. Основной проект был утвержден и строительство началось ранее, тогда как коммуникация 2024 г. касалась местной доступности, сопряжений и дорогидублера к улице Глушко [15]. При Iпроц=0,667 и R=2 результат является локальной адаптацией при сохранении магистрали. Этот кейс показывает: позднее участие не исключает заметный R, но меняет объект доступного воздействия.

М-12. Во Владимирской области публичные возражения возникли, когда вариант трассировки еще мог быть пересмотрен до окончательной фиксации; документальный след фиксирует последующее изменение варианта [10]. T=3. При Iпроц=0,722 и R=2 воздействие затронуло базовый пространственный параметр –трассировку. Кейс не доказывает достаточность раннего участия, но показывает механизм влияния при открытом множестве альтернатив.

ЮЛА. Предпочтительный коридор уже был сформирован, однако до окончательной контрактной и строительной фиксации проект корректировался, включая изменение маршрута и тоннельное решение на одном из конфликтных участков [5; 6]. T=2. Iпроц и R совпадают с М-12 (0,722 и 2), но объект изменения иной: существенная инженерная переработка при сохранении коридора. Пара М-12/ЮЛА является ключевым сравнением статьи (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение политического времени, Iпроц и результата R в пяти кейсах

Кейс	Iпроц / R / T	Интерпретация результата
ЮВХ	0,556 / 1 / 1	Управление риском / компенсаторная переработка; трассировка сохраняется
«Лосиный остров»	0,667 / Н/Д / 1	Институционализация конфликта; устойчивый итог не атрибутируется
Казань	0,667 / 2 / 0	Локальная адаптация доступа / сопряжений при сохранении магистрали
М-12	0,722 / 2 / 3	Изменение базовой трассировки
ЮЛА	0,722 / 2 / 2	Инженерная корректировка при сохранении коридора

Источник: авторское кодирование. R не входит в Iпроц.

Данные не подтверждают монотонную зависимость T→R: Казань при T=0 имеет R=2, ЮВХ при T=1 – R=1. Более устойчиво политическое время связано с глубиной объекта воздействия. Изменение базовой трассировки наблюдается в предфиксационной М-12; переходная ЮЛА дает существенную инженерную переработку; поздние ЮВХ и Казань –риск-управленческий и локально-доступностный результаты. Это является инференцией из сравнительного кодирования, а не утверждением о статистическом причинном эффекте.

Сочетание T≥2 и Iпроц≥0,70 присутствует у М-12 и ЮЛА. Оно не является достаточным для изменения базовой альтернативы: ЮЛА –контрпример. В детерминированных кейсах изменение базовой альтернативы не наблюдается без такого сочетания, но единственный положительный случай не позволяет заявлять необходимость. H1 получает ограниченную поддержку; H2 – более устойчивую; H3 подтверждается контрастом М-12/ЮЛА при одинаковых Iпроц и R.

Обсуждение

Результат исследования следует формулировать не как «чем раньше участие, тем выше R», а как «политическое время определяет доступную глубину R». После стадии «необратимости решения» процедура может оставаться открытой и содержательной, но ее предмет смещается от выбора альтернатив к управлению последствиями. Это согласуется с исследованиями последовательности и окон возможностей [29; 30] и уточняет российские работы об электронном и институциональном участии [7; 8; 16; 20; 23]: расширение каналов обратной связи не гарантирует воздействия на ядро решения, если они открыты после сужения альтернатив.

Исследования городских конфликтов показывают влияние локальных коалиций и распределения издержек [2–4; 11; 21]. Политическое время добавляет вопрос, когда мобилизация входит в управленческий цикл. Практически это требует двух окон: до необратимой фиксации –для сравнения альтернатив; после существенной переработки –для повторного включения новых затронутых групп. Такое правило динамической инклюзивности дополняет подходы к муниципальной публичной политике и качеству решений [9; 12; 13; 17; 18].

Ограничения связаны с N=5, дискретной шкалой T, неполнотой публичного документального следа и агрегированностью R. Поэтому статья не оценивает средний причинный эффект и не трактует T как статистический медиатор. Ее вклад – механизм и операционализация: одинаковые Iпроц/R могут соответствовать разной глубине воздействия, если участие происходит на разных стадиях фиксации.

Заключение

Политическое время –самостоятельное измерение участия наряду с Iпроц и R. Оно показывает, какое множество решений оставалось открытым в момент содержательного включения общественности. Пять кейсов не подтверждают правило «раньше – значит выше R», но демонстрируют различие глубины результата: до фиксации возможно изменение трассировки; в переходной стадии – крупная инженерная корректировка; после фиксации –преимущественно локальные, защитные и компенсаторные изменения.

Следовательно, оценка участия должна раздельно отвечать на три вопроса: как организована процедура, когда она включена и что именно изменилось. Для дальнейшей проверки необходимы расширенная выборка и независимое кодирование T/R. Для практики ключевым ранее окно сравнения альтернатив и повторное открытие участия после изменений, перераспределяющих издержки.

Приложение. Проверка чувствительности

Строгая кодировка сдвигает ЮЛА T=2→1, ЮВХ и «Лосиный остров» T=1→0; М-12 остается T=3, Казань – T=0. Центральный вывод о глубине доступного воздействия сохраняется. Кросс-валидация с исключением одного критерия показывает: исключение ЮВХ, Казани или «Лосиного острова» не разрушает контраст М-12/ЮЛА; исключение ЮЛА делает сочетание T≥2 + высокий Iпроц ложно достаточным; исключение М-12 удаляет единственный случай изменения базовой трассировки. Поэтому Н2 и Н3 устойчивее Н1 (табл. 3).

Таблица 3. Проверка устойчивости выводов

Кейс	Т базовый	Т строгий	Роль в «кросс-валидации с исключением одного критерия»
ЮВХ	1	0	Не меняет контраст М-12/ЮЛА
«Лосиный остров»	1	0	Не меняет контраст М-12/ЮЛА
Казань	0	0	Не разрушает главный механизм
М-12	3	3	Удаляет единственный «центральный подтверждающий кейс»
ЮЛА	2	1	Без него T≥2 + высокий Iпроц выглядит ложно достаточным

Источник: составлено автором.

Литература

1. Афанасьев К.С. Партисипаторные механизмы управления коммуникационными рисками реализации инфраструктурных проектов в городской среде // Наука и искусство управления. 2024. № 1. С. 23–37. DOI: 10.28995/2782-2222-2024-1-23-37.

2. Бедерсон В.Д., Минаева Э.Ю. «Свои люди – сочтемся»: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 67–89. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-67-89.

3. Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY // Мир России. 2024. Т. 33. № 3. С. 99–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117.

4. Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. «Мамочки с колясками» против «мегатюрьмы»: коалиции и фреймы городского конфликта // Мир России. 2025. Т. 34. № 3. С. 123–145. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-123-145.

5. Видное 24. Маршрут платной дороги «Бутово – Видное – Лыткарино – Железнодорожный» изменен. 02.12.2020. URL: https://vidnoe24.ru/news/2020/12/2929/marshrut-platnoy-dorogi-butovo—-vidnoe—-lytkarino—-zheleznodor.html (дата обращения: 26.08.2026).

6. Видное 24. Платную автодорогу «СБВ-ЛТКЖ» в Видном на пересечении с улицей Фокина пообещали проложить частично в тоннеле. 31.08.2021. URL: https://vidnoe24.ru/news/2021/08/3088/platnuyu-avtodorogu-sbv-ltkzh-v-vidnom-na-peresechenii-s-ulicey-f.html (дата обращения: 26.08.2026).

7. Кабанов Ю.А. Условия успешной имплементации институтов электронного участия: случай неконкурентных политических систем // Вестник Пермского университета. Политология. 2026. № 1. С. 25–37. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-25-37.

8. Кабанов Ю.А., Чугунов А.В., Панфилов Г.О. Электронное гражданское участие в России: от «электронной демократии» к «нервам государства» // Политическая наука. 2025. № 3. С. 182–205. DOI: 10.31249/poln/2025.03.08.

9. Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // Ars Administrandi. 2024. Т. 16. № 3. С. 533–554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

10. Минтранс России. Ежедневный мониторинг СМИ. 23.05.2020: сообщение об изменении варианта трассировки М-12.

11. Мирошниченко И.В., Кольба А.И., Шпиро Л.А. Локальные сообщества в принятии решений по поводу конфликтов развития территорий: потенциал процессного и проектного подходов // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. Т. 19. № 1. С. 66–79. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-66-79.

12. Морозова С.С. Концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 638–653. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653.

13. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 1. С. 4–22. DOI: 10.21638/spbu23.2024.101.

14. Общественная палата Российской Федерации. Рекомендации по вопросу решения транспортных проблем городского округа Королёв. 25.11.2025.

15. Официальный портал Казани. В Казани запланировано строительство дороги-дублера, ведущей к улице Глушко. 03.06.2024. URL: https://kirmos.kzn.ru/napravleniya-raboty/transport/novosti/v-kazani-zaplanirovano-stroitelstvo-dorogi-dublera-vedushchey-k-ulitse-glushko/ (дата обращения: 26.08.2026).

16. Панфилов Г.О., Чугунов А.В. Централизация системы электронного гражданского участия в Российской Федерации: данные экспертных интервью // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 253–264. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-253-264.

17. Соловьев А.И. Принятие государственных решений: в поисках комплексной структуры // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 9–24. DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24.

18. Темникова Ю.Ю. Влияние коммуникаций органов исполнительной власти г. Москвы и общества на сценарии развития транспортной инфраструктуры // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 84–88.

19. Темникова Ю.Ю. Формирование системы мониторинга для оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 452–459. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-452-459.

20. Титов Е.А., Паксиваткина В.А. Цифровые платформы участия граждан: российский и зарубежный опыт // Ars Administrandi. 2025. Т. 17. № 1. С. 111–132. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-111-132.

21. Тыканова Е.В. Фрагментация интересов: внутренний конфликт и результативность городских общественных движений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 297–318. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2587.

22. Уполномоченный по правам человека в городе Москве. Доклад о деятельности за 2020 год. М., 2021. С. 139.

23. Чугунов А.В., Панфилов Г.О., Кабанов Ю.А. Централизация системы электронного участия в России: взгляд из регионов // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 2. С. 25–35. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-2-25-35.

24. Шамшура К.А. Консультативно-совещательные органы по вопросам культурного наследия в российских регионах: между делиберацией и имитацией // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 3. С. 79–89. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-79-89.

25. Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35. No. 4. P. 216–224. DOI: 10.1080/01944366908977225.

26. Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44. No. 4. P. 823–830. DOI: 10.1017/S1049096511001429.

27. Fung A. Varieties of Participation in Complex Governance // Public Administration Review. 2006. Vol. 66. Suppl. 1. P. 66–75. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00667.x.

28. Hofer K., Kaufmann D. Actors, arenas and aims: A conceptual framework for public participation // Planning Theory. 2023. Vol. 22. No. 4. P. 357–379. DOI: 10.1177/14730952221139587.

29. Kingdon J.W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. 2nd ed. Harlow: Pearson, 2014.

30. Pierson P. Not Just What, but When: Timing and Sequence in Political Processes // Studies in American Political Development. 2000. Vol. 14. No. 1. P. 72–92.

POLITICAL TIMING OF PUBLIC PARTICIPATION IN TRANSPORT INFRASTRUCTURE DECISIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF FIVE CASES

Semikin E.D.
Institute of Public Administration and Civil Service Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the political timing of public participation in transport infrastructure decisions, defined as the point at which substantive public involvement occurs relative to the fixation of a project alternative. The study aims to determine how timing conditions the relationship between procedural robustness (Iproc) and the public-political outcome (R). The methodology combines a structured comparison of five cases – Moscow's South-Eastern Chord, the Losiny Ostrov case, the Voznesensky Trakt in Kazan, the M-12 motorway in Vladimir Region, and the South-Lytkarino Motorway – with document-based process tracing. A four-level timing scale (T) is introduced, ranging from pre-fixation participation to reactive participation during implementation. The findings do not support a simple monotonic claim that earlier participation automatically produces a higher R. Instead,

timing defines the depth of influence that remains feasible: before fixation, participation may affect the core route alternative; after fixation, outcomes are more likely to involve engineering, local-access, risk-mitigation, or compensatory adjustments. The M-12/YULA comparison shows that identical Iproc and R values can conceal different objects of influence. Sensitivity tests support this mechanism-oriented conclusion while showing that the strongest version of the early-participation hypothesis depends on the M-12 case.

Keywords: public participation, political timing, public policy, transport infrastructure, interest reconciliation, process tracing, project fixation, policy outcome.

References

1. Afanas'ev K.S. Partisipatornye mekhanizmy upravleniia kommunikatsionnymi riskami realizatsii infrastrukturnykh proektov v gorodskoi srede // Nauka i iskusstvo upravleniia. 2024. No. 1. S. 23–37. DOI: 10.28995/2782-2222-2024-1-23-37. (In Russ.)

2. Bederson V.D., Minaeva E. Iu. <<Svoi liudi – sochtemsia>>: usloviia tsentralizatsii munitsipal'nykh polnomochii v gradostroitel'noi sfere // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2024. T. 23. No. 2. S. 67–89. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-67-89. (In Russ.)

3. Belousov A.B., Davydov D.A. Gorodskie konflikty v Rossii: mezhdu <<pravom na gorod>> i NIMBY // Mir Rossii. 2024. T. 33. No. 3. S. 99–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117. (In Russ.)

4. Belousov A.B., Davydov D.A. <<Mamochki s koliaskami>> protiv <<megatiur'my>>: koalitsii i freimy gorodskogo konflikta // Mir Rossii. 2025. T. 34. No. 3. S. 123–145. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-123-145. (In Russ.)

5. Vidnoe 24. Marshrut platnoi dorogi <<Butovo – Vidnoe – Lytkarino – Zheleznodorozhnyi>> izmenen. 02.12.2020. URL: https://vidnoe24.ru/news/2020/12/2929/marshrut-platnoy-dorogi-butovo—-vidnoe—-lytkarino—-zheleznodor.html (data obrashcheniia: 26.08.2026). (In Russ.)

6. Vidnoe 24. Platnuiu avtodorogu <<SBV–LTKZh>> v Vidnom na peresechenii s ulitsei Fokina poobeshchali prolozhit' chastichno v tonnele. 31.08.2021. URL: https://vidnoe24.ru/news/2021/08/3088/platnuyu-avtodorogu-sbv-ltkzh-v-vidnom-na-peresechenii-s-ulicey-f.html (data obrashcheniia: 26.08.2026). (In Russ.)

7. Kabanov Iu.A. Usloviia uspeshnoi implementatsii institutov elektronnogo uchastiia: sluchai nekonkurentnykh politicheskikh sistem // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiia. 2026. No. 1. S. 25–37. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-25-37. (In Russ.)

8. Kabanov Iu. A., Chugunov A.V., Panfilov G.O. Elektronnoe grazhdanskoe uchastie v Rossii: ot <<elektronnoi demokratii>> k <<nervam gosudarstva>> // Politicheskaia nauka. 2025. No. 3. S. 182–205. DOI: 10.31249/poln/2025.03.08. (In Russ.)

9. Kosygina K.E., Ukhanova Iu.V. Grazhdanskoe uchastie naseleniia v kontekste realizatsii munitsipal'noi publichnoi politiki // Ars Administrandi. 2024. T. 16. No. 3. S. 533–554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554. (In Russ.)

10. Mintrans Rossii. Ezhednevnyi monitoring SMI. 23.05.2020: soobshchenie ob izmenenii varianta trassirovki M-12. (In Russ.)

11. Miroshnichenko I.V., Kol'ba A. I., Shpiro L.A. Lokal'nye soobshchestva v priniatii reshenii po povodu konfliktov razvitiia territorii: potentsial protsessnogo i proektnogo podkhodov // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiia. 2025. T. 19. No. 1. S. 66–79. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-66-79. (In Russ.)

12. Morozova S.S. Kontseptual'naia model' optimizatsii vzaimodeistviia gosudarstva i grazhdan v usloviiakh tsifrovoi transformatsii sovremennoi Rossii // Vestnik RUDN. Seriia: Politologiia. 2025. T. 27. No. 3. S. 638–653. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653. (In Russ.)

13. Nikovskaia L.I., Iakimets V.N. Munitsipal'naia publichnaia politika v kontekste reformy mestnogo samoupravleniia // Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS. 2024. T. 20. No. 1. S. 4–22. DOI: 10.21638/spbu23.2024.101. (In Russ.)

14. Obshchestvennaia palata Rossiiskoi Federatsii. Rekomendatsii po voprosu resheniia transportnykh problem gorodskogo okruga Koroliov. 25.11.2025. (In Russ.)

15. Ofitsial'nyi portal Kazani. V Kazani zaplanirovano stroitel'stvo dorogi-dublera, vedushchei k ulitse Glushko. 03.06.2024. URL: https://kirmos.kzn.ru/napravleniya-raboty/transport/novosti/v-kazani-zaplanirovano-stroitelstvo-dorogi-dublera-vedushchey-k-ulitse-glushko/ (data obrashcheniia: 26.08.2026). (In Russ.)

16. Panfilov G.O., Chugunov A.V. Tsentralizatsiia sistemy elektronnogo grazhdanskogo uchastiia v Rossiiskoi Federatsii: dannye ekspertnykh interv'iu // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2024. No. 5. S. 253–264. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-253-264. (In Russ.)

17. Solov'ev A.I. Priniatie gosudarstvennykh reshenii: v poiskakh kompleksnoi struktury // Vestnik RUDN. Seriia: Politologiia. 2026. T. 28. No. 1. S. 9–24. DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24. (In Russ.)

18. Temnikova Iu.Iu. Vliianie kommunikatsii organov ispolnitel'noi vlasti g. Moskvy i obshchestva na stsenarii razvitiia transportnoi infrastruktury // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2024. No. 1. S. 84–88. (In Russ.)

19. Temnikova Iu.Iu. Formirovanie sistemy monitoringa dlia otsenki razvitiia mekhanizmov kommunikatsii organov ispolnitel'noi vlasti g. Moskvy i grazhdanskogo obshchestva v transportnoi sfere // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2025. No. 1. S. 452–459. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-452-459. (In Russ.)

20. Titov E.A., Paksivatkina V.A. Tsifrovye platformy uchastiia grazhdan: rossiiskii i zarubezhnyi opyt // Ars Administrandi. 2025. T. 17. No. 1. S. 111–132. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-111-132. (In Russ.)

21. Tykanova E.V. Fragmentatsiia interesov: vnutrennii konflikt i rezul'tativnost' gorodskikh obshchestvennykh dvizhenii v Rossii // Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2024. No. 6. S. 297–318. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2587. (In Russ.)

22. Upolnomochennyi po pravam cheloveka v gorode Moskve. Doklad o deiatel'nosti za 2020 god. M., 2021. S. 139. (In Russ.)

23. Chugunov A.V., Panfilov G.O., Kabanov Iu.A. Tsentralizatsiia sistemy elektronnogo uchastiia v Rossii: vzgliad iz regionov // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiia. 2024. T. 18. No. 2. S. 25–35. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-2-25-35. (In Russ.)

24. Shamshura K.A. Konsul'tativno-soveshchatel'nye organy po voprosam kul'turnogo naslediia v rossiiskikh regionakh: mezhdu deliberatsiei i imitatsiei // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiia. 2024. T. 18. No. 3. S. 79–89. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-79-89. (In Russ.)

25. Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35. No. 4. P. 216–224. DOI: 10.1080/01944366908977225.

26. Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44. No. 4. P. 823–830. DOI: 10.1017/S1049096511001429.

27. Fung A. Varieties of Participation in Complex Governance // Public Administration Review. 2006. Vol. 66. Suppl. 1. P. 66–75. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00667.x.

28. Hofer K., Kaufmann D. Actors, arenas and aims: A conceptual framework for public participation // Planning Theory. 2023. Vol. 22. No. 4. P. 357–379. DOI: 10.1177/14730952221139587.

29. Kingdon J.W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. 2nd ed. Harlow: Pearson, 2014.

30. Pierson P. Not Just What, but When: Timing and Sequence in Political Processes // Studies in American Political Development. 2000. Vol. 14. No. 1. P. 72–92.

Образование взрослых как палимпсест: экзистенциально-антропологический анализ

Соловьева Светлана Владимировна,
д.ф.н., доцент, заведующий кафедры «Философия и история науки», Приволжский государственный университет путей сообщения
E-mail: s.solovyova@samgups.ru

Волов Вячеслав Теодорович,
член-корреспондент РАО, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель университета, Приволжский государственный университет путей сообщения
E-mail: volovvt@mail.ru

Кротов Дмитрий Валерьевич,
доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: d537798@gmail.com

Статья посвящена философско-антропологическому анализу образования взрослых как экзистенциальной и культурной практики самоформирования человека. В отличие от классической педагогической парадигмы, рассматривающей образование преимущественно как передачу знаний и формирование личности по внешнему образцу, образование взрослых интерпретируется как герменевтическая работа с собственным опытом, в которой старые смыслы не устраняются, а сохраняют свою действенность в новых смысловых конфигурациях. Образование взрослых предлагается понимать как палимпсестную герменевтическую работу с собственным опытом. На материале философской антропологии М. Хайдеггера, экзистенциальной педагогики О.Ф. Больнова, педагогической антропологии К. Вульфа, философии возраста К.С. Пигрова и А.К. Секацкого обосновывается тезис о том, что подлинное образование взрослых связано не столько с институциональным обучением, сколько с культивированием навыка ученичества, авторефлексии, самовоспитания и переосмысления собственной биографии. Показано, что прерывистые формы образования выступают условиями экзистенциальной открытости зрелой личности, а старость обнаруживает философско-педагогический потенциал как время итогового осмысления жизни. Новизна исследования состоит в обосновании образования взрослых как фундаментальной антропологической практики, обеспечивающей удержание множественности смыслов и препятствующей редукции жизненного опыта к замкнутой и завершенной идентичности. Представленный подход не имеет аналогов в русскоязычной философской литературе.

Ключевые слова: образование взрослых; философская антропология; герменевтика; самоформирование; палимпсест; экзистенциальная педагогика; самовоспитание; зрелость; старость.

Введение

Взрослость как состояние мышления и важнейшее гуманистическое определение человека начала проблематизироваться в эпоху Просвещения. Все мы помним известное за границами науки кантовскую новацию и призыв по мотивам «Посланий» Горация: «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. (…) Sapere aude – имей мужество пользоваться собственным умом!» [1; с. 29]. То, что в античной культуре воспринималась как норма взрослости, оказалось исследовательским вызовом и философской трудностью для Нового времени.

Этимология и значение понятия образование связана со словами образ, образец, образчик. И за этими однокоренными словами следует еще череда семантически близких: это преобразование, сообразность, первообраз, праобраз [2; с. 172, 184, 200]. Богатое словообразование указывает на связь предмета с исходными началами, гармонией, пропорцией, благородством, человеческим обликом и пр. Этимологический словарь Фасмера указывает, что «образ» в славянских языках выступает производным от немецкого «Bildung «образование»»: «Образ – о́браз укр. о́браз, блр. во́браз, др.-русск., ст.-слав. образъ εἰκών, τύπος, μορφή (Супр.), болг. о́браз «лицо, щека», (…) польск. obraz «изображение, картина; образ; икона». (…) Отсюда образова́ть, образо́ванный; образова́ние; согласно Унбегауну (RES 12, 39), калька нем. Bildung «образование»» [3].

Философско-экзистенциальная традиция связывает обнаружение человеческого в человеке (а в античности культуре еще и гражданского!) с образованием. «Humanitas, (…) «гуманизм»: раздумье и забота о том, как бы человек стал человечным, а не бес-человечным, «негуманным», т.е. отпавшим от своей сущности» [4; с. 196]. Гуманизация в европейской культуре связывается с работой (само)сознания, истиной и образованием. Хайдеггер подробно рассматривает греческое понятие пайдеи (paideia, παιδεία), соотнося его с русским словом «образование» через категорию образа. В контексте метафизической антропологии этот процесс описывается как «расправляющая чеканка» нравственного образа человека, как способ обращения человека к самому себе, и, наконец, как обнаружение связи с перво-образом, идеей, несокрытостью бытия. Пайдейя (παιδεία) позволяет создать дистанцию с апайдевсией (απαιδευσία), «без-образованностью», невежеством, и, только следуя этому пути, человек найти свое место в сущем. Образование в форме пайдейи – это «и чеканка и сопровождающее ее формирование образа» [5; с. 261].

Очевидно, что столь сложный экзистенциально-антропологический смысл образования может раскрыться только в состоянии зрелости ума, духа, тела. Если школа и образование детей, юношества – это репетиция социальной жизни, черновик [6], то образование взрослых можно уподобить палимпсесту, который можно стереть и смыть, но следы игры видимых и невидимых значений, смыслов никуда не уходят. В культуре палимпсест сохраняет «шум языка», «мерцание смыслов», «вязь и игру множественных семантических наслоений и цитат» [7; с. 53–54]. Образование взрослых в метафорике палимпсеста раскрывает такое пространство культуры и человеческой жизни, где старые смыслы не исчезают бесследно, они просвечиваются сквозь новые, создавая сложную оптику самоотношения и понимания мира. То, что в юности воспринималось как непреложная истина или, напротив, как травматический опыт, в зрелом возрасте переписывается заново, но не уничтожается полностью. Следы прежнего понимания остаются, образуя ту самую «антологию следов», о которой пишет Барт, Деррида, И.М. Сахно [7; с. 60].

Зрелость, время, образование

Экзистенциально-онтологическим определением возраста выступает время, которое «по сути и есть возраст», через него «мы экзистенциально постигаем время». Осмысление возраста, по К.С. Пигрову и А.К. Секацкому, возможно не только через время, но и через образование [8; с. 169]. Связь зрелости и образования раскрывается ими через драматическое противоречие между «динамическим стереотипом» (привычкой) и «навыком ученичества». «Взрослость» представляет собой систему привычек или «динамических стереотипов» (К.С. Пигров), которые создают социокультурный фон общества [8; с. 128]. «Взрослость» есть «момент хранения», это состояние «хорошо

упакованной души», где «аффекты гармонизированы» и не повреждают «герметичную капсулу» экспансии «Я» на сущее [8; с. 130]. Состояния зрелости (т.е. «акме», ακμή как символ «главного плато» человеческой жизни) содержит в себе риск экзистенциальной смерти. Во «взрослости» происходит исчерпание жизни привычкой, здесь истончение субъективного осознания оборачивается отсутствием интереса. Выскочить из этой антропологической ловушки позволяет возвращение зрелости к «ученическому здоровому началу». Поворот к образованию в позиции ακμή выдает человеку своеобразный антидот против привычки и «динамического стереотипа» как разновидности «экзистенциальной онкологии» (А.К. Секацкий) [8; с. 130]. Подлинная зрелость, по мнению философов, требует культивирования «навыка ученичества», который несмотря на статус и признанность взрослого человека, создает условия его «внутреннего обновления» и «является беспроигрышной ставкой» [8; с. 132].

Кажется, что главным инструментом такого изменения выступает самообразование, оно «и является настоящим образованием, настоящей сосредоточенностью» [8; с. 177]. В современном научном дискурсе это принято назвать концептами «образование через всю жизнь», «непрерывное образование» и пр. Этот тип образования наиболее распространен и хорошо изучен в теориях и практиках классической педагогики. По мнению петербургских философов, установка на «непрерывное образование» и развитие институционального обучения губительно и ведет к «инфантилизации» взрослых: «Идея «непрерывного образования» – соблазн оставаться всю жизнь безответственным ребенком» [8; с. 146]. Отказ от внешнего учительского диктата в зрелости («нельзя всю жизнь сидеть за партой!») означает финал институционального образования и переход к самообразованию или глубокой антропологической практике самодетерминации, авторефлексии. Здесь взрослый расщепляется на двух субъектов – учителя и ученика [8; с. 175]. Зрелость в вопрошании учителя и ученика раскрывается в способности к сомнению. Высшая точка образования взрослого человека обнаруживается в признании сложности мира. Если школьник задает и отвечает на вопросы легко, то взрослый достигает зрелости тогда, когда осознает границы знания. Дневник, авторефлексия, выработка личных максим – вот тот репертуар самообразования зрелого человека, который обращает его к подлинности образ-ования. Поэтому кульминацией взрослости выступает «суверенность»: «Обрести суверенность, causa sui – сферу самопричинения, и удерживать ее – это и есть в каком-то смысле сверхзадача человеческого присутствия, (…) акме, то есть той взрослости, которая может наступить когда угодно. Она наступает всякий раз, когда мы переходим к сфере самопричинения, когда мы перестаем быть мотивированы иным» [8; с. 136].

Другим ярким критиком непрерывного образования более полувека назад стал немецкий философ-экзистенциалист Отто Больнов. Им были выпущены несколько работ по образованию, которые в осмысления проблемы образования взрослых имеют программный характер. К сожалению, они не переведены на русский язык [9; 10; 11], но недавно вышла монография российских исследователей, посвященная проблеме связи философии и педагогики в экзистенциальной антропологии О. Больнова [12].

После 1945 года произошел перелом во многих гуманитарных науках, в том числе в педагогике, где в профессиональном сообществе была потеряна уверенность в доброй природе человека. Историческая катастрофа мировой войны, антропологический кризис обнаружили столкновение с «человеческими слабостями и подлостями», с «безднами человеческой природы» и «сомнительными аспектами всего человеческого существования» [9; s. 12]. Указанная наивная вера не отвечает историческому опыту и требует от осмысления двух фундаментальных положений: во-первых, педагогические концепции не являются универсальными, но всякий раз отражают исторически определенные предпосылки; во-вторых, необходимо искать новые педагогические формы, способные учитывать более сложный и противоречивый опыт человека [9; s. 13]. В перспективе образования взрослых эти положения особенно существенны, т.к. взрослый субъект приходит к обучению уже не как «чистая» и заранее податливая личность, а как носитель биографии, кризисов, потерь и переоценок. «Сама мысль о возможности образования, в свете серьезности экзистенциального опыта, должна была показаться самонадеянной. Ведь любое образование, как бы его ни понимали, по-видимому, предполагает, по крайней мере, определенную постоянную податливость человека. (…) Именно это имел в виду Гербарт, когда говорил, что податливость ученика является фундаментальным понятием педагогики. (…) Там, где отсутствует эта податливость, любая попытка образования бессмысленна. (…) Однако экзистенциальная философия отрицает эту податливость, по крайней мере, в той мере, в какой она касается экзистенциальной сущности человека» [9; s. 16]. Экзистенциальная антропология, отвергая идею устойчивого внутреннего ядра человека, его сущности, создает новую картину воспитательного и образовательного процесса. В экзистенциализме отсутствуют идеи непрерывности жизненных процессов, прогресса социальных форм, скорее модно говорить об отдельных подъемах, сменяющихся падением в неподлинной существование. Здесь то возникает конфликт с классическими подходами к образованию и воспитанию человека, последняя рассматривает их как непрерывный процесс прогрессивного формирования личности. Больнов пишет: «Первоначальное значение formatio animae, переведенное на немецкий как «Bildung» (образование/формирование), означает не что иное, как обработку материала, понимаемую по аналогии с ремеслом» [9; s. 17]. Однако уже романтическая традиция осмысляет образование не в категория изготовления, а в понятии «органического роста» изнутри, по внутреннему закону самого человека. Отсюда возникает «негативная» педагогика, ускользающая от «формирования» личности и отказа в грубом вмешательстве, но ориентированная на заботу и содействие росту.

Различие ремесленного и органического подхода особенно важно для образования взрослых. Зрелый человек сопротивляется рассмотрению его в качестве «материала» для формирования, он уже имеет сложившуюся биографию, плотность смыслового опыта, внутренние переломы и драмы. Поэтому образования взрослых в духе О. Больнова можно мыслить, как поддержку органического, но неравномерного процесса само-изменения. Философ предлагает исследовать прерывистые формы и те феномены человеческой жизни, которые классическая педагогика считала факультативными («обращение к совести, наставление и упрек, пробуждение дремлющего человеческого потенциала»). «Прерывные формы» как ядро экзистенциальной педагогики не являются формой сбоя или дорогой к хаосу, скорее это иной способ самораскрытия человека в его становлении [9; s. 20]. В любые периоды жизни, полагает Больнов, человек нуждается в образовании, потому что в каждый новый этап его биографии возникают новые задачи, кризисы и вызовы [12; с. 215]. Зрелость как период в жизни человека не столько накапливает знания, сколько образовывается в точках экзистенциального перелома, кризиса, смены профессии, личной утраты, этического потрясения, встречи с новым жизненным горизонтом. Поэтому прерывистые формы образования становятся условием подлинного существования зрелой личности. Философско-антропологический подход О. Больнова лег в основании современной «педагогики переживаний» и «педагогики приключений» (П. Беккер) [12; с. 215–217].

Старость как финал зрелости: образование или воспитание?

Старость как метафизический итог зрелости практически не попадала в фокус рефлексии ее образовательного потенциала, хотя всегда рассматривалась в культуре в горизонте памяти и традиции [13]. В одной из пионерских работ Отто Больнова о связи старости и образования, воспитания прямо сказано: «Старики, как полагают, уже завершены в своем существе, почти окаменели и потому более не поддаются воспитанию; в лучшем случае их можно было бы еще лишь попечительно обслуживать. Против этого, однако, следует возразить, что таким образом не распознается подлинная сущность той задачи, которую ставят перед нами старые люди. Дело заключается не только в том, чтобы облегчать их жалобы как в телесном, так и в душевном отношении; напротив, требуется еще направлять их к должному обращению со своей старостью и к осмысленному осуществлению заключенных в ней возможностей. И это – подлинно воспитательная задача, за которую надлежит браться со всей скромностью, если сами старые люди, как учит многообразный опыт, уже не справляются с нею. Да, пожалуй, для этого вообще требуется известная дистанция и существенное знание дела» [10; p. 386].

Больнов не ограничивает старость только задачи медицинского и социального ухода: он прямо включает ее в педагогический контекст, называя работу со стареющим человеком «подлинно воспитательной задачей» и утверждая, что «круг педагогики давно вышел за пределы одной лишь детской педагогики»; отсюда и необходимость «распространить линии этого развития и на самую позднюю фазу человеческого жизненного развития» [10; p. 386]. При этом старость мыслится не изолированно, а в непрерывной связи с более ранними стадиями жизни. Философ пишет о необходимости «правильного обращения со своей старостью» и об «осмысленном осуществлении заключенных в ней возможностей», т.е. о таком этапе жизненного пути, который продолжает и преобразует взрослость-зрелость, а не просто отменяет их. В финале статьи эта линия получает завершение в понятии герантогогика (Gerontagogik), которую Больнов понимает, как помощь человеку в освоении задач собственного возраста [10; p. 396].

В отличие от поверхностного образа старости как бремени для себя и других экзистенциально-антропологический смысл старости К.С. Пигровым и А.К. Секацким раскрывается через опыт мудрости, самоотчета, а также особой роли профессора и университета как формы «культурного заповедника» для юношей и стариков. «Дозволенным занятием» старцев становится философия и история. Старик образовывается через осмысление своего отношения к смерти. Российские философы выделяют две принципиально разные стратегии проживания жизни и отношения к смерти, которые они называют «моделью Ахилла» и «моделью Мафусаила». Модель человека героической греческой культуры «торопится жить», старается максимально свершать в сжатые сроки активности. Здесь яркая и ранняя смерть в зените славы показывала интенсивность жизни. Это обнаруживается не только в традиционных культурах, но и современных (Рафаэль, Моцарт, Лермонтов, Пушкин, клуб 27 и другие известные примеры ярких гениев). «Модель Мафусаила» ориентирована на накопление «мудрости без потерь», где старость не дряхлость и деградация, но время высшего синтеза мудрости и этоса. Примером тому служат жизнь и произведения Микеланджело Буанарроти (в 60 лет начал расписывать Сикстинскую капеллу, а в 71 год стал главным архитектором), И. Канта (в 57 лет вышла первая великая книга «Критика чистого разума»), И. Гете (в финале жизни завершил «Фауста»), Дж. Верди (опера «Отелло» написана в 74, а «Фальстаф» в 79 лет) и, конечно, Лев Толстой, который в 50 лет пережил религиозное обращение и полностью изменил картину мира. Для интеллектуального труда время является ключевым ресурсом. «Мафусаил же предполагает накопление мудрости без потери. Образ жизни философа, гуманитария, вообще ученого – это образ жизни Мафусаила» [8; с. 25]. Философия и наука рассматриваются как «дозволенное занятие старцев», требующее дистанции от сиюминутных страстей («дионисийных стихий») и господства «разумной души». Ученый-гуманитарий реализует себя именно в долголетии, где накопленный книжный фонд и жизненный опыт образуют фундамент для творчества. Экзистирование в старости, в финале взрослости и жизни человека обнаруживает фундаментально-антропологические основания связанности образования, воспитания и образа человека, который культивируется в самых разных социокультурных практиках.

Обзорная статья Кристофа Вульфа посвящена зарождению нового научного направления – педагогической антропологии, которая в самых общих очертаниях начинает развиваться в 50-е г. XX века. Исследователь выделяет четыре методологически значимых течения внутри педагогической антропологии: «(1) феноменологическое, (2) интегративное, (3) философское и (4) историко-культурное» [14; s. 207]. Исследователь возвращается к, казалось бы, тривиальной посылке: «Воспитание и образование невозможны без имплицитных или эксплицитных представлений о человеке и его обучаемости» [15; s. 11]. Однако Вульф подчеркивает, что эта посылка не означает возврата к классической антропологии, пытавшейся установить универсальную «сущность» человека. Скорее можно говорить об обратном, о возможности исключительно исторического подхода в области философской и педагогической антропологии. Ранее педагогическая антропология, пишет он, «мыслила в принципе систематически, чтобы можно было основать воспитание и образование на фундаменте достоверности, стабильности, однозначности и универсальности. В этом смысле она игнорировала историчность образов человека и плюрализм подходов к осмыслению отношения между человеком и воспитанием» [15; s. 13].

И хотя Вульф не вводит самостоятельной категории «образование взрослых», в его концепции Bildung (образование, формирование) перестает быть этапом жизни, завершающимся с наступлением зрелости. В одной из своих поздних работ он пишет: «В «Bildung des Menschen» речь идет о самоформировании человека, о формировании его чувств, тела и воображения» [16; s. 124]. Здесь речь идет не о передаче знаний, а о формировании чувств, тела и воображения человека. Это процесс, который не может быть завершен ни в детстве, ни в юности, ни в зрелости. Взрослость в этой логике не может быть понята как состояние завершенности, скорее это горизонт, в котором продолжается само-формирование (Selbstbildung).

С порой на феноменологическую традицию и концепцию Отто Больнова, К. Вульф продолжает развивать идею «смыкания или размывания границы между воспитанием и образованием» (Verschleifung von Erziehung und Bildung) в условиях непрерывного обучения на протяжении всей жизни [17; s. 247]. Во взрослом состоянии образование перестает быть одной из видов деятельности, оно становится собственно тканью экзистирования в зрелости. Особое место в этом процессе Вульф отводит эмоциям: «Не отдельная эмоция, но сама возможность испытывать эмоции – это conditio humana, то есть одно из условий человеческого существования» [16; s. 114]. Формирование чувств (Bildung der Emotionen) престает быть факультативной частью образования. Именно здесь кроется ключевой антропологический смысл образования взрослых у Вульфа: зрелый человек продолжает жить и чувствовать, воспитывать и образовывать себя в эмоциональной жизни [16; s. 121].

В этом контексте показательно, как Вульф выстраивает отношение между философией, антропологией и педагогикой. Он не рассматривает их через принятую иерархию, где философия задает нормы, а педагогика их применяет. Напротив, каждая из них оказывается модусом одного и того же вопроса, о том, что значит быть человеком в условиях образования. В одной из статей он утверждает: «Историю воспитания и образования можно описать как ряд попыток совершенствования детей, подростков и взрослых» [17; s. 246]. Но «совершенствование» здесь не означает приближение к идеалу, но постоянную работу с неполнотой и открытостью человеческого существования. И эта работа не прекращается ни в какой момент жизни, и именно она придает образованию взрослых его подлинный антропологический смысл. Поэтому в фокус внимания философов-феноменологов, занимающихся проблемами образования взрослых, подают такие экзистенциальные явления как благоговение, настроение, образовательная атмосфера, образовательное пространство и пр.

Образование взрослых в контексте философской и педагогической антропологии никак не связана с «доучиванием» или «переучиванием» зрелой личности, это историко-культурная и философская практика самоопределения человека, которая опирается на его пластичность и принципиальную незавершенность. Значит, научное знание в этой области должно быть трансдисциплинарным, объединяющим исторические, философские и этнографические методы.

Заключение

Если пайдейя в античности мыслилась как «расправляющая чеканка» образа человека, как формирование его нравственного облика через приобщение к идее и несокрытому бытию, то образование взрослых в этой перспективе предстает как перечеканка, как вторичное, но уже сознательное и ответственное формирование себя через переосмысление уже имеющегося. Взрослый ученик не получает знание впервые, но вступает с ним в диалог, пересматривает свое прошлое, учится видеть в опыте не только преграду, но и ресурс. Именно поэтому образование взрослых должно быть герменевтической практикой, предполагающей работу с культурными и личными следами.

Палимпсестная природа образования взрослых проявляется и в том, что взрослый человек одновременно является и читателем, и автором, и критиком собственного опыта. «Обнаружить» и «расшифровать» – вот главные культурно-антропологические практики, составляющие суть подлинного образования взрослого. Если эти практики освоены виртуозно и применяется мужественно, то его человеку никогда не грозит превратиться в «герметичную капсулу» (Пигров К.С., Секацкий А.К.). Для взрослого человека известные герменевтические процедуры работы со смыслами (историзация понимания, рефлексия пред-понимания, диалог и иным и пр.) содержат значительный потенциал наращивания понимания нового, вариативности в переосмыслении уже имеющего опыта. Расширение герменевтического круга в зрелости позволяет соединить процессы образования и самовоспитания как взаимосвязанные формы работы субъекта над собой, тем самым увеличивая и усложняя практики «заботы о себе».

Таким образом, аналогия палимпсеста позволяет увидеть в образовании взрослых не просто педагогическую проблему, но экзистенциально-антропологический проект. Как палимпсест «организован как двойственная (как минимум) конструкция», в которой «ритмика повествования такова, что слой за слоем в определенной последовательности мы вскрываем пласты разных текстов, наложенных друг на друга» [7; с. 55], так и образование взрослых требует последовательной работы по вскрытию и переосмыслению собственных смысловых напластований. И если целью античной пайдейи было приобщение к перво-образу, к идее и истине бытия, то задачей образования взрослых в современном мире становится способность жить в этой палимпсестной сложности. Это означает – удерживать множественность смыслов, не спешить со стиранием, уметь видеть просвечивающие слои прошлого в настоящем и строить будущее, отдавая себе отчет в том, что никакой новый текст никогда не начинается с чистого листа.

Литература

1. Кант И. Ответ на вопрос: «Что такое просвещение?» // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 8. – С. 29–37.

2. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / РАН, Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. – Т. 3: Имена суще-

ствительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. – 720 с.

3. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс] // URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BE/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7 (дата обращения: 20.05.2026).

4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.

5. Хайдеггер М. Учение Платона об истине / пер. с нем. А.Л. Доброхотова // Историко-философский ежегодник. 1986 / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Наука, 1986. – С. 255–275.

6. Соловьева С.В. Юность и молодость в философии возраста / С.В. Соловьева // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: Материалы Международной научно-практической конференции, Самара, 22–23 мая 2014 г. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2014. – Ч. I. – С. 180–187.

7. Сахно И.М. Текст как палимпсест: антология следов и поэтика невидимого в живописи Ансельма Кифера / И.М. Сахно // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2022. – № 3 (33). – С. 53–72. – DOI 10.23951/2312–7899–2022–3–53–72.

8. Пигров К. С., Секацкий А.К. Бытие и возраст: монография в диалогах. – СПб.: Алетейя, 2017. – 232 с.

9. Bollnow O.F. Existenzphilosophie und Pädagogik: Versuch über unstetige Formen der Erziehung. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1959. – 160 s.

10. Bollnow O.F. Das hohe Alter // Neue Sammlung. – 1962. – Bd. 2, H. 5. – S. 385–396.

11. Bollnow O.F. Anthropologische Pädagogik. – 3., durchgesehene Aufl. – Bern; Stuttgart: P. Haupt, 1983. – 144 S. – (Schriftenreihe Erziehung und Unterricht; Bd. 27).

12. Никулин С. Э., Соловьев Г.Е. Отто Фридрих Больнов: между философией и педагогикой: монография. – Ижевск: Удмуртский университет, 2023. – 296 с.

13. Соловьева С.В. Память и традиция в жизни человека и культуры: философский аспект / С.В. Соловьева // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8–1 (109). – С. 134–139.

14. Wulf C. Pädagogische Anthropologie / C. Wulf // Erziehungswissenschaftliche Reflexion und pädagogisch-politisches Engagement / hrsg. von K.-H. Braun, F. Stübig, H. Stübig. – Wiesbaden: Springer VS, 2018. – S. 207–232. – DOI 10.1007/978–3–658–18595–4_15.

15. Wulf C. Anthropologie: Geschichte, Kultur, Philosophie. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2004. – 192 S.

16. Wulf C. Emotion und Imagination: Perspektiven pädagogischer Anthropologie / C. Wulf // Bildung und Emotion / hrsg. von M. Huber, S. Krause. – Wiesbaden: Springer VS, 2018. – S. 113–131.

17. Wulf C. Human Beings and Their Education from an Anthropological Perspective: Current Discourses in the Field of Educational Science in the German-Speaking World // Educational Theory. – 2024. – Vol. 74, No. 2. – P. 245–254.

ADULT EDUCATION AS A PALIMPSEST: AN EXISTENTIAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

Solovyova S.V., Volov V.T., Krotov D.V.
Volga State Transport University, Volga State University of Railway Transport

This article is devoted to a philosophical-anthropological analysis of adult education as an existential and cultural practice of human self-formation. In contrast to the classical pedagogical paradigm, which regards education mainly as the transmission of knowledge and the shaping of personality according to an external model, adult education is interpreted as a hermeneutic engagement with one's own experience, in which old meanings are not erased but retain their force within new semantic configurations. Adult education is proposed to be understood as a palimpsestic hermeneutic engagement with one's own experience. Drawing on the philosophical anthropology of M. Heidegger, the existential pedagogy of O.F. Bollnow, the pedagogical anthropology of C. Wulf, and the philosophy of age developed by K.S. Pigrov and A.K. Sekatsky, the article substantiates the thesis that genuine adult education is connected less with institutional learning than with the cultivation of the capacity for apprenticeship, self-reflection, self-education, and the rethinking of one's own biography. It is shown that discontinuous forms of education constitute conditions for the existential openness of the mature personality, while old age reveals its philosophical and pedagogical potential as a time of ultimate life-interpretation. The novelty of the study lies in its conceptualization of adult education as a fundamental anthropological practice that sustains the plurality of meanings and prevents the reduction of lived experience to a closed and completed identity. The proposed approach has no parallels in Russian-language philosophical literature.

Keywords: adult education; philosophical anthropology; hermeneutics; self-formation; palimpsest; existential pedagogy; self-education; maturity; old age.

References

1. Kant I. Otvet na vopros: «Chto takoe prosveshhenie?» // Kant I. Sobranie sochinenij: v 8 t. / pod obshh. red. A.V. Gulygi. – M.: ChORO, 1994. – T. 8. – S. 29–37.

2. Russkij semanticheskij slovar': Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij: v 6 t. / RAN, In-t rus. jaz.; pod obshh. red. N. Ju. Shvedovoj. – M.: Azbukovnik, 2003. – T. 3: Imena sushhestvitel'nye s abstraktnym znacheniem. Bytie. Materija, prostranstvo, vremja. Svjazi, otnoshenija, zavisimosti. Duhovnyj mir. Sostojanie prirody, cheloveka. Obshhestvo. – 720 s.

3. Jetimologicheskij onlajn-slovar' russkogo jazyka Maksa Fasmera [Jelektronnyj resurs] // Lexicography.online. – URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BE/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7 (data obrashhenija: 20.07.2026).

4. Hajdegger M. Pis'mo o gumanizme // Hajdegger M. Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija / per. s nem. – M.: Respublika, 1993. – S. 192–220.

5. Hajdegger M. Uchenie Platona ob istine / per. s nem. A.L. Dobrohotova // Istoriko-filosofskij ezhegodnik. 1986 / AN SSSR, In-t filosofii. – M.: Nauka, 1986. – S. 255–275.

6. Solov'eva S.V. Junost' i molodost' v filosofii vozrasta / S.V. Solov'eva // Modernizacija kul'tury: idei i paradigmy kul'turnyh izmenenij: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Samara, 22–23 maja 2014 g. / pod red. S.V. Solov'evoj, V.I. Ionesova, L.M. Artamonovoj. – Samara: Samarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2014. – Ch. I. – S. 180–187.

7. Sahno I.M. Tekst kak palimpsest: antologija sledov i pojetika nevidimogo v zhivopisi Ansel'ma Kifera / I.M. Sahno // Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki. – 2022. – № 3 (33). – S. 53–72. – DOI 10.23951/2312–7899–2022–3–53–72.

8. Pigrov K. S., Sekackij A.K. Bytie i vozrast: monografija v dialogah. – SPb.: Aletejja, 2017. – 232 s.

9. Bollnow O.F. Existenzphilosophie und Pädagogik: Versuch über unstetige Formen der Erziehung. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1959. – 160 S.

10. Bollnow O.F. Das hohe Alter // Neue Sammlung. – 1962. – Bd. 2, H. 5. – S. 385–396.

11. Bollnow O.F. Anthropologische Pädagogik. – 3., durchgesehene Aufl. – Bern; Stuttgart: P. Haupt, 1983. – 144 S. – (Schriftenreihe Erziehung und Unterricht; Bd. 27).

12. Nikulin S. Je., Solov'ev G.E. Otto Fridrih Bol'nov: mezhdu filosofiej i pedagogikoj: monografija. – Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2023. – 296 s.

13. Solov'eva S.V. Pamjat' i tradicija v zhizni cheloveka i kul'tury: filosofskij aspekt / S.V. Solov'eva // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 8–1 (109). – S. 134–139.

14. Wulf C. Pädagogische Anthropologie / C. Wulf // Erziehungswissenschaftliche Reflexion und pädagogisch-politisches Engagement / hrsg. von K.-H. Braun, F. Stübig, H. Stübig. – Wiesbaden: Springer VS, 2018. – S. 207–232. – DOI 10.1007/978–3–658–18595–4_15.

15. Wulf C. Anthropologie: Geschichte, Kultur, Philosophie. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2004. – 192 S.

16. Wulf C. Emotion und Imagination: Perspektiven pädagogischer Anthropologie / C. Wulf // Bildung und Emotion / hrsg. von M. Huber, S. Krause. – Wiesbaden: Springer VS, 2018. – S. 113–131.

17. Wulf C. Human Beings and Their Education from an Anthropological Perspective: Current Discourses in the Field of Educational Science in the German-Speaking World // Educational Theory. – 2024. – Vol. 74, No. 2. – P. 245–254.

Разделяя процедуру и результат: двухконтурная модель оценки согласования интересов в транспортно-инфраструктурной политике

Семикин Егор Дмитриевич,
аспирант, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
E-mail: egorsemik@gmail.com

Арбиев Геннадий Сергеевич,
соискатель, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
E-mail: gennserg@yandex.ru

Сутурин Тимофей Сергеевич,
соискатель, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
E-mail: tsuturin@prefex.ru

В статье предлагается двухконтурная модель оценки механизмов согласования интересов в транспортно-инфраструктурной политике, разделяющая качество процедуры участия и последующий публично-политический результат. Цель исследования – разработать операциональный инструмент, позволяющий сопоставлять разные траектории гражданского участия без смешения характеристик процесса и его исхода. Методология основана на структурированном сравнительном кейс-стади и документальный process tracing. Процессуальная состоятельность измеряется индексом Iпроц по шести критериям: открытость, инклюзивность, делиберативность, содержательное влияние, подотчетность и конфликторегулирование; публично-политический результат R кодируется отдельно. Модель апробирована на пяти дорожных инфраструктурных кейсах: Юго-Восточной хорде Москвы, решении Королёв – Мытищи / «Лосиный остров», Вознесенском тракте Казани, М-12 во Владимирской области и Южно-Лыткаринской автодороге. Результаты показывают, что одинаковые значения интегрального индекса могут скрывать различные институциональные профили, а сравнительно высокая процессуальная оценка не гарантирует максимального результата. Проверка чувствительности подтверждает особую различающую роль содержательного влияния. Научная значимость модели связана с разделением процесса и результата, учетом политического времени, прослеживаемости влияния, памяти процедуры и динамической инклюзивности. Практическая применимость связана с возможностью использовать модель для аудита публичных процедур на разных стадиях инфраструктурного цикла.

Ключевые слова: гражданское участие, публичная политика, транспортная инфраструктура, согласование интересов, процессуальный индекс, process tracing, подотчетность, публично-политический результат

Введение

Крупные транспортно-инфраструктурные проекты одновременно решают задачи пространственной связанности и перераспределяют локальные издержки. Именно поэтому обсуждение трассировки, экологических рисков, доступности и компенсаций становится не только техническим, но и политическим процессом. Новейшие российские исследования городских и инфраструктурных конфликтов показывают, что траектория оспаривания зависит от времени включения локальных сообществ, структуры коалиций, качества коммуникации и способности институтов повторно открывать повестку после изменения проекта [1; 3; 4; 11].

При этом остается методологическая проблема: наличие слушаний, обращений или экспертных площадок не тождественно содержательному согласованию, а последующее снижение конфликта не доказывает высокого качества процедуры. Если исход включается в тот же индекс, которым объясняется результат, возникает риск циклической оценки. Актуальность исследования связана с необходимостью отделить характеристики процесса участия от его последующей публично-политической траектории. Цель статьи – разработать и апробировать двухконтурную модель, в которой процессуальная состоятельность кодируется индексом Iпроц, а результат R фиксируется отдельно. Научная значимость состоит в создании прозрачной схемы документальной диагностики, учитывающей не только глубину участия, но и политическое время, прослеживаемость влияния, память процедуры и динамическую инклюзивность.

Литературный обзор

Классические модели гражданского участия задают разные основания для измерения качества процедуры. Лестница С. Арнстайн различает символические и властно значимые формы участия [25], А. Фанг связывает глубину участия с составом участников, способом коммуникации и связью процедуры с решением [28], а К. Квик и М. Фелдман разводят участие и инклюзию как разные организационные режимы [29]. Делиберативная и collaborative governance перспектива переносит внимание со сбора мнений на аргументированное сопоставление позиций и институциональную способность перерабатывать конфликт [24]. Для предлагаемой модели важна и подотчетность как обязанность объяснять и обосновывать решения перед публичным форумом [26].

Российская литература 2024–2026 гг. существенно конкретизирует эту рамку. Исследования электронного участия показывают, что расширение и централизация цифровых каналов сами по себе не гарантируют роста политического влияния граждан [7; 15; 22]. Работы о муниципальной публичной политике, локальных сообществах и консультативных институтах фиксируют разрыв между наличием площадки и ее функциональной состоятельностью [2; 8; 10; 12; 13; 16; 23]. Исследования транспортной коммуникации и инфраструктурных конфликтов дополнительно показывают значение раннего включения, качества обратной связи и способности переводить локальные требования в проектные решения [1; 17; 18; 19]. В совокупности литература позволяет обосновать шесть процессуальных критериев, но не снимает вопроса о том, как отделить свойства процедуры от последующего исхода. Именно на решение этой задачи направлена предлагаемая модель.

Материалы и методы

Исследование выполнено в документально-ориентированном сравнительном дизайне. В выборку включены пять дорожных кейсов: Юго-Восточная хорда Москвы; Королёв – Мытищи / «Лосиный остров»; Вознесенский тракт Казани; М-12 «Восток» во Владимирской области; Южно-Лыткаринская автодорога в Московской области. Единицей анализа выступает эпизод согласования интересов –последовательность «артикуляция проблемы –включение акторов –институциональный канал –реакция власти или заказчика –изменение либо сохранение параметров решения –последующая общественная реакция». Для реконструкции этой последовательности используется документальный process tracing, предполагающий проверку причинной цепочки по наблюдаемым документальным следам и рассмотрение конкурирующих объяснений [27].

Источниковая база включает официальные документы, материалы публичных процедур и общественных институтов, сообщения органов

власти и публикации, позволяющие сопоставлять последовательные версии решения. Для снижения риска псевдотриангуляции публикации, восходящие к одному первичному сообщению, рассматриваются как единая доказательная цепочка. Кодирование консервативно: при недостаточности материала используется «Н/Д», а при неоднозначности выбирается более низкая категория.

Процессуальная состоятельность операционализируется по шести критериям: К1 – открытость; К2 – инклюзивность; К3 – делиберативность; К4 – содержательное влияние; К5 – подотчетность; К6 – конфликторегулирование. Каждый критерий кодируется по шкале 0–3: 0 – документированное отсутствие или неработоспособность механизма; 1 – преимущественно формальное проявление; 2 – реально функционирующий механизм с существенными ограничениями; 3 – устойчивое содержательное проявление, подтвержденное документальной цепочкой.

$$Iпроц = \Sigma Ki / (3 \times n),$$

где Ki – балл по процессуальному критерию, n – число критериев с достаточной доказательной базой. При полном покрытии n = 6, поэтому Iпроц принимает значения от 0 до 1. При «Н/Д» соответствующий критерий исключается из знаменателя. Публично-политический результат R кодируется отдельно по шкале 0–3: от отсутствия результативной институциональной переработки конфликта до устойчивого выполнения согласованной корректировки при отсутствии документированной повторной эскалации. Такое разделение предотвращает включение исхода в индекс процесса (табл. 1).

Таблица 1. Операциональная карта двухконтурной модели

Элемент	Что измеряется	Наблюдаемые признаки
К1 Открытость	Доступность информации и альтернатив	Своевременная публикация, версии проекта, основания выбора
К2 Инклюзивность	Включение затронутых групп	Картирование групп, несколько каналов, повторное включение
К3 Делиберативность	Аргументированное сопоставление позиций	Вопросы и ответы, обсуждение альтернатив, экспертная аргументация
К4 Содержательное влияние	Прослеживаемое воздействие на решение	Изменение параметров либо мотивированный отказ, связанный с требованием
К5 Подотчетность	Прослеживаемость обработки требования	Протокол, мотивировка, связь с новой версией, контроль исполнения
К6 Конфликторегулирование	Перевод конфликта в институциональный контур	Рабочие группы, повторные площадки, корректирующие решения
R (отдельно)	Постпроцедурная траектория	Реализация корректировки, повторная эскалация, споры, контроль

Источник: составлено автором.

Результаты

Апробация показала, что инструмент различает механизмы участия, не превращая его в рейтинг качества городов или дорог. Юго-Восточная хорда характеризуется поздним компенсаторным включением: после политизации риска были усилены обследование, очистка и контроль, но базовая транспортная альтернатива к этому моменту уже была фактически зафиксирована [21]. В кейсе Королёв–Мытищи / «Лосиный остров» формальная процедура была дополнена многоуровневой общественно-экспертной повесткой, однако итоговая результативность в пределах периода наблюдения остается недостаточно определенной [14].

Вознесенский тракт в Казани показывает более равномерный профиль: публичная коммуникация 2024 г. фиксировала требования жителей к транспортной доступности прилегающих территорий и последующее включение дороги-дублера в официальную повестку [15]. По М-12 изменение варианта трассировки сопровождалось общественной мобилизацией и сохраняющимися претензиями после переноса воздействия на другие территории, что указывает на проблему динамической инклюзивности [8; 10]. По ЮЛА документировались корректировки проекта до строительства и последующая реализация участка, однако организованная конфликтность полностью не исчезла [5; 6] (табл. 2).

Таблица 2. Апробация модели Iпроц + R на пяти кейсах

Кейс	Профиль К1–К6	Iпроц	R
Юго-Восточная хорда	2–1–1–1–2–3	0,556	1
«Лосиный остров»	2–3–2–1–2–2	0,667	Н/Д
Вознесенский тракт	2–2–2–2–2–2	0,667	2
М-12	2–2–2–3–2–2	0,722	2
ЮЛА	2–2–2–3–2–2	0,722	2

Примечание: порядок профиля соответствует К1–К6; R не входит в Iпроц. Источник: расчеты автора.

Одинаковое значение Iпроц не означает тождество политического процесса. «Лосиный остров» и Казань имеют Iпроц = 0,667, но различаются сочетанием инклюзивности и содержательного влияния. М-12 и ЮЛА имеют Iпроц = 0,722, однако одинаковая агрегированная оценка также скрывает разные временные последовательности и разные формы последующей эскалации. Отдельный R показывает, что сравнительно высокий Iпроц не гарантирует максимального результата.

Устойчивость индекса проверена методом исключения по одному критерию (метод leave-one-criterion-out): Iпроц последовательно пересчитывался без одного из К1–К6. В большинстве спецификаций общая картина сохраняется, однако исключение К4 – содержательного влияния – заметно меняет взаимное расположение кейсов. Это подтверждает необходимость читать интегральное значение вместе с профилем критериев, а не как самодостаточный рейтинг (табл. 3).

Таблица 3. Проверка чувствительности Iпроц

Кейс	Базовый Iпроц	Диапазон без одного К	Без К4
ЮВХ	0,556	0,467–0,600	0,600
«Лосиный остров»	0,667	0,600–0,733	0,733
Казань	0,667	0,667–0,667	0,667
М-12	0,722	0,667–0,733	0,667
ЮЛА	0,722	0,667–0,733	0,667

Источник: расчеты автора по данным таблицы 2.

Обсуждение

Полученные результаты имеют три методологических следствия. Во-первых, Iпроц делает сопоставимыми разнородные процедуры, не сводя анализ к наличию слушаний или обращений. Во-вторых, раздельное кодирование R предотвращает результативно-обусловленное оценивание: процессуально сильный механизм может не привести к устойчивому исходу из-за внешних факторов, а низкая конфликтность после проекта не доказывает качественного участия. В-третьих, профиль К1–К6 сохраняет информацию, которую неизбежно скрывает агрегированная величина.

Политическое время участия не включается в индекс отдельным баллом, поскольку меняет смысл уже наблюдаемых К1–К4. Одинаковая процедура до фиксации альтернативы и после контрактования дает принципиально разное пространство содержательного влияния. Прослеживаемость влияния требует восстанавливаемой цепочки «требование – рассмотрение – мотивированный ответ – изменение или отказ – исполнение», а память процедуры – сохранение этой цепочки между последовательными версиями проекта. Динамическая инклюзивность становится критичной после существенной смены трассировки: снижение издержек одной группы может перенести их на другую и запустить новый цикл мобилизации. Эти выводы согласуются с современной российской литературой о локальных конфликтах и гражданском участии [2–4; 9; 11; 20].

Модель имеет ограничения. Пять целенаправленно отобранных кейсов обеспечивают аналитическое, а не статистическое обобщение; документальный дизайн фиксирует только действия и требования, оставившие проверяемый след; кодирование выполнено одним исследователем и потому требует дальнейшей межкодировочной проверки. Равные веса критериев выбраны ради прозрачности и частично проверены анализом чувствительности, но не должны интерпретироваться как универсальные нормативные веса.

Заключение

Предложена двухконтурная модель оценки механизмов согласования интересов в транспортно-инфраструктурной политике. Шесть процессуальных критериев образуют Iпроц, а публично-политический результат R кодируется отдельно. Такая архитектура сохраняет разли-

чие между свойствами процедуры и ее последующим исходом и позволяет использовать балльную оценку как диагностический, а не как статистический инструмент.

Апробация на пяти кейсах показала, что одинаковые Iproc могут соответствовать различным институциональным профилям, а высокий процессуальный индекс не гарантирует максимального R. Проверка чувствительности дополнительно выявила особую различающую роль содержательного влияния. Аналитическую ценность модели усиливают политическое время, прослеживаемость влияния, память процедуры и динамическая инклюзивность. Практически модель переводит требование учитывать общественные интересы в проверяемые вопросы: когда раскрыта информация, кто включен, обсуждались ли альтернативы, что изменилось, как мотивирован ответ и что произошло после корректировки.

Литература

1. Афанасьев К.С. Партисипаторные механизмы управления коммуникационными рисками реализации инфраструктурных проектов в городской среде // Наука и искусство управления. 2024. № 1. С. 23–37. DOI: 10.28995/2782-2222-2024-1-23-37.

2. Бедерсон В.Д., Минаева Э.Ю. Свои люди – сочтемся: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23, № 2. С. 67–89. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-67-89.

3. Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY (на примере Иркутска и Новосибирска) // Мир России. 2024. Т. 33, № 3. С. 99–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117.

4. Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. «Мамочки с колясками» против «мегатюрьмы»: проблемы управления NIMBY-конфликтами на примере кейса в Улан-Удэ // Мир России. 2025. Т. 34, № 3. С. 123–145. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-123-145.

5. Дороги и мосты. Открыто движение по участку ЮЛА, построенному при участии НПС [Электронный ресурс]. 04.08.2026. URL: https://aodim.ru/media-center/news/otkryto-dvizhenie-po-uchastku-yula-postroennomu-pri-uchastii-nps/ (дата обращения: 25.08.2026).

6. Интерфакс Россия. Изменения внесли в проект платной автотрассы, которая пройдет от Солнцево до Железнодорожного. 02.03.2022.

7. Кабанов Ю.А., Чугунов А.В., Панфилов Г.О. Электронное гражданское участие в России: от «электронной демократии» к «нервам государства» // Политическая наука. 2025. № 3. С. 182–205. DOI: 10.31249/poln/2025.03.08.

8. Коммунистическая партия Российской Федерации. Открытое обращение фракции КПРФ к губернатору В.В. Сипягину. 10.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://kprf.ru/dep/reg/201028.html (дата обращения: 25.08.2026).

9. Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // Ars Administrandi. 2024. Т. 16, № 3. С. 533–554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554.

10. Минтранс России. Ежедневный мониторинг СМИ. 23.05.2020: сообщение РИА Новости об изменении варианта трассировки М-12.

11. Мирошниченко И.В., Кольба А.И., Шпиро Л.А. Локальные сообщества в принятии решений по поводу конфликтов развития территорий: потенциал процессного и проектного подходов // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. Т. 19, № 1. С. 66–79. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-66-79.

12. Морозова С.С. Концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2025. Т. 27, № 3. С. 638–653. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653.

13. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 1. С. 4–22. DOI: 10.21638/spbu23.2024.101.

14. Общественная палата Российской Федерации. Рекомендации по вопросу решения транспортных проблем городского округа Королев. 25.11.2025 [Электронный ресурс]. URL: https://files.oprf.ru/storage/documents/rekomen-korolev25112025.pdf (дата обращения: 25.08.2026).

15. Официальный портал Казани. В Казани запланировано строительство дороги-дублера, ведущей к улице Глушко [Электронный ресурс]. 03.06.2024. URL: https://kirmos.kzn.ru/napravleniya-raboty/transport/novosti/v-kazani-zaplanirovano-stroitelstvo-dorogi-dublera-vedushchey-k-ulitse-glushko/ (дата обращения: 25.08.2026).

16. Панфилов Г.О., Чугунов А.В. Централизация системы электронного гражданского участия в Российской Федерации: данные экспертных интервью // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 253–264. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-253-264.

17. Соловьев А.И. Принятие государственных решений: в поисках комплексной структуры // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2026. Т. 28, № 1. С. 9–24. DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24.

18. Темникова Ю.Ю. Влияние коммуникаций органов исполнительной власти г. Москвы и общества на сценарии развития транспортной инфраструктуры // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 84–88.

19. Темникова Ю.Ю. Формирование системы мониторинга для оценки развития механизмов коммуникации органов исполнительной власти г. Москвы и гражданского общества в транспортной сфере // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 452–459. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-452-459.

20. Тыканова Е.В. Фрагментация интересов: внутренний конфликт и результативность городских общественных движений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 297–318. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2587.

21. Уполномоченный по правам человека в городе Москве. Доклад о деятельности за 2020 год. М., 2021. С. 139.

22. Чугунов А.В., Панфилов Г.О., Кабанов Ю.А. Централизация системы электронного участия в России: взгляд из регионов // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18, № 2. С. 25–35. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-2-25-35.

23. Шамшура К.А. Консультативно-совещательные органы по вопросам культурного наследия в российских регионах: между делиберацией и имитацией // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18, № 3. С. 79–89. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-79-89.

24. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18, No. 4. P. 543–571. DOI: 10.1093/jopart/mum032.

25. Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35, No. 4. P. 216–224. DOI: 10.1080/01944366908977225.

26. Bovens M. Analysing and Assessing Accountability: A Conceptual Framework // European Law Journal. 2007. Vol. 13, No. 4. P. 447–468. DOI: 10.1111/j.1468-0386.2007.00378.x.

27. Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44, No. 4. P. 823–830. DOI: 10.1017/S1049096511001429.

28. Fung A. Varieties of Participation in Complex Governance // Public Administration Review. 2006. Vol. 66, Suppl. 1. P. 66–75. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00667.x.

29. Quick K.S., Feldman M.S. Distinguishing Participation and Inclusion // Journal of Planning Education and Research. 2011. Vol. 31, No. 3. P. 272–290. DOI: 10.1177/0739456X11410979.

DIVIDING PROCEDURE AND OUTCOME: A TWO-TRACK MODEL FOR ASSESSING INTEREST RECONCILIATION IN TRANSPORT INFRASTRUCTURE POLICY

Semikin E.D., Arbiev G.S., Suturin T.S.

Academy of National Economy and Public Administration

The article proposes a two-track model for assessing interest reconciliation in transport infrastructure policy by separating procedural quality from the subsequent public-political outcome. The study aims to develop an operational tool for comparing different trajectories of public participation without conflating process characteristics with their outcomes. The methodology combines structured comparative case study with document-based process tracing. Procedural robustness is measured by the Iproc index across six criteria: openness, inclusiveness, deliberativeness, substantive influence, accountability, and conflict regulation; the public-political outcome R is coded separately. The model is applied to five road-infrastructure cases: Moscow's South-Eastern Chord, the Korolev–Mytishchi / Losiny Ostrov case, the Voznesensky Trakt in Kazan, the M-12 motorway in Vladimir Region, and the South-Lytkarino Motorway in Moscow Region. The results show that identical aggregate index values may conceal different institutional profiles, while relatively high procedural scores do not guarantee the highest outcome. A leave-one-criterion-out sensitivity test confirms the distinctive role of substantive influence. The model's contribution lies in separating process from outcome and in integrating political timing, traceability of influence, procedural memory, and dynamic inclusiveness.

Keywords: public participation, public policy, transport infrastructure, interest reconciliation, procedural index, process tracing, accountability, policy outcome

References

1. Afanasyev K.S. Participatory mechanisms for managing communication risks of infrastructure projects in the urban environment // Nauka i iskusstvo upravleniya. 2024. No. 1. P. 23–37. DOI: 10.28995/2782-2222-2024-1-23-37. (In Russ.).

2. Bederson V.D., Minaeva E. Yu. “We are our own people”: conditions for centralization of municipal powers in urban planning // Russian Sociological Review. 2024. Vol. 23, No. 2. P. 67–89. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-67-89. (In Russ.).

3. Belousov A.B., Davydov D.A. Urban conflicts in Russia: between the “right to the city” and NIMBY (Irkutsk and Novosibirsk cases) // Mir Rossii. 2024. Vol. 33, No. 3. P. 99–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117. (In Russ.).

4. Belousov A.B., Davydov D.A. “Mothers with strollers” versus a “mega-prison”: managing a NIMBY conflict in Ulan-Ude // Mir Rossii. 2025. Vol. 34, No. 3. P. 123–145. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-123-145. (In Russ.).

5. Dorogi i mosty. Traffic opened on a section of the South-Lytkarino Motorway built with NPS participation. 04.08.2026. Available at: https://aodim.ru/media-center/news/otkryto-dvizhenie-po-uchastku-yula-postroennomu-pri-uchastii-nps/ (accessed 25.08.2026). (In Russ.).

6. Interfax Russia. Changes introduced into the toll motorway project from Solntsevo to Zheleznodorozhny. 02.03.2022. (In Russ.).

7. Kabanov Yu. A., Chugunov A.V., Panfilov G.O. Electronic civic participation in Russia: from “e-democracy” to the “nerves of government” // Political Science (RU). 2025. No. 3. P. 182–205. DOI: 10.31249/poln/2025.03.08. (In Russ.).

8. Communist Party of the Russian Federation. Open appeal of the CPRF faction to Governor V.V. Sipyagin. 10.03.2021. Available at: https://kprf.ru/dep/reg/201028.html (accessed 25.08.2026). (In Russ.).

9. Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V. Civic participation of the population in the context of municipal public policy implementation // Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, No. 3. P. 533–554. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-3-533-554. (In Russ.).

10. Ministry of Transport of Russia. Daily media monitoring. 23.05.2020: RIA Novosti report on changing the M-12 route option. (In Russ.).

11. Miroshnichenko I.V., Kolba A.I., Shpiro L.A. Local communities in decision-making on territorial development conflicts: potential of process and project approaches // Bulletin of Perm University. Political Science. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 66–79. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-66-79. (In Russ.).

12. Morozova S.S. A conceptual model for optimizing state–citizen interaction under digital transformation in contemporary Russia // RUDN Journal of Political Science. 2025. Vol. 27, No. 3. P. 638–653. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653. (In Russ.).

13. Nikowskaya L.I., Yakimets V.N. Municipal public policy in the context of local self-government reform // Political Expertise: POLITEX. 2024. Vol. 20, No. 1. P. 4–22. DOI: 10.21638/spbu23.2024.101. (In Russ.).

14. Civic Chamber of the Russian Federation. Recommendations on addressing transport problems in the Korolev urban district. 25.11.2025. Available at: https://files.oprf.ru/storage/documents/rekomen-korolev25112025.pdf (accessed 25.08.2026). (In Russ.).

15. Official Portal of Kazan. Construction of a bypass road leading to Glushko Street is planned in Kazan. 03.06.2024. Available at: https://kirmos.kzn.ru/napravleniya-raboty/transport/novosti/v-kazani-zaplanirovano-stroitelstvo-dorogi-dublera-vedushchey-k-ulitse-glushko/ (accessed 25.08.2026). (In Russ.).

16. Panfilov G.O., Chugunov A.V. Centralization of the electronic civic participation system in the Russian Federation: expert interview data // Administrative Consulting. 2024. No. 5. P. 253–264. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-253-264. (In Russ.).

17. Solovyev A.I. Government decision-making: in search of a comprehensive structure // RUDN Journal of Political Science. 2026. Vol. 28, No. 1. P. 9–24. DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24. (In Russ.).

18. Temnikova Yu.Yu. The influence of communication between Moscow executive authorities and society on transport infrastructure development scenarios // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. No. 1. P. 84–88. (In Russ.).

19. Temnikova Yu.Yu. Building a monitoring system for assessing communication mechanisms between Moscow executive authorities and civil society in transport // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2025. No. 1. P. 452–459. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-452-459. (In Russ.).

20. Tykanova E.V. Fragmentation of interests: internal conflict and effectiveness of urban social movements in Russia // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2024. No. 6. P. 297–318. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2587. (In Russ.).

21. Commissioner for Human Rights in Moscow. Annual report for 2020. Moscow, 2021. P. 139. (In Russ.).

22. Chugunov A.V., Panfilov G.O., Kabanov Yu.A. Centralization of electronic participation in Russia: a regional perspective // Bulletin of Perm University. Political Science. 2024. Vol. 18, No. 2. P. 25–35. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-2-25-35. (In Russ.).

23. Shamshura K.A. Advisory bodies on cultural heritage in Russian regions: between deliberation and imitation // Bulletin of Perm University. Political Science. 2024. Vol. 18, No. 3. P. 79–89. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-79-89. (In Russ.).

24. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18, No. 4. P. 543–571. DOI: 10.1093/jopart/mum032.

25. Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35, No. 4. P. 216–224. DOI: 10.1080/01944366908977225.

26. Bovens M. Analysing and Assessing Accountability: A Conceptual Framework // European Law Journal. 2007. Vol. 13, No. 4. P. 447–468. DOI: 10.1111/j.1468-0386.2007.00378.x.

27. Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44, No. 4. P. 823–830. DOI: 10.1017/S1049096511001429.

28. Fung A. Varieties of Participation in Complex Governance // Public Administration Review. 2006. Vol. 66, Suppl. 1. P. 66–75. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00667.x.

29. Quick K.S., Feldman M.S. Distinguishing Participation and Inclusion // Journal of Planning Education and Research. 2011. Vol. 31, No. 3. P. 272–290. DOI: 10.1177/0739456X11410979.

Марксистская теория в исследованиях Уральской философской школы в контексте критики повседневности

Су Цзюньлинь,
магистр, Цзилиньский университет,
E-mail: 256273808@qq.com

Наследие свердловско-екатеринбургской (Уральской) философской школы обычно описывают как историю деятельностного подхода, тогда как её вклад в критику повседневности остаётся на периферии обзоров. Цель работы – реконструировать линию, связывающую марксистское понятие деятельности в работах К.Н. Любутина, В.Е. Кемерова и Т.Х. Керимова с современными исследованиями повседневности, и сопоставить эту линию с российскими публикациями 2020–2026 гг. Применён качественный контент-анализ корпуса из 20 источников по трём кодировочным осям (трактовка повседневности, роль отчуждения, отношение к цифровому капитализму) и сравнительно-историческая реконструкция. Выделены три исследовательские позиции; 14 из 20 текстов (70%) удерживают марксистскую рамку отчуждения при описании повседневных практик, а 9 из 20 связывают повседневность с платформенной и «надзорной» экономикой. Показано, что уральская трактовка социальности как полисубъектного воспроизводства образует мост между классической критикой повседневности А. Лефевра и социологией жизненного мира Ж.Т. Тощенко. Значимость состоит в том, что предложенная группировка даёт исследователям повседневности воспроизводимый критерий различения феноменологической и марксистской оптик.

Ключевые слова: Уральская философская школа; марксистская теория; критика повседневности; деятельностный подход; отчуждение; жизненный мир; полисубъектная социальность; цифровой капитализм.

Введение

История свердловско-екатеринбургской (Уральской) философской школы в середине 2020-х гг. вновь привлекает внимание. Публикации 2020–2026 гг. о социологии жизни, повседневности и цифровом капитализме обращаются к понятиям деятельности, отчуждения и субъекта, но редко связывают их с уральской традицией. В статье эта связь реконструируется как линия от марксистской теории деятельности к критике повседневности.

Уральская школа возникла в индустриальном Свердловске 1950–1960-х гг., где отношения работника и производства были практической проблемой. Поэтому её деятельностный подход изначально соединял онтологический анализ социальности с вопросами труда, отчуждения и воспроизводства жизненного мира.

Уральский вклад в критику повседневности пока не выделен как самостоятельный предмет: обзоры фиксируют «деятельностный подход» и «социальную онтологию», но не показывают, как эти категории объясняют рутину, труд и потребление. Настоящая работа восполняет этот пробел.

Цифровая тематика усиливает проблему. Переход «от фабрики к платформе» превращает алгоритмический контроль в новую форму надзора, не устраняя отчуждение [17]. Следовательно, уральскую линию нужно сопоставить с исследованиями цифрового капитализма и повседневных практик.

Степень разработанности проблемы

Литературу удобно разделить на три взаимосвязанных кластера. Первый посвящён марксистской теории и её современным прочтениям: А.В. Павлов прослеживает распад постмарксизма на конкурирующие концепции [9; 10], а коллективная монография о наследии Маркса связывает классические категории с современной философией [13]. Эти работы задают рамку анализа деятельности и отчуждения.

Второй кластер составляют исследования повседневности и жизненного мира. Ж.Т. Тощенко трактует жизненный мир как синтез сознания, деятельности и поведения [16]; И.А. Шмерлина анализирует интерсубъективность как условие разделяемого опыта [18]. Эмпирические работы о наставничестве и трудовой культуре показывают, как эти категории проявляются в институциональной и рабочей рутине [1; 2; 14; 15].

Третий кластер объединяет критику повседневности позднего и цифрового капитализма. Исследования платформенной занятости, селф-трекинга и «надзорного капитализма» показывают, как алгоритмы превращают жизненный опыт в ресурс управления [3; 5; 7]. Работы о цифровизации и культурной идентичности добавляют измерение неравенства и культурной специфики [4; 6; 19; 20].

Таким образом, исследователи признают самостоятельность повседневности и её новое содержание в цифровом капитализме, но расходятся в оценке её статуса: от нейтрального жизненного мира до поля системного отчуждения. Уральская традиция позволяет связать эти позиции.

Цель, задачи, объект и предмет

Цель исследования – реконструировать связь между марксистским понятием деятельности в работах Уральской школы и современными исследованиями повседневности, сопоставив её с российскими публикациями 2020–2026 гг. Задачи: 1) выделить теоретические основания уральской трактовки; 2) описать переход к повседневности через категорию отчуждения; 3) проверить типологию на корпусе из 20 источников.

Объект исследования – марксистская теория деятельности и её преломление в критике повседневности. Предмет – способы, которыми уральская линия социальной философии концептуально связывает понятие отчуждённой деятельности с анализом повседневных практик, и то, как эти связи прослеживаются в российских работах 2020–2026 гг.

Научная новизна и значимость

Научная новизна состоит в новой группировке известного материала: уральская трактовка социальности систематически помещается между

лефевриансной критикой повседневности и феноменологией жизненного мира. Это позволяет рассматривать деятельность как посредующее понятие между живым опытом и системными отношениями.

Теоретическая значимость рамки – в различении марксистской критики повседневности и её феноменологического описания. Практически предложенный критерий отчуждения пригоден для вторичного анализа новых текстов о труде, цифровизации и социальных институтах.

Методы

Исследование выполнено как качественный контент-анализ корпуса научных публикаций в сочетании со сравнительно-исторической реконструкцией понятий. Собственных полевых данных авторы не привлекают; эмпирической базой служит сам корпус текстов, единицей анализа выступает отдельная публикация с содержащейся в ней трактовкой повседневности, а единицей кодирования – выраженная или конструируемая теоретическая позиция.

База данных включает 20 источников 2020–2026 гг., отобранных в eLibrary, КиберЛенинке и журналах из перечня ВАК («Социологические исследования», «Социологический журнал», «Социология власти», «Высшее образование в России» и др.).

Кодирование проведено по трём осям. Ось А фиксирует трактовку повседневности (марксистская, смешанная, феноменологическая); ось Б – роль отчуждения (несущая, фоновая, отсутствует); ось В – обращение к цифровому капитализму (развёрнутое, упоминание, отсутствует).

Сравнительно-историческая реконструкция сопоставляла ключевые ходы уральских авторов (Кемеров, Любутин, Керимов) с их структурными аналогами в работах 2020–2026 гг. Сначала выделялись категории, затем проверялась их функция в аргументации.

Ограничения метода связаны с эксплицитностью кодирования и размером корпуса: 20 единиц не репрезентируют всё поле публикаций. Результаты следует считать типологической картой, а не статистической оценкой.

Результаты и обсуждение

Уральская трактовка деятельности: теоретические основания

Свердловская школа сложилась вокруг проблемы, которую классический марксизм оставил открытой: как именно связаны общество как целое и воспроизводящие его конкретные субъекты – не через общие законы истории, а через живую практику. В.Е. Кемеров формулировал её как задачу синтеза качественной деятельности людей в экономике, науке и образовании; к 1960-м гг. эта задача стала острой, поскольку ни абстрактный «способ производства», ни официальный «трудовой коллектив» не давали понятийных средств для её решения. Ответом стал деятельностный подход, в котором социальность понимается не как надличная структура, а как процесс воспроизводства связей между людьми через их предметную деятельность.

К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров разрабатывали при этом линию философской антропологии, где отчуждение трактуется не только экономически – как экспроприация прибавочного продукта, – но и как утрата человеком связи со своей родовой сущностью: с теми способностями, которые делают его человеком, а не придатком машины. Это прочтение опиралось на «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» Маркса, которые в СССР долго оставались на периферии, уступая место зрелому «Капиталу». Уральцы настаивали на том, что ранний Маркс и зрелый Маркс образуют единство, и что без антропологического измерения теория капитализма теряет критический заряд. Такое прочтение нашло прямую поддержку в коллективной монографии 2021 г., которая квалифицирует раскрытие «философского смысла» идей Маркса как третью, наиболее глубокую интерпретацию марксизма, противопоставляя её двум политическим – ленинской и социал-демократической [13].

Принципиальный теоретический шаг школы – переход от субстанциального понимания общества к процессуальному. Общество перестаёт быть вещью или механизмом и становится событием: оно существует, только пока люди воспроизводят его через деятельность. Т.Х. Керимов в концепции социальной гетерологии довёл эту линию до последовательного конца: отказавшись от единого «общества», он предложил мыслить множественные социальности, сообщества, сборки и связи, которые не сводятся к общей субстанции. Здесь марксистское наследие сохраняется в самом главном – в понимании человека как существа, конституирующего себя через деятельность, – но освобождается от догматической схемы формаций, от телеологии коммунизма и от примата производительных сил над производственными отношениями. Именно эта операция делает уральскую версию марксизма совместимой с постклассической философией и одновременно отличает её от постмарксизма, который, как показывает Павлов, нередко жертвует самим понятием отчуждения [9; 10].

Существенно, что уральский деятельностный подход формировался в диалоге с западной марксистской мыслью – прежде всего с Франкфуртской школой и с Лукачем, – хотя этот диалог в советских условиях был вынужденно завуалирован. Опубликованные работы Кемерова и Керимова содержат отсылки к Хабермасу и Гидденсу, что указывает на рецепцию западной дискуссии о деятельности и практике. Иванов и Чакаров в 2023 г. прямо возвращают эту нить: апеллируя к Адорно, Хоркхаймеру и Маркузе в анализе цифровизации, они воспроизводят тот же теоретический ход, который уральская школа совершала в другой исторической обстановке [4, с. 17–22]. Это структурное совпадение свидетельствует о том, что уральская линия и франкфуртская традиция решали родственные проблемы, пусть и с разными акцентами.

От деятельности к повседневности: узел отчуждения

Переход от абстрактной деятельности к конкретной повседневности совершается через категорию отчуждения, и именно здесь уральская линия смыкается с лефевриансной критикой повседневности. Если деятельность отчуждена – то есть её продукты, смыслы и связи уходят от человека, подчиняясь логике, ему чуждой, – то это отчуждение обнаруживает себя прежде всего в обыденной жизни: в рутине труда, в распорядке дня, в структуре потребления, в том, как человек распоряжается своим временем. Лефевр строил свою критику повседневности именно так: повседневность есть пересечение подконтрольного и неподконтрольного человеку секторов жизни, точка, в которой капитализм воспроизводит себя через монотонную, незаметную рутину.

Уральская трактовка деятельности даёт этой критике недостающее онтологическое основание. У Лефевра повседневность описана феноменологически точно, но остаётся несколько «наружной»: капитализм воздействует на повседневность извне, через рынок, городскую инфраструктуру и культурную индустрию. Уральское понятие деятельности позволяет сказать точнее: повседневность есть сама ткань деятельности, и отчуждение разворачивается не вокруг неё, а внутри неё – в самом акте труда, в самом акте общения, в самом акте воспроизводства социальных связей. Тем самым повседневность превращается не в фон, а в основную арену, на которой разыгрывается воспроизводство общественных отношений.

Современные российские работы подтверждают продуктивность такого хода. А.Л. Темницкий, анализируя трудовую культуру российских рабочих, показывает, что повседневные практики труда несут в себе одновременно традицию и инновацию, что субъектность работника формируется именно в рутине производственных отношений, а не в моменты исключительного напряжения [14, с. 61–62]. В более ранней работе 2020 г. Темницкий демонстрирует, как формирование индивидуальной субъектности в сфере труда зависит от того, удаётся ли работнику присвоить смысл своей деятельности – или этот смысл остаётся отчуждённым от него [15, с. 183–185]. Это и есть уральский тезис, переведённый в плоскость эмпирической социологии труда.

Д.К. Сатыбалдина, опираясь на Лефевра и М. де Серто, описывает тактики «неподвижности» и «временной укоренённости» как способы восстановления повседневного пространства после разрыва конфликта [11, с. 530–531]. Примечательно, что автор работает в Уральском федеральном университете и опирается на традицию, которую сама школа заложила, – хотя и не называет её явно. П.А. Амбарова из того же университета трактует повседневное наставничество как пространство межгенерационного воспроизводства смыслов и практик [1, с. 80]; здесь воспроизводство – ключевое слово, прямо восходящее к деятельностному подходу. В обоих случаях повседневность предстаёт не нейтральной, а нагруженной отношениями власти, контроля и смыслопроизводства – именно так, как предполагает марксистская оптика в уральском прочтении.

Уральская линия между феноменологией и марксизмом

Ключевое наблюдение состоит в том, что уральская трактовка социальности занимает устойчивую промежуточную позицию между двумя большими традициями изучения повседневности, которые в научном обиходе нередко противопоставляются. С одной стороны расположена феноменологическая линия жизненного мира: Ж.Т. Тощенко строит социологию жизни вокруг понятия жизненного мира, соединяющего сознание, деятельность и поведение в «непосредственном окружении каждого человека» [16, с. 13–14]. И.А. Шмерлина показывает, что интерсубъективность является условием самой возможности разделяемого опыта: без неё понятие жизненного мира остаётся формальным абстрактом [18, с. 9]. Эта линия описывает повседневность изнутри, с точки зрения живущего в ней субъекта.

С другой стороны расположена марксистская линия критики повседневности, идущая от Лефевра к анализу цифрового капитализма.

Здесь повседневность описывается снаружи, с точки зрения системных отношений, которые её конституируют: капитал организует рутину, определяет ритм, распределяет пространство, навязывает потребности. Иванов и Чакаров в 2023 г. возвращают в этот разговор Адорно и Хоркхаймера: алгоритмическая рациональность воспроизводит инструментальный разум, и понять её природу без критической теории невозможно [4, с. 18–20].

Уральское понятие деятельности принадлежит обеим традициям одновременно, и именно это делает его посредующим. Оно феноменологично в том смысле, что описывает живой опыт конкретного субъекта: деятельность всегда – чья-то деятельность, она разворачивается в конкретном пространстве и времени, несёт личный смысл. Оно марксистично в том смысле, что помещает этот опыт в горизонт общественных отношений и отчуждения: деятельность субъекта всегда встроена в систему воспроизводства, которая может присваивать её результаты, смыслы и связи. Именно эта двойственность делает деятельностный подход продуктивным для теории повседневности: он позволяет удержать как микроуровень субъективного опыта, так и макроуровень системного воспроизводства, не редуцируя одно к другому.

Показательно, что именно уральские авторы – Амбарова и Сатыбалдина – в корпусе 2020–2026 гг. дают примеры наиболее органичного соединения двух языков. Амбарова описывает наставничество и как передачу смысла (феноменологический язык жизненного мира), и как воспроизводство академической общности (марксистский язык воспроизводства) [1, с. 79–81]. Сатыбалдина описывает пространственные тактики и как индивидуальные стратегии выживания (де Серто), и как способ восстановления нарушенных социальных связей (Лефевр) [11, с. 530–532]. Такое двуязычие – не эклектика, а следствие того, что понятие деятельности изначально лежит на границе двух традиций. Оводова и Жигунов, разбирая метамодернистские установки в теории культуры, указывают на то, что современная культурная теория в целом ищет выход за пределы как марксистской, так и феноменологической оптики [8, с. 101–104]; уральский деятельностный подход предлагает один из возможных ответов на этот поиск.

Результаты кодирования корпуса

Обратимся к данным контент-анализа. Распределение 20 публикаций по трём осям приведено в табл. 1. По оси А (трактовка повседневности) 8 текстов отнесены к марксистской позиции, 6 – к смешанной и 6 – к феноменологической. По оси Б (роль отчуждения) категория выступает несущей в 14 текстах из 20 (70%); фоновой – в 4; отсутствует – в 2. По оси В (цифровой капитализм) тема раскрыта в 9 публикациях из 20 (45%), упомянута в 5 (25%) и отсутствует в 6 (30%) (табл. 1).

Таблица 1. Распределение публикаций корпуса (2020–2026) по осям кодирования

Ось кодирования	Категория	Число текстов (из 20)
Трактовка повседневности	марксистская	8
	смешанная	6
	феноменологическая	6
Роль отчуждения	несущее понятие	14
	фон	4
	отсутствует	2
Цифровой капитализм	тема раскрыта	9
	упомянута	5
	отсутствует	6

Источник: составлено авторами по результатам контент-анализа корпуса [1; 3–20].

Марксистская и смешанная трактовки вместе охватывают 14 из 20 текстов (70%); феноменологически «чистая» позиция представлена шестью публикациями. Это указывает не на вытеснение марксизма, а на сосуществование и частичное сращивание подходов.

По оси Б категория отчуждения несущая в 14 текстах: в восьми марксистских и шести смешанных. Феноменологические тексты либо отодвигают её на второй план, либо заменяют языком смысла и интерсубъективности.

Сопоставление с работами 2020–2026 годов

Полученную типологию полезно проверить на согласие и расхождение с конкретными авторами корпуса. С Д.В. Ивановым и Я.С. Чакаровым, возвращающими франкфуртскую критическую теорию в анализ цифрового общества, наша реконструкция согласуется прямо: они, как и уральская линия, удерживают марксистское ядро – отчуждение, овеществление, инструментальный разум – при описании новой, цифровой повседневности [4, с. 18–22]. Расхождение минимально и касается акцентов: Иванов и Чакаров апеллируют к Адорно и Хоркхаймеру непосредственно, тогда как уральская линия пришла к схожим выводам независимым путём.

С А.В. Павловым расхождение тоньше. Фиксируя распад единого постмарксизма на конкурирующие концепции [9; 10], он скорее подчёркивает разрыв традиции. Уральский материал демонстрирует иное: непрерывность, которая сохраняется не на уровне политической программы, а на уровне понятийного ядра – понятия деятельности и отчуждения. Два наблюдения совместимы, если различать политический марксизм, действительно фрагментированный, и марксистскую антропологию деятельности, которая сохранила целостность именно потому, что была отделена от политики уже в момент своего формирования в Свердловске.

С линией «надзорного капитализма» и платформенной экономики согласие почти полное. И.В. Образцов показывает, что человеческий опыт становится сырьём для извлечения данных – то есть подвергается новой форме отчуждения [7, с. 166–168]. А.В. Шевчук фиксирует смещение контроля с фабрики на платформу, при котором работник сохраняет видимость автономии, но реально встроен в алгоритмически управляемую систему [17, с. 33–38]. Р.И. Капелюшников и Д.И. Зинченко описывают платформенную занятость как новую форму организации труда, при которой отношения найма маскируются языком «самозанятости» [5]. А.М. Давыдова, М.А. Солянова и К. Соренсен показывают, что дисциплинарные практики цифрового самонаблюдения воспроизводят тот же парадокс: кажущаяся эмансипация обнаруживает себя механизмом нового контроля [3, с. 219–221]. Все четыре работы, по сути, продолжают лефеврианский тезис о том, что капитализм воспроизводит себя в повседневности, – но переносят его с индустриальной рутины на цифровую. С.А. Кравченко добавляет важное уточнение: цифровизация амбивалентна, и её культурно-национальная модель, требующая осмысления, выступает условием устойчивого развития [6, с. 29–31]. А.В. Смирнов на корпусе научных текстов показывает, что и сама российская социология трансформируется под давлением цифровой среды [12, с. 39–42].

Отдельного комментария заслуживают пограничные случаи типологии. О.Б. Бальчиндоржиева и М.В. Золхоева ставят вопрос о сохранении культурной уникальности в цифровую эпоху [19, с. 90–92], а Е.А. Григорьева описывает цифровые неравенства как новое измерение стратификации [20, с. 161–163]; обе работы примыкают к смешанной позиции, поскольку соединяют критику отчуждения с культурологическим и стратификационным анализом. С.Н. Оводова и А.Ю. Жигунов, разбирая метамодернистские установки в теории культуры [8, с. 100–104], показывают, как позднекапиталистическая чувствительность переописывает повседневность за пределами классического марксизма – в логике «осцилляции» между модернистской верой в прогресс и постмодернистской иронией. Эти пограничные случаи не опровергают типологию, а очерчивают её внешний край: там, где отчуждение уступает место игре культурных кодов, марксистская оптика передаёт эстафету постмарксистской.

Е.В. Биричева и З.А. Фаттахова, исследующие взаимодействие научного руководителя и аспиранта, рассматривают его прежде всего как институциональную проблему эффективности [2, с. 9–12]; этот текст занимает в типологии феноменологически нейтральную позицию, и именно он составляет часть «чистого меньшинства» в шести феноменологических публикациях. Примечательно, что даже этот текст косвенно воспроизводит деятельностную проблематику – через вопрос о качестве научного руководства как особой формы совместной интеллектуальной деятельности.

Научное значение результата

Полученная картина возвращает Уральской традиции место в разговоре о повседневности, обычно отводимое Лефевру и феноменологии. Она также показывает, что деятельностный подход способен связывать микроуровень опыта с макроуровнем капиталистических отношений.

Критерий отчуждения как маркер марксистской оптики даёт воспроизводимый инструмент для анализа новых текстов. Он не требует принадлежности автора к определённой школе и применим к исследованиям труда, платформ и цифровых практик.

Устойчивость марксистской рамки в корпусе 2020–2026 гг. (14 из 20 текстов) ставит под сомнение нарратив о её вытеснении феноменологией: уральская линия демонстрирует их продуктивное соединение.

Заключение

Сопоставительный разбор позволяет свести итоги к пяти выводам, соответствующим задачам исследования.

Уральская трактовка деятельности основана на процессуальном понимании социальности: общество существует как непрерывное воспроизводство связей между людьми через предметную деятельность.

Переход от деятельности к повседневности совершается через отчуждение, проявляющееся в рутине труда, потреблении и распоряжении временем. Это связывает онтологию деятельности с конкретным жизненным миром.

Уральская оптика занимает промежуточное положение между феноменологией жизненного мира и марксистской критикой: деятельность одновременно описывает опыт субъекта и раскрывает системные отношения, его формирующие.

Кодирование 20 источников показало: отчуждение остаётся несущим в 14 текстах (70%), цифровой капитализм развёрнут в 9 (45%), а феноменологически чистую позицию удерживают 6 публикаций.

Типология трёх позиций (марксистская / смешанная / феноменологическая) и критерий отчуждения обладают прикладной ценностью для вторичного анализа новых публикаций.

Исследование ограничено объёмом корпуса и опорой на эксплицитные формулировки. Дальнейшая работа должна расширить выборку диссертациями и эмпирическими исследованиями цифрового труда.

Литература

1. Амбарова П.А. Целостность, структурность и функциональность повседневных практик научного наставничества как предмет микросоциологического анализа // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 4. С. 77–99. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.4.

2. Биричева Е.В., Фаттахова З.А. Эффективность взаимодействия научного руководителя и аспиранта в вузе и в академии наук // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 1. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-9-22.

3. Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К. Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 217–240. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797.

4. Иванов Д.В., Чакаров Я.С. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250024389-0.

5. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 107–129. DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2782.

6. Кравченко С.А. Амбивалентности цифровизации: востребованность её культурно-национальной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2.

7. Образцов И.В. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 165–172. DOI: 10.31857/S013216250010848-5.

8. Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. Влияние метамодернистских установок на современную теорию культуры и философию: эстетические и социокультурные аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 100–110. DOI: 10.17223/1998863X/66/10.

9. Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть I // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014310-4.

10. Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть II // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 129–138.

11. Сатыбалдина Д.К. Практики пространственного существования человека в условиях постконфликтной ситуации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 527–535. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-4-527-535.

12. Смирнов А.В. Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 39–50. DOI: 10.31857/S013216250022128-3.

13. Творческое наследие К. Маркса и современная философия: монография / отв. ред. Т.М. Махаматов. М.: ИНФРА-М, 2021. 199 с. DOI: 10.12737/monography_5cadb1308b1a15.23315277.

14. Темницкий А.Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 61–73. DOI: 10.31857/S013216250010467-6.

15. Темницкий А.Л. Формирование индивидуальной субъектности в сфере труда у молодых работников современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 182–200. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1660.

16. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 10–22. DOI: 10.31857/S0132162524070035.

17. Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32, № 1. С. 30–54.

18. Шмерлина И.А. Концептуальные ракурсы понятия интерсубъективности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 2. С. 7–40. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.3.1.

19. Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В. Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 90–97. DOI: 10.31857/S013216250016858-6.

20. Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 161–163. DOI: 10.31857/S013216250017771-1.

MARXIST THEORY IN THE STUDIES OF THE URAL PHILOSOPHICAL SCHOOL IN THE CONTEXT OF THE CRITIQUE OF EVERYDAY LIFE

Su Junlin
Jilin University

The legacy of the Sverdlovsk–Yekaterinburg (Ural) philosophical school is commonly narrated as a history of the activity approach, while its contribution to the critique of everyday life stays on the margins of surveys. The study aims to reconstruct the line linking the Marxist concept of activity in the works of K.N. Lyubutin, V.E. Kemerov and T. Kh. Kerimov with present-day research on everyday life, and to compare this line with Russian publications of 2020–2026. A qualitative content analysis of a corpus of 20 sources along three coding axes was combined with a comparative-historical reconstruction. Three research positions were identified; 14 of 20 texts (70%) retain the Marxist frame of alienation when describing everyday practices, and 9 of 20 connect everyday life to the platform and "surveillance" economy. The Ural reading of sociality as poly-subject reproduction is shown to bridge Lefebvre's classical critique of everyday life and the sociology of the life-world. The contribution offers a reproducible criterion for distinguishing the phenomenological and Marxist optics.

Keywords: Ural philosophical school; Marxist theory; critique of everyday life; activity approach; alienation; life-world; poly-subject sociality; digital capitalism.

References

1. Ambarova, P.A. Integrity, Structure and Functionality of Everyday Practices of Academic Mentoring as a Subject of Microsociological Analysis. Sociological Journal, 2023, Vol. 29, No. 4, Pp. 77–99. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.4.

2. Biricheva, E. V., and Z.A. Fattakhova. Effectiveness of Interaction between a Research Supervisor and a Postgraduate Student at a University and in the Academy of Sciences. Higher Education in Russia, 2021, Vol. 30, No. 1, Pp. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-9-22.

3. Davydova, A. M., M.A. Solyanova, and K. Sorensen. Disciplinary Practices of Digital Self-Tracking: Between Emancipation and Control. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2021, No. 1, Pp. 217–240. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797.

4. Ivanov, D. V., and Ya.S. Chakarov. Digitalization and Critical Theory of Society. Sociological Studies, 2023, No. 6, Pp. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250024389-0.

5. Kapelyushnikov, R. I., and D.I. Zinchenko. Digital Forms of Employment in the Russian Labour Market. Part II: Platform Employment. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2025, No. 1, Pp. 107–129. DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2782.

6. Kravchenko, S.A. Ambivalences of Digitalization: The Demand for Its Cultural and National Model for Sustainable Development. Sociological Studies, 2022, No. 9, Pp. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2.

7. Obraztsov, I.V. Transformations of Capitalism in the Twenty-First Century: Shoshana Zuboff's Concept of Surveillance Capitalism. Sociological Studies, 2021, No. 4, Pp. 165–172. DOI: 10.31857/S013216250010848-5.

8. Ovodova, S. N., and A. Yu. Zhigunov. The Influence of Metamodernist Attitudes on Contemporary Theory of Culture and Philosophy: Aesthetic and Sociocultural Aspects. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 2022, No. 66, Pp. 100–110. DOI: 10.17223/1998863X/66/10.

9. Pavlov, A.V. Post-Marxism in Sociology. Part I. Sociological Studies, 2021, No. 4, Pp. 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014310-4.

10. Pavlov, A.V. Post-Marxism in Sociology. Part II. Sociological Studies, 2021, No. 5, Pp. 129–138.

11. Satybaldina, D.K. Practices of Spatial Existence in a Post-Conflict Situation. Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology, 2023, issue 4, Pp. 527–535. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-4-527-535.

12. Smirnov, A.V. Russian Sociology under the Digitalization of Society: Results of an Analysis of a Corpus of Scholarly Texts. Sociological Studies, 2023, No. 4, Pp. 39–50. DOI: 10.31857/S013216250022128-3.

13. The Creative Legacy of K. Marx and Contemporary Philosophy: A Monograph. Ed. by T.M. Makhamatov. Moscow: INFRA-M, 2021. 199 Pp. DOI: 10.12737/monography_5cadb1308b1a15.23315277.

14. Temnitsky, A.L. Traditions and Innovations in the Labour Culture of Russian Workers. Sociological Studies, 2021, No. 4, Pp. 61–73. DOI: 10.31857/S013216250010467-6.

15. Temnitsky, A.L. Formation of Individual Subjectivity in the Sphere of Work among Young Workers in Contemporary Russia. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2020, No. 3, Pp. 182–200. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1660.

16. Toshchenko, Zh.T. The Life-World as a Basic Concept of the Sociology of Life. Sociological Studies, 2024, No. 7, Pp. 10–22. DOI: 10.31857/S0132162524070035.

17. Shevchuk, A.V. From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. Sociology of Power, 2020, Vol. 32, No. 1, Pp. 30–54.

18. Shmerlina, I.A. Conceptual Perspectives on the Notion of Intersubjectivity. Journal of Sociology and Social Anthropology, 2022, Vol. 25, No. 2, Pp. 7–40. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.3.1.

19. Balchindorzhieva, O. B., and M.V. Zolkhoeva. Digital Culture vs. Cultural Uniqueness? On Preserving Chinese Cultural Identity. Sociological Studies, 2022, No. 3, Pp. 90–97. DOI: 10.31857/S013216250016858-6.

20. Grigorieva, E.A. Digital Inequalities: Causes, Forms and Consequences. Sociological Studies, 2022, No. 2, Pp. 161–163. DOI: 10.31857/S013216250017771-1.

Исследование взаимосвязи между стратегиями изучения лексики и уровнем владения лексикой у студентов английских специальностей и методические выводы для обучения

Сунь Тин,
Магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2046812275@qq.com

Ху Яньхуа,
доцент, корреспондент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 545758219@qq.com

В статье рассматривается взаимосвязь между стратегиями изучения лексики и уровнем владения лексикой у студентов третьего курса английской специальности. В исследовании приняли участие 114 студентов одного из региональных вузов Китая. Для сбора данных использовались тест на определение уровня владения лексикой и опросник стратегий изучения лексики; статистическая обработка проводилась с применением описательной статистики, t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа Пирсона. Установлено, что студенты чаще используют когнитивные стратегии, чем метакогнитивные, а более высокие результаты связаны прежде всего с избирательным вниманием, инициативностью в самостоятельном обучении, ведением записей с ориентацией на употребление слова и контекстуальным кодированием. Механические стратегии повторения значимой связи с уровнем владения лексикой не показали. Полученные результаты подтверждают необходимость усиления метакогнитивной подготовки и стратегий глубокой переработки в обучении лексике.

Ключевые слова: Стратегии Изучения Лексики, Уровень Владения Лексикой, Метакогнитивные Стратегии, Когнитивные Стратегии, Студенты Английской Специальности.

Введение

Лексическая компетенция является важной составляющей языковой подготовки студентов английских специальностей и непосредственно влияет на развитие навыков аудирования, говорения, чтения, письма и перевода. В условиях продолжающейся реформы преподавания английского языка в китайской высшей школе особую актуальность приобретает повышение эффективности лексического обучения. Несмотря на значительные затраты времени на запоминание слов, многие студенты испытывают трудности с их пониманием в контексте и практическим использованием в устной и письменной речи. Это определяет необходимость поиска более эффективных стратегий усвоения и активизации лексики.

В настоящем исследовании стратегии изучения лексики рассматриваются как осознанные действия и мыслительные операции, используемые обучающимися в процессе овладения словарным материалом. Особое внимание уделяется метакогнитивным стратегиям, связанным с планированием, контролем и регулированием учебной деятельности, и когнитивным стратегиям, непосредственно направленным на обработку и усвоение лексических единиц. Хотя связь стратегий обучения с результативностью овладения иностранным языком неоднократно отмечалась в научной литературе, особенности их использования студентами английских специальностей и характер их взаимосвязи с уровнем владения лексикой изучены недостаточно системно.

Особый интерес представляют студенты третьего курса, поскольку к этому этапу они уже обладают базовой языковой подготовкой и относительно устойчивыми способами учебной деятельности, одновременно переходя к более сложным задачам дальнейшего развития языковой компетенции. В связи с этим цель исследования состоит в выявлении особенностей использования метакогнитивных и когнитивных стратегий студентами третьего курса английской специальности и определении их взаимосвязи с уровнем владения лексикой.

Обзор литературы

Стратегии изучения лексики занимают важное место в исследованиях усвоения второго языка. Gu и Johnson (1996) выделяют метакогнитивные и когнитивные стратегии: первые связаны с планированием, контролем и оценкой процесса обучения, включая избирательное внимание и инициативность в самостоятельном обучении, вторые непосредственно направлены на работу с лексическим материалом и охватывают догадку о значении слова, использование словаря, ведение записей, запоминание и активизацию новой лексики. Данная классификация стала одной из основных моделей для последующих эмпирических исследований. Теоретическое объяснение эффективности различных стратегий связано с теорией уровней переработки Craik и Lockhart (1972): более глубокая семантическая обработка обеспечивает более прочное запоминание, чем механическое повторение. Nation (2001), рассматривая лексическое знание как многомерное, подчёркивает значение не только формы и значения слова, но и его сочетаемости, синтаксических и прагматических характеристик. Тем самым контекстуальное кодирование, ведение записей с ориентацией на употребление и ассоциативные стратегии получают теоретическое обоснование как более продуктивные способы освоения лексики.

Связь между стратегиями изучения лексики и результатами языковой подготовки неоднократно подтверждалась эмпирически. Gu и Johnson (1996), а также Вэнь Сюэмэй (2010) показали, что более эффективное использование стратегий связано с более высоким уровнем владения лексикой. В частности, положительная связь выявлялась для избирательного внимания, инициативности в самостоятельном обучении, использования словаря, ведения записей, контекстуального кодирования и активизации новой лексики, тогда как визуальное повторение демонстрировало отрицательную связь с результатами.

Китайские исследования в целом подтверждают данную тенденцию, но одновременно выявляют специфику разных групп обучающихся. Дэн Вэньчэнь (2018) установил, что основным объектом отечественных исследований долгое время оставались студенты неязыковых специальностей. Фэн Юйфан (2003) показала, что старшекурсники английской специальности используют более широкий и гибкий набор

стратегий, а Хэ Чуньсю и соавт. (2021) выявили положительную связь углублённого использования словаря с уровнем владения лексикой и отрицательную связь визуального повторения. Чжан Хуайюй и У Цюн (2017) отметили, что более успешные студенты чаще комбинируют разные словари, применяют ассоциативные стратегии и эффективнее осуществляют самоконтроль. Цзян Мэнся и соавт. (2021) отнесли к характерным стратегиям успешных обучающихся словообразовательный анализ, контекстуальное обучение, использование словаря и планирование, тогда как Вэнь Цюфан (2003) подчеркнула роль стратегий управления учебной деятельностью и глубокой переработки информации.

В целом существующие исследования показывают, что более высокие результаты связаны не с частотой использования стратегий как таковой, а с их глубиной, осознанностью и направленностью на активную переработку лексического материала. Вместе с тем особенности использования метакогнитивных и когнитивных стратегий студентами третьего курса английской специальности и характер их взаимосвязи с уровнем владения лексикой остаются недостаточно изученными.

Организация и методы исследования

Исследование направлено на определение уровня владения лексикой студентами третьего курса английской специальности, выявление особенностей использования ими стратегий изучения лексики и установление взаимосвязи между этими показателями. В исследовании приняли участие 114 студентов одного из региональных вузов Китая, в том числе 26 юношей и 88 девушек в возрасте от 20 до 22 лет. Выбор студентов третьего курса обусловлен тем, что к этому этапу они уже обладают базовой языковой подготовкой и относительно устойчивыми способами учебной деятельности. Для сопоставления участников с различным уровнем владения лексикой верхние 30% результатов тестирования были отнесены к группе с высокими показателями, нижние 30% – к группе с низкими; в каждую группу вошли по 35 человек.

Исследование выполнено в рамках количественного поперечного дизайна. Для оценки рецептивного словарного запаса использовалась обновлённая версия Vocabulary Levels Test, разработанная N. Schmitt, D. Schmitt и Clapham (2001) на основе теста Nation (1990). В работе применялась часть, соответствующая уровню 5000 слов и включающая 48 заданий. Выбор данного уровня связан с тем, что студенты третьего курса в основном уже освоили базовую лексику уровней 2000–3000 слов, тогда как уровень 5000 слов позволяет более чётко дифференцировать степень сформированности лексических знаний. Результаты тестирования переводились в стобалльную шкалу и использовались для оценки уровня владения лексикой и последующего распределения участников по группам.

Для изучения стратегий применялся Vocabulary Learning Strategies Questionnaire Gu и Johnson (1996), включающий 75 утверждений, оцениваемых по пятибалльной шкале Лайкерта. Опросник охватывает две основные группы стратегий – метакогнитивные и когнитивные. К первым относятся избирательное внимание и инициативность в самостоятельном обучении; вторые включают стратегии догадки о значении слова, использования словаря, ведения записей, запоминания и активизации новой лексики. В их составе анализировались, в частности, опора на фоновые знания и языковые признаки, различные способы работы со словарём, устное и визуальное повторение, ассоциативные стратегии, а также визуальное, семантическое и контекстуальное кодирование.

Сбор данных проводился онлайн с использованием платформы Wenjuanxing. Из 120 распространённых анкет 114 были признаны пригодными для анализа, что составило 95%. Статистическая обработка осуществлялась в SPSS 27.0. Для характеристики уровня владения лексикой и частоты использования стратегий применялась описательная статистика; различия между группами с высокими и низкими результатами оценивались с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок, а взаимосвязь между стратегиями и уровнем владения лексикой – с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты и обсуждение

Максимальный балл за тест на определение уровня владения лексикой составлял 100. Средний результат всех участников исследования (N = 114) составил 73,83 балла (SD = 8,96). Распределение результатов показало, что 28,1% студентов набрали более 80 баллов, 41,2% – от 70 до 79 баллов, 22,8% – от 60 до 69 баллов, а 7,9% – менее 60 баллов. Эти данные свидетельствуют о том, что в целом уровень владения лексикой у большинства студентов находится на среднем или выше среднего уровне. Вместе с тем почти треть участников не достигла отметки в 70 баллов, что указывает на необходимость дальнейшего укрепления их лексической базы. Распределение результатов позволяет также предположить, что после более чем двух лет профильной языковой подготовки студенты третьего курса в целом достаточно уверенно владеют базовой лексикой уровней 2000–3000 слов, тогда как на уровне 5000 слов наблюдается заметная дифференциация. Существенный разрыв между группами с высокими и низкими результатами создаёт основу для последующего сопоставления особенностей использования ими стратегий изучения лексики.

Результаты описательной статистики показали, что средний показатель использования когнитивных стратегий (M = 4,12) превышал соответствующий показатель метакогнитивных стратегий (M = 3,87). Это свидетельствует о том, что студенты чаще прибегают к стратегиям, непосредственно направленным на работу с лексическим материалом, тогда как планирование, контроль и оценка собственного процесса обучения используются ими в меньшей степени. Наиболее часто применялись использование словаря для понимания значения слова (M = 4,69), устное повторение (M = 4,43), догадка с опорой на языковые признаки (M = 4,40), ведение записей с ориентацией на значение (M = 4,30) и углублённое использование словаря (M = 4,13). В то же время ассоциативные стратегии (M = 3,87) и стратегии активизации новой лексики (M = 3,80), предполагающие более глубокую переработку материала, использовались реже. Это указывает на то, что студенты недостаточно активно связывают новые слова с уже имеющимися знаниями, личным опытом и ранее усвоенной лексикой, а также не всегда стремятся сознательно включать новые слова в устную и письменную речь.

В целом полученные результаты показывают, что студенты английской специальности склонны отдавать предпочтение когнитивным стратегиям, которые отличаются большей операциональной доступностью и позволяют относительно быстро решать конкретные учебные задачи. При этом стратегии, связанные с планированием, мониторингом и оценкой собственного обучения, применяются менее активно. Более высокая частота использования словаря для непосредственного понимания значения по сравнению с его использованием для расширенного изучения слова свидетельствует о том, что при встрече с незнакомой лексикой студенты прежде всего стремятся устранить текущие затруднения в понимании, а не систематически расширять и углублять свои лексические знания. Более частое использование устного и визуального повторения по сравнению с ассоциативными стратегиями и анализом корней и аффиксов также показывает, что механическое запоминание по-прежнему занимает заметное место в лексическом обучении. Это свидетельствует о недостаточной сформированности стратегий глубокой переработки и указывает на необходимость более целенаправленного развития у студентов осознанных способов работы с лексикой.

Таблица 1. Результаты t-критерия по стратегиям изучения лексики в группах с высокими (A) и низкими (B) результатами

Стратегия	Группа	n	M	SD	t	p
Избирательное внимание	A	35	4,53	0,60	2,374	0,024
	B	35	3,68	1,61		
Инициативность в самостоятельном обучении	A	35	4,28	0,55	2,603	0,013
	B	35	3,79	0,71		
Догадка с опорой на фоновые знания	A	35	4,27	0,39	2,751	0,011
	B	35	3,77	0,76		
Догадка с опорой на языковые признаки	A	35	4,39	0,55	-0,096	0,924
	B	35	4,41	0,86		
Использование словаря для понимания значения	A	35	4,64	0,57	-0,598	0,553
	B	35	4,74	0,64		
Углублённое использование словаря	A	35	4,55	0,58	2,412	0,021
	B	35	3,71	1,58		
Навыки работы со словарём	A	35	4,24	0,60	0,429	0,670
	B	35	4,16	0,89		
Ведение записей с ориентацией на значение	A	35	4,27	0,55	-0,291	0,773
	B	35	4,33	0,91		
Ведение записей с ориентацией на употребление слова	A	35	4,39	0,58	0,917	0,365
	B	35	4,23	0,86		
Использование списков слов	A	35	4,39	0,54	0,646	0,523
	B	35	4,24	0,99		
Устное повторение	A	35	4,33	0,74	-0,791	0,433

Окончание

Стратегия	Группа	n	M	SD	t	p
	B	35	4,52	0,84		
Визуальное повторение	A	35	4,13	0,75	-0,979	0,333
	B	35	4,43	0,91		
Ассоциативные стратегии	A	35	4,27	0,39	3,381	0,002
	B	35	3,47	1,07		
Создание мысленных образов	A	35	4,20	0,69	-0,479	0,635
	B	35	4,30	0,80		
Визуальное кодирование	A	35	4,15	0,67	-1,087	0,283
	B	35	4,38	0,79		
Использование корней и аффиксов	A	35	4,11	0,65	0,710	0,482
	B	35	3,96	0,82		
Семантическое кодирование	A	35	4,08	0,63	0,358	0,722
	B	35	4,01	0,77		
Контекстуальное кодирование	A	35	4,25	0,65	1,453	0,154
	B	35	3,96	0,86		
Стратеи активизации новой лексики	A	35	3,93	1,60	2,339	0,026

По результатам теста на определение уровня владения лексикой студенты были разделены на группы с высокими и низкими результатами (верхние и нижние 30% выборки). Сравнение с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок выявило статистически значимые различия по шести стратегиям ($p < 0,05$): избирательному вниманию ($t = 2,374$; $p = 0,024$), инициативности в самостоятельном обучении ($t = 2,603$; $p = 0,013$), догадке с опорой на фоновые знания ($t = 2,751$; $p = 0,011$), углублённому использованию словаря ($t = 2,412$; $p = 0,021$), ассоциативным стратегиям ($t = 3,381$; $p = 0,002$) и стратегиям активизации новой лексики ($t = 2,339$; $p = 0,026$); по всем этим показателям группа с высокими результатами превосходила группу с низкими. Полученные данные показывают, что более успешные студенты лучше выделяют учебные приоритеты, активнее регулируют собственное обучение и чаще используют стратегии глубокой переработки и активного включения новой лексики в речь. При этом по устному и визуальному повторению, а также использованию словаря для непосредственного понимания значимых различий между группами не выявлено, что позволяет связать различия в уровне владения лексикой прежде всего с глубиной и качеством применения стратегий, а не с частотой их использования. Эти результаты согласуются с выводами Чжан Пин (2004) (табл. 2).

Таблица 2. Корреляция между стратегиями изучения лексики и уровнем владения лексикой в группе с высокими результатами (N = 35)

Стратегия	r	p
Избирательное внимание	0,518	0,011
Инициативность в самостоятельном обучении	0,452	0,030
Догадка с опорой на фоновые знания	0,206	0,345
Догадка с опорой на языковые признаки	-0,048	0,828
Использование словаря для понимания значения	0,194	0,376
Углублённое использование словаря	0,059	0,790
Навыки работы со словарём	0,184	0,399
Ведение записей с ориентацией на значение	0,234	0,282
Ведение записей с ориентацией на употребление слова	0,515	0,012
Использование списков слов	-0,071	0,746
Устное повторение	-0,056	0,799
Визуальное повторение	0,052	0,813
Ассоциативные стратегии	0,106	0,630
Создание мысленных образов	0,134	0,543
Визуальное кодирование	0,220	0,313
Использование корней и аффиксов	0,264	0,223
Семантическое кодирование	0,391	0,065
Контекстуальное кодирование	0,499	0,015
Стратегии активизации новой лексики	0,396	0,061

Окончание

Для выявления взаимосвязи между отдельными стратегиями изучения лексики и уровнем владения лексикой был проведён корреляционный анализ Пирсона по данным всех участников исследования ($N = 114$). Результаты показали статистически значимую положительную связь уровня владения лексикой с избирательным вниманием ($r = 0,518$; $p = 0,011$), инициативностью в самостоятельном обучении ($r = 0,452$; $p = 0,030$), ведением записей с ориентацией на употребление слова ($r = 0,515$; $p = 0,012$) и контекстуальным кодированием ($r = 0,499$; $p = 0,015$). Избирательное внимание и инициативность в самостоятельном обучении как ключевые компоненты метакогнитивных стратегий демонстрируют выраженную положительную связь с уровнем владения лексикой, что позволяет предположить, что студенты, способные самостоятельно определять приоритеты обучения и планировать учебную деятельность, лучше овладевают словарным материалом. Ведение записей с ориентацией на употребление слова предполагает фиксацию сочетаемости, примеров и грамматических особенностей лексической единицы, а не простое записывание её китайского эквивалента; такая глубокая переработка способствует более системному усвоению лексических знаний. Контекстуальное кодирование, в свою очередь, предполагает запоминание нового слова в конкретном контексте или ситуации, что соответствует положениям теории уровней переработки и способствует более прочному сохранению информации в памяти. Семантическое кодирование ($r = 0,391$; $p = 0,065$) и стратегии активизации новой лексики ($r = 0,396$; $p = 0,061$) приближаются к уровню статистической значимости, что может свидетельствовать о потенциально положительной роли семантической организации значения слова и его использования в речевой продукции.

В то же время механические стратегии, такие как устное повторение ($r = –0,056$), визуальное повторение ($r = 0,052$) и использование списков слов ($r = –0,071$), характеризуются крайне слабой и статистически незначимой связью с уровнем владения лексикой; догадка с опорой на языковые признаки также демонстрирует слабую отрицательную корреляцию ($r = –0,048$). Это показывает, что простое многократное повторение само по себе в ограниченной степени способствует повышению уровня владения лексикой, а чрезмерная опора на внутренние языковые признаки при определении значения слова не обеспечивает его полноценного усвоения. Догадка с опорой на фоновые знания ($r = 0,206$; $p = 0,345$) и использование словаря для непосредственного понимания значения ($r = 0,194$; $p = 0,376$) также не достигли уровня статистической значимости. Следовательно, даже часто используемые стратегии не обязательно способствуют развитию лексической компетенции, если они не сопровождаются более глубокой переработкой материала. В целом статистически значимые положительные связи выявлены прежде всего для стратегий, предполагающих глубокую переработку лексики либо её включение в более широкий контекст языкового употребления, тогда как стратегии поверхностной обработки, несмотря на высокую частоту их использования, вносят ограниченный вклад в повышение уровня владения лексикой.

Основные результаты

Уровень владения лексикой у студентов третьего курса английской специальности в целом находился на среднем или выше среднего уровне: средний результат составил 73,83 балла из 100. Более двух третей участников набрали не менее 70 баллов, однако почти треть студентов продемонстрировала результаты ниже этого уровня. Распределение показателей позволяет предположить, что базовая лексика уровней 2000–3000 слов в целом освоена достаточно хорошо, тогда как на уровне 5000 слов сохраняется заметная дифференциация.

В использовании стратегий выявлено преобладание когнитивных стратегий над метакогнитивными. Наиболее часто студенты обращались к словарю для понимания значения, устному повторению и догадке с опорой на языковые признаки, тогда как ассоциативные стратегии и активизация новой лексики использовались реже. Это указывает на преимущественную ориентацию на решение текущих учебных задач и механическое запоминание, а не на систематическое углубление лексических знаний. Такая тенденция может сдерживать дальнейшее расширение и углубление словарного запаса.

Статистически значимые различия между группами с высокими и низкими результатами были выявлены по шести стратегиям: избирательному вниманию, инициативности в самостоятельном обучении, догадке с опорой на фоновые знания, углублённому использованию

словаря, ассоциативным стратегиям и активизации новой лексики. Преимущество более успешных студентов проявлялось прежде всего в способности выделять учебные приоритеты, использовать ранее усвоенные знания, устанавливать ассоциативные связи, учитывать особенности употребления слова и включать новую лексику в устную и письменную речь.

Положительная связь с уровнем владения лексикой была наиболее выражена для метакогнитивных стратегий и стратегий глубокой переработки, тогда как механическое устное и визуальное повторение практически не было связано с результатами. Следовательно, эффективность усвоения лексики определяется не столько частотой применения стратегий, сколько характером их использования: более продуктивными являются осознанное регулирование учебной деятельности, фиксация особенностей употребления слова и его усвоение в контексте речевого использования.

Методические следствия исследования

Полученные результаты позволяют выделить несколько направлений совершенствования лексического обучения студентов английской специальности. Особое внимание следует уделять не столько факту использования той или иной стратегии, сколько характеру и глубине её применения. В связи с этим обучение должно быть ориентировано на постепенный переход от механического запоминания к более глубокой переработке лексического материала, а также от пассивного усвоения к осознанной и самостоятельной организации учебной деятельности.

Приоритетное значение имеет развитие метакогнитивных стратегий. Поскольку именно они продемонстрировали выраженную связь с уровнем владения лексикой, целесообразно систематически формировать у студентов навыки планирования, контроля и оценки собственной учебной деятельности. Для этого могут использоваться индивидуальные планы лексической работы, задания на избирательное внимание при чтении, краткие рефлексивные упражнения и учебные дневники. Такие формы работы способствуют формированию устойчивой привычки самостоятельно определять учебные приоритеты, отслеживать результаты и корректировать способы изучения лексики.

Не менее важно переориентировать когнитивные стратегии с механического повторения на глубокую переработку. При введении новой лексики следует обращать внимание не только на значение слова, но и на его сочетаемость, грамматические особенности и условия употребления. Ведение записей целесообразно строить вокруг примеров, типичных сочетаний и способов использования слова в речи, а не ограничивать фиксацией перевода. Контекстуальные и ассоциативные задания позволяют связывать новую лексику с уже имеющимися знаниями и способствуют формированию более устойчивых лексических связей.

Отдельного внимания требует обучение работе со словарём. Его использование должно быть направлено не только на устранение текущих трудностей понимания, но и на целенаправленное расширение знаний о слове. Полезно формировать у студентов умение обращать внимание на сочетаемость, грамматическую информацию и примеры употребления, а также постепенно расширять использование англо-английских словарей и английских толкований в двуязычных изданиях. В этом случае словарь становится средством систематического самостоятельного освоения лексики.

Заключение

Проведённое исследование показало, что у студентов третьего курса английской специальности когнитивные стратегии преобладают над метакогнитивными, однако более высокий уровень владения лексикой связан прежде всего с избирательным вниманием, инициативностью в самостоятельном обучении, ведением записей с ориентацией на употребление слова и контекстуальным кодированием. Механические стратегии повторения, напротив, не продемонстрировали значимой связи с результатами. Это позволяет сделать вывод о том, что эффективность лексического обучения определяется не столько частотой использования стратегий, сколько глубиной и качеством их применения. В связи с этим в преподавании целесообразно усиливать метакогнитивную подготовку и ориентировать студентов на более глубокую переработку лексического материала, его усвоение в контексте и активное использование в речи. Ограничения исследования связаны с формированием выборки на базе одного вуза и использованием преимущественно анкетных данных, что снижает возможности обобщения результатов и не позволяет в полной мере проследить динамику стратегического поведения. Перспективы дальнейшей работы состоят в расширении выборки, сочетании количественных методов с интервью и методом «мышления вслух», а также в изучении связи стратегий с продуктивным владением лексикой.

Литература

1. Дэн Вэньчэнь. Обзор исследований стратегий изучения лексики второго языка в Китае за последние 15 лет // Электронное обучение иностранным языкам. – 2018. – № 14. – С. 205–207.
2. Фэн Юйфан. Сравнительное исследование стратегий изучения лексики студентами младших и старших курсов английской специальности // Мир иностранных языков. – 2003. – № 2. – С. 66–72.
3. Хэ Чуньсю, Гу Юнци, Мяо Цзя. Продольное сравнительное исследование представлений и стратегий изучения лексики студентами английской специальности // Электронное обучение иностранным языкам. – 2021. – № 1. – С. 32–37.
4. Цзян Мэнся, Ван Дэхуа, Ван Анъан. Исследование стратегий изучения лексики успешными изучающими английский язык // Вестник Хубэйского университета экономики. – 2021. – № 21. – С. 207–209.
5. Вэнь Сюэмэй. Эмпирическое исследование стратегий изучения профессиональной лексики студентами специальности «Деловой английский» // Иностранные языки и литература. – 2010. – № 5. – С. 134–145.
6. Вэнь Цюфан. Путь к успешному изучению английского языка. – Шанхай: Издательство Шанхайского университета иностранных языков, 2003.
7. Чжан Хуайюй, У Цюн. Исследование современного состояния использования стратегий изучения лексики студентами английской специальности // Модернизация образования. – 2017. – Т. 4, № 21. – С. 190–192.
8. Чжан Пин. Прогностическая роль стратегий изучения лексики в учебной успеваемости обучающихся // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 2004. – № 12. – С. 21–23.
9. Крейк Ф. И. М., Локхарт Р.С. Уровни переработки информации: концептуальная основа исследования памяти // Журнал вербального обучения и вербального поведения. – 1972. – Т. 11, № 6. – С. 671–684.
10. Гу Ю. Ц., Джонсон Р.К. Стратегии изучения лексики и результаты языкового обучения // Изучение языка. – 1996. – Т. 46, № 4. – С. 643–679.
11. Нейшн И. С.П. Преподавание и изучение лексики. – Нью-Йорк: Ньюбери Хаус Паблишерс, 1990.
12. Нейшн И. С.П. Изучение лексики на другом языке. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2001.
13. О'Мэлли Дж. М., Шамо А.У. Стратегии обучения при усвоении второго языка. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1990.
14. Шмитт Н., Шмитт Д., Клэфэм К. Разработка и апробация двух новых версий теста уровней владения лексикой // Языковое тестирование. – 2001. – Т. 18, № 1. – С. 55–88.

THE STUDY ON THE CORRELATION BETWEEN ENGLISH MAJORS'ENGLISH VOCABULARY LEARNING STRATEGIES AND VOCABULARY LEVEL AND ITS PEDAGOGICAL IMPLICATIONS

Sun Ting, Hu Yanhua
Xinjiang Normal University

The article examines the relationship between vocabulary learning strategies and vocabulary proficiency among third-year English majors. The study involved 114 students from a regional university in China. Data were collected using a vocabulary level test and a vocabulary learning strategies questionnaire, and were analyzed through descriptive statistics, an independent-samples t-test, and Pearson correlation analysis. The results show that students use cognitive strategies more frequently than metacognitive strategies, while higher vocabulary proficiency is associated primarily with selective attention, initiative in self-directed learning, usage-oriented note-taking, and contextual encoding. Mechanical repetition strategies showed no significant relationship with vocabulary proficiency. The findings indicate the need to strengthen metacognitive strategy training and promote deeper processing strategies in vocabulary instruction.

Keywords: Vocabulary Learning Strategies, Vocabulary Proficiency, Metacognitive Strategies, Cognitive Strategies, English Majors.

References

1. Deng Wenchen. A Review of Research on Second Language Vocabulary Learning Strategies in China over the Past 15 Years // Computer-Assisted Foreign Language Education. – 2018. – No. 14. – P. 205–207.
2. Feng Yufang. A Comparative Study of Vocabulary Learning Strategies Used by Junior and Senior English Majors // Foreign Language World. – 2003. – No. 2. – P. 66–72.
3. He Chunxiu, Gu Yongqi, Miao Jia. A Longitudinal Comparative Study of Vocabulary Learning Beliefs and Strategies among English Majors // Computer-Assisted Foreign Language Education. – 2021. – No. 1. – P. 32–37.
4. Jiang Mengxia, Wang Dehua, Wang Angang. A Study of Vocabulary Learning Strategies Used by Successful English Learners // Journal of Hubei University of Economics. – 2021. – No. 21. – P. 207–209.

5. Wen Xuemei. An Empirical Study of Vocabulary Learning Strategies among Business English Majors // Foreign Languages and Literature. – 2010. – No. 5. – P. 134–145.

6. Wen Qiufang. The Road to Success in English Learning. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2003.

7. Zhang Huaiyu, Wu Qiong. An Investigation into the Current Use of Vocabulary Learning Strategies by English Majors // Education Modernization. – 2017. – Vol. 4, No. 21. – P. 190–192.

8. Zhang Ping. The Predictive Role of Learners' Vocabulary Learning Strategies in Academic Achievement // Foreign Languages and Their Teaching. – 2004. – No. 12. – P. 21–23.

9. Craik F. I. M., Lockhart R.S. Levels of Processing: A Framework for Memory Research // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1972. – Vol. 11, No. 6. – P. 671–684.

10. Gu Y. Q., Johnson R.K. Vocabulary Learning Strategies and Language Learning Outcomes // Language Learning. – 1996. – Vol. 46, No. 4. – P. 643–679.

11. Nation I. S.P. Teaching and Learning Vocabulary. – New York: Newbury House Publishers, 1990.

12. Nation I. S.P. Learning Vocabulary in Another Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

13. O'Malley J. M., Chamot A.U. Learning Strategies in Second Language Acquisition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

14. Schmitt N., Schmitt D., Clapham C. Developing and Exploring the Behaviour of Two New Versions of the Vocabulary Levels Test // Language Testing. – 2001. – Vol. 18, No. 1. – P. 55–88.

Цифровое отчуждение: влияние социальных сетей и экосистем суперприложений на межличностные отношения

Сюн Цзявэй,
аспирант, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»
E-mail: xiongjiaweii@163.com

Статья посвящена анализу феномена цифрового отчуждения, возникающего под влиянием социальных сетей и формирующихся экосистем суперприложений, и его воздействию на качество межличностных отношений. Раскрываются теоретические основания понятия отчуждения – от классической социально-философской традиции и концепции Г. Маркузе до современной интерпретации цифрового одиночества в российской науке и теории «привязанного Я» Ш. Тёркл. Анализируются конкретные психологические механизмы, опосредующие связь между использованием цифровых платформ и снижением удовлетворённости отношениями: синдром упущенной выгоды (FOMO) и фаббинг, включая его частный случай – партнёрский фаббинг. Отдельное внимание уделено экосистеме суперприложения как качественно новому уровню цифрового присутствия на примере китайской платформы WeChat: показано, что интеграция коммуникации, платежей и идентификации пользователя в единый цифровой контур усиливает эффекты одиночества и стресса, а также добавляет культурно специфический слой отчуждения через конструкты *guānxì* и *miànzi*. Делается вывод о том, что переход к экосистемным моделям меняет природу отчуждения, превращая его из результата индивидуального выбора в свойство самой цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: цифровое отчуждение; цифровое одиночество; межличностные отношения; социальные сети; экосистема суперприложения; синдром упущенной выгоды (FOMO); фаббинг; WeChat; цифровизация; социальная философия

Рост технической связности парадоксальным образом сопровождается ростом субъективного одиночества. Человек с доступом к сотням контактов и десяткам каналов связи одновременно всё чаще сообщает об эмоциональной изоляции и поверхностности социальных связей. Этот парадокс зафиксировала социальный психолог Массачусетского технологического института Шерри Тёркл: на основе более чем двадцатилетних наблюдений за отношениями человека и технологий она пришла к выводу, что попытка выстраивать близость через интернет и социальные сети формирует новый тип одиночества – переживаемый именно в условиях постоянной подключённости к другим людям [1].

Социальные сети и мобильные технологии перестали быть вспомогательным инструментом коммуникации и стали основной средой построения межличностных отношений, что меняет сами механизмы выбора партнёра, дружбы и эмоциональной близости. На смену отдельным социальным сетям приходят экосистемы суперприложений – платформы, объединяющие мессенджер, платёжную систему, государственные сервисы, маркетплейс и идентификацию пользователя в единый контур [2]. Влияние «классических» соцсетей на отношения изучено достаточно подробно, тогда как воздействие экосистемной, тотальной модели цифрового присутствия остаётся менее исследованным.

В статье последовательно раскрываются теоретические основания понятия «цифровое отчуждение», анализируются конкретные психологические механизмы, лежащие в его основе (синдром упущенной выгоды, фаббинг), а также рассматривается экосистема суперприложения на примере китайской платформы WeChat – кейса, влияние которого на межличностные отношения пользователей изучено в современной науке наиболее подробно.

Понятие отчуждения восходит к классической социально-философской традиции, где оно трактуется как процесс, при котором деятельность человека и её продукты превращаются в самостоятельную, враждебную ему силу [3]. В XX веке эту категорию развили представители Франкфуртской школы, в частности Г. Маркузе, связавший отчуждение с механизмами массовой культуры и технологий, формирующими «одномерного человека» – индивида без критической дистанции по отношению к навязанным образцам потребления и мышления. Российские исследователи цифрового отчуждения связывают его генезис именно с концепцией Маркузе: механизмы, которые он описывал применительно к массовой культуре середины XX века, в алгоритмическом обществе не исчезают, а усиливаются – цифровые платформы производят «одномерность» через персонализированные информационные потоки и «фильтрующие пузыри», ограничивающие встречу пользователя с иной точкой зрения [4].

Применительно к межличностному взаимодействию в российской науке закрепился термин «цифровое одиночество» – состояние изоляции, которое испытывает человек из-за чрезмерного использования цифровых устройств и социальных сетей и которое сопровождается чувством опустошённости и отсутствия значимых социальных связей при постоянном взаимодействии с людьми в виртуальном мире [5, с. 63]. Авторы концепции отмечают, что при ослаблении реальной межличностной коммуникации запускается процесс дегуманизации человека; среди конкретных форм отчуждения они выделяют цифровой аутизм, цифровой эскапизм и цифровое кочевничество [5, с. 63].

Наиболее развёрнутую эмпирическую базу для понимания механизма цифрового отчуждения в близких отношениях даёт Ш. Тёркл. На основе многолетних наблюдений за взаимодействием людей с цифровыми устройствами она формулирует тезис о «привязанном Я» (tethered self) – состоянии, при котором постоянная доступность коммуникационных технологий отвлекает человека от важных социальных переживаний, происходящих здесь и сейчас [6, с. 1842]. Пользователи накапливают тысячи виртуальных «друзей» и подписчиков, путая публикации в лентах и комментарии с подлинным общением, в то время как глубина и устойчивость реальных отношений снижается [7]. Тёркл специально подчёркивает: её аргумент не против технологий как таковых, а против диспропорции – технологии замещают функции живого диалога именно в моменты эмоциональной уязвимости, когда нужен не симулированный, а настоящий контакт [7].

Цифровое отчуждение можно определить как процесс и состояние, при котором цифровая среда, изначально создававшаяся как инструмент расширения коммуникации, начинает функционировать как самостоятельная сила: она отдаляет человека от глубинных межличностных связей и замещает их симуляцией социальной включённости.

Синдром упущенной выгоды

Понятие FOMO операционализировано в исследовании А. Пшибыльского и соавторов как переживание постоянного беспокойства о том, что другие люди имеют более насыщенный жизненный опыт, от которого индивид отрезан, и желание непрерывно оставаться на связи с происходящим в жизни окружающих [6, с. 1841]. На национально репрезентативной британской выборке (N = 2079) FOMO оказался статистически значимо отрицательно связан с удовлетворённостью базовых психологических потребностей – в компетентности, автономии и связанности с другими людьми ($\beta = –0,25$, $p < 0,001$), а также с общим эмоциональным фоном ($\beta = –0,20$, $p < 0,001$) и удовлетворённостью жизнью в целом ($\beta = –0,17$, $p < 0,001$) [6, с. 1844]. Для темы статьи важен следующий вывод: дефицит удовлетворения потребности в близости и связанности с другими людьми (relatedness) – один из ключевых предикторов FOMO, а сам FOMO статистически опосредует связь между этим дефицитом и интенсивностью вовлечённости в социальные сети ($\beta = 0,40$, $p < 0,001$) [6, с. 1845]. Формируется замкнутый круг: неудовлетворённость качеством реальных отношений повышает тревогу по поводу упускаемых социальных событий, что подталкивает человека к более интенсивному использованию социальных сетей – однако это использование, как показывает теория Тёркл, замещает дефицит подлинной близости, а не восполняет его.

Фаббинг

Второй механизм – фаббинг (от англ. phone и snubbing), пренебрежение собеседником в пользу смартфона во время очного взаимодействия. Частный случай этого явления в контексте романтических отношений получил название партнёрского фаббинга (partner phubbing, Pphubbing). Дж. Робертс и М. Дэвид установили, что влияние партнёрского фаббинга на удовлетворённость отношениями опосредуется конфликтами по поводу использования телефона, причём эффект усиливается у партнёров с тревожным типом привязанности [8]. Российские исследователи фаббинга фиксируют сходные негативные последствия для межличностной коммуникации: снижение удовлетворённости отношениями, рост конфликтности, ослабление сплочённости в группе, чувство социальной изоляции и снижение эмпатии и доверия между партнёрами [9]. При этом российское эмпирическое исследование на выборке молодёжи (N = 525, 2019 г.) делает важную оговорку: использование гаджетов само по себе не всегда снижает удовлетворённость отношениями напрямую – негативный эффект усиливается, когда фаббинг воспринимается партнёром как социально приемлемая норма, систематически наблюдаемая в окружении [10].

FOMO и фаббинг описывают цифровое отчуждение не как абстрактный социально-философский процесс, а как измеримую динамику повседневного взаимодействия, в которой внимание, время и эмоциональная вовлечённость перенаправляются от живого собеседника к цифровому устройству.

Социальная сеть в классическом виде – одна из множества цифровых платформ в жизни пользователя. Суперприложение (super app) устроено иначе. Согласно систематическому обзору 26 научных публикаций 2018–2023 гг., суперприложение – это платформа, консолидирующая внутри единого интерфейса разнородные сервисы: от мессенджера и социальной сети до платёжной системы, заказа товаров и идентификации личности, так что границы между коммуникацией, потреблением и администрированием повседневной жизни пользователя практически исчезают [2]. Эталонный пример такой архитектуры – китайская платформа WeChat (WeiXin) с ежемесячной аудиторией свыше 1,2 миллиарда пользователей, которая используется не только для общения, но и для покупок, платежей, работы и обучения [11].

Суперприложение отличается от обычной социальной сети тем, что выход из него физически и социально затруднён. Пользователь может относительно безболезненно удалить аккаунт в отдельной социальной сети, но отказ от суперприложения, интегрированного в платежи, доступ к госуслугам и повседневную коммуникацию, означает выход из значимой части социальной и экономической жизни – это усиливает эффекты, описанные в предыдущем разделе.

Эмпирическое подтверждение даёт исследование на репрезентативной китайской выборке (N = 1805), проведённое в период карантинных ограничений COVID-19. Интенсивность использования WeChat оказалась положительно связана с уровнем социального одиночества ($\beta = 0,11$, $p < 0,001$), которое частично опосредует связь между интенсивностью использования платформы и уровнем стресса ($\beta = 0,07$, $p < 0,001$), а также удовлетворённостью жизнью ($\beta = –0,03$, $p < 0,001$) [11]. Рост вовлечённости в экосистему WeChat одновременно усиливал ощущение одиночества и снижал психологическое благополучие – даже у пользователей, которые объясняли использование платформы потребностью оставаться на связи с близкими в условиях изоляции [11]. Эти данные подтверждают теоретические модели Internet Paradox и гипотезу замещения времени (Time Displacement Hypothesis): онлайн-взаимодействие в рамках ограниченного бюджета времени вытесняет очное общение, не компенсируя его эмоциональной глубины [11].

Культурное измерение этого процесса раскрывает исследование влияния интенсивности использования WeChat на психическое здоровье китайских студентов: его авторы указывают на необходимость учитывать специфические для китайской культуры конструкты *guānxì* (сети межличностных связей и обязательств) и *miànzi* («лицо», социальная репутация) [12]. В западном контексте социальная сеть – преимущественно инструмент досуга; в китайской культурной модели суперприложение встроено в систему социальных обязательств и репутационного контроля. К классическому отчуждению (одиночество при формальной связности) добавляется ещё один слой – постоянное репутационное давление и невозможность выйти из круга обязательных социальных взаимодействий без репутационных издержек [12].

Исследование избыточного использования WeChat пожилыми пользователями в Китае показывает, что механизмы FOMO и поиска острых ощущений (sensation-seeking), описанные выше применительно к молодёжи, воспроизводятся и в старшей возрастной группе как цепной медиатор между переживанием одиночества и компульсивным использованием платформы [13]. Отчуждающий эффект экосистемы суперприложения не ограничен одной демографической группой – он воспроизводится по сходному психологическому механизму независимо от возраста пользователя.

Переход от отдельных социальных сетей к экосистемам суперприложений не просто увеличивает время, проводимое в цифровой среде. Он меняет саму природу отчуждения: оно перестаёт быть результатом выбора – пользоваться конкретной платформой или нет – и становится встроенной характеристикой инфраструктуры повседневной жизни. Схожая логика интеграции коммуникации, платежей и идентификации пользователя в единый цифровой контур прослеживается и в развитии российских национальных платформ, что говорит об универсальности этой тенденции за пределами одной национальной модели цифровизации [14].

Проведённый анализ показывает, что цифровое отчуждение нельзя свести ни к технофобской метафоре, ни к простой статистике времени, проведённого в сети. Это конкретный, операционализируемый процесс с несколькими уровнями.

На уровне теории он описывается как наследник классического социально-философского понятия отчуждения, обновлённого концепцией Маркузе и эмпирически детализированного Тёркл через идею «привязанного Я»: технологии не разрушают связь между людьми напрямую, а замещают её более лёгкой, но эмоционально менее насыщенной формой присутствия.

На уровне механизма он раскрывается через FOMO и фаббинг – два измеримых паттерна поведения, которые показывают, как тревога об упускаемом социальном опыте и привычка отвлекаться на смартфон в присутствии собеседника напрямую снижают удовлетворённость реальными отношениями. Важно, что оба механизма работают по принципу замкнутого круга: неудовлетворённость отношениями повышает интенсивность использования цифровых платформ, а это использование, в свою очередь, не восполняет, а усугубляет дефицит близости.

На уровне инфраструктуры он усиливается переходом от отдельных социальных сетей к экосистемам суперприложений. Кейс WeChat демонстрирует, что интеграция коммуникации, платежей, идентификации и культурно специфических обязательств (как guānxì и miànzi в китайском случае) в единый цифровой контур не оставляет пользователю простого выхода из системы – в отличие от ситуации с обычной социальной сетью. Это качественно меняет природу отчуждения: оно перестаёт зависеть от индивидуального решения пользователя и становится свойством самой среды.

Ограничение проведённого анализа состоит в том, что эмпирическая база по суперприложениям сконцентрирована вокруг китайского кейса – WeChat остаётся наиболее изученной платформой такого типа, тогда как формирующиеся аналоги в других странах, включая российские национальные цифровые экосистемы, пока не располагают сопоставимым объёмом рецензируемых эмпирических исследований. Это определяет перспективное направление дальнейшей работы:

по мере роста аудитории таких платформ есть основания ожидать воспроизведения описанных механизмов отчуждения и в иных культурных и институциональных контекстах, что требует отдельной эмпирической проверки.

Литература

1. Тёркл, Ш. Одиночество вместе: о чём вы узнаете, бросив iPhone хотя бы на день / Ш. Тёркл // Заботливая Альфа [Электронный ресурс]. – Текст: электронный. – URL: https://alpha-parenting.ru/2018/01/15/odinokie-vmeste-sherri-tarkl-o-tom-pochemu-myi-predpochitaem-sotsseti-lichnomu-obshheniyu/ (дата обращения: 28.06.2026).
2. Lucas Júnior, D. Defining a Super App and Analyzing It from an Ecosystemic Perspective / D. Lucas Júnior, E. Lopes // AMCIS 2024 Proceedings. – 2024. – Art. 7. – URL: https://aisel.aisnet.org/amcis2024/adoptdiff/adoptdiff/7 (дата обращения: 28.06.2026).
3. Вильданова Г.Б., Вильданов Х.С., Муслимова Л.Ф. Феномен отчуждения и пути его преодоления // Вестник ЧелГ У. 2007. № 17. – С. 14–19.
4. Удалова Л.В. Цифровое отчуждение: новые формы и пути преодоления // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. № . 1. – Текст: электронный. – URL: https://www.naukaru05.ru/ru/nauka/article/114297/view (дата обращения: 28.06.2026).
5. Чернышева, Т.Л. Специфика и формы отчуждения человека в цифровом обществе / Т.Л. Чернышева, О.Н. Шаркова // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – 2024. – С. 63. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-formy-otchuzhdeniya-cheloveka-v-tsifrovom-obschestve (дата обращения: 28.06.2026).
6. Przybylski, A.K. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out / A.K. Przybylski, K. Murayama, C.R. DeHaan, V. Gladwell // Computers in Human Behavior. – 2013. – Vol. 29, № 4. – P. 1841–1848. – DOI: 10.1016/j.chb.2013.02.014.
7. Turkle, S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other / S. Turkle. – New York: Basic Books, 2011. – 360 p.
8. Roberts, J.A. My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners / J.A. Roberts, M.E. David // Computers in Human Behavior. – 2016. – Vol. 54. – P. 134–141. – DOI: 10.1016/j.chb.2015.07.058.
9. Крюкова, Т.Л. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений / Т.Л. Крюкова, О.А. Екимчик // CYBERPSY [Электронный ресурс]. – Текст: электронный. – URL: https://cyberpsy.ru/articles/phubbing/ (дата обращения: 28.06.2026).
10. Максименко А.А., Дейнека О. С,, Духанина Л.Н., Сапоровская М.В. Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // Мониторинг. 2021. № 4. С. 345–362.
11. Li, J. Social Isolation, Loneliness and Well-Being: The Impact of WeChat Use Intensity During the COVID-19 Pandemic in China / J. Li, L. Zhou, B. Van Der Heijden, S. Li, H. Tao, Z. Guo // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. – Art. 707667. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.707667.
12. Xia, M. Does WeChat use intensity influence Chinese college students' mental health through social use of WeChat, entertainment use of WeChat, and bonding social capital? / M. Xia, J. Liu // Frontiers in Public Health. – 2023. – Vol. 11. – Art. 1167172. – DOI: 10.3389/fpubh.2023.1167172.
13. The Relationship Between Loneliness and the Overuse of WeChat Among Chinese Elderly: The Chain Mediation Role of Sensation Seeking and Fear of Missing Out // Psychology Research and Behavior Management (PRBM), Dove Medical Press. – 2024. – URL: https://www.dovepress.com/the-relationship-between-loneliness-and-the-overuse-of-wechat-among-ch-peer-reviewed-fulltext-article-PRBM (дата обращения: 28.06.2026).
14. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / под ред. Д.В. Дунаса. – Москва: Факультет журналистики МГУ: Издательство Московского университета, 2021. – 406, [2] с.

DIGITAL ALIENATION: THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA AND SUPERAPP ECOSYSTEMS ON INTERPERSONAL RELATIONSHIPS

Xiong Jiawei
Baltic State Technical University

The article examines digital alienation arising from the use of social media and emerging super-app ecosystems, and its impact on the quality of interpersonal relationships. It traces the theoretical foundations of the concept of alienation, from the classical socio-philosophical tradition and H. Marcuse's concept of the "one-dimensional man" to contemporary interpretations of digital loneliness in Russian scholarship and S. Turkle's theory of the "tethered self." The study analyzes specific psychological mechanisms mediating the link between digital platform use and decreased relationship satisfaction: the fear of missing out (FOMO) and phubbing, including its specific form, partner phubbing. Particular attention is given to the super-app ecosystem as a qualitatively new level of digital presence, using the Chinese platform WeChat as a case study: the integration of communication, payments, and user identification into a single digital environment is shown to intensify loneliness and stress, while adding a culturally specific layer of alienation through the constructs of *guānxì* and *miànzi*. The article concludes that the shift toward ecosystem-based models transforms the nature of alienation, turning it from a matter of individual choice into a property of the digital infrastructure itself.

Keywords: digital alienation; digital loneliness; interpersonal relationships; social media; super-app ecosystem; fear of missing out (FOMO); phubbing; WeChat; digitalization; social philosophy

References

1. Turkle, S. Alone Together: What You Learn by Putting Down Your iPhone for a Day / S. Turkle // Caring Alpha [Electronic resource]. – Text: electronic. – URL: https://alpha-parenting.ru/2018/01/15/odinokie-vmeste-sherri-tarkl-o-tom-pochemu-myi-predpochitaem-sotsseti-lichnomu-obshheniyu/ (date of access: 06/28/2026).
2. Lucas Júnior, D. Defining a Super App and Analyzing It from an Ecosystemic Perspective / D. Lucas Júnior, E. Lopes // AMCIS 2024 Proceedings. – 2024. – Art. 7. – URL: https://aisel.aisnet.org/amcis2024/adoptdiff/adoptdiff/7 (date of access: 28.06.2026).
3. Vildanova G.B., Vildanov Kh. S., Muslimova L.F. The phenomenon of alienation and ways to overcome it // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2007. No. 17. – Pp. 14–19.
4. Udalova L.V. Digital alienation: new forms and ways to overcome it // Economic and social-humanitarian studies. 2026. No. 1. – Text: electronic. – URL: https://www.naukaru05.ru/ru/nauka/article/114297/view (date of access: 28.06.2026).
5. Chernysheva, T.L. Specificity and Forms of Human Alienation in a Digital Society / T.L. Chernysheva, O.N. Sharkova // CyberLeninka [Electronic resource]. – 2024. – P. 63. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-formy-otchuzhdeniya-cheloveka-v-tsifrovom-obschestve (accessed: 28.06.2026).
6. Przybylski, A.K. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out / A.K. Przybylski, K. Murayama, C.R. DeHaan, V. Gladwell // Computers in Human Behavior. – 2013. – Vol. 29, No. 4. – P. 1841–1848. – DOI: 10.1016/j.chb.2013.02.014.
7. Turkle, S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other / S. Turkle. – New York: Basic Books, 2011. – 360 p.
8. Roberts, J.A. My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners / J.A. Roberts, M.E. David // Computers in Human Behavior. – 2016. – Vol. 54. – P. 134–141. – DOI: 10.1016/j.chb.2015.07.058.
9. Kryukova, T.L. Phubbing as a threat to the well-being of close relationships / T.L. Kryukova, O.A. Ekimchik // CYBERPSY [Electronic resource]. – Text: electronic. – URL: https://cyberpsy.ru/articles/phubbing/ (date of access: 06/28/2026).
10. Maksimenko A.A., Deineka O.S., Dukhanina L.N., Saporovskaya M.V. Phubbing: features of addictive behavior of young people // Monitoring. 2021. No. 4. Pp. 345–362.
11. Li, J. Social Isolation, Loneliness and Well-Being: The Impact of WeChat Use Intensity During the COVID-19 Pandemic in China / J. Li, L. Zhou, B. Van Der Heijden, S. Li, H. Tao, Z. Guo // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. – Art. 707667. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.707667.
12. Xia, M. Does WeChat use intensity influence Chinese college students' mental health through social use of WeChat, entertainment use of WeChat, and bonding social capital? / M. Xia, J. Liu // Frontiers in Public Health. – 2023. – Vol. 11. – Art. 1167172. – DOI: 10.3389/fpubh.2023.1167172.
13. The Relationship Between Loneliness and the Overuse of WeChat Among Chinese Elderly: The Chain Mediation Role of Sensation Seeking and Fear of Missing Out // Psychology Research and Behavior Management (PRBM), Dove Medical Press. – 2024. – URL: https://www.dovepress.com/the-relationship-between-loneliness-and-the-overuse-of-wechat-among-ch-peer-reviewed-fulltext-article-PRBM (accessed: June 28, 2026).
14. Media Consumption of "Digital Youth" in Russia: Monograph / edited by D.V. Dunas. – Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University: Moscow University Publishing House, 2021. – 406, [2] p.

Трансцендентальное и социтальное в обосновании эмерджентной природы социального априори

Ушаков Денис Сергеевич,
доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: fintaliano@yandex.ru

Статья пересматривает кантовскую локализацию априорных структур в индивидуальном сознании, сталкивая её с данными антропологии и психологии развития: культурно-историческая вариативность форм мышления и невозможность формирования высших психических функций вне социальной среды требуют иного решения вопроса об условиях возможности опыта. Вводится различение био-трансцендентального – врождённой, неотенически обусловленной потребности в Другом – и социтального (от лат. socius), эмерджентной системы надындивидуальных структур языка, категорий и норм, выполняющей трансцендентальную функцию по отношению к индивидуальному опыту. Био-трансцендентальное действует как пусковой механизм, принудительно вводящий индивида в социтальное поле; случаи феральных детей и данные о когнитивной деградации в изоляции подтверждают конституирующую роль этого поля и необходимость его постоянного коммуникативного воспроизводства. Социтальное локализовано между индивидами, исторически изменчиво и при этом выполняет функцию условия возможности опыта, что позволяет разрешить спор трансцендентализма и социологии знания, сохранив универсальный биологический фундамент при признании вариативности категориальных схем.

Ключевые слова: трансцендентальное, социтальное, эмерджентность, неотения, социальное априори, био-трансцендентальное, интерсубъективность.

Введение

Ключевой интуицией трансцендентализма, восходящей к критической философии И. Канта, является представление о наличии априорных структур, делающих возможным сам опыт как таковой. Пространство и время как формы созерцания, равно как и категории рассудка (единство, множество, причинность), мыслятся Кантом в качестве всеобщих и необходимых условий познания, имманентно присущих субъекту независимо от какого-либо опыта. В «Критике чистого разума» он постулирует: «Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы… Рассудок не может ничего созерцать, а чувства не могут ничего мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание» [7, с. 105].

Однако вскоре после «коперниканского переворота» возник вопрос: не является ли эта модель лишь абсолютизацией европейского мышления? Этнографические исследования Л. Леви-Брюля поставили под сомнение универсальность кантовских категорий. Описывая «пралогическое» мышление, он отмечал: «для этого мышления не существует чисто физического факта в том смысле, какой мы придаем этому слову… Оно не подчиняется в первую очередь закону противоречия» [9, с. 79].

Эту линию историзации разума продолжил М. Фуко, который показал, что познание ограничено не вечными категориями, а исторически изменчивыми «эпистемами»: «в любой данной культуре и в любой данный момент всегда существует только одна система, которая определяет условия возможности любого знания, будь то выраженное в теории или безмолвно вложенное в практику» [17, с. 37].

Кульминацией критики стали концепции, выводящие структуры сознания из социальной реальности. Это движение началось с классической формулы К. Маркса и Ф. Энгельса: «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [13, с. 25]. Развивая этот подход, Э. Дюркгейм обосновал, что сами категории времени, пространства и рода имеют социальное происхождение, являясь «коллективными представлениями» [6]. На психологическом уровне этот тезис закрепил Л.С. Выготский, показав, что всякая высшая психическая функция появляется в развитии ребёнка сначала как деятельность коллективная и лишь затем как индивидуальная [4].

В современной философии сознания данная линия находит продолжение в подходах 4E (embodied, embedded, extended, enacted), где когнитивные процессы трактуются как распределённые: Э. Кларк и Д. Чалмерс признают частью когнитивного процесса любой фрагмент мира, функционирующий так, как функционировал бы процесс внутренний [18].

Однако, несмотря на обилие критических аргументов, классическая кантовская парадигма сохраняет свое влияние, во многом благодаря тому, что у нее нет убедительной позитивной альтернативы, которая, не впадая в эмпиризм или релятивизм, объяснила бы генезис и механизм функционирования «социального априори».

Настоящая работа предлагает такую альтернативу. Основная гипотеза заключается в существовании фундаментального различия между био-трансцендентальным – врожденным инстинктивным комплексом, включающим в себя инстинкт коллективизма (потребность в Другом), и социтальным (от лат. socius – товарищ, сообщник) – эмерджентной структурой, имманентной обществу как целому и выступающей для индивида в качестве условия возможности его мышления и опыта.

В отличие от кантовского априори, локализованного в индивидуальном сознании, и в отличие от бурдьевского габитуса, являющегося «интериоризированным социальным» на уровне личности [3], социтальное представляет собой надындивидуальную реальность, кристаллизованную в языке, институтах, практиках и артефактах.

Методологическую основу составляет междисциплинарный синтез: трансцендентальный метод в модифицированной форме, сохраняющий кантовский вопрос об условиях возможности опыта при переносе ответа в объективированные социальные структуры; эмерджентный анализ, рассматривающий социтальное как системное качество, несводимое к сумме индивидуальных действий; сравнительно-антропологическое обращение к предельному случаю феральных людей как естественному эксперименту; элементы генетической эпистемологии и культурно-исторической психологии для реконструкции механизмов интериоризации.

Целью настоящей статьи является концептуальное обоснование понятия «социтальное» и демонстрация его эвристического потенциала для разрешения спора между классическим трансцендентализмом и социологией знания.

Биотрансцендентальное как фундамент человеческого бытия

Под био-трансцендентальным мы понимаем совокупность врожденных, видоспецифичных структур, выступающих необходимым условием возможности не только индивидуального выживания, но и самого процесса антропогенеза. В отличие от кантовских категорий рассудка, био-трансцендентальное не является продуктом «чистого сознания»; его природа – биологическая, инстинктивная, и оно разделено человеком (хотя и в разной степени) с иными представителями животного мира. Специфическая же конфигурация этих инстинктов, накладываясь на феномен неотении, создаёт ситуацию «принудительной социальности», которая станет онтологическим основанием для возникновения социтального.

Фундаментальной особенностью антропогенеза, получившей детальное обоснование в работах Л. Болька, является неотения – задержка развития, приводящая к сохранению во взрослом состоянии черт, свойственных предковым формам на ранних стадиях онтогенеза. В случае Homo sapiens это выражается в рождении «недоношенного», крайне беспомощного детеныша, чей мозг продолжает интенсивно расти и формироваться уже после появления на свет.

Данная биологическая особенность имеет фундаментальные антропологические следствия. А. Портман охарактеризовал рождение человека как «физиологически преждевременное»: первый год жизни младенец проводит в состоянии своего рода внеутробного эмбриона, а функцию утробы принимает на себя социальное окружение – «социальная утроба», в которой культурная среда достраивает то, что у прочих видов завершает биология [21].

Период полной зависимости человека от взрослых является самым длительным в животном мире, что объективно, на уровне биологического императива, требует существования устойчивой группы, обеспечивающей выхаживание, защиту и передачу навыков выживания. Следовательно, потребность в Другом (в матери, в группе, в социуме) не является для человека результатом морального выбора или культурного решения. Она представляет собой априорное условие его физического существования. Человек как биологический индивид в принципе нежизнеспособен вне социальной среды.

Потребность в Другом, продиктованная неотенией, находит свое психофизиологическое подкрепление в инстинкте коллективизма (стайности). Данный инстинкт не является исключительной прерогативой человека; он широко представлен у многих социальных животных – от приматов до копытных и псовых. Этологические исследования К. Лоренца убедительно показали, что изоляция от сородичей является для стайных видов мощнейшим стрессовым фактором, ведущим к угнетению всех жизненных функций и гибели [10].

Био-трансцендентальное образует тот базальный уровень, который делает возможным последующее наслоение культурно-исторических форм, и выполняет при этом двойную функцию: будучи врождённым свойством организма, оно одновременно выступает пусковым механизмом, с необходимостью выводящим индивида за пределы собственной биологии, в пространство межиндивидуальных отношений. В этом пункте мы расходимся с Кантом, искавшим априорные структуры в сфере чистого разума, тогда как мы обнаруживаем их в биологической конституции человека.

Как убедительно показано в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, развитие высших психических функций (произвольное внимание, логическая память, понятийное мышление) невозможно вне процесса интериоризации [4]. Наша концепция позволяет восстановить этот статус, поместив сознание в точку пересечения двух трансцендентальностей: нисходящей (биологической, инстинктивной, требующей Другого) и восходящей (социальной, языковой, категориальной, идущей от общества к индивиду).

Не категории рассудка делают возможным опыт, а первичная, биологически укорененная нужда в Другом делает возможным усвоение тех категорий, которые это общество выработало в своей истории.

Концептуализация надындивидуальных структур мышления

Ключевая проблема трансцендентального идеализма была сформулирована феноменологией. Гуссерль, сохраняя кантовский вопрос об условиях возможности опыта, отказывается принять его решение: не сделав предметом вопрошания саму жизнь сознания, Кант оперирует «мифическими конструкциями» душевных способностей и тем самым возводит конкретную конфигурацию человеческого рассудка в ранг абсолютной инстанции [5, § § 28–30].

Иными словами, Кант, сам того не желая, абсолютизировал конкретно-историческую, антропологическую конфигурацию сознания, приняв её за вневременную матрицу.

На первый взгляд, для описания социальной обусловленности мышления уже существует разработанный понятийный аппарат. Наиболее близким к нашей интуиции является понятие «габитус», введенное П. Бурдье: система приобретенных схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания и как организующий принцип действия [3]. Это – социальное, ставшее природой, интериоризированные схемы восприятия, мышления и действия, которые направляют практики агента, не требуя сознательной рефлексии.

Однако при всей своей эвристичности, понятие габитуса сохраняет принципиальную ориентацию на индивида как носителя. Габитус есть свойство личности, пусть и сформированное социально. Он описывает то, как социальное «отпечатывается» в человеке. Нас же интересует иной уровень реальности – то, что существует до и вне индивида, что составляет объективное условие возможности как самого габитуса, так и любого индивидуального опыта. Бурдье фиксирует результат процесса, но не исследует онтологический статус той надындивидуальной структуры, которая этот процесс делает возможным.

Данный пробел пытается восполнить понятие «социоэмерджент», разрабатываемое в современной российской философии. Н.А. Подзолкова, исследуя социогенез, различает уровни социальности по тому, способствуют ли они раскрытию собственной формы человеческого или транслируют лишь превращённые формы культуры, внедрённые в социокод [14, с. 86]. Социоэмерджент понимается при этом как результат скачка в эволюции: по формулировке Т.А. Топехи, социальность выступает эмерджентным качеством, возникающим на базе биологического субстрата, но принципиально к нему не сводимым и задающим собственную форму человеческого бытия [16].

Ближайшим конкурентом остаётся и аппарат социальной феноменологии. П. Бергер и Т. Лукман описали, как продукты человеческой деятельности объективируются, седиментируются в языке и предстают новому поколению в качестве готовой, принудительной реальности [2]. Различие пролегает в статусе описываемого: конструирование реальности фиксирует социологический механизм объективации, тогда как нас интересует трансцендентальная функция объективированного – его роль условия возможности самого мышления, а не только социального порядка.

Ни «габитус», ни «социоэмерджент», ни объективированный универсум социальной феноменологии не схватывают специфического качества, которое мы пытаемся обозначить. Габитус – слишком антропологичен, слишком привязан к индивидуальному телу и биографии. Социоэмерджент – слишком широк, он описывает любое системное качество, возникающее из взаимодействий, но не фиксирует именно трансцендентальную функцию по отношению к индивиду. Нам требуется понятие, которое указывало бы на надындивидуальный характер структур, фиксировало бы их объективность и трансцендентальную функцию условия возможности индивидуального опыта, однозначно отсылая при этом к их социальному происхождению.

Этим требованиям удовлетворяет предлагаемый термин «социтальное». Неологизм избран сознательно: он призван дистанцироваться как от психологизирующей трактовки априори (Кант), так и от сугубо индивидуальной трактовки социального влияния (Бурдье).

В социологической традиции, восходящей к Т. Парсонсу, закрепилось понятие «социетальный» (от англ. societal), обозначающее уровень общества как целостной системы и его институциональную структуру. Вводимый термин имеет иное наполнение: если «социетальное» фиксирует макроструктурный срез социальной реальности, то «социтальное» акцентирует интерсубъективную и эмерджентную природу структур, непосредственно конституирующих индивидуальное сознание, – не институты как внешние регуляторы, а кристаллизованный в языке и практиках опыт коммуникации, делающий возможным само мышление. При внешнем фонетическом сходстве два термина относятся к разным онтологическим уровням и выполняют различные объяснительные функции.

Онтологический статус социтального может быть прояснен через ряд характеристик. Во-первых, социтальное объективно. Индивид застает его как всегда-уже-существующее, как ту реальность, в которую он «вбрасывается» с момента рождения. В этом смысле социтальное противостоит индивиду как объективная, часто сопротивляющаяся его воле реальность. Во-вторых, социтальное исторично. Оно не является вневременной структурой чистого сознания (как у Канта), но формируется и трансформируется в процессе исторического развития. Каждая

историческая эпоха, каждая культура обладают своей специфической конфигурацией социального, своим «символическим универсумом» [2], который задает горизонт возможного опыта для живущих в эту эпоху индивидов. В-третьих, социальное эмерджентно. Оно возникает как новое качество, как системный эффект, который не содержится в отдельно взятых элементах, но проявляется на уровне их связи. Эта эмерджентность имеет отчетливый материалистический базис: социальное «кристаллизуется» в языке, в институтах, в артефактах, становясь «второй природой», объективной данностью для последующих поколений. В-четвертых, социальное нормативно. Оно содержит в себе неявные предписания, стандарты, критерии, которые переживаются индивидом как «естественные», «само собой разумеющиеся», «объективные». Эта нормативность не требует внешнего принуждения: она интериоризирована, встроена в саму ткань мышления. Человек не просто знает, что дважды два – четыре; он не может мыслить иначе, потому что сама логика, которую он усвоил из языка и культуры, делает иное мышление невозможным.

Предвидим классическое возражение, отработанное трансцендентализмом ещё в споре с психологизмом: условия усвоения категорий не тождественны условиям их значимости, и генетическое доказательство социального происхождения логических структур ничего не говорит о вопросе quid juris. Возражение это, однако, предполагает инстанцию чистой значимости, внеположную всякой фактичности, – инстанцию, которую невозможно предъявить иначе как внутри уже функционирующего социального поля. Сама граница между генезисом и валидностью проводится средствами исторически сложившейся нормативной практики; значимость существует не как вневременное царство, а как функционирующая норма, нормы же живут только в режиме постоянного воспроизводства. Требование обосновать априори независимо от всякого генезиса оказывается требованием, сформулированным на языке, который сам имеет генезис.

Как справедливо отмечает К. Малабу [12], современная посткритическая мысль ставит под вопрос саму возможность удержания кантовской модели. Наш ответ на это в том, что категории не выводятся дедуктивно и не назначаются произвольно – они эмерджентно возникают в историческом процессе коллективной деятельности и лишь затем, будучи объективированными в языке и институтах, предстают перед индивидом как необходимые и самоочевидные.

Ключевой для понимания работы социального является проблема его передачи от поколения к поколению и его усвоения индивидом. Здесь мы опираемся на классическую для культурно-исторической психологии схему, дополненную элементами социальной феноменологии.

Новый человеческий индивид рождается, обладая лишь био-трансцендентальным и нейтральной, пластичной нервной системой. Он не имеет доступа к социальному – он еще не говорит, не мыслит категориями, не знает норм. Однако био-трансцендентальная потребность в Другом (страх изоляции, потребность в заботе, имитационные рефлексы) заставляет его вступать в коммуникацию со взрослыми носителями социального.

Ребенок не «изобретает» логику – он усваивает ее через грамматические конструкции родного языка. Он не «открывает» категорию причинности – он учится использовать союз «потому что» в ситуациях, когда взрослые объясняют ему связи между событиями. Он не «выводит» моральный закон из чистого разума – он интериоризирует нормы, которые предъявляются ему в процессе воспитания. Социальное, таким образом, «входит» в индивида, структурирует его психику и становится его «второй природой».

Важно подчеркнуть, что этот процесс никогда не является простым копированием: социальное формирует индивидов, а индивиды своей совокупной деятельностью воспроизводят и видоизменяют социальное. Это – диалектика структуры и действия, объективации и субъективации, которая и составляет подлинную ткань социальной жизни.

Эмпирическая апробация концепции

Предложенная модель, разграничивающая био-трансцендентальное и социальное, нуждается в эмпирической верификации, и материал для неё дают два класса феноменов, которые можно рассматривать как естественные эксперименты, поставленные природой и историей, – случаи феральных людей и когнитивная деградация в условиях длительной социальной изоляции.

Феральные дети – человеческие дети, которые росли в условиях крайней социальной изоляции, вне контакта с людьми с раннего возраста, и практически не испытывали заботы и любви со стороны другого человека, не имели опыта социального поведения и общения [11]. История науки зафиксировала множество таких случаев – от Петра Дикого мальчика, найденного в 1724 году в лесах Германии, до Виктора из Аверона, пойманного во Франции в 1800 году, и индийских девочек Амалы и Камалы, воспитанных волками в 1920-х годах.

Во-первых, у детей, выросших вне человеческого общества, отсутствует язык. Если изоляция продолжалась дольше первых 3,5–6 лет жизни, они уже не могут впоследствии освоить человеческий язык, ходить прямо, осмысленно общаться с другими людьми, несмотря даже на годы, проведенные в обществе, где они получали достаточно заботы [11]. Это демонстрирует существование критического периода для усвоения социальных структур.

Во-вторых, у феральных детей отсутствует абстрактное мышление. Их когнитивные процессы остаются сугубо конкретными, ситуативными, привязанными к непосредственному восприятию. Они не оперируют категориями, не понимают числа, не различают прошлое и будущее, не способны к самоидентификации [8].

В-третьих, у феральных детей отсутствует кантовское «трансцендентальное единство апперцепции» – чистое «Я мыслю», сопровождающее все представления. Феральные дети не узнают себя в зеркале, оказываясь неспособными соединить отражение и себя. Это прямое эмпирическое подтверждение нашего тезиса: «Я» не является врожденной структурой сознания; оно формируется только в процессе интериоризации социальных отношений.

Критически важным является то, что био-трансцендентальное у феральных детей сохранено. У них есть инстинкты самосохранения, пищевой инстинкт, страх, агрессия, даже зачаточные формы стайного поведения (тяга к сородичам, хотя и не к людям). Но социальное – язык, категории, нормы, самоидентификация – отсутствует. Они – чистый случай человека, обладающего только первым уровнем нашей структуры и не имеющего доступа ко второму.

Это позволяет сделать принципиальный вывод: социальное не является врожденным. Оно не дано человеку от природы; оно должно быть ему передано другими людьми. Если этой передачи не происходит (или она происходит за пределами критического периода), человек навсегда остается на уровне био-трансцендентального, не становясь человеком в полном смысле слова.

В современной антропологии случаи феральных детей рассматриваются не как чистый эксперимент, а как комплексные феномены, в которых социальная депривация неотделима от биологической травматизации, отчего отсутствие высших психических функций допускает и патогенное объяснение; в настоящей работе эти кейсы используются поэтому не как изолированное доказательство, а как элемент конфигурации свидетельств, включающей данные о когнитивной деградации взрослых в изоляции и нейронаучные исследования социальной депривации, и доказательную силу все три линии приобретают лишь в совокупности.

Если феральные дети демонстрируют невозможность формирования социального вне общества, то феномен Робинзона демонстрирует возможность его деградации при длительной изоляции уже сформированного индивида.

Современные нейропсихологические исследования показывают, что длительная социальная изоляция ведёт к структурным изменениям мозга: сокращается число нейронов, снижаются когнитивные способности, страдают память, внимание и логика [19]. Социальное, следовательно, не является самоподдерживающейся субстанцией души; существуя лишь в постоянном обновлении через коммуникацию с другими носителями, при её прекращении оно деградирует – утрачивается речь, разрушается временная перспектива, регрессируют когнитивные способности.

Обращение к роману Дефо имеет статус литературного мысленного эксперимента: доказательная нагрузка лежит на нейрофизиологических данных, художественный же текст даёт наглядную модель компенсаторных стратегий. Полной деградации герой избегает, симулируя социальность, – ведёт дневник, обращаясь к будущему себе как к Другому, читает Библию, разговаривает с приручённым попугаем, продолжает пользоваться усвоенными в обществе навыками и языком; тенденция тем не менее прослеживается и в романе, где сбивается счёт времени, упрощается речь, а появление Пятницы вызывает сначала страх и лишь затем радость обретения собеседника.

Сопоставление двух феноменов уточняет механизм взаимодействия уровней. Феральные дети показывают, что био-трансцендентального недостаточно: потребность в Другом есть лишь потенция, реализуемая при наличии Другого в критический период, без которого инстинкт коллективизма атрофируется либо перенаправляется на животных. Робинзон показывает, что сформированное социальное существует только как процесс и при прекращении внешней коммуникации поддерживается её суррогатами. Взятые вместе, оба случая свидетельствуют, что инстинкт коллективизма является необходимым, но недостаточным условием: помимо него требуется общество, уже

существующее как объективная реальность, в которую индивид может втянуться.

Культурно-историческое многообразие социальных систем и перспективы концепции

Предложенная двухуровневая модель позволяет объяснить ключевой феномен, ставящий в тупик классический трансцендентализм, – культурно-историческое многообразие форм мышления. Если Кант трактовал бы различия между культурами как поверхностные вариации при единой глубинной структуре рассудка, то наша концепция видит в них разные конфигурации социального – разные символические универсумы, каждый из которых обладает собственной внутренней логикой.

Западная логика, восходящая к Аристотелю, базируется на законе исключенного третьего и субъект-объектном дуализме. Восточная мысль демонстрирует холизм и принятие противоречия. Э. Саид показал, что сами категории «Запад» и «Восток» не отражают географическую данность, а произведены дискурсом, в котором знание о Востоке неотделимо от власти над ним [15].

Ключевым механизмом формирования конфигураций социального выступает язык. Р. Барт в «Империи знаков» на материале японской культуры демонстрирует, сколь радикально иным может быть категориальное структурирование. Разбирая строй японского языка, он заключает: «рациональность – не более чем одна из возможных систем» [1, с. 48]. Той же линии принадлежит гипотеза лингвистической относительности, согласно которой восприятие мира предопределяется языковыми привычками сообщества [22].

Исследования в рамках кросс-культурной психологии подтверждают этот тезис нейрофизиологически. Р. Нисбетт показывает, что «восточноазиатские общества являются взаимозависимыми, западные – независимыми», что формирует различные когнитивные стили: аналитический (Запад) против холистического (Восток) [20, p. 87]. Это означает, что социальное буквально «прошивает» нейронные сети, формируя различные когнитивные архитектуры.

Оговорим доказательную силу этих свидетельств. Радикальная версия лингвистической относительности современной лингвистикой отвергнута, сам Леви-Брюль в поздних записных книжках смягчил концепцию пралогического мышления, а кросс-культурные данные о когнитивных стилях воспроизводятся с переменным успехом. Для нашего тезиса достаточно слабой вариативности: социальному не требуется производить несоизмеримые миры – довольно того, что конфигурации категориальных схем исторически и культурно различимы, спор же о глубине различий выносится за пределы настоящей работы.

Принципиально важно, что различия социальных систем не отменяют единства био-трансцендентального фундамента. Базальные потребности в пище, безопасности и привязанности универсальны. Как показывает К. Лоренц, врожденные формы поведения образуют опорную структуру, на которой строятся культурные нормы и которая ограничивает их вариативность [10]. Таким образом, предлагаемая модель позволяет избежать как универсализма, игнорирующего различия, так и релятивизма, отрицающего общие основания.

Заключение

В свете полученных результатов мы можем сформулировать окончательный ответ на вопрос, поставленный в начале исследования.

И. Кант совершил гениальное открытие, показав, что опыт возможен лишь благодаря наличию априорных структур, организующих хаос ощущений. Однако он неточен в локализации и происхождении этих структур, приняв исторически и культурно обусловленные формы мышления своего времени (европейского Просвещения) за общечеловеческие и врожденные. Кант был прав, что есть нечто априорное. Но это априорное – биологическая потребность в Другом, инстинкт коллективизма, укорененный в нашей неотенической природе. Все остальные категории (единство, множество, причинность, необходимость) – продукты социального, которые индивид усваивает в процессе социализации и которые лишь затем начинают переживаться им как «естественные», «само собой разумеющиеся», как условия возможности его собственного мышления.

Трансцендентальное не отменяется, но десубстанциализируется и историзируется. Оно перестает быть свойством «чистого сознания» и становится свойством социальной реальности, которая, будучи однажды созданной, обретает власть над своими создателями. Человек не рождается с готовыми категориями – он рождается с потребностью в Другом, и эта потребность ведет его к усвоению тех категорий, которые уже выработало общество, в котором он появился на свет.

Следствия концепции затрагивают несколько областей. В эпистемологии знание предстаёт коллективным продуктом, кристаллизованным опытом поколений, чьи критерии истинности и процедуры обоснования принадлежат социальному и варьируются от культуры к культуре, сохраняя функциональную адекватность задачам ориентации в мире. В антропологии человек определяется не через наличие разума, а через способ существования, при котором биологическая недостаточность компенсируется погружением в символическую среду, так что человеком становятся через Другого. В социальной онтологии общество оказывается не агрегатом индивидов и не результатом договора, а онтологически первичной эмерджентной реальностью, оказывающей на индивидов обратное формирующее воздействие. В философии языка язык получает статус главного носителя социального, вне которого человеческое мышление невозможно.

Исследование не претендует на исчерпывающее решение затронутых проблем. Дальнейшей разработки требуют механизмы качественной трансформации социального, включая смену эпистем и диалектику воспроизводства и изменения; взаимодействие и гибридизация различных социальных систем в глобализированном мире; роль власти, селекционирующей одни категориальные схемы и подавляющей другие, в линии, идущей от Фуко и Бурдье; наконец, патологии социального, от нарушенного доступа к нему при тяжёлых формах депривации до его неразрешимого конфликта с био-трансцендентальным..

Предложенная концепция не является окончательной истиной: она фиксирует программу исследования, а не его завершение.

Литература

1. Барт Р. Империя знаков. М.: Праксис, 2004.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
3. Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. История развития высших психических функций. М.: Педагогика, 1983.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 122–154.
7. Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998.
8. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984.
9. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.
10. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 393 с.
11. Лубовский В.И. Развитие словесной регуляции действий у детей (в норме и патологии). М.: Педагогика, 1978.
12. Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом? М.: V-A-C press, 2018.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
14. Подзолкова Н.А. Двоякая роль социоэмерджента в эволюции собственной формы человеческого // Вестник ТвГ У. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 85–100.
15. Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2016.
16. Топеха Т.А. Эмерджентные образования системы личность–общество // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. № 4. С. 126–137.
17. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.
18. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58. № 1. P. 7–19.
19. Lammer L., Beyer F., Luppa M. et al. Impact of social isolation on grey matter structure and cognitive functions: A population-based longitudinal neuroimaging study // eLife. 2023. Vol. 12. e83660.
20. Nisbett R. The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently… and Why. New York: Free Press, 2003.
21. Portmann A. Biologische Fragmente zu einer Lehre vom Menschen. Basel: Schwabe, 1944.
22. Sapir E. The Status of Linguistics as a Science // Language. 1929. Vol. 5. № 4. P. 207–214.

THE TRANSCENDENTAL AND THE SOCIETAL IN JUSTIFYING THE EMERGENT NATURE OF THE SOCIAL A PRIORI

Ushakov D.S.
Rostov State University of Economic

The article reconsiders the Kantian localization of a priori structures within individual consciousness by confronting it with evidence from anthropology and developmental psychology: the cultural-historical variability of thought patterns and the impossibility of forming

higher mental functions outside a social environment call for a different solution to the question of the conditions of possible experience. A distinction is introduced between the bio-transcendental – an innate, neotenically determined need for the Other – and the societal (from Latin socius), an emergent system of supra-individual structures of language, categories, and norms performing a transcendental function in relation to individual experience. The bio-transcendental operates as a triggering mechanism that compels the individual into the societal field; cases of feral children and evidence of cognitive degradation in isolation confirm the constitutive role of this field and the necessity of its constant communicative reproduction. The societal is located between individuals and is historically variable, yet it functions as a condition of possible experience, which resolves the dispute between transcendentalism and the sociology of knowledge while preserving a universal biological foundation and acknowledging the variability of categorical schemes.

Keywords: transcendental, the societal, emergence, neoteny, social a priori, bio-transcendental, intersubjectivity.

References

1. Bart R. Imperiya znakov [Empire of Signs]. Moscow: Praksis, 2004.

2. Berger P., Luckmann T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 1995.

3. Bourdieu P. Prakticheskiy smysl [The Logic of Practice]. St. Petersburg: Aleteyya, 2001.

4. Vygotsky L.S. Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 3. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy [Collected Works in 6 vols. Vol. 3. The History of the Development of Higher Mental Functions]. Moscow: Pedagogika, 1983.

5. Husserl E. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2004.

6. Durkheim E. Elementarnye formy religioznoy zhizni [The Elementary Forms of Religious Life]. Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review, 2018, Vol. 17, No. 2, Pp. 122–154.

7. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Minsk: Literatura, 1998.

8. Langmeier J., Matějček Z. Psikhicheskaya deprivatsiya v detskom vozraste [Mental Deprivation in Childhood]. Prague: Avicenum, 1984.

9. Lévy-Bruhl L. Pervobytnoe myshlenie [Primitive Mentality]. Moscow: Ateist, 1930.

10. Lorenz K. Oborotnaya storona zerkala [Behind the Mirror]. Moscow: Respublika, 1998. 393 p.

11. Lubovsky V.I. Razvitie slovesnoy regulyatsii deystviy u detey (v norme i patologii) [The Development of Verbal Regulation of Actions in Children (Normal and Pathological)]. Moscow: Pedagogika, 1978.

12. Malabou C. Chto nam delat' s nashim mozgom? [What Should We Do with Our Brain?]. Moscow: V-A-C press, 2018.

13. Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [The German Ideology]. Sochineniya. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat, 1955, Pp. 7–544.

14. Podzolkova N.A. Dvoyakaya rol' sotsioemerdzhenta v evolyutsii sobstvennoy formy chelovecheskogo [The Dual Role of the Socio-Emergent in the Evolution of the Human Eigenform]. Vestnik TvG U. Seriya: Filosofiya – Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy, 2015, No. 2, Pp. 85–100.

15. Said E. Orientalizm [Orientalism]. Moscow: Garage Museum of Contemporary Art, 2016.

16. Topekha T.A. Emerdzhentnye obrazovaniya sistemy lichnost'–obshchestvo [Emergent Formations of the Personality–Society System]. Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin, 2020, No. 4, Pp. 126–137.

17. Foucault M. Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Moscow: Progress, 1977.

18. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind. Analysis, 1998, Vol. 58, No. 1, Pp. 7–19.

19. Lammer L., Beyer F., Luppa M. et al. Impact of social isolation on grey matter structure and cognitive functions: A population-based longitudinal neuroimaging study. eLife, 2023, Vol. 12, e83660.

20. Nisbett R. The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently… and Why. New York: Free Press, 2003.

21. Portmann A. Biologische Fragmente zu einer Lehre vom Menschen. Basel: Schwabe, 1944.

22. Sapir E. The Status of Linguistics as a Science. Language, 1929, Vol. 5, No. 4, Pp. 207–214.

Феномен онтологической чуждости дома в структуре вахтового возвращения

Черепкова Олеся Олеговна,
старший преподаватель кафедры философии
и социологии Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Амурский государственный университет»

В статье приводится философский анализ состояния экзистенциальной чуждости вахтового работника (вахтовика), а также феномена онтологической чуждости дома, которое возникает у вахтовых работников в момент возвращения. Были сделаны выводы о том, что при возвращении домой вахтовики не переживают психологическое и эмоциональное возвращение, а дом (не просто жилище, а именно психологическая и эмоциональная составляющая) утрачивает функцию убежища, то есть становится симулякром. На основе феноменологических концепций М. Хайдеггера, Г. Башляра и концепции «чужого» Б. Вальденфельса сделан вывод о том, что вахтовый метод работы формирует особый тип «двухдомности» с онтологически неполным пространством, когда вне зависимости от места пребывания человек чувствует себя потерянным, что связано с отсутствием связанности значимых событий и места, отсутствием возможности участвовать в повседневной жизни семьи. Вахтовик становится не участником событий, а наблюдателем, даже при нахождении дома.

Ключевые слова: чуждость дома, свой – чужой, одиночество, возвращение домой, вахтовый метод работы, подлинное существование, симулякр, экзистенциальное одиночество, неполное пространство.

В современной экономической обстановке вахтовый метод трудовой деятельности становится доминирующей моделью экономической мобильности в регионах, которые специализируются на добыче полезных ископаемых. Это формирует особый тип субъектности – «человека транзита», существующего между двумя точками пространства. Классическая философия (к примеру, М. Хайдеггер, Г. Башляр) традиционно рассматривала «дом» как онтологически устойчивое начало. Как отмечает Е.Д. Елизаров [1], само понятие «дом» объединяет не только само архитектурное сооружение, но и тех, кто там живет, хозяйство, обстановку, существующие правила и традиции. Данное начало понималось как основа и гарантия подлинности бытия, а также источник укоренения субъекта. Тем не менее современная практика вахтового возвращения выявляет парадокс: физическое присутствие тела в домашнем пространстве не сопровождается ментальным и экзистенциальным, то есть духовным «возвращением». Возникает разрыв между телесной локализацией и внутренним ощущением человека. В результате подобного диссонанса формируется феномен онтологической чуждости. «Дом» утрачивает свою функцию психологического убежища и превращается в симулякр, декорацию и просто внешнее оформление для временного пребывания человека. Пространство, которое должно давать опору, становится чужим и отстраненным. Это состояние требует специального философского осмысления.

Итак, мы можем утверждать, что актуальность проблемы обусловлена ростом числа вахтовиков (то есть тех, кто предпочитает работу вахтовым методом) и отсутствием в современной гуманитарной науке целостной концепции, объясняющей трансформацию их отношения к приватному пространству. В данной статье мы предлагаем рассматривать «чуждость» не как психологическую усталость, а как экзистенциальную структуру бытия-в-мире. Мы предполагаем, что вахтовый метод работы преобразует традиционное противопоставление «дом – работа». Именно временное жилье (общежитие, гостиница, хостел) становятся точкой, с которой себя идентифицирует личность. Постоянное место проживания, напротив, утрачивает свою роль, теряется возможность личности себя соотносить с ним.

Исследование в рамках данной работы основывается на феноменологическом методе. Это позволяет описать опыт переживания «чужого» в привычном и выявить механизмы формирования новой субъектности в условиях постоянной мобильности.

Обращаясь к экзистенциальной основе проблеме бытия вахтовиков, следует обратиться к понятию «укорененность» М. Хайдеггера [2]. Обращение к его анализу категорий существования и концепции «строить-обитать-мыслить» позволяет выявить глубинные онтологические основания рассматриваемого феномена. М. Хайдеггер утверждает, что подлинное бытие возможно только при наличии «места», которое дает человеку чувство принадлежности. Именно эта укорененность в конкретном пространстве выступает условием подлинного существования. Однако данный тезис противоречит существующей реальности вахтового метода работы. В условиях вахты существование работника (вахтовика) лишается возможности экзистенциального «стояния» в истине бытия. Возвращение домой не подтверждает и не фиксирует «событие», которое могло бы обновить связь человека с миром, а только лишь воспроизводит рутину повседневных действий. Пространство дома, которое у М. Хайдеггера [2] должно быть источником подлинности, превращается в нейтральную декорацию. Человек физически присутствует в жилище, однако его экзистенциальная связь с этим местом оказывается разорванной из-за длительного времени отсутствия. Это, в свою очередь, формирует устойчивое ощущение внутреннего дискомфорта и психологического дисбаланса.

Философия М. Хайдеггера [2] описывает идеальную форму бытия, которая предполагает гармоничную стабильную связь человека с местом обитания. Вахта же демонстрирует патологический разрыв между бытием-в и бытием-при, что порождает устойчивую онтологическую тревогу. Именно этот разрыв становится отправной точкой для пересмотра классических представлений о доме и личном пространстве в условиях мобильного труда.

Для дальнейшего рассмотрения проблемы обратимся к концепции топофилии (люби к месту), разработанной Г. Башляром [3]. В своей «Поэтике пространства» философ наделяет дом функцией «нашей первой вселенной». Согласно его подходу, дом, жилище выступает

защитной оболочкой, которая хранит воспоминания человека и связана с его мечтами. Именно дом, по мысли Г. Башляра, становится тем первичным пространством, где формируется эмоциональная связь личности с миром.

Однако в опыте вахтовика «домашний очаг» перестает быть источником подобной привязанности. Привычное пространство не вызывает теплых чувств и не становится местом значимых переживаний. Напротив, возникает инверсия топофилии – «топофобия», проявляющаяся как тревожное переживание. Человек оказывается в родном доме, но испытывает не уют, а внутреннее беспокойство и отчуждение. Подобное эмоциональное состояние свидетельствует о глубинной трансформации отношения субъекта к личному, приватному пространству.

Специфика этой трансформации заключается в том, что дом превращается в «не-место», используя терминологию М. Оже [4]. В таком пространстве не накапливается индивидуальная история, поскольку вахтовик присутствует в нем как наблюдатель, а не как обитатель. Его биография разворачивается в другом месте, а дом остается местом кратковременного пребывания. Жилище утрачивает способность накапливать следы повседневности, которые формируют чувство принадлежности. Таким образом, дом перестает выполнять свою экзистенциальную функцию и лишается символического содержания.

Так, мы приходим к выводу, что классическое понимание дома как пространства эмоциональной безопасности и стабильности оказывается неприменимым к опыту вахтового работника. Даже физическое присутствие в привычных стенах, дома в физическом понимании, не гарантирует восстановления эмоциональной связи с местом. Возникает ситуация, при которой человек оказывается «бездомным» в собственном доме, что требует дальнейшего философского осмысления. Данный факт становится ключевым для понимания субъектности в условиях мобильного труда.

Чтобы понять суть механизма возникновения онтологической чуждости обратимся к феноменологии «чужого» Б. Вальденфельса [5]. Философ понимает «чужое» не как внешнего врага, враждебную силу или «чуждое», а как нечто, что сопротивляется тотальному присвоению собственным Я. Это фундаментальная структура опыта, которая ускользает от полного освоения и контроля субъекта. Если мы применим данную концепцию к проблеме возвращения вахтовика домой, то увидим, что как раз «дом» становится для него носителем «чуждости». Вахтовый работник испытывает чувство отчужденности от собственного жилища, семейных ритуалов, которые до подобного опыта работы были для него привычными. Он перестает чувствовать эмоциональную и экзистенциальную связь с обстановкой «дома». По возвращению домой вместо узнавания и радости вахтовик чувствует столкновение с незнакомым, с чужим, хотя общая обстановка является знакомой.

Механизм этого процесса связан с возникновением так называемого «порядка чужого». Привычная вещь утрачивает свою инструментальную функцию, которая ранее была для нее естественной. Предмет обнажает свою материальную бессмысленность для текущего состояния и контекста существования человека. Кровать не становится местом отдыха, кухонный стол не собирает семью, а диван не воспринимается как зона комфорта. Каждая вещь оказывается лишенной своего символического наполнения. Она превращается в простой физический объект, не включенный в экзистенциальный проект личности.

Данная ситуация свидетельствует о том, что «чужое» не приходит извне, а появляется в силу обстоятельств в привычном для человека мире. Вахтовик сталкивается не с незнакомой средой, а с собственным пространством, которое утратило свое смысловое значение. Это демонстрирует хрупкость тех связей, которые обычно воспринимаются как само собой разумеющиеся.

Обратимся к концепции симуляции Ж. Бодрийяра [6]. В эпоху гиперреальности дом утрачивает свою референциальность, то есть связь с подлинным бытием человека. Он превращается в знак комфорта, в образ, транслируемый массовой культурой, а не в место реального существования. Жилище функционирует как элемент системы означивания, где важна не фактическая наполненность, а соответствие ожидаемому образу. Это создает фундаментальный разрыв между означающим и означаемым в пространстве приватности.

Для вахтовика это означает, что возвращение домой связано с попаданием не в реальное пространство, а в симулякр. Человек оказывается внутри модели «идеальной семьи» или «уютного гнезда», которая транслируется средствами массовой информации. Привычные интерьеры, расстановка мебели и ритуалы совместного времяпрепровождения воспроизводят узнаваемые визуальные схемы. Однако эти схемы лишены подлинного экзистенциального наполнения. Они существуют как знаки, отсылающие к другим знакам, а не к реальному опыту. Вахтовик механически воспроизводит сценарии, которые не вырастают из его внутреннего мира, а навязаны извне. Чуждость возникает вследствие несовпадения усредненного образа дома и его экзистенциальной пустоты. Человек видит перед собой декорации, которые должны вызывать тепло, но не испытывает его. Это расхождение между ожидаемой и фактической эмоциональной реакцией усиливает чувство деперсонализации.

Отчуждение вахтовика от собственного дома усиливается давлением со стороны массовой культуры и общества. Но сама проблема состоит не только в самом разрыве с местом (то есть с родным домом), но и с навязыванием моделей восприятия, которые далеки от реальности, не совпадают с ней. Дом не только не является пространством подлинного существования, но и требует приложения сил для того, чтобы соответствовать образам. Это приводит к тому, что вахтовик постоянно чувствует дезориентацию из-за отсутствия реальной привязанности к месту.

Итак, на основе сказанного проведем анализ современного состояния проблемы онтологической чуждости вахтовика и выявим, как именно им воспринимается домашнее пространство. Опираться будем в большей степени на основы феноменологической редукции. Вахтовый график (вне зависимости от периодичности 30/30 или 60/30) полностью подвергает деформации деформирует временную структуру дома, лишая его статуса «места событийности». Дом перестает быть пространством, где происходят значимые события, где происходит основная жизнь. Встречи, праздники, бытовые ритуалы оказываются невозможными в том объеме, который формирует биографию человека, то есть дом перестает идентифицироваться с человеком и наоборот. Вместо того, чтоб в доме «воплощалась уникальная интерпретация мира и бытия в форме индивидуального экзистенциального пространства, благодаря которому и через которое человек представлен в мире, познает смысл своего бытия», как писала Разова Е.Л. [7], дом превращается в паузу, промежуток между вахтами. Вахтовик переживает домашнее время как онтологически разреженное. Оно не производит воспоминаний, не накапливает историю, а протекает «впустую». Это схоже с тем, как М. Хайдеггер описывал неподлинное существование.

Семейная динамика выступает отражением онтологической чуждости, поскольку близкие люди неосознанно транслируют вахтовику его «инаковость», так как вахтовик перестает быть постоянной частью домашних ритуалов, он упускает важные моменты жизни всей семьи. За время отсутствия семья выстраивает собственные ритуалы, порядки и невербальные коды, в которые возвращающийся не вписан. Возникает «семейный зазор» – пространство невысказанных правил, в котором человек чувствует себя чужим. Возвращение требует этического усилия для повторного знакомства, узнавания, которое вахтовик не всегда способен совершить из-за экзистенциальной усталости. Подобное положение дел закрепляет его статус «гостя», а не «хозяина» дома.

Особого внимания в контексте анализа онтологической чуждости заслуживает феномен цифрового гибрида дома и вахты. Современные технологии, включая видеосвязь и системы «умного дома», создают эффект «призрачного присутствия» вахтовика в домашней жизни. Парадоксальным образом это усиливает чувство чуждости при физическом возвращении. Человек, находясь за сотни километров, сохраняет возможность наблюдать за происходящим, узнавать о событиях, участвовать в них, а также по мере возможности влиять на них. Однако подобное технологическое участие не создает экзистенциальной связи с пространством. Возникает ситуация, при которой субъект оказывается включенным в жизнь дома, оставаясь при этом исключенным из нее.

Цифровое опосредование принципиально трансформирует характер присутствия. Вахтовик может дистанционно управлять тем, что меняется в доме, воздействовать на среду, не находясь в ней телесно. Его действия напоминают манипуляции с интерфейсом, а не взаимодействие с жилым пространством. Тем самым технология не преодолевает отчуждение, а, напротив, делает его более явным. Дистанционный контроль выступает суррогатом подлинного участия в домашней жизни, акцентируя невозможность реального присутствия. Подобная ситуация усиливает онтологическую тревогу, поскольку подрывает целостность самоощущения. Однако после возвращения домой ситуация не меняется, так как вахтовик продолжает «наблюдать» со стороны за событиями дома, продолжает управлять ситуацией без включения в нее эмоционально, так как сил не хватает из-за постоянного ощущения себя гостем в своем доме.

Описанные явления позволяют выделить устойчивый экзистенциальный синдром – «поствахтовую чуждость», состояние, при котором возвращение домой переживается как утрата, а не обретение. Можно условно выделить стадии развития данного состояния:

– оцепенение, которое характеризуется ощущением некой нереальностью происходящего;
– адаптационный разрыв, который состоит в попытках включиться в домашние ритуалы, вернуться в тот режим и ритм жизни, который ранее был привычным. Однако возникает чувство фальшивости и нереальности происходящего;
– принятие транзитности, то есть возникновение отстраненного отношения к дому как к временному месту прибывания.

Экзистенциальный итог заключается в том, что современный вахтовик – это не «человек без дома», а «человек с расщепленным домом», а чуждость становится способом защиты от эмоциональной боли утраты при каждом следующем отъезде.

Обобщая проведенный анализ феномена онтологической чуждости дома в структуре вахтового возвращения, зафиксируем основные выводы. Во-первых, мы можем утверждать, что состояние «чуждости» не является временным психологическим состоянием, а является фундаментальной характеристикой бытия современного вахтового работника. Классические философские концепции «дома», разработанные Хайдеггером и Башляром, описывают идеальное состояние дома, что в условиях вахты оказывается принципиально недостижимым. Привычные представления об укорененности и подлинном обитании теряют свою силу. Вахтовик формирует особый тип экзистенциальной «двухдомности». Оба пространства – и вахтовый поселок (общежитие, арендованное жилье), и квартира семьи – являются онтологически неполными. Ни одно из них не дает полноты присутствия, которая традиционно ассоциируется с понятием жилища. В этой связи наиболее продуктивным для описания данного опыта оказывается не классическая феноменология, а концепции «чужого» Вальденфельса, которая позволяет воспринимать состояние отчуждения как норму, а не как отклонение.

Важно подчеркнуть, что чуждость дома выполняет скрытую функцию защиты личности. Она предотвращает болезненный разрыв при следующем отъезде. Отстраненность оказывается адаптивным механизмом, а не патологией. С философской точки зрения, вахта раскрывает кризис классической оппозиции «свое – чужое». В условиях глобальной мобильности эти категории обнаруживают взаимопроникновение и диффузию, утрачивая свою жесткую определенность. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ трансформации телесности и темпоральности вахтовика. Его восприятие времени циклично – вахта сменяется отдыхом – и принципиально отличается от линейной модели, принятой в оседлых культурах. В конечном счете, онтологическая чуждость дома – это не признак распада личности, а новый способ существования. Он бросает вызов традиционной философии места и требует разработки новой этики «легкого бытия».

Литература

1. Елизаров Е.Д. Философия дома // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2022. № 63. С. 47–77.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ad Marginem Press, 2025. – 320 с.
4. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 55 с.
5. Вальденфельс, Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии / Б.Вальденфельс; пер. с нем. О. Шпарага // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / науч. ред. А.А. Михайлов; отв. ред. Т.В. Щитцова. – Минск: Пропилеи, 1999.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
7. Разова Е.Л. Дом экзистенции: топология человеческого бытия // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48). С. 40–46.
8. Рымарович С.Н. Культурообразующий потенциал идеи дома // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4.
9. Алехина С. Н., Каргаполова Е.В. Социокультурные образы дома в менталитете современной российской молодежи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2010. № 20 (91). Вып. 14. С. 186–196.

THE PHENOMENON OF THE ONTOLOGICAL ALIENNESS OF HOME WITHIN THE STRUCTURE OF ROTATIONAL RETURN

Cherepkova O.
Amur State University

The article provides a philosophical analysis of the state of existential alienation experienced by a shift worker (a worker on shifts), as well as the phenomenon of ontological alienation from home, which arises in shift workers upon their return. It was concluded that when shift workers return home, they do not experience a psychological and emotional return, and the home (not just a dwelling, but specifically the psychological and emotional component) loses its function as a refuge, i.e., it becomes a simulacrum. Based on the phenomenological concepts of M. Heidegger and G. Bachelard, as well as the concept of the "alien" by B. Waldenfels, it is concluded that the rotational work method creates a special type of "dual residence" with an ontologically incomplete space, where, regardless of the place of residence, a person feels lost – this is due to the lack of connection between significant events and the place, as well as the lack of opportunity to participate in the everyday life of the family. The rotational worker becomes not a participant in events, but an observer, even when at home.

Keywords: The alienation of home, "us" versus "them," loneliness, returning home, the rotational work method, genuine existence, simulacrum, existential loneliness, incomplete space.

References

1. Yelizarov E.D. Philosophy of the house // Scientific papers of the St. Petersburg Academy of Arts. 2022. № 63. Pp. 47–77.
2. Heidegger M. Time and being: Articles and speeches. M.: Republic, 1993. 447 p.
3. Bachelar G. The poetics of space. Moscow: Ad Marginem Press, 2025. 320 p.
4. Auger M. No place. Introduction to the anthropology of Hypermodernity. Moscow: New Literary Review, 2017. 55 p.
5. Waldenfels, B. Response to a stranger: the main features of responsive phenomenology / B.Waldenfels; translated from German by O. Shparaga // Motif of a stranger: Collection of translated from German / scientific ed. by A.A. Mikhailov; edited by T.V. Shchitsova. Minsk: Propylaea Publ., 1999.
6. Baudrillard J. The system of things / translated from French by S. Zenkin. Moscow: Rudomino, 1999. 224 p.
7. Razova E.L. The House of existence: the topology of human existence // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2025. No. 3 (48). Pp. 40–46.
8. Rymarovich S.N. The cultural potential of the idea of home // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2012. No. 4.
9. Alyokhina S. N., Kargapolova E.V. Sociocultural images of home in the mentality of modern Russian youth // Scientific Bulletin of Belgorod State University. The series "Philosophy. Sociology. The right." 2010. No. 20 (91). Issue. 14. Pp. 186–196.

Факторы, влияющие на намерение зрителей продолжать просмотр развлекательных прямых трансляций Douyin

Чэнь Шици,
аспирант третьего курса, МГУ
E-mail: chenshiqi1998@rambler.ru

С развитием виртуальных миров и распространением смартфонов человек больше не ограничен физическим присутствием. Как только он подключается к сетевым системам, его развлекательная деятельность перемещается в различные «третьи пространства». Среди них развлекательные прямые трансляции, обладающие такими характеристиками, как способность составлять компанию, развлекательность и удобство, стали третьим пространством повседневного досуга широкой публики. Опираясь на теорию подтверждения ожиданий, в данной статье рассматриваются факторы, влияющие на намерение зрителей продолжать просмотр развлекательных прямых трансляций. Был проведен анкетный опрос 246 пользователей платформы Douyin, которые смотрели развлекательные прямые трансляции. В статье обобщаются психологические запросы зрителей, подводится итог соответствия характеристик развлекательных прямых трансляций психологическому состоянию аудитории, выявляются особенности поведения пользователей в виртуальной экосистеме и состояние индустрии прямых трансляций, что служит ориентиром для возвращения субъектности зрителей и совершенствования экосистемы прямых трансляций.

Ключевые слова: намерение продолжать просмотр; теория подтверждения ожиданий; развлекательные прямые трансляции; Douyin.

Введение

По мере снижения порога просмотра онлайн-трансляций и диверсификации способов взаимодействия все больше людей начинают принимать эту новую форму медиа, и модель развлекательного потребления широкой публики перестраивается. Согласно «Отчету о развитии индустрии сетевых представлений Китая», число пользователей онлайн-трансляций достигло 816 миллионов человек, что составляет 70,6% от общего числа интернет-пользователей, и эпоха всеобщих прямых трансляций уже наступила.

Понятие «третьего пространства» было предложено американским учёным Эдвардом У. Соджей и подчёркивает, что помимо реального и воображаемого существует ещё «другое» пространство, в котором реальное и воображаемое сливаются. Появление смартфонов и интернета изменило способы развлечения широкой публики. Развлекательные прямые трансляции дают зрителям возможность как бы сверху заглянуть в чужое частное пространство, создают виртуальное социализированное пространство и становятся «третьим пространством» видеофицированного существования зрителей. Развлекательные прямые трансляции в основном представляют собой видеосопровождение. Хотя они не могут преодолеть физическую дистанцию, они способны сократить психологическую дистанцию между ведущим и зрителями. Ведущий показывает зрителям своё повседневное пространство, благодаря чему зрители существуют в воображаемом ими «третьем пространстве». Функция сопровождения в развлекательных прямых трансляциях является продуктом современного феномена группового одиночества. В книге «Групповое одиночество» Шерри Тёркл описывается, что ради сохранения близости люди стремятся быть «вместе», но в то же время хотят быть «в другом месте», то есть одновременно выполнять несколько задач. Это проявляется в том, что люди придают большое значение сетевому общению и пренебрегают реальным общением, межличностные отношения становятся холодными, люди погружаются в виртуальный мир и с трудом возвращаются к реальной жизни.

В развлекательных прямых трансляциях Douyin зрители через тесное взаимодействие с ведущими удовлетворяют свою потребность в информации, снимают тревогу, связанную с самоидентификацией, и психологическую усталость, что может оказывать временный эффект медийного массажа. Однако замена реального общения виртуальным может привести к тому, что зрители будут всё больше отдаляться от реальной жизни и испытывать иное чувство опустошённости и одиночества. Поэтому изучение факторов, влияющих на намерение зрителей продолжать просмотр развлекательных прямых трансляций, имеет определённую ценность.

Теоретическая модель и гипотезы исследования

Теория подтверждения ожиданий (ECT) изначально использовалась для объяснения поведения потребителей после потребления определённой услуги. Согласно объяснению учёного Оливера (Oliver), эта теория описывает, что намерение потребителя продолжать определённое потребительское поведение в основном определяется его удовлетворённостью от предыдущего использования услуги. Эта теория берёт начало в исследованиях потребительского поведения. Учёный Бхаттачерджи (Bhattacherjee) заметил, что исходная модель не может объяснить мотивы, по которым некоторые первоначальные потребители продолжают использование. Поэтому этот учёный модифицировал модель, добавив сравнение первоначальных ожиданий с воспринимаемой потребителем производительностью после принятия услуги. Это сравнение определяет, в какой степени ожидания потребителя были подтверждены. Он полагает, что такое подтверждение влияет на ожидания потребителя после потребления, и эти ожидания могут со временем изменяться, что в свою очередь влияет на дальнейшее потребительское поведение.

Просмотр развлекательных прямых трансляций Douyin также представляет собой продолжительное потребительское поведение. Решение потребителей продолжать смотреть развлекательные прямые трансляции Douyin по крайней мере частично объясняется их удовлетворённостью предыдущим опытом просмотра. Поэтому модель ECT может использоваться для объяснения намерения зрителей продол-

жать просмотр развлекательных прямых трансляций, и на основе модели можно поставить следующие вопросы:

Вопрос 1: Каковы основные характеристики воспринимаемой ценности, удовлетворённости и намерения продолжать просмотр у зрителей при просмотре развлекательных прямых трансляций Douyin?

Вопрос 2: Каковы взаимосвязи между воспринимаемой ценностью, удовлетворённостью и намерением продолжать просмотр у зрителей?

Вопрос 3: Какие социально-психологические паттерны отражает поведение зрителей, связанное с продолжением просмотра?

Основные факторы

В модели воспринимаемые выгоды означают преимущества или выгоды, которые приносит использование или продолжение использования определённой услуги, будь то утилитарные, гедонистические или социальные. Воспринимаемые жертвы определяются как потери и издержки, связанные с использованием или продолжением использования определённой услуги, включая время, деньги и тому подобное. Воспринимаемая ценность означает общую оценку потребителем использования или продолжения использования услуги в целом после учёта выгод и жертв, связанных с этой услугой. В настоящем исследовании воспринимаемая ценность означает общую оценку зрителем после просмотра развлекательных прямых трансляций или продолжения их просмотра. На основе базовой модели предлагаются следующие гипотезы:

H1. Подтверждение оказывает положительное влияние на воспринимаемую ценность;

H2. Подтверждение оказывает положительное влияние на удовлетворённость;

H3. Воспринимаемая ценность оказывает положительное влияние на удовлетворённость;

H4. Воспринимаемая ценность оказывает положительное влияние на намерение продолжать просмотр;

H5. Удовлетворённость оказывает положительное влияние на намерение продолжать просмотр.

Прочие факторы

Фактор 1: потребность в социальной интеграции, намерение продолжать просмотр, удовлетворённость, воспринимаемая ценность. Развлекательная прямая трансляция представляет собой виртуальное онлайн-сообщество. В каждой трансляции существует группа поклонников с относительно сильной сплочённостью. Поклонники общаются друг с другом, делятся интересными историями о ведущем и даже вместе участвуют в офлайн-мероприятиях. Поскольку ведущий тепло и дружелюбно приветствует новых поклонников, он играет роль лидера мнений, поэтому вся группа поклонников формирует просоциальное поведение. Просоциальное поведение означает дружелюбные, позитивные и полезные для других поступки, которые люди проявляют в социальном взаимодействии. Благодаря осуществлению просоциального поведения люди приносят пользу другим и всей группе, а также способствуют гармоничным отношениям между участниками взаимодействия. Согласно исследованию Ли Пэйпэй, индивиды, находящиеся в просоциальной среде, испытывают более высокую удовлетворённость развлекательными прямыми трансляциями в целом, а также дают более высокую оценку всей группе и другим людям, при этом удовлетворяется и их потребность в социальной принадлежности. Болл Рокич (Ball Rokeach) отметил, что чувство принадлежности является важнейшим фактором сообщества. Поэтому развлекательная прямая трансляция как объединяющее онлайн-сообщество обеспечивает чувство принадлежности, что является одной из причин высокой лояльности зрителей. Чем сильнее чувство принадлежности, которое индивид испытывает в развлекательной прямой трансляции, тем больше он будет укреплять внимание к ней и тем активнее будет участвовать в её онлайн-мероприятиях. Это тесно связанные между собой звенья. Поэтому на основе вышеизложенного предлагаются следующие гипотезы:

H6. Потребность в социальной интеграции оказывает положительное влияние на намерение продолжать просмотр;

H7. Потребность в социальной интеграции оказывает положительное влияние на удовлетворённость;

H8. Потребность в социальной интеграции оказывает положительное влияние на воспринимаемую ценность.

Эмоциональные потребности и намерение продолжать просмотр, удовлетворённость, воспринимаемая ценность. Эмоциональные потребности означают, что индивид делится с другими своими эмоциями и получает от других эмоциональное утешение и эмоциональную зависимость.[9] Такой социальный источник, обеспечивающий эмоциональные потребности индивида, называется эмоциональной социальной поддержкой. А через просмотр развлекательных прямых трансляций как виртуального источника эмоций, поклонение развлекательным ведущим и построение близких отношений с ведущим в третьем пространстве также можно получить определённую односторонюю эмоциональную социальную поддержку. Аудитория в развлекательных прямых трансляциях чувствует, что на неё обращают внимание, и может удовлетворить потребность в виртуальных эмоциях. На основе вышеизложенного предлагаются следующие гипотезы:

H9. Эмоциональные потребности оказывают положительное влияние на намерение продолжать просмотр;

H10. Эмоциональные потребности оказывают положительное влияние на удовлетворённость потребителя;

H11. Эмоциональные потребности оказывают положительное влияние на воспринимаемую ценность.

Исследовательский дизайн.

В данном исследовании использованы уже существующие зрелые шкалы из таких областей исследований, как прямые трансляции, потоковое вещание, намерение продолжать просмотр, для поддержки исследования намерения продолжать просмотр развлекательных прямых трансляций. Привлечены измерительные пункты таких учёных, как Дэн Фуминь, Хуан Сыхао и других, добавлены две переменные: потребность в социальной интеграции и эмоциональные потребности. Перед началом исследования был проведён предварительный тест, собрано около 100 валидных анкет, проведён анализ надёжности и валидности научности разработки пунктов анкеты. В формальном измерении использована анкета предварительного теста для продолжения опроса пользователей. Анкета распространялась с 19 ноября 2025 года по 25 декабря 2025 года. Сбор данных в основном проводился методом онлайн-опроса в сообществах. В итоге было собрано 248 анкет, из них валидных 235, доля валидных анкет составила 94,8%. Статистический анализ данных в основном проводился с использованием SPSS26 для анализа надёжности и валидности, описательной статистики, с использованием плагина Process для анализа медиационного эффекта, а также с помощью AMOS для подтверждающего факторного анализа и моделирования структурными уравнениями, с использованием путевых коэффициентов для проверки и анализа построенной модели.

Результат исследования

Описательная статистика

По данным анализа валидных анкет, среди 235 собранных валидных анкет женщин-зрителей было 190 человек, что составило 80,9%, со высшим образованием было 136 человек, что составило 57,9%. Возраст в основном распределился в двух возрастных группах: до 20 лет и 20–25 лет, которые составили соответственно 43,8% и 51,1%. Можно обнаружить, что большинство зрителей развлекательных прямых трансляций составляют студентки. Среди них 138 пользователей смотрят развлекательные прямые трансляции почти каждый день, что составляет 58,7%. В опросе о намерении продолжать просмотр 183 пользователя выбрали, что, за исключением особых обстоятельств, они намерены продолжать смотреть развлекательные прямые трансляции, что составило 77,9%.

Анализ надёжности и валидности

В данном исследовании путём анализа коэффициента альфа Кронбаха проверялась внутренняя согласованность между отдельными пунктами. Согласно анализу данных, коэффициент альфа общей шкалы составил 0,950. При этом коэффициент альфа переменной «подтверждение» составил 0,870, коэффициент альфа переменной «воспринимаемая ценность» составил 0,907, коэффициент альфа переменной «удовлетворённость» составил 0,919, коэффициент альфа переменной «эмоциональные потребности» составил 0,923, коэффициент альфа переменной «намерение продолжать просмотр» составил 0,885. Видно, что и коэффициент альфа общей шкалы, и коэффициенты альфа отдельных переменных превышают 0,8, что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности анкеты и достаточно надёжных результатах измерения.

Используя SPSS для анализа валидности, мы получили, что значение KMO общей шкалы составляет 0,881. Это значение превышает 0,5, а значение sig критерия сферичности Бартлетта равно 0,000, что указывает на высокую валидность шкалы. В данном исследовании был проведён эксплораторный факторный анализ данных шкалы. Результаты показали, что факторные нагрузки всех пунктов превышают 0,5 и сосредоточены в одном и том же измерении. В итоге было извлечено 6 общих факторов, что полностью соответствует заранее заданной теоретической структуре шкалы. Этот результат свидетельствует о том, что разработка пунктов шкалы обладает хорошей конструктной валидностью, соответствие между пунктами и измерениями является ясным и рациональным, и шкала способна эффективно измерять ключевые конструкты, которые предполагалось исследовать.

Проверка медиационного эффекта

В данном исследовании в основном проверялось медиационное влияние воспринимаемой ценности между подтверждением и удовлетворённостью, а также медиационное влияние удовлетворённости между воспринимаемой ценностью и намерением продолжать просмотр. Для проверки медиационного эффекта использовался плагин Process программного обеспечения SPSS. Результаты показали, что все значения 95% доверительных интервалов не содержат 0, что указывает на явный медиационный эффект.

Подтверждающий факторный анализ

В данном исследовании для проверки гипотез в основном использовалась модель структурных уравнений. Сначала был проведён подтверждающий факторный анализ данных. Результаты показали, что стандартизированные факторные нагрузки превышают 0,6, композитная надёжность CR превышает 0,7, средняя извлечённая дисперсия AVE превышает 0,5, что свидетельствует о хорошей надёжности и валидности анкеты. Исходя из значения хи-квадрат, равного 2,711, можно сделать вывод о хорошей степени соответствия модели. При этом значения GFI, NFI, TLI и CEI превышают 0,8, а значение RMR меньше 0,05, что указывает на соответствие степени согласия структурной модели предъявляемым требованиям.

Наконец, на основе показателя AVE были рассчитаны квадратные корни из AVE, после чего они были сопоставлены с корреляциями между различными измерениями. Квадратные корни из AVE превышают корреляции между измерениями, что свидетельствует о хорошей дискриминантной валидности данных и определённой научной обоснованности.

Проверка модели структурных уравнений

В данном исследовании в основном использовалась программа AMOS для проверки уравнений, что позволило наглядно проанализировать, является ли построенная модель верной и подтверждаются ли гипотезы, а также помогло обработать и проверить взаимосвязи между несколькими переменными. Исходя из значения хи-квадрат, равного 2,698, можно сделать вывод о хорошей степени соответствия модели, при этом значения GFI, NFI, TLI и CFI превышают 0,8, а значение RMR меньше 0,05, что указывает на соответствие степени согласия структурной модели предъявляемым требованиям. По таблице 1 можно ознакомиться с результатами по путям и с тем, подтверждаются ли конкретные гипотезы.

Таблица 1. Результаты проверки гипотез

Путь	Стандартиз. коэфф. (SE)	Оценка	Стандартная ошибка	C.R.	p	Подтверждение
Подтверждение → Воспринимаемая ценность	0,457	0,434	0,074	5,841	***	Подтверждено
Эмоциональные потребности → Воспринимаемая ценность	0,129	0,168	0,11	1,533	0,125	Не подтверждено
Социальная интеграция → Воспринимаемая ценность	0,344	0,32	0,085	3,786	***	Подтверждено
Воспринимаемая ценность → Удовлетворённость	0,446	0,342	0,068	5,023	***	Подтверждено
Эмоциональные потребности → Удовлетворённость	0,387	0,386	0,071	5,443	***	Подтверждено
Социальная интеграция → Удовлетворённость	0,005	0,004	0,056	0,071	0,944	Не подтверждено
Подтверждение → Удовлетворённость	0,184	0,134	0,053	2,55	0,011	Подтверждено
Удовлетворённость → Продолжение просмотра	0,347	0,442	0,169	2,614	0,009	Подтверждено
Эмоциональные потребности → Продолжение просмотра	-0,132	-0,168	0,119	-1,406	0,16	Не подтверждено
Социальная интеграция → Продолжение просмотра	0,577	0,526	0,082	6,437	***	Подтверждено
Воспринимаемая ценность → Продолжение просмотра	0,136	0,133	0,108	1,23	0,219	Не подтверждено

Окончание

Источник: составлено автором

Выводы исследования

Виртуальное сопровождение в третьем пространстве: построение новых близких отношений в условиях группового одиночества

Согласно проверке модели структурных уравнений можно сделать вывод: в случае удовлетворения эмоциональных потребностей в значительной степени повышается удовлетворённость пользователей от просмотра развлекательных прямых трансляций, а удовлетворённость, в свою очередь, способна оказывать положительное влияние на намерение продолжать просмотр. Отсюда видна важность получения эмоциональной ценности в третьем пространстве развлекательных прямых трансляций Douyin.

Люди стремятся к пониманию и поиску близких отношений, однако реальные трудности заставляют их постоянно терпеть неудачи в процессе построения близких отношений. Люди постепенно испытывают разочарование в построении близких отношений в реальной жизни, а развлекательные прямые трансляции предоставляют одиноким группам виртуальное место для ухода от действительности. Сопровождение развлекательных ведущих способно удовлетворить потребность индивида в избавлении от одиночества и стремлении к связи.

Четвёртое: близкие отношения являются важной частью обретения счастья человеком как социальным существом, а построение близких отношений требует от людей обращения к эмоциям. Комната развлекательной прямой трансляции на самом деле представляет собой некую «эмоциональную интерпретативную общность».

Хотя пользователи присутствуют в развлекательной прямой трансляции виртуально, развлекательная прямая трансляция разрушает традиционные близкие отношения, основанные на географической близости. Публичность частного пространства и открытость частной деятельности в определённой степени формируют чувство близости и знакомости. Виртуальное сопровождение трансляции заставляет зрителей осознанно ставить себя на место объекта близких отношений. Хотя это в определённой степени может восполнить внутреннюю пустоту и одиночество зрителей, в то же время зрители незаметно углубляют свою зависимость от развлекательных прямых трансляций, отдают эмоции ведущим, но отдаляются от реальных близких отношений. На самом деле увлечение развлекательными прямыми трансляциями как раз приводит к более глубокому явлению «группового одиночества» и препятствует построению близких отношений в реальном мире.

Социальная принадлежность в третьем пространстве: компенсаторное исцеление при тревоге, связанной с реальной идентичностью

Согласно модели структурных уравнений, потребности социальной интеграции могут напрямую положительно влиять на намерение продолжать просмотр. Для зрителей ощущение нужности и поддержки является одной из причин, по которым они продолжают смотреть развлекательные прямые трансляции. Чувство принадлежности означает переживание удовлетворения от осознания того, что человек нужен, получает поддержку и внимание в сообществе. Сильное чувство социальной принадлежности, как правило, помогает людям повышать психологическое благополучие.

Современное общество провозглашает равенство всех людей, у каждого есть безграничные возможности и шансы. Однако в эпоху, полную конкуренции, люди оказываются незамеченными в реальной жизни, а трудности с достижением успехов приводят к тому, что большинство людей испытывают печаль и подавленность. Высокая интерактивность и тёплая атмосфера развлекательных прямых трансляций

позволяют зрителям испытывать сильное чувство принадлежности. Ведущий, отвечая на вопросы, также благодарит зрителей за виртуальное потребление, а дружеские разговоры и взаимодействие между поклонниками за пределами трансляции позволяют зрителям чувствовать, что на них обращают внимание. Взаимодействуя и общаясь с ведущим и поклонниками, зрители получают эмоциональную поддержку и психологическую опору. Такое чувство сетевой принадлежности в определённой степени способствует эмоциональным связям людей, исцеляет зрителей от равнодушия в реальной жизни и позволяет пережить виртуальное сетевое счастье.

Развлекательные прямые трансляции строятся вокруг ведущего. Ведущий имеет фан-группу с общим названием. Поклонники как зрители трансляции могут общаться в комментариях, публиковать видео с тегами ведущего, комментировать записи друг друга и даже встречаться офлайн. В процессе просмотра развлекательных прямых трансляций зрители могут ощущать сплочённость трансляции, поэтому невольно относят себя к фан-группе, и у них возникает чувство сетевой принадлежности. Это чувство принадлежности позволяет зрителям в трансляции исцелять раны от реального общения и тем самым повышает их лояльность к просмотру развлекательных прямых трансляций.

Заключение

Развлекательные прямые трансляции как основной способ развлечения для многих современных «людей-контейнеров» способны предоставить пользователям третье пространство, находящееся между реальным и виртуальным мирами. В условиях нынешней новой экономической формы данные уже стали основным источником оценки ценности. Обновление данных невозможно без поддержки фан-сообществ. Из данных описательной статистики можно сделать вывод, что фан-группы, смотрящие развлекательные прямые трансляции Douyin, в основном состоят из студенток.

Фанатизация развлекательных прямых трансляций позволяет капиталу использовать эмоции фан-групп по отношению к ведущим для создания ценности платформы, производя видеоконтент с большим количеством репостов и лайков, тем самым повышая коммерческую ценность трансляций. Исходя из этого, студентки становятся «работницами данных» развлекательных прямых трансляций. Они добровольно записывают яркие фрагменты трансляций ведущих и тратят много времени и сил на монтаж. Такое поведение внешне выглядит как привлечение большего числа пользователей платформы к просмотру трансляций с помощью смонтированных видео, а на самом деле направлено на то, чтобы обеспечить капиталу большее количество потребительских действий. Эмоции фан-групп по отношению к ведущим отчуждаются и превращаются в инструмент увеличения капитала. Это явление «эмоционального отчуждения» отражает беспорядок в сетевой экосистеме. В связи с этим соответствующим ведомствам Китая необходимо усилить надзор за интернет-платформами и защищать интересы фан-групп. Одновременно вузам необходимо усилить руководство здоровым использованием интернета студентами, а самим студентам следует развивать критическое мышление.

Литература

1. Болл-Рокич С. Community storytelling, storytelling community: paths to belonging in diverse Los Angeles residential areas / С. Болл-Рокич и др. – 2001.

2. Бхаттачерджи А. Understanding information systems continuance: an expectation-confirmation model / А. Бхаттачерджи // MIS Quarterly. – 2001. – Vol. 25, № 3. – P. 351–370.

3. Дэн Фуминь. Исследование механизма влияния удовлетворения потребностей зрителей на намерение продолжать просмотр на платформах сетевых видеотрансляций / Ф. Дэн, С. Хуан, Я. Цзинь // Вестник Университета электронных наук и технологий Китая (серия социальных наук). – 2020. – № 1. – С. 85–94.

4. Ли Пэйпэй. Социальная изоляция и готовность индивида помогать: модерационная роль потребности в принадлежности / П. Ли, Ч. Хуан, Ю. Коу // Китайский журнал клинической психологии. – 2017. – № 4. – С. 597–602.

5. Ли Хуавэй. Проникновение информации и игра власти: исследование роли социальных медиа в интимных отношениях молодёжи на основе теории стадий развития отношений / Х. Ли, К. Сюй // Исследования китайской молодёжи. – 2022. – № 6. – С. 48–58, 47.

6. Линь Бинь. Критическое осмысление «группового одиночества»: «уединение», когда мы вместе / Б. Линь, Х. Цзян // Исследования китайской молодёжи. – 2019. – № 4. – С. 40–45.

7. Лян Сяоянь. Связь между сетевой социальной поддержкой и чувством принадлежности к сетевому сообществу у студентов: медиационный эффект сетевого виртуального благополучия / С. Лян, Ч. Гао, Л. Цюй // Китайский журнал психологии здоровья. – 2015. – № 6. – С. 907–912.

8. Оливер Р. Л. A cognitive model of the antecedents and consequences of satisfaction decisions / Р.Л. Оливер // Journal of Marketing Research. – 1980. – Vol. 17. – P. 460–469.

9. Пань Ди. Эмоциональное потребление: исследование поведения «награждения» в чатовых онлайн-трансляциях: диссертация / Д. Пань. – Шанхай: Восточно-китайский педагогический университет, 2018.

10. Пэн Лань. Видеофицированное существование: медиатизация повседневной жизни в мобильную эпоху / Л. Пэн // Китайский редактор. – 2020. – № 4. – С. 34–40, 53.

11. Соджа Э.У. Третье пространство: путешествия в Лос-Анджелес и другие реально-воображаемые места / Э.У. Соджа. – Оксфорд: Blackwell, 1996. – С. 79.

12. Тёркл Ш. Групповое одиночество / Ш. Тёркл. – Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2015. – 205 с.

13. Чжан Вэньсинь. Проявления и логика формирования эмоционального отчуждения «работниц данных» в цифровую эпоху / В. Чжан // Мир новостей. – 2024. – № 3. – С. 9–13.

14. Чжэн Юйсян. Анализ мотивов демонстративного потребления с точки зрения статусной тревожности / Ю. Чжэн, Ц. Шэнь // Коммерческая эпоха. – 2011. – № 8. – С. 22–23.

FACTORS AFFECTING VIEWERS› INTENTION TO CONTINUE WATCHING ENTERTAINMENT LIVE BROADCASTS ON DOUYIN

Chen Shiqi
Moscow State University

With the development of virtual worlds and the proliferation of smartphones, people are no longer limited by physical presence. Once connected to networked systems, their entertainment activities migrate to various “third spaces.” Among these, entertainment live broadcasts, with their characteristics of companionship, entertainment value, and convenience, have become a third space for everyday leisure for the general public. Based on expectancy confirmation theory, this article examines factors influencing viewers’ intention to continue watching entertainment live broadcasts. A questionnaire survey was conducted among 246 Douyin users who watched entertainment live broadcasts. The article summarizes viewers’ psychological needs, summarizes how the characteristics of entertainment live broadcasts match the psychological state of the audience, and identifies user behavior patterns in the virtual ecosystem and the state of the live broadcast industry, serving as a guide for restoring viewer agency and improving the live broadcast ecosystem.

Keywords: continuation intention; expectancy confirmation theory; entertainment livestreams; Douyin.

References

1. Ball-Rokeach S. Community storytelling, storytelling community: paths to belonging in diverse Los Angeles residential areas / S. Ball-Rokeach et al. – 2001.

2. Bhattacherjee A. Understanding information systems continuance: an expectation-confirmation model / A. Bhattacherjee // MIS Quarterly. – 2001. – Vol. 25, No. 3. – P. 351–370.

3. Deng Fumin. A Study on the Mechanism of Influence of Viewers’ Needs Satisfaction on Continuation Intention on Online Video Streaming Platforms / F. Deng, S. Huang, Ya. Jin // Bulletin of the University of Electronic Science and Technology of China (Social Science Series). – 2020. – No. 1. – P. 85–94.

4. Li Peipei. Social Isolation and Individual Helpfulness: The Moderating Role of Need for Affiliation / P. Li, C. Huang, Y. Kou // Chinese Journal of Clinical Psychology. – 2017. – No. 4. – P. 597–602.

5. Li Huawei. Information Penetration and Power Play: A Study of the Role of Social Media in Young Adults’ Intimate Relationships Based on Relationship Development Stages Theory / H. Li, K. Xu // Chinese Youth Studies. – 2022. – No. 6. – P. 48–58, 47.

6. Lin Bin. Critical Reflection on “Group Loneliness”: “Solitude” When We Are Together / B. Lin, H. Jiang // Chinese Youth Studies. – 2019. – No. 4. – P. 40–45.

7. Liang Xiaoyan. The Relationship between Online Social Support and Sense of Belonging to an Online Community in College Students: The Mediation Effect of Online Virtual Well-Being / S. Liang, C. Gao, L. Qu // Chinese Journal of Health Psychology. – 2015. – No. 6. – P. 907–912.

8. Oliver, R. L. A cognitive model of the antecedents and consequences of satisfaction decisions / R.L. Oliver // Journal of Marketing Research. – 1980. – Vol. 17. – P. 460–469.

9. Pan, Di. Emotional Consumption: A Study of Rewarding Behavior in Online Chat Broadcasts: Dissertation / D. Pan. – Shanghai: East China Normal University, 2018.

10. Peng, Lan. Videofied Existence: Mediatization of Everyday Life in the Mobile Age / L. Peng // Chinese Editor. – 2020. – No. 4. – P. 34–40, 53.

11. Soja E.W. Third Space: Travels to Los Angeles and Other Real-Imaginary Places / E.W. Soja. – Oxford: Blackwell, 1996. – P. 79.

12. Turkle S. Group Solitude / S. Turkle. – Hangzhou: Zhejiang People’s Publishing House, 2015. – 205 p.

13. Zhang Wenxin. Manifestations and Logic of the Formation of Emotional Alienation of “Data Workers” in the Digital Age / W. Zhang // Mir novostei. – 2024. – No. 3. – P. 9–13.

14. Zheng Yuxiang. Analysis of motives for conspicuous consumption from the point of view of status anxiety / Yu. Zheng, Q. Shen // Commercial era. – 2011. – No. 8. – P. 22–23.

Конституционно-правовые основы миграционной безопасности Российской Федерации: соотношение прав человека и интересов государства

Шевцов Лев Фёдорович,
аспирант, кафедра политических процессов и технологий, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
E-mail: lev_shevtsov@mail.ru

Волох Владимир Александрович,
доктор политических наук, профессор, кафедра политических процессов и технологий, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
E-mail: voloh_va@mail.ru

Стремительное реформирование отечественного миграционного законодательства, которое сопровождается внедрением Реестра контролируемых лиц и жестким лимитированием сроков безвизового нахождения иностранцев, выводит проблематику защиты государственного суверенитета на принципиально иной уровень. Актуальность представленного исследования продиктована тем, что масштабная трансграничная мобильность населения, объективно необходимая для поддержания темпов экономического роста, одновременно генерирует серьезные вызовы для общественного порядка. По существу, в правоприменительной плоскости кристаллизовалось глубокое доктринальное противоречие. Так, с одной стороны, публичная власть обязана оперативно купировать угрозы национальной безопасности, прибегая к выдворению либо депортации. С другой, сугубо запретительный, формальный подход неизбежно разрушает гарантированное право на уважение личной и семейной жизни. Цель заключается в уточнении жизнеспособной конституционно-правовой конструкции, которая способна примирить категоричные императивы безопасности с признанными стандартами защиты прав личности. Резюмировано, что экстраординарные меры государственного принуждения не могут превращаться в канцелярскую рутину. Лишение иностранца права на пребывание в стране оправдано исключительно при наличии доказанной, реальной угрозы обществу, тогда как механическое применение санкций за незначительные проступки представляет собой неконституционный произвол. Примечательно, что приоритет интересов государства неоспорим лишь тогда, когда субъект объективно посягает на основы конституционного строя. Авторский вклад в отходе от абстрактных рассуждений и разработке конкретного прикладного инструментария (концепции «Индекса интеграционной и правовой надежности мигранта»), а также в обосновании необходимости институционализации административной медиации.

Ключевые слова: административное выдворение; баланс интересов; Конституционный Суд РФ; миграционная безопасность; права человека; принцип соразмерности; реестр контролируемых лиц

Введение

В эпоху глобальных перемен, экономической нестабильности в сочетании с выраженной мобильностью населения вопросы выстраивания эффективной миграционной политики приобретают первостепенное значение для суверенитета любого современного государства. Ежегодно Россия принимает миллионы иностранных граждан. Это, по сути, стимулирует экономическое развитие, восполняет дефицит кадров в строительном и аграрном секторах, компенсирует демографические вызовы. Одновременно с этим, столь масштабный приток иностранцев генерирует существенные риски для общественного порядка, социальной стабильности, конституционного строя.

Вместе с тем, государство обязано находить выверенное равновесие между императивами национальной безопасности и международно-признанными стандартами защиты прав человека. В составлении с предшествующими подходами, при которых мигрант зачастую рассматривался как трудовой ресурс или потенциальный объект жесткого полицейского контроля, современная академическая доктрина требует комплексного анализа правового статуса личности в контексте публичных интересов. По существу, конституционно-правовой конфликт в анализируемой сфере неизбежен. Так, с одной стороны, статья 27 Конституции РФ гарантирует свободу передвижения, а статья 38 защищает семью. С другой – статья 55 (часть 3) прямо допускает ограничение прав, свобод федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обеспечения обороны страны. В итоге отметим, что проблема соразмерности государственного принуждения в миграционной сфере является одной из наиболее острых и дискуссионных в отечественной юриспруденции.

Примечательно, что в течение последних лет российское законодательство претерпевает серьезные изменения, которые ориентированы на ужесточение контроля. И это многократно актуализирует потребность в научном анализе пределов такого государственного вмешательства в частную жизнь.

В ходе обзора современных источников обнаруживается несколько взаимодополняющих подходов к осмыслению конституционно-правовых основ миграционной безопасности. Так, А.В. Романов, Л.А. Емелина, С.А. Яворский формируют базовый нормативно-доктринальный ракурс рассмотрения, раскрывая принципы соответствующей политики через призму ценностей и направлений её реформирования [2, 9]. А.А. Савостин и А.Н. Жеребцов акцентируют внимание на соотношении безопасности государства и федеративных механизмов регулирования миграции, развивая институционально-управленческий вектор изысканий [3, 10]. М.Л. Белых, М.А. Ларионова, Е.Е. Новопавловская исследуют гарантии прав человека через инструменты конституционного судопроизводства, включая право обращения в Конституционный Суд и его роль в защите прав иностранных граждан [1, 7]. Значительный массив материалов представлен анализом правоприменительной практики КС РФ, в которой отражается баланс между ограничительными мерами (запрет на въезд, признание пребывания нежелательным) и необходимостью учета частной и семейной жизни мигрантов [4–6, 11]. Нормативно-динамический аспект дополняется информацией о текущих изменениях законодательства [8], что позволяет учесть эволюцию правового регулирования.

Выбор упомянутых выше трудов объясняется их способностью комплексно отразить как теоретико-правовые основания миграционной политики, так и практику конституционного контроля, раскрывающую реальные механизмы соотношения прав человека и интересов государства. Однако в литературе прослеживаются пробелы, сопряженные с недостаточной проработанностью критериев допустимости ограничений прав иностранных граждан и слабой эмпирической базой оценки результативности миграционной политики.

В процессе подготовке статьи были использованы методы формально-юридического анализа, сравнительно-правового сопоставления, обобщения судебной практики. Это определяется необходимостью выявления содержания правовых норм, их интерпретации, практического применения в контексте миграционной безопасности.

Доктринальные подходы к пониманию миграционной безопасности

В первую очередь, целесообразно обратиться к доктринальным основам. Миграционная безопасность трактуется как состояние защищенности национальных интересов государства и общества от угроз, которые сопряжены с неконтролируемыми миграционными потоками и незаконным пребыванием иностранцев [2, 9]. По-видимому, институционализация рассматриваемого понятия в российском праве отражает переход от реактивной управленской схеме к предупредительной. Любые ограничения прав мигрантов должны быть как юридически, так и социально оправданны. Вероятно, именно принцип пропорциональности служит тем универсальным мерилом, которое позволяет судам оценивать правомерность административного выдворения либо депортации [3, 10].

Права человека, гарантированные международными актами и Конституцией России, предоставляются всем лицам, которые находятся под юрисдикцией государства. Впрочем, статус иностранного гражданина объективно предполагает определенные изъятия из национального режима. Это обусловливается политико-правовой связью граждан со своими государствами. Правоприменитель регулярно сталкивается с дилеммой: является ли совершение мигрантом нескольких малозначительных административных правонарушений достаточным основанием для разрушения его семейной жизни в России?

Анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации дает возможность проследить эволюцию подходов к разрешению указанной коллизии. Примечательно, что суд не раз подчеркивал недопустимость формального применения норм о запрете на въезд или административном выдворении. В частности, при рассмотрении дел, которые сопряжены с нарушением миграционного режима, КС РФ предписывает судам общей юрисдикции оценивать не только сам факт правонарушения, но и детальные данные о личности заявителя, его семейном положении, а также соразмерность назначаемого наказания. Иной, сугубо формальный подход, по мнению Суда, означал бы недопустимое нарушение права на судебную защиту, что гарантируется Конституцией [11].

Одновременно с этим, наличие устойчивых семейных связей в РФ не является абсолютным «иммунитетом» от депортации, если действия лица создают реальную угрозу общественной безопасности. В качестве достоверного примера уместно привести недавнюю практику высшего органа конституционного контроля. В Определениях КС РФ от 11.06.2024 № 1438-О и от 01.11.2024 № 2560-О/2024 рассматривались жалобы иностранного гражданина, в отношении которого уполномоченным органом МВД было принято решение о нежелательности пребывания в России из-за нахождения в межгосударственном розыске. Заявитель полагал, что статья 25.10 Закона о порядке выезда и въезда в РФ неконституционна, поскольку позволяет принимать бессрочное решение о нежелательности пребывания, ограничивая его процессуальные права на защиту. Суд четко указал, что обсуждаемые нормы не препятствуют лицу оспаривать данное решение в судебном порядке и представлять оправдательные доказательства. Соответственно, право на справедливый суд (статья 46 Конституции РФ) не ущемляется. По сути, КС РФ подтвердил ключевой постулат: если пребывание мигранта объективно создает действительную угрозу обороноспособности, безопасности либо общественному порядку, государство вправе применять самые жесткие меры отторжения – в целях защиты основ конституционного строя. Предположительно, в подобных кейсах чаша весов обоснованно склоняется в пользу публичного интереса [4–6].

Перспективные направления развития миграционной политики

Текущая правовая политика ориентирована на усиление превентивного контроля. С 2025 года в России вступил в силу блок серьезных изменений в миграционном законодательстве. Так, с 1 января 2025 года введен режим, который жестко ограничивает разрешенный срок безвизового пребывания иностранных граждан рамками 90 суток суммарно в течение всего календарного года. Помимо этого, был внедрен абсолютно новый правовой инструмент – Реестр контролируемых лиц. Туда помещаются данные о мигрантах, не имеющих законных оснований для нахождения в стране [1, 7, 8]. Видимо, данные законодательные новеллы призваны свести к минимуму угрозы национальной безопасности. Однако они неизбежно увеличивают риск коллизий с фундаментальными правами иностранцев, требуя от правоприменителя абсолютной точности при разрешении споров.

Логично сформулировать ряд прикладных рекомендаций, которые нацелены на устранение правовой неопределенности в правоприменительной практике. Как представляется, невзирая на наличие четких разъяснений КС РФ, суды первой инстанции зачастую испытывают серьезные методологические трудности с объективной оценкой категории «соразмерность».

Так, предлагается внедрение «Индекса интеграционной и правовой надежности мигранта» в судебную практику. Назначение – обеспечение судей объективным, формализованным инструментарием для комплексной оценки личности иностранного гражданина при рассмотрении административных дел о выдворении. В отличие от сугубо субъективного усмотрения судьи, предлагаемый индекс представляет собой математически обоснованную балльную систему. В ней суммируются положительные факторы (стаж непрерывного проживания в РФ, наличие легального дохода, знание языка, наличие несовершеннолетних детей-граждан РФ) и вычитаются баллы за тяжесть и количество правонарушений. Описываемый шаг решит проблему колоссальной разрозненности судебной практики в различных регионах страны. Он защитит добросовестных мигрантов от выдворения за сугубо формальные, «канцелярские» проступки.

Вторая рекомендация сопряжена с институционализацией процедуры административной медиации при рассмотрении споров. Речь идет о создании досудебного механизма урегулирования конфликтов между подразделениями МВД по вопросам миграции и иностранцами, имеющими устойчивые семейные связи в РФ. На сегодняшний день публично-правовой спор о выдворении практически не предполагает примирительных процедур. Законодательное закрепление права на их применение (например, заключение соглашения о добровольном устранении документарных нарушений в жесткий срок в обмен на отмену инициативы о запрете на въезд) поможет существенно гуманизировать процесс, снизить огромную нагрузку на судебную систему.

Заключение

Миграционная безопасность Российской Федерации представляет собой сложный, многоуровневый феномен. В нем тесно и неразрывно переплетаются императивы государственного суверенитета и универсальные ценности прав человека. Проведенное исследование показало, что обеспечение национальной безопасности в характеризуемой сфере не должно и объективно не может осуществляться путем тотального нивелирования конституционных прав иностранных граждан. Напротив, как убедительно свидетельствует последовательная практика КС РФ, подлинная сила и демократический характер правового государства проявляются именно в способности судебной системы находить справедливый, выверенный баланс интересов.

По существу, выдворение, депортация, признание пребывания лица нежелательным выступают в качестве экстраординарных мер госпринуждения. Их задействование оправдано именно в случаях реальной угрозы общественному порядку, здоровью населения, базовым основам конституционного строя. Рассмотренные в статье примеры из практики прямо доказывают, что формальный подход к назначению таких санкций, при котором игнорируются семейное положение, глубина интеграции лица в российское общество, фактическая тяжесть совершенного проступка, категорически недопустим. Одновременно с этим, государственные интересы обладают безоговорочным приоритетом в ситуациях, когда деятельность мигранта объективно посягает на национальную безопасность. В связи с этим само по себе наличие семьи не может трактоваться судами как безусловная индульгенция от юридической ответственности.

Введение в 2025 году новых административных механизмов, в частности, Реестра контролируемых лиц и сокращения сроков безвизового пребывания, безусловно, многократно усиливает публично-правовой контроль. Резюмируем, что в ближайшей перспективе роль судебной власти как главного и независимого арбитра в миграционных спорах возрастет еще сильнее. Следовательно, отечественная академическая наука должна постепенно отказываться от исключительно карательной парадигмы в оценке правонарушений, переходя к риск-ориентированному подходу.

Сформулированные авторские рекомендации, в том числе, разработка «Индекса интеграционной и правовой надежности», обладают потенциалом для практического внедрения. По-видимому, их использование поможет существенно снизить уровень судейского усмотрения, смягчить коррупциогенные факторы, сделать правосудие в миграционной сфере более транспарентным. В последующем представленные выводы уместно использовать для углубленного изучения межотраслевых связей, для корректировки ведомственных регламентов в части оценки соразмерности применяемых мер государственного принуждения.

Литература

1. Белых М.Л., Ларионова М.А. Право на обращение в Конституционный Суд РФ иностранных лиц и лиц без гражданства как гарантия реализации принципа верховенства права // Бизнес, менеджмент и право. – 2025. – № 4 (68). – С. 18–22.

2. Емелина Л.А., Яворский С.А. Конституционно-правовые основы миграционной политики России: проблемы и направления реформирования // Московский юридический журнал. – 2024. – № 4. – С. 19–26.

3. Жеребцов А.Н. Конституционный принцип федерализма и административно-правовые средства его реализации в рамках государственной миграционной политики Российской Федерации // Очерки новейшей камералистики. – 2023. – № 4. – С. 2–9.

4. Конституционный Суд Российской Федерации отказал гражданину Грузии в принятии к рассмотрению его жалобы на нарушения порядка принятия решения о нежелательности пребывания иностранца в РФ // URL: https://legalbulletin.online/konstitucionnyj-sud-rossijskoj-federacii-otkazal-grazhdaninu-gruzii-v-prinjatii-k-rassmotreniju-ego-zhaloby-na-narushenija-porjadka-prinjatija-reshenija-o-nezhelatelnosti-prebyvanija-inostranca-v-rf/ (дата обращения: 18.03.2026).

5. Корнева Е. Запрет на въезд для иностранных граждан: мнение КС РФ // URL: https://all-migration.com/journal/yuridicheskaya-zashchita-na-strazhe-vashikh-interesov/zapret-na-vezd-dlya-inostrannykh-grazhdan-mnenie-ks-rf/ (дата обращения: 18.03.2026).

6. Нагорная М. КС не усмотрел нарушений в порядке принятия решения о нежелательности пребывания иностранца в РФ // URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-narusheniy-v-poryadke-prinyatiya-resheniya-o-nezhelatelnosti-prebyvaniya-inostrantsa-v-rf/ (дата обращения: 18.03.2026).

7. Новопавловская Е.Е. Реформирование миграционного законодательства и практика конституционного судопроизводства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 2. – С. 29–35.

8. Основные изменения в миграционном законодательстве РФ с января 2025 года // URL: https://lexpat.ru/news/osnovnye-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve-rf-s-yanvarya-2025-goda.html (дата обращения: 18.03.2026).

9. Романов А.В. Конституционные основы миграционной политики Российской Федерации // Миграционное право. – 2021. – № 2. – С. 12–15.

10. Савостин А.А. Проблемы миграционной безопасности Российской Федерации: конституционный и административно-правовой аспекты // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2023. – № 4 (68). – С. 75–79.

11. INTERFAX. КС предписал судам учитывать семьи иностранцев при назначении длительного запрета на въезд // URL: https://www.interfax.ru/russia/910631 (дата обращения: 18.03.2026).

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF MIGRATION SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: BALANCING HUMAN RIGHTS AND STATE INTERESTS

Shevtsov L.F., Volokh V.A.
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations

The rapid reform of national migration legislation, accompanied by the introduction of the Register of Controlled Persons and stricter limits on visa-free stays for foreign nationals, has elevated the issue of protecting state sovereignty to a fundamentally new level. The relevance of this study is driven by the fact that large-scale cross-border population mobility, which is objectively necessary to sustain economic growth, simultaneously generates significant challenges to public order. In essence, a profound doctrinal contradiction has crystallized in law enforcement practice. On the one hand, public authorities are obliged to promptly neutralize threats to national security, including through expulsion or deportation. On the other hand, a purely prohibitive and formalistic approach inevitably undermines the guaranteed right to respect for private and family life. The purpose of this study is to refine a viable constitutional and legal framework capable of reconciling the categorical imperatives of security with recognized standards of individual rights protection. It is concluded that extraordinary measures of state coercion must not become routine administrative practice. The deprivation of a foreign national's right to remain in the country is justified only in the presence of a proven and real threat to society, whereas the mechanical application of sanctions for minor offenses constitutes unconstitutional arbitrariness. Notably, the priority of state interests is indisputable only when an individual objectively encroaches upon the foundations of the constitutional order. The author's contribution lies in moving beyond abstract reasoning and developing a concrete applied toolkit, including the concept of an "Index of Migrant Integration and Legal Reliability," as well as substantiating the need for the institutionalization of administrative mediation.

Keywords: administrative expulsion; balance of interests; Constitutional Court of the Russian Federation; human rights; migration security; principle of proportionality; register of controlled persons

References

1. Belykh M.L., Larionova M.A. The Right of Foreign Citizens and Stateless Persons to Apply to the Constitutional Court of the Russian Federation as a Guarantee of the Rule of Law Principle. Business, Management and Law. 2025. No. 4 (68). Pp. 18–22.

2. Emelina L.A., Yavorsky S.A. Constitutional and Legal Foundations of Russia's Migration Policy: Problems and Directions for Reform. Moscow Journal of Law. 2024. No. 4. Pp. 19–26.

3. Zherebtsov A.N. The Constitutional Principle of Federalism and Administrative-Legal Means of Its Implementation within the Framework of the State Migration Policy of the Russian Federation. Essays on Modern Cameralistics. 2023. No. 4. Pp. 2–9.

4. The Constitutional Court of the Russian Federation Refused to Accept for Consideration a Complaint Filed by a Citizen of Georgia Regarding Violations in the Procedure for Declaring an er's Stay in the Russian Federation Undesirable. Available at: https://legalbulletin.online/konstitucionnyj-sud-rossijskoj-federacii-otkazal-grazhdaninu-gruzii-v-prinjatii-k-rassmotreniju-ego-zhaloby-na-narushenija-porjadka-prinjatija-reshenija-o-nezhelatelnosti-prebyvanija-inostranca-v-rf/ (accessed: March 18, 2026).

5. Korneva E. Entry Ban for Foreign Citizens: The Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation. Available at: https://all-migration.com/journal/yuridicheskaya-zashchita-na-strazhe-vashikh-interesov/zapret-na-vezd-dlya-inostrannykh-grazhdan-mnenie-ks-rf/ (accessed: March 18, 2026).

6. Nagornaya M. The Constitutional Court Found No Violations in the Procedure for Adopting a Decision on the Undesirability of a Foreigner's Stay in the Russian Federation. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-narusheniy-v-poryadke-prinyatiya-resheniya-o-nezhelatelnosti-prebyvaniya-inostrantsa-v-rf/ (accessed: March 18, 2026).

7. Novopavlovskaya E.E. Reform of Migration Legislation and the Practice of Constitutional Adjudication. Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2025. No. 2. Pp. 29–35.

8. Key Changes in the Migration Legislation of the Russian Federation Since January 2025. Available at: https://lexpat.ru/news/osnovnye-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve-rf-s-yanvarya-2025-goda.html (accessed: March 18, 2026).

9. Romanov A.V. Constitutional Foundations of the Migration Policy of the Russian Federation. Migration Law. 2021. No. 2. Pp. 12–15.

10. Savostin A.A. Problems of Migration Security of the Russian Federation: Constitutional and Administrative-Legal Aspects. Bulletin of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2023. No. 4 (68). Pp. 75–79.

11. INTERFAX. The Constitutional Court Instructed Courts to Take into Account the Families of Foreigners When Imposing Long-Term Entry Bans. Available at: https://www.interfax.ru/russia/910631 (accessed: March 18, 2026).

Миграционные настроения жителей Новосибирска в условиях социально-политической нестабильности (2021–2023 гг.)

Вавилина Надежда Дмитриевна,
доктор социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Шпигунова Юлия Михайловна,
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

Агишев Марк Олегович,
аспирант, Сибирский институт управления филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: mark.agishev@yandex.ru

Статья посвящена изучению миграционных настроений жителей Новосибирска – третьего по численности населения города России, обладающего признаками мегаполиса, в период социально-политической нестабильности 2021–2023 гг. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа изменения в миграционном поведении населения в условиях внешних санкций и связанных с ними социально-экономических изменений. В статье анализируется динамика миграционных установок горожан. Результаты исследования демонстрируют, что, несмотря на сохранение у большинства опрошенных (около 80%) установки на проживание в Новосибирске, в 2023 году существенно выросли миграционные настроения среди молодежи 18–24 лет и лиц, проживающих в городе от 1 до 10 лет. Авторы приходят к выводу, что для города Новосибирска сохраняется риск «утечки мозгов» и транзитивность миграционного поведения, при которой город выступает в качестве временного центра притяжения для последующего переезда.

Ключевые слова: миграция; миграционные настроения; мегаполис; транзитивность миграционного поведения; демографический потенциал.

Постановка проблемы

Миграция населения является «одним из тех масштабных социальных явлений, существование и эволюция которого обусловлены многими факторами: социально-экономическими, социально-культурными, социально-политическими, социально-идеологическими и социально-психологическими» [16].

Региональные аспекты миграционных настроений активно изучаются в отечественной социологии, они представлены в трудах Л.Л. Рыбаковского, Г.Ф. Ахметовой, С.В. Кутовой, З.А. Даниловой, В.К. Заусаева, К.Е. Новикова, И.А. Гущиной, О.А. Положенцевой, Е.В. Шевцовой и др.

Особое внимание в исследованиях уделяется миграционной активности молодёжи как основе демографического потенциала регионов. Это направление представлено работами Р.Х. Симонян, Н.В. Мкртчян, О.Н. Калачиковой, А.П. Будилова, Е.А. Морозовой, О.П. Кочневой.

Научное сообщество сегодня обеспокоено не только отъездом молодого поколения с высоким потенциалом из регионов, низкоквалифицированным качеством прибывающих трудовых ресурсов, но и проблемами взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества (мигрантофобией [9] как отдельного социального явления).

Н.В. Мкртчян доказательно утверждает, что «миграция в России носит выраженный центростремительный характер, население стягивается в крупнейшие центры – Москву, Санкт-Петербург и одноименные агломерации. В пределах каждого региона население стремится в региональные столицы, представленные крупными городами, концентрирующими многие виды ресурсов. Глубинка, к которой относятся малые, средние города и сельские поселения, теряет население, прежде всего, молодежь…» [7].

Последние исследования ВЦИОМ показывают снижение эмиграционных настроений россиян в 2022–2024 годах [18], на этом фоне представляют особый интерес миграционные процессы в пределах страны.

Мегаполис как объект изучения

Анализ процессов урбанизации последние 50 лет свидетельствует, что идет не просто рост городского населения. Особенно значимым является увеличение численности крупных городов, получивших название мегаполисов. Более всего это касается мегаполисов быстроразвивающихся стран: Китай, Индия, Бразилия и др. Не исключена из тенденций такого типа и Россия.

В начале 1980-х годов американский ученый Дж. Фридман впервые определил «важнейшие признаки мировых городов [19]. Группа GaWC провела классификацию глобальных городов. В рейтинг городов, разработанный исследователями, вошли всего два российских: Москва и Санкт-Петербург [4]. В рамках классификации [20], предложенной этим исследовательским центром, Москва отнесена к главным (Бета) глобальным городам, Санкт-Петербург – к формирующимся (Дельта).

Наряду с двумя глобальными городами в России можно говорить о целой совокупности крупных городских образований, обладающих в той или иной степени признаками мегаполисов. Очевидно, базовым признаком в этом случае является численность населения. И здесь в первую очередь имеются в виду так называемые города «миллионники».

Феномен образований с численностью населения 1 млн и более является признанным как в экономической науке, так и в социологии. Такие города более других характеризуются неравномерным, нелинейным характером развития, и они в меньшей степени подвержены социально-управленческому воздействию. В Советском Союзе в 1989 году таких городов было 25, в РСФСР из них – 12. Сегодня в Российской Федерации их 16, в том числе 2 глобальных – Москва и Санкт-Петербург, и 14 городов-«миллионников». По итогам переписи населения 2020 года, которая в связи с пандемией проходила осенью 2021 года, третье место в России по численности населения занимает Новосибирск, где проживало в тот момент 1 633 595 человек. И именно этот город, таким образом, занимает первое место в группе 14 городов. Однако надо признать, что разрыв между первым и четырнадцатым местом не очень велик: 1 633 595 жителей в Новосибирске и 1 034

006 – в Перми. Следовательно, они могут быть отнесены к одному типу городов, имеющих в официальной статистике позицию: города с населением свыше 1 млн человек.

Анализ, проведенный авторами, позволяет утверждать, что при определении роли в социально-экономическом развитии можно выделить среди этих 14 городов, 4 типа: «мегаполисы»; «центры агломераций»; «крупные города»; «центры российской периферии».

К городам, имеющим основные признаки именно мегаполиса, в этом случае можно отнести: Екатеринбург, Казань, Новосибирск. Для них характерно:
– наличие большой численности населения;
– обладание функциями крупного российского и международного транспортного и коммуникационного узла;
– наличие высокоразвитой сферы деловых услуг;
– наличие функций «двигателя прогресса», то есть влияния на развитие обширных территорий, а не только своего региона.

Особый интерес в этом контексте представляет Новосибирск, третий по численности населения город в России, в орбиту развития которого включены Алтайский край, Республика Алтай, Кемеровская область, Томская область и другие субъекты РФ. В частности, Сибирское отделение Российской Академии наук, базирующееся в Новосибирске, имеет свои центры в 10 субъектах РФ Сибирского федерального округа, а также в Бурятии, Якутии (Дальневосточный федеральный округ) и Тюменской области (Уральский федеральный округ). Этот мегаполис имеет самые развитые среди большинства территорий России системы образования, науки, культуры. Здесь активный рынок труда и четвертый по объему в России поток мигрантов.

Рассмотрим, какие миграционные настроения характерны для жителей города Новосибирска, который представляет также особый исследовательский интерес по ряду других факторов:
– с учетом специфики экономики Новосибирска, в том числе как крупного центра, специализирующегося на науке и научном обслуживании, для него характерна тенденция «утечки мозгов» в страны дальнего зарубежья: уезжают на постоянное место жительства квалифицированные и высококвалифицированные специалисты, а также выпускники вузов Новосибирска [17];
– Новосибирск является административным центром Новосибирской области; крупным мультимодальным узлом, который соединяет территории Сибири и Дальнего Востока с европейской частью России, в этом плане и сам город является привлекательным для мигрантов, при этом активность такого рода присутствует в двух потоках: «Юг – Север» и «Восток – Запад»;
– в силу внешних обстоятельств в 2022 году в Новосибирской области сократился общий объем миграции населения: число прибывших уменьшилось на 4,4 тыс. человек (на 6%), число выбывших увеличилось на 0,6 тыс. человек (на 1%) [12].

Цель настоящей статьи – изучить характер миграционных настроений жителей Новосибирска, определить их взаимосвязь с общероссийскими тенденциями в конкретных условиях современного развития (внешние санкции, СВО). Важно понять зарождающиеся тенденции движения населения, что позволит предложить продуктивные механизмы их регулирования.

Говоря о миграционных настроениях, в этом случае авторы согласны с исследователями, определяющими это явление как осознанное желание покинуть нынешнее место жительства или остаться на месте [3, 5].

Для целей настоящей статьи необходимо зафиксировать следующие понятия [15]:
– миграция – смена места жительства, перемещение людей на иную территорию (регион, город, страна и т.д.);
– транзитивность миграционного поведения – перемещение для получение новых (дополнительных) ресурсов (образование, квалификация, социальные связи и т.д.) для реализации карьерных и иных целей.

Эмпирический объект исследования

Изучение миграционных настроений жителей Новосибирска осуществлялось в рамках мониторинга на тему: «Состояние социальной обстановки, межнациональных и межконфессиональных отношений в Новосибирске». Мониторинг проводится с 2018 г. по заказу мэрии Новосибирска (объём выборочной совокупности – 750 респондентов, стратифицированная выборка по полу, возрасту и району). Сбор данных – формализованное интервью по месту жительства.

В качестве основного метода сбора эмпирических данных в каждом исследовании использовался стандартизированный анкетный опрос (формализованное интервью) по месту жительства.

Основные характеристики миграционных процессов

Миграционные настроения жителей города Новосибирска в рамках эмпирического исследования определялись не только желанием респондента переехать, а также наличием у него социального опыта такого типа, который определяется через длительность проживания в областном центре.

Как показали полученные данные, почти каждый третий респондент проживает в Новосибирске более 15 лет, а около более 40,0% либо чуть более опрошенных и вовсе живут здесь с рождения (Рисунок 1). При этом соотношение групп респондентов, которые длительное время здесь проживают, в мониторинга остается практически неизменным. Лишь каждый десятый проживает в городе от 1 до 5 лет. Доля респондентов, проживающих в Новосибирске от 1 года до 10 лет также остается относительно стабильной. Но в интервале 3-х последних лет ее удельный вес снижается, и это видно в 2023 году. Особенно четко стабильность структуры видна на Рисунке 1.

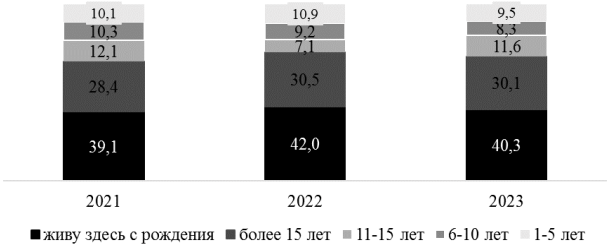

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: Как долго Вы живете в Новосибирске? (в % от каждой совокупности опрошенных). 2021–2023 годы

Длительность проживания в пределах города Новосибирска не являлась признаком, на основе которого рассчитывалась выборка. Таковыми были взяты пол, возраст, район проживания. Поэтому полученная структура дает лишь приблизительные характеристики. В то же время эта структура позволяет увидеть совокупность тенденций, которые не всегда может зафиксировать официальная статистика.

В течение 2021–2023 годов число респондентов, планирующих переехать, колеблется: в 2021 году их число составляло 7,2%, в 2022 году – 10,1%, в 2023 году – 8,8% (Таблица 1). При этом число респондентов, которые оставили вопрос без ответа либо затруднились ответить в 2022 году было минимальным – 7,4%, в то время как в 2021 и 2023 годах число таких респондентов составляло примерно 11%. Таким образом, каждый десятый респондент в 2021 и 2023 годах испытывал неуверенность по поводу своего будущего и не мог однозначно ответить на вопрос о миграционных настроениях. В то же время важно отметить, что число твердо уверенных в отъезде в 2022 и 2023 годах растет. Хотя удельный вес этой группы по-прежнему небольшой: 3,7% и 3,9%.

Доля уверенных в отъезде выросла с 2,9% (2021 год) до 3,9% (2023 год), а доля колеблющихся увеличилась с 35,6% до 37,5% (Таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: В ближайшее время Вы планируете жить в городе Новосибирске или планируете переезд? (в % от каждой совокупности опрошенных). 2021–2023 годы

Вариант ответа	2021	2022	2023
да, я уверен(а), что будем жить в Новосибирске	46,0	59,3	42,4
скорее да	35,6	23,2	37,5
скорее нет	4,3	6,4	4,9
нет, мы будем переезжать	2,9	3,7	3,9
затрудняюсь ответить	11,2	7,1	10,7
нет ответа	0,0	0,3	0,7

Очевидно, различные события политической, социальной и экономической жизни населения к 2023 году усилили миграционные настроения жителей мегаполиса, особенно если учесть рост числа колеблющихся – «скорее да». Но возможно отчасти это было связано и с внутренними изменениями самого города.

Рассмотрим, какие изменения в месте проживания могли привести к увеличению миграционных настроений жителей в период с 2021– по 2023 годы.

Больше всего новосибирцы заметили следующие изменения (Таблица 2):

– ухудшение качественного состава населения: много безработных, пьющих, наркоманов – 62,5% (сумма совокупности: присутствует в высокой степени и присутствует в некоторой степени);
– детей, выходцев из Средней Азии на улицах становится все больше – 60,8% (сумма совокупности: присутствует в высокой степени и присутствует в некоторой степени);
– ощущение, что мигранты стали вести себя более вызывающе и агрессивно – 51,6% (сумма совокупности: присутствует в высокой степени и присутствует в некоторой степени).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: Наблюдаете ли Вы следующие изменения в месте вашего проживания? (в % от каждой совокупности опрошенных), 2023 год

Варианты ответа	Ухудшение качественного состава населения: много безработных, пьющих, наркоманов	Жители все чаще увозят своих детей учиться в другие микрорайоны или школы	Часто соседи продают квартиры и уезжают	Детей, выходцев из Средней Азии на улицах становится все больше	Ощущение, что мигранты стали вести себя более вызывающе и агрессивно
присутствует в высокой степени	17,2	6,8	6,9	23,5	20,7
присутствует в некоторой степени	45,3	31,7	26,7	37,3	30,9
отсутствует	20,4	33,6	39,3	17,1	20,9
затрудняюсь ответить	16,5	27,3	26,5	21,5	27,1
нет ответа	0,5	0,5	0,5	0,7	0,4

Проблема «утечки мозгов» имеет для Новосибирска особое значение. именно здесь находится знаменитый Академгородок с его физматшколой им. академика Лаврентьева и Новосибирский государственный университет; именно здесь «произрастают» сильнейшие физики, математики, генетики и «айтишники».

Полученные данные показывают, что более всего говорили о возможности переезда в 2023 году респонденты с неполным средним образованием (29,6%), при этом такая группа в 2022 году составляла лишь 11,8%, то есть в 2,5 раза меньше. Следующей по численности в этом ряду была группа лиц с неполным высшим образованием (14,0%), а далее – со средним полным образованием (11,7%). Более того во всех группах, за исключением лиц с неполным высшим образованием, за период с 2022 по 2023 год произошло существенное снижение удельного веса лиц, абсолютно уверенных, что они останутся жить в городе Новосибирске (Таблица 3).

В 2023 году наиболее уверены в оседлости респонденты с начальным профессиональным (90,9%) и высшим образованием (84,2%), что, вероятно, связано с ростом спроса на квалифицированные кадры. С одной стороны, это было связано с ростом реального производства (гособоронзаказ), с другой – с реализацией крупных инфраструктурных объектов: строительство «Центра коллективного пользования» технопарка в Академгородке СКИФ, строительство четвертого моста через реку Обь и др.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: В ближайшее время Вы планируете жить в городе Новосибирск или планируете переезд? Уровень образования (в % от каждой совокупности опрошенных). 2022–2023 годы

Варианты ответа	неполное среднее	среднее полное	начальное профессиональное	среднее специальное	незаконченное высшее	высшее
2022 год						
да, я уверен(а), что будем жить в Новосибирске	52,9	62,5	70,0	68,0	31,8	58,1
скорее да	29,4	6,3	23,3	16,7	43,9	24,7
скорее нет	5,9	15,6	3,3	6,1	4,5	6,4

Окончание

Варианты ответа	неполное среднее	среднее полное	начальное профессиональное	среднее специальное	незаконченное высшее	высшее
нет, мы будем переезжать	5,9	3,1	3,3	2,6	6,1	4,0
затрудняюсь ответить	5,9	12,5	0,0	6,1	13,6	6,6
2023 год						
да, я уверен(а), что будем жить в Новосибирске	25,9	45,1	63,6	44,0	37,2	41,3
скорее да	29,6	31,4	27,3	36,8	30,2	42,9
скорее нет	14,8	7,8	0,0	4,5	7,0	4,0
нет, мы будем переезжать	14,8	3,9	0,0	2,2	7,0	4,8
затрудняюсь ответить	14,8	9,8	9,1	12,0	18,6	6,3

При этом чаще всего собирались переезжать респонденты, которые прожили в Новосибирске от 1 до 5 лет – 24,0%, от 5 до 10 лет – 19,4% (Таблица 4). Среди этих двух групп также высока доля респондентов, затруднившихся ответить (19,7% и 29,0% соответственно), что говорит об их неуверенности в дальнейших действиях, связанных с миграцией.

Таким образом, можно предположить, что миграция в формате «утечка мозгов» продолжится и транзитивность, характерная для этого мегаполиса все последние десятилетия, сохранится. Город был и остается «трамплином»: уезжать предполагают те, кто хочет получить «другое» – более престижное образование, а в след за этим – занятость, карьеру и т.д.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: В ближайшее время Вы планируете жить в городе Новосибирск или планируете переезд? Как долго Вы живете в Новосибирске? (в % от каждой совокупности опрошенных). 2023 год

Варианты ответа	живу здесь с рождения	1–5 лет	6–10 лет	11–15 лет	более 15 лет
да, я уверен(а), что будем жить в Новосибирске	55,2	22,5	17,7	30,2	43,8
скорее да	30,6	33,8	33,9	52,3	43,8
скорее нет	4,0	8,5	9,7	7,0	3,1
нет, мы будем переезжать	2,7	15,5	9,7	2,3	0,9
затрудняюсь ответить	7,4	19,7	29,0	8,1	8,4

Но кто более всего готов к этому? Как известно, более всего любое сообщество волнует проблема миграции молодежи, как активной и продуктивной группы населения. Если проводить анализ в разрезе возрастных групп, то для Новосибирска характерна общемировая тенденция: миграционная активность в большей степени присуща молодому поколению.

Так, в 2022 году чаще других говорили о том, что рассматривают вариант переезда (в большей или меньшей степени) респонденты 25–29 лет (16,7%), 18–24 лет (12,7%), 40–49 лет (12,2%). В 2023 году миграционные настроения этих групп фактически усилились: говорили о возможности переезда в группе 25–29 лет – 20,0%; 18–24 года – 18,8%; 30–39 лет – 14,2%. А вот в группе в возрасте 40–49 лет удельный вес предполагающих переезд уменьшился в 2 раза: с 12,2% до 5,7% (Таблица 5). Последнее возможно имеет крайне узкое объяснение. Напомним, 2022 год был временем ожидания мобилизации для участия в СВО, и это в большей мере волновало именно поколение

сорокалетних со сложившимся устоем жизни, имеющих семью, детей и фактически реализовавших свои профессиональные амбиции. В 2023 году вероятность такого решения государственных институтов почти исчезла, а запрос на квалифицированные и опытные кадры существенно вырос и это привело к снижению миграционных настроений в этой группе. Тогда как более младшие возрастные группы еще были в поиске: образования, карьеры, ресурсов для развития, и это формировало соответствующие запросы. Очевидно продолжается развитие той самой транзитивности. Новосибирск для определенных групп – город транзита: сюда приезжают, чтобы получить ресурсы этого места и двинуться дальше. Парадокс состоит в том, как показали многолетние исследования, что он сам формирует амбиции, но затем самые амбициозные и молодые его покидают.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: В ближайшее время Вы планируете жить в городе Новосибирске или планируете переезд? Возраст (в % от каждой совокупности опрошенных). 2022–2023 годы

Вариант ответа	18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 и более лет
2022 год							
да, я уверен(а), что будем жить в Новосибирске	41,8	37,5	51,4	55,7	68,1	80,9	87,0
скорее да	36,7	29,2	30,7	25,0	14,7	12,7	5,6
скорее нет	7,6	11,1	6,7	7,9	5,2	2,7	3,7
нет, мы будем переезжать	5,1	5,6	3,9	4,3	5,2	0,9	0,0
затрудняюсь ответить	8,9	16,7	6,1	7,1	6,9	2,7	3,7
нет ответа	0,0	0,0	1,1	0,0	0,0	0,0	0,0
2023 год							
да, я уверен(а), что будем жить в Новосибирске	31,3	22,9	34,4	35,5	54,3	62,4	63,0
скорее да	27,5	35,7	41,5	50,0	35,3	29,4	29,6
скорее нет	10,0	12,9	8,2	1,4	0,0	1,8	1,9
нет, мы будем переезжать	8,8	7,1	6,0	4,3	0,0	0,0	0,0
затрудняюсь ответить	22,5	21,4	7,1	8,7	10,3	6,4	5,6
нет ответа	0,0	0,0	2,7	0,0	0,0	0,0	0,0

Анализ полученных данных показывает, что в 2023 году в самой младшей группе (18 лет – 24 года) только 31,3% участников уверены, что будут жить в Новосибирске, и это на 10% меньше, чем в 2022 году; еще 27,5% – «скорее да», и это также почти на 10% меньше. Собираются твердо уезжать 8,8% респондентов и также было в 2022 году (Таблица 5). Очевидно, что в 2023 году существенно выросли миграционные настроения в самой младшей группе жителей Новосибирска.

В возрастной группе 25–29 лет настроения фактически такие же: уверены в своем новосибирском будущем в 2023 году только 22,9% опрошенных; «скорее да» – 35,7%, а уверены в своём отъезде 7,1% (Таблица 5). Здесь также самый высокий удельный вес тех, кто затруднился ответить – 21,4%. Число тех, кто в этой группе в 2022 году так или иначе предполагал связать свою жизнь с мегаполисом составляло 66,7%, в 2023 году – 58,6%. Возможно, отчасти такие колебания, особенно с учетом затруднившихся ответить, можно объяснить ситуацией с СВО на Украине, идеей мобилизации и общей социальной тревожностью на фоне внешних событий, достаточно неблагоприятных для России. Однако, здесь очевидно присутствует и поиск иного пути, и иных возможностей для развития и достижения целей будущего. И часть жителей, особенно самых молодых, видят это за пределами столицы Сибири.

Заключение

Очевидно, различные события политической, социальной и экономической жизни к 2023 году усилили миграционные настроения жителей мегаполиса. Существенный рост группы колеблющихся – «скорее да», с 23,2% до 37,5% говорит о росте тревожности в массовом сознании и неуверенности в будущем. Эта неуверенность может быть связана с теми процессами, которые происходят в данном мегаполисе: рост тревожности в связи с миграционной обстановкой, которая приводит, по мнению жителей, к ухудшению качественного состава населения; с тем, что детей, выходцев из Средней Азии на улицах становится все больше; с ощущением, что мигранты стали вести себя более вызывающе и агрессивно.

Данные по социально-демографическим характеристикам респондентов с высокими миграционными настроениями свидетельствуют, что культурный потенциал города Новосибирска, возможно, не будет потерян: среди планирующих переехать достаточно невысок удельный вес лиц с высоким уровнем образования. А вот демографический потенциал в данном случае находится в зоне риска: в 2023 году существенно выросли миграционные настроения в самой младшей группе жителей Новосибирска 18–24 года. При этом чаще всего собираются переезжать респонденты, которые прожили в Новосибирске от 1 до 5 лет и от 5 до 10 лет.

Результаты мониторингового исследования дают основания предполагать, что миграция в формате «утечка мозгов» продолжится и транзитивность, характерная для Новосибирска все последние десятилетия, сохранится.

Несмотря на это, доля желающих остаться в мегаполисе составляет порядка 80% опрошенных, что может быть связано с центростремительным характером миграции в России, и жители в силу столичности самого Новосибирска, а также на фоне возможных новостей о переносе столицы в Сибирь [10], теперь не рассматривают Москву и Санкт-Петербург в качестве альтернативы переезда. Однако эта гипотеза может явиться предметом отдельного эмпирического исследования. Так, в самой младшей группе (18 лет – 24 года) каждый третий участник опроса уверен, что будет жить в Новосибирске; собираются твердо уезжать почти 9% респондентов, тогда как в 2022 году таких было 5,1%, а в 2021 году – 11,6%.

Литература

1. Ахметова Г.Ф. Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 265–278.
2. Бауман З., Оберемко А.О. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133–154.
3. Бюраева Ю.Г., Пискунов Ю.Г. Миграционные установки студенческой молодежи дальневосточного региона (на материалах Республики Бурятия) // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 459. – С. 98–106.
4. Еремеев С.Г. Мегаполис как пространственная структура национальной инновационной системы: дис. канд. экон. наук. Москва. – 2009. – 314 с.
5. Заусаев В.К. Миграционные процессы на Дальнем Востоке: социологические оценки // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 73–79.
6. Кутовая С.В. Миграционные настроения населения Еврейской автономной области // Социологические исследования. – 2014. – № 6. – С. 134–136.
7. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1. – С. 225–242.
8. Морозова Е.А., Кочнева О.П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 326–338.
9. Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. – 2021. – № 1. – С. 53–68.

10. Названо условие для переноса столицы России в Сибирь. РИА Новости. 2023. 23 мая. URL: https://ria.ru/20230523/klimat-1873529582.html. (дата обращения: 15.02.2026).

11. Новиков К.Е. Миграционные настроения во Владимирской области в контексте проблем российской урбанизации // Социологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 72–89.

12. Пресс-релиз "О миграции населения Новосибирской области в 2022 году". 2023. 30 июня. Росстат. URL: https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/54_PRESS110_2023.pdf. (дата обращения: 31.01.2026).

13. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – М.: Экон-Информ, 2017.

14. Симонян Р.Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 6. – С. 313–326.

15. Социологический энциклопедический словарь. М [Электронный ресурс]. – 1998. – 488 с. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6556 (дата обращения: 04.07.2024).

16. Чернышев К.И. Институт миграции в России: история и развитие // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 51–60.

17. Шевцова Е.В. Тенденции миграции населения и миграционной политики в Новосибирской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 20. – С. 91–101.

18. Эмиграционные настроения: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 3 июля. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroenija-monitoring-4. (дата обращения: 31.01.2026).

19. Friedmann J. The world City Hypothesis // Development and Clange. – 1986. – № 17. – P. 69–83. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467–7660.1986.tb00231.x (дата обращения: 24.02.2024).

20. Taylor P. Specification of the world network // Geographical Analysis. – 2001. – № 33. – P. 181–194. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1538–4632.2001.tb00443.x (дата обращения: 24.02.2024).

MIGRATION TRENDS AMONG THE POPULATION OF NOVOSIBIRSK IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL INSTABILITY (2021–2023)

Vavilina N.D., Shpigunova Yu.M., Agishev M.O.
Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the migration sentiments of residents of Novosibirsk – the third most populous city in Russia, which possesses the characteristics of a metropolis – during the period of socio-political instability from 2021 to 2023. The relevance of the study is determined by the need to analyze the transformation of migration behavior of the population amid external sanctions and the associated socio-economic changes. The article analyzes the dynamics of migration intentions among city residents. The findings reveal that, despite the majority of respondents (about 80%) maintaining an intention to remain in Novosibirsk, migration sentiments grew significantly in 2023 among young people aged 18–24 and among those who had resided in the city for 1 to 10 years. The authors conclude that Novosibirsk continues to face the risk of «brain drain» and retains its transitivity in migration behavior, whereby the city serves as a temporary hub of attraction before subsequent relocation.

Keywords: migration; migration sentiments; megalopolis; transitivity of migration behavior; demographic potential.

References

1. Akhmetova G.F. [Labour Migration Dynamics in Bashkortostan] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. – 2021. – T. 21, № 2. – S. 265–278 (In Russian).

2. Bauman Z., Oberemko A.O. [From Pilgrim to Tourist] // Sotsiologicheskij zhurnal. – 1995. – № 4. – S. 133–154 (In Russian).

3. Byuraeva Yu.G., Piskunov Yu.G. [Migration Attitudes of Student Youth in the Far Eastern Region (Based on Materials from the Republic of Buryatia)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 459. – S. 98–106 (In Russian).

4. Eremeev S.G. [Megalopolis as a Spatial Structure of the National Innovation System: Candidate of Economic Sciences Dissertation. Moscow]. – 2009. – 314 s (In Russian).

5. Zausaev V.K. [Migration Processes in the Far East: Sociological Assessments] // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2015. – № 11. – S. 73–79 (In Russian).

6. Kutovaya S.V. [Migration Sentiments of the Population in the Jewish Autonomous Oblast] // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2014. – № 6. – S. 134–136 (In Russian).

7. Mkrtchyan N.V. [Youth Migration from Small Cities in Russia] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2017. – № 1. – S. 225–242 (In Russian).

8. Morozova E.A., Kochneva O.P. [Migration Sentiments of Youth in Kemerovo Oblast – Kuzbass] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. – 2021. – T. 6, № 3. – S. 326–338 (In Russian).

9. Mukomel' V.I. [Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians] // Vestnik Rossijskoj natsii. – 2021. – № 1. – S. 53–68 (In Russian).

10. Nazvano uslovie dlya perenosa stolitsy Rossii v Sibir' [A Condition for Moving the Capital of Russia to Siberia Was Named]. RIA Novosti. 2023. 23 May. URL: https://ria.ru/20230523/klimat-1873529582.html (data obrashcheniya: 15.02.2026) (In Russian).

11.Novikov K.E. [Migration Sentiments in Vladimir Oblast in the Context of Problems of Russian Urbanization] // Sotsiologicheskij zhurnal. – 2014. – № 4. – S. 72–89 (In Russian).

12. Press-reliz "O migratsii naseleniya Novosibirskoj oblasti v 2022 godu" [Press Release "On Migration of the Population of Novosibirsk Oblast in 2022"]. 2023. 30 June. Rosstat. URL: https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/54_PRESS110_2023.pdf (data obrashcheniya: 31.01.2026) (In Russian).

13. Rybakovskij L.L. [History and Theory of Population Migration. Vol. 2: Population Migration: Phenomenon, Concept, Determinants]. – M.: Ekon-Inform, 2017 (In Russian).

14. Simonyan R.Kh. [Migration Sentiments of Russian Youth: Regional Aspect] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2017. – № 6. – S. 313–326 (In Russian).

15. Sotsiologicheskij entsiklopedicheskij slovar'. M [Elektronnyj resurs]. – 1998. – 488 s. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6556 (data obrashcheniya: 04.07.2024) (In Russian).

16. Chernyshev K.I. [Institute of Migration in Russia: History and Development] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. – 2014. – № 4. – S. 51–60 (In Russian).

17. Shevtsova E.V. [Trends in Population Migration and Migration Policy in Novosibirsk Oblast] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. – 2017. – T. 20. – S. 91–101 (In Russian).

18. Emigratsionnye nastroeniya: monitoring [Emigration Sentiments: Monitoring]. VTsIOM. 2024. 3 July. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroenija-monitoring-4 (data obrashcheniya: 31.01.2026) (In Russian).

19. Friedmann J. The world City Hypothesis // Development and Clange. – 1986. – № 17. – P. 69–83. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467–7660.1986.tb00231.x (дата обращения: 24.02.2024).

20. Taylor P. Specification of the world network // Geographical Analysis. – 2001. – № 33. – P. 181–194. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1538–4632.2001.tb00443.x (дата обращения: 24.02.2024).

Стратегии перевода языковых особенностей фэнтези-литературы на материале произведения «Властелин колец»

Щербакова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

В представленной научной работе рассмотрены стратегии перевода языковых особенностей фэнтези-литературы на материале трилогии Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец». Особое внимание уделено передаче на русский язык специфической авторской лексики, которая обозначает предметы и явления вымышленного мира Толкина. Описываемые предметы и явления не имеют аналогов в русском языке, перед переводчиками стоит сложная задача по поиску эквивалентов для авторской лексики. Дж.Р.Р. Толкиным вымышлены имена собственные, названия рас, топонимы, которые не имеют прямых эквивалентов в русском языке. В научной статье описаны и проанализированы основные стратегии перевода: транскрипция, транслитерация, семантическое калькирование, описательный перевод, функциональная аналогия, воссоздание архаичного и высокого стилей. Сделан вывод о том, что использование определенных стратегий перевода зависит от целевой аудитории и необходимости баланса между точностью дословного перевода и эстетической адаптации текста для современных читателей.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, калькирование, ономастика, перевод, семантическое калькирование, стратегия, транслитерация, транскрипция, фэнтези, художественная литература, эквивалентность.

Передача сюжета трилогии «Властелин колец» сопоставима по сложности с созданием целостной лингвистической атмосферы Средиземья. Создание и передача на русский язык целостной лингвистической атмосферы является главной задачей переводчика [7]. Воспроизведение на русском языке уникальных авторских неологизмов скрывает особую трудность в их необходимости [5, с. 500], а также переводчику необходимо помимо ономастикона передать сознательно используемые Толкиным архаизмы и дифференцированные речевые регистры [1, с. 237]. Успешная передача архаизмов, регистров, неологизмов напрямую влияет на разницу между возвышенной речью эльфов и жестоким говором орков, которую тонко прочувствует русскоязычный читатель, а также оценит материальную культуру, скрываемую в новых словах.

Под принципами перевода авторских неологизмов и реалий скрываются лексические новообразования автора [10, с. 21]. К таким новообразованиям Толкина относим: pipe-weed, mathom, lembas, mithril. Перечисленные образованные Толкиным новые слова требуют от переводчика не просто нахождение эквивалента в русском языке, но практически создания нового понятия [2, с. 653]. Анализ практики позволяет выявить несколько стратегий.

Транслитерация с последующей ассимиляцией определена для перевода ряда определенных понятий, лишенных их прямых аналогов, но в дальнейшем получившим терминологическое обозначение [11, с. 138]. Приведем примеры данных понятий: мифрил образовано от mithril, лембас – lembas. Данные понятия прочно закрепились в русском языке именно в такой форме [6, с. 307]. Представленный подход позволяет переводчику сохранить «иноплеменность», а главное уникальность объекта [12, с. 220]. Стоит отметить смысл подобного понятия остается непрозрачным без контекста или сносок. Переводчики Н. Григорьева и В. Грушецкий транскрипцию сочетали с пояснительным эпитетом. Для понятия поясним примером: «эльфийский лембас».

Стратегия, при которой внутренняя форма слова переводится частями, является семантическим калькированием. Одним из ярких примеров калькирования служит «трубочное зелье» (pipe-weed) [9, с. 62]. При возможном буквализме данные пример имеет перевод буквальный как «трубочный сорняк». Но «трубочное зелье» более точно передает суть явления, то есть растение для трубки, а также переводчиками введено стилистически окрашенное, с другой стороны, архаичное слово «зелье» [3, с. 667]. Однако данное слово соответствует духу произведения. Также с помощью семантического калькирования было переведено слово «mathom» буквально «гмот» у Муравьева. Раскладывая, получаем «гм» как междометие сомнения, «мот» же, возможно, от «мотыга», то есть «ненужная вещь». У других переводчиков данное слово звучит как «матом», данный перевод имеет близкое звучание с оригиналом, но является менее понятным без контекста [4, с. 442].

Невозможность дословной передачи невозможна или громоздка, вступает описательный перевод и функциональная аналогия. Примером для данного явления служит перевод названий месяцев в календаре хоббитов: Afteryule, Thrimidge. Переводчики вынуждены оставлять оригинальные названия с пояснениями, иногда приходится находить описательные аналогии в славянском календаре, но нахождение аналогий приводит в потере оригинальности ради понятия текста произведения [8, с. 22].

Стилизация речи эльфов. Мудрецов и древних текстов относится к воссозданию архаичного и высокого стилей. Переводчику необходимо обладать виртуозно пластами русской исторической лексики и синтаксиса. Опасность в таком случае скрывается в создании излишеств и впадении в псевдоисторизм, что влечет за собой тяжелое восприятие переведенного текста.

Передача возвышенности и древности представляется на лексическом уровне [15, с. 63]. Переводчики, такие как В. Муравьев и М. Каменкович прибегали к активному использованию устаревших слов и церковнославянизмов: очи. Уста, десница, зело. В тексте также присутствуют поэтизмы и книжная лексика, например: твердь, светило и странствие. Трилогия наполнена архаичными грамматическими формами: глаголить, восприять, суть.

На синтаксическом уровне применялись инверсии, например: «Велика была тьма под деревьями» (приведенное выражение было ис-

пользовано вместо: «Тьма под деревьями была велика»). В переведенном тексте присутствуют также сложноподчиненные предложения с развернутыми периодами [13, с. 332]. Характерные для библейских и древнегерманских текстов риторические конструкции и параллелизмы также обозначены в переводе. Представленные стратегии создают эффект сакральности и временной дистанции, при этом четко отделяется речь Гэндальфа, стихи о Берене и Лутиэн от повседневных диалогов хоббитов.

При дифференциации разговорных и просторечных регистров создается убедительная и естественная речь хоббитов, которая представляет собой сложную задачу [14, с. 128]. Перед переводчиком стоит задача по избеганию излишней современности (сленга в тексте) и искусственной «псевдонародности».

При стилизации речи хоббитов были использованы определенные приемы. В тексте присутствуют разговорные и бытовые конструкции, а также междометия: уж, чай, вот ведь. Переводчики вводят просторечные, а не вульгарные элементы. например: шут его знает, пропасть, задать трепку, а также находят эквиваленты английским идиомам в русском языке: «It's gone West» (у Григорьева данное выражение представлено как «Его и след простыл). Присутствие в тексте коротких, неполных предложений создает ощущение живой и спонтанной речи.

При переводе речи орков и грубого дискурса используют передачу примитивной и агрессивной лексики. Переводчиками отмечена лексика с резко отрицательной коннотацией, например: морда, шваль, грызня, а также упрощенный и рубленный синтаксис с введением угроз и грубых команд как главной речевой формы.

Главную роль в переводе трилогии «Властелин колец» Толкина играет совокупность применения всех стратегий перевода. Речь героев произведения или целой расы соответствует культурному бэкграунду, что позволяет с помощью языка передавать глубину культурологической концепции автора о неразрывной связи языка, мышления и идентичностью народа.

Отметим, что стратегии передачи языкового разнообразия трилогии «Властелин колец» Толкина сводятся к комплексу взаимосвязанных решений на всех уровнях языка. Наиболее удачные перед преследует баланс между аутентичностью и адаптацией, между исторической стилизацией и читаемостью. Переводчику необходимо владеть мастерством слова и глубоко понимать философию автора произведения, где язык считается не инструментом, но сутью творения.

Исследование переводческих стратегий, применяемых при переводе произведения «Властелин колец» Дж. Р.Р. Толкина, позволили сформулировать следующие положения, определяющие особую работу с текстами подобного уровня сложности. При анализе было выявлено, перевод вселенной Средиземья на русский язык представляет особый синтез нескольких видов интеллектуальной деятельности; присутствует филологическая реконструкция и культурологическая адаптация с художественным творчеством. Процесс перевода произведения на русский язык является культурной трансплантацией, которая требует от переводчика способности мыслить как лингвист, мифолог и поэт.

Главной задачей исследования стояло понимание того, как подлинная сложность перевода заключается не в отдельных, словах и фразах, но в необходимости сохранить целостность многомерной художественной реальности. Каждый элемент данной реальности представляет название местности, особенность речи персонажа, описание магического артефакта. Перечисленные элементы не существуют отдельно, они находятся в тесной связи с другими подобными элементами. Принятие определенной стратегии перевода для одного элемента несомненно влияет на другой элемент, находящийся с ним в связи, что влияет на восприятие всей системы. Переводчику приходится балансировать между микро– и макроуровнями текста, он находит буквальную точность и художественную целостность.

При анализе была обнаружена эволюция подходов перевода, которая отражает огромные изменения в понимании природы перевода. Ранние переводы трилогии Толкина наполнены буквальными следованиями оригиналу или вольной адаптацией, более поздние переводы представляют стремление к выработке сбалансированного подхода. Данный подход обеспечивает сосредоточение на лингвистическом соответствии и культурных контекстах, учитывая психологические особенности восприятия, а также историю рецепции произведения в принимающей культуре.

Технического мастерства и глубокого погружения в антропологию вымышленных миров требуется от переводчика при передаче стилистического разнообразия в трилогии Толкина. Различия в речи персонажей являются литературным приемом и отражением фундаментальных различий в их миропонимании, а также системе ценностей и способах взаимодействия с реальностью. Речь эльфов наполнена сложными синтаксическими конструкциями и архаичной лексикой, которая передает вневременную перспективу и отстраненность от сиюминутного. Хоббиты, выражавшиеся просторечиями, преподносят свою укорененность в повседневности и практический взгляд на мир. Переводчик в данном случае является интерпретатором слов и медиатором между целыми культурными парадигмами.

Важная закономерность прослеживается при анализе с ономастикой и авторскими неологизмами. При использовании нескольких стратегий перевода возникают наиболее успешные переводческие решения. Благоприятным переводом имени или термина считается тот, который отражает узнаваемость оригинала, остается благозвучным на русском языке и несет необходимую смысловую нагрузку, а также органично вписывается в общую стилистическую картину. Описанное считается сложной многокритериальной задачей, на решение которой потребуется от переводчика развитого эстетического чутья и способности предвидеть, как слово будет функционировать в новой языковой среде.

Перевод подобной сложности текстов представляет собой форму межкультурного диалога. Данный диалог происходит между английской и русской культурной традицией, а также между авторской мифологией и коллективным воображением читательской аудитории. Каждое решение переводчика представляет собой предложение определенного способа понимания и интерпретации художественного мира. Удачный перевод передает информацию и создает условия для продуктивного взаимодействия между читателями и текстом, что открывает возможности для различных прочтений и интерпретаций.

Проведенный анализ показал, что адекватный перевод сложных художественных вселенных требует развития особого типа профессионального сознания. Переводчик буквально работает филологом, анализирующим структуры текста, культурологом, понимающим контексты и подтексты, художником, чувствующим эстетические законы произведения. Подобная совокупность профессиональных компетенций позволяет находить решения, правильно передающие содержание текста, сохраняя художественную оригинальность.

Таким образом, перевод трилогии «Властелин колец» Дж. Р.Р. Толкина является для русской переводческой традиции буквально лабораторией, где отрабатывались стратегии перевода и работы с текстами. Здесь язык является средством коммуникации, а также активным творческим началом. Накопленный опыт при переводе произведения имеет значение, предлагающее ценность для перевода любых художественной произведений, где языковая форма неотделима от содержания.

Перевод на русский язык сложных художественных миров является актом культурного посредничества высшего порядка. Переводчику необходимо обладать профессиональным мастерством, мудростью, позволяющей находить баланс между верностью оригиналу и потребностями новой аудитории. Русскоязычная версия трилогии демонстрирует специфические элементы художественного мира, нашедшие адекватное выражение в иной культурной среде, обогащая ее и расширяя ее горизонты.

Литература

1. Глухова Н.В., Сумская В.В. Особенности перевода устаревшей лексики в русских переводах сказки Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышиный король» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 1 (310). С. 234–242.

2. Ковальчук Н.В. Англицизмы в официально-деловом дискурсе: типология, прагматические функции и переводческая адаптация (на материале немецкого и русского языков) // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 651–653.

3. Ковальчук Н.В., Бажуткина Н.В. Особенности перевода новостных текстов в немецких СМИ: прагматическая адаптация и роль журналиста-переводчика // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 666–668.

4. Ковальчук Н.В. Современная неолексикография в условиях цифровой трансформации: опыт Германии и России // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 5. С. 441–444.

5. Ковальчук Н.В., Щербакова И.В. Англицизмы в современном медийном дискурсе: зависимость употребления от жанра и социальной группы (на материале немецкоязычных СМИ) // Современное профессиональное образование. 2026. № 4. С. 498–501.

6. Ковальчук Н. В., Щербакова И.В. Межъязыковая фразеология в когнитивно-корпусной парадигме: новые подходы к анализу эквивалентности // Социология. 2026. № 7. С. 305–310.

7. Куренкова Т.Ю., Злобин А.Н. Референсный художественный перевод VS цифровой художественный перевод // Дневник науки. 2026. № 1 (109).

8. Малькова М.В. Эволюция стратегий перевода этнографических реалий в англоязычных переводах произведений И.А. Бунина // Студенческий вестник. 2026. № 7–1 (387). С. 21–23.

9. Машкова Е.В., Белозерова М.С., Кислицына Е.В., Купцова Ю.А. Актуальность переводов в эпоху цифровых технологий и межкультурного обмена опытом: тенденции и перспективы // Успехи гуманитарных наук. 2026. № 2. С. 60–65.

10. Перфилова А.А. Особенности перевода литературы жанра фэнтези (на примере перевода романа «Эрагон») // Студенческий вестник. 2026. № 4–1 (384). С. 21–22.

11. Ситянина Н.В. Стратегии перевода композитных наименований природных объектов в английской поэзии (на материале переводов поэзии романтиков и модернистов) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2026. № 1 (60). С. 135–145.

12. Шамилов Р.М. Понятие «стратегия перевода» в свете потребностно ориентированной теории перевода: определение и типология // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17. № 1. С. 217–234.

13. Щербакова И.В., Резуненко И.В. Вербальные средства репрезентации эмоций «гнев», «ярость» на материале художественного произведения Керстин Гир «Изумрудная книга» на немецком языке // Современное профессиональное образование. 2025. № 10. С. 331–333.

14. Щербакова И.В. Репрезентация эмоции «удовольствие» на материале художественного текста на немецком языке: лексический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 6. С. 127–129.

15. Щербакова И.В. Теоретические основы перевода фэнтези-литературы // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2026. № 19–1. С. 61–69.

STRATEGIES FOR TRANSLATING THE LINGUISTIC FEATURES OF FANTASY LITERATURE BASED ON THE MATERIAL OF «THE LORD OF THE RINGS»

Shcherbakova I.V.
Don State Technical University

The presented scientific work examines strategies for translating the linguistic features of fantasy literature, using J.R.R. Tolkien's trilogy *The Lord of the Rings* as a case study. Special attention is paid to the translation into Russian of specific authorial vocabulary that denotes objects and phenomena in Tolkien's fictional world. The described objects and phenomena have no analogues in the Russian language, and translators face the challenging task of finding equivalents for the authorial vocabulary. J.R.R. Tolkien invented proper names, names of races, and place names that have no direct equivalents in the Russian language. The scientific article describes and analyzes the main translation strategies: transcription, transliteration, semantic calquing, descriptive translation, functional analogy, and the recreation of archaic and elevated styles. It is concluded that the use of certain translation strategies depends on the target audience and the need to strike a balance between the accuracy of literal translation and the aesthetic adaptation of the text for modern readers.

Keywords: equivalent vocabulary, calculus, onomastics, translation, semantic calculus, strategy, transliteration, transcription, fantasy, fiction, equivalence.

References

1. Glukhova N.V., Sumskaya V.V. Features of translation of outdated vocabulary in Russian translations of E.T.A. Hoffman's fairy tale "The Nutcracker and the Mouse King". Izvestiya Voronezh State Pedagogical University. 2026. No. 1 (310). Pp. 234–242.

2. Kovalchuk N.V. Anglicisms in official business discourse: typology, pragmatic functions and translation adaptation (based on the material of German and Russian languages). Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 4. Pp. 651–653.

3. Kovalchuk N.V., Bazhutkina N.V. Features of the translation of news texts in the German media: pragmatic adaptation and the role of a journalist translator. Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 4. Pp. 666–668.

4. Kovalchuk N.V. Modern neolexicography in the context of digital transformation: the experience of Germany and Russia. Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 5. Pp. 441–444.

5. Kovalchuk N.V., Shcherbakova I.V. Anglicisms in modern media discourse: the dependence of usage on genre and social group (based on the material of German-language media). Modern professional education. 2026. No. 4. Pp. 498–501.

6. Kovalchuk N. V., Shcherbakova I.V. Interlanguage phraseology in the cognitive-corpus paradigm: new approaches to equivalence analysis. Sociology. 2026. No. 7. Pp. 305–310.

7. Kurenkova T.Yu., Zlobin A.N. Reference artistic translation VS digital artistic translation. Diary of science. 2026. № 1 (109).

8. Malkova M.V. Evolution of strategies for translating ethnographic realities in English translations of I.A. Bunin's works. Student Bulletin. 2026. No. 7–1 (387). Pp. 21–23.

9. Mashkova E.V., Belozerova M.S., Kislitsyna E.V., Kuptsova Yu.A. The relevance of translations in the era of digital technologies and intercultural exchange of experience: trends and prospects. Successes of the humanities. 2026. № 2. Pp. 60–65.

10. Perfilova A.A. Features of translation of fantasy literature (on the example of the translation of a novel "Eragon"). Student Bulletin. 2026. No. 4–1 (384). Pp. 21–22.

11. Sityanina N.V. Strategies for translating composite names of natural objects in English poetry (based on translations of poetry by Romantics and modernists). Actual issues of modern philology and journalism. 2026. No. 1 (60). Pp. 135–145.

12. Shamilov R.M. The concept of "translation strategy" in the light of the need-oriented theory of translation: definition and typology. Word.<url>: Baltic accent. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 217–234.

13. Shcherbakova I.V., Rezunenko I.V. Verbal means of representing emotions "anger", "rage" based on the material of Kerstin Geer's artistic work "The Emerald Book" in German. Modern professional education. 2025. No. 10. Pp. 331–333.

14. Shcherbakova I.V. Representation of the emotion "pleasure" on the material of a literary text in German: a lexical aspect. Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 6. Pp. 127–129.

15. Shcherbakova I.V. Theoretical foundations of fantasy literature translation. Professional communication: current issues of linguistics and methodology. 2026. No. 19–1. Pp. 61–69.

Векторы развития андского сообщества в условиях глобальной трансформации

Литовченко Илья Денисович,
магистрант, 2 курс, очная форма обучения, Российский государственный гуманитарный университет

Андское Сообщество, одна из старейших интеграционных группировок Латинской Америки, в условиях стремительной трансформации глобального миропорядка сталкивается с необходимостью пересмотра своей стратегии. В статье на основе анализа учредительных документов, экономических показателей и институциональной структуры Андского Сообщества и МЕРКОСУР рассматриваются ключевые векторы развития Андского Сообщества. Особое внимание уделяется потенциальному слиянию с МЕРКОСУР как радикальному сценарию институциональной трансформации, а также альтернативным подходам: укреплению региональной автономии, внедрению гибких форматов сотрудничества («умная регионализация») и повышению роли в международных отношениях. Автор приходит к выводу, что дальнейшее развитие Андского Сообщества будет определяться балансом между углублением внутренней интеграции и поиском новых внешних партнерств, а успех реформ будет зависеть от воли государств-членов и эффективности институционального дизайна.

Ключевые слова: Андское Сообщество, МЕРКОСУР, интеграция, региональная экономика, таможенный союз, глобальная трансформация, слияние блоков, «умная» регионализация, стабилизационные фонды.

Новая глобальная реальность и вызовы для Андского Сообщества

Андское Сообщество, основанное в 1969 году и объединяющее Боливию, Колумбию, Перу и Эквадор (после выхода Венесуэлы), на протяжении десятилетий являлось важным элементом региональной интеграционной архитектуры Южной Америки. Однако современные геополитические и экономические реалии ставят перед этим интеграционным объединением сложные вызовы, требующие безотлагательного пересмотра сложившихся подходов [1].

В настоящее время глобальная трансформация международных отношений вступила в качественно новый этап, характеризующийся окончательным оформлением многополярной структуры мира, нарастанием конкуренции между крупными державами, усилением региональных конфликтов и переформатированием цепочек поставок. Для Андского Сообщества эти процессы означают одновременное появление как новых рисков, так и ранее недоступных возможностей. Сырьевая ориентация экономик стран-участниц, при которой на три ведущие товарные позиции приходится от пятидесяти до шестидесяти восьми процентов экспортной выручки, делает регион крайне чувствительным к ценовым шокам на мировых рынках, усилившимся в последние годы из-за торговых войн и санкционных ограничений.

Особую остроту ситуации придает тот факт, что изначальная цель Андского Сообщества – формирование полноценного общего рынка – остается не полностью реализованной. В настоящее время интеграционное объединение функционирует как несовершенный таможенный союз, сталкиваясь с внутренними асимметриями между экономиками стран-членов, различиями в тарифной политике по отношению к третьим странам и сохраняющимися нетарифными барьерами. Одновременно с этим внешнее давление со стороны внерегиональных игроков, попытки переформатировать торговые соглашения и растущие требования к экологическим и социальным стандартам заставляют руководство Андского Сообщества искать новые векторы развития [2].

Актуальность темы обусловлена тем, что в течение 2024–2026 гг. на фоне замедления роста глобальной экономики и переориентации торговых потоков латиноамериканские интеграционные проекты вновь оказались в центре внимания как инструменты коллективного выживания и повышения конкурентоспособности. Именно поэтому анализ возможных сценариев развития Андского Сообщества – от радикального слияния с МЕРКОСУР до внедрения инновационных моделей гибкого сотрудничества – приобретает не только теоретическое, но и сугубо практическое значение для выработки долгосрочной стратегии.

Трек институциональной трансформации: слияние Андского Сообщества и МЕРКОСУР как новая схема интеграции

Одним из наиболее обсуждаемых и одновременно сложных векторов развития является возможное слияние Андского Сообщества и МЕРКОСУР. В условиях глобальной трансформации, когда региональные блоки стремятся консолидировать ресурсы для повышения своего веса на международной арене, идея объединения двух крупнейших южноамериканских интеграционных проектов выглядит логичной, однако ее практическая реализация сопряжена с многочисленными вызовами [1].

Анализ целесообразности данного шага показывает, что, несмотря на схожие цели – создание общего рынка и повышение благосостояния населения, – оба блока имеют существенные различия в этапах интеграции и институциональной структуре. МЕРКОСУР, несмотря на наличие элементов общего рынка, фактически функционирует как несовершенный таможенный союз из-за сохранения пошлин на ряд товаров и наличия многочисленных исключений из общего внешнего тарифа. Андское Сообщество также сталкивается с проблемами стандартизации тарифов и устранения нетарифных барьеров, однако его институциональная структура является более разветвленной и исторически укорененной. Объединение включает Андский президентский совет, Андский совет министров иностранных дел, Андскую комиссию, Суд правосудия Андского сообщества, Андский парламент, а также многочисленные консультативные органы и специализированные агентства, такие как Корпорация Андского фонда развития и Андский университет Симона Боливара [2].

Институты МЕРКОСУР, напротив, более молоды (организация была создана в 1991 году подписанием Асунсьонского договора) и организационно более узки. Высшим органом является Совет Общего рынка, состоящий из министров иностранных дел и экономики, за которым следуют Группа Общего рынка как исполнительный орган, Торговая комиссия, Парламент МЕРКОСУР, Секретариат, Экономический и Социальный консультативный Форум, а также судебные органы – Постоянный наблюдательный суд и Административный суд по трудовым спорам. Подобная институциональная асимметрия создает дополнительные сложности для гипотетического объединения, поскольку требует не только согласования правовых норм, но и выработки общей логики функционирования будущей объединенной структуры [3].

С экономической точки зрения слияние выглядит привлекательным благодаря взаимодополняемости экспортных портфелей стран-участниц. Андские страны – Колумбия, Перу, Эквадор, а также Боливия – предлагают на внешние рынки широкий ассортимент фруктов (прежде всего бананы), овощей, текстильных изделий, изделий из пластмасс, химикатов и разнообразных минералов, включая необработанное серебро, нерафинированный свинец, цинк и медь. В то же время страны МЕРКОСУР, особенно Аргентина и Бразилия, являются крупными экспортерами сои и ее производных, пшеницы, твердой кукурузы, натуральных масел, фармацевтических препаратов, шин и широкого спектра автотранспортных средств. Такая взаимодополняемость создает потенциал для расширения внутрирегиональной торговли и снижения зависимости от внешних рынков.

Однако для Боливии, которая является одновременно членом Андского Сообщества и ассоциированным членом МЕРКОСУР, ситуация выглядит неоднозначной. С одной стороны, торговля в рамках Андского Сообщества приносила этой стране значительный профицит – в период с 1992 по 2006 год он составил около двух миллиардов двухсот пятидесяти одного миллиона долларов США, что является значительной суммой с учетом ограничений, с которыми сталкивается Боливия при удовлетворении потребностей мелких и средних производителей. С другой стороны, торговля с МЕРКОСУР характеризовалась дефицитом, который за период с 1997 по 2006 год достиг пятисот восьмидесяти двух миллионов долларов США. Основными товарами боливийского экспорта в МЕРКОСУР являются зерно, семена и природный газ, однако конкуренция со стороны крупных производителей внутри самого блока затрудняет выход на эти рынки. Таким образом, для Боливии слияние блоков представляет собой двойственный вызов – оно может открыть новые возможности, но одновременно создает риски для традиционных экспортных ниш.

Юридическая осуществимость слияния также требует тщательного анализа. В соответствии со статьей 134 Картахенского соглашения, подписанного в 1969 году, Андское Сообщество предусматривает бессрочное пребывание на международной арене, однако ключевым элементом является согласие государств-участников, а не фактор времени. Статья 135 того же соглашения открывает возможность для добровольного выхода любого члена при условии подачи заявления в Комиссию Андского сообщества, при этом права и обязанности прекращаются, но предусматриваются льготные условия на срок до пяти лет с момента подачи заявления. Более того, в статье 52, пункте «b» Картахенского соглашения, прямо указывается, что Андское Сообщество может вести переговоры с другими странами или участвовать в иных интеграционных процессах через Андский совет министров иностранных дел и Комиссию Андского сообщества. Такое положение становится главным правовым основанием для начала переговорного процесса с МЕРКОСУР.

С другой стороны, Асунсьонский договор 1991 года, учредивший МЕРКОСУР, в статье 19 также закрепляет бессрочный характер действия организации, а статья 21 допускает выход любого из членов посредством официальной денонсации, при этом права и обязанности прекращаются, за исключением программ освобождения, действующих в течение двух лет. Важно отметить, что в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года (статья 54, пункт «b») любой международный договор может быть расторгнут путем явной отмены его положений при согласии всех участников. Данный факт означает, что отсутствие специальной процедуры слияния в учредительных документах не является непреодолимым препятствием: государства-участники обоих договоров могут выразить свое согласие на прекращение действия существующих договоров с целью создания нового интеграционного объединения.

Предполагаемая общая организационная структура нового блока, который предварительно может называться Южноамериканским сообществом наций, должна включать Президентский совет Южной Америки как высший орган, состоящий из глав государств, который будет собираться каждые шесть месяцев для определения и направления интеграции. Вторым уровнем должен стать Совет министров Южной Америки, в состав которого войдут министры иностранных дел всех стран-участниц, встречающиеся каждые три месяца для разработки внешней политики и ведения переговоров с третьими странами. Третьим уровнем предлагается создать Южноамериканскую комиссию, состоящую из одного представителя от каждой страны, которые будут собираться шесть раз в год (с интервалом в два месяца) для обсуждения вопросов торговой политики. Наконец, техническим органом должен выступить Генеральный секретариат во главе с Генеральным секретарем, избираемым Президентским советом, который будет обеспечивать аналитическую и административную поддержку всех институтов.

Однако практическая реализация этого проекта требует не только политической воли, но и длительного времени, значительных финансовых затрат на гармонизацию законодательств и выработку общей торговой политики. В условиях 2026 года, когда многие страны Латинской Америки сталкиваются с внутренними экономическими и политическими кризисами, такой радикальный шаг вряд ли может быть осуществлен в краткосрочной перспективе. Тем не менее, создание рабочей группы из профессионалов и специалистов в области международных отношений для технического планирования слияния уже сейчас представляется необходимым первым шагом, а сам проект следует рассматривать как долгосрочную стратегическую цель, а не ближайший тактический маневр.

Ввиду сложности и длительности сценария полного слияния с МЕРКОСУР, альтернативные векторы развития Андского Сообщества фокусируются на укреплении собственной устойчивости, повышении гибкости и улучшении внешнеполитической координации. В условиях глобальной трансформации 2026 года именно эти направления представляются наиболее реалистичными и способными дать быстрые практические результаты.

Укрепление региональной экономической автономии и создание стабилизационных фондов

Высокая сырьевая зависимость экономик стран Андского Сообщества, при которой на три ведущих товара приходится от пятидесяти до шестидесяти восьми процентов экспортной выручки, делает регион крайне уязвимым к внешним ценовым шокам. В 2024–2026 годах мировая экономика демонстрирует повышенную волатильность, связанную с перестройкой цепочек поставок, изменением климатической повестки и геополитическими конфликтами. В этих условиях создание региональных механизмов буферизации становится не просто желательным, а жизненно необходимым элементом стратегии выживания.

Приоритетным направлением является формирование многоуровневого стабилизационного фонда с целевым объемом в диапазоне от 0,5 до 1,0% от суммарного валового внутреннего продукта стран-участниц, а также создание резервной кредитной линии, эквивалентной одному-двум процентам суммарного валового внутреннего продукта. Моделирование, проведенное экспертами, показывает, что при объеме фонда в 0,75% от суммарного валового внутреннего продукта возможно компенсировать до 40–55% краткосрочных потерь экспортной выручки для наиболее уязвимых стран-членов в течение одного ценового цикла. Важным элементом эффективности таких инструментов является внедрение автоматических триггеров доступа к средствам фонда – например, при падении цен на сырьевые товары, колебаниях обменного курса или снижении уровня международных резервов. Такой подход позволяет уменьшить политическую составляющую в распределении средств и обеспечить оперативность реагирования.

Финансовые инструменты должны включать мультивалютные резервы, совместные кредитные гарантии и региональные облигационные платформы. Наличие взаимных кредитных линий на уровне одного-двух процентов от национальных валовых внутренних продуктов способно снизить стоимость внешнего заимствования на 0,5–1,0% и обеспечить ликвидность на период от двенадцати до восемнадцати месяцев в периоды кризиса, уменьшая тем самым потребность в экстренных самостоятельных девальвациях, которые часто приводят к дополнительным экономическим потрясениям.

Параллельно с созданием финансовых буферов требуется реализация политики по повышению внутренней добавленной стоимости экспортируемой продукции. Программы кластерного развития и локализации целевых отраслей, финансируемые ежегодно в объеме от 0,2 до 0,4% суммарного ВВП стран-участниц, способны увеличить долю обрабатывающего экспорта на 3–6 процентных пунктов в течение пяти лет и снизить сырьевую составляющую в валовом экспорте. Институциональная структура управления такими фондами должна предусматривать прозрачные правила, независимую наблюдательную комиссию и антикоррупционные гарантии. При соблюдении этих условий комбинированная политика стабилизации и финансовой интеграции может

сократить макроэкономическую волатильность региона на 20–35 процентов и добавить от 0,8 до 1,5% годового роста валового внутреннего продукта в среднесрочной перспективе [2].

Формирование «умной» регионализации с гибкими форматами сотрудничества

В условиях асимметрии экономического развития стран-участниц Андского Сообщества, где экономики Колумбии и Перу значительно крупнее боливийской и эквадорской, традиционная модель «одна скорость для всех» все чаще демонстрирует свою неэффективность. Альтернативой выступает модель «умной» регионализации, предполагающая переход от универсальных институтов к модульной архитектуре, сочетающей обязательные минимальные механизмы и добровольные секторальные инициативы.

Практическая реализация этой модели может базироваться на трех уровнях сотрудничества. Первый уровень представляет собой базовый пакет обязательств, распространяющийся на всех членов Андского Сообщества и включающий основные положения о свободной торговле и таможенном сотрудничестве. Второй уровень – тематические кластеры, объединяющие две-три страны для реализации совместных проектов в конкретных областях, таких как логистика, цифровизация или экология. Третий уровень – проектные консорциумы, создаваемые по необходимости для решения конкретных задач и распускаемые после их выполнения. Такая структура позволяет запускать инициативы за 6–12 месяцев вместо 18–36 месяцев, что критически важно в быстро меняющейся глобальной обстановке.

Целевыми показателями эффективности этой модели служат доля реализованных проектов и время их внедрения. Опыт других международных организаций показывает, что скорость формирования новых коалиций при таких режимах возрастает в 2–3 раза по сравнению с традиционными институтами. Адаптивность форматов обеспечивается посредством введения временных соглашений и «опций выхода/входа», позволяющих странам присоединяться к инициативам по мере готовности и выходить из них без ущерба для базового уровня сотрудничества. Моделирование показывает, что при увеличении доли проектной кооперации с 15 до 35% от общего объема региональных программ можно повысить инвестиционную отдачу на 8–12% и сократить транзакционные издержки на 10–18%. Финансовая гибкость должна предусматривать смешанное финансирование, включающее национальные фонды, частные консорциумы и международные гранты, при условии, что совместный вклад стран-участниц составляет от 0,1 до 0,3% суммарного валового внутреннего продукта ежегодно.

Институциональные гарантии требуют разработки стандартов совместимости юридических процедур, механизма быстрого арбитража и единой платформы мониторинга проектов, что позволит снизить риск правовой неопределенности на 20–30% и повысить доверие между участниками. Параллельно необходимы программы наращивания административной способности у малых членов с целью увеличить конверсию инициатив в реализацию до 70% в течение трех лет. В целом, «умная» регионализация представляет собой инструмент ускоренной интеграции, сочетающий целевые выгоды и управляемые риски; при последовательной реализации ее потенциал может обеспечить от 0,5 до 1,2% дополнительного годового роста валового внутреннего продукта региона и существенно повысить оперативную устойчивость к внешним шокам [2].

Энергетическое сотрудничество как драйвер интеграции

В условиях глобальной трансформации мировых энергетических рынков, характеризующихся переходом к низкоуглеродной экономике, волатильностью цен на углеводороды и усилением конкуренции за доступ к энергоресурсам, энергетическое сотрудничество становится одним из наиболее перспективных направлений деятельности Андского Сообщества [5].

Выход Венесуэлы из состава Андского Сообщества в 2006 году существенно ослабил энергетический потенциал интеграционного объединения, поскольку эта страна являлась крупным поставщиком нефти и газа [6]. Однако это не означает, что энергетическая повестка потеряла свою актуальность. Напротив, в 2026 году страны Андского Сообщества обладают значительным потенциалом в области возобновляемых источников энергии – гидроэнергетики (особенно в Эквадоре и Колумбии), солнечной и ветровой энергетики (в Перу и Боливии). Эти ресурсы могут стать основой для региональных проектов, направленных как на удовлетворение внутренних потребностей, так и на экспорт электроэнергии в соседние страны.

Кроме того, Андское Сообщество могло бы выступить с инициативой создания регионального энергетического клуба по образцу Энергетического клуба Шанхайской организации сотрудничества. Такой клуб мог бы стать платформой для гармонизации национальных энергетических стратегий, координации инвестиционных планов в энергетический сектор, обмена технологиями в области возобновляемой энергетики и повышения энергоэффективности. Особое внимание следует уделить сотрудничеству с МЕРКОСУР в энергетической сфере даже в отсутствие институционального слияния – создание совместных рабочих групп по энергетике между двумя блоками могло бы стать первым шагом к более глубокому взаимодействию и одновременно укрепить переговорные позиции всех стран-участниц на глобальном уровне [7]. Возрождение и институционализация энергетического диалога в рамках Андского Сообщества особенно актуальны в свете попыток внерегиональных игроков навязывать свои правила игры на энергетических рынках, включая углеродные налоги и трансграничные механизмы регулирования [8]. Создание альтернативной энергетической повестки, учитывающей интересы производителей и потребителей энергии в регионе, позволит Андскому Сообществу не только защитить свои интересы, но и занять активную позицию в глобальных дискуссиях об энергетическом переходе и климатической политике.

Научно-экспертный трек и социальное измерение интеграции

Для успешной реализации всех вышеперечисленных векторов развития Андского Сообщества необходимо значительное укрепление «второго трека» – научно-экспертного диалога, а также расширение социального измерения интеграционных процессов. Опыт других международных организаций, включая Шанхайскую организацию сотрудничества и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии, показывает, что наличие устоявшейся сети исследовательских центров и экспертных площадок существенно повышает качество принимаемых решений и способствует формированию общей идентичности.

В настоящее время в структуре Андского Сообщества отсутствует специализированный научно-консультативный орган, аналогичный Форуму Шанхайской организации сотрудничества, который объединяет национальные исследовательские центры стран-участниц. Создание такого Форума экспертов Андского Сообщества позволило бы объединить усилия ведущих аналитических центров Боливии, Колумбии, Перу и Эквадора для проведения совместных исследований по актуальным вопросам интеграции, выработки стратегических рекомендаций и предоставления научно-аналитической экспертизы директивным органам [9]. Ежегодные заседания такого Форума, а также создание постоянно действующих рабочих групп по отдельным направлениям (экономика, безопасность, энергетика, социальная политика) могли бы существенно повысить качество экспертного сопровождения интеграционных процессов.

Параллельно необходимо развивать социальное измерение интеграции, которое в структуре Андского Сообщества представлено недостаточно полно. В МЕРКОСУР эту роль выполняет Экономический и Социальный консультативный Форум, который обеспечивает вовлечение частного сектора и общественных организаций в процесс принятия решений. Создание аналогичного механизма в рамках Андского Сообщества – или, в перспективе, объединенного консультативного органа для обоих блоков – позволило бы учитывать интересы бизнеса, профсоюзов и гражданского общества, повысить легитимность принимаемых решений и обеспечить более широкую общественную поддержку интеграционных инициатив.

Особого внимания заслуживает развитие образовательных и культурных обменов в рамках Андского Сообщества. Университет имени Симона Боливара, существующий в структуре объединения, мог бы стать ядром более широкой сети академического сотрудничества, включающей программы студенческих обменов, совместные магистерские программы по специальностям, связанным с интеграцией, и летние школы для молодых специалистов. Такие мероприятия способствуют формированию общей идентичности и «интеграционного сознания» у новых поколений, что является необходимым условием долгосрочной устойчивости любого интеграционного проекта [10].

Наконец, в условиях глобальной трансформации 2026 года особое значение приобретает информационная составляющая интеграции. Создание единого информационного пространства Андского Сообщества – включая совместные медиа-платформы, регулярные бюллетени и информационные кампании о достижениях интеграции – позволило бы противодействовать дезинформации, повысить осведомленность граждан о преимуществах регионального сотрудничества и укрепить общественную поддержку интеграционных процессов.

Заключение

Андское Сообщество в 2026 году находится на переломном этапе своего развития. Глобальная трансформация международных отношений, перестройка цепочек поставок, технологические изменения и климатические вызовы требуют от этого интеграционного объединения решительных и своевременных действий. Анализ возможных векторов развития позволяет выделить несколько стратегических приоритетов, реализация которых должна стать основой повестки на ближайшие пять лет.

Объединение с МЕРКОСУР представляет собой амбициозный и потенциально выгодный, но чрезвычайно сложный и длительный проект. В краткосрочной перспективе (2026–2027 годы) целесообразно сосредоточиться на создании рабочей группы из профессионалов и специалистов в области международных отношений и интеграционного права для технического планирования возможного слияния. Данная группа должна провести детальный анализ правовых, экономических и институциональных последствий объединения, разработать дорожную карту и подготовить предложения для руководящих органов обоих блоков. Однако практическая реализация слияния вряд ли возможна ранее 2030 года из-за внутренних экономических проблем стран-участниц и необходимости масштабной гармонизации законодательств.

В среднесрочной перспективе (2026–2028 гг.) приоритетом должно стать укрепление собственной устойчивости Андского Сообщества через создание стабилизационных фондов и внедрение механизмов «умной» регионализации. Данные меры позволят снизить уязвимость к внешним шокам, повысить эффективность региональных проектов и учесть асимметрии между странами-участницами. Конкретные шаги включают разработку и подписание межгосударственного соглашения о создании стабилизационного фонда, утверждение правил его управления и триггеров доступа, а также запуск пилотных проектов в формате тематических кластеров в области логистики и цифровизации.

Инвестиции в человеческий капитал и цифровую трансформацию должны стать не просто декларативным приоритетом, а предметом конкретных совместных программ с финансовым обеспечением. Страны Андского Сообщества должны договориться о минимальном уровне расходов на образование и научные исследования как доли валового внутреннего продукта, создать совместные исследовательские фонды и запустить масштабные программы переподготовки кадров для цифровой экономики.

Необходимо укрепить институциональную структуру Андского Сообщества, создав недостающие элементы – научно-консультативный форум, постоянно действующий энергетический диалог и механизмы вовлечения гражданского общества.

Перспективы Андского Сообщества в условиях глобальной трансформации будут зависеть не столько от внешних факторов, сколько от способности стран-участниц преодолеть инерцию мышления, согласовать национальные интересы и перейти от слов к конкретным делам. Время на принятие решений сокращается, и будущее интеграционного объединения будет определено теми действиями, которые будут предприняты в ближайшие годы.

Литература

1. Поррата-Дориа, Рафаэль А. «Несбыточная мечта Боливара»: латиноамериканские организации по торговой интеграции. Дарем, Северная Каролина: Carolina Academic Press, LLC, 2024. – URL: https://search.library.yale.edu/catalog/991006124949708651#1

2. Aranceles diferenciados y su efecto en las economías de la Comunidad Andina de Naciones // CORE. – 2025. – URL: https://www.scielo.org.pe/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2072–05722025000100001

3. 李成琛, & 凌胜利. 议题中心度、条约合法性与南美洲次区域合作制度有效性 // 拉丁美洲研究. – 2025. – 47(4). – URL: https://ldmz.cbpt.cnki.net/portal/journal/portal/journal/api/listPrePaperOrNextPaper/next?pageNum=1&yearId=5e6fd001–44bb-4dad-becb-5364d1a5105d&issueId=49ce22b8–5ee7–436f-9d35–9fb613956064&year=2025&issue=03

4. Morales, I. (Ed.). Assessing Latin America's Trade Blocs and Social Policies in Andean and Southern Cone Countries // Latin American Policy. – 2025. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdfdirect/10.1111/lamp.70007#1#1

5. Глинкин, А. Н. (Ред.). Южноамериканская интеграция и Россия // Аналитические тетради ИЛА РАН. – 2004. – Выпуск 13. – Институт Латинской Америки РАН. – URL: https://www.old.ilaran.ru/?n=29

6. Quiliconi, C. Between geoeconomics and geopolitics: a new cycle of relations between the EU and the CAN // EU–Latin America Academic Synergies. – 2025. – 14 October. – URL: https://www.eulas.network/post/between-geoeconomics-and-geopolitics-a-new-cycle-of-relations-between-the-eu-and-the-can?utm_campaign=67d56978-df4c-41dc-81fb-a3b8e82354e0&utm_source=so&utm_medium=lp

7. CAF – banco de desarrollo. More regional integration to overcome global trade challenges. – 2026. – 29 January. – URL: https://www.caf.com/en/currently/news/more-regional-integration-to-overcome-global-trade-challenges/?parent=6583

8. Evenett, S. J., & Fritz, J. (2024). Protectionism in Practice: The Global Trade Policy Response to Uncertainty. Global Trade Alert Report. – URL: https://www.globaltradealert.org

9. Fondo Monetario Internacional. (2025b). World Economic Outlook: A Critical Juncture Amid Policy Shifts (abril 2025). Fondo Monetario Internacional. – URL: https://www.imf.org

10. Organización Mundial del Comercio. (2024a). World Trade Report 2024: New Frontiers in Global Trade. OMC. https://www.wto.org

VECTORS OF DEVELOPMENT OF THE ANDEAN COMMUNITY IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATION

Litovchenko I.
Russian State University for the Humanities

The Andean Community, one of the oldest integration groupings in Latin America, is facing the need to reassess its strategy amidst the rapid transformation of the global order. This article, based on an analysis of the founding documents, economic indicators, and institutional structure of the Andean Community and Mercosur, examines key vectors of the Andean Community's development. Particular attention is paid to a potential merger with Mercosur as a radical scenario for institutional transformation, as well as alternative approaches: strengthening regional autonomy, implementing flexible cooperation formats («smart regionalization»), and enhancing its role in international relations. The author concludes that the Andean Community's future development will be determined by a balance between deepening internal integration and seeking new external partnerships, and the success of reforms will depend on the will of member states and the effectiveness of institutional design.

Keywords: Andean Community, Mercosur, integration, regional economy, customs union, global transformation, bloc merger, smart regionalization, stabilization funds.

References

1. Porrata-Doria, Rafael A. «Bolivar's Impossible Dream»: Latin American Organizations for Trade Integration. Durham, NC: Carolina Academic Press, LLC, 2024. – URL: https://search.library.yale.edu/catalog/991006124949708651#1

2. Aranceles diferenciados y su efecto en las economías de la Comunidad Andina de Naciones // CORE. – 2025. – URL: https://www.scielo.org.pe/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2072–05722025000100001

3. 李成琛, & 凌胜利.议题中心度、条约合法性与南美洲次区域合作制度有效性 // 拉丁美洲研究. – 2025. – 47(4). – URL: https://ldmz.cbpt.cnki.net/portal/journal/portal/journal/api/listPrePaperOrNextPaper/next?pageNum=1&yea rId=5e6fd001–44bb-4dad-becb-5364d1a5105d&issueId=49ce22b8–5ee7–436f-9d35–9fb613956064&year=2025&issue=03

4. Morales, I. (Ed.). Assessing Latin America's Trade Blocs and Social Policies in Andean and Southern Cone Countries // Latin American Policy. – 2025. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdfdirect/10.1111/lamp.70007#1#1

5. Glinkin, A. N. (Ed.). South American Integration and Russia // Analytical Notebooks of the Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences. – 2004. – Issue 13. – Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. – URL: https://www.old.ilaran.ru/?n=29

6. Quiliconi, C. Between geoeconomics and geopolitics: a new cycle of relations between the EU and the CAN // EU–Latin America Academic Synergies. – 2025. – 14 October. – URL: https://www.eulas.network/post/between-geoeconomics-and-geopolitics-a-new-cycle-of-relations-between-the-eu-and-the-can?utm_campaign=67d56978-df4c-41dc-81fb-a3b8e82354e0&utm_source=so&utm_medium=lp

7. CAF – banco de desarrollo. More regional integration to overcome global trade challenges. – 2026. – 29 January. – URL: https://www.caf.com/en/currently/news/more-regional-integration-to-overcome-global-trade-challenges/?parent=6583

8. Evenett, S. J., & Fritz, J. (2024). Protectionism in Practice: The Global Trade Policy Response to Uncertainty. Global Trade Alert Report. – URL: https://www.globaltradealert.org

9. Fondo Monetario International. (2025b). World Economic Outlook: A Critical Juncture Amid Policy Shifts (Abril 2025). Fondo Monetario International. – URL: https://www.imf.org

10. Organización Mundial del Comercio. (2024a). World Trade Report 2024: New Frontiers in Global Trade. OMC. https://www.wto.org

Конструирование границ науки в оптике экономики научного знания

Стасенко Владислав Викторович,
младший научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: zen197350@gmail.com

В статье демонстрируется эвристический потенциал экономики научного знания (ESK) в осмыслении процессов конструирования нормативных границ науки. Показано, что классическая оппозиция эссенциализма и конструктивизма оставляет открытым вопрос о механизмах локальной устойчивости демаркационных конвенций: если границы науки суть результат борьбы групп интересов, остаётся неясным, почему участники этой борьбы добровольно принимают на себя жёсткие ограничения. На материале работ Я. Ши, Х.Л. Феррейры и Х. Саморы-Бонильи обосновывается тезис о том, что эпистемическая нормативность научного сообщества может продуктивно анализироваться через механизмы установления «спонтанного порядка» в координационном взаимодействии рациональных агентов, преследующих личные цели в условиях ограниченности ресурсов и неустранимой неопределённости. Данный подход конкретизируется на примерах стратегического установления порогов приемлемости исследований и работы институциональных фильтров публикационного отбора, нейтрализующих эффекты информационной асимметрии. Делается вывод о том, что описание границ науки как равновесия позволяет реконструировать устройство демаркационных практик, не принимая метафизических обязательств, свойственных как эссенциалистским критериям научности, так и конструктивистскому релятивизму.

Ключевые слова: границы науки, проблема демаркации, экономика научного знания, спонтанный порядок, Я. Ши, Х. Самора-Бонилья.

Введение

Дискуссия о нормативных границах, определяющих пространство легитимных практик научного познания, вращается между двумя концептуальными полюсами – эссенциализмом и конструктивизмом. Эссенциалистские стратегии пытаются связать демаркацию науки с инвариантными атрибутами (логическими, методологическими, этическими), призванными выразить ее сущностную уникальность. Историки и социологи науки выдвинули против данного подхода множество контраргументов, показав, что универсальные идеалы плохо согласуются с гибкостью и гетерогенностью реальных практик.

Классические эссенциалистские программы исходили из допущения, что научность есть свойство, присущее высказыванию, теории или процедуре как таковым, а потому может быть зафиксировано посредством вневременного критерия. Однако ни одна из предложенных формулировок не выдержала проверки историческим материалом: признанные дисциплины различаются между собой по методологическому устройству подчас сильнее, чем некоторые из них отличаются от отвергаемых практик. Эссенциализм платит за универсальность своих критериев утратой их дескриптивной адекватности.

Конструктивистская альтернатива, наиболее полно выраженная в концепции «пограничной работы» (boundary-work) Т. Гирина, представляет демаркацию науки как ситуативную идеологическую борьбу различных групп интересов за символические и материальные ресурсы: когнитивный авторитет, профессиональную автономию, финансирование [1, с. 781–782]. Традиционный конструктивизм убедительно объясняет изменчивость границ науки, оставляя при этом менее ясными механизмы, обеспечивающие их локальную устойчивость и воспроизводимость. Как именно из противостояния частных интересов формируются относительно стабильные нормативные конвенции? И чем объяснить строгость этих конвенций к самим их участникам, добровольно принимающим на себя жесткие ограничения?

Спонтанный порядок границ науки: неоинституционалистская теория научного нормообразования Я. Ши

Мы полагаем, что продуктивный подход к решению обозначенных вопросов обеспечивает интеграция социологической оптики конструктивизма с инструментарием экономики научного знания (ESK). Это направление исследований возникло в 1990-х гг. как попытка развить и формализовать с помощью современной экономической методологии (теоретико-игровое моделирование, теория рационального выбора и т.п.) интуиции об изоморфизме рыночных механизмов и структур регулятивной самоорганизации научного сообщества [2; 3; 4]. Основная предпосылка данного подхода – рассмотрение ученых как рациональных агентов, реализующих свои интересы в условиях ограниченности материальных и когнитивных ресурсов. ESK признает роль внеэпистемической мотивации ученых в процессах производства и оценки знания, эксплицируя общие механизмы, посредством которых разнообразие индивидуальных мотивов стратегически балансируется в точках нормативного консенсуса.

Общую рамку интерпретации норм науки с точки зрения ESK задает теория Я. Ши [5]. Согласно его концепции, производство научного знания как общественного блага сталкивается с двумя фундаментальными типами неопределенности, порождающими высокие трансакционные издержки [5, с. 129–132]:

– *Неопределенность задач* – имманентная непредсказуемость результатов исследовательского процесса.

– *Неопределенность взаимоотношений* – риски оппортунистического поведения контрагентов (плагиат, предвзятость, фальсификация и т.п.).

Институциональная система науки формируется как способ снижения этих издержек через функционирование трех типов норм: (1) дистрибутивных, регулирующих распределение символических и материальных ресурсов (правила приоритета, авторские права); (2) агрегативных, координирующих сведение индивидуальных решений в коллективный порядок («невидимая рука» интеллектуального рынка); и (3) конституциональных, регулирующих устройство познавательных практик – когнитивные парадигмы (принятые методы производства и валидации знания) и структуры авторитета [5, с. 142–145].

Конституциональные нормы, согласно Ши, не проектируются централизованно и не вырабатываются в ходе явных переговоров, а возникают как спонтанный порядок в хайекианском смысле [5, с. 156–159, 232–235]. Из-за принципиальной распыленности текущего знания и неопределенности будущего ни один регулятор не способен сформулировать эффективные критерии демаркации ex ante. Нормообразование разворачивается снизу вверх: ученый в поиске признания видоизменяет исследовательскую рутину; успешные практики начинают распространяться через их имитацию коллегами под действием агрегативных правил. Стандартизация, необходимая для сопряжения ожиданий сообщества, закрепляет распространившиеся практики, формируя актуальный контур нормативных границ науки [5, с. 216–224].

Ценность этой конструкции для проблематики демаркации состоит в следующем. Спонтанный порядок не является ни продуктом сознательного проектирования, ни случайным нагромождением обыкновений: он воспроизводится потому, что каждому участнику по отдельности выгодно ему следовать. Отсюда – та самая устойчивость, которую трудно объяснить в терминах одной лишь борьбы интересов. Учёный, нарушающий сложившийся стандарт, как правило, не наказывается специальной внешней инстанцией; он просто обнаруживает, что его результат не находит читателя и не конвертируется в признание. Граница науки удерживается, таким образом, не запретом, а структурой взаимных ожиданий: она проходит там, где издержки отклонения начинают превышать ожидаемый выигрыш от него.

Стратегические принципы демаркационных практик: модели Х.Л. Феррейры и Х. Саморы-Бонильи

В ESK был предложен ряд моделей, конкретизирующих механизмы возникновения и поддержания конституциональных норм науки на различных уровнях исследовательского взаимодействия. Мы разберем две из них, отвечающих на упомянутую во введение проблему конструктивистского объяснения строгости нормативных ограничений в науке.

Стратегическое установление порогов качества. На первый взгляд кажется, будто стремление ученых к максимизации репутационного капитала (признания) делает индивидуально выгодным ослабление стандартов качества исследований вплоть до их полного размытия. Следовательно, сохранение или уж тем более ужесточение стандартов требует дополнительного объяснения. Разработанная Х.Л. Феррейрой и Х. Саморой-Бонильей теоретико-игровая модель, в которой ученые предварительно договариваются о строгости стандартов, находясь за «завесой неведения» (т.е. ничего не зная о качестве тех результатов, которые им самим придется выносить на оценку), показывает: согласие устранить «проходной порог» качества рационально лишь при специфичной конфигурации дистрибутивных правил, предполагающих равное или близкое к равному вознаграждение как за единственный результат, прошедший порог, так и за один из многих. При любых иных условиях риск остаться без репутационного выигрыша – из-за паралича коллективной оценки (когда избыток претендентов блокирует консенсус) или из-за обесценивания признания в массе конкурентов – перевешивает возможные выгоды от минимизации входного барьера [6, с. 194–199].

Таким образом, размывание стандартов не оказывается устойчивым состоянием даже при полностью эгоистической мотивации членов сообщества. Реальные дистрибутивные правила науки – приоритет первооткрывателя, авторство, показатели цитируемости – относительны, то есть распределяют конечный объём внимания между конкурирующими претендентами. Именно относительность репутационного блага превращает строгость стандарта из ограничения в ресурс: порог, отсекающий чужие работы, защищает ценность собственной. Требовательность научного сообщества к самому себе получает тем самым объяснение, не апеллирующее ни к особой этической конституции учёных, ни к внешнему дисциплинирующему давлению.

Нейтрализация информационной асимметрии. Когнитивное разделение труда порождает структурную асимметрию информации между производителями и потребителями научного знания: исследователю потенциально известно все пространство возможных интерпретаций собранных им эмпирических данных, тогда как сообществу доступна лишь та из них, которая была выбрана автором для публикации [7, с. 136–137]. Х. Самора-Бонилья реконструирует эффект этой асимметрии через следующую модель. Предположим, что каждую интерпретацию можно описать через два сравнительно измеримых показателя: новизну (неожиданность интерпретации с учётом всего, что было известно до её публикации) и правдоподобие (её обоснованность в свете данных, полученных после). «Сопротивление» эмпирических фактов задаёт границу компромисса между показателями: на определенном этапе повышение новизны достигается лишь ценой снижения правдоподобия.

Мотивированному признанием автору выгодно выбирать интерпретацию с наибольшей новизной, жертвуя правдоподобием. Читатели же, будь им доступен весь спектр альтернатив, предпочли бы точку баланса правдоподобия и новизны. Таким образом, индивидуальный оптимум производителя и коллективный оптимум потребителей систематически расходятся [7, с. 138–139], воспроизводя деструктивную тенденцию, описанную в классической модели «рынка лимонов» Дж. Акерлофа [8]: информационная асимметрия порождает неблагоприятный отбор (*adverse selection*), снижающий общее качество благ на рынке.

Аналогия с «рынком лимонов» требует, впрочем, уточнения, задающего границы её применимости. У Дж. Акерлофа неблагоприятный отбор ведёт к сжатию и в пределе к исчезновению рынка [8, с. 489–492]. В науке этот сценарий не реализуется, и причина расхождения здесь значима: покупатель подержанного автомобиля не является одновременно его продавцом, тогда как в науке роли производителя и потребителя знания распределены не между группами агентов, а между ситуациями, в которых поочерёдно оказывается каждый исследователь.

Публикационные фильтры (рецензирование, иерархия журналов) позволяют нейтрализовать данный эффект, принудительно смещая выбор автора к оптимуму сообщества. Работа этих ограничений вновь отвечает интересам самих участников, включая самых эгоистичных агентов, поскольку в силу когнитивного разделения труда каждый автор является также читателем, вынужденным полагаться на чужие результаты.

В этой перспективе такие институты практической демаркации, как рецензирование, предстают не инстанциями установления истины и не процедурами применения заранее заданного критерия научности, а формами динамического согласования индивидуальных авторских стратегий с коллективными познавательными интересами сообщества [7, с. 139–140].

Выводы

Описанные выше модели являются идеализациями, не претендующими по своим задачам на содержательную полноту в описании и объяснении реальных процессов нормообразования в научном сообществе. Но даже на таком уровне абстракции они демонстрируют эвристический потенциал ESK для данной проблематики, позволяя связать процессы конструирования границ науки с базовыми механизмами координации человеческой деятельности. Таким образом, мы получаем возможность рационально реконструировать устройство демаркационных практик, оставаясь свободными от метафизических обязательств, свойственных как эссенциалистским критериям научности, так и конструктивистскому релятивизму. Кроме того, размышление о границах науки на языке выгод и издержек освобождает нас от споров об «истинных» мотивах агентов, участвующих в их (вос)производстве: формальные модели рационального выбора приложимы к любой непротиворечивой системе интересов.

Тем самым получает переформулировку и сама проблема демаркации. Классическая её постановка требует критерия – признака, наличие которого отличает науку от не-науки; конструктивистская критика этот запрос отклоняет, но взамен предлагает описание борьбы, в котором граница оказывается всецело производной от наличной расстановки сил. Оптика ESK задаёт третью возможность: граница науки описывается как равновесие – конфигурация взаимных ожиданий, от которой ни одному участнику не выгодно отклоняться в одностороннем порядке. Смещения границы следует поэтому ожидать там, где меняются дистрибутивные правила: при введении новых метрик оценки, перестройке принципов финансирования, появлении каналов распространения результатов, обходящих традиционные фильтры.

Необходимо вместе с тем зафиксировать пределы предлагаемого объяснения. Модели ESK описывают условия устойчивости нормы, но не её содержание: они говорят, почему сообщество удерживает некоторый порог, и молчат о том, где именно он проходит. Кроме того, допущение о рациональности агентов и об измеримости репутационного выигрыша представляет собой идеализацию, отношение которой к наблюдаемому поведению исследователей само нуждается в эмпирической проверке.

Дальнейшая разработка очерченного подхода предполагает эмпирическую проверку его следствий – прежде всего сопоставление предсказываемых моделями сдвигов нормативных порогов с документированной историей изменения редакционных и экспертных практик в отдельных дисциплинах.

Литература

1. Gieryn T.F. Boundary-work and the Demarcation of Science from non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists // American Sociological Review. 1983. Vol. 48, no. 6. P. 781–795.

2. Hands D.W. The Sociology of Scientific Knowledge and Economic: Some Thoughts on the Possibilities // New Directions in Economic Methodology / ed. by R. Backhouse. London: Routledge, 1994. P. 75–106.

3. Wible J.R. The Economics of Science: Methodology and Epistemology as if Economics Really Mattered. London: Routledge, 1998. 284 p.

4. Zamora Bonilla J. The Economics of Scientific Knowledge // Handbook of the Philosophy of Science. Vol. 13: Philosophy of Economics / ed. by U. Mäki. Amsterdam: Elsevier, 2012. P. 823–862.

5. Shi Y. The Economics of Scientific Knowledge: A Rational Choice Neo-Institutionalist Theory of Science. Cheltenham: Edward Elgar, 2001. 286 p.

6. Ferreira J.L., Zamora-Bonilla J. An Economic Model of Scientific Rules // Economics and Philosophy. 2006. Vol. 22, no. 2. P. 191–212.

7. Zamora Bonilla J. The market for scientific lemons, and the marketization of science // Theoria. An International Journal for Theory, History and Foundations of Science. 2019. Vol. 34, no. 1. P. 133–145.

8. Akerlof G.A. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84, no. 3. P. 488–500.

CONSTRUCTING THE BOUNDARIES OF SCIENCE THROUGH THE LENS OF THE ECONOMICS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Stasenko V.V.
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

The article demonstrates the heuristic potential of the economics of scientific knowledge (ESK) for studying how the normative boundaries of science are constructed. The classical opposition between essentialism and constructivism leaves unanswered the question of what makes demarcation conventions locally stable: if the boundaries of science result from a struggle between interest groups, it remains unclear why the parties to that struggle voluntarily accept severe constraints upon themselves. Drawing on the work of Y. Shi, J.L. Ferreira and J. Zamora-Bonilla, the paper shows that epistemic normativity can be analyzed as a "spontaneous order" arising from the coordination of rational agents who pursue private ends under resource scarcity and irreducible uncertainty. Two cases make this concrete: the strategic setting of acceptability thresholds and the work of publication filters neutralizing informational asymmetry. Describing the boundaries of science as an equilibrium allows demarcation practices to be reconstructed without metaphysical commitments.

Keywords: boundaries of science, demarcation problem, economics of scientific knowledge, spontaneous order, Y. Shi, J. Zamora-Bonilla.

References

1. Gieryn, T. F. (1983). Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists. American Sociological Review, 48(6), 781–795.

2. Hands, D. W. (1994). The Sociology of Scientific Knowledge and Economic: Some Thoughts on the Possibilities. In R. Backhouse (Ed.), New Directions in Economic Methodology (pp. 75–106). London: Routledge.

3. Wible, J. R. (1998). The Economics of Science: Methodology and Epistemology as if Economics Really Mattered. London: Routledge.

4. Zamora Bonilla, J. (2012). The Economics of Scientific Knowledge. In U. Mäki (Ed.), Handbook of the Philosophy of Science. Vol. 13: Philosophy of economics (pp. 823–862). Amsterdam: Elsevier.

5. Shi, Y. (2001). The Economics of Scientific Knowledge: A Rational Choice Neo-institutionalist Theory of Science. Cheltenham: Edward Elgar.

6. Ferreira, J. L., & Zamora-Bonilla, J. (2006). An economic model of scientific rules. Economics and Philosophy, 22(2), 191–212.

7. Zamora Bonilla, J. (2019). The Market for Scientific Lemons, and the Marketization of Science. Theoria. An International Journal for Theory, History and Foundations of Science, 34(1), 133–145.

8. Akerlof, G. A. (1970). The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism. The Quarterly Journal of Economics, 84(3), 488–500.

Трансдисциплинарность как стратегия преодоления дисциплинарных границ в социально-гуманитарном познании

Цыплакова Екатерина Петровна,
кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: tsyplakova-e@mail.ru

Предмет статьи – трансдисциплинарность как способ организации социально-гуманитарного познания, при таком подходе меняется само взаимодействие дисциплин, их языков и исследовательских объектов, а вместе с этим состав участников, вовлечённых в производство знания. Дисциплинарная специализация сохраняет значение, однако многие исследуемые сегодня объекты не укладываются в её границы, их рассмотрение выводит исследователя одновременно к философским, социальным, культурным, а нередко и технологическим аспектам, которые трудно свести к логике одной дисциплины. Цель исследования состоит в том, чтобы определить, за счёт каких механизмов трансдисциплинарная стратегия преодолевает такие ограничения, материалом послужили русскоязычные научные публикации 2021–2026 гг. по философии междисциплинарности и социальной эпистемологии, регионологии, концептологии, философской антропологии, а также исследования, связанные с цифровой проблематикой. В работе использовались сравнительный и логико-аналитический анализ, классификация научных подходов, их обобщение, последующий синтез. В результате были выделены четыре механизма трансдисциплинарной интеграции – проблемно-объектный, коммуникативно-переводческий, социально-институциональный, рефлексивно-нормативный. Преодоление дисциплинарных границ в таком случае связано с перестройкой отношений между ними в зависимости от исследовательской проблемы, именно в таком понимании трансдисциплинарности состоит научная новизна предложенного подхода. Выделенная система механизмов может использоваться при проектировании комплексных исследований в социально-гуманитарной области.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, дисциплинарные границы, социально-гуманитарное познание, междисциплинарность, интеграция знания, социальная эпистемология, проблематизация, научная коммуникация, трансфер знания, гибридное знание.

Введение

Дисциплинарное устройство науки необходимо для специализации знания, благодаря ему закрепляются предметные области, складывается собственный понятийный аппарат, формируются способы постановки исследовательских вопросов. Но та же система начинает создавать ограничения, когда границы дисциплины принимаются за границы самого объекта, особенно заметно это в социально-гуманитарной сфере, человек или регион, цифровая среда, последствия технологических изменений не существуют внутри одной исследовательской оптики. То же относится к понятиям, которые используются сразу в нескольких областях знания и в каждой получают несколько иное содержание, здесь исследователь сталкивается уже на этапе определения того, что именно считается объектом и из какой позиции он описывается.

Трансдисциплинарность меняет сам способ работы с такой ситуацией, так, при междисциплинарном исследовании дисциплины, как правило, сохраняют свои исходные позиции, а их методы или понятия соединяются для решения общей задачи. В трансдисциплинарном подходе этого оказывается недостаточно. Пересмотру может подвергаться уже построение объекта, приходится искать способы перехода между разными исследовательскими языками. Меняется и круг тех, кто участвует в производстве знания, а вместе с ним – представление о том, на каких основаниях результат может быть принят как обоснованный. Для социально-гуманитарного познания объект нельзя отделить от исторической и культурной среды его существования, от ценностных оснований и способов коммуникации, через которые он вообще становится доступным для исследования.

Цель исследования – раскрыть содержание трансдисциплинарности как стратегии преодоления дисциплинарных границ в социально-гуманитарном познании. Для достижения этой цели требуется

1) установить характер дисциплинарной границы и разграничить простое объединение дисциплинарных ресурсов с трансдисциплинарной перестройкой исследования.

2) Систематизировать механизмы, посредством которых осуществляется переход между различными предметными, понятийными и институциональными областями.

3) Выявить условия и ограничения трансдисциплинарной интеграции, препятствующие превращению открытости знания в методологическую неопределенность.

Научная новизна состоит в представлении трансдисциплинарности как стратегии регулируемой проницаемости границ. Ее содержание связывается с четырьмя взаимозависимыми операциями – проблематизацией объекта за пределами его исходной дисциплинарной локализации, формированием общего пространства концептуализации, переводом между различными исследовательскими языками и рефлексивным контролем оснований интеграции.

Материалы и методы

В работах, составивших материал исследования, трансдисциплинарность раскрывается не через одну устойчивую модель, а через разные уровни организации социально-гуманитарного знания, от институционального взаимодействия дисциплин до способов построения сложного объекта, так, Н.В. Гришечкина, С.В. Тихонова и В.Б. Устьянцев [1], сопоставляя модели «зоны обмена» и «социально-эпистемической арены», связывают появление гибридного знания с проницаемостью институциональных границ цифрового общества, причём сам трансдисциплинарный обмен здесь уже не сводится к передаче отдельных понятий или методов между дисциплинами, а в работе Н.В. Гришечкиной и В.Б. Устьянцева [2] эта проблематика смещена в область социальной философии, где в центре оказываются коммуникация науки и общества, признание производимого знания и возможность достижения консенсуса, то есть вопрос ставится уже о социальных условиях, внутри которых знание получает статус значимого и принимаемого.

Иная линия представлена исследованиями, где границы дисциплины обнаруживаются через устройство самого объекта, например, в концептологии Н.В. Данилевская и Е.Н. Ужегова [3] связывают ситуацию с многомерностью концепта, содержание которого расходится в разных трактовках и потому не может быть исчерпывающе описано

средствами одного направления лингвистического анализа, у С.Р. Динабург [4] сходная проблема рассматривается уже применительно к человеку, однако здесь акцент сделан на проблематизации, через которую между различными смысловыми полями устанавливаются связи без их сведения к общей исходной схеме. Другие авторы такие как К.А. Иванов, Е.В. Кремнёв и Е.А. Тэлина [5] приходят к необходимости перехода через регионологию, фиксируя эпистемологический разрыв между способами описания региона и предлагая реляционную модель, в которой физическое, социальное и дискурсивное пространства соотносятся уже как составляющие одного исследовательского объекта.

Различие между простым соединением дисциплинарных ресурсов и более глубоким изменением исследовательской оптики специально рассматривается И.Т. Касавиным и А.О. Костиной [6] на материале философской программы междисциплинарности Я.К. Шмидта, так, инструментальный способ взаимодействия дисциплин они отделяют от критически-рефлексивного, а трансдисциплинарность связывают с проблемно– и объектно-ориентированным построением исследования, где исходная дисциплинарная разметка уже не принимается как неизменная. Практически эта логика проявляется и в коллективном философском исследовании нейросети Л.П. Киященко, Л.Б. Жукова, Р.Р. Карнеева и Н.Р. Сабаниной [7], поскольку один объект здесь раскрывается через несколько языков описания, которые удерживают разные способы его концептуализации.

В регионологии переход к трансдисциплинарной модели получает уже более оформленное методологическое выражение, Е.В. Кремнёв, Е.В. Лесниковская и О.В. Кузнецова [8] рассматривают становление трансдисциплинарной регионологии через её цели, задачи и методологические основания, то есть речь идёт не об эпизодическом привлечении методов соседних областей, а о формировании исследовательского поля с собственной логикой работы со сложным объектом. Другой аспект той же проблемы появляется у В.Н. Поруса и В.А. Бажанова [9] в связи с постнормальной и гражданской наукой, где трансдисциплинарное измерение связано уже с неопределённостью, участием в производстве знания не только научных акторов и одновременно с вопросом о сохранении критериев рациональности, в работе Т.Д. Соколовой [10] дисциплинарная сепарация рассматривается через концепции научного прогресса, и на этом уровне становится заметно, как меняется само соотношение между специализацией знания и необходимостью исследовать объекты, устройство которых не подчиняется дисциплинарному членению науки.

Методический аппарат составили анализ научных публикаций, сравнительный анализ способов понимания меж– и трансдисциплинарных взаимодействий, классификация механизмов преодоления предметных и коммуникативных границ, логико-аналитическое выявление отношений между специализацией и интеграцией, обобщение частных исследовательских моделей и синтез положений, относящихся к условиям сохранения научной обоснованности трансдисциплинарного знания.

Результаты

Дисциплинарная граница выполняет две различные функции, которые нельзя свести к противопоставлению «закрытого» и «открытого» знания. Специализация создает условия для углубленного исследования определенного класса объектов, закрепляя методы, категории и способы проверки утверждений. Исторически развитие дисциплинарной дифференциации связывалось с прогрессом науки, однако по мере усложнения исследовательских объектов сепарация способна превращаться в препятствие для их целостной концептуализации [10]. Трансдисциплинарная стратегия возникает в точке, где предметная автономия дисциплины перестает соответствовать устройству исследуемой проблемы, несоответствие указывает на ограниченность дисциплинарного знания области применимости и необходимость построения связей с иными способами описания.

Различие между объединением дисциплинарных ресурсов и трансдисциплинарной перестройкой исследования определяется глубиной затрагиваемого уровня. Инструментальная кооперация допускает использование методов нескольких наук для решения предварительно сформулированной задачи, оставляя исходное понимание объекта практически неизменным. Критически-рефлексивная модель затрагивает сам способ постановки проблемы, значение используемых понятий и основания признания полученного знания. И.Т. Касавин и А.О. Костина связывают ограниченность исключительно инструментального подхода с его ориентацией преимущественно на организационно-управленческое решение задачи, в то время как трансдисциплинарные объектно– и проблемно-ориентированные формы обращены к проблемам реального мира [6], в таком случае граница преодолевается пересмотром исследовательской конфигурации, внутри которой методы получают значение.

Первым механизмом этой перестройки выступает проблематизация. Объект выводится из состояния, в котором его свойства заранее распределены между дисциплинарными описаниями, и рассматривается через отношения, не укладывающиеся в существующее предметное членение, в исследовании С.Р. Динабург проблема человека трактуется как принципиально открытая и парадоксальная, а проблематизация раскрывает скрытые отношения между различными полями смыслов [4], аналогичная логика обнаруживается в анализе регионологического знания, где К.А. Иванов, Е.В. Кремнёв и Е.А. Тэлина связывают эпистемологический разрыв с дискретностью академических подходов и многослойностью самого социально-географического пространства [5]. Проблема в этих случаях выполняет интегрирующую функцию раньше, чем возникает единый метод, она определяет, какие дисциплинарные различия существенны для исследования, какие требуют перевода и какие категории должны быть перестроены.

Проблематизация не отменяет различия между способами познания, в работе С.Р. Динабург трансдисциплинарный синтез сопровождается требованием эпистемологической осторожности, что исключает понимание открытости как произвольного соединения несовместимых положений [4]. Критически-рефлексивная программа, рассмотренная И.Т. Касавиным и А.О. Костиной, также перемещает акцент с количества привлеченных дисциплин на основания их коммуникации [6]. Отсюда следует различие между механическим расширением исследовательского поля и собственно трансдисциплинарным движением. В первом случае дисциплинарные элементы располагаются рядом, во втором меняется отношение между объектом, исследовательским вопросом и средствами его описания.

Второй механизм связан с формированием общего объекта, который не принадлежит полностью ни одной из исходных дисциплин, особенно отчетливо эта операция проявляется в исследованиях региона, концепта, искусственного интеллекта. К.А. Иванов, Е.В. Кремнёв и Е.А. Тэлина выделяют физическую, социальную и дискурсивную формы пространственности региона и связывают их через реляционную модель, устраняя необходимость выбирать одну из них в качестве единственной онтологической основы [5]. Н.В. Данилевская и Е.Н. Ужегова фиксируют множественность трактовок концепта и предлагают сместить исследование к его категориальному статусу, который способен удерживать многомерность объекта и инвариантные признаки, обнаруживаемые в различных подходах [3]. В коллективном исследовании Л.П. Киященко, Л.Б. Жукова, Р.Р. Карнеева и Н.Р. Сабаниной онтология нейросети раскрывается через несколько взаимодополняющих измерений, а ее объектность связывается с отношениями между человеком, цифровой системой, языком описания и ценностной интерпретацией [7], во всех трех случаях преодоление дисциплинарной границы происходит через реконструкцию объекта.

Объект сохраняет множественность перспектив, но требует основания, позволяющего сопоставлять их без сведения к одному языку. Для регионологических исследований им становится отношение между разными типами пространства [5], в концептологии – категориальная постановка вопроса и выделение признаков, воспроизводимых в неодинаковых трактовках [3], в исследовании нейросети – реляционная и семиотически открытая модель, внутри которой различные способы описания взаимно уточняют объект [7]. Трансдисциплинарный объект в этом смысле формируется на пересечении описаний, однако его содержание не равно их сумме, аналитическое приращение возникает за счет установления отношений между перспективами и определения того, какие характеристики объекта становятся доступными именно при их соотнесении.

Третий механизм образует перевод между дисциплинарными языками. Н.В. Гришечкина, С.В. Тихонова и В.Б. Устьянцев рассматривают трансдисциплинарную коммуникацию через модели зон обмена и социально-эпистемических арен, где производство знания зависит от возможности взаимодействия участников с различными институциональными и эпистемическими позициями [1]. Критически-рефлексивная междисциплинарность также строится вокруг коммуникации, изменяющей способы понимания знания [6], в исследовании нейросети трансфер между языками становится частью самой концептуализации объекта [7], а при построении трансдисциплинарной регионологии системный и сравнительный анализ соединяется с концептуальной и терминологической работой, необходимой для согласования различных школ региональных исследований [8]. Перевод здесь обозначает выявление различий в предпосылках, масштабах и способах построения объекта, после которого становится возможным содержательное сопоставление.

Коммуникативная модель меняет роль исследователя. Он выступает участником процедуры согласования разнородных способов знания, а посредничество приобретает методологическое содержание. В модели зон обмена существенна фигура медиатора между институциональными и профессиональными языками, социально-эпистемические арены расширяют состав коммуникации за счет медиа и непрофессиональных участников [1]. Это расширение переводит вопрос о дисциплинарных границах из плоскости внутреннего устройства науки в область отношений между академическим знанием и другими формами социального опыта. Граница проходит уже и между социологией, философией, лингвистикой или техническим знанием, и между профессиональной экспертизой, повседневным знанием, публичной коммуникацией.

Четвертый механизм имеет социально-институциональный характер. Н.В. Гришечкина и В.Б. Устьянцев связывают трансдисциплинарность с взаимодействием науки и общества, в котором логический, аксиологический и социальный планы производства истины оказываются включены в единый коммуникативный процесс [2]. Социальное признание знания становится частью его функционирования, а объединение разрозненных академических групп получает форму коллективной субъектности науки. Эта позиция развивает трансдисциплинарность за пределы схемы взаимодействия специалистов и показывает зависимость применения знания от его включенности в конкретный социальный контекст.

Расширение состава участников одновременно формирует ограничение трансдисциплинарной стратегии. В.Н. Порус и В.А. Бажанов, анализируя постнормальную и гражданскую науку, связывают трансдисциплинарные проблемы с ситуациями неопределенности и участием научного знания в принятии общественно значимых решений, но сохраняют принципиальное значение критериев научной рациональности [9]. Расширение круга участников производства знания ещё не означает повышения качества самого знания, скорее здесь появляется дополнительная проблема, потому что вместе с включением новых акторов приходится точнее определять, где заканчивается участие в постановке вопроса, обсуждении последствий или общественной оценке и начинается область специального научного суждения, требующего профессиональной подготовки и собственных процедур обоснования. Поэтому дисциплинарная экспертиза в трансдисциплинарной среде не исчезает, хотя её положение становится другим, она уже удерживает различия между типами утверждений, компетенциями и ответственностью участников, без чего открытая коммуникация быстро перестаёт быть исследовательской процедурой.

Именно в этом отношении особенно показательны работы Н.В. Гришечкиной, С.В. Тихоновой, В.Б. Устьянцева [1], Н.В. Гришечкиной и В.Б. Устьянцева [2], а также В.Н. Поруса и В.А. Бажанова [9], хотя исходят авторы из разных исследовательских контекстов. Расширение коммуникации между наукой и обществом у них выступает условием трансдисциплинарного взаимодействия, но чем шире становится это пространство, тем острее вопрос о том, что именно может быть вынесено в сферу общего обсуждения и что сохраняет зависимость от специальной экспертизы, а «социально-эпистемическая арена» описывает участие множества акторов и институциональную проницаемость такого взаимодействия [1], через категорию социального консенсуса раскрывается уже проблема общественного признания знания [2], у В.Н. Поруса и В.А. Бажанова граница проводится со стороны постнормальной науки, где расширение состава участников допустимо до тех пор, пока общественная вовлечённость не начинает заменять собой научную аргументацию [9], получается довольно напряжённая конструкция, поскольку открытость здесь нужна для постановки сложных проблем и обсуждения их последствий, но сама возможность такого расширения держится на сохранении различий между видами компетентности.

Другой вариант работы с дисциплинарной границей возникает тогда, когда трансдисциплинарное взаимодействие постепенно закрепляется институционально, у Е.В. Кремнёва, Е.В. Лесниковской и О.В. Кузнецовой речь идёт уже о формировании трансдисциплинарной регионологии, в которой предпринимается попытка собрать различные школы изучения региона вокруг общего исследовательского поля, определить его задачи и выработать собственный терминологический аппарат [8]. Это хорошо видно в исследовании К.А. Иванова, Е.В. Кремнёва и Е.А. Тэлиной [5], где эпистемологическая фрагментация сохраняется уже внутри сложившегося направления, поскольку физическое, социальное и дискурсивное понимание региона требуют согласования и какого-то основания, на котором регион вообще можно мыслить как целостный объект, и здесь обнаруживается характерная для трансдисциплинарности особенность, прежняя граница может быть преодолена, вокруг возникшего соединения закрепляется новое исследовательское поле, но спустя некоторое время оно само начинает производить различия, которые вновь приходится концептуально согласовывать, поэтому представление о трансдисциплинарности как об однократном переходе от нескольких дисциплин к готовому синтезу оказывается слишком простым.

Дисциплинарная граница остаётся изменяемой, иногда достаточно подвижной, но всё же функционально необходимой, и полностью убрать её означало бы вместе с ограничениями потерять и специализированные критерии, благодаря которым можно различать методы, основания утверждений и профессиональные компетенции, с другой стороны сохранённая в жёстком виде она начинает мешать там, где объект складывается на пересечении социальных, культурных, технологических, семиотических связей и заранее не принадлежит одной области знания. Если смотреть литературу, то у Т.Д. Соколовой [10] этот вопрос возникает через отношение между дисциплинарной сепарацией и научным прогрессом, и И.Т. Касавин и А.О. Костина [6] выводят его к различию инструментального и критически-рефлексивного взаимодействия дисциплин, С.Р. Динабург [4] показывает подобную логику через исследование человека, где переход между смысловыми полями не должен завершаться их сведением к единой исходной схеме, а анализ В.Н. Поруса и В.А. Бажанова [9] возвращает к нормативной стороне проблемы. Работы сближаются именно в одном пункте, выход за дисциплинарные пределы требует работы с основаниями самого исследования и потому не означает отказа от норм научного познания.

В сопоставлении различаются четыре механизма, но между ними нет разделения, поскольку в конкретном исследовании они могут накладываться друг на друга. Когда исходное членение объекта перестаёт соответствовать исследуемой проблеме, действует проблемно-объектная логика, объект приходится собирать заново, уже через связи, которые одна дисциплина не удерживает. Если расхождение возникает между понятиями и способами описания, на первый план выходит перевод между исследовательскими языками, причём речь идёт о сопоставлении стоящих за ними предпосылок и категориальных различий, в тех случаях, где производство знания выходит за пределы академического сообщества, меняется уже состав участников и сама среда использования результата, то есть проявляется социально-институциональный механизм. Наконец, вся эта интеграция требует ограничения собственных переносов, потому что метод, понятие или экспертная позиция не могут автоматически сохранять значение при переходе в другую область, и эту функцию выполняет рефлексивно-нормативный механизм, который удерживает основания интеграции и различия между теми формами компетентности, которые в трансдисциплинарном исследовании взаимодействуют.

Трансдисциплинарность как стратегия преодоления границ направлена, следовательно, не на создание универсального языка, в котором исчезают дисциплинарные различия. Ее результатом становится исследовательская конфигурация, способная удерживать различия и устанавливать между ними отношения, релевантные конкретной проблеме. Категориальное обобщение в концептологии [3], реляционная модель региона [5], трансфер между способами описания нейросети [7], социально-эпистемические формы коммуникации [1] и критически-рефлексивный анализ взаимодействия дисциплин [6] представляют различные реализации одного принципа: граница становится предметом методологической работы.

Обсуждение

Полученные положения меняют исходное представление о трансдисциплинарности как о максимальной степени интеграции наук. Количество привлеченных дисциплин не определяет трансдисциплинарный характер исследования. Две предметные области могут вступить в глубокое взаимодействие, если их сопоставление перестраивает объект и основания его интерпретации, а участие большого числа специалистов способно остаться дисциплинарно фрагментированным, если каждый из них исследует заранее выделенную часть объекта и не возникает общего пространства концептуализации. Основным критерием становится изменение отношений между проблемой, объектом, способами его познания.

Продуктивная трансдисциплинарность сохраняет напряжение между интеграцией и специализацией. Дисциплинарность в рассмотренных подходах нельзя трактовать исключительно как препятствие. Именно она формирует те методологические различия, между которыми впоследствии осуществляется перевод. Исчезновение таких различий сделало бы невозможным определение того, что именно переносится, сопоставляется или пересматривается. Стратегия преодоления границы отличается от ее ликвидации тем, что сохраняет различимость исходных позиций и одновременно снимает требование их изолированного применения.

Проблемно-объектный механизм имеет наибольшую эвристическую ценность там, где объект обладает несколькими взаимосвязанными измерениями и его предварительное закрепление за одной дисциплиной обедняет исследовательскую постановку. Человек, регион, концепт и цифровая система различаются по своему содержанию, однако рассмотренные работы обнаруживают общую методологическую ситуацию: предмет исследования меняется в зависимости от языка его описания. Трансдисциплинарное решение заключается в построении такого объекта, для которого различия между описаниями сами становятся аналитически значимыми.

У этой модели существует предел применимости, не всякое расхождение между дисциплинарными трактовками требует создания общего концептуального пространства. Если исследовательский вопрос локален и может быть разрешен специализированными средствами без потери существенных свойств объекта, трансдисциплинарная перестройка увеличивает сложность исследования, не создавая сопоставимого познавательного приращения. Выход за дисциплинарные границы приобретает основание тогда, когда ограничение уже проявилось в структуре проблемы, противоречии понятий, несовместимости уровней описания или невозможности связать исследовательский результат с контекстом его применения.

Коммуникативно-переводческий механизм раскрывает еще одно ограничение. Общий язык нельзя считать необходимым конечным результатом трансдисциплинарного взаимодействия. Полная унификация понятий создает риск утраты специфических значений, которые сформировались внутри дисциплин. Более продуктивным представляется режим частичной переводимости, при котором участники устанавливают эквивалентности, различия и зоны несовпадения, в таком режиме перевод становится способом обнаружения границы. Он фиксирует, какие элементы знания совместимы, какие требуют дополнительной интерпретации, а какие сохраняют смысл только внутри определенной методологической системы.

Расширение трансдисциплинарности от межакадемического взаимодействия к коммуникации науки и общества усиливает ее социально-гуманитарное содержание. Производство знания здесь связано с проблемами признания, ценностей, публичного обсуждения и практического применения. Однако участие различных социальных акторов не дает одинаковых полномочий во всех операциях исследования. Формулирование общественно значимой проблемы, описание опыта, обсуждение рисков и профессиональная проверка специального утверждения предполагают разные основания компетентности. Смешение этих функций способно превратить открытость в источник неопределенности, поэтому социальная включенность требует более четкой.

Наиболее существенное расхождение рассмотренных подходов связано с масштабом трансдисциплинарности. В одних работах она выступает способом исследования конкретного сложного объекта, в других приобретает значение формы научной коммуникации или нового типа отношений науки и общества. Отдельную позицию занимают проекты, стремящиеся закрепить трансдисциплинарное взаимодействие в виде устойчивого исследовательского направления. Эти трактовки не являются взаимоисключающими, но описывают разные уровни, смешение уровней приводит к ситуации, когда вывод о полезности трансдисциплинарного метода для отдельной проблемы необоснованно переносится на устройство науки в целом либо социальная открытость науки принимается за характеристику конкретной исследовательской методики.

Сопоставление регионологических работ особенно отчетливо показывает, что институционализация нового направления не завершает процесс интеграции. Новое поле может объединить ранее разрозненные подходы, закрепить терминологию и исследовательскую программу, однако внутри него вновь возникает вопрос об общем объекте и отношениях между различными способами его построения. Отсюда трансдисциплинарность предстает повторяющейся исследовательской операцией, востребованной при изменении проблемы и структуры знания о ней.

Рефлексивно-нормативный механизм в этой системе выполняет функцию внутреннего контроля трансдисциплинарного исследования, поскольку именно через него уточняется основание перехода между дисциплинарными позициями, определяется, какое ограничение исходной исследовательской оптики требует пересмотра и по каким критериям будет оцениваться уже интегрированный результат. В центре здесь оказывается обоснованность самого пересечения границы, а вместе с ней – совместимость используемых методов, понятий и объяснительных схем, степень их применимости к выбранному объекту и сохранение тех критериев, по которым исследователь может различать содержательное объединение подходов и формальное расширение исследовательского поля, при таком устройстве трансдисциплинарность получает собственную процедурную логику, где переход между областями знания связывается с конкретной исследовательской задачей и с теми изменениями, которые этот переход вносит в способ построения объекта.

Наименее разработанной частью рассмотренных подходов остаются критерии, по которым можно оценивать результат самой трансдисциплинарной интеграции, в публикациях достаточно подробно описываются причины выхода за пределы отдельной дисциплины, способы формирования общего объекта, взаимодействие исследовательских языков и участие разных групп в производстве знания, однако значительно реже уточняется, по каким признакам одна модель интеграции может считаться более результативной по сравнению с другой и где проходит различие между появлением нового объяснительного содержания и изменением самой организации совместной исследовательской работы. Эта проблема касается уже оценки того, что именно было получено после него и в какой мере новый способ организации знания изменил понимание исследуемого объекта.

Отдельного анализа требует устойчивость переводов между дисциплинарными языками, поскольку само согласование понятий может иметь разный статус в зависимости от характера исследования. В одном случае складывается рабочий словарь, необходимый участникам конкретного проекта и сохраняющий значение только внутри него, в другом постепенно формируется более устойчивый набор понятий, которым начинают пользоваться представители нескольких областей, а при дальнейшем закреплении такого языка уже возникает собственный категориальный аппарат. Переход между этими уровнями связан с институционализацией трансдисциплинарных направлений, где общий язык облегчает совместную работу, закрепляет способы описания объекта и со временем способен сам стать основанием нового предметного членения, поэтому перевод оказывается одновременно способом взаимодействия и одним из процессов, через которые оформляется новая исследовательская область.

Границы применимости предложенной модели определяются составом рассмотренного корпуса, в котором преобладают философские, социально-эпистемологические и гуманитарные работы, дополненные исследованиями по регионологии, концептологии и цифровой проблематике. Материал дает возможность выделить повторяющиеся механизмы трансдисциплинарного взаимодействия и проследить связи между ними, однако их конкретная конфигурация зависит от устройства объекта, характера исследовательской задачи и тех дисциплинарных ресурсов, которые включаются в работу. Поэтому общая схема описывает прежде всего сами исследовательские операции, переходы между ними и условия их согласования, а содержательное наполнение каждого механизма определяется уже внутри конкретного проблемного поля.

Заключение

Дисциплинарная граница поддерживает специализацию знания, устойчивость понятийного аппарата и правила обоснования результатов, вместе с тем при изучении объектов, существенные характеристики которых складываются на пересечении нескольких предметных областей, исследовательская работа начинает выходить за пределы заранее установленного деления науки. Трансдисциплинарность в этой ситуации затрагивает уже способ постановки проблемы, порядок формирования объекта, используемые языки описания и основания их согласования, поэтому речь идет о перестройке самой организации исследования вокруг объекта, структура которого требует нескольких взаимосвязанных способов концептуализации.

Выделенные механизмы описывают разные участки этого процесса и в конкретном исследовании могут действовать одновременно. Проблемно-объектная логика проявляется там, где исходное дисциплинарное членение перестает совпадать со структурой исследуемой проблемы и объект приходится собирать через связи, обнаруживаемые между несколькими областями знания, коммуникативно-переводческая работа возникает при согласовании понятий и способов описания, социально-институциональное измерение связано с расширением состава участников производства знания и с учетом среды его последующего использования, а рефлексивно-нормативный механизм задает основания переноса методов, пределы применимости отдельных подходов и критерии, по которым оценивается полученный синтез.

Продуктивность трансдисциплинарного взаимодействия связана прежде всего с устройством самой проблемы, которая должна требовать выхода за пределы специализированного описания, затем с распределением компетенций между участниками исследования, качеством перевода между используемыми понятиями и тем, насколько явно определены основания интеграции. При таком сочетании дис-

циплинарные границы становятся частью исследовательской работы, поскольку их можно пересматривать, смещать и заново определять в зависимости от объекта, сохраняя при этом те процедуры обоснования, на которых держится научное знание. Ни институциональная открытость, ни создание нового междисциплинарного поля сами по себе не устраняют эпистемологические разрывы, итак, трансдисциплинарность представляет стратегию регулируемой проницаемости дисциплинарных границ, при которой специализация сохраняется как ресурс исследования, а переход между дисциплинами организуется исходя из структуры конкретной научной проблемы.

Литература

1. Гришечкина Н. В., Тихонова С.В., Устьянцев В.Б. Трансдисциплинарность в проблемном поле социальной философии: «зона обмена» vs «социально-эпистемическая арена» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 128–132. DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-2-128-132.

2. Гришечкина Н. В., Устьянцев В.Б. Трансдисциплинарность современной науки как форма социального консенсуса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 133–136. DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136.

3. Данилевская Н. В., Ужегова Е.Н. Концепт как трансдисциплинарный феномен (к дальнейшей разработке проблемы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 28–40. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-4-28-40.

4. Динабург С.Р. Трансдисциплинарное изучение человека: опоры и коллизии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 326–332. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-326-332.

5. Иванов К. А., Кремнёв Е.В., Тэлина Е.А. Идея целостности в регионологии: эпистемологическая критика // Эпистемология и философия науки. 2026. Т. 63, № 1. С. 159–174. DOI: 10.5840/eps202663114.

6. Касавин И. Т., Костина А.О. Философия междисциплинарности: программа Я.К. Шмидта // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 225–235. DOI: 10.5840/eps202461235.

7. Киященко Л. П., Жуков Л.Б., Карнеев Р.Р., Сабанина Н.Р. Онтология нейросети в трансдисциплинарном диалоге: опыт коллективного философского исследования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 3. С. 329–343. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-3-329-343.

8. Кремнёв Е. В., Лесниковская Е.В., Кузнецова О.В. Современная трансдисциплинарная регионология: цели и задачи // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 443–452. DOI: 10.17516/1997-1370-0435.

9. Порус В. Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-15-33.

10. Соколова Т.Д. Концептуализация научного прогресса. Случай исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 2. С. 23–34. DOI: 10.5840/202360219.

TRANSDISCIPLINARITY AS A STRATEGY FOR OVERCOMING DISCIPLINARY BOUNDARIES IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Tsyplakova E.P.
Northwestern Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

This article explores transdisciplinarity as a way of organizing social science and humanities research. This approach alters the very interaction of disciplines, their languages, and research objects, along with the composition of participants involved in knowledge production. Disciplinary specialization remains important, but many objects of study today do not fit within its boundaries. Their examination simultaneously exposes researchers to philosophical, social, cultural, and often technological aspects that are difficult to reduce to the logic of a single discipline. The aim of this study is to determine the mechanisms by which a transdisciplinary strategy overcomes such limitations. The material used is Russian-language scientific publications published between 2021 and 2026 on the philosophy of interdisciplinarity and social epistemology, regional studies, conceptology, philosophical anthropology, as well as research related to digital issues. The study utilized comparative and logical-analytical analysis, classification of scientific approaches, their generalization, and subsequent synthesis. As a result, four mechanisms of transdisciplinary integration were identified: problem-object, communicative-translation, social-institutional, and reflexive-normative. Overcoming disciplinary boundaries in this case is associated with restructuring the relationships between them depending on the research problem; it is this understanding of transdisciplinarity that underlies the scientific novelty of the proposed approach. The identified system of mechanisms can be used in designing comprehensive research in the social sciences and humanities.

Keywords: transdisciplinarity, disciplinary boundaries, social sciences and humanities, interdisciplinarity, knowledge integration, social epistemology, problematization, scientific communication, knowledge transfer, hybrid knowledge.

References

1. Grishechkina N. V., Tikhonova S.V., Ustyantsev V.B. Transdisciplinarity in the Problem Field of Social Philosophy: «Exchange Zone» vs. «Socio-Epistemic Arena» // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2024. Vol. 24, issue 2. pp. 128–132. DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-2-128-132.

2. Grishechkina N. V., Ustyantsev V.B. Transdisciplinarity of Modern Science as a Form of Social Consensus // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2024. Vol. 24, issue 2. Pp. 133–136. DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136.

3. Danilevskaya N. V., Uzhegova E.N. Concept as a Transdisciplinary Phenomenon (towards Further Development of the Problem) // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2024. Vol. 16, issue 4. Pp. 28–40. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-4-28-40.

4. Dinaburg S.R. Transdisciplinary Study of Man: Supports and Collisions // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2021. Issue 3. P. 326–332. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-326-332.

5. Ivanov K. A., Kremnev E.V., Telina E.A. The Idea of Integrity in Regional Studies: Epistemological Critique // Epistemology and Philosophy of Science. 2026. Vol. 63, № 1. P. 159–174. DOI: 10.5840/eps202663114.

6. Kasavin I. T., Kostina A.O. Philosophy of Interdisciplinarity: Ya.K. Schmidt's Program // Epistemology and Philosophy of Science. 2024. Vol. 61, № 2. P. 225–235. DOI: 10.5840/eps202461235.

7. Kiyashchenko L. P., Zhukov L.B., Karneev R.R., Sabanina N.R. Ontology of neural networks in transdisciplinary dialogue: An experience of collective philosophical research // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2025. Issue 3. pp. 329–343. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-3-329-343.

8. Kremnev E. V., Lesnikovskaya E.V., Kuznetsova O.V. Modern transdisciplinary regional studies: goals and objectives // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. 2022. Vol. 15, № 4. pp. 443–452. DOI: 10.17516/1997-1370-0435.

9. Porus, V. N., Bazhanov, V.A. Postnormal Science: Between the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 5, № 4, pp. 15–33. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-15-33.

10. Sokolova, T.D. Conceptualization of Scientific Progress. The Case of Historical Epistemology // Epistemology and Philosophy of Science. 2023. Vol. 60, № 2, pp. 23–34. DOI: 10.5840/202360219.

Фитнес-тренинговые технологии в подвижных играх на оздоровительных занятиях со студентами с ограниченными возможностями сердечно-сосудистой системы

Шестакова Татьяна Алексеевна,
к.п.н., доцент кафедры ФКиСД, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
E-mail: shestak-sport52@yandex.ru

В оздоровительных занятиях со студентами с ограниченными возможностями сердечно-сосудистой системы игровая вариативность соотносится с индивидуально допустимым режимом через заранее заданные активные и восстановительные отрезки, контроль функциональной реакции и изменение параметров игры, принципы такого включения обоснованы посредством анализа русскоязычных публикаций 2023–2025 гг. о специальных медицинских группах, функциональном контроле, фитнес-технологиях и игровой деятельности с применением классификации, сравнительного и логико-аналитического анализа, обобщения и синтеза, технологическая логика фитнеса рассматривается отдельно от механического переноса упражнений, игровая нагрузка распределяется по временным, пространственным, организационным, двигательным и контрольно-восстановительным параметрам, коллективная игра проектируется с различной двигательной стоимостью участия и корректируется по состоянию студента.

Ключевые слова: специальная медицинская группа, сердечно-сосудистая система, фитнес-технологии, подвижные игры, оздоровительные занятия, дозирование нагрузки, функциональное состояние, самоконтроль, студенты

Введение

Одинаковая продолжительность участия в подвижной игре не означает одинаковой физической работы. Роль, размеры площадки, темп эпизода, очередность включения и поведение партнеров меняют фактический объем движений уже после начала игры, и для студентов с ограничениями функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы именно эта внутренняя вариативность становится предметом регулирования. Фитнес-тренинговая организация дает здесь рабочий принцип, активный отрезок можно ограничить заранее, восстановление включить в структуру задания, реакцию сопоставить с исходным состоянием и по ней изменить следующий эпизод. Речь идет не о переносе в игру набора типовых фитнес-упражнений, а о переносе порядка управления двигательным воздействием, при котором эмоциональная вовлеченность сохраняет педагогическую функцию, но не определяет допустимую интенсивность.

Исследование направлено на обоснование принципов адаптации фитнес-тренинговых технологий к подвижным играм на оздоровительных занятиях со студентами, имеющими ограничения функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы. С этой целью сопоставлены требования к дозированию и функциональному контролю в специальной медицинской группе, выделены элементы фитнес-тренировочной организации, пригодные для игровой формы, и прослежена связь между медицинским допуском, параметрами отдельного эпизода, восстановлением и последующей коррекцией. Новизна заключается в разграничении общей игровой задачи и физической стоимости участия в ней, продолжительность активного действия, пауза, размеры пространства, роль, плотность включения и содержание движения рассматриваются как переменные, которые можно менять для конкретного студента без обязательного разрушения коллективного взаимодействия.

Материалы и методы

Материал сформирован из публикаций, в которых рассматриваются разные звенья одной методической проблемы. Использование подвижных игр на занятиях по баскетболу и их связь с мотивацией и освоением игровых действий исследовали С.Ю. Бахарева, М.Ю. Славнова, Л.Ю. Павлютина, О.В. Мараховская [1], функциональное состояние студентов специальной медицинской группы по реакциям дыхательной и сердечно-сосудистой систем оценивали А.В. Блинова, М.В. Алексеев, Э.К. Абдулаев, М.М. Соловьев [2]. Индивидуальное назначение двигательной активности с учетом основной и сочетанной патологии представлено у А.В. Доронцева и Л.Н. Порубайко [3], возможности персонализации и мониторинга в фитнес-технологиях систематизированы В.Д. Ивановым [4], а индивидуализированное нормирование нагрузки при нарушениях сердечно-сосудистой системы раскрыто Л.И. Ильяевой [5]. Отдельную линию составили доступные игровые формы для специальных медицинских групп у А.В. Козлова, И.В. Кульковой, М.А. Козловой [6], самостоятельное регулирование нагрузки по ЧСС, пульсовым кривым и пробе Руфье у Н.В. Минникаевой [7], сопоставление адаптивных возможностей сердечно-сосудистой и дыхательной систем при различных заболеваниях у В.Н. Приходько и Т.Р. Ковригиной [8]. Комплексное применение фитнес-технологий и средств невысокой интенсивности рассмотрено Е.А. Широковой и М.А. Щеголевой [9], дифференциация занятий по нозологиям и функциональному состоянию представлена Е.М. Янчик, К.Б. Щелгачевой, А.С. Ушаковым, О.Б. Ведерниковой, А.А. Захарец [10].

Работа с источниками включала сопоставление способов индивидуализации физической нагрузки, группировку параметров игровой деятельности по характеру их влияния на двигательную работу и проверку того, какие элементы фитнес-тренировочной организации совместимы с условиями специальной медицинской группы. Связь функционального состояния с решением о продолжении либо изменении игрового эпизода рассматривалась логико-аналитически, обобщение и синтез использовались при соединении этих операций в последовательность методических решений.

Результаты исследования

Перенос фитнес-тренинговой технологии в игру начинается с определения управляемых параметров и допустимого режима, который для студентов с сердечно-сосудистыми ограничениями задается функциональной допустимостью [5], нозологией и текущим состоянием [10], затем способ включения в игровую деятельность выбирается с учетом персонализации программы, подбора нагрузки по уровню подготовленности и мониторинга состояния [4], а сочетание средств разной направленности и невысокой интенсивности [9] используется без автоматического переноса конкретного фитнес-упражнения.

Объем участия в конкретном игровом эпизоде не выводится из самого факта отнесения к специальной медицинской группе, функциональное состояние этой категории студентов оценивали по пробам Штанге, Генчи и Руфье-Диксона [2], адаптивные возможности сопоставляли при разных заболеваниях [8], построение занятий связывали с диагнозом, физическим развитием и артериальным давлением [10], при индивидуальном назначении двигательной активности учитывали основную и сопутствующую патологию, ЧСС, частоту дыхания и восстановление [3], медицинский допуск задает внешнюю границу участия, текущая реакция уточняет активное время, темп и роль, длительность игрового блока, фактическое активное участие и восстановительный интервал учитываются раздельно, одинаковое присутствие на площадке может соответствовать разной двигательной работе [3], [7].

Игровая нагрузка меняется через условия действия, сокращение непрерывного участия уменьшает рабочий отрезок, смена роли меняет долю активных перемещений, размеры пространства – протяженность действий, очередность включения – плотность работы, отдельно регулируются состав движений, темп и техническая сложность, между эпизодами вводятся точки контроля с решением о дальнейшем участии, систематическое наблюдение за состоянием при сердечно-сосудистых нарушениях включается в занятие [5], соотнесение ЧСС, пульсовой кривой и субъективной переносимости с последующей работой рассматривается как навык студента [7], индивидуальный контроль и восстановительные паузы применялись при игровых элементах [3], временные, пространственные, организационные, двигательные и контрольно-восстановительные параметры обозначают способы изменения одной физической работы, а не самостоятельные компоненты методики.

В коллективной игре общая цель сочетается с ожиданием одинаковых правил действия, положительное отношение студентов к подвижным играм, их связь с мотивацией и освоением игровых действий показаны на баскетбольных занятиях [1], но эти данные не задают допустимую интенсивность для специальной медицинской группы, соревновательное взаимодействие в этой группе рассматривалось и через спортивные настольные игры [6] с значительно меньшей физической стоимостью участия, функциональные возможности участников остаются неоднородными [8], внутри общей игры изменяется именно двигательная стоимость роли, одному участнику сохраняют полный активный отрезок, другому сокращают время перемещений, увеличивают восстановление или переносят часть действий в менее интенсивную позицию, соревновательный результат не служит основанием для выхода за индивидуальный режим.

Прогрессирование нагрузки требует такой же раздельности. Если одновременно увеличить активное время, темп и плотность перемещений, последующая реакция уже не показывает, какой компонент оказался критичным. Повторные функциональные пробы использовались для оценки изменений на фоне регулярных занятий [2], самостоятельное регулирование связывалось с динамикой адаптации сердечно-сосудистой системы [7], различия резервов фиксировались у студентов с разными заболеваниями [8]. Изменение одного параметра или ограниченной их комбинации оставляет возможность сопоставить новый режим с реакцией конкретного студента, причем увеличение объема не является обязательным направлением каждого следующего шага, возврат к предыдущему уровню допустим при ухудшении переносимости. Цифровой мониторинг [4] и фитнес-трекеры [3] упрощают регистрацию, но сами по себе не решают, следует ли продолжать эпизод, данные должны быть соотнесены с установленными ограничениями и состоянием занимающегося.

Организация занятия при этом не требует жесткого числа игровых раундов. Подготовительная часть постепенно вводит студента в работу и дает исходную информацию о самочувствии, основной блок складывается из игровых отрезков, между которыми интенсивность может быть снижена, восстановительная часть нужна для оценки реакции после выполненной работы. Такое построение соотносится с трехчастной организацией интегрированного занятия [5] и индивидуальной коррекцией заданий [3], но повторение следующего эпизода зависит от состояния после предыдущего, а не от заранее заданной серии. Фитнес-средства распределяются внутри этой структуры по функции, пилатес, функциональная тренировка и самомассаж рассматривались как элементы комплексной работы со студентами с акцентом на невысокую интенсивность [9], при сердечно-сосудистых нарушениях выделялись аэробные, дыхательные и психорегулирующие компоненты [5]. Одно средство может готовить к игре, другое входить в двигательное задание, третье использоваться в восстановлении, одинаковая принадлежность к фитнесу не означает одинаковой допустимости.

Спортивные настольные игры обозначают нижнюю границу моторной насыщенности, сохраняя соревновательное и коммуникативное взаимодействие при малой двигательной стоимости [6]. Подвижная игра решает другую двигательную задачу, однако это сопоставление показывает, что интенсивность движения и насыщенность игрового взаимодействия не обязаны возрастать одновременно. Для преподавателя это означает возможность варьировать роль и формат участия внутри оздоровительного курса, не связывая мотивацию исключительно с высокой двигательной плотностью. Там, где роль нельзя изменить, активный отрезок невозможно прервать или восстановление фактически диктуется развитием соревнования, формальная оздоровительная направленность не делает игру адаптированной.

Границы двигательной активности сначала соотносятся с заболеванием и исходным состоянием [3], [8], [10], затем задаются характеристики конкретного игрового отрезка и варианты их индивидуального изменения, после выполнения оценивается фактическая реакция [5], [7], восстановление учитывается отдельно от активной работы, следующий эпизод сохраняется, упрощается или исключается из текущей серии, общая игровая задача остается коллективной при различной физической стоимости участия.

Обсуждение результатов

Диапазон допустимой физической работы для студентов с сердечно-сосудистыми ограничениями определяется до выбора игровой формы, внутри него варьируются конкретные параметры, иерархия уровней соединяет программирование и персонализацию фитнес-подходов, допустимость воздействия в методиках специальных медицинских групп и характеристики взаимодействия и мотивации в исследованиях игры, диагноз не заменяет текущую оценку состояния, отдельный показатель не отменяет медицинских ограничений, индивидуализация строится на их совместном учете и плохо совместима с единым физическим заданием для всей специальной медицинской группы.

В игру можно переносить интервальное построение, мониторинг, персонализацию и коррекцию независимо от содержания отдельного движения, конкретное упражнение оценивается по состоянию студента, поведение партнеров способно изменить темп и продолжительность эпизода уже после его начала, пригодность игры зависит от наличия точек вмешательства, в которых меняются роль, активное время, пространство или восстановление без разрушения взаимодействия, при отсутствии таких точек упрощение правил не решает задачу дозирования.

Соревновательная мотивация поддерживает участие, но может продлевать активность после момента, когда индивидуальный режим требует ее снижения, предусмотренный правилами переход к другой роли или восстановительной паузе сохраняет включенность студента в общее действие без трактовки изменения нагрузки как нарушения игры, функциональный контроль связывается с решением продолжить, сократить или прекратить текущую серию, ЧСС, артериальное давление, пульсовые кривые, функциональные пробы и данные носимых устройств имеют разное назначение и не образуют автоматического алгоритма, каждый показатель соотносится с конкретным эпизодом и медицинским режимом.

Использованные публикации не дают оснований устанавливать одинаковые интервалы, единые пульсовые границы или общий темп усложнения для всех студентов с сердечно-сосудистыми ограничениями. Состав специальных медицинских групп, заболевания, применяемые средства и способы оценки различаются, поэтому предложенная последовательность описывает структуру методических решений, а не готовый режим дозирования, она действует только в пределах индивидуального медицинского допуска и не заменяет лечебную либо реабилитационную программу. В том же корпусе остается содержательный пробел, функциональный контроль, фитнес-программирование и игровые формы преимущественно исследуются раздельно, непосредственная проверка технологии, где параметры подвижной игры последовательно меняются как переменные дозирования именно у студентов с нарушениями сердечно-сосудистой системы, не представлена.

Дальнейшая эмпирическая проверка должна быть сосредоточена не на количестве фитнес-элементов внутри игры, а на надежности механизма регулирования. Значение имеет то, меняет ли корректировка конкретного параметра фактическую двигательную стоимость участия в ожидаемом направлении, прослеживается ли это изменение по функциональной реакции и сохраняется ли возможность индивидуального вмешательства внутри общего игрового эпизода. Если эта связь нестабильна, методика требует пересмотра независимо от мотивационной привлекательности игры.

Заключение

Медицинский допуск у студентов специальной медицинской группы с ограничениями сердечно-сосудистой системы задает границы двигательной активности, текущая функциональная реакция уточняет допустимый объем участия в конкретном занятии, длительность игрового блока, активное время и восстановление учитываются раздельно, контроль между эпизодами влияет на последующее решение, из фитнес-тренинга в подвижную игру переносятся рабочие и восстановительные отрезки, последовательное изменение параметров, персонализация и текущий контроль, нагрузка регулируется временем участия, пространством, ролью, плотностью действий и содержанием движения.

Общая игровая цель сохраняется при различной физической стоимости индивидуальных действий, граница адаптации возникает, когда нагрузку конкретного участника уже нельзя изменить без разрушения игры или выхода за медицинские ограничения, до этой границы следующий эпизод сохраняется, упрощается либо отменяется по реакции студента, а не по соревновательному темпу группы.

Литература

1. Бахарева С.Ю., Славнова М.Ю., Павлютина Л.Ю., Мараховская О.В. Использование подвижных игр на занятиях по баскетболу у студентов технического вуза // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 9. С. 30–34.

2. Блинова А.В., Алексеев М.В., Абдулаев Э.К., Соловьев М.М. Мониторинг функционального состояния студентов специальной медицинской группы технического вуза // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 1. С. 64–67. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p64-67.

3. Доронцев А.В., Порубайко Л.Н. Особенности методики формирования индивидуальных занятий двигательной активностью у студентов специальной медицинской группы «А» // Лингвистика и образование. 2023. Т. 3, № 1. С. 77–85. DOI: 10.29039/2712-9519-2023-1-77-85.

4. Иванов В.Д. Фитнес-технологии в физическом воспитании студентов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2024. Т. 9, № 4. С. 94–101. DOI: 10.47475/2500-0365-2024-9-4-94-101.

5. Ильяева Л.И. Интегрированный подход в физическом воспитании студентов специальной медицинской группы с нарушениями сердечно-сосудистой системы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2025. № 2 (44). С. 27–31. DOI: 10.52928/2070-1640-2025-44-2-27-31.

6. Козлов А.В., Кулькова И.В., Козлова М.А. Спортивные настольные игры как средство физического воспитания студентов специальных медицинских групп в условиях развития инклюзивного образования // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14, № 1. С. 26–41. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-1-26-41.

7. Минникаева Н.В. Особенности самостоятельного регулирования физической нагрузки студентами специальной медицинской группы // Наука и спорт: современные тенденции. 2025. Т. 13, № 4. С. 187–193. DOI: 10.36028/2308-8826-2025-13-4-187-193.

8. Приходько В.Н., Ковригина Т.Р. Анализ резервов сердечно-сосудистой системы студентов с различными заболеваниями // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2024. Т. 9, № 3. С. 99–107. DOI: 10.47475/2500-0365-2024-9-3-99-107.

9. Широкова Е.А., Щеголева М.А. Комплексное применение фитнес-технологий на занятиях физической культурой со студентами высших учебных заведений // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2024. № 10. С. 57–64. DOI: 10.24412/2305-8404-2024-10-57-64.

10. Янчик Е.М., Щелгачева К.Б., Ушаков А.С., Ведерникова О.Б., Захарец А.А. Технология проведения занятий по физической культуре со студентами специальной медицинской группы // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23, № 4. С. 135–144. DOI: 10.14529/hsm230417.

FITNESS TRAINING TECHNOLOGIES IN ACTIVE GAMES FOR HEALTH-ORIENTED CLASSES WITH STUDENTS WITH LIMITED CARDIOVASCULAR CAPACITY

Shestakova T.A.
Tolstoy State Pedagogical University

In health-oriented classes for students with limited cardiovascular capacity, game variability is kept within an individually acceptable regime by programming active and recovery intervals, monitoring functional responses, and modifying game parameters, the principles of this integration were substantiated by comparing Russian-language publications from 2023–2025 on special medical groups, functional monitoring, fitness technologies, and game-based activity using scientific literature analysis, classification, comparative and logical-analytical analysis, generalization, and synthesis, the technological logic of fitness training is treated separately from the mechanical transfer of individual exercises, while game load is differentiated into temporal, spatial, organizational, motor, and monitoring-recovery parameters, collective games are designed with different physical costs of participation and adjusted according to the student's condition.

Keywords: special medical group, cardiovascular system, fitness technologies, active games, health-oriented classes, exercise dosing, functional state, self-monitoring, students.

References

1. Bakhareva S.Yu., Slavnova M.Yu., Pavlyutina L.Yu., Marakhovskaya O.V. Use of active games in basketball classes for students of a technical university. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2024;9:30–34. (In Russ.).

2. Blinova A.V., Alekseev M.V., Abdulaev E.K., Solovyev M.M. Monitoring the functional state of students in a special medical group at a technical university. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2023;1:64–67. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p64-67. (In Russ.).

3. Dorontsev A.V., Porubayko L.N. Features of the methodology for forming individual motor-activity classes for students of special medical group A. Lingvistika i obrazovanie. 2023;3(1):77–85. DOI: 10.29039/2712-9519-2023-1-77-85. (In Russ.).

4. Ivanov V.D. Fitness technologies in physical education of students. Fizicheskaya kultura. Sport. Turizm. Dvigatelnaya rekreatsiya. 2024;9(4):94–101. DOI: 10.47475/2500-0365-2024-9-4-94-101. (In Russ.).

5. Ilyaeva L.I. Integrated approach to physical education of special medical group students with cardiovascular disorders. Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki. 2025;2(44):27–31. DOI: 10.52928/2070-1640-2025-44-2-27-31. (In Russ.).

6. Kozlov A.V., Kulkova I.V., Kozlova M.A. Sports board games as a means of physical education for students of special medical groups in the context of inclusive education development. Russian Journal of Education and Psychology. 2023;14(1):26–41. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-1-26-41. (In Russ.).

7. Minnikaeva N.V. Features of independent regulation of physical load by students of a special medical group. Nauka i sport: sovremennye tendentsii. 2025;13(4):187–193. DOI: 10.36028/2308-8826-2025-13-4-187-193. (In Russ.).

8. Prikhodko V.N., Kovrigina T.R. Analysis of cardiovascular reserves in students with various diseases. Fizicheskaya kultura. Sport. Turizm. Dvigatelnaya rekreatsiya. 2024;9(3):99–107. DOI: 10.47475/2500-0365-2024-9-3-99-107. (In Russ.).

9. Shirokova E.A., Shchegoleva M.A. Integrated use of fitness technologies in physical education classes for university students. Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kultura. Sport. 2024;10:57–64. DOI: 10.24412/2305-8404-2024-10-57-64. (In Russ.).

10. Yanchik E.M., Shchelgacheva K.B., Ushakov A.S., Vedernikova O.B., Zakharets A.A. Technology of physical education classes for students of a special medical group. Chelovek. Sport. Meditsina. 2023;23(4):135–144. DOI: 10.14529/hsm230417. (In Russ.).

Архитектура учреждений ухода и благополучие пожилых: обзор теорий и исследований

Посвятенко Юлия Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: posviat@mail.ru

Брюно Виктория Владимировна,
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры Социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: victoria.bruno@mail.ru

В статье приводятся сведения о потенциальном росте численности пожилых людей среди россиян, который порождает потребность в расширении помощи, связанной, в том числе, с предоставлением услуг долговременного ухода в различных формах-пансионатах, домах престарелых и т.п. Авторы обращают внимание на постепенное изменение общественного отношения к институциям подобного типа, подчеркивая при этом и прогрессирующее развитие среди пожилых людей признаков деменции. Опираясь на зарубежные и отечественные исследования в сфере организации ухода и формирования специфической архитектурно-планировочной среды для пожилого населения, в статье рассматриваются актуальные аспекты, характеризующие успешный опыт создания безопасных комфортных условий, поддерживающих достойное проживание резидентов. Реализация представленного опыта и знакомство с ним способствует дальнейшему реформированию сферы российских социальных услуг в условиях подготовки законодательных новаций в сфере организации долговременного ухода.

Ключевые слова: забота, долговременный уход, пожилые люди, пансионат, дом престарелых, старость, деменция, геронтология, поведенческая архитектура.

Введение

Старение населения ставит новые задачи перед системой ухода: растёт число пожилых, а также нуждающихся в поддержке при когнитивных нарушениях и ограниченной мобильности [1]. В России традиционно дома престарелых воспринимаются негативно – как «*последняя остановка*» для ненужных стариков [2, 3]. Помещение близкого с деменцией в учреждение долговременного ухода нередко сопровождается у родственников чувством вины и может переживаться как оставление или предательство близкого [4]. Так, по данным ВЦИОМ, лишь 13% считают, что пожилым людям лучше жить в доме престарелых среди своих сверстников, в среде, где о них круглосуточно заботятся [5]. Еще ниже доля тех, кто готов отдать пожилого родственника с синдромом деменции в специализированный пансионат – 9% [5]. В общей сложности о деменции с разной степенью осведомленности знают 68% наших сограждан: хорошо знают треть россиян (34%), столько же что-то слышали о ней (34%), но без подробностей. Еще 8% отметили, что им знакомо только слово, впервые услышали о деменции в ходе опроса 24%, то есть каждый четвёртый [6]. О том, что по статистике в популяции старше 60 лет уже около половины имеют когнитивные проблемы, а у тех, кому за 80 лет деменцию выявляют уже более чем у 80%, знают не многие, так как часто списывают проявление этого синдрома на типичные проявления, характеризующие старость [7]. Между тем, деменция-неизлечимое состояние, когнитивное расстройство, которое бывает сложно определить на ранних стадиях. Именно оно серьезно изменяет повседневную жизнь человека и его окружения, что приводит к необходимости обращения к врачам и помощи учреждений долговременного ухода.

Более раннее исследование ФОМ (2013) показало, что лишь 18% россиян считали условия в отечественных домах престарелых хорошими, тогда как 46% оценивали их как плохие. Большинство респондентов – 55% полагали, что в интернаты попадают вовсе не одинокие старики и были уверены, что у проживающих есть дети и родственники, и в 41% случаев именно по инициативе этих родственников пожилые «оказались» в учреждении (только 5% думали, что это была воля самих пожилых). Лишь 16% опрошенных в том исследовании назвали размещение в доме престарелых нормальной практикой (при этом 72% считали это нежелательным вариантом) – данные открытых вопросов подтвердили, что основными причинами непринятия были морально-этические установки о семейном долге и низкое доверие к качеству ухода [8].

Однако домашний уход за тяжело больным пожилым родственником, а тем более с синдромом деменции, часто выходит за пределы возможностей семьи [7; 9]. В такой ситуации хорошо организованный пансионат (далее или иное заведение подобного типа без специализированной медицинской помощи: интернат, дом престарелых и т.п.) может обеспечить безопасность, квалифицированный уход и достойное качество жизни постояльцам.

В России ситуация с реализацией качественных социальных услуг, связанных с долговременным проживанием, становится все актуальнее, особенно в крупных городах-миллионниках и мегаполисах [9,10]. Недостаток существующих государственных учреждений долговременного ухода способствовал законодательным изменениям и вовлечению в их различных частников. В результате во многих регионах появилось значительное число приспособленных под пансионаты объектов [11]. В целом, сложилась неоднозначная ситуация, в которой даже спорные с точки зрения комфорта и безопасности резидентов объекты пользуются спросом. Стремление к усилению контроля за их безопасностью способствовало законодательной инициативе по лицензированию подобной деятельности. Следовательно, изучение позитивного опыта и современных теоретических подходов, могут быть полезны для изменения ситуации с качеством социальных услуг в России.

Цель данного обзора – рассмотреть некоторые социальные и культурные аспекты институционального ухода, а также проанализировать существующие представления о значении архитектурно-пространственной организации пансионатов и иных учреждений долговременного ухода для безопасности, психологического состояния и качества жизни пожилых людей, в том числе людей с деменцией. На основе общенаучных методов, прежде всего анализа исследовательских работ, авторы стремились обобщить современные теорети-

ческие подходы к основным архитектурно-планировочным решениям и их роли в повседневной жизни постояльцев.

Результаты и обсуждения

Исследование домов престарелых и среды долговременного ухода опирается на ряд междисциплинарных теорий, позволяющих понять социокультурные и пространственные аспекты жизни пожилых в институциях.

Одним из базовых социально-философских направлений исследований является этика заботы (*ethics of care*), связанная с моральными дилеммами ухода. Уход за пожилыми людьми, особенно с деменцией, рассматривается не только как медицинская задача, но и как социальное явление, включённое в систему отношений между пожилыми людьми, родственниками и профессиональным персоналом. В рамках классической концепции этики заботы Кэрол Гиллиган подчеркивала ценность абсолютных, универсальных принципов морали, связанных с соблюдением прав человека, на основе которых формируется этические ценности «мужского» восприятия заботы, в то время как женское понимание морали связано с изменчивостью, ситуативностью и компромиссностью ситуаций, связанных с объектом заботы [12]. Для концепций, базирующихся на анализе женского социокультурного опыта, противостоящих классическому приоритету норм, характерен акцент на благо для конкретного человека и ценности взаимоотношений между людьми, при реализации которых в ходе повседневной деятельности субъект заботы (будь то человек или институция) должен соблюдать границы допустимого вмешательства в дела личности, ориентируясь на приоритет индивидуальных потребностей [13]. Например, в работах Дж. Тронто и Б. Фишер качество заботы понимается не только как характеристика отношений, основанных на внимании к уязвимости зависимого человека и признании взаимозависимости людей. Дж. Тронто выделила важные принципы заботы, среди которых – внимательность, ответственность, компетентность, отзывчивость и солидарность, на основе которых должна организовываться помощь [14]. Н. Ноддингс разделила естественную заботу родных и близких от моральной заботы, осуществляемой всеми, кто берет на себя такие обязательства, в том числе институции. Поэтому универсальные принципы в таких ситуациях часто уступают место (или даже вступают в конфликт) необходимости решения ситуативных проблем, связанных с заботой о конкретных людях в конкретных условиях. Автор подчеркивает важность понимания и поддержания реальных потребностей другого человека независимо от статуса заботящегося [15,13].

Таким образом, получившая большое влияние концепция этики заботы способствует более широкому обсуждению проблем институциональной помощи.

Социология ухода в институциональном контексте исследует, как устроена *повседневная практик*а заботы – каким образом распределяются физический уход и эмоциональная поддержка, какие формы труда персонала остаются видимыми, а какие незаметными. Особое внимание уделяется *напряжению* между семейным и профессиональным уходом. Исследователи описывают феномен «*плотного ухода*» – длительной и интенсивной заботы в семейном окружении, нередко сопровождающейся физическим и эмоциональным истощением ухаживающих [9]. Общественные установки при этом часто стигматизируют решение о помещении родственника в пансионат, воспринимая его как отказ от семейного долга [4]. Однако исследования и обзор сообщений на форумах для людей, ухаживающих за родственниками с деменцией, показывают, что чрезмерная самопожертвованность может приводить к выгоранию родственников и снижению качества заботы [16].

В этой связи в социологии обсуждается понятие *моральной экономики заботы* – поиск баланса между обязанностью заботиться о близком человеке и необходимостью сохранять собственные ресурсы и здоровье. Частные истории семей подтверждают сложность этой дилеммы: родственники оказываются между требованиями безопасности пациента, его качеством жизни и собственными возможностями [9].

Социологи также анализируют «*моральную карьеру» ухаживающих* – постепенную эволюцию их взглядов и переживаний от момента обнаружения болезни до решения о размещении родственника в специализированном учреждении [9]. Институциональный уход не должен автоматически рассматриваться как проявление эгоизма семьи. Он может становиться частью ответственной стратегии, если учреждение обеспечивает достойную заботу, уважение к личности пациента и культуру эмпатии со стороны персонала. В таком ракурсе качество архитектурной среды учреждений долговременного ухода рассматривается в тесной связи с практиками заботы, создавая условия для более гуманной и поддерживающей повседневной жизни.

Тотальные институции и потеря автономии. Классический анализ Ирвинга Гоффмана описывает *тотальные институты*, в которых постояльцы изолированы от внешнего мира, подчинены строгому распорядку и утрачивают контроль над повседневной жизнью [17,9]. Дома-интернаты (пансионаты и т.п) для пожилых людей характерные для российских реалий, особенно государственного типа, во многом соответствует этой модели. Закрытость, унификация правил, жизнь «по расписанию» – всё это может приводить к деперсонализации и снижению чувства достоинства. Однако современные подходы, в том числе, описанные выше, стремятся переосмыслить организацию заботы в подобных институциях. Концепция личностно-ориентированного ухода *(person-centered care*) предполагает, что распорядок и среда учреждения по возможности должны учитывать привычки, предпочтения и повседневные потребности пожилого человека [1]. Исследователи отмечают, что и частные пансионаты в России сохраняют черты закрытого учреждения: с одной стороны, это закрытая среда с полным обеспечением, с другой – есть больший потенциал *расширения возможностей*. Например, в интервью с руководителями пансионатов было выявлено, что они сознательно ищут баланс между безопасностью (контроль, надзор) и автономией постояльцев – смягчают режим, поощряют личную активность, приглашают внешних волонтеров и т.п. Такая тактика показывает, как пансионат способствует пожилым сохранять достоинство, свободу выбора, социальные связи. Исследование частных пансионатов в РФ показало, что такие учреждения способны *расширять возможности* пожилых даже с деменцией, обеспечивая участие в решениях и активностях [1,18].

Геронтологическая социология – исследует социальные аспекты старости: изменение статусов, ролей, стереотипов. Классические теории – *отчуждения/разъединения* (Disengagement theory) (постепенное отстранение от активной жизни) и *теория активности* по-разному трактуют идеальную модель старения [19]. При анализе условий домов престарелых важно, позволяет ли среда продолжать привычные занятия и социальные связи (поддерживая активность и идентичность), либо неявно склоняет к пассивности и изоляции. Современные исследования используют понятие «*социальной смерти*» для описания состояния, при котором человек в интернате ощущает себя отрезанным от прежней жизни и общества. Поэтому необходима *ресоциализации пожилых* в интернатах – создания новых социальных ролей (например, участие в советах жильцов, посильный труд, наставничество) для поддержания чувства значимости [3].

Environmental gerontology (экологическая геронтология). Этот подход рассматривает взаимодействие пожилого человека и *физической среды* обитания [13]. В геронтологии разработана концепция соответствия человека и окружающей среды (теория «личность–среда» – *person–environment fit*) [21]. У каждого пожилого человека есть определённый уровень компетентности, а окружающая среда предъявляет «*давление среды*» (*environmental press*). Оптимальное благополучие достигается, когда требования среды соответствуют возможностям человека, то есть ни чрезмерно сложны (что ведёт к стрессу и беспомощности), ни чрезмерно упрощены (что ведёт к скуке и утрате навыков). Для людей с деменцией это особенно актуально: поддерживающая среда должна компенсировать их когнитивные дефициты, а не отнимать остатки самостоятельности. Так, например, чрезмерные условия окружающей среды (сложная навигация, архитектурные барьеры) превышающие способности пожилого человека, вызывая стресс и функциональные нарушения.

Концепция среды, дающей возможности «*enabling environment*» предполагает, что дизайн учреждения может «подгоняться» под когнитивные особенности жителей, облегчая ориентацию, коммуникацию и безопасность без тотальных запретов. Например, понятие «*prosthetic environment*» в психогериатрии описывает среду как своего рода «протез», восполняющий утраченные функции памяти и ориентации (через подсказки, напоминания, структуру пространства). В учреждениях долговременного ухода это означает необходимость *адаптивной среды*: удобной мебели, отсутствие порогов и лестниц, наличие простой планировки, ориентиров для памяти, использование технических приспособлений (поручни во всех помещениях, по обе стороны лестниц, лифты). Исследования показывают, что, если окружение спроектировано с учётом когнитивных и сенсорных изменений, пожилые сохраняют независимость дольше и чувствуют себя комфортнее [2, 22].

Терапевтические ландшафты, сенсорная среда и дружественный к деменции дизайн. Концепция *therapeutic landscapes*, разработанная в географии здоровья, исходит из того, что физическое и символическое пространство способно оказывать терапевтическое воздействие на здоровье и благополучие человека. Доказано, что природные элементы обладают восстановительным эффектом: виды из окна на природные зелёные пространства снижают уровень стресса и способствуют психологическому восстановлению [21]. Особое распространение получили сенсорные сады – специально спроектированные пространства, где продуманы зрительные, тактильные и обонятельные стиму-

лы: мягкие дорожки, ароматные растения, водные элементы и звуки природы [23]. Использование «садов для блужданий» или «лечебных садов» способствует нормализации состояния не только резидентов, но и персонала, посетителей [24]. Они рассматриваются как форма немедикаментозного вмешательства, способствующего снижению возбуждения, апатии и эмоциональной напряжённости, а также поддержанию активности и положительных воспоминаний у пациентов [25, 26, 27]. После создания «*wander garden*» наблюдалось снижение показателей ажитации и уменьшение использования седативных препаратов, хотя отдельные типы инцидентов, связанные с физическими взаимодействиями между пациентами, увеличились [28]. Систематический обзор исследователей также указывает на потенциально благоприятное влияние садов на поведенческие симптомы деменции, однако авторы отмечают ограниченность и неоднородность имеющихся эмпирических данных [29]. В то же время, отмечается, что расположение таких заведений в срединной или периферийной зоне городского пространства в сочетании с природной составляющей имеют преимущества, т.к. уменьшают изоляцию постояльцев, способствуют более частому посещению родственников и близких, снижают стигму, связанную с когнитивным расстройством, создают возможности для продуктивных контактов с местным сообществом [30].

Идея *терапевтического пространства (терапевтического дизайна*) распространяется и на интерьеры. Мягкое рассеянное освещение, спокойные цветовые решения, отсутствие резкого шума и акустических искажений формируют поддерживающую сенсорную среду, способствующую снижению тревожности и дезориентации, улучшению сна [31; 32, 33, 26]. Связанным направлением является концепция *дружественной к деменции среды (dementia-friendly design*), сформировавшаяся как самостоятельная область архитектурного и интерьерного проектирования. Её основные принципы включают *ясную пространственную ориентацию* (простая планировка без длинных запутанных коридоров, визуально понятные указатели и различимые функциональные зоны), использование знакомых *ориентиров* и элементов интерьера, способных вызывать ассоциации с жизненным опытом пожилых людей, а также минимизацию сенсорных факторов, вызывающих тревогу или дезориентацию [34]. Это достигается мягкими контрастами цветов, отказом от сложных узоров и зеркал, которые могут восприниматься как пугающие или дезориентирующие элементы для людей с деменцией [35]. Монотонность архитектурной композиции и отсутствие ориентиров затрудняют ориентирование, тогда как визуальная доступность основных пунктов назначения увеличивает их использование и облегчает навигацию. В то же время, рисунок пола и темные линии или поверхности могут дезориентировать пациентов и вызывать тревогу, даже лифты являются основным препятствием, вызывающими беспокойство. [36].

Особое значение имеет принцип «*непрямой безопасности*», при котором контроль среды достигается не за счёт жёстких ограничений, а посредством продуманной пространственной организации. К таким решениям относятся безопасные свободные зоны для блуждания – (круговые маршруты, огражденные садики), вместо таблички «Выход» – мягкое маскирование дверей (окрашивание под стену, шторы) или условного знака «Стоп», использование мягких визуальных сигналов, предотвращающих опасные действия [37; 38]. Сюда же можно отнести и возможность изменять пространства за счет передвижных или складных перегородок. Эти пространственные подсказки помогают активизировать необходимые действия. Важную роль играет и сенсорная организация пространства: равномерное освещение без резких теней (чтобы не возникало иллюзий), снижение уровня шума и эха, поддержание привычного *суточного ритма* через световые сценарии (имитация смены дня и ночи) – всё это способствует снижению тревожности и дезориентации у людей с когнитивными нарушениями [22].

Исследования терапевтических ландшафтов и дружественного к деменции дизайна сходятся в признании того, что архитектурное пространство является *активным участником процесса ухода*. Оно может как усиливать когнитивную дезориентацию и чувство беспомощности, так и, напротив, компенсировать дефициты и смягчать их последствия, поддерживая самостоятельность, достоинство и эмоциональное благополучие пожилых людей. Однако, отмечено, что многие оценки основаны на исследовании субъективных параметров итребуют более объективных измерений [39].

Пространство как актор: управление поведением через дизайн. Социология архитектуры рассматривает физическое пространство как активный фактор социального взаимодействия. Планировка и дизайн могут поощрять одни формы поведения и препятствовать другим. В учреждениях для лиц с деменцией среда нередко используется как *непрямой способ управления*: вместо жёстких запретов – архитектурные решения, направляющие и ограничивающие поведение. Например, *прозрачные зоны наблюдения* позволяют персоналу незаметно присматривать за пожилыми, не мешая им заниматься своими делами. *Барьерность* среды может быть скрытой: запертые двери, которые сливаются со стеной и «не читаются» как выход [37].

Идея поведенческой архитектуры связана с представлением о том, что пространство способно влиять на поведение людей. Ещё М. Фуко показывал, что организация пространства может выступать инструментом дисциплины и наблюдения (например, в модели паноптикума). В современных исследованиях, однако, архитектура рассматривается не только как средство контроля, но прежде всего как инструмент обеспечения безопасности и благополучия жителей. Поэтому обсуждается принцип «*невидимого надзора*» – создание таких пространственных решений, которые позволяют предотвращать опасные ситуации (падения, уходы из учреждения), не превращая среду в ощущаемо закрытую. В рамках *actor-network theory* элементы среды рассматриваются и как участники ухода, и как структура, способствующая наблюдению: планировка коридоров, освещение, визуальные ориентиры могут облегчать передвижение, снижать тревожность и помогать персоналу наблюдать за жителями, тем самым косвенно участвуя в процессе заботы.

Интересны также родственные environmental gerontology концепции из географии и антропологии – **местообитание пожилых** и теория *привязанности к месту «place and aging»*. Исследователи Г. Роулз, М. Катчин отмечают, что у людей в старости формируется особая эмоциональная связь с домом и окружением. Когда утрачиваются недавние воспоминания, но остаются эмоциональные связи с привычной обстановкой *чувство дома* становится важным фактором психологического благополучия, при этом потеря его (например, при помещении в учреждение) может вести к депрессии [41] или дезориентации, ухудшению ментального состояния людей с когнитивными нарушениями [42]. Согласно *теории непрерывности (континуитета)* Р. Этчли, пожилые люди стремятся сохранять привычные роли, образ жизни и окружение даже при ухудшении здоровья. Если переезд в интернат рушит эту непрерывность, возможны и ощущение «чуждости» места [33]. В то же время, клинические исследования показали, что улучшение архитектурно-планировочной окружающей среды в сравнении с домашней обстановкой и усиление взаимодействия с другими постояльцами в противовес скуке и одиночеству приводят к уменьшению возбудимости пациентов, что имеет большое значение при организации пространства пансионатов. Поэтому в дизайне интернатов желателен принцип домашней атмосферы (*homelike environment*) приближенной к домашней обстановке, которая поддерживает личностную идентичность резидентов, снижает уровень тревоги, поддерживает достоинство [43]. Отсутствие униформы у персонала, отход от больничных атрибутов (белые стены), возможность заниматься обычными делами (мастерить, готовить, ухаживать за растениями) – всё это формирует *чувство нормальности*. Таким образом, исключается «*неприютность*» [29]. С точки зрения социологии, «дом» – это не только физическое пространство, но и социально сконструированное чувство безопасности и принадлежности. Поэтому институционализация и рассматривается и как социальная проблема, и как психологический процесс приспособления. Концепция *aging in place* в идеале предполагает, что человек стареет в привычной среде. Но это реализуется и через альтернативы интернатам: поддерживаемое проживание и т.п., которые не входят в предмет нашего внимания. Когда же переезд неизбежен, важна преемственность.

Выводы

Подводя итог обзору наиболее важных концепций, выработанных в зарубежной и отечественной теории и практике ухода, а также организации пространств для пожилых людей, проживающих в учреждениях долговременного ухода, необходимо отметить, что перечисленные рекомендации в комплексе способствуют созданию гуманного, комфортного пространства для организации жизни пожилых людей и поддержанию их достоинства. Архитектурная и природная среда учреждений долговременного ухода может выступать важным фактором поддержания психического состояния и качества жизни пожилых людей. Знание их особенностей может помочь ориентироваться в выборе пансионата для заинтересованных лиц в условиях отсутствия обязательного лицензирования частных заведений. Использование рассмотренных подходов в процессе реформирования российской системы социальной помощи уже меняют оценки и ожидания потенциально заинтересованных лиц и способствуют решению и смягчению проблем, нарастающих в обществе.

Литература

1. Мишеничев К., Бородкина О. Между заботой и безопасностью: как устроен частный институциональный уход за пожилыми людьми

с деменцией. // The Journal of Social Policy Studies. – 2025. –№ 23(4). – С. 657–672.

2. Ли Я. Тенденции развития современных домов престарелых // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. –2025. –№ . 4. –С. 69–83.

3. Багаева, Е.В. Особенности отношения к домам престарелых людей разных возрастов // Нижегородский психологический альманах. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 144–151.

4. Garity J. Caring for a Family Member with Alzheimer's Disease: Coping with Caregiver Burden Post-Nursing Home Placement // Journal of Gerontological Nursing. 2006. Vol. 32, № 6. P. 39–48. DOI: 10.3928/00989134-20060601-07.

5. День пожилого человека // ВЦИОМ: сайт. –2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pozhilogo-cheloveka-1 (дата обращения: 04.03.2026)

6. Деменция: что мы о ней знаем? // ВЦИОМ: сайт. – 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/ (дата обращения: 04.03.2026)

7. Чухловина М. Деменция. Диагностика и лечение. –СПб.: Питер, 2010. –С.42.

8. О домах престарелых. Допустимо или нет, чтобы пожилой человек жил в доме престарелых? // ФОМ. –2013. URL: https://fom.ru/TSennosti/11148 (дата обращения: 05.03.2026)

9. Здравомыслова Е., Савченко А. Моральная карьера заботы о пожилых родственниках, страдающих деменцией// Laboratorium. –2020. –№ 12. –С.90–123.

10. Parfenova O.A. Caring for Older People in the Post-Soviet Space: The Case of Russia // Corvinus Journal of Sociology and Social Policy. 2021. Vol. 12, № 2. P. 67–85. DOI: 10.14267/CJSSP.2021.2.4.

11. Posvyatenko, Y.V. Problems of Architectural and Planning Conditions of Boarding Houses for People with Dementia // Innovations and Technologies in Construction: Selected Papers of BUILDINTECH BIT 2025, Belgorod, 11–12 марта 2025 г. –Vol. 807. – Belgorod: Springer Nature Switzerland AG, 2026. – P. 190–200.

12. Gilligan C. In a Different Voice. Psychological Theory and Women's Development. Camb. (Mass.)–L., 1982.

13. Артемьева О.В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // Этическая мысль. –Вып. 1 – М.: ИФ РАН, 2000. –С. 195–212.

14. Tronto, Joan C. Caring democracy: markets, equality, and justice. Topics Caring, Democracy, Equality, Social justice Publisher New York: New York University Press. –2013.

15. Noddings N. Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education. Berkeley: University of California Press, 1984. –P. 79, 98–99.

16. Семеина Д. Как выбрать пансионат для человека с деменцией // Т-Ж: сайт. –22.05.2023. URL: https://t-j.ru/pansionat-dlya-patsyentov-s-dementsiey/ (дата обращения: 05.03.2026)

17. Goffman, Erving. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. 1961. New York: Anchor Books.

18. Nussbaum M. Creating Capabilities: The Human Development Approach. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.

19. Кушинова О.А. Геронтологические теории активности человека в пожилом возрасте // Вестник ОГУ. –2003. –№ 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gerontologicheskie-teorii-aktivnosti-cheloveka-v-pozhilom-vozraste (дата обращения: 07.03.2026).

20. Hoh J.W.T., Lu S., Yin Y., Feng Q., Dupre M.E., Gu D. Environmental Gerontology // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. Springer, Cham, 2022. –P. 1686–1693.

21. Czaja S. The M. Powell Lawton Award Lecture: The Person-Environment Fit Framework, Older Adults and Technology Interactions. Innov Aging. –2021 Dec 17;5(Suppl 1):553–4. doi: 10.1093/geroni/igab046.2127. PMCID: PMC8970300.

22. Пустозерова О. 5 принципов дизайна интерьера, которые продлевают активное долголетие // Здоровье mail.ru: сайт. – 25.11.2025. URL: https://health.mail.ru/article/3942432-dizayn-dlya-prodleniya-aktivnogo-dolgoletiya/

23. Бирюкова Е. Г., Зорькина О.В. Сенсорные сады для людей с деменцией // Биология и интегративная медицина. – 2024. – № 6 (71). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sensornye-sady-dlya-lyudey-s-dementsiey (дата обращения: 07.03.2026).

24. Bowes A.M.; Dawson A. Designing Environments for People with Dementia: A Systematic Literature Review.UK: Emerald Publishing Limited, 2019. –P.61–62.

25. Murroni V., Cavalli R., Basso A., Borella E., Meneghetti C., Melendugno A., Pazzaglia F. Effectiveness of Therapeutic Gardens for People with Dementia: A Systematic Review// International Journal of Environmental Research and Public Health. –2021. –№ 18(18):9595. Doi.org/10.3390/ijerph18189595

26. Грибер Ю. А., Устименко Ю.А. Цвет, дружественный к деменции // Национальное здоровье. –2021. –№ 4. –С. 55–58. –EDN NVQCVX.

27. Kaplan S. The restorative benefits of nature: Toward an integrative framework// Journal of Environmental Psychology.Vol. 15, Issue 3, September 1995. – P. 169–182. – doi.org/10.1016/0272–4944(95)90001–2

28. Detweiler M. B., Sharma T., Detweiler J.G., Murphy P.F., Lane S., Carman J., Chudhary A.S., Halling M.H., Kim K.Y. What is the evidence to support the use of therapeutic gardens for the elderly? Psychiatry Investig. –2012 Jun;9(2):100–10. doi: 10.4306/pi.2012.9.2.100.

29. Whear R, Coon JT, Bethel A, Abbott R, Stein K, Garside R. What is the impact of using outdoor spaces such as gardens on the physical and mental well-being of those with dementia? A systematic review of quantitative and qualitative evidence. J Am Med Dir Assoc. –2014 Oct.–15(10):697–705. –doi: 10.1016/j.jamda.2014.05.013.

30. Насырова Э.М., Забрускова М.Ю. Принципы проектирования центров ментального здоровья XXI в. [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. – 2022. – № 4(80). – URL: http://archvuz.ru/2022_4/5/ – doi: 10.47055/1990-4126-2022-4(80)-5

31. Figueiro MG, Pedler D, Plitnick B, Zecena E, Leahy S. Tailored lighting intervention (TLI) for improving sleep-wake cycles in older adults living with dementia. Front Physiol. –2023 Dec 18. –14:1290678. –doi: 10.3389/fphys.2023.1290678. PMID: 38169838; PMCID: PMC10759231.

32. de Azevedo MCD, Charchat-Fichman H, Damazio VMM. Environmental interventions to support orientation and social engagement of people with Alzheimer's disease. Dement Neuropsychol. – 2021 Oct-Dec. –15(4):510–523. –Doi: 10.1590/1980–57642021dn15–040012. PMID: 35509796; PMCID: PMC9018090.

33. Bourdon, E., Havreng Théry, C., Lafuente, C., & Belmin, J.. Effect of the physical environment on health and well being of nursing homes residents: A scoping review. Journal of the American Medical Directors Association, 2022. –23(11). – Doi.org/https://doi.org/10.1016/jamda.2022.05.026.

34. Fleming R, Kelly F, Stillfried G. 'I want to feel at home': establishing what aspects of environmental design are important to people with dementia nearing the end of life. BMC Palliat Care. –2015. –14:26. –Doi: 10.1186/s12904–015–0026-y.

35. Деменция в быту: как обустроить дом и быт пожилого человека с деменцией // Опека: сайт. – 14.09.2021. URL: https://sgc-opeca.ru/msk/news/ (дата обращения: 05,03.2026)

36. Passini R., Pigot H., Rainville C., Tétreault M-H. Wayfinding in a Nursing Home for Advanced Dementia of the Alzheimer's Type. // Environment and Behavior. –2000. Vol.32 (5). – P. 684–710. DOI: 10.1177/00139160021972748.

37. Marquardt G., Schmieg P. Dementia-friendly architecture: environments that facilitate wayfinding in nursing homes. // Am J Alzheimers Dis Other Demen. –2009 Aug-Sep. –24(4). – P. 333–340. DOI: 10.1177/1533317509334959.

38. Marquardt G. Büter K., Motzek T. Impact of the Design of the Built Environment on People with Dementia: An Evidence-Based Review. // Health Environments Reseach & Design Journal. –2014. –Vol. 9. –127–157. 10.1177/193758671400800111.

39. Au-Yeung WM, Miller L, Wu CY, Beattie Z, Nunnerley M, Hanna R, Gothard S, Wild K, Kaye J. Examining the Relationships Between Indoor Environmental Quality Parameters Pertaining to Light, Noise, Temperature, and Humidity and the Behavioral and Psychological Symptoms of People Living With Dementia: Scoping Review. Interact J Med Res. –2024 Aug 9. –13: e56452. –Doi: 10.2196/56452.

40. Cutchin M., Graham D. Rowles. Handbook on aging and place.: Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishers, 2024.

41. Резниченко С.И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены. Социальная психология и общество. –2014. –*5*(3). –С. 15–27.

42. Теория привязанности для взрослых. Руководство по клинической практике/ А.Н. Дэнкуа, К. Берри; пер. с англ. Д.В. Проценко. – Киев.: «Науковий Свгг», 2023. –С. 115–116.

43. Bowes A., Dawson A. Designing Environments for People with Dementia. Emerald Publishing Limited, 2019. –Doi 10.1108/9781787699717.

ARCHITECTURE OF CARE FACILITIES AND THE WELL-BEING OF THE ELDERLY: A REVIEW OF THEORIES AND RESEARCH

Posvyatenko Yu.V. Bryuno V.V.
National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MSCU), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article presents data on the projected increase in the elderly population in Russia, a trend that creates a need for expanded support – including the provision of long-term care services through various facilities such as residential care homes, nursing

homes, and similar institutions. The authors highlight the shifting public perception of such institutions while also emphasizing the rising prevalence of dementia among the elderly. Drawing on both domestic and international research regarding care organization and the creation of specialized architectural and spatial environments for the elderly, this article examines key aspects of successful practices in establishing safe, comfortable conditions that support a dignified quality of life for residents. Familiarity with and implementation of these practices contribute to the ongoing reform of the Russian social services sector as new legislation on long-term care is being prepared.

Keywords: care, long-term care, elderly people, residential care facility, nursing home, old age, dementia, gerontology, behavioral architecture.

Referenses

1. Mishenichev K., About Borodkina. Between care and safety: the device as a private institutional care for the elderly with dementia. // Journal of Social Policy Research. – 2025. –№ 23(4). – Pp. 657–672.

2. Li Ya. Trends in the development of modern nursing homes // Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. –2025. –№ . 4. Pp. 69–83.

3. Bagaeva, E.V. Features of the attitude towards nursing homes of people of different ages // Nizhny Novgorod Psychological Almanac. – 2020. – Vol. 1, № 2. – pp. 144–151.

4. Garity J. Caring for a family member with Alzheimer's disease: how to cope with the burden of care after placement in a nursing home // Journal of Gerontological Nursing. 2006. Volume 32, № 6. pp. 39–48. DOI: 10.3928/00989134-20060601-07.

5. Day of the Elderly // VTsIOM: website. –2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pozhilogo-cheloveka-1 (date of request: 03/04/2026)

6. Dementia: What do we know about her? // VTSIOM: website. – 2023. URL: https://wciom.ru/analiticheskii-obzor/ (date of request: 03.04.2026)

7. Chukhlovina M. Dementia. Diagnosis and treatment. –SPb.: Peter, 2010. –p.42.

8. About nursing homes. Is it acceptable or not for an elderly person to live in a nursing home? // FOM. –2013. URL: https://fom.ru/TSennosti/11148 (date of request: 03/05/2026)

9. Zdravomyslova E., Savchenko A. Marine camera for work on living relatives suffering from dementia // Laboratory. –2020. –№ 12(2). – Pp. 90–123.

10. Parfenova O.A. Caring for the elderly in the post-Soviet space: on the example of Russia // Journal of Sociology and Social Policy Korvin. 2021. Volume 12, № 2. pp. 67–85. DOI: 10.14267/CJSSP.2021.2.4.

11. Posvyatenko Yu.V. Problems of architectural and planning residential care homes for people with dementia // Innovations and technologies in construction: Selected reports of BUILDINTECH bit 2025, Belgium, March 11–12, 2025 – Volume 807. – Belgorod: Springer Nature Switzerland AG, 2026. – pp. 190–200. – EDN SUCHIK

12. Gilligan S. In a different voice. Psychological theory and development of women. Kemb. (Massachusetts) –L., 1982.

13. Artemyeva O.V. Ethics of care: a feminist alternative to classical philosophy // An ethical thought. – Vol. 1– Moscow: IF RAS, 2000, pp. 195–212.

14. Tronto, Joan K. Caring Democracy: Markets, equality and Justice. Main topics: Care, Democracy, Equality, Social Justice New York University Press. –2013.

15. Noddings N. Caring: a female approach to ethics and moral education. Berkeley: University of California Press, 1984. pp. 79, 98–99.

16. Semeina D. How to choose a boarding house for a person with dementia // T-Zh: website. –22.05.2023. URL: https://t-j.ru/pansionat-dlya-patsyentov-s-dementsiey / (date of request: 03/05/2026)

17. Goffman, Irving. Psychiatric hospitals: Essays on the social status of mentally ill and other prisoners. 1961. New York: Anchor Books.

18. Nussbaum M. Creating opportunities: an approach to human potential development. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2011.

19. Kushinova O.A. Gerontological theories of human activity in old age // OSU Bulletin. –2003. –No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gerontologicheskie-teorii-aktivnosti-cheloveka-v-pozhilom-vozraste (date of request: 03/07/2026).

20. Hoh J.U.T., Lu S., Yin Y., Feng K., Dupree M.E., Gu D. Ecological gerontology // Encyclopedia of Gerontology and population Aging. Springer, Cham, 2022. – pp. 1686–1693.

21. Tea. Lecture, awarded the M. Powell Lawton Prize: The concept of human-environment conformity, older people and the interaction of technology. A new position. –2021, December 17;5(Supplement 1):553–4. doi: 10.1093/geroni/igab046.2127. User ID: PMC8970300.

22. Pustozerova O. 5. Entering information from the Internet that you have been watching for a long time // Health mail.ru: website. – 11/25/2025. URL: https://health.mail.ru/article/3942432-dizayn-dlya-prodleniya-aktivnogo-dolgoletiya

23. Biryukova E.G., Zorkina O.V. Sensory gardens for people with dementia // Biology and integrative medicine. – 2024. – № 6 (71). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sensornye-sady-dlya-lyudey-s-dementsiey (date of request: 03/07/2026).

24. Bose A.M.; Dawson A. Designing environments for people with disabilities: a systematic review of the literature.Great Britain: Emerald Publishing Limited, 2019. –pp.61–62.

25. Murroni V., Cavalli R., Basso A., Borella E., Meneghetti K., Melendugno A., Pazzaglia F. Effectiveness of therapeutic gardens for people with dementia: a systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. –2021. –№ 18(18):9595. Doi.org/10.3390/ijerph18189595

26. Griber Yu. A., Ustimenko Yu.A. Dementia-friendly color // National Health. –2021. –No. 4. –pp. 55–58. – EDN NVQCVX.

27. Kaplan S. Statesmen of culture: on the way to an innovative approach // Journal of Psychology.Volume 15, issue 3, September 1995 – pp. 169–182. doi.org/10.1016/0272–4944 (95)90001–2

28. Detweiler M.B., Sharma T., Detweiler J.G., Murphy P.F., Lane S., Karman J., Choudhary A.S., Halling M.H., Kim K.Y. What is the evidence to support the use of therapeutic gardens for the elderly? Research in the field of psychology. –2012, June;9(2):100–10. doi: 10.4306/pi.2012.9.2.100.

29. Weir R., Kuhn J.T., Bethel A., Abbott R., Stein K., Garside R. What is the impact of using open spaces such as gardens on the physical and mental well-being of people with dementia? A systematic review of quantitative and qualitative data. Doctor of Medical Sciences, September 2014, October 15(10):697–705. –doi: 10.1016/j.jamda.2014.05.013.

30. Nasyrov A.M., Zabruskova M.E. Examples of proctology for international healthcare in the 21st century. [Electronic resource] //Architecton: izvestiya vuzov. – 2022. – №4(80). – URL: http://archvuz.ru/2022_4/5 / – identification number (doi): 10.47055/1990–4126–2022–4(80)-5

31. Figueiro M.G., Pedler D., Plitnik B., Zesena E., With Likhi. Individual lighting (ILT) to improve sleep-wake cycles in elderly people with dementia. Facial physiology. –2023, December 18. –14:1290678. –doi: 10.3389/fphys.2023.1290678. PMID: 38169838; PMCID: PMC10759231.

32. De Azevedo, MD, Charchat-Fichman, MD Damasio. Environmental activities aimed at supporting the orientation and social engagement of people with Alzheimer's disease. Neuropsychological development. October-December 2021–15(4):510–523. –Doi: 10.1590/1980–57642021dn15–040012. PMID: 35509796; PMCID: PMC9018090.

33. Bourdon E., Havreng Teri K., Lafuente K., Belmin J. The impact of the physical environment on the health and well-being of nursing home residents: a general overview. Journal of the American Association of Medical Directors, 2022. –23(11). – Doi.org/https://doi.org/10.1016/jamda.2022.05.026

34. Fleming R., Kelly F., Stillfried G. «I want to feel at home»: determining which aspects of environmental design are important for people with dementia approaching the end of their lives. The author of the BMC analytical note. –2015. –14:26. –Doi: 10.1186/s12904–015–0026- G.

35. Dementia in everyday life: how to equip the home and everyday life of an elderly person with dementia // Guardianship: website. – 09/14/2021. URL: https://sgc-opeca.ru/msk/news/ (date of access: 03/05/2026)

36. Passini R., Pigot H., Reinville K., Tetro M.-H. Nursing home treatment for patients with advanced dementia such as Alzheimer's disease. // Environment and behavior. –2000. Volume 32 (5). – pp. 684–710. DOI: 10.1177/00139160021972748.

37. Marquardt G., Shmig P. Architecture conducive to the development of dementia: conditions facilitating the search for ways in nursing homes. // A.J. Alzheimer's Disease and Other Dementia. –2009, August-September. –24(4). – pp. 333–340. DOI: 10.1177/1533317509334959.

38. Marquardt G. Buter K., Motzek T. The impact of artificial environment design on people with dementia: an evidence-based review. // Journal of Research and Design environment for health. –2014. –Volume. 9. –127–157. 10.1177/193758671400800111.

39. Aueng, U.M., Miller, L., Wu Sai, Beatty, Z., Nannerly, M., Hanna, R., Gotthard, S., Wilde, K., and Kay, J. The relationship between indoor environmental quality parameters related to light, noise, temperature and humidity, and behavioral and psychological symptoms of people living with Dementia was studied: a comprehensive review. Interact with other users. Date of publication: August 9, 2024. –Doi: 10.2196/56452.

40. Katchin M., Graham D. Rawls. Handbook on Aging and Place of Residence. Cheltenham, Great Britain, Edward Elgar Publishing house, 2024.

41. Reznichenko S.I. Attachment to a place and a sense of place: models and phenomena. Social psychology and society. –2014. –5(3). –pp. 15–27.

42. Theory of attachment for adults. Guidelines for clinical practice/ A.N. Denkua, K. Berry; translated from English by D.V. Protsenko. – Kiev.: Naukoviy Svgg, 2023. –pp. 115–116.

43. Bose A., Dawson A. Designing an environment for people with dementia. Emerald Publishing Limited, 2019. –Doi 10.1108/9781787699717

Онтологическая несовместимость цифровой инструкции и коммерческой номинации в городском тексте

Кириллова Инна Константиновна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и «Русский как иностранный»,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: KirillovaIK@mgsu.ru

Набиев Глеб Джамильевич,
студент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: gleb.nab@gmail.com

Зюганов Глеб Андреевич,
студент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: gleb-zug@mail.ru

В статье рассматривается современный городской текст как семиотическое поле, в котором сосуществуют два онтологически различных способа производства смысла: цифровая инструкция и коммерческая номинация. На примере Ярославского района Москвы авторы выявляют зоны семиотического разрыва между этими слоями – места, где навигатор не видит реальную вывеску, а вывеска игнорирует цифровой след. Показано, что цифровая инструкция редуцирует многообразие городской среды к абстрактным координатам и категориям, тогда как коммерческая номинация сохраняет историческую память и локальную идентичность. Выделены три хронологические группы вывесок, отражающие трансформацию визуального языка города. Делается вывод о расслоении городского текста на цифровой транзит и аналоговую локальность, принадлежащие к разным онтологическим регистрам.

Ключевые слова: коммерческая номинация, цифровая инструкция, городская среда, семиотика города.

Запуская «Яндекс Карты» или «2ГИС», мы воспринимаем их исключительно как удобные навигационные инструменты, но на самом деле эти сервисы создают свой собственный образ города, который отличается от реального. По данным на 2026 год, именно «Яндекс Карты» остаются доминирующим навигационным интерфейсом для большинства жителей города Москвы, что делает их главным медиатором между опытом горожанина и абстрактной урбанистической топологией. Таким образом, цифровой интерфейс становится онтологическим условием восприятия города.

В данной работе под *цифровой инструкцией* понимается интерфейс мобильных навигационных сервисов, который не просто транслирует информацию, но конституирует особый алгоритмический нарратив движения. В отличие от бумажной карты цифровая инструкция интерактивна и процессуальна, т.е. она непрерывно пересчитывает траектории, предлагает варианты передвижения и, тем самым, время становится важнее места, и карта подстраивается под скорость, а не под геометрию [5].

Под *коммерческой номинацией* мы понимаем систему уличных вывесок, названий магазинов, кафе, аптек и других объектов, формирующих семиотический ландшафт района и сохраняющих связь с его исторической памятью. Если цифровая инструкция адресована транзитному пользователю, который перемещается по городу с помощью гаджета и нуждается, прежде всего, в маршруте, то коммерческая номинация обращена, в первую очередь, к пешеходу, а также к водителю на медленной скорости и посетителю, который уже вышел из машины и вступает в непосредственный перформативный контакт с витринами [5]. Таким образом, мы имеем дело с двумя различными семиотическими режимами, сосуществующими в одном физическом пространстве, но принадлежащими разным онтологическим порядкам. Их анализ требует обращения к теоретической рамке, разработанной в рамках семиотики города.

Классическая идея города как текста восходит к работам Ю.М. Лотмана, который рассматривал городскую среду как сложный семиотический механизм, где сталкиваются и взаимодействуют разные знаковые системы. Вслед за ним мы рассматриваем городское пространство как текст, который можно читать и интерпретировать [3]. Однако современное состояние городской среды требует пересмотра этой модели. Д.Н. Замятин вводит понятие «постгород», подчеркивая, что современное урбанистическое пространство перестает быть единым текстом и распадается на множество независимых, не коррелирующих друг с другом фрагментов – своеобразный семиотический архипелаг [1; 2]. Исследователь вводит термин «гетеротекстуальность» для описания ситуации, когда в одном физическом локусе сосуществуют тексты, относящиеся к разным семиотическим сферам и не вступающие друг с другом в диалог [1; 2]. Следовательно, постгородские тексты остаются локальными вспышками смыслопорождения, не образующими целостной системы.

Предложенная теоретическая рамка позволяет нам рассматривать Ярославский район города Москвы как пространство, где цифровая инструкция и коммерческая номинация представляют собой два таких «невидящих» друг друга текста, принадлежащих к разным онтологическим регистрам.

Цель настоящей работы – выявить и описать онтологическую несовместимость между цифровой инструкцией (навигационные сервисы) и коммерческой номинацией (уличные вывески) на примере Ярославского района города Москвы. Выбор данного района в качестве объекта исследования не случаен, в нем расположен НИУ МГСУ, а сам район представляет собой типичный «спальный» район Москвы с разнообразной застройкой, что позволяет проследить различные формы взаимодействия цифрового и аналогового слоев.

Важно подчеркнуть, что Ярославский район интересен не только своей внутренней неоднородностью, но и тем, что через него проходит одна из главных транспортных артерий Москвы – Ярославское шоссе. С одной стороны, это создаёт высокий транзитный потенциал. Мы наблюдаем тысячи людей, ежедневно проезжающих район транзитом, пользуясь навигаторами, и не задерживаются в его локальных пространствах. С другой стороны, внутри самого района сохраняются островки «медленной» жизни – дворы, старые скверы, локальные ма-

газины с вывесками, которые не видны с магистрали. Таким образом, Ярославский район одновременно принадлежит и глобальному транзитному пространству (шоссе, метро, МЦК), и локальному пешеходному миру. Именно это двойственное положение, по нашему мнению, делает район идеальной моделью для изучения онтологического «конфликта» между цифровой инструкцией и коммерческой номинацией.

Проанализировав данные навигационных сервисов («Яндекс Карты», «2ГИС») на территории Ярославского района, мы выделяем особенности цифровой инструкции. Необходимо отметить, что эти сервисы предлагают рассматривать город не глазами человека, а глазами базы данных – их перцепция имеет принципиально нечеловеческую, дискретную природу.

Как отмечают исследователи, навигационные сервисы оперируют точками интереса (POI – Point of Interest), то есть абстрактными геометрическими координатами, лишенными каких-либо качественных характеристик [5]. Таким образом, цифровая инструкция осуществляет радикальную схематизацию визуального многообразия среды до набора абстрактных категорий («продуктовый магазин», «аптека», «кафе») и геометрических координат. Это не просто упрощение, а фундаментальная трансформация онтологического статуса объекта. Место перестаёт быть живым оно превращается в точку на карте, существующую только внутри алгоритма и никак не связанную с реальным городом.

Развивая этот пример, необходимо отметить, что проблема заключается не только в редукции визуального образа к координатам, но и в самом принципе категоризации, заложенном в навигационные алгоритмы. Любой объект на карте получает одну или несколько категорий из заданного списка («Продукты», «Аптека», «Кафе», «Одежда»). Однако в реальном городском пространстве одна и та же вывеска может одновременно информировать, рекламировать, создавать бренд и даже развлекать прохожего, функционируя как полифункциональный знак. Цифровая инструкция сводит эту многозадачность к единственной функции – обозначение объекта, расписание, рейтинг. Тем самым она обедняет городской текст, лишая его тех смысловых слоёв, которые формировались десятилетиями и, которые так важны для локальной идентичности. Мы наблюдаем эффект семиотического упрощения реальности. Следовательно, знак утрачивает свою коннотативную глубину и превращается в чистый денотат, обслуживающий исключительно навигационные задачи.

Более того, мы наблюдаем явление «цифровой слепоты» навигаторов – своеобразной гносеологической недостаточности алгоритма. Ряд объектов в Ярославском районе, имеющих яркие физические вывески, на картах либо отсутствуют, либо обозначены формально. К ним относятся, например, небольшие частные мастерские и парикмахерские во дворах домов района, а также сезонные ярмарки на Ярославском шоссе. Наш анализ показывает, что примерно 30% вывесок в старых жилых кварталах не имеют точного цифрового соответствия в навигаторах. Следовательно, пользователь навигатора получает инструкцию, которая игнорирует локальную специфику места и формирует дефицитарную картину реальности. Это подтверждает тезис Д.Н. Замятина о том, что «постгородские транссемиотики формируют своего рода темные зоны, отторгающие любую попытку семиотической интерпретации» [1, с. 76]. В нашей терминологии эти «темные зоны» представляют собой онтологические лакуны – участки реальности, которые алгоритм отказывается легитимировать, вынося их за скобки значимого бытия.

Важно отметить, что эволюция навигационных сервисов не стоит на месте. Современные системы способны не только показывать точки интереса, но и ранжировать их с учётом истории перемещений конкретного пользователя, то есть внедрять персонализированные онтологии. Однако, как свидетельствуют наши наблюдения в Ярославском районе, даже самые продвинутые алгоритмы остаются «слепыми» к локальной специфике – они видят магазин, но не видят, как он выглядит, есть ли у него узнаваемая вывеска, как к нему удобнее подойти пешеходу. Эта алгоритмическая слепота носит не технический, а онтологический характер, т.е. это следствие самой природы цифрового моделирования, которое всегда оперирует дискретными категориями и неспособно схватить континуальную, текучую реальность городской повседневности.

В отличие от универсального языка цифровых карт, коммерческая номинация фрагментирована, гетерохронна и исторически изменчива. В результате исследования Ярославского района мы выделяем три основные хронологические группы вывесок, которые существуют в физическом пространстве и представляют собой разновременные наслоения городской памяти:

1. *Вывески 1990-х годов*. Они сохранились на некоторых зданиях как материальные свидетельства эпохи радикальных экономических трансформаций. Г.М. Поспелова отмечает, что годы перестройки, 1990-е годы, запомнившиеся своим безудержным энтузиазмом, ознаменовались небывалым всплеском вывесочной активности: улицы превратились в полигон, на котором обкатывались самые разнообразные, порой весьма причудливые номинативные фантазии [4]. Характерные черты вывесок этого периода: использование пластика, яркие, контрастные цвета, обилие восклицательных знаков и избыточная информативность. Исследуя эти вывески, мы пришли к выводу, что их избыточность связана с ранним этапом формирования рыночной экономики, когда любое предприятие должно было буквально «кричать» о своем существовании непривыкшему к обилию выбора потребителю. Данная тенденция отмечается и в других работах по истории московских вывесок [4]. С философской точки зрения, эти вывески являются манифестациями нарождающегося капиталистического дискурса, его первичной риторикой, еще не отрефлексированной и потому гипертрофированной.

2. Вывески 2000-х годов. Это переходный тип, который, по наблюдению Г.М. Поспеловой, представляет собой зеркало многообразной и красочной сегодняшней действительности, ее созидательной сущности, определяющей свои правила в бизнес-пространстве [4]. Такие вывески более сдержанны по дизайну, но сохраняют высокую информационную плотность. Примеры можно найти в районе торгового центра «Компас» на улице Красная Сосна (дом 2/а), построенного в 2005 году. Анализ показывает, что эти вывески уже ориентированы на более искушенного потребителя, но еще не утратили связи с советской привычкой к детальному перечислению ассортимента («продукты, промтовары, хозтовары»). Они фиксируют состояние семиотического перехода между индустриальной и постиндустриальной парадигмами.

3. Современные вывески. Они доминируют в новых жилых комплексах и представляют собой наиболее радикальный разрыв с предшествующей традицией. Вдоль Ярославского шоссе и в районе реновации на Малыгинском проезде можно наблюдать вывески нового типа: минималистичный дизайн, частое использование латиницы или англицизмов. Мы считаем, что они адресованы глобальному потребителю и ориентированы на быстрое считывание бренда, а не на детальное описание. Они функционируют как знаки-бренды. Ж. Бодрийяр говорил о том, что они отсылают не к реальному товару или услуге, а к системе дифференциальных различий глобального рынка. Отдельную подгруппу составляют вывески пунктов выдачи Ozon, Wildberries и «Яндекс. Маркет» – функциональные, унифицированные, часто напечатанные на принтере. Они находятся в «серой зоне» между коммерческой номинацией и цифровой инструкцией, поскольку пункт выдачи – это физическая точка цифрового сервиса, материальный интерфейс виртуальной экономики.

Кроме трёх основных хронологических групп, мы также обратили внимание на вывески, которые трудно отнести к какой-либо одной категории. Речь идёт о так называемых «гибридных» вывесках, сочетающих признаки разных эпох. Например, на улице Красная Сосна можно встретить вывеску, где старый пластиковый короб 1990-х годов соседствует с новой светодиодной подсветкой, а название частично заменено на латиницу. Такие «гибриды» интересны тем, что они фиксируют процесс постепенной трансформации коммерческой номинации. Владелец не меняет вывеску полностью, а модернизирует её по частям, сохраняя узнаваемость для старых клиентов, но пытаясь привлечь новых. Это, с нашей точки зрения, наглядная иллюстрация того, как медленно и неравномерно меняется визуальный язык города, демонстрируя отставание знаковой формы от изменяющихся экономических и технологических условий.

Для количественной оценки пространственной структуры Ярославского района нами было проведено визуальное обследование его территории. Мы выделили пять основных типов зданий и территорий, которые представлены на рис. 1.

Как показано на рис. 1, наибольшую долю (35%) занимают современные жилые комплексы и дома реновации. Жилые дома советской постройки составляют 25%, промышленные зоны и склады – 20%, торговые и бизнес-центры – 15%, объекты транспорта и социальной инфраструктуры – 5%. Таким образом, мы считаем, что Ярославский район представляет собой территорию с преобладанием современной жилой застройки, однако с сохранением значительного слоя советского наследия и промышленных зон.

Полученные нами цифры требуют внимательного прочтения. 35% современной застройки и 25% советского наследия являются не просто статистикой. Они – отражение двух разных эпох градостроительной политики, двух разных способов организации жизни, двух конкурирующих онтологических проектов. Изучение таких типов зданий требует четкого терминологического аппарата, поскольку каждый исторический этап порождает свою номенклатуру объектов. Советские кварталы (вдоль Ярославского шоссе) проектировались с расчётом на пешеходную доступность магазинов, поликлиник и школ и были ориентированы на создание гомогенного, социально контролируемого

пространства. Вывески здесь стали частью привычного, десятилетиями неизменного окружения, вписавшись в структуру повседневности. Современные жилые комплексы ориентированы на автомобилиста и пользователя навигатора, магазины часто вынесены в отдельные корпуса или на первые этажи, но их вывески рассчитаны на быстрое считывание с большого расстояния и на взаимодействие с глобальным, делокализованным потребителем. Таким образом, каждый тип застройки порождает свой тип вывески и свой способ навигации, что ещё больше усугубляет семиотический разрыв и делает пространство района гетеротопией в том смысле, как этот термин использовал М. Фуко, т.е. местом, где сосуществуют несовместимые времена и пространственные практики.

Рис. 1

Мы считаем, что основной онтологический конфликт между цифровой инструкцией и коммерческой номинацией проявляется в зонах их несовпадения. Эти точки онтологического разрыва демонстрируют, что две реальности (алгоритмическая и феноменальная) обнаруживают свою принципиальную несопоставимость.

1. Промышленные территории (район Северянинского путепровода). На картах здесь обозначены абстрактные «склады», в то время как реальные вывески указывают конкретные компании. Таким образом, навигатор создает «слепую» зону, где он бесполезен.

2. Новые жилые комплексы на месте промышленных зон. В ходе реновации Ярославского района на месте бывших складов и производственных территорий выросли новые жилые комплексы. Однако навигационные сервисы до сих пор фиксируют эти территории по старым названиям или вовсе не видят новые улицы. Например, ЖК «Сказочный лес» на некоторых картах обозначен как «строящийся объект», тогда как реальные вывески на домах уже давно сменились на современные, с латиницей и стилизованным дизайном.

3. Редкие пересечения. Гибридные формы возникают тогда, когда физическая вывеска начинает обслуживать цифровую инструкцию. К ним можно отнести баннеры с QR-кодами на строительных заборах, а также указатели к пунктам выдачи заказов во дворах. Эти гибриды представляют две онтологии, которые на мгновение сходятся, образуя нечто вроде интерфейса между аналоговым и цифровым мирами. Однако, как показывает наш анализ, такие пересечения носят сугубо утилитарный характер и не ведут к подлинному диалогу между двумя семиотическими системами.

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы. Ярославский район как городской текст расслоен на два разнонаправленных и онтологически несовместимых слоя. Первый слой есть цифровой транзит это мир навигатора, где город лишен уникальности, эмоций и локальной специфики, выступая как чисто функциональное, реляционное пространство, подчиненное логике оптимизации и эффективности. Вторым слоем является аналоговая локальность это мир вывесок, где город обретает лицо, память и идентичность, сохраняя свою феноменальную плотность и историческую память. Навигатор и вывеска говорят на разных языках, принадлежат к разным семиотическим регистрам, и их пересечения остаются редкими, гибридными и ситуативными.

Кроме того, полученные результаты заставляют задуматься о более фундаментальном вопросе: кому на самом деле принадлежит городской текст? Навигационные сервисы создаются крупными корпорациями, действующими по единым алгоритмам, и в этом смысле они представляют собой «глобальный» слой городского текста, навязывающий универсальные категории восприятия. Вывески, напротив, создаются локальными акторами: владельцами магазинов, жителями, управляющими компаниями. Их язык – язык повседневности, конкретных практик выживания и приспособления к рыночным условиям. Конфликт между цифровой инструкцией и коммерческой номинацией – это конфликт между глобальным и локальным, между универсальным алгоритмическим порядком и уникальной данностью. И до тех пор, пока эти два уровня не найдут способа договориться, Ярославский район (и множество подобных ему районов Москвы) будет оставаться пространством семиотического разрыва и онтологической фрагментации.

Данный вывод полностью соответствует теоретической рамке Д.Н. Замятина, который утверждает, что «постгород не является текстом и не может рассматриваться как текст; в то же время он может порождать отдельные тексты, никак не связанные между собой» [1; с. 71]. В нашей интерпретации это означает, что постгород – это пространство сосуществования множественных онтологий, каждая из которых имеет право на существование, но ни одна не может претендовать на тотальную репрезентацию целого.

Стоит также отметить, что перспективы разрешения описанного конфликта связаны с развитием технологий дополненной реальности (AR). Как показывают современные исследования, AR-интерфейсы способны накладывать цифровую инструкцию непосредственно на визуальный ряд – пользователь видит не абстрактную точку на карте, а стрелку, направленную на реальную вывеску [5]. Это может стать тем гибридным решением, которое объединит два рассмотренных нами способа производства городского текста, преодолев их онтологическую несовместимость. Однако на сегодняшний день Ярославский район остается пространством семиотического разрыва между цифровым и аналоговым способами производства городского текста, где глобальное и локальное продолжают сосуществовать, не вступая в подлинный диалог.

Литература

1. Замятин Д.Н. Гетеротекстуальность и сопространственность: от семиотики города к транссемиотике постгорода // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1(70). – С. 70–79.

2. Замятин, Д. Постгород (II): воображаемые картографии и политики сопространственности / Д. Замятин // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 9–35. – DOI 10.17323/1728–192X-2019–1–9–35. – EDN RHOKLU.

3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

4. Поспелова Г.М. Московские вывески вчера и сегодня. – М.: Русский импульс, 2018. – 320 с.

5. Kornev D.V., Gorishny Y.P., Sinitsin F.G. Method of and server for presenting points of interest to user on map. Patent US 11,415,430 B2. – 2022.

6. Mazzucchelli F. The complexity of cities and the semiotic gaze: keeping the 'thickness' of urban spaces. Semiotic Approaches to Urban Space, Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024, pp. 97–109.

ONTOLOGICAL INCOMPATIBILITY OF DIGITAL INSTRUCTION AND COMMERCIAL NOMINATION IN URBAN TEXT

Kirillova I.K., Nabiev G.D., Zyuganov G.A.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article examines the modern urban text as a semiotic field where two ontologically distinct modes of meaning production coexist: digital instruction and commercial nomination. Using the Yaroslavsky district of Moscow as a case study, the authors identify zones of semiotic rupture between these layers – places where the navigator fails to see the actual signboard, and the signboard ignores the digital trace. It is shown that digital instruction reduces the diversity of the urban environment to abstract coordinates and categories, while commercial nomination preserves historical memory and local identity. Three chronological groups of signboards are distinguished, reflecting the transformation of the city's visual language. The conclusion is made about the stratification of the urban text into digital transit and analogue locality, belonging to different ontological registers.

Keywords: commercial nomination, digital instruction, urban text, urban semiotics

References

1. Zamiatin D.N. Heterotextuality and co-spatiality: from the semiotics of the city to the transsemiotics of the post-city. Ural Historical Journal, 2021, № 1 (70), pp. 70–79.

2. Zamiatin D.N. Post-city (II): imaginary cartographies and politics of co-spatiality. Sotsiologicheskoe obozrenie, 2019, vol. 18, no., pp. 9–35. – DOI 10.17323/1728–192X-2019–1–9–35. – EDN RHOKLU.

3. Lotman lu.M. Semiosphere. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p.

4. Pospelova G.M. Moscow Signboards Yesterday and Today. Moscow, Russkii impuls Publ., 2018. 320 p.

5. Kornev D.V., Gorishny Y.P., Sinitsin F.G. Method of and server for presenting points of interest to user on map. Patent US 11,415,430 B2. – 2022.

6. Mazzucchelli F. The complexity of cities and the semiotic gaze: keeping the 'thickness' of urban spaces. Semiotic Approaches to Urban Space, Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024, pp. 97–109.